

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Миссіонерское обозрѣніе

1903 г.

ГОДЪ VII

МИССИОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОЛЕМИКО-АПОЛОГЕТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

«Якоже посла Мѣ Отецъ, и Азъ по-
слаю вы». Іоани. XX, 21.

«Идите паще ко овцамъ погибшимъ до
Наранлева». Мѣ. X. 6.

«Скорбь ни есть велия о братіи моеи»
Римл. IX, 1—3.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Э. Л. Пороховицкой, Васоѣйная, 3.

1903.

Digitized by Google

CP 375.20

LIBRARY
OF THE
ARMSTRONG CARY COLLEGE
JAN 28 1925

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго цензурнаго комитета печатать дозво-
ляется С.-ПБургѣ, 7 Января 1903 г.
Цензоръ Иеромонахъ Александръ.

27-17
92-6

Объ отношеніи церкви къ современнымъ религіознымъ запросамъ нашей интеллигенціи.

(Новогоднія думы пастыря).

*„Если вы пребудете въ словѣ Моёмъ,
то вы истинно Мои ученики“.* Іоан. 8, 31.

Въ июльской книжкѣ «Мисс. Обзор.» и въ 35 № «Гражд.» за прошлый годъ была помѣщена «примѣчательная» во многихъ отношеніяхъ статья *В. А. Термачева* подъ заглавіемъ: *«Великая задача Церкви»*. Философская широта «умственного кругозора», «стремнистая глубина» проникновенной мысли, яркій пламень искрящихся религіозныхъ убѣжденій автора, необыкновенный интересъ поставленной темы, — все это сообщаетъ этой статьѣ особый смыслъ и особое значеніе въ «безконечномъ ряду» современныхъ мнѣній и мѣттаній по вопросамъ религіи и по вопросамъ философіи о религіозной вѣрѣ въ ея источникахъ и основахъ. Статья эта кипуче устремляется въ самое ядро тревожныхъ вопросовъ о религіозно-культурномъ распадѣ и историческомъ расхожденіи Церкви и «образованнаго общества», о главнѣйшихъ причинахъ этого печальнаго разрыва, а особая философско-публицистическая окраска сообщаетъ ей интимный характеръ вдохновенныхъ «вѣщаній сердца», взволнованнаго, обезпеченнаго, отважнаго. Поставляя на судъ мыслящей и заботливой части нашего общества «безгранично-широкій» вопросъ о великихъ культурно-историческихъ задачахъ Церкви нашей «въ цѣляхъ привлеченія» къ ней нашей интеллигенціи, извѣрившейся, надломленной, «обнищавшей духомъ», авторъ подъ руководствомъ разумаго желанія примиренія творчески создаетъ изъ «безконечной дробности» современнаго религіозно-философскаго (эклетическаго) міросозерцанія нѣчто цѣльное, оригинальное, и безъ всякаго сожалѣнія разрываетъ «паутинныя ткани и гнилыя узы, смѣшныя для крѣпкихъ, но связывающіе легкомысленныхъ и малодушныхъ».

Статья эта сразу обратила на себя вниманіе печати. Подня-

лись жаркіе споры и толки о ней и по поводу ея. Весьма многіе изъ писателей увидѣли въ ней «горячее слово обличенія къ представителямъ *оффициальной церкви*» (?), «протестующій голосъ христіанина», а самого автора въ торопяхъ записали въ число какихъ-то новоявленныхъ «добровольцевъ православной Церкви» ¹⁾. Но это не совсѣмъ вѣрно и справедливо.

Мы нѣсколько разъ перечитали эту статью. Мы сразу почувствовали «боль сердца» и «скорбь ума» нетерпѣливаго, горячаго автора. Это—быстрый потокъ великой рѣки, раздѣлившейся на многіе рукава, давшіе «достаточный предметъ» для многихъ рѣчей, для пламеннаго краснорѣчія. Особенно драгоцѣнны общія мысли автора о религіозной сущности христіанства, о Церкви, какъ «орудіи представляющей въ мірѣ дѣятельности Христа—Спасителя», о «всемирности русской Церкви», объ «аскетической вѣрности» Церкви своему религіозному идеалу, о непобѣдимости священства нашего въ «храненіи тайнъ и сокровищъ вѣры» (литургическій моментъ христіанства), о необходимости «общественнаго возрожденія Россіи на религіозной почвѣ», о духовномъ обнищаніи русской интеллигенціи, «жаждущей Бога», чающей «новыхъ озареній отъ Него». Эти мысли, какъ свѣтлыя жемчужины, разсыпаны по «широкому полю» духовныхъ созерцаній автора, составляя золотистую канву для разноцвѣтнаго узора. Во всѣхъ «изгибахъ души», думающей такъ, ощущается «пріятность благоухающаго мира», и авторъ является здѣсь «благomyслящимъ судіею».

Но «ни худое, ни доброе, ничто не бываетъ у людей до конца одинаковымъ». «Спѣша въ Итаку», авторъ плаваетъ мимо утесовъ Сциллы, мимо грозной и гибельной Харибды. Отсюда на ряду съ «мудрыми словами» встрѣчаются у него «мнѣнія парадоксальныя», т. е. сужденія, не находящія для себя словъ; есть и слова, отстающія отъ мысли, убѣгающія отъ нея, неукротимыя. Таковы, напр., странныя мнѣнія автора о «религіозномъ возрожденіи въ Россіи (а чрезъ нее и всего рода человѣческаго), *но не отъ Россіи* (sic!), въ нѣдрахъ православной Церкви, *но не отъ православія, какъ таковаго*» (sic!),—о «внутренномъ *идейно-нравственно*мъ *безсиліи* Россіи», хотя онъ самъ и говоритъ, что «русскіе сердцеѣдцы,

¹⁾ (1. *Шарановъ* „Яровая“ (Вып. 18), стр. 51.

искатели высшего смысла жизни, давно волнуютъ и *Западъ* и что «проповѣдывать въ Россіи—это значить проповѣдывать *ни весь міръ*»,—о *загробномъ идеалѣ Церкви*», будто бы исчерпывающемъ собою всю религіозную сущность и культурно-историческое значеніе христіанства, хотя авторъ упоминаетъ, что «ни правительство, ни войско, ни земство, ни наука—просвѣщеніе, ни литература—ничто» не принесло такой общественной пользы въ Россіи, какъ Церковь,—о томъ, что «Церковь не имѣетъ исторіи, несмотря на то, что памятники ея изданы и изучены», хотя онъ самъ говоритъ объ *исторической Церкви* (а не о «мистической»),—о «неизвѣстности состоянія *учащихъ силъ русской Церкви*» и проч. Есть у автора и тягостно-обличительныя и горделивыя слова о *священническомъ благочестіи*», объ «одностороннемъ наставленіи въ вѣрѣ проповѣдниковъ русской Церкви», о «ложномъ воодушевленіи» ихъ, о непониманіи ими «всей значимости мистической и пророчесвенной стороны христіанства».. Все это камни, далеко отброшенные отъ «строющейся башни», катящіяся по дорогѣ, а съ дороги скатывающіяся въ «мѣста пустынные».

На блѣдномъ фонѣ «отрицательной критики» автора по вопросу о культурной разобщенности между интеллигенціей и Церковію и о точкахъ соприкосновенія и примиренія особенно отбѣняются двѣ главныя мысли: 1) одна о «религіозно-общественномъ возрожденіи Россіи» *помимо православія* и 2) другая о *загробномъ идеалѣ*» Церкви, какъ о важнѣйшей причинѣ отчужденія интеллигенціи отъ Церкви и мучительнаго препятствія къ сближенію между ними. Мысли эти типичны. На нихъ обыкновенно упираются люди, «мятежные духомъ», противоборствующіе Церкви. Разборъ ихъ необходимъ какъ въ интересахъ нашего автора, такъ и въ «цѣляхъ истины».

1. Итакъ, въ новогоднемъ размышленіи, по поводу «великой задачи Церкви», думы наши останавливаются на вопросѣ о томъ, *идти* и *какимъ образомъ* должно совершиться желаемое и ожидаемое нашей интеллигенціей религіозно-общественное возрожденіе Россіи?

Г. Тернавцевъ, какъ ни странно, оставляетъ этотъ вопросъ открытымъ, «подъ сомнѣніемъ». «Возрожденіе религіи» должно совершиться въ грядущихъ судьбахъ Россіи; «общественная жизнь» должна загорѣться новымъ свѣтомъ, очиститься и преобразиться новыми философскими идеями и религіозными идеалами. Но—«не отъ пра-

вославіа»?...—А откуда же? Очевидно, не отъ католической церкви ожидать намъ спасенія. Еще св. Владиміръ отказался принять христіанскую вѣру отъ папскихъ легатовъ. Это великое духовное прозрѣніе равноапостольнаго просвѣтителя въ глубь христіанства исторически оправдалось въ судьбахъ православія въ русскомъ государствѣ. Католичество—не для насъ, не для русскихъ. Да оно и не можетъ быть нашей вѣрой. Нынѣ католичество *саморазложилось* въ антихристіанскомъ догматѣ непогрѣшимаго папства. Немошь «благочестія» римской церкви особенно видна въ «лицемѣріи вѣры», въ скрытой горечи римско-католической набожности. Католическая церковь—это «черный корабль», разбивающійся о подводные камни религіознаго сомнѣнія и невѣрія ея исповѣдниковъ. Внутреннее религіозно-нравственное безсиліе ея особенно усугубляется тревогами современной реставраціи папскихъ идеаловъ и воспламененныхъ упованій «всемірнаго господства». Гдѣ же тутъ взяться истинно-религіозному творчеству? Католичеству самому предстоитъ переродиться, если оно желаетъ истиннаго просвѣтленія религіозной жизни. Какъ же послѣ этого считать его «силой духовнаго возрожденія Россіи»? Только вражда или забвеніе истины православія способны въ «идолопоклонническомъ Римѣ», въ непогрѣшимой «іерократіи римской церкви» искать религіознаго прогресса, религіознаго «преобразованія» православно-русскихъ упованій жизни вѣчной. Но все это, неоспоримо, стоитъ внѣ круга истинно-христіанскихъ идеаловъ, внѣ основныхъ задачъ религіи, а между тѣмъ г. Тернавцевъ желалъ стоять въ кругѣ религіозныхъ задачъ Церкви.

Еще менѣе можно надѣяться на протестантство при практическомъ разрѣшеніи вопроса о «великихъ задачахъ Церкви». Протестантство—это не что иное, какъ своеобразная «націонализація» западно-европейскаго христіанства (*cuius regio, ejus religio*). Это—противоцерковная *реформація* римскаго католичества. Въ этомъ весь его культурно-историческій смыслъ и религіозное значеніе. Это—собственно неоконченный планъ «преобразованія христіанства», затмѣеннаго на Западѣ «новизной вѣры» римско-католической. Протестантство остановилось на «перепутьи» между католичествомъ и православіемъ. Отъ католичества оно оторвалось съ непримиримою ненавистью и «памятозлобіемъ». Къ православію *не приблизилось* вслѣдствіе безнадежнаго (сектантскаго) невѣдѣнія всецерковной кра-

соты его. Православіе все горитъ и блещетъ величіемъ церковной религіозности, святостію и чистотою вселенски-церковнаго преданія. Здѣсь—вся полнота и совершенство христіанской религіи, истинная мудрость его и евангельская простота религіозной жизни. Русскій народъ за это *любитъ*, обожаетъ родную православную Церковь и никогда «не можетъ стать протестантскою церковію» ¹⁾). Православіе все для него. Это душа его, и истинный путь къ религіозному общенію съ Богомъ въ жизни государственной, политической, нравственной, научной, художественно-литературной. Православіе, вовлекающее весь міръ въ mreжи Божіи истинно-религіозною вѣрою въ боговоплощеніе и вочеловѣченіе Христово, стоитъ у насъ, въ Россіи, какъ «не-рушимая стѣна» нашего культурно-историческаго бытія и благочестія. Во всякомъ религіозно-просвѣтительномъ движеніи и явленіи у насъ виднѣются его свѣтоносные лучи, ощущается его могущественное вліяніе. Вотъ, напр., культурно-историческіе факты изъ новѣйшаго періода религіозной жизни православія: колоссальный трудъ перевода свящ. Писанія на русскій языкъ, религіозно-освободительныя войны, великая идея о мирѣ для всего міра, литературно-религіозная борьба съ современнымъ намъ невѣріемъ въ Богочеловѣчество Христово,—все это прекрасныя цвѣты на родной намъ «религіозной почвѣ», а не религіозное увяданіе, а тѣмъ болѣе не сектантскій мятежъ религіозныхъ страстей, свирѣпствующихъ только тамъ, гдѣ есть «подлогъ вѣры», «злословная клевета» на Евангеліе и Церковь. Какъ же послѣ этого возможно «серьезно говорить» о религіозномъ возрожденіи Россіи *помимо православія*, т. е. не отъ православія? Только у винограднака, у коего безжалостно разрушена ограда, мимоходящіе путники безъ милосердія обрываютъ гроздья, а одиноко-пасущійся въ лѣсахъ вепрь наноситъ ему вредъ своими зубами. Но православная Церковь стоитъ передъ лицомъ всего міра, какъ прекрасный виноградникъ возлюбленнаго Христа-Богочеловѣка. И стоитъ этотъ виноградникъ «на вершинѣ утучненной горы», обнесенъ оградой и очищенъ отъ камней. Въ немъ Самъ Христосъ насадилъ отборныя виноградныя лозы, построилъ башню посреди его и выкопалъ въ немъ точило. И онъ приноситъ добрыя гроздья, а не дикія ягоды (Ис. 5, 1—2).

¹⁾ Достозамѣчательныя слова *Герцена*, какъ извѣстно, съ болью въ сердцѣ всегда тянувшаго къ Западу (см. „*Мирный трудъ*“, 1902, I, стр. 123).

Невѣріе и обиды постоянно измѣняющейся въ своихъ религіозно-философскихъ воззрѣніяхъ интеллигенціи на Церковь обыкновенно сплетаются вокругъ отдѣльныхъ религіозно-правственныхъ недостатковъ христіанъ, «вѣрующихъ по-православному». По поводу этихъ недочетовъ у многихъ писателей, сокрушенныхъ тяжкими скорбями религіозной безнадежности, слышится въ сердцѣ и словѣ особое трепетаніе удовольствія, смѣшанное съ содроганіемъ ужаса. У иныхъ жестокость осужденія, тяжкое отмищеніе, неутолимый гнѣвъ, кажется, не знаютъ границъ, особенно при яркомъ сознаніи «самодовлѣющей праведности» ¹⁾. При такомъ настроеніи «видныхъ представителей» нашей интеллигенціи грозитъ страшная опасность религіознаго лицемерія, тревожной брани, непредвидѣнныхъ бурь...

Никто не споритъ, что есть нѣкоторые недостатки въ «положеніи русскаго благочестія», есть нѣкоторое нерадѣніе, ослабленіе стойкости въ религіозныхъ преданіяхъ у «людей церковныхъ». «Церковь еще не успѣла воспитать и привести *изъ сознаніе въры* души простая». Есть «храмы — свѣтильники народные, оставленные посреди селъ и деревень запертыми, безъ службы и пѣнія, и есть другіе, изъ коихъ, за крайнимъ безчиніемъ службы, не выноситъ народъ ничего, кромѣ хаоса, невѣдѣнія и раздраженія» ²⁾. «Есть священники, съ высшей точки зрѣнія обсуживающіе обычай ходить по праздникамъ къ обѣдни» ³⁾. Но сознать все это не грѣхъ и не лживость. Правда, все это служить тяжкимъ затрудненіемъ къ укрѣпленію богоугодной вѣры въ пѣдрахъ интеллигенціи, «требующей безупречности на своемъ пути отъ себя и отъ своихъ вождей и чуть-ли не аскетической вѣрности своему идеалу» (слова г. Тернавцева). Но все-таки это не безнадежная скорбь и не озлобленіе Церкви. «Призраки ночи подобны дневнымъ заботамъ». Лучшія «тайны слезащаго сердца» сходятся къ настойчивомъ возжеланіи узнать, въ чемъ настоящія причины различныхъ недостатковъ въ жизни «исповѣдниковъ православія», а затѣмъ въ искренней заботѣ объ ихъ искорененіи. И это искорененіе должно быть не только «дѣломъ личнымъ», но и всеобщимъ дѣломъ «церковнаго строенія» ⁴⁾, по порядку и закону «стада Христова»,

¹⁾ См. извѣстный «Отвѣтъ» Л. Толстого Св. Синоду.

²⁾ „Моск. Сборникъ“, изд. К. П. Побѣдоносцева, стр. 138; Сравни. 261.

³⁾ Тамъ-же, стр. 145.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 148.

т. е. по закону духовно - органическаго восхожденія «отъ силы въ силу».

Каждый разумный христіанинъ, проливающий «токи слезъ» по поводу различныхъ религіозныхъ заблужденій и недостатковъ въ «средѣ православныхъ», съ душой, цвѣтущей для Христа—Богочеловѣка, не долженъ забывать, что въ опытахъ минувшихъ вѣковъ Провидѣніе снабдило насъ необходимыми наставленіями и предостереженіями. Онъ долженъ помнить при составленіи своихъ мнѣній по «вопросамъ религіи» и при руководствѣ своею собственною жизнію, что онъ обязанъ принимать во вниманіе доказанные уже *опытомъ религіозной жизни* результаты того, что впервые было введено, какъ особое средство къ «дальнѣйшему развитію благочестія». Превозношеніе надъ «религіозными погрѣшностями», надъ «вѣками болѣе простыми и ранними» — весьма опасное чувство. Ему надобно противиться. «Сохрани Боже порицать другъ друга за вѣру» ¹⁾. Это должны хорошо помнить особенно тѣ интеллигентные писатели, которые «отвлеченными разсужденіями» говорятъ о *несродности* и *несочувственности* имъ «русскаго, т. е. священническаго благочестія». Это должно составлять ихъ главнѣйшую обязанность при сознаніи отвѣтственности предъ народомъ, познающимъ истину вѣрнымъ образомъ жизни,—отвѣтственности за употребленіе предоставленныхъ имъ наукой и философій средствъ особыхъ сужденій о вѣрѣ. Нужно всегда полагать различіе между «безусловною истиною» и вполне «развитою ложью» (обманомъ), между «здравомъ вѣрою» и «опасными тенденціями». Нужно стараться строже и яснѣе опредѣлять границу, гдѣ оканчивается законное усовершенствованіе и сочиняется злобное извращеніе истины религіи. Упрекъ, порицаніе друга всегда ведетъ къ этому различенію и разсужденію о вѣрѣ, и бываетъ весьма полезно въ спорахъ о вѣрѣ, о «силѣ закона христіанскаго». И пусть будетъ этимъ другомъ нашей церкви русская интеллигенція, стойко и неуклонно добивающаяся «религіозно-общественнаго возрожденія», во всемъ старающаяся избрать лучшіе пути и способы, которые ближе и вѣрнѣе должны привести къ этому успѣху! Только злорѣчіе старается остыдить, смѣшавъ все, и хорошее и худое, въ одну «хао-

¹⁾ „Моск. Сборникъ“, изд. К. П., Побѣдоносцева, стр. 235.

тическую смѣсь». Только человѣкъ непріязненный можетъ сказать «неблагородное слово» о религіозной вѣрѣ нашей, сдѣлать «неблагодарный поступокъ». Да не будетъ этого въ новогоднихъ отношеніяхъ интеллигенціи къ Церкви, если она любовію церковнаго союза ищетъ обнять всѣхъ—отъ живущаго по вѣрѣ праведника до того разбойника, который, не смотря на дѣла, прощенъ былъ въ одну минуту! Только съ этой точки зрѣнія наша интеллигенція можетъ посмотрѣть «ясными очами» на всю исторію *родного православія* и увидѣть, что это—великій и могучій религіозно-культурный процессъ, закономерный во всей его цѣлости, во всей его конкретности, т. е. въ ученіи, жизни, быту, литературѣ, наукѣ, искусствѣ. Она увидѣла бы тогда, что она не можетъ и не имѣетъ права по своему произволу *выбирать* изъ этого процесса одно, называть его истиннымъ, а все остальное считать «отступленіемъ отъ закона», требующимъ наказанія или отміны. Признать необходимость такого «разложенія историческаго теченія» въ историческихъ судьбахъ православія, это значило бы признать, что православіе уже «саморазложилось», потеряло уже *практическое* значеніе для нашей *религіозной* жизни. Только въ этой «линіи распада» и можно говорить о «религіозно-общественномъ возрожденіи» Россіи *въ православіи*. Но это страшная ошибка «во имя своего идеала». Это значить объ *историческомъ фактѣ* судить по мѣрѣ *своего міросозерцанія* и «законамъ историческаго процесса» противопоставлять «свое дѣло»...

Наше время особенно выдвигаетъ на первый планъ культурно-религіозныя задачи нашей Церкви. Церкви нашей предстоитъ разрѣшить подлинно великія православно-религіозныя задачи не только у насъ, въ Россіи, но и во всемъ мірѣ, во всемъ человѣчествѣ. Еще Гоголь говорилъ о религіозномъ призваніи Россіи. У Достоевскаго эта мысль олицетворилась въ философскомъ понятіи «всечеловѣка-христіанина», какимъ долженъ быть русскій человѣкъ не только у себя дома, но и всюду (религіозно-миссіонерскій идеалъ) ¹⁾. Въ наше время всего больше стали говорить о «пророческомъ призваніи» Россіи внести истинный свѣтъ религіознаго просвѣщенія во «всемирную ци-

¹⁾ „Нашъ народъ (и только нашъ) Христа въ себя принялъ, оттого онъ такой“. Вотъ великая формула и разъясненіе философско-литературной идеи Достоевскаго о русскомъ „народѣ-богоносцѣ“.

цилизацию» и культуру, и къ тому есть свои серьезнѣйшія причины.

Переживаемое нами культурное движеніе захватило «широкой волной» почти всѣ народы, объединяя ихъ въ успѣхахъ научнаго знанія и общественнаго труда. И это не то, что греко-римское политическое объединеніе, ознаменовавшее начало христіанской эры, и не то, что латинороманское средневѣковое объединеніе подъ вліяніемъ папства (см. эпоху возрожденія). Оно несравненно шире, глубже и сложнѣе. Нынѣ «весь міръ» вовлекается въ это безбрежное и «обезличивающее всѣ націи» культурное теченіе. На «сцену исторіи» изъ гробоваго мрака прошедшихъ вѣковъ выходятъ древне-восточные народы, Китай, Японія, Египеть, Персія, Индія, Америка, Австралія. «Исторія всеобщая» на нашихъ глазахъ готова превратиться во «всемирную». И это объединяющее «движеніе народовъ» есть не одно только распространеніе «европейской культуры», но и особое усвоеніе европейскими національностями главнѣйшихъ «элементовъ восточной метафизики и этики (см. увлеченіе на Западѣ Европы и у насъ, у гр. Л. Толстого, азіатскимъ буддизмомъ). «Нѣтъ сомнѣнія, что однимъ изъ главныхъ театровъ этого процесса будетъ Россія, столь чуткая къ западнымъ вліяніямъ, столь тѣсно связанная съ Востокомъ своими историческими судьбами» ¹⁾. Чтобы культурно не обезличиться намъ, русскимъ, не затеряться «*въ странѣ и тѣни смертной*» (Матѣ. 4, 16; Ис. 9, 1 — 2), не смѣшаться, не исчезнуть въ этомъ бездонномъ «океанѣ стихійной борьбы» всѣхъ народовъ, этихъ «коллективныхъ организмовъ», борющихся за свое существованіе и преобладаніе одного надъ другими, намъ болѣе всего нужно родное православіе. Народъ съ нравственно-развитымъ самосознаніемъ и политической силой ни для чего въ мірѣ не согласится поступиться своимъ религіозно-культурнымъ идеаломъ. Идеаль этотъ для него все. Это единственно верховное, чистѣйшее и прекраснѣйшее благо, единственная абсолютная цѣнность, нѣчто безконечно и безусловно обязательное. Ради него онъ готовъ всѣмъ и всегда пожертвовать; но самый этотъ идеаль для него никогда, ни для чего и ни для кого не можетъ быть предметомъ жертвы. Такой идеаль общечеловѣческой культуры и цивилизаціи для Россіи, для всякаго истинно-русскаго

¹⁾ Пророчественныя слова покойнаго С. А. Рачинскаго въ выдержкѣ изъ письма его къ В. В. Розанову („Новое Время“ № 9451).

человѣка, есть религіозный идеалъ, олицетворенный во вселенскомъ православіи, оправданный имъ и чрезъ него. Здѣсь весь смыслъ нашего историческаго творчества и «культурной индивидуальности» нашего многомилліоннаго народа. Этимъ идеаломъ намъ никакъ нельзя поступиться ни предъ римскимъ католичествомъ, ни предъ нѣмецкимъ протестантствомъ, ни особенно предъ современнымъ нео-язычествомъ, чрезмѣрно идеализированномъ многими художниками, писателями и философами, съ затаенною цѣлью подорвать глубокіе корни «золотого древа жизни» христіанской. Его намъ всячески нужно беречь, какъ «зѣницу ока», его беззавѣтно любить, имъ жить, его свѣтозарныя истины нести въ глубь и ширь религіознаго сознанія и культурной жизни европейскихъ и восточныхъ народовъ. Только православіе, открывающее Богочеловѣческій Ликъ Христовъ въ Церкви, въ таинствахъ, въ ученіи о Крестѣ, способно религіозно возродить мятущееся современное человѣчество, утолить его духовныя скорби, исцѣлить язвы духовной жизни. И чѣмъ глубже окутывающая насъ «ночь язычества» европейскаго и азіатскаго, тѣмъ яснѣе, жизненнѣе становится этотъ единственно могучій лучъ свѣта Христова, въ православіи прорѣзывающій «тьму невѣрія» и «духовной смерти». Для православной Церкви наступаетъ великая и славная эпоха не только «словомъ ученія», но и самымъ «дѣломъ жизни» показать всему міру, въ чемъ *религіозная сущность* христіанства и въ чемъ религіозная тайна культурнаго прогресса. Наступаетъ время открыть и разнести всюду сокровенную въ ней *религіозную силу* во Христа Богочеловѣка, догматъ о царствѣ Божіемъ на землѣ. И если бы наша интеллигенція *задумчиво* остановилась на этой сторонѣ внутренняго существа и религіозной организаціи православія, то ей сталъ бы дороже всего нашъ религіозный идеалъ, вселенски-церковный, всенародно-непобѣдимый, а въ его осуществленіи нашла бы то «дѣло и духъ жизни», тотъ «смыслъ религіи», котораго безнадежно искала «внѣ православія» съ самаго своего возникновенія. И это было бы великимъ началомъ, «новой зарей» того «религіозно-общественнаго возрожденія Россіи, а чрезъ нее и всего христіанства», изъ-за котораго много томится и напрасно страдаетъ русская интеллигенція...

2. Въ числѣ главнѣйшихъ причинъ религіозно-культурнаго отдѣленія интеллигенціи отъ православной Церкви В. А. Тернавцевъ съ

особой силою указываетъ на «загробный идеалъ», будто бы все оцѣпѣвающий въ Церкви. «Загробный идеалъ» — это *личное* религиозное спасеніе, *личное* блаженство, «враждебное культурному прогрессу и задерживающее его» ¹⁾. Здѣсь нѣтъ движенія въ сторону «общественнаго служенія» и христіанской любви. Преданіе религіи въ Церкви — это безпрекословное «ничего недѣланіе», расслабляющее, отягчающее омрачающее. Богъ, душа, «потустороннее бытіе» — вотъ кругъ «священныхъ упованій» Церкви по этому идеалу. Отсюда «призрачныя увѣренія» нѣкоторыхъ писателей, будто «религиозное поклоненіе гробамъ» и всему прошлому, «аскетическое благоуханіе» тѣлеснаго переселенія изъ этого міра «туда» — «основной фактъ» и «коренной духъ» Церкви и будто сама Церковь разумъ (здравый разумъ) считаетъ «лжеименнымъ», искусство (чистое искусство) — «развращеніемъ», прогрессъ (истинный прогрессъ) — «дѣломъ бѣсовскимъ» ²⁾. Въ противоположность этому интеллигенція считается самой лучшей религиозно-культурной силою, самой способной къ религиозно-общественному творчеству во имя принятой въ душу идеи. Это не какая-либо сословная партія, а особое всеобъемлющее глубоко-жизненное «движеніе идей новаго строя, новаго общества, одухотвореннаго, гдѣ нѣтъ никакого разлада между идеаломъ и дѣйствительностію» (формулировка г. Тернавцева). Сущность направленія и уклада культурной жизни интеллигенціи состоитъ въ отрицаніи «загробнаго идеала» и въ самоотверженномъ служеніи «общественному благу» съ его необходимыми заботами о «настоящемъ мірѣ». Это — особая апофеоза «безрелигиознаго спасенія» въ литературѣ, въ дѣлахъ, въ «лучшихъ устремленіяхъ» души. Интеллигенція это «не люди церковнаго исповѣданія», а «міроваго (и мірскаго) порядка», «сверхъ — національнаго», не знающаго «ни рода, ни племени, ни отечества, ни града» своего (космополитизмъ или «интернаціональная» оторванность, отчужденность отъ своего народа)...

¹⁾ Устарѣлое мнѣніе *Бокля*.

²⁾ См. рефератъ *В. В. Розанова*, читанный на одномъ изъ религиозно-философскихъ собраній въ 1901 году: „О памяти смертной, какъ основномъ мотивѣ Церкви и о матеріализаціи благодати священства, какъ глубокихъ причинахъ расхожденія интеллигенціи и Церкви“. Это сверхъ міры напряженная стрѣла своеобразныхъ умозрѣній автора по данному вопросу.

Мы не склонны раздѣлять этого расхожденія и распада Церкви и интеллигенціи. Формулировка эта чрезвычайно тенденціозна; во многих мѣстахъ «видна во очію» утрировка вопроса безъ «тѣни надежды» на его положительное разрѣшеніе. Много есть путей уклоненія интеллигенціи отъ Церкви. Но сводить ихъ всѣ къ одному «загробному идеалу» никакъ нельзя. Жизнь не отвердѣвшее теченіе, но рядъ катящихся волнъ. И только на «крыльяхъ ума», и то «ума отвлеченнаго» и унылаго—можно видѣть «безконечно расходящіяся линіи «между Церковію и интеллигенціей, а не въ живой, кипучей дѣйствительности, всегда скрашивающей эти «контрасты русской жизни» (формула г. Тернавцева). Исторія отношеній интеллигенціи (т. е. лучшихъ русскихъ людей на всѣхъ поприщахъ «общественнаго служенія») къ Церкви не то, что сплошная исторія вѣры и невѣрія, истины и лжи. Есть, конечно, и между интеллигенціей много «ненавистниковъ мира церковнаго», *«напаяющихъ подручи разораніемъ мутнымъ»* (Авв. 2, 15), разоряющихъ ограду православной Церкви и родной культуры, не опасаясь ядовитыхъ угрызений змѣи, обольстителя и искушителя (Еккл. 10, 18). Но есть въ рядахъ ея и много искренно преданныхъ сыновъ и друзей церкви Христовой ¹⁾. Это особенно видно въ важнѣйшіе моменты нашей культурной исторіи. То же самое должно сказать и о «глубокомъ разладѣ» нашей интеллигенціи съ Церковію въ наше время. Есть точки примиренія и расширенія границъ живого взаимодѣйствія Церкви и интеллигенціи. Нужно только умѣть различать «знаменія временъ» (Матѣ. 16, 3), прислушиваться къ «гласу времени». Наша *русская Церковь*, богодуховенно проповѣдующая и несущая царствіе Божіе на землѣ, возводящая человѣка «отъ земли къ небу», есть *осенародный* религиозный союзъ ²⁾. Ничто не народно въ Россіи такъ, какъ Церковь православная: ни наука, ни литература, ни политика, ни государственная дисциплина. Это абсолютный фактъ нашей культуры, нашей самобытной цивилизаціи. Приобщиться къ религиозной жизни Церкви,

¹⁾ См. культурную хронику русскаго общества и литературы за XIX вѣкъ хотя бы по прекраснымъ книгамъ Н. Барсукова, Жизнь и труды М. Погодина.

²⁾ „Московскій Сборникъ“, стр. 251.

это и значитъ войти въ народъ», познать его душу и увѣровать во Христа ¹⁾. И если наша интеллигенція ревностно, нелицемѣрно, «*не яко прикровеніе и муща злобы свободу*» (1 Петр. 2, 16), стремится къ «общественному служенію» и въ этомъ стремленіи полагаетъ весь «смыслъ жизни», то она, даже «паче чаянія», должна встрѣтить въ православномъ народѣ, во всенародной Церкви нашей, Христа—Богочеловѣка, «*препоясаннаго лентіемъ и умывающаго ноги ученикамъ*» (Іоан. 13, 4 — 5), и въ Немъ найти «путь спасенія», т. е. путь самоотверженнаго служенія ближнимъ, народу своему, всему человѣчеству. В. А. Тернавцевъ правъ, когда называетъ съ этой стороны неискоренимое стремленіе интеллигенціи къ общественному служенію «провиденціальнымъ». Только нужно интеллигенціи войти въ народъ искренно, со «страхомъ Божиимъ и вѣрою и любовію». Только нужно припасть къ его «чистому сердцу», прислушаться къ «біенію пульса» народной религіозной жизни. Только нужно духовно сдружиться съ народомъ въ его религіозныхъ чаяніяхъ и идеалахъ, и тогда философствующая интеллигенція «*узритъ небо отверстымъ и ангеловъ Божіихъ, восходящихъ и нисходящихъ къ сыну человеческому*» (Іоан. 1, 51), открывающемуся, живущему и дѣйствующему въ Церкви Своей, истинно и праведно олицетворяющей и воплощающей христіанскую совѣсть и вѣру.

Озареніе «загробнаго идеала» въ его истинно религіозномъ значеніи можетъ только разогнать темную тучу «интеллигентнаго невѣрія», закрывающую «солнечный кругъ» всецерковной и высокочеловѣческой культуры. Въ свѣтоносныхъ лучахъ этого универсальнаго религіознаго идеала мы видимъ новую черту и лучший залогъ живой дружбы, полного согласія и единенія интеллигенціи съ Церковію.

«Загробный идеалъ» вовсе не все составляетъ въ «учительномъ содержаніи вѣры православной». Не въ немъ одномъ—истинное

¹⁾ Даже гр. Л. Н. Толстой говоритъ, что въ „кризисѣ вѣры“ онъ былъ спасенъ народомъ. Въ народѣ и чрезъ народъ увѣровать онъ во Христа. Весь трагизмъ религіозной вѣры Толстого въ подмѣнѣ историческаго христіанства антицерковною моралью и эстетикой „дѣятельнаго добра“ или „добраго поведенія“. У него вѣтъ ни Церкви, ни духовнаго возрожденія въ Церкви всенародной. Люди ищутъ *живаго* Бога, пришедшаго *въ міръ*, а онъ говоритъ о философскомъ смыслѣ жизни *безъ Церкви Божіей*. Религіозная пустота и страхъ невѣрія въ Богочеловѣчество Христово!

пониманіе жизненнаго значенія христіанской религіи. Въ кругѣ идей о религіи, о сущности и происхожденіи человѣческой жизни этотъ идеалъ — только «серебристая нить», только «эсхатологическій вопросъ», само собою предполагающій знаніе всего христіанскаго міросозерцанія. Это одинъ «край горизонта» всецерковнаго, замыкающій вопросъ о *конечной цѣли* жизни каждаго человѣка и всѣхъ людей, о *будущей судьбѣ* всего человѣчества и всего міра. Жизнь постоянно указываетъ намъ на будущее. «Пусть каждый изслѣдуетъ свои мысли, и онъ найдетъ, что онъ всегда занятъ прошедшимъ и *будущимъ*. Мы почти никогда не думаемъ о настоящемъ, и если мы думаемъ о немъ, то лишь для того, чтобы найти въ немъ указаніе для *распоряженія будущимъ*. Настоящее никогда не бываетъ нашею цѣлью; *прошедшее и настоящее* суть *наши средства*, одно только *будущее* и составляетъ нашу *цѣль*» (слова Паскаля). А что безъ цѣли, то также и безъ смысла. Отсюда вопросъ: «куда идти»?—вопросъ жизни и смерти, бытія и увяданія. Будущее впереди насъ и не извѣстно, а идти къ нему всетаки нужно или, правдивѣе сказать, оно само движется къ намъ съ необходимостію, незамѣтно для насъ «отрѣшая насъ отъ земли». Достигнуть цѣли возможно, когда только увидимъ «предѣлъ пути», т. е. «когда меня не будетъ, и люди будутъ творить обо мнѣ *вѣчную память*». Нужно знать, куда «направлять стопы къ жизни», чтобы не напала убійственная «боязнь смерти», этого самаго страшнаго и *послѣдняго* явленія. Вотъ тутъ-то «загробный идеалъ» Церкви и свѣтитъ намъ тихимъ свѣтомъ вѣчнаго бытія, вѣчной жизни. Здѣсь то «по Божіимъ мѣрамъ отмѣривается мѣра нашей жизни и по мѣрамъ жизни отмѣривается и Божія мѣра» (Св. Григорій Богословъ). Здѣсь *ясное указаніе* на тотъ «день, когда разрѣшится эта примрачная жизнь, и человѣкъ, въ добромъ сопровожденіи Самого Бога, переселится отсюда» (св. Григорій Богословъ).

Идея никогда не прекращающагося прогресса есть, собственно, идея прогресса безъ цѣли, безъ будущаго. «Безконечный прогрессъ» —

¹⁾ Здѣсь и причина, почему *Апокалипсисъ* *Іоанна*, содержащій откровеніе о грядущихъ судьбахъ Церкви и всего міра, есть *послѣдняя книга канона* нашего, хотя она и изъ числа *самыхъ первыхъ* по историческому происхожденію.

это самая безотрадная и самая «бесодержательная» (пустая) идея. Вотъ почему религиозно-церковный идеалъ *загробной* жизни, жизни *не-земной, небесной* сокрываетъ въ себѣ чистые источники свѣтлыхъ упованій и жизни *настоящей, земной...* ¹⁾. Въ этомъ идеалѣ и глубочайшая основа и вѣрное разъясненіе «религіозной психологіи» той удивительной безбоязненности, *духовной радости*, съ какой счастлыя души покидали этотъ «земной міръ», встрѣчали кончину «настоящаго вѣка». И это не вслѣдствіе «субъективно-религіознаго сознанія» краткости земной жизни и безусловной необходимости смерти, а вслѣдствіе *духовной зрѣлости* этой жизни для «царства небеснаго», для царства вѣчнаго прославленія, для «лучшей участи пренебесныхъ» (св. Григорій Богословъ). Здѣсь именно религіозно-этическая необходимость и всеобщность «потусторонняго идеала». Ею мы встрѣчаемъ во всѣхъ почти религіяхъ ²⁾, какъ радостную вѣру, особенно въ ученіи объ этическомъ значеніи идеи смерти въ жизни природы и человѣка. Гробъ не есть отрицаніе ни души, ни безсмертія. Есть еще *жизнь за гробомъ*. Гробъ только для тѣла и соглѣвшихъ мертвецовъ, но не для «богоподобной души». Но и надъ христіанскою могилой, орошенной горячими слезами любви, цвѣтетъ нѣжный «стебель безсмертія». Праведники почиваютъ въ нетлѣнныхъ мощахъ своихъ. Только для язычниковъ, «не имѣвшихъ надежды» (1 Фес. 4, 13), загробная жизнь—«міръ сумрака и скорби» ³⁾. «То, что ты съешь, не оживетъ, (сли не умретъ» (1 Кор. 15, 36). Вотъ тайна смерти и жизни, «кончины міра» и «инаго житія начала» ветхаго и новаго, прошедшаго и будущаго, видимаго и невидимаго, матеріальнаго и духовнаго, временнаго и вѣчнаго! И это не въ смыслѣ «бесконечной эволюціи» или «новообразованія», а въ смыслѣ «прекрасной перемѣны» (св. Григорій Богословъ) одного міра на другой земнаго на небесный, «скоропреходящаго» на вѣчный, т. е. непре-

¹⁾ По Индійской религіи, настоящій міръ есть лишь мѣсто испытанія и очищенія. По Зендавестѣ, добрые люди „изъ міра скорбей“ *переходятъ* въ блаженный покой Ормузда и амшаспандъ. Египетскія муміи, пирамиды и др. надгробные памятники краснорѣчивѣе всего говорятъ о религіозной вѣрѣ въ безсмертіе загробной жизни.

²⁾ *Адъ* есть ненавистнѣйшій среди языческихъ боговъ. Ахиллесъ (у Гомера) желалъ бы лучше быть поденщикомъ при свѣтѣ солнца, чѣмъ даремъ въ „царствѣ тѣвей“, ведущихъ *безцѣлную жизнь* въ мрачномъ уединеніи.

станно протекающій не во времени и не въ пространствѣ. Это и не то, что «жизнь для тѣнѣя» и «тѣніе для жизни», а дѣйствительное воскресеніе изъ мертвыхъ, возстаніе изъ праха. *«Какъ въ Адамъ всѣ умираютъ, такъ во Христѣ всѣ оживутъ, каждый въ своемъ порядкѣ: первенецъ Христосъ, а потомъ Христовы, въ пришествіе Его»* (1 Кор. 15, 23).

«Загробный идеаль» высоко поставленъ Церковію, какъ огненный маякъ для мореходцевъ, *«да не возносятся въ себѣ преогорчающими»* (Пс. 65, 7), да не думаютъ, что обладаютъ чѣмъ-нибудь, уловляя тѣнь, или *«соніе встающихъ»* (Пс. 72, 20), или мимолетный вѣтеръ, или слѣдъ корабля на водѣ... Это не то значить что «у всѣхъ ничего нѣтъ, кромѣ пустого гроба». У кого ничего нѣтъ, кромѣ гроба, у того нѣтъ и смысла въ этой жизни. Есть еще и «здѣшняя участь». Въ глубинѣ сердца человѣка, гдѣ сходятся корни нравственнаго совершенства,—нескончаемый день, въ душѣ—дыханіе Божіе. Но «что въ другой жизни»? Зачѣмъ я вступилъ во врата этой жизни? Что скажетъ «послѣдній день»? Каковы «небесныя надежды» и «небесныя образы»? Вотъ каковъ религіозный составъ загробнаго идеала! Онъ весь для блага и успѣховъ человѣческой жизни. Онъ весь горитъ упованіемъ жизни вѣчной. Для «пре-небесныхъ жертвъ» онъ, къ которымъ ничто злое и темное не приближается уже. Начинаясь *здѣсь*, во всегдашнихъ памятованіяхъ о переселеніи отсюда и *о будущей жизни*, онъ цвѣтеть радостнымъ ожиданіемъ полнаго *всемирнаго воскресенія*, которое совершится непременно, когда по гласу Животворящаго мертвыхъ совокупятся кости къ костямъ, составъ къ составу, и сухимъ костямъ данъ будетъ «духъ жизни» и «пакибытія» (Іез. 37, 7). Только отъ нашего *малодушія* и *непрестаннаго* тяготѣнія къ землѣ (т. е. вещественнаго, матеріальнаго, тѣлеснаго огрубѣнія и отвердѣнія) этотъ идеаль томить сердце скорбію о смерти и «горькой оцалой ея». Только по чрезмѣрной *жалости* по «земнымъ благамъ» густой туманъ лежитъ на глазахъ нашихъ, жизнь земная считается «богопротивнымъ игрищемъ» суеты, а всѣ люди—«живые мертвецы, смердящіе гробы». Загробный идеаль христіанской Церкви снимаетъ это *очарованіе* только земнымъ и *оъявъ показываетъ*, что не въ человѣкѣ одномъ—центръ бытія и жизни міра, а и внѣ его, и безконечно выше.

человѣка и земли, и цѣлой вселенной. Небо—престолъ великаго, живаго, радостнаго Бога, единымъ хотѣніемъ *творящаго вся и претворяющаго* (Амос. 5, 8), а земля — подножіе Его. Религіозная «центростремительность» (стремленіе отъ земли къ небу) христіанства несомнѣнна, абсолютна. Это—въ противовѣсъ пантеистической (языческой) «центробѣжности» (отъ неба къ землѣ) въ религіи тѣхъ людей, которые богоборно прильпнули къ землѣ, «цѣлуютъ ее, молятся ей» и готовы, подобно полипамъ, принять на себя цвѣтъ камней. Загробный идеаль отрываетъ людей отъ этого языческаго «идолопоклонства», и устанавливаетъ истинную цѣнность *«злачныхъ пастбищъ пустыни»* (Іоил. 1, 19). Онъ весь въ одной линіи безконечности, безсмертія, вѣчности, и неуклонно ведетъ къ искупленію «первородныхъ немощей», къ избавленію міра отъ «зла жизни», къ возрожденію. Вотъ почему великіе авторитеты православной Церкви, святые носители ея религіознаго духа и мощи, озарены свѣтомъ и силою этого идеала, исполнены творческой дѣятельности, принесенной въ жертву Богу (Пс. 49, 14) на «горнемъ жертвенникѣ». Святая жизнь—свѣтъ Божій. Еще здѣсь, на землѣ, люди Божіи, *«люди избранны»* (Тит. 2, 14), видятъ Бога, восходятъ къ Нему, востекаютъ ко Христу, *«носящему всяческая глаголомъ силы Своея»* (Евр. 1, 3) Если гораздо необычнѣе и труднѣе изъ «первозданнаго состоянія» прійти въ настоящее, нежели изъ настоящаго достигнуть «верха славы» жизни во Христѣ, то загробный идеаль есть лучшій залогъ религіозно-нравственнаго прогресса, духовнаго роста, самосознанія. Отъ крѣпости его тканей зависитъ и уловъ цивилизаціи и культуры, Неудачи и несовершенства культурно-общественныя при немъ устраняются и проходятъ, а религіозное приращеніе добра свѣтоноснаго постепенно восходитъ въ *«мѣру полнаго возраста Христова»* (Еф. 4, 13). Очевидно, «загробный идеаль» не помѣха истиннохристіанскому облагороженію людей, а есть необходимое условіе культурнаго прогресса (очеловѣченія народовъ, государствъ, обществъ отдѣльныхъ лицъ). Поэтому онъ не можетъ быть и предлогомъ къ отдѣленію интеллигенціи отъ Церкви.

Мы окончили разборъ статьи В. А. Тернавцева *«Великая задача церкви»*. Много у него прекрасныхъ мыслей, но много и досадныхъ, причиняющихъ душевную боль. Единственнымъ побужде-

ніемъ для насъ были слова пророка Аввакума: «*на стражъ моей стѣны*». Въ обсужденіе столь великаго вопроса, какъ вопросъ о границахъ религіознаго авторитета Церкви нашей, мы желали принести въ даръ новолѣтію свое слово, какъ лучшее и драгоцѣннѣйшее изъ всего, что имѣемъ. Нынѣ пишутся «обширныя книги» о вѣрѣ, составляются «новыя псалтири», провозглашается «третій завѣтъ». Воды языческаго невѣрія шумятъ и грозно плещутся о скалу Церкви. Нужно засвидѣтельствованіе откровенія Христова предъ многими, чтобы не пало на насъ обвиненіе, что оставлено нами такое «зло извращенія истины» и по нашему нерадѣнію «лукавое ученіе» рѣспространяется и усиливается. Насъ спрашиваютъ, и мы дерзновенно должны отвѣчать о *нашемъ* упованіи, о вѣрѣ, о *нашемъ* благовѣствованіи. Насъ искушаютъ, и мы старательно должны укрѣпляться въ единомысліи и мудрости, сокровенной въ Церкви отъ временъ Христовыхъ. Насъ злобно укоряютъ, а мы бодрственно, съ непомеркающими свѣтильниками «здравой вѣры», идемъ на встрѣчу Царя — Христа, чтобы войти въ Его свѣтлый и славный чертогъ, узрѣть богочеловѣческую красоту Лика Его и пріобщиться горнихъ таинствъ. У вѣрныхъ служителей православнаго алтаря не должно быть никогда лукаваго двоедушія, двухсмысленнаго умолчанія, но да царствуетъ одна святая прямота и простота Евангелія Христова. Въ этомъ весь смыслъ истинно православнаго стоянія за истину Церкви нашей, все воодушевленіе наше въ заботливости о родномъ православіи вся необходимость «философской защиты» нашей исконной основы...

Священникъ *Іоаннъ Филевскій*.

Церковь Христова и временно безъ епископа быти не можетъ.

(Замѣчавія на книгу Ивана Усова „Церковь Христова временно безъ епископа“ миссіонеровъ: священника *Сергія Шалыгинскаго* и *Клл. Карпушина*.)

Раскольничья бранно-апологетическая литература увеличилась новымъ сочиненіемъ извѣстнаго расколозащитника Ив. Усова, подъ названіемъ: „Церковь Христова временно безъ епископа“ (Черновцы, 1901 г., 172 стр., ц. 2 р.).

Сочиненіе это, какъ говорятъ издатели его, со словъ автора, есть не что иное, какъ сводъ множества бесѣдъ, веденныхъ Усовымъ съ разными лицами, преимущественно съ миссіонерами, иначе говоря сводъ тѣхъ доказательствъ, которыми Усовъ предполагаетъ оправдать австрійскую лже-церковь.

Насколько достигаетъ Усовъ своей цѣли „настоящимъ сочиненіемъ“ читатель увидитъ далѣе. А пока сообщимъ, что одинъ изъ донскихъ раскольниковъ, по прочтеніи Усовскаго сочиненія, „такъ согрѣвающе, убѣдительно дѣйствующаго на сердце непредубѣжденнаго читателя“ (слова издателей), въ тотъ же день присоединился къ православной Церкви. „Этому содѣйствовалъ“, скажемъ словами издателей усовской книжки, — „избранный авторомъ самый животрепещущій въ настоящее время вопросъ — вопросъ о Церкви Христовой“. И многихъ австрійскихъ старообрядцевъ этотъ вопросъ, благодаря сочиненію Усова, заставляетъ теперь призадуматься надъ своимъ упованіемъ. Раньше они вѣровали по наставленію другихъ расколуучителей (Перетрухина, Сюткина и др.), что ихъ „церковь“ безъ епископа никогда не оставалась. Сочиненіе Усова сокрушило ихъ вѣру. Усовъ утверждаетъ, что Церковь Христова можетъ быть (временно) безъ епископа, а св. Златоустъ учитъ, что „Церковь безъ епископа быти не можетъ“ (Марг. 144 об.).

Положительная сторона книги очень бѣдна: доказательствъ того, что Церковь Христова можетъ быть безъ епископа, въ книгѣ нѣтъ. Причина этого понятна: ни слово Божіе, ни писа-

нія св. отецъ, ни исторія Церкви таковыхъ доказательствъ не представляютъ. Чувствуя свое безсиліе съ этой стороны, авторъ старается, при помощи софизмовъ, ослабить силу доказательствъ, приводимыхъ православными писателями по вопросу о вѣчности и полнотѣ священства въ Церкви Христовой. Форму изложенія авторъ избралъ разговорную, очень удобную для него тѣмъ, что выставивши отъ лица своего мнимаго противника какую-нибудь нелѣпость, онъ совершенно основательно опровергаетъ ее. Такая форма изложенія понадобилась Усову потому, что противъ подлинныхъ возраженій православныхъ миссіонеровъ, раскольникамъ говорить и писать нечего.

Свое сочиненіе Усовъ начинаетъ словами Зиновія мниха: „Мнится же убо, и аки и еврей ради вѣровавшихъ принесе въ среду Василіе апостольскую бесѣду сію, юже о обрѣзаніи: вѣрнымъ бо отъ языкъ нѣсть попеченія ни единого же о обрѣзаніи. Есть же помыслити пріемлющаго отъ апостола таковое и на кривовѣрныя, хвалящихся епископствомъ, яко же и евреи обрѣзаниемъ; такожь и Христовымъ именемъ хваляхуся, именующе себе христіаны, а правовѣрныхъ же гоняху, якоже и древле мучители елліны,—къ нимъ же гадательнѣ глаголаше, яко ни епископство, ниже христіанство можетъ что кривовѣріе держащимъ и убивающимъ и гонящимъ правовѣрныя; но вѣра правая можетъ много, иже любовію къ Богу Ісусъ Христомъ и къ другъ другу дѣйствуемая“ (Истины показаніе, гл. 37).

Замѣчаніе. Этими словами Усовъ думаетъ сказать, что мы, православные сыны св. Церкви,—нисколько не лучше евреевъ: тѣ хвалятся обрѣзаниемъ, а мы (якобы) епископствомъ, но какъ евреевъ не спасаетъ обрѣзаніе, такъ и насъ православныхъ не спасутъ епископы“. Но Усову, вѣроятно, извѣстно, что обрѣзаніе прообразовало собою крещеніе и только тогда стало не спасительнымъ, когда вмѣсто „сѣни“ — прообраза, настала самая истина, т. е. крещеніе ¹⁾. Мысль Усова была бы справедлива, если бы онъ доказалъ, что какъ обрѣзаніе прообразовало крещеніе, такъ и епископство Христовой Церкви только прообразовало собою раскольническое общество, управляемое бѣглыми священниками, и что, какъ обрѣзаніе теперь не спасаетъ, такъ и епископство—излишне. Но, по понятной причинѣ, отъ такихъ

¹⁾ Св. І. Дамаскина Богословіе, гл. 25.

доказательствъ и выводовъ Усовъ воздержался: Зиновій говорить, что „кривовѣрнымъ“ даже и принадлежность ихъ къ христіанству не окажетъ помощи въ дѣлѣ спасенія; такъ неужели Церковь Христова можетъ быть не только безъ епископовъ, но даже и безъ Христа? Да и зачѣмъ тогда поповцамъ нужно было искать за моремъ епископства?

Словами Зиновія мниха Усовъ имѣлъ ввиду также сравнить православныхъ „съ древними мучителями еллинами“. Но Усову хорошо, вѣроятно, извѣстно, что св. Златоустъ просилъ царя Аркадія изъ оныхъ еретиковъ аріанъ изъ Константинополя (Маргаритъ, л. 68—70), что св. Левъ, епископъ Котанскій, предъ совершеніемъ богослуженія, изыде изъ церкви и, связавъ Ліодора еретика своимъ омофоромъ, сотвори огнемъ сожжена быти, и пакы вниде въ церковь и соверши божественную службу (Прологъ, 20 февраля и Просвѣтитель, гл. 13), и что патр. Теофилъ александрійскій, правила котораго помѣщены въ Кормчей и почитаются раскольниками, десять тысячъ иноковъ сжегъ и, облеченный въ омофоръ, нещадно билъ (Святцы съ житіями и Маргаритъ, л. 91), однако божественніи отцы наша не отступили отъ того чести же и повиновенія (Никона Черног. тактиконъ, сл. 22). Извѣстно ему равнымъ образомъ и то, что преслѣдовать раскольниковъ за вѣру теперь даже закономъ воспрещается.

Доказательствамъ своей основной мысли Усовъ предпослалъ предисловіе, наполненное обвиненіями противъ православной Церкви, которая будто бы чрезъ исправленіе богослужебныхъ книгъ, предпринятое соборомъ русскихъ іерарховъ при патр. Никонѣ, перемѣнила вѣру, чѣмъ и произвела „великій расколъ“.

Предисловіе Усова.—„Крайне горестное происшествіе совершилось въ Христовой Церкви въ періодъ 1653—1667 гг. Въ это время произошелъ великій расколъ въ православной русской Церкви. Она раздѣлилась на двѣ противоположныя и враждебныя другъ другу части. До этого времени почти весь русскій народъ содержалъ одну и ту же вѣру православную, одни и тѣ же чины, уставы, книги и обычаи христіанскіе, и такимъ образомъ пребывалъ во единой святой соборной и апостольской Церкви Христовой.

Но въ упомянутое время, ничтожная по количеству, но великая по чину и внѣшнему авторитету часть русскихъ людей вообразила, что наша русская православная Церковь не вполне православна, что се во многомъ требуется исправить, что иначе въ ней нельзя получить спасенія. Начальникомъ и главою этой партіи былъ мордвинъ Никонъ, тогдашній московскій патріархъ.

Другая часть, или точнѣе сказать, почти вся православная русская Цер-

ковъ считала себя вполне православною и вѣру свою—совершенно правильною, равно какъ и книги, преданія и обычаи христіанскіе, содержимые ею, признавала ненуждающимися въ измѣненія и мнимыхъ исправленій, искажающихъ эти священные предметы вѣры и нравственности, и ведущихъ въ погибель.

Но Никонъ, не смотря ни на что, подвергъ измѣненію многіе священные обычаи и книги и ввелъ свои много-различныя новшества, подъ именемъ исправленій. Одна часть христіанъ приняла эти его исправленія и новые обряды, отчего и получили названіе новообрядцевъ, хотя они гордо именуютъ себя православными. Большинство же не приняло никоновскихъ новшествъ, продолжая попрежнему держать старую вѣру, обычаи и обряды церковные, почему и называются старовѣрами, или старообрядцами. Такъ произошло раздѣленіе русской православной Церкви на старообрядцевъ и новообрядцевъ“.

Замѣчаніе. Дѣйствительно, событіе грустное: нѣкоторые чада св. соборныя и апостольскія Церкви, навѣтомъ исконнаго врага рода человѣческаго,—начальника гордости и отца противленія,—порвали союзъ любви духовныя не только съ своими духовными пастырями, но и со всею православною Церковью. Это было въ 1653 году, но не при такихъ обстоятельствахъ и не такъ, какъ о томъ повѣствуетъ Усовъ. „До этого времени, пишетъ Усовъ, почти весь русскій народъ содержалъ одну и ту-же вѣру православную, одни и тѣ-же чины, уставы, книги и обычаи христіанскіе, и такимъ образомъ пребывалъ во единой святой соборной и апостольской Церкви Христовой“. Прежде всего замѣтимъ, что Усовъ, какъ окружникъ, долженъ бы, согласно съ окружнымъ посланіемъ и своимъ Духовнымъ Совѣтомъ, издавшимъ отвѣты на извѣстные 8 вопросовъ, признавать, что Грекороссійская Церковь вѣруетъ въ того же Господа нашего Иисуса Христа и въ догматѣхъ вѣры не погрѣшаетъ, но онъ, въ явное противорѣчіе своимъ лже-пастырямъ, пишетъ, будто бы русскій народъ вѣру православную содержалъ только до 1653 года. Что же касается церковныхъ чиновъ и обычаевъ, то и до патр. Никона они были въ Русской Церкви не одинаковы, и различіе ихъ не вредило единству вѣры.

Желающихъ подробно и обстоятельно ознакомиться съ доказательствами того, что въ Русской православной Церкви и до п. Никона было множество разностей въ богослужебныхъ книгахъ, чинахъ и обрядахъ, отсылаемъ къ труду іеромонаха, о. Филарета, подъ заглавіемъ: «Опытъ сличенія церковныхъ чино-послѣдованій по изложенію церковно-богослужебныхъ книгъ мо-

сковской печати, изданныхъ первыми пятью россійскими патріархами, съ указаніемъ представляемыхъ сими книгами важнѣйшихъ различій и несогласій въ изложеніи церковныхъ чиновъ», а также къ книгѣ прот. К. Никольскаго: «О службахъ русской Церкви, бывшихъ въ прежнихъ печатныхъ богослужебныхъ книгахъ», Спб., 1885 г. и брошюрѣ свящ. С. Маркова: «О правѣ Церкви измѣнять церковныя постановленія, обряды и обычаи, существа вѣры не касающіеся». Москва, 1898 г. А отъ себя спросили бы только раскольникъаго апологета о слѣдующемъ: если до п. Никона книги, чины и обряды церковные содержались «одни и тѣ же», то что означаютъ замѣчанія Стоглаваго Собора о книжномъ неисправленіи? Что значать извѣстные споры о хожденіи по-солонь (въ Москвѣ въ 15 в.) и объ аллилуйи (во Псковѣ, тогда же)? Для чего предпринимались книжныя исправленія въ періодъ междупатріаршества пр. Діонисія, при п. Филаретѣ и его преемникахъ до Никона? Почему п. Іоасафъ исключилъ изъ Требника чинъ священническаго погребенія, якобы еретическій, а п. Іосифъ снова ввелъ его въ практику? И что, наконецъ, значать слова въ предисловіи къ Кормчей, изданной при п. Іосифѣ (1650 г.): «воззри убо, аще не лѣностенъ еси—обрящеши-ли гдѣ вправѣ списанную безъ всякаго порока въ церквахъ святыхъ книгу... но вѣмъ, яко не удобъ обрѣсти возможещи... Виждь убо, аще не плача достойна суть сія окаянная времена наша, въ няже увы достигохомъ?» Все это свидѣтельствуєтъ о томъ, что въ Русской Церкви и до п. Никона церковно-богослужебный обрядъ былъ не одинаковъ.

Итакъ русскій народъ, принадлежавшій къ св. православной Церкви, всегда содержалъ одну и ту же вѣру православную, но зная, что „вѣра есть уповаемыхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ“—(Евр. II, ст. 1), сирѣчь крѣпкое и твердое разумѣніе о Бозѣ и о вещѣхъ спасенныхъ, ихъ же невидимо сердцемъ видимъ» (Мал. Катих., л. 2), никогда не считалъ вѣрою обряды церковные, какъ предметы видимые, получившіе начало въ разное время и по разнымъ обстоятельствамъ. Русская православная Церковь и до п. Никона, въ лицѣ своихъ пастырей, допускала разность въ обрядахъ, отмѣняла цѣлыя «дѣйства» (напр., чины: «пещного дѣйства», «лѣтопроводства», «дѣйства страшнаго суда», «братотворенія» и др.), вводила новыя службы (напр., Борису и Глѣбу, преп. Ѳеодосію Печер-

скому, св. Леонтію Ростовскому и др. См. «Исторію Рус. Церкви», Голубинскаго, т. I, 2 пол., 334—338 стр.), исправляла прежнія богослужебныя книги, и никогда въ ней изъ-за этого не было раздѣленія. И только въ указанное Усовымъ время нашлись такія лица, которыя увидѣли въ измѣненіи нѣкоторыхъ обрядовъ измѣненіе вѣры, считая вѣрою именно обряды. Къ числу такихъ недомыслящихъ лицъ принадлежитъ и Усовъ, который утверждаетъ, что будто бы при патріархѣ Никонѣ «ничтожная по количеству, но великая по чину и внѣшнему авторитету часть русскихъ людей вообразила, что наша русская православная Церковь не вполне православна, что ее во многомъ требуется исправить, что иначе въ ней нельзя получить спасенія». Но, вопервыхъ, что это за «ничтожная по количеству, но великая по чину и авторитету часть русскихъ людей?» Это—никто иные, какъ пастыри русской церкви, митрополиты, архіепископы и епископы, во главѣ съ патріархомъ Никономъ. Постановленія этой части русскаго народа должны считаться и считаются постановленіями всей русской Церкви. Вѣдь и на вселенскихъ соборахъ постановляла правила также очень незначительная, по сравненію со всѣмъ числомъ христіанъ, «часть», а однако эти правила считаются ученіемъ не ничтожной части, а всей святой вселенской Церкви.

Во-вторыхъ. Дѣлая отмѣненія прежде существовавшихъ правилъ и обычаевъ, вводя новыя чины и обычаи, думали-ли отцы вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, что Церковь ихъ времени «не вполне православна, что ее нужно во многомъ исправить, иначе въ ней нельзя получить спасенія?» Конечно нѣтъ. Они, если и допускали измѣненія, то «не къ превращенію апостольскаго (или вообще древняго) преданія, но прилагая попеченіе о спасеніи и о преуспѣяніи людей на лучшее» (12 пр. 6 вс. соб.). Такою же благою цѣлію руководились и пастыри русской Церкви при патр. Никонѣ *).

*) Никонъ въ своихъ вопросахъ къ восточнымъ патр. говоритъ, что къ исправленію богослужебныхъ книгъ и обрядовъ его побуждаетъ желаніе „еже бы на лучшее пастыремъ же и пасомымъ приходить...“ Въ этомъ заявленіи патр. Никона нѣтъ и намека на то, что онъ будто бы считалъ русскую Церковь неправославною, какъ несправедливо говоритъ Усовъ. Патріархъ Никонъ въ возглашеніи собору 1654-го года говорилъ: „долженъ есмь нововодныя чины церковныя вамъ объявити... молитвы архіерейскія... предложены

„Другая часть или точнѣе сказать, продолжаетъ Усовъ, почти вся православная русская Церковь считала себя вполнѣ православною и вѣру свою совершенно правильною, равно какъ и книги, преданія и обычаи христіанскіе содержимые признавала вѣнуждающимися въ измѣненіяхъ, мнимыхъ исправленіяхъ, искажающихъ эти священные предметы вѣры и нравственности и ведущихъ въ погибель“.

„Другую часть“, т. е. мірянъ, во главѣ съ нѣсколькими священниками, Усовъ называетъ „православною русскою церковію“.

Позволительно-ли, прежде всего, съ точки зрѣнія Писанія, ничтожную часть простого народа, во главѣ съ нѣсколькими попами, не принявшую книжныхъ исправленій, считать святою православною Церковію?

Св. Игнатій Богоносецъ учитъ: „удаляйтесь убо оіъ вредительнаго былія, его же не Исусъ Христосъ насаждаетъ, но челоуѣкоубійца звѣрь: не бо садъ Отчій есть, но сѣмя вражіе... Елицы бо Христови суть, сіи со епископомъ суть; елицы же уклоняются отъ него, и общеніе любятъ съ проклятыми, сіи съ ними посѣкутся“ (ч. 2, посл. 2 Магн.). Безъ епископа „церковь нѣсть избрана, ниже собраніе святое, ниже сонмъ преподобныхъ“. „Иже безъ епископовъ что-либо творитъ, таковой о кверняется совѣстію, и невѣрнаго горшій есть... иже сихъ не слушаетъ безбоженъ, всячески есть и злочестивъ, и отчается Христа и Его установленіе умаляетъ“ (1 Трал.).

нынѣ на лицѣ іерейско, а въ греческихъ служебникахъ и въ нашихъ старыхъ, за триста лѣтъ и множае писано, тѣхъ молитвъ не обрѣтается и въ дѣйствѣ многая различія... и о семъ прошу рѣшенія: новымъ ли нашимъ печатнымъ служебникамъ послѣдовать или греческимъ и нашимъ старымъ? (Собор. дѣяніе л. 16-й). Заключается-ли въ словахъ Никона мысль, будто русская Церковь до 1653-го года была не вполнѣ православна? Отцы Стоглавого собора признавали книги своего времени «неправыми, описливыми», и требовали исправленія ихъ (глав. 5, л. 27). Справщики патр. Филарета находили церковныя книги своего времени имѣющими «разгласіе и не сличное стихословіе» и вообще русскіе патр. до Никона, издавая богослужебныя книги, дѣлали въ нихъ измѣненія, убавленія и прибавленія. Что же? ужели и Стоглавый соборъ и патр. Филаретъ и его преемники считали русскую Церковь своего времени не вполнѣ православною? Да и соборъ 1666 г., издавая новоисправленный Требникъ, въ предисловіи къ нему говоритъ: „не охудаются симъ и прежнія исправленія, но на вышій совершенства степенъ возводятся“. Вотъ цѣль исправленія обычаевъ и обрядовъ церковныхъ во всѣ вѣка христіанства...

Безъ епископа „ниже убо христіане“ (Бл. Сим. Солунск., кн. I, гл. 77).

Такую-то вотъ „часть русскихъ людей“, которую св. отцы называютъ безбожною, злочестивою, сѣменемъ діавола — Усовъ считаетъ св. Церковію, соблюдшею св. вѣру! Кромѣ того, поучительно было бы знать, какое отношеніе къ нравственности имѣетъ, напр., хожденіе по-солонь? Чѣмъ читающій: „позналъ еси въ людѣхъ силу твою“ (пс. 76, стр. 15)—нравственнѣе того, кто читаетъ въ томъ же мѣстѣ: — „сказалъ еси въ людѣхъ силу твою?“

Не упустилъ, наконецъ, Усовъ случая ругнуть Никона мордвиномъ. Но раскольничій апологетъ забылъ, что въ Церкви Христовой „нѣсть варваръ и скиѣ“...

Предисловіе Усова. „Въ предлагаемомъ сочиненіи рѣшается вопросъ о не бытіи нѣкоторое время епископовъ въ старообрядческой церкви; слѣдуетъ, хотя кратко, ознакомить читателя съ этимъ событіемъ, и отчего оно произошло.

Произошло оно оттого, что епископы, бывшіе при Никонѣ, приняли е го новшества и заблужденія вмѣсто древнихъ староцерковныхъ преданій, какъ то: троесперстіе и именовсловное перстосложеніе вмѣсто бывшаго издревле двоесперстнаго сложенія, троеніе вмѣсто двоенія аллилуйя, иія Іисусъ вмѣсто Ісусъ и вообще такъ называемыя новоисправленные книги вмѣсто бывшихъ раньше въ употребленіи въ православной русской Церкви и мног. друг.

Рѣшительно возведя все это въ неизмѣнные, непререкаемые и для всѣхъ обязательные догматы вѣры на соборахъ 1656—67 годовъ, Никонъ, а также его сообщники, единомышленники и послѣдователи закрѣпили ихъ злыми и безразсудными клятвами „въ вѣчное утвержденіе и присное воспоминаніе“.

Замѣч. Еще Павелъ Васильевъ, учредитель Бѣлокриницкой іерархіи (авторитетъ для Усова), въ своемъ «краткомъ сличеніи религій», о Грекороссійской Церкви писалъ, что она «въ догматахъ вѣры о самомъ Божествѣ никакой погрѣшности не имѣетъ, что есть главный пунктъ православія» (Гером. Филарета: «Разборъ отвѣтовъ на вопросы старообрядцевъ», вопросъ 8-й въ примѣч.). Въ Окружномъ посланіи (Усовъ—окружникъ), изданномъ отъ лица всѣхъ раскольническихъ епископовъ въ 1862 году, о православной Церкви читаемъ: «Господствующая нынѣ въ Россіи Церковь, вкупѣ же и греческая, вѣруетъ не во иного Бога, но во единого съ нами: «Творца небу и земли, видимымъ же всѣмъ и не видимымъ», глаголю же Святую Троицу единую и нераздѣльную: Отца безначальна, Сына безначальна и Духа Святаго сопрестольна. Исповѣдуетъ и плотское смотрѣніе

Христово, во искупленіе рода человѣческаго содѣянное. Почитають и честные праздники владычни вкупѣ съ нами (по древнему календарю) не привидѣніемъ, но дѣятельнѣ: Рождество Христово, Срѣтеніе, Богоявленіе, Распятіе, Погребеніе, тридневное Воскресеніе и на небеса преславное Вознесеніе, и прочая; также и Пречистыя Богоматере и святыхъ угодниковъ Божіихъ. Поклоняется святымъ иконамъ древняго изображенія, съ надписаніемъ имени Христова: Іс. Хс. Лобызають честный гвоздь и хитонъ Христовъ, святыхъ и чудотворныхъ иконы, святыхъ угодниковъ Божіихъ мощи. И сими всѣми явственно доказывается, яко во единого и того же вѣруеть Бога, единого и того же исповѣдуетъ Христа». Да и въ позднѣйшее время раскольническіе писатели заявляли, что «нынѣшняя Грекороссійская Церковь за нарушеніе чистоты правой вѣры вселенскою Церковію еще не осуждена и въ догматахъ вѣры не погрѣшаетъ», и, слѣдовательно, не можетъ быть порицаема, какъ еретическая, если бы и, дѣйствительно, она содержала нѣкоторые, не нарушающія чистоты догматовъ, новшества. Но дѣло въ томъ, патр. Никонъ не ввелъ никакихъ новшествъ. Усовъ, въ качествѣ Никоновыхъ новшествъ, указываетъ на: а) троеперстіе и именовсловное перстосложеніе—вмѣсто двоеперстнаго б) троеніе вмѣсто двоенія аллилуіа, в) имя Іисусъ вмѣсто Ісусъ.

Но неужели Усовъ, признаваемый у раскольниковъ за чловека начитаннаго, серьезно считаетъ это никоновскими «новшествами»? Если ужъ Усовъ не довѣряетъ старымъ книгамъ и иконамъ, кои свидѣлствуютъ объ употребленіи въ Церкви троеперстія и именовсловаго перстосложенія за нѣсколько сотъ лѣтъ до патр. Никона (см. вып. Озер., 2 ч., стр. 4), то пусть повѣритъ хотя словамъ своихъ лже-епископовъ: «подобаетъ вѣдати Кіевскій митрополитъ Петръ Могила въ 1645 году издаде Малый Катихизисъ, въ онъже нововнесе трехперстное сложеніе и проч. (Окр. Посл., стр. 34, изд. М., 1843). Стало быть, троеперстіе по «Окруж. Посланію» «нововнесеніе» не п. Никона, а митр. Петра Могила. Да и Петръ Могила не «нововнесе» троеперстіе (въ М. Катихизисъ и «Православное исповѣданіе»): въ Кіевской церкви оно всегда употреблялось, такъ какъ никто изъ ея членовъ не возражалъ противъ троеперстія, никто не называть его новшествомъ митр. Петра. «Православное Исповѣданіе» въ 1643 году было утверждено Константинопольскимъ

патріархомъ Пареніемъ, а затѣмъ и другими, по-временамъ приходившими въ Константинополь, восточными патріархами (Скрижаль, л. 648), такъ что ученіе Православнаго Исповѣданія есть ученіе церкви Греческой—правое и чистое, не имѣющее въ себѣ ни малѣйшей примѣси отъ новизнъ какихъ-нибудь другихъ Исповѣданій (Посл. Нектарія, патр. Іерусал., 20 ноября 1662 года). Троеперстіе свидѣтельствуется патріархами, слушать которыхъ, какъ Самого Христа, заповѣдуетъ и Книга о вѣрѣ (л. 232).

Вторымъ никоновскимъ новшествомъ Усовъ считаетъ «тройное» аллилуія. Но ужели Усову не извѣстно, что аллилуія трижды съ прибавленіемъ «слава Тебѣ, Боже» употреблялось въ Русской Церкви еще въ 15 вѣкѣ, т. е. за 200 слишкомъ лѣтъ до патр. Никона. Вотъ какъ объ этомъ говорится въ посланіи митроп. Фотія во Псковъ, 1419 г.: «А что ми пишете о аллилуіи. И на славахъ сице глаголи, слава Отцу и Сыну и Святому Духу і нынѣ и присно вѣки вѣкомъ аминь. аллилуіа. аллилуіа. аллилуіа. слава тебѣ Боже. аллилуіа. аллилуіа. аллилуіа. слава тебѣ Боже. аллилуіа. аллилуіа. аллилуіа, слава тебѣ Боже» (Вып. Озер., ч. II).

Наконецъ, за начертаніе имени Спасителя Іисусъ, кажется, уже совершенно нельзя было бы слышать отъ Усова порицаній на св. Церковь. Вѣдь въ Окружномъ Посланіи сказано, что «видится же и въ древнихъ нѣкихъ (не въ одной, а во многихъ) книгахъ тако: яко же въ концѣ Библіи острожской печати, изданной въ лѣто 7089-е, на послѣднемъ листѣ, въ два столбца расположенномъ, идѣже на славянскомъ діалектѣ напечатано Іс., на греческомъ же Іисусъ (Ιησοῦς)» (стр. 34). Ясно, что имя Іисусъ не новое, не никоновское нововводство, какъ несправедливо увѣряетъ Усовъ, а опять-таки «начертаніе» древнее до-никоновское (вып. Озер., ч. II). Патр. Никонъ возстановилъ старое, поэтому приверженцы старины должны были бы благодарить патр. Никона, а не злословить. Да если бы патр. Никонъ вмѣстѣ со всѣми архипастырями русской Церкви и дѣйствительно ввели что-либо новое, но не нарушающее чистоты православія, такъ неужели должно было бы и тогда отдѣляться отъ Церкви? Въ отвѣтъ на это мы приведемъ слова Швецова: «преданія и обычаи, возстановляемые высотою христіанскаго духа, принимались въ Церковь, какъ добровольное приношеніе жертвы совер-

шенныхъ, подобно ветхозавѣтному совершенію жертвы все-сожженія, и съ надлежащимъ уваженіемъ соблюдались таковыя, изъ которыхъ многія были не для всѣхъ обязательны, а нѣкія даже видоизмѣнялись по винамъ благословнымъ». («Оправданіе стар. Христ. церкви», л. 33).

Усовъ говоритъ, что наша св. Церковь «новоисправленные обряды возвела въ обязательные для всѣхъ догматы вѣры». Но чтобы обряды были возведены св. Церковью «въ догматы вѣры», — этого Усовъ ничѣмъ не подтвердилъ. А намъ извѣстно, что св. Церковь учила и учить, что обряды есть «вещь средняя», а не догматы, да и сами раскольническіе писатели утверждаютъ, что она (наша св. Церковь) «въ догматахъ Богословія не погрѣшаетъ», а стало быть и не вводила новыхъ догматовъ. Напротивъ, раскольники, дѣйствительно, обряды возвели въ догматы вѣры. Первые расколо-вожди въ измѣненіи обрядовъ видѣли введеніе новой вѣры (см., напр., рѣчь Ник. Пустосвята предъ преніемъ въ Грановитой палатѣ, 1682 г.). Имъ же послѣдовали расколуучители и позднѣйшіе. Такъ, напримѣръ, Арсеній Швецовъ двуперстіе считаетъ догматомъ вѣры, измѣненіе котораго будто бы является погрѣшеніемъ противъ св. Евангелія: «мы сіе предавіе», — т. е. двуперстное сложеніе, говоритъ онъ, — «никакъ не можемъ свести въ обрядъ или обычай Церкви, подлежащій измѣненію» («Оправданіе», л. 49). «Преданіе двуперстнаго сложенія никому не возможно измѣнить, не погрѣша противъ Евангельскаго изреченія» («Показаніе погрѣшностей», л. 45). Другой защитникъ раскола, инокъ Никола Чернышевъ, поучаетъ: «Никонъ съ поборниками развѣ ошибку исправили, когда отмѣнили достоуважаемые догматы: сугубое аллилуіа, двуперстіе, седмипросфоріе, и ввели щепоть, трегубое аллилуіа и пятипросфоріе» («Соборный Свѣтокъ», печ. за-границей въ Коломни, л. 6). Такъ вотъ кто, оказывается, вводитъ новые догматы — раскольники, а не православная Церковь. И вотъ такихъ-то вводителей новаго, чуждаго древней Церкви, ученія, жестоко похулявшихъ св. Церковь, ея пастырей и новоисправленные, спасительные и древніе обряды, св. Церковь и предала соборнѣ проклятію, и таковая клятва будетъ тяготѣть надъ ними вѣчно, если они не раскаются, «не вразумятся и не возвратятся въ правду покаяніемъ».

Предисловіе Усова. „Къ крайнему прискорбію, на сторонѣ этихъ проклинателей оказались всѣ тогдашніе епископы. Одинъ изъ епископовъ, именно Павелъ коломенскій не согласился на принятіе никоновскихъ новшествъ, за это Никонъ, избивъ его до полусмерти, изгналъ въ ссылку, гдѣ онъ мученически скончался. Послѣ собора 1666—67 г., когда русская Церковь окончательно раздѣлилась на старо и новообрядческую, въ старообрядческой церкви не осталось ни одного единовѣрнаго ей епископа. Но „въ священникахъ, по свидѣтельству исторіи, на первый разъ недостатка у нихъ (старообрядцевъ) не было: они и совершали для христіанъ требы богослуженія и проч. Затѣмъ, когда священники стараго поставленія начали со временемъ вымирать и уменьшаться, а новыхъ рукополагать было некому, старообрядческая церковь, руководствуясь правилами и практикой древней Церкви, начала принимать священниковъ, присоединяющихся отъ никоновскихъ заблужденій, какъ с р е с и второго чина, подъ мѣропомазаніе, по требованію святоцерковныхъ опредѣленій (Кормч. гл. 5, л. 35 и об.).

Замѣч. Къ великому утѣшенію православныхъ чадъ св. Церкви, всѣ архипастыри ея, Богу содѣйствующу, люди книжные, могущіе отличать истину отъ лжи, приняли исправленные книги и обряды, и только «часть русскаго народа» оказалась противницей сихъ исправленій, возмнивъ, что она — эта «часть» болѣе свѣдуща въ Писаніи, чѣмъ соборъ всѣхъ архипастырей! Кромѣ того, исправленія, предпринятые всѣми архипастырями русской Церкви, одобрены и восточною Церковію, такъ что епископы не только русской, но и восточной Церкви, по тщательномъ изслѣдованіи новоисправленныхъ книгъ, нашли ихъ согласными съ древними халдейскими русскими и греческими книгами. Можетъ-ли быть послѣ этого допущена мысль, что темная масса народа изрекла истину, а православные архипастыри всей греко-россійской Церкви — ложь и заблужденіе?

Усовъ говоритъ, что на сторонѣ раскольниковъ былъ одинъ епископъ Павелъ Коломенскій. Это не совсѣмъ вѣрно. И этотъ епископъ на соборѣ 1654 года сознавалъ, что исправленіе книгъ въ нашей Церкви необходимо. Если же потомъ и воспротивился Никону, то не за исправленія книжныя, ибо не согласенъ былъ съ п. Никономъ только касательно поклоновъ при чтеніи молитвы Ефрема Сирина, о чемъ и оговорился въ подписи подъ соборнымъ дѣяніемъ 1654 г., а по личной враждѣ противъ Никона (проф. Н. И. Субботинъ: «Исторія Бѣлокриницкой іерархіи», гл. I; Мельниковъ: «Очерки поповщины», стр. 24).

«Въ священникахъ недостатка не было», пишетъ Усовъ. Но

въ этомъ мало утѣшительнаго: вѣдь и теперь у бѣглопоповцевъ не мало священниковъ, а однако Усовъ не согласится признать это общество св. Церковію,—онъ доказываетъ имъ, что—«Церковь безъ епископа быти не можетъ»,—какъ не было Церковію и все раскольничье общество, стало быть, по отдѣленіи отъ св. Церкви, съ священниками во главѣ. «Безъ воли епископа своего пресвитери и діакони да не творятъ ничто-же: тому бо поручени суть людіе Господни» (39 прав.), а кто поручилъ,—вопреки апостольскаго правила,—раскольниковъ пасенію бѣглыхъ священниковъ? По толкованію 55 пр. тѣхъ же св. апостолъ, священники суть точію руцѣ, которыми епископъ свое правленіе содѣваетъ, а если вы, раскольники, считаете нашихъ епископовъ служителями блуднаго Вавилона, то неужели руцѣ сихъ служителей наставятъ васъ на спасеніе? По ученію Толковаго Апостола дѣйствія бѣжавшихъ отъ своего епископа священниковъ низводятъ не благословеніе Божіе, а проклятіе (л. 548 об.) и дѣлаютъ ихъ горшими «нечестивыхъ бѣсовъ» (Номок., л. 57 об.). Такъ много-ли, повторяемъ, утѣшенія и духовной радости для раскольниковъ хвалиться такими священниками?

Но и помимо того, самый чинопріемъ, который совершали раскольники надъ перебѣгавшими къ нимъ священниками, говорить въ обличеніе раскола и незаконности всѣхъ дѣйствій его поповъ. Исторически извѣстно, что въ первое время священниковъ «новаго постановленія» раскольники принимали какъ еретиковъ перваго чина, погружали ихъ въ полномъ іерейскомъ облаченіи, или же совершая надъ ними весь чинъ крещенія, но безъ погруженія (Субб.: «Истор. Бѣлокр. іерарх.», стр. 9 — 10, Мельниковъ: «Очерки поповщины», стр. 37) и только когда увидѣли всю противозаконность такого чинопріема, то стали подводить «подъ исправу»—черезъ мѣропомазаніе. Но, если первые раскольничьи попы были приняты черезъ крещеніе, то выходитъ, что они «весьма всякаго священнодѣйствія обнажены»,—и должны быть признаны простыми мірянами, и вотъ эти-то міряне стали подводить «подъ исправу» черезъ мѣропомазаніе другихъ подобныхъ себѣ бѣглецовъ, и это Усовъ называетъ послѣдованіемъ святоцерковнымъ правиламъ и опредѣленіямъ.

Предисловіе Усова. „Но нѣкоторые изъ старообрядцевъ не стали руководствоваться святоцерковными правилами о принятіи приходящихъ отъ ереси священныхъ лицъ и, отдѣлившись отъ старообрядческой церкви, составили

особую общину, получившую названіе безпоповщины,—пошли они такими ложными и гибельными путями, не внимая слову Божію“.

Замѣч. Не будемъ говорить, кто правъ и кто виноватъ въ происшедшемъ расколѣ въ расколѣ, хотя съ точки зрѣнія на православную Церковь первыхъ расколоучителей, провозгласившихъ, что со временъ патр. Никона въ ней царствуетъ послѣдній антихристъ,—безпоповцы являются истинными послѣдователями Аввакума и его собратій. Обратимъ вниманіе Усова на другую сторону этого явленія. Расколъ въ расколѣ произошелъ, по его словамъ, оттого, что „часть русскаго народа“ не стала руководиться „святоцерковными правилами“ и „пошла ложными и гибельными путями, не внимая слову Божію“ Подъ этими словами Усова мы охотно подпишемся. Правда, и русскій расколъ только потому и произошелъ, что первоучители его не внимали слову Божію, не хотѣли принять въ руководство практику древней Церкви, которая допускала многія измѣненія въ обрядахъ, отмѣняла старые, существовавшіе, и вводила новые. Они думали, что Церковь есть не живой организмъ, состоящій изъ живыхъ людей,—а что-то мертво-неподвижное, застывшее, окаменѣвшее, что она лишена права по обстоятельствамъ времени произносить свое живое слово, „преуспѣвая на лучшее“. Ратоборствуя за персты, за аллилуію и подобное, они лишились вѣры въ непреложность Божіихъ обѣтованій о неодолимости св. Христовой Церкви, лишились трехчинной іерархіи и седмичнаго числа таинствъ, безъ которыхъ ни Церкви, ни христіанства быти не можетъ. И начали они „яко гнидая свитка“ раздираться на мелкія частички, изъ которыхъ каждая гордо именуетъ себя святою соборною и апостольскою церковію. Двуперстіе, сугубое аллилуіа и др. под. не могли удержать ихъ въ единомысліи и служить для нихъ связующимъ духовнымъ цементомъ. „Еретики познаются дѣлъ ради сихъ, аще не имѣютъ истиннаго пристанища, рекше святія соборныя и апостольскія Церкви (а отъ нея раскольники, и отдѣлились), аще не призываемы входятъ въ чинъ учительства (а они, міряне суще, вопреки 64 пр. 6 вс. собора дерзаютъ учить, возставая противъ св. Церкви) и учать не тако (вся древняя Церковь учила и практикой доказала, что обряды подлежатъ измѣненію, раскольники же учать не тако), аще нѣкое новое ученіе предлагаютъ (возводя обряды въ неизмѣняемые догматы вѣры), его же отцы наша предаша намъ...

аще противляются учению Церкви Христовы, яже есть утверждение и столпъ правды истины... Преніе между ими (о чемъ говорить самъ Усовъ), имена ихъ отъ ихъ учителей новыхъ — (отъ бѣглыхъ поповъ — бѣглопоповцы, отъ Амвросія— амвросіевцы и пр., и пр.). По всему писанію сему познавати еретики“ (Б. Кат. л. 21).

Предисловіе Усова. „А старообрядческая церковь шла попрежнему прямымъ царскимъ путемъ, не уклоняясь ни направо ни налево. Руководствуясь всѣми свято-соборными правилами и практикой древней Церкви, она принимала присоединявшихся къ ней отъ ереси второго чина священнослужителей въ ихъ санахъ, и такимъ образомъ не только содержала православную вѣру, но и пребывала со священноначаліемъ и таинствами.

Замѣч. „Старообрядческая церковь шла царскимъ путемъ!“ Въ чемъ же это Усовъ видитъ „царскій путь?“ Въ томъ, что ихъ бѣглые перекрещенные священники, вопреки всякимъ канонамъ, принимали таковыхъ же бѣглыхъ въ расколъ. Церковь создана Спасителемъ на землѣ для того, чтобы вести борьбу съ „княземъ міра сего“, ей даны опытные полководцы и всѣ средства къ постоянной борьбѣ и даны съ увѣреніемъ, что „князь міра сего“ не побѣдитъ ее, не смотря на всѣ свои козни и злоухищренія. И св. Христова Церковь побѣдоносно исполняла и исполняетъ возложенное на нее великое и святое дѣло и церковныхъ полководцевъ никогда не лишалась. Есть-ли что-нибудь подобное въ той „части русскихъ людей“, которой Усовъ приписываетъ шествіе царскимъ путемъ? „Были у нихъ, говорить Усовъ, священники въ разныхъ мѣстахъ, совершали богослуженіе и принимали священнослужителей вторымъ чиномъ“. Но назоветь-ли кто сильнымъ царемъ такого, у котораго нѣтъ власти, нѣтъ силы самому возводить воиновъ въ военачальники? А раскольническая „церковь“ была именно такова: она не имѣла власти поставлять епископовъ и священниковъ; эту власть, по ея же ученію, отнялъ у нея врагъ ея Никонъ. И если-бы не было епископовъ и священниковъ у „еретиковъ“, то не было бы ихъ и у раскольниковъ старообрядцевъ: ихъ общество находится въ полной зависимости отъ „еретическихъ“ пастырей. Не перейди къ нимъ „еретическій“ священникъ — они всѣ были бы безпоповцами... Такое-то плачевное состояніе своего общества Усовъ и называетъ „шествіемъ царскимъ путемъ“.

Предисловіе Усова. „Имѣя православныхъ священниковъ довольно количество, старообрядцы всегда желали и старались имѣть и православныхъ епи-

скопѣвъ. На первыхъ порахъ послѣ собора 1667 года многіе изъ нихъ полагали, что гдѣ-нибудь есть единовѣрные имъ епископы. Но когда убѣдились, что нѣтъ, тогда стали употреблять всѣ законныя мѣры къ пріобрѣтенію православныхъ епископѣвъ, на основаніи святоотеческаго ученія.

Уже въ 1715 году старообрядцы на одномъ изъ своихъ собраній рѣшили пріобрѣсти епископа на основаніи 8 правила перваго вселенскаго собора (Историч. очерки псковщины, Мельн., стр. 81), и съ тѣхъ поръ шли непрерывныя хлопоты по этому дѣлу, пока не увѣнчались совершеннымъ успѣхомъ. Въ 1846 году, когда присоединился къ нимъ митрополитъ Амвросій.

Какъ уже замѣчено выше, въ старообрядческой церкви священниковъ всегда было потребное количество, такъ какъ по раздѣленіи русской Церкви всѣ почти священники, принадлежавшіе къ господствующей Церкви, сочувствовали старообрядчеству. Даже чрезъ сто лѣтъ послѣ раздѣленія, когда духовенство подъ вліяніемъ разныхъ семинарій и академій начало охлаждать въ вѣрѣ, старообрядцы съ одного только Иргиза имѣли до двухъ сотъ священниковъ въ разныхъ мѣстахъ. Въ 1827 году на одномъ только „Рогожскомъ кладбищѣ было десять дозволенныхъ поповъ и три діаконъ“ (Расколъ, Андреева, стр. 212).

Но съ этого года старообрядцамъ было строго воспрещено принимать присоединяющихся къ нимъ священниковъ. Словомъ—рѣшено было уничтожить священство у старообрядцевъ. Въ виду этого они, по призыву прежнихъ лѣтъ и на основаніи 69 и 70 правилъ карагенскаго собора, рѣшили обратиться къ православію заблудившихся епископѣвъ. И—о чудный оборотъ обстоятельствъ! Когда враги, повидимому, торжествовали полную побѣду, когда у старообрядцевъ оставалось три или четыре престарѣлыхъ священника, тогда къ нимъ присоединился митрополитъ, по имени Амвросій. Это было въ 1846 г. въ бѣлоскривинскомъ монастырѣ, въ Австріи. По присоединеніи, митрополитъ Амвросій рукоположилъ епископѣвъ Кирилла и Аркадія, а также много поповъ и діаконѣвъ. Съ тѣхъ поръ Церковь Христова снова получила и до сего времени имѣетъ православныхъ епископѣвъ, какъ было и до отпаденія ихъ отъ нея при Никонѣ. Появленіе и основаніе старообрядческой іерархіи было такимъ сильнымъ и ошеломляющимъ ударомъ для новообрядческой церкви, что (на и до сихъ поръ не можетъ опомниться).

Замѣч. Отдѣляясь отъ православной Церкви, раскольники „полагали, что гдѣ-нибудь есть единовѣрные имъ епископы“, говорить Усовъ. Что же это значитъ? Значитъ то, что раскольники, сознавали невозможность бытія Церкви Христовой безъ епископѣвъ. Имъ казалось, что гдѣ-нибудь есть такіе епископы, которые согласны съ ними въ воззрѣніяхъ на православную Церковь, какъ еретическую. Но такихъ епископѣвъ нигдѣ не оказалось. И раскольникамъ, какъ не составляющимъ, стало быть, Церкви Христовой, слѣдовало сознаться въ своемъ заблужденіи и покориться св. Церкви. Но они предпочли отказаться отъ своихъ правыхъ вѣрованій о невозможности бытія Христовой Церкви

безъ епископовъ—и принять вѣрованіе новое, что Церковь Христова можетъ быть и безъ епископа. Недолго, однако, такое ученіе успокаивало ихъ мятущуюся совѣсть. Нашлись и между ними такія лица, которыя доказывали, что „безъ епископа Церковь Христова быти не можетъ“, и что общество вѣрующихъ безъ епископа—„не земледѣіе Христово, а сѣмя вражіе“ (св. Игнатія Бог.). И вотъ начались въ расколѣ попытки къ отысканію единомышленныхъ себѣ епископовъ, завершившіяся тѣмъ, что въ 1846 г. раскольники деньгами соблазнили бывшего митрополита боснійскаго Амвросія измѣнить православію и перейти въ расколъ.

Итакъ, бѣглопоповское общество восполнилось благодатію, но какою? Да опять-таки „еретическою!“ Вѣдь раскольническое общество все-таки не имѣло же таинства священства, установленнаго Самимъ Господомъ, и напрасно Усовъ говорить, что русское „правительство рѣшило было уничтожить священство у старообрядцевъ:“ священства, т. е. таинства рукоположенія, у раскольниковъ никогда не было, а были только бѣглые попы. И при томъ, что это за бѣглецы были? Самъ Усовъ отчасти рѣшаетъ этотъ вопросъ. Онъ пишетъ: „когда духовенство (православное) начало охладѣвать въ вѣрѣ, старообрядцы съ одного только Иргиза имѣли до двухъ сотъ священниковъ въ разныхъ мѣстахъ“. Ясно, что въ расколъ бѣжали только попы, охладѣвшіе въ вѣрѣ“. Такъ на самомъ дѣлѣ было и есть. Многозначительны дальнѣйшія слова Усова: „въ виду этого (т. е. рѣшенія правительства прекратить побѣги православныхъ священниковъ въ расколъ) они (раскольники), по примѣру прежнихъ лѣтъ и на основаніи 69 и 70 правилъ Карѣвскаго собора, рѣшили обратиться къ православію заблудившихся епископовъ“. Слѣдовательно, не будь такого правительственнаго распоряженія, раскольники обращали бы въ свое общество только священниковъ и оставались бы безъ епископовъ, проповѣдуя и доказывая, что и безъ епископовъ ихъ общество есть св. церковь.

Усовъ сознается, что побудительной причиной для раскольниковъ къ возвращенію православныхъ епископовъ въ свое общество было опасеніе лишиться священниковъ, и тутъ же приводитъ 69—70 правила Карѣвскаго собора. Но развѣ указанныя правила примѣнимы въ данномъ случаѣ? Развѣ они установлены

Карѳагенскимъ соборомъ для обезпеченія св. Церкви переходящими изъ ереси іерархами? Нѣтъ, св. Христова Церковь никогда не нуждалась въ еретической хиротоніи, а если и принимала еретиковъ-іерарховъ, то не въ виду правительственныхъ распоряженій и опасеній лишиться всѣхъ іерарховъ, а исключительно изъ желанія спасти этихъ еретиковъ. Раскольники же, наоборотъ, принимали нашихъ бѣглыхъ священниковъ и митр. Амвросія изъ желанія спасти ими свою церковь. Не основательна ссылка Усова на 69—70 пр. Карѳ. соб. и потому еще, что въ указанныхъ правилахъ говорится о еретикахъ донатіанахъ, которые принимались во общеніе съ Церковію Христовой третьимъ чиномъ, а раскольники приняли митр. Амвросія вторымъ чиномъ. Слѣдовательно, Амвросій былъ принятъ не на основаніи 69 и 70 пр. Карѳагенскаго собора, какъ ложно увѣряетъ Усовъ, а на основаніи постановленія бѣлокриницкаго мірскаго собора 27 октября 1846 года и вопреки настоянію предсѣдательствовавшего на немъ Геронтія, что „чрезъ принятіе митр. Амвросія вторымъ чиномъ обнаружится одна только неуважительная къ нему жестокость, на которую не видится подобнаго образца въ цѣломъ христіанскомъ вѣкѣ“. Если же, далѣе, Геронтій и заявилъ, что есть безсумнительныя свидѣтельства на принятія Амвросія вторымъ чиномъ,—„аще онъ самъ на сіе соизволитъ“,—то эти свидѣтельства Геронтій видѣлъ не въ 69 и 70 пр. Карѳагенскаго собора, какъ Усовъ,—а въ толкованіи 8 правила перваго вселенскаго собора. (Проф. Н. Субботина, Истор. Бѣлокр. іерарх., стр. 474—6).

(Продолженіе будетъ).

Бѣглопоповскій „соборъ“ въ г. Вольскѣ въ 1901 г. и его „дѣяніе“.

Въ декабрѣ 1901 г. въ г. Вольскѣ, въ бѣглопоповской моленной, состоялось сборище представителей бѣглопоповскаго толка изъ разныхъ городовъ, селеній и казачьихъ областей—поповъ, иноковъ, уставщиковъ и попечителей моленныхъ—для обсужденія и рѣшенія разныхъ недоумѣнныхъ вопросовъ, волнующихъ бѣглопоповскій міръ, въ цѣляхъ «предохраненія своей братіи отъ междоусобія, вражды и раздора и отъ обуреванія церковнаго, и—огражденія ея отъ увлеченія австрійщиной. Инициаторами сборища были попечители вольской бѣглопоповщины, а первенствующимъ членомъ онаго—вольскій попъ—Георгій Гумилевскій. Дѣяніе «собора» изложено въ видѣ «вопросовъ» и «рѣшеній». «Вопросы» и «рѣшенія» обнаруживаютъ внутренніе недуги современной бѣглопоповщины: вражду, распри и раздоры среди бѣглопоповцевъ и безчинства «никуда негодныхъ поповъ», и какъ нельзя лучше показываютъ, какая участь уготована стаду безъ пастыря... Нестроенія въ бѣглопоповствѣ и тѣ рѣчи, какія велись по поводу ихъ на вольскомъ соборѣ «древле-православными христіанами», даютъ православному миссіонеру лишнее оружіе на пораженіе бѣглопоповскаго упованія: «отъ устъ твоихъ сужду тя, лукавый рабе», можетъ сказать онъ защитнику бѣглопоповщины, ссылаясь на слова ея верховодовъ. Въ виду этого «Мисс. Обзор.» признаетъ полезнымъ ознакомить своихъ читателей съ дѣяніемъ бѣглопоповскаго «собора» и сдѣлать на него хотя краткія замѣчанія.

Копія «дѣянiя».

Во имя Святыя Единосущныя, животворящія и нераздѣлимыя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Въ лѣто отъ созданія міра 7409-е, Декаб. 2-го д.

Мы *собравиіиеси* древле-православные *христіане* въ Богоспасаемомъ градѣ Вольскѣ, въ храмѣ честнаго и славнаго Успенія пресвятыя Богородицы.

дицы ¹⁾), изъ священнаго и явоческаго чина, и мірскихъ людей изъ разныхъ мѣстъ: городовъ и селеній, и казачьихъ областей, — для *правильнаго* обсужденія и рѣшенія нѣкоторыхъ нашихъ старообрядческихъ недоразумѣній, происходящихъ въ нашемъ мірѣ, чрезъ которыя являются распри и вражды, чтобы предохранить намъ свою братію отъ междоусобія, вражды и раздора и отъ обуреванія *церковнаго*. Мы и собрались здѣсь всѣ единомысленные христіане, по приглашенію попечителей здѣшняго общества, чтобы рѣшать всякое недоразумѣніе и несогласіе въ духѣ кротости, союза мира, любви и единенія на основаніи *каноническихъ правилъ* и святаго отеческаго писанія ²⁾)...

Предварительная рѣчь попечителей старообрядческаго общества г. Вольска
Предлагаемъ Вамъ, вѣчное собраніе, православные христіане ³⁾), Бога ради потрудитесь, приищите духовное врачевство, чтобы уврачевать людей православныхъ христіанъ отъ обуреванія церковнаго, которое происходитъ между нами и Балаковцами. Такъ же мы слышимъ, что и въ другихъ мѣстахъ происходитъ *вражда въ нашемъ старообрядческомъ мірѣ* ⁴⁾), *за нѣкоторыя неправильныя дѣйствія* нашихъ священнослужителей ⁵⁾ и другихъ прочихъ нашихъ недоразумѣній; на что мы и понимѣли ревность по

¹⁾ «Молитвенный храмъ безъ вѣдѣнія епископа не поставляется». 4 пр. 4 вс. соб.) „Безъ воли сущаго въ той области епископа... не подобаетъ церкви создати“... (Кормч. л. 95 ср. Кар. соб. пр. 84, Кормч. л. 152, 317 об.).

²⁾ Бѣглые попы и міряне собрались для *правильнаго* обсужденія мѣръ „отъ обуреванія *церковнаго*“ на основаніи *каноническихъ* правилъ и св. от. писанія. Но по 6 пр. Соб. Гангр. «Аще кто кромѣ соборныхъ церкви о себѣ собирается, и не радя о церкви, церковная хочетъ творити, не сущу съ нимъ пресвитеру по воли *епископи*, да будетъ проклятъ». «*Безъ архіерея... ниже убо христіане*», говоритъ См. Сол. (77 гл.)

³⁾ Православный христіанинъ «вѣруетъ всему Евангелію, а не части» а бѣглопоповцы не вѣруютъ обѣтованію Христову о неодолимости Церкви съ полнотой іерархіи и таинствъ (Благ. Ев. Мѣ. 67; Лк. 95, 107, Марг. жит. 144 об.).

⁴⁾ «Раскольники неправедными своими толками отторгаются отъ братской любви» (Бл. Августинъ «о вѣрѣ и Символѣ гл. 10). «Прѣіе между ими и имена ихъ отъ ихъ учителей новыхъ» (Б. Кат. л. 21).

⁵⁾ Дѣйствія бѣглыхъ поповъ не *нѣкоторыя* только, а *всѣ* неправильны «Иже отай епископа что творить. то диаволу служить» (Мак. Минеев. нояб. 25 л. 636; ср. 39 пр. ап.). Священникъ, «дѣйствующій безъ повеленія и заповѣди *святительскія*, подобенъ есть согрѣшенію *нерукоположеннаго* дѣйствующаго» и, слѣдовательно, «горшій есть *нечестивыхъ бисовъ*» (Номок. л. 57 и об.).

своей обязанности пригласить васъ къ себѣ въ богоспасаемый градъ Вольскъ, по словамъ святаго Златоуста, который говоритъ: „Братіе, соберемъ градъ во граду, весь къ веси и разсудимъ другъ со другомъ“, такъ вотъ и мы въ настоящее время... и предлагаемъ вамъ всесестное собраніе, на ваше правильное разсужденіе и разсмотрѣніе слѣдующіе вопросы ⁹⁾:

Вопросъ 1-й.

У васъ съ Балаковскимъ обществомъ идетъ непреоборимая вражда и сора изъ за священника о. Михаила Смирнова и его неправильнаго распоряженія и дѣйствія?

Рѣшеніе 1-го вопроса.

Сей вопросъ рѣшенъ *соборнымъ* ⁷⁾ обсужденіемъ православныхъ христіанъ, на основаніи святаго отческаго писанія: по книгѣ *Кормчей*, посланію къ Руфіану листъ 264-й и книгѣ Теодора Студита часть 2-я письмо 14-е. По такимъ яснымъ доказательствомъ, можно о. Михаила Смирнова до священнодѣйствія допускать ⁸⁾, но съ такою предосторожностію: чтобы въ теченіи одного года ему не отдаляться изъ села Балакова для исправленія требъ въ другія наши христіанскія общества, въ силу (вѣроятно—кромѣ) такой великой необходимости и крайней нужды,—по случаю умирающаго человѣка—версть на 50 ⁹⁾; и при томъ еще не исправлять ему вновь приходящихъ священниковъ ¹⁰⁾; кромѣ того, еще о. Михаилъ долженъ принять исповѣдь отъ православнаго и невиннаго ¹¹⁾ сѣщенника, непремѣнно по окончаніи

⁹⁾ Почему бы бѣглопоповцамъ, ссылающимся на I. Златоуста, не вспомнить его словъ: «церковь безъ епископа быти не можетъ» (Марг. жит. 144 об.).

⁷⁾ Какимъ «прежде его бывшимъ св. соборамъ» послѣдовалъ вольскій соборъ, собравшійся *безъ воли и отдѣлія епископа*? Никакимъ,—стало быть, онъ «не святъ, но скверненъ и отверженъ» (Кормч. л. 611).

⁸⁾ По 12 пр. Корѣ. соб. священника можетъ судить только *соборъ епископовъ*, а не бѣглые попы и міряне.

⁹⁾ А если на 51 версту онъ уѣдетъ, противъ какого канонич. прав. погрѣшить?

¹⁰⁾ Вновь приходящихъ (отъ ереси) священниковъ исправлять можетъ только *епископъ*: «іереовъ же грѣхи, яже изверженія томленіе наводятъ *епископозъ* суду подлежать, да не дерзаетъ духовникъ разрѣшати ихъ. Яко же бо невозможно ему хиротонисати, сие же ни на священства степень испадшаго паки возвращати. Еже бо во грѣсѣхъ изверженія сущему священнодѣйствовати простити и поустити есть аки паки паче подобающаго возводити на священство» (Предисл. Ном. л. 4 об. ср. Бар. л. 254).

¹¹⁾ Какъ показаво въ примѣчаніи 5 среди *бывшихъ* поповъ *невинныхъ* нѣтъ.

собора безотлагательно, а если о. Михаилъ не исполнить постановленія *собора*, то не принимать его болѣе и все его священнодѣйствіе.

Вопросъ 2-й.

Если какой-либо священникъ, будучи у насъ, и по какому либо случаю насильственнымъ образомъ властію будетъ представленъ въ духовную консисторію ко архіерею на лицо; и если архіерей отпустить, и онъ паки придетъ къ намъ, что можно ли таковыхъ допускать до священнодѣйствія?..

Рѣшеніе 2-го вопроса.

Такія событія должны рѣшаться *соборнымъ* обсужденіемъ православныхъ христіанъ ¹²⁾.

Вопросъ 3-й.

Если какіе священники находятся въ *нашемъ* ¹³⁾ христіанствѣ и безъ всякой нужды и притѣсненія отступаютъ въ Никоніанскую ересь ¹⁴⁾ и паки обратятся къ намъ; можно ли допускать ихъ до священнодѣйствія?

Рѣшеніе 3-го вопроса.

Таковыхъ паки принимать въ православное христіанство можно, но священнодѣйствовать не дозволять. На основаніи каноническихъ соборныхъ правилъ,—книга Кормчая 1-го вселенс. соб. прав. 11-е ¹⁵⁾; и 5 кн. Саваста Арменопола.

Вопросъ 4-й.

Если какой изъ нашихъ православныхъ священниковъ будетъ говорить то, что безъ воли епископа дѣйствовать не могу ¹⁶⁾, и будетъ защищать троеперстіе и другія прочія Никоніанскія новинства ¹⁷⁾ предъ какой либо частной личностью, а не публично, и будетъ все это объ немъ объявлено, на какомъ либо частномъ собраніи и онъ сознается и будетъ просить у христіанъ прощенія, то можно ли таковыхъ допускать до священнодѣйствія?

Рѣшеніе 4-го вопроса.

Если окажутся таковыя священники, которые будутъ говорить, что я безъ воли своего епископа не могу, и будетъ защищать троеперстіе и другія Никоніанскія новинства, и, по изобличеніи, таковыя священники будутъ

¹²⁾ Вопросъ 2-й теменъ. Рѣшеніе его опять повергается на «*соборное* обсужденіе православныхъ христіанъ» (не вѣри-ли было бы крестьянъ (?)

¹³⁾ Дѣйствительно, *блгопоповское* христіанство» совсѣмъ не то, что истинно-православное, соборное и апостольское!

¹⁴⁾ Какимъ вселенскимъ или помѣстнымъ (изъ 9) соборомъ проклятуго?

¹⁵⁾ Правила соборовъ установлены для руководства *Св. Церкви*, а не *самоичиннымъ, анажматствованнымъ* сборищамъ.

¹⁶⁾ А это онъ и *долженъ* сознавать и проповѣдывать по силѣ 39 ап. и др. каноническихъ правилъ.

просить у христіанъ прощенія, то таковыхъ не допускать,—до *соборнаго* разсужденія.

Вопросъ 5-й.

Какъ понимать священниковъ Сѹмеона и Іоанна, которые были оба наши и оба отступили въ Никоніанскую ересь; и мы наслышались, что оба они опять приняты и допущены до священнодѣйствія, на какомъ основаніи писанія? ¹⁸⁾

Рѣшеніе 5-го вопроса.

Объ этихъ священникахъ, Іоаннѣ Яблоковѣ и Сѹмеонѣ, собраніе христіанъ постановило такъ ¹⁹⁾: до священнодѣйствія ихъ не допускать на одинъ годъ и оные священники должны безъ пропущенія ко всякой воскресной и праздничной службѣ ходить въ нашу христіанскую церковь на молитву, какъ простолюдины; а Московское общество надъ о. Іоанномъ, такъ же равно и въ той мѣстности, гдѣ находится о. Сѹмеонъ, должно имѣть неослабое наблюденіе, если оные священники настоящее постановленіе исполнять въ точности, то, по прошествіи означеннаго срока, должны обратиться на исповѣдь къ нашему *православному невинному* священнику, и, если *духовный отецъ* оныхъ допустить до священнодѣйствія, то принять ихъ безъ сомнѣнія; а если не исполнять, то вѣкогда не допускать ихъ до священнодѣйствія.

Вопросъ 6-й.

Какъ поступить съ тѣми людьми, которые приняли и допустили до священнодѣйствія Іоанна Яблокова и Сѹмеона?

Рѣшеніе 6-го вопроса.

Постановили такъ ²⁰⁾: съ тѣми людьми, которые приняли и допустили до священнодѣйствія вышеозначенныхъ священниковъ, не сообщаться въ молитвѣ до тѣхъ поръ, пока они покаются чистосердечно предъ отцомъ духовнымъ.

Вопросъ 7-й.

Какъ поступить съ тѣми, которые принимаютъ *никуда негодныхъ священниковъ* ²¹⁾: Григорія Карабиновича и Андрея?

¹⁷⁾ Если и въ самомъ дѣлѣ находились такіе священники, то своимъ поведеніемъ они, нужно думать, пытались только выторговать *большую цѣну* (на серебро и золото) за свое отступничество отъ Церкви.

¹⁸⁾ Дѣло тутъ не въ «основаніи Писанія», а въ томъ, что у бѣглопоповцевъ—*оскудѣніе* священства, а у бродячихъ поповъ—*оскудѣніе* кармава

¹⁹⁾ Ссылки ни на что не послѣдовало. См. прим. 10.

²⁰⁾ То же.

²¹⁾ Т. е. такихъ, какъ и *сѣ* бѣглые попы, по суду 57 л. об. Номок. и 548 л. Толк. Ап. Ужели и такіе попы, какъ Григорій Карабиновичъ и Андрей, не наводятъ бѣглопоповцевъ на раздумье о своемъ упованіи?..

Рѣшеніе 7-го вопроса.

Священниковъ Андреа и Григорія Карабиновича не должны допускать навсегда. А тѣхъ людей, которые до опредѣленія настоящаго собора принимали этихъ священниковъ и исправляли у нихъ разныя требы, то ихъ, если послѣдуютъ къ нашимъ *безукоризненнымъ* священникамъ, принимать третьимъ чиномъ²²⁾. А тѣхъ людей, которые послѣ настоящаго собора будутъ принимать вышеозначенныхъ священниковъ и исправлять у нихъ *всѣ*²³⁾ таинства церковныя, принимать вторымъ чиномъ; и совершенные тѣми священниками браки не считать законными²⁴⁾, но перекрѣпчивать сызнова²⁵⁾.

Вопросъ 8-й.

По которому ереснику исправлять вновь приходящихъ священниковъ и *прочихъ* мірянъ²⁶⁾, по тому же изложенному въ потребникѣ, гдѣ принимаются только яковиты, которыхъ въ настоящее время и не существуетъ на землѣ; или по новоизложенному²⁷⁾, въ коемъ принимаются всѣ никоніанскія новшества и ереси²⁸⁾?

Рѣшеніе 8-го вопроса.

Вновь отъ ереси присоединяющихся священниковъ и *прочихъ* мірянъ принимать съ проклятiемъ непретѣнно на основаніи соборныхъ правилъ книги Кормчей—1-го всел. соб. прав. 8 е, 2-го соб. пр. 7-е, 6-го соб. пр. 95; и на листу 293, гл. 37-я, той-же книги Кормчей²⁹⁾.

Вопросъ 9-й.

Если какой-либо изъ нашихъ священниковъ безъ совѣта попечителей церкви самовольно будетъ разъѣзжать по нашимъ христіанамъ для исправленія духовныхъ требъ, то можно-ли такового допускать до священнодѣйствія?

Рѣшеніе 9-го вопроса.

Таковыхъ нашихъ христіанскихъ священниковъ, кои разъѣзжаютъ безъ

²²⁾ Согласно какому каноническому правилу негодность поповъ сочтена за *еретичество*?

²³⁾ *Всѣхъ* таинствъ въ бѣглопоповщинѣ *никогда* не было, поелику въ ней никогда не было *епископа*.

²⁴⁾ Не одинъ бракъ, а и *всѣ* другія таинства, совершаемыя *блгymi* попомъ, незаконны (39 пр. ап., Мак. Мин. нояб. 25; Ном. 57 л. об., 6 и 72; Игн. Бог. къ Смир., Сим. Сол. гл. 77 и др.).

²⁵⁾ У *незаконнаго* же бѣглаго попа!

²⁶⁾ «Исправлять священниковъ и *прочихъ* мірянъ». Нечаянно сказана правда: бѣглые попы и міряне—одно и то же...

²⁷⁾ Ревнители *древняго* устава допускаютъ *новоизложенный* ересникъ!

²⁸⁾ Яковиты-то (монофизиты) на землѣ существуютъ, а вотъ *Никоніанскихъ* ересей, дѣйствительно, нѣтъ на землѣ.

²⁹⁾ А въ этихъ правилахъ о «*виконіанствѣ*» нѣтъ и помину.

совѣта и безъ удостовѣренія прихожанъ-попечителей ³⁰⁾ принимать не слѣдуетъ.

Вопросъ 10-й.

Есть люди, кои будто-бы изъ нашихъ христіянъ, а къ нашимъ православнымъ священникамъ не обращаются за требосправленіемъ ³¹⁾: для довершенія крещенія, бракосочетанія и въ загробную жизнь напутствія, то можно ли таковыхъ допускать на всеобщую молитву и по смерти служить погребеніе и молиться за оныхъ на ния?

Рѣшеніе 10-го вопроса.

Если какіе люди изъ нашихъ христіянъ не довершаютъ св. таинствъ: крещенія и проч. у нашихъ *православныхъ* священниковъ, то съ таковыми людьми не имѣтъ никакого сообщенія въ молитвѣ и по смерти ихъ не служить нашимъ православнымъ священникамъ погребенія и не молиться на ния.

Вопросъ 11-й.

Если въ присутствіи нашихъ священниковъ, благословенные старики, самовольно, безъ благословенія священническаго ³²⁾ будутъ исправлять требы: погружать младенцевъ и исправлять при смерти человѣка, то правильно ли будетъ ихъ такое дѣйствіе и не подлежатъ ли таковые наказанію?

Рѣшеніе 11-го вопроса.

Если въ какихъ мѣстахъ—городахъ или селеніяхъ постоянно находятся православные священники, то благословеннымъ лицамъ безъ разрѣшенія нашихъ христіанскихъ священниковъ самовольно никакихъ требъ не исправлять; а если какіе благословенныя лица дерзнутъ отиравить требы безъ разрѣшенія священническаго, то подлежатъ наказанію отлученія отъ церкви по 58 прав. 6-го вселен. соб. ³³⁾.

Вопросъ 12-й.

Если какой либо никовіанинъ похощетъ исправиться въ нашу христіан-

³⁰⁾ На какомъ основаніи писанія дается *епископская* власть (разрѣшеніе и «мирная» грамота) *мірянамъ*—попечителямъ?

³¹⁾ Такимъ людямъ, вѣроятно, приходилось читать 57 л. об. Ном., по которому бѣглый попъ—хуже «нечестиваго бѣса».

³²⁾ Вѣглые попы приносятъ не благословеніе пріемлющимъ ихъ, а проклятіе Божіе,—«ибо всѣмъ отлучившимся отъ единенія церковнаго отбѣшнымъ іереомъ») Богъ пророкомъ рече: послю на вы клятву, и проклену благословеніе ваше, и оклену е, и разорю благословеніе ваше, и не будетъ въ васъ; сирѣчь положу клятву на благословеніе ваше, ниже тайна совершаема бываетъ» (Толк. Ап. л. 548 об.).

³³⁾ «Соворъ» точно просмотрѣлъ тѣ каноническія правила, по которымъ

скую вѣру, а не сущу священнику, то можно-ли такового принять благословенному старику; и, если за такой только исправой и помереть, то можно ли по немъ пѣть погребеніе и поминать на имя?

Рѣшеніе 12-го вопроса.

Внѣ присутствія вашихъ священниковъ приходящій отъ новинствъ ко святой *древности*³⁴⁾, при отреченіи *соблазнительныхъ*³⁵⁾ новинствъ, и по обѣщаніи еже неизмѣнно содержати и послѣдовати святой *древности*, присоединяется чрезъ покаяніе³⁶⁾ и приобщеніе тѣлу и крови Христовой³⁷⁾, отъ пнока или простолюдна по благословенію священническому³⁸⁾,—по нуждѣ, ради смертнаго страха, якоже свидѣлствуется въ Вароніи лѣто Господне 185-е, листъ 156-й; и въ потребникѣ древле-печатномъ л. 724; и у Сimeона Фессалонитскаго гл. 305, вопросъ 36-й, по таковыхъ можно пѣть погребеніе и поминать безъ сомнѣнія на имя³⁹⁾.

Вопросъ 13-й.

Если помереть еретикъ и въ эти дни насъ будутъ просить помолиться о

и дѣйствія священниковъ, безъ воли епископа, считаются незаконными и ничтожными (39 пр. ап., 31 пр. 6 вс. соб. и др.).

³⁴⁾ Совѣсть зазрила сказать—«Церкви... „Соборъ“ замѣнилъ св. Церковь, которая «присно *имѣется*» (О вѣрѣ 19 об.), какою-то невѣдомою св. оо., вселенскимъ и помѣстнымъ соборамъ «*древностью*».

³⁵⁾ *Соблазнительныхъ* для раскольниковъ, но не еретическихкихъ. А соблазнялись—мало-ли кто чѣмъ? «Мы проповѣдуемъ Христа распята, іудеомъ убо *соблазнъ*»... (1 Кор. 1,23); такъ уже-ли поэтому нужно оставить вѣру въ искупительную смерть Спасителя?

³⁶⁾ «Вѣдомо буди; аще кто безъ повелѣнія мѣстнаго *архіерея* дерзнетъ примати помышленія и исповѣди, сидевой по правиламъ казнь приметъ яко преступникъ божественныхъ правилъ, ибо не точію себе погуби, но; и елицы исповѣдашася у него, не исповѣдани суть и елицѣхъ связа или разрѣши, не исправлени суть» (Номок. л. 6 ср. 72). «Вязать и разрѣшать дѣти духовныя» могутъ только «епископы, и потомъ пресвитеры отъ *епископа* повелѣніе о семъ примше» (Кормч. л. 581). Кромѣ сего,—см. прим. 38.

³⁷⁾ «Никто же безъ епископа что-либо да творить отъ подобающихъ яже въ церкви. Та извѣстна евхаристія да будетъ, яже отъ *епископа* бываетъ, или ему же *той повелитъ*» (Игн. Бог. къ Смир. 4 посл.).

³⁸⁾ «Отъ еретикъ разрѣшати и церкви совокупляти свойственнѣ наложить *точію* епископу», который можетъ дать на сіе благословеніе священнику (треб. II. Могила).

³⁹⁾ Указанныя мѣста *былопоповцевъ* не оправдываютъ: «еже рѣшити же и вязати, токмо *епископовъ* есть, и разніи о семъ канони глаголютъ... повелѣніемъ убо *епископовъ* могутъ тое и пресвитеріе дѣйствовати... Аще негдѣ кто по нужди во обстояніи нѣкихъ помыслы возмнѣтъ приѣмъ воз-

нѣтъ во всенощную, или пѣтъ сорокоустіе, хотя и не на нѣмъ, что можно-ли это допустить?

Рѣшеніе 13-го вопроса.

За еретиковъ на нѣмъ молиться возбуждается 14-мъ прав. св. ап. Петра и Павла, гл. 3-я, и въ Катихизисѣ большомъ на листу 68-мъ.

Вопросъ 14-й.

Какъ созавать самосходные браки, по благословенію стариковъ тѣхъ лицъ, кои по своему произволу не хотятъ вѣнчаться у *православнаго* священника? можно-ли съ таковыми сообщаться въ молитвѣ, яденіи и питіи?

Рѣшеніе 14-го вопроса.

Таковые браки не считать законными—а паче незаконными: на основаніи канонической книги Кормчей на ласту—522-мъ⁴⁰⁾; и по заповѣди царя Алексія Комнина, л. 335 и 336. Самосходные браки и ангелы Божіи призываютъ блудническімъ смѣшеніемъ,—Григоріево видѣніе, мѣтар. 17-е, таковыхъ отлучать отъ церкви и кто руководитъ оными тако же отлучать и не сообщаться съ ними въ моленіи.

Вопросъ 15-й.

А которые состоятъ въ дальномъ разстояніи отъ священниковъ,—въ Сибири, Румыніи, Турціи,—и въ силу необходимости и великой нужды составляютъ самосходные браки безъ благословенія священническаго на время, впродъ до прибытія православнаго священника, съ таковыми можно-ли сообщаться будетъ въ коленіи?

Рѣшеніе 15-го вопроса.

Если кои христіане находятся въ очень дальнемъ разстояніи отъ нашихъ православныхъ священниковъ и въ силу великой необходимости и крайней нужды, впадаютъ въ такое беззаконіе, временно составляютъ такой бракъ—

ложн тѣя *епископу*, или имущему чрезъ писаніе служеніе... имущимъ мощь отъ Бога рѣшити да возвѣщаютъ; яко же и монархамъ, неимущимъ священства отъ *архіерея* дадеся, яже покаянія дѣйствовать... (Сим. Солун. Вып. Озер. ч. I, 216—217).

⁴⁰⁾ 522 л. Кормч., какъ и др. указаные въ «рѣшеніи», осуждаютъ ~~сы~~ браки, совершаемые въ бѣглопоповщинѣ, какъ незаконные: «вся супружества, читаемъ въ Кормч., яже не съ благословеніемъ церковнымъ и чиннымъ отъ своего ся пастыря, сіестъ, отъ *епископа*, или *тол* парохіи (а не бѣлаго) священника, вѣнчаніемъ... совершаемая, по *соборному* установленію, и *святыхъ отецъ ученію*, не законна, паче же беззаконна, и ничто же суть». «Брака совершеніе *архіерея* свойственное дѣло... и безъ воли *его* не можно составитися браку» (Сим. Сол. Вып. Озер. ч. I, 152—153). «Подобаеъ же женившимся и посягающимъ съ волею *епископа* сочетаватися, да бракъ будетъ о Господѣ» (Игн. Бог. посл. 5—къ Поликарпу).

но не считаютъ его законнымъ, и раскаиваются священнику, объ этомъ пишетъ Фотій митрополитъ (во школь) сиде: а которіи не по *закону* живутъ съ женами безъ благословенія поповскаго, понялся учить ихъ и приводить къ православію; благословеніемъ бы понимали жены, и неблагословеніемъ восхотятъ жити, то ихъ разлучити, и вы, попове ⁴¹⁾, не принимайте ихъ, ниже приношенія ихъ, ни дара имъ давати, ни богородичнаго хлѣбца, а которіи васъ послушаютъ, давали бы по себѣ поруку, что имъ васъ и потомъ слушати (Минея Макар. листъ 449-й, столбъ 1-й); а Савва Сербскій повелѣваетъ ихъ вѣнчать ⁴²⁾: «аще же и въ старости будутъ и дѣти имуще—сихъ подъ крыло матере пріяти и съ ними вѣнчати». Таковыхъ можно допускать прежде на всеобщую молитву ⁴³⁾.

Вопросъ 16-й.

Нѣкоторые изъ *нашихъ* христіянъ, кои по неволи, а кои по своей полной волѣ брѣютъ брады ⁴⁴⁾, можно-ли таковыхъ допускать на всеобщую молитву съ православными христіанами и, если таковые будутъ раскаяваться въ своемъ злодѣяніи заранѣе или при смерти, то что достоинъ съ таковыми творить?

Рѣшеніе 16-го вопроса.

Которые изъ христіянъ стригутъ и брѣютъ брады, то таковыхъ не принимать и не общатися съ ними въ молитвѣ до тѣхъ поръ, егда паки обрастутъ брадами ⁴⁵⁾; на основаніи того, какъ поступилъ царь Давидъ со своими лужами, которымъ остриже брады царь Анонъ,—царь Давидъ онымъ мужемъ не позволилъ жити въ селахъ и городахъ съ израильтянами вмѣстѣ, но особъ, дондеже обрастутъ паки ихъ брады (книга царствъ 2-я, гл. 10 ст. 4-я ⁴⁶⁾). Толь мерзко мнится древнимъ праведнымъ мужемъ еже брить брады своя Божію заповѣдь соблюдающихъ,—не отсѣците брады ваша (книга Лев. гл. 19,

⁴¹⁾ Были-ли попомъ писалъ это м. Фотій?

⁴²⁾ Опять-таки не *были* попомъ!

⁴³⁾ Это—блудниковъ-то, съ которыми ап. Павелъ прямо запрещаетъ сообщаться и—даже ѣсть вмѣстѣ (1 Кор. V, 9—11)!

⁴⁴⁾ «*Наши* христіане... брѣютъ брады», слѣдовательно, бѣглопоповцы брадобритіе ересью не считаютъ?

⁴⁵⁾ «Злодѣяніе», караемое отлученіемъ отъ общей молитвы, уничтожается само собою—ростомъ бороды?... «Горькимъ словомъ моимъ помѣюсь»...

⁴⁶⁾ Царь Анномъ «остриже» не брады, а «обрилъ каждому изъ слугъ Давидовыхъ *половину* бороды» и «такъ какъ они были *обезчещены*», царь велѣлъ имъ оставаться въ Иерихонѣ, пока не отрастутъ бороды (т. е. *половины-то* ихъ) (2 Цар. X, 4—5) Пророку Іезекилю Самъ Богъ повелѣлъ обрить бороду (гл. V, 1).

ст. 27 ⁴⁷⁾; и по другимъ прочимъ свидѣтельствамъ—у кого есть брита брада, еретическіе слуги (Кормчая л. 388-й и 9-й); еще къ тому же свидѣтельству Никона Черныя горы сл. 37 ⁴⁸⁾; тоже и книга служебникъ, печатанный въ г. Москвѣ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и при патриархѣ Юсифѣ; бывшій при оныхъ соборѣ изъ всего освященнаго чина архіереевъ—изрече тако: «Остригающіе брады на таковыхъ буди общая церковная клятва, прежде бывшихъ св. отецъ и благовѣрныхъ царей; и мы также враговъ истины брадобрійцевъ—(повелѣваемъ) отъ церкви отлучати и запрещати, и всякія святыни удаляти и общенія съ ними не имѣти дондеже истинно покаются, еже не творите того». И сіе убо изреченіе соборное, отлученіе и запрещеніе—святѣйшихъ патриарховъ и митрополита всея Русіи Макарія. Святѣйшій Филаретъ патриархъ соборнѣ изрече сице: «Проклинаю богоугодившую блудолюбиваго образа прелесть душегубительныя ереси; еже постризати (или тоже брить) брады постризала и бритвами, и своими, збы брады своя и усы укусывають, самоядцемъ подобящеся» ⁴⁹⁾. Сими тремъ соборомъ и прежде сихъ бывшимъ и наша мѣрность всесоборнѣ послѣдуемъ ⁵⁰⁾: якоже они о брадобрійцахъ изрекоша, тако и мы изрецаемъ; ихъ же они отлучаху (т. е. брадобрійцы) отъ святыя церкви и всякія святыни и сообщенія съ православными и проклятію предаваху; тако и мы изрецаемъ. Якоже глаголется о судѣхъ святительскихъ: аще бы и не было отъ св. отецъ и синодомъ опредѣлено, то мы бы такового постановленія не могли бы рѣшить, но мы всецѣло послѣдуемъ опредѣленію св. отецъ, и всецѣло сохраняемъ оныхъ преданія и обычай св. церкви непоколебимо.

Вопросъ 17-й.

Многіе изъ нашихъ христіанъ, заявляясь для сочетанія брака, имѣютъ на себѣ образъ еретическій—обритыя брады, то можно ли надъ такими личностями совершать святое таинство?

Рѣшеніе 17-го вопроса.

Постановили такъ: если съ бритой брадой заявится кто изъ христіанъ для сочетанія брака, то такового вѣнчать не слѣдуетъ, до тѣхъ поръ, дондеже

⁴⁷⁾ Въ этомъ стихѣ сказано: *«Не стригите головы вашей кругомъ, и не порти края бороды твоей»*. Почему же раскольники *подстригаются съ кружало?*

⁴⁸⁾ См. о брадобритіи въ «Вып. Озер.» ч. II, стр. 545—550.

⁴⁹⁾ А въ этомъ «самоядцкомъ» злодѣяніи повинны многіе раскольники.

⁵⁰⁾ Но ни эти «три собора», ни вольскій—ни какому изъ прежде ихъ бывшихъ святыхъ вселен. и помѣстныхъ (9) соборовъ не послѣдовали въ своемъ опредѣленіи по этому предмету, а потому, «не святы, но и сквернены и отвержены» (Кормч. л. 641).

обрастеть бородою ⁵¹⁾, потому что бритыя бороды есть еретическіе слуги ⁵²⁾ (на основаніи кн. Кормчей, л. 388 и 9); и потому что еретики не допускаются въ перковы (т. е. въ домъ Вожій, по кн. греко-славянской Кормчей, полныхъ толкователей Лаодикійск. соб. пр. 6-е; и Тимоф. архіеписк. Александ. пр. 9-е). Еретикамъ не должно присутствовать при молитвѣ, на основаніи той-же кн. Кормчей полныхъ толкователей (стр. 213), посему соборъ рѣшилъ, что надъ вышеозначенными лицами не совершать бракосочетанія до тѣхъ поръ, егда принудить въ благообразіе, (т. е.) обрастутъ бородами ⁵³⁾.

Вопросъ 18-й.

Если мужъ, имѣя живую жену, и жена также, имѣя живаго мужа и не желая жить въ совокупности одинъ съ другимъ, восхощутъ паки повѣнчаться законнымъ бракомъ съ другой личностью, то можно-ли таковыхъ до такого дѣйствія допускать ⁵⁴⁾?

Рѣшеніе 18-го вопроса.

Постановили такъ: если какія личности мужъ или жена, не желая жить въ совокупности по законному бракосочетанію у нашихъ православныхъ священниковъ, и восхощутъ паки вѣнчаться съ другими личностями, то таковыхъ не допускать до бракосочетанія, на основаніи Кавонической кн. Кормчей, (Кар. соб. пр. 102) ясное разсужденіе о такихъ предметахъ въ кн. греко-славянской Кормчей полныхъ толкователей, Карфаген. собора и оныя правила, стр. 678-я—79-я.

Вопросъ 19-й.

Какъ признавать австрійскую лжеіерархію ⁵⁵⁾ и ихъ священнодѣйствіе: крещеніе и браки, и какъ поступать съ тѣми людьми, которые будутъ сообщаться съ ними въ моленіи?

Рѣшеніе 19-го вопроса.

Постановили: австрійцевъ, т. е. бѣлокриницкой іерархін,—принимать по постановленію прежде бывшаго собора въ г. Вольскѣ 1890 г., но только

⁵¹⁾ Какой изъ святыхъ соборовъ или св. отцовъ далъ такое правило?

⁵²⁾ Какая ересь въ брадобритіи и какимъ чиномъ принимать отъ нея приходящихъ? Подъ какой чинъ подводятъ старообрядцы брадобрійцевъ изъ «своихъ же христіанъ»?

⁵³⁾ Т. обр., ересь брадобритія не очищается никакимъ церковнымъ чиномъ, а лишь *зарастаетъ*...

⁵⁴⁾ Такъ какъ въ бѣглопоповствѣ законнаго (церковно) брака быть не можетъ, то всѣ и всякія сожитія мужчинъ съ женщинами въ этомъ упованіи суть блудничныя смѣшенія (Кормч. л. 522 и др.).

⁵⁵⁾ А бѣглые попы—не лже-попы (Ап. пр. 39; Номок. л. 57 об. 672 и др.)?

еще съ добавленіемъ нѣкоторыхъ доказательствъ во обвиненіе австрійской іерархіи, на что и были представлены правильные документы всѣхъ неправильныхъ дѣйствій ихъ (австр.) путеводителей Павла и Алиппія. 1-е) На разрѣшеніе ихъ прошенія объ открытіи трехчленной іерархіи, написали уставъ съ богословскою погрѣшностію: что будго-бы родился Сынъ Божій во время творенія вѣковъ (уставъ бѣлокр. 2), что противно православному исповѣданію Символа вѣры, изложеннаго святыми отцами, 1-го вселен. соб. бывш. 318-ть, которые изрекли, что Сынъ Божій родился прежде всѣхъ вѣкъ (во изложеніи символа вѣры 2-го члена). Такое ученіе, написанное въ бѣлокривницкомъ уставѣ Павла Васильева, противно ученію св. ап. Павла, который говоритъ, что Сыномъ и вѣки сотворены (Апостолъ, зач. 303). 2-е), по заключенію документовъ вышеозначенныхъ депутатовъ Павла и Алиппія въ Царѣ-градѣ, въ 1846 г., какъ какой—коммерческой сдѣлки контракта, постановлено въ непремѣнную обязанность митрополиту Амвросію,—чтобы онъ, учиня присоединеніе къ старообрядчеству, непремѣнно рукоположилъ себя на мѣстника, другаго епископа; сіе условіе было написано въ Константинополѣ 1846 г. апрѣля 15—16. И такое дѣйствіе ихъ, противно апостольскимъ правиламъ 76; Автіох. собора прав. 23; также по кн. греко-славянской Кормчей, полныхъ толковат. помѣст. собора стр. 198 и 199-я. 3) Какъ по коммерческой сдѣлкѣ митр. Амвросій поставилъ старообрядцамъ въ непремѣнную обязанность по условію, (т. е.) по контракту, за такое вышеозначенное согласіе и для нихъ очень важное дѣло, 1-е, жить ему, т. е. митроп. Амвросію, на всехъ монастырскомъ иждевеніи,—2-е, дать ему сверхъ онаго еще 500 червонцевъ, (въ годъ) въ которыхъ заключается по русскому счету 2000 руб.—(1500 р.?) 3-е, дать его родному сыну, Георгію Поповичу, коштъ на дорогу отъ Босніи и обратно на проѣздъ—на привезеніе своей жены, А. Н., оттуда, (т. е.) изъ Босніи. 4-е) еще купить ему въ Бѣлой Криницѣ домъ съ принадлежащимъ дворомъ и огородамъ въ вѣчную его собственность. 5-е) а, въ случаѣ смерти его, митроп. Амвросія, вознаградить его сына Георгія отъ монастыря по усмотрѣнію монастырскому—не менѣе 1000 червонцевъ (т. е. 4000 руб.), (3000 р.?), о чемъ свидѣлствуетъ книга «Матеріалы для исторіи австр. или бѣлокр. іерар.» Н. Субботина, за 1899 г. стр. 135 и 137. И такое дѣйствіе, что, по условію за деньги, да еще за означенную сумму, совершить рукоположеніе, противно есть всѣмъ каноническимъ опредѣленіямъ,—книгѣ Кормчей. Во епископа, или въ какую-бы то ни было степень клира, постановленныхъ за деньги—а по испытанію и избранію за образъ жизни, повелѣвается извергать, также и тѣхъ, коими они поставлены (кн. греко-славян. Корм. полныхъ толковат. пр. 26-й 6-го собора); къ сему согласуетъ св. ап-лъ прав. 29,—„да не пользуются

рукоположеніемъ, или производствомъ, но да будутъ чужди достоинства и должности, которую получили за деньги“ (кн. Кормчая, греко-слав. полныхъ толковат., 4-го всел. соб. пр. 2, стр. 154); Василя Вел. прав. 89 получившихъ такимъ дѣйствіемъ чиноначаліе священства уподобляетъ Іудѣ предателю и богоубійцамъ іудеямъ (кн. Корм. л. 283 и 570), какъ, вышеозначеннымъ правиламъ, получившіе такое рукоположеніе не признаются епископы за епископовъ тому согласно и мы, руководясь правилами св. отецъ, рѣшили собраніемъ православныхъ христіанъ—не признавать австрійскую или бѣлокрыницкую іерархію—правильною; и не считать такъ же дѣйствительными и не принимать совершаемыя отъ нихъ таинства, какъ не принимали и наши предки въ заграничныхъ мѣстахъ: въ Румыніи на соборѣ, въ Сарикон, въ 1846 г. постановили такъ: если кто изъ христіанъ помолится вмѣстѣ съ приемищими новоявленное священство австрійскаго происхожденія, то таковыхъ принимать 3-мъ чиномъ; если же надъ тѣми лицами было совершенно таинство крещенія, или вѣчанія, то тѣхъ перекрещивать и снова вѣнчать (кн. „истор. авст., бѣлокр. свящ.“ Н. Суббот. вып. 2-го, стр. 169). Есть еще такое подозрѣніе, что безъ всякаго сознанія присоединился митр. Амвросій къ старообрядчеству, потому что не имѣлъ понятія на Русскомъ выговорѣ словъ, кого онъ проклиналъ,—ему составленъ былъ особый чиновникъ на проклятiе ересей съ подлинника въ Номоканонѣ, греческими буквами, въ рускомъ выговорѣ („Ист. австр. свящ.“ Суббот. выпускъ 1-й стр. 304). Въ доказательство противъ присланныхъ писемъ изъ села Городца Нижегород. губ., будто-бы въ Греціи обливательнаго крещенія не существуетъ и не принято обливательное крещеніе, мы, собравшіеся въ духѣ кротости православныхъ христіанъ, рѣшили болѣе вѣрить писанію, какъ свидѣтельствуєтъ книга о вѣрѣ—сидце: „яко иже суть христіане, хотящiи правду, хранитися, въ вѣрѣ утвердитися—ни къ чему-же иному да бѣжать, точію къ писанію (кн. о вѣрѣ л. 216-й); нами и было приискано въ статеиномъ, спискѣ, изданія Сергія Вѣлокурова,—что въ Греціи существовало обливательное крещеніе еще до патріарха Никона (вышеозначен. кн. стр. 49, 50, 63, 82, 83, 85, 90, 91, 162 и 189). Егда понѣхли сомнѣніе въ греческомъ православіи наши русскіе правители патріархъ Іосифъ и царь Алексѣй Михайловичъ, то избрали благонадежнаго старца Арсенія Суханова (Сергіева монастыря монаха), которому и предложила за вѣрою крестяаго цѣлованіи въ его путешествіи описать только сущую правду (въ лѣто отъ созданія міра 7157-е); и сіе его описаніе находится въ Москвѣ, книга Проскони-тарій. Первое его описаніе въ оной книгѣ: въ Греціи существуетъ троеперстное сложеніе; а второе описаніе въ оной книгѣ—о поливальномъ крещенія (вышеозначенный статеиный списокъ стр. 207); и сами послѣдова-

тели бѣлокриницкой іерархіи свидѣлствуютъ, что въ Греціи существуетъ обязательное крещеніе, ихъ (грековъ) тоже слѣдуетъ перекрещивать, такъ какъ они неправильно крещены (кн. Каноническое собраніе, лже—попа австрійской іерархіи г. Ростова, Василя Механикова за 1895 г. стр. 3-я). Къ тому же еще помнилъ свидѣтельство незабвеннаго Павла еп-па Коломенскаго, который говорилъ Никону, что греки обливанцы, за что и былъ заточенъ въ темницу (кн. А. В. въ пользу раскола, стр. 132, часть 1-я). Теодоръ діаконъ тоже свидѣлствовалъ на соборѣ въ 1666 г., что греки-обливанцы. И другіе ревностнѣйшіе послѣдователи древле-свято-отеческаго преданія, запечатлѣвшіе свою жизнь мученическою кровію ⁵⁶⁾, говорили: что въ Греціи существуетъ обливательное крещеніе, что свидѣлств. также книга (А. В. стр. 24 и 30, ч. 1-я). Еще, къ тому же подтверждается и новѣйшими учителями—путешествовавшими по восточной сторонѣ: московскій священникъ Лукьяновъ, въ 1710 г., говоритъ: у грековъ противу нашей русской церкви 14-ть ересей; изъ коихъ описываетъ первое—обливательное крещеніе ⁵⁷⁾ (кн. Кант. ст. 351)... Изъ писемъ, видятся, что митрополитъ Амвросій не запрещенъ, на что и указываютъ свидѣтельства Григорія митрополита С.-Петербургскаго, въ книгѣ его: Истинно—древняя и истинно—православная Христова церковь ч. 2, стр. 262, выпускъ 2-й. А братство Св. креста въ г. Саратовѣ, издавая книгу объ австрійскомъ священствѣ Бѣлокриницкой іерархіи, свидѣлствуетъ, что митроп. Амвросій былъ запрещенъ, стр. 30 и 31; сія книга издана была въ 1870 году. А отъ невѣрныхъ свидѣлства достопріятнѣйши суть.

Которому же свидѣтельству мы будемъ вѣрить, первому или второму ⁵⁸⁾?.. Если и пишутъ, что митр. Амвросій не запрещенъ, мы сему свидѣтельству не вѣримъ, а потому и не признаемъ австрійской хиротоніи: епископовъ за епископовъ, священниковъ за священниковъ, такъ равно и тайны за тайны, почему и утверждаемъ, что соборное постановленіе 1890 г. въ г. Вольскѣ—правильно. По сему должны соглашаться съ нами и тѣ личности, которыя знаютъ о томъ противорѣчіе—что церковь ихъ (австр.) не есть церковь Апостольская,—почему мы единодушно и единомысленно, подражая прежде

⁵⁶⁾ Въ Церкви нѣтъ мученичества (св. Злат. Бесѣд. на 14 посл. от Павла стр. 1692).

⁵⁷⁾ Которое допускается въ Греческой Церкви, какъ и въ Русской только въ «смотрительныхъ» случаяхъ, а не одержно совершается.

⁵⁸⁾ М. Амвросій не былъ запрещенъ до своего противоканоническаго бѣгства, а послѣ онаго, за двѣ недѣли до перехода въ расколъ грамотой патр. Ананія III отъ 14 окт. 1846 г. былъ запрещенъ въ архіерейскомъ священнодѣяствіи («Исторія т. н. австр. или бѣлокр. свящ.» Субб. вып. II, стр. 119—121).

бывшимъ собраніямъ нашихъ христіанъ, а козьми паче послѣдую правиломъ св. ап-лъ и св. отецъ, рѣшили, зачесть ихнее (австр.) троекратное погруженіе, а приобщающихся съ ними въ моленіи и яденіи—принимать 3-мъ чинномъ, на что и общаемся всѣ мы, православные христіане, хранить сіе соборное постановленіе свято и нерушимо ⁵⁹⁾.

Вопросъ 20-й.

За совершеніе таинства св. крещенія можно-ли требовать обязательную плату?

Рѣшеніе 20-го вопроса.

По свидѣтельству святаго-отеческаго писанія, никакихъ вымогательствъ къ вознагражденію корыстолюбивыхъ прибытковъ не требовать за таинство св. крещенія, а лишь быть довольнымъ вознагражденіемъ добродѣтельныхъ дателей, которыхъ, по свидѣтельству писанія, любить Богъ за ихъ щедрое пожертвованіе, послѣ совершенія требъ св. крещенія. Но что касается до другихъ таинствъ (т. е.) бракосочетанія, то не возбраняется взимать даже по опредѣленію—якоже восхоцеть царская власть (стоглавъ гл. 24, стр. 161, изд. Кожанч.).

Рѣшеніе 21-го вопроса.

Объ отцѣ Александрѣ Платовомъ, бывшемъ въ Москвѣ и исправлявшемъ требы у нашихъ православныхъ христіанъ и, безъ согласія попечителей Московскаго старообрядческаго общества, изволившемъ уѣхать въ мѣсто требованія, Усть-Ивановскій заводъ Уфимской губ., соборъ православныхъ христіанъ присовѣтовалъ: о. Александру Платову поѣхать въ Москву и здѣлать миролюбіе съ московскими попечителями; и жить ему, Платову, гдѣ онъ избересть для себя удобное всегдашнее мѣстопробываніе, а христіанамъ принимать его безъ всякаго сомнѣнія ⁶⁰⁾.

Такое рѣшеніе всѣхъ вопросовъ соборъ старообрядцевъ православныхъ христіанъ, приѣмлющихъ бѣгствующее священство, прослушавъ и въ едномысліи съ любовію приняли и утвердили ⁶¹⁾ подписомъ своихъ рукъ: Вольскій свящ. Георгій Гумилевскій, Уфимской губ. Белебѣвскаго уѣзда села Усть-Ивановскаго завода свящ. Александръ Плав-

⁵⁹⁾ Недоумѣнно: обличители *незаконности австрійской* лже-іерархій просмотрѣли въ «книгахъ» каноническія правила, обличающія незаконность лже-іерархій ихъ собственной—бѣглыхъ поповъ!

⁶⁰⁾ Выходить—«миролюбіе» съ «московскими попечителями» (мірянами) даетъ бѣглому попу право на совершеніе священнодѣяствій. Новые каноны! Вольшій благословляется меньшимъ!

⁶¹⁾ Рѣшеніе *собора* утверждается 3 *былыми* попами, 3 *ипоками* и 37 *мірянами*.

говъ ⁶²⁾. Села Балакова свящ. Михайлъ Смирновъ. Инокъ Филаретъ. Непотребный рабъ Христовъ инокъ-схим. Иеронимъ. Инокъ Михайлъ, Максимъ Ивановъ Лискутовъ. Ѳеодоръ Гребенщиковъ. Иванъ Кузововъ. Ивановскій уставщикъ Герасимъ, Георгій Семеновъ Соколовъ, Трофимъ Захаровъ Кузнецовъ, Абрамъ Колочковъ. Уставщикъ Иванъ Лисицинъ. Уставщикъ г. Москвы Андрей Фидуліевъ. Г. Козлова, Михайлъ Моисеевъ Мартыновъ. Села Балакова попечители: Прокопій Кирсановъ, Агапъ Гавриловъ Поповъ. Самарской губ., Козма Константиновъ Климовъ. Села Тивина, ст. Сампуръ, Моисей Моис. Мартыновъ. С. Криволуцка, попечитель Сергій Агафон. Щегловъ. Григорій Поляковъ. В. Жевалкинъ. Иванъ Митрофановъ. Ермолай Прокофьевъ. Андрей Канонировъ. Усень-Ивановскаго завода Аггей Глазуновъ. Терентій Мамаевъ. Калина Фетисовъ. Василій Ф. Ермаковъ. Иона Петровъ. Семень Шилиговъ. Александръ Поповъ. Изъ-Горокъ, Лука Мамлинъ. Уральскій казакъ Варфоломей Болдыревъ. Изъ Румыніи, Феофилактъ Венедиктовъ. Ѳеодоръ Петр. Колпаковъ. Попечители Вольской Старообрядческой церкви—Александръ Яковлевъ Соловьевъ. Тимофей Ник. Андреевскій. Козма Феоктистовъ Швецовъ. Михайлъ Ив. Пузракъ. Тимофей Дмитр. Буйковъ и Козьма Ивановичъ Ивановъ.

«Скорбь ми есть велія о братіи моеи»: оставивъ «истинное пристанище», св. православную Греко-россійскую церковь, которая одна являетъ всѣ несомнѣнные признаки истинной Церкви Христовой, глаголемые старообрядцы, обуреваемые «всякимъ вѣтромъ ученія», хлопчатъ и мятутся на своихъ дырявыхъ ладьяхъ въ погибельномъ морѣ раскола... Да коснется ихъ слуха спасительный гласъ св. истины: «Кромѣ Церкви Божія нигдѣ же нѣсть спасенія» (Б. Кат. 120—121), а «Церковь безъ епископа быти не можетъ» (Марг. жит. 144 об.)—«егда нѣсть ту архіерея, таковѣмъ не дается Духъ Святый, якоже вѣруемъ» (Ник. Черн. такт. л. 141).

Н. Гринякинъ.

⁶²⁾ Бѣглый попъ Александръ Плавтовъ утверждаетъ рѣшеніе «собора» объ его собственной провинности! Въ одномъ лицѣ—и подсудимый и судья.

Психологія таинствъ.

Таинство священства.

«Я не принимаю таинствъ, потому что всѣ они грубое несоотвѣтствующее понятію о Богѣ и христіанскому ученію колдовство» (Отвѣтъ гр. Л. Н. Толстого Св. Синоду).

I.

Первое между таинствами *хронологически* таинство священства, потому что оно источникъ всѣхъ остальныхъ таинствъ. Поэтому мы начинаемъ наши этюды таинствомъ священства. Мы видѣли, что говорить о таинствахъ Левъ Николаевичъ: «таинства—вредное колдовство». Въ частности о таинствѣ священства онъ заявилъ въ своемъ «отвѣтѣ» и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ, *что не хочетъ и не можетъ понять его, потому что оно заведомо готовитъ къ обману, а кроме того, есть прямое нарушеніе словъ Христа, запрещающаго называть себя учителями*. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Левъ Николаевичъ выразился о таинствахъ, пожалуй, еще суровѣе. «Я—говоритъ онъ—не могу сказать, что то, что я видѣлъ въ таинствахъ, было непонятно. Нѣтъ! Это было совершенно понятнымъ и совершенно нелѣпымъ» (Исповѣдь). Этому приговору о таинствахъ нельзя отказать въ одномъ достоинствѣ. Онъ отличается большою опредѣленностью и ясностью. Но этой ясности и опредѣленности приговора соотвѣтствуетъ ли столь же ясное представленіе о той вещи, надъ которой произнесенъ судъ и приговоръ? Въ частности, имѣетъ ли Л. Н. представленіе о таинствѣ священства, составляющемъ тему настоящаго этюда.

Что такое таинство священства? По православному его пониманію это—таинство, въ которомъ священникъ получаетъ отъ Церкви даръ сострадательной любви, способность принять въ свою душу и совѣсть души и совѣсти отданныхъ въ его душепастьство. Отсюда это—таин-

ство, въ которомъ передается способность *благодатно* воздѣйствовать на человѣческія души. Левъ Николаевичъ представляетъ таинство нѣсколько иначе. Ему кажется, что священнику въ даръ рукоположенія дается что-то въ родѣ *ларца благодати*, изъ котораго онъ и раздастъ дары Духа Св. всѣмъ желающимъ. А рядомъ съ этой коловской передачей какихъ-то силъ священнику позволяется быть учителемъ. *Но отдавать одному человеку право раздачи духовной благодати и значитъ коловской церемоніей готовить къ коловству, а отдавать право учительства это значитъ, какъ уже сказано, идти противъ словъ Господа.* Не очевидно-ли что здѣсь Левъ Николаевичъ возражаетъ не противъ церковнаго, а своего, выдуманнаго, навязаннаго Церкви пониманія таинства.

Правда, въ одномъ пунктѣ то, что онъ говоритъ, имѣетъ нѣкоторое подобіе истинѣ. „Вы же не называйтесь учителями, ибо одинъ у васъ учитель Христосъ“ (Матѣ. 23, 8), — сказалъ Спаситель. Но здѣсь предупрежденіе *противъ тщеславія учительства*, не болѣе. Церковь православная хорошо помнитъ это предостереженіе Въ противоположность католичеству, православная Церковь не знаетъ раздѣленія на Церковь учащую и служащую. Она не исключаетъ въ извѣстной мѣрѣ и учительства мірянъ. Міряне, весь народъ церковный, по православному опредѣленію,—хранитель вселенской истины, а охраненіе церковной истины, конечно, имѣетъ *ближайшее отношеніе къ учительству церковному*¹⁾. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Церковь допускаетъ учительство іерархическое, какъ установленное Богомъ. Идетъ ли она противъ словъ Господа? Припомнимъ, что Іисусъ Христосъ сказалъ: *пославъ научите* вся языцы (Матѣ. 28, 19). Значитъ, Онъ *пославъ на учительство*, не запрещалъ учительства, а, наоборотъ, Своимъ ученикамъ предписалъ *учительство, какъ обязанность*.

Однако, я говорю, въ этомъ пунктѣ у Л. Н. есть хотя и очень слабая опора въ неправильно понятомъ текстѣ,—дальше начи-

¹⁾Восточные патріархи въ Окруж. посланіи 6 мая 1848 г. торжественно заявили, что въ православіи хранитель религіи—не патріархъ или вообще іерархія, а самое тѣло Церкви, т. е. самый народъ. § 17. Патріархи не имѣютъ священнаго управленія (іерархія) въ томъ смыслѣ, какъ говоритъ Его Блаженство папа, а только соединены съ народомъ въ союзъ любви. § 16 рус. изд. СПб. 1850 г.

нается простое... невѣдѣніе. Пусть, — пишетъ одинъ изъ сторонниковъ толстовскаго ученія о священствѣ, болѣе глубокой, чѣмъ Толстой, — пусть учительство законно въ Церкви. Это не мѣшаетъ быть «узурпацией» — священству, понимаемому какъ способность раздаянія благодати. Собственно вѣдь не въ учительствѣ, а здѣсь лежитъ центръ тяжести.

«Посланный», получившій порученіе учитель *еще не есть священникъ*; въ вѣкахъ установилось и развилось понятіе объ особой «благодати» священства. И именно тутъ (слова сторонника Л. Н.), мнѣ кажется, произошло въ исторіи одно странное, удивительное обстоятельство.

Въ вѣкъ апостоловъ благодать представляла высшую степень человѣческо-божеской духовности, какого-то «вѣянія», «вѣянія съ небесъ на землю», или восторговъ человѣческаго сердца, безъ *всякой принадлежности* кому-нибудь, безъ всякой специализации, безъ всякой классификаціи. Теперь что же совершилось далѣе? «Благодать сердца», неуловимая и нематериализуемая, какъ и «миръ сердца» въ приведенныхъ выше выраженіяхъ, стала какою-то уловляемою, перемѣщаемою, дѣлимою и классифицируемою духовною эссенціей, несомнѣнно пространственно ограниченнаго значенія, и, кажется, это возникло въ моментъ сложенія новозавѣтнаго закона, когда спасительный лозунгъ — «благодать» просто пересталъ быть нуженъ, сталъ опасенъ, какъ характерное «внѣзаконное и поверхзаконное вѣяніе въ сердца»; стала благодать «братъся и даваться», и подѣлилась іерархически. И въ то же время пологъ благодати, нѣкоей природной святости, врожденнаго богообщенія былъ сдернутъ съ міра, міръ остался безблагодатнымъ?»

Это, какъ видимъ, есть именно второй пунктъ толстовскаго протеста, выраженный сильнѣе, чѣмъ умѣлъ онъ самъ выразить. Но понимаетъ-ли и этотъ о чемъ говорить? — Нѣтъ. Онъ глубже Толстого сказалъ *за него*, но, какъ и онъ, «не разумѣетъ книги, юже чтеть». Можно ли говорить о какой-то узурпации благодати, о насильственномъ захватѣ того духа, который принадлежалъ всѣмъ, осѣняя всѣхъ своимъ вѣяніемъ? Припомнимъ, какъ было дѣло передачи этой благодати въ первыя времена Церкви. То, что было тамъ, есть и теперь. Учитель приходилъ, принося съ собою благовѣстіе. Положимъ,

что въ это время онъ приходилъ только какъ учитель, но тотчасъ, какъ онъ приносилъ благовѣстіе Христово, его окружали со всѣхъ сторонъ больные и искалѣченные духовно, духовно жаждущіе. Они шли къ нему, неся свою душу и прося его объ исцѣленіи. И онъ долженъ бы быть чудотворцемъ, какъ Христосъ, не потому, что «іудеи знаменія просятъ и ищутъ», а потому, что для тѣхъ, которые приходили къ нему, нужно было исцѣлить больной духъ ихъ. И потому-то апостоль, вѣстникъ ученія Христова, не могъ быть только учителемъ, — онъ обязательно долженъ былъ быть надѣленъ этимъ даромъ духовнаго врачеванія. Но зачѣмъ этотъ даръ?—Для дѣла перерожденія не нужно было особеннаго дара: благодать сама ниспосыла на всѣхъ, искавшихъ ее вмѣстѣ съ Христовымъ ученіемъ?

Не правда. Если бы было такъ всеисильно слово только само по себѣ, то тогда бы благодать дѣйствовала обязательно во всякомъ, не только въ томъ, кто принялъ слово, но во всякомъ, кто его слышалъ, потому что выходило бы, что тотъ, кто слышалъ, не могъ не принять, побѣжденный благодатію самого слова, а тотъ, кто принималъ, не могъ не приобщиться благодати духа. Однако, слышали многіе, но благодать получали не всѣ. Несомѣнно, благодать получалась не только черезъ проповѣдь, но и черезъ воздѣйствіе той Церкви, въ которой «рѣшетъ, уже живетъ» благодать. Несомѣнно, здѣсь имѣло мѣсто, если позволительно этотъ терминъ, принадлежащій нашему собесѣднику, — какое-то «зараженіе» благодатію, т. е. передача церковнаго духа отъ пріившихъ къ тѣмъ, которые его не приняли. И вотъ теперь, когда учителя окружаютъ ищущія спасенія души, онъ долженъ былъ не сообщать только ученіе, но и *приобщить къ духу*, живущему въ его Церкви, окружавшихъ его въ эту минуту. Могъ ли сдѣлать это всякій христіанинъ? Нѣтъ, — это дѣлалось всегда воздѣйствіемъ *всей Церкви* Господомъ по ходатайству *всей Церкви*, а не *однимъ* лицомъ. Помолилась вся Церковь и Духъ снизошелъ на...

Поэтому и вновь просвѣщенныхъ должна была принять Церковь, просвѣтить духомъ—Церковь, но она, т. е. церковь, понимаемая въ смыслѣ организовавшаго общества—съ епископомъ и т. д., далеко... Здѣсь только одинъ изъ нея—«учитель». Связанъ или нѣтъ этотъ «учитель» съ Церковью? Конечно, мистически связанъ. Но онъ связанъ не только въ своей общехристіанской волѣ, болѣе: онъ *по-*

сланъ на учительство, т. е. Церковь съ его лицомъ связала свое желаніе о просвѣщеніи тѣхъ, которые теперь «слышать его учительное слово», иначе сказать, Церковь связала, объединила *съ нимъ, съ его миѣ* ту волю и силу, которая молитвой низводитъ благодать Духа на просвѣщаемыхъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Церковь, посылая учителя и зная, что ему потребуется великая сила не только распространенія слова, но и перерожденія души, и не могла не провожать его своей молитвой, не идти духомъ слѣдомъ за нимъ, а это «слѣдованіе», слияніе церковной воли съ дѣломъ посылаемаго ею есть *посвященіе*. Оно выражалось и выражается въ молитвѣ Церкви о томъ, чтобы посвящаемый, «посылаемый», «апостолъ» получилъ особенную силу этого озаренія, чтобы благодать была въ немъ въ большомъ избыткѣ въ силѣ и духѣ, чтобы воля Церкви о просвѣщеніи и исцѣленіи ищущихъ Христа была и его волею. А такъ какъ Церковь обладала, какъ утверждаетъ и нашъ возражатель, и обладаетъ, какъ утверждаемъ мы, избыткомъ благодати, была (и есть) полна благодати, то, конечно, сильна и молитва, и воля ея. Тотъ, котораго она посылала вмѣсто себя, получалъ отъ нея или вѣрнѣе отъ Христа, оживляющаго церковное Тѣло, отъ Духа Утѣшителя, съ ней соединеннаго, и силу благодати, нужной для его дѣла.

Не узурпаціей было это съ его стороны, а волей церковной, которая подавала ему болѣе, чѣмъ обычную силу, — иначе, сливала свою силу съ его волей, присоединяла свое всемогущество къ его немощи для того, чтобы эта *сила опять возвратилась къ Церкви, созидая ея дѣло и ея жизнь*.

И для чего нужна была какая-то узурпація благодати? Священство всегда понимается Церковью (мы еще говорили объ этомъ выше), какъ способность чувствовать интересы чужой души, какъ интересы свои собственные, входить въ чужую душу сострадательною любовью и страдать вмѣстѣ съ другою страдающею душою. Очевидно, это была не привиллегія, а *мученичество*, на которое была способна только особенно сострадательная душа, желающая поднять на себя чужія муки. Эта сторона таинства священства указана въ самомъ чинѣ посвященія, гдѣ священники называются «*мучениками добръ страдающими*». Очевидно, никакого захвата тутъ не могло быть, и боль-

шая клевета, когда говорить, что священство, захватившее въ свои руки матеріализованную благодать, вмѣстѣ съ тѣмъ и сознало себя святымъ, «блаженнымъ» (μακάριος). Великая клевета. Именно, священство и въ частности русское больше, чѣмъ кто-нибудь другой, чувствуетъ *огромную тяжесть бремени, лежащаго на немъ*. Не святымъ оно чувствуетъ себя, а наоборотъ, чувствуетъ на себѣ тяжесть собственного недостоинства и тяжесть грѣховъ тѣхъ, которые поручены ему. Отсюда, думается, засвидѣтельствованный всѣми покаянный тонъ всей русской литературы въ этой своей сторонѣ есть *созданіе Церкви*, священническаго настроенія. Нашъ Достоевскій сказалъ правду, что даже западникъ Герценъ, съ своей тоской покаянія, это—дитя того настроенія, которое создала русская церковная культура, въ свою очередь рожденная покаяннымъ духомъ и настроеніемъ русскаго священства. Нѣтъ тутъ узурпаціи. Церковь, повторяю, созидая священство, созидала новую силу, передатчика своей силы, которая должна была служить ей же. И, конечно, эта сила я сейчасъ не себѣ, а этой же Церкви служить. Отсюда-то та особенность, на которую указалъ В. А. Тернавцевъ, что «даръ священства часто большее спасеніе даетъ паствѣ, чѣмъ носителю этого дара, котораго онъ можетъ вовсе не спасать, а только осуждать».

II.

Какъ-же теперь понять психологическій процессъ передачи благодати отъ церкви апостолу ея: «Это колдовство, говоритъ Толстой, священство—колдовство, готовящее къ колдовству и только».

Такое пониманіе таинства священства не есть *новое пониманіе*. Когда апостолы въ Самаріи возлагали руки на вѣрующихъ и низводили на нихъ Св. Духа, то среди наблюдавшихъ за этимъ низведеніемъ Духа былъ одинъ человѣкъ, иѣкто Симонъ волхвъ. И онъ рѣшилъ, что раздача даровъ Духа Святаго есть волхвованіе. Онъ пришелъ къ апостоламъ и сказалъ имъ: дайте и мнѣ власть сію, чтобы тотъ, на кого я возложу руки, получалъ Духа Святаго. Но ему отвѣтили: *серебро твое да будетъ въ погубель съ тобою, потому что ты помыслилъ даръ Божій получить за денги*. Нѣтъ тебѣ.

въ семь части и жребія; ибо сердце твое неправо предъ Богомъ. Итакъ покаяйся въ семь грѣхѣ твоимъ, и молись Богу; можетъ быть, отпустится тебѣ помыслъ сердца твоего. Ибо вижу тебя исполненнаго горькой желчи и въ узахъ неправды (Дѣян. 8, 19,—23). Ему отвѣтили такимъ образомъ, что пониманіе его неправильно, что здѣсь не волхвованіе, не колдовскимъ путемъ раздаются дары Духа, а даются они тому, у кого *сердце праведно предъ Богомъ*. Такимъ образомъ, тогда уже апостоламъ пришлось имѣть дѣло съ обвиненіемъ ихъ въ колдовствѣ. И тогда-же они опровергали это обвиненіе.

Но какъ же нужно представлять раздачу даровъ благодати? Правда ли, что она совершенно непонятна, какъ кажется Льву Николаевичу, или даже больше; понятна, но бессмысленна, какъ онъ заявилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ? Я попрошу читателя мысленно перенестись за двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, хотя бы къ тому времени, когда Симонъ волхвъ впервые назвалъ таинства волхвованіемъ. Допустимъ, что св. Іоаннъ Богословъ возлагаетъ руки на ученика своего Поликарпа. Посмотримъ на это сначала съ совершенно человѣческой точки зрѣнія. До такой ли степени непонятно это явленіе, непонятно и бессмысленно съ обыкновенной точки зрѣнія человѣческой психологій?

Апостолу необходимо передать своему ученику душу своей паствы, руководство надъ своей паствой. Этотъ ученикъ цѣлые годы около него и, постоянно сопутствуя своему учителю, уже усвоилъ духъ и силу своего учителя. Существуетъ психологическій законъ наслѣдственной передачи духовныхъ свойствъ, дарованій и способностей. Но рядомъ съ этимъ закономъ есть другой законъ передачи не путемъ фізіологическимъ, не путемъ рожденія, а нравственнаго уподобленія одного другому. Собственно и сынъ есть подобіе своего отца не потому только, что онъ отъ него родился, а потому что всю жизнь, все дѣтство провелъ подъ впечатлѣніемъ его образа. Это, долженъ я прибавить, есть педагогическая теорія и Льва Николаевича. Такимъ образомъ, по этому закону Поликарпъ въ постоянныхъ бесѣдахъ уже усвоилъ себѣ въ извѣстной степени душепастырское настроеніе и любовь св. Іоанна. Но вотъ въ послѣднюю минуту, отходя отъ жизни или уходя отъ своей паствы, Іоаннъ въ послѣднемъ завѣщаніи, въ послѣдней своей бесѣдѣ вручаетъ ученику сво-

ему прежнюю паству. Эта послѣдняя бесѣда должна уже потому, что она послѣдняя, произвести особенно сильное впечатлѣніе на ученика, должна докончить то уподобленіе его образу своего учителя, которое подготовлялось всей предшествующей совмѣстной работой. Въ этомъ послѣднемъ завѣщаніи ученикъ принимаетъ душу учителя и принимаетъ вмѣстѣ съ обязанностію силы его по отношенію къ паствѣ. Я говорю, что если-бы Левъ Николаевичъ повнимательнѣе отнесся къ таинству съ своей собственной психологической точки зрѣнія, онъ долженъ былъ-бы сказать, что эта передача благодати отъ одного къ другому *не представляетъ чего-то совершенно чуждаго, а можетъ найти свое психологическое объясненіе.*

Церковь, конечно, не представляетъ дѣло такъ просто. Она объявляетъ, что это дѣло *не совершенно естественное.* Благодать не есть *передача просто обычнымъ путемъ настроенія отъ одного къ другому, а нисходитъ сверху отъ неба, измѣняя цѣликомъ душу того, на котораго она нисходитъ.* Но я не думаю, что это церковное пониманіе таинства есть что-нибудь ужъ совершенно неприемлемое для сознанія. Наоборотъ. Пожалуй, именно *церковное* объясненіе перехода благодати еще болѣе проливаетъ свѣта на внутреннюю, таинственную мысль, скрытую въ этой истинѣ сообщенія благодати душепастырства. Церковь представляетъ дѣло передачи благодати глубже сравнительно съ вышеуказаннымъ возможнымъ человѣческимъ пониманіемъ.

Въ передачѣ благодати, по церковному сознанію, участвуетъ епископъ-апостолъ, посвящаемый, Церковь и Богъ, раздаятель благодати. Епископъ, представляющій изъ себя апостола и вселенскую Церковь, въ этомъ фактѣ сообщенія благодати участвуетъ всей силой своего молитвеннаго желанія. Онъ хочетъ, чтобы духъ пастырства вселился въ приходящемъ искать этого духа, чтобы онъ воспринялъ волю своего духа сострадательной любви и слился съ паствою своею, воспринялъ тотъ духъ, который дастъ ему подъять крестъ церковнаго строенія, носить души всѣхъ въ совѣсти своей. Вмѣстѣ съ тѣмъ епископъ молить Бога, главенствующаго надъ Церковью, да Онъ даруетъ будущему слугѣ своему эту благодать. Ученикъ, или ищущій благодати, желаетъ подъять крестъ, возлагаемый на него, и въ свою очередь молить Бога, да дастъ ему крѣпость и силу. Вѣрующіе, съ

готовностію принимая новаго руководителя въ своей молитвѣ, отдають ему *совѣсти свои*, молятся Богу, да даруетъ Онъ избраннику Его и ихъ силу врачевать больныя совѣсти ихъ грѣшныхъ. И вотъ, когда епископъ, т. е. св. Іоаннъ, возлагаетъ руки свои на ученика своего, т. е. Поликарпа, возсылая молитву Богу, а народъ «тихо молится» (выраженіе Апост. Постановленій), Богъ посылаетъ Свою благодать, дарующую любовь и даръ учительства и душепастырства.

Благодать сходитъ съ неба. Но что вызвало ее? Простыя ли заклинанія *теурій*? Нѣтъ, она дается въ рукоположеніи только *вмѣстѣ съ этими молитвами* отъ Бога, ради того настроенія, которое живетъ и въ вѣрующемъ, и въ епископѣ, и въ церкви. Елисей получилъ отъ Іліи благодать черезъ милоть, но, конечно, не въ *милоти* была эта благодать, а благодать снизошла на него съ неба только *съ милотью*, какъ внѣшнимъ символомъ этой благодати. Здѣсь Божественный духъ соединяется съ человѣческимъ, и новое твореніе есть результатъ этого единенія. *Приходитъ Богъ, суда призываетъ Его церковь.*

Конечно, трудно утверждать, что этотъ фактъ сообщенія благодати совершенно понятенъ и ясенъ. Онъ есть «тайнство». Но признать сообщеніе благодати совершенно возможно для того, кто признаетъ существованіе личнаго Бога и возможность воздѣйствія этого личнаго Бога на живой человѣческій духъ. А Левъ Николаевичъ, по крайней мѣрѣ, въ послѣднее время допускаетъ это существованіе живого Бога надъ миромъ живущаго и допускаетъ, что этотъ *живой Богъ можетъ входить въ сношеніе съ человѣческими живыми духомъ и сообщать ему силу Свою* (см. его «Мысли о Богѣ» «Мисс. Обозр.». Сент.).

Но тамъ, въ древней Церкви, благодать низводилъ *Іоаннъ*, а принималъ ее *Поликарпъ*. Тамъ молилась *вся Церковь* при его рукоположеніи сильной молитвой, великой вѣрой и дѣлами древней Церкви. Но теперь не случается ли часто, что къ тайнству рукоположенія приступаетъ человѣкъ вовсе не готовый къ тому, чтобы принять въ свою совѣсть совѣсть братій своихъ,—человѣкъ съ совѣстію болѣе немощной и болыной, чѣмъ всѣ будущіе его пасомые?

Можно ли говорить, что такому передается сила благодатнаго воздѣйствія на паству, совершенія таинствъ, способность возрождать души вѣрныхъ и въ таинствахъ, и своимъ пастырскимъ, учительнымъ вліяніемъ?

Вопросъ серьезный, который часто задается и священникамъ, и богословамъ. Думаю, что отвѣтъ на него не такъ труденъ, какъ кажется. Если говорить о *правѣ* священника совершать таинства, разсуждать о томъ, *дѣйствительны ли совершенныя такимъ священникомъ таинства*, то, я думаю, отвѣтъ будетъ прямымъ и несомнѣннымъ: таинства *должны* совершаться. Здѣсь священникъ дѣйствуетъ не самъ отъ себя. Онъ представитель Христа и Церкви. Онъ только свидѣтель, посредникъ между землею и небомъ. Онъ, какъ мы сказали, не хранитель благодати въ матеріалистическомъ смыслѣ—она не дана ему въ опредѣленномъ количествѣ мѣры и вѣса. Черезъ него таинства совершаются высшею Божественною силою. Если священникъ приступающій къ рукоположенію недостойнъ, то всетаки несомнѣнно, что право совершенія таинствъ будетъ въ немъ дѣйственно. Его недостойнство будетъ восполнено избылиющею благодатию Церкви.

Труднѣе вопросъ, получаетъ ли благодать душепастырства, душепастырское вліяніе чловѣкъ, приступающій къ рукоположенію не съ настроеніемъ св. Поликарпа. Конечно, нужно сказать, что чловѣкъ противодѣйствующій благодати, отрицающій се, т. е. невѣрующій, не можетъ принять Духа Божія. Но много ли такихъ? Есть ли? *Такіе?* Владыка Антоній (Волынскій), умѣвшій смотрѣть въ глубь священнической совѣсти, рѣшается утверждать, что на Руси не было невѣрующаго священника. Едвали это далеко отъ правды. Во всякомъ случаѣ трудно найти священника, который бы остался невѣрующимъ, принимая на храненіе агнца, вземлющаго грѣхи міра въ таинствѣ рукоположенія. Но священникъ недостойный, т. е. недостаточно готовый для таинства, пріемлетъ ли онъ его? Но что значить быть *достойнымъ таинства*? Значить, принять цѣликомъ апостольское настроеніе, быть Іоанномъ въ моментъ принятія таинства, горѣть духомъ и вѣрою такъ, какъ горѣли апостолы? Но, если бы это было возможно безъ таинства, т. е. безъ благодатнаго осѣненія церковію, то *тогда зачѣмъ было бы нужно и таинство?* Очевидно, къ таин-

ству всегда приступаетъ недостойный въ смыслѣ «несовершеннаго», ищущій благодати Божіей и жаждущій ея. Конечно, и въ этомъ смыслѣ не всѣ одинаково приѣмлютъ даръ. Но трудно представить, чтобы для кого нибудь была вообще тщетна молитва о ниспослании Духа Божія. Эта торжественная молитва—молитва всей Церкви, міряне, вручающіе души свои новому служителю Духа, это врученіе пастырю св. агнца, знаменующаго и *совершающаго* единство пастыря и паствы,—не должно ли все это заставить пастыря раскрыть душу свою Духу, грядущему съ неба? Нужно знать, что Церковь никогда не учила о благодати Духа, какъ о какой то моментально дѣйствующей, претворяющей душу въ одну минуту. Нѣтъ, какъ объясняетъ св. Макарій Великій, первое осѣненіе благодатію будетъ только моментальнымъ озареніемъ свѣтомъ съ неба, не сжигающимъ до конца человѣческое неистинное настроеніе духа и сердца. Благодать только постепенно, по мѣрѣ пересозданія этого духа, вступаетъ въ силу свою, постепенно осѣняетъ душу до крайнихъ глубинъ ея. Можетъ быть, случается, что въ священникѣ благодать, озарившая его яркимъ свѣтомъ при посвященіи, меркнетъ тотчасъ въ своей яркости ради неподготовленности души его. Но этотъ благодатный свѣтъ не останется навсегда погребеннымъ для церкви подъ снудомъ. Постоянно открываемая священнику совѣсти его паствы, до вѣрчиво раскрываемая предъ нимъ вѣрными язвы совѣсти, окружающая его вѣра и молитва, постоянная атмосфера потусторонняго міра около престола, которому онъ служитъ,—все это необходимо должно выявить данную ему благодать, раскрывать ее изъ силы въ силу, пока она не проявится, какъ яркій свѣтъ настроенія св. Поликарпа и Игнатія. Думается даже, что пастырь будетъ пастыремъ, влияющимъ на свою паству не только въ смыслѣ совершителя таинствъ, но въ смыслѣ силы, возрождающей душу, даже въ то время, когда онъ не возросъ въ мѣру пастырскаго совершенства. Возможно такое состояніе, когда пастырь оказывается недостойнымъ, и пастырскій даръ для него самого менѣе открытъ и понятенъ, чѣмъ для тѣхъ, для кого онъ священнодѣйствуетъ. Этотъ даръ для священника можетъ быть наказаніемъ, огнемъ, сжигающимъ душу его. Но въ то же время эта благодать будетъ не вѣшной, данной ему на храненіе, силой, а силой, живущей въ его душѣ рядомъ съ его не-

достоинствомъ, какъ страшное, но понятное при нѣкоторой углубленности въ дѣло противорѣчіе. Недостойный внѣ своего пастырскаго дѣланія, онъ осбняется благодатію Христовою и сознаніемъ своей пастырской властью вмѣстѣ съ тягостнымъ и мучительнымъ сознаніемъ недостойнства въ ту минуту, когда ему приходится выступать въ качествѣ дѣлателя душъ человѣческихъ. Отсюда то частое настроеніе сокрушенія и покаянія, тотъ плачь о своемъ недостойнствѣ и своей личной грязи, которые мы слишкомъ часто встрѣчаемъ въ пастыряхъ и которые трудно просмотрѣть имѣющимъ очи, чтобы видѣть.

Итакъ, я утверждаю, что благодать во всей силѣ своей можетъ проявляться чрезъ недостойнаго пастыря, потому что въ извѣстныя минуты эта благодать умѣетъ подчинить себѣ душу пастыря, преобразовать его по духу Христову и такимъ образомъ дѣлаетъ его способнымъ выступать со словомъ воина Христова. Вспомните пророка Валаама. Онъ за деньги былъ готовъ продать язычнику даръ свой и проклясть вѣрный Богу народъ-Израиля. Но вотъ онъ восходитъ на гору и увидѣлъ онъ раскинувшіеся предъ нимъ шатры Израиля и скинію завета, стоящую посреди стана, и Израиля, молящагося предъ этой скиніей, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, чающихъ спасенія отъ Бога и отъ алтаря Его. И вотъ открылись уста его и вмѣсто проклятія они изрекли благословеніе народу Божію. Было бы ошибкой думать, что сила Божія только механически дѣйствовала чрезъ пророка Валаама, заставила его говорить то, что онъ не хотѣлъ говорить. Нѣтъ этотъ народъ, чающій спасенія отъ скинии, распростертый ницъ предъ кивотомъ завета, пробудилъ духъ служенія истинѣ и Богу истинному, жажду спасенія народа своего, жалость къ этому народу и погибающей душѣ его. И вотъ благодать, живущая въ немъ, заговорила устами его. И онъ низвелъ на народъ благословеніе Божіе и благодать Божію, хотя, можетъ быть, на другой же день онъ снова пошелъ къ Валаку съ предложеніемъ купить у него даръ Божій.

Іеромонахъ *Михаилъ*.

Какимъ „чиномъ“ принимать присоединяющихся къ православію изъ штундистской секты?

(Изъ миссіонерскихъ запросовъ).

Крещеніе, совершенное штундистомъ, хотя бы во всемъ правильно, считать ли законнымъ, или перекрещивать такого крещеннаго при присоединеніи его къ православію?

Свящ. Кіевск. губ. Звенигородск. у. Сумеонъ П—ій.

Во Вселенской Церкви съ самыхъ древнихъ временъ ся были въ употребленіи три чина присоединенія неправославныхъ къ православної Церкви: чрезъ крещеніе, миропомазаніе и покаяніе съ отреченіемъ присоединяемыхъ отъ своихъ заблужденій. Чрезъ крещеніе постановлено присоединять только неправославныхъ, какъ монтаписты, маркіониты, валептиліане, павликіане, свиоміане и савелліане, т. е. еретиковъ, существенно искажавшихъ основные догматы вѣры и не имѣвшихъ у себя таинства крещенія или совершавшихъ оное неправильно, «не по Господню учрежденію» (ап. пр. 49); безъ крещенія же чрезъ миропомазаніе, или покаяніе и отреченіемъ отъ ереси присоединялись аріане, македоніане, поватіане, мелетіане и имъ подобные еретики, заблуждавшіеся въ ученіи объ одномъ какомъ-либо догматѣ вѣры, но крещеніе совершавшіе правильно съ произнесеніемъ богоустановленныхъ словъ,—а равно и раскольники, заблуждавшіеся въ ученіи объ обрядовой сторонѣ религіи, но совершавшіе крещеніе и пр. таинства правильно (VI Всел. Соб. пр. 95; ср. Втор. Всел. Соб. пр. 7; Васил. Вел. пр. 1 и др.).

О законности правильно совершеннаго крещенія обстоятельно учить бл. Августинъ. Крещеніе, по словамъ этого учителя Церкви,—учреждено Христомъ Богомъ; потому совершенное соотвѣтственно учрежденію Господню, во имя Св. Троицы, оно есть Его собственность; люди только преподаютъ оное, и въ этомъ случаѣ поступаютъ, какъ управители чужою собственностію. Таинство, какъ вѣншее дѣйствіе, Богъ даетъ и чрезъ злого,—благодать же—чрезъ Себя Самого

или чрезъ посредство своихъ святыхъ. Посему какъ не уничтожаются дѣйствительность и истинность таинства грѣхами совершающаго оное, такъ не уничтожаются оныя и грѣхами приѣмлющаго; еретикъ суть тѣ же грѣшники, не сохранившіе закона вѣры и заповѣде Господнихъ или любви, которая есть исполненіе закона; а если святость таинства не оскверняется грѣхами человѣка вообще, то она не можетъ оскверниться и грѣхомъ еретика, когда онъ совершаетъ таинство по Господню учрежденію. Посему крещеніе, совершенное еретикомъ по Господню учрежденію, съ призываніемъ имени Св. Троицы,—есть крещеніе Христа, которое свято, а не еретика. Какъ божественное учрежденіе или Господня собственности,—таинство крещенія, таинство возрожденія, всегда гдѣ бы ни было совершено, въ Церкви или внѣ ея, кладезь на человѣка неизгладимую печать или знакъ, который не можетъ быть истребленъ и не требуетъ возобновленія, подобно тому воинскому знаку, который выжигается на рукѣ римскаго воина для напоминанія ему о его обязанностяхъ, который дѣлаетъ извѣстнымъ бѣглецовъ и подвергаетъ ихъ наказанію, и который, будучи разъ отпечатлѣнъ законнымъ ли полководцемъ или бунтовщикомъ, не измѣняется и не возобновляется у пойманнаго бѣглеца» (см. подробности объ этомъ книгу священника «А. Серафимова»). Правила и практика Церкви относительно присоединенія къ Православію неправославныхъ христіанъ. Кострома, 1881 г.). Ученіе бл. Августина о сущности и значеніи крещенія и въ частности крещенія, совершаемаго лицами неправославными во имя Св. Троицы, въ основныхъ своихъ пунктахъ есть ученіе и всей православной Церкви.

Что крещеніе, совершаемое во имя Св. Троицы, кладезь на человѣка неизгладимую печать и не должно быть повторяемо,—объ этомъ единогласно учатъ св. Кириллъ Іерусалимскій, св. Іоаннъ Златоустъ, св. Ефремъ Сиринъ и друг. «Исповѣдуемъ, — говоритъ св. Іоаннъ Дамаскинъ, — что одно есть крещеніе въ оставленіе грѣховъ и въ жизнь вѣчную. Ибо крещеніе означаетъ смерть Господню; и чрезъ крещеніе мы спогребаемся Господу (Римл. 6, 4; Колос. 2, 12), какъ говоритъ божественный апостолъ. Посему, какъ смерть Господня совершилась однажды, такъ однажды должно и креститься; креститься же по слову Господа во имя Отца и Сына и Святаго Духа (Матѣ. 28, 19), научаясь вмѣстѣ и вѣровать во Отца и Сына и Святаго

Духа. Итакъ, всѣ тѣ, которые, крестившись во Отца и Сына и Святаго Духа и научившись вѣровать въ единое естество въ Трехъ Иностаняхъ, снова крестятся, таковыя снова распинаютъ Христа по словамъ божественнаго апостола, который говоритъ, что *невозможно просвѣщенныхъ единожды* и проч. *наки обновляти въ покаяніе, второе распинающихъ себѣ Христа и обличающихъ* (Евр. 6, 4—6). Но всѣ тѣ, которые крестились не во Святую Троицу, должны снова креститься (Излож. вѣрн. кн. IV, гл. 9. Христ. Чтен. 1841 г. т. I, стр. 66—67). Въ Посланіи восточныхъ патріарховъ сказано: мы почитаемъ крайне ложнымъ и нечистымъ то ученіе, будто бы несовершенствомъ вѣры нарушается цѣлость и совершенство таинства. Ибо еретики, которыхъ принимаетъ Церковь, когда они отрываются отъ своей ереси и присоединяются къ Вселенской Церкви, получили крещеніе совершенное, хотя имѣли вѣру несовершенную. И когда они напоследокъ приобретаютъ вѣру совершенную, то ихъ не перекрещиваютъ. Крещеніе полагаетъ неизгладимую печать, ибо невозможно перекрещиваться правильно однажды окрестившемуся, хотя бы онъ послѣ сего надѣлалъ тысячу грѣховъ, или даже отвергся самой вѣры. Желавшій обратиться къ Господу воспринимаетъ потерянное сыноположеніе посредствомъ таинства покаянія (гл. 15 и 16). Согласно съ древними правилами Церкви Вселенской, и наша православная церковь имѣетъ у себя три чина присоединенія неправославныхъ, обращающихся къ православной Церкви, а именно: *черезъ крещеніе* принимаются у насъ еретики, невѣрующіе въ Святую Троицу и отвергающіе или искажающіе произвольными формами таинство крещенія, а равно и тѣ раскольники, которые не были крещены до своего обращенія къ православной Церкви; *черезъ миропомазаніе*—еретики, не отвергающіе ученія о Святой Троицѣ, но заблуждающіеся въ какихъ либо частныхъ истинахъ вѣры и крещенные правильно во имя Отца и Сына и Святаго Духа, троекратнымъ погруженіемъ (или, по снисхожденію св. Церкви, троекратнымъ обливаніемъ), но не имѣющіе у себя законнаго, по преемству отъ св. апостоловъ, священства и таинства миропомазанія (каковы всѣ протестанты, а равно и тѣ изъ римскихъ католиковъ, армянь и англиканъ, которые до обращенія къ православію не были миропомазаны почему либо отъ своихъ епископовъ или законно постав-

ленныхъ пресвитеровъ, а также и всѣ крещенные въ расколъ; и наконецъ, принимаютъ чрезъ *покаяніе* съ «отреченіемъ отъ ереси» своихъ заблужденій римскіе католики, армяне, исповѣдники Англиканской Церкви, миропомазаные отъ своихъ епископовъ, и наши сектанты и раскольники, — изъ совратившихся отъ православной Церкви.

Имѣя въ виду эту практику Церкви Вселенской и нашей русской, при присоединеніи штундиста къ православію, если дознано будетъ *), то онъ крещенъ въ св. Троицу трехпогружательно, перекрещивать не слѣдуетъ, но присоединять его вторымъ «чиномъ» — чрезъ миропомазаніе. Присоединяющіеся же къ св. Церкви изъ совращенныхъ отъ нея въ штунду принимаются «чиномъ» третьимъ — чрезъ покаяніе съ отреченіемъ отъ ереси. (см. книгу чиновъ присоединенія къ православію, ч. 2, Спб. 1902 г., стр. 15, 28, 37—50).

С.-Петер. епарх. миссіон. П. Бумаковъ.

*) При наслѣдованіи вопроса о штундистскомъ крещеніи необходимо имѣть въ виду, что во многихъ сектантскихъ общинахъ, особенно же у „штундомолоканъ“ крещеніе какъ младенцевъ, такъ взрослыхъ, совершается хотя и во имя Св. Троицы, но въ одно погруженіе, (въ смерть Христову) что лишаетъ это таинство „дѣйствительности“. Ред.

Изъ записокъ и дневниковъ.

Какъ относятся раскольники къ фотографіи.

Раскольники-безпоповцы Черно-Источинскаго завода Верхотурскаго уѣзда, Екатеринбургской епархіи по своему фанатизму, грубости и невѣжеству заслуживаютъ особаго вниманія. Въ Черно-Источинскѣ раскольниковъ считается больше 1000 человекъ; большинство—безпоповцы. На молитву они собираются въ опредѣленныхъ костюмахъ: мужчины въ черныхъ кафтанахъ, а женщины въ черныхъ сарафанахъ и въ бѣлыхъ русскихъ рубахахъ, съ покрытыми кромкою головами. Мужчины при этомъ должны имѣть волосы подстриженные въ кружокъ и въ рукахъ держать лестовку. Кто осмѣлится придти въ часовню въ сапогахъ со скрипомъ, или съ волосами подстриженными сверху головы, или съ широкимъ воротомъ у рубахи, такового на общую молитву въ часовнѣ не допустятъ. Бываютъ, положимъ, исключенія для богатыхъ: ихъ не выгоняютъ изъ часовни, а только заставляютъ стоять безъ поклоновъ. Кто позволить себѣ ѣсть съ православными изъ одной посуды, такового ни въ часовнѣ, ни на домахъ на общую молитву не допускаютъ. Возвратившіеся изъ военной службы до исполненія ими епитиміи на общую молитву тоже не допускаются. Здѣсь строго слѣдятъ, не научились ли «древлеправославные» въ военной службѣ какимъ-либо «нечестивымъ» обычаямъ и поступкамъ. Если кто въ военной службѣ брилъ бороду, то на такового возлагается усиленная епитимія, и его до тѣхъ поръ не пускаютъ въ часовню, пока у него совсѣмъ не отростетъ борода. На почвѣ невѣжества и фанатизма мѣстныхъ раскольниковъ съ однимъ изъ ихъ братій, Ст. Б—вымъ, приключилось вслѣдствіе испытанія Дѣло въ слѣдующемъ. С. Б—овъ въ военной службѣ познакомился съ фотографіей и фотографскимъ искусствомъ. Возвратившись изъ военной службы домой, онъ задумалъ заняться фотографіей. Сдумано—

сдѣлано. На сбереженные деньги Б—въ купилъ фотографическій аппаратъ и началъ снимать своихъ домашнихъ и родныхъ. Затѣмъ, видя, что карточки выходятъ недурно, онъ началъ работать для желающихъ сняться. Но тутъ постигла его бѣда. Узнали про это дѣло старики и наставникъ Б—нъ и рѣшили отлучить Б—ва за фотографію отъ часовни. И вотъ фотографъ Б—въ, не зная и не подозревая ничего, въ одинъ праздникъ пришелъ въ часовню помолиться. Старики и старухи, увидя Б—ва въ часовнѣ, закричали наставнику: «Самойло Исайчъ, дѣдушко Самойло, гони изъ часовни антихриста, а то онъ всѣхъ насъ осквернитъ». Услышавъ такой крикъ, Б—въ спросилъ наставника, что это значить, — что «старики и старухи такъ кричатъ и зовутъ его антихристомъ?» «Старики, отвѣтилъ наставникъ, узнали, что ты завелъ какую-то *фюморавію* и снимаешь съ нашихъ-то христіанъ образъ божій и крещеніе, вотъ поэтому-то ты въ часовнѣ и не достоинъ съ нами Богу молиться». Б—въ хотѣлъ, было, что-нибудь сказать въ свое оправданіе, но старики и старухи излиха вопіяху «гони его еретика, нечего съ нимъ разсуждать-то». Итакъ, Б—въ отлученъ отъ часовни и изгнанъ изъ среды молящихся. И пошелъ онъ домой съ тяжелыми размышленіями... Послѣ обѣда Б—въ пошелъ къ наставнику спросить, за что его собственно выгнали изъ часовни. Наставникъ дружелюбно принявъ фотографа и на запросъ его объ изгнаніи его изъ моленной отвѣтилъ: «Почто ты завелъ эту *фюморавію*, занялся этимъ еретическимъ дѣломъ, развѣ ты не знаешь, что кто снимается на карточку, съ того человѣка образъ Божій и крещеніе снимается, того человѣка, по писанію, нужно снова крестить, неужели ты Степанушко не боишься такой бѣды, зная въ тебѣ страху Божьяго совѣтъ не стало; ты занялся этимъ дѣломъ, да знаешь ли ты, кто придумалъ эту проклятую *фюморавію*. Вѣстимо дѣло, что придумалъ самъ сатана—антихристъ; да что придумалъ сатана,—самъ діаволъ эта *фюморавія*; на трехъ ногахъ, съ однимъ большимъ глазомъ, смотрѣть страшно: какъ ты поставишь его на три ноги, и какъ онъ нечистый наведетъ изъ подъ черной кожи свой проклятый глазъ на человѣка, такъ образъ то Божій и крещеніе съ того человѣка и улетѣло». Б—въ, выслушавъ проповѣдь наставника спросилъ: «скажите пожалуйста, въ какой книгѣ и какой св. отецъ написалъ, что фотогра-

фію выдумалъ самъ сатана и что сниматься на карточки великій грѣхъ! И если кто снимется, съ того человѣка и крещеніе улетѣло? Наставникъ отвѣтилъ: вонъ поди-ка почитай у Федосьи Михайловны, чего тамъ написано въ Цвѣтникѣ о *фотораѣи*, да не объ одной ей, тамъ есть о картофели, о картахъ, о табакѣ и о всѣхъ необычныхъ одеждахъ, которыя нынѣ никоніане носятъ и которыя многіе наши у нихъ перенимаютъ. Будешь Цвѣтникъ читать, такъ волосы на головѣ встаютъ, вотъ какая страсть. Воистину послѣднее время антихристово». Вотъ вамъ старая дѣвка—не пты волосы—прочитала въ Цвѣтникѣ, возразилъ Б—овъ, а вы ей и повѣрили, а цвѣтникамъ, по моему, довѣряться нельзя, нужно вѣрить только старопечатнымъ книгамъ; а я вамъ покажу въ старопечатной книгѣ, что въ древнія времена христіане снимали съ себя портреты и оставляли ихъ своимъ родственникамъ. Если я принесу старую книгу и покажу вамъ, пустите тогда меня въ часовню?—спросилъ возражатель. Наставникъ, немного подумавъ, сказалъ: «я одинъ пустить тебя въ часовню не могу, хоть ты мнѣ и въ старой книгѣ покажешь; вѣдь всѣ старики и старухи не желаютъ пускать тебя въ часовню за это ноганое дѣло.

Однако принеси книгу, гдѣ ты нашелъ въ старыхъ книгахъ разрѣшеніе сниматься на дѣвольской *фотораѣи*, я не вѣрю тебѣ,—ты врешь на старопечатныя книги». Б—въ ушелъ. Въ тотъ же день вечеромъ онъ принесъ наставнику «Большой Соборникъ» и отыскалъ тамъ мѣсто, гдѣ говорится, что въ древнія времена благочестивые христіане оставляли на память своимъ родственникамъ портреты. Прочитавъ это мѣсто, наставникъ замѣтилъ: «въ древнія времена портреты писали масляными красками, какъ иконы, а не такъ снимали по дѣвольски, какъ ты. Б—въ пытался быдо объяснить наставнику, что де все равно, что писать, что снимать посредствомъ фотографіи. Но наставникъ премного разсердился на него: «Большой соборникъ» онъ швырнулъ на полъ и крикнулъ: «ты еще вздумалъ учить меня!» «Что ты, дѣдушка Самойло? Я не учить тебя пришолъ, отвѣтилъ Б—овъ, а узнать, великъ ли грѣхъ заниматься фотографіей и попросить васъ, чтобы позволили мнѣ въ часовню приходить Богу молиться? Наставникъ немного успокоился: «ну ладно, сказалъ онъ, я соберу стариковъ и старухъ и мы обсудимъ,

какъ поступить съ тобой. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого собрались старики и старухи въ часовню обсудить вопросъ, пускать или нѣтъ Б—ва на общія моленія. Сколько было тутъ шума и крику! Одни кричали: «не нужно его пускать»; другіе: «нужно наложить на его спитимію, а отъ часовни отлучать нельзя». Наконецъ, пришли къ рѣшенію: если Б—въ броситъ фотографію, раскается въ этомъ грѣхѣ и снесетъ спитимію, тогда можно пустить его въ часовню. Б—въ, видя непреклонность стариковъ и не желая быть отлученнымъ отъ часовни, согласился разстаться съ фотографіей, хотя тогда лишь, когда у него выйдутъ всѣ пластинки, заготовленные имъ въ большомъ количествѣ.

Таково отношеніе безпоповцевъ къ фотографіи. Не такъ относятся къ фотографіи «австрійцы». Ихъ лже-владыки то и дѣло снимаются въ фотографіяхъ и почти всегда въ полномъ облаченіи и съ благословляющимъ двуперстіемъ. «Австрійцы» стараются этимъ пропагандировать свое упованіе среди безпоповцевъ. Но это имъ не удастся. Надняхъ получили мы фотографическую карточку лже-епископа Антонія (въ полномъ облаченіи), именующаго себя епископомъ Пермскимъ и Тобольскимъ. Карточку эту показали мы одному безпоповцу. Послѣдній, посмотрѣвъ на нее, сказалъ: ничего, на карточкѣ вышелъ хорошъ! Но иногда и дьяволъ преобразуется въ ангела свѣта, но на самомъ дѣлѣ остается навсегда дьяволомъ, такъ и австрійскіе лже-владыки и попы,—хотя и одѣваются они въ свѣтлыя ризы, но на самомъ дѣлѣ остаются простыми мужиками. Удивительно только, какъ они не боятся быть осужденными на страшномъ судѣ «горше нечестивыхъ бѣсовъ», какъ говорится въ старопечатномъ Номоканонѣ.

Миссіонеръ свящ. М. Сушковъ.

Въ Ясной Полянѣ.

(Съ послѣднихъ страницъ моей „пастырской хроники“).

23 ноября минувшаго года, по дорогѣ изъ Курска въ Москву, я рѣшилъ заѣхать въ Ясную Поляну, побесѣдовать съ графомъ Л. Н. Толстымъ, съ которымъ я видѣлся 15 лѣтъ назадъ и съ тѣхъ поръ состоялъ членомъ учрежденнаго графомъ общества трезвости.

Подъѣзжая къ ст. Ясенки (въ 9 верстахъ отъ Ясной Поляны), я завелъ рѣчь о графѣ съ сидѣвшимъ противъ меня акцизнымъ чиповникомъ, въ районъ котораго, насколько я понималъ, входитъ и Ясная Поляна; къ удивленію моему оказалось, что этотъ мѣстный человѣкъ очень мало знаетъ о графѣ; по словамъ моего собесѣдника, мѣстная интеллигенція вообще слабо интересуется воззрѣніями яснополянскаго философа, а я, откровенно говоря, думалъ, что, по крайней мѣрѣ, за 100 верстъ отъ Ясной Поляны будетъ чувствоваться особая «толстовская» атмосфера.

На ст. Ясенки я пріѣхалъ со скорымъ поѣздомъ около 12 часовъ дня; нанялъ за 2 рубля извозчика (въ Ясную Поляну и обратно) и поѣхалъ. Извозчикъ—молодой, недавно ожененный крестьянинъ, оказался очень словоохотливымъ, откровенно рассказывалъ о своемъ житіи-бытіи, о тамошнемъ духовенствѣ и о сосѣднихъ помѣщикахъ, жаловался, что у крестьянъ теперь очень мало земли: «народъ все нарождается, а земли не прибавляется», что господа очень дорого берутъ за аренду ихней земли и т. п.

— А въ Ясной Полянѣ какая арендная плата за землю? — Такая же, говоритъ, какъ и у сосѣднихъ помѣщиковъ.

— Любятъ-ли крестьяне графа?

— Отчего же не любить. Онъ—добрый и часто помогаетъ бѣднымъ.

Я осторожно позондировалъ, знаетъ ли мой извозчикъ объ ученіи графа Толстого; оказалось, ничего не знаетъ; кажется, онъ не слы-

халъ и объ отлученіи его отъ православной Церкви; разумѣется, и я нашелъ неудобнымъ говорить объ этомъ своему собесѣднику.

Въ половинѣ перваго пополудни мы подъѣхали къ дому графа. Вхожу въ переднюю и прошу лакея доложить о мнѣ его сіятельству.—Нѣтъ, говорить, теперь нельзя; графъ занимается и мнѣ запрещено въ это время докладывать о посѣтителяхъ. Въ три часа онъ выходитъ гулять, тогда и можете повидаться съ нимъ. Я и самъ не хотѣлъ отвлекать Льва Николаевича отъ его занятій и, сказавъ лакею, что приѣду въ три часа, вышелъ изъ дому. «Гдѣ же, думаю, переждать мнѣ до того времени?» и рѣшилъ отправиться къ мѣстному приходскому священнику. Оказалось, что въ Ясной Полянѣ нѣтъ церкви, а ближайшее село Кочаки находится почти въ двухъ верстахъ. Я поѣхалъ туда и, къ счастью, засталъ батюшку дома. Естественно, разговоръ у насъ зашелъ прежде всего о графѣ Толстомъ.

— Какъ относится къ духовенству и въ частности къ вамъ вашъ «великій» прихожанинъ и его семья?

— По внѣшности, по крайней мѣрѣ, очень внимательны и даже любезны ко мнѣ. При встрѣчахъ радушно привѣтствуютъ другъ друга; самъ графъ и его сыновья величаютъ меня даже по отчеству, съ участіемъ спрашиваютъ о здоровьѣ моей жены и дѣтей; а что у нихъ на душѣ—одинъ Богъ знаетъ.

— Не распространяетъ-ли Толстой своихъ взглядовъ среди мѣстныхъ крестьянъ?

— Можно сказать: нѣтъ. Я слышалъ объ одномъ лишь случаѣ, когда графъ отговаривалъ крестьянина, давагого обѣтъ сходить на поклоненіе въ Троице-Сергіевскую лавру, не дѣлать этого и при этомъ высказалъ свои извѣстныя кощунственныя мнѣнія о чудесахъ, о мошахъ и т. п. При встрѣчѣ съ женою графа, я рассказалъ ей объ этомъ и попросилъ чрезъ нее графа не смущать совѣсть вѣрующихъ людей. Софья Андреевна разсердилась и говоритъ: «мой мужъ не настолько глупъ, чтобы распространять свои взгляды среди крестьянъ!» Проповѣдью толстовства среди крестьянъ усердно занимался князь Хилковъ, жившій въ 7 верстахъ отъ Ясной Поляны и часто ѣздившій къ графу. Крестьянинъ, служившій кучеромъ у Хилкова, сталъ такимъ фанатикомъ, что недавно за публичное кощунство

преданъ уголовному суду. Пошелъ онъ къ графу за помощью: графъ попросилъ знакомаго присяжнаго повѣреннаго въ Москвѣ, и тотъ взялся бесплатно защищать обвиняемаго; черезъ нѣсколько дней этотъ крестьянинъ опять явился къ графу и, указывая на то, что онъ страдаетъ за графскія идеи, сталъ просить денегъ, но, рассказывали,—Левъ Николаевичъ сказалъ ему, что онъ самъ виноватъ въ своей бѣдѣ, назвалъ его чуть-ли не дуракомъ и отправилъ домой, говоря, съ пустыми руками.

— Въ какомъ положеніи находится учрежденное Толстымъ общество трезвости, замѣтно-ли вліяніе его на яснополянскихъ крестьянъ?

— Лѣтъ 15 назадъ графъ очень занимался этимъ вопросомъ; къ участію въ своемъ обществѣ привлекъ нѣсколько и сосѣднихъ крестьянъ, но скоро дѣло это разстроилось. У насъ до сихъ поръ все помнятъ о случившемся тогда курьезѣ. Въ число графскихъ трезвенниковъ записался и нашъ Пашка сапожникъ,—такъ его у насъ величаютъ: Черезъ недѣлю по вступленіи въ общество этотъ Пашка сапожникъ напился, какъ сапожникъ, и ползетъ на четверенькахъ по улицѣ. Встрѣчается графъ; остановился, покачалъ головой и говоритъ: „Павелъ, Павелъ, что ты дѣлаешь?!“ а онъ поднялъ голову и говоритъ: „вылѣзаю изъ трезвости, ваше сіятельство!“—и поползъ дальше.

— Какъ относятся сосѣдніе крестьяне къ графу? Любятъ-ли его?

— Да его очень уважаютъ; можно сказать, даже любятъ, но не за его ученіе—оно неизвѣстно имъ,—а за то, что онъ многимъ помогаетъ; не знаю откуда, но графъ получаетъ по почтѣ много денегъ и раздастъ ихъ бѣднымъ, особенно пострадавшимъ отъ пожаровъ, отъ падежа скота и т. п. бѣдствій; даетъ на дворъ рублей по 25, по 50. Теперь при немъ живетъ докторъ, слѣдитъ за каждымъ его шагомъ; этотъ докторъ, по желанію графа, бесплатно лѣчитъ проходящихъ; разумѣется это всѣхъ располагаетъ къ графу. Кромѣ того онъ часто заступаетъ за крестьянъ передъ своею женою. Здѣшніе мужички, живя вблизи Тулы, промышляютъ продажей тамъ дровъ и возятъ въ городъ не только купленные дрова, но и краденныя у помѣщиковъ. И вотъ, когда поймаютъ вора въ графскомъ лѣсу, то урядникъ, по требованію графини или ея управляющаго, обычно-

венно составляетъ протоколъ, а попавшійся крестьянинъ, зная слабость графа, подстережетъ его во время прогулки и бухъ ему въ ноги. Графъ сжалится и скажетъ: „Соня, прости ты ему“. Софья Андреевна обыкновенно ни въ чемъ не отказываетъ своему мужу и, такимъ образомъ, пойманный воръ избѣгаетъ тюрьмы.

— Какъ относятся къ церкви и вообще къ исполненію религиозныхъ обязанностей жена графа, его дѣти и родственники?

— Недавно пріѣзжала къ графу погостить его любимая сестра Марія Николаевна; она—простая монахиня и живетъ въ Шамординѣ женскомъ монастырѣ¹⁾; для нея была сдѣлана особая пристройка къ дому. Когда она узнала, что пристройка эта не освящена, то не захотѣла жить въ ней. Пригласили меня, и я освятилъ эту пристройку.—Однажды лѣтомъ Марія Николаевна пріѣзжала ко мнѣ съ своей племянницей Марьей Львовной; держитъ себя образцовой монахиней, даже подошла ко мнѣ подъ благословеніе и поцѣловала мою руку; она рассказывала, что ея братъ, Левъ Николаевичъ, прежде былъ глубоко вѣрующимъ, искреннимъ православнымъ христіаниномъ и думаетъ, что передъ смертью онъ опять станетъ такимъ же.—Лѣтъ 15 назадъ Софья Андреевна приглашала меня въ домъ освятить пасхи; послѣ этого я, по просьбѣ графини, окропилъ святою водою всѣ комнаты въ ихъ домѣ, за исключеніемъ графскаго кабинета (самого графа я и не видѣлъ тогда), причемъ замѣтилъ во всѣхъ комнатахъ иконы, а въ дѣтской даже нѣсколько иконъ. Софья Андреевна обратила на это мое вниманіе и говоритъ: „вотъ насъ считаютъ еретиками, иконоборцами, а мы тоже почитаемъ иконы, и я особенно стараюсь дать своимъ дѣтямъ религіозное воспитаніе“.

Лѣтъ 8 назадъ въ моей церкви исповѣдывались и причащались два младшихъ сына графа; всегда являлись къ началу богослуженія, прекрасно держали себя въ церкви, а къ таинству исповѣди отнеслись такъ серьезно, какъ дай Богъ относиться и всѣмъ православнымъ. Ясно было, что они стараются все видѣть, все слышать; можетъ быть въ виду того (шутливо замѣтилъ рассказчикъ), что тогда имъ въ гимназіи ставили плохія отмѣтки по богослуженію.

¹⁾ Основанъ Амвросіемъ, знаменитымъ старцемъ Оптиной пустыни и составляетъ, такъ сказать, отдѣленіе ея.

Недавно дочери графа Марія Львовна и Татьяна Львовна вышли замужъ. Передъ замужествомъ одна изъ нихъ исповѣдывалась и причащалась Св. Тайнъ, и, долженъ по совѣсти сказать, отнеслась къ этимъ тайнствамъ весьма серьезно, а другая сказала: „побесѣдовать съ хорошимъ человекомъ по душѣ я не прочь, но ѣсть кусочки просфоры и увѣрять себя, что это тѣло Христово,—я не могу“. Въ виду этого той, которая исповѣдывалась и причащалась Св. Тайнъ, я выдать предбрачное свидѣтельство (обѣ онѣ вѣнчались въ Москвѣ), а уклонившейся отъ исполненія этого христіанскаго долга я, по совѣту своего епископа, отказалъ; но въ Москвѣ ее повѣнчали и безъ предбрачнаго свидѣтельства.

— Замѣтили вы вліяніе моральныхъ идей графа на ближайшихъ къ нему лицъ, напр., на его сыновей?

— Нѣтъ; теперь всѣ они уже женаты и живутъ отдѣльно отъ родителей въ своихъ имѣніяхъ, и прежде и теперь живутъ, какъ вообще всѣ у насъ богатые молодые люди. И въ подтвержденіе своихъ словъ указалъ нѣсколько выразительныхъ фактовъ.

— Какъ относится къ графу его жена?

— Она очень любитъ его; предоставила ему думать и писать, что угодно, а матеріальную сторону жизни взяла вполнѣ въ свои руки и ведетъ свое хозяйство такъ, какъ хорошій министръ финансовъ. У графини было большое имѣніе въ Самарской губ., по, вѣроятно, въ виду нерѣдко случающихся тамъ засухъ, она продала его и купила имѣнія для всѣхъ своихъ сыновей поблизости, въ той же Тульской губ., несмотря на то, что цѣна на землю у насъ поднялась до 150 и даже до 200 рублей за десятину; ея сыновья женились на дѣвушкахъ изъ родовитыхъ и богатыхъ семействъ, дочери тоже составили «вполнѣ приличныя» для нихъ партіи.

— Гдѣ-же вы будете хоронить графа въ случаѣ его смерти?

— Не знаю; хотя у нихъ есть семейный склепъ около церкви, но, въ виду отлученія графа, едвали удобно будетъ погребать его тамъ. Когда Левъ Николаевичъ лежалъ въ Ялтѣ при смерти, я, встрѣтившись съ однимъ изъ его сыновей, спросилъ:—гдѣ вы думаете хоронить отца? Онъ говоритъ:—здѣсь, въ своемъ склепѣ.—А можетъ быть начальство найдетъ это неудобнымъ?—Вотъ еще что выдумали;

кто же запретить намъ распоряжаться своимъ собственнымъ склепомъ?

— А я слышалъ, что Левъ Николаевичъ самъ не хочетъ этого и завѣщалъ похоронить его въ паркѣ, около своего дома.

— Положимъ, онъ просилъ объ этомъ, но нельзя же исполнять всѣ его желанія; и теперь насъ часто беспокоятъ прѣзжающіе къ нему, а тогда и совсѣмъ житья не будетъ отъ поклонниковъ отца, — хоть изъ дома бѣги.

— Цѣла-ли та школа, въ которой Левъ Николаевичъ производилъ свои знаменитые педагогическіе опыты?

— Нѣтъ; насколько мнѣ извѣстно, онъ обучалъ дѣтей не въ своемъ домѣ, а въ земскомъ училищѣ, прежде бывшемъ въ Ясной Полянѣ; но то училище сгорѣло, теперь тамъ церковно-приходская школа, а учительницей моя родственница, окончившая епархіальное женское училище.

— Скажите, пожалуйста, посылало-ли духовное начальство кого-либо для увѣщанія графа Толстого, прежде чѣмъ отлучили его отъ Церкви?

— Да, къ нему ѣздилъ до отлученія и теперь ѣздитъ, по благословенію нашего епископа Питирима, бывший священникъ тульской острожной церкви, о. Дмитрій Егоровичъ Троицкій, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, душевно расположенъ къ Л. Н. Надняхъ моя родственница, яснополянская учительница, ходила къ графинѣ за книгами и видѣла его тамъ.

— А къ вамъ развѣ онъ не заѣзжаетъ?

— Ни разу не былъ, хотя и знать, что я, какъ приходскій священникъ, могъ бы быть полезенъ ему; за пѣкоторыми свѣдѣніями обращался ко мнѣ даже профессоръ Харьковскаго университета, прот. Буткевичъ ¹⁾.

На столикѣ въ углу я замѣтилъ Исповѣдныя росписи за 1902 г.

¹⁾ Дѣйствительно, священникъ с. Кочаковъ, о. Тихонъ Агаѣониковичъ Кудрявцевъ—человѣкъ очень умный, дѣльный и тактичный.

Всѣ дорожатъ каждымъ словомъ Льва Николаевича, каждымъ свѣдѣніемъ о немъ, и такой приходскій священникъ, какъ о. Тихонъ, могъ бы многое рассказать намъ о Толстомъ. Будетъ очень жаль, если этотъ пастырь, послѣ смерти великаго русскаго писателя, не напечатаетъ подробныхъ воспоминаній о немъ.

и попросилъ показать, что написано тамъ о графѣ Толстомъ и его семьѣ. Оказывается, всѣ они не были въ этомъ году у исповѣди и Св. Причастія „по отлучкѣ“, вѣроятно, также отмѣчаютъ и въ Москвѣ, потому что они живутъ то тамъ, то въ Ясной Полянѣ.

Было уже 3 часа. Разставаясь съ радушнымъ хозяиномъ, я выразилъ желаніе взглянуть на усыпальницу графовъ Толстыхъ. Батюшка повелъ меня и указалъ. Стоитъ она противъ самаго алтаря и отчасти закрываетъ его лѣвое окно; крыша истлѣла и часть ея уже провалилась; было когда-то окно, но отъ него не осталось и воспоминаній; дверь безъ замка, полу-притворена; внутри снѣгъ и пыль. Я былъ возмущенъ такимъ отношеніемъ къ праху знаменитыхъ предковъ нашего великаго писателя, но батюшка замѣтилъ, что онъ не разъ уже обращалъ вниманіе, кого слѣдуетъ на разрушеніе склепа и все напрасно. „Недавно, говоритъ онъ, посѣщалъ нашу церковь преосвященный Питиримъ. Осмотрѣвъ эту усыпальницу, онъ сказалъ: „хорошіе хозяева и своихъ собакъ не станутъ держать въ такомъ помѣщеніи...“ Нашъ церковный сторожъ хотѣлъ было ссыпать въ него картофель, но я не позволилъ. Сынъ графа, Левъ Львовичъ, устроилъ саженьхъ въ трехъ отъ семейнаго склепа отдѣльную желѣзную ограду и тамъ похоронилъ своихъ дѣтей; а рядомъ со склепомъ Толстыхъ стоитъ памятникъ надъ могилой ихъ близкой родственницы, дѣвицы Татіаны Ергольской.

Прощаясь съ о. Тихономъ, я попросилъ у него позволенія напечатать изложенный здѣсь разговоръ съ нимъ и онъ согласился.

Не успѣлъ я отѣхать и версты отъ Кочаковъ, какъ увидѣлъ, что на встрѣчу мнѣ идетъ какой-то старичекъ.

Извозчикъ всмотрѣлся и говоритъ: «а вѣдь, это графъ!» Я встрепенулся и напрягъ свое зрѣніе. Подѣхали ближе. Дѣйствительно, Левъ Николаевичъ! Но какъ онъ измѣнился за послѣдніе годы; уже нѣтъ на его рѣзко очерченномъ лицѣ прежняго выраженія необычайной духовной и физической силы; даже чрезмѣрно развитыя лобныя кости, которыя прежде производили на меня такое сильное впечатлѣніе, какъ будто опустились; даже ростомъ онъ сталъ меньше; вообще глубокая старость положила на него неизгладимый отпечатокъ, впрочемъ цѣль онъ довольно бодро. Одѣтъ былъ графъ въ дубленый черный полушубокъ, на головѣ была тоже черная бараш-

вовая шапка. Я вылезъ изъ саней и говорю: здравствуйте, Левъ Николаевичъ!—Здравствуйте, здравствуйте; пожалъ мнѣ руку и спрашиваетъ: «кто вы?» Я напомнилъ, что въ мартѣ 1888 года я былъ у него въ Москвѣ для разъясненія нѣкоторыхъ непонятныхъ мѣстъ въ сочиненіяхъ графа, о религіозно-философскихъ воззрѣніяхъ котораго я писалъ тогда свое кандидатское сочиненіе.—А, помню, помню. Гдѣ же вы теперь?

— Я состою священникомъ въ м. Новомъ Бугѣ, Херсонскаго уѣзда, въ 96 верстахъ отъ г. Николаева.

— Священникъ?! Мнѣ жаль васъ...

— Отчего? Левъ Николаевичъ! Припомните: когда я былъ у васъ въ Москвѣ, вы, послѣ долгой бесѣды, между прочимъ, спросили меня: какъ я думаю распорядиться собою? и я сказалъ, что хочу поступить въ сельскіе священники, то вы пожали мнѣ руку и сказали: «очень радъ, очень радъ».

— Что-то не помню.

— Скажите, пожалуйста, отчего вы такъ злобно относитесь къ православному духовенству?

— Я? никогда!..

— Говорите, что со словомъ православная Церковь неизбежно соединяется представленіе о косматыхъ, грязныхъ и жадныхъ попахъ..

— Никогда. Напротивъ, въ своихъ сочиненіяхъ я ни разу не употреблялъ и не употребляю слово «попъ» ¹⁾, а всегда говорю «священникъ», потому что съ словомъ попъ теперь соединяется презрительный оттѣнокъ. Злобнаго чувства къ духовенству у меня нѣтъ; я лишь жалѣю его; считаю его темной силою, потому что оно обманываетъ народъ. И когда я говорю или пишу о духовенствѣ, то разумѣю не только православное, но и католическое, и лютеранское и всякое другое духовенство.

— Левъ Николаевичъ! Съ словомъ «обманъ» соединяется представленіе о сознательномъ, намѣренномъ желаніи ввести кого-либо въ заблужденіе; между тѣмъ, положи руку на сердце, я скажу, на-

¹⁾ Хотѣлось бы думать, что графъ забылъ о томъ, какъ часто встрѣчается слово «попъ» даже въ послѣднемъ заграничномъ изданіи его «Воскресенія».

примѣръ, о себѣ, что вполне и глубоко убѣжденъ въ истинности православія и увѣренъ, что въ общемъ наше православное духовенство всегда было и не перестаетъ быть глубокоувѣрующимъ и убѣжденнымъ.

— Ну, если нельзя сказать *обманываетъ*, то вводитъ въ заблужденіе изъ матеріальныхъ, корыстныхъ разсчетовъ.

— Левъ Николаевичъ! Миѣ, напримѣръ, выгодно было не поступать въ священники. Нѣкоторые изъ моихъ товарищей по академіи поступили на свѣтскую службу и въ матеріальномъ отношеніи устроились гораздо лучше меня; думаю, что и я не отсталъ бы отъ нихъ. И вообще давно бы пора оставить эту избитую и нелѣпую мысль, будто русское духовенство ни на что больше не годится, какъ только служить молебны и панихиды, что, съ прекращеніемъ спроса на этотъ трудъ, оно «издохнетъ» съ голоду; нѣтъ, духовное сословіе самое даровитое въ Россіи и самое крѣпкое и въ духовномъ и въ физическомъ отношеніи. Прежде, когда для воспитанниковъ духовныхъ школъ были открыты двери нѣкоторыхъ высшихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній (хотя далеко не всѣхъ), они быстро заняли выдающіяся мѣста на всѣхъ поприщахъ дѣятельности; дѣтямъ духовенства закрыли доступъ въ университеты и институты не изъ опасенія ли болѣе, что они отобьютъ хлѣбъ у дѣтей другихъ сословій... Развѣ духовенство когда пользовалось, а тѣмъ паче нынѣ пользуется въ дѣйствительности какими нибудь особенными незаслуженными привилегіями? Нѣтъ, его часто лишаютъ и того, что принадлежитъ ему по праву. Уничтожьте наше духовное сословіе, будьте увѣрены, съ голоду не умремъ; тяжело будетъ пережить лишь первое время, а потомъ устроимся не хуже другихъ: всѣ знаютъ, что въ житейской борьбѣ за существованіе сильныя душою и тѣломъ берутъ верхъ надъ слабыми. Повторяю, что всетаки огромное большинство изъ насъ становятся въ ряды духовенства не изъ корыстныхъ разсчетовъ. Пусть миѣ, напр., докажутъ, что есть вѣра выше и лучше нашей православной, и я немедленно сниму рясу и приму новую вѣру.

— Да этого и доказывать нечего. Вы, напримѣръ, вѣрите въ 12 членовъ символа вѣры или, точнѣе, въ свою Церковь. Развѣ это не бессмыслица? Католики безусловно вѣрятъ папѣ, идолопоклонники—своему шаману, православные—синоду.

— Нѣтъ, православные вѣрятъ Сыну Божію І. Христу; и еслибы,

допустимъ, синодъ сталъ искажать ученіе Спасителя, то священники первые не стали бы слушать его.

— Вѣра можетъ быть только одна, для всѣхъ понятная и для всѣхъ обязательная, а у христіанъ много вѣръ ¹⁾. Теперь я нишу воззваніе къ духовенству. Главная причина того, что дѣлаетъ духовенство—гипнозъ; оно само загипнотизировано и другихъ гипнотизируетъ. Наукой дознано, что дѣтство — самый впечатлительный періодъ человѣческой жизни. И вотъ, не успѣвъ человѣкъ родиться, какъ его хватаютъ и крестятъ, потомъ обучаютъ молитвамъ, соблюденію обрядовъ и т. п. Такимъ образомъ всѣ живутъ въ гипнозѣ, но страшно будетъ пробужденіе...

— Левъ Николаевичъ! Но, вѣдь, съ одинаковымъ правомъ можно сказать, что и сами вы все дѣлаете и проповѣдуете свои взгляды, тоже будучи подъ гипнотическимъ вліяніемъ извѣстныхъ идей.

— Значитъ, самъ съѣшь, чѣмъ потчуетъ ²⁾...

Мнѣ показалося, что графъ оскорбился моимъ замѣчаніемъ, и я сказалъ: повѣрьте, Левъ Николаевичъ, что я и въ мысляхъ не имѣлъ сказать вамъ что-нибудь обидное.

— Да я и не обижаюсь; это характерное народное выраженіе, потому я и употребилъ его. Повторяю: я проповѣдую лишь то, что для всѣхъ одинаково ясно—и для японца, и для китайца, и для всякаго другого человѣка, что $2 \times 2 = 4$, что 1 меньше 3-хъ.

— Если ваше ученіе такъ наглядно и такъ убѣдительно, то почему же далеко не всѣ принимаютъ его?.. Левъ Николаевичъ! Вы справедливо указываете на многіе страшные недостатки въ нашей жизни, но предлагаемые вами средства не исправятъ ихъ. Если бы вы свои удивительныя, гениальныя способности направили не на разрушеніе христіанской Церкви, а на оздоровленіе и обновленіе ея, какую великую услугу оказали бы русскому народу и всему человечеству. Истина въ православіи и только въ православіи. Я поступилъ въ священники, чтобы самому лично испытать, что именно мѣшаетъ

¹⁾ Не желая мѣшать графу высказывать свои мысли и опасаясь, что, утомясь прогулкой и бесѣдой, онъ совсѣмъ перестанетъ говорить, я сталъ воздерживаться отъ возраженій.

²⁾ Къ сожалѣнію, я передаю здѣсь лишь смыслъ этой сказанной графомъ фразы, въ точности же не запомнилъ ея, хотя свой разговоръ съ нимъ записалъ сейчасъ же по возвращеніи на ст. Ясенки.

православному духовенству исполнять свое назначеніе—служить свѣтомъ міра и солью земли, быть добрыми евангельскими пастырями...

— Что же, по вашему мнѣнію, мѣшаетъ православнымъ священникамъ исполнять свое назначеніе? Это интересно.

— Долго говорить объ этомъ, такъ какъ причинъ тутъ множество; главная же причина въ томъ, что мы связаны по рукамъ и по ногамъ способомъ нашего обезпеченія, матеріальнымъ гнетомъ, и зависимостью отъ прихожанъ, при семейныхъ обязанностяхъ содержать женъ и дѣтей и воспитывать послѣднихъ въ учебныхъ заведеніяхъ; эта обязанность заставляетъ насъ болѣе добывать средствъ къ жизни, т. е. денегъ, чѣмъ пеищисъ о долгѣ пастырства и мы невольно становимся такими же мірскими людьми, какъ и наши пасомые. Матеріальная необезпеченность насущныхъ нуждъ завтрашняго дня невольно лишаетъ насъ, пастырей, добродѣтелей настоящаго христіанина. Истинный послѣдователь Христа долженъ въ точности исполнять ученіе Его; а какъ мы исполнимъ хотя бы эти заповѣди Спасителя: «просящему у тебя дай и отъ хотящаго занять у тебя не отвращайся». Кто попроситъ у тебя рубашку, отдай тому и верхнюю одежду...

А вѣдь необходимо, чтобы прежде всего духовенство старалось на дѣлѣ показать примѣръ исполненія Христовыхъ заповѣдей; а для этого нужно обезпечить опредѣленнымъ способомъ, а не нищенскимъ попрошайничествомъ куска хлѣба, или же освободить насъ отъ семейныхъ узъ.

— То есть обязать всѣхъ духовныхъ развестись съ своими женами?

— «Нѣтъ, тогда нужно вводить это постепенно, давая, при опредѣленіи на священническія и діаконскія мѣста преимущество холостымъ и вдовымъ людямъ, разумѣется, достойнымъ того сана, какой они принимаютъ на себя.

— «Нѣтъ, не помогутъ вамъ никакія реформы. Вѣдь монахи и обезпечены и неженаты; отчего же они не производятъ надлежащаго воздѣйствія на народъ, не показываютъ ему примѣра истинно христіанской жизни?»

— «Здѣсь опять много причинъ, напр., хотя бы и оттого, что они оторваны отъ мірской жизни, не видятъ человѣческой борьбы за

существованіе. У насъ перѣдко въ монахи идутъ тѣ, кто ищетъ для себя спокойной, безмятежной жизни ¹⁾, кто хочетъ облегчить себѣ путь ко спасенію, поставить себя въ такія условія, чтобы меньше было у него поводовъ къ грѣху. По моему мнѣнію, жизнь въ монастырѣ должна быть лишь подготовленіемъ къ дѣятельному служенію людямъ. Пусть иноки идутъ въ монастыри, чтобы въ уединеніи собрать свои духовныя силы и укрѣпить ихъ, а затѣмъ они должны идти въ міръ и прежде всего должны занимать мѣста приходскихъ священниковъ и діаконовъ, чтобы, будучи свободными отъ семейныхъ узъ, наглядно показать всѣмъ возможность жизни по евангелію. Изъ хорошихъ монастырей выходили бы прекрасные пастыри. При настоящихъ же условіяхъ наши монастыри являются убѣжищемъ преимущественно для лицъ, ищущихъ безмятежной, созерцательной жизни. При наступающихъ условіяхъ жизни и наши монахи не могутъ принести большей пользы народу»...

— «Отчего же? они могутъ и теперь бесѣдовать съ богомольцами, какъ дѣлалъ, напр., Оптиный старецъ Амвросій. Я очень уважалъ его, но его замучили ²⁾. Среди православныхъ пастырей есть немало хорошихъ людей, напр., преосвященный Никандръ, бывший у насъ раньше епископомъ; я всегда относился къ нему съ особеннымъ уваженіемъ; но зло у васъ не столько въ людяхъ, сколько въ доктринѣ. Когда я разбираю православную догматику, то былъ пораженъ нелѣпостью ея требованій. Католичество весьма послѣдовательно; оно говоритъ: ты спасешься, только дѣлай все, что прикажетъ духовенство; лютеранство говоритъ: ты спасешься, только вѣруй; а православіе допускаетъ и то и другое въ перемѣшку и выходитъ страшная путаница. Я встаю и пишу не только противъ православія, но и противъ католичества, и противъ лютеранства. Главный пунктъ, въ которомъ я расхожусь со всѣми христіанскими Церквами въ томъ, что я не признаю І. Христа Богомъ. Католичество отличается замѣчательной послѣдовательностью; это часто даетъ ему особенную силу,

¹⁾ Я говорю это о монашеской массѣ, а не о епископахъ и архимандритахъ, составляющихъ духовную администрацію и, по долгу службы, болѣе или менѣе воздѣйствующихъ на жизнь мірянъ.

²⁾ Вѣроятно требованіемъ постоянно принимать посѣтителей, по крайней мѣрѣ, я такъ понялъ графа.

по часто приводитъ и къ нелѣпостямъ, — въ родѣ непогрѣшимости папы; православіе же балансируетъ между лютеранствомъ и католичествомъ и выходитъ каша. Соловьевъ и Розановъ пробовали примирить непримиримое, но не удалось... Всетаки католичество и лютеранство выше православія.

— Левъ Николаевичъ, что вы? Развѣ можно лютеранство или католичество ставить выше православія!

— Въ чемъ же, по вашему, превосходство православія предъ католичествомъ?

— Да возьмите, хоть то, что для католиковъ папа является замѣстителемъ Бога; они вѣрятъ, что папа по своему усмотрѣнію можетъ простить людямъ всѣ грѣхи, какъ бы дурно они ни жили. — У православныхъ же каждый, насколько хватитъ у него силъ, долженъ при помощи благодати стараться загладить свои грѣхи добрыми дѣлами.

— А ваши молитвы за умершихъ?

— И молитвы за умершихъ облегчаютъ положеніе покойниковъ лишь въ томъ случаѣ, если они сами, еще при жизни, искренно раскаялись въ своихъ грѣхахъ. А у католиковъ теперешній преподобный папа Левъ XIII, по случаю окончанія XIX вѣка, устроилъ столѣтній юбилей съ разнообразными индульгенціями; въ заключеніе же публично объявилъ *прощеніе грѣховъ всѣмъ людямъ, умершимъ въ XIX вѣкъ*. Значитъ, если какой-нибудь папа, находясь въ благодушномъ настроеніи, дастъ индульгенцію всѣмъ людямъ, прежде жившимъ, живущимъ теперь и имѣющимъ жить, то всѣ будутъ въ раю, какъ бы они ни жили на землѣ; тогда придется вычеркнуть изъ евангелія всѣ тѣ мѣста, гдѣ Христосъ говоритъ о страшномъ судѣ, такъ какъ некого будетъ судить. Итъ, Левъ Николаевичъ, католичество человека — папу дѣлаетъ Богомъ и этотъ кумиръ, въ періодъ его папства ставятъ даже выше небеснаго Бога. Еслибы не замерла у насъ внутренняя жизнь Церкви, то непременно поднялся бы вопросъ: считать ли католичество христіанскимъ исповѣданіемъ?

— Странно... о послѣдней индульгенціи папы я не слыхалъ. Откуда вы узнали о ней?

— Я читалъ въ «Церков. Вѣстникѣ» буквальный переводъ ея.

— Значить, я пропустилъ это.

— Левъ Николаевичъ! *Личнаго Бога* вы и теперь не признаете?

— Нѣтъ, личный Богъ это *contradictio in adjecto*. И какъ Онъ можетъ быть личнымъ? Вѣдь личность указываетъ на ограниченность предмета чѣмъ-то другимъ. Я—личность; значить ограничиваюсь другими вещами и другими личностями; о Богѣ же этого нельзя сказать. Это вы знаете 14 (?) свойствъ Божіихъ, а я не знаю ни одного, да и знать ихъ нельзя.

— Мы знаемъ только то, что открылъ о Богѣ І. Христосъ въ своемъ св. Евангеліи, что говорить о Немъ другія священныя книги.

— Нѣтъ, Евангеліе ничего не говоритъ, напр., о вашей Троицѣ.

— Нѣтъ, говоритъ. Христосъ Самъ сказалъ о Себѣ: «Я и Отецъ—одно». «Духъ истины отъ Отца исходитъ». «И сіи три—едино».

— Вы такъ понимаете эти выраженія, а я думаю, что Христосъ говорилъ здѣсь лишь о богосыновствѣ человѣка.

— Левъ Николаевичъ! Какъ вы думаете: Христосъ Самъ ошибался въ нѣкоторыхъ пунктахъ своего ученія, или переписчики не namѣренно и фальсификаторы namѣренно исказили Евангеліе?

— Я думаю, что Христосъ выходилъ изъ правильнаго положенія, а Евангеліе уже послѣ испортили всякими наслоеніями... И чего только нѣтъ въ вашихъ священныхъ книгахъ?! И еврейскія любовныя пѣсни, и памфлетъ изъ Нерона (?).

— Въ какой же книгѣ?

— А въ Апокалипсисѣ І. Богослова. Вѣдь это, какъ установлено наукою, памфлетъ на римскаго императора... Развѣ можно говорить, что, когда человѣкъ ѣстъ кусочки хлѣба, то онъ ѣстъ не хлѣбъ, а тѣло Христово, когда пьетъ вино, то пьетъ не вино, а кровь Христову...

— Разумѣется, кто не вѣритъ св. Евангелію и не признаетъ чудесъ, тотъ не повѣритъ этому.

— Но чудесъ и быть не можетъ. Богъ далъ законы, которые управляютъ міромъ и все въ мірѣ, рѣшительно все совершается лишь по этимъ законамъ

Съ минуту мы прошли молча, погруженные въ свои думы. Нужно замѣтить, что весь этотъ разговоръ мы вели на ходу. Левъ

Николаевичъ въ 3 часа дня вышелъ на прогулку и направился къ ст. Ясенки, куда поѣхалъ его кучеръ за корреспонденціей. Графъ хотѣлъ пройти пѣшкомъ до встрѣчи съ нимъ, затѣмъ сѣсть въ сани и ѣхать домой. Во время бесѣды я нѣсколько разъ предлагалъ Льву Николаевичу остановиться отдохнуть или сѣсть на мою подводку, но онъ говорилъ: «нѣтъ, я нисколько не усталъ». Уже смерклось. Мимо насъ мчались поѣзда жел. дороги; изъ паровозныхъ поддувалъ выходилъ какой-то фантастическій движущійся свѣтъ и падалъ по обѣ стороны линіи. Левъ Николаевичъ нѣсколько разъ останавливался и съ восторгомъ повторялъ: «какая прекрасная картина!»

Переговоривъ объ отвлеченныхъ предметахъ, мы перешли къ личнымъ воспоминаніямъ.

— Левъ Николаевичъ, мнѣ очень хотѣлось бы знать, въ какомъ положеніи находится теперь учрежденное вами общество трезвости, въ которомъ и я записанъ членомъ?

— Оно существуетъ лишь номинально; но самъ я до сихъ поръ не употребляю никакихъ спиртныхъ напитковъ; теперь уже много открылось обществъ трезвости въ разныхъ селахъ и городахъ.

Затѣмъ я спросилъ Л. Н-ча о здоровьѣ его жены, о томъ, гдѣ теперь его дѣти. Графъ удовлетворилъ мое любопытство и въ свою очередь спросилъ меня:

— На комъ вы женились?

— На дочери военного доктора; отецъ ея былъ зарѣзанъ коканцами во время ихъ возстанія въ 1875 году; она окончила курсъ въ Петербургскомъ Николаевскомъ Сиротскомъ Институтѣ.

— Значитъ не въ зятя поступили, какъ часто бываетъ въ нашемъ сословіи. Вотъ у насъ былъ священникъ очень почтенный—о. Василій Ивановичъ; онъ и крестилъ меня; потомъ передалъ мѣсто своему зятю, а теперешній священникъ женился на его дочери. Народъ очень любилъ того; онъ, бывало, самъ пахалъ землю, босикомъ ходилъ за сохою; говорилъ, что испытываетъ особенное наслажденіе, когда весною идетъ безъ сапогъ по теплой мягкой землѣ. И выпивалъ изрядно, а все-таки его очень любили. Теперь у насъ пошли больше ученые священники. Въ наше село прислали лѣтъ 17 назадъ студента семинаріи и приказали ему слѣдить, не распространяю ли

я въ народѣ какихъ толковъ. Кажется, умный человѣкъ; не хорошо только, что цѣлый день не выпускаетъ трубки изъ рта.

— А я только что болѣе двухъ часовъ сидѣлъ у него, и онъ ни разу не покурилъ.

— А, вы были у него?

— Да, я пріѣзжалъ къ вамъ въ первомъ часу, но лакей вашъ сказалъ, что до трехъ часовъ нельзя видѣть васъ, и я, чтобы переждать это время, заѣхалъ къ вашему священнику*.

— Это я говорилъ не въ осужденіе ему. Нѣтъ, нашъ священникъ, Тихонъ Агаѳониковичъ—умный человѣкъ и я уважаю его.

— Левъ Николаевичъ! Гдѣ теперь П. И. Б.—въ?

— Онъ въ Женевѣ; женился на Паулинѣ, кажется, Павловнѣ; она вполнѣ раздѣляетъ его взгляды.

— А Л. Е. О.—кій?

— Онъ, вѣроятно, въ Петербургѣ; я встрѣчаю его статьи въ газетахъ.

— Гдѣ теперь Трегубовъ, бывшій воспитанникъ Московской духовной академіи, и что дѣлаетъ?

— Онъ до сихъ поръ ищетъ истину; все хочетъ увѣриться въ божествѣ І. Христа. Недавно ѣздилъ къ знаменитому профессору Гарнаку ¹⁾, но и тотъ не убѣдилъ его.

— Лѣтъ 12 назадъ Трегубовъ затѣялъ было переписку со мною по религіознымъ вопросамъ, но во второмъ-же письмѣ сталъ ругаться по извозчицки и я попросилъ его прекратить такую переписку.

— Удивительно... Я зналъ его не такимъ. Бывало онъ, когда услышитъ о какой-либо несправедливости, кѣмъ-бы она ни была допущена, смѣло пишетъ министрамъ, архіереямъ и другимъ высокопоставленнымъ лицамъ и братски умоляетъ ихъ возстановить правду*.

— Былъ у васъ ректоръ Московской академіи, архимандритъ Антоній (Храповицкій), теперешній епископъ Волынской?

— Былъ; мнѣ тоже жаль его, какъ и васъ; кажется, онъ добрый человѣкъ*.

— Видѣлись-ли вы съ о. Іоанномъ Кронштадтскимъ? Въ 1888 г. вы такъ хотѣли съѣздить къ нему.

¹⁾ Который, нужно замѣтить, самъ отрицаетъ божество І. Христа.

— Нѣтъ... Вотъ тоже человѣкъ, о которомъ боюсь говорить, чтобы не сказать чего-нибудь обиднаго. Тоже, кажется, добрый человѣкъ... Мнѣ недавно писалъ одинъ священникъ; онъ часто пишетъ въ «Спб. Вѣдомостяхъ»; не упомяну его фамиліи...

— Можетъ быть, Т. Черкасскій?

— Да, да. Вы знаете его?

— Лично нѣтъ, а только по его статьямъ.

— Какъ вы смотрите на его взгляды?

— Онъ очень повторяется; все ѣздитъ на давно заѣзженномъ конькѣ, и главныхъ причинъ современнаго ненормальнаго положенія духовенства почти совсѣмъ не касается.

Разговаривая такъ, мы прошли версты 4 и встрѣтили графскаго кучера, который ѣздитъ на ст. Ясенки за корреспонденціей; онъ передалъ графу, что получилъ только простыя письма, а заказныхъ и шесть денежныхъ повѣстокъ не выдалъ, потому что начальникъ почтоваго отдѣленія легъ отдыхать, встанетъ же въ 6 часовъ, а теперь только половина 5-го. «О, сказалъ графъ, долго ждать. Я поѣду домой». Въ саняхъ лежала взятая прозанасть шуба; Левъ Николаевичъ, видно, озябъ и попросилъ кучера накинуть ему на плечи шубу. Когда кучеръ сталъ одѣвать и усаживать графа, его лошадь чего-то испугалась и чуть не понесла; я взялъ въ руки возжи и держалъ ихъ, пока кучеръ не усадилъ графа, какъ слѣдуетъ. Прощаясь со мною онъ сказалъ.

— Если имѣете еще что-нибудь определенное, то пожалуйста ко мнѣ въ домъ.

— Нѣтъ, спасибо; о главномъ мы уже успѣли переговорить.

— Ну, простите, если я сказалъ что-нибудь обидное для васъ.

— Отъ всей души и васъ прошу простить меня, если сказалъ вамъ что-нибудь неприятное.

На этомъ мы и разошлись. Графъ поѣхалъ домой, а я на станцію; попросилъ перо и чернилъ и немедленно, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, записалъ свой вышесказанный разговоръ съ великимъ писателемъ русской земли, съ міровымъ, но, къ несчастью, сошедшимъ съ пути геніемъ.

Когда я былъ у графа въ 1888 году, тогда онъ, по глубокому моему убѣжденію, былъ очень еще не далекъ отъ православія; изъ

этой же бесѣды съ нимъ я увидѣлъ, что теперь онъ весьма далекъ отъ православной вѣры; вернуть его къ ней можетъ одинъ только Богъ.

Мысль Льва Николаевича работаетъ безъ отдыха, все ищетъ и ищетъ истину, хочетъ все болѣе и болѣе углубиться въ нее; онъ смѣло мѣняетъ свои взгляды, какъ только убѣдится въ несостоятельности ихъ; нагляднымъ доказательствомъ этого можетъ служить, напр., ученіе Толстого о бракѣ, какъ оно изложено въ «Крейцеровой Сонатѣ» и въ послѣднихъ его сочиненіяхъ. Дай Богъ, чтобы тотъ умъ, который увлекъ Льва Николаевича на ложную дорогу, чтобы онъ же и вывелъ его на истинный путь...

Когда я кончалъ записку своей бесѣды съ графомъ, пріѣхалъ на станцію священникъ ближайшаго къ ней села Тросны (въ 1 верстѣ) и отслужилъ въ залѣ 3-го класса всенощное бдѣніе; народа собралось много и, насколько я замѣтилъ, всѣ молились очень усердно.

Смотря на молящійся народъ, думалъ я: графъ Толстой не можетъ быть духовнымъ руководителемъ народныхъ массъ, такъ какъ самъ онъ часто мѣняетъ свои убѣжденія, что вполне подтверждаютъ даже послѣднія его сочиненія. Положимъ, въ этомъ можно видѣть доказательство его искренности и честности, заставляющихъ его немедленно отказываться отъ тѣхъ взглядовъ, какіе его разумъ призналъ несостоятельными. Но гдѣ же ручательство, что его разумъ завтра же не признаетъ несостоятельными его сегодняшнія, самыя горячія убѣжденія?!

Отдѣльный человѣкъ сравнительно легко и скоро можетъ переживать такія колебанія, но не цѣлое общество. Чтобы люди могли осуществлять въ своей жизни то или иное нравственное ученіе, для нихъ прежде всего необходимо глубокое убѣжденіе, что это ученіе—самое истинное...

Пріѣхавши въ Петербургъ, я убѣдился, что если въ провинціи интеллигенція сравнительно мало интересуется Толстымъ, то въ столицѣ вопросъ о Толстомъ — болѣе мѣсто чуть ли не для каждаго интеллигента, не исключая и тѣхъ, кто почти вовсе не знакомъ съ ученіемъ графа. Здѣсь же я убѣдился, что наша интеллигенція преклоняется предъ Толстымъ не потому, что любитъ его, не потому, что считаетъ его учителемъ истинной, правильной жизни. Если-бы

такъ смотрѣли на него, то старались-бы подражать ему въ жизни, старались-бы развивать въ себѣ самоограниченіе, а изъ нашихъ интеллигентовъ кто отказываетъ себѣ въ доступныхъ удовольствіяхъ, въ доступной роскоши?..

Наша интеллигенція почитаетъ въ Толстомъ своего знаменосца, т. е., смѣлаго, откровеннаго и сильнаго выразителя теперешняго недовольства современнымъ церковнымъ и гражданскимъ строемъ жизни.

Въ наше смутное, отрицательное время Толстымъ дорожатъ только лишь какъ отрицателемъ порождающимъ смуту въ умахъ и сердцахъ. Попробуй Толстой заявить, что онъ прежде ошибался, а теперь вполне убѣдился въ истинности православія; и самые горячіе поклонники его, такъ громко кричащіе о его удивительной честности въ убѣжденіяхъ, завтра же отшатнутся отъ него, назовутъ его шарлатаномъ и сумасшедшимъ...

Не прекращающіяся доселѣ душевныя волненія столичныхъ интеллигентовъ, по поводу отлученія графа отъ православной Церкви, насколько я понялъ, имѣютъ массовый характеръ. И не удивительно: интеллигентная толпа — тоже толпа и живетъ по свойственнымъ послѣдней психологическимъ законамъ...

Скорбныя думы и безотрадныя впечатлѣнія внушили мнѣ это недавнее мое посѣщеніе Ясной Поляны... Не то я вынесъ изъ перваго моего свиданія съ Львомъ Николаевичемъ назадъ тому 15 лѣтъ... Мнѣ думается, что и тѣ страницы «моей хроникѣ» прочтутся не безъ пользы и интереса читателями «Мисс. Обозр...» Но познакомивъ ихъ съ концомъ моихъ записокъ, позволю впредь продолжать ихъ уже въ порядкѣ, т. е. съ начала... Напередъ только оговорюсь, что въ моей «іерейской хроникѣ» встрѣтятъ читатели много личнаго, интимнаго, автобіографическаго, но останавливаюсь я на своей скромной персонѣ не по самообольщенію и не ради «самооблеванія», а для характеристики тѣхъ условій, въ которыхъ родится, воспитывается, живетъ и дѣйствуетъ большинство изъ нашихъ пастырей. Скажу больше, записки эти введеніе къ моему многолѣтнему труду, заключающему въ себѣ воспоминанія, наблюденія и соображенія сельскаго пастыря...

Священникъ А. Смирягинъ.

Изъ миссіонерской полемики.

Бесѣда съ молоканами о богодуховенности священнаго Писанія
и о евангельскихъ разночтеніяхъ.

I.

Молокане, съ которыми мнѣ пришлось бесѣдовать, вели свой родъ изъ старины. По преданію они помнили еще тѣ времена, когда среди нихъ „жилъ и дѣйствовалъ“ Сѣмушка Уклеинъ. Съ удовольствіемъ припоминали молоканскіе старожилы то, какъ ихъ наставники „ководили“ міромъ.

Теперь времена измѣнились. Молокане впали въ препирательство и взаимныя распри между собой. Среди нихъ завелись „новшества“. Одни, увлекшись штундою, приняли „видимое упованіе“—обрядность; другіе зачитывались выписками изъ сочиненій Хельмшцаго и гр. Толстого.—Такіе люди къ буквѣ Писанія относились высокоумно. Толковали о какихъ-то *новыхъ* порядкахъ жизни. Что-то непонятное говорили о „высшей духовности“ въ вѣрѣ. Пока все это броженіе кончилось плачевно. Разстроенные молокане „шумомъ повалили“ въ штунду..

Въ такомъ состояніи нашелъ я молоканъ, когда пріѣхалъ къ нимъ для бесѣды о вѣрѣ. „По стариннымъ правиламъ“, молоканскіе начетчики приняли меня любезно. Особенно близко сошелся я съ Савеліемъ Лукичемъ. Это былъ еще не старый молоканинъ, хорошо грамотный и зажиточный. Онъ стоялъ на распутьи. Вѣру въ *старое* молоканство онъ потерялъ, но не сблизился съ православіемъ. Онъ зачитывался выписками изъ Толстого и называлъ себя „новымъ христіаниномъ“, *толстовцемъ*.

Старики молоканскіе говорили, что Савелій Лукичъ „губитъ древнюю вѣру“. — И онъ, дѣйствительно, губилъ её. Не жалѣлъ онъ и вообще христіанства. По поводу, напр., *разночтеній* въ Евангеліяхъ онъ разсуждалъ: „священное Писаніе—это узда для людей. Безъ Писанія мы загрызли бы другъ друга... Его въ помощь намъ и составили *умные* люди. Богодуховенности въ Биб-

ліи нѣтъ никакой. Въ противномъ случаѣ откуда въ ней *противорѣчивыя* сказанія? Напримѣръ: въ 9-й гл. Дѣяній читаемъ: спутники Павла свѣта *не видѣли*, а только голосъ Божій слышали; въ 22-й же главѣ кн. Дѣяній ап. Павелъ рассказываетъ про это дѣло *наоборотъ*. Вѣрь тутъ Писанію“!..

Вотъ съ такими людьми мы вступили въ бесѣду. Когда установилась тишина въ земскомъ училищѣ, я сказалъ:—врагъ рода человѣческаго искони ведетъ борьбу со Христомъ. Онъ всѣ средства измышляетъ, чтобы ослабить сыновъ Божіихъ (Еф. 6, 12; Петр. 5, 8; Откр. 20, 10). Онъ воздвигаетъ среди нихъ ереси, расколы (Мѡ. 13, 25; Лк. 21, 8). И соблазны отъ діавола въ концѣ міра увеличатся въ такой степени, что, по пророчеству Христа, тогда едвали найдутся вѣрные хрістіане (Лк. 18, 8).—Но для насъ, братья, есть твердая опора противъ грядущихъ обольщеній. Это—прежде всего *слово Божіе*. На немъ мы стоимъ въ *Церкви Христовой*, какъ въ бурю на скалѣ...

Неудивительно, что противъ этой твердыни ведутъ ожесточенную борьбу *сыны тьмы*—еретики. Такая борьба разгорается на нашихъ глазахъ. Какъ „сыны свѣта“ (Снес: 1 Тес. 5, 5—6 ст.), съ препоясанными чреслами, мы должны постоять за слово Божіе (Ефр. 6, 15—18 ст.). Мы, движимые Христовой любовью, обязаны обличить заблуждающихся (Еф. 5, 11; Тит. 1, 10—13). Попросимъ же у Бога силъ для того!..

Слушатели набожно перекрестились. Потомъ, обратившись къ Савелію Лукичу, который стоялъ впереди всѣхъ сектантовъ, я спросилъ:

— Вѣруете-ли вы въ слово Божіе?

Наступило молчаніе. Молокане какъ-то вяло смотрѣли на меня. Савелій Лукичъ нарушилъ тишину.

Онъ сказалъ:

О какомъ словѣ Божіемъ вы говорите?

Я отвѣтилъ:

— О томъ словѣ Божіемъ, какое записано въ священной Библии. Библия для хрістіанъ—это *хранилище* откровенія Божія. Въ ней всё правдиво и истинно, какъ говоритъ Апостолъ: „*все Писаніе боудущеюственно и полезно для наученія, для обличенія, для исправленія, для наставленія въ праведности*“ (2 Тим. 3, 16). Итакъ, скажите намъ: признаете-ли вы священную Библию книгой *бого-*

духовенной и истинной, на которой должны покоиться *все* наши упованія?

Послѣ моихъ словъ въ училищѣ поднялся шумъ. Молоканскіе старики кричали, что они „хранятъ“ святую Библію: молодежь-же, руководимая Савеліемъ Лукичемъ, утверждала другое. Именно, отъ лица этихъ людей Савелій Лукичъ заявилъ:

— Конечно, Богъ возвѣщалъ людямъ свою волю. Но люди-то могли-ли запомнить и записать въ точности всё, что открывалъ имъ Богъ?

Я сказалъ:

— На вашъ вопросъ, Савелій Лукичъ, со всею ясностью отвѣчаетъ ап. Іоаннъ. Онъ говоритъ: „о томъ, что было отъ начала, что мы слышали, что видѣли своими очами, что разсматривали, и что осязали руки наши, о словѣ жизни..., о томъ, что мы видѣли и слышали, возъимаемъ вамъ“ (1 Іоан. 1, 1. 3 ст.). Замѣтите: св. Іоаннъ не говоритъ, что въ ученіи и дѣлахъ Христа апостолы многого не поняли, а потому не писали христіанамъ. Онъ прямо заявляетъ, что Писанія священныя — это копія съ дѣйствительности: въ нихъ содержится то, что было „отъ начала“ (— ст. 1).

Святой же Лука завѣряетъ насъ, что въ Божественное Писаніе и учениками апостольскими не привнесено чего-ли *небывшаго*. Онъ говоритъ: „разсудилось мнѣ, по тщательномъ изслѣдованіи всею сначала, по порядку описать тебѣ, достопочтенный Θεοφιλε“... (Лк. 1, 1—3 ст.).

Итакъ, апостолы свидѣтельствуютъ, что въ Библію они записали или то, что *сами* видѣли и слышали, или только *достоверное* преданіе другихъ, „тщательно“ провѣренное. Вѣрите-ли вы этому, Савелій Лукичъ?

Онъ постоялъ, подумалъ, потомъ отвѣтилъ:

— Да вѣдъ апостолы были люди. Они могли многое забыть или перепутать.

Я возразилъ:

— Это грубое и пагубное заблужденіе. Апостолы не сами по себѣ, отъ своего ума, сочиняли свои сказанія. Ими руководилъ Духъ Святой. Такъ и написано въ Евангеліи: Господь „отверзъ имъ умъ къ разумнѣнію писаній“ (Лк. 24, 45). А въ Евангеліи Іоанна говорится отъ Имени Христа: „когда придетъ Утѣшитель, Котораго Я пошлю вамъ отъ Отца..., Онъ будетъ свидѣтельство-

вать о Мнѣ, а также и вы будете свидѣтельствовать“... (Іоан. 15 26, 27).

Смотрите же всѣ: Христосъ обѣщалъ апостоламъ *Духа Истины*, Духа Утѣшителя (Іоан. 14, 16, 17). Этого Духа Онъ, дѣйствительно, послалъ имъ (Дѣян. I гл.). Апостолы, водимые Духомъ Святѣмъ, писали свои посланія (Дѣян. 1, 8). Возможно-ли допустить въ нихъ ложь или искаженіе дѣйствительности?

Сектанты всѣ молчали.

Тогда я еще прочиталъ изъ 2 Тим. 3, 16: „*все Писаніе богодухновенно*“... Всѣ слова Божіи истинны (Еф. 1, 13; Евр. 10, 26). Надо имъ вѣрить (2 Тим. 1, 13).

Савелій Лукичъ возмущился духомъ. Онъ сказалъ:

Не могу всему Писанію вѣрить. Въ немъ есть явные ошибки. Напримѣръ: наука утверждаетъ, что солнце стоитъ, а земля движется. Іисусъ же Навинъ возгласилъ: „*стой солнце надъ Гаваономъ*“ (Нав. 10, 13). Также невѣрныя свѣдѣнія сообщаются намъ въ Екклесіастѣ: „*родъ проходитъ и родъ приходитъ, а земля пребываетъ*“ (Еккл. 1, 4). Теперь даже дѣти въ своихъ книжкахъ читаютъ, что земля движется, а Екклесіастъ учитъ другому. Это—ошибка и обманъ. Потому всему Писанію нельзя вѣрить...

— Бѣдный вы человѣкъ, Савелій Лукичъ! Потеряли вы сыновнюю вѣру въ слово Божіе и теперь лукаво мудрствуете. Конечно, солнце стояло при Навинѣ и Екклесіастѣ. Но развѣ эти святыя мужи *астрономическія* ученія писали людямъ? Развѣ они хотѣли наставить насъ, какъ движется земля и какъ стоитъ солнце? Эти праведники повѣдали намъ о великихъ истинахъ изъ жизни людей. Іисусъ Навинъ разсказалъ, какъ однажды народъ Божій быстро побѣдилъ враговъ своихъ. Эта побѣда сопровождалась такимъ напряженіемъ силъ въ народѣ еврейскомъ, какого, безъ помощи Божіей, люди не могли проявить даже въ нѣсколько дней. Вотъ, описывая съ *человѣческой точки зрѣнія* быструю побѣду при Гаваонѣ, Іисусъ Навинъ и сказалъ, что *стояло* солнце, пока евреи побѣждали враговъ...

Кромѣ того: если бы Всемогущій Богъ, установившій законы природы, для нашего блага захотѣлъ задержать или измѣнить эти законы,—развѣ это невозможно? У Бога все возможно, говоритъ Писаніе (Мр. 10, 27).

Подобное надобно сказать объ Екклесіастѣ. Мудрый Царь учитъ насъ понятію о скоротечности жизни людской. Поколѣнія чело-

вѣческія быстро мѣняются. По сравненію съ ними, „*земля во вѣкъ стоитъ*“. Это—правда. Всѣ мы видимъ то своими глазами. А вы, сектанты, не понимая очевидной истины, задумали въ словѣ Божіемъ искать „ошибки“. Такъ знайте же: священное Писаніе—не книга, *научно описывающая жизнь природы и людей*. Въ ней преслѣдуется лишь одна цѣль—*назиданіе и спасеніе вѣрующихъ*. Съ этой стороны всё разсматривается. Смотрите и вы, Савелій Лукичъ, такимъ родомъ на міръ Божій и тогда Писаніе покажется вамъ дивнымъ и *правдивымъ* откровеніемъ разума Божія.

Савелій Лукичъ упорствовалъ на своемъ. Онъ утверждалъ, что, „не можетъ вѣрить“ всему Писанію. Тогда я ему прочелъ изъ книги Дѣяній: „*въ томъ признаюсъ тебѣ* (начальнику), говорилъ ап. Павелъ, *что я вѣрую всему написанному въ законѣ о пророкахъ*“ (—24, 14).

Итакъ, богомудрый Апостолъ вѣрить всему свящ. Писанію. Савелій Лукичъ этой вѣры не содержитъ. Значить, онъ неподражаетъ апостоламъ (Филип. 3, 17; 4, 9) и причисляетъ себя къ еретикамъ (Тит. 3, 10), которымъ угрожаетъ анафема апостольская (Гал. 1, 8, 9).

II.

Послѣ моихъ словъ, противъ Савелія Лукича возмущились молоканскіе старики. Они громко заявили, что „не уполномочиваютъ“ больше говорить за себя Савелія Лукича. Онъ еретикъ, заблуждающійся. Но Савелій Лукичъ, къ общему изумленію, не испугался народнаго ропота. Онъ, видимо, ожесточился и съ упорствомъ положилъ отстаивать „свое дѣло“. И вотъ онъ торопливо сталъ опускать руки въ карманы. Въ одномъ изъ нихъ онъ нашелъ сильно засаленные листки и сталъ читать ихъ про себя. Потомъ поднялъ руку и попросилъ позволенія говорить. Я изъявилъ свое согласіе. Народъ притихъ. Тогда Савелій Лукичъ сказалъ:

— Люди ропщутъ и недовольны мной. Пусть, что хотятъ, дѣлаютъ. Я излагаю свою вѣру. А по этой вѣрѣ я не могу принимать всего Писанія. Въ немъ содержатся многія противорѣчія. Укажу вамъ нѣкоторыя, какія у меня записаны. Дайте мнѣ разъясненіе дѣла, или я уйду съ бесѣды. Тогда говорите съ шумящими стариками...

Я попросилъ Савеліа Лукича спокойно прочесть свои листки. Совѣтовалъ ему читать не всё сразу, а по частямъ: такъ лучше будетъ разбирать прочитанное.

Савелій Лукичъ заговорилъ:

— Меня смущаютъ въ Евангеліяхъ противорѣчія. Ихъ много. Я не умѣю ихъ объяснить. Они путаютъ мою голову. Напримѣръ: Іоаннъ Предтеча, по Евангелію Іоанна, говоритъ, что онъ „не зналъ“ Христа, идущаго креститься, а по Маттею, *удерживаетъ* Господа отъ крещенія. Стало-быть, онъ зналъ Его (Мѣ. 3, 13, 14; ср. Іоан. 1, 29, 30 ст.).—Какъ назвать это *разногласіе* въ сказаніяхъ евангелистовъ? Знаю, *противорѣчіемъ*...

Или вотъ: ев. Маттеей свидѣтельствуетъ, что „сотникъ“ просилъ Христа исцѣлить слугу его; а Лука евангелистъ утверждалъ, что о томъ просили Господа друзья сотника и іудейскіе старѣйшины (Мѣ. 8, 5—10; ср. Лк. 7, 3—4 ст.).

Ев. Маттеей говоритъ, что Христосъ исцѣлилъ *двухъ бѣсновитыхъ* въ странѣ Гергесинской, а Маркъ и Лука утверждаютъ, что—одного и описываютъ чудо пространѣй (Мѣ. 8, 28; ср. Мр. 5, 1—2; Лк. 8, 27)..

Тутъ Савелій Лукичъ остановился. Я спросилъ его:

— Какъ же вы понимаете разногласіе въ евангельскомъ повѣствованіи?

Онъ отвѣтилъ:

— Никакъ. Это до моей вѣры не касается...

Такой отвѣтъ показался народу дѣтскимъ. И я поставилъ на видъ Савелію Лукичу, что, если онъ допускаетъ *противорѣчіе* въ словѣ Божіемъ, тогда *ничему* нельзя вѣрить. Всѣ Писаніе надо оставить...

Меня не перебивали. Я продолжалъ:

— Но въ дѣйствительности никакого противорѣчія въ сказаніяхъ евангелистовъ нѣтъ. Если, напр., ев. Іоаннъ свидѣтельствуетъ, что Предтеча „не зналъ“ Христа, а, по Маттею, онъ удерживалъ Его отъ крещенія,—то это *разнорѣчіе* просто согласить. До крещенія, Предтеча, дѣйствительно, *лично* не зналъ Господа. Когда же увидѣлъ Его идущимъ креститься,—получилъ о немъ откровеніе отъ Духа Божія—и сталъ удерживать Его отъ крещенія, какъ Лицо ему извѣстное...

Относительно сказанія евангелистовъ объ исцѣленіи слуги сотника дѣло надо представлять такъ: ев. Маттеей въ *общихъ чер-*

таго, сжато рассказываетъ о событіи; Маркъ же и Лука передаютъ *подробности* обстоятельства этого событія. Оттого они пишутъ *пространнѣй*.

Объ исцѣленіи бѣсноватыхъ должно замѣтить, что ихъ было два, какъ говоритъ ев. Матѳей. Но изъ двухъ одинъ былъ свирѣпѣйшій. Онъ невольно останавливалъ на себѣ людское вниманіе. Объ его то исцѣленіи и повѣствуютъ евангелисты Маркъ и Лука....

Савелій Лукичъ ничего не возразилъ по поводу моего согласія евангельскихъ разночтеній. Онъ продолжалъ читать изъ своихъ листковъ:

— Ев. Матѳей повѣствуетъ, что на крестахъ *оба* разбойника поносили Христа, а Лука говоритъ, что злословилъ Господа одинъ; другой же разбойникъ усовѣщевалъ хулителя (Мѳ. 27, 44; ср. Лк. 23, 39—43).

Еще: въ 9 гл. Дѣяній говорится: „люди, шедшіе съ Павломъ, стояли въ отъященіи, слыша гласъ и никого не видя“. Въ 22-же главѣ Дѣяній ап. Павелъ свидѣтельствуетъ: „бывшіе со мною свѣтъ видѣли, и приняли въ страхъ; но голоса, говорившаго мнѣ, не слышали“.

Послѣ этихъ словъ Савелій Лукичъ окинулъ всѣхъ вызывающимъ взглядомъ. Онъ былъ увѣренъ, что поставилъ меня въ затрудненіе и радовался. Народъ не раздѣлялъ его чувствъ. Старики принялись прямо браниться. Я успокоилъ людей и сказалъ

— Изъ двухъ послѣднихъ случаевъ евангельскихъ разночтеній еще меньше можно найти данныхъ для того, чтобы думать о *противорѣчіяхъ* между евангелистами.—Въ самомъ дѣлѣ, если ев. Матѳей говоритъ, что Господа хулили *оба* разбойника, а Лука пишетъ, что *одинъ* злословилъ Его,—то дѣло объясняется само собой. Въ началѣ, дѣйствительно, *оба* разбойника поносили Господа, какъ пишетъ ев. Матѳей. Послѣ же одинъ изъ нихъ устыдился, повѣрилъ Христу,—и за это получилъ рай, какъ говоритъ ев. Лука.—Гдѣ же тутъ противорѣчіе?..

Перейдемъ къ послѣднему случаю, указанному Савеліемъ Лукичемъ. Въ книгѣ Дѣяній *разно* повѣствуется о событіи, сопровождавшемъ ослѣпленіе Савла. Спутникамъ Савла *казалось*, что они слышали голосъ. Они ужаснулись, *не замѣтивъ* съ испуга свѣта. Объ этомъ и пишетъ ап. Лука въ 9 гл. Дѣяній.—Павелъ же апостолъ, самъ пораженный *свѣтомъ*, по человѣчески думалъ, что и людей ослѣпилъ этотъ свѣтъ (Дѣян. 22 гл.).

Возможность такихъ разнорѣчивыхъ сужденій объ одномъ и томъ же событіи указана въ Евангеліи Іоанна. Тамъ говорится, что люди, слышавшіе голосъ Божій съ неба, сказали: „это громъ; а другіе говорили: Ангелъ говорилъ“... (Іоан. 12, 29). Вотъ подобнымъ же образомъ надобно объяснять душевное состояніе людей при испѣленіи Савла...

Итакъ, никакихъ противорѣчій въ Библии мы пока не нашли. Послушаемъ еще, что скажутъ намъ сектанты.

Савелій Лукничъ, махнувъ рукою, протянулъ:

— Вамъ сколько ни указывай евангельскихъ противорѣчій, — вы всё согласите. На то вы присланы...

Я замѣтилъ:

— Если я неправильно соглашаю евангельскія *разнотченія*, вы покажите мнѣ это. Голословно же меня не укоряйте, другъ!..

Савелій Лукничъ молчалъ. Я спросилъ его.

— Какъ же, по вашему мнѣнію, надобно согласить *разнотченія* въ Евангеліяхъ?

Савелій Лукничъ сказалъ:

— Евангелисты составляли свои книги въ разныхъ мѣстахъ. Они не *совмѣщались* другъ съ другомъ. Оттого *разно* писали...

Я отвѣтилъ:

— Положимъ, евангелисты жили не въ одномъ мѣстѣ. Но всѣмъ имъ водилъ Одинъ Духъ Святой (1 Кор. 12, 4—11 ст.). Какъ же это „Духъ Истины“ допустилъ разногласіе въ евангельскихъ сказаніяхъ?

Савелій Лукничъ молчалъ. Я просилъ его высказаться о смыслѣ евангельскихъ разнотченій. Онъ не могъ постичь этого дѣла. Онъ охотно предоставилъ мнѣ право „довести рѣчь до точки“.

Положеніе бесѣды создавалось тяжелое и напряженное. Люди видѣли, что сектанты „заумствовались“.

Только силы у нихъ, бѣднякъ, маловато!

Острили въ толпѣ:

Молокане, въ самомъ дѣлѣ, начитались въ подпольныхъ листкахъ хуленій на слово Божіе. Это по дѣтски они и высказывали на бесѣдѣ. Но *опомнѣ* разстаться съ Писаніемъ они не могли и не хотѣли. И остановились они на подорогѣ. — Снисходя къ ихъ немошамъ, въ заключеніе бесѣды, я подробно объяснилъ имъ, *отъ чего и какъ въ словѣ Божіемъ могли произойти разнотченія*?

Жизнь и дѣла нашего Господа *необъятны*. Миръ не можетъ

вмѣстить повѣствованія о всѣхъ евангельскихъ событіяхъ (Іоан. 20, 25). Естественно, евангелисты, говоря о земной жизни Господа, записывали не все, — то одно, то другое.—Они и не стремились записывать всего. Здѣсь лежитъ первая причина, почему въ сказаніяхъ о жизни Христовой находимъ разночтенія между Евангеліями (ср. 2 Іоан. ст. 12).

Затѣмъ, евангелисты не въ одно время составляли свои Писанія. Поэтому, въ соотвѣтствіе требованіямъ времени и мѣста, являлась *необходимость* одни извѣстія о жизни Господней дополнять подробностями, другія освѣтить для душевной пользы людей. Такъ ев. Лука пишетъ *пространный* Марка, а ев. Іоаннъ *блословствуетъ*, обличая ложную мудрость іудействующихъ христіанъ. Именно этимъ объясняется разность въ написаніи четырехъ Евангелій.

На основаніи сказаннаго слѣдуетъ заключать, „взаимныхъ противорѣчій“ въ словѣ Божіемъ нѣтъ. Есть лишь *болѣе краткія и пространныя* евангельскія повѣствованія о дѣлахъ Господа. Есть и *различныя способы* изложенія этихъ повѣствованій: то простой, общедоступный, какъ у Маттея и Луки, то возвышенный и глубокий, какъ у ап. Іоанна.—Примѣчается также у евангелистовъ. желаніе описать событія съ *разныхъ сторонъ*. Вслѣдствіе того въ Евангеліяхъ и произошли *разночтенія*.

Но истинность евангельскихъ сказаній вслѣдствіе того не подлежитъ сомнѣнію. Все слово Божіе чище солища. Оно—золото, огонь разжненное (Откр. 3, 18). Потому имъ надо дорожить и его съ *благовѣстіемъ* необходимо все принимать...

Харьк. епарх. мисс. Д. Боголюбовъ.

Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги по вопросамъ вѣры и миссіи церкви.

Французскій писатель Эмиль Золя въ его отношеніяхъ къ христіанству и вопросамъ религіи и этики. 16-го сентября минувшаго года скоропостижно скончался (отъ угара) въ Парижѣ французскій писатель романистъ Эмиль Золя. Имя Эмиля Золя пользуется міровою извѣстностью. Его многочисленныя сочиненія переведены на языки всѣхъ европейскихъ народовъ и разошлись въ количествѣ нѣсколькихъ милліоновъ экземпляровъ, при чемъ нѣкоторые романы Золя выдержали болѣе ста изданій. У насъ въ Россіи, въ частности, Золя, какъ писатель, извѣстенъ и любимъ не менѣе, чѣмъ на своей родинѣ: его произведенія обыкновенно появлялись въ русскомъ переводѣ тотчасъ же по выходѣ ихъ во Франціи, помѣщались на страницахъ газетъ и журналовъ, одновременно предлагались въ нѣсколькихъ переводахъ и въ настоящее время имѣютъ многочисленныхъ читателей и поклонниковъ во всѣхъ слояхъ нашего общества. Полагаемъ, что нашимъ читателямъ въ интересахъ ихъ духовной миссіи среди образованныхъ своихъ прихожанъ полезно имѣть свой «церковный» взглядъ на отношеніе этого прославленнаго писателя къ христіанству и религіи вообще. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія слѣдующаго содержанія статья Рук. для сельск. паст. (№ 51 1902 г.).

Въ своихъ романахъ Золя не ограничивается описаніемъ одной только внѣшней формы жизни, а затрогиваетъ вопросы религіи и нравственности; въ послѣднихъ же своихъ произведеніяхъ онъ прямо выступаетъ въ качествѣ критика христіанскихъ религіозно-нравственныхъ воззрѣній и въ качествѣ проповѣдника новаго евангелія, новой религіи. Живой интересъ къ этимъ произведеніямъ несомнѣнно весьма поучителенъ и служитъ яркой характеристикой настроенія современнаго человѣчества и нашего общества; онъ показываетъ, что Золя удовлетворяетъ современнымъ вкусамъ и

является выразителемъ нынѣшняго общественнаго настроенія, нынѣшнихъ мыслей и чувствъ по вопросамъ религіи и нравственности.

Что же именно даетъ покойный писатель въ своихъ произведеніяхъ? Какой морали и религіи поучаетъ онъ милліоны тѣхъ людей, которые имъ зачитываются и въ настоящее время оплакиваютъ его безвременную смерть?

Литературная дѣятельность Золя началась съ 1864 года. Но извѣстность себѣ Золя завоевалъ только двадцатитомной серіей романовъ, вышедшей подъ заглавіемъ „Ругоны-Маккаръ“ и закончившейся въ 1893 г. Слѣдующимъ произведеніемъ Золя была трилогія „Лурдъ“, „Римъ“ и „Парижъ“ („Три города“). Наконецъ, послѣднимъ его произведеніемъ была серія, носящая заглавіе „Четыре Евангелія“ и состоящая изъ четырехъ романовъ, изъ которыхъ два вышли („Плодовитость“ и „Трудъ“), третій („Истина“) печатается, а четвертый („Справедливость“) остается не оконченнымъ.

Своеобразныя воззрѣнія Золя и его литературные приемы въ первую половину писательской дѣятельности обнаружили съ особенною яркостью въ его романахъ *Ругоны-Маккары* *). Отличительной чертой этихъ романовъ является мрачный пессимизмъ, проникающій ихъ отъ начала и до конца, холодное отчаяніе человѣка, который ни во что не вѣритъ и ничего не любить. Для Золя нѣтъ ни Бога, ни идеаловъ. Единственное божество для него—„обширная природа, вѣчно производящая жизнь, чуждая высокаго и низменнаго“, равнодушная къ людямъ. Общечеловѣческіе идеалы добра и красоты для Золя пустая романтика и реторика, только „красивыя нервныя волненія“. Конецъ человѣческой жизни есть превращеніе въ змлю, которая одна только вѣчна и безсмертна. „О, добрая земля, говоритъ Золя въ одномъ мѣстѣ своихъ произведеній, прими меня ты, общая мать, единственный источникъ жизни! Ты, вѣчная, безсмертная, гдѣ круговращается душа міра, этотъ жизненный сокъ, разлитый до самыхъ камней и дѣлающій деревья нашими неподвижными братьями! Да, я желаю потеряться въ тебѣ“!..

*) Въ этой серіи Золя изображаетъ общественную исторію Франціи въ періодъ второй имперіи. Эту исторію онъ слѣдитъ параллельно съ исторіей семьи *Ругоновъ-Маккаровъ*, члены которой являются героями романовъ. На исторіи *Ругоновъ* Золя доказываетъ законъ наслѣдственности.

Если нѣтъ ничего, кромѣ земли и „великой механики звѣзд“, то всякая религія, и въ томъ числѣ христіанская, есть только иллюзія. „Ахъ! цѣловать дорогихъ сердцу мертвыхъ, говорить себѣ, что съ ними вновь встрѣтишься, будешь жить среди лучезарнаго безсмертія, быть увѣреннымъ въ верховной справедливости, чтобы выносить проклятіе земного существованія, убивать такимъ образомъ ужасную мысль объ уничтоженіи, ускользать отъ страха предъ исчезновеніемъ моего я и успокоиться, наконецъ, въ непоколебимой вѣрѣ, которая отлагаетъ на другой день послѣ смерти счастливое рѣшеніе всѣхъ загадокъ судьбы!.. Это мечта, но народы мечтаютъ будутъ ее долго“!.. Считаю иллюзіей религіозныя вѣрованія, Золя съ особенной ненавистью относится къ христіанству. Никто еще не дѣлалъ столь дерзкаго вызова христіанской религіи, какъ Золя въ своей „Землѣ“.

Безъ вѣры въ будущее и въ идеалъ, жизнь человѣческая является для Золя безсмысленнымъ бременемъ, отъ котораго желательнѣе скорѣе избавиться. Свое убѣжденіе въ этомъ Золя выражаетъ въ такихъ характерныхъ, внушаемыхъ имъ одному герою размышленіяхъ: „Часто его воображенію рисовался Лазарь, выходявшій изъ гроба съ крикомъ: Господи! зачѣмъ Ты пробудилъ меня для этой ужасной жизни? Я такъ сладко спалъ вѣчнымъ сномъ безъ грезъ, я вкусилъ наконецъ блаженный покой въ сладости небытія. Я испыталъ всевозможныя несчастія и всевозможныя скорби, трагедіи, ложныя надежды, бѣдность, болѣзнь. Я заплатилъ страданію мой ужасный долгъ живого существа, ибо я родился, не зная, зачѣмъ,—жилъ, не зная какъ. И вотъ, Господи, Ты заставляешь меня платить этотъ долгъ второй разъ, осуждая начать жизнь снова. Неужели я совершилъ какой-либо неискупимый грѣхъ, что Ты наказываешь меня столь жестокимъ судомъ?.. О, Господи! я заклинаю Тебя, соверши другое великое чудо, усыпи меня въ этомъ гробѣ, заставь меня снова заснуть, не страдая, прерваннымъ вѣчнымъ сномъ... усыпи меня въ сладости небытія“!

Будучи тяжелой, безсмысленной ношей, неизвѣстно зачѣмъ возложенной на людей, жизнь, по Золя, есть вмѣстѣ съ тѣмъ бездна порока, отвратительная клоака, въ которой копошатся ничтожныя и грязныя существа, называемыя людьми. Золя знаетъ въ дѣятельности людей только три движущія силы — корыстолюбіе, честолюбіе и сластолюбіе,—и всѣ другіе мотивы для него

есть одно лицемѣріе. Любовь во всѣхъ ея видахъ есть одинъ только разсчитливый эгоизмъ, благочестіе — смѣсь суевѣрія и обмана. Люди для Золя только разновидность животныхъ, это, по его буквальному выраженію, „скоты въ человѣческомъ образѣ“, ведущіе борьбу за существованіе, безъ высшихъ цѣлей, безъ высшихъ побужденій. Въ романахъ первой серіи нельзя найти у Золя ни одного хорошаго человѣка; всѣ, описанные имъ, люди до того гнусны и презрѣнны, что единственный конецъ имъ — погибель, которую и устраиваетъ имъ авторъ въ концѣ романовъ... Указывать на мерзость жизни есть, конечно, долгъ всякаго честнаго писателя. Но особенность Золя въ этомъ случаѣ заключается въ томъ, что за описаніемъ отвратительныхъ зрѣлищъ у него не скрывается никакихъ нравственныхъ принциповъ. Изображая эти зрѣлища, Золя не только не выражаетъ ничѣмъ своего негодованія по поводу нихъ, а напротивъ, какъ-бы съ злорадствомъ Мефистофеля заставляетъ любоваться ими и говорить: „смотрите, вотъ каковъ міръ“! Онъ старается нарочито нагромоздить предъ читателемъ цѣлая горы нечистотъ. Онъ подолгу и съ видимой любовью останавливается на томъ, что достаточно только указать; повторяетъ много разъ то, о чемъ достаточно упомянуть однажды, не только говоритъ обо всемъ безъ утайки, но и старается подчеркнуть самыя мелкія детали. Противники Золя имѣютъ полное право называть его романы „литературой сточныхъ трубъ“, „литературой скандаловъ“ и „культомъ плоти“. Когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Золя выставилъ свою кандидатуру въ Академію, то эти противники выпустили въ свѣтъ брошюру, представлявшую сводъ скабрёзныхъ мѣстъ изъ его произведеній, и брошюра вышла такою, что ее конфисковала полиція.

Таковъ Золя въ первую половину своей литературной дѣятельности.

Съ окончаніемъ первой серіи романовъ, Золя по разнымъ обстоятельствамъ измѣнилъ свое направленіе и свои литературныя приемы. Не удовлетворяясь уже прежнимъ пессимизмомъ, онъ ищетъ теперь смысла въ жизни и идеала для нея. Онъ приходитъ къ необходимости создать новую религію. Но прежде чѣмъ выступить съ проповѣдью ея въ „Четырехъ Евангеліяхъ“, Золя подвергъ критикѣ религіозный идеалъ современнаго католичества. Эту цѣль онъ преслѣдуетъ особенно въ романѣ „Лурдъ“, надѣлавшемъ въ свое время очень много шума. Герой романа,

аббатъ Пьеръ Фроманъ, былъ вѣрующимъ католикомъ. Но современная наука расшатала его вѣрованія и зародила въ немъ сомнѣнія. Для борьбы съ этими сомнѣніями Пьеръ Фроманъ рѣшаетъ возвратиться къ наивной вѣрѣ ребенка и ѣдетъ учиться этой вѣрѣ въ Лурдъ, куда стекаются сотни тысячъ богомольцевъ и гдѣ эта вѣра проявляется во всей своей полнотѣ. Описаніе Лурда съ его религіозными церемоніями и совершающимися тамъ исцѣленіями и представляетъ собою оцѣнку современнаго католицизма и христіанской вѣры вообще. Общій приговоръ автора объ этой вѣрѣ тотъ, что она отжила свой вѣкъ, что она умираетъ и ее необходимо замѣнить новой. Эта старая вѣра, по мнѣнію Золя, зиждется, съ одной стороны, на обманѣ ловкихъ дѣльцовъ, фабрикующихъ святыни и чудеса, а съ другой,—на суевѣріи толпы, жаждущей иллюзій. Она требуетъ, по мнѣнію Золя, нелѣпыхъ обрядовъ и безсмысленныхъ обѣтовъ; она заставляетъ отрекаться и отъ науки, и отъ разума. Она не только не способствуетъ улучшенію людей, а напротивъ, развращаетъ ихъ, какъ развратился нравственно Лурдъ, ставшій убѣжищемъ этой вѣры и святыней католичества.

Разочаровавшись въ старой религіи, Пьеръ Фроманъ пытается создать на почвѣ того-же католичества новую практическую религію любви и братства, безъ вѣры въ отвлеченное. Онъ составляетъ книгу, въ которой раскрываетъ необходимость возрожденія католичества и возвращенія его къ первымъ вѣкамъ христіанской эры. Но книга Фромана подвергается интердикту, и, когда онъ пріѣзжаетъ въ Римъ для защиты ея, то здѣсь онъ убѣждается въ невозможности возрожденія католичества,—въ томъ, что Римъ такой же анахронизмъ, какъ и Лурдъ. Аббатъ Фроманъ кончаетъ тѣмъ, что, разувѣрившись въ чудесахъ Лурда и въ спасительности католицизма, онъ сбрасываетъ съ себя рясу, женится и становится родоначальникомъ семьи энергичныхъ работниковъ. Новая религія, на которой онъ, а вмѣстѣ съ нимъ и самъ Золя, останавливается, есть религія плодovitости и труда; это вѣра въ необходимость служенія природѣ, вѣра въ спасительность неустаннаго созиданія жизни и въ святость труда. „Размножайтесь и да будетъ вамъ благо“, вотъ, по мнѣнію Золя, основная заповѣдь новой религіи, основная цѣль жизни и главный источникъ счастья. „Какъ можно больше жизни, чтобы какъ можно больше было счастья... Побѣдоносная плодovitость остается

ся несомнѣнной силой, верховной владычицей, которая одна создаетъ будущее... Пусть плодovitость все возрастаетъ, пусть человѣческое сѣмя переносится чрезъ границы, пусть идетъ населять необработанныя пустыни, пусть оно расширяетъ человечество въ грядущихъ вѣкахъ, пока наступитъ царство верховной жизни, въ концѣ концовъ владычицы времени и пространства"... Подробное раскрытіе этого исповѣданія вѣры Золя имѣлъ предложить въ своихъ, не законченныхъ за смертью, „Четырехъ Евангеліяхъ“, центральными фигурами которыхъ являются Матѳей, Маркъ, Лука и Іоаннъ,—четыре сына создателя новой религіи—аббата Фромана.

Такимъ образомъ, начавъ крайнимъ пессимизмомъ, отверженіемъ христіанства и всякихъ идеаловъ, Золя закончилъ странной проповѣдью о плодovitости и трудѣ. Очевидно, эта проповѣдь, кощунственно названная евангеліемъ и не оригинальна, и не нова, и ничего вообще не представляетъ кромѣ простой реторики и перезвона фразъ. Кого можетъ удовлетворить эта религія плодovitости и труда! Мучительные вопросы жизни ею нисколько не разрѣшаются, ибо прежде, чѣмъ исполнить заповѣди объ умноженіи жизни и труда, нужно еще знать, зачѣмъ это умноженіе и зачѣмъ этотъ трудъ... Не извѣстно, до чего дошелъ бы Золя въ дальнѣйшей литературной дѣятельности. Но разсматривая то, что онъ успѣлъ дать, мы должны признать, что роль въ исторіи религіи и этики была только отрицательная. Свои великіе таланты онъ употребилъ не для созиданія, а для разрушенія: онъ втопталъ въ грязь общечеловѣческіе идеалы и само человечество, нагромоздилъ груды нечистотъ и отнялъ у многихъ вѣру въ смыслъ и цѣль жизни... И этотъ вредъ, приносимый сочиненіями Золя, не можетъ быть искупленъ никакими ихъ художественными достоинствами, какъ велики они ни были бы...

Нельзя не пожелать поэтому, чтобы конецъ Золя былъ и концомъ того направленія, которое породило и его романы, и увлеченіе ими въ обществѣ.

Вл. Р.

Гено. Сыны Арія. Повѣсть изъ исторіи борьбы православія съ аріанствомъ Запада. С.-Петербургъ. Изданіе Сойкина, in 8-ю, 223 стр., ц. 50 коп.

Аріанство, появившееся первоначально на Востокѣ, вскорѣ проникло на западъ европы и здѣсь пустило глубокіе корни, распространявшись преимущественно среди полуварварскихъ наро-

довъ—вестготовъ и остготовъ, подъ ударами которыхъ погибла одряхлѣвшая Римская Имперія. Весь почти западъ европы, начиная со второй половины IV-го до начала VI-го вѣка, аріанствовалъ; православная Церковь была гонима почти съ такою же жестокостію, какъ и во времена языческихъ императоровъ. Главными проводниками аріанства были вестготы, а за ними отчасти остготы. Провидѣніе однако спасло православіе отъ гибели; въ концѣ второй половины V-го вѣка среди франковъ выдвигается воинственный и храбрый король, по имени Хлодвигъ; онъ совершаетъ чудеса храбрости, покоряетъ подъ свою власть многія племена франковъ, предпринимаетъ походы въ глубь Германіи,—и вездѣ оказывается побѣдителемъ. Объединивши подъ своею властью франковъ и заключивши союзъ съ бургундами, онъ устремляется на вестготскаго короля Алариха и сокрушаетъ его могущество. вмѣстѣ съ паденіемъ вестготскаго царства пало и аріанство. Этотъ-то періодъ борьбы православія съ аріанствомъ запада и обнимаетъ разсматриваемая нами повѣсть Гено, подъ заглавіемъ „Сыны Арія“.

Не касаясь подробно содержанія повѣсти, мы позволимъ себѣ остановить вниманіе нашихъ читателей на нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, прекрасно обрисованныхъ авторомъ и интересныхъ по своему существу, но мало извѣстныхъ. Говоря это, мы имѣемъ въ виду самое заглавіе повѣсти. Кто такіе „Сыны Арія“ и кого нужно разумѣть подъ ними? Такое названіе означаетъ не просто послѣдователей Арія, но заключаетъ въ себѣ особый смыслъ. При Эрикѣ, вестготскомъ королѣ, отличавшемся необыкновеннымъ фанатизмомъ и преданностью аріанству, существовалъ особый *советъ*, носившій почетное названіе „Сыновъ Арія“ и имѣвшій свою *главу*. Глава этого *совета* въ то время былъ нѣкто старецъ Мавилла, родомъ изъ Ливіи Киринейской, родины самого Арія, приходившійся правнукомъ самому ересіарху Арію. Еще сынъ самого Арія основалъ еретическое общество, которому и усвоено названіе „Сыновъ Арія“. Цѣль этого общества—распространеніе аріанской ереси, вѣчная ненависть и непримиримая вражда къ послѣдователямъ Христа-Бога. По уставу этого общества, управленіе переходило по наследству отъ отца къ сыну. И Мавилла, правнукъ Арія, какъ и долженъ былъ сдѣлать, передалъ свою власть главы сыну своему, одному изъ самыхъ приближенныхъ къ королю Эрику лицъ, нѣкому Хилимеру. Изъ предосторожности тайна

о потомствѣ злѣйшаго врага Христа-Бога тщательно сохранялась и сообщалась только немногимъ старцамъ или надежнымъ людямъ, составлявшимъ верховный совѣтъ. Этихъ-то членовъ, при торжественной обстановкѣ, потомокъ ересіарха Арія и усмновлялъ, почему они вполнѣ законно носили имя „сыновъ Арія“. Этотъ совѣтъ „Сыновъ Арія“ приобрѣлъ необыкновенную силу при Эрикѣ, королѣ вестготскомъ: Эрикъ былъ женатъ на дочери Мавиллы. Значеніе совѣта „Сыновъ Арія“ всегда, какъ и теперь, при Эрикѣ, было необычайно велико. Въ распоряженіи совѣта находились агенты и довѣренныя лица, которыя были безусловно преданы главѣ совѣта, дѣйствовали по его указаніямъ и за каждый день отдавали ему отчетъ. Съ помощью этихъ агентовъ глава совѣта зналъ все, что дѣлается во дворцѣ королей и въ обществѣ,—и оказывалъ могущественное вліяніе на международныя отношенія и на королевскіе дворы. Дѣйствительно, мы видимъ, что Хилимеръ, унаслѣдовавъ власть главы общества „Сыновъ Арія“, съ искусствомъ виртуоза дѣйствуетъ въ пользу аріанства и во вредъ православію; въ своихъ цѣляхъ онъ принимаетъ участіе въ заговорахъ, сбѣтъ вражду между сосѣдними народами и даже вовлекаетъ ихъ въ войны. Словомъ, Хилимеръ, какъ глава общества, является макиавелистомъ чистѣйшей воды. Но истинный Богъ никогда не бываетъ поругаемъ. Послѣдній отпрыскъ Арія—Хилимеръ—погибъ позорнымъ образомъ: онъ былъ казненъ по приказанію франкскаго короля Хлодвига; а вмѣстѣ съ нимъ покончилъ свое существованіе и совѣтъ „Сыновъ Арія“, принесшій столько зла православію на западѣ.

Повѣсть „Сыны Арія“, хотя и не блещетъ своею колоритностью и сочностью кисти, несмотря на такой богатѣйшій матеріалъ, однако она полна глубокаго историческаго интереса и назидательности и всякимъ можетъ быть прочитана съ великой пользой и съ не малымъ удовольствіемъ. П. Козицкій.

Не отжило-ли монашество своего времени? Изданіе типографин Е. И. Фесенко. Одесса, 1901 г. in 8-ю, 56 стр.

Въ настоящее время вопросъ о монашествѣ чуть-ли не на всѣхъ перекресткахъ подвергается дебатированію. Народники-либералы и консерваторы-церковники съ одинаковымъ усердіемъ обсуждаютъ этотъ вопросъ; одни изъ нихъ въ принципѣ отвергаютъ значеніе монашества, другіе—выступаютъ въ защиту его. Авторъ въ предисловіи къ своему труду сдѣлалъ нѣсколько за-

мѣчаній общаго характера, не лишенныхъ интереса. По словамъ автора, если и замѣчается упадокъ монашества, то виновато-ли нѣ этомъ одно монашество? Жители монастырей, по словамъ одного святителя, слетѣли туда не съ луны, а вступили они изъ среды земного грѣшнаго міра. Нравственность въ монастыряхъ, которую осуждаютъ, образовалась среди міра, питается и поддерживается сношеніями съ міромъ. Упадокъ нравственности монаховъ находится въ тѣснѣйшей связи съ упадкомъ нравственности мірянъ. Монашество основано на христіанствѣ, зиждется и держится на немъ. Нынѣ ослабѣвшее христіанство (?) готовится и доставляетъ, соотвѣтственно своему состоянію, слабымъ монаховъ. Итакъ, если монашество причиною своего упадка имѣетъ пониженіе нравственности въ самомъ христіанскомъ обществѣ, то къ чему осуждать монашество (IV стр.)?

Въ настоящее время многіе ратоборцы за народную нравственность, вмѣсто средствъ для уврачеванія общаго недуга, готовы возобновить проектъ графа Д. Толстого объ уничтоженіи монастырей, такъ-какъ, по ихъ мнѣнію, монашество, по самому своему существу, есть уродливое явленіе, давно уже отжившее свое время (V стр.). Доказать, что монашество не есть уродливое явленіе въ организмѣ нашей Церкви и что оно не только не отжило своего времени, но приносило и приноситъ немало пользы, оказывало и оказываетъ цѣлый рядъ услугъ обществу и государству—вотъ цѣль разсматриваемой нами брошюры.

Брошюра состоитъ изъ четырехъ главъ. Первая глава посвящена опроверженію ложныхъ мнѣній, будто бы христіанское подвижничество есть уродованіе человѣческой природы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и выясненію вопроса о значеніи безбрачія въ Церкви Христовой. Вторая глава занимается вопросомъ о происхожденіи монашества и о древности монашескаго чина постриженія, а равно и о цѣли его учрежденія; при этомъ, въ противовѣсъ тѣмъ, которые говорятъ о постриженіи въ монашество, какъ объ актѣ насилія надъ волей человѣка,—указывается, что необходимымъ условіемъ для постриженія въ монашество должно быть добровольное желаніе вступающаго въ иноческое житіе. Третья глава раскрываетъ предъ читателемъ смыслъ монашескихъ обѣтовъ, выясняя при этомъ значеніе перемѣны имени и постриженія волосъ и значеніе монашескихъ одеждъ. Четвертая глава разъясняетъ значеніе слова „міръ“, въ противоположность *отреченію отъ*

мира и ставить это послѣднее обстоятельство непремѣннымъ условіемъ монашеской жизни.—Въ заключеніи авторъ трактуетъ о заслугахъ современнаго монашества для общества.

Послѣдній вопросъ, разсматриваемый нашимъ авторомъ, имѣетъ немалое значеніе въ дѣлѣ апологіи монашескаго института, почему мы позволимъ себѣ, хотя кратко, познакомить нашихъ читателей съ его содержаніемъ.

Историческія заслуги монашества у насъ, на Руси, всѣмъ извѣстны и не оспариваются никѣмъ. Что же касается современнаго монашества, то и оно, вопреки мнѣнію монахофобовъ, приноситъ немало пользы. Монастыри—это какъ бы высшія духовно-нравственныя училища, въ которыхъ христіанинъ можетъ найти удовлетвореніе своимъ высшимъ потребностямъ; только здѣсь онъ можетъ постигнуть, какъ высокъ и недостижимъ для человека начертанный Христомъ идеалъ нравственнаго совершенства! Здѣсь каждый научается смотрѣть на свою земную жизнь, какъ на время приготовленія къ вѣчной жизни на небѣ! Наконецъ монастыри представляютъ собою огласительныя училища благочестія для десятковъ тысячъ людей: здѣсь находятъ для себя отраду и нравственное успокоеніе богатые и бѣдные, простые, неграмотные люди и образованные. Народъ въ теченіе тысячелѣтняго безъ малого періода посѣщаетъ монастыри, ища тамъ нравственнаго удовлетворенія,—слѣдовательно—онъ признаетъ за монастырями право существованія. Это обстоятельство—лучшее доказательство того, что монашество не отжило еще своего времени (49—56 стр.)!

Брошюра написана языкомъ простымъ и удобопонятнымъ; она съ интересомъ можетъ быть прочитана вѣрующимъ человекомъ и въ качествѣ апологіи монашества, хотя и не блестящей, можетъ сослужить свою службу.

П. Козицій.

ХРОНИКА.

1.

Изъ жизни инославія и изъ міра заграничнаго сектантства.

Успѣхи протестантизма въ Западной Европѣ въ истекшемъ году и „христіанская наука“ въ Америкѣ.

Наше новѣйшее сектантство выросло изъ корня протестантизма и поддерживается въ своемъ ростѣ соками крайнихъ нѣмецкихъ сектъ. А потому новогодною нашу иностранную хроникѣ начнемъ сообщеніемъ позднѣйшихъ извѣстій объ успѣхахъ протестантизма на Западѣ.

Французская газета «La vie catholique» въ одномъ изъ послѣднихъ № истекшаго года обращаетъ вниманіе всѣхъ католиковъ на статью органа австрійскихъ протестантовъ—Ostdeutsche Rundschau. Выводъ изъ этой статьи тотъ, что протестантизмъ успѣшно распространяется въ Австріи, въ Италіи, въ Испаніи и во Франціи.

Всѣмъ извѣстно, что знаменитое «Прочь отъ Рима» сдѣлалось въ Австріи лозунгомъ германофильской партіи. Баснословныя суммы тратились повидимому на усиленіе нѣмецкаго вліянія, въ дѣйствительности же на то, чтобы отторгнуть Австрію отъ католической вѣры. Сначала вожаки увѣряли, что они желаютъ только очистить души отъ «римскаго суетвѣрія», но теперь они уже откровенно признаются,—что католическая Австрія неприступна и что Германія «справится съ ней только тогда, когда она приметъ нѣмецкое христіанство».

Каждую недѣлю суммы въ 100 и 200,000 переправлялись черезъ границу Силезіи и въ прошломъ году князь Людвигъ Лихтенштейнъ заявилъ въ превосходной рѣчи, на которую во Франціи обратили къ сожалѣнію слишкомъ мало вниманія, что протестантскіе пропагандисты получили изъ-за границы 5 милліоновъ флориновъ.

Въ италіи римская печать отмѣчаетъ усиленіе протестантской пропаганды въ самой столицѣ христіанскаго міра; въ одномъ только Римѣ насчитываютъ болѣе 50,000 приверженцевъ лютеранства. Движеніе это сдѣ-

лазось наконецъ такиѣ угрожающимъ, что папа рѣшился выступить лично, чтобы предостеречь католиковъ отъ лютеранскихъ оболъщений.

Нужно ли говорить о Франціи? Нужно ли напоминать о движеніи въ пользу протестантизма, замѣченномъ въ Шарантѣ, въ Овернѣ и на юго-западѣ? Ost deutsche Rundschau (Восточно-германское Обзорѣніе) полагаетъ, что успѣхамъ этой секты во Франціи всего больше содѣйствуютъ двое людей, не принадлежащихъ къ лютеранскому исповѣданію: Ивѣ Гюо и Траріе. Ostdeutsche Rundschau одобряетъ безъ сомнѣнія дѣйствіе министерства Комба, но не ожидаетъ отъ нихъ значительныхъ результатовъ. Замѣнить католическую религію «Евангеліемъ» — вотъ что важно. Только этимъ путемъ можно будетъ покончить во Франціи съ католическимъ клерикализмомъ — говорить австрійская газета.

Отторженіемъ нашей родины отъ лона католической церкви больше всѣхъ интересуются англичане. Ихъ стараніями безчисленные протестантскіе миссіонеры наводняютъ Нормандію и Бретань, устраниваютъ школы и благотворительныя общества и всячески стараются пріобрѣсти довѣріе жителей съ тѣмъ, чтобы нанести рѣшительный ударъ имъ вѣрованіямъ.

А потому заключительныя слова рѣчи князя Лихтенштейна относятся къ Франціи не менше, чѣмъ къ Австріи. Вотъ эти слова:—Мы боимся не за церковь, она одолѣетъ этихъ враговъ, какъ одолѣла всѣхъ другихъ, мы страшимся за свою родину; а потому всѣ добрые граждане должны быть готовы пожертвовать жизнью, когда наступитъ рѣшительная минута.

Надъ этими словами австрійскаго католическаго оратора слѣдуетъ призадуматься католикамъ всѣхъ странъ. Слишкомъ поглощенные временными интересами, они часто забываютъ великое дѣло религіи, которое призваны защищать.

Газета «La patrie» (Родина) также какъ и «La vie catholique» обращаетъ вниманіе своихъ читателей на англійскую протестантскую пропаганду и въ органъ этой пропаганды газету «The Friend» (Другъ), читая который можно убѣдиться, что англійское общество содержитъ во всѣхъ большихъ городахъ Франціи по нѣскольку англійскихъ пасторовъ. Помощники этихъ пасторовъ обходятъ маленькіе города и деревни, всюду раздаютъ Библии, устраниваютъ собранія прозелитовъ и помогаютъ деньгами бѣднымъ жителямъ. Самой благодарной почвой для протестантскаго посѣва считается Ла-Рошель. Въ Лиллѣ на службѣ англійскаго общества три пастора и при нихъ нѣсколько помощниковъ-добровольцевъ (все англичане), которые разносятъ по окрестностямъ свои книги и свою проповѣдь. Нормандія и Фландеръ также наводнены этими апостолами. The Friend говоритъ безъ

всякаго стѣсненія о томъ, что католическая церковь теряетъ во Франціи своихъ адептовъ и что почва для протестантской пропаганды готова.

Всѣ издержки по этой пропагандѣ Англія принимаетъ на себя и понятно, что такимъ путемъ англійскія идеи разносятся по всей Франціи изъ конца въ конецъ.

Нѣмецкая газета «Deutsches Wort» (Нѣмецкая рѣчь) передаетъ, что (религіозно-сектантское) помраченіе ума, извѣстное подъ именемъ «христіанской науки», продолжаетъ процвѣтать въ Америкѣ. Слѣдующій случай произвелъ недавно сильное впечатлѣніе въ Нью-Йоркѣ. У супруговъ Куинна, живущихъ въ одномъ изъ Нью-Йоркскихъ предмѣстій, умеръ ребенокъ отъ злокачественнаго дифтерита. Такъ какъ мужъ и жена принадлежатъ оба къ приверженцамъ «христіанской науки», то они отказались послать за докторомъ, когда ребенокъ заболѣлъ, а вмѣсто того призвали Джона Лантропа—извѣстнаго цѣлителя. Послѣдній прописалъ «духовное лѣченіе»; протерпѣвъ нѣсколько дней, малютка скончался. Вскорѣ послѣ этого заболѣли той же болѣзнію г-жа Куинна и еще двое изъ ея дѣтей и эпидемія стала угрожать всѣмъ сосѣднимъ жителямъ. Трупъ маленькаго покойника подвергся судебному освидѣтельствованію, а супруги Куинна и Лантропъ были преданы суду за неоказаніе больному ребенку врачебной помощи. Госпожа Куинна не могла явиться въ судъ по болѣзни, а мужъ ея и Лантропъ были отпущены на поруки. Во время разбирательства дѣла, залъ суда былъ переполненъ «сціентифистами»—какъ называютъ себя приверженцы христіанской науки. Судъ подвергъ Лантропа допросу касательно его вѣры и методовъ лѣченія. Обвиняемый объяснилъ, что супруги Куинна сказали ему, будио у малютки воспаленіе горловыхъ железъ, но что эта болѣзнь, равно какъ и всѣ другія не что иное какъ заблужденіе человѣческаго духа; для исцѣленія больного онъ прочелъ молитвы. Г-жа Куинна дала показаніе о томъ, что когда ребенокъ былъ уже при смерти, она всѣми силами старалась отогнать смерть «мыслями о жизни»; старанія ея не увѣнчались успѣхомъ. Лантропъ утверждалъ, что «христіанская наука» можетъ и мертвыхъ воскрешать и что такой случай имѣлъ мѣсто 5 лѣтъ тому назадъ. Возможно, что Куинна и Лантропъ будутъ преданы уголовному суду. Лантропъ состоялъ чтецомъ въ одной изъ самыхъ большихъ церквей «современной науки» въ Нью-Йоркѣ, многочисленный приходъ которой состоитъ главнымъ образомъ изъ богатыхъ женщинъ. Сціентифисты не нарадуются по поводу этого случая; судебное преслѣдованіе есть по ихъ мнѣнію тоже гоненіе, а гоненіе великоблгодѣльная реклама, которая безъ сомнѣнія увеличитъ число послѣдователей «христіанской науки».

II.

Миссіонерство, секты и расколъ.

Внутренняя миссія, расколъ и секты въ истекшемъ году.

Бѣгство миссіонеровъ на другія должности и трудность замѣщенія миссіонерскихъ вакансій ея. Статистическія данныя о личномъ составѣ миссій и о средствахъ содержанія. Новое изданіе «чинопріема». Открытіе новыхъ миссіонерскихъ вакансій, миссіонерскіе съѣзды. Агитаціонная приподнятость и возбужденность настроенія въ сектантствѣ и расколѣ. Сенатскія кассадіи обвинительныхъ приговоровъ о сектантахъ и безсиліе закона 1894 г. о моленныхъ собраніяхъ. Прошлогоднія настроенія въ старыхъ и новыхъ сектахъ. Воинствующій задоръ австрійской секты. Нижегородскій всероссійскій съѣздъ раскольничьихъ главарей. Миссія среди интеллигенціи. Миссіонерскій характеръ и значеніе рел.-философ. собраній.

Истекшій 1902 г. не внесъ въ исторію миссій ничего новаго выдающагося: онъ былъ въ дѣятельности миссій годомъ *спрѣмной*—безъ свѣтлыхъ праздниковъ—дѣйствительности, а въ жизни ея дѣятелей—по прежнему годомъ *не сбывшихся надеждъ* на лучшее въ нихъ неупроченномъ положеніи «вольнаемныхъ служителей Церкви на правахъ разсыльныхъ епархіальнаго управленія», даже болѣе того:—1902 г. былъ годомъ *затѣнныхъ* разочарованій въ средѣ миссіонеровъ, повидимому, теряющихъ даже вѣру въ прочность современнаго миссіонерскаго института и въ успѣхъ его служенія при всѣхъ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находится современное миссіонерство и борьба съ расколомъ и сектами. Объ этомъ настроеніи можно судить уже по тому факту, что въ послѣднее время оставляютъ миссіонерскую службу одинъ за другимъ испытанные ея дѣятели, которые приобрѣли въ миссіонерскомъ мѣрѣ извѣстность своими полемическими и литературными трудами. Такъ въ послѣдніе годы, за переходомъ на другую службу, оставили свои должности болѣе 10 миссіонеровъ изъ академиковъ, а другіе близки къ этому рѣшенію, между тѣмъ какъ все число епархіальныхъ миссіонеровъ съ академическимъ образованіемъ не болѣе 30 душъ, слѣдовательно миссія потеряла половину почти опытныхъ ратоборцевъ своего состава*). Послѣдній по-

*) Въ числѣ такихъ трудно замѣнимыхъ потерь для миссіонерскаго дѣла отмѣтимъ оставленіе миссій такими дѣятелями, какъ преподаватель Рязан. сем. и редакторъ „Рязан. Мис. Сборника“. П. П. Добромысловъ (за переходомъ его въ г. Калугу въ Вѣдом. Импер. Маріи); Іером. Алексій Дородницынъ (нынѣ Инспекторъ Ставроп. сем.), Воронежскій мис. Т. С. Рождественскій (нынѣ инспекторъ нар. учил.), Донской миссіонеръ, состоявшій затѣмъ около 2 л. помощникомъ редактора „Мис.

полняется новыми, только *начинающими* силами, при этомъ вакансіи миссіонерскія въ епархіяхъ долгое время остаются незамѣщенными, за трудностью найти правоспособныхъ и подготовленныхъ замѣстителей. Миссіонерство—дѣло многотрудное, требующее столько же спеціальной подготовки, сколько и природныхъ качествъ ума, сердца и характера. Извѣстное классическое выраженіе *oratores non fiunt, sed nascuntur*—вполнѣ приложимо и въ миссіонерамъ, которымъ, сверхъ ораторскихъ талантовъ, необходимо еще имѣть и твердыя богословскія знанія, обширный умственный кругозоръ, находчивость, необыкновенное самообладаніе и терпимость, доходящія до безстрастія, а наипаче же любовь въ сердцѣ, которая, по апостолу, «все переноситъ, не превозносится, не ищетъ своего, не мыслитъ зла, всему вѣритъ, на все надѣется».

Необходимо также принять во вниманіе и то обстоятельство, что всѣ наши миссіонеры,—отъ простеца до академика,—въ дѣлѣ миссіи *самоучки*, (ибо у насъ не имѣется ни подготовительной школы, ни руководящей опредѣленной миссіонерской методики), а потому спеціальныя миссіонерскія знанія, тѣмъ паче полемическая практика и техника каждымъ изъ насъ приобретается слишкомъ дорогою цѣною. Миссіонерскія должности не обезпечены ни служебными, ни пенсіонными правами, а потому всякій годъ миссіонерской службы съ этой точки зрѣнія есть жертва любви и преданности на алтарь Церкви и отечества со стороны тѣхъ, кто посвящаетъ себя этому почтенному равноапостольскому подвигу. А если еще принять во вниманіе и тѣ невыносимыя нравственныя и физическія трудности, при какихъ совершается этотъ подвигъ, то нельзя не согласиться, что жертва эта слишкомъ цѣнная, на которую могутъ подвигнуться только люди идеи, а потому и нельзя пройти равнодушно мимо той прискорбной утраты, которую несетъ миссія въ лицѣ оставляющихъ эту службу, за переходомъ на другія поприща дѣятельности. Вотъ почему и мы это обстоятельство впереди отмѣчаемъ въ новогоднемъ нашемъ обзорѣнн состоянія миссіи за истекшій годъ.

Изъ другихъ событій и явленій истекшаго года въ области миссіи

Обозр. А. И. Орловъ (нынѣ секретарь Казан. Консисторіи), Оренбургскій мисс. Н. М. Гринякинъ (нынѣ состоитъ чиновникомъ Хоз. Управл. при св. Синодѣ и помощникомъ редактора М. О. и др. Оставили миссіонерскую службу Екатеринбург. мис. Романовскій (препод. Костром. сем.) Тамбов. мис. г. Соколинскій (нынѣ инспекторъ народн. училищъ), Тифлис. мис. В. И. Обтемперанскій (перешелъ на граждан. службу). Оставляютъ миссіонер. службу во Владимір. епархіи М. В. Граціанскій, послѣ 7 лѣтъ, чисто подвижнической миссіонерской жизнедѣятельности, Тифлис. мис. Левитскій, Кишинеvскій И. А. Сахаровъ.

останавливаетъ на себѣ вниманіе подчеркиваемая нѣкоторыми епархіальными начальствами тенденція замѣщать вакансіи епархіальныхъ миссіонеровъ предпочтительно лицами, облеченными священнымъ саномъ. Не входя здѣсь въ оцѣнку этого явленія съ точки зрѣнія пользы для миссіонерскаго дѣла, мы, однако, не можемъ не замѣтить, что эта односторонность въ такомъ живомъ и сложномъ дѣлѣ, какъ миссія, способна лишь мертвить и понижать ее, а не развивать и возвышать; исторія показала, что были и есть прекрасные миссіонеры и „расофорные“, и «сюртучники», и народные «кафтанъ, поддевка и чуйка», — а эти «чуйки» въ исторіи миссіи играютъ едва ли не наибольшую роль, — какъ исконныя насадительницы у насъ на Руси раскола и ересей, такъ и наоборотъ самоотверженныя, стойкія поборницы за православіе въ борьбѣ съ отступниками.

Не забудемъ, что народная «чуйка», или точнѣе, раскольниковій кафтанъ далъ миссіи несравненнаго, блаженной памяти о. Павла Прусскаго, и многихъ нынѣ здравствующихъ и добрѣ подвизающихся миссіонеровъ, начиная съ о. прот. Ксенофонта Крючкова, о. іеромонаха Арсенія, о. К. Попова, о. М. Дударева (Калуж.) о. Василя Радіонцева (Черниг.), о. Рябухина, о. Жарова, Ѳ. Д. Круглова, Ламакина (Нижегород.) и др.

Все это многоцѣнные самородки и ревностные, опытные подвижники миссіи. «Мис. Обзор.» знаетъ цѣну самороднымъ драгоценностямъ и всегда спѣшитъ на помощь талантамъ, но оно не забываетъ и той жизненной истины, что отшлифованный самородокъ въ сто кратъ цѣннѣе и важнѣе, а потому мы стоимъ за подъемъ образовательнаго ценза въ составѣ нашего епарх. миссіонер. института. Епархіальные миссіонеры вездѣ должны быть люди не только специально миссіонерски опытные и способные, но и научно и богословски образованные, съ широкимъ умственнымъ кругозоромъ, глубоко понимающіе психологію, современныя теченія и настроенія въ народѣ и обществѣ. Епархіальный миссіонеръ не только *первый*, а слѣдовательно образцовый ратоборецъ-полемистъ, свѣдущій въ епархіи человекъ (экспертъ) по дѣламъ расколосектоуѣднія и миссіонерства, но онъ въ тоже время и прежде всего организаторъ дѣла, руководитель и вдохновитель рядовыхъ соратниковъ своихъ, пастырей, клириковъ, мірянъ.

Его миссіонерскіи знанія и мѣстная епархіальная власть и духовенство должны давать довлѣющій отвѣтъ всѣмъ вопрошающимъ объ упованіи и не давая только народнымъ «отщепенцамъ», но и суетумудствующимъ интеллигентнымъ «богоискателямъ». Ясно, что епархіальный миссіонеръ долженъ быть лице въ высокой степени образованное, развитое и авторитетное. Времена господства узкаго начетчства въ буквѣ писавія въ дѣлѣ мис-

сiонерства безповоротно прошли,—теперь даже раскольниковъ лжеіерархія и та принялась за шифровку своихъ апологетовъ.

Присканіе миссіонеровъ изъ среды штатнаго духовенства встрѣтило нынѣ новое неожиданное препятствіе въ томъ, что всѣ миссіонерскія должности «нештатныя», и миссіонеры—іерей обыкновенно причисляются къ соборамъ сверхъ штата—на священническія, а свѣтскіе—на псаломщическія мѣста, чрезъ что поступающій на миссію лишается возвышенной нынѣ пенсіи для духовенства. Вопросъ же о специальной миссіонерской пенсіи остается все еще открытымъ.

Переходя за снѣтъ къ личному составу дѣятелей миссіи, считаемъ не лишнимъ замѣтить, что до прошлаго года мы нигдѣ не могли добыть опредѣленныхъ свѣдѣній о томъ, сколько въ какой епархіи и кто именно подвизается на поприщѣ миссіи и потому предприняли первый опытъ статистическаго изслѣдованія настоящаго вопроса, путемъ разсылки запросныхъ пунктовъ къ миссіонерамъ и секретарямъ конвенторій, которымъ пользуемся здѣсь случаемъ принести искреннюю благодарность за оказанное нашей редакціи содѣйствіе въ семь дѣлъ.

Собранными въ 46 губерніяхъ статистическими данными усганаавливается, что всего трудится на миссіонерскомъ поприщѣ 466 лицъ, въ томъ числѣ 83 пользуются званіемъ епархіальныхъ миссіонеровъ и 383 — званіемъ окружныхъ и благочинническихъ миссіонеровъ и сотрудниковъ. По образованію: съ высшимъ академическимъ образованіемъ состояло въ истекшемъ году миссіонерами 38, въ томъ числѣ епархіальными—26, окружными—12; съ семинарскимъ богословскимъ образованіемъ епархіальныхъ — 26; безъ всякаго образованія (изъ начетчиковъ) — 23; изъ всего числа епархіальныхъ миссіонеровъ лицъ духовнаго сана — 42, т. е. половина всего числа; при этомъ большее число свѣтскихъ лицъ изъ миссіонеровъ епархіальныхъ падаетъ на академиковъ и на простецовъ,—послѣдніе работаютъ главнымъ образомъ на поприщѣ борьбы съ расколомъ, академики же—съ сектантами, которые, какъ извѣстно, съ фанатическою враждебностью относятся къ миссіонерамъ раскоформнымъ... Въ числѣ епархіальныхъ миссіонеровъ священнаго сана состояло 2 іеромонаха изъ академиковъ (въ Кишиневской и Московской). Отрадное явленіе это, къ сожалѣнію, исключительное, хотя и весьма желательное.

Изъ составѣ окружныхъ миссіонеровъ преобладаютъ лица священнаго сана съ семинарскимъ образованіемъ, а именно 290 лицъ, но на миссіонерскихъ сѣздахъ выяснено, что это число падаетъ на такъ называемыхъ «благочинническихъ миссіонеровъ», дѣятельность которыхъ въ большинствѣ случаевъ номинальная и случайная, такъ что дѣйствительныхъ работниковъ

по миссіи остается лишь не болѣе $\frac{1}{3}$ всего числа лицъ, именующихъ миссіонерами. Въ составѣ окружныхъ миссіонеровъ 12 академиковъ, а 117 начетчиковъ безъ всякаго образованія. Все число миссіонеровъ безъ образованія (изъ простецовъ-начетчиковъ) простирается до 140 лицъ, т. е. число это въ три раза превышаетъ число миссіонеровъ-академиковъ и немногимъ ниже числа миссіонеровъ съ семинарскимъ образованіемъ. Отсюда нельзя не видѣть, какъ желателенъ подъемъ дѣятелей миссіи по образовательному цензу.

Отсюда будетъ понятно то далеко непопулярное, неавторитетное положеніе миссіонерскаго института среди приходскаго духовенства и враждебная предубѣжденность противъ миссіонеровъ въ образованномъ обществѣ а равно и неподвижность и неразработанность методовъ и приѣмовъ полемической практики, а также и скудость миссіонерской литературы, какъ противосектантской, такъ и противораскольнической, которая только въ послѣдніе годы стала оживляться и развиваться, благодаря, главнымъ образомъ, трудамъ миссіонеровъ изъ академиковъ и преподавателей академій и семинарій.

Изъ миссіонеровъ другихъ категорій счастливое исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ весьма немногіе почтенные миссіонеры, вроде приснопамятнаго о. Павла Прусскаго.

Относительно комплекта миссіонеровъ въ той или другой епархіи наши статистическія данныя указываютъ, что число миссіонеровъ не находится въ соотвѣствіи ни съ количествомъ раскольниковъ и сектантовъ, ни съ территоріальнымъ пространствомъ, въ которомъ приходится дѣйствовать миссіонеру.

Такъ напр., въ Донской и Олонецкой епархіяхъ по 1 епарх. миссіонеру, тогда какъ въ первой раскольниковъ 120 т., а во второй только 5 т.; въ Киевской губер. на 8 т. раскольниковъ и сектантовъ 2 епарх. миссіонера, а въ Полоцкой одинъ на 80 т. Число окружныхъ миссіонеровъ, а тѣмъ паче миссіонерскихъ сотрудниковъ въ епархіяхъ совершенно не установлено и все зависитъ отъ множества случайностей. Въ общемъ же на противораскольничьяго епархіальнаго миссіонера приходится свыше 20 т.—если такъ можно выразиться,—паціентовъ—отпавшихъ отъ Церкви. Конечно, такое число подавляетъ и физическія и нравственныя силы одного врача, отсюда естественно должны быть слабыя плоды уврачеванія. Наоборотъ, сектантовъ приходится на cadaго миссіонера въ десять разъ меньше, т. е. около 2 т. и здѣсь плоды миссіи гораздо замѣтнѣе. Не менѣе безотрадною представляется картина состоянія нашей внутренней миссіи и со стороны матеріальныхъ средствъ ея обезпеченія.

Такъ въ 46 епархіяхъ на епархіальныхъ миссіонеровъ расходуетъ до 100 т., изъ нихъ 49 т. отпускаетъ св. синодъ и только 54 т. изыскивается изъ мѣстныхъ средствъ,—въ среднемъ на епархіальнаго миссіонера приходится до 1,300 р. На содержаніе окружныхъ миссіонеровъ отпускается изъ суммъ Св. Синода только 5,528 р., изъ мѣстныхъ суммъ—41,414 р., а всего 46942 р., т. е. на обезпеченіе каждого миссіонера приходится ничтожная сумма—около 125 р.,—обыкновенная плата чернорабочаго.

Несмотря однако на вышеприведенныя столь неутѣшительныя данныя о современномъ состояніи нашей миссіи, статистическія данныя о ежегодныхъ воссоединеніяхъ сравнительно съ совращеніями въ общемъ благопріятны: воссоединеній приблизительно больше въ нѣсколько разъ, а именно: въ 36 епархіяхъ воссоединеній насчитывается до 6 т., а совращеній въ 23 губ. до 600 въ годъ. Относительно же всей, почти двухмилліонной массы раскола и $\frac{1}{2}$ милліона сектантовъ (въ 46 губер.), процентъ воссоединеній окажется конечно ничтожный (долевой).

Изъ другихъ достойныхъ вниманія фактовъ и событій, совершившихся въ области миссіи въ истекшій годъ, необходимо отмѣтить въ настоящемъ обзорѣнн слѣдующее.

Синодальной типографіей, по повелѣнію св. Синода, издава книга, заключающая въ себѣ новое послѣдованіе чинопріемовъ, по коимъ надлежатъ принимать въ лоно православной Церкви раскольниковъ и сектантовъ всѣхъ толковъ.

Особенность этого изданія та, что въ немъ, въ вопросахъ принимающаго священнослужителя и въ отвѣтахъ кающагося отступника, исчерпываются полно и точно существеннѣйшія заблужденія, содержащія послѣдователемъ той или другой секты. Между тѣмъ, какъ прежнее изданіе послѣдованія «чинопріемовъ» содержало въ себѣ слишкомъ общіе и малоопредѣленные вопросы и отвѣты. Надъ составленіемъ этого изданія работалъ въ Бозѣ почившій епископъ Астраханскій Сергій, затѣявъ его трудъ былъ вновь пересмотрѣнъ въ комиссіи, подъ предсѣдательствомъ присутствовавшего въ св. Синодѣ еп. Кишиневскаго Іакова, при участіи В. М. Скворцова, свящ. В. А. Прозорова и столичныхъ миссіонеровъ Булгакова и Чельцова.

Въ истекшемъ году состоялись въ нѣсколькихъ епархіяхъ *миссіонерскіе съезды* духовенства, мѣстныхъ и иноепархіальныхъ дѣятелей миссіи. Особенно многолюдные по составу и многоплодные по происходившимъ преніямъ и постановленіямъ были съезды въ Калужской и Донской епархіяхъ. Между прочимъ на обоихъ этихъ съездахъ была постановлена полная реорганизация существующей епархіальной миссіи. Приведеніе въ исполненіе постановленій этихъ съездовъ зависитъ отъ усмотрѣнія епархіальныхъ упра-

вленій и въ частности отъ консисторій, которыя, если судить по аналогичнымъ опытамъ въ другихъ епархіяхъ, часто держатся иныхъ мнѣній, тѣмъ миссіонерскіе сѣзды. Последніе, къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи находятся въ менѣе выгодномъ и опредѣленномъ положеніи, тѣмъ, напр. другіе сѣзды духовенства, постановленія которыхъ рассматриваются и утверждаются непосредственно епархіальными преосвященными.

Но миссіонерскіе сѣзды, независимо отъ того или другого исхода своихъ постановленій, имѣютъ свое „невыѣстимое“ въ письмени незамѣнимое значеніе могучаго средства къ проведенію въ сознаніе приходскаго духовенства миссіонерскихъ идей,—сознанія неотложной нужды для самого духовенства теперь же, пока не поздно заняться дѣломъ миссій, какъ пастырскимъ долгомъ. Въ то же время сѣзды являлись прекрасной практической школой для ознакомленія приходскаго духовенства съ лучшими приѣмами и способами борьбы съ расколомъ и сектами, съ опытами и дѣятельностью другихъ, болѣе искусныхъ въ этомъ дѣлѣ и проч. При той свободѣ слова, при братской снисходительности другъ къ другу, оживленіи и одушевленіи, которыя установились почти вездѣ на миссіонерскихъ сѣздахъ, последніе, не считая на новизну свою, дѣлаются популярными и любимыми духовенствомъ учрежденіями и, по общему отзыву членовъ сѣздовъ, учрежденія эти глубоко захватываютъ своимъ живымъ интересомъ вниманіе духовенства, углубляя его самосознаніе, расширяя умственный кругозоръ, развивая духовную потребность къ братскому взаимообщенію по тѣмъ вопросамъ, которые бывають какъ-то далеки и чужды мысли и заботамъ пастырей, а между тѣмъ они составляютъ „едино на потребу“ въ пастырскомъ служеніи.

Идея миссіонерства несомнѣнно вездѣ и въ этотъ годъ сдѣлала шагъ впередъ и именно въ самосознаніи приходскаго пастырства, что составляетъ успѣхъ и радость миссій за истекшій годъ.

Въ истекшемъ году въ Московской и Омской епархіяхъ вновь открыты и замѣщены должности епархіальныхъ миссіонеровъ съ обезпеченіемъ на мѣстныхъ средства. Въ Рязанской и Орловской епархіяхъ постановлено открыть вторыя вакансіи миссіонеровъ и возбуждены ходатайства объ отпускѣ пособія изъ суммъ Св. Синода на усиленіе средствъ миссій.

Оставаиваясь за сѣмъ на обзорѣніи общаго состоянія въ истекшемъ году сектъ и раскола, мы должны сказать, что въ состояніи какъ сектантства, такъ и раскола замѣчалась одна общая черта — это *какая то притонность, возбужденность* настроенія, беспокойствіе духа, томительныя какія то ожиданія, смутныя и, конечно, не быточныя надежды,

безпричинное озлобленіе противъ Церкви и недовѣрчивое, крайне дерзкое отношеніе къ мѣстной власти и къ миссіи.

Такое прискорбное броженіе духа въ расколосектантствѣ нужно объяснять отчасти общимъ духовнымъ повѣтріемъ нашего времени, называемымъ „смутною умовъ“, отчасти же и своими особыми причинами. Изъ нихъ прежде всего нельзя не отмѣтить своеобразныхъ отношеній кассационнаго департамента Сената къ обвинительнымъ приговорамъ окружныхъ судовъ и мировыхъ судебныхъ установленій, носящихъ характеръ какой то борьбы. Обыкновенно, присяжные въ окружныхъ судахъ, видя наличность преступленій, живо чувствуя всю тяжесть вины подсудимыхъ предъ закономъ и мѣстнымъ православ. населеніемъ, оскорбляемымъ и попираемымъ въ самыхъ дорогихъ священныхъ чувствахъ своей вѣры и въ устояхъ жизни,—выносятъ всегда и вездѣ, не исключая и столицъ, обвинительные приговоры. Сектанты и раскольники въ послѣдніе годы на это отвѣчаютъ всегда и вездѣ принесеніемъ въ Сенатъ апелляціонныхъ жалобъ. Для этого специализировались у сектантовъ свои излюбленные защитники, которые, какъ извѣстные артисты-гастролеры, разъѣзжаютъ по всей Россіи для веденія сектантскихъ процессовъ за высокій гонораръ, лежащійся тяжелымъ бременемъ, обыкновенно, на всю общину, какъ нѣкій новый налогъ и подать. Въ Сенатѣ, обычно, почти всегда и далеко не по существеннымъ поводамъ обвинительные приговоры по сектантскимъ дѣламъ кассируются, и дѣло вновь пересматривается въ новомъ составѣ суда, и вотъ снова «судъ идетъ» съ священниками—свидѣтелями, съ миссіонерами—экспертами, съ множествомъ свидѣтелей. Новое разбирательство кончается новымъ обвиненіемъ и выходитъ изъ всего этого какая то канитель и мука какъ для подсудимыхъ, такъ для свидѣтелей и суда и чувствуется всѣми какая-то профанація свящ. дѣла правосудія. По окончаніи суда происходятъ новыя сколько печальныя, столько же и смѣшныя сцены:—адвокаты упрощаютъ кліентовъ согласиться вновь подать кассацию, обвиненные [подсудимые сектанты Христомъ Богомъ молятъ оставить ихъ въ покоѣ и предать дѣло волѣ Суда Божія.

Предъ судомъ и послѣ суда страсти и личности между православными и сектантами разгораются,—возрастаетъ ненависть къ духовенству и миссіонерамъ, какъ будто бы главнымъ виновникамъ суда и осужденія. Миссіи тутъ ужъ долго нѣтъ мѣста. Особенный, ничѣмъ непоправимый вредъ приносятъ миссіи судебная волокита по преслѣдованію штундистовъ за богомоленныя собранія, запрещенныя Высочайше утвержденнымъ 1894 г. мнѣніемъ комитета министровъ. Сенатскія кассационныя разъясненія и толкованія и адвокатскія ухищренія обставили эти судебные процессы такъ спу-

таво, что законъ 1894 г. потерялъ свою силу и нынѣ онъ, вмѣсто пользы Церкви, приноситъ одинъ только вредъ, возбуждая сектантовъ и противъ Церкви и противъ властей мѣстныхъ, дискредитируя власть и законъ въ глазахъ народа, фактически показывая отсутствіе твердости и единства въ дѣйствіяхъ и взглядахъ самихъ властей на одно и то же дѣло. Такихъ процессовъ въ каждой губерніи, гдѣ есть штунда—бываетъ ежегодно сотни и всѣ они сводятся къ нулю. Сектанты открыто собираются, протоколы пишутся, идутъ процессы судебные съ экспертами, шлются кассационныя жалобы въ Сенатъ, проходятъ годы въ тяжбахъ, и сектантство, ободренное въ своей пропагандѣ, дѣлается еще болѣе назойливымъ и навязчивымъ въ своей проповѣди, и находясь вѣчно въ какомъ то судебномъ спорѣ конечно, въ этотъ періодъ не хочетъ и не способно внимать голосу увѣщателей. Штунда въ истекшемъ году заявила о своемъ существованіи въ новыхъ мѣстахъ, напр. во Владимирской губерніи.

Въ Москвѣ и въ Петербургѣ пропаганда штундо-паишковства усилилась, а въ столицѣ доходитъ иногда до такой дерзости, что лжеучители позволяютъ себѣ открыто вести свою проповѣдь даже въ вагонахъ конной ж. д.

Старая *молоканская секта* по-прежнему изнемогаетъ въ борьбѣ съ новымъ сектантствомъ—штундою и толстовствомъ.

Есть основаніе полагать, что таврическіе, такъ называемые «новомолкане—захаровцы» снова тяготеютъ болѣе къ штундизму, чѣмъ къ старому молоканству.

Духоборы закавказскіе переживали въ прошлый годъ тяжелую душевную драму, по поводу овладѣваемаго ихъ единовѣрцами въ Канадѣ умоизгупленія. Состоявшій подъ надзоромъ полиціи въ восточной Сибири извѣстный главарь этой секты Петръ Веригинъ въ послѣднее время появился среди канадскихъ духоборъ и старается образумить ихъ. Къ сожалѣнію закавказская миссія очень скудно дѣлится въ литературѣ своими свѣдѣніями о закавказскихъ сектантахъ.

Въ истекшемъ году давала о себѣ знать безумными эксцессами также и кievская *малеванская секта*. Около 30 проповѣдниковъ двинулись въ Галицію и въ Пруссію на проповѣдь, нѣсколько главарей являлись даже въ Петербургъ съ просьбою вернуть Малеваннаго изъ больницы и дать имъ барской или „свободной“ земельки для поселенія всѣмъ сектантамъ вмѣстѣ, на началахъ совершенной (духоборческой) коммуны. Секта эта въ своихъ чаяніяхъ все рѣзче и рѣзче принимаетъ характеръ аграрно-соціалистическій и способна угрожать сюрпризами на подобіе павловской драмы.

Среди *малеванцевъ* появились въ качествѣ послѣдователей евреи.

Павловскіе толстовцы, послѣ сумскаго процесса,—затихли. Высочайшею

волею помилованы всѣ осужденныя женщины и, благодареніе Богу и Царю, возвращены къ своимъ дѣтямъ.

Толстовство въ прошломъ году какъ-то было въ затишьѣ.

Мистическое потаенное сектанство заявляло о себѣ по мѣстамъ, случайно, по мѣрѣ бдительности миссіи и власти. Такъ, въ Скопинскомъ у. Ряз. г. открыто существованіе *скопцовъ* въ десяткахъ селеній и возбуждено огромное судебное дѣло. Въ Ставропольской губ., замѣтно массовое тяготѣніе хлыстовъ къ возсоединенію, благодаря миссіи о. Снм. Никольскаго.

Въ *расколъ старообрядчества* особую подвижность и настойчивость въ проведеніи своихъ вредныхъ для Церкви затѣй проявляла австрійская секта, во главѣ съ своими духовными вождями Швецовымъ и Картушинымъ.

Послѣдній за неисполненіе требованій власти въ истекшемъ году былъ удаленъ изъ Москвы и поселился на жительство въ Тулѣ, труда и управляетъ своей раскольниковъ паствой.

Швецовъ организовалъ и воспитываетъ цѣлую школу защитниковъ раскола. Около 20 душъ подобранныхъ имъ молодыхъ людей занимаются чтеніемъ и вырѣзкой изъ газетъ и книгъ всего, что можетъ идти въ пользу и защиту раскола и въ подрывъ господствующей Церкви. Вырѣзки эти сортируются по предметамъ и, подъ руководствомъ самого Швецова и его учениковъ—Усова, Мельникова, составляются матеріалы для полемическихъ противоправославныхъ тетрадокъ и книгъ, которыя въ послѣднее время появляются въ большомъ количествѣ и весьма нерѣдко. Таково, напр. происхожденіе разбираемой у насъ злокозненной книги Усова «Церковь Божія временно безъ епископа». Молодой авторъ этой «словоблудной» апологіи раскола предазаначенъ уже въ епископы и постриженъ въ монахи подъ именемъ Іоаннікія.

Безпоповцы и бѣглопоповцы въ свою очередь также не хотятъ отстать отъ австрійскихъ въ своихъ ухищреніяхъ и въ прошломъ году тоже собирали свои «соборы».

Самымъ дерзкимъ дѣяніемъ въ прошломъ году со стороны раскола было учрежденіе всероссійскаго съѣзда въ Нижнемъ Новгородѣ; о его вызывающихъ постановленіяхъ у насъ было напечатано подробно.

Постановленія «раскольниковъ нижегородскаго всероссійскаго съѣзда» попечителей моленныхъ австрійскаго толка лучше всего характеризуютъ нынѣшнее *державное* настроеніе раскола и зазорное направленіе его духовныхъ руководителей. Прежде раскольниковъ лжеіерархія „тайлась“,—а нынѣ она демонстрируетъ своимъ «представительствомъ».. Прежде не было организаціи и системы въ дѣйствіяхъ главарей и защитниковъ раскола и послѣдніе думали только объ оправданіи *своего* положенія, нынѣ наобо-

рогъ,—вырабатывается планъ дѣйствій *агрессивныхъ*, пропагаторскихъ, направленныхъ не только къ упроченію своего положенія, но и къ подкору подъ саму господствующую Церковь,—расколъ нынѣ выступаетъ уже воюющей стороною съ господствующей Церковью, чего рѣшительно не дозволяютъ *коренные* государственные законы Россійской Имперіи, на что не отваживаются даже и такіа инославныя исповѣданія, какъ напр., воинствующій католицизмъ. Стоитъ только выскочить въ это заведеніе «раскольничьяго литературнаго бюро» въ самой столицѣ, въ проекты найма адвоката *своего*, въ объявленіе преній за лучшее противъ православной Церкви раскольничье полемику—апологетическое сочиненіе, въ заведеніе братствъ, миссіонеровъ, хоровъ пѣвчихъ съ цѣлію привлеченія въ ряды австрійской секты другихъ,—и тогда будетъ ясно, что все это дерзновенные и кричащіе факты..

Въ заключеніе нѣсколько словъ о положеніи въ истекшемъ году новаго въ нашѣмъ дѣлѣ вопроса о *миссіи среди интеллигенціи*. Дѣло это сложное и острое находится еще въ процессуальномъ положеніи, а именно: пока въ печати идетъ выясненіе этого давно забытаго, затеряннаго дѣла, однако въ прошломъ году сдѣлана и первая попытка практическаго осуществленія этой идеи. Попытку эту представляютъ собою столичные «религиозно-философскія собранія».

Собранія эти имѣютъ всѣ свойства (и съ внутренней и внѣшней стороны веденія двухстороннихъ преній) именно—*миссіонерскихъ* собесѣдованій между представителями Церкви и людьми, ищущими религіозной истины; разница здѣсь развѣ та, что въ *народно-миссіонерскихъ* собраніяхъ и собесѣдованіяхъ противная Церкви сторона (раскольники и сектанты) болѣе фанатично и соблазнительно для слушателей ведутъ свои пренія, а представители православія защищаютъ его болѣе выдержанно и единомысленно, по выработанной уже методикѣ, чѣмъ представители, участвующіе въ собраніяхъ—«церковники» и богословы. Но тутъ другіе вопросы, и темы, и иные собесѣдники и новизна дѣла. Во всякомъ случаѣ «религиозно-философскія собранія»—новое полезное для Церкви миссіонерское учрежденіе уже въ томъ отношеніи, что наши пастыри и богословы имѣютъ возможность изучить современные религіозные запросы, какіе ставятъ Церкви, и нашей наукѣ интеллигенты разныхъ лагерей и направленій, стать ближе къ воюющему противъ Церкви лагерю внимательнѣе осмотрѣть свой богословскій арсеналъ.

Словомъ, старый годъ миссіи Церкви оставляетъ въ наслѣдство тяжелое бремя во всѣхъ отношеніяхъ. Жатва многа, а жателей мало. Будемъ молить Господина жатвы выслать въ новое лѣто на наше святое дѣло достойныхъ, право и твердо правящихъ слово истины дѣлателей—миссіонеровъ.

В. Скворцова.

III.

Корреспонденція „Миссіонер. Обозрѣнія“, извѣстія и замѣтки.**Изъ Нижегородской епархіи.**

(Отъ нашего корреспондента).

Знаменательное воссоединеніе. И въ наше время, когда враги Церкви Христовой замышляютъ противъ нея различныя козни, Господь не оставляетъ Свою Невѣсту безъ утѣшенія, даруя ей новыхъ чадъ.

9 іюня истекшаго года, въ селѣ Большомъ Мурашкинѣ, Нижегородской губерніи, совершенно во время божественной литургіи торжественное присоединеніе къ православной Церкви обратившагося изъ австрійско-окружническаго раскола крестьянина этого села Евгенія Иванова Фалина (онъ же и Шумиловъ), 23 лѣтъ отъ роду. За богослуженіемъ, во время присоединенія, присутствовала масса молящихся православныхъ людей; были нѣкоторые и изъ раскольниковъ, изъ любопытства пришедшіе посмотреть на обрядъ присоединенія. Нельзя было не удивляться, смотря на это величественное въ своей простотѣ и искренности торжество сельской православной церкви! Товарищи по лѣтамъ присоединяемаго стояли во время присоединенія съ вознесеннымъ свѣчамъ, а благочестивые старички и старушки, возсылая хвалу Богу о приобрѣтеніи во дворъ овчій заблудшей овцы, проливали тихія слезы радости и удивленія. Отвѣчая этотъ случай присоединенія на страницахъ миссіонерской хроники, коснемся нѣкоторыхъ его подробностей, могущихъ проливать свѣтъ на причины рѣдкихъ, сравнительно, обращеній изъ раскола, съ одной стороны, и характеризовать въ достаточной степени нравственный обликъ современнаго австрійскаго раскола и его отношеніе къ православной Церкви съ другой.

Евгеній Фалинъ родился въ раскольниковской семьѣ и воспитанъ былъ въ духѣ австрійско-окружнической секты. Отъ природы любознательный, онъ довольно рано понялъ ложь мнимаго австрійскаго священства, почему, еще за много времени до присоединенія, онъ верѣдко посѣщалъ, во время богослуженія, православныя церкви. Отправляясь изъ дому въ австрійскую моленную, онъ верѣдко попадалъ вмѣсто ея въ православный храмъ. Родители Фалина, типичные представители австрійско-окружнической секты, замѣчая въ своемъ сынѣ наклонность къ православію, очень часто подвергали его за это побоямъ и различнымъ лишеніямъ и угнетеніямъ. Бывали случаи, когда Евгеній Фалинъ возвращался отъ обѣдни не изъ австрійской

поленной, а изъ православной церкви, они встрѣчали его еще на пути къ дому и здѣсь, при большомъ стеченіи постороннихъ людей, всячески ругали его, а иногда и колотили. Все это скромный и тихій Евгенийъ, (несмотря на свой слишкомъ двадцатилѣтній возрастъ) переносилъ безропотно. Раскольники всячески поощряли безумныхъ родителей Евгения къ проявленію изувѣрства по отношенію къ своему родному сыну, а православные жители Мурашкина со скорбію смотрѣли на тяжелое положеніе, испытываемое Евгениемъ единственно изъ любви къ православной церкви. Чтобы облегчить это положеніе, одинъ изъ ревнителей православія, крестьянинъ того же села Мурашкина — И. М. Кишкинцевъ, посоветовалъ Евгению учинить надлежащее присоединеніе къ православной Церкви: быть можетъ, послѣ открытаго присоединенія къ Церкви, изувѣрные родители Евгения и прекратятъ по отношенію къ нему свои преслѣдованія. Евгенийъ послѣдовалъ совету Кишкинцева и упросилъ послѣдняго быть его воспріимникомъ. Присоединеніе, какъ сказано, совершилось 9-го іюня. Хотя Евгенийъ не говорилъ своимъ родителямъ о принятомъ имъ рѣшеніи публично присоединиться къ православной Церкви, однако же, они узнали объ этомъ еще наканунѣ присоединенія. Въ этотъ день, изувѣрная мать — Парасковья Фаина, встрѣтивъ только лишь возвратившагося домой съ работы сына, тотчасъ же неожиданно для Евгения, выцѣпила ему въ волосы, а отецъ Евгения, схвативъ попавшійся подъ руки молотокъ, замахнулся имъ надъ головой своего сына. Къ счастью, Евгенийъ успѣлъ уклониться нѣсколько въ сторону, и ударъ фанатика-отца только лишь скользнулъ по виску, оставивъ не особенно большой кровавый рубецъ. Но будь ударъ вѣренъ, — онъ имѣлъ бы роковой исходъ. Послѣ отчаянной борьбы, Евгенийъ смогъ, наконецъ, вырваться изъ рукъ своихъ палачей-родителей, и тотчасъ же бѣжалъ отъ нихъ къ будущему своему воспріимнику — Кишкинцеву. Послѣ присоединенія, Евгенийъ Фаинъ нѣсколько разъ заявлялся къ родителямъ для примиренія съ ними; но послѣдніе и въ домъ его не пускаютъ. Не отдаютъ ему даже никакой его одежды. Въ чемъ убѣжалъ онъ къ Кишкинцеву, наканунѣ присоединенія вырвавшись отъ родительскихъ побоевъ, съ этимъ только остается Евгенийъ и до сихъ поръ, проживая у Кишкинцева. Мало этого. Спусти нѣсколько дней послѣ присоединенія Евгения, родители его написали судебному слѣдователю жалобу, въ которой обвиняли своего сына въ нанесеніи имъ побоевъ, выставивъ въ своей жалобѣ девять человекъ свидѣтелей. Судебный слѣдователь неоднократно выѣзжалъ по этому дѣлу въ с. Большое Мурашкино; однако же, свидѣтельскія показанія подтвердили тотъ фактъ, что не Евгенийъ родителей оскорблялъ, а напротивъ, — сами родители всячески гнѣсили, угнетали и колотили Евгения за его склонность къ православной

Церкви. Вслѣдствіе такихъ показаній, данныхъ указанными самими Фалиными свидѣтелями, жалоба ихъ на Евгенія оставлена слѣдователемъ безъ послѣдствія.

Вотъ каковъ фанатизмъ и каково изуверство доселѣ господствуютъ даже и въ этой, кичащейся предъ прочими раскольниками своею мнимою просвѣщенностію, раскольнической австрійско-окружнической сектѣ! А заправилы этой секты стараются добиться еще свободнаго открытія своихъ собственныхъ школъ. Чему же, спрашивается, научать такіе изуверы въ своихъ школахъ?! N.

Изъ Донской области.

(Отъ нашего корреспондента).

(Смерть раскольничьяго лжеархіерея Силуана). 19-го декабря прошлаго 1902 года на зимовникѣ нѣкогого Кузнецова, въ мѣстности извѣстной подъ именемъ «Западенской балки» скончался лжеепископъ Донской и Кавказскій Силуанъ, глубокій старикъ 77 лѣтъ, состоявшій долгое время лжеархіереемъ донскихъ старообрядцевъ австрійскаго окружническаго толка... Смерть его не опечалила старообрядцевъ, ибо Силуанъ уже съ сентября мѣсяца прошлаго года былъ уволенъ на покой отчасти по преклонности лѣтъ, а главнымъ образомъ потому, что онъ въ послѣднее время потерялъ всякій авторитетъ у новочеркасскихъ старообрядцевъ, которые не могли не замѣчать, что ихъ «церковный глава» «выжилъ изъ ума» по характерному выраженію одного изъ знакомыхъ намъ новочеркасскихъ старообрядцевъ. За увольненіемъ Силуана послѣдовалъ вопросъ: гдѣ ему жить на покой? Новочеркасскіе старообрядцы предлагали ему жить у нихъ, предоставляли ему въ распоряженіе тотъ флигель при одной изъ новочеркасскихъ молелень, при которомъ онъ и прежде жилъ. «Умрешь, мы тебя похоронимъ съ честію»,—говорили попечители этой молельной Силуану. Но оскорбленный увольненіемъ на покой, старикъ не хотѣлъ жить на «прежнемъ пепелищѣ» и въ началѣ сентября уѣхалъ въ небольшой старообрядческій монастырекъ, помѣщающійся на зимовникѣ Кузнецова, гдѣ и скончался и погребенъ. Такъ какъ зимовникъ Кузнецова продается, то новочеркасскіе старообрядцы теперь въ большемъ горѣ: «Говорили мы старику, живи у насъ въ городѣ, и мы съ честію похоронимъ тебя, а онъ не послушалъ насъ, и великую бѣду надѣлалъ! Что если зимовникъ Кузнецова будетъ проданъ «никонианамъ?»

Кто же такой былъ Силуанъ и какое значеніе онъ имѣлъ въ жизни донскаго раскола?

Казакъ области Войска Донского, Станицы Есауловской, Степанъ Петровъ Морозовъ, рукоположенный Антоніемъ (Шутовымъ) во епископа Донского и Кавказскаго, онъ сначала проживалъ въ старообрядческомъ монастырѣ близъ станицы Кавказской, Кубанской области и недалеко отъ станицы Кавказской, Владикавказской жел. дороги, а по обращеніи этого монастыря въ единовѣрческій, онъ переселился въ г. Новочеркасскъ, гдѣ жилъ при такъ называемой Шлычковской моленной на Барочной улицѣ.

Какова была жизнь Силуана въ Кавказскомъ монастырѣ ясно показываетъ «общественный приговоръ отъ 20-го января 1890 года жителей старообрядческаго Кавказской станицы, Кубанской области, общества», гдѣ такими яркими красками изображаются всевозможныя «прегрѣшенія» Силуана, что мы, щадя нравственные чувства читателей, не приводимъ ихъ здѣсь. Этотъ общественный приговоръ, «составленный на «экстренномъ засѣданіи» общества станицы Кавказской и скрѣпленный подписями 79 жителей станицъ Кавказской и Прочноокопской, напечатанъ въ книгѣ К. Попова: «Архивъ раскольниковскаго архіерея Амвросія» (стр. 577—588). Къ этой книгѣ мы и отсылаемъ любопытныхъ читателей. Какъ владыка старообрядческій, Силуанъ, въ цѣляхъ лучшаго управленія епархіей, часто ѣздилъ по станицамъ Кубанской и Донской области для поставленія священниковъ и „для ревизіи“. Старался онъ принимать въ австрійскій толкъ окружническій неокружниковъ. У насъ имѣется подлинникъ письма Силуана къ «честнѣйшему іерею Фотію» — противоокружнику, заявившему, повидимому, желаніе перейти въ окружническій толкъ. Въ этомъ письмѣ Силуанъ высказываетъ свой интересный взглядъ на окружное посланіе. Въ виду интереса этого письма мы напечатать его въ 1-мъ сборникѣ Мисс. Обзор. „Современный расколъ“.

Донская паства не любила своего владыку за его многія безобразія и въ особенности за корыстолюбіе. Въ брошюрѣ ставропольскаго епархіальнаго миссіонера свящ. Симеона Никольскаго: „Картины изъ жизни и практики епископовъ австрійской жеіерархіи у старообрядцевъ на сѣверномъ Кавказѣ“ подробно изображаются многія безобразія Силуана. Вотъ одно изъ нихъ. Нѣкто Вифлянцевъ былъ предназначенъ Силуаномъ къ рукоположенію во діаконы къ Прочноокопской раскольниковой церкви вопреки желанію прихода, и въ этихъ видахъ предполагалось совершить его поставленіе тайкомъ, въ сторонкѣ отъ Прочноокопа. Въ глухую полночь, въ сопровожденіи своего келейника, съ своимъ «ставленникомъ», его роднымъ онъ направился въ часовню и такъ тотчасъ, наскоро, безъ всякаго богослуженія и самаго чинопослѣдованія о рукоположеніи, поставилъ Вифлянцева діакonomъ. На огонекъ въ часовнѣ въ столь необычное время

пришли люди изъ жителей хутора; прибѣжали и прочноокопскіе депутаты, сообразившіе, въ чемъ дѣло; но было уже поздно: «ставленникъ» стоялъ уже въ стихарѣ съ ораремъ на плечѣ. Старообрядцы прибавляютъ къ этимъ свѣдѣніямъ слѣдующій курьезный разсказъ. Силуанъ, второпяхъ отправляясь въ часовню, забылъ захватить очки; посылать за ними было некогда: время было дорого, а безъ очковъ читать не могъ. Что было дѣлать? На выручку явилась смѣлка: «въ гонительное время не все-то дѣлается по правиламъ»,—и онъ возложилъ руку на «ставленника», а келейникъ читалъ молитву: «Божественная благодать...» Онъ же, понятно, возглашалъ, хотя тихо, — «не бо отложенія рукъ *монѣ*... даетъ благодать...» Силуанъ, какъ мы сказали, часто разѣзжалъ по станицамъ и хуторамъ своего стада, убѣждалъ всѣхъ и каждого изъ раскольниковъ австрійскаго толка всемирно держаться «древняго благочестія». И каждый свой пріѣздъ сопровождалъ сообщеніемъ какихъ-либо новостей для раскола: то говорилъ, что греческій патріархъ въ недалекомъ будущемъ признаетъ ихъ раскольниковъ іерархію законною, то возвѣщалъ, что русское правительство уже почти согласно признаетъ эту іерархію равноправною съ іерархіею Церкви Господствующей и т. п.

Кто будетъ новымъ лжеепископомъ Донскимъ и Кавказскимъ, пока не-известно. Бывшій въ станицѣ Ногавской соборъ раскольниковъ благочинныхъ для избранія епископа не пришелъ ни къ какому рѣшенію, и объ этомъ сообщалось уже въ «Миссіонерскомъ Обзорѣ». Новороссійскіе старообрядцы думаютъ «сплавить» новаго епископа въ Ростовъ на Дону, ибо тамошніе старообрядцы богаче, а имъ де трудно нести матеріальныя расходы по содержанію епископа!.. Дѣло же избранія новаго епископа они предоставили всецѣло Іоанну Картушину, который, какъ донской казакъ родомъ, несомнѣнно позаботится, чтобы донская каведра долго не вдовствовала.

Свящ. Е. Овсянниковъ.

Религіозно-философскія собранія въ столицѣ. Всѣхъ собраній въ истекшемъ году состоялось 16, послѣдніе 4 засѣданія были посвящены докладу о. Миханіа „О Брактѣ“, напечатанному въ ноябр. кн. „Мис. Обзор.“ Тезисы доклада были изложены такъ.

1) Физическая сторона брака не заключаетъ въ себѣ грѣха и нечистоты. Брачное общеніе, освященное Церковью, не всегда свято и чисто.

2) Фактически обычное настроеніе супруговъ, грѣховно-страстное („похоть“), не есть настроеніе „естественное“; оно даже положительно противно члѣнамъ брака.

3) Потому и необходимо таинство брака, возстановляющее черезъ таин-

ство покаянія добрачную чистоту и уничтожающее обусловленную грѣхомъ „ложь“ полового сожитія супруговъ.

4) Въ противоположность Розанову, отстаивающему права наличнаго „падшаго“ пола, Церковь созидаетъ новый, святой полъ.

Въ новомъ году первое собраніе состоялось 9 января и было посвящено colloquiumу на слѣдующіе предложенные къ обсужденію вопросы.

1) Можно ли считать догматическое ученіе Церкви завершеннымъ? (Отношеніе догмата къ откровенію).

2) Осуществлены ли въ дѣйствительности Европейскаго человѣчества (въ государствѣ, въ обществѣ, семьѣ, культурѣ, искусствѣ, наукѣ) откровенія, заключенныя въ Христіанствѣ?

3) Если дальнѣйшее религіозное творчество въ Христіанствѣ возможно и необходимо, то каковы реальныя пути къ нему, и какимъ образомъ оно можетъ быть согласовано со священными Писаніемъ и Преданіемъ Церкви, Канонами Вселенскихъ Соборовъ и ученіями св. Отцовъ?

Отчетъ о преніяхъ будемъ давать въ слѣдующихъ книжкахъ.

Сколько на св. Руси Храмовъ Божіихъ? По послѣднему (за 1899 г.) Всеподданѣйшему Отчету г. Оберъ-Прокурора св. Синода.

Православныхъ храмовъ въ Имперіи къ концу 1898 года было всего 48.002, изъ нихъ собственно приходскихъ, со включеніемъ единоувѣрческихъ, 37.502; соборовъ и соборныхъ градскихъ церквей было 714, въ томъ числѣ имѣющихъ приходы 601; изъ нихъ 69 кафедральныхъ; *единоувѣрческихъ* 275; приписныхъ кладбищенскихъ, домовыхъ и другихъ свыше 10.380; часовенъ и молитвенныхъ домовъ 18.780.

Въ 1899 году вновь построено 609 церквей (каменныхъ 221, деревянныхъ 388); часовенъ и молитвенныхъ домовъ 224 (каменныхъ 57 и деревянныхъ 167).

Добрый пастырь. Въ „Сарат. Епарх. Вѣд.“ о. Павелъ Любарскій, говоря объ ослабленіи раскола въ селѣ Верховимѣ, Петровскаго у., причиной этого отраднаго явленія выставляетъ примѣрную жизнь умершаго приходскаго священника, о. Андрея Любарскаго и его неустанные труды и заботы о просвѣщеніи заблудшихъ овецъ. Нужно было видѣть, писать, о. П. Любарскій, труды почившаго пастыря, отца Андрея. Онъ постоянно былъ среди прихожанъ; на улицѣ, въ домахъ раскольниковъ, даже въ самой ихъ моленной можно было видѣть его, окруженнаго толпой народа, съ книгами

въ рукахъ. Съ какимъ терпѣніемъ, съ какой любовью относился почившій къ заблудшимъ овцамъ стада своего, сколько онъ претерпѣвалъ отъ фанатиковъ-раскольниковъ и все сносилъ онъ съ кротостію и терпѣніемъ. Для примѣра можно указать на слѣдующій фактъ. Въ старшины былъ выбранъ раскольникъ фанатикъ. Однажды приходать къ отцу Андрею съ просьбой напутствовать умирающаго. Съ радостію снѣшнѣе отецъ Андрей за Св. Дарами въ церковь: „это рѣдкость была, цѣлое событіе въ Верхозимѣ—причащать умирающаго. Подходить къ оградѣ,—ограда заперта на замокъ, тоже и сторожа. Противъ волостное правленіе. Обращается отецъ Андрей къ сторожу съ вопросомъ: кто заперъ ограду? тотъ ухмыляясь отвѣтилъ важно: такъ распорядилось начальство. А это приказалъ, оказалось, старшина. Все это нужно было нести съ терпѣніемъ. Впослѣдствіи этотъ самый старшина сдѣлался усерднѣйшимъ членомъ православной Церкви и не разъ со слезами говаривалъ почившему: какъ я оскорблялъ тебя, батюшка, что ты претерпѣлъ отъ меня. Спаси тебя Господи! Неустанная забота почившаго пастыря, его любовь къ пасомымъ расположила къ нему сердца всѣхъ пасомыхъ. Многіе возвратились въ лоно православной Церкви. И любили же они, не исключая самихъ раскольниковъ, батюшку: они лелѣяли его, берегли его, но уже силы измѣняли старцу и онъ началъ прихварывать, и вотъ Великимъ постомъ, нынѣшняго 1902 г. отецъ Андрей желая посмотреть и поруководить въ службѣ преждеосвященной литургіи—сына своего, іерея Павла, простудился, получилъ воспаленіе легкихъ, и 18 марта тихо скончался, повторяя: „пора домой“! Не смотря на дурную погоду, храмъ во время панихиды былъ полонъ молящихся, здѣсь же присутствовали и раскольники наши и сосѣднихъ селъ. Не даромъ прошли 20 лѣтъ служенія отца Андрея дѣлу миссіи: почва была распахана и подготовлена. Мнѣ, его преемнику, отрадно видѣть возвращеніе изъ нѣдръ раскола въ лоно православія.

Къ исторіи о бородѣ (справка къ свѣдѣнію старообрядцевъ). Старые евреи гордились длинною бородой, считавшеюся у нихъ признакомъ мужской силы и внушавшей уваженіе молодежи. Евреи и другіе восточные народы клялись даже своею бородой. Ассирійцы также съ большою заботливостію относились къ своимъ бородамъ: они ихъ натирали тоскомъ и душили, загѣтъ искусно завивали около кожи, а концы свертывали въ цилиндрическіе локоны. Древніе египтяне, напротивъ, брили

свои лица, но боговъ своихъ нерѣдко изображали съ клинообразной бородой. Молодые греки и римляне обыкновенно не носили ни бороды, ни усовъ, но мужчины болѣе зрѣлаго возраста, повидимому, отпускали себѣ бороды. Императоръ Юліанъ написалъ сочиненіе, порицавшее ношеніе бороды. Александръ Великій запрещалъ своимъ солдатамъ отпускать себѣ бороду, по той причинѣ, что врагамъ было бы удобно хватать за нее. Плиніи и Варронъ рассказываютъ, что римляне начали бриться только около 425 года до Р. Х. Англосаксы носили бороды до временъ завоеванія норманнами, и только Вильгельмъ Завоеватель заставилъ ихъ бриться. Затѣмъ мода носить бороды возвратилась только во времена Тюдоровъ. Въ правленіе Генриха VIII мода на бороды такъ распространилась, что послѣдовать налогъ на бороды, смотря по положенію, занимаемому ихъ обладателями. Въ царствованіе королевы Елисаветы за каждую бороду, росшую дольше двухъ недѣль, приходилось уплачивать налогъ въ 3 шиллинга и 4 пенса. Въ то время люди носили разныя бороды, смотря по занимаемой ими должности. Карлъ I ввелъ узкую Ванъ-Дейковскую остроконечную бородку и развѣвующіеся усы, и эта форма сохранялась до временъ Іакова II. Затѣмъ снова появились бритыя лица. Французы придумывали всегда какой нибудь оригинальный фасонъ бороды. Въ царствованіе Генриха IV бородѣ придавалась четырехугольная форма, позже ее носили въ видѣ вѣера, затѣмъ—въ видѣ ласточкина хвоста, или же ее подрѣзали въ видѣ листа артишока. Позже стали опять подражать древнимъ ассирійцамъ, и французскіе щеголи носили бороду навощенною и завитою длинными цилиндрическими доконами. Въ серединѣ прошлаго столѣтія нѣкоторые европейскіе правители издавали законы и указы, воспрещавшіе ношеніе бородъ. Въ 1850 году австрійскій императоръ запретилъ своимъ гражданскимъ чиновникамъ носить бороды. Три года спустя неаполитанское правительство издало подобный же указъ, и молодыхъ неаполитанцевъ, не желавшихъ подчиниться закону, полиція силой водила къ цирюльникамъ. Нѣкоторые народы, особенно венгерцы, особенно заботились о своихъ усахъ и отпускали ихъ до нечѣроятной длины. Усы знаменитаго генерала Гайнау имѣли въ длину почти полметра, и усы длиной отъ двѣнадцати до восемнадцати дюймовъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ составляли обычное украшеніе венгерскихъ офицеровъ.

Отклики.

- 1) Отчего такъ мало на землѣ счастья. «Ошибка доктора Осокина». Приходъ—«фабрика счастья». Братство о. Гумилевского.
- 2) Письмо изъ Канады. Въ чемъ ложь сектантской праведности.

Въ первый днь Новаго года принято желать *счастья*. Конечно, и я искренно желаю счастья своимъ читателямъ. И въ этой первой моей бесѣдѣ хочу поговорить именно о счастьи, о средствахъ сдѣлать жизнь свѣтлѣе и радостнѣе.

Конечно, имѣя въ виду характеръ и цѣли журнала, я коснусь только тѣхъ сторонъ вопроса, которыя тѣсно примыкаютъ къ вопросамъ церковной жизни и даже *мисси*.

Отчего такъ мало—повидимому—счастья на землѣ? Отчего такъ мало счастливыхъ въ средѣ христіанскаго міра, тогда какъ, думается, *со спасеніемъ* должно было быть принесено *и счастье*? Недаромъ этотъ *мракъ крутомъ* (хотя и горитъ «звѣзда на Востокъ») заставляетъ нѣкоторыхъ воскликнуть: Христосъ пришелъ, но гдѣ спасеніе?

Я думаю, причина этой нищеты, оскуднѣнія счастья въ малой заботливости современнаго человѣка о томъ, *чтобы другіе были счастливыми*. Я не скажу, что теперь мало заботятся о голодныхъ, безпріютныхъ и нищихъ. Нѣтъ! можетъ быть, филантропія и достаточно, во всякомъ случаѣ не объ этомъ моя рѣчь. Меня удивляетъ крайняя узость пониманія задачъ «человѣколюбія»; филантропія слишкомъ сузила свою программу созиданія человѣческаго счастья. Люди, которые говорятъ, что они любятъ ближняго и, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ его любятъ, однако, кажется, они еще не додумались до мысли, что *не о хлѣбъ единомъ живъ человекъ*, и заботятся именно о *хлѣбѣ единомъ*, т. е. о томъ, чтобы дать хлѣбъ тому, у кого нѣтъ хлѣба. Но, вѣдь, нужно дать не хлѣбъ, а счастье. Очень часто счастья недостаетъ у тѣхъ, у которыхъ слишкомъ много хлѣба. Отчего же они недостойны попеченія о нихъ другого ближняго?

Да и тѣмъ, у кого нѣтъ хлѣба и крова,—развѣ всегда достаточно дать хлѣба, чтобы они были живы. Они часто и хлѣбъ потеряли, потому

что раньше потеряли счастье, вѣру въ жизнь. Нужно вернуть эту вѣру, да и хлѣбъ имъ дать умѣло, съ любовной осторожностью.

Намъ нужны не учрежденія для раздачи хлѣба, а «фабрики счастья». ✓
Въ одномъ беллетристическомъ произведеніи я нашелъ интересный проектъ такой «организации счастья». Это разсказъ Мамина-Сибиряка «Ошибка доктора Осокина». Докторъ Осокинъ жилъ и прожилъ свою жизнь. Онъ не считалъ себя несчастнымъ, но не имѣлъ основаній считать себя и счастливымъ. Жилъ изо дня въ день и, можетъ быть, такъ бы и умеръ, не задумываясь надъ вопросомъ, жилъ ли онъ, если бы не навела его на этотъ вопросъ одна его знакомая старуха. Она указала ему, что онъ *собственно не жилъ*. «Вотъ—говоритъ она ему—квартира у тебя большая, здѣсь должна была бы быть спальня твоей старшей дочери, здѣсь кабинетъ твоего сына». Эти слова совершенно, повидимому, нелѣпыя заставили задуматься доктора Осокина. Въ самомъ дѣлѣ пропала жизнь; а могло бы быть совсѣмъ иначе. И, задумавшись надъ этимъ вопросомъ, онъ создалъ цѣлую теорію «жизни въ возможности». Счастія, рѣшилъ онъ, мало потому на землѣ, что большая часть счастья остается не проявленной, *возможность* не переходитъ въ *дѣйствительность*; пропадаютъ таланты, способности, пропадаетъ счастье, которое могла бы дать человѣку жизнь, если бы чуть-чуть онъ самъ или другіе измѣнили условія жизни. И вотъ онъ, почти помѣшанный на этой идее фикс, приходитъ къ мысли о созданіи общества, которое задается бы цѣлю *создавать счастье*, т. е. жизнь въ возможности обращать въ жизнь въ дѣйствительности, помогать людямъ, которые почти счастливы, или вѣрнѣе могли бы быть счастливы, дѣлаться счастливыми. И, конечно, это общество, по его плану, сглаго бы разыскивать несчастныхъ не только между голодными: его кліенты вездѣ. Вездѣ много такихъ, которые, повидимому, ничего недостаетъ для счастья, крохѣ *самаго счастья*.

Мнѣ, сознаюсь, очень понравилась мысль доктора Осокина. Думаю, что, вѣснелельно, счастья мало, потому что никто не хочетъ позаботиться, чтобы были счастливыми тѣ, для счастья которыхъ нуженъ не хлѣбъ или не только сапоги, а что-нибудь *не совсѣмъ матеріальное, что не покупается за деньги*. И хотѣлось бы, чтобы въ самомъ дѣлѣ было такое «общество», какого хочетъ докторъ.

Но почему я заговорилъ объ этомъ вопросѣ съ читателями «Миссіонерскаго Обозрѣнія»? Повидимому, тема эта не имѣетъ никакого отношенія къ задачамъ церковнаго журнала. Не совсѣмъ такъ. Я думаю, что такое общество уже создано, но дѣятельность его не достаточно ясно проявлена или лучше, такое общество существуетъ, но его члены въ отсутствіи. *Цѣли доктора Осокина, кажется, должны бы осуществляютъ приходы*

✓ *церковное братство.* Какое другое общество могло бы лучше осуществить задачу дѣлать счастливыми почти счастливыхъ, какъ не приходъ? Для того, чтобы дать другому то, что ему нужно, кромѣ хлѣба вещественнаго, нужно знать его душу, быть близкимъ къ его совѣсти. А это можетъ быть такъ въ Церкви и должно быть такъ въ томъ церковномъ братствѣ, которое зовется приходомъ. Здѣсь главѣ прихода открыты совѣсти паствы. А каждый христіанинъ, каждый прихожанинъ не только можетъ, а долженъ знать, чѣмъ живетъ другой прихожанинъ, его сосѣдъ, чѣмъ живетъ душа его и что ему нужно для *спасенія*, не въ специально-церковномъ смыслѣ этого слова, а для того, чтобы можно было жить, т. е. что нужно для его христіанскаго счастья. Пусть этотъ сосѣдъ не пускаетъ его въ свою душу, но, вѣдь, *не пускаетъ только потому, что считаетъ его чужимъ человекомъ.*

Никто не помѣшаетъ войти въ его душу другому, кто входитъ туда съ любовью и любовною осторожностью. Тамъ, гдѣ было бы настоящее христіанское, т. е. Христово братство, тамъ душа всѣхъ была бы открыта для всѣхъ, а, значитъ, и братство это, общество проявленія жизни изъ возможности въ дѣйствительность знало бы, что дѣлать по отношенію къ каждому изъ своихъ членовъ. Такихъ обществъ нѣтъ, потому что у насъ еще нѣтъ и прихода. «Куча камней, не соединенная никакимъ цементомъ, желчно и скорбно, но, справедливо пишетъ одинъ публицистъ, болѣе имѣетъ связи, чѣмъ нашъ приходъ, члены приходской церкви».

А приходамъ пора бы появиться, пора именно потому, что только они могутъ внести счастье на землю. Только тогда, когда они будутъ, нельзя будетъ говорить: Христосъ пришелъ, а гдѣ же спасеніе?

Составляя одну семью, приходъ не только накормитъ «голодныхъ», — онъ спасетъ отъ гибели готовыхъ «упасть», поддержитъ не матеріальной только, но и нравственной помощью тѣхъ, кому угрожаетъ гибель.

Онъ можетъ создать даже нѣчто вродѣ моральнаго суда, образуя новую святую форму общественнаго бытія „утверждающе прихожанъ евангельски жити, составляюще любовь по закону Христовой Церкви, творити судъ истиненъ и милостію въ потребахъ братіямъ, а злыхъ научити“...

Но возможно ли осуществленіе такого рода братствъ или такого рода обществъ? Думается, что возможно. И я вспомнилъ объ этихъ братствахъ, потому что въ этомъ году можно праздновать 40-лѣтній юбилей одного общества, которое было ближе всего къ братству Христову. Въ 63-мъ г. нѣкто священникъ Гумилевскій первый создалъ братство (здѣсь, въ Петербургѣ—на Пескахъ) по оригинальной и свѣжей программѣ. О. Гумилевскій рѣшилъ, что не филантропія нужна, а настоящая, подлинная любовь. Не

подачкой кускомъ хлѣба или долей въ обѣдѣ нужно снѣсть на землѣ счастье, а внимательностью къ душѣ всякаго ближняго. И вотъ оны организуєтъ братство. Это братство вначалѣ заботится больше всего пожалуй о хлѣбѣ, но тоже на свой ладъ.

Теперешніе обѣды нищимъ только подачка, которую бросаютъ, чтобы исполнить какой-то формальный, положимъ, праздничный—рождественскій или пасхальный долгъ (Обѣды для бѣдныхъ, какіе дѣлаютъ наши купцы).

О. Гумилевскій создаетъ *вечери любви*. Это были братскія трапезы. Его нищѣ чувствовали, что Христосъ между ними на этой трапезѣ, что даетъ эту трапезу участіе не только въ ихъ голодѣ, но вообще въ ихъ жизни, въ ихъ душѣ. За братскими обѣдами присутствовали члены братства, сестры, которыя здѣсь были какъ будто христіанскія діакониссы перваго вѣка. Это, конечно, было не сущю дѣла о. Гумилевскаго, а только «символомъ», указаніемъ будущей программы, но уже и этотъ символъ говоритъ о многомъ.

Братство о. Гумилевскаго быстро организовало на Пескахъ пріютъ для дѣвочекъ и мальчиковъ, богадѣльню, больниццу и библіотеку. Мало того, рядомъ съ своими планами о. Гумилевскій организовалъ и *попечительство* о нравственномъ оздоровленіи прихода; онъ сумѣлъ создать братскій, апостольскій, христіанскій судъ. «Всякій братъ, узнавъ о дурныхъ поступкахъ другого, долженъ усовѣстить его при одномъ или двухъ братьяхъ; если тотъ не раскается, дѣлается увѣщаніе отъ братства и священника. Братство не вѣшивается въ дѣла гражданскаго управленія и не входитъ въ чужія тяжбы, но если кто въ тяжбѣ самъ попроситъ братскаго суда то братство разсматриваетъ дѣла по долгу и совѣсти (Изъ проекта митр. Арсенія). «Братчина судить, какъ судьи.—Необычайнѣе всего съ нашей теперешней нехристіанской точки зрѣнія то, что попытка эта,—возобновить старое начало «братчина судить»... не получила при ея осуществленіи ханжескаго отгѣнка и не внесла въ дѣло разлада, обиды кому-нибудь. «Гдѣ Христосъ, тамъ правда». О. Гумилевскій создалъ далѣе и цѣлое попечительство о душахъ ближнихъ. Діакониссы, или сестры братства, не только служили за трапезами: онѣ обучали дѣтей, ходили за больными, посѣщали бѣдныхъ въ квартирахъ; навѣщали женщинъ, содержащихся въ арестантскихъ отдѣленіяхъ.

Возможно, что идея „общества доктора Осокина“ не была приложена къ этому братству, такъ сказать, цѣликомъ. Мы хотѣли бы, чтобы задачи братства были шире задачъ о. Гумилевскаго. Все же, какъ бы ни было, его общество больше имѣетъ въ виду нищихъ тѣломъ, чѣмъ духомъ. Намъ бы

хотѣлось, чтобы та организація, которая возникла бы около церкви, пожалуй, даже имѣла въ виду прежде духъ, чѣмъ тѣло.

Задачи его прежде всего религіозно-просвѣтительныя, но съ характеромъ индивидуализаціи, нужно просвѣщать не всѣхъ чтеніями и бесѣдами, (хотя и это необходимо), а бдительно стоять на стражѣ надъ душой каждаго «ближняго» соприхожанина, потому что христіанинъ, на вопросъ Господа: гдѣ братъ твой?—не смѣетъ отвѣчать: «развѣ я сторожъ брату моему?»

Какимъ образомъ создать около прихода ту организацію, которая нужна, какую форму придать ей? Я думаю, что не форма создаетъ жизнь, а жизнь создаетъ форму. Конечно, вовсе не необходимо придавать новымъ братствамъ форму, обрядность старыхъ братствъ, обязательно возстановлять «вечери любви» и т. п.

Но безусловно необходимо, и я думаю что такъ будетъ, чтобы братство возникло изъ жизни церкви, изъ храма, изъ церковной службы. Я думаю, что мыслима такая организація.

Въ церкви еженедѣльно собираются всѣ христіане, какіе пожелаютъ сойтись, прійти («прихожане») *для бесѣды о томъ, какъ сдѣлать снѣдливыми ближнихъ*. Конечно, вначалѣ, привлеченные новизною, можетъ быть, соберутся многіе. Церковь будетъ полна. Но потомъ, въ слѣдующее собраніе, вдвое меньше, въ слѣдующее—еще меньше. Наконецъ, останется маленькая кучка. *Но блаженны избранные!* Эта маленькая группа, я думаю, опять, чрезъ нѣсколько времени, заставитъ наполнить храмъ. Задача маленькой группы безъ всякихъ формальностей и обрядностей заботиться о томъ, чтобы было лучше въ приходѣ. Никакихъ обязательствъ не несутъ эти братчики. Они не записываются ни въ какіе реестры. Братство должно быть *все приходнымъ*. Всѣ прихожане-братчики. Это *consilio sine qua non*.

Какъ Церковь не выдѣляетъ изъ своей среды не вполне достойныхъ, а общимъ воздѣйствіемъ дѣлаетъ ихъ *достойными*, такъ эта маленькая церковь—должна быть общиной, гдѣ напередъ предполагается, что должны быть членами *все и болѣе „живые“ члены* только помогаютъ другимъ, номинальнымъ сдѣлать дѣйствительными.

Братчики не дѣлаютъ никакихъ обязательныхъ взносовъ. Они просто сочувствуютъ и, насколько сочувствуютъ, несутъ любовь и спасеніе къ братьямъ своимъ. Я думаю, что христіанская дѣятельность этихъ братчиковъ заставитъ примкнуть къ пяти еще пять и къ десяти еще десять. Именно здѣсь, въ этой области, пять талантовъ, пущенные въ оборотъ, обязательно дадутъ другіе пять талантовъ. Тамъ, гдѣ требуется взносъ и формальная любовь,

тахъ у насъ не найдется много сочленовъ работниковъ. Но тамъ, гдѣ требуется работа, дѣятельность, живое сочувствіе, найдется много трудниковъ, ищущихъ спасенія. И они отдадутъ не только то, что у нихъ есть, а отдадутъ душу самихъ себѣ и всю свою душу. И я думаю, что не будутъ пусты приходскія собранія. Маленькая группа, «сильная своимъ единствомъ и внутренней идеей» (Фудель), привлечетъ къ себѣ сотрудниковъ; мало по-малу снова вернутся тѣ, которые ушли послѣ перваго и втораго собранія, и весь приходъ будетъ вѣдать внутреннюю духовную жизнь членовъ своихъ. Маленькое братство сольется съ приходомъ, и приходъ будетъ братствомъ. ✓

Можетъ быть, это только желанія и надежды. Но я думаю, что это единственная организація, которая можетъ увеличить счастье на землѣ, единственная организація обращенія жизни въ возможности въ жизнь въ дѣйствительности. А когда будетъ хоть немножко больше счастья, будетъ больше творящей жизнь силы. Тѣ, которымъ дана лишняя капелька счастья сравнительно съ тѣми, что у нихъ было, сами внесутъ кое-что въ сокровищницу общаго человѣческаго счастья. Счастливые творятъ жизнь.— Я предлагаю свой проектъ только для того, чтобы по поводу его высказались мои читатели. Но думаю, что такое или иное примѣненіе его имѣетъ особенное приложеніе и къ миссіонерскимъ задачамъ и журнала, и русскаго общества. Полагаю, что русское сектанство въ значительной мѣрѣ есть жажда сближенія, жажда общенія между ближними и сосѣдямъ, общенія не только въ одномъ мѣстѣ, т. е. храмѣ, а въ одномъ дѣлѣ фактическаго тѣснаго единенія христіанскаго братства. Конечно, мистическое единеніе между членами Церкви есть и было и будетъ. Но нужно и такое видимое единеніе въ одномъ Христовомъ дѣлѣ, нужно общеніе духа, бесѣды и дѣла. Сектанты ради этого единенія покинули Церковь, гдѣ живетъ духъ, внутренне *объединяющій*. Они отошли отъ истины и пошли по иному пути. Но полагаю, что христіане, если хотятъ вернуть насъ на прежній путь, должны среди себя создать ту форму единенія, которой также желаютъ они и которой нельзя не желать, безъ которой трудно хранить и единеніе вѣры, и христіанскій духъ. Поэтому-то и для новаго года я желаю читателямъ не счастья, а того, чтобы они задумались о творествѣ счастья, задумались о созданіи обществъ, творящихъ счастье, т. е. христіанскихъ «*приходскихъ братствъ*».

Теперь заботятся о бѣдныхъ очень *странно*. Что такое, напримѣръ, представляютъ благотворительныя балы въ пользу бѣдныхъ, танцевальныя вечера и спектакли. Не есть ли это кощунство, оскорбленіе, по адресу тѣхъ, кому благотворятъ? «Мы не говоримъ о разорительныхъ затратахъ на устройство этихъ праздниковъ, но уже самый видъ сияющихъ огнями залъ

составляеть контрастъ, щемящій сердце чуткаго человѣка, сравнительно съ темнотою существованія люда, во имя котораго зажигаются эти огни» (Ярошъ). Какъ не похоже это на благотворительность—прежнихъ временъ! Христіанская древность также знала благотворительные пиры, но тогда бѣдняки присутствовали тутъ же, въ качествѣ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Здѣсь счастливые и несчастные сливались въ одномъ братскомъ собравіи, и бѣдняки были счастливы не столько «обиліемъ хлѣба», сколько любовью, съ какой давали хлѣбъ. Въ то время существовала непосредственная, сердечная связь между богатымъ и бѣднымъ, между счастливымъ и несчастнымъ. Между дающимъ и получающимъ тогда не было равнодушныхъ посредниковъ, и забота о братѣ не сводилась къ бездушной цифрѣ денежной подачи. Чувство братской любви у помогающихъ росло и крѣпло въ непосредственномъ личномъ подвигѣ милосердія, и радость, ими чувствуемая, сливалась съ радостью получавшихъ «въ единую пѣснь Господу».

Даже у нашихъ предковъ благотворительные обѣды носили все же свитой характеръ службы меньшему брату: хозяева (даже цари) были прислужниками на этихъ обѣдахъ, а хозяевами—нищіе и убогіе. Теперь же, какъ видимъ, эти «пиры»—или обіи (благотворительные балы), или подачка.

Въ декабрьской книгѣ «Мисс. Об.» я говорилъ по поводу новаго циркуляра хлыстовскаго бога,—куда приводитъ исканіе Бога—безъ руководства Церкви. Теперь нѣсколько словъ о томъ-же по поводу извѣстій изъ Канады, напечатанныхъ и у насъ въ «Ноябр. кн.» Для насъ интересно—письмо о канадскомъ вегетаріанствѣ (См. его ниже).

Оно важно, какъ доказательство того, къ какой узости, къ какому моральному убожеству приводягъ «поиски Сіона» вышедшіе изъ настроенія *осужденія, вражды*.

Сектантскій путь исканія «грядущаго града» не можетъ привести къ цѣли потому что въ основѣ исканія не жажда истины, а высокомеріе, превозношеніе,—настроеніе фарисея, который, осуждая нечестіе мытаря старается выдвинуть впередъ сверхдолжныя заслуги: десятину съ тмина и аниса, и постъ даже тогда, когда нѣтъ его у другихъ («Пощусь два крата въ недѣлю»).

Эти гордые искатели не по духу Христову не стараются отмѣчать кругомъ святое и доброе, чтобы съ нимъ соединиться и его усилить.

Если бы было такъ, они пришли бы къ Церкви, какъ организаціи *любви къ Богу и людямъ*. Нѣтъ, сектантъ начинаетъ «судомъ»,—онъ отмѣчаетъ во всемъ, что видитъ въ Церкви, къ которой онъ принадлежитъ, то, въ чемъ, по его мнѣнію, выразилось неистинное, ложное; отмѣчаетъ все это не-

истинное и недоброе и ставить себя задачей быть не такимъ, какъ эти мытари.

Естественно, что и кончается онъ только праведностью книжниковъ.

Необходимымъ результатомъ такого настроенія «въ исканіи» является не христіанское «освобожденіе», рабство духу, а наоборотъ, рабство буквѣ, отрицательной заповѣди, номизмъ, грѣхъ своеобразнаго обрядовѣрія. Христіанство такихъ искателей узкое законничество. Сектанты составляютъ свой особенный катихизисъ, но что это за катихизисъ? Онъ не учитъ правдѣ, а прячетъ ее за отрицаніями. Сектантъ только отрицаетъ то недоброе, что онъ замѣтилъ въ оставленной имъ Церкви или общинѣ, не замѣчая, что изъ «нѣтъ» не составишь цѣльнаго идеала жизни. Вся мораль такого катихизиса изъ отрицательно—осуждающихъ заповѣдей. Мытари дѣлаютъ то-то, онъ не будетъ дѣлать этого. Мытари ѣдятъ мясо, онъ будетъ воздерживаться отъ мяса. Нѣкоторые пункты этого катихизиса будутъ имѣть положительный нравственный смыслъ, будутъ нравственными заповѣдями: не сердись, не суди и т. д. Но дѣло въ томъ, что при такомъ настроеніи, вышедшемъ изъ осужденія, все вниманіе сосредоточивается исключительно на этомъ отрицательномъ моментѣ заповѣди. Сектанты не ищутъ общаго настроенія, объединяющаго всю дѣятельность. Они прячутся за этими четырьмя или пятью заповѣдями отрицательнаго характера, исполняя которыя, они оглянутся отъ мытарей и прочихъ человѣковъ. Человѣкъ, выполнившій отрицательный катихизисъ, чувствуетъ себя правымъ предъ Господомъ. Онъ не замѣчаетъ, что находится въ кругу только отрицаній, изъ которыхъ и не хочетъ искать выхода, изъ которыхъ, по его катихизису, даже нѣтъ движенія. Въ концѣ концовъ нравственное чувство перестаетъ даже возмущаться такими истинами, что, собственно говоря, любовь настоящая, энергичная любовь и невозможна и не нужна, а уже любовь къ врагамъ и совершенно невозможна. Чужье правды убито, желанія нравственнаго прогресса нѣтъ; человѣкъ чувствуетъ себя святымъ, выше другихъ, потому что онъ хранитъ такія заповѣди, до которыхъ другіе не доросли, хотя въ дѣйствительности—это десятина съ десятины и зинса, ради которой забыта любовь. Отчасти здѣсь мы видимъ, только въ болѣе опасной и нехристіанской формѣ, то же, что въ крайне выраженномъ русскомъ обрядовѣріи. Выполнилъ два десятка мелкихъ предписаній человѣкъ и чувствуетъ, что у него какъ будто есть за что держаться, есть чѣмъ оправдаться предъ Богомъ, когда онъ забылъ жившее въ законѣ. Такое состояніе, собственно, конецъ нравственной гибели, гибель, которая ощущается въ погибающемъ, какъ добродѣтель.

Характерное доказательство такого моральнаго разложенія въ сектантствѣ и даётъ цитованное нами письмо.

Духоборецъ жалуется на то, что у нихъ въ общинѣ нечѣмъ жить, ѣсть нечего. «Творятся у насъ что-то, чего никогда не было. Кажется, надо намъ пропадать совсѣмъ. Порѣпили наши мясного, скоромнаго не ѣсть вовсе. Не пьютъ уже и молока, не ѣдятъ куриныхъ яицъ. А теперь говорятъ: должны мы скотъ миловать. Стоять лошади въ конюшняхъ, жирѣютъ. Коровъ доить перестали, телята магокъ сосутъ. Идутъ коровы вечеромъ домой, жалость смотрѣть. Вымя полное, шагнетъ корова, молоко такъ и брызнетъ» (Виржевыя Вѣдомости 8 Октября 1902 г.). Какъ будто человѣкъ и животныхъ жалѣетъ, и заповѣдь соблюдаетъ: „блаженъ, иже и скоты милуетъ“. И такая любовь къ домашнему животному, конечно, добродѣтель, которой нужно пожелать многимъ нашимъ русскимъ мужикамъ. Но вотъ поселенецъ увидѣлъ въ этомъ наступленіе послѣдняго времени. «Пропадать надо, видно послѣднія пришли времена и близокъ конецъ міра». И нѣтъ ли въ самомъ дѣлѣ правды въ его словахъ? Да, конечно, правда. Въ поселкѣ эти искатели Сіона поставили въ числѣ своихъ отрицательныхъ заповѣдей добродѣтель, которая, можетъ быть, осуществится въ концѣ временъ. Въ своей самовлюбленности, увѣренныя въ своей святости, въ томъ, что они познали истину Христову не наполовину, какъ мытари и прочіи человѣцы, а до конца, они захотѣли предвосхитить то время, въ которое, по пророку Исаіи, левъ, какъ волъ, будетъ ѣсть солому, и для змѣи прахъ будетъ пищей, волкъ и ягненокъ будутъ пасгись вмѣстѣ и т. д. Но они забыли одно. Въ то время, какъ молоко брызжетъ изъ вымени ихъ коровъ, на покинутой ими далекой роднѣ тысячи тысячи дѣтей умираютъ, потому что у нихъ нѣтъ этого молока, и нѣтъ молока у нихъ, часто полуголодныхъ матерей. Они забыли слова Хрисга: не отнимаюгъ хлѣба у дѣтей и не бросаютъ псамъ...

Іером. *Михаилъ*.

II.

Миссіонерство, секты и расколъ.

Внутренняя миссія, расколъ и секты въ истекшемъ году.

Бѣгство миссіонеровъ на другія должности и трудность замѣщенія миссіонерскихъ вакансій. — Статистическія данныя о личномъ составѣ миссій и о средствахъ содержанія ея. — Новое изданіе „чинопріема“. Открытіе новыхъ миссіонерскихъ вакансій, миссіонерскіе съѣзды. — Агитаціонная приподнятость и возбужденность настроенія въ сектантствѣ и расколѣ. — Сепатскія кассачи обвинительныхъ приговоровъ о сектантахъ и безспіе закона 1894 года о моленныхъ собраніяхъ. — Прошлогоднія настроенія въ старыхъ и новыхъ сектахъ. — Возниствующій задоръ австрійской секты. — Нижегородскій всероссійскій съѣздъ раскольничьихъ главарей. — Миссія среди интеллигенціи. — Миссіонерскій характеръ и значеніе религіозно-философскихъ собраній. *В. Скворцовъ*. 117—127

III.

Корреспонденція „Миссіонерскаго Обзорнія“, извѣстія и замѣтки.

Изъ Нижегородской епархіи. Знаменательное возсоединеніе *Н.* — Изъ Донской области. Смерть раскольничьяго лжеархіерея Силуана. Свящ. *Е. Овсянниковъ*. — Религіозно-философскія собранія въ столицѣ. — Сколько на св. Руси Храмовъ Божіихъ. — Добрый пастырь. — Исторія бороды 128—135

Отклики. 1) Отчего такъ мало на землѣ счастья. „Ошибка доктора Оскина“. Приходъ „фабрика счастья“. Братство о. Гумилевскаго. 2) Письмо изъ Канады. Въ чемъ ложь сектантской праведности. Іером. *Михаилъ* 136—144

Редакторъ издатель **В. Скворцовъ**.

При этой книжкѣ журнала разсылаются: „Проповѣди Миссіонерскаго Обзорнія“ за январь—февраль мѣсяцы.

Подписка на „Миссіонерское Обзорніе“ сего 1903 г. и требованія на журналъ прежнихъ лѣтъ принимаются. Цѣна 6 руб., допускается разсрочка по особому соглашенію.

Адресъ редакціи—Невскій, 153.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Свѣдѣнія для гг. сотрудниковъ и подписчиковъ.

1. При всѣхъ, требующихъ отвѣта, обращеніяхъ въ редакцію необходимо прилагать на отвѣтъ марку или открытое письмо.

2. Рукописи, доставляемыя въ редакцію „Мисс. Обзор.“, должны быть переписаны четко, съ оставленіемъ полей на страницахъ для редакціонныхъ исправленій. На самой рукописи долженъ быть выставленъ точный адресъ автора и заявленіе объ оттискахъ.

3. Принятія къ напечатанію статьи въ случаѣ надобности могутъ подвергаться исправленіямъ и сокращеніямъ.

4. На самой рукописи должны быть указаны условія, на которыхъ желаютъ авторы предоставить редакціи право печатанія ихъ трудовъ; безъ такого указанія статьи считаются бесплатными или же печатаются на условіяхъ, существующихъ въ редакціи.

5. Мелкія статьи и сообщенія, признанныя непригодными для помѣщенія въ журналъ, не сохраняются. Обратную пересылку статей, значительныхъ по объему, редакція не принимаетъ на себя.

6. О присылаемыхъ въ редакцію книгахъ и брошюрахъ даются отзы́вы или печатаются извѣщенія о поступленіи ихъ.

7. Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресъ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять въ редакцію не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

8. О перемѣнѣ адреса редакція оповѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначить напечатанный на бандероли въ прежнемъ адресѣ номеръ и прилагать 4 семикопѣчныхъ марки.

9. Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: С.-Петербургъ, Невскій 153, въ редакцію журнала „Миссіонерское Обозрѣніе“.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 80 к., за слѣдующіе два раза 50 к., большія объявленія по соглашенію.

Редакторъ-пздатель **Василій Михайловичъ Скворцовъ.**

104

1903 г. Январь. годъ VIII.

МИССИОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ДВУХНЕДѢЛЬНЫЙ

ПОЛЕМИКО-АПОЛОГЕТИЧЕСКІЙ
ЖУРНАЛЪ.

№ 2.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Э. Л. Пороховщиковой, Бассейная, 3 - 5.

1903.

Содержаніе второй январьской книжки

журнала «Миссіонерское Обозрѣніе» за 1903 годъ.

1. Къ современнымъ искателямъ истинной Церкви Христовой. Проф. Кіев. акад. *Д. Богдашевскій* 145—150
2. О сердечности въ миссіонерской полемикѣ. (Новогоднія *ria desideria* не-миссіонера) Свящ. *М. Лисицынъ*. 151—155
3. «Принять къ свѣдѣнію». (Отвѣтъ на «*ria desideria*» о. М. Лисицына). *Н. Гринякинъ*. 156—159
4. Сектанство и расколъ по послѣднему всеподданнѣйшему отчету г. Оберъ-прокурора Св. Синода. 160—170
5. Изъ миссіонерскихъ запросовъ. (Допустимы-ли въ православномъ храмѣ иконы съ двуперстнымъ сложеніемъ п о вѣнчаніи отступниковъ). 171—172

Изъ записокъ и дневниковъ.

6. Миссіонерскіе очерки. IV. Разговоръ у Сафоновой избы п въ училщѣ. Харьк. епарх. мисс. *Д. Боголюбовъ*. 173—177
7. Два слова о присягѣ. (Отвѣтъ на сткрытое письмо о. Димитрія Силина). *Д. Боголюбовъ* 177—180
8. Проф. Н. И. Ивановскій — о единовѣрїи. *Н.* 181—189
9. Справедливо ли мнѣніе о подложности «Православнаго Исповѣданія» митр. Петра Могилы? Свящ. миссіонеръ *С. Шалкинскій* 190—191
10. Откровенное слово свѣтскаго человѣка по поводу посланія Антонія, епископа Волын. *Ив. Золотуркинъ* 192—204

Изъ миссіонерской полемики.

11. Бесѣда со старообрядцемъ о томъ, справедливо-ли обвиненіе патр. Никона въ ереси Новаціанской. *Тимовой Николаевъ*. 205—209

Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги по вопросамъ вѣры и миссіи Церкви.

12. Французскій писатель Леонъ Доде — о гр. Толстомъ и о духоборахъ 210—213
13. Запросы жизни и наше церковное управленіе. *Н. Гринякинъ*. 213—229
14. «Православный пугеводитель». 230—231
15. Проф. А. Ѳ. Гусевъ. О сущности религіозно-нравственнаго ученія Л. Н. Толстого. Іером. *Михаилъ*. 232—237
16. Пиканоръ, еп. Екатеринбургскій. Слова, рѣчи и бесѣды. *Ал. Григорьевъ*. 238—240

Къ современнымъ искателямъ истинной Церкви Христовой.

Фактъ не подлежащій ни малѣйшему сомнѣнiю, что католики, протестанты, лютеране, кальвинисты, мормоны, молокане, скопцы, духоборцы и т. п. считаютъ себя истинными послѣдователями Христа, образующими истинную Церковь, не смотря на все различiе ихъ ученiя и ихъ организаци. Но это не значитъ, что никакой Церкви не существуетъ,—какъ утверждаетъ гр. Л. Толстой,—что Христосъ никогда не устанавливалъ единой истинной Церкви, которая, по своему существу, свята и непогрѣшима и можетъ и должна учить другихъ, а Христосъ требовалъ только производить Его дѣла, т. е. дѣла добра, и въ отношенiи къ этимъ дѣламъ добра все согласны, здѣсь нѣтъ различiя. Подобное ученiе стоитъ въ вопiющемъ противорѣчiи со всемъ ученiемъ Христа и апостоловъ, что, думаемъ, не нуждается вовсе и въ разъясненiи. Существуетъ несомнѣнно единая, по существу, истинная Христова Церковь, не исключаяющая, конечно, — употребляя гиперболическое выраженiе гр. Л. Толстого, — существованiе даже 2000 частныхъ такихъ же истинныхъ Церквей, которыя все суть не *тѣла* Христовы, а каждая есть *тѣло* Христово. Нѣтъ Церкви полуистинной и неистинной, а есть только Церковь истинная; здѣсь никакихъ компромиссовъ не возможно.

Но какъ же найти эту истинную Церковь, которая несомнѣнно существуетъ на землѣ, ибо не оставилъ насъ нашъ Глава Христосъ, не оставилъ насъ Духъ Святой Своею благодатью; истинная Церковь есть сѣмя святое, возраждающее мiръ, предохраняющее его отъ гнѣсiя и разложенiя.

Всякiй вопросъ, если онъ рѣшается на строго объективныхъ началахъ, долженъ быть поставленъ на историческую, или историко-критическую почву: исторiя — свидѣтель непогрѣшимый; историко-критическiй методъ—единственно правильный и надежный научный методъ. Поэтому и въ данномъ случаѣ нужно стать на ту же исто-

рическую почву. Что въ Церкви, среди вѣрующихъ, признавалось *всегда, вездѣ и вѣсми*, то несомнѣнно восходитъ къ апостольской перво—основѣ,—то несомнѣнно истинно, непогрѣшимо, — тому мы можемъ довѣрять, на томъ можемъ успокоиться.

Приложимъ эту общую точку зрѣнія къ частнымъ сторонамъ жизни Церкви.

1) Признакомъ истинной Церкви является прежде всего согласіе ея ученія, или ея разума съ прямымъ ученіемъ Христа и апостоловъ съ тѣмъ, что непосредственно изъ него вытекаетъ, какъ необходимое его слѣдствіе. Но какъ же опредѣлить это согласіе? Вѣдь и католики и протестанты также настанваютъ на этомъ согласіи. *Чему Церковь учила изначала, учила всегда, учила вездѣ, то и истинно.* Всегда Церковь учила о Христѣ Богочеловѣкѣ, всегда признавала таинства, какъ орудія сообщенія благодати, всегда признавала священныя книги богодухновенными и не было момента, когда бы та или другая книга Писанія *всею* Церковью отвергалась, какъ неподлинная, всегда Церковь считала Своею Главою Христа, но не римскаго папу, всегда она учила о Духѣ Святомъ прямыми словами Евангелія: *Духъ истины, иже отъ Отца исходитъ* (Іоан. 15, 26).

2) Согласіе церковнаго разума съ ученіемъ Христа и апостоловъ возможно только тогда, когда есть священно—служеніе, которому поручено Христомъ учить вѣрующихъ, пасти ихъ — духовно воспитывать и совершать благодатныя таинства. Отеутствіе іерархіи—это вѣрнѣйшій, осязательнѣйшій, такъ сказать, вѣщнее юридическій признакъ, что мы не имѣемъ дѣла съ Церковью, — что тѣ, которые считаютъ себя Церковью, утверждаютъ лживую ложь. Представительство церковное, т. е., священно—служеніе должно быть непрерывнымъ; разъ оно обрывается, мы имѣемъ полное право предполагать, что церковная организція получила ложное направленіе, что нить истиннаго апостольскаго преданія оборвана, что представительство является незаконнымъ, не уполномоченнымъ совершать тѣ функціи, которыя оно совершаетъ. Съ этой точки зрѣнія—протестантство безусловно не можетъ быть признано Церковью, католичество же хотя имѣетъ законную и преемственную іерархію, но никогда Церковь не знала папскаго абсолютизма, подавляющаго жизнь Церкви.

3) Въ этой жизни, или точнѣе, — *жизненности* Церкви мы должны искать третьяго признака ея истинности. А гдѣ эта жизненность, пусть опять покажетъ намъ исторія; мы — современники не можемъ объективно этого опредѣлить: мы видимъ только деревья, но не видимъ самаго лѣса. Пусть похвалится этою жизненностью протестантизмъ, гдѣ господствуетъ полный индивидуализмъ, каждый обособленъ отъ другого и вѣрующіе представляютъ какой-то «конгломератъ атомовъ». Пусть похвалится этою жизненностью католицизмъ, гдѣ все замираетъ предъ безусловнымъ авторитетомъ одного, вѣрующій является не членомъ тѣла, а какимъ то пассивнымъ орудіемъ... Нѣтъ, *жизнь — это единство во множествѣ, единство въ разнообразіи, свобода при подчиненіи*. Если Церковь есть тѣло Христова, то одинаково не долженъ имѣть мѣста какъ безусловный индивидуализмъ, атомизмъ, такъ и безусловный абсолютизмъ. Православіе есть именно этотъ жизненный синтезъ свободы, при подчиненіи единства въ разнообразіи, гдѣ каждый долженъ дѣйствовать по мѣрѣ дарованія Христова, служа цѣлому. Безусловно исключается истинною Церковью этотъ мертвящій, бездушный формализмъ, все уложившій въ твердыя рамки, опредѣлившій чуть ли не каждый шагъ жизни вѣрующаго. Богу благодареніе, православіе, — истинное выраженіе христіанства, — никогда не издавало декретовъ противъ принятія новаго варіанта священнаго библейскаго текста; съ теченіемъ времени оно вводитъ нужныя измѣненія въ богослужебныя книги, которыя по необходимости дѣлаются съ большою постепенностью и осторожностью. *Соборное рѣшеніе вопросовъ — необходимое, органическое начало православія*.

Жизненность Церкви предполагаетъ, что она развивается, — развивается, конечно, не по существу, ибо по существу она — полнота Христова и въ ней нѣтъ ничего недостающаго, — развивается не въ томъ смыслѣ, что она начинаетъ знать то, чего прежде не знала, а развивается она въ своихъ членахъ, — въ томъ, что эти члены постепенно достигаютъ все большаго и большаго духовнаго совершенства, мѣры возраста, полноты дарованій Христовыхъ. Ростъ Церкви, какъ тѣла Христова, подобенъ росту обыкновеннаго тѣла, которое всегда, по существу, кажется однимъ и тѣмъ же тѣломъ, не смотря на то, что оно увеличивается, укрѣпляется, возрастаетъ.

Такъ какъ въ Церкви есть младенцы въ вѣрѣ, то истинная Церковь не исключаетъ нравственной аккомодаци (приспособляемости). Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только, напр., прочесть, что св. апостолъ Павелъ пишетъ въ посланіи къ коринѣянамъ объ идоложертвенномъ. Съ теченіемъ времени эта аккомодация, по мѣрѣ возрастанія членовъ Церкви въ духовно-нравственномъ отношеніи, необходимо, уменьшается, ибо взрослымъ нельзя предлагать того, чѣмъ питаются младенцы. Въ Церкви необходимъ, конечно, и обрядъ, но этотъ обрядъ, какъ показываетъ исторія, измѣняется и, съ теченіемъ времени, все болѣе и болѣе одухотворяется. Въ Церкви безусловно не должно быть одного, — обмана, прямой эксплуатаціи, и если теперь такъ нападаютъ на Церковь, то, собственно, потому, что во многихъ ея дѣйствіяхъ совершенно незаконно видятъ своекорыстный обманъ. Обмана въ православіи нѣтъ и да не будетъ!..

Истинная Церковь не должна стоять въ противорѣчій ни съ истинною наукою, ни съ истинною культурою, и потому такъ необходимо образованное церковное служеніе.

Истинная Церковь всегда слѣдуетъ словамъ Апостола: *лучше повиноваться Богу, нежели вѣмъ* (т. е. людямъ). Истинная Церковь не можетъ принять въ юридическихъ узаконеніяхъ того, что противорѣчитъ ея духу и ученію. Юридическій и нравственный порядокъ никогда, собственно, не сольются во едино, и потому, что иногда является излишнимъ для Церкви, то требуется по инымъ соображеніямъ, чисто внѣшнимъ, юридическимъ. Это неизбежно. Не будетъ клерикализмомъ сказать, что истинныя церковныя отношенія — любви, свободы въ единствѣ должны проникнуть и одухотворить собою все.

Истинная Церковь измѣряется не математически, а динамически. *Идѣже два или тріе соберутся во имя Мое, ту есмь Азъ посреди ихъ*, говоритъ Христосъ Спаситель. Численное превосходство католиковъ поэтому ничего не доказываетъ.

Только въ Церкви возможно *спасеніе*, какъ дѣятельное усвоеніе чрезъ вѣру благъ, дарованныхъ Христомъ. Но мы не можемъ сказать, что не принадлежащіе къ Церкви, т. е. къ истинной Церкви, погибнуть, погибнуть навсегда. Если эта непринадлежность къ Церкви не есть сознательная, намѣренная, упорно ожесточенная, то по-

добные люди предъ нелицепріятнымъ судомъ милосердаго Бога могутъ быть помилованы.

Въ настоящее время преобладаетъ моральное пониманіе христіанства, игнорирующее всякую христіанскую метафизику, поселяющую будто бы между людьми одни только бесполезные споры и раздѣленія.

«Подражай примѣру Христа, иди по Его стопамъ, дѣлай дѣла добрыя, живи по правдѣ и ты будешь спасенъ; «во всякомъ языкѣ бойся Бога и дѣлай правду угоденъ Ему! Церковь во мнѣ, въ моемъ сердцѣ». Но если человѣкъ не можетъ жить безъ общества вообще, внѣ общества не можетъ достигнуть истинной культуры своего духа, то тѣмъ болѣе онъ не можетъ жить внѣ истиннаго общества церковнаго; тогда онъ положительно замираетъ. Въ нашемъ сердцѣ можетъ быть миръ, радость о Дусѣ Святѣ, но Церкви въ нашемъ сердцѣ нѣтъ, а она есть богоустановленное общество, къ которому мы необходимо должны принадлежать, чтобы имѣть эту радость о Дусѣ Святѣ, ибо въ Церкви благодать и истинная любовь Христова, дѣлающая всѣхъ насъ единымъ тѣломъ. Трузизмомъ стало положеніе, что истинная жизнь не возможна безъ истинной вѣры, какъ своей основы. Ссылка на сотника Корнилія вовсе не доказываетъ, что спасеніе возможно и внѣ Церкви. Корнилій, какъ и всякій язычникъ, старающійся имѣть истинныя религіозныя понятія и дѣлающій правду, *угоденъ* Богу, т. е. къ нему Богъ благоволитъ, и это благоволеніе, какъ и въ отношеніи къ Корнилію, выражается въ приведеніи такового къ истинной Церкви, гдѣ благодать и жизнь.

Истинная Церковь свята. Намъ нѣтъ нужды останавливаться на раскрытіи общезвѣстнаго положенія, что это святость по существу, по цѣли и по назначенію Церкви, а не *фактическая* святость отдѣльныхъ ея членовъ. «Аще речемъ, яко грѣха не имамы, себѣ прельщаемъ и истины нѣсть въ насъ» (Іоан. 1, 8). Апостолъ называетъ христіанъ святыми въ смыслѣ возрожденныхъ, искупленныхъ, изведенныхъ изъ царства тмы, области сатанины и преставленныхъ въ царство Сына любви (Колос. 1, 13). Поэтому ссылаться на фактическіе пороки членовъ Церкви въ доказательство того, что Церковь, къ которой эти члены принадлежатъ, неистинна, совершенно несправедливо. Важенъ строй Церкви, ея организація, ея ученіе, а не то, какъ много людей слѣдуютъ этому строю. Съ другой стороны, со-

вершено, конечно, справедливо, что только истинная Церковь может рождать святыхъ,—святыхъ въ собственномъ смыслѣ. А могутъ ли похвалиться этими святыми католики со времени ихъ отпаденія отъ единства церковнаго, это, конечно, еще вопросъ.

Если насъ спросятъ, что такое государство, то мы, несомнѣнно, отвѣтимъ, что, какое бы ни было устройство государства, оно предполагаетъ, съ одной стороны, власть правительства, а съ другой—подчиненныхъ. Почему же въ отношенія къ Церкви, которая также есть извѣстное богоустановленное учрежденіе, благодатно воспитывающій вѣрующихъ институтъ, отвергаютъ необходимость существованія іерархій?... Толстовцы, впрочемъ, желаютъ разрѣшить государство въ какую-то безмысленную анархію, и сообразно этому и Церковь—превратить въ такую же полную анархію, гдѣ каждый долженъ руководиться только своимъ разумніемъ жизни. Объ истинной Церкви ¹⁾ нельзя сказать: «се здѣ», или «се онде»,—се нельзя видѣть, осязать, производить надъ нею, какъ того желаютъ, эмпирическіе эксперименты, ибо она познается высшимъ духовнымъ взоромъ христіанина, всѣми силами нашей души. Но несомнѣнно, что существованіе богоучрежденной іерархій является наиболѣе замѣтнымъ признакомъ истинности Церкви.

Проф. Кіев. акад. *Д. Богданевскій.*

¹⁾ Употребляемъ предикатъ «истинный» въ цѣляхъ, конечно, полемическихъ.

О сердечности въ миссіонерской полемикѣ.

(Новогоднія *pia desideria* «не-миссіонера»).

Въ истекшемъ году одинъ изъ свѣтскихъ писателей—г. Луговой подѣлился своими впечатлѣніями (см. «Нов. Вр.», № 9506), вынесенными имъ отъ собесѣдованія миссіонера съ сектантами. Впечатлѣніе получилосъ у него далеко не въ пользу миссіонеровъ и послѣднимъ, въ своей новогодней дѣятельности, слѣдовало бы принять ихъ къ свѣдѣнію. Г. Луговой приравнялъ миссіонеровъ, по пріемамъ полемики, къ сектантскимъ вожакамъ. Какъ тѣ стояли на буквѣ Писанія, своеобразно ими понятой, такъ въ свою очередь и миссіонеры тоже стоятъ на своей буквѣ, отстаивая вѣрность церковнаго пониманія. Съ двухъ сторонъ пропеходило препирательство въ словахъ. Собесѣдованіе носило, по наблюденію свѣжаго наблюдателя-писателя, бесплодный, мертвый характеръ.

Съ этимъ наблюденіемъ писателя, изложеннымъ довольно безпристрастно, нельзя отчасти не согласиться. Конечно, въ этомъ не всегда повинны миссіонеры, виновата тутъ и школа, сообщившая имъ такіе пріемы чисто раціоналистическаго характера. Въ собесѣдованіяхъ, поэтому, часто сталкивается раціонализмъ одной партіи съ раціонализмомъ другой. Раціонализмъ—продуктъ ума; поэтому сердечная сторона въ раціональномъ способѣ полемики занимаетъ второстепенное мѣсто. Защищаясь раціональнымъ оружіемъ и будучи этимъ же оружіемъ со стороны болѣе искуснаго и образованнаго противника побѣждаемъ, сектантъ все же не убѣждается сердцемъ и остается въ своихъ прежнихъ вѣрованіяхъ.

Намъ кажется, что этотъ пріемъ полемики нашимъ миссіонерамъ нужно перемѣнить на другой, найти новую точку опоры въ своей дѣятельности. Конечно, безъ убѣжденія доказательствами, т. е. безъ раціональнаго метода, миссіонеру совершенно обойтись нельзя. Но

пусть эта сторона дѣла занимаетъ не главное и не исключительное мѣсто въ дѣятельности миссіонера. Не вѣрнѣ ли была бы дѣятельность миссіонеровъ, если бы они нашли точку опоры въ сердцѣ сектантовъ. Подъ вліяніемъ сердца и умъ часто склоняется въ ту именію, а не въ другую сторону, даже находить для этого потомъ и рациональныя основанія. Такъ и миссіонеры наши, имѣя правильныя религіозныя понятія, могли бы привести заблуждающихся въ лоно Церкви, если бы подошли къ сектантамъ съ другой стороны. Поучителенъ въ этомъ отношеніи примѣръ свв. апостоловъ. Они прежде всего старались, приходя къ язычникамъ, или заблуждающимися, заручиться ихъ сердечнымъ расположеніемъ, стремились завоевать сначала ихъ сердце, а потомъ уже обличали и заблужденія, имѣя подъ собою болѣе твердую точку опоры, чѣмъ рациональныя и научно обоснованныя доказательства. Такъ поступалъ ап. Павелъ въ отношеніи къ коринѣянамъ, пытаясь сначала заручиться ихъ сердечнымъ расположеніемъ къ себѣ, чтобы потомъ придти и уже, какъ получившему надъ ними власть, привести все въ порядокъ. Таково отношеніе также св. ап. Іоанна Богослова къ заблудшему юношѣ. Такой путь самый надежный въ миссіонерскомъ дѣлѣ, онъ можетъ иногда быть сильнѣе доказательствъ. Д. С. Мережковский въ предисловіи ко II тому своей книги «Л. Толстой и Достоевскій» говоритъ объ отпаденіи Толстого слѣдующее: «Между такимъ писателемъ, какъ Л. Толстой, и всѣми его читателями есть чувство взаимной ответственности, какъ бы тайная круговая порука: ты за насъ—мы за тебя; не можемъ мы тебя покинуть, *если бы даже ты самъ покинулъ насъ*: ты слишкомъ намъ родной; ты—мы сами въ нашей послѣдней сущности. Мы не можемъ, мы не хотимъ спастись безъ тебя: вмѣстѣ спасемся, или вмѣстѣ погибнемъ. Такъ намъ кажется, потому что мы любимъ его. Ну, а что, если мы всетаки недостаточно любимъ его? Вотъ онъ самъ говоритъ: «мнѣ нужно одному самому жить и одному самому умереть». Какое это для насъ жестокое слово! Мы-то думали, что мы *омыслили съ нимъ и въ жизни, и въ смерти*, а онъ чувствуетъ, что онъ одинъ, и *никто его не любитъ*. Не потому ли это, что мы дѣйствительно мало любимъ его, не умѣемъ любить, какъ слѣдуетъ, любимъ не его самого, а кого-то другого вмѣсто него? Можетъ быть, и въ этомъ случаѣ съ Церковью,

если бы мы больше любили и окружили, обступили его съ дѣйствительною мольбою къ нему, молитвою за него, съ дѣйствительною вѣрой въ невозможное—въ чудо его обращенія, то онъ не устоялъ бы, содрогнулся бы, что-то понялъ бы, если и не то, о чемъ мы молимъ, то понялъ бы, по крайней мѣрѣ, что онъ чего-то не понимаетъ, что не все такъ просто, какъ ему кажется, и что нельзя отталкивать насъ съ такою жестокостью: — языкъ не повернулся бы у него для этого неимовѣрнаго слова о томъ, что онъ одинъ; рука не поднялась бы для такого кроваваго оскорбленія Церкви, какъ обвиненіе въ «клеветѣ» и въ «подстрекательствахъ» къ убійству».

Не примѣнимы ли эти слова Д. С. и вообще къ другимъ нашимъ отщепенцамъ? Не относимся ли и мы всѣ, члены Церкви, равнодушно къ изолированности отъ насъ отпавшихъ, поручая вѣдаться съ ними только присяжнымъ миссіонерамъ, специалистамъ, такъ сказать, сектантаго дѣла? А не должны ли бы мы, т. е. вся наша Церковь, со всѣми своими членами, приступить къ сектантамъ такъ, какъ, по изображенію Д. С., нужно бы было приступить и къ Л. Толстому, «съ дѣйствительною мольбою къ нимъ, молитвою за нихъ, съ дѣйствительною вѣрою въ невозможное—чудо ихъ обращенія»; можетъ быть, и они тогда не устояли бы, тронутые этой общей чисто евангельской любовью къ нимъ. Но нѣтъ; всѣ мы—и пастыри и міряне предоставляемъ бороться съ ними только лишь миссіонерамъ, которые получаютъ, молъ, за это жалованье, а сами, какъ любители всякаго спорта, не прочь посмотреть со стороны, какъ это миссіонеръ будетъ состязаться съ сектантами, а также и позлословить, въ случаѣ слабыхъ возраженій перваго; не прочь мы обратить свое насмѣшливое вниманіе и на ту сторону дѣла, которая выражается въ фразѣ, а еще, молъ, просить прибавки къ жалованью. Не вѣришь ли бы было, если бы, вмѣсто этого, всякій проевѣщенный христіанинъ отнесся бы къ расколо-сектантству и къ миссіонерству съ христіанскою любовью и съ искреннимъ желаніемъ, чтобы было у насъ «едино стадо и одинъ Пастырь». Настроенный такъ, онъ стоялъ бы тогда на собесѣдованіи не въ толпѣ праздныхъ, готовыхъ смотрѣть съ одинаковымъ интересомъ и на бой пѣтуховъ и на миссіонерскую бесѣду съ сектантами, а какъ живой, дѣятельный членъ Церкви Христовой, одушевленный любовью къ

ближнему. Если бы миссіонерство оперлось на эту силу, если бы оно имѣло въ фундаментѣ интеллигентныя силы свѣтскихъ членовъ Церкви, которые отнеслись бы къ дѣлу серьезно, съ сознаніемъ всей его религіозной и даже государственной важности, то скорѣе бы осуществилась идея единого стада и единого Пастыря. Но въ томъ и бѣда, что интеллигентныя силы нашего народа сами блуждаютъ на распутии, не зная христіанской истины и, усвоивъ изъ ученія Христова только заповѣдь о любви къ ближнему, совершенно не считаютъ важною первую ея основную, догматическую половину, объ мистической сторонѣ отношенія человѣка къ Богу. Правда, начинаеть уже пробуждаться сознаніе важности догматическаго христіанскаго ученія и въ интеллигентномъ нашемъ обществѣ. Такъ, въ той же книгѣ Д. С. Мережковского (стр. 191, 192 и др.), высказывается сознаніе важности догматическаго ученія, какъ основы для нравственности. Вотъ, еслибы это сознаніе важности имѣть истинную, спасающую вѣру, а не довольствоваться только однимъ нравственнымъ ученіемъ, проникло бы въ интеллигентную среду, то послѣдняя, одушевленная любовью къ ближнему, тоже бы приступила бы къ расколосектантству съ любовью и мольбою... и, кто знаетъ, можетъ быть, подъ этимъ любовнымъ напоромъ, расколо-сектантство не устояло бы.

Но, съ другой стороны, можно пожелать и нашимъ миссіонерамъ измѣнить тактику. Публичныя пренія и прежде не давали вполнѣ желательныхъ результатовъ (преніе съ раскольниками въ Москвѣ 1682 г.), и наши собесѣдованія, въ своей современной формѣ созданныя покойнымъ славянофиломъ А. С. Хомяковымъ, дали небольшой процентъ обращеній, давая больше пищу для праздныхъ пересудовъ. Царствіе Божіе создается внутри cadaго человѣка, невидимо, незримо, какъ невидимо превращеніе сѣмени въ ростокъ и далѣе въ деревцо. Нашимъ миссіонерамъ, кажется, слѣдовало бы строить свое зданіе на этомъ фундаментѣ, а именно стараться въ частномъ общеніи ближе войти въ душу сектанта, завладѣть его сердцемъ. Такимъ образомъ, отъ стремленія сдѣлать массовыя обращенія путемъ публичныхъ преній и собесѣдованій при нилѣннихъ условіяхъ, когда миссіонеръ является «однимъ воиномъ на полѣ» и когда нужно созывать на собесѣдованія чуть не при помощи властей, лучше было бы на время отказаться, и перейти на интимныя собесѣдованія съ от-

дѣльными, особенно передовыми, лицами, завладѣть ихъ симпатіями и приобрѣсти въ нихъ затѣмъ союзниковъ себѣ и помощниковъ въ миссіонерскомъ дѣлѣ. Горчиное зерно разрослось бы потомъ въ большое дерево. Такъ дѣлали и апостолы. Приходя въ языческій городъ, они вступали сначала въ бесѣду съ отдѣльными лицами, у которыхъ потомъ и находили всегда поддержку и опору себѣ, даже въ случаѣ неудачи общественной проповѣди (напр. ап. Павелъ въ Солунн, въ Аѳинахъ и др. мѣстахъ). Такъ поступаютъ и нѣкоторые современные миссіонеры. Напр., апостолъ Японіи еп. Николай, для обращенія нѣкоторыхъ изъ японцевъ въ христіанство, прибѣгалъ въ продолженіи долгаго времени къ частнымъ собесѣдованіямъ (см. кн. еп. Сергія: «На дальнемъ Востока»), которыхъ не оставлялъ онъ, не смотря на упорство собесѣдниковъ, пока не завладѣлъ ихъ сердцемъ и не приобрѣлъ въ лицѣ ихъ ревностныхъ помощниковъ и апостоловъ вѣры Христовой въ Японіи. Такъ поступаютъ и сѣятели плесель,—сектантскіе проповѣдники. Не предпочтительнѣе ли при нынѣшнихъ условіяхъ былъ бы этотъ приемъ и для нашихъ миссіонеровъ и, можетъ быть, воздѣйствіе на сердца сектантовъ не принесло ли бы болѣе опутительныхъ результатовъ и не сообщило ли бы и нашему миссіонерству характеръ истинно апостольскій. Трудно это дѣло, но за то высоко и почтенно. Вѣроятно, не перевелись еще на Руси Иннокентія и Макарія Глухаревы. Критиковать же съ легкимъ сердцемъ миссіонерскія собесѣдованія, какъ это дѣлаетъ г. Луговой, тоже мало полезно. Нужно всякому носить въ себѣ мысль Достоевскаго, что все мы вмѣстѣ и каждый въ отдѣльности повинны въ грѣхахъ и ошибкахъ другихъ.

Свящ. М. Лисицынъ.

«Принять къ свѣдѣнію»!

(Отвѣтъ на «*pia desideria*» о. М. Лисцына).

Невольно вспомнили мы этотъ канцелярскій стереотипъ, прочитавъ вышепомѣщенный «*pia desideria*» уважаемаго о. Михаила Лисцына—И едвали что-либо другое взойдетъ на умъ и всѣмъ миссіонерамъ православной Церкви, по прочтеніи ся. Спѣшимъ оговориться. Мы очень далеки отъ того, чтобы въ своемъ «принять къ свѣдѣнію» мыслить что-нибудь нехорошее или для автора даже похожее на то.... Нѣтъ, — мы очень благодарны о. Михаилу: діагнозъ недужнаго состоянія нашего внутренняго миссіонерства онъ поставилъ совершенно правильно и прописалъ лѣкарства «вѣрные» и «надежныя». Въ томъ только бѣда, что миссіонеры, «при нынѣшнихъ условіяхъ» не могутъ принимать этихъ лѣкарствъ и недугующей миссіи не легчаетъ....

Сердечное спасибо о. Михаилу, что онъ лишній разъ вспомнилъ объ одиночествѣ миссіонеровъ. «Миссіонеръ, пишетъ о. авторъ, является однимъ въ полѣ воиномъ... мы предоставляемъ бороться съ ними (расколо-сектантами) только лишь миссіонерамъ, которые получаютъ, молъ, за это жалованье, а сами, какъ любители всякаго спорта, не прочь посмотреть со стороны, какъ это миссіонеръ будетъ состязаться... а также и позлословить въ случаѣ слабыхъ возраженій его: а еще, молъ, просить прибавки къ жалованью»... Бѣдный миссіонеръ! Не одну слезу горести уронишь ты на эти строки, такъ откровенно говорящія о столь знакомой тебѣ правдѣ и отношеніи присныхъ твоихъ къ твоему святому апостольскому труду! «Ближніи мои отдалече мене сташа»: «скорбь близка, а помощника нѣтъ... а они смотрятъ и дѣлаютъ изъ меня зрѣлище» (21 пс.), лишній разъ вспомнишь ты эти вдохновенныя слова царя-пророка!

Если бы, помимо приходскихъ пастырей, и «всякій интеллигентный человѣкъ, продолжаетъ о. Михаилъ, отнесся бы къ сектантству

и миссіонерству съ христіанскою любовію и искреннимъ желаніемъ, чтобы было у насъ «едино стадо и единъ Пастырь»... и стоятъ на собесѣдованіи не въ толпѣ праздныхъ зѣвакъ, готовыхъ смотрѣть одинаково и на бой пѣтуховъ и на миссіонерскую бесѣду съ сектантами, а какъ дѣятельный членъ Церкви Христовой, одушевленный любовью къ ближнему..., то скорѣй бы осуществилась идея единаго стада и единаго Пастыря». Что можно возразить противъ этой святой аксіомы?! Почти всегда миссіонеръ видитъ кругомъ себя холодное равнодушіе къ его святому, подвижническому дѣлу. Слова св. Апостола о «назиданіи другъ друга» и о томъ, что «страдаетъ-ли одинъ членъ, страдаютъ съ нимъ всѣ члены» (1 Кор., 12, 27), и для «людей интеллигентныхъ», способныхъ, казалось бы, понимать великую важность вразумленія своей заблудшей «меньшей братіи» и—воздѣйствовать на нее, не слышны... Миссіонеръ одинокъ: — отъ «присныхъ» — равнодушіе, а иногда и «сорокъ ударовъ безъ одного» — въ видѣ укора — «даромъ деньги получаешь», отъ «выѣшнихъ» — презрительная ненависть, площадная ругань мужицкая и всяческія оскорбленія и угрозы; служебное положеніе его—нуль... По истинѣ:—это какой-то «апостолъ языковъ» и «приплецъ въ землѣ чуждей». Ему только приказываютъ, предписываютъ, дѣлаютъ замѣчанія и въ лучшемъ случаѣ даютъ совѣты. У него—только обязанности,—правъ нѣтъ. И онъ дѣлаетъ великое и святое дѣло — своего рода «собираніе земли русскія». Но, довольно объ этомъ,—«и по-громче насъ были витія»...

Обратимся теперь къ лѣкарствамъ, которыя прописываетъ о. Михаилъ недомогающему миссіонерству. Вотъ они: «найти точку опоры въ сердцѣ сектантовъ..., заручиться ихъ сердечнымъ расположеніемъ... войти въ ихъ душу... завоевать сначала ихъ сердца... перейти на интимныя собесѣдованія съ отдѣльными лицами, завладѣть ихъ снм-патіями... такой путь самый надежный въ миссіонерскомъ дѣлѣ»...

Повторяю—лѣкарства вѣрныя и надежныя, но... для абстрактнаго пациента. Уважаемый авторъ пишетъ: «не полезіе-ли (т. е. публичныхъ собесѣдованій съ доказательствами «раціональными» — «отъ книгъ») при нынѣшнихъ условіяхъ былъ бы этотъ пріемъ для нашихъ миссіонеровъ?»

Да,—при нынѣшнихъ условіяхъ религіознаго состоянія *слуша-*

телей миссіонера, это было бы безусловно полезнѣе, но при нынѣшнихъ условіяхъ положеніи *самого* миссіонера такой пріемъ, хотя и желателенъ, но мало возможенъ. Для примѣра. Оренбургская епархія раскинулась на пространствѣ 479039 кв. верстъ! (Тургайскую область не включая сюда). Число отступниковъ въ ней—до 115 тысячъ,—«упованія»—чуть ни все изъ расколо-сектантскихъ. Есть и мѣстные сильные начетчики—раскольники и сектанты; выписываются и со стороны. Православныхъ миссіонеровъ—отъ 2 до 4. Въ срединѣ дек. 901 г. я былъ командированъ изъ Оренбурга для собесѣдованія съ выписанными начетчиками въ Уральскую область (пос. Ранній; отъ Оренбурга 239 вер. 129 ж. д. и 110 на лошадахъ); 31 дек. того же года былъ посланъ для бесѣды съ саратовскими (выписанными) начетчиками въ г. Троицкъ (отъ Оренб. 1420 вер.—1294 ж. д.—черезъ Челябинскъ—и 136 на лош.), въ началѣ января 902 г. получаю пригласительную телеграмму изъ г. Орека (отъ Оренб. 260 вер. на лошадахъ), — зовутъ бесѣдовать съ молоканами и шундистами. Возможно-ли миссіонеру при такихъ «условіяхъ» входить «въ интимныя собесѣдованія съ отдѣльными лицами», «находить въ ихъ сердцахъ точку опоры», «завладѣть ихъ симпатіями» и «завоевать ихъ сердца»? О. Михаилъ указываетъ «надежный путь» и несомнѣнно «полезный пріемъ» миссіонерства, но только для *приходскаго* пастыря. Приходскій пастырь, сотни разъ встрѣчаясь съ отступниками своего прихода, можетъ «найти въ ихъ сердцахъ точку опоры, войти въ ихъ душу» и, при своемъ усердіи къ миссіонерскому дѣлу, сдѣлать гораздо больше, чѣмъ officialный миссіонеръ. Въ послѣднемъ онъ можетъ пуждаться только для публичной бесѣды съ извѣстными начетчиками-пропагандистами, мѣстными или выписанными, и для указаній полемико-апологетическаго миссіонерскаго матеріала въ свѣщ. Писаніи и святоотеческой, вкупѣ со старопечатной, литературѣ, а равно и—лукавыхъ изворотовъ сѣятелей отступнической лжи. «Завоевывать же сердца» отступниковъ миссіонеру, имѣющему съ ними дѣло разъ въ годъ, а то и того меньше, прямо невозможно. Правда, миссіонеръ мягкій, кроткій, терпѣливый, обходительный, проникнутый любовью къ заблудшему брату, можетъ повліять на сердце отступника и на публичныхъ бесѣдахъ—съ доказательствами «отъ книгъ» Но, «по отшествіи» миссіонера, отступническая среда сдѣлается

свое дѣло... и миссіонерскій слѣдъ скоро загладится. Оставаться же миссіонеру по-долгу въ поселеніяхъ съ расколо-сектантскимъ элементомъ и *нравственно* вліять на отступниковъ, а не *буквой* книгъ, «при нынѣшнихъ условіяхъ» внутренней миссіи почти невозможно. Съ пріѣздомъ миссіонера, сектанты, допустимъ, собрались на бесѣду. Является миссіонеръ. Съ чего ему начинать «завоеваніе» сердецъ? Если онъ заведетъ рѣчь не «отъ писанія», сектанты тутъ же оборвутъ его саркастическимъ замѣчаніемъ: «мы пришли послушать слово Божіе, а что ты краснобаешь, объ этомъ мы и на улицѣ безъ тебя услышимъ». И тутъ же дадутъ тему для бесѣды «отъ писанія»: «вотъ ты, напр., миссіонеръ (если мисс. священникъ), носишь длинныя рясы и широкіе рукава, а въ Евангеліи что сказано о тѣхъ, кто «увеличиваетъ воскрілія одеждъ своихъ»? (Мѡ. 23, 5). Со стороны, другой сектантъ еще сострить: «широки рукава, да душа лукава». «Потомъ, продолжить отступникъ, ты вотъ носишь длинныя волосы, а ап. Павелъ пишетъ: «если мужъ раститъ волосы, то это безчестіе для него» (1 Кор. XI, 14). Ну,—откуда начинать «завоеваніе сердецъ и симпатій»? А чрезъ 3—4 дня миссіонеру нужно ѣхать въ другое село—для такихъ же завоеваній!

Съ горестью повторяемъ, что добрый и дѣйствительно полезный совѣтъ о. Михайла миссіонеры могутъ принять пока *только* «къ свѣдѣнію».

Н. Гринякинъ.

Сектантство и расколъ по послѣднему Всеподданнѣйшему отчету оберъ-прокурора Св. Синода.

І. РАСКОЛЪ.

Изъ доставленныхъ епархіальными Преосвященными свѣдѣній о состояніи въ ихъ епархіяхъ раскола въ 1899 году видно, что въ однихъ мѣстахъ Имперіи, подъ вліяніемъ правильно организованныхъ мѣръ религіозно-нравственнаго воздѣйствія, онъ значительно ослабѣлъ и потерялъ свое прежнее упорство, а въ другихъ—подъ дѣйствіемъ пропаганды и другихъ причинъ разгорается и усиливается.

Между многими причинами, обуславливающими вообще живучесть и устойчивость раскола, главнѣйшими въ настоящее время являются: 1) матеріальная состоятельность раскольниковъ, которая даетъ имъ возможность выбирать на общественныя должности своихъ же раскольниковъ и держать расколыническую массу въ полномъ повиновеніи и не допускать до перехода въ православіе лицъ, даже не сочувствующихъ расколу; 2) поселенія раскольниковъ отдѣльными отъ православныхъ, нерѣдко большими группами, гдѣ послѣдователи его имѣютъ полную возможность не вступать въ общеніе съ православными и воспитывать въ своей средѣ фанатическую ненависть къ православной Церкви, доходящую нерѣдко до изуверства; 3) нѣкоторыя льготы, дарованныя раскольникамъ, толкуемыя ими въ смыслѣ покровительства имъ со стороны правительственной власти, какъ напримѣръ: освобожденіе раскольниковъ отъ сборовъ и платы на содержаніе православнаго духовенства и дозволеніе раскольникамъ, особенно австрійскаго согласія, обращать жилия строенія въ молельни и совершать въ нихъ богомоленія, что ведетъ къ ложному представленію въ народѣ о равноправности расколыническихъ моленъ съ православными храмами и 4) формальное отношеніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ властей къ дѣламъ объ оказательствѣ раскола.

Многія изъ сихъ властей, по невѣдѣнію о расколѣ и объ отношеніяхъ его къ православной Церкви и государству, нерѣдко руководятся ложнымъ представленіемъ о мнимой свободѣ совѣсти и, приравнивая расколъ и секты къ иновѣрнымъ исповѣданіямъ, даютъ ихъ послѣдователямъ поводъ представлять, что ихъ толкъ, нерѣдко весьма вредный и фанатичный, пользуется особымъ покровительствомъ правительственной власти.

Опредѣлить точное число раскольниковъ въ Имперіи едвали возможно, вслѣдствіе скрытности и притворства, въ большей или меньшей мѣрѣ свойственныхъ послѣдователямъ всѣхъ раскольническихъ сектъ.

Въ епархіяхъ, наиболѣе зараженныхъ расколомъ, приблизительное количество его послѣдователей выражается слѣдующими цифрами. Въ Донской—118.833, въ Томской—94.240, въ Вятской—91.078, въ Оренбургской—87.000, въ Полоцкой—85.000, въ Самарской—75.870, въ Нижегородской—74.211, въ Черниговской—72.433, въ Саратовской—69.803, въ Пермской—66.042, въ Литовской—52.000, въ Калужской—45.000, въ Забайкальской—42.664 и Псковской—36.380.

При сопоставленіи этихъ цифръ съ данными первой всеобщей переписи 1897 года оказывается, что по этимъ даннымъ раскольниковъ значится: въ Области Войска Донскаго—129.957, въ Томской губерніи—99.145, въ Вятской—96.045, въ Оренбургской губерніи—59.264, въ Тургайской области—155, въ Уральской области—55.655 (Оренбургская губернія, Тургайская и Уральская области составляютъ Оренбургскую епархію), въ Витебской губерніи (составляетъ Полоцкую епархію)—83.022, въ Самарской губерніи—96.905, въ Саратовской губерніи—113.496, въ Нижегородской губерніи—87.625, въ Черниговской—43.515, въ Псковской—35.610 и т. д.

Изъ трехъ главныхъ категорій, на которыя обыкновенно подраздѣляется русскій расколъ, самую многочисленную является категория раскольниковъ *поповщинская*, въ которой особеннаго вниманія заслуживаетъ секта, пріемлющая австрійское, или бѣловриницкое священство. Будучи преобладающею сектою въ расколѣ по своей численности, она болѣе всего представляетъ затрудненій для право-

славной Церкви. Имѣя по внѣшнему виду такую же, какъ и православная Церковь, трехчинную іерархію и таинства, обширныя моленныя, украшенныя съ большимъ благолѣпіемъ и по внутреннему устройству близко сходныя съ православными храмами, австрійская секта служить великимъ соблазномъ для православныхъ. По свидѣтельству многихъ преосвященныхъ, не только православные, но и раскольники разныхъ толковъ, видя полноту чиновъ въ австрійской іерархіи и полное удовлетвореніе всѣхъ религіозныхъ нуждъ поповцевъ, принимающихъ эту іерархію, а также строго точное исполненіе у нихъ церковно-богослужебнаго устава, часто въ простотѣ сердца, по своей малоразвитости, будучи не въ состояніи понимать догматическую и каноническую незаконность австрійскаго жесвященства, переходятъ въ австрійство.

Большимъ соблазномъ для православныхъ служить и совершенно свободное поведеніе австрійскихъ поповъ и руководимыхъ ими послѣдователей австрійскаго жесвященства. Въ Вятской епархіи были случаи, когда лжепопы въ священническомъ облаченіи, во время Пасхи, ходили по деревнямъ и, не стѣсняясь православныхъ, вступали съ ними въ разговоры, поносили православіе и называя самое Евангеліе «путанной» испорченной книгой. Въ Екатеринославской епархіи глумленіе раскольниковъ надъ православіемъ, кощунство надъ святынями православной Церкви составляютъ обычное явленіе.

Особенно много вреда православной Церкви приноситъ и та широкая свобода, которою австрійскіе лжеіерей и лжеархіерей пользуются какъ при отправленіи своихъ службъ, такъ и для разъѣздовъ по Россіи, предпринимаемыхъ ими для утвержденія раскола и совращенія православныхъ. Недавно назначенный лжеепископомъ Московскимъ Донской казакъ Картушинъ, еще на первыхъ порахъ своего служенія заявившій себя необыкновенно энергичною дѣятельностію на пользу раскола, въ 1899 году предпринялъ нѣсколько такихъ поѣздокъ для обозрѣнія раскольниковыхъ епархій на Дону, въ Екатеринославской губерніи и Бессарабіи.

Слѣдуя его примѣру, предпринимали такія же поѣздки и другіе австрійскіе лжеархіерей. Антоній Сибирскій ѣздилъ на Алтай, Іона Смоленскій—въ Калужскую губернію, а Сильвестръ Новозыбовскій въ Черниговскую. Разъѣзжая, они развозили церковную утварь,

книги и иконы, укрѣпляли своихъ пасомыхъ въ преданности расколу, совершали торжественныя богослуженія и «постановленія» въ церковныя должности. Ихъ разъѣзды совершались открыто и торжественно, а совершавшіяся ими служенія всегда привлекали множество посѣтителей. Одновременно съ архіереями совершали разъѣзды и главные начетчики. Такъ Мельниковъ, побывавъ въ апрѣлѣ 1899 года въ Петербургѣ, въ августъ того же года разъѣзжалъ по Уралу и бесѣдовалъ въ Екатеринбургѣ. Перетрухинъ, бывший когда-то секретаремъ раскольникьяго духовнаго совѣта, а нынѣ облеченный Карпушинымъ высокимъ званіемъ «всероссійскаго миссіонера», имѣя отъ него особливую миссію подготовить почву для соединенія окружниковъ съ неокружниками, разъѣзжалъ по Донской Области, Екатеринбургской губерніи и Бессарабіи. Эти поѣздки оставляютъ послѣ себя нежелательный слѣдъ и въ дѣлѣ церковно-приходскихъ школъ.

Карпушинъ, съ первыхъ же дней своего пребыванія въ Москвѣ, въ качествѣ верховнаго владыки окружниковъ, начавшій стремиться къ закрѣпленію своихъ пасомыхъ въ преданности ихъ завѣтамъ «древней старожитности» и къ возбужденію и поддержанію среди нихъ духа противленія обычаямъ и порядкамъ общественной жизни, особенное вниманіе обратилъ на реформу самаго строя раскольниковческаго управленія. Для этого, по его инициативѣ, въ 1899 году создано было нѣсколько *соборовъ* изъ раскольниковчихъ архіереевъ въ Москвѣ и Нижнемъ Новгородѣ.

Важнѣйшія изъ постановленій этихъ соборовъ были слѣдующія. Рѣшено было: 1) учредить въ каждой раскольникчей епархіи раскольникчи братства, имѣющія своей задачей заботу объ единеніи раскольниковъ всѣхъ толковъ между собою, пропаганду раскола между православными и противодѣйствіе православнымъ миссіонерамъ. Долженъ былъ быть выработанъ планъ организаци братствъ и намѣчены по епархіямъ главные дѣятели ихъ; 2) увеличить количество епархій чрезъ учрежденіе новыхъ въ С.-Петербургѣ, на Донѣ, во Владимірѣ, въ Калугѣ, Семипалатинскѣ и въ другихъ мѣстахъ; 3) для пропаганды раскола завести книгоношъ, съ возложеніемъ на нихъ миссіонерскихъ обязанностей, назначить имъ жалованье и извѣстный процентъ съ выручки за проданныя книги.

Постоянное пребываніе въ послѣднее время въ Москвѣ нѣсколь-

гихъ раскольническихъ лжеархіереевъ повело къ фактическому возникновенію какъ бы постоянного раскольническаго «Синода», вза-мѣнъ предназначеннаго къ упраздненію Духовнаго Совѣта. Вѣроятно, не безъ вѣдома ихъ Картушинъ сдѣлалъ много и другихъ распоряженій, напримѣръ, о неношеніи нѣмецкаго платья, о небритіи бороды, о некурении табаку, о неношеніи женщинами шляпъ, вмѣсто платковъ и т. п. Онъ же учредилъ по мѣстамъ должности благотворительныхъ и назначилъ на нихъ извѣстныхъ ему лицъ, которымъ далъ и особливныя инструкции.

Занятый въ послѣднее время мыслию о соединеніи съ неокружниками, Картушинъ еще въ 1898 году рѣшилъ было созвать для этого соборъ заграницей, съ участіемъ бѣлокриницкаго лжемитрополита Афанасія и неокружническихъ архіереевъ. Но за болѣзнію Кирилла, главы неокружниковъ, соборъ не состоялся. Особенно много стараній Картушинъ прилагаетъ къ дѣлу соединенія съ неокружниками въ Стародубскихъ слободахъ. Новозыбковскій попъ Ефимъ Мельниковъ, по его порученію, постоянно разъѣзжаетъ по всѣмъ неокружническимъ посадамъ, совершаетъ свои богослуженія, собираетъ старообрядцевъ разныхъ толковъ на бесѣды и склоняетъ ихъ къ окружничеству.

Что касается другой отрасли поповщинскаго согласія *бѣлопоповцевъ*, то особой жизнедѣятельности она не проявляла. Большое вниманіе на этотъ толкъ раскола въ послѣднее время обратили австрійцы—окружники. Пользуясь ихъ затрудненіями въ присканіи бѣглыхъ поповъ и имѣя въ виду единеніе всѣхъ раскольниковъ около себя, австрійцы пользуются каждымъ случаемъ обличать ихъ и проповѣдывать имъ о правотѣ своего толка. Извѣстія объ этомъ идутъ изъ главныхъ центровъ бѣглопоповщины—Стародубья, Калуги, Урала, Вятки и др.

Напротивъ того, жизнь *безпоповцевъ*, какъ и въ предыдущіе годы была полна смятенія. Среди нихъ происходили частыя разногласія по обрядовымъ вопросамъ. Въ Вятской, Саратовской и Нижегородской епархіяхъ безпоповцы неоднократно составляли довольно большіе соборы, предметомъ разсужденій коихъ служили главнымъ образомъ наиболѣе интересующіе безпоповцевъ вопросы о бракѣ и чинопріемѣ вступающихъ въ ихъ толки новыхъ членовъ. Но къ еди-

номыслию соборы эти не приводили, а способствовали — составляющему особо отличительную черту безпоповщины — дробленію его на все новыя и новыя секты.

Среди безпоповцевъ выдвинулся въ послѣднее время ко вреду для православія саратовскій начетчикъ Терентій Худошинъ. Для введенія бесѣдъ съ православными миссіонерами онъ не ограничивается разѣздами по Самарской и смежнымъ съ нею губерніямъ, но проникаетъ даже въ глубь Сибири, въ Алтай. Ему сопутствуетъ саратовскій же безпоповецъ Артемій Черчимцевъ, совмѣстно съ которымъ Худошинымъ выработано особое своеобразное понятіе о Церкви, подъ которою они разумѣютъ собраніе однихъ только *отрныхъ*, т. е. однихъ мірянъ, безъ епископовъ.

Изъ всѣхъ безпоповщинскихъ сектъ секта *странниковъ* или *бѣгуновъ*, какъ отрицающая установленный государственный порядокъ, по прежнему обращала на себя особое вниманіе духовной и гражданской властей. Эта секта въ настоящее время имѣетъ особенно широкое распространеніе въ Олонекской губерніи. Въ 1899 году въ означенной губерніи обнаруженъ слѣдующій загадочный изъ жизни бѣгуновъ случай. Въ дер. Мартемьяновой, Каргопольскаго уѣзда, на гумнахъ крестьянъ Брехалевыхъ открыто было цѣлое кладбище бѣгуновъ. Вырыты здѣсь мѣстными властями 20 человѣческихъ труповъ имѣютъ ясныя слѣды насильственной смерти. Медицинскимъ изслѣдованіемъ дознано, что трупы хоронились въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. обстоятельное разслѣдованіе этого случая, нѣтъ сомнѣнія, дастъ весьма интересныя данныя для сектовѣдѣнія.

Въ 1899 году безпоповцами предпринята была попытка, которая могла привести къ весьма печальнымъ результатамъ. Давно тяготѣющіе къ соединенію съ раскольниками австрійскаго согласія, они въ концѣ 1898 года снарядили изъ наиболѣе вліятельныхъ въ своей средѣ лицъ депутацію къ Константинопольскому Патріарху, съ цѣлію выясненія вопроса о законности рукоположеній блокриницкаго митрополита Амвросія, а слѣдовательно истинности и правильности австрійской іерархіи. При этомъ безпоповцы имѣли въ виду, въ случаѣ полученія отъ вселенской Церкви благопріятнаго отвѣта, соединиться съ раскольниками, признающими австрійскую лжеіерар-

хію, возбудивъ предъ русскимъ правительствомъ ходатайство о признаніи законности бѣлокриницкой іерархіи, хотя бы наравнѣ съ католическою или армянскою. Но эта депутація успѣха не имѣла.

РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКО-МИСТИЧЕСКОЕ СЕКТАНТСТВО.

Изъ всѣхъ рационалистическихъ сектъ штунда, какъ наиболѣе опасная въ религіозномъ и политическомъ отношеніяхъ секта, въ 1899 году продолжала сосредоточивать на себѣ особенное вниманіе епархіальныхъ властей и приходскаго духовенства. Въ настоящее время лжеученіе этой секты и крайне вредный ея характеръ выразились уже съ полною ясностію. Исходя изъ мысли, что оправданіе чловѣка совершается вѣрою, при непосредственномъ мысленномъ обращеніи ко Христу и божественной благодати, лжеученіе штунды отрицаетъ небесную и земную Церковь, св. таинства и всѣ принятые въ православной Церкви обряды, считая великимъ грѣхомъ посѣщеніе храмовъ Божіихъ, почитаніе Божіей Матери и всѣхъ св. угодниковъ, Креста Господня и св. иконъ и мощей. По наблюденію миссіонеровъ Донской и Екатеринославской епархій, особенность современнаго штундизма заключается въ томъ, что прежнее отрицательное отношеніе его послѣдователей къ православію и произволъ въ толкованіи священнаго Писанія смѣняется у нихъ полнѣйшимъ и самымъ грубымъ отрицаніемъ всего христіанства. Нѣкоторые изъ вожаковъ высказываютъ даже прямо матеріалистическія воззрѣнія. Въ Донской епархій на собесѣдованіи православнаго миссіонера, одинъ штундистъ, по вопросу о воскресеніи мертвыхъ, высказывалъ такіа сужденія: «религія есть измышленіе поповъ, обманъ для мужика; ничего этого не будетъ; издохнешь, только трава на могилѣ вырастетъ». Ненависть ихъ въ отношеніи къ православію не знаетъ предѣловъ и доходитъ часто до открытаго и дерзкаго ругательства надъ тѣмъ, что такъ дорого сердцу каждаго истинно-православнаго христіанина. «Когда штундистъ отвергаетъ иконопочитаніе, говоритъ миссіонеръ Донской епархій, то онъ не только удаляетъ иконы изъ своего дома, но и открыто ругается надъ ними: онъ разрубаетъ ихъ, сожигаетъ, бросаетъ въ нечистыя мѣста».

Дыша ненавистью къ православному духовенству, лжеученіе штунды идетъ и противъ установившагося строя русской жизни и проповѣдуетъ принципы вреднаго социалистическаго характера. Штундисты отличаются необыкновеннымъ усердіемъ къ прозелитизму. Для цѣлей послѣдняго штунда имѣетъ хитро организованную миссію, съ точнымъ распредѣленіемъ раіоновъ миссіонерской дѣятельности, съ опредѣленнымъ жалованьемъ миссіонерамъ и проч. Мѣстами для пропаганды своего лжеученія штундисты избираютъ рудники, угольные копи, чугунно-литейные заводы. Послѣдователей себѣ штундисты находятъ главнымъ образомъ въ средѣ представителей городского и сельскаго пролетаріата, людей недовольныхъ данными условіями жизни, дерзкихъ и неспокойныхъ по характеру, чающихъ отъ секты прежде всего улучшенія экономическаго. Вообще, кощунственное порицаніе святыни православной Церкви и недовольство окружающею жизнью, воспитываетъ молодое поколѣніе сектантовъ въ направленіи крайне опасномъ, развращающемъ ихъ умъ, волю и сердце.

Пропаганда штунды, руководимая ея главарями и интеллигентными послѣдователями, получившихъ въ послѣднее время также широкое распространеніе толстовскихъ воззрѣній, дѣйствовала главнымъ образомъ при посредствѣ подпольныхъ рукописныхъ и печатныхъ заграничныхъ изданій, въ которыхъ интеллигентные сектанты стремятся систематизировать и обосновать религіозно-соціальныя воззрѣнія штунды, въ духѣ и направленіи зловредномъ какъ для господствующей Церкви, такъ и для государственной власти. Въ религіозномъ отношеніи эти произведенія имѣютъ задачу провести въ сознаніе простаго народа не только противоцерковныя и противоправославныя, но и прямо противохристіанскіе взгляды на Божество, міръ и человѣка. Не ограничиваясь областію вѣры, эти сектантскіе трактаты останавливаютъ мысль народа и на вопросахъ общественнаго, соціальнаго и государственнаго порядка, разрѣшая ихъ, хотя повидимому и на религіозной почвѣ, при посредствѣ ряда ссылокъ на библейскіе тексты, но въ духѣ социализма и не вездѣ даже прикровеннаго. Обращеніе этихъ вредныхъ изданій замѣчается особенно среди южно-русскихъ штундистовъ и у столичныхъ папковцевъ.

Штунда, вербуя себѣ послѣдователей въ средѣ православнаго населенія главнымъ образомъ южныхъ губерній, особенно широкое

распространеніе имѣть въ епархіяхъ Екатеринославской, Кіевской и Харьковской.

Въ нѣкоторыхъ селахъ *Екатеринославской* епархіи штунда, не проявляя никакихъ признаковъ ослабленія, находится въ періодѣ высокой напряженности своихъ религіозныхъ интересовъ, представляя изъ себя тѣсно сплоченную религіозную общину, мало поддающуюся вліянію дѣятелей миссій. Это явленіе объясняется тѣмъ, что во главѣ этой общины сектантовъ стоятъ лица, крайне упорныя въ своихъ религіозныхъ заблужденіяхъ, дерзкія на публичныхъ собесадованіяхъ и ревностные распространители въ мѣстномъ населеніи заблужденій своей секты. При этомъ въ исторіи названной сектантской общины въ 1899 году имѣло мѣсто событіе, которое значительно содѣйствовало утвержденію штундистовъ въ ихъ религіозныхъ заблужденіяхъ. За свои молитвенныя собранія, недозволенные закономъ, штундисты были оштрафованы однимъ изъ земскихъ начальниковъ. Съѣздъ земскихъ начальниковъ этотъ штрафъ отмѣнилъ, чѣмъ далъ штундистамъ основаніе къ распространенію въ мѣстномъ населеніи убѣжденія, что ихъ вѣра дозволена закономъ и что только священники изъ своихъ корыстныхъ расчетовъ преслѣдуютъ ихъ.

Значительное развитіе штунды замѣчается въ послѣднее время и въ *Кіевской* епархіи. Сектантство появилось здѣсь и въ новыхъ пунктахъ и оживилось въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ оно казалось совсѣмъ было умиротворено. Въ нѣкоторыхъ селахъ численность сектантовъ въ послѣднее время возросла въ полтора раза. Выстъ съ гѣмъ штундисты *Кіевской* епархіи сдѣлались дерзкими и заносчивыми въ сношеніяхъ съ миссіонерами и весьма смѣлыми въ пропагандѣ. Въ послѣднее время къ *Кіевской* штундовой общинѣ присоединился, въ качествѣ просвѣтителя и вдохновителя, одинъ бывшій уже подъ надзоромъ полиціи технологъ, нѣсколько разъ обвинявшійся за участіе въ штундовыхъ собраніяхъ и посему называющій себя нынѣ баптистомъ. Послѣ поступленія его въ одну изъ *Кіевскихъ* типографій, въ качествѣ корректора, тамъ скоро было обнаружено штундовое броженіе не только среди взрослыхъ рабочихъ, но даже и мальчиковъ. Ближайшею причиною столь широкаго распространенія штунды въ *Кіевской* губерніи является смѣлость ея пропагандистовъ и руководителей, и распространившаяся среди нихъ

увѣренность въ безнаказанности за устройство сектантскихъ собраний, вслѣдствіе того, что нѣсколько возбужденныхъ противъ виновныхъ дѣлъ закончились оправданіемъ ихъ. Въ самомъ г. Кіевѣ, послѣ бывшаго здѣсь случая оправданія штундистовъ за собранія, сектанты почувствовали полную свободу и демонстративно начали устраивать настолько многочисленные собранія, что ни одна частная квартира не могла вмѣщать собравшихся. Полиціи неоднократно приходилось очищать улицы около дома, гдѣ проходили собранія, и составлять каждый разъ протоколы для привлеченія штундистовъ къ обвиненію не только за собранія, но и за оказательство.

Но главнымъ центромъ русскаго штундизма въ настоящее время нужно считать *Харьковскую* епархію и въ особенности самый гор. Харьковъ. Въ числѣ послѣдователей штунды здѣсь состоятъ многіе изъ служащихъ на мѣстныхъ заводахъ, содержатели механическихъ мастерскихъ, служащіе на Харьковско-Николаевской желѣзной дорогѣ. Изъ Харькова направляются въ деревни, на помощь несофитамъ, денежныя субсидіи и вообще Харьковская штундистская община начинаетъ пріобрѣтать руководящее значеніе въ отношеніи другихъ центровъ южно-русской штунды. Оттого религіозное состояніе нѣкоторыхъ приходовъ Харьковской епархіи крайне печально. Прихожане—не сектанты и не православные: у нихъ нѣтъ ни постовъ, ни праздниковъ, ни уваженія къ духовенству и начальству, ни усердія къ храму и службѣ церковной.

Довольно широко распространилась въ послѣднее время штунда и въ *Донской* епархіи. Насажденіе въ ней сектантства главнымъ образомъ велось путемъ переселенія въ нее сектантовъ изъ соседнихъ епархій: Астраханской, Саратовской, Ставропольской и въ особенности Харьковской и Екатеринославской, при посредствѣ мѣстныхъ вожakovъ сектантства. Громадныя незаселенныя пространства обширной области Войска Донскаго и дешевизна земли въ ней привлекаютъ сюда изъ различныхъ губерній переселенцевъ, въ числѣ которыхъ не мало приходитъ и сектантовъ. Селясь на новыхъ мѣстахъ, они тотчасъ же начинаютъ сѣять сѣмена своихъ лжеученій среди обреченныхъ жителей. Рѣдко пріобрѣтая земли въ собственность, а болѣею частію временно арендуя казенныя и частныя земли, большинство этихъ переселенцевъ переходятъ, такимъ образомъ, съ мѣста

на мѣсто. Эти постоянныя перекочевыванія сектантовъ лишаютъ возможности мѣстныхъ миссіонеровъ и священниковъ наблюдать за ними и систематически воздѣйствовать на нихъ. Вожаки же мѣстныхъ сектантскихъ общинъ, специально, съ цѣлю пропаганды, принимаютъ поѣздки по всей области.

Изъ другихъ губерній штунда въ послѣднее время имѣетъ значительное число своихъ послѣдователей въ губерніяхъ Херсонской, Московской, Орловской, Рязанской, Смоленской, Владивостокской и Омской.

Особеннаго вниманія въ настроеніи штундистовъ въ 1899 году заслуживаетъ проявившееся еще въ 1898 году стремленіе штундистовъ обойти силу закона 4 Іюля 1894 года, воспретившаго имъ общественныя молитвенныя собранія. Упорно отказываясь отъ именовація себя штундистами и выдавая себя за баптистовъ, они стараются воспользоваться правами о свободѣ молитвенныхъ собраній, дарованными сей послѣдней сектѣ какъ нѣмецкой—закономъ 27 Марта 1879 года. Въ виду сложности вопроса объ отношеніи штундизма къ баптизму, мировые судьи въ 1899 году впервые начали вводить въ свою практику экспертизу при разбирательствѣ дѣлъ о штундистскихъ богомоленныхъ собраніяхъ. Эксперты миссіонеры и представители науки дали въ этомъ отношеніи новое правильное направленіе судебнымъ процессамъ о богомоленныхъ собраніяхъ штунды, разъяснивъ судьямъ, что ни наука, ни законъ, ни миссіонерская практика не знаютъ секты русскихъ баптистовъ, а только штундистовъ; извѣстный въ наукѣ толкъ «штундобаптизмъ» есть лишь фракція секты, а не отдѣльная секта.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ миссіонерскихъ запросовъ.

Допустимы-ли въ православномъ храмѣ иконы съ двуперстнымъ сложеніемъ перстовъ и о вѣнчаніи отступниковъ.

Г. Редакторъ! Вчера у меня возникло недоумѣніе.

По поводу устройства теплаго придѣла въ своемъ храмѣ я созвалъ сходку. Два сельскихъ старосты у меня раскольники, —одинъ поморецъ, другой австріецъ. Съ послѣднимъ зашла у меня бесѣда о перстосложеніи, во время которой онъ помянулъ, что троеперстіе главная причина непосѣщенія старообрядцами нашего храма и что «остальное» (разности) ихъ не случаетъ и что храмъ Божій и духовенство нимъ непротивны, а дороги. Отвѣлъ онъ меня въ сторону и заговорилъ шепотомъ: «скажите, батюшка, какія иконы будутъ въ иконостасѣ?»—Я назвалъ.—«А нельзя-ли написать хоть одну съ нашимъ сложениемъ (перстовъ). Вотъ въ Сухиничахъ есть такіа, ваши ходили бы все въ церковь тогда; они и сейчасъ ходятъ въ тѣ церкви, гдѣ найдутъ такіа иконы». И, неопытный, озадачился, и, конечно, повесть рѣчь о несущественности перстосложенія въ дѣлѣ спасенія души, упомянулъ, что и въ нашей церкви можно двуперство креститься, лишь бы мысль была при этомъ правильна и похуленія на Церковь не было бы.—«Нѣтъ, намъ бы икону»... и—стыде скорбя. Грустно стало и мнѣ и я тутъ же рѣшилъ скорѣй просить вашего совѣта—какъ быть?

А вотъ и другой вопросъ. Въ Калугѣ уже докладывалось на съѣздѣ поѣду о нашихъ раскольникахъ, что они и дѣтей крестятъ у насъ въ храмѣ, и вѣнчаются, но погребаютъ сами. Я, пользуясь вчерашнимъ собраніемъ прихожанъ—и православныхъ, и раскольниковъ, объявилъ, что я мнимо-православныхъ вѣнчать не буду, ибо мы таинствами шутать не смѣемъ и не можемъ позволять другимъ смѣяться надъ ними, и при этомъ замѣтилъ, оп адресу раскольниковъ: «если вы хотите, чтобы ваши дѣтя *по формѣ* значились законными, то запишитесь въ волости. правленіи Раскольники обѣщались крещенныхъ въ православіи не переводить въ свою «вѣру» и поблагодарили даже меня за заботы о нихъ. А я все-таки остался съ недоумѣніемъ и о *опнчаніи*, и о *погребеніи раскольниковъ*, а также и объ *участіи граждан. власти въ дѣлахъ по совершеніямъ*.

Разрѣшите эти мои недоумѣнія и сомнѣнія.

свщ. Владимиръ Ремезовъ.

1) Старообрядецъ утверждаетъ, что главная причина непосѣщенія раскольниками православныхъ церквей—троеперстіе, и что расколь-

ники ходять въ тѣ напи церкви, «гдѣ найдутъ иконы» съ двуперстіемъ, и искусительно, а можетъ быть, и наивно предлагаетъ: «нельзя ли написать хоть одну икону съ нашимъ (двуперстнымъ) сложеніемъ» «въ иконостасѣ» православнаго храма

Утвержденіе старообрядца едвали справедливо: если раскольниковъ смущаетъ только троеперстіе, и они готовы ходить въ православныя церкви, гдѣ будутъ иконы съ двуперстіемъ, то почему они не присоединяются къ св. Церкви на правилахъ единовѣрія. Въ единовѣрческихъ церквахъ и иконы съ «двуперстіемъ», и крестное знаменіе творится двуперстнымъ сложеніемъ, и служба совершается по «старымъ» книгамъ. Писать же иконы съ двуперстіемъ въ православныхъ храмахъ нельзя: наша православная Церковь держится обряда исправленнаго, соборомъ (1667 г.) утвержденнаго и согласнаго съ обрядами Церквей православно-восточныхъ. Содержаніе обряда дониконовскаго, хотя и не исправленнаго, но безъ раскольническаго его смысла и похуленія Церкви, спасенію не вредящаго, благословляется Церковью только для «ищущихъ спасенія въ св. Церкви и въ то же время «немоцствующихъ совѣстью». Если бы раскольники, о коихъ въ письмѣ рѣчь, присоединились къ св. православной Церкви, тогда отъ нихъ, какъ единовѣрныхъ намъ братьевъ, можно въ православный храмъ, куда они пожелаютъ ходить къ богослуженію, принять иконы и дониконовскаго письма.

2) Вѣнчать и погребать отступниковъ православный священникъ не можетъ. Совращенныхъ, равно и совратителей, священникъ, какъ пастырь добрый, долженъ прежде всего звать своимъ пастырскимъ гласомъ во «дворъ овчій». Если же гласъ этотъ для нихъ окажется не дѣйственнымъ, то тогда ужъ волей-неволей, чтобы «изъять злаго отъ насъ самихъ», священникъ долженъ о совращеніяхъ и совратителяхъ донести своему преосвященному (а никакъ не полиціи), который и имѣетъ сношенія по этимъ дѣламъ съ подлежащими гражданскими властями.

Редакція.

Изъ записокъ и дневниковъ.

Миссіонерскіе очерки.

IV.

Разговоръ у Сафоновой избы и въ училищѣ.

Утромъ шелъ я по деревнѣ. Слышу у избы молоканина Сафона разговаривають. Прислушиваюсь. Одинъ звонкій голосъ выкрикиваетъ:

— *«Призови пресвитеровъ... помолятся»*... Вотъ онъ елей то!

Это было сказано, очевидно, по поводу нашей прошедшей бесѣды, которая была именно о елеопомазаніи. Подхожу къ людямъ. Спрашиваю:

— Про какой елей толкуете?

— Про тотъ самый, о которомъ вчера была рѣчь.

— Отчего имъ не мажетесь?

— Какой отъ него толкъ, отъ масла то! Оно не пользуетъ ни мало,—сказалъ молоканинъ.

У насъ начался продолжительный разговоръ съ молоканами о помазаніи елеемъ. Молокане этого таинства принять никакъ не хотѣли. «Потому оно не пользуетъ отъ болѣзни»... Этотъ грубый торгашескій взглядъ на дѣло былъ для нихъ самымъ убѣдительнымъ.

Напрасно я старался разсѣять ихъ заблужденіе,—не слушаютъ. Говорю подъ конецъ:

— Если разсуждать по вашему, молиться Богу тоже не нужно. Мы иногда долго и прилежно молимся, а ничего не выходитъ...

— То за невѣріе наше Богъ не слышитъ насъ!—сказали молокане.

— Вотъ также за невѣріе наше не пользуетъ насъ часто елей. А при апостолахъ онъ пользовалъ, какъ пишетъ объ этомъ св.

Іаковъ (—5, 14). Поэтому апостолы именно чрезъ помазаніе масломъ исцѣляли больныхъ (Мр. 6, 13).

Молокане неожиданно свели разговоръ совсѣмъ на другое.

— Нѣтъ, се, церковь то, замкомъ не запрешь!—говорилъ Сафонъ, а у васъ она на замкѣ...

Отвѣчаю:

— И у насъ *живая* Церковь вѣрующихъ замкомъ не запирается. На замкахъ мы держимъ лишь храмы или дома молитвенные. Эти храмы въ Писаніи именуются тоже *церквами* (1 Кор. 11, 18). И мы ихъ зовемъ также... Вамъ, братцы, не спорить съ нами нужно, а соединиться...

— Намъ то съ вами соединиться?—возвысилъ голосъ Сафонъ. Да у васъ священство то какое? За все берутъ. Ходятъ по деревнямъ священники, ковриги хлѣба собираютъ. А на что онѣ «ему» эти ковриги,—свиной что ли откормливать? Не хорошо это...

Я отвѣтилъ:

— Дѣйствительно, братъ, не хорошо упрекать священниковъ за сборъ ковригъ. Только горькая нужда заставляетъ ихъ дѣлать это. Положите священникамъ определенное жалованье или выдавайте имъ щедрое пособіе (Фил. 4, 16, 18),—они не станутъ ходить со сборомъ по дворамъ.

А зачѣмъ священникамъ ковриги? Отвѣтъ ясенъ. Наберутъ они ихъ и продадутъ. Деньги же людямъ всегда нужны... И вообще, Сафонъ, ты не розыскивай сучковъ въ глазахъ у нашихъ священниковъ. Посмотри лучше на своихъ излюбленныхъ пресвитеровъ. Вонъ вашъ Никандръ-двоеженецъ. А развѣ мыслимо это по писанію для предстоятелей Церквей (1 Тим. 3, 2).

Сафонъ сказалъ:

— У нашего Никандра одна жена.

— Одна, но по счету другая...

— Все-таки одна.

— Еще бы! Татаринъ что ли вотъ Никандръ, что сталъ бы *одновременно* обзаводиться двумя женами? Апостолъ запрещаетъ епископамъ и пресвитерамъ *два раза* жениться...

— Ну, мы того не знаемъ,—замѣтилъ Сафонъ. По нашему, по мужицки, это ладно...

— Вотъ въ этомъ то и бѣда, что вся вѣра ваша мужицкая, на темнотѣ основанная!—добавилъ я. Вы ничего не понимаете въ Писаніи, а все воротите по своему...

Сафонъ дружелюбно разсмѣялся.

— Ну, ладно, не сердись!—похлопавъ меня по плечу, сказалъ онъ. Пойдемъ чай пить...

Къ сожалѣнію, я не могъ принять приглашенія Сафона. Я तो-ропился въ свою квартиру. Тамъ меня поджидалъ батюшка.

Придя въ училище, я засталъ тамъ цѣлую компанію «гостей». Были три учителя народныхъ школъ, волостной писарь и батюшка. Разговоръ шелъ о нашихъ мужикахъ. «Гости» сочувственно отзывались о нихъ. Особой теплотой дышали рѣчи батюшки. Онъ говорилъ:

— Вотъ мы жалуемся на развитіе въ народѣ сектантства; подчасъ даже сердимся на это. А если разобраться,—народъ тутъ не виноватъ. Слишкомъ много бытовыхъ и всякаго рода другихъ причинъ толкаетъ мужиковъ въ сектантство. Возьмите хоть то: мужики наши бѣдны. Бьются изъ-за копѣйки. А гдѣ имъ набраться этихъ копѣекъ? Работы подъ руками нѣтъ. Если же какая работенка подъ руками и есть,—не стоитъ около нея околачиваться. Себѣ дорожке обойдется...

Кассъ взаимопомощи по деревнямъ тоже нѣтъ. Случись у мужика нужда,—онъ, хоть въ могилу ложись, не найдетъ помощи. Правда, по селамъ есть «Киты Китычи»,—но они жидовскіе проценты берутъ за помощь бѣднякамъ.

И вотъ въ такой крайности мужики, особенно какіе побойчѣй, смотрять кругомъ: нельзя ли гдѣ перехватить рублишко? А тутъ сектанты съ своими благотвореніями и приманками. И бѣгутъ православные бѣдняки изъ Церкви.

Рѣчь батюшки поддерживалъ одинъ земскій учитель, человекъ начитанный и мыслящій. Онъ смотрѣлъ на дѣло съ иной стороны. Онъ исходилъ изъ наличности по деревнямъ умственныхъ запросовъ и нѣкотораго душевнаго броженія. Это броженіе существуетъ несомнѣнно. Оно сосредоточивается преимущественно на религіозныхъ вопросахъ. Мужики плохо, но читаютъ Библію. При чтеніи, у нихъ возникаютъ вопросы, сомнѣнія. Куда пойти за разрѣшеніемъ ихъ?

Естественная дорога къ батюшкѣ. Но батюшки наши задавлены дѣлами—школами и требами. Многіе хлопочутъ по хозяйству. Иные и свободны, да не умѣютъ бесѣдовать съ народомъ «по душамъ»... И остаются пытливые мужики съ своими запросами.

— Вы простите, что мы зафилософствовались!—обратясь ко мнѣ, сказалъ учитель.

Я радъ былъ послушать рѣчей сельскихъ обывателей о народныхъ нуждахъ. Я поспѣшно сталъ упрашивать собесѣдниковъ продолжать ихъ разговоръ, назвавъ его «любопытнѣйшимъ».

Учитель продолжалъ:

— Да, на вопросы мужиковъ въ области вѣры могли бы дать отвѣты миссіонеры. Они—народъ образованный и, что называется, *тертый*. Но часто ли мы видимъ васъ?—опять обратился ко мнѣ учитель. Всего однажды въ годъ. О многомъ вы не разговоритесь съ людьми. Во многомъ они васъ не поймутъ; многое сектанты послѣ васъ затрутъ. И пропадаютъ часто труды ваши безцѣльно...

Рѣчь учителя поражала всѣхъ своей правдивостью. Я выразилъ ему свое уваженіе. Онъ сконфузился и сталъ обобщать свои выводы.

— Итакъ, говорилъ онъ, не сердитесь, господа, на мужиковъ, что они бѣгаютъ по сектамъ. Это своего рода—*эволюція*...

Я согласился съ заключеніемъ учителя, но добавилъ, что уклоненіе мужиковъ въ сектантство считаю *болѣзненной* эволюціей... Конечно, послѣ обрѣза пальца, рука будетъ болѣть. Но, если засорить еще рану, болѣзнь разовьется до крайности. Такъ и въ области религіознаго развитія. Пусть, читая Библію, наши мужики стали бы сомнѣваться, спрашивать. Отсюда не слѣдуетъ еще, что они должны уклоняться въ секты. Сомнѣніями въ вопросахъ религіозныхъ, особенно при истолкованіи Библии, страдали даже св. отцы. Однако ихъ пыливость находила правильный исходъ въ голосъ Церкви,—въ ея ученіи...

Нашихъ же мужиковъ въ вопросахъ религіи мутать и сбиваютъ съ толку разные сектантскіе проходимцы. Въ ихъ рукахъ разсужденія крестьянъ по вопросамъ вѣры и жизни являются уже не *здоровой* эволюціей, а *болѣзненнымъ процессомъ*,—лихорадочными скачками отъ одной мысли къ другой...

— Да, завершивъ мои слова батюшка, не будь этихъ *самозванныхъ* развивателей крестьянъ, какое бы золото представляло собою «сердце народное»! Какъ священникъ, я это осязательно знаю по опыту. Я ежегодно тысячами вижу людей на исповѣди. Вижу мужицкія слезы о своемъ недостоинствѣ. Ахъ, какаѣ жажда святости осталась еще въ лучшихъ людяхъ изъ народа! Не даромъ, предъ этой чертой души народной преклонялся великій Достоевскій. Право, господа, пожалѣйте нашихъ мужиковъ и помогите имъ благополучно пережить пору уметвеннаго пробужденія!..

Призывъ батюшки ближе всего относился къ учителямъ. Но и я принявъ его къ сердцу. Мы все какъ то сблизились этимъ разговоромъ и разстались прямо, какъ родные...

Д. Боголюбовъ.

Два слова о присягѣ.

(Отвѣтъ на открытое письмо *) о. Дмитрія Силина).

Audiat et altera pars.

Съ пріятнымъ душевнымъ волненіемъ пишу вамъ это письмо, многуважаемый о. Дмитрій! Мы—миссіонеры привыкли въ тишинѣ проходить свое служеніе. Для насъ не обычно *печатно* изъясняться по поводу своихъ бесѣдъ,—ихъ содержательности и миссіонерской цѣлесообразности.

По правдѣ сказать, это обстоятельство не зависитъ отъ миссіонеровъ. Оно объясняется характеромъ отношеній къ намъ «ученыхъ» нашихъ собратьевъ-богослововъ. Эти «ученые богословы» привыкли смотрѣть на миссіонеровъ, какъ на людей мало *причастныхъ* наукъ. Потому и на миссіонерскія бесѣды смотреть равнодушно,—съ высокомѣрнымъ замалчиваніемъ ихъ.

Не скрою отъ васъ, что такое отношеніе къ своимъ трудамъ мы считаемъ прискорбнымъ и глубоко ненормальнымъ. Мы вѣдь—не враги науки, ибо питаемся соками и плодами отъ ея корней. По

*) «Мисс. Обзоръ», дек. 1902 г.

мѣръ силъ нашихъ, мы стараемся *сблизить* науку съ жизнью,— стараемся научно-богословскіе выводы излагать такъ, чтобы ихъ могли воспринять даже *простомудры*.

Сознаемся, что въ своихъ стараніяхъ мы—миссіонеры иногда погрѣшаемъ, впадаемъ въ односторонности. Это понятно и естественно. Вѣдь наше богословіе крайне не разработано и не приспособлено къ современнымъ религіознымъ запросамъ какъ народной, такъ и интеллигентной среды. Жизнь выдвинула въ послѣднее время вопросы о *судьбѣ церковномъ*, о святости Церкви, о каноничности болгарской и англійской церквей. А что дастъ намъ въ отвѣтъ на эти вопросы наше богословіе? Ничего, или *почти* ничего... Миссіонерамъ *самимъ*, своими скромными силами приходится считаться съ жизненными задачами и рѣшать ихъ *на свой страхъ*.

Вотъ почему я взялся за чтеніе вашихъ печатныхъ замѣчаній, о. Дмитрій, на мою бесѣду съ штундистами о присягѣ, съ пріятнымъ чувствомъ душевнаго удовольствія. Я надѣялся найти въ этихъ замѣчаніяхъ нѣкоторую *опору* для себя и ободреніе, но, дочитавъ до конца, къ прискорбію, увидѣлъ нѣчто совсѣмъ другое,— то же, что намъ приходится слышать отъ сектантовъ.

Отчего же это произошло?

Вы говорите: «вы не разрѣшили, Дмитрій Ивановичъ, удовлетворительно для сектантовъ мучительнаго для нихъ вопроса о присягѣ» (Мисс. Обзор. 1902, дек. стр. 839).

Итакъ, по вашимъ словамъ, выходитъ, что бесѣда моя съ богословской точки зрѣнія «не удовлетворительна», что ея выводы, слѣдовательно, *не согласны* съ словомъ Божиимъ.

Каковы же мои выводы?

Тѣ, что клятва именемъ Божиимъ Новому Завѣту не противна, когда того требуетъ *необходимость*, и что штундисты, утверждая противное, ошибаются.

Не могу допустить, чтобы вы, *православный священникъ*, думали по сектантски! Не могу допустить потому, что въ своей замѣткѣ вы прямо *принимаете клятву*, вопреки толстовцамъ. Вы лишь требуете примѣненія ея въ *нужныхъ* случаяхъ. Но развѣ не о томъ же стараются миссіонеры? Значитъ, вы недовольны лишь *постановкой* моихъ доказательствъ. Въ такомъ случаѣ вамъ необ-

ходимо было показать намъ дѣло въ *научно православномъ* свѣтѣ; но вы этого не сдѣлали, а потому своими замѣчаніями оставили въ душѣ моей лишь скорбь.—Постараюсь это доказать частіе.

Вы говорите, что я не разрѣшилъ «удовлетворительно» для сектантовъ вопроса о присягѣ. Да, я это объявляю открыто. Но сейчасъ же замѣчу, что этого *сдѣлать нельзя*. Сектанты тогда только «удовлетворились» бы нашими доводами, если бы мы имъ «настроили» показали евангельскую заповѣдь о присягѣ. А такъ какъ такой строки найти нельзя, то они и будутъ вѣчно недовольны доводами православныхъ миссіонеровъ...

Однако странно, что вы — въ критикѣ миссіонерскихъ приемовъ, становитесь на точку зрѣнія шундистовъ. Вы, почтеннѣйшій батюшка, должны же помнить, что, помимо доказательства «отъ строки», въ православной догматикѣ допускаются еще *наведенія*, косвенныя доказательства. Припомните, напр., православное ученіе о молитвахъ за умершихъ. Въ Новомъ Заветѣ оно все *выводится* изъ заповѣди Апостола: *«молитесь другъ за друга»*.

Что же, по вашему, ужели въ своей бесѣдѣ со шундистами о присягѣ я остался и безъ *косвенныхъ* доказательствъ?

Изъ вашихъ замѣчаній этого не видно. Вы, впрочемъ, утверждаете, что Христосъ *запретилъ* клятву именемъ Божиимъ, а апостолъ Павелъ въ послан. къ Евреямъ лишь указываетъ на *человѣческій обычай* клясться. Но, добавляете вы, такой обычай «грѣшенъ, въ этомъ нѣтъ спора» (—стр. 836).

Позвольте же, батюшка, сказать вамъ, что вы *голословно* опровергаете меня.—Откуда вы взяли, что Христосъ запретилъ намъ клясться *именемъ Божиимъ*? Ни *строки* этого нигдѣ не сказано. А изъ Откровенія, 10 гл., мы видимъ, что даже *ангелы* клянутся «живущимъ во вѣки», т. е. Богомъ. Если ангеламъ не грѣшно клясться, то нельзя поставлять въ грѣхъ клятвы людямъ. Ибо намъ вѣрно подражать ангеламъ (Кол. 3, 1—2 стр.).

Что касается вашего толкованія словъ ап. Павла изъ посл. къ Евреямъ, то я и вовсе не могу согласиться съ вами. Апостолъ не о человѣческомъ только «грѣховномъ» обычаѣ говоритъ. Это слѣдуетъ изъ того, что онъ прибавляетъ: *«носему и Богъ... употребилъ въ посредство клятву»* (Евр. 6).

Если люди согрѣшаютъ, клянясь именемъ Божиимъ, то какъ грѣху людей подражаетъ Самъ Господь? Богъ истиненъ и безъ всякаго грѣха. Слѣдовательно, примѣръ Божій насъ *побуждаетъ* въ нужныхъ случаяхъ клясться, а *не возбраняетъ* насъ того. И вы, о. Дмитрій, ревнуя поревновали о правдѣ Божіей, но *пристрастно*...

Въ заключеніе своей рѣчи я долженъ оговориться. Не подумайте, о. Дмитрій, что я оправдываю *всякую* клятву. Одно подозрѣніе въ этомъ смыслѣ для меня обидно. Нѣтъ, я считаю Своею обязанностью бороться лишь съ заблужденіями сектантовъ. Я вѣрую, что Господь *истинной* клятвы, въ удостовѣреніе правды своей, насъ не возбранилъ... И это буду утверждать, пока есть дыханіе жизни во мнѣ.

Молю Бога, да пошлетъ онъ всѣмъ намъ крѣпкое единомысліе въ вѣрѣ и избавить насъ отъ соблазновъ и религіозныхъ разномысліи...

Братски васъ почитающій *Дмитрій Боголюбовъ.*

Проф. Н. И. Ивановскій — о едѣновѣрїи.

Кромѣ г. Казани, въ предѣлахъ Казанской епархіи существуетъ всего два едѣновѣрческихъ прихода, образовавшіеся въ недавнее сравнительно время:—одинъ въ Спаскомъ уѣздѣ (Абалдуевскій) и другой въ Тетюшскомъ уѣздѣ (Марьинскій). Между тѣмъ потребность въ едѣновѣрческомъ храмѣ чувствовалась особенно въ Свіяжемскомъ уѣздѣ, гдѣ деревни Соболевская и Карамынинна сплошь населены старообрядцами, и хотя въ первой считается нѣсколько православныхъ, но и они совершенно охладѣли къ церкви, тѣмъ болѣе, что приходскій храмъ (Клячинскій) отстоитъ на 8—9 верстъ отъ деревни, да и въ другихъ окружающихъ мѣстностяхъ старообрядческій духъ—преобладающій, и расколъ мѣстами очень силенъ. Правда, въ Соболевской лѣтъ 10—12 назадъ устроена едѣновѣрческая школа, но школа безъ церкви и безъ богослуженія мало помогала дѣлу. Явилась мысль о едѣновѣрческомъ храмѣ, хотя едѣновѣрцевъ собственно было очень мало. Дѣло началось съ оффиціальной записки профессора Н. Ивановскаго на имя въ Божѣ почивающаго Казанскаго архіепископа Владиміра лѣтъ 8 назадъ. Между тѣмъ лѣтомъ 1900 года присоединились къ Церкви на правахъ едѣновѣрія нѣсколько челоѣкъ изъ деревни Чулпаньихи Утяковского прихода, въ 4-хъ верстахъ отъ Соболевской, и число едѣновѣрцевъ такимъ образомъ увеличилось. Разрѣшено было открыть богослуженіе въ школѣ; временами для исправленія требъ прїѣзжалъ въ Соболевскую и едѣновѣрческій священникъ изъ Казани, оживилась и мысль о храмѣ и получила нѣсколько новое направленіе. Неожиданно изъявилъ желаніе мѣстный житель,—давнишній едѣновѣрецъ съ своей многочисленной семьей,—Сергій Варламовичъ Курицынъ построить храмъ на свои средства (онъ же и школу построить), при помощи извѣстныхъ ему благотворителей. Дѣло значительно облегчилось, и епархіальное начальство дало разрѣшеніе. Мѣсто для храма, по согласію общества, избрано на общественной землѣ. Но когда, съ прошедшей осени, стали приступать къ постройкѣ, то нѣкоторые раскольники стали чинить преніяетствія и даже жаловаться, что мѣсто будто бы взято самовольно. Жалоба разбиралась земскимъ на-

чальникомъ, и хотя стройка продолжалась, по время совершенія положенной по церковному чину закладки оттянулось до 8 Іюля, когда послѣдовало на сіе благословеніе высокопреосвященнѣйшаго архіепископа Арсенія.

Къ означенному дню прибыли изъ Казани приглашенные: благочинный Мансуровъ съ причтомъ, профессоръ Ивановскій, епархіальный миссіонеръ Васильевскій и другіе гости. 8 Іюля утромъ принесена была изъ села Утыкова на мѣсто постройки чтимая чудотворная Тихвинская икона Божіей Матери. Наканунѣ въ школѣ была отслужена вечерня, а 8 числа, въ праздникъ Казанской Божіей Матери, совершена утренняя, прочитаны часы и изобразительныя. По окончаніи богослуженія, вынесены были крестъ и иконы на мѣсто закладки, при колокольномъ звонѣ, котораго Соболевская не слышала съ самаго своего основанія. О. благочиннымъ, совершенно было молебствіе, прочитаны положенныя молитвы и строящееся зданіе окроплено св. водою.

Торжество привлекло множество народа, въ томъ числѣ и раскольниковъ и особенно окрылило духъ единовѣрцевъ.

Предъ провозглашеніемъ многолѣтія профессоромъ Н. Н. Иванѣвскимъ была сказана глубоко—почтительная рѣчь о единовѣрціи и единовѣрцахъ.

Рѣчь маститаго миссіонера-профессора имѣетъ и общее непререкаемое значеніе. Приводимъ содержаніе ея:

«За молитвы святыхъ отецъ нашихъ, Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ».

Господи, по свѣтъ Лица Твоего пойдутъ и о Имени Твоемъ возрадуются весь день (Пс. 88, ст. 16—17).

Отъ всего сердца поздравляю васъ, православные, съ настоящимъ вашимъ духовнымъ торжествомъ. Давно, едва не 10 лѣтъ назадъ, возникла мысль о необходимости построенія здѣсь святаго храма, о такъ какъ почти всѣ жительствующие здѣсь и въ ближайшихъ мѣстностяхъ — старообрядцы, то и самый храмъ предполагали построить единовѣрческій. Но хорошее дѣло скоро не дѣлается. Чрезъ разныя препятствія не только отвинѣ, но даже съ той стороны, откуда менѣе всего можно было ихъ ожидать. Господь испытывалъ вѣру желающихъ и силу ихъ усердія и преданности Божіей церкви. Пришелъ

часть, вѣра и усердіе явлены и Господь благословляетъ начинаніе. Теперь совершена уже положенная по чину закладка Дома Божія, въ честь Преблагословенныя Владычицы Богородицы и въ память славнаго Ея Успенія,—хотя храмъ уже почти на-половину воздвигнутъ. И послѣднее, т. е. поздняя закладка,—произошло тоже вслѣдствіе препятствія, столь же неожиданнаго, о которомъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Какъ эти препятствія понять и объяснить и на чемъ успокоиться духомъ и совѣстію?

Препятствія шли съ двухъ противоположныхъ сторонъ и происходили отъ двухъ причинъ: отъ недоразумѣнія и непониманія съ одной стороны и отъ прямого враждебнаго чувства и недобраго желанія—съ другой.

Дѣлю въ томъ, что у насъ, какъ-то недостаточно ясно представляли и представляютъ, что такое—Единоувѣріе, въ какомъ отношеніи находится оно къ православной Церкви. Не сегодня появилось это недоразумѣніе, а существовало издавна и происходило отъ разныхъ причинъ. Укажемъ хотя на главныя. По узкому и поверхностному на дѣло вѣры и ея православіе взгляду думали, что разнообразіе во внѣшнихъ знакахъ (обритахъ), или въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ вредитъ существу вѣры, или, по меньшей мѣрѣ, единству Церкви,—отчего и общество единовѣрцевъ называли именемъ какъ бы особой церкви (единовѣрческой), хотя ко спасенію и приводящей, но не тождественной съ православною. Не даромъ подъ общимъ именемъ «старовѣровъ» смѣшивали иногда всѣхъ,—и единовѣрцевъ, какъ людей чуждыхъ. Нужно было пройти цѣлому столѣтію, чтобы взглядъ этотъ постепенно видоизмѣнялся и ослаблялся, чтобы тяжелый кошмаръ исчезалъ, и мы съ яснымъ взглядомъ и съ спокойнымъ сердцемъ посмотрѣли на единовѣрцевъ, какъ на братьевъ во Христѣ. И благодареніе Господу, представительство Россійской православной Церкви, въ лицѣ собравшихся въ Казани архипастырей, въ 1885 году, а затѣмъ и Св. Синода,—торжественно заявило, что единовѣріе составляетъ единую съ православною *святую, соборную и апостольскую Церковь*. И раньше раздавались подобные голоса изъ устъ знаменитыхъ святителей, но въ свое время они не достаточно были усвоены и уяснены. Да и теперь еще старыя привычки, а можетъ быть и другія соображенія, какъ бы заслоняютъ рѣшительный голосъ цер-

ковной власти, который не всецѣло проникъ въ жизнь, особенно въ примѣненіяхъ къ частнымъ случаямъ и обстоятельствамъ. Отсюда недоразумѣнія и теперь не прекратились окончательно. А разъ есть недоразумѣнія, естественно и препятствія могутъ явиться.

Не могу при этомъ умолчать, что причиною недоразумѣній были и многіе изъ самихъ единовѣрцевъ. Взглядъ на обряды, какъ на нѣчто неизмѣнное, присущъ имъ еще болѣе. Этотъ взглядъ они унаслѣдовали отъ раскола, который на этой почвѣ появился и за это именно ратовалъ и ратуетъ. Поэтому и для единовѣрцевъ существованіе двухъ обрядовъ рядомъ, въ одной Церкви казалось чѣмъ-то искусственно придуманнымъ, въ сущности невозможнымъ, и примириться съ этимъ кажется и теперь многимъ изъ нихъ очень тягостнымъ. Отсюда, если одною стороною ихъ тянетъ къ церкви, то другою—къ обособленію отъ нея.—Трудно понять имъ, насколько первая сторона, заключающаяся въ дарахъ Божіей благодати, чрезъ церковныя таинства сообщаемой и въ духѣ смиренія и послушанія церкви воспринимасмой, превышаетъ внѣшнихъ обычаевъ; а это собственно имъ и необходимо понять и увѣровать въ это всею душою.— И вотъ ни для кого не секретъ тѣ голоса, которые раздаются и со стороны единовѣрцевъ противъ троеперстнаго сложенія, какъ простой «щепоти», противъ начертанія имени Спасителя «Иисусъ», противъ трегубой аллилуйи и прочаго, тому подобнаго, Церковью православною одержжно принятаго; можно подслушать иногда и слово «никоніанинъ», совсѣмъ уже неприличное. И теперь единовѣрецъ отклонится, пожалуй, помолиться въ православномъ храмѣ во время богослуженія. Все это старья еще болячки немощной совѣсти. Мы не думаемъ строго судить ихъ за это и рѣзко обличать, потому что это — болячки вѣковыя, и строгими обличеніями едва-ли возможно уврачевать ихъ, но сказать должны, что это именно болячки. Не обличать, а воспитывать намъ нужно, воспитывать, удерживая отъ раскола, т. е. раздора съ Церковію,—терпя то, что терпѣть возможно, доброе же въ единовѣрцахъ и хорошее въ ихъ порядкахъ похваляя. Власть церковная такъ и поступаетъ, врачуя мягкимъ словомъ разъясненія. Такъ, собраніе архипастырей въ Казани, провозгласившее единовѣріе и православіе быти единою Церковію, въ концѣ очень сдержанно и правдиво замѣчаетъ только, что и единовѣрцы должны знать, что

смы и значеніе единовѣрія въ живомъ единеніи съ православіемъ, что безъ него и безъ связи съ нимъ не будетъ и единовѣрія, а будетъ тотъ же расколъ. Поэтому, если мы должны хранить въ памяти и носить въ душѣ слова примиренія и уваженія къ благословенному Церковію единовѣрческому обряду, то единовѣрцы золотыми буквами должны начертать въ своихъ сердцахъ послѣднія слова о необходимости живого единенія съ православіемъ.

Но не все еще мы сказали о единовѣрцахъ. Кромѣ немощствующихъ, были между ними и худшіе, болѣе сознательно поддерживавшіе взаимное отчужденіе и свое обособленіе. Подъ благовиднымъ предлогомъ равночестности и равноправности обряда они хотѣли поставить единовѣріе на очень скользкій и ложный путь и вести по нему. Не ради чего другого, какъ ради обособленія отъ православія добивались они путемъ усиленныхъ прошеній получить своихъ единовѣрческихъ епископовъ, покрыть свой домъ своею особою крышею, чтобы всѣмъ было видно, что это—другой домъ. А далѣе,—сколько можно думать и судить по нѣкоторымъ недомолвкамъ,—въ думахъ ихъ предносились мысли не о равночестности только того или другого обряда, а о народномъ признаніи торжества такъ называемаго «старого» обряда предъ новымъ. Во имя этой-то затасанной мысли, на ряду съ желаніемъ имѣть особаго единовѣрческаго епископа, высказывались и требованія свободнаго, не желанію каждаго, содержанія того или другого обряда, — какъ будто каждому въ дѣлахъ церковныхъ можно дѣйствовать по-своему. Добивались они права переходить желающимъ на сторону обряда, хотя и благословеннаго Церковію, но не одобряю его содержания. Тогда дѣйствительно открылась бы дверь къ церковной смутѣ, къ нескончаемымъ спорамъ изъ-за обрядовъ и къ борьбѣ междоусобной между двумя правовѣрующими обществами. А это породило бы много соблазна между братією, безчисленныя затрудненія для церковной власти и послужило бы къ вящему торжеству раскола, давъ ему новый случай глумиться надъ Церковію.

Благодареніе Господу, Онъ умудрилъ власть церковную отклонить подобныя ходатайства, и мы и вы — единовѣрцы остались чадами единой Церкви, жильцами одного дома, подъ одной крышей. Посему и радоваться мы должны вкупѣ, другъ за друга и скорбѣть о по-

стигающихъ несчастіяхъ и молиться общей молитвою о благосостояніи и процвѣтаніи святыхъ Божіихъ церквей.

Буди же благословенно зданіе сіе, для Господа уготовляемое, я да будутъ Имъ приняты труды и жертвы строителей и благотворителей! Да совершится оно до конца, съ водруженнымъ на верху его знаменіемъ Креста Христова, который и да возсіяетъ надъ вашимъ мѣстомъ и надъ жилищами вашими и виденъ будетъ издазеча! Да увидеть въ освященное зданіе и Господь Іисусъ, Царь Славы, дабы и вы могли ходить во свѣтъ Лица Его и радоваться о имени Его! Въ этомъ-то первое и главное для васъ утѣшеніе, коимъ покроются ваши скорби и прекратятся недоразумѣнія. И будетъ дальнѣйшій путь вашъ въ путь гладокъ и неблаженъ.

Но были, и не совѣмъ, кажется, еще улажены препятствія съ другой стороны. Препятствія эти шли и идутъ прямо изъ враждебнаго единовѣрія, — какъ и всему церковному, — лагеря. И эти препятствія также не теперь начались. И въ былыя времена расколъ поставлялъ, гдѣ только это было можно, — разныя препоны расширенію единовѣрія, гдѣ словомъ, а гдѣ и дѣломъ. Насмѣшки, поношенія, неприличныя прозвища, — все придумывалось, чтобы застрашать тѣхъ, въ комъ замѣчалась наклонность вступить въ ограду Церкви; доходили и до угрозъ и насилій. Не буду перечислять всѣ извѣстные случаи, какіе сохранила исторія, укажу только на первый и на послѣдній. Въ самомъ началѣ, когда въ предѣлахъ стародубскихъ черниговскихъ лѣсовъ явилась у инока Никодима мысль о церковномъ единеніи, и когда много народа перешло на его сторону, то «несогласные» хотѣли его убить. А затѣмъ, послѣ его смерти, когда мысль его стала приводиться въ исполненіе и въ Стародубѣ посланъ былъ священникъ Андрей Іоанновъ Журавлевъ (по происхожденію изъ московскихъ старообрядцевъ), то озлобленные «несогласные» ставили ему всевозможныя препятствія и глумились надъ нимъ и надъ «согласными», — по теперешнему единовѣрцамъ.

Теперь не можетъ быть рѣчи объ угрозахъ лишить жизни, или объ открытыхъ посягательствахъ, или препятствій къ совершенію богослуженія. Но явилось у насъ затрудненіе другого рода. Избрано было мѣсто для построенія храма и дано кѣмъ нужно, т. е. обществомъ. Но какъ только приступили къ постройкѣ, начались и

непріятности съ чисто формальной, житейской стороны. Явились жалобы на незаконный яко-бы захватъ мѣста, и потребовалось вмѣшательство свѣтскаго начальства. Божіе дѣло перенесено на почву человѣческихъ претензій. Къ усердію во имя Бога примѣшали законъ человѣческій: данное, всѣмъ хорошо извѣстное, слово всего общества: «стройте на этомъ мѣстѣ», оказалось недостаточнымъ; стали требовать бумажнаго приговора и закрѣпленія, а его не было испрошено вначалѣ, да и потомъ дать не хотѣли. Такимъ образомъ, общественное слово оказалось не сдержаннымъ, подтвердить его подписью уклоняются. Стыдно, братьцы! Вѣдь вы отвели мѣсто не для людей, а для храма Божія, и значить, дали слово во имя Бога, и захотѣли измѣнить Ему. Кому солгали?..

Но однако, какъ же это понять человѣку постороннему? Что все это значить? А значить это то, что большинству членовъ этого общества постройка здѣсь единовѣрческаго храма далеко не желательна, она претитъ ихъ вѣрованіямъ, и вотъ они мятутся духомъ, измышляя, что можно было бы предпринять, чтобы храма не было, или по крайней мѣрѣ, произвести народный соблазнъ, смущеніе умовъ. Присмотримся же поближе къ этимъ людямъ, чтобы понять причину, по которой все это имъ понадобилось. Какія же ихъ вѣрованія, во имя которыхъ они ропшутъ и измѣняютъ данному слову?

И мы и они—христіане: вѣруемъ во Единого Бога, въ Троицѣ славимаго, Отца и Сына и Святаго Духа, исповѣдуемъ Сына Божія, воплотившагося отъ Святаго Духа и отъ Маріи Дѣвы и вочеловѣчшася, вѣруемъ въ это, но расходимся только въ томъ, какъ правильно начертывать и произносить, до единой буквы, человѣческое имя Христа Спасителя. — какъ будто сущность вѣры въ этомъ начертаніи и произношеніи, которое и на разныхъ языкахъ не одинаковое, да и въ старыхъ славянскихъ книгахъ тоже.

Однакоже, явилось у нихъ такое поэтому вѣрованіе,—на основаніи даже какого-то соборнаго ихъ опредѣленія, — что *Исусъ*—другой богъ, въ сущности антихристъ, или противникъ истиннаго Христа — *Иуса*, родившійся спустя 8 лѣтъ послѣ Него, также отъ Дѣвы Маріи, также распятый, только на крестѣ четырехконечномъ, — знаменіе коего, къ слову сказать, и мы и они на себѣ полагаемъ.—Выходя изъ такого исповѣданія, они и думаютъ, что храмъ сей со-

зидается и созданъ будетъ не истинному Богу христіанскому и не во имя Христа, Единороднаго Сына Его, а во имя какого-то другого бога, въ сущности врага Христова,—хотя и знаютъ, что въ основаніе его положенъ крестъ Христовъ и на верху его будетъ сіять тотъ же крестъ.—Поэтому-то имъ и трудно примириться съ его построеніемъ... Но вѣдь все это — одно безуміе, такое безуміе, что и сами они страшатся прямо говорить о немъ, а больные молчатъ, хотя въ душѣ держатъ его и не держатъ не могутъ.

Это безуміе основное и первое, но не послѣднее. Здѣсь, на построенномъ храмѣ, будетъ высится крестъ Христовъ *осьмиконечный*, и произносилось сейчасъ и будетъ произноситься всегда, несомнѣнно Имя Христа—Бога истиннаго, — «*Исусъ*». Это не можетъ казаться зазорнымъ и вѣдѣмъ здѣшнимъ старообрядцамъ.

Но зазорно и претить имъ то, зачѣмъ тѣ, которые созидаютъ храмъ сей и будутъ въ немъ молиться, зачѣмъ они находятся въ союзѣ съ нами—православными, поклоняющимися, по ихъ вѣрованію сейчасъ показанному и другому Богу и чтущими чуждый Христу крестъ и невѣстимо, зазорно имъ это единеніе въ тѣлѣ одной Церкви людей, которые и Христа чтутъ и врага Его, невѣстимо ихъ уму, какъ можетъ Христосъ и антихристъ находиться вмѣстѣ и одинаково почитаться. Да, по-истинѣ, этого быть не можетъ. Не можетъ Христосъ вступити въ союзъ съ вѣларомъ, или знамя Его стоять рядомъ съ знаменемъ вражескимъ, или люди, сколько-нибудь разумъ и совѣсть имѣющіе, сдѣлать это и чтить Перваго и послѣдняго. Что же это такое, какъ не новое безуміе однимъ ихъ воображеніемъ созданное?... И это безуміе тѣмъ большее, что имъ хорошо извѣстно, что и въ глубокой благочестивой древности этотъ союзъ былъ: то и другое начертаніе имени Спасителя, и то и другое изображеніе креста рядомъ стояли. Зачѣмъ же, спросимъ уже мы, хотятъ они разлучить то, что было и во времена благочестія?... Въ этомъ безуміи своемъ они идутъ такимъ образомъ и противъ первыхъ пяти святѣйшихъ патріарховъ.—Наконецъ, есть и еще одно обстоятельство и одна сторона дѣла. Отъ какого корня происходитъ и ихъ старообрядческая іерархія, не отъ того же ли корня *Исуса*, Сына Божія,—грекъ никогда не можетъ произнести и написать «*Исусъ*», а непременно скажетъ «*Иисусъ*»,—и не чрезъ тоже ли осѣненіе рукопола-

гаемаго знаменемъ креста четырехконечнаго, съ молитвою соединенное. сила священства сообщена и ея родоначальнику, м. Амвросію?... Если же все сіе не отъ Христа, а отъ врага Христова, то какъ смотрѣть на самую эту ихъ іерархію, откуда она, т. е. ихъ епископы и священники какого суть посвященія?... Это третіе безуміе, самихъ ихъ, съ ихъ упованіемъ, уничтожающее..

Но оставимъ мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ, оставимъ людей, толстую повязку на глазахъ носящихъ, и подъ нею, въ своемъ воображеніи такія исповѣданія измышляющихъ, оставимъ, пока не пошлется имъ сила воскресенія и прозрѣнія. Не намъ съ нашими силами воскресить ихъ. *Никто же можетъ*, — поучалъ Христосъ Спаситель, — *пріити ко Мнѣ, аще не Отецъ, пославый Мя, привлечетъ его* (Іоан. 6, 44). Посему, и имъ за себя и намъ за нихъ остается только молиться, да просвѣтитъ Господь очи сердецъ ихъ. Заплатимъ же молитвой и за тѣхъ съ ихъ стороны прегрѣшествія, какіе они чинили намъ, потому что они не знали, что дѣлали. И молитва эта вселить въ насъ упованіе, что когда воздвигнутъ будетъ храмъ сей и освященъ во славу Божию, какъ пристанище для грѣшныхъ, когда возсіяетъ на немъ и знамя Христова, то рука безумія не поднимется уже для того, чтобы дерзновенно его коснуться. И будетъ онъ стоять во вѣкъ вѣка, призывая укрыться въ немъ всѣхъ мятущихся совѣстію и болѣющихъ сердцемъ. И кто знаетъ, быть можетъ, и чрезъ него будетъ радость на небеси и не о единомъ грѣшникѣ кающемся, и не о единомъ противникѣ, оставившемъ свое противленіе, побѣжденномъ силою любви и просвѣщенномъ сіяніемъ креста, ибо Готовящійся ко Кресту рекъ: *Аще вознесенъ буду отъ земли, вся привлеку къ себѣ* (Іоан. 12, 32).

Что будетъ, когда насъ не будетъ, Господь вѣсть. Но сегодня нашъ общій праздникъ, праздникъ святой и освященный. Освященъ онъ благословеніемъ архіерейскимъ, святъ, какъ сопутствуемый. — отъ усердія вашего святого, — чудотворною иконою Царицы Небесной съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, десница Котораго простерта на благословеніе ваше и дѣла вашего. Во Свѣтъ Его и сегодняшняя молитва ваша. Да будетъ же это вторымъ для васъ утѣшеніемъ и радостію о Господѣ! «Богу нашему слава во вѣки вѣкомъ». Аминь.

Н.

Справедливо-ли мнѣніе о подложности «Православнаго Исповѣданія митр. Петра Могилы»?

На одной изъ нижегородскихъ публичныхъ бесѣдъ съ православными миссіонерами, въ августѣ мѣсяцѣ 1902 года, безпоповщинскій апологетъ извѣстный слѣбещъ Андрей Аванасіевичъ Коноваловъ старался доказать, что «Православное Исповѣданіе» кіевского митрополита Петра Могилы, утвержденное восточными патріархами, — есть «родной братъ Дѣянню на Мартына еретика», т. е. подложно.

Основаніемъ къ отрицанію подлинности «Православнаго Исповѣданія» Коновалову послужило слѣдующее обстоятельство. Въ грамотѣ патріарха Паренія, печатанной въ началѣ «Православнаго Исповѣданія», а также въ Исторіи р. Церкви митр. Макарія (XI т.) и въ другихъ церковно-историческихъ изслѣдованіяхъ, сказано, что «Изложеніе вѣры руссовъ», или Православное Исповѣданіе П. Могилы, утверждено восточными патріархами 11 марта, (а у нѣкоторыхъ 11 мая), 1643 года и подписано восточными патріархами: Пареніемъ Константинопольскимъ, Іоанніемъ Александрійскимъ, Макаріемъ Антиохійскимъ и Паисіемъ Іерусалимскимъ.

Но изъ «Лѣтописи церковныхъ событій» — преосвящ. Арсенія видно, что Паисій возведенъ въ санъ іерусалимскаго патріарха только 23 марта 1645 года («Лѣтоп.» стр. 649), а Іоаннікій—патріарха александрійскаго—въ іюнь 1645 года («Лѣтопись стр. 651), и что въ 1643 году ни тотъ, ни другой патріархами еще не были. По сему, заключаетъ Коноваловъ, ихъ подписи подъ «Православнымъ Исповѣданіемъ» Петра Могилы, равно какъ и это послѣднее, должны считаться подложными.

Къ такому смѣлому и только на поверхностный взглядъ справедливому заключенію Коновалова вынуждаетъ то обстоятельство, что «Православное Исповѣданіе» служитъ однимъ изъ сильныхъ доказательствъ того, что и до патріарха Никона православные христіане употребляли троесеретное сложеніе для крестнаго знаменія.

Вотъ слова «Исповѣданія»: Воп. 51. Какъ мы должны изображать на себѣ знаменіе честнаго и животворящаго креста? Отв. Должно изображать крестъ правою рукою. Полагая на чело *три большіе перста*, говори: во имя Отца; потомъ, низпустивъ руку въ томъ-же видѣ на перси, говори: и Сына, отселѣ, перенося руку на правое плечо и провождая до лѣваго, говори: и Святаго Духа. Сдѣлавъ на себѣ сіе святое знаменіе креста, заключи словомъ Аминь. Или, когда изображаешь крестъ, можешь говорить: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій! помилуй меня грѣшнаго. Аминь».

И это наставленіе принадлежит не частному лицу, а всей кievской мало-россійской церкви и церкви восточной. Чтобы ослабить силу этого свидѣтельства, раскольники до сихъ поръ только и возражали, что такое ученіе о троеперстіи есть «нововведеніе Петра Могилы». Но такое возраженіе слишкомъ слабо, поэтому Коноваловъ и изобрѣлъ новый способъ опроверженія свидѣтельства «Православнаго Исповѣданія». По слѣпой апологетъ раскола не вѣдаетъ того, что вышепоименованные восточные патріархи подписали «Пр. Исповѣданіе» не одновременно, т. е. 11 мая 1643 года, а въ разное время. Въ грамотѣ патріарха Памсія къ патр. Никону, помѣщенной въ кн. Скрижаль, говорится, что «Православное Исповѣданіе» было разсмотрѣно и утверждено 11 мая 1643 года только однимъ Парснїемъ, патріархомъ Константинопольскимъ, съ его мѣстнымъ соборомъ, а послѣдніе три патріарха подписали «Исповѣданіе» *послѣ*, когда приходили по какимъ-либо церковнымъ дѣламъ въ Константинополь (л. 648).

Такимъ образомъ, мнѣніе Коновалова о подложности «Пр. Исповѣданія» оказывается лживымъ и свидѣтельство «Исповѣданія» въ пользу всеобдержности троеперстія въ греческой и малороссійской церквяхъ до патр. Никона остается неопровержимымъ.

Священникъ миссіонеръ *Серій Шалкискій*.

Откровенное слово свѣтскаго человѣка по поводу посланія епископа Волын. Антонія.

Съ большою радостію я прочиталъ въ «Миссіонерскомъ Обозрѣніи» окружное посланіе епископа Антонія къ духовенству ввѣренной преосвященному епархіи.

Владыка начинаетъ съ того, что недавніе безпорядки крестьянства въ восточной Малороссіи несомнѣнно доказываютъ: 1) что ослабла нравственная связь между народомъ и его духовными пастырями, и 2) что въ силу этого въ селѣ не осталось никого изъ просвѣщенныхъ людей, къ кому бы наивно довѣрчивый и простодушный крестьянинъ могъ обратиться для провѣрки ложныхъ надеждъ, хитро задумываемыхъ врагами нашего отечества.

Да, дѣйствительно никого не осталось; помѣщики-дворяне почти порвали связь съ землею. Я самъ изъ помѣщиковъ Тамбовской губерніи, и пришелъ къ грустному заключенію, что связь помѣщика съ народомъ въ огромномъ большинствѣ совершенно случайная; это связь капитала съ рабочей силой; помѣщикъ до тѣхъ поръ думаетъ о крестьянинѣ, пока онъ нуждается въ его услугахъ. Кончившись услуги, пропала всякая надобность въ общеніи съ крестьянскимъ бытомъ. А такъ какъ капиталъ и трудъ — два врага, и враги эти въ постоянной борьбѣ, то понятно, что, разставаясь послѣ страдной поры, и крестьянинъ, и помѣщикъ уносятъ въ сердцахъ озлобленіе другъ къ другу.

А земскіе начальники? Во-первыхъ, это тѣ же помѣщики, а во-вторыхъ, что еще хуже, — чиновники. Народъ къ нимъ обращается, какъ къ судьямъ своихъ мелкихъ жалобъ и домашнихъ ссоръ; но такъ какъ земскіе начальники судятъ не по народному обычаю, котораго не знаютъ сами, а по общимъ законамъ, по чиновничьи, то народъ видитъ въ нихъ вѣдущую силу, чужихъ людей, а вовсе не друзей умныхъ и серьезныхъ, которые могли бы распутать общественную путаницу и, по Божьему, разобрать, общую неурядицу. Во время прошлагодныхъ безпорядковъ, что дѣлали земскіе начальники?

Ничего. Вмѣсто того, чтобы первымъ прилетѣть на мѣсто, успокоить умы,—мы не знаемъ, попрятались-ли они по домамъ, разѣхались-ли по городамъ, хотя *ни надѣ однимъ изъ помѣщиковъ не было сдѣлано насилія крестьянами*. А между тѣмъ, какъ легко было успокоить крестьянъ, показываетъ слѣдующій случай, бывшій подъ Харьковомъ: къ помѣщику явилась толпа крестьянъ съ подложнымъ указомъ. Толпа показала указъ и предъявила требованіе, чтобы помѣщикъ отдалъ все: и скотъ, и хлѣбъ, и деньги. Помѣщикъ прочиталъ указъ и заявилъ, что онъ готовъ исполнить его, но при этомъ сказалъ, что онъ удивляется, почему же и ему не было прислано указа. Крестьяне сказали, что чиновники указъ скрыли. Тогда помѣщикъ сказалъ: вотъ что, ребята, поставьте свой караулъ къ дому, къ амбарамъ, къ скотному двору, къ стогамъ и скирдамъ, а со мною въ городъ пошлите выборныхъ. Мы поѣдемъ и узнаемъ тамъ правду объ указѣ. Пройдетъ всего три-четыре дня. Если указъ правильный, возьмите все; а если неправильный, то вы и меня избавите и сами избавитесь отъ большой бѣды. Крестьяне спокойно обсудили это предложеніе, поставили караулы и удалились. Дня черезъ четыре вернулся помѣщикъ и выборные и разъяснили, что указъ подложный. Помѣщикъ этотъ впоследствии получилъ отъ крестьянъ благодарность за разумъ и добро. Неужели того же не могли сдѣлать другіе помѣщики, земскіе начальники, священники? А въ одномъ приходѣ былъ случай, когда священнику привели крестьяне ограбленную корову «и онъ ее взялъ», зная, у кого она ограблена.

То святая правда, что ни у кого изъ просвѣщенныхъ людей нѣтъ общенія съ крестьянствомъ, а, слѣдовательно, нѣтъ любви, нѣтъ довѣрія, нѣтъ искренности. Всѣхъ просвѣщенныхъ людей деревни, въ ихъ отношеніи къ крестьянству, можно раздѣлить на два главныхъ типа: одни презираютъ крестьянина, считаютъ его разбойникомъ, воромъ и нахаломъ, и требуютъ для него власти, постоянного страха передъ гнетомъ силы, порки и самыхъ драконовскихъ законовъ. Отъ этого дикаго типа вы можете услышать восклицанія въ родѣ слѣдующаго: «чаю ихъ перепоротъ; я бы отъ села до села установилъ дорогу ви-сѣльями и перевѣшалъ всѣхъ».

Другой типъ сентиментально-слащавыхъ людей, которые пріѣзжаютъ въ деревню съ восклицаніями: «ахъ, милые, добрые мужички;

милая крестьянскія дѣти, милая крестьянки-женщины». Но это настроеніе обыкновенно продолжается недолго. Съ азартомъ устраивается школа, съ нервною принимаются за лѣченіе, за одѣваніе дѣтей и проч. Мѣсяца черезъ два, много черезъ три, волненіе успокаивается, школа позабывается, лѣченіе надобдаеть, надобдають дѣти, и помѣщикъ и его семья впадаетъ въ апатію, въ безразличное отношеніе къ нуждамъ крестьянства.

Эти Маниловы и Собакевичи чужды народу. Всѣ они бранятъ крестьянина и всѣ они считаютъ крестьянина только и способнымъ на бунты, звѣрства и на поголовное возстаніе.

Но это ложь на крестьянство. Эти небылицы распускаются или людьми челоѣко-ненавистниками, или людьми незнакомыми съ крестьянствомъ. Какъ я уже указалъ, во время послѣднихъ безпорядковъ не было причинено насилій ни одному помѣщику и ни одному управляющему. А вѣдь отбирать имущество по подложнымъ указамъ являлась цѣлая толпа. Разверните отчеты министерства юстиціи и посмотрите въ нихъ: увеличивались ли въ областяхъ, пораженныхъ голодомъ, имущественныя преступленія? Нимало. Процентъ кражъ, грабежей, самоуправныхъ отнятіи имущества оставался тотъ же, что и въ урожайныя годы. Что же это значить? Вѣдь если голодный крестьянинъ не способенъ украсть себѣ хлѣба, чтобы утолить голодь, то тѣмъ менѣе онъ способенъ на бунтъ. Крестьянину нужна земля, а не деньги; а землю бунтомъ не добываютъ.

Опасность не въ бунтѣ, а въ томъ, чтобы крестьянинъ не задался несбыточными надеждами, т. е. вздоромъ. Вотъ отъ чего нужно оберечь крестьянина, а оберечь некому. И правъ преосвященный Антоній, утверждая, что нѣтъ никого, кто бы былъ близокъ къ крестьянамъ, кто бы имѣлъ съ ними духовную связь, къ кому-бы крестьянинъ могъ обратиться съ довѣріемъ за серьезною помощью въ недоумѣніяхъ и въ затрудненіяхъ своихъ.

Только одинъ священникъ и можетъ помочь въ этомъ дѣлѣ. И это главный долгъ священника; это его святая обязанность. Онъ долженъ войти всею душою въ крестьянство, долженъ любить и жалѣть его. Церковь единственный другъ и защитникъ крестьянъ, окруженныхъ людьми, которые готовы все взять отъ крестьянина и ничего ему не дать, т. е. врагами.

Только въ Церкви и утѣшеніе для крестьянина, только и опоры, только и радости. Видъ Церкви крестьянинъ становится озлобленнымъ, кривотолкомъ, и напрасно вы станете доказывать ему текстами разныя догматическія тонкости: онъ ихъ умышленно не будетъ понимать и упорно стоять на своемъ. Дѣло не въ разсужденіяхъ, *а въ жизни*, въ проникновенности молитвы, въ благоговѣніи служенія и въ разумной любви и жалости къ прихожанамъ. Самое главное, съ чего теперь нужно начать, это съ напѣхъ дѣтей. Пусть дѣти поютъ въ церкви, прислуживаютъ въ церкви, пусть учатся въ церкви, пусть даже (какъ это ни покажется на первый взглядъ страннымъ) играютъ въ церкви (при священникѣ или при причетникѣ).

«Оставьте дѣтей приходить ко Мнѣ!»—сказалъ Спаситель. И пусть дѣти идутъ въ церковь со своими мыслями, со своимъ горемъ и радостями, со своими жалобами. Пусть церковь утѣшаетъ ихъ и пусть она ихъ воспитываетъ. Они на всю жизнь сохраняютъ теплое отношеніе къ храму Бога и къ служителямъ его; выросши, они за со-вѣтами будутъ идти къ батюшкѣ. Но для этого нужно любовно разумное отношеніе къ дѣтямъ со стороны служителей Церкви, а не формально-чиновничье. То-же и для взрослыхъ. Я замѣтилъ и по службѣ на Кавказѣ и въ среднихъ губерніяхъ, что расколъ не распространяется, а напротивъ, уменьшается въ тѣхъ поселеніяхъ, гдѣ «хорошій священникъ». А хорошимъ называется тотъ священникъ, который добръ, жалостливъ, не жаденъ и истово служить... Что особенно становится въ заслуженный упрекъ духовенству—это требованіе платы за погребеніе. Вообще болѣзнь и смерть члена семьи тяжело отзывается на крестьянскомъ благосостояніи, ибо въ крестьянской средѣ всѣ члены работники. А поборы съ несчастія, требованіе денегъ за погребеніе до такой степени отвратительно, что священникъ часто теряетъ всякое заслуженное имъ уваженіе прихожанъ. Особенно тяжело это требованіе весною, когда крестьянская семья доѣдаетъ послѣдній хлѣбъ и когда послѣднія деньги отдаетъ въ уплату податей. Вотъ бывший на моихъ глазахъ случай: въ мартѣ мѣсяцъ приходитъ ко мнѣ крестьянинъ и проситъ дать ему взаимн 5 рублей до осени. Такъ какъ крестьянинъ этотъ у меня забралъ уже и хлѣбъ и деньги, то я сначала отказалъ; но потомъ изъ раз-

спросовъ оказалось, что у него умерла мать и уже двое сутокъ лежить въ гробу въ хатѣ, и ему не на что похоронить, а не дать за погребеніе и молитвы—нельзя. Я пошелъ провѣрить. То, что я увидѣлъ, было до такой степени грустно, что не поддается описанію. Въ хатѣ пятеро дѣтей, жена больная, духота и смрадъ отъ разлагающагося трупа. Я далъ денегъ и на другой день старуху похоронили.

Да, правъ преосвященный Антоній. Нѣтъ въ селѣ никого, кто могъ бы дать крестьянину во-время разумно добрый совѣтъ.

Установивъ, что сельскій народъ не имѣетъ около себя никого изъ просвѣщенныхъ людей, у кого бы онъ могъ провѣрить правдивость распространяемыхъ въ средѣ его врагами отечества ложныхъ ученій, Его преосвященство Епископъ Антоній замѣчаетъ, что повсюду въ Волынской епархіи распространены явленія недовѣрія прихожанъ къ священникамъ. На это указываютъ, по словамъ Владыки, ежедневно поступающія къ нему жалобы цѣлыхъ приходоѡ на своихъ священниковъ и безчисленныя судебныя дѣла между священниками и прихожанами.

Съ большою скорбью, которая понятна всякому, Преосвященный говоритъ, что самое существованіе такого множества жалобъ и судебныхъ дѣлъ ясно указываетъ, что довѣріе приходоѡ къ священникамъ подорвано до полной потери между ними нравственной связи, до полной замѣны ея связью юридическою, вовсе неумѣстною въ Церкви Христовой.

Полная безотрадность картины усугубляется еще тѣмъ, что даже *«священники вполне исправные, трезвые, добрые семьяне исполнители требовисправители и законоучители школы»* въ Волынской епархіи заявляли Преосвященному о полной нравственной невозможности дальнѣйшаго своего пребыванія на прежнемъ приходѣ вслѣдствіе давнишней и напряженной вражды къ нимъ прихожанъ. Причины такого явленія Преосвященный видитъ, во первыхъ, въ томъ, что въ прежнія времена, по окончаніи курса въ семинаріяхъ, священники выступали на свое поприще съ суетворнымъ уваженіемъ къ чуждой православной церкви среднѣвѣковой схоластикѣ и съ презрительнымъ отношеніемъ ко всѣмъ, незнающимъ латинскаго языка,

риторики и метафизики; и, во вторыхъ, въ томъ, что нынѣшнее по-
ложіе священниковъ кромѣ схоластики отрѣпаетъ себя отъ народ-
наго быта и отъ *силы земли* еще разными опасными приманками
культурной жизни: поверхностною литературою, газетами, музыкой и
всяки другими буржуазными привычками.

Преосвященный требуетъ, чтобы священники отбросили всю ми-
шуру вѣщности и свято исполняли бы все, установленное Церковью
для смиренія плоти, для возвышенія духа и для умиленія сердца,
т. е., келейныя молитвенныя правила, святыя посты, чтенія священ-
наго Писанія, строгое выполненіе богослужебнаго устава и вообще
все, преподанное св. Церковью для христіанскаго учительства и хри-
стіанскаго подвижничества.

Да простить мнѣ Его Преосвященство смѣлость здѣсь во многомъ не
согласиться съ высказаннымъ имъ въ Окружномъ Посланіи. Един-
ственная цѣль моей статьи — *Sine ira et studio* посылить выяснитъ
великій вопросъ, затронутый Преосвященнымъ Владыкой. Начнемъ съ
конца. Если священникъ исполняетъ келейныя молитвенныя правила,
святыя посты, богослужебный уставъ, проникновенно совершаетъ слу-
женіе, истово молится и возлагаетъ на себя крестное знаменіе, то,
несомнѣнно, онъ приготовить себя къ серьезному подвигу. «Онъ воз-
«выситъ свой духъ и ясно пойметъ смыслъ великаго таинства то
«начинающихся, то оканчивающихся жизней; онъ приблизитъ себя
«къ таинству совѣсти человѣческой и къ той великой борьбѣ Духа
«Божія и духа обольстителя, которая съ такою простотою и наив-
«ностью проявляется въ крестьянской средѣ, въ русскомъ народѣ съ
«его высокимъ внутреннимъ содержаніемъ, съ яснымъ различіемъ добра
«и зла, съ полною готовностью покориться божественному промыслу,
«со спокойнымъ ожиданіемъ смерти и съ примиренностью съ лиш-
«ніями и страданіями».

Это все правда. Это золотыя слова. Слова эти настолько высоки,
такъ глубоко трогаютъ своею чистою правдивостью и искреннею
убѣжденностью, что тяжело душѣ спускаться внизъ и разбираться въ
житейскихъ мелочахъ и дрызгахъ.

Однако это необходимо.

Прежде всего мы наталкиваемся, по моему крайнему разумѣнію,
на нѣкоторое противорѣчіе въ Посланіи. Въ самомъ дѣлѣ: священ-

никъ, исполняющій богослужебный уставъ—является «въ жизни» вполне исправнымъ, трезвымъ, добрымъ семьяниномъ, исполнительнымъ требосправителемъ и законоучителемъ школы. А между тѣмъ, по словамъ Посланія, и эти священники являлись къ Преосвященному Владыкѣ съ заявленіями о полной нравственной невозможности оставаться на прежнихъ мѣстахъ служенія *вслѣдствіе давнишней и напряженной вражды* къ нимъ прихожанъ.

Почему же это? Казалось бы, что эти священники воспитали въ себѣ истинное учительство и истинное подвижничество; имъ чуждъ мишурный блескъ буржуазной культуры, — а всетаки ненависть къ нимъ народа давняя и напряженная; а всетаки полное разобщеніе съ народомъ и взаимное недоверіе.

Изъ этого видно, что вопросъ этотъ такъ не рѣшается; что есть что-то ненормальное въ отношеніяхъ священника къ приходу помимо духовныхъ качествъ священника; есть что-то такое, что мѣшаетъ имъ сблизиться и доверчиво относиться другъ къ другу. Что же это такое?

Вопросъ первый: мѣшаетъ ли священнику получить доверіе паствы то, что Преосвященный называетъ мишурою виѣшности: шелковые рясы, воротнички и прочее.

Вопросъ этотъ очень важенъ и не можетъ быть, по моему мнѣнію, поставленъ въ такихъ неопредѣленныхъ чертахъ, какъ это сдѣлано въ Посланіи. Что должно подразумѣвать подъ *мишурою виѣшности*? Посланіе учитъ священниковъ заботиться только о душѣ, поднимать въ себѣ идею пастырскаго служенія, учительства и подвижничества и какъ бы оставить заботу о виѣшности. Если я правильно понимаю мысль Его Преосвященства, то долженъ сказать, что съ нею согласиться нельзя. Въ вопросѣ о виѣшности должно различать: «опрятность» и «франтовство»; «приличіе», — какъ признакъ внутренняго духовнаго воспитанія и содержанія, и «подражательность» виѣшнимъ образцамъ, т. е. уродливость.

Если дѣло идетъ о франтовствѣ для франтовства или объ уродливой подражательности буржуазной культурѣ, то это въ священникѣ отвратительно. Конечно, нѣтъ ничего смѣшнѣе и грустнѣе видѣть духовнаго отца въ шелковой, дорогой рясѣ, но не причесаннаго, съ торчачими изъ подъ рясы грязными рукавами рубашки и

съ грязными ногтями. Это ворона съ навлинымъ перомъ. Но въ то же время нельзя не требовать отъ священниковъ и готовящихся къ священству *«полной и безупречной опрятности тѣла и одежды»*. И говорю это не безъ основаній. Во первыхъ—привычка къ заботливости о чистотѣ тѣла и объ опрятности и приличіи въ одеждѣ, усвоенная съ дѣтства, пріучаетъ строго относиться и ко всѣмъ своимъ поступкамъ и воспитываетъ въ челоѣкѣ мягкость и привѣтливость обращенія съ людьми; во вторыхъ—при безупречной чистотѣ и опрятности тѣла и ряса изъ дерюги приличнѣе шелковой на цемьтомъ и нечесаномъ неряхѣ; а въ третьихъ,—что самое главное, опрятность тѣла необходима для служенія священника. Какъ можетъ быть грязна та рука, которая возлагаетъ священное миро, которая совершаетъ великое таинство св. Евхаристіи и которою благословляютъ паству? Да я ни за что не поцѣлую у священника руки съ грязными ногтями; не стану ѣсть просфоры, поднесенной мнѣ такою рукою, ибо рука эта возбуждаетъ во мнѣ брезгливость. Мнѣ говорятъ, что Святыи Духъ его очищаетъ. Я не спорю противъ этого; но зачѣмъ подвергать искушенію моему вѣру въ силу Святаго Духа, заставляя меня отвергать наглядность и заставляя мирить въ душѣ то, что мнѣ кажется непримиримымъ?

Привычка къ неряшливости внѣшней порождаетъ и внутреннюю неряшливость: несдержанность, разгулъ, неумѣніе различать мелочей отъ событій крупныхъ и проч. Какъ-то мнѣ случилась надобность допросить священника единоѣрческой Церкви. Производилъ я допросъ въ зданіи станичнаго правленія, гдѣ всѣ служаліе, начиная со станичнаго атамана, были старообрядцы. Иконы были стараго письма. Священникъ явился ко мнѣ съ папиросою въ зубахъ *) и немного на веселѣ послѣ завтрака. Онъ и по улицѣ шелъ съ папиросою и курилъ. Я предложилъ ему немедленно затушить папиросу; а по окончаніи допроса, я одинъ на одинъ спросилъ его: для чего онъ курить и пьетъ водку въ старообрядческой станицѣ? Онъ мнѣ отвѣтилъ: *«чтобы не походить на старообрядческихъ начетчиковъ»*. Итакъ, онъ умышленно унижаетъ свое достоинство и достоинство православія изъ-за какого-то близкаго къ нелѣпости

*) Случай — изумительный!

вызова кому-то и чему-то. Да неужели признакомъ православія можетъ служить куреніе табаку и выпивка водки? И можетъ ли *такой* священникъ привлекать къ себѣ сердца раскольниковъ,—попирая ихъ привычки и взгляды, съ дѣтства усвоенные? Не думаю.

Шелковыя рясы? Если шелковая ряса одѣвается въ радости сердца, въ радости жизни, въ праздники, съ простодушнымъ желаніемъ показать полноту своего свѣтлаго настроенія, то это не только не дурно, но хорошо, радостно и привѣтливо. Припоминаю случай: предъ визитомъ къ губернатору ко мнѣ заѣхалъ мой другъ,—настоятель одной изъ пустынь,—старикъ 70 или болѣе лѣтъ. Снявши въ передней галоши, онъ въ епотовой шубѣ, вновь построенной, вошелъ въ гостиную, помолился, благословилъ меня и моихъ домашнихъ и молча, развернувъ полы шубы, усялся въ кресло и показалъ намъ свою чудную шелковую рясу. Все мы стали разсматривать его епоты и матерію рясы и наперерывъ хвалить и восхищаться. Съ какою напвною гордостью старикъ самъ поглядывалъ и на себя и на всѣхъ насъ, и какъ онъ былъ дѣтски доволенъ, что произвелъ такой эффектъ!.. кромѣ радости, кромѣ умиленія предъ этой святой простотой,—никто изъ насъ другихъ чувствъ не испыталъ да и не могъ испытать. И этотъ близкій намъ человѣкъ сталъ еще ближе душѣ нашей, ибо внесъ радость въ жизнь нашу.

Прости мнѣ, добрый, милый отецъ Мартирій, что я привелъ *«эту»* воспоминаніе о тебѣ. Пришлось къ слову. Въ другой разъ вспомню и о другомъ, серьезномъ.

Объясняютъ запрещеніе носить шелковыя рясы, крахмальные воротнички и рукава желаніемъ, чтобы православные священники *«не походили»* на католическихъ, — о чемъ есть намеки и въ Посланіи Епископа Антонія. Да неужели опрятность и приличіе одежды могутъ быть разсматриваемы, какъ принадлежность извѣстной группы людей, а не составляютъ общечеловѣческой потребности? Эта зависимость отъ боязни на кого-то походить или не походить и для этого жертвовать приличіемъ и опрятностью—есть признакъ отсутствія правильного самосознанія и въ глазахъ народа — смѣшна. Мнѣ кажется, что можно предоставить католикамъ заботу походить или не походить на насъ, а намъ заботиться объ этомъ нечего. Мы у себя, мы хозяева положенія и не намъ приспособляться къ случайнымъ гостямъ.

Думаютъ также, что наше крестьянство *любитъ грязь и перяшливую чистоту*; и что поэтому священники должны быть грязны и перяшливы, чтобы легче войти въ крестьянскую среду. Это неправда. Посмотрите, съ какимъ стараніемъ крестьяне и крестьянки молятся и одѣваются въ праздники, особенно идя въ церковь! А если въ обыденной жизни крестьяне грязны, то это потому, что вся ихъ работа въ землѣ, въ грязи, въ пыли и въ навозѣ. Да если бы это было и такъ, то обязанность пастырей Церкви подвышать въ людяхъ сознаніе необходимости чистоты и опрятности путемъ личнаго примѣра, а не плестись за народомъ по грязи въ грязи.

Вопросъ второй: слѣдуетъ-ли священнику заниматься литературой, чтеніемъ газетъ, музыкой? Несомнѣнно слѣдуетъ. Прежде всего, пынѣшняя свѣтская литература охватываетъ всѣ стороны жизни и по возможности то правильно, то уродливо ихъ освѣщаетъ. Священникъ долженъ быть въ курсѣ всѣхъ явленій жизни въ качествѣ руководителя паствы. Если-бы, во время послѣднихъ безпорядковъ крестьянъ, священники увѣрили ихъ, что «такого» указа не было объявлено въ собраніи узаконеній и распоряженій правительства и что газеты не скрыли бы, если бы указъ былъ изданъ, то несомнѣнно они отрезвили бы толпу, которая ранѣе, чѣмъ приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, проверила бы слова священника въ городѣ.

Игра на скрипкѣ, на роялѣ и на гитарѣ? Что въ этомъ дурного? Мы не говоримъ про уродливости; мы не говоримъ про тѣхъ священниковъ, которые забываютъ свои обязанности, увлекаясь игрою, или про тѣхъ, которые играютъ для забавы помѣщиковъ. Повторяемъ, что все нравственно-уродливое должно быть чуждо священству. Но чистая музыка—это разговоръ души съ Божествомъ. Она не можетъ вселить дурныхъ чувствъ. Она лучше словъ проникаетъ въ душу молитвеннымъ настроеніемъ, она даетъ чистую радость, чистую печаль и чистое веселіе. Почему-же не хорошо для священника свою радость, горе, смѣхъ и слезы изливать въ музыкѣ?

Нѣтъ, все не то. Бѣда не въ этомъ, а въ другомъ. Пресвященный Антоній вскользь упомянулъ о томъ, будто нынѣ матеріальная зависимость духовенства отъ народа ослабла; и что нынѣ настало уже, будто-бы, время *«свободнаго отъ матеріальныхъ нуждъ» служенія священниковъ идѣи священства.*

Такъ-ли это? Прежде всего нужно замѣтить, что выраженіе: «матеріальныя нужды» слишкомъ обще и неопредѣленно. Съ каждымъ годомъ дорожаетъ земля и продукты и дешевѣютъ деньги, съ каждымъ годомъ жизнь въ міру становится дороже, и то, что въ прежнее время стоило сто рублей, нынѣ стоитъ триста или болѣе. Даже въ селѣ жизнь обходится дорого: священнику необходима приличная одежда для себя и жены; дорого стоитъ воспитаніе дѣтей. Да у каждого есть неопредѣленное, смутное желаніе обезпечить себѣ безбѣдную старость, отложить что-нибудь на черный день. Все это требуетъ денегъ. Откуда же священникъ можетъ ихъ взять? Онъ ихъ беретъ—частію съ опредѣленнаго ему участка церковной (причтовой) земли, а частію собираетъ съ прихода за требы.

Что касается земельного надѣла, то нынѣ при безземеліи у крестьянъ, надѣлъ священника по сравненію съ крестьянскимъ такъ великъ, что въ глазахъ крестьянина священникъ является богачемъ, небольшимъ помѣщикомъ. Поэтому у крестьянъ естественно родится вопросъ: если священникъ пользуется землею въ количествѣ болѣе въ 4—10 разъ чѣмъ крестьяне, то зачѣмъ же священникъ получаетъ еще деньги за требы. У меня служили молokane и штундисты. На вопросъ мой: отчего они отшатнулись отъ православія, когда оно такъ радостно и такъ свѣтло,—они отвѣчали: «православіе стоитъ дорого; оно хорошо только для богатыхъ людей. У насъ священники выборные и не смѣютъ брать ничего за требы. Въ сектанствѣ быть дешевле».

Итакъ, вотъ прежде всего въ чемъ поводъ къ недовольству прихода священникамъ; крестьянину кажется, что требованіе денегъ священниками за совершеніе таинствъ и обрядовъ есть вымогательство, непомѣрная жадность, жажда наживы.

И вотъ картина: послѣ уборки хлѣба, послѣ того, какъ священникъ свезъ и обмолотилъ свой хлѣбъ (а количество собраннаго имъ хлѣба хорошо извѣстно крестьянамъ),—причтъ ѣдетъ по приходу въ сопровожденіи телѣги съ мѣшками и ѣздитъ по дворамъ и выпрашиваетъ у крестьянъ «новины», т. е. новаго хлѣба. Скажите, съ какимъ чувствомъ крестьянинъ даетъ хлѣба священнику? И чѣмъ представляется крестьянину такое выпрашиваніе? Какъ-бы священникъ истово не молился, какъ-бы онъ не соблюдалъ келейныхъ пра-

вилъ, но появленіе его съ телѣгою и мѣшками для сбора хлѣба съ людей, у которыхъ хлѣба въ 10 разъ меньше, чѣмъ у него, не можетъ не вызвать не только неуваженія, но даже и нѣкоторой безглаголитости. А сборъ хлѣба весною на сѣмена? Это еще хуже. У крестьянина со среднимъ достаткомъ весною продано все лишнее для уплаты государственныхъ повинностей и въ лучшемъ случаѣ оставлено хлѣба чтобы «пробиться» съ семьєю до новаго урожая; и вотъ является причтъ, а за нимъ телѣга съ мѣшками и выпрашиваетъ на сѣмена. Если крестьянинъ дастъ, то затѣмъ онъ «жалѣетъ о томъ, что сдѣлалъ даръ»; а если откажетъ, то сдѣлаетъ грубость. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ не хорошо. Нѣтъ ничего тяжелѣе для души жалѣть о сдѣланномъ добромъ дѣлѣ, ибо всегда останется недоброжелательство къ тому, кто вынудилъ его. Если же крестьянинъ откажетъ священнику, то для оправданія своей грубости онъ предъ односельцами непременно начнетъ глумиться надъ священникомъ и вышучивать его жадность.

А требованіе денегъ за исполненіе таинствъ крещенія и брака? Въ нѣкоторыхъ приходахъ требованія эти настолько велики, что крестьяне оставляютъ дѣтей безъ крещенія 6—7 и 8 мѣсяцевъ: и часто живутъ внѣ брака, ибо не въ силахъ заплатить 15—20—25 рублей священнику за совершеніе таинства. Въ этомъ напряженномъ состояніи безденежья и вѣры—человѣкъ подвергается большому искушенію; и подвернись въ это время какой—нибудь раскольникій попъ, совершающій окрещеніе и бракъ даромъ—и отпаденіе почти неизбѣжно. Но самое ужасное—это требованіе денегъ за похороны. Налогъ на несчастіе.—Выше я разсказалъ про случай, бывшій съ односельцемъ крестьяниномъ, у котораго въ Мартѣ мѣсяцѣ умерла мать и съ котораго священникъ (былъ голодный годъ) потребовалъ за совершеніе похороннаго обряда 5 рублей, подъ угрозою оставить тѣло безъ погребенія. Это было поистинѣ ужасно. Къ сожалѣнію и законы наши по этому предмету страдаютъ полною неопредѣленностью. Въ статьѣ 209¹ (по прод. 1895 г.) Улож. Наказ. сказано: «за погребеніе христіанъ безъ совершенія надлежащихъ христіанскихъ обрядовъ, въ случаяхъ, когда приглашеніе духовнаго лица подлежащаго вѣроисповѣданія къ погребенію умершаго было возможно и не было сопряжено съ особыми трудностями, винов-

ные подвергаются аресту отъ 3 недѣль до 3 мѣсяцевъ. Что значить это выраженіе: «не было сопряжено съ особыми трудностями» и можетъ ли быть отнесено сюда затрудненіе въ уплатѣ вознагражденія священнику, котораго онъ требуетъ? Но еще неопредѣленнѣе изложена статья 859 того же Уложенія, которая гласить: «священникъ, который будетъ уклоняться отъ погребенія умершаго, *не имѣя къ тому причинъ законныхъ*, подвергается исправительному наказанію по распоряженію своего духовнаго начальства». Признаетъ ли законъ достаточнымъ основаніемъ для отказа въ погребеніи неуплату денегъ за требу и какихъ именно денегъ? Можно-ли считать требованіе пяти рублей въ данномъ случаѣ излишнимъ и вымогательнымъ? Можно-ли считать священника должностнымъ лицомъ и привлекать его къ отвѣтственности за вымогательство? Но это все вопросы кабинетные... Рѣшеніе ихъ не входитъ въ нашу задачу; въ «жизни» же происходитъ нѣчто трагическое: не похоронить матери по православному обряду крестьянинъ не могъ не только по чувству кровнаго родства, но еще и потому, что подвергался аресту до 3 мѣсяцевъ, а похоронить не могъ потому, что у него не было чѣмъ уплатить священнику.

Вотъ что дѣлаютъ гроши въ жизни православія; вотъ въ чемъ главный корень зла. Какъ же нормировать эти «матеріальные» вопросы, какъ нормировать денежныя отношенія священниковъ къ наставъ?

Ив. Золотухинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ миссіонерской полемики.

Бесѣда со старообрядцемъ о томъ, справедливо-ли обвиненіе патр. Никона въ ереси Новаціанской?

Въ одной бесѣдѣ со мной раскольникъ, обвиняя патр. Никона въ «еретичествѣ», вычиталъ изъ «Дѣяній соб. 1666—67 г.» : «Никонъ монахъ егда бѣ на патріаршескомъ престолѣ... заповѣдая велухъ вѣхъ и научая сицѣ отнюдь да не попустится отъ нынѣ впредь священникомъ, не токмо причащати разбойниковъ и татей пречистыхъ таинъ: но ниже исповѣдывати ихъ и въ послѣдній часъ казни ихъ... Сія Никонъ и послѣдующіи ему повелѣваху явственнѣ неписанно и писанно» (обвиненіе на Никона). Патріархи отвѣчали: «Къ снмже и мы глаголемъ, яко сія вся суть еретическая и пребеззаконная, и виѣ Церкви Христовы. Елико убо во исповѣди, является Никонъ и послѣдующіи ему новатіане и светафіане, иже не приимаху кающихся отнюдь мудрствующе и глаголюще противно Богопроповѣдникамъ Апостоломъ и Богоноснымъ отцемъ». Потомъ, продолжилъ раскольникъ, патріархи привели прав. 52 св. Апостоловъ, а на это правило въ Кормчей вотъ что въ толкованіи говорится: «како бо можетъ служить, яко антихристъ себѣ сотворивъ, и противяся хотѣнію Христову» (чтобы не принимать кающихся). Вотъ восточные патріархи, заключилъ мой собесѣдникъ, Никона признали еретикомъ, а вы не хотите этого признавать.

Мисс. Патріарха Никона и по суду восточныхъ іерарховъ еретикомъ признать нельзя: обличенныхъ въ ересь и пераскаившихся отцы соборовъ не только лишали сановъ, но и отлучали отъ Церкви и таинствъ, а п. Никона такое отлученіе не постигло. А чтобы великихъ грѣшниковъ не принимать и предъ смертію, объ этомъ были распоряженія и въ древней церкви: отцы Сардікійскаго собора епископа, перешедшаго самовольно изъ града во градъ и молву творящаго, постановили не причащать даже при кончинѣ (2 пр.); священномученикъ Кипріанъ писалъ еписк. Антонину: «любезный братъ,

мы положили: тѣхъ, которые не приносятъ покаянія и явными рыданіями не обнаруживаютъ полной сердечной скорби о своихъ преступленіяхъ, вовсе лишать надежды общенія и мира, если они начнутъ просить объ этомъ въ болѣзни и опасности; такъ какъ къ такому прошенію побуждаетъ ихъ не раскаяніе въ преступленіи, но страхъ приближающейся смерти, а тотъ недостойнъ получить разрѣшеніе предъ смертію, кто не помышлялъ прежде о необходимости умереть. (Часть, 1-я Твор. св. Кипр. ст. 173 изд. Кіев. Д. А.). Тотъ же св. отецъ писалъ: между предшественниками нашими нѣкоторые епископы здѣшней области не считали позволительнымъ давать миръ прелюбодѣямъ и вовсе не допускали покаянія за прелюбодѣяніе; и однако они не отступали отъ сообщества соепископовъ своихъ, и не разрывали кафолическаго единства упорствомъ въ своей жестокости и строгости; и изъ-за того, что другіе давали миръ прелюбодѣямъ, не отдѣлялся отъ Церкви тотъ, кто не давалъ его. Когда держится связь согласія и хранится нераздѣльнымъ таинство кафолической церкви, то каждый епископъ дѣйствуетъ по своему усмотрѣнію, имѣя отдать Господу отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ (тамъ же ст. 170). Можно-ли отцовъ Сарикійскаго собора, священномученика Кипріяна и его соепископовъ признать еретиками за то, что они и предъ смертію не допускали до покаянія, за извѣстные грѣхи?

Раск. Вы миссіонеры на все способны: и виновнаго можете оправдать; по вашему выходитъ Никонъ, не виновенъ, посмотримъ, что объ немъ говоритъ вашъ богословъ мит. Макарій. Вы, оказывается, и его не слушаете! Въ 12 томѣ «Исторія» ст. 392—3 пишется: «по второму вопросу и отвѣту обвиняли Никона въ томъ, что онъ запретилъ исповѣдывать и причащать разбойниковъ, осужденныхъ на смерть. Никонъ отвѣчалъ: я разослалъ по всемъ городамъ грамоты, чтобы разбойники покаялись, прежде нежели будутъ пойманы и взяты, а о томъ, чтобы пойманныхъ на разбоѣ исповѣдывать и причащать, я нигдѣ не нашелъ правилъ... Здѣсь Никонъ, очевидно, не нашелъ возможности оправдать себя». Ну, теперь признаете-ли вы Никона виновнымъ въ еретичествѣ?

Мис. напрасно вы думаете, что миссіонеры способны оправдывать и виновныхъ; вѣроятно и вы признаете грѣхомъ обвинять невиннаго. Патр. Никонъ и при жизни много перетерпѣлъ клеветъ, по смерти

то хоть бы дали ему покой. Въ своемъ обвиненіи вы оказываетесь преслушниками и своихъ первоучителей. Ваши предки, живя съ п. Никономъ въ одно время, за каждымъ его распоряженіемъ слѣдили, много выдумали на него ложнаго, по такого обвиненія, какъ вы, не возводили на Никона; будь онъ въ этой ереси повиненъ, они не замедлили бы провозгласить это. Чего не сдѣлали раскольники, то восполнили другіе враги Никона—бояре. Приведенное вами обвиненіе на п. Никона предъ восточными іерархами предложено было видимо въ отсутствіи Никона, и судьи не спросили по этому дѣлу обвиняемаго, а доверились обвинителямъ; на засѣданіяхъ собора 1667 г. этого обвиненія на Никона мы однако не видимъ (Макар. «Исторія» т. 12, стр. 685 — 746). Обвиненіе это было сочинено еще за-долго до собора 1667 г. сильнымъ бояриномъ—врагомъ Никона, Симеономъ Стрѣшневымъ. Достойно замѣчанія, что этотъ Стрѣшневъ во враждѣ своей къ патріарху дошелъ до кощунства: своего пса онъ называлъ Никономъ и научилъ его лапами благословлять. Кощунникъ бояринъ былъ проклятъ пат. Никономъ (Ист. Мак. т. 12 ст. 389), и, по 6 правилу 2 вселен. соб., не могъ быть «допущенъ обвинителемъ епископа». Какъ бы то ни было, когда пат. Никону, жившему въ Воскресенскомъ монастырѣ, стало извѣстно, что его обвиняютъ въ ереси онъ вотъ что написалъ на 2-й вопр. Стрѣшнева и отвѣтъ Паисія Лигарица: Ты убо, Стрѣш., глаголеши, яко не велѣлъ азъ исповѣдывать разбойниковъ. Азъ того ради во всѣ грады грамоты посылаю, яко да преставше разбойницы приходятъ въ пока^инное житіе прежде даже не яти будутъ, *ниже заповѣдалъ оъ поиманіи каятися*, а еже пойманнаго на разбоѣ *оскоръ исповѣдавъ причаститъ*, не брѣтохъ такова правила. Господу глаголющу: ядый мою плоть и шій мою кровь во Миѣ пребываетъ и Азъ въ немъ, да како кто смѣетъ таковое безстыдство показати, достойнаго сотворивъ Божественнаго причастія, и тогда казнить. Иѣтъ такого правила, *ниже обрѣщеша...* Ты убо, Паисій, повелѣваеши всякому по винѣ умирающему причащеніе подавать, смотри о тебѣ написанныхъ, яко при распятіи Христовѣ единъ спасеся, и единъ осудися, како ты глаголеши *всякому* подавать пречистыхъ таинъ, аще и недостойнъ, или како рѣшиши достойна сотворивъ пречистыхъ таинъ, повелѣваеши убити того, *гдѣ есть писано*? (Рукопись «Возраженіе или разореніе смирен-

наго Никона, Божією милостію патріарха, противъ вопросовъ боярина Симеона Стрѣшнева, еже писа газскому мит. Паисію Лнгаридіусу, и на отвѣты Паисіевы» рукопись находится въ Воскресенскомъ мон. и древлехранилицѣ при Владимірскомъ Братствѣ, за № 101 и у Гиббинета: «Дѣло п. Никона» час. 2 т. 1834).

Теперь, думаю, почтенный старообрядецъ, и тебѣ видно, что пат. Никона обвиняли и обвиняютъ совѣтъ напрасно: будто онъ не велѣлъ разбойниковъ исповѣдывать; оказывается наоборотъ, онъ о томъ и заботился, чтобы разбойники калялись до поимки ихъ и по поимкѣ, но чтобы тутъ же ихъ причастить и казнить, вотъ чего Аиконъ не нашелъ въ правилахъ и усумнился. Ясно теперь, что обвинительный на Никона вопросъ восточн. Патріархамъ поставленъ ложно. И слѣдовательно, отвѣтъ ихъ не касается патріар. Никона, ибо онъ никогда не держался ересей наваціанской и евстаціанской: наваціане *никому* изъ *падшихъ* не давали прощенія и *двоеженцевъ* не *принимали* (8 пр. 1 всел. соб.).

Я думаю, вы, почт. собесѣд., примете сторону патр. Никона и не согласны съ тѣмъ, чтобы причастить челоѣка тѣла и крови Христо-выхъ, соединить его во едино со Христомъ и тутъ же поднять на ви-сѣлицу, или разстрѣлять!

Старообрядецъ, помолчавъ немного, сказалъ: да это вопросъ важный, надъ нимъ надо посидѣть, ну пусть пат. Никонъ былъ въ этомъ случаѣ правъ, да почему же его осудили такъ строго восточные патріархи?

Мисс. Я тебѣ отвѣтилъ на этотъ вопросъ подробно и повторять не буду, но въ дополненіе къ сказанному замѣчу, что отцы соборовъ допускали недосмотры: напримѣръ, соборъ противъ св. Златоуста, на которомъ присутствовалъ св. Елифаній Кипрскій, по клеветѣ царицы, св. Златоуста не только лишилъ кафедры, но и заподозрилъ въ ересь (Маргаритъ жит. св. 3 л.). и св. Кириллъ Александрійскій на предложеніе Аттика, патр. Констан., внести имя почившаго Златоуста въ диптихи пастырей Церкви, выразилъ рѣзкое недовольство Златоустомъ... И былъ убѣжденъ только св. Исидоромъ Пелусіотомъ чтить великаго святителя (Историческое ученіе Филарета Черниг. т. 3 ст. 92—3.). Подобная же участь постигла у насъ въ Россіи и Максима Грека: соборъ осудилъ его, какъ еретика и от-

лучилъ отъ причащенія; и Діонисія, Архимандрита Сергіе-Троицкой Лавры, заподозрѣвали въ ересьхъ и осудили, но послѣ Церковь, какъ руководимая Духомъ Святымъ, признала, что тотъ и другой, какъ и св. Златоустъ, осуждены несправедливо, по ненависти человѣческой. И св. Церковь, чрезъ неправый судъ своихъ членовъ, могущихъ по слабости человѣческой допустить недосмотръ, не лишается благодати Св. Духа.

Прошу обратить вниманіе и на слѣдующее: на соборѣ 1667 года Главнымъ обвинителемъ патр. Никона былъ царь съ боярами; патр. Никонъ былъ низложенъ и ему объявлено соборное рѣшеніе: «аще кто отнынѣ дерзнетъ именовать его впредь патріархомъ, да будетъ повиненъ во епитиміяхъ св. отцовъ». И что-же? на другой-же день царь просилъ чрезъ боярина у пат. Никона благословенія себѣ и своей семьѣ (Исторія м. Макарія т. 12 ст. 746 и въ «Странникѣ 1899 г., «Патр. Никонъ въ заточеніи на Бѣлѣ Озерѣ», и отдѣльный оттискъ подъ тѣмъ же заглавіемъ ст. 11, и 14.) И послѣ Алексѣй Михайловичъ неоднократно посылалъ своихъ бояръ къ заточнику Никону и всегда именовалъ его «св. и великимъ отцомъ,» и просилъ у него прощенія и благословенія.

Старообрядецъ, долго подумавши, сказали: и да и вѣрно, писаніе подобно мечу обоюдо-остру, можно и себѣ вредъ причинить и врагу; не зря Христосъ не велѣлъ судить людей, это дѣло самое тяжелое, можно очень просто попасть въ несправедные суды». Поблагодарилъ онъ меня за бесѣду, и мы разстались мирно.

Миссіонеръ Владимірскаго Александро-Невскаго Братства

Тимоѣй Николаевъ.

Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги по вопросамъ вѣры и миссіи Церкви.

Французскій писатель Леонъ Доде о гр. Толстомъ и о духоборахъ. Сообщаемъ въ точномъ переводѣ интересную статью Доде подъ заглавіемъ «Астрономъ», напечатанную имъ въ одномъ изъ французскихъ журналовъ, послѣ представленія на сценѣ извѣстнаго произведенія гр. Толстого «Воскресенье».

«Воскресенье», драма искусно извлеченная изъ талантливаго романа Льва Толстого, появилась на сценѣ Одеона одновременно съ печальными извѣстіями объ ученикахъ маститаго писателя, несчастныхъ духоборахъ. Совпаденіе это такъ знаменательно, что не можетъ не выдвигать на первый планъ современности знаменитаго мыслителя Ясной Поляны.

Неуклонно и съ изумительною невозмутимостью шествуетъ старый астрономъ къ намѣченной звѣздѣ и, въ то время, какъ глаза его устремлены къ недостижаемому идеалу, сумасбродныя и безчеловѣчныя его теоріи, какъ растерявшіяся руки слѣпца, ошушь и наобумъ, неумолимо ввергаютъ въ бездну подвертывающіяся подъ нихъ жертвы.

Духоборы, эти новѣйшіе иллюминаты, соблазнившись принципомъ «непротивленія злу насиліемъ», отказываются носить оружіе, владѣть землей и обрабатывать ее иначе, какъ коллективно, платятъ подати, поставляютъ рекрутъ, узаконяютъ браки, убивать животныхъ, употреблять ихъ мясо въ пищу, а шерсть и шкуру на одежду... Несвольно навертывается вопросъ: почему бы имъ также не воздерживаться отъ ходьбы по землѣ, чтобъ не унижать ее, и отъ дыханія, чтобъ не поргить воздухъ?

Покинувъ родину, злосчастные послѣдователи новаго евангелія эмигрировали въ Америку, гдѣ скитаются съ мѣста на мѣсто, нигдѣ не находя ни сочувствія, ни пристанища. Отовсюду гонимые, какъ бесполезные члены общества, законахъ котораго они представляютъ, хотя и пассивное, но тѣмъ не менѣ упорное сопротивленіе, всѣмъ презираемые за чрезмѣрное и противное здравому смыслу и чувству человѣческаго достоинства сипреніе, они постепенно вымираютъ медленной, мучительною смертію, ни въ комъ не возбуждая даже состраданія.

Мистическая эпопея потерпѣла крушеніе. Жизнь и здравый смысл жестоко истать поправшимъ ихъ права.

А какъ относится къ этому явленію учитель? Онъ шлетъ имъ издалека одобренія, увѣщанія упорствовать и поученія. Онъ кричитъ имъ съ того берега: «Плывите, плывите, не сомнѣвайтесь въ непогрѣшимости моего ученія»!

Достиженіе абсолютной справедливости и равенства возможно только въ смерти, — и онъ спокойно жлетъ, чтобъ несчастные духоборы вошли въ вѣчное блаженство черезъ врата смерти и чтобъ на трупахъ ихъ произошло сліяніе буддизма съ христіанствомъ.

Не будь поступки этого своеобразнаго педагога и убійцы издалека, по послѣдствіямъ своимъ такъ ужасны, надъ нимъ можно было бы отъ души посмѣяться, но къ сожалѣнію, наша эпоха, упразднивъ законы Бога и традиціи, съ рабскимъ суевѣріемъ преклоняется передъ представителями новыхъ идей, во главѣ которыхъ стоятъ жестокой теоретикъ «Воскресенія».

Евреи, никогда не упускающіе случая прицѣпиться ко всему, что можетъ смутить спокойствіе страны и расшатать ея основы, съ особеннымъ восторгомъ усыновили Толстого. Нѣтъ такого сына или племянника жиды фашиста, который не готовъ бы проповѣдывать «Власть тьмы» народу и объяснять ему великое значеніе новой религіи.

Въ тотъ вечеръ въ Одеонѣ, когда среди роскошной филантропической обстановки, князь Нехлюдовъ, терзаемый угрызѣніями совѣсти, сомнѣніями и недоумѣніями, стремится спасти душу Масловой великолѣпными фразами и непримѣнными на практикѣ средствами, безчеловѣчными вслѣдствіе чрезмѣрной гуманности, я любовался жидами.

Какъ расчувствовались наши крокодилы!

Плакали юные завсегдатая кулисъ съ козлинымъ или верблюжьимъ профилемъ, которые, послѣ смерти своихъ папашъ, будутъ продолжать ихъ дѣло — раззоренія Франціи. Рыдали почтенные представители правосудія, способствовавшіе бѣгству и безнаказанности столькожъ мерзавцевъ и мошенниковъ. Громко негодовали, при видѣ непонятой проститутки, торговцы живымъ товаромъ всего свѣта.

Быль тутъ и отпрыскъ извѣстнаго вора, пустившаго по міру большое множество семействъ. Съ азартомъ хватаясь за сѣдую голову, онъ съ восторженностью духобора, объяснялъ своему сосѣду, давно потерявшему стыдъ и совѣсть, сенатору, величіе міровой скорби, проповѣдуемой со сцены.

Извѣстно, что Израиль всегда стоитъ за идею равенства и братства... чтобъ удобнѣе грабить названныхъ братьевъ, а изъ награбленныхъ милліоновъ удѣлить грошъ на свѣчу передъ алтаремъ всемірнаго союза.

Театръ — великая школа. И учить онъ не однимъ тѣмъ, что предста-

вляется на сценѣ, а также и тѣмъ, что проявляетъ публика. Во время представленія «Воскресенія», я понялъ таинственную причину современной моды на такихъ писателей, какъ Толстой. Не признающіе родину космополиты черпаютъ изъ его ученія мимо благородное оправданіе своей подлой трусости и эгоизма. Презрѣніе къ имуществу не можетъ не прельщать аферистовъ, падкихъ до чужого добра, которые набѣгутъ со всѣхъ сторонъ, чтобъ захватить имѣнія и капиталы князей Нехлюдовыхъ. Жадные представители золотого Гетто всегда являются ярыми почитателями альтруизма. Въ непротивленіи злу насиліемъ, въ пышныхъ тирадахъ противъ милитаризма, исконные враги арійскихъ обществъ усматриваютъ походъ къ разрушенію и апологію трусости. Въ клавѣ «Долой оружіе!» имъ особенно нравится перспектива повышенія курса. Когда народы будутъ обниматься, какъ удобно будетъ опустошать ихъ карманы!

И вотъ почему, въ то время, какъ князь Нехлюдовъ, патетически ударяя себя въ грудь, клеймилъ условную ложь общества, я видѣлъ вокругъ себя еще гауссѣйшую и преступнѣйшую ложь. Ту ложь, что пользуется чувствительностью сердца и святыми слезами состраданія, чтобъ методически эксплуатировать просогосердечіе и недомысліе.

Сквозь несомнѣнный геній автора, я прозрѣвала ясно современное лицемеріе, находящее извиненіе своимъ мерзкимъ поступкамъ въ проповѣди милосердія, соблазняющей однимъ проституткамъ, мошенникамъ и нарушителямъ государственныхъ постановленій, устроивая шествія изъ плакальщицъ и почитателей, вокругъ нравственныхъ уродовъ.

И уже всюду начинаютъ проявляться тлетворныя послѣдствія этого апофеоза паденія и преступленія: покидающее насъ мужество замѣняется сентиментальностью.

Представляется мнѣ такая сцена: послѣдній изъ духоборовъ, спасшійся чудомъ отъ смерти, является въ Ясную Поляну, гдѣ свилъ себѣ уютное гнѣздо проповѣдникъ опасныхъ заблужденій и, обнаживъ язвы своей истерзанной души и изможденнаго тѣла, предлагаетъ ему такіе вопросы: «Почему ты, носитель священнаго разума, натолкнулъ насъ на дурной путь? Въ «Воскресеніи» ты изобразилъ человѣка, который для удовлетворенія своего сладострастія погубилъ женщину, но что ты скажешь про того человѣка, который, съ преступною самовольностью, навелъ тысячи людей на бродяжничество, на буйствъ, свелъ ихъ съ ума мечтательными бреднями и довелъ до медленной и мучительной смерти? Вотъ я передъ тобой, какими ты меня сдѣлалъ, изможденный и безнадежно несчастный, отсюда гонимый и всѣмъ презираемый. Я воплощеніе твоей идеи. Призраку моему на сценѣ шумно аплодируютъ, но передо мною, печальнымъ олицетворе-

нѣхъ дѣйствительности, всѣ двери заперты. Любуйся же плодомъ идеи, навѣянной на тебя подъ звѣзднымъ небомъ, въ праздничномъ пасхальномъ сіяніи, въ радости и свѣтѣ, идеѣ мертворожденной и тлетворной, изъ которой, увы, увы, ничего не можетъ выйти!... Леонъ Доде.

Запросы жизни и наше церковное управленіе. (Моск. Вѣд. дек. 1902).

Изъ всего появившагося въ свѣтской печати въ концѣ истекшаго года самое серьезное вниманіе представителей Церкви останавливаетъ на себѣ статья «Московскихъ Вѣдом.», принадлежащая перу извѣстнаго публициста г. Л. Тихомирова — «Запросы жизни и наше церковное Управленіе». Заимчивательно то, что статья появилась въ органѣ, всегда дружественно настроенномъ въ отношеніи Церкви, чутко и умѣло отзывающемся на всѣ нужды православныя — изъ подъ пера автора, всегда мужественно защищающаго интересы Церкви и духовенства отъ нападокъ антицерковнаго лагерь. Въ статьѣ смѣло и прямо указываются недостатки нашего церковнаго управленія и предлагаются соображенія въ пользу «видоизмѣненія» настоящаго церковнаго административнаго строя. Появленіе настоящей статьи — представляетъ собою фактъ огромной церковнообщественной важности, значеніе времени! Почтенный авторъ, для котораго, видимо, дороги интересы св. православной Церкви и далеко не безразлично релігіозно-нравственное состояніе ея чадъ, ребромъ поставилъ вопросъ, который духовная журналистика, если только она не фарисейская, нравственно не вправе обойти молчаніемъ.

Приводимъ статью въ сокращеніи, неизмѣняющемъ существенной мысли автора, а попутно будемъ дѣлать на мысли и соображенія автора посвятивъ замѣчанія, по крайнему нашему разумѣнію.

Между православными могутъ существовать не вполне одинаковыя мнѣнія относительно частностей церковнаго „окормленія“ нашей личной или общественной жизни, но самый фактъ „окормленія“ Церковью всѣмъ намъ важенъ и дорогъ. Въ числѣ же органовъ, которыми оно совершается, особливо важнымъ представляется **В ѣ с ш е е Ц е р к о в н о е У п р а в л е н і е**, относительно котораго и предлагаю вниманію православныхъ нижеслѣдующія соображенія.

Какъ извѣстно, нынѣ дѣйствующія формы нашего церковнаго управленія, съ самаго возникновенія своего въ 1721 году, не переставали возбуждать противъ себя разнообразную критику. Неоднократно были дѣлаемы и поправки въ Синодальномъ учрежденіи 1721 года. Но, несмотря на эти поправки, даже и теоретическая критика не смолкала. Въ настоящее же время, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, самые факты, неудовлетворенные запросы жизни, чисто-практическимъ путемъ приводятъ къ убѣжденію, что наша Церковь не даетъ д о с т а

точного «окормленія» современной, усложнившейся, жизни православной Россіи.

Какъ извѣстно, Императоръ Петръ I ставилъ цѣлью реформы 1721 года созданіе «Высшаго духовнаго Соборнаго Правительства», «со властью равнопатріаршеской», указывая своимъ подданнымъ имѣть новоучрежденный Св. Синодъ «за важное и сильное Правительство». Осуществилась-ли эта идея?

Важнымъ и сильнымъ Правительствомъ можно считать лишь такое, которое обладаетъ достаточною освѣдомленностью и средствами для благоустроенія всѣхъ запросовъ жизни, относящихся къ сѣбѣ ея вѣдѣнія. Наше же Церковное Управленіе, наоборотъ, во всѣхъ важнѣйшихъ запросахъ жизни обнаруживаетъ слишкомъ часто какъ недостатокъ своевременной въ нихъ освѣдомленности, такъ и недостатокъ средствъ къ ихъ разрѣшенію. Вслѣдствіе этого мы нерѣдко видимъ не столько рѣшеніе вопросовъ, сколько *оттягиваніе* ихъ. Это понятно при неимѣніи способовъ правильнаго рѣшенія, но ясно, что это признакъ скорѣе слабости, чѣмъ силы. Между тѣмъ, запросы жизни не исчезаютъ отъ того, что не получаютъ должнаго, правильнаго, разрѣшенія, а только самовольно пробиваютъ себѣ дорогу къ разрѣшенію неправильному.

Видя при этомъ отсутствіе съ стороны Церкви надлежащаго руководства, сами православные постепенно привыкаютъ жить и дѣйствовать на свой страхъ, самовольно, раздробляясь при этомъ на фракціи, и утрачивая мысль объ общемъ церковномъ руководствѣ ихъ дѣйствіями. Отсюда возникаютъ между ними разногласія, подрывающія силы Церкви, а въ концѣ концовъ даже порождающія и ереси.

Таковы выводы и соображенія Москов. органа...

Считая себя слишкомъ *малыми* для того, чтобы рѣшать вопросъ *великой* важности—о возвращеніи нашего церковнаго Управленія къ прежней патріаршей формѣ, мы считаемъ своею обязанностью высказаться съ миссіонерской точки зрѣнія недоумѣнія по поводу нѣкоторыхъ мыслей статьи г. Тихомирова и хотѣлибы надѣяться, что авторъ встрѣтитъ ихъ *тихомирно*—*sine ira*. Какъ свое убѣжденіе вообще по поднятому въ статьѣ вопросу, мы должны высказать одно только, что съ классическимъ *forma dat rei esse* мы въ данномъ случаѣ далеко несогласны... Примѣнительно къ этому принципу, мы и остановимъ вниманіе нашихъ читателей на нѣкоторыхъ положеніяхъ статьи г. Тихомирова.

По мысли автора, „недостаточность“ синодальнаго „окормленія“ чуть—не первопричина „разногласій между православными, въ концѣ концовъ порождающихъ ереси“,—и будто бы „при сильномъ и важномъ“ церковномъ правительствѣ, въ видѣ, напр. патріарха, это зло не имѣло бы своего источника начала. Здѣсь, по-нашему, недоразумѣніе. Церковь вре-

мень апостольскихъ нѣла «сильное и важное правительство» въ лицѣ богодуховенныхъ и творившихъ чудеса св. апостоловъ. И что же? среди кѣрущихъ разногласія и ереси все-таки были. А въ эпоху вселенскихъ соборовъ—сильное и важное правительство въ лицѣ патріарховъ—гарантировало-ли церковное стадо отъ разногласій и ересей? Не появлялось-ли разногласій и раздѣленій по религіознымъ и церковно-практическимъ вопросамъ и въ позднѣйшую эпоху, при томъ же патріаршемъ правленіи? А римскій папа — ужъ это-ли не важное и сильное правительство? — но сохранилъ-ли онъ западную церковь въ единствѣ упованія? Диссидентамъ, уведшимъ отъ «всесильнаго» папы и его церкви, ния легионъ. «Сильнымъ и важнымъ» былъ и нашъ патріархъ Никонъ. Но при немъ произошелъ не менѣе важный—великій расколъ. Намъ теперь и думается, что причина церковнаго диссидентства не въ *формѣ* церковнаго управленія. Церкви (и времяя апостоловъ и патріарховъ и дал.) всегда имѣла и имѣетъ «вся божественныя силы, яже къ животу и благочестію», всегда учила и учить по «писанію, могущему умудрѣть во спасеніе», но «блудные» сыны у ней, однако, появлялись и появляются. Св. апостолы, борясь съ разными «антихристами» (1 Иоан. II, 18) и «лжеапостолами» (2 Кор. XI, 13), учили свою паству стоять «противъ козней *діавольскихъ*, потому что наша брань не противъ крови и похоти, но противъ начальства, противъ властей, противъ міроправителей *тѣмъ вѣка сего*, противъ духовъ злобы подвѣбесныхъ» (Еф. VI, 11—12) и предостерегали ее отъ увлеченія «философією и пустымъ обольщеніемъ по предавію человѣческому, по стихіямъ *міра*, а не по Христу» (Колос. 2, 8). Еретики, по апостолу, — въ «сѣти *діавола*», отца лжи (2 Тим. 2, 26), и лжеученіе ихъ происходитъ отъ „*прекословія лжеименнаго знанія*“ (1 Тим. VI, 20), *самолюбія, гордости, непокорности...* (2 Тим. III, 2—5) и „*прихотей*“ (— IV, 3). И въ наше время духовной распутицы, здѣсь же корень ересей и начало религіозно нравственнаго блужданія маловѣрныхъ. Призвать заблудшихъ, мнящихъ себя мудрыми, въ покореніе Св. Церкви, едвали сможетъ и голосъ патріарха, если они не хотятъ слышать голоса «равнопатріаршаго».

Что касается сѣтованія автора на счетъ «недостатка своевременной осѣдомленности» нынѣшняго церковнаго управленія о важнѣйшихъ вопросахъ православной Церкви, то намъ оно представляется не совсѣмъ понятнымъ. Вѣдь и «патріархъ» г. Тихомирова не будетъ обладать всевѣдѣніемъ. И ему, какъ „*главному епископу*“, свѣдѣнія будутъ сообщаться «*погласными соборами*». И нынѣ епархіальные преосвященные ежегодно о состояніи своей паствы даютъ свѣдѣнія Св. Синоду, а въ случаяхъ особо

важныхъ доносить ему и экстренно. Объ „оттягиваніи“ же Св. Синодомъ разрѣшенія «запросовъ жизни» не грѣхъ говорить, пожалуй, тому только, кому вообразится, что вопросы вѣры и Церкви, касающіеся многомилліонной православной паствы и наличной и будущей (въ силу санкціи Высшей церк. власти), можно рѣшить силеча и написать разрѣшеніе ихъ съ легкостью газетнаго фельетона. Надѣмся, автору извѣстно, сколько, напр., времени прошло отъ появленія въ восточной Церкви иконоборческихъ мнѣній до седьмого вселенскаго собора... Вопросъ о персгосложеніи для крестнаго знаменія на соборѣ «Соголавоу» и Большомъ Московскомъ 1666—67 гг. былъ рѣшенъ, правда, скоро, но горькіе плоды сей скорости (расколъ) у насъ теперь на лицо...

Разумѣется, Церковное Правительство, которое не обнаруживаетъ въ должной мѣрѣ даже мнѣнія своего, отнюдь не можетъ быть разсматриваемо какъ «важное и сильное».

Со своей стороны и власть государственная, не находя въ церковномъ управленіи должной силы для руководства дѣятельностью Православной Церкви, въ лицѣ ея пастырей, клира, мірянъ и иноковъ, привыкаетъ къ тому, чтобы, по необходимости, рѣшать возникающіе дѣла и вопросы своими государственными воздѣйствіями... Таково для примѣра, полицейское «содѣйствіе» миссіонерамъ.

Г. Тихомировъ говоритъ о какомъ-то «полицейскомъ содѣйствіи миссіонерамъ», которое явилось будто бы вслѣдствіе ненормальнаго отношенія между государствомъ и Церковію. О какомъ содѣйствіи здѣсь рѣчь, не понимаетъ. По «открытымъ предписаніямъ» отъ губернаторовъ миссіонеры могутъ просить полицейскія власти только о повѣщеніи населенія о пріѣздѣ миссіонера, да о «выдачѣ лошадей за указанные прогоны». Вотъ и все содѣйствіе полиціи миссіонерамъ, какъ таковымъ. Къ тому же, о содѣйствіи гражданской власти проповѣдникамъ православія, и содѣйствіи немалѣйшимъ большихъ современнаго размѣровъ, авторъ могъ бы прочесть въ церковныхъ лѣтописяхъ, хотя бы изъ эпохи вселенскихъ соборовъ (напр. лѣтописи Варонія и др.).

Такое общее положеніе, подрывающее православное благоустройство Россіи, обострится все болѣе, и въ настоящее время мы, можно сказать, ежедневно осаждаемся вопросами, которые разстраиваютъ Православную Церковь только изъ-за того, что у церковнаго управленія не оказывается силы для надлежащаго ихъ разрѣшенія.

(Для примѣра указывается на проектъ реформы бракоразводнаго дѣла и споръ о монашествѣ, его цѣлихъ и задачахъ).

Если запросы жизни столь трудно нынѣ удовлетворимы даже

среди иноковъ. (споръ о монашествѣ), то что же сказать о насъ, десяткахъ миллионновъ мірянъ?

Мы вѣдь тоже христіане. мы сыны Церкви. желаемъ мы и душу свою, поспѣшно, устроить, да и потрудиться въ пользу ближнихъ. Для всего этого намъ необходимо церковное руководство. А всегда ли мы видимъ его указаніе, совѣтъ, рѣшеніе?

Многіе и очень многіе недоумѣваютъ въ этомъ отношеніи и вовсе не со злорадствомъ. Покойный В. С. Соловьевъ, въ публичной полемикѣ, спрашивалъ меня, гдѣ голосъ Церкви? И могу ли я отрицать, что нынѣ для мірянина далеко не всегда легко сознавать себя дѣйствующимъ въ церковной волѣ? Ею приходится разыскивать, словно мы попали въ протестантскую невидимую церковь.

«Всегда-ли мы видимъ, горестно вопрошаетъ г. Тихомировъ, его (церк. руководства) указаніе, совѣтъ и рѣшеніе. Точно мы попали въ протестантскую невидимую церковь». Да,—отвѣтили бы мы, *всегда, если желаемъ видѣть...* и — недоразумѣнный вопросъ, дѣйствительно, заслуживаетъ особаго рѣшенія Высшей церковной власти. Но въ томъ вѣдь и бѣда, что такъ называемая образованная интеллигенція, «сумняющаяся и ищущая», весьма часто *не желаетъ* видѣть церковнаго указанія. Для нея наша Св. Церковь, дѣйствительно, *невидима*; но потому, что «ищущіе» отворачиваются отъ нея и не хотятъ ее видѣть. Въ собраніи религіозно—философскаго общества въ СпБургѣ можно вполне убѣдиться въ этомъ. Такъ, одинъ изъ представителей «ищущей» интеллигенціи, на деликатныя и глубоко-справедливыя замѣчанія на рефератъ г. Розанова одного изъ присутствовавшихъ епископовъ, откровенно отвѣтилъ: «мы хотя люди и грѣшныя, но поучаться у васъ не желаемъ». Другой—заявляетъ, ничуть не колеблясь, что «Церковь есть созданіе рукъ человѣческихъ». Третій безъ всякаго страха готовъ «разойтись съ Церковью, какъ представительницей христіанства» и т.п. Едва-ли такіе «ищущіе» послѣдуютъ «во дворъ овчій»—по пастырскому зову хотя бы и патріарха. Кромѣ того, горестное вопрошеніе г. автора съ его — *«всегда-ли мы видимъ»...* будто предполагаетъ, что Св. Синоду настолько мало дѣла, что онъ можетъ каждому фельетону «СПетерб. Вѣд.» или «Нов. Вр.» посвящать особое засѣданіе.

А между тѣмъ мы, міряне, со всѣхъ сторонъ окружены невѣрующими и еретиками. Ихъ вліяніе огромно, они идутъ къ намъ, дружатъ съ нами, стараются сойтись съ нами, быть намъ какъ можно ближе и понятнѣе. Православная Церковь какъ будто находится въ какомъ-то разобщеніи съ огромными слоями образованнаго общества, и въ дѣлахъ своихъ иногда не обнаруживаетъ пониманія его запросовъ даже тогда, когда они вовсе не предосудительны. Все это замѣчается слишкомъ часто. Бываютъ даже случаи, когда

мірянинъ отталкивается отъ Церкви именно въ силу своихъ религіозныхъ, духовныхъ запросовъ, на которые не находитъ отклика...

Конечно, въ этихъ случаяхъ виноваты отдѣльные лица клира и іерархін. Но для того, чтобы вина этихъ отдѣльных лицъ не вредила нашему единенію съ Церковью, мы имѣемъ настоятельный запросъ всегда ясно видѣть, гдѣ Церковь, гдѣ ея воля, ея истолкованіе? Нѣтъ ли одной страсти государственнаго управленія, въ которомъ бы мы не знали очень ясно и хорошо, гдѣ воля Правительства, и гдѣ самовольная и незаконная выдумка какого-нибудь чиновника. Но въ отношеніи Церкви это не такъ просто различить.

Сколько лѣтъ Графъ Толстой ругался надъ Православіемъ. Въ это время одинъ популярный петербургскій священникъ на публичномъ собраніи защищалъ противъ мірянина христіанство графа Л. Толстаго. Тутъ дѣло не въ самомъ графѣ, идеи котораго уже получили должную оцѣнку, а въ томъ, какихъ пастырей видить предъ собой наше общество!..

Есть у насъ, напримѣръ, еще писатель г. В. Розановъ, который не только явно не-христіанинъ, а прямо проповѣдникъ чисто-языческой безнравственности. Однако, находитъ и онъ себѣ поклонниковъ среди отцовъ пастырей. Священникъ У—скій публично восторгается одною изъ невозможнѣйшихъ статей г. Розанова, въ которой, можетъ-быть, и не понять толкомъ ея смысла. Но кому должны вѣрить міряне? Священника У—скаго его церковная власть не вразумила. ничѣмъ не показала для мірянъ—церковно или нѣтъ его ученіе. Чтѣ же думать мірянамъ?

Итакъ, слушая много своего приходскаго пастыря, я долженъ увѣровать въ правильность культа Астарты.

Я беру случаи текущіе, первые появившіеся. Во всѣхъ мы должны сами разбираться, какъ Богъ поможетъ. Мудрено ли, что образованное общество привыкаетъ жить безъ руководства Церкви, только своимъ соображеніемъ?

А причина въ чемъ? Не очевиденъ ли недостатокъ церковнаго «окормленія» даже священнослужителей и вообще всѣхъ, облеченныхъ правомъ ученія церковнаго? Некому, оказывается, присмотрѣть за ними, некому провѣрить, вразумить, некому объявить намъ, гдѣ истинный голосъ и ученіе Церкви. Невольно вспоминаются прискорбнѣйшія времена судей Израилевыхъ: «И въ тѣ дни не было царя во Израили: мужъ, еже угодно предъ очима его, творяше».

Итакъ, авторъ сообщаетъ, что (невѣрующіе и еретики) «идутъ къ намъ, дружатъ съ нами, стараются сойтись съ нами, быть къ намъ какъ можно ближе и понятнѣе... бываютъ случаи, когда мірянинъ отталкивается отъ Церкви именно въ силу своихъ религіозныхъ, духовныхъ запросовъ,

на которые не находят отклика... Толстой ругался надъ православіемъ... В. Розановъ явно *не христіанинъ* и прямо проповѣдникъ *чисто языческой безнравственности* и у нихъ есть поклонники отцы—пастыри. Слушая иного пастыря, я *долженъ* увѣровать въ правильность культа Астарты. . А причина въ чѣмъ? некому, оказывается, присмотрѣть за нами... некому объявлять намъ, гдѣ истинный голосъ и ученіе Церкви». Сообщение автора не точно и печалованіе напрасно. Еретики и невѣрующіе не къ намъ идутъ, а тянуть насъ къ себѣ, стараются не съ нами сойтись, а чтобы мы съ ними сблизились. Сектанты рационалистическаго типа желаютъ съ нами сойтись, если мы отречемся отъ ученія православной Церкви, отвергнемъ ея литургическій культъ, иконопочитаніе почтемъ за идолопоклонство и т. п. Раствольники желаютъ съ нами мира подъ тѣмъ условіемъ, если мы признаемъ, что православная Церковь съ 1667 г. погрѣшила, впала въ разныя ереси, приняла антихриста и т. п. Принялъ бы насъ и Толстой, если бы мы приняли *его* богохульное ученіе. Примирился-бы съ нами и г. Розановъ, если бы мы приняли *его* проповѣдь «чистоязыческой безнравственности». Вѣдь вотъ какъ они — эти невѣрующіе-то и еретики «идутъ къ намъ» и «стараются сойтись съ нами!» Не потому они, г. Тихомировъ, «отталкиваются отъ Церкви», что «не находятъ отклика на свои религиозные запросы и что не слышатъ истиннаго голоса и ученія Церкви,—голосъ и ученіе православной Церкви—въ Священномъ Писаніи, въ роопредѣленіяхъ и канонахъ св. соборовъ, въ ученіи св. отцовъ и символическихъ книгахъ православія,—это они знаютъ; но потому, что имѣютъ религиозные запросы *на-столько свои*, что одинъ изъ нихъ сочиняетъ «новое евангеліе» (Толстой), другой не желаетъ быть «въ кулачкѣ» святыхъ отцовъ (Розановъ) и т. п. Увѣщевали ихъ и увѣщеваютъ—и священники и епископы; своевременно (до ихъ явнаго отступничества отъ Церкви) проповѣдовали имъ «слово истины», но... «огрубѣло сердце народа сего, и уши ихъ съ трудомъ слышать и очи свои сомкнули» (Ис. VI, 10). «Запросы» ихъ не новы въ исторіи Церкви: и толстовщина и розановщина и пр. под. имѣютъ своихъ прототиповъ еще въ первыхъ вѣкахъ христіанства (въ разныхъ ересяхъ), св. Церковь «откликнулась» на нихъ «анафемой», другого отклика они и теперь не заслужатъ ни отъ какого православнаго *патріарха*. И православная Церковь въ этомъ смыслѣ ужъ *выказалась*—по дѣлу о Толстомъ—и не разъ высказывалась въ своихъ «изъясненіяхъ» и «воззваніяхъ» къ отступникамъ. Что касается замѣчанія автора на счетъ «иного пастыря, слушая котораго онъ долженъ (будто бы) увѣровать въ правильность культа Астарты», то признаемся на чистоту, что о такихъ пастыряхъ мы не знаемъ; если подобные когда и

объявлялся, то церковная власть не оставляетъ ихъ безъ вниманія.. А если бы и нынѣ появился гдѣ такой лжепастырь, то авторъ, если бы онъ знакомъ былъ даже только съ катихизисомъ м. Филарета, слушать его вовсе не *долженъ*, а долженъ помнить только, во 1-хъ, то, что (ретиками не рѣдко бывали и патріархи (Македоній, Несторій, Пирръ, папа Гонорій I и ин. др.), а во 2-хъ,—слова ап. Павла: «еще мы, или ангелъ съ небесе благовѣстили вамъ *нате*, еже благовѣстити вамъ, *анаема* да будетъ» (Гал. 1, 8).

Но неужели это порядокъ. неужели это—нормальное существованіе христіанина въ Церкви?

Мы вполне согласны съ г. Тихомировымъ, что „существованіе христіанина въ Церкви ненормально“ (не всякаго только, разумеется), но по вѣнъ-ли *формы* Церковнаго Управленія произошло это? Далеко не потому; а потому, что таковой христіанинъ забылъ заповѣдь Спасителя о повновѣненіи Церкви (Мѣ. 18, 17) и „безразсудно надмеваясь плотскимъ умомъ своимъ“ (Кол. 2, 18), „здраваго ученія не принимаетъ, но по своимъ прихотямъ избираетъ себѣ учителей, которые льстили бы слуху; отъ истины отвратилъ слухъ и обратился къ баснямъ“ (2 Тим. 1, 3—4). Однѣ „ругаются надъ православіемъ“, другой проповѣдуетъ „чисто языческую безнравственность“ и т. п. „Виждь убо, аще не плача достойна сія окаянная времена ваша, въ няже увы достигомъ“ (Коринт. п. Іосифа)!

А мы окружены проявленіями такого положенія. Куда ни обернись—повсюду оно даетъ себя знать.

Недавно много шума и соблазна произвела исторія погребенія генерала Гурчина (католика). Мѣстный Виленскій преосвященный совершенно правильно запретилъ наши церковныя похороны по инославномъ. А на Кавказѣ тамошняя церковная власть разрѣшила ихъ служить по тому же генералу Гурчину. Да и безъ того всѣмъ извѣстно достаточно случаевъ, какъ по протестантамъ служатся наши заупокойныя литургіи. Шуму и нареканій было много... Да и гдѣ же справедливость: развѣ церковная молитва зависитъ отъ произвола епископа, или отъ званія усопшаго? Но, кромѣ соблазна и нареканій на Церковь, да ссоръ между самими православными, ничего и послѣ этой исторіи не вышло.

А надо сказать, что молитва за инославныхъ уже давно стала глгчимъ запросомъ жизни, ибо мы, православные, перероднились съ инославными, живемъ съ ними, имѣемъ друзей между ними.

Естественно является вопросъ: можно ли о нихъ молиться? Этотъ вопросъ уже десятки лѣтъ разбирается въ частныхъ собраніяхъ и для знающихъ, кажется, яснѣ какъ день. Невозможно и отчасти кощунственно давать иновѣрцу ту же церковную молитву, какъ умер-

шему въ правой вѣрѣ и въ общеніи таинствъ съ Церковью. Но множество компетентныхъ лицъ признають необходимою специальную молитву за иновѣрцевъ, которая, говорятъ, когда-то и существовала, а теперь забыта Церковью. Казалось бы, что проще какъ разобрать вопросъ и, одно изъ двухъ: либо абсолютно воспретить, не дѣлая уже поблажекъ никому, либо составить особую молитву за иновѣрцевъ, и разрѣшить ее для всѣхъ. Но вотъ—тоже ничего не дѣлается. А поблажки, въ силу напора со стороны запроса нашей жизни, дѣлаются, создавая, во первыхъ, полный произволъ, а во вторыхъ, даже и грѣхъ, который мало-по-малу грозитъ утвердиться. Опять, значить, Церковное управленіе не выноситъ намъ правильного удовлетворенія, вмѣсто котораго самовольно упрочивается не правильное, создавая ссоры и раздѣленія между православными и общія нареканія на Церковь...

По вопросу о молитвѣ за инославныхъ отсылаемъ вниманіе автора къ статьямъ: „Церк. Вѣстникъ“, 1902 г. № 40 и 44 и „Миссіон. Обзор.“ 1902 г., дек. Вопросъ, можно-ли совершать *панхидное* моленіе объ инославныхъ, рѣшается въ отрицательномъ смыслѣ самыхъ содержаніемъ чина моленія, хорошо извѣстнымъ пастырямъ Церкви, и едва-ли нуждается въ специальномъ изслѣдованіи и рѣшеніи его со стороны высшей духовной власти. Случай панхидныхъ моленій православныхъ за инославныхъ—плодъ личнаго недоразумѣнія или попустительства совершителей сихъ моленій, а не недостаточной опредѣленности церковнаго взгляда на этотъ предметъ.

Не буду останавливаться на реформѣ прихода...

Не буду говорить и о миссіяхъ виѣшней и внутренней, тоже воиющихъ къ Церкви о сильномъ и прочномъ управленіи.

Вопросамъ противоотступнической миссіи православная Церковь посвящаетъ сравнительно не мало, заботъ, такъ что сѣтованіе автора по этому предмету не вполне основательно. Всероссийскіе «Съѣзды» архипастырей и миссіонеровъ съ уполномоченными отъ Св. Синода (въ Москвѣ, Казани и др.), православныя Братства и миссіонерскіе Комитеты, епархіальные миссіонерскіе съѣзды съ командированными на нихъ Св. Синодомъ свѣдущими лицами и пр.—это-ли не знакъ заботливости св. Церкви о заблудшихъ своихъ чадахъ? Если пока нѣтъ еще строгой организаціи всероссійской миссіи и не установлено служебно-правового положенія миссіонера, то объ этомъ со времени Казанскаго мисс. съѣзда 1897 г. Церковь заботится въ мѣру своихъ правъ и средствъ; окончательный же status по данному вопросу дожидается своей очереди среди другихъ болѣе неотложныхъ нуждъ и дѣлъ.

Но отмѣчу слегка запросъ заграничнаго старокатоличества, дѣло о которомъ мы церковно оттягиваемъ болѣе 30 лѣтъ. Мы и не припи-

маемъ старокатоликовъ, и не отвергаемъ, и указаній имъ не даемъ. Всѣ толки со старокатоликами ведутся лицами частными, случайно, по мѣрѣ усердія, причѣмъ мы, церковно, вовсе не пытаемся какъ-либо повліять на старокатоликовъ. А ужъ, конечно если они въ чемъ погрѣшаютъ, то для нихъ голосъ Церкви имѣлъ бы больше значенія, нежели бесѣды и отзывы частныхъ лицъ. Почему же не слышно голоса Церкви? Конечно, потому же, почему онъ не слышенъ и въ другихъ сложныхъ и сомнительныхъ случаяхъ. Никто, понятно, не хочетъ взять на себя ответственности превыше силъ, и вотъ является оттяжка, а тѣмъ временемъ старокатолики могутъ только недоумѣвать о причинахъ нашей бездѣйственности.

Болѣе всего недоумѣнными представляются намъ печалованія автора по старокатолическому вопросу. «Всѣ толки со старокатоликами, пишетъ г. Тихомировъ, ведутся лицами частными, случайно, по мѣрѣ усердія, причѣмъ мы, церковно, вовсе не пытаемся какъ-либо повліять на старокатоликовъ. А ужъ если они въ чемъ погрѣшаютъ, то для нихъ голосъ Церкви имѣлъ бы больше значенія, нежели бесѣды и отзывы частныхъ лицъ. Почему же не слышно голоса Церкви?» Намъ думается, авторъ едва-ли не откажется отъ своихъ словъ, если прочтетъ хотя бы—„Энциклопедическій словарь“ Брокгауза и Ефрона, т. XXXI, стр. 418—451; „Общедоступную Богословскую Библіотеку“ Лопухина, вып. VI, стр. 339—380; „Мнѣнія уполномоченныхъ представителей православія и старокатоличества по вопросу о соединеніи старокатоликовъ съ православными“ (Спб. 1896 г.) и „Новыя officialныя и другія данныя для сужденія о вѣрѣ старокатоликовъ“ (отвѣтъ роттердамской комиссіи на мнѣніе с.-петербургской и отвѣтъ Международнаго Богословскаго Обозрѣнія г. профессору А. Θ. Гусеву)—протопр. І. Л. Янышева. Спб. 1902 г.; а также ст. преосвщ. Сергія въ „Церков. Вѣстн.“—„Что насъ раздѣляетъ со старокатоликами?“ 1902 г. № 43—45. На старокатолическихъ конгрессахъ переговоры со старокатоликами велись уполномоченными представителями (а не частными лицами и случайно) Православной Церкви. Напр., на люцернскомъ конгрессѣ—1892 г., въ качествѣ такихъ представителей отъ русской православной Церкви были: протопр. І. Л. Янышевъ, настоятель рус. посольской церкви въ Берлинѣ прот. А. П. Мальцевъ, париж. прот. Васильевъ, свящ. М. Казапскій (изъ Выборга) и извѣстный свѣтскій писатель и богословъ ген. А. А. Кирѣевъ. Указомъ Св. Синода отъ 15 дек. 1892 г. составлена была въ С.-Петербургѣ комиссія для выясненія условий и требованій, какія могли бы быть положены въ основу переговоровъ со старокатоликами, ищущими общенія съ православною восточною Цер-

ковью. Комиссія образована была, подъ предѣтельствомъ архіепископа финляндскаго Антонія, изъ духовныхъ лицъ, свѣтскихъ профессоровъ богословскихъ наукъ и Товарища Оберъ-Прокурора Св. Синода. Въ доношеніи своемъ Св. Синоду она представила, какія существуютъ догматическія и каноническія отличія старокатолической церкви, подлежащія сближенію съ догматическимъ вѣроученіемъ и съ основными началами каноническаго права древлеискусенской православной Церкви, неизмѣнно и твердо хранящими русскою Церковью, какія изъ этихъ отличій могутъ и какія не могутъ послужить препятствіемъ къ принятію старокатоликовъ въ каноническое общеніе съ православною Церковью. Заключение спб. комиссіи было въ 1894 г. препровождено къ утрехтскому архіепископу Гулю, который предложилъ сужденія ея вниманію конференціи старокатолическихъ епископовъ въ Роттердамѣ 27 авг. 1894 г. Конференціею была учреждена «роттердамская комиссія» для составленія отвѣта на донесеніе спб. комиссіи. Мѣнѣе «роттердамской комиссіи», окончательно установленное на конференціи въ Боннѣ 4 авг. 1896 г., вызвало въ 1897 г. „Отвѣты спб. комиссіи“ на мѣнѣе „роттердамской“ — за подписью Антонія, архіепископа финляндскаго (нынѣ спб. митрополита). „Отвѣты“ заканчиваются словами: „такъ какъ роттердамская комиссія заявила, что старокатолики догматически или принципиально ничего не имѣютъ сказать противъ желаній русской комиссіи, то мы можемъ высказать теперь только пожеланія, чтобы это заявленіе въ дѣйствительности было осуществлено возможно скорѣй“ (заключ. сл.). Это-ли частныя и случайныя бесѣды и отзывы частныхъ лицъ? Дѣломъ о старокатоликахъ православная Церковь занята и теперь. Свои условія соединенія со старокатоликами она выразила ясно и опредѣленно (см. вышеназванную кв. протопр. І. Л. Янышева). Если же они (старокат.) пока и раздѣляются съ нашею Церковью (по вопросамъ — о «Filioque», «пресуществленіи» въ свхарисіи и о Церкви), то это ужъ не отъ нея зависитъ. И православный патріархъ тутъ ужъ больше ничего бы не сдѣлалъ.

Таковымъ оказывается наше положеніе на каждомъ шагѣ. Жизнь идетъ, предъявляетъ свои запросы, а мы можемъ откликаться на нихъ только единолично или фракціонно, причемъ, понятно, всякое отдельное лицо, или группа, не можетъ избѣжать увлеченій одно-сторонности и, поэтому, вступаетъ въ пререканія и въ борьбу съ другими, православными же группами.

Мы дробимъ силы и уничтожаемъ другъ друга, какъ было въ аріанскія времена, когда, по свидѣтельству исторіи, церковная жизнь напоминала ночную битву, въ которой войны поражали своихъ, не различая ихъ во тьмѣ отъ враговъ...

Наша тьма происходитъ отъ того, что предъ нами нѣтъ яснаго свѣточа Церковнаго Авторитета...

Авторъ уподобляетъ религіозное состояніе нашего общества смутамъ въ аріанскія времена: «мы дробимъ силы и уничтожаемъ сами себя... наша тьма, пишетъ г. Тихомировъ, происходитъ отъ того, что предъ нами нѣтъ свѣточа церковнаго авторитета». Намъ кажется, что это авторъ обмолвился, это скорѣе—отрицаіе его главной мысли, а не подтвержденіе. Большія смуты были въ Церкви и въ аріанскія времена, не меньшія и въ монофелитскія и иконоборческія, но ужели потому, что тогда не было для христіанъ свѣточа церковнаго авторитета? Ужели потому, что тогда мало было авторитета вселенскихъ соборовъ и великихъ свѣтилъ церковныхъ—Василія Вел., Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Анаанія алекс., папы Льва I, и Льва II, патр. Тарасія, папы Григорія II и мн. др.? Нѣтъ, не тутъ корень церковнаго раздорничества! Свѣточъ авторитета не дѣйствуетъ на людей непокорливыхъ, ослѣпленныхъ гордымъ своеволіемъ.

Въ общей сложности, учрежденія 1721 года вышли не удачны, но, какъ мнѣ приходилось это гозорить въ полемикѣ съ В. С. Соловьевымъ, они принципиально не исказили государственно-церковныхъ отношеній. И тѣмъ легче у насъ теперь подумать объ осуществленіи мысли Петра о «сильномъ и важномъ Правительствѣ Церковномъ, котораго одинаково требуютъ интересы Церкви и Государства».

Вдумываясь въ причины слабости нашего церковнаго управленія, мы никакъ не можемъ сказать, чтобы наша Церковь не имѣла достаточно широкихъ правъ, или чтобы ея отношенія ко власти Государственной были въ самомъ принципѣ поставлены неправильно.

Права Св. Синода опредѣляются какъ «равнопатріаршескія», и это, вообще говоря, совершенно вѣрно,—на бумагѣ. Св. Синоду присвоено по Регламенту общее наблюденіе за всею церковною жизнью клира и мірянъ, ему дано право наблюденія и за епископами, ему же вмѣнено (по «присягѣ») въ обязанность сообразоваться въ своихъ дѣйствіяхъ съ правилами соборовъ, что повторено и объ епископахъ епархіальныхъ. Самый принципъ соборнаго управленія церковью въ Регламентѣ утверждается какъ основной, и отрицаніе патріаршеской власти мотивируется именно принципомъ соборности. Самый Св. Синодъ опредѣляется какъ постоянное («всегдашнее») соборное управленіе. Наконецъ, въ основныхъ законахъ нашихъ положительно установлено непосредственное общеніе Государственной Верховной Власти съ Церковною (§ 43 Основн. Законовъ).

Соборовъ помѣстныхъ у насъ также никто не упразднялъ, хотя голоса ихъ мы, къ сожалѣнію, 250 лѣтъ не слышали.

„Голоса (помѣстныхъ соборовъ), говорить авторъ, мы, къ сожалѣнію, 250 лѣтъ не слышали“. Напрасно! „Имѣй уши слышати, да слыши“. Св. Синодъ есть постоянный *соборъ*. Не разъ, не такъ давно, были по мѣрѣ нужды и помѣстные соборы епископовъ, напр., въ Кіевѣ въ 1884 г., въ Казани въ 1897 г. и др.

Вмѣсто этого, мы получили «постоянный соборъ» со властью «равнопатріаршескою». Тутъ ужъ начинается построение совершенно ошибочное, но не принципиально, а практически ошибочное. Въ Св. Синодѣ соединено какъ бы значеніе собора и значеніе патріарха, хотя, въ дѣйствительности, ни того, ни другого, даже порознь взятыхъ, Св. Синодъ не можетъ возмѣстить...

Въ Св. Синодѣ, составленномъ изъ лицъ, вызванныхъ отъ епархіальнаго управленія, не было и не могло быть постояннаго состава. Члены Св. Синода каждаго новаго состава не могутъ близко знать дѣлъ, возникшихъ при прежнемъ составѣ, и въ свою очередь, устанавливая какія-либо мѣры, уже не имѣютъ времени приводить ихъ въ исполненіе, а принуждены передавать это дѣло новому составу, который долженъ исполнять то, что обдумали и установили другіе. При такихъ условіяхъ совершенно неизбежно является слабость управленія, его неосвѣдомленность и невозможность быть послѣдовательнымъ и энергичнымъ...

При такихъ условіяхъ—«сильное» Правительство, о созданіи котораго думаетъ Петръ I, совершенно немислимо. А такъ какъ Церковное управленіе останавливаться не можетъ, то дѣйствительное управленіе Церковью переходитъ въ руки канцеляріи, ибо она одна постоянна, одна знаетъ и зарожденіе дѣлъ и ихъ приведеніе въ исполненіе.

Въ св. Синодѣ нѣтъ постоянного состава членовъ, «откуда, по словамъ автора, неизбежны—слабость управленія, неосвѣдомленность (его) и невозможность быть послѣдовательнымъ и энергичнымъ... управленіе Церковью переходитъ въ руки канцеляріи». Выводы у автора какъ будто больше своего основанія. Въ св. Синодѣ есть постоянные члены *), которые всегда въ курсѣ дѣла. Вызванные «на чреду» въ «новый составъ», могутъ имѣть подробныя, въ нужныхъ случаяхъ, справки. Основанія для рѣшенія дѣлъ у всѣхъ епископовъ одинаковы—*„присутствіе на лучшемъ по Слову Божію, соборнымъ и святоотеческимъ канонамъ. Личности въ данномъ случаѣ существеннаго значенія не имѣютъ. Что касается отношенія разноставности высшаго церковнаго управленія къ его освѣдомлен-*

*) Три митрополита, экзархъ Грузіи, архіеп. Харьковскій Флавіанъ, епископъ Маркеялъ, епископъ, предсѣдательствующій въ Училищномъ Совѣтѣ.

ности о духовныхъ нуждахъ православной паствы, то оно можетъ быть только положительнымъ. Вызываемые для засѣданій въ св. Синодѣ архипастыри—это живой притокъ свѣдѣній для Высшаго церк. управленія о духовныхъ нуждахъ помѣстныхъ церквей-епархій, съ каковыми (нуждами) эти архипастыри стоятъ «лицемъ къ лицу», а съ другой—живой и надежный проводникъ благополезныхъ свѣдѣній по духовному руководству паствой отъ центра къ периферіямъ. Опасеніе автора, что Церковью управляетъ канцелярія, излишне: исторія знаетъ дьяковъ и подъячизъ патріаршаго приказа и ихъ значеніе..., лавѣсны сила и значеніе патріаршихъ «хартофилаковъ, протосиговеловъ, сакелларіевъ, сакелліевъ» и при пастоящихъ управленіяхъ восточныхъ патріарховъ,—опасаться канцеляріи больше основаній при единоличномъ церковномъ управленіи.

Въ силу этого же неизбежно гипертрофируется и власть Государственной Оберъ-Прокуратуры, которая остается постоянною, тогда какъ составъ самого Св. Синода быстро и постоянно смѣняется. Это вовсе не вина лицъ, а самого положенія. Я пишу настоящія строки во время Оберъ-Прокуратства такого лица, которое представляетъ совершенно исключительное сочетаніе необычныхъ государственныхъ способностей и совершенно рѣдкой преданности Церкви. Такого оберъ-прокурора Церковь еще никогда не имѣла къ своимъ услугамъ и, вѣроятно, никогда уже больше не получитъ. Но положеніе сильнѣе людей, даже и самыхъ исключительныхъ. Будучи наблюдательнымъ органомъ Государства за законностью теченія синодальныхъ дѣлъ, въ томъ числѣ обязательно наблюдая и за Канцеляріей, Оберъ-Прокуроръ знаетъ дѣла гораздо лучше, чѣмъ самъ Св. Синодъ, и фактически получаетъ тѣ исполнительныя функціи, которыхъ самъ Синодъ не можетъ должно отправлять.

Но, въ силу обстоятельствъ, между Верховною Властью и Св. Синодомъ неизбежно появляется тоже нѣкоторое «особое правительство», которымъ становится оберъ-прокуратура, такъ что Верховная Власть дѣйствуетъ въ церковномъ управленіи фактически не посредствомъ Св. Синода, а посредствомъ оберъ-прокуратуры.

Если же мы отрѣшимся отъ этихъ уже совершенно отсталыхъ и несостоятельныхъ идей XVIII вѣка (коллегіальности управленій), то легко приходимъ къ построенію истинно-каноническихъ нормъ управленія.

Прежде всего ясно, что постоянный Соборъ совершенно не нуженъ для управленія.

Можетъ быть, не споримъ, въ злобу появленія апостольскихъ и др. каноническихъ правилъ, постоянный соборъ былъ и не нуженъ. Но вѣдь Церковь Христова, «преуспѣвая на лучшее», никогда не лишалась

права видоизмѣнять церковную практику и каноническія требованія притѣнительно къ нуждамъ и обстоятельствамъ времени (ср. 5 ап. пр. и 12 пр. 6 вс. соб. и др.). Нуженъ ли нѣтъ теперь постоянный соборъ, какъ авторитетный голосъ правящей Церкви? Вопросъ этотъ находитъ свое рѣшеніе въ словахъ автора: «жизнь идетъ, предъявляетъ (на каждомъ шагѣ) свои запросы... и въ настоящее время мы, можно сказать, *ежедневно* осаждаемся вопросами, которые рассматриваютъ православную Церковь... между нами возникаютъ разногласія, подрывающія силы Церкви, а въ концѣ концовъ порождающія даже ереси». Ужели при такомъ *ежедневномъ* состояніи православной паствы и ея разногласіяхъ, порождающихъ *ереси*, *постоянный* соборъ *совершенно* не нуженъ? По логикѣ автора, тогда ужъ необходимы *ежедневные* помѣстные соборы... Что касается возраженій автора относительно правъ и вліянія оберъ-прокуроры въ нашемъ св. Синодѣ, то, по Регламенту, — оберъ-прокурору „надлежитъ быти стряпчимъ и окомъ государевымъ по дѣламъ церковнымъ“ — никакихъ другихъ узаконеній, расширяющихъ прерогативы власти оберъ-прокурора въ ущербъ самостоятельности дѣйствій Синода никогда не было. О необходимости же участія въ дѣлахъ Церковнаго управленія Верховной власти свидѣлствуетъ вся исторія, на что ниже указываетъ и авторъ. Полагаемъ, что извѣстно ему также и то, что на соборахъ церковныхъ пользовались почтеннымъ мѣстомъ уполномоченные православныхъ государей, свѣтскіе чиновники. Слѣдовательно, никакого новшества, сравнительно даже съ церковной практикой эпохи вселенскихъ соборовъ, — въ учрежденіи оберъ-прокуратуры нашего св. Синода нѣтъ.

Въ Церкви онъ и невозможенъ, потому что у епископовъ есть свои епархіальныя дѣла.

Но вѣдь, собираясь на помѣстные соборы, епископы вынуждены же будутъ оставлять «свои епархіальныя дѣла»?

Церковный канонъ никогда даже и не думалъ о постоянныхъ Соборахъ, а требуетъ только временныхъ, что разумно и съ точки зрѣнія Государственного права, ибо дѣло Собора есть только совѣщательное и законоположительное, а никакъ не исполнительное. для чего повсюду, во всякомъ управленіи, признаны преимущества единоличной власти.

Эта исполнительная, управительная власть въ Церкви, — по закону принадлежитъ главному епископу, имѣетъ ли онъ названіе митрополита, патріарха, это безразлично... *).

*) Правило 34 Свв. Апостоловъ гласитъ:

«Епископамъ всякаго народа подобаетъ знать перваго изъ нихъ и признавать его яко главу», а далѣе: «Но и первый да ничего не творитъ безъ разсужденія всѣхъ».

6*

Впечатлѣніе отъ этихъ разсужденій получается такое: что низшіе законоположать, то высшій—„первый изъ нихъ—глава“ долженъ исполнить. Но мирится-ли это съ тѣмъ же 34 пр. ап.?

Говоря вкратцѣ, суть этого видоизмѣненія, полагаю, могла бы быть сведена, примѣрно, къ слѣдующему:

1) Нужно возобновленіе, время отъ времени, созыва Помѣстныхъ Соборовъ, дѣйствительныхъ, особыхъ отъ Св. Синода, которому власти Помѣстныхъ Соборовъ даже и закономъ не приписывается.

2) Въ самомъ Св. Синодѣ требуется, для должной силы и систематичности его дѣйствій, разъединить функціи, ошибочно слитыя воедино по винѣ несостоятельной и всюду отброшенной идеи коллегальности, а именно:

а) Первоприсутствующій членъ Синода, то-есть митрополитъ резиденціи Государя Императора, получаетъ въ свое единоличное вѣдѣніе всѣ права, принадлежащія Синоду по функціямъ управительнымъ, то-есть права патріаршія, права главнаго епископа Русской Церкви.

б) Остальной составъ Св. Синода сохраняетъ всѣ свои совѣщательныя функціи, причемъ, для должнаго исполненія ихъ, составъ его усиливается присоединеніемъ къ вызываемымъ для присутствія епископамъ (Да вѣдь у нихъ же—«своя епархіальная дѣла?») также и опытныхъ и ученыхъ отцовъ архимандритовъ и протоіереевъ.

в) Оберъ-прокуратура при этомъ естественно возвращается въ свои нормальныя функціи—государственнаго надзора за законнымъ теченіемъ дѣлъ церковнаго управленія.

г) Наконецъ, всѣ сношенія Св. Синода съ Верховною Властью совершаются первосвятительствующимъ митрополитомъ или патріархомъ, если первосвятитель получилъ бы такое наименованіе, для того, чтобы не умалять внѣшняго престижа Россіи въ отношеніи восточныхъ патріархій и особенно въ отношеніи Рима. Но, понятно, дѣло не въ наименованіи.

Такимъ образомъ, въ общей сложности, были бы приведены въ дѣйственное состояніе всѣ органы, потребныя для живаго существованія церковнаго управленія, органы не уничтоженные у насъ нынѣ, но какъ бы зарытые въ неправильномъ смѣшеніи всѣхъ ихъ въ одно учрежденіе. черезъ такое смѣшеніе лишшающееся возможности исполнять удовлетворительно хотя бы и одну изъ возложенныхъ на него функцій.

«Въ общей сложности» проэктируемое г. Тихомировымъ Церковное управленіе по существу малымъ „чимъ разнствуеъ въ славѣ“ и значеніи отъ нынѣшняго. Помѣстные соборы и теперь собираются и могутъ собираться. Первоприсутствующій членъ св. Синода и теперь—«главный епи-

скопъ» Русской Церкви *). Для присутствованія въ св. Синодѣ и теперь вызываются епархіальные епископы. Въ нужныхъ случаяхъ приглашаются и «опытные и ученые отцы»,—напр., въ учрежденную, по указу св. Синода, 1892 г. 15 дек., комиссію по старокаатолическому вопросу. А что первоприсутствующій членъ св. Синода не именуется патріархомъ, то вѣдь и авторъ говоритъ, что „дѣло не въ наименованіи“. Только, кажется, то и отличіе проэктируемаго Церковнаго управленія отъ нынѣшняго,—что „сношенія св. Синода съ Верховною властью совершаются первоприсутствующимъ митрополитомъ“, а не Оберъ-прокуроромъ. Но основаній преимущества такого положенія дѣла авторъ какъ будто не даетъ.

Въ общемъ, отъ статьи г. Тихомирова вѣетъ духомъ искренняго «печалованія» о религіозномъ броженіи въ современномъ обществѣ и средствахъ уврачеванія сего недуга. Съ этой стороны статья достохвальна. Но въ указаніи причины духовнаго недугованія нашего общества и средствъ къ его излѣченію авторъ не совѣмъ намъ понятенъ. Корень зла въ данномъ случаѣ — въ «своеволіи», «плотскомъ умѣ» и «гордымъ» слабостямъ. Уврачевать сей недугъ, можетъ, съ помощью Господа Бога, „не хотящаго смерти грѣшнику, но еже обратится ему и живу быти“, только истинно-христіанское воспитаніе подъ сѣвію св. Церкви. *Форма* церковнаго управленія, тутъ, намъ думается, не при чемъ. И патріаршее управленіе, какъ и синодальное, располагають для назиданія и наученія своей паствы одними и тѣми „писаніемъ, могущимъ умудрить во спасеніе“. Думать, что патріархъ сможетъ сдѣлать то, чего якобы не смогъ св. Синодъ, значить, вѣрить въ то, что одно и то же лѣкарство можетъ лучше подѣйствовать на больного, содержишь оно въ склянкѣ большаго развѣтра. Блуждающіе въ дебряхъ религіознаго вольномыслія выйдутъ на спасительный путь жизни, если «покаются» и повѣрують въ Евангеліе и Церковь Бога жива, «яже есть столпъ и утвержденіе истины».

Н. Гринякинъ.

*) Правда, безъ правъ патріаршихъ. Но вопросъ о преимуществѣ единоличнаго или соборнаго управленія въ Церкви—слишкомъ большой и не мѣсто ему въ краткой журнальной замѣткѣ. Выступать здѣсь со всей историко-канонической арматурой не считаемъ своей задачей.

„Православный путеводитель“.

Подъ такимъ названіемъ въ первой половинѣ января сего года началъ выходить въ свѣтъ новый богословско-миссіонерскій ежемѣсячный журналъ, подъ редакторствомъ свящ. Братской СПб. церкви о. Туманова, при издательствѣ его, о. Туманова, и жѣстнаго противораскольническаго миссіонера г. Чельцова.

Программа новаго журнала также много обѣщаетъ, какъ и его названіе... Въ ней мы находимъ отдѣлы: officialный, общеправославскій, историческій, полемика-апологетическій, миссіонерскій, религіозно-бытовой, критико-библіографическій и др.

Въ частности въ программѣ встрѣчаемъ рубрики: «узаконенія и распоряженія начальства по дѣламъ раскола, сектъ и миссіи», «слова, бесѣды, миссіонерскія поученія», «миссіонерскія бесѣды», «изъясненіе свящ. Писанія» и «лѣтопись происходившихъ въ расколѣ и сектантствѣ событій», «разборъ ученія раскольниковъ и сектантовъ», «мысли и сужденія по вопросамъ внутренней миссіи», «сужденія свѣтскихъ писателей по вопросамъ миссіи и расколосектантства», «религіозно-бытовые очерки», «разказы изъ жизни раскольниковъ, сектантовъ и православныхъ», «Отвѣты редакціи на вопросы изъ пастырской практики», «Извѣстія и замѣтки» и проч. и проч.

Но въ своемъ редакціонномъ profession—въ передовой статьѣ: «Къ читателямъ» Редакція новаго миссіонерскаго изданія, повидимому, отмежевывается (въ сужденіяхъ объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ появленіе журнала) въ обширномъ богословско-миссіонерскомъ литературномъ полѣ уже скромную полосу,—а именно *разработку раскола и вопросовъ противораскольниковъ миссіи*, хотя въ строкахъ о цѣляхъ журнала, Редакція снова «воодушевляется желаніемъ»—давать «*все потребное въ дѣлѣ миссіи приходскому духовенству, для отвѣта всякому вопрошающему*»... Какъ издатели «Прав. Путевод.» подступаютъ къ осуществленію намѣченной ими цѣли, предоставляемъ самому читателю судить о томъ по слѣдующей выпискѣ изъ передовой статьи январьской книжки:

«Не малое по количеству, старообрядчество особенно сильно со сгоровы его стремленій къ росту, къ распространенію... Расколъ бурлитъ, растетъ *) и высится... Распространеніе раскольниками всякаго рода сочиненій поставлено широко и дѣльно... Пока существовало «Вратское Слово», въ противовѣсъ и въ изобиліе раскольниковъ литературы издавались книги, брошюры и листы; съ прекращеніемъ его, вся раскольничья литература не только остается не разобранной, но даже и не вѣдомой большей части миссіонерствующихъ лицъ. Разбора (раск. соч.) печатать *неидтъ*. *Всѣ*

*) Очевидно издатели «Прав. Пут.» упустили изъ виду или не хотятъ считаться съ Всеподанныйшими отчетами Оберъ-Прокурора Св. Синода и съ отзывами епархіальныхъ начальствъ а равно и миссіонерскихъ сѣздовъ по вопросу о ростѣ раскола.

вопросы внутренней миссии у нас совершенно не разобраны или крайне запутаны... Намъ какъ живущимъ въ Петербургѣ, не однажды и устно и письменно приходилось выслушивать отъ миссіонеровъ сѣтованія на такой порядокъ, оставляющій ихъ безпомощными, и укоры въ литературномъ бездѣйствіи. Не желая «убаюкивать себя обычнымъ, но весьма вреднымъ для пользы дѣла успокоеніемъ: «у насъ-де все обстоитъ благополучно», издатели, отдавая себя на служеніе ближнимъ... жертвуя своимъ здоровьемъ, временемъ и средствами, рѣшились взяться за изданіе журнала.... воодушевленные единственно желаніемъ: общими силами... писателей и читателей указывать немощнымъ совѣстію, а разумомъ заблуждающимся—единственный, вѣрный, испытанный *путь въ Православную Церковь...* всѣмъ и каждому свѣташущу свѣтомъ *«Православнаго Путеводителя»...*

Цѣлю своего журнала издатели поставляютъ «пособить священнику въ его пастырско-просвѣтительной дѣятельности, дать ему все потребное для отвѣта всякому вопрошающему о предметахъ религіознаго разномыслія»

Составъ перваго, (т. е. обычно показнаго и боеваго вып. «Прав. Путевод.» опять подтверждаетъ, что новый журналъ отводитъ себѣ исключительно область *расколовиднѣя и расколообличенія*, такъ какъ въ книжкѣ, кромѣ проповѣдей, начинающихъ и заканчивающихъ первый выпускъ и статьи о преданіи, нѣтъ ничего по сектантству. Вотъ оглавленіе статей, вошедшихъ въ январьскую книжку: 1) Программа журнала, 2) Къ читателямъ, 3) три миссіонерскія поученія, (4) о Св. Писаніи и Св. преданіи, какъ единственныхъ основаній нашей вѣры свящ. Туманова, 5) «Ненаянки» (замѣтка изъ области раскольниковъ) Рохановскаго, 6) Искоріи Вѣлокрипцкаго священства по смерти внока Павла Н. Субботина (продолженіе печатавшагося въ Русскомъ Вѣстникѣ 1900—1902 г.), 7) Совершеніе крещенія и покаянія у современныхъ безпоповцевъ свящ. Овсянникова, 8) Раскольничьи картины свящ. Прозорова, 9) Лѣтопись происходившихъ въ расколѣ событій, 10-11) Двѣ статьи миссіонерско-полемическаго характера, 12) Вѣзда съ безпоповщинскимъ начетникомъ Обтемперанскаго, 13) изъ записокъ миссіонера свящ. Полянскаго, 14) письма Аркадія архіеп. Пержскаго, Романовскаго, 15) О приходѣ, какъ основѣ для мелкой земской единицы Чельцова, 16) сужденія свѣтской печати по вопросамъ миссии и расколосектантства Э. О. 17) отецъ Николай (рассказъ) свящ. Вознесенскаго, 18) Отвѣты редакціи. Библіографія. Извѣстія и замѣтки. Миссіонерскія поученія по прологу (3 подрядъ) Плогникова. Объявленія.

Считая долгомъ преѣзъ читателями отмѣтить отрадный фактъ обогащенія миссіонерской періодической литературы новымъ журналомъ, мы, по понятнымъ миссіонерскимъ соображеніямъ воздержимся отъ всякихъ критическихъ сужденій о новомъ собратѣ и въ данный разъ и на будущее время.

Отъ души пожелаемъ «Православ. Путевод.» и его водителямъ счастливаго пути!

Проф. А. Θ. Гусевъ. О сущности религіозно-нравственнаго ученія Л. Н. Толстого. 2-е изданіе. Казань 1902.

На книгѣ помѣтка—2 изданіе. Въ дѣйствительности эта книга въ значительной мѣрѣ написана совершенно вновь. Самый планъ 2-го изданія не одинаковъ съ планомъ 1-го. Авторъ книги извѣстенъ, какъ самый крупный спеціалистъ по вопросамъ толстовства, поэтому настоящая книга мало нуждается въ рекомендаціяхъ.

Имя автора ручается за ея цѣнность, и мы здѣсь только укажемъ общіе предметы содержанія книги и мимоходомъ выскажемъ нѣкоторые наши *pia desideria* по ея поводу.

Книга состоитъ, кромѣ введенія, изъ пяти главъ, неравныхъ по содержанію.

Первая глава—о сущности религіи вообще и христіанской въ особенности вызываетъ сильныя недоумѣнія въ одномъ пунктѣ. Авторъ полемизируетъ очень убѣдительно противъ толстовскаго агностическаго пантеизма. Всѣ разсужденія А. Θ. по этому поводу несомнѣнно имѣютъ апологетическое значеніе, даже и не противъ толстовства, поскольку они касаются прежнихъ взглядовъ Л. Н. на Бога. Тѣмъ не менѣе представляется страннымъ, что спеціалистъ по вопросамъ толстовства не знаетъ книги Л. Н. „Мысли о Богѣ“. Эта книга во всякомъ случаѣ дѣлаетъ лишними многія замѣчанія А. Θ. (см. нашъ рефератъ объ этой книгѣ въ „М. О.“ (Сент. 1902 г.).

Въ общемъ, однако, первая глава даетъ много, очень много больше, чѣмъ можно бы ожидать въ книгѣ съ спеціальной задачей полемики противъ Толстого: она, собственно, представляетъ цѣлый курсъ апологетики. А. Θ. разбираетъ: вопросъ объ откровеніи, о догмѣ тринности, о божествѣ Христа, о грѣхѣ и искупленіи, о необходимости Церкви, о таинствахъ.

Трактатъ А. Θ. не отличается особенной новизной и яркостью мысли, но это не помѣшаетъ его книгѣ сдѣлаться настольной для всякаго преподавателя и безусловно необходимой для миссіонерскихъ цѣлей борьбы съ раціонализмомъ всякаго рода. Наше маленькое личное *pium desiderium* то, чтобы авторъ ярче и сильнѣе доказывалъ святость, нравственную цѣнность догмы, безусловную ея пріемлемость и даже необходимость ея для совѣсти и чувства. Хотѣлось бы, чтобы возраженія противъ Толстого направлялись не къ разсудку только и логикѣ, а еще больше къ нравственному сознанію человѣка,—это былъ бы болѣе прямой

путь борьбы съ толстовствомъ, сила котораго, конечно, не въ логикѣ и не въ экзегетикѣ, у Л. Н. всегда болѣе, чѣмъ слабой, а въ кажущейся *идеальности его этическихъ требованій*. Догматика на этической основѣ, этическая система изложенія православнаго вѣроученія,—вотъ что нужно особенно для борьбы съ ученіемъ Л. Н. Съ этой стороны книга А. Θ. не всегда удовлетворяетъ. Иногда неосторожность выраженій можетъ даже вызывать человѣка пристрастнаго къ нежелательнымъ сближеніямъ толстовства съ христіанствомъ, невыгоднымъ для послѣдняго. Такъ напр. на стр. 239 онъ заявляетъ, что любовь, *последовательно осуществляемая ведетъ къ индифферентизму...* Мысль, вызывающая большія недоумѣнія. Можетъ быть это только неудачная форма выраженія допустимой мысли—даже именно такъ, но все-таки...

Этическое построеніе догмы особенно важно въ ученіи о таинствахъ. Въ книгѣ А. Θ. очень интересно и глубоко изложено ученіе о евхаристіи. Къ сожалѣнію изложеніе ученія о другихъ таинствахъ слишкомъ сжато и не приноровлено къ цѣлямъ книги. Въ ученіи о крещеніи, напр., желательно было больше вниманія къ вопросу о субъективномъ моментѣ въ таинствѣ и его отношеніи къ объективному. Мы надѣемся позднѣе высказаться по этому вопросу подробнѣе.

Вторая часть книги А. Θ. представляетъ разборъ такъ называемыхъ толстовскихъ заповѣдей. Эта часть касается уже спеціально толстовства. (Стр. 320—424 посвящены вопросу о непротівленіи злу.

А. Θ. основательно защищаетъ ветхозавѣтное законодательство отъ обвиненій Толстого, будто оно узаконяетъ жестокость и мстительность. По мнѣнію А. Θ., ветхій завѣтъ—это организація справедливости, которую новый завѣтъ преобразуетъ (дополняетъ) въ организацію любви.

Исходя изъ этой мысли, онъ убѣдительно доказываетъ, что и заповѣди нагорной проповѣди не есть что то безусловно противоположное законамъ ветхаго завѣта.

Переходя далѣе къ вопросу о непротівленіи злу, А. Θ., словами Златоуста, Григорія Богослова и др., доказываетъ, что Церковь православная *всегда съ благоговѣніемъ принимала заповѣдь объ уступчивости и смирении, какъ борьбу со зломъ*. Тѣмъ не менѣе она, несомнѣнно, допускаетъ активное сопротивленіе злу,

при чемъ это сопротивленіе должно основываться на томъ же принципѣ любви и снисходительности.

„Древнимъ говорилося, что они могутъ, въ случаѣ причиненія имъ какой нибудь обиды, требовать возмездія ихъ личному обидчику или отплачивать ему зломъ за зло, а Я говорю вамъ, что вы не должны имѣть и внутренняго предрасположенія къ непремѣнному возмездію тѣмъ, кто посягнулъ на вашу честь, на ваше имущество, на вашу свободу. Ваши помыслы и желанія должны быть направлены главнымъ образомъ къ тому, чтобы дѣланіемъ добра обидчику расположить его къ нравственному обновленію и къ доброй жизни. Словомъ: истинное благо вашего обидчика должно быть преимущественнымъ предметомъ вашихъ стремленій и дѣйствій, а не иное что-либо. Таковъ смыслъ преподанной Христомъ заповѣди“.

359 стр. Рядомъ съ этимъ авторъ доказываетъ, что мораль Т. Н. въ данномъ пунктѣ есть только мораль нравственной косности и лѣности, несовмѣстная съ христіанскимъ дѣланіемъ, всегда активнымъ.

Стр. 387 и сл. посвящены вопросу о государственной организаціи, какъ организація необходимая для охраны порядка и благосостоянія.

Эти страницы въ книгѣ проф. Гусева на нашъ взглядъ представляютъ положительный и крупный недочетъ. Его разсужденія даютъ превратное представленіе о государствѣ, характеризуя его какъ учрежденіе съ отрицательными цѣлями „предупрежденія и пресѣченія“ и только. Авторъ не отрицаетъ положительно—этического, хотя и относительно несовершеннаго характера учрежденія. Не только съ христіанской, но даже и съ юридической точки зрѣнія цѣли государства понимаются шире и чище, чѣмъ у уважаемаго профессора. (Объ этомъ ниже). Съ другой стороны, авторъ здѣсь слишкомъ слабо отграничилъ временное съ церковной точки зрѣнія отъ абсолютнаго и допустимое только съ относительной правовой точки зрѣнія отъ того, что безусловно позволено евангеліемъ.

Стр. 413 оставляетъ впечатлѣніе, будто христіанство принимаетъ и оправдываетъ смертную казнь. Авторъ забываетъ, что даже при Петрѣ В. смертные приговоры не могли безусловно подписывать и по гражданскому праву духовные члены судебныхъ комиссій.

Интересно и хорошо написана маленькая глава о гнѣвливости. Авторъ доказываетъ, что такъ называемый праведный гнѣвъ дѣйствительно возможенъ, ибо и І. Христосъ взглянулъ съ *гнѣвомъ* на фарисеевъ, „скорбя объ ожесточеніи ихъ сердець“ (Мр. 3, 5). Праведный гнѣвъ—собственно чувство остраго негодованія противъ дурного дѣла, такъ что лице, вызвавшее гнѣвъ въ данномъ случаѣ *почти не замѣчается*. Во всякомъ случаѣ гнѣвъ здѣсь не вызоветъ оскорбленій по адресу вызвавшаго гнѣвъ, или дѣйствія не желательнаго для обѣихъ сторонъ, если оно не *вызывается тѣмъ же чувствомъ скорби, которое осложняетъ такой гнѣвъ*. Последнее чувство положительно альтруистическое, и дѣйствія, которыя оно продиктуетъ, положительно нравственны... какими бы они не были. Надѣюсь, что я въ данномъ случаѣ не перетолковалъ А. Ө.

IV глава о бракорасторженіи.

Авторъ основательно разбираетъ заповѣдь Л. Н. Толстого „не разводись“.

Познанія Л. Н. въ греческомъ языкѣ настолько наивны, что профессору Гусеву не стоило труда доказать ошибочность толстовскаго перевода Мѡ. 5, 27 — 32. Хотѣлось бы только, чтобы въ этой главѣ онъ остановилъ свое вниманіе опять таки на выясненіи положительно-нравственнаго смысла развода и нравственной невозможности продолжать сожитіе съ человѣкомъ, разорвавшимъ фактически союзъ брака. Ученіе Л. Н. о томъ, будто обманутые мужъ или жена не могутъ отказать другъ другу въ брачномъ сожитіи, если кто-либо изъ нихъ требуетъ этого сожитія,—настолько грубо—безнравственно, что характеристика этихъ принудительныхъ отношеній развратной женщины и мужа, соглашающагося на сожитіе безъ любви и желанія, была бы лучшей оцѣнкой этической стороны новой заповѣди.

Глава о клятвѣ и присягѣ. Ученіе Л. Н. Толстого о присягѣ кажется неоспоримымъ многимъ изъ православныхъ. Поэтому 5 глава книги (о клятвѣ и присягѣ) у А. Ө. заслуживаетъ особеннаго вниманія. Къ сожалѣнію и она не можетъ вполне удовлетворить сомнѣвающеся сознаніе. Филологическія изысканія автора умны, но не бесспорны и потому требуютъ дополненій.

Собственно говоря, самое ученіе Церкви не совсѣмъ то, какое предлагаетъ профессоръ. Онъ хочетъ доказать больше, чѣмъ нужно. Церковь допускаетъ и благословляетъ присягу, какъ средство къ

охранѣ закона справедливости—правового порядка, благословляетъ ее не какъ что-то безусловно-позволительное въ Церкви, а какъ нѣчто нужное въ порядкѣ земной государственной жизни, для цѣлей человѣческаго усовершенствованія, но только на низшихъ ступеняхъ этого совершенствованія, пока Церковь не стала „*все во вѣсть*“.

Съ христіанской точки зрѣнія благословенъ и святъ всякій шагъ впередъ, всякій подъемъ надъ наличнымъ нравственнымъ состояніемъ. Даютъ взаимъ, надѣясь получить обратно, и язычники, говоритъ Христосъ; но допустимъ теперь, что организовалось общество безпроцентной ссуды для бѣдныхъ. Церковь благословила это дѣло, какъ святое. Она не скрыла бы отъ организаторовъ, что это меньше, чѣмъ требуетъ Христосъ, но все же благословила бы благодетелей именемъ Христовымъ и молилась, да умножится число ихъ.

То же отношеніе Церкви и къ праву, судамъ, присягѣ. Въ Церкви любовь,—высшая правда, стоящая надъ всякимъ правомъ; въ ней свой судъ,—не по законамъ человѣческаго права; въ ней: „да“ „да“—„нѣтъ“—„нѣтъ“, но въ то же время въ ея глазахъ свято и то, что человѣчество создало, стремясь къ этому же идеалу Христову, но не *умѣя сразу дойти до верху*.

Свято и государство, какъ организація справедливости, земной правды; святы суды и обряды суда, какъ одно изъ средствъ поддерживать эту правду отъ посягательствъ людей „*худшихъ, чѣмъ язычники*“. Это не есть отдача безъ надежды получить обратно, но все же это не лихоимство, это болѣе даже, чѣмъ языческая справедливость, потому что христіанское государство всегда стремится подняться на уровень высшій строго—правового minimuma. Стоя на такой точкѣ зрѣнія, требовалось, думается, съ одной стороны ярче очертить идеалы церковной правды, апостольскаго суда, съ другой отгнать и раскрыть высокое, относительно, этическое значеніе человѣческихъ правовыхъ учрежденій. А рядомъ съ этимъ можно было поставить идеаль Л. Н., какъ чисто номистическій, внѣшnezаконнический, книжническій идеаль, не знающій духа и не пытающійся проникнуть въ духъ, а знающій только „*письмо убивающее*“.

Авторъ ставитъ дѣло иначе.

Мы не можемъ сказать, что въ разбираемой книгѣ нѣтъ попытокъ сдѣлать то, что мы желали бы видѣть въ ней;

нѣтъ, по нашему мнѣнію, авторъ только слабо управляетъ курсивомъ: самое существенное иногда (и часто) отодвигаетъ далеко въ уголъ.

Въ тоже время онъ иногда чуть не склоненъ доказывать, напр., что вести тяжбу въ судѣ почти обязанность христіанина. Это оставляетъ дурное впечатлѣніе и заставляетъ подозрительно относиться къ остальнымъ мыслямъ, почти всегда справедливымъ и умнымъ.

Хороша и убѣдительно послѣдняя глава о патріотизмѣ.

„Духу христіанства, пишетъ профессоръ, противенъ не патріотизмъ; ему противна, въ частности, не любовь къ своему народу, а противенъ патріотизмъ, дурно направленный; противенъ, въ частности, такъ называемый націонализмъ, выражающійся въ національной заносчивости, въ національной обособленности, въ національной враждѣ и т. под. Еще болѣе не примиримо съ духомъ христіанства поставленіе національности верховной цѣлью человѣческой жизнедѣятельности, какъ это допускаютъ нѣкоторые моралисты. Возводить національность въ какомъ бы то ни было смыслѣ на степень нѣкоего кумира значитъ возвращаться къ чисто-языческой точкѣ зрѣнія и направлять человѣческую жизнь къ большому и большому злу. Это—нравственная болѣзнь. Съ ней то и слѣдовало бы бороться гр. Толстому, какъ и вообще съ національной самомнительностью, притязательностью и т. д. Тутъ онъ дѣйствовалъ бы несомнѣнно какъ во имя христіанства, стремящагося объединить всѣ народы въ своего рода единую семью, такъ и въ интересахъ образующихъ человѣчество отдѣльныхъ племенъ“.

Мнѣ нравится и заключительная мысль главы.

„Ето не хочетъ исполнять воли правительства и служить государству, тотъ нравственно обязанъ не пользоваться рѣшительно ничѣмъ, что создано государствомъ и условливается его бытіемъ.“

Желаемъ широкаго распространенія интересной книгѣ.

Іером. *Михаилъ*.

Никаноръ Еп. Екатеринбургскій. Слова, рѣчи и бесѣды. Изд. 2-ое, Орель 1902 г.

Съ отраднымъ чувствомъ мы должны отмѣтить вышедшее за послѣднее время вторымъ изданіемъ собраніе проповѣдей Еп. Никанора Екатеринбургскаго.

Даже при бѣгломъ чтеніи этихъ проповѣдей легко замѣтить, что талантливый витія—архипастырѣ въ проповѣдничествѣ—мастеръ своего дѣла. Его проповѣди чужды той безцвѣтности, натянутости и сухости тона, которыя, *sit venia verbo*, иногда замѣчаются въ современныхъ проповѣдяхъ.

Слово преосв. Никанора, какъ истаго проповѣдника *жизлаго и дѣйствительнаго Слова Божіа*. (Срав. Евр. IV, 12) почти всегда блещетъ живостію, художественностію, яркостію красокъ и оригиналностію. Проповѣдникъ, когда ему приходится видѣть предъ своею кафедрой интеллигентныхъ слушателей, не можетъ пренебрегать художественностію рѣчи, чтобы чрезъ это нагляднѣе и оощутительнѣе показать слушателямъ небесную животворность и премірное сіяніе истинъ Христова ученія...

Это требованіе прекрасно выполнено въ проповѣдяхъ преосвящ. Никанора. Вотъ напр., слова архипастыря - витія о ревности въ вѣрѣ христіанской... „Горячность вѣры не должна переходить во всегубительныя молніи и громы, которые хотѣли низвести на не вѣрующихъ не ясно сознававшіе свои силы Сыны Громы, св. апостолы.

„Пламень ревности по Богѣ долженъ быть не поналяющимъ, но согрѣвающимъ всѣхъ вѣрующихъ, освѣщающимъ пути Божіи и вдохновляющимъ всѣхъ къ радостному шествію къ высотѣ восточна Небеснаго.

„Пламень религіознаго воодушевленія долженъ возводить духъ нашъ къ Богу такъ, какъ поднимается къ небесамъ кадильный дымъ оиміама, приносимаго Богу въ тихомъ Его пристанищѣ предъ святымъ престоломъ. Такъ растворяемая въ святомъ огнѣ Божественнаго пламени любви Божіей всѣ мысли, чувства и пожеланія наши должны устремляться къ Отцу свѣтовъ, незаходимому истинному „Солнцу правды и блаженства“ *). Не менѣе прекрасны и слова Архипастыря о благодатномъ мирѣ. „Говорятъ, что, если во время бури полить часть моря масломъ, то волны

*) 163 стр.

моря въ этомъ мѣстѣ улегаются. Такъ и въ морѣ человѣческой жизни возможны многія средства къ произведенію успокоенія мятежныхъ умовъ и тревожныхъ сердець. Но какъ полное спокойствіе на морѣ водворяется только тогда, когда Богъ посылаетъ природную тишину, такъ и бури страстей человѣческихъ могутъ успокоиться только тогда, когда на нихъ ляжетъ покровъ божественнаго мира благодати, принесенной І. Христомъ и многоразлично подаваемой въ Церкви, основанной Имъ“. Или вотъ напр. неподражаемыя слова о духовно-нравственномъ смыслѣ паломничества русскихъ богомольцевъ въ Палестину. „Какъ въ Боговоплощеніи явилось крайнее снисхожденіе Божіе къ людямъ, такъ въ стремленіи соприкоснуться со всѣмъ, съ чѣмъ соприкасался Христосъ, можно видѣть особаго рода восхожденіе человѣка къ Богу: духовно-чувственное соприкосновеніе съ Нимъ, особенно реально бывающее въ погруженіи съ вѣрою въ священныя воды Іордана, въ благоговѣйнѣйшемъ цѣлованіи останковъ Креста, на которомъ былъ распятъ за насъ Іисусъ Христосъ и въ молитвенномъ поведеніи долу на Голгофѣ, въ источеніи слезъ умиленія предъ пещерою гроба Господня“, *) Преосвященный витія не упускаетъ изъ виду и общедоступности и простоты изложенія своихъ бесѣдъ; но простота изложенія у него отнюдь не вредитъ содержанію. Авторъ умѣло пользуется для своихъ проповѣдническихъ цѣлей не только четъ-минейми и библіей, но кромѣ того и богатой сокровищницей своихъ философскихъ и психологическихъ знаній. Съ великою признательностію должно отмѣтить и то обстоятельство, что преосв. Никаноръ, раскрывая съ присущимъ ему философскимъ глубокомысліемъ истины христіанскаго вѣроученія и, съ психологическою проникновенностію, требованія христіанской нравственности, нигдѣ, ни на одно мгновеніе не забываетъ въ своихъ проповѣдяхъ о томъ, что онъ — *служитель православія, проповѣдникъ церковности, пастырь Православной Церкви*.

Поэтому преосвященный витія съ присущимъ ему проповѣдническимъ искусствомъ часто приводитъ въ своихъ проповѣдяхъ рассказы изъ четъ-миней, повѣствованія изъ русской церковной исторіи и проч. Съ любовію и философскою глубиной изъясняется преосв. Никаноръ наши православныя церк.—богослужебныя обряды, молитвы и т. п. Въ этомъ отношеніи онъ до-

*) 226.

вольно близко напоминаетъ одноименнаго ему въ Бозѣ почившаго знаменитаго витію Никанора, архієпископа Херсонскаго. Преосв. Никаноръ Херсонскій, возвышавшійся на крыльяхъ своего могучаго ораторскаго генія въ область глубокомысленныхъ умозрѣній или, когда требовала необходимость, проникавшій своимъ тонкимъ анализомъ въ самыя сокровенныя тайники современныхъ зап.-европейскихъ жѳеученій, въ едва уловимые изгибы современнаго невѣрія и „лжеименнаго знанія“, въ то же время съ высокой поэзіей и неподражаемой глубиной часто изъяснялъ своимъ слушателямъ внутреннее содержаніе нашихъ нѣснонѣній, богослужебныхъ обрядовъ и проч. Это же наблюдается и въ проповѣдяхъ преосв. Никанора Екатеринбургскаго. Каждую его проповѣдь можно назвать прекрасной кадилъницей съ благоуханнымъ ароматомъ православія... Талантливый проповѣдникъ изъясняетъ и защищаетъ православіе не *ex officio*, но какъ пастырь православной Церкви, глубоко проникнувшій въ богатство ея внутренняго, духовно назидательнаго содержанія, глубоко прозрѣвшій въ благодатно таинственную силу ея священодѣйствій и молитвъ. Какой поучительный, достойно подражаемый, прямо классическій примѣръ для современныхъ модныхъ проповѣдниковъ.

Наконецъ, должно отмѣтить—какъ достоинство проповѣдей преосв. Никанора—ихъ, такъ сказать, *библеизмъ*. Будучи экзегетомъ и однимъ изъ солидныхъ знатоковъ библіи, преосв. Никаноръ въ своихъ проповѣдяхъ отпечатлѣлъ это свое качество. Всѣ его увѣщанія, обличенія и наставленія одухотворены избранными библейскими текстами, удачно проводимыми и прекрасно изъясняемыми. Вотъ нѣсколько примѣровъ, иллюстрирующихъ искусство преосвящ. витія удачно привести текстъ по требованію обстоятельствъ времени и предмета проповѣди. Въ словѣ, сказанномъ въ Орловскомъ Кадетскомъ корпусѣ (8 ноябр. 1900 г.), талантливый витія беретъ текстъ изъ Еф. 6, 12 и удачно выясняетъ юношамъ-кадетамъ способы духовной борьбы по аналогіи съ военной и отъ военной тактики переходитъ къ тактикѣ духовной и проч.

Проповѣди Преосв. Никанора могутъ служить не только прекраснымъ пособіемъ для пастырей проповѣдниковъ, но и одною изъ лучшихъ книгъ для назидательнаго чтенія. Поэтому мы считаемъ своимъ нравственнымъ долгомъ рекомендовать новое изданіе проповѣдей еп. Никанора вниманію какъ духовенства, такъ и просвѣщенныхъ благочестивыхъ мірянъ.

ХРОНИКА.

I.

Изъ жизни инославія и изъ міра заграничнаго сектантства.

Секты въ Америкѣ.—Еще о сектѣ „Христіанская наука“.—Секты въ Морокко.—Англійская газета о жертвоприношеніяхъ у казанскихъ чувашъ.

Французская газ. «La Raison» говоритъ, что невозможно перечислить всѣ секты, уже развившіяся и ежедневно возникающія въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ. Самъ сатана отказался бы отъ такой работы.

Безспорные документы перечисляютъ въ алфавитномъ порядкѣ шесть сектъ «Церкви адвентистовъ», одну аriansкую Церковь, тринадцать баптистскихъ сектъ, семь сектъ «Братьевъ о Христѣ», пять видовъ католиковъ, восемь различныхъ сектъ коммунистовъ, Церковь конгрегационалистовъ, два подраздѣленія епископаловъ, четыре—евангеликовъ, пять—Друзей, двѣ греческихъ Церкви, двѣ Церкви Святыхъ Послѣднихъ Дней, девятнадцать лютеранскихъ сектъ, пятнадцать видовъ меннонитовъ, семнадцать—методистовъ, двѣнадцать пресвитеріанъ, три секты реформатовъ, не считая Независимыхъ, Универсалистовъ, Теософовъ, Сведенборгіанцовъ, Христадельціанцевъ, Христіанъ-католиковъ, учениковъ Христовыхъ, Научныхъ Христіанъ, Новаго Іерусалима, Церкви Божіей, Торжествующей Швейнфуртской Церкви, евреевъ, китайскихъ и японскихъ сектъ и громадной Арміи Спасенія.

Въ Нью-Йоркѣ, и не во всемъ городѣ, а только въ трехъ его предѣлахъ: Манхэттанѣ, Бронксѣ и Бруклинѣ насчитываютъ баптистскихъ церквей и часовенъ 97, конгрегационалистскихъ—42, евангелическихъ—5, Учениковъ Христовыхъ—3, Друзей—2, лютеранскихъ—70, методистовъ-епископаловъ—126, африканскихъ методистовъ—10, пресвитеріанскихъ—117, протестантскихъ-епископальныхъ—151, реформатскихъ—58, независимыхъ—8, универсалистскихъ—6, католическихъ—205, 70 церквей различныхъ другихъ сектъ и 75 синагогъ, не считая молитвенныхъ домовъ Арміи Спасенія.

Въ странѣ «дѣла» (business) церковь создается и устраивается какъ и всякое другое предпріятіе. Во время угольной стачки, когда грозила опасность остаться зимой безъ топлива, нѣкоторые пасторы пришли къ мысли создать общество кооперативнаго отопленія небольшого числа церквей, въ которыхъ приверженцы каждой секты могли бы собираться по очереди.

Достопочтенный Литлѣфилдъ рѣшается «пустить въ ходъ кооперативную церковь». Онъ изобрѣлъ новую религію и нуждается въ зданіи, въ которомъ могъ бы се проповѣдывать, а потому и объявляетъ, что «дѣло пойдетъ въ ходъ, какъ только онъ соберетъ 400 акціонеровъ». Вѣрные будутъ въ то же время и членами общества потребителей; въ церкви Библія будетъ имъ предлагаться даромъ, а рядомъ, въ магазинѣ, они будутъ имѣть возможность запастись всѣми необходимыми въ хозяйствѣ предметами и припасами «безъ поддѣлки, по точному вѣсу и правильной мѣрѣ, соотвѣтствующія образцамъ». Триста подписей уже налицо; еще сто, и достопочтенный пасторъ открываетъ свою «церковь — общество потребителей».

Самое любопытное изъ такихъ предпріятій принадлежать достопочтенному Александру Джону Доуи, Ильѣ II, Возстановителю, главѣ христіанской католической Церкви въ Сіонѣ.

Этотъ ловкій человекъ измѣрилъ всю глубину американской наивности и извлекъ изъ нея огромное богатство. Я не берусь налагать его ученіе, но я своими глазами видѣлъ въ Чикаго великолѣпное недвижимое имущество, которое это ученіе ему доставило. Онъ основалъ городъ Сіонъ, въ которомъ и царитъ полновластнымъ владыкой. Онъ не терпитъ тамъ муловъ, которыхъ считаетъ нечистыми животными. Онъ облагаетъ вѣрныхъ податями и вѣрные платятъ безпрекословно; ими основано уже больше пятидесяти церквей. Въ іюлѣ Доуи приказалъ быть празднику Кушей въ паркѣ. Шло въ Сіонѣ и желѣзнодорожныя общества тотчасъ же организовали спеціальныя поѣзда по удешевленнымъ цѣнамъ. (Поѣздки на субботнее богослуженіе, трапеза Господня; билетъ туда и обратно 50 су).

Доуи пріѣхалъ изъ Австраліи безъ гроша, въ настоящее время онъ архимилліонеръ и пророкъ. Онъ имѣетъ особую способность предсказывать грозы, «изъ которыхъ каждая есть дѣло дьявола». Впрочемъ, онъ можетъ останавливать дождь. Однажды въ субботу вечеромъ онъ увидѣлъ на небѣ темныя тучи, а такъ какъ онъ нуждался для своего воскреснаго богослуженія, или, вѣрнѣе, представленія, въ хорошей погодѣ, то онъ и уведомилъ Всемогущаго о томъ, что, по его мнѣнію, дожда было уже довольно и онъ предпочелъ бы сухую погоду. Всемогущій принялъ это къ свѣдѣнію (!) и воскресеніе выдалось великолѣпное.

Всего забавнѣе то, что американцы, доставляющіе Доун цѣлые милліоны, смотрятъ на негровъ центральной Африки какъ на дикарей за то, что эти бѣдняки вѣрятъ въ колдуновъ, заклинателей дождя и града.

Послѣдній успѣхъ Доун—это обращеніе Герберта Бута, сына генерала Арміи Спасенія. Это пріобрѣтеніе не принесетъ новому Ильѣ такихъ денегъ, какъ обращеніе англичанина Самуила Стивенсона, съ котораго Доун пополнился нѣсколькими милліонами, но и это недурно. Не малое торжество заимать въ свою лавочку одну изъ овечекъ соперника и конкурента!

Спустя нѣсколько недѣль Джонъ Доун выпустилъ 6% заемъ христіанской католической Церкви куповыми цѣною въ 5 долларовъ. «Дѣла» это американская религія, а религія въ Америкѣ тоже дѣло.

Впрочемъ, вѣдь и у насъ то же самое.

* * *

Число приверженцевъ «Христіанской Науки» увеличивается въ Америкѣ съ каждымъ днемъ. Эта секта основана женщиной, достопочтенной Мери Беккерсъ Эдди. Несмотря на насмѣшки и даже проклятія нѣкоторыхъ пасторовъ, «Христіанская Наука» процвѣтаетъ и насчитываетъ въ настоящее время 12 тысячъ проповѣдниковъ, 600 церквей и 75 различныхъ учрежденій; это ученіе успѣло уже проникнуть и въ Европу; центръ его находится въ Бостонѣ.

Достопочтенная Мери Эдди уклоняется отъ посѣтителей и непрошенныхъ корреспондентовъ, но ведетъ свое дѣло такъ же ловко, какъ Доун въ Сіонѣ. Она приняла титулъ президента «Массачусетской Метафизической Коллегіи» и пастора «Первой Христовой Церкви». Въ первые 7 лѣтъ дѣятельности она обучила въ своей «Коллегіи» 4000 учениковъ и собираетъ въ настоящее время 2 милліона долларовъ на расширеніе своей церкви въ Бостонѣ.

Основаніемъ «Христіанской Науки» служить изданная миссисъ Эдди книга: «Наука и здоровье, познаваемая черезъ священное Писаніе». Сочиненіе это издается безостановочно и разошлось уже въ количествѣ 239 тысячъ экземпляровъ. Въ заголовкѣ книги стоитъ: „И познаете истину и истина сдѣлаетъ васъ свободными“ (Іоанна гл. VIII, ст. 32).

Какъ въ этомъ своемъ сочиненіи, такъ и въ другихъ работахъ, а равно и въ періодическихъ изданіяхъ, имѣющихъ большое распространеніе, г-жа Эдди объясняетъ, что страданія не существуютъ. То, что мы называемъ болѣзью, страданіемъ, немощью, есть только страхъ передъ страданіемъ, увѣренность въ томъ, что мы можемъ и будемъ страдать. Убѣдите себя въ томъ, что вы страдать не можете и страданіе исчезнетъ. Здоровье есть сознаніе того, что болѣзнь, страданіе недѣйствительны, реально не существуютъ.

7*

«Человѣкъ созданъ по образу и подобію Божію». Богъ—чистый духъ; матерія не можетъ быть образомъ и подобіемъ чистаго духа, слѣдовательно, человѣкъ не матерія, онъ духъ. Богъ есть духъ, Богъ все, слѣдовательно, все есть духъ. Тѣло и чувства—обольщеніе, призракъ, обманъ. Богъ сотворилъ все; Онъ не могъ сотворить зла и страданія, слѣдовательно зло и страданіе—призракъ, заблужденіе.

Г-жа Эдди никогда не читала философовъ, съ незапамятныхъ временъ стремящихся постигнуть непостижимое; она нашла въ самой Библии оправданіе каждаго изъ своихъ положеній. А если въ Америкѣ Библия есть «дѣло», то и ея предоріятіе должно имѣть успѣхъ и дѣйствительно «Христіанская Наука» насчитываетъ уже въ Соединенныхъ Штатахъ болѣе милліона послѣдователей.

„Матушка Эдди“ выдаетъ письменныя удостовѣренія за своей подписью въ томъ, что исцѣляетъ всякія болѣзни, въ томъ числѣ и душевныя, возвращаетъ слѣпымъ зрѣніе, глухимъ—слухъ; удлинняетъ укороченныя члены и выпрямляетъ изогнутые спинные хребты. Она вылѣчиваетъ даже лошадей; одинъ изъ ея сотрудниковъ вылѣчилъ хромую лошадь въ Нью-Йоркѣ, а одна изъ ея ученицъ «возвратила аппетитъ, силу и быстроту» лорду Винценгу (четвероногому), одерживающему побѣды на важнѣйшихъ скачкахъ въ Штатахъ. Ветеринары и доктора, кишашіе въ С.-Американскихъ Штатахъ, весьма недовольны тѣмъ, что теряютъ милліонъ кліентовъ, начинаютъ злобно коситься на матушку миссисъ Мери Беккерсъ Эдди.

* * *

Описывая свое путешествіе по *Марокко*, корреспондентъ швейцарской газеты «La Suisse» сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о двухъ дикихъ магометанскихъ сектахъ, на праздникахъ которыхъ ему удалось присутствовать.

Религіозное торжество первой изъ этихъ сектъ, приверженцы которой извѣстны подъ именемъ Гамачей, происходило на рыночной площади Танжера — столицы Марокко.

Эта обширная площадь представляетъ и въ обыкновенное время любопытное зрѣлище для европейца. Чего только не увидишь въ этомъ человѣческомъ муравейникѣ! Здѣсь расположился на отдыхъ только что прибывшій изъ пустыни караванъ: верблюды и вожакъ ихъ — бедуины—спятъ на землѣ среди груды разныхъ товаровъ; тутъ же негръ-колдунъ показываетъ своихъ змѣй; торговки продаютъ, сидя на корточкахъ, хлѣбъ и яйца, ослы валяются въ грязи; нѣсколько поодаль черные суданцы устроились подомашнему подъ своимъ разорванными шатрами, между которыми важно прогуливаются съ алебардами въ рукахъ, одѣтые въ зеленые плащи, хаджи—

святые, потомки Магомета. Надъ всѣмъ этимъ стонъ стоитъ отъ людскихъ голосовъ и разнообразныхъ криковъ животныхъ.

20 го Іюня огромная площадь кишѣла народомъ больше, чѣмъ когда либо. Сюда собрались съ 3-хъ часовъ всѣ члены секты Гамачей; обнаженные головы ихъ выбриты наголо, только съ правой стороны оставлена длинная прядь волосъ, которую мусульмане заботливо отращиваютъ, чтобы было за что ухватиться Аллаху, когда настанетъ время перенести ихъ въ рай.

Варабаны бьютъ; флейты стараются во всю. Тридцать всадниковъ въ богатыхъ одеждахъ везутъ тридцать знаменъ всевозможныхъ цвѣтовъ и очищаютъ среди площади большое пространство, къ которому направляются съ противоположныхъ сторонъ два длинныхъ ряда мужчинъ, идущихъ попарно; они держатся за руки и медленно раскачиваются въ тактъ музыки. Темпъ мало-по-малу ускоряется и движенія танца становятся все быстрее и быстрее. Это продолжается около часу. Сектанты размахиваютъ руками, извиваются въ какихъ то безумныхъ корчахъ; вначатѣ медленные, протяжные звуки несугъ теперь, какъ вихрь; каждый изъ пляшущихъ выхватываетъ изъ подъ складокъ одежды топоръ и изступленно размахиваетъ имъ надъ головой. Музыка еще больше ускоряетъ темпъ, пляска переходитъ въ какую то дикую оргію. Вдругъ одинъ изъ пляшущихъ ударяетъ себя топоромъ по головѣ; кровь льется изъ широкой раны и обдаетъ красными брызгами онѣмѣвшую толпу. Примѣру перваго изувѣра слѣдуютъ другіе, нанося себѣ рану за раной, ревутъ и скачутъ, какъ бѣсноватые. Музыка уже не успѣваетъ слѣдовать за безумными движеніями сектантовъ, возбужденіе которыхъ дошло до высшей точки напряженія. Зрители слѣдятъ въ благоговѣйномъ молчаніи за различными фазами перемѣны.

Праздникъ конченъ; музыканты, всадники со знаменами и окровавленные хаджи медленно направляются за городъ и исчезаютъ одинъ за другимъ.

Еще любопытнѣе праздникъ секты «Анзава» или «Пожирателей сырого мяса». Говорятъ, что въ глубинѣ страны, гдѣ секта насчитываетъ много приверженцевъ, эти фанатики нападаютъ иногда на женщинъ и дѣтей и разрываютъ ихъ на части.

Праздникъ состоялся 27-го Іюня, опять на той же рыночной площади.

Въ 9 часовъ утра послышались звуки большихъ деревянныхъ флейтъ, загремѣли барабаны и вскорѣ показались на дорогѣ, ведущей въ Фецъ, густая толпа народа. «Анзава» подвигались схватившись за руки и образуя большіе круги, мужчины впереди, потомъ женщины, въ бѣлыхъ и розовыхъ напалонахъ, съ распущенными волосами. Чудовищный хороводъ двигался подъ звуки страннаго оркестра. Вдругъ въ середину огромнаго круга бро-

спли барана. Произошла невообразимая давка, все перепуталось; мужчины и женщины, толкая и давя друг друга, бросились на животное и въ мгновеніе ока разорвали ногами и зубами несчастную жертву. Въ нѣсколько минутъ отъ животнаго не осталось ничего, кромѣ окровавленной шкуры, изъ за которой женщины вступаютъ въ драку; два полуголыхъ силача пытаются возстановить криками и ударами порядокъ религіознаго обряда.

Согласно правиламъ секты, всякій вѣрующій долженъ изображать какое-нибудь хищное животное. Пригнувшись къ землѣ и стараясь спрятать подъ собою обрывки бараньей шкуры, женщины изображаютъ львицъ. Онѣ требуютъ пищи, послѣ чего въ кругъ летитъ второй и третій баранъ,—оба подвергаются участи первой жертвы. Въ эту минуту съ одной изъ львицъ дѣлается припадокъ: она рычитъ и катается по землѣ; ее уносятъ и дикая, необузданная пляска возобновляется. Нѣсколько прекрасныхъ молодыхъ дѣвушекъ, съ распущенными по плечамъ великолѣпными черными волосами, изображаютъ шакаловъ, стараясь превзойти друг друга высокими прыжками и дикими тѣлодвиженіями. Наконецъ наѣвшіеся сектанты какъ будто изнемогаютъ, составляется шествіе, которое двигается медленно по направленію къ городскимъ воротамъ. Но лишь только ворота пройдены, всѣми миними львами, пантерами, шакалами и проч. снова овладѣваетъ безуміе и они бѣгомъ устремляются къ мечети. Горе всякому, кто попадется имъ на дорогѣ: бѣженный потокъ опрокидываетъ все на своемъ пути. Для европейца праздникъ этимъ и кончается; пытаться пропикнуть въ мечеть, значило бы ризковать жизнью.

* *

Англійская газета „The Standart“ перепечатала изъ одной казанской газеты любопытную замѣтку о языческомъ жертвоприношеніи, совершенномъ недавно передъ идолами въ одной изъ чувашскихъ деревень Казанской губерніи. Жрецы собрали со всѣхъ жителей деревни жертвоприношеніи масломъ, молокомъ, солью и мясомъ. Въ благопріятный день весь народъ высыпалъ на берегъ рѣки, гдѣ и было принесено богамъ моленіе о ниспосланіи дождя. Послѣ моленія поймали ласточку и, вымазавъ ее масломъ, отпустили на свободу, «чтобы она отвесла наши молитвы вверхъ, въ уши боговъ». Все это окончилось пиршествомъ, послѣ котораго жрецы толкали друг друга въ рѣку и окропляли водой собравшихся. Фактъ рассказанъ коротко и сухо, безъ всякаго интереса къ явленію, составляющему, быть можетъ, отзвукъ глубокой, сѣдой древности и заслуживающему вниманія ученыхъ знатоковъ.

Собѣя. В—кая.

II.

Миссіонерство, секты и расколъ.

Невъжественные обожатели о. Іоанна Кронштадтскаго и его миссіонерская проповѣдь въ Костромской епархіи.—Пропаганда раскола при посредствѣ граффофона.

Въ первой половинѣ прошлаго года появилось въ газетахъ извѣстіе о существованіи въ Солигаличскомъ уѣздѣ (Костр. еп.) „секты іоаннитѣвъ“, признающихъ Кронштадтскаго протоіерея о. І. И. Сергіева за бога. Основателемъ секты явился крестьянинъ Иванъ Пономаревъ, житель дер. Хорошева, Солигалич. у., составившій „акафистъ протоіерею І. И. Сергіеву, въ троицѣ славимому и проживающему въ г. Кронштадтѣ“. По поводу этого акафиста о. І. И. Сергіевъ послалъ „обличительное письмо“ И. Пономареву. Несмотря, однако, на это обличеніе, ни на бывшія ранѣ того утѣшанія Пономарева со стороны епарх. миссіонера и даже епархіальнаго начальства, Пономаревъ не отказывался отъ своего лжеученія до самаго послѣдняго времени. Потребовалась личная побѣдка о. І. И. Сергіева въ Солигаличскій у., чтобы вразумить восторженнаго его почитателя—„челвѣгласа“.

Сущность лжеученія Пономарева (передаетъ въ краткомъ извлеченіи изъ „Костромскихъ Е. В.“, №№ 18—20, излагающихъ это „ученіе“ на основаніи бесѣдъ съ Пономаревымъ и его послѣдователями и его ркп. сочиненій, числомъ свыше 15-ти!) заключается въ томъ, что второе пришествіе Сына Божія совершилось нынѣ въ лицѣ Кронштадтскаго митрофорнаго протоіерея І. И. Сергіева, который есть и сынъ божій, и богъ отецъ и вѣстѣ вся святая Троица. Пономаревъ приписываетъ о. Іоанну божескія свойства и обращается къ нему, напр., съ такою молитвой: „святъ Пльчъ, святъ Сергіевъ, троице помилуй насъ, господи очисти грѣхи наша, владыко, прости и исцѣли немощи наша, имени твоего святого ради“. Въ уста самого о. Іоанна влагаетъ такія слова: „мнѣ подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе отцу и сыну и святому духу, т. е. Христу, во мнѣ живущу, по образу и подобию, во плоти“. Сей богъ и господь—Троица, приходившій прежде на землю въ лицѣ Іисуса Христа въ безславіи, теперь въ лицѣ о. Іоанна снова пришелъ на землю во всей божественной славіи, чтобы произвести страшный судъ надъ родомъ человѣческимъ, и этотъ судъ продолжится не день не два, а можетъ быть не одну сотню лѣтъ... Къ существующему священству Пономаревъ относится отрицательно. „Теперь стали

понимать о Св. Духѣ, яко о мастерствѣ, или яко о руководствѣ, т. е. священники требуютъ платы „за благодать Св. Духа“. Есть только два истинныхъ священника—это о. Іоаннъ Сергіевъ и о. Сергій Слѣпнякъ; одинъ Кронштадтскій, другой Петербургскій. Въ домѣ Пономарева, въ передней его половинѣ, представляющей видъ часовни (съ крестомъ на крышѣ), украшенной иконами и на ряду съ ними портретомъ о. Іоанна—происходили молитвенныя собранія, на которыя собирались главнымъ образомъ женщины. На этихъ собраніяхъ Пономаревъ читалъ евангеліе, житія святыхъ, акафисты, слѣдовавшую псалтирь и др. духовныя книги и пояснялъ трудныя мѣста; затѣмъ пѣли церковныя пѣснопѣнія и разныя стихи, посвященные о. Іоанну. Участники собраній съ почтеніемъ относились къ Пономареву за то, что онъ болѣе 10 лѣтъ «наслаждаетъ ихъ духовными словами», всѣ они высказали миссіонеру, что они «стали понимать поученія и пѣснопѣнія церковныя только съ тѣхъ поръ, какъ стали слушать объясненія Ивана Аргамонича». Каковы были эти объясненія, можно судить по тѣмъ познаніямъ, какими обладалъ самъ толкователь. Вотъ, напр., въ какомъ видѣ Пономаревъ содержитъ тѣ понятія, которыя раскрываются на первыхъ страницахъ Закона Божія. «Въ началѣ была Св. Троица: Отецъ Творецъ и Сынъ не рожденъ и не сотворенъ, Іисусъ Христосъ и Адамъ сотворенъ, ихъ сынъ—Троица». Но Адамъ, сотворенный изъ персти земной, не успѣвалъ въ добротѣ и единеніи съ Богомъ: плоть одолѣла его, и онъ «полюбилъ грѣхъ, начиная съ блуда». Богъ Отецъ и Сынъ разгнѣвался на Адама и сказалъ ему: «проклята земля въ дѣлѣхъ твоихъ». Духъ—дѣволъ, также сотворенный Богомъ святымъ и чистымъ, но гордости выпалъ, а изъ проклятой плоти земной сотворилъ жену Каппу, чрезъ которую и разсѣялось зло по всей вселенной. Адамъ же сдѣлалъ записъ съ дѣволомъ, живя на землѣ. Записъ была на мраморной доскѣ. Писалъ Адамъ такъ: «до смерти человекъ мой, а по смерти твой». Дѣволъ радъ былъ, что Адамъ согласился отдать души ему, и бросили они записъ въ море. Мраморная доска утонула. Когда Іисусъ Христосъ пришелъ на Іорданъ креститься, мраморная доска приплыла къ ногамъ Господа. Когда нужно было тронуться сей записи Адамовой, замытой пескомъ въ пучинѣ морской, море сдвинулось съ мѣста и понялось. «Что ты есть, море, яко побѣгло еси, и тебѣ, Іордане, яко возвратился еси вспять»? Не легко, значитъ, было воротить и разбить записъ Адама: море стало пятиться, хотѣло скрыться, чтобы не коснулась вода его нога Господа. Рукописанье мраморной доски летитъ быстрѣе молніи, и раздвигается, яко полотно ветхое. Спаситель же міра, Іисусъ Христосъ, какъ рабъ, принимаетъ крещеніе отъ Іоанна».

По словамъ Костр. Е. Вѣд., для уясненія происхожденія и развитія

религіозныхъ понятій Пономарева надобно принимать во вниманіе его личность. Онъ отъ природы набоженъ; въ своей жизни онъ даже аскетъ. Онъ ненавидитъ пляски, танцы, театры, гулянье, онъ не ѣстъ мяса, не пьетъ вина и чаю, не куритъ табаку. Онъ порицаетъ корыстолюбіе и очень неодобрительно отзывался о сберегательныхъ кассахъ. Но крайняя скудость религіозныхъ познаній не позволила его природной набожности выразиться въ правильныхъ формахъ. Въ школѣ онъ не обучался, едва грамотенъ, выучился читать и писать самоучкою. Каковы его познанія въ Законѣ Божіемъ,—мы видѣли уже и выше. Но вѣтъ еще прищипъ: когда чиновникъ у цензора, которому онъ представлялъ одно изъ своихъ сочиненій, спросилъ его, что такое Св. Троица,—онъ, по собственнымъ его словамъ, отвѣтилъ: «Марія родила фарисейскаго учителя, въ этомъ состоитъ Св. Троица». Дафанъ и Авиронъ, по его словамъ, были мучители христіанъ. Образчиковъ такого невѣжества Пономарева вообще очень много. Въ такомъ невѣжествѣ живутъ цѣлые милліоны простонародія. При такой скудости знаній умъ человѣка дѣйствуетъ въ рабской зависимости отъ фантазіи, созданія которой являются тѣмъ уродливѣе, чѣмъ менѣе она связана точными знаніями. И тысячи простонародья фантазируютъ не меньше, чѣмъ фантазируетъ Пономаревъ, надѣленный въ высшей степени живой фантазіей. Эта живость его фантазіи въ столько велика, что всякое болѣе или менѣе выдающееся по силѣ впечатлѣніе сопровождается видѣніями на яву, въ родѣ галлюцинацій. Мы склонны поэтому вѣрить, что многочисленные видѣнія или «откровенія», о которыхъ говоритъ Пономаревъ въ своихъ сочиненіяхъ, дѣйствительно были имъ испытаны. Характереанъ, напр., такой рассказъ: «Былъ я наканунѣ Успенія празднича въ Кронштадтѣ въ 1901 г., и была общая исповѣдь. Батюшка (о. Іоаннъ) стоялъ противъ аналою и говорилъ народу проповѣдь. Затѣмъ покаяніе. Всѣ каились вмѣстѣ съ плачемъ и воплемъ: «Господи, помилуй, батюшка, похились!» И я устремилъ взоръ на батюшку. Въ это время батюшка сталъ ограждать себя крестнымъ знаменіемъ и повернулся къ образу Спасителя, и вдругъ отъ него посыпали искры огненныя такъ густо, что не видно было батюшки. Я былъ въ недоумѣніи. Думаю: говорятъ, батюшка — богъ, и то на самомъ дѣлѣ. Вотъ есть огонь. Подивился и потому приобщился св. таявъ тѣла и крови Христовой». Еще:—«Въ Успенскій цогъ я сподобился опять быть на общей исповѣди, и когда сталъ читать кавонъ батюшка, и стало наполняться народу больше и больше. Но я болѣе слѣдилъ за собой. И сталъ наполняться соборъ духомъ благодати, и вотъ пошелъ огонь по собору, дошелъ и до меня грѣшнаго: я возрадовался духомъ. Взглянулъ я на батюшку и вижу: изъ его устъ вылетаютъ мечи и разсѣкаютъ духовъ тьмы, которые

вязали въ соборѣ рабовъ и не допускали слушать слова, которыя говорилъ батюшка. Потомъ вылетаютъ голуби изъ его устъ, и почіюгъ чуть не на каждомъ изъ рабовъ и рабынь. Нападаетъ на всѣхъ страхъ». Въ этихъ многочисленныхъ разсказахъ Пономарева есть намекъ на то, что не одинъ онъ испытывалъ подобныя видѣнія, но испытывали и другіе,—и тоже изъ простонародья.

Пономаревъ отличается еще при этомъ тою чертою, что онъ не остается одинъ съ созданіями своей фантазіи, какъ большинство, но стремится сдѣлать причастниками ихъ и другихъ, заставить вѣрить своимъ измышленіямъ,—словомъ, распространять ихъ. Для этого въ немъ есть достаточная степень активности и самолюбія. Созданія своей фантазіи онъ считаетъ внушеніемъ Самого Бога. «Я мужикъ», говоритъ онъ, «не получилъ образованія, только Богъ меня училъ». «Кто не со мной, тотъ и не съ Богомъ», говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ. Первое обнаруженіе этой активности выразилось въ его сочненіяхъ, стремленіе къ составленію которыхъ у него можно было буквально назвать страстію, дальнѣйшее же обнаруженіе этого стремленія выразилось въ попыткахъ къ распространенію своихъ заблужденій и къ вѣшной организаціи своего ученія, напр., устройству монастыря для своихъ послѣдователей.

Примѣръ Пономарева въ высшей степени поучителенъ для духовенства. Надобно изучать характеръ каждаго прихожанина, слѣдить за направлениемъ и образомъ мыслей каждаго изъ нихъ, и, въ случаѣ обнаруженія какихъ-либо ненормальностей въ комъ-либо изъ нихъ, немедленно приложить особенное и тщательное попеченіе о немъ. Такія лица, какъ Пономаревъ, со стороны священника требуютъ особенно сердечнаго отношенія къ себѣ. Всякое иное отношеніе оттолкнетъ ихъ, заставитъ замкнуться въ себѣ до времени и потомъ разразится послѣдствіями, которыя будетъ уже трудно исправить.

Миссіонерское обозрѣніе сообщало въ прошломъ году о поѣздкѣ, по распоряженію Св. Синода, о. Іоанна въ Солигаличскій у., которая состоялась въ началѣ октября. Дополняемъ нынѣ это сообщеніе слѣдующими поучительными для пастырей и миссіонеровъ подробностями, какъ они переданы въ Астр. Епарх. Вѣд. Получивъ 29 сентября телеграмму о пріѣздѣ о. Іоанна, преосвященнѣйшій Виссаріонъ распорядился, чтобы епарх. миссіонеръ немедленно отправился въ с. Плещеево и предупредить о пріѣздѣ о. Іоанна какъ мѣстнаго священника, такъ и мѣстнаго благочиннаго. Но о пріѣздѣ о. Іоанна знали уже весь Солигалич. у.; такъ что, когда миссіонеръ проѣзжалъ къ Плещееву, то его въ каждой почти деревнѣ встрѣчали вопросы: «кто ѣдетъ? не отецъ ли Іоаннъ Кронштадтскій?» Со

всего уѣзда стекался народъ къ с. Плещееву, готовясь встрѣтить извѣстнаго всей Руси пастыря. Готовились ко встрѣчѣ о. Іоанна и сектанты; они навѣревались встрѣтить его торжественнымъ гимномъ и спѣвались; Пономаревъ приготовилъ къ входу о. Іоанна въ домъ его торжественную рѣчь; въ домѣ у него все вымыли, вычистили, полы устлали хохотами, а дорогу къ дому устлали ельникомъ. Они увѣрены были, что о. Іоаннъ прямо пройдетъ къ Пономареву, тѣмъ болѣе, что и самая деревня Хорошѣво. въ которой живетъ Пономаревъ, лежала на пути отца Іоанна. Послѣдовательницы же Пономарева говорили: «Вотъ каковъ нашъ Иванъ Артамонычъ! Самъ батюшка о. Іоаннъ пріѣдетъ къ нему! Какъ не любить и не хвалить нашъ Ивана Артамоныча? Если бы не ояъ, то не пріѣхалъ бы къ намъ о. Іоаннъ».

Прибывъ въ Плещеево вечеромъ 2-го октября, о. Іоаннъ въ церкви обратился къ народу съ первымъ рѣчью слѣд. содержанія:

«Братіе и сестры! Св. Синодъ послалъ меня къ вамъ. У васъ появился новый лжеучитель. Изъ указа Св. Синода, объясненій Его Преосвященства, показаній судебного слѣдователя и епархіальнаго миссіонера узналъ я, что Иванъ Артамоновъ Пономаревъ проповѣдуетъ ученіе новое, никогда не бывавшее. Его ученіе—ужаснѣйшая богохульнѣйшая ересь. Меня, обыкновеннаго, грѣшнаго человѣка, хоть и священника, онъ называетъ тринцей. Объявляю всѣмъ вамъ, что по такому ученію Иванъ Артамоновъ—злѣйшій еретикъ. Не слушайте его!.. Не имѣйте никакого общенія съ нимъ по вѣрѣ!.. Оставьте его!.. Удаляйтесь отъ него!.. Снова говорю: Иванъ Артамоновъ—ужаснѣйшій богохульникъ и находится въ духѣ самообольщенія. Кто внушилъ ему такое богохульное ученіе? Врагъ, діаволь, сатана. Ивана Артамонова ученіе—діавольское ученіе, ученіе духа зла. Не слушайте же его: онъ — ужаснѣйшій, злѣйшій еретикъ». Затѣмъ, обратившись къ самому Пономареву, о. Іоаннъ сказалъ ему: «ты еретикъ, ты проповѣдуешь новое, никогда не бывавшее, богохульственное ученіе. Ты меня, какого то Іоанна Кронштадтскаго, грѣшнаго человѣка, хоть и священника, называешь богомъ, тринцей. Кто внушилъ тебѣ такое ученіе? Сатана внушилъ его тебѣ». И обратившись къ предстоящему народу, воскликнулъ: «Слушайте, братіе! Пономареву его ученіе, которое онъ проповѣдуетъ, внушилъ сатана. духъ зла, діаволь. Никто не слушай его! Всѣ уклоняйтесь отъ него!» Пономаревъ сталъ оправдываться, ссылаться на то, что онъ ходитъ въ церковь, исповѣдывается, причащается у своего приходскаго священника и т. д. Но о. Іоаннъ отвѣтилъ ему, что все это съ его стороны одно лицемеріе и кощунство. Пономаревъ снова сталъ увѣрять, что онъ причащается въ храмѣ отъ руки о. Николая. Но отецъ Іоаннъ сказалъ ему: «хотя ты

и въ церковь ходишь и причащаешься, но если, въ тоже время, продолжаешь держаться своего лжеученія и проповѣдывать его, то принадлежность твоя къ церкви—одна видимость, одно лицемеріе. Кто далъ тебѣ право учить? Ты невежда, ты самый злѣйшій еретикъ, ты самовольно восхитилъ себѣ право учительства. Право учительства дано епископамъ, священникамъ и діаконамъ; а ты, престолецъ, самъ себѣ присвоилъ его; ты самозванецъ. Оттого ты и впалъ въ такую ересь,—не одну ересь: ты проповѣдуешь множество ересей». Пономаревъ еще что то заговорилъ, но о. Іоаннъ, сильно нервно возбужденный, больше я слушать его не сталъ. Въ время послѣдней рѣчи къ нему о. Іоанна, Пономаревъ клаялся ему въ ноги и все повторялъ: «Господи Боже, прости меня окаяннаго!» Но о. Іоаннъ ни слова не отвѣтилъ ему на то. «Теперь я сказалъ немного», объявилъ о. Іоаннъ народу, «завтра мы совершимъ божественную литургію, и послѣ нея я еще поговорю».

На слѣдующій день, 3-го октября во время совершенія о. Іоанномъ проскомидіи, Пономаревъ, находившійся среди церкви, вдругъ закричалъ: «дорогой батюшка, причасти насъ!» О. Іоаннъ ничего не отвѣтилъ ему на это и продолжалъ свое дѣло. Тогда Пономаревъ еще громче, съ великимъ воплемъ и слезами закричалъ: «причасти насъ, дорогой батюшка!.. Чѣмъ же мы теперь будемъ дѣлать, если ты не причастишь насъ?.. Ты всегда причащаешь насъ, и теперь причасти!» Словами его стали вгорить мать и другіе его послѣдовательницы. Жены же его, хотя и повинующейся ему, но ученію его не сочувствующей, въ храмъ не было. Поднялся шумъ неизобразимый. Тогда о. Іоаннъ вышелъ изъ алтаря на амвонъ и, обратившись къ Пономареву, сказалъ: «тебя причастить? злѣйшаго еретика? ужаснѣйшаго богохульника? Нѣтъ, не причащу, до тѣхъ поръ не причащу, пока не оставишь ты своей ереси и не принесешь покаянія». Въ концѣ литургіи о. Іоаннъ обратился къ предстоящему народу съ поученіемъ, которое закончилъ такъ: «Всякое новое ученіе, несогласное съ словомъ Божиимъ, того, кто содержитъ его, подвергаетъ анаемѣ. И Пономаревъ, если не броситъ своего богохульнаго ученія, если не перестанетъ противиться Церкви и пастырямъ ея, также будетъ проклятъ, отлученъ отъ Церкви и Христа и преданъ анаемѣ».

Когда о. Іоаннъ произнесъ это, Пономаревъ, со слезами на глазахъ, закричалъ на всю церковь: «все брошу, дорогой батюшка! все оставлю! все уничтожу!» О. Іоаннъ, услышавъ такое торжественное отреченіе Пономарева отъ своей ереси, воскликнулъ: «Благодарю! благодарю! Твое раскаяніе—моя радость, вѣнецъ трудовъ моихъ. Благодарю! благодарю!.. Искренно ли, не лицемерно ли ты каешься?»

— «Искренно, искренно, дорогой батюшка! отъ всей души каюсь. Чѣмъ

могу я вамъ доказать свою искренность? Выньте душу мою, и тогда увидите, что я не лгу».

О. Іоаннъ: «Если твое покаяніе искренно, то докажи это самымъ дѣломъ: сними крестъ со своего дома».

Пономаревъ: «Сниму, сегодня же сниму, дорогой батюшка! Крестъ я потому поставилъ, что мать моя на то меня благословила. Она беретъ назадъ свое благословеніе, и я сегодня же ломаю его».

Послѣ литургіи, о. Іоаннъ долго молился на колѣняхъ передъ престоломъ Божиимъ, приклонялъ къ престолу главу свою. Когда онъ всталъ отъ молитвы, то лицо его было мокро отъ слезъ, или отъ пота, или отъ того и другого вѣдѣствъ, несмотря на то, что богослуженіе совершалось въ храмѣ холодномъ, и на улицѣ былъ морозъ.

Въ полдень о. Іоаннъ выѣхалъ изъ Плещеева обратно въ Косгрому, при чемъ, по дорогѣ, заѣхалъ и въ дер. Хорошево. Пріѣхавъ сюда, о. Іоаннъ не хотѣлъ идти въ домъ Пономарева, такъ какъ крестъ на кровлѣ его еще стоялъ. Пономаревъ сказалъ, что онъ не успѣлъ снять крестъ, но что онъ дастъ «честное слово», какъ только уѣдетъ о. Іоаннъ, снять его. На это «честное» слово его о. Іоаннъ положился и вошелъ въ домъ. Войдя въ домъ, о. Іоаннъ помолился, преодолѣлъ «мрачъ и благословеніе дому сему и живущимъ въ немъ», воду освятилъ, сѣмена, иконы, комнату и предстоящій народъ покропилъ. Потомъ, обратясь къ Пономареву, о. Іоаннъ сказалъ: «вотъ, я исполнялъ желаніе твое—постѣилъ домъ твой, исполни же и ты мое желаніе и свое обѣщаніе—оставь свои ереси и заблужденія, и сломай все, самовольно построянное». Пономаревъ снова торжественно все это обѣщать ему. О. Іоаннъ благословилъ его и поцѣловалъ въ голову. Потомъ онъ подозвалъ къ себѣ жену Пономарева; но что онъ говорилъ съ нею, за шумомъ и волненіемъ народа, не пришлось услышать. О. Іоаннъ благословилъ ее и дѣтей ея, преподавъ всѣмъ общее благословеніе и вышелъ изъ дома. Пономаревъ немедленно крестъ съ своего жилища снялъ. («Паст. Собесѣдникъ»).

* *

Какъ сообщастъ Мисс. Сборникъ *), въ прошломъ году егорьевскан миссія въ первый разъ была свидѣтельницею приспособленія къ бесѣдамъ графофона, который, какъ дяковнику, «всероссійскіе» апологеты раскола для пропаганды своей жи возятъ съ собою и удивляютъ имъ темный. ничего подобнаго и никогда не видавшій народъ. Этотъ аппаратъ естъ новшество изобрѣтенія послѣдняго времени, вышелъ онъ изъ рукъ «сре-

*) 1902 № 5, стр. 411—413.

тиковъ и слугъ антихриста», но этому новшеству расколовожди не приписываютъ ничего сквернаго и истребляющаго древлее благочестіе, потому что надѣются изъ него извлечь для себя какую нибудь пользу. Его заставляютъ говорить, пѣть, читать; — раскольникъ сначала со сглаголомъ отступаетъ, когда предъ нимъ аппаратъ, въ образѣ невидимаго звѣря, начинается пѣть и говорить человѣческимъ голосомъ. Но хозяинъ аппарата, апологетъ раскола, старается успокоить напугавшагося и удивленнаго и скоро въ этомъ успѣваетъ, когда покажетъ ему этотъ инструментъ врагомъ никоніанъ, когда заставитъ графофонъ говорить хулы на православіе и православныхъ.

Графофонъ въ рукахъ хитраго раскольника служитъ средствомъ къ огражденію раскола отъ свѣта истины и помогаетъ ко лжи лезть прилагать. Предъ началомъ бесѣды, когда приготовляются и раскладываются предъ миссіонеромъ нужныя для бесѣды книги, аппаратъ устанавливается позади собесѣдующихъ; къ нему приставляется человѣкъ, управляющій имъ. Начинается бесѣда и инструментъ приводится въ дѣйствіе. Апологетъ раскола увѣряетъ потомъ своихъ единомышленниковъ, что графофонъ записываетъ и потомъ передаетъ только то, что было сказано, онъ не можетъ ни прибавить ни убавить, а потому записанная имъ бесѣда воспроизводится со всей точностію. И народъ слушаетъ и вѣритъ хитрому вождю раскола. На самомъ же дѣлѣ совсѣмъ не то. Графофонъ — тайна хитрыхъ дѣльцовъ раскола, которая начинаетъ разоблачаться. Что можетъ на самомъ дѣлѣ записать и воспроизвести графофонъ? Ни болѣе, ни менѣе, какъ только то, что происходитъ (говорится, поется и т. под.) на бесѣдѣ. Мы видѣли эти бесѣды. При «всероссійскихъ» апологетахъ раскола онѣ всѣ одинаковы: — безпорочный шумъ, крикъ, говоръ въ два — три голоса одновременно. Изрѣдка слышится призывъ къ порядку. Слова православнаго миссіонера прерываются на полмысли, слышится брань и хулы на православіе; то настанетъ тишина, то опять взрывъ шума, — въ общемъ ничего нѣтъ цѣльнаго, трудно разобратъся, что происходитъ, въ чемъ суть дѣла, о чемъ возмущается и мятется толпа. Только этотъ хаосъ и можетъ записать и воспроизвести графофонъ, а болѣе ничего; это понятно всякому. Спрашивается: какинъ же образомъ въ рукахъ апологета раскола аппаратъ воспроизводитъ эту же бесѣду, но совершенно не такъ, какъ дѣло было — безъ шума и крика, въ полномъ порядкѣ, въ ясныхъ выраженіяхъ и выкѣмъ не перебиваемыхъ словахъ бесѣдующихъ?

Вотъ какая продѣлка на самомъ дѣлѣ совершается съ этимъ несчастнымъ графофономъ, невольникомъ лжи и обмана. Послѣ бесѣды, гдѣ нибудь въ укромномъ тихомъ уголкѣ, вдали отъ посторонняго уха и глаза, защит-

никъ раскола наединѣ продѣлываетъ возмутительный подлогъ. Онъ ведетъ бесѣду (заранѣе нѣтъ составленную) самъ съ собою предъ графофономъ, поставленнымъ предъ нимъ. Спрашивая себя и отвѣчая себѣ, онъ представляетъ двухъ бесѣдующихъ, православнаго и старообрядца. Начека въ торжествуетъ, а прав. миссіонеръ въ плачевномъ и почти безотвѣтномъ состояніи; все дальнѣйшее въ бесѣдѣ идетъ въ стройномъ порядкѣ до конца. Расколъ представляется силою несокрушимую, все время продолжительной бесѣды онъ твердо стоитъ при всѣхъ нападкахъ на него прав. миссіонера и заканчивается бесѣда все тѣмъ же торжествомъ раскола, какимъ началась, а прав. миссіонеръ, не имѣя отвѣта, становится принужденнымъ молчать. Для хитраго защитника больше ничего и не нужно; графофонъ все запишетъ и все записанное воспроизведетъ съ повтореніемъ сколько угодно разъ и въ тоже время никогда и никому не скажетъ о лукавствѣ раскольниковъ, а насколько такой поступокъ отвѣчаетъ «древлему благочестію», которымъ старообрядцы хвалятся, объ этомъ обманщику дѣла нѣтъ. Вотъ и собираются довѣрчивые посмотреть и подивиться чудному изобрѣтенію вѣка сего и слушаютъ, пританывъ дыханіе, какъ графофонъ воспроизводитъ бесѣду, которую не прерывая воспринимаютъ слушатели до конца. Возражать графофону никто не станетъ: это было бы нелѣпо, его можно только слушать; его и слушаютъ и слушающіе укрѣпляютъ въ себѣ заблужденія и вражду къ Церкви. Все это такая ловушка въ рукахъ хитрыхъ апологетовъ раскола, въ которую легко и скоро попадать могутъ довѣрчивые сыны деревенскаго захолустья и разныхъ медвѣжьихъ уголковъ.

III.

Корреспонденція „Миссіонер. Обзорнія“, извѣстія и замѣтки.

„Изъ Стародубья“.

(Отъ нашего корреспондента).

(Изъ жизни мѣстнаго раскола).

Въ дополненіе къ напечатанному въ февральской книжкѣ «Миссіонер. Обзор.» 1902 г. о Черниговскомъ расколѣ, считаю нужнымъ сообщить нѣкоторыя, имѣющіяся у меня, свѣдѣнія.

Когда противники Сильвестра отписали «владыкѣ» Картушину о болѣзни нежелательнаго для нихъ же—епископа, Картушинъ прислалъ въ «Полосу» напѣстникомъ отъ себя друга и пріятеля отверженнаго Московскимъ

Духовнымъ Совѣтомъ лжеархіерея Паисія и К^о. ¹⁾), чернаго поза Израїля, проживавшаго раньше въ извѣстныхъ раскольникъ міру «Черемшанахъ», близъ Сызрани. Новый намѣстникъ сразу же возбуждалъ противъ себя населеніе «Полосы» и многихъ приверженцевъ партіи Порфирія. Неудовольствіе началось указаніемъ на то, что о. Израїль служитъ по никоніански, говоритъ «во вѣки вѣковъ», да и служба-де при немъ похожа на хохлатскую. Надо замѣтить, что Израїль, посмотрѣвшись въ Москвѣ торжественныхъ Картушинскихъ службъ, началъ вводить подобное-же и въ «Полосѣ». Цѣлую партію подростковъ понаряжали въ стихари, самъ безъ соборной мантіи ни шагу, и рясу себѣ сшилъ такую же, какъ и у православныхъ священниковъ. Когда агитація прогнвъ Израїля приняла серьезные размѣры, онъ поѣхалъ съ жалобой къ Картушану, но навѣрно и картушинская партія въ то время не понимала особеннаго воздѣйствія на «Стародубе». — Израїль пріѣхалъ смиреннымъ. Межъ-тѣмъ внутреннія неурядицы въ жизни „полосенскихъ“ насельниковъ продолжались. Дѣло въ томъ, что, какъ извѣстно уже, игуменомъ «Полосы» былъ племянникъ Сильвестра Мартиніанъ. За болѣзнію своего дяди, Мартиніанъ подобралъ всю хозяйственную и вообще распорядительную часть по монастырю въ свои руки и съ другимъ монахомъ Мирономъ началъ черпать полной рукой изъ столь еще обильныхъ подаваній «благочестивыхъ» раскольниковъ, сталъ строить себѣ новый домъ въ своемъ родномъ посадѣ. Возмущенные Мартиніаномъ насельники «Полосы» кричали, что Мартиніанъ собирается жениться. Попечители назначили отъ себя для веденія приходорасходныхъ книгъ нѣкогого В. А—ва, но тотъ чрезъ мѣсяць отказался вести дѣло, выяснивъ попечителямъ всю недобросовѣстность и наглое воровство Мартиніана и К^о. Но и у самихъ попечителей оказалось «рыльце въ пушку», а потому дѣло было замято. На всякій случай монастырскую несоразмерную кассу перенесли все-таки въ одну изъ Клиновскихъ молелецъ. Въ это время Сильвестра постигъ еще новый параличъ; а когда его окончательно приготовили къ смерти, полосенцы избрали себѣ новаго игумена Нафанаїла, выборъ котораго утвердили и попечители. Въ это же время протавная Сильвестру партія торжественно объявила, что лжеепископъ Порфирій назначенъ на епархію Черниговскую якобы временно, пока пайдется подходящій кзядцать, и что кандидаты-де и есть, да никто не хочетъ идти на Черниговскую епархію, потому что раньше она состояла изъ 7 губерній, а нынѣ осталась всего при одной. Такъ или иначе приверженцы Порфирія, подъ сурдинку неурядицъ, достигли своего. 19-го октября новый «владыка» торжественно въѣ-

¹⁾ См. «Мисс. Обзоръ» Января 1902 г. стр. 194.

халь въ «Полосу». Встрѣча, какую сдѣлали ему приверженцы его, была вся скопирована съ обычныхъ встрѣтъ православныхъ епископовъ. 22 октября, отслуживъ торжественную архіерейскую службу въ «Полосѣ», Порфирій выѣхалъ въ Клиницы, гдѣ продѣлано было его партіей то-же, что—и въ «Полосѣ». Въ Клиницахъ Порфирій сразу показалъ себя исправителемъ погрѣшностей Сильвестрова правленія: изъ грѣхъ австрійскихъ лже-поповъ, постоянно враждовавшихъ между собой, Порфирій одного — Теодора Разуваева (подписчикъ «Мисс. Обзор.») погавилъ въ «*прото-попы*» и сдѣлалъ его «*благодѣйнымъ*» Клиновскихъ моленъ. Хотя многіе желали видѣть въ семъ «новомъ чинѣ» попа Ефима Мельникова, но, въ виду его частыхъ отлучекъ и развѣздовъ, Порфирій просьбу эту отклонилъ. Итакъ, минувшій годъ далъ «Сгарѣдубью» новаго лжевладыку, который и начинаетъ организовывать внутренній духовный бытъ австрійщины. Устройство благочиній это—новость въ мірѣ раскола. Цель его — большее объединеніе и упорядоченіе отступническихъ общинъ. Смѣло и рѣшительно «австрійцы» идутъ къ намѣченной цѣли—повредить православной Церкви. Но мы твердо вѣруемъ въ евангельскій глаголъ: «всякъ садъ, его же не насади Отецъ Небесный, искоренится».

Священникъ *И. Ч—въ*.

Изъ Нижегородской губерніи.

(Отъ нашего корреспондента).

(Объ оскудѣніи «священства» у бѣглопоповцевъ).

Въ Городецкомъ раскольническомъ обществѣ за послѣднее время полное оскудѣніе «благодати бѣгствующаго мірскаго іерейства». Къ великому огорченію главныхъ вожаковъ раскола, никакъ они не могутъ сманить къ себѣ хотя-бы немудренкаго попа къ такому времени, какъ теперь,—когда въ Городцѣ много браковъ, а повѣнчать ихъ некому. Празда, въ Городцѣ есть два бѣглыхъ іеромонаха, отчаянные пьяницы: Макарь, бѣжавшій изъ Керженскаго монастыря и Виталій—изъ Высоковского монастыря. Но вѣдь это—«червяе» попы и раскольники имъ вѣнчать браки не разрѣшаютъ.

Около 15 января прошлаго года явился въ Городцѣ бѣглый попъ, Максимъ Горевъ, бѣжавшій около 10 лѣтъ тому назадъ изъ с. Домшино. Вологодской епархіи, къ городецкимъ раскольникамъ, но, слившись съ кругомъ, скоро куда-то скрылся изъ Городца. Говорятъ, что нѣкоторые городецкіе коноводы продали его московскимъ раскольникамъ; правда-ли это,—ручаться не можемъ.

По прїѣздѣ своемъ въ Городецъ, бѣглый попъ былъ осажденъ сезонной свадебной требой. Ежедневно онъ вѣнчалъ браковъ по 13 подъярьдъ,—въ Городецкой бѣглопоповщинской часовнѣ. Вѣнчались не только молодые, но и старыя, т. е. порядочно пожившіе на правахъ брачнаго союза, «конкубинатошъ». О прїѣздѣ Максима Горева раскольники не были точно осведомлены. 11 января браки обвѣнчивали старики,—читали канонъ Кресту, Апост. и Ев., поученіе; и потомъ были поздравленія съ законнымъ бракомъ; 13-го числа „свадьба“ и полная пиршальная. 15-го прїѣзжаетъ попъ Горевъ. 16-го опять вѣнчаніе (тѣхъ же браковъ) и опять поздравленіе съ законнымъ бракомъ.

Бѣдные и гордые раскольники!—не знаютъ, что дѣлають.

До извѣстнаго снисходительнаго положенія о непреслѣдованіи бѣжавшихъ въ расколъ поповъ, у меня былъ разговоръ съ однимъ попечителемъ о бѣглыхъ попахъ. Я указывалъ на заблужденіе бѣглопоповцевъ. Но нахваленный и гордый купецъ И. М. Скворцовъ и слушать не хотѣлъ,—одно говорилъ: «если бы ваша власть насъ не преслѣдовала, а дала свободу имѣть намъ священниковъ, то тогда бы къ вамъ пошли изъ вашихъ-же священниковъ самыя лучшія: вѣдь они видятъ нашу истинную вѣру, но имъ нельзя къ вамъ перейти: ихъ арестуютъ. Разговоръ былъ въ 1892 году.

Но вотъ время показало, что желательная для бѣглопоповцевъ свобода имъ ничего не дала, и надежды на познаніе истины раскольнической православными самыми лучшими пастырями и до сихъ поръ не оправдались.

К. Корень.

Изъ Вышняго-Волочка, Твер. губер.

(Отъ нашего корреспондента).

Предложеніе въ Вышневолоцкую городскую думу объ упраздненіи масляничныхъ увеселеній. Одинъ изъ нашихъ городскихъ обывателей—извѣстный ревнитель православія вошелъ въ думу съ слѣдующимъ, достойнымъ вниманія не одной только нашей думой, предложеніемъ объ ограниченіи масляничнаго разгула.

«Прилагаемый при семъ листокъ представляетъ собою извлеченіе изъ твореній св. Тихона Задонскаго, который раскрываетъ взглядъ Христовой Церкви на значеніе сырной седмицы, иначе—масляницы въ жизни православнаго христіанина. Эта недѣля, по святому ученію Церкви, есть время подготовленія христіанъ къ вступленію въ подвигъ великаго поста. По преступному же взгляду, укоренившемуся въ нашемъ *лицемѣрно-христіан-*

своихъ обществѣ, маслянница есть время шумнаго веселья, объяденія, разгула и всяческой разнузданности. Нельзя указать въ году ни одной недѣли, когда бы происходило столько нравственныхъ безобразій, сколько ихъ бываетъ въ дни маслянницы, въ тѣ дни, когда Господь чрезъ св. Церковь призываетъ насъ къ воздержанію, покаянію и молитвѣ.

Всякая власть въ христіанскомъ государствѣ призвана *все* творить въ согласіи съ задачами Церкви и заповѣдями Христа Спасителя. То государство или то общество, которыя пренебрегаютъ закономъ Христовымъ и не стремятся человѣческія отношенія устроить по завітѣ Господню, этия свидѣтельствуя о своей измѣнѣ Богу и являются богоотступниками.

Если вновь избранная Вышнезolocкая городская дума желаетъ быть вѣрной Христу Спасителю и Святой Его Церкви, она должна *между прочимъ* обратить вниманіе на тѣ несвоевременныя возмущающія совѣсти христіанина *общественныя* увеселенія, которыя происходятъ въ городѣ на маслянницѣ съ ея, думы, соизволенія. Разумію балаганы, пляски въ *общественныхъ* мѣстахъ и прочее скоморошество. Въ то время, какъ Церковь колокольнымъ благовѣсомъ призываетъ людей внимать глубоко-покаянной молитвѣ св. Ефрема Сирина, языческая музыка манитъ къ пляскѣ и будитъ чувства, ничего не имѣющія общаго съ покаяніемъ.

На основаніи этихъ краткихъ указаній, которыя я охотно развилъ бы передъ думой болѣе подробно, если бы она пожелала выслушать меня, я почтительно прошу Вышнев. гор. думу, серьезно допросивъ свою христіанскую совѣсть, подумать, какъ облагородить нравственно городъ, довѣрившій ей свои интересы (не денежныя, конечно, только) и устранить маслянничныя безобразія.

Если городское управленіе *одно* не властно сдѣлать то, къ чему его призываетъ нравственный долгъ, то оно можетъ и должно обратиться за содѣйствіемъ къ администраціи, которая обязана преслѣдовать тѣ же христіанскія цѣли.

Если городская дума раболопствуетъ передъ низменными вкусами „толпы“ и, коварно опираясь какъ на возрѣніе высшихъ правительственныхъ инстанцій, такъ и на недостойную практику другихъ русскихъ городовъ, не обратитъ должнаго вниманія на эти указанія, продиктованныя ученіемъ Церкви, то православные горожане будутъ считать себя въ правѣ видѣть въ думѣ учрежденіе языческое.

Горожанинъ.

**Высокопреосвященный Теонофоль. митрополитъ
Кіевскій.**

(Некрологъ).

22 января, волю Божію, скончался высокопреосвященный м. Кіевскій Теонофоль. Горестная вѣсть объ утратѣ мѣститаго іерарха русской Церкви поразила всѣхъ своею неожиданностью: ничто, казалось, въ состояніи здоровья архипастыря не предвѣщало такой скорой его разлуки съ здѣшнимъ міромъ. Онъ былъ въ послѣднемъ (15 января) засѣданіи св. Синода, живо и дѣятельно интересуясь всѣми текущими дѣлами, какъ Высшаго церковнаго Управленія, такъ и своего епархіальнаго; недомоганіе послѣднихъ дней признавалось легкимъ недугомъ, и вдругъ 22 января съ утра разнеслась по столицѣ печальная вѣсть, что Кіевскаго митрополита Теонофоль уже вѣтъ въ живыхъ! О, неуловимая смерть, какъ близко твое жало!

Покойный владыка съ 9-го января заболѣлъ гриппомъ, но, несмотря на недомоганіе, вопреки совѣтамъ окружающихъ и врача, 12-го января служилъ литургію у себя на подворьѣ, а 15-го былъ, какъ сказаво, въ засѣданіи въ Св. Синодѣ. 19-го января состояніе здоровья покойнаго еще не внушало опасеній: онъ, хотя былъ нѣсколько слабъ, но ходилъ и занимался дѣлами. Ночь на 20-е января владыка спалъ удовлетворительно, но потомъ болѣзнь сразу приняла очень бурный характеръ: около часа дня ознобъ, 39,2 и боль въ правомъ боку. Определено было воспаленіе правой подреберной плевры и воспалительный процессъ въ средней части праваго легкаго. Силы владыки быстро падали, въ 3 часа утра 22-го января потеря сознанія, рѣзкое ослабленіе дѣятельности сердца, а въ 9 час. 40 мин. утра владыка мирно скончался.

Покойный владыка былъ ревностнымъ поборникомъ православія, убѣжденнымъ сторонникомъ возстановленія и сохраненія священныхъ памятниковъ древности, проповѣдникомъ распространенія просвѣщенія среди паствы путемъ церковно-приходскихъ школъ и религіозно-просвѣтительныхъ учреждений, въ частной жизни — архіереемъ инокомъ.

Сообщаемъ краткія біографическія свѣдѣнія о почившемъ, заимствуя

ихъ изъ Нов. Вр. Владыка—въ мірѣ Георгій Ивановичъ Лебедевъ—родился въ 1830 году въ семьѣ священника села Замытья, Бѣжецкаго уѣзда, Тверской губ. Воспитывался въ тверской духовной семинаріи, затѣмъ въ Петербургской духовной академіи, курсъ которой кончилъ со степенью магистра богословія. По выходѣ изъ академіи принялъ монашество и около 15 лѣтъ трудился на духовно-педагогическомъ поприщѣ въ качествѣ смотрителя Кирилловскаго и Александро-Невскаго духовныхъ училищъ, архимандрита-инспектора новгородской и ректора орловской и подольской семинарій. Въ 1867 г. онъ былъ хиротонисанъ въ Кіевѣ въ санъ епископа балтскаго, викарія подольской епархіи. Съ этого года началось его продолжительное плодотворное служеніе въ епископскомъ санѣ.

Первую самостоятельную епископскую кафедру почившій владыка занялъ въ Астрахани въ 1870 г., но черезъ четыре года перешелъ на каменецъ-подольскую кафедру, гдѣ онъ явился ревностнымъ борцомъ за идеи русской народности и принялъ на себя заботу церковно-историческаго описанія края съ цѣлью показать, что Подолье было издревле православнымъ и русскимъ. По его инициативѣ возникъ церковно-историческій комитетъ подольской епархіи. Католическая пропаганда въ краѣ встрѣтила въ немъ горячаго поборника православія. Чтобы укрѣпить сомнѣвающихся въ истинной вѣрѣ, онъ призвалъ къ жизни церковныя братства и открывалъ церковно-приходскія школы для просвѣщенія народа. При немъ были возстановлены многія древнѣйшія русскія святыни. Въ 1878 г. владыка былъ переведенъ епископомъ во Владимірскую епархію и руководилъ ею въ теченіе 14 лѣтъ, причеи въ послѣднія девять лѣтъ уже въ санѣ архіепископа. Его управленіе Владимірской епархіей ознаменовалось реставраціей знаменитаго Успенскаго кафедральнаго собора, учрежденіемъ Александро-Невскаго церковнаго братства, устройствомъ въѣбогослужебныхъ собесѣдованій, богадѣльни для престарѣлыхъ духовныхъ лицъ и церковно-историческаго музея. Съ 1892 г. по 1890 г. высокопреосвященный Теоностъ былъ новгородскимъ архипастыремъ и здѣсь съ такою же энергіей трудился надъ распространеніемъ образованія и возобновленіемъ памятниковъ православной старины. При немъ былъ обновленъ Софійскій соборъ—этотъ многовѣковый свидѣтель славы Великаго Новгорода. Несмотря на кратковременное управленіе кіевской и галицкой епархіей, онъ успѣлъ улучшить церковно-школьное дѣло и особенно старался привлечь въ школы дѣвочекъ—будущихъ матерей. Умеръ владыка въ 73-мъ году.

О столь долготѣней разносторонней и многоплодной всеобщественной дѣятельности почившаго архипастыря будетъ говориться и писаться много. Нашъ долгъ вспомнить у гроба почившаго теплымъ, благодарнымъ сло-

вомъ совершенное высокопресвященнымъ іерархомъ на пользу миссіи. Во всѣхъ мѣстахъ своего архипастырскаго служенія особымъ попеченіемъ окружалъ онъ дѣла миссіи, которую искренно любилъ и лѣлѣялъ, какъ дорогое дѣтище. Имя высокопресвященнаго Теоноста, на скрижаляхъ исторіи миссіи, будетъ начертано крупными буквами, какъ архіерея—миссіонера. Какъ членъ Св. Синода, владыка Теоносъ всегда неизмѣнно принималъ самое живое участіе въ предварительномъ разсмотрѣніи дѣлъ, относящихся къ миссіонерству. Въ 1893 г. онъ состоялъ членомъ коммисіи по разсмотрѣнію постановленій 2 всероссійскаго Московскаго съѣзда, въ 1899 г. онъ же разсматривалъ дѣянія 3 всероссійскаго миссіонерскаго съѣзда въ Казани и дѣлалъ докладъ о семъ Св. Синоду. Во всѣхъ епархіяхъ, преемственно вѣдѣвшихъ его управленію, высокопресвященный Теоносъ выдвигалъ дѣло миссіи на подобающее этому высокому и важному служенію первенствующее мѣсто, давалъ должную организацію этому учрежденію и поднималъ его успѣхи. Особенно замѣчательная организація миссіонерскому дѣлу, по своей стройности, выдержанности и плодотворности, дана была владыкою во Владимирской епархіи, учрежденіемъ Александро-Невскаго братства.

Въ Новгородѣ имъ учрежденъ миссіонерскій монастырь.

Въ Кіевѣ, въ періодъ кратковременнаго своего управленія этою епархіей, почившій архипастырь былъ озабоченъ борьбою съ усиливавшеюся штундою и всецѣнно поддерживалъ духъ бодрости въ мѣстныхъ почтенныхъ дѣятеляхъ миссіи, самолично руководи и направляя ихъ дѣятельность.

Въ часть дня въ помѣщеніи покойнаго въ Кіево-Печерскомъ подворьѣ была отслужена первая панихида высокопресвященнымъ Антоніемъ, митр. петербургскимъ и ладожскимъ соборнѣ съ митр. московскимъ Владиміромъ и преосвященнымъ таврическимъ Николаемъ. На панихидѣ присутствовали преосвященные Владиміръ владыкавказскій и Іоаннъ саратовскій, оберъ-прокуроръ Св. Синода К. П. Побѣдоносцевъ, его товарищъ В. К. Саблеръ и множество другихъ лицъ.

24 января, послѣ заупокойной литургіи на Кіевскомъ подворьѣ, тѣло почившаго іерарха перенесено на вокзалъ Варшав. ж. д. для слѣдованія въ Кіевъ, гдѣ и будетъ предано землѣ.

Брежнему праху миръ, чистой, незлобивой душѣ твоей, доблестный почившій іерархъ, вѣчное блаженство въ свѣтлыхъ обителяхъ Отца Небеснаго, а твоей честной трудовой жизнедѣятельности вѣчная память.

Избраніе въ почетные члены Юрьевскаго университета гр. Л. Н. Толстого и о. Іоанна Кронштадтскаго и отказъ послѣдняго. Юрьевскій университетъ, по случаю недавно исполнившагося своего юбилея, въ числѣ многихъ знаменитѣйшихъ ученыхъ и общественныхъ дѣятелей въ Россіи и заграничѣ избралъ своими почетными членами о. Іоанна Кронштадтскаго и гр. Льва Николаевича Толстого. Какъ намъ сообщаютъ, въ засѣданіи 4 Ноября избраніе о. Іоанна прошло блестяще, а избраніе гр. Толстого вызвало серьезную оппозицію. Достойно вниманія, что уклонились отъ подачи своего голоса представители богословскаго факультета во главѣ съ магистромъ Эттингеномъ; однако при баллотировкѣ партія почитателей гр. Толстого осталась въ большинствѣ, а попечитель учебнаго округа г. Извольскій избраніе это, ничто же сумяся, утвердилъ.

Провозглашеніе на юбилейномъ актѣ имени гр. Толстого вызвало бурю рукоплескавій и овацій, поддержанную тушемъ оркестра музыки (до этого, очевидцы говорятъ, музыка бездѣйствовала); провозглашенія имени о. Іоанна, наоборотъ, на актѣ не слышали.

Одновременное избравіе глубокоувѣрующаго почетнѣйшаго и убѣжденнѣйшаго пастыря православной Церкви и отлученнаго Церковью-ся хуителя, взявъ всего міра отвергнутаго бытіе личнаго живаго Бога и божество Христа Спасителя,—просто изумило православно-русскій міръ своею безтактностью и груботенденціозностью. О. Іоаннъ, поблагодаривъ совѣтъ университета за честь избранія, въ то же время отказался отъ членства, находя для своей совѣсти и по религіознымъ убѣжденіямъ невозможнымъ быть въ одной категоріи съ хуителемъ въ Троицѣ Славимаго Бога и Его св. Церкви. Напомнимъ, что осенью прошлаго года Австрійскій кронпринцъ вычеркнулъ изъ представленнаго ему списка гр. Толстого, избраннаго въ почетные члены Пражскаго университета. Тамъ имѣлось въ виду не столько религіозное, сколько политическое ученіе гр. Толстого, крайне вредное въ государственномъ отношеніи. Юрьевскіе ученые мужи и утвердившіи избраніе представитель мѣстной власти очевидно не считались ни съ тѣмъ, ни съ другимъ зломъ ученія Толстого, или же, по русскому обычаю, желали опередить Европу съ Австрійскимъ кронпринцемъ во главѣ... Однако Юрьевскій папидентъ сколько грустный, столько же и знаменательный.

ОТКЛИКИ.

- 1) „Студенческое движеніе“ и „евангелизація міра въ текущемъ поколѣніи“.—Студенты-миссіонеры.—Не пора ли и намъ?
- 2) Крещеные язычники.

I.

„Студенческое движеніе“ и оглашеніе евангеліемъ міра, „евангелизація міра“ — можно ли установить какое нибудь соотношеніе между этими двумя—„*движеніями*“, повидимому, далеко не одного направленія.

Связь самая *непосредственнѣйшая*...

„*Студенческое движеніе*“ („The Student Movement“) — это названіе англійскаго журнала, органа религіозныхъ студенческихъ ассоціацій, а „евангелизація міра“ — девизъ этихъ религіозныхъ союзовъ, принятый на одной изъ послѣднихъ конференцій (ливерпульской) студентовъ „общниковъ“.

Недавно здѣсь, въ Петербургѣ, въ одномъ маленькомъ религіозно-просвѣтительномъ кружкѣ зашла рѣчь сначала о братствѣ, потомъ (я уже не помню, по какой ассоціаціи) о религіозномъ движеніи среди англійскаго и американскаго учащагося юношества. Я только что передъ этимъ окончилъ чтеніе моего проекта „фабрикъ счастья“ (Мисс. Обзор. кн. 1) и въ связи съ нимъ у меня мелькнула такая мысль.

Но отчего же нѣтъ у насъ.—*почему* такъ называемыя юношескія или младшія братства „изъ учащихся“, которыя когда то (въ XVI вѣкѣ) стояли рядомъ съ „великими“ братствами и не только помогали имъ, но иногда своей дѣятельностью пробуждали заснувшую дѣятельность своихъ старшихъ братьевъ.

Если думать о братствахъ „какъ фабрикахъ счастья“, организаціяхъ духовнаго, моральнаго оздоровленія, то гдѣ всего нужнѣе такія лабораторіи, созидающія христіанскую здоровую волю, *людей христіанъ*, какъ не среди будущихъ людей — молодого человѣчества въ нашихъ высшихъ и среднихъ школахъ.

Нельзя отрицать, что наше юношество *кажется* крайне безрелигіознымъ, но я утверждаю, что только *кажется*. Оно забро-

шено, оно не знаетъ—*можно ли вѣрить?* Еще Достоевскій со скорбью останавливается на фактъ этой заброшенности и одиночества нашего юношества въ религіозно-нравственномъ отношеніи. „Наша молодежь, пишетъ онъ—такъ поставлена, что рѣшительно нигдѣ не находитъ никакихъ указаній на высшій смыслъ жизни. Отъ нашихъ умныхъ людей и вообще отъ руководителей это юношество можетъ заимствовать лишь *взлядь сатирическій*, но ничего положительнаго—т. е. во что вѣрить, что уважать, обожать, къ чему стремиться“ („Днев. Пис.“ г. XI ч. II стр. 428). А что же можетъ оно одно, безъ помощи, не привыкшее жить своей мыслью, затерянное среди лабиринта теорій и мнѣній.

Но можетъ быть оно и не задается этими вопросами? Нѣтъ. Вѣры, рѣшенія вопросовъ жизни оно жаждетъ и жаждало всегда, во всѣ времена и вездѣ.

Если „*nostalgie de Dieu*“ „*les nostalgies chretiennes*“, „болѣзнь по Богѣ“, „жажда христіанства“ есть, по словамъ Бурже, общая болѣзнь (точнѣе—начало выздоровленія) нашего вѣка, то въ молодежи эта тоска по Богѣ еще живѣе и мучительнѣе. По крайней мѣрѣ $\frac{3}{4}$ русскаго студенчества ищутъ религіознаго знанія, но ошибочно считаютъ скенсисъ чѣмъ то общимъ, общепризнаннымъ и потому *боятся вѣрить?* А тотъ, кто вѣритъ, изъ семьи принесъ глубокое и искренное чувство вѣры, стоитъ растерянный на разпутіи путей, онъ чувствуетъ себя одинокимъ, онъ не знаетъ, есть ли у него единомышленники братья среди этой, какъ ему кажется сплошь сомнѣвающейся толпы и въ отчаяніи онъ „*върун*“ готовъ отброситься отъ вѣры.

Неужели же можно оставить *такъ*. Нужно спасать хотя бы эгизъ, стоящихъ около гибели. А средство для этого—религіозные *союзы юношества*.

Нужно возбудить новое „студенческое движеніе“ по образу и подобію англійскаго движенія.

Я думаю, что если бы наше юношество только знало о *религіозныхъ теченіяхъ* Запада и Новаго свѣта, то уже это поддержало бы многихъ, *ищущихъ руки, на какую опереться, союзниковъ и единомышленниковъ*. „Такъ, значить, подумалъ бы каждый изъ этихъ я не одинъ съ своей вѣрой: союзники есть, хотя тамъ, за моремъ“.

А „*такъ*“ движеніе разрослось широко и сильно. Оно тоже какъ и проектъ о. Гумилевскаго, празднуетъ 40-лѣтній юбилей въ Англіи и Америкѣ и даже 50-лѣтній въ Парижѣ, но здѣсь не-

сомнѣнно, сѣмена благія“ нашли болѣе мягкую и здоровую почву. Скромное въ 1862—63 году „движеніе“ теперь стало всемірнымъ.

Я отмѣчу главные этапы движенія.

Какъ я сказалъ, движеніе старѣе въ Парижѣ; тамъ недавно (въ этомъ году) праздновался 50-лѣтній юбилей „христіанскаго союза“. Но дѣйствительная родина „живыхъ союзовъ юношества“ Америка и Англія.

Студенческіе союзы въ Англіи зародились почти одновременно съ такими же американскими союзами, въ началѣ 60-хъ годовъ. Ближайшимъ поводомъ къ ихъ рожденію были движенія въ тогдашней англійской Епископальной Церкви. Цѣли первыхъ союзовъ были неясными и малоопредѣленными. Однако скоро намѣтилось миссіонерское направленіе союзовъ. Два студента, члены союза, посвятили себя языческой миссіи, и это обстоятельство выяснило для членовъ цѣли ихъ ассоціацій. Союзъ рѣшилъ выставить на своемъ знамени девизъ: „проповѣдь Христа незнающимъ Его и забывшимъ“.

Миссія среди язычниковъ находила для себя въ союзахъ самоотверженныхъ и дѣятельныхъ работниковъ, но дѣятели союзовъ поняли, что нелѣзно „обходить моря и земли, чтобы пріобрѣсти одного прозелита“ и въ то же время забывать о томъ, что рядомъ съ ними, даже въ средѣ студентовъ *вездѣ* многіе не вѣдаютъ Бога. Отсюда оказалось нужнымъ выдвинуть впередъ дѣло внутренней миссіи, «христіанизаціи» студенчества. Союзы поставили задачей дополнять «университеты», организуя рядомъ съ курсами права, филологіи и философіи, такъ сказать, „семинаріумъ“ для изученія „единой истинной системы жизни—христіанства“. Союзы стали дружескими кружками изученія Писанія и проповѣди Христа Бога между сомнѣвающимися коллегами.

Эти союзы рядомъ съ жизнью общестуденческой представляли что то вродѣ христіанскихъ колоній среди языческаго міра. Самымъ своимъ существованіемъ они возбуждали любопытство: индифферентные присматривались, справлялись, а это „святое любопытство“—половина спасенія. Понятно, союзы должны были расти и шириться. По инициативѣ богословскихъ коллегій, союзы ввели рядъ религіозныхъ обрядовъ, которые вначалѣ были „безуміемъ міру“, но потомъ, именно какъ смѣлый вызовъ этому міру, вызвали потѣмъ вниманія къ нимъ.

Такъ введена была (не вездѣ) „святая недѣля“ или „недѣля

молитвы“:—(въ теченіе года одна опредѣленная недѣля вся отдается Богу, для молитвы и чтенія библіи; это недѣля силовнаго богослуженія).

Такая сильная проповѣдь не могла не найти прозелитовъ. Союзы стали быстро расти и шириться.

Члены стали считаться тысячами и польза общаго дѣла созидала „союзы союзовъ“, объединила маленькіе союзы въ большіе. Въ 1893 году, на конференціи еще не объединенныхъ членовъ разныхъ христіанскихъ кружковъ, при университетахъ всей Англіи учрежденъ „между-университетскій христіанскій союзъ“. Главная задача союза, по его программѣ, выработанной на этой конференціи, расширеніе сферы христіанскаго вліянія организовавшейся арміи спасенія погибающаго юношества, увеличеніе числа кружковъ, пропаганда и организація благочестиваго, святаго времяпрепровожденія среди учащихся, содѣйствіе развитію христіанскихъ началъ въ ихъ собственной общей жизни и отношеніяхъ къ окружающимъ людямъ и т. д.

Такъ какъ къ дѣятельности университетовъ захотѣли присоединиться и другія высшія школы, то въ 1895 г. (такъ назыв. третья конференція) не стало университетскаго союза: на его мѣсто всталъ „христіанскій союзъ всѣхъ британскихъ коллегій“. Программа конференціи выражена въ такихъ тезисахъ: 1) объединеніе всѣхъ учащихся въ англійскихъ школахъ подъ знаменемъ вѣры въ І. Христа, какъ Сына Божія и единаго Спасителя міра; 2) развитіе и усовершенствованіе жизни „по Христу“ среди студентовъ Англіи. Ростъ движенія не остановился однако и на объединеніи союзовъ въ предѣлахъ страны. Въ то же время такое же объединеніе имѣетъ мѣсто за Ламаншемъ и океаномъ, и вполнѣ естественно было ожидать, что великіе національные союзы захотятъ подкрѣпить себя дружбой съ своими иноплеменными единомысленниками. Такъ и было.

Со времени ливерпульской конференціи 1896 года можно считать организовавшимся *всемирный союзъ студентовъ* всѣхъ странъ, исповѣданій, наименованій школъ. Въ союзъ приняты и учащіяся женскихъ высшихъ школъ, которыя быстро дали тысячи дѣятельныхъ и вліятельныхъ членовъ.

Общій девизъ, установленный послѣ общей, продолжительной молитвы, былъ сформулированъ въ короткой фразѣ, поставленной нами въ началѣ статьи: „евангелизація міра въ текущемъ поколѣніи“.

„Студенческое движеніе“ выросло въ *міровое*, и на помощь журналу „The Student movement“ появилось еще нѣсколько изданій, поставившихъ своимъ эниграфомъ—„да будетъ свѣтъ“.

Время, выяснивъ членамъ союза ихъ задачи, указало и новыя частности устройства союзовъ.

Интересны и поучительны вакаціонныя сѣзды членовъ союзовъ. Образцомъ ихъ могутъ считаться сѣзды американскихъ студентовъ въ Нордфильдѣ, устроенные нѣкимъ Мистеромъ Моді „По окончаніи учебнаго года, въ началѣ большихъ вакацій, пишетъ Э. Лискеръ, молодые люди сѣзжаются сюда, чтобы подъ руководствомъ компетентныхъ людей изучать Библію, вмѣстѣ молиться и укрѣпить себя въ христіанской жизнѣдѣтельности“. „Моді встрѣчаетъ ихъ и размѣщаетъ въ зданіяхъ здѣшней свободной на лѣто школы. Каждая коллегія тотчасъ водружаетъ на томъ помѣщеніи, которое ей отведено, свои цвѣта и свои значки. Вотъ знаменитый Гарвардскій университетъ, гордый своимъ двухсотъ-пятидесятилѣтнимъ существованіемъ; дальше—его важный соперникъ, Іалъскій университетъ; вотъ Пенсильванскій университетъ,—его значекъ немного тенденціозенъ; тамъ Корнельскій, Колумбійскій, Бостонскій университеты и Канадскія школы; ихъ широкіе флаги замѣтно выдѣляются своими яркими и разнообразными цвѣтами на сѣромъ фонѣ камня. Представители другихъ школъ, за неимѣніемъ мѣста или изъ экономіи, живутъ въ палаткахъ: длинныя ряды бѣлыхъ палатокъ рѣзко выдѣляются на зелени муравы и напоминаютъ собой солдатскій лагерь. Живописное зрѣлище!

Общій ходъ занятій имѣлъ такой характеръ.

Утро, отъ восьми до одиннадцати часовъ, назначается для занятій по спеціальнымъ вопросамъ, какъ-то: какими средствами нужно пользоваться, чтобы поддерживать и развивать религіозную жизнь каждой коллегіи, въ первое время по ея открытіи; какъ нужно изучать Библію и какъ стать „работникомъ христіанства“; какъ свидѣтельствовать объ Иисусѣ Христѣ передъ человекомъ не вѣрующимъ и т. д. Остальное время проходитъ въ молитвѣ, изученіи Библии, бесѣдахъ, развлеченіяхъ на воздухѣ, прогулкахъ и т. д.

Въ Нордфильдѣ ѣдутъ, какъ въ церковную школу; тамъ нѣтъ мѣста ни критикѣ, ни зрителю, но только христіанину, ищущему, по возможности, приблизиться къ своему Спасителю, получить Его наставленія. Если Нордфильдскія засѣданія оставляютъ

въ членахъ неизгладимыя слѣды, то потому, что всѣ, кто принимаютъ въ нихъ участіе, суть одно по мысли и по чувству.

Каждый, какъ бы онъ не отличался отъ другого по характеру, по складу ума, національности, каждый приноситъ сюда съ собой жажду освященія и истиннаго общенія съ Богомъ. Благодаря святому вдохновенію говорящихъ и слушающихъ, благодаря единству и общности ихъ мыслей и чувствъ, каждый годъ триста пятьдесятъ молодыхъ людей имѣютъ возможность уносить отсюда съ собой свѣтлыя и неизгладимыя воспоминанія, — воспоминанія, которыя оставляютъ глубокий слѣдъ не только въ ихъ жизни, но будутъ сіять и вокругъ нихъ, въ ихъ коллегіяхъ или университетахъ“. (Э. Лискеръ. „Углубленіе религіозной жизни въ Америкѣ“). Да и въ университетахъ ли только? Нѣтъ. Разумная организація союза, сдѣлала изъ нихъ нѣчто больше, чѣмъ учрежденіе для религіозно-нравственнаго развитія молодежи.

Теперь союзъ — одна изъ крупнѣйшихъ силъ дѣйствительной христіанизаціи міра. Для насъ не имѣетъ большого значенія внѣшнее — миссіонерская дѣятельность членовъ союза, но ихъ пропаганда христіанскихъ началъ въ своей средѣ, среди не знающихъ Христа подданныхъ общества и *не признающей Ею* интеллигенціи, способна вызвать чувство, я думаю, прости-тельной зависти. Если Христа еще не забыли *тамъ*, то много сдѣлали союзы для того, чтобы не дать о Немъ забыть.

А мы? Среди членовъ христіанскихъ союзовъ есть и японцы, и индійцы, и англичане и нѣмцы. Нѣтъ *русскихъ*. Можетъ быть для насъ и нѣтъ нужды вступать въ общій союзъ мірового студенчества, такъ какъ намъ незачѣмъ задаваться внѣшне-миссіонерскими цѣлями, но почему нѣтъ внутреннихъ, *только русскихъ* союзовъ „во имя Христова“. Неужели у насъ и не будетъ этого движенія? Вѣрно, что будетъ. Нужно только соединить въ кружокъ разсѣянныхъ теперь „вѣрующихъ“, вѣрующихъ безъ боязни насмѣшекъ, обвиненія въ ханжествѣ и т. п. Эти немногіе и будутъ, какъ приходское братство, „ядромъ“ будущаго Всероссійскаго религіознаго Союза учащихся.

У насъ здѣсь, въ Петербургѣ есть „Маякъ“, — не союзъ, а собраніе молодыхъ людей, ищущихъ нравственнаго просвѣщенія. Эти маяки должно зажечь въ каждой высшей школѣ, а всѣ они вмѣстѣ загорятся огромнымъ огнемъ, яркимъ и свѣтлымъ, освѣщающимъ и согревающимъ душу. Они принесутъ спасенье, здоровье, счастье.

„Интеллигентная душа „сегодняшняго дня“, пишетъ извѣстный Фурньеръ, устала созерцать пустоту *мира du néant brutal de la science* и ищетъ Бога. Душа „завтрашняго дня“ („*L'ame de demain*“— въ романѣ съ такимъ названіемъ), должна „вопреки возрастать, найти Бога, *увтровать*“. Но полагаю, что этой *возрождающейся души* слѣдуетъ помочь въ этомъ процессѣ возрожденія, а помочь можно лучше всего освѣтивъ дорогу свѣтлымъ „Маякомъ“, въ видѣ перваго русскаго студенческаго религіознаго союза, который откроетъ *новое студенческое движеніе*.

II.

По поводу проекта „студенческихъ союзовъ“, хочу сказать два слова на еще болѣе большую тему.

Одна изъ первыхъ обязанностей христіанина, первое дѣло духовной личности—„содѣйствовать спасенію ближняго, просвѣщенію его духомъ Христовымъ“.

Интересно, въ какой мѣрѣ христіане исполняютъ эту высшую изъ заповѣдей!

Вотъ, полагаю, яркая, характерная справка. Какъ вы думаете, есть на Руси язычники? Если вы обладаете нѣкоторыми свѣдѣніями по этнографіи Россіи, вы знаете, что язычники есть, ихъ тысячи, не только въ Сибири, но и около университетской Казани. Вы вспомните о мультанскомъ дѣлѣ и т. п. Но все ли это? Нѣтъ, язычниковъ болѣе, чѣмъ вы думаете и они не только среди черемизъ и тунгузовъ. Они рядомъ съ вами.

Слѣдователь допрашиваетъ преступника 18 лѣтъ, убійцу (*въ Петербургѣ*). „Заповѣдь забылъ“!

— Какую заповѣдь?

— „Не убій“.

— Мы этому не учены?..

— Какъ не учены? У попа бывалъ на причастіи, говѣлъ?

— Нѣтъ не бывалъ!

— Какъ не бывалъ?

— Я сирота: въ пастухахъ былъ.

— Ну хорошо, а въ церковь ходилъ?

— Нѣтъ, не ходилъ, у насъ въ деревнѣ церкви нѣтъ.

— А молитвы знаешь? „Отче нашъ“ знаешь?

— Нѣтъ, не знаю...

— Ну, а Евангеліе слышалъ?

— Какое Евангеліе?

— Ну, священное Писаніе?..

— Не знаю.

— Ну, постой, ты о Христѣ слышалъ?

— Слышалъ...

— Что же слышалъ?

— Слышалъ, что Христось... вотъ о Пасхѣ христосуются...

— Ну, что же ты знаешь о Христѣ? Кто Онъ былъ?

— Не знаю...

— И ты не врешь?

— Нѣтъ, я правду говорю... Зачѣмъ мнѣ врать, вѣдь я повинился?

Я, рассказывая слѣдователь, замолчалъ, чувствуя, что онъ говоритъ правду.

— Но вѣдь ты христіанинъ, Ѳедотовъ?

— Да, крестьянинъ.

— Нѣтъ, я не про то: ты христіанинъ, въ Христову вѣру крещенъ?

Онъ молчалъ, очевидно стараясь понять.

— Ты вѣдь крещенъ?..

— Крещеный.

— И крестъ носишь.

— Носилъ, теперь нѣту, потерялъ.

— Ты о страшномъ судѣ слышалъ?

— Нѣтъ, не слыхалъ.

(„Соврем. лѣтопись“ № 37. 1902. переп. изъ Москов. Вѣд.).

Кровь бросается въ голову. Стыдно. Слышали ли и мы, если не о страшномъ судѣ, то о Христѣ. А тутъ еще лицемѣрно кричать противъ „школокъ грамоты“, которыя, дескать, оставляютъ невѣждами.

И развѣ Ѳедотовъ одинъ? Слѣбемъ ли мы сказать, что онъ исключеніе или исключеніе рѣдкое. Нѣтъ, этихъ „крещеныхъ язычниковъ“ много, они вовсе не единицы, даже не десятки и сотни. По отчетамъ Рукавишниковскаго пріюта „многіе изъ поступающихъ туда дѣтей ничего не слышали о Христѣ, не знаютъ, есть ли Богъ, не были ни разу у богослуженія“.

А религіозная „тьма“, въ какой живутъ Чеховскіе мужики?

Автору этихъ строкъ приходилось встрѣчать двухъ городскихъ швеекъ съ печатью культуры въ костюмѣ и, пожалуй, на лицѣ, которыя знаютъ о Христѣ *столько же, сколько Феофанъ*, въ иконѣ видятъ то же, что мультатскій язычникъ въ своемъ „богѣ“. Онѣ не были у исповѣди, ни разу не были въ церкви на Страстной и Пасхѣ: много работы.

Кто виновать? Не повинно ли тутъ общее религіозное равнодушіе интеллигенціи, которая (трудно спорить противъ очевидности), вовсе не считаетъ важнымъ религіозное просвѣщеніе „низовъ“, не поддерживаетъ Церковь, а часто идетъ противъ просвѣтительной работы Церкви, высмѣивая ея посильные труды надъ просвѣщеніемъ народа.

Не повинно ли тутъ то лицемерное попеченіе о просвѣщеніи народа, которое съ такимъ торжествомъ безстыднаго невѣжества заявляло недавно и постоянно повторяетъ въ нѣкоторыхъ своихъ *органахъ*, что лучше никакой школы, чѣмъ убогая церковная школа „въ сторожѣхъ, съ псалтирю и безъ глобуса“. (Кстати,—какое интересное сочетаніе!).

Всетаки вѣдь *псалтирь* рядомъ съ *Евангеліемъ*, хотя, можетъ быть, и далеко отъ глобуса.

Іером. Михаилъ

Хроника

I.

17. Изъ жизни инославія и изъ міра заграничнаго сектанства.—
Секты въ Америкѣ. — Еще о сектѣ «Христіанская наука». —
Секты въ Марокко.—Англійская газета—о жертвоприношеніяхъ
у казанскихъ чувашъ. Софья В-кая 241—246

II.

18. Миссіонерство, секты и расколъ.—Невѣжественные обожатели
о. Іоанна Кронштадскаго и его миссіонерская проповѣдь въ
Костромской епархіи.—Пропаганда раскола при посредствѣ граффона 247—255

III.

Корреспонденція «Миссіонерскаго Обзорѣнія», извѣстія и замѣтки.

19. Изъ Стародубья. О черниговскомъ расколѣ. Свящ. І. Ч-въ.—
Изъ Нижегородской губерніи. Объ оскудѣніи „священства“
у бѣглопоповцевъ. К. Коренинъ. — Изъ Вышняго Волочка.
Предложеніе въ гор. Думу объ упраздненіи масляничныхъ удо-
вольствій.—† Высокопреосв. Теофиги, митрополитъ Кіевск.
Некрологъ.—Избраніе въ почетные члены Юрьевскаго универси-
тета гр. Л. Н. Толстого и о. Іоанна Кронштадскаго и отказъ
послѣдняго 256—262
20. Отилики. 1) «Студенческое движеніе» и «евангелизація міра
въ текущемъ поколѣніи».—Студенты-миссіонеры.—Не пора ли
и намъ.—2) «Крещенные язычники». Іером. Мисаилъ 264—272

Особое приложеніе.

21. Великороссійское и малороссійское богословіе XVI и XVII
вѣковъ. Общій характеръ богословія—московскаго и кіевскаго.—
Богословы московскіе: общія свѣдѣнія о нихъ.—Церковность
древнерусскаго богословствованія.—Источникъ разумѣнія бого-
откровенныхъ истинъ—созерцаніе.—Святоотеческія системы
христіанскаго ученія.—Іером. Тарасій 1 — 16
- Редакторъ-издатель В. М. Скворцовъ.

При этой книжкѣ журнала разсылается брошюра «Кто за хлыста, тотъ
противъ Христа».

Подписка на «Миссіонерское Обзорѣніе» сего 1903 г. и требованія на
журналъ премныхъ лѣтъ принимаются.

Адресъ редакціи — Невскій, 153.

Содержаніе первой февральской книжки

журнала «Миссіонерское Обозрѣніе» за 1903 годъ.

1. Дѣяніе Святѣйшаго Синода 29 Января 1903 г. 273—278
2. Расколъ и сентанство по послѣднему Всеподданнѣйшему отчету Оберъ-Прокурора Св. Синода.—Молоканство.—Хлыстовщина.—Мормонство.—„Десное Братство“.—Секта Ивана Чурикова 279—284
3. Трагизмъ толстовства и миръ Евангелія Свящ. *Д. Силинъ*. 285—299
4. Пугала русскаго раскола.—Вѣра «огцовъ».—Судъ надъ самоядцемъ.—«Дружба п. Никона съ сатаной».—«Образъ двухъ церквей».—«Спижонъ и Аріѳъ».—«Обличители Никоніанства». *Н. Гринякинъ*. 300—314
5. Итоги полемики по поводу проповѣдничества священника Г. Петрова и историческая справка. *Е. Воронецъ*. 315—331
6. Недобрая приспособляемость. *Н. Гринякинъ*. 331—333

Изъ записокъ и дневниковъ.

7. Миссіонерскіе очерки. V. На бесѣдѣ съ штундистами. Харьк. епарх. мисс. *Д. Боголюбовъ*. 334—339
8. Откровенное слово свѣтскаго чловѣка по поводу посланія Антонія, епископа Волын. *Ив. Золотухинъ*. 339—347
9. Какъ старообрядцы добываютъ себѣ поповъ. *Θ. С. Шмаковъ*. 348—354

Изъ миссіонерской полемики.

10. Бесѣда со старообрядцемъ о свободѣ вѣроисповѣданія. Калужск. епарх. мисс. *М. Дударевъ*. 355—370

Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги по вопросамъ вѣры и миссіи Церкви.

11. Свѣтскіе журналы.—«Журналъ для всѣхъ». «Вѣстн. Евр. 1902 г. W 371—375
12. Проф. д-ръ Шилтовъ. Этика и религія въ средѣ нашей учащейся молодежи.—Листки Московской Синодальной типографіи.—Бесѣда о святыхъ иконахъ. Свящ. *Петръ Злотыковъ*. *П. Козицкій*. 375—381

Дѣяніе Святѣйшаго Синода

29 января 1903 года.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, во 2-й день января 1833 года, въ Саровской пустынѣ мирно отошелъ ко Господу блаженный старецъ іеромонахъ Серафимъ. Своею высокою истинно-христіанскою подвижническою жизнію онъ еще у современниковъ своихъ стяжалъ общую къ себѣ любовь и вѣру въ дѣйственную силу предъ Богомъ его святыхъ молитвъ, а послѣ его блаженной кончины память о немъ, утверждаемая все новыми и новыми знаменіями милости Божіей, являемыми по вѣрѣ въ его молитвенное предстательство предъ Богомъ за притекающихъ къ нему, широко распространяется въ православномъ русскомъ народѣ и съ глубокимъ благоговѣніемъ имъ чтится. Вся жизнь его представляетъ высоко поучительные образцы истинно-христіанскаго подвижничества, пламенной вѣры въ Бога и самоотверженной любви къ ближнимъ. Еще юношею онъ оставляетъ родительскій домъ въ г. Курскѣ и, никому невѣдомый, приходитъ въ Саровскую обитель. Здѣсь онъ начинаетъ жизнь свою съ первыхъ степеней послушанія и смиренно проходитъ ихъ, отъ всѣхъ приоб-рѣтая любовь къ себѣ и уваженіе за свою кротость и смиреніе. Восемь лѣтъ проходитъ предварительный искусъ въ готовности его вступить на путь иноческой жизни и, 13 августа 1786 года, принимаетъ иноческое постриженіе съ именемъ Серафима, а черезъ два мѣсяца поставляется въ санъ іеродіакона. Ограждаемый смиреніемъ, отецъ Серафимъ восходитъ отъ силы въ силу въ духовной жизни. Какъ іеродіаконъ, онъ всѣ дни, съ утра до вечера, проводилъ въ монастырѣ, совершая службы, исполняя монастырскія правила и послушанія, а вечеромъ удалялся въ пустынную келлію, проводя тамъ ночное время въ молитвѣ и рано утромъ опять являясь въ монастырь для исполненія своихъ обязанностей. 2 сентября 1793 года

онъ рукополагается въ санъ іеромонаха и съ вѣнчаніемъ ревностію и усугубленною любовію продолжаетъ подвизаться въ духовной жизни. Его болѣе не удовлетворяетъ, самъ по себѣ для другихъ тяжкій, трудъ иноческой жизни: молитвы, постъ, послушаніе, нестяжательность. Въ немъ раскрывается жажда высшихъ и высшихъ подвиговъ. Онъ покидаетъ монастырское общежитіе и удаляется для подвиговъ въ одинокую пустынную келлію въ глухомъ сосновомъ Саровскомъ лѣсу; пятнадцать лѣтъ проводитъ здѣсь въ совершенномъ уединеніи, соблюдая строгій постъ и непрестанно упражняясь въ молитвѣ, чтеніи слова Божія и тѣлесныхъ трудахъ. Подражая древнимъ святымъ столпникамъ, онъ, подкрѣпляемый и утѣшаемый благодатною помощію, 1000 дней и ночей проводитъ, стоя на камнѣ, съ воздѣтыми къ небу руками, повторяя молитву: «Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному». Окончивъ отшельническую жизнь, онъ снова приходитъ въ Саровскую обитель и здѣсь, какъ бы въ гробъ, заключается въ затворъ на 15 лѣтъ, при чемъ на первые 5 лѣтъ налагаетъ на себя обѣтъ молчанія. Весь осіянный благодатію Святаго Духа чрезъ непрестанное молитвенное возношеніе ума и сердца къ Богу, онъ неоднократно удостоивался видѣній изъ горняго міра. Созрѣвшій въ духовной жизни, онъ, уже старецъ, всего себя посвящаетъ на дѣятельное служеніе ближнимъ. И богатые и бѣдные, и знатные и простые ежедневно тысячами стекались къ его келліи и, падая ницъ предъ согбеннымъ старцемъ, открывали тайны своей совѣсти, повѣряли свои скорби и нужды и принимали съ искреннею любовію и благодарностью каждое его слово. Всѣхъ онъ встрѣчалъ съ любовію и радостію, называя при этомъ: «батюшка мой, матушка моя, радость моя». Всѣхъ благословлялъ, поучалъ, назидалъ; многихъ исповѣдывалъ; больныхъ исцѣлялъ; многимъ давалъ лобызать висѣвшее у него на груди мѣдное распятіе,—его материнское благословеніе, или святую икону, стоявшую у него на столѣ, инымъ давалъ въ благословеніе антидору или святой воды, или сухариковъ, другимъ начертывалъ на челѣ знаменіе креста слезомъ изъ лампады, нѣкоторыхъ обнималъ и лобызалъ съ привѣтствіемъ: «Христосъ воскрес». Духовная радость проникала старца на столько, что его никогда не видали печальнымъ или унывающимъ, и это радостное настроеніе духа онъ старался передавать и другимъ. Изъ добродѣтелей христіанскихъ его

болѣ всего украшали кротость и незлобіе, крайнее смиреніе и нестяжательность. Совершивъ свое земное поприще, чистый душою, смиренный и любвеобильный старецъ тихо и мирно почилъ о Господѣ, стоя на колѣняхъ предъ иконою Божіей Матери Умиленія, съ пошкшею главою и руками, приложенными къ персямъ. Послѣ его блаженнаго въ Господѣ успенія, память о его высокоомъ подвижническомъ житіи не только не ослабѣваетъ, но постоянно все болѣе и болѣе возрастаетъ и утверждается среди православнаго народа русскаго во всѣхъ его сословіяхъ. Православный народъ въ глубинѣ сердца чтитъ блаженнаго старца истиннымъ угодникомъ Божиимъ и вѣруеть, что и по отшествіи своемъ изъ сего міра онъ не оставляетъ своимъ предстательствомъ предъ Господомъ всѣхъ притекающихъ къ нему. И Господь Богъ, дивный и славный во святыхъ Своихъ, благоволилъ явить молитвеннымъ предстательствомъ отца Серафима многія чудесныя знаменія и исцѣленія. Вполнѣ раздѣляя вѣру народную въ святость приснопамятнаго старца Серафима, Святѣйшій Сѹнодъ неоднократно признавалъ необходимымъ приступить къ должнымъ распоряженіямъ о прославленіи праведнаго старца.

Въ 1895 году преосвященнымъ Тамбовскимъ было представлено въ Святѣйшій Сѹнодъ произведенное особою комиссіею разслѣдованіе о чудесныхъ знаменіяхъ и исцѣленіяхъ, явленныхъ по молитвамъ отца Серафима съ вѣрою просившимъ его помощи. Разслѣдованіе это, начатое комиссіею 3 февраля 1892 года, окончено было въ августѣ 1894 года и производилось въ 28 епархіяхъ Европейской Россіи и Сибири. Всѣхъ случаевъ благодатной помощи по молитвамъ старца Серафима было обслѣдовано комиссіею 94, при чемъ большая часть ихъ была достаточно удостовѣрена надлежащими свидѣтельскими показаніями. Но указанное число случаевъ благодатной помощи по молитвамъ старца являлось далеко не соотвѣтствующимъ ихъ дѣйствительному числу: въ архивѣ Саровской обители, по свидѣтельству названной комиссіи, сохраняются сотни писемъ отъ разныхъ лицъ съ заявленіями о полученныхъ ими благодѣяніяхъ чрезъ молитвенное обращеніе къ старцу Серафиму. Такъ какъ эти заявленія оставались не только не обслѣдованными, но и нигдѣ не записанными, то Святѣйшій Сѹнодъ поручилъ преосвященному Тамбовскому предписать настоятелю Саровской пустыни собрать и записать свѣдѣнія

о наиболѣе замѣчательныхъ случаяхъ благодатной помощи по молитвамъ старца, не бывшихъ доселѣ записанными, и на будущее время тщательно вести запись всѣхъ могущихъ быть новыхъ чудесныхъ знаменій по молитвамъ отца Серафима. Послѣ сего преосвященнымъ Тамбовскимъ дважды, въ началѣ и концѣ 1897 года, представлялись въ Святѣйшій Синодъ собранія копій письменныхъ заявленій разныхъ лицъ о чудесныхъ знаменіяхъ и исцѣленіяхъ, совершившихся по молитвамъ отца Серафима. Не находя еще тогда благовременнымъ приступать къ окончательному сужденію о прославленіи Саровскаго подвижника, по поводу упомянутыхъ представлений преосвященнаго Тамбовскаго, Святѣйшій Синодъ дважды подтверждалъ настоятелю Саровской пустыни продолжать вести запись могущихъ быть новыхъ чудесныхъ знаменій по молитвамъ старца. Въ минувшемъ 1902 году, 19 іюля, въ день рожденія старца Серафима, Его Императорскому Величеству благоугодно было воспомануть и молитвенные подвиги почившаго и всенародное къ памяти его усердіе, и выразить желаніе, дабы доведено было до конца начатое уже въ Святѣйшемъ Синодѣ дѣло о прославленіи благоговѣйнаго старца.

Святѣйшій Синодъ, рассмотрѣвъ во всей подробности и со всевозможнымъ тщаніемъ обстоятельства сего важнаго дѣла, нашелъ, что многочисленные случаи благодатной помощи по молитвамъ старца Серафима, обследованные надлежащимъ образомъ, не представляютъ никакого сомнѣнія въ своей достовѣрности и по свойству ихъ принадлежать къ событіямъ, являющимъ чудодѣйственную силу Божію, ходатайствомъ и заступленіемъ о. Серафима изливаемой на тѣхъ, кои съ вѣрою и молитвою прибѣгаютъ въ своихъ душевныхъ и тѣлесныхъ недугахъ къ его благодатному предстательству. Въмѣстѣ съ симъ Синодъ, желая, чтобы и всечестные останки припомятаго старца Серафима были предметомъ благоговѣйнаго чествованія отъ всѣхъ притекающихъ къ его молитвенному предстательству, поручилъ преосвященному митрополиту Московскому произвести ихъ освидѣтельствованіе. 11-го января сего года митрополитъ Московскій Владиміръ и епископы Тамбовскій Дмитрій и Нижегородскій Назарій, присоединивъ къ себѣ Суздальскаго архимандрита Серафима и прокурора Московской Синодальной Конторы князя Ширинскаго-Шихматова и еще четырехъ духовныхъ лицъ, произвели подробное

освидѣтельствованіе гроба и самыхъ останковъ отца Серафима, о чемъ и составленъ ими особый актъ за собственноручною всѣхъ подписью. Посему Святѣйшій С҃нодъ, въ полномъ убѣжденіи въ истинности и достовѣрности чудесъ, по молитвамъ старца Серафима совершающихся, воздавъ хвалу дивному во святыхъ Своихъ Господу Богу, присно благодѣющему твердой въ праотеческомъ православіи Россійской Державѣ, и нынѣ, во дни благословеннаго царствованія Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Александровича, какъ древле, благоволившему явить прославленіемъ сего благочестія подвижника новое и великое знаменіе своихъ благодѣній къ православному народу русскому, подносилъ Его Императорскому Величеству всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ изложилъ слѣдующее свое рѣшеніе: 1) благоговѣйнаго старца Серафима, почивающаго въ Саровской пустыни, признать въ ликѣ святыхъ, благодатію Божіею прославленныхъ, а всечестныя останки его — святыми мощами и положить оныя въ особо уготованную усердіемъ Его Императорскаго Величества гробницу для поклоненія и чествованія отъ притекающихъ къ нему съ молитвою, 2) службу преподобному отцу Серафиму составить особую, а до времени составленія таковой, послѣ дня прославленія памяти его, отправлять ему службу общую преподобнымъ, память же его праздновать какъ въ день преставленія его, 2 января, такъ и въ день открытія святыхъ его мощей, и 3) объявить о семъ во всенародное извѣстіе отъ Святѣйшаго С҃нода.

При докладѣ семъ представлены были на Монаршее усмотрѣніе подлинный актъ освидѣтельствованія всечестныхъ останковъ отца Серафима и краткое описаніе случаевъ чудотѣйственной помощи его прибѣгавшимъ къ его заступленію. На всеподданнѣйшемъ докладѣ о семъ Святѣйшаго С҃нода, Государь Императоръ, въ 26-й день января сего года, соизволилъ собственноручно начертать: «Прочелъ съ чувствомъ искренней радости и глубокаго умиленія».

Выслушавъ сіи Всемилоствѣйшія слова, Святѣйшій С҃нодъ, по опредѣленію, отъ 29 января 1903 года, постановилъ поручить преосвященному Антонію, митрополиту С.-Петербургскому и Ладожскому, совмѣстно съ преосвященными Тамбовскимъ и Нижегородскимъ, со-

веринить, въ 19-й день іюля текущаго года, торжественное открытіе мощей преподобнаго отца Серафима, Саровскаго чудотворца.

Святѣйшій Синодъ возвѣщаетъ о семъ благочестивымъ сынамъ православной Церкви, да купно съ нимъ воздадутъ славу и благодареніе Господу тако изволившему, и да примутъ сіе явленіе новаго заступника и чудотворца, яко новое небесное благословеніе на царствованіе Августѣйшаго Монарха нашего, подъемяющаго неусыпные труды ко благу православнаго народа русскаго и своею Царскою любовію и попеченіемъ объемлющаго всѣхъ своихъ вѣрноподанныхъ всякаго званія и состоянія.

Въ виду ожидаемаго ко дню прославленія и открытія святыхъ мощей преподобнаго отца Серафима, Саровскаго чудотворца, стеченія большого количества посѣтителей и богомольцевъ, признано необходимымъ принять мѣры къ надлежащему устройству путей сообщенія и потребныхъ помѣщеній. Вслѣдствіе сего, независимо отъ мѣръ, принимаемыхъ въ общемъ порядкѣ мѣстнаго управленія, Его Императорскому Величеству благоугодно было: поручить архимандриту Суздальскаго монастыря Серафиму и прокурору Московской Синодальной Конторы князю Ширинскому-Шихматову принять завѣдываніе всѣми подготовительными мѣрами для устройства и приведенія къ благополучному окончанію многосложныхъ дѣлъ, связанныхъ съ предстоящимъ торжествомъ прославленія преподобнаго отца Серафима.

Расколъ и сектанство по послѣднему Всеподданнѣйшему отчету Оберъ-Прокурора Св. Синода *).

Молоканство, переживши пору сильныхъ возбужденій, раздѣлившись на множество мелкихъ согласій, въ чистомъ видѣ уже почти не существуетъ въ настоящее время, существуютъ лишь его толки. Но и въ послѣднихъ, въ 1899 году замѣчалось ослабленіе прежняго фанатизма и нетерпимости по отношенію къ православной Церкви. Такъ послѣдователи наиболѣе виднаго изъ молоканскихъ толковъ Уклеинскаго, по свидѣтельству преосвященнаго Таврическаго, оставили свою гордую отчужденность отъ всего православнаго и очень нерѣдко стали посылать своихъ дѣтей въ школы и позволять имъ слушать уроки Закона Божія отъ православныхъ священниковъ. По замѣчанію преосвященнаго Саратовскаго, молокане-уклеинцы его епархіи и предъ миссіонерами начинаютъ понемногу оставлять свою прежнюю заносчивость и кичливость. На бесѣды съ ними представители молоканъ стараются уже не выступать, а приглашенные отказываются отъ возраженій. Принуждаемые же своими собратіями къ отвѣтамъ миссіонерамъ представители молоканъ стараются не столько разъяснять, сколько запутывать поставленные вопросы побочными вопросами и рѣчами.

Этою неустойчивостью молоканства объясняется и тотъ успѣхъ, какой въ послѣднее время имѣетъ штунда въ этой сектѣ. Во всѣхъ центрахъ молоканства, особенно же на Кавказѣ и въ Таврической губерніи, штундистская пронаганда произвела сильное броженіе въ молоканской средѣ. Вездѣ произошли болѣе или менѣе численныя уклоненія молоканъ въ штунду, успѣвшую образовать въ средѣ молоканства свои самостоятельныя религіозныя общины. Послѣднія, постоянно увеличиваясь въ своемъ числѣ и вліяніи, нынѣ настолько давятъ и поглощаютъ молоканство, что оно оказывается безсильнымъ въ борьбѣ со штундою и какъ-бы отживающимъ свое существованіе.

*) См. „Мисс. Обзор.“ Янв. № 2. 1903 г.

Въ такомъ именно положеніи находилось молоканство въ 1899 году особенно въ Бердянскомъ уѣздѣ, Таврической губерніи, гдѣ проживаетъ до десяти тысячъ молоканъ, поселившихся здѣсь еще въ началѣ прошедшаго столѣтія. Пропаганда штундизма велась здѣсь съ такою настойчивостью и успѣхомъ, что представители молоканъ оказались вынужденными обратиться къ посредству іерархіи православной Церкви и просить преосвященнаго Таврическаго защитить старое молоканство отъ назойливаго вторженія въ ихъ семью проповѣдниковъ штунды, противостоять которымъ они долѣе не въ состояніи.

И хотя по существу ученія староуклеинское молоканство гораздо больше удалилось отъ буквы и духа Евангельскаго ученія, чѣмъ штунда, но по чувству народности, по социальнo-политическимъ воззрѣніямъ и отношеніямъ къ господствующей Церкви и православному населенію старое молоканство несравненно менѣе вредная секта, чѣмъ штунда.

Въ епархіяхъ, въ коихъ существуетъ *хлыстовщина*, эта послѣдняя секта, будучи съ одной стороны тайною и, вслѣдствіе сего, не всегда доступною наблюденію и воздѣйствію со стороны православныхъ миссіонеровъ, а съ другой,—являясь привлекательною своею мистическою стороною и потому легко распространяемою въ простомъ народѣ, представляетъ собою секту серьезно опасную и вредную. Преосвященные такъ характеризуютъ послѣдователей этой секты со стороны ихъ скрытности и крайняго фанатизма и нетерпимости въ отношеніи къ православію. Выдавая себя за православныхъ, хлысты всегда стараются наружно превосходить самыхъ ревностѣйшихъ изъ нихъ. Изъ желанія скрыть свою принадлежность къ хлыстовству, они любятъ брать на себя разныя почетныя должности: церковныхъ попечителей, строителей, старостъ, почетныхъ судей, а иногда даже имъ удается добывать отъ епархіальныхъ начальствъ свидѣтельства на званіе сотрудниковъ миссіонеровъ. Къ православной Церкви они относятся враждебно, почитая ее еретическою, бесполезною въ дѣлѣ спасенія. Особенно хлысты ненавидятъ священниковъ и нѣтъ хульнаго имени, котораго-бы они не прилагали къ нимъ. Въ одной общинѣ хлыстовъ наставники ихъ сговорились бить священника башмакомъ, если онъ придетъ увѣщевать ихъ, а въ другой—наставникъ грозилъ «вырвать священникамъ всѣ волосы за ихъ служеніе

идоламъ и вытащить ихъ изъ храма». Съ насмѣшкою сектанты относятся и къ православному богослуженію. Въ храмы они ходятъ или только изъ-за притворства, или же для глумленія и за богослуженіемъ ведутъ себя крайне непристойно: дѣлаютъ гримасы, поднимаютъ глаза кверху или притворяются спящими; приложившись ко кресту, уходятъ отъ амвона къ дверямъ, совершая вращательное движеніе корпусомъ. Изъ таинствъ православной Церкви хлысты болѣе всего глумятся надъ св. Причащеніемъ. «Накронилъ хлѣба въ ши, говорятъ они, вотъ тебѣ и причащеніе». Нѣкоторые изъ нихъ послѣ причащенія ходятъ въ баню.

Особеннымъ характеромъ отличаются хлысты Донской епархіи. Они не прикрываются личиною благочестія и совершенно открыто ведутъ пропаганду своихъ лжеученій среди православныхъ, при чемъ фанатизмъ сектантовъ, въ особенности проживающихъ въ Хоперскомъ и Усть-Медвѣдницкомъ округахъ, и ненависть ихъ ко всему православному не знаетъ предѣловъ и доводитъ ихъ часто до грубаго издѣательства надъ православными святынями.

О сродной по существу вѣроправовученія съ хлыстовствомъ и не столь многочисленной сектѣ *шелапутосъ* имѣются свѣдѣнія въ отчетѣ преосвященнаго Екатеринославскаго. Число всѣхъ шелапутъ въ его епархіи простирается до 382 человекъ. Какъ по отношенію къ православной Церкви, такъ и по отношенію къ мѣстному населенію, екатеринославскіе шелапуты ничѣмъ не отличаются отъ хлыстовъ. Они также сохраняютъ по практическимъ побужденіямъ общеніе съ православною Церковію, въ дѣйствительности же содержатъ совѣтъ не христіанскія вѣрованія. Свѣдѣнія объ ихъ вѣроученія приходится добывать болѣею частію отъ лицъ, возвратившихся изъ шелапутства въ лоно православной Церкви, такъ какъ сами сектанты своихъ вѣрованій не открываютъ. Достоверно одно, что шелапуты къ православной Церкви и ея учрежденіямъ относятся не только отрицательно, но и враждебно. Всѣ государственныя и общественныя повинности шелапуты выполняютъ безпрекословно, принимаютъ также и присягу, хотя въ душѣ отрицаютъ ее. Главнымъ препятствіемъ въ борьбѣ съ этими сектами являются крайняя скрытность и лукавство сектантовъ, которые обязываются грозною клятвою всячески скрывать существованіе своей секты и ея тайны.

Мормонство, появившееся сравнительно въ недавнее время въ предѣлахъ Самарской и Оренбургской губерній, представляетъ собою смѣсь хлыстовства и молоканства. Изъ религіозныхъ обрядовъ у послѣдователей секты мормоновъ очень распространены хлыстовскія радѣнія, во время которыхъ, по ихъ ученію, они такъ же, какъ и хлысты, получаютъ «духа». Вступающіе въ секту приводятся предъ иконою къ присягѣ, которою они даютъ обѣтъ хранить тайну секты, не слушаться ни отца, ни матери и исполнять только велѣнія «живаго бога».

Въ началѣ 1899 года въ дер. Даниловкѣ, Самарской губерніи, былъ случай самоубійства цѣлой сектантской семьи изъ послѣдователей секты мормоновъ изъ-за религіозныхъ мотивовъ. Одинъ изъ крестьянъ названной деревни, желая явить подвигъ самоотверженія и пріять вѣнецъ мученичества, обрекъ себя и свою семью, состоящую изъ трехъ малолѣтнихъ дѣтей на самоубійство чрезъ замерзаніе въ полѣ, въ сугробахъ снѣга, что и сдѣлалъ. Погибшіе найдены были недалеко отъ своей деревни нагими. Одежда ихъ лежала недалеко отъ нихъ аккуратно сложенная. Натѣльныхъ крестовъ ни на одномъ изъ труповъ найдено не было. Судебно-медицинскимъ изслѣдованіемъ послѣднихъ установлено, что всѣ погибшіе умерли добровольно. Вскрытіе труповъ показало также, что умершіе не употребляли пищи болѣе сутокъ, т. е. какъ-бы постились предъ своимъ подвигомъ.

Въ 1899 году въ Верхотурскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи, по донесенію преосвященнаго Екатеринбургскаго, стала значительно усиливаться секта «*Деснаго Братства*», называемая также сектою «Сюн-ской вѣсти», «іеговистовъ» или «субботниковъ». Эта секта также сравнительно недавняго происхожденія. Основателемъ ея былъ отставной штабсъ-капитанъ Ильинъ. Отвергая все священное Писаніе, іеговисты признаютъ только одинъ Апокалипсисъ, называя его «книгою неба». На произвольныхъ толкованіяхъ Апокалипсиса они основываютъ свое лжеученіе о происходящей во всемъ мірѣ борьбѣ Іеговы съ сатаною. На сторонѣ послѣдняго, по ихъ ученію, стоитъ и православная Церковь съ ея таинствами и догматически-обрядовымъ ученіемъ, а также и вся правительственная власть. Самихъ же себя они именуютъ іеговистами, призванными бороться съ «ошуйными», т. е. православными. Борьба эта, по ожиданіямъ іеговистовъ,

окончится полной ихъ побѣдой надъ всѣми не принадлежащими къ ихъ сектѣ, и наступленіемъ для нихъ здѣсь же на землѣ, въ Іерусалимѣ, переустроенномъ «небесными людьми», тысячелѣтняго царства со всѣми чувственными благами, всеобщимъ равенствомъ и свободой. Къ участию въ этомъ царствѣ іеговисты готовятъ, слѣдуя двумъ заповѣдямъ основателя секты—о безграничной взаимопомощи и о распространѣніи всѣми мѣрами его лжеученія. Исполненіе сектантами этихъ заповѣдей, безусловно обязательное для всѣхъ нихъ, происходитъ подъ руководствомъ выборнаго «блюстителя», въ распоряженіи котораго находится братская касса, образуемая отъ каждаго вступающаго въ секту и изъ добровольныхъ пожертвованій и расходуемая на дѣла взаимопомощи и распространенія секты. Распространеніе іеговистами своего лжеученія ведется весьма ревностно и чрезъ устную бесѣду и путемъ писанныхъ брошюръ, независимо отъ времени и отъ мѣста—въ полѣ, во время работы и отдыха, на заводахъ среди рабочихъ, на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и т. п. Дерзость и кощунственное отношеніе іеговистовъ ко всему православному не останавливаются ни передъ чѣмъ: свои сектантскіе рисунки, съ богохульнымъ текстомъ, преимущественно изображающіе «блудницу», подъ которой ими разумѣется православная Церковь, они выставляютъ на самыхъ видныхъ мѣстахъ, даже на стѣнахъ храмовъ и часовенъ; изболчанные же въ этомъ, они не мало не смущаются и, не отрицая своей виновности, заявляютъ, что намѣрены то же дѣлать и впредь. Внутренняя жизнь сектантскаго общества, при отрицаніи ими св. таинствъ и началъ христіанской нравственности, поражаетъ распушенностью—и плотскою и духовною. Вѣншняя ихъ жизнь, при сплоченности членовъ секты и широко развитой взаимопомощи, поставлена лучше, чѣмъ у небогатаго мѣстнаго православнаго населенія, что для сектантовъ является, между прочимъ, средствомъ для привлеченія православныхъ въ секту. Всѣхъ послѣдователей секты іеговистовъ въ Верхотурскомъ уѣздѣ насчитывается до 396 человекъ, принадлежащихъ преимущественно къ рабочему населенію. По мнѣнію преосвященнаго Екатеринбургскаго, распространенію среди рабочаго заводскаго населенія секты іеговистовъ много способствуетъ, между прочимъ, и то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ заводахъ лица заводскаго управленія принадлежность къ

сектъ не считаютъ препятствіемъ къ занятію начальственныхъ надъ рабочими должностей, вслѣдствіе чего сектанты, становясь по отношенію къ православнымъ рабочимъ въ начальственное положеніе, всячески вынуждаютъ ихъ потомъ къ переходу въ секту.

По порученію Святѣйшаго Синода, признавшаго секту іеговистовъ особенно вредною въ церковномъ и государственномъ отношеніяхъ, въ цѣляхъ пресѣченія дальнѣйшаго ея распространенія, мною о вышеизложенномъ сообщено было подлежащимъ министрамъ.

По донесенію преосвященнаго Самарскаго, въ предѣлахъ ввѣренной ему епархіи въ 1899 году обнаружена новая секта, обязанная своимъ происхожденіемъ крестьянину села Александрова Гая, Новоузенскаго уѣзда, Самарской губерніи, *Ивану Чурикову*. Названный крестьянинъ началъ распространять о себѣ въ народѣ молву, что онъ—единственный обладатель Христовой истины, которую онъ Самимъ Богомъ посланъ возвѣстить міру и что ему данъ будто бы отъ Бога особый даръ исцѣленія и даръ пророчества. Приходившимъ къ нему простымъ людямъ онъ преподавалъ благословеніе, принималъ увѣровавшихъ въ его святость на исповѣдь, разрѣшалъ отъ грѣховъ и не стѣснялся открыто и торжественно съ молитвою и колѣнопреклоненіемъ приступать къ исцѣленіямъ обращающимся къ нему больныхъ. Проповѣдь свою Чуриковъ велъ преимущественно въ невѣжественной средѣ зажиточныхъ пожилыхъ вдовъ, устраивая въ ихъ домахъ собранія съ богомоленіями, проповѣдью и помазаніемъ елеемъ больныхъ. Для полученія дара пророчества и дара исцѣленій онъ приглашалъ своихъ послѣдователей къ совершенному воздержанію отъ принятія пищи сначала въ теченіи трехъ дней, а потомъ и долѣе, даже до сорока дней. Вліяніе личности Чурикова простиралось не только на простой народъ, но даже и на лицъ изъ среды образованнаго общества.

Трагизмъ толстовства и миръ Евангелія *).

Миръ Мой даю вамъ! Іоан. XIV, 27.
Любовь Божія разлилась въ сердца
наши Духомъ Святымъ. Рим. V, 5.

Личныя нравственныя отношенія Бога и человѣка—въ своемъ послѣдовательномъ и глубочайшемъ развитіи—привели и приводятъ къ необходимости для жизни человѣка откровенія и признанія религіи новаго завета, явленія и служенія Іисуса Христа, Сына Божія.

Идея новаго завета—не человѣческаго происхожденія. Если бы кто и не повѣрилъ этому, то однако, по чистой совѣсти, не могъ бы отказать ей въ неземномъ величіи и благородствѣ, въ необъятной ея широтѣ и жизненной силѣ. Не много нужно строгой внимательности къ себѣ, чтобы удержаться отъ такого отношенія къ ней, какое допускаетъ Левъ Толстой.

Евангеліе въ строжайшемъ смыслѣ—историческій документъ самаго высокаго достоинства. Личность и дѣло Іисуса Христа—фактъ, имѣющій въ исторіи слишкомъ реальныя и сильныя послѣдствія: и, какъ фактъ, онъ не подлежитъ колебаніямъ отъ тѣхъ или иныхъ человѣческихъ толкованій. Понятенъ или непонятенъ вамъ этотъ фактъ, но онъ не утратитъ своей живоносной силы; какъ свѣтъ солнца не менѣе животворенъ для насъ оттого, что с природѣ далекаго свѣтила можно разсуждать различно.

Всѣмъ извѣстны отношенія Толстого къ Евангелію. По меньшей мѣрѣ—они слишкомъ странны. Онъ перефразировалъ фразы Евангелія такъ, чтобы слова были приблизительно евангельскія, а смыслъ ихъ совершенно иной или прямо противоположный. Когда ему говорятъ, что это — поддѣлка, онъ увѣряетъ, что это — подлинное евангеліе, истинное толкованіе его и очищеніе отъ искаженій. Толстой пропо-

*) См. „Мисс. Обзоръ.“ Септ. 1902.

вѣдуетъ въ «новомъ евангеліи» свое личное міровоззрѣніе, но подбираетъ и переиначиваетъ для его выраженія слова евангелистовъ.

Зачѣмъ только понадобилось Льву Николаевичу свое смутное міровоззрѣніе излагать приблизительно словами Евангелія? Зачѣмъ нужно было брать это божественное произведеніе и съ неизбежной полубезграмотностью натягивать его форму на совершенно иногда чуждое или противоположное ему содержаніе и говорить: вотъ подлинный видъ и смыслъ этого произведенія? На кого разсчитанъ и кого имѣлъ въ виду запутать подобный образъ писательства? И что это такое вообще: легкомысліе, болѣзненность ума, или прямо-таки что-либо нравственно непозволительное? Во всякомъ случаѣ что-то очень странное!

Мы глубоко уважали благороднаго мыслителя, напрягающаго лучшія силы души своей, чтобы сознательно придти къ свѣту вѣчной правды. Заблужденія его казались намъ выстрадавшими, съ просвѣтами глубокихъ нравственныхъ проникновеній въ смыслъ и идею жизни.. И вотъ предъ нами его «новое евангеліе». Слишкомъ тяжело было вѣрить, что это написалъ Левъ Толстой, честный и благородный искатель истины, а не человѣкъ, ослѣпленный гордымъ фанатизмомъ, чуждый просвѣтляющей любви...

Вмѣсто яснаго, потрясающаго и покоряющаго ученія Евангелія, со страницъ толстовской передѣлки вѣетъ духомъ туманнаго, путающагося, безконечно повторяющагося, какого-то нео-буддистскаго ученія. Все лучшее, что свѣтитъ здѣсь,—это непосредственное ясное сознаніе и ощущеніе въ своемъ духѣ живой самодовлѣющей силы добра и любви; это, правда,—бриллиантъ чистѣйшей воды, но онъ свѣтитъ сквозь мрачную и душную атмосферу: онъ окруженъ неправдой, цинизмомъ, самоинтересомъ, отрицаніемъ Бога и безсмертія, неразумнымъ, противорѣчивымъ и уныло-гордымъ міровоззрѣніемъ.

Чтеніе такой передѣлки было для многихъ изъ насъ отрицательно полезнымъ: когда отъ писанія Толстого мы переходили къ чистымъ страницамъ подлиннаго Евангелія, то духъ дивной, ясной и необыкновенно простой потрясающей правды живительно освѣжалъ душу и болѣе, чѣмъ когда-либо, становилось ясно, что мы имѣемъ въ рукахъ книгу жизни, откровеніе любви Небеснаго Отца; мы точно освободились отъ кошмара и видимъ яркій свѣтъ весенняго дня, и какимъ

жалкимъ въ своемъ гордомъ и больномъ ослѣпленіи казалось намъ произведеніе Толстого предъ этой великой книгой!...

Духъ неподкупной истины, это вѣяніе Духа Божія чувствуется со страницъ Евангелія и другихъ апостольскихъ писаній. Ученіе св. апостоловъ слышала Церковь изъ устъ ихъ; это же ученіе она увидала и на страницахъ ихъ писаній, которыя поэтому хранила она, какъ драгоценнѣйшую святыню, дорожа ютой одной и одной чертой. Ученѣйшими изслѣдователями Евангеліе признано единственнымъ удивительно точно и подлинно сохранившимся документомъ*). Да иначе и не могло быть: его писали, а потомъ его берегли и передали тѣ, которые за него умирали, которые или своими глазами видѣли все записанное или своими ушами слышали отъ очевидцевъ. Вѣра, любовь и благоговѣніе Церкви хранили потомъ подлинность и непокосновенность Евангелія.

Первые хрістіане безусловно вѣрили апостоламъ, потому что они говорили «въ Духѣ Святомъ», въ самомъ чистомъ, слѣдовательно, безкорыстномъ, разумномъ и ясномъ вдохновеніи, въ которомъ ни другимъ лгать, ни самимъ обманываться невозможно, которому всякій, «кто отъ истины», безусловно вѣритъ. Только нелюбящему и лживому это незнакомо.

Кромѣ этого, въ ученіи апостоловъ было покоряющее «явленіе духа и силы», жизнєсозидающаго начала: ученіе ихъ приводило въ гармонію и утверждало все лучшее въ душѣ человѣка, объединяло въ немъ силы добра и дѣлало его «новымъ человѣкомъ, чистымъ, святымъ и оправданнымъ». Вѣра утверждалась не спорными доказательствами, а фактами оживленія душъ человѣческихъ, въ чемъ проявлялось присутствіе Божіей силы и Божіей премудрости, знающей, чѣмъ человѣкъ живъ и имѣющей могущество дать ему это.

Къ этому явленію Божіей силы и премудрости прибавлялась сила очевидности недавнихъ фактовъ, на провѣрку которыхъ апостолы обращали вниманіе вѣровавшихъ, и непосредственныя чудеса и знаменія, совершавшіяся силою вѣры. Много было этихъ увѣряющихъ фактовъ и «знаменій»; скажемъ объ одномъ «знаменіи Іоны пророка» — о воскресеніи Іисуса Христа.

*; См. Прот. Н. Елеонскаго—О «новомъ евангеліи».

«Если Христосъ не воскресъ, то тщетна вѣра ваша», пишетъ Апостолъ *). И всѣми это хорошо сознавалось, при сомнѣніяхъ и критикѣ утверждалось, а фактъ былъ такъ близокъ и такъ строго могъ быть провѣренъ, когда были еще живы свидѣтели его; нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что если бы что-либо могло дѣйствительно колебать вѣру въ этотъ фактъ, Церкви христіанской не было бы. Фактъ сѣя возникновенія и силы, фактъ превращенія боязливыхъ и простыхъ рыбаковъ въ огненныхъ и безстрашныхъ проповѣдниковъ не можетъ быть объясненъ иначе, какъ дѣйствительностію Христова воскресенія.—Проповѣдники понимали несравненную важность возвѣщаемаго ими событія, понимали, что въ немъ весь смыслъ и вдохновеніе ихъ дѣла, и съ восторгомъ сознавали его осязаемую фактичность и непрерываемость; иначе не пошли бы на страданія и смерть эти прямые, здоровые и сначала недовѣрчивые люди. Были, стало быть, несокрушимыя основанія для вѣры въ этотъ близкій фактъ, когда многія тысячи людей мѣняли за исповѣданіе Воскресшаго такую реальную драгоцѣнность, какъ жизнь свою. — Первыхъ проповѣдниковъ воскресенія въ Іерусалимѣ били, уговаривали и застрашивали не говорить о воскресеніи, замять страшный обличительный фактъ, распускали молву о похищеніи тѣла Христа. Но вѣдь въ рукахъ іудеевъ было все дѣло: всѣ документы, свидѣтели, вещественныя доказательства. Они такъ хорошо понимали важность и имѣли возможность сохранить тѣло Распятаго или найти, если его украли. Если они такъ опасались, что «на нихъ хотятъ навести кровь Того Человѣка», то стоило бы имъ официальнымъ порядкомъ доказать неправду проповѣдниковъ и посмѣяться надъ ними; а вмѣсто этого, слыша уничтожающую ихъ проповѣдь, видя тысячныя обращенія и питая кровавые замыслы, они сразу сдаются на мирные доводы Гамалиїла, устранившаго ихъ опасностью сдѣлаться «бого-противниками», разрушителями «дѣла Божія» **). Въ этомъ дѣлѣ, очевидно, не было лжи, иначе кто бы предположилъ въ немъ возможность «Божія» дѣла? И никто изъ официальныхъ представителей іудейства не посмѣлъ попытаться открыто поставить вопросъ о дѣй-

*) 1 Кор. XV, 1—20.

**) См. объ этомъ прекрасныя бесѣды Шикопца въ приложеніи къ русск. переводу сочин. Гетте противъ Ренапа.

ствительности воскресенія Христа: такъ все было очевидно. «Не въ углу», вѣдь, все это «происходило (Дѣян. XXVI, 26)»!...

Не столько, впрочемъ, мнимая неясность исторической стороны Евангелія, сколько непреодолимая будто-бы трудность признанія ея для разума служить основаніемъ невѣрія. Дѣйствительно, разуму необходимо объяснить, понять и оправдать этотъ изумляющій и поражающій фактъ: явленіе Бога во плоти.

Фактъ—потрясающій, почти неожиданный, при обычномъ узкомъ и опошленномъ теченіи мыслей иногда ошеломляющій человѣка недоумѣніемъ и страхомъ. Но понимаетъ-ли его человѣкъ или нѣтъ—фактъ совершился, слѣдствія его громадны и неисчислимы, мысль, лежащая въ основѣ его, безконечна въ своей широтѣ и величинѣ и доступна человѣку только въ послѣдовательномъ живомъ ея уясненіи.

Изумляющее насъ дѣло совершилось по изволенію Божію. Всѣ мудрѣйшія объясненія людей только отчасти уясняютъ нѣкоторыя стороны его,—его великій смыслъ и цѣль. Послѣднія могутъ быть исчерпаны его послѣдствіями, а послѣдствія этого факта безчисленны, глубоко животворны для совѣсти, и вліянію его на духъ человѣка нѣтъ конца. Переживая въ себѣ перерождающія и оживляющія вліянія этого событія, человѣкъ получаетъ доступъ къ уясненію идей и причинъ, сдѣлавшихъ необходимымъ и дѣйствительнымъ это изумляющее дѣло; только въ этой «живой», «опытной» области лежитъ путь къ постепенному все большому и большому существенному его уясненію.

Исходная и основная тема въ этомъ уясненіи указана Самимъ Христомъ. «Я пришелъ послужить и отдать душу Свою для искупленія многихъ; вотъ Тѣло Мое ломимое и Кровь Моя изливаемая во оставленіе грѣховъ, за жизнь міра»...

Вспомнимъ, что врачъ нуженъ больнымъ. Море страданія вообще и страданія отъ преступленія и за преступленіе неисчерпаемо въ родѣ человѣческомъ. Если капля этого моря иногда невыносимо томитъ душу вашу любящую, то Той Любви, которая слышитъ каждый стонъ и у которой есть сила превратить его въ хвалу радости, неужели можно было ничего не сдѣлать для этого, не помочь погибающему? Неужели Отецъ могъ не отвѣтить на вопли и мольбы «Его человѣчества»? Неужели Онъ не сдѣлалъ безусловно необхо-

димаго для истинной жизни человѣка дѣла, возможнаго только для Него, источника всякой жизни? Поэтому Христосъ понятенъ только тѣмъ, кто любитъ Отца и въ комъ горятъ искры Отчей любви *).

Дѣло, конечно, поражающее и изумительное; но оно—отвѣтъ на неотступныя и безысходныя мольбы и чаянія человѣчества. Для воззванія и подлиннаго развитія духа человѣческаго это дѣло было необходимо. Конечно, идеалы у людей и ихъ радости различны. Служитель мамоны часто спрашиваетъ: что такое и зачѣмъ Богъ? Онъ готовъ вычеркнуть изъ жизни человѣчества все, что носитъ отблескъ божественной жизни и свести все къ одному, доступному ему, знаменателю. Но развѣ къ такимъ больнымъ и уродливымъ натурамъ принаровлены природныя и подлинныя законы духа, всеобщіе идеалы человѣчества? Есть люди разума и совѣсти; если бы имъ не была протянута мощная рука, вводящая ихъ въ подлинную жизнь духа и успокоивающая и питающая ихъ томящуюся душу, то жизнь разрѣшилась бы для нихъ страшнымъ крушеніемъ ихъ духа, разочарованнаго и отверженнаго въ самыхъ насущныхъ своихъ требованіяхъ и запросахъ. Явленіе Бога во плоти, необходимое плотоному духу, вдохновляетъ и питаетъ многіе и великіе его идеалы, безъ торжества которыхъ нѣтъ для него его подлинной жизни. По мы оставимъ эту широкую область и остановимся на указанной главной темѣ,—на томъ, что «дѣло Божіе» есть *искупленіе падшаго*.

Грѣхъ, это—смерть души. Оживить умирающую душу, изгладить преступленіе ея и вдохновить ее новою жизнью, это—задача высокая, неподъемная для человѣческихъ силъ. Безсиліе задыхающаго духа, извращеніе и безуміе умственныхъ силъ, растлѣніе чувства, дряблость или звѣрство воли, этотъ страшный трагизмъ положенія древняго до-христіанскаго и современнаго невѣрующаго человѣчества,—все это могло и можетъ найти исцѣленіе только въ новомъ высшемъ настроеніи и вдохновеніи. Настроеніе же это не можетъ родиться изъ тьмы страстей и лжи; нужное вдохновеніе неподсильно человѣческому генію; оно должно быть свыше, отъ небснаго, благодатнаго воздѣйствія—отъ Бога.

Вопреки измысленію Льва Николаевича, мы учимъ, что иску-

*) Іоан. V, 40—42, VI, 44, VII, 17, VIII, 42, 47.

шеніе доступно только самодѣтельной волѣ и свободной совѣсти и ведетъ къ большей и большей свободѣ и силѣ. Для участія въ искупленіи необходимо: сознаніе смертоносной силы своего грѣха, своей безусловной виновности въ немъ и безпомощности, оправдаться своими силами и горячее стремленіе всѣхъ силъ души къ перерожденію. Только при полной степени виѣненія себя своего преступленія, только при выпшемъ и неисходномъ страданіи совѣсти, усиливающейся найти живое вдохновеніе добра и свое очищеніе, понятно («отчасти») искупленіе.

При такомъ настроеніи кающейся совѣсти, человѣку не прощеніе только нужно: оно не умиротворило бы души его, разъ въ ней живетъ грѣхъ и разъ содѣянное неуничтожимо и не забывается самимъ человѣкомъ и его совѣстью. Возмущенная совѣсть всецѣло отдается безысходному и неутѣшному страданію о сдѣланномъ преступленіи: для нея уже невозможна жизнь, нравственный интересъ и сила которой разбиваются. Человѣку нужно имѣть въ совѣсти вполнѣ удовлетворяющее ее основаніе къ безусловному и вѣчному забвенію грѣха и вдохновеніе сильнѣйшими началами новой «доброй жизни».

Ему нужно нѣчто всеискупляющее и изглаждающее его грѣхъ и зарождающее въ немъ сильнѣйшее его грѣха и муки, живое вдохновеніе новой жизни, божественно чистаго добра. Это перерожденіе и совершается въ человѣческой совѣсти божественнымъ воздѣйствіемъ—въ искупленіи.

Проповѣдью креста мы утверждаемъ, что Богъ непосредственно принялъ участіе въ разрѣшеніи совѣстью падшаго человѣка ея глубокаго и неисходнаго трагизма. Понятія о добрѣ и злѣ, о грѣхѣ, виновности и правдѣ различны въ философіяхъ и убѣжденіяхъ разныхъ людей: до полной истины и подлинныхъ опредѣленій природы духа они еще не доходятъ. Не по этимъ понятіямъ, конечно, совершилось «Божіе дѣло», а по Божественной премудрости. Что такое добро и зло, погибель и спасеніе, грѣхъ и святость,—Господь Богъ явилъ намъ въ крестѣ Сына Своего. Намъ явлено, что грѣхъ безусловно не имѣетъ основаній и права на существованіе, онъ—безусловная вина разумно-свободнаго существа, не имѣетъ *никакого* извиненія и есть въ высшей степени реальное явленіе съ не-

обходимыми смертоносными послѣдствіями, которыхъ ни снисходительной милостью, ни забвеніемъ, ни юридическимъ оправданіемъ излѣчить нельзя, а для которыхъ требуется такое же реальное, потрясающее и обновляющее совѣсть, врачеваніе.

Пораженному и осужденному въ своей совѣсти человѣку Отецъ говорить (крестомъ Сына Своего), что Онъ изглаживаетъ и забываетъ (какъ бы не бывшее) его грѣхъ по безграничной любви Своей къ падшему и ради крестныхъ страданій за него Его Сына. Такое только условіе для мира можетъ принять и кающаяся совѣсть; иного разрѣшенія ея муки не можетъ быть: ея трагизмъ разрѣшается только силою непосредственнаго воздѣйствія божественнаго изволенія, этимъ только потрясающимъ «*диалогъ* Божіимъ», въ которомъ сочетались: и совершенная святость, и полнота вмѣненія грѣха, и безусловное осужденіе его, и вѣчное его изглаженіе, божественная высота нравственныхъ требованій и не имѣющая никакого предѣла въ снисхожденіи любовь Божія.

Такое богатство содержанія въ великой жертвѣ Агнца Божія за грѣхи міра. Таково, значить, состояніе совѣсти человѣчества, что нужно было Богочеловѣку страдать съ нимъ за его преступленіе, что нужно было умереть Ему, какъ преступнику, за грѣхъ его, чтобы имѣть право предъ «святостью Отца» изгладить навѣки грѣхи «овецъ Своихъ». Иного избавленія не было человѣку и нѣтъ. Нравственное творчество совѣсти нашей не могло породить идеи *такого* искупленія; но, когда предсталъ предъ нею фактъ, она сказала: да, только это! Только отъ факта креста Сына Божія возникаетъ въ нашей совѣсти источникъ ея оправданія и мира, «вѣчной жизни».

Во Христѣ кающийся имѣетъ полноту неподъемнаго для него страданія о грѣхѣ и за грѣхъ; въ Его крестѣ онъ видитъ совершенную оцѣнку и выраженіе подлиннаго, страшнаго и смертоснаго смысла грѣха, отношеніе къ нему всесвятаго Бога, полный судъ и отверженіе грѣха. Только во имя Христа, принявшаго крестъ во искупленіе грѣшника, кающийся можетъ освободиться отъ своей покаянной муки, безусловно успокоиться въ своей совѣсти и отдаться новому, созидающему его «духу жизни». И это изглаженіе грѣха не смертно для нравственности человѣка, а безпредѣльно живоносно, ибо это — не индифферентизмъ совѣсти, а ея высочайшее

вдохновеніе святостью Божія суда, вдохновеніе, провозглашающее смерть и конецъ грѣху. Крестомъ Христовымъ осужденіе грѣха выражено въ ужасающей безпредѣльной степени; дальше въ этомъ направленіи идти некуда; присоединяясь ко кресту, совѣсть должна сознать свою судящую и карающую задачу оконченною и навсегда изгладить тяготившій ее грѣхъ. И это—не ослабленіе, а укрѣпленіе нравственной силы добра въ человѣкѣ: грѣхъ прощенъ и снятъ съ души, но снятъ такъ, что не повторится: онъ снятъ, какъ страшная смерть духа; такъ вѣдь не снимается ошибка или немощь, а реальная и страшная вещь—неизвинимая вина, преступленіе. Такъ только можно снять грѣхъ съ души, не губя ее: иначе она будетъ смотрѣть на него какъ на что-то условное, скоропреходящее, не оставляющее глубокаго и реальнаго слѣда въ духѣ. Безпричиннаго милосердія и прощенія (вмѣсто освященія и исцѣленія) совѣсть не можетъ принять. Ей нужно до конца выстрадать грѣхъ. Страданія Христа, это—замѣная безпредѣльныхъ мукъ: они больше выражаютъ суда и муки о грѣхѣ, чѣмъ безысходныя муки кающейся совѣсти. Черезъ это они и становятся средствомъ искупленія, заглаженія грѣха.

Въ этомъ искупленіи вся сила отрицательной дѣятельности совѣсти обращается на положительное созиданіе нравственной жизни. Этотъ миръ совѣсти и созиданіе жизни — незамѣнимое благодѣяніе преступнику.

Нравственный, возрождающій смыслъ искупленія хорошо понимается живымъ, хотя бы и простымъ чувствомъ, лично поставленнымъ предъ Богомъ и крестомъ Сына Его. «Дорогъ намъ передъ иконою, въ этой ризѣ золотой, этотъ ярый воскъ, возженный чьей, невѣдомо, рукой... Это — мѣдный грошъ вдовицы, это — лента бѣдняка, это, можетъ быть, *убійцы покаянная тоска* (Майковъ)...» Да, пусть убійца начнетъ ставить эти свѣчи, выражая мольбу и поклоненіе спасающему милосердію и суду Святаго и Благаго Бога, пусть онъ чувствуетъ затишье покаянной тоски во имя страждущаго за его грѣхъ Распятаго Сына Божія, пусть черезъ посредника (пастыря Церкви), облеченнаго властью отъ Іисуса Христа, ему будетъ объявлено, что его непростимая вина снимается и исцѣляется «благодатію чрезъ вѣру», любовью споспѣшествуемою,—во имя Христа

и искупляющей крови Его, — онъ спасенъ для жизни вѣчной, онъ успокоится въ своей страждущей совѣсти.

Такимъ образомъ, трагическое состояніе преступной совѣсти разрѣшается сочувствіемъ и участіемъ Христа Сына Божія, единствомъ Его искупительной муки съ мукой грѣшника. Разнообразно и постепенно, согласно разнымъ оттѣнкамъ понятій, разнымъ состояніямъ и степенямъ силы каждой личной совѣсти, христіанское человѣчество восходитъ больше и больше къ своему Искупителю и приближается къ полнотѣ освященія. «Такъ надлежало, говорить Онъ по воскресеніи, пострадать Христу и воскреснуть изъ мертвыхъ въ третій день, и проповѣдану быть во имя Его покаянію и прощенію грѣховъ во всѣхъ народахъ (Лук. XXIV, 46, 47)!»

Изглаждая грѣхъ, искупленіе Христово зажигаетъ въ возрождаемой совѣсти положительную огненную силу добра, которая дѣлаетъ человѣка уже «новою тварью». Переживая со Христомъ и во Христѣ свою покаянную муку, онъ зажигается — отъ личной близости съ Нимъ въ совѣсти—Его духомъ. Муки совѣсти самыя тяжелыя и глубокія въ человѣкѣ, касаются самой дорогой и заветной для него области; въ сокровенной безпомощной мукѣ, въ самомъ важномъ дѣлѣ совѣсти такое безграничное, и потрясающее и самое нѣжное участіе такого высочайшаго и драгоцѣннѣйшаго для совѣсти Лица можетъ вызвать во врачуемой душѣ, конечно, только безпредѣльную преданность, безгранично благоговѣйную и благодарную любовь. На этой почвѣ рождается и растетъ вдохновеніе, отъ сознанія и пониманія нравственнаго характера совершившагося *дѣла* Божія, того духа, идей и побужденій божественной воли, какіе разлились въ немъ. Этотъ характеръ и духъ дѣла Божія передаются въ характеръ и духъ искупленной совѣсти, дѣлаясь въ ней источникомъ чистаго всепобѣждающаго добра ¹⁾.

Человѣкъ—слабый и малый рабъ и сынъ Отца своего Небеснаго, безконечно благодѣтельствованный Имъ; и, однако, силою своего злого произвольнаго настроенія и рождающейся на почвѣ его стихійной силы зла онъ часто противостоитъ Отцу своему, какъ отступникъ, какъ безумно и враждебно Ему противоборствующій. Со-

¹⁾ Ефес. III, 16—19.

знательно и безсознательно, вольно и невольно онъ попираетъ самые благодѣтельные для него законы своей духовной, нравственной и физической жизни. Саморазлагаясь, самоубиваясь, отходя все дальше и дальше отъ жизни Отца, онъ попадаетъ подъ какое-то роковое давленіе и тяготѣніе силы зла и омраченія. Даже при просвѣтахъ совѣсти и при горячихъ порывахъ къ добру онъ дѣлаетъ не то, что хочетъ, а — что не хочетъ; часто онъ безумно и рабски, инстинктивно, какъ животное, во зло себѣ и окружающему, служить смертоносной какой-либо страсти или многимъ страстямъ, доходя почти до полной нравственной смерти, почти до совершенной невозможности стать предметомъ чьей-либо любви. Онъ любитъ Отца и непавно попираетъ всѣ отношенія къ Нему, ищетъ Его и бѣжитъ отъ Него, вѣруетъ въ Него и враждебно отрицаетъ Его, но, какъ больной, не хочетъ и не можетъ узнать Его. Это настроеніе человѣчества, если болѣе вдуматься въ него, полно глубочайшаго трагизма; оно уничтожило бы всякую религію, если бы не было установлено поваго завета между Богомъ и человѣкомъ.

«Изволивый» разрѣшить для человѣка этотъ трагизмъ его нравственной воли, исцѣлить и возродить человѣчество, вдохновить его огнемъ чистѣйшаго добра, Господь выразилъ этимъ Свою величайшую любовь къ нему. Полюбить низко павшаго преступника — это значитъ высказать ему и возбудить въ немъ сильнѣйшую (по степени любви) надежду на живущую въ немъ нравственную силу, способную возродить въ немъ прекраснѣйшій идеалъ истинной человѣчности. Эта любовь — наилучшее для него благодѣаніе. Въ служеніи Сына Божія высказана призывающая и возрождающая человѣка Божественная любовь въ необъятной степени и силѣ. Эта любовь не остановилась предъ изумляющимъ, истинно Божескимъ средствомъ для возрожденія и вдохновенія падшаго: Сынъ Божій сдѣлался Другомъ, Братомъ и Служителемъ человѣчества ¹⁾. Такое «списхожденіе» выражаетъ настолько сильную, согрѣвающую и поднимающую падшаго любовь, что принявши ее, вмѣстивши въ свое сердце, человѣкъ не можетъ не сдѣлаться совѣтъмъ инымъ, несравненно лучшимъ. Если бы какой царь раздѣлилъ заключеніе съ преступникомъ,

¹⁾ О божествѣ Его Личности — ниже, въ трактатѣ о Св. Троицѣ.

чтобы ободрить его, чтобы своимъ присутствіемъ и заботой помочь ему возстать отъ тяжелаго преступленія, то это нравственное геройство выразило бы необычайную восторженную его любовь къ преступнику, которая не могла бы не потрясти послѣдняго и не вдохновить его великими нравственными силами. Вотъ слабое подобіе любви и нравственного смысла того «снисхожденія» божественнаго, въ которомъ Сынъ Божій сдѣлался Сыномъ Человѣческимъ. Это настолько нравственно поднимаетъ человѣка, озаряетъ его жизнь такимъ благородствомъ и смысломъ, что для него уже не можетъ быть существованія внѣ идеаловъ «богочеловѣчества». Жизнь на землѣ Иисуса Христа, истиннаго Бога и Человѣка, была и будетъ для нашего духа сѣменемъ вѣчной жизни, безграничной полноты его нравственнаго содержанія. Безконечно благотѣльна была эта единственная жизнь для глубочайшаго и самаго широкаго, еще далеко не исчерпаннаго, развитія и расцвѣта умственныхъ, эстетическихъ и нравственныхъ силъ человѣчества; но это—широкая тема; для насъ въ сей моментъ нужна пока только основная мысль этой безпримѣрной жизни: «Я пришелъ *послужить* и *отдать душу* за искупленіе многихъ»... Это уничтоженіе предъ падшимъ, эта изумляющая сила добра и нравственнаго величія, этотъ чистѣйшій и необъятный въ своихъ побужденіяхъ святой подвигъ любви, эта любовь высокая и въ то же время просящая, взывающая, служащая падшему, для того только, чтобы сломить въ немъ упорство грѣха и увлечь его злую волю дыханіемъ чистѣйшаго и высочайшаго добра,—все это воистину божественно, воистину свойственно только Богу.

Въ искупительной крестной жертвѣ Сына Божія выражена величайшая, страдающая, нѣжная и несокрушимая сила Его призыва, сила любви Отца, до такой жертвы желающаго мира и жизни человѣка. «Мы—посланики отъ имени Христова, и какъ бы Самъ Богъ увѣщаетъ чрезъ насъ, отъ имени Христова просимъ: примиритесь съ Богомъ (2 Кор. V, 20)!» Такъ только могло быть истолковано это ужасающее своимъ уничтоженіемъ служеніе Сына Божія падшему и преступному «врагу» Божію. Это—необъятное, по чистотѣ, нравственной силѣ и величію, благотѣніе. И когда въ просвѣтленія духа пойметъ грѣшникъ: «это и для меня сдѣлалось», то не устоитъ онъ

предъ этимъ выраженіемъ любви Б жіеѣ; а откликнувшись на нее, онъ весь уже чувствуетъ себя всецѣло преданнымъ «возлюбившему его и предавшему Себя за него (Галат. II, 20). Такой призывъ изумляетъ, и потрясаетъ падшаго, и открываетъ невѣдомые нравственные горизонты, и вдохновляетъ силою новой жизни. Грѣшникъ, низкій и падшій человекъ чувствуетъ себя вознесеннымъ на недосягаемую высоту: свою личную жизнь и ея вѣчную безопасность онъ видитъ какъ предметъ сильнѣйшей любви и даже жертвы (самопожертвованія) божественной; и стыдъ, и радость, и судъ грѣху, и выходъ изъ тьмы, и новое сильнѣйшее вдохновеніе вѣчной жизни,—все здѣсь!

Но этого мало, что кающійся испытываетъ непосредственное воздѣйствіе Божіе и перерождается въ своихъ личныхъ отношеніяхъ къ Богу, дѣлаясь безусловнымъ поклонникомъ Его жизни¹⁾; нѣтъ, кромѣ этого этотъ единственный и несравнимый примѣръ нравственнаго добра, совершеннаго Богомъ, открываетъ предъ человекомъ сущность, міровой смыслъ, цѣль и абсолютное вѣчное достоинство добра (любви). Вотъ—*добро*, какое Онъ сдѣлалъ, вотъ—*любовь*, какою Онъ любитъ! *Такое* Величіе и *такъ* смирилось предъ *такимъ* низко-падшимъ, сдѣлало *такое* несравнимое благодѣяніе «врагу», дало ему вѣчную жизнь и призвало его къ личному единству съ Своимъ существомъ! Это дѣло и любовь огнемъ своей непосредственной нравственной красоты и величія повергаютъ человека въ поклоненіе тому Идеалу святости, по которому совершаются дѣла Божіи. въ немъ только онъ видитъ выраженіе подлиннаго добра, освѣтившее и открывшее для него необъятную область нравственнаго развитія. Поклоняясь этому добру, онъ его только принимаетъ за принципъ и основу своей нравственной жизни; оно увлекаетъ его неудержимо, онъ безгранично возвышается отъ поклоненія ему и самъ горитъ тѣми чувствами и любовью, какія создали *это добро*, этотъ подвигъ. Черезъ это создается въ немъ почва для великой заповѣди: «да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ (Іоан. XIII, 34, XV, 12)». Личность брата разсматривается уже очами этой Любви и въ Ея свѣтѣ; достоинство человека—брата без-

¹⁾ Галат. II. 19—20.

конечно возрастаетъ: это—вѣчная драгоценность въ очахъ Бога,—и преданное Искупителю сердце беретъ «свой крестъ», чтобы дѣлать Его дѣло въ отношеніи къ брату своему. Понявши глубокий смыслъ и достоинство человѣческой жизни, вѣрующій сообразно съ этимъ и относится къ брату своему, къ врагу-ли, преступнику, падшему или страждущему: властно и жизненно, какъ подлинная его свобода, его руководить «чувства Иисуса Христа»: «уже не онъ живетъ, а живетъ въ немъ Христосъ», «Богъ производитъ въ немъ и хотѣніе и дѣйствіе по Своему благоволенію» ¹⁾. Вотъ — тотъ источникъ и та сила, какіе рождали изумительные подвиги самоотреченной и восторженной дѣятельной любви, какую проявили только поклонники креста Христова.

Такъ, дѣло Божіе, подвигъ Его любви перерождаетъ человѣчество, и «любовь Божія» дѣлается достояніемъ человѣческаго сердца (Рим. V, 5).

Въ умѣ и сердцѣ поклоняющагося кресту Христову возникаетъ всеобъединяющая гармоническая система религіозно - нравственной жизни. Въ ней—та любовь, которая дала благо жизни всякой самонаименѣйшей твари въ мірѣ, та любовь, духомъ и силою которой живится и движется все во вселенной, входитъ въ сердце человѣка отъ соприкосновенія съ Духомъ Божіимъ. Въ этомъ личномъ разумно-нравственномъ общеніи (завѣтѣ) съ Отцомъ жизни мы стоимъ у единого начала, источника, центра, причины и смысла жизни мира.

Великая христіанская система міровоззрѣнія и жизни записана не въ великихъ томахъ и фоліантахъ «спорныхъ словъ человѣческой мудрости», а кратко и наглядно выражена въ небольшомъ символѣ — изображеніи креста Христова. Только на это инѣгда достаточно взглянуть вѣрующему, чтобы оживить въ себѣ то, «чѣмъ онъ живъ», что покорило Богу и низвело въ его душу жизнь Духа Божія. И это вовсе, Левъ Николаевичъ, не страшный символъ казни человѣка, а символъ *искупленія*, символъ того добра, какое сдѣлалъ Богъ, нагляднѣйшее выраженіе Его жертвы, навѣки покорившей Ему сердца вѣрующихъ.

Такой возвышенной, живоносной, безусловно чистой, ясной и истинной системы жизни и морали, какъ христіанская, другой вамъ

¹⁾ Филипп. II, 5. Галат. II, 20. Филипп. II, 13.

не указать: ея нѣтъ и быть не можетъ. И эта система безгранично расширяется для мудраго и коротко и ясно понятна для простаго, волнуя и развивая его силы призывами и чаяніями высшаго генія добра, любви и разума. Въ этомъ—залогъ подлинной жизни и развитія человѣчества, этимъ оно живо и будетъ жить. Такъ это не шарлатанство же, Левъ Николаевичъ!..

И въ вашемъ сердцѣ бьются силы и отголоски божественной любви, но они разрознены, отуманены, оскорблены въ васъ, перемѣшаны съ противоположными началами и, вмѣсто мира и свѣта для души разрываютъ ее и угнетаютъ. Вы, какъ несчастный Эдипъ, поднимаете руки на то, въ чемъ источникъ жизни для васъ и для всѣхъ, къ чему рвется, что ищетъ и о чемъ страдаетъ ваше сердце.

Свящ. Д. Силинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Пугала русскаго раскола.

(Вѣра „отцовъ“.—„Судъ надъ самоядцемъ.“—„Дружба п. Никона съ сатаной“.—„Образъ“—двухъ церквей. „Симонъ и Аріѣ“.—Обличители Никоніанства“).

„Зане любви истины не пріяша (погибающіе), во еже спасгися имъ: и сего ради послеть имъ Богъ дѣйство лъсти, во еже вѣровати имъ лжи“
(2 Сол. 2, 10—12)

Расколъ въ Русской Церкви существуетъ уже болѣе двухъ съ половиной вѣковъ. Столько же времени подвизается и православная противораскольническая миссія и подвизается, особенно съ 50-тыхъ годовъ прошлаго вѣка, «подвигомъ добрымъ». Но по большей части, къ недоумѣнію и прискорбію всѣхъ, кому дорого спасеніе заблудшихъ, и первый и вторая «живутъ и движутся» точно какія параллели. Казалось бы этого давно ужъ не должно бы быть: раскольники-люди искренно вѣрующіе, люди жаждущіе спасенія,—православные миссіонеры вразумляютъ заблудшихъ довлѣющими средствами и сердечно,—безплодность «пренія о вѣрѣ» *только* на буквѣ старопечатныхъ книгъ съ разсчетомъ—«чѣя возьметъ»—давно уже признана и опытными миссіонерами, хотя и на почвѣ тѣхъ же старопечатныхъ книгъ, бесѣды съ отступниками ведутся теперь задушевно и съ полною любовью къ заблудшему брату, «не превозносящеюся не раздражающеюся, сорадующеюся истинѣ, все покрывающею и все переносящею (1 Кор. 13, 4—7). Но фактъ на—лицо: расколъ самъ по себѣ, а наша миссія—сама по себѣ. Нѣтъ слова, обращенія бывають; и намъ, въ нашей миссіонерской практикѣ, Господь не разъ посылалъ радость—послѣ нѣсколькихъ бесѣдъ съ отступническими начетчиками, обращать ихъ, а съ ними и многихъ ихъ послѣдователей, ко св Церкви. Но рѣчь—о всей отступнической массѣ. Масса эта по-

прежнему коснѣть въ обрядовѣрствѣ, идетъ за своими слѣпыми вождями, *боится* православія. Въ чемъ же дѣло? Да въ томъ, что, повѣривъ лжи, «древлеправославные» «тамо убоياшася страха, идѣ же не бѣ страхъ». Расколововожди понимаютъ духъ раскольнической массы и эксплуатируя послѣднюю въ потемкахъ раскола, ревниво оберегаютъ ее отъ Церкви Христовой: они стоятъ на китайской стѣнѣ раскола и выставляютъ для темнаго, но глубоко вѣрующаго старообрядческаго люда разныя пугала.

I.

«Китайская стѣна» нашего раскола, за которою существуетъ онъ, какъ нѣчто исторически—ископаемое 17 вѣка, это—«вѣра отцовъ». Мало поддается эта стѣна и такимъ увѣсистымъ стѣнобитнымъ машинамъ, какъ «Толковый Апостолъ», «Большой Соборникъ», «Маргаритъ», «Книга Кириллова», «Книга о вѣрѣ» и др. книги «божественнаго писанія», изданныя до патр. Никона. Православные миссіонеры подвижнически работаютъ, пробиваютъ средостѣніе между св. Церковью и расколомъ вѣрными, надежными орудіями, но отъ средостѣнія чаще всего—одни глухіе отзвуки...

И далеко еще, кажется, то время, когда глаголемые старообрядцы, при свѣтѣ истинной вѣры Христовой, познаютъ вѣру «своихъ отцовъ, какъ суетвѣріе.

Въ февр. 1900 г. мной были посѣщены съ миссіонерскою проповѣдью хутора Оренб. у. Матвѣевскій и Яковлевскій (отъ Оренбурга верстѣ 100 слишкомъ). Въ первомъ—ревнителі и стражи безпоповства, съ моимъ прїѣздомъ, распространили между «своими» слухъ, что «прїѣхалъ антихристъ со старыми книгами подъ щепотъ подгонять». Слушаясь своего старосты (хуторъ сплошь раск.), матвѣевцы на бесѣду, правда, явились. Часа четыре говорилъ я имъ «отъ любезныхъ, для нихъ книгъ» о погибѣтности безпоповства, старался всячески разшевелить ихъ, вызвать на возраженіе. но... увы: они только по-сматриваютъ то на книги, то на меня и посматриваютъ такъ, что нѣтъ-ли де на книгахъ-то какой печати, а у меня—роговъ, и хвоста. «Останемся въ той вѣрѣ, какую предали намъ отцы наши»,—одно только и услышалъ я отъ нихъ.

Въ хуторѣ Яковлевскомъ (сплошь почти бѣглопопов.), раскольники, прослушавъ меня часа 3, заявили только: «говорить отъ писанія мы не умѣемъ, ничего вы у насъ не теряли, нечего вамъ и ѣздить сюда,—все равно ничего не будетъ: какъ были отцы наши, такъ и мы». Пользуясь заявленіемъ, стараюсь найти какъ-нибудь себе-сѣдниковъ. Но слышится одно: «ступай, ступай себѣ, откуда пріѣхалъ».

Въ январѣ 1900 г. въ Сакмарской станицѣ (Орен. у) имѣлъ мѣсто такой случай. Дѣвица К—ва изъ раскольникьяго семейства пожелала присоединиться къ православію и выйти замужъ за православнаго казака В—ва. Сочетать свою дочь законнымъ бракомъ съ православнымъ хотѣлось и родителю ея казаку К—ву. Последняго пугала только кара, которую онъ неминуемо долженъ былъ понести отъ наставниковъ, выдавъ свою дочь за «никонианина». На всякій случай онъ идетъ освѣдомляться къ наставнику Ѳ. И. К—ву (нынѣ уже покойному), приметъ ли онъ его «въ общеніе», если дочь его выйдетъ замужъ за православнаго. Наставникъ сказалъ, что за этотъ грѣхъ грозитъ «отлученіе» на два года, въ продолженіе которыхъ отлученный долженъ ежедневно класть по нѣсколько лѣстовокъ поклоновъ (лѣстовка—100 покл.). Убоялся казакъ К—въ грозной епитеміи, да боязно и дочь свою губить—выдавать ее насильно за раскольника (а сватали ее и раскольники). Сталъ онъ искать выхода изъ своего затруднительнаго положенія и скоро этотъ выходъ представился ему въ видѣ откупа отъ епитеміи: въ станицѣ давно водится, что отъ епитеміи откупаются,—нанявши за себя читать псалтырь и каноны и класть поклоны—особыхъ читалокъ. Идетъ казакъ К—въ къ читалкамъ—старымъ дѣвамъ—«торговаться за епитемію,»—спрашиваетъ, сколько онѣ возьмутъ замолить двухлѣтнее отлученіе съ поклонами по нѣсколько лѣстовокъ въ день. Читалки высчитали, что эта епитемія будетъ равняться сорокократному прочтенію псалтири (сорокоустъ) и запросили съ него сорокъ рублей. Новое затрудненіе для отца несчастной невѣсты: чтобы откупиться отъ епитеміи, нужно, оказалось, продать по мѣстнымъ цѣнамъ двухъ быковъ, а у него всего шесть (плугъ), продать двухъ быковъ отъ плуга—значить разстроить свое хозяйство. Посоветовавшись съ близкими родными, казакъ К—въ рѣшился оставить свою затѣю и выдать дочь за раскольника,—быки будутъ цѣлы. Новый женихъ рас-

кольникъ Н—въ на правахъ «нареченнаго» начинать уже «гостевать», по обычаю станицы, у своей невесты; но послѣдняя еще падѣтся повѣнчаться съ православнымъ, въ противномъ же случаѣ грозитъ кончить жизнь петлей. Послѣ долгихъ испытаній ей удалось таки присоединиться къ св. Церкви и повѣнчаться съ православнымъ. Отцу ея не пришлось и посмотреть на ея бракосочетаніе,—онъ въ это время сидѣлъ въ карцерѣ при станичномъ правленіи за поведеніе своей дочери. Переночевавъ въ карцерномъ заключеніи, бѣдный отецъ покинувшей расколъ невесты былъ оштрафованъ вдобавокъ на 10 рублѣй — якобы за безчестіе раскольничьяго жениха. Нужно думать, что въ Сакмарскомъ станичномъ правленіи, въ коемъ атаманствуютъ всегда закоренѣлые раскольники и въ коемъ православные почти не имѣютъ голоса, все это сдѣлано «на законномъ основаніи». Отъ епитеміи казакъ К—въ выходитъ не отдѣлаясь таки... И все—изъ—за «вѣры отцовъ».

Въ Орскомъ уѣздѣ есть еще такіе уголки, гдѣ ревнители «древняго благочестія», если имъ печально приходилось оскверняться «никоніанскою» ложкою, тотчасъ бѣжали къ ручью или колодезю и полоскали ротъ водой съ восьмиконечнаго креста,—и свою икону, если предъ ней хоть разъ перекрестился православный, омывали св. водой и оказывали ладонемъ, какъ «олюбодѣйствованную».

Насколько фанатично еще «стояніе» раскольниковъ за «вѣру отцовъ», можетъ показывать такой фактъ. Одинъ изъ раскольниковъ хут. Сарбая (Орск. у. верстъ 230 отъ Оренбурга) Андр. Б—ъ, бесѣдуя однажды со своими однохуторянами о перстосложеніи и заставляя ихъ, что онъ за двуперстіе готовъ на всякія жертвы, поднялъ свою десницу съ двуперстнымъ сложеніемъ и изрекъ съ непоколебимою рѣшимостью: «я съ этимъ и въ адъ пойду». Комментаріи излишни.

II.

Подъ темнымъ покровомъ раскола для стоятелей за «вѣру отцовъ» ошибочныя сужденія разныхъ писателей и авторовъ статей старопечатныхъ книгъ идутъ еще за догматы, и раскольничьи массы (преимущественно безпоповцы) продолжаютъ еще ими руководствоваться, утверждаться и назидаться въ «вѣрѣ».

Не такъ еще давно одинъ изъ раскольниковъ хут. Петропавловскаго, Орск. у. (210 верстъ отъ Оренбурга), подстригъ себя усы... Съ ужасомъ замѣтили «древлеправославные» эту «блудолюбнаго образа прелесть душегубительныя помраченныя ереси» и созвали соборъ. Собрались старики и наставники и мѣстные и карайгарекіе (50 верстъ отъ Петропавловскаго хут.),—всего человѣкъ до 80. «Подняли» древлепечатныя книги—«Кирилову», «Потребникъ», «Стоглавъ» и пр. и стали судить «великаго еретика». Ни живъ, ни мертвъ стоитъ еретикъ предъ соборомъ велемудрыхъ наставниковъ. «Проклинаю,—читаетъ одинъ изъ нихъ изъ Потребника Іосифовскаго (д.л. 12 об. и 13 чина «крещенія отъ ереси приходящимъ»),—богоненавидимую блудолюбнаго образа прелесть душегубительныя помраченныя ереси еже остригати браду: ей же бысть пачальникъ беззаконный Петръ гугнивый, римскій папа; во царѣхъ же тоя ереси начальникъ гноеименитый Константинъ Ковалинъ иконоборецъ; и въ той ереси и прочіи римстїи папы погрязошася, и вси латинстїи епископы и попове. Мнози же и мїрстїи человѣцы, умъ погубивше, низпадоша въ таковое прокаженіе лица своего губяще доброту Богомъ созданнаго имъ образа, ею же добротою украси Богъ человѣка по Своему образу и по подобию. Окаянїи же латыни въ ереси многія впадоша и на святыхъ иконахъ писаннымъ, Божію образу и святыхъ Его угодникъ, не поклоняются, ни почитаютъ; къ симъ же и своего благообразія ненавидятъ и ругаются ему, и проказятъ лице подобія своего, иже Божїима рукама сотвореннаго и такового богодѣланнаго благолѣпія не дастъ имъ діаволъ ни видѣти, но всегда поощряетъ ихъ остругати брады своя и усы притинати постригалы и бритвами». Прочитанъ и разсказъ изъ книги Кирилловой о введенїи брадобритія римскимъ папою изъ-за угожденія нѣкоей женѣ, которую папа звалъ къ себѣ на ложе (д.л. 235 и 236). Ясно было, что обыватель Петропавловскаго хутора уклонился въ латинскую ересь и долженъ быть, какъ еретикъ, отлученъ отъ Церкви. Такъ наставники и постановили. Виновному въ латинской ереси грозило изгнаніе изъ общества и другія непрїятности отъ фанатиковъ. Взмолился онъ «отцамъ благословеннымъ» и оправдывался въ своемъ грѣхѣ: «я, говорить, не подстригалъ усы, а только маленько обгрызъ ихъ». — «А, вотъ какъ!»—возопили старцы. «Еще же злѣйшее творять,—чи-

таеть одинъ изъ нихъ продолженіе того же мѣста изъ Потребника,— яко и своими зубы укусывають власы брады своея и усы, самоидцемъ подобящеса, его же не дѣлаху ни въ древнемъ законѣ, даннѣмъ отъ Бога Моисею, и въ новой благодати никто же того не творяще до совращенія преже реченныхъ еретиковъ“. Спихватился «еретикъ» и колѣнопреклонно сталъ просить стариковъ о снисхожденіи. Но старики твердо стояли на законѣ и отъ рѣшенія покарать олатинившагося по священнымъ канонамъ не отступали *).

III.

Разные цвѣтники и повѣсти, плоды фантазіи раскольниковыхъ мракобѣсовъ стараго времени, полные всякой нечѣстности, безнѣповщинской массой почитаются еще чуть не за „святое писаніе“.

Они переписываются съ благоговѣніемъ, распространяются съ ревностію, читаются и слушаются съ полною вѣрою. А въ чемъ называютъ они раскольника? Они повѣствуютъ о томъ, напр., что патр. Никонъ, виновникъ книжныхъ исправленій въ русской Церкви, якобы другъ сатаны, якобы онъ хитростью и обманомъ восхитилъ патріаршій санъ и все дѣлалъ по внушенію діавола. Въ одномъ, напр., таковомъ сказаніи о Никонѣ повѣствуется, что онъ самъ возложилъ на себя мертвую уже руку патр. Іосифа и самозванно, такимъ образомъ, сталъ патріархомъ и носителемъ «мертвой» благодати; въ другомъ — рассказывается о дружескомъ совѣщаніи патр. Никона съ сатаною — какъ бы истребить вѣру Христову на землѣ. Однажды, баснословится въ сказаніи, къ Никону приходитъ въ гости его близкій другъ и, не заставъ его дома, рѣшаетъ обождать въ прихожей. Отъ нечего дѣлать онъ прилежъ отдохнуть. Вдругъ, слышитъ онъ, входитъ Никонъ съ кѣмъ-то въ свою горницу и начинаетъ съ неизвѣстнымъ о чемъ-то совѣтываться. Другъ патріарха притворяется заснувшимъ и подслушиваетъ, о чемъ идетъ совѣтъ. Незвѣстный спрашиваетъ Никона: «а что насъ никто не услышитъ?» — «Въ прихожей мой другъ, — отвѣчаетъ Никонъ, — но онъ

*) Со словъ бывшаго на соборѣ безпоп. начетчика, нынѣ единовѣрч. свящ. хут. Петропавловскаго о. П. Самохина. См. нашу ст. въ «Оренб. еп. Вѣд.» за 1900 №№ 8—4 — «Къ характеристикѣ Орскаго раскола въ его прошломъ и настоящемъ».

спить и не может мѣшать нашему совѣту». Желая убѣдиться, что другъ, дѣйствительно, спить и ничего не слышитъ, Никонъ входитъ въ прихожую и начинаетъ колоть иглой въ пятку мимо спящему другу. Другъ, притворяясь спящимъ, якобы «сквозь сонъ» бормочить: «не балуй, а то я другу моему Никону скажу». Никонъ убѣждается и неизвѣстнаго убѣждаетъ, что другъ, дѣйствительно, спить. Совѣтъ продолжается. «Теперь,—говоритъ неизвѣстный,—крестъ Христовъ будетъ погранъ, а нашъ вознесенъ». Другъ въ прихожей случайно заглянулъ въ калонни патріарха и въ одной изъ нихъ видитъ восьмиконечный крестъ, а въ другой образъ Богоматери. «Теперь, Никонъ,—продолжаетъ неизвѣстный,—крести во имя мое—сатаны». Тутъ только другъ патріаршій понялъ, съ кѣмъ бесѣдуетъ Никонъ. «Если я стану крестить во имя твое, прямо во имя сатаны, отвѣчаетъ патріархъ, то и малый рабенокъ догадается о нашемъ совѣтѣ, — нѣтъ я буду крестить по прежнему — во имя Отца и Сына и Святаго Духа (при этихъ словахъ сатана грохнулся съ своего сѣдалища), только сдѣлаю нѣкую тайну въ крещеніи, и тогда все будутъ твои». Поднялся сатана, облобызавъ Никона и сказавъ ему: «вижу теперь, другъ мой, что ты премудрѣ меня, такъ и сдѣлай». На этомъ совѣтъ и кончился.

Приходилось и келейнику Никона наблюдать, по сказаніямъ, общеніе своего патріарха съ сатаной. Разъ, говорится въ раскольниковъ повѣсти о Никонѣ, патріаршій келейникъ входитъ въ никоннову горницу и видитъ тамъ бездыханный трупъ своего владыки. Въ великомъ изумленіи выбѣгаетъ келейникъ на улицу, чтобы дать народу знать о случившемся и вдругъ видитъ, что къ покоямъ Никона подкатываетъ коляска, изъ нея кто-то выходитъ и направляется прямо въ патріаршую горницу. Келейникъ послѣдовалъ за нимъ. Какъ только пріѣхавшій вошелъ въ горницу, Никонъ ожилъ и повелъ бесѣду. Прикатившій въ коляскѣ, оказывается, никто другой, какъ самъ сатана,—онъ привезъ изъ преисподней гостившую у него душу патріарха ¹⁾).

1 Списки того и другого сказаніе о Никонѣ есть у раскольниковъ Сарбайскаго хутора (см. ту же статью); приходилось намъ эти сказанія слышать и отъ раскольниковъ стан. Сакмарской Оренб.

IV.

Старики и «благословенные отцы» безпоповскаго раскола, стоя на стражѣ «вѣры отцовъ», нерѣдко прибѣгаютъ къ средствамъ обороны послѣдней однороднымъ съ пугалищными «цвѣтниками». Года три тому назадъ у меня была бесѣда въ ст. Сакмарской съ «никудышниками» (въ станицѣ свыше 6 тысячъ раскольниковъ и только нѣсколько десятковъ единовѣрцевъ). На бесѣдѣ были сотни раскольниковъ и человекъ десятокъ православныхъ (единов.). Отвѣтчиками со стороны безпоповцевъ были—старый казакъ С. Д. Матрюковъ и др. старики Сакмарской станицы. Въ доказательствахъ «отъ книгъ» защитники «древней вѣры» были слабы. Раскольничьи слушатели злились и шумѣли, кто какъ могъ. Тщась хоть чѣмъ-нибудь оборонить свое упованіе, Матрюковъ вынимаетъ изъ-за пазухи послѣднее свое оружіе: двѣ картины: одна напечатана серебряной краской, другая—черной. На первой изображено: по срединѣ престолъ,—на немъ дискосъ съ 7 просфорами и восьмиконечный крестъ, около престола—двуперстіе, дважды написано аллилуія и пр. «премудрые догматы» раскола. На второй—престолъ,—на немъ дискосъ съ 5 просфорами, четвероконечный крестъ, около—троперстіе, трижды аллилуія и пр. «никоніанскія новшества». Первая—съ подписью—«истинная церковь Христова», вторая—«Церковь никоніанская еретическая». «Вотъ ваша то церковь», презрительно ткнулъ Матрюковъ пальцемъ на черную картину.

— С. Д., обращаюсь къ собесѣднику, какой святѣйшій патріархъ благословилъ печатать такія картины? Въ отвѣтъ—одинъ шумъ и ругань.

— Ужели на престолѣ, на дискосѣ, при совершеніи дониконовской литургіи, когда-либо было 7 просфоръ, а не одинъ частицы—св. агнца и др., спрашиваю собесѣдниковъ.

Собесѣдники шумятъ и переводятъ разговоръ на другія темы.

Отклонивъ послѣднія общаніемъ вести по нимъ особыя бесѣды (которыя на другой день и велись), продолжаю вести бесѣду «отъ картинъ».

— Допустимъ, говорю, что картина съ семью просфорами изображаетъ *истинную Христову Церковь*, ну что же у васъ то совершается литургія, хотя на семи просфорахъ?

Отвѣтчикамъ-безноповцамъ вопросъ на столько былъ «не по нутру», что С. Д. свернулъ картинки и спряталъ ихъ на прежнее мѣсто. Было—уже за полночь. Бесѣда кончилась. На слѣдующій день бесѣда велась по другимъ предметамъ. О картинахъ собесѣдники уже не вспоминали.

Въ апрѣлѣ 1901 г. получаю отъ вождей сакмарскаго раскола письмо такого содержанія: «Г. миссіонеръ, Никита Михайловичъ! Неоднократно слушая бесѣды и указанія ваши изъ священнаго Писанія, мы имѣемъ ревностное желаніе въ послушаніи и приходимъ къ убѣжденію отъ многого вразумленія. Въ виду этого мы въ предстоящій праздникъ—Пасху желаемъ быть вашими послушниками, а потому просимъ не откажитесь пожаловать къ намъ, какъ вамъ дозволитъ время, продолжить бесѣду. Остаемся въ ожиданіи васъ послушники сакмарцы: казакъ Иванъ Назинъ, казакъ Семень Матрюковъ, казакъ Иванъ Климонтовъ, казакъ Димитрій Завьяловъ, урядникъ Василій Тушмановъ, казакъ Степанъ Климонтовъ, Матвій Правдинъ»... Письмо вызвано было, какъ потомъ уже я узналъ, главнымъ образомъ появленіемъ въ станицѣ Саратовскаго начетчика спасова согласія Мошкова. Мошковъ смутилъ Сакмарцевъ своею проповѣдью о повсюдномъ и конечномъ истребленіи во дни антихриста жертвы Христовой и іерархіи. Держась по этому предмету другого упованія ¹⁾ и не будучи въ состояніи защитить его предъ спасовцемъ, Сакмарцы и вздумали воспользоваться помощью православнаго миссіонера; имъ хотѣлось слышать доказательства вѣчности жертвы Христовой, которыхъ они спасовцу привести были не въ силахъ. Въ письменномъ отвѣтѣ Сакмарцамъ мной назначены были на свѣтлой недѣлѣ дни для бесѣды. Мошкову было сообщено о нихъ, но онъ, къ неудовольствію Сакмарцевъ, оставилъ станицу раньше срока, назначеннаго для бесѣды, пообѣщавъ пріѣхать бесѣдовать на Троицынъ день. При-

¹⁾ Сакмарскіе никудышники за причастіе имѣютъ какіе то сухарики, якобы съ частицами запаснаго агнца, освященнаго благочестивыми священниками—еще до п. Никона.

бывъ 7 апрѣля въ станицу, я встрѣтилъ далеко не такой пріемъ Сакмарскихъ раскольниковъ, на какой могъ разсчитывать, судя по ихъ письму. Бесѣда все-таки состоялась. Слушателей собралось свыше 200 человекъ, почти все никудашники. Возражатели прежніе мои собесѣдники (Вас. Тушкановъ, Н. Матрюковъ, Ив. Назинъ и др.) въ «Писаніи» были слабы и вели разговоръ больше на постороннія темы. Пришло 20 мая. Къ 11 часамъ утра я былъ уже въ станицѣ. Освѣдомляюсь, вызванъ ли Мошковъ. Оказывается, его вызывали телеграммой, но онъ отказался пріѣхать. Въмѣсто него вызванъ начетникъ крестьянинъ Пензенской губерніи Иванъ Лопаткинъ.

Лопаткинъ явился на бесѣду во всеоружіи и старопечатныхъ книгъ и церковно-историческихъ и богословскихъ сочиненій нашихъ православныхъ авторовъ. Пробесѣдовавъ два дня, на третій (хотя бесѣда была назначена) Лопаткинъ уѣхалъ во-свояси ¹⁾. Въ качествѣ собесѣдника выступилъ опять С. Д. Матрюковъ. Доведенный до безотвѣтности «отъ книгъ» ²⁾, мой старыи собесѣдникъ, желая лишить меня всякаго довѣрія со стороны слушателей старообрядцевъ, повелъ вдругъ такую рѣчь: «Никита Михайловичъ пріѣхалъ насъ учить, а вы знаете, слушатели, кто онъ такой? Онъ учитель семинаріи, а семинарія есть созданіе двухъ злѣйшихъ еретиковъ—Симона и Арія (Симонъ + Арій = семинарія—созвучіе), какъ же мы ему будемъ вѣрить?» Больше безпоповцу ужъ ничего не оставалось дѣлать, какъ отпугнуть отъ меня слушателей «семинаріей»...

V.

Раскольничьи грамоты, промышляющіе «въ отъѣздъ», и продающіе раскольникамъ свою дешевую по существу начитанность за дорогую цѣну, въ критическихъ случаяхъ—безотвѣтности «отъ Писанія», тоже прибѣгаютъ къ пугаламъ. Въ мартѣ 1900 г. въ деревню «Ключи» Оренб. у. раскольники вызвали для бесѣды со мной извѣст-

¹⁾ Бесѣды описаны въ «Оренб. еп. Вѣдом.» №№ 16—20 1901 г. въ нашей статьѣ: «Сакмарскій расколъ за послѣднее время и его защитники».

м. туже статью.

наго адвоката австрійскаго раскола Ив. Усова. Усовъ явился, какъ и всѣ его товарищи по ремеслу, съ большимъ запасомъ книгъ нашихъ православныхъ богослововъ и полемистовъ противъ раскола и произведеній швецовскаго пера (старопечатной книги — ни одной). Бесѣда продолжалась двое сутокъ ¹⁾. Къ какимъ иногда по истинѣ шарлатанскимъ приемамъ самообороны прибѣгаютъ апологеты раскола, за недостаткомъ дѣйствительныхъ доказательствъ «отъ Писанія» правоты своего упованія, можно видѣть изъ слѣдующаго. Зашла у насъ рѣчь объ еретичествѣ «бѣлокриницкаго устава» и лже-архіерея Оп. Швецова — о подлѣтномъ рожденіи Сына Божія. Усовъ беретъ «Опытъ православнаго догматическаго богословія» еп. Сильвестра и держать слово: «г. миссіонеру, прежде чѣмъ обвинять насъ въ ереси, какой мы не содержимъ (Усовъ то слабо оправдывалъ Швецова, то указывалъ на его раскаяніе 1888 г. предъ соборомъ лже-епископовъ въ Москвѣ), лучше бы посмотрѣть въ свои то книги и на свою церковь: вотъ его церковь то дѣйствительно содержитъ аріанскую ересь» и читаетъ со стр. 341, 2 т. «Опыта» еп. Сильвестра: «имя Отца и Сына не есть что-либо существенное въ Богѣ, а случайное, зависящее отъ Его отношеній къ міру по домостроительству, и было время, когда Богъ не былъ Отцомъ, равно какъ было время, когда не было Сына», и затѣмъ съ 286 стр. того же тома «Опыта»: «Слово (Богъ) являлось Аврааму, Исааку, Іакову и Моисею. Являющееся Слово было Богъ, но не творецъ всего». Вотъ что проповѣдуетъ епископъ господствующей Церкви, да еще докторъ богословія, — закончилъ Усовъ свою обвинительную рѣчь.

Беру у него книгу и читаю со страницъ, гдѣ онъ находилъ ереси за преосв. Сильвестромъ. На стр. 286 написано: по ученію Іустина (мученика философа) «являющееся Слово было Богъ, но не творецъ всего, а иной по числу, а не по волѣ, потому что Оно дѣлало только то, что сотворившему все Богу, выше Котораго нѣтъ другого Бога, угодно было, чтобы Оно дѣлало и говорило» (*Dialog cum Triph.* п. 56). — «Почему вы, Ив. Гр., — спрашиваю Усова, во-первыхъ не дочитали словъ Іустина Философа, а во-вторыхъ — выдали ихъ за

1) Содержаніе бесѣды описано въ нашей статьѣ, — Чѣмъ и какъ обобраняется расколъ въ Оребѣ. у. — „Оребѣ. Еп. Вѣдом.“ 1900 г. № 7—10.

слова преосв. Сильвестра? Отвѣчайте». Усовъ—не моя очередь говорить. Читаю со стр. 341 «Опыта»—«Тертуллианъ... утверждаетъ, что имя Отца и Сына не есть что-либо существенное въ Богѣ, а случайное, зависящее отъ Его отношеній къ міру по домостроительству и что было время, когда не было Сына» (Advers. Hermog. с. 3). «Не трудно видѣть,—говорить далѣе отъ себя преосв. Сильвестръ.—что во всемъ этомъ выражается не та мысль, чтобы Сынъ не существовалъ отъ вѣчности, какъ ипостась, а та, что, существуя отъ вѣчности въ Богѣ, какъ Его внутреннее Слово, только по выхожденіи Своемъ изъ Бога для творенія, Онъ открылъ Себя, какъ Сынъ... Но она облечена въ такую грубую и произвольную форму, которая могла годиться только для свіонейскаго воззрѣнія, и которою, какъ извѣстно, впослѣдствіи пользовались аріане, вкладывая въ нее мысли, совершенно чуждыя Тертуллиану».—Ужели у васъ, Пв. Гр., обращаюсь къ Усову,—хватаетъ совѣсти на такія продѣлки: прочитать два-три слова, выхваченныя безъ всякой связи изъ ученія Тертуллиана, и выдавать ихъ за еретическое ученіе преосв. Сильвестра и православной Церкви? Такъ вотъ какъ вы находите въ нашихъ книгахъ ереси!

Усовъ. Еп. Сильвестръ находитъ ученіе Тертуллиана правильнымъ, — на стр. 349 и 350 онъ пишетъ: «Не трудно видѣть, что ученіе Тертуллианово о единосущии и нераздѣльности Божескихъ лицъ въ общемъ и существенномъ является вѣрнымъ и согласнымъ съ церковною вѣрою въ божественность Св. Троицы».

Беру опять «Опытъ» и читаю отвернутыя Усовымъ страницы: непосредственно за словами, на которыхъ остановился мой собесѣдникъ, преосв. Сильвестръ пишетъ: «Но нельзя не замѣтить, что въ своихъ частностяхъ и подробностяхъ оно еще не достигаетъ той точности и определенности, какую получило въ Никейскій періодъ. Хотя Сынъ и Духъ представляются у Тертуллиана обладающими тѣмъ же божескимъ существомъ, какимъ обладаетъ и Отецъ, но Они являются въ то же время какъ будто не вполне равносущными сравнительно съ Отцомъ... Этотъ недостатокъ въ воззрѣніи Тертуллиана произошелъ отъ того, что различія Божескихъ лицъ онъ сталъ искать по преимуществу въ самомъ существѣ Божіемъ, а не въ образѣ существованія этого существа». — Какимъ это образомъ вы, Пв. Гр., —

обращаюсь къ собесѣднику, — въ этихъ словахъ пресв. Сильвестра узрѣли одобреніе его указанному *недостатку* въ ученіи Тертуліана? Въсто отвѣта Усовъ сталъ переводить бесѣду на другія темы.

Неудача въ оболганіи «Опыта» еп. Сильвестра въ еретичествѣ не вразумила, однако, моего собесѣдника. Въ дальнѣйшей бесѣдѣ онъ пытается оболгать митр. Макарія. Разглагольствуя о томъ, что п. Никонъ въ извѣстной «памяти» 1653 г. якобы проповѣдывалъ «непоклонническую» ересь, Усовъ беретъ 12 томъ «Исторіи русской церкви» м. Макарія и со стр. 118 читаетъ... «нредъ наступленіемъ Великаго поста въ 1653 году Никонъ разослалъ по всѣмъ церквамъ московскимъ слѣдующую «память»: «по преданію св. Апостолъ и св. отецъ, не подобаетъ въ церкви метанія творити на колѣну, но въ поясъ бы вамъ творити поклоны; еще тремя персты бы есте крестились». Вотъ свидѣтельство о Никонѣ вашихъ же пастырей, враговъ вашихъ, а «свидѣтельства отъ врагъ, по Златоусту, достопріятнѣйши суть», заключилъ свою рѣчь мой собесѣдникъ. Какая совѣсть у развѣзжихъ защитниковъ раскола, можно судить потому, что Усовъ, такъ часто обзывающій православныхъ миссіонеровъ «безстыжими рожами», не обнаружилъ никакихъ признаковъ стыда, когда ему читались съ той же страницы «исторіи» м. Марія слова, стоящія рядомъ съ приведенными имъ: «Въ такомъ сжатомъ видѣ передаетъ «память» *протопопъ Аввакумъ*, но относительно поклоновъ передаетъ неясно и не точно, конечно, не безъ намѣренія. Никонъ,—въ чемъ мы убѣдимся впослѣдствіи,—указывалъ вовсе не то, чтобы православные не клали вообще земныхъ поклоновъ въ церкви, а только лишь, чтобы въ св. Четыредесятницу, при чтеніи извѣстной молитвы св. Ефрема Сирина, не клали православные однихъ земныхъ многочисленныхъ (числомъ до 17) поклоновъ, какъ дѣлалось у насъ тогда, но клали бы поклоны поясные, кромѣ только четырехъ земныхъ». Отъ подобныхъ фокусовъ Усовъ не удерживался и потомъ, и все къ своему стыду. Желая «не ударить лицомъ въ грязь» своей «древлей» вѣры, онъ въ концѣ бесѣды, уже чуть не въ судорогахъ, вынимаетъ изъ кармана засаленный номеръ какой-то газетки и оретъ что есть силы: «слушатели, вы судьи наши, послушайте, что пишутъ въ ихъ газетахъ: «Проваль монастыря»: господствующая церковь отняла у насъ въ Ста-

вропольской епархіи монастырь и обратила въ единовѣрческій и онъ провалился»...—Ив. Гр., стараясь успокоить Усова, газетками ужъ стали защищать свою вѣру-то; провалился вашъ монастырь, ну и пусть бы себѣ, — можетъ быть, вашему монастырю преисподняя — лучше святыни Христовой, говорите дѣло, — какая ересь въ нашей церкви, противъ какого «св. Писанія», какихъ соборовъ и св. отецъ мы учимъ?

Усовъ продолжалъ безобразничать и пугать старообрядцевъ «проваломъ монастыря».

Въ январѣ минувшаго года въ г. Троицкѣ я имѣлъ нѣсколько публичныхъ бесѣдъ съ начетникомъ поморскаго «законно-брачнаго» согласія Арт. Черчимцевымъ, вызваннымъ троицкими старообрядцами изъ г. Саратова ¹⁾. И этотъ защитникъ «древляго благочестія» нерѣдко въ минуты безотвѣтности «отъ книгъ» прибѣгалъ къ такимъ же приемамъ обличенія «никоніанства», къ какимъ—и Усовъ. Приведу два три примѣра. Баснослова о «никоніанскихъ» ересьяхъ, Черчимцевъ, напр., ссыался для подтвержденія своихъ обвиненій на св. Церковь на слова проф. П. Смирнова. «Когда, во дни патр. Никона, въ текстѣ богослужебныхъ книгъ были произведены пере-мѣны... тогда совершилось великое «отступленіе» отъ вѣры, по подобію того, какъ это случилось сначала съ Западомъ, а потомъ, по его вліянію, съ греками и русскими уніатами. Русское православіе тогда «неисцѣльно испроказилось» латинскими ересьями и такимъ образомъ явилось богопротивное «никоніанство».

Обманъ былъ разоблаченъ: слова, пришедшіяся по душѣ раскольничьему начетнику, въ «исторіи» Смирнова—поставлены въ ковычкахъ, какъ чужія. На Черчимцева это не воздѣйствовало. И въ дальнѣйшей бесѣдѣ онъ продолжалъ «огрызать писанія, непшуя избѣжать обличенія» (Марг. л. 428). Въ бесѣдѣ о древности «троеперстія» я сослался, между прочимъ, на 50 вопросъ и отвѣтъ «Православнаго исповѣданія» Петра Могилы. И что же слышу отъ собесѣдника: «почтенные слушатели, миссіонеръ ссылается на «Исповѣданіе» Петра Могилы; да вѣдь это «исповѣданіе» давно уже проклято,

¹⁾ Бесѣды описаны въ нашей статьѣ „Паразиты на почвѣ раскола“, — „Оренб. Епарх. Вѣд.“ 1902 г., №№ 8—14.

а не благословлено, какъ онъ намъ вычитывалъ, восточными патріархами; вотъ что пишется о немъ въ «Очеркахъ исторіи зап.-русск. церкви» Чистовича: «это восточное исповѣданіе проклято всѣми восточными патріархами, какъ исполненное ересей латинскихъ, лютеранскихъ и кальвинскихъ»; да и всѣ то другія книги господствующей церкви странныя: вотъ ея требникъ искусныя правила попомъ предписываетъ: «аще дитя во чревѣ, крестити его невозможно, аще же пожелаетъ глава, крестити можно»; вотъ такъ хорошо,—крестишь Ивана, а выйдетъ Татьяна!» Вотъ на какія книги ссылается миссіонеръ.

Беру у начетника «Очерки» и читаю ту же страницу, какую читалъ и онъ, оказывается (что и разоблачаю предъ слушателями), въ «Очеркахъ» слова: «это восточное исповѣданіе проклято восточными патріархами»... относится не къ «Православному исповѣданію» Петра Могилы, изд. 1643 г. въ Кіевѣ и одобренному въ Яссахъ, Константинополѣ и Іерусалимѣ, а къ «Восточному исповѣданію», изданному неизвѣстнымъ авторомъ въ Женевѣ въ 1629 году за произведеніе Кирилла Лукариса; объ этомъ именно «исповѣданіи» въ «Очеркахъ»—на прочитанной Черч. страницѣ и рѣчь. Уличенный въ такой явной лжи, начетникъ мало смутился: не впервые ему, видимо, доводится такъ защищать, «древлее благочестіе»... Ссылка Черчимцева на требникъ, гдѣ повелѣвается крестить единую голову показывающагося на свѣтъ младенца, оказалась настолько же добросовѣстною: требникъ этотъ Черч. выдалъ за православный, а на самомъ дѣлѣ онъ униатскій и изданъ, какъ прочитано мной съ выходного листа, «повелѣніемъ пресвѣтлѣйшихъ *польскихъ королей*»; въ 8 чл. Сим. вѣры въ немъ имѣется католическая прибавка «и отъ Сына» и въ концѣ помѣщена грамота папы Піуса.

Вотъ они передовые-то стоятели за «вѣру отцовъ» и вотъ ихъ послѣднія средства къ удержанію темнаго, но по существу очень религіознаго старообрядческаго міра отъ воссоединенія его со св. Православною Церковью. Отверзи Господи, его «умныя» очи, да «во свѣтѣ Твоемъ узритъ свѣтъ».

Н. Гринякинъ.

Итоги полемики по поводу проповѣдничества священника Г. Петрова и историческая справка.

I.

Въ послѣднее время произошелъ въ печати горячій религіозный споръ на почвѣ общественной,—споръ о законномъ характерѣ священническихъ поученій. Въ полемикѣ приняли участіе нѣсколько священниковъ, нѣсколько богослововъ мірянъ, нѣсколько даже женщинъ и еще нѣсколько мірянъ. Такъ какъ отъ разныхъ взглядовъ на проповѣдничество популярнаго въ Петербургѣ священника Григорія Петрова споръ перешелъ уже на *общее существенное* понятие о священническомъ проповѣдничествѣ въ православной Церкви, то предметъ возбуждаетъ вниманіе уже каждаго искренняго члена Церкви Христовой и вызываетъ къ болѣе основательному споконному его разъясненію.

Почтенный магистръ богословія И. В. Преображенскій въ небольшой брошюрѣ ¹⁾, изданной имъ въ концѣ года, высказалъ свою *неудовлетворенность антицерковными приѣмами и характеристическими* чертами прослушанныхъ имъ публичныхъ поученій непереходскаго священника Григорія Петрова.—«Объ о. Петровѣ немало говорила и печать какъ духовная, такъ и свѣтская. Позволимъ себѣ и мы,—пишетъ въ своей брошюрѣ г. Преображенскій,—высказать наше мнѣніе объ о. Петровѣ и притомъ исключительно какъ о духовномъ ораторѣ. Безспорно, о. Петровъ ораторъ выдающійся по своему краснорѣчію. Рѣчь его совершенно свободная, точная, образная, одушевленная, льется бурнымъ потокомъ. Видимо, обиліе мыслей переполняетъ его голову, и онъ спѣшитъ перелить ихъ въ умы сво-

¹⁾ Новый и традиціонный духовные ораторы, оо. Григорій Петровъ и Іоаннъ Сергіевъ (Кропштадтскій). Критическій этюдъ. 1902 г. стр. 22.

ихъ слушателей. Выдающійся по краснорѣчію о. Петровъ является совершенно своеобразнымъ по содержанію своихъ бесѣдъ. Предметъ послѣднихъ—уроки нравственной жизни, Царствіе Божіе (которое, по его мнѣнію, совсѣмъ не то, что Царство Небесное). Мы, по крайней мѣрѣ, не слыхали ни одной его бесѣды догматическаго содержанія.—Но не столько обращаютъ на себя вниманіе темы, которыя трактуетъ ораторъ, сколько способы ихъ раскрытія,—тѣ поясненія и доказательства, которыя при этомъ онъ употребляетъ. Въ этомъ отношеніи о. Петровъ, пастырь православной Церкви, стоитъ совершенно особнякомъ. Никакимъ образцамъ онъ не слѣдуетъ, и даже болѣе того, ораторствуетъ наперекоръ всѣмъ образцамъ. — Прежде всего о. Петровъ не позволяетъ себѣ ссылокъ на какіе-либо авторитеты Церкви, включительно до ея отцовъ и учителей. Онъ ихъ положительно игнорируетъ.—Духовныя свои бесѣды о. Петровъ старается дѣлать не только назидательными, но и интересными вообще. Идеи свои онъ развиваетъ, главнымъ образомъ, на основаніи собственныхъ наблюденій надъ жизнью, на историческихъ фактахъ и явленіяхъ, на авторитетѣ мыслителей свѣтскихъ, до языческихъ включительно,—заимствуетъ нужныя ему доказательства изъ литературы русской и иностранной, приводитъ газетныя сообщенія,—словомъ, отовсюду беретъ онъ подходящий, по его мнѣнію, матеріалъ, изъ котораго и строитъ задуманное зданіе, и, нужно замѣтить, при постройкѣ выдерживаетъ свой стиль до мельчайшихъ подробностей. Одного лишь онъ и мелькомъ не касается, одно только игнорируетъ съ непобѣдимымъ упорствомъ, — это христіанскую Церковь и ея исторію. Для о. Петрова ихъ какъ бы и совсѣмъ не существуетъ...»¹⁾).

Для подтвержденія характеристики бесѣдъ священника Петрова въ указанномъ отношеніи г. Преображенскій отмѣчаетъ нѣсколько выдающихся частныхъ изъ его бесѣдъ, а также извращеній свящ. Г. Петровымъ ученія Церкви, напримѣръ объ Іудѣ Предателѣ, которое Церковь основываетъ на словахъ Св. Писанія.

Прочитавъ брошюру г. Преображенскаго, почтенный профессоръ С.-Петербургской духовной академіи, А. А. Бронзовъ, на одной стра-

¹⁾ См. брошюру стр. 4, 5 и 15.

лицъ «Церковнаго Вѣстника» (№ 48) сдѣлать нѣсколько характерныхъ выписокъ изъ означенной брошюры и высказать свое естественное удивленіе и возмущеніе антицерковнымъ приѣмомъ и характеромъ религіозныхъ бесѣдъ священника Г. Петрова о Евангельскихъ блаженствахъ, объ апостолахъ и о крестныхъ страданіяхъ Христа Спасителя... — «Мы — нишеть въ заключеніи проф. Бронзовъ,—не слышали ни одной бесѣды о. Петрова, да и не собираемся слушать (намъ приходилось его *никогда* «слушать» при совершенно другихъ условіяхъ) Поэтому о своихъ впечатлѣніяхъ личныхъ не говоримъ. Своей критикѣ здѣсь не думаемъ предлагать. Все, что нами сказано, извлечено исключительно изъ упомянутой брошюры, за которую читатели должны быть благодарны талантливому автору. Читая ее, мы просто отказывались вѣрить: ужели возможны такіе, именующіе себя православными, пастыри? Ужели?! Если—да, то остается только развести руками. *Miracula et miranda!* Но какъ жаль слушателей такого проповѣдника, по сдѣланному имъ когда то заявленію, «готового ѣхать рядомъ съ Толстымъ хотя бы на трубѣ паровоза!»¹⁾.

Такой естественный протестъ въ церковной литературѣ почтенныхъ ученыхъ богослововъ противъ антицерковнаго характера вѣроучительныхъ бесѣдъ священника Г. Петрова не понравился поклонникамъ его ораторства. И, къ сожалѣнію, однимъ изъ первыхъ публичныхъ въ печати *защитниковъ антицерковнаго* ораторства священника Г. Петрова объявился нѣкій священникъ *В. К.*, который, *скрывъ свою личность подъ общую церковную рясу*, перенесъ сужденіе о характеристическихъ чертахъ религіозныхъ бесѣдъ священника Петрова изъ области духовной литературы на любимую такими лицами общественную арену гражданской ежедневной печати. И тутъ онъ вполне развязно, безъ сдержки цензурной, въ духѣ ежедневной неразборчивой мірской болтовни старается колоть магистра-издателя брошюры такими мелочами, чуждыми существа предмета, какъ напримѣръ: десятикопѣечной цѣною брошюры и типографскимъ пропускомъ въ окончаніи иностраннаго слова непроизно-

¹⁾ «Церковный Вѣстникъ», издав. при С.-Петербур. дух. акад. 1902 г. № 48, стр. 1523.

симой буквы, хотя это нисколько не мѣшаетъ понятному прочтенію слова. Затѣмъ титулуется книжку г. Преображенскаго, говорящую безъ намековъ, прямо, — «опытомъ инсинуаціи» какой-то, и укоряетъ г. Преображенскаго въ «прокурорскомъ вскрываніи души» священника Петрова. А почтеннаго профессора Бронзова этотъ *В. К.* (или икъсь, игрекъ) урекаетъ *въ пристрастіи* къ магистру издателю брошюры и еще даже въ *непониманіи дѣла*, о которомъ написалъ профессоръ, самъ инсинуируя на профессора такую фразу: «очевидно (?!), секретъ о *перъ магистра* парализовалъ у профессора-рецензента способность видѣть предметы въ ясномъ свѣтѣ»... Достается и *остѣмъ интеллигентнымъ* слушателямъ бесѣды священника Петрова, которыхъ огульно, безъ исключеній, этотъ, спрятавшійся подъ священническую рясу, анонимъ обвиняетъ въ „невѣріи ни въ Церковь, ни въ благодать таинствъ, ни въ пресвятую Богородицу, потому что они не признаютъ и божества Христа“... ¹⁾).

Г-нъ Преображенскій (въ № 344 „С.-Пет. Вѣд.“) еще разъ указалъ, «Какъ и кого учить священникъ Г. С. Петровъ» и далъ очень сдержанный и вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ на возраженія упомянутаго священника *В. К.* Но оставлено безъ отвѣта заключеніе этого, прикрывшаго церковною рясою свою личность, священника, гдѣ этотъ малодушный защитникъ Г. Петрова пишетъ: «Судить священника пастыря въ его пастырскомъ дѣланіи вообще не подобаетъ мірянину, а тѣмъ болѣе высказывать укоризну священнику необдуманно (это съ апрѣля-то до ноября—хороша необдуманность!..²⁾ *Надѣ пастыремъ* (то есть свящ. Г. Петровымъ) *есть свой судъ*».—На эту тираду объ общихъ отношеніяхъ пасомыхъ къ ихъ пастырю слѣдуетъ замѣтить по меньшей мѣрѣ то особенное обстоятельство, что священникъ Г. Петровъ не *пастырь слушателей* его случайныхъ, иногда даже иновѣрныхъ, и *законное пастырское дѣланіе его должно быть ограничено лицами, принадлежащими къ порученному его пастырству* Михайловскому артиллерійскому училищу. Дѣятельности въ этой его сферѣ міряне иныхъ приходовъ, осуждающіе антицерковный характеръ свящ. Г. Петрова,

¹⁾ «С.-Петербург. Вѣд.» 1902 г. № 332.

²⁾ Подстрочное примѣч. стр. 3 брошюры г. Преображенскаго.

не касаются, какъ подлежащей тому отдѣльному суду своего начальства, за которое прячетъ антицерковный характеръ вѣроучительства священника Г. Петрова спрятавшійся и самъ подъ рясу, малодушный анонимный защитникъ свящ. Г. Петрова. Но въ томъ-то и дѣло, что свящ. Г. Петровъ, постоянно *выходитъ изъ сферы, порученной его пастырскому дѣланію* въ артиллерійскомъ училищѣ, военноучебной паствы; онъ *идетъ и въ мѣсто не своего пастырства*, въ манежъ при Мраморномъ дворцѣ и тамъ, и къ себѣ въ учебное заведеніе привлекаетъ и принимаетъ лицъ, *пасомыхъ другими не модными церковноприходскими пастырями*. А эти-то пасомые далеко не всё и не такъ безвѣрны, какъ охарактеризовать ихъ анонимный священникъ; они научены вѣрѣ *отъ своихъ приходскихъ церковныхъ пастырей* во многомъ *не такъ, какъ учитъ священникъ Г. Петровъ*. И слѣдовательно они даже *обязаны поддерживать ученіе православно-церковное, которому они научены отъ своихъ церковныхъ пастырей*, хотя бы и съ пререканіями и оужденіемъ не лица свящ. Г. Петрова, а антицерковнаго характера проповѣдничества его и извращенія имъ вѣроученія. Это только и сдѣлали міряне, магистръ и профессоръ богословія, пасомые не свящ. Григ. Петровымъ.

Не убоился означеннаго неправильнаго запрещенія анонимнаго священника и г-нъ Петръ Поляковъ, который прекрасно раскрылъ *фальшь и недостойнство* для истиннаго христіанства практиковать модный характеръ вѣроучительства священника Г. Петрова и его защитниковъ. Такъ онъ (въ № 339 С.-Пет. Вѣд.) пишетъ: «Въ послѣднее время стали намъ все чаще и чаще рекомендовать *новый* путь въ дѣлѣ святаго благовѣстія, — именно, тотъ путь, о которомъ говоритъ священникъ *В. К.* и который онъ приписываетъ и популярному въ столицѣ проповѣднику о. Григорію Петрову. Что же это за путь (приспосаблимости)?—Онъ состоитъ въ слѣдующемъ. Прежде всего нужно представить себѣ, что эти отторгшіеся отъ Церкви свѣтскіе *индифференты*» (т. е. образованные люди, высшій интеллигентный классъ, такъ какъ въ замѣткѣ говорится, что о. Петровъ проповѣдуетъ не простому народу)—люди наивные до послѣдней степени, младенцы... Затѣмъ къ этимъ младенцамъ надо какъ можно искуснѣе подблываться во всемъ: къ ихъ наклонностямъ, пристрастіямъ,

обычаямъ, образу мышленія, ораторскимъ приѣмамъ и проч. до религіозныхъ заблужденій включительно. Нужно проповѣдывать имъ не того Христа, Который есть, былъ и будетъ, не то христіанство, которое составляетъ единую, истинную, спасающую Церковь вѣчную,— а того Христа и то христіанство, которые случайно, какъ сумма ошибочныхъ умозаключеній, явились въ богатой фантазіи нѣкоторыхъ поэтическихъ натуръ невѣрующей интеллигенціи... И матеріалъ для проповѣданія нужно черпать не изъ того источника, который традиціонно считается единственно гарантированнымъ отъ лжи и заблужденій всякаго рода, а изъ того, который соответствуетъ данному минутному настроенію общества, который считается въ данный моментъ моднымъ. Нужно, просто-на-просто, *обмануть* этого воображаемаго младенца—интеллигенцію, надѣть передъ нимъ маску моднаго оратора-проповѣдника и, такъ сказать, забавлять его до поры до времени, пока онъ, этотъ наивный малышъ молокососъ, «окрѣпнетъ въ своемъ движеніи къ Евангелію» и привыкнетъ довѣрять своему нарядившемуся «пастырю» въ фокусахъ-покусахъ...—Когда наступитъ эта желанная пора, тогда вдругъ можно будетъ сбросить съ себя всю бутафорию и торжественно объявить: братіе! это я все шутилъ съ вами, какъ съ дѣтьми, забавлялъ васъ. Теперь начнемте всерьезъ: все, что я вамъ хитро злоумудрствовалъ—одна ложь, одно сплошное заблужденіе. Забудете все это и пойдете за истиннымъ Христомъ, пойдете къ истинной Церкви, отъ которыхъ мы доселѣ отворачивались и которыхъ мы доселѣ не понимали!.. И предполагается, что поклонится эта самая удивительная интеллигенція своему «пастырю» и въ умиленіи скажетъ: ты пастырь нашъ, а мы овцы твои; веди насъ, куда хочешь... «И будетъ едино стадо и одинъ пастырь».—Видите, какъ искусно!.. По моему,—заключаетъ г. Поляковъ,—новый путь ввзосединенія интеллигенціи съ Церковью, предлагаемый новыми пастырями и уже нѣкоторыми смѣло практикуемый, по меньшей мѣрѣ путь фальшивый и недостойный истинныхъ христіанъ. Святую истину надо проводить въ жизнь путями святыми, а не ложными»...

Г-ну П. Полякову горячо возразила «отъ сердца» г-жа С. Д. Арсеньева (въ № 342 С.-Петерб. Вѣд.) и получила отъ него снисходительный отвѣтъ отъ сердца же, да еще дѣловой по существу, по

толкованію и примѣненію «новыми батюшками» указаннаго ею текста св. Писанія: *«будучи свободенъ онъ всѣхъ»*...—Онъ прекрасно разъяснилъ г-жѣ Арсеньевой и защищаемымъ ею «новымъ батюшкамъ» «то недоразумѣніе, которое порождаетъ въ нѣдрахъ Церкви Христовой столько горя и непріятностей истиннымъ сынамъ ея, столько ложныхъ путей и всякихъ сектантскихъ заблужденій... И,—заключаетъ (въ № 350 С.-Петерб. Вѣд.) г. Поляковъ,—*отстаивать отъ всякихъ покушеній святое, никогда неизмѣнное, Самимъ Господомъ Иисусомъ Христомъ на вѣчныя времена установленное православіе, это — долгъ всякаго истиннаго честнаго сына Церкви*»...

А между тѣмъ нашелся и еще петербургскій священникъ при церкви св. Пантелеимона, протоіерей Н. Г. Дроздовъ, который еще лѣтъ анонимнаго священника *В. К.* ополчился противъ мірскихъ богослововъ, неудовлетворенныхъ антицерковнымъ характеромъ религіозныхъ поученій священника Г. Петрова. Протоіерей Н. Дроздовъ, возражая противъ характеристики безцерковнаго вѣропроповѣдничества, названнаго г. П. Поляковымъ «Ложнымъ путемъ»,—пишетъ: «Въ № 337 С.-Петерб. Вѣд. сообщалось, что о. Петровъ допускаетъ лишь извѣстную приспособляемость къ слушателямъ, возбуждая въ нихъ, поклоняющихся будто-бы «невѣдомому Богу», интересъ къ истинамъ христіанства. Стало быть, онъ не «шутить» со слушателями, не «поддѣлывается къ нимъ во всемъ», а только *приспособляется*... Каждый пастырь, подражая высочайшимъ образцамъ, можетъ сѣять слово истины, соображаясь съ почвою душъ, можетъ утолять духовный голодъ и жажду разнообразною пищею, примѣняясь къ удобоваримости ея въ «утробахъ душъ и сердецъ» слушателей. Иному онъ дастъ высокія созерцанія, другому начатки ученія. Одному скажетъ «прямо», другому въ притчѣ, въ образѣ. И о. Петровъ,—если вѣрить газетному отчету, — сказалъ о пути поученія только то, что онъ могъ и долженъ былъ сказать. Онъ «приспособляется» къ слушателямъ, питаетъ ихъ «молокомъ», а не твердою пищею. Придетъ время, дастъ и твердую пищу, сказавши о молокѣ, что оно уже для нихъ не можетъ быть исключительною пищею. И только»...

Да, вѣдь, неудовлетворенные безцерковнымъ содержаніемъ учительства священника Г. Петрова и не думаютъ отвергать метода

приспособленія *законнаго, церковнаго* въ наученіи истинамъ христіанства. Выражаютъ неудовлетворенность только именно *безцерковностію* проповѣдничества священника Г. Петрова, постоянно проявляемой имъ въ упорномъ умолчаніи о Церкви Христовой, о ея таинствахъ св. отцахъ и учителяхъ Церкви. И еще самъ протоіерей Н. Дроздовъ тутъ же пишетъ, что особенность проповѣдничества священника Г. Петрова состоитъ въ томъ, что онъ питаетъ своихъ слушателей, *всѣхъ и всегда, только молокомъ*, а не твердою пищею. А если, несмотря на то, что многочисленные слушатели бесѣдъ и читатели статей его чрезвычайно разнообразны (отъ аристократовъ и людей образованныхъ до простолюдиновъ) и священникъ Г. Петровъ всѣхъ ихъ питаетъ только молокомъ, а не твердою пищею, то, следовательно, по невольному признанію даже и протоіерея Н. Дроздова, священникъ Г. Петровъ въ дѣйствительности «не приспособляетъ своего поученія къ большому различію своихъ слушателей и читателей...

Такимъ образомъ выяснилось, что оба пастыря Церкви, защищающіе священника Г. Петрова,—еще болѣе мірскихъ богослововъ *разоблачили незаконность, нецерковность* проповѣдничества священника Г. Петрова даже и въ приспособленіи наученія истинамъ христіанства...

«Всячески надо щадить доброе имя ближняго: оно дороже золота»,—такими словами закончилъ протоіерей Н. Дроздовъ статью свою въ противорѣчивую нелогичную защиту безцерковнаго характера проповѣдничества священника Г. Петрова. Но, несмотря на такой основной призывъ, *онъ же*—прот. Дроздовъ,—въ началѣ этой же статьи злобно поноситъ доброе и почтенное имя магистра богословія, автора вышеупом. брош., указавшей безцерковный характеръ поученій свящ. Г. Петрова. Онъ уподобляетъ магистра богослова «безсильному комару и злой мухѣ цеце, а уклоняющагося отъ церковности священника Г. Петрова—«льву и великану»... Протоіерей Н. Дроздовъ настойчиво пишетъ, что посѣваемое брошюрою г. Преображенскаго, сѣмя (т. е. *порицаніе безцерковности вѣуюпроповѣдничества*) «надо вырывать съ корнемъ, пока оно не вошло въ силу. *Змѣныша душатъ*, не дожидаясь того времени, когда онъ вырастетъ въ змѣю»...

И такія-то язвительныя, уничижительныя рѣчи о ближнемъ только за несогласіе съ указаніями его о характерѣ проповѣдничества одного лица и такое приглашеніе къ «задушенію такого змѣныша» идетъ изъ устъ христіанскаго протоіерея и оглашается въ печати!.. Это страшное, зловѣщее антихристіанское—*знаменіе времени!*..

Самые сильные защитники самопроизвольнаго безцерковнаго характера проповѣдничества «популярнаго» въ столицѣ «новаго батюшки», не находя достаточныхъ основаній въ его дѣятельности для опроверженія сдѣланныхъ указаній о нецерковности и вредности его проповѣдничества,—ругаютъ и объявляютъ заслуживающими задушенія всякія попытки къ выясненію вредности безцерковнаго проповѣдничества священникомъ Церкви... По существу предмета они не имѣютъ ничего для защиты вводимаго въ моду безцерковнаго вѣроученія и духа, которымъ увлекаютъ слушателей, какъ будто новооткрытою лучшею новизною, будто оригинальною симпатичностію такого проповѣдничества, когда *оно вовсе не ново, не оригинально и зловередно*сть его для христіанскаго общества уже давно испытана, познана и осуждена исторіею, какъ это и напоминаетъ здѣсь нѣсколько далѣе.

II.

Въ итогѣ горячо ведомаго безцензурнаго спора о законномъ и полезномъ характерѣ поученій христіанскихъ пастырей вообще и въ частности петербургскаго священника Г. Петрова оказывается, что защитники характерныхъ особенностей публичныхъ поученій свящ. Г. Петрова не представили *по существу предмета ничего*, опровергающаго указанія вышеупомянутой брошюры г. Преображенскаго. А въ декабрѣ 1902 года на защиту своего исключительнаго способа проповѣдничества выступилъ и самъ священникъ Г. Петровъ. По сообщеніямъ въ № 50 «Церковнаго Вѣстника» и въ хроникѣ № 337 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», на обычномъ религіозномъ чтеніи въ залѣ Артиллерійскаго училища священникъ Г. Петровъ объявлялъ цѣлью своихъ чтеній и бесѣдъ *возбужденіе интереса къ истинамъ христіанства въ учащейся интеллигентной молодежи*, которая мучится идеальными порывами, но служить *неведьмому* Богу. Этою цѣлью оправдываетъ онъ характеръ своихъ поученій,

такъ какъ цѣль его заставляетъ допускать практикуемую имъ *при-
способляемость* къ слушателямъ, что онъ и считаетъ самымъ
подходящимъ для современнаго проповѣдника ...

И вотъ, опять только столь обще, неопредѣленно, голословно, и даже вопреки дѣйствительному положенію дѣла высказался и самъ священникъ Г. Петровъ. Но самый наличный дѣйствительный составъ слушателей его поученій, особенно въ манежѣ при Мраморномъ дворцѣ, фактически опровергаетъ это декабрьское заявленіе священника Г. Петрова; да и ранѣе самъ же онъ сообщалъ, что въ манежѣ слушатели его состоятъ изъ *простыхъ* людей, *солдатъ, служителей*, и проч., а въ залѣ Артиллерійскаго училища—изъ интеллигентовъ разныхъ возрастовъ и положеній, съ эффектными *нарядами* дамъ, ароматомъ модныхъ духовъ и преобладаніемъ французской рѣчи, *являя собою видъ свѣтскихъ раутовъ* *)...—Эту же «разнохарактерность толпы и дамъ» модныхъ, а не только учащейся молодежи въ слушателяхъ священника Г. Петрова удостоверяютъ и въ настоящее время посѣтители его поученій (22 Декабря № 350 С.-Петерб. Вѣд.); порученная же его пастырству «военная молодежь толпится въ самыхъ отдаленныхъ углахъ залы и корридоръ»...

Также не оправдывается фактически и та часть декабрьскаго заявленія священника Г. Петрова, что (безцерковнымъ) характеромъ содержанія своихъ поученій онъ возбуждаетъ интересъ къ истинамъ христіанства. Слушатели его поученій свидѣтельствуютъ, что интересъ этотъ онъ *притупляетъ, заглушаетъ* безцерковнымъ и какимъ-то декадентскимъ характеромъ этихъ поученій. Безпристрастные слушатели прямо называютъ эти поученія «банальностями и побасенками съ сантиментальными цвѣточками» (С.-Петербургск. Вѣдом. 22 декабря 1902 г.) «Проповѣдь цѣликомъ почти состоитъ изъ сравненій болѣе или менѣе удачно и красиво подобранныхъ, но малодоказательныхъ. Тутъ и нѣмецкая живопись, и физическій опытъ съ мышенкомъ, задыхающимся подъ стекляннымъ колпакомъ, и сталактиты, и сталамиты, и спяленная Москва и стихотворныя цитаты... Когда чтеніе продолжается, яснѣе вырисовывается манера

*) Новый и традиціонный духовные ораторы и т. д. 1902 г. стр. 14, 12.

и стиль проповѣдника и усиливается *разочарованіе*... (№ 350 С.-Пет. Вѣдом.). А вотъ и еще свидѣтельство, какой интересъ къ истинамъ христіанства возбуждаютъ поученія священника Г. Петрова. «22 Ноября (1902 г.) я была на проповѣди или лекціи,—не знаю, какъ назвать,—о. Петрова, пишетъ его слушательница.—И я пришла писать изъ этого источника, и я пришла просить духовной пищи и *ушла еще болѣе жаждущая, еще болѣе голодная, съ туманомъ* въ головѣ, *со спутанными* мыслями и *съ ноющимъ* вопросомъ въ душѣ: *что это такое? для кого и для чего это?*..—Чтобы не быть голословной, я перечислю только всѣ пункты, всѣ скачки мыслей проповѣдника... (И, подробно перечисливъ, слушательница пишетъ:) Выходя съ этой лекціи, я чувствовала себя именно такъ, *какъ больной ребенокъ, котораго окормили и завертѣли* (по выраженію лектора). Мнѣ очень хотѣлось *спросить о. Петрова: что вы сдѣлали съ нами и что вы дали намъ?*.. Вы забросали насъ картинками, именами, числами, вы перескакивали изъ Хаанаана въ Венецію, отъ Золы къ Св. Екатерины, отъ прекрасной магометанки къ Фаусту, отъ нѣмецкаго извозчика къ Ильѣ Муромцу, отъ Рескина къ урчанію въ голодномъ животѣ... Было сказано о Горькомъ, Ибсенѣ, Зудерманѣ, Гаутманѣ и о Чеховѣ съ перечнемъ произведеній... Было говорено и о Микель-Анджело и о сторожѣ храма Спасителя въ Москвѣ; и о Маркѣ, и о Сенкевичѣ, и о Тургеневѣ, и о битвѣ русскихъ къ кабардинцами, при чемъ лекторъ рекомендовалъ оставить народъ (русскій) на чтеніи «Руслановъ Лазаревичей»... «Мы,—заключаетъ свой отчетъ слушательница,—утомились пестротой жизни отъ вѣчнаго исканія новыхъ формъ, красокъ и звуковъ, мы бѣжали отъ навязываемаго намъ настроенія, мы пришли къ вамъ съ жаждой простоты и истины, *мы просили хлѣба, вы дали намъ камень*, камень изъ богатой мозаики; вы слили въ одинъ, если хотите, красивый *потокъ словъ* массу мыслей, взглядовъ, сужденій, неоконченныхъ, неразработанныхъ, непродуманныхъ, непрочувствованныхъ, *вы затуманили насъ*, утомили образами и *отпустили такихъ же голодныхъ*, такихъ же усталыхъ, *какими мы пришли къ вамъ*»... *)

*) «Биржевыя Вѣдомости» 1902 г. (первое большое изданіе) № 322, Ноября 25. «Хлѣбъ или камень?» Н. Лухмакова.

Вотъ *такое-то* фактическое впечатлѣніе и тяжелое вліяніе производятъ безцерковный характеръ своеобразныхъ поученій священника Г. Петрова на мірянъ интеллигентовъ, въ заведеніи не учащихся, не толпящихся въ отдаленныхъ углахъ и корридорахъ, а заседающихъ въ залѣ и составляющихъ *большинство* его слушателей!..

Наконецъ для самой безпристрастной оцѣнки характера и вліянія безцерковнаго содержанія религіозныхъ поученій вообще и поученій священника Г. Петрова въ частности лучше всего обратиться къ исторіи и провѣрить: *действительно-ли полезенъ и новъ-ли* методъ безцерковнаго проповѣдничества истинъ христіанства?... И вотъ, исторія, — эта лучшая церковная и гражданская наставница, которой компетентность должны признать всѣ и поклонники безцерковнаго характера поученій священника Г. Петрова, — авторитетно свидѣтельствуемъ слѣдующее.

Въ концѣ среднихъ вѣковъ нашего лѣтоисчисленія гуманистическое направленіе, широко выдвинувшее права индивидуальной личности, разойдясь съ ученіемъ папской западной церкви, *искало опоры своимъ воззрѣніямъ за предѣлами христіанства*, которое гуманисты знали только въ формѣ папизма. Отвернувшись отъ злоупотребленій папской церкви, гуманисты нашли себѣ опору въ древней языческой классической литературѣ и пытались выработать новыя религіозныя христіанскія воззрѣнія, что было самою слабою стороною великой эпохи «Возрожденія». Подъ вліяніемъ реакціи противъ «норчи папской церкви» выработалось крайнее увлеченіе Платоновой и Аристотелевой философіею. Направленіе это сильно отразилось и на церковномъ проповѣдничествѣ того времени отчасти потому, что гуманисты, выходящіе изъ небогатыхъ классовъ населенія, не только не отказывались принимать *духовный санъ*, а даже *искали* его, *чтобы имѣть обезпеченное содержаніе* и доходы, *но они и въ духовномъ санѣ оставались свѣтскими людьми*—и по убѣжденіямъ и по жизни. Увлеченіе греческими и латинскими философами и поэтами и естествознаніемъ было тогда на западѣ столь велико, что темы изъ Аристотеля, Овидія, Одиссеи и вообще мудрыя изреченія философовъ, поэтовъ и ораторовъ въ проповѣдяхъ и поученіяхъ стали предпочитать словамъ св. Писанія. *При-*

времени, темы для проповѣдей охотно брали проповѣдники изъ басенъ Эзопа, изъ народныхъ пѣсенъ, напримѣръ въ Англіи изъ пѣсенъ объ Алисѣ, и даже изъ уличныхъ пѣсенъ, и доходило до того, что *проповѣди принимали характеръ* не только вообще *безцерковный*, а и прямо *пошлый и скабресный*!.. Утративъ характеръ священной важности, проповѣдь подверглась мало-по-малу такой порчѣ, что стала почти не отличаться отъ тривіальныхъ побасенокъ или отъ грубыхъ сатирическихъ и пошлыхъ юмористическихъ произведеній худшей свѣтской тогдашней литературы. Исключенія благороднаго и церковнаго характера проповѣдничества стали рѣдки... Энергическій протестъ противъ означеннаго искаженія проповѣди раздался тогда отъ, такъ называемыхъ, реформаторовъ до реформациіи... Но настоящее очищеніе этой *порчи христіанской проповѣди* предпринято было Лютеромъ, который настаивалъ на томъ, что *единственно законнымъ содержаніемъ проповѣди должно быть объясненіе священнаго Писанія самимъ священнымъ же Писаніемъ*. Во времени Лютера большинство проповѣдниковъ совсѣмъ забыли церковный матеріалъ проповѣди и толковали истины христіанства по своему разумѣнію, а *источники церковные замѣнили мірскими, свѣтскими*. Чѣмъ разнообразнѣе и шире былъ такой свѣтскій матеріалъ въ проповѣди, чѣмъ находчивѣе и изобрѣтательнѣе въ новостяхъ былъ проповѣдникъ, тѣмъ слушатели считали его ученіе и лучше... Но Лютеръ безпощадно обличалъ такихъ проповѣдниковъ. Онъ говорилъ: «О! мы долго имѣли слѣпыхъ руководителей. Священное Писаніе было для нихъ закрыто, неизвѣстно, погребено; они предлагали свои ученія, дѣло человеческое выдавали за Божіе. Они разсказывали намъ басни о Дирихѣ Бернскомъ, примѣниваютъ и Аристотеля, Платона, Сократа и другихъ язычниковъ, которые были противъ Бога... Они въ церковной проповѣди *ищутъ своей славы*, показывая свое искусство, но *это преступно*, потому что св. Писаніе дано для прославленія Бога, а не для почести людской. Исканіе собств. чести проповѣдниками Слова Божія приноситъ большой вредъ Церкви Христовой... Тотъ неразуменъ, кто хочетъ въ проповѣди сказать все, что взбрѣдетъ ему въ голову. Проповѣдники, стремящіеся сразу поговорить обо всемъ, подобны кухаркѣ, которая, идя на рынокъ за провизіею, останавливается поболтать съ каж-

дымъ знакомымъ ей человѣкомъ... И дошло до того,—говорилъ Лютеръ,—что въ проповѣди христіанской стали стыдиться произносить самое имя Христа... Господи! Смилуйся надъ нами!..»

Но церковный взглядъ Лютера не имѣлъ всеобщаго и рѣшающаго значенія. Реформація, обнявъ не только религіозную, а и все прочія стороны тогдашней жизни запада, породила множество оттѣнковъ религіозныхъ протестовъ противъ порчи папской церкви. Все зависло отъ среды, въ которой развился протестъ. Такъ изъ ближайшихъ приверженцевъ Лютера образовались секты нѣстическія, утверждавшія о проповѣди, что для тѣхъ, кто живетъ въ св. Писаніи, какъ у себя дома, не нужно ни риторическое ораторское искусство, ни схоластика... А въ средѣ гуманистовъ развились религіозныя секты съ преобладаніемъ интересовъ земныхъ. Сообразно этому и въ проповѣди ихъ опять стала преобладать *такая безцерковность*, что напримѣръ въ Германіи въ XVIII столѣтіи многіе вліятельные проповѣдники (какъ Шпальдингъ, Штейнбартъ 1777 г., Рейнгартъ 1812 г. и прочіе) прямо *требовали исключенія* изъ религіозной проповѣди специально *христіанскаго церковнаго содержанія* и замѣны его или ученіемъ о способахъ достиженія житейскаго счастья и благополучія,—или философскими новыми и древними доктринами, требуя отъ такой религіозной проповѣди художественной формы и *литературно-научныхъ знаній*...—Во Франціи и смежныхъ ей странахъ, подъ вліяніемъ республиканскихъ кальвинистическихъ сектъ, проповѣдывались идеи народоправства и народо-властія, доходившія (особенно у монархомаховъ) до проповѣди на реубійствъ, какъ тиранубійствъ!..

Вмѣстѣ съ тѣмъ и написты *профанировали церковную* проповѣдь разными, *чуждыми Церкви* христіанской *свѣтскими* элементами, сказками, анекдотами; такъ дѣлалъ это, напримѣръ, въ Парижѣ особенно популярный августинскій монахъ священникъ—маленькій отецъ Андрей—(le petit père André Auqustin)—въ регентство Анны Австрійской и кардинала Мазарини; а также и знаменитый модный и популярный въ то время придворный проповѣдникъ въ Вѣнѣ іеромонахъ Абрагамъ-а-Санта-клары (Ульрихъ Мегерле ум. въ 1709 г.), котораго множество тривіальныхъ поученій производили большое впечатлѣніе и издаваемы были въ *Вѣнѣ* даже въ 1867

году...—Подобный же характеръ проповѣди практиковался римско-католическими проповѣдниками и въ Польшѣ, какъ напримѣръ придворнымъ іезуитомъ Скаргою. А подъ вліяніемъ польскимъ тотъ же непристойный характеръ отражался въ то время на манерѣ даже и православныхъ южнорусскихъ проповѣдниковъ, что приводило въ справедливое негодованіе извѣстнаго русскаго іерарха XVIII вѣка Феофана Прокоповича. Онъ сильно возставалъ противъ непристойныхъ проповѣдническихъ манеръ польскихъ «казнодѣишкѡвъ» и легкомысленныхъ южнорусскихъ проповѣдниковъ...—«Въ числѣ средствъ для пріобрѣтенія научной знаменитости,—писалъ преосвященный Феофанъ—ученые хвастуны особенно усвоили себѣ манеру говорить что-нибудь удивительное, необыкновенное и неожиданное. Поэтому они выдумываютъ *курьезныя умствованія*, матеріалъ для коихъ готовъ былъ отчасти въ языческихъ *философіяхъ и въ разныхъ хроникахъ, бестіаріяхъ, сказаніяхъ о птахахъ, травахъ, рыбахъ и въ разныхъ легендахъ и анекдотахъ*... Напр., Антоній Радивилловскій дѣлаетъ такія приноровленія и приспособленія. Въ первомъ словѣ на Воскресеніе Христово, проводя параллель и отыскивая аналогію между свойствами льва и свойствами Іисуса Христа, припоминаетъ и рассказываетъ *басню* объ ослѣ, львѣ и лисицѣ... И выходитъ у проповѣдника, что *гордость нашла себѣ олицетвореніе въ ослѣ, а смиреніе, какъ христіанская добродѣтель, въ лисицѣ*. Спутникомъ этой нелѣпости въ проповѣди были дерзкія и непристойныя народныя шутки, народныя поговорки и другіе курьезы... Чтобы пересыпать солью свое сумасбродное пустословіе, такіе проповѣдники постоянно и весьма дерзко шутятъ; шутками и курьезами своими оскорбляютъ Бога, порочатъ Богородицу, беспокоятъ ангеловъ, извергаютъ хулу на святыхъ; откалываютъ также множество другихъ самыхъ вялыхъ и жалкихъ остротъ... *)

III.

Эта краткая историческая справка свидѣтельствуетъ *сколь не новъ методъ безсодержательнаго содержанія* религіозной проповѣди и *сколь вредны результаты увлеченія безцерковнымъ приспособле-*

*) Подр. см. «Изъ Исторіи христіанской проповѣди». Очерки и изслѣдованія Антонія, епис. Выборгск. 1892 г. стр. 423—438.

ніемъ проповѣди къ модному духу времени... Слѣдованіе и подражаніе характеру такого проповѣдничества *«выгодно только для проповѣдника*, заслуживая ему похвалу отъ увлекаемыхъ слушателей и мишурную славу популярности, *но оно крайне не пристойно для Церкви Христовой, вредно для увлекаемыхъ слушателей и являетъ собою только—знаменіе времени.*

Поэтому-то еще апостолы Христовы предупреждали основанныя ими церкви и общины христіанскія противъ лжеименнаго разума и противъ чуждыхъ Церкви Христовой ученій и пріемовъ вѣроученія. — противъ «лжеапостоловъ, лукавыхъ дѣятелей, принимающихъ видъ апостоловъ Христовыхъ» ¹⁾... Такія же предостереженія христіанамъ многократно дѣлали и св. отцы Церкви. Такъ, напримѣръ, св. Приней, епископъ ліонскій, по духу какъ бы внукъ Іоанна Богослова, говоритъ, что «въ обществѣ, гдѣ распространяется въ проповѣди ученіе не здоровое, *не въ духъ Православной Церкви*, тамъ невозможна и правильная духовная жизнь, тамъ члены общества подвергаются опасности *онѣмѣнія, омертвѣнія*» ²⁾... — И въ наше-то время, послѣ извѣданной исторіею вредности гуманистическихъ и всякихъ прочихъ опытовъ безцерковнаго проповѣдничества истиннѣ христіанства, *нѣтъ никакихъ добрыхъ побужденій практиковать безцерковныя характеръ* религіозной проповѣди и виѣбогослужебной и наполнять ея содержаніе всякими «*побасенками съ сантиментальными цѣточками*» изъ свѣтской всякой литературы, иностранной и русской, и газетныхъ сообщеній, съ полнымъ игнорированіемъ исторіи и ученія Церкви Христовой, какъ то дѣлаетъ нынѣ популярный въ Петербургѣ священникъ Г. Петровъ, неответственный за правотѣріе его случайныхъ слушателей. Всемирная исторія и литература христіанской Церкви являетъ намъ многое множество самыхъ возвышенныхъ и поучительныхъ образцовъ всевозможныхъ добродѣтелей и великихъ подвиговъ. *Неизсякаемыми примѣрами изъ церковной исторіи можно вполне убѣдительно пояснять всю истину христіанскаго вѣроученія* безъ помощи

¹⁾ 2 Коринѣ. гл. 11, ст. 13.

²⁾ Смотри. Поученіе о важности проповѣданія слова Божія. Прот. І. Д. Янышева. Спб. 1892 г.

всякихъ мутныхъ свѣтскихъ источниковъ... Въ великой исторіи Церкви Христовой и въ чудныхъ произведеніяхъ ея отцовъ и учителей, древнихъ и новыхъ, находится достаточная полнота и глубина неисчерпаемыхъ сокровищъ духа и жизни человѣка, которыми и должны наполнять содержаніе своихъ вѣроучительныхъ церковныхъ и внѣ-церковныхъ бесѣдъ и поученій все истинные пастыри Церкви Христовой, которые не желаютъ быть: *знаменіемъ времени—лже-апостолами, лукавыми дѣлателями, принимающими видъ апостоловъ Христовыхъ!*

Ев. Воронежъ.

Недобрая „приспособляемость“.

Горе вамъ... лицеѣмъ!» (Мѡ. 24, 13—30).

«Нестыдимся исповѣдывать Распятаго»

(Кир. іер. огл.).

«Церковь... столпъ и утвержденіе истинны» (I Тим. 3, 15).

Проповѣдническіе приемы о. Петрова произвели газетную полемику и раздѣленіе царства «на ея»—въ духовныхъ лицахъ и органахъ. Одни изъ православныхъ богослововъ въ проповѣдяхъ о. Петрова усматриваютъ опасность для религіознаго упованія его аудиторіи и духовнаго престижа пастырей св. Церкви. Другіе находят въ полнѣ удовлетворительное объясненіе содержанія и характера этихъ проповѣдей въ «приспособляемости» православнаго оратора—проповѣдника къ потребностямъ времени и религіозному состоянію и вкусамъ его слушателей. «Мисс. Обзоръ» первое отозвалось касательно безрелигіознаго характера народныхъ разсказовъ о. Петрова. И, судя по письмамъ, поступающимъ въ редакцію, теперь ждутъ отъ него слова по данному вопросу.

Мы чужды той «приспособляемости», въ которой зная православія склонялось бы. въ угоду духу времени, предъ вѣсами толпы, хотя бы по-своему и просвѣщенной: намъ дорога святая истина, въ которой не совмѣщаются «да» и «нѣтъ». Мы, напр., не понимаемъ

того.—какою «приспособляемостью» можно оправдать вотъ эти слова православнаго священника: «ко кресту явился одинъ только Іоаннъ (Богословъ). Но и онъ не заслуживаетъ особой нашей похвалы»?!. Ужели слушатели о. Петрова не изъ тѣхъ, которые съ благоговѣніемъ «величаютъ» великаго апостола и наперника Спасителя? Во имя какой «приспособляемости» объясненіе о. Петровымъ предательства Іуды расходится съ евангельскимъ и церковнымъ? Евангелисты повѣствуютъ: когда «Марія, взявши фунтъ народоваго чистаго драгоценнаго мѣла, помазала ноги Іисуса..., одинъ изъ учениковъ Его, Іуда Симоновъ Искаріотъ, который хотѣлъ предать Его, сказалъ: для чего бы не продать это мѣло за триста динаріевъ и не роздать нищимъ? Сказавъ же онъ это не потому, чтобы заботился о нищихъ, но потому, что былъ воръ»... (Іоан. 12, 3—6) и «пошелъ къ первосвященникамъ и сказалъ: что вы дадите мнѣ и я вамъ предаю Его? Они предложили ему тридцать сребренниковъ; и съ этого времени онъ искалъ удобнаго случая предать Его» (Мѣ. 26, 14—16). Можно-ли, послѣ этого, предательство Іуды объяснять такъ, какъ о. Петровъ? И Св. Церковь знаетъ предательство Іуды — только «сребролюбіемъ недуговавшаго».

Рѣчь апостола Павла въ аѳинскомъ ареопагѣ упоминается въ апології о. Петрова не совѣтъ къ дѣлу. Правда, апостоль языкъ— «быхъ всѣмъ вся», но — никогда въ ущербъ святой истинѣ. «И ставъ Павелъ среди ареопага, сказалъ: Аѳиняне, по всему вижу я, что вы какъ бы особенно набожны; ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашелъ и жертвенникъ, на которомъ написано: Неизвѣдому Богу. Сего-то, Котораго вы, не зная, чтите, я проповѣдую вамъ» (Дѣян. 17, 22—23). Въ чемъ тутъ приспособляемость? Апостоль только по истинѣ характеризуетъ религіозное состояніе аѳинянъ. Услышавъ проповѣдь Павла объ истинномъ Богѣ, воскресившемъ Мужа... изъ мертвыхъ.... одни насмѣхались, а другіе говорили: «объ этомъ послушаемъ тебя въ другое время» (—31—32). Если бы св. апостоль, дѣйствительно, «приспособлялся» въ своей проповѣди къ слушателямъ, чтобы не услышать отъ нихъ: «послушаемъ тебя въ другое время», такъ онъ, замѣтивъ насмѣшки ареопага, повелъ бы рѣчь примѣрно въ такомъ родѣ: нѣтъ, аѳиняне,

это я пошутить на счетъ воскресенія-то изъ мертвыхъ... этого на самомъ дѣлѣ не было и т. п. Но отъ великаго апостола такая приспособляемость была такъ же далека, какъ небо отъ земли и Христосъ отъ веляра. «Итакъ Павелъ вышелъ изъ среды ихъ» (—33). И однако «нѣкоторые мужи, приставши къ нему, увѣровали»... (—34). Насколько ап. Павелъ приспособлялся... объ этомъ можно прочесть въ посл. къ Гал. 2, 11—14. «когда же Петръ пришелъ въ Антиохію, то я лично противосталъ ему, потому что онъ подвергался нареканію. Ибо, до прибытія нѣкоторыхъ отъ Іакова, ѣлъ вмѣстѣ съ язычниками; а когда тѣ пришли, сталъ таиться и устраниваться, опасаясь обрѣзанныхъ. Вмѣстѣ съ нимъ лицемерили и прочіе іудеи, такъ-что даже Варнава былъ увлеченъ ихъ лицемеріемъ. Но когда я увидѣлъ, что они не прямо поступаютъ по истинѣ Евангельской, то сказалъ Петру при всѣхъ: если ты, будучи іудеемъ, живешь по-язычески, а не по-іудейски, то для чего язычниковъ принуждаешь жить по-іудейски?». Вотъ какъ ревностно обличалъ св. апостоль «приспособляемость», разъ она шла въ ущербъ Евангельскому благовѣстію!

Согласны, что о. Петровъ въ своей проповѣднической манерѣ приспособляется во имя добрыхъ цѣлей, но вопросъ въ томъ, какъ эта приспособляемость отзывается на вѣрующихъ сердцахъ истинныхъ чадъ Церкви и какой имѣетъ откликъ изъ сектантскаго лагеря? Нельзя игнорировать и того, что скажутъ о пастыряхъ «господствующей Церкви» «соглядаяющіе» насъ миллионы раскольниковъ, которые и безъ того часто попрекаютъ миссіонеровъ «православными понами».

Н. Гринякинъ.

Изъ записокъ и дневниковъ.

Миссіонерскіе очерки.

V.

На бесѣдѣ съ штундистами.

Погорѣльскій староста долго бился, приглашая штундистовъ на бесѣду. Они не шли. Наконецъ, раздосадованный, онъ приходитъ ко мнѣ и говоритъ:

— Ничего не подѣлаешь. Нешто силой прикажете тащить?

Я сказалъ: — привлекать штундистовъ «силой» на бесѣду не нужно. Пойди къ нимъ и еще разъ скажи, что на бесѣдѣ мы ничего дурного имъ не сдѣлаемъ. Поговорятъ—и *спокойно* уйдутъ домой...

Черезъ нѣсколько времени было видно, староста подъѣзжалъ къ церкви вмѣстѣ съ штундовымъ «старшимъ братомъ» Василиемъ Андреевымъ. Сектанты толпой шли поодаль.

Мы сейчасъ же открыли бесѣду въ храмѣ.

Я сталъ говорить о *молитвѣ за умершихъ*.

Древняя церковь молилась за усопшихъ своихъ братьевъ. Это видно изъ многихъ мѣстъ Библіи (Вт. 26 гл., Іер. 16 гл., Сир. 7 гл., Тов. 4 гл., 2 Мак. гл. 12 и др.). Почему же сектанты не принимаютъ этого благочестиваго древняго обычая?

Висилій Андреевъ грубо отвѣтилъ:

— Намъ нечего рассказывать про свою вѣру. Бесѣдуйте съ своими. Мы не будемъ ничего говорить.

— Почему же, Висилій Андреевичъ, не будете? Я даю вамъ обѣщаніе—*не стѣснять васъ въ словахъ*.

— Все равно. Говорите, что хотите. Не будемъ бесѣдовать.

— Какъ же не будете? Вѣдь ап. Петръ пишетъ: *«будьте всегда готовы всякому, требующему у васъ отчета въ вашемъ*

упованіи, дати́ отвѣтъ съ кротостію и благоговѣніемъ. (1 Петр. 3, 15).

Итакъ, вы должны мнѣ отвѣчать, *кротко, съ благоговѣніемъ*.

— Кому это Апостолъ пишетъ? спросилъ Василій Андреевъ. — Вѣдь христіанамъ? А вы насъ обзываете *сектантами*, — чего же съ нами разсуждать?

Я отвѣтилъ:

— Разсуждаемъ мы съ вами для того, чтобы намъ, по Апостолу, *«придти въ единство вѣры и познанія Сына Божія»* (Еф. 4, 13). И пусть вы—сектанты. Но вы вѣруете въ слово Божіе? А оно *приказываетъ* вамъ *«дати́ отчетъ»* въ вашемъ упованіи «всякому» вопрошающему. Я же «не всякій» собесѣдникъ, а *поставленный* на это дѣло «предстоятелями» Церкви...

— Ну, да что толковать! воскликнулъ Василій Андреевъ. Бесѣдуйте съ своими. Насъ нечего учить: «ученаго учить, только портить».

Я сказалъ:

— Ты очень высоко думаешь о себѣ, другъ! Смотри, не обольщаешься-ли ты, по слову Апостола: *«кто думаетъ, что онъ знаетъ что нибудь, тотъ ничего еще не знаетъ такъ, какъ должно знать»* (1 Кор. 8, 1, 2 ст.).

— Сказано, не буду говорить! отвѣтилъ Василій Андреевъ. Кабы мнѣ платили за бесѣду по три рубля, — такъ и быть: я бы раскошелился. А *такъ-то*, чего зубы чесать?

— Вотъ что! удивился я. Ты, значитъ, безъ рубля лишній шагъ боишься ступить? Такъ получай за нынѣшній вечеръ 2 рубля. Вотъ тебѣ, когда ты такой жадный!

И я полѣзъ въ карманъ за деньгами. Василій Андреевъ не ожидалъ такого оборота бесѣды. Ему стало стыдно. Народъ негодовалъ...

Тогда Василій Андреевъ сказалъ:

— На что мнѣ деньги? У меня самого ихъ куры не клюютъ. Я не взялъ бы тысячъ, чтобы защищать вашихъ православныхъ...

Я отвѣтилъ:

— Тебѣ и рубля не дадутъ. Мы не нуждаемся въ такихъ *защитникахъ*, какъ ты.

Василій Андреевъ злобно принялся говорить дерзости. Неудачный разговоръ «про рубли», видимо, раздражилъ его. Я спокойно замѣтилъ.

— Раздраженіе, по словамъ Премудраго, свойственно безумнымъ людямъ (Прит. 17, 27). Хула же на православную Церковь и дерзость сектантовъ свидѣлствуютъ, что въ нихъ *нѣтъ св. Духа* (Рим. 15, 2; 1 Сол. 5, 21). Имѣющіе его *кротки, въжливы, терпимы, смиренны* (Гал. 5, 22, 23). А мы что наблюдаемъ въ штундистахъ?

Однако и эти слова мои не помогли дѣлу. Василій Андреевъ отказался на отрѣзъ бесѣдовать со мной. Тогда я сталъ продолжать свою рѣчь о молитвахъ за умершихъ *отъ Носаго Завѣта*. При этомъ я съ силой старался обнаружить пустоту штундистскихъ возраженій.—Я говорилъ, что на основаніи Мѡ. 12, 32 ст. необходимо допустить прощеніе грѣховъ послѣ смерти. Значитъ молиться за мертвыхъ нужно...

— Послѣ смерти нѣтъ покаянія. Между адомъ и раемъ пропасть великая утвердилась! выкрикнулъ штундистъ. Ермилъ.

Я сказалъ:

— Вѣрно. По притчѣ Господней о богачѣ и Лазарѣ между раемъ и адомъ пропасть великая утвердилась (Лк. 16, 26). Но вы сообразите, *въ какое время* была эта пропасть между святыми и грѣшниками?—На это отвѣтъ дастъ ст. 29 гл. 16-й Ев. Луки: *«у нихъ есть Моисей и пророки; пусть слушаютъ ихъ»*. Моисей и пророки были *единственнымъ* закономъ для людей въ ветхомъ завѣтѣ. Въ новомъ мы управляемся *главнымъ образомъ* Евангеліями и Посланіями Апостольскими. А про нихъ въ Евангеліи Луки ничего не сказано. Слѣдовательно, тамъ и рѣчи нѣтъ про евангельское время. Теперь нѣтъ этой *непроходимой* пропасти между раемъ и адомъ. Ее перешелъ Господь нашъ, какъ учатъ апостолы (1 Петр. 3, 19; 4, 6; Еф. 4, 9; Откр. 1, 18). Этотъ переходъ Онъ открылъ и для вѣрующихъ въ Него людей (1 П. 3, 19). Поэтому молиться за мертвыхъ въ новомъ завѣтѣ *необходимо...*

— Ты кончилъ?—спросилъ меня Василій Андреевъ.

— Кончилъ.

— Ну, такъ дай я изложу свое понятіе по 4 гл. 1 Сол.

И Василій Андреевъ зачиталъ эту главу, пространно ее толкуя. Смыслъ сего рѣчи сводился къ доказательству того, что, кто молится за мертвыхъ, тотъ не имѣетъ упованія, что они святы. А

сектанты о своихъ братьяхъ увѣрены, что они—съ Господомъ. Поэтому не молятся за нихъ...

Въ отвѣтъ я сказалъ:

— Молитвы за умершихъ предполагаютъ *крѣпкую* вѣру въ милосердіе Божіе. Если бы мы не имѣли этой вѣры, мы бы не молились. Съ другой стороны, мы тогда только не стали бы молиться за усопшихъ братьевъ, если бы были увѣрены, что они въ своей жизни не грѣшили. Но эта увѣренность противна слову Божію (Іак. 3, 2; 1 Іоан. 1, 8—10). Потому себя и братьевъ мы постоянно должны *очищать* молитвенными воздыханіями (Ср. Рим. 8, 26; Іак. 5, 16).

Наконецъ, молитвъ за умершихъ требуетъ *любовь* христіанская, которая, по ученію Апостола, никогда не прекращается (1 Кор. 13, 8). Кто пересталъ молиться за своихъ братьевъ—живыхъ и мертвыхъ, тотъ пересталъ любить ихъ...

Василій Андреевъ отвѣтилъ:

— Я люблю покойныхъ братьевъ и стараюсь подражать вѣрѣ ихъ (Евр. 13, 7), чтобы также спастись.

Я сказалъ:

— Еще нужно доказать, что ваши покойники всѣ спаслись. Между ними, несомнѣнно, были грѣшники, вольные и невольные (Іак. 3, 2). Какъ же подражать вѣрѣ *этихъ* людей? За нихъ молиться нужно, чтобы Богъ простилъ имъ грѣхи, а не утѣшать себя пустыми обольщеніями...

— Нѣтъ, молиться за мертвыхъ глупо!—отчеканилъ Василій Андреевъ.

Я сказалъ:

— Прем. Соломонъ учитъ насъ: «*разумный воздерженъ въ словахъ своихъ, и благоразумный хладно ровенъ*» (Прит. 17, 27). Ты, очевидно, не разумный и не благоразумный человѣкъ. Иначе ты не сталъ бы столь бранчиво выражаться. Но Господь съ тобою! отвѣтъ мнѣ изъ Писанія,—гдѣ сказано, что молиться за мертвыхъ ненужно?

Василій Андреевъ порылся въ Евангеліи; попробовалъ было что то припомнить и сказалъ:

— Слово Божіе *ничего* не говоритъ о поминовеніи усопшихъ. Въ немъ нѣтъ ни подходящаго запрещенія, ни повелѣнія...

— Это другой разговоръ,—замѣтилъ я. Ты вѣдь выразился, что молиться за умершихъ «глупо». А вмѣсто того самъ оказался въ *глупомъ* положеніи... Я же тебѣ уже показывалъ, что въ ветхомъ за вѣтъ даны твердыя данныя для того, чтобы мы молились за умершихъ.

Василій Андреевъ сказалъ:

— Ветхаго завѣта мы не принимаемъ.

— Почему?

— То—сѣнь законная...

И возразилъ:

— Ап. Павелъ, безъ сомнѣнія, понималъ Евангеліе лучше васъ. Однако онъ говорилъ о себѣ: *«отркую осему, написанному въ законъ и пророкахъ»* (Дѣян. 24, 14). Почему же ты, подражая Апостолу, не вѣруешь древнему закону?..

Но и въ новомъ за вѣтѣ есть *косвенное* подтвержденіе древней заповѣди. Сказано: *«молитесь другъ за друга»* (Іак. 5, 16). И нужно молиться за всѣхъ людей, живыхъ плотню и умершихъ, ибо душою *«у Бога ось живы»* (Ік. 20, 33),—и потому, что умершіе праотцы молятся о насъ (2 Мак. 15, 14; ср. Откр. 6, 10; 8, 3).

— Вотъ и молитесь, если хотите,—сказалъ Василій Андреевъ. Мы не желаемъ платить за сорокоусты по 40 рублей.

— Это дѣло другое—разговоръ о платѣ священникамъ за труды. Слово Божіе велитъ намъ довольствоваться во всемъ своихъ пастырей (Гал. 6, 6; 1 Кор. 9, 11). Значитъ, достойно и праведно платить имъ за сорокоусты...

Василій Андреевъ замѣтилъ:

— Такъ и есть у васъ, какъ рассказано въ Маккавейскихъ книгахъ: нагребилъ чужого имущества и жертвуй за упокой родныхъ!..

И возразилъ:

— При чемъ тутъ грабежъ? Развѣ Іуда Маккавей плохо дѣлалъ, что боролся за свой народъ и потомъ молился о погибшихъ (2 Мак. 12, 43)? Грабежу же не учать ни древнее, ни новое Писаніе. Въ древности, когда воины Іуды Маккавея обообрали мертвыхъ и уже пораженныхъ враговъ, Господь призвалъ ихъ къ покаянію (2 Мак. 12, 39—45 ст.). Тѣмъ болѣе насилію надъ ближними, даже ради святыхъ цѣлей, не поучаетъ православная Церковь...

— Хорошо!—протянулъ Василій Андреевъ.

— И даже «весьма хорошо» мы дѣлаемъ, по выраженію священнаго писателя (2 Мак. 12, 43), молясь за умершихъ христіанъ,—сказалъ я. На какомъ же основаніи сектанты не молятся за упокой своихъ скончавшихся братьевъ?..

Штундисты молчали. Василій Андреевъ обтирался отъ пота. Его рѣчи произвели на народъ тяжелое впечатлѣніе. Люди видѣли, насколько буйны и несдержанны штундисты. Они громко дѣлились впечатлѣніями отъ бесѣды. Болѣе горячіе православные прямо обзывали штундистовъ „каторжными“.

Я ушелъ съ бесѣды въ угнетенномъ состояніи духа...

Д. Боголюбовъ.

Откровенное слово свѣтскаго человѣка по поводу посланія епископа Волын. Антонія.*)

Разобщеніе духовенства съ народомъ, какъ показано, возникаетъ и поддерживается главнымъ образомъ на почвѣ столкновенія матеріальныхъ интересовъ. Къ сожалѣнію, съ теченіемъ времени эти интересы все болѣе и болѣе овладѣваютъ движеніями жизни, направляя ихъ въ сторону узкаго эгоизма и себялюбія и мелочной исключительности. Эти интересы мельчаютъ и душу. Они вселяютъ въ священниковъ и въ паству то недовѣріе другъ къ другу, ту вражду, на которую указываетъ посланіе епископа Антонія. На почвѣ этихъ матеріальныхъ интересовъ развиваются: зависть, клеветничество, сутяжство, стяжательность и всѣ другіе пороки мелочности духа, которые доводятъ до «множества жалобъ и судебныхъ дѣлъ между священниками и прихожанами» (Слова посланія).

Дѣйствительно, есть на что посятовать. Есть полное и глубокое основаніе сожалѣть о томъ, что «отношенія между священниками и

* См. «Мисс. Обзоръ». Янв. № 2 1903 г.

«прихожанами дѣлаются все болѣе и болѣе неправильными и что «довѣріе между ними подорвано перѣдко до полной потери взаимной «нравственной связи, до полной замѣны ея связью чисто юридической, въ Церкви Христовой вовсе неумѣстною».

Дальше такъ идти не можетъ. Если единственные проводники по которымъ идти въ народъ токъ православія, оборваны или испорчены, то остается одно изъ двухъ: или опустить руки въ бездѣйствіи и признать себя безпомощнымъ и безсильнымъ или же выступить со всею энергіею на борьбу со зломъ и оживить и восстановить нравственную связь народа съ носителями благодати Святаго Духа.

Вѣдь Церковь Божія жива. Жива въ русскомъ народѣ и вѣра Христова.

Что-же нужно сдѣлать, чтобы устранить зло разъединенія духовенства съ народомъ?

Въ посланіи своемъ пресвещ. Антоній указалъ способъ нравственнаго совершенствованія священниковъ. По словамъ владыки, священники должны воспитать въ себѣ «христіанское подвижничество» и «христіанское учительство». Они должны возвысить въ себѣ «нравственнаго человека» до сознанія «добровольнаго подвига» внутренняго сближенія съ народомъ. Священники должны воспитывать въ себѣ «духовную мудрость», знаемую сынами благодати и «преподанную Святымъ Духомъ православнымъ подвижникамъ».

Нельзя, конечно, не согласиться съ тѣмъ, что если священникъ воспитаетъ свою душу въ направленіи, указанномъ въ посланіи, то ей чужда́будетъ житейская грязь: стяжательность, жадность, зависть и т. п.

Но вопросъ вотъ въ чемъ: выполнимо ли на дѣлѣ это поученіе владыки, можетъ-ли священникъ, воспитанный по типу, указанному въ посланіи, быть другомъ народа, его руководителемъ и добрымъ совѣтчикомъ?

Позволяемъ себѣ усумниться въ этомъ. Священникъ, человекъ семейный, имѣющій дѣтей, едва ли можетъ отрѣпиться отъ тѣла для духа, отъ мелочныхъ заботъ жизни для воспитанія въ себѣ подвижничества и учительства.

Да народъ и едва ли пойметъ въ священникѣ его подвижничество; онъ можетъ счесть такого священника гордецомъ и чуждымъ жизни.

«Онъ гордъ былъ, не ужился съ нами, онъ намъ не гождь; все о чемъ-то думаетъ, а о чемъ—Богъ его знаетъ. Иной разъ задумается и не слышитъ, что ему говорить». Вотъ что говорить въ народѣ о подвижникахъ.

Поэтому думается, что программа, преподанная преосвященнымъ Антоніемъ въ посланіи, слишкомъ высока для того, чтобы быть исполнимою для бѣлаго духовенства.

Мнѣ кажется, что въ нашемъ духовенствѣ должно воспитывать другое состояніе духа, а именно: *«радость жизни»*, ласковость постоянную, любовь и состраданіе къ людямъ. И чтобы радость эта, радость ношенія въ себѣ благодати Святаго Духа, была бы постоянно въ душѣ священника и сопутствовала-бы ему во всѣхъ его дѣлахъ, во всѣхъ сношеніяхъ его съ прихожанами; чтобы жизнь представлялась священнику свѣтлымъ праздникомъ, а не труднымъ подвигомъ и чтобы каждый отходилъ отъ своего пастыря облаканнымъ и успокоеннымъ, утѣшеннымъ и ободреннымъ.

Обратимся къ жизни. Чѣмъ наполняется жизнь крестьянина и помѣщика въ деревнѣ по окончаніи уборки хлѣба, т. е. въ осенніе и зимніе дни? У помѣщиковъ пьянство, игра въ карты и разгулъ, т. е. «цыганская жизнь въ лицахъ». У крестьянина, если не пьянство и не разгулъ, то *«тоска»*, тоска самая безысходная. Эта ужасная тоска озлобляетъ крестьянина и гнететъ его, какъ камень. Чтобы развлечься, онъ нерѣдко безобразничаетъ. Одинъ крестьянинъ, вполне трезвый, честный и исправный работникъ, ни съ того ни съ сего избилъ свою молодую жену. Жена пришла ко мнѣ жаловаться. Вызвалъ я крестьянина и спрашиваю: «Семенъ, за что ты обидѣлъ жену? Это на тебя не похоже». Онъ мнѣ отвѣчаетъ: «съ тоски, Иванъ Ивановичъ, ужъ очень *«тоска заѣла»*. Этотъ самый Семенъ съ тоски же сталъ посѣщать собранія молоканъ и штундистовъ и къ веснѣ перешелъ въ молоканство. И такъ — многіе крестьяне. Они отъ тоски, отъ скуки идутъ на собранія сектантовъ, ибо тамъ читаютъ божественное, тамъ пища для души, тамъ вполне благопристойное и пріятное времяпрепровожденіе. Это своего рода клубы. У сектантовъ такія собранія происходятъ весьма часто, а у православныхъ ихъ нѣтъ. И что-же удивительнаго въ томъ, что къ веснѣ секты молоканъ, хлыстовъ, штундистовъ увеличиваются все новыми и новыми членами?

Коснувшись вопроса о причинахъ отступничества отъ церкви, не могу умолчать еще объ одномъ обстоятельстве, по моему, очень важномъ въ данномъ случаѣ.

Я считаю большою ошибкою мнѣніе, будто православныя Церкви должно непремѣнно отличаться благолѣпіемъ, представлять собой дорогія зданія и строиться по извѣстному архитектурному типу. Думаю, что такъ могутъ разсуждать богатые, а не мы, бѣдняки. Выстроить церковь стоитъ большихъ денегъ; парѣзать землю для причта—не отъ куда ее взять и храмы не воздвигаются. Происходитъ то, что жители деревень остаются совсѣмъ безъ духовной помощи и духовную пищу получаютъ отъ молоканъ, штундистовъ и другихъ сектантовъ, а въ селахъ происходитъ нѣчто еще болѣе удивительное, чему доказательствомъ пусть послужитъ слѣдующій случай. На первой недѣлѣ Великаго поста мнѣ пришлось остановиться въ одной крупной станицѣ на Сѣверномъ Кавказѣ у зажиточнаго казака. Проснувшись утромъ, я попросилъ у хозяина чаю. Старикъ просилъ меня обождать, пока вернется сынъ отъ причастія: «все вмѣстѣ напьемся, не погнушайтесь». Вскорости приходитъ сынъ. Поздравили и сѣли пить чай. Отецъ и спрашиваетъ: «гдѣ причащался»? Сынъ отвѣчаетъ: «у Прохора косого». Я думалъ, что это православный священникъ,—въ станицѣ два священника Прохора и что прозвище «косой» дано одному изъ нихъ для отличія,—оказалось, что нѣтъ. Этотъ Прохоръ косой — попъ: «чи вѣтъ бѣгунъ, чи скакунъ, чи якій то-сь другій». Онъ живетъ тутъ, по близости и очень хорошо исповѣдуетъ и причащаетъ и дешево беретъ: всего двѣ копейки.

— «Да ты православный?»—спрашиваю.

— «А какъ же, истинно православный»¹⁾.

— Затѣмъ же ты пошелъ къ какому-то Прохору косому, а не въ православную церковь? Отвѣтъ меня поразилъ. Оказалось, что на 6000 или болѣе жителей станицы всего одна церковь; что болѣе 500—600 человекъ священникъ на исповѣдь и причастіе не при-

¹⁾ Думается, что авторъ былъ обманутъ. Случай маловѣроятный: православный могъ скорѣе годъ не „говѣть“ по недосугу, чѣмъ идти исповѣдываться и причащаться у раскольникяго пона, или у какого нибудь сектантскаго шарлатана. Редакція.

нимасть, а время самое рабочее, такъ какъ со второй недѣли уже начинается весенняя пахота и обѣвъ полей дровыми хлѣбами: «коли не отговѣлся на первой недѣлѣ, то значить годъ не говѣй». Церковь стояла 30 тысячъ.

И вотъ идутъ православные люди исповѣдываться и причащаться къ Пропкѣ косому, Сидору кривому и къ Фомѣ горбому, а мы должны съ печалью смотрѣть на это и утѣшать себя тѣмъ, что вмѣсто 10 молитвенныхъ домовъ по 3 тысячи каждый, которые вмѣстѣ бы пять тысячъ человѣкъ, есть одна церковь въ 30 тысячъ рублей, великолѣпно устроенная на пятьсотъ человѣкъ. Что-жъ? Помогутъ-ли тутъ миссіонеры, съ ихъ спорами о происхожденіи священства и т. п.—судите сами.

Мнѣ могутъ сказать: откуда набрать священниковъ на множество молитвенныхъ домовъ? На это я отвѣчу, что до тѣхъ поръ, пока не растворятся шире двери для желающихъ воспринять даръ священства, пока будетъ признаваться, что только семинаристы могутъ быть истинными носителями дара Духа Святаго, до тѣхъ поръ будетъ чувствоваться недостатокъ въ истинныхъ и преданныхъ служителяхъ Церкви. Но откройте шире двери священства, впустите людей со свѣтскимъ образованіемъ, подготовивъ ихъ въ теченіе года къ служенію и вы получите огромный контингентъ убѣжденныхъ священниковъ вмѣстѣ съ возможностью самаго строгаго выбора изъ нихъ вполне достойныхъ и честныхъ служителей алтаря. Что-же касается до матеріальнаго обезпеченія, то добраго, отзывчиваго на нужды прихода пастыря, приходъ всегда накормить и дать достаточно для безбѣднаго существованія. Тогда въ изобиліи будетъ и церквей и священниковъ и меньше причинъ для отступничества.

Вѣдь одна отрада и одно утѣшеніе для православнаго крестьянина въ церкви и у священника. И жизнерадостный священникъ, истинный носитель благодати Святаго Духа, простымъ чтеніемъ въ церкви слова Божія утѣшить тоскующія сердца и ободрить душу прихожанъ радостію и святымъ веселіемъ.

И мнѣ кажется, что священнику нужно смотрѣть при этомъ на свое дѣло «на свой пастырскій подвигъ и свое пастырское учительство», какъ на любимое свое занятіе, какъ на самый от-

радный трудъ. Такого священника полюбить народъ и никогда не оставить его безъ вознагражденія.

Народъ съ охотою понесетъ и отдастъ ему то, что истратилъ бы на пьянство и на разгулъ, ибо полюбить такого священника искренно и будетъ ему искренно признателенъ за живое святое слово.

Перейдемъ теперь къ устраненію столкновенія матеріальныхъ интересовъ священника и прихожанъ и прежде всего остановимся на вопросѣ о пользованіи священниками церковною землею.

Всѣмъ извѣстно, что крестьяне у насъ весьма малоземельны, — отсюда — бѣдны и живутъ впроголодь.

Поэтому весьма понятны случаи захватовъ ими церковной земли, увоза съ полей причта сноповъ хлѣба и случаи другихъ нарушеній владѣнія и пользованія причта землею. Отсюда съ одной стороны судебныя иски о земельныхъ захватахъ, обвиненія въ кражахъ, а съ другой мсть въ формѣ доносовъ, клеузъ и другихъ проявленій злобы и ненависти. Вотъ гдѣ причина того «множества» жалобъ и судебныхъ дѣлъ между священниками и прихожанами, на что сътуетъ и о чемъ скорбитъ преосвященный. И мнѣ кажется, что причина этой ненормальности можетъ быть легко устранена воспрещеніемъ причту заниматься посѣвами. Дѣло въ томъ, что самое занятіе сельскимъ хозяйствомъ, какъ бы мелко это хозяйство ни было, требуетъ, прежде всего, постоянного вниманія и заботъ и, кромѣ того, вносить въ жизнь такія столкновенія съ рабочими (въ данномъ случаѣ съ прихожанами священника) на почвѣ мелочей, что невозможно оберечься отъ волненій и связанной съ ними раздражительности. Нужны огромное самообладаніе, большая выдержка, чтобы прощать мелочныя обиды и оскорбленія и придти къ сознанію «выгодности не судиться и не обижаться». Но этого достигнуть можетъ лишь крупный хозяинъ, который можетъ положить извѣстный процентъ дохода на кражи, на утайки, на неисполненіе нанятыми рабочими условій найма, на потери отъ естественныхъ причинъ (града, засухи и проч.). Мелкій же хозяинъ, какимъ является причтъ, будетъ вѣчно волноваться и судиться, т. е. заниматься вздоромъ, совершенно несоотвѣтствующимъ сану священства. Къ этому я не могу не добавить двухъ-трехъ словъ о зимнихъ наймахъ на лѣтнія работы. Зимю къ священнику идетъ наниматься на лѣтнія работы

бѣднякъ, а не богатый. Бѣднякъ же, чтобы прокормиться, нанимается часто за ту цѣну, которую дадутъ. Въ нынѣшнемъ году, проѣзжая въ село, я увидѣлъ на плужной пахати знакомаго крестьянина, пахавшаго плугомъ на парѣ лошадей. Я подозвалъ его и спросилъ: кому онъ пашетъ. Онъ отвѣтилъ, что священнику; изъ дальнѣйшихъ разспросовъ выяснилось, что онъ зимою взялся вспахать двѣ десятины за 9 рублей, т. е. по 4 р. 50 к. за десятину. Рядомъ тутъ же другіе крестьяне нанялись у помѣщика пахать плугомъ по 12 и по 14 рублей за десятину.

Скажите, какой закладчикъ можетъ наживать такъ много и какое нужно отчаянное безсердечіе, чтобы пользоваться голодомъ бѣдняка, заставляя его работать на себя за третью часть нормальнаго вознагражденія? Всѣ помѣщики практикуютъ этотъ способъ найма и потому жалуются, что нѣкоторые крестьяне не идутъ работать. Это—аграрная мораль. Но если священникъ руководится такою моралью въ отношеніи прихожанъ, то дальше уже идти некуда.

А между тѣмъ отдачею внаимъ земли съ полученіемъ денегъ за годъ впередъ причтъ вполнѣ избавляется отъ занятій, не свойственныхъ его положенію. Отдавать участки въ аренду можно дозволить *«только лицамъ своего прихода»* или цѣлому обществу, съ торговъ. Цѣну дадутъ самую высокую, ибо требованіе на землю большое.

Мнѣ могутъ возразить, что отдача земли въ аренду невыгодна для причта и что гораздо выгоднѣе для священника самому эксплуатировать землю. На это я могу отвѣтить, что если и получится разница въ доходахъ, то въ десятилѣтней сложности разница эта будетъ самая незначительная.

Я могу указать много примѣровъ тому, что священники сами пришли къ заключенію о выгодности сдачи земли въ аренду. Дѣло вотъ въ чемъ: предположимъ, что средняя цѣна аренды земли—12 рублей за десятину. Крестьянинъ, уплативъ 12 рублей, тратитъ еще рубля 4 на обсеменение. Такимъ образомъ ему обходится посѣвъ въ 16 рублей. Предположимъ, что арендованная земля только и дала урожаю на 16 рублей. Крестьянинъ не въ убыткѣ, такъ какъ онъ выручилъ аренду, выручилъ сѣмена. Трудъ свой онъ не считаетъ, такъ какъ получить съ земли еще солому и мякину, т. е. зимній кормъ скоту, топливо и матеріалъ для починки крышъ.

Теперь возьмемъ, что при тѣхъ же условіяхъ священникъ самъ посѣялъ на десятинѣ хлѣбъ, и что урожай принесъ ему 16 рублей. За вычетомъ сѣмянъ у него остается 12 рублей. Но такъ какъ священникъ производитъ посѣвъ и уборку хлѣба нанятыми рабочими, то на плату за работу, т. е. за пахоту, за сѣвъ, за волочьбу, за косьбу, молотьбу, свозку сноповъ и за вѣйку священникъ долженъ будетъ отдать не только эти 12 рублей, но еще и приплатить. Въ этомъ заключается секретъ, почему крупныя хозяйства, обрабатывающія землю нанятымъ трудомъ, становятся съ каждымъ годомъ невыгоднѣе и должны будутъ неизбежно рухнуть, уступивъ мѣсто мелкимъ единицамъ, оперирующимъ личнымъ трудомъ.

Изъ сказаннаго ясно, что священники не могутъ получить большой выгоды отъ того, если сами будутъ производить посѣвъ, но отрѣшившись отъ мелкихъ заботъ хозяйственныхъ, они выиграютъ въ сферѣ нравственнаго воздѣйствія на прихожанъ.

Затѣмъ, что касается платы за требы, то, мнѣ кажется, слѣдуетъ совершенно воспретить священникамъ требовать платы за исполненіе требъ, обязать ихъ подъ угрозою запрещенія священнослуженія довольствоваться тѣмъ, что дадутъ. Нельзя облагать совершеніе таинъ Божіихъ налогомъ—это стыдно и позорно. Самый грустный и самый рѣдкій упрекъ заключается въ словахъ сектантовъ: «у православныхъ все продается и все покупается». Какъ можетъ священникъ вліять на кулаковъ въ селѣ, высасывающихъ народныя соки, если самъ онъ, повидимому, какъ въ лавочкѣ, торгуетъ бракосочетаніями, крещеніемъ и другими таинствами?

Прежде всего нужно имѣть въ виду, что никто изъ крестьянъ не отказываетъ священнику въ уплатѣ за требы и въ огромномъ большинствѣ случаевъ платитъ добровольно такія деньги, чтобы «не обижать батюшку». Если же заплатить не могутъ, то просятъ отсрочить до продажи хлѣба, или до полученія заработанныхъ денегъ, или до возвращенія съ отхожаго промысла. Конечно, случается, что и обманываютъ. Безъ этого не обходится.

Но, во первыхъ, процентъ обманщиковъ самый незначительный, а во вторыхъ, на случай обмановъ можно установить, чтобы выборные отъ прихода на сходы разбирали дѣло между священникомъ и обманщикомъ и опредѣляли бы священнику вознагражденіе по состоя-

нію неисправнаго плательщика. Увѣренъ, что случаи такого рода будутъ весьма рѣдки; а у добраго, нестяжательнаго пастыря и совѣтъ ихъ не будетъ.

Я слышалъ мнѣніе, что нужно установить таксу за требы. Но такса всегда вредна и несправедлива, а въ дѣлѣ вѣры и неумѣстна. Такса сравниваетъ всѣхъ; а между тѣмъ, какъ можно сравнить достатокъ помѣщика и крестьянина и даже въ селѣ достатокъ богатаго крестьянина собственника и бѣдняка, который перебивается съ «хлѣба на квасъ». Да и какую бы ничтожную плату ни опредѣлить въ таксѣ, могутъ быть случаи, когда крестьянинъ не въ силахъ уплатить ее тотчасъ-же. Что же дѣлать въ этихъ случаяхъ и можно ли дозволить священнику отказать въ исполненіи требы потому, что за нее не получено денегъ по таксѣ? Говорятъ, что нужно опредѣлить жалованье причту изъ казны. Но это только легко сказать, но не выполнить. Установить же приходскій налогъ на землю невозможно потому, что вообще нужно, при нынѣшнихъ условіяхъ сельскаго хозяйства, воздерживаться отъ увеличенія налоговъ, а во вторыхъ потому, что сектанты будутъ принимать все мѣры къ тому, чтобы налога въ пользу православнаго причта не платить, и взысканіе съ нихъ такого налога будетъ почти насиліемъ.

Ив. Золотухинъ.

Какъ старообрядцы добываютъ себѣ поповъ.

Москва—центръ Русскаго государства. Сюда со всей необъятной матушки Руси текутъ ея чада всѣхъ сословій, состояній и упованій. Изъ Сибири доставляютъ въ Москву звѣринные мѣха, изъ другихъ мѣстъ—другой товаръ; а изъ Москвы везутъ мануфактуру и въ числѣ другихъ товаровъ, „товаръ духовный“—бѣглыхъ поповъ.

На этотъ послѣдній случай между московскими радѣтелями бѣглопоповства и иногородними существуютъ особыя сношенія.

Сибиряки, напр., собираются въ поиски за бѣглымъ попомъ...

Предварительно они отправляютъ телеграмму: „Москва. Рогожская, кунцу И. Карасеву. Можно пріобрѣсти садовника?—Тарбогутай, Павлу Стефанову“. Слѣдуетъ отвѣтъ: „имѣются въ виду хорошіе товары, пріѣзжайте“. Простодушные сибиряки пріѣзжаютъ въ Москву съ полнымъ кошелькомъ, и здѣсь чуть не съ плачемъ расходуютъ общественную сумму. Мнѣ приходилось лично наблюдать, какъ старикъ 65 лѣтъ, Павелъ Стефановъ, оплакивалъ свое горе, израсходовавъ 1200 р. и не пріисклавъ подходящаго товара (попа).

„Теперь, повѣдалъ мнѣ свое горе Стефановъ, заняли мы у Ив. Васильев. Карасева 300 руб. на расходы: не знаемъ, исполнится ли наше желаніе?..“ Я просилъ старика рассказать мнѣ, гдѣ они были и какимъ образомъ приглашали къ себѣ поповъ.

Тяжело вздохнувъ, онъ разсказалъ мнѣ слѣдующее.

Мы пріѣхали въ Москву, къ И. В. Карасеву, еще лѣтомъ (разговоръ шелъ уже зимой). И. В. пригласилъ къ себѣ Николая Иван. Тюлина и отрекомендовалъ намъ его, какъ человѣка способнаго и имѣющаго знакомство со многими Московскими попами, и, кромѣ того, знаемаго у консисторскаго начальства, словомъ, какъ человѣка, который намъ необходимъ для отысканія попа. Мы поблагодарили И. В. Карасева за его къ намъ истинно-христіанское участіе и отравились выѣстѣ съ хваленнымъ маклеромъ въ трактиръ. Н. И. приказалъ подать выпивочки, хорошей закуски и обѣдъ.

Мы въ простотѣ душевной думали, что Н. И. отъ себя это

насъ угощаетъ и уже въ душѣ благодарили его за такую щедрость. Выпивъ и подзакусивъ изрядно, какъ слѣдуетъ москвичу, Н. И. спросилъ у насъ, сколько мы намѣрены дать ему за хлопоты... Мы обѣщали дать 100 или 150 руб., думая, что это чересчуръ много. Морщится нашъ Н. И. и говоритъ: „я думалъ, что вы посудите не менѣе 1000 р., а за такую плату мнѣ нѣтъ расчета возиться съ вами и подвергать себя опасности; я больше заработаю дома, какъ иконописецъ. Если вы желаете, чтобы я хлопоталъ по вашему дѣлу, то должны принять слѣдующія условія: платить мнѣ за каждыя сутки по три руб.—на проѣзды какъ по ж. д., такъ и конной; содержаніе и другіе дорожные расходы должны быть оплачиваемы вами. А когда пріобрѣтемъ садовника (попа), тогда мнѣ уплатите особо—300 руб., а если пожелаете, чтобы я проводилъ васъ до мѣста вашей родины, то должны дать 500 руб. и, кромѣ того, на обратную дорогу съ расходами. Выяснивъ намъ эти условія, онъ далъ намъ свой адресъ и сказалъ,—пообсудите на досугѣ и тогда мнѣ скажите. Онъ отправился. Мы тоже стали одѣвать свои сибирскіе тулупы, и уже готовы были уйти,—вдругъ половой требуетъ оплатить столъ. Мы отдали около 5 руб. Заболѣло наше сердце: видимъ, что искателя поповъ содержать намъ дорого обойдется, а будетъ-ли толкъ, это еще не видно. Мы порѣшили поѣхать за Дунай: намъ поручено было отъ общества узнать объ австрійской іерархіи, которая въ нашихъ краяхъ усердно проповѣдуется гуслицкими мастерами, кои, кстати сказать, за одно съ проповѣдію, нѣкоторыхъ понаградили денежной монетой своей фабрикаціи... Прибыли мы въ г. Тульчу, въ Румыніи. Поразспросили мы здѣсь о пріятіи митрополита Амвросія. Насъ проводили въ Славскій скитъ, гдѣ были еще живы очевидцы чинопріема митрополита Амвросія. Здѣсь намъ рассказали подробно, какъ митрополитъ Амвросій согласился уѣхать изъ Константинополя и какъ послѣдовало чинопріятіе митрополита по 8-му пр. 1-го вселен. собора, и какъ жидъ ¹⁾ Костюшка, будучи переводчикомъ митрополита, участвовалъ во всѣхъ тайнодѣйствіяхъ. Оказывается, ни отецъ Іеронимъ принималъ митрополита Амвросія, а мерзкій Костюшка. „Ну, какая это вѣра? посудите сами (говорили намъ славскіе иноки): 8-е пр. велитъ принять приходящаго къ св. Церкви, замѣтьте, „прихо-

¹⁾ Вѣроятно, сербъ (Константинъ Огняновичъ).

дящаго“, — если самъ онъ сознаетъ свою ересь, и прійдетъ съ раскаяніемъ, тогда его св. собор. Церковь пріемлетъ въ сущемъ его санѣ. А митрополитъ Амвросій пришелъ за деньги, за деньги онъ и ересей отрекся, да пожалуй, еслибы ему еще прибавили къ 500 червонцамъ, то онъ, навѣрное, и друга своего Костюшку проклялъ бы, или вмѣсто Кирилла поставилъ бы его въ намѣстники себѣ, если бы онъ не пожалѣлъ дать 500 червонцевъ тому же несребролюбивому митрополиту Амвросію. Просто, эта іерархія—одна комедія: поэтому ее и зовутъ не Христовой, а австрійской, бѣлокриницкой, а у насъ здѣсь липованской. Да и сего-то названія она недостойна: сколько загубила она своею прелестью душъ христіанскихъ!..“

Мы все сіе записали и потребовали подписи отъ иноковъ въ удостовѣреніе, а потомъ и лично побывали въ Бѣлой Криницѣ, чтобы провѣрить славскихъ иноковъ. И на дѣлѣ оказалось правдой то, что они намъ говорили; хотя въ Бѣлой Криницѣ замаскировано все и кажется болѣе какъ бы подходящимъ подъ правила, однако же неправда, какъ бы сама по себѣ, невольно просвѣчивается сквозь темную завѣсу. Намъ не понравилось въ Бѣлой Криницѣ, и мы съ печалію вернулись въ Москву, къ Рождеству Христову. И вотъ, съ тѣхъ поръ изо-дня-въ-день все въ дорогѣ; гдѣ мы только не побывали: и въ Тверской губ., и въ Рязанской. и въ Тульской, и въ Смоленской. Какихъ мы ни видѣли поповъ? Даже уши вянутъ слышать о нихъ,—и пьяныхъ и безобразныхъ, а больше все смертельные табакеры и табанюхи. Бывали мы у нѣкоторыхъ настоящихъ священниковъ, хорошихъ, кроткихъ, и поучительныхъ; но эти хорошіе настырны, какъ только замѣчали цѣль нашей поѣздки, то сейчасъ же просили насъ оставить ихъ домъ, не взирая ни на какія наши обѣщанія, хотя бѣдность кругомъ была очевидна; и мы опять рыскали повсюду,—склоняли къ себѣ тѣхъ, кои съ нами и выпивали, и соглашались. И вотъ теперь одинъ старичокъ, Тверской губерніи, обѣщаетъ поступить къ намъ; какъ будто смиреннѣйшій такой, но табачекъ понюхиваетъ, обѣщаетъ бросить“.

Выслушавъ старика, я продолжалъ любопытствовать.

«Скажите пожалуйста, дѣдушка, говорю, какимъ образомъ вы приходите къ священнику и что ему предлагаете; неужели прямо приглашаете ѣхать къ себѣ въ Сибирь?»

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ онъ,—не прямо. Нашъ маклеръ, Н. И. Тюлинь, какъ это и тебѣ извѣстно, занимается покупкой древ-

ностей, которыми и барышуетъ вмѣстѣ съ Н. В. Карасевымъ. И вотъ, онъ является въ консисторію, приглашаетъ въ трактиръ консисторскаго столоначальника, или писаря тамъ, не знаю. Беретъ справки о бѣдныхъ церквахъ, рекомендуетъ при этомъ, что онъ собираетъ древнія археологическія церковныя вещи: книги, иконы и др. предметы; тутъ же, мимоходомъ, узнаетъ онъ о зажитатныхъ понахъ, или запрещенныхъ, или безмѣстныхъ, записываетъ адреса, а потомъ отправляется съ нами на охоту. Приѣзжаемъ въ бѣдное село. Докладываютъ священнику. Просимся попочевать у него. Говоримъ, что у насъ есть дѣло до священника,— нужно будетъ поговорить на свободѣ. Насъ, конечно, принимаютъ. Тутъ Н. И. пустятъ въ ходъ все свое краснорѣчіе...

Становится закуска, а у насъ въ запасѣ всякая выпивочка. Матушка хлопочетъ о самоварѣ, а Н. И. съ батюшкой протягиваютъ по рюмочкѣ. Я не пью, состою у Н. И. вмѣсто слуги. Разспрашиваетъ сперва Н. И. о родословіи батюшки, о исторіи сельской церкви, составѣ служащихъ при ней, а потомъ ужъ разспроситъ и о доходахъ. Здѣсь-то, со вздохомъ, бѣдный пастырь рассказываетъ о своихъ матеріальныхъ недостаткахъ и о бѣдности прихожанъ, здѣсь-же расскажетъ и о другихъ ему извѣстныхъ бѣдныхъ приходахъ: бываетъ рѣчь и о богатыхъ приходахъ, при этомъ оба собесѣдника жгутъ безъ милости табачице; я думалъ, что Николай Иван., какъ старообрядецъ, не курить,—куда тебѣ! жгетъ хуже еще пона. Однажды Н. И. съ попомъ напились пьяные, а попомъ оказался буянъ: чуть меня не заставилъ курить, о, Господи прости!..

Ну, вотъ, мой милый. въ такой-то пріятельской бесѣдѣ, ставится самоварчикъ матушкою, и, ради хорошихъ гостей, сама матушка пропускаетъ рюмочку-другую коньячку; тутъ уже бесѣда принимаетъ семейный видъ; разговоръ переходитъ на приходы старообрядцевъ, если они есть близко; при чемъ большею частію священники бѣдныхъ православныхъ церквей завидуютъ понамъ австрійскимъ. Приходитъ минута завести разговоръ о бѣглыхъ понахъ: при этомъ, если батюшка съ дункомъ, то начинаютъ говорить о переходѣ митрополита Амвросія, сколько онъ, при переходѣ въ расколъ, получилъ червонцевъ, сколько потомъ получалъ доходу, а затѣмъ уже ведется разговоръ и о бѣглыхъ понахъ. А гдѣ батюшка съ матушкой откровенны, тамъ говорили прямо о выгодѣ православному священнику служить у старооб-

рядцевъ; ставятся на видъ—огромные доходы, свобода и епископскій почетъ пону, и—что у старообрядцевъ опредѣленнаго прихода нѣтъ, а если хватить у попа силъ, то работай хоть по всей Россіи.

Это поле жатвы соблазняетъ священника, особенно матушку,—она сейчасъ-же насчитаетъ, сколько платьевъ можно купить въ годъ, и въ какую цѣну, и сколько можно приберечь деньжонокъ на нужду. Думается, вотъ завтра сядемъ и уѣдемъ; не тутъ-то было,—надо получить отпускъ или подать въ заштатъ, а на сіе требуются расходы... и въ концѣ концовъ слѣдуетъ намъ отказъ, потому что ѣхать очень далеко да и опасно. Нѣкоторыхъ мы выхлопотали въ заштатъ, а они понанялись въ „раннія“ въ Москвѣ, а мы опять остались съ носомъ. Расходы же идутъ своимъ чередомъ, да еще нашъ искатель поповъ не хочетъ попросту, по нашему покусать, а говорить: «шутъ съ вами, по мнѣ, вы хоть хлѣбъ съ дѣтнемъ ѣшьте, а мнѣ столъ чтобы былъ въ гостинницѣ и приличный номеръ для ночлега». Что будешь дѣлать? деньги порастратили, а попа все нѣтъ. Раньше мы выбирали, чтобы былъ ни пьяница, ни табанюхъ, а теперь рады были бы хоть скудненькому какому, только былъ бы попъ. Вотъ такой-то старичекъ сейчасъ и соглашается, завтра поѣдемъ за нимъ; будемъ справлять у васъ, пожалуйста не отлучайтесь на этой недѣлѣ никуда“.

Въ маѣ мѣсяцѣ, въ первыхъ числахъ, за Рогожской заставой, въ Новой Деревнѣ, въ кельяхъ уставщицы (читалки) Карасевой—Прасковіи Терентьевны идетъ большая суматоха: сибиряки привезли себѣ попа; усердницы обмываютъ новаго батюшку да прихорашиваютъ. „Ужъ больно „попикъ-то паршивенькій“. сѣтуютъ онѣ, гдѣ они ужъ такого и выкопали, цѣлую зиму ѣдили искали, а нашли—и смотрѣть не на что: старенькій, худенькій, да беззубый и что онъ у нихъ тамъ станетъ дѣлать! Онъ, навѣрно, „дорогой дубу дастъ“, шушукались дородныя читалочки. А старикъ Павелъ Стефановъ держалъ себя весело,—„ну, слава Богу, добыли таки себѣ попа, хоть бы оправдать себя предъ обществомъ“, сказывалъ онъ мнѣ. Принесъ онъ записку отъ попечителя, И. В. Карасева, въ которой предписывается о. Петру Ремизову исправить новопріобрѣтеннаго батюшку. Вечеркомъ прибылъ въ кельи (вродѣ дѣвичьяго скита) Карасева и о. Петръ. О. Алексій (новый попъ) выходитъ изъ конурки, какъ звѣрокъ

оглядывается кругомъ, видимо чувствуетъ себя неловко. Мы оставили его вдвоемъ съ о. Петромъ, побесѣдовать (исповѣдаться), а потомъ облачили его въ ризы, заставили читать чинъ—„отъ яковитянъ и ханцыпарскія (?) ереси“. Помазали его потомъ старымъ „миромъ“ (маслицомъ), вручили ему крестъ и заставили дѣлать отпустъ. Отпустъ о. Алексій сдѣлалъ, хотя онъ выходилъ у него какъ-то смѣшно и неумѣло, и читалки къ новообращенному отъ ереси пону кинулись подъ благословеніе... Окончивъ начало, мы, по обычаю, поздравили новоприсоединеннаго и пожелали ему здоровья въ трудахъ по просвѣщенію сибирскихъ христіанъ.

На обратномъ пути я спросилъ о. Петра: какъ вы, батюшка, думаете о новоправленномъ,—по убѣжденію поступаетъ онъ въ старообрядчество?—„Какое можетъ быть убѣжденіе у такого старика, отвѣчаетъ о. Петръ,—онъ находится въ безвыходномъ положеніи: пенсію получилъ и пропилъ, да прихватилъ еще у внучатъ, а имъ нужно вносить за ученіе: вотъ онъ и обрадовался случаю,—взялъ у сибиряковъ 60 руб., отдалъ ихъ внукамъ, а чрезъ мѣсяцъ обѣщалъ прислать еще 100 руб. Сибиряки наобѣщали ему цѣлыя горы золота, такъ какъ у нихъ священника не было около 80 л., а старообрядцевъ—до 140 тысячъ одного мужскаго пола; ихъ надо всѣхъ довершать крещеніемъ, а потомъ вѣнчать. Правда, дѣла очень много, но что онъ можетъ подѣлать одинъ, да еще при такой старости? Онъ, дай Богъ, чтобы хотя годъ пробылъ у нихъ; немного заполучить деньжонокъ, да и простится съ ними“.

Такъ и случилось на самомъ дѣлѣ ..

При первомъ свиданіи, по отъѣздѣ о. Алексія въ Сибирь, Н. И. Тюлинъ рассказывалъ мнѣ, какъ онъ провожалъ о. новоприсоединеннаго въ Забайкальскую область, Тарбагутаіскую волость.

Въ срединѣ мая, рассказывалъ Тюлинъ, мы запаслись билетомъ изъ духовной консисторіи—на проѣздъ для поклоненія иркутскому святителю и безбоязненно слѣдовали на пароходѣ по Иртышу. О. Алексій безъ водочки скучалъ, поэтому приходилось запасаться и выдавать ему порціями. Дѣдъ Павелъ ничего бы... но третій сибирякъ все косо на насъ поглядывалъ: онъ замѣтилъ, что о. Алексій нюхаетъ табакъ. Не разъ я получалъ замѣчанія и отъ старика, а вѣдь я ихъ увѣрилъ, что о. Алексій дорогой не будетъ нюхать,—бросить. Пришлось принять мѣры рѣшительныя.

Одѣжды, на палубѣ парохода сидѣли мы съ о. Алексіемъ, бесѣдовали о будущемъ его богатствѣ и пр. Онъ замечтался и не замѣтилъ, какъ вынулъ изъ кармана тавлинку. Я оглянулся,—а этотъ косоглазый сибирякъ стоитъ сзади и зло на насъ посяматриваетъ. Хотя и досадно мнѣ было такъ поступить, но другого исхода не было: я вырвалъ изъ рукъ пона тавлинку и бросилъ ее въ Иртышъ, причемъ обругался такъ энергично, что о. Алексій струсиль... Онъ горько заплакалъ, когда увидѣлъ свое сокровище потеряннымъ навсегда и сказалъ: лучше бы ты въ морду меня ударилъ, чѣмъ лишилъ меня такой памяти (Тавлинка была подарена ему кѣмъ то на память). Я старался его утѣшить, общалъ ему золотую справить, только бы не укоряли меня наши спутники. Если же ты, утѣшавалъ я пона Алексія, паче чаянія не оставишь нюхать табакъ, то тебя у насъ никто не приметъ. и намъ тогда придется пѣшимъ идти обратно. Пона примирился съ необходимостью и сталъ нюхать нашатырный спиртъ.

Спустя года полтора, сибиряки сообщаютъ И. В. Карасеву, что о. Алексій просилъ становаго пристава освободить его отъ раскольниковъ. и просить прислать ему другого хорошаго пона. Николай Ивановичъ ожидаетъ ихъ прїѣзда, и... опять начнетъ выдаивать сибиряковъ.. А тамъ, далеко, за 7000 верстъ, ожидаютъ старички и малютки прибытія изъ Москвы древлеправославной благодати, въ лицѣ хоть какого-нибудь батюшки—отъ ереси приходящаго...

Бѣдные, простодушные старообрядцы, если дойдетъ до васъ мой голосъ, прочтите мои строки,—въ нихъ одна истина: посылаемые вами ходатаи меня хорошо знаютъ. Познавъ ложь и нагубность раскола, я присоединился къ св. собор. апостольской Церкви. Желаю, братія моя, и вамъ сподобиться отъ Господа Бога такой милости, какой сподобился я въ г. Кронштадтѣ.

О. С. Шмиковъ.

Изъ миссіонерской полемики.

Бесѣда съ старообрядцемъ о свободѣ вѣроисповѣданія.

Яко ревность Божію имутъ, но не по разуму (Рим. 10. 2).

И между старообрядцами есть свѣтлыя личности. Таковъ мой почтенный собесѣдникъ, съ которымъ я давно знакомъ. Это человекъ выдающійся изъ толпы своихъ собратій-старообрядцевъ. Онъ хорошо начитанъ не только старопечатныхъ, но и новопечатныхъ-полемическихъ, религіозно-нравственныхъ и др. книгъ. По наружности онъ мало выглядываетъ старообрядцемъ, — одѣвается въ нѣмецкій костюмъ, коротко носитъ волосы и подстригаетъ немного бороду. Взгляды его на старообрядчество какіе-то своеобразныя, равно какъ и на православную Церковь. Онъ то и другое почитаетъ православіемъ, въ томъ и другомъ можно, по его словамъ, угодить Богу и спастися. „Никонъ патріархъ, — говоритъ онъ, — хотя измѣнилъ нѣкоторые древніе обряды и обычаи, но вѣры православной не коснулся. Вотъ наши заправилы и вожди болѣе 200 лѣтъ отыскиваютъ въ грекороссійской Церкви ереси и много наврали на этотъ счетъ, но на самомъ дѣлѣ ни одной не нашли, да и найти не могутъ, потому что тамъ ихъ нѣтъ“. Усвоивъ себѣ такой взглядъ на старообрядчество и православную Церковь, знакомецъ мой безразлично ходитъ на молитву и въ старообрядческую часовню и въ православные храмы. Часто бывая по дѣламъ торговымъ въ Москвѣ и проживая тамъ иногда подолгу, онъ обязательно обойдетъ всѣ кремлевскіе соборы, приложится къ мощамъ и другимъ правосл. святынямъ; посѣтитъ храмъ Христа Спасителя и всегда любитъ его величіемъ и грандіозностію; любитъ присутствовать при архіерейскомъ богослуженіи и всегда восхищается пѣніемъ синодальныхъ и чудовскихъ пѣвчихъ. Какъ старообрядецъ, онъ конечно, посѣщаетъ, хотя и не часто, Рогожское кладбище, Апухтинку, — резиденцію своего лжеархіепископа; знакомъ со всѣми

членами Духовнаго Совѣта, съ братчиками св. креста, иногда присутствуетъ даже на ихъ собраніяхъ. Поэтому пріятелю моему—старообрядцу хорошо извѣстны всѣ дѣла и дѣлишки, совершающіяся въ самомъ главномъ центрѣ старообрядческаго міра, разумѣется, окружническаго, и онъ никогда не стѣняется подѣлиться со мною своими свѣдѣніями, и много рассказываетъ интереснаго изъ внутренней жизни раскола, но съ условіемъ, чтобы я никогда ни однимъ словомъ не обмолвился въ печати про его имя, отчество, фамилію, званіе и мѣсто жительства. Завѣтная мечта моего почтеннаго собесѣдника заключается въ томъ, чтобы произвести реформы или, какъ онъ выражается, учинить капитальный ремонтъ старообрядчества, устранить въ немъ вопіющіе безпорядки, вымести пыль и мусоръ, который накопился и теперь не перестаетъ накапливаться въ самомъ главномъ духовномъ правленіи, которое онъ въ шутку называетъ „нашимъ древлеправославнымъ Синодомъ“. Особенно его возмущаетъ то, что дѣлами духовными заправляютъ въ австр. старообрядествѣ не „смиренные епископы“, а высокоумные и гордые московскіе купцы-богатѣи, которыхъ онъ называетъ „золотыми мѣшками“. „кумирами, стоящими не на полѣ Деяръ, а въ Москвѣ“. Архіереи же, по его словамъ, не что иное, какъ послушныя орудія, рабски повпнующіяся купцамъ-заправителямъ. предъ которыми склоняются чуть не до земли, безирекословно творя ихъ волю. Только одинъ преосвященный Арсеній (Швцовъ), епископъ нижегородскій, выказываетъ свою архіерейскую самостоятельность и мало кланяется московскимъ заправиламъ. Давно бы онъ былъ московскимъ архіепископомъ, но самостоятельность его пугаетъ современныхъ воротилъ. „Что касается поповъ,—продолжалъ мой собесѣдникъ,—то они гораздо болѣе боятся купцовъ-воротилъ, нежели своихъ епископовъ. Это въ полномъ смыслѣ рабы купцовъ и купчихъ. Горе тому попу, который чѣмъ-либо не угодитъ или прогавитъ кого изъ воротилъ! Судь надъ нимъ скорый, хотя и неправый. Хорошо, если переведутъ неугоднаго пона на другой, хотя и худшій приходъ, но нерѣдко случается, что его выбрасываютъ за штатъ, оставляютъ безъ куска хлѣба. Тогда выброшенный батюшка начинаетъ обивать пороги у того всеспльнаго и всемогущаго богатѣя, къ которому попалъ въ немилость, и долго иногда обиваетъ, прося позволенія предстать предъ его грозныя очи. Наконецъ, выходитъ разрѣшеніе—золотой мѣшокъ, сидя въ креслѣ, въ халатѣ на-

распашку, встрѣчаетъ провинившагося батюшку, а послѣдній стоитъ около порога, кланяется чуть не до земли, со слезами умоляетъ „его степенство“, чтобы онъ обратилъ гнѣвъ на милость. Иногда такое пресмыканье пона продолжается весьма долго, мѣсяць—два и больше. Смидуется, наконецъ, духовныхъ дѣлъ вершитель, начертить изъ пяти—шести словъ записку и вручить попу, говоря: помни, отецъ, и не забывай оказанной тебѣ милости! Искатели поповскихъ должностей то-же прежде всего должны поклониться золотому мѣшку. Особенно прославился, какъ поставщикъ на поповскія должности, извѣстный коммерсантъ г. М.—въ. Его фабрики—тѣ-же семинаріи. На нихъ ежегодно готовится по нѣскольку кандидатовъ на поповство, и всего болѣе изъ гусяковъ. Духовный Совѣтъ тоже въ этихъ дѣлахъ играетъ важную роль.— Ну, а члены вашего „Духовнаго Совѣта“ не берутъ взятокъ?—спросилъ я.—„Взятокъ не берутъ,—сказалъ собесѣдникъ—а подарочками не гнушаются. Это уже издавна установился такой обычай и считается почти каноническимъ правиломъ“.

Относительно богословскихъ познаній своихъ „смирненныхъ епископовъ“ собесѣдникъ мой такъ отзывался: „хотя съ горечью въ душѣ, но долженъ вамъ сознаться, что всѣ наши смиренные и боголюбивые епископы, въ своихъ научныхъ познаньяхъ, далеко стоятъ не на высотѣ своего велпаго сана. Не говоря уже о богословіи или философіи, чего отъ нихъ и требовать нельзя, потому что у насъ еще нѣтъ духовныхъ семинарій и академій, даже грамоту то большая часть изъ нихъ не твердо знаютъ и имя свое яны съ трудомъ подписываютъ какими-то каракулями. Также и служеніе совершаютъ куда какъ неказисто. Конечно, при настоящихъ обстоятельствахъ многого отъ нихъ нельзя и требовать. Нужны реформы и реформы. Нѣтъ у насъ порядка, а все идетъ какъ-то кувыркомъ. Только и знаютъ, что разсаживаютъ по городамъ епископовъ, а по деревнямъ—поповъ, а на то не обращаютъ вниманія, каковы эти древлеправославные святители и іереи“.

— Какъ же вы думаете преобразовать своихъ іерарховъ и поповъ?—спросилъ я.

— Такъ и думаемъ, что необходимо нужно произвести самый тщательный и капитальный ремонтъ всего нашего духовнаго управленія,—отвѣчалъ собесѣдникъ. Я вѣдь не одинъ. У насъ въ Москвѣ образовался цѣлый кружокъ реформаторовъ. Правда, кружокъ этотъ еще не великъ по числу, и нѣтъ въ немъ большой мате-

ріальной силы, но великъ онъ своимъ идеаломъ, силенъ духомъ. Конечно, намъ предстоитъ борьба и борьба немалая съ тѣмъ рутинерствомъ, которое такъ глубоко въѣлось и укоренилось въ нашихъ заправилахъ, но при помощи Божіей все можно преодолѣть и побѣдить. Само время намъ поможетъ“.

— Мечтаете и фантазируете вы, другъ мой! — сказалъ я. — Никогда не можетъ осуществиться ваше завѣтное желаніе. Хотя вы природный старообрядецъ и близко стоите къ главному центру старообрядчества, знаете всѣхъ его заправилъ, но не проникли въ духъ и сущность старообрядчества, мало знаете его основы. на которыхъ оно создано и держится болѣе двухсотъ лѣтъ. Основано и держится оно на грубости и невѣжествѣ, на непониманіи самыхъ простыхъ истинъ, да еще на обрядовѣріи. Никакія ваши реформы, какъ бы онѣ ни были полезны для старообрядчества, не будутъ приняты, какъ новшества, вредныя и пагубныя для старообрядія.

— Да вѣдь мы не будемъ касаться вѣры и старыхъ обрядовъ, — сказалъ собесѣдникъ, — мы постараемся только все упорядочить, привести въ стройность какъ наше духовное правленіе, такъ и наше духовенство, поставивъ его на высоту призванія!

— Опять повторяю, что все это — мечты и мечты! Покойный И. Е. Кабановъ (Ксеносъ), составитель „Окружнаго Посланія“, не вводилъ никакихъ реформъ, не касался вѣры и обрядовъ, не измѣнялъ укоренившихся изстари порядковъ, которыхъ вы намѣреваетесь коснуться, а желалъ только очистить старообрядчество отъ зловерныхъ плевелъ, насѣянныхъ первоучителями раскола и безпоповцами. Сначала ваши „смиранные епископы“ приняли предложеніе И. Е., — утвердили „Окружное Посланіе“ 24 февраля 1862 г. и разослали его своимъ насомымъ въ руководство по дѣламъ вѣры, но это продолжалось весьма недолго. „Смиранные епископы“ скоро спохватились, сознали свою ошибку и, недолго думая, уничтожили „Окружное Посланіе“ и „яко небывшее вѣрили“. Спрашивается: почему такой печальной участи подверглось „Окружное Посланіе“? Потому, что оно своимъ ученіемъ и разъясненіемъ выбивало самые большіе камни изъ фундамента, на которомъ создано и 200 лѣтъ держится старообрядчество. Да, ваши смиранные епископы хорошо поняли, что если держаться ученія „Окружнаго Посланія“, то старообрядчество неминуемо должно рухнуть и превратиться въ

жалкія развалины. А вы, любезнѣйшій, мечтаете о какихъ то реформахъ, о капитальномъ переустройствѣ, о введеніи порядковъ въ управленіе, объ ученыхъ архіереяхъ и понахъ! Нѣтъ, другъ мой, старообрядчество не можетъ теритѣ свѣта, но бѣжитъ отъ него, потому что возлюбило тьму невѣжества, и эта тьма сдѣлалась для него сродной стихіей.

— Подождите немного и вы увидите, что и у насъ скоро появится свѣтъ науки,—сказалъ собесѣдникъ.

— Дай Богъ! Появится свѣтъ науки, а съ нимъ откроются и глаза старообрядцевъ на ту святую истину, которая теперь затмѣвается невѣжествомъ.

Такія и подобныя имъ бесѣды неоднократно происходили между нами. Знакомый мой не терялъ надежды на осуществленіе своей мечты—преобразовать старообрядчество.

Во второй половинѣ ноября минувшаго 1901 г., въ воскресенье, послѣ поздней литургіи, неожиданно явился ко мнѣ знакомый и уважаемый мною старообрядецъ, котораго я предъ тѣмъ мѣсяца два не видалъ. Послѣ взаимнаго привѣтствія старообрядецъ сказалъ: „А вѣдь я къ вамъ прямо изъ собора. Нарочито пошелъ по-смотрѣть на вашего новаго архіерея и послушать его служеніе. Ну, о. М., скажу вамъ—это поистинѣ архіерей во всѣхъ отношеніяхъ! Какая „ипостасная“ обстановка, какіе выходы и приемы! А голосъ?!... чудный и никогда мною неслыханный! Это поистинѣ—духовная свирѣль! Особенно вашъ новый архіерей тѣмъ мнѣ понравился, что истово возлагаетъ на себя крестное знаменіе. А вѣдь вы знаете, что для насъ старообрядцевъ, это самый важный предметъ. Кто бы то ни былъ, хотя бы самъ митрополитъ или патріархъ,—какъ только перекрестился кое-какъ,—считай все пропало! Къ сожалѣнію, нужно сказать, что многіе и многіе ваши сельскіе, да и городскіе священники небрежно относятся къ крестному знаменію, махая рукою сѣмо и овамо. Въ Евангеліи Господь сказалъ: „Горе тому чловѣку, чрезъ котораго соблазнъ приходитъ“ (Мѡ. 18, 7). А священники, небрежно полагающіе крестное знаменіе, великій соблазнъ приносятъ намъ, старообрядцамъ, и тѣмъ не привлекаютъ, а отгоняютъ насъ отъ Церкви. Но перестану говорить о соблазнахъ! Когда я стоялъ вблизи архіерея, то думалъ: вотъ бы какого епископа добыть намъ. Этотъ не мерцалъ бы какъ догорающая лампадка, а горѣлъ бы полнымъ пламенемъ, разливая свѣтъ во всю храмину“!

— Зачѣмъ же дѣло стало, чтобы нашъ архіерей былъ и вашимъ?

— Да развѣ согласится онъ перейти къ намъ?

— Зачѣмъ же переходить ему? Онъ поставленъ управлять Калужскою епархіею высшею духовною властью, утвержденъ Государемъ Императоромъ и долженъ оставаться на своей кафедрѣ. Вы должны перейти подъ его управленіе, т. е. присоединиться къ православію, — тогда и можете назвать его своимъ духовнымъ отцомъ, онъ назоветъ васъ своимъ духовнымъ сыномъ. Благодареніе Богу! Мы не видимъ изъ исторіи нашей Церкви, чтобы кто либо изъ православныхъ епископовъ когда либо уклонился въ расколъ и сдѣлался измѣнникомъ святой вѣры и клятво-преступникомъ противъ Церкви и Государя.

— Я не прочь отъ Церкви, — сказалъ собесѣдникъ, — всегда готовъ присоединиться къ ней, но мнѣ желается прежде упорядочить старообрядчество, смахнуть съ него пыль, очистить отъ плѣсени и гнили, которая облегаетъ его со всѣхъ сторонъ. Когда все это, при помощи Божіей, совершится, тогда старообрядцы измѣнятъ свой взглядъ на греко-россійскую Церковь, т. е. поймутъ, что она вѣруетъ православно, Церковь измѣнитъ свой взглядъ на старообрядчество, — признаетъ его древле-православіемъ: тогда-то и послѣдуетъ полное духовное сліяніе и будетъ едино стадо и единъ Пастырь. Наши вожди и наставники, по своему невѣжеству, думаютъ утвердить и укрѣпить древле-православіе старинными костюмами, сбирками и поддевками, сарафанами и платками, но время свое беретъ и разрушаетъ эти мнимыя твердыни. Вотъ я старообрядецъ, а по наружности выглядываю нѣмецемъ. У меня во всемъ домѣ нѣтъ ни одного кафтана или поддевки, а у жены и дочери нѣтъ ни одного сарафана. Что же мы чрезъ костюмы-то перестали быть старообрядцами? Конечно, нѣтъ! Но вѣдь я не одинъ. Насъ, носящихъ нѣмецкое платье, стригущихъ коротко волосы, подравнивающихъ и даже бреющихъ бороды, найдутся въ старообрядествѣ тысячи, десятки тысячъ.

— Съ чего же вы начнете свои реформы или капитальный ремонтъ старообрядчества? — спросилъ я.

— Узнаемъ, — съ чего начать!.. Программа у насъ давно выработана, — сказалъ старообрядецъ. Конечно, при настоящихъ отношеніяхъ правительства къ старообрядцамъ ее нельзя выполнить. Но скоро эти отношенія должны измѣниться. Наши московскіе

ревнители вмѣстѣ съ петербургскими давно уже хлопочуть предъ кѣмъ слѣдуетъ, никакихъ средствъ не жалѣють, добиваясь полной свободы вѢроисповѣданія. Думаемъ, даже увѣрены, что эта свобода скоро будетъ дана“.

— Не знаю,—какой еще нужно вамъ свободы вѢроисповѣданія, сказалъ я. Кажется, вы никѣмъ не стѣсняетесь въ своемъ вѢроисповѣданіи, да и не вы одни, но вообще всѣ иновѣрцы, даже евреи, магометане, язычники,—и тѣ свободно вѣруютъ и свободно исповѣдуютъ свою вѣру. Какой же еще вамъ нужно свободы?

Много намъ нужно. Намъ не дозволяютъ открывать свои учебныя заведенія, гдѣ бы наше молодое поколѣніе могло научиться Закону Божию по старопечатнымъ книгамъ. Благодаря такому стѣсненію, намъ негдѣ готовить кандидатовъ на должности поповъ и епископовъ. Потому-то у насъ и занимаютъ эти саны люди необразованные, малограмотные. Намъ не дозволяютъ строить церкви и монастыри; запрещаютъ нашему духовенству публично, въ полномъ облаченіи, совершать богослуженіе, и самое наше духовенство не признается духовенствомъ, а всѣ—какъ священники, такъ и епископы считаются простолюдинами-крестьянами, мѣщанами и купцами. Мы не пользуемся даже правами иновѣрцевъ, какъ-то: католиковъ, лютеранъ и протестантовъ.

— Итакъ, вы добиваетесь полной свободы не вѢроисповѣданія,—сказалъ я,—а дѣйствій, согласныхъ своему вѢрованію. Но это, другъ мой, не одно и то же, а большая разница. Вѣровать каждый можетъ по-своему. Я уже говорилъ вамъ, что на Руси очень много разновѣрцевъ, и всѣ они свободно вѣруютъ, но дѣйствовать согласно требованіямъ своей вѣры, по собственному усмотрѣнію, не могутъ; на это требуется дозволеніе и разрѣшеніе правительства. Коль скоро правительство усмотритъ, что въ нашихъ или иныхъ иновѣрцевъ дѣйствійхъ нѣтъ чего-либо противнаго существующимъ законамъ, или приносящаго вредъ Церкви, Государству и обществу, то всегда эти дѣйствія разрѣшаются. Самовольныя же дѣйствія и посягунки не разрѣшаются не только вамъ или другимъ иновѣрцамъ, но и православнымъ. Вы хорошо знаете, что и православнымъ нельзя устроить какое-либо учебное заведеніе, храмъ или монастырь безъ разрѣшенія на то правительства.

— Совершенно вѣрно!—сказалъ собесѣдникъ. Но мы ходатайствуемъ предъ правительствомъ разрѣшить намъ дѣйствовать

согласно нашей вѣрѣ, не вопреки существующимъ законамъ, не во вредъ Церкви, Государству и обществу.

— Если такъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что ваше ходатайство будетъ уважено.

— Въ томъ-то и дѣло, что не очень то уважаются наши ходатайства,—сказаль собесѣдникъ. Но теперь, кажется, есть явные признаки успѣха нашихъ ходатайствъ.

— Какіе же это признаки?

Вотъ какіе признаки. Лучшая часть вашей интеллигенціи,—люди высоко-образованные, даже высокопоставленные, держатъ нашу сторону, ищутъ въ газетахъ и журналахъ, чтобы дать намъ свободу вѣровать и исповѣдывать по своему убѣжденію,—сказаль собесѣдникъ. Вѣроятно вы читали докладъ орловскаго предводителя дворянства, г. Стаховича, прочитанный имъ предъ сѣздомъ епархіальныхъ миссіонеровъ, бывшимъ въ г. Орлѣ между 16-мъ и 24-мъ сентября 1901 г. Въ этомъ докладѣ онъ предлагалъ сѣзду—возбудить ходатайство пригоднымъ порядкомъ о дарованіи всѣмъ раскольникамъ и сектантамъ свободы совѣсти, чтобы невозбранно можно было всѣмъ вѣровать и исповѣдывать свою вѣру по собственному своему убѣжденію. По поводу доклада г. Стаховича въ нѣкоторыхъ номерахъ „Петербургскихъ Вѣдомостей“ были напечатаны прекрасныя статьи, въ которыхъ люди ученые и высокопоставленные, даже одинъ изъ вашихъ ученыхъ священниковъ, нѣкто о. Черкасскій, одобряютъ докладъ г. Стаховича и вполне соглашались съ нимъ относительно свободы совѣсти.

— Читалъ я докладъ г. Стаховича, читалъ также статьи и въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ и въ другихъ газетахъ и журналахъ. Не буду говорить о томъ, насколько вѣрны и правдивы мнѣнія и сужденія г. Стаховича и другихъ писателей объ этомъ же предметѣ. Спрошу только: желательно ли будетъ вамъ, старообрядцамъ, такая свобода совѣсти, которую проповѣдуетъ г. Стаховичъ и др.? Вотъ вопросъ, разсмотрѣніемъ и разрѣшеніемъ котораго мы съ вами займемся.

—Нечего и заниматься разсмотрѣніемъ этого вопроса,—сказаль собесѣдникъ. Мы искренно и съ любовью привѣтствуемъ слова г. Стаховича относительно свободы совѣсти.

— Не снѣшите, другъ мой, съ вашимъ привѣтомъ,—сказаль я. Сначала вникните поглубже въ проповѣдь г. Стаховича и взгляните на послѣдствія, какія могутъ произойти отъ его свободы совѣсти.

Вѣдь г. Стаховичъ предлагаетъ даровать свободу совѣсти не однимъ только вамъ, старообрядцамъ-окужникамъ, но вообще всѣмъ иновѣрцамъ, не исключая евреевъ, магометанъ, язычниковъ. И всѣмъ этимъ иновѣрцамъ, по словамъ г. Стаховича, должна быть дарована не только свобода по-своему вѣровать и исповѣдывать свою вѣру, но и безнаказанно совращать въ нее другихъ. Какъ-то вы, въ пылу ревности, или въ шутку говорили мнѣ: „еслибы дана была намъ полная свобода вѣроисповѣданія, то мы не уступили бы вамъ, миссіонерамъ, а превзошли бы васъ. Васъ только два епархіальныхъ миссіонера на всю губернію, а мы завели-бы 20-ть миссіонеровъ. У насъ, говорите вы, средствъ хватить на все. Не поскупились бы также распространить въ народѣ цѣлыя тысячи книгъ и брошюръ, составленныхъ нашими современными апологетами-писателями. Тогда бы посмотрѣли, чья сила возьметъ, ваша или наша“.

— Да, все это можетъ быть. Если теперь, при строгости законовъ, у насъ много есть борцовъ за древлеправославіе, тогда, конечно, количество этихъ борцовъ увеличилось бы въ нѣсколько разъ. Если и теперь сочиненія нашихъ знаменитыхъ апологетовъ въ большомъ количествѣ распространяются въ народѣ, несмотря на то, что сочиненія эти частію перевозятся тайно изъ заграницы (контрабандой), частію печатаются на Руси въ тайныхъ (подпольныхъ) типографіяхъ, оттискиваются на гектографѣ или переписываются на ремингтонѣ.—тогда мы открыли бы свою типографію, поставили бы скоропечатную машину, и у насъ ежедневно вылетали бы цѣлыя тысячи листовъ и брошюръ, составленныхъ въ пользу старообрядчества. А тамъ бы и газету свою завели!!

— Допустимъ, что все это вы могли бы устроить. Но вѣдь и другіе бы старообрядцы, съ вами несогласные, какъ-то: противоокужники, бѣглопоповцы и безпоповцы— то же самое непремѣнно бы устроили. Но этого мало. Всѣ существующія у насъ въ Россіи секты—раціоналистическія и мистическія, пользуясь свободой совѣсти, то же бы устроили, что и вы. Конечно, не отстали бы и евреи, магометане и язычники. И вотъ, по примѣру васъ, древлеправославныхъ старообрядцевъ, всѣ перечисленные мною секты разослали бы по святой Руси своихъ миссіонеровъ, наводнили бы ими столицы, провинціальныя города, села и деревни, начали бы проповѣдывать, каждый въ отдѣльности, свою вѣру и невозбранно совращать какъ православныхъ, такъ, конечно, и васъ, старооб-

рядцевъ. Скажите по чистой совѣсти: какъ бы вы тогда посмотрѣли на такую свободу совѣсти?

— Но этого быть не можетъ!

— Почему же не можетъ быть?

— Да развѣ правительство дозволить всѣмъ этимъ еретикамъ, евреямъ, магометанамъ и язычникамъ расхаживать по народу съ своей душепугубной пропагандой? Нѣтъ, не можетъ этого быть!

— По предложенію г. Стаховича все это можетъ быть. Онъ говоритъ въ своемъ докладѣ: „за проповѣдь передъ взрослыми, за совращеніе сознательныхъ людей нельзя и безцѣльно карать“. Слѣдовательно, пропагандистъ, какой бы онъ ни былъ вѣры—христіанской, еврейской, магометанской или языческой, можетъ невозбранно совращать въ свою вѣру людей взрослыхъ и сознательныхъ, и за это совращеніе не подлежитъ никакой карѣ. Что вы на это скажете?

— Что сказать,—не знаю. Но если дѣйствительно г. Стаховичъ проповѣдуетъ такую свободу совѣсти, то обнеси Богъ отъ такой свободы!—сказалъ собесѣдникъ. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ можетъ такъ случиться: если всѣмъ иновѣрцамъ предоставлено будетъ право свободно и безнаказанно совращать другихъ, то и въ наше старообрядческое общество могутъ нахлынуть разные лже-проповѣдники для совращенія древле-православныхъ христіанъ.

— Да, все это можетъ случиться. Вѣдь ходятъ же по православнымъ ваши учителя съ своею проповѣдію, даже вторгаются въ дома, всячески стараясь совратить въ свое мнимодревлеправославіе. Могутъ и въ ваши дома вторгаться разныхъ сектъ проповѣдники, какъ то: молокане, духоборы, воздыханцы, хлысты, скопцы, штундисты, напковцы, новоявившіеся толстовцы и другіе, имъ же имя легіонъ. Но этого мало. Могутъ также посѣтить васъ еврейскіе раввины или цадики (святые), татарскіе муллы и языческіе шаманы и ламы съ своею проповѣдію и невозбранно совращать васъ.

— Но этого, повторяю, правительство никогда не допустить. Иначе будетъ послѣдняя лѣсть горше первой.

— А вы, другъ мой, г. Стаховича и подобныхъ ему писателей, проповѣдающихъ свободу совѣсти, ставите на высокій пьедесталъ мудрости и гуманности, называете лучшими людьми!... Всѣ почти они сродни графу Л. Н. Толстому,—съ той лишь разницей, что графъ Толстой открыто отрекся отъ православной Церкви, а эти

тайно, даже подѣ видомъ благочестія, строить ковы противъ Церкви. Вы говорили мнѣ, что когда правительство даруетъ вамъ полную свободу дѣйствовать въ пользу вашего древлеправославія, тогда воздвигнете въ Москвѣ величественный соборъ, неуступающій храму Христа Спасителя (при семъ прибавляли: „напи ревнители милліоновъ на это святое дѣло не пожалѣютъ“); учредите, по примѣру древнихъ временъ патріаршество, дабы поставить свою іерархію на должную высоту. Но вѣдь то же самое могутъ сдѣлать и другіе несогласные съ вами, старообрядцы. У нихъ тоже хватитъ милліоновъ на построеніе величественныхъ соборовъ; они тоже пожелаютъ возстановить патріаршество. Конечно, не отстанутъ отъ васъ разнородные сектанты, которые тоже, быть можетъ, рядомъ съ вашимъ соборомъ, воздвигнутъ свои величественные молитвенные дома. Особенно хлысты и скопцы, какъ люди богатые, настроятъ для своихъ радшіи цѣлыя палаты, тутъ же вѣстатъ и операціонный залъ для осконелія; евреи устроятъ свою синагогу, татары — мечеть, а язычники — кумирню, украшенную большими и малыми идолами, бурханами и бурханчиками. Въ вашемъ величественномъ соборѣ древлеправославный патріархъ съ епископами и архимандритами будетъ совершать богослуженіе; въ то же время языческій Далай-лама, окруженный жрецами, также будетъ торжественно совершать служеніе предъ своими идолами. Вѣдь все это можетъ быть при свободѣ совѣсти!...

— Не отрицаю,—дѣйствительно все это можетъ быть, сказалъ собесѣдникъ.

— Вы говорили, что тогда только учредите древле-православное патріаршество, когда дана будетъ вамъ отъ правительства полная свобода, когда въ проектируемыхъ вами старообрядческихъ духовныхъ училищахъ, семинаріяхъ и академіяхъ приготовятся достойные кандидаты на высшія и низшія церковныя должности; но вѣдь все это, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ не скоро можетъ быть. Посему ваши вожаки и заправители, чтобы не откладывать этого дѣла въ длинный ящикъ, не ожидая никакихъ разрѣшеній и дозволеній правительства, теперь же намѣревались возстановить патріаршество. Вѣроятно вамъ извѣстно, что лѣтомъ 1901 г. въ Нижнемъ Новгородѣ состоялся соборъ вашихъ епископовъ и другихъ духовныхъ и недуховныхъ лицъ, подѣ председательствомъ Арсенія (Швецова), епископа Нижегородскаго, на которомъ 29 августа былъ избранъ Арсеній, т. е. О. В. Швецовъ въ патріархи

града Москвы и всея Россіи. Только одинъ попъ, Михаилъ Картушинъ, воспреніяствовалъ совершиться этому акту. Но вѣдь затѣя эта не оставлена, а только отложена на болѣе благопріятное время. Быть можетъ, скоро услышимъ, что Арсеній Швецовъ не просто епископъ, а уже древлеправославный Московскій и всея Россіи патріархъ. Вѣдь у васъ все можетъ быть.

— Да, исторія избранія преосвященнаго Арсенія (Швецова) мнѣ хорошо извѣстна. Но я никогда не одобрялъ и теперь не одобряю этой преждевременной затѣи. Толка изъ этого никакого не выйдетъ. Хорошо, если правительство взглянетъ на эту затѣю, какъ на комедію, и скажетъ: пусть себѣ старообрядцы поиграютъ въ патріарха и потѣшатся своимъ блаженствомъ! А если взглянетъ серьезно, какъ на дѣло, выходящее изъ тѣхъ рамокъ, въ которыя поставлены старообрядцы, то можетъ случиться, что и изъ дарованныхъ намъ льготъ нѣчто поурѣжутъ. Скажу вамъ откровенно, что наши вожаки и заправители въ многомъ зарываются, переделяютъ черезъ край, забывая, что надъ нами есть бдительно назирающее око, отъ котораго ничего не можетъ ускользнуть. Чуть что случись нежелательное правительству въ нашемъ старообрядческомъ мірѣ, тотчасъ же набросятъ узду, чтобы сдержать наши неразумные порывы.

— Я вамъ говорилъ и опять повторю, сказалъ я, — что вы мечтаете и фантазируете. Никогда вамъ не поднять старообрядчество на ту степень, на которой бы вы желали его видѣть. Самъ Господь сказалъ: „Всякъ садъ, его же не насади Отецъ Мой Небесный, искоренится“ (Мф. 15, 13). Отецъ ли Небесный насадилъ старообрядчество? Нѣтъ. Насадилъ его невѣжество, самолюбіе, гордость и духъ противленія. Съ самаго начала своего существованія оно стало расшатываться и разваливаться на части, и мало-по-малу распалось и раздробилось на множество враждебныхъ другъ другу толковъ. Спрашивается почему? Потому, что не на твердомъ камени евангельскаго ученія оно основано, а на пескѣ человѣческаго мудрованія. Давно ли появилась ваша такъ называемая австрійская іерархія? Только въ 1846 году, а въ 1862 году уже успѣла расколоться на двѣ части, образовавъ изъ себя толки „окружницкій“ и „противоокружницкій“. Какъ ни стараются ваши вожаки наки соединить воедино распавшіяся части, но старанія ихъ и до сихъ поръ остаются тщетными; взаимная вражда окружниковъ и неокружниковъ по-преж-

нему продолжается, и нѣтъ никакихъ признаковъ ихъ скорого примиренія. Расколъ по самой своей природѣ таковъ, что не можетъ жить въ союзѣ мира и любви, но вѣчно враждуетъ. Хотя ваши современные апологеты-писатели въ своихъ сочиненіяхъ селятся оправдать старообрядчество, но чѣмъ-же они его оправдываютъ?—не словомъ Божиимъ, не писаніями св. отецъ, даже не старопечатными книгами, а порицаніями и укоризнами на православную Церковь и на все, что принадлежитъ православію. Особенно за послѣднее время ваши сочинители съ какимъ-то чисто адскимъ озлобленіемъ стали нападать на православную Церковь, подражая злохуленіямъ первоучителей раскола. Такое явленіе въ высшей степени знаменательно, — оно свидѣлствуетъ, что понятія старообрядцевъ о православной Церкви измѣняются къ худшему, да и самими старообрядцамъ ничего не предвѣщаетъ оно хорошаго. Если ваши вожаки—писатели употребляютъ всевозможныя усилія удалить старообрядцевъ какъ можно дальше отъ православной Церкви, то съ кѣмъ же они ихъ сближаютъ? Конечно, они думаютъ ругательствами и хулами на православную Церковь утвердить старообрядцевъ въ мнимомъ старовѣріи, но жестоко ошибаются. Время требуетъ отъ всѣхъ и cadaго научнаго образованія. Самые столпы старообрядчества волей-неволей вынуждены бывають давать дѣтямъ своимъ современное образованіе, дабы они не оставались невѣждами. Что же можетъ чрезъ какіе-нибудь десять-двадцать лѣтъ выдти изъ образованнаго молодого поколѣнія старообрядцевъ? Останутся ли они старообрядцами? Нѣтъ. Старообрядчества, какъ отживающаго свой вѣкъ, какъ устарѣлаго они будутъ стыдиться, отвернутся отъ него.

Куда же они склонятся?—къ православной Церкви?! Нѣтъ!—потому что воспитаны во враждѣ къ Церкви. Это молодое поколѣніе старообрядцевъ, ввусившее современнаго образованія, будетъ наиболѣе удобною почвою для сѣянія раціонализма—панковщины, толстовщины, интунды или, что еще хуже, совершеннаго невѣрія. Вотъ что ожидаетъ старообрядчество, если ваши вожаки будутъ раздувать въ немъ вражду къ православной Церкви.

— Я вполне съ вами согласенъ,—сказалъ собесѣдникъ, что старообрядчество, само того не замѣчая, быстро стремится къ пронасти раціонализма и невѣрія. Я знаю въ Москвѣ многихъ и многихъ молодыхъ людей, дѣтей старообрядцевъ, которые ни

во что не вѣруютъ, и это невѣріе съ каждымъ годомъ усиливается и увеличивается; знаю также, что многіе изъ нихъ заражены антихристіанскимъ ученіемъ графа Л. Н. Толстого. Да, старообрядчеству грозитъ большая опасность, и оно само, думается, не можетъ отвратить этой опасности.

— А вы, любезный другъ, мечтаете объ исправленіи старообрядчества, о поднятіи его на какую-то высоту,—сказалъ я. Развѣ можетъ кто подниматься на высоту, постоянно стремясь книзу? Никакія ваши затѣи относительно расадаки по всѣмъ городамъ епископовъ и учрежденія въ Москвѣ патріаршества не утвердятъ старообрядчества. Оно само по себѣ развалится и превратится въ ничто.

— Вотъ еще что меня удивляетъ и приводитъ въ недоумѣніе. Мы называемъ себя окружниками, раздѣляемся съ противокружниками, питаемъ другъ къ другу непримиримую вражду. Спрашивается: за что?—за то, что они не приняли „Окружнаго Посланія“. Но мы-то, принявшіе „Окружное Посланіе“, держимся ли его ученія? Вы мнѣ говорили, да и самъ я хорошо знаю, что „Окружное Посланіе“ давно уже отсутствуетъ въ нашемъ обществѣ. Самые главные наши вожди даже не вспоминаютъ про него. За что же мы раздѣляемся съ неокружниками, если отвергаемъ „Окружное Посланіе“?

— Я вамъ говорилъ и еще повторю, что расколъ, по самой природѣ своей, не можетъ соединяться, а способенъ только раздѣляться и распадаться на части. У всѣхъ вообще старообрядцевъ—какъ у поповцевъ, такъ и безпоповцевъ одно только есть общее, это—непримиримая вражда къ православной Церкви. Мнѣ, какъ миссіонеру, нерѣдко приходилось бесѣдовать съ старообрядцами разныхъ толковъ. И что же? Всѣ они, несмотря на свою взаимную вражду, съ одинаковою яростію нападаютъ на православную Церковь, одинаково противъ нея враждуютъ. Почему?—да потому, что прозябли и выросли изъ одного корня. Итакъ, повторяю, оставьте вы свои мечты объ уврачеваніи старообрядчества отъ хронической болѣзни. Его уврачуешь только одна православная Церковь. Она есть столпъ и утвержденіе истинны (1 Тим. 3, 15), она истинная лечебница, всегда имѣющая самыя вѣрныя цѣлительныя средства отъ всѣхъ духовныхъ недуговъ и болѣзней. Вмѣсто того, чтобы заботиться обо всемъ старообрядчествѣ, совѣтую вамъ прежде всего позаботиться о самомъ себѣ.

Хотя вы близко по своимъ понятіямъ и нѣкоторымъ дѣйствіямъ стоите къ православной Церкви, но все же не вошли еще въ ея спасительную ограду, не сдѣлались ея приснымъ сыномъ. Вы говорите: „я во всякое время могу присоединиться къ Церкви“. Дай Богъ, чтобы это совершилось. Но вѣдь временемъ-то не мы располагаемъ, а Тотъ, Кто создалъ его и положилъ въ Своей области. Можемъ-ли мы знать, проживемъ-ли до завтрашняго дня? Нѣтъ. Смерть, эта нежеланная гостья, приходитъ къ намъ, не спрашивая, готовы-ли мы принять ее, но поражаетъ въ тотъ часъ, когда мы и не думаемъ объ ней. Въ моей родной д. Дворицѣ, Калужскаго уѣзда, были случаи, что раскольники, желавшіе передъ смертью присоединиться къ православію къ сожалѣнію, не могли этого исполнить. Одинъ дальній мой родственникъ, И. Ф. Самохинъ, много лѣтъ не ходилъ къ своему попу на исповѣдь и не одинъ разъ мнѣ говорилъ: „я непременно присоединюсь къ православной Церкви“, но это „непременно“ все откладывалъ. Заболѣлъ онъ, сильно заболѣлъ. Жена, ярая раскольница, хотѣла было пригласить раскольника-попа для его напутствія, но онъ не согласился, а просилъ пригласить православнаго священника. „Никогда я не пойду за никоніанскимъ попомъ“, — съ гнѣвомъ сказала фанатичка. „Издыхай, какъ хочешь!“ — „И издохну, едва слышно проговорилъ умирающій,—а вашего пона не приму“. Такъ и умеръ бѣдный безъ покаянія!.. Другой случай. Нѣкто П. Ф. Карнѣевъ нѣсколько лѣтъ собирался перейти въ православную Церковь, иногда ходилъ на молитву въ православный храмъ, но тоже все откладывалъ свое присоединеніе. Однажды ѣхалъ онъ изъ Полотнянаго завода, упалъ съ воза и сильно разбился. Чувствуя приближеніе смерти, онъ просилъ жену и дочь пригласить православнаго священника для напутствія, но онѣ послали въ с. Фролово за раскольническимъ попомъ А. Орантуренѣвымъ. Такъ какъ с. Фролово отстоитъ отъ д. Дворца на девять верстъ, а православный храмъ с. Тихонова только на три версты, то больной не разъ спрашивалъ: „почему это батюшка (т. е. православный) такъ долго не ѣдетъ. Чувствую, что скоро умру“. Его успокаивали. Наконецъ явился попъ-раскольникъ, и больного насильно заставили причаститься. Когда попъ удалился, то умирающій съ великимъ трудомъ проговорилъ: „что вы со мною сдѣлали?.. вѣдь вы знали, что я давно уже не вѣрую въ этихъ австрійскихъ поповъ и въ ихъ причастіе. Вы думаете, что

я причастіе принималъ... нѣтъ.—все равно, что ложку воды хлебнулъ. Богъ вамъ судья!..“ Черезъ нѣсколько часовъ несчастный скончался. Вотъ, другъ мой, до какого горестнаго положенія доводитъ нерадѣніе! Если ты, какъ самъ же мнѣ говорилъ, не сомнѣваешься въ православіи греко-россійской Церкви, а въ то же время и старообрядчество именуешь православіемъ, то знай, что двухъ православій нѣтъ и быть не можетъ. Единъ есть истинный Богъ, едина и вѣра истинная, которая всѣхъ живущихъ въ мірѣ связываетъ крѣпкимъ и неразрывнымъ союзомъ, какъ связаны живые члены одного тѣла. А вѣдь вы знаете, что между православной Церковію и старообрядчествомъ нѣтъ никакой духовной связи“.

— Буду просить и молить Господа,—заклучилъ собесѣдникъ,—чтобы Онъ помогъ мнѣ окончательно разорвать связь съ старообрядчествомъ. Теперь я и самъ сознаю, что мои проэкты объ исправленіи старообрядчества — ничто иное, какъ несбыточные мечты. Васъ же, о. М., искренно отъ всего моего сердца благодарю за дружескія бесѣды, совѣты и наставленія. Вы многое мнѣ открыли, что прежде было для меня закрыто.

На этомъ закончилась наша бесѣда, и старообрядецъ дружески простился со мною.

Калужскій Епархіальный миссіонеръ, священникъ

М. Дударевъ.

Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати
и новыя книги по вопросамъ вѣры и миссіи Церкви.

Свѣтскіе журналы.

(„Журн. для всѣхъ“. „Вѣстн. Евр.“ 1902).

Въ ноябрьской книжкѣ „Журнала для всѣхъ“ за прошлый годъ помѣщенъ на первомъ мѣстѣ интересный и характерный этюдъ Ив. Бунина „Надъ городомъ“. Авторъ вспоминаетъ время далекаго дѣтства въ родномъ городѣ, старую колокольню приходской церкви, свои путешествія съ товарищами на эту колокольню и тѣ наивныя, но глубокія впечатлѣнія, какія онъ получалъ здѣсь отъ созерцанія открывавшагося предъ нимъ простора, а главнымъ образомъ отъ благовѣста. „Городъ, какъ нестрѣйный планъ, лежалъ далеко подъ нами, маленькій и скученный, а въ сердцахъ у насъ было то, что должны испытывать на полетѣ ласточки“. „Теперь дѣтство кажется мнѣ далекимъ сномъ, почти забытымъ, но до сихъ поръ мнѣ пріятно думать, что хоть иногда поднимались мы надъ мѣщанскимъ заходустьемъ, которое угнетало насъ длинными днями и вечерами и безконечнымъ хожденіемъ въ училище, гдѣ погнѣбло наше дѣтство, гдѣ наши головы забивались дикими по своей ненужности премудростями, гдѣ мы пережили столько неизгладимой скорби и гнета въ то время, когда сердце звало къ истиннымъ радостямъ жизни.—къ мечтамъ о путешествіяхъ, о героизмѣ, о самоотверженной дружбѣ, о птицахъ, растеніяхъ и животныхъ, о заветныхъ книгахъ. Птицы любятъ высоту,—инстинктивно и мы стремились къ ней“... На главномъ колоколѣ изображена была надпись: *благовѣстный земль радость велию*. „Благовѣствовать взбирался на колокольню рыжій, кривой и злой дурачекъ Васька, лѣтъ восемнадцати; но даже эта жалкая фигура не мѣшала мнѣ вспоминать предвечернее время весенняго дня надъ городомъ, ясное голубое небо въ аркахъ колокольни и ту

могучую дрожь, которой гудѣла вершина колокольной вѣсти со всѣми нами, когда, послѣ долгихъ раскачиваній била, Васька, наконецъ, оглушалъ насъ первымъ ударомъ, спугивалъ голубей со всѣхъ карнизовъ и уже весь отдавался любимому дѣлу, утопая въ звонкомъ и непрерывномъ гудѣніи мѣди. Не спуская глазъ съ мотающихся рукъ Васьки, стояли мы, охваченные восторгомъ предъ гигантской силой звуковъ, замирая отъ захватывающей духъ гордости, точно мы сами были участниками въ возвышенномъ назначеніи колокола благовѣствовать землѣ радость... Какъ вдохновлялъ насъ Васька и какъ страстно мечталъ я хоть когда нибудь побыть въ его роли!..“

„Странное желаніе это, заканчиваетъ авторъ, и теперь иногда посѣщаетъ меня. Давнымъ-давно были апрѣльскіе дни моего отрочества, будто и не со мною, а съ кѣмъ нибудь другимъ. Много пережилъ я съ тѣхъ поръ, много видѣлъ, скитаясь въ поискахъ за человѣческимъ сердцемъ, за поэзіей человѣческой жизни, и уже сталъ утомляться отъ скитаній. И отдыхая порою въ городишкѣ, гдѣ протекало мое отрочество, я часто вспоминаю эту чуть ли не единственную его радость—наши похождения на колокольню... Миѣ вспоминается далекое предвечернее время въ апрѣлѣ, когда Васька такъ звучно и тяжело ударялъ въ большой колоколъ. И, увлекаясь воспоминаніями, я мысленно взбираюсь на колокольню и уже въ свои руки беру веревку, привязанную къ колокольному билу. Тяжко раскачивать его, но нужно раскачивать сильнѣе, чтобы съ перваго же удара дрогнулъ воздухъ отъ могучаго гула и чтобы до основанія затренила старая колокольня. А когда отвѣтять и другіе колокола, нужно всей душой отдаться своему дѣлу,—нужно позабыться, затеряться въ бурныхъ волнахъ нестройныхъ, но могучихъ и веселыхъ звуковъ и хоть на мгновеніе повѣрить и напомнить людямъ, что „Богъ не есть Богъ мертвыхъ, но живыхъ!“

Этюдъ г. Бунина—невинная поэтическая фантазія, но въ немъ однако очень хорошо выражено одно изъ настроеній нашего времени. Образованное общество наше начинаетъ оживать къ религіозной жизни и въ силу этого Богъ является для него Богомъ живыхъ, вѣрнѣе, оживающихъ, тогда какъ раньше, пока само общество жило только мечтами „о путешествіяхъ, о героизмѣ, о самоотверженной дружбѣ, о птицахъ, растеніяхъ и животныхъ“, а для религіи было мертво,—и Богъ былъ для него Богомъ мерт-

выхъ. И вотъ, многіе изъ тѣхъ, которые раньше нѣли обществу о героизмѣ, о птицахъ, растеніяхъ и животныхъ, теперь чувствуютъ „странное“ желаніе взобраться на церковную колокольную, взять въ свои руки веревку отъ колокольнаго била и благовѣствовать міру, что „Богъ не есть Богъ мертвыхъ, но живыхъ“. Они забываютъ только, что это благовѣстіе уже въ теченіе девятнадцати вѣковъ разносится по землѣ, только мертвые не слышатъ его. А отъ этихъ новыхъ звонарей—добровольцевъ мы слышимъ не благовѣсть, а какія то „бурныя волны нестройныхъ. но могучихъ и веселыхъ звуковъ“,—т. е. пустошество.

Одинъ изъ такихъ звонарей упражняется на страницахъ „Вѣстника Европы“.—Эго Валер. Свѣтловъ, повѣсть коего „На полнуги“ помѣщена въ октябрьской и ноябрьской книжкахъ названнаго журнала. Какъ художественное произведеніе повѣсть эта ниже всякой критики и, если она, тѣмъ не менѣе, нашла себѣ мѣсто на страницахъ „В. Е.“, то этимъ обязана очевидно нѣкоторой своей идейности. А идейность ея вотъ какова. Повѣсть начинается страшными цитатами изъ Апокалипсиса. Нѣкто Муромскій, послѣ двадцатилѣтнихъ скитаній заграницей, возвратился въ свой родной городъ, повидимому, Петербургъ. Понурия голову, идетъ онъ по улицѣ, и видъ сѣраго неба приводитъ ему на память слова Откровенія: „они имѣютъ власть затворить небо, чтобы не шелъ дождь на землю... и имѣютъ власть надъ водами, превращать ихъ въ кровь и поражать землю всякою язвою, когда только захотятъ“. За этими столь кстати припомнившимися словами герой повѣсти вспоминаетъ и еще одну цитату изъ того же Откровенія; „и увидѣлъ я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали и моря уже нѣтъ“. Въ сотый разъ онъ задаетъ себѣ вопросъ: зачѣмъ онъ пріѣхалъ. „Но все было кругомъ печально и уныло, какъ будто наступилъ день страшнаго суда“. И ни въ себѣ самомъ, ни внѣ себя онъ не находилъ отвѣта на этотъ мучившій его вопросъ“. Столь унылое начало повѣсти вполне соотвѣтствуетъ и дальнѣйшему ея содержанію. Муромскій, оказывается, вернулся просто для свиданія съ дочерью. Двадцать лѣтъ назадъ онъ читалъ лекціи въ духовной академіи и готовился къ священному сану, но впалъ въ ересь, о чемъ самъ рассказываетъ такъ. „Приготовляясь къ лекціямъ, я добросовѣстно изучалъ все, что къ нимъ относилось и мало-по-малу увлекся догматическимъ богословіемъ и исторіей церкви. Я былъ страстнымъ

убѣжденнымъ христіаниномъ. Я имъ и остался. Только измѣнился уголъ зрѣнія и перемѣнилось освѣщеніе. Я взглянулъ на ученіе Христа, какъ на проповѣдь новаго, высшаго жизненопиманія, и отвергъ все мистическое, все навязанное, все ложно истолкованное. Свободное отношеніе къ толкованію словъ Писанія у насъ называется ересью, и вотъ мало-по-малу, почти незамѣтно для себя, я сдѣлался еретикомъ“. Преподаніе у еретика отняли, а тутъ случилось съ нимъ и другое несчастье: жена ушла отъ него съ офицеромъ, покинувъ на его рукахъ дочь, которой еще и года не было. „Страстный, убѣжденный христіанинъ“ не придумалъ ничего лучшаго, какъ послѣдовать примѣру своей жены: бросилъ малютку дочь чуть не на произволъ судьбы и укатилъ за границу, такъ какъ былъ страстно увлеченъ своей идеей и ему необходимо было высказаться публично. Брошеннаго ребенка пріютила тетка его, старая дѣва, сдѣлавшая изъ своего дома подобіе монастыря. Здѣсь то, въ атмосферѣ узкаго религіознаго фанатизма и старческаго самодурства, среди лицемѣрныхъ ханжей-приживалокъ выросла дочь Муромскаго и конечно вполне пропиталась религіознымъ настроеніемъ и идеями своей тетушки. И вотъ явившійся послѣ двадцатилѣтнихъ скитаній отецъ начинаетъ просвѣщать свою дочь такими разсужденіями, въ которыхъ Маруся, по замѣчанію автора, быстро усваивала самую суть. „Соединеніе частицъ, называемыхъ атомами, составляетъ человѣка и даетъ глазу наблюдателя, также состоящаго изъ атомовъ, пріятную комбинацію, называемую человѣкомъ. Придетъ день, они разъединятся съ тѣмъ же индифферентизмомъ, съ какимъ соединились, и человѣкъ исчезаетъ... Богъ никого не караетъ. Разъ ты признаешь, что человѣкъ созданіе Божіе, такъ какъ же Онъ можетъ карать насъ? Разъ Онъ насъ создалъ, то не можетъ Онъ быть не удивленъ, ни разсерженъ, видя насъ такими, какими Онъ насъ создалъ, и дѣйствующими согласно съ тѣми побужденіями и мыслями, которыя Онъ въ насъ вложилъ“. „Молитесь—по моему еретическому убѣжденію—грѣхъ. Я смотрю на молитву, какъ на символъ недоувѣрія къ Божеству. Молиться значитъ просить. Просить можно человѣка, который не можетъ знать вашихъ нуждъ. Молитвы или просьбы человѣка о томъ или другомъ не нужны Божеству, разъ вы признаете Его всевѣдущимъ. Нельзя представить себѣ это Божество въ видѣ какого-нибудь начальника департамента, принимающаго просьбы отъ подчиненныхъ и пишу-

щаго на нихъ резолюцію: „исполнить“, „отказать“. Высшая сила, управляющая вселенной, лучше человѣка знаетъ, что ему нужно, и быть можетъ то, о чемъ мы просимъ, не только не полезно, а вредно“.

Подобными разсужденіями во вкусѣ вольнодумныхъ гимназистовъ пересыпана вся повѣсть г. Свѣтлова. Симпатіи автора явно на сторонѣ его героя Муромскаго. Тетушка же и ея приживалка являются въ изображеніи г. Свѣтлова дикими и недѣльными фанатичками, какихъ едва ли гдѣ и сыскать можно въ наше время.

Просто удивительно, какъ могутъ такіа сочиненія, какъ повѣсть г. Свѣтлова, появляться на страницахъ порядочнаго журнала.

W.

Проф. д-ръ А. Шилтовъ. Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи. Москва. 1901 г. in. 8° 28 стр. ц. 20 в.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что мы переживаемъ теперь тяжелыя времена. Посмотрите и повсюду замѣтите ужасное шатаніе мысли — въ особенности среди учащейся молодежи и нашей интеллигенціи; отрицаніе всего дорогого, всего святого для человѣка, полный индифферентизмъ къ принципамъ религіи и этики; стремленіе къ беззаконію и разрушенію общественнаго строя... И это движеніе продолжается не годъ и не два, а идетъ непрерывной волной съ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Всѣ мѣры, направленныя противъ этого зла, въ большинствѣ случаевъ оказывались или совершенно безуспѣшными, или мало достигающими своей цѣли. Къ счастью, въ послѣднее время наше общество, по видимому, какъ будто встрепенулось и начинаетъ освобождаться отъ давящаго его кошмара матеріалистическихъ и социалистическихъ теорій, влекущихъ за собою полный индифферентизмъ къ вопросамъ этики и религіи. Въ обществѣ замѣчается поворотъ въ противоположную сторону, — интеллигенція понемногу начинаетъ обнаруживать тяготѣніе въ сторону религіозно-философскихъ и этическихъ вопросовъ: формируются кружки любителей интеллигентовъ, посвящающихъ свои досуги разрѣшенію религіозно-философскихъ и этическихъ проблемъ; выступаютъ и писатели-публицисты и свѣтскіе ученые на защиту вѣковѣчныхъ истинъ, составляющихъ непремѣнную потребность человѣческаго духа. Къ

числу таковыхъ дѣятелей принадлежитъ профессоръ докторъ А. Шилтовъ, выпустившій въ свѣтъ нѣсколько брошюръ въ защиту религіи и этики. Одна изъ его послѣднихъ брошюръ подъ заглавіемъ: *Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи*—представляетъ собою свѣтлое явленіе въ нашей апологетико-публицистической литературѣ и заслуживаетъ вниманія читателей нашего журнала. Содержаніе этой брошюры въ общихъ чертахъ таково.

Мировоззрѣніе большинства нашей интеллигенціи покоится на принципахъ матеріализма и пессимизма. отчасти и социализма, перенесенныхъ къ намъ цѣликомъ съ Запада. Одни у насъ—слѣпые приверженцы Бюхнера, другіе—Дарвина, третьи—Шопенгауера и т. д. Самостоятельными мыслителями наша интеллигенція не можетъ похвалиться. Большинство изъ нашей интеллигенціи, почитавъ двѣ—три книги матеріалистическаго содержанія, мнятъ себя мудрецами и отрицаютъ голословно все, что не доступно ихъ одностороннему пониманію. Увлекаясь позитивной философійю, ученіемъ Шопенгауера и Ницше, они совершенно не считаютъ нужнымъ познакомиться съ произведеніями писателей,—не говоримъ духовныхъ, но и свѣтскихъ,—принадлежащихъ къ иному лагерю. Они забываютъ, что цѣлый рядъ ученыхъ, занимавшихся и занимающихся экспериментальными науками, является отрицателями матеріалистическихъ теорій, —и что наука пришла къ глубокому убѣжденію, что душа человѣка—самостоятельная субстанція, могущая функционировать въ исключительныхъ случаяхъ и помимо мозга, что первая система не составляетъ необходимаго условія для психическихъ явленій и что душа человѣка, составляющаго вѣнецъ творенія, не есть агрегатъ мертвой матеріи. Къ сожалѣнію, послѣдователи матеріализма и пессимизма являются, въ большинствѣ случаевъ, отрицателями христіанства. Само собою разумѣется, какъ этика, такъ и религія у нихъ находятся на ложномъ пути. Прогрессъ науки и техники не есть еще прогрессъ этики. Этика человѣка далеко отстала въ своемъ развитіи отъ его интеллекта. Всему этому виною—матеріализмъ и новѣйшій пессимизмъ (стр. 17). Скептицизмъ проникъ и въ народъ, и въ учащееся юношество. Авторъ, желая предохранить будущее поколѣніе отъ ложныхъ и тлетворныхъ доктринъ, предлагаетъ нѣсколько своихъ соображеній, какъ вести на пути истины наше юношество.

1. Въ дѣлѣ воспитанія нельзя положиться на однихъ родителей, такъ какъ религіозно нравственное воспитаніе—дѣло слишкомъ трудное, требующее весьма опытныхъ руководителей. Наши школы должны придти на помощь родителямъ: онѣ должны не только учить, но и воспитывать юношество въ духѣ религіи и нравственности, чтобы приготовить для будущаго честныхъ и нравственныхъ гражданъ. Главными руководителями религіозно-нравственнаго воспитанія въ школахъ должны быть компетентныя лица съ достаточной къ этому подготовкой. Таковыми, по мнѣнію автора, должны быть представители духовенства (законоучители) и попечители учебныхъ округовъ. Кромѣ этого, при университетахъ необходимо организовать публичныя бесѣды и лекціи религіозно-нравственнаго характера. По автору, предлагаемыя мѣры имѣютъ характеръ чрезвычайныхъ, нетерпящихъ отлагательства мѣръ, такъ какъ учащаяся молодежь, зараженная индифферентизмомъ и не имѣющая моральныхъ принциповъ, въ дѣлѣ этики и религіи катится внизъ по наклонной плоскости (22 стр.).

2. Въ числѣ палліативныхъ мѣръ профессоръ Шилтовъ совѣтуетъ изъять изъ обращенія въ нашихъ библіотекахъ—общественныхъ и частныхъ—всѣ сочиненія матеріалистическаго и пессимистическаго содержанія. Кромѣ того, въ помощь школѣ въ дѣлѣ воспитанія должна служить и упорная борьба въ печати противъ матеріализма и пессимизма (23, 26 стр.).

3. Была бы весьма желательной, какъ чрезвычайно полезная мѣра, организація у насъ, по примѣру С. Америки, христіанскихъ обществъ молодыхъ людей. Въ С. Америкѣ нѣтъ разлада между разумомъ и вѣрою, тамъ христіанскія общины процвѣтаютъ, и въ американскомъ молодомъ поколѣніи господствуетъ религіозный духъ. Кромѣ того американская пресса—газеты и журналы—поддерживаютъ сильно религіозное настроеніе молодого поколѣнія (28 стр.)! Почему же и у насъ нельзя устроить нѣчто подобное?

По мнѣнію автора, борьбу съ матеріализмомъ, религіознымъ индифферентизмомъ и отсутствіемъ этическихъ началъ въ средѣ учащейся молодежи должно взять на себя правительство, т. е. М. Н. Просвѣщенія. Въ противномъ же случаѣ, частная инициатива, по всероссійской анаціи, окажется безсильною (27 стр.).

Изложенное нами въ краткихъ чертахъ содержаніе брошюры проф. д-ра Шилтова говоритъ само за себя. Затронутый имъ вопросъ принадлежитъ къ числу тѣхъ вопросовъ, которые состав-

ляютъ предметъ заботы семьи, общества, школы, государства и Церкви. Для всѣхъ интеллигентовъ, ревнующихъ о благѣ будущаго нашего поколѣнія, въ особенности для пастырей Церкви—брошюра проф. Шилтова глубоко интересна, и съ пользою можетъ быть прочитана.

П. Козицкій.

Листки Московской Синодальной типографіи. IV серия; in 8-ю, каждый листъ въ 4 стр. ц. 2 к. изданіе 1902 г.

Нашъ русскій, искони православный народъ—глубоко вѣрующій и чтущій св. Церковь и ея уставы, весьма и весьма часто чувствуетъ духовный голодъ и духовную жажду. Нисколько не удивительно. Широка и обильна наша матушка-Русь, а работниковъ на нивѣ Божіей далеко недостаточно; повсюду чувствуется большой недостатокъ въ пищѣ духовной, повсюду замѣчается недостатокъ въ печатномъ словѣ, которое бы удовлетворяло вполнѣ духовной жадѣ и алканію нашего вѣрующаго народа, ищущаго въ религіи нравственнаго удовлетворенія и успокоенія отъ всѣхъ житейскихъ бурь и невзгодъ. Правда, наши лавры и нѣкоторые монастыри, а также частные книгоиздатели пошли на встрѣчу народной нуждѣ со своими изданіями брошюръ, листовъ и книжицъ религіозно-нравственнаго содержанія; въ особенности широкую извѣстность приобрѣла себѣ Троицко-Сергіева лавра изданіемъ своихъ листовъ. Но все—не больше и не меньше, какъ капля въ морѣ; это—крупицы въ сравненіи съ тѣми запросами, которые въ послѣднее время стала предъявлять народная жизнь. Вполнѣ благовременно выступила на встрѣчу религіозно-нравственнымъ потребностямъ нашего народа Московская Синодальная типографія съ изданіемъ *Листковъ*. Отъ всей души привѣтствуемъ это новое дѣло и считаемъ своимъ нравственнымъ долгомъ остановить вниманіе нашихъ читателей на изданіи Листковъ Московской Синодальной типографіей.

Каждый листокъ состоитъ изъ четырехъ страницъ; вверху имѣетъ очень хорошую виньетку, въ срединѣ которой красуется крестъ—символъ нашего спасенія и знамя христіанства. Листки эти выпускаются сериями. Содержаніе этихъ листовъ многообразно. Такъ 1-я серия (1—30) обнимаетъ собою житія святыхъ и преподобныхъ; при этомъ житія исполнены не въ видѣ поученій,

а въ повѣствовательной формѣ; на нѣкоторыхъ листкахъ, гдѣ содержится изложеніе житія болѣе или менѣе извѣстнаго святаго или преподобнаго, помѣщены славянскимъ прифтомя кондаки или тропари, а иногда кондаки и тропари вмѣстѣ. Третья серія посвящена благочестивымъ разсказамъ и нравственно-религіознымъ наставленіямъ. Такъ, первая бесѣда,—озаглавленная „А потому?“, представляетъ изъ себя наставленіе на тему „*поминай послѣдняя твоя, и во тѣхъ не согрѣшиши*“. Вторая „Изъ Іерихона въ Іерусалимъ“—разсказъ о благочестивомъ старцѣ, посвятившемъ долгіе годы своей жизни на служеніе ближнимъ. Третья—„Не должно лгать ни въ какомъ случаѣ“. Четвертая—„Смиреніе—первая добродѣтель“. Пятая—„О любостыжаніи или влеченіи къ богатству“. И т. д. и т. д.

Изъ этого краткаго перечня содержанія ясно видно, что Листки трактуютъ о многоразличныхъ предметахъ нравственнаго характера и по своему содержанію направлены къ благимъ цѣлямъ: къ укрѣпленію въ добрѣ и правдѣ, въ вѣрѣ и благочестіи нашего простого народа. Преслѣдуя обще-христіанскую воспитательную цѣль, эти листки въ то же время служатъ и миссіонерскимъ задачамъ и цѣлямъ.—Иначе и быть не можетъ. Они, насаждая въ сердцахъ вѣрующаго благочестіе и преданность св. Церкви, тѣмъ самымъ ограждаютъ ихъ отъ волковъ, приходящихъ въ овечьей шкурѣ, и охраняютъ отъ религіозныхъ заблужденій и отпаденій отъ св. Церкви.

Распространяться еще больше о значеніи листковъ—излишне. Они сами говорятъ о своемъ значеніи для нашего народа, а равно и о своихъ достоинствахъ.—Не можемъ не упомянуть еще и о томъ, что листки изданы весьма изящно, на прекраснѣйшей веленовой бумагѣ и стоимость ихъ ничтожная (100 экземпляровъ—1 р. 40 к.; 50—70 к.; 25—35 к.), а потому и доступна даже для бѣдняка.

Пожелаемъ-же Листкамъ Московской Синодальной типографіи самага широкаго распространенія въ средѣ нашего простого народа. Считаемъ своимъ долгомъ обратить на нихъ вниманіе нашихъ сельскихъ пастырей и содѣйствовать распространенію ихъ въ своихъ приходахъ для насажденія вѣры и благочестія среди своихъ пасомыхъ.

И. Козакинъ.

Бесѣда о святыхъ иконахъ. Свящ. Петръ Злотниковъ. Рига. 1902 г. in. 8° 34 стр. ц. 15 к.

Въ нашей противосектантской обличительной литературѣ вопросу объ иконопочитаніи отводится чуть—ли не самое видное мѣсто. Ни одинъ изъ пререкаемыхъ сектантами вопросовъ не вызываетъ столько споровъ и недоразумѣній, какъ вопросъ объ иконопочитаніи. Наши сектовѣды и обличители сектантскихъ заблужденій пытались и пытаются разрѣшить этотъ вопросъ съ должной полнотой, обстоятельностью и, что самое главное, убѣдительностью, но ихъ благія намѣренія не всегда увѣнчивались и увѣнчиваются желаннымъ успѣхомъ. Миссіонерская практика гласитъ намъ, что многіе изъ трудовъ по этому вопросу оказываются на дѣлѣ не вполне убѣдительными и доказательными съ точки зрѣнія сектантовъ. Въ виду этого обстоятельства наша духовная печать, стоящая на стражѣ православія, должна особенно внимательно относиться ко всѣмъ новымъ, выходящимъ въ свѣтъ, произведеніямъ въ области сектанско—обличительной литературы, трактующимъ данный вопросъ. Нашъ журналъ, преслѣдующій миссіонерскія именно цѣли, не можетъ пройти молчаніемъ и не обратитъ вниманія нашихъ читателей на недавно вышедшую, изъ—подъ пера священника Петра Злотникова, брошюру по вопросу объ иконопочитаніи. Его бесѣда объ иконопочитаніи, направленная не столько противъ нашего рационалистическаго сектантства, сколько лютеранства, вліянія котораго широкой волной разливаются въ Прибалтійскомъ краѣ, заслуживаетъ къ себѣ нашего вниманія. Не касаясь ея подробнаго содержанія, мы сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній общаго характера объ этой брошюрѣ.

Бесѣда о. Злотникова распадается на двѣ половины. Первая половина бесѣды посвящена обследованію вопроса объ иконопочитаніи на основаніи данныхъ, заимствованныхъ отъ Св. Писанія. Авторъ весьма тщательно въ строго логическомъ порядкѣ ведетъ рѣчь въ защиту иконопочитанія, уясняя всѣ тѣ мѣста Писанія, на которыхъ основывается догматъ православной Церкви о почитаніи св. иконъ, и попутно опровергая всѣ тѣ возраженія, которыя выставляются сектантами противъ иконопочитанія. При этомъ авторъ, отдать ему честь, ведетъ дѣло защиты пререкаемаго сектантами догмата, также и опроверженіе сектантскихъ возраженій—воплоти умѣло и дѣльно, проникаетъ въ самую сущность вопроса, не уклоняется ни на десно, ни ошую отъ намѣ-

ченной пмъ цѣли и не впадаетъ въ излишнее многословіе. Этотъ именно отдѣлъ въ его бесѣдѣ особенно цѣненъ и полезенъ миссіонерамъ.

Что-же касается второй половины бесѣды (21—34 стр.), то она значительно слабѣе первой. Здѣсь авторъ не столько доказываетъ необходимость иконопочитанія, сколько увѣщаваетъ заблуждающихся оставить свое заблужденіе по вопросу о почитаніи иконъ. И всѣ эти увѣщанія онъ выражаетъ языкомъ самыхъ исповѣданій православной вѣры. Потому—то въ этомъ отдѣлѣ назидательности и увѣщанія — много, а убѣдительности и доказательствъ — мало!

Не можемъ не отмѣтить еще и того обстоятельства, что авторъ разобралъ далеко не всѣ возраженія, выставляемыя противъ иконопочитанія со стороны сектантовъ; вслѣдствіе этого, по прочтеніи бесѣды о. Злотникова получается такое впечатлѣніе, что трудъ этотъ не достаточенъ и затронутый въ немъ вопросъ не исчерпанъ до конца. Пожелаемъ автору въ слѣдующей бесѣдѣ *недоконченная* поправить.

Разсматриваемая нами брошюра написана не одинаковымъ языкомъ: по мѣстамъ она изложена увлекательно и живо и читается легко; по мѣстамъ изложена тяжелымъ, неуклюжимъ и нѣсколько неяснымъ языкомъ; впрочемъ, такихъ мѣстъ сравнительно немного. По мѣстамъ попадають и опечатки. Указанные нами недочеты нисколько не умаляютъ достоинства труда о. Злотникова, и брошюрѣ нашего автора, въ виду ея несомнѣнной полезности, пожелаемъ широкаго распространенія—въ особенности среди миссіонерствующей братіи.

П. Козинкій.

ХРОНИКА.

I.

Миссіонерство, секты и расколъ.

Объ отмѣткахъ вѣроисповѣданія въ паспортахъ штундистовъ. — Какъ относятся раскольники къ церковно-приходскимъ школамъ. — Въ современномъ расколѣ: перемиріе Швецова съ Механиковымъ. — Дѣйствія противъ раскольничьей миссіи и возсоединеніе въ Макарьевскомъ уѣздѣ.

Новѣйшее раціоналистическое сектантство своею неустойчивостью и измѣняемостью въ догмѣ о жизни создаетъ постоянныя недоумѣнія и затрудненія не только въ области миссіонерской практики, но и въ дѣлахъ административныхъ и судебно-юридическихъ. Въ послѣднее время штунда породила такое недоразумѣніе въ паспортномъ вопросѣ. Какъ извѣстно съ 1894 года, когда изданъ былъ ограничительный законъ о штундистахъ, сектанты эти стали настойчиво стремиться подѣ благодѣтельную сѣнь закона 1879 г. о нѣмецкихъ баптистахъ. Выдавая себя за баптистовъ, штундисты уснѣвали на окраинахъ — напр., въ Таврической губерніи, на Кавказѣ заручиться отъ мѣстной власти всѣми правами, какія даетъ упомянутый законъ 1879 г. колонистамъ, нѣмцамъ, исповѣдающимъ баптизмъ, т. е. устройства моленныхъ, утвержденія пресвитеровъ и проч. Въ силу такого недоразумѣнія, не дальше, какъ въ позапрошломъ году въ с. Нововасильевкѣ, съ разрѣшенія властей, воздвигнута извѣстнымъ богачемъ Мозаевымъ великолѣпная моленная для мѣстныхъ штундо-баптистовъ. Торже ствооткрытія моленной собрало въ этотъ центръ молоканства огромный съѣздъ сектантовъ Кавказа, Дона и южныхъ губерній, заданъ былъ пиръ на весь сектантскій міръ, сидѣвшій за сорока столами... Въ паспортахъ штундо-баптистовъ мѣстныя власти ужъ нѣсколько лѣтъ стали отмѣчать „баптистическаго вѣроисповѣданія“.

Обстоятельство это не могло не обратить на себя вниманія центральной власти. Въ позапрошломъ году состоялось по министерству вн. дѣлъ и юстиціи циркулярное разъясненіе, что наши законы не знаютъ *баптизма какъ русской секты*, что правила 1879 г. объ устройствѣ церковнаго быта нѣмцевъ-колонистовъ баптистической секты не могутъ быть распространяемы на русскихъ послѣдователей штундо-баптистической секты, а потому въ паспортахъ этихъ сектантовъ не должна быть чинима невѣрная отмѣтка „баптистическаго исповѣданія“.

Между тѣмъ въ Калужской губерніи послѣдователи новой штундистской общины въ Козельскомъ уѣздѣ опротестовали въ сѣздѣ распоряженіе мѣстнаго земскаго начальника о томъ, чтобы волостное правленіе, при выдачѣ паспортовъ, помѣчало ихъ именемъ „штундистъ“.

Сѣздъ, выходя изъ той мысли, что сектанты эти форменнымъ судомъ духовной власти не отлучены отъ Церкви и не отписаны въ расколъ, а считаются „ея заблудшими чадами“, отмѣнилъ изложенное распоряженіе земскаго начальника, предписавъ по волости отмѣчать штундистовъ—“православнаго исповѣданія“.

Противъ такого порядка возроптали сами православные односельчане, говоря, что не хватаетъ еще сектантовъ завѣдомыхъ писать православными. Дѣло дошло до калужской епархіальной власти, которая внесла настоящій недоумѣнный вопросъ на бывшій миссіонерскій сѣздъ, прося его заключенія по настоящему дѣлу.

На сѣздѣ изложенный недоумѣнный вопросъ подвергнутъ былъ всестороннему обсужденію. Такъ свящ. Добромысловъ высказалъ, что слѣдовало бы штундистовъ въ паспортѣ писать „сектантами“. въ противномъ случаѣ они хвалятся, что самоде правительство теперь именуетъ ихъ „православными“, что въ народѣ порождаетъ смуту въ понятіяхъ. Штундисты убѣждаютъ населеніе, что именно они-то есть православные *христиане*, т. е. послѣдователи Христа, а православный народъ—это только *крестяне*, ибо вѣрують кресту. Мнѣніе о. Добромыслова раздѣлялъ также и о. Нестеревъ, при этомъ присовокупляя, что если штундисту на паспортѣ написать „православный“, то пастырь не въ состояніи будетъ принять во время никакихъ мѣръ для пресѣченія пронаганды: напримѣръ, штундисту фабричному съ помѣткою на паспортѣ „православный“ легко тайно распространять свое ученіе. Противъ вышеизложеннаго мнѣнія высказался прот. Ка-

занскій, который опасался, что помѣтка къ паспортѣ „штундистъ“ можетъ повести къ плачевнымъ послѣдствіямъ: такого не примутъ нѣкоторые на заработки, а это лишь болѣе озлобитъ сектанта противъ Церкви: репрессивныя мѣры къ хорошему не приведутъ, — не будь репрессіи, не было бы раскола, замѣтилъ почтенный ораторъ. Мысль о. Казанскаго о вредѣ репрессіи въ дѣлѣ миссіи поддержалъ преподаватель Калуж. семинаріи Н. Θ. Тихоміровъ: онъ находилъ, что насильственные мѣры противъ раскола въ царствованіе Императора Николая I лишь усилили расколъ, да, кромѣ того, приходскій священникъ не всегда компетентенъ опредѣлить, къ какой сектѣ принадлежитъ уклонившійся. Преподаватель Рязан. семинаріи П. П. Добромысловъ возразилъ, что надпись „штундистъ“ нельзя разсматривать какъ репрессію; напрасно также опасеніе, будто бы эта надпись лишаетъ сектанта заработка: наоборотъ, на нѣкоторыхъ фабрикахъ штундистамъ даже отдають предпочтеніе предъ православными. Относительно же вопроса о правоспособности приходскаго священника правильно опредѣлить, кто „штундистъ“, нѣкоторые члены сѣзда высказались въ томъ смыслѣ, что священникъ объ уклонившемся долженъ донести епархіальной власти, которая на основаніи духовнаго суда уже сама опредѣляетъ, нужно ли считать то или другое подозрѣваемое священникомъ лицо за сектанта и какова именно толка

Послѣ продолжительныхъ преній В. М. Свѣрцовъ подробно разъяснилъ, что, дѣйствительно, репрессивныя мѣры не должны имѣть мѣста въ дѣлѣ православной миссіи, которая обязана дѣйствовать мѣрами чисто-духовнаго просвѣтительнаго воздѣйствія, но нужно различать репрессивныя мѣры отъ мѣръ ограниченія и пресѣченія пропаганды. Мѣры пресѣченія въ отношеніи единичныхъ лицъ иногда бываютъ неизбѣжны для того, чтобы очистить путь для воздѣйствія миссіи на массу, ослѣпленную фанатизированнымъ болынымъ или злонамѣреннымъ главаремъ.

Ссылками на поразительные примѣры малеванскихъ маньяковъ и штундистскихъ профессиональных агитаторовъ, находящихся на жалованіи нѣмцевъ—баптистовъ, руководитель сѣзда выяснилъ, въ какихъ случаяхъ мѣры пресѣченія желательны и возможны.

Что касается ссылокъ на исторію раскола, гдѣ репрессіи закрѣпили болѣзнь внутри народнаго организма на многіе вѣка, то здѣсь ошибочно проводить историческую параллель между расколомъ и новѣйшимъ сектантствомъ. Тамъ власть вступила въ

борьбу внѣшнюю силою, противъ миллионной массы, изъ—за понятій, глубоко укоренившихся въ вѣковомъ сознаніи массы; здѣсь, въ сектанствѣ власть идетъ съ своими мѣрами на встрѣчу массѣ, народа православнаго охраняя его миръ душевный отъ нестерпимыхъ кощунствъ и богохульства горсти народныхъ религіозныхъ смутяновъ и проч.

Вполнѣ соглашаясь съ тѣми мнѣніями, по которымъ считаютъ, что именованіе штундистовъ въ паспортахъ „православными“ можетъ имѣть соблазняющія и вообще дурныя послѣдствія для дѣла миссій, и что назвать сектанта его именемъ есть дѣло лишь сира ведливости, но не репрессіи; съѣздъ постановилъ просить преосвященнаго ходатайствовать предъ кѣмъ слѣдуетъ, чтобы лицо, епархіальною властію, по духовному суду, признанное уклонившимся отъ православія, въ графѣ паспорта „какого исповѣданія“, обозначалось словами: „уклонившійся въ сектантство“.

На страницахъ „Миссіонерскаго Обзорѣнія“ уже отмѣчалось что глава русской австрійщины Картушинъ, разѣзжая въ былое время по обширной матушкѣ-Руси, всюду поселялъ въ своихъ послѣдователяхъ недовѣріе къ школамъ народнымъ, а особенно къ церковно-приходскимъ. Былъ онъ съ такой проповѣдью на Дону, былъ онъ и въ Екатеринославской епархіи. Прощаясь со своей наставой, Картушинъ вездѣ зановѣдалъ „батьюшкамъ“ зорко слѣдить за своими прихожанами, чтобы они отнюдь не дерзали обучать своихъ дѣтей въ „еретическихъ“ школахъ. Не извѣстно, какъ отнеслись мнимые батюшки тихаго Дона къ распоряженію Картушина, Екатеринославскіе же, какъ сообщаетъ намъ миссіон. о. Шалкинскій, сами подали примѣръ прихожанамъ, отдавъ своихъ дѣтей въ земскую школу. Относительно же церковно-приходской одинъ изъ лжесвященниковъ сказалъ своимъ прихожанамъ послѣ службы: „если кто отдастъ свое дитя въ церковно-приходскую школу, того не допущу до причащенія“. Но угроза эта не достигла цѣли: какъ земская, такъ и церк.-пр. школы (напр. въ с. Городищѣ) переполнены въ этомъ году дѣтьми раскольниковъ (болѣе 160 ученик.). Такое непослушаніе наставы заставило призадуматься лжебатюшекъ и они, наконецъ, придумали довольно „остроумный“ способъ воздѣйствія на самихъ учащихся: среди учениковъ вдругъ разносится молва, что на дняхъ

въ школу прѣйдутъ начальники и докторъ, запрутъ двери и будутъ рѣзать ученикамъ руки и уши и мазать кровью лобъ. И надо же случиться такому совпаденію: въ одинъ день въ Г. прѣзжаютъ инспекторъ, земскій начальникъ и докторъ. Узнавъ объ этомъ, ученики, пользуясь минутной отлучкой учителя во время переѣмны, побросали учебники, похватили шапки въ охапки и съ плачемъ бросились изъ школы... Возвратившемуся учителю едва удалось задержать оставшихся въ школѣ и убѣдить ихъ не вѣрить ложнымъ слухамъ.

А мнимый батюшка, распространившій такіе нелѣпые слухи среди учениковъ, торжествуя побѣду надъ школою, совершалъ въ этотъ день обильное возліяніе въ честь Бахуса у одного изъ своихъ прихожанъ. Тамъ его, послѣ долгихъ поисковъ, удалось застать одному прихожанину, у котораго умирала мать.

— Такъ что же тебѣ хочется „запричастить се?“, спросилъ лже-попъ.

— Да какъ же, батюшка, конечно, должно законъ закономъ!

— А ты, кажется, недалеко отсюда живешь?

— Совсѣмъ близко!

— Такъ иди ко мнѣ домой, спроси у кухарки причастіе и принеси сюда, а я пойду потомъ съ тобой и причащу больную“.

Такъ и было поступлено. И на это никто изъ раскольниковъ не хотѣлъ обратить вниманія.

Угнетавшая австрійскій окружническій расколъ полемика между еретичествовавшимъ Он. Швецовымъ, лже-еп. Уральскимъ и лже-попомъ Вас. Механиковымъ, по вопросу о рожденіи Сына Божія, разрѣшилась, наконецъ „опредѣленіемъ“ раскольническаго нижегородскаго „собора“ 1902 г. 27 іюля. Какъ извѣстно, Швецовъ въ своей „Истинности старообрядчествующей іерархіи“ (отдѣлъ I, стр. 1—9) отстаивалъ еретическое ученіе „Бѣлокриницкаго устава“ о подлѣтнемъ рожденіи Сына Божія“. Упорно и письменно и устно онъ защищалъ эту ересь вопреки яснымъ и опредѣленнымъ словамъ Никео-цареградскаго символа о рожденіи Сына Божія „прежде всѣхъ вѣкъ“ (а не вмѣстѣ съ вѣками). Ревнители „древлей вѣры“ обратили на него свое вниманіе. Швецовъ зашатался: то онъ покается предъ „соборомъ“ свѣдѣвшихъ лже-епископовъ (въ Москвѣ 1888 г.) въ своемъ заблужденіи, то

„епископствовать“ и защищать явную ересь. Соблазнъ въ австрійскомъ расколѣ былъ неминуемъ. Радѣтели и апологеты окружническаго толка ухищрялись очищать и обѣлять своего дорогого грамотѣя—защитника, но... „еєіона мыша“... Наконецъ одинъ изъ смѣлыхъ и начитанныхъ австрійскихъ „поповъ“ Вас. Механиковъ выступилъ съ энергичнымъ и весьма основательнымъ обличеніемъ еретичества Швецова. Соблазнъ еще увеличился. Понечители австрійщины стали мирить еретика лже-епископа съ его обличителемъ—лже-попомъ. Примиреніе какъ будто было, состоялось, но какое-то двусмысленное и неопредѣленное. Какъ таковое, оно не успокоило окружническаго міра,—„недоразумѣнія и пререканія“ продолжались. И вотъ окружники рѣшили покончить съ полемикой между Швецовымъ и Механиковымъ „соборнымъ опредѣленіемъ“.

Вотъ это опредѣленіе: „Вслѣдствіе возникшихъ среди христіанъ (?) нежелательныхъ пререканій чрезъ защиту Бѣлокриницкаго Устава епископомъ Арсеніемъ и критику оной священникомъ Васи́ліемъ Механиковымъ освященный соборъ *объявляетъ* ¹⁾ во всеобщее свѣдѣніе, что всѣ мнѣнія и выраженія означенныхъ писателей, несогласныя со всеобщимъ церкви ученіемъ, находящіяся въ ихъ сочиненіяхъ по означенному вопросу, послужившія поводомъ къ недоразумѣніямъ и пререканіямъ, наша святая церковь не пріемлетъ и отвергаетъ,—каковому опредѣленію изъявили полное повиновеніе и названныя лица.

„Вмѣстѣ съ симъ освященный соборъ заявляетъ, что наша старообрядческая Христова церковь всегда содержала и нынѣ содержитъ неизмѣнно Символь православной вѣры и пріемлетъ все священное Писаніе, опредѣленіе (sic) святыхъ соборовъ и ученіе святыхъ отецъ, которыя только и признаетъ обязательными для руководства и рѣшенія всѣхъ недоразумѣній и пререканій, не пріемля никакихъ нововведеній и мнѣній, несогласныхъ съ священнымъ Писаніемъ и ученіемъ святыхъ соборовъ и святыхъ отецъ. 27 іюля 1902 года“ (слѣдуютъ подписи епископовъ).

„Опредѣленіе“ изумительное! Швецовъ содержалъ и проповѣдывалъ устно и письменно ересь (2 чина). Соборъ вѣдь за это его и судилъ? Какимъ же „чиномъ“ соборъ принялъ его отъ этой ереси, разъ онъ изъявилъ „полное повиновеніе соборному опредѣленію“ „возвратится всянуть“ и продолжаетъ, что весьма важно,

¹⁾ Курсивъ въ подлинникѣ.

дѣленію?“ Равнымъ образомъ, какому „чину“ „соборъ опредѣлилъ“ подвергнуть тѣхъ, кто считалъ Швецова за истиннаго епископа и принималъ отъ него таинства и посвященія въ церковныя степени? Что, далѣе, „опредѣлено“ сдѣлать съ швецовскими книжками, исполненными „мнѣніями и выраженіями несогласными со всеобщимъ церкви ученіемъ?“

Съ другой стороны, Механиковъ православно обличалъ ересь, содержащую Швцовымъ. Въ чемъ же его „полное повиновеніе“ „собору?“ Какія „мнѣнія и выраженія“ въ его критикѣ „соборомъ“ признаны „несогласными со всеобщимъ церкви ученіемъ?“ И какъ онъ и принимавшіе отъ него таинства очищены отъ „еретической скверны?“ Вельми странно: одинъ—еретикъ, другой—обличитель его ереси; у того и другого „соборъ“ находитъ „мнѣнія и выраженія, несогласныя со всеобщимъ церкви ученіемъ,—какія именно не указываетъ,—и оба „названные лица изъявляютъ „по означенному вопросу“ (какому именно—умолчено) полное повиновеніе „соборному“ опредѣленію“ и какъ ни въ чемъ ни бывало, безъ всякаго церковнаго очищенія отъ тѣхъ „мнѣній“ еретическихъ, продолжаютъ „священствовать!“

„Соборъ“ напрасно полагаетъ, что своимъ „опредѣленіемъ“ онъ закроетъ еретическую язву своего лже-епископа (а за одно и „бѣловриницкаго устава“—своего рода основанія всей австрійщины) и духовныя очи тѣхъ, кому дорога истинно Христова вѣра и спасеніе своей души. „Соборъ“ въ разныхъ недоговоркахъ и умолчаніяхъ хитрилъ и лукавилъ въ своемъ „опредѣленіи“, охраняя австрійщину отъ „недоразумѣній и пререканій“. Напрасно! „Садъ, его же не насади Отецъ Небесный, ископается“ „и аще не Господь сохранитъ градъ, всеу бдѣ стрѣгій“. Австрійская же „церковь лукавнующихъ“ не Господне созданіе.

Интересныя свѣдѣнія сообщаетъ намъ нашъ корреспондентъ Костромской свящ. Чередниковъ о состояніи раскола и миссіи въ Макарьевскомъ уѣздѣ. Всѣхъ раскольниковъ въ Макарьевскомъ уѣздѣ, по официальнымъ (приходскихъ церквей) даннымъ, значитъ 10—12 тысячъ; но цифра эта далеко не точна: раскола здѣсь гораздо больше. Дѣло въ томъ, что весь почти безпоповскій расколъ Макарьевскаго уѣзда принадлежитъ къ „Спасову согласію“ въ разныхъ его развѣтвленіяхъ, и раскольники этого согласія не попадаютъ

въ официальные приходскіе документы по статистикѣ раскола. По документамъ они считаются православными, а на самомъ дѣлѣ состоятъ въ расколѣ. Всѣ они и крестились, а многіе и вѣнчались въ православной церкви, такъ какъ по своему мудрствованію эти таинства „за церковью“ они признаютъ, хотя за послѣднее время и они дѣтей своихъ крестятъ у стариковъ и старухъ. Во многихъ приходахъ уѣзда, изъ числа 2—3 и больше тысячъ прихожанъ, христіанскій долгъ исповѣди и св. Причастія исполняется лишь немногими, какой либо сотней—другой, а остальные значатся „по нерадѣнію“ не бывшими; и графа „по нерадѣнію“ скрываетъ много и много не только завѣдомыхъ раскольниковъ, но и ярыхъ пропагандистовъ раскола. Не бывшихъ у исповѣди и св. Причастія лѣтъ 30—40 вы найдете три четверти населенія. И вотъ эти „нерадивые“, подъ вліяніемъ раскольниковъ пропаганды, цѣлыми деревнями переходятъ въ расколъ. Приведу примѣръ. Шадринскій приходъ 5-го благочинническаго округа, состоящій изъ нѣсколькихъ тысячъ душъ, почти весь ушелъ въ расколъ поморскаго толка. Только лишь за послѣднее время, благодаря особому вниманію мѣстнаго преосвященнаго и Костромскаго братства, обращено серьезное вниманіе на нашъ уѣздъ.

Нельзя скрыть того, что усиѣху раскола у насъ много содѣйствовала разбросанность приходовъ и дальность разстоянія между поселеніями, при неудобствѣ путей сообщенія, а также и матеріальная необезпеченность духовенства. Главную статью дохода мѣстныхъ причтовъ составляетъ и составлялъ раньше сборъ, т. е. всѣ причты уѣзда собираютъ по домамъ и прихожанъ и раскольниковъ „Христа ради“ все необходимое для жизни, не исключая и дровъ. Такимъ образомъ, причтамъ приходилось, а можетъ быть, и приходится и явныхъ раскольниковъ укрывать, дабы не лишиться щедрыхъ дателей и кормителей.

Не малый соблазнъ для слабыхъ въ вѣрѣ составляло и то обстоятельство, что „старики“ весьма дешево и крестятъ и вѣнчаютъ всѣхъ безъ разбору, кто бы къ нимъ за этой нуждой не обращался. Здѣсь ни оглашеній, ни какихъ л. документовъ о лѣтахъ брачующихся не требовалось; пріѣзжай кто угодно—всѣхъ перевѣнчаютъ. Пожилъ въ такомъ бракѣ мѣсяць, много два, прогналъ жену, бери другую, вѣнчаютъ и съ этой. Въ рѣдкой деревнѣ вы не найдете „разженъ“, т. е. брошенныхъ мужьями женщинъ и вступившихъ въ новый раскольниковій бракъ.

Насколько широко и безбоязненно шло незаконное съ духовной и противозаконное съ гражданской стороны дѣло раскольниковъ „стариковъ“, приведу примѣръ изъ своей пастырской практики.

Когда я поступилъ въ новооткрытый приходъ, одинъ изъ моихъ прихожанъ обратился ко мнѣ съ просьбой повѣнчать его сына съ раскольницей. Я навелъ справку въ той церкви, гдѣ женихъ былъ крещенъ и оказалось, что ему 16 лѣтъ. Конечно, я вѣнчать отказался. И чтоже? Черезъ недѣлю, слышу,—эта пара повѣнчалась у раскольничьяго „старика“ дер. Куркови Выдѣлки Лукьяна Федорова. Возбудилъ было я дѣло, но безъ успѣха.—Подобныя-то обстоятельства и расплодили у насъ расколъ. Есть такія деревни, гдѣ лѣтъ 20—30 тому назадъ и въ поминѣ не было раскола, а теперь тамъ самые злые раскольники, (напримѣръ дер. Кострова, Овсянники и другія).

Грамотности въ народѣ почти нѣтъ,—тьма и невѣжество поразительныя. Заберется въ глухую деревню какой-либо мало-мальски читающій раскольникъ и начнетъ мутить темную массу. Деревни отброшены отъ своихъ приходовъ иногда верстъ на 10—20, гдѣ узнать миссіонеру или приходскому батюшкѣ о пропагандѣ? Пожилъ зиму такой проходимецъ,—смутилъ деревню; то рѣдко ходили въ церковь, только за требой, а теперь и совсѣмъ неидутъ. Завелся въ приходѣ расколъ, какъ его отмѣтить массой въ духовныхъ росписяхъ, консисторія и владыка замѣтятъ: никто себѣ и своему семейству не врагъ, ну и молчить причтъ да отмѣчаетъ раскольниковъ въ графѣ „по нерадѣнію“, авось не узнаютъ, а тамъ уйдемъ въ другой приходъ, пусть замѣстители разбираются съ ними.

Но вотъ, когда приснопамятнымъ отцемъ архимандритомъ Павломъ данъ былъ толчокъ нашей внутренней противораскольниковъ миссіи, когда пошли изъ матушки Москвы во всѣ стороны нашего отечества труженики миссіонеры, былъ вызванъ въ Костромскую епархію слѣпецъ-миссіонеръ Шашинъ. Не тронутая раскольниковъ масса зашевелилась. А здѣсь Федоровско-Сергіевское Костромское братство открыло свои дѣйствія. Появились у насъ и свои миссіонеры. Архипастырь нашъ преосвященъ. Виссаріонъ, хорошо знакомый по Москвѣ съ расколомъ и миссіей, принялъ подъ свое покровительство юную миссію.

Благодаря проповѣди миссіонеровъ, неграмотная темная рас-

кольниковъ масса начала понимать, что вожаки ея обманываютъ ее, что внѣ св. Церкви гибель, безъ благодатныхъ таинствъ и священства нѣтъ спасенія. Раскольники начали искать выхода изъ своего тяжелаго положенія. Идти сразу въ православную Церковь казалось имъ очень страшно, по причинѣ приверженности ихъ къ старымъ обрядамъ ¹⁾. Явилась нужда въ единовѣрческомъ храмѣ.

Существовавшій въ уѣздѣ съ 50-хъ годовъ единовѣрческій храмъ удовлетворить народившуюся нужду не могъ. Извѣстный Высоковскій единовѣрческій монастырь сдѣлался какъ бы средоточіемъ всего единовѣрія въ уѣздѣ. Приходскій единовѣрческій храмъ внѣ монастыря служилъ приходскимъ храмомъ чуть-ли не для всей епархіи. За 100—200 верстъ прїѣзжали сюда за исполненіемъ христіанскаго долга всѣ, кои поколебались въ правотѣ раскола.

Но расколъ не дремалъ. Поддерживаемые богачами привольянами, вожди раскола выступили на публичныя собесѣдованія съ православными миссіонерами; но эти собесѣдованія болѣе и болѣе убѣждали народъ въ полнѣйшей несостоятельности раскола. Когда благопечительный нашъ владыка вызвалъ, въ помощь нашей юной миссіи, извѣстнаго своей опытностью миссіонера протоіерея Крючкова, дѣло проповѣди пошло еще съ большимъ успѣхомъ. Присоединеніе раскольниковъ къ св. Церкви стало массовымъ.

Главный починъ въ дѣлѣ присоединенія раскольниковъ по Макарьевскому уѣзду принадлежитъ бывшему мѣстному раскольниковому начетчику Ѳ. Н. Смирнову (нынѣ единовѣрческій священникъ), крестьянину д. Боженокъ.

Принадлежа къ сектѣ „Нѣтовщины“, Ѳ. Смирновъ былъ рьянымъ защитникомъ своего унованія; изъ деревни въ деревню возили его богачи-расколовожди для возраженія миссіонерамъ. Интересенъ разсказъ этого борца раскола. „Чѣмъ больше бесѣдовалъ я, говоритъ онъ, чѣмъ больше читалъ старопечатныя книги и подыскивалъ мѣста для защиты своихъ убѣжденій, тѣмъ больше приходилось сознаваться самому себѣ, что бѣда намъ, что Церкескихъ храмахъ.

¹⁾ Скажу здѣсь ксати, что во всемъ Макарьевскомъ уѣздѣ мнѣ не приходилось видѣть ни одной деревни, гдѣ бы православные знаменовались троеперстно, двуперстие поголовное.

ковъ права!.. Бывало напролетъ всю ночь просидишь за книгами, готовясь къ бесѣдѣ, и уйдешь на бесѣду съ сознаніемъ, что мы погибли!.. Но какъ публично сознаться, когда раскольники смотрятъ на тебя, какъ на пророка! Особенно сильно поколебалъ мои убѣжденія, говорить теперь отецъ теодоръ, миссіонеръ И. П. Ломакинъ, послѣ бесѣдъ съ которымъ я рѣшилъ бросить все и ѣхать въ Москву, и на мѣстѣ провѣрить по библіотекамъ и музеямъ драгоцѣнные „выписки Адріана Озерскаго“. Въ Москвѣ искателя истины пріютили въ Никольскомъ монастырѣ, гдѣ онъ по цѣлымъ днямъ просиживалъ въ Хлудовской библіотекѣ. Побывалъ онъ и въ другихъ Московскихъ книгохранилищахъ, гдѣ всегда встрѣчалъ радушный привѣтъ и разъясненія отъ господъ заботящихся библіотеками. Многіе любезно дѣлали ему переводы нѣкоторыхъ мѣстъ изъ книгъ греческихъ, за что онъ симъ „радѣтелямъ“ глубоко теперь благодаренъ. Здѣсь-же въ Москвѣ Ѳ. Н. Смирновъ встрѣтился съ отцомъ протоіереемъ Крючковымъ. Бесѣды съ послѣднимъ окончательно развѣяли всѣ его сомнѣнія, и Ѳ. Н., наконецъ, рѣшилъ присоединиться тутъ-же въ Москвѣ. Но отецъ протоіерей посовѣтовалъ ему отложить пока свое присоединеніе, имѣя въ виду, что возвратясь домой неприсоединеннымъ еще, онъ окажетъ большее вліяніе на мѣстный расколъ.

Смирновъ такъ и сдѣлалъ.. По пріѣздѣ домой, гдѣ его ожидали раскольники съ особымъ нетерпѣніемъ, думая, что теперь его защита раскола будетъ сильнѣй, — онъ началъ сначала съ болѣе близкими совѣтываться и говорить, что ихъ положеніе губительно и вообще около года уговаривалъ онъ своихъ собратьевъ оставить расколъ и всячески обличалъ его неправоту. Результатомъ его собесѣдованій и было то, что, черезъ годъ послѣ поѣздки его въ Москву и бесѣдъ съ о. Крючковымъ, нѣсколько деревень прислали къ о. Крюкову просьбу пріѣхать къ нимъ для бесѣдъ, а нѣкоторые — для присоединенія ихъ къ св. Церкви.

Крюковъ немедленно прибылъ, многихъ присоединилъ къ православной Церкви и произвелъ нѣсколько публичныхъ бесѣдъ.

Для удовлетворенія своихъ религіозныхъ потребностей присоединенные пожелали имѣть вблизи единовѣрческую церковь. По мѣстнымъ условіямъ, оказалось необходимымъ устроить не одну церковь, а двѣ, и въ самыхъ центрахъ пропаганды раскола, около Волги въ д. Боженки, въ самомъ гнѣздѣ безпоновщины, поддерживаемой милліонеромъ Чернонебовымъ, и въ д. Исидоровѣ,

(въ сосѣдствѣ съ которой въ деревушкѣ Курковѣ-Выдѣлки совершаются семью „стариками“ крещенія и вѣнчанія для раскольниковъ почти всего уѣзда).

Такимъ образомъ, по милости Божіей, и положено было начало единовѣрія въ нашемъ уѣздѣ. Сильно заводновались раскольники; присоединеніе ихъ наставника, а съ нимъ и нѣсколькихъ деревень,— начало, положенное для устройства единовѣрческихъ храмовъ, ихъ положительно ошеломило! Посыпались упреки на Ѳ. Н. Смирнова, слышались разговоры, что за вновь устраиваемые единовѣрческіе храмы съ присоединенныхъ будутъ взыскивать деньги. Явились недоразумѣнія и со стороны приходскихъ причтовъ, въ которыхъ присоединенные раньше числились православными, „не-радовыми“ только,—что молъ это наши прихожане, а не раскольники и т. п. Однимъ словомъ, повторилось то печальное недоразумѣніе, которое хорошо охарактеризовалъ отецъ Павелъ Прусскій въ своихъ письмахъ Н. И. Субботину (смотри „Вѣра и Церковь“ 1902 г., январь—апрѣль). Но, слава Богу, все это кончилось!..

Быстро началась постройка новыхъ церквей, чаще сталъ навѣщать Макарьевскій край протоіерей Крючковъ. Слово проповѣди чаще стало слышаться здѣсь, поддерживая духъ въ новоприсоединенныхъ и обличая неправоту раскола.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1901 года храмы были готовы и освящены. Въ одинъ изъ нихъ рукоположенъ былъ во священники самъ Ѳ. Н. Смирновъ, а въ другой бывший учитель единовѣрческой школы изъ Черниговской епархіи И. Чередниковъ.

Еще не освящены были храмы, какъ отъ многихъ раскольниковъ деревень на имя о. Крюкова стали поступать просьбы пріѣхать побесѣдовать. Почти весь уѣздъ всколыхнулся. Присоединенія были массовыя,—бросали расколъ цѣлыми деревнями. Въ слѣдующемъ 1902 году устроено и освящено еще два единовѣрческіе храма. Въ томъ же году, преимущественно трудами о. Крюкова, воссоединились съ Церковью еще нѣсколько сотъ раскольниковъ; и для нихъ разрѣшено устроить четыре единовѣрческихъ храма.

Раздались нѣкоторые злонамѣренные голоса, бросающіе тѣнь какъ на все единовѣріе, такъ равно и на дѣлателей и тружениковъ его. Владыка самъ предпринялъ обзоръ вѣсѣхъ приходовъ своихъ новыхъ чадъ. Поистинѣ апостольское было путешествіе архиепископа. Еще задолго до прибытія владыки въ тотъ или

другой единовѣрческій приходъ толпы народа, преимущественно изъ раскольниковъ, стояли близъ храмовъ, въ намѣреніи „согладати“, — какъ молъ будетъ православный архіерей креститься и благословлять народъ.

Мудрый архипастырь предугадалъ намѣреніе раскольниковъ толпы и наглядно показалъ, что разность въ обрядахъ не разъединяетъ въ вѣрѣ чадъ св. Церкви. Всѣ новообращенные были благословлены двуперстно, утѣшены словомъ ласки и одобрены пастырскимъ назиданіемъ.

Всѣ нападки недоброжелателей св. дѣла возсоединенія заблудшихъ на единовѣріе были посрамлены. Одновременно съ открытіемъ единовѣрческихъ приходовъ открываются при каждой церкви и церковныя школы. Объ успѣхѣ ихъ говорить еще рано; скажемъ пока одно, что всѣ онѣ полны школьниками.

Вообще духовная жизнь новыхъ приходовъ быстъ ключемъ: миссіонерская и школьно-просвѣтительная дѣятельность въ полномъ разгарѣ. Пастыри новыхъ приходовъ ревностно подвизаются на своей нивѣ. Публичныя собесѣдованія съ вожаками раскола производятся очень часто. Пропаганда расколовождей не носить уже подпольнаго характера. Главари раскола, видя свою несостоятельность, стали запрещать своимъ послѣдователямъ посѣщать миссіонерскія бесѣды. А на вновь открытые приходы ничего не могутъ сказать, какъ лишь одно, — „ловушка!“

Полагаю въ данномъ случаѣ кстати отмѣтить, къ какимъ мѣрамъ стали прибѣгать вожаки раскола, озлобившіеся на единовѣріе. При д. Божанкахъ было когда-то разрѣшено раскольникамъ имѣть свое кладбище. Въ 1899 году раскольники устроили вокругъ своего кладбища ограду, каменную сторожку и колодезь, — на семь кладбищъ они замыслили открыть скитъ. Когда раскольники д. Божанки приняли единовѣріе, то пожелали и кладбище свое сдѣлать приходскимъ, — земля подъ кладбищемъ была ихъ собственная. И вотъ, пока шло ходатайство по этому предмету, случилось, что умеръ старикъ единовѣрецъ. Раскольники (мѣстные богачи), чтобы не допустить принявшаго, по ихъ словамъ, антихристову вѣру, заперли кладбище и поставили у воротъ стражу. Вся сельская полиція караулила около церкви, чтобы не понесли усопшаго на это кладбище. Дѣло о кладбищѣ приняло законный ходъ и направлено въ Петербургъ.

М.

II.

Корреспонденція „Миссіонер. Обзорнія“, извѣстія и замѣтки

Изъ Муромъ, Владимірской губ.

(Отъ нашего корреспондента).

(Судебный процессъ надъ штундистами).

Во второй половинѣ декабрю истекающаго 1902 г. сессіей Владимірскаго окружнаго суда, зашедшей въ нашѣмъ захолустномъ городкѣ, разбиралось интересное дѣло по обвиненію двухъ сектантовъ—крестьянъ Меленковскаго уѣзда Гор—на и Ао—на, въ распространеніи штундоваго лжеученія, въ совращеніи въ эту секту православныхъ и въ отправленіи обвиняемыми духовныхъ требъ по обрядамъ секты надъ православными.

Настоящее дѣло сложное и судебная волокита тянется съ 1895 г. Дважды дѣло назначалось къ слушанію,—но разъ было отложено, въ другой разбирательство состоялось и обвиняемые главари секты были осуждены приговоромъ присяжныхъ, но по апелляціонной жалобѣ защитника обвиненныхъ сектантовъ дѣло было сенатомъ кассировано. Поводами къ кассации послужили, какъ говорятъ юристы, не существенныя нарушенія, касавшіяся председательскаго резюме, духовной экспертизы и т. под. Въ настоящій разъ председательствовалъ въ сессіи председатель Владимірскаго суда г. Грабарь, обвинялъ товарищъ прокурора г. Тихомірвъ. Защищали „евангельскихъ христіанъ“ (какъ называли себя обвиняемые) мѣстный помощ. присяжн. повѣр. (чагометанинъ) Юшинскій и московскій присяжный повѣр. г. Сахаровъ. Экспертизу въ первомъ разбирательствѣ производилъ мѣстный миссіонеръ г. Граціанскій, въ настоящій разъ кромя него былъ вызванъ судомъ редакторъ „Мисс. Обзор.“ В. М. Скворцовъ. Свидѣтелей по дѣлу вызывалось до 70 душъ, въ томъ числѣ два священника.

Въ Меленковскомъ уѣздѣ издавна существуетъ молоканство—донского и укленскаго толка. Назадъ тому лѣтъ 15—18 въ нѣдра молоканства проникла штунда. Первыми проповѣдниками и насадителями лжеученія этой секты былъ извѣстный насадитель штунды на югѣ Россіи и въ очагахъ таврическаго молоканства сиріецъ Яковъ Деляковъ, — посѣщавъ меленковскихъ сектантовъ и Пашковъ. Сокративъ въ штунду нѣсколько сотъ молоканъ, пропагандисты принялись и за православныя селенія, гдѣ главными распространителями новой секты явились обвиняемые, поставленные стар-

шими штундистами въ должности пресвитеровъ. Всего изъ православія со-
вращено до 200 душъ и сектантство появилось въ нѣсколькихъ приходахъ,
гдѣ ранѣе все населеніе было православнымъ, да изъ молоканъ до 800
душъ. Распространители лжеученія свою проповѣдь сопровождали страшными
хуленіями всего, что дорого и свято православному человѣку.

Къ сожалѣнію, мѣстная миссія первые моменты проявленія новаго
лжеученія просмотрѣла и взялась за уврачеваніе тяжкаго недуга уже тогда,
когда болѣзнь укоренилась и многихъ заразила и погубила.

Судебный процессъ продолжался три дня, причемъ значительное время
заняла экспертиза. Экспертамъ пришлось имѣть дѣло съ новымъ, не быв-
шимъ на предварительномъ слѣдствіи матеріаломъ: — обвиняемый лжепре-
свитеръ А—нъ представилъ суду письменное вѣроизложеніе, доказывая, что
его содержатъ онъ и послѣдователи и будто-бы это вѣроизложеніе содер-
жатъ также таврическіе сектанты, во главѣ съ извѣстнымъ З. Захаровымъ,
извѣстные подъ именемъ „новомолюканъ“, или молюканъ штундистовъ. При этомъ
Захаровъ самъ явился въ Муромъ на судъ, въ качествѣ не то единовѣрца
и единомышленника обвиняемыхъ, не то покровителя ихъ. Эксперты просили
судъ дать время на изслѣдованіе этого вѣроизложенія, что заняло около
3 часовъ, да самое заключеніе, которое давалъ г. Скворцовъ, длилось около
4 часовъ, съ перекрестными вопросами сторонъ.

Рѣчи обвинителя и защиты заняли также нѣсколько часовъ.

Присяжнымъ поставлена была цѣлая серия вопросовъ; на всѣ вопросы,
послѣ часового совѣщанія, они отвѣтили обвиненіемъ подсудимыхъ безъ
всякаго снисхожденія, и судъ приговорилъ распространителей секты къ ссылкѣ
въ Сибирь.

Обвинительный вердиктъ вынесенъ былъ вечеромъ и толпа духовныхъ
дѣтей штундовыхъ пресвитеровъ терпѣливо дождалась приговора, сходя на
улицѣ, противъ суда, при значительномъ морозѣ. Приговоръ произвелъ на нихъ
глубокое впечатлѣніе. Кассацию Сената невѣжественная масса истолковала
въ томъ смыслѣ, что-де высшая власть „не позволяетъ обижать духовныхъ
христіанъ“, а потому какъ обвиняемые, такъ и сектантская темная масса
ожидала лишь оправдательнаго вердикта.

Въ виду пріѣзда въ здѣшній край В. М. Скворцова, какъ специалиста
по сектовѣдѣнію и миссіонерству, мѣстный миссіонеръ о. Арфѣевъ, по окон-
чаніи судебного процесса, въ зданіи духовнаго училища собралъ город-
ское духовенство и нѣкоторыхъ священниковъ приходовъ, зараженныхъ
штундизмомъ, для совѣщанія о мѣрахъ духовнаго воздѣйствія на отпад-
шихъ. Совѣщаніе происходило подъ предсѣдательствомъ соборнаго протоіерея.
Мис. Арфѣевъ сдѣлалъ докладъ о нынѣшнемъ состояніи сектантства, кото-

рое, послѣ сенатской кассациі приговора, подняло голову такъ, что обвиняемые въ самое послѣднее время предъ судомъ продолжали и даже болѣе усиленно пропаганду лжеученія. В. М. Скворцовъ сдѣлалъ сообщеніе объ общемъ направленіи дѣла борьбы со штундою и преподавалъ совѣты о тѣхъ чисто миссіонерскихъ способахъ и пріемахъ, которые считаются миссіей наилучшими. По инициативѣ миссіонера и при живомъ сочувствіи отзывчиваго просвѣщеннаго о. протоіерея предложено организовать въ г. Муромѣ пастырскій кружокъ, съ участіемъ мѣстной интеллигенціи, для взаимнаго обмѣна мнѣній по современнымъ вопросамъ Церкви и миссіи.

Б. М.

Чудесное обрѣтеніе изображенія Господа и Бога нашего Іисуса Христа, начертаннаго на подлинной священной Плащаницѣ, хранящейся въ городѣ Туринѣ. Евангеліе отъ Іоанна гл. 20, ст. 7 свидѣтельствуетъ: и „платъ, который былъ на главѣ Его, не съ пеленами лежащій, но особосвищенный на другомъ мѣстѣ“. Подчеркнутая евангельская вѣсть есть откровеніе лишь теперь понятное: Воскресшій такъ-же вышелъ изъ платъ и пеленъ, какъ Онъ вошелъ въ запертый домъ, гдѣ собрались ученики Его; платъ и пелены должны были нерушимо остаться на мѣстѣ; поэтому особосвищенный на другомъ мѣстѣ платъ есть дѣло рукъ ангельскихъ во исполненіе неисповѣдимои воли провидѣнія: передать священныи свертокъ нашему послѣднему времени!... Священный свертокъ отъ апостоловъ и затѣмъ царей Византійскихъ перешелъ въ 14-мъ столѣтіи съ востока на западъ и съ 1578 года хранится въ Туринѣ. Въ 1898 году, по случаю религіозной выставки въ Туринѣ, г-нъ кавалеръ Секондо Піа получилъ разрѣшеніе фотографировать реликвию, на которой замѣтны были коричневыя пятна, образующія, повидимому, подобіе рисунка. И, дѣйствительно, фотографія обнаружила изображеніе Распятаго!... Древняя базилика въ Кадуэнѣ,—въ Дордовин хранитъ плащаницу, яко-бы подлинную;—но на ней ни малѣйшихъ слѣдовъ намека на изображеніе.—28 мѣсяцевъ тому назадъ молодой ученый Сорбонны сталъ изучать химическія реакціи, могущія объяснить происхожденіе чудеснаго изображенія и открылъ, что амміачныя пары, при дѣйствіи на ткань, пропитанную растворомъ алоэ,—оставляютъ отпечатокъ;—при этомъ чудесно то, что сохраненіе отпечатка возможно лишь подъ условіемъ, что Тѣло, испускавшее амміачныя пары, оставившіе отпечатокъ на священной Плащаницѣ, пропитанной растворомъ алоэ по обычаю іудейскому,—пребывало въ Плащаницѣ не долѣе 3-хъ дней!... Результатъ своихъ догадокъ и работъ, представ-

ленныхъ на разсмотрѣніе академіи наукъ, Павелъ Виньонъ издалъ въ сочиненіи подъ заглавіемъ: „Le linceul du Christ“ съ 9-ю фотогравюрами. Такое чудное обрѣтеніе подлинной плащаницы, которая есть представленіе гроба Господа нашего, — ибо платъ на главѣ Его лежалъ срединею, на тѣлѣ Его спереди и сзади лежали половины платъ, на которыхъ сохранился отпечатокъ обѣихъ сторонъ тѣла Его.—есть не только достояніе святой Церкви Его,—но и достояніе науки, или мудрости міра сего. Свидѣтельство Евангелія, при возникновеніи Церкви Христовой и свидѣтельство науки—оба эти свидѣтельства даютъ апологіи христіанства неотразимое значеніе мірового событія въ обрѣтенномъ изображеніи Спасителя, которое является знаменіемъ, призывающимъ къ единенію и миру между людьми и народами.

Докторъ Г. Б—нъ.

Покушеніе на жизнь армянскаго патріарха. Недавно на жизнь армянскаго патріарха Орминіанца, во время богослуженія въ храмѣ, было сдѣлано покушеніе: произведено было два выстрѣла,—пуля ранила патріарха въ плечо, однако онъ имѣлъ силы и мужество закончить богослуженіе. Неслыханное преступленіе это, совершенное въ христіанскомъ храмѣ, глубоко возмутило весь міръ. Юноша, покушавшійся на жизнь патріарха — аптекарскій ученикъ третьяго курса въ государственной медицинской школѣ, по имени Агопъ Гачикянъ, родомъ изъ Эрзерума. Мотивъ преступленія еще не выясненъ вполне. На первомъ допросѣ Гачикянъ показалъ, что онъ хотѣлъ убить патріарха изъ мести за то, что тотъ въ свое время хотѣлъ его исключить изъ школы. Доктора надѣются, что патріарха на этихъ дняхъ можно будетъ перевезти домой, въ Перу.

Высочайшій даръ Кіевскому Религіозно Просвѣтителному Обществу. Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра финансовъ, статсъ-секретаря С. Ю. Витте въ 27 день декабря прошлаго 1902 года, Высочайше повелѣтъ соизволилъ *отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства 30,000 рублей въ пособіе Кіевскому обществу распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной Церкви на окончаніе сооружаемаго обществомъ на углу Бѣликомірской и Владимірской улицъ просвѣтительнаго дома съ храмомъ.*

ОТКЛЮКИ.

„Новый Путь“ его задачи и стремленія.

Съ января текущего года въ Петербургѣ явилось новое оригинальное изданіе—журналъ „Новый Путь“. Журналъ представляетъ совершенно своеобразное и необычное явленіе въ нашей періодической прессѣ. Задача журнала въ редакціонномъ объявленіи и въ редакціонной статьѣ г. Перцова намѣчается такъ: „онъ долженъ служить тѣмъ теченіямъ, которыя возникли въ обществѣ съ пробужденіемъ религіозной мысли“. Или въ другомъ мѣстѣ: „журналъ долженъ быть провозвѣстникомъ возврата ищущей интеллигенціи отъ утилитарнаго міровоззрѣнія къ новому религіозному міровоззрѣнію“. Самое появленіе этого журнала, независимо отъ его содержанія, представляетъ крупное явленіе въ церковной жизни. Въ немъ мы видимъ новое доказательство пробудившагося религіознаго голода, новое доказательство того, что „душа сегодняшняго дня“ *открыла ширь и о ширь тоскуетъ*. И именно съ этой стороны, какъ свидѣтельство перелома въ настроенія нашего интеллигентнаго общества, журналъ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Нѣсколько лѣтъ, какое-нибудь десятилѣтіе тому назадъ, появленіе журнала съ такими задачами и цѣлями было бы положительно немыслимо. Поэтому, конечно, можно только привѣтствовать и желать добраго пути народившемуся „Новому Пути“.

Отношеніе „Новаго Пути“ къ старымъ путямъ намѣчается журналомъ очень опредѣленно, хотя, можетъ быть, эта опредѣленность слегка призрачная и обманчивая. Наша родословная,—говоритъ Перцовъ,—это Гоголь, Достоевскій и Соловьевъ. Но извѣстно, что и тотъ, и другой, и третій были люди церковнаго сознанія. „Мы—говоритъ одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ изданія—возвращающіеся“. „Мы идемъ въ Церковь и притомъ стоимъ по отношенію къ ней не спиной, какъ сектантство, а лицомъ къ

лицу“. Третій изъ сотрудниковъ еще раньше заявилъ, что, по его мнѣнію, совершенно неизбеженъ и необходимъ возвратъ къ Церкви (Мережковский).

Опредѣляя такъ свое отношеніе къ Церкви — „путники“ надѣются, что Церковь не отвергнетъ возвращающихся, не только не оттолкнетъ ихъ, но окажетъ имъ дѣятельную положительную помощь и пріязнь. „Они надѣются, что въ лонѣ православной Церкви религиозная *реформація* (?) осуществится не такъ, какъ въ Европѣ,—придетъ не снизу, а сверху—не путемъ борьбы, а путемъ любви — не черезъ одолѣніе, а черезъ благословеніе“ („Новый путь“ 1, 27).

Такимъ образомъ мы, повидимому, имѣемъ здѣсь дѣло даже не просто съ философскимъ изданіемъ съ религиозной задачей, хотя и это было бы крупнымъ знаменіемъ времени: журналъ характеризуетъ себя какъ органъ, проповѣдающій Церковь и возвращеніе туда блуднаго сына, «блуждавшаго на странѣ». Да, повидимому,—но я лично болѣе склоненъ думать, что здѣсь, если угодно, „знаменіе“ возврата, пророчество о будущемъ возвратѣ въ Церковь, но еще далеко не возвратъ. Было бы очень преждевременнымъ смотрѣть на дѣло слишкомъ оптимистически.

Я не имѣю права говорить за Церковь, однако думаю, что, конечно, Церковь не оттолкнетъ «возвращающихся». „Вселенская Церковь въ сознаніи своей правоты и прямоты“ конечно не станетъ загораживать „окольные, проселочные пути, которыми отстаые и заблудшіе пробираются къ посильному спасенію“. „Презрѣть голосъ, лепечущій о Богѣ, Церковь не можетъ“,—тѣмъ болѣе не откажетъ она въ любви своей „идущимъ къ ней“. „Мнѣ кажется, что не должно совершенно чуждаться не принимающихъ вѣрю—но употребить нѣкоторое о нихъ попеченіе по законамъ любви“ (Св. Васил. В. 6. 257). И онъ считаетъ возможнымъ даже не пребывать отъ гретиковъ—духоборцевъ что бы они называли Духа Св. «Богомъ». Только такого возврата она не приметъ, не можетъ принять. Дѣйствительный возвратъ въ Церковь интеллигенціи возможенъ, о немъ молится Церковь—онъ простъ и близокъ, но для интеллигенціи, ищущей свою потерянную душу, а здѣсь!...

Извѣстный проповѣдникъ о. Петровъ смотритъ на „Новый Путь“ съ большою надеждою и вѣрою. Ему кажется, что журналъ выражаетъ только жажду войти въ Церковь безъ всякихъ попытокъ и претензій на какія бы то ни было радикальныя ре-

формы въ церковномъ строѣ и организаціи, какія раньше выходили хотя бы изъ извѣстнаго религіозно-философскаго собранія. „Что же надо сдѣлать? — спрашиваетъ онъ отъ имени Розанова. Чего слѣдуетъ желать, чтобы интеллигенція съ легкимъ и радостнымъ сердцемъ пошла въ широкія и свѣтлыя двери Церкви? Надо ли реформировать Церковь, вдохнуть въ нее новыя силы, расширить ея разумніе жизни?

— Нѣтъ! нѣтъ! и нѣтъ! — отвѣчаетъ самъ В. В. Розановъ. Надо только одного, — чтобы больше было святости на мѣстѣ святомъ; чтобы сами члены Церкви, представители ея, глубже прониклись истинно-церковнымъ духомъ, отрѣшились отъ самодовольной замкнутости и сухое книжничество замѣнили живымъ служеніемъ Живому Богу. Тогда русское общество дѣйствительно вступить на „новый путь“; величіе Церкви вырастетъ въ необъятную ширь и охватитъ собою всѣ сферы жизни — и литературу, и знаніе, и искусство, и благо народа, и радость семьи. *Тогда* повѣтъ отъ Церкви широкою *струею* на интеллигенцію и тепломъ и жизнью; тогда растаетъ ледяная стѣна между интеллигенціею и Церковью и не станетъ розни, а будетъ едино стадо и единъ Пастырь“. Чуткій, надѣющийся, страстно желающій дѣйствительнаго пробужденія церковнаго сознанія въ интеллигентномъ обществѣ, о. Петровъ вкладываетъ въ уста Розанова только свои упованія и, кажется, надѣется на большее, чѣмъ должно. А о какой реформаціи — говоритъ г. Минскій? Да и вся первая книжка „Новаго Пути“ доказываетъ, наоборотъ, что еще долго „новый“ путь не встрѣтится со старымъ нашимъ церковнымъ путемъ. Мы помнимъ, какъ въ одномъ религіозномъ собраніи одинъ изъ руководителей „Новаго Пути“ заявилъ представителямъ церковной правды: сознайтесь, что и мы и вы не имѣемъ истины, а только еще ее ищемъ; сознайтесь — и будемъ искать ее вмѣстѣ. *Д. С. Мережковский* не говорилъ только, что онъ эту истину уже нашелъ, такъ что, послѣ того какъ представители Церкви сознаются въ отсутствіи пути, онъ укажетъ *имъ путь правды*. Но не въ этомъ дѣло. Мысль, высказанная Мережковскимъ, красною нитью проходитъ и чрезъ всю лиловую книжку, которая лежитъ предъ нашими глазами.

И В. В. Розановъ вовсе не желаетъ только оживленія церковной жизни въ ея представителяхъ. Никто не скажетъ, что въ Церкви все благополучно, что ея представители и руководители

всегда на стражѣ своей и не спать и, еслибы „Новый Путь“ желалъ только нашего покаянія, возрожденія духа церковнаго въ руководителяхъ Церкви, то, конечно, единеніе было бы недалеко.

В. В. Розановъ требуетъ отъ насъ большаго. Онъ намъ указываетъ на примѣръ Византіи, которая будто постоянно каялась и мѣняла то, что создавала, говоритъ, что мы будто бы должны послѣдовать по стопамъ той Церкви (старо-Византійской), которая признавала разбойничьимъ соборомъ ранѣе *признанный* вселенскимъ соборомъ (?) разрушала *цѣлыя стѣны* въ своемъ строеніи. Минскій въ статьѣ о свободѣ совѣсти заявляетъ, что они—„возвращающаяся интеллигенція—вносятъ въ Церковь свое пониманіе догматовъ, свое прозрѣніе религіозной истины и не могутъ отъ этого пониманія отказаться“. Очевидно, здѣсь та же мысль *), которая рѣзко выражена была Д. С. Мережковскимъ и на одномъ изъ недавнихъ рел.-фил. собраній: „церковные догматы, наши догматы—это кандалы, которыя убиваютъ религіозную мысль и религіозную дѣятельность“; старую догматику нужно замѣнить новой. Вотъ эта мысль о неустойчивости церковнаго сознанія, необходимости догматической ломки и радикальнаго обновленія Церкви и представляетъ камень преткновенія на „новомъ пути“, и вмѣстѣ съ тѣмъ и главную причину, по которой, *какъ мнѣ думается*, трудно слиться двумъ путямъ въ одинъ путь, ведущій къ царству Божію.

Церковь считаетъ неизмѣннымъ свое догматическое религіозное содержаніе — и въ этомъ ея значеніе и сила. Именно такая Церковь, неподвижная въ своихъ основахъ, непоколебимая, и нужна расшатанному человѣку, какъ опора, на которую всегда можно опереться... „Въ минуту полной расшатанности человѣка, — пишетъ Случевскій, когда онъ сокрушенъ въ себѣ, а слѣдовательно для него сокрушенъ и весь міръ, Церковь, какъ вишняя изобразительница молитвы, вѣры въ Бога, Церковь въ ея неподвижности отъ вѣка, въ текстахъ и реченіяхъ, замшившихся отъ безконечной давности, Церковь, чуждая измѣняемости—въ смыслѣ моды и развитія—остающаяся неизмѣною, неподвѣжною въ верченіи времени, — становится вполнѣ необходимою. Только такую, несомнѣнно неподвижную во времени Церковь, мнѣ нужно, потому за такую

*) Минскій, кажется, еще наиболѣе сдержанный въ отношеніи къ Церкви изъ „тронцы“ «Новаго Пути».

неизмѣняемую въ измѣняемости всего могу ухватиться я уто-
пающей“...

Собственно понятіе неизмѣнности логически слѣдуетъ изъ понятія Церкви. Церковь опредѣляетъ себя какъ богочеловѣчскій организмъ, въ которомъ живетъ Христосъ и Духъ Божій. Собственно Церковь есть выраженіе, проявленіе этого Духа Божія въ человѣческой совѣсти, и особенно въ жизни соединенныхъ въ церковное единство вѣрующихъ. Жизнь Церкви есть откровеніе Бога. Но, конечно, если *Сынъ Человѣческій* не зналъ дня и часа, когда онъ придетъ, то *Христосъ и Духъ*, живущій въ Церкви, обладаетъ полнымъ вѣдѣніемъ того, что Божіе. „Божія никтоже вѣсть, точію Духъ Божій“. Въ Церкви, какъ постоянномъ откровеніи Духа, дано все содержаніе *возможной* догмы. Это не значитъ, конечно, что Церковь остановилась и застыла въ своемъ развитіи. „Христіанство—говоритъ Минскій—это храмъ не ветшающій, слѣдовательно, никогда не перестаетъ расти, потому что все, переставшее расти, начинаетъ ветшать“. И мы думаемъ, что христіанство не есть „окончательно перемытый рудничныи песокъ, изъ котораго извлечено—нашимъ сознаніемъ, культурнымъ разумомъ нашего христіанскаго вѣка—до послѣдней крупицы *все золото и вся истина*“. Никогда такъ не понималась въ христіанской догматикѣ неподвижность догматовъ, истина догматической *неразвиваемости* Церкви“. Мы думаемъ, что, когда отцы Никейскаго собора, по нуждѣ времени, установили истину Божественной троичности, то, по изволенію Духа Божія, въ это время „небо раскрылось“: общему сознанію собравшейся въ Никее Церкви догматъ троичности былъ ясенъ, не только какъ діалектическая формула, а какъ живая истина, какъ описаніе внутреннѣйшей жизни Божества. Соборъ, записывая истину, переживалъ въ эту минуту и внутреннюю идею формулы, видѣлъ то, что должно открыться въ концѣ временъ, понималъ догму, какъ „правду“ божественной и *ихъ* человѣческой „жизни“. Но эта открывшаяся сознанію Церкви истина не могла быть и не стала достояніемъ религіознаго содержанія каждаго... Приподнятая, „по изволенію Духа“, для собора завѣса снова опустилась, хотя лучъ свѣта уже успѣлъ проникнуть на землю, задержался здѣсь. Съ этихъ поръ усвоеніе и этой и всякой другой истины догматики должно было быть достигнуто только длиннымъ путемъ, тѣмъ самымъ путемъ, какимъ осуществляется заповѣдь: „будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ

вашъ“. Догма осталась какъ формула, оболочка, въ которую нужно проникнуть „живымъ и дѣйствительнымъ обращеніемъ со Христомъ“ (Сперанскій) въ Церкви. Въ тотъ моментъ, когда догма открыта, не окончился, а только начался путь религіознаго развитія. Я воспользуюсь однимъ сравненіемъ, которое уже приводилъ въ другомъ мѣстѣ. Толпа слѣпыхъ пришла къ храму Аммона, чтобы услышать бога, говорившаго въ храмѣ... Пришли, сѣли на ступеняхъ храма и стали слушать.

Увы... голоса не было, и они рѣшили, что богъ ушелъ изъ храма. А дѣло было проще. Они сидѣли у запертыхъ дверей и не слышали голоса внутри...

Мы около догмы, только у дверей храма и какъ часто мы говоримъ: неслышно тамъ голоса Божія: буква „изжита“—изсякла. А нужно войти въ дверь. Символьная догма только вѣха, указывающая направленіе. И каждый отдѣльный человѣкъ, каждая отдѣльная эпоха стоитъ не на одинаковой ступени въ этомъ восхожденіи къ познанію.

Отсюда ясно, что, хотя въ Церкви не возможна новая догма, но вполне возможно религіозное догматическое развитіе сознанія въ человѣкѣ и даже въ цѣлой эпохѣ—ищущей Боговѣдѣнія. Поэтому-то не то смущаетъ, что, какъ говоритъ г. Минскій, возвращающіеся, „несутъ свое прозрѣніе догмы“,—смущаетъ мысль, что это прозрѣніе какъ будто рождается не оттуда, откуда ему суждено родиться.

Мы вѣримъ, что постиженіе догматовъ возможно только въ Церкви, по самому существу догмата. „Я повѣрилъ,—пишетъ Л. Н. Толстой, — что истина познается общею любовью, но потомъ я понялъ, что это нелѣпо, потому что изъ любви многихъ рождается только великая любовь, а не истина. Едва ли онъ понялъ „потомъ“ больше, чѣмъ „прежде“. Дѣло въ томъ, что Богъ, по опредѣленію христіанской Церкви, есть любовь. Каждое Его свойство, выраженное въ догмѣ, есть обнаруженіе той же любви: вездѣ и всегда Богъ проявляется какъ любовь. Поэтому вполне понятно, что, какъ любовь, Онъ познается любовью, а отсюда слѣдуетъ и то, что познаваться Онъ можетъ только Церковью, которая тоже есть любовь и по этому свойству въ своемъ вселенскомъ сознаніи есть отраженіе Бога, если позволительно такъ сказать, Его повтореніе. Слѣдовательно, познаніе Бога возможно по мѣрѣ того, какъ человѣкъ этически къ этому

приготовленъ, по мѣрѣ проникновенія церковною жизнію. Теперь приходятъ „возвращающіеся“ и заявляютъ, что у нихъ новое прозрѣніе догматовъ и они отъ него не могутъ отказаться. То, что они свое прозрѣніе не желаютъ даже сопоставлять съ тѣмъ, которое приобрѣла Церковь тысячелѣтіями религіознаго опыта, показываетъ, что едва ли источникомъ этого прозрѣнія была любовь, которая *одна открываетъ Бога*. Христіанская Церковь знала ученіе о такъ называемомъ λόγος σπερματικός, о возможности проникновенія въ истину Божества, даже отчасти въ глубочайшія догмы христіанскія естественнымъ актомъ углубленности въ религіозныя истины. Поэтому Церковь никогда и не пренебрегала религіознымъ знаніемъ даже язычества, склонна была искать въ немъ элемента подлиннаго религіознаго знанія. Поэтому же она и теперь склонна думать, что возвращающіеся къ ней сильные люди, отдавшіе себя богопознанію и богоскательству, могутъ въ самомъ дѣлѣ быть нужными для ней трудниками на церковномъ пути. Но она думаетъ, что все же для нихъ единственный путь къ учительству—*черезъ ученичество*. Какъ справедливо заявилъ о. Петровъ въ статьѣ о „Новомъ Пути“. А кажется, что эти возвращающіеся именно не хотятъ быть учениками. Конечно, не нашими учениками должны быть они. Ни одинъ изъ такъ называемой учащей Церкви русской—такой у насъ и нѣтъ—не считаетъ себя учителемъ. Учиться можно только у Церкви, у организма общей любви и христіанскаго согласія.

Путники, вступившіе на „новый путь“, начинаютъ съ осужденія стараго. Старая догма для нихъ кандалы, и они предлагаютъ новую догму.—Но позволительно спросить, насколько знакомъ для нихъ старый, осужденный ими путь? Годъ тому назадъ одинъ свѣтскій писатель съ горечью осудилъ старый академическій способъ богословствованія.

«Мы—говорилъ онъ, съ ревностью, достойной лучшей участи, хранимъ догматическую скорлупу, на столько закаливъ, или точнѣе, заморозивъ ее холодомъ научной разсудочности, что ищущимъ питательнаго зерна Христова доступъ къ нему оказывается положительно прегражденнымъ. Въмѣсто запятаннаго нами зерна мы предлагаемъ скорлупу, необходимую, правда, для зерна, характерную для него, но саму по себѣ не утоляющую голода“.

(Новоселовъ).

Это говорилось о старомъ отношеніи къ догмѣ, какъ буквѣ, данной не для усвоенія, а только для храненія. И мы не протестуемъ противъ этого горькаго слова. Тотъ, кто его сказалъ, зналъ, что въ нашемъ богословствованіи уже прокладываются тоже „новые пути“, которые вѣрнѣе будутъ путями староцерковной греческо-отеческой традиціи. Онъ называетъ имена еп. Антонія, Соловьева, Хомякова, Несмѣлова. А знаютъ ли ихъ „новые путники?“

Еще извѣстный теодоръ Бухаревъ ночами плакалъ и годами молясь трудился и трудясь молился о томъ, чтобы проникнуть хотя немного въ глубочайшій жизненный смыслъ догматическаго откровенія, и мы думаемъ, что было ему по молитвѣ его. Новая богословская русская литература больше всего занимается тѣмъ, чтобы психологически оправдать Церковь, уяснить себѣ въ возможной для насъ здѣсь мѣрѣ догму съ ея жизненной, нужной для нашего нравственнаго духовнаго сознанія стороны, въ этической ея правдѣ. Пусть тутъ не сдѣлано ничего. Но неужели искателямъ новаго пути не слѣдовало справиться о томъ, что сдѣлали эти „старые“ искатели? Еп. Антоній, еп. Сергій, Несмѣловъ, Бухаревъ, славянофилы?... Толстой говоритъ о себѣ, будто онъ изучилъ все православное богословіе; въ дѣйствительности изучилъ онъ собственно только книгу преосв. Макарія. У насъ есть основанія думать, что новые искатели не сдѣлали и этого.. „На русскихъ богословахъ нѣтъ благодати, чтобы ихъ читали — сказалъ одинъ изъ „дѣятелей новаго пути“. Правда ли? — я знаю, что у насъ не читаютъ и тѣхъ, кого едва ли можно назвать безблагодатнымъ, Я лично собиралъ статистическія справки о томъ, кто читаетъ евангеліе? Оказалось, что даже изъ тѣхъ, *которые хорошо знали „исповѣдь“ и „евангеліе“ Толстого, нѣкоторые не читали совсѣмъ Христова евангелія.* Не вѣрите? Ручаюсь своимъ священническимъ словомъ. Неужели же „Онъ оказался безблагодатнымъ“.

Но пусть — трудно приглашать, чтобы насъ читали тѣ, которые не хотятъ читать. Я хотѣлъ бы задать другого рода вопросъ, который имѣю право предложить именно потому, что руководители „Новаго Пути“ говорятъ во имя Церкви и заявляютъ о своемъ возвращеніи къ Церкви. Есть еще старый и забытый путь проникновенія въ истину догматовъ. Объ одномъ — тоже религиозно-философскомъ — собраніи, (частномъ кружкѣ) не помню, кто, мѣсяцъ тому назадъ рассказывалъ мнѣ такой случай. Въ кружкѣ обсуждали реформу Церкви, говорили о будущемъ Церкви возро-

жденной, Новомъ Іерусалимѣ, въ которомъ будетъ свобода мысли, импровизація, свободная вдохновленная молитва, пророчества. Всѣ были возбуждены и, кажется, были близки къ пророческому вдохновленію. Но вотъ въ концѣ концовъ одинъ изъ присутствующихъ предложилъ: хорошо, — *давайте жъ теперь молиться о томъ, чтобы была такая Церковь.* Ему собраніе отвѣтило полнымъ молчаніемъ. Для этого собранія это и было приговоромъ и осужденіемъ. Говоря объ импровизаціи, о духѣ пророческомъ, оно совсѣмъ не знало единственнаго пути, „забытаго пути“ богопознанія—проникновенія во внутреннюю жизнь Божества сліяніемъ съ Нимъ въ молитвѣ.

Если и этотъ „забытый путь“ не извѣстенъ руководителямъ новаго движенія, такъ же, какъ и нашъ старый путь, то тогда ихъ путь—ложь, они обольщаютъ и себя и другихъ, и движеніе ихъ носить только характеръ красиваго спектакля.

И еще одно слово... Л. Авилова въ интересной сказкѣ „Слуги счастья“ рассказываетъ слѣдующее. Приходитъ на землю Христосъ. Онъ ищетъ учениковъ Своихъ и не находитъ. Слуги Его „іерархія“ ушли (Авилова повторяетъ Розанова) на другія пути, подмѣнили Его Церковь и истину. Но вотъ приходитъ къ Нему одинъ человѣкъ, и заявляетъ, что онъ хочетъ замѣстить Его старыхъ слугъ, быть слугою Его—Христа—и вмѣсто ихъ понести въ міръ истину, „Мнѣ—говоритъ этотъ маленькій черненькій человѣчекъ, надоѣло, жизнь пошла, глупа и несправедлива. Сильные—подлы и жестоки, слабые угнетены и несчастны. Я хочу быть сильнѣйшимъ изъ сильныхъ. Ненависть, злоба и презрѣніе душатъ меня. Я возьму ихъ своимъ орудіемъ и переверну весь міръ. Я не хочу дѣлать зла. Пусть признаютъ мою волю: она будетъ благоразумна и всѣмъ будетъ легче дышать, чѣмъ теперь. Но чтобы достичь власти, я не остановлюсь ни предъ зломъ, ни предъ преступленіемъ“.

— „Я не знаю тебя“—сказалъ Одинокій.

— „Такъ слушалъ же. Я тоже не зналъ Тебя. Но я чувствовалъ, что ты не можешь быть „тамъ съ ними“, съ Церковью. И я ненавидѣлъ ихъ за ихъ обманъ, за ихъ ложь, ея ловкость и успѣхъ, за все, что подняло ихъ надъ толпой и дало въ ихъ руки богатство и силу. О, какъ я ненавидѣлъ ихъ! Только такая ненависть, изстуженная и злая, помогала мнѣ самому хитрить и лгать, чтобы втереться въ ихъ среду, слѣдить, шпионить за ними. Я надѣялся,

что мнѣ удастся открыть что-нибудь важное, чтобы потомъ уличить, произвести грандіозный скандалъ. И мнѣ удалось... Я обличилъ ихъ и я сталъ надѣяться, что Ты есть, что Ты придеши и поможешь мнѣ. Ты сказалъ, что тебѣ не нужны безсильные робкіе слуги. Я силенъ и я смѣлъ. Прикажи мнѣ быть Твоимъ слугой.

— Ты не можешь!—печально сказалъ Одинокій.—У тебя много силы, но твоё оружіе—ненависть, а не любовь“.

Христосъ не принялъ этого самозваннаго замѣстителя старыхъ слугъ, потому что имъ двигала только ненависть. Если кто-нибудь изъ кормчихъ „Новаго Пути“ узналъ въ этомъ чловѣкѣ себя, свое настроеніе, то тогда впередъ осуждено ихъ дѣло. Созданное враждою и ненавистью, оно, конечно, уже не приведетъ ни къ единенію, ни къ Богу. Къ любви не ведетъ вражда. Говорятъ, что реформаторы, носители новаго прозрѣнія догматовъ, хотятъ нашу Церковь замѣнить Церковью Іоанна. Для этого имъ нужно прочесть хотя одинъ разъ невѣдомыя имъ писанія великаго апостола.

...Не любяй брата пребываетъ въ смерти *).

Іером. Миганъ.

*) На тему настоящей бесѣды я намѣренъ поговорить еще въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ, въ «открытомъ письмѣ» къ одному изъ сторонниковъ В. В. Розанова и его „адогматизма“.

Со екрижалей сердца.

Высокопреосвященный Флавіанъ, новоназначенный митрополитъ Кіевскій.—Нѣсколько мыслей объ „упадкѣ духа“ въ духовенствѣ.

Именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ 1-го февраля сего года, Святѣйшему Правительствующему Синоду, членъ Св. Синода, архієпископъ Харьковскій Флавіанъ назначенъ на вдовствующую, послѣ смерти въ Бозѣ почившаго митрополита Теофота, Кіевскую митрополичью кафедру. При чемъ новый митрополитъ Кіевскій удостоенъ Все милостивѣйшаго рескрипта.

Всякая перемѣна среди правящей ієрархіи составляетъ событіе огромной важности для жизни Церкви той епархіи, гдѣ эта перемѣна происходитъ, и особенно—для духовенства, въ частности же для мѣстной миссии и ея дѣятелей. Каноническія права и дѣйствующая практика ставятъ власть епископовъ, какъ правителей Церкви и вершителей судебъ клира, столь широко и высоко, что въ параллель не можетъ идти ни одна сущая, въ провинціальныхъ сферахъ власть. Можно сказать, что сила, вліяніе, обаяніе власти епископской проникаютъ и объемлютъ всѣ стороны мѣстной церковно-общественной жизни. Такъ, по крайней мѣрѣ, должно быть.

Нигдѣ такъ ярко не можетъ выступать личность начальника нигдѣ земная власть послѣ царской, не имѣетъ, по своимъ правамъ и прерогативамъ, такой свободы и простора въ проявленіи личныхъ свойствъ души и характера,—какъ въ служебномъ положеніи нашихъ архієпископовъ. И традиціонныя, искони присвоенныя архієпископамъ наименованія „владыка“ и „отецъ“ суть не пустыя слова, а реальные характерные титулы, присущіе епископской власти.

Архієпископы и не являются и владыками всего положенія дѣлъ и вещей въ епархіяхъ и о т ц а м и, держащими въ своихъ мощныхъ святительскихъ рукахъ счастье и благоденствіе своихъ „подвѣдомыхъ“. Вотъ почему назначеніе новаго архієпископа всегда и вездѣ въ епархіяхъ составляетъ злобу дня, имѣетъ глубокій, животрешущій интересъ для всей вѣрующей паствы, а наименѣе для мѣстнаго духовенства.

Всѣ мы, происходящіе изъ поповичей, знаемъ съ дѣтства, какъ переживались нашими дѣлами и переживаются нашими отцами и братьями такія событія, какъ назначеніе новаго владыки.

И въ настоящее время тѣ или другія переменны въ составѣ правящей нашей іерархіи не только не потеряли, но получаютъ и еще большее значеніе и интересъ, и не кастовый только и мѣстный, но и общецерковный и даже — церковно-государственный.

Въ наше время замѣчаются пробужденіе духовнаго сознательнаго интереса къ Церкви и вѣрѣ, рационалистическое и испытывающее отношеніе къ догматамъ и жизни Церкви, критическое отношеніе къ дѣятельности духовенства, притомъ о д н о в р е м е н н о и въ верхахъ и внизу. Съ одной стороны интеллигенція, ранѣе безвѣрная, только плевавшая на духовенство и игнорировавшая Церковь, теперь настойчиво предъявляетъ къ ней свои религіозные запросы, порывисто берется за переоцѣнку нашихъ церковныхъ цѣнностей; съ другой стороны, просыпается религіозный критицизмъ и въ народѣ, въ лицѣ сектантскихъ массъ и рабочихъ классовъ, которые не хотятъ уже удовлетворяться дѣтскою вѣрою и млекомъ ученія, а требуютъ въ церковномъ учительствѣ пищи подтвержде духомъ разумѣнія истинъ вѣры и погуще содержаніемъ.

Государственная власть въ свою очередь вправе ожидать отъ православнаго духовенства уврачеванія немощей современнаго общества, выражающихся въ с м у т ѣ умовъ, гражданской скорби, въ какой-то тоскѣ сердца. Эту болѣзнь духа и сердца современнаго человѣка нужно лѣчить первѣе всего мѣрами духовнаго же порядка, при посредствѣ духовныхъ врачей.

Но способны-ли, подготовлены-ли наши духовные врачи — приходскіе пастыри Церкви къ выполненію этихъ великихъ задачъ, къ отвѣту на эти мудреные, сложные запросы нашего смутнаго времени — къ уврачеванію немощей, къ утишенію бури смутъ и скорбей? Вотъ вопросъ. Не больно-ли само духовенство, не требуетъ-ли оно уврачеванія? Да, къ сожалѣнію, и оно больно, и именно у п а д к о м ъ д у х а, — духа бодрости, энергіи, инициативы, увѣренности въ своихъ силахъ и упованіяхъ на одолѣніе враговъ Церкви и порядка намъ говорятъ. Намъ говорятъ: врачу, исцѣлился самъ!

„Упадокъ духа, рабье самоуничиженіе“ всегда характеризуютъ безличіе, безволіе, многострадальную запуганность человѣка. — Этотъ традиціонный недугъ и доселѣ еще въ извѣстной мѣрѣ

Высокопреосвященный Флавіанъ, митрополитъ Кіев-
скій и Галицкій.

живетъ въ нашемъ духовенствѣ,—его унаслѣдовать «попъ», вмѣстѣ съ мужикомъ, отъ временъ крѣпостничества. Поддерживается этотъ недугъ гнетомъ многихъ атмосферъ, подъ давленіемъ которыхъ живетъ и дѣйствуетъ приходское духовенство. Тутъ сказывается и семинарское рутинное воспитаніе,—мало слѣдящее за ростомъ духа воспитанниковъ. Тутъ—тяжкія условія одинокой, разобщенной въ товариществѣ сослуживцевъ, отрѣшенной отъ культурной среды и свѣта,—жизни настыря въ сельской трущобѣ, среди густого мрака народнаго невѣжества и интеллигентной ненависти, тутъ и матеріальная зависимость въ насущномъ кускѣ хлѣба отъ всякаго міроѣда и кулака, тутъ и благотворительное „усмотрѣніе“ и консисторское судоустройство, и отжившая духовная слѣдственная волокита. Словомъ много, много давнихъ причинъ „упадка духа въ духовенствѣ“, и съ уврачеваніемъ этого недуга давно пора считаться, если хотять, чтобы духовенство было на высотѣ своего призванія, чтобы оно было живо и бодро въ своей слишкомъ сложной и многотрудной настырской дѣятельности.

Исцѣлить духовенство, поднять его духъ, самочувствіе, влить бодрость, энергію, дать инициативу только и могутъ одни владыки наши, архинастыри—отцы, ибо ихъ власть, сила и авторитетъ, повторяемъ, такъ высоки и велики, что имъ легко приподнять упавшій духъ, приободрить рядовое духовенство, какъ своимъ личнымъ вдохновляющимъ, бодрящимъ отношеніемъ къ сопастырямъ, такъ и требованіемъ достойныхъ отношеній къ духовенству отъ гражданскихъ чиновъ и членовъ своей паствы. Духовенство наше гораздо болѣе инославнаго даровито, чутко и отзывчиво къ голосу своихъ архинастырей, оно скоро пойметъ современное положеніе дѣлъ и бодро пойдетъ, по отеческому глаголу любви своихъ архинастырей, на встрѣчу современнымъ духовнымъ нуждамъ, подтянется и подбодрится.

Опять таки изъ личныхъ воспоминаній знаемъ, что значить для сельскаго захоластнаго, одичавшаго іерея не только посидѣть на владычномъ креслѣ и побесѣдовать, но даже постоять только у порога, посмотреть на своего владыку—отца, промолвить хотя бы нѣсколько словъ, принять благословеніе и выслушать его наставленіе.

Слова владыки, жесты, малѣйшіе штрихи отпечатлѣваются, какъ на воскѣ, на сердцѣ простого добраго настыря, и онъ хранитъ счастливыя впечатлѣнія долго-долго, пока снова, чрезъ много лѣтъ, не узритъ благостнаго владыку.

Всякое дѣйствіе, резолюція и распоряженіе своего архипастыря сельскимъ духовенствомъ пережевываются, комментируются, какъ нѣчто не отъ міра сего исходящее. И слава Богу, что такъ. Это показываетъ, что въ духовенствѣ сохранилась дѣйственная почва для архипастырскаго воздѣйствія и руководительства пастырями, что неприкосновенна въ духовенствѣ дисциплина власти, облегчающая архипастырямъ ихъ великій трудъ насенія.

„Церк. Вѣстн.“ въ своемъ новогоднемъ № отмѣтилъ, какъ нѣкій залогъ новогодняго счастья для нашего духовенства, цѣлый рядъ сообщений объ отеческихъ отношеніяхъ къ сельскимъ пастырямъ епархіальныхъ преосвященныхъ, во время обзора церквей, напоминающихъ собою ту задумчивость и простоту, которыя были обычны въ христіанской Церкви, хранятся, благодареніе Богу, и у насъ, не затерялись въ мусорѣ давящаго, мертвящаго чиновничьяго бюрократизма, такъ стремящагося проникнуть въ нѣдра власти духовной.

Плѣнительный образецъ такой именно отеческой бодрящей простоты и доброты, любви и правды въ своихъ отношеніяхъ къ сопастырямъ и пасомымъ являетъ новый кievскій первосвятитель. „Пожалуйте, милости просимъ, садитесь, рассказывайте, что добраго у васъ“. Вотъ обычный пріемъ и привѣтъ у новаго архипастыря въ отношеніи духовенства, для котораго двери покоевъ открыты во весь день и вечеръ.

Особенно ощутительно должна отзываться перемяна епархіальнаго архіерея на дѣлахъ мѣстной миссіи. Не имѣя въ высшемъ церковномъ управленіи отдѣльнаго распорядительнаго центра, епархіальные миссіи и миссіонеры всецѣло находятся въ вѣдѣніи и власти епархіальныхъ архіереевъ и отъ ихъ взглядовъ и отношеній всецѣло зависитъ строй, ходъ и успѣхъ миссіонерскаго дѣла, благополучіе и служебное бытіе безправныхъ дѣятелей миссіи. Такое высокое и рѣдкое назначеніе, какъ митрополита—члена Св. Синода имѣетъ значеніе для миссіи не мѣстное только, епархіальное, но и общемиссіонерское.

Вотъ почему настоящее назначеніе на митрополичью кафедру составляетъ событіе, слишкомъ важное въ исторіи внутренней миссіи, чтобы на него не отозваться нашему миссіонерскому органу. И мы долгомъ считаемъ засвидѣтельствовать по поводу настоящаго событія чувства искренней радости дѣятелей миссіи

и свѣтлыхъ ихъ унованій на новаго іерарха, какъ *отца миссіи* и архистратига воинствующихъ мечемъ слова Божія.

Посвятивъ лучшіе годы своего служенія въ Церкви миссіонерскому подвигу на дальнемъ востокѣ, новый митрополитъ Кіевскій самъ опытно извѣдалъ, а потому близко знаетъ тяжкіе „труды и болѣзни“ дѣятелей миссіи, а равно знаетъ, какъ неизмѣримо велики нужды миссіонерскаго дѣла, далеко еще неорганизованнаго.

Живыми свидѣтелями чуткой отзывчивости, милостиво-добраго, вѣстину отеческаго отношенія высокопреосвященнаго Флавіана ко всему и всѣмъ, а наипаче же къ миссіонерству и миссіонерамъ являются Пекинъ, Грузія, Харьковъ. А нынѣ то же счастье будетъ имѣть и Кіевъ, вельми радующійся и благословляющій Господа, тако изволившаго о немъ.

Знаменательное явленіе! Рука Провидѣнія призываетъ высокопреосвященнаго Флавіана, какъ испытаннаго миссіонера, принимать архіерейскія каѳедры, преемственно ему вѣряемыя, какъ разъ въ періоды какого-то особаго остраго броженія и бурнаго возбужденія среди мѣстнаго сектантства, возлагая тѣмъ на новаго архимонашья-миссіонера тяжкое бремя—утишать бури страстей и волненій въ этомъ вѣчномъ неспокойномъ мірѣ и во взболомученномъ морѣ, какими являются всѣ наши секты. Такъ въ Варшавѣ архимонашья засталъ обостреніе среди упорствующихъ униатовъ, въ Закавказьѣ новый экзархъ, архіепископъ Флавіанъ, наслѣдовалъ бремя миссіонерскихъ заботъ, вызванныхъ толстовско-духоборческимъ движеніемъ среди закавказскаго сектантства и устроеніемъ новаго дѣла миссіи, призванной къ жизни доблестнымъ предшественникомъ его, высокопреосвященнымъ Владиміромъ. Любовь высокопреосвященнаго миссіонера въ Тифлисѣ приобрѣла для миссіи первенца среди мѣстнаго сектантства, главнаго молдавскаго начетчика Х—ва, который архимонашья же и поставленъ на дѣло служенія миссіи и нынѣ является однимъ изъ полезнѣйшихъ миссіонеровъ Закавказья.

Вступленіе высокопреосвященнаго Флавіана на Харьковскую каѳедру совершилось въ моментъ безпримѣрной въ исторіи наловской сектантской катастрофы съ разгромомъ церкви.

Въ неблагополучномъ, неспокойномъ состояніи застаеъ новый митрополитъ Кіевскій и мѣстное сектантство, дошедшее въ послѣдніе годы до необузданнаго своеволія.

Растетъ и бурлитъ малеванство, съ своимъ нервнымъ помѣшательствомъ и безумнымъ бредомъ о новомъ коммуно-анархическомъ Царствѣ Божіемъ здѣсь на землѣ. Кіевская штунда глубоко пала даже и въ своихъ-то сектантскихъ религіозно-нравственныхъ устояхъ, извѣрилась во всемъ, потеряла страхъ предъ Богомъ и закономъ, истаскалась по судамъ, исключилась воспитала и выдѣлила изъ своей среды сектантскихъ адвокатовъ, «гастролирующихъ по городамъ» съ влязуами на іереевъ и миссіонеровъ въ судахъ, каковъ, напр. Ку—въ. Присосались къ Кіевской народной штундѣ и даютъ ей иное направленіе чужеродные наросты, въ лицѣ интеллигентныхъ членовъ. въ родѣ одной полковницы, пропагандировавшей лжеученіе среди дѣтей при посредствѣ дневныхъ пріютовъ et cet.

Кіевскіе почтенные опытные дѣятели миссіи изнемогаютъ въ одинокой, неравной борьбѣ съ врагами Церкви. Кіевъ давно сдѣлался распорядительнымъ центромъ для южно - русской штунды, но въ то же время, и еще недавно, онъ былъ сосредоточнымъ миссіонерскимъ противощтундовымъ станомъ, откуда давался тонъ и направленіе относительно мѣръ борьбы съ этою гидрою, — въ Кіевѣ впервые зародилась и осуществилась счастливая мысль о мѣстныхъ миссіонерскихъ сѣздахъ духовенства, Кіевъ еще въ 1891 г. Московскимъ сѣздомъ указанъ былъ какъ мѣсто для все-россійскаго сѣзда миссіонеровъ.

Да послужить же святительское служеніе новаго кіевского первосвятителя—миссіонера на пользу миссіи и да осуществляются при его мощномъ содѣйствіи задушевные чаянія миссіонеровъ.

Сообщаемъ краткія біографическія свѣдѣнія о новомъ митрополитѣ.

Митрополитъ Флавіанъ, въ мѣрѣ Николай Городецкій, происходитъ изъ дворянъ. Онъ родился въ 1840 году; среднее образованіе получилъ въ Орловской гимназій; затѣмъ поступилъ въ Московскій Университетъ на юридическій факультетъ. Отсюда онъ, до окончанія полнаго курса, поступилъ въ 1863 году въ Московскій Симоновъ монастырь и проходилъ здѣсь монашеское послушаніе въ теченіе трехъ лѣтъ. Въ 1866 году онъ далъ монашескій обѣтъ и былъ посвященъ въ санъ іеродіакона. Въ томъ же году изъ Симонова монастыря онъ былъ перемѣщенъ въ Казанскій Спасо-Преображенскій монастырь. Въ 1868 году онъ былъ посвященъ въ санъ іеромонаха. Въ этомъ санѣ онъ проходилъ съ 1868 по 1873 годъ служеніе при таврическомъ архіерейскомъ домѣ.

Пребываніе въ Казани и Таврической епархіи было для него поприщемъ миссіонерской дѣятельности. Въ 1873 году іеромонахъ Флавіанъ отправился въ Китай и сдѣланъ былъ членомъ Пекинской православной миссіи. Черезъ шесть лѣтъ, въ 1879 году онъ былъ возведенъ въ санъ архимандрита и назначенъ начальникомъ Пекинской православной миссіи. Этотъ важный миссіонерскій постъ онъ занималъ до 1883 года, когда былъ уволенъ отъ этой должности по прошенію.

Изъ Китая архимандритъ Флавіанъ возвратился въ Петербургъ, гдѣ былъ принятъ въ число братіи Александро-Невской Лавры. Въ 1885 году хиротонисованъ и назначенъ епископомъ Аксайскимъ, викаріемъ Донской епархіи. Послѣ кратковременнаго служенія здѣсь онъ въ томъ же 1885 году былъ перемѣщенъ въ Холмско-Варшавскую епархію на викаріатство Люблинское. Въ 1891 году еп. Флавіанъ занялъ Холмско-Варшавскую кафедру послѣ высокопреосвящ. Леонтія. Скоро высокопреосвященный Флавіанъ былъ возведенъ въ санъ архіепископа.

На Варшавской кафедрѣ владыка Флавіанъ проявилъ энергичную и плодотворную дѣятельность. При немъ число храмовъ значительно увеличилось; въ Варшавѣ было открыто духовное училище; въ храмахъ Варшавы были открыты виѣ-богослужебныя соборѣдованія. Для большаго распространенія и укрѣпленія православія при немъ были открыты въ епархіи двѣ женскія обители со школами, библіотеками и пріютами для дѣтей; при Холочинскомъ монастырѣ имъ была открыта школа для подготовленія псаломщиковъ; для духовенства имъ былъ устроенъ попечительный фондъ. Духовно-учебныя заведенія пользовались особымъ вниманіемъ владыки. При немъ было капитально перестроено Холмское духовное училище и устроена церковь; перестроена была Холмская семинарія, причемъ при ней былъ устроенъ первый въ Россіи храмъ во имя св. Θεодосія Черниговскаго.

Въ 1898 году высокопреосвященный Флавіанъ былъ назначенъ экзархомъ Грузіи и награжденъ брилліантовымъ крестомъ на клобукѣ. Здѣсь владыка, между прочимъ, обратилъ вниманіе на миссію и возстановленіе древнихъ храмовъ, для чего имъ и были исходатайствованы у Св. Синода необходимыя средства.

За кратковременное служеніе владыка успѣлъ пріобрѣсти и въ Харьковской епархіи общія симпатіи.

В. М. Скворцовъ.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать разрѣшается. С.-Петербургъ, 11 Февраля 1903 года. Цензоръ Іеромонахъ *Александръ*.

Хроника.

I.

13. Миссіонерство, секты и расколъ.—Объ отиѣткахъ вѣроисповѣданія въ паспортахъ штундистовъ.—Какъ относятся раскольники къ церковно-приходскимъ школамъ.—Въ современномъ расколѣ: перемиріе Швецова съ Механиковамъ.—Дѣйствія противораскольничьей миссіи и возсоединеніе въ Макарьевскомъ уѣздѣ.—М. 382—394

II.

Корреспонденція «Миссіонерскаго Обзорѣнія», извѣстія и замѣтки.

14. Изъ Муромъ. Судебный процессъ надъ штундистами. Б. М.—Чудесное обрѣтеніе изображенія Господа и Бога нашего Ісуса Христа, начертаннаго на подлинной свящ. плащаницѣ, хранящейся въ городѣ Туринѣ. Докторъ Г. В-нъ.—Покушеніе на жизнь армянскаго патріарха. Высочайшій даръ Кіевскому Религіозно Просвѣтителному Обществу. 395—398
15. Отклики.—„Новый Путь“, его задачи и стремленія. Іер. Михаилъ. 399—405
16. Со скрималей сердца.—Флавіанъ, новоназначенный митрополитъ Кіевскій и Галицкій.—Нѣсколько мыслей объ „упадкѣ духа“ въ нашемъ духовенствѣ. В. М. Скворцовъ. 409—416

Особое приложеніе.

17. Великороссійское и малороссійское богословіе XVI и XVII вѣковъ.—Богословіе древне-русское въ отношеніи къ древнему и къ современной ему жизни.—Древне-русское богословіе и монашество.—Богословы Кіевскіе.—Религія и богословіе латинянъ. Іер. Тарасій. 17—32

Редакторъ-издатель В. М. Скворцовъ.

При этой книжкѣ журнала разсылается брошюра „Что мя біеши. Свящ. І. Орлова.“

Подписка на „Миссіонерское Обзорѣніе сего 1903 г. требованія на журналъ прежнихъ лѣтъ принимаются.

Миссіонерскій Спутникъ. будетъ разосланъ подписавшимся на это изданіе къ 1 марта.

Адресъ редакціи — Невскій, 153.

„Миссіонерское Обозрѣніе“ посвящено всестороннему изслѣдованію и обличенію лжевѣрія русскаго сектантства и раскола во всѣхъ ихъ толкахъ, а затѣмъ выясненію и опроверженію господствующаго въ извѣстной части современнаго интеллигентнаго общества религіознаго его суетумдрія.

Будучи проникнуто ревностною и убѣжденною вѣрою въ правду своего дѣла, высоко держа знамя св. родного православія, „Миссіонерское Обозрѣніе“ въ борьбѣ съ религіозными лжеученіями, господствующими какъ въ народѣ, такъ и въ обществѣ, исполнено истинно-христіанской терпимости и той любви къ заблудшимъ, которая „долготерпѣть, не превозносится, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла, сорадуется истинѣ, надѣется, все переноситъ“. (Кор. 13, 4 --7.).

Въ 1903 году, за подписную плату въ 6 р., Редакція даетъ своимъ подписчикамъ:

I. 20 книжекъ журнала, издавая въ теченіе 8 мѣсяцевъ (1-го и 15-го числа) по 2 выпуска въ объемѣ 5 8 и болѣе печатныхъ листовъ, въ 4-же мѣсяца (въ апрѣлѣ—по случаю пасхальныхъ каникулъ и въ лѣтнія вакаціи іюнь—августъ) по 1 книжкѣ, въ двойномъ объемѣ, въ 10—15 л.

II. 6 выпусковъ (двухмѣсячники) проповѣдей „Мисс. Обозрѣнія“.

III. 12 выпусковъ изданій „Народно-миссіонерской Библіотечки“.

IV. Въ 1903 году въ качествѣ бесплатнаго приложенія Редакція даетъ:

1) Отповѣдь Миссіонер. Обозр. на отвѣтъ Св. Синоду гр. Л. Н. Толстого заключающую въ себѣ сборникъ статей по обличенію толстовства, вмѣстѣ съ подлиннымъ отвѣтомъ гр. Толстого Св. Синоду.

2) Секты русской церкви (1003—1897), по ихъ происхожденію и внутренней связи изложенныя *проф. д-ромъ богосл. Іоанномъ Герингомъ*. Переводъ съ нѣмецкаго проф. Харьков. Университета, *прот. Т. Буткевича*.

Новое повременное изданіе редакціи „Миссіонерское Обозрѣніе“.

СОВРЕМЕННЫЙ РАСКОЛЪ

Сборникъ статей по расколу старообрядчества и по обличенію его заблужденій.

Первый выпускъ выйдетъ 15 марта.

Подписчики „Мисс. Обозр.“ платятъ половину цѣны, назначенной книжкѣ отдѣльно.

Оставшіяся отъ розничной продажи книжки журнала и приложеній „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ отъ прежнихъ годовъ его изданія назначены конторой къ продажѣ по 10 коп. (вмѣсто 50 коп.) за каждую книжку, имѣющую отъ 10—15 печатныхъ листовъ или до 200 стран. въ каждой книжкѣ.

Приложенія къ журналу въ полномъ комплектѣ за 1898 г. и за 1899 г. продаются по 50 коп. за полный экземпляръ (4 кн. до 60 печатныхъ листовъ).

Полные комплекты журналовъ съ приложеніями имѣются за всѣ годы, кромѣ 1897 г. и 1900 гг.—продаются по 4 руб., при выпискѣ за 4 года уступаются за 14 руб. безъ пересылки. Журналъ изданія 1902 г. по 5 руб. за комплектъ.

1903 г. Февраль. годъ VIII.

МИССИОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ДВУХНЕДѢЛЬНЫЙ
ПОЛЕМИКО-АПОЛОГЕТИЧЕСКІЙ
ЖУРНАЛЪ.

№ 4.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографъ Э. Л. Пороховщиковой, Бассейная, 3 - 5.
1903.

Содержаніе второй февральской книжки

журнала «Миссіонерское Обозрѣніе» за 1903 годъ.

1. Крайности религіозно-декадентскаго символизма. (Мысли при чтеніи сочиненія Д. С. Мережковскаго «Л. Толстой и Достоевскій» т. 2). Свящ. М. Лисицынъ 418—441
2. Психологія таинствъ. Этюдъ 3-й. Крещеніе и миропомазаніе. Іер. Михаилъ 442—449
3. Верхотурскіе бѣгуны-противостатейники. (Судебная экспертиза). Проф. Н. И. Ивановскій 450—462
4. Изъ миссіонерскихъ запросовъ. Гдѣ и какъ получаютъ благодать священства возсоединяемые съ пр. Церковію въ «сущихъ санахъ?» П. Гринякинъ. 463—467

Изъ записокъ и дневниковъ.

5. Подъ впечатлѣніемъ драмы «Воскресеніе». (Открытое письмо гр. Л. Н. Толстому). Д. Бодиско 468—478
6. Раздоръ между австрійскими лжепопами и ихъ паствами во главѣ съ уставщиками. Свящ. Е. Овсянниковъ. 478—485

Изъ миссіонерской полемики.

7. Бесѣда съ молоканами о святыхъ мощахъ Угодниковъ Божіихъ. Д. Боголюбовъ. 486—494

Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги по вопросамъ вѣры и миссіи Церкви.

8. Изъ духовной журналистики за 1902 г. Свящ. М. Лисицынъ. — «Міровая драма» Свѣтозара Радовановича. Н. Булчиковъ. — А. И. Шостынь. Зачѣмъ блуждать? А. Григорьевъ. 495—506

Крайности религиозно-декадентского символизма.

(Мысли при чтении сочинения Д. С. Мережковского „Л. Толстой и Достоевский“ т. II).

Во второмъ томѣ своего сочиненія «Л. Толстой и Достоевскій» Д. С. Мережковскій очень ясно раскрываетъ основную мысль не только этого сочиненія, но и своего религиозно - философскаго „credo“ вообще. Эта мысль—о томъ, что есть два совершенно равноправныхъ, одинаковыхъ пути къ Богу:—путь духа и путь плоти; что до сихъ поръ Церковь, «историческое христіанство», осуществляла и считала истиннымъ только одинъ первый путь, путь аскетизма и умерщвленія плоти: что вторая сторона (плоть) была въ совершенномъ пренебреженіи, считалась мерзкою, несвятою, грѣховною. Для выясненія даннаго вопроса Мережковскій прибѣгаетъ къ помощи символизма, параллелямъ, сопоставленіямъ литературнымъ и философскимъ и изъ нихъ хочетъ почерпнуть оправданіе для основной своей мысли. Такой приѣмъ даетъ возможность автору иной разъ дѣлать удивительныя откровенія, но за то нерѣдко увлеченіе символической ведетъ его къ односторонности и крайнимъ выводамъ. Въ настоящемъ критическомъ очеркѣ невозможно, конечно, дать обстоятельный разборъ компактнаго тома, въ 530 стр., и мы имѣемъ въ виду лишь отмѣтить какъ выдающіяся, по углубленію въ христіанское ученіе, мѣста книги, такъ указать и на крайности символизма М—каго. Методъ, избранный М—кимъ, имѣетъ свои несомнѣнныя преимущества предъ позитивно-философскимъ, господствующимъ въ современной научной и религиозно-философской мысли, но вопросы, поднятые нашимъ авторомъ таковы, что безъ свѣточа церковнаго, путемъ однихъ символическихъ параллелей, они не поддадутся основательному анализу. При такомъ методѣ, не руководяшемся преданіемъ Церкви, легко впасть или въ крайность, или приписать Церкви то, чему она не учитъ, или дать неправильное освѣщеніе фактамъ. Недаромъ Церковью еще въ древ-

ности были осуждены крайности александрійской созерцательно-мистической школы. Мы постараемся показать то доброе, что есть въ книгѣ М—каго, а также отмѣтить и крайности его символизма который, по своей родословной, можетъ быть названъ «религіозно-дескадентскимъ».

Въ предисловіи Мережковскій высказываетъ, между прочимъ, положеніе (стр. XXV), что «историческое христіанство усилило одинъ изъ двухъ мистическихъ полюсовъ святости въ ущербъ другому—именно полюсъ отрицательный въ ущербъ положительному—святость духа въ ущербъ святости плоти; духъ былъ понять, не какъ нѣчто полярно-противоположное плоти, и слѣдовательно, все-таки утверждающее, а какъ нѣчто совершенно отрицающее плоть, какъ безплотное. Безплотное и есть для историческаго христіанства духовное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, «чистое», «доброе», «святое», «божеское», а плотское—«нечистое», «злое», «грѣшное», «дьявольское». Получилось безконечное раздвоеніе, безвыходное противорѣчіе между плотью и духомъ, то самое, отъ котораго погибъ и до-христіанскій міръ, съ тою лишь разницей, что тамъ, въ язычествѣ, религія пыталась выйти изъ этого противорѣчія утвержденіемъ плоти въ ущербъ духу, а здѣсь—въ христіанствѣ, наоборотъ,—утвержденіемъ духа въ ущербъ плоти». Но если бы Церковь держалась того взгляда, какой приписываетъ ей Д. С. Мережковскій, то, думается намъ, она не могла бы, не входя въ логическое противорѣчіе съ собою, имѣть ученіе о духѣ злобы, діаволѣ. Не все «безплотное», по мнѣнію Церкви, какъ склоненъ приписывать ей это Мережковскій, есть «чистое, доброе, святое». Нѣтъ, есть плотское и святое, но есть и безплотное нечистое, недоброе и грѣшное. Церковь не содержитъ той крайности, какая заключалась въ язычествѣ, и не стремится примирить одною изъ крайностей представляющуюся Мережковскому противорѣчивую дилемму. Церковь относительно умерщвленія плоти именно такъ и учить, какъ говоритъ далѣе Д. С. Мережковскій на стр. XXVI, что умерщвленіе плоти есть только средство, и то—индивидуальное, годное не для всѣхъ и всякаго, средство, имѣющее свою конечную цѣлью «очищеніе, просвѣтленіе и, наконецъ, воскресеніе плоти», добавимъ,—въ жизни будущаго вѣка. Такой же крайній взглядъ Мережковскій приписываетъ Церкви и далѣе. Церковь будто

бы, говорить онъ, только на словахъ принимаетъ ученіе о св. плоти, а не на дѣлѣ. Въ дѣйствительности же Церковь утверждаетъ будто бы, что «плоть никогда не можетъ быть и не будетъ святою. На словахъ принимаемъ и благословляемъ, на дѣлѣ проклінаемъ плотъ, боимся, стыдимся, ненавидимъ, умерщвляемъ и не воскрешаемъ ея. Вся живая реальная плотъ европейскаго человѣчества—вся его культура, искусство, наука, общественность—остается не святою, или не христіанскою» (стр. XXIX). Относительно этихъ строкъ нужно сказать, что онѣ заключаютъ вѣрныя мысли, только въ приложеніи не ко всему христіанству и не ко всей Церкви, а лишь, можетъ быть, къ отдѣльнымъ лицамъ, или періодамъ жизни церковной. Что же касается культуры, искусства, науки, то Церковь отрицаетъ въ нихъ только антихристіанскій, или антицерковный элементъ. Не можетъ Церковь благословлять и соглашаться съ тою наукою, которая учитъ, что міръ произошелъ самъ собою, что человѣкъ выродился изъ обезьяны, не можетъ она освящать и то искусство, въ которомъ есть порнографическій элементъ и культуру, которая давитъ слабыхъ и даетъ еще болѣе могущества и безъ того сильнымъ людямъ. Но Церковь и христіанство признаютъ и Рафаэля и Моцарта. Наша Русская Церковь не составляетъ здѣсь исключенія, ибо вліяніе *post-рафаэлитовъ* и въ нашей церковной живописи сильно, а царящій въ церковной музыкѣ Бортнянскій, сочиненія котораго поставлены указами Св. Синода въ образецъ, разрѣшены къ употребленію при богослуженіи, есть прямо, по стилю своей музыки, двойникъ Моцарта, Гайдна и др. «Культура, говоритъ Мережковскій, остается нехристіанскою», но кто здѣсь виноватъ: Церковь, или сама культура, не желающая быть христіанскою,—это еще вопросъ.

Недоразумѣній, подобныхъ вышеуказаннымъ, въ книгѣ Мережковскаго очень много. Какъ, напримѣръ, посмотрѣть на эту фразу: «начало непотрясаемой, каменной крѣпости, твердости, стойкости преданія и есть по преимуществу начало Церкви западной» (стр. XL). когда всякій, даже поверхностно знакомый съ исторіей этой Церкви, знаетъ, что именно противоположное начало есть принципъ Церкви западной, допустившей у себя много отступленій отъ первоначальнаго преданія и оправдывающей ихъ принципомъ развитія тѣхъ идей, которыя *implicite* были даны въ первоначальномъ преданіи. А что

за умствование у автора дальше, когда онъ толкуетъ слова Іисуса Христа: «истинно, истинно говорю тебѣ: когда ты былъ молодъ, то препоясывался самъ и ходилъ, куда хотѣлъ; а когда состаришься, то прострешь руки твои и другой препояшетъ тебя и поведетъ, куда не хочешь», гдѣ подъ другимъ Мережковский хочетъ видѣть антихриста. Онъ говоритъ: «Что это значитъ? Не есть ли это то самое, о чемъ говоритъ «Великій Инквизиторъ» Достоевскаго: «мы не съ Тобой, а съ нимъ, т. е. съ дьяволомъ, съ антихристомъ» (стр. XLII). Мало ли до какихъ сопоставленій и выводовъ можетъ дойти мысль, опирающаяся на одинъ только символизмъ, скажемъ мы. Изъ исторіи Церкви извѣстно, до какихъ крайностей доходило умозрѣніе александрійской школы, но эти крайности Церковью не были приняты. Къ тому же здѣсь нѣтъ и надобности въ такомъ символизмѣ. Мережковский, въ порывѣ символическихъ толкованій, совсѣмъ забылъ ¹⁾, что дальше есть и прямое толкованіе этихъ словъ. Какъ бы предвидя возможность толкованія Мережковскаго *et tutti quanti*, истинное толкованіе рѣчи Іисуса Христа къ апостолу Петру предложилъ самъ апостоль Іоаннъ. Онъ говоритъ: «Сказалъ же это, давая разумѣть, какою смертію Петръ прославить Бога» (ст. 19, гл. XXI Ев. Іоанна). Такое символическое толкованіе, какое даетъ словамъ Іисуса Христа Мережковский, слишкомъ, какъ видимъ, удаляетъ насъ отъ истины и, стань мы на точку зрѣнія одного символизма, простору произвольнаго толкованія конца не будетъ. Прочитавши эти и другія строки Мережковскаго, хочется снова напомнить указанное и Гоголемъ лучшее средство, лучшій для современнаго интеллигента путь къ религіозной истинѣ—это Церковь. Пусть онъ войдетъ въ нее посредствомъ послушанія, которое есть великая сила, уничтожающая и разрѣшающая вопросы и сомнѣнія. Это начало любовнаго и свободнаго послушанія. Недаромъ такую силу имѣетъ старчество; недаромъ такъ возвышенъ образъ старца Зосимы у Достоевскаго. Исканіе же истины путемъ однихъ только смѣлыхъ

¹⁾ Какъ все равно онъ забылъ на стр. XLIII, что изреченіе — «гдѣ двое, или трое собраны во имя Мое» находится не у ап. Іоанна, а у Матвея и эту идею (соборности) нѣтъ никакихъ основаній приписывать Іоанну, когда говоритъ о ней другой Апостоль

символических сопоставлений, путем даже натяжекъ въ цитированіи текстовъ, едвали цѣлесообразно. Вся стр. XLIV есть рядъ такихъ сопоставленій (напр. «Петръ—камень, и въ Церкви Петра—неподвижная каменность» ¹⁾)... «Іоаннъ—«сынъ Громовъ», и самъ онъ весь, какъ стремящійся громъ»...) «Церковь восточная все еще остается безыменной, бездѣйственной во всемірной исторіи, колебалась только въ отклоненіяхъ своихъ между Петромъ и Павломъ... Но время близко;б у д у щ а я (знаменательно!) Церковь Западно-Восточная ²⁾ обрѣтеть, наконецъ, свое всемірно-историческое имя и дѣйствіе—явится, какъ Церковь Іоанна, рядомъ съ Церковью Петра и Павла;—тогда то кончится отступленіе Петра и Петръ соединится съ Іоанномъ и примиритъ Іоаннъ Петра съ Павломъ... И въ этомъ окончательномъ соединеніи Церковей трехъ верховныхъ апостоловъ—Петра, Павла и Іоанна—во единую, соборную и апостольскую, уже дѣйствительно вселенскую Церковь святой Софіи, Премудрости Божіей, коей глава и первосвященникъ Самъ Христосъ, совершатся послѣднія судьбы христіанскаго міра. Такъ ли я разумѣю, или не такъ?»—спрашиваетъ Мережковский. «Пусть научатъ меня и наставятъ: я спрашиваю». Сопоставленія въ общемъ, можно сказать, смѣлыя и замѣчательныя... это даже можно бы счесть и не умозаключеніемъ, а пророчествомъ, если бы ранѣе нашего автора не мудрствовали въ томъ же духѣ нѣкоторые изъ протестантскихъ богослововъ.

Проф. моск. унив. прот. А. М. Иванцовъ-Платоновъ въ кн. своей «О зап. вѣроисповѣд.» изд. 3-е Москва 1894 г. на стр. 163 говорить слѣдующее:

«Неудовлетворительность западнаго церковно-религіознаго строя, односторонности католичества и протестантства пробуждаютъ во многихъ протестантскихъ богословахъ надежды и мечтанія на основаніе

¹⁾ Мы, однако, указывали уже, насколько это примѣнимо къ Церкви западной.

²⁾ Неоднократно и въ рел.-фил. собраніяхъ Д. С. Мережковский заявлялъ, что «историческое христіанство» не поняло и не осуществило ученія Христа. «Мы, говорилъ приблизительно онъ, оснужемъ Церковь и покажемъ міру Христа». Вѣроятно, эта завѣтная мечта съ мыслью о соединеніи Церковей сквозитъ у Мережковского и въ данномъ мѣстѣ.

въ будущемъ болѣе истинной и полной, болѣе согласной съ христіанскими идеалами церкви, которую они такъ и называютъ церковью будущаго,—церковью, которая ближе должна подойти къ духу ап. Іоанна, чѣмъ церковь, держащаяся за авторитетъ ап. Петра, каковою представляется католичество, или церковь, развивающая преимущественно идеи ап. Павла, какъ представляютъ себѣ протестанты собственное протестантское исповѣданіе. Эта церковь будущаго, по ихъ мечтаніямъ, должна соединить въ себѣ начала авторитета и свободы, твердость преданія и научнаго изслѣдованія, возвышеннаго идеализма и практическаго разума, горячей ревности объ истинѣ и духа терпимости и любви. Конечно, въ этихъ мечтаніяхъ, замѣчаетъ проф. Ив.-Пл., высказывавшихся по временамъ у лучшихъ протестантскихъ богослововъ и церковныхъ историковъ, много есть шаткаго и неопредѣленнаго. Здѣсь упускается изъ виду то, что нѣтъ нужды задаваться мечтаніями о церкви будущаго, когда Ис. Христомъ устроена истинная Церковь единая и святая на всѣ времена до скончанія вѣка (Мѡ. XVI, 18; Еф. III, 20; Мѡ. XXVIII, 20) и что для Церкви, какъ зданія Божія, основанія иного никто не можетъ положить, кромѣ положеннаго, которое есть Іисусъ Христосъ (1 Кор. III, 11).—Здѣсь не обращается вниманія и на то, что тѣ идеальныя начала и свойства, которыми эти мыслители надѣляются въ своихъ представленіяхъ чаемую ими церковь будущаго, осуществлялись и осуществляются въ ученіи и строѣ вѣчно пребывающей Церкви (если понимать ихъ правильно, независимо отъ временныхъ проявленій, всегда болѣе или менѣе возможныхъ при несовершенствахъ земного порядка вещей»).

Но такъ ли все это исполнится, какъ пророчествуетъ Мережковский, отвѣтить на вопросъ невозможно, какъ невозможно рѣшить вопросъ, будетъ ли нашествіе китайцевъ на западъ, или западная культура побѣдитъ Китай, или мы соединимся съ Китаемъ, побѣдимъ западъ и соединимся въ новой, синтезированной изъ элементовъ запада и востока, единой, человѣческой культурѣ. Можно только сказать на вопросъ Мережковскаго, что, кромѣ нѣкоторыхъ протестантскихъ богослововъ, ни наша восточная Церковь, ни западная никогда не дѣлали такого рѣзкаго раздѣленія между апостолами и ихъ ученіемъ, какое дѣлаетъ онъ.

Обосновавши по-своему указанное положеніе, Мережковскій переходитъ къ Толстому и здѣсь снова раздѣляетъ его (стр. XLVI—VII) на два существа, какъ это онъ дѣлалъ и раньше въ I т.,—на Толстого безсознательнаго (язычника—Ярошку) и Толстого мыслителя (старца Акима), и этой раздвоенностью личности Толстого стремится оправдать его отступленіе отъ христіанства. Но такое раздѣленіе Толстого не будетъ ли больше плодомъ остроумія, чѣмъ дѣйствительности и не дѣлается ли оно только ради попытки оправдать, такъ или иначе, заблужденіе гр. Л. Н. Толстого? Это, повидимому, подтверждается дальше. Помимо увѣренія (стр. XLVIII), что «утверждать, будто подлинный гр. Л. Н. Толстой, великій писатель земли русской, не вѣрить въ «живого Бога», было бы слѣпою и вопіющею несправедливостью», Мережковскій еще хочетъ доказать ту мысль, что будто бы въ отпаденіи Толстого даже не было злой воли (стр. LI). Мережковскій склоняется къ тому, что отпаденіе Толстого было безсознательнымъ, что это «первородный грѣхъ русскаго «либерализма», до сей поры еще неискупленный грѣхъ всего поколѣнія русскихъ 60-хъ годовъ, —отрицаніе не какъ плодъ жизни, а какъ плодъ отсутствія всякой мысли о Богѣ, какъ школьническое удалство и шалость» (стр. 148). Хотя Толстой принадлежитъ къ тому же поколѣнію шестидесятниковъ, но врядъ-ли къ нему можно всецѣло приложить то, что высказалъ на стр. 148 Мережковскій. Трудно вѣрить, чтобы Толстой, великій писатель земли русской, шутилъ съ христіанствомъ и Церковью и за свою шалость и школьническую выходку былъ отлученъ отъ Церкви. Много говорилось, начиная съ графини Софьи Андреевны, и о жестокости отлученія, но Мережковскій на стр. LIII совершенно вѣрно отмѣчаетъ центръ тяжести опредѣленія Св. Синода о Толстомъ въ молитвѣ о немъ—«Молимся, милосердый Господи, не хотая смерти грѣшныхъ, услыши и помилуй и обрати его ко святой Твоей Церкви»,—что почти совершенно было игнорировано нашимъ образованнымъ обществомъ и, если возникало много споровъ и разговоровъ объ отлученіи, то совершенно опускалась изъ вниманія эта заключительная фраза опредѣленія. Между тѣмъ Мережковскій указываетъ и важную вину Л. Толстого, каковая, впрочемъ, лежитъ и на всѣхъ еретичествующихъ, удаляющихся отъ Церкви и пер-

ковнаго послушанія, т. е., что онъ одинъ сказалъ всей Церкви: «вы во лжи, а я въ истинѣ». Это, какъ замѣчаетъ справедливо Д. С. Мережковский, «самое жестокое слово, какое можетъ сказать одинъ человѣкъ другому» (стр. 231). Такое же жестокое слово сказала и западная Церковь Церкви восточной при своемъ отдѣленіи.

Далѣе, Мережковский очень вѣрно отмѣчаетъ ¹⁾ неправду Толстого, желавшаго постигнуть религіозную истину только одною стороною человѣческой души—умомъ, но не сердцемъ, а потому въ народной религіи, преданіяхъ видящаго только одно «вранье» (стр. 237). «Л. Толстой въ народной религіи только знаетъ и не любитъ», говоритъ Мережковский. Очень глубоко объясняетъ эту сторону въ религіи и сторону символическую Ф. М. Достоевскій, а съ нимъ согласенъ и нашъ авторъ. «Въ религіи, говоритъ Мережковский, нѣтъ ни безусловной истины, ни безусловной лжи, а есть только болѣе или менѣе сознательно условные, и чѣмъ болѣе сознательные, тѣмъ болѣе совершенные знаки, знаменья, символы, которые Толстой отрицаетъ въ самой ихъ сущности» (стр. 238). Толстой смотритъ на религіозную истину, какъ на что-то «исключительно духовное, безкровное и безплотное, освобожденное отъ всѣхъ легендъ, обрядовъ, таинствъ и догматовъ». Но если ложенъ взглядъ Толстого, то нельзя вполне согласиться, съ точки зрѣнія Церкви, и съ Достоевскимъ и Мережковскимъ, ибо въ таинствахъ, напр., Церковь видитъ не одни знаки, или символы, воплощающіе извѣстную мысль (духъ вещи), но и самую суть вещи, самую дѣйствительность, ея плоть (въ Церкви и здѣсь нѣтъ отрицанія плоти и односторонняго уклоненія только въ сторону духа, какъ то полагаетъ

¹⁾ Чтобы не вдаваться въ слишкомъ большія подробности, укажемъ здѣсь на другія замѣчательныя мѣста и мысли книги—это на страницу о самодержавіи (LVI), о разницѣ между христіанствомъ и буддизмомъ (стр. 72), о свободѣ Христовой (стр. 164—171), о важности не одного только нравственнаго, но и догматическаго ученія, о метафизикѣ и мистикѣ религіи (стр. 239—241), замѣчательный синтезъ между Власомъ и Зосимомъ, изъясненіе народнаго понятія о Богородицѣ, высказаннаго Достоевскимъ и, вѣроятно, заимствованнаго (ибо оно тамъ есть) изъ поученій „о матерномъ словѣ“, расходящихся въ народѣ въ листкахъ.

Мережковский). Протестантскія секты, особенно реформаты, признають, напр., въ евхаристическомъ хлѣбѣ и винѣ только лишь символы и знаки, но Церковь всегда видитъ здѣсь не одинъ только символъ, но и самую вещь въ ея сущности, т. е. истинное Тѣло и Кровь Христову.

Вполнѣ вѣрно далѣе (стр. 249) Мережковский характеризуетъ христіанство Л. Толстого и Фр. Нитцше, какъ стремленіе къ чему-то срединному («горы уравнивать» — Петръ Верховенскій у Достоевскаго), и вѣрно опредѣляетъ, что «ученіе Христово есть не только уравненіе старыхъ, недостаточно глубокихъ долинъ, недостаточно высокихъ горъ, но и открытіе новыхъ глубочайшихъ долинъ, новыхъ высочайшихъ горъ» (стр. 251). Последнее истинно, конечно, въ смыслѣ раскрытія пониманія основныхъ уже данныхъ истинъ христіанства, но никакъ не въ смыслѣ новизны откровеній, въ чемъ, кажется, увѣренъ Мережковский. Поражая, однако, срединность Л. Толстого и Фр. Нитцше, Мережковский нападаетъ заодно и на Церковь, которая будто бы уничтожила «полярность въ ученіи Христа», т. е. наклонилась въ сторону аскетизма и умерщвленія плоти и будто бы отвергла ученіе о святости плоти, и чрезъ то мы, говоритъ онъ, уничтожили «всю живую силу ученія Христова, вырѣзали жало у мудрой змѣи, оскотили христіанство, сдѣлали его толстовскимъ, или социаль-демократическимъ, т. е. «не соленою солью». Такимъ образомъ, Мережковский, повидимому, искренно убѣжденъ, что Л. Толстой прямое порожденіе исторической Церкви, истинный сынъ ея, но тогда и отлученіе его является совершеннымъ абсурдомъ, раздѣленіемъ царства «на ся», или тѣмъ, что выражается фразой — «своя своихъ не познаша». Утвердившись въ этой мысли, Мережковский сближаетъ «историческое», какъ онъ называетъ, христіанство съ рыцарствомъ, съ немощью и бесплодностью толстовскаго Акима. «Мы повѣрили, говоритъ онъ, Л. Толстому и Нитцше — всему тысячелѣтнему аскетическому христіанству, повѣрили, что любить Бога, какъ Христосъ велѣлъ, значить не жить этою землею жизнью вообще, отречься отъ земли, возненавидѣть землю». Но если Мережковский можетъ говорить это за всю интеллигенцію («мы»), готовую идти вслѣдъ за Толстымъ, то можетъ ли онъ утверждать, что будто бы и Церковь, или, какъ онъ говоритъ, историческое христіанство

учить такъ. Говорить такъ, это значить совершенно, или намѣренно не понимать христіанскаго, церковнаго отношенія къ плоти и духу, къ аскетизму, какъ воспитанію той и другого. «Донынѣ казалось намъ, говоритъ Мережковский, что быть христіаниномъ — значить любить небо, только небо, отрекаясь отъ земли, ненавидя землю» (стр. 278; курс. нашъ). Онъ указываетъ на Зосиму Достоевскаго, проповѣдающаго любовь къ жизни, къ землѣ, цѣлованіе земли, какъ на новое откровеніе въ христіанствѣ. Но онъ забываетъ, что Достоевскій списывалъ образъ Зосимы съ живыхъ старцевъ, бывшихъ въ Церкви (Макарія, Амвросія Оптинскихъ, учениковъ Серафима Саровскаго), забываетъ, что ту же любовь къ жизни, землѣ проповѣдывали и др. аскеты, выбиравшіе мѣста для своихъ подвиговъ, большею частью, въ красивѣйшихъ уголкахъ земли. Очевидно, совершенно неправильно и односторонне толкуетъ Мережковский встрѣчающіяся у аскетовъ выраженія о ненависти къ міру, къ жизни, тѣлу и т. п. И напрасно говоритъ Мережковский, что на словахъ любимъ то и другое—и плоть и духъ, а на дѣлѣ не любимъ. Обвинять въ такой лжи все христіанство на протяженіи почти двухъ тысячелѣтій—сдвали не богохульно. Нитцше, конечно, можетъ утверждать, что «христіанство есть донынѣ самая совершенная форма смертельной ненависти ко всему реальному»; что «крестъ служить знаменемъ для самаго подземнаго заговора, который когда-либо донынѣ существовалъ — противъ здоровья, красоты, счастья, мужества, духа, доброты сердца, противъ самой жизни» (стр. 280), но Мережковскому подтверждать, что Нитцше, конечно, «не религіозно, не мистически (что это значить?), но исторически правъ», ибо «за девятнадцать вѣковъ христіанской культуры черный монашескій цвѣтъ преобладаетъ не только въ одеждѣ ¹⁾), но и въ обрядахъ, которые исполнены скорбью и страхомъ «не къ веселію сердца», по меньшей мѣрѣ странно. Откуда же выродился Достоевскій съ его Зосимой, какъ не изъ нѣдръ Церкви?

¹⁾ Нитцше еще имѣлъ основаніе указывать на это, такъ какъ трауръ проникаетъ протестантство, начиная отъ черной сутаны пастора съ бѣлымъ шарфомъ, до гроба, который тамъ всегда бываетъ обитъ чернымъ сукномъ, и кирпичи, также обтягиваемой чернымъ. Трауръ изъ протестантизма. Въ православной Церкви даже смерть окружается свѣтлымъ одѣяніемъ.

Ту же, въ сущности говоря, мысль Мережковскій раскрываетъ и далѣе въ литературныхъ примѣрахъ. Онъ беретъ для иллюстраціи раздвоенность любви у князя Мышкина («Идіотъ» Достоевскаго) къ Аглаѣ и Настасѣ Филипповнѣ. Одну онъ любитъ идеально, для нея; другую реально, для себя. «Любовь его къ Аглаѣ, говоритъ Мережковскій (стр. 309),—еще не плоть и кровь, но уже стремленіе къ плоти и крови; онъ любитъ ее не только для нея, но и для себя... Его любовь къ Настасѣ Филипповнѣ—чистѣйшимъ огнемъ пламенѣющая христіанская жалость, безконечное самопожертвованіе; онъ любитъ ее только въ духѣ, только для нея, а не для себя». Требуется выборъ. «Но онъ не можетъ сдѣлать этого выбора, безъ преступленія и безъ кощунства надъ одной изъ двухъ равныхъ святынь: покинувъ Аглаю, онъ окончательно возсталъ бы на себя, на Бога въ себѣ, умертвилъ бы свою плоть для духа, — а вѣдь онъ уже стремится не къ умерщвленію, но къ воскресенію плоти, не къ безплотной святости, а къ святой плоти;—покинувъ Настасью Филипповну, онъ умертвилъ бы душу свою, потому что вся душа его — одинъ огонь состраданія къ страдающимъ». Въ душѣ Мышкина происходитъ драма, онъ чувствуетъ себя виновнымъ, но это потому, объясняетъ Мережковскій, что «онъ лишь стремится къ плоти и крови, къ воплощенію, но не достигаетъ ихъ; всетаки остается среди живыхъ людей «отвлеченнымъ духомъ». Въ значительной мѣрѣ это вина и всего вообще односторонняго аскетическаго христіанства. Оно говоритъ: да будутъ святы плоть и кровь, — но не дѣлаетъ ихъ святыми». Таково мнѣніе Мережковскаго. Въ безотчетномъ стремленіи идіота Мышкина туда, за ту линію, гдѣ небо съ землей встречаются, Мережковскій видитъ нѣчто символическое. «Чей же это зовъ, спрашиваетъ онъ, слышитъ «Идіотъ» въ тишинѣ полдня и на который не умѣетъ отвѣтить? Не зовъ ли «воскресшаго Пана»? Не пиръ ли Плоти и Крови, не таинственная ли вечеря новаго Діониса, Который говоритъ о Себѣ: Я есмь истинная виноградная лоза, а Отецъ Мой виноградарь,—великій праздникъ, на которомъ вино претворяется въ кровь и кровь въ вино? Если Идіотъ чувствуетъ, что онъ одинъ — «преступникъ», «чужой всему и выкидышъ», если «невѣдомая вина», «великое злодѣйство» тяготѣютъ на немъ, то это, конечно, не собственная вина его: онъ только не-

сѣть «наказаніе» за чье-то «преступленіе», «язвой его» кто-то исцѣлится. Не есть ли это язва и преступленіе всего историческаго христіанства, духъ котораго все еще и донынѣ по преимуществу монашескій, безкровный и безплотный, невоплотимый, «отвлеченный духъ», — которое все еще не отвѣтило на призывный голосъ Пана, не пристало къ великому празднику Діониса, не «переступило» за ту послѣднюю черту, гдѣ небо сходится съ землею, духъ—съ плотью и кровью? Оправданіе Идіота въ томъ, что своимъ сознаніемъ онъ выше историческаго христіанства, — сознаніемъ онъ уже дѣйствительно во Христѣ: тоскуетъ о плоти и крови, стремится за черту горизонта. Но новый духъ у него въ слишкомъ старой, только умерщвленной и не воскресшей плоти, молодое вино въ ветхихъ мѣхахъ. Припадки «священной болѣзни» эта — судорожныя усилія духа его, рвущагося изъ плоти, которая хочетъ и не можетъ «измѣниться», по слову Кириллова: «человѣкъ долженъ измѣниться физически», и по слову апостола: «не всѣ мы умремъ, но всѣ измѣнимся скоро, въ мгновеніе ока». Идіотъ—это человѣкъ, пришедшій не въ брачной одеждѣ, не въ новой плоти на новый пиръ. Онъ погибнетъ до конца чужой всему, выкидышъ, полусвятой, полу-бѣсноватый, подобно противоположному близнецу своему «идіоту» Нитцше. Оба они такъ и не узнаютъ причины своей гибели — умрутъ во снѣ; мы знаемъ за нихъ, что эта причина, эта страшная тоска, которою они «мучатся глухо и нѣмо»,—тоска и боль послѣдняго раздвоенія» (стр. 313—314).

Мы нарочно привели такую большую цитату, — такъ какъ въ ней заключена одна изъ центральныхъ мыслей исповѣданія Мережковскаго—это о двухъ равнозначущихъ путяхъ къ Богу — путяхъ духа и плоти. Тотъ, кто не въ состояніи соединить эти два пути, какъ не былъ въ состояніи сдѣлать этого Идіотъ, у котораго, однако, Мережковский замѣчаетъ попытки къ этому соединенію, — погибаетъ. Мы не будемъ здѣсь ставить возраженій противъ основнаго положенія Мережковскаго о двухъ путяхъ, отмѣтимъ только новую черту, — что Мережковский хочетъ сдѣлать синтезъ между христіанствомъ и язычествомъ (Діонисъ, Панъ), сближая ученіе елевзинскихъ мистерій о плоти и крови Діониса съ евангельскимъ. Если такое сближеніе дѣлали нѣкоторые изъ древнихъ отцовъ въ цѣляхъ прибли-

женія къ пониманію переходившихъ въ христіанство образованныхъ и знакомыхъ съ мѣрами язычниковъ, то—не болѣе какъ символъ; Мережковскій же ставитъ и то и другое ученіе на равныя позиціи. Раздвоеніемъ объясняетъ Мережковскій сознаніе Идіотомъ своей преступности, что онъ не можетъ соединить двухъ путей—плоти и духа, что онъ живетъ еще идеями «историческаго христіанства» и не понимаетъ того новаго вина, которое начинаетъ бродить въ немъ. Такое раздвоеніе было извѣстно и ап. Павлу, но онъ объяснялъ его не тѣмъ, чѣмъ объясняетъ Мережковскій,—а грѣхомъ, живущимъ въ каждомъ человѣкѣ (см. посл. Римл. гл. 7, ст. 13—25). Мережковскій, какъ и большая часть современной интеллигенціи, вѣритъ, что окончательная цѣль человѣка на землѣ—въ той жизни, которая теперь существуетъ, что все несчастье человѣка заключается еще въ раздвоеніи, сознаваемомъ людьми, раздвоеніи, которое тотчасъ уничтожится, какъ только человѣкъ пройдетъ до послѣднихъ предѣловъ пути плоти, или пути духа (оба пути ведутъ къ одинаковой цѣли и въ концѣ концовъ сходятся въ одной точкѣ), какъ только человѣкъ перейдетъ «за ту послѣднюю черту, гдѣ небо сходится съ землею, духъ—съ плотью и кровью», какъ только будутъ постигнуты человѣкомъ бездны плоти и бездны духа. Какъ только люди достигнутъ этого предѣла, тотчасъ произойдетъ физическое перерожденіе человѣка. Объ этомъ говоритъ Кирилловъ у Достоевскаго («Бѣсы»), объ этомъ, по Мережковскому, говоритъ и ап. Павелъ въ словахъ: «не всѣ мы умремъ, но всѣ измѣнимся скоро, въ мгновеніе ока». (Отчего бы не подписать Мережковскому и послѣдующія слова Апостола: «въ послѣдней трубѣ, вострубитъ бо и мертвые востанутъ нетлѣнными и мы измѣнимся» — тогда было бы яснѣе, что Кирилловъ и ап. Павелъ говорятъ не совсѣмъ объ одномъ и томъ же). «Историческое», какъ называетъ Мережковскій, христіанство, а мы скажемъ вѣчная Церковь, основанная Христомъ и которую, по Его словамъ, не одолѣютъ силы ада, эта вѣчная Церковь слова Апостола объ измѣненіи относитъ къ послѣднему моменту существованія міра, Достоевскій же говоритъ, собственно, что человѣкъ, не перемѣнившись физически, не можетъ въ этой жизни знать тайну жизни духа отдѣльно отъ тѣла. Когда онъ говоритъ о блаженствѣ, испытываемомъ имъ въ минуту припадковъ, то замѣчаетъ, что это продолжается всего нѣсколько

секундъ, больше человекъ не можетъ перенести, не переродившись физически, онъ долженъ умереть. О томъ же знаетъ и Церковь, что при условіяхъ настоящаго существованія синтеза духа и плоти въ въ ихъ крайнихъ глубинахъ не можетъ быть ¹⁾. Этотъ синтезъ произойдетъ въ жизни «будущаго вѣка», когда «будетъ Богъ всяческая во всѣхъ» (1 Кор. XV, ст. 28), плоть будетъ преображенная, святая. Напрасно думаетъ Мережковский, что Церковь, подъ вліяніемъ аскетическаго направленія, здѣсь односторонняя, что она все ученіе наклонила въ сторону духа и самую воскресшую, новую плоть она тоже дѣлаетъ духомъ. Церковь вѣруетъ, что плоть, именно плоть, воскреснетъ, но плоть преображенная, измѣненная и поэтому называется только ее духовною, по незнанію существа этой будущей плоти. Но образъ, такъ сказать, этой плоти она имѣетъ въ воскресшемъ Тѣлѣ Іисуса Христа. Тогда будетъ достигнуто предѣлъ соединенія глубинъ плоти и глубинъ духа, достигнута та черта, гдѣ небо сходится съ землею. Но понятно, что объ этомъ будущемъ, для котораго въ лексиконѣ человѣческомъ нѣтъ еще словъ, Церковь не можетъ сказать иначе, какъ образно. Мережковский, какъ и другіе интеллигенты, не можетъ мириться съ этою образностью, хочетъ проникнуть въ эту тайну, но наталкивается на естественныя трудности и, чтобы преодолѣть ихъ, низводитъ жизнь будущаго вѣка въ современныя условія жизни. Онъ хочетъ думать, какъ Нитцше, что здѣсь произойдетъ перерожденіе людей, явятся «сверхлюди», они - то и начнутъ новую эру, новую жизнь. Въ этой точкѣ и происходитъ коренная размолвка между Церковью и интеллигенціей. Церковь относитъ, напр., пророчество Исаи — «волкъ будетъ почивать съ агнцемъ» и т. д. (см. Ис. гл. 11, ст. 6) — къ новой, преображенной жизни, когда Богъ будетъ проникать Собою все (1 Кор. 15 гл. 28), когда будутъ всеми услышаны «глаголы неизреченныя», о которыхъ теперь нѣтъ возможности сообщить, ибо нѣтъ теперь для этого ни словъ, ни соотвѣствующихъ понятій («еще не открылось, что будемъ», говоритъ ап. Іоаннъ въ гл. 3, ст. 2). Интеллигенты наши хотятъ этого теперь. Но поэтому только не довѣряютъ вѣрованію Церкви и

¹⁾ Моисею Господь Богъ сказалъ: «не можетъ видѣть человекъ Лицо Мое и быть живымъ (Исх. гл. 33 ст. 20).

кореннымъ образомъ измѣнять его — нѣтъ основаній. Практическая же разница въ ученіи Мережковскаго и церковномъ получается существенная. Мережковскій своимъ ученіемъ о плоти хочетъ освятить все принадлежащее плоти, даже сладострастіе, въ которомъ онъ хочетъ видѣть лишь постиженіе глубинъ плоти, устремленіе къ святости, только путемъ противоположнымъ тому, по которому идетъ и который стремится осуществить «историческое» «христіанство», христіанство аскетизма. Это христіанство Мережковскій сближаетъ, очевидно, съ древними сектами, отрицавшими плоть и смотрѣвшими на плоть какъ на зло. Скажемъ ему, что ни современная Церковь, ни Церковь предыдущихъ вѣковъ никогда не принимала ученія этихъ сектъ и никогда не видѣла въ плоти нѣчто злое. Положимъ, Мережковскій ставитъ возраженіе, что на словахъ Церковь благословляетъ плоть, а на дѣлѣ проклинаетъ, но это — голословное обвиненіе. Чинъ христіанскаго погребенія, почитаніе св. мощей и т. п. — все свидѣтельствуетъ о почитаніи Церковью плоти, какъ храма Духа Святаго, какъ носительницы души, образа Божія. Церковь не освятитъ, конечно, сладострастія и не согласится съ Мережковскимъ, что оно ведетъ къ Богу и Духу Святому, ибо, несмотря на сходство въ крайнихъ устремленіяхъ духа и плоти къ Богу, въ послѣдней элементы грѣха сильнѣе («плоть немощна», говорилъ Господь). Впрочемъ, съ точки зрѣнія Ершкы толстовскаго, къ которой, можетъ быть, примкнетъ и Мережковскій, «ни въ чемъ грѣха нѣтъ». Его, дѣйствительно, и не будетъ, если согласиться съ Мережковскимъ, что крайнее сладострастіе плоти вполне равно высокимъ и святымъ полетамъ духа; ни въ чемъ тогда грѣха не будетъ, не нужно устанавливать тогда никакихъ принциповъ нравственности. Но почему же тогда вся біблія ветхаго завіта и новаго въ словахъ Іисуса Христа и апостоловъ говорить о грѣхѣ? Мережковскій этого не выясняетъ. Правда, онъ повидимому ставитъ условіемъ святости для крайнихъ устремленій плоти, если они происходятъ не изъ себялюбія, а для Бога и ближняго, но эта мысль осталась неразвитою и необоснованною. Не указавъ, въ концѣ концовъ, Мережковскій и той точки, въ которой происходитъ соединеніе крайнихъ устремленій духа и плоти, гдѣ нѣтъ уже грѣха въ плотскомъ. Всѣ литературные примѣры говорятъ лишь объ этихъ устремленіяхъ, но не о соединеніи и полной адекватности.

Доказательству этой своей основной мысли не только даннаго двухтомнаго сочиненія, но, очевидно, сущности «credo» всей своей жизни, Мережковский посвящает двѣ послѣднія главы II тома и въ нихъ стремится указать на окончательное соединеніе духовнаго и плотскаго. Здѣсь Мережковский сознаетъ, что приведенные имъ литературные примѣры еще недостаточно убѣдительны, потому что они говорятъ объ однихъ устремленіяхъ, а не о достиженіи конца пути плоти и духа. «Если бы, говоритъ Мережковский про Ставрогина, «если бы онъ это сдѣлалъ, т. е. достигъ бы предѣла этихъ двухъ путей, то увидѣлъ бы, что два пути въ концѣ соединяются, что Богочеловѣкъ и Человѣкобогъ—одно и то же». Тутъ невольно поднимается вопросъ, кого понимаетъ подъ человѣкобогомъ Мережковский, — человѣка ли, достигнуаго обожествленія въ жизни будущаго вѣка, или существо противоположное Богочеловѣку: Христу—антихристу. Намъ всегда казалось что Достоевскій въ своихъ герояхъ и ихъ стремленіяхъ (бунтъ, мятежъ ихъ плоти и духа) указывалъ на силу грѣха въ человѣкѣ. Отъ этихъ стремленій не свободенъ и Алеша, ибо и онъ еще не достигъ идеала чистоты, хотя онъ нравственно выше и чище своихъ братьевъ. Мережковский же беретъ Алешу, какъ примѣръ, доказывающій, что и путь плоти, и путь духа въ крайнихъ своихъ устремленіяхъ сходятся въ одной точкѣ. Онъ беретъ старца Зосиму и Алешу, какъ противоположность Дмитрію и Ивану Карамазовымъ, какъ противоположны начала духа и плоти, но то обстоятельство, что и у Алеши есть Карамазовское сладострастіе, и у ангела живетъ это насѣкомое (сладострастіе),—даетъ основаніе Мережковскому утверждать полярность двухъ путей и ихъ соединеніе въ крайнихъ точкахъ. Но вся эта философія можетъ покоиться только на указанной выше послыжкѣ. Разъ она невѣрна, должно рухнуть все зданіе философствующей и богословствующей мысли Мережковскаго съ ея нравственными выводами.

Невѣрность или шаткость положеній Мережковскаго сказывается уже здѣсь въ тѣхъ литературныхъ примѣрахъ, которыми онъ иллюстрируетъ свою философію. Ставрогинъ, который говорилъ, что не можетъ застрѣлиться, однако оканчиваетъ свою жизнь самоубійствомъ, это тотъ Ставрогинъ, у котораго лицо «богоподобно», въ которомъ Мережковский видитъ какъ бы одно изъ воплощеній своихъ взглядовъ,

воплощеніе, правда, неполное, не дошедшее до своего конца, потому что «въ немъ «да» и «нѣтъ», начало кажущагося Христа и начало кажущагося антихриста только «сплетены», а не «слиты» (стр. 334). По поводу самоубійства Ставрогина Мережковскій замѣчаетъ, что «тутъ одно изъ двухъ: или онъ былъ неправъ, утверждая, что для него самоубійство невозможно, или ошибся Достоевскій». Мережковскій склоняется къ послѣднему, но почему? Не потому ли, что этотъ фактъ изъ жизни Ставрогина не вяжется съ толкованіемъ тина Ставрогина, которое дѣлаетъ Мережковскій, и вообще противорѣчить основной его идеѣ? А кажется, что Ставрогинъ иначе и не могъ бы поступить, разъ самъ Мережковскій замѣчаетъ въ немъ срединность (стр. 335), которая есть и у Смердякова. Срединность это, по Мережковскому, и есть состояніе антихристіанское (также и по Откровенію, см. гл. III, ст. 16) и если Мережковскій видитъ въ Церкви («историческомъ христіанствѣ») одну срединность (стр. 393), то, очевидно, онъ видитъ въ ней и антихриста. Недаромъ онъ стремится изобразить Толстого (старца Акима) плодомъ этой срединности, чтобы показать, что отлученіе Толстого было какимъ то *qui pro quo*. По логикѣ символовъ можетъ такъ получиться, но эта логика не всегда отличается послѣдовательностью. Такое заключеніе было бы по отношенію къ Церкви большою несправедливостью. И самъ Достоевскій, и Дмитрій Карамазовъ, въ которомъ Мережковскій видитъ гораздо болѣе высокое воплощеніе своего взгляда, чѣмъ даже Ставрогинъ,—вѣдь, сыны той же Церкви, порожденіе того же «историческаго христіанства». И та молитва, которая приведена на стр. 362 — «пусть я иду за чортомъ, но я и твой сынъ, Господи» — дѣйствительно высокая молитва, передъ которою преклоняется Мережковскій, вѣдь это молитва (конечно, по ея смыслу) исторической Церкви (см. молитвы утреннія, вечернія и передъ причащеніемъ). Это не есть, однако, та полярность, которую хочетъ видѣть здѣсь Мережковскій, чтобы доказать свое любимое положеніе, что путь плоти и духа въ своемъ конечномъ соединеніи приводитъ къ одному и тому же, нѣтъ,—это скорѣе покаянная молитва Августина, говорящая о слабости и немощи, нежеланіе еще покончить съ срединностью, съ грѣхомъ и избрать себѣ владыкой и закономъ одного лишь Бога: «Спаси меня, Господи, но только еще не теперь», гово-

риль Августинъ («Любимъ Тебя, Отецъ нашъ, Который на небѣ, но дай намъ полюбить и землю Твою», говоритъ Достоевскій; любимъ, но любимъ еще болѣе словами, чѣмъ всѣмъ своимъ существомъ, чѣмъ до готовности положить жизнь свою и оstarить все ради Него).

Такой срединности Церковь никогда не принимала за идеаль, какъ не вдавалась она и въ немощную бесплодность и бесплодіе, — ту же срединность. Въ этой послѣдней Мережковскій хочетъ обвинить все «историческое христіанство», иначе говоря, всю Церковь. Признавъ такую срединность» за несомнѣнный фактъ, Мережковскій особенно рѣзко отмѣчаетъ его въ отношеніи Церкви и ея ученія къ вопросу о плоти. «Въ теченіе пятнадцати вѣковъ, вплоть до самой эпохи Возрожденія, мысль о томъ, что во Христѣ естество человѣческое столь же дѣйствительно, какъ божеское, что Онъ страдалъ и умеръ, какъ всѣ люди, вполне подчиненный законамъ человѣческой природы, — эта глубочайшая мысль христіанства оставалась, хотя и всѣми признанной, но не углубленною, не выстраданною и потому почти праздною», говоритъ Мережковскій, и дѣлѣе ополчается, какъ раньше, на «грубый аскетизмъ», «утонченную схоластику Византіи» и т. д. (стр. 410). Но неужели не выстрадана и не углублена истина плоти Христовой, когда Церковь боролась за нее, начиная съ V вѣка, и вплоть до VIII, болѣе 300 лѣтъ, когда эта борьба сломила Византійскую имперію, а о томъ, сколько принесла она и внѣшнихъ и внутреннихъ страданій отдѣльнымъ лицамъ, невозможно и рассказать? Тутъ страданій за эту идею было гораздо больше, чѣмъ за любую изъ другихъ идей, волновавшихъ человѣчество во всей его исторіи!

Но, защищая такъ горячо идею плоти, Церковь, однако, никогда не учила такъ, какъ Кирилловъ и Нитцше, т. е. о «здѣшней вѣчной жизни», а не о будущей и, конечно, не согласилась бы и съ Мережковскимъ, что «кажущееся антихристовымъ ученіе Кириллова и Нитцше, въ двухъ своихъ крайнихъ точкахъ совпадаетъ съ ученіемъ Христовымъ: а ежели совпадаютъ двѣ точки двухъ прямыхъ линій, говоритъ Мережковскій, то и сами линіи должны совпасть» (стр. 438). Параллель между Кирилловымъ, Нитцше и Христомъ Мережковскій указываетъ и дальше въ томъ страхѣ и боли, кото-

рые испытывает Кирилловъ и Нитише (стр. 449) Разница только въ томъ, что Іисусъ Христосъ, «принявъ на себя муку, выдержалъ до конца». Нитише и Кирилловъ не въ силахъ были этого сдѣлать. И въ драмѣ, выдержанной Іисусомъ Христомъ въ Геосиманіи, на которую здѣсь же указываетъ Мережковский,—драмѣ не только душевной, но и тѣлесной (плоть страдала, кровавый потъ падалъ), побѣждаетъ сила духа Христова, какъ и въ крестныхъ мукахъ побѣждаетъ страданія Его духъ и плоть.

Въ послѣдней главѣ своего изслѣдованія Мережковский иллюстрируетъ въ герояхъ Толстого ту же раздвоенность, что и въ герояхъ Достоевскаго. И здѣсь онъ видитъ тѣ же двѣ правды, какъ и тамъ, правды, которыя остаются ложью въ своей срединности, но въ крайнихъ точкахъ своего соприкосновенія онѣ дадутъ «свѣтъ». Раздвоеніе у Анны Карениной (одновременная любовь ея — плотью къ Вронскому и душою къ мужу) символъ «тайны раздвоенія — двухъ въ единомъ, которую вѣчно испытывалъ и ясновидецъ духа Достоевскій. Тутъ разными языками оба они говорятъ объ одномъ и томъ же» (стр. 459). Но какъ не была выяснена и высвѣтлена до конца правда окончательнаго соединенія крайнихъ предѣловъ плоти и духа на герояхъ Достоевскаго, такъ не выяснена до конца эта идея и на герояхъ Толстого. Тамъ были намѣчены лишь пути и здѣсь они только отгѣнены, но до конца не раскрыты, и въ концѣ концовъ вопросы и недоразумѣнія, поставленные самимъ же Мережковскимъ, остаются неразрѣшенными. Раздвоеніе въ Аннѣ Карениной развѣ выяснилъ Мережковский? Отчего же она страдаетъ отъ двойственной любви, если та и другая любовь—двѣ правды? Мережковский скажетъ, что потому, что путь еще не пройденъ до конца, до соединенія. Но гдѣ же этотъ конецъ, если все на землѣ оканчивается смертью и Анна умираетъ. Толстой и Мережковский какъ будто сходятся что-то показать здѣсь въ актѣ смерти, но что это такое — не показываютъ, да и показать этого, конечно, невозможно, ибо «не явилось еще что будемъ». И Толстой остается говорить о дырѣ Ивана Ильича, о непонятномъ междометіи «у», издаваемомъ имъ, или о послѣднемъ, предсмертномъ просвѣтленіи Анны Карениной. Въ одномъ лишь сходится Церковь съ Толстымъ—это въ послѣдней молитвѣ, которую теперь, въ концѣ своей

жизни отвергаетъ Толстой: «Боже, прости мнѣ все», говорила Анна умирая. Но что бываетъ послѣ этого, «еще не открылось, что будетъ», тайна окончательнаго соединенія не открыта и Мережковскимъ; и у него оказываются еще одни лишь слова, ибо исполненіе всего, окончательное соединеніе противоположностей—плоти и духа, «будеть Богъ все во всемъ»—воспослѣдуетъ въ жизни будущей, а реальный образъ всего этого данъ въ Богочеловѣкѣ Иисусѣ Христѣ.

Въ концѣ книги Мережковский снова повторяетъ свое прежнее обвиненіе: «старое христіанство превознесло духъ надъ плотью, оторвало и отъединило духъ отъ плоти; слово не стало въ немъ плотью, а наоборотъ — плоть стала словомъ; старое христіанство превознесло духовную половину міра и человѣка надъ плотскою, приняло только воскресеніе духа и пренебрегло воскресеніемъ плоти, не столько даже сознательно умертвило, сколько просто забыло плоть. И плоть умерла. И вмѣстѣ съ плотью умеръ духъ. Отъ живой плоти, отъ живого духа остался лишь «тлетворный духъ». Христосъ претворилъ воду въ вино и вино въ кровь, камень въ хлѣбъ ¹⁾ и хлѣбъ въ плоть. Старое христіанство обратно претворяетъ вино въ воду (а кровь?), и хлѣбъ въ камень, въ воду слезъ, въ камень догматовъ» (стр. 523). Итакъ, два тома нужно было написать, чтобы окончить рядомъ острословныхъ, но не заключающихъ въ себѣ истины, а тѣмъ болѣе рѣшенія вопроса, параллелей.

Не нужно забывать Мережковскому, да и всѣмъ интеллигентамъ, что мало все же они знаютъ Церковь, чтобы судить о ней. Они смотрятъ на Церковь издали, не живя ея жизнью, и многое имъ кажется или невѣрнымъ, или неяснымъ. Церковь во всемъ ея объемѣ и величій нельзя охватить въ одной какой-либо мысли, полнота церковная откроется, когда наступитъ этому срокъ. Идеалы и мѣра исполненія Христова имѣютъ много путей, и каждый членъ Церкви, даже каждая отдѣльная эпоха осуществляетъ эти идеалы по мѣрѣ силъ, данныхъ имъ. Несомнѣнно, что есть нѣчто, составляющее въ жизни Церкви пока догматическую формулу, что есть еще предметы вѣры и надежды, но это продолжится только до

¹⁾ Это гдѣ же и когда такое было чудо?

исполненія временъ и сроковъ, послѣ чего Церковь не уничтожится, а будетъ жить полною жизнью въ царствѣ славы, въ «новомъ небѣ и новой землѣ», но не этой (въ качественномъ смыслѣ), какъ хочется Нитцше и другимъ интеллигентамъ нашего времени, или, можетъ быть, и на этой (въ пространственномъ смыслѣ), но «новой», «обновленной». Теперь, дѣйствительно, еще время борьбы и подвиговъ, но тогда и духъ, и плоть будутъ въ полной гармоніи. Но сказать вмѣстѣ съ Нитцше, что христіанство не удалось (а оно въ своемъ историческомъ развитіи всецѣло представляется нашимъ интеллигентамъ неудавшимся, одноцвѣтнымъ, чернымъ, аскетическимъ) — сказать это, не значитъ ли богохульствовать — обвинить во лжи Самого Иисуса Христа?!.. И если ужъ не смогъ основать Церкви Христосъ, то никому ея не основать!

«Кто взойдетъ на небо? то есть Христа свести, или кто сойдетъ въ бездну, то есть Христа изъ мертвыхъ возвести?» — говоритъ апостолъ (Римл. гл. 10, ст. 6—7). Спросимъ вмѣстѣ съ нимъ и мы нашего мыслителя.

Сочиненіе Мережковского ясно показываетъ, куда онъ хочетъ насъ вести. Отноительно христіанства, какъ онъ выражается, «историческаго» онъ такого мнѣнія, что оно было антитезой язычеству. И если въ язычествѣ вся мораль, все ученіе были направлены къ плоти, то въ христіанствѣ вся догматика, вся нравственность направились въ сторону духа и христіанство въ своемъ ученіи сдѣлалось одностороннимъ, аскетическимъ. Мережковский употребляетъ такое сравненіе, что христіанство-де не иное что сдѣлало, какъ оттолкнулось отъ берега язычества и поплыло въ противоположную сторону. Но это-де крайность. И вотъ Мережковский зоветъ насъ назадъ, снова къ этому берегу и приглашаетъ произвести синтезъ между принципами язычества и крайнимъ, по его мнѣнію, направленіемъ «историческаго христіанства», — произвести синтезъ между духомъ и плотію. Онъ увѣряетъ, что это два полярныхъ пути, одинаково ведущихъ къ Богу, ихъ Источнику; что въ глубинахъ плоти и духа есть точки соприкосновенія, соединяющія ихъ. Свои сужденія онъ обосновалъ на образахъ, взятыхъ у нашихъ поэтовъ, созерцателей глубинъ плоти и глубинъ духа — Л. Толстого и Достоевскаго. Но правъ ли Мережковский въ этихъ сужденіяхъ?

Отчего одинъ изъ нашихъ великихъ поэтовъ, тоже глубокий созерцатель духа человѣческаго ¹⁾, пришелъ къ выводу:

„Отъ юности, отъ нѣгъ и сладострастья
Останется уныніе одно“.

Мережковский увѣряетъ насъ, что въ сладострастіи тоже есть святость и что сладострастіе можетъ быть святымъ. Но тогда оно должно бы вести насъ къ блаженству. Между тѣмъ поэтъ говоритъ, что сладострастіе приводитъ къ унынію, т. е. самому тягостному, самому мучительному состоянію духа. Если плоть и всё ея проявленія (въ томъ числѣ и сладострастіе) признавались святыми сами по себѣ (прошу на это именно обратить особое вниманіе въ отличіе отъ христіанскаго пониманія святости плоти), то куда везъ этотъ принципъ? Къ Богу ли? Къ нравственному ли совершенству самого человѣка? Нѣтъ. Послушаемъ очевидца и глубокаго истолкователя язычества съ его культомъ плоти:

Божество и Его присносущная сила, говоритъ онъ, были открыты язычникамъ во внѣшней природѣ, т. е. въ плоти.—„Но какъ они, познавши Бога, не прославили Его, какъ Бога, и не возблагодарили, но осуетились въ умствованіяхъ своихъ,—и омрачилось несмысленное ихъ сердце,—называя себя мудрыми, обезумѣли, и славу нетлѣннаго Бога измѣнили въ образъ, подобный тлѣнному человѣку, и птицамъ, и четвероногимъ, и пресмыкающимся,—то и предалъ ихъ Богъ въ похотяхъ сердець ихъ нечистотѣ, такъ что они сквернили сами свои тѣла; они замѣнили истину Божію ложью, и поклонялись, и служили твари вмѣсто Творца, который благословенъ во вѣки аминь. Потому предалъ ихъ Богъ постыднымъ страстямъ: женщины ихъ замѣнили естественное употребленіе противоестественнымъ, подобно и мужчины, оставивши естественное употребленіе женскаго пола, разжигались похотью другъ на друга, мужчины на мужчинахъ дѣлая срамъ и получая въ самихъ себѣ должное возмездіе за свое заблужденіе. И какъ они не заботились имѣть Бога въ разумѣ, то предалъ ихъ Богъ превратному уму—дѣлать непотребства, такъ что они исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбія, злобы, исполнены зависти, убійства, распри, обмана, злонравія,

¹⁾ Жуковский, В. А.

злорѣчивы, клеветники, богоненавистники, обидчики, самохвалы, горды, изобрѣтательны на зло, непослушны къ родителямъ, безразсудны, вѣроломны, нелюбовны, непримиримы, немилостивы. Они знаютъ праведный судъ Божій, что дѣлающіе такія дѣла достойны смерти, однако не только ихъ дѣлаютъ, но и дѣлающихъ одобряютъ“ (Римл. I, ст. 20—32).

Такъ вотъ къ какимъ результатамъ вело, по наблюденію богопросвѣщеннаго наблюдателя, углубленіе въ бездны плоти, въ глубины сладострастія. То доброе, что мы видимъ въ язычествѣ, исходило отъ проблесковъ образа Божія, даннаго духу человѣческому и жившаго въ человѣкѣ и послѣ грѣхопаденія. Лукреція, Евридика, Антигона — все это не сладострастницы плоти, а героини духа; Сократъ, братья Гракхи, Муцій Сцевола и др. — это, тоже герои духа.

Мережковский прельщаетъ насъ тѣмъ, что и плоть, и духъ, какъ творенія Божіи, должны заключать въ себѣ одно добро, одну правду, и что есть двѣ полярныхъ правды, которыя въ окончательныхъ глубинахъ своихъ сходятся. Это единство двухъ въ одномъ, — образъ св. Троицы, гдѣ св. Духъ и Сынъ Божій, сдѣлавшіеся плотію, соединяются въ Третьемъ, въ Богѣ Отцѣ. Да, такъ оно по идѣ и есть. Но Мережковский зачеркиваетъ грѣхъ, живущій въ человѣкѣ. „Ни въ чемъ грѣха нѣтъ“, говоритъ Ерощка. Но не вычеркнуть Мережковскому грѣха изъ нравственного сознанія человѣческаго, какъ бы онъ ни убѣждалъ насъ въ этомъ. Сознаніе грѣховности было присуще и языческому міру, иначе бы пустымъ звукомъ, ударявшимся о глухую стѣну, была бы проповѣдь покаянія и отпущенія грѣховъ.

Конечно, вѣрно, что говоритъ Мережковский объ окончательной концепціи плоти и духа, сходящихся въ Богѣ, но образъ, видимый нами въ св. Троицѣ, въ частности въ Сынѣ Божіемъ, не параллеленъ намъ съ нашей грѣховной плотію. У насъ, какъ учитъ Апостолъ, — противодѣйствіе между духомъ и плотію — „не то доброе, что хочу, дѣлаю, но то, что не хочу, злое, то содѣваю“. И слова, ставшаго плотію, этого не было. Человѣческое хотѣніе въ Немъ вполне гармонизировало съ волей божественной. То правда, что въ саду Геосиманскомъ мы видимъ нѣкоторое колебаніе предъ предстоящими

страданіями, но это потому, что Онъ былъ истиннымъ, совершеннымъ, такимъ, какъ и мы, чувствующимъ боль человѣкомъ, но побѣждаетъ у Него духъ („духъ бодръ, плоть же немощна, говоритъ Онъ ученикамъ въ Геесиманіи), и тотчасъ же за колебаніями плоти слѣдуетъ твердое—„однако не такъ, какъ Я хочу, а какъ Ты“. У человѣка мы видимъ другое, нежели у Богочеловѣка: „не то доброе, что хочу, дѣлаю, но то, что не хочу, злое—сіе содѣваю“. У человѣка до грѣха была такая параллельность, но не теперь. И такъ двухъ правдъ объ одномъ и томъ же не можетъ быть: одна, такъ называемая правда, окажется л. жью. Анна Каренина, говоритъ Мережковский, носитъ въ себѣ одновременно двѣ правды,—правду плоти и правду духа, и погибаетъ только оттого, что не можетъ ихъ соединить, довести до конца; то же самое происходитъ съ Идіотомъ. Но вѣрно ли это толкованіе? Нѣтъ. Анна настояще любитъ Вронскаго, а мужа только по чувству долга и совѣсти, живущей въ душѣ ея. Погибаетъ она не оттого, что не умѣетъ соединить этихъ двухъ правдъ (грѣшный, съ раздвоеннымъ сознаніемъ человѣкъ, изображенный Апостоломъ въ словахъ „не то, что хочу, доброе дѣлаю“, и не въ состояніи ихъ соединить. Это смогъ только Богочеловѣкъ),—Анна погибаетъ отъ глубинъ плоти, отъ грѣха и происшедшаго отсюда страшнаго раздвоенія сознанія.

Но что же, не отрицаетъ ли христіанство плоти совершенно? Какъ уже отчасти было замѣчено въ началѣ статьи,—нѣтъ. Оно видитъ концепцію въ одухотвореніи плоти. Плоть не станетъ духомъ, но будетъ одухотворенною. Примѣры мы видимъ въ Енохѣ, Иліи и Иисусѣ Христѣ по воскресеніи. Яснаго понятія объ этой плоти дать еще невозможно. „Не явилось еще, чѣмъ мы будемъ“, „ходимъ пока вѣрою, а не вѣдѣніемъ“. Но и попытка Мережковского дать это вѣдѣніе совершенно неудачна. Христіанство онъ совершенно напрасно обвиняетъ въ односторонности, въ отрицаніи плоти. Этимъ христіанство не страдаетъ. Оно не предписываетъ голода, самоумерщвленія, какъ чего то необходимо нужнаго для спасенія (а если только кто захочетъ эти подвиги взять на себя по доброй волѣ, и то ради любви къ Господу, Бога ради), но отрицаетъ объяденіе, пьянство и т. п. Апостолъ говоритъ: „Будемъ вести себя, какъ днемъ, благочинно, не предаваясь ни пированіямъ, ни пьянству,

ни сладострастію и распутству, ни ссорамъ и зависти, но облекитесь въ Господа нашего Іисуса Христа, и попеченія о плоти не превращайте въ похоти“ (Римл. 13, 13—14). Вотъ что предписываетъ и о чемъ заботится христіанство. Оно не запрещаетъ, служенія плоти, только бы лишь это служеніе не переходило въ похоть, ибо „похоть зачавши рождаетъ грѣхъ, а сдѣланный грѣхъ рождаетъ смерть“ (Іак. I, 15). „Все мнѣ позволительно, но не все полезно“; „все мнѣ позволительно, но пусть ничто мною не обладаеть“; „все что ни дѣлаете, ѣдите ли, пьете ли—все дѣлайте во славу Божию“ (1 Кор. 6, 12; X, 23; X, 31). Вотъ христіанскіе принципы отношенія къ плоти.

Мережковскій, въ своемъ крайнемъ увлеченіи символизмомъ, хочетъ насъ увѣрить въ иномъ. Невольно вспоминаются слова Библіи: „и сказалъ змѣй женѣ: правда ли, что сказалъ Богъ, чтобы не ѣли ни отъ какого дерева райскаго? И сказала жена: отъ всякаго дерева райскаго будемъ ѣсть, отъ плодовъ же дерева, которое посреди рая, сказалъ Богъ, чтобы не ѣли отъ него и не прикасались къ нему, чтобы намъ не умереть. И сказалъ змѣй женѣ: не умрете никакъ, ибо Богъ знаетъ, что въ день, въ который вы вкусите отъ него, откроются ваши глаза и будете, какъ боги, знающими доброе и злое“. Не подобное ли проповѣдуетъ и Мережковскій. Онъ говоритъ: „вотъ предъ вами садъ со многими деревьями и плодами (плоть съ ея разнообразными удовольствіями), но вамъ, вѣдь, отъ нихъ запрещено вкушать. Но это ложь, односторонность. Если вы только вкусите, какъ первые люди, то, конечно, произойдетъ срединность, грѣхъ и смерть, если же вы вкусите до конца, до глубинъ плоти и сумѣете соединить, сдѣлать синтезъ съ глубинами духа, то станете сами какъ боги. Новое искушеніе предстоитъ человѣчеству и христіанству въ частности въ этомъ хитромъ, украшенномъ символизмомъ, вооруженномъ наукою и литературою, да еще, повидимому, оснащенномъ и непреложными доводами слова Божія.—повое, повторяю, искушеніе предстоитъ человѣчеству въ этомъ предложеніи Мережковскаго.

„Если вкусите до конца, станете какъ боги“. Но это новое, гибельное искушеніе, будемъ надѣяться, при благодати Божіей, живущей въ Церкви, не соблазнитъ ея вѣрныхъ чадъ.

Свящ. М. Лисицынъ.

Психологія таинствъ.

Этюдъ 3-й.

Крещеніе и Мүропомазаніе.

Крещеніе и мүропомазаніе совершаются, а значить и переживаются психологически одновременно. Поэтому мы и соединяемъ ихъ въ одномъ этюдѣ. Крещеніе и мүропомазаніе, собственно, можно считать за одно двойное таинство: крещеніе—отрицательный, мүропомазаніе положительный моментъ этого сложнаго таинства. Первое силою Духа Св. уничтожаетъ предшествующую порчу, грѣхъ въ человѣкѣ, грѣховное настроеніе, живущее въ немъ отъ Адама, второе даетъ творческую силу къ созиданію себя въ человѣка-христіанина, «въ мѣру возраста исполненія Христова».

Крещеніе—моментальный благодатно-творческій актъ «преложенія» грѣховной эгоистической воли въ святую, не боговраждебную. Мүропомазаніе продолжаетъ крещеніе, какъ промыслительный актъ, какъ «ангелъ хранитель» окрестъ человѣка безсильнаго и несовершеннаго. Живя съ человѣкомъ всегда, духовная сила, даруемая въ «тайнѣ помазанія» ведетъ его и охраняетъ на крестномъ пути, указанномъ крещеніемъ.

Что же думаетъ объ этомъ таинствѣ «учитель», противъ котораго направлены наши этюды?

Приговоръ Л. Н. надъ таинствомъ крещенія, какъ и всегда, лакониченъ и силенъ. Крестить, значить «выкупать съ произнесеніемъ извѣстныхъ заклипательныхъ словъ». Графъ, кажется, забылъ, что слово крещеніе, заповѣдь о крещеніи вышли изъ устъ Самого Господа Іисуса Христа и что поэтому его издѣвательство есть неуваженіе къ этому святому имени.

«Шедше научите вся языцы, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа».

Но это, конечно, не существенно. Мы давно привыкли къ этимъ ошибкамъ памяти у Льва Николаевича и намѣренны, не замѣчая ихъ,

отвѣтитъ ему по существу: похоже ли крещеніе на актъ волхвованія, «волшебство?».

Что крещеніе, какъ обрядъ, не можетъ казаться неосмысленнымъ и лишнимъ, я полагаю, достаточно доказываетъ слѣдующее обстоятельство: почти нѣтъ сектантовъ, которые отвергали бы необходимость или, по крайней мѣрѣ, «осмысленность» крещенія. Въ самомъ дѣлѣ мысль таинства слишкомъ опредѣленна, ясна и свѣтла, чтобы можно было увидѣть здѣсь что нибудь темное, языческое, непріемлемое. Русское названіе таинства уже одно говоритъ, какъ тѣсно примыкаетъ оно къ центральной идеѣ христіанства—идеѣ «креста».—Крещеніе актъ принятія на себя христіаниномъ креста какъ знамени, съ которымъ хочетъ идти человѣкъ въ пути своемъ.

Что означалъ этотъ символъ, извѣстно всякому христіанину: онъ взять изъ Евангелія. «Иже хочетъ по мнѣ ити, да отвержется себе и возьметъ крестъ свой и по мнѣ грядетъ» (Мар. 8—34). Взять крестъ—отречься отъ себя, а отречься значитъ измѣнить законъ жизни, поставить вмѣсто языческаго начала жизни, эгоизма—любовь, служеніе ближнему.

«Замѣтьте, читатель, пишетъ арх. Андрей, какое непривычное для мірскаго духа сочетаніе: таинство крещенія и служеніе ближнему. Въдѣ всѣ же лучшіе люди, лучшіе представители челоѣчества ставятъ своимъ знаменемъ служеніе челоѣчеству, людямъ, а не себѣ». И не странно-ли, позволительно-ли» забывать, что, по ученію Церкви, «чувство забыванія себя для ближняго, т. е. чувство любви къ нему составляетъ первую обязанность, налагаемую Церковію на ея членовъ въ первомъ ея таинствѣ св. крещенія, при самомъ вступленіи въ ея ограду».

И не странно-ли еще болѣе, прибавлю я, видѣть безсмыслицу въ проповѣди истины, въ которой вся культура полагаетъ основу челоѣческаго развитія, самую зиждательную изъ мыслей, созданныхъ челоѣкомъ.

Напомню, что самъ І. Н. ранѣ понималъ, что въ таинствѣ крещенія совершается нѣчто серьезное, нужное, что даже крещеніе младенцевъ имѣетъ глубокое значеніе.

«Мысли о таинственномъ значеніи появленія новаго человѣческаго существа, которое замѣнитъ насъ, говоритъ Позднышевъ въ «Крейцеровой Сонатѣ», нѣтъ у нашихъ отцовъ и матерей. Нѣтъ того, что при крещеніи говорятъ и дѣлаютъ надъ ребенкомъ. Вѣдь никто не вѣритъ въ это, а между тѣмъ это было ничто иное, какъ напоминаніе о человѣческомъ значеніи младенца. Это бросили, не вѣрятъ, а ничѣмъ не замѣнили, и остались одни ленточки, кружева, ручки, ножки».

Именно, именно. Мысли о таинственномъ назначеніи, о миссіи ребенка, какъ человѣка, нѣтъ у насъ. А она дается, внушается въ крещеніи. Такъ неужели же, скажемъ мимоходомъ, полезно уничтожить и самое напоминаніе? По мнѣнію Л. Н. не полезно; развѣ только онъ уже забылъ, что писалъ въ «Сонатѣ»?

А погруженіе въ «крещеніи»? Здѣсь та же глубокая мысль объ отреченіи, любви, служеніи. «Это»—объясняетъ извѣстный архимандритъ Ѳеодоръ въ «Письмахъ о благодати св. таинствъ» погруженіе въ истину смерти Христовой (въ смерть Его крестихомся), въ любовь, по которой Онъ умеръ. Крещеніе есть обязательство принять соучастіе въ настроеніи Христа, умирающаго за людей».

И такія то глубины скрытой въ обрядѣ крещенія мысли, огромность принимаемаго здѣсь обязательства позволяютъ о. Ѳеодору вынести слѣдующій приговоръ недостойно пользующемуся даромъ крещенія.

«Не входя сердцемъ и разумѣніемъ въ духъ смерти Христовой, въ которую мы погружались для нашего возрожденія въ крещеніи, духъ которой и есть любовь къ намъ Агнца Божія, вземлюшаго на ны грѣхи,—не входя въ духъ и настроеніе этой любви, мы черезъ это оставляемъ безъ живого дѣйствія и движенія въ насъ благодать возрожденія и, слѣдовательно, упадаемъ съ высоты истинной духовности въ низменности плоти, въ которыхъ не можетъ пребывать Духъ Божій».

Полагаемъ, что такая характеристика достаточно показываетъ уже, какъ далека Церковь отъ ученія о крещеніи, какъ внѣшне-механическомъ-теургическомъ актѣ.

Даже въ своей обрядовой сторонѣ, крещеніе не нѣчто «непонятное и нелѣпое», а, по забытой оцѣнкѣ самого Льва Николаевича,

серьезный договоръ, моментъ самоиспытанія и перелома въ разумѣніи жизни. Вѣдь ясно, что если крещеніе есть для родителей напоминаніе о назначеніи будущаго человѣка, то такое значеніе имѣетъ обрядъ и для того, кто крестится.

Я, впрочемъ, не хочу много говорить о символикѣ таинства, о смыслѣ его, какъ обряда. Намъ слѣдуетъ защищать таинство, а не обрядъ. Итакъ, правда ли, что нельзя принять крещеніе, какъ чудо перерожденія души, что въ ученіи Церкви это перерожденіе является плодомъ «безсмысленныхъ заклинаній», или, если признать «осмысленность обряда», на что еще согласится Л. Н.,—правда ли, что ученіе о благодати таинства есть ложь, искажающая и уничтожающая добрую мысль обряда?

Отвѣтомъ можетъ служить попрежнему изслѣдованіе вопроса: что, по воззрѣнію Церкви, происходитъ съ душой христіанина, надъ которымъ совершается таинство, въ чемъ состоитъ и какимъ путемъ совершается духовная переменѣна въ существѣ крещаемаго.

Достаточно-ли для этого «умѣнья выкупать и помазать масломъ?» Далеко нѣтъ. Какъ и всякое таинство, крещеніе и миропомазаніе есть сложный душевный процессъ, только завершаемый снисхожденіемъ благодати.

Здѣсь, какъ и въ другихъ таинствахъ, вовсе не все въ священникѣ и читаемыхъ имъ молитвахъ.

Необходимая предпосылка осѣненія благодатью въ таинствѣ крещенія—это предварительный-правственный покаянный переломъ, именно въ смыслѣ указаннаго въ символикѣ таинства «погруженія» въ смерть Христову, внутреннее отреченіе отъ «ветхаго человѣка» только не довершенное, не полное, не окончательное. Къ купели приходитъ человѣкъ — съ желаніемъ возрожденія, уже пріавшій въ свою душу Перваго Подъявшаго крестъ, но еще безсильный нести тяжесть креста. Онъ не только обѣщаетъ быть христіаниномъ, а напрягаетъ всю силу «хотѣнія» въ этомъ направленіи. Какъ и въ таинствѣ священства, Церковь своей молитвой поддерживаетъ, усиливаетъ святое настроеніе пришедшаго къ ней, и Господь осѣняетъ благодатной Силой своей начало благаго пути.

Встрѣча ищущей Бога воли съ помощью Силы Божественной съ неба даетъ таинство.

Какая тутъ можетъ быть рѣчь о «волшебствѣ»? Сущность крещенія (или таинства покаянія) состоитъ очевидно въ коренномъ измѣненіи жизни. Человѣкъ былъ рабомъ грѣха, исполнялъ похоти діавола; теперь онъ рѣшилъ прекратить грѣхъ и быть въ общеніи съ Господомъ: (Еп. Сергій. О спасеніи. Теоф. Толк. на Рим. 1,354). Благодать таинства, входя въ душу человѣка и непремѣнно «срастворяясь» съ человѣческимъ усердіемъ (Исид. Пелус.) только укрѣпляетъ и усиливаетъ «человѣческій» душевный процессъ, начавшійся въ человѣкѣ только подъ «призывающимъ» дѣйствіемъ благодати; не значить это ли, иначе сказать, что таинство здѣсь, какъ и въ «тайнѣ священства»,—благодатный естественный и необходимый отвѣтъ съ неба отъ Бога на просьбу, которая идетъ съ земли, отъ человѣка».

«Грѣхъ, который ранѣе жилъ въ человѣкѣ, здѣсь не прощается, не снимается или-уничтожается механической силой,—онъ удаляется отъ человѣка, перестаетъ быть частью его внутренняго содержанія», въ силу взаимнаго дѣйствія двухъ силъ—божественной и человѣческой. Насколько далека Церковь отъ того ученія о таинствахъ, какое навязываетъ ей Л. Н. Толстой, видно изъ того обстоятельства, что обрядъ крещенія можетъ, по церковному ученію, и не сопровождаться благодатнымъ возрожденіемъ. «Господь даетъ чудную спасительную печать только тамъ, гдѣ видитъ добрую совѣсть» т. е. не одно только обѣщаніе, но рѣшимость, начало движенія въ направленіи къ добру. «Недостойно приходящій къ водѣ только напрасно искушаетъ Господа», говорятъ св. отцы.

«Если», пишетъ Кириллъ Іерусал., тѣломъ мы здѣсь, но не здѣсь мыслию, то нѣтъ въ этомъ пользы. И Симонъ Волхвъ приступилъ нѣкогда къ купели сей. И крестился, но не просвѣтился, «омылъ тѣло водою, но не просвятилъ сердце духомъ; погружалось въ воду и вышло изъ воды тѣло, а душа не спогребалась со Христомъ и не воскреснетъ съ Нимъ».

«Люди крестятъ тебя теперь, а духъ не будетъ крестить». (Еписк. Сергій, стр. 175). Такіе, по Григорію Нисскому, сами себя вводятъ въ обманъ, почитаясь только возрожденными, но не дѣлаясь таковыми (тамъ же 179).

«Вода для таковыхъ остается водою». (тамъ же 177).

Можно конечно отрицать самую возможность сообщенія дара отъ Бога, но это уже будетъ значить возражать противъ возможности единенія Бога съ человѣкомъ, противъ истины теизма, но графъ уже вернулся къ ней, какъ мы отмѣчали ранѣе.

- «Къ кому обращусь, пишетъ Л. Николаевичъ въ книгѣ: «Мысли о Богѣ», къ людямъ? Они не вѣрятъ въ то, что говорятъ, они мучаются страхомъ предъ смертью, собой и предъ Тобой, Господи, Котораго не хотятъ назвать. Къ Богу? И онъ обращается къ Богу, «къ тому живому Богу», въ Котораго, по его словамъ, вѣрують и православные.

А если къ Нему можно обращаться за помощью, значить Онъ можетъ и раздавать дары Силы Своей? Не такъ ли?

Но, однако, это все имѣетъ смыслъ по отношенію ко взрослымъ, а у насъ крестятъ дѣтей. Они не могутъ принести къ купели никакого настроенія, а слѣдовательно и ничего не могутъ унести. И Толстой больше всего, конечно, вооружается противъ крещенія дѣтей. Подумаемъ и объ этомъ вопросѣ.

Таинства крещенія и миропомазанія суть прежде всего общецерковная молитва и какъ таковыя они окружаютъ человѣка атмосферой божественной жизни, «волной молитвы».

Весь вопросъ теперь въ томъ, ощущается ли эта атмосфера.

Отвѣтъ не труденъ. Мы уже говорили *), что такое передача по закону наслѣдственности въ психологіи. Только частію эта передача въ актѣ рожденія, гораздо больше законъ наслѣдственности есть законъ уподобленія. Душа ребенка уподобляется тѣмъ настроеніямъ, тому укладу духа, какой ребенокъ видитъ кругомъ. Ребенокъ, въ концѣ концовъ, есть подобіе отца и матери не только потому, что рожденъ отъ нихъ, а еще болѣе потому, что безсознательно впитываетъ въ себя настроенія, мысли тѣхъ, кто около его. (Ср. статью самого Л. Н. «О воспитаніи». Журналъ для всѣхъ 1902 г. № 12).

Теперь важно рѣшить, съ какихъ поръ начинается это уподобленіе? Съ 4—5 мѣсяцевъ? Конечно обыкновенная логика скажетъ, что это образованіе души по образу и подобию окружающей сферы начинается вмѣстѣ съ появленіемъ ребенка на

*) Въ «этюдѣ» о таинствѣ священства.

свѣтъ. Вѣдь никто не скажетъ, что сознаніе въ ребенкѣ пробуждается мгновенно на 2—3 мѣсяцѣ. Это было бы чѣмъ то въ родѣ фокуса—прыжка, рожденія сознанія изъ ничего.

Сознаніе раскрывается постепенно, слагаясь изъ впечатлѣній дѣтской жизни съ ея начала; душа новорожденного уже способна ко- нить впечатлѣнія. Это фактъ безспорный.

Отсюда и имѣетъ такое значеніе педагогическій совѣтъ Достоевскаго: «на всякъ день смотри, чтобы образъ твой былъ благолѣпенъ. Пронелъ ты мимо ребенка злобный, и образъ твой въ его беззащитномъ сердечкѣ остался. Ты сѣмя посѣялъ дурное» и т. д.

Изъ этихъ впечатлѣній первыхъ дней создается душа ребенка. Но отсюда выводъ очень опредѣленный. Если душа ребенка создается той атмосферой міра, которая его окружаетъ, то, по тѣмъ же самымъ законамъ, на эту душу могутъ дѣйствовать вліянія другого рода, атмосфера любви, создаваемая молитвой Церкви, соприкосновеніемъ къ душѣ ребенка. этихъ волнъ божественной благодати подаваемой въ таинствахъ крещенія и мѣропомазанія. Встрѣчное благодатное теченіе, возбуждаемое Церковью противъ теченія міра, обязательно должно дѣйствовать по тѣмъ же законамъ, какъ и злое теченіе міра.

Эта благодать ребенкомъ обязательно воспринимается, не можетъ не восприниматься тоже какъ сѣмя, которому послѣ суждено развиваться подъ воздѣйствіемъ духа, навсегда данного въ таинствѣ. Вѣдь потому то Церковь и учитъ о мѣропомазаніи, продолжающемъ крещеніе, какъ о таинствѣ съ промыслительнымъ т. е. длительнымъ дѣйствіемъ благодати. Какое же значеніе имѣютъ воспріемники? Присутствіе ихъ очень понятно. Для Церкви желательно, для блага крещаемого необходимо, чтобы было, по возможности, ослаблено растлѣвающее вліяніе злыхъ теченій на душу ребенка, чтобы вліяніе окружающихъ шло въ сторону воспитанія въ церковномъ идеалѣ, или, въ крайнемъ случаѣ, не было ему враждебно.

Эта миссія психологическаго воздѣйствія, подготовки души для благодати и возлагается на воспріемниковъ, и грѣхъ имъ, что они небрегутъ о спасеніи чадъ своихъ. «Горю ими же соблазнъ приходитъ», по горю и тѣмъ, кто, взявши на себя обязанность блюсти отъ соблазна, ограничили ее покупкой креста и подарками къ праздникамъ.

Итакъ крещеніе и муропомазаніе не имѣютъ ничего похожаго на заклинаніе или волшебство. Они съ самаго начала, во всемъ своемъ виѣшнемъ составѣ и въ глубокой сущности глубоко осмысленны, психологически понятны насколько вообще человѣку не вполнѣ духовному (а «душевенъ» человѣкъ не пріемлетъ, яже Духа Божія) понятны дѣйствія Духа. Крещеніе и муропомазаніе—таинства. Слѣдовательно, Церковь впередъ заявляетъ, что здѣсь есть нѣчто недовѣдомое, что сообщеніе благодати въ таинствахъ сверхъестественно, но несмотря на это истина таинства, какъ и всегда, какъ во всѣхъ таинствахъ, не противна, а нужна для разума.

Христіанину не нужно повторять съ Декартомъ *credo, quia absurdum*. Онъ можетъ сказать: вѣрю, потому что свято, потому что истина понятна моей совѣсти, нужна мнѣ, потому что безъ этой истины кругомъ все становится темнѣе, менѣе яснымъ становится «разумѣніе жизни»,—жизнь не только становится безотраднѣе, а главное—темнѣе, непонятнѣе, бессмысленнѣе.

Іеромонахъ *Мигайль*.

Верхотурскіе бѣгуны противостатейники.

(Судебная экспертиза).

Въ «Миссіонерскомъ Обзорѣніи» за 1900 годъ нами описаны внутреннее устройство и бытъ бѣгуновъ-статейниковъ, со словъ обратившейся изъ бѣгунства дѣвицы Елизаветы Ивановны Аполлоновой (по усыновленіи Бѣлиновой)¹⁾. Около двухъ лѣтъ назадъ мы имѣли случай, по одному дѣлу Екатеринбургскаго окружнаго суда, ознакомиться съ современною жизнію бѣгуновъ-противостатейниковъ. И насколько первый разсказъ представляетъ картину серьезную и съ общей (не миссіонерской) точки зрѣнія, если угодно, довольно симпатичную, настолько послѣдній наполняется сценами фанатически-тяжелыми, по мѣстамъ грязными и отвратительными, напоминающими старую лѣтопись бѣгунства²⁾. Изъ сопоставленія ихъ видно, что основатель согласія статейниковъ Никита Семеновъ имѣлъ много резонныхъ причинъ реформировать устройство бѣгунской секты.

Дѣло, о которомъ мы имѣемъ разсказать, производилось въ деревнѣ Недьковкѣ, Верхотурскаго уѣзда, Пермской губерніи; имена лицъ будутъ видны далѣе. Чѣмъ оно кончилось, и согласился ли прокурорскій надзоръ и судъ съ нашимъ заключеніемъ, намъ неизвѣстно,—мы читали лишь предварительное слѣдствіе и давали свое заключеніе на основаніи имѣющагося въ немъ матеріала.

Поводомъ къ возбужденію дѣла была скоропостижная смерть почти полугодоваго ребенка. Прикосновенныя къ дѣлу лица были сектанты, которые на мѣстномъ языкѣ называются «лучиновцами». Судебный слѣдователь, собравъ необходимый фактическій матеріалъ,

¹⁾ Въ настоящее время, по окончаніи образованія въ Казанскомъ окружномъ училищѣ духовнаго вѣдомства, состоятъ учительницей въ земской школѣ Казанскаго уѣзда и въ теченіе минувшей зимы вела бесѣды со старообрядцами.

²⁾ Можно читать въ Сборникѣ Кельсѣева и въ нашей публичной лекціи о бѣгунахъ, напечатанной въ „Странникѣ“ за 1889 годъ.

предложилъ намъ, въ качествѣ эксперта, разъяснить, что это за секта, насколько она вредна и должна ли быть отнесена къ разряду сектъ, соединенныхъ съ изувѣрствомъ или съ противонравственными гнусными дѣянiями (ст. 203 Улож. о наказ.). Отвѣтомъ на предложенные слѣдователемъ вопросы и послужило печатаемое заключение. Должны присовокупить, что наша экспертиза была не единственною: раньше былъ спрошенъ екатеринбургскiй экспертъ г. Романовскiй.

На предложенные г. слѣдователемъ вопросы имѣю честь объяснить нижеслѣдующее.

Не можетъ быть сомнѣнiя въ томъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ послѣдователями старообрядческой секты странниковъ или бѣгуновъ. Названiе «лучиновцевъ» — чисто мѣстное; (почему оно имъ тамъ усвоено, лучше знать мѣстнымъ жителямъ и дѣятелямъ); въ наукѣ оно не извѣстно и не принято. Но важность, конечно, не въ названii. Правда, есть упоминанiе въ дѣлѣ и о такихъ признакахъ, которые указываютъ на секту хлыстовскаго характера, именно: наименованiе одной женщины «богородицей», существующiй будто бы «свальный грѣхъ», слышанный во время богомоленiя стукъ отъ бѣганья (л. 14). Но все это, вѣроятно, плодъ недоразумѣнiя, явившiйся вслѣдствiе предвзятыхъ слуховъ. Если же и на самомъ дѣлѣ къ бѣгунамъ данной мѣстности стали привходить сторонниiя понятiя и обычаи совсѣмъ другихъ сектантовъ, — что тоже бываетъ, — если поэтому и «лучиновщину» слѣдуетъ признать особой, своеобразною отраслью бѣгунства или хлыстовства, отдѣльной сектой съ смѣшанными понятiями и обычаями, то и это обстоятельство можетъ быть важнымъ съ академической точки зрѣнiя, но не для суда. Посему, игнорируя сомнительное, вполне неудовѣренное, мы обязаны остановиться именно на бѣгунствѣ. За принадлежность частныхъ къ дѣлу лицъ къ этой сектѣ является цѣлая масса признаковъ, начиная отъ сокрытiя безъ видовъ многихъ (лл. 11—12) и проживанiя гдѣ-то въ пустыняхъ, до устройства въ домахъ тайниковъ (лл. 20—23, 24), до похищенiя и перекрещенiя дѣтей и даже до самаго названiя «рабы Божiи» (л. 15) или «по тайной

вѣрѣ». Перечислять всѣ эти признаки отдѣльно и каждому признаку давать освѣщеніе не нахожу нужнымъ. Характеръ секты обрисованъ довольно вѣрно въ экспертизѣ г. Романовскаго, составленной на основаніи хорошихъ книгъ. Поясню и добавлю здѣсь то, что это есть секта старообрядческо-безпоповщинская, представляющая послѣдніе выводы раскола изъ ученія объ антихристѣ, которые вытекаютъ при измѣненіи самаго о немъ понятія. Догматъ о наступленіи царствованія въ мірѣ антихриста—первичный и коренной въ расколѣ. Но всѣ безпоповцы видятъ это царствованіе въ предметахъ исключительно церковныхъ, въ видѣ обрядовыхъ измѣненій, произведенныхъ при патріархѣ Никонѣ. Основатель бѣгунства, нѣкто Евѣимій (жизнь во второй половинѣ XVIII вѣка) и слѣдующіе за нимъ учителя видѣли и видятъ антихриста во власти гражданской, начиная съ Петра I, который, принявъ титулъ императора (іператоръ=666), устроилъ и царствующій антихристовъ домъ; при этомъ всѣ гражданскія власти составляютъ икону звѣрину, и покоряющіеся имъ поклоняются якобы его иконѣ, духовныя же власти суть живые пророки. На этомъ коренномъ представленіи зиждется вся доктрина бѣгуновъ, изъ нея вытекаютъ всѣ ихъ житейскіе обычаи до самаго требованія бѣгунства, или точнѣе, въ настоящее время простого сокрытія, безъ узаконенныхъ видовъ. Отсюда вся противообщественность секты и весь вредъ ея не въ церковномъ только, но и въ гражданскомъ отношеніи.

Послѣдователи бѣгунства издавна раздѣляются на дѣйствительныхъ крыющихся странниковъ или бѣгуновъ и на такъ называемыхъ «жиловыхъ», которые, повидимому, исполняютъ всѣ общественныя обязанности и потому не особенно вредны. Но на самомъ дѣлѣ они-то и сообщаютъ организацію сектѣ и всѣми мѣрами ее поддерживаютъ: они по принципу принимаютъ и укрываютъ безпаспортныхъ бѣгуновъ, въ ихъ домахъ устроятся молельни, чрезъ нихъ ведется переписка, они содержатъ адресные столы, хранятъ капиталы, на ихъ имя записываются общественные дома, въ коихъ собираются и бѣгунскіе соборы, при ихъ участіи совершаются перекрещиванія въ секту и похороны въ мѣстахъ безвѣстныхъ—иногда на дворахъ, на гумнахъ, на пашняхъ; словомъ, они представляютъ тѣ ширмы, за которыми бѣгуны кроются. Такимъ образомъ, общество

бѣгуновъ въ цѣломъ представляетъ государство въ государствѣ, которое существуетъ среди насъ, но которое намъ невѣдомо; государство это устроено на началахъ коммунизма и управляется неизвѣстно гдѣ проживающими наставниками. Краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ противообщественнаго характера бѣгуновъ и ихъ дѣйствительныхъ взглядовъ и нѣкоторыхъ обычаевъ служатъ имѣющіеся въ дѣлѣ показанія Пелагіи Рябиновой (л. 63—65) и Марьи Борисовой (л. 126), которыя мы увидимъ далѣе.

Вопросъ объ относительной вредности секты бѣгуновъ для суда также существеннаго значенія теперь не имѣетъ, такъ какъ существовавшее нѣкогда раздѣленіе сектъ на «вредныя» и «особенно вредныя», или на «менѣе вредныя» и «болѣе вредныя» въ законѣ уничтожено, что видно изъ кассационнаго рѣшенія правительствующаго сената по дѣлу о тарусскихъ хлыстахъ ¹⁾.

Главный узелъ вопроса по настоящему дѣлу заключается въ томъ, слѣдуетъ ли секту бѣгуновъ, по мѣстному названію «лучиновцевъ», отнести къ разряду сектъ, упоминаемыхъ въ ст. 203 Улож. о наказ., т. е. соединена ли эта секта съ изуверствомъ, или противонравственными гнусными дѣяніями? Приступая къ разрѣшенію этого важнѣйшаго вопроса, мы прежде всего должны упомянуть о томъ, что статья 203-я, указывая означенныя признаки, имѣла въ виду опредѣленныя секты скопцовъ и хлыстовъ,—первыхъ какъ требующихъ физическаго изуродованія, послѣднихъ какъ проповѣдующихъ свободную «духовную» любовь въ формѣ свальнаго ли грѣха, или въ другихъ циническихъ видахъ. Къ нимъ могли быть относимы и другія по названію секты, если въ нихъ усматривались такіе же признаки. Тогда и эксперту требовалось только назвать секту и установить ея доктрину, имѣя въ виду обнаруженные по данному дѣлу признаки въ ученіи и обрядахъ вообще. За послѣднее десятилѣтіе кассационный сенатъ,—разъяснитель законовъ,—становится на другую, исключительно корректную точку зрѣнія ²⁾, требуя по каждому дѣлу самыхъ фактовъ изуверства, или гнусности. Это послѣднее требованіе съ полною ясностью выражено по тому же дѣлу о тарусскихъ хлы

¹⁾ „Журн. Мин. Юстиц.“ 1896 г. январь, хроника. стр. 238.

²⁾ См. у Таганцева, стр. 225.

стахъ («Ж. М. Ю.» 1896 г.). При такомъ требованіи и положеніи эксперта измѣнилось; оно стало и легче, и труднѣе. Теперь не видится надобности стѣсняться названіемъ секты и излагать всю ея доктрину, иногда очень сложную и недостаточно ясную и послѣдовательную,—есть факты на лицо, стоитъ только освѣтить ихъ. Но съ другой стороны теперь нельзя довольствоваться изложеніемъ только доктрины названной той или другой секты, воспользовавшись книгами и приведя изъ нихъ выписки, самое же дѣло пробѣгать только слегка. Теперь необходимо какъ можно внимательно вчитываться въ самое дѣло, останавливаться на детальныя показанія и сличать ихъ съ научными данными. Это потому, что теперь и судять не за содержаніе извѣстнаго ученія, а за учиненные проступки и дѣянія. Экспертъ долженъ сознавать это и давать то, что нужно для суда, не стѣнясь иногда и рамками предложенныхъ только вопросовъ. А для суда въ данномъ случаѣ нужно для примѣненія сей (203) статьи съ точностію установить, что обвиняемые дѣйствительно принадлежать къ такой сектѣ, послѣдователи коей учиняютъ указанная въ сей статьѣ дѣйствія или въ силу исповѣдуемыхъ ими догматовъ ихъ вѣрованія (оскопленіе, самосожиганіе), или при выполненіи ими принятыхъ сектою религіозныхъ обрядовъ (свальный грѣхъ и т. п.)¹⁾.

Переходя затѣмъ къ опредѣленію самыхъ признаковъ, въ статьѣ 203 указанныхъ, по коимъ послѣдователи извѣстной секты, а какой по названію,—все равно, считаются нетерпимыми и преслѣдуются за самую принадлежность къ сектѣ, мы можемъ признакъ гнусности оставить, такъ какъ имѣющіеся въ дѣлѣ указанія на свальный грѣхъ составляютъ скорѣе всего,—какъ мы въ началѣ и замѣтили,—плодъ недоразумѣнія. Правда, экспертъ Романовскій усматриваетъ признаки гнусныхъ дѣйствій въ запискѣ какой-то дѣвки къ «милому Евтихію Макарычу», написанной по тарабарски (л. 60) и правильно имъ воспроизведенной,—а также и въ посягательствахъ бѣгуновъ на семейный союзъ (л. 203). Но съ такимъ взглядомъ трудно согласиться. Правда, и въ средѣ послѣдователей бѣгунства, какъ и во всѣхъ обществахъ, особенно отрицающихъ бракъ, могутъ быть любовныя связи, но ихъ никто не подводилъ подъ понятіе гнусности,

¹⁾ «Журн. М. Ю.» 1896 г., янв., хроника. 240—241.

притомъ эти незаконныя связи и не вытекаютъ изъ ученія бѣгуновъ, хотя и существуютъ. Это, и по нашему и по-бѣгунски—грѣхъ противъ нравственности, въ извѣстныхъ случаяхъ и наказуемый инымъ способомъ. Что до разрыва семейнаго союза, то онъ и у бѣгуновъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ сектахъ, проповѣдующихъ безбрачіе, происходитъ во имя аскетизма, хотя и мнимаго, приводящаго совершенно къ другимъ послѣдствіямъ, и здѣсь можно говорить о чемъ угодно, только не о гнусности.—Понятіе изувѣрства въ законѣ также не разъяснено, но подъ нимъ прежде всего и ближе всего разумѣли и разумѣютъ оскотпленіе себя, или другихъ. Въ болѣе же общемъ, широкомъ смыслѣ изувѣрствомъ можно назвать всякое посягательство на жизнь и здоровье, во имя ложныхъ религіозныхъ убѣжденій. Требуется ли при этомъ ясное сознаніе со стороны самаго изувѣра, что своимъ дѣйствіемъ онъ дѣйствительно посягаетъ на жизнь и здоровье свое, или другого? Очевидно, нѣтъ; тогда бы и квалифікація преступленія получилаcя иная, да и возбужденное религіознымъ фанатизмомъ чувство изувѣра затемняетъ ясное сознаніе. На этомъ основаніи, лѣтъ десять назадъ мы уже въ своей экспертизѣ по одному дѣлу о бѣгунахъ писали, что крещеніе больныхъ и слабыхъ дѣтей въ зимнее время въ холодной водѣ, въ кадкѣ или въ пруду, послѣ чего дѣти куда-то исчезаютъ, а потомъ случайно ихъ находятъ зарытыми въ землѣ на пашняхъ и даже на дворахъ,—есть уже изувѣрство; при чемъ самое отчужденіе дѣтей отъ родной семьи, помимо ихъ воли и желанія, унесеніе въ чужой домъ для перекрещенія, изъ котораго, если бы они и остались живыми, возвращенія въ свой домъ, къ отцу и матери, нѣтъ,—также граничить съ изувѣрствомъ. Судъ не согласился тогда съ нашимъ взглядомъ, вѣроятно же всего потому, что не было установлено случая, что ребенокъ или умеръ, или заболѣлъ смертельно именно вслѣдствіе крещенія въ слишкомъ холодной водѣ. Теперь дѣло иное.

Картина, начертанная въ слѣдствіи, очень яркая и достаточно ясная. Незаконно прижитый ребенокъ Степаниды Симбирцевой (крестьянка д. Федьковки), принятый на воспитаніе другими лицами, 4—5 мѣсяцевъ найденъ мертвымъ на погребной ямѣ брата и сестры Лукинскихъ, принадлежащихъ къ «лучинковской» вѣрѣ (л. 9, 17, 27 об.). Оказалось, что въ отсутствіе лицъ, принявшихъ ребенка

на воспитаніе, ребенокъ былъ унесенъ изъ дома при маленькой десятилѣтней при немъ сидѣлкѣ Анною Лукинскихъ, будто бы попарить его въ банѣ; на самомъ же дѣлѣ онъ былъ отнесенъ въ домъ бѣгунскаго коновода Рязанова, гдѣ былъ перекрещенъ и умеръ (лл. 24 и 30 об.). Дѣвочка сидѣлка жаловалась, что ребенка просто «украли» (л. 30 об.): она сидѣла у окна и смотрѣла; Анна Лукинскихъ взошла въ избу тихонько, не съ улицы, а съ огорода, быстро подошла къ ребенку, схвативъ его, быстро пошла изъ избы тѣмъ же путемъ (л. 37 об.). Ребенокъ былъ слабый, хотя не былъ боленъ какою-либо смертельною хворостью,—у него была грыжа (лл. 77 об. 38, 39 об.). Мать видѣла своего ребенка въ домѣ Рязанова уже мертвымъ, но похоронить его ей не дали на томъ основаніи, что она «къ попамъ понесетъ» (ребенокъ былъ крещенъ въ православной церкви). Между тѣмъ, медицинскимъ изслѣдованіемъ удостовѣрено, что ребенокъ умеръ отъ паралича сердца, и что наступленіе паралича было не постепенное и медленное, а быстрое, обусловленное дѣйствіемъ сильнаго холода отъ погруженія ребенка при слабомъ организмѣ (лл. 44—45 и 174). Далѣе, слѣдствіемъ выясненъ и самый способъ крещенія, совершаемаго и надъ другими, уходящими въ бѣгунство, и его послѣдствія. Крещаемыхъ погружаютъ въ кадку съ ледяной водой, иногда, зимою крестятъ въ прорубѣ (лл. 34, 50, 63—95). Крещеніе «совершаютъ не такъ поспѣшно, какъ у поповъ, гдѣ только махаютъ крещаемаго, а медленно, съ четверть часа (65 об.), погружая по возможности, глубоко, держатъ столько, чтобы каждый волосокъ промокъ». Последнее намъ извѣстно и изъ другихъ источниковъ ¹⁾. Послѣдствіями такого крещенія, особенно дѣтей, почти всегда бываетъ, не говоря о данномъ случаѣ, смерть. На это имѣются указанія въ самомъ слѣдствіи (лл. 15, 34—35 49 об. 188 об.); поэтому и самое крещеніе получило названіе «смертнаго крещенія» (34 об.). Предъ крещеніемъ будто бы даже какъ то готовятъ крещаемыхъ къ погребенію (49 об.).

Бѣгуны проводятъ при этомъ ту мысль, что крещенный вѣрнѣе попадетъ въ рай. Эта послѣдняя мысль бѣгуновъ хорошо извѣстна и въ наукѣ.

¹⁾ «Крещеніе у бѣгуновъ». Разсказъ Елизаветы Бѣляновой, въ «Миссіонерскомъ Обозр.» за 1900 г.

Приведемъ взятыя изъ дѣла показанія свидѣтельницъ Елены Рязановой (л. 35 и дал.) и бѣгунки Пелагеи Рябиновой (л. 63 и дал.).

«То обстоятельство, что крещеніе младенцевъ и больныхъ взрослыхъ лицъ, рассказываетъ первая, имѣетъ всегда смертельный исходъ для крещаемыхъ, я утверждаю потому, что въ нашемъ домѣ, въ «кельѣ» происходило нѣсколько такихъ крещеній и всегда съ смертнымъ исходомъ. Крещаемыхъ погружали въ кадку съ ледяной водой... Около пяти лѣтъ тому назадъ въ кельѣ нашей крестили сына моей золовки Анны Масленниковой (дочери свекра), мальчика Николая, пяти лѣтъ или шести; мать, присутствовавшая при крещеніи, рассказывала мнѣ, что на ея глазахъ онъ умеръ въ холодной водѣ, во время крещенія, что ей это было очень тяжело видѣть, но что за это сынъ ея, какъ умершій во время крещенія, прямо попадетъ въ рай. Анна Масленникова говорила еще, что у ней была еще дочь, которую также крестили этимъ смертнымъ крещеніемъ» (л. 34 об.). Слова эти подтвердила и сама Анна Масленникова (л. 52). Но лучшимъ подтвержденіемъ и поясненіемъ показанія свидѣтельницы Рязановой служатъ слова бѣгунки, «рабы Божіей Пелагіи», съ которой слѣдователь, обнаружившій, кто она «была въ мірѣ», т. е. ея настоящее имя (Пелагея Рябинина), по ея словамъ, «снялъ голову» (у бѣгуновъ это считается отступленіемъ отъ вѣры). «Погружаютъ ли у насъ въ холодную со льдомъ воду во время крещенія, разъясеняю, что, согласно святаго Писанія, крещеніе должно совершаться въ такой водѣ, какаѣ въ то время на улицѣ имѣется. Вспомните крещеніе св. Владиміра и русскихъ въ рѣкѣ, св. Плакиду Севастійскую, мучениковъ, въ озерѣ крестившихся и, наконецъ, Самого Господа Іисуса Христа, крещеннаго въ рѣкѣ зимою 6 января. Чего бояться холодной воды? Смерти при крещеніи?.. Умершій во время крещенія, или вскорѣ послѣ него—счастливый человѣкъ! Онъ наслѣдуетъ царствіе небесное... А «что погруженіе въ покрытую льдомъ воду можетъ вызвать у крещаемого опасную и даже смертельную болѣзнь, отвѣчаю, что теплая вѣра и надежда на Бога (это у неразумныхъ-то дѣтей) согрѣетъ холодную воду», а далѣе и идетъ рѣчь о томъ, какъ продолжительно совершается крещеніе, что мы уже указали (63—65). Въ экспертизѣ г. Романовскаго указывается

и догматическое основаніе для такого «смертнаго» крещенія, бѣгунами приводимое; оно заключается въ словахъ св. ап. Павла: «спогребохомся Ему (Христу) крещеніемъ въ смерть» (Римл. VI, 4) (л. 202). Во имя этого бывають иногда попытки крестить насильно, помимо и вопреки желанію даже родителей. Упоминаемый въ настоящемъ дѣлѣ ребенокъ Иванъ былъ унесенъ бѣгунами и перекрещенъ помимо воспитателей и его матери. Свидѣтельница Елена Рязанова рассказывала про себя: «Мой сынъ, которому было двѣ недѣли, захворалъ чѣмъ-то (это было года четыре назадъ) и такъ какъ свекоръ и свекровь хотѣли его также окрестить въ свою вѣру, то я, спасая его жизнь, постоянно держала его при себѣ и не спала три noci подъ-рядъ; затѣмъ выбилась изъ силъ, заснула. Пробудившись, увидѣла, что младенца нѣтъ со мною, тотчасъ же бросилась въ келью и увидѣла, что она полна народомъ; что-то поютъ; по срединѣ кельи стоитъ кадка, наполненная водою со льдомъ, и какая-то старуха держитъ моего ребенка голымъ и хочетъ погрузить въ кядку. Я закричала, вырвала изъ ея рукъ ребенка и убѣжала съ нимъ. Ребенокъ этотъ живъ у меня и теперь» (л. 34 об. снес. 50). Наконецъ, для приготовленія-ли къ «смертному» крещенію, или въ другихъ какихъ видахъ, похищенныхъ, или инымъ способомъ взятыхъ младенцевъ поятъ молокомъ, въ которомъ варятъ маковыя головки. Обнаруженная при осмотрѣ дома Якова Степанова Рябинина (крестьянина Невьянской волости) «раба Божія» Пелагея,—та самая, у которой, чрезъ обнаруженіе имени, «сняли голову», имѣла при себѣ положеннаго въ люльку ребенка. Назвавшись «Творцовой», т. е. дочерью Творца, она сказала, что «это мой ребенокъ, отъ послѣдняго грѣха рожденный». (Изъ другихъ двухъ, тутъ же обнаруженныхъ женщинъ—одна назвалась «жительницею вышняго Сіона», другая «православной христіанкой», а бывшая съ ними дѣвочка около 10 лѣтъ—«пустынкой»). Ребенокъ женскаго пола на видъ былъ около 1½ мѣсяцевъ отъ рожденія, лежалъ въ люлкѣ неподвижно и, несмотря на происходившее движеніе и шумъ, не шевелился и не кричалъ, а при поворачиваніи его и даже подниманіи вѣкъ, не подавалъ признаковъ жизни, почему и былъ сочтенъ за умершаго. Но женщина, назвавшая себя его матерью, взяла младенца на руки и подбрасывала его кверху

нѣсколько разъ, послѣ чего младенецъ сдѣлалъ движеніе руками, но въ полное сознаніе не пришелъ, а производилъ впечатлѣніе крайне апатичнаго (л. 58). Бывшая при осмотрѣ 10-лѣтняя дѣвочка и показала прямо, что она «видѣла, какъ ребенку давали молоко, въ которомъ варили маковыя головки» (л. 68).

На основаніи всего изложеннаго экспертъ не можетъ не признать у привлеченныхъ къ слѣдствію послѣдователей бѣгунства (лучиновцевъ) дѣйствій изувѣрныхъ, посягающихъ на жизнь и здоровье дѣтей во имя превратныхъ религіозныхъ убѣжденій; каковыя дѣйствія и предусмотрѣны 103 ст. Уложенія.

Помимо принадлежности къ сектѣ, соединенной съ изувѣрствомъ, въ дѣлѣ имѣется много указаній относительно и распространителей секты. При этомъ экспертъ находитъ нужнымъ отмѣтить и способы распространенія, а виѣсть и вліяніе бѣгунской пропаганды на окружающихъ. Секта «широко распространилась въ д. Федьковкѣ и въ другихъ мѣстахъ (л. 13); «многіе изъ этой и другихъ деревень ушли въ бѣга» (лл. 29, 54 об. и 78),—т. е. изъ «жиловыхъ» сдѣлались настоящими бѣгунами, принявъ, конечно, крещеніе. Въ частности: мать умершаго послѣ крещенія ребенка Степаниду Симбирцеву угваривала перейти въ секту Топоркова Марья (л. 29). Крестьянина Макара Васильева Старухина «настойчиво совращалъ въ секту Акинѣй Масленниковъ, который разъѣзжалъ и по многимъ мѣстамъ Россіи» (л. 54). «Лаврентія Соколова старались совратить Масленниковъ и Рязановъ (л. 78 об.). Крестьянина Ѳедора Демидова Зязина подговаривалъ перейти въ свою вѣру тотъ же Масленниковъ. При этомъ онъ называлъ только свою вѣру истинною, христіанскою а прочія вѣры называлъ погибелными. По объясненію его, со времени царя Петра Алексѣевича началось царство антихристова, срокъ которому 666 лѣтъ. Всѣ, кто повинуются царю и властямъ, суть слуги антихристовы, уготованные въ адъ. Въ блудномъ Вавилонѣ—въ міру спастись нельзя, нужно убѣжать отъ міра. Церковь, иконы онъ все отвергаетъ, говорить, что у нихъ есть свои мастера, лѣютъ мѣдныя иконы; упоминалъ также, что старшія, чѣмъ онъ, духовныя лица живутъ въ Москвѣ, куда онъ къ нимъ ѣздитъ» (л. 143 об.). Про него же говорить свидѣтель, крестьянинъ Невьянской волости Павелъ Егоровъ Тумановъ, что онъ, Масленниковъ, порицалъ православную

вѣру (л. 179). Вся подобная проповѣдь бѣгунскихъ заправиль въ порядкѣ вещей и не можетъ подлежать сомнѣнію. Своеобразно въ ней только опредѣленіе царства антихриста въ 666 лѣтъ (число это имѣетъ иное значеніе, какъ число имени антихриста «іператоръ»). да невѣрно то, что высшія духовныя лица живутъ въ Москвѣ,— живутъ они не въ Москвѣ, а въ Ярославлѣ, если то статейники, или въ Томскѣ, если—противостатейники (наши публичныя лекціи объ устройствѣ общества бѣгуновъ „Миссіон. Обзоръ» 1900 г., мартъ). Бѣгуны въ подобныхъ случаяхъ очень скрытны и правды не скажутъ.

Для легчайшаго привлеченія нѣкоторыхъ соблазняли водкой. Свидѣтель Илья Егоровъ Четверкинъ рассказывалъ, что бѣгунка Фелицита Афанасьева приглашала его придти къ нимъ на моленье, таинственно присовокупивъ «тутъ и водочка у насъ будетъ» (82 об.). Масленниковъ рассказывалъ соблазняемому Макару Старухину, слабому къ водкѣ, что на моленіяхъ у нихъ и вино пьютъ, что у скитниковъ въ лѣсахъ имѣется въ изобиліи водка (143—144). Свидѣтель Соколовъ говорилъ, что ему не понравилась въ ученіи бѣгуновъ крайняя лживость. Утверждая, что ведутъ пустынную жизнь, они занимаются въ дѣйствительности распутствомъ и пьянствомъ. «Я ранѣ служилъ старостой,—продолжалъ Соколовъ,—и при обыскахъ по различнымъ случаямъ находилъ этихъ пустытниковъ безобразно пьянствующими» (л. 79). Про распутство бѣгуновъ также говорится очень много (упоминаніе о свальномъ грѣхѣ—плодъ недоразумѣнія, но распутство—вещь иная). Рассказывали, что въ лѣсу живетъ много мужчинъ и женщинъ, ведущихъ распутную жизнь, и нѣкоторые нижнетагильскіе купцы пріѣзжали туда къ нимъ въ скитъ, просто какъ въ публичный домъ (л. 80). Экспертъ считаетъ обязанностію представить возможные объясненія этихъ соблазновъ водкою, а равно и пьянства и распутства въ скитахъ съ точкизрѣнія житейской, а главное со стороны научныхъ данныхъ.—Что послѣдователи бѣгуинства до перекрещенія могутъ пить и пьютъ, почему и крещеніе желаютъ получить только предъ самою смертію,—это и понятіямъ бѣгуновъ не противно, и въ жизни мы видали. Посему и соблазны водкой для нѣкоторыхъ изъ нихъ могутъ дѣйствовать обаятельно. Но пьютъ-ли на самомъ дѣлѣ бѣгуны послѣ моленій, особенно въ скитахъ живущіе, и распутничаютъ-ли при

этомъ, вотъ вопросъ. Что послѣ моленій хозяинъ моленной. или кто другой могутъ угостить званыхъ богомольцевъ, въ своихъ видахъ, — это вполне возможно и показываетъ общій ихъ принципъ: «всѣмъ быхъ вся, да всяко нѣкии приобрящу». Но по прекращеніи «истинному христіанину», келейному иноку употребленіе вина воспрещается. Изъ-за строгостей келейной жизни уходили отъ бѣгуновъ и тѣ, которые къ нимъ приходили по разнымъ причинамъ. Какъ же можно объяснить и пьянство въ скитахъ и соединенное съ нимъ распутство? Дѣло въ томъ, что въ настоящее время бѣгуны не представляютъ одного сплоченнаго общества. Лѣтъ около 40 назадъ, или немного болѣе, одинъ изъ самыхъ видныхъ наставниковъ бѣгунства въ предѣлахъ Ярославля (Никита Семеновъ) написалъ «Статьи», имѣя въ виду упорядочить жизнь и возвысить нравственность. Статьи были приняты и подписаны на «соборѣ» двумястами чловѣкъ-наставниковъ и начетчиковъ. Но какъ только начали прилагать ихъ къ жизни, оказались уклоненія и начались раздоры. По требованію «Статей» мужчины и женщины не только не должны жить въ одномъ скиту, тѣмъ паче въ одной кельѣ, но вмѣстѣ и на моленія собираться, — кромѣ особыхъ дней, праздниковъ Пасхи, Рождества Христова, Св. Троицы и т. п. Изъ-за этого главнымъ образомъ и изъ-за другихъ побочныхъ вопросовъ образовалось общество бѣгуновъ, непріемлющихъ «Статей» Никиты (противостатейниковъ), которое хотѣло держаться старыхъ традицій и обычаевъ. А старая исторія бѣгунства, какъ мы вначалѣ и замѣтили, представляетъ безобразныя картины, по показаніямъ самихъ бѣгуновъ. Посему, всего вѣроятнѣе, по настоящему дѣлу мы видимъ предъ собою послѣдователей бѣгунства — противостатейниковъ. Тогда и всѣ рассказы свидѣтелей намъ будутъ понятны и достовѣрны. У старыхъ бѣгуновъ были даже поговорки: «жена діаволомъ дана, а дѣвка Богомъ», «тѣло играть, душа непорочна». И вотъ это тѣло и теперь играетъ въ верхотурскихъ скитахъ и расположенныхъ вблизи заводовъ деревняхъ. Отсюда, при нѣкоторомъ преувеличеніи и подозрѣніи въ свальномъ грѣхѣ, который во всякомъ случаѣ не въ духѣ ученія бѣгуновъ, является понятнымъ.

Въ дѣлѣ имѣются, наконецъ, указанія и на прямыя насилія къ привлеченію въ секту. Свекоръ Елены Рязановой и свекровь «уси-

ленно принуждали ее, Елену, перейти въ свою вѣру»; свекровь даже была ее за то, что она отказывалась; въ церковь ходить положительно запрещали ей, Еленѣ (л. 130 об.). Жену Лаврентія Соколова, захворавшую горячкой, хотѣли куда-то увезти безъ ея согласія. Отсутствовавшій, но вернувшійся домой мужъ «успѣлъ вырвать жену» изъ рукъ бѣгуновъ, которые еще похвалялись, что если бы успѣли ее похитить, то ему, Соколову, не видать бы своей жены. Похитителями были Рязановъ и его, Соколова, теща (л. 79). Онъ же, Соколовъ, будучи старшиною, по заявленію крестьянки Кузнецовой о пропажѣ дочери, отыскалъ дочь Кузнецевъ въ домѣ своей тещи, въ отдѣльной избѣ, за печкою, въ крайне болѣзненномъ состояніи, — которая говорила, что ей страшно и просила взять ее домой (л. 79 об.). Невьянскій волостной старшина Добрынинъ рассказывалъ, что крестьянинъ Николай Ивановъ Ипатовъ, придя въ правленіе «жаловался ему при писарѣ, что лучинковцы, къ которымъ и самъ онъ принадлежалъ, но въ вѣрѣ которыхъ поколебался, посадили его въ погребъ, наполненный чадомъ и дымомъ», откуда онъ успѣлъ убѣжать. Вскорѣ послѣ этого онъ совершенно исчезъ. Свидѣтель думаетъ, что онъ «лишенъ жизни своими же лучинковцами, опасавшимися его разоблаченій (л. 55 и об.)». Такимъ образомъ картина пропаганды своего ученія бѣгунами-лучинковцами и удержанія ими у себя своихъ послѣдователей выходитъ поразительная. Мы обратили на это вниманіе въ тѣхъ особенно видахъ, что если прокурорскій надзоръ и судъ не согласятся съ нашимъ опредѣленіемъ изуверства и найдутъ невозможнымъ повести обвиненіе по ст. 203-й, то въ дѣлѣ имѣются многія данныя, чтобы направить его, о совращеніяхъ и совратителяхъ, по ст. 196-й (ч. 1 и 3), сообщивъ предварительно духовному начальству для возбужденія онаго. Еще одно слово долженъ сказать экспертъ. Живущіе на порукахъ заправилы бѣгунства легко могутъ не только пропагандировать свое ученіе, но и скрыться отъ суда въ своихъ тайникахъ и изъ «жиловыхъ» сдѣлаться настоящими бѣгунами. Это въ порядкѣ вещей, согласно съ ихъ ученіемъ, и примѣры сего бывали. То же можно сказать и относительно лицъ, принявшихъ на поруки обвиняемыхъ.

Проф. Н. Ивановскій.

Изъ миссіонерскихъ запросовъ.

Гдѣ и какъ получаютъ благодать священства воссоединяемые съ пр. Церковью въ „сущихъ санахъ“.

Покорѣйше прошу уважаемую редакцію „Мисс. Обзор.“ отвѣтить въ нѣсколькихъ строкахъ журнала на ниже предложенный вопросъ. Вопросъ этотъ часто затрогивается при собесѣдованіяхъ съ раскольниками бѣгло-поповцами, коихъ у меня въ приходѣ не мало, и австрійцами.

Святая, соборная, апостольская Церковь, основанная на землѣ Господомъ нашимъ І. Христомъ, едина.

„... едина есть соборная церковь Божія, обаче во единомъ душѣ І. Христовомъ, во единой вѣрѣ и во единѣхъ догматахъ о той вѣрѣ, ... и во единѣй главѣ Господѣ нашемъ І. Христѣ“... (Вел. Катих. Филарет. изд. л. 118 об.).

Только въ истинной Церкви присутствуетъ Духъ Св. и подается благодать въ таинствахъ. „Ибо гдѣ церковь, тамъ и Духъ Божій, и гдѣ Духъ Божій и великая благодать, ибо Духъ есть истина“. (Правосл. Догм. Воегосл. пр. Макарія т. 2-й стр. 209).

При этомъ въ каждомъ таинствѣ подается особая благодать Св. Духа: въ крещеніи—очищающая отъ первороднаго грѣха, въ миропомазаніи—возращающая и укрѣпляющая для жизни духовной и тѣлесной, въ священствѣ—на строевіе св. таинъ и на преподаваніе спасительнаго ученія Христова. (Мал. Кат. о таинствахъ). Кромѣ истинной Церкви, есть еще церкви еретическія. Но въ еретическихъ церквахъ не присутствуетъ Духъ Св.,—яснѣе—еретики не имѣютъ даровъ Св. Духа „Иже не пребываютъ въ сей соборнѣй церкви, тѣхъ Христосъ не спасаетъ, и Духа Св. сицевіи не имутъ“. (Вел. Кат. л. 122).

Знаювій мнѣхъ учить: „кривовѣрніи вѣсть уды Христовы, и иже суть отъ телесе Христова, и приобщаяся кривовѣрнымъ, той отсѣкаетъ себе отъ тѣлесе Христова“. (Показ. истины стр. 613). „А кто при ней (церкви) не пребудетъ и въ ней не обрящется, той и вѣчнаго, онаго и блаженнаго, по времени семъ житія, живота наслѣдiti не можетъ. (Кн. о Вѣрѣ л. 216 об.). А если въ еретическихъ церквахъ отсутствуетъ Духъ Св., то и таинства, совершаемыя еретиками лишены благодати Св. Духа, кромѣ крещенія.

„Тайны безъ единности церкви христіанскія ничеюже суть ... и того ради невозможно нигдѣ же тайнѣ совершатися, токмо въ единствѣ церкви Божіей, ея же между сомнѣніями еретическими нѣсть: тогда и тайны ни единыя въ нихъ нѣсть, развѣ крещенія св. отъ нихъ“. (Толк. Ап. на 1 посл. Коринто. Зач. 150). „Понеже они (еретики) истинныя и правыя вѣры Христовы не имѣють, то какъ пречистыя и свѣтыя тайны Христовы у нихъ быти могутъ“. (Вел. Кат. л. 22) „Яко еретическая писанія и празднества, и службы, и тайны, и проповѣди не суть права“. (Тамъ же л. 23 об.). Въ частности, таинства священства, облагодѣтельствованнаго у еретиковъ также нѣтъ, а есть только въ единой истин. Церкви. „Чистѣи и или отъ раздорныхъ суть... а иже отъ церкви отсвокуплены, не къ тому имѣша благодать Духа Св. въ себѣ, оскудѣ бо внегда пресѣцатися послѣдованію... ни руку возлагати имѣша область, къ тому бо не могуще благодать Св. Духа имѣти подати, отъ нея же и тѣи отпадоша“ „Мѣ. Правил. въ составѣ Л. гл. 2). То же говорится и въ правилахъ Василія В. Причемъ въ истинной Церкви эта благодать священства подается только чрезъ хиротонію, т. е. чрезъ возложеніе рукъ епископскихъ на главѣ пріемлющаго священство и— молитву „Божественная благодать и проч.“ (Мал. Кат. л. 43 об.). Чрезъ другое же какое-либо дѣйствіе или таинство благодать священства не можетъ быть подана. „Крестивыйся и мѣропомазавыйся въ себѣ самомъ имать божественныя дары и подобно открываются тому сія во время, поелику себе самого, еже дѣйствовать сія, въ себѣ покажетъ, кромѣ божественнаго точію священства: сіе бо, яко даръ особый и едино дѣло Божіе, *хиротонією* даруется“. (Сум. Сол. кн. I гл. 66 о мѣропом.).

Теперь перехожу къ самому вопросу. Въ древности, во времена вселенскихъ соборовъ, нѣкоторыхъ еретиковъ, наприм., донаціанъ и др., обращавшихся къ истинной церкви, принимали въ сущихъ санахъ, въ тѣхъ, въ какихъ они были въ ереси. Спрашивается,—гдѣ они получили благодать священства? Въ еретической лп церкви, въ коей они находились и были поставлены въ извѣстные саны. или же при переходѣ къ истинной Церкви, отъ православныхъ епископовъ? Въ еретической церкви благодати священства получить они не могли, потому что у еретиковъ нѣтъ благодати Св. Духа, какъ выше было доказано. При переходѣ ихъ въ истинную Церковь, надъ ними не была совершаема хиротонія (таинство), чрезъ которую *исключительно* и подается благодать священства. „Сіе бо (священство), яко даръ особый и едино дѣло Божіе *хиротонією* даруется“. (Сум. Солун. о тайнѣ Мѣропом. кн. I гл. 66).

Гдѣ же эти еретики получали благодать священства?

Священникъ П. Н—ъ.

ОТВѢТЪ СВЯЩ. П. Н—У

(согласно желанію вопрошателя—въ нѣсколькихъ строкахъ).

О. П. Н—ъ напрасно смущается тѣмъ вопросомъ, который ему ставятъ бѣглопоповцы и «австрійцы» и который онъ предлагаетъ намъ для печатнаго отвѣта. Миссіонерскій опытъ убѣдилъ насъ въ томъ, что въ случаяхъ, подобныхъ приведенному о. Н—ъ, самое лучшее—на вопросъ отвѣчать вопросомъ, и отступники—вопросители устыдятся своего вопрошенія. Ев. Маркъ пишетъ: «первосвященники и книжники и старѣйшины говорили Ему (Христу), какою властью Ты это дѣлаешь? и кто Тебѣ далъ власть дѣлать это? Иисусъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: спрошу и Я васъ объ одномъ, отвѣчайте Миѣ; тогда и Я скажу вамъ, какою властью это дѣлаю. Крещеніе Іоанново съ небесъ было, или отъ человѣковъ? отвѣчайте... И сказали въ отвѣтъ Иисусу: не знаемъ. Тогда Иисусъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: и Я не скажу вамъ, какою властью это дѣлаю» (11, 27—33) «Вопросо—вопросность» въ полемикѣ съ раскольниками въ иныхъ случаяхъ необходима и миссіонеру.

Раскольники спрашиваютъ, гдѣ получаютъ благодать священства еретики, пріемлемые въ св. Церковь третьимъ чиномъ «въ сущихъ санахъ»—въ еретической-ли церкви, гдѣ нѣтъ благодати, или же въ православной, гдѣ таинство хиротоніи надъ ними не совершалось? Мы бы съ своей стороны спросили вопрошателей: св. отцы вселенскихъ соборовъ (95 пр. 6 вс. с. ср. 8 пр. 1 вс. соб. 7 пр. 2 вс. с. и др.), принимая еретическихъ клириковъ въ сущихъ санахъ, безъ повторенія надъ ними хиротоніи, въ какой церкви мыслили ихъ получившими благодать священства,—въ еретической-ли—безблагодатной, или въ православной, гдѣ надъ присоединенными клириками не совершалось таинства хиротоніи? Далѣе. «Даніилъ, еп. владимірскій, поставленный Псидоромъ, митрополитомъ русскимъ, по отступленіи его отъ православія на Флорентійскомъ соборѣ, просилъ у святого Іоны митрополита прошенія и принятія въ свое общеніе, на что, получивъ соборное прошеніе, принять былъ въ его священ-

номъ званіи и санѣ «(Макар. ч. мин. авг., л. 3001; Швецова «Истинность старообр. іерархіи» стр. 127). Въ какой церкви святой Іона мнилъ еп. Даніила получившимъ благодать священства.—въ латинской (безблагодатной) или въ православной (гдѣ надъ нимъ хиротонія во епископа не совершалось)? Раскольничьи вопрошатели окажутся въ положеніи первосвященниковъ и книжниковъ, вопрошавшихъ Іисуса Христа объ Его власти, и отвѣтятъ одно — не знаемъ. И мы тогда отвѣтимъ имъ: и мы—по Златоусту, «сокровенныхъ не испытуемъ».

Наше крайнее разумѣніе по сему предмету. Св. Церковь приняла въ свое общеніе еретиковъ 2-го чина—безъ повторенія крещенія, 3-го чина безъ повторенія муропомазанія и клириковъ безъ повторенія хиротоніи, и въ то же время всегда учила, что «кромѣ церкви Божія нигдѣже нѣсть спасенія... иже не пребываютъ въ сей соборнѣй церкви, тѣхъ Христосъ не спасаетъ и Духа святаго снѣговъ не имутъ» (Бол. Кат. л. 119 об.—122 и др.). Выходитъ будто, Церковь и признаетъ въ еретическихъ обществахъ возможность благодатнаго освященія (въ таинствахъ св. крещенія, муропомазанія и священства), а стало быть и спасенія, и отрицаетъ. «Да не будетъ!» По духу православно-церковнаго ученія, дѣйствительность (формальная правильность) таинства не всегда сопутствуется дѣйствительностью ихъ (спасительнымъ дѣйствіемъ чрезъ нихъ благодати Св. Духа на пріемлющаго таинство). Приликая еретиковъ 3-го чина, св. Церковь первую сторону, дѣйствительность ихъ таинствъ (крещенія, муропомазанія и священства признаетъ, а вторую (дѣйствительность) отрицаетъ. Дѣйствительная форма еретическихъ таинствъ, не повторяемыхъ Церковью, наполняется благодатно-спасительнымъ содержаніемъ только путемъ соединенія указанныхъ еретиковъ со св. православною Церковью Христовой. Подобіе. Въ городѣ сдѣлана правильная канализація, проложены правильныя трубы. Неподалеку цѣлое море нужной воды. Для блага города необходимо только соединить систему каналовъ и трубъ съ моремъ. Подобно сему: св. Церковь—море спасающей благодати Св. Духа. Еретики—гибнущій отъ жажды городъ; трубы проводники для воспріятія благодати Св. Духа, таинства у нихъ по формѣ правильны; но воспринять чрезъ эти про-

водники спасительную «воду живу», благодать Св. Духа они могутъ только по соединеніи своемъ со св. Церковью.

Блаж. Августинъ говоритъ: «кто отдѣляется отъ Церкви, тотъ теряетъ плоды союза съ нею и лишается благодати; равно, кто родился и воспитался внѣ единенія съ церковью, тотъ хотя бы и запечатлѣнъ былъ таинствами, однако не получаетъ отъ нихъ благодатной силы и освященія, но если тотъ и другой возвращаются въ церковь, то надъ ними не должно повторять неповторяемыхъ таинствъ, потому что имъ не доставало не самыхъ таинствъ, а только ихъ спасительнаго дѣйствія. Для совершенія таинства нужно одно, чтобы оно совершено было законно, а вѣра и любовь для того, чтобы оно имѣло спасительное дѣйствіе на пріемлющаго (Жизнь и твор. Августина. Кіевъ 1855 г. стр. 116; «Истинность» Швецова, стр. 67).

Итакъ, еретическіе клирики, присоединяемые къ св. Церкви 3 чиномъ, получаютъ благодать свящ. ства въ Церкви православноѣ—чрезъ правильное присоединеніе; въ своихъ прежнихъ перквахъ они имѣли только правильную форму таинства.

Р. С. Бѣглопововцы и «австрійцы», «лжуще» на нашу православную Церковь, якобы лишившуюся благодати, въ силу понятнаго ихъ самообличительнаго религіознаго состоянія, утверждаютъ, что принятые ими отъ православной Церкви бѣглые попы и м. Амвросій получили благодать священства у нихъ будто бы. Но что раскольничьи общества бѣглопововцевъ и «австрійскихъ» не составляютъ истинной Церкви Христовой и что ихъ «бѣглые» клирики, «отторглись» отъ Церкви, сдѣлавшись изъ «посвященныхъ» «мірянами» (Ник. Чер. сл. 63), и присоединившись, вопреки церковнымъ и св. от. канонамъ, къ безблагодатнымъ обществамъ, не имѣютъ благодати священства—объ этомъ въ миссіонерской литературѣ «отъ писанія» приведены уже неопровержимыя доказательства.

Н. Гринякинъ.

Изъ записокъ и дневниковъ.

Подъ впечатлѣніемъ драмы— „Воскресеніе“.

(Открытое письмо гр. Л. Н. Толстому).

Великій писатель Русской Земли,
графъ Левъ Николаевичъ!

Никогда вамъ до сего времени не писалъ. Чувства мои по отноше-
нію къ вамъ были въ раздвоеніи: какъ передъ великимъ художникомъ,
творцомъ, моралистомъ, я передъ вами всегда преклонялся; какъ пе-
редъ теологомъ, философомъ, реформаторомъ социальнаго строя, я
всегда находилъ, что вы не правы вообще, не правы передъ Россіей
и православнымъ русскимъ народомъ въ частности.

Но сегодня, подъ впечатлѣніемъ только что видѣнной мною въ
Парижѣ драмы «La Résurrection», мое преклоненіе передъ вами, какъ
передъ художникомъ пересиливаетъ мое чувство къ вамъ, какъ къ
теологу и реформатору. Передѣлка для сцены романа «Воскресеніе»
исполнена удачно, такъ высоко художественно, исполненіе ролей
Катюши и Неклюдова гг. Bady и Dumény такъ чудно реально и
глубоко драматично, что я только теперь понялъ и уяснилъ себѣ
всю глубину вашего творчества въ романѣ «Воскресеніе» и то впе-
чатлѣніе, которое «Воскресеніе», очищенное отъ наслоеній критики
Церкви и проповѣди «вашего» социализма, можетъ произвести на зри-
теля и повліять на его душу и совѣсть, какъ предостереженіе отъ
нравственнаго паденія, въ которое впалъ герой вашего разсказа.

Драмой «Воскресеніе» ваша цѣль, какъ моралиста вполне до-
стигнута, и зритель надолго запечатлѣтъ въ себѣ искру добра, по-
сѣяннаго въ немъ вашимъ художественнымъ гениемъ. Не примите въ
обиду, великій писатель, если я позволю себѣ сказать, что драма
«La Résurrection» производитъ болѣе глубокое впечатлѣніе, чѣмъ
самый оригиналъ, изъ котораго она передѣлана.

Я себѣ объясняю это тѣмъ, что авторъ драмы взялъ изъ вашего романа лишь морально-художественную его сторону, оставляя въ сторонѣ Церковь и социологію. Онъ взялъ изъ вашего произведенія все то, что въ немъ жизненно, чудесно, и откинулъ все тѣ стороны его, гдѣ перомъ вашимъ владѣлъ не геній художника, но гдѣ работалъ вашъ умъ отъ себя, по человѣческимъ несовершеннымъ соображеніямъ передѣлать жизнь въ противность природѣ человѣка, что вы такъ силитесь сдѣлать, но чего вы и вашъ разумъ совершить не въ состояніи, ибо вы—только человѣкъ, а не Богъ—Всевѣдущій, Всесовершенный, Вѣчный.

Когда вы художникъ, перомъ вашимъ и сердцемъ владѣтъ кто-то выше васъ стоящій. Когда вы превращаетесь въ теолога и начинаете жить человѣческимъ умомъ, геній васъ оставляетъ, и вы превращаетесь въ обыкновеннаго смертнаго, не идущаго дальше предѣловъ своихъ мозговыхъ функций.

Люди съ слабымъ мышленіемъ и развитіемъ, молодежь и наши интеллигенты склонны находить ваше величіе именно тамъ, гдѣ васъ оставляетъ вашъ геній, и гдѣ вы превращаетесь въ обыкновеннаго смертнаго: слабый умъ можетъ познать лишь то, что идетъ отъ земнаго, человѣческаго, и еще не въ состояніи уразумѣть величіе тѣхъ истинъ, которыя высказываются геніемъ сверхъ-человѣческимъ. Только эти послѣднія истины вѣчны, безсмертны, какъ ихъ первоисточникъ Богъ, Который содержитъ въ Себѣ «все», и Котораго вы силитесь вставить въ рамки частицъ Его, именуя Его то любовью, то разумомъ, то словомъ.

Нѣтъ, Богъ шире этихъ отвлеченныхъ понятій: Богъ—все, и Богомъ все совершается, и Богъ проявляется въ вашемъ геніѣ, пока вы сами не изгоняете Его желаніемъ примѣнить то человѣческое, бренное, несовершенное, конечное, что вы имѣете,—вапъ разумъ.

Эта ваша двойственность особенно чувствуется при чтеніи «Воскресенія», гдѣ вы такъ часто сводите читателя съ неба на землю, и тѣмъ его расхолаживаете, заставляя его слушать рѣчи смертнаго, послѣ рѣчей генія безсмертнаго. Этого именно нѣтъ въ драмѣ «La Résurrection», гдѣ зритель всецѣло увлекается одной лишь идеей самосовершенствованія, къ удовольствію духа своего, въ стремленіи къ вѣчному добру, къ истинѣ, не что отъ людей, но свыше.

Что въ особенности отличаетъ передѣлку отъ оригинала, это то, что драма начинается въ день Воскресенія Христова и заканчивается въ тотъ же Великій, для православнаго христіанина, день Христова Воскресенія, такъ что воскресеніе Катюши и Неклюдова, сливаясь съ днемъ Великаго праздника, не только не вселяетъ въ зрителѣ мысли о небытіи Христа, какъ Бога; напротивъ, черезъ Воскресеніе Христа какъ бы совершается воскресеніе душъ героевъ къ вѣчной жизни. Это производитъ отрадное, живительное впечатлѣніе на зрителя при звукѣ благовѣста къ ночной пасхальной службѣ, при отдаленномъ пѣніи «Христосъ Воскресе». Настроеніе великой пасхальной ночи необыкновенно гармонируетъ съ настроеніемъ и свѣтомъ, вдругъ просвѣтившимъ души героевъ драмы. Удивительно, какъ авторъ-французъ могъ уловить этотъ чисто-русскій, православный восторгъ встрѣчи пасхальной ночи, и еще больше удивительно, что это чувство передается зрителямъ французамъ, столь мало склоннымъ къ русскому мистицизму. Чуткая душа автора драмы поняла всю глубину дарованнаго вамъ свыше генія, глубину вашей души, и ту вѣру, которую вы сами отъ себя стараетесь скрыть, искусственно заставляя вашъ умъ подчинить себѣ вашу душу, ищущую того Бога, Который всегда стоитъ передъ вами во образѣ Христа, воскресшаго изъ мертвыхъ.

Какъ русскій, вы—мистикъ. Какъ мистикъ, вы ищите Бога и стараетесь умомъ объяснить себѣ то, что было необъяснимо, пока не сошелъ на землю Христосъ-Богъ, пока онъ не воскресъ изъ мертвыхъ. Если бы онъ дѣйствительно не воскресъ, мы бы не знали и не искали смысла Воскресенія, и тогда не могли бы воскреснуть души Катюши и Неклюдова, которыя, если воскресли въ земной жизни, то только для жизни вѣчной.

И почему вы полагаете, что вашъ новый, отвлеченный Богъ, Котораго вы называете то любовью, то разумомъ, то добромъ и т. д. лучше, выше, правдивѣе Бога-Христа, Который принесъ любовь на землю и подаль человѣчеству стремленіе къ самосовершенствованію укрощеніемъ человѣческихъ страстей, любовью и снисхожденіемъ, ибо «нѣтъ болѣе той любви, когда вы положите душу свою за други своя».

Но Христосъ, какъ Богъ, зналъ, что не всякій (человѣкъ) можетъ «сіе» вмѣстить. Поэтому Онъ поставилъ Свое ученіе какъ идеаль, но не какъ законъ, требующій точнаго исполненія, съ отвѣтственностію за преступленіе его установленій. По человѣческой немощи выполнить все ученіе Христа невозможно, и благо тому, кто можетъ его вмѣстить и исполнить.

Въ идеаль Христосъ признавалъ «свободу», братство и равенство, но Ему было вѣдомо также, что человѣчество этихъ теорій вмѣстить не можетъ, что уже теперь доказано опытомъ (Франція). А потому Христосъ, въ царствѣ земномъ, признавалъ неизбѣжность существующаго строя, давая мѣсто на землѣ: богатому и бѣдному, рабу и свободному, Кесарю, сотнику, воину, мытарю и фарисею, не отвергая притомъ необходимости законовъ гражданскихъ, и наказаній ихъ нарушителямъ даже до казни виновныхъ въ преступленіи закона (разбойники, казнѣ которыхъ Христосъ не осудилъ), и даже не виновныхъ (такъ какъ люди склонны заблуждаться вольно и невольно), въ числѣ которыхъ былъ распятъ Самъ Спаситель, для избавленія и спасенія человѣчества. Не забудьте, что Христосъ не осудилъ закона и казнившихъ Его, возложивъ вину на Своего предателя. («Но горе тому, имъ же Сынъ Человѣческій предается»).

Вы, графъ, великій душою человѣкъ, который желаетъ сдѣлать такъ много добра на основахъ ученія Христа, которое вы хотите понимать по-своему, вы могли бы прозвѣтить такъ много людей вамъ вѣрящихъ, потому что вы учите именемъ Христа, Котораго вы одновременно и любите, и отрицаете. И этою двойственностію, вмѣсто того, чтобы сѣять любовь и миръ между православными христіанами, вы сѣете раздоры, раздѣленіе и сомнѣніе въ Божествѣ Спасителя и Его ученіи.

Спаситель говоритъ бѣднымъ: «не завидуйте и довольствуйтесь тѣмъ, что имѣете»; вы же говорите имъ—«завидуйте и отнимайте богатство у богатыхъ, ибо они нажили его несправедливо, а потому вы имѣете право отнять у нихъ ихъ имущество» (активно или пассивно, то безразлично).

Кто далъ вамъ право судить, кѣмъ и какъ нажито благосостояніе вашихъ ближнихъ: сегодня я богатъ, завтра я бѣденъ; сегодня бо-

гаты одни, а завтра вы искусственно сдѣлаете богатыми другихъ. Положеніе отъ этого не измѣнится, ибо едва ли вы можете допустить утопію полного упраздненія богатыхъ и богатства на землѣ. Богатые и бѣдные всегда будутъ, какъ будутъ — прилежные и лѣнныя, скупые и расточительные, сильные и слабые, умные и глупые. Не можетъ быть на землѣ равенства, пока люди рождаются съ неравными способностями и наклонностями.

А потому вы совершенно безцѣльно сѣете между людьми раздоры; возстаивая бѣдныхъ противъ богатыхъ, разжигаете страсти вмѣсто ихъ утоленія. И вы говорите, что вы дѣйствуете по ученію Христа, сохраняя лишь чистоту сего ученія. Ваши теоріи возстановили уже множество людей другъ противъ друга до такой степени, что даже въ семьяхъ сынъ возстаетъ противъ отца, дочь противъ матери, и «враги человѣку стали домашніе его», да сбудется Писаніе!...

Пусть слова Христа сбудутся въ свое время, но не черезъ васъ, любящаго ученіе Христа, васъ—человѣка, въ сущности желающаго блага человѣчеству. Но вы сами не замѣчаете, что, проповѣдуя «вану» любовь, вы ведете людей къ ненависти и раздѣленію. Зачѣмъ вы своими дѣйствіями берете на себя дѣло, которое Христосъ предоставилъ антихристу? если ему суждено когда-либо придти на землю, то пусть онъ придетъ не отъ Востока, не отъ православной русской земли, но откуда ему указано придти свыше.

Графъ! Господь не напрасно сохраняетъ вамъ вашу жизнь, хотя и предупреждаетъ васъ, что вы не вѣчны. Онъ ждетъ отъ васъ исполненія вашего назначенія—усиленія черезъ васъ любви и вѣры въ русской землѣ въ то время, когда она колеблется и оскудѣваетъ. Не противьтесь Всевышнему, и, вмѣсто вашей проповѣди отъ разума вашего, начните укрѣплять въ Россіи вѣру во Христа—Бога, признавъ Его ученіе Божественнымъ на основаніи православія, которое изъ вѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій является наиболѣе терпимымъ, любящимъ инисходительнымъ къ чужимъ вѣрованіямъ. Дайте намъ вѣрить во Христа Бога, а черезъ Него въ воскресеніе живыхъ и мертвыхъ, какъ учить наша вѣра и Церковь.

Не могутъ люди жить безъ вѣры въ Бога, а тѣмъ болѣе столь склонный къ мистицизму русскій народъ; не отнимайте же у него

этого блага, ибо безъ вѣры въ Бога и будущую жизнь, человѣкъ незамѣтно самъ для себя обратится въ животное, думающее объ одной лишь борьбѣ за существованіе.

Вы возстаете противъ обрядовъ церковныхъ, забывая, что нѣтъ на свѣтѣ религіи безъ обрядностей, безъ которыхъ не обходится ни одна секта, даже секта образованныхъ людей—франмасонская. Отступая отъ однихъ обрядовъ, люди немедленно вводятъ другіе. Обряды же православной Церкви наиболѣе соотвѣтственные религіи духа и любви. Не ломайте же ихъ, чтобы вмѣстѣ съ ними не сломить и нашей православной вѣры, которая воспитала въ русскомъ народѣ великій духъ смиренія, кротости, терпѣнія и отсутствіе страха смерти въ чаяніи будущей жизни.

Величайшая мудрость всегда проявлялась въ величайшемъ смиреніи (Христосъ). Гордость, самомиѣніе, какъ чувства земныя, великъ погибели величайшихъ людей. Гордость—отъ духа зла и гордый человѣкъ не можетъ умереть спокойно, такъ, какъ умираетъ смиренный русскій мужикъ, обликъ котораго вы восприняли. О! если бы восприняли вмѣстѣ съ тѣмъ и смиренную его душу! И тогда вы сдѣлались бы великимъ русскимъ человѣкомъ—не для одного лишь русскаго интеллигента, утратившаго вѣру и разумъ, но для всего русскаго православнаго народа, на пользу котораго вы мните работать. Вы тѣмъ спасли бы душу свою и поддержали бы духъ этого народа: духъ смиренномудрія и терпѣнія, ибо духъ цѣломудрія давно въ васъ живетъ, и вы его уже передали милліонамъ русскихъ людей.

И когда вы это сдѣлаете, вы можете со спокойной совѣстью сказать: «Нынѣ отпушаеши раба твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ, яко видѣсте очи мои спасеніе Твое».

Пожалѣйте, графъ, душу православнаго русскаго народа. Вы думаете спасти его прокламаціями о пассивномъ сопротивленіи людямъ болѣе его богатымъ и на видъ счистливымъ. Этимъ вы его не спасете и замѣните лишь однихъ богатыхъ другими, отчего положеніе народа не измѣнится къ лучшему. Вы думаете, что все зло въ дворянствѣ и на него ополчаетесь по преимуществу: но оно и помимо васъ съ каждымъ годомъ замѣтно сокращается, а черезъ четверть вѣка останутся развѣ слѣды его. Но крупное землевла-

дѣніе все-таки останется, перейдя въ руки кулаковъ и евреевъ, у которыхъ въ рукахъ деньги, и они все скупаютъ въ непродолжительномъ времени, если только они будутъ уравнины въ правахъ съ русскими, забота о чемъ кажется также входить въ вашу программу. Ужели вы думаете, что эти будущіе (непремѣнно) землевладѣльцы будутъ по отношенію къ народу лучше, въ сущности смиреннаго и уживчиваго нашего дворянства? Охъ, какъ вы, графъ, ошибаетесь; и теперь уже мы видимъ: тамъ, гдѣ кулакъ замѣнилъ дворянина, совсѣмъ иное отношеніе между крестьянами и новымъ владѣльцемъ.

Въ вашей проповѣди отрицанія Божества во Христѣ я тщетно искалъ логики. Коли вы преклоняетесь искренно (въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія) передъ чистотою ученія Христа, ужели вы допускаете, что Проповѣдникъ столь великихъ истинъ могъ вмѣстѣ быть лжецомъ, называя Себя Сыномъ Божиимъ напрасно. Ложь издревле была первоисточникомъ зла: тамъ, гдѣ ложь—не можетъ быть правды, какъ и тамъ, гдѣ истина—не можетъ быть лжи. Или Христосъ говорилъ неправду, называя Себя Сыномъ Божиимъ (хотя то доказывается всѣми ветхозавѣтными пророчествами), тогда и все ученіе Его не заслуживаетъ довѣрія; или Христосъ говорилъ высшую правду, тогда нѣтъ мѣста сомнѣніямъ, что Онъ дѣйствительно Сынъ Божій, сошедшій на землю. Двухъ мнѣній въ данномъ случаѣ быть не можетъ.

Вы признаете ученіе Христа какъ истину, и на немъ основываете «свое» ученіе. Поэтому вы не можете логично допустить, чтобы Онъ могъ сказать хоть одно слово неправды. Если же такъ, вы не только не имѣете права, по совѣсти, отрицать въ Немъ Божество передъ «малыми сими», соблазняя ихъ, но вы обязаны сказать всенародно, что вы, какъ человѣкъ, ошибались и каетесь въ невольномъ своемъ заблужденіи, вспомнивъ слова: «Иже еще кто соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ и т. д.» а также слова: «Горе человѣку тому, имже соблазнъ приходитъ».—Безспорно, быть можетъ, время и несовершенство людей внесли въ догматы Церкви нежелательныя наслоенія, но сущность ученія Христа въ ней сохранилась въ цѣлости: сравните православіе съ католичествомъ и лютеранствомъ, и вы увидите, что духъ ученія Христа всего болѣе сохра-

илился въ православной Церкви, не карающей, но лишь милующей сыновъ своихъ, и призывающей ихъ къ покаянію, когда они, сами того не замѣчая, отступаютъ отъ ученія Церкви.

Вы были оскорблены призывомъ васъ къ покаянію Св. Синодомъ—актъ, неправильно названный отлученіемъ отъ Церкви, и вы его игнорировали. То, конечно, дѣло вашей совѣсти. Теперь прошло достаточно времени, чтобы отнестись къ акту Св. Синода безпристрастно.

Если Синодъ, какъ учрежденіе, по закону существуетъ, онъ несетъ опредѣленныя обязанности и отвѣтственность передъ Богомъ, Царемъ и русскимъ народомъ. Онъ существуетъ для того, чтобы охранять догматы православнаго вѣроисповѣданія въ томъ видѣ, въ которомъ они переданы Синоду издревле, для возможнаго объединенія людей въ вѣрѣ. Когда Синодъ усмотрѣлъ неправоту вашего ученія—отрицаніе Божества Христа и таинствъ, когда ваше ученіе, въ силу вашего литературнаго авторитета, стало увлекать молодежь и неустойчивые въ вѣрѣ умы (а такихъ теперь легіонъ), ужели Синоду было молчать? Никакъ. Синодъ не только не имѣлъ права молчать, онъ былъ обязанъ указать православнымъ христіанамъ, что ваше ученіе не согласуется съ ученіемъ Церкви. И онъ это сдѣлалъ призывомъ васъ къ покаянію, тѣмъ самымъ указавъ на ваши заблужденія.

По незрѣлости нашего такъ называемаго интеллигентнаго общества, по совершенному его невѣжеству въ вопросахъ вѣры и Церкви, лучше сказать по его безвѣрію, общество это (но не народъ) осудило дѣйствія Св. Синода, ставъ въ вашу защиту, въ защиту, какъ оно говорило, «великаго учителя русской земли». И оно было неправо. Люди серьезные, для которыхъ вѣра и Церковь не простой звукъ, справедливо находили, что если бы Синодъ промолчалъ ваше ученіе молчаніемъ, то зачѣмъ Синодъ, зачѣмъ опредѣленность вѣры, зачѣмъ Законъ Божій, зачѣмъ тѣ учрежденія, которыми исторически выработался великій въ своемъ смиреніи духъ русскаго народа и, въ соотвѣтствіи съ нимъ, строй русской жизни.

Несомнѣнно, великій умъ имѣетъ право на многое, но никакъ не на совращеніе «малыхъ сихъ» съ пути извѣстнаго и опредѣленнаго на путь неопытанный и невѣдомый, ибо, по совѣсти, вы сами

не можете сказать утвердительно, что ваше ученіе доставить людямъ счастье не только на небѣ, но и на землѣ. Въ послѣднемъ мы уже наглядно убѣждаемся при видѣ судьбы вашихъ учениковъ—духоборовъ, которые гибнутъ въ свободной Америкѣ такъ, какъ они никогда бы не погибли въ православной Россіи: здѣсь они прокормились бы всетаки «Христа—ради», какъ кормятся въ Россіи сотни тысячъ бѣдняковъ, умирающихъ въ странахъ свободы на улицахъ съ голода, на чердакахъ отъ искусственнаго удущенія угаромъ.

Вопросы вѣры были во все времена большими вопросами человечества. Разъединеніе вѣрованій вело за собою не только вражду между людьми и раздоры, но и кровопролитныя войны. Русь, слава Богу, объединилась въ вѣрѣ православной; духъ же послѣдней не исключаетъ полной терпимости къ инымъ вѣрованіямъ, не давая имъ лишь преобладанія передъ вѣрой государственной.

Въ Россіи свободно исповѣдуютъ вѣру—католикъ, лютеранинъ, еврей, магометанинъ; не допускается лишь отступленіе отъ вѣры государственной, какъ объединяющей основныя элементы населенія. Не допускаются секты, завѣдомо вредныя и безправственныя, какъ не допускается по возможности сектантство вообще, какъ ведущее къ разсѣдиненію населенія, тѣмъ болѣе, если онѣ противны основамъ и духу православія и государственности. Что стапеть съ государствомъ и человѣческимъ обществомъ, коли каждое село, каждая семья начнутъ исповѣдывать собственную религію, по фантазіи и вдохновенію? Не породитъ ли это страшную вражду и раздоры тамъ, гдѣ теперь существуетъ миръ и согласіе? Не къ тому ли ведетъ ваше ученіе, которое вы едва ли сами въ состояніи признать совершеннымъ, ибо вы не Богъ, а все же только человѣкъ!

Простите, графъ и великій писатель, мою смѣлую рѣчь передъ вами. Обращаясь къ вамъ, я исполняю лишь долгъ моей совѣсти, отдавая притомъ дань преклоненія передъ вами, какъ передъ великимъ писателемъ русской земли и моралистомъ. Простите также, что я васъ утомилъ своимъ слишкомъ длиннымъ посланіемъ, и надѣюсь, что вы, какъ человѣкъ просвѣщенный, допускаете свободу выраженія мысли, а потому не откажетесь терпѣливо выслушать до конца и altera pars.

Позвольте закончить мою рѣчь искреннимъ пожеланіемъ, чтобы вашъ художественный гений отнынѣ сѣялъ на Руси сѣмена дѣйствительной любви, мира въ духѣ Іисуса Христа, Сына Божія, воскресшаго изъ мертвыхъ, да укрѣпится тѣмъ въ Россіи мощный, въ своемъ смиреніи, духъ русскаго народа, нераздѣльный съ православной вѣрой, Церковью и божественнымъ ученіемъ Христа, чтобы всякій воздавалъ на Руси кесарево—Кесареви, а Божіе—Богови. Это не только не помѣшаетъ развитію народа и его просвѣщенію, но возраститъ ихъ на твердой почвѣ христіанскаго вѣроученія, источника современнаго просвѣщенія, ибо просвѣщеніе человѣчества пошло отъ христіанскаго міра, но не изъ другого религіознаго міровоззрѣнія. Отнимите у человѣчества ученіе Христа, за этимъ послѣдуетъ разрушеніе всей цивилизаціи.

Ваше слово, графъ, можетъ возстановить въ интеллигентной Россіи нынѣ порушенные миръ, согласіе и общественное спокойствіе; оно же можетъ посягать сѣмена вражды, раздора, зависти и взаимной ненависти. О! графъ, если бы вы только сказали это слово мира прежде, чѣмъ отойти отъ міра сего (всѣ мы подъ Богомъ ходимъ) для воскресенія во Христѣ, оставивъ Русь святую въ надеждѣ воскресенія, не только въ этой жизни, какъ воскресли герои вашей незабвенной повѣсти, но и въ чаяніи жизни будущаго вѣка... И молитвы этихъ вѣрующихъ, объединенныхъ въ православной Церкви, будутъ вамъ защитой и утѣшеніемъ въ томъ невѣдомомъ мірѣ, гдѣ всѣ мы встрѣтимся во Христѣ и познаемъ Истину. Какъ гениальному писателю, славѣ русской земли, вамъ, конечно, воздвигнуть рукотворный памятникъ. Имъ будутъ любоваться наши невѣрующіе интеллигенты, будетъ глазѣть на него и православный русскій народъ. Но, любуясь монументомъ, этимъ послѣднимъ долгомъ земныхъ—земному, ни одинъ человѣкъ не перекрестится и не скажетъ русскаго, народнаго, православнаго «царство небесное», если вы не войдете въ тѣсное единеніе съ духомъ этого, любимаго вами, народа и не признаете его священныхъ идеаловъ: его чистой вѣры въ Бога—Христа, его надежды на будущую жизнь.

Зачѣмъ лишать «малыхъ сихъ» этого блага, зачѣмъ вводить ихъ въ соблазнъ, зачѣмъ убивать въ людяхъ свѣтъ вѣры, ввергая ихъ въ потемки, въ которыхъ имъ не разобраться? Въ нихъ не

умѣли разобратъся мудрые міра сего, тогда какъ въ ученіи Христа разобрались простые рыбаки, распространившіе его по всей вселенной, даже до нашихъ дней.

Примите, графъ, дань глубокаго уваженія русскаго человѣка въ искреннемъ его желаніи, чтобы слава великаго писателя русскаго земли слилась со славой великаго наставника русскаго народа въ духъ вѣры, надежды и любви христіанской.

Д. Бодиско.

Раздоръ между австрійскими лжепопами и ихъ паствами во главѣ съ уставщиками.

Старообрядцы и на публичныхъ бесѣдахъ и въ частныхъ разговорахъ съ православными обыкновенно укоряютъ нашихъ пастырей во всевозможныхъ якобы нарушеніяхъ каноновъ православной Церкви и различныхъ недостаткахъ—курениі табаку, несоблюденіи постовъ, общеніи съ иновѣрными и проч. На самомъ же дѣлѣ старообрядческіе лжепастыри гораздо болѣе, чѣмъ пастыри православной Церкви, виновны въ нарушеніи церковныхъ каноновъ и во многихъ нравственныхъ недостаткахъ. Но язвы ихъ, благодаря замкнутости и скрытности старообрядцевъ, очень рѣдко становятся извѣстными и оглашаются. Между тѣмъ, эти язвы существуютъ и, хотя рѣдко, выходятъ наружу. Въ качествѣ представителей старообрядцевъ, уставщики почти всѣхъ хуторовъ Пятизбьанской станицы, Донской области, и нѣкоторыхъ хуторовъ Верхне-Чирской станицы въ іюлѣ мѣсяцѣ прошлаго (1902) года собрались на соборъ въ хуторѣ Калачѣ и постановили обратиться къ собору своихъ епископовъ съ прошеніемъ. Въ прошеніи указаны многія нарушенія соборныхъ правилъ со стороны лжепоповъ и выражается требованіе извергнуть виновныхъ изъ сановъ, въ противномъ же случаѣ просители грозятъ поступить согласно требованію 15-го правила второ-перваго собора, иначе сказать, прервать общеніе съ самими епископами. Вотъ это «Прошеніе» ¹⁾, поданное «преосвященнѣйшему

1) Намъ удалось получить точную копію съ этого прошенія.

собору боголюбивыхъ епископовъ», собравшихся въ Нижнемъ-Новгородѣ въ августѣ мѣсяцѣ 1902 года ¹⁾).

„Преосвященнѣйшему собору Боголюбивыхъ Епископовъ“.

Православныхъ христіанъ старообрядцевъ многихъ паракліальныхъ приходоу, живущихъ на Дону Области Войска Донскаго.

Прошеніе.

Всеблагій Господь нашъ Ісусъ Христосъ по благоволенію отци, ради спасенія рода человѣческаго, сошелъ съ небеси на землю, претерпѣлъ страданія и искупилъ грѣхи міра своею пречистою кровію, упразднилъ смерть и тѣмъ открылъ путь міру для входа въ царство небесное.

Пребывая на землѣ Спаситель міра, и устроая свое спасительное домостроительство, поставилъ Апостоловъ и лично самъ училъ ихъ соблюдать заповѣди Божія и проповѣдывать Евангеліе міру и для увѣренія ихъ творилъ чудеса, а затѣмъ уже далъ имъ власть охранять Церковь Божію и вводить міръ въ царство небесное, и сказалъ имъ: „Образъ бо дахъ вамъ, да якоже сотворихъ, и вы творите“ (зач. 45 Іоанн.).

По отшествіи Господа нашего Ісуса Христа на небо, святіи Апостолы по дѣйствию благодати святаго духа, для спасенія міра установили святыя таинства, чрезъ которыя единственно только можно войти въ царство небесное и для выполненія ихъ поставили Епископовъ, Превзвитероу и діаконоу, и для руководства изложили имъ правила и уставы, заповѣданны Ісусомъ Христомъ и приказали: „держите преданія, имъ же научистесь или словомъ или посланіемъ нашимъ“ (зач. 276 Солун.), „въ наученія же странна и различна не прилагаетесь“ (зач. 333 евр.). А „бодрствуйте, стойте въ вѣрѣ, мужайтесь и утверждайтесь“ (зач. 166 кор.), зане всякое созданіе Божіе добро и ничтоже отъмѣнно, съ благодареніемъ пріемлемо, освящается бо словомъ Божіимъ и молитвою, сія сказую братіи добръ будещи служитель Ісуса Христа (зач. 285 тим.). „Аще ли мы или Ангелъ съ небесе благовѣститъ вамъ наче, еже благовѣстихомъ вамъ, Анафема да будетъ“ (зач. 198 Галат.).

Святіи же Богоносніи отцы всѣ эти Апостольскія правила, преданія и ученія, своимъ вселенскими соборами утвердили и укрѣпили для болѣе яснѣйшаго неуклоннаго руководства, маложили и отъ себя правила и запечатлѣли оныя сими словами: „Аще кто отъ угодныхъ богоносныхъ отцевъ поколеблетъ что, не

¹⁾ Прошеніе приедемъ буквально съ копій, сохраняя орфографію подлинника.

Авторъ.

ктому се смотреніе нарицаемъ, но преступленіе преданія вѣденію и къ Богу нечестіе, но неже во небреженіи полагающимъ священная божественная правила Божественныхъ отцевъ нашихъ, яже Церковь утверждаютъ и все христіанское жителство украшаютъ и къ божественному наставляютъ благобоязньству, Анафема; яко еретикъ есть, и еретическимъ подлежитъ законамъ, аще и мало что уклоняся отъ православныя вѣры“ (корм. л. 641).

Правила эти существуютъ и въ настоящее время и будутъ существовать во вся дни вѣка. Между прочимъ еще во времена Апостоловъ, епископы и презвитеры отступали отъ правилъ святыхъ Апостолъ и нарушали вѣру Христову, о чемъ Святый Апостолъ Павелъ „чуждуся, яко тако скоро предлагается отъ звавшаго вы благодатию Христовою во ино благовѣствованіе“ (зач. 198 Гал.). Видно также и изъ исторіи Церкви и прочаго писанія, что цѣлыя сонмы патріарховъ, Епископовъ и Презвитеровъ нарушали Святыхъ правила, отпали отъ православныя вѣры и погибли, вмѣстѣ съ ними погибъ и міръ, имѣющій съ ними единеніе. Усматриваемъ даже и въ настоящее время, что многіе Пастыри Церкви совершенно уклонились отъ святыхъ правилъ, приняли обычаи другихъ инославныхъ вѣръ и тѣмъ разшатали, ослабили и унизили нашу православную Христову вѣру.

Но такъ какъ заповѣдь Господа повелѣваетъ не молчать въ то время, когда въ опасности вѣра: „говори“, сказалъ онъ, и не молчи и „Аще обнищаетъ, не благоволитъ душа моя о немъ, и если кто во время ереси и заблужденія Іерарховъ видитъ гибель Церкви и умалчиваетъ, то никакого не будетъ оправданія ему на страшномъ судѣ христовомъ „Аще же сіи умолчатъ, то каменіе возопіютъ“ (зач. 97 Лук.).

А поэтому мы, уже пожившіе много лѣтъ на землѣ и украшенные сѣдинами, уstraшаемъ того, что существа неодушевленные и неподлежащіе отчету на судѣ, какъ бы страшась повелѣній издають голосъ. А мы остаемся безмолвными и беззаботными и опасаемся, дабы не быть жестоко сужденными на страшномъ судѣ и не дать отвѣтъ Богу, за неприлежаніе къ Христовой Церкви, сочли нужнымъ довести до свѣдѣнія Преосвященнѣйшаго собора Боголюбивыхъ Епископовъ, что многіе мѣстные наши священники допустили въ Церковь каноническія нарушенія слѣдующія:

1-е. Сами священники публично въ присутственномъ мѣстѣ заявили себя раскольниками и священниками не имѣноваться, въ чемъ дали своиручныя подписки, а такъ какъ раскольники есть еретики и отказавшіеся отъ священническаго сана не священники, то этимъ нарушили правило

62 свят. Апостолъ въ доказательство сего прилагается при семъ въ копіи подписка ¹⁾.

2-е. Священники допустили въ Церквѣ прелюбо-
дѣйные браки, т. е. мужа отъ живой жены, а жену
отъ живаго мужа, которыхъ венчаютъ въ Церкви
открыто и браки эти считаютъ законными и свя-
тыми и допускаютъ ихъ въ общеніе (такъ какъ ихъ
довольно въ каждомъ приходѣ), чѣмъ нарушили
святое Евангеліе зач. 78 матѣ., правила 48 Св.
Апост. 87 и 98 вселен. 6-го собора, 9 и 39 Васил.
Велик.

3-е. Допустили въ Церкви беззаконныя браки въ
родствѣ, четвероженства, а также вѣнчаютъ браки послѣ
обѣда и вечеромъ и даже въ постъ (филипповку), чѣмъ нарушили
прав. 54 вселен. 6 собора, 53 номокан. и кормч. о тайнѣ супру-
жества л. 521 и о беззаконныхъ бракахъ л. 560.

4-е. Допустили свободный входъ въ Церковь въ общеніе Бrado-
бріицевъ, надъ которыми совершаютъ св. таинства бракъ и при-

¹⁾ „Мы, ниже сего подписавшіеся требоисполнители и уставщики раз-
личныхъ толковъ раскола, даемъ настоящую подписку въ томъ, что
намъ въ присутствіи Управленія Окружнаго Атамана 2-го Донскаго
Округа объявлены: Высочайше дарованный Манифестъ 3 мая 1883 года,
Циркулярное предписаніе Министерства Внутреннихъ дѣлъ, предписаніе
Войскаго Наказнаго Атамана отъ 11 ноября 1890 г. за № 2868 и 1416 ст.
Улож. о нак. уголов. и исправ.—въ силу которыхъ обязуемся: публич-
ныхъ оказательствъ раскола не учинять, священниками не именоваться,
одежды, присвоенной исключительно православнымъ духовнымъ лицамъ,
не носить, недостигшихъ установленнаго закономъ возраста на брачное
сожительство не сводить, вообще безъ удостовѣреній отъ станичныхъ
и волостныхъ правленій не вѣнчать, и по требованію духовныхъ мис-
сіонеровъ православной Церкви являться на собесѣдованія безъ укло-
ненія.

Требоисполнитель Иванъ Степановъ Чертихинъ, Требоисполнитель
Юска Григорьевъ, Требоисполнитель Александръ Нестеровъ, Требоиспол-
нитель Федотъ Рудовъ, Сергѣй Ляпичевъ, Требоисполнитель Алексѣй
Ляпичевъ, Требоисполнитель Кондрать Саранцевъ, Требоисполнитель.
Іаковъ Павловъ, Требоисполнитель Миронъ Лѣскинъ, Требоисполнитель
Иванъ Братухинъ, Іосей Савостьяновъ, Зеновей Кондаловъ, Никифоръ
Родинъ, Автоній Власовъ, Требоисполнитель Иванъ Мануйловъ, Требо-
исполнитель Иванъ Тюкинъ, Требоисполнитель Иванъ Митяевъ, Требо-
исполнитель Самсонъ Семіоновъ. — Крестьянинъ Архипъ Стрѣлковъ,
крестьянинъ Амилей Корытцевъ, мѣщанинъ Степанъ Гусевъ, мѣщанинъ
Іосифъ Никитинъ Негодинъ, Феопевъ Шведовъ, уставщикъ Ефимъ Ко-
зовъ, казакъ Ефимъ Калмыковъ, урядникъ Степанъ Митяевъ, казакъ
Кириѣй Уколовъ, урядникъ Ляпичевъ, казакъ Агафоновъ Хныкинъ, Гера-
симъ Водозадовъ, казакъ Купріяновъ Звонаревъ, урядникъ Матвій Сафо-
ловъ Рыбинъ, Мартинъ Шестернинъ, уряд. Максимъ Тельновъ, крестья-
нинъ Евстратъ Смотриковъ.

Засвидѣтельствовали: (первую копію) Секретарь Подъесаулъ Поповъ.
Вѣрно: Дѣлопроизводитель Поповъ.

чащеніе и допускаютъ ко кресту и яденію просфоры, и считаютъ это за свято, чѣмъ нарушили прав. 96 вселен. 6 собора (толк. Зонара) 174 номок. Соборн. постанов.: стоглав. гл. 40 стр. 163, потребникъ большой о проклятіи ересей, л. 588 обор. Еормч. л. 388 обор. и 15 ниже библ. гл. 19 ст. 27 левит.).

5-е. Сами священники молятся съ еретиками и допускаютъ въ Церковь еретиковъ для общаго моленія, принимаютъ отъ нихъ жертву, чѣмъ нарушили правила 10, 45, 65, свят. Апост. 33 ладіе. собора 98 Тимоф. Александр. и 153 и 154 номок.

6-е. Святѣя таинства обратили въ торговлю, а въ особенности крещеніе. Браки и Елеосвященіе, за которые даже съ вымогательствомъ требуютъ желаемую плату, чрезъ чего за немѣнѣемъ денегъ многіе не получивъ таинства умираютъ и уходятъ въ праотцамъ (Еванг. Благовѣстн. зач. 7 Іоан.).

7-е. Занившихся водкою и умершихъ въ беззаконіи скоропостижно, нераскаившихся при смерти, торжественно вносятъ въ церковь и отпѣваютъ на имя и погребаютъ.

Изложивъ все это по сущей нашей справедливости, мы полагаемъ, что такое громадное нарушеніе Св. Евангелія и прав. Св. Апостоль и Св. отецъ Вселенскихъ соборовъ допущено въ церковь по причинѣ слабаго надзора Іерархической дисциплины, а послѣдними полного неподчиненія, какъ и писано есть: „Иже нѣсть управленія, падаютъ аки листвіе“ (Притч. 11—14), и вотъ этими нарушеніями осквернили наши молитвенные храмы. какъ и писано есть: „жерцы отвергошася закона моего и оскверниша святая моя, между святымъ и сквернымъ не разлучаху“ (Іезек. гл. 22, 26), въ которыхъ приносима жертва не принимается Богомъ, какъ и Самъ Богъ сказалъ: „Беззаконникъ жрѣи ми тельца яко убивая пса“ (Исаія гл. 66, 13). За что Богъ на насъ и посылаетъ гнѣвъ свой: гладъ, бездождіе, гусенницъ, которые пожираютъ всякое растеніе на землѣ, острыя и скоротечныя болѣзни людей и скота и наконецъ полное нестроеніе въ мірѣ и теперь намъ ясно видно, что мы и молимся Богу и просимъ о ниспосланіи намъ вся благая по слову Спасителя нашего Ісуса Христа „Просите и дается вамъ. ищите и обрящете и толкующему отвержется“ (зач. 20 матф.), но не получаемъ просимаго, потому что св. Апостоль Іаковъ пишетъ: „просите и не пріемлите, зане злѣ просите“ (зач. 55), такъ какъ ходатаи наши неугодны служенію передъ Богомъ, какъ попердившіе виноградъ Божій. Обо

всемъ этомъ нашими собратіями было донесено письменно Г-ну Архіепископу Іоанну Московскому, но на это непослѣдовало надлежащаго освященія, полагаемъ это по ходатайству нашихъ священниковъ, такъ какъ они почти всѣ заражены этими нарушеніями и поставили себя въ условіе не выдавать другъ друга, почему и затруднительно Іерарху открыть преступленіе и установить истинную виновность нарушителя, потому что всякое слѣдственное дѣло о ихъ преступленіяхъ представляется ему въ превратномъ видѣ (конечно съ подборомъ свидѣтелей), да при этомъ же изъ фактическихъ данныхъ мы усматриваемъ, что отъ лицъ Іерарха дѣйствія св. правилъ безсильны, это можно видѣть изъ того, что священникъ Іоаннъ Мануйловъ за преступленіе былъ запрещенъ согласно прав. 25 св. Апост. и 53 номокан. даже съ предупрежденіемъ, доколѣ будутъ существовать эти правила онъ разрѣшенъ быть не можетъ. за такое дѣйствіе Іерарха Христіане оставались было довольны, что возмердѣвшая соль измѣняется вонъ зач. 10 матф., но къ великому огорченію мы нынѣ видимъ, что Мануйловъ священнодѣйствуетъ съ разрѣшенія запрещающей его власти. Въ доказательство сего прилагаемъ извѣщеніе въ копіи Архіепископа отъ 16 апрѣля 1899 года ¹⁾. Благочинные и священники наши оправдывая себя тѣмъ, что и въ Москвѣ даже подъ рукою Іерарха допущены такія же нарушенія почему и они допустили въ Церковь все это открыто.

Въ виду вышеизложеннаго по сему прошенію и руководствуясь священнымъ писаніемъ, которое говоритъ „спасеніе есть во мнозѣ совѣтѣ“ (Притч. 11—14) мы, прійдя въ общіе наше согласіе и

¹⁾ Вотъ «Копія съ этого Извѣщенія:»
Запрещенному Іерею Іоанну Мануйлову.
Извѣщеніе.

Прошеніе твое получено 15-го. Запрещены Вы на основаніи прав. 25 Свят. Апостолъ и 53-го номоканона и содержанія въ книгѣ Кормчей на листу 560-мъ а доколѣ будутъ существовать сказанныя правила я разрѣшить тебя не могу. по этому тебѣ предложено, обратиться къ собору если признаешь строго или неправильно съ тобой поступлено; а за сообщеніе о заковопреступныхъ дѣяніяхъ другихъ священниковъ Я вамъ очень благодаренъ если слѣдствіемъ будетъ доказано ихъ преступленіе и они согласно указанія правилъ будутъ наказаны, ибо правила не только частныхъ лицъ наказываютъ они цѣлыя страны. наказали кого тѣмъ, а кого инымъ т. е. папечниковъ однимъ, Армянъ другимъ, Евангеликовъ третьимъ и такъ далѣе. А наши пастыри во многомъ не признавали себя обязанными исполнять правила, и на таковыхъ писано: «Пастыри посмердиша виноградъ мой».

За прошлое говорите: по невѣдѣнію, а въ данное время тебѣ указаны правила какими ты обвиняешься и послѣ того ты соглашаешься служить. по этому для тебя не опасно нарушать правила, еще же и меня приглашаешь нарушать правила и просишь сего какъ бы какую святыню, намъ съ тобой остается немного жить, время за прошлое каяться а ты еще просишь ринуться въ опасѣйшее согрѣшеніе, вопреки правилъ священнодѣйствовать, да избавитъ тебя отъ сего милосердый Богъ. И тако призываю на тя миръ Божій Смиренный Іоаннъ Архіепископъ Старообрядческій. 16 Апрѣля 1899 года.

для защищенія истины и оправданія Божественныхъ законовъ, всѣ единогласно просимъ Преосвященнѣйшій соборъ Боголюбивыхъ Епископовъ разъяснить намъ Христа ради отъ священнаго писанія, что всѣ перечисленные нами нарушенія могутъ ли быть допущены и терпимы въ нашей старообрядческой православной Церкви и признаны законны и святы, и если могутъ быть допущены, то согласно какихъ правилъ или ученія святыхъ отецъ.

Если же нарушенія эти не могутъ быть допущены, то просимъ всѣхъ ихъ вмѣстѣ съ обуявшею солюю изъ сыпать вонъ и тѣмъ очистить святую церковь Христову и привести ее въ первобытное состояніе, такъ какъ наши праотцы и отцы защищали оную своею кровію, мученіемъ и смертію.

Въ крайнемъ же случаѣ, если только святая церковь наша будетъ оставаться и въ предъ такими нарушеніями, то мы вынуждены будемъ слѣдовать согласно правила 15-го 1 — 2 собора и священнаго писанія, повелѣвающегоъ намъ: „Не вездѣ бо есть добро соединеніе, но бываетъ иногда и раздѣленіе добро, ниже всякое умирненіе похвально, но бываетъ множицею и миръ на поврежденіе и далече Божественные любви отгоняющѣ. Егда убо мримся о разрушеніи истины прегрѣшно есть и не подобно зело, таковъ бо миръ не приде Христосъ вложить, но сопротивное наче хошетъ намъ другъ отъ друга добраго ради отлучатися не всякое бо мированіе и совокушеніе добро, но бываетъ, егда и распрія и разлученіе веліе и божественно дѣло; никто же убо симъ образомъ любовію да прилежитъ къ лукавымъ, ниже мира имѣти съ ними, но аще и отецъ, аще и мать, аще чада, аще братія, сопротивныи обрѣтаются закону Христову, сопротивимся имъ, яко врагомъ истинѣ (Еванг. толков. недѣл. всѣхъ святыхъ).

О могущемъ же состояться по сему разсмотрѣніи и опредѣленіи преосвященнѣйшаго собора Боголюбивыхъ епископовъ почтительнѣйше просимъ для успокоенія насъ грѣшныхъ, какъ защищавшихъ правоту истинныя вѣры уведомить насъ по мѣсту нашего жительства.

Хуторовъ: Новаго Калача: урядникъ Иванъ Лобановъ, Филиппъ Архиповъ, урядникъ Василій Подниховъ, урядникъ Петръ Аверкинъ, урядникъ Варфоломей Сафоновъ, урядникъ Андрей Титовъ, урядникъ Сергѣй Бузинъ.—Стараго Калача: Игнатъ Черкесовъ, Наумъ Васинъ, Артемъ Сафоновъ — урядникъ Петръ Рудовъ, урядникъ Василій Махинъ, урядникъ Евсей Гурѣвъ, Николай Еланцевъ.—Хутора Подтихова: урядникъ Макей Подтиховъ, урядникъ Савелій Калининъ, урядникъ Агафонъ Калининъ, урядникъ Климъ Калининъ.

Кромѣ этихъ подисей на прошеніи имѣются подписи уставщиковъ разныхъ хуторовъ—Пятизбынской и Верхне-Чирской станицъ. Всѣхъ подисей болѣе тридцати.

Итакъ, раскольниковъ паства, во главѣ съ уставщиками, обличила своихъ лжепоповъ во многихъ нарушеніяхъ церковныхъ каноновъ и потребовала надъ ними суда «преосвященнѣйшаго собора боголюбивыхъ епископовъ», угрожая въ противномъ случаѣ отдѣлиться и отъ самихъ епископовъ, и съ нетерпѣніемъ ждала отвѣта на свое прошеніе. Но отвѣтъ получился болѣе, чѣмъ неожиданный. Соборъ раскольниковыхъ епископовъ увѣдомилъ просителей ¹⁾, что попы, виновные въ нарушеніи нѣкоторыхъ правилъ, были якобы наказаны ранѣе, а за данную ими подписку не называться священниками на нихъ возлагается епитимія: 6 мѣсяцевъ не должны они ѣсть мясо по 5-му правилу св. Петра Александрійскаго. Отвѣтъ этотъ, какъ и слѣдовало ожидать, не удовлетворилъ паству расколическую и ея уставщиковъ. Они, напротивъ, сильно возмутились столь очевиднымъ потакательствомъ попамъ со стороны «преосвященнѣйшаго собора боголюбивыхъ епископовъ». Мы слышали, что уставщики собираются писать «собору» возраженіе на его отвѣтъ, въ которомъ хотятъ выяснитъ, что никто изъ поповъ не понесъ должнаго, по каноническимъ правиламъ, наказанія за указанные нарушенія правилъ, что правило 5-е Петра Александрійскаго приведено не къ дѣлу (оно не подходитъ къ событію дачи подписки) и что правило апост. 62 остается въ полной силѣ; а по этому правилу всѣ ихъ попы должны считаться изверженными изъ своихъ сановъ.

Изложенное нами ясно показываетъ, что миръ среди донскихъ старообрядцевъ, окормляемыхъ австрійскимъ лжесвященствомъ, сильно поколебленъ. Паства его во главѣ съ уставщиками возстала на своихъ пастырей и вполне резонно уличила ихъ въ такихъ нарушеніяхъ каноновъ, за которыя они подвергаютъ ихъ изверженію изъ своихъ сановъ. Это фактъ, послѣдствія котораго могутъ быть весьма печальны для австрійскаго окружническаго толка. И едвали здѣсь помогутъ «Извѣщенія» Іоанна Картушина и его «инструкція», которыя онъ во множествѣ сочиняетъ и распространяетъ между старообрядцами австрійскаго окружническаго толка!

Священникъ *Евграфъ Овсянниковъ*.

¹⁾ Мы надѣемся въ скоромъ времени получить точную копію съ этого отвѣта „соборнаго“ и сообщить ее редакціи „Миссіонерскаго Обозрѣнія“. Авторъ.

Изъ миссіонерской полемики.

Бесѣда съ молоканами о святыхъ мощахъ угодниковъ Божіихъ.

1.

Въ началѣ бесѣды съ молоканами, приходскій священникъ о. Михаилъ внятно прочиталъ сказаніе объ открытіи мощей св. Θεодосія Черниговскаго. Я заявилъ, что бесѣдовать будемъ именно о прочитанномъ: вѣрятъ ли сектанты тому чуду, какое недавно Господь явилъ народу русскому? Признаютъ ли они, что въ Черниговѣ, дѣйствительно, обрѣтены мощи святителя Θεодосія?

Отъ лица молоканъ отвѣчать стали ихъ начетчики Алексѣй Павловъ и Ѳеодоръ Ивановъ. Они помогали одинъ другому высказывать молоканское «упованіе» о мощахъ угодниковъ.

— По нашему, заявили они, никакихъ мощей на землѣ быть не можетъ. Сказано человѣку: «прахъ ты и въ прахъ возвратишься» (Быт. 3, 19). И еще: «тлѣніе не наследуетъ нетлѣнія» (1 Кор. 15, 50). Какимъ же родомъ въ Черниговѣ могли найти мощи? Мы вѣруемъ, что всѣмъ надо помереть и истлѣть. Это—законъ Божій...

Я отвѣтилъ:

— Законъ-то законъ, да только не изначальный. Богъ смерти не сотворилъ и создалъ человѣка для нетлѣнія. Смерть и тлѣніе вошли въ міръ за грѣхъ адамскій. Подвергаются имъ всѣ, принадлежащіе плотію къ удѣлу нашихъ прародителей (Прем. 1, 13; 2, 23. 24).

Но Богъ, по милосердію и Своему избранію, иныхъ праведныхъ потомковъ Адама избавляетъ отъ тлѣнія. Таковыми были тѣла Еноха, Елисея, Ілии (Быт. 5, 24; 4 Цар. 2, 11—12; 13, 20. 21 ст.).

Сохранивъ эти святые тѣла отъ тлѣнія, Господь тѣмъ самымъ указалъ на достоинство ихъ и будущее еще болѣе дивное просла-

вленіе послѣ всеобщаго воскресенія (Сир. 48, 14; 1 Кор. 15, 43, 53).

Были случаи нетлѣнія тѣлъ по смерти Христовой, о чемъ свидѣтельствуеъ Ев. Матѣей (—27, 52).

Почему же молокане не почитаютъ благоговѣнно мощей святыхъ угодниковъ?

Алексѣй Павловъ сказалъ:

— Потому не почитаемъ, что Апостолъ запрещаетъ намъ признавать мощи. Написано: «тлѣніе не наслѣдуетъ нетлѣнія» (1 Кор. 15, 50)...

Я возразилъ:

— Надобно знать, о чемъ Апостолъ говорить въ 50 ст. 1 Кор. 15 гл. Въ первыхъ стихахъ этой главы онъ раскрылъ христіанамъ, что тѣла бываютъ разными. Неодинакова и слава ихъ (—40 41 ст.) «Есть тѣла небесныя и тѣла земныя» (—40 ст.). Небесныя тѣла безсмертны и блестящи, какъ солнце (—42. 43 ст.). Они не имѣютъ нужды въ пищѣ и питіи (—52. 53 ст.; ср. Откр. 21, 4; 7, 17 и др.).

Свойства земныхъ тѣлъ—иныя. Большинство нашихъ тѣлъ обращается въ прахъ,—дѣлается добычей червей и разрушается (2 Кор. 5, 1—4 ст.). Но еслибы всѣ «тѣла земныя», безъ исключенія, терпѣли тлѣніе и разрушеніе, въ чемъ была бы «слава» ихъ (Ср. 1 Кор. 15, 40)? Чѣмъ разнились бы они, по смерти, отъ тѣлъ животныхъ (—39 ст.)? Воистину, ничѣмъ (Сн. Еккл. 8, 17—21 ст.)...

Между тѣмъ Апостолъ пишетъ, что различіе между ними есть. Разница эта состоитъ въ томъ, что Богъ прославляетъ иныя человѣческія тѣла нетлѣніемъ и чудесами еще въ этомъ мірѣ. Это—тѣ тѣла, которыя чистотой своей подобны тѣлу Второго Адама (—48 ст.). Такія чистыя тѣла, какъ тѣло Елисея, до времени могутъ оставаться нетлѣнными (4 Цар. 13, 20. 21 ст.). Они громко проповѣдуютъ своимъ видомъ о будущемъ всеобщемъ нетлѣніи святыхъ (—49 ст.).

Но этимъ тѣламъ, по слову Апостола, «при послѣдней трубѣ», надобно будетъ измѣниться. Почему? Потому что «иная слава небесныхъ тѣлъ и иная земныхъ» (—40 ст.). Земныя тѣла, хотя и могутъ лежать нетлѣнными, но они въ суще-

ствѣ своемъ — персть, прахъ. Въ нихъ нѣтъ движенія, какъ самостоятельной жизни (41—44 ст.). Они говорятъ намъ о господствѣ надъ людьми смерти (—54, 55 ст.).

Другая судьба будетъ тѣлъ послѣ всеобщаго воскресенія. Они не будутъ нуждаться въ пищѣ и сдѣлаются безсмертными (Откр. 7, 16. 17 ст.; ср. 1 Кор. 15, 53. 54). — Вотъ почему. Апостолъ утверждаетъ, что тѣла наши, хотя могутъ еще въ этой жизни прославляться, однако, для Царства Божія они не подходятъ своей грубой плотностью, своею смертностью. Имъ нужно одухотвориться, чтобы жить со Христомъ (—48. 49 ст.). Но и до всеобщаго суда тѣла праведниковъ должны видѣть свое прославление. Это прославленіе чрезъ нетлѣніе получило тѣло Елисея (4 Цар. 13, 20. 21 ст.) и „тѣла многихъ усопшихъ святыхъ“ (Матѳ. 27, 52).

— Нѣтъ, сказалъ Алексѣй Павловъ, одинъ Господь безсмертенъ. Люди всѣ тлѣнны. Даже Давидъ истлѣлъ (Дѣян. 2, 27. 31 ст.).

Я отвѣтилъ:

— Тлѣніе Давида ничего не доказываетъ противъ православнаго ученія о мощахъ святыхъ. Мы знаемъ, что до Христа люди всѣ были съ врожденнымъ неискупленнымъ грѣхомъ (Рим. 5, 12, 18). За грѣхи они подлежали тлѣнію (1 Кор. 15, 56 ст.), какъ царь Давидъ. Были, однако, немногіе праведники, которые, по смерти, не видали тлѣнія, какъ пр. Елисей (4 Цар. 13, 20. 21; ср. Сир. 48, 14). Для насъ этого совершенно достаточно...

— Почему же нѣтъ мощей, напр., Апостола Павла?—спросилъ вдругъ Федоръ Ивановъ.

Я сказалъ:

— Отвѣтъ и ты мнѣ: почему никто не знаетъ о мѣстѣ смерти Моисея (Вт. 34, 6)? Таковъ святой законъ Божій. Нечего намъ искушать другъ друга вопросами, для разрѣшенія которыхъ нѣтъ никакихъ данныхъ въ словѣ Божіемъ...

Федоръ Ивановъ недовольно твердилъ:

— Ложно вы учите народъ. Отъ мертвыхъ тѣлъ не можетъ быть прославленія и чудесъ. Читайте Сираха гл. 17, ст. 24—26...

Я прочиталъ: „отъ мертваго, какъ несущаго, нѣтъ прославленія“ (Сир. 17, 25). Это вѣрно. Мертвецы сами

собой, отринутые отъ Господа (Пс. 48, 15 ст.), не могутъ возносить пѣней хвалы къ престолу Божію. У такихъ мертвецовъ на сердцѣ не найдется подходящихъ чувствъ. Они будутъ горѣть въ огнѣ и скрежетать зубами (Мѡ. 25, 41; 8, 12).

Но нельзя того же сказать о праведникахъ. Ихъ тѣла, по смерти, свидѣлствуютъ о могуществѣ и славѣ Божіей. Объ этомъ говорится у того же Прем. Сираха: „Илія сокрытъ былъ вихремъ, — и Елисей исполнился духомъ его... Ничто не одолѣло его, и, по успеніи его, пророчествовало тѣло его. И при жизни своей совершалъ онъ чудеса, и по смерти дивны были дѣла его“ (—48, 12—15 ст.).

Смотри же, Ѳеодоръ Ивановичъ, какъ ты ошибаешься. Ты сказалъ, что отъ мертвыхъ не можетъ быть чудесъ,—а вотъ мертвое тѣло Елисея «пророчествовало» и оставалось нетлѣннымъ. Это—великое чудо!

Видимъ отсюда, что сектанты не могутъ различить умершихъ по ихъ достоинству. Тѣла грѣшниковъ лежатъ въ униженіи (1 Кор. 15, 42, 46). Тѣла же святыхъ «процвѣтаютъ» чудесами, по словамъ Сираха (—46, 14; 49, 12). Даже платки съ этихъ тѣлъ чудодѣйственны (Дѣян. 19, 12 ст.).

— Да, замѣтилъ Ѳеодоръ Ивановъ, пока тѣла живы, святые черезъ бездушныя вещи творили чудеса...

— Ошибаешься ты, другъ! — сказалъ я. Вотъ пр. Ілія былъ взятъ на небо, а одежда его въ рукахъ Елисея сотворила чудо (4 Цар. 2, 8, 14). Пр. Елисей умеръ, а тѣло его воскрешало мертвецовъ (4 Цар. 13, 20, 21).

Конечно, такую силу тѣла святыхъ имѣютъ не сами по себѣ, а по дарованіи ея отъ Господа (1 Кор. 8, 6; 2 Кор. 9, 8). Сами по себѣ мертвые всѣ безгласны и не могутъ прославлять устами своими Бога (Сир. 17, 24—26).

II.

Мои собесѣдники мялись на своемъ мѣстѣ, но опровергнуть меня не могли. Тогда Алексѣй Павловъ сказалъ:

— Зачѣмъ же вы тѣла святыхъ почитаете? Гдѣ приказъ Божій на это?

И отвѣтилъ:

Мы почитаемъ тѣла или останки, мощи, святыхъ по указанію Библии. Уже изъ кн. Бытія мы знаемъ, что евреи „почтили кости“, — по нашему, мощи Іосифа: «и заклалъ Іосифъ сыновъ Израилевыхъ, говоря: Богъ посѣтитъ васъ и вынесите кости мои отсюда. И умеръ Іосифъ... И набальзамировали его и положили въ ковчегъ въ Египтѣ» (—50, 25, 26). Эти святые останки Іосифа Моисей послѣ взявъ съ собою изъ земли Египетской (Исх. 13, 19).

Изъ 4 кн. Царствъ видимъ, что евреи строили гробницы на могилахъ пророковъ (— 23, 17, 18). Сообразите сами: если бы въ древности не почитались останки праведниковъ, — люди Божіи не носили бы ихъ съ собой и не воздвигали бы надъ ними памятниковъ.

Слова мои ясно подтверждаетъ прем. Сирахъ. Онъ говоритъ: «кости были Іосифа почтены» (—49, 17). О такомъ благочестивомъ древнемъ обычаѣ говорилъ Христосъ фарисеямъ: «вы строите гробницы праведникамъ и украшаете памятники праведниковъ» (Мф. 23, 29).

Алексѣй Павловъ перебилъ меня:

— Устройство памятниковъ—не есть еще прославленіе. Господь осудилъ фарисеевъ за эти памятники.

Я сказалъ:

— Господь осудилъ фарисеевъ не за то, что они строили памятники на гробницахъ пророковъ, а за лицемеріе. Въ самомъ дѣлѣ: евреи, преступные нарушители закона, убивали своихъ обвинителей—святыхъ пророковъ, а послѣ тѣ же евреи строили имъ памятники. Это оказывалось лицемеріемъ, дѣломъ Богу неугоднымъ. Потому-то Господь осудилъ такое лицемеріе.

А что памятники въ честь святыхъ ставить не грѣшно, объ этомъ свидѣтельствуетъ 4 кн. Царствъ. Тамъ разсказывается про благочестиваго царя Осію. Онъ увидѣлъ памятникъ на могилѣ пророка Ахін и велѣлъ «оставить его въ покоѣ» (—23, 17, 18).

Послушайте также, о чемъ повѣствуетъ намъ кн. Маккавейская. Въ сраженіяхъ съ врагами народа Божіа умрали одни за другихъ

вожди изъ рода Маккавеевъ. Тогда благочестивый «Симонъ воздвигъ зданіе надъ гробомъ отца своего и братьевъ своихъ и вывелъ его высоко... на вѣчную память» (1 Мак. 13, 27—29; ср. Сир. 50, 1—23 ст.). Последними словами опровергается то мнѣніе сектантовъ, будто памятники на гробахъ праведниковъ ставились не для ихъ прославленія. Сказано: «на вѣчную память»,—значить, для прославленія умершихъ въ потомствѣ.

Алексѣй Павловъ, не разбирая моихъ доводовъ, велъ свою «липію». Онъ сказалъ:

— Кости вашихъ угодниковъ, которыхъ вы почитаете, Господь разсѣетъ по землѣ и смѣситъ ихъ съ навозомъ. Объ этомъ пишетъ пр. Іеремія: «и раскидаютъ кости (царей и князей іудиныхъ) предъ солнцемъ и луною и предъ всѣмъ воинствомъ небеснымъ...: онѣ будутъ навозомъ на землѣ» (—8, ст. 1, 2).

Я возмущился душою и съ горечью въ голосѣ произнесъ:

— Читаете вы, друзья, святую Библию, а смысла ея въ толкъ не берете! Іеремія пишетъ не о всякихъ «костяхъ», а только о костяхъ царей и князей іудиныхъ, виновныхъ предъ Богомъ...

— Упомяните ужъ,—вставилъ замѣчаніе Алексѣй Павловъ,—вслѣдъ за Іереміей, и о костяхъ пророковъ...

— Пусть и пророческія кости Господь разсѣетъ, — сказалъ я. Но какимъ же пророкамъ принадлежать эти кости? На этотъ вопросъ отвѣтъ даетъ ст. 2: «раскидаютъ кости предъ солнцемъ и луною и предъ всѣмъ воинствомъ небеснымъ, которыхъ они любили и которымъ служили..., которыхъ искали и которымъ поклонялись»...

Итакъ, Господь разсѣетъ кости пророковъ-идолопоклонниковъ, соблазнявшихъ народъ своимъ идолослуженіемъ. Эти кости будутъ поруганы (Іер. 8, 1).

Но кости истинныхъ пророковъ Господь не осквернялъ смѣшеніемъ ихъ съ навозомъ. Напротивъ, въ лицѣ царя Осии, Онъ почтилъ ихъ (4 Цар. 23, 17, 18).

Почему же молокане не почитаютъ останковъ истинныхъ угодниковъ Божіихъ?

Алексѣй Павловъ сказалъ:

Вы намъ доказываете, что Господь сохраняетъ кости праведниковъ. Но Онъ хранитъ также и кости людей нечестивыхъ...

Я отвѣтилъ:

— Господь хранитъ кости людей нечестивыхъ. Это мы можемъ допустить. Но цѣль сохраненія въ томъ и другомъ случаѣ разная. Кости праведниковъ Господь бережетъ для того, чтобы онѣ «процвѣли отъ мѣста своего» (Сир. 46, 14) славою и чудесами (4 Цар. 13, 20. 21). Кости грѣшниковъ Господь отдаетъ на поруганіе людямъ и звѣрямъ (Пс. 33, 17). Припомните соотвѣтствующій разсказъ изъ 4 кн. Царствъ: благочестивый царь Осія кости пророковъ оставилъ въ почетѣ и неприкосновенности, а кости идолопоклонниковъ велѣлъ вырыть изъ земли, сжечь ихъ и разбѣять пепель по вѣтру (4 Цар. 23, 16).

Подобнымъ же образомъ Самъ Господь сказалъ о домѣ Ахава нечестиваго: «псы съѣдятъ Іезавель за стѣною Изрееля; кто умретъ у Ахава въ городѣ, того съѣдятъ псы. а кто умретъ на полѣ, того расклюютъ птицы небесныя» (3 Цар. 21, 23, 24).

Въ этомъ именно смыслѣ о поруганіи костей пророковъ, царей и князей іудиныхъ говорится въ книгѣ Іеремія (—8, 1. 2). Такова участь многихъ останковъ людей нечестивыхъ. По своей духовной темнотѣ, вы, друзья, смѣшали все вмѣстѣ. Оттого праведники и грѣшники у васъ получили одну честь (ср. 1 Кор. 15, 40. 41). Это—неправда, обличаемая словами Апостола, и грубая ваша ошибка...

Православные слушатели въ негодованіи зашевелились. Молоканамъ податься было некуда. Ихъ выручилъ Ѳеодоръ Ивановъ. Онъ спросилъ:

— А какъ кости праведныхъ процвѣтутъ?

Въ свою очередь я поставилъ вопросъ:

Какъ, по вашему понятію, надобно толковать относящіяся сюда слова Сираха (46, 14)?

Ѳеодоръ Ивановъ сказалъ:

— Кости праведниковъ процвѣтутъ, то есть имена ихъ послѣ

будутъ вспоминаться, — какъ было помянуто имя пр. Михея, когда сбылось его предсказаніе (Мф. 2, 5, 6 ст.).

Я возразилъ:

— Вы говорите объ именахъ, а не о костяхъ. Ихъ Сирахъ различаетъ. Онъ сначала пишетъ: «да процвѣтутъ кости» праведниковъ, а послѣ желаетъ, чтобъ «имя ихъ перешло къ сынамъ ихъ» для прославления (46, 14, 15). Различайте-же и вы кости отъ именъ и не мѣшайте того и другого въ мѣстѣ!..

Какимъ же родомъ могутъ процвѣсти кости праведниковъ?

Отвѣтъ на вопросъ даетъ самъ же пр. Сирахъ, когда говоритъ о тѣлѣ Елисея. Это тѣло «по смерти... пророчествовало», — другими словами: оно сотворило чудо (4 Цар. 13, 20, 21). Такимъ образомъ «процвѣсти» кости праведныхъ могутъ лишь славою и чудесами своими, — въ частности, нетлѣніемъ своимъ.

Алексѣй Павловъ рѣшительно заявилъ, что нетлѣнія тѣлъ сектанты допустить не могутъ. По ученію Писанія, всѣ должны нетлѣть. Такъ ап. Павелъ и называетъ тѣла наши «уничиженными» (Филип. 3, 21).

Съ другой стороны, еслибы тѣла святыхъ могли оставаться нетлѣнными, — объ этомъ сказалъ бы Господь нашъ, а то Онъ про это умалчалъ (Мр. 16, 17, 18). Стало быть, нетлѣнныхъ тѣлъ быть не можетъ...

Я отвѣтилъ:

— Искажаешь ты Писаніе, Алексѣй Павловичъ? Ты берешь изъ него то, чего тамъ не положено. Ап. Павелъ, правда, тѣла наши называетъ «уничиженными». Но въ какомъ смыслѣ? Въ томъ, что они подвержены грѣху, болѣзнямъ, — алчутъ, жаждутъ, наготуютъ. Этихъ недостатковъ не будутъ имѣть тѣла небесныя (ср. 2 Кор. 5, 8; 1 Кор. 15, 51—53). Потому наши земныя тѣла, по сравненію съ ними, дѣйствительно, «уничиженные». Но развѣ это слово означаетъ, что они обязательно всѣ должны истлѣть?..

Подобнымъ образомъ отъ Христовыхъ словъ нельзя брать больше того, что въ нихъ сказано. Спаситель, говоря о чудесахъ, которыя будутъ творить вѣрующіе въ него, ничего не сказалъ объ исцѣленіи больныхъ чревъ возложеніе на нихъ платковъ и опоясаній апостольскихъ, — а о такомъ именно чудѣ разсказано въ кн. Дѣяній (19, 12).

Что же, этому сказанію сектанты не повѣрятъ?..

Такъ несомнѣнно: въ рѣчи Спасителя (Мр. 16, 17, 18) содержится лишь общее пророчество о великихъ дарахъ духовныхъ, которые получаютъ праведники милостью Христовой. Не слѣдуетъ по этому удивляться, въ частности, если онъ ничего не сказалъ здѣсь о нетлѣннѣи тѣлъ святыхъ. Объ этомъ нетлѣннѣи говорить Ев. Матѣей (—27, 52). И довольно для насъ. Мы и тому должны вѣрить, и съ любовью прославлять святыя останки праведниковъ...

Федоръ Ивановъ съ силою повторилъ:

— Мертвыя тѣла нечисты (Лев. 21, 11, Чис. 9, 6; 19, 11 ст.).

Я отвѣтилъ:

— Такъ надобно было смотрѣть на тѣла древнихъ евреевъ, не искупленныхъ кровію Христовой. Нынѣ тотъ законъ прошелъ (Евр. 10, 1). Наступили новыя благодатныя времена (Гал. 4, 4). Ихъ открылъ Своею жизнью Христосъ Господь. Когда Онъ умеръ, — жены мироносицы не возгнушались Его мертвымъ тѣломъ. Онѣ пошли ко гробу помазать Его (Іоан. 20, 1; Ср. 11, 38—41 ст.). Также надобно съ любовью относиться къ тѣламъ Божіей Матери и апостоловъ. Почему и сказано въ Евангеліи о Богородицѣ: «блаженно чрево, носившее» Христа (Лк. 11, 27)...

Вотъ и мы ублажаемъ тѣла праведниковъ—богоносцевъ, всю жизнь любившихъ и служившихъ Христу.—На какомъ основаніи сектанты не чтутъ этихъ тѣлъ?..

Молокане молчали. Бесѣда была кончена. Народъ съ назиданіемъ расходился по домамъ....

Д. Боголюбовъ.

Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги по вопросамъ вѣры и миссіи Церкви.

Изъ духовной журналистики за 1902 г. Періодическая духовная печать прошлаго года была обильна изслѣдованіями по вопросамъ религіозно-миссіонерскаго характера, вызваннымъ на свѣтъ церковно-общественными запросами самой жизни. Вопросы — о свободѣ совѣсти, о лжеученіи Толстого и его послѣдователей, а также вопросы общаго апологетическаго характера, такъ или иначе связанные съ этимъ лжеученіемъ, почти не сходили со столбцовъ духовной печати. Считаемо полезнымъ отмѣтить къ свѣдѣнію нашихъ читателей нѣсколько статей, заслуживающихъ вниманія пастыря-миссіонера.

Въ „Трудахъ Кіевской Духовной Академіи“ за 1902 г. помѣщены слѣдующія статьи апологетико-миссіонерскаго характера: „Дѣйствительность воскресенія мертвыхъ по ученію св. Апостола Павла“ проф. Д. И. Богдашевскаго, „Объ отношеніи къ церкви нашего образованнаго общества“ проф. В. Θ. Пѣвницкаго, „О Евангеліяхъ и Евангельской исторіи“ Д. И. Богдашевскаго, „О Библіи“ В. П. Рыбинскаго, „Книга Требникъ и ея значеніе въ жизни православнаго христіанина“ (по поводу новѣйшихъ воззрѣній на эту книгу), проф. А. Аѳ. Дмитріевскаго, „Что такое Церковь?“ проф. М. Ф. Ястребова, „Слово о значеніи и силѣ вѣры“ П. Кудрявцева, „Педагогическія воззрѣнія Л. Н. Толстого“ проф. Маккавейскаго и „Къ вопросу о свободѣ совѣсти“ сп. Платона.

Д. И. Богдашевскій въ первой своей статьѣ занимается изъясненіемъ 1 посл. Коринѳ. гл. 15, ст. 1—34. Указавъ на то, что въ Коринѳѣ были отрицатели воскресенія мертвыхъ (ст. 12), подобно тому какъ Именей и Филитъ утверждали наоборотъ, что воскресеніе мертвыхъ уже было, авторъ переходитъ къ изложенію положительнаго ученія ап. Павла объ этомъ предметѣ, начавъ доказательства свои съ факта воскресенія Спасителя, какъ начала, и съ указанія на связь нашу съ Христомъ Спасителемъ, какъ вѣрующихъ въ Него. Авторъ подробно разсматриваетъ упоминаемыя Апостоломъ явленія Спасителя, а также даетъ обстоятельное объясненіе эсхатологическихъ со-

бытій, затронутыхъ Апостоломъ въ данномъ мѣстѣ, и съ особенною подробностью останавливается на истолкованіи труднѣйшаго мѣста въ посланіи къ Коринѳянамъ ст. 29, гдѣ говорится о крещающихся „жертвыхъ ради“. Вообще авторомъ собранъ и великолѣпно изложенъ весь наиболѣе важный экзегетическій матеріалъ, касающійся даннаго мѣста.

В. Ө. Пѣвницкій въ своей статьѣ отмѣчаетъ пренебрежительно—враждебное отношеніе къ Церкви со стороны свѣтскаго интеллигентнаго общества, особенно ясно выразившееся по поводу отлученія отъ Церкви Л. Толстого. Авторъ указываетъ на каноны церковные, которыми должна руководиться жизнь Церкви и которые ясно говорятъ не въ пользу отлученнаго, на слова св. ап. Іоанна Богослова, прямо называвшаго лжеучителей, подобныхъ Л. Толстому, антихристами. Авторъ старается опредѣлить причину равнодушнаго отношенія нашего интеллигентнаго общества къ Церкви, а также и то, какъ истинновѣрующіе должны, съ своей стороны, относиться къ данному явленію.

Во второй своей статьѣ Д. И. Богдашевскій дѣлаетъ изысканія псагогическаго характера, а отчасти и экзегетическаго. Въ послѣднихъ онъ касается евангельскихъ чудесъ и ихъ достовѣрности, а также разбираетъ взгляды на нихъ, высказанныя отрицательной критикой, въ частности Л. Толстымъ.

В. П. Рыбницкій устанавливаетъ въ своей статьѣ неизмѣнность буквъ свящ. Писанія за долгій періодъ его существованія, говоритъ кратко объ исторической судьбѣ Библіи въ странахъ христіанскихъ до книгопечатанія и съ изобрѣтеніемъ послѣдняго, отмѣчаетъ равнодушное отношеніе къ Библіи, замѣчаемое въ современномъ обществѣ и стремится уяснить его причины, и, наконецъ, указываетъ благотворное вліяніе слова Божія на душу человѣческую.

А. Аѳ. Дмитріевскій высказываетъ и обосновываетъ церковный взглядъ на книгу Требникъ въ противоположность Л. Толстому и его единомысленикамъ, „которые, путемъ печати, въ періодическихъ изданіяхъ, постарались развить крайнія воззрѣнія нашего писателя на данную книгу съ ссылкой на факты, якобы позаимствованные ими со страницъ Требника, и съ несомнѣннымъ намѣреніемъ импонировать на людей, мало знакомыхъ съ его содержаніемъ. Какъ авторъ доказываетъ важность этой книги, читатели „Мисс. Обзор.“ уже знаютъ изъ особаго отзыва объ этомъ произведеніи почтеннаго профессора.

М. Ф. Ястребовъ излагаетъ догматическое понятіе о Церкви и ея „органахъ“ апостолахъ и ихъ преемникахъ—пастыряхъ и учителяхъ Церкви.

а также объясняетъ въ концѣ своей статьи образы Церкви, предложенные въ словѣ Божіемъ.

Слово „о значеніи и силѣ вѣры“ П. П. Кудрявцева заключаетъ довольно много богословскихъ и философскихъ данныхъ о необходимости, значеніи и силѣ вѣры.

Въ статьѣ „Педагогическія воззрѣнія гр. Л. Н. Толстого“ Н. К. Маккавейскій отмѣчаетъ основной взглядъ Л. Толстого—это именно о правѣ воспитывать другихъ. Указываетъ на отрицательное отношеніе Толстого къ вопросу, приведшее въ концѣ концовъ его къ выводу, что „религіозное воспитаніе—это обманъ, сознательный обманъ взрослыми людьми дѣтей“ и что педагогика не есть научная теорія воспитанія. Во второй части своей статьи авторъ старается обосновать научныя педагогическія воззрѣнія на недостатки идеаловъ добра, идеаловъ христіанскихъ.

Преосв. Платонъ въ своемъ рефератѣ, посвященномъ вопросу о свободѣ совѣсти касается положеній, возбужденныхъ на Орловскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ г. Стаховичемъ. Преосв. авторъ справедливо обращаетъ вниманіе на то, что если Стаховичъ считаетъ, что „заставлять силою выполнять предписанія Церкви, это, дѣйствительно, значить посягать на права личности, на свободу совѣсти“, то „и допускать свободный выходъ изъ Церкви значить посягать на право Церкви, что „допустить полную свободу совращенія—это значить отдать наше крестьянство на разхищеніе, дать ему возможность перестать быть православнымъ, но не свободнымъ въ своей совѣсти“. Выяснивши вопросъ о свободѣ совѣсти съ научной стороны, преосв. авторъ иллюстрируетъ его яркими фактами. Боборыкинъ въ раскольничьихъ скитахъ видитъ „настоящую школу варово-этического воспитанія и требуетъ имъ свободы. „Можно ли назвать, спрашиваетъ преосв. авторъ, школой научно-этического воспитанія эту, напр., „двигаловскую вѣру“, или „коммерсантовъ рай“ (см. „Мисс. Кал.“ 1902 г. стр. 206—207), или секты дыромоляевъ, лучниковцевъ, лѣвшаковъ, жарко спорящихъ о томъ, какъ нести руку, съ лѣваго плеча къ правому надъ носомъ, или мимо рта“. Преосв. авторъ видитъ рѣшеніе вопроса о свободѣ совѣсти въ христіанской, все умиротворяющей любви.

Въ журналѣ „Православный Собесѣдникъ“ заслуживаютъ вниманія миссіонеровъ слѣдующія статьи: — „О священной поэзіи православнаго христіанскаго богослуженія“ А. Царевского, „Мысли В. С. Соловьева о значеніи религіозныхъ знаній и богословской науки“ И. Ливанова, „Метафизика жизни и христіанское откровеніе“ В. Несмѣлова, „Толстой и Нитцше“ Никольскаго и нѣк. др. Въ первой статьѣ читатель, помимо всесторонняго выясненія вопроса, найдетъ не мало данныхъ для борьбы съ уклоняющимися

отъ православно-христіанскаго богослуженія раскольниками и сектантами. Вторая статья на основаніи сочиненій Соловьева выясняетъ взглядъ его на богословское образованіе.—Статья Несмѣлова „Метафизика жизни“ представляетъ изъ себя продолженіе обширной монографіи, начатой еще въ 1901 г. Въ книжкахъ 1902 г. авторъ касается вопроса о происхожденіи зла въ мірѣ и объ условіяхъ спасенія; указываетъ при этомъ на всеобщность сознанія грѣховности въ человѣчествѣ какъ на фактъ, свидѣтельствующій о всеобщности прародительскаго грѣха въ человѣкѣ, и касается, для полноты и освѣщенія вопроса, грѣха и въ сферахъ ангельскихъ. Рѣшаетъ, затѣмъ, авторъ съ точки зрѣнія метафизической и вопросъ объ отношеніи Бога ко злу и грѣху, при чемъ естественно затрогивается здѣсь вопросъ и о свободѣ воли въ человѣкѣ. Выясняя вопросъ о происхожденіи въ человѣкѣ грѣха, въ чемъ онъ, собственно, заключался и какія принесъ послѣдствія, авторъ устанавливаетъ фактъ невозможности самоспасенія и необходимости Спасителя; и здѣсь же излагаетъ христіанское ученіе о спасеніи, совершенномъ Иисусомъ Христомъ чрезъ Его жизнь, въ которой открылась правда Божія, чрезъ Его ученіе, страданія, крестную смерть и воскресеніе.

Въ статьѣ „Толстой и Нитцше“ г. Никольскій дѣлаетъ сопоставленіе между тѣми мыслями по статьѣ англійскаго писателя Adams'a. Въ своей статьѣ англійскій писатель касается только моральной стороны ученія Л. Толстого, но при этомъ наивно считаетъ Толстого представителемъ христіанскаго моральнаго ученія, такъ что, когда Толстой отрицательно относится къ браку, какъ эгоистическому образу жизни, Эдемъ опровергаетъ его не Евангеліемъ и не посланіями Апостоловъ, а цитатой изъ соч. Нитцше. То же недоразумѣніе происходитъ у англійскаго писателя и при изложеніи ученія Толстого о самоотверженной любви и аскетизмѣ. Но еще болѣе механическимъ у англійскаго писателя находитъ авторъ изложеніе ученія Нитцше. „Если о Толстомъ, говоритъ авторъ, Эдемъ не стѣсняется иногда высказывать горькую правду (напр., справедливо называя его чистымъ, рѣшительнымъ анархистомъ), то о недостаткахъ моральныхъ ламентаций Нитцше онъ упорно молчитъ“. Нашъ авторъ обнажаетъ Нитцшеанское воззрѣніе на добро и нравственность. Въ концѣ концовъ онъ находитъ, что у Эдемса „характеристика взятыхъ имъ моралистовъ неудовлетворительна“.

Въ прошломъ году началъ выходить въ свѣтъ новый духовный журналъ—„Православно-русское Слово“. Журналъ этотъ издается Спб. Обществомъ распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православної Церкви. Журналъ на первыхъ же порахъ обратилъ на себя вниманіе своими почтенными задачами и жизненной программой. Нельзя только не

пожалѣть, что органъ столичнаго пастырства на первыхъ порахъ принялъ нѣсколько сурово-обличительный тонъ ко многимъ религіозно-общественнымъ проявленіямъ и запросамъ современной жизни и къ „ищущей интеллигенціи“. Но послѣдующее время сгладило эту рѣзкость. Въ теченіе 1902 г. на страницахъ журнала было помѣщено не мало статей, имѣющихъ интересъ вообще, а также и въ миссіонерскомъ отношеніи. Изъ послѣдующихъ статей отмѣтимъ слѣдующія „Изъ твореній св. отцевъ Церкви. I. Истинная Церковь одна. II. Значеніе внѣшнихъ мѣръ для единенія съ нею“ (По Кипріяну Каро. и блаж. Августину), „Протестантское пастырство и предупрежденіе православыми пастырями“, „Наши религіозные запросы“, „Чѣмъ объяснить широкое распространеніе идей гр. Л. Н. Толстого?“ „Современное состояніе Алтайской миссіи“ (сп. Макарія), „Что дѣлать для привлеченія интеллигенціи къ Церкви?“ „Благочестіе сына Церкви и благочестіе сектанта“. „Къ вопросу о просвѣщеніи народа“ и мн. др. Отъ души пожелаемъ новому органу съ успѣхомъ продолжать такъ умѣло и обдуманно начатую имъ полезную церковно-просвѣтительную дѣятельность.

Свящ. М. Лисицынъ.

Міровая драма (.) Твореніе — паденіе — искупленіе — воскресеніе по данымъ Божественнаго Писанія. Да будетъ воля Твоя! Выпускъ первый — введеніе (завязка) (.) твореніе — паденіе. Религіозная философія Свѣтозара Радовановича (.) шумадійскаго Сербъ — воспитанника Россіи (.) навоеніста (.) Съ 19 рисунками по Агнну, Шнорру, Доре, составленными Н. Григорьевымъ (.) Львовъ (.) Удѣльная типографія, ул. Лице. Нр. 8. 1901.

Мы съ буквальной точностью привели заглавіе странной книги, напечатанной во Львовѣ. Ея авторъ очевидно врагъ знаковъ препинанія и безъ нихъ заглавіе его произведенія похоже на конну вслосъ, къ которымъ никогда не прикасался гребень. Лавры Мильтона, повидимому, не даютъ спать г. Свѣтозару-Радовановичу, и вотъ онъ задался цѣлью написать религіозную философію на ту же самую тему, о которой трактовалъ знаменитый Англійскій поэтъ. Но замысливъ великое, Свѣтозаръ-Радовановичъ создалъ нѣчто удивительно — смѣшное и сумбурно — нелѣпное. Едва ли г. шумадійскій сербъ сознаетъ дикость того, что имъ написано, хотя впрочемъ и смѣшитъ возвѣститъ всему міру, что онъ по своимъ религіозно-философскимъ воззрѣніямъ не кто иной, какъ паноеистъ (чит. пантеистъ) и этимъ предупреждаетъ читателя, что къ его произведенію нельзя прикладывать обыкно-

венной мѣрки человѣческаго здраваго смысла. Невольно вспоминаешь по этому поводу художника, который хотѣлъ изобразить на своей картинѣ льва, а вмѣсто того нарисовалъ другого какого-то удивительнаго звѣря; чтобы не затруднять понапрасну публику, имѣвшую созерцать его произведеніе. художникъ безъ всякихъ околичностей подписалъ подъ своей картиной—мазней: «селевъ, а не собака!»

Съ какою же однако цѣлью Свѣтозаръ-Радовановичъ избралъ предметомъ своей «панъеистической философіи» твореніе—паденіе—искупленіе—воскресеніе? «Надъ разгадкою этихъ загадокъ,—говоритъ г. доморощенный панъеистъ—(т. е. откуда міръ? откуда зло? къ чему борьба? чѣмъ все кончится?), поочередно трудились и продолжаютъ трудиться всѣ достигшія полноты возраста поколѣнія“... „Только славянинъ не высказалъ (будто бы?) своего мнѣнія по интересующимъ насъ вопросамъ. Почему? А просто потому, что не доросъ. Въ этой области славяне пока все еще ученики, смотрящіе на вещи глазами своихъ учителей“ (Предисловіе. стр. XXX—XXXI). Однимъ словомъ, до г. шумадійскаго серба вопросы о мірѣ, человѣкѣ и т. д. были неразработаны въ славянскомъ мірѣ. потому что никто не доросъ до ихъ пониманія: обо всемъ этомъ славяне какъ будто даже и не заикались; но вотъ съ появленіемъ на горизонтѣ славянскаго міра воспитанника Россіи, Свѣтозара-Радовановича, настало наконецъ время заговорить философски и славянамъ,—потому что г. шумадійскій сербъ до всего этого доросъ и обо всемъ этомъ можетъ сказать вѣское слово. «Итакъ, младшій изъ народовъ, славянинъ, твоей чередъ! Впередъ!»—воистинно кричитъ Свѣтозаръ-Радовановичъ, возбуждая собственную панъеистическую мысль. Самоуваженіе и въ то-же время невѣжество въ трактуемой области удивительныя!... И при чемъ здѣсь титулъ „воспитанника Россіи“, который Свѣтозаръ-Радовановичъ предупредительно ставитъ въ оглавленіи своего quasi философскаго произведенія?

Наши «братушки» вообще страстные любители всякой политики и дипломатіи. Несвободенъ отъ этого качества и Свѣтозаръ-Радовановичъ. Онъ свой панъеистическій трудъ съ широкоушательнымъ заглавіемъ „Міровой драмы“ посвящаетъ „Мирной конференціи (.) ея Творцу и Б(б)лагожелателямъ“, а въ предисловіи, между прочимъ, касается послѣ дней Китайскихъ событій (Sic!).

Ех abruptly нашъ панъеистъ задается вопросомъ, какъ обратиться къ вѣрѣ въ истиннаго Бога (Предисловіе, стр. XXIV). При рѣшеніи этого вопроса политическая сообразительность въ соединеніи съ „панъеистической философійю“ заставляетъ Свѣтозара Радовановича говорить прямо чудовищныя нелѣпости. „Нужно поклонникамъ Бога Истиннаго снарядить въ Китай почетное посольство съ участіемъ представителей отъ всѣхъ религіозныхъ общинъ (ibid. стр. XXV); участники посольства пусть попросятъ правительство Китая обратиться къ Богу праотцевъ всего человѣчества (,) Ноя и Адама (,) и въ руководство принять Библію. Въ виду же разногласія народовъ въ пониманіи слова Божія, Китаю до выработки (I) общаго для всѣхъ удобопріемлемаго пониманія (?)—должно быть предоставлено право выбора любого изъ существующихъ (вѣроисповѣданій?) или же и составленія своего собственнаго (sic!). Однако, прежде чѣмъ браться за снаряженіе посольства, культурные народы должны сдѣлать все, отъ себя зависящее, чтобы посольству обезпечить благосклонный пріемъ (?). Какъ же однако это сдѣлать въ виду нанесенной недавнимъ погромомъ кровной обиды Китаю?—А нужно постараться, чтобы обида была забыта. Забудется же она, если тяжесть послѣдствій погрома будетъ смягчена. Самымъ тяжкимъ бременемъ, которое легло на плечи Китая, нужно считать полмиллиардную контрибуцію! Снять съ его плечъ это бремя, значило бы, обезпечить посольству благосклонный пріемъ (?). А снять—дѣло не особенно трудное (?). Стоитъ лишь объявить на эту цѣль повсемѣстную подписку—всемирную! Починъ въ этомъ дѣлѣ могла бы взять на себя женская лига мира“ (ibid. стр. XXVII). Приведенная тирада въ комментаріяхъ не нуждается. Ее нельзя даже назвать проектомъ „мошеннической благотворительности изъ чужого кармана“; это просто какое-то словесное декадентское шутовство человѣка, который, не обладая никакими принципами, но имѣя въ запасѣ много празднаго времени, злоупотребляетъ отъ скуки чернилами и бумагой.

Въ собственномъ смыслѣ «религіозная философія» занимаетъ въ книгѣ Свѣтозара-Радовановича, за вычетомъ 19 рисунковъ, 27 страницъ; панъеизмъ г. шумадійскаго серба въ существѣ дѣла сводится къ изложенію первыхъ трехъ главъ книги Бытія.—изложенію, сдѣланному по мѣстамъ безобразно грубымъ, фельетоннымъ языкомъ (стр. 42, 43, 44). Въ quasi философствованіи Свѣтозара Радовановича нѣтъ ничего глубокомысленнаго и ори-

гинальнаго. Но одинъ выводъ, или точнѣе прыжокъ, разнузданной мысли г. паноевста невольно останавливаетъ вниманіе въ силу своей циничной кощунственности. Изъ Быт. III, 22 и V, 1—3 Свѣтозаръ-Радовановичъ, опираясь на грамматику еврейскаго языка, умозаключаетъ, что брачная жизнь есть Троице-подобная жизнь, а не брачная—ангелоподобная (стр. 44 и 46). Означенную богословскую пошлость г. шумадійскаго серба разбирать излишне. Мы только посоветуемъ завравшемуся философу прочесть Лук. IX. 28—33; здѣсь онъ увидитъ, что во время преображенія Господня на Өанорѣ, этого великаго момента въ земной жизни Богочеловѣка, около Спасителя находились въ равной славѣ два праведника: одинъ—брачный (Моисей и другой—дѣвственный (Илія). Дѣвство и бракъ суть двѣ маслины и два свѣтильника, стоящіе предъ Богомъ земли (Откр. XI, 4). И говорить о томъ, что изъ нихъ выше или ниже, нужно съ большою осторожностью, а не очертя голову, на подобіе древнихъ развратныхъ пророковъ Ваала и нынѣшнихъ „крещенныхъ язычниковъ“.

Н. Булаковъ.

А. П. Шостьянъ. Э.-орд. проф. Моск. дух. академіи. Зачѣмъ блуждать? Размысленія по поводу предполагаемой реформы нашей средней школы. С. Посадъ, 1902 г. (Цѣна 25 коп. Продается въ редакціи „Богословск. Вѣстника“, Сергіевъ Посадъ, Моск. губ.).

Еще не такъ давно столбцы газетъ и страницы толстыхъ журналовъ были наполнены разнообразными, иногда до противоположности различными, сужденіями о реформѣ нашей средней школы. Въ многоразговѣ, мѣстами нутномъ, потокѣ этихъ сужденій изрѣдка встрѣчались мысли и о нашихъ среднихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ...

Въ виду того, что наши духовно-учебныя среднія заведенія, даже при ихъ нѣкоторыхъ частныхъ недостаткахъ и несовершенствахъ (могущихъ современемъ быть устраненными), всетаки съ честію выполняютъ свое высокое призваніе и, слава Богу, не представляютъ такихъ прискорбныхъ и крайне неутѣшительныхъ явленій, какими обилуютъ лѣтописи свѣтскихъ, особенно высшихъ школъ за послѣдніе годы,—неумѣренные ревнители свѣтскихъ школъ всячески стремились бросить ту или иную тѣнь на наши духовныя школы, преувеличивая до чудовищныхъ размѣровъ ихъ детальныя недостатки, и громко заявляя о томъ, что семинаріи „не готовятъ своихъ питомцевъ къ практической жизни ни на свѣтскомъ, ни на духов-

номъ поприщѣ“ и т. д. и т. д. Дѣло доходило до того, что даже нѣкоторые (конечно немногія) лица, принадлежащія къ духовенству, бывали склонны согласиться съ суетловіемъ свѣтской печати о преувеличенныхъ недостаткахъ нашей духовной школы и «о ея якобы непрактичности» ..

Итакъ, много ли правды въ сужденіяхъ о непрактичности нашей средней духовной школы, такъ ли она плоха, какъ думаютъ нѣкоторые?... Блестящимъ отвѣтомъ на данный вопросъ и является вышеозначенная брошюра почтеннаго профессора Моск. дух. академіи А. П. Шостыина. Авторъ высказываетъ свои сужденія не на помочахъ діалектики и предвзятыхъ теорій, а на твердомъ фундаментѣ comprovированныхъ фактовъ.

Протоколы засѣд. С.-Петербургск. дух. академіи (засѣд. 6 окт. 1893 г., стр. 70) гласятъ слѣдующее. Экзаменуемымъ 6 ученикамъ классическихъ гимназій была дана тема вѣсто Ося. Богословія по Русск. литературѣ. И что же находимъ мы въ отзывѣ профессора о работахъ: два сочиненія безусловно хороши, два удовлетворительны, въ трехъ проявилось неуемнѣе логически правильно мыслить и по мѣстамъ почти полная безграмотность... Сочиненія воспитанника одной столичной гимназіи представляло собою образецъ безграмотности (72 стр). Тоже видя въ отзывѣ профессора Н. Г. о работахъ ихъ по св. Писанію новаго заветѣ: писавшіе не показали способности къ стройно-логическому изложенію мыслей и правильно-грамматическому построенію рѣчи (ibid 72).

То же самое встрѣчаемъ въ протоколѣ С.-Петерб. дух. академіи 1897 года (1897 г. 22 сент., стр. 45 и 49). Сюда же примыкаетъ и отзывъ Моск. дух. академіи о сравнительной способности къ логическому мышленію учениковъ свѣтскихъ и духовныхъ школъ (Богосл. Вѣстн. 1902 г., февр. 368 с.).

Вполнѣ возможно, что противники духовной школы отнесутъ вышеозначенныя данныя насчетъ «пристрастности» наставниковъ академій къ свѣтскимъ питомцамъ... Вотъ здѣсь то и открывается высокая цѣнность работы проф. А. П. Шостыина, у котораго собраны сужденія о научной правоспособности семинаристовъ, сужденія не только академическія, но и университетскія, т. е. такія, какія отнюдь не могутъ быть заподозрѣны въ какомъ-либо тенденціозномъ или пристрастномъ освѣщеніи дѣла.

Почтенный профессоръ, усердно просматривавшій Извѣстія Императорскаго Томскаго Университета, приводитъ отсюда слѣдующія весьма поучительныя данныя. Въ этотъ университетъ семинаристы имѣютъ довольно свободный доступъ и идутъ въ него въ значительномъ количествѣ. Въ первое десятилѣтіе его существованія въ немъ былъ лишь одинъ факультетъ—м е-

дицинскій; и за это время онъ выпустилъ врачей: гимназистовъ—65, въ томъ числѣ съ отличіемъ—8; семинаристовъ—171, въ томъ числѣ съ отличіемъ—59 ¹⁾. Ясно, что гимназисты за истекшее первое десятилѣтіе въ Томск. Унив. отличились въ размѣрѣ $\frac{1}{8}$, а семинаристы $\frac{1}{3}$... Интересно, что въ 1897 г. званіе врача получили 45 человекъ; изъ нихъ съ отличіемъ—8 исключительно семинаристы и ни одного гимназиста ²⁾. Это ли не лучшій „аттестатъ зрѣлости“ для нашихъ семинаристовъ? Взглянемъ еще на одну страницу того же отчета, гдѣ цифры говорятъ намъ, что изъ 136 гимназистовъ, поступившихъ въ университетъ, за первое пятилѣтіе его было уволено по невыдержанію полукурсовыхъ испытаній (короче говоря, по малоуспѣшности), 20 человекъ, а изъ 297 семинаристовъ по той же причинѣ было уволено за то время лишь 11... значитъ, изъ гимназистовъ оказалось малоуспѣшныхъ 15%, а изъ семинаристовъ лишь около 4%.

Справимся теперь съ другими отчетами Университета, изобилующими семинаристами (подчасъ второразрядными) и посмотримъ, кто изъ медиковъ лучше отличался.

По отчету за 1898 годъ, званіе врача въ этомъ году получили 49 человекъ:

гимназистовъ 19, изъ нихъ съ отличіемъ—3 (немного болѣе 15%); семинаристовъ 30, изъ нихъ съ отличіемъ—8 (слишкомъ 26%) ³⁾.

Въ отчетѣ за 1899 годъ получившихъ дипломъ врача значится 10 человекъ; изъ нихъ

гимназистовъ—6, съ отличіемъ только 1; ⁴⁾ семинаристовъ—4, съ отличіемъ—3 (т. е. 75%).

Наконецъ, по отчету за 1900 годъ изъ всѣхъ 24-хъ студентовъ, получившихъ дипломъ врача въ этомъ году, отличія удостоились (какъ и въ 1897 году) исключительно семинаристы, именно—5 изъ 16 экзаменовавшихся, и ни одного гимназиста (экзаменовалось ихъ 8 ⁵⁾).

Такіе блестящіе успѣхи семинаристовъ сравнительно съ успѣхами гимназистовъ мы не имѣемъ права объяснить случайностью, ибо они замѣчаются на протяженіи десятка слишкомъ лѣтъ.

¹⁾ См. 12—13 стр. отчета о состояніи Импер. Томск. Универс. за 1897 г. въ XV кн. «Извѣстій».

²⁾ ibid 15. 16 стр.

³⁾ Стр. 17. 18.

⁴⁾ Стр. 19.

⁵⁾ Стр. 19. 20.

Мы не будемъ здѣсь утомлять читателя многочисленными цифровыми данными изъ брошюры проф. А. П. Шостыгина, — рекомендуемъ лично ознакомиться съ этой поучительной брошюрой.

Перейдемъ къ тѣмъ мѣстамъ брошюры, гдѣ почтенный профессоръ уясняетъ причину такой преимущественной успѣшности въ наукахъ питомцевъ духовной школы сравнительно съ гимназистами... Въ чемъ же заключается эта причина? М. б., въ древнихъ языкахъ? Но въ свѣтскихъ школахъ эти языки изучаются лучше, чѣмъ въ духовныхъ. То же самое слѣдуетъ сказать про математику и про новые языки... Ясно, что своимъ высшимъ умственнымъ развитіемъ семинаристы обязаны отнюдь не иностраннымъ языкамъ (древнимъ и новымъ) и не математикѣ, — каковыя предметы всегда лучше проходились въ гимназіяхъ, а скорѣе именно тѣмъ наукамъ, которыя изучались въ семинаріяхъ внимательнѣе и серьезнѣе, нежели въ гимназіяхъ. Таковы же всегда были науки философскія и богословскія, при чемъ изученіе ихъ всегда соединено съ многочисленными сочиненіями учащихся на не пустыя и нелегкія темы. При занятіяхъ сочиненіями, семинаристамъ приходится многое самимъ поискать въ литературѣ, почитать и передумать, не ограничиваясь воспроизведеніемъ усвоеннаго изъ учебниковъ и слышаннаго на урокахъ отъ учителя. — Словомъ, при разумной постановкѣ сейчасъ названныхъ наукъ и письменныхъ упражненій естественно повышаются духовныя интересы учащихся, расширяется ихъ умственный горизонтъ, получается большая или меньшая начитанность, мысль навывается собственными усиліями разбираться въ прочитанномъ, дисциплинируется и крѣпнеть, крѣпкій же умъ, привыкшій къ напряженной работѣ, безъ сомнѣнія, сумѣетъ пріобрѣсти и усвоить себѣ знанія, какія потребуются отъ него въ жизни, хотя бы изъ самой школы онъ и не вынесъ этихъ знаній въ нужномъ изобиліи. На примѣрѣ томскихъ студентовъ мы и видимъ это: отъ медиковъ требуются основательныя естественно-научныя знанія, — семинаристы не только не отстаютъ въ нихъ отъ гимназистовъ, напротивъ, несравненно лучше ихъ проходятъ и кончаютъ медицинскій курсъ.

Значить, говорить достопочт. профессоръ, если мы цѣнимъ въ студентахъ серьезное умственное развитіе, горячій интересъ къ высшимъ проблемамъ, навыкъ къ методическому мышленію и напряженному ученому труду, то должны вмѣсто того, чтобы семинарскую программу сближать съ гимназической, гимназическую программу по возможности приблизить къ семинарской въ тѣхъ общеобразовательныхъ отдѣлахъ, которые поставлены въ духовной школѣ лучше, нежели въ свѣтской, и даютъ семинаристамъ отмѣченное, засвидѣтельствованное разными компетентными судьями, прево-

сходство предъ гимназистами. И если нельзя требовать отъ гимназистовъ обстоятельнаго изученія спеціально—богословскихъ наукъ, то волюнѣ возможно предъявить такое требованіе относительно наукъ философскихъ, каковы логика, психологія и обзоръ философскихъ ученій. Это путь къ развитію достаточно уже проторенный и извѣданный. За чѣмъ же намъ блуждать, отыскивая другіе пути, новые языки, естествовѣдніе и проч. вещи безъ философской дисциплины и т. под.? Послѣдній выводъ почтеннаго профессора можетъ показаться для горячихъ приверженцевъ свѣтской школы неудобопріемлемымъ, а между тѣмъ, какъ видимъ выше, этотъ выводъ нѣтъ за себя много непрекаемыхъ данныхъ. Такихъ данныхъ, думаемъ, оказалось бы гораздо болѣе, еслибы и Юрьевскій и Варшавскій университеты печатали свои отчеты такъ же обстоятельно, какъ унив. Томскій. Тогда бы и не пришлось «блуждать».

Брошюра проф. А. Шостыина очень ярко обрисовываетъ одно изъ больныхъ мѣстъ нашихъ свѣтскихъ школъ, хорошо отрезвляетъ враговъ семинарскаго образованія и основательно вразумляетъ тѣхъ духовныхъ лицъ, которыя вслѣдъ за свѣтскими повторяютъ висящія на воздухѣ ихъ криво-толки о минимомъ разъединеніи семинаріи съ жизнью, что де семинаріи не въ силахъ подготовить своихъ питомцевъ къ научной дѣятельности и т. д. Сужденія г. Шостыина не голословны, а воздвигнуты на гранитѣ фактическихъ и цифровыхъ данныхъ, что увеличиваетъ цѣну сочиненія и недосыгаемо возвышаетъ его надъ пустословіемъ свѣтской печати о томъ же предметѣ. Брошюра издана изящно и стоитъ лишь 25 коп. Горячо рекомендуемъ ее читателямъ.

А. Григорьевъ.

ХРОНИКА.

I.

Миссіонерство, секты и расколъ.

Собесѣдованіе синодальнаго миссіонера о. прот. Ксенофонта Крюкова съ харьковскими раскольниками—Владикавказскіе миссіонерскіе курсы и бесѣды съ сектантами. — «Братецъ Иванушка» въ столицѣ на бесѣдѣ.—Вѣсти о расколѣ: еще два раскольнич. соборныя опредѣленія; распорядженіе Картушина о времени вѣчанія браковъ.

Недавно г. Харьковъ посѣтилъ съ миссіонерскою цѣлью синодальный миссіонеръ о. Кс. Крюковъ. Съ благословенія Харьковскаго архіепископа о. Крюковъ назначилъ бесѣды съ мѣстными раскольниками. Почтенный миссіонеръ имѣлъ въ виду то, что на харьковскіе ярмарки пріѣзжаютъ раскольники изъ центральной Россіи. Этимъ заѣзжимъ раскольникамъ, пользуясь крещенской ярмаркой, о. миссіонеръ и рѣшилъ дать «преграду».

Всѣхъ бесѣдъ съ раскольниками о. Крюковъ провелъ четыре. Первая изъ нихъ состоялась 6 дек. пр. года. На этой бесѣдѣ никто изъ мѣстныхъ раскольниковъ не осмѣлился выступить съ возраженіями. По обоюдному согласію, бесѣды отложены были до января 1903 года. Харьковскіе раскольники порѣшили пригласить къ себѣ своихъ начетчиковъ. Съ тѣмъ о. Ксенофонтъ и уѣхалъ изъ Харькова.

19 января текущаго года состоялась предположенная бесѣда. Въ защиту раскольниковъ австрійцевъ выступилъ небезызвѣстный начетчикъ Ф. Е. Мельниковъ. Его поддерживалъ Бриллиантовъ, тоже небезызвѣстный секретарь московскаго раскольниковяго совѣта. Слушателей въ Озерянскій храмъ собралось множество.

Какъ сообщаетъ намъ нашъ корреспондентъ, раскольники прежде всего вступили въ переговоры „о времени говоренья“. Они настаивали на томъ, чтобы „сторонамъ“ предоставлено было право говорить по часу.

Православные харьковцы изумились. Они шептались другъ другу:

— Къ чему эти стѣсняющія условія? Говори каждый хоть по часу, только къ дѣлу, на вопросъ...

Харьковцы же увѣрили, что они „смогутъ сократить“ говорунѡвъ:

— Какъ замѣтимъ, кто пошелъ не туда, сейчасъ остановимъ его. А то дай раскольнику полную свободу слова, — онъ всѣхъ изморомъ возьметъ!..

Однако о. Ксенофонтъ уступилъ раскольникамъ. Бесѣда началась. Былъ поставленъ такой вопросъ послѣдователямъ австрійскаго согласія: „на основаніи какихъ правилъ бѣглыі іеромонахъ Іеронимъ принялъ бѣглаго митрополита Амвросія въ Бѣлой Криницѣ и вручилъ ему церковь старообрядцевъ безъ благословенія Епископа“?

Отвѣчать сталъ Мельниковъ. Не касаясь вопроса по существу, онъ довольно связно, складно и подробно сталъ рассказывать объ обстоятельствахъ появленія на Руси раскола. Особенно же онъ подчеркнул ту мысль, что раскольники приняли къ себѣ митрополита Амвросія „на основаніи благословенія епископа Павла Коломенскаго“.

Всѣмъ богословски образованнымъ людямъ мысль эта показалась смѣлой до дерзости. — Откуда видно, что Павелъ Коломенскій „благословилъ“ старообрядцевъ принять къ себѣ бѣглаго митрополита изъ греческой Церкви? Кромѣ того, слова Мельникова шли вразрѣзъ съ ученіемъ ап. Павла. Св. Апостолъ заповѣдуетъ предстоятелей церковныхъ принимать лишь послѣ рукоположенія (1 Тим. 5, 22), а не одного благословенія усопшихъ преемниковъ апостольскихъ. Если же Павелъ Коломенскій дерзнулъ нарушить волю апостоловъ своимъ благословеніемъ, то это благословеніе безблагодатное и неѣффективное..

Такой отвѣтъ Мельникову, на основаніи слова Божія, явился самъ собой. Но о. миссіонеръ остановился на другомъ. Онъ съ силой прочитывалъ церковное законоположеніе: безъ воли епископа пресвитеръ не можетъ творить ничего же (Ап. пр. 39).

Мельниковъ уходилъ отъ вопроса замѣчаніемъ, что, при учрежденіи Бѣлориницкой іерархіи, у старообрядцевъ не было епископа. Потому они обошлись безъ его благословенія.

О. Ксенофонтъ справедливо замѣчалъ, что Христова вселенская Церковь безъ епископа быть не можетъ. На этомъ основаніи апостольскія правила должны имѣть для христіанъ силу вѣчныхъ законовъ.

Кромѣ того, пресвитеръ епископа къ Церкви ни въ какомъ случаѣ не можетъ поставить, въ качествѣ владыки...

Первая бесѣда о. Ксенофонта съ раскольниками затянулась до поздняго вечера. Она чрезвычайно утомила слушателей...

Вторая бесѣда съ раскольниками состоялась 20 января. О. миссіонеръ поставилъ широкій вопросъ о причинахъ отдѣленія раскольниковъ отъ Церкви православной.

Мельниковъ опять говорилъ много, обнаруживая свою начитанность въ исторической литературѣ.

О. миссіонеръ, пользуясь своей очередью, точнѣе поставилъ вопросъ: какія ереси патр. Никонъ ввелъ въ Прав. Церковь, изъ-за которыхъ старообрядцы имѣли бы законное право отдѣлаться отъ православныхъ?

Мельниковъ пустился въ избитое словоговоренье „вообще“.

Но тутъ слушатели возмущились. Послышались грозные возгласы:

— Къ дѣлу... отвѣчайте на вопросъ!..

Мельниковъ замолчалъ. Потомъ опять принялся говорить о томъ, что уже слышали.

Въ толпѣ раздались негодующія замѣчанія:

— На вопросъ! На вопросъ! Довольно праздныхъ словъ...

Мельниковъ уступилъ желанію слушателей и „сочинилъ“ такое умозаключеніе:

— Православная Церковь прокляла Аввакума, Пазаря, Неронова и всѣхъ старообрядцевъ. А такъ какъ эти лица содержали православное вѣроученіе, то, проклиная ихъ, Церковь отсеклась отъ правой вѣры и внала, стало быть, въ ересь...

Самъ собою возникалъ вопросъ: какія же ереси содержать Прав. Церковь? Ихъ нѣтъ въ нашемъ Символѣ вѣры. Такимъ обр. православная Церковь не отсеклась отъ Апостольской вѣры. Не за содержаніе этой вѣры она предала проклятію первыхъ расколуучителей, — а за ихъ раздорничество, тяжкія похуленія на Прав. Церковь...

Мельниковъ говорилъ, что Церковь православная измѣнила вѣру въ Св. Троицу, или не вѣритъ въ два естества г. Хр. Но кто же ему повѣрилъ? Очевидно и самъ то Мельниковъ, говоря это, не вѣрилъ себѣ. Это были слова, брошенныя имъ за неимѣніемъ требуемаго отвѣта на вопросъ. Говорилъ онъ, что они отдѣлились вслѣдствіе клятвъ, но этотъ его доводъ былъ уже нѣсколько разъ опровергнутъ о. протоіереемъ, такъ что слушатели достаточно его усвоили и на этотъ разъ уже сами опровергли его. Мельниковъ послѣ этого просилъ дать ему говорить больше, потому что, говорилъ онъ, сразу на этотъ вопросъ нельзя отвѣтить. Когда же ему давали на это право, онъ начиналъ повторять то же, что уже нѣсколько разъ приводилъ и что нѣсколько разъ было опровергнуто. Публика требовала рѣшительнаго отвѣта. Мельниковъ стоялъ, подыскивая что сказать, главный его помощникъ, въ золотыхъ очкахъ, углубился въ передлистываніе какой то ненужной теперь книги а второй отошелъ отъ стола и затерся въ толпѣ.

Бесѣда кончилась осязательной побѣдой православнаго ученія надъ расколомъ. Но торжеству праваго дѣла оказали сильную помощь сами слушатели. Они не позволяли Мельникову „ходить около да вокругъ предмета“. Тѣмъ самымъ опытно всѣ увидѣли, что обычный пріемъ нашихъ миссіонеровъ говорить съ раскольниками по часамъ, по крайней мѣрѣ въ городахъ, не выдерживаетъ критики...

Третью бесѣду о. Ксенофонтъ рѣшилъ вести съ безпоповцами. Они выставили въ отвѣтъ московскаго начетчика Ѳ. Анисимова.

Ѳ. Анисимовъ и 4 человека его помощниковъ взошли на возвышеніе съ важностію, развязали корзины, узелки и разложили на столъ книги. Условія веденія бесѣды остались прежнія.

О. протоіерей ознакомилъ слушателей съ сектой поморцевъ, не принимающихъ браки, объяснилъ также, что они входящихъ въ ихъ секту всѣхъ перекрещиваютъ, даже и тѣхъ, кто крещенъ правильно въ три погруженія во имя Св. Троицы. Затѣмъ о. Крючковымъ былъ поставленъ вопросъ: нужно ли перекрещивать однажды крещенныхъ во имя Отца и Сына и Св. Духа?

Безпоповцы объ этомъ предметѣ бесѣдовать отказались. О. миссіонеръ не тронулся съ поставленнаго вопроса. Анисимовъ съ братіей шумно вышли изъ церкви... О. миссіонеръ выяснилъ, почему защитники поморщины отказались отъ отвѣта на предло-

женный вопросъ (по слову І. Дамаскина, крещающіе принявшихъ правильное крещеніе, во имя Отца и Сына и Св. Духа, сами расцниаютъ Христа).

О. Ксенофонтъ нашлись возражатели изъ мѣстныхъ раскольниковъ. Говорили объ антихристовыхъ временахъ и бѣглыхъ понахъ. О. миссіонеромъ выяснено (возражатели были бѣглопоповцы), что безъ епископа не можетъ быть Церкви Христовой.

Послѣ бесѣды православные слушатели, — среди которыхъ было немало семинаристовъ, — усердно благодарили о. Ксенофонта за труды.

Епархіальные миссіонерскіе сѣзды духовенства вездѣ, гдѣ они вызваны не силою только извѣстнаго синодальнаго указа, а живою иниціативою и благопечительною любовью къ миссіи мѣстныхъ владыкъ, этихъ главныхъ распорядителей дѣлами епархіальныхъ миссій, — начинаютъ приносить свой добрый плодъ. Въ 1901 г. подъ руководствомъ епископа Владикавказскаго Владиміра, бывшаго алтайскаго миссіонера, состоялся сѣздъ духовенства изъ приходовъ, зараженныхъ сектантствомъ или расколомъ.

Сѣздъ этотъ, какъ намъ сообщаетъ почтенный миссіонеръ Кормилинъ, далъ новое, широкое развитіе дѣлу противосектантской и противораскольнической миссии въ епархіи; имъ а) открыты четыре должности окружныхъ миссіонеровъ изъ знакомыхъ съ дѣломъ миссии священниковъ епархіи, съ вознагражденіемъ изъ средствъ епархіальныхъ церквей; б) въ приходахъ, зараженныхъ сектантствомъ или расколомъ, постановлено устраивать миссіонерскіе курсы и преподаваніе закона Божія въ школахъ вести въ миссіонерскомъ духѣ, в) для усиленія средствъ Владикавказскаго Михаило-Архангельскаго Братства производить два раза въ году (29 іюня и 1 октября) сборы по церквамъ епархіи и г) для объединенія и оживленія миссіонерской дѣятельности въ епархіи постановлено учредить 1) ежегодные сѣзды епархіальнаго духовенства изъ приходовъ, зараженныхъ расколомъ или сектантствомъ и 2) болѣе или менѣе частые сѣзды миссіонеровъ.

Особенно удалась мѣра сѣзда, касающаяся учрежденія миссіонерскихъ курсовъ. Миссіонерскіе курсы во Владикавказской епархіи начинаютъ прививаться. За короткое время они были

устроены въ двухъ центрахъ сектантства для мѣстныхъ ревнителей православія. Такіе курсы привлекаютъ большее число мѣстныхъ ревнителей православія, чѣмъ курсы, на которые ревнители православія вызываются изъ разныхъ мѣстъ; съ другой стороны, они весьма удобны тѣмъ, что не требуютъ средствъ для своего содержанія. Въ истекшемъ году устроены были курсы въ станицѣ Павлодольской и въ г. Грозномъ. Въ ст. Павлодольской на курсахъ занимались 12 человекъ, въ г. Грозномъ—11 человекъ. Курсы велись подъ руководствомъ енархіальнаго противосектантскаго миссіонера съ участіемъ мѣстныхъ священниковъ, знакомыхъ съ дѣломъ миссіи. Занятія происходили въ вечернее, свободное для рабочаго народа, время, отъ 5 до 10 часовъ. Въ продолженіи двухнедѣльных занятій на курсахъ въ томъ и другомъ мѣстѣ были разобраны всѣ главные, пререкаемые сектантами, вопросы христіанскаго вѣроученія, именно: о таинствѣ крещенія, о крещеніи младенцевъ, о таинствѣ причащенія, о священствѣ, о св. преданіи, о молитвѣ за умершихъ, о призваніи святыхъ, о храмѣ, объ иконахъ, о крестѣ, о святости Церкви и о судѣ Церкви надъ грѣшниками.

На каждомъ занятіи обыкновенно разъяснялось по одному вопросу. Самый порядокъ занятій былъ слѣдующій. Сначала слушателямъ каждый вопросъ подробно разъяснялся, при чемъ относящіеся къ вопросу тексты св. Писанія ими самими отыскивались по Библіямъ и записывались въ ихъ тетради: когда вопросъ уяснялся для слушателей вполне достаточно, они сами воспроизводили весь разборъ даннаго вопроса по отмѣченнымъ въ ихъ тетрадяхъ текстамъ. Затѣмъ каждому изъ занимающихся давалась брошюра по разобранному вопросу „изданія Мисс. Обзор.—отвѣты изъ слова Божія“ миссіонера Слюсарева: брошюра читалась вмѣстѣ съ слушателями и тутъ же объяснялась. На слѣдующій день разобранный вопросъ еще разъ повторялся, и затѣмъ разбирался новый вопросъ. Во время курсовъ устраиваемы были примѣрные бесѣды съ сектантами.

Благодаря предварительному знакомству ревнителей православія съ св. Писаніемъ и ихъ живому вниманію къ занятіямъ, курсы и въ ст. Павлодольской, и въ г. Грозномъ прошли настолько успѣшно, что большинство изъ курсистовъ вполне могутъ дать теперь отчетъ о своемъ урованіи. Ревнители православія въ ст. Павлодольской начинаютъ уже обнаруживать свою дѣятельность

на пользу миссіи. По заявленію священника ст. Павлодольской, они внимательно слѣдятъ за дѣйствіями сектантовъ, сами противодѣйствуютъ пропагандѣ ихъ, а въ случаяхъ замѣченнаго ими вліянія сектантовъ на православныхъ, совѣтуются объ этомъ со священниками.

Въ г. Владикавказѣ второй годъ ведутся въ зимніе, свободные отъ полевыхъ работъ, мѣсяцы еженедѣльные (по воскреснымъ днямъ) бесѣды съ сектантами—молоканами, штундо-баптистами и жидовствующими *). Руководить бесѣдами Епархіальный миссіонеръ, а въ его отсутствіе—или священникъ Папшевъ, бывшій миссіонеръ Владикавказской епархіи, или протоіерей Бартеневъ, знакомый съ дѣломъ миссіи. Благодаря тому, что бесѣды ведутся постоянно, онѣ постепенно утрачиваютъ свой исключительный характеръ, приобретаая вмѣстѣ съ тѣмъ мирный характеръ домашнихъ собесѣдованій. Бесѣды постепенно знакомятъ сектантовъ съ истинами православнаго вѣроученія, представляемыми ими обыкновенно, особенно по вопросамъ о призваніи святыхъ, почитаніи св. иконъ и креста, въ самомъ искаженномъ видѣ. Въ послѣднее время часто на бесѣдахъ молокане обращаются къ миссіонеру съ просьбой разъяснить спорные вопросы или между ними и штундобаптистами **), или между ними самими. (Во Владикавказѣ существуютъ три фракціи молоканъ, разнящихся между собою, главнымъ образомъ, ученіемъ о послѣднихъ судьбахъ міра и человѣка и о молитвѣ за умершихъ). Еще чаще молокане обращаются къ миссіонеру за объясненіемъ перетолковываемыхъ жидовствующими мѣстъ Св. Писанія ветхаго заветъа или просятъ побесѣдовать съ этими послѣдними. Все это болѣе сближаетъ сектантовъ съ православною Церковью.

Съ ноября прошлаго года эти воскресныя собранія стали имѣть и другую цѣль—объединить въ одно общество мѣстныхъ ревнителей православія. Для этой цѣли ревнители православія собираются на бесѣды часомъ или двумя часами ранѣе сектантовъ

*) Во Владикавказѣ числится молоканъ до 3000, штундобаптистовъ до 400, жидовствующихъ до 300 человекъ.

**) Молокане обыкновенно просятъ доказать несостоятельность ученія штундобаптистовъ о крещеніи и предомленіи хлѣба. Они высказываютъ то убѣжденіе, что если принимать водное крещеніе и предомленіе хлѣба, то нужно принимать ихъ согласно ученію Православной Церкви, т. е. какъ таинства, равно необходимыя и взрослымъ и дѣтямъ.

и здѣсь или они ведутъ, подъ руководствомъ миссіонера, примѣрныя собесѣдованія между собою, или имъ читаются статьи миссіонерскаго содержанія. Болѣе опытные изъ нихъ принимаютъ затѣмъ участіе въ бесѣдахъ съ сектантами.

Въ Всеподданѣйшемъ отчетѣ г. оберъ-прокурора Св. Синода. (см. № 3 Мис. Обзор.) сообщалось о сектантской дѣятельности нѣкоего „братца Иванушки“ въ предѣлахъ Самар. губерніи. Въ послѣдніе годы Иванушка поселился въ нашей столицѣ и имѣетъ огромный успѣхъ среди темнаго люда. Проживаетъ онъ въ Петровскомъ паркѣ и дважды въ недѣлю поучаетъ своихъ многочисленныхъ слушателей. Бесѣды „братца Иванушки“ бываютъ по воскресеньямъ и понедѣльникамъ. На воскресныя бесѣды допускаются только избранные, а по понедѣльникамъ всѣ могутъ быть. Говорятъ, что на бесѣдахъ слушателей иногда бываетъ болѣе тысячи душъ. Заинтересовавшись „проповѣдническою“ дѣятельностію этого „братца“, нашъ корреспондентъ о. М. Любоміровъ отправился на его „бесѣду“. Громадный залъ, когда я вошелъ—пишетъ о. Любоміровъ, былъ уже полонъ народа. Но вотъ религиозно настроенная толпа завоновалась, послышались голоса: „Здравствуй, братецъ! Помолись о насъ братецъ!“

Невзрачный съ виду, съ худымъ, нервно-подергиваемымъ желтоватаго цвѣта лицомъ, большею рыжею бородою, въ шелковой цвѣтной блузѣ, съ большимъ крестомъ на груди, „братецъ“ прошелъ въ передній уголъ и началъ общее пѣніе молитвъ, при чемъ пѣніе чередовалось съ чтеніемъ. Обратившись затѣмъ къ тысячной толпѣ, „братецъ“ началъ читать Евангеліе и объяснять каждый стихъ прочитаннаго, приводя для поясненія факты изъ современной жизни. Куда дѣвался смиренный видъ „братца!“ Въ неграмотной, но горячей рѣчи увѣщавалъ онъ своихъ слушателей отказаться отъ „пирушекъ и гульбушекъ“, начать борьбу со страстями и быть добродѣтельными. Ссылки на современную распущенность нравовъ, почти діалогическая форма бесѣды, въ которой постоянно слышится вопросъ: „такъ ли я говорю?“, громовые отвѣты толпы, „такъ, братецъ, такъ!“—„покайтесь!“—„жаемся, братецъ!“ „прости насъ, братецъ!“—все это вмѣстѣ съ тѣмъ обаяніемъ, которымъ пользуется „братецъ“ въ глазахъ толпы, возбуждало во мнѣ какое то лихорадочное любопытство, и я рѣ-

шилъ остаться до конца, дабы послушать проповѣдника, производящаго явно гипнотическое впечатлѣніе на толпу. Лично мнѣ было извѣстно нѣсколько случаевъ, когда пьянствующие люди подъ вліяніемъ „братца“ обращались въ совершенныхъ „трезвенниковъ“, мѣняя въ корнѣ свои привычки, свою жизнь.

Но, воздавая должное благотворной въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ дѣятельности этого народнаго гипнотизера, нельзя не возмущаться нѣкоторыми прямо дикими наставленіями, преподаваемыми братцемъ народу въ своей бесѣдѣ. Такъ, безусловно отряпая и понося медицину, считая ее чуть не дьявольскимъ навожденіемъ, „братецъ“ говорилъ, что кто принимаетъ въ себя іодъ и креозотъ, тотъ самъ ідиотъ и креозотъ.

Вмѣсто приема іода и креозота, онъ рекомендуетъ своимъ слушателямъ мазать больное мѣсто масломъ, раздаваемымъ имъ всѣмъ желающимъ.

Намѣреваясь санкціонировать въ глазахъ довѣрчивыхъ слушателей употребленіе своего масла, „братецъ“ сравнилъ помазаніе масломъ съ помазаніемъ на царство Саула и Давида, при чемъ, упомянувъ, что Саулъ потерялъ царство, а Давидъ, послѣ смерти Саула, благополучно царствовалъ, проповѣдникъ, не отступая отъ діалогической формы бесѣды, спросилъ религіозно настроенную толпу: „Почему масло такъ помогло Давиду и не помогло Саулу“?..—„Да потому“, — отвѣтилъ онъ,—„что у Давида глаза и уши были масляные, а у Саула нѣтъ“. Толпа даже не улыбнулась, принимая всякую глупость за откровеніе пророка. Но проповѣдникъ этимъ не ограничился. Призывая слушателей къ уединенной молитвѣ, онъ сослался на то, что будто-бы св. апостолы никогда не молились при людяхъ. Далѣе, объясняя, что Пресвятая Дѣва называется Богородицею потому, что родила Слово-Бога, проповѣдникъ повторилъ дважды: „И каждый изъ васъ, если будетъ творить добрыя дѣла, родить, какъ Пресвятая Дѣва, Слово-Бога“.

Что это, игра словъ?

Если бы даже и такъ, то, принимая во вниманіе уровень умственнаго развитія его слушателей, нельзя не сказать, что это опасная игра... Да и способенъ ли „братецъ“ играть такими словами? Однако, несмотря на такую нелѣпость своей проповѣди, „братецъ Иванушка“ все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ вліяніе у своихъ слушателей, о чемъ свидѣлствуютъ слова „братчиковъ“,

горделиво восхищающихся тѣмъ, что къ братцу ходитъ народа болѣе, чѣмъ въ другой храмъ, а также и постоянный призывъ братца къ всенародной исповѣди.

Правда, братецъ отсылаетъ народъ на исповѣдь къ священникамъ. Но тѣмъ не менѣе бесѣды его не лишены характера всенародной исповѣди. На призывъ „братца“ къ покаянію толпа съ изступленіемъ кричитъ: „Каемся, братецъ!—прости насъ, братецъ!“ И это слышится поминутно.

Трудно сказать, имѣеть-ли въ столицѣ тотъ же сектантскій характеръ дѣятельность братца, какой имѣла она въ Самарѣ, однако намъ кажется, на дѣятельность „Иванушки“ и у насъ здѣсь нужно пастырямъ смотрѣть внимательно, не взирая на то, что Иванушка при посредствѣ гипноза, является отрезвителемъ нѣкоторыхъ нѣяствующихъ лицъ. Надо смотрѣть на тотъ жизненный духъ, который развивается въ слушателяхъ подъ вліяніемъ этого коснаго и вмѣстѣ съ тѣмъ властнаго человѣка. И намъ кажется, что, „братецъ“ вносить въ жизнь своихъ поклонниковъ тлетворный духъ сепаратизма, уже проявившійся среди „братчиковъ“ въ ихъ обособленіи и нѣкоторыхъ странностяхъ, граничащихъ съ фанатизмомъ и нетерпимостью.

Повѣствуя слушателямъ о томъ, какъ Каинъ, убивъ Авеля, удалился въ землю Нодъ, „братецъ“, обратясь къ толпѣ, властно спросилъ „братчиковъ“: „И вы развѣ не покинули, подобно Каину, родной земли и не бѣжали сюда, въ Питеръ, своего рода землю Нодъ,—думая найти здѣсь лучшее, а Господь даетъ вамъ худшее... А почему Онъ даетъ вамъ худшее?.. — Да потому, продолжалъ „братецъ“. — „что вы сами-то Каины“... „Вѣрно ли я говорю“? Тысячная толпа въ отвѣтъ на это неистово вопила: „Вѣрно. братецъ!.. Каины мы“!!.

При этихъ крикахъ толпы у меня мелькнула мысль спросить загнинотизировавшаго толпу „братца“: „не Каинъ-ли въ такомъ случаѣ и самъ ты, бѣжавшій изъ далекой деревни въ Петербургъ? Но, видя вокругъ себя сотни людей, объявившихъ себя Каинами, я, изъ боязни подвергнуться въ нѣкоторомъ родѣ участи Авеля, не рискнулъ предложить столь откровеннаго вопроса.

Послѣ, встрѣтась съ однимъ изъ „братчиковъ“, я предложилъ ему этотъ вопросъ. „Братчикъ“ самодовольно отвѣтилъ на это мнѣ, что „пророкъ въ своемъ отечествѣ не признается“. Тогда то мнѣ стали понятны постоянныя напоминанія „братца“, что

Богъ въ древнее время посылалъ пророковъ для вразумленія и теперь посылаетъ. Понятны стали и вопли изступленныхъ женщинъ, кричащихъ въ отвѣтъ на это: „послалъ, братецъ, послалъ“!!

Въ началѣ своей статьи я сказалъ, что на воскресныя собранія допускаются „братцемъ“ только избранные изъ „трезвенниковъ“.

Желая видѣть это собраніе, я отправился на него съ однимъ изъ своихъ знакомыхъ. Юркой привратницей „братца“ намъ сначала было отказано въ пропускѣ на бесѣду, но, послѣ двукратнаго получасоваго доклада о насъ „братцу“, мы были впушены на собраніе „братчиковъ“. Въ такой процедурѣ пропуски, какъ объяснила намъ та же привратница, не было ничего удивительнаго, такъ какъ даже мѣстный о. діаконъ, служащій у „братца“ вмѣстѣ со своимъ священникомъ молебны, съ разрѣшенія только „братца“ могъ остаться разъ на „бесѣдѣ“.

Самая бесѣда „братца“, конечно, не имѣла въ присутствіи его „хулителей“ тѣхъ перловъ проповѣдническаго краснорѣчія, слышать которые мнѣ пришлось ранѣе, и состояла въ пересказѣ Евангельской исторіи о Закхее. Но если намъ не пришлось услышать отъ сдержаннаго на этотъ разъ „братца“ что либо новое, то пришлось быть свидѣтелемъ той символической обстановки, среди которой пресловутый „братецъ“ обыкновенно поучаетъ своихъ избранныхъ учениковъ. Вдоль почти всего зала поставленъ громаднѣйшій столъ, накрытый чистой бѣлой скатертью, расписанной нарочито подобранными изреченіями свящ. Писанія. Такъ, противъ меня красными нитями вышиты были слова Спасителя: „Истинно, истинно говорю вамъ, принимающій того, кого Я пошлю, Меня принимаетъ; а принимающій Меня принимаетъ Пославнаго Меня“ (Іоанна 13 гл., ст. 20). Помня вопль женщинъ, кричащихъ: „Послалъ братецъ, послалъ!“—я понималъ, на что такъ ясно намекаетъ братецъ, цитируя эти слова Евангелія. Далѣе, на столъ поставлено было десять цвѣтковъ, а иногда ставилось ихъ, какъ говорятъ, двѣнадцать, при чемъ самые цвѣтки и число ихъ имѣютъ въ глазахъ „братчиковъ“ свою символизацию.

Но вотъ окончилось пѣніе молитвъ и „братчики“, косо поглядывая на насъ, „хулителей“, — поплелись поочередно къ стоящему съ золоченымъ крестомъ на груди братцу для полученія отъ него благословенія и цѣлованія руки..... Истомленный спертымъ воздухомъ, „братецъ“ лѣниво благословлялъ „трезвенни-

ковъ“, а проживающія у него дѣвы бережно утирали чистыми платками потное лицо его и расправляли на плечахъ пряди длинныхъ волосъ его. Братецъ Иванушка, со всѣмъ своимъ штатомъ около 10 лицъ, содержится на счетъ братчиковъ.

Выйдя отъ братца, мы сразу же наткнулись на толпу „братчиковъ“, изъ которыхъ одинъ злобно крикнулъ по нашему адресу: „духовенство кадиломъ мотнетъ,—давай рубль, а здѣсь ничего не берутъ... Гдѣ секта то, у васъ или у насъ?“

А по дорогѣ къ дому мы встрѣтили другую толпу, въ которой знакомый намъ „братчикъ“ убѣждалъ собравшихся около него дворниковъ, что Господь въ Канѣ Галилейской не претворилъ воды въ вино, а только влилъ въ сердца присутствовавшихъ на бракѣ духъ Своего ученія... И мнѣ жалко стало этихъ жадно-слушавшихъ его русскихъ людей, которые, какъ подмѣтили лучшие представители русской литературы,—глубоко и искренно интересуются только моралью и религіей. Нерѣдко блуждаютъ они здѣсь, въ Петербургѣ, по распутіямъ косныхъ и ложныхъ направленій религіозной мысли и жизни и слѣпо бросаются за такими учителями, какъ „братецъ Иванушка и сестрица Матренушка“.

Исторія русскаго сектантства повѣствуетъ намъ о томъ, какъ разнообразны, какъ ужасны были религіозныя блужданія нашихъ братьевъ! И та же исторія развѣ не говоритъ намъ, какъ субъективно невинны и скромны бывали часто люди въ первыхъ проявленіяхъ своихъ религіозныхъ блужданій?

„Братчики“ уже далеко ушли въ своихъ религіозныхъ измышленіяхъ. Они уже во всеуслышаніе на перекресткахъ улицъ отрицаютъ, какъ мы видѣли, въ нѣкоторыхъ частяхъ фактическую сторону Евангелія. Ждать еще другихъ плотовъ дѣятельности этого гипнотизирующаго толпу „пророка“—не будетъ ли съ нашей стороны отвѣтственнымъ небреженіемъ къ св. Церкви и нашимъ меньшимъ братьямъ, пошедшимъ за „пророкомъ“ вслѣдствіе скудости нашего церковнаго учительства, вслѣдствіе нашей лѣности? Вѣдь много можно найти средствъ для того, чтобы избавить благотворную для нѣкоторыхъ пьяницъ дѣятельность этого чловѣка отъ внесенія въ нее столь опаснаго, столь сроднаго съ сектантствомъ проповѣдническаго элемента. Надо только, выйдя изъ нашей инертной замкнутости и приложивъ стараніе,—поспѣшить къ жаждущимъ съ здравымъ словомъ ученія, а то, „пока взойдетъ

солнце.— роса очи выѣсть“, горячо и совершенно справедливо говорить. о. М. Любомировъ.

На это мы можемъ отвѣтить нашему скорбящему корреспонденту, что погромче насъ были витіи — обличители миссіонерской безучастности столичныхъ и великоградскихъ пастырей, и всетаки миссіонерство здѣсь считается дѣломъ и чуждымъ и едва ли не празднымъ, а между тѣмъ заморскіе „Редстоки“ и доморощенные „братцы Иванушки“ увлекаютъ вслѣдъ себѣ тысячи алчущихъ и жаждущихъ, ищущихъ духовнаго вразумленія, утѣшенія и забвенія отъ своей житейской суеты. Ясно, что духовная нужда рождаетъ „братцевъ Иванушекъ“, этихъ темныхъ героевъ толпы, смѣло дѣйствующихъ среди народной тьмы.

Проф. Субботинъ въ „Церк. Вѣд.“ сообщаетъ о двухъ новыхъ опредѣленіяхъ прошлагодняго „собора“ раскольническихъ епископовъ, раскрывающихъ организацію „церковно-общественнаго“ быта старообрядцевъ австрійскаго согласія и ихъ стремленія придать этой организаціи наибольшую твердость и правильность.

«Освященный соборъ. разсмотрѣвъ постановленіе собора, бывшаго въ 1901 году, постановившаго ежегодно бывать съѣздамъ гражданъ по при глашенію епископа Арсенія Уральскаго, и принимая во вниманіе послѣдствія бывшихъ съѣздовъ, вызвавшихъ пререканія и укоризны, не только среди частныхъ лицъ, но и обществъ, что среди христіанъ не должно имѣть мѣста.

Настоящій освященный соборъ, не найдя основаній по канонамъ святой церкви къ утвержденію съѣздовъ гражданъ и относя таковые съѣзды къ случайнымъ потребностямъ, оставляетъ собраніе оныхъ усмотрѣнію церковно-общественныхъ попечительствъ, но безъ участія въ оныхъ духовныхъ лицъ, и только для обсужденія церковно-общественныхъ нуждъ, отнюдь не касаясь дѣлъ, подлежащихъ суду епископовъ. вмѣстѣ съ симъ освященный соборъ проситъ всѣхъ православныхъ христіанъ всѣ возникшія пререканія оставить въ союзѣ мира и любви, трудиться на общую пользу святой церкви, и Богъ мира будетъ со всѣми вами. 1902 года, 28 іюня* *).

Итакъ, у старообрядцевъ австрійскаго согласія существуютъ, очевидно, правильно организованныя „церковно-общественныя по-

*) Это, а также и другое, приводимое далѣе, «соборныя опредѣленія» писаны по уставному и литографированы на большихъ листахъ почтовой бумаги.

печительства“, имѣющія своею цѣлю наибольшее упроченіе раскола въ російской Церкви. Чтѣй да разумѣетъ!..

Другое „опредѣленіе“ раскольниковъ епископовъ еще яснѣе обнаруживаетъ эту цѣль раскольниковъ австрійскаго согласія. Вотъ что именно гласитъ это „опредѣленіе“, или „постановленіе“:

«Освященный соборъ, выслушавъ докладъ священника Алексѣя Карякина объ основаніи собственности при епископіяхъ, каковая бы, по опредѣленію правилъ (41 св. апост., 26 четвертаго вселен. соб., 24 и 25 соб. Антиохійскаго), состояла въ вѣдѣніи и распоряженіи мѣстнаго епископа, на удовлетвореніе духовныхъ нуждъ епархіальнаго управленія. Освященный соборъ, признавая поименованное основаніе собственности, въ силу исполненія указанныхъ правилъ, желательнымъ и полезнымъ, постановилъ: предоставить каждому епископу обсудить о способѣ основанія означеннаго капитала въ средѣ церковно-общественнаго попечительства своей епархіи, въ соучастіи священнослужителей, приглася къ сему и православныхъ благотворителей. 1902 г., 28 іюня“.

Это постановленіе раскольниковъ сора служитъ новымъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ, что австрійскій расколъ настойчиво и съ надеждой на успѣхъ стремится къ еще болѣе твердому упроченію, и безъ того, кажется, достаточно прочнаго своего существованія.

Проживая въ Тулѣ, Картушинъ оттуда дѣлаетъ свои распоряженія, касающіяся Москвы и всей Московской архіепископіи, а здѣсь они уже окончательно утверждаются и издаются къ исполненію не духовнымъ совѣтомъ, который какъ будто не существуетъ уже, а „общимъ собраніемъ Московскихъ старообрядческихъ священниковъ“, бывающимъ аккуратно каждую недѣлю. Что „собраніе священниковъ“ обсуждаетъ и въ качествѣ собственнаго „опредѣленія“ издаетъ къ исполненію распоряженія своего архіепископа, это, разумѣется, очень странный, антиканоническій порядокъ веденія церковныхъ дѣлъ; но въ Москвѣ, у старообрядцевъ австрійскаго согласія теперь, повидимому, дѣлается именно такъ. Такъ по крайней мѣрѣ приведено въ дѣйствіе распоряженіе Картушина, о которомъ идетъ рѣчь. Въ „О п р е д ѣ л е н і и общаго собранія Московскихъ старообрядческихъ священниковъ о времени вѣнчанія браковъ“ читаемъ:

„Его высокопреосвященство архіепископъ Іоаннъ, заботясь о точномъ сохраненіи церковныхъ законоположеній, между прочаго обратилъ вниманіе на вѣнчаніе браковъ постѣ обѣда и вечера и вмѣнилъ намъ въ непремѣнную обязанность соблюдать слѣдующее предписаніе книги Корм-

чей: «Да не дерзаетъ никакоже іерей подѣ правильною казнію и подѣ грѣхомъ смертнымъ никого же не вѣнчати по обѣдѣ, ниже вечерѣ, но порану, ничтоже ядшихъ, ниже пившихъ, абіе по божественной литургіи, или поне по часѣхъ» *).

„Мы, нижеподписавшіеся, на общемъ нашемъ собраніи 9-го сентября сего 1902 года, принявъ во вниманіе вышеприведенное законоположеніе и напомниманіе архіепископа Іоанна, опредѣлили вѣнчаніе браковъ, какъ въ храмѣ Рогожскаго кладбища, такъ и въ приходскихъ храмахъ и домовыхъ моленныхъ, обязательно совершать въ вышеуказанное время, и чтобы начало совершения таинства брака не начиналось позднѣе двухъ часовъ дня и оканчивалось непремѣнно до четырехъ часовъ вечера.

«Настоящее наше опредѣленіе должно быть объявлено прихожанамъ и затѣмъ вступить въ силу».

Минуя очевидную антиканоничность этого опредѣленія, изданнаго московскими раскольническими попами, присвоившими себѣ право утверждать и приводить въ дѣйствіе распоряженія своего архіепископа, не можемъ не признать, что самое это распоряженіе о времени вѣнчанія браковъ дѣлаетъ честь Карпушину, свидѣтельствуя о дѣйствительной его заботливости относительно „точного храненія церковныхъ законоположеній“. У богатыхъ и интеллигентныхъ московскихъ старообрядцевъ давно уже вошло въ обычай вѣнчаться позднимъ вечеромъ, при чемъ женихъ и невѣста, также старообрядческіе дамы и кавалеры являются—однѣ въ декольтированныхъ платьяхъ, другіе во фракахъ, чтобы прямо отъ вѣнчанія ѣхать на балъ, или на обѣдъ, послѣ котораго новобрачныхъ провожаютъ за границу. Этотъ совсѣмъ уже не „древлеправославный“ обычай не думали, или не рѣшались уничтожить ни раскольническіе попы австрійскаго происхожденія (при бѣглыхъ его еще не существовало), ни ихъ епископы, даже и самъ Антоній ШUTOвъ, строго преслѣдовавшій и такія мелочи, какъ употребленіе чая съ сахаромъ.

Но „вступить ли въ силу“, будетъ ли на самомъ дѣлѣ исполняться старообрядцами сдѣланное Карпушинымъ распоряженіе относительно времени совершенія браковъ? Раскольническіе „священники“ города Москвы не смягчатся ли предъ своими миллионерами и „тысячниками“, теперь уже совсѣмъ не похожими на изображенныхъ Печерскимъ? А они очень не довольны такимъ распоряженіемъ своего архіепископа. М.

*) Въ старопечатной Кормчей книгѣ это предписаніе находится въ 51 главѣ «О тайнѣ супружества, си есть законнаго брака» (л. 524).

Изъ залы засѣданій религіозно-филосовскихъ Собраній.

Постоянные читатели „Мис. Обзор.“ уже знакомы съ исторіей, задачами и характеромъ „религіозно-филосовскихъ собраній“, разрѣшенныхъ въ концѣ 1901 г., въ видѣ перваго опыта практической миссіи среди ищущей религіозной истины интеллигенціи. Инициатива устройства собраній шла отъ свѣтскихъ людей. Ходатайство же о разрѣшеніи ихъ было возбуждено предъ Высокопреосвященнымъ митрополитомъ Автономъ и г. оберъ-прокуроромъ Св. Синода К. П. Побѣдоносцевымъ нѣсколькими лицами духовнаго и свѣтскаго положенія. Въ спискѣ учредителей значатся съ духовной стороны: еп. Сергій, ректоръ здѣшней дух. академіи, свящ. М. Лисицынъ, свящ. І. Альбовъ, редакторъ „Мис. Обзор.“ В. М. Скворцовъ, доценты академіи А. Г. Карташевъ, В. В. Успенскій; со стороны свѣтской: писатели Д. С. Мережковский, Н. М. Минскій, публицистъ В. В. Розановъ, редакторъ «Журнала для всѣхъ» В. С. Миролюбовъ, А. Д. Философовъ, Г. А. Егоровъ и Фурнье.

Начавшись при ограниченномъ числѣ учредителей и участниковъ, собранія, подъ давленіемъ просьбъ желающихъ посѣщать засѣданія, скоро должны были раздвинуть рамки своего тѣснаго кружка, и создалась многолюдная весьма разнородная по составу аудиторія ¹⁾.

Всѣхъ собраній въ 1901—2 академическомъ году было 13. Первая два собранія были посвящены слушанію реферата г. Тернавцева: „Русская

¹⁾ Въ числѣ участниковъ Р.-Ф.-Собраній назовемъ: еп. Иннокентія, І-го викарія С.-Петербургской митрополіи, протопресвитера І. Янышева, ректора семинаріи архим. Сергія, проф. акад. прот. Соллертинскаго, редакторъ Прав.-Рус. Слова прот. Дернова, священ. — Лохотскаго, свящ. Слободскаго, Бѣлогостицкаго (редактора „Другъ Трезвости“), о. Драницина (инспектора классовъ епарх. ж. уч.) о. Левашева, прот. Рябкова (законоучитель); о. Миловидова (законоучитель), о. Виноградова, о. Покровскаго, о. Косухина, прот. Дроздова, и мн. др.; *профессоровъ дух. Академіи* — Гером. Михаила, гг. Рождественскаго, Браніантова, Лешорскаго, о. Натимова, о. Аквилонова, Соколова, Никольскаго; миссіонеровъ: Булгакова, Новоселова, Гринякина, *профессоровъ* — военно-мед. ак. Лебедева, универ. Каштерева, Каринскаго, Соболевскаго, Кандакова, Епанчина, (директора паж. корпуса). *Писателей* и сотрудниковъ разныхъ повременныхъ свѣтскихъ изданій: Гайдебурова (ред. „Новаго дѣла“), Перцова

Церковь предъ великою задачей“. Рефератъ этотъ былъ напечатанъ въ „Мис. Обзор.“ въ прошломъ году;—разборъ его сдѣланъ былъ свящ. Филевскимъ въ передовой статьѣ этого года. Слѣдующія два засѣданія были посвящены слушанію и обсужденію доклада Д. С. Мережковского на тему: „Тевъ Толстой и русская церковь“; затѣмъ три засѣданія были посвящены—реферату г. Минскаго и преніямъ по вопросу „О свободѣ Совѣсти“, два засѣданія реферату Мережковского „Гоголь и о. Матвѣй“. Въ свое время на страницахъ „Мис. Обзор.“ освѣщались наиболѣе важныя стороны затронутыхъ въ собраніяхъ вопросовъ. Но въ виду той серьезности и живого интереса, съ какими пошли засѣданія этого новаго, можно сказать импровизованнаго церковно-общественнаго учрежденія, признано было полезнымъ для хода преній вести стенографическія записи словеснаго обихъна мнѣній, происходившихъ въ собраніяхъ.

Въ текущемъ году эти записки рел.-фил. собраній Высок.пр. митрополитомъ разрѣшено, съ одобренія духовной цензуры, напечатать. Отчеты о первыхъ 4 засѣданіяхъ появились на страницахъ „Новаго Пути“.

Въ виду благопріятнаго для печати разрѣшенія вопроса объ опубликованіи отчетовъ о происходящемъ въ „рел.-фил. собр.“, которыя такъ интересуютъ многихъ, а виѣстѣ порождаютъ разные кривотолки, мы считаемъ полезнымъ для истины и для пастырей миссіонеровъ широко открыть страницы „Мис. Обзор.“ какъ для отчетовъ о рефератахъ и словесныхъ преніяхъ, такъ равно и для критическихъ сужденій и возраженій, съ точки зрѣнія православія, по содержанію тѣхъ мнѣній, которыя высказываются въ собраніяхъ.

Въ настоящей книжкѣ читатели въ „Откликахъ“ о. І. Михаила найдутъ отвѣды зашигникамъ „адогматизма“, служившаго предметомъ преній на послѣднемъ XIX собраніи 6 февраля, а ниже мы сообщаемъ главныя положенія и наиболѣе характерныя вытержки изъ весьма интереснаго реферата Д. С. Мережковского на тему „Л. Толстой и Русская Церковь“, а также словесный обихън мнѣній на данную тему,—имѣвшій мѣсто на 3 собраніи. На этотъ разъ матеріалы для отзыва мы заимствуемъ почти исключительно изъ февр. кн. „Новаго Пути“.

Меньшикова (ред. „Новаго Пути“) Гей, Добрышина, Бородаевского Долново-Добровольскаго, Андріевскаго (присяжн. повѣр.): Дягилева (редактора ж. Мірѣ Искусства), Пругавина, Ясевичъ-Бородаевскую, Л. Л. Толстого, А. А. Стаховича, художника Рѣпина, Бенуа. Въ числѣ участниковъ состоятъ много просвѣщенныхъ дамъ.—Въ числѣ посѣтителей собраній есть члены разныхъ вѣроисповѣданій, въ томъ числѣ настоятель армян. церкви.

Левъ Толстой и русская Церковь.

Главные положенія доклада Д. С. Мережковского.

1. Образованные русскіе люди, возстава противъ догматики и схоластики Церкви, считаютъ своимъ вождемъ Л. Толстого лишь по недоразумѣнію.

2. Л. Толстой, отрицая всю культуру, науку, искусство, государство, Церковь.— и призывая къ буддійскому недѣланію, тѣмъ самымъ чуждъ образованной Россіи и свидѣтельствуетъ о своемъ духовномъ одиночествѣ.

3. Каковъ смыслъ утвержденія Достоевскаго: „Русская Церковь въ параличѣ съ Петра Великаго?“ Всемирный вопросъ объ отношеніи государства къ Церкви (плоти—къ духу) рѣшенъ Петромъ I въ смыслѣ подчиненія православія самодержавію.

4. Этотъ вопросъ возникаетъ снова по поводу анафемы, произнесенной надъ Толстымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ общій вопросъ распадается на слѣдующіе частные:

а. Есть ли св. Синодъ полноправный представитель вселенской Церкви Христовой? Не было ли здѣсь за Церковью—государства, за жезломъ духовнымъ—меча гражданскаго?

б. Есть ли опредѣленіе Синода простое свидѣтельство объ отпаденіи Л. Толстого отъ Церкви, или „анафема“?

с. Не сказывается ли великое исканіе Бога въ художественномъ творчествѣ Толстого?

д. Вмѣстѣ съ анафемой надъ Толстымъ не произнесена ли анафема надъ всѣмъ русскимъ обществомъ, которое раздѣляетъ съ Толстымъ его невѣріе хотя бы и въ иныхъ формахъ отрицанія? И каковы могутъ быть для самой Церкви послѣдствія такой анафемы?

Талантливый авторъ начинаетъ свой докладъ съ утвержденія что,

до послѣдняго времени Л. Толстой никогда, собственно, не былъ нашимъ духовнымъ вождемъ въ полномъ смыслѣ этого слова, «учителемъ».

Характеризуя затѣмъ Л. Н. Толстого, М—ій находитъ, что

онъ недостаточно уменъ для своего генія, или слишкомъ геніаленъ для своего ума. Мускульная сила, которая легко носитъ людей

средняго роста, оказалась бы недостаточной для великана: умствующій Л. Толстой и есть такой слабый великанъ.

Эту неспособность къ быстрымъ и легкимъ движеніямъ, эту неповоротливую тяжесть, грузность ума замѣтилъ въ немъ первый, какъ и многое другое, никѣмъ не замѣченное, Достоевскій. Толстой, — говоритъ Достоевскій, — «несмотря на свой огромный художественный талантъ, есть одинъ изъ тѣхъ русскихъ умовъ, которые видятъ ясно лишь то, что стоитъ прямо передъ ихъ глазами, а потому и *притъ въ эту точку. Повернуть же шею направо или налево, чтобы разглядѣть и то, что стоитъ въ сторону, они, очевидно, не имѣютъ способности: имъ нужно для того повернуться всею тѣлою, всею корпусомъ.* Вотъ тогда они, пожалуй, заговарятъ совершенно противоположное, такъ какъ, во всякомъ случаѣ, они всегда строго искренни. — Далѣе называетъ онъ эту прямолинейность «изступленною» (Дневникъ Писателя 1877 г.).

Претъ же Л. Толстой въ одну точку, не умѣя повернуть шею ни направо, ни налево, — доказываетъ докладчикъ, тогда, когда онъ доказываетъ «ничтожность знаній опытныхъ» (Сочин. 1898, XV, стр. 230); когда утверждаетъ онъ, что всѣ открытія современной науки, отъ Ньютона до Гельмгольца, всѣ эти, какъ онъ выражается, «ислѣдованія протоплазмъ, формы атомовъ, спектральные анализы звѣздъ» — совершенные «пустяки» (XV, 221), «ни на что ненужная чепуха» (XIII, 193), «труха для народа» (XIII, 181), по сравненію съ истинною наукою «о благѣ людей» и о томъ, «какимъ топорищемъ выгоднѣе рубить», «какіе грибы можно ѣсть» (XIII, 175); что «вся ваша наука, искусство — только огромный мыльный пузырь» (VI, 264); что «ни въ какое время и ни въ какомъ народѣ наука не стояла на такой низкой степени, на какой стоитъ теперешняя» (XV, 256); что она нѣчто вродѣ «талмуда», на изученіи котораго современные люди «вывихиваютъ себѣ мозги» (XIII, 168). — Во всемъ этомъ есть, конечно, простота и прямолинейность; но простота «фантастическая» и прямолинейность «изступленная». Послѣ такихъ отзывовъ о наукѣ никого уже не могло особенно удивить то, что Шекспиръ оказывался «дюжиннымъ талантомъ» (Левенфельдъ о Толстомъ, стр. 113), что крестьянскій мальчикъ Федька превзошелъ въ своихъ сочиненіяхъ не только самого Л. Толстого, но и Гете (IV, 205); что въ произведеніяхъ Боккачіо нѣтъ ничего, кромѣ «размазыванія половыхъ мерзостей» (XV, 59); что Наполеонъ — дурачекъ, а древніе греки — «полудикій рабовладѣльческій народецъ, очень хорошо изображавшій наготу человѣческаго тѣла и стропившій пріятныя на видъ зданія», «но мало нравственно развитый»: что всякая женская нагота, хотя бы Венеры Милосской — «безобразна» (XV, 192); что всѣ «картины, статуи, изображающія обнаженное женское тѣло и *разныя позы*» (это невѣроятно, но я не преувеличиваю: сравните съ подлинникомъ — XV, 205), что все «существующее искусство», которое «имѣетъ только одну определенную цѣль — какъ можно болѣе широкое распространеніе разврата» — слѣдовало бы «уничтожить», — «лучше

пускай не будетъ никакого искусства" (XV, 206), ибо надо же, наконецъ, когда-нибудь избавиться отъ заливающего насъ „грязнаго потока этого развратнаго, блуднаго искусства" (XV, 211).

Хотя отрицаетъ Л. Т.—ой всё основы культурнаго міра—науку, искусство, собственность, государство, Церковь—съ такою „пенствою прямолинейностью", что, казалось бы, міръ долженъ рушиться, но по мнѣнію г. Мережковского, вся сила этого отрицанія идетъ все-таки мимо жизни, прочь отъ жизни, и что, если Великая Революція зажглась отъ гораздо меньше дерзкаго вольнодумства XVIII вѣка, то изъ толстовскаго анархизма никогда никакой революціи не выйдетъ:—недаромъ же все у него кончается буддійскимъ „недѣланіемъ", „непротивленіемъ": жестко стелеть, мягко спать, оглушительные холодные выстрѣлы, исполненскія хлопотки.

Да! (съ горечью восклицаетъ г. Мережковскій), есть что-то безконечно-трогательное въ этой способности великаго старика быть вѣчнымъ ребенкомъ; но бессознательной мудрости, по глубочайшему прозрѣнію въ тайны животной жизни, ему какъ будто не семьдесятъ, а семьсотъ лѣтъ; а по уму, по сознанію—все еще семнадцать или даже семь лѣтъ; какъ будто и донинѣ онъ тотъ же самый Левушка, который, желая летѣть и бросившись изъ окна классной комнаты, едва не сломалъ себѣ шею.

И вотъ все вдругъ измѣнилось: игра становится трагическою; заветная мечта его исполняется: онъ—пророкъ и учитель, ну, если не всего русскаго народа, то, по крайней мѣрѣ, культурнаго общества.

Положеніе дѣлъ таково: соединившись подъ знаменемъ Л. Толстого, образованные русскіе люди возстали, во имя свободы мысли и совѣсти, на догматику и схоластику, сказавшіяся, будто бы, въ опредѣленіи Синода, принятомъ всѣми, какъ утверждаетъ, по крайней мѣрѣ, самъ Л. Толстой, не за простое „свидѣтельство объ отпаденіи", а за настоящее, хотя и скрытое, „отлученіе отъ церкви", за своего рода церковную „анафему".

Мы вѣдь знаемъ, что до сей поры для него вся наша образованность, наука, искусство были только „мыльнымъ пузыремъ", „ни на что ненужною чепухой", и что мы сами, образованные люди, „жрецы науки и искусства", всегда казались ему „дрянными обманщиками, имѣющими на свое положеніе гораздо меньше правъ, чѣмъ самые хитрые и развратные жрецы" (XIII, 198). Если это такъ,—а вѣдь Л. Толстой отъ этого не отрекается,—то какъ же не побрезгать онъ соединиться съ нами противъ Церкви, съ одними обманщиками—противъ другихъ? Отрицаніе православія, какъ одной изъ культурно-историческихъ формъ христіанства, понятно въ общемъ ходѣ мыслей Л. Толстого: это отрицаніе—только звено цѣпи его отрицательныхъ выводовъ относительно всей вообще современной европейской культуры: здѣсь Церковь отрицается не какъ нѣчто стоящее внѣ культуры и ей противоположное, а, именно какъ часть всей этой ложной культуры, другія части которой суть наука, искусство, собственность, государство.

Далѣ докладчикъ останавливается на такомъ вопросѣ:

соединяясь такъ безвозвратно съ тѣмъ, кто отрицаетъ сущность культуры, не подвергается ли и русское культурное общество опасности отречься отъ своей собственной сущности, отъ своего единственного права на существованіе?

На этотъ вопросъ Мережковскій даетъ отвѣтъ сколько справедливый, столько же и сильный по глубинѣ мысли и вѣрности характеристики религіознаго настроенія современнаго общества.

Люди могутъ вступать въ прочный внутренній союзъ только во имя какого-нибудь утвержденія, во имя какого-нибудь „да“; во союзъ во имя одного отрицанія, безъ всякаго утвержденія—всегда внѣшній, случайный и временный: изъ ничего ничего не выходитъ: изъ какого-нибудь общаго „да“ возникнетъ и общее „нѣтъ“. Въ союзъ русскихъ людей съ Л. Толстымъ есть общее „нѣтъ“—отрицаніе православія—безъ всякаго общаго „да“—утвержденія новой формы христіанства: есть единство въ отрицаніи безъ всякаго единства въ утвержденіи. А потому и самый союзъ этотъ—внѣшній, случайный и временный, не столько союзъ, сколько встрѣча.

„Среди общей пустоты и одиночества, въ бунтѣ Л. Толстого противъ Церкви померещилось намъ что-то забытое, далекое, какой-то призракъ общенія, какая-то тѣнь тѣни.—и мы, какъ панургово стадо, кинулись за этой тѣнью: но она разсѣется, потому что все-таки изъ ничего ничего не выйдетъ, изъ общаго „нѣтъ“ не выйдетъ общаго „да“—и мы останемся еще въ большей пустотѣ, еще въ большемъ одиночествѣ. Тутъ нѣтъ ни истиннаго отрицанія, ни истиннаго утвержденія, ни вѣры, ни безвѣрія, а только лукавое равнодушіе, вялое шатаніе, распатанность, распущенность, страшная обще-европейская консервативно-либеральная середина, ни то, ни се, или, еще болѣе страшное, русское „наплевать на все“—русскій нигилизмъ. Именно здѣсь, въ нигилизмѣ не 70-хъ годовъ, а въ нашемъ современномъ толстовскомъ нигилизмѣ завершается великій расколъ, отпаденіе русскаго культурнаго общества отъ народа; завершается историческій путь русской культуры, начавшійся съ Петровской реформы: „дальше нельзя идти, да и некуда: нѣтъ дороги, она вся пройдена“, какъ выразился Достоевскій: „здѣсь Петровская реформа дошла, наконецъ, до послѣднихъ своихъ предѣловъ“ и до самоотрицанія: слѣдуя за Л. Толстымъ въ его бунтѣ противъ Церкви, какъ части всемірной и русской культуры, до конца—русское культурное общество дошло бы неминуемо до отрицанія своей собственной русской и культурной сущности; оказалось бы внѣ Россіи и внѣ Европы противъ русскаго народа и противъ европейской культуры; оказалось бы не русскимъ и не культурнымъ, то есть ничѣмъ. Въ толстовскомъ нигилизмѣ вся постъ-петровская культурная Россія, опять-таки, по выраженію Достоевскаго, „стоитъ на какой-то окон-

чательной точкѣ, колеблясь надъ бездной". Думая, что борется съ Церковью, то есть, съ исторіей, съ народомъ, за свое спасеніе, — на самомъ дѣлѣ борется она за свою гибель: страшная борьба, похожая на борьбу самоубійцы съ тѣмъ, кто мѣшаетъ ему наложить на себя руки.

И всего страшнѣе то, что борьба эта происходитъ глухо, нѣмо. Выказалась Церковь, высказался Л. Толстой. Но два главные противника — русскій народъ и русское культурное общество — безмолвствуютъ. Народъ безмолвствуетъ, какъ всегда: безмолвіе же культурнаго общества имѣетъ особый смыслъ: тутъ своего рода „заговоръ молчанія". Нельзя говорить за Л. Толстого: значить, нельзя говорить и противъ него, нельзя даже говорить о немъ. И вотъ молчать. Но „когда молчать — вопіють".

Напомнимъ, что двадцать пять лѣтъ назадъ въ „Дневникъ писателя", за 1877 годъ, говоря о послѣдней части „Анны Карениной", Достоевскій, по собственному признанію Л. Толстого, „самый нужный, самый дорогой" ему человѣкъ, употребилъ о немъ то же слово, что и Церковь — *отпаденіе*: „какъ подѣйствовало на меня, — говоритъ Достоевскій, — *отпаденіе* такого автора отъ русскаго всеобщаго и великаго дѣла..." (изд. 1888 г., стр. 239), Мережковскій совершенно справедливо замѣчаетъ, что предсказанное Достоевскимъ и произошло на нашихъ глазахъ съ неотразимою ясностью: въ данномъ случаѣ Л. Толстой „отпалъ" отъ пониманія всеобщаго и великаго историческаго пути народнои религіозной жизни. Русская Церковь только засвидѣтельствовала, четверть вѣка спустя послѣ Достоевскаго, эту теперь уже всемъ извѣстную, очевидную истину. „Постановленіе Синода, — говоритъ Л. Толстой въ своемъ отвѣтѣ, — представляетъ изъ себя *то, что на юридическомъ языкѣ называется клеветой*". Если это такъ, то и Достоевскій, „самый дорогой" Л. Толстому человѣкъ, оклеветалъ его.

Далѣе авторъ, процитировавъ выраженіе Достоевскаго: „Русская церковь въ парадничѣ съ Петра Великаго", ставитъ такой вопросъ:

Что же это значить? Что собственно сдѣлалъ Петръ съ русской церковью?

На этотъ вопросъ Д. С. Мережковскій отвѣчаетъ выпискою изъ Духовнаго Регламента или Устава Духовной Коллегіи мотивовъ, въ силу коихъ учрежденъ по волѣ Петра тотъ самый Святѣйшій Синодъ, „чьимъ голосомъ и засвидѣтельствовала русская Церковь объ „отпаденіи" Л. Толстого", а въ заключеніе такъ разсуждаетъ Мережковскій:

„И вотъ однимъ росчеркомъ пера подъ Духовнымъ Регламентомъ „въ 25 день Генваря 1721 году" Петръ подчиняетъ Церковь государству, православіе самодержавію. Однимъ ударомъ и „обезгла-

вить“ онъ русскую Церковь, уничтоживъ патріаршество, и „обмѣрщивъ“ русское государство, снявъ съ него церковный обликъ, раззоривъ церковное домостроительство древней Россіи. Отнынѣ дѣятельность Церкви становится лишь „духовною политикою“, по выраженію Регламента, частью болѣе обширной и важной политики государственной: сама Церковь становится однимъ изъ колесъ огромной машины—„пальцемъ отъ ноги“ желѣзнаго колосса. Существуютъ бергъ-юстицъ комерцъ-коллегіи среди нихъ и коллегія духовная; въ ней точно такіе же чиновники, члены-совѣтники, „ассессоры“, „вице-президенты“ и „президенты“, какъ во всѣхъ остальныхъ коллегіяхъ. Настоящій глава этого „соборнаго правленія“, конечно, не президентъ Синода, „блюститель патріаршаго престола“, какой-нибудь Стефанъ Яворскій, а самъ Петръ. „Дѣлать сіе (въ сущности дѣлать все) должна Коллегія Духовная не *белъ нашего союзуленія*“ (то-есть, государева), сказано въ Регламентѣ. Петръ соединилъ въ себѣ власть русскаго царя съ властью русскаго патріарха—„кесарево“ съ „Божіимъ“.

„*Въ коиъ правилѣхъ писано царю церковью владѣть?*“—спрашивалъ протопопъ Аввакумъ царя Алексѣя и съ гораздо большимъ правомъ могъ бы спросить Петра Алексѣевича. Это и есть глубочайшій, въ сущности единственно жизненный вопросъ всѣхъ трехъ вѣковъ раскола. Ну, конечно, тутъ дѣло шло не о пустякахъ, не о хожденіи посолонъ, не о двуперстномъ знаменіи, а о чемъ-то дѣйствительно важномъ, всемірно-историческомъ; расколъ есть безсознательный бунтъ русскаго христіанства—„крестьянства“ противъ языческаго и господскаго „обмѣрщенія“ Россіи въ „петербургскомъ періодѣ“ русской исторіи.—„А ты, миленькой, посмотри-тко въ пазуху-то, царь христіанскій! Ты вѣдь, Михайловичъ, русакъ...—Говори своимъ природнымъ языкомъ, не унижай его и въ церкви, и въ дому. Какъ насъ Христосъ научилъ, такъ подобаетъ говорить“. Россія „петербургскаго періода“ заговорила не христіанскимъ и не крестьянскимъ, „природнымъ“ языкомъ своимъ. Вотъ что вѣрно понялъ и высказалъ расколъ—насколько ранѣе, насколько сильнѣе, чѣмъ славянофилы, можетъ быть, даже сильнѣе, чѣмъ Достоевскій“.

Обращаясь снова къ вопросу объ отлученіи Толстого, Мережковский говоритъ:

До какой степени я убѣжденъ, что свидѣтельство Церкви о невѣріи Л. Толстого, *какъ мыслителя*, въ христіанскаго личнаго живого Бога-Отца и въ Единороднаго Сына Божьяго, а слѣдовательно, и свидѣтельство объ его отпаденіи отъ христіанства есть истина,—видно изъ того, что многія страницы моего изслѣдованія „*Л. Толстой и Достоевскій*“, написанныя еще до Опрежденія Синода, посвящены были доказательству этой истины. Но вотъ вопросъ: исчерпываетъ ли религіозная мысль *сознаніе* Л. Толстого, всю глубину его подлиннаго религіознаго существа?

„Можно многое знать безсознательно“, говорить Достоевскій. Кажется, слово это ни на комъ не оправдалось въ большей мѣрѣ, чѣмъ на Л. Толстомъ: вотъ кто безконечно-многое „знаетъ безсознательно“. Уже не отдѣльными страницами, а всею книгою моею, я вѣдь только и старался показать, до какой степени слабо, скудно, мимолетно все, что Л. Толстой сознаетъ, во что онъ вѣритъ или не вѣритъ, какъ мыслитель,—по сравненію съ тѣмъ, что онъ „*знаетъ безсознательно*“, какъ вѣщій „тайновидецъ плоти“; всею книгою моею я старался показать, что во Л. Толстомъ живутъ и всегда жили два не только отдѣльные, но иногда и совершенно другъ другу противоположныя, враждебныя существа, „два поочередно смѣняющіеся характера“, какъ бы два чловѣка: маленькій мыслитель, лже-христіанинъ, „старецъ Акимъ“ и великій подлинный язычникъ, дядя Ерощка. Что обманчивый „двойникъ“, призрачный „оборотень“, „самозванецъ“ Л. Толстого, не столько даже „мыслящій“, сколько „умствующій“ старецъ Акимъ, отпалъ отъ Христа и въ своемъ безплотномъ и бездушномъ, всеотрицающемъ „христіанствѣ“ дошелъ до почти совершеннаго безбожія, буддійскаго нигилизма,—въ этомъ, повторяю, сомнѣнія быть не можетъ. Но истинный Л. Толстой, великій язычникъ, дядя Ерощка, не отпадалъ, да и не могъ бы отпасть отъ христіанства, уже по той причинѣ, что онъ *и не былъ никогда христіаниномъ*. Язычество истиннаго Л. Толстого есть нѣчто первородное, первозданное, никакими видами крещенія несмываемое, не растворимое, потому что слишкомъ стихійное, безсознательное. Говоря грубо, но точно, Л. Толстого христіанство „нейметъ“, вода крещенія съ него, „какъ съ гуся вода“. Не то чтобы онъ не хотѣлъ христіанства; напротивъ—онъ только и дѣлалъ всю жизнь, что обращался въ христіанство.

„Нельзя требовать отъ русской Церкви художественной критики, — продолжаетъ Мережковский. Но тутъ и совѣмъ безъ критики, кажется, не обойдешься. Тутъ для послѣдняго суда нужно *послѣднее знаніе*, которое можетъ дать только любовь. Критика и есть это послѣднее знаніе любви. Безъ критики тутъ слишкомъ легко промахнуться и попасть не въ того, въ кого цѣлишь: цѣлить въ „двойника“, въ христіанскаго „оборотня“, „старца Акима“ — мыслителя Л. Толстого, а попасть въ настоящаго и ни въ чемъ неповиннаго „дядю Ерощку“, художника Л. Толстого. Неуклюжій, слѣпой великанъ попадется, а зоркій, маленькій оборотень ускользнетъ, какъ онъ всегда ускользаетъ.

„Главное, слѣдуетъ помнить, что со стороны Л. Толстого въ его отпаденіи отъ христіанства не было злого умысла, злой воли: кажется, онъ сдѣлалъ все, что могъ,—боролся, мучился, искалъ. У него было здѣсь, на землѣ, великое алканіе Бога; просто не вѣрится, чтобы это ему и тамъ не зачлось. У кого изъ насъ было большее алканіе? Страшно за него, что онъ все-таки не насытился; но вѣдь и за насъ тоже страшно, пожалуй, даже страшнѣе, чѣмъ за него: если и такой, какъ онъ— „солъ земли“ — оказался „не соленою солью“,

то чѣмъ же окажемся мы? Мы вѣдь мѣримъ его ужасною мѣрою, которая „шире вселенной“; какъ бы и намъ не отмѣрилось этою же мѣрою, и чѣмъ-то мы окажемся по ней?

Между такимъ писателемъ, какъ Л. Толстой, и всѣми его читателями есть чувство взаимной отвѣтственности, какъ бы тайная круговая порука: ты за насъ—мы за тебя: не можемъ мы тебя покинуть, если бы даже ты самъ покинулъ насъ; ты слишкомъ намъ родной: ты—мы сами въ нашей послѣдней сущности. Можетъ быть, и въ этомъ случаѣ съ Церковью, если бы мы больше любили и окружили, обступили его съ дѣйствительною мольбою къ нему, молитвою за него, съ дѣйствительною вѣрою въ невозможное — въ чудо его обращенія—то онъ не устоялъ бы, содрогнулся бы, что-то понялъ бы, если и не то, о чемъ мы молимъ, то понялъ бы, по крайней мѣрѣ, что онъ чего-то не понимаетъ, что не все такъ просто, какъ ему кажется, и что нельзя отталкивать насъ съ такою жестокостью;—языкъ не повернулся бы у него для этого неимовѣрнаго слова о томъ, что онъ—одинъ; рука не поднялась бы для такого кроваваго оскорбленія Церкви, какъ обвиненіе въ „клеветѣ“ и „подстрекательствѣ“ къ убійству.

„Нельзя было Церкви не засвидѣтельствовать объ отпаденіи Л. Толстого, какъ *мыслителя*, отъ христіанства. Но, можетъ быть, это не послѣднее слово Церкви о немъ; можетъ быть, она когда-нибудь засвидѣтельствуетъ и то, что, подобно языческому слѣпцу „Омиру“, чей ликъ изображенъ рядомъ съ ликами православныхъ святыхъ въ Московскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ,—и этотъ новый слѣпецъ христіанства, въ своемъ ясновидѣніи всей „Божьей твари“, касается Духа Святаго“. „устремляется къ слову, Богу славу поетъ, Христу плачетъ, себѣ невѣдомо, тайной житія своего совершая сіе“.

Какъ-же ничего этого не поняли русскіе образованные люди? Неужели и вправду такъ ожесточились они, что принимаютъ любовь за ненависть и молитву за проклятіе? Неужели правъ Л. Толстой, увѣряющій, будто бы „почти всѣ“ они отпали отъ христіанства? Едва ли такъ. Кажется, русское культурное общество,—сознаетъ ли это, или не сознаетъ,—въ дѣйствительности борется не съ христіанствомъ, не съ Церковью,—до Церкви въ сущности ему и дѣла нѣтъ,—а съ тѣмъ, что за Церковью.

Съ Петра Великаго за Церковью—государство, за жезломъ духовнымъ—мечъ гражданскій, по незабвенному слову Духовнаго Регламента: „*отънять сіе должна Коллегія не безъ Нашего соизволенія*“. Надо же быть исторически справедливымъ, мало того, исторически милосерднымъ и къ русскому образованному обществу: нельзя обвинять его за этотъ слишкомъ естественный вопросъ, который шевелится въ умѣ: въ данномъ случаѣ, относительно Л. Толстого, у котораго бунтъ противъ Церкви такъ неразрывно связанъ съ бунтомъ противъ государства.—*насколько и само дѣйствіе Церкви независимо отъ влиятельной государственности?* Насколько вообще является бывшая Духовная Коллегія подлиннымъ, не только историческимъ, но и мистическимъ

представителемъ русской Церкви? Но тутъ-то и возникаетъ поставленный мною раньше вопросъ о дѣйствительности того „паралича“, въ которомъ, по мнѣнію Достоевскаго, находится будто бы, вся русская Церковь „съ Петра Великаго“, вслѣдствіе ея внѣшняго механическаго подчиненія государству. Что собственно произошло: параличъ ли, исцѣленный, по слову Господа, всталъ и поднялъ руку для своей защиты, или же онъ все еще лежитъ въ параличѣ, и это кто-то другой, стоящій за нимъ, поднимать омертвѣвшую руку разслабленнаго, чтобы ударить ею своего собственного врага?

Словесный обмѣнъ мнѣній.

Протопр. Янышевъ. Д. С. Мережковскій имѣетъ весьма своеобразное понятіе объ обществѣ христіанскомъ и интеллигентномъ. Церковь всегда одна и та же. Со временъ Иисуса Христа и до нашихъ дней она неизмѣнна. Правда, ученые предлагаютъ свои понятія о Церкви и Д. С. говоритъ о русскомъ православіи, какъ о помѣстной церкви, тогда какъ православіе, если оно будетъ „русскимъ“, не будетъ православіемъ. Церковь это люди, соединенные единствомъ вѣроученія, іерархіей, таинствами, при томъ содержащіе все это согласно съ древнею нераздѣльною Церковью. Все это и теперь существуетъ. Никакихъ новыхъ догматовъ быть не можетъ, и въ параличѣ церковь быть не можетъ.

Д. С. Мережковский. О томъ, что церковь—въ параличѣ со временъ Петра Великаго, сказалъ не я, а Достоевскій. А съ нимъ нельзя не считаться. Здѣсь большой вопросъ: есть ли Духовная коллегія выраженіе абсолютной истины?

О. Янышевъ. Въ людяхъ, и вообще ни въ какомъ человѣческомъ учрежденіи абсолютной истины быть не можетъ; абсолютно лишь то, что сказалъ Иисусъ Христосъ, и оно остается абсолютнымъ и навѣки неизмѣннымъ. Желать и утверждать возможность и необходимость дальнѣйшихъ откровеній для всего міра,—значитъ выйти изъ христіанской сферы. Но данная истина все больше и больше развивается въ приложеніи къ жизни и въ пониманіи людей.

Мереж. Вы сказали: истина неизмѣнна. Но религіозный опытъ можетъ давать догмату все новое и новое содержаніе и все большее постиженіе. Въ этихъ горизонтахъ, указываемыхъ догматами, возможно безконечное движеніе.

О. Янышевъ. Да, совершенно вѣрно. По каждому вопросу могутъ быть богословскія мнѣнія. Вообще замѣчается постепенное движеніе въ пониманіи христіанства и осуществленіи его въ жизни. Я вижу, что христіанство въ наши дни лучше понимается и дѣятельнѣе проповѣдуется, чѣмъ въ дни моей юности. Я живу уже 60 лѣтъ сознательной жизнью—и какой успѣхъ за этотъ періодъ времени! Прежне Библія была рѣдкостью въ рукахъ народа, теперь въ огромномъ количествѣ она распространяется повсюду. Петербургъ полонъ благотворительными учрежденіями. Прогрессъ во всемъ огромный, и я молюсь за Александра II—въ царствованіе котораго и началось, собственно, все это движеніе. Это былъ ангелъ Россіи.

Архим. Серій. Мы исходимъ изъ различнаго пониманія Церкви. Церковь есть тѣло Христова. При этомъ — въ смыслѣ таинственномъ: «здѣсь премудрость», говоритъ апостолъ. Пальцемъ на нее указать нельзя. Къ ней принадлежатъ Іисусъ Христосъ, ангелы. Мережковскій говоритъ о церкви, очевидно, въ смыслѣ русской народной общины. Эта русская община распадается и въ параличъ, но никакъ не церковь.

О. Янышевъ. О церкви можно говорить или какъ объ образѣ или какъ о понятіи. Въ послѣднемъ случаѣ точнѣ катихизиса никто опредѣленія дать не можетъ.

В. В. Розановъ. Отецъ протопресвитеръ сказалъ, что выходитъ изъ христіанской церкви тотъ, кто надѣется на новыя откровенія. А въ Евангеліи говорится: «Всего не можете вмѣстить». Что это значить? По вашему значить, живыя отношенія человѣка къ Богу прекратились, и на нихъ поставлена точка.

Еп. Серій. Русская церковь всегда была больше органовъ своего управленія. Если бы уничтожить, отгнѣять эти органы—можно ли будетъ сказать, что русская церковь перестала существовать? Съ отгнѣною патріаршества и съ учрежденіемъ Синода русская Церковь не перестала быть Церковію.

Е. А. Егоровъ. Мережковскій сопоставилъ воззрѣнія Толстого въ разные періоды его жизни и нашелъ въ нихъ несомнѣнные взаимныя противорѣчія. Но воззрѣнія Толстого измѣнялись непрерывно. Отъ дѣтской вѣры онъ перешелъ къ обычному индифферентизму, отъ индифферентизма къ исканію и отрицанію, отъ отрицанія къ «мужичьей вѣрѣ», отъ нея къ самостоятельной религіозной системѣ. Противопоставлять воззрѣніямъ Толстого за послѣдній періодъ его же собственныя воззрѣнія за болѣе ранніе періоды трудъ безплодный. Что сказалъ бы Д. С., если бы я сталъ указывать ему, что его современныя воззрѣнія находятся въ совершенномъ несогласіи съ его же воззрѣніями, когда онъ писалъ своего „Юліана?“ Онъ бы отвѣтилъ.

отъ тѣхъ воззрѣній и отказался и самъ считаю ихъ не пріемлемыми. То же самое можно отвѣтить и на указанія противорѣчій Толстого въ различные фазисы его жизни. Но, каковы бы ни были эти противорѣчія, не они важны въ вопросѣ о христіанствѣ Толстого. Толстой можетъ быть весь сотканъ изъ взаимно-исключающихъ одно другое противорѣчій въ области догматическихъ построеній и умствованій, а *по жизни* быть совершеннымъ праведникомъ. И наоборотъ. Помните: «приближаются ко Мнѣ люди сіи устами своими и чтутъ Меня языкомъ; сердце же ихъ далеко отстоитъ отъ меня; но тщетно чтутъ Меня». Спрашивается, кого же надлежитъ отлучить отъ церкви: ошибающагося въ теоретическихъ построеніяхъ, но святого жизнью, или безошибочно повторяющаго мертвыми устами догматы никейскаго собора, а на дѣлѣ въ жизни—неправеднаго? На это можетъ быть два отвѣта. Важны, разумеется не наши частные, личные, неотвѣтственные домыслы объ этомъ, а отвѣтъ самой церкви. Но тутъ я спрашиваю: кто можетъ говорить отъ ея имени? не Синодъ ли? Докладчикъ, напомнивъ намъ исторію учрежденія Св. Синода, косвенно отвѣтилъ на эти вопросы. Я же отвѣчу на нихъ прямо.

Церковь учреждена *Христомъ*, а Правительствующій Синодъ—*Петромъ Великимъ*.

Церковь вѣчна, и самыя врата ада не одолѣютъ ея; а Синоду нѣтъ и двухъ сотъ лѣтъ, и бытію его могутъ положить конецъ три слова царствующаго императора.

Церковь учреждена для цѣлей спасенія; Синодъ учрежденъ ради цѣлей „духовной политики“.

И въ порядкѣ своего возникновенія, и по своимъ задачамъ, и по характеру своего современнаго существованія и властвованія Св. Синодъ не церковь. Вотъ что сказано въ Основныхъ Законахъ Россійской Имперіи—Ст. 43. „Въ управленіи церковномъ самодержавная власть дѣйствуетъ посредствомъ Святейшаго Правительствующаго Синода, *ею учрежденнаго*“. Будучи, такимъ образомъ, органомъ верховной власти, учрежденнымъ ради цѣлей церковнаго управленія, Св. Синодъ есть именно административный органъ *свѣтской* власти. Поэтому, поскольку Синодъ дѣйствуетъ въ предѣлахъ полномочій, данныхъ ему волею русскіихъ монарховъ, постольку его опредѣленія авторитетны. Онъ возглавляетъ свои опредѣленія словами „По указу Его Императорскаго Величества“, и другихъ основаній для силы его указовъ онъ найти не можетъ. Поэтому, въ предѣлахъ своихъ полномочій онъ авторитетенъ, внѣ ихъ—онъ безвластенъ. Попытки придать этому административному органу верховной власти значеніе чего-то самосушаго, стоящаго по основаніямъ своего властвованія внѣ зависимости отъ прехо-

шей воли земной власти, встрѣчаютъ прежде всего неодолимую преграду въ приведенномъ учредительномъ законѣ и о него безъ остатка разбиваются.

Пробуютъ намекать, что Синодъ—церковный соборъ и какъ бы уста православной церкви. Но церковный соборъ дѣйствуетъ не въ силу внѣшняго повелѣнія („По указу Е. И. В.“), а по непосредственно ему принадлежащей власти („Изволися Святому Духу и вамъ“). Устами же всей православной церкви онъ не можетъ быть признанъ еще и потому, что синодовъ много. Есть Священный Синодъ при *Вселенскомъ* Константинопольскомъ патріархѣ, естъ Синодъ Румынскій, Сербскій и др. Который же изъ этихъ Св. Синодовъ истинныя уста православной церкви? Вѣдь не секретъ, что не на всѣ вопросы эти синоды смотрять одинаково. Или сторонники теоріи о синодѣ полагаютъ, что изъ всѣхъ восточно-православныхъ синодовъ русскій Правительствующій Синодъ—самый православный?

Теорія, пытающаяся облечь Правительствующій Синодъ ни въ какой степени не принадлежащимъ ему значеніемъ *представителя* Церкви, настолько безпочвенна и—смысло могу сказать—не православна, что подвергать ее болѣе подробному обсужденію я считаю излишнимъ. Вообразите себѣ только на одну минуту, напр., хотъ Никейскій соборъ: отцы собора составили исповѣданіе вѣры, а какой-нибудь протоиерей или куропалать византійскаго базилевса положилъ этотъ символъ единой истинной вѣры подъ сукно—можете вы вообразить такое положеніе вещей? Конечно, вѣтъ, ибо каноны соборовъ, этого голоса древней церкви дѣйственыя вѣ всякой зависимости отъ усмотрѣнія агентовъ политической власти. Между тѣмъ всякое опредѣленіе Правительствующаго Синода получаетъ силу *только* подъ условіемъ одобренія его прежде всего свѣтскимъ чиновникомъ. Не поставитъ онъ своего «читаль», (за которымъ подразумѣвается: «и содержаніе оного одобрилъ»),—и опредѣленіе отцовъ тѣтъ самымъ уравнивается нулю. Само собою разумѣется, что никакой чиновникъ не въ состояніи заградить уста вселенской апостольской Церкви, и былъ бы безсиленъ въ равной мѣрѣ передъ опредѣленіями Синода, если бы Синодъ былъ Церковью, а не однимъ изъ высшихъ административныхъ органовъ, существующихъ исключительно въ силу повелѣнія російскихъ государей.

Въ силу своего чисто-юридическаго характера Синодъ и властенъ осуществлять исключительно *волю монарховъ* въ области церковнаго *управленія*, всякія же попытки выйти за предѣлы этого чисто юридическаго своего назначенія будутъ напрасны. Удостовереніе объ отпаденіи Толстого отъ Церкви имѣетъ, поэтому, значеніе «богословскаго мѣтнія» іерарховъ, а вовсе не окончательнаго суда самой Церкви. Надо думать, что Толстой попадетъ либо въ геенну огненную, либо въ лоно Авраамово вѣ всякой зави-

симости отъ богословскихъ мѣнъ, а въ мѣру *своихъ* заслугъ и прегрѣшеній.

Supplementum. Императоръ Петръ I учрежденіемъ синода не привнесъ сторонняго элемента въ созидательную организацію церкви. Святиня божественнаго авторитета и власть епископская, какъ средоточіе житнетворнаго бытія въ церкви, остались цѣлы и не тронуты. Посему и восточные патріархи не усумнились признать синодъ своимъ о Христѣ братомъ, т. е. учрежденіемъ хотя и видоизмѣнившимся, но съ каноническихъ, іерархическихъ основъ не сдвинутымъ. Правда, можетъ быть, свѣтская власть при синодальной формѣ правленія получила возможность болѣе или менѣе напряженнаго своего проявленія, однако же верховная власть не единственная и не коренная основа авторитета Синода. Одни полномочія синода какъ епископата—благодатнаго достоинства, по хиротоніи священства, а другія, церковно-каноническія—какъ органа власти въ духовныхъ нуждахъ и интересахъ, sloящихся въ порядкахъ церковно-гражданскаго уложенія. Основаніемъ управленія для Синода по тому же регламенту служатъ: Законъ Божій, въ священномъ Писаніи предложенный, каноны и правила соборныя, св. отцовъ, и уставы гражданскіе. И въ залѣ засѣданій синода на одномъ концѣ стола водружены св. евангеліе и крестъ, а на другомъ зеркало. Актъ синодальнаго удостовѣренія объ отпаденіи Льва Толскаго отъ церкви состоялся не только безъ участія свѣтской власти, но и безъ авторизаціи съ этой стороны. Возглавленъ онъ такъ: Божіею Милостію (а не: «По указу Е. И. В.») святѣйшій Всероссійскій Синодъ (безъ тѣлы «Правительствующій») вѣрнымъ чадамъ православныя католическія греко-россійскія церкви... (Церк. Вѣд. 1901 г. № 8), и получилъ самодовлѣмость только единомысліемъ епископовъ и подписомъ ихъ, безъ всякой сторонней санкціи. Съ очень недавняго времени и присяга для членовъ синода «при вступленіи въ свое дѣло» съ ниже приводимыми г. Карташевымъ словами: «Исповѣдую съ клятвою крайняго судію духовныя коллеги быти самого всероссійскаго монарха» отмишена. Въ самомъ же духовномъ регламентѣ эти слова вызваны не цезаре-папистической тенденціей, а уравнительно равной относительно синода и сената, такъ какъ сенатъ при Петрѣ обнаруживалъ намѣреніе поставить синодъ къ себѣ въ отношеніе субординаціи. Напротивъ, въ томъ же духовномъ Регламентѣ говорится: повелѣваемъ всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ нашимъ всякаго чина имѣть у него (синода) крайнія духовныхъ дѣлъ управы, рѣшенія и вершенія просить и судожъ его опредѣленнымъ довольствоваться.

По смыслу регламента оберъ-прокуроръ Синода долженъ наблюдать за правильностью и аккуратностію дѣлопроизводства въ синодѣ съ формальной стороны и со стороны дѣйствующихъ нормъ русскаго права. Съ точки зрѣнія канцелярской механики онъ «долженъ инстинговать бумага, чтобы по нимъ

исполнено было. Такимъ образомъ его отиѣжки «читаль» и «исполнить» относятся не къ законодательной функціи утвержденія, а къ выполнению «смотрѣнія, чтобы въ синодѣ не на столѣ только дѣла вершились, но самими дѣломъ исполнялись».

Церковь вселенская—это единомысленная общность вѣры и единокачественность ощущенія и настроенія духа, вѣющаго въ каждой помѣстной церкви, т. е. теоретическая и психологическая объединенность вѣрующихъ, различающихся особенностями этнографическаго и государственнаго строя. Поэтому всѣ помѣстные синоды единомысленны и согласны въ догматическихъ и моральныхъ принципахъ вѣры, едиными устами и единымъ сердцемъ исповѣдуютъ общій всѣмъ символъ; разность воззрѣній межъ ними проявляется въ административной, церковно-обрядовой и практически-бытовой сторонахъ, примѣнительно къ нормамъ мѣстнаго національнаго права. Русская табель о рангахъ за границей ходитъ въ цивильномъ платьѣ, а православный священникъ одинаково дерзновененъ у престола Божія и въ Петербургѣ, въ Иерусалимѣ и въ Царьградѣ.

Актъ отлученія Толстого не есть осужденіе его на вѣчныя адскія мученія, а только снятіе съ него «священнаго званія» христіанина. У Бога Толстому будетъ свой судъ, и по дѣламъ его будетъ ему свое воздаяніе. Но вѣрующіе знаютъ также, что путь на лоно Авраамово опредѣляется не одною дѣятельною добродѣтелью, а прежде всего вѣрою во Христа, какъ Сына Божія. (Іоан. III, 18). Толстой отрекся отъ этой вѣры, снялъ съ себя св. крестъ, надѣтый ему при св. крещеніи, заслуги его слагаются внѣ общенія со Христомъ, а потому и внѣ участія въ христіанской надеждѣ.

Цензоръ Архимандритъ *Антонинъ*.

В. А. Търнавцевъ. Я хотѣлъ бы отвѣтить Егорову. Спрашиваю, если бы въ Россійской Церкви въ настоящее время было патріаршество, Левъ Толстой не былъ бы отлученъ? Если бы дѣломъ о немъ занимался помѣстный или даже вселенскій соборъ, и тогда Толстой—не былъ бы отлученъ? Былъ бы отлученъ. Перечитайте акты вселенскихъ соборовъ. Здѣсь ложь въ самыхъ исходныхъ началахъ нашихъ разсужденій.

Въ разсужденіяхъ о каноничности или неканоничности Синода, а также въ преимуществахъ тѣхъ церковныхъ порядковъ, которые Синодъ собой заимѣялъ, намъ, въ нашихъ будущихъ преніяхъ, необходимо имѣть въ виду слѣдующее. Съ отиѣною патріаршества въ рускомъ христіанствѣ, какъ религіозной жизни извѣстной глубины и извѣстнаго направленія—*ничего не утрачено*. Я не священникъ, но моя принадлежность къ Церкви имѣетъ также дорога, и я пришелъ къ этой увѣренности на основаніи безпристрастнаго

ислѣдованія. Подвергая Синодъ сомнѣніямъ въ его каноничности, Егоровъ исходитъ изъ пониманія Церкви какъ священническаго авторитета, — вотъ почему его разсужденіе въ религіозномъ отношеніи мертво и бесплодно.

Въ столкновеніи Толстого съ Церковью вопросъ о нашемъ высшемъ духовномъ управленіи выступилъ съ особенной остротой.

Отлученіе Толстого многими изъ духовныхъ лицъ подало поводъ жалѣть, что у насъ нѣтъ сильнаго авторитета въ духовныхъ дѣлахъ — патріаршества. Меня пугаетъ это. Патріаршество, или вѣрнѣе обгорѣвшіе остатки его и теперь существуютъ на Востокѣ. Но что даютъ они тамъ? сообщаютъ ли своимъ церквамъ царственное величіе исполняющейся истины? Поражая слухъ народа гремящими эпитетами въ родѣ „вселенскій владыка“, „13-й Апостолъ“ и т. п., что даютъ они всему Христіанству? ищутъ ли путей для его объединенія, углубленія? То же было бы у насъ. Увеличилась бы пышность богослуженія, богатство одеждъ, свита, робость просителей въ пріемныхъ у духовныхъ особъ, долгота службъ, — все это насъ еще болѣе удалило бы отъ апостольской простоты, и такъ почти ужъ забытой нами. Если епископы недоступны — и какъ страдаетъ отъ этого дѣло вѣры! — то патріархъ вѣдь былъ бы еще менѣе доступенъ. Что патріархъ могъ бы сказать большаго, въ сравненіи съ тѣмъ, что мы слышимъ отъ епископовъ, въ ихъ проповѣдяхъ, въ ихъ ученыхъ сочиненіяхъ, наконецъ, въ ихъ епархіальной и общерусской церковной политикѣ?.. Патріархъ былъ бы изъ тѣхъ же епископовъ. Ужели почувствуешь въ немъ Россія, на которой теперь сошлось столько міровыхъ загадокъ, своего духовнаго главу, вожда?.. Патріаршество было отмѣнено не по прихоти Петра. Россійское патріаршество передъ своей отмѣной сдѣлалось центромъ реакціи, которую и теперь видимъ въ раскольниковѣхъ. Патріархъ Адріанъ разсылалъ окружныя посланія, въ которыхъ предавалъ анаемѣ за бродобріе, куреніе табаку... Въ патріарствѣ не было религіознаго идеала „праведной земли“, вотъ въ чемъ его роковая односторонность. Оно могло существовать, пока государство русское было движимо однимъ лишь загробнымъ идеаломъ. Самая существенная, самая коренная разниа между старымъ Московскимъ патримоніальнымъ государствомъ съ иконописно-суздальской фигурой царя и Россійской имперіей Петра Великаго — не въ западничествѣ, не въ военныхъ успѣхахъ, а въ новомъ рѣшеніи вопроса о конечныхъ цѣляхъ государства, какъ общественнаго спасенія, вопроса о „здесь“ и „тамъ“ для государства. Славянофилы любили употреблять по поводу уничтоженія патріаршества трогательныя сравненія въ родѣ „обезглавленія Церкви“, „вдовства ея“ „сиротства“ и т. п. Но эта риторика внутри не религіозна, она въ сущности исходитъ изъ теоретическихъ чувствъ книжнаго произхо-

жденія,—не больше. Явилось патриаршество въ исторіи по настояніямъ той же *свѣтской власти* и въ такой же мѣрѣ, какъ и Синодъ.

Оно явилось въ связи съ тагдашними успѣхами русскаго государства и протекшаго отсюда подъема *національнаго самосознанія*, а не болѣе глубокаго пониманія христіанства, какъ новаго завета съ Богомъ. Доказательство: величайшіе русскіе святые явились до патриаршества—Сергій прп., Петръ, Алексѣй, Филиппъ,—или одновременно съ патриаршествомъ, или послѣ него, но какъ-то не вокругъ него, не въ связи съ нимъ; ихъ біографія протекла внѣ этой новой іерархической категоріи, ничего не черпая въ ней ни въ глубинѣ, ни въ широтѣ религіозныхъ воодушевленій. Патриархи заявили себя въ смутное время, какъ патриоты—но здѣсь у насъ рѣчь о другомъ. Возвращаясь опять къ началу. Главныя хлопоты по учрежденію патриаршества выпали собственно на свѣтскую власть, на цря, правительство, бояръ, людей національнаго самосознанія, и духовенство, но скорѣе не какъ духовенство, а именно, какъ людей національнаго самосознанія. Восточные патриархи изъявили свое согласіе, видя настояніямъ именно власти, ибо на ходатайство духовенства они не обратили бы вниманія... Но власть того времени была властью, чувствующею свое религіозное призваніе... И вотъ что замѣчательно: еслибы патриаршество было глубоко связано съ нашей вѣрой, съ огнемъ ея, съ заключенною въ этой вѣрѣ кровью жертвъ, оно не было бы огмѣнено такъ просто, такъ безслѣдно. Послѣ смерти Петра Великаго все петербургское устройство — столица, учрежденія и т. д. — висѣло на волоскѣ... Чго мѣшало тогда этому учрежденію снова подняться и заявить себя, какъ силу, способную вести Россію, хоть въ духовномъ отношеніи... О немъ забыла Россія: это вѣрный признакъ того, что оно ей было не нужно. Его отмѣнила та же власть, представляющая за Россію, за ея выяснившіеся политическіе идеалы, та же власть, которая хлопотала о его учрежденіи,

Егоровъ указываетъ на то, что Синодъ созывается свѣтскою властью. Вселенскіе соборы также созывались свѣтскою властью и отцы собора признавали это законнымъ. Егоровъ участіе власти въ церковныхъ дѣлахъ расцѣпляетъ по рубрикамъ революціоннаго міровоззрѣнія. Но изъ этого міровоззрѣнія мы уже выросли.

Мнѣ думается, что отлученіе Льва Толстого не есть тотъ вопросъ, который способенъ поднять на ноги всю Церковь. Этотъ вопросъ ясенъ: въ немъ нѣтъ спорныхъ глубинъ и тѣхъ водоворотовъ, которые всегда чувствуются въ вопросахъ, способныхъ стать міровыми. За что Толстой отлученъ? За активное отверженіе Божества Іисуса Христа, за проповѣдь противъ церкви, а не противъ злоупотребленій ея. Отпаденіе Толстого безъ

спорно, и оно страшнѣе, чѣмъ отлученіе; почему оно васъ не пугаетъ? Потому что не вѣруете. Тогда зачѣмъ возмущаетесь этимъ отлученіемъ? Въ сердцѣ Толстого совершилось что-то страшное, и я думаю, что еслибы предъ нимъ предсталъ въ духовномъ всеоружіи самъ апостолъ Павелъ, — душа Толстого не открылась бы слову Апостола. Въ Церкви онъ не нашелъ ничего, кромѣ парчевыхъ тряпокъ, ладова, пустыхъ словъ. Но и въ Евангельскихъ Писаніяхъ Апостоловъ, у пророковъ — онъ нашелъ только сютаевщину.

Въ Толстомъ „страшная совершилася на землѣ, пророцы пророчествовавшие неправедно“... Даръ почти пророческаго ясновидѣнія онъ употребилъ противъ Дарителя. И если Церковь русская — дѣйствительно Церковь, она не могла молчать. Подумайте надъ этимъ въ совѣсти своей... Здѣсь Церковь совершила актъ огромнаго нравственнаго значенія: *Россія благочистивая отверглась отъ Россіи мыслящей*. Никогда за всю свою исторію Синодъ не былъ такимъ вѣрнымъ выразителемъ истины христіанской, какъ въ этомъ публичномъ засвидѣтельствovanіи объ отпаденіи Толстого. И всякія попытки изъ соображеній о неканоничности Синода выкроить и сплести для Льва Толстого христіанскія одежды — не приводятъ къ цѣли. Синодъ не соборъ и для рѣшенія этого вопроса о Толстомъ ему этого достаточно.

Егор. Небольшое замѣчаніе: когда на минувшемъ собраніи я говорилъ, что Церкви, какъ реальной, организованной общины (чѣмъ она должна быть), не существуетъ, никому — ни священникамъ, ни монахамъ — не пришло въ голову поправить меня. Указала на мое упущеніе З. Н. Гиппиусъ, замѣтивъ, что хотя и въ неполномъ и одностороннемъ видѣ, какъ попытка — такая община существуетъ въ видѣ монастырскихъ обителей. Эту поправку я принимаю. Но, конечно, монастырь нельзя признать полномѣрнымъ осуществленіемъ истинной христіанской общины.

Мереж. Монастырская община отличается односторонностью, которая рѣшительно мѣшаетъ принять ее какъ Церковь. Церковь есть побѣда надъ міромъ, монашеская же община есть отреченіе отъ міра. Можно ли побѣдить, отъ чего бѣжишь, что отрицаешь? Итакъ, является вопросъ огромный: что же такое христіанство: удаленіе отъ міра или побѣда надъ нимъ? Иначе: загробный идеалъ истощиваетъ ли христіанство?

Арг. Сергій. Общинная жизнь сохранилась и теперь. На недоумѣніе Е. А. Егорова замѣчу: я не упоминалъ о монашеской общинѣ, изъ которой я прихожу въ собраніе, лишь потому, что истинную христіанскую общину я склоненъ видѣть скорѣе въ приходѣ, чѣмъ въ монастырѣ, который имѣетъ свои особыя задачи. Въ образцовыхъ приходахъ можно видѣть общину и

теперь—напр., у Іоанна Предтечи, на Выборгской сторонѣ, на Варшавскомъ вокзалѣ.

Связь. І. Альбовъ. Церкви, какъ религіозной общины, какъ живого прихода теперь нѣтъ. Мысль о развитіи Церкви и догматовъ мнѣ представляется не противной разуму христіанства. О развитіи догматовъ говорить Филаретъ московскій, — я говорю это на основаніи словъ покойнаго профессора В. В. Вологова. Главное въ Церкви—вѣрность заветамъ Іисуса Христа, а это въ народѣ крѣпко, потому народъ и не приходитъ въ отчаяніе. Обновляющую силу вѣры онъ знаетъ по опыту. Напримѣръ, обратите вниманіе на перемѣну, происходящую въ пьяницахъ послѣ обѣда, даннаго въ Церкви передъ Евангеліемъ отречься отъ вина — да это нравственное воскресеніе! Такъ настойчиво говоря объ общинѣ, не говорятъ ли только съ одной внѣшней формѣ? А такое связываніе надеждъ съ внѣшней формой, съ внѣшней организаціей мнѣ представляется опаснымъ. Католичество имѣетъ сильную внѣшнюю организацію, но не имѣетъ духа. Вообще организація, выдвигаемая на первый планъ, убиваетъ духъ. Хорошій приходъ, мнѣ думается, вотъ насущная задача нашего времени.

Гермав. Если бы вся Россія наполнилась образцовыми приходами, на которые здѣсь указывали, какъ на что-то единственно дѣльное, то и тогда религіозная задача, тяготящая надъ нею, все-таки не была бы разрѣшена. Самые существенныя и мучительныя затрудненія жизни въ наше время стали общечеловѣческими, а общечеловѣческое — внѣ категорій прихода и его религіозности, какъ она сложилась въ исторіи и какъ она мыслится поборниками прихода еще и теперь. Въ первые вѣка христіанства въ Церкви вѣрующіе находили отвѣты на жизненные вопросы *цѣлаго* человѣка: тамъ мѣстное и всемірное было одинаково религіозно. Міровые образы Апостоловъ ярко горѣли надъ маленькими общинами спасенія, примирая ихъ взаимное неповиновеніе, побуждая узость и равнодушіе. Теперь не такъ. Надъ разрозненными вѣроисповѣданіями нѣтъ никакого охватывающаго ихъ верха, и приходы, множество приходовъ этого верха не дадутъ. Равнымъ образомъ приходы не дадутъ отвѣта и на роковыя вопросы времени. Такъ, вопросъ о собственности былъ разрѣшенъ въ общинахъ первыхъ христіанъ: „всѣ же вѣрующіе были вмѣстѣ и имѣли все общее... преломляя по домамъ хлѣбъ, принимали пищу въ веселіи и простотѣ сердца“.

Церковь была для первыхъ христіанъ въ одно и то же время и мѣстомъ духовнаго общенія съ Богомъ, и литературнымъ собраніемъ, и хранительницей историческихъ преданій, единственнымъ музеемъ искусствъ, и очагомъ общественнаго мѣштина, которое было религіознымъ. Церковь служила своимъ членамъ казначействомъ, куда свозились доходы общины, она

была центромъ общественнаго продовольствія, центромъ опеки и попечительства, которыя были глубоко религіозными, а не юридическими институтами. Все связывалось единствомъ религіознаго воодушевленія и единствомъ просвѣщенія и пророческихъ ожиданій. Благодать *діаконства* была общественнымъ служеніемъ во внутреннихъ экономическихъ отношеніяхъ общины. Какъ все это можетъ стать религіознымъ?—вопросъ объ этомъ покрываетъ собою всѣ другіе вопросы.

Въ приходѣ же нашемъ, какова роль діаконства? Цѣлое священническое служеніе, такимъ образомъ, остается безъ приживленія: оно или педо-развилось, или атрофировалось. Я не хочу этимъ оказать, что министры финансовъ, путей сообщенія, государственныхъ имуществъ, для того, чтобы религіозно и по-христіански вести народное хозяйство, должны принять санъ діаконствъ Церкви. До теократическаго устройства Россіи еще много предстоитъ пережить. Я утверждаю, что въ мистическомъ содержаніи дара діаконства скрыто служеніе, сильное не человѣческимъ умомъ, а Духомъ Божиимъ, потрудиться въ разрѣшеніи вопроса о собственности, имуществѣ.— вопроса неразрѣшимаго силами просто-человѣческаго разума, ибо приходится бороться съ вѣчнымъ страхомъ людей предъ жизнью. Въ собственности есть психологія, до сихъ поръ мало раскрытая; въ благодати діаконства именно и дается овладѣть этой психологіей. Собственность атеистична, и понятіе собственности совсѣмъ чуждо слову Божию и настроеніямъ святыхъ. Собственность атеистична, во отсюда не слѣдуетъ, что воровство дозволено; воровство, грабежъ еще болѣе атеистичны: тамъ ложное отношеніе къ вещамъ міра, здѣсь—къ человѣку и вещамъ міра. Вотъ почему „не укради“—заповѣдь въ кругѣ Синайскихъ откровеній. У святыхъ имущество есть *достояніе*, т. е. такое обладаніе, которое вѣрить, что оно—обусловливающее себя, что ему предшествуетъ обладаніе Божіе тѣми же вещами. Но объ этомъ намъ предстоитъ говорить впереди еще много. Я здѣсь указываю на это съ цѣлью дать понять, что многому еще предстоитъ совершиться въ нашей религіозной жизни. И это многое имѣетъ болѣе глубокое значеніе, чѣмъ образцовые приходы.

В. М. Сковорода. Я хочу вниманіе собранія, соскльзнувшее съ главнаго вопроса о Толстомъ,—остановить на томъ обстоятельстве, что весьма многіе изъ вѣрующихъ соблазнялись молчаніемъ Церкви и упрекали Синодъ за терпѣливое отношеніе къ Толстому въ теченіе болѣе 10 лѣтъ, когда отпаденіе Толстого было столь явно, а отношенія его ко Христу и Церкви вызывающи и дерзки. Преосвященный Амвросій Харьковъ, а также Одесскій Никаноръ давно отлучили Толстого въ своихъ епархіяхъ и неоднократно сѣтовали: чего же не скажетъ своего слова Синодъ. Въ долгомъ мол-

танія Синода сказалося бережное, терпѣливое отношеніе его къ одному изъ величайшихъ людей родной земли.

Свящ. І. Еуровъ. Настоящая Церковь въ этомъ смыслѣ есть именно приходъ. Достоевскій сказалъ, что Церковь русская въ параличѣ со времени Петра Великаго. Если бы даже это и было вѣрно въ какомъ-либо отношеніи, то въ параличѣ не только духовные, но и міряне, которые не живутъ настоящею христіанскою жизнью, со Христомъ и во Христѣ.

Мереж. Нельзя думать, что положеніе Церкви такъ благополучно. Съ запада идетъ на нее сила великаго отступленія Ницше, — новыя движенія, полныя огромнаго соблазна и отрицанія, какихъ прежде никогда не было. Можетъ ли Церковь дать отпоръ этому движенію или положить ему преграды одними своими наличными учительными силами?

Протопр. Янышевъ. Всѣ противники Церкви—и Ницше, и Спенсеръ, и Дарвинъ—разобраны по ниточкѣ въ духовной литературѣ и опровергнуты. Почему не читають ея?

Е. А. Еуровъ. Очевидно, у духовныхъ писателей нѣтъ той силы дурванія, которая заставляла бы ихъ читать...

Скворцовъ. Возвратимся къ Синоду. Онъ въ Россіи осуществляетъ собою соборную форму церковнаго управленія, которая въ Церкви всегда считалась совершенною организаціей. Синодъ неучрежденіе свѣтской власти, а возвратъ къ исконной соборной власти. Царь есть воплощеніе народной воли. Его участіе въ извѣстнаго рода дѣлахъ церковнаго управленія есть въ сущности участіе въ этихъ дѣлахъ самого народа. Если Церковь есть тѣло, какъ говорить ап. Павелъ, цѣлый живой организмъ, то въ немъ должны быть дѣятельными, живыми всѣ члены, и голова, и руки и ноги. И когда болитъ голова, ведемогаетъ весь организмъ, и руки могутъ пригодиться, хотя бы для того, чтобы подать лѣкарство больному тѣлу и ноги тоже. Не въ священствѣ одномъ Церковь. И свѣтская власть имѣетъ въ Церкви свое мѣсто. Нельзя сказать ей: „поди прочь“. Каждый изъ насъ вѣрующихъ долженъ быть дѣятельнымъ членомъ Церкви. Пусть я малый палецъ въ Церкви, но и я могу и долженъ служить ей. Синодъ есть форма собора—начало истинно апостольское и православное... Синодъ не нарушилъ благодати, не принесть ересей, содѣваетъ спасеніе, а въ этомъ вся сила міссіи церкви на землѣ. Я вѣрю, что русская Церковь, во главѣ съ Синодомъ. Скажетъ міру новое слово. Достоевскій сказалъ, что Церковь въ параличѣ“ не вѣрно. Но было бы несправедливо отрицать существованіе болѣзненности въ церковномъ организмѣ: недугъ дѣйствительно есть. Для излѣченія немощей церковнаго организма необходима совмѣстная работа духовенства и мірянъ. Мы, напри- мѣръ, міряне, не живемъ приходскою жизнью; богословіе наше проникнуто

схоластическими или западными началами. Многія стороны жизни чужды христіанства. Вотъ то, съ чѣмъ слѣдуетъ бороться и о чемъ говорить, и заботиться. Егоровъ ошибается, думая будто бы Синодъ можно такъ легко упразднить—тремя словами императора царствующаго. Синодъ получилъ свое право на бытіе совѣтъ не отъ царской воли и власти, а отъ согласія и санкціи вселенскихъ патріарховъ, признавшихъ за благо для Россіи это учрежденіе, а самый Синодъ „за брата во Христѣ“.

В. В. Розановъ. Синодъ—не соборъ. Даже не церковное учрежденіе. Если въ него придетъ сектанта съ своими сомнѣніями — развѣ съ нимъ станутъ тамъ говорить? Въ синодѣ сидятъ ученые и администраторы, туда не зовутъ простыхъ умомъ и сердцемъ.

Протопр. Янышевъ. Не могу согласиться съ Д. С. Мережковскимъ относительно мнѣнія его о плоти. Христіанинъ побѣждаетъ плоть, т. е. грѣховное настроеніе свое. Въ языческомъ мірѣ эта плоть не побѣждается, а въ христіанскомъ — побѣждается. Примѣрами самопожертвованія полонъ христіанскій міръ. Возьмите хоть филантропическія учрежденія.

Мереж. Да развѣ христіанство филантропія!..

А. В. Карташевъ. Противъ утвержденій г. Скворцова мнѣ хотѣлось бы замѣтить, что Синодъ, конечно, не настоящій соборъ. Аналогія съ апостольскимъ соборомъ въ данномъ случаѣ совершенно непріемлема. На апостольскомъ соборѣ не было Цезаря, а въ духовномъ Регламентѣ говорится, что учреждаемая Духовная Коллегія „крайняго своего судію имѣетъ самого, самодержавнаго монарха“. Слѣдовательно, по сравненію съ апостольскими временами, въ собраніе іерарховъ вошла сила посторонняя, при этомъ настолько огромная, что О. М. Достоевскій сталъ говорить о „паралитѣ“ русской церкви. Многія явленія церковной жизни приняли характеръ, не удовлетворяющій сознанію христіанскаго общества. И въ настоящемъ случаѣ референтомъ ставится вопросъ, насколько откликъ русской церкви на ученіе Л. Толстого согонъ въ связи съ указаннымъ Достоевскимъ явленіемъ?

Скворцовъ. Во 1-хъ, это не такъ просто. Во 2-хъ, невѣрно положеніе, что въ собраніе іерарховъ вошла сила посторонняя. Устранивъ изъ церковнаго управленія свѣтскую власть, мы стали бы передъ опасностью папизма. Если народъ составляетъ тѣло церкви, то какъ же, повторяю, представителю народа—царю—быть устраненнымъ отъ участія въ дѣлахъ управленія церковнаго?

Карташ. Эта идея царя, какъ представителя народа.—прекрасная, но слишкомъ идеальная. Мы обсуждаемъ не идеаль, а текущую дѣйствительность. Во всякомъ случаѣ формула нормальнаго соотношенія свѣтской власти и церкви есть искомое даже и въ идеѣ.

Сквор. Если Синодъ есть голосъ Церкви во всей ея полнотѣ, то это еще не значитъ, что тула можетъ явиться всякій. Не могутъ же всѣ явиться въ Синодъ и принять участіе въ дѣлахъ. Но всѣ должны быть нравственно не безучастны къ дѣламъ Церкви. Поймите, — власть государя, помазанника Божія, перваго сына Церкви, не есть посторонняя сила въ Церкви.

Кирташ. Мы говоримъ о реальной правдѣ, а не объ идеалѣ.

Егор. Я привелъ безспорный историческій фактъ, несомнѣнно-дѣйствующій основною законъ и неотъемлемо вытекающій изъ нихъ логическій выводъ. Ни одного слова не сказалъ я о моихъ чаяніяхъ всероссійскаго патріарха — и Тернавцевъ разгромилъ меня за такія надежды, которыхъ я никогда не питалъ и не питаю...

М. О. Меньшиковъ. Здѣсь выступаетъ собственно огромный вопросъ о томъ, что кесарево и что Божіе.

Здѣсь только говорятъ о таинственной благодатной сторонѣ Церкви. А между тѣмъ въ Писаніи говорится: «повѣдай Церковь»; тутъ ужъ явно разумѣется именно общественная *реальная* организація Церкви. Общество есть необходимая форма, въ которой выражается таинственная сущность Церкви. Оно и есть выразитель этой сущности. По этому формы церковнаго управленія и представительства вещь далеко не безразличная, а напротивъ того — вещь первостепенной важности. Если бы Синодъ былъ по своему составу и организаціи чѣмъ то въ родѣ соборовъ временъ апостольскихъ или перваго вселєнскаго, то онъ былъ бы истиннымъ и непререкаемымъ выразителемъ всей Церкви во всей ея совокупности.

Что касается мнѣнія Тернавцева, что патріаршество явилось по волѣ только цари, то это сдѣлано вѣрно. Учрежденіе патріаршества, можетъ быть, въ сознаніи Бориса Годунова не имѣло всей той важности, какую оно имѣло въ дѣйствительности. Оно было важнымъ и огромнымъ дѣломъ потому, что народъ былъ убѣжденъ, что истинное благочестіе сохранилось только въ Россіи; и это убѣжденіе должно было найти себѣ соответственное выраженіе во вѣхъ. Учрежденіе патріаршества отвѣчало внутреннимъ религіознымъ потребностямъ народнаго духа.

Н. М. Минскій. Слѣдовало-бы остановиться на сдѣланной Мережковскимъ характеристикѣ Толстого. По Мережковскому, Толстой совмѣщаетъ въ себѣ и іудейство и язычество — онъ и христіанскій «оборотень» и христіанинъ; какое-то четырехглавое чудовище. Можно ли принять его характеристику? Толстой сдѣлался жертвой чего-то великаго. Онъ искренно желаетъ блага Россіи. Того же желаетъ и Церковь. А между тѣмъ двѣ эти силы столкнулись. Важно понять, почему двѣ эти добрыя силы могли столкнуться столь роковымъ образомъ. Это, я полагаю, будетъ предметомъ обсуждения въ слѣдующемъ нашемъ собраніи.

О Т К Л И К И.

1) Открытое письмо одному стороннику В. В. Розанова и его мыслей „объ адогматизмѣ христіанства“. Правда ли, будто догма убила лиліи Евангелія? 2) О свящ. Петровѣ — письмо гг. Воронцу и Гринякину.

Мое письмо адресуется одному изъ защитниковъ модной теперь мысли „объ адогматизмѣ христіанства“. Этотъ адогматистъ недавно, тоже въ открытомъ „письмѣ“, имѣвшемъ значительное распространеніе, высказалъ нижеслѣдующія мысли, навѣяныя, по его словамъ, „нововременскимъ неохристіаниномъ“. Мой адресатъ сильно и рѣзко ополчился противъ церковнаго догматизма, доказывая, что истинное христіанство, въ противоположность догматическому направленію Церкви адогматично. — т. е. отрицаетъ мертвую догму и игру въ вѣроисповѣдныя формулы. „Церковное христіанство убило Евангеліе своимъ догматизированіемъ—говорилъ мой адресатъ,—(прибавляя при этомъ, что онъ буквально повторяетъ Розанова). Евангеліе потеряло свой небесный характеръ, свой христіанскій ароматъ. Лиліи Евангелія болѣе красивыя, чѣмъ одежды Соломона, повали подъ руками догматистовъ—церковниковъ. Человѣкъ захотѣлъ одеждъ, вознамѣрился соткать что то красивѣе самыхъ евангельскихъ лилій, и для этого сталъ... шить полотнища догматовъ. Святые отцы Церкви сорвали лиліи Евангелія, срѣзали ихъ — измяли, вымочили и ссучили изъ волоконъ веревку, на которой можно только... *). Это и было гибелью христіанства. За золотымъ вѣкомъ наступилъ вѣкъ по меньшей мѣрѣ серебряный. На мѣсто растительнаго живого христіанства—стало каменное, т. е. неживое.

„Благовѣстіе“ замѣнила мертвая догматика. Что такое IV и слѣдующіе вѣка въ исторіи? На улицахъ говорятъ объ одинакаче-

*) Останавливаюсь изъ уваженія къ моимъ читателямъ.

ственности Сына и Отца — это было недостойное легкомысліе. Потому святые отцы перенесли эти же вопросы во дворцы и храмы: здѣсь уже было не легкомысліе, а что то болѣе серьезное. „Я“, говорилъ поклонникъ Р., — „вижу здѣсь отчаяніе о Богѣ“, — люди потеряли Бога, и искали его въ буквѣ—терминахъ.

Въ доказательство своихъ мыслей мой адресатъ указывалъ на св. отцовъ: изъ нихъ онъ, вмѣстѣ съ Р., прочиталъ (будто бы) нѣсколько статей и ничего не нашелъ, кромѣ мертвыхъ формулъ, гдѣ святая догма троичности обращается въ мертвый треугольникъ, гдѣ чудныя рѣчи Спасителя объ Отцѣ Небесномъ теряютъ свой небесный покровъ и обращаются въ выстроганную гладкую доску... Пренія, имѣвшія мѣсто на вселенскихъ соборахъ, ихъ догматизированіе, примѣненіе логическаго начала къ нѣжному и сердечному евангельскому изложенію, привнесли — закончилъ защитникъ адогматизма — въ христіанство смертное начало, примѣшали неодушевленную глину къ тѣлу первозданнаго христіанства. Догматисты, по его мнѣнію, забыли, „что Самъ Христосъ не проповѣдывалъ ни одного догмата и не училъ догматическому богословію“.

Какъ видитъ читатель уже и изъ этихъ отрывковъ, нашъ адресатъ не былъ очень снисходительнымъ и терпимымъ къ чужимъ убѣжденіямъ и вѣрованіямъ, а онъ зналъ, что говорить людямъ, которымъ больно, невыносимо больно отъ такой... беззащитности, что бы не сказать опредѣленнѣе.

Такъ какъ эти вылазки почти ничто рядомъ съ его отзывами о св. отцахъ Василіѣ В., Кириллѣ Александрійскомъ и др., то, я полагаю, мой читатель проститъ нѣкоторую жесткость и моего отвѣта.

По существу, конечно, „адогматизмъ“ В. В. Розанова или его сторонника не представляетъ собой ничего новаго: они повторяютъ старыя толстовскія мысли „о догмѣ, убившей Евангеліе“. Разница только въ томъ, что здѣсь мысль Л. Н. повторена пространнѣе и сопровождается чѣмъ то въ родѣ доказательствъ. Кто же знаетъ больше, учитель или его новые ученики? Нашъ адогматистъ увѣряетъ насъ, что онъ читалъ Афанасія Великаго, Кирилла Александрійскаго и Василия В. Я убѣжденъ, и думаю, что это будетъ ясно и для читателей, что изъ этихъ свв. отцовъ онъ прочиталъ не болѣе шести или семи страницъ. Это легко вывести изъ такого соображенія. Адогматистъ издѣвается въ свой бесѣдѣ надъ мыслью св. Ва-

силія Великаго о постѣ. По мѣнѣю св. Василія, пишетъ онъ въ своемъ письмѣ, заповѣдь о невкушеніи отъ плодотъ древа познанія была не болѣе, не менѣе какъ установленіемъ поста. Такъ св. отецъ сумѣлъ глубоко-мистическую заповѣдь свести къ убогому предписанію воздерживаться отъ снѣдей и т. д. Мѣсто какое имѣетъ въ виду г. Р. или его замѣститель находится на 3 стр. 4 части тѣср. Василія В. Если бы нашъ адресатъ прочиталъ и 4-ю и 5-ую стр., онъ увидѣлъ бы, что св. Василиій понимаетъ постъ вовсе не какъ воздержаніе отъ снѣдей только, — а какъ ограниченіе своей эгоистической воли въ пользу ближняго. Поэтому, если бы христіане приняли заповѣдь поста, — на улицахъ не слышался бы голосъ, собирающій дань, не было бы нищихъ, „ибо отъ трапезы постящагося не паднеть постомъ“ и т. д. Неужели, кто прочтетъ эти страницы, скажетъ, что слова св. Василія о постѣ смѣшны и нелѣпы! Ясно, что 4 я стр. не прочитана моимъ адресатомъ. Но это Василиій Великій. А меньшіе его?.. Кромѣ св. Василія В. — нашъ собесѣдникъ читалъ Кирилла Александрійскаго. Кириллъ Александрійскій кажется ему нелѣпнымъ и кощунственнымъ. Изъ уваженія къ здравому смыслу моего адресата я не имѣю права предполагать, чтобы „обличитель“ прочиталъ и изъ Кирилла Александрійскаго, прочиталъ цѣлыя три страницы. Впрочемъ, для насъ важнѣе то, что такое именно внимательное чтеніе св. отцовъ доказывается самими его разсужденіями объ „адогматизмѣ“. Адресатъ обвиняетъ Церковь въ догматизированіи. Но еслибы онъ прочиталъ изъ святыхъ отцовъ болѣе 5—6 страницъ, то онъ, можетъ быть, съ удивленіемъ увидѣлъ бы, что противъ догматизированія, въ смыслѣ „игры въ догматическіе термины“, борятся, только безъ „гремящихъ позвонковъ“ дурного краснорѣчія, и тѣ св. отцы, о которыхъ онъ говоритъ. Онъ нашелъ бы, что свв. отцы много и сильно говорятъ противъ тѣхъ, которые срываютъ евангельскія лиліи и замѣняютъ евангельскія слова препирательствомъ въ духѣ „силлогизмовъ Хризиппа и Платона“. Если бы я имѣлъ право предположить, что мой собесѣдникъ читалъ изъ св. отцовъ болѣе 6 страницъ, то я, пожалуй, обвинилъ бы его въ плагіатѣ, именно, свят. Григорій Богословъ: обвиняетъ аріанскій раціонализмъ въ недостойной игрѣ „святыми понятіями, какъ шашками (Гр. В. 3 ч. 7 л.), а св. Василиій упрекаетъ своихъ слушателей за то, что они, „поже лавина новыхъ одеждъ“, оставили „старину“ исповѣданія (В. В. 3 ч. 207 стр.): толкуютъ

объ ипостасяхъ и забыли о подражаніи Христу и Его любви. Григорій Богословъ и Златоустъ съ прискорбіемъ говорятъ о томъ легкомысліи, которое дѣлало святую догму вѣры предметомъ уличной болтовни. Іоаннъ Златоустъ вынужденъ оправдываться и объясняться слушателямъ по поводу того, что онъ слишкомъ много говоритъ о нравственныхъ истинахъ, игнорируя догму, не говоря объ истинахъ догматическихъ.

Словомъ, всѣ эти отцы стараются доказать, что самое направление религіознаго движенія, котораго свидѣтелями они были, ложно. что путь, по которому идутъ эти христіане, толкующіе на площадяхъ о единосущіи Сына Божія, не христіанскій путь нравственно-мистическаго углубленія въ правду Божию и въ жизнь Божию. „Святая истина не познается при помощи силлогизмовъ Пиррона и Хризиппа“. Путь къ познанію Бога есть мистическій путь богоуподобленія. Только озаренное Богомъ сердце можетъ проникнуть въ тайны Троицы. Отсюда попытки вывести идею Божества какимъ то путемъ геометрическимъ есть не христіанство, а ложное „жонглерство“, игра святой истиной.

Не ясно ли, что вездѣ въ данномъ случаѣ свв. отцы идутъ противъ того же догматизированія, которое не нравится моему собесѣднику. Да и очень нетрудно было бы а priori вывести, что „игра словами“ въ области догматики или вѣроученія и не могла выйти изъ того лагеря, изъ той церковной группы, представителями которой были св. отцы. Собесѣдникъ говорилъ, что изъ пустынь Ѳиванды не вышло, не могло выйти направленіе, мѣняющее „лилію“ Евангелія на букву символа. А эти отцы именно были изъ „аввъ“ Ѳиванды. Всѣ они вышли изъ пустынь, какъ св. Антоній, св. Василиій Это были люди совсѣмъ не философскаго греческаго направленія. Григорій Богословъ, Василиій Великій, Іоаннъ Златоустъ—дѣятели практическаго духа. Василиій Великій цѣловалъ „уста къ устаѣ прокаженныхъ“. „Св. Григ. Богословъ былъ прежде всего человекъ любвеобильнѣйшаго сердца, аскетъ и религіозный поэтъ; онъ все вниманіе своего разума устремлялъ на очищеніе совѣсти отъ малѣйшаго потемнѣнія грѣхомъ и всякое изъясняемое слово Писанія старался привязать къ разясненію пути совершенствованія и къ побужденію восходить по нему; душа человека, требующая попеченія духовнаго врача, — вотъ что составляло его единственную заботу, какъ пастыря и какъ богослова, и въ этомъ именно смыслъ Цер-

ковъ противопоставляетъ его творенія схоластическому рационализму еретиковъ, когда воспѣваетъ ему тропарь: „пастырская свирѣль богословія твоего риторовъ побѣди трубъ“. (*Еп. Антоній*).

Ясно, что самая мысль о перенесеніи догмы и богопознанія изъ области внутренняго постиженія, изъ области сердца въ сферу математическихъ выкладокъ не могла придти и въ голову этимъ святымъ отцамъ, жившимъ всецѣло живой сердечной правдой Евангелія. Обвинять ихъ въ догматизмъ можно было только не дочитавши седьмой страницы.

Но, однако, несомнѣнно, что отцы говорили о единосущіи и единокачественности Отца и Сына. Чѣмъ же объясняется это? Очень просто. Во 1-хъ — праваго исповѣданія догмы требовалъ отъ вѣрующихъ Самъ Господь. — „За Кого ты считаешь Меня?“ — спрашиваетъ Онъ ап. Петра на дорогѣ къ Кесаріи Филипповой. — „Ты Христосъ, Сынъ Бога живаго!“ И Господь подтверждаетъ этотъ отвѣтъ, называя его отвѣтомъ отъ Духа Божія. Мало того, Онъ тутъ-же изрекаетъ, что высказанная Петромъ истина будетъ фундаментомъ къ Церкви.

Такимъ образомъ Господь, именно Онъ положилъ „догму“ Своего Божества во главу угла, и св. отцы, какъ ученики, не могли позволить подмѣнить „камень“ аріанскимъ исповѣданіемъ. Потомъ, выходя изъ пустыни, отцы лицомъ къ лицу встрѣчались съ рационализмомъ въ области христіанства, именно съ тѣми, которые, по словамъ Григорія Богослова, мѣняли Евангеліе на силлогизмы Хризиппа. Вліяніе этихъ учителей, стремившихся, какъ Евномій, познать Бога чисто разсудочно, было велико и сильно до того, что, какъ видите, о догматѣ троичности толкуютъ и на площадяхъ. Ясно, что святые отцы не могли не сказать своего слова и о движеніи, и о предметѣ волненій, о догматической истинѣ, обсуждаемой на площадяхъ. И они, дѣйствительно, сказали это свое слово. Только слово ихъ, даже въ чисто полемическихъ частяхъ, вовсе не похоже на то, которое навязываетъ имъ нашъ адресатъ. Они прежде всего отбѣняютъ мысль, что самая догма дана человеку въ цѣляхъ богоуподобленія. Люди получили догматическое знаніе о Богѣ для того, чтобы подражать Ему, — говоритъ Григорій Богословъ, — потому что, для того, чтобы подражать, нужно знать. Рядомъ съ этимъ они намѣчаютъ, какъ мы сказали, и путь богопознанія и въ этомъ же уподобленіи Христу и Богу на немъ настаиваютъ. Въ то же время они от-

стаиваютъ и „символьную догму“. Да,—но это потому, что она, напр., догматъ триничности для сознанія св. отцовъ,—вовсе не „нѣмая схема“—геометрическій треугольникъ. По ихъ взгляду, догма вся проникнута „свѣтомъ живой истины,—въ ней жизнь“. Еретики, которые выставляли рядомъ съ церковнымъ вѣрованіемъ свое прозрѣніе догмы, отнимали (по мнѣнію св. отцовъ) у человечества все, разрушали все, принесенное Христомъ, разумѣніе жизни—отнимали Христа, какъ Бога, а слѣдовательно лишали человечество радостной истины сыновства Богу и т. д. Но понятно, что защищать такую истину значить защищать собственную жизнь, смыслъ жизни, радость существованія, принесенную въ ученіи объ этомъ сыновствѣ.

Напомню, что В. В. Розановъ считаетъ нужнымъ не только защищать, но выдумать догматъ „двухъ половъ въ Богѣ“, „пола въ Троицѣ“. Этотъ догматъ, по его мнѣнію, озарилъ бы яркимъ свѣтомъ всю жизнь, пониманіе жизни.

Святые отцы не выдумывали догматовъ п о н у ж д ѣ,—но то освѣщеніе, какое они привносили хотя бы въ идею „триничности“, хотя оно, можетъ быть, не поправится носителямъ новой догмы,—совсѣмъ не похоже на то обскурантское невѣжество, которое имъ навязывается.

Святые отцы исходятъ изъ убѣжденія, что идея Бога—центральный законъ жизни. Далекіе отъ пантеизма, они тѣмъ не менѣе вполне логично думаютъ, что если Богъ основа жизни для міра, даже въ сферѣ механической не только первый двигатель, но и основной принципъ, на которомъ построено теченіе жизни, то въ самомъ понятіи Бога дана тайна подлинной жизни человѣческой и міровой.

Отсюда и въ догматѣ триничности, открытомъ имъ Духомъ, они видятъ (не искусственно вкладываютъ, а видятъ) выраженіе того-же основного закона міровой механики и міровой морали. Въ этомъ законѣ—настаиваютъ они—дана истина, что „любовь, устанавливающая единство во множествѣ, с у т ь ж и з н и, первый двигатель жизни, единственный путь къ росту и обожествленію, совершенствованію, по образу Божію. Законъ единства, данный въ догмѣ триничности, есть вмѣстѣ съ тѣмъ раскрытіе тайны роста, увеличенія личности въ единствѣ съ другою личностью.

Человѣчество—„разорвалось“. Истина единства человѣчества, которая должна бы слотить всѣхъ людей „въ едину душу и сердце“, затмилась. Заповѣдь любви стала казаться насиліемъ для человѣческой души, закономъ міра сталъ эгоизмъ, себялюбіе.

Противоестественное разъединеніе людей стало ихъ естественнымъ состояніемъ. Далеко въ глубинѣ сознанія каждаго залегла искусственно привитая идея, „что мое“ „я“ и всякое другое „не я“ суть существа противоположныя, что ближній есть именно „не я“, а потому любить его, какъ самого себя, я могу лишь въ отдѣльныхъ порывахъ, но никакъ не въ постоянномъ настроеніи своего сердца“. Христіанство должно было уничтожить эту ложь грѣховнаго разъединенія, противопоставить этому, будто бы закону жизни, другой законъ. И оно должно было дать именно законъ, т. е. не заповѣдь, предписаніе, а обосновать начало любви и единенія на неподвижныхъ изначальныхъ основахъ—оправдать это начало, какъ дѣйствительную основу міровой жизни, истинно неподвижный „тѣзисъ“ міра. По мнѣнію св. отцовъ, такое оправданіе закону именно и даетъ догматъ Св. Троицы, тѣсно связанный въ словахъ Господа Іисуса съ истиной одиносущія человѣчества. „Этотъ догматъ увѣряетъ человѣка, что истиннѣйшее и вѣчное существо Творца его природы свободно отъ подобной исключительности и разъединенія личностей, ибо, будучи едино по естеству, оно троично въ Лицахъ, что любовь можетъ уничтожить разъединеніе до сліянія двухъ и трехъ воедино, что раздѣленное сознаніе человѣка есть ложь, послѣдствіе грѣховнаго паденія, уничтожаемое пришедшимъ отъ Отца Сыномъ, но со Отцемъ не разлучившимся и призывающимъ насъ въ благодатное единство съ Собою, которому (единству) основаніе уже дано въ дѣйствительности чрезъ его воплощеніе и къ которому всякій поэтому можетъ приобщиться сознательно чрезъ постепенное претвореніе своей природы себялюбивой и гордой въ смиренную и любящую“ (Еп. Антоній).

Св. Григорій Нисскій и Св. Василій В. настаивали на тѣсной связи догмы троичности съ догмой „одиносущія человѣчества“. И такъ понимая истину троичности, святые отцы только слѣдовали за Господомъ Христомъ, Который въ Своей первосвященнической молитвѣ указалъ на единство лицъ въ Троицѣ, какъ на идеаль и заповѣдь для его учениковъ. „Отче, да вси

будутъ, якоже Ты во Мнѣ и Азъ въ Тебѣ—молить Онъ,—„да и тѣи въ насъ едино будутъ“: „пусть всѣ будутъ совершенны въ единствѣ“

Такимъ образомъ предсмертное завѣщаніе Христа о единеніи: данное Имъ Церкви, Имъ Самимъ поставлено въ тѣснѣйшую связь съ догмой триничности. Догма триничности—метафизическая основа христіанства, какъ религіи любви. Такъ и понимали ее отцы: по смыслу словъ Христовыхъ въ догмѣ триничности они усматриваютъ удостовѣреніе и осуществленіе истины объ единеніи всѣхъ въ единствѣ любви, иначе сказать, они въ той же догмѣ триничности видѣли подтвержденіе, основу, необходимую предпосылку первой изъ истинъ христіанской жизни,— истины Церкви, какъ чудотворящаго организма, мистически объединяющаго единосушныхъ по природѣ людей тайной любви и озареніемъ любви: организма—сливающаго черезъ любовь всѣхъ отдѣльныхъ членовъ Церкви во всемогущее—многоипостасное, но единосушное единство Церкви. Церковь—разъясняютъ св. отцы—и можетъ быть понята только, какъ отраженіе въ человѣчествѣ жизни и закона жизни Трехъипостасной и Единой Троицы.

Возможно, повторяю, что это объясненіе закона жизни и механической и моральной не понравится нашему адресату. Это даже вполне понятно, въ силу установленной отцами истины, что проникновеніе въ тайну Бога въ Троицѣ возможно только какъ результатъ озаренія, даруемаго опытнымъ переживаніемъ любви къ Церкви. Но во всякомъ случаѣ утверждать, что такое пониманіе триничности совершенно уничтожаетъ лиліи Евангелія, уничтожаетъ нравственный смыслъ евангельской проповѣди, было бы по крайней мѣрѣ смѣло.

Во всякомъ случаѣ въ пониманіи св. отцовъ треугольникъ Троицы является отраженіемъ морали того же Евангелія, яркимъ освѣщеніемъ одной изъ главныхъ истинъ христіанства и Христовой проповѣди. Здѣсь борьба за тѣ же лиліи, за любовь, самоотверженіе, единеніе—за посланія апостола любви Іоанна противъ силлогизмовъ Хризиппа. Св. отеческое пониманіе догмы не мало лилій Евангелія, а ограждало Вертоградъ Христовъ отъ неправославнаго рационализма, который дѣйствительно грозилъ измѣять эти лиліи. Отставая въ данномъ случаѣ догматъ, отцы стояли за правду, выдвинутую въ словахъ Христа противъ правды

міра. Правда міра состояла въ томъ, что жизнь есть война. Отцы въ самой тайнѣ внутренней жизни Божества открыли, что норма міровой жизни и человѣческой жизни есть тяготѣніе, любовь.

Однако евангельская истина, выдвинутая св. отцами, всетаки не всегда могла побѣдить діалектическую игру ихъ противниковъ въ сознаніи полюбившаго эту игру народа. Это заставило отцовъ созывать соборы. Созывая соборъ, они желаютъ и надѣются, что истина, затемненная человѣческимъ мѣнѣемъ, раскроется въ силу объединенія людей въ одномъ соборѣ, при помощи Духа.

Дѣянія собора еще при апостолахъ начинались словами: „Изволися Духу и намъ собравшимся единою душею“.

И мысли отцовъ осуществлялись. Соединенные въ одно, хрістіане вспомнили о завѣщаніи евангельскомъ и подъ вліяніемъ тѣхъ же отцовъ Фиваиды, которые принесли съ собою и на соборы настроеніе Василія Великаго и Григорія Богослова, ихъ „прозрѣніе“ въ раскрываемую на соборѣ догму,—соборы дѣйствительно были озаряемы „Духомъ“ и устанавливали истину, которая могла поддерживать и созидать жизнь.

Но, какъ мы говорили, расходились эти собравшіеся единою душою и закрывалось небо. Прошли вѣка. Являются Евтихій и Несторій. И снова отцы защищаютъ догму двухъ естествъ, двухъ волей въ Иисусѣ Христѣ. Для чего понадобилась эта защита? Не есть ли здѣсь игра въ философскіе терміны? Конечно, этого не было. И монофизитство, и несторіанство одинаково отнимали Христа у человѣчества. Христосъ Несторія и Христосъ Евтихія, въ равной степени, не тотъ человѣкъ Іисусъ, на которомъ человѣчество могло бы сосредоточить все свои упованія,—единный Ходатай Бога и человѣковъ, соединившій Божество съ человѣчествомъ. Человѣчество съ несторіанствомъ или еutihianствомъ теряло этого Христа, потому что на мѣсто Его ставился человекъ, уничтоженный чрезъ сліяніе съ Божествомъ, или человекъ, совѣмъ съ Божествомъ не соединившійся, а только, такъ сказать, временно жившій совѣстно съ Божествомъ. У людей отнимали Ходатаю, уничтожался весь нравственный путь, какой намѣченъ былъ Христомъ и Его дѣломъ, закрывалось снова небо, которое открылъ Христосъ. Нечего говорить, что свв. отцы не могли не отстаивать истины богочеловѣчества Христа, потому что отстаивать эту истину значило отстаивать все, отстаивать хрістіан-

ство, какъ откровеніе, какъ путь жизни, отстаивать Евангеліе и евангельскія лиліи. Я напоминаю, что и Влад. С Соловьевъ, котораго В. В. Розановъ и другіе „новопутейцы“ записали въ свою родословную, считаетъ необходимымъ для христіанства отстаивать тѣ догматы V и VI вв. именно потому, что съ ихъ разрушеніемъ христіанство падаетъ и рушится. Если свв. отцы недостаточно благодатны, чтобы ихъ читали Розановъ и Мережковский, то отчего имъ не счесть для этой цѣли благодатнымъ Влад. С. Соловьева, помѣщеннаго въ ихъ родословной? Онъ во всякомъ случаѣ заглянулъ въ непрочитанную седьмую стрѣнку изъ святоотеческихъ твореній.

Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, съ теченіемъ вѣковъ пониманіе догматовъ стало мертвой и убивающей схемой; положимъ,— тогда слѣдуетъ вернуться къ религіозно-мистическому содержанію прошлаго, а не отрицать его, никакъ съ нимъ не познакомившись. И мы скорбимъ о томъ, что православное пониманіе догмы и православный путь прозрѣнія догмы чрезъ нравственное развитіе въ себѣ способности познаванія Бога, нравственное отношеніе къ догматамъ, какъ къ истинамъ жизни, забывается и гаснетъ. Но и здѣсь мы не такъ повинны, какъ повинны наши возражатели. Мы все-таки скорбимъ и плачемъ о забытомъ прозрѣніи догматовъ, дѣлаемъ, что можемъ, для того, чтобы вернуться на забытый путь отношенія къ догмѣ,—и кто поможетъ намъ? Нашъ адресатъ и его „товарищи“ „прозрѣвшіе“ несутъ свое пониманіе догмы,—и что имъ за дѣло до старой догмы? Они не могутъ помочь намъ потому, что въ области стараго пути припоминаютъ давно забытые школьные уроки. Съ наивностью школьника, который нашелъ опечатку въ авторитетной книгѣ, обвиняютъ насъ въ томъ, что мы съ догматикой Макарія и т. п. кладемъ бр о ш е н н ыя м е р т в ыя к о с т и. Говорить это значитъ немного опоздать. Цѣлые десятки лѣтъ православные догматисты говорили о томъ, что школьное догматизированіе убиваетъ духъ, что откровенная догма не есть предметъ изученія, что для того, чтобы проникнуть въ скорлупу, скрывающую отъ насъ истины догмы, нужно совсѣмъ отказаться отъ старой католическо-схоластической догматики. Объ этомъ говорили такъ много, что и вопросъ окончательно рѣшенъ,—онъ отодвинутъ за бортъ, использованъ. Давно уже наступило время движенія, а не „разговоровъ“ о томъ, что нужно двигаться. Этотъ моментъ совсѣмъ не замѣченъ нашими

возражателями; они—да будетъ предоставлено намъ право тальона, именно доглодываютъ кости, которыя бросили православные догматисты, выжимаютъ лимонъ, у котораго даже корка засохла. Левъ Николаевичъ выпускаетъ книгу, въ которой цитуетъ православно-церковное ученіе по догматикѣ Макарія, въ то время, когда въ десяткахъ работъ эта догматика признана не вполне выражающей церковное ученіе. Теперь публицистика совершенно буквально словами Льва Николаевича повторяетъ его же протестъ и противъ той же догматики? Думается за тотъ десятокъ лѣтъ, который прошелъ со времени изданія „критики догматическаго богословія, пожалуй“, можно было бы, кромѣ Макарія, прочитатъ еще хоть Филарета.

Въ концѣ концовъ возраженіе противъ догмы и свв. отцовъ наводитъ на мысль, не скрывается ли за этой борьбой противъ старой догмы просто желаніе спустить на рынокъ жизни „новые догматы“, для которыхъ иначе нѣтъ хода?..

И кончилъ.

Но въ концѣ я хотѣлъ бы сказать только одно. Тонъ полемики у моего адресата (веревка, голая доска) совершенно одинаковъ съ тономъ всѣхъ его единомышленниковъ, въ томъ числѣ и того, чьимъ вліяніемъ будто бы навѣяны его слова. Хорошъ-ли этотъ тонъ? (в. Григорій Богословъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что о святыхъ вещахъ нужно говорить таинственно и свято. Зачѣмъ же этотъ языкъ, оскорбляющій безъ всякой нужды для уясненія истины. Одинъ изъ читателей того „открытаго письма“, на которое мы отвѣчаемъ, сравнивалъ блескъ обличительной рѣчи объ адогматизмѣ съ брилліантами „Травіаты“. Въ самомъ дѣлѣ, приходитъ на мысль, не есть ли блестящія искры краснорѣчія недобраго и такъ нетерпимаго къ чужимъ вѣрованіямъ именно брилліанты „Травіаты“¹⁾). Такое отношеніе къ истинѣ, такой тонъ въ „письмѣ“, посвященномъ серьезному обсужденію серьезнаго предмета, дѣйствительно, можно назвать просто растлѣніемъ мысли, продажей истины за скрытые и явные аплодисменты читателей.

Можетъ быть, и моя рѣчь въ этомъ отвѣтѣ недостаточно сдержанна: простите,—принимая во вниманіе, что здѣсь говоритъ страдающій человекъ, въ отвѣтъ на рѣчи, которыя больно ударили по сердцу не только его, но и многихъ изъ тѣхъ, къ кому

¹⁾ Вюлеты изъ „Травіаты“.

могли бы отнестись съ большей бережностью и чуткостью. Разумѣю немногихъ „малыхъ“, какія, какъ я знаю, очень „соблазнилисъ“ „открытымъ письмомъ“ моего адресата.

* * *

Но вѣдь догматъ непостижимъ,—какимъ же образомъ можетъ онъ быть назидателенъ?

Больше,—догматъ не принимается моимъ разумомъ, противорѣчить его началамъ,—такъ не будетъ-ли самоубійствомъ, насиліемъ надъ самимъ собою, если я приму такую истину?

Я попрошу васъ подумать надъ слѣдующимъ:—догматъ утвержденъ или по откровенію Духа Божія или разумомъ человѣческимъ. Не принимая его, вы, конечно, признаете истиннымъ второе предположеніе. Хорошо.

Но догму защищаютъ и формулируютъ соборы изъ сотенъ отцовъ „сильныхъ духомъ и разумомъ“, глубоко и всесторонне образованныхъ (Св. Василій Великій, Григорій Б.). Какъ же ихъ разумъ могъ создать формулу мысли, противорѣчащую будто началамъ разума“.

Вѣдь самое предположеніе, что разумъ человѣка могъ создать истину, не согласную съ началами того же разума, есть явное „non sens“. Что же слѣдуетъ отсюда?—Ясно, что логика св. отцовъ была не такой, какъ у насъ, и далѣе,—что догма, для своего усвоенія, требуетъ условій, какія были у нихъ и какихъ нѣтъ у насъ.

Эти условія мы отмѣтили выше: нравственная чистота, любовь, уподобленіе Богу жизнью, дѣломъ. Догматъ непостижимъ?—А вотъ вопросъ геометрической: вы знаете аксіому, что параллельныя линіи никогда не сходятся? Это аксіома, но ее не принимаетъ Лобачевскій въ своей Неэвклидовой геометріи. Дѣло въ томъ, что параллельныя не сходятся въ трехмѣрномъ Евклидовскомъ пространствѣ, но обязательно сходятся въ безконечномъ (нетрехмѣрномъ) пространствѣ Неэвклидовой геометріи. Вамъ совсѣмъ непонятна мысль Лобачевского—для этого нужно углубленное изученіе ея началъ его геометріи? Что же удивительнаго, что еще болѣе непонятна и непостижима истина троичности Бога?

Это уже явно истина не нашего „Эвклидоваго“ міра, а фактъ совершенно особыхъ надмірныхъ измѣреній. И, какъ увѣряютъ свв. отцы, для сердца чистаго тайна Божественнаго бытія

открыта, хотя не лицомъ къ лицу, а зеркаломъ въ гаданіи,—а слѣдовательно, по мѣрѣ приникновенія къ этой тайнѣ—свѣтоносна и жизненна.

Смѣю подать свой голосъ по вопросу недавно возбужденному— на стр. „Миссіонер. Обзор.“, по которому я „остаюсь при особомъ мнѣніи“. Въ № 3 появились двѣ статьи „по поводу проповѣдничества о. Петрова“.

Не хочу полемизировать съ г.г. Воронцемъ и Гринякинымъ по существу, хотѣлъ бы только отмѣтить, что они, при видимомъ желаніи не затрагивать личность о. Петрова, всеже оказались здѣсь менѣе бережны, чѣмъ слѣдуетъ. Нѣкоторые частности ихъ рѣчей съ моей точки зрѣнія представляютъ неосторожность. „Горе вамъ лицемѣры“ (Мѡ. 24, 13)—начинаетъ г. Гринякинъ. Авторъ явно относитъ эти слова къ о. Петрову, не слишкомъ ли это сильно? Правда, черезъ страницу оказывается „лицемѣромъ“ св. апостоль Петръ, но тогда, значитъ, есть видъ лицемѣрія, не такой преступный, какъ тотъ, противъ котораго направлена рѣчь Господа Иисуса Христа? Или слова Мѡ. 24, 13 относятся и къ ап. Петру?

Допустимъ, что приспособляемость св. Апостола была совсѣмъ „недоброю“ приспособляемостью, однако, можетъ быть, есть и добрая?

Мы знаемъ, что „любовную приспособляемость“ не дозволяетъ а положительно предписываетъ св. Василій Великій. По отношенію къ одной группѣ „духоборцевъ“ онъ рекомендуетъ съ любовью выжидать, снисходить къ ихъ слабости, даже дѣлать имъ уступки, напр., не требовать отъ духоборцевъ, чтобы они называли Св. Духа „Богомъ“. То же, св. Григорій Богословъ и др.

Конечно, безусловно несомнѣнно, что и св. Василій и св. Григорій не поступятся истиной, ничего не уступятъ изъ Христовой благой вѣсти; это было бы дѣйствительно недоброй приспособляемостью, но ее нужно еще доказать и у о. Петрова.

Г. Гринякинъ не указываетъ, въ чемъ у о. Петрова эта приспособляемость. Слова о. Петрова—объ ап. Іоаннѣ не имѣютъ рѣшительно православнаго смысла.

Было бы положительной ложью утверждать, что о. Петровъ относится къ св. апостолу Іоанну не съ тѣмъ же благоговѣніемъ, какъ и мы. Онъ говоритъ только объ одномъ фактѣ—о томъ, что

почти всё покинули Учителя; за Нимъ пошелъ св. Іоаннъ, но и тотъ, можетъ быть, потому, что „былъ знаеъ архіереови“.

Но неужели-же говорить это значить—вошунствовать, не имѣть должнаго благоговѣнія къ личности апостола. Прочитайте св. Марка 14, 50. А то, что говоритъ о. Петровъ объ Іудѣ, пусть это невѣрно (и мы думаемъ, что это невѣрно), но мы знаемъ, что то же считаетъ позволительнымъ говорить даже Асхоченскій (даже!).

Можетъ быть больше нашелъ доказательствъ этой приспосабливаемости г. Воронецъ!

Увы, нѣтъ: все, что говоритъ онъ, касается внѣшней формы бесѣды о. Петрова. Г. Воронецъ доказываетъ неумѣстность свѣтской иллюстраціи въ проповѣди. Если бы онъ говорилъ хоть чуть чуть по адресу, то я посоветовалъ бы ему читать св. отцовъ. Они не боялись (въ проповѣдяхъ) языческой цитаты, часто приводятъ притчи, даже стихи. Самъ св. ап. Павелъ приводитъ отрывки изъ языческихъ классиковъ и т. п. Намъ, впрочемъ, нѣтъ нужды дѣлать обширныя справки. Г. Воронецъ забылъ, что онъ и говоритъ не о проповѣдяхъ о. Петрова, а о внѣбогослужебныхъ религіозно—нравственныхъ чтеніяхъ, веденныхъ даже не въ церкви, а въ обычномъ „залѣ“. Неужели это совѣмъ все равно? Скажу иначе: я утверждаю, что рѣчь о. Петрова можетъ быть, съ нѣкоторыми чисто корректурными поправками, прилична и для церкви. Не стану на этомъ настаивать: наши правила (въ духѣ г. Воронца) касательно церковнаго ораторства далеко ушли—и, конечно, не впередъ—отъ живой, святой, мудрой, великой святоотеческой проповѣди. Во всякомъ случаѣ рѣшится ли г. Воронецъ утверждать, что проповѣдь съ церковной кафедрой и чтеніе въ залѣ совершенно въ равной мѣрѣ исключаютъ „источники свѣтскіе“, какъ онъ выражается.

Онъ хочетъ отнять у насъ проповѣдь и арх. Никандра, митр. Антонія, еп. Антонія, даже еп. Теофана Затворника. Взамѣнъ онъ хочетъ предложить „извѣстнаго іерарха Теофана Прокоповича. Не п р і е м л е м ъ д а р а. Иное, конечно, дѣло, если бы онъ доказалъ, что въ рѣчахъ о. Петрова есть элементы антицерковные.

Только это могло бы дать право назвать о. Петрова лжеапостоломъ, лукавымъ дѣлателемъ и пр.

Да, „имя ближняго должно щадить; оно дороже золота“. Самое большее, въ чемъ обвиняють о. Петрова—это то, что онъ молчитъ о Церкви, „игнорируетъ Церковь; она для него не существуетъ“.

Хорошо. Отсюда первый выводъ: о. Петровъ, значить, еще не сказалъ ничего, что было антицерковно и не православно. Ничего такого еще не могли уловить его „добровольные цензоры“. Ничего такого не нашли до сихъ норъ и его законные цензоры. Полагаю, это уже немало.

Отсюда слѣдуетъ уже, что его бесѣды самое большее—нецерковны, а не антицерковны, какъ заявляетъ г. Воронежъ.

А если прибавить сюда слѣдующія справки,—можетъ быть, преступленіе о. Петрова передъ Христомъ окажется еще меньше. Я былъ на лекціи о. Петрова два раза—(до начала полемики о немъ) и въ эти два раза я слышалъ о Церкви, о блестящей драгоцѣнной святой порфирѣ таинствъ, какой она облекла міръ, о чудномъ и трогательномъ ея богослуженіи, о св. Екатеринѣ, св. Златоустѣ. Я слышалъ цѣлую лекцію объ аскетизмѣ, о борьбѣ съ тѣломъ, о святѣмъ подвижникѣ, который 10 лѣтъ учить въ пустынѣ первую половину заповѣди: возлюбиши Господа Бога своего всѣмъ сердцемъ и т. д. Замѣтьте: „первую половину“ и въ „пустынѣ“. Слышалъ я объ Іоаннѣ Многострадальномъ, который на 33 году закопалъ себя въ землю. Я знаю, что у о. Петрова было цѣлое чтеніе „о Церкви“. Можетъ быть это лицемеріе?

Господа!! Кто вамъ далъ право и силу читать въ чужихъ душахъ. „Кто вѣсть отъ человѣкъ, яже въ человѣцѣ“. Что думаетъ человѣкъ—вѣдомо только одному Богу, Который заповѣдалъ: „непослушествуй на друга твоего свидѣтельства ложна“.

Іер. *Михайль.*

Со екрижалей сердца.

Редакціонное предисловіе къ статьѣ о. Лисицына.—Отвѣтъ „Новому Пути“ по вопросу о задачахъ и характерѣ рел.-фил. собраній.—
Отповѣдь на „Отклики“ о проповѣдничествѣ о. Петрова,

Изложенное въ передовой статьѣ этой книжки религіозно-философское міровоззрѣніе Д. С. Мережковского, повидимому, идетъ на смѣну другихъ антицерковныхъ ученій, обуревающихъ религіозное сознание вѣрующихъ людей нашего времени, хотя бы того же пустоцвѣтнаго толстовизма, быстро вянущаго—теряющаго свое еще столь недавнее обаяніе на серьезномыслящихъ и искренно-ищущихъ людей.

Авторъ сочиненія «Л. Толстой и Достоевскій» одинъ изъ образованнѣйшихъ современныхъ мыслителей и писателей, человекъ искренняго чувства и вдохновеннаго слова. Новое ученіе проповѣдуется имъ подъ плѣнительною дымкою пріязни къ «историческому христіанству», якобы «не удавшемуся», т. е. къ Церкви, которую свѣтскіе «необогословы» желали бы подновить, подбодрить,—подъ нейтральнымъ флагомъ «исканія путей къ сближенію интеллигенціи съ Церковью».

Памятуя завѣтъ апостола: «блюдитесь како опасно ходите», мы сочли долгомъ на страницахъ «Мисс. Обзор.» дать мѣсто статьѣ нашего уважаемаго сотрудника, дабы познакомить пастырей и миссіонеровъ съ пролагающимъ себѣ путь впередъ религіозно-философскимъ міровоззрѣніемъ. Тѣмъ болѣе, что въ послѣднемъ есть стороны, очень близко соприкасающіяся съ народнымъ сектантскимъ мистицизмомъ, такъ напр.: ученіе хлыстовъ «о духовной любви» слишкомъ близко съ мудрованіемъ Мережковского «о святомъ сладострастіи».

На разборѣ этого «новаго христіанства» мы и еще не разъ остановимъ вниманіе нашихъ читателей.

Умноженіе религіозныхъ разномысліи какъ вверху, въ интеллигентныхъ слояхъ общества, такъ и внизу, въ народѣ—составляетъ печальное знаменіе нашего времени, устремляющее вѣрующую мысль „къ послѣднему времени“ оскуднѣніи истинной вѣры и любви... Но слѣдуетъ ли унывать духовнымъ стражамъ Церкви, которую не одолѣютъ и врата адавы? Никакъ! Самый опасный для Церкви врагъ—не ереси и расколы, а холодное равнодушіе со стороны своихъ же—пастырей и пасомыхъ—къ дѣламъ вѣры и интересамъ Церкви—пассивное противленіе Церкви руководителей общества (печати) чрезъ систематическое замалчиваніе, сокрытіе сокровищъ добра въ нѣдрахъ христіанства. Разномысліемъ религіознымъ, по слову апостола, „подобаетъ быти“, дабы „явились искусные“ въ Церкви въ отраженіи лжи ересей, въ раскрытіи истины. Вотъ на этомъ,—на пробужденіи энергіи въ пастыряхъ, чуткости къ религіознымъ запросамъ и вѣяніямъ времени, на миссіонерскую подготовку къ умѣлому твердому стоянію за православную вселенскую истину, и должна быть сосредоточена забота всѣхъ, кому дорога истина православія, для кого жива Церковь, какъ мать.

Мы крѣпко вѣруемъ, что религіозныя разномыслія и блужданія, вытекающія изъ жажды истины, изъ искренняго исканія путей къ сознательной вѣрѣ во Христа и Его Церковь,—(такимъ искреннимъ, по нашему разумѣнію, искателемъ истины и является Д. С. Мережковский) должны привести къ большому и большому уясненію и засвидѣтельствуванію превосходства истины православія и торжества нашей Церкви.

Одушевляемые этою заботой, мы и стараемся поспѣшно служить нашимъ миссіонерскимъ органомъ стражамъ церковной истины, сосредоточивая и направляя литературную полемику на болѣе важныхъ, такъ сказать, стратегическихъ пунктахъ духовной войны, таковымъ въ данный моментъ является миссія среди своеобразно-мудрствующей интеллигенціи. Естественно, что полемика противъ народнаго сектантства и раскола въ журналѣ нѣсколько является оттѣсенной и ослабленной,—но надѣмся—это временно, да тамъ новаго творческаго мало,—тамъ идетъ пережевываніе стараго, уже предусмотрѣннаго въ миссіонерской литературѣ.

Въ февр. вѣн. жур. „Новый Путь“ появилась замѣтка подъ заглавіемъ: **Вниманію г. Скворцова.**—Она гласитъ:

«Въ 1-мъ номерѣ „Миссіонерскаго Обзорѣнія“ за 1903 г. редакторъ этого журнала г. В. Скворцовъ посвящаетъ нѣсколько словъ вопросу о „миссіи среди интеллигенціи“.

Выражая сожалѣніе, что дѣло это «давно забыто и затеряно», г. В. Скворцовъ замѣчаетъ, что въ минувшемъ году была «сдѣлана первая попытка практическаго осуществленія этой идеи. Попытку эту представляютъ собою столичныя «религіозно-философскія собранія».

Въ виду того, что подобнаго рода фразеологія можетъ ввести людей неосвѣдомленныхъ въ совершенное заблужденіе относительно задачъ «Религіозно-философскихъ собраній», считаемъ необходимымъ напомнить, что цѣль учрежденія этихъ собраній была указана въ запискѣ, поданной ихъ учредителями надлежащимъ властямъ. Вотъ краткая выдержка изъ этой записки: „...Религіозно-философскія собранія имѣютъ своей задачей обсужденіе вопросовъ вѣры на почвѣ совершенной терпимости и въ широкомъ философскомъ освѣщеніи“. При этомъ на собранія можетъ быть допущенъ всякій искренно интересующійся задачами ихъ. „какова бы ни была степень приближенія его къ церкви, а также лица инославныя и иновѣрныя“.

Г. Скворцову, какъ издателю „Миссіонерскаго Обзорѣнія“, естественно смотрѣть на все въ мірѣ съ точки зрѣнія своего исключительнаго призванія, какъ на миссіонерскую ловитву,—это, конечно, его право.

Но изъ приведенной выдержки (сдѣланной, кетати, по изложенію самого же г. Скворцова въ № 12 „М. Об.“ за 1901 г.) видно, что религіозно-философскія собранія учреждены безъ всякихъ миссіонерскихъ замысловъ—съ цѣлями *изслѣдованія истины, а не проповѣди* какой-либо опредѣленной догмы.

Лично г. В. Скворцовъ, какъ и многіе другіе, уже нашедшіе абсолютную истину, являются на собранія именно съ цѣлями миссіонерскими. Однако слѣдуетъ имѣть въ виду, что религіозно-философскія собранія могутъ собираться и участники ихъ обмѣниваться своими мыслями даже и въ томъ случаѣ, если гг. миссіонеры сочтутъ безплоднымъ свои обращенія къ тѣмъ, кого г. В. Скворцовъ въ той же своей статьѣ остроумно называетъ «суетумудрствующими интеллигентными богоискателями».

Прочитавъ эту наставительную, съ оттѣнкомъ ироніи, замѣтку, мы подумали: правильно ли редакція „Новаго пути“ заадресовала ее намъ, не произошла ли здѣсь корректурная ошибка? Не для госнодина-ли Н. Н. изъ журн. „Русская Скудость“ она предназначена? Замѣтка на насъ производитъ впечатлѣніе „расшаркиванія“, „изви-ненія“ какъ бы сконфуженныхъ и заискивающихъ предъ какой-то вліятельной особой... Такой „особой“ въ данномъ случаѣ намъ пред-

ставляется „россійскій либерализмъ“, „пруціи въ одну точку“,—въ вопросахъ вѣры—въ „позитивно-атеистическую точку—прущихъ „стѣной“, безъ оглядки назадъ, безъ прозрѣнія впередъ,—съ фанатическою нетерпимостью, съ тупымъ высокомѣріемъ къ другимъ мнѣніямъ, къ чужимъ взглядамъ... Всѣ, кто не поклоняется этому „злому идолу“, такъ еще недавно властно покорявшему умы и сердца старцевъ сѣдовласыхъ и русской молодежи,—кто вѣруетъ въ Бога, или ищетъ Его внѣ сферы земного бытія, кто не отворачивается отъ Церкви и не плюетъ на духовенство, по мнѣнію этого сорта нашихъ либераловъ—или заплѣспѣвалый, безнадежный ретроградъ, или юродивый, лицемѣръ и фарисей.

„Новый Путь“, въ лицѣ его корифеевъ, по духовному происхожденію своему, вышедшихъ изъ того-же либеральнаго лагеря, круто порвалъ съ своей родней, пошолъ дѣйствительно по н о в о м у въ нашей либеральной свѣтской періодической литературѣ пути... Въ то же время они стали лицомъ къ лицу къ Церкви (хотя и съ вызывающимъ видомъ) и ея представителямъ... Разумѣемъ учрежденіе и засѣданія „религіозно-философскихъ собраній“. Власть церковная отнеслась на религіозный порывъ, на „запросы этой ищущей интеллигенціи“, (въ лицѣ талантливыхъ ея представителей), съ любовью и свободой, которой либераламъ и не снилось...

„Новый Путь“ стремится сдѣлаться органомъ „религіозно-философскихъ собраній“... Въ либеральномъ позитивно-атеистическомъ лагерѣ недоумѣваютъ,—какое де можетъ быть общеніе..., не вѣрятъ въ прочность и искренность завязавшихся отношеній между „повернувшими“ либералами и церковниками, честятъ „необогословствующихъ“ философовъ „іудушками—предателями“ и т. п. милыми эпитетами. Такъ писалось, по крайней мѣрѣ, въ заграничномъ „Освобожденіи“ г. Струве. А тутъ г. Скворцовъ въ своемъ „Миссіонер. Обзор.“ отзывается о „религіозно-философскихъ собраніяхъ“, „какъ о первой попыткѣ практическаго осуществленія Церковью своей миссіи среди интеллигенціи“, т. е. привѣщиваетъ ненавистную миссіонерскую вывѣску... „Такая фразеологія можетъ ввести въ совершенное заблужденіе людей неосвѣдомленных“,—читай г.г. Михайловскаго, Скабичевскаго, Боборыкина, вообще философовъ и писателей изъ „Русскаго Богатства“, „Русской Мысли“, „Русскихъ Вѣдомостей“ et tutti quanti...

Такъ прямо и адресовать бы вамъ, гг. „новопутейцы“, по настоящему адресу ваше разъясненіе, а ужъ никакъ не намъ. Мы не

только были при рожденіи сего малютки (религіозно-философ. собраній), а, можетъ быть, повинны даже и въ зачатіи его, а потому ужъ никакъ не вамъ поучать насъ на счетъ цѣлой и задачъ религіозно-философ. собраній. Да едва-ли будетъ убѣдительно ваше разъясненіе и для тѣхъ, предъ кѣмъ вы малодушествуете. Все равно наши собранія отъ вашей замѣтки не сдѣлаются для нихъ ни симпатичнѣе, ни интереснѣе.

Да, говоря о собраніяхъ, какъ „о миссіонерской поныткѣ“, мы вѣдь нисколько не отрицаемъ этимъ ихъ существеннаго характера—„свободы и терпимости въ изслѣдованіи истины въ широкомъ философскомъ освѣщеніи“,—наоборотъ, подтверждаемъ и добавляемъ, что и „въ историческомъ, культурномъ и общественномъ освѣщеніи“,—какъ сказано въ запискѣ, на которую ссылается; заявляемъ также, что для интересовъ миссіи Церкви желательно присутствіе на собраніяхъ побольше людей, „далече отстоящихъ“ отъ Церкви, чѣмъ, говоря вашей фразеологіей, — „нашедшихъ абсолютную истину“,—именно желательно побольше такихъ „неспокойныхъ и мучащихся сомнѣніемъ, жаждою и исканіемъ истины“, чѣмъ „съ благодушными фізіономіями“.

„Новый Путь“ утверждаетъ, что религіозно-философскія собранія учреждены безъ всякихъ миссіонерскихъ замысловъ, (курсивъ нашъ),—съ цѣлями изслѣдованія (курсивъ „Нов. Пути“), а не проповѣди какой-либо опредѣленной догмы“. Простите, здѣсь или непониманіе задачъ миссіи, или лукавство. Говоря такъ. «Нов. Путь» не успокоитъ скенитиковъ своего лагеря, а людей Церкви и вѣры введетъ въ величайшее недоразумѣніе и соблазнъ. Тогда насъ спросятъ, для чего же церковная власть разрѣшила эти собранія, если въ нихъ нѣтъ мѣста ни задачамъ миссіи, ни проповѣди опредѣленной, т. е. православной догмы, тогда какой же и *raison d'être* существованія подобныхъ собраній?

Вырабатывать новое вѣропониманіе, переоцѣнивать въ цѣлости сохраненныя Церковью до нашихъ дней дорогія сокровища православія, указывать «новыя пути» какому-то новому христіанству гг. Мережковского и Розанова?

Неужели „Нов. П.“ серьезно думаетъ, что и Церковь своихъ представителей благословила участвовать въ собраніяхъ лишь только для того, чтобы изслѣдовать искомую интеллигентной частію собраній истину, а не защищать, не проповѣдывать „опредѣлен-

ную догму“, т. е. Абсолютную Истину, Путь и Жизнь, Христа Бого-человѣка?.. „Новый Путь“ не хочетъ понять, что только миссіонерская точка зрѣнія и можетъ оправдывать допущеніе и существованіе нашихъ „религіозно-философскихъ собраний“ съ такою именно постановкою, какая имъ придана у насъ, съ такою дорогою намъ и вамъ свободою мнѣній и преній, съ свободою опубликованія этихъ преній, словомъ—на началахъ давно принятыхъ и Церковью одобренныхъ, возведенныхъ въ принципъ при народныхъ миссіонерскихъ собесѣдованіяхъ. „Новому Пути“ претитъ наша миссіонерская фразеологія, по общинтеллигентному предубѣжденію противъ миссіи, основанному на непониманіи истинныхъ задачъ и характера миссіи, кажущейся свѣтскимъ людямъ какимъ-то жуеоломъ.

Нѣтъ, гг. новопутейцы, вы напрасно вышучиваете миссію, какъ „ловитву“. Миссія—не неводъ и не ловушка, и миссіонерство—не ловитва, а вы не ѣбы безгласныя, чтобы бояться насъ; миссія—апостольство и подвигъ, достойный лучшей чести и болѣе справедливой оцѣнки.

Ап. Павелъ писалъ: „Христосъ послалъ меня не крестить, а благовѣствовать!!! (1 Кор. 1, 16—17)... Истинный миссіонеръ долженъ заботиться не объ „уловленіи“, а о сѣяніи слова правды, въ духѣ мира и любви, объ убѣжденіи словомъ заблуждающихся, „ищущихъ“, и сомнѣвающихся въ религіозной истинѣ, о плѣненіи озлобленнаго сердца доброжеланіемъ и терпимостью... Задачи и характеръ миссіи — не простая пастырская проповѣдь, а именно свободное, любовное, двустороннее изслѣдованіе истины,— какъ со стороны сомнѣвающегося или заблудшаго, такъ и со стороны „нашеднаго абсолютную истину во Христѣ и Церкви“. Съ этой точки зрѣнія мы и назвали рел.-фил. собранія опытомъ миссіи. Что вы не говорите, а они таковы и есть и должны быть на самомъ дѣлѣ.

Цитируя „записку“, напрасно „Новый Путь“ не обратилъ вниманія на ея строки, гдѣ сказано, что „рел.-филос.—собранія“ имѣютъ цѣли положительныя, направленныя къ выясненію многого, для людей свѣтскихъ недоумѣннаго въ ученіи и положеніи Церкви“. Вотъ это—то выясненіе и составляетъ задачу миссіи и представителей Церкви, участвующихъ въ религіозно-филос. собраніяхъ,—независимо отъ цѣлей миссіонерскаго „уловленія“, или обращенія къ кому-то ни было лично изъ расходящихся съ Церковью участниковъ. Этой цѣли и замысла никогда никто не ставилъ и не имѣетъ въ виду. Это фактъ и мы его подтверждаемъ.

Если „Нов. Путь“ считаетъ за нами, какъ издателемъ „Мисс. Обзор.“ право „смотре́ть на все въ мірѣ съ точки зрѣнія своего призванія“, то мы за „Нов. Пут.“ никакъ уже не можемъ признать такого же свободнаго права в ы ш у ч и в а т ь людей, „нашедшихъ абсолютную истину“, истолковывать по своему усмотрѣнію чужія думы и цѣли, съ которыми церковники-миссіонеры являются на собранія.

Надѣмся, что это вынужденное „Новымъ Путемъ“ наше объясненіе послужитъ не на разрушеніе, а на созиданіе взаимнаго уваженія и довѣрія другъ къ другу со стороны свѣтскихъ и духовныхъ членовъ участниковъ рел.-фил. собраний, которыя многоцѣнны для всѣхъ насъ, какъ знаменіе времени. Мы крѣпко вѣруемъ, что кромѣ пользы для Церкви ничего нельзя ожидать отъ собраний. А „новопутейцамъ“ позволяемъ себѣ напомнить поучительныя слова Евангелія: „ищите прежде Царствія Божія“, памятуя, что „никто, возложившій руку свою на плугъ и озирающійся назадъ неблагопожеленъ для Царствія Божія“. (Лук. 9, 62).

Въ интересахъ безпристрастнаго отношенія къ вопросу о проповѣднической дѣятельности о. Петрова, мы охотно дали выше,— въ „Откликахъ“ мѣсто „особому мнѣнію“ почтеннаго о. Михаила. Но потому же обязательному для насъ принципу *audiat et altera pars*, — ниже даемъ мѣсто отвѣтной статьѣ о томъ же пререкаемомъ о. Петровѣ и другого нашего уважаемаго сотрудника г. Гринякина.

Высказывать свое личное мнѣніе, мы не торопимся, чувствуя тяжелую отвѣтственность въ семъ дѣлѣ предъ Богомъ и совѣстью.

В. (Жворцовъ).

Отвѣтъ на «Отклики» о. іером. Михаила.

„Не подавайте соблазна ни Іудеямъ,
ни Еллинамъ, ни Церкви Божіей“
(1 Кор. 9, 32).

Уважаемый о. Михаилъ! Вашъ „откликъ“ 1) на мою, казалось мнѣ, совершенно определенную замѣтку о проповѣдничествѣ о. Петрова послышался мнѣ, простите Бога ради, только, какъ нѣкое э х о,—нѣчто неясное и неопределенное...

1) «Мисс. Обзор.», февр. № 2.

Что вы собственно утверждаете и что отрицаете и на какихъ основаніяхъ, осталось неизвѣстнымъ: опредѣленные положенія и богословскія цитаты у васъ отсутствуютъ (одна, впрочемъ есть,— о ней рѣчь ниже).

Васъ смутилъ прежде всего эниграфъ къ моей замѣткѣ: „Горе вамъ лицемѣры“ (Мѡ. 24, 13), и вы находите, что эти слова мной „явно отнесены къ о. Петрову“ и потому сокрушенно вопрошаете: „не слишкомъ-ли это сильно?.. Нѣтъ, о. Михайлъ, это слишкомъ слабо,—и поставилъ я этотъ эниграфъ только потому, что имѣлъ въ виду не одного о. Петрова, но и тѣхъ, кто, если не похвалаетъ, то такъ или иначе оправдываетъ недобрую приспособляемость въ проповѣднической манерѣ. Слѣдующія затѣмъ ваши слова полагаю, написаны вами неумышленно. Вы пишете: „правда, чрезъ страницу оказывается лицемѣромъ с. в. апостоль Петръ, но тогда значить есть видъ лицемѣрія не такой преступный, противъ котораго направлена рѣчь Господа Іисуса Христа? Или слова Мѡ. 24, 13 относятся и къ ап. Петру? Ужели вы, о. Михайлъ, полагаете, что если къ какой статьѣ или книгѣ поставленъ извѣстный эниграфъ, то каждое его слово, разъ таковое же попадаетъ въ самой статьѣ или книгѣ, то и тамъ должно пониматься въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно мыслится въ эниграфируемомъ мѣстѣ?“

Теперь, ваше „оказывается“...? Выводить его изъ эниграфа и содержанія моей замѣтки нѣтъ логическихъ основаній. Содержаніе замѣтки слишкомъ цѣломудренно для того, чтобы обсуждать поведеніе св. апостоловъ и рѣшать, напр., то, „заслуживаютъ они нашей особенной похвалы“, или нѣтъ, какъ дѣлаютъ нѣкоторые... Относятся-ли слова Мѡ.: 24, 13 и къ ап. Петру, спросите объ этомъ у ап. Павла. Далѣе, вы пишете: „допустимъ, что приспособляемость св. апостола была совсѣмъ недоброй приспособляемостью“... Эту допустимость вы изволите мнѣ приписывать, или съ бѣ смиренно позволяете? Если мнѣ, то это нехорошо: я не давалъ вамъ на это никакого права и ничѣмъ. Видимо, допускаете это вы; у васъ же нужно искать и основаній для этой допустимости. „Однако—дальше ваша рѣчь,—можетъ быть есть и добрая“ (приспособляемость). Во-истину есть и должна быть, но только добрая, каковой въ проповѣдничествѣ о. Петрова вы не потрудились указать для сомнѣющихся. „Мы знаемъ, пишете вы, „любвную приспособляемость“ не дозво-

ляетъ, а положительно предписываетъ Св. Вас. Вед... по отношенію къ одной группѣ духовборцевъ (не требовать отъ нихъ называть Св. Духа „Богомъ“)... Тоже Св. Григорій Богословъ и др.“ Вотъ видите, вы эту «любовную приспособляемость», предписанную свв. Вас. Великимъ и Григоріемъ Богословомъ, знаете, а почему то не хотите подробнѣе, — на строкѣ, выражаясь языкомъ, раскольниковъ, указать намъ, гдѣ, когда и въ какомъ смыслѣ предписывали эту приспособляемость названные свв. отцы... Позвольте мнѣ это сдѣлать ради выясненія истины предъ читателями Мис. Обзор.

Св. Григорій Богословъ пишетъ: „Кто Святаго Духа низводитъ въ рядъ тварей, тотъ ругатель и злѣйшій изъ злыхъ. Кто признаетъ Его Богомъ, тотъ божественъ и свѣтелъ умомъ; а кто даже и именуетъ Богомъ, тотъ, если дѣлаетъ сіе предъ людьми благоразумными, высокъ, а если — предъ низкими, неосмотрителенъ: потому что бисеръ довѣряетъ грязи... Васъ (духоб.) затрудняютъ слоги, останавливаетъ одно реченіе (т. е. «Богъ») и оно дѣлается для васъ камнемъ преткнанія... Признайте силу Божества и мы сдѣлаемъ вамъ снисхожденіе въ реченіи. Исповѣдуйте естество подъ другими наименованіями, какія наиболѣе уважаете... Ибо стыдно... быть здравыми по душѣ и ставить въ великое звуки... стоять за букву. Исповѣдуйте въ Троицѣ единое Божество, или, если угодно, единое естество; нѣ испрошу у васъ у Духа слово: Богъ“¹⁾. „Тѣ, которые негодуютъ на насъ за Духа Святаго, будто бы вводимъ какого-то чуждаго и соприслѣяемаго Бога, и которые крѣпко стоятъ за букву... пусть ясно разумѣютъ, что ихъ привязанность къ буквѣ есть только прикровеніе нечестія“²⁾. „Я желалъ бы, чтобы всякій, кто мнѣ другъ, чтить Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святаго, три личности, единое Божество, нераздѣльное въ славѣ, чести, сущности и царствѣ, какъ любомудрствовалъ одинъ изъ богоносныхъ мужей, жившихъ незадолго до насъ. Или да не видитъ, какъ говоритъ Писаніе, денницы возсіяющія (Іов. 3, 9), ни славы будущаго озаренія, кто вѣритъ иначе, или соображаясь съ обстоятельствами. бываетъ то тѣмъ, то другимъ, и о важнѣйшихъ предметахъ судить не здраво“³⁾.

Теперь извольте сами посудить: какое же въ этихъ словахъ св. отца оправданіе защищаемымъ вами проповѣдническимъ прие-

¹⁾ Твор. Гр. Бог. т. 4. „Слово на св. Пятидесятницу“. Стр. 11—13. Москва, 1844 г.

²⁾ Твор. Гр. Богосл. т. 3. «О богословіи слово пятое». Стр. 104.

³⁾ Тамъ же. Стр 127—8.

мамъ о. Петрова? Въ одномъ-ли реченіи о. Петровъ расходуется съ ученіемъ Церкви? Да и кто вынуждалъ его на соблазняющія его оппонентовъ реченія?

«Конечно, безусловно несомнѣнно, что св. Василій и св. Григорій, откликаетесь вы, не поступаясь истиной, ничего не уступая изъ Христовой благой вѣсти; это было бы дѣйствительно недоброй приспособляемостью, но ее нужно еще доказать и у о. Петрова». Совершенно съ вами согласенъ, что св. оо. не поступались истиной Христова благовѣстія, что приспособляемость, поступающаяся этой истиной, есть приспособляемость недобрая. Но не такую-ли именно недобрую приспособляемость и допускаетъ о. Петровъ, когда искажаетъ евангельскій текстъ, позволяетъ себѣ добавленія къ нему и передѣлку и влагаетъ въ уста Іисуса Христа свои собственные выраженія, а касательно христіанства утверждаетъ, что оно «не высказало еще своего послѣдняго слова». Повѣрю вамъ, (вы вѣдь цѣлыхъ два раза слышали о. Петрова), что о. Петровъ говорилъ «о Церкви, о блестящей драгоценной порфирѣ таинствъ, о св. Еккатеринѣ, св. Златоустѣ, о любви къ Господу Богу и т. п. Но, о. Михаилъ, надо бы вамъ тогда подробнѣе изложить что и какъ—говорилъ объ этомъ о. Петровъ? О Церкви, таинствахъ и святыхъ угодникахъ—говорятъ разныя христіанскія исповѣданія и сектанты. Разъ вы остаетесь „при особомъ мнѣніи“ и даже больше—даете наставительную отвѣдь полемизирующимъ противъ о. Петрова,—свидѣствуете противъ цѣлаго ряда печатныхъ отзывовъ слушателей о. Петрова и противъ его личныхъ печатныхъ трудовъ, то для убѣдительности непремѣнно надо было привести хоть краткое содержаніе церковныхъ взглядовъ въ слышанныхъ вами бесѣдахъ о. Петрова.

Доказывать въ своей замѣткѣ недобрую приспособляемость у о. Петрова я не считалъ своей задачей, потому что это раньше меня и весьма обстоятельно сдѣлано другими. Прочитайте въ „Вѣрѣ и Церкви“ 1901 г. кн. 6, 1902 г. кн. 10; „Церк. вѣст.“ 1902 г. № 48; брош. И. В. Преображенскаго „Традиціонный и новый проповѣдники“, „Моск. вѣд.“ 1902 г., дек. 23; 1903 г. 5 янв. Вы пишете, что я не указываю, въ чемъ приспособляемость у о. Петрова—его слова объ ап. Іоаннѣ не имѣютъ «православнаго смысла». А въ чемъ православны слова о. Петрова объ ап. Іоаннѣ, что «онъ не заслуживаетъ особой нашей похвалы»? Какое православіе и какая приспособляемость дали право

и власть о. Петрову аттестовать св. апостоловъ? «Было бы положительной ложью (какое нехорошее и неумѣстное здѣсь слово!), пишете вы, утверждать, что о. Петровъ относится къ св. Ап. Іоанну не съ тѣмъ же благоговѣніемъ, какъ и мы». Ложь это или нѣтъ, мы съ вами предоставимъ, о. Михаилъ, судить [объ этомъ нашимъ читателямъ: кто изъ благоговѣйныхъ православныхъ христіанъ подпишется подъ тѣмъ, что сказалъ о. Петровъ о св. Апостолѣ?]

Вы утверждаете: о. Петровъ говоритъ только объ одномъ фактѣ, о томъ, что почти всѣ покинули Учителя: за Нимъ пошелъ св. Іоаннъ — но и тотъ, можетъ быть, потому, что былъ «знаемъ архіереови».

Въ кн. „Маргаритъ“ имѣется одно св.—от. слово, въ коемъ, между прочимъ, говорится, что еретики—докеты „яко мыши огрызуютъ писанія, непшуща избѣжати обличенія, ова убо обрѣзующе, ова же оставляюще“... Приводя слова писанія, что Христосъ принялъ „подобіе плоти“, они не дочитывали слѣдующаго затѣмъ слова—„грѣха“. (л. 428 об.). Не подумайте, что и вы „оказываетесь“ докетомъ... Но манера ссылокъ вашихъ на чужія слова, простите, нѣсколько напоминаетъ описанную въ „Маргаритѣ“. О. Петровъ говоритъ, извините, не объ одномъ фактѣ, и не въ такихъ смиренныхъ выраженіяхъ, какія вы ему услужливо подсказываете: онъ говоритъ не обвиняясь: „ко вѣрсту явился только Іоаннъ. Но и онъ не заслуживаетъ особой нашей похвалы“. (Объ остальныхъ, значитъ, апостолахъ ужъ и говорить нечего).

Передавъ по—своему разбираемая слова о. Петрова, вы вопрошаете и удивляетесь: „но неужели говорить это—значитъ кощунствовать, не имѣть должнаго благоговѣнія къ личности апостола“. Да, еслибы о. Петровъ передалъ только объ одномъ фактѣ и такъ, какъ вы, то кощунства и неблагоговѣнія къ личности св. Апостола тутъ не было бы, но въ томъ то и дѣло, что онъ не то и не такъ сказалъ, что и какъ вы за него говорите.

Въ подтвержденіе только что приведенныхъ своихъ словъ вы сослались на Евангеліе. „Прочитайте, пишите вы, св. Марка 14, 50“. Открываю я Евангеліе и читаю Мр. 14, 50: „Тогда оставивши Его, всѣ бѣжали“. Это у васъ—единственная цитата. И что же это за цитата? Я никакъ не догадаюсь, какую свою мысль въ защиту

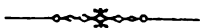
„не похваляющихъ св. ап. Іоанна вы желали подтвердить словами св. Марка,—что „всѣ, оставивши“ Христа, „бѣжали!“

„А то, что говоритъ о. Петровъ объ Іудѣ, оканчивается въ рѣчь о моей замѣткѣ,—пусть это невѣрно (и мы думаемъ, что это невѣрно), но мы знаемъ, что то же считаетъ позволительнымъ говорить даже Аскоченскій (даже!)“.

О. Михаилъ, простите Христа ради,—„Аскоченскій“—это фамилія какого-нибудь великаго свѣтила, учителя и отца Церкви? Къ чему эта ваша—съ отгѣнкомъ юмора и восклицаніемъ „даже“—ссылка (и притомъ глухая) на Аскоченскаго? Въ своей замѣткѣ я текстуально показалъ, что о. Петровъ отступаетъ отъ евангельскаго и церковнаго объясненія предательства Іуды. А вы на это пишете: „но мы знаемъ, что то же (что о. Петровъ) считаетъ позволительнымъ говорить даже (!) Аскоченскій“. Вѣдь впечатлѣніе получается такое, что за „но мы знаемъ“... подпишутся люди, для которыхъ авторитетъ Аскоченскаго выше авторитета Евангелія и—Церкви. Вотъ если бы вы за „но мы знаемъ“... назвали какого-нибудь св. апостола или св. отцевъ, тогда ваша ссылка была бы серьезной и убѣдительною.

Въ заключеніе своихъ „отликовъ“ вы восклицаете: „Господа!! Кто вамъ далъ право и силу читать въ чужихъ душахъ... Что думаетъ человекъ, видно только одному Богу, Который заповѣдалъ: „непослушествуй на друга твоего свидѣтельства ложна“. Трогательно и строго, но напрасно. Мы читаемъ не въ чужой душѣ, а „по печатному“. О. Петровъ печатаетъ и говоритъ открыто. Вамъ, далѣе, полагаю, извѣстно, что „сердцемъ вѣруютъ, а устами исповѣдуютъ“ (Рим. 10, 10), и что „отъ устъ“ можно судить „лукаваго раба“... А мы о. Петрова и не судимъ и не цензуруемъ, а, во исполненіе увѣщанія апостола, только „назидаемъ другъ друга“. Что касается приведенной вами 9 заповѣди, то „блюдитесь!“ она вѣдь одинаково можетъ относиться и къ вамъ, ибо мы оба „при особыхъ мнѣніяхъ“, которыя одинаково истинными быть не могутъ... „Гнѣвайтесь и не согрѣшайте“.

Н. Гринякинъ.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать разрѣшается. С.-Петербургъ, 28 Февраля 1903 года.

Цензоръ Пероманыхъ *Александръ*.

Хроника

9. **Миссіонерство, секты и расколъ.**—Собесѣдованіе синодальнаго миссіонера о. прог. К. Крюкова съ харьковскими раскольниками.—Владикавказскіе миссіонерскіе курсы и бесѣды съ сектантами.—«Братецъ Иванушка» въ столицѣ на бесѣдѣ.—Вѣсти о расколѣ: еще два расколы. соборныя опредѣленія; распоряженіе Картушина о времени вѣчанія браковъ. М. 507—521
10. **Изъ залы засѣданій «религіозно-философскихъ собраній».** Докладъ Д. С. Мережковского: «Левъ Толстой и русская Церковь» и словесный обменъ мнѣній по этому докладу . . . 522—545
11. **Отклики.**—1) Открытое письмо одному стороннику В. В. Розанова и его мыслей объ «адогматизмѣ христіанства».—Правда ли, будто догма убила лиліи Евангелія?—2) О свящ. о. Петровѣ—письмо гг. Воронцу и Гринякину. *Иер. Михаилъ.* 546—560
12. **Со скрижалей сердца.**—Редакціонное предисловіе къ статьѣ о. Лисицына.—Огвѣтъ „Новому Пути“ о задачахъ и характерѣ религ.-фил. собраній. В. *Скворцовъ.*—Огповѣды на «Отклики» о проповѣдничествѣ о. Петрова. *И. Гринякинъ.* 561—572

Редакторъ-издатель В. М. Скворцовъ.

При этой книжкѣ разсылаются: «Проповѣди Миссіонерскаго Обзорѣнія» за мартъ-апрѣль мѣсяцы, «Каталогъ хромофотографическихъ священныхъ изображеній» и «Перечень именнымъ иконамъ» Аѳонскаго Ильинскаго скита.

Подписка на „Миссіонерское Обзорѣніе“ продолжается.

Адресъ редакціи — Невскій, 153.

ВЫШЛО ИЗЪ ПЕЧАТИ НОВОЕ ИЗДАНИЕ

редакціи „Миссіонерское Обозрѣніе“.

„Миссіонерскій Спутникъ“

НАСТОЛЬНАЯ СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА (необходимая для каждаго приходскаго пастыря и ревнителя православія) по расколо—секто—вѣдѣнію и миссіонерской практикѣ.

„Миссіонерскій Спутникъ“ представляетъ собою вновь переработанное и почти на-половину дополненное изданіе Миссіонерскаго Календаря 1902 г. Объемъ „Миссіонерскаго Спутника“ заключаетъ въ себѣ до 60 печатныхъ листовъ (вмѣсто прежнихъ 35 л.).

Наименованіе и порядокъ отдѣловъ, вошедшихъ въ „Миссіонерскій Спутникъ“:

1) Православный мѣсяцесловъ. 2) Указатель апостольскихъ и евангельскихъ чтеній на всѣ дни года. 3) (дополненный). Наставленія и мысли о миссіи Церкви и миссіонерахъ. 4) (новый). Православному мірянину живущему среди отпадшихъ отъ Церкви святоотеческія наставленія о православныхъ догматахъ вѣры и обрядахъ Церкви. 5) Православному мірянину наставленія отъ свящ. писанія и по разуму Церкви. 6) (новый). Слова любви матери Церкви къ вѣрнымъ и заблудшимъ чадамъ Церкви. 7) (дополненный). Единовѣріе и его правила. 8) (знач. дополненный). Секто—вѣдѣніе и сектообличеніе. 9) (знач. дополненный). Расколовѣдѣніе и расколообличеніе. 10) Миссіонерская литература. 11) (новый). Школьно-миссіонерскій отдѣлъ. 12) Пастырская миссіонерская памятка. 13) (дополненный). Циркулярные указы Св. Синода. 14) Законы правительственныя распоряженія о раскольникахъ и сектантахъ. Особое Приложеніе. Справки и распоряженія по вопросу объ отобраніи у раскольниковъ и сектантовъ книгъ, неподлежащихъ обращенію.

Пріемственный списокъ прав. іерарховъ константинопольской и русской церкви. Къ вопросу о повѣнчаніи присоединяющихся къ прав. Церкви обязанныхъ расколо-сектанскимъ бракомъ. Законъ и правила объ экспертизѣ по сектанскимъ дѣламъ. Схема вопросовъ при экспертизѣ штудистскихъ дѣлъ и др.

Цѣна на „Миссіонерскій Спутникъ“ повышена до 1 р. 30 к. (въ переплетѣ и съ пересылкой), такъ какъ объемъ этого новаго изданія почти вдвойнѣ увеличился противъ перваго изданія (календаря) и первоначальнаго предположенія издателя.

Требованія, поступившія на „Миссіонерскій Спутникъ“ до 1-го марта будутъ немедленно удовлетворены, причѣмъ контора редакціи убѣдительно проситъ, по полученіи изданія, дослать по 30 коп. за экз. хотя бы марками.

1903 г. Мартъ. годъ VIII.

МИССИОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ДВУХНЕДѢЛЬНЫЙ
ПОЛЕМИКО-АПОЛОГЕТИЧЕСКІЙ
ЖУРНАЛЬ.

№ 5.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографя Э. Л. Пороховщиковой, Басейная. 3 - 5.
1903.

Содержаніе первой мартовской книжки

журнала «Миссіонерское Обозрѣніе» за 1903 годъ.

1. Сектантство и расколъ по послѣднему Всеподданнѣйшему отчету оберъ-прокурора св. Синода. Мѣры борьбы съ расколомъ и сектантствомъ. 573—575
2. Новое христіанство Мережковского. Христіанство какъ культъ Діониса. (Публичная лекція). Іер. *Михаиль* 576—595
3. Новая неправда въ защиту старой лжи. («Объ исповѣди Амвросія, митр. Вѣлкриницкаго»). *Н. Гринякинъ* 596—607
4. Сектантское ученіе о состояніи мертвыхъ. Свящ. *Ев. Краповъ* 608—616
5. Изъ миссіонерскихъ запросовъ. *Н. Гринякинъ* 617—618

Изъ записокъ и дневниковъ.

6. Миссіонерскіе очерки. Въ гостяхъ у молоканъ. *Д. Боголюбовъ*. 619—623
7. Объ общественной церковной молитвѣ за гр. Толстого и другихъ отступниковъ отъ Церкви. *Любовъ Пребстинъ*. 624—629
8. Случайная бесѣда по поводу «Альбигойца». (Въ вагонѣ жел. дороги). Свящ. *М. Розовъ*. 629—663
9. Изъ дневника священника-учителя. —Пастырь въ роли медика. —Послѣднее посѣщеніе безпоповскаго наставника. —Завѣщаніе Павла Коломенскаго. Свящ.-учитель. *В—ръ Лавровъ*. 633—637

Изъ миссіонерской полемики.

10. Раскольничье собѣдovanje поморцевъ со спасовцами. Прот. *Н. Фіалковский*. 638—653

Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги по вопросамъ вѣры и миссіи Церкви.

11. Духовные журналы. Къ вопросу о самозарожденіи сектантства. *Ш.* 654—658
12. Новая газета „Заря“ г. Ярмонкина проф. *А. Бронзовъ*. . . 658—660
13. М. Струженцовъ: „Православно-христіанское ученіе о бракѣ Проф. *А. Бронзовъ*. 660—664
14. Гено. Фелинсь. Повѣсть изъ исторіи гоненій христіанъ при Домиціанѣ. *П. Козичій*. 664—665

Сектантство и расколъ по послѣднему Воеподдан- нѣйшему отчету оберъ-прокурора Св. Синода.

Мѣры борьбы съ расколомъ и сектантствомъ.

Дѣятельность епархіальныхъ начальствъ и приходскаго духовенства въ борьбѣ съ расколомъ и сектантствомъ выражалась вообще въ примѣненіи и развитіи тѣхъ мѣръ духовно-нравственнаго воздѣйствія, кои Святѣйшимъ Синодомъ, въ его попеченіи объ огражденіи истинныхъ чадъ Христовой Церкви отъ уклоненія въ расколъ и секты и о скорѣйшемъ обращеніи на путь спасенія заблудившихъ чадъ ея, раскольниковъ и сектантовъ, ранѣе преподаны были къ руководству епархіальнымъ преосвященнымъ и надлежащему, въ чемъ окажется возможнымъ, исполненію. Главнѣйшія изъ этихъ мѣръ слѣдующія: учрежденіе противораскольническихъ и противосектантскихъ миссій, устройство епархіальныхъ, окружныхъ и церковныхъ противосектантскихъ библиотекъ, устройство при монастыряхъ и братствахъ иконныхъ и книжныхъ складовъ, истовое уставное отправление богослуженій, съ благообразнымъ итѣмъ, увеличеніе числа церковно-приходскихъ школъ и точное составленіе и современное, кому слѣдуетъ, доставленіе свѣдѣній о раскольникахъ и сектантахъ.

Дѣятельность миссій по пути къ осуществленію ея задачъ въ 1899 году шла впередъ замѣтными шагами и выразилась въ устроеніи въ этомъ году новыхъ епархіальныхъ и уѣздныхъ миссіонерскихъ съѣздовъ духовенства въ С.-Петербургской, Таврической, Нижегородской, Симбирской, Вятской, Олонецкой, Кіевской, Харьковской и Херсонской губерніяхъ, а также въ обычныхъ миссіонерскихъ совѣщаніяхъ, составляющихъ уже обычное явленіе въ жизни многихъ епархій.

Изъ этихъ съѣздовъ по предметамъ и результатамъ своихъ совѣщаній особенно замѣчательны уѣздный Херсонскій и епархіальный Симферопольскій. Руководимые мѣстными талантливыми, полными

знанія своего дѣла и глубокой преданности своему служенію миссіонерами, они особенно много содѣйствовали оживленію мѣстных приходскихъ миссій. На Симферопольскомъ съѣздѣ, между прочимъ, положено было начало безпримѣрному въ исторіи миссіи живому общенію представителей сектантства съ дѣятелями миссіи и пастырями православной Церкви. На засѣданіяхъ тѣхъ же съѣздовъ, въ числѣ многихъ важныхъ вопросовъ миссіонерскаго характера, обсуждался также и давно назрѣвшій вопросъ объ улучшеніи религіозно-правовеннаго положенія русскихъ рабочихъ, служащихъ въ многочисленныхъ и многочисленныхъ въ Херсонской и Таврической губерніяхъ нѣмецкихъ колоніяхъ, въ коихъ условія жизни, развивая въ рабочихъ холодность и безразличіе къ своей родной религіи, въ особенности же къ постановленіямъ и обрядностямъ православной Церкви и ея священнослужителямъ, слишкомъ благопріятствуютъ совращенію ихъ въ сектантство. Въ этихъ видахъ на съѣздахъ признано было необходимымъ открытіе бесѣдъ съ православными рабочими въ самыхъ колоніяхъ и рекомендовано священникамъ, въ приходахъ которыхъ есть нѣмецкія колоніи, въ великіе праздники и высокоторжественные дни служить въ колоніяхъ всенощныя бдѣнія и и молебны. Признано также необходимымъ, чтобы священники въ въ великій постъ назначали одну изъ седмицъ для говѣнія рабочихъ нѣмецкихъ колоній. Во избѣжаніе же возможныхъ со стороны нѣмцевъ-хозяевъ пререканій и противодѣйствій, Херсонскимъ съѣздомъ постановлено просить, черезъ мѣстнаго пресвященнаго, херсонскаго губернатора о распоряженіи, чтобы земскіе начальники всѣчески содѣйствовали въ этомъ случаѣ священникамъ своимъ вліяніемъ и соотвѣтствующими предписаніями колоніальнымъ властямъ. Кромѣ того, Таврическій съѣздъ для успѣховъ миссіонерскаго дѣла проектировалъ реорганизовать самое устройство Таврической миссіи: а) учредить вторую вакансію епархіальнаго миссіонера, съ мѣстомъ жительства его въ Бердянскомъ уѣздѣ, въ центрѣ молоканства и б) на мѣсто окружныхъ комитетовъ учредить должности отвѣтственныхъ окружныхъ миссіонеровъ, которые-бы болѣе зорко стояли на стражѣ миссіонерскихъ интересовъ въ данномъ районѣ и служили бы живыми посредниками между епархіальными—комитетомъ и миссіонеромъ.

Въ Кіевской губерніи миссія въ отчетномъ году получила новое, болѣе соотвѣтственное устройство и лучшее обезпеченіе. Въ Бессарабской, Самарской, Олонецкой и Подольской губерніяхъ увеличено число миссіонерскихъ вакансій, съ привлеченіемъ на эти должности лицъ, преимущественно съ высшимъ богословскимъ образованіемъ. Въ Екатеринославской же епархіи при мѣстномъ епархіальномъ миссіонерскомъ комитетѣ учреждена особая коммиссія для приготовленія къ печати получаемыхъ отъ миссіонерскихъ приходскихъ комитетовъ протоколовъ о собесѣдованіяхъ съ сектантами. Это новое учрежденіе является весьма полезнымъ и желательнымъ. Оно несомнѣнно оживитъ собесѣдовательную дѣятельность приходскихъ миссіонерскихъ комитетовъ.

Въ жизни миссіи за 1899 годъ заслуживаютъ вниманія и замѣтно пробуждающійся въ приходскомъ духовенствѣ духъ любви къ миссіонерству и оживленіе миссіонерской литературы о расколосектанствѣ. Изданъ цѣлый рядъ полезныхъ книгъ по расколосектанству. Въ Петербургѣ издается особый епещіальный по миссіонерскому дѣлу журналъ «Миссіонерское Обзоріе», на страницахъ котораго находятъ свое освѣщеніе и разрѣшеніе важнѣйшіе вопросы по сему дѣлу. Многія и изъ Епархіальныхъ Вѣдомостей открыли на своихъ страницахъ особые миссіонерскіе отдѣлы, посвященные изслѣдованію и обличенію мѣстнаго расколосектанства.

Весьма важными въ интересахъ миссіонерскаго дѣла являются и мѣропріятія Святѣйшаго Синода въ отношеніи обезпеченія матеріальнаго быта причтовъ въ приходахъ, зараженныхъ расколосектанскими лжеученіями. Возбужденное преосвященнымъ митрополитомъ Кіевскимъ въ декабрѣ 1899 года и удовлетворенное Святѣйшимъ Синодомъ ходатайство объ увеличеніи жилованья въ 23 приходахъ Кіевской епархіи, наиболѣе пораженныхъ штундою, священникамъ до 600, а псаломщикамъ до 200 руб. въ годъ является первымъ починомъ въ удовлетвореніи давно назрѣвшей, удовлетворенной двумя послѣдними миссіонерскими всероссійскими съѣздами, нужды относительно улучшенія поистинѣ несчастнаго матеріальнаго положенія нашего духовенства въ очагахъ штундизма. Болѣе широкое распространеніе этой мѣры могло бы значительно возвысить успѣхи приходской миссіи въ ея борьбѣ съ сектанствомъ.

Новое христiанство Мережковскаго.

(Христiанство какъ культъ Дiониса).

(Публичная лекцiя).

Ваше Высокопреосвященство, досточтимое собранiе! Уже не одинъ разъ мы предлагали вопросъ, почему я избралъ предметомъ чтенiя такое нескрупное, повидимому, литературное явленiе, какъ Мережковский.

Я вполне признаю законность этого вопроса. Да, конечно, христiанство новаго ученика Дiониса—явленiе не жизненное, не сильное. Говоря словами Гетберга, „язычество, воскреснувъ на недѣлю, здѣсь празднуетъ веселый карнавалъ“.

Я вѣрю и знаю, что „новое“ будто бы движенiе проживетъ только недѣлю, и всетаки считаю необходимымъ посвятить ему отдѣльную лекцiю въ своихъ чтенiяхъ: „О Ликѣ Христовомъ“. Слѣдующiя соображенiя понуждаютъ меня говорить о новомъ христiанствѣ Мережковскаго. За Мережковскимъ стоятъ два общественныхъ теченiя, несомнѣнно характерныхъ и интересныхъ для Церкви.

Одно—это „эготизмъ“—проповѣдь погони за омыненiемъ и ощущенiями,—который непрочъ познать у Дмитрiя Сергѣевича, какъ и у Ницше, мишуру метафизическаго оправданiя.

Другое теченiе еще болѣе интересное и новое—движенiе „носителей новаго пути“, новыхъ христiанъ, „возвращающихся“, какъ называетъ ихъ Минскiй. Первое теченiе, несомнѣнно заслуживаетъ вниманiя, какъ дѣйствительно опасная проповѣдь распушенности; второе—дѣлаетъ необходимымъ откликъ со стороны представителей церковнаго сознанiя своимъ очень своеобразнымъ отношенiемъ къ Церкви.

„Возвращающiеся“ считаютъ себя носителями церковной правды. „Они возвращаются въ Церковь не для того, чтобы разрушить, а чтобы исполнить“. Они хотятъ „искать истину въ не совсѣмъ промытомъ нескѣ“ Евангелiя. Въ частности Мережковский увѣренъ въ томъ, что онъ христiанинъ и исповѣдуетъ свою вѣру.

„Я вѣрю,—говоритъ Д. С.—вмѣстѣ съ Гоголемъ въ необходи-

мость нашего возврата къ Церкви. Я вѣрю, что „священный ужасъ“ Пушкина предъ „арфой серафима“, смиреніе Гоголя, Достоевскаго передъ русскою Церковью, хотя и предъ „убогимъ храмомъ“ простого народа, не есть плодъ общественной и умственной незрѣлости, „необразованности“, а плодъ высшей культурной свободы и высшаго культурнаго сознанія, истиннаго русскаго „свѣта просвѣщенія“. Какъ человѣкъ, ищущій Церковь, церковную истину, онъ ей отдаетъ на судъ свою книгу. „Я человѣкъ, стоящій лишь въ притворѣ храма, мало знаю Церковь и можетъ быть во многомъ о ней ошибаюсь. Пусть же она оправдаетъ или обличитъ меня. Я никого не обличаю, никого не учу: азъ есмь въ чинѣ учимыхъ и учащихся мя требую“.

Пусть это неискренно, но какъ бы то ни было, онъ желаетъ услышать голосъ Церкви о своей „истинѣ“.

Могутъ ли при этихъ условіяхъ молчать представители „старого пути“? Мережковскій отъ лица цѣлой группы несетъ въ Церковь, ей предлагаетъ „новое прозрѣніе прежнихъ таинствъ и догматовъ“. Можно-ли не отвѣтить, какъ можетъ смотрѣть Церковь на откровеніе перваго изъ пророковъ «Новаго Пути.»

Вотъ это-то и побуждаетъ насъ поставить въ нашей лекціи на разрѣшеніе вопросъ, христіанинъ—ли авторъ соединеннаго культа Христа и Діониса? Мы считаемъ себя обязанными давать отчетъ о словеси унованія нашего, предъ всякимъ вопрошающимъ.

* *

Д. С. Мережковскій не считаетъ ложью „историческое“, наше христіанство. По его мнѣнію оно истина, только отжившая свое время. Христосъ далъ христіанству наличную его аскетическую форму, чтобы сильнѣе „оттолкнуться“ отъ апофеоза плоти въ язычествѣ, но это только до времени.

Теперь наступило время обратнаго движенія—„къ синтезу плоти и духа“,—время созданія Новаго Іерусалима.

„Въ переживаемое нами мгновеніе,—пишетъ Мережковскій,—христіанство,—иначе человѣчество и достигло этой именно точки поворота. Точка эта страшная, потому что кажется мертвою: почти кончилась сила отталкиванія, отрицанія, отвлеченія отъ язычества, заключенная въ первомъ пришествіи Христа, а противоположная

сила притяженія, заключенная во второмъ пришествіи, еще почти не началась. И вотъ намъ кажется, что движеніе совсѣмъ прекратилось, что мы остановились на вѣки въ этой срединной мертвой точкѣ. что уже всѣ силы христіанства перестали въ насъ дѣйствовать, и что оно, вообще, не удалось. Но это не такъ. Расчетъ силъ сдѣланъ съ математической точностью Тѣмъ, Кто никогда не ошибается въ своихъ расчетахъ: еще мгновеніе полета, и начинается сила противоположнаго притяженія и будетъ увеличиваться въ непрерывно, безконечно возрождающейся прогрессіи. Кончатся отрицаніе, умираніе, начнется оживленіе, воскресеніе. Отъ перваго скорбнаго, темнаго постнаго Лица Господня христіанство обратится ко второму—радостному, свѣтлому, славному“.

Времена новаго царства Христова близки. Д. С. въ пророческомъ видѣніи созерцаетъ этотъ Новый Іерусалимъ, открытый имъ. Онъ видитъ солнце будущаго, освѣщающее міръ своимъ яркимъ свѣтомъ.

Контуры Новаго Іерусалима уже намѣчаются, по его мнѣнію, въ туманѣ будущаго, а для его двойного зрѣнія, которое видитъ, чего никто не видитъ, уже открыто „неимовѣрное видѣніе будущаго царства“. Чго же это за царство? „Христіанство будущаго или Христова христіанство будетъ новымъ царствомъ совершеннѣйшей свободы. Здѣсь соединится расколотый Христовъ Ликъ,—бездна вверху соединится съ бездною внизу. Человѣчество, вившее въ рабство, скоро отказавшееся исторически отъ свободы, снова просвѣщенное „благовѣстію“, будетъ пить изъ соединенной чаши божественной радости. Двѣ чаши: чаша наслажденія жизни, полная земного счастья и чаша небеснаго служенія Богу соединятся въ одно, и люди не будутъ бояться пить изъ той и другой чаши. Небо и земля соединятся въ одной иѣсни Богу, понятіе грѣха, понятіе зла, созданныя рабскою мыслью удалившагося отъ Христа человѣка, отойдутъ въ даль. Человѣчество станетъ по ту сторону добра и зла, взглянетъ на добро и зло сверху, съ той высоты, для которой нѣтъ темнаго и свѣтлаго, все сойдетъ въ одинъ яркій Христовъ свѣтъ будущаго“. Какъ ярко и сильно... Мы уже готовы кричать осанна!... Но „буржуазный“ разумъ, который такъ презираетъ Д. С., останавливаетъ насъ и мы просимъ сначала указать путь къ этому сіяющему вдали Іерусалиму.

Такъ какъ Новый Іерусалимъ есть подлинное царство Христово, то, конечно, и путь туда, утверждаетъ Д. С. Мережковскій, указанъ самимъ Христомъ. Этотъ путь весь въ словѣ свобода, „освобожденіе“.

„Благая вѣсть, принесенная Христомъ, вся въ откровеніи свободы, и нельзя пройти къ новому Іерусалиму, оставаясь рабомъ“. Свобода, какъ отличіе новой морали отъ морали христіанской—это мысль Ницше... „Освободитесь отъ предразсудковъ... сбросьте съ себя ярмо закона и рабской морали... Станьте по ту сторону добра и зла“.

Только у Ницше большого и сильнаго, именно потому, что онъ силенъ, несмотря на его протестъ противъ имени Христа и закона Христова — связить мысль дѣйствительно близкая къ христіанству.

Онъ требуетъ свободы „человѣку“ отъ того маленькаго „мигающаго“, существа, которое живетъ въ немъ,—требуя немного яду, чтобы жить и немного яду, чтобы умереть“. Немного искаженный, очень мало понятый, (особенно Мережковскимъ) Ницше требуетъ побѣды надъ собой, свободы отъ „голодныхъ исовъ“—въ душѣ, которые тоже рвутся на свободу и дѣлаютъ человѣка изъ слуги общаго блага, рабомъ своихъ нищенскихъ желаній. — Какъ поэтъ, свои мысли Ницше иногда выражалъ въ гиперболическихъ и не пріемлемыхъ формахъ, но во всякомъ случаѣ онъ проповѣдуетъ и ищетъ не свободы его мнимыхъ учениковъ.

А какое „освобожденіе“ предлагаетъ Мережковскій?—Онъ проповѣдуетъ свою свободу, первый этапъ которой Раскольниковъ въ „Преступленіи и наказаніи“. Раскольниковъ убійца. Преступленіе это? Нѣтъ;—въ убійствѣ для него начало пути ко спасенію „и новое благовѣстіе“. Въ своемъ преступленіи Раскольниковъ почти около Христовой истины. Помните, какъ разсуждаетъ Раскольниковъ послѣ преступленія. Онъ не чувствуетъ себя виновнымъ; ему, по мнѣнію Мережковскаго, кажется, что онъ все-таки былъ правъ и имѣлъ право перейти черезъ чужую жизнь и чужую личность.

И онъ дѣйствительно правъ. Здѣсь, въ этомъ пониманіи Раскольникова мы несомнѣнно—думается г. Мережковскому,—имѣемъ огромное нравственное откровеніе. Здѣсь Раскольниковъ докопался до самого корня нравственности, и его нравственное

сознаніе дошло до высотъ совершенно необычайныхъ. Въ этой области онъ совершенно близокъ къ прозрѣнію истиннаго закона Христова. Опустившись до конца бездны, онъ понялъ, съ страшною силою понялъ, что онъ свободенъ, почувствовалъ именно свободу отъ грѣха,—иначе сказать, почувствовалъ, что нѣтъ грѣха и нѣтъ зла, созналъ себя стоящимъ выше грѣха, надъ грѣхомъ и свободнымъ. Правда, Раскольниковъ страдаетъ, но это только потому, что огромная свобода, которую онъ приобрѣлъ, въ немъ еще слѣпая свобода; въ немъ нѣтъ еще пониманія этой свободы—ея смысла и цѣлей...

Вотъ путь, который ведетъ къ новому Іерусалиму. Нужно опуститься до глубины грѣха и стать въ своемъ сознаніи свободнымъ, внѣ всякихъ узъ закона, освободиться отъ совѣсти. Едва-ли мы стали бы что-нибудь говорить по поводу этой теоріи, еслибы въ подтвержденіе ея не призывались великія и святыя имена. Дмитрій Сергѣевичъ заявляетъ, что его мысль есть вмѣстѣ и невысказанная мысль Достоевскаго—больше, это мысль и Самого Христа.—Конечно, второе имя—слишкомъ велико, чтобы его могли затронуть покушенія „маленькаго Ницше“—но оскверненіе святаго для меня второго человѣческаго имени, „эта пляска на святыхъ могилахъ заставляетъ сказать: нѣтъ“. Клеветы не нужно. Я утверждаю, что пониманіе преступленія Раскольникова Достоевскимъ т. е. христіанское пониманіе совершенно и диаметрально противоположно тому пониманію, которое навязываетъ ему Дмитрій Сергѣевичъ.

Вотъ что, увѣренъ я, хотѣлъ сказать и несомнѣнно сказалъ своимъ Раскольниковымъ намъ Достоевскій.

Въ его пониманіи „Преступленія и наказанія“ цѣлая символическая повѣсть, гдѣ вынесенъ христіанскій приговоръ надъ тѣмъ самымъ построеніемъ жизни, какое предлагаетъ Мережковский. Люди созданы для единства. Единство лика Божія, лежащаго въ душѣ всѣхъ, основаніе мистической связи между ними. Всѣ соединены въ Богъ и черезъ Него другъ въ другъ. Поэтому-то основной законъ жизни единеніе, отрицаніе эгоизма и обособленія. Обособленіе было первымъ грѣхомъ человѣка, оно есть главная форма зла и паденія и теперь. Последній конецъ грѣха, верхъ зла, когда человѣкъ, исковеркавшій грѣхомъ свою душу, сознательно отстаиваетъ право обособленія, ставитъ свое „я“ выше всякаго

другого „я“, отрицаетъ чужую жизнь—права чужой души во имя своихъ сверхчеловѣческихъ правъ.

Это и было преступленіемъ Раскольниковъ. Раскольниковъ захотѣлъ поставить свое „я“ на такую высоту, съ которой онъ считалъ себя въ правѣ отрицать другую личность и другое „я“. И вотъ, во имя этого возвеличеннаго выше звѣздъ „я“, онъ совершаетъ преступленіе. Но въ эту самую минуту онъ и понимаетъ, въ какой степени невозможно, противоестественно это покушеніе на чужую личность. Онъ почувствовалъ, что въ сущности не старуху убилъ, а себя самого убилъ, (его собственныя слова) совершилъ самоубійство, потому что нарушилъ основной законъ своей душевной жизни, законъ связи своей со всѣмъ человѣчествомъ, разорвавъ ту нить, которая связываетъ человѣка съ человѣчествомъ, какъ пуповина связываетъ ребенка съ матерью. Въ то же время онъ созналъ, что его самоубійство было богоубійствомъ: онъ разбилъ, „раскололъ на двое“ нераздѣляемый ликъ Божій, живущій въ каждомъ и во всѣхъ. Именно это сознаніе совершеннаго самоубійства и богоубійства есть, по мысли Достоевскаго, „наказаніе“, осужденіе его за „преступленіе“. Мысль Достоевскаго именно такая, настолько ясна, что только посредствомъ передержки можно заставить его говорить что то странное въ Ницшеанско-Мережковскомъ смыслѣ.

Правда, что Раскольниковъ, по совершеніи преступленія, совѣсть не чувствуетъ себя виновнымъ, чувствуетъ себя правымъ, но здѣсь только и продолженіе и развитіе той же чисто христіанской идеи, мысли, что попытка встать надъ чужой личностью есть „самоубійство“.

Дѣло, совершенное Раскольниковымъ, было слишкомъ странно. Если простое убійство разрушаетъ жизнь, гармонію душевной жизни убійцы, то это убійство, построенное на цѣлой теоріи разрывавшей кровь по совѣсти, должно было быть бурей, разрушившею совѣсть Раскольника до конца. Ударъ, нанесенный душѣ въ ея сокровеннѣйшихъ человѣческихъ глубинахъ былъ настолько силенъ, что обязательно долженъ былъ вызвать атрофію души, временную ея смерть и это омертвѣніе естественно должно было длиться для Раскольника долгіе годы, до его воскресенія на каторгѣ. Такимъ образомъ, отмѣчая сознаніе Раскольниковымъ его правоты, Достоевскій лишь сильнѣе подчеркивалъ мысль, какъ преступно и противоестественно и потому разрушительно вся-

кое стремленіе не только выдѣлить свое „я“ изъ жизни человѣческой, какъ отдѣльное, обособленное. но и поставить его вверху, какъ высшее, сверхчеловѣческое. И потому вполне послѣдовательно вытекаетъ изъ всего романа его заключеніе, гдѣ Раскольниковъ, просвѣтленный любовнымъ прикосновеніемъ души Сони. окончательно осуждаетъ свое дѣло.

„Въ ихъ (Сони и Раскольникова) больныхъ и блѣдныхъ лицахъ“ — читаемъ мы въ эпилогѣ романа, „сіяла заря обновленнаго будущаго, полнаго вѣры въ воскресеніе, въ будущую жизнь. Ихъ воскресила любовь. Раскольниковъ воскресъ и зналъ это всѣмъ обновленнымъ существомъ своимъ“. „Что-то подхватило Раскольникова и бросило его къ ногамъ Сони“... въ покаянномъ порывѣ, осуждающемъ прошлую ошибку отъединенія.

Собственно и въ омертвѣніи души послѣ убійства уже дано было это сознаніе грѣха, мучительной ошибки, но это сознаніе было слишкомъ еще тяжело, что бы его могла принять воля. Воля силой пока „отталкивала“ свидѣтельство духа.

Эта мысль въ высшей степени христіанская. Здѣсь высокая нравственная антитеза. „Человѣкъ долженъ прежде всего искать утвержденія своего „я“, онъ смѣетъ перейти и черезъ кровь во имя своего „я“, говоритъ Мережковскій.—„Человѣкъ—часть человѣческаго цѣлаго, онъ не можетъ оторваться отъ единства съ другимъ; это будетъ самоубійствомъ; онъ долженъ жить для другого и попытка отоособиться—грѣхъ“—это Достоевскій. И съ точки зрѣнія Достоевскаго дѣло Раскольникова первый этапъ въ нравственной жизни, но уже, конечно, здѣсь не моментъ нравственнаго подъема, а только мгновеніе паденія—это провалъ внизъ... а отсюда для жизни нужно идти, „карабкаться“ назадъ къ искупленію, къ покаянному умерщвленію грѣховной жи. Потому то и самыя послѣднія страницы романа описываютъ покаяніе какъ „спасеніе“.

Мережковскому очень не нравится покаяніе Раскольникова:—тотъ моментъ, когда Раскольниковъ цѣлуетъ землю въ первомъ покаянномъ порывѣ, кажется ему оскорбленіемъ въ Раскольниковѣ челоуѣкобога. „Единственную святыню свою, въ которую онъ все-таки вѣрить, которую даже почти сознаетъ, какъ вѣру, святыню послѣдней свободы,—пишетъ Мережковскій, „пророка и властелина“, ликъ дельфійскаго демона, воплощеннаго Бога—солнце, челоуѣкобога „Раскольниковъ предалъ здѣсь на поруганіе чер-

ни, сбросилъ въ уличную грязь". Раскаяніе—это мораль рабства духовнаго... Христось, говоритъ Д. С., принесъ не слезы раскаянія, а свободу совѣсти и сознанія.

Но какъ-же дѣло Самого Христа? Мы привыкли считать Его смерть Божественной жертвой за грѣхъ, видѣть въ покаяніи Раскольникова слѣдованіе по стопамъ нашего Христа, Христа Голгоѣмъ.—Здѣсь переходъ къ ученію о Христѣ,—какъ конечномъ пунктѣ пути въ Новый Іерусалимъ.

Раскольниковъ начало, Христось (или Кирилловъ, что для Д. С. почти одно и то же) послѣдній этапъ. Я съ смущеніемъ останавливаюсь передъ этими страницами книги Мережковскаго. Ихъ кошунственный смыслъ несомнѣненъ, но не это смущаетъ меня. Я боюсь сдѣлать больно моимъ слушателямъ. Только мысль, что новое ученіе о дѣлѣ Христовомъ слишкомъ опять-таки близко примыкаетъ къ очень распространеннымъ нищенскому и эготическому движенію, не позволяетъ поставить точку передъ обвиненіемъ не умно-кошунственнымъ, оскорбительнымъ, хотя и очень глубокимъ.

Что сдѣлалъ Господь І. Христось въ фактѣ страданія? въ чемъ метафизическая идея Голгоѣ?—Христіанское пониманіе выражено въ видѣ намековъ, по мнѣнію Мережковскаго, у Достоевскаго... въ Кирилловѣ. Дѣло Христа—говоритъ историческое т. е. церковное христіанство—искупить страданіями человѣчество отъ грѣха. Конечно, Мережковскому кажется убогимъ такое пониманіе. Такъ какъ для просвѣтленнаго сознанія нѣтъ зла и грѣха, то не нужно было его и искупать. Такъ тогда для чего-же Голгоѣ?—страданія Христа? Для того, чтобы утвердить истину Его ученія?—Оказывается, что цѣль страданій Іисуса Христа только побѣдить воспитанное въ человѣкѣ сознаніе себя, какъ раба и утвердить безусловность своего „я“, своей воли. Здѣсь вся психологія Голгоѣ: Христось отдалъ себя смерти и страданію, дабы доказать Себѣ, что Онъ выше смерти, Своей волей можетъ встать надъ ней и этимъ усиленіемъ воли ее побѣдить. Онъ созналъ себя Богомъ и именно потому, что созналъ, сталъ Богомъ, потому что Богъ тотъ, кто смѣло сочтетъ себя Богомъ. И эту свою вѣру въ свою Божественность, въ то, что „я“, стоитъ выше всякихъ законовъ, даже выше инстинкта самоохраненія—онъ выразилъ въ рѣшительности умереть. „Христось опустилсѣ, бросилсѣ въ бездну, по словамъ Мережковскаго, въ бездну

уничтоженія и смерти и полетѣлъ надъ бездною. побѣдилъ смерть“.

Итакъ дѣло Христово то же, съ точки зрѣнія Мережковскаго, что и преступленіе Раскольниковъ. Раскольниковъ совершилъ убійство, чтобы сознать свою свободу отъ грѣха, равную свободу на зло и добро. Христосъ отдалъ себя смерти, чтобы, побѣдивъ страхъ смерти, сознать себя надъ смертью. Дѣло Христа сводится къ рѣшимости на самоубійство. Голгоеская жертва ничѣмъ не отличается отъ того, что вздумалъ сдѣлать Кирилловъ, когда рѣшился убить себя въ доказательство своей божественности.

Да, Христосъ—тотъ же Кирилловъ съ своимъ „крикомъ“ о томъ, что нужно объявить свое волюіе. „Я начну и кончу и дверь отворю—кричитъ Кирилловъ. И спасу. Своеволие! Это все, чѣмъ могу въ главномъ пунетѣ показать непокорность и новую страшную свободу мою. Ибо она очень страшна. Я убиваю себя, чтобы показать непокорность и новую страшную свободу мою. Если нѣтъ Бога, то я Богъ. Вѣрую, вѣрую!“

Въ-эту минуту Кирилловъ—разсуждаетъ Мережковскій почти на границѣ истины; небо готово открыться и просіять свѣтъ. Кирилловъ почти Богъ, и если не сталъ Богомъ, то потому, что въ послѣднія минуты усумнился въ себѣ, не выдержалъ. Онъ думалъ, что первый вступаетъ на этотъ путь; а между тѣмъ путь этотъ былъ уже нѣкогда пройденъ. Былъ такой человѣкъ на землѣ, Который, принявъ на себя эту муку—сознанія величія, сознанія своей свободы и божественности—выдержалъ ее до конца и тѣмъ уже на вѣки избавилъ насъ отъ нея. Этотъ человѣкъ Богъ, ибо кто первый изъ людей сказалъ: „я Богъ“—и до конца вынесъ это, тотъ воистину Богъ.

Христосъ, проповѣдующій тенденціи новаго эгоизма, новыхъ ученій о власти и силѣ „я“—это, несомнѣнно, что-то новое. Что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ пятымъ евангеліемъ—безспорно, но что оно не имѣетъ ничего общаго съ четырьмя каноническими Евангеліями, тоже безспорно.

Допустимъ на время, что съ Д. С. можно говорить серьезно. Такъ какъ Д. С. постоянно ссылается на Евангелія, то просмотри́мъ ихъ еще разъ вмѣстѣ съ нимъ.

Вотъ прощальная бесѣда Христа съ учениками. Здѣсь десятки разъ на трехъ страницахъ подчеркивается мысль, что дѣло Христа имѣетъ цѣлью именно уничтоженіе искусственно вложенной че-

ловѣкомъ въ свою душу идеи „я“, оторваннаго отъ цѣлаго, „лижи“ извращеннаго обособленія. „Да всѣ будутъ одно, какъ Ты, Отецъ, во Мнѣ и Я въ Тебѣ. Пусть будутъ совершенны во единствѣ“. Больше сея любви никто же имать, да кто душу свою положить за други своя“.

Все сводится къ одной мысли: человѣкъ есть незаконно оторвавшаяся частица цѣлаго и жизнь въ сліяніи, а не отдѣленіи.

И искупленіе Христомъ міра имѣетъ въ Евангеліяхъ только этотъ смыслъ—уничтожить раздѣленіе. Иначе говоря, здѣсь вездѣ мысль та, что не Кирилловъ и Раскольниковъ кающійся идетъ по стонамъ Христа. Апостолъ Павелъ, котораго г. Мережковскій цитуетъ постоянно, какъ авторитетъ, отмѣчаетъ ту же мысль, что христіанство есть уничтоженіе раздѣленія между людьми черезъ послушаніе Христа. Преслушаніемъ одного всѣ стали смертны и послушаніемъ одного всѣ стали живы“. Христосъ сошелъ съ неба для подвига умерщвленія оторвавшейся отъ Бога воли. Онъ, принявъ на себя видъ раба, „послушливъ бывъ даже до смерти крестной“. За насъ всѣхъ предалъ Его даже не Самъ Онъ, а Богъ (Отецъ). Онъ поселился среди мытарей и грѣшниковъ, проповѣдуя покаяніе. Онъ „грѣхи наши пригвоздилъ на древѣ“.

Нашъ Христосъ страдаетъ. Онъ, Богъ всевѣдующій и всемогущій въ своей всезнающей совѣсти, обнялъ все человѣчество, связалъ Себя съ нимъ въ законѣ состраданія. Любя человѣчество до конца, Онъ все это зло, весь грѣхъ міра пережилъ въ Себѣ, какъ свой грѣхъ и, изнемогая подъ тяжестью всечеловѣческаго грѣха, Онъ страданіемъ побѣдилъ грѣхъ. Онъ пережилъ чувство виновности за грѣхи человѣчества съ такой страшной силой, что уничтожилъ грѣхъ, начало эгоизма, до конца и поставилъ на мѣсто его законъ сострадательной любви.

И такъ какъ въ Его волѣ, въ Его страдающемъ сознаніи—были объединены всѣ и каждый человѣкъ, то и мы чувствуемъ себя вмѣстѣ съ Нимъ на Голгоѣ, въ Немъ переживаемъ то же чувство боли за то, что оторвались, разъединились, стали жить по закону звѣрей, борьбы за себя... и въ чувствѣ этой боли побѣждаемъ себя и принимаемъ новый законъ. Мы жмемъ ко Христу, потому что Онъ Богъ съ нами, съ неба Онъ снизошелъ путемъ глубины состраданія, до психологіи грѣшнаго человѣка, и мы путемъ.

соединенія съ Нимъ искупаемъ и воспринимаетъ Его силы, его чистоту и живемъ. Теперь намъ говорятъ, что Христосъ не есть этотъ всесильный снисходящій до нашей слабости ради отрицанія „я“, грѣховнаго и самообольщеннаго. Нашего Христа намъ подмѣняютъ другимъ, который умеръ только для утвержденія эгоизма, личной воли. Онъ—человѣкъ, одинъ изъ великихъ, который смотритъ на насъ слабыхъ сверху внизъ, если не „какъ на дрожащую тварь“, то только потому, что мы слишкомъ малы для Него, такъ малы, что Онъ и презирать насъ уже не можетъ.

Оставимъ Мережковскаго съ его Христомъ; если бы не думали, что онъ просто фиглярствуетъ, мы бы сказали „спаси его Богъ“.

Нѣтъ, у насъ останется нашъ Христосъ и, вѣруя въ такого Христа, мы вѣруемъ, что путь ко спасенію одинъ: путь Раскольникова [кающагося, законъ слиянія — черезъ покаяніе, а не путь Раскольникова убійцы.

И къ вамъ, „бдящіе на стражѣ“, такъ усиленно охраняющіе имя Л. Н. Толстого, Некрасова, Успенскаго отъ всякой клеветы—хотимъ сказать призывающее слово. Если для васъ не интересно, не дорого имя Христа-Богъ—то почему вы не заступитесь за имя, хотя бы Достоевскаго, который, думаю, всеѣмъ дорогъ. А онъ конечно уже проповѣдуетъ не Кириллова. „Мы все за всехъ виноваты“. „Каждый за всехъ виноватъ“. въ этой мысли весь Достоевскій! По мѣтнію Мережковскаго, въ высшей степени усвоилъ свободу Христову Дмитрій Карамазовъ, который не знаетъ покаяннаго униженія, потому что оно въ христіанствѣ смертный грѣхъ.

Онъ хочетъ радоваться даже среди страданій. Мережковскій забылъ маленькую частность: это настроеніе явилось у Дмитрія послѣ того, какъ онъ рѣшилъ, что нужно отстрадать за дитя, сознавъ, что онъ за страдающее дитя виновенъ и рѣшилъ покаяться. Тотъ же крестъ покаянія, отреченія отъ себя во имя Церкви, какъ союза всехъ соединенныхъ взаимнымъ отреченіемъ, проповѣдуетъ и Иванъ Карамазовъ. Мережковскому кажется, что христіанство есть висѣлица и оторвавшійся отъ закона порабощенія.

Раскольниковъ именно „сорвался“, по его словамъ, съ этой висѣлицы. А вотъ Ивану Карамазову, который проникъ въ глубины добра и зла гораздо глубже, чѣмъ

Дмитрій Сергѣевичъ, котораго и самъ Мережковскій считаетъ главнымъ выразителемъ святого бунта, кажется наоборотъ, что покаяніе въ совершенномъ имъ преступленіи отцеубійства, есть крестъ и подъемъ, а не паденіе, не висѣлица, какой было его прежнее состояніе „сверхчеловѣческой замкнутости въ своемъ личномъ величіи“. „Выбираю лучше крестъ, чѣмъ висѣлицу“ говоритъ Иванъ—т. е. пойду, покажусь. Думаю, что Иванъ Карамазовъ ближе къ Достоевскому и ко Христу.

Но вѣдь Раскольниковъ и Кирилловъ идеаль не окончательный—по мнѣнію Мережковскаго. Раскольниковъ до конца достигъ нравственнаго пониманія, но онъ еще не религіозенъ, онъ не осмыслилъ своего дѣла идеей царства Божія, которая конецъ цѣли.

Кирилловъ и Раскольниковъ—только начало этого пути—нельзя судить о нихъ, не заглянувъ за ограду того царства, къ которому ведутъ эти пути?!

Конечно, мы пойдѣмъ, обязаны идти туда, въ самый Новый Іерусалимъ, пока спрячемъ пальмовыя вѣтви. Мережковскій характеризуетъ свое будущее царство Христово чертами, напоминающими Церковь.

Въ новомъ царствѣ, говоритъ онъ,—Раскольниковъ, ставшій надъ грѣхомъ, не будетъ смотрѣть на толпу, которая будетъ ниже его, какъ на дрожащую тварь.

Здѣсь будетъ единство и стоящіе вверху будутъ считать себя не выше народа, который будетъ составлять тѣло этого Новаго Іерусалима, Церкви мистической. И здѣсь будутъ жить всѣ въ законѣ свободы.

Здѣсь свобода будетъ соединяться и съ огромною радостью, потому что вездѣ, гдѣ свобода, тамъ и радость. Люди не будутъ бояться грѣха и почувствуютъ себя сынами Божиими. Это черты христіанской Церкви. Но здѣсь смущаетъ одна мысль. Вотъ какой репликой встрѣчаетъ насъ Д. С. при дверяхъ его царства. Ошибочно, по Мережковскому думать, что Христосъ проповѣдуетъ какое то равенство всѣхъ.

Въ томъ то и дѣло, пишетъ Мережковскій, что ученіе Христово не есть, какъ думаетъ Л. Толстой и Ницше, только упраздненіе всѣхъ старыхъ благородныхъ „аристократическихъ“ цѣнностей.

а есть „переоцѣнка этихъ цѣнностей“, неизмѣримо болѣе дерзновенная и окончательная, кажущаяся до нынѣ болѣе „антихристовой“, чѣмъ переоцѣнка „антихристова“ Ницше.

Уничтоживъ полярность въ ученіи Христа, чрезмѣрно усиливъ одинъ изъ двухъ полюсовъ — неземное, мистическое равенство, равноцѣнность на счетъ другого полюса земного и столь же мистическаго неравенства, разноцѣнность человѣческихъ личностей, мы тѣмъ самымъ уничтожили всю живую силу ученія Христова, вырѣзали жало у мудрой змѣи, осконили христіанство. Но равенство, равноцѣнность человѣческихъ личностей въ Богѣ есть только одинъ изъ двухъ полюсовъ ученія Христова: всѣ равны въ Богѣ, потому что всѣ могутъ и должны быть равны, когда нибудь будутъ равны, но пока еще не равны. „Много званныхъ“ — равенство; „мало избранныхъ“ — неравенство; мы приняли только часть этого слова, дѣйствительнаго, какъ всѣ слова Христа; мы приняли, что „много званныхъ“ и рѣшили, что всѣ званые суть избранные, а отсюда ужъ сдѣлали выводъ, будто бы вовсе нѣтъ, да и не надо избранныхъ. И слово Христа оказалось тщетнымъ. Въ царствѣ Божіемъ первые будутъ послѣдними, послѣдніе первыми.

Царство Божіе не изъ равныхъ; здѣсь будутъ жить, съ одной стороны, познавшіе истину до конца, ставшіе по ту сторону добра и зла, затѣмъ не познавшіе этой истины, поклоняющіеся только познавшимъ. Тѣ, которые соединили въ себѣ сознаніе двухъ ликовъ Христовыхъ: темнаго и свѣтлаго, будутъ богами, царями. „divi“ этого царства. Счастье другихъ будетъ состоять въ поклоненіи. И жалкая роль дается этой счастливой толпѣ, которую Раскольниковъ, богъ, divus не будетъ считать „дрожащей тварью“. Это роль Ростовыхъ. Слабые, но презираемые, по Мережковскому — плебеи „Новаго Іерусалима“ тяготеютъ къ герою; чувствуя его божественность, отдають себя ему и живутъ радостью служенія „богамъ“ новаго царства Христова. Въ этомъ ихъ счастье — и ихъ дѣло.“

Итакъ вотъ въ какой Іерусалимъ открыты двери, вотъ куда приглашаютъ насъ съ „бѣлыми пальмами“. Идти-ли?

Я не знаю къ чему г. Мережковскій въ данномъ случаѣ удостоиваетъ своихъ читателей повтореніемъ стараго, очень стараго взгляда, рѣзко отвергнутаго тѣмъ, кто его создалъ. О царствѣ мудрости говорить и Ницше — но еще ранѣе совершенно

также идеаль царства Божія начерталь Шигалевъ („Бѣсы“ Достоевскаго). Правда, Мережковскій предусматриваетъ такое обвиненіе и старательно подчеркиваетъ, что онъ не хочетъ шигалевщины. Въ дѣйствительности это тотъ же идеаль, несо- мнѣнно тотъ же.

„Конечное разрѣшеніе вопроса (объ устройствѣ человѣка на землѣ) это—разсуждаетъ Шигалевъ, раздѣленіе человѣчества на двѣ неравныя части. Одна десятая доля получаетъ свободу личности и безграничное право надъ остальными девятью десятими. Тѣ же должны потерять личность и обратиться въ родъ какъ въ стадо и при безграничномъ повиновеніи достигнуть родомъ перерожденія первобытной невинности въ родъ, какъ бы, первобытнаго рая“.

Подробнѣе и острѣе тотъ же взглядъ раскрываетъ „Великій инквизиторъ“. И этотъ („Великій инквизиторъ“) хочетъ создать свое царство, въ которомъ одни будутъ обладать совершенной свободой и совершеннымъ знаніемъ, а другіе будутъ въ подчиненіи у этихъ владѣющихъ совершеннымъ знаніемъ. Первые, божественные и великіе, ставшіе на вершинѣ, обладающіе свободой грѣха и страсти, будутъ страдать за миллионы сознаніемъ этого грѣха и страсти, а тѣ миллионы будутъ счастливы своимъ невѣдѣніемъ и счастьемъ поклоняться предъ кѣмъ нибудь. „У насъ всѣ будутъ счастливы, увѣряетъ инквизиторъ Христа и не будутъ болѣе ни бунтовать, ни истреблять другъ друга, какъ въ свободѣ Твоей т. е. Христовой. Когда откажутся отъ свободы своей для насъ и намъ покорятся, стадо вновь соберется и на этотъ разъ навсегда. Тогда мы дадимъ имъ тихое смиренное счастье, счастье слабосильныхъ существъ, какими они и созданы.“ „О, мы убѣдимъ ихъ не гордиться, докажемъ имъ, что они слабосильны, что они только жалкія дѣти, но что дѣтское счастье слаще всякаго. Они станутъ робки и станутъ прижиматься къ намъ въ страхѣ, какъ итенцы къ насѣдкѣ. Они будутъ дивиться и ужасаться на насъ и гордиться тѣмъ, что мы такъ мощны, такъ умны, что могли усмирить такое буйное тысячемилліонное стадо. Они будутъ раболобно трепетать гнѣва нашего, умы ихъ оробѣютъ, глаза ихъ станутъ слезоточивы, какъ у дѣтей и женщинъ, но столь же легко будутъ они переходить къ нашему мановенію, къ веселю и смѣху, свѣтлой радости и счастливой дѣтской итсенки. О, мы разрѣшимъ имъ грѣхъ: они слабы и безсильны, и

они будутъ любить насъ, какъ дѣти за то, что мы имъ позволимъ грѣшить; наказаніе же за эти грѣхи, такъ и быть, возьмемъ на себя, а они насъ будутъ обожать, какъ благодѣтелей, понесшихъ на себѣ ихъ грѣхи передъ Богомъ. И не будетъ у нихъ никакихъ отъ насъ тайнъ; мы будемъ позволять или запрещать имъ жить съ ихъ женами и любовницами. имѣть или не имѣть дѣтей. Самыя мучительныя тайны ихъ совѣсти, все, все понесутъ они намъ, а мы все разрѣшимъ, и они повѣрятъ рѣшенію нашему съ радостью, потому что оно избавитъ ихъ отъ великой заботы и страшныхъ теперешнихъ мукъ рѣшенія личнаго и свободнаго“.

И царство Христово у Мережковского именно это царство великаго инквизитора. Но тотъ хорошо сознаетъ, что его царство есть рабство, что онъ проповѣдуетъ именно рабство, а не свободу, и въ придачу онъ все же обрекаетъ на страданіе тѣхъ, которые будутъ владычествовать надъ чужими душами ради счастья ихъ. Дмитрій Сергѣевичъ хочетъ дать своимъ владыкамъ и царямъ рядомъ съ радостью обладанія и радость оргійнаго счастья. И Д. С. снова подчеркиваетъ, что такое пониманіе царства Божія—есть христіанство.

Я думаю, что въ этомъ царствѣ нѣтъ свободныхъ—здѣсь будутъ рабами не только тѣ, которые подчиняются и поклоняются, но и тѣ, которые повелѣваютъ, потому что царство рабовъ можетъ создать только психологія рабовладѣльца, а рабовладѣльцы сами живутъ психологіей рабовъ.

И, конечно, тутъ нѣтъ и слѣдовъ Евангелія. И Христу жалки слабыя и сильныя, но потому то его царство и не похоже на царство Великаго Инквизитора, или Шигалева, или Мережковского.

Вотъ черты Іерусалима Христова. „Да вси едино будутъ, якоже Ты, Отче, во Мнѣ и Азъ въ Тебѣ, да и тѣи въ насъ едино будутъ“. Человѣчество въ Іерусалимѣ Христовомъ составляетъ единство мысли и чувства. Здѣсь нѣтъ ни господъ, ни рабовъ. Нѣтъ и не можетъ быть такихъ, которые живутъ по другому своему, созданному для нихъ закону.

Царство Христово знаетъ только одного Богочеловѣка Христа, Который стоитъ не надъ Церковью, а живетъ въ Церкви—вмѣстѣ съ нею. А потомъ, сама Церковь, Имъ созданная, есть организмъ Богочеловѣческій. Церковь это стихія, атмосфера, все захватывающая—это волна.

Идеаль царства Божія — Церкви прямая противоположность Шигаевскому идеалу.

Здѣсь сила побѣдоносная, побѣждающая идетъ изъ организма, изъ общаго духа... Церковь—тѣ смиренныя, слабыя мытари, грѣшники и сорошники, которые, у Мережковскаго, должны цѣловать ноги сильныхъ. Они—эти убогіе—чудотворцы—создатели, апостолы... Изъ искорокъ, какія теплятся въ нихъ вмѣстѣ съ болѣе сильными искрами свѣта въ сильныхъ тѣмъ же смиреніемъ и отреченіемъ, создается солнце „церковной правды“.

Изъ ихъ христіанскаго настроенія, изъ затаенной среди грязи правды растетъ царство Божіе. Не къ Наполеонамъ и преступающимъ черезъ кровь „богамъ и сверхчеловѣкамъ“ ведетъ Церковь нашу мысль, а къ Власамъ, кающимся мытарямъ, изъ которыхъ родятся и Евангелисты, призывающіе къ покаянію.

Въ царствѣ Христовѣ одно тѣло, въ которомъ каждый христіанинъ есть отдѣльный, тѣсно связанный съ тѣломъ, членъ. Всѣ проникнуты Христомъ и не смотрятъ съ высоты разрѣшенной крови сверху внизъ. Здѣсь есть, пожалуй, высшіе и низшіе, но высшіе живутъ духомъ и силою, наполняющими все церковное тѣло. Они все свое получаютъ отъ того же организма Христова. Въ сильныхъ т. е. болѣе, чѣмъ другіе принявшихъ истину христіанскаго духа и любви, проявляется жизнь только Церкви. Изъ Церкви они получили эту силу и въ нее возвращаютъ. Они живутъ Богомъ Христомъ, а Христосъ во всѣхъ.

Здѣсь каждый живетъ по закону Христову, но въ то же время каждый совершенно свободенъ, потому что этотъ законъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ законъ внутренней его жизни. Человѣкъ, подчиняясь дѣлу любви, осуществляетъ основное требованіе своей души, таинственно, по самой природѣ, по самому своему происхожденію тяготящей ко всему человѣчеству, къ жизни для него.

Законъ Христовъ, законъ „царскій“ есть законъ безкорыстной любви къ ближнему, а гдѣ любовь, тамъ и свобода. Это свобода чистая, совершеннѣйшая, непринужденное всегдашнее „хождение“ по волѣ Божіей любви, чуждое всякихъ грѣховныхъ поноздновеній агонистической и страстной жизни. Въ этомъ смыслѣ І. Христосъ сказалъ нѣкоторымъ іудеямъ изъ увѣровавшихъ въ Него: „если пребудете въ словѣ Моемъ, то вы истинно Мои ученики. И познаете истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными“ (Іоан.

VIII, 31—32 и слѣд.). Объ этой свободѣ говорить и ап. Петръ: „такова есть воля Божія, чтобы мы, дѣлая добро, заграждали уста невѣжеству безумныхъ людей, какъ свободные, не какъ употребляющіе свободу для прикрѣпленія зла, но какъ рабы Божіи“. (1 Петр. II, 15—19). Въ этомъ же смыслѣ и ап. Павелъ говоритъ, что новый заветъ есть заветъ не буквы (какъ ветхій), а духа. Буква убиваетъ, подавляетъ и стѣсняетъ, а духъ животворитъ, возбуждаетъ къ широкой и плодотворной дѣятельности, потому что въ сынахъ благодати законъ написанъ не чернилами, а Духомъ Бога живаго, не на скрижаляхъ каменныхъ, а на плотяныхъ скрижаляхъ сердца. Если сыны израилены обращаются ко Христу, то Онъ снимаетъ ослѣпленіе съ ума ихъ, изъ состоящихъ въ духовномъ рабствѣ и осужденіи они вступаютъ въ Его царство свѣта и свободы, ибо гдѣ Духъ Господень, тамъ свобода (2 Кор. III, 3—18). „Вышній Іерусалимъ свободенъ: онъ матеръ всемъ намъ“. Это—царство новаго завета (Гал. IV, 22—31). Итакъ,—внушаетъ апостолъ христіанамъ, стойте въ свободѣ, которую даровалъ намъ Христосъ, и не подвергайтесь опять игу рабства. Къ свободѣ призваны вы, братія: только бы свобода ваша не была поводомъ къ убоженію плоти: но любовію служите другъ другу. Ибо весь законъ въ одномъ словѣ заключается: люби ближняго твоего, какъ самого себя“ (Гал. V, 1, 13—14). Плодъ рабства Богу—святость, а конецъ жизнь вѣчная во Христѣ Іисусѣ (Рим. VI, 22—23). (Борисовскій).

Вотъ свобода Евангелія, по которой живетъ подлинное Христово царство Церкви Христовой, не Наполеонъ, не Раскольниковъ, Ларра, который ставитъ себя надъ человѣчествомъ, кровь себѣ по совѣсти разрѣшаетъ, даже не Данко *), который въ мысли все-таки выдѣляетъ себя изъ человѣчества, а Христосъ, или христіане въ духѣ Христовѣ, которые силою своей любви способны двигать горы, которые отдаютъ человѣчеству душу и тѣло, но все-таки не думаютъ, что это дѣлаютъ они, хорошо чувствуютъ, что они только проявленіе силы духовной, живущей въ тѣлѣ Христовѣ. Это единеніе полное, совершенное единеніе по образу Троицы.

Но оно, по христіанскому возрѣнію, не есть уничтоженіе личности. Точно такъ же, какъ и лица Троицы не уничтожаются въ Три-

*) Герой Горькаго.

единомъ, а живутъ какъ лица, каждый христiанинъ, живущій по закону любви въ единствѣ съ другими людьми въ каждомъ актѣ своей любви не сливаетъ своей личности до безраздѣльнаго слiянiя со всѣми, до такого слiянiя, какимъ сливается капля съ остальной массой воды. Наоборотъ, въ каждомъ актѣ любви личность повышается, проявляется въ своемъ единствѣ, растетъ и увеличивается. Человѣкъ, сливающийся съ церковнымъ обществомъ, съ людьми, не уничтожается въ этомъ обществѣ, а усваиваетъ, воспринимаетъ силы тѣхъ, съ которыми соединяется, увеличиваетъ свои силы этими силами и сознаетъ себя какъ личность съ этой выросшей, увеличенной силой, чувствуетъ себя больше и пожалуй въ извѣстномъ смыслѣ обособленнѣе, яснѣе сознаетъ свое личное „я“ и личное счастье. Этотъ ростъ личности вмѣстѣ съ ростомъ слiянiя съ массой есть законъ, засвидѣтельствованный психологiей. И это единство слiянiя можетъ побѣдить зло, уничтожить себялюбiе. Именно такое пониманiе царства Божiя есть, говоря словами Достоевскаго, русское рѣшенiе вопроса о устроении жизни. Должна быть Церковь какъ организмъ взаимопомощи, взаимоспасенiя и отрицанiя и вся остальная приложатся.

Мы сказали, что это христiанство Достоевскаго, но правы ли мы? Можетъ быть правѣе Мережковскiй, когда говорилъ, что Достоевскiй тоже за мораль „господъ и царство избранныхъ“. Вотъ справка... „Власъ, вотъ, пишеть Достоевскiй „носитель русскаго разумнiя царства Божiя. На западѣ для Власа возможно одно изъ двухъ: онъ долженъ или погибнуть, или будетъ признано— что все позволено—а тогда антропофагiя“. Достоевскiй не принимаетъ ни то ни другое. Наши Власы не гибнутъ, но и кровь по совѣсти не разрѣшаютъ, покаяннымъ подвигомъ они творять царство истиннаго Бога, вопреки проповѣдникамъ новаго Христа и новаго царства Христова. Царство Божiе изъ Власовъ, а гдѣ же Власъ?—спрашиваетъ Достоевскiй. Власовъ мы уже видѣли, и видимъ у насъ во всѣхъ сословiяхъ— отвѣчаетъ онъ. А фантастическаго „будущаго человѣка“ мы не видѣли, и самъ онъ обѣщать прiйти, перейдя лишь рѣки крови“. (Дневн. 1877 52—54). Такихъ намъ не нужно.

Не есть ли эти слова въ одно время пророческое предвидѣнiе и пророческое осужденiе новаго пророка, спекулирующаго именемъ Достоевскаго.

Я знаю, что никто не приметъ такого царства, гдѣ „боги“, сильные будутъ царствовать на крови слабыхъ или, еще хуже, на радости рабовъ, цѣлующихъ ноги ихъ.

Но далѣе допускаете ли-вы, читатель, такое изображеніе Христа, гдѣ Онъ съ грустной улыбкой презрѣнія смотритъ на людей, которые, цѣлуя Его ноги, просятъ немного яду, чтобы жить, и даетъ эту частицу яду, раздѣляя съ другими, такъ же, какъ Онъ сильными, наслажденіе божественной власти? Конечно, нѣтъ:—во второй разъ билетъ на входъ въ Новый Іерусалимъ придется вернутьобратно.

II.

Но какъ бы то ни было, царство Мережковского общаетъ радость?

Не трудно уже и изъ предыдущаго предугадать—что и радость „царства Христова“, „церкви“ Мережковского—такая же мертвая петля—какъ и его свобода.

Это радость послѣдняго соединенія двухъ чашъ.

Джіованни открылъ книгу посланій апостола Павла и передѣлалъ въ умѣ своемъ слова Писанія такъ: „не можете не пить изъ чаши Господней и чаши бѣсовской“.. („Воскресшіе боги“).

Христа не поняли. Не поняли, что язычество, страстная любовь къ землѣ—не отрицаніе, а первая половина христіанства. „Христіанство монашеское, безкровное и безплотное, „невоплотимый отвлеченный духъ—не отвѣтило на призывный голосъ пана—не пристало къ великому празднику Новаго Діониса, не переступило за ту послѣднюю черту, гдѣ небо сходится съ землей“. А Христосъ Діонисъ зоветъ къ опьяненію и на вечера Сіонской, на этомъ пирѣ Плоти и Крови и на Голгоѣ—гдѣ выразилось съ страшной силой то же начало Діониса—начало оргіи смѣлаго, страшнаго прикосновенія къ двумъ чашамъ“.

Робкое прикосновеніе къ чашѣ жизни, „срединность“ есть грѣхъ... пить изъ этой чаши до конца—откровеніе.

Доведенное до оргійныхъ глубинъ—„злое“ становится благимъ, ликъ звѣря, „антихриста“, котораго по ошибкѣ считаютъ отрицаніемъ Христа, соединяется съ Христовымъ ликомъ—въ одинъ свѣтлый и радостный ликъ Бога вина и радости.

Два теченія—языческое стремленіе къ землѣ и христіанское—отъ земли къ небу—оба истинны на-половину. Ихъ должно довести до степени свѣченія—и они сольются и дадутъ свѣтъ подлинной истины.

Расколотый теперь ликъ Христовъ будетъ восстановленъ.

Двѣ нити вмѣстѣ свиты
Концы обнажены
То „да“ и „нѣтъ“—не свиты—сплетены
Но ждать ихъ воскресеніе..
Концы соприкоснутся
Проснутся да и нѣтъ
И да и нѣтъ сольются и смерть ихъ будетъ—свѣтъ.

Мы думаемъ, что Мережковскій взялъ на себя неблагодарный трудъ. Соединять радость небесную съ земной пытались много разъ. Вотъ что, напримѣръ, говоритъ, обращаясь къ судьбѣ, року одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ драмѣ „Гергардъ Гримъ“ Гебберга: „Ты мнѣ далъ двѣ жизни—и враждою непримиримою ихъ раздѣлялъ, чтобъ я одну изъ нихъ избравъ, всегда лишь полужизнью жилъ. Я принимаю твой даръ, но выбирать не стану, нѣтъ! Обѣими заразъ живу отнынѣ! Обѣими заразъ!.. Отъ этой мысли кружится голова!. Не устою! Я мыслящая плоть, достигну цѣли, и часъ одинъ, не отрываясь, буду я изъ источника природы пить и отдавать себя вліяніямъ плоти, чтобы въ часъ другой—душей освобожденной съ такой же смѣлостью стремиться въ высь, въ тотъ свѣтлый, ясный міръ, гдѣ мысль царица!.. Лишь сводней, человекъ, не будь межъ ними, клади, какъ острый мечъ межъ ними волю“.

Гримъ только не желаетъ соединять духъ и плоть въ одно. „Лишь сводней, человекъ, не будь межъ ними“.—говоритъ онъ. Мережковскій захотѣлъ быть сводней, соединяющей духъ и плоть. Не плоть въ смыслѣ тѣла—плоть, какъ отложеніе разлагающагося духа, но едва ли что-нибудь, кромѣ мертворожденнаго недоноска, вышло отъ этого противоестественнаго союза.

Мы остановимъ на время въ сторонѣ мистическія глубины—оправданія оргіазма у Мережковскаго и займемся вопросомъ, можно-ли съ христіанской точки зрѣнія искать откровенія въ оргіазмѣ, хотя бы понимая его не въ смыслѣ свободы всякой страсти—какъ Мережковскій—а какъ религіозное оцѣненіе.

Въ его смиренномъ выраженіи
Восторга нѣтъ и вдохновенья..

Эти слова Ал. Толстого выражаютъ глубокое и истинное пониманіе не только лика Христова, но и сущности христіанства.

(Окончаніе статьи).

Иером. Михаилъ.

Новая неправда въ защиту старой лжи.

„Объ исповѣди преосв. Амвросія, митр. бѣлокриницкаго“).

„Трудно тебѣ идти противъ
рожна“ (Дѣян. 9, 5).

Предъ нами анонимная раскольникья брошюра: «Объ исповѣди преосвященнаго Амвросія, митрополита бѣлокриницкаго».—Черновцы 1900 г. 12 стр.

Безперемонное искаженіе историческихъ фактовъ и лукавые выводы на основаніи его, а также злобный тонъ по отношенію къ православнымъ миссіонерамъ обличаютъ въ авторѣ брошюры изоглавнаго хулителя Св. Церкви, пытающагося во что бы то ни стало обратить ложь въ истину. На противораскольниковской бесѣдѣ 9 февраля с. г., въ С.-Петербургѣ, о. синодальнаго миссіонера Кс. Крючкова, раскольникій совопросникъ Ф. Мельниковъ освѣдомилъ насъ, что авторъ этой брошюры—Ив. Усовъ. Зная послѣдняго изъ своихъ личныхъ миссіонерскихъ бесѣдъ съ нимъ, нисколько не сомнѣваемся, что Мельниковъ сказалъ правду. Усовъ всегда приносить плоды «по роду своему».

Въ числѣ множества всякихъ несообразностей въ чинопріятіи въ расколъ бѣглаго м. Амвросія бѣглымъ іеромонахомъ Іеронимомъ православные миссіонеры указываютъ, между прочимъ, на ту, что Іеронимъ, при исповѣди Амвросія, «испытавшій тщательно глубины сердца его и обрѣтшій его во всемъ по желанію нашему (раск.) достойна», *) не зналъ языка греческаго, а Амвросій, тогда же истинно «исповѣдавшій всю сущность православныя христіанскія вѣры и проклятіе ересей», **) не зналъ языка ни русскаго, ни славян-

*) Свидѣтельство духовника Амвросія 28 окт. 1846 г. «Матер. для исторіи бѣлокр. іер.» Субботина стр. 182.

**) Тамъ же.

скаго, и что, слѣдовательно, таковой исповѣди не могло быть, и не было, а вмѣсто нея было одно пустое «комедійное дѣйство».

Авторъ брошюры и беретъ на себя трудъ оправдать въ указанной несообразности «австрійщину». Какъ и насколько онъ выполнилъ свою задачу, о семъ слѣдуетъ рѣчь.

Брош. Миссіонеры этому обвиненію, какъ видно, придаютъ чрезвычайное значеніе, стараясь имъ доказать якобы незаконность и самозванность старообрядческой іерархіи, но оно въ сущности совершенно не основательно, пусто и ничтожно. На это имѣются слѣдующія основанія, соображенія и доказательства:

1. Если бы и дѣйствительно исповѣдь, въ данномъ случаѣ, надъ митрополитомъ Амвросіемъ не состоялась, то развѣ онъ за это могъ лишиться своего сана, и рукоположенные имъ развѣ могли стать простецами самозванцами? Никакъ! Ибо нигдѣ въ свято-церковномъ ученіи не сказано, что если присоединяемый отъ ереси втораго чина епископъ не будетъ исповѣданъ, то онъ лишается своего сана.

«Доказательство» изумительное! «Если бы и *дѣйствительно*, пишется въ брошюрѣ, исповѣдь въ данномъ случаѣ надъ м. Амвросіемъ, *не состоялась*, то развѣ онъ за это могъ лишиться своего сана. Никакъ!» И мы скажемъ то же—«никакъ»; но добавимъ, что Амвросій тогда остался бы въ санѣ митрополита, допустимъ, самоотлучившагося отъ *православной греческой* Церкви, но во всякомъ случаѣ не въ раскольниковѣй вѣрѣ. Вѣдь дѣло въ томъ, что Амвросій, послѣ безсознательнаго, хотя и «велегласнаго» прочтенія «чина проклятій ересей», переложеннаго для него на греческія литеры, на *исповѣди* именно, (до перемазанія) по свидѣтельству Іеронима, «истинно исповѣдалъ всю сущность *православныхъ* христіанскія вѣры и проклятіе *ересей*» и притомъ якобы сознательно, открылъ Іерониму «глубины сердца» своего. Если же исповѣдь *не состоялась*, значить явная ложь, будто-бы Амвросій «истинно исповѣдалъ всю сущность *православныхъ* христіанскія вѣры *) и проклятіе *ересей*»: **) а стало быть, онъ остался внѣ раскола; отсюда, рукополагалъ онъ лицъ *неединовѣрныхъ* ему и рукоположенные имъ, выходятъ, приняли посвященіе отъ «еретика втораго чина». Ужели

*) Т. е.—Липованской-раскольниковѣй, съ еретическимъ ученіемъ о подлѣтномъ рожденіи Сына Божія.

**) Въ томъ числѣ и «византійской», т. е. греко-россійской Церкви.

авторъ брошюры этого не могъ «сообразить», допуская съ легкимъ сердцемъ, что исповѣдь дѣйствительно не состоялась?

«Нигдѣ, пишетъ далѣе авторъ, въ свято-церковномъ ученіи не сказано, что если присоединяемый отъ ереси второго чина епископъ не будетъ исповѣданъ, то онъ лишается своего сана». Что скрывается [за этими словами — невѣжество раскольниковъго писака или его лукавство? Последнее вѣроятнѣе. Ужели въ самомъ дѣлѣ Усову неизвѣстно, что присоединяемый къ Церкви прежде всего подвергается испытанію въ ученіи вѣры. 8 пр. 1 вс. соб., 7—2 вс. соб. 95 — 6 вс. соб. установили чино-пріятіе присоединяющихся къ православной Церкви, въ коемъ отъ еретиковъ требуется *«пер-
вѣе да исповѣдаѣтъ»*, яко повинуются церковнымъ канонамъ и проклянуть всякую ересь, не мудрствующую, яко же мудруетъ святая Божія, каѳолическая и апостольская Церковь». Принимавшіе Амвросія въ расколъ знали и считали это въ чинопріятіи необходимымъ; иначе имъ не за чѣмъ было бы строить кукольную комедію — поручать Іерониму «тщательно испытывать глубины сердца» Амвросіева и то, истинно-ли онъ «исповѣдуетъ всю сущность православныя христіанскія вѣры и проклинаетъ ереси». Но вопросъ только въ томъ, *какимъ образомъ на исповѣди* Іеронимъ «обрѣлъ» м. Амвросія, примѣнительно къ цѣли испытанія вѣры, во всемъ, по желанію бѣлокриницкихъ липованъ, «достойна», разъ онъ ничѣмъ и *никакъ* не могъ объясняться съ несчастнымъ митрополитомъ, кромѣ развѣ мимики, и раньше — Павелъ и Алимпій (въ Константинополѣ) не освѣдомили Амвросія *надлежащимъ* образомъ съ русскимъ расколомъ и отношеніемъ его къ греко-россійскому православію? *) Авторъ брошюры говоритъ, что «нигдѣ въ св. цер. ученіи не сказано, что если присоединяемый отъ ереси 2 ч. епископъ не будетъ исповѣданъ, то онъ лишается своего сана». Какая злая путаница и лукавство! Да вѣдь исповѣдь надъ присоединяемымъ отъ ереси, какъ говорить о томъ и «свидѣтельство духовника Амвросія», необходимо соединена съ «испытаніемъ вѣры», требуемымъ вышеуказанными соборными правилами. А гдѣ, въ какихъ каноническихъ правилахъ, спросимъ мы,

*) Наша ст. „По поводу поѣздки раск. депутаціи на Востокъ“ „Мис. Обзоръ.“ Декабрь, 1902 г.

писано принимать приходящаго отъ ереси безъ предварительной исповѣди и испытанія вѣры присоединяемаго духовникомъ?

2. Если бы и въ самомъ дѣлѣ митрополитъ Амвросій и священноинокъ Іеронимъ не могли повимать другъ друга,—и то таинство покаянія надъ митрополитомъ Амвросіемъ могло бы совершиться. Въдь есть-же и изъ русскихъ людей такія лица, съ которыми священникъ никакъ не можетъ объясниться на исповѣди. Таковы на-примѣръ глухонѣмые. А между тѣмъ таинство покаянія совершается же надъ ними.

Приведенное Усовымъ основаніе разсчитано, вѣроятно, только на глухонѣмыхъ... Только они не возопіютъ противъ его нелѣпости. Въдь *Амвросій*-то, г. Усовъ, развѣ *глухонѣмой* былъ? Развѣ у *глухонѣмого* Іеронимъ *«испытывалъ»* тщательно глубины сердца и *«истинно-ли онъ исповѣдуетъ»* всю сущность православнаго христіанскія вѣры и *проклинаетъ-ли* ереси? Затѣмъ, развѣ православный священникъ, исповѣдуя глухонѣмого (православнаго же), испытываетъ его, истинно-ли онъ, глухонѣмой, вѣруетъ, и проклинаетъ-ли ереси, чтобы присоединиться къ св. Церкви? О да, неразумія и лукавства!

3. Но митрополитъ Амвросій, если не зналъ въ совершенствѣ русскаго языка, то могъ знать хорошо славянскій языкъ. Ибо онъ былъ шесть лѣтъ (съ 1835 по 1841 г.) митрополитомъ Босніи (Ист. бѣлок. іерархіи, Субботина, стр. 364. 369). А въ Босніи живутъ исключительно славяне, такъ называемые босняки, говорятъ и служатъ они, конечно, на своемъ славянскомъ языкѣ. И Амвросій, въ теченіи шести лѣтъ, какъ ихъ митрополитъ, имѣлъ съ ними постоянныя живыя сношенія, разговаривалъ, совершалъ богослуженія, исповѣдывалъ и самъ исповѣдывался у тамошнихъ духовныхъ лицъ, конечно, на ихъ славянскомъ языкѣ. А при такихъ условіяхъ онъ могъ изучить и знать славянскій языкъ.

Все это «соображеніе» автора направлено къ доказательству того, что м. Амвросій *могъ* изучить и знать *славянскій* языкъ. Но рѣчь въдь, у насъ не о томъ, *могъ-ли* Амвросій изучить и знать славянскій языкъ, а о томъ, *зналъ-ли* онъ его *на самомъ дѣлѣ* во время исповѣди предъ Іеронимомъ, открывая послѣдному «глубины» своего сердца и свое «истинное исповѣданіе» вѣры Христовой съ проклятіемъ ересей? Въдь, возможность и дѣйствительность не одно и то же. Самъ писака брошюры сознаетъ слабость этого своего довода, поелику дальше пишетъ:

4. Да не только могъ знать, но и дѣйствительно зналъ его и при томъ настолько хорошо, что жители Босніи, гдѣ онъ былъ митрополитомъ, не признавали его даже за грека, а считали природнымъ славяниномъ, и именно болгаринимъ (Истор. бѣлокр. Іерарх., стр. 365, изд. 1874 г.). Какъ бы его могли считать природнымъ славяниномъ, если-бы онъ ни слова не зналъ по славянски? Если же его считали славяниномъ и притомъ природнымъ, то явно, что онъ зналъ славянскій языкъ. И дѣйствительно инокъ Павелъ, знавшій Амвросія ближе всѣхъ, свидѣтельствуетъ, что Амвросій имѣлъ способность говорить по-славянски (Матер. для истор. Бѣлокр. іер., изд. 1899 г. стр. 180).

Итакъ, авторъ брошюры утверждаетъ, что Амвросій *хорошо зналъ славянскій языкъ*.

Основанія для сего, указанныя въ брошюрѣ, мнѣ лично приходилось слышать отъ Усова на публичной бесѣдѣ. Видимо, онъ не стыдится приводить ихъ нигдѣ. Но что же это за основанія? «Жители Босніи не признавали его даже за грека, а считали *природнымъ славяниномъ*, а именно болгаринимъ!»! Но вѣдь, во первыхъ, что босняки въ данномъ случаѣ *ошибались*, объ этомъ Усовъ, думаю, спорить не будетъ: Амвросій былъ природный грекъ. Защищая ложь, Усовъ и *ошибки* босняковъ вынуждается уже приводить въ качествѣ своихъ основаній... А во-вторыхъ, потому-ли жители Босніи считали Амвросія природнымъ славяниномъ, что онъ *хорошо зналъ*, какъ утверждаетъ Усовъ, *славянскій языкъ*. Вовсе нѣтъ! А потому, что онъ, «*много заботился*» въ Босніи объ угнетенномъ народѣ и бѣдныхъ и «защищалъ *народные* интересы» *). А что Амвросій, дѣйствительно, *не зналъ* ни *славянскаго* ни *русскаго* языка и при томъ *никакъ*, историческіе документы, по возникновенію австрійской лже-іерархіи, не оставляютъ въ томъ и сомнѣнія. Авторъ брошюры ссылается на слова инока Павла, что Амвросій, «имѣлъ *способность* говорить по-славянски». Не отрицаемъ,—*способность* говорить по-славянски имѣлъ, какъ и Усовъ имѣлъ *способность* говорить по-китайски, но чтобы *дѣйствительно* говорить Амвросію по-славянски, а Усову по-китайски, для сего, полагаемъ, первому необходимо было *знать* языкъ славянскій, а

*) «Исторія бѣлокр. іерарх. . Сувб. изд. 1874 г. Стр. 355; ср. «Исторію бѣл. іер.» его же изд. 1895 г., вып. 1, стр. 224—225.

второму—китайскій, а пока сего нѣтъ, одною способностью не вотъ-то *разговоришься*. Да и самъ инокъ Павелъ подъ «способностью говорить» вовсе не разумѣлъ знанія языка—*умѣнья* говорить. Въдъ вотъ это мѣсто, на которое ссылается Усовъ: «на палотъ для митрополита положенъ списанный чинъ проклятія ересей, съ переводомъ на *греческія* литеры, а выговоръ словъ по-русски (= русскія слова—греческими буквами)... Митрополитъ, стоя предъ царскими дверьми, началъ *велегласно русскимъ языкомъ* (котораго *совершенно не зналъ*) проклинать веѣ ереси: поелику онъ имѣетъ *способность* говорить по-славянски (т. е. точнѣе надо бы сказать — *выговаривать* славянскія слова, изображенныя *греческими* буквами) и *кромя* греческихъ литеръ» *). Замѣтимъ прежде всего, что это мѣсто противорѣчитъ самому себѣ и крайне нелогично: что это за свидѣтельство: «для митрополита положенъ списанный чинъ проклятія ересей, съ переводомъ на *греческія литеры*, а выговоръ словъ по-русски... поелику онъ имѣетъ способность говорить *по славянски* и *кромя греческихъ литеръ*». Если Амвросій имѣлъ способность говорить *по-славянски «и кромя греческихъ литеръ»*, то зачѣмъ тогда на эти *греческія* литеры переведенъ былъ для него *славянскій* чинъ проклятія ересей? Если же Павелъ хочетъ сказать этими словами только то, что Амвросій не умѣлъ *читать* по-славянски, а говорить могъ, то зачѣмъ тогда самъ же Павелъ *всегда* нуждался (и въ Константинополѣ и въ Бѣлой Криницѣ), въ переводчикѣ К. Огняновичѣ, не брезгуя иногда (въ Константинополѣ) и услугами *жиды* Рувима для переговоровъ съ Амвросіемъ и его сыномъ Георгіемъ о дѣлахъ «вдовствующія невѣсты Христовы»? **) Мало того, Павелъ самъ прямо утверждалъ, что «Амвросій славянской рѣчи не понимаетъ». Когда В. В. Борисовъ, одинъ изъ депутатовъ, посланныхъ московскими старообрядцами въ Бѣлую Криницу для присутствованія при муровареніи и для ознакомленія съ положеніемъ митрополита, обративъ вниманіе на то, что м. *Амвросій совсѣмъ не ходилъ въ Церковь*, Павелъ объяснялъ и оправдывалъ это послѣднее обстоятельство тѣмъ, что *славянской рѣчи Амвросій не понимаетъ*,

*) «Списокъ соборнаго дѣянія». «Матеріалы для Ист. бѣл. іер.». Субб. стр. 180).

**) «Исторія бѣл. іер.». Субб. вып. I стр. 220 и 228 прим.

потому и службу славянскую не зачѣмъ ему слушать *). Амвросій не могъ произносить при богослуженіи *даже краткихъ возгласовъ* по-славянски безъ перевода ихъ на «*греческія*» литеры **).

5. То обстоятельство, что иноки Павелъ и Алимпій вели переговоры о вѣрѣ съ митрополитомъ Амвросіемъ посредствомъ переводчика, очевиднѣйшимъ образомъ и доказываетъ, что Амвросій зналъ славянскій языкъ. Ибо переводчикъ Огняновичъ былъ родомъ сербъ (Ист. бѣлокр. іер. стр. 358), и кромѣ греческаго и русскаго языковъ, зналъ, разумѣется, славянскій, въ особенности свой природный сербскій, который почти совершенно тождественъ съ боснійскимъ (Матер. для ист. бѣлокр. іерархіи, стр. 180). Для чего бы спрашивается, Павлу и Алимпію vybrать переводчикомъ именно славянина, если бы Амвросій не зналъ славянскаго языка? Взявъ переводчика славянина для переговоровъ съ митрополитомъ Амвросіемъ, они этимъ самымъ засвидѣтельствовали, что Амвросій зналъ славянскій языкъ. На исповѣди же не требуется много разглагольствовать исповѣднику: достаточно сказать нѣсколько словъ, — именно тѣ грѣхи, въ которыхъ зазираетъ его совѣсть.

Усовъ, укоряющій миссіонеровъ въ безстыдствѣ, не постыдился приводить такое доказательство: переводчикъ сербъ Огняновичъ зналъ *греческій* и *русскій* языки. Амвросій зналъ *греческій* языкъ, а Павелъ и Алимпій — *русскій* и если послѣдніе для переговоровъ съ Амвросіемъ всегда пуждались въ Огняновичѣ, то это, по логикѣ Усова, «*очевиднѣйшимъ*» образомъ доказываетъ, что Амвросій зналъ *славянскій* языкъ! Вотъ такъ доказательство, да еще «очевиднѣйшее»! Амвросій, вѣдь, какъ Усову извѣстно, объяснялся съ Огняновичемъ на *греческомъ* (а не на *славянскомъ*!) языкѣ; и Огняновичъ, переводя рѣчь Амвросія съ греческаго языка на русскій, передавалъ ее Павлу и Алимпію. Зная Амвросій хоть сколько-нибудь *славянскій* языкъ, Павелъ и Алимпій могли бы съ нимъ объясняться, хоть иногда, и безъ посредства переводчика; однако, этого мы не видимъ въ сношеніяхъ ихъ съ Амвросіемъ и въ Константинополѣ и въ Бѣлой Криницѣ. Потому, — Усовъ пишетъ: «для чего бы, спрашивается, Павлу и Алимпію *выбирать* переводчикомъ именно *славянина*, если бы Амвросій не зналъ *славянскаго* языка». Во-

*) «Исторія бѣл. іер.», Сувб. вып. II, 22 стр. «Повѣдка за муромъ», стр. 31—32.

**) «Исторія бѣл. іер.», Сувб. вып. I, стр. 276—7.

первыхъ, Павелъ и Алимпій не *выбирали* въ качествѣ переводчика Огняновича, а взяли его. при отсутствіи всякаго *выбора*, по рекомендаціи константинопольскихъ поляковъ *). Во-вторыхъ, взяли его потому, что онъ зналъ и русскій языкъ и греческій, и, стало быть, могъ переводить ихъ слова для Амвросія, а амвросіевы для нихъ. Дѣло объясняется просто, какъ Усовъ ни мудри. Знай-же Амвросій хоть сколько-нибудь славянскій языкъ, переводить для него даже краткіе богослужебные возгласы не греческія литеры было бы излишнимъ,—онъ могъ бы ихъ произнести и безъ этого, тѣмъ болѣе, что содержаніе ихъ онъ, надо думать, зналъ напамять (и незнаніе *читать* по-славянски препятствіемъ здѣсь быть не могло).—На исповѣди, пишется въ брошюрѣ, Амвросію «достаточно было сказать нѣсколько словъ, — именно тѣ грѣхи, въ которыхъ зазираетъ его совѣсть». Ниже Усовъ приводитъ самое свидѣтельство Іеронима объ Амвросіи послѣ «исповѣди». Изъ этого свидѣтельства явствуется, какъ увидитъ читатель, *нѣсколькими*-ли словами должно было обойтись объясненіе между русскимъ и грекомъ, совершенно не понимавшими другъ-друга?

6. Есть полное основаніе полагать, что Амвросій, когда исповѣдывался, могъ уже знать и русскій языкъ, если не въ совершенствѣ, то въ нѣкоторой степени. Онъ въ теченіе восьми мѣсяцевъ (съ конца марта по 7 октября) предъ присоединеніемъ къ старообрядческой церкви былъ почти постоянно съ Павломъ и Алимпіемъ, при которыхъ находился переводчикъ Огняновичъ (ист. бѣлокр. іер. стр. 417. 418), и конечно, могъ отъ нихъ научиться хотя немного понимать русскій языкъ. А это много способствовало совершенію надъ нимъ таинства исповѣди.

Авторъ брошюры снова заговариваетъ о томъ, что Амвросій *могъ* понимать русскій языкъ. И въ чемъ же «полное основаніе» для этого? Да въ томъ, видите-ли, что Амвросій около 8 мѣсяцевъ былъ почти постоянно съ Павломъ и Алимпіемъ» и «отъ нихъ, конечно, *могъ* научиться хоть немного понимать русскій языкъ». «Полное основаніе»... Усовъ видитъ въ одной опять *возможности*. Но у насъ рѣчь не о *возможности*, а о томъ зналъ-ли *дѣйствительно* Амвросій русскій языкъ, объясняясь съ Іеронимомъ на исповѣди? При Павлѣ и Алимпіѣ,

*) «Матеріалы для исторіи бѣл. іер.». Субботина, стр. 250—258.

какъ тутъ же пишется въ брошюрѣ, находился переводчикъ Огняновичъ; а въ алтарѣ при Іеронимѣ на исповѣди Амвросія, его вѣдь не было!

7. Но миссіонеры противъ исповѣди митрополита Амвросія выставляютъ слова Онуфрія, который говоритъ: „Затворились они оба (Іеронимъ и Амвросій) въ алтарѣ... уповательно — посмотрѣли другъ на друга, — тѣмъ и кончилась исповѣдь“.

Удивительно проницательный наблюдатель оказывается этотъ Онуфрій! стоялъ вмѣстѣ съ народомъ въ церкви, внѣ алтаря, — и сквозь иконостасъ видѣлъ, что творится въ затворенномъ алтарѣ. Если бы онъ былъ одинъ въ церкви, то, по своей наглости и безстыдству, онъ, быть можетъ, и подсмотрѣлъ бы какимъ нибудь образомъ. Но этого онъ не могъ сдѣлать, такъ какъ народу была полна церковь (Истор. бѣлокр. іерар., стр. 481). Следовательно, не могъ видѣть и знать, какъ совершалась исповѣдь надъ митрополитомъ Амвросіемъ.

«Удивительно проницательный наблюдатель оказывается этотъ Онуфрій! Стоялъ вмѣстѣ съ народомъ въ церкви, внѣ алтаря, и сквозь иконостасъ видѣлъ, что творится въ затворенномъ алтарѣ». Эту остроту Усовъ выкрикивалъ съ улыбкой и на одной нашей съ нимъ бесѣдѣ въ Оренб. епархіи. Въ настоящей брошюрѣ Усовъ самъ же обличаетъ нелѣпость своей остроты: Онуфрій не утверждаетъ положительно, якобы онъ видѣлъ, что происходило въ затворенномъ алтарѣ, при исповѣди Іеронима надъ Амвросіемъ, а говоритъ только, что Іеронимъ и Амвросій, «уповательно, т. е. *отпрятно*, посмотрѣли другъ на друга, — тѣмъ и кончилась исповѣдь». А что слово *уповательно* имѣть здѣсь именно такой смыслъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ же Усовъ и приводитъ къ сему даже историческую справку; онъ пишетъ:

8. Слово *уповательно*, означаетъ: *въпрятно*, кажется, должно быть, можетъ быть ¹⁾. Если, поэтому, проще высказать свидѣтельство Онуфрія, то оно будетъ гласить: „затворились

¹⁾ Что старорусскаго нарѣчія слово *уповательно* имѣть дѣйствительно этотъ именно смыслъ, на это есть много доказательствъ. Но для примѣра представимъ хоть одно свидѣтельство. Въ довошеніи коммисіи, осматривавшей мощи Димитрія Ростовскаго въ 1757 году, о сихъ мощахъ между прочимъ говорится: „глава же отъ выи значітся мало отстала, уповательно отъ тяжести насыпаннейшей землі (на гробъ святителя) і щору (щебня)“, и т. д. (Исторія канонизаціи русскихъ свят. Голубинскаго, стр. 217. Здѣсь безспорно слово „уповательно“ поставлено вмѣсто—въпрятно.

они оба въ алтарь, вѣроятно, посмотрѣли другъ на друга, — тѣмъ и кончилась исповѣдь. Но это развѣ свидѣтельство? Это просто пустое, ни на чемъ не основанное предположеніе.

Но строить обвиненія на одномъ предположеніи, особенно на такомъ какъ это, есть верхъ безразсудства и недобросовѣстности.

Какъ всякому понятно, предположеніе Онуфрія не пустое, а вполне основательное. Сдѣлать его вынужденъ былъ всякій благоразумный человѣкъ, знавшій, что Амвросій и Іеронимъ никакъ не могли объясниться между собой на словахъ! И въ этомъ предположеніи неизмѣримо больше разсудительности, чѣмъ въ предположеніи Усова, обоснованномъ на явной *ошибкѣ* боспяховѣ... «Еслибы Онуфрій былъ одинъ въ церкви, то, по своей *наглости* и *безстыдству*, онъ, быть можетъ, и подсмотрѣлъ бы какимъ-нибудь образомъ», пишется въ брошюрѣ. Итакъ, по отзыву Усова, Онуфрій былъ — *наглый* и *безстыдный*. Удивительное дѣло: этого *наглую* и *безстыдную* Онуфрія бѣлокришничіе линоване, около 2 лѣтъ спустя послѣ чинопріятія Амвросія, избрали во «епископа» и даже намѣстника «верховному архипастырю» (Кириллу), какъ человѣка *достойнѣйшимъ* этого званія! Въ «соборномъ актѣ о избраніи Онуфрія въ епископа», въ «Свидѣтельствѣ отъ линованскихъ обществъ о достоинствѣ Онуфрія 26 авг. 1848 г.», въ «Ставленной грамотѣ, данной Онуфрію 29 авг. 1848 г.», Кирилломъ, — и въ «Донесеніи въ Крайзамтъ»... говорится объ Онуфріи, что бѣлокришничіе линоване «избрали *безпристрастнымъ* правомъ, со *общаю* вѣсхъ согласія во епископа и наслѣдника здѣшнему верховному архипастырю, изъ числа Бѣлокришничяго монастыря жителей одного *честнаго* отца, священноинокъ Ануфрія Иванова, съ таковымъ *единогласнымъ* вѣсхъ ижеишеанныхъ лицъ удостовѣреніемъ, что оный вышепереченный священноинокъ Ануфрій Ивановъ есть *презвлаго, воздержнаго* и *чистаго* житія, *честнаго* и *похвальнаго* поведенія, давнее время находился въ здѣшнемъ Бѣлокришничкомъ монастырѣ... и *ни въ какихъ порокахъ никогда* замѣченъ не былъ»... *). Итакъ, *вся* бѣлокришничая громада *единогласно* и *безпристрастно* свидѣтельствуетъ въ 1848 г., что Онуфрій былъ «*честный, воздержный, чистаго* житія и *похвальнаго* поведенія и за *давнее* время *ни въ какихъ порокахъ никогда* замѣ-

*) Тамъ же.

ченъ не былъ», а Усовъ говоритъ, что этотъ Онуфрій въ 1846 году, за 2 года (и того нѣтъ) до избранія, былъ *«наглый»* и *«безстыдный»*.—Что же это значитъ? Причина очень простая. Онуфрій, какъ человекъ «въ Божественномъ Священномъ писаніи достаточно свѣдущій» *) и честный, сознавъ ложь и погибельность раскола, присоединился въ 1865 г. къ православной Церкви. И изъ *честнаго* и *воздержнаго* обратился, для Усова, въ *наглаго* и *безстыднаго* съ давнихъ поръ! Такъ у раскольниковъ всегда бываетъ.

9. У миссіонеровъ же противъ исповѣди митрополита Амвросія есть именно одно только это мнимое свидѣтельство Онуфрія.

Нѣтъ, у насъ далеко не это одно свидѣтельство. Свидѣтельствуютъ объ этомъ и *переводчикъ* К. Огняновичъ и инокъ Павелъ и всѣ переговоры Павла и Алимпія съ Амвросіемъ и въ Константинополѣ и въ Бѣлой Криницѣ.

10. Если уже основываться въ данномъ случаѣ на свидѣтельствахъ, то должно основаться на свидѣтельствѣ духовнаго отца митрополита Амвросія, такъ какъ кромѣ духовнаго отца и исповѣдника никто не можетъ знать положительно, состоялась ли исповѣдь надъ послѣднимъ, или нѣтъ?

Какое же свидѣтельство объ исповѣди митрополита Амвросія даетъ его духовный отецъ, священноинокъ Іеронимъ? Вотъ какое: „Свидѣтельство духовника Амвросія, 28 Октября 1846 года... Я, нижеподписанный священноинокъ Іеронимъ... свидѣтельствую симъ, что приступилъ я къ исповѣди его высокопреосвященства, по правиламъ святыхъ Апостолъ и богоносныхъ отецъ, представивъ ему съ великою важностію высокій его чинъ и о паствѣ неотложную его должность, даже и самую будущую смерть, судъ, муку грѣшнымъ и воздаяніе праведнымъ. и испытавъ тщательно глубины сердца его, обрѣлъ его во всемъ по желанію нашему достойна. И его преосвященство съ сокрушеннымъ сердцемъ и въ страхъ Божій истинно исповѣдалъ всю сущность православныя христіанскія вѣры, и проклятіе ересей, и что онъ истинно въ три погруженія крещень... „Священноинокъ Іеронимъ“. (Матеріалы для исторіи бѣлокриницкой іерархіи, стран. 181—182, изд. Субботина, 1889 г.).

Для всѣхъ, кажется, кромѣ Усова и подобныхъ ему адвокатовъ «австрійщины», ясно, что приведенное «свидѣтельство» Іеронима объ Амвросіи есть *ложесвидѣтельство*: такого испытанія вѣры и глубины

*) Тамъ же.

сердца Амвросія. о какомъ рѣчь въ свидѣтельствѣ. Іеронимъ, не знавшій ни слова по-гречески, не могъ произнести, исповѣдуя *«ни-сколько»* минутъ» человека, ни слова не знавшаго по-русски *).

Усовъ заставляетъ вѣрить на-слово свидѣтельству Іеронима, «такъ какъ, кромѣ духовнаго отца и исповѣдника, никто не можетъ знать положительно, состоялась ли исповѣдь надъ послѣднимъ, или нѣтъ». Что Амвросій не умѣлъ ни говорить ни читать ни по-русски ни по-славянски, доказательства тому приведены, а вѣрить на-слово устроителямъ бѣлокриницкой лже-іерархіи прямо таки странно. Вѣдь Усову, несомнѣнно, извѣстно, на какую ложь они были иногда способны. Изъ множества примѣровъ этого укажемъ хоть слѣдующій. Инокъ Павелъ, какъ Усову извѣстно, былъ сыномъ волостного писаря, изъ Валдайскаго уѣзда, Новгородской губ., Василія Великодворскаго, а въ Бѣлой Криницѣ назвался и бѣлокриницкой громадой выданъ предъ австрійскимъ начальствомъ за «Афанасія, сына бывшаго батаманскаго купца Василія Федотова»; а Геронтіій (Герасимъ Псаевъ въ мірѣ) Колпаковъ, крестьянинъ селца Ермолова, Московской губ., Серпуховскаго уѣзда—за «сына нѣкоего умершаго бѣлокриницкаго жителя Левона Бѣлаго» **). И все это—для устройства «истинной древлеправославной церкви Христовой»! Ну какъ тутъ вѣрить радѣтелямъ «церкви лукавствующихъ» на-слово?

11. Послѣ этого возражать противъ дѣйствительности исповѣди, или таинства покаянія, совершеннаго надъ митрополитомъ Амвросіемъ, можетъ развѣ только сама наглость и безстыдство.

Этими словами Усовъ заканчиваетъ свою живую брошюру. Послѣ сдѣланнаго разбора ея «основаній, соображеній и доказательствъ», *немного* только измѣнимъ для себя заключительныя слова ея: *«доказывать»* «дѣйствительность исповѣди, или таинства покаянія, совершеннаго надъ митрополитомъ Амвросіемъ, можетъ развѣ только сама наглость и безстыдство», гнѣздящихся, добавимъ, въ писакахъ разныхъ апологій австрійской лже-іерархіи.

Н. Гринякинъ.

*) «Исторія бѣл. іер.». Субб. вып. I, стр. 303—306.

**) «Исторія бѣл. іер.». Субб. вып. I, стр. 98.

Сектантское учение о состояніи мертвыхъ.

Въ числѣ листовъ, которыми въ изобиліи снабжаютъ русскихъ итудистовъ ихъ заграничные друзья, нѣмецкіе субботники, широкимъ распространѣніемъ пользуется, между прочимъ, брошюра подъ заглавіемъ — «Состояніе мертвыхъ» *). По непріятно-задорному тону, въ которомъ она написана, по приѣмамъ пользованія текстами свящ. Писанія, наконецъ, по невѣжественному легкомыслію, сквозящему въ каждой почти строкѣ, брошюрка эта можетъ служить типичнымъ образчикомъ «желтой» литературы «Международнаго трактатнаго общества» и вмѣстѣ — выразительнымъ и грустнымъ свидѣтельствомъ того, какими гнилыми «рожнами» сектантскаго суетумдрія приходится питаться блуднымъ сынамъ нашей Церкви, попавшимъ подъ опеку непрощенныхъ «апостоловъ» изъ заграницы.

Полагая, что читателямъ «Миссіонерскаго Обзорія» не безъинтересно будетъ ознакомиться съ содержаніемъ этого произведенія заграничнаго сектантства, мы изложимъ его, по возможности, буквально и попутно дадимъ ему надлежащую оцѣнку съ точки зрѣнія слова Божія.

Въ основу своихъ разсужденій авторъ «трактата» кладетъ текстъ Еккл. 9, 5, 6: «Живые знаютъ, что умрутъ, а мертвые ничего не знаютъ, и уже нѣтъ имъ воздаянія, потому что и память о нихъ предана забвенію; и любовь ихъ, и ненависть ихъ, и ревность ихъ уже исчезли, и нѣтъ имъ болѣе части во вѣки ни въ чемъ, что дѣлается подъ солнцемъ.»

Принявъ данный текстъ за положительное ученіе слова Божія, авторъ трактата далѣе уже категорически и рѣшительно отрицаетъ православное ученіе о смерти и посмертномъ состояніи людей до страшнаго суда.

Въ подлинникѣ внизу припечатано: Zustand der Todten Russisch).

«Дорогой читатель! Намъ прежде учили (начинаетъ свою рѣчь авторъ брошюры), что если тѣло наше умираетъ, дѣйствительный человѣкъ, т. е. душа не умираетъ, но входитъ прямо въ небо или въ адъ и тамъ продолжаетъ жить: и что тамъ онъ также размышляетъ, дѣйствуетъ, любить, и невиде(и)тъ, какъ бы онъ былъ здѣсь въ тѣлѣ своемъ. Но желательно бы спросить, вѣрно ли это? Не распространилось ли много и ложныхъ ученій? Развѣ невозможно, что и это ложь? Какое мы имѣемъ удостовѣреніе, что человѣкъ живетъ послѣ смерти?

Отвѣты на эти вопросы, какъ покажетъ дальнѣйшее изложеніе трактата, должны быть таковы: ложно и невѣрно ученіе, полагающее, будто душа не умираетъ и за гробомъ продолжаетъ жить,—ложно это ученіе потому, что противъ него говоритъ будто бы—во 1-хъ. «здравый разсудокъ», а во вторыхъ—свщ. Писаніе.

«Здравый разсудокъ противъ такого ученія. Какъ можетъ человѣкъ размышлять безъ мозга или ходить безъ ногъ, или видѣть безъ глазъ и слышать безъ ушей? Это противно и естеству, и здравому разсудку».

Чьему естеству и здравому разсудку противно это ученіе,—здѣсь не говорится, и совершенно напрасно! Если тутъ имѣется въ виду христіанинъ, то его «естество и разсудокъ», конечно, могутъ только возмущаться такою проповѣдью о жизни души, какая предложена въ «трактатѣ». Итакъ, христіанинъ долженъ вѣровать, что отдѣльно отъ тѣла душа не можетъ существовать, что она всецѣло зависитъ отъ тѣла, что разъ тѣло обратилось въ прахъ,—отъ человѣка уже ничего не остается, кромѣ груды бездушныхъ костей и пыли. До сихъ поръ христіанамъ приходилось выслушивать такое ученіе только отъ полныхъ невѣровъ-матеріалистовъ, которые отрицаютъ и Бога, и душу съ ея богоподобными свойствами, и которые полагаютъ, что душа человѣка есть простой продуктъ тѣла и ея жизнь сводится къ отправленіямъ тѣлеснаго организма, такъ что съ разрушеніемъ тѣла исчезаетъ безслѣдно и то, что принято называть душею. Но если легкомысленному матеріалисту позволительно затрудняться вопросомъ, какъ можетъ душа существовать безъ тѣла, то христіанину, какимъ несомнѣнно считаетъ себя авторъ брошюры, это непростительно. Христіанскому сознанію нисколько не противно

представлять душу въ отрѣшеніи отъ тѣла существомъ живымъ. мыслящимъ, разумѣвающимъ по тому уже одному, что это представление утверждается на ясныхъ свидѣтельствахъ слова Божія. Ниже мы приведемъ эти свидѣтельства. Теперь ограничимся указаніемъ на одно слѣдующее. Святи. Писаніе говоритъ, что человѣкъ сотворенъ по образу Божію (Быт. 1, 26, 27). Христіанскій разсудокъ понимаетъ это такъ, что Богъ, какъ Существо безтѣлесное, напечатлѣлъ Свой образъ не въ тѣлѣ, а въ душѣ человѣка, и поэтому отдѣльное существованіе души отъ тѣла такъ же не можетъ возбуждать недоумѣнія, какъ живое и животворящее бытіе Бога, непричастнаго тѣлесности. «Христіанину», естеству и разсудку котораго странно, какъ можно размышлять безъ мозга, ходить безъ ногъ или видѣть безъ глазъ, должно быть не менѣе странно и то, какъ живутъ ангелы, безъ мозга разумные, безъ ногъ являющіеся по повелѣнію Божію къ людямъ, безъ ушей выслушивающіе волю Господню.

«Но не учить ли Библія, что мертвые имѣютъ сознаніе?» (вопрошаетъ затѣмъ сектантъ, и тотчасъ же самоувѣренно отвѣчаетъ): «Нѣтъ! Ни въ одномъ текстѣ: но я могу легко доказать совѣтъ противную сторону»

И далѣе, оставляя пока въ сторонѣ доказательства отъ Писанія и снова прибѣгая къ соображеніямъ разума, находитъ, будто «ученіемъ, что человѣкъ по смерти продолжаетъ жить,—опровергаются важныя и основныя истины св. Библіи»: а) будущій судъ; б) воскресеніе мертвыхъ и в) пришествіе (второе) І. Христа.

«Если мертвые (говоритъ онъ) продолжаютъ жить, если какъ скоро человѣкъ умираетъ, онъ, или душа его или духъ прямо идетъ или въ небо или въ адъ, то для какой цѣли былъ бы тогда будущій судъ? Неужели послалъ бы Богъ человѣка въ адъ прежде, чѣмъ осудилъ его, и вывелъ оттуда, когда онъ пробылъ тамъ тысячу лѣтъ въ мученіи, чтобы затѣмъ судить его? Читай 2 Петра 2, 9. Неужели повѣсилъ бы ты человѣка прежде, а затѣмъ осудилъ бы?».

Текстъ 2 Петр. 2, 9. приведенъ кетати, такъ какъ въ немъ содержится очень внушительное вразумленіе людямъ, подобнымъ составителямъ брошюры, взявающимся на разумъ Божій. «Какъ без-

законниковъ соблюдать ко дню суда для наказанія»,—касательно чего собственно и недоумѣваетъ сектантъ,—объ этомъ, по слову апостола, знаетъ Самъ Богъ. Мы же должны знать одно, что совѣты Божіи—не совѣты человѣческіе, суды Божіе—не суды людскіе (Ис. 55, 8) и что прилагать ко божественному правосудію мѣрило человѣческаго суда есть дѣло религіознаго невѣжества. Только невѣжеству и могутъ быть обязаны своимъ возникновеніемъ всѣ выписанные вопросы. Возьмемъ первый, начинающійся съ «если». Первый членъ періода здѣсь выраженъ невѣрно и изъ него невѣрно же выведено вопросительное заключеніе. Ученія о томъ, будто, какъ скоро умираетъ человѣкъ, душа его идетъ «прямо въ (?) небо» (что, по разумѣнію «трактата», значитъ: удостоивается полного блаженства) *) или въ адъ (т. е. по ученію сектанта—на окончательное вѣчное мученіе),—такого ученія не содержитъ ни одно христіанское исповѣданіе. По ученію же православной Церкви, незнаніемъ котораго только и можно объяснить вопросъ «трактата» о цѣли суда Божія, человѣкъ по смерти получаетъ неполное воздаяніе: праведники неполное блаженство, грѣшники—неокончательное наказаніе;—а въ такомъ случаѣ остается цѣль и для будущаго страшнаго суда, на которомъ праведники и грѣшники получаютъ полное и окончательное воздаяніе.

Наивно и другое вопрошеніе брошюры. Конечно,—отвѣтимъ,—«Богъ не послалъ бы человѣка въ адъ прежде, «чѣмъ осудилъ». Но откуда извѣстно составителю брошюры, что Господь будетъ судить человѣка только на страшномъ судѣ? Во всякомъ случаѣ не изъ Свящ. Писанія, которое учитъ другому. По свидѣтельству Писанія, грѣшникъ осуждается еще до страшнаго суда. «Невѣрующій въ Него (Сына Божія) уже осужденъ» (Іоан. 3, 18). Правосудный Богъ не оставляетъ грѣшника безъ наказанія, а праведника безъ награды уже здѣсь на землѣ. Но если Господь воздастъ (конечно отчасти) праведнику и грѣшнику уже на землѣ, то что можетъ препятствовать обнаруженію Его правосудія и послѣ смерти человѣка, до страшнаго суда?—Равнымъ образомъ, конечно, никто не повѣсилъ бы человѣка до суда надъ нимъ, ибо и въ практикѣ

*) 2-я стр. «трактата».

человѣческаго правосудія неопозволительно поступать такъ несправедливо. Но съ другой стороны (если ужъ нуженъ наглядный примѣръ изъ обыденной земной жизни)—можно ли считать несправедливымъ, когда человѣческое правосудіе предварительно связываетъ злую волю завѣдомаго злодѣя и такимъ образомъ, еще до произнесенія окончательнаго приговора относительно мѣры наказанія на судѣ, подвергаетъ его состоянію, въ которомъ онъ какъ бы предопушаетъ и предначинаетъ свою будущую горькую судьбу. Можно ли недоумѣвать послѣ этого, если Господь, непогрѣшительно знающій грѣхъ каждаго, какъ правосудный Судья, до торжественнаго всеобщаго суда, опредѣляетъ грѣшнику пребывать въ такомъ состояніи, которое есть предназначеніе будущихъ его мукъ?

«И разумно ли было бы также повѣрить (спрашивается далѣе въ брэннюрѣ), чтобы Богъ принялъ человѣка прежде на тысячу лѣтъ на небо и затѣмъ вывелъ опять оттуда въ низъ (? см. Мѣ. 24. 30), чтобы судить его, чтобы опредѣлить, дѣйствительно ли его мѣсто тамъ?»

Несомнѣнно, неразумно, если представлять дѣло такъ, будто страшный судъ нуженъ только для того, чтобы Богъ на немъ опредѣлить, кому какое мѣсто назначить въ будущей жизни. Но Богъ и до суда,—болѣе того—еще до рожденія человѣка знаетъ окончательную участь каждаго. И. стало быть, во всякомъ случаѣ, страшный судъ не для того будетъ совершаться, чтобы опредѣлить, дѣйствительно ли мѣсто праведнику на небѣ. Слово Божіе открываетъ намъ, что цѣль суда всеобщаго въ томъ, чтобы освѣтить предъ глазами всего міра грѣхи и добродѣтели каждаго (1 Кор. 4, 5; 2 Кор. 5, 10) и такимъ путемъ дать людямъ видѣть и восчувствовать величіе и силу правосудія Божія (Мѣ. 24, 30), имѣющаго открыться въ опредѣленіи окончательнаго воздаянія людямъ (2 Кор. 5, 10; Рим. 2, 6—1; 2 Солун. 1, 7—10). Но въ такомъ случаѣ есть цѣль и для явленія праведниковъ на судѣ, хотя бы они и получили (отчасти) воздаяніе за свои добродѣтели. Но ясной мысли св. Писанія, присутствіе праведниковъ на страшномъ судѣ необходимо будетъ, во 1-хъ, для живого засвидѣтельствованія предъ всѣмъ той истины, что человѣкъ при добромъ изволеніи и усердіи можетъ на землѣ достигнуть высокихъ степеней нравственнаго совершенства, и

вмѣстѣ для обличенія грѣшниковъ (Мѡ. 19, 28; Лук. 22, 30 и др.; 1 Кор. 6, 2—3) въ ихъ нравственной лѣности и неразумномъ употребленіи талантовъ, врученныхъ имъ отъ Господа (Мѡ. 25, 14—30); во-вторыхъ,—для полученія полнаго и окончательнаго воздаянія, котораго праведники не получаютъ непосредственно послѣ смерти.

Не болѣе вѣско и слѣдующее затѣмъ соображеніе «трактата» — о безцѣльности воскресенія тѣла, при допущеніи независимой отъ тѣла жизни души.

«Если душа или духъ внѣ тѣла такъ же хорошо, или даже лучше можетъ жить, какъ въ немъ, если душа, подобно Ангелу съ большой скоростью можетъ передвигаться съ мѣста на мѣсто; если душа внѣ тѣла можетъ жить, думать, дѣйствовать и быть чрезвычайно счастливой; если тѣло, какъ учатъ люди (.) есть ничто иное, какъ клѣтка, хижина или темница для души, то спрашивается, для какой цѣли тогда воскресеніе тѣла?»

Это новое недоумѣніе «трактата» могло возникнуть благодаря незнанію авторомъ его той простой и понятной всякому «здравому разсудку» истины, что разъ человѣку на страшномъ судѣ предстоитъ получить полное воздаяніе (какъ учить слово Божіе и православная Церковь), то въ этомъ воздаяніи должно участвовать и тѣло, такъ какъ полный человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла, и такъ какъ тѣло во время земной жизни человѣка (это всякому извѣстно) оказываетъ сильное вліяніе на складъ нравственной жизни души. До страшнаго же суда тѣло умершаго пребываетъ во прахѣ и потому не участвуетъ въ посмертномъ воздаяніи (по частному суду). Понимать, воскресеніе тѣла предъ страшнымъ судомъ, на которомъ каждому суждено будетъ воспріять «соотвѣтственно тому, что онъ дѣлалъ, живя въ тѣлѣ» (2 Кор. 5, 10), будетъ естественнымъ и необходимымъ условіемъ полнаго и праваго воздаянія Божія. — Впрочемъ, первыхъ трехъ «если» мы еще коснемся впереди. Любопытно обратить вниманіе на четвертое. Въ немъ обнаруживается уже прямое незнаніе составителемъ брошюры свян. Писанія. Что тѣло есть хижина, храмъ для души—это не человѣческое измышленіе, а безспорное ученіе слова Божія, и книжникамъ,—подобнымъ автору трактата,—почивающимъ на буквѣ писанія, не извинительно не знать этого. «Справедливымъ почитаю, пишетъ св. ап. Петръ, доколѣ нахожусь въ

этой тѣлесной хранинѣ, возбуждать васъ напоминаніемъ, зная, что скоро долженъ оставить хранищу мою». (2 Петр. 13 — 14). «Ибо знаемъ, говоритъ другой апостоль, что когда земной нашъ домъ, эта хижина, разрушится, мы имѣемъ отъ Бога жилище на небесахъ, домъ нерукотворенный, вѣчный... Ибо мы, находясь въ этой хижинѣ, воздыхаемъ подъ бременемъ» (2 Кор. 5, 1, 4). Что можетъ рѣшительнѣе обличить наивное суемудріе сектанта, какъ не эти слова св. апостоловъ?

Но, не замѣчая своихъ грубыхъ заблужденій, составитель «трактата» продолжаетъ размышлять:

«Другой фактъ, ясно показывающій, что благочестивые при смерти идутъ не на небо, состоитъ въ томъ, что имъ до второго явленія Христа, воскресенія и суда не воздается. Пришли бы, напримѣръ, благочестивые по смерти, въ небо, то во многихъ случаяхъ получили бы они свое воздаяніе много лѣтъ до суда. Но смотри же, какъ ясно св. писаніе вездѣ учитъ, что время воздаянія не при смерти, но при судѣ наступитъ». (Далѣе идутъ цитаты: Мѡ. 16, 27; Лук. 14, 14; 1 Петр. 5, 4; Откр. 11, 18).

Всѣ приведенные здѣсь тексты, говорящіе объ окончательномъ воздаяніи на страшномъ судѣ, при различеніи воздаянія частнаго и общаго, утрачиваютъ всякое значеніе въ качествѣ доказательствъ главной мысли «трактата», которая можетъ быть выражена такъ: праведникамъ и грѣшникамъ не воздается до второго явленія Христа, воскресенія и суда;—время воздаянія не при смерти, но при судѣ страшномъ. Такъ какъ ученіе, что по смерти, до страшнаго суда нѣтъ воздаянія, тѣсно связано съ представленіемъ автора «трактата» о томъ состояніи, въ которомъ находятся умершіе до воскресенія, то мы рассмотримъ предварительно,—въ какой мѣрѣ правдоподобно такое представленіе.—Итакъ, если люди по смерти не идутъ ни въ адъ, ни въ рай, то, какъ надо мыслить ихъ посмертное состояніе? Всеу призывая на помощь свящ. Писаніе, составитель «трактата» приходитъ къ слѣдующимъ четыремъ положеніямъ, которыя мы и разберемъ по порядку.

1. «Библия, (разсуждаетъ онъ), говоритъ, что они (умершіе) умерли (смертные). Слово умирать равносильно выраженію пере-

стать (т. е. противоположное) жить. Мертвъ человекъ тогда, когда протекла жизнь его. Прійми во вниманіе слѣдующія ясныя выраженія: (Далѣе идутъ цитаты: 1 Тесс. 4, 17; 1 Кор. 15, 18, 20, 51. 1 Тесс. 4, 13, 15; Іоан. 6, 49; Дѣян. 2, 29; Іис. Нав. 1, 2; Іоан. 8, 52; Іоан. 11, 14).

Полагаемъ, что если бы авторъ «трактата» привелъ изъ св. Писанія еще сотни подобнаго рода текстовъ объ умершихъ, то и тогда мысль его не стала бы отъ того яснѣе, а соображеніе—основательнѣе. И это по той причинѣ, что онъ достаточно наивно толкуетъ слово умереть лишь въ одномъ значеніи и именнѣ въ томъ, которое соотвѣтствуетъ его образу мыслей, а затѣмъ съ легкою душой и въ увѣренности, что иначе и быть не можетъ, прилагаетъ это значеніе ко всѣмъ приведеннымъ имъ текстамъ. Слову «умереть» (противоположному слову жить) онъ усвоиваетъ значеніе—совершеннонаго прекращенія существованія. Умеръ человекъ, и нѣтъ его,—и отъ него не остается ничего, что могло бы подлежать воздающему, награждающему или взыскующему правосудію. Таковъ смыслъ разсужденія заграничнаго богослова-матеріалиста. На подобное разсужденіе, конечно, достаточно возразить, что даже въ общечеловѣческомъ пониманіи (не исключая пониманія матеріалистовъ) умереть въ приложеніи къ человѣку никогда не означало совершенно перестать существовать. Тѣмъ неразумнѣе усваивать это значеніе языку свящ. Писанія. Умереть—значить перестать жить въ тѣлѣ, не быть уже среди живущихъ на землѣ такъ, какъ жилось до момента смерти. Отвѣтъ этотъ есть вмѣстѣ и ученіе свящ. Писанія. И удивительно, какъ не усмотрѣлъ этого составитель «трактата». Тѣмъ болѣе удивительно, что въ числѣ приведенныхъ имъ же самимъ свидѣтельствъ изъ св. Писанія есть одно, которое со всею ясностію подтверждаетъ обычный христіанскій взглядъ на смерть и тѣмъ рѣшительно ниспровергаетъ все тонкія хитросплетенія «трактата» въ области чрезвычайно простаго слова «умереть». «Моисей, рабъ Мой, умеръ» (приводится въ «трактатѣ» текстъ изъ Іис. Нав. 1, 2). Какъ вѣруетъ составитель трактата, это значитъ, что Моисей не существуетъ уже болѣе до страшнаго суда не только по тѣлу, но и по душѣ. Но тогда, что же означаетъ свидѣтельство Евангелія: «и вотъ явились имъ Моисей и Ілїя съ Нимъ бесѣдующіе (Мѡ. 17, 3)? Какъ могъ Моисей

явиться на Гаворѣ, если онъ былъ мертвъ т. е. не существовалъ? Въ полную параллель этому можно привести и другое свидѣтельство изъ 1 кн. царствъ. «И умеръ Самуиль... и погребли его въ Рамѣ, городѣ его, читаемъ мы въ 28, 3 этой книги,—а нѣсколькими строками ниже: «и отвѣчала женщина (волшебница Сауду): вижу какъ бы Бога, выходящаго изъ земли... Тогда узналъ Саулъ, что это Самуиль, и палъ лицомъ на землю, и сказалъ Самуиль... (ст. 14—16). Какимъ образомъ могъ явиться Сауду пророкъ, если онъ, какъ умершій, по ученію «трактата», пересталъ существовать?—Считаемъ пока достаточнымъ ограничиться этими двумя свидѣтельствами, такъ какъ другія,—доказывающія православное ученіе о самостоятельномъ, внѣ тѣла, существованіи души по смерти человѣка, будутъ приведены въ опроверженіе второго положенія «трактата», которое (положеніе) мы разберемъ въ слѣдующей книжкѣ.

Свящ. Евг. Напраловъ.

(Оконч. въ слѣд. книжкѣ).

Изъ миссіонерскихъ запросовъ.

О правильномъ чтеніи 1 Тессал. V, 13. — Можно-ли присоединять инославныхъ въ единовѣрч. храмѣ.

Желательно было бы получить нѣсколько словъ въ отвѣтъ на слѣдующій вопросъ: какъ правильнѣе читать послѣднія слова 13-го стиха V-й главы 1-го посланія къ Тессалоникійцамъ: „будьте въ мирѣ между собою“ или „*pacem habete cum eis*“, какъ читается это мѣсто въ *Biblia sacra Vulgatai. Editionis...* (Venetiis, MDCLXXVII), — *cum eis*,—т. е. съ трудящимися у нихъ (Тессалоникійцевъ) и предстоятелями въ Господѣ и вразумляющими ихъ (12 ст.).

Подписчикъ.

Вариантъ *cum eis* встрѣчается гораздо раньше, чѣмъ въ *Biblia sacra...* 1677 г., на которую указываетъ вопрошатель: онъ читается въ сирскомъ переводѣ Пешито и въ бесѣдахъ на посланія къ Тессалоникійцамъ св. Іоанна Златоуста и бл. Теодорита. Чтеніе, принятое въ нашей Библии изд. Св. Синода, правильнѣе и естественнѣе въ ходѣ рѣчи апостола; оно является обобщеніемъ мыслей, высказываемыхъ апостоломъ въ 12-мъ и первой половинѣ 13-го стиха, и содержитъ наставленіе о «храненіи мира» и «пребываніи въ любви», которое служитъ душою и центромъ новозавѣтной христіанской морали (ср. Матѣ. V, 9, 1 Іоан. III, 11; Римл. XII, 18; 1 Петр. III, 11; Евр. XIII, 1 и друг.). Между тѣмъ какъ требованіе апостола «имѣть миръ съ предстоятелями въ Господѣ» (*pacem habete cum eis*) или духовными наставниками Тессалоникійцевъ» само собой предполагается рѣчью апостола о преимущественной любви и уваженіи къ этимъ лицамъ (ст. 12 и 13) и не нуждается въ нарочитомъ повелѣніи. По мнѣнію одного изъ авторитѣйшихъ нашихъ библеистовъ, въ настоящее время трудно, сказать, какъ вариантъ *cum eis* появился въ нѣкоторыхъ текстахъ Библии,—потому что не сдѣлано еще критическаго изданія текста апостольскихъ посланій.

Самъ по себѣ вариантъ *cum eis* («съ ними») маловаженъ и не вноситъ никакихъ догматическихъ противорѣчій. Преосвященный Феофанъ оба чтенія — «будьте въ мирѣ между собою» и «будьте въ мирѣ съ ними» въ своемъ толкованіи на 1-е посланіе къ Фессалоникійцамъ прекрасно объединяетъ (стр. 216).

С.-Петербург. епарх. миссіон. *Н. Бутаконъ.*

Господинъ Редакторъ!

Прошу разъяснить на страницахъ уважаемаго журнала „Миссіонерское Обозрѣніе“ слѣдующій вопросъ:

Можно ли присоединять къ св. Церкви лютеранина въ единовѣрческомъ храмѣ по обряду сей церкви?

Если можно, то какому „перстосложенію“ слѣдуетъ научить присоединяемаго: двуперстному или троеперстному? Наученіе первому не будетъ ли противленіе собору 1666—67 года?

Свящ. *Александръ Азбукинъ.*

Отвѣтъ.

«Единовѣріе», съ соблюденіемъ дониконовскаго «старого» обряда, благословлено св. Церковью по снисхожденію только для воссоединяющихся изъ раскола. Присоединяющіеся же къ православной Церкви изъ инославія (католичества и лютеранства) должны быть принимаемы въ Церковь по установленному «чину», въ православномъ храмѣ и съ наученіемъ присоединяемыхъ обряду—перстосложенію для крестнаго знаменія и др.—исправленному и «обдержанному» въ нашей св. Церкви.

Н. Гринякинъ.

Изъ записокъ и дневниковъ.

Миссіонерскіе очерки.

VI.

Въ гостяхъ у молоканъ.

Меня пригласили въ гости къ вожакамъ молоканскимъ. Былъ зимній вечеръ. Нужно было ѣхать верстъ десять. Лошаденка оказалась плохая. Постоянно мы сбивались въ сугробы. На небѣ не видно было ни звѣздочки. Начинало мести снѣгъ. Съ напряженіемъ изслѣдуемъ сѣрую даль. Нигдѣ не замѣчалось признаковъ жилья.

Наконецъ въѣзжаемъ въ ближнее село. Я рѣшилъ было бросить своего убогаго возницу и выпросить у мѣстнаго священника лошадей. Приближаемся къ его дому: освѣщеніе необычайное. Что это значитъ?..

Вхожу въ домъ. Старуха переобувается въ сѣняхъ. Прислушиваюсь: изъ внутреннихъ комнатъ слышатся какое то монотонное чтеніе и запахъ ладана. Двигаюсь впередъ и—о, ужасъ!—вижу багюшку „бездыханна лежаща“. Онъ умеръ сегодня днемъ отъ злой чахотки...

Пришлось на прежней подводѣ продолжать путь. Мятель поднялась ужасная. Дороги не видно. Уже въ концѣ села мы сбивались „съ тракта“. Постучались въ избу къ одному мужику. Онъ, выйдя, наладилъ насъ на дорогу.

Дотоптались до оврага. Остановились. Дальше не видно было ни вѣхъ, ни слѣда. Кругомъ—глубокіе сугробы. Поставили лошадь подъ вѣтеръ. Кучеръ побѣждалъ искать дорогу. Я мерзъ отъ холода. Ни о чемъ не думалось. Опасность угнетала воображеніе...

— А что какъ наткнемся на волковъ? мелькнуло у меня въ головѣ. И также мелькомъ я вспомнилъ рассказъ Толстого „Хозяинъ и работникъ“. Мнѣ грезилось, что я Брехуновъ—и я за-

мерзаю... Мнѣ стало досадно: зачѣмъ я поѣхалъ безъ проводника?..

Но слава Богу: мы выбрались на дорогу. Скоро, впрочемъ, опять уткнулись въ сугробъ. Сидѣть въ саняхъ было безсмысленно. Выѣстъ съ кучеромъ я принялся отыскивать слѣдовъ. Кромѣ оврага ничего однако нельзя было разсмотрѣть. Дрожь пробирала меня до костей. Мнѣ казалось, что мы непременно замерзнемъ...

Кое какъ потянулись вдоль оврага. Вотъ и вѣхи. Держимся около нихъ и вдругъ провалились въ яму. Едва не утопили лошади.— Опять беремъ въ сторону и опять путаемся добрый часъ безъ дороги. Съ одной стороны передъ нами гора, съ другой— безбрежная снѣжная степь: хоть ложись и умирай!..

Въ одномъ мѣстѣ случайно взобрались мы на гору. Одновременно мы вскрикнули отъ радости: вдали тускло мерцали огоньки деревни, куда мы ѣхали. Отъ сердца отлегла тоска...

Молоканскіе старики меня давно поджидали. Они собрались въ домъ своего богача Филимона Яковлевича. Пили чай. Встрѣтили меня радушно. Хозяинъ сказалъ при свиданіи

— Здорово стоишь за своихъ. Есть за что угостить!..

Я раздѣлся и молча принялся „чаевничать“. Молокане меня не беспокоили. Они видѣли по погодѣ, что ѣхать было „горевое дѣло“, „однѣ слезы“. Въ избѣ стояло сосредоточенное молчаніе. Лишь понемногу разговорились. Сначала молкане стали выхвалять свою вѣру. Они хвалились, что въ ихъ обществѣ много грамотныхъ, богатыхъ, „заживныхъ“ людей...

— Ну, тоже и бездѣльники есть! сказалъ сынъ хозяина.

Я съ улыбкой взглянулъ на этого откровеннаго молканина. Онъ продолжалъ:

— Теперь вотъ развелись гармонщики, трубокуры, пьяницы. Прячутся лишь отъ стариковъ. Сходятся по вечерамъ, въ отдѣльныя избы —и тамъ ваяя!

— Да, слабыя времена наступили! поддержалъ сына самъ хозяинъ. Во всѣхъ вѣрахъ много дрянныхъ людей развелось...

Я немного „отошелъ“. Чай нагрѣлъ меня. И я спросилъ стариковъ:

— Вижу, друзья, вы хлопочете о своей вѣрѣ. А въ чемъ ее вы полагаете?

Отвѣчать сталъ хозяинъ. Медленно, съ достоинствомъ, досталъ онъ Библію и прочелъ:

— У пророка написано: „вотъ завѣтъ, который Я заключу съ домомъ Израилевымъ послѣ тѣхъ дней, говоритъ Господь: вложу законъ Мой во внутренность ихъ и на сердцахъ ихъ напишу его, буду имъ Богомъ, а они будутъ моимъ народомъ“ (Иер. 31, 33).

Какой законъ положилъ на сердце своимъ избраннымъ Господь Богъ? спросилъ самого себя хозяинъ, и отвѣтилъ: любовь. Любовью всѣ народы живы. Во всѣхъ вѣрахъ требуется любовь. Изъ за нея никто не спорить. Она роднитъ между собою людей. Ея одной и держаться. Въ ней одной и все наше упованье...

Это признание въ устахъ буквѣдовъ—молоканъ меня удивило. Я чувствовалъ, подъ какимъ вліяніемъ оно объявилось. Между тѣмъ подобное признание не соответствовало настроенію большинства молоканъ: Это большинство по прежнему распиналось противъ иконъ, свѣчей, ладана, усматривая въ православныхъ обрядахъ существенное содержаніе вѣры. — Но, чтобы не прерывать естественнаго хода въ разговорѣ, я сказалъ:

— Если любовью проникнуты всѣ народы и она есть во всѣхъ религіяхъ,—значить, можно язычникамъ не принимать христіанства и спастись?

— Я этого не говорю, отвѣтилъ хозяинъ.

— Такой выводъ, сказалъ я, съ несомнѣнностью слѣдуетъ изъ вашихъ рѣчей. Если любовь есть главная, даже единственная добродѣтель, а она, по вашимъ словамъ, заключена во всѣ религіи,—зачѣмъ тогда мѣнять одну истинную вѣру на другую? Зачѣмъ и намъ призывать язычниковъ въ христіанство, какъ велѣлъ Господь (Мр. 16, 15)?

— Чтобы они полнѣе узнали заповѣдь о любви, возразилъ хозяинъ.

— Только? спросилъ я. А развѣ это христіанину не нужно знать, во чье Имя онъ будетъ любить ближнихъ,—кто такой Господь Богъ, нашъ Творецъ, Искупитель и Освятитель? Какъ надобно приходить въ Церковь чрезъ святое крещеніе и какъ слѣдуетъ причащаться таинъ Христовыхъ?

Тутъ дѣло темное! замѣтилъ хозяинъ. Я тутъ понять ничего не могу...

Меня эти рѣчи молоканъ прямо ужаснули.

Я воскликнулъ:

— Ну, ребята, вы проповѣдуете разрушеніе христіанства въ васъ на одинъ волосъ осталось евангельской вѣры.

— Нѣтъ, Евангелія мы придерживаемся! слышалось съ разныхъ сторонъ изъбы.

— Придерживаетесь... сказалъ я. А вѣруете-ли вы во Христа какъ Второе Лицо Св. Троицы?

— То есть, какъ это? спросилъ рядомъ со мной сидѣвшій молоканинъ. Богъ одинъ. Какія же въ Немъ Лица?

Я отвѣтилъ:

Вы заявили сейчасъ, что „еще“ вѣруете Евангелію. Такъ въ Евангеліи отдѣльно учится о Богѣ Отцѣ, Сынѣ и Св. Духѣ (Мѡ. 28, 19). Это и есть три Лица Св. Троицы. Богъ Отецъ говорилъ съ неба, при крещеніи Христа, Сынъ крестился въ Иорданѣ, а Духъ Св. сходилъ на Него (Мѡ. 3, 16, 17). Вѣруете-ли вы въ такіа Евангельскія сказанія?

— Вѣруемъ, отвѣтили молокане.

Я просто съ дороги сбился. Я не зналъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло. И я спросилъ:

А во Христа, какъ Бога, вѣруете?

— Вѣруемъ. Во Христѣ былъ Богъ, какъ Онъ есть и во всѣхъ насъ. Не отдѣльный Богъ, а все одинъ и тотъ же Богъ (Ис. 81, 6). Богъ все наполняетъ...

— Это совсѣмъ не то. Если Богъ былъ во Христѣ, какъ во всѣхъ насъ, —значить, Иисусъ былъ простымъ человѣкомъ. Значить Онъ грѣшилъ, какъ всѣ мы, а о Немъ сказано, что Онъ не сдѣлалъ никакого грѣха (1 Петр. 2, 22). Чѣмъ же въ такомъ случаѣ мудрецы отличаются отъ Христа.

Тѣмъ, сказалъ хозяинъ, что мудрецы грѣшили и грѣшатъ, Христосъ же былъ безгрѣшный.

Я возразилъ:

— Почему же Христосъ не грѣшилъ. Вѣдь зло и грѣхъ заправлены въ самую человѣческую природу (Іов. 14, 4; 15, 16). Всѣ мудрецы, даже самые великіе, грѣшили и грѣшатъ, а Христосъ не грѣшилъ. Значить Онъ былъ не простой человѣкъ, а Богочеловѣкъ въ особенномъ смыслѣ...

Молокане не знали, что имъ говорить. Если бы они стали развивать свои прежнія мысли,—дѣло „зашло бы далеко“. Отъ Евангелія не осталось бы слѣда. Они это чувствовали. Если согласиться съ православнымъ вѣроученіемъ,—какъ то совѣстно признаться въ дѣтскихъ заблужденіяхъ...

И всѣ молчали. Мнѣ было ясно, что молокане тронулись въ своихъ вѣрованіяхъ. Въ ихъ среду занесенъ ядъ толстовскихъ ученій. Они теперь не знаютъ, что имъ дѣлать...

Я поднялся, чтобы проститься съ хозяиномъ и пойти ночевать къ другому молоканину. Я пожелалъ собесѣдникамъ возрастать „въ вѣрѣ евангельской“, какъ о ней учатъ насъ Апостолы, а не такъ, какъ пишутъ о ней злонамѣренные люди въ своихъ подпольныхъ тетрадкахъ.

Меня провожали человѣкъ пять. По дорогѣ я имъ сказалъ, что христіанамъ можетъ быть лишь двѣ дороги: или стойко держаться Евангелія и вѣрить всему, о чемъ оно рассказываетъ,—или впасть въ невѣріе, по ученому, —въ раціонализмъ!..

Мои спутники честно признались, что они „шибко идутъ“ къ раціонализму. И повернуть назадъ не могутъ. Назадъ, по ихъ мнѣнію, одна дорога—въ Церковь православную, а они пока того не хотятъ.

Я почти всю ночь не спалъ, пораженный вечерней бесѣдой съ молоканами.

Д. Боголюбовъ.

Объ общественной церковной молитвѣ за гр. Толстого и другихъ отступниковъ отъ Церкви.

Уважаемый епископъ Сергій такими словами заканчиваетъ свои «Мысли по прочтеніи новой исповѣди гр. Л. Толстого»: «Покуда онъ (Толстой) здѣсь, съ нами, покуда не пробилъ для него часъ явиться предъ престоломъ нашего Судіи, до тѣхъ поръ мы можемъ надѣяться на милость Божию и можемъ молиться, и усердно молиться, да помилуетъ и обратитъ Господь раба своего и да даруетъ намъ опять вмѣстѣ съ нимъ единымъ сердцемъ и едиными усты восхвалять Его святое Имя». Какія глубокія, сильныя слова. и въ тоже время какъ просто высказано то, что больше всего должно бы заботить и волновать теперь каждаго искренняго христіанина по вопросу о Толстомъ, о его отлученіи, вѣрнѣе, добровольномъ отпаденіи отъ православной Церкви.

Самый актъ отлученія также заканчивается молитвенными словами къ Богу о помилованіи и обращеніи графа. Но молимся ли за него мы и считаемъ ли нужнымъ молиться?—Въ литературѣ много пишутъ о Толстомъ, о немъ много говорятъ въ различныхъ кружкахъ и частныхъ бесѣдахъ, но сколько ни наблюдаемъ, все сводится къ выясненію отношенія его ученія къ истинному христіанству, его вліянія на людей сомнѣвающихся, на неокрѣпшее юношество, на возможность ввести въ заблужденіе и вѣрующихъ и проч. Все это, несомнѣнно, очень важно, и разобраться въ этомъ необходимо, но время идетъ, душа гибнетъ на нашихъ глазахъ, и, быть можетъ, ей уже недолго оставаться среди насъ. «Ему обратиться теперь труднѣе, чѣмъ кому бы то ни было—тѣ-же ученики, которыхъ онъ увлекъ за собой изъ Церкви, послужаютъ для него величайшей помѣхой къ обращенію и покаянію», говоритъ все тотъ-же уважаемый епископъ. Господи! какой получается страшный лабиринтъ:—съ одной стороны Левъ Николаевичъ на высотѣ своей извѣстности и авторитетности влечетъ за собой массу послѣдователей на вѣрную гибель, съ другой эти послѣдователи, какъ тяжелые путы отягощаютъ его и тянутъ въ бездну, не пуская воспринять къ Богу. Мы же, искренне

вѣрующіе и страдающіе гибель брата, могли бы и должны своей дружной, массовой молитвой стать противовѣсомъ этихъ повисшихъ на его душѣ послѣдователей его. Но нигдѣ не слышно, чтобы за него молились. Въ церковь несутся все наши нужды общественныя и частныя, все радости и печали, но незамѣтно, чтобы тамъ молились за погибающаго брата. а, между тѣмъ, это печаль наша и общественная, и частная, и для многихъ изъ насъ очень близкая, и. ч. правду сказалъ Толстой въ своемъ отвѣтѣ Св. Синоду, что далеко не одинъ онъ въ своемъ невѣрїи, и многіе изъ насъ видятъ въ тѣхъ рядахъ своихъ близкихъ. Само собой понятно, что и молиться слѣдуетъ о помилованіи и обращеніи не одного его, Толстого, но и всехъ невѣрующихъ, отпавшихъ, заблуждающихся и колеблющихся ближнихъ нашихъ, хотя во главѣ заботъ въ этихъ молитвахъ все же долженъ стоять Толстой вслѣдствіе своего авторитетнаго положенія—обратится Левъ Николаевичъ, и большинство его учениковъ пойдетъ за нимъ.—Очевидно, молятся за графа епископы, которые и въ своихъ журнальныхъ статьяхъ и въ актѣ отлученія взываютъ о немъ къ Богу, молятся, конечно, и тѣ священники, которымъ поручена Св. Синодомъ забота о его обращеніи, но вѣдь это не есть та общественная церковная молитва, въ которой могъ бы участвовать и къ которой невольно привлекался бы каждый вѣрующій, посѣщающій храмъ Божій, молитва, о силѣ которой говорилъ намъ Самъ Христосъ, указывая на нее, какъ на вѣрное средство получить просимое. Есть, правда, въ церковномъ богослуженіи нѣкоторыя общія мѣста, гдѣ мы просимъ о благосостояніи церквей и соединеніи всехъ, а также, чтобы намъ единымъ сердцемъ и едиными усты славить и призывать Св. Имя Его, но это вѣдь ужъ очень обще, и все такъ привыкли видѣть въ этомъ молитву о соединеніи церквей различнаго вѣроисповѣданія, что врядъ ли кто думаетъ въ это время о Толстомъ и ему подобныхъ. Что же касается до молитвы за всехъ вообще совратившихся съ правильной вѣры, читающейся въ кафедральныхъ соборахъ одинъ разъ въ годъ, то вѣдь это такъ мало для тѣхъ, кто нуждается въ нашихъ упорныхъ и продолжительныхъ, и, главное, общихъ и дружныхъ молитвахъ, а туда, въ соборы-то тѣ и попадаютъ, сравнительно, немногіе и молитвъ этихъ большинство даже не знаетъ. Надо еще съ сожалѣ-

нѣмъ сказать, что мы. вѣрующіе, слишкомъ мало подвижны къ молитвѣ вообще, и сутолока житейская на насъ сильно вліяетъ отвлекающимъ образомъ, такъ что мы особенно нуждаемся, чтобы церковь руководила и побуждала насъ къ молитвѣ. Вотъ почему было бы особенно желательно, чтобы ввелись въ церковное богослуженіе особыя молитвы о невѣрующихъ, заблуждающихся и колеблющихся ближнихъ нашихъ, чтобы мы, подъ руководствомъ нашихъ пастырей и вмѣстѣ съ ними, сливались единодушными сердцами передъ Господомъ о спасеніи несчастныхъ погибающихъ. Дѣло ближайшихъ пастырей разъяснить намъ и необходимость церковной общественной молитвы за гнущаго брата нашего Льва Николаевича и ему подобныхъ невѣровъ. Многіе, особенно простой, неграмотный народъ, почти не знаютъ его, многіе не считаютъ нужнымъ за него молиться, а есть даже и такое мнѣніе, будто молиться за графа грѣшно, что молитва за такого богоотступника, богохульника и вообще великаго грѣшника можетъ оскорбить Бога, что она даже бесполезна, п. ч. благодать не дѣйствуетъ тамъ, гдѣ ей явно противятся. На разборѣ двухъ послѣднихъ мнѣній я позволю себѣ остановиться, такъ какъ мнѣ пришлось слышать ихъ, между проч., и отъ лица интеллигентнаго и весьма почтеннаго по своему положенію среди вѣрующихъ.—Если молитва наша можетъ оскорбить Бога, то молиться, конечно, не слѣдуетъ, но вѣдь и равнодушно слушать открытыя, вызывающія богохульства тоже невозможно. Какъ ревнители о Христѣ мы неминуемо должны возмущаться, негодовать и поступать хотя бы такъ, какъ это теперь дѣлаютъ запальчивые противники Толстого, осыпая его ругательствами и угрозами и въ письмахъ, и при личномъ свиданіи, что видно изъ словъ самого Льва Николаевича. Поступать какъ нѣкогда ап. Петръ, отсѣкшій ухо Малху въ защиту Христа? Но мы видимъ, что Христосъ не хотѣлъ этого и кротко Самъ же исцѣпилъ идущаго на него врага. Подобную ревность о Христѣ епископъ Антоній въ одномъ изъ своихъ сочиненій прямо называетъ плотской и неугодной Богу любовію къ Нему. Христосъ молился на крестѣ за Своихъ враговъ, показывая намъ высокій примѣръ смиренія и самыми страданіями Своими за оскорбившій Его міръ далъ образецъ высшей самопожертвованной любви. Наиболѣе рельефный примѣръ отношенія Христа къ оскор-

бляющимъ Его можно видѣть въ обращеніи апостола Павла:—яраго гонителя Своего Онъ Самъ призвалъ и повергъ къ стопамъ Своимъ, и изъ ревностнаго гонителя Павелъ дѣлается еще болѣе ревностнымъ проповѣдникомъ и распространителемъ вѣры христіанской, котораго и теперь постоянно слушаемъ въ церкви и учимся изъ словъ его распознавать правду Божию. Какъ знать, быть можетъ и Толстой отмѣченъ Богомъ, можетъ быть и онъ достоинъ Его призыва? какъ можемъ мы брать на себя великое дѣло Божье—судить брата своего? Кто знаетъ, быть можетъ нравственныя силы его гораздо больше нашихъ.

Говорятъ—гордость, самолюбіе не допускаютъ Толстого къ вѣрѣ. Но если Левъ Николаевичъ дѣйствительно золъ, гордъ, непокоренъ, лживъ, самолюбивъ и вообще таковъ, какимъ нерѣдко рисуется изъ своихъ словъ и дѣйствій, то мы то что, что будемъ судить и взвѣшивать его недостойнства передъ Богомъ? Мы то вѣдь молимся же за себя Богу, не боясь оскорбить Его этимъ, а можетъ ли кто изъ насъ, положи руку на сердце, сказать, что онъ лучше, болѣе достоинъ передъ Богомъ, чѣмъ Толстой? Левъ Николаевичъ оскорбляетъ Его въ своемъ безумномъ невѣріи,—мы, вѣруя и исповѣдуя Его, приобщаясь Тѣла и Крови Его и признавая все установленныя Церковью таинства, дѣлаемъ это на каждомъ шагу и словомъ и дѣломъ, распинаемъ каждый день своего Господа своею грѣховностью, душевной грязью, полнымъ неумѣніемъ и нежеланіемъ понимать волю Его, ненавистью и равнодушіемъ къ ближнему.—Христосъ въ многочисленныхъ притчахъ поясняетъ намъ, какъ надо относиться къ заблудшимъ—притча о блудномъ сынѣ, о потерянной мелкой монетѣ, о заблудшей овцѣ и др.,—все это не показываетъ ли намъ, какъ дорого Ему выискать погибшее, и сколько радости бываетъ на небесахъ о раскаявшемся грѣшникѣ? Зачѣмъ же хотимъ мы идти другимъ путемъ. зачѣмъ не хотимъ войти въ радость Отца Своего Небеснаго, зачѣмъ не хотимъ принять участія въ поднятіи погибающаго брата?

Второе изъ разбираемыхъ мнѣній говоритъ, что молитва за Толстого, какъ за противника благодати Божіей, бесполезна. Но можемъ ли опять таки мы-то брать на себя такое смѣлое рѣшеніе,—кто же знаетъ, что Толстой дѣйствительно во все моменты своей жизни противится благодати? Дѣло Божье—усмотрѣть, уловить, наконецъ, вызвать моменты сердечнаго призыва. Когда жилъ Христосъ

на землѣ, среди насъ недостойныхъ, какъ часто фарисеи осуждали Его, что Онъ имѣеть общеніе съ мытарями, грѣшниками, блудницами и получали въ отвѣтъ кроткій укоръ, что они не знаютъ, что значить: «милости хочу, а не жертвы»—какъ бы и намъ не заслужить того же укора!

Есть еще одно мнѣніе, которое выставляется какъ препятствіе къ общественной, церковной молитвѣ за гр. Толстого и ему подобныхъ язувѣровъ—будто бы такая молитва за явнаго богоотступника и хулителя вѣры Христовой можетъ возмутить и взволновать умы. Но это препятствіе врядъ ли можетъ считаться имѣющимъ вѣсъ, и. ч. истинно христіанскій смыслъ церковныхъ молитвъ за враговъ достаточно выясняется вѣщимъ духомъ ученія Христа и особенно указанными мѣстами его. И здѣсь дѣло пастырей-же нашихъ выяснить это все и придать молитвамъ истинно-христіанское значеніе во всей нравственной красотѣ его смиренія и любви, а никакъ не возвышенія враговъ Господнихъ и не раболовства передъ ними.

Необходимость молиться общественной молитвой въ церкви за Толстого и всѣхъ другихъ невѣрующихъ ближнихъ нашихъ мнѣ представляется тѣмъ настоятельнѣе, чѣмъ меньше видится путей и способовъ помочь имъ. Всѣ доказательства вѣры, по большей части, раздражаютъ невѣрующихъ, что видно и изъ отношеній Льва Николаевича къ желающимъ убѣдить его, и, вѣроятно, многіе изъ насъ, не разъ наблюдали это раздраженіе изъ личныхъ сношеній съ графомъ или ему подобными отступниками христіанской вѣры. Да и возможно ли вообще доказать разумомъ то, что берется преимущественно чувствомъ? Не самонадѣянно ли также будетъ брать на себя возможное только одному Богу? Поэтому—убѣждай, дѣлай все отъ тебя зависящее, но молись и ищи помощи отъ Бога прежде всего: и такъ какъ дѣло обращенія такъ страшно гибнущихъ на нашихъ глазахъ ближнихъ одинаково близко должно быть каждому христіанину, то и молиться, очевидно, слѣдуетъ дружно, энергично, сливши во одно всѣ сердца свои передъ Богомъ. И если ужъ признать указанную необходимость нашихъ общихъ за нихъ молитвъ, то надо дѣлать это скорѣе, пока стоящій во главѣ погибающихъ и, можетъ быть, болѣе всѣхъ отвѣтственный, вслѣдствіе своей особой одаренности, братъ нашъ Левъ Николаевичъ еще съ нами. Своими

молитвами докажемъ имъ ксати, что они очень ошибаются, думая, что мы относимся къ нимъ нетерпимо, съ несвойственнымъ христіанству деспотизмомъ, а наоборотъ желаемъ имъ только спасенія; хотя бы значенія его они и не поняли, но не могли бы не усмотрѣть въ этомъ искреннемъ нашемъ желаніи, вылившемся въ горячую и дружную за нихъ молитву, самаго сердечнаго къ себѣ доброжелательства нашего. Такимъ образомъ выполнилось бы хоть въ данномъ случаѣ одно изъ глубочайшихъ прошеній молитвы, заѣщанной намъ Самимъ Господомъ—«да святится Имя Твое», равно и Заповѣдь Христова: «такъ да просвѣтится»... и свѣтъ этотъ, будемъ надѣяться, озаритъ и согрѣетъ омрачившіяся и очерствѣвшія сердца заблудшихъ.

Любовь Пребстингъ.

Случайная бѣсѣда по поводу „Альбигойца“.

(Въ вагонѣ желѣз. дороги).

Теперь въ модѣ иносказанія въ печати.

То тамъ, то здѣсь появляются въ періодическихъ изданіяхъ разнаго рода повѣсти, басни и т. п., въ которыхъ аллегорически изображаются современные намъ лица и событія.

Прямо, открыто говорить боязно: пожалуй прикроютъ газету, да и не такъ заинтересуешь публику! Лучше „пускать“, какъ говорятъ цивилизованные мѣщане, скрытую мораль.

И „пущенная“ печатью притча странствуетъ по свѣту, волнуя умы людей и разжигая страсти.

— „Вы не читали „Альбигойца?“ спрашиваетъ меня сосѣдъ въ вагонѣ. „Нате прочтите“.—Читаю: „Старый альбигоецъ, могучій графъ Раймондъ Тулузскій одиноко умиралъ въ полуразрушенной башнѣ своего родового замка... и т. д.

Конецъ: „...и хотѣли похоронить Раймонда съ честью. Но легатъ Арнольдъ приказалъ выбросить трупъ его собакамъ“. (Перепечатано изъ „С.-Пет. Вѣд.“).

— Ну, что по-вашему? спрашиваетъ сосѣдъ.

— Это, говорю, не о Толстомъ-ли?

— Вотъ видите! воодушевляется и сверкаетъ глазами собесѣдникъ. Значить, я вѣрно разгадалъ, когда и вы также поняли, какъ я.

Начинается обмѣнъ мыслей.

— По-вашему „онъ“ живъ?

— Не знаю, говорю.

— А по моему, горячится сосѣдъ. „онъ“ умеръ! Онъ умеръ! Но это тщательно скрываютъ изъ боязни... и вотъ, только такимъ способомъ, подъ иносказаніемъ, проникнетъ въ печать свѣдѣніе о томъ, что гр. Толстой умеръ и останки его лишены погребенія.

— Это, говорю, вы очень поспѣшное заключеніе дѣлаете...

Затѣмъ, не думаю, чтобы съ трупомъ его обошлись такъ, какъ съ альбигойцемъ. У насъ даже отпѣтые злодѣи и каторжники не лишаются преданія землѣ.

— Вы отдѣлываетесь отъ прямого отвѣта... Вы, наконецъ, сами же читали вотъ это: „и хотѣли похоронить Раймонда съ честью. Но легатъ Арнольдъ приказалъ выбросить трупъ его собакамъ“... Ну, развѣ не ясно?

— Что, говорю, ясно? Мнѣ ясно то, что здѣсь написано о средневѣковомъ еретикѣ Раймондѣ, но чтобы и съ графомъ Толстымъ также поступили, это ни откуда не ясно.

— Вы, значитъ, берете свои слова назадъ, о томъ, что въ этой статьѣ „Альбигоецъ“ подъ именемъ графа Раймонда подразумѣвается Левъ Николаевичъ?

— Нѣтъ, говорю, не беру. Догадываюсь, что газета этимъ разказомъ „мораль пушаетъ“... „Аббадонна“, говорю, подлилъ демонизма въ свою статью, рассчитывая на легко возбуждающій матеріалъ.

— Такъ по-вашему и то невѣрно, что графа проклинали и никто изъ священниковъ не смѣлъ его исповѣдать?

— Конечно, говорю, не вѣрно. У насъ даже нѣтъ слова „проклятъ“, а есть *anathema*, т. е. отдѣленъ. А о Толстомъ такъ даже и не говорили *anathema*, а просто извѣстили всѣхъ, кому вѣдать надлежало, что графъ ничего не желаетъ имѣть съ нами общаго. И Церковь отлучаетъ его посему отъ своего общенія. Но никто-бы изъ священниковъ не отказалъ ему въ исповѣди, еслибы Толстой того пожелалъ.

— И вы-бы пошли „его“ исповѣдывать? спрашиваетъ.

— И я бы пошелъ, говорю, если бы узналъ, что онъ хочетъ покаяться. И еслибы онъ покался, то я бы тотчасъ телеграфировалъ въ Св. Синодъ. и Толстой, само собою понятно, сподобился бы по смерти христіанскаго потребенія.

Мой собесѣдникъ руками развелъ.

— Не удивляйтесь, говорю, и не считайте меня за „либеральнаго пона“. Я, напр., недавно ходилъ къ одному умирающему еврею. Онъ, умирая, захотѣлъ видѣть православнаго священника. Родные его не хотѣли допустить этого. Но, наконецъ, видя его отчаяніе и, вѣроятно, взявши съ него елятву, что онъ не крестится, пришли ко мнѣ, прося придти повѣдать своего знакомаго, умирающаго Нефалима.

Я пришелъ. Вижу измученное лицо Нефалима. Въ глазахъ его испугъ, отчаяніе. Видна „матушная душа“. Нефалимъ желалъ, чтобы вся его родня вышла и осталась только горько плачущая жена его. Оставшись съ нами, онъ часто, часто зашенталъ: „господинъ священникъ... я умираю... но мнѣ мира нѣтъ... Душа не отдѣляется отъ тѣла... и это потому... потому“...

Онъ, видимо, не находилъ словъ. А я молился вслухъ: „Господи Боже Авраама, Исаака, Іакова и сѣмени ихъ праведнаго! Дай познать заблудшему потомку Твоего, нѣкогда избраннаго народа, Тебя единого и Его-же послать еси въ міръ Мессію Спасителя, Сына Твоего, Любовь Твою.“

— Помогите мнѣ, зашенталъ Нефалимъ, не тѣлу, а душѣ моей... Вы угадали мои мысли, желаніе мое... Это я вижу по вашей молитвѣ. Я смѣялся надъ Христомъ когда-то; я говорилъ, что „они вѣруютъ въ распятаго сорея“; теперь мнѣ страшно... страшно... я вижу Его лицо: оно прекрасно, оно свѣтло... я читалъ недавно на какомъ-то найденномъ мною оторванномъ листѣ: „земля Завулона и земля Нефалима, люди, сидѣвшіе во тьмѣ и сѣни смертной... свѣтъ увидѣли и свѣтъ великій возсіялъ имъ“... Я — Нефалимъ тоже и жажду этого свѣта: этотъ Свѣтъ—Христосъ и я люблю Его... Ой, душно... воды... Проститесь ли мнѣ, г. священникъ, то, что я не вѣрилъ божественности Іисуса Христа?

— На это, сказалъ я ему, отвѣчу тебѣ словами Того, Кого теперь ищетъ душа твоя: „Всеякъ грѣхъ и хула на Сына простится“... Онъ зналъ, что люди будутъ сомнѣваться въ Немъ и потому за-

райѣ всѣмъ простилъ. Онъ прежде всѣхъ возлюбилъ, значитъ и тебя въ томъ числѣ...

Я не стану утомлять васъ, сударь, передачей подробностей своего разговора съ евреемъ Нефалимомъ. разговоръ былъ недолго. Насъ, очевидно, подслушивали у двери, слышна была суэта. Шеколда звякала. Жена еврея громко всхлипывала и по временамъ дѣлала какіе-то жесты по нашему направленію. Я пытался объяснить умирающему, что потребно для спасенія. Но объясненій своихъ не кончилъ, такъ какъ Нефалимъ схватился за грудь, подвинулъ глаза и умеръ.

Я это, сударь, къ тому вамъ рассказываю, чтобы убѣдить васъ, что не противно христіанину идти къ язычнику, къ невѣрующему, особенно въ смертный часъ. Если я къ іудею пошелъ, то одинаково пошелъ-бы и къ графу, если-бы онъ пожелалъ раскаться. Какъ видите, я про высшую церковную іерархію ничего у Нефалима не спрашивалъ. Не спрашивалъ у него: ходилъ-ли онъ въ церковь? Постился-ли? давалъ-ли десятины и прочее то, что выдумалъ „Аббадонна“, подписавшійся подъ своимъ „Альбигойцемъ“. Я спросилъ Нефалима (и Толстого также-бы): „вѣруешь ли Сынъ Божій быти Іисуса Христа?“ Любишь-ли Его? Признаешь-ли спасительность Его крестныхъ страданій, искупительныхъ для людей? и т. д.

Да и затѣмъ-бы я допрашивалъ его про іерархію церковную? Развѣ мало такихъ, которые въ церкви ходятъ и руки архіереевъ цѣлуютъ, а затѣмъ глумятся, хулятъ и кленутъ?.. Мы даже на исповѣди не спрашиваемъ: вѣруешь-ли въ Свнудъ, признаешь-ли священниковъ? и т. д.

Вѣдь мы такъ со своимъ сословіемъ не навязываемся всякому и каждому. Развѣ мы не знаемъ, что все наше сословіе для васъ—„какъ отребіе міра?“

Надъ кѣмъ потѣшаются, глумятся? Надъ „попами“. Въ томъ числѣ, конечно, надъ всѣмъ духовенствомъ. Особенно теперь принимаетъ видъ систематической травли модное, во французскомъ вкусѣ, „антиклерикальное движеніе“, какъ вы называете. Даже вчера, говорю, въ поѣздѣ одинъ шустрый еврейчикъ (видите, опять еврей!) ратовалъ: „почему никогда погрома поновъ не сдѣлаютъ? Я первый-бы пошелъ!“..

Между прочимъ, скажу вамъ по секрету, что отецъ этого еврейчика, во время погрома въ 80-хъ годахъ, прятался на чердакѣ

въ домѣ моего отца,—священника-же, отъ толпы, разгромившей его корчму и лавку. Отецъ тогда вышелъ къ толпѣ и, на требованіе выдать жидовъ, сказалъ имъ, что жидовъ достанутъ, только переступивши черезъ его, отца, трупъ и не выдать ихъ.

Вотъ, говорю, и эта статья про альбигойца — „антиклерикальная“, а потому не придавайте ей значенія. „Аббадонна“ хочетъ „помодничать“ немного. Не сомнѣвайтесь, прошу васъ, въ томъ, что всякій православный священникъ, явившись на призывъ къ умирающему графу, исповѣдать его, не только не станетъ проклипать его за глумленія надъ Церковью и ея служителями, а порадуется его покаянію, скажетъ кающемуся по-братски: нехорошо, вы графъ дѣлали, что гордились, какъ денница, противникъ Божій... Вы могли и не признавать насъ, служителей Бога Вышняго, но не должны были соблазнять „малыхъ сихъ“. Вы прозрѣли, а они — прозрять-ли? И кто за нихъ отвѣтитъ? Итакъ, возьми, рабъ Божій Левъ, свои хулы назадъ, покаяйся и отойди съ миромъ къ Судіи Праведному.

А затѣмъ, говорю, простите, если я что не такъ сказалъ.

Поѣздъ остановился, и я вышелъ на платформу своей станціи, оставивъ своего собесѣдника.

Жалѣлъ я потомъ, между прочимъ, — почему я не посовѣтовалъ моему спутнику прочесть „Лебединую пѣсню“ въ Бозѣ почившаго Архіепископа Амвросія.

Свящ. М. Розовъ.

ИЗЪ ДНЕВНИКА СВЯЩЕННИКА-УЧИТЕЛЯ.

Пастырь въ роли медика.

До меня дошелъ слухъ, что наставникъ нашихъ безпоповцевъ-поморцевъ, Ермолай Ив-чъ Тез-въ, сильно заболѣлъ. Ер-й И-чъ живетъ въ селѣ Вас-нѣ; завѣдываетъ онъ поморцами села Ва-ны и нашей деревни. Говорятъ, что будто „для исправленія своихъ“ онъ ѣздитъ въ г. Моршанскъ, с. Текино и еще куда-то. Среди нашихъ раскольниковъ онъ пользуется большимъ вліяніемъ; его слово считается непререкаемымъ. Побесѣдовать съ этимъ автори-

тетнымъ учителемъ мнѣ давно хотѣлось: предпринимать я нѣ сколько попытокъ къ этому, но онѣ не имѣли успѣха.

Такъ, одинъ разъ, пріѣхавъ въ село Вас-ну, я взялъ тамошняго псаломщика Ив. Т. Ма-на, какъ человѣка знакомаго съ Ерм-мъ Ив-мъ и отпразднѣли въ его домѣ. Псаломщикъ Ма-нъ, знавшій положеніе дома наставника, шелъ первымъ: онъ постучалъ въ дверь сѣней; дверь, хотя и не сразу, но отворилась; Ма-нъ вошелъ въ сѣни, а я за нимъ. Въ сѣняхъ было довольно темно. Предъ нами стоялъ самъ Ер-й Ив-чъ. Обращаясь къ намъ, онъ сказалъ: „это кто?“ Ма-нъ объяснилъ, что пришли „побесѣдовать о духовныхъ дѣлахъ“. Не разговаривая долго, Ерм-ай Ив-чъ ухватилъ Ма-на за рукавъ и, повертывая къ двери, сказалъ: „идите, идите, одного приму, а двоихъ не могу“. Я выразилъ желаніе остаться одинъ и поговорить, но Ерм-ай Ив-чъ и въ этомъ отказалъ, ссылаясь на то, что будто въ его домѣ есть женщина „не-праздная“. Выпроводивъ насъ за дверь, онъ захлопнулъ и заперъ. Такъ и не пришлось мнѣ поговорить съ Ерм-мъ Ив-мъ. Послѣ этого я еще нѣсколько разъ пытался понасть въ домъ наставника, но онъ все отказывалъ въ пріемѣ. Прослышавъ о болѣзни Ерм-ая Ив-ча, я рѣшился снова попробовать быть у него. На этотъ разъ попытка моя имѣла успѣхъ; я былъ принятъ въ домъ Ерм-ая Ив-ча. Прежде мнѣ приходилось видѣть наставника вскозь нѣ сколько разъ; онъ средняго роста, полный, борода широкая. Вся его внѣшность свидѣтельствовала о силѣ, здоровьѣ, хотя онъ былъ далеко не молодъ. Теперь-же, увидѣвъ безноповскаго учителя, я едва узналъ его. Предо мной былъ сгорбленный старикъ; вся полнота его пропала, грудь сдѣлалась впалой и даже борода какъ-то осыпалась. Поздоровавшись съ нимъ и его дочерью, я сѣлъ около стола и сталъ говорить о болѣзни. Ерм-ай Ив-чъ не былъ покоенъ: онъ то вставалъ со стула, то опять садился, засучивалъ рукава своей поддевки и опять расправлялъ, то поднималъ скатерть на столъ, то снова опускалъ, не было для него ни минуты покоя; какая то странность была во всѣхъ его движеніяхъ. Самъ онъ и его дочь говорили, что у него болитъ сердце, что онъ ни днемъ, ни ночью не знаетъ покоя. При разговорѣ съ хозяиномъ, въ моей головѣ мелькнула мысль, что, если предложить послушать его, согласится онъ или нѣтъ?! Ранѣе и въ домъ не допускалъ, а теперь, думалъ я, быть можетъ, довѣрится мнѣ. Я высказалъ желаніе осмотрѣть его пульсъ. Ерм-ай Ив-чъ протянулъ руку. Я

досталъ часы и сталъ считать удары пульса: удары были ровны и число ихъ нормально. Я пошелъ далѣе; попросилъ послушать грудь и сердце; и въ этомъ не было отказа. Ерм-ай Ив-чъ сидѣлъ неподвижно, а я слушалъ его сердце и грудь. Окончивъ осмотръ, я сѣлъ. Что было сказать? Ничего болѣзненнаго я не нашелъ, да и могъ-ли найти. Ужъ слишкомъ я слабъ въ медицинѣ. А какъ я хотѣлъ и скорбѣлъ, что не могу помочь страждущему. Разговаривая о болѣзни, я посоветовалъ для лучшаго осмотра обратиться ко врачу. Говорить о вопросахъ вѣры я не сталъ; надѣясь еще навѣстить больного, я предполагалъ тогда поговорить съ нимъ о религіозныхъ недоумѣніяхъ. Покидая домъ Ерм-ая Ив-ча, я крайне скорбѣлъ, что при всемъ желаніи не могу помочь безпоповскому наставнику. А если-бы помочь? Тогда, быть можетъ, я сдѣлалъ-бы большой успѣхъ для нашей миссіи. Тогда, навѣрно, Ерм-ай Ив-чъ сталъ бы довѣрять мнѣ и, можетъ быть самъ, сдѣлался-бы членомъ св. Церкви, а за нимъ и многіе изъ его чадъ. Да, очень жаль, что мы, пастыри миссіонеры, слабы въ медицинѣ.

Послѣднее посѣщеніе безпоповскаго наставника.

Ерм-ай Ив-чъ, наставникъ нашихъ безпоповцевъ, все продолжалъ болѣть; навѣстить его и поговорить о кончинѣ мнѣ очень хотѣлось. Бывши въ селѣ Вас-нѣ по своимъ дѣламъ, я рѣшился заѣхать и къ Ерм-аю Ив-чу. Нисколько не смущаясь, я прямо подъѣхалъ къ его дому. Какой-то малый, стоявшій около его дома, какъ только меня замѣтилъ, бросился въ домъ наставника. Наскоро привязавши лошадь, я вошелъ въ сѣнцы. Здѣсь меня встрѣтилъ сынъ наставника, Ө-рѣ. На мой вопросъ: можно-ли поговорить съ Ерм-мъ Ив-мъ, онъ отвѣтилъ, что отецъ сильно боленъ, почти ни съ кѣмъ не говоритъ. Все-таки онъ отворилъ дверь горенки и я вошелъ. Въ особой комнатѣ, на кровати лежалъ безпоповскій наставникъ. Печать тяжелой болѣзни лежала на всемъ его тѣлѣ. Какъ только я подошелъ къ его постели, онъ посмотрѣлъ на меня и обернулся спиной. Такой пріемъ меня покоробилъ, но все-таки я не терялъ надежды побесѣдовать съ нимъ. Оставаясь одинъ, я сталъ ходить по горенкѣ и разсматривать висѣвшія на стѣнахъ выписки. На одной изъ нихъ (выписокъ) было написано завѣща-

ніе Павла *) Коломенскаго: что было написано на другой—я не успѣлъ прочитать. На задней стѣнѣ я замѣтилъ новую картину, на которой былъ нарисованъ возрастъ человѣческой жизни, начинающій съ крещенія и кончающійся погребеніемъ; при крещеніи, вѣчаніи и погребеніи былъ нарисованъ священникъ въ облаченіи. Присутствіе подобной картины въ домѣ безпоповскаго наставника меня сильно удивило. Пока я осматривалъ горенку, вошла дочь Ерм-ая Ив-ча, засидѣлая дѣва (монахиня); она была довольно ласкова и я съ ней началъ говорить о болѣзни отца. Разговаривая съ дочерью, я снова подошелъ къ постели Ерм-ая Ив-ча; на этотъ разъ онъ лежалъ на спинѣ; я спросилъ его. Узналъ-ли онъ меня? нѣ отвѣтилъ, что узналъ; я сталъ говорить о томъ, что опасается-ли онъ смерти. На это Ерм-ай Ив-чъ отвѣчалъ: „всѣмъ должно бояться смертнаго часа“. Тогда я спросилъ его: „покою-ли онъ? чисто-ли у него на душѣ?“ Отвѣта на предложенные вопросы я не успѣлъ получить. Ерм-ай

*) Заѣздъ Павла Коломенскаго.

Раскольническія дѣла.

Преображенскаго приказа и тайной разсыныхъ дѣлъ канцеляріи.

Распространеніе расколовъ въ поморскихъ странахъ, можетъ быть отнесено въ 0000 году. Въ это время Павелъ епископъ коломенскій за расколъ былъ лишенъ сана и сосланъ въ палеостровскій монастырь, что на Онежскомъ озѣрѣ, около года жилъ Павелъ въ монастырѣ и умеръ вънемъ, въ 0000 году.

И въ теченіи этого времени поучалъ окрестныхъ жителей, оставаясь твердымъ въ старой вѣрѣ, и заповѣдалъ не принимать отъ русской церкви никакихъ таинствъ и священнодѣйствій. И приходившихъ отъ нея новокрещенныхъ перекрещивать, и не принимать новопоставленныхъ въ ней священниковъ, утверждая, что не точію священники, еще находившіяся между ими, т. е. раскольниками. Но иноки и простые благочестивыя мужи, могутъ совершать тайны, и удовлетворять другихъ въ духовныхъ нуждахъ.

Еще раскольническая исторія. Преосвященнаго Макарія. Таблица, стр. 000.

Ученіе Павла епископа коломенскаго, распространилось между онежскими жителями. А между тѣмъ возникли соловецкіе смуты, въ 0000 году. Соловецкіе иноки отказались принять присланныя къ нимъ изъ Москвы новонаправленныя книги, и запечатали ихъ въ сундукъ, и поставили въ монастырской оружейной палатѣ. А сами продолжали службы по старопечатнымъ книгамъ. И прочая...

Изданіе Д. Кожанчикова, Санктъ-Петербургъ, типографія товарищества „Общественная Польза“, Выговская пустынь, стр. 000.

Ив-чъ заговорилъ было что-то, но въ это время съ шумомъ отворилась дверь изъ сѣнцевъ и вошла вторая его дочь, состоящая замужемъ. Обращаясь, вѣроятно, къ своимъ, она кричала: „зачѣмъ вы ихъ принимаете? Недавно былъ одинъ попъ, а то пришелъ другой, а тамъ, говорятъ, пріѣдетъ изъ Тамбова“. Затѣмъ, обращаясь ко мнѣ, она сказала: „иди, иди отсюда“. Я было сталъ успокаивать ее, но она съ шумомъ гнала меня. Сопротивляться болѣе не было возможности. Тогда я сказалъ ей: „дай хоть помолиться“. „Ну молись, отвѣчала она, да иди“. Выходя въ сѣнцы, я испытывалъ крайне тяжелое чувство. Вся моя надежда побесѣдовать съ Ерм-мъ Ив-мъ, быть можетъ, въ послѣдній разъ *) оборвалась и оборвалась такъ неожиданно. Идти въ горенку снова было нельзя, уѣзжать, ничего не сдѣлавши, не хотѣлось. Я вошелъ въ кухню, но вся семья наставника была занята работой и на меня никто не обращалъ вниманія; пробовалъ было заговорить, но въ отвѣтъ получалъ или молчаніе или краткую фразу. Чувствовалось, что я никому не нуженъ, что всѣ тяготятся мною и желаютъ скорѣйшаго моего удаленія. Посидѣвши нѣсколько минутъ на лавкѣ, я всталъ и, простившись съ хозяевами, поѣхалъ домой. Чувство грусти и сожалѣнія о погибающей душѣ безпоповскаго настоятеля частью по своей винѣ, а частью по винѣ другихъ, тяготило мое сердце.

Священникъ учитель В—ръ Лавровъ.

(Продолженіе будетъ).

*) Ерм-ай Ив-чъ умеръ; наши поморцы увѣрены, что онъ получилъ блаженство; одинъ изъ нихъ, уговаривая свою больную дочь, говоритъ: „умрешь, тебя дѣдушка Ерм-ай возьметъ и посадитъ на колѣночки и дастъ яблочко“.

Изъ миссіонерской полемики.

Раскольничье собесѣдованіе поморцевъ со спасовцами *).

18 августа 1901 г., во время ярмарки въ Нижнемъ Новгородѣ, въ д. Я. Бугрова бесѣдовали извѣстные раскольничьи апологеты спасовецъ слѣпецъ Андр. Ае. Кововаловъ и поморецъ—Андрей Александровъ Надежинъ. У каждого изъ нихъ было по чтецу. Надежинъ объявлялъ замѣстителемъ себя Америкона Сучкова, крест. с. Безводнаго.

На бесѣдѣ присутствовали православные миссіонеры: протоіерей Фіалковскій и крестьянинъ Иванъ Прѣсвятковъ, нѣсколько раскольничьихъ начетчиковъ: Федоръ Ивановъ бѣгунъ, Аввак. Овнисиновъ, сочинитель раскольнической «Вѣчной Правды», Ив. Ив. Сяницынъ изъ дер. Нов. Усада, А—ъ Корочкинъ изъ Чмута, Кожинъ изъ Тыкова, Таракановъ, Игнат. Мошковъ, Разореновъ, Горбуновъ и человекъ полтора ста слушателей.

Ан. Кововаловъ. Въ предыдущемъ году я дважды бесѣдовалъ съ Токаревымъ и одинъ разъ съ Зыковымъ (о крещеніи); слушатели остались недовольны защитой крещенія поморскими наставниками и просили меня и въ этомъ году побесѣдовать съ почтеннымъ старцемъ Андр. Алекс., я согласенъ, а объ чемъ бесѣдовать, скажите вы.

Слушатели выразили желаніе, чтобы велась бесѣда о крещеніи.

Надежинъ, перекрестившись, началъ: Отцы и братіе! всѣ мы стремимся испросить у Бога милостей за наши злодѣянія. Вина нашимъ злоключеніямъ соборы 54 и 67 гг.; съ того времени мы разсѣяны. Всѣ мы имѣемъ домъ, дворъ, скотину, знаемъ, куда ее загонять, такъ должны мы знать и тотъ дворъ, куда принимать. Дворъ овчій—духовныхъ овецъ—есть Церковь, но грѣхъ ради нашихъ, чрезъ посредство Никона, изгублено овященство. О принятіи во дворъ овчій мы и побесѣдуемъ.

Въ заключеніи своей рѣчи Надеж. высказалъ, чтобы вести бесѣду на основаніи условія изъ 8 пунктовъ: говорить по четверти часа и поставить

*) 8 пунктомъ условія правосл. мисс. былъ избранъ обѣими сторонами посредникомъ.

вопросъ изъ двухъ пунктовъ: 1-й о Церкви, а 2-й о крещеніи. Вопросъ формулированъ такъ: составляетъ ли общество Спасова согласія св. соборную и апост. Церковь? Если составляетъ, то оградите ее признаками? Затѣмъ, приходящіе получаютъ ли дары Св. Духа?

Конов. высказалъ, что по катихизису вѣровать въ Церковь значить вѣровать въ проповѣданія и догматы ихъ божественныя, сирѣчь, полагаемъ на уставахъ церковныхъ и преданія соборная и апостольская. Дворъ то и окажется, когда мы объ этомъ будемъ говорить. Вы говорите: надо вести бесѣду о Церкви, т. е. какъ произошла она послѣ Никона. Это значить.— говорить о происхожденіяхъ. О происхожденіяхъ намъ придется основываться на историческихъ данныхъ, которые вышли отъ писателей господствующей Церкви. Я не отказываюсь говорить и объ этомъ, но желалъ бы начать говорить о чинопріятіяхъ въ Церковь, по свидѣтельству святоотеческихъ книгъ. Согласіе сторонъ нашей и вашей односторонне, а потому я желаю основаться на согласіи постороннихъ.

Надеж. Благоволите поговорить о Церкви. О ней говорится въ нед. 5-ю и 23 по всѣхъ святыхъ. Разумѣемъ и мы, братіе, Церковь Христову, якоже корабль въ мори житія сего обрѣтающуюся, и имѣющую правителя освященныхъ и вѣрныхъ, иже присно Христа имѣютъ пребывающа съ нами (Поуч. въ 5 нед. по пятд. и въ 23-ю—л. 189 и 307—плататели). И въ книгѣ о Вѣрѣ: На семь камней созижду Церковь мою и врата адова не одолѣютъ ю—Церковь яже отъ собранія вѣрныхъ насъ челоувѣковъ (Вѣр. л. 21 и 22). Церковь жена облчена въ солнце, и луна подъ ногама ея... луну же знаменуетъ крещеніе (л. 18 об.). На семь камней созижду Церковь мою, сирѣчь, на вѣрѣ исповѣданія... и на томъ исповѣданіи созда Христосъ Церковь Свою, еже есть вѣрніи людіе во имя его крестившіеся (О Вѣрѣ л. 64 об. и 65-й). Не преидеть родъ сей, дондеже вси сія будутъ—родъ, рече, не тогда сушии, но родъ весь христіанскій вѣрный (Лук. зач. 107). Мы должны показать дворъ.

Послѣ спора, продолжавшагося часа полтора, рѣшились говорить о крещеніи. Ковначоловъ предоставилъ право говорить Надежину.

Надеж. поставилъ вопросъ: Крещеніе дастъ очищеніе первороднаго и произвольныхъ грѣховъ, Ангела Хранителя и благодатныя дары. Вы принимаете безъ повторенія крещенія. Скажите:

„Приходящихъ отъ еретиковъ, безблагодатныхъ, не имѣющихъ даровъ Св. Духа и Ангела Хранителя, на какомъ основаніи вы не крестите? И гдѣ преподаются эти дары крещенія?“

Конов. Крещеныхъ въ три погруженія мы принимаемъ по седьмому правилу 2 всел. соб. Матѣ. Правильникъ говоритъ: седьмое правило 'всел. второго собора явственнѣ законополагаетъ во двѣ бо части всѣхъ раздѣливъ овѣмъ убо мѣромъ помазоватися: овѣмъ ни покрещеватися повелѣваетъ: аріаны убо и македоніаны... и апполліаны понеже точно намъ божественнымъ совершаются крещеніемъ... не мнѣтся быти подобно покрещевати... (Мѣ. Прав. гл. 1, л. 45). Дерзнувый же вторицею креститися хулить первую смерть Христову, въ ней же прежде крестися, аки бы вторицею распиналъ себѣ Сына Божія (Бол. Кат. л. 367). Боимся преступать правила и навлекать на себя судъ.

Какъ же даются дары Св. Духа? На это отвѣтъ имѣемъ въ Благовѣстномъ Евангеліи: „еретикъ бо егда прилежнѣ покается, и исповѣсть свою ересь, и прокленеть съ нею и прочія ереси, ту абіе подають ему общеніе св. Тайнъ“ (Благов. на Іоан. л. 217 об.). Значитъ: еретика 1-го чина благодать даруется черезъ крещеніе, а 3-го чина—черезъ покаяніе.—Въ Прологѣ 25 Марта сказано: приступаетъ къ таинствамъ не просто чистъ, но святъ. Такимъ образомъ дѣлаются святыми принятыя отъ ереси.

Тимоѣ. пресвитеръ великія церкви указываетъ три чина приходящихъ къ св. Божіей Церкви. „И первый убо чинъ есть требующихъ крещенія. Второй же не крещаемыхъ убо, но помазуемыхъ св. мѣромъ. И третій, ни крещаемыхъ же ни помазуемыхъ, но точію проклинаящихъ свою и всяку ересь“ (Кормч. л. 634).

Преступить эти правила мы боимся, по реченному: „Вся, яже чрезъ церковнаго предавія и учительства и воображенія св. отецъ, новотворенная и содѣянная... анаема...“ (Кормч. 641 л.).

Мы просимъ, чтобы намъ отвѣтили на вопросъ: Вы крестите крещеныхъ въ три погруженія, скажите: на какомъ основаніи это дѣлаете?

Надеж. Нашъ почт. собр. сказалъ, что принимаютъ подъ проклятіе ересей, но чѣмъ дополняютъ проклятіе, не показалъ. Онъ рассуждаетъ, что довольно проклятія. Въ рассужденіяхъ мы много найдемъ того, что не приѣмлется въ законоположенія: въ рассужденіяхъ Символъ читается безъ „истиннаго“, но въ моленіяхъ—нигдѣ!

Не довѣсть одного отрицанія. Въ патріаршемъ изложеніи сказано: „сего чина и отъ нынѣхъ вѣрь...“ (Патр. Излож. л. 1, гл. 71)... прокленеть ереси, плюнетъ на діавола и далѣе: „нынѣ стоятъ діаволъ неистовѣ рыдая“ „и тако имѣтъ его не яко христіанина“. Мы видимъ, и по проклятія ересей и по рыданіи діавола, того „не яко христіанина“, а далѣе читаемъ: „иже бывше православни и очистившеся покаяніемъ и молитвою пресвитерскою, мѣромъ токмо помазуются“ (Пор. 4-го счета листь 73), а

такого совершительнаго очищенія намъ не показано; такой строки я не видалъ; покажите строкой. Вы показали только съ приводной стороны—по проклятіи ересей даровъ не видать.

Кромѣ того изъ правилъ видно, что еретики, указанныя въ соборныхъ правилахъ, по недавности ереси, были изъ православныхъ. Говорится: Сей Аріѳъ попъ бѣше Александрійскія церкви... Петръ изрини его изъ церкви. Аріѳъ же, совокупля соборище, своей ереси учаше народы... распространяшеся душепагубная та ересь... На соборѣ Аріѳъ со своими пособники противу вшедъ ста, крѣпко вооружився на Св. Троицу. Къ сему же возглашавше святіи отцы рекоша: Сія ты отъ своего ума, а не отъ св. книгъ извѣсташъ еси, и глаголеши еже твое сердце умысли, а не еже Богъ пророкомъ и апостоломъ о Своемъ Сынѣ вписати повелѣ... и прокленше богохульника Аріѳа, изриниша его изъ Церкви...“ (Соборн. Слово въ 7 нед. по Пасхѣ 797—800 л.). Нынѣшніе еретики уже слишкомъ 200 лѣтъ въ ереси; на нихъ уже благодати нѣтъ, а на тѣхъ еще была, а потому нужно разсматривать—приходящіе еретики слични или не слични эти еретики? Андр. Аѳ. не прочелъ. Въ крещеніи получаетъ человѣкъ: очищеніе отъ грѣховъ, дарованіе всыновленія, Ангела Хранителя и избавляется отъ власти діавола; а въ отриваніи отъ ересей этихъ даровъ нѣтъ. Пусть намъ покажетъ Андр. Аѳ. строкой, получаютъ ли эти 4 дара еретики чрезъ ихъ присоединеніе отъ ересей?

Комов. Добр. сл.! я отвѣтилъ на предложенный вопросъ. Когда св. отцы сподобили св. Таянъ приходящаго отъ ереси чрезъ покаяніе, само собой разумѣется, что присоединяющійся къ Церкви получаетъ четыре перечисленные дара; когда Христосъ дается, то тѣмъ болѣе даются дары, а потому послѣ присоединенія чрезъ покаяніе никто изъ святыхъ такого вопроса, какой намъ даетъ нашъ почтенный собесѣдникъ, не давалъ. Андр. Алекс. вамъ прочиталъ молитву, какую читаетъ священникъ при разрѣшеніи отъ грѣховъ кающагося. У насъ священниковъ нѣтъ,—мы эту молитву не читаемъ, да и у васъ нѣтъ священниковъ; кто же у васъ читаетъ молитву? Да развѣ за молитву-то перекрещиваютъ? Онъ бы это прочиталъ, тогда мы были бы виноваты, что не перекрещиваемъ. Мы ему указываемъ: приходящихъ отъ такихъ еретиковъ надо перекрещивать, отъ такихъ—не надо. Такъ соборъ явственно законъ положилъ, а онъ говоритъ, что это правило говоритъ о тѣхъ еретикахъ, кои крещены еще въ православной Церкви. Гдѣ это онъ намъ прочиталъ, что это правило говоритъ только о крещеныхъ въ православной Церкви? Нигдѣ. Это онъ утверждаетъ отъ своего мнѣнія. Преп. Никонъ Черя. говоритъ: всяко убо писаніе богодухновенно и полезно есть. И сего ради должны есмы во всѣхъ, ихже глаголемъ и

творимъ, имѣти показаніе отъ божествъ. Писаній, да не человѣческими помысленными прельщаемъ спаднемъ праваго пути, и впадемъ въ пропасть погибели» (Ник. Черн. горы лист. 12 на об. и 13). Андр. Алекс. прочиталъ намъ изъ Потребника и говоритъ, будто это говорится о приходящихъ, бывшихъ прежде православными. Неправда. Здѣсь Потребникъ говоритъ о тѣхъ, которые имѣютъ развращенное крещеніе. Св. І. Златоустъ и еретическое крещеніе называетъ святымъ (Ап. Толк. на 1 Кор. гл. 11, зач. 150; л. 548).

Надеж. Мною было прочтано объ Аріѣ, больше я не читалъ, такъ какъ было мало времени. Теперь разберемъ указанныя свидѣтельства. Не соборъ называлъ еретическое крещеніе божественнымъ, а Матвей Властарь, который и опрѣсноки похваляетъ въ угоду папистамъ. Еще крещеніе называется святымъ въ подложномъ словѣ І. Златоуста, въ Толковомъ Апостолѣ. На эти свидѣтельства и ссылается Анд. Ав. Св. І. Златоустъ такъ говорить не могъ. Въ его время епископы Іоаннъ и Порфирій Газскій крестили аріаннина Навклира, когда ѣхали изъ Константинополя (Чет. Мин. 26 Февр.).

Порфирій былъ человекъ святой, слѣдовательно его крещеніе было угодно Богу. Но наше слово крѣпость даетъ винъ ради богословныхъ и нужныхъ, по благоусмотрѣнію въ силѣ ихъ количественной и качественной. 47 пр. Вас. Великаго, по объясненію Никона Чер. горы, повелѣваетъ перекрещивать и новатіанъ, а они въ 7 прав. 2-го собор. упоминаются вмѣстѣ съ аріанами (Ник. Чер. гор. сл. 63; лист. 563). Я привелъ свидѣтельства отъ событій и правилъ; изъ нихъ видно, что перекрещивали таковыхъ еретиковъ; тѣмъ паче необходимо перекрещивать нынѣ. У насъ расколъ состарѣвшійся на 200 лѣтъ, расколъ—отитлованный, а потому и нужно приходящихъ перекрещивать.

Конов. Матвей Правильникъ крещеніе еретическое называетъ божественнымъ крещеніемъ. Это говоритъ Матвей, сказалъ Ан. Ал. Что же? Вѣрить ему не слѣдуетъ что ли? Вѣдь, онъ канонистъ; его правила занесены въ Кормчю; его правила помѣщаются съ соборными правилами. Онъ говоритъ: Отцы собора законоположили—крестить еретиковъ. Нѣтъ, они законоположили только принимать, а не крестить еретиковъ втораго чина. Слова Златоуста въ Толковомъ Апостолѣ онъ признаетъ подложными, а слова эти изъ Апостола занесены въ Кириллову книгу о знаменіяхъ антихристова пришествія (Знам. 6; л. 32), а если бы крещеніе еретиковъ было несвятое, то Церковь стала бы крестить всѣхъ еретиковъ, а этого нѣтъ: еретики 2-го и 3-го чина не перекрещиваются.

Блаж. Августинъ говоритъ: „крещеніе есть дѣйствительное таинство и у донатистовъ, но оно не вводитъ ихъ въ царствіе Божіе... Правильное крещеніе можетъ быть и внѣ Церкви, не только у раскольниковъ, но и у еретиковъ. Іудеи признавали, что и самаряне имѣютъ правильное обрѣзаніе... Ты говоришь, что есть два крещенія, одно истинное, дѣйствительное, которое получается у васъ, и другое ложное, недѣйствительное, получаемое у еретиковъ; но дѣйствительность крещенія зависитъ отъ Троицы, во имя которой оно совершается, а не отъ вѣры крестителя“ (Раск. донатистовъ, стран. 182, 183 и 271).

Этимъ свидѣтельствомъ вы пререкуете, а пререковать свойственно только еретикамъ.

Вы говорите: аріане крестить въ три погруженія, а ихъ перекрещивали, что видно изъ крещенія Навклира Іоанномъ и Порф. Газскимъ. Аріанъ нужно различать, изъ какого они мѣста: если то были аріане изъ Понта (они крестили во едино погруженіе, какъ свидѣлствуетъ книга Кириллова со словъ Епифанія Кипрскаго, лист. 249 на об.), то ихъ перекрещивали, а аріанъ, крестящихся въ три погруженія, не перекрещивали. Епифаній Кипрскій былъ современникъ Порфирію Газскому. Зонаръ, въ объясненіи на 7 прав. 2-го всел. собора, говоритъ, что аріане не перекрещиваются, «потому что касательно святаго крещенія они ни въ чемъ не отличаются отъ насъ, но крестятся одинаково съ православными». Относительно 47 прав. Василія Великаго тотъ же Зонаръ говоритъ, что «7 прав. 2-го собора, безъ сомнѣнія, должно имѣть болѣе силы, какъ позднѣйшее и соборное; при томъ же Василій Великій изрекъ свой отвѣтъ не какъ правило, но высказалъ свое мнѣніе» (Тол. Зонара на 47 пр. Вас. Велик.).

Надеж. Въ оправданіе Матѳея правилописца Ан. Аѳ. сказалъ, что отцы принимаютъ его правила, но всетаки онъ—латынникъ.

О томъ, что 2-й соборъ седьмымъ правиломъ опредѣлилъ принимать аріанъ безъ повторенія крещенія,—не спору, но, вѣдь, правило это написано только 56 лѣтъ спустя послѣ 1-го собора, на которомъ для принятія аріанъ не положено никакого правила. Въ это время аріане не выдѣлялись еще изъ православныхъ христіанъ, а потому и крещеніе ихъ не повторялось. Аріане были александрійскіе христіане и были они еще за православнымъ крещеніемъ, а тѣ—понтійскіе; это—позднѣйшее событіе; они крестили чрезъ погруженіе, а чина-то къ принятію ихъ Церковь не составила—она передавала обычай принимать ихъ безъ правила; это мы видимъ и на другихъ еретикахъ. У Вас. Вел. въ прав. 1 говорится: „Чистіи и тѣ отъ раздорныхъ суть, обаче, но изволися древнимъ, иже о Кипріанѣ

глаголя, и Фирмилианъ нашемъ, единомъ судомъ облагати, чистыя и воздержники и водѣ предстателя“ (Ник. Черн. горы сл. 63; лист. 562 на об.). Всѣхъ ихъ Церковь повелѣвала вновь очищать истиннымъ крещеніемъ. Это подтверждаетъ св. Отецъ въ 47 правилѣ и въ Кирилловой книгѣ говорится: «яко приходящихъ отъ ереси маркіанъ и маркіонитянъ и отъ воздержникъ, рекше водопредстателей и проч. сихъ всѣхъ еретическихъ вѣръ приходящихъ къ православной вѣрѣ нашей христіанской греческаго закона, указываетъ ихъ по правиламъ же св. отецъ совершенно крестити» (Кар. л. 257). Также повелѣваетъ и латынянъ совершенно крестити св. крещеніемъ. Когда въ малой Россіи устранялось единоувѣріе съ Римомъ и гонимые православные малоруссы и бѣлоруссы, лишившись крещенія и прочихъ таинствъ, какъ свидѣтельствуется книга о Вѣрѣ въ главѣ 23 на об. 211 и на 212 листѣ, тогда нѣкоторые изъ пришельцевъ въ Россію просили крещенія и причащенія. Патр. Филаретъ повелѣлъ спрашивать бѣлорусцевъ, гдѣ они крещены и кѣмъ? И если скажутъ: не знаю, а за папу Бога молять, то повелѣлъ крестить ихъ совершенно. Изъ сего мы усматриваемъ, что Церковь православная во всѣ времена крещенныхъ еретиками принимала совершеннымъ крещеніемъ.

Конов. Я просилъ показать, гдѣ Церковь повелѣваетъ перекрещивать крещенныхъ въ три погруженія? Этого Андр. Ал. доказать не могъ. Зонарь прямо утверждаетъ: ничѣмъ не отличается крещеніе у еретиковъ отъ православныхъ. Вальсамонъ въ толкованіи на 47 прав. Вас. Великаго говоритъ: „Настоящее правило не нуждается въ толкованіи, потому что и св. о. оно было написано не какъ опредѣленіе, но какъ мнѣніе: ибо законоположеніе онъ предоставилъ соборному опредѣленію“ (Толк. Вальсам. на 47 пр. Вас. Вел.). Опредѣленіе и высказано въ 7 прав. 2-го собора. Но нашъ почтенный собесѣдникъ объ этомъ правилѣ сказалъ неправду. Онъ сказалъ, что правило написано только 56 л. спустя послѣ появленія ереси, поэтому, будто бы, и признается крещеніе аріанъ, а въ 95 прав. 6 всел. с. то же постановленіе сказано объ этихъ еретикахъ. Что же? И это рѣчь о православныхъ? Теперь разстоянія между 1-мъ и 6-мъ соборомъ 358 лѣтъ. Развѣ эти правила на лѣта поставлены? Въ Кормчей прямо говорится, что подобаетъ даже и до кончины вѣка христіанамъ божественная правила хранить (Кормч. гл. 71; лист. 637), а не на время они положены. Онъ говоритъ, что аріане были alexandрійскіе еретики, а развѣ alexandрійскій христіанинъ не могъ принять pontійскую ересь? На что же онъ, старецъ, говоритъ, что я обманываю? Онъ утверждаетъ, будто Тимоѳей пресвитеръ говоритъ, что нужно всѣхъ еретиковъ перекрещивать. Неправда. Тимоѳей на три чина раздѣляетъ еретиковъ, присоединяющихся къ Церкви:

«И первый убо чинъ есть требующихъ св. крещенія. Второй же не крещаемыхъ убо, но помазуемыхъ св. мѣромъ. И третій ни крещаемыхъ же ни помазуемыхъ, но точію проклинаящихъ свою и всяку ересь» (Кормч. гл. 70; л. 634). Преп. Іосифъ Волоколамскій также свидѣтельствуєтъ, что новатіане и донатіане и воздержницы, и ниніи таковѣ... «аще сіи восхотятъ приступити къ православной вѣрѣ, і ересь ихъ прокленуть, свихъ убо не повелѣваетъ бож. писаніе крестити, но якоже крещены пріимати вскорѣ и бож. таинъ общенію тѣхъ сподобляти» (Просвѣтит. Слов. 15; стр. 319). Послѣ того говорить, что нужно всѣхъ еретиковъ принимать черезъ крещеніе, значить обманывать слушателей, какъ невѣжъ какихъ.

Относительно патр. Филарета я прошу приводить свидѣтельства отъ его писаній, а не на словахъ говорить о его распоряженіяхъ о принятіи еретиковъ.

Надеж. Ан. Аѳ. ссылается на Епифанія Кипрскаго о перекрещиваніи аріанъ единопогруженцевъ; еслибы это было, то непременно было бы описано и 6 всел. соборъ въ 95 прав., соб. Лаодикійскій и Тим. пресвитеръ о томъ не умолчали бы. Ссылку на Епифанія дѣлаетъ только одна Кирил. книга; въ книгу Кирил. правила перенесены изъ Кормчей, а тамъ на Епифанія ссылки нѣтъ, стало быть это описка, сдѣланная при редакціи книги, а мы видимъ въ патріаршихъ потребникахъ, что и аріанъ нужно крестить совершенно. На соборѣ о принятіи бѣлорусцевъ патр. Филаретъ говорилъ, что у бѣлорусцевъ, которые тамъ называются православными, есть многія церковныя несогласія... Въ одномъ догмѣ у нихъ одинъ держитъ вѣру православную, другой папешскую, третій лютерскую, иной кальвинскую, иной новокрещенскую, иной аріанскую; поэтому Филаретъ и возбудилъ вопросъ: какъ принимать бѣлорусцевъ? Соборъ опредѣлилъ: когда кто либо придетъ къ намъ изъ бѣлорусцевъ и скажетъ, что онъ бѣлорусецъ и есть истинный христіанинъ греческаго закона, то такового прежде испытывать, какъ онъ вѣруетъ и истинно ли крещенъ въ три погруженія, или крещенъ чрезъ обливаніе, а у нихъ въ крещеніи обливаютъ, а не погружаютъ, то его, при принятіи въ прав. Церковь, совершенно крестить въ три погруженія; бѣлорусцевъ, которые скажутъ о себѣ, что они были въ иной вѣрѣ и перешли изъ той вѣры въ христіанскую въ совершенныхъ лѣтахъ и крещены въ Литвѣ отъ русскаго попа, который молится за папу, также крестить совершеннымъ крещеніемъ. Русскіе попы, молившіе за папу, были уніатскіе попы (Историческое извѣстье объ Уніѣ. Бантышъ-Каменскій 1805 г. ст. 42).

Конвал. Почтенный старецъ въ доказательство перекрещиванія всѣхъ еретиковъ ниче о не представилъ: въ Кормчѣй такихъ правилъ нѣтъ, а

онъ читалъ изъ Потребника, а къ древнимъ еретикамъ не обращался. Изъ исторической книги онъ читалъ, что перекрещивали еретиковъ съ единымъ погруженіемъ и обливанцевъ; противъ этого я не дѣлаю никакого возраженія; это сказалъ бы и патр. Филаретъ. Истинно ли крещенъ въ три погруженія?—велитъ онъ спрашивать. Которые крещены въ христіанскую вѣру греческаго закона, а въ крещеніи у нихъ обливаютъ и таковыхъ подобаетъ совершенно крестити. Это самое указано вашими родовачальниками и въ 50 отвѣтѣ „Поморскихъ отвѣтовъ“.

20 августа пишущему эти строки не привелось быть въ началѣ бесѣды, а потому запись ведется съ того, что услышано.

Коновал. Феодоръ Студитъ говорить: ереси подобны цѣпи. Вы клевете на св. Григорія Богослова, что онъ училъ перекрещивать.

Надеж. Я спрашивалъ: гдѣ Вас. Великій навелъ на Кипріановъ соборъ праздность? Говорить: у Матвея правилописца, гдѣ сказано Матеемъ опрѣсноки почитать. Это свидѣтельство требуетъ подтвержденія достовѣрности. Преп. Максимъ Грекъ говорить о спасеніи Афродитіана нѣкоего персянина сице: „принеси убо истязуемъ съ прилѣжнымъ искусствомъ истиннаго разума бож. Писавій, аще убо по всему согласуетъ имъ и сшествуетъ, или ни“.

Подобаетъ же вѣдати, яко всяко писаніе трети нѣкими свойствы изряднѣ достовѣрное и твердо имать: аще убо отъ благовѣрнаго и соборнѣй церкви знаема и знаменитаго списателя сложено бысть; второе, аще по всему согласуетъ, якоже предречеса апостольскимъ догматомъ и преданіемъ; третіе, аще кто само въ себѣ по всему согласуетъ, а нигдѣже разликуетъ. Посмотримъ убо, аще списаніе сіе твердо есть по всему предреченными трети свойствы, или ни“ (Преп. Макс. Грекъ, часть 3; слово 20; стр. 126—127). Мы видимъ, что Матеей Прав. восхваляетъ опрѣсноки, сего ради писанія его отвергаемъ.

Послушаемъ гласъ св. отецъ о крещеніи аріанскомъ. Св. Аванасій Великій въ словѣ 3-мъ на аріаны говорить: „Снѣ бѣдствуютъ прочее и о самой полности тайны, глаголю же, крещеніи. Аще бо во имя Отца и Сына дается совершеніе, не глаголють же Отца истиннаго, за еже изметатися изъ него подобнаго существа, отметаются же истиннаго Сына, и иннаго себѣ отъ несущихъ зданнаго востворяюще именуютъ. Како не всеконечно тщее, и неполезное отъ нихъ даемое есть, притвореніе бо нмущее, истинную же ни едину нмущу къ благочестію помощь, не бо Отца и Сына даютъ аріане, но въ зндителя и зданіе, и въ тварь и творца. Якоже ино есть зданіе, кромѣ Сына; тако ино будетъ отъ истины, мнимое ни даятися, аще во имя Отца и Сына, за написанное, именовати притворяются“.

Не бо глаголя, Господи, сей дасть, но со именемъ имѣи и вѣру праву. Сего убо ради и Спасъ не просто заповѣда крещати, но, первое рече: научите, та же сие: крестите во имя Отца, и Сына и Св. Духа, да отъ ученія вѣра правая будетъ, и съ вѣрою крещенія совершеніе приложится. Многія убо и нныя ереси, глаголющія имена точію, не мудрствующія право, яко речеса. ниже вѣру здравствующую имущія, не полезну имуть и отъ нихъ даемую воду, скудствующую благочестіемъ и кропящемуся отъ нихъ паче совершитися въ нечестіи, неже избавлятися“ (Св. Аѳ. Вел. на аріаны, слово 3; л. 40).

И св. Григорій Богословъ говоритъ: „не хочу быть непросвѣщеннымъ по просвѣщеніи, извращая понятіе объ Одномъ изъ Трехъ, въ которыхъ я крестился, и дѣйствительно погребстись въ водѣ, крестясь не для возрожденія, но для умерщвленія... Прости моему безумію, потому что въ опасности моя душа!“ При понятіяхъ извращенныхъ у еретиковъ въ крещеніи они бывають не просвѣщенными, потому что крестятся для умерщвленія; душа ихъ въ опасности, а потому и необходимо ихъ принимать черезъ крещеніе.

Коновал. Св. Кипріанъ перекрещивалъ крещенныхъ женщиной, но Кипріаново мѣніе не принято. Вы вычигываете изъ Аѳанасія и Григорія Богослова, не изъ законодательства, а изъ поученія. „Дай мнѣ другую купель и тогда разсуждай о первой“¹⁾. Вы найдете второе крещеніе. Если Григорій Б. эти слова и говорилъ противъ аріанъ, то надо доказать: о какомъ крещеніи онъ говорилъ—о единопогружательномъ или трепогружательномъ? Мы уже говорили, что у аріанъ было и то и другое крещеніе.

Аѳанасій Великій бѣдствуетъ о полности тайны. Аріане крестили „въ звждителя и въ зданіе“ (Ист. Церкв. Гет. ч. 3, стр. 313). Св. отецъ обличаетъ аріанское крещеніе—„во имя несозданнаго и созданнаго,—во имя Отца—не созданнаго,—во имя Сына—созданнаго. О такомъ крещеніи онъ и утверждаетъ, что для нихъ въ крещеніи—„вода скудствующая въ благочестіи кропящемуся изъ нихъ“. Это разсужденіе подобно Златоустову: „тайны ни единныя (между сомнѣніями еретическими) въ нихъ нѣсть, развѣ крещенія святаго отъ нихъ, еже тако есть достойно, яко крещаемого отъ нихъ, егда приходитъ къ соединенію церкви, пакы крестити не требѣ, аще ли не прійдетъ къ церкви, ничесоже ему нѣсть полезно“ (Толк. Ап. зач. 150; л. 548 на об.); то же значить и вода скудствующая въ благочестіи. Нѣтъ правилъ на чинопринятіе еретиковъ второго и третьяго чина черезъ крещеніе, а если бы кто сталъ противу правилъ крестить, то св. отцы

¹⁾ Сл. 24.

прямо говорятъ: а еже второе крещеніемъ, покаяться хотя, распинаетъ Христа (Толк. Ап. зач. 312; лист. 982).

Надеж. Гдѣ и когда положено правило на праздность Кипріанова правила, Анд. Аѳ. не доказалъ. Я привелъ свидѣтельство Аѳанасія и Григорія Богослова; къ нимъ присовокупляю еще слова Іоанна, митр. Никейскаго. „Что же здѣ речетъ Іоаннъ, митрополитъ Никейскій о аріанахъ еретикахъ согласнѣ въ крещеніи съ Христовыми словесы своя глаголы употребляющихъ? Сн, рече, проклинаеми, да предани будутъ діаволу, уже да не имутъ мѣста спасенію, но да будутъ отъ Христа чужди, аще убо толикими отъ всѣхъ святыхъ прокляти бывше, и отъ Христа отгнани, и діаволу предани, и до скончанія вѣка отъ всѣхъ христіанъ проклинаеми: како паки яко истинніи христіане, и лживи правовѣрніи скверное ихъ крещеніе, и жертвы ихъ, яко истинны и вѣрныя творять, аще бо тьмо-кратницею прокляти бывше, и діаволу предани. Како отъ анаѳемы и отъ клятвы благословеніе изыдетъ; или како отъ діавола духовное и святое дѣло совершается; а отъ анаѳемы благословеніе не бываетъ, и отъ проклятія молитва не исходитъ, и отъ діавола Христово таинство не совершается, и отъ гноища благоуханіе не исходитъ, и отъ гнилаго трупія нинѣ не исцѣлится, ниже отъ червивыхъ удовъ здравіе иному тѣлѣси подается, ни паки отъ ереси, или отъ невѣрія духовное дѣйство исполняется, ни отъ невѣрныхъ, ниже зловѣрныхъ и нечестивыхъ свершенное и благоприятное крещеніе можетъ быти. Тѣмъ же проявлено, яко крещеніе ихъ, и вси яже отъ нихъ, неприятна и непотребна суть“ (Шит. вѣры, част. 2; отв. 69; стр. 123—124). До здѣ Іоаннъ. Въ „Памятникахъ древле-христіанской Церкви“ Вѣтринскаго на стр. 13 подтверждается, что еретиками крещенные не могутъ быть съ Богомъ.

А что собесѣдникъ говорилъ, что Христа распинаютъ второкрещаеміеся, это говорится о тѣхъ, кто поновляется крещеніемъ въ оставленіе грѣховъ въ крещеніи (Толк. Апост. лист. 981 и 982). Христораспинатели, послѣ содѣланныхъ по крещеніи согрѣшеній, говорятъ: нужно покреститься въ оставленіе грѣховъ, сирѣчь, крещеніе употреблять вмѣсто покаянія.

Со стороны поморцевъ въ бесѣду вставляеть свое слово, съ согласія Надежина, крестьянина села Безводнаго Америкъ Соковъ.

Соковъ. Ты наговорилъ, что аріане обливанцы, а обливанцевъ необходимо крестить. Притомъ нужно то имѣть въ виду, что воды суть поганые народы темнаго вавилона, говорятъ Кириллъ Транквилионъ въ Зерцалѣ Богословія (лист. 21), которыхъ змій топчетъ. Вотъ каково крещеніе еретиковъ, а во 2 гл. о пресвѣтломъ Сіонѣ говорится, что Церковь—людь Божій, избранный изъ поганыхъ, и еретиковъ и грѣшниковъ, которые вѣ-

ругаютъ во имя Отца, и Сына, и Св. Духа (лист. 59); а избавляются они отъ змѣя губителя черезъ крещеніе.

Коновал. Меня спрашиваютъ: гдѣ и когда положено правило на праздность Кипріанова правила? Отвѣчаю: Матѳей Прав. говоритъ: „Всѣхъ убо вселенскихъ же и помѣстныхъ, иже въ Кархидонѣ соборъ первѣйшій написуется. Начальника убо имуща великаго Кипріана, во епископъ же множашеся къ четыремъ осьмьдесятъ, иже убо едино токмо изнесоша, яко во образъ правила, отреченіе, иже весьма отъ всякаго еретика же и раскольника крестившихся, къ соборнѣй приходящихъ церкви, пакы крещати, раскольники сущихъ отъ новата... Тогда бо яже сего ересь привиде въ церковь. Сіе нареченіе и великій воспоминаетъ Василій въ похваленіе убо се положивъ, строенія ради празности на ны изрекъ“ (Мѳ. Прав. лист. 6; Составъ: Объятіе всѣхъ вѣвъ). Василій Великій свое мнѣніе высказалъ въ 1-мъ правилѣ, а Церковь на второмъ вселенскомъ соборѣ 7 правиломъ опредѣлила не покрещевать всѣхъ еретиковъ. Свидѣтельство Мѳ. Прав. нельзя зазирать: на правила Матѳ. ссылается и Номоканонъ на 49 листѣ.

Блаженный Августинъ говоритъ объ этомъ: „въ этомъ случаѣ Господь не открылъ очей великому мужу для того, чтобы черезъ это яснѣе обнаружилось его благочестіе, смиреніе и любовь къ спасительному сохраненію мира Церкви“ (Раск. донат. Кутеповъ; стр. 127). Что было сокрыто отъ очей св. мужа, то вы приняли за законъ. Вы ссылаетесь на Кирилла Транквилліона. Напрасно; Кириллъ былъ еретикъ: патр. Іосифъ его велѣлъ проклятію предавать, а царь Алексѣй Михайловичъ его книги велѣлъ сжечь ¹⁾. Матѳею Прав. не вѣрятъ, потому что онъ опрѣсноки похвалилъ, а читаютъ Вѣтринскаго и ссылаются на Кирилла Транквилліона еретика, Церковію осужденнаго. Вотъ какихъ свидѣтелей даютъ. Еще ссылались на Іоанна митр. Никейскаго. Почитаемъ и объ этомъ свидѣтельствѣ въ Кормчѣй.

¹⁾ Указаніе на царя и патріарха невѣрно. Въ исторіи говорится: (1627 г., дек. 1-го) царь (Мих. Ѳед.) и патріархъ (Филаретъ Никитичъ) издали окружную грамоту, въ которой, объявляя, что въ Еванг. Учит. Кирилла «сыскались многія ереси и супротивства древнимъ учительнымъ евангеліямъ», указывали «на Москвѣ и во всѣхъ городѣхъ, литовскія печати учительныя евангелія архимандрита Кирилла Транквилліона Ставровецкаго и инныя книги его, Кириллова, слогу собрати и на пожарѣхъ сжечь, чтобъ та ересь и смута въ мірѣ не была». 4 декабря въ Москвѣ рукою пристава всенародно дѣйствительно были сожжены 60 книгъ учительнаго евангелія Транквилліона (Истор. Митр. Моск. Макарія, томъ XI-й; стр. 49).

„Зримъ же нынѣ въ великихъ и соборныхъ церквахъ, говорится въ 70 гл. Коричей, рекше патріархіяхъ и митрополіяхъ и прочихъ, яко армены, яковитяны, и несторіаны, и прочія безглавныя и подобныя имъ, обращающіяся въ православную вѣру, божеств. миромъ помазуютъ, а не крещаютъ, творять же ихъ проклинати начальники ихъ и се воображся нынѣ виня ради благословныхъ и нужныхъ. Нѣднѣ же совершеннѣ крещаютъ армяны, вину пріемлюще не отъ великихъ церквей, но отъ слова Іоанна митроп. Никейскаго, иже пишетъ къ Захарію соборному великія арменін, аще о нихъ рече, яко ниже рукоположенія имуть, но чужди всякаго рукоположенія—и иже отъ нихъ крещаеміи, отнюдь язычницы не крещены.., мы же сія вся разсмотрѣвши, должны есмы обычаю послѣдовати нынѣ держащему въ митрополіяхъ и патріархіяхъ“ (Кормч. Тимоѣ. Пресвѣт. о приходящ. отъ ересей къ соб. церкви гл. 70; л. 636—637). Хотя Іоаннъ митроп. и считаетъ христіанъ крещеными отъ армянъ язычниками, но это мнѣніе Церковію не принято, а мы должны послѣдовать не тому, что говоритъ одинъ какой нибудь св. отецъ, а что вся Церковь принимаетъ, говоритъ Викентій Лиринскій (Памяти. записки Викент. Лирин. ч. 2; стр. 142 и 143).

При томъ же надо помнить и то, что св. Іоаннъ Дамаскянъ называетъ Христоспчинателями. „Елицы убо во Отца, и Сына, и Св. Духа крестившеся, единому естеству въ трехъ ипостасѣхъ научившеся, паки воспрещаются“ (Св. Іоан. Дамаскинъ Исповѣд. прав. вѣр.; кн. 4; гл. 10; лист. 44).

Надѣж. Для яснаго рѣшенія вопроса о принятіи приходящихъ отъ ереси посмотрихъ слѣдующія правила: Во 2-мъ сост. о крещеніи, въ гл. 1 Матѣей прав. пишетъ: Апост. 47. Четыредесате и седьмое св. ап. правило. Иже бо истиннаго сподобленнаго крещенія, якоже Господне повелѣніе, и апостольское преданіе имъ не покрещевати повелѣвается, а иже злочестивыхъ отъ вѣчестивыхъ оскверненнаго паче, неже крещеннаго, ничтоже сумняшеся покрещевати... (Мо. Прав. Сост. 2; л. 82). Не повелѣваютъ правила дважды человѣка крестити, аще первое истиннымъ крещеніемъ крещень (Корм. гл. 15; лист. 136 къ прав. 48 Карѣ. соб.). 34 пр. Карѣог. собора говоритъ: Ничтоже иже во Иппонѣ собора не требуетъ, исправленія ни предложенія: но токмо день Пасхи во время собора да знается, а въ толкованіи на это правило говорится: „Различни собори быша во всей Африканствѣ странѣ, въ прежнихъ лѣтѣхъ, прежде сего собора, и принесени быша всѣхъ соборовъ тѣхъ заповѣди, и почтены на семъ соборѣ, и почетше св. отцы иппонскаго собора заповѣди, и разумѣвши, яко добрѣ изложени суть; и рекоша, не требуетъ соборъ ни исправленія ни предложенія, но токмо да воздвѣщается день пасхи во время собора“.. (Кормч. гл. 15; л. 132; прав. 34). И преп. Никонтъ Черныя горы въ гл. 71 о священнѣхъ правилѣхъ

пишетъ: Назнаменуемъ же и прочая священная правила, яже святыми и блаженными отцы нашими изложенная, сирѣчь иже въ Никей собравшихся, 318, св. и боговосныхъ отецъ (ради сохраненія времени сокращаю чтеніе)... Кирилла архіепископа Александрійскаго, и еще же и отъ Кипріана бывшаго архіепископа африкійскія страны и мученика, и иже съ нимъ собора изложенное правило еже въ предреченныхъ наѣствникъ иѣствѣхъ точію по преданнѣмъ обычаю удержа: и ни единому же мощно быти проявленная развращати правила, или отметати, или иная паче лежащихъ приняти правила“. И ниже: „и всякій пророческій гласъ заповѣдуетъ намъ, храните свѣдѣнія Божія и жити въ нихъ, явѣ яко недвижима и непоколебима пребывающа: якоже и Боговидецъ Моисей рече; къ нимъ же нѣсть приложити, и отъ нихъ нѣсть отъяти“... (Кормч. гл. 71; л. 639 и 640). Изъ сего всякому понятно, яко Василій Великій положилъ упразднить праѣло Кипріаново, это есть естественная ложь. Другая ложь, что у еретиковъ крещеніе божественнымъ, будто бы, называется. Оно не крещеніе, но паче оскверненіе именуется. „Аще убо, говоритъ Іоаннъ митр. Никейскій, толкиими отъ всѣхъ святыхъ проклѣти бывше, и отъ Христа отгнани, и діаволу предани, и до скончанія вѣка отъ всѣхъ христіанъ проклинаемы; како паки яко истинніи христіане, и живни правовѣрніи, скверное ихъ крещеніе, и жертвы ихъ яко истинны и крѣпкія творять? Сквернымъ, а не божественнымъ именуется крещеніе еретиковъ, а потому по правиламъ и нужно ихъ покрещивати.

Новый рьяный совопросникъ спрашиваетъ: скажите намъ: гдѣ запрещено крестить еретиковъ?

Коновал. Раскрываемъ Кормчую, читаемъ седьмое правило 2-го всел. собора: „Четыренадесятницы, иже и средницы глаголются, и аріане, и новатіане, и македоніане, и саватіане, и аполинарите, писаніе вдовше, пріятин, помазующе токмо вся чувства (Кормч. гл. 11; 7 прав. 2-го всел. соб.; л. 88). Тимоеей пресвитеръ говоритъ, что приходящіе къ св. Вожіей Церкви присоединяются тремя чинами (Кормч. л. 634). Вас. Вел. утверждаетъ то же: „отъ еретика, говоритъ онъ, крещеніе непріятно: отъ раскольника же, и отъ подцерковника пріятно“ (Кормч. гл. 21, 1 пр. Вас. Вел.; лист. 224). Сими завѣщаніямъ согласуютъ и правила соборныя: 1-го всел. соб. прав. 8 и 19; 2-го всел. соб. 7 и 8; 6-го всел. соб. пр. 95. Вас. Вел. правил. 1 и 47. Лаодикійскаго собора правил. 7 и 8.

Въ Кирилловой книгѣ говорится: „Аще кто въ той седми вселенскими соборы утвержденной правдѣ пребудеть, спасенъ будетъ, якоже пишетъ, а кто отступитъ, или въ чемъ нарушитъ, погнѣветъ во вѣки. Егда же уставися послѣднее и совершенное исповѣданіе вѣры, то уже нѣсть potreбы претворяти, или отъяти, или премѣнити“ (Кормч. кн. л. 30).

Наставленіе это относится не только къ вѣрѣ, но и къ правиламъ, какъ сказано: „Сія же вся преднаписанная, изложенія же и отвѣщанія св. соборовъ: Аще кто отъ угодныхъ богоносныхъ отцевъ поколебаетъ что, не кому се смотрѣніе нарицаешъ, но преступленіе преданія велѣнію, и къ Богу нечестіе“ (Кормч. лист. 641).

Послѣ этой рѣчи Андр. Аѳ. Коновалова православный миссіонеръ, присутствовавшій на бесѣдахъ сказалъ: г.г. собесѣдники и слушатели! вотъ уже нѣсколько дней вы рѣшаете вопросъ: какимъ образомъ принимать христіанъ, приходящихъ въ ваше общество? Общество поморцевъ говоритъ: нужно принимать черезъ крещеніе, т. е. первымъ чиномъ. Въ пользу этой мысли приводятъ доказательства Андрей Александровичъ (Надежнинъ). Спасовцы принимаютъ приходящихъ въ ихъ общество чрезъ отреченіе отъ ересей, то есть, третьимъ чиномъ. Андр. Аѳ. (Коноваловъ) приводитъ свои свидѣтельства въ доказательство того, что нужно принимать приходящихъ отъ ересей третьимъ чиномъ.

Теперь оба собесѣдника перечислили въ своихъ рѣчахъ всѣ доводы въ пользу своихъ мыслей, но не могутъ убѣдить своихъ противниковъ принять свои мнѣнія. Отчего это? Оттого, что обѣ стороны неправы: у обѣихъ сторонъ нѣтъ законныхъ совершителей таинства крещенія—священниковъ, а безъ священства, какъ по убѣжденію собесѣдниковъ, такъ и всѣхъ васъ—нельзя совершить чинопріятія вторымъ чиномъ. О принятіи еретиковъ вторымъ чиномъ въ правилахъ ясно говорится, но наши собесѣдники, хотя и упоминали объ этомъ, но, какъ бы по нѣкому умолчанному согласію, оба помалкиваютъ о второмъ чинѣ, а св. отцы о томъ не молчали. Они ясно опредѣлили, кого именно принимать чрезъ миропомазаніе. Такимъ образомъ оба собесѣдника своимъ вынужденнымъ молчаніемъ убавляютъ правила св. соборовъ и св. отецъ о принятіи еретиковъ чрезъ миропомазаніе.

Далѣе: Андр. Ал. правъ въ томъ, что правила повелѣваютъ принимать еретиковъ перваго чина черезъ крещеніе, но не правъ онъ въ томъ, что принявъ одну часть правилъ, двѣ части отбрасываетъ, то есть, онъ знаетъ ничего не хочетъ о принятіи еретиковъ второго и третьяго чина.

И Андр. Аѳ. также не можетъ похвалиться своей правотой. Онъ признаетъ два чина пріемлемыхъ—первый и третій. И приводитъ доказательства только въ пользу третьяго чина, а о принятіи еретиковъ перваго и второго чина умалчиваетъ. Для того въ основаніе своихъ доказательствъ онъ привелъ 7-е прав. 2-го всел. соб. не по Кормчей, а по изложенію Матѳ. Правильника. Это изложеніе, раздѣляющее еретиковъ на двѣ части, болѣе благопріятствуетъ мнѣнію Андр. Аванасьевича, умалчивающаго объ еретикахъ перваго чина.

Изъ бесѣды видно, что Андрей Александровичъ далѣе отстоитъ отъ послѣдованія полнотѣ правилъ, ибо признаетъ одно чинопріятіе чрезъ перекрещиваніе, а Анд. Ао. ближе стоитъ къ содержанію правилъ, потому что признаетъ чинопріятіе чрезъ отреченіе отъ ересей и черезъ перекрещиваніе.

Оба они держатъ одну неправду, отвергая чинопріятіе чрезъ миропомазаніе. Оба нарушили, убавили прав. св. соборовъ и св. отцевъ, что дѣлать запрещаетъ Кириллова и Коричая книга, что вамъ и высказалъ Андрей Аѳанасьевичъ!

Выслушавъ это, слушатели засмѣялись и одинъ изъ нихъ сказалъ: вотъ такъ посредникъ:—обѣ стороны накрылъ крышкой!

Протоіерей *И. Фіалковскій.*

Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги по вопросамъ вѣры и миссіи церкви.

Изъ духовныхъ журналовъ.

Къ вопросу о самозарожденіи сектантства.

Въ первомъ номерѣ «Оренбургскихъ Епарх. Вѣдомостей» за нынѣшній годъ помѣщена небольшая замѣтка протоіерея П. Словохотова: «Изъ области сектантской пропаганды. Эпизодъ половины прошлаго столѣтія». Замѣтка составлена на основаніи дѣла Оренбургской духовной консисторіи и для исторіи сектантства, хотя бы мѣстнаго, большого значенія не представляетъ, по незначительности самого случая, о которомъ разсказывается въ замѣткѣ. Но для насъ разсказанный о. Словохотовымъ эпизодъ показался интереснымъ и поучительнымъ въ другомъ отношеніи, о чемъ мы скажемъ далѣе, познакомявъ предварительно читателей съ исторіей, о которой повѣствуетъ о. Словохотовъ.

Въ деревнѣ Калмыковомъ Камышѣ, Челябинскаго уѣзда, жила въ половинѣ прошедшаго столѣтія бездѣтная вдова солдатка Матрена Пашевкина. Жила она смирно, была немного грамотна и пользовалась репутацией женщины богомольной, благочестивой. Такая репутация особенно упрочилась за ней послѣ путешествія ея къ мощамъ праведнаго Сimeона Верхотурскаго. Однодеревенцы Пашевкиной охотно приглашали ее читать псалтырь по покойникамъ и отдавали къ ней своихъ дѣвочекъ учиться грамотѣ. Такъ жила Пашевкина нѣсколько лѣтъ, «спокойно и не безъ пользы для другихъ»; имѣла достаточныя средства къ жизни и не нуждалась.

Въ 1874 г. познакомилась съ Пашевкиной, проѣздомъ чрезъ Калмыковъ Камышъ послѣ паломничества къ мощамъ праведнаго Сimeона, жена старосты деревни Бурдовой—Несіинова. Пашевкина произвела прекрасное впечатлѣніе на Несіинову и послѣдняя отдала ей своихъ двухъ дочерей для обученія грамотѣ, а потомъ пригласила учительницу къ себѣ въ д. Бур-

леву погостить. Здѣсь Пашевкина также всѣмъ понравилась своимъ благочестіемъ; каждый день утромъ и вечеромъ она становилась предъ иконами и читала вслухъ молитвы по молитвослову, а иногда прочитывала нѣсколько псалмовъ. Папешкиной также понравилось у Несіянновыхъ и она затянула свое пребываніе у нихъ на долгое время. Несіяновы, а потомъ и ихъ родственники начали принимать участіе въ моленіяхъ Пашевкиной. Иногда собирались и посторонніе, даже въ большемъ количествѣ. «Порядокъ при этихъ моленіяхъ наблюдался такой: предъ иконами возжигались лампы или свѣчи, чтецъ или чтница становились впереди другихъ, предъ иконами и читали по книгѣ, ничего отъ себя не прибавляя. Общаго пѣнія церковныхъ пѣсней и какихъ либо каноновъ и стиховъ не было. Обыкновенно, послѣ утреннихъ и вечернихъ моленій всѣ, участвовавшіе въ нихъ, расходились по своимъ домамъ, оставались только хозяева того дома, въ которомъ совершалось моленіе. Но иногда, по случаю дурной погоды или за позднимъ временемъ, собравшіеся на вечернее моленіе оставались ночевать въ томъ домѣ, гдѣ молились, чтобы утромъ не собираться въ другой разъ, а вставши отъ сна и умывшись, приступить къ слушанію молитвъ». Всѣ, участвовавшіе въ моленіяхъ, «были очень довольны Пашевкиной, относились къ ней почтительно, отзывались о ней предъ незнавшими ея съ похвалою, старались вознаградить ее за ея труды чѣмънибудь изъ произведеній хозяйства».

Доселѣ въ дѣятельности Пашевкиной не было ничего предосудительнаго. Но съ нѣкотораго времени стали замѣчать за Пашевкиной, что она начала «зазнаваться и шарлатанить». Во время моленій она иногда подзывала къ себѣ когонибудь, то мужчину, то женщину, и что то имъ шептала; стала называть себя рабой Божіей, придавая этому названію смыслъ угодицы Божіей; внушала своимъ сообщникамъ, что она можетъ намолить челоуѣку несчастье, бѣду и даже смерть; стала требовать себѣ приношеній. Наконецъ, начала назначать женатымъ мужчинамъ духовныхъ жевъ, а замужнимъ женщинамъ и вдовамъ—духовныхъ мужей. Когда собиравшіеся на вечернія моленія оставались ночевать въ томъ же домѣ, гдѣ молились, Пашевкина раздѣчала ихъ попарно,—духовныхъ мужей съ духовными женами, причемъ внушала имъ: «спите такъ, чтобы Духъ Святый радовался на васъ». Опасаясь, чтобы послѣдователи ея, начавши духомъ, не кончили плотью, она воспретила имъ употребленіе мяса и вина. Но потомъ сама же начала требовать и отъ своего духовнаго мужа, и отъ другихъ своихъ послѣдователей—мужчинъ и женщинъ,—чтобы они измѣняли своимъ плотскимъ супругамъ съ духовными. Несоглашавшихся на эти ея требованія она считала одержимыми дьяволомъ и для изгнанія послѣдняго предписывала пить по три раза

въ день, или лѣчила водой, въ которой былъ вымытъ холстъ, сотканный 30 лѣтъ тому назадъ и не бывшій въ употребленіи, и т. п.

Пашевкиной удалось излѣчить отъ запоя крестьянина Кочердыкской слободы Лихачева, къ которому затѣмъ также побѣжала погостить. Здѣсь, какъ и въ деревнѣ Бурлевой, Пашевкина начала совершать свои моленія, затѣмъ вводить «духовное братство» и лѣчить непослушныхъ. Но здѣсь ее постигла неудача: на нее донесли мѣстнымъ священнику и волостному писарю, которые приказали задержать Пашевкину. Въ домѣ Лихачева, куда пришли за Пашевкиной поздно вечеромъ, ничего подозрительнаго не было найдено. Лихачевъ не хотѣлъ выдавать Пашевкиной и отправился просить за нее къ священнику и писарю. Просьба его, однако, успѣха не имѣла. Между тѣмъ Пашевкина, чуя бѣду, попыталась скрыться, но на дорогѣ въ д. Бурлеву была схвачена и представлена старшинѣ, который распорядился посадить ее въ кутузку. «Было вслѣдъ затѣмъ донесено объ этомъ проишесгвіи мѣстному становому приставу, который прибылъ въ Кочердыкскую слободу и произвелъ дознаніе. Оказалось кое что неладно. Дѣло дошло до производства слѣдствія, а потомъ и до суда, по рѣшенію котораго Пашевкина была оставлена въ подозрѣніи».

На этомъ протоіерей Словохотовъ и заканчиваетъ исторію Пашевкиной, такъ какъ дальнѣйшая судьба ея неизвѣстна.

Мы остановились такъ подробно на этой исторіи солдатки Пашевкиной потому, что видимъ въ ней типическій случай того явленія, которое можетъ быть названо «самозарожденіемъ сектантства». Обыкновенно, во всѣхъ отдѣльных случаяхъ возникновенія сектантства вину сваливаютъ на сектантскую пропаганду. И протоіерей Словохотовъ полагаетъ несомнѣннымъ, что Пашевкина была заражена хлыстовщиной, такъ какъ вводила среди своихъ сообщниковъ институтъ духовнаго супружества. Но, вѣдь, впервые хлыстовскія идеи возникли же въ чьей нибудь головѣ самостоятельно, безъ участія внѣшней пропаганды; слѣдовательно, и теперь эти идеи могутъ зарождаться самостоятельно, разъ имѣются благоприятныя къ тому условія. А условія, въ которыхъ жила и дѣйствовала Пашевкина, какъ нельзя болѣе благоприятствовали возникновенію религіознаго заблужденія. Темная деревня жаждетъ духовнаго утѣшенія; но храмъ далеко, а приходскій пастырь, видимо, не особенно заботился о духовномъ состояніи своей паствы. Естественно, что темные и благочестивые люди начинаютъ собираться вокругъ единственнаго лица, отъ котораго могутъ услышать слово о спасеніи, которое можетъ научить ихъ молиться,—вокругъ грамотной вдовы—солдатки. И въ дѣятельности этой солдатки на первыхъ порахъ не было рѣшительно

ничего предосудительного, напротивъ, она заслуживала всякой похвалы и поддержки со стороны приходскаго пастыря.

Но послѣдній не зналъ, что творится въ его приходѣ, и естественно, что Пашевкина, предоставленная самой себѣ, не устояла на правомъ пути, но сбилась съ него и даже начала увлекать за собой и другихъ. Почетъ и уваженіе, которыми ее окружали и которые по праву должны были слѣдовать священнику, если бы онъ былъ дѣйствительнымъ пастыремъ своего прихода, естественно вскружили ей голову и заставили ее возмечтать о себѣ. А изъ такого состоянія прямой и почти неизбежный переходъ къ сектантству, что и случилось съ Пашевкиной. И даже хлыстовская форма, въ которую начинало отливаться заблужденіе Пашевкиной, складывалась какъ бы сама собой, подъ вліяніемъ чисто бытовыхъ условій. Люди собирались вечеромъ для молитвы и, застигнутые непогодой, оставались ночевать, чтобы утромъ опять встать на молитву. Въ такихъ условіяхъ каждому конечно, было бы даже зазорно ложиться спать съ своей плотской женой.

При общей приподнятости религіознаго настроенія и при несомнѣнно существующемъ въ нашемъ народѣ взглядѣ на супружескія отношенія, какъ на несвободныя отъ нѣкоторой грѣховной нечистоты, естественно явилось далѣе стремленіе вообще воздерживаться отъ этихъ отношеній; отсюда—запрещеніе мяса и вина. Наконецъ, какъ бы въ помощь человѣку въ борьбѣ его съ плотью, дается ему нѣкоторый суррогатъ плотской любви—любовь духовная, платоническая, институтъ духовнаго супружества. Но суррогатъ оказывается ядовитымъ; подъ его дѣйствіемъ долго угнетаемая плоть сбрасываетъ съ себя всѣ наложенные на нее оковы, поработаетъ духъ, ослѣпляетъ разумъ: люди предаются разврату и думаютъ, что дѣлаютъ Божье дѣло, упражняются въ ангельской любви...

Въ исторіи Пашевкиной не всѣ существенныя обстоятельства выяснены о. Словохотовымъ съ достаточной подробностью, и потому мы позволимъ себѣ взглянуть на эту исторію еще и съ другой точки зрѣнія. Исторія эта излагается о. Словохотовымъ на основаніи консисторскаго дѣла. Дѣло же возникло по доносу на Пашевкину двухъ крестьянъ слободы Кочердыкской. Когда явились за Пашевкиной въ домъ Лихачева, ничего въ этомъ домѣ подозрительнаго не нашли. Затѣмъ производились дознаніе и слѣдствіе, но какъ производились, кто былъ допрашиваетъ, какія давалъ показанія—обо всемъ этомъ у о. Словохотова ничего не говорится, кромѣ страннаго и голословнаго замѣчанія: «оказалось кое что неладно». Наконецъ, по рѣшенію суда, Пашевкина была только оставлена въ подозрѣніи; значить, на судѣ виновность ея не была доказана.

Всѣ эти обстоятельства позволяютъ и намъ оставить въ силѣ нѣмъ подозрѣніи справедливость утвержденія о. Словохотова, что Пашевкина была заражена хлыстовщиной. Отчего не предположить, что доносъ на Пашевкину былъ сдѣланъ по враждѣ къ ней или къ Лихачеву? Заподозрить ее въ хлыстовствѣ было не трудно на основаніи одного того факта, что пріѣхала она изъ чужой деревни и безъ вѣдома священника устраиваетъ въ частномъ домѣ какія то моленія. А разъ такое подозрѣніе возникло, тотчасъ же должны были пойти о ней разные рассказы, можетъ быть въ существѣ дѣла бывшіе только баснями, но рисовавшіе ее и ея сообщниковъ, какъ заправскихъ хлыстовъ. Священникъ не далъ себѣ труда провѣрить эти рассказы или хотя бы только сходить и поговорить съ Пашевкиной, которая была больна въ то время, когда на нее послѣдовалъ доносъ; онъ только распорядился о задержаніи ея. Пашевкина была арестована, посажена въ кутузку; пріѣхалъ становой; дознаніе, слѣдствіе, судъ; все это въ глазахъ толпы—очень сильныя доказательства виновности того, надъ кѣмъ это все продѣлывается. И вотъ Пашевкина и стала во мнѣніи толпы хлыстовкой, хотя, можетъ быть, въ дѣйствительности была только благочестивой православной женщиной.

Къ сожалѣнію, если даже это послѣднее наше предположеніе вѣрно, все же исторія Пашевкиной—типическая исторія, потому что очень нерѣдко люди съ повышеннымъ религіознымъ настроеніемъ отталкиваются отъ Церкви равнодушіемъ къ ихъ запросамъ духовенства и безтолковымъ выѣшательствомъ низшихъ властей. W.

Новая газета „Заря“ г. Ярмонкина. Въ нацѣ вѣкъ, когда грубый матеріализмъ дерзко попираетъ всякія идеалистическія стремленія, естественно приходится особо дорожить каждымъ дѣльнымъ и разумнымъ начинаніемъ, направленнымъ противъ перваго и къ поддержкѣ и проповѣди послѣднихъ. Однимъ изъ ревностныхъ и—главное—безкорыстныхъ глашатаевъ возвышенныхъ идеалистическихъ принциповъ въ наши дни является В. В. Ярмонкинъ, авторъ „Писемъ идеалиста“, получившихъ уже широкую извѣстность и возбудившихъ въ однихъ читателяхъ искреннее уваженіе къ ихъ издателю, а въ другихъ—взрывъ бѣшеннаго негодованія. Это и понятно. Первые съ удовольствіемъ и, пожалуй, съ нѣкоторымъ изумленіемъ увидѣли, что даже и нынѣ находятся лица и, при томъ, изъ представителей свѣтской интеллигенціи, которыя съ жаромъ, энергично проповѣдуютъ идеи, чуть-ли ужъ не сданныя новѣйшими позитивистами въ архивъ,—идеи, которыя исповѣдывались чаще всего боязливо, такъ какъ матеріалисты не

скушаются на всякаго рода насмѣшки по адресу идеалистовъ, какъ невѣждъ и людей отсталыхъ, какихъ-то почти „ископаемыхъ“. Вторые изъ читателей, именно лица, фанатически преданные матеріалистическимъ тенденціямъ, всего менѣе ожидали встрѣтить столь сильный отпоръ своей пропагандѣ,—и ярость, обуявшая ихъ при этомъ, была тѣмъ сильнѣе, чѣмъ слабѣе были сами они, чѣмъ безпочвеннѣе оказывались всѣ позитивистическіе ихъ бредни и вымыслы. На издателя „Писемъ“ ополчились враги его дружно. Но что могли они съ нимъ сдѣлать, чѣмъ узавить? Въ ихъ распоряженіи были—только грубая брань, клевета да инсинуація... Такими полемическими средствами немногихъ убѣдишь. Они могутъ воздѣйствовать лишь на слабыхъ духомъ и боязливыхъ, а въ борцѣ сильною возбудятъ лишь только презрѣніе къ нимъ... Такъ случилось и съ В. В. Ярмонкинымъ. Недостойныя средства, употребленныя противъ автора „Писемъ идеалиста“ толстовцами и имъ подобными отступниками отъ православно-русскихъ основъ вѣры и жизни, не достигли своей цѣли. Даже болѣе того: они достигли цѣли противоположной. Ихъ-же, т. е., толстовцевъ и проч., оружіемъ авторъ „Писемъ“, съ огромнымъ успѣхомъ поражалъ всѣхъ своихъ враговъ и зложелателей. Такъ, стоило лишь напечатать тѣ писанія, какія во множествѣ присылались ему толстовцами, и побѣда его была обезпечена: внутреннее безобразіе этихъ писаній краснорѣчивѣе всякихъ словъ говорило о такомъ-же безобразіи и ихъ авторовъ; какіе-либо комментаріи были излишни... Мало помалу окрѣпнувъ въ своихъ благихъ начинаніяхъ, В. В. Ярмонкинъ пришелъ къ мысли распространять возвышенные идеальные принципы,—имѣвшіе въ виду нравственное оздоровленіе общества,—въ болѣе энергичной формѣ. Другими словами: область издававшихся (и понынѣ издающихся) имъ „Писемъ идеалиста“ показалась ему уже болѣе или менѣе тѣсною, узкою... Онъ естественно пожелалъ вывести свои идеи на просторъ; его неудержимо повлекло повѣдать о нихъ „urbi et orbi“, всѣмъ—во всеуслышаніе. И вотъ, держась принципа, что добраго дѣла, исполненія благихъ намѣреній никогда не слѣдуетъ откладывать, почтенный идеалистъ рѣшилъ издавать „большую ежедневную газету“, которая должна идти тѣмъ-же путемъ, по какому шли и его „Письма“. Малочисленность писемъ, небольшой ихъ объемъ, раздѣлявшіе ихъ сроки времени...—все это препятствовало порывамъ идеалистически настроенной души автора вылиться въ желанной степени. Теперь, съ ежедневною и большою газетою въ рукахъ, онъ получилъ для себя полный просторъ. Его „задача“,—какъ онъ выразилъ ее въ № 1-мъ своей газеты „Заря“, вышедшей 1-го марта текущаго года,—„исканіе правды и добра“. И это,—насколько мы знаемъ „редактора-издателя“ „Зари“,—не пустыя слова. Зная это будетъ дѣйствитель-

нымъ и единственнымъ свѣточемъ для него на всемъ его пути. „Ни одинъ мыслящій и честный читатель не упрекнетъ насъ“, говоритъ редакция, „если мы въ чемъ-либо ошибемся или недостаточно поймемъ тотъ или иной народившійся или существующій вопросъ жизни. Вся обязанность наша намѣчается только въ исканіи правды и добра. И мы эту обязанность выполнимъ!.. Для этого мы взяли за перо, для этого мы отдадимъ всѣ свои силы, всю жизнь свою. Не связанные ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ, свободные отъ поклоненія деньгамъ и славѣ, мы выступаемъ на жизненный путь съ открытою душою и съ безграничною любовью къ русскому народу и человѣческому прогрессу...“ Искренность стремлений, чистота ихъ, свобода отъ узъ матеріальныхъ и иныхъ, отсутствіе погони за подписчиками, любовь къ русскимъ, къ истинному „прогрессу...“, — да, — все это — крайне благопріятныя условія для успѣха предпринятаго дѣла. В. В. Ирмонкинъ заслуживаетъ исполненія своего заветнаго желанія, — того, чтобы и „читатель отнесся“ къ нему „съ открытою“ же „душою“. Дѣло, начатое „Зарею“, миссіонерское по своему значенію. Если „Письма идеалиста“ ниѣли, насколько мы знаемъ, огромный миссіонерскій среди нашей интеллигенціи успѣхъ, то еще большаго успѣха слѣдуетъ ждать отъ новаго обширнаго начинанія того же лица. „Миссіонерское Обозрѣніе“ естественно должно привѣтствовать своего новаго собрата, дорогаго и потому, между прочимъ, что голосъ его будетъ раздаваться ежедневно и неумолкаемо. Пусть-же будетъ эта „Заря“ началомъ новаго, свѣтлаго, истинно Божіаго дня, разгоняющаго мракъ матеріалистическихъ и подобныхъ имъ теченій!

Профессоръ А. Бронзовъ.

М. Струженцовъ: «Православно-христіанское ученіе о бракѣ». Свято-Троици. Серг. Лавра. 1902 г. Стр. 48. Цѣна 30 к.

Почтенный авторъ уже извѣстенъ своими трудами, ясно говорящими объ его даровитомъ перѣ. Таковы, въ частности, его сочиненія: 1) «О паствырствѣ Христа Спасителя» (Орель, 1899 г.); 2) «О вѣрности своему призванію» (Москва, 1898 г.); 3) «Вегетаріанство и православно-христіанскій взглядъ на него» (Москва, 1901 г.)... Настоящій, нами разсматриваемый, его трудъ печатался въ органѣ Московской дух. академіи — «Богословскомъ Вѣстникѣ» (№ 7—8; 1902 г.) и представляетъ собою «публичное богословское чтеніе» автора («въ Москвѣ, въ залѣ Синодальнаго училища пѣнія, 20 марта 1902 г.»). Чтеніе г. Струженцова предложено «по поводу воззрѣній на бракъ графа Л. Н. Толстого и нѣкоторыхъ современныхъ публицистовъ».

Авторъ отнесся къ своей задачѣ съ большою заботливостію. Для того, чтобъ уяснить себѣ характеръ современныхъ воззрѣній на бракъ и его сущность, онъ познакомился съ сочиненіями: графа Толстого, затѣмъ—В. Розанова, который въ настоящее время особенно энергично занимается освѣщеніемъ даннаго вопроса со своей точки зрѣнія,—дальше—гг. Меньшикова, Мережковского, Шарапова, Романова, Аксакова, о. Сласскаго, о. У—скаго... Дѣйствительно, современныя теченія въ области настоящаго вопроса нашли себѣ въ лицѣ перечисленныхъ лицъ выразительныхъ представителей. Параллельно съ воззрѣніями новѣйшихъ нашихъ соотечественниковъ по мѣстамъ фигурируютъ и взгляды древніе, напр., «Симона волхва, николаитовъ, вассилидіанъ, карпократіанъ...—изъ поздняго времени, напр., извѣстнаго нѣмецкаго пессимиста Шопенгауера...—даже воззрѣнія нынѣшнихъ «скопцовъ» и проч. А для того, чтобъ имѣть возможность надлежащимъ образомъ уяснить себѣ православно-христіанскій взглядъ на смыслъ брака, чтобъ затѣмъ—получить надежныя данныя для правильной оцѣнки современныхъ явленій при истинно-христіанскомъ свѣтѣ, авторъ, прекрасно знакомый со словомъ Божиимъ (что ясно обнаружилось и въ другихъ его вышеуказанныхъ произведеніяхъ), справедливо счелъ необходимымъ для себя пропитуировать нѣкоторые святоотеческія творенія, напр., св. І. Златоуста, св. Кирилла Александрійскаго, Климента—учителя Александрійскаго...—«правила», съ одной стороны, «свв. Апостоловъ», съ другой, «свв. помѣстныхъ соборовъ», съ третьей, «свв. вселенскихъ соборовъ», съ четвертой, «св. Діонисія Александрійскаго»,—дальше, «каноническіе отвѣты св. Тимофея Александрійскаго», «Требникъ...» Для большей полноты ознакомленія съ дѣломъ и въ цѣляхъ болѣе всесторонняго пониманія его, пониманія болѣе надежнаго, г. Струженцовъ принялъ во вниманіе и многія новѣйшія богословскія изслѣдованія, прямо или косвенно относившіяся къ его вопросу и такъ или иначе содѣйствовавшія ему въ дѣлѣ рѣшенія послѣдняго. Въ частности, имъ приняты во вниманіе труды: преосвящ. Сильвестра, преосв. Никанора (одесскаго), проф. Н. А. Заозерскаго, проф. А. Θ. Гусева, г. Страхова, еп. датскаго Мартенсена, г. Листовскаго...—статьи: въ «Энциклопед. Словарѣ» Брокгауза-Ефрона (о «бракѣ»), въ «Правосл. Обзорніи» (за 1883 г.) и друг.

Заботливое авторское отношеніе къ дѣлу увѣнчалось хорошими результатами, что, конечно, и естественно.

Хотя «идеаль семейной жизни», разсуждаетъ авторъ, «начертанъ въ христіанскомъ ученіи о бракѣ, чрезъ который составляется семья», однако, не смотря на это, «въ христіанскихъ обществахъ всегда появлялись и появляются различныя ложныя ученія о бракѣ и брачной жизни». Авторъ подводитъ эти послѣднія къ «четыремъ» разновидностямъ: а) «пантагаминъ»

(«безусловная свобода» въ половыхъ сношеніяхъ), б) «полигамію» (многоженство), в) «требованію» извѣстной «легкости расторгенія» брачныхъ узъ и г) «безусловному запрещенію и отрицанію брака» («или, въ частности, плотской его стороны»).

Въ наши дни,—дни шатанія нравственныхъ устоевъ прежде всего можно встрѣтиться съ представителями воззрѣній каждой изъ первыхъ трехъ—названныхъ категорій. Болѣе разнузданные мыслители, «доморощенные», такъ сказать, «нищепанцы», «эволюціонисты...» готовы проповѣдывать не только полигамическіе, а и прямо пантигамическіе взгляды...—готовы по мѣрѣ своихъ силъ и возможности даже проводить послѣдніе и въ самой своей жизни. Ежедневные газетные столбцы убѣждаютъ насъ во всемъ этомъ довольно краснорѣчиво. Но, такъ какъ гласно проповѣдывать вторые, а особенно первые взгляды все-же до извѣстной степени рискованно и теперь (стыдъ еще не окончательно исчезъ въ нашихъ современникахъ), то нынѣ всего чаще можно встрѣтиться съ проповѣдниками третьей категоріи. Они кричатъ о стѣснительности нынѣшнихъ брачныхъ узъ, о трудности разводовъ брачныхъ и тяжести вытекающихъ отсюда слѣдствій и проч. Они не прочь высказывать даже пожеланіе (надняхъ мы и прочитали о немъ въ одной газетѣ), чтобъ тотъ-же священникъ, который сочетаваетъ брачующихся, и разводилъ ихъ, если они потомъ пожелали-бы этого,—безъ какого-бы то ни было сторонняго вмѣшательства въ данное дѣло. Другіе (болѣе умѣренные) желали-бы, по крайней мѣрѣ, чтобъ было дозволено той и другой сторонамъ расходящимся,—т. е., какъ невинной, такъ и виновной въ прелюбодѣіи,—послѣ вступать въ новый бракъ безъ всякихъ стѣсненій (имъ пріятно, чтобъ былъ освящаемъ церковію даже и «четвертый бракъ», а можетъ быть и дальнѣйшіе). Времена-де измѣнились, люди стали слабѣе...; слѣдовательно, прежнія постановленія церковныя, рассчитанныя на болѣе твердыхъ и крѣпкихъ исполнителей, нынѣ какъ-бы уже отжили свой вѣкъ сами собою и проч. А между тѣмъ—(возразимъ съ своей стороны),—если мы по столь шаткнмъ и не обстоятельнымъ по ихъ существу основаніямъ позволимъ себѣ хотя-бы въ нѣкоторыхъ лишь пунктахъ отступить отъ освященныхъ вѣками церковныхъ каноновъ, то что-же будетъ гарантировать насъ отъ дальнѣйшихъ и дальнѣйшихъ, новыхъ и новыхъ отступленій? Сегодня мы позволимъ себѣ одну вольность подъ благовиднымъ яко-бы предлогомъ, завтра склонимся къ новой и т. д. Какъ-бы намъ въ концѣ концовъ совсѣмъ не извратить церковнаго ученія?! Если мы—христіане на дѣлѣ, если мы признаемъ и слово Божіе, и св. Преданіе, то и должно держаться ихъ указаній твердо и незыблемо. Иначе изъ подъ насъ постепенно ускользнетъ всякая почва. Вѣдь христіанство, какъ

такое, не «развивается»,—вѣдь оно уже сказало разъ и на вѣчныя времена свое «последнее слово»,—вѣдь мечты о «новыхъ догматахъ» въ христіанствѣ—сплошное непониманіе христіанскаго ученія, его истинной сущности... Должно держаться неизблемаго основанія. Только тогда мы и будемъ людьми съ истиннымъ «упованіемъ». Воззрѣнія на бракъ отчетливо высказаны въ св. Писаніи и св. Преданіи. Ихъ мы и станемъ придержи- живаться твердо и устойчиво.—Представителей послѣдней—четвертой ка- тегоріи, конечно, всего меньше, такъ какъ въ наше время всего труднѣе встрѣтиться съ людьми, холодно относящимися къ голосу чувственности, грубой плоти. Наиболѣе виднымъ выразителемъ воззрѣній послѣдней кате- горіи является, какъ извѣстно, современный гигантъ—графъ Л. Толстой, по сравненію съ которымъ остальные лица отступаютъ, конечно, уже на второй планъ. Но за-то воззрѣнія Толстого по вопросу о бракѣ, при всей ихъ непослѣдовательности, неоднократно уже отмѣчавшейся въ печати, и не обоснованы надлежащимъ образомъ, такъ что являются легко вообще уязви- мыми не только со стороны лицъ, стоящихъ на точныхъ спеціально хри- стіанскихъ данныхъ, но и со стороны всѣхъ, не желающихъ поступаться данными человѣческаго разума... Авторъ, по поводу книжки котораго мы завели свою настоящую рѣчь, безъ замѣтныхъ затрудненій справляется со своею задачею; ясно и отчетливо знакомитъ читателей съ сущностью тра- ктуемыхъ имъ ложныхъ взглядовъ по вопросу о бракѣ, принадлежащихъ вышеназваннымъ лицамъ, и не менѣе обстоятельно оцѣниваетъ тѣ взгляды съ православно-христіанской точки зрѣнія. Кто дорожитъ семьей—этой основой, на которой создается и отъ характера, устойчивости которой за- виситъ характеръ, устойчивость... самого государства,—тотъ не можетъ безъ вниманія пройти мимо авторскихъ разсужденій и соображеній, — не можетъ не задуматься надъ ними и не признать ихъ... При этомъ, что касается авторскаго языка, то онъ отличается совершенною литературностью. Ясная авторская рѣчь чужда сколько-нибудь двусмысленныхъ, сколько-ни- будь неприличныхъ словъ и выраженій, той, такъ сказать, «декадентщины» (въ широкомъ и узкомъ смыслахъ), которая въ послѣднее время отчасти заявляетъ о себѣ даже и въ нѣкоторыхъ (къ счастью, пока единичныхъ) богословскихъ писаніяхъ. Строго- научный и чистый- богословскій складъ рѣчи г. Струженцова дѣлаетъ ему честь. Къ чести-же его относится и всюду заявляющая о себѣ авторская манера избѣгать всякихъ уклончивыхъ отвѣтовъ, всякой фальшивой эластичности тамъ, гдѣ, для предотвращения недоразумѣній, должно высказываться прямо, безъ увертокъ. Съ этой сто- роны нѣкоторые мѣста разсматриваемой брошюры (чит. особенно характер- вую 43-ю и друг. страницы) восхитительны...

Но — довольно! Заканчивая свою бѣглую замѣтку о «публичномъ чтеніи» г. Струженцова, считаемъ нравственнымъ своимъ долгомъ отнести его — это «чтеніе» — къ числу пріятныхъ (особенно въ наше безпринципное время) явленій въ русской богословско-философской литературѣ и пожелать прекрасно-настроенному автору силъ и энергіи для дальнѣйшихъ, столь-же разумныхъ и плодотворныхъ трудовъ, за которые безспорно будетъ благодарна ему читающая публика, осаждаемая верѣдко всякаго рода «декадентами», различными «вѣщателями», говорящими въ угоду духу времени, а не въ интересахъ чистой истины... — и вообще сбиваемая ими съ праваго пути, пріучаемая безъ надлежащаго благоговѣнія относиться къ лицамъ и предметамъ, къ которымъ наши предки по всей справедливости относились лишь съ безграничнымъ уваженіемъ... Брошюра г. Струженцова (при всей ея сравнительной краткости) займетъ почетное мѣсто въ литературѣ, посвященной выясненію вопроса о бракѣ, — въ литературѣ, гдѣ мы имѣемъ уже не мало прекрасныхъ трудовъ по тому-же предмету: сочиненія г. Страхова, преосв. Никанора... и неуываемыя никогда — проф. А. Θ. Гусева, проф. Н. А. Заозерскаго, проф. Н. Н. Глубоковскаго и отчасти нѣкоторыхъ другихъ.

Профессоръ А. Бронзовъ.

Гено. Фелинисъ. Повѣсть изъ исторіи гоненій христіанъ при Домиціанѣ. Перев. Н. В. Новгородовой. С.-Петербургъ, изданіе Сойкина, in 8-ю 176 стр. ц. 25 к.

Переводная повѣсть Гено—Фелинисъ знакомитъ насъ съ исторіей гоненій на христіанъ въ концѣ I-го вѣка, при императорѣ Домиціанѣ. По содержанію своему она представляетъ столько глубокаго и захватывающаго интереса, что мы беремъ на себя трудъ познакомить съ ней нашихъ читателей.

Фабула этой повѣсти такова. Фелинисъ — герой повѣсти — сынъ Масмоя, предводителя одного изъ британскихъ племенъ, покоренныхъ римлянами; родился онъ на берегахъ Тибра въ Римѣ, куда отецъ его Масмоя вмѣстѣ съ женой своей отправленъ былъ въ качествѣ плѣннаго и гдѣ обращенъ затѣмъ въ рабство. Вскорѣ по рожденіи Фелинисъ тайно отправленъ былъ въ Британію, къ своему родному племени, и здѣсь онъ воспитался въ страшной враждѣ къ римлянамъ, въ особенности къ домамъ Фульвіевъ и Плавціевъ. Достигши совершеннолѣтія, Фелинисъ со своимъ воспитателемъ Кермономъ является въ Римъ съ цѣлью отомстить за порабощеніе своего племени и месть свою направляетъ на истребленіе родовъ Фульвіевъ и Плавціевъ, самыхъ знамени-

тыхъ въ то время среди римлянъ и состоявшихъ въ родствѣ съ императоромъ Домиціаномъ. Фелинись является въ Римъ въ одеждѣ раба, а его воспитатель Кермонъ—въ одеждѣ господина. Фелинись организуетъ возстаніе рабовъ; но возстаніе это, какъ и можно было предполагать, подавлено, а пожаръ, произведенный рабами, потушенъ: самъ Фелинись захваченъ однако живымъ, хотя и пытался найти себѣ смерть въ рядахъ непріятелей.—былъ посаженъ въ тюрьму. Конечъ жизни Фелиниса трагическій: по приказанію императора, онъ былъ брошенъ на арену амфитеатра, гдѣ и растерзанъ свирѣпой пантерой, въ присутствіи самого Домиціана и стотысячной римской толпы. Фелинись умеръ смертью мученика.

На концѣ этого разсказа авторъ умѣлою рукой изображаетъ нравы и обычаи римлянъ конца I-го вѣка по Р. Христовомъ,—обычаи—какъ толпы, такъ и аристократическихъ родовъ: изображаетъ жизнь римскихъ императоровъ, не знавшихъ границъ своему деспотизму, возведшихъ себя въ рангъ *боговъ*. Изображая римскую жизнь, авторъ не могъ не коснуться двухъ институтовъ: — рабства и зрѣлищъ (амфитеатровъ).

Въ періодъ времени изображаемыхъ повѣстью событій, христіанство уже успѣло въ Римѣ глубоко пустить свои корни: оно охватило всѣ слои общества, начало проникать въ аристократическіе римскіе роды и даже въ домъ императора.—и своимъ поступательнымъ движеніемъ обратило вниманіе императора Домиціана, который и поднялъ гоненіе на христіанъ и въ провинціяхъ и въ самомъ Римѣ. Въ результатъ гоненія оказывается цѣлый рядъ мучениковъ и, затѣмъ, еще большее укрѣпленіе и возмужаніе христіанскихъ общинъ. Авторъ Фелиниса очень хорошо обрисовываетъ жизнь и нравы христіанской общины и изображаетъ всю жестокость Домиціановскаго гоненія на христіанъ.

Повѣсть Гено *Фелинисъ* имѣетъ апологетическое значеніе. Говоря это, мы разумѣемъ то обстоятельство, что въ настоящее время въ нашей литературѣ усиливается теченіе въ пользу язычества: нѣкоторые одухотворяютъ его, а нѣкоторые красоту язычества ставятъ чуть не выше христіанства. Поклонники и возстановители язычества забываютъ на этотъ разъ исторію. *Повѣсть Гено* знакомитъ читателей очень хорошо съ языческимъ міромъ конца I-го вѣка по Р. Хр. и наглядно показываетъ, насколько христіанство выше язычества, отошедшаго со всѣми его отвратительными институтами въ область страшнаго преданія. II. *Коллѣкій*

ХРОНИКА.

Миссіонерство, секты и расколъ.

Знаменательное присоединеніе и чудо милости Божіей. — Значеніе постройки новыхъ храмовъ въ дѣлѣ миссіи. — Дѣло противоботствительской миссіи по епархіямъ: — Братскія миссіонер. школы въ Вяткѣ. — Малеванскій соборъ.

Истекшимъ лѣтомъ 1902 года въ мѣстности Трехбратинская Коса, Астрахан. губ. былъ воздвигнутъ и освященъ храмъ во имя Святителя и Чудотворца Николая. Радость жителей христіанъ Трехбратинской Косы еще болѣе усугубилась видимымъ для всѣхъ проявленіемъ чуда Божія. 7 и 8 мая 1902 года раскольница поморской секты Устинія Алексѣева Симонова, 36 лѣтъ, съ пятью своими дѣтьми — 3 дѣвочками и 2 мальчиками, вынесла изъ бесѣды съ о. благочиннымъ, священникомъ Димитріемъ Фаворскимъ, благодатные плоды о спасительности и истинности вѣры православной и о гибельности пребыванія въ расколѣ, пожелала присоединиться къ православію. Сказавши объ этомъ своему родному отцу Алексѣю Симонову, сорокъ лѣтъ тому назадъ уклонившемуся въ расколъ, она, вмѣсто согласія, получила въ отвѣтъ страшную ругань и угрозу проклятія. Но Устинія Симонова, влекомая какою-то чудною силою къ православію и не обращая вниманія на угрозы отца и близкихъ, объявила объ этомъ о. благочинному и просила назначить день присоединенія. Назначено было 9 число мая, послѣ божественной литургіи. При торжествѣ присоединенія Симоновой съ дѣтьми и мѣщанина Будникова участвовала масса народа — полна церковь — во главѣ съ земскимъ начальникомъ Пономаревымъ. Народъ, послѣ торжества и поученія от. благочиннаго плакалъ, обнималъ и цѣловалъ навзрыдь плакавшихъ отъ радости вновь присоединенныхъ. Торжество освященія храма въ сей дикой и пустынной мѣстности завершилось торжествомъ и любовью православной Церкви къ симъ заблуждающимся сынамъ Россіи и проявленіемъ милости Божіей къ старцу Симонову и всему его

семейству. Въ это время, какъ передавали очевидцы, когда родная его дочь молилась въ храмѣ Божиѣмъ, Симоновъ отецъ, открывъ окно своего дома, указывая на храмъ Божій, изрыгалъ страшную хулу на св. православную Церковь и ея служителей и грозилъ изувѣчить дочь при первой встрѣчѣ. Кончилось торжество. Народъ выходилъ изъ храма Божія и слышалъ брань и разныя проклятія старца Симонова. Но это не осталось для него безъ наказанія Божія. Онъ къ вечеру почувствовалъ страшную ломоту въ ногахъ, слегъ въ постель и сталъ издавать наводящіе на многихъ ужасы стоны. Онъ стоналъ день и ночь, голосъ его охрипъ, ломота въ ногахъ усилилась и онъ чуть только ими двигалъ. Дочь его Устинія, приписывая это чуду Божію, просила и умоляла отца покаяться, бросить заблужденія и возвратиться въ лоно православной Церкви. Первое время отецъ гналъ ее отъ себя и не хотѣлъ слышать никакихъ словъ. Но мольбы дочери и страшная ломота въ ногахъ тронули закоренѣлое сердце раскольника и онъ изъявилъ желаніе побесѣдовать съ прибывшимъ на Трехбратинскую Косу священникомъ В. Путиловымъ. О. Василій Путиловъ, когда къ нему обратилась съ этой просьбой дочь Устинія, откликнулся и сталъ ежедневно ходить и бесѣдовать. Послѣ двухнедѣльной бесѣды Алексѣй Симоновъ изъявилъ согласіе присоединиться къ православной Церкви. Больной и измученный, онъ 4 іюня 1902 года является при помощи другихъ, чувствуя страшную ломоту въ ногахъ, въ храмъ Божій, въ которомъ не былъ 40 лѣтъ. Надъ нимъ о. Путиловъ прочиталъ молитву, исповѣдывалъ его и въ концѣ литургіи причастилъ его. „Послѣ принятія св. Христовыхъ Таинъ, какъ говоритъ онъ самъ, я почувствовалъ ломоту въ ногахъ еще сильнѣе прежняго, но почему то радовался сему, на душѣ у меня было легко и былъ я веселъ, потомуъ боль стала утихать и по окончаніи литургіи подошелъ я ко св. Кресту самъ, безъ посторонней помощи“. Вышелъ изъ храма Божія А. Симоновъ бодрымъ и здоровымъ и не чувствовалъ никакой боли въ ногахъ, не чувствуетъ и до сего времени, сталъ однимъ изъ усерднѣйшихъ православныхъ христіанъ, не пропускаетъ ни одной божественной службы и всегда является въ храмъ Божій первымъ. Это чудо милости Божіей заставило призадуматься и родного сына его, Пимена Симонова, раскольника-фанатика и постоянного хулителя православія, заставило его искать сближенія и частныхъ бесѣдъ съ священникомъ о. В. Путиловымъ. Черезъ мѣсяцъ и онъ при-

соединился къ православію съ дочерями Агафіей 13 лѣтъ и Маріей 10 л., а родной его сынъ Симеонъ, 16 лѣтъ, крещенный въ православной церкви и уклонившійся въ расколъ, возвратился. Такъ, съ освященія храма Божія на Трехбратинской Косѣ, брошенное сѣмя даетъ и приноситъ уже плоды. Но если бы здѣсь не былъ построенъ храмъ Божій, то въ этой дикопустынной и далекой мѣстности развился бы страшный расколъ, вожаки котораго, явившись сюда изъ Оренбурга и Саратовской губерніи, постоянно разъѣзжали по промысламъ, устраивали съ промысловыми жителями тайныя бесѣды и склоняли ихъ въ расколъ. Съ постройкой же храма Божія и благодаря энергической дѣятельности священника В. Путилова, всѣ они куда то исчезли, а остались одни только раскольники—постоянные промысловые жители, которые священника не чуждаются и даже приглашаютъ его служить молебны на своихъ промыслахъ, но только ко св. Кресту не прикладываются еще *).

Постройка новыхъ православныхъ и единовѣрческихъ храмовъ въ раскольничьихъ очагахъ, съ открытіемъ приходовъ, вездѣ скоро же даетъ самые отрадныя плоды въ дѣлѣ миссіи. Мы знаемъ приходы и храмы, которые были открыты только для 7—10 душъ, но чрезъ два года число спасаемыхъ умножалось до 200 душъ. Къ сожалѣнію не вездѣ въ епархіяхъ обращается должное вниманіе на это обстоятельство и иногда открытіе новыхъ приходовъ встрѣчаетъ непреодолимые затрудненія и проволочки, которыми пользуются враги православія, особенно же еіерархія австрійской секты. Они открываютъ моленныя и ставятъ поновъ своихъ для 5—10 послѣдователей своей секты и пропаганда растетъ.

Изъ многихъ прискорбныхъ фактовъ такой волокиты при открытіи новыхъ миссіонерскихъ приходовъ, мы можемъ указать на печальное дѣло объ открытіи прихода въ пос. Дѣжа, Вѣй-й губ., гдѣ вопросъ этотъ тянется два года, несмотря на горячее участіе въ этомъ дѣлѣ мѣстнаго почтеннаго миссіонера о. Иг. С—ча. Намъ сообщаютъ: дѣло это, какъ и вообще вопросъ объ освѣщеніи дѣла мѣстной миссіи въ этой епархіи, принялъ близко къ сердцу новый архипастырь, такъ что о. миссіонеръ и новоприсоединенные могутъ уповать на лучшее будущее.

*) Изложенный фактъ записанъ со словъ мѣстнаго священника Путилова, церковнаго старосты Герасимова и нѣкоторыхъ жителей и опубличованъ въ «Астр. Епарх. Вѣд.».

Въ „Вятскихъ Епар. вѣд.“ № 3 и 4 т. г. напечатанъ отчетъ „Вятскаго Братства Свят. и Чудотв. Николая“ за 1901-2 г. Миссіонерское вниманіе въ „отчетѣ“ останавливается на себѣ прежде всего „Центральная миссіонерская школа Братства“ въ г. Вяткѣ.

Школа основана въ 1875 году блаженной памяти протоіереемъ Ст. Н. Кашменскимъ и имѣетъ своею задачею готовить изъ среды крестьянъ ревностныхъ, въ духѣ кротости христіанской, собесѣдниковъ съ мнимыми старообрядцами, а также учителей миссіонерскихъ школъ грамоты, содержимыхъ Братствомъ. Школа дѣлится на два отдѣленія: мужское и женское.

Соотвѣтственно трехгодичному курсу школы, учащіеся дѣлились на три группы. Всѣхъ учащихся въ отчетномъ году въ мужскомъ отдѣленіи (въ собств. домѣ Братства) было 22 человека, въ возрастѣ отъ 22 до 35 лѣтъ.

Многіе изъ учащихся — женатые и отцы семействъ и даже старшіе въ семействѣ и заслужившіе довѣріе и уваженіе своихъ собратьевъ — крестьянъ одного съ ними села и прихода, и почти всѣ изъ нихъ жители зараженныхъ расколомъ приходовъ и окончившіе курсъ въ народныхъ школахъ. Двое изъ нихъ — Григорій Евдокимовъ и Іосифъ Сиковъ — даже бывшіе раскольническіе начетчики.

Въ женскомъ отдѣленіи, помѣщаемемся въ Преображенскомъ женскомъ монастырѣ, обучались 14 крестьянскихъ дѣвицъ, въ возрастѣ отъ 19 до 38 л., и дѣлились на двѣ группы.

Учащіеся изучали, по особо составленной Совѣтомъ Братства программѣ, исторію и обличеніе русскаго раскола, историко-литургическія свѣдѣнія, священную исторію ветхаго и новаго завета, катихизисъ и церковную исторію. Учебный матеріалъ подобранъ надлежаще: полемико-апологетическій элементъ отбѣняется въ немъ преимущественно къ цѣлямъ школы и потребностямъ противораскольниковъ миссіи.

Младшей группѣ преподаана истерія раскола и еднновѣрія и сообщены свѣдѣнія о современномъ положеніи раскола и главнѣйшихъ его дѣятеляхъ.

Кромѣ сего, ученики этой группы были ознакомлены съ обличеніемъ раскола. Преподано было о догматахъ и обрядахъ, объ отличіи и невозможности отождествлять первый со вторымъ, о всегдашнемъ правѣ Церкви измѣнять обрядовыя преданія, что было доказано правилами вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и дальѣйшею церковною практикою. Было обращено особое вниманіе учениковъ на то, что Св. Церковь въ продолженіе своего существованія отъ дней апостольскихъ и до дней до-ніконовскихъ сохранила неприкосновенными только догматическія опредѣленія, а съ административными и обрядовыми постановленіями обращалась съ благоразсужденіемъ, примѣняя ихъ сообразно обстоятельствамъ и времени. Затѣмъ до-

вольно подробно рассмотрѣны были вопросы: о двуперстїи, восьми-конечномъ крестѣ, хожденїи посоловъ, семипросфорїи и прочихъ обрядахъ православной Церкви. Не оставлены были безъ вниманїя вопросы: объ иконописанїи, поклонахъ, семипоклонномъ началѣ, бранности и о недостаткахъ нравственной жизни православныхъ, на которые любятъ указывать мнимые старообрядцы. При изученїи обличенїя раскола возраженїя старообрядцевъ брались изъ жизни и опровергались въ собесѣдованїяхъ между учениками, изъ которыхъ одни были за старообрядцевъ, а другіе за православныхъ.

„Въ среднемъ отдѣленїи было преподано ученїе о Св. Церкви, составъ ея, трехчинной іерархіи, хиротонїи, съ опроверженїемъ безпоповскихъ возраженїй, сдѣланъ былъ разборъ ученїя о Церкви и іерархіи безпоповцевъ и прїемлющихъ австрійское священство; сообщено было о таинствахъ Церкви: крещенїи, миропомазанїи, покаянїи, причащенїи и бракѣ; при чемъ были разобраны всѣ тексты старопечатныхъ книгъ, которыми безпоповцы защищаются противъ православныхъ миссіонеровъ; былъ изученъ вопросъ о послѣднемъ антихристѣ, лицѣ его, времени пришествїя и продолжительности царствованїя его, о признакахъ царствованїя его и обличителяхъ его — пророкахъ Енохъ и Іліи. Всѣ, приводимыя старообрядцами, свидѣтельства въ пользу ученїя о духовномъ антихристѣ подвергались тщательному разбору. Ученики второй группы, какъ и первой, классическіе тексты изъ слова Божїя и старопечатныхъ книгъ заучивали на память“. Ученики старшаго отдѣленїя повторяли все пройденное въ первые два года.

Прїемамъ собесѣдованїя съ старообрядцами ученики двухъ старшихъ группъ научались посредствомъ примѣрныхъ диспутовъ между собою, устроившихся подъ руководствомъ учителя школы Н. Тихвинскаго.

Ученїе продолжалось въ теченїе шести мѣсяцевъ: началось 2-го октября 1902 г. и окончилось 27 марта 1902 г. Уроки въ обонхъ отдѣленїяхъ были ежедневные, съ 8 часовъ утра до 12 часовъ дня, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Во внѣклассное время учащіеся знакомились со старопечатными книгами и читали книги миссіонерскаго и другого содержанїя, обсуждали и рѣшали разные вопросы.

По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ февралѣ и мартѣ отчетнаго года братскіе ученики изучали прїемы собесѣдованїй съ раскольниками и знакомились съ характеромъ ихъ и во время публичныхъ собесѣдованїй въ г. Вяткѣ. На этихъ собесѣдованїяхъ ученики принимали ближайшее участіе. Они были обязаны доставлять изъ миссіонерской школы на эти собесѣдованїя необходимыя книги и обратно увозить ихъ, наблюдать за сохранностїю ихъ, во время собесѣдованїй прїнскивать въ нихъ свидѣтельства и подавать ихъ миссіонерамъ.

Принимались въ школу крестьяне, рекомендованные мѣстными духовными отцами.

Жизнь учениковъ въ школъ Братства въ отчетномъ году обращала на себя вниманіе слѣдующими добрыми явленіями. Каждое утро и каждый вечеръ они проводили въ общей получасовой молитвѣ. Молитвы они читали по очереди, а пѣли всѣ, пѣли многіе тропари и пѣснопѣнія. Молитвенное настроеніе было глубокое и искреннее. Жили они между собою въ мирѣ и сгласіи, подчиняясь во всемъ избранному изъ среды себя старшему. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ учащіеся въ мужскомъ отдѣленіи ходили большею частію „въ мужской монастырь“, за Богослуженіемъ нѣкоторые ученики участвовали въ чтеніи и пѣніи, по благословенію преосвященнаго настоятеля. Въ помѣщеніяхъ школы ученики обязывались по очереди поддерживать чистоту и порядокъ. Приготовленіе пищи также лежало на нихъ самихъ.

Кромѣ готовой квартиры, отопленія и освѣщенія, ученики получаютъ отъ Братства на содержаніе по шести рублей въ мѣсяцъ. Ученицы же пользуются готовымъ столомъ отъ монастыря, настоятельницѣ котораго выдается Братствомъ та же самая сумма, что и ученикамъ. Изъ этой суммы игуменія Евгенія выдаетъ ученицамъ на руки по два рубля на чай и другіе расходы.

Кромѣ сего, всѣмъ учащимся, въ началѣ и концѣ учебнаго года, выдаются проходныя деньги по 3 коп. на версту.

Всѣхъ экзаменовавшихся было въ мужскомъ отдѣленіи 16 человекъ, а въ женскомъ 14. Учащіеся отвѣчали сознательно и многіе живо.

Кромѣ центральной школы съ двумя отдѣленіями въ гор. Вяткѣ. Братство имѣло въ отчетномъ году въ своемъ вѣдѣніи и на своемъ содержаніи 42 школы въ епархіи. Школы эти находятся исключительно въ приходахъ зараженныхъ расколомъ*), не рѣдко въ самыхъ глухихъ мѣстностяхъ, удаленныхъ отъ приходскихъ храмовъ на далекое разстояніе, отъ 10 до 25 вер. и болѣе, въ такихъ даже деревняхъ, гдѣ два-три дома православныхъ или же все населеніе поголовно расколыническое. Учителями братскихъ школъ въ епархіи состоятъ крестьяне, обучавшіеся въ Вятской Братской миссіонерской школѣ, и практически ознакомленные съ методами начальнаго обученія грамотѣ чрезъ посѣщеніе образцовой церковно-приходской школы при Вятской духовной семинаріи. Кромѣ обученія дѣтей грамотѣ, Закону Божію и счисленію, братскіе учителя, по уставу Братства, обязаны по своимъ силамъ осуществлять миссіонерскія цѣли Братства, то есть ослаблять нетерпимость раскольниковъ къ православному и способствовать къ сближенію раскольниковъ съ православною Церковію, а также охранять православныхъ, живущихъ съ раскольниками, отъ соvrрашенія въ расколъ и утверждать ихъ въ преданности Св. Церкви.

Во всѣхъ 42 братскихъ школахъ было учащихся 881. Въ числѣ 881 учащихся было расколыническихъ дѣтей—38%. Въѣсть съ маль-

*) Въ Вятской епархіи считается раскольниковъ болѣе 90000 душъ обоюго пола.

чками учились и дѣвочки—православныя и расколыническія: тѣхъ и другихъ было 211.

Преслѣдуя миссіонерскія цѣли, братскія школы отличаются отъ церковно-приходскихъ и земскихъ школъ какъ вышней обстановкой, такъ и постановкой учебнаго дѣла. На стѣнахъ школъ развѣшены картины и листы съ изреченіями уважаемыхъ расколыниками старопечатныхъ патріаршихъ книгъ и имѣются копія съ древнихъ греческихъ монетъ съ изображеніемъ крестовъ разныхъ видовъ: четвероконечныхъ, шестиконечныхъ и осемиконечныхъ. Въ бібліотекахъ братскихъ школъ находятся современныя полемическія противорасколыническія книги и брошюры. Прописы составлены о. Кашменскимъ съ классическими изреченіями изъ старопечатныхъ книгъ, напримѣръ: „Кромѣ церкви Божіа нигдѣже нѣсть спасеніе“; „Въждь убо безъ всякаго сомнѣнія, яко въ Церкви Божіей не двѣ точію суть тайнѣ, но всесовершенно седмѣ“; „Не можетъ церкви безъ епископа быти“; „Удобѣйше есть солнцу угаснути, нежели церкви безъ вѣсти быти“ и т. п. Во многихъ школахъ имѣются даже патріаршія старопечатныя книги, какъ то: Кормчая, Кириллова книга, Книга о вѣрѣ. Большой и Малый Катихизисы.

Кромѣ учебныхъ предметовъ, положенныхъ въ народной школѣ, учащіяся въ братскихъ школахъ знакомятся съ краткой исторіей возникновенія русскаго раскола при патр. Никонѣ и съ тѣми изреченіями старопечатныхъ книгъ, которыя раскрываютъ заблужденія ихъ. По примѣру центральной школы, практикуются въ нѣкоторыхъ братскихъ школахъ примѣрные разговоры между двумя учениками, обыкновенно изъ группы выпускныхъ, изъ которыхъ одинъ изображаетъ православнаго, а другой расколыника. Черезъ эти разговоры, подъ руководствомъ учителей, ученики знакомятся со способами веденія бесѣды со старообрядцами, съ пріемами защиты Св. Православной Церкви и приучаются къ опроверженію возраженій старообрядческихъ и къ обвиненію неправоты раскола.

Приведенныя выдержки сами говорятъ о великой миссіонерской важности вятскихъ миссіонерскихъ школъ: черезъ эти школы выступаютъ на борьбу съ расколомъ здоровые элементы самого народа. Какъ вышедшіе изъ народа и возвращающіеся въ народъ, обучавшіеся въ братскихъ школахъ и надлежаще подготовленные къ миссіонерской работѣ эти труженики св. дѣла близки къ народу по своему духовному складу; имъ понятнѣе душа народа и для нихъ откровеннѣе. Постоянныя житейскія отношенія общать ихъ съ народомъ и даютъ имъ возможность постоянно слѣдить за состояніемъ его упованія и своевременно принимать соотвѣтственныя миссіонерскія мѣры... Въ томъ же отчетѣ Братства даются свѣдѣнія о плодотворной дѣятельности вышедшихъ

изъ миссіонерскихъ школъ миссіонеровъ-простецовъ. Остается только пожелать, чтобы примѣръ Вятскаго Братства нашелъ себѣ возможно больше подражателей среди радѣтелей внутренней миссіи нашей св. Церкви.

Нельзя не отмѣтить и того, что Вятское Братство, полагая въ числѣ духовнонравственныхъ мѣръ къ утвержденію православія и къ ослабленію раскола безплатную раздачу книгъ, брошюръ и листовъ общерелигіознаго и миссіонерскаго содержанія среди православныхъ и раскольниковъ, выписало въ отчетномъ году болѣе 18 тысячъ брошюръ, свыше 170 наименованій, и изъ нихъ болѣе 13 тысячъ выдало безплатно для распространенія въ епархіи.

Помоги, Господи, Вятскому Братству въ томъ же духѣ и той же силѣ продолжать свое святое дѣло.

Село Дѣдовщина, Сквирскаго уѣзда, Кіевской губ. составляетъ гнѣздо сектантовъ-малеванцевъ, которые свою дѣдовщинскую сектантскую общину называютъ „Кондратовою полусохвією“ *). Осенью истекшаго года, какъ сообщаетъ нашъ корреспондентъ, всѣ окрестные сектанты получили приглашеніе отъ „старшаго брата“, явиться на „соборъ“, въ Дѣдовщину въ ночь съ 4 на 5 октября, который продолжится и въ ночь съ 5 на 6 октября. На этомъ „соборѣ“ предстояло обсудить нужды „братства“ и если будетъ возможно „торжествовать побѣду надъ православными“. Про этотъ сектантскій соборъ прослышалъ полицейскій урядникъ, квартирующий въ с. Лучинѣ и не замедлилъ явиться въ село Дѣдовщину; онъ пріѣхалъ туда въ то время, когда „Соборъ“ уже открылъ свое засѣданіе въ домѣ одного изъ сектантовъ. На соборѣ явилось нѣсколько сотъ сектантовъ, въ томъ числѣ и сосланный въ Сибирь штундистъ села Турбовки, Баркломъ Диденко. Соборяне-малеванцы, обсуждая свои дѣйствія и намѣренія касательно православія, коснулись и вопроса о томъ, что означаетъ слово „православный?“. При этомъ поднялся сектантъ Баркломъ Диденко и сказалъ.

— Браты мои! Развѣ вамъ неизвѣстно, що значить „православны?.. Выны правомъ славны, своимъ правомъ надъ нами,

*) Въ честь основателя секты Кондрата Малеваннаго. *Дом.*

„божими братами!“ Зробимо-жъ (сдѣлаемъ) такъ, щобъ мы были правомъ славны! Нехай наше право буде славне, а не ихъ, идолопоклонныківъ!..

— Зробимо! Зробимо! (сдѣлаемъ!) загудѣли сектанты, которыхъ была такая масса, что соборяне, не могли помѣститься въ хатѣ, устроили засѣданіе въ клунѣ, (ригѣ) освѣщенной фонарями.

— Да якъ (какъ) же намъ и не зробить, якъ мы всемогущи! Господь-намъ сказавъ: вы боги и сыны Всевышняго всѣ вы! (Псал. LXXXI, 6). Ось якъ Господь сказавъ! Чого-жъ намъ медлить, чого бояцца?.. Посынишимо исполнить всякую правду (Матѣ. 3, 15). Во имя бога нашего Кондрата поднимаемъ знамя! Да будутъ постыжены и жестоко поражены всѣ враги наши!.. Расторгнемъ узы ихъ и свергнемъ съ себя оковы ихъ!.. Да прекратится злоба нечестивыхъ, а насъ нехай Господь нидкрипныть!.. кричалъ Баркломъ.

Нашъ богъ Кодрать.
Наистаршій братъ,
Зробыть гоже, (сдѣлать доброе)
Намъ поможе:
Нечестивы,
Злочестивы,
Уси (всѣ) мадуть (упадуть)
Якъ прахъ подуть!..

Занѣла одна изъ сектантокъ. Въ это время въ собраніе нечестивыхъ явился урядникъ и требовалъ разойтись, но сектанты оказали сопротивленіе и не разошлись, причемъ выступилъ съ угрозою сектантъ Баркломъ Диденко и, взявши урядника за грудь, воскликнулъ.

— Ты прийшовъ нашу церкву разрушать. Ты сегодня разрушишь нашу „преславу Кондратову полусохвію“, а завтра мы разрушимо вашу церкву! Урядникъ испугался угрозъ сектантовъ и, боясь повторенія Павловскаго погрома, ускорилъ въ Лучинѣ, а сектантскій соборъ продолжалъ свои сужденія, причемъ сектантъ Баркломъ весьма храбрился и, придя въ экстазъ, кричалъ по адресу православныхъ:

— Я разсѣю ихъ, какъ прахъ предъ лицомъ вѣтра! Какъ уличную грязь потончу ихъ... Видѣли, братіе, какъ врагъ нашъ урядникъ, увидѣвши нашъ „божественный соборъ“ изумился, сму-

тился и обратился въ бѣгство! Страхъ объялъ его и мука, какъ у женщинъ въ родахъ! Да повеселится и возрадуется сердце нашего „Сивона“ (Сіона), нашего отца небеснаго Кондрата! Благословѣйте предъ его именемъ всѣ вы братья и сестры, ибо сей богъ есть богъ нашъ на вѣки и вѣки! Онъ будетъ вождемъ нашимъ до самой смерти! (Псал. XLVII, 15). Помолимся!..

Весь соборъ сектантовъ сталъ на колѣни и началъ пѣть свои псалмы; затѣмъ положили на столъ живую „плащаницу“—Марію С—кую, пришли въ экстазъ и начали выражать свое неистовство хлопаньемъ въ ладоши, скаканьемъ и различнымъ выкрикиваньемъ, причемъ поочередно подходили цѣловать „плащаницу“. Безумные говорятъ, что эта Марія-праведница и преобразуетъ то время, когда съ неба сойдетъ плащаница такихъ же огромныхъ размѣровъ, какъ С—я и что на этотъ небесный коверъ-самолетъ воссядутъ всѣ малеванцы и будутъ вознесены на небо.

Всю ночь соборъ провелъ въ молитвѣ и въ „полученіи духа“, при чемъ, объятые религіознымъ экстазомъ, плакали всѣ навзрыдь. Восходящее солнце въ субботу 5 Октября освѣтило это нечестивое сонмище, когда еще не были окончены темныя дѣла безумцевъ.

Поздно вечеромъ 5 Октября въ Дѣдовщину прибылъ лучинскій волостной старшина, урядникъ, сотскіе и десятскіе со всей лучинской волости. Кто-то изъ приверженцевъ секты далъ знать собору, что въ село явилась многочисленная полиція, но сектанты не смутились и продолжали свое дѣло. Ночью сельскіе власти ихъ не потревожили и только утромъ въ воскресенье 6 Октября, „соборъ“ окружили и попросили всѣхъ сектантовъ отправиться въ общественную сборную избу села Дѣдовщины.

— Теперь бери насъ, мы готовы! Побесѣдовали съ богомъ, теперь можемъ „балакать“ (говорить) и съ людьми, сказалъ Баркломъ, обращаясь къ уряднику. И соборяне, конвоируемые десятскими и сотскими, пошли къ „сборной“, гдѣ всѣхъ ихъ перенесли, и партіями въ 25 человѣкъ каждая, отправили въ станovou квартиру. Отправлено ихъ туда болѣе сотни.

Печальное зрѣлище представляла толпа конвоируемыхъ сектантовъ, угрожавшихъ разрушить дѣдовщинскую православную церковь. Проведши почти двое сутокъ въ аду—безъ сна, среди безпрерывнаго экстастическаго состоянія, сектанты имѣли крайне

изнуренный, подавленный, больной видъ. Одна сектантка умерла отъ разрыва сердца. Въ добавленіе картины, сектанты, идя дорогою, распѣвали свои заунывные сектантскіе псалмы, а агитаторъ Баркломъ, обращаясь къ глазѣвшимъ православнымъ, вопилъ: „се божій народъ! Се колесница новаго Сывона (Сіона).

Пыль подымалась столбомъ на дорогѣ отъ шествія этой „колесницы новаго Сывона“, а въ воздухѣ стояли стоны отъ дикихъ возгласовъ и визговъ тѣхъ сектантовъ, которые получили „духа“.

Хто може разчыслить
Хмару своею мудростъю?
Хто може удержать,
Щобъ не падавъ зъ неба дощъ?
Хто може заглянуть
Въ нашу праведну душу?
И хто може сказать
Чого плакаты мушу?
Ой жалю мій горький,
Крушеніе серця мого!
Мушу плакати стільки,
По волѣ серця мого!
Слезы якъ той горохъ.
Да котиця по лицю;
Ахъ! Коли-жъ я прийду
И къ желанному концу!

Слышатся возгласы сектантской пѣсни. Православные перекидываются шутками на счетъ сектантовъ, а мѣстные сектанты только вздыхаютъ, поднимая глаза къ небу, въ ожиданіи появленія „плащаницы“, на которой долженъ явиться самъ Кондратъ Малеванный.

Корреспонденція „Миссіонер. Обзорѣнія“, извѣстія и замѣтки.

„Изъ Костромской епархіи“.

(Отъ нашего корреспондента).

(Буйство раскольниковъ-фанатиковъ на бесѣдѣ).

Труденъ былъ путь первыхъ тружениковъ св. миссіи, не свободенъ и въ настоящее время отъ опасности и лишеній этотъ путь. Подвергали опасности жизнь свою отцы проповѣдники въ древнія времена, въ такой же опасности находится и теперь наша миссіонерствующая братія, по глубокимъ дебрямъ и весямъ нашей матушки Руси. Несмотря на XX вѣкъ, фанатизмъ раскола остается еще тѣмъ, чѣмъ былъ онъ при его возникновеніи.

Нижеприведенный фактъ, имѣвшій мѣсто 15 января с. г. на людномъ берегу матушки Волги, можетъ служить яркой иллюстраціей дикости раскольниковъ.

Въ районѣ Макарьевского уѣзда, прилегающаго къ Волгѣ, появился пропагандистъ раскола нѣкто Платонъ Морозовъ. Морозовъ занимался въ раскольниковскихъ деревняхъ обученіемъ дѣтей. Но цѣль его прибытія была другая—удержать движеніе въ пользу св. Церкви, которое замѣтно было за послѣдніе два года между раскольниками сего уѣзда и выразилось во многихъ присоединеніяхъ изъ раскола ко вновь открывшимся здѣсь единовѣрческимъ приходамъ. За послѣднее время мѣстомъ пропаганды Морозова была богатая деревня на берегу Волги Абражкино. Проживая здѣсь, Морозовъ велъ дѣятельную пропаганду: отъ бесѣдъ съ православнымъ миссіонеромъ онъ по большей части уклонялся. На 12—15 янв. с. г. мѣстный окружной миссіонеръ назначилъ въ деревнѣ Абражкино бесѣды. На бесѣду былъ приглашенъ о. миссіонеромъ мѣстный приходскій священникъ Ѳ. Смирновъ. Вызвали на бесѣду и Морозова.

Отъ бесѣдъ о пророкахъ Іліи и Енохъ и объ антихристѣ Морозовъ отказался, и лишь по настоянію миссіонера и собравшихся сталъ бесѣдовать о Церкви. Вся бесѣда его была однимъ кошунствомъ и хуленіемъ св. Церкви, таинствъ и всего, что такъ дорого для сердца православнаго. По примѣру своего учителя — Коновалова достойный его ученикъ Морозовъ изощрялся въ глумленіи надъ св. Церковью. Насколько нечестиво было это глумленіе, страшно

и передавать; однако скажу, что если на ярмарочныхъ бесѣдахъ въ Нижнемъ Коноваловъ не стѣснялся въ кощунственныхъ выраженіяхъ, за которыя его неоднократно останавливали, то что же можно ожидать отъ его ученика Морозова гдѣ то въ деревнѣ, да еще къ тому же въ отсутствіи всякаго начальства и властей.

Правда, миссіонеръ всякое его и самое недѣльное возраженіе разбиралъ, но раскольничья толпа „гоготала“ и кощунственные слова Морозова вызывали у ней сочувственный откликъ. Православная часть слушателей, возмущенная и обиженная въ своихъ религіозныхъ чувствахъ, просила о. миссіонера и священника Смирнова заставить Морозова прекратить злохуленія, но миссіонеръ не полицейской, а христіанской силой и убѣжденіемъ старался повліять на Морозова и продолжалъ обычнымъ путемъ собесѣдованіе.

Когда на бесѣдѣ зашла рѣчь о св. тайнахъ, Морозовъ, въ доказательство того, что тайны совсѣмъ якобы не нужны, вычиталъ изъ книги „Цвѣтникъ священноиннока Аввы Дорофея“ о молитвѣ Ісусовой слѣдующее. Привожу выдержку изъ „Цвѣтника“ своими словами.

„Если кто будетъ творить непрерывно молитву Ісусову годъ, то вселится въ того человека Богъ (Отецъ), второй годъ—Сынъ, а третій годъ—Духъ, а потому де и всѣ таинства и тайны св. не нужны. Говори непрерывно молитву Ісусову и спасешься!“ Прочитавъ это мѣсто изъ „Цвѣтника“, Морозовъ сказалъ народу: „это вѣдь пишетъ святой отецъ и ему надо вѣрить, а не миссіонерамъ“.

Выслушавъ это, священникъ Смирновъ возразилъ, что святой Авва Дорофей, въ своей книгѣ подобнаго ничего не говоритъ, а это слова другого Дорофея, зараженного Севировою ересью, который раздѣляетъ святую Троицу на три начала и учитъ о ихъ неравенствѣ. О. Смирновъ тутъ же послалъ въ свою бібліотеку за подлинной книгой „Аввы Дорофея“. Когда книга была принесена, ничего подобнаго, что было вычитано Морозовымъ, въ ней не найдено. При этомъ изъ предисловія подлинной книги „Аввы Дорофея“ прочитано слѣдующее: „Вѣстно да есть въ сей душеполезной книгѣ, яко два бѣста Дорофея и два Варсонофія. Ова убо учеными Севировыми болѣзновали, ова же православіе и совершенное обученіе лобызавше и та суть обносиша въ сей книгѣ. Отъ нюдуже и пріятельну сію имуща любимъ“... „Слѣдовательно,

продолжалъ о. Теодоръ, по словамъ предисловія книги Аввы Дорофея, книга Морозова не есть книга св. Дорофея, а еретическая. А такъ какъ сія книга напечатана безъ дозволенія духовной цензуры и въ подпольной типографіи, то я прошу ее у васъ для разбора и просмотра; деньги же, что она стоитъ, вотъ получите за нее.“

Нельзя описать, что произошло здѣсь послѣ этихъ словъ о. Теодора. Раскольники закричали: „тащи его изъ за стола на улицу! разорвемъ его на части! бей его!“

Присутствовавшій на бесѣдѣ деревенскій сотскій, чтобы защитить миссіонеровъ, всталъ на столъ, такъ какъ раскольниковъ масса стала напирать къ столу. Двухъ же сельскихъ десятниковъ, которые стали было уговаривать толпу, нѣсколько разъ ударили. Немедленно послали за полицейскимъ урядникомъ и волостнымъ старшиной. Книгу же отецъ Теодоръ передалъ было близъ его стоящему на улицѣ православному, но раскольники съ неистовствомъ вырвали ее у послѣдняго. Буйство раскольниковъ, подстрекаемыхъ Морозовымъ, приняло было широкіе размѣры и еслибы вовремя не прекратили миссіонеры бесѣды и не послали за полиціей, то имъ не избѣжать бы дикаго самосуда фанатиковъ.

А мало ли подобныхъ случаевъ и опасностей, которымъ подвергаются наши труженики миссіонеры въ глухихъ дебряхъ раскола?

Священникъ Іоаннъ Чердыниковъ.

Изъ Кіева.

(Отъ нашего корреспондента).

Кіевское религіозно-просвѣтительное Общество.

Въ числѣ просвѣтительныхъ учрежденій, имѣющихъ важное миссіонерское значеніе, не послѣднее мѣсто занимаетъ Кіевское религіозно-просвѣтительное общество.

Недавно названное общество праздновало годовщину своего открытія особымъ торжественнымъ собраніемъ.

Изъ отчета можно было усмотрѣть, что въ составъ общества входило 12 почетныхъ членовъ и 312 членовъ - соревнователей. Въ истекшемъ году общество выразило свою дѣятельность 1) въ богословскихъ чтеніяхъ для интеллигенціи, 2) въ религіозно-нравственныхъ собесѣдованіяхъ для простаго народа, 3) въ изданіи брошюръ и листовъ и 4) въ постройкѣ собственнаго дома.

Богословскія чтенія для образованнаго общества велись главнымъ образомъ профессорами Кіевской Духовной Академіи. Почти всѣ чтенія богословскаго характера направлены были главнымъ образомъ противъ моднаго толстовскаго ученія и постигались массою публики, въ особенности изъ учащейся молодежи.

Но самая главная заслуга Кіевского религіозно-просвѣтительнаго общества на миссіонерскомъ поприщѣ заключается въ устройствѣ чтеній и собесѣдованій для простаго народа и безплатной раздачѣ религіозно-нравственныхъ брошюръ и листовъ. Такія чтенія въ отчетномъ году велись въ 34 пунктахъ города и всего было предложено свыше 1400 собесѣдованій. Для раздачи народу, помимо готовыхъ листовъ и брошюръ, общество специально на свои средства издало 15 брошюръ и 14 листовъ религіозно-нравственнаго и поучительнаго характера.

Въ настоящее время, Кіевское религіозно-просвѣтительное общество, не имѣя собственнаго помѣщенія, было значительно стѣснено въ своихъ благихъ цѣляхъ и намѣреніяхъ. Но это устранится и дѣятельность общества значительно расширится съ устройствомъ собственнаго величественнаго и обширнаго помѣщенія, въ которомъ предположено устроить церковь, залъ для чтеній и собесѣдованій, бібліотеку-читальню, лавку для продажи книгъ и листовъ и т. п.

С. Б.

О. Іоаннъ Кронштадскій о старомъ и новомъ пути спасенія. 25 февраля, совершивъ въ Іоанновскомъ женскомъ монастырѣ Божественную литургію преждеосвященныхъ Даровъ, о. Іоаннъ обратился къ богомольцамъ съ словомъ назиданія, произведшимъ сильное впечатлѣніе на молящихся, на текстъ: Азъ есмь путь и истина и жизнь: никто же прійдетъ ко Отцу, токмо Мною (Іоан. XIV. 6). Такъ говоритъ Господь: «Я путь, истина и жизнь и если кто хочетъ идти къ Богу, долженъ пройти чрезъ Меня. Такое глубокое, важное, восхитительное слово, полное Божественнаго величія, возвѣстилъ Спаситель нашъ міру. Люди до Христа блуждали по путямъ, ведущимъ къ заблужденію, къ смерти, къ проклятію; всѣ сходили во адъ и никто не могъ идти на небо. Небо было заключено для людей и только Господь крестомъ Своимъ отверзъ людямъ входъ на небо. Люди до Христа жили въ идолопоклонствѣ, въ мерзостяхъ грѣховныхъ. Жалкое состояніе было рода человѣческаго до Христа! И вотъ, Собоизначальный Творецъ неба и земли и самаго рода человѣческаго, по предвѣчному Совѣту, благоволилъ придти на землю и для того, чтобы

люди не забывали Своего Сладчайшаго Спасителя, слѣдовали по стопамъ Его, благоволилъ на землѣ основать Церковь Свою: Единую, Святую, Соборную, Апостольскую Церковь и въ ней положилъ всю благодать, всѣ благодатныя средства, чрезъ которыя мы можемъ спастись, обрѣтать истину, животъ, примириться съ Богомъ чрезъ вѣру, покаяніе, причащеніе Бѣсмертныхъ и Животворящихъ Таинъ Тѣла и Крови Христовыхъ. Церковь и только Церковь, какъ истинная, Богомъ данная Учительница, учить насъ правому пути. Азъ есмь путь. Одинъ только Господь показать намъ истинный путь. Какой это путь? Это—вѣра твердая въ Господа нашего Іисуса Христа и купно во Св. Троицу. тайну воскресенія мертвыхъ и будущаго вѣка. Это—путь Евангелія, распинанія нашей многострастной плоти съ ея страстями и похотями, молитва, постъ, чистота, святость, кротость, смиреніе, милосердіе. Этимъ путемъ прошелъ Самъ Начальникъ и Совершитель нашей вѣры (Евр. XII. 2)—Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Такъ напр., 40 дней постился Онъ, не вкушая никакой пищи, не пия ни единой капли воды. Я почему говорю объ этомъ пути? А потому, что въ нынѣшнее время появились неучи, недоученные люди, знающіе лишь свѣтскую науку, которыя проповѣдуютъ другой путь. Можно ли найти другой путь? 6000 лѣтъ люди блуждали во мракѣ и не находили истины, пока Самъ Единородный Сынъ Божій не пришелъ въ міръ засвидѣтельствовать истину. Онъ былъ Свидѣтелемъ, Живымъ Словомъ Отца и никто, кромѣ Его, не могъ примирить человѣка грѣшника съ Богомъ Святымъ: люди не знали мира, не знали того, какъ придти къ Богу. Только Господь открылъ людямъ: Кѣмъ и для Кого все было сотворено, въ комъ нужно почерпать каждый день свою силу и свою жизнь. Умники неумные, въ родѣ Толстого и его послѣдователей, хотѣтъ найти другой путь и сбившись съ истиннаго пути, пахотятъ путь заблужденія, отверженія Христа; не хотѣтъ вѣровать въ то, что вѣками устоявлено, Самимъ Богомъ открыто и возвѣщено; отвергаютъ Церковь, таинства, руководство священнослужителей и даже выдумали журналъ «Новый путь». Этотъ журналъ задается цѣлю искать Бога, какъ будто Господь не явился людямъ и не повѣдалъ намъ истиннаго пути. Не найдутъ они больше никакого пути, какъ только во Христа Іисуса, Господѣ нашемъ. Этимъ путемъ прошли миллионы людей,—чудно спаслись и получали вѣчную радость на небѣ. Къ чему же приводать мои Слова? Къ тому, чтобы твердо держаться того пути, который есть Христосъ и Его истинная Церковь, держаться спасительныхъ таинствъ. Другіе пути всѣ ведутъ въ погибель. Эта сатана откры-

васть эти новыя пути и люди безсмысленные, буи, не понимающіе, что говорятъ, губять и себя и народъ, такъ какъ свои сатанинскія мысли распространяють среди него. Крѣпко, остро уши держите, знайте Единный Путь, чрезъ который спаслись миллионы людей. Никакіе Толстые и ихъ послѣдователи и никогда не найдутъ и не покажутъ намъ другого такого, какъ нашъ, вѣрнаго пути, а сами лишь постыдятся и какъ дымъ исчезнутъ. Аминь.»

Битва „брачныхъ“ и „небрачныхъ“. Въ деревнѣ Пряхино Камышинскаго у., по словамъ «Цариц. Вѣсти.», почти всѣ жители—«старообрядцы едосѣвцы», не пріемлющіе брака; они считаютъ великимъ грѣхомъ «жениться». Въ этой же деревнѣ, а также и въ сосѣднихъ проживаютъ «старообрядцы поморцы», которые учатъ, что женитьба не естъ грѣховное дѣло. Давно уже эти двѣ секты враждуютъ между собою и нерѣдко бесѣдуя о вѣрѣ, никакъ не могутъ прийти къ соглашенію, а побѣдителями всегда остаются «брачные». Но «небрачные», видя себя побѣжденными, нерѣдко. стоваривались отмстить обидчикамъ. 19 минувшаго января вызвали въ названную деревню двухъ начегчиковъ: кр. с. Ахмата Артемія Черчимцева и кр. с. Дубовки Михаила Суворова. Начегчики были оба со стороны «брачныхъ». Доказавъ по книгамъ неосновательность ученія «небрачныхъ», они все-таки не хотѣли уходить съ бесѣды. Но въ это время кто то крикнулъ: «Смерть имъ!» И какъ бы по давнему условному сигналу всѣ «небрачные», въ числѣ 100 человекъ, бросились съ кулаками на брачныхъ и началось страшное избиеніе. Начегчики какъ то проскользнули и спаслись бѣгствомъ. Трудно было установить порядокъ среди разъярившейся толпы, которая махала кулаками и кричала во все горло: «Долой бракъ! Вей брачныхъ! Смерть имъ! Теперь нѣтъ брака! Настало послѣднее время!» Немедленно было сообщено полицейской власти въ с. Золотое. Явился приставъ, который и возстановилъ порядокъ. Переписавъ человекъ 50 бунтовщиковъ, онъ передалъ дѣло судебному слѣдователю.

Епархіальный противораскольничій миссіонеръ Владимірской епархіи, канд. бог. **М. В. Граціанскій**, согласно прошенію, перемѣщенъ на должность епархіального миссіонера въ Воронежскую епархію, причемъ Св. Синодъ разрѣшилъ г. Граціанскому принять санъ священника цѣлебаторъ.

— Въ Омской епархіи открыта должность епархіальнаго миссіонера, каковая должность въ настоящее время вакантна.

— Епархіальный миссіонеръ **Ностромской** епархіи, священникъ о. Ивановъ въ концѣ истекшаго года волею Божіею скончался и миссіонерская должность въ настоящее время вакантна. Миссіонеръ имѣетъ свое мѣстожительство въ г. Кинешмѣ, какъ въ центрѣ раскола.

Изъ залы засѣданій религіозно-Философскихъ Собраній.

4-е ЗАСѢДАНІЕ.

Продолженіе словеснаго обмѣна мнѣній по содержанію доклада Д. С. Мережковского «Левъ Толстой и русская Церковь».

Руководителемъ преній былъ избранъ философъ Н. М. Минскій. Последній напомнилъ собранію, что главныя положенія доклада Д. С. Мережковского сводятся къ двумъ вопросамъ: объ отлученіи гр. Л. Толстого и объ отношеніяхъ между русскою Церковью и русскимъ государствомъ. Второй вопросъ болѣе важный, постоянный, сказалъ руководитель, такъ что въ настоящее время мы, можетъ быть, сосредоточили бы пока свое вниманіе на вопросѣ объ отлученіи Л. Толстого? Въ свою очередь онъ распадается на два вопроса. Во-первыхъ, докладчикъ задѣваетъ внѣшнюю, формальную сторону этого отлученія и хочетъ знать, было ли это простымъ объявленіемъ объ отпаденіи Л. Толстого отъ Церкви, или это была «анагема», и во-вторыхъ, докладчикъ спрашиваетъ, какъ должно отозваться отлученіе Л. Толстого на всемъ русскомъ обществѣ? Эти два вопроса слѣдуетъ разрѣшить прежде, чѣмъ говорить объ отношеніи между Церковью и государствомъ.

Епископъ Сергій. Я хотѣлъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній относительно самаго смысла слова «анагема», которая произнесена надъ Л. Толстымъ. Прошлый разъ у насъ было нѣкоторое недоумѣніе: что такое сдѣлано съ Л. Толстымъ—отлученъ ли онъ отъ Церкви или только объявлено, что онъ самъ отпалъ отъ Церкви? Нѣкоторые думаютъ, какъ мнѣ кажется, что если мы установимъ то положеніе, что Св. Синодъ только засвидѣтельствовалъ объ отпаденіи, а не отлучилъ, то это будетъ не такъ страшно, не такой ужасающій фактъ, какимъ представляется отлученіе. Мнѣ думается, что тутъ нѣкоторое недоразумѣніе. Отлученіе страшно по своей, такъ сказать, обстановкѣ; но въ существѣ дѣла объявленіе объ отпаденіи отъ вѣры болѣе страшно. Отлученіемъ, собственно, называется нѣкоторое, насильственное удаленіе человѣка изъ Церкви, напр., когда кто самъ не желаетъ прерывать

связи съ Церковью и считаетъ себя полноправнымъ ея членомъ, но вслѣдствіе того, что его ученіе не православно, вслѣдствіе, наконецъ, просто его безнравственнаго поведенія, Церковь лишаетъ его общенія съ собою—съ различными послѣдствіями этого рѣшенія, относително погребенія, участія въ Таинствахъ. Тутъ мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ, который хочетъ и усиливается стоять на церковной почвѣ, но Церковь говоритъ, что онъ къ ней не принадлежитъ. Теперь другой случай: вопросъ объ отпаденіи отъ Церкви. Здѣсь уже имѣется въ виду фактъ болѣе важный, болѣе рѣшительный, говорится уже объ отпаденіи сознательномъ отъ Церкви. Въ этомъ случаѣ объ отлученіи не могло быть и рѣчи, потому что, разъ человѣкъ отпалъ самъ, то онъ къ Церкви уже не принадлежитъ, и со стороны послѣдней остается только засвидѣтельствовать это. Напр., въ древности, во времена гоненій была масса людей, отошедшихъ отъ вѣры, подъ вліяніемъ гоненій измѣнившихъ вѣрѣ. Собственно вопросъ объ отлученіи ихъ никогда въ существѣ дѣла не поднимался, поднимался только вопросъ, какимъ способомъ отлученныхъ можно принять опять въ Церковь. Юліана Отступника не судить никакой соборъ. Онъ ни на какомъ соборѣ не былъ отлученъ, онъ былъ просто отступникомъ отъ христіанства. И вотъ, случай съ Л. Толстымъ, по моему мнѣнію, представляетъ то же самое. Его не нужно было отлучать, потому что онъ самъ сознательно отошелъ отъ Церкви. У насъ это смѣшали съ отлученіемъ потому, что у насъ привилегія членовъ Церкви перестала быть привилегіей, обратившись скорѣе въ обязанность каждаго человѣка, всякаго гражданина государства: хотя бы относительно погребенія или даже относительно приобщенія. Собственно человѣкъ не только имѣетъ право приступить къ Таинствахъ, быть погребеннымъ: онъ даже *долженъ* быть погребенъ, какъ христіанинъ. Поднялся вопросъ, какъ поступить съ Л. Толстымъ? Эти привилегія истиннаго члена Церкви принадлежать ли ему? Пришлось поставить вопросъ о лишеніи его этихъ церковныхъ привилегій. Это *внѣшнее подобіе* отлученія и заявленія объ отпаденіи и было причиной недоразумѣній. Отлученіе, собственно говоря, по своему внутреннему смыслу, гораздо менѣе трагично, чѣмъ простое заявленіе объ отпаденіи, хотя послѣднее по формѣ представляется весьма мягкимъ. Отлученіе никогда не имѣетъ смысла мести человѣку за то, что онъ не служитъ Церкви. Это, съ одной стороны, педагогическій приемъ, чтобы дать человѣку одуматься. Церковь говоритъ: «ты утверждаешь, что принадлежишь къ Церкви, хочешь быть православнымъ, но тогда ты долженъ то-то и то-то оставить». Ему прямо ставится вопросъ: или продолжать жить, какъ хочешь, или измѣнить свое ученіе или поведеніе и остаться въ Церкви. Такимъ образомъ, по внѣшней формѣ это какъ будто

нѣкоторое наказаніе, но въ сущности это только педагогическая мѣра. Подымался вопросъ, ведетъ ли отлученіе отъ Церкви къ отлученію отъ вѣчной жизни. По моему мнѣнію, когда Церковь произноситъ отлученіе, она всегда ясно сознаетъ, что она выражаетъ именно волю Божию, обязательно волю Божию. На чемъ это основано? Основано это не на томъ, что Церковь беретъ, такъ сказать, слишкомъ много на себя, узурпируетъ власть божественную; это основывается на твердой вѣрѣ Церкви въ то, что она произноситъ анаѣмѣ исполнѣ справедливо, т. е., что человѣкъ своимъ ученіемъ, своимъ поведеніемъ отпалъ отъ вѣчной жизни. При этомъ все равно, отлучается ли соборъ или епископъ, разъ онъ дѣйствуетъ во имя Церкви. Разъ онъ дѣйствуетъ во имя Церкви, онъ имѣетъ право отлучить отъ Церкви, основываясь на ясномъ сознаніи, что данное лицо дѣйствительно отступило отъ истинной жизни, на увѣренности внутренней, что онъ дѣйствуетъ во имя Божіе и произноситъ судъ Божій. Но, конечно, человѣкъ отлучается отъ жизни вѣчной не тѣмъ, что Церковь объявляетъ объ его отлученіи. Предположимъ, что о какомъ-нибудь человѣкѣ ложно распространили, что онъ учитъ такъ-то, живетъ такъ-то, т. е. церковная власть получила свѣдѣнія въ невѣрномъ освѣщеніи. Или предположимъ, что церковная власть, по личному недоброжелательству, произноситъ отлученіе или, наконецъ, просто, что она сама держится неправильнаго мнѣнія. Тогда такая анаѣма уже возвращается на голову тѣхъ, кто ее произнесъ, т. е. значеніе и сила анаѣмы не въ томъ, что мы объявили: «хочу—пушу въ царство небесное, хочу нѣтъ». Я не пускаю въ полной увѣренности, что этотъ человѣкъ самъ бы не вошелъ, потому что его и Богъ бы не пустилъ, т. е. отлученіе основывается на вѣрѣ въ нравственную правду его. Я хотѣлъ бы еще сказать нѣсколько словъ относительно мистической стороны дѣла. Правда этого отлученія основывается не на юридическомъ правѣ Церкви располагать вѣчною жизнью людей, а на внутренней правдѣ этихъ дѣйствій, т. е. разъ человѣкъ потерялъ возможность къ вѣчной жизни, онъ фактически лишается ея, фактически отлучается отъ нея церковнымъ актомъ.

Н. М. Минскій. Позволю себѣ сдѣлать одинъ вопросъ. Толстой былъ не единственный писатель, который проявилъ въ своихъ сочиненіяхъ «безбожіе». Были и другіе. Онъ призналъ себя не христіаниномъ, и Церковь поставила передъ нимъ зеркало: вотъ молъ ты каковъ. Отчего, однако, этого не сдѣлали по отношенію къ другимъ невѣрующимъ членамъ русской Церкви?

Епископъ Серій. Тутъ дѣло въ томъ, что церковный организмъ зависитъ не только отъ власти церковной: „Я есмь лоза, Отецъ мой дѣлатель. Всякую вѣтвь, не приносящую плода, Онъ отсекаетъ“... Если бы только

одна Церковь очищала лозу, тогда, конечно, неизбежно было бы объявление отлученія всякаго больного члена Церкви; но Церковь, зная, что существуетъ невидимый судъ Божій, иѣтъ въ виду, что актъ отлученія—актъ изъ ряду вонъ выходящій,—употребляетъ его въ случаяхъ болѣе или менѣе исключительныхъ.

В. М. Сворцовъ. Позвольте предложить встрѣчный вопросъ. Кого вы укажете изъ другихъ писателей, кромѣ Л. Толстого, который бы такъ рѣшительно заявилъ свое несогласіе съ христіанскою Церковью и не только заявилъ, но и настойчиво распространялъ даже свое ученіе? Я по крайней мѣрѣ не знаю другихъ, равныхъ ему по степени ясности противоборствующихъ съ Церковью отношеній. Я не говорю, конечно, о внутреннемъ разладѣ, такъ какъ въ этомъ мы отдаемъ отвѣтъ только Богу. Можетъ быть, вы представите примѣры изъ исторіи нашей Церкви, гдѣ бы писатель въ одинаковой мѣрѣ и по выраженію своихъ религіозныхъ вѣрованій, и по стремленію не только самому вѣровать, но главнымъ образомъ и учить этому другихъ, распространять свое лжеученіе, уподоблялся бы Толстому. Съ этой точки долженъ освѣтиться вопросъ. Мнѣ кажется, что Л. Толстой является въ этомъ отношеніи чрезвычайнымъ явленіемъ въ нашей Церкви: онъ одинъ открыто заявилъ въ своихъ сочиненіяхъ о полномъ несогласіи съ догматами православной Церкви. Объ немъ произнесенъ приговоръ, какъ о ересеучителѣ; и на вселенскихъ соборахъ отлучали только ересіарховъ, а не мелкихъ сошекъ.

Н. М. Минскій. Конечно, указывать на писателей живыхъ, которые отрицаютъ Церковь, я бы не сталъ, потому что этимъ самымъ я бы подвелъ ихъ подъ мечъ анафемы. Но достаточно сказать, что имѣется цѣлое философское направленіе, созданное Контанъ, которое считаетъ весь теологическій періодъ устарѣвшимъ и *всякую* божественную религію устарѣвшею. У насъ существуетъ не мало поклонниковъ Конта—цѣлая школа позитивистовъ; ихъ Синодъ могъ бы также отлучить отъ Церкви, такъ какъ они отрицаютъ не только христіанскую религію, не только Христа, какъ Богочеловѣка, но религію вообще.

Архимандритъ Сергій. Разъяснилъ подробно, что сказано въ посланіяхъ апостольскихъ по поводу анафемы (которую объявляютъ на первой недѣлѣ поста) и кого отлучаютъ въ совершаемомъ на этой недѣлѣчинѣ анафемы:

„Отрицающихъ бытіе Божіе, отрицающихъ промыселъ Божій, не признающихъ Бога духовнымъ существомъ, отрицающихъ Іисуса Христа, отрицающихъ Св. Духа, отрицающихъ силу искупительныхъ заслугъ Христа Спасителя, не признающихъ Св. Дѣву, считающихъ ее простою женщиною, отрицающихъ св. Писаніе и вообще пророковъ, считающихъ настоящую жизнь

концомъ всего, отрицающихъ вселенскіе соборы, св. иконы“. Лица, которыя держатся этихъ убѣжденій, по объявленію Церкви не состоятъ въ духовномъ союзѣ съ Церковью, поэтому она говоритъ, что они отлучились отъ нея. По поводу того, что сдѣлала святая Церковь въ прошломъ году въ февралѣ мѣсяцѣ, я бы отвѣтилъ: Церковь не оповѣщала анаемы *нарочито для Л. Толстого*. Если ученіе его расчленивъ на части, то въ немъ нѣтъ ничего новаго, это уже объявлено. Ново только то, что сперва былъ Аріій, потомъ Македоній,—отрицавшіе отдѣльные пункты,—потомъ явился Толстой и сталъ все отрицать. Того ученія, котораго держится Л. Толстой, держались многіе и раньше, и Церковь заявляла, что кто держится этого ученія, тотъ не принадлежитъ къ Церкви. Но Церковь хотя заявила, что Л. Толстой отпалъ отъ Церкви, что онъ въ союзѣ съ нею не состоитъ, но анаемы не сказала. Совершенно вѣрно, что у насъ есть направленіе позитивистовъ, но они своего ученія не распространяютъ и своихъ послѣдователей десятками тысячъ не считаютъ. У насъ есть позитивисты, но они излагаютъ свое ученіе въ формѣ такихъ книгъ, которыя не всѣмъ доступны. Л. Толстой всѣмъ доступенъ и имѣлъ много послѣдователей. Это я говорю къ тому, что русская Церковь видѣла, что Л. Толстой опасенъ для членовъ русскаго общества не потому, что его хотѣли изгнать, а потому, что онъ опасенъ, такъ какъ въ духовномъ союзѣ съ Церковью не состоитъ. Я хочу указать на то, что Толстому нарочито не оповѣщали, а только объявили, что онъ отпалъ, потому что по степени вліянія на народъ, по своему художественному таланту, Л. Толстой господствовалъ надъ обществомъ и былъ для многихъ опасенъ. Онъ дѣйствовалъ противъ христіанства, а между тѣмъ онъ прикрывался—христіанствомъ и евангеліемъ. Поэтому Церковь объявила объ отпаденіи Л. Толстого отъ Церкви.

Бѣляевскій разъяснилъ, что никто изъ враговъ Церкви не писалъ своего евангелія, кромѣ Л. Толстого. Онъ, кромѣ того, написалъ догматику, выдавая ее за настоящую православную. Въ данномъ случаѣ Л. Толстой отлученъ, чтобы его не принимали за настоящаго, православнаго богослова.

Святи. Левашевъ сообщилъ, какъ одинъ ученый человѣкъ, профессоръ, который 12 лѣтъ не былъ на исповѣди, въ первый разъ серьезно задумался надъ своимъ религіознымъ состояніемъ именно подъ вліяніемъ посланія Св. Синода: у него явился вопросъ, не отлученъ ли и онъ вмѣстѣ съ Л. Толстымъ? Исповѣдавшись, онъ далъ обѣщаніе уже никогда не опускать обязанности исполненія святаго долга.

Влад. Успенскій говорилъ, что разсужденія собранія недостаточно уяснили, почему же торжественное, открытое засвидѣтельствованіе отпаденія потребовалось именно для Толстого, а не для другихъ, тогда какъ эти дру-

гіе болѣе повинны. Развѣ не существуютъ въ настоящее время соціально-философскія доктрины—не на словахъ, а по существу своего ученія гораздо далѣе отводящія отъ Христа и Церкви, чѣмъ толстовство? Я не буду говорить о позитивизмѣ—направленіи слишкомъ общемъ, философскомъ, съ трудомъ разложимомъ на конкретныя явленія текущей жизни. Мнѣ хотѣлось бы указать на болѣе быющую въ глаза доктрину экономического матеріализма, которой слѣдуетъ такъ много современныхъ интеллигентовъ, которая проповѣдуется едва ли не съ кафедръ профессорами. Л. Толстой ближе къ христіанству, чѣмъ представители этой доктрины. Въ каждой религіи есть три момента: правоучительный, догматическій, мистическій. Доктрина экономического матеріализма, въ сущности, отрицаетъ и тотъ, и другой, и третій. Для нея не только религія, но и философія, и вся вообще высшая область человѣческаго духа оказывается какимъ-то фантомомъ, придаткомъ, не имѣющимъ существеннаго, опредѣляющаго значенія въ жизни, жизнь направляется лишь неумолимыми экономическими законами. Л. Толстой отрицаетъ моментъ догматическій и мистическій; но за то онъ съ такой силой выдвинулъ значеніе момента нравственнаго. Въ этомъ отношеніи на его ученіе слѣдуетъ смотрѣть какъ на ученіе не христіанское, конечно, и не церковное, зато подводящее къ нашей Церкви. Я могу указать на факты. Было время, когда у насъ въ Россіи организованы были цѣлыя толстовскія общины. Въ нихъ вся жизнь текла по особому толстовскому укладу. И что же? Весьма многія изъ тѣхъ лицъ, которыя были въ этихъ толстовскихъ общинахъ, стали такими горячими послѣдователями христіанства, какихъ рѣдко встрѣтить въ настоящее время. Говорятъ, что Толстой многихъ соблазнялъ, и потому де его ученіе особенно, не въ примѣръ прочимъ, опасно. Но не преувеличиваемъ ли мы этихъ страховъ? И раньше увлеченіе Толстымъ—не художникомъ, а моралистомъ—никогда не было слишкомъ широкимъ, повальнымъ. Если нѣкоторые сектанты находили для себя опору въ ученіи знаменитаго писателя, то и здѣсь Л. Толстой не былъ главнымъ виновникомъ зла. А въ настоящее время толстовство можно считать миновавшимъ явленіемъ. Я рѣшительно не знаю, кого въ настоящее время соблазняетъ *религіозно-нравственное* ученіе Л. Толстого. Я вижу много соблазновъ, но не въ его ученіи... Отецъ Сергій говоритъ, что ученіе Толстого въ исторіи Церкви повторялось десятки разъ. Чѣмъ же это новое повтореніе его особенно опасно?.. Говорятъ еще: «страшно, что онъ дѣйствуетъ подъ флагомъ христіанства». Но развѣ Л. Толстой скрываетъ свое ученіе? Напротивъ, не говоритъ ли онъ чистосердечно того, что многіе другіе думаютъ и даже говорятъ, но... втихомолку. Есть тысячи людей, которые проповѣдуютъ истины болѣе опасныя христіанству, которые

сѣютъ ученіе, отводящее не только отъ Церкви, но даже отъ моральныхъ устоевъ жизни, а между тѣмъ числятся православными. Что касается его отношенія къ евангелію, то несостоятельность его толкованій евангелія—и ссылокъ на него слишкомъ очевидна. И едвали какой-либо просвѣщенный читатель (а такимъ нужно считать всѣхъ, знакомящихся съ моральнымъ ученіемъ Л. Толстого) не пойметъ, что дѣйствительное евангеліе и евангеліе Л. Толстого совершенно не одно и то же.

Архимандритъ Серій. Мы говорили цѣлый мартъ мѣсяцъ съ вами объ этомъ. Я хотѣлъ бы сказать, что лучше было бы интеллигентному обществу прямо придти къ христіанству, чѣмъ идти закоулками. Я знаю, о какихъ лицахъ вы говорите, что ихъ привелъ къ христіанству Л. Толстой. Ихъ научило любить Церковь то, что они потеряли христіанство. Извѣстно вѣдь: что теряемъ—становится намъ дорогимъ. Они сами поняли это, когда потеряли Церковь. Но толкованіе евангелія Л. Толстымъ опасно.

Я подчеркну, что въ числѣ многихъ причинъ, по которымъ Церковь объявила объ отпаденіи Толстого, была и та причина, что если бы она молчала, то обрушилась бы на нее. И такъ уже ее упрекаютъ въ параличѣ.

В. С. Миромубовъ. Толковать о Львѣ Толстомъ теперь, когда человекъ дожилъ до такихъ лѣтъ, къ которымъ близка смерть, когда здоровье этого человека въ такомъ состояніи, что онъ долженъ по нѣсколькимъ днямъ лежать въ постели, и сердце его чуть не парализуется, это едвали умѣстно. А здѣсь толкуютъ, что онъ такой-то, такой-то, ничего не далъ, устранивъ его изъ Церкви... забывая, что этотъ человекъ далъ русскому обществу больше, чѣмъ кто-либо другой.

Почему мы не собираемся въ церкви вмѣстѣ молиться передъ Богомъ за того грѣшника, которому всѣ мы столь многимъ обязаны?.. Если я сдѣлался лучше, чѣмъ я былъ по выходѣ изъ университета, то въ огромнѣйшей степени я обязанъ этимъ именно Толстому. Этотъ человекъ дѣлалъ людей лучше и лучше, вызывая у нихъ слезы любви. Говорили, что Толстой подводилъ къ Церкви,—я этого не знаю, но что онъ подводилъ къ религіи нерелигіозныхъ русскихъ людей-интеллигентовъ—въ этомъ сомнѣваться нельзя. Это можно прочитать въ 14 томѣ его сочиненій, гдѣ говорится, что служеніе отдѣльному человеку или даже человечеству немислимо, если оно не будетъ проникнуто исполненіемъ воли Бога. Развѣ это не есть призывъ къ религіи? Люди искренніе стали слушать Л. Толстого и понемногу заинтересовываться религіозными вопросами; и не проходитъ и нѣсколькихъ лѣтъ, какъ они начинаютъ проникаться религіозными

вопросами и дѣлаются христіанами. Мы знаемъ этихъ людей; этотъ переворотъ произошелъ съ ними, когда они прошли черезъ все, что говорилъ Л. Толстой. Не лучше ли 77 разъ простить того, кто вызывалъ у милліона людей слезы любви? Когда я прослушалъ, что здѣсь говорилось о значеніи церковной анафемы, то пришелъ къ убѣжденію, что и меня надо предать такой анафемѣ. Интеллигенція, не сдѣлавшая ни милліонной доли того добра, что сдѣлалъ Л. Толстой, спокойно признается въ лонѣ Церкви.

Архимандритъ Серій. Церковь въ данномъ случаѣ дѣйствуетъ такъ: будемъ молиться, чтобы онъ возвратился къ ней.

В. М. Скворцовъ. Церковь молится каждый праздникъ, каждую службу, о соединеніи, какъ Л. Толстого, такъ и другихъ, разединенныхъ съ нею. По поводу мнѣнія г. Успенскаго о томъ, что будто бы Л. Толстой приводитъ къ Церкви, замѣчу: тифъ тоже способствуетъ здоровью, но не одинъ человекъ не посоветуетъ для этого заболѣть тифомъ. Какимъ образомъ Толстой подводитъ къ Церкви, когда онъ отрицаетъ божественное начало Христа?

Вл. В. Успенскій. Я не считаю необходимымъ принимать ученіе Толстого, чтобы придти къ Церкви. Рѣчь была уже о случившемся печальномъ явленіи и объ отношеніи къ нему. Я просилъ лишь уяснить, почему этотъ больной—Толстой болѣе, чѣмъ другіе, заслуживаетъ выдѣленія изъ среды здоровыхъ.

Отрицая божество Христа, Л. Толстой подводилъ однако же нѣкоторыхъ къ Церкви тѣмъ, что людей матеріалистическаго склада, неспособныхъ идти прямымъ путемъ, неспособныхъ (до времени) воспринять христіанское ученіе во всемъ его необъятномъ величіи, направлялъ на вопросы высоко моральные, вопросы духа... Развѣ интересъ къ этимъ вопросамъ не дѣлаетъ болѣе воспріимчивыми къ ученію Христа людей, занятыхъ до того исключительно вопросами о борьбѣ рабочихъ съ капиталистами, о рентѣ, прибыляхъ и т. под?..

В. В. Розановъ доказывалъ, что Синодъ и Толстой суть явленія разныхъ порядковъ, что бумага объ отлученіи Т—го прозвучала, что «Синодъ» не говоря о лицахъ, а говоря объ учрежденіи, не имѣетъ признаковъ личнаго существа, а Богъ — личенъ, живъ, свободенъ. Между тѣмъ Толстой при полной наличности ужасныхъ и преступныхъ его заблужденій, ошибокъ и дерзкихъ словъ, есть огромное *религіозное* явленіе, можетъ быть—величайшій феноменъ религіозной русской исторіи за 19 вѣковъ, хотя и искаженный. Но дубъ, криво выросшій, все же не есть безличное „учрежденіе“, которое никакъ не выросло, а сдѣлано человѣческими руками (Петръ Великій съ серіей послѣдующихъ распоряженій). Посему Синодъ не имѣетъ возможности подойти къ данной темѣ и долго колебался подойти. У Тол-

стого—тоска, мученія, годы размышленій Іова страданіе, Іова буря противъ Бога. Толстой—бѣсъ перель Іисуса; опредѣленіе же Синода просто есть вызванное обстоятельствами постановленіе чисто внѣшняго характера—до такой степени въ методѣ и тонѣ его не отражается никакой религиозной тревоги, которая всегда лична».

Толстой написалъ «Чѣмъ люди живы»: онъ какъ бы видѣлъ ангела у мужика; я наставляю на словѣ «видѣлъ»; густота размышленій уплотнилась до осязательности этого образа. Вѣрующіе требуютъ знаменій, когда философы спрашиваютъ доказательствъ. У Синода есть доказательства, а „знаменій“ нѣтъ, и онъ въ одной части есть административное учрежденіе, а въ другой—философская академія, безъ какого-либо „помазанія“. Вотъ, въ самомъ дѣлѣ, еще терминъ: каждый изъ членовъ Синода помазанъ, но вѣдь не каждый отдѣльный членъ Синода судилъ Толстого отъ себя и за себя, а судило учрежденіе, которое ни на коллективныя сужденія, ни на коллективныя рѣшенія помазанія не имѣетъ».

Прот. Соколовскій. Я совершенно согласенъ съ редакторомъ „Журнала для всѣхъ“, г. Милолюбовымъ, предложившимъ собранію оставить Л. Толстого въ покоѣ. Но причиною этого для меня служить вовсе не жалость къ разстроенному состоянію Л. Толстого. Я считалъ бы болѣе удобнымъ обратить вниманіе на объективную сторону дѣла. Я думаю, главное заключается въ нѣкоторомъ непониманіи между духовнымъ сословіемъ, которое здѣсь оправдываетъ отлученіе Толстого, и людьми свѣтскими. Но не знаю, ставили ли такой вопросъ: въ какое положеніе былъ поставленъ Синодъ? Имѣлъ ли онъ какую-нибудь возможность молчать, не высказываться такъ или иначе? Я не говорю объ его правѣ, я просто ставлю вопросъ: могъ ли Синодъ молчать о Л. Толстомъ, не сказать своего опредѣленнаго рѣшенія? Несомнѣнно вѣрно, что Синодъ представляется въ Россіи хранителемъ вѣры, хранителемъ ея православности. Съ другой стороны, Л. Толстой является отрицателемъ этой православности (я не говорю о христіанствѣ). Л. Толстой явился противникомъ православности и противникомъ единственности. Были мнѣнія, что есть и другіе противники; было высказано, что такіе противники—позитивисты. Это недоразумѣніе. Позитивисты имѣютъ логическое право быть вѣрующими. Позитивисты говорили отрицательно о религіи, но какъ объ источникѣ и о способѣ познанія; они говорятъ, что религія являлась вѣщательницей истины только въ первыхъ фазисахъ существованія, а затѣмъ уступила мѣсто наукѣ. Позитивизмъ скорѣе служитъ религіи, потому что вся задача его заключается въ томъ, чтобы выдѣлять всѣ феноменальности, чтобы никто не могъ ихъ поставить вмѣсто Бога. Толстой, такимъ образомъ, является дѣйствительно единственнымъ

противникомъ православія, но не въ этомъ только отношеніи, а и въ другомъ. Обратите вниманіе на его великую силѣность, которая всегда, у насъ и вездѣ, привлекаетъ къ себѣ большую массу людей, не разбирающихъ хорошо ли это, а слушающихъ только какъ говорятъ, какъ сильно говорить.—Этого мало. Толстой безспорно угадалъ особенность нашего времени. Мы сдвинувшись всѣ къ вопросу нравственному. Всѣ мы можемъ божественное познать только черезъ нравственное. Нравственная часть выступила недавно и заняла собою умы. Толстой это понялъ и въ этомъ его преимущество. Синоду сидѣли можно было смотрѣть на это дѣло безучастно.

В. М. Скворцовъ (обращаясь къ Розавову): В. В.! Я не понимаю, какое это помазаніе вы разумѣете? Скажите, а вселенскіе соборы имѣли такое помазаніе? Вы вѣдь историкъ, можетъ быть, просвѣтите наше невѣжество новымъ открытіемъ?

Розан. Я ничево не умѣю сказать, имѣли ли вселенскіе соборы помазаніе?

В. Успенскій. Въ то время, какъ нѣкоторые представители учащей Церкви высказывались, что отлученіе Л. Толстого не можетъ вызывать никакихъ вопросовъ, свѣтскіе члены общесва говорили, что это дѣло громадное, что требуется много тяжкихъ усилій мысли, чтобы отнестись къ нему сознательно. Вопросъ объ отлученіи былъ широко поставленъ на прошломъ засѣданіи. Г. Тернавцевъ сказалъ: „въ этомъ актѣ Россія благочестивая отлучила Россію мыслящую“. По словамъ г. Мянскаго, „никто не сомнѣвается, что Церковь желаетъ истиннаго блага Россіи, но никто не сомнѣвается, что и Л. Толстой искренно желаетъ ей блага“. Такъ случилось, что двѣ силы, стремящіяся къ одной и той же цѣли, столкнулись. Свѣтское общество—на сторонѣ Л. Толстого, хотя Л. Толстой, какъ выяснилъ г. Мережковскій, не можетъ быть названъ представителемъ культурнаго общества. Онъ, какъ Янусъ двуликій: въ своихъ романахъ „Анна Каренина“, „Война и Миръ“ онъ еще представитель свѣтскихъ культурныхъ идеаловъ. Но позднѣе онъ явился отрицателемъ науки, искусства, —однимъ словомъ, всего, чѣмъ живетъ культурное общество. Почему же свѣтское культурное общество всетаки такъ горячо за него вступилось? Въ чемъ здѣсь *impedimentum dirimens*? Мнѣ кажется, свѣтское культурное общество въ данномъ случаѣ руководится чувствомъ самозащиты. Отлученіе простирается не только на Толстого, но на все культурное общество. Оно касается всѣхъ насъ. Толстой въ своемъ отвѣтѣ Синоду говоритъ: „все общество отрицаетъ Таинсва, то, что предлагаетъ Церковь въ своихъ догматахъ“. Это невѣрно. Но вѣрно во всякомъ случаѣ то, что всѣмъ родственъ тотъ

процессъ мышленія, который привелъ Толстого къ отлученію. Свѣтское общество признаетъ актъ Синода неправильнымъ. Оно видитъ въ немъ посягательство на высшее культурное благо, за которое оно борется уже пять вѣковъ—на свободу мысли. Г. Тернавцевъ сказалъ: Церковь, по своей идѣ, есть община спасенія. Почему же она вступаетъ въ *общій* процессъ всей міровой (мірской) жизни? Вѣдь она такъ или иначе участвуетъ въ культурѣ.

В. С. Миромобовъ говорилъ, что Толстой нѣсколько лѣтъ тому назадъ не имѣлъ Бога, былъ атеистомъ, теперь онъ несомнѣнно религіозный человѣкъ, въ доказательство чего ораторъ сослался на 14 томъ сочиненій его и на отвѣтъ Синоду, гдѣ говорится о необходимости молитвы, „какъ возбуждающаго начала для религіозныхъ чувствъ“. Онъ, несомнѣнно, и теперь молится, продолжалъ г. М—въ. Онъ мучился во время своихъ исканій. Во время этихъ исканій онъ далъ русскому обществу столько импульсовъ, какъ ни одинъ писатель. Вотъ почему я говорю, что слѣдуетъ прекратить эти разговоры, слѣдуетъ прекратить эти нападки, которыя могутъ ли имѣть связь съ ученіемъ Христа, призывающаго къ любви? Почему намъ не помогаютъ въ нашихъ исканіяхъ Бога, въ нашихъ недоразумѣніяхъ относительно вѣры, когда многіе во время исканій пулю въ лобъ себѣ пускали? Если приходятъ къ намъ на помощь во время нашихъ исканій, тѣмъ менѣе имѣютъ права отсѣкать ту вѣтвь, которая намъ помогала находить того Бога, котораго мы нашли въ настоящее время. Въ интересахъ всего русскаго общества, исповѣдующаго любовь Христову, я призываю прекратить разговоры о Толстомъ, потому что представители Церкви мало дѣлали, чтобы возжигать эту любовь, на которой зиждется этотъ міръ. Теперь отсѣкли лучшую вѣтвь мыслящей Россіи, ту вѣтвь, на которую Богъ пролилъ высочайшіе дары, произведенія котораго обучаюгъ человѣка. Если бы наше собраніе происходило до отлученія, мы должны бы были спасать человѣка не отлученіемъ, а возжиганіемъ любви. Мнѣ случилось читать рассказъ, въ которомъ говорится о курсисткѣ, которая во многомъ сомнѣвается, думаетъ, что она невѣрующая. Ей говорятъ, чтобы она исповѣдалась, но она боится сказать о своихъ сомнѣніяхъ, а то ее выгонятъ изъ учебнаго заведенія, испортятъ всю ея судьбу. Въ то время, когда Церковь дошла въ значительной степени до такого погашенія этой любви Христовой, она спасаетъ свой организмъ тѣмъ, что отлучаетъ.

Предсѣдательствующій *П. М. Минскій* замѣтилъ, что выраженіе, что Церковь дошла до погашенія любви Христовой, слишкомъ сильно, на что *Миромобовъ* отвѣтилъ, что онъ говорилъ о погашеніи не въ томъ смыслѣ, что Церковь гаситъ, а что ея любовь гаснетъ. „Это несомнѣнный фактъ, что эта любовь не горитъ, не грѣетъ, не свѣтитъ людямъ сомнѣвающимся. Относи-

тельно того, что и народъ долженъ чувствовать такъ же, какъ Синодъ, я сомнѣваюсь. Я не думаю, что народъ такъ чувствуетъ, потому что и для народа написано много книгъ, въ которыхъ онъ слышитъ, что Л. Толстымъ проповѣдуются заповѣди любви. Всѣ эти книжки читаются, и онѣ служатъ дѣлу Христову“. Въ заключеніе ораторъ, сказалъ что при теперешнемъ состояніи Церкви лучше думать о томъ, чтобы укрѣплять тѣхъ людей, которые вѣруютъ и думаютъ служить Христу и исполнять его заповѣди, чѣмъ о томъ, чтобы спасать Церковь этимъ отрѣзываніемъ „негодныхъ“ вѣтвей.

О. Соллертинскій. Я не имѣю ничего возразить, но прошу обратить вниманіе на то, что намъ нужно непрестанно понимать другъ друга. Надо понять, что такое Л. Толстой. Позвольте выразить мнѣ это систематически. Я говорю, что исторія христіанскаго дѣла переживаетъ 3 момента. Первый моментъ заключался въ томъ, что люди видѣли Бога, чувствовали Его и готовы были принимать вѣру, какъ бы ихъ ни мучили. Прошелъ моментъ мученичества и гоненій. Христіанство сдѣлалось бытіемъ, всѣмъ признаваемымъ. Потомъ явилась новая ступень — понятій, что такое христіанство. Является періодъ, который породилъ разнаго рода догматическія системы богословія. Этотъ періодъ исчерпался вполне, и вопросъ теперь состоитъ въ томъ, что мало понять ученіе Господне; надо вжиться въ него и жить по-христіански, чего пока не замѣчалось. Эта задача явилась недавно и обняла весь міръ христіанскій. Л. Толстой пріобщился къ этой задачѣ, — въ этомъ могла бы заключаться его заслуга. Еслибы онъ всецѣло сосредоточился на томъ, чтобы въ русскомъ народѣ воплотились наконецъ эти законы нравственной отвѣтственности, если бы онъ это сдѣлалъ, — Синодъ бы его превознесъ. Я говорю это не какъ власть имущій, а какъ ученый историкъ. Зачѣмъ было ему затрагивать догматическую теоретическую сторону вопроса? это только порождало возможность уклониться отъ христіанства. Я говорю, что Л. Толстой поступилъ нетактично, неблагоразумно, онъ вышелъ изъ предѣловъ своей почтеннѣйшей задачи, обратился къ препираніямъ и поношенію. Относительно личности Л. Толстого — я ему отдаю честь, но говорю, что у Л. Толстого не было никакого уважительнаго права заниматься полемикой, тѣмъ болѣе, что онъ могъ бы быть руководителемъ нравственности.

Протейкинскій возразилъ на заявленіе о томъ, что пора о Л. Толстомъ перестать разсуждать. „Мнѣ кажется, что лучше *говорить*, но дѣйствительно говорить тактично, деликатно, говорить въ призваніи серьезности самаго дѣла, т. е. христіанства. Четвертый вечеръ идутъ наши споры. Я не могу назвать это судомъ, тяжбой, а великимъ разборомъ между двумя, не то лагерями, не то двумя слоями одного народа. Съ одной стороны церковники, съ другой — интеллигенція, культурное общество, во всякомъ случаѣ

люди свѣтскіе. Разборъ долженъ продолжаться, дѣло еще не выяснено окончательно. Надо достигнуть того, чтобы обѣ стороны сказали: больше мы не имѣемъ ничего сказать.

Еписк. Серій. Я хотѣлъ бы отвѣтить Миролюбову относительно того: нужно ли и своевременно ли теперь разсуждать о Л. Толстомъ. Мы рѣшаемъ теперь вопросъ не о Л. Толстомъ, мы рѣшаемъ вопросъ нашей совѣсти. Насколько серьезенъ этотъ вопросъ, можно видѣть, напр., изъ словъ В. Соловьева: Л. Толстой предлагаетъ намъ христіанство безъ Христа. Каждому изъ насъ, слѣдовательно, приходится рѣшать, остаемся ли мы съ Христомъ или хотимъ христіанства безъ Христа? Вопросъ этотъ настолько серьезенъ, что личность Л. Н. совершенно отступаетъ на задній планъ.

Арх. Серій. Я отвѣчу на вопросы г. Протейкинскаго. Онъ говорилъ, что я сказалъ: Синодъ или Церковь. Я долженъ подтвердить, что я сознательно говорилъ: Синодъ или русская Церковь. Для меня Синодъ—уста русской Церкви. Для меня нѣтъ разницы въ словахъ: Синодъ или Церковь. Этотъ актъ былъ сдѣланъ съ ясно сознаннымъ цѣлью. Синодъ это сдѣлалъ съ той цѣлью, чтобы Л. Толстого, хотя бы страхомъ изгнанія, спасти. Чего ждала Церковь? Когда Св. Синодъ объявлялъ объ отпаденіи Толстого, онъ не сдѣлалъ ничего новаго, въ сравненіи съ тѣмъ, что обыкновенно дѣлается при аваемѣ. Церковь молится, когда объявляетъ объ отпаденіи. Она молится, чтобы отпавшіе опять соединились съ нею. Церковь молится, чтобы Л. Толстой пришелъ къ познанію истины. Церковь объ этомъ молится, хотя не заявляетъ официально. Я могу въ этомъ сослаться на митрополита Антонія, который написалъ женѣ Л. Толстого: «Господь васъ благослови, а мужа вашего помилуй». Это короткая молитва о помилованіи Л. Толстого. Миролюбовъ упрекаетъ Церковь, что она не поступила по любви съ тѣмъ, кто самъ много любилъ, научилъ людей любить, который самъ религіозенъ, при чемъ ссылается на 14 томъ сочиненій Толстого. Я бы сослался на статью Л. Толстого «О церковномъ самообманѣ», гдѣ онъ говоритъ, что убійство, насиліе—ничто въ сравненіи съ тѣмъ зломъ, которое порождаетъ современное религіозное воспитаніе. Миролюбовъ говоритъ, что Л. Толстой религіозенъ; очевидно между нимъ и мною недоразумѣніе: Я хотѣлъ бы сказать, что мы, къ сожалѣнію, послѣ второго реферата свернули на новый вопросъ. Сначала мы возбудили вопросъ о причинѣ отчужденія интеллигенціи отъ Церкви, а потомъ свернули на частный фактъ. Первый вопросъ мы обошли, указали мелкія причины, а существеннаго не сказали. Причины отчужденія интеллигенціи такія: содержаніе ученія Церкви одно, а интеллигенція хочетъ видѣть въ немъ другое; способъ ученія, который предлагаетъ Церковь,—одинъ, тотъ же, который предла-

гаетъ интеллигенція,—другой; Богъ церковный—одинъ, а Богъ интеллигенціи—другой. Христосъ интеллигенціи—Христосъ благожелательный, но въ ученіи Церкви важны моменты правоучительный, догматическій и мистическій. Двухъ послѣднихъ моментовъ интеллигенція не признаетъ и поэтому мы говоримъ на разныхъ языкахъ.

В. С. Миромубовъ. Я вижу въ Л. Толстомъ человѣка религіознаго, чувствующаго Бога, обращающагося къ Богу. Онъ самъ говорилъ: я каждый день молюсь; нельзя молиться, не будучи религіознымъ человѣкомъ. Мережковский говоритъ, что намъ прежде всего нужно думать не о Л. Толстомъ, а о Христѣ. Почему, признавая Христа за Бога, будучи истинными христіанами, мы непремѣнно должны отлучить Л. Толстого и лишить *) молитвы? Почему говорятъ, что надо брать то или другое?

Пренія закончились очень интересною рѣчью председательствующаго. *Н. М. Минскій* сказалъ: „мы стоимъ въ очень опасномъ пунктѣ нашей бесѣды,—въ пунктѣ разлада и спора. Но отъ насъ зависитъ глубже понять разбираемый историческій фактъ и воспользоваться имъ, какъ урокомъ. Столкновѣнія вообще бываютъ двухъ родовъ. Первое внѣшнее, враждебное, злое. Второе: внутреннее, необходимое, трагическое. Мнѣ кажется, что столкновѣніе произошло болѣе глубокое, чѣмъ это было выражено предыдущими ораторами. Самой яркой фразой на прошломъ засѣданіи было опредѣленіе г. Тернавцева: «столкновѣніе произошло между Россіей благочестивой и Россіей мыслящей». Эти слова, однако, нуждаются въ нѣкоторой поправкѣ. Едва ли Толстого можно считать представителемъ Россіи мыслящей. Онъ не ученый и не философъ. Будь онъ мыслителемъ, столкновѣніе имѣло бы характеръ болѣе внѣшній, такъ какъ основа Церкви не разсудочная: она держится на чувствѣ вѣры, на стремленіи къ святости. По дѣлу въ томъ, что и Толстой вдохновлялся голосомъ совѣсти и жаждой святости.

Совѣсть столкнулась съ совѣстью же, чувство съ чувствомъ, и этимъ объясняется внутренній, трагическій характеръ столкновѣнія“.

Обращаясь къ характеристикѣ Толстого, г. Минскій находилъ, что здѣсь сдѣлано г. Мережковскимъ крупное опущеніе. Нельзя говорить о Толстомъ, не упоминая слова «искренность», какъ, напримѣръ, нельзя говорить о Гюго, не упоминая о романтизмѣ. По мнѣнію оратора искренности у Толстого-художника больше, чѣмъ у Пушкина и Гоголя, и онъ ока-

*) Кого лишить? гр. Толстого? но вѣдь онъ молится, какъ объ этомъ заявлялъ самъ ораторъ выше, конечно по своему; православныхъ же отлученіе не только не лишаетъ молитвы о немъ, а наоборотъ, призываетъ къ молитвѣ.

зался правдивѣе всѣхъ. «Онъ передалъ жизнь съ такой рѣдкой гармоніей между словомъ и ощущеніемъ, какой уже не встрѣтимъ у другого писателя. Онъ единственный. Но наступило начало 80-хъ годовъ. Толстой изъ художника дѣлается религіознымъ учителемъ. Основная черта его таланта всплываетъ наружу. Какъ бываетъ расширеніе сердца, у него дѣлается расширеніе искренности. Онъ заболѣваетъ искренностью».

Далѣе ораторъ ставитъ вопросъ: что же такое искренность? и такъ его разрѣшаетъ. «Прежде думали, что это соотвѣтствіе между словомъ и дѣломъ. Когда въ 70-хъ годахъ у насъ явилось поколѣніе нигилистовъ, они были вправѣ считать себя людьми искренними, потому что имѣли извѣстный идеалъ и за него шли на всякія страданія. Россія находилась на довольно опасномъ пути, потому что русская искренность нашла себѣ такое разрушительное выраженіе. Толстой припѣлъ и сказалъ: нѣтъ, господа, вы не искренни, потому что искренность заключается не столько въ соотвѣтствіи между словомъ и дѣломъ, сколько въ гармоніи между цѣлью и средствомъ. Цѣль ваша—установленіе мира и любви между людьми. А средство—злоба, убійство, насиліе. Слѣдовательно, вы не искренни. Нельзя противиться злу насиліемъ».

«Въ это время Толстой становится проповѣдникомъ Евангелія, и никто такъ много не сдѣлалъ для развитія среди интеллигенціи религіозно-христіанскихъ идей, какъ онъ. Исходя изъ того, что искренность и правда заключаются въ гармоніи между цѣлью и средствомъ, Толстой прежде всего долженъ былъ выяснитъ, что такое цѣль жизни. Отвѣтъ онъ нашелъ въ Евангеліи: «кто любитъ брата своего, тотъ пребываетъ въ свѣтѣ, и нѣтъ въ немъ соблазна». Цѣль жизни—живая, дѣятельная любовь къ страждущимъ людямъ, къ народу. На этомъ онъ остановился». Г. Минскій не соглашается съ г. Мережковскимъ, что будто бы «съ Толстого вода крещенія сошла, какъ съ гуся вода». Если беззавѣтная любовь къ ближнему одна изъ глубокихъ особенностей Евангелія, то человѣкъ, весь проникшійся этой любовью, не можетъ считаться чуждымъ водѣ крещенія. Такъ разсуждалъ г. Минскій,—про Толстого скорѣе можно сказать, что онъ не только омылся въ водѣ крещенія, но выпилъ эту воду, захлебнулся ею *). Толстой слишкомъ глубоко принялъ въ душу любовь къ людямъ, забывъ о любви къ Богу. Въ этомъ его несчастье.

Разбирая дальнѣйшую проповѣдь Толстого, мы видимъ, какъ онъ во имя любви къ людямъ опустошаетъ всѣ источники человѣческаго же счастья.

*) Приведенныя разсужденія философа Минскаго, конечно, ничего общаго не имѣютъ съ истинно-христіанскимъ воззрѣніемъ на великое таинство крещенія, а представляютъ вольно-поэтическую логомахию. Ред.

Очевидно, нельзя служить страждущему ближнему и самому предаваться роскоши. И вотъ Толстой всѣ блага культуры называетъ роскошью и отвергаетъ ихъ. Цѣль жизни—цѣломудренная чистота и во имя ея Толстой отвергаетъ всѣ радости семьи и самую семейную жизнь: «Крейцера со-ната». Изъ тѣхъ же мотивовъ отвергаетъ онъ науку и искусство. Онъ обращается къ культурному человѣку и говоритъ: «если ты занимаешься химіей и астрономіей, то ты не любишь ближняго: въ *эту* минуту не любишь и забылъ о немъ». Толстой поднимаетъ руку на литературу, на себя самого: свою собственную дѣятельность, какъ художника, онъ призналъ излишней роскошью. И вотъ фатальный моментъ въ его проповѣди. Здѣсь было сказано: «Толстой, обратившись изъ учителя морали въ критика догмы, поступилъ негактично». «Негактично»! Человѣкъ отдаетъ дѣлу всю кровь своего сердца, всѣ усилія своего ума, а намъ говорятъ: «это—бегактно». Не съ такимъ пониманіемъ можно освѣтить трагедію всей дѣятельности, всего бытія Толстого. Опустошивъ всю жизнь, Толстой какъ бы очутился лицомъ къ лицу съ Христомъ и говоритъ ему: «Ты проповѣдывалъ положить душу за ближняго—и ранимаю. Ты самъ былъ распятъ за ближнихъ—поклоняюсь Тебѣ. Но и у Тебя есть излишнее, роскошь: Твоя божественность, Твоя Церковь, ея догматы, ея обряды». И всю эту божественную роскошь Толстой безпощадно отсѣкъ, какъ прежде отсѣкъ роскошь человѣческую.

Въ этотъ моментъ противъ Толстого выступаетъ Церковь. Какъ она должна была дѣйствовать? Намъ говорили, что Церковь должна была взять примѣръ съ представителей науки и литературы. Въ самомъ дѣлѣ, ученые и художники, не обращая вниманія на то, что Толстой ихъ отрицаетъ, продолжаютъ почитать въ немъ «великаго писателя земли русской». Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Москвѣ, на съѣздѣ врачей, Толстому устроили грандіозную овацію, несмотря на то, что онъ всячески клеймилъ дѣятельность врачей и даже прямо въ своихъ сочиненіяхъ называлъ ихъ мерзавцами. Признаться, въ такомъ поклоненіи со стороны культурныхъ людей Толстому скрывается нѣкоторая неискренность и даже какое-то презрѣніе къ словамъ великаго писателя. Ты, молъ, можешь бранить насъ и отрицать нашу дѣятельность, сколько хочешь, но ты—Толстой, ты—геній. Слово «геній» становится почти ругательствомъ, равносильнымъ слову «проказникъ».

Церковь поступила не такъ. Она отнеслась къ Толстому съ той же искренностью, съ какой онъ дѣйствовалъ самъ до послѣдняго шага. «Если ты отрицаешь во Христѣ божественное начало, то ты пересталъ быть христіаниномъ, и мы тебѣ это укажемъ». Столкновение получилось внутреннее,

неизбѣжное, съ трагическимъ характеромъ. Пусть же у насъ будетъ смѣлость взглянуть въ глаза тому, что произошло, и подыскать подходящее слово».

Въ заключеніе ораторъ обратилъ вниманіе собранія на вопросы о томъ, какіе общество должно изъ этой трагедіи сдѣлать выводы для собственной жизни! «Вяпкая въ это столкновеніе, мы видимъ, что не можемъ жить такъ, какъ жили до сихъ поръ. Нельзя пользоваться благами культуры, крадучись, урывкомъ, прячась отъ собственной совѣсти. Мы хотимъ пользоваться откровенно роскошью міра, роскошью искусства, роскошью науки. Культурное общество хочетъ жить освященной жизнью, и это стремленіе, быть можетъ, создало настоящее наше общество. Культурное общество приходитъ къ Церкви, какъ къ источнику святости не съ тѣмъ, чтобы отречься отъ плодовъ культуры, а съ тѣмъ, чтобы освятить ихъ.

Но не есть ли отлученіе Толстого угроза для всѣхъ насъ? Не знаю. Думая объ этомъ, мнѣ хочется—подобно тому, какъ Синодъ предложилъ, молиться за Толстого,—мнѣ хочется помолиться за саму Церковь, чтобы Богъ даровалъ ей духа единенія, чтобы она любовно приняла руку, которую ей протягиваетъ культура *). И говоря такъ, я надѣюсь, что выражаю мысль и чувство многихъ изъ насъ».

(«Новый Путь», февр. кн.).

*) *Голосъ*: Timeo Donaos dona ferentes.

ОТКЛИКИ.

Нѣчто о смерти и памяти смертной.

Въ моихъ публичныхъ чтеніяхъ и въ статьяхъ я не разъ боролся противъ мысли, будто христіанство мертвенно, убиваетъ всякую жизнь и окутываетъ эту жизнь темнымъ флеромъ какой-то тупой безнадежности. Но до сихъ поръ мнѣ не пришлось высказаться по одному пункту. А какъ же въ самомъ дѣлѣ относиться къ несомнѣнному въ Церкви факту нѣкотораго религіозно-благотворительнаго отношенія къ смерти? Конечно, очень неудачно В. В. Розановъ приписываетъ Церкви „культъ смерти“, но все же, правда, что Церковь много говоритъ о смерти, часто о ней напоминаетъ, «память смертную» считаетъ необходимой для христіанина. Какъ смотрѣть на это? Не отражается ли въ самомъ дѣлѣ это памятованіе смерти убивающимъ образомъ на дѣятельности человѣка? Въ послѣднее время этотъ вопросъ—«злоба дня». Даже г. Гернаевъ, сторона „правая“, въ противоположность „лѣвой“, представляемой Розановымъ, Мережковскимъ, въ докладѣ „Церковь и интеллигенція“ усиленно подчеркиваетъ, какъ уже отчасти нами отмѣчалось, мысль, что, постоянно выдвигая впередъ загробный идеалъ, Церковь тѣмъ самымъ ступшевываетъ дѣятельный христіанскій идеалъ и уничтожаетъ самую христіанскую жизнь. У „лѣвой“ эта мысль, понятно, выражается ярче и острѣе.

Розановъ, въ спеціальному рефератѣ „о памяти смертной“—какъ основному мотивѣ Церкви, утверждаетъ, будто интеллигенція именно тѣмъ и отличается отъ Церкви, что интеллигенція проповѣдуетъ жизнь, а Церковь смерть—одну смерть; отречься отъ „догмата смерти“ и значитъ „выпорхнуть (?) изъ Церкви и перейти въ интеллигенцію. „Церковь, благословляетъ только похороны, а потому совсѣмъ не интересуется жизнью земною, преобразованиемъ и ростомъ этой земной жизни. Церковь умерла и поклоняется только смерти“. А Мережковский въ туманныхъ фразахъ проповѣдуетъ „вѣчную жизнь на землѣ“. Идея смерти и посторонней

жизни, воскресенія, это пыль, которой христіанство застилаетъ глаза людей и мѣшаетъ имъ жить здѣсь «на землѣ». Вотъ обшая „идея“ цѣлаго религіознаго движенія, которое мы назвали неохристіанствомъ. Я отвѣчу на это обвиненіе, развивающее ранѣе разобранную нами мысль о пассивности христіанства, коротенькимъ анализомъ мыслей одного писателя, котораго называютъ поэтомъ смерти. Разумѣемъ Метерлинка. Достаточно, говоритъ онъ, двухъ маленькихъ идеаловъ, чтобы совершенно уничтожить всякаго рода дѣятельность. Пусть, продолжаетъ онъ далѣе, несомнѣнно, что идея смерти заключаетъ въ себѣ большую правду, но въ тѣни великихъ истинъ не слѣдуетъ засыпать. Положимъ, мы знаемъ, что наша жизнь, собственно, ничтожество, что все кончается, все прекращаетъ смерть, пусть и наша планета недостойна своего существованія, и все-таки она для насъ все. Нужно, чтобы истины находились въ подчиненіи одна другой, и великія истины давали свободу жить маленькимъ, положимъ, невѣрнымъ мыслямъ, которыя болѣе приносятъ надежды. („Погребенный храмъ“).

Какъ видите — у Метерлинка та же мысль, что и у нашихъ оппонентовъ. Мы пойдемъ, однако, за Метерлинкомъ далѣе.

Идея смерти — мертвящая идея — хорошо. Спрашивается, можетъ ли какой-нибудь человѣкъ уйти отъ мысли о смерти. Нѣтъ. У самого Метерлинка мы найдемъ рѣзкій и категорическій отвѣтъ „нѣтъ“. Во всѣхъ его пьесахъ смерть постоянно фигурируетъ, какъ главное дѣйствующее лицо: всегда чувствуется ея вѣяніе. Всѣ люди, хотя бы далекіе отъ всякой мысли о загробномъ идеалѣ, живутъ только мыслью о смерти, «люди — это маленькія созданія (его собственныя слова), слабенькія, которыя всегда чувствуютъ, что они на краю гроба». Конечно, и въ дѣйствительной жизни человѣкъ никакъ не можетъ отдѣлаться отъ мысли о смерти. Но тогда какой смыслъ въ намеренныхъ стараніяхъ оттолкнуть идею смерти. Это и искусственно и безплодно: это значить въ виду опасности закрывать лице руками. „Нужно давать побѣду идеямъ, какія больше приносятъ надежды“. Правда, но такая то идея и есть идея побѣжденной смерти. какую даетъ христіанство.

Христіанство не старается искусственной завѣсой спрятать отъ человѣка мысль о смерти, наоборотъ, велитъ хранить память смертную. Только это напоминаніе совѣмъ не способно убивать жизнь: вѣдь христіанство тутъ же напоминаетъ, что за смертью есть опять жизнь — потустороннее продолженіе жизни.

Очень много думаетъ о смерти Лиза Калитина (Дворянское

гнѣздо). Помните бесѣду Лизы съ Лаврецкимъ о религіи. Лаврецкій говорилъ ей о значеніи религіи въ исторіи, о значеніи христіанства. Лизѣ не все понравилось въ его рѣчи. „Христіаниномъ нужно быть, — заговорила не безъ нѣкотораго усилія Лиза, — не для того, чтобы познавать небесное... тамъ... земное, а для того, чтобы каждый человѣкъ долженъ умереть“. Вотъ гдѣ заповѣдь „памяти смертной“ стала основой жизни. Что же? Стало ли отъ этого христіанство Лизы мертвымъ, самозамкнутымъ и, слѣдовательно, эгоистическимъ христіанствомъ? Нѣтъ! Считаю земную жизнь началомъ вѣчности, Лиза, конечно, любитъ и ее, какъ даръ и подвигъ святой и прекрасный. Сущность ея души прекрасно выражена музыкой Лемма — въ одной изъ главъ того же „Дворянскаго гнѣзда“.

Въ душѣ Лизы властно и сильно раздаются неземные аккорды религіозныхъ настроеній. Какъ музыка Лемма, эти настроенія проникали во все, что есть на землѣ дорогого, тайнаго, свѣтлаго. Эти аккорды дышали безсмертною красотою и уходили умирать въ небеса. Но рядомъ съ ними звучали иныя дополнительные звуки. И они не были диссонансомъ рядомъ съ тѣми небесными звуками. Наоборотъ, вмѣстѣ съ ними они составляли сильную цѣль для святому Богу. Эти звуки говорили про любовь, про чистую радость общенія съ живою душою человѣческою, говорили о красотѣ земли, о счастіи этой земной жизни, дарованной Богомъ, о счастіи жить вмѣстѣ съ Богомъ и людьми для людей.

„Земное счастіе, любовь, служба другому всей душой и сердцемъ—это и есть вѣчная жизнь на землѣ; это обязательный долгъ человѣка“, думала Лиза.

Лиза часто говоритъ и думаетъ о смерти. Да, но это не говоритъ о томъ, будто она не хочетъ жизни, торопится на „ту сторону“. Нѣтъ! Въ устахъ Лизы думать о смерти значить только смотрѣть на жизнь сверху, съ высоты идеала, высшихъ задачъ жизни. Это значить выдвигать въ жизни на первый планъ то, что особенно цѣнно въ ней, цѣнить въ этой жизни то, что не умираетъ съ завтрашнимъ днемъ, что увеличиваетъ самую душу, что дѣлаетъ ее больше, достойнѣе вѣчности. А слѣдовательно, это значить искать не смерти, а жизни, дѣлать ее богаче и шире *).

*) Изъ статьи о. Михаила „Лиза Калитина, какъ выразительница Русскаго религіознаго мирозозерзанія“.

„Христiаниномъ нужно быть для того, что каждый долженъ умереть“. Какъ видите, эта идея, даже выраженная такъ ультра-опредѣленно, далеко не убила жизни. И такъ должно быть. Христiанство утверждаетъ, что за тридцатью годами этой жизни вѣчность. Но развѣ оно перепрыгиваетъ чрезъ эти тридцать лѣтъ жизни? Нѣтъ. Оно учитъ, что и эти тридцать лѣтъ равны вѣчности, они готовятъ къ вѣчности. Только жившій воскресаетъ. Только тотъ, кто здѣсь собралъ сѣмена жизни, не убилъ оргiей и погоней за своимъ счастьемъ способности любить, тамъ будетъ жить. потому что и будущая жизнь понимается какъ ростъ, возрожденiе этого сѣмени любви. „Живите здѣсь, радуйтесь—всегда радуйтесь“, — это христiанская заповѣдь. Здѣсь нужно научиться радоваться, а радоваться — это значитъ имѣть любовь. Срывайте красные цвѣты зла—они и здѣсь для васъ обратятся въ голубые цвѣтки счастья, и тогда вы воскреснете. И не полубогамъ только, познавшимъ истину, Церковь обѣщаетъ воскресенiе, какъ Мережковскiй. У Мережковского, напр., проповѣдующаго также вѣчную жизнь, но на землѣ, этой вѣчной жизни, т. е. собственно, напряженнаго-сверхъ-человѣческаго счастья достойны только познавшiе, проникшiе до глубины двухъ безднъ. Но нужно-ли имъ воскресенiе? А Соня Мармеладова? Вѣдь „великимъ и сильнымъ“ — „богамъ“ (divi) Мережковского можно прожить и безъ этой будущей жизни; они счастливы сознанiемъ своего прозрѣнiя въ тайны „Новаго Иерусалима“.

А Соня только и живетъ надеждой на будущую жизнь. Когда, — рассказываетъ Достоевскiй—она сказала Раскольникову, что Богъ не допустить сестренку ея быть такою, какъ она, тотъ съ злой усмѣшкой отвѣтилъ: „а если Бога нѣтъ“?.. Соня вся какъ-то опустилась и испуганно вздрогнула. Почему? Конечно, потому, что для нея вся надежда, вся жизнь въ справедливости, „оправданiи“ по ту сторону воскресенiя. Отнимите у ней эту истину будущей жизни и воскресенiя, и ей нечѣмъ будетъ жить, она откажется отъ жизни и покинетъ людей и Бога. И я увѣренъ, что жизнь не только для Сони, но и для всякаго человѣка совершенно невозможна была-бы, еслибы у него не было просвѣта въ видѣ христiанской идеи воскресенiя. Именно тогда мысль о смерти была бы главнымъ агентомъ жизни, тогда люди, дѣйствительно, никакими усилями и искусствомъ не могли бы отрѣшиться отъ мысли Метерлинка, что смерть здѣсь около

нихъ, что она присутствуетъ, что она близка, что она идетъ. Эта мысль должна бы подавлять всякіе порывы къ дѣятельности, совершенно убивать всякія попытки къ работѣ при отсутствіи надежды на будущее примиреніе всѣхъ—жизнь невозможна была бы потому, что не было бы смысла въ дѣятельности. Эту дѣятельность убивали бы тѣни не примиренныхъ прошедшихъ страданій и мысль о томъ, что на землѣ истинна только настоящая минута и, слѣдовательно, нужно брать изъ нее все: завтра бо умремъ. Если нѣтъ безсмертія—то или антропофагія или самоубійство. Зналъ я—разсказываетъ Лука въ пьесѣ „На днѣ“, одного чело-вѣка, который въ праведную землю вѣрилъ. Должна, говорилъ, быть на свѣтѣ праведная земля... въ той, дескать, землѣ,—особые люди населяють... хорошіе люди! другъ другу они уважають, другъ дружкѣ—за всяко просто помогаютъ... и все у нихъ славно-хорошо! И вотъ челоуѣкъ все собирался идти... праведную эту землю искать. Былъ онъ бѣдный, жилъ плохо... и когда приходилось ему такъ уже трудно, что хотъ ложись, да помирай—духа онъ не терялъ, а все, бывало, усмѣхался только да высказывалъ: ничего! потерилъ! Еще нѣсколько пожду, а потомъ брошу всю эту жизнь и—уйду въ праведную землю... Одна у него радость была—земля эта...

И вотъ въ это мѣсто—въ Сибири дѣло-то было,—прислали ссыльнаго, ученаго... съ книгами, съ планами онъ, ученый-то и со всякими штуками... Челоуѣкъ и говорить ученому: покажи ты мнѣ, сдѣлай милость, гдѣ лежитъ праведная земля и какъ туда дорога? Сейчасъ это ученый книги раскрылъ, планы разложилъ... глядѣлъ глядѣлъ—нѣтъ нигдѣ праведной земли. Все вѣрно—всѣ земли показаны, а праведной нѣтъ... Челоуѣкъ не вѣритъ... должна, говоритъ, быть... ищи лучше! А то, говоритъ, книги и планы твои ни къ чему, если праведной земли нѣтъ.

А потомъ—когда повѣрилъ, пошелъ—и удавился. И онъ правъ: если нѣтъ праведной земли, жить незначѣтъ. Борьба поддерживается только надеждой на побѣду, а какая побѣда возможна, если все здѣсь на землѣ?

Только христіанство, утвердивши истину воскресенія и жизни по смерти—дало дѣйствительную увѣренность въ существованіи „праведной земли“—а слѣдовательно—спасла отъ „страха смерти“ и жизненнаго отчаянія.

Потому не темнымъ флеромъ окутываетъ жизнь Церковь,

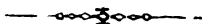
напоминая о воскресеніи, а, наоборотъ, освѣщаетъ жизнь радостнымъ свѣтомъ надежды. Въ христіанствѣ жизнь становится радостной и смерть свѣтлой, потому что тутъ въ сущности отрицается смерть—нѣтъ смерти.

Вотъ чудная сцена изъ пьесы Метерлинка „Аріана“ („Синяя борода“). Аріана освѣщаетъ тьму, гдѣ гибли несчастныя робкія души. Отворивъ запоры ставенъ и найдя тамъ стекло, выходящее невѣдомо куда—не смущаясь криками страха—она хватаетъ камень и восклицаетъ: вотъ ключъ къ вашей зарѣ! Она съ силой ударяетъ въ мутное стекло, оно разбивается,—и широкая, ослѣпительная звѣзда загорается во мракѣ. Женщины испускаютъ почти восторженный крикъ ужаса. Аріана, не владѣя больше собою, вся залитая свѣтомъ, все болѣе и болѣе нестерпимымъ, бьетъ въ стекло сильными и частыми ударами въ какомъ-то торжествующемъ безуміи. И это! и вотъ это еще!.. и маленькое, и большое, и послѣднее! Все окно разсыпалось, и пламя обливаетъ мои руки, мои волосы! я ничего не вижу, я не могу открыть глазъ! Не приближайтесь пока; лучи точно пьяны! Я не могу выпрямиться, я вижу даже съ закрытыми глазами длинные алмазы, которые бьютъ въ мои вѣки. Не знаю, что падаетъ на меня, море или небо. вѣтеръ или сіяніе. Я покрыта чудесами. Я словно слышу свѣтъ, тысячи лучей врываются въ мои уши. Куда мнѣ спрятать глаза? Мои руки не даютъ больше тѣни, вѣки меня ослѣпляютъ, я покрываю ихъ руками и руки сами обратились въ свѣтъ.

Смотрите, дверь открыта, голубая даль манить! Луна и звѣзды освѣщаютъ всѣ дороги; заря склонилась на лазурномъ сводѣ, что бы показать намъ цѣлый міръ, наводненный надеждою“.

Окно Аріаны—просвѣтъ туда, по ту сторону жизни, въ Небесный Іерусалимъ Христовъ—въ праведную землю. Этотъ яркій блистающій свѣтъ—свѣтъ отъ лика Христа Воскресшаго. Христосъ зоветъ къ Себѣ—„братья, не живите, какъ звѣри“. И сквозь просвѣтъ этого окна въ вѣчность мы видимъ этотъ ликъ Христовъ радостный, но, конечно, не опыняющей радостью Діониса, полной не вдохновеніемъ—„въ его смиренномъ выраженіи восторга нѣтъ и вдохновенія“—а глубокимъ спокойнымъ свѣтомъ Вѣчнаго Его Божества.

Іером. Миланск.

Со скрижалей сердца.

Нѣсколько мыслей по поводу Высочайшаго манифеста 26 февраля и о радостныхъ надеждахъ сельскаго духовенства.

26 февраля, въ 59 годовщину со дня рожденія Царя-Миротворца, неизмѣнно вѣрный царственнымъ завѣтамъ Своего Августѣйшаго Родителя, Всемилостивѣйшій Государь нашъ, Императоръ Николай Александровичъ, въ неуспынныхъ заботахъ о счастѣ и благѣ своихъ вѣрноподанныхъ, соизволилъ издать Высочайшій манифестъ, въ которомъ Его Величество явилъ свою непреклонную рѣшимость укрѣпить порядокъ и правду въ Русской землѣ и обезпечить ей преуспѣяніе на твердыхъ основахъ вѣры, власти и закона.

Высочайшій манифестъ 26 февраля являетъ собой событіе огромной исторической важности. По силѣ впечатлѣнія и по широко захватывающему интересу манифестъ этотъ долженъ быть признанъ однимъ изъ знаменательнѣйшихъ документовъ для исторіи Россіи ХХ в. Царское волеизъявленіе здѣсь, какъ вѣщій звонъ, какъ праздничный благовѣстъ волнами своими широко наполняя окружающую дѣйствительность, захватываетъ всѣ главнѣйшіе сферы церковно-общественной и государственной современной жизни Россіи: какъ свѣтоносная заря послѣ темной слякотной ночи, царевы слова яркими лучами надежды освѣтили и полинявшіе хоромы помѣстныхъ дворянъ, и убогія хаты селянъ, и привѣтливо заглянули въ затѣсненные забытыя горницы смиренныхъ сельскихъ священнослужителей..... Да, сюда, въ „іерейскія горницы“ давно не проникалъ при такой именно обстановкѣ, такъ неожиданно,—исходя прямо съ высоты царскаго престола, изъ глубины вѣрующаго добраго сердца Самого Царя—Батюшки, —столь радостный свѣтлый лучъ царскаго благоволенія и августѣйшей попечительности „объ улучшеніи имущественнаго положенія духовенства и объ усугубленіи плодотворнаго участія

священнослужителей въ духовной и общественной жизни ихъ паствы“!.. Православное духовенство было взыскиваемо милостями всѣхъ російскихъ вѣнценосцевъ, но по другимъ,—по своимъ церковнымъ поводамъ, какъ отдѣльная, замкнутая въ своемъ кругѣ духовнаго дѣланія, каста, теперь же Вѣнценосный Устроитель „порядка и правды въ Русской землѣ“ явилъ свою заботу о православномъ и при томъ сельскомъ духовенствѣ одновременно и на ряду съ другими сословіями, въ историческій, важный моментъ милостиваго своего попеченія объ укрѣпленіи и развитіи благосостоянія „устоевъ сельской жизни, дворянства и крестьянства“. Знаменательно, что „священнослужители“ призываются къ плодотворному участию не только въ духовной, но и общественной жизни ихъ паствы, куда, очевидно, входитъ не одинъ только темный народъ, но и всѣ другіе элементы приходской среды, не исключая и сельской интеллигенціи и полунинтеллигенціи, требующей особо бдительной миссіи со стороны современнаго пастырства.

Да, отцы и братіе, внемлите и поймите, какъ важенъ и знаменателенъ этотъ Царскій призывъ, какъ дорого это довѣріе Царя къ миссіи духовенства, какъ велика и отвѣтственна переживаемая нами минута!

Манифестъ намѣчаетъ и сферу общественной дѣятельности духовенства „въ сближеніи общественнаго управленія съ дѣятельностью приходскихъ попечительствъ при православныхъ церквяхъ“. Этимъ вѣщимъ Царскимъ словомъ призыва, какимъ осчастливлено духовенство, не только указуются, но и очищаются давно отбитыя у пастырей, уже и заросшія дѣсомъ всякихъ пренятствій, пути къ благотворному вліянію духовенства на жизнь своихъ паствъ. Дѣйствующими порядками и правилами приходскому священнику преграждены всѣ способы, внѣ храма и проповѣди, къ активному участию въ устроительствѣ общественнаго быта своей паствы. Земская интеллигентная среда выбила священника даже изъ школьной колеи. Приходскій пастырь не пользуется, напр. правами живого и прямого участія въ совѣщаніяхъ своихъ прихожанъ на сельскихъ сходахъ, даже и въ такихъ случаяхъ, какъ составленіе приговоровъ по дѣламъ храма, школы, по вопросу объ удаленіи изъ сельскаго общества порочныхъ членовъ и зловредныхъ главарей сектантства. Между тѣмъ эти послѣдніе приговоры крестьянъ въ большинствѣ бывають вызваны мимолетнымъ раздраженіемъ

односельчанъ, рѣшенія составляются подъ впечатлѣніемъ обидъ и оскорбленій, наносимыхъ сектантами религіозному чувству православныхъ, приговоры редактируются по столь серьезному и деликатному въ нравственномъ смыслѣ вопросу малограмотными писарями, безъ надлежащей осмотрительности, безъ правильного пониманія и изложенія обстоятельствъ дѣла; а въ концѣ концовъ подобные приговоры ни къ чему доброму не ведутъ, а лишь вредятъ дѣлу приходской миссіи, обостряя взаимныя отношенія сектантовъ и православной массы, проваливаясь, на соблазнъ послѣдней, въ своемъ движеніи по судебно-административнымъ инстанціямъ и бываетъ „послѣдняя дестъ горше первой“.

Послѣ кассированія приговоровъ всегда главари сектантства начинаютъ смѣлѣе дѣйствовать, а православные, благодаря невѣжеству, теряютъ вѣру въ свое дѣло и энергію въ защитѣ своего упованія, считая сектантство вѣрою правою, на сторонѣ которой стоитъ де и само начальство. Со точки зрѣнія миссіонерской, приходскій пастырь, если бы онъ участвовалъ въ обсужденіи на сходѣ подобныхъ дѣлъ, никакъ не могъ-бы допустить такого, ни къ чему доброму не ведущаго, рѣшенія своей паствы относительно „домашнихъ враговъ“ Церкви, пастырь успокоилъ бы оскорбленную, взволнованную массу словомъ о терпѣніи обидъ, о мирѣ и любви къ врагамъ, призвалъ-бы ее къ другимъ болѣе соответственнымъ мѣрамъ борьбы съ религіозными лжеученіями, путемъ убѣжденія и примѣра доброй жизни.

Въ сельскихъ волостныхъ судахъ не мало бываетъ дѣлъ по нравственнымъ проступкамъ крестьянъ, возникаютъ тяжбы на почвѣ семейныхъ неурядицъ; нечего доказывать, какъ было-бы умѣстно и благотворно здѣсь участіе приходскаго пастыря.

Совершенно новымъ для духовенства, чѣмъ-то свѣжимъ и многообѣщающимъ является Царскій призывъ „о сближеніи общественнаго управленія съ дѣятельностью приходскихъ попечительствъ при православныхъ церквахъ, въ цѣляхъ дальнѣйшаго упорядоченія мѣстнаго быта“.

Приходскія попечительства доселѣ являлись мертворожденными учрежденіями, благодаря узости задачъ своихъ, безправности и оторванности отъ сферы общественнаго управленія. Подъемъ приходскихъ попечительствъ на должную высоту неминуемо долженъ вызвать и возрожденіе самого прихода, какъ юридической и зем-

ской единицы, а также и оживленіе всѣхъ сферъ церковно-приходской общинной жизни,—пробужденіе дремлющихъ и объединеніе разрозненныхъ силъ православноѣрующей паствы, во главѣ съ своимъ пастыремъ.

Миссія Церкви съ радостными упованіями привѣтствуетъ эту, такъ свѣтло возсіявшую съ высоты самаго Царскаго Престола зарю возрожденія церковно—приходской жизни, ибо давно видитъ въ этомъ единственный залогъ успѣшной борьбы съ разрастающимися антицерковными движеніями. Какъ одинъ въ полѣ не воинъ, такъ и пастырь одинъ въ приходѣ не борецъ съ силотненными врагами Церкви.

Изваливаемое нынѣ на плечи одного священника бремя миссіонерской борьбы съ расколомъ и сектами слишкомъ тяжело и неудобно, а потому естественно приходская миссія вездѣ малоплодна.

Съ неменѣе свѣтлыми надеждами благословляетъ миссія и это царское велѣніе „о дѣятельномъ проведеніи въ жизнь мѣропріятій, направленныхъ къ улучшенію имущественнаго положенія православнаго сельскаго духовенства.“

Внутренняя миссія съ тѣхъ поръ, какъ стала опознавать свои пути и средства въ борьбѣ съ врагами Церкви и опредѣлять условія, пренятствующія успѣхамъ пастырской просвѣтительной дѣятельности,—громко и рѣшительно заявляла, что главное здѣсь зло и тормазъ заключаются въ матеріальной угнетенности духовенства и въ существующемъ нищенскомъ способѣ обезпеченія приходскаго духовенства. Это мнѣніе свое миссія облекла на казанскомъ всероссійскомъ съѣздѣ 1897 г. въ особое ходатайство предъ Св. Синодомъ.

Тамъ указывалось, что инославное духовенство въ Россіи обезпечено болѣе достаточно, чѣмъ православное, выдаваемымъ изъ казны жалованьемъ, что существующій способъ случайнаго, едва не нищенскаго сбора добродѣтельныхъ подаяній отъ прихожанъ,—не рѣдко нуждающихся въ насущномъ хлѣбѣ и помощи,—неувѣренность въ насущномъ обезпеченіи на завтрашній день мертвитъ самыя идеальныя стремленія, супитъ и черствитъ самое мягкое сердце, губитъ въ самомъ расцвѣтѣ молодыя силы духовенства, (у каждаго пастыря „душа не разъ перевернется, когда „звякнутъ,“ по выраженію поэта—въ этой рученкѣ сироты-вдовы—три мѣдныхъ пятака.“—говорилъ одинъ изъ членовъ), что заискивающе-уни-

женное выпрашиваніе пастырями у своихъ духовныхъ чадъ подавній за исполненіе духовныхъ требъ—это тяжелый крестъ для пастырей, ненормальный, давно отжившій порядокъ вещей, которымъ раскольники и особенно сектанты пользуются съ успѣхомъ для униженія православнаго духовенства, для совращенія простецовъ, указывая имъ на мнимую торговлю въ православной Церкви благодатію и злословія православное священство (попы дерутъ съ живого и мертваго).

Не было тогда забыто и не осталось не разобраннѣмъ извѣстное и довольно сильное до нынѣ еще возраженіе, якобы обезпеченіе духовенства жалованьемъ можетъ внушать опасеніе, какъ-бы пастыри Церкви такимъ путемъ не обратились въ чиновниковъ и не стали бы формально относиться къ исполненію своего пастырскаго долга, что добровольное даваніе является будто-бы побужденіемъ для духовенства стоять ближе къ прихожанамъ и внимательнѣе относиться къ ихъ духовнымъ нуждамъ и своимъ служебнымъ обязанностямъ. Противъ этого возраженія защитниками необходимости скорѣйшаго обезпеченія духовенства жалованьемъ высказано было, что если духовенство въ вѣковой періодъ тяжелыхъ условій матеріальнаго обезпеченія устояло до нашихъ дней на высотѣ своего пастырскаго призванія, то, естественно, отъ улучшенія этихъ условій нужно ожидать не омертвенія, а оживленія пастырской дѣятельности,—что урегулированіе матеріальныхъ отношеній къ пасомымъ, устраненіе удручающихъ заботъ о хлѣбѣ насущномъ необходимо должно вызвать усиленіе заботъ объ исполненіи долга службы, что вѣковыя пути матеріальной зависимости пастырей отъ пасомыхъ—ненадежныя, рабскія, недостойныя въ духовномъ дѣланіи, связи пастыря съ паствою, и надѣяться на эти связи, какъ на условія къ сближенію пастыря съ паствою, значитъ не вѣрить въ нравственныя силы духовенства. Иностранное духовенство характеризуется съ стороны живого попеченія о своихъ пасомыхъ, а вѣдь оно лучше матеріально обезпечено? Почему-же тамъ нормальныя условія житейскаго быта не дѣлаютъ пастырей чиновниками?

При этомъ указывалось на необходимость обезпеченія духовенства въ такой мѣрѣ, чтобы оно могло и должно было все таинства и другія обязательныя требы (погребеніе, поминавленіе, воцерковленіе и др.) исполнять безъ всякаго вознагражденія со стороны пасомыхъ. При такомъ условіи для живого и близкаго общенія,

которое создается будто-бы заказомъ со стороны пасомыхъ неоплаченныхъ требъ и усердіемъ исполненія ихъ со стороны служителей.—остается цѣлый рядъ службъ частныхъ, необязательныхъ (молебствій, заказныхъ обѣденъ и др.), которыя зависятъ отъ ревности и усердія прихожанъ.

Знаменательно и отрадно, что священная воля и мудрость Царя, выраженный въ манифестѣ 26 февраля, безповоротно разрѣшаютъ этотъ слишкомъ долго тянущійся историческій споръ въ пользу желанныхъ всѣмъ духовенствомъ „мѣропріятій объ улучшеніи своего имущественнаго положенія“, которое только и можетъ быть довлѣющимъ при условіи освобожденія причтовъ отъ нищенскаго поручнаго вознагражденія за требоисправленія.

Мы сказали безповоротно,—такъ какъ Его Величество изволилъ начертать: „Мы съ непреклонною рѣшимостью незамедлительно удовлетворить назрѣвшимъ нуждамъ государственнымъ признали за благо...“ А эта нужда вопистину назрѣвшая, имѣющая огромную государственную важность. Отъ этой мѣры зависить обновленіе и оживленіе духовнаго сословія и въ жизни, и въ дѣятельности.

Много явлено утѣшительнаго и отраднаго для людей Церкви и въ другихъ словахъ манифеста 26 февр. Какъ трогательна эта благоговѣйная вѣра Царя „въ изволеніе промысла Божія“, покорное преклоненіе „предъ волею Всевышняго и предъ неисповѣдимыми путями Всемогущаго“,—эта завѣтная непоколебимость объ охраненіи „вѣковыхъ устоевъ Россійской Державы“, т. е. Православія и Самодержавія.

Подтверждая неприкосновенность „завѣтовъ вѣротерпимости, начертанныхъ въ основныхъ законахъ Имперіи Россійской“, въ отношеніи иновѣрныхъ и инославныхъ исповѣданій, Благочестивѣйшій Государь тутъ же повелительно внушаетъ всѣмъ и каждому вѣроподданному „благоговѣйное почитаніе Прав. Церкви, какъ Первенствующей и Господствующей“. Внемлите язъцы и отщепенцы и поймите, что Высочайшее подтвержденіе „завѣтовъ вѣротерпимости“ не расширяетъ границъ существующей въ нашемъ государствѣ свободы вѣроисповѣданія, но гуманно предупреждаетъ и регулируетъ тѣ временныя и условныя ограниченія, которыя въ извѣстныхъ случаяхъ должны приниматься мѣстными властями, въ силу политическихъ обстоятельствъ и соображеній, что напр. предпринималось не разъ въ

польскихъ губерніяхъ, во время мятежей или когда воинствующій католицизмъ врывается въ несвойственную Церкви область политиканства.

Нѣкоторые изъ сектофильствующихъ органовъ печати дали распространительное толкованіе этой части манифеста, разумѣя подъ словами „иновѣрныхъ“ и „инославныхъ“ даже и наше расколосектантство.

Ясное и твердое слово Царя исключаетъ возможность здѣсь подобныхъ кривотолковъ. Подъ исповѣданіями „иновѣрными“ въ законѣ разумѣются—магометанское, еврейское, языческое и др., подъ „инославными“—христіанскія „инако“, чѣмъ православные, славящіе Господа, т. е. католики, протестанты и признанные въ Россіи на ряду съ исповѣданіями протестантскія нѣмецкія секты. Раскольники и сектанты—отпадшіе и заблудшіе чада той же Церкви, отношенія къ нимъ государственными законами совѣмъ иначе опредѣляются, чѣмъ къ иновѣрцамъ.

Высочайшій манифестъ вызвалъ широкіе и радостные отголоски въ сужденіяхъ какъ заграничной, такъ и русской печати.

Въ русской печати больше другихъ сказали сердцу истинно русскихъ людей „Моск. Вѣд.“, отзвѣвъ которыхъ мы и заносимъ на наши „скрижали“.

Яркимъ свѣточемъ въ современной тѣмѣ возсіялъ для насъ Высочайшій Манифестъ 26 февраля, говоритъ Москов. газета.

Положенъ, наконецъ, предѣлъ тѣмъ тревожнымъ слухамъ и толкамъ, которые такъ долго волновали наше общество относительно какого-то новаго, невѣдомаго пути, предстоящаго будто бы Россіи. Слухи эти усиленно распространялись врагами Россіи какъ за границей, такъ и въ предѣлахъ нашей родины—въ печати, въ общественныхъ собраніяхъ и въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, всюду вызывая смуту и броженіе, ропотъ и недовольство, охватившіе какъ высшіе, такъ и низшіе слои населенія. Дошло до того, что даже самые бессмысленныя вѣсти находили себѣ вѣру, и никто уже не могъ отличить ложь отъ правды, возможное отъ невозможнаго. Съ каждымъ днемъ все сильнѣе чувствовалась потребность въ ясномъ словѣ, которое освободило бы Россію отъ сгущавшагося вокругъ нея мрака, и разъ на всегда указало бы ей тотъ путь, который предъ нею отърывается.

Слово это нынѣ произнесено.

Самъ Державный Вождь Россіи провозгласилъ его и разъяснилъ намъ всѣ сомнѣнія, такъ мучительно тревожившія наши умы и сердца.

Мы теперь знаемъ, что Россія не покинетъ своего вѣковаго, испытаннаго пути, и что всѣ противорѣчившіе этому слухи никакого серіознаго основанія не имѣли. Причиной ихъ возникновенія служила „смута, посягающая отчасти замыслами, враждебными государственному порядку, отчасти увлеченіемъ началами чуждыми русской жизни“.

„Смута эта“, говоритъ Государь, „пренятствуетъ общей работѣ по улучшенію благосостоянія“ и, „волнуя умы, отвлекаетъ ихъ отъ производительнаго труда и нерѣдко приводитъ къ гибели молодой силы, дорогія Нашему сердцу и необходимымъ ихъ семьямъ и родинѣ“.

Разсѣять эту смуту, замѣнить лживыя иллюзіи реальною правдой и возвратить покой встревоженнымъ умамъ Русскихъ людей,—вотъ что рѣшилъ въ Своемъ любвеобильномъ сердцѣ Боговѣнчанный Отецъ Русскаго народа, и Онъ дѣйствительно совершилъ это великое дѣло, преисполнивъ радостною бодростью всѣхъ вѣрнопопданныхъ сыновъ Своихъ, которые найдутъ въ Высочайшемъ манифестѣ 26 февраля ясный отвѣтъ на всѣ волновавшіе ихъ за послѣднее время вопросы, возбужденные враждебными государственному порядку и чуждыми русской жизни лжеученіями.

Лжеученія эти направлены, какъ извѣстно, противъ двухъ главныхъ устоевъ Русскаго Государства,—противъ Самодержавія его Царей и противъ Православія его Церкви, соединяющихся въ одномъ общемъ величавомъ, глубоко-религіозномъ понятіи Русской Царской Власти.

Этотъ характеръ Своей Власти Государь Императоръ выражаетъ съ категорическою ясностью въ слѣдующихъ, умиленныхъ для Русскаго сердца, начальныхъ словахъ Своего Манифеста:

„Изволеніемъ Промысла Божія вступивъ на Прародительскій Престолъ, Мы приняли священный обѣтъ предъ лицомъ Всевышняго и совѣстью

Нашею свято блюсти вѣковые устои Державы Россійской и посвятить жизнь Нашу служенію возлюбленному Отечеству“.

Итакъ, не на новый, неизвѣданный путь ведетъ Русскій Царь Свою Россію: Онъ твердо намѣренъ и впредь править ею, держась вѣрнаго, прямого пути Своихъ Державныхъ Прародителей, на которомъ свято хранятся „вѣковые устои Русскаго Государства“.

Дабы въ этомъ не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія, Государю угодно было подтвердить эту Свою основную мысль еще слѣдующими знаменательными словами:

„Въ неусыпныхъ заботахъ о подданныхъ нашихъ, Мы обрѣли пути къ осуществленію народнаго блага въ разумѣ приснопамятныхъ дѣлъ Державныхъ нашихъ Предшественниковъ и прежде всего Незабвеннаго Родителя Нашего“.

Въ чемъ же заключалось главное „дѣло“ въ Божѣ почивающаго Императора Александра III?

Манифестъ, изданный въ знаменательный день 26 февраля, въ пятьдесятъ восьмую годовщину рожденія великаго Царя-Миротворца, весьма точно опредѣляетъ Его дѣло слѣдующими словами:

„Укрѣпленіе порядка и правды въ Русской землѣ“.

Державный Сынъ Его, нынѣ благополучно Царствующій Государь Императоръ, считаетъ Своимъ „священнымъ долгомъ, возложеннымъ на Него Всемогушимъ Богомъ,—довершить это дѣло укрѣпленія порядка и правды, „въ соотвѣтствіи съ возникающими потребностями народной жизни“.

Въ виду этого, Государь призываетъ всѣхъ Своихъ вѣрноподанныхъ—

„содѣйствовать Ему къ утвержденію въ семьѣ, школѣ и общественной жизни нравственныхъ началъ, при которыхъ, подъ сѣнью Самодержавной Власти, только и могутъ развиваться народное благосостояніе и увѣренность каждаго въ прочности его правъ“.

Да послужатъ эти слова государственной мудрости неизбѣжнымъ руководствомъ всѣмъ государственнымъ и общественнымъ

дѣтелямъ, въ особенности же родителямъ и воспитателямъ русскаго юношества, какъ въ низшихъ и среднихъ, такъ и въ высшихъ школахъ, ставшихъ, къ сожалѣнію, поприщемъ той антигосударственной смуты, которая „приводитъ къ гибели молодыя силы, дорогія сердцу Царя и необходимыя ихъ семьямъ и родинѣ“.

Но враги Россіи, какъ мы видѣли, стремятся не только къ тому, чтобы вывести Россію изъ-подъ благодатной сѣни Самодержавной Власти, но и къ тому, чтобы поколебать устои Православной Церкви. Имъ хотѣлось бы лишить ее первенствующаго ея въ нашемъ Государствѣ значенія, чтобы уравнивать ее съ прочими вѣрованіями и сектантскими лжеученіями, узаконивъ, подъ предлогомъ „свободы совѣсти“ и „вѣротерпимости“, даже совращеніе сыновъ Православной Церкви въ чуждыя ей вѣрованія и даже въ полное невѣріе.

Манифестъ 26 февраля напоминаетъ намъ, что вовсе не въ этомъ заключается истинная вѣротерпимость, завѣты которой „начертаны въ основныхъ законахъ Имперіи Россійской“: эти законы предоставляютъ всѣмъ подданнымъ Русскаго Царя православныхъ и иновѣрныхъ исповѣданій свободное отправленіе ихъ вѣры и богослуженій по обрядамъ оной, но тѣ же законы „благоговѣйно почитаютъ Православную Церковь первенствующею и господствующею“, а слѣдовательно и имѣющею присвоенныя ей одной права и привилегіи предъ другими исповѣданіями.

Русское Государство находится въ столь тѣсномъ единеніи съ Православною Церковью, что дѣло „укрѣпленія порядка и правды въ Русской землѣ“ не мыслимо безъ содѣйствія Православной Церкви, въ лицѣ ея какъ высшаго, такъ и низшаго духовенства. Вотъ почему въ Своихъ отеческихъ заботахъ объ упроченіи нашей сельской жизни Государь Императоръ призналъ за благо—

„продолжать дѣятельное проведеніе въ жизнь мѣропріятій, направленныхъ къ улучшенію имущественнаго положенія православнаго сельскаго духовенства, усугубляя плодотворное участіе священнослужителей въ духовной и общественной жизни ихъ паствы“.

Манифестъ напоминаетъ о предначертанныхъ Государемъ трудахъ по пересмотру законодательства о сельскомъ состояніи.

въ основу которыхъ будетъ положена неприкосновенность общиннаго строя крестьянскаго землевладѣнія, при отмѣнѣ круговой поруки.

Таковъ тотъ путь, по которому Государь будетъ вести Россію „къ усовершенствованію государственнаго порядка установленіемъ прочнаго строя мѣстной жизни, какъ главнаго условія преуспѣянія Его державы на твердыхъ основахъ Вѣры, Закона и Власти“.

На этомъ пути Государь можетъ быть увѣренъ въ „тѣсномъ единеніи всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества“, которые поспѣшатъ исполнить Его благія помышленія.

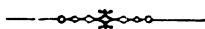
Русскій Царь „требуетъ ото всѣхъ исполнителей Его воли, какъ высшихъ, такъ и низшихъ, твердаго противодѣйствія всякому нарушенію правильнаго теченія народной жизни и уповаешь на честное исполненіе всѣми и каждымъ ихъ служебнаго и общественнаго долга“.

Нѣтъ ни одного истинно Русскаго человѣка, который не счелъ бы своимъ священнѣйшимъ долгомъ отделиться на этотъ призывъ своего Царя, дабы съ самоотверженнымъ рвеніемъ исполнить Его требованія и оправдать Его упованія, благоговѣнно присоединяясь къ Его молитвѣ Господу Вседержителю о „ниспосланіи благословенія на Царственный трудъ Его“.

Да грядетъ нашъ Царь съ бодрою рѣшимостью по этому, избранному Имъ, истинно-Царскому пути: вся Россія послѣдуетъ за Нимъ съ пламеннымъ восторгомъ.

Ей и аминь!

В Сковитовъ.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать разрѣшается. С.-Петербургъ, 14 Марта 1903 года.

Цензоръ Германахъ Александръ.

Хроника

15. Миссіонерство, секты и расколъ. Знаменательное присоединеніе.—Значеніе постройки новыхъ храмовъ въ дѣлѣ миссіи.—Дѣло противоотступнической миссіи по епархіямъ.—Малеванскій „Соборъ“. 666—676
- Корреспонденція «Миссіонерскаго Обозрѣнія», извѣстія и замѣтки.
16. „Изъ Костромской епархіи“. (Буйство раскольниковъ-фанатиковъ на бесѣдѣ). Свящ. *И. Чередниковъ*.—„Изъ Кіева“. Кіевское религіозно-просвѣтительное общество. С. В.—*О. Іоаннъ Кронштадтскій о старомъ и новомъ пути*.—Миссіонерскія новости. 677—682
17. Изъ залы засѣданій „религіозно-философскихъ собраній“. 4-е засѣданіе. Продолженіе словеснаго объѣма мнѣній по содержанію доклада Д. С. Мережковского „Левъ Толстой и русская Церковь“. 683—701
18. Отклики. Нѣчто о смерти и памяти смертной. Іером. *Михаилъ*. 702—707
19. Со скрижалей сердца. Нѣсколько мыслей по поводу Высочайшаго манифеста 26 февраля и о радостныхъ надеждахъ сельскаго духовенства. *В. Скворцовъ*. 708—718

Особое приложеніе.

20. Великороссійское и малороссійское богословіе XVI и XVII вѣковъ.—Религія и богословіе латвіянъ.—II. Малороссійское богословіе,—III. Раздѣленіе малороссійскаго катихизиса,—IV. Содержаніе ученія о вѣрѣ, надеждѣ и любви. Іером. *Тарасій*. 33—48

Редакторъ-издатель **В. М. Скворцовъ**.

При этой книжкѣ журнала разсылается брошюра свящ. *І. Орлова* „о почитаніи Пречистыя нашей Владычицы, Богородицы и Приснодѣвы Маріи“.

Подписка на „Миссіонерское Обозрѣніе“ продолжается

Адресъ редакціи — Невскій, 153.

Поступили въ продажу слѣдующія книги

Свящ. С. Брояковскаго.

Сборникъ поученій на всѣ воскресные и праздничные дни. Цѣна 1 р. 25 коп. съ пересылкой.

Спутникъ пастыря. Сборникъ статей и замѣтокъ по вопросамъ пастырскаго служенія. Выпускъ I. Цѣна 80 к. съ перес. 1 р.

Очерки и рассказы. Цѣна 75 к. съ перес. 1 р.

При одновременномъ требованіи всѣ книги высылаются за 3 р.

Отзывы печати: „Сборникъ поученій“ долженъ быть поставленъ въ ряду лучшихъ современныхъ проповѣдей для простыхъ слушателей... Особенность поученій ихъ **жизненность** и **назидательность**. Каждое поученіе—слово краткое, живое и дѣйственное. Темы поученій практически современнаго характера... Слогъ легкій, языкъ простой и понятный, изложеніе литературное... Другія книги свящ. Брояковскаго также занимательны, назидательны и поучительны... Поэтому ихъ смѣло можно рекомендовать пастырямъ для чтенія въ храмѣ, при виѣбогослужбныхъ соборѣдованіяхъ, а также для библиотекъ церковныхъ, школьныхъ, полковыхъ и народныхъ. (См. „Церк. Вѣд. № 41, 1901 г. № 12, „Кіев. Епарх. Вѣд.“ и много др. изданій).

Выписывать на наличныя и съ наложеннымъ платежомъ по адресу: Ст. Попельня, Кіевской губ. Свящ. С. Брояковскому.

И. Лютостанскій.

Талмудъ и Евреи

въ 6-ти ТОМАХЪ СЪ ИСТОРИЧЕСКИМИ ГРАВЮРАМИ.

Талмудъ есть религіозный катехизисъ, въ немъ злобноядовитое ученіе противъ христіанъ. Издается въ противовѣсъ „ТАЛМУДУ“, издаваемому еврейскимъ обществомъ, въ переводѣ, Переферковича. Вышелъ I томъ, цѣна 1 р. 50 коп.

Открыта подписка на II томъ, цѣна 2 р. (находится въ печати).

Складъ изданій: Т-во Художественной Печати Спб. Англійскій проспектъ, 28.

Выписывающіе изъ склада за перес. не платятъ, за наложенный платежъ 10 коп.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ КНИГА

ЗЛАТОЕ СОЧИНЕНІЕ

Самуила Раввина Іудейскаго

Изданіе протоіерея Іоанна ЧИЖЕВСКАГО.

АДРЕСЪ: Харьковъ. Конторская ул., д. 64.

Цѣна 40 коп. съ перес. Сочиненіе это; заключающее въ себѣ безпристрастныя о Христѣ разсужденія, основанныя на пророчествахъ и дѣйствительномъ ихъ положеніи, писано въ началѣ одиннадцатаго столѣтія, и болѣе 200 лѣтъ хранилась евреями въ тайнѣ и только въ 1339 г. съ арабскаго переведено на латинскій языкъ, а въ 1787 г.—на русскій и Св. Синодомъ книга эта была разослана въ 1828 г. во всѣ церкви Россіи.

1903 г.

Мартъ.

годъ VIII.

МИССИОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ДВУХНЕДѢЛЬНЫЙ
ПОЛЕМИКО-АПОЛОГЕТИЧЕСКІЙ
ЖУРНАЛЪ.

№ 6.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Э. Л. Пороховщиковой, Бассейная, 3 -5.
1903.

Содержаніе второй мартовской книжки

журнала «Миссіонерское Обозрѣніе» за 1903 годъ.

	СТРАН.
1. Психологія таинствъ. Этюдъ 4-й. Таинство покаянія. Іер. <i>Михаилъ</i>	727—741
2. Голосъ сельскаго пастыря по вопросу объ объединеніи интеллигенціи съ Церковью и народомъ. Свящ. <i>В. Бажановъ</i>	742—752
3. О литературной проповѣди свящ. о. Григорія Петрова. (По поводу книги «Зерна добра»). Іером. <i>Александръ</i>	753—769
4. Сектантское ученіе о состояніи мертвыхъ. Свящ. <i>Евгеній Капраловъ</i>	770—782
5. Новости изъ раскольниковъго подполья (съ фототипическими снимками рисунковъ изъ раскол. книги и древн. мозаикъ). <i>Н. Гринякинъ</i>	783—801

Изъ записокъ и дневниковъ.

6. Миссіонерскіе очерки. VII. Гробы окрашенные. <i>Д. Боголюбовъ</i>	802—807
7. По епархіямъ. Самара и Тула. Свящ. <i>Конст. Поповъ</i>	807—812
8. Pro domo Sua. (О «Новомъ Пути» и о сердечности въ миссіи). <i>И. Айвазовъ</i>	813—824

Изъ миссіонерской полемики.

9. Три часа бесѣды въ собраніи у такъ называемыхъ «хлыстуновъ». ст. Камышеватской. <i>С. Н. М.</i>	825—833
--	---------

Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги по вопросамъ вѣры и миссіи Церкви.

10. Свящ. Серапіонъ Брояковскій. Спутникъ пастыря. <i>А. Григорьевъ</i>	834—837
---	---------

Психологія таинствъ.

(Этюдъ 4-й).

Таинство покаянія.

Если исповѣдуемъ грѣхи наши, то Онъ, будучи вѣренъ и праведенъ, проститъ намъ грѣхи наши и очиститъ насъ отъ всякой неправды (1 Іоан. 1, 9).

I.

«Таинство покаянія безирравственно. Прощеніе грѣховъ на исповѣди есть средство къ тому, чтобы человѣкъ пересталъ бояться своего грѣха. Исповѣдь не только не способна исправить человѣка, а, наоборотъ, какъ будто можетъ поощрять его въ безирравственныхъ поступкахъ». Таковы мысли Льва Николаевича о таинствѣ покаянія.

Какъ-то странно слышать такія рѣчи отъ писателя, собственно всю жизнь проповѣдывавшаго покаяніе. Конечно, отъ покаянія, какъ перемѣны разумѣнія жизни, до покаянія таинства большое разстояніе. Но кажется, что, проповѣдуя личное усовершенствованіе, можно было бы признать и огромное значеніе того психическаго процесса, который и создается христіанскимъ таинствомъ покаянія.

Что такое таинство покаянія? Это, по церковному ученію, есть таинство, въ которомъ человѣкъ, рѣшившійся отказаться отъ грѣховнаго направленія своей воли, отъ грѣха, которымъ онъ жилъ доселѣ, проситъ у Бога прощенія его прежнихъ грѣховъ, уничтоженія въ немъ грѣховной злой воли и силы жить въ будущемъ по закону Христову. Иначе сказать, таинство покаянія есть чувство боли отъ сознанія внесеннаго грѣхомъ въ міръ и жизнь самоубійственнаго разложенія, соединенное съ желаніемъ и молитвою не освободиться только отъ этой боли чрезъ сверхъестественное прощеніе грѣха, а

освободиться при помощи Божіей отъ грѣха, какъ внутренней силы, живущей въ человѣкѣ. Связь основного требованія, предлагаемаго Церковью въ таинствѣ покаянія, съ общей идеей христіанства несомнѣнна. Здѣсь требуется отъ человѣка отреченіе отъ его грѣховнаго прошлаго. Но, по церковному ученію, сущность всякаго грѣховнаго состоянія, основа грѣха состоитъ въ томъ, что человѣкъ ставитъ свою отъединенную волю выше воли Божественной и любви къ другому человѣку, ставитъ себя центромъ міра и цѣлью всѣхъ своихъ дѣйствій. Поэтому раскаяніе есть отреченіе отъ этой самости—и въ области сознанія, иначе сказать, признаніе ошибочности эгоистическаго прошлаго, и въ области воли, какъ желаніе фактически уничтожить это стремленіе къ самолюбивому обособленію. Въ чемъ же тутъ безправственное? Очевидно, что по своему смыслу таинство покаянія исполнѣ согласуется съ Христовой проповѣдью любви и жизни для другого, есть выраженіе того же настроенія и духа, которымъ пропитано все Христово благовѣстіе.

Таинство покаянія, говоритъ Л. Н., обѣщая прощеніе въ будущемъ, поддерживае въ человѣкѣ небреженіе о своемъ спасеніи и нравственномъ возрожденіи въ настоящемъ. Правда, есть люди, которые, дѣйствительно, откладываютъ покаяніе на томъ основаніи, что они покаются успѣютъ. Но что же слѣдуетъ изъ этого? Слѣдуетъ ли, что Церковь должна заявлять, будто каждое злое дѣло и мысль становится вѣчнымъ господиномъ человѣка, что онъ никогда не свергнетъ ига «этихъ владыкъ», что разъ допущенное зло несправимо и будетъ всегда лежать вѣчнымъ проклятіемъ на совѣсти человѣка? Или не должна ли Церковь заявлять, что Богъ никогда не прощаетъ грѣха, что каждое грѣховное слово и мысль будутъ вмѣнены на судѣ Божіемъ, такъ какъ никакая перемѣна жизни не можетъ загладить въ очахъ Божіихъ разъ совершеннаго дѣла? Положимъ, что въ педагогическихъ цѣляхъ и потребовалась бы такая система. Но не была бы ли она ложью и клеветой на Бога, Который есть сама истина? Да, думается, что и въ педагогическихъ цѣляхъ едва ли была бы полезной такая система устрашенія. Въ философіи Гартмана есть ученіе о неизмѣняемости воли. Это ученіе есть смерть всякой нравственной дѣятельности. Если человѣкъ не можетъ страхъ

нута съ себя прошлаго, всегда будетъ носить это прошлое, какъ вѣчную язву на своей душѣ, какъ постоянную темную тѣнь на всякой его радости, онъ естественно отдастся теченію, потому что прошлое зло будетъ слишкомъ огромною тяжестью на его плечахъ и убьетъ въ немъ всякое желаніе двигаться. Впрочемъ, къ чему говорить долго? Самъ Л. Н. еще въ своемъ первомъ юношескомъ произведеніи отѣнялъ, какая огромная сила покаяніе. Л. Н. не только допускаетъ возможность перемѣнить разумніе жизни, т. е. покаяться, но и утверждаетъ, что главный дѣйтель въ этой перемѣнѣ разумнія жизни есть то чувство освобожденія и радости, которымъ сопровождается раскаяніе. Человѣкъ, рѣшившійся перемѣнить жизнь, перейти къ другой жизни, находитъ въ себѣ силу для этого, потому что такая рѣшимость сопровождается радостнымъ чувствомъ свободы. Именно такое чувство свободы вызываетъ душевный и нравственный подъемъ, удваиваетъ, поднимаетъ человѣческія силы.

«Главное чувство въ это время (дѣтскіе годы и въ частности— время исповѣди)—было, пишетъ Толстой, раскаяніе, но раскаяніе до такой степени слитое съ надеждой на счастье, что оно не имѣло въ себѣ ничего печальнаго. Мнѣ казалось такъ легко и естественно оторваться отъ всего прошедшаго, передѣлать, забыть все, что было, и начать свою жизнь со всѣми ея отношеніями совершенно снова, чтобы прошедшее не тяготило, не связывало меня. Я даже наслаждался въ отвращеніи къ прошедшему и старался видѣть его мрачнѣе, чѣмъ оно было. Чѣмъ чернѣе былъ кругъ воспоминаній прошедшаго, тѣмъ чище и свѣтлѣе выдавалась изъ него свѣтлая, чистая точка настоящаго и разливались радужные цвѣта будущаго. Этотъ-то голосъ раскаянія и страстнаго желанія совершенства, заканчивается графъ, и былъ главнымъ новымъ душевнымъ ощущеніемъ въ эту эпоху моего развитія, и онъ-то положилъ новыя начала моему взгляду на себя, на людей и на міръ Божій».

Что же здѣсь главнымъ образомъ возрождало, обновляло—въ покаяніи? То, что прошлое отошло—не связывало—т. е. ощущеніе прощенія прошлаго—ради будущаго.

И у Л. Н. ясно связывается—пробужденіе голоса, покаяніе съ исповѣдью, постомъ.

Итакъ не за покаяніе ли графъ—даже въ смыслѣ церковномъ.

Да, можетъ остановить меня читатель;—конечно, такое значеніе покаяніа можетъ допустить и графъ: вѣдь онъ борется противъ другого.

Во 1-хъ, для такого «отпущенія прошлаго» не нужно посредника, оно дѣло личной рѣшимости и во-вторыхъ, и это главное, здѣсь прощеніе психологически вытекаетъ изъ внутренней перемѣны въ человѣкѣ, въ его существѣ, а не есть формальный актъ отпущенія свыше.

Именно церковная характеристика покаяніа дѣлаетъ таинство—ложью; по мысли Л. Н., безиравствененъ актъ вишняго прощенія грѣховъ во всякое время, когда человѣкъ заявитъ объ этихъ грѣхахъ священнику.

Если Л. Н. хочетъ сказать только это, значить, признавать возможнымъ и говорить о возможности примиренія съ Богомъ и совѣстью путемъ прощенія прошлаго не будетъ безиравственнымъ съ его точки зрѣнія? Хорошо. Мы можемъ теперь перейти къ церковному ученію о прощеніи грѣховъ священникомъ. Можетъ быть, оно окажется не такъ безиравственно, какъ утверждаетъ Л. Н. Графъ хочетъ сказать, будто «церковный» человѣкъ можетъ грѣшить и продолжать свою грѣшную жизнь, потому что всегда можетъ сказать себѣ: пойду къ попу, сложу грѣхъ и буду грѣшить снова. Можетъ,—только такое отношеніе къ таинству будетъ профанацией, кощунственнымъ издѣвательствомъ надъ таинствомъ, и приписывать такое пониманіе таинства Церкви значитъ обнаруживать незнаніе христіанскаго ученія. Прежде всего не нужно забывать, что прощеніе, если его понимать какъ формальное отпущеніе грѣха священникомъ, обѣщается только подъ условіемъ полного измѣненія жизни, только въ томъ случаѣ, если человѣкъ рѣшается впередъ жить вполне по закону Божію. Человѣкъ, подошедшій къ священническому аналою безъ этого рѣшенія, самъ лишаетъ себя благодати и прощенія грѣховъ не получаетъ.

«Да не взыдетъ кому помышленіе лукавое»: легко получается прощеніе при покаяніи: удобность въ полученіи прощенія позволяетъ быть не строгимъ къ себѣ; позволяетъ предаваться грѣховнымъ наслажденіямъ. Болѣе того: Церковь смотритъ съ снисхожденіемъ на возобновленіе тяжкихъ «грѣхопаденій». Нѣтъ! не на такомъ условіи даруется прощеніе грѣховъ при покаяніи. Оно даруется съ тѣмъ,

чтобы впадшій въ смертныя грѣхи оставилъ ихъ. Это явствуетъ изъ самыхъ словъ Спасителя: простивъ блудницѣ, приведенной на судъ предъ Него фарисеями, Онъ сказалъ ей: иди, и отсели къ кому не согрѣшай. То же самое заповѣдалъ Господь исцѣленному Имъ въ притворахъ Виаезды, заповѣдалъ съ угрозою большаго наказанія за нарушеніе заповѣданнаго: се здравъ еси, сказалъ Онъ, кому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ. Такъ понимали и исполняли слова Богочеловѣка преподобные пустынные отцы и такъ научили братію. Авва Пименъ на вопросъ: «что значить покаяніе въ грѣхѣхъ?» отвѣчалъ: «оно состоитъ въ томъ, чтобъ раскаялся во грѣхѣхъ и не повторять его».

Великій наставникъ монашествующихъ, святой Исаакъ Сирскій говоритъ о повторяющихся свои грѣхопаденія: «Кто, въ надеждѣ покаянія, вторично впадаетъ въ согрѣшеніе, тотъ ходитъ предъ Богомъ съ лукавствомъ; такому посылается нечаянная смерть, и онъ не получаетъ времени, на которое рассчитывалъ, къ исправленію добродѣтели».

Св. Ефремъ Сиринъ говоритъ еще сильнѣе:

«Нѣтъ покаянія для тѣхъ, кто торгуется покаяніемъ. Кто въ надеждѣ на покаяніе пребываетъ въ грѣхѣхъ, тому нѣтъ покаянія. О такихъ сказано, что покаяніе не имѣетъ для нихъ силы, потому что думаютъ, будто Богу угодны ругатели. (Часть III, 324—395).

И въ другомъ мѣстѣ. «Богъ не пріемлетъ покаянія, не оказывающаго въ себѣ твердаго дѣла... Приносящіе покаяніе на показъ творятъ не одинъ грѣхъ, но многіе грѣхи... Они изъ исповѣди дѣлаютъ коммерческое дѣло и вмѣсто прошенія пишутъ на себя новое долговое обязательство (стр. 278—279, 293—294). Если одинъ обычай влечетъ тебя къ Врачу (Богу), то не получишь здравія, пишешь тотъ же св. отецъ.

Не достаточно ли опредѣленно все это:

«Скажи себѣ и священнику: болѣе не буду грѣшнить, тогда отпустится грѣхъ».

Итакъ, еслибы въ таинствѣ покаянія п отпускался грѣхъ формальною властію священника, прощался на основаніи общанія, а не въ силу уже совершившагося внутренняго перелома, то все-

такъ это не было бы поощреніемъ грѣха, потому что отъ поступающаго требуется отреченіе отъ грѣха.

Но вѣдь Церковь такъ формально таинство не понимаетъ.

Мы согласились съ фактомъ, что есть люди, которые откладываютъ направление жизни, надѣясь покаяться на краю гроба. Интересно, какъ же относится къ этому Церковь? Она всегда внушаетъ мысль, что откладывать покаяніе значитъ готовить себѣ гибель, что мало людей, которые умѣли покаяться на смертномъ одрѣ; мало потому, что само духовное состояніе въ эти послѣднія минуты не располагаетъ къ размышленію о жизни, къ перемѣнѣ пониманія жизни, къ покаянію.

Ясно какъ день, что здѣсь исповѣдь не простая бесѣда, потому что какое настроеніе, какія размышленія нужны, чтобы перечислить грѣхи, (хотя бы и съ обѣтомъ не грѣшить) и получить отпущеніе.

Таинство покаянія неизмѣримо глубже той странной «бесѣды», каковую Л. Н. Толстой видитъ въ нашей исповѣди.

Можно подумать, что Л. Н. Толстой о православномъ таинствѣ покаянія судилъ по какому нибудь — іезуитскому католическому учебнику.

Въ католичествѣ (іезуитской партіи) для отпущенія дѣйствительно нужна только исповѣдь, вызванная чувствомъ боязни вѣчныхъ мученій или даже наказаній въ здѣшней жизни (*attritio*) такъ называемое несовершенное сокрушеніе. Полное сокрушеніе (*contritio*) — осужденіе себя до конца здѣсь также считается вреднымъ для таинства, потому что оно уничтожаетъ грѣхъ и безъ священническаго разрѣшенія.

«Что бы не показаться излишне суровымъ» (*nimum religiosum*), духовникъ здѣсь обязанъ разрѣшать грѣшника и тогда, когда онъ заявляетъ, что душа его не въ силахъ отказаться отъ такого-то и такого грѣха. Не съ такимъ ли пониманіемъ исповѣди борется Толстой. Такое разрѣшеніе, конечно, поощряетъ грѣхъ, но развѣ это ученіе православной Церкви?

Съ православной точки зрѣнія полное сокрушеніе, полное осужденіе грѣха — необходимое требованіе покаянія.

Глубоко психологическое, чуждое всякой механичности, построение учения о таинствѣ покаянія въ православной Церкви будетъ, надѣемся, ясно читателю изъ анализа трехъ основныхъ моментовъ психологіи покаянія. Въ психикѣ кающагося легко намѣтить три слѣдующихъ одна за другой ступени и момента. Прежде всего кающійся христіанинъ долженъ собрать свою душу, т. е. обозрѣть свою жизнь, оцѣнить ее, проникнуть въ глубины совѣсти и внимательно, въ тишинѣ души, обсудить свое нравственное состояніе. Не согласится ли читатель, что уже это требованіе, этотъ моментъ въ таинствѣ покаянія имѣетъ огромное нравственное значеніе? «Собрать душу» это значить пересмотрѣть всю свою жизнь, основы своей жизни, обсудить ихъ и вынести надъ своею жизнію тотъ или другой приговоръ.

Но пойдемъ дальше. Второй моментъ таинства покаянія состоитъ въ томъ, что человѣкъ осуждаетъ собственной своей совѣстью свое прошлое. То, что человѣкъ совершаетъ какъ обычное и естественное, здѣсь онъ предъ своей совѣстью признаетъ противнымъ жизни и враждебнымъ ей. Такъ какъ по христіанскому понятію это не просто теоретическое признаніе ложными предыдущихъ основъ жизни, а внутреннее глубокое осужденіе грѣха, усвоеніе ненависти къ грѣху, особеннаго настроенія, при которомъ прошлое кажется не только ложнымъ, но и страшнымъ, ненавистнымъ, непріемлемымъ, то ясно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ фактомъ огромнаго нравственного значенія. Человѣкъ смотритъ съ чувствомъ страданія и ужаса, такъ сказать, издали на прежняго самого себя и рѣшаетъ быть новымъ.

Наконецъ, за этими двумя моментами слѣдуетъ еще третій моментъ—признаніе въ своихъ грѣхахъ предъ лицомъ священника. Этотъ моментъ важенъ прежде всего потому, что здѣсь достигается своего завершения тотъ процессъ, который отцы называютъ духовною самособранностью. Очень часто вся предшествующая подготовительная работа кающагося оказывается менѣе плодотворной, чѣмъ та же духовная работа предъ самымъ алтаремъ. «Только тутъ, предъ Распятіемъ — говорить одинъ кающійся (толстовецъ) я сумѣлъ рассмотреть отошедшую въ далекое прошлое мою

жизнь. Это прошлое стало проясняться, выступать впередъ, принимать образъ и смущать совѣсть».

«Мнѣ хотѣлось закрыть глаза на многія мелочи. Но, какъ нарочно, чѣмъ больше порывалась душа сдѣлать это, тѣмъ ярче становились эти мелочи, эти, думалось, забытыя, потерявшія значеніе ничтожности. И Богъ помогъ мнѣ обнажить предъ врачомъ позорныя язвы, и тогда я получилъ исцѣленіе».

«Здѣсь, только въ эти минуты прошлое было оцѣнено такъ, какъ должно было оцѣнить его и то, что казалось мелочью за два дня до покаянія, предъ алтаремъ теперь выступило во всей своей страшной ясности». (Новоселовъ. «Забытый путь»). Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ фактомъ не мало важнымъ—очевидно, что «исповѣдь» придала какую то особенную силу и остроту нравственному вниманію человѣка—усилила его духовное зрѣніе. Это нѣкотораго рода психическое чудо въ области совѣсти, предупреждающее послѣднее величайшее чудо полного ея обновленія въ актѣ прощенія. А далѣе такое же почти чудо совершается и въ области воли: въ сферѣ «психологии воли» сознание передъ «живымъ человѣкомъ» едва ли не имѣетъ даже большій смыслъ и значеніе. Обнажить предъ другимъ человѣкомъ раны совѣсти, весь стыдъ грѣха можно только при большомъ напряженіи воли; нужно дѣйствительно возненавидѣть грѣхъ, т. е. почувствовать его какъ боль и муку, чтобы рѣшиться рассказать о грѣхѣ священнику. Самый моментъ признанія будетъ еще большей мукой. И вотъ эта то самая духовная ломка, «распятіе совѣсти—волей» и должно вызвать тотъ послѣдній и окончательный переломъ, который дѣлаетъ человѣка достойнымъ благодати. Результаты:—сознание проникаетъ до послѣднихъ мелочей проплаго; воля осуждаетъ, какъ серьезный тормазъ спасенія, самыя послѣднія изъ мелочей; человекъ въ всемъ существомъ признаетъ необходимымъ и страстно желаетъ совлечь съ себя внѣшняго человека, какъ змѣя смѣняетъ кожу.

Отсюда и родится — какъ завершеніе пути, какъ объединеніе трехъ моментовъ исповѣди—то состояніе души, которое, говоря церковнымъ языкомъ, и есть совершенное покаяніе, полное сокрушеніе, которое отрицаютъ католики. И это сокрушеніе, пробужденіе души, которая оглядывается на прошлое съ ужасомъ, не желаетъ его, молится, чтобы его не было — есть *contritio, sine qua non* таинства.

«Чтобы быть возрожденнымъ, человѣкъ самъ долженъ подготовить свое возрожденіе. Приступая къ доброму Врачу, — пишетъ св. Ефремъ Сиринъ,—грѣшникъ долженъ съ своей стороны принести слезы—это наилучшее врачевство».

«Ибо то и угодно небесному Врачу, чтобы каждый собственными слезами врачевалъ себя и спасался, а не невольно претерпѣвалъ только спасеніе. Прежде чѣмъ приступить къ благодати, человѣкъ напередъ долженъ самъ произвольно удалить изъ себя все грѣховное, долженъ разрушить въ себѣ начало грѣха, чтобы благодать могла насадить въ немъ начало новой жизни. Покаяніе очищаетъ разрѣшенные составы прежняго устройства прежде, нежели благодать, растворившись съ умомъ, сдѣлаетъ свинецъ золотомъ» (Сл. 99. По изд. 1848 г. т. VI. 175).

«Если человѣкъ не дѣлаетъ самъ ничего, не кается и не стремится къ воспріятію той праведности, не готовитъ себя, тогда и таинство не можетъ произвести на него своего дѣйствія. Отъ таинственного возрожденія, какъ и въ крещеніи, онъ уйдетъ не возрожденнымъ».

«Выжмемъ себя покаяніемъ, говорить тотъ же св. отецъ, чтобы не утратить намъ благодати прощенія, какъ настоящей своей краски. Выжиманіе есть тщательное отложеніе противнаго. Ибо такимъ образомъ наведенный на насъ цвѣтъ, закалившись въ душахъ нашихъ, не сойдетъ уже—тщательно измой себя слезами, какъ красильщикъ измываетъ волну, предайся смиренію и сократи себя во всемъ; ибо такимъ образомъ предочистишь себя, приступишь къ Богу уже готовымъ къ принятію благодати. (Тамъ же 194 «О спасеніи» еписк. Сергія 198).

«А если исповѣдующійся недостаточно проникнуть покаяннымъ настроеніемъ, а духовникъ прочтетъ надъ нимъ разрѣшительную молитву, тогда что?—Тогда можетъ случиться, что, когда духовный отецъ будетъ произносить: «прощаю и разрѣшаю», Господь скажетъ: «а Я осуждаю» (Еписк. Теофанъ).

Выводы, какіе слѣдуютъ изъ предыдущаго, ясны сами собой: первое: покаяніе оздоравливающий подвигъ самораспятія, при которомъ омываются слезами и уничтожаются стыдомъ, выжигаются огнемъ испо-

вѣданія, какъ огнемъ очищающимъ и, главное, твердой рѣшимостью уйти отъ грѣха, всѣ раны души.

И второе: помощь Божія, благодать есть естественное слѣдствіе скорбнаго воля къ Богу души, ищущей спасенія—и не результатъ формальнаго акта; здѣсь не можетъ быть и рѣчи о механичности, теургіи, низведеніи благодати одними священническими заклинаніями».

II.

Резюмируя сказанное въ первой главѣ, мы можемъ кратко формулировать сущность покаяннаго процесса въ слѣдующихъ чертахъ: здѣсь человѣкъ пересматриваетъ свое душевное состояніе, съ тоской и ужасомъ сознаетъ свое грѣховное недостоинство, ложь своего прошлаго, съ успіемъ воли сознается въ этой лжи предъ священникомъ и проситъ помощи у Бога. Духовный кризисъ, духовный переломъ, вызванные этой борьбой слезы о прощеніи и помощи, жажда спасенія—все это вмѣстѣ создаетъ перерожденіе души—возвратъ ее «отъ страны далекой» къ Отцу ея Небесному.

Такая психологія покаяннаго процесса, полагаю, дѣлаетъ уже болѣе понятнымъ процессъ обновленія. То, что переживаетъ человѣкъ до того времени, какъ идти къ аналою и у аналоя, уже достаточно съ человѣческой стороны оправдываетъ, осмысливаетъ таинство и устраняетъ возможность обвиненія въ механичности.

Но здѣсь еще не все—здѣсь процессъ только естественно—человѣческій. Въ этомъ процессѣ еще никакого мѣста не занимаетъ священникъ и Богъ прощающій. Чуда—подлиннаго, послѣдняго еще нѣтъ. Можетъ быть его и не нужно?

Возможно, что ложь именно въ прощеніи—второй половинѣ покаянія: можетъ быть, Церковь добрый естественный процессъ ложно принимаетъ и выдаетъ за чудо таинства?

Отвѣтомъ будетъ анализъ второй половины покаянія.

Вторая, такъ сказать, божественная половина таинства дана въ священникѣ—въ его прощеніи, въ моментъ радостнаго освобожденія, разрѣшенія отъ грѣха.

Въ извѣстномъ смыслѣ и въ этой половинѣ есть моментъ естественный. Не безъ причины люди такъ часто исповѣдаются предъ другими, ищутъ себѣ духовника между близкими—ждутъ отъ нихъ слова утѣшенія. Очевидно—и для самой исповѣди, какъ признанія во грѣхахъ—есть глубокія психологическія основы; что это такъ, доказываетъ безконечное множество самыхъ безпристрастныхъ свидѣтельствъ.

Вотъ одно очень характерное. Пишетъ одинъ бывшій толстовецъ. «Я жаждалъ исповѣдаться—снять тяжесть съ души. Мнѣ казалось, что не будь установлена въ Церкви исповѣдь, я самъ бы постулировалъ исповѣдь своимъ вѣдъ сердцемъ».

Это свидѣтельство большой важности. Въ немъ дано ясное и сильное оправданіе таинства покаянія какъ исповѣди: — несомнѣнно, она и по человѣчески нужна. Но отсюда и начинаются наиболѣе сомнительные для Толстого и толстовцевъ пункты, потому что именно отсюда, только отсюда начинается таинственное въ таинствѣ, самое таинство.

Суть дѣла въ томъ, что по церковному ученію священникъ не выслушиваетъ исповѣдь больного сердца, а судитъ—не утѣшаетъ, а разрѣшаетъ, прощаетъ—онъ здѣсь волею Божіею—не пассивное, а дѣйствующее лицо, а за нимъ стоитъ Дѣятель еще болѣе таинственный—Богъ.

Здѣсь грѣхъ прощаетъ Христосъ, Духъ Св. нисходитъ и оналяющимъ огнемъ своимъ очищаетъ души. Вотъ тутъ-то и лежитъ камень на «паденіе многимъ». Здѣсь и есть моментъ соблазнительный для Л. Н. Нужна-ли эта половина исповѣди, пріемлема-ли она, нельзя-ли оставить одну человѣческую половину? Исповѣдь нужна для человѣка? Тѣмъ естественнѣе предположить, что она и есть только человѣческое учрежденіе и совершается одними людьми.

Прочитаемъ еще нѣсколько строкъ изъ писанія того же толстовца, котораго мы только что цитовали. «Я исповѣдывалъ многое друзьямъ моимъ, но не получилъ отпущенія и (только) чувствовалъ нѣкоторое облегченіе, являясь передъ близкими людьми въ болѣе истинномъ свѣтѣ». Вотъ отвѣтъ, который можно оправдать даже писаніями

Льва Николаевича. Въ немъ вся суть. Да, облегченіе—а не освобожденіе. Допустимъ на минуту, что таинство покаянія состоитъ только въ нравственномъ процессѣ въ душѣ человѣка и кончается въ исповѣди его предъ священникомъ, тоже какъ человѣкомъ; или даже исповѣди не передъ священникомъ, а просто передъ людьми—будетъ сразу ясно, что такое таинство теряетъ свой *raison d'être* потому, что не въ силахъ принести утѣшенія и спасенія.

Мы уже въ началѣ статьи изъ свидѣтельства самого Льва Ник. могли видѣть, какъ необходимъ при покаяніи моментъ прощенія, освобожденія отъ прошлаго. Покаяніе безъ сознанія, что грѣхъ отпущенъ, приводило бы необходимо вовсе не къ радости, а къ отчаянію. Человѣкъ созналъ бы то, что онъ не годится для жизни, съ ужасомъ понималъ бы, что его нравственное состояніе губительно, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не могъ бы сдѣлать ни одного шага назадъ, къ святому состоянію. Его прошлое должно давить его, какъ бремя, именно такое бремя, отъ котораго онъ не можетъ освободиться. Можно еще предположить, что человѣкъ, сознавши свою грѣховность, понадѣется на свои силы для того, чтобы стряхнуть тяжесть грѣха, но какъ освободиться отъ воспоминанія, какъ стряхнуть «прошлое»?

Нужно Божественное удостовѣреніе въ прощеніи и сообщеніе божественной силы, которая бы властно сняла тяжесть съ души. Необходимо, чтобы покаяніе яркой и рѣзкой чертой отдѣлило прошлое отъ будущаго. Прошлое должно стать именно прошлымъ, прошедшимъ, должна быть надежда, что съ этого дня начинается новая жизнь, причемъ прошлое не будетъ давить своею тяжестью. А это возможно только при увѣренности, что въ таинствѣ покаянія дѣйствительно «Могущій отпустить грѣхи» прощаетъ ихъ, уничтожаетъ грѣхъ и даетъ Свою Божественную помощь.

Это и необходимый постулатъ исповѣди и ея фактъ. Многіе исповѣдующіеся, послѣ исповѣди, измѣнивши свою жизнь, согласно свидѣтельству Л. Н. Толстого отмѣчаютъ, что въ ихъ спасеніи—измѣненія настроенія большое значеніе имѣло то, что они почувствовали себя прощенными: не сознаніе грѣха до боли, а сознаніе «прощенія», жгучая радость прощенія спасла ихъ. «Главное чувство исповѣдующагося послѣ исповѣди это то, что онъ чувствуетъ себя свободнымъ отъ прошлаго», говорятъ одинъ обращенный «нѣтъ

муки въ душѣ; въ будущемъ свѣтитъ радостное солнце». «Я поражена и уничтожена,—пишетъ другая, ранѣ невѣрующая учительница,—всепрошеніемъ Божиимъ. Простилъ, все простилъ; нѣтъ больше муки въ моей душѣ; все вернулось, какъ будто никогда не отнималось». (Новоселовъ. «Забытый путь»). И вотъ только эта увѣренность, что прошлаго не стало, дѣйствительно даетъ силу и возможность сдѣлать будущее новымъ. Только она и даетъ таинству смыслъ великаго, побѣждающаго зло, акта.

Но очевидно, что этой увѣренности, которая и у Коли Иртеньева явилась вмѣстѣ съ исповѣдью, не откуда явиться внѣ исповѣди, внѣ вѣры, внѣ признанія божественной таинственности покаянія. Только Богъ, въ Его чудодѣйственной помощи, подаваемой въ таинствахъ, силенъ дѣйствительно убѣлить, какъ волну, ищущую Его дуну, Своимъ чудотворнымъ прикосновеніемъ убить въ душѣ грѣшника власть грѣха, а слѣдовательно дать успокоеніе и силу.

Конечно, можно сказать, что достаточно внутренняго ощущенія прошенія, но правда ли это? «Внутреннее чувство прошенія, на которое здѣсь хотѣли бы сослаться нѣкоторые, не только можетъ быть обманчиво само по себѣ, но и не можетъ заключать ничего положительнаго для человѣка. Какое твердое ручательство, какое высшее свидѣтельство даетъ оно человѣку о его прошеніи и очищеніи? (Еп. Іоаннъ Смоленскій). Очевидно, что душа сама необходимо будетъ желать прошенія отъ силы высшей.

Кромѣ того, прошеніе не мыслимо безъ суда. «Никогда Богъ, не измѣняя Своей святости и правдѣ, не можетъ оставлять человѣку грѣхъ безъ суда», говоритъ еп. Іоаннъ Смоленскій. А мы прибавимъ: еще болѣе никогда человѣкъ не успокоится, не удовлетворится такимъ прошеніемъ безъ очевиднаго, если угодно, формальнаго суда надъ его совѣстью и приговора надъ нимъ послѣ оцѣнки содержанія этой совѣсти лицомъ, имѣющимъ полномочіе отъ Того, Кто «имать власть отпушати грѣхи» «Возможно ли, чтобы каждый грѣшникъ имѣлъ право только молиться Богу, и потомъ успокаивалъ самъ себя въ собственномъ чувствѣ прошенія? Тогда религія существовала бы на какихъ то неопредѣленныхъ, отрицательныхъ основаніяхъ, и можно быть увѣреннымъ, что зло

нравственное тогда стало бы только умножаться и расти съ не-
удержимою силою» (Еп. Іоаннъ Смоленскій). Человѣкъ или снисхо-
дительно прощалъ бы себѣ все, или не умѣлъ бы простить ничего.

Притомъ не нужно забывать, что, конечно, суть покаянія не
въ одномъ отпущеніи грѣха. «Человѣку нужна исповѣдь, которая
не покрывала бы только раны, но и врачевала ихъ, не совѣсть
только разрѣшала отъ грѣховъ, но и самую волю отъ наклонности
ко злу; которая бы не только успокоивала человѣка въ разсужденіи
сдѣланнаго зла, но и опущеннаго добра; не только изглаждала пре-
ступленія, но и помогала немощамъ и болѣзнямъ самой природы;
не только очищала отъ грѣховъ, но и сообщала свѣтъ для яснѣй-
шаго распознаванія ихъ, сообщала большую силу для избѣжанія
ихъ, не только освобождала отъ наказаній, злу принадлежащихъ,
но и возстановляла правильныя отношенія человѣка къ Богу, грѣ-
хомъ нарушенныя; наконецъ, не только умиротворяла душу, но и
внутренно, духовно ее возраждала къ новой лучшей жизни». Но все
это вмѣстѣ необходимо заставляетъ признать, что такая исповѣдь выхо-
дитъ уже за предѣлы естественнаго и для самихъ возможнаго, что
она должна имѣть основанія сверхъестественныя, силу чрезвычайную,
и что человѣкъ самъ по себѣ дать ея не можетъ: иначе—необходимо
принять исповѣдь и какъ таинство (Еп. Іоаннъ Смоленскій).

И отсюда наши выводы для 2-ой главы: (они повторяютъ тезисы
первой главы, только съ другой стороны): божественная половина
таинства безусловно требуется при человѣческой, представляет не
только естественное, но и необходимое ея продолженіе. Или объ сто-
роны, или нѣтъ покаянія.

Обсуждать психологію самаго момента отпущенія я полагаю,
нѣтъ нужды: она совершенно тождественна съ психологіей крещенія:
Духъ Святый идетъ навстрѣчу святому желанію кающагося и—
встрѣча духа человѣческаго съ Духомъ Божіимъ даетъ свѣтъ воз-
рожденія. Душа, омытая слезами, естественно, по молитвѣ и
предстательству Церкви, удостоивается осѣненія духомъ—а осѣненіе
это даетъ новыя силы «къ животу и благочестію». Не только мы,
но и Л. Н. Толстой уже вѣритъ, что духъ Божественный можетъ
коснуться духа человѣческаго, можетъ подойти къ нему и со-
единиться съ нимъ—и это таинственное единеніе уже необходимо

испепелить грѣхъ, выжжетъ его изъ души — осуществить «тайну очищенія отъ грѣха». А чтобы не было сомнѣній и колебаній у прощаемаго, Богъ, устами своего посредника — въ слухъ ушамъ исповѣдующагося—говорить: «иди, прощаются тебѣ грѣхи твои».

«Благой отраднѣйшій голосъ — закончимъ словами Льва Николаевича — благой голосъ христіанскаго таинства столько разъ, въ тѣ грустныя времена, когда душа молча покорялась власти жизненной лжи и разврата, вдругъ смѣло возстававшій противъ всякой неправды, злостно обличавшій прошедшее, указывавшій, заставляя любить ее, ясную точку настоящаго и обѣщавшій добро и счастье въ будущемъ,—благой, отраднѣйшій голосъ! Неужели ты перестанешь звучать когда-нибудь?» Неужели когда-нибудь у христіанина отнимутъ спасительнѣйшее изъ средствъ возрожденія—таинство покаянія?

Иером. Михаилъ.

Голосъ сельскаго пастыря по вопросу объ объединеніи интеллигенціи съ Церковію и народомъ.

Въ послѣднее время въ духовной и свѣтской журналистикѣ много появляется сужденій и толковъ по вопросу объ объединеніи интеллигенціи съ Церковію и народомъ.

Вопросъ этотъ пріобрѣтаетъ громаднѣйшій интересъ уже по одному тому, что объединеніе двухъ далеко несходныхъ по характеру и традиціямъ элементовъ, каковыми являются образованное русское общество и простой русскій народъ, разсматривается на религіозной почвѣ. Справедливость требуетъ сказать, что стремленія интеллигенціи привести простой народъ къ одному общему сознанію, или, что то же, объединенію съ собою существовали и теперь существуютъ въ той именно части образованной интеллигенціи, которая завѣдомо враждуетъ противъ Церкви и существующаго порядка. Будучи таковой, она дѣлаетъ свое дѣло: пропаганда ея противорелигіозныхъ воззрѣній отразилась и на простомъ народѣ въ большей или меньшей степени. Религіозныя и нравственныя основы въ послѣднемъ уже достаточно поколеблены, чтобы не обращать на нихъ вниманія. Христіанская мысль, останавливаясь на событіяхъ текущей жизни и духѣ времени, не безъ ужаса спрашиваетъ себя: гдѣ же эти православные люди, честь и слава русскаго отечества, гдѣ герои вѣры народной и патріотизма? Такъ мало осталось ихъ, начиная отъ богатѣйшихъ и шумныхъ городовъ Россіи до захолустя к. л. заброшенной деревеньки.

Для наблюдательныхъ людей очевидно, какъ съ головокружительной быстротой возрастаетъ культъ положительныхъ и техническихъ знаній и какъ, на ряду съ этимъ, глубоко падаетъ жизнь сердца, какъ чувство идеальнаго затемняется и вытѣсняется ложнымъ настроеніемъ самообольщеннаго ума, какъ исчезли въ глубь вѣковъ и сдѣлались достояніемъ пережитой исторіи истинные поэты

и творцы въ области безсмертныхъ знаній и искусствъ, смѣнившись недостойными и ненормальными преемниками, не живущими полною жизнію ума, сердца и чувства. Воля и характеръ большинства теперь подчинены матеріальнымъ интересамъ, захватившимъ все существо человѣка и быстро влекущимъ его въ безысходныя бездны, откуда не видно ни идеаловъ, ни цѣли, ни смысла жизни. И вотъ, видя всю эту правду современной жизни, небольшая группа понимающихъ и дальновидныхъ христіанъ смѣло ставить теперь вопросъ объ объединеніи, или собраніи воедино всѣхъ разсѣянныхъ чадъ вѣры Христовой подъ знаменемъ церковности, народности и патріотизма,—такъ же, какъ то было въ первые вѣка только что зародившагося христіанства, когда вдохновенные Павелъ и Петръ огненнымъ словомъ своимъ потрясали умы и сердца разсѣянныхъ чадъ Церкви и воодушевляли ихъ къ единодушной и мужественной борьбѣ за имя Христово съ врагами Его. Вопросъ очень интересный, волнующій многія вѣрующія души: его значеніе, его идея безграничны, какъ неограниченна область вѣры. Его осуществленіе находится въ зависимости отъ множества другихъ вопросовъ, между которыми первое мѣсто занимаетъ, по степени важности, вопросъ о томъ, сохранилъ ли простой народъ свое христіанское міросозерцаніе, называемое обыкновенно православнымъ; другими словами, не отразилось ли на народныхъ традиціяхъ невѣріе того элемента интеллигенціи, который открыто или тайно враждуетъ противъ христіанскаго міросозерцанія? Слѣдующія строки покажутъ намъ, насколько вопросъ о христіанскомъ объединеніи на св. Руси далекъ или близокъ къ его осуществленію.

Прежде всего рѣчь о религіозномъ состояніи народа.

Чтобы рѣшить вопросъ, насколько міросозерцаніе народа сохранило или утратило историческій религіозный идеалъ въ настоящее время, надо остановить свое вниманіе на томъ, въ чемъ оно заключается и какими чертами характеризуется въ народныхъ традиціяхъ, существующихъ еще и теперь въ нѣкоторыхъ членахъ простого люда.

Традиціонное міросозерцаніе православнаго русскаго народа имѣетъ по преимуществу религіозно христіанскій характеръ. Простой народъ, будучи изстари вѣрующимъ христіанскимъ народомъ, составлялъ

всегда надежный и прочный элементъ русскаго государства, для котораго всё вопросы жизни сводились къ вѣрѣ въ Бога, Церковь и правительство. Богъ, въ его умопредставленіи, Источникъ всякой жизни, ся Виновникъ и Промыслитель: радость и горе, жизнь и смерть являются по Его волѣ. Церковь—это первое и самое необходимое учрежденіе на землѣ, въ которомъ находятъ себѣ благословеніе и освященіе всё важнѣйшіе моменты человѣческой жизни. Государство, нераздѣльно заключающее въ себѣ понятіе о Царѣ-Батюшкѣ, есть реальный образъ небеснаго, духовнаго царства, а потому все, что относится къ области политики, какихъ либо реформъ и гражданскихъ узаконеній, получаетъ въ глазахъ народа смыслъ и значеніе религіозныя. Народная жизнь есть, можно сказать, жизнь въ Богѣ и для Бога, о Немъ бо живемъ и движемся и есмы (Дѣян. 17, 28).

Для скептика такое міросозерцаніе простого народа можетъ показаться сочиненнымъ, отвлеченнымъ и не приложимымъ къ естественнымъ запросамъ жизни. Дѣйствительно, если-бы оно было только дѣломъ разсудка или народнаго творчества, то едвали могло имѣть к. н. практическое осуществленіе. Между тѣмъ, обнимая все существо вѣрующаго человѣка, оно управляетъ его жизнью. Простыя и понятныя правила или заповѣди Божіи, нѣсколько легкихъ молитвословій, являясь единственно доступными пониманію даже ребенка истинами, составляютъ затѣмъ преобладающее настроеніе на всю его жизнь. Какъ просто и вмѣстѣ съ тѣмъ широко это міросозерцаніе, уже видно изъ того, что ему хорошо извѣстно все, что нужно знать и дѣлать для увеличенія и упроченія благосостоянія своего и другихъ. Онъ болѣе, чѣмъ кто нибудь убѣжденъ въ необходимости трудиться, потому что трудъ есть опредѣленіе Божіе,—и безропотно несетъ свою кропотливую дорогую лепту въ сокровищницу общаго блага. Онъ не задумывается надъ тѣмъ, что такое счастье, такъ какъ увѣренъ, что оно заключается въ трудѣ. Поэтому трудъ въ глазахъ старинныхъ людей имѣетъ силу и значеніе подвига, воспитывающаго и закаляющаго нравственный характеръ человѣка на случай какихъ либо серьезныхъ жизненныхъ испытаній. Но этотъ подвигъ въ представленіи ихъ становится выше, когда онъ сопровождается у нихъ сознаніемъ исполненнаго долга и спокойствіемъ

совѣсти. Здѣсь подвигъ физическаго труда переходитъ на почву идеальную, духовную. Отсюда въ нравственномъ міровоззрѣніи народа протекають и высшія добродѣтели, какъ, напр., удаленіе отъ міра, или иноческое житіе, борьба съ своими страстями и похотями, несеніе креста — юродничества, молчальничества, странничества и т. д., каковыми славится наша православная, въ особенности древняя, Русь.

Таковъ идеаль православнаго русскаго народа вообще, какъ мы находимъ его въ старинныхъ народныхъ традиціяхъ: вотъ благословенное наслѣдіе, оставленное намъ отъ предковъ.

Имѣя въ виду поставленный выше вопросъ, мы, на пути выясненія его, неизбежно сталкиваемся съ образованнымъ элементомъ русскаго общества, извѣстнаго подъ названіемъ интеллигенціи.

Что міросозерцаніе послѣдней, въ нѣкоторой большей или меньшей ея части, безусловно противоположно описанному, это ни для кого не новость. Точно также не имѣлъ бы живого интереса вопросъ о вліяніи интеллигенціи на народъ, если бы жизнь нашего отечества предоставлена была свободному, естественному ея теченію. Но такъ какъ, по слову Апостола, мы должны быть готовы дать отчетъ всякому, вопрошающему о нашемъ упованіи (1 Петр. 3. 15), и кромѣ того постоянно испытывать самихъ себя, въ вѣрѣ ли мы (2 Кор. 13, 5), поэтому мы остановимся на томъ, что говорить намъ христіанское самосознаніе интеллигенціи? Дѣйствительная жизнь послѣдней свидѣтельствуетъ намъ, что той вѣры, о которой говорить Апостолъ, т. е. увѣренности въ невидимомъ, какъ бы въ видимомъ, и въ желаемомъ и ожидаемомъ, какъ бы въ настоящемъ¹⁾, не существуетъ въ ней; что „здраваго ученія... съ вѣрою и любовію во Христѣ Іисусѣ (2 Тим. 1, 13) она не держится, и вѣры во «святую, соборную и апостольскую Церковь» не исповѣдуетъ. Въмѣсто же христіанской вѣры она создала такъ называемую личную вѣру въ свободу и компетенцію разума въ дѣлѣ религіи. Эта «новая вѣра» источникомъ своимъ имѣетъ естественнонаучное міросозерцаніе и естественную мораль. Таковы отсюда ученія о прогрессѣ, коммунизмъ, альтруизмъ и всевозможныя гуманныя и социальныя доктрины. Здѣсь не мѣсто подвергать кри-

1) Изъясненіе Правосл. Катихиз. М. Филарета.

тикѣ естественно-научное міросозерцаніе, потому что это не составляет нашей задачи. Мы имѣемъ въ виду вопросъ о томъ, какъ отразилось это міросозерцаніе интеллигенціи на простомъ народѣ.

Евангельское предсказаніе, что среди христіанъ возстанутъ лжеучители и лжепророки, которые, являясь съ цѣлю совращенія съ истиннаго пути даже «избранныхъ» (Мѣ. 24, 24), приходятъ къ намъ въ овечьей шкурѣ, а внутри суть волки хищные,—даетъ намъ основаніе говорить о вредныхъ послѣдствіяхъ пропаганды этими лжеучителями своего невѣрія словами Писанія: «по плодамъ ихъ узнаете ихъ» (Мѣ. 7, 15).

Жизненная правда, что плоды невѣрія на почвѣ естественно-научнаго міросозерцанія скоро дали знать себя не только въ средѣ образованной интеллигенціи, но и въ средѣ простого народа, живущаго въ селахъ и деревняхъ. Это, впрочемъ, и неудивительно, такъ какъ между поборниками научныхъ знаній существуютъ въ большомъ количествѣ люди, жаждущіе широкаго распространенія своихъ идей, заявляющіе свои права на переустройство жизни народной, на искорененіе «религіозныхъ» суевѣрій, хотя бы народъ не имѣлъ ни малѣйшей подготовки къ такому перерожденію. Справедливость сказаннаго подтверждаютъ благонамѣренные члены самой деревни, родившіеся и состарившіеся въ нѣдрахъ православія. Послѣдніе теперь часто жалуются пастырямъ Церкви на увеличивающееся невѣріе, въ особенности въ молодомъ поколѣніи, чему помогаетъ тѣсное взаимоотношеніе между городомъ и деревней. Вольномысліе и нравственная распушенность начинаютъ сильно портить людей, которые еще такъ недавно служили оплотомъ православія съ безавѣтной преданностью вѣрѣ, Царю и Отечеству. По словамъ старыхъ людей, народъ совсѣмъ отбился отъ деревни, оставляя на произволъ судьбы семью и дѣтей, не думая объ обезпеченіи родного дома на случай самыхъ необходимыхъ запросовъ жизни, чтобы сколько нибудь пріобрѣсти себѣ образованности культурныхъ городовъ. Побывъ въ городѣ, «хроническіе переселенцы» возвращаются въ извѣстное время года на родину съ разбитыми чувствами, проклиная земледѣльческій трудъ и становясь въ ряды демонстрантовъ, заявляющихъ во 1) свое нерасположеніе къ Церкви,—этой высшей школѣ для людей всякаго возраста; во 2) не имѣющихъ уваженія къ патріотическимъ чувствамъ

своихъ отцовъ и дѣдовъ, бывшихъ когда то воиновъ послѣднихъ битвъ, спасавшихъ Россію своею кровію и въ 3) не сохраняющихъ въ священной цѣлости семейныя начала, составляющія основу всякихъ обществъ и государствъ. Церковь, говорятъ они, есть выдумка, которою морочать невѣжественныхъ людей духовныя лица въ собственномъ разсчетѣ на наживу; государство есть жестокое явленіе, не примиримое въ своей основѣ съ гуманнѣйшимъ «новымъ» ученіемъ о непротивленіи злу и, какъ таковое, не стоитъ, чтобы его защищать, не шадя жизни; семья,—это старинная форма объединенія людей на почвѣ узкихъ интересовъ,—непонятная въ наше время, когда всюду слышится рѣчи о равноправности мужчинъ и женщинъ, о свободѣ чувствъ, труда и т. д. Если съ такимъ перерожденіемъ возвращаются дѣти изъ простыхъ и честныхъ христіанскихъ семей, то неудивительно, сколько слезъ, сколько разочарованія и разбитыхъ надеждъ переживаютъ благочестивые ихъ родители, живущіе въ страхѣ Божіемъ, въ житейской мудрости, пріобрѣтенной глубокой вѣрой и собственнымъ опытомъ.

Если невѣріемъ въ разумныя и здравыя начала жизни заражается отецъ семейства или старшій въ родѣ, то слѣдствіемъ того, какъ показываетъ жизнь, скоро является нравственное разложеніе цѣлой семьи съ полнымъ разстройствомъ семейнаго порядка, влекущимъ за собою нищету и преступленія.

Таковъ общій колоритъ жизни простого народа. болѣе или менѣе свидѣтельствующій, что коренное православное населеніе селъ и деревень, бывшее цѣлые вѣка украшеніемъ и гордостію нашего отечества, въ настоящее время сильно поколеблено въ своихъ жизненныхъ основахъ. Въ частности это подтверждается раздробленностію жителей деревни по отношенію къ обществу и семьѣ. Яркой иллюстраціей первой служатъ крестьянскіе сходы, которыми рѣшаются всѣ выдающіеся жизненные вопросы общественнаго характера. Что же мы видимъ на нихъ? Несогласіе, раздоры, выходки самаго возмутительнаго свойства, оскорбляющія религіозное и нравственное чувство, умничаніе выскочекъ изъ молодыхъ, и почти совершенное отчужденіе отъ дѣла noctенныхъ и уважаемыхъ старцевъ; старики совершенно лишаются права голоса, особенно если они къ тому же «изъ отсталыхъ отъ своего вѣка». За отсутствіемъ прав-

ственного критерія, рѣшеніе на сходахъ существенныхъ вопросовъ мѣстной жизни остается во власти завѣдомыхъ негодяевъ. О какой либо упорядоченности сходовъ нечего и говорить, когда вмѣсто ея начинается пріобрѣтать силу принципъ свободнаго отношенія ко всему, что только можетъ дискредитировать человѣческій разумъ. Незамѣтно для самихъ крестьянъ, ихъ «свободный» разумъ, этотъ царь въ головѣ, въ сущности находится въ страшномъ рабствѣ у всевозможныхъ страстей, какія только могутъ свить себѣ гнѣздо какъ въ каждомъ человѣкѣ порознь, такъ и въ цѣломъ обществѣ. Въ данномъ случаѣ страсть къ вину и безобразнымъ приключеніямъ играетъ преобладающую роль надъ всѣми остальными; до чего она способна довести народъ, можетъ свидѣтельствовать слѣдующій фактъ. Въ одномъ селѣ ¹⁾ въ лѣтнее время производилась реставрація церковной живописи ремесленникомъ живописцемъ. Разъ этотъ живописецъ, въ одинъ изъ праздниковъ, проходилъ мимо крестьянскихъ засидокъ, т. е. такого мѣста, гдѣ собираются для проведенія времени крестьяне всего села, всякаго возраста. Порознявшись съ этимъ сборищемъ, живописецъ вызвалъ по своему адресу, безъ всякой видимой причины, нѣсколько колкихъ замѣчаній, перешедшихъ затѣмъ въ цѣлую бурю криковъ и протестовъ по поводу его профессіи «богомаза», которые закончились тѣмъ, что одинъ изъ крестьянъ нѣсколько разъ ударилъ его. «Оставь бить», послышался голосъ изъ толпы, «кто намъ Ілію то будетъ писать» ²⁾.—«Эва, что сказалъ,» закричали остальные, «давай намъ ведро вина, мы и безъ Іліи обойдемся».—Вотъ фактъ, не единственный изъ жизни нашего простого народа. Онъ не могъ даже вызвать надлежащей оппозиціи со стороны кого либо,—даже сельской полиціи, потому что разнузданныхъ и безразсудныхъ изувѣровъ почти въ каждомъ селеніи большинство.

Что «на міру», то же и въ семьѣ. Какъ мало осталось семей мирныхъ, добрыхъ въ христіанскомъ смыслѣ этого слова—и благочестивыхъ. Съ трудомъ можно найти теперь домъ, въ которомъ бы свято соблюдались христіанскія добродѣтели, строго исполнялся бы

¹⁾ Указанный фактъ имѣлъ мѣсто въ селѣ „Борки“, Тверской губ., Корчевскаго уѣзда.

²⁾ Въ храмѣ этого села реставрировался придѣлъ пророка Божія Іліи.

законъ Божій, гдѣ бы дѣти были воспитываемы на началахъ страха Божія и повиновенія взрослымъ. Обычнымъ явленіемъ считаются семейные раздѣлы отца съ дѣтьми, удаленіе матери отъ роли хозяйки, не говоримъ уже о бѣдныхъ и безпомощныхъ старикахъ. Внесеніе «новаго» порядка въ семью признается не только дѣломъ нормальнымъ, но даже признакомъ «образованности». Но тутъ еще половина бѣды. Настоящая гроза разразится во всей своей силѣ, когда на арену жизни семейной и общественной выступятъ современные дѣти, достойные сыны своихъ родителей. Видя, какъ уваженіе къ власти, сосредоточенной въ лицѣ Церкви и Правительства, утрачивается постепенно родителями, дѣти съ малыхъ лѣтъ начинаютъ чувствовать, что задача ихъ жизни: ни отъ кого не зависѣть, ничѣмъ никому не быть обязаннымъ, -- словомъ, знать только себя. Поэтому, даже теперь неудивительно встрѣтить дѣтей и извольничавшихся подростковъ, которые свой разумъ ставятъ больше родительскаго; а «неудавшіеся» мальчики въ городахъ, по возвращеніи ихъ въ деревню, рѣшаются безсмысленно критиковать высшіе вопросы жизни, какъ то—религіи и государства.

Вотъ гдѣ предвѣстники грядущихъ страданій нашего народа; и опасенія на этотъ счетъ, при взглядѣ на нашу современную молодежь деревень и селъ, едва ли кто можетъ назвать неосновательными. Извѣстно всѣмъ, что умъ, сердце, воля и характеръ имѣютъ свое воспитаніе; подражательность при этомъ является главнымъ воспитывающимъ факторомъ. Отсюда, какъ бы по закону отраженія, весь складъ умственной и нравственной жизни воспитателей передается дѣтямъ. Что же добраго останется въ наслѣдіе потомству, если родители живутъ безъ отчета за свои поступки;—если наряду съ грубымъ религіознымъ невѣжествомъ нашихъ деревень и селъ, существуютъ претензіи на такъ называемый прогрессъ, поддерживаемыя въ своихъ цѣляхъ различными дѣятелями земской управы, твердящими только одно: «давайте больше школъ, устраивайте библіотеки и чайныя заведенія, утилизируйте народъ, какъ экономическую и промысловую силу, двигайте къ свѣту народъ», а невѣріе, религіозный индифферентизмъ, какъ главная причина тьмы и невѣжества, игнорируются тѣми и другими. Что добраго можетъ запечатлѣться въ душахъ дѣтей, когда имъ практически не знакома ни одна добро

дѣтель, потому что исторія жизни ихъ родителей не можетъ отмѣтить ни одного хорошаго качества. Мѣры воздѣйствія, напримѣръ: внушеніе, обличеніе, даже наказаніе за преступленія и пороки отцовъ, а иногда и матерей, не вызывая чистосердечнаго раскаянія и исправленія послѣднихъ, еще болѣе свидѣлствуютъ, какъ заглушена ихъ совѣсть. вмѣсто открытой честности и справедливости, народъ «отъ мала до велика» вырабатываетъ въ себѣ и совершенствуетъ искусство оправдываться разными софизмами, облить черное, защитить то, что заслуживаетъ безусловной укоризны,—словомъ, становится «мудрѣйшимъ паче сыновъ свѣта въ родѣ своемъ» (Лк. 16, 8). вмѣсто самоотверженія, безкорыстной службы на пользу Церкви и ближнимъ, преобладаютъ своекорыстіе и алчность, доходящія до вымогательства, когда лѣнныя работники требуютъ болѣе за трудъ, чѣмъ бы слѣдовало, представляя разные вымышленные доводы. вмѣсто уступчивости, стыдливости и скромности всюду замѣчаются настойчивая требовательность, страшное безстыдство, безсердечіе и высокомеріе.

Все это нѣсколько существовало, конечно, и раньше, но оно въ то же время было явленіемъ, заслуживавшимъ немедленнаго осужденія въ собственной же сферѣ. Теперь такіе пороки носятъ характеръ эпидеміи. Самъ народъ, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, выясняя причины глубокаго упадка нравственности, даетъ должную оцѣнку вышеуказанному «прогрессу...» «Прогрессъ»—слово, и въ деревнѣ теперь заставляющее волноваться пытливые, но неокрышіе умы. Такіе научные термины, какъ: борьба за право, борьба за существованіе,—за свободу и независимость,—человѣкъ—соціальная единица и т. п.—не рѣдко встрѣтить въ деревняхъ и селахъ, особенно промышленныхъ губерній Россіи.

Для большей характеристики сказаннаго можно было бы привести цѣлый рядъ преступленій въ простомъ народѣ, поразительныхъ по своимъ неслыханнымъ качествамъ: хлоднокрровію, разсудительности, безстыдству даже малолѣтнихъ преступниковъ, или же «страдалцевъ за идею,» но это цѣлая область, которую вѣдаетъ наша отечественная криминалистика. Самый фактъ преступленій уже не столь важенъ, какъ важны его причины и происхожденіе... Сдѣлавъ общій очеркъ того, каковы результаты взаимоотношенія простого

народа и невѣрующаго элемента интеллигенціи, перейдемъ къ заключенію.

Было бы неправдой признать нравственную испорченность народа фактомъ, не поддающимся исправленію, и безнадежно предоставить народъ собственной гибели; точно также нѣтъ основанія закрывать глаза отъ дѣйствительности жизни и думать, что она таковою должна быть и что, слѣдовательно, въ ней нѣтъ ничего дурного. Отношеніе къ вопросу о религіозности и нравственности въ жизни какъ интеллигенціи, такъ и простого народа, должно имѣть характеръ воодушевленной и единоклюнной борьбы за имя Христова. Слова Апостола, что «весь міръ во злѣ лежитъ» (Іоан. V, 19), правда, служатъ вѣрнымъ опредѣленіемъ того, что печальное положеніе всякаго общества является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ мірового зла, но они имѣютъ вмѣстѣ съ тѣмъ условное значеніе. Призывая людей къ Себѣ, Господь общается вѣрующимъ въ Него благодатное, тѣсное общеніе съ Нимъ (Іоанн. 14, 15, 21, 23) и жизнь вѣчную» (Іоанн. 3, 36). Слѣдовательно, въ вѣрѣ заключается сила обѣщанія Божія и возможность исполненія его, такъ какъ вѣренъ «Обѣщавшій» (Евр. 10, 23). Только для того, чтобы сдѣлаться истиннымъ наслѣдникомъ обѣщанныхъ благъ, необходимо имѣть постоянную работу надъ самимъ собою, надо быть самоотверженнымъ борцомъ за Христа и Его ученіе. «Царствіе Божіе нудится», говоритъ Онъ, «и только нуждницы восхищаютъ е» (Мѣ. 11, 12). Не думайте, что Я пришелъ принести миръ на землю, не миръ пришелъ Я принести, но мечъ» (Мѣ. 16, 34). «Огонь пришелъ Я низвести на землю и какъ бы желалъ, чтобы онъ скорѣе возгорѣлся» (Лк. 12, 49). Вотъ основаніе для борьбы истиннаго христіанина съ внутренними и внѣшними врагами вѣры.

Къ этой борьбѣ должны побуждать насъ и другіе мотивы, между которыми первое мѣсто занимаетъ сознаніе нашей отвѣтственности предъ Богомъ, какъ за самихъ себя, такъ и за грядущее поколѣніе. Всѣ мы—наслѣдіе пережитаго, хорошее и дурное въ насъ суть отраженія истекшихъ лѣтъ; поэтому и слѣдующіе за нами потомки, въ большей или меньшей степени, будутъ похожи на насъ. Нечестіе и невѣріе отцовъ и матерей, живущихъ «по стихіямъ вѣка

сего» (Колос. 2, 8), жестоко отразится на дѣтяхъ ихъ. «Азъ бо есмь Господь Богъ твой, Богъ ревнитель, отдавая грѣху отецъ на чада до третьяго и четвертаго рода ненавидящимъ Мене» (Исх. 20, 5), говорится въ словѣ Божіемъ. Вотъ гдѣ нравственное объясненіе вопроса о наслѣдственности, вопреки увѣренію біологовъ въ исключительно только физическихъ и интеллектуальныхъ свойствахъ человѣка.

Руководящимъ началомъ на жизненномъ пути для всякаго христіанина должны быть Евангельскіе идеалы, какъ они переданы намъ боговдохновенными писателями (Мѡ. 5, 48, 22, 36—40). Здѣсь нѣтъ нужды въ какомъ либо перетолкованіи: то уже будетъ человѣческое изобрѣтеніе, само нуждающееся въ провѣркѣ и обоснованности. Между тѣмъ въ Евангеліи сказано просто и понятно, что исполненіе заповѣдей Спасителя должно быть прежде всего. Что Мѡ завоете: Господи, Господи, и не творите, яже глаголю» (Лук. 6, 46). И у Апостола сказано, что «Царство Божіе не въ словеси, а въ силѣ» (1 Кор. 4, 20). Враждующая часть естествовѣдовъ, которымъ слѣдовало бы, благодаря наукѣ, еще болѣе убѣждаться въ премудрости Творца и Вседержителя (Рим. 1, 20), тщетно силится стереть съ лица земли вѣру, этотъ «первобытный предразсудокъ,» и Церковь, хранительницу ея. «Но защита вѣры не сокрушима, если бы для того, чтобы поколебать ее, возстали всѣ силы ада» (Мѡ. 16, 18).

Что касается вопроса объ объединеніи интеллигенціи съ народомъ, то мы приходимъ къ увѣренности, что внѣ христіанскаго здравомыслія, когда, по Апостолу, человѣкъ можетъ сказать: «я имѣю умъ Христовъ» (1 Кор. 2, 16), не можетъ быть и рѣчи объ единеніи. Такимъ образомъ самый характеръ вопроса, его важность показываютъ, что осуществленіе его не въ силахъ людей. Однако, что невозможно для человѣка, возможно для Бога (Матѡ. 19, 26). Необходимо только имѣть сильную Евангельскую вѣру, воплощать ее въ жизни, и, какъ первые столпы Церкви: апостолы, мученики, исповѣдники, исповѣдывать, что «истинная побѣда», которой не можетъ противостоять цѣлый міръ, «вѣра наша» (I. Іоан. 5, 4).

Свящ. Василій Бажановъ.

О литературной проповѣди священника о. Григорія Петрова.

(По поводу книги «Зерна добра»).

„Внемли себѣ и ученію“ (1 Тим. 4,16).

„Церковь Бога Жива столпъ и утвержденье истины“ (1 Тим. 3,15).

Недавно въ Москвѣ вышло уже 2-мъ изданіемъ сочиненіе священника Г. Петрова: «Зерна добра». За послѣднее время и въ духовной, и свѣтской литературѣ плодятся и множатся самыя разнообразныя, иногда *ad contrarium* различныя сужденія о проповѣднической дѣятельности о. Петрова, вслѣдствіе чего современное общество колеблется сѣмо и овамо въ своихъ мысляхъ о «петербургскомъ проповѣдникѣ», а потому необходимо въ сужденіяхъ объ о. Петровѣ стать на почву болѣе или менѣе твердую, устойчивую, во всякомъ случаѣ менѣе шаткую и эластичную, чѣмъ всѣ эти поверхностныя «мнѣнія», «сужденія» или «впечатлѣнія» отъ бесѣдъ о. Петрова, сужденія не всегда продуманныя и безпристрастныя... Такой почвой для спокойныхъ, зрѣлыхъ и безпристрастныхъ сужденій объ о. Петровѣ можетъ служить обстоятельный, безпристрастный критическій разборъ его литературныхъ произведеній, а также печатанныхъ проповѣдей. Впечатлѣніе отъ устной проповѣди не такъ доступно всеобщей и строгой провѣркѣ, какъ отъ проповѣди напечатанной. Поэтому займемся въ настоящія минуты разборомъ одного изъ печатныхъ произведеній о. Петрова, его книги: «Зерна добра».

Необходимо прежде всего условиться о критеріи, о масштабѣ или первоисточной основѣ для критическихъ сужденій о литературныхъ произведеніяхъ священника Петрова. Но не ясно ли напередъ для всякаго лица, гдѣ именно заключается такой авторитетный критерій, признать который согласились бы всѣ сколько-либо непредубѣжден-

ные читатели сочиненій «столичнаго проповѣдника»? Этотъ критерій заключается въ нашемъ православіи, въ томъ православномъ духѣ и характерѣ, какимъ проникнуты проповѣди и всё вообще богословскія произведенія нашихъ знаменитыхъ старинныхъ и современныхъ церковныхъ писателей, въ тѣхъ требованіяхъ, какія предъявляетъ православная Церковь къ православному проповѣдничеству. Такъ должно быть и иначе не можетъ быть. Высказывать сужденія о нашихъ проповѣдникахъ и церковныхъ писателяхъ мы должны только съ православной точки зрѣнія. Всякій другой принципъ былъ бы измѣною предъ нашимъ православіемъ и предъ нашею Церковью! Пусть одни либеральные «почитатели» о. Петрова, симпатизирующие протестантству, выскажутъ о Петровѣ одно, а другіе склонные къ богословскому рационализму—другое, третьи—восхищающіеся неумѣренною «приспособляемостью» американскихъ проповѣдниковъ, едва не устроющихъ... буфеты въ своихъ киркахъ,—третье сужденіе,—мы, если только для насъ православіе не пустой звукъ, если тысячелѣтніе труды и подвиги нашихъ православныхъ святителей богослововъ и проповѣдниковъ еще дороги намъ, должны твердо держаться православной точки зрѣнія въ нашихъ сужденіяхъ объ о. Петровѣ, чтобы не запутаться въ хаосѣ вышеуказанныхъ и другихъ подобныхъ кривотолковъ о пререкаемомъ «проповѣдникѣ»...

Теперь обратимся къ вышеупомянутому «Зернамъ добра». Данная книжка представляетъ собою сборникъ небольшихъ, иногда вовсе не связанныхъ между собою, бесѣдъ о. Петрова на самыя разнообразныя темы. Тутъ мы найдемъ статью или бесѣду, (какъ хотите), о внимательномъ отношеніи къ голосу своей совѣсти ¹⁾, о томъ, что дѣти не должны обижать птичекъ ²⁾, о скудости нравственнаго содержанія въ жизни современныхъ людей ³⁾; тутъ же помѣщена (пересказомъ съ французскаго) повѣсть изъ древнеегипетской жизни, какъ царь Менефта собирался было вести бесполезную кровопролитную войну и какъ иѣкій Гикосъ отговорилъ повелителя отъ сего

¹⁾ 20—34 стр.

²⁾ 37—40 и др.

³⁾ 62—73.

шага ¹⁾); встрѣчаются почти рядомъ бесѣды о борьбѣ съ песками), объ охраненіи и разведеніи лѣсовъ ²⁾), а нѣсколько спустя идутъ двѣ или три бесѣды уже о достойномъ приуготовленіи къ подвигамъ св. четыредесятницы ³⁾), гдѣ внушается борьба съ соблазнами масленничнаго разгула.

Борьба съ «песками» и борьба... съ соблазномъ масленицы, бережное отношеніе къ лѣсамъ и... внимательное отношеніе къ голосу своей совѣсти!.. Не правда ли, какая своеобразная «последовательность» бесѣдъ, какой «калейдоскопическій» подборъ темъ?! Ужели нельзя было относительно лѣсовъ и песковъ написать особую, хотя бы и маленькую, брошюрку? Зачѣмъ все валить въ одну кучу и что, собственно, хочетъ показать этимъ и чего достигнуть «священникъ» Петровъ?! Поступать такъ значило бы унижать и предметъ проповѣди и свое проповѣдническое достоинство.

Надобно говорить о чемъ-нибудь одномъ, или о лѣсахъ и птицахъ, или о борьбѣ съ своими грѣховными наклонностями. Нельзя служить двумъ господамъ... Иначе читатель, вслѣдствіе «различія темъ», обратитъ свое вниманіе на что-либо одно, позабывъ другое, задумается о лѣсахъ и пропуститъ мимо ушей увѣщанія о пользѣ говѣнія или наоборотъ.

Значитъ, уже съ чисто формальной проповѣднической точки зрѣнія вышеуказанное смѣшеніе темъ въ «Зернахъ добра» не можетъ быть одобрено; разъ нѣтъ единства темы,—вниманіе слушателей естественно разсѣивается, перебѣгаетъ съ одного предмета на другой, не останавливаясь серьезно ни на какомъ предметѣ въ отдѣльности.

Если теперь относительно вышеозначеннаго «смѣшенія темъ» судить съ православной точки зрѣнія, то оно еще больше заслуживаетъ порицанія. Православная Церковь всегда требовала, чтобы проповѣдники въ своихъ бесѣдахъ разсуждали о священныхъ и вообще религиозныхъ предметахъ съ надлежащимъ благоговѣніемъ, отнюдь не включая въ свою проповѣдь какихъ-либо земныхъ, житейскихъ узко-

¹⁾ 81—88.

²⁾ 42—45.

³⁾ 45—50.

⁴⁾ 131—136 и др.

практическихъ понятій и соображеній. Вотъ какъ прекрасно поясняетъ эту мысль приснопамятный учитель нашихъ проповѣдниковъ о. протоіерей Фаворовъ. «Въ Словѣ Божіемъ все свято, потому что все устремлено отъ земного, грѣховнаго и чувственнаго къ духовному, небесному и божественному и все туда устремить желаетъ. Не то значать слова сіи, будто бы проповѣдникъ долженъ говорить объ однихъ духовныхъ предметахъ, не касаясь предметовъ нашей земной жизни. Боговдохновенные писатели и св. отцы Церкви въ твореніяхъ своихъ нисходятъ до самыхъ обычныхъ мелочей жизни, но чрезъ это не только не удаляютъ нашей мысли отъ Бога, а напротивъ, всегда поддерживаютъ ее на высотѣ христіанскаго богомыслія. Таково же должно быть и слово проповѣдническое».

Между тѣмъ, разсматриваемая книга о. Петрова уже самымъ разнообразіемъ своихъ бесѣдъ, точнѣе «смѣшеніемъ темъ», много вредитъ цѣлостности назидательнаго впечатлѣнія отъ ея страницъ. Въ самомъ дѣлѣ беремъ типъ обычнаго, зауряднаго читателя нашей назидательной и, вообще, духовной литературы, простолюдина, купца, наконецъ, полуинтеллигента, людей не всегда имѣющихъ «чувствія обучена». Скажите, много ли добра получаютъ они отъ этой книги?!.. Читаютъ бесѣду о пользѣ говѣнія въ Вел. постъ, о пользѣ воздержанія на масленицу и тутъ же читаютъ бесѣду о пользѣ... разведенія лѣсовъ, о борьбѣ... думается... съ страстями, иѣтъ не угадали—съ песками!.. Невольно получается впечатлѣніе, что и борьбу съ страстями авторъ цѣнить не выше борьбы съ песками, если о томъ и другомъ говорить почти на однихъ страницахъ... Вѣдь и Господь нашъ І. Христосъ могъ бы поучать, напр., своихъ апостоловъ о наилучшихъ способахъ рыбной ловли, могъ бы сказать о способахъ наилучшей культуры лилій и другихъ цвѣтовъ, но мы нигдѣ въ Евангеліи не отыщемъ въ рѣчахъ Христа ни единого слова, сказаннаго съ узко-практическою, житейскою цѣлью,—лиліи и рыбная ловля въ Его рѣчахъ были лишь символомъ для уясненія высшихъ духовныхъ предметовъ или богооткровенныхъ истинъ.

Далѣе, отличительная черта едва ли не всѣхъ устныхъ бесѣдъ и печатныхъ произведеній о. Петрова заключается въ приточномъ или аналогическомъ способѣ изложенія истинъ. Священникъ Петровъ обычно беретъ какое-либо самое обыденное мелочное явленіе изъ на

шей будничной жизни и при помощи его, какъ бы пользуясь притчею, выясняетъ ту или иную истину.

Прежде, чѣмъ говорить о томъ, насколько удобоприложимъ въ проповѣдничествѣ приточный способъ изложенія истинъ, сдѣлаемъ маленькое замѣчаніе касательно самаго содержанія тѣхъ сравненій и аналогій, которыми такъ пестрятъ страницы произведеній священника Петрова. Нельзя не сознаться, что аналогіи о. Петрова не всегда соответствуютъ своимъ достоинствомъ высотѣ изъясняемыхъ при помощи ихъ истинъ. О. Петровъ позволяетъ себѣ такіа аналогіи и отступленія въ область житейской прозы, какія прямо оскорбляютъ благочестивое чувство и не умѣстны при разсужденіи о священныхъ предметахъ.

Вотъ примѣры. Въ бесѣдѣ о нравственномъ прогрессѣ, рассказывая о пирушкѣ, бывшей при освященіи одного завода военныхъ издѣлій, о. Петровъ подробно знакомитъ читателей съ тостомъ, произнесеннымъ однимъ полковникомъ ¹⁾... Зачѣмъ, спрашивается, распространяться про завтраки, подниманія бокаловъ, тосты и проч. въ статьѣ, трактующей о живоносной силѣ евангельскаго ученія? Или вотъ фраза о. Петрова: «І. Христосъ Своимъ словомъ, какъ сказочно живою водою, пытался оживить омертвѣлую душу еврейскъ ²⁾».

Въ статьѣ: «Совѣсть заговорила» о. Петровъ говорить про «выгребныя ямы», которыя въ городахъ стараются укупорить плотнѣе, укрыть, ибо отъ нихъ идетъ зараза, убивающая воздухъ. «Точно также и мы, говоритъ о. Петровъ, до такой степени полны всякими сквернами, что ходимъ среди людей, какъ живыя отбросныя ямы (sic). Надо и намъ лучше чистить себя, обеззараживать» (143 стр.). Въ статьѣ: «Масленица» разсказывается о томъ, какъ баба «тетка Ефимья» ворчала и плюнула на землю, узнавъ, что такая-то свадьба справляется безъ попойки и какъ по этому же поводу «мужики почесали въ затылкахъ» (стр. 124). Изъясняя необходимость самоотверженной любви къ ближнему, о. Петровъ подробно разсказываетъ о томъ, какъ покойный В. С. Соловьевъ далъ извозчику за проѣздъ 1 рубль вмѣсто 75 копѣекъ, запрошенныхъ извоз-

¹⁾ 9 стр.

²⁾ 54 стр.

чикомъ ¹⁾. Ужели въ Евангеліи и Четвыиныхъ не нашлось лучшаго разсказа, чѣмъ сообщеніе о. Петрова о ворчаніи «тетки Ефимьи» или о торгѣ Соловьева съ извозчикомъ! Ясное дѣло, при уясненіи священныхъ истинъ путемъ аналогій изъ обыденной жизни надобно тщательно наблюдать, чтобы эти аналогіи не были слишкомъ тривіальны, чрезъ что унижается и оскорбляется изъясняемая истина.

Теперь, будемъ обсуждать приточный, аналогическій методъ о. Петрова уже съ чисто принципиальной стороны. Насколько умѣстенъ и приложимъ данный методъ въ проповѣдничествѣ и вообще при изъясненіи истинъ вѣры? Притча, аналогія, сравненіе, уподобленіе, аллегорія и т. п. съ одной стороны помогаютъ уясненію истины, съ другой нѣсколько и затемняютъ ее, скрываютъ подъ своей оболочкой. Правда, Господь Іисусъ Христосъ любилъ поучать еврейскій народъ притчами, но Онъ же говорилъ ученикамъ, что приточная форма Его проповѣдей имѣетъ своею причиною духовное огрубѣніе Его слушателей и, такъ какъ притча не только раскрывается, но и скрываетъ истину, то такая приточная прикровенность рѣчей обѣтованнаго Мессіи богоизбранному народу есть въ нѣкоторой степени не только цѣлительное врачевство для евреевъ, но и наказаніе имъ за ихъ нравственные пороки. (Мѡ. 13, 10—15). Поэтому ученикамъ наединѣ І. Христосъ объяснялъ внутренній смыслъ Своихъ притчей (Марк. 4, 33—34), заботясь, очевидно, о томъ, чтобы внѣшняя приточная оболочка не заслоняла предъ ихъ духовнымъ взоромъ своею конкретностью небесныя возвышенныя истины евангельскаго ученія. А прощальная бесѣда, сказанная Спасителемъ своимъ апостоламъ, когда они значительно возрасли и усовершенлись въ познаніи тайнъ Царствія Божія?.. Въ ней мы почти не замѣчаемъ и тончайшихъ приточныхъ облачныхъ покрововъ, (это высказали Христу и сами апостолы (Іоан. 16, 29), вся эта бесѣда является свѣтозарнымъ сіяніемъ истины Христовой, подобно сіянію солнца въ безоблачный лѣтній полдень...

Значить, въ Евангеліи мы имѣемъ достаточно основаній какъ для употребленія приточнаго метода, такъ и для ограниченія его.

Вотъ почему въ посланіяхъ апостольскихъ приточный способъ

¹⁾ 180—181 стр.

встрѣчается еще рѣже, чѣмъ въ Евангеліи. Это и понятно. Христосъ, насаждая первая стѣмена христіанства, имѣлъ предъ Собою въ качествѣ слушателей или невѣжественныхъ галилейскихъ поселянъ или испорченныхъ узкимъ законническимъ буквализмомъ книжниковъ и фарисеевъ. Ни первые, ни вторые (часто стремившіеся вмѣсто познанія истины «уловить нѣчто отъ устъ» Христа), были неспособны къ воспріятію истины безъ всякихъ покрововъ, подобно тому, какъ люди, больные глазами, не могутъ смотрѣть на солнце безъ дымчатыхъ очковъ.

Іоаннъ Предтеча и Христосъ подготовили почву для апостольской проповѣди и вотъ апостолы уже гораздо рѣже пользуются притчей, чѣмъ І. Христосъ, слѣдуя, безъ сомнѣнія, внушенію Самого Божественнаго Учителя объ условномъ значеніи приточной формы въ дѣлѣ проповѣди.

Отъ временъ древнихъ перейдемъ къ позднѣйшимъ. Наши отечественные выдающіеся проповѣдники—Иннокентій и Дмитрій Херсонскіе, м. Филаретъ Московскій и Амвросій Харьковскій довольно рѣдко позволяютъ себѣ въ проповѣдяхъ аналогіи и сравненія, усердно заботясь о сжатости послѣднихъ.

Почему же о. Петровъ такъ обильно и *sit venia verbo* неумѣренно наполняетъ свои статьи и бесѣды аналогіями?!.. На этотъ вопросъ «почитатели» о. Петрова дають двоякій отвѣтъ. Одни изъ нихъ говорятъ: «въ наше время люди, подъ влияніемъ нравственной испорченности, готовы симпатизировать не столько христіанству, сколько язычеству, народъ нашъ огрубѣлъ не меньше галилейскихъ поселянъ, интеллигенція развратилась не меньше книжниковъ и фарисеевъ, (только на изнанку),—вотъ и надобно ее поучать притчами. Что сказать на это?—Конечно, мы не будемъ отрицать со временную нравственную испорченность, но, позвольте, ужели современные люди, пусть нравственно испорченные, понимаютъ Христа и Его ученіе такъ же мало, какъ современные Христу галилеяне и іерусалимскіе книжники?.. Ужели они такъ таки ровно ничего не знаютъ изъ евангельскаго ученія и надо начинать съ азовъ? Если евангельскіе идеалы еще далеко не усвоены современными людьми нравственно, то, во всякомъ случаѣ, эти идеалы сильно или слабо, такъ или иначе, сознательно или смутно, но, несомнѣнно, проникли,

по крайней мѣрѣ въ міросозерцаніи ~~современнаго~~ общества. Пусть защитники о. Петрова назовутъ это разсужденіе натяжкой или идеализаціей, во всякомъ случаѣ никто не согласится съ ними поставить современное общество на одну доску съ галилеянами или фарисеями въ разсужденіи способности къ усвоенію евангельскихъ истинъ; несомнѣнно, наше общество, интеллигенція или простолюдины, гораздо болѣе, чѣмъ слушатели Христа, подготовлены къ усвоенію евангельскихъ истинъ. І. Христосъ, какъ Господь Силь, совершилъ одному Ему поденное дѣло насажденія христіанства. Послѣ Христа дѣло проповѣди значительно облегчилось, а въ наше время тѣмъ болѣе. Посему теперь даже удобнѣе и м. б. было бы лучше предлагать людямъ евангельскія истины по возможности безъ покрововъ и притчъ. Вѣдь наши знаменитые Дмитріи, Иннокентіи, Амвросіи ничего не теряли отъ такого метода проповѣдничества... Во всякомъ случаѣ на основаніи Евангелія можно не столько защищать, сколько порицать усиленное употребленіе о. Петровымъ аналогій въ его проповѣдяхъ.

Защитники о. Петрова говорятъ еще и слѣдующее: «многочисленные образы и сравненія о. Петровъ употребляетъ для того, чтобы заинтересовать, привлечь вниманіе своихъ слушателей». Но вотъ въ чемъ вопросъ: хороша ли и одобрительна ли съ нравственной точки зрѣнія такая услуга христіанскому проповѣдничеству или пастырству? Для какой цѣли у насъ существуетъ театръ и беллетристика? Для обличенія нравственныхъ недостатковъ нашего общества и для возбужденія въ немъ идеальныхъ стремленій. Такъ, по крайней мѣрѣ, должно быть. Для чего же въ театрѣ и беллетристикѣ истина почти не высказывается прямо, а всегда облекается въ форму? Для того, чтобы заинтересовать, привлечь вниманіе общества. Чѣмъ же больше люди интересуются въ театрѣ и беллетристикѣ, формой или идеей? Увы, въ большинствѣ случаевъ формой, форма въ нашей изящной литературѣ и сценическомъ искусствѣ вообще какъ-то тяготеетъ, преобладаетъ надъ идеей, надъ внутреннимъ содержаніемъ... Да и пишутся такіе романы и пьесы въ цѣляхъ не всегда и, м. б., мѣнѣе всего назидательныхъ. Отсюда нелегко рѣшить вопросъ, полезна или вредна беллетристика, назидательно или грѣховно чтеніе беллетристическихъ произведеній? М. Филаретъ стоялъ за послѣднее рѣ-

шеніе вопроса, именуя романы «повѣстями страстей» и говоря о чтеніи ихъ такъ: «не касайся огня—обожжешься, не касайся смолы—очернишься.» Въ этихъ словахъ м. Филарета надобно видѣть не ригоризмъ или аскетическую односторонность мысли, а просто глубокое прозрѣніе въ нѣдра той почвы, на которой произрастають наша беллетристика и театръ. Беллетристика и сценическое искусство суть плоды обычной, будничной, не озаренной благодатію, человеческой жизни. А такая жизнь есть смѣсь добра и зла. Этого мутный, нравственно не безупречный отпечатокъ нашей естественной, не проникнутой всецѣло благодатію жизни, часто отражается какъ въ театрѣ, такъ и беллетристикѣ преобладаніемъ формы надъ идеей, средства надъ цѣлю. Артисты и романисты возбуждаютъ вниманіе зрителей и читателей не ради какихъ-либо назидательныхъ цѣлей, а часто ради самаго вниманія, разжигаютъ страсти, ищутъ популярности въ публикѣ и т. д. Вотъ печальные плоды преобладанія идеи надъ формой. Теперь, если, по увѣренію «почитателей», обильное употребленіе о. Петровымъ аналогій и сръзвеній имѣетъ цѣлю заинтересовать и привлечь вниманіе слушателей, то къ чему такой окольный, далекій путь, это «прехожденіе моря и суши?» Развѣ само по себѣ, безъ аналогій и образовъ, христіанское ученіе не можетъ заинтересовать людей? Неужели у о. Петрова не достигнеть таланта сдѣлать интереснымъ изъясненіе евангельскаго идеала безъ посторонней помощи всякихъ аналогій и образовъ?—Изъ всего нами сказаннаго ясно, что мы, если угодно, въ принципѣ вовсе не противъ аналогій и уподобленій въ бесѣдахъ и проповѣдяхъ. Но если эти аналогіи бывають тривіальны или уже слишкомъ обильно наполняютъ рѣчь проповѣдника въ ущербъ свѣту изъясняемой истины, такъ что заинтересованный слушатель не понимаетъ ясно, чѣмъ, собственно, онъ интересовался,—аналогіей или идеей, то, извините, получается что то похожее скорѣе на беллетристику, газетный фельетонъ, а не на проповѣдь... Во всякомъ случаѣ, мало радости, если проповѣдь близка къ беллетристичѣ...

Теперь перейдемъ къ внутреннему содержанію «Зеренъ добра.» Книжка, какъ сказано выше, представляетъ рядъ статей, почти ничѣмъ между собою не связанныхъ. Поэтому и мы, не касаясь всѣхъ статей, будемъ разсматривать тѣ статьи, которыя особенно способны породить

какія либо недоумѣнія. Возьмемъ первую статью, озаглавленную: «Ростъ добра.» Въ общемъ она немножко туманна. Понять мысль статьи сразу нелегко, но, судя по заглавію и содержанію, можно думать, что авторъ хочетъ доказать реальность нравственнаго прогресса въ человѣчествѣ. Въ статьѣ много чего-то недосказаннаго, о чемъ приходится дѣлать догадки. О. Петровъ говоритъ о первенствующей христіанской Церкви слѣдующее: «Переносясь мыслию къ первымъ днямъ и первымъ вѣкамъ христіанства, мы видимъ тамъ свѣтлые образы апостоловъ, сонмъ мучениковъ, ряды подвижниковъ и великихъ отцовъ и учителей Церкви, и мы глубоко скорбимъ объ отсутствіи ихъ среди насъ, забывая, что и апостолы и ихъ великіе преемники были лишь отдѣльными, ярко озаренными свѣтомъ Христовымъ, вершины среди удручающаго нравственнаго мрака, который давилъ человѣчество ¹⁾. Очевидно, въ этихъ словахъ о. Петровъ хочетъ выразить ту мысль, что нравственное состояніе первенствующей Церкви было въ сущности не высоко—и въ ней царилъ... удручающій нравственный мракъ, на темномъ фонѣ котораго сіяли благодатнымъ свѣтомъ лишь отдѣльныя личности,—св. апостолы, мученики и проч. Такъ именно понимать мысль Петрова даетъ намъ право контекстъ рѣчи, ибо выше и ниже данной цитаты говорится объ исторической перспективѣ и ея обманчивости. Значить, по о. Петрову, мы обманываемся, восхищаясь высотой нравственной жизни первенствующихъ христіанъ, перспектива же скрываетъ отъ насъ темный фонъ, усиливая впечатлѣніе отъ отдѣльныхъ святыхъ личностей. Но вотъ достовѣрный историкъ той эпохи, св. дѣеписатель Лука. Ужели и онъ ошибается, свидѣтельствуя, что у мно ж е с т в а в ѣ р у ю щ и хъ было одно сердце и одна душа» (Дѣян. 4, 32)? Значить, мысль о. Петрова не обоснована на серьезномъ и прочномъ аргументѣ.

Однако будемъ слѣдить дальше за теченіемъ мыслей «петербургскаго проповѣдника». Высказавъ вышеприведенное свое сужденіе о первенствующихъ христіанахъ, о. Петровъ хочетъ доказать фактически реальность нравственнаго прогресса въ человѣчествѣ, ссылаясь на отмѣну гладиаторскихъ состязаній, отмѣну рабства, смягченіе войны, изобрѣтеніе

¹⁾. 4.

микроскопа, возникновение бактериологии и проч., ¹⁾). Итакъ, выходитъ, что мы въ нравственномъ отношеніи не только не отстали, а даже какъ будто далеко ушли впередъ отъ первенствующей Церкви, а если и кажется намъ иное, то виновата во всемъ «историческая» перспектива.

По поводу этого скажемъ слѣдующее. Историческая перспектива сама по себѣ есть весьма условный и эластичный масштабъ въ оцѣнкѣ внутреннего значенія тѣхъ или иныхъ историческихъ событій, особенно, когда она противорѣчитъ достовѣрнымъ историческимъ свидѣтельствамъ современниковъ этихъ событій. А между тѣмъ о. Петровъ, измѣряя нравственность первенствующей Церкви своимъ субъективнымъ масштабомъ, ссылкой на историческую перспективу, позволяетъ себѣ пройти молчаніемъ свидѣтельство св. Луки въ Дѣян. 4, 32. Едва ли это похвально...

Теперь предъ нами еще болѣе серьезный и важный вопросъ, зачѣмъ именно о. Петрову понадобилось съ такими усиліями и потугами доказывать реальность нравственного прогресса, убѣждать читателей въ томъ, что мы будто-бы уже весьма далеко ушли впередъ отъ первенствующей Церкви? Какая цѣль у о. Петрова? Можетъ быть, онъ этимъ путемъ хочетъ ободрить своихъ читателей, поднять ихъ нравственную энергію, пробудить отъ «духовной спячки и проч». Но ему вѣдомо, да и всѣмъ пастырямъ правосл. Церкви, что нравственное пробужденіе грѣшника начинается какъ разъ съ обратнаго, съ познанія своей грѣховности, своего разлада съ идеаломъ... Вспомните блуднаго сына, ап. Петра, Марію Египетскую и другихъ. Геніальнѣйшіе психологи и цѣлители душъ человѣческихъ, св. подвижники, пастыри Церкви, (св. І. Златоустъ и др.), въ своихъ пастырскихъ посланіяхъ, письмахъ и проповѣдяхъ старались воздѣйствовать на совѣсть грѣшника указаніемъ ся нравственныхъ язвъ, а также и цѣлебныхъ средствъ къ устраненію этихъ язвъ. Вотъ наилучшій путь проповѣдничества! Едва ли полезно проповѣдывать, хотя-бы и теперь, что у насъ въ нравственномъ отношеніи все обстоитъ благополучно. Еще въ ветхомъ заветѣ, предостерегая евреевъ отъ увлеченія лъстивыми рѣчами ложныхъ пророковъ, Господь гово-

¹⁾. 3—12.

рилъ: Людіе мои! блажащіе вы лѣстятъ вы (Исаи, 3, 12). Или вспомнимъ слова св. ап. Павла: «Когда будутъ говорить: миръ и безопасность, тогда внезапно постигнетъ ихъ пагуба» (1 Тим. 5, 3)...

Реальность нравственнаго прогресса въ человѣчествѣ съ внѣшней фактической стороны можно съ одинаковымъ правомъ какъ доказывать, такъ и оспаривать. Вѣдь внѣшняя мѣрка очень условна. О. Петрову вѣдомо, что Царствіе Божіе должно заключаться внутри насъ, въ обновленіи нашихъ сердець. Мы отбѣнили рабство, мы теперь уже не допускаемъ гладиаторскихъ ристалищъ и проч., но, можетъ быть, этотъ внѣшній прогрессъ есть только листіе смоковное нашего глубокаго внутренняго разврата!.. Блажащіе вы лѣстятъ вы! Спаситель сказалъ апостоламъ: „Не ваше дѣло знать времена или сроки, которые Отецъ положилъ въ Своей власти“. (Дѣян. 1, 7). Подъ „знаніемъ временъ“ здѣсь разумѣется не только цифровое, хронологическое измѣреніе событій, но ихъ нравственная оцѣнка, прозрѣніе въ глубину ихъ внутренняго содержанія, каковое прозрѣніе во всей полнотѣ принадлежитъ лишь Отцу Небесному...

Правда, нравственный прогрессъ, (конечно не наружный только, но и духовный), существуетъ въ Церкви Христовой. Вспомнимъ неоднократно встрѣчаемые у ап. Павла слова о Церкви «возрастающей» въ Господѣ. Но почему въ статьѣ о. Петрова: „Ростъ добра“ нѣтъ даже и самаго слова Церковь? Почему онъ не выяснилъ читателю, что даже факты внѣшняго прогресса, отбѣна гладиаторскихъ боевъ, рабства и проч., обязаны своимъ возникновеніемъ благотному вліянію Церкви же и только ей одной?! Церковь, ея пастыри и учителя, благодать таинствъ, вотъ могучіе факторы нравственнаго прогресса. О. Петровъ, однако, не счелъ нужнымъ проронить даже единого слова объ этихъ факторахъ. Онъ предпочелъ просто-на-просто, какъ въ панорамахъ, развертывать читателю искусно подобранные имъ факты внѣшняго прогресса, умалчивая о сверхъ-естественныхъ, благотныхъ вліяніяхъ церковныхъ, лежащихъ въ основѣ этихъ фактовъ... Выходитъ, какъ будто въ этомъ нравственномъ прогрессѣ Церковь ни при чемъ, какъ будто этотъ прогрессъ точно по какой-то непреодолимой инерціи совершается самъ собой... Но, позвольте, вѣдь и германскіе пантеисты говорятъ о нравственномъ прогрессѣ почти въ такомъ же

смыслѣ... Надобно, чтобы слово о. Петрова по возможности отличалось отъ тезисовъ германскихъ философовъ.

Статья заканчивается такими словами: «Царство Божіе близъ насъ. Пути къ нему проложены. Дорога вѣдома. Пойдемъ къ нему и, если можемъ, поведемъ другихъ». Вотъ и все! Почему о. Петровъ не счелъ нужнымъ разъяснить здѣсь ¹⁾ (хотя-бы въ послѣднихъ строкахъ) читателю, что эти „пути“, эта „дорога“ къ Царствію небесному заключаются въ Церкви Христовой. Почему онъ не выразился прямо?! Къ чему загадочность и скрытность въ такихъ важныхъ вещахъ? Вспомнимъ слова Христа: „что говорю вамъ на ухо, говорите на кровляхъ“. Почему о. Петровъ не возглашаетъ открыто ученіе Христа о Церкви?..

Слѣдующая бесѣда: „Евангеліе въ исторіи“ своими идеями и методомъ почти тождественна съ предшествующей. Касательно подъема нравственной энергіи людей, ослабѣвающихъ въ своихъ духовныхъ подвигахъ, о. Петровъ говоритъ слѣдующее: „Нѣтъ добрыхъ вожаковъ, рѣдко слышится одушевленное слово: „Впередъ! Впередъ! Надо подбодрить“. ¹⁾ Увы! и тутъ о. Петровъ не уясняетъ, кто это „вожаки“ и какъ именно надо подбодрить! Не рѣчами же о прогрессѣ! Блажащіе вы льстятъ вы!

Впрочемъ, въ статьѣ о «Безплодной смоковницѣ» о. Петровъ уже не ублажаетъ, а обличаетъ. Кого же?.. православную Русь. Христианство на Руси существуетъ около тысячи лѣтъ. «Далеко ли мы русскіе, православные христіане, говоритъ Петровъ, подвинули впередъ дѣло Божіе? Многимъ ли иностраннымъ и иновѣрнымъ людямъ показали силу Христовой любви, красоту и радость Божіей жизни (?). Туда ли мы идемъ? То ли, что надо дѣлаемъ? Живительную силу ума и сердца—въ плоды или только въ листья гонимъ» ²⁾. Не слишкомъ ли оптимистично на первыхъ страницахъ книги восхвалялъ о. Петровъ нравственный прогрессъ человѣчества и не слишкомъ ли пессимистично смотреть на нашу Русь Православную? Неужели мы ничего въ нравственномъ отношеніи не сдѣлали? А рас-

¹⁾ 12 стр.

²⁾ 19 стр.

³⁾ 60, 61 стр.

пространіе православія на Востокѣ Азіи, а культура Сибири, а церк.-приходскія школы, работы по соединенію съ православіемъ старо-католиковъ и проч.? Мы, правда, сказали выше, что для пробужденія покаянныхъ чувствъ полезно обличать человѣка, указывагъ ему нравственные недуги, но, надобно «не только надрѣзать рану, но и приложить врачевство» (Златоустъ), показать, что именно должно дѣлать. Вотъ этого-то врачевства мы и не найдемъ въ разбираемой статьѣ. Наше врачевство—въ вѣрности нашему православію. Однако этого-то о. Петровъ и не говоритъ. Его заключительныя, загадочныя слова: «Туда ли мы идемъ? Живительную силу ума и сердца—въ плоды или только въ листья гонимъ?» способны ввергнуть еще въ большее отчаяніе... Что онъ хочетъ этимъ сказать? Вѣдь не считаетъ же онъ въ этихъ словахъ православіе заблужденіемъ... Иначе подъ статьей «Бесплодная смоковница» съ удовольствіемъ подпишутся протестанты, штундисты и разныя секты. Увѣщевая къ покаянію, о. Петровъ едва ли удовлетворительно опредѣляетъ покаяніе такими словами: «Покаяться» значитъ то же, что «охаять себя», осудить, произвести надъ собою строгій судъ и признать свою жизнь дурною» ¹⁾. Это опредѣленіе слишкомъ обще, чтобы не сказать безсодержательно. Въ дальнѣйшихъ словахъ, правда, говорится о томъ, что въ покаяніи надо перемѣнить мысли, чувства и дѣла ²⁾ (такое же опредѣленіе покаянія и у штундистовъ), но и здѣсь ни слова о Церкви, о исновѣди предъ духовникомъ, о разрѣшающей благодати таинства, о посѣщеніи Богослуженія и проч., какъ будто все это лишнее и въ покаяніи ненужное... Да, позвольте, можно даже изъ произведеній Толстого составить своего рода мозаику о покаяніи, набрать фразъ относительно необходимости «одуматься», перемѣнить жизнь и т. под... Что же изъ этого? Вѣдь долженъ чѣмъ-либо о. Петровъ отличаться отъ Толстого въ своихъ разсужденіяхъ о покаяніи, иначе неосвѣдомленное лицо можетъ придти въ заблужденіе и подумать... да мало ли что могутъ здѣсь подумать?!

Правда, въ книжкѣ попадаетея статья: «О говѣніи», гдѣ упоминается и о православной Церкви, но во-первыхъ, эта статейка съ

¹⁾ 128 стр.

²⁾ 130 стр.

упоминаніемъ о Церкви въ книжкѣ о. Петрова является почти единственной ¹⁾. Во-вторыхъ, и ея содержаніе можетъ вызвать нѣкоторое «недоумѣніе». О. Петровъ развиваетъ здѣсь такія мысли. Наша душа загрязнена грѣхами. Надо одуматься, очистить ее отъ грѣховныхъ примѣсей. Св. Церковь приходитъ намъ на помощь и назначаетъ недѣлю для говѣнія. Поэтому хоть въ эту недѣлю освѣжимъ свой духъ отъ суеты житейской и проч. Почему же о. Петровъ ничего не сказалъ о прочихъ дняхъ св. Четырехдесятницы? Неужели наши обязанности къ вел. посту ограничиваются лишь недѣлей говѣнія, такъ что въ прочіе дни вел. поста воздержаніе и молитва совѣмъ не обязательны? Вспомнимъ заамвонную молитву на Преждеосв. литургіи: «Пожаждь и намъ Блаже подвигомъ добрымъ подвизатися, теченіе поста (а не одной лишь седмицы говѣнія), совершити». Во всякомъ случаѣ, въ статьѣ о «Говѣніи» естественно было бы встрѣтить наставленія касательно отношенія ко всей св. Четырехдесятницѣ, а не такую «приспособляемость» къ человѣческой слабости и ужъ не пастырю бы Церкви такъ ослаблять значеніе Вел. поста.

Впрочемъ, не будемъ утомлять читателя разборомъ всѣхъ статей, помѣщенныхъ въ «Зернахъ добра». Въ этомъ и нѣтъ особой надобности. Мы старались останавливаться лишь на тѣхъ, которыя наиболѣе способны вызвать «недоумѣніе» среди читателей. Въ субъективизмѣ и произвольности нашихъ сужденій о сихъ статьяхъ о. Петрова упрекнуть насъ никто не можетъ, ибо мы напередъ условились говорить въ нашей статьѣ объ о. Петровѣ не съ какой-либо субъективной, но съ объективной православной точки зрѣнія. Что касается прочихъ статей, то онѣ больше художественны, чѣмъ назидательны, преизобильно наполнены всякими сравненіями, аналогіями и т. п. Въ обиліи аналогій ихъ достоинство, а вмѣстѣ и недостатокъ (см. наши предшествующія сужденія о приточномъ методѣ въ проповѣдяхъ). Въ статьяхъ много туманнаго, недосказаннаго, недоговореннаго, точно авторъ опасается высказаться откровенно... Можетъ быть, эта «скрытность» и «загадочность» извинительна для свѣтскихъ, либеральныхъ писателей, но она прямо не простительна въ

¹⁾ Если не считать бесѣду «о маслянницѣ», гдѣ вскользь брошены слова: «вел. постъ» и «Церковь».

православномъ пастырѣ-проповѣдникѣ. «Отвергнувши постыдныя дѣла, не прибѣгая къ хитрости и не искажая слова Божія, а открывая истину, представляемъ себя совѣсти всякаго человѣка предъ Богомъ» (2 Кор. 4, 2). Вотъ обликъ христіанскаго проповѣдника.

Крупный недостатокъ статей тотъ, что наставленія каждой статьи (за исключеніемъ одной или двухъ), лишены вовсе церковнаго характера, нѣтъ ни слова о Церкви, о св. отцахъ и учителяхъ Церкви, о христіанскомъ подвижничествѣ и т. п. Вслѣдствіе этого мысли статей сами по себѣ сухи и безжизненны, не облечены въ плоть и кровь церковную. Обильныя аналогіи здѣсь лишь смоковое листвіе, прикрывающее скудость мысли. Вѣдь вотъ протестантамъ казалось, что католики своимъ ученіемъ объ іерархіи, церковныхъ таинствахъ, святыхъ и проч., воздвигаютъ преграду между Богомъ и людьми, такъ сказать, заслоняютъ Бога отъ людей. Протестанты отреклись отъ іерархіи, таинствъ и святыхъ, но результатъ получился противоположный ожидаемому: религиозное чувство, не получая пищи въ церковной обрядности, изсякло, живая связь между Богомъ и людьми стала слабо ощущаться, отсюда—философскія заблужденія—деизмъ и пантеизмъ, своимъ возникновеніемъ обязанныя протестантизму. Поистинѣ лишь церковность даетъ жизненность христіанскому ученію. Изъ-за ложной «приспособляемости» о. Петровъ лишилъ свои наставленія церковнаго духа, забывая, что церковность-то и есть наилучшая, вѣками выработанная, благодатію растворенная, божественная приспособляемость къ людямъ. Только въ Церкви Божественное и человѣческое находятся въ тѣсной взаимной гармоніи. О. Петровъ наименовалъ свои статьи «Зернами добра», но недостаточно для посѣва имѣть лишь зерно и почву, а необходимы еще и постороннія стихіи, влага и др. Такою живоносной влагою для плодородности зеренъ христіанства является единственно благодатное содѣйствіе Церкви, иначе зерно засохнетъ, не имѣя влаги (Лук. 8, 6), иначе всѣ увѣщанія проповѣдника будутъ напоминать сухія разглагольствія протестантскихъ пасторовъ въ ихъ киркахъ...

Въ самомъ дѣлѣ, сравните для примѣра бесѣды въ «Зернахъ добра» о «масленицѣ» и «говѣніи» съ 1-мъ и 2-мъ «Великопостными сборниками», а равно и съ «Пасхальнымъ сборникомъ», из-

данными Обществомъ Распространенія Рел.-Нравственнаго Просвѣщенія въ духѣ Правосл. Церкви. Какъ малосодержательны тогда покажутся бесѣды о. Петрова и какъ содержательны «Сборники» Общ. Распр. Рел.-Нр. Просв. Въ этихъ сборникахъ мы найдемъ прекрасныя стихотворенія, извлеченія изъ проповѣдей Р. Путятина, изъ Ефрема Сирина, св. Тихона Задонскаго и др. Цѣна сборника лишь 10 коп. По истинѣ правосл. Церковь есть неисчерпаемое море богословія, высокой духовной поэзіи и прекрасныхъ поученій. Что же передъ этимъ бесѣды о. Петрова.

Недостаточно пробудить возвышенные порывы, благородныя стремленія въ умахъ и сердцахъ, а надобно эти высокія христіанскія стремленія соединять съ церковностью, съ указаніемъ на жизнь древне-церковныхъ свѣтильниковъ и подвижниковъ, соединять съ могучею благодатною силою отъ таинствъ церковныхъ. Иначе слова проповѣдника исчезнутъ безъ слѣда, какъ угасающая въ воздухѣ искра!...

Иеромонахъ Александръ.

Сектантское учение о состояніи мертвых¹⁾.

Переходимъ къ разбору второго положенія трактата о состояніи мертвыхъ. Оно выражено такъ:

Они (мертвые) въ гробахъ. Ничего нѣтъ яснѣ въ св. Писаніи, какъ это. Пропустимъ здѣсь разные тексты Библіи, доказывающіе это. Читатель хорошо сдѣлаетъ, если пріиметъ во вниманіе, что не о тѣлѣ сказано, что оно во гробѣ, но о человѣкѣ, о самомъ дѣйствительномъ лицѣ. И также не сказано, что лишь одна часть человѣка или хижина, въ которой жилъ человѣкъ, приходитъ туда, но самъ собственный человѣкъ. Затѣмъ изслѣдуемъ основательно слѣдующія мѣста: (приводятся тексты): 1 Быт. 3, 19; 1 Быт. 15, 15; Еккл. 9, 10; Дан. 12, 2; Іоан. 5, 28—29; Дѣян. 8, 2 (нѣкоторые съ поясненіями въ смыслѣ высказаннаго выше положенія, что въ гробъ идетъ не тѣло только, но весь человѣкъ).

Въ этомъ положеніи, какъ очевидно, повторяется только въ иной формѣ то же матеріалистическое ученіе о смерти души, что и въ первомъ. Мертвые въ гробахъ не тѣломъ только, но и душою, судьба души такова же, какъ и тѣла: душа погребена, она въ прахѣ земномъ. Мысль выражена откровенно-грубо, но вмѣстѣ до изумительности невѣжественно съ точки зрѣнія свящ. Писанія. Прежде всего о приведенныхъ текстахъ. «Ибо прахъ ты и во прахъ ты возвратишься (1 Быт. 3, 19)». Чтобы вывести изъ этого изреченія Господа заключеніе, которое дѣлаетъ составитель «трактата», именно, что въ прахъ возвратится не только тѣло Адама, но и душа его, надо напередъ допустить, что и сотворенъ былъ первый человѣкъ весь изъ праха только. Но нужно ли говорить, какъ нелѣпо такое допущеніе, когда мы знаемъ изъ слова Божія, что тѣло, и именно только тѣло человѣка, сотворено изъ праха,—что изъ праха со-

¹⁾ См. № 5 «Мисс. Обзоръ» 1903 г.

творенный человѣкъ сталъ душою живою только послѣ того, какъ Господь «вдунулъ въ лицо его дыханіе жизни» (Быт. 2,7),—новое начало въ человѣческомъ существѣ, на которое, потому что оно сотворено не изъ праха, и не можетъ распространяться то, что сказано было Богомъ только о прахѣ, т. е. о сотворенномъ изъ праха тѣлѣ человѣка. —Далѣе: «все, что можетъ рука твоя дѣлать, по силамъ дѣлай: потому что въ могилѣ, куда ты пойдешь, нѣтъ ни работы, ни размышленія, ни знанія, ни мудрости». Еккл. 9,10. Трудно понять, какимъ образомъ этотъ текстъ можно приводить въ доказательство того, что въ могилу идетъ весь «къ работѣ, размышленію, знанію и мудрости способный человѣкъ». Смыслъ текста не вызываетъ сомнѣній. Премудрый убѣждаетъ человѣка трудиться по мѣрѣ силъ, пока онъ живетъ на землѣ. По тѣсной связи ст. 10-го съ предшествующимъ (9) рѣчь тутъ идетъ о трудахъ, направленныхъ къ услажденію суетной земной жизни (подъ солнцемъ). Пока человѣкъ живетъ на землѣ, говоритъ Екклесіастъ, пусть онъ трудится на благо себѣ, сколько можетъ, и пусть помнитъ, что со смертію, когда ляжетъ въ могилу, онъ лишень будетъ всякой возможности дѣлать то, что дѣлалъ на землѣ, лишень будетъ всякихъ средствъ пользоваться наслажденіями: въ могилѣ, гдѣ будетъ лежать его бездыханное тѣло, уже не будетъ работы, т. е. естественно исчезнетъ возможность работать для суетнаго наслажденія; тамъ (въ могилѣ) не будетъ ни размышленія, ни знанія, ни мудрости, чѣмъ пользуется человѣкъ для пріобрѣтенія земного благополучія, такъ какъ въ могилѣ будетъ только мертвое тѣло, а души, размышляющей, знающей, обладающей мудростью, тамъ не будетъ. Но при такомъ объясненіи, въ приведенномъ изреченіи Екклесіаста заключается мысль какъ разъ обратная той, которую защищаетъ «трактатъ», т. е. прямо опровергающая его ученіе о душѣ, лежащей будто въ гробѣ вмѣстѣ съ тѣломъ. А что это объясненіе—не произвольное толкованіе мыслей Екклесіаста, что въ ученіи о посмертномъ состояніи человѣка Премудрый стоитъ на почвѣ твердой вѣры въ самостоятельное, отдѣльное отъ тѣла, существованіе души,—тому свидѣтельствомъ служатъ его же собственныя слова. «И возвратится прахъ въ землю, чѣмъ онъ и былъ; а духъ возвратится къ Богу, Который далъ

его» Екк. 12,7. Ясно всякому, что, по мысли Екклѣзіаста, прахъ или тѣло не одно и то же съ душою человѣка, что душа, размышляющая, знающая, мудрствующая, не въ гробъ идетъ съ мертвымъ тѣломъ, а отходитъ къ Богу, Который далъ ее человѣку (и стало быть, она можетъ жить безъ мозга, безъ ногъ, безъ рукъ и т. д.). И не одинъ Екклѣзіастъ исповѣдуетъ истину самостоятельнаго бытія души. Этимъ исповѣданіемъ проникнуть весь ветхій и новый заветъ. Укажемъ важнѣйшія свидѣтельства объ этомъ. 1) И когда выходила изъ нея (Рахили) душа, ибо она умирала; то нарекла (повивальная бабка) ему имя Бенони (Быт 35,18). Такимъ образомъ, смерть, по слову Моисея, есть исходъ души изъ тѣла: душа, по нему, не остается по смерти въ тѣлѣ, не слѣдуетъ съ нимъ въ гробъ, не превращается въ прахъ (какъ вѣруетъ авторъ «трактата»), но выходитъ изъ тѣла, разлучается съ нимъ (и опять, стало быть, изображается способною жить безъ мозга, безъ глазъ, ушей и т. д.).—2) Затѣмъ, по вѣрованію ветхозавѣтной церкви, душа умершаго человѣка отходитъ въ особое, отличное отъ могилы, мѣсто,—въ преисподнюю (евр. шеолъ). Когда патріархъ Іаковъ говорилъ о своей смерти: «съ печалію сойду я къ сыну моему въ преисподнюю» (Быт. 37,35), онъ не могъ разумѣть подъ преисподней могилу; такъ какъ былъ увѣренъ, что сынъ его Іосифъ растерзанъ дикими звѣрями, но вѣровалъ, что, хотя тѣло сына съѣдено звѣрями, душа его отошла въ особое мѣсто, именно въ преисподнюю, куда и онъ, патріархъ, намѣренъ былъ сойдти съ печалью.—3) Какимъ образомъ, затѣмъ, могли явиться (вспомнимъ уже приведенные примѣры) Самуилъ и Моисей: первый—Саулу въ Аэндорѣ, между тѣмъ, какъ тѣло его было погребено въ Рамѣ; второй на Фаворѣ, тогда какъ тѣло его покоилось въ землѣ Моавитской,—если полагать, что душа при смерти не разлучается съ тѣломъ, а пребываетъ до второго пришествія въ гробъ или во прахѣ?

Еще яснѣе то же ученіе о самостоятельной жизни души изложено въ новозавѣтномъ Св. Писаніи. 1) Господь наставляетъ своихъ учениковъ: «не бойтесь убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить» (Мѡ. 10, 28). Этими словами Онъ непрерываемо утверждаетъ ту истину, что душа не можетъ быть убита, что она есть начало неуничтожимое, что если тѣло и лишено будетъ жизни,

душа человѣка продолжаетъ жить (и, ужъ конечно, не въ мертвомъ тѣлѣ, потому что, какъ свидѣтельствуесть ап. Іаковъ, въ мертвомъ тѣлѣ не бываетъ души. Іакъ. 2, 26). 2) «Нынѣ же (греч. *σημερον*) будешь со мною въ раю, сказалъ Господь благоразумному разбойнику. О тѣлѣ разбойника Господь зналъ, что оно будетъ погребено въ землѣ. Душа же его, по слову Спасителя, должна была водвориться въ раю съ Господомъ. 3) Скоро долженъ (я) оставить храмину мою, какъ и Господь нашъ Іисусъ Христосъ открылъ мнѣ (срв. Іоан. 21, 18—19). Буду же стараться, чтобы вы и послѣ моего отшествія всегда приводили это на память (2 Петр. 1, 14—15). Это говоритъ св. апостоль о своей смерти, которая, по его вѣрованію, есть оставленіе храмины тѣлесной (срв. ст. 13), отшествіе оттуда, а не сошествіе въ могилу и пребываніе во гробѣ съ мертвымъ тѣломъ. 4) Подобнымъ же образомъ и св. ап. Павелъ изображаетъ смерть, какъ исходъ человѣка, т. е. его живой души изъ тѣла и какъ водвореніе у Господа, а не какъ исчезновеніе ея во прахъ (2 кор. 5, 1, 4 особ. 6—8; срв. Филип. 1, 21—24; Откр. 7, 14—15; 11, 15—18).

Послѣ сказаннаго теряютъ всякій доказательный смыслъ тексты, приведенные въ трактатѣ, и ссылка на нихъ можетъ быть разсматриваема лишь какъ образецъ плохой софистики автора брошюры. Замѣтимъ только, что ссылка на смерть архид. Стефана совершенно неудачна и служитъ новымъ разительнымъ доказательствомъ незначимости сектанта съ словомъ Божиимъ, хотя онъ въ началѣ своего произведенія хвастливо заявляетъ, что легко можетъ на основаніи Библии «доказать совѣмъ противную (правосл. ученію) сторону». «Кто былъ погребенъ?» спрашиваетъ «трактатъ», и отвѣчаетъ: «не только хижина Стефана, но самъ, собственно Стефанъ». Но кто читалъ исторію мученической кончины св. архид. Стефана не такъ небрежно, какъ, очевидно, читалъ ее составитель «трактата», тому ясно, что именно только хижину или тѣло Стефана погребли богоговѣйные мужи, между тѣмъ какъ духъ его отошелъ къ Господу, какъ объ этомъ молился св. мученикъ предъ кончиною: «Господи Іисусе! пріими духъ мой» (Дѣян. 7, 59). Но помимо всего сказаннаго въ данномъ пунктѣ, ученіе «трактата» приводитъ въ концѣ концовъ къ невѣроятному выводу. Душа, какъ заявляется въ «трак-

тѣхъ», по смерти человѣка обращается въ прахъ; съ другой стороны, человѣку предстоитъ страшный судъ. Но, если человѣкъ перестаетъ существовать, исчезаетъ. тогда, стало быть, чтобы привлечь его на судъ, Господь долженъ не только возставить изъ праха тѣло его, но вновь создать его всего, воззвать снова изъ небытія и душу его?! И какъ послѣ этого понять слова Спасителя Лук. 20, 38?

Разсмотрѣнныя до сихъ поръ библейскія изреченія уже напередъ указываютъ, насколько могутъ быть доказательны послѣднія два положенія «трактата», гдѣ утверждается, что «мертвые ничего не знаютъ,—не имѣютъ никакого помышленія» (3-е) и что они почіютъ (4-е), т. е. пребываютъ въ безсознательномъ состояніи (6—7 стр. «трактата»).

Оба эти положенія выражаютъ въ сущности одну и ту же мысль,—именно, что души умершихъ находятся въ состояніи сна или оцѣненія, лишены сознанія и чувства ¹⁾,—и оба же рѣшительно опровергаются словомъ Божиимъ.—Разберемъ сначала изреченія, которыми авторъ «трактата» думаетъ доказать свою мысль о томъ, что люди по смерти ничего не знаютъ,—«ни въ какомъ случаѣ, и никакого сознанія не имѣютъ» (буквальныя слова «трактата»). Эти изреченія слѣдующія: Пс. 145, 3, 4; Еккл. 9, 5, 6. Пс. 113, 25; Пс. 6, 6; Пс. 30, 18; Пс. 38, 18.

Первый текстъ сопровождается слѣдующимъ поясненіемъ:

«Не надѣйтесь на князей, на сына человѣческаго, въ которомъ нѣтъ спасенія. Выходитъ духъ его, и онъ возвращается въ землю свою; въ тотъ день исчезаютъ всѣ помышленія его» Пс. 145, 3, 4. Въ тотъ день, въ который человѣкъ умираетъ, исчезаютъ и помышленія его. Можно ли человѣку жить на небѣ или въ аду, не имѣя никакого помышленія?

Отвѣчаемъ. Не имѣя никакого помышленія, жить ни въ аду, ни на небѣ, разумѣется, нельзя. Но если даже читать данный текстъ,

¹⁾ Мысль эту пытались защищать (въ III в.) такъ называемые психопаннихиты, а потомъ анабаптисты, ирвингіане и др.

не углубляясь особенно въ его содержаніе, и тогда въ немъ нельзя найти такого утвержденія, какое вывелъ изъ него авторъ брошюры. Псалмопѣвецъ говоритъ, что въ день смерти исчезаютъ всѣ помысленія человѣка.

Въ «трактатѣ» утверждается гораздо больше,—будто умершій лишень всякаго помышленія. А это—различныя вещи. Человѣкъ со смертію можетъ потерять всѣ помышленія извѣстнаго рода, направленныя на опредѣленный кругъ предметовъ,—напр., помышленія о земныхъ благахъ,—но это не будетъ означать, что онъ теряетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и всякое другое помышленіе, напр. о Богѣ, о судѣ, о собственномъ спасеніи. При внимательномъ чтеніи даннаго изреченія въ контекстѣ рѣчи легко видѣть, что слово «всѣ» употреблено именно въ узкомъ, а не въ безусловномъ смыслѣ. Обращаясь къ людямъ, св. псалмопѣвецъ предостерегаетъ ихъ отъ надежды на князей, на сыновъ человѣческихъ, потому что, говоритъ онъ, въ нихъ нѣтъ спасенія. А нѣтъ въ нихъ спасенія потому (по его мысли), что все ихъ значеніе и могущество въ области земного существованія и земныхъ благъ ненадежно и скоропреходяще (ср. Ис. XL, 6—7; Пс. 102, 15). Оно кончается со смертію князей и сыновъ человѣческихъ. Напротивъ, непостыдна надежда того, кто возлагаетъ ее на Господа, всемогущаго Творца и вѣчнаго Промыслителя вселенной (ст. 5—10). Такимъ образомъ, какъ видно изъ хода рѣчи, псалмопѣвецъ говоритъ въ разсматриваемомъ мѣстѣ о значеніи «сильныхъ міра сего» въ области земныхъ же (ст. 5—10) интересовъ и подъ «помышленіями» разумѣетъ помышленія, направленныя именно къ устроенію земного благополучія людей, каковыя, естественно, и кончаются со смертію «сильныхъ міра». Но это, очевидно, не значитъ, чтобы для послѣднихъ кончались и всякія вообще «помышленія».

Любопытно также и то еще, что, приводя разсматриваемый текстъ, авторъ «трактата» (полагаемъ,—по обычаю сектантовъ видѣть въ Писаніи только то, что выгодно для защиты ихъ лжеученій) не усмотрѣлъ такъ ясно выраженнаго въ немъ обличенія своему заблужденію. Какъ въ самомъ дѣлѣ псалмопѣвецъ изображаетъ смерть человѣка? Весьма раздѣльно и опредѣленно. Духъ человѣка выходитъ изъ него, а онъ (тѣло его) возвращается въ

землю свою,—т. е. въ землю возвращается не тѣло съ душою. (какъ полагаетъ «трактатъ»). а бездушный человѣкъ или трупъ. между тѣмъ какъ душа человѣка отходитъ въ иное мѣсто.

Второй текстъ—Еккл. 9, 5—6 комментируется въ брошюрѣ такъ: Что знаютъ мертвые? Отвѣтъ опредѣленный и ясный: они «ничего не знаютъ». Выводъ насколько рѣшительный, настолько же и неправильный. Пользуясь подобнымъ приѣмомъ толкованія, можно будетъ, на основаніи 1 Іоан. 2, 20, приписать христіанину божеское свойство—всевѣдѣніе. «Вы, говоритъ св. апостолъ Іоаннъ христіанамъ, имѣете помазаніе отъ Святаго, и знаете все». Что знаютъ христіане? (спросимъ подобно сектанту). Отвѣтъ тоже опредѣленный и ясный: они знаютъ все, т. е. всевѣдуши, какъ Богъ?!.—Но какъ въ посланіи Іоанна подъ словомъ все разумѣется не безусловно все, а все то, что касается спасенія души христіанской, такъ и въ Еккл. 9, 5, 6 выраженіе—«ничего не знаютъ» нельзя толковать въ смыслѣ безусловнаго незнанія ничего.—Къ тому же и содержаніе даннаго текста въ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ не вызываетъ особенныхъ недоумѣній. На первый взглядъ странное противоположеніе между знаніемъ живыхъ и мертвыхъ уясняется просто. Живые, сказано, знаютъ, что умрутъ. Естественное противоположеніе этому по отношенію къ мертвымъ таково: а мертвые ничего не знаютъ объ этомъ, т. е. о томъ, что они умрутъ. Вопросъ только въ томъ, какъ нужно понимать здѣсь знаніе о смерти и въ какомъ смыслѣ это знаніе рассматривается какъ преимущество живыхъ сравнительно съ мертвыми. По связи съ ст. 4 («кто находится между живыми, тому есть еще надежда») и съ ст. 7 («итакъ иди, ѣшь съ веселіемъ хлѣбъ твой и пей въ радости сердца вино твое») выраженіе «живые знаютъ, что умрутъ» можно понимать только такъ: живые знаютъ, что имъ данъ предѣлъ времени до смерти, въ теченіе котораго они имѣютъ еще возможность ѣсть съ веселіемъ и пить съ радостью, или имѣютъ по крайней мѣрѣ надежду (ст. 4) на то, что при благопріятныхъ обстоятельствахъ воспользуются этими благами; вообще они не лишены всего того, чѣмъ живетъ, волнуется и до извѣстной степени улаживается человѣкъ до смерти: они любятъ, ненавидятъ, ревнуютъ, (ст. 6), имъ воздаютъ по заслугамъ, памягуютъ о нихъ (ст. 5);

однимъ словомъ, они имѣютъ «часть во всемъ, что дѣлается подъ солнцемъ». Не то мертвые. Они, проживъ земную жизнь, уже не имѣютъ такого утѣшенія, какъ живые: они безвозвратно лишены надежды на суетныя услажденія: они не могутъ уже ни любить какъ любили на землѣ, ни ненавидѣть, ни ревновать: «и любовь ихъ, и ненависть, и ревность ихъ уже исчезла и нѣтъ имъ больше части во вѣки ни въ чемъ, что дѣлается подъ солнцемъ», имъ не воздають чести, какъ воздавали на землѣ, потому что и память о нихъ предана забвенію (срв. ст. 15, еще: Еккл. 2, 16; 8, 10) ¹⁾,

Также бездоказательны и остальные ссылки «трактата». Авторъ «трактата» самъ помогаетъ намъ въ опроверженіи ихъ. Подъ «гробомъ», «адамъ», «преисподней» и «могилой» онъ разумѣетъ въ буквальный смыслъ только могилу (=гробъ). Но тогда никто не станетъ доказывать ему, что онъ не правъ. Если человѣкъ по смерти въ гробѣ обращается въ прахъ,—что не противорѣчитъ и православному ученію, поскольку вопросъ въ данномъ случаѣ не касается души,—тогда, разумѣется, въ смерти, въ гробѣ, въ могилѣ, въ адѣ, въ преисподней не можетъ быть ни памятованія о Богѣ, ни прославленія Его, ни упованія на славу Его, ибо, какъ объясняетъ отъ своего лица въ одномъ псалмѣ св. псалмопѣвецъ: «когда я сойду въ могилу, будетъ ли прахъ славить Тебя? Будетъ ли возвѣщать истину Твою» (Пс. 29, 10)?—Что же касается души, то въ виду доказанной уже самостоятельности жизни ея внѣ тѣла по смерти, ни одно изъ приводимыхъ здѣсь мѣстъ не можетъ характеризовать ея посмертнаго состоянія. Но даже въ томъ случаѣ, если относить раз-

¹⁾ Неизлишне имѣть въ виду и то, что цѣль кн. «Екклѣзіастъ» доказать суетность всего земного. Для достиженія этой цѣли, Премудрый, на ряду съ положительнымъ ученіемъ, приводитъ возраженія или разсужденія людей, живущихъ земными интересами. Разсматриваемое мѣсто относится именно къ числу такого рода разсужденій. Если для человѣка земныя радости и удовольствія составляютъ все, то въ его глазахъ «псу живому лучше, чѣмъ мертвому льву» (4 ст.), такъ какъ первому есть еще надежда продолжить свое удовольствіе. Но тутъ-же Премудрый разбиваетъ и эту надежду указаніемъ: а) на неизвѣстность будущаго—вообще и—въ частности—смерти (8, 7—8); б) на тщетность иногда трудовъ, подъятыхъ для достиженія земного благополучія (9, 11—12) и, наконецъ, на необходимость дать отвѣтъ за земную жизнь предъ судомъ Божиимъ (11, 9). Прим. ред.

смамливаемые изреченія къ состоянію души, пребывающей по смерти въ разлученіи отъ тѣла, и тогда смыслъ ихъ совершенно не колеблеть—тѣмъ болѣе не опровергаетъ—православнаго ученія о посмертномъ состояніи человѣка.—Въ текстѣ Пс. 6, 6 выраженіе: «въ смерти нѣтъ памятованія о Тебѣ», по связи со всѣми предшествующими стихами псалма, рѣшительно невозможно понимать безусловно. Рѣчь въ данномъ мѣстѣ о Богѣ, какъ о Помощникѣ св. Псалмопѣвца, который ищетъ Его защиты и помощи, пока живетъ на землѣ пока находится въ тѣлѣ, потому что, какъ объясняетъ онъ, если ему суждено будетъ умереть, то послѣ смерти уже не можетъ быть надежды на помощь Божію, ибо—подразумѣвается—за гробомъ открывается уже дѣйствіе взыскающаго правосудія Господа, а не милосердствующей и вспомошествоющей любви Его. Потому же самому за гробомъ не мѣсто и для восхваленія величія Божія: тамъ время и благопріятное мѣсто лишь для самососредоточеннаго страха и боязни суда и божественнаго наказанія, каковыя чувства естественны были въ подзаконномъ человѣкѣ, заключенномъ подъ грѣхъ (Гал. 3, 22). Последнее замѣчаніе относится одинаково и къ ссылкѣ на пс. 113, 25 и Ис. 38, 18.

Текстъ же пс. 30, 18 можно выдѣлнить особо, такъ какъ въ немъ мы видимъ новый случай рокового самообличенія составителя «трактата». Въ самомъ дѣлѣ, текстъ, какъ извѣстно, приведенъ для доказательства того, что человѣкъ во гробѣ (=адѣ) пребываетъ въ безсознательномъ состояніи, при чемъ молчаніе нечестивыхъ («умолкнуть въ адѣ») желаютъ понимать какъ частное явленіе посмертной безсознательности человѣка. Но какъ нужно понимать молчаніе нечестивыхъ въ аду? Если разсматривать данное изреченіе безотносительно, вѣдь связи со всѣмъ содержаніемъ псалма, тогда оно дѣйствительно будетъ отмѣчать существенную черту состоянія нечестивыхъ во гробѣ: именно—нечестивые въ гробѣ, по смыслу изреченія, будутъ безмолвны. Но тогда нужно объяснить еще и другое выраженіе, примѣняемое тоже къ нечестивымъ, именно—выраженіе «да посрамятся». Что мертвые въ гробѣ безмолвствуютъ—это съ точки зрѣнія сектантскаго ученія—понятно. Но признать (а не признать этого нельзя въ виду ясности выраженія), что эти же безмолвные (=неживые, безсознательные) мертвецы еще «посрамятся» тамъ, воз-

можно только при полномъ и рѣшительномъ отверженіи главной мысли «трактата», т. е. при отверженіи мысли объ оцѣдѣніи или смерти души,—и при признаніи православнаго ученія, что человѣкъ и по смерти не утрачиваетъ способности чувствовать (какъ здѣсь—испытывать чувство стыда).

Если же читать это изреченіе въ связи рѣчи, тогда оно выражаетъ простое желаніе Псалмопѣвца, чтобы нечестивые преслѣдователи его были посрамлены въ своихъ преступныхъ замыслахъ и наказаны адо мъ. Значить и въ этомъ случаѣ разсматриваемый стихъ не только не подтверждаетъ мысли «трактата», но напротивъ еще сильнѣе укрѣпляетъ православно-христіанское ученіе о посмертномъ состояніи,—въ частности о томъ, что для нечестивыхъ адъ служить наказаніемъ, мѣстомъ срама.

Полагаемъ, что послѣ сказаннаго излишне подвергать подробному опроверженію то соображеніе «трактата», будто мертвые потому должны быть признаны безсознательными, что они представляются въ священномъ Писаніи спящими. Ограничимся только слѣдующими краткими замѣчаніями по этому поводу. Во-первыхъ, вездѣ, гдѣ въ св. Писаніи говорится о смерти, какъ о снѣ, нужно видѣть лишь образъ, относящійся къ тѣлу мертвца, которое—это каждому извѣстно—своимъ внѣшнимъ видомъ напоминаетъ тѣло спящаго. Во-вторыхъ, неправда, будто мы (какъ утверждаетъ «трактатъ») безсознательны, когда спимъ. Ни сознаніе, ни размышленіе во снѣ не прекращаются (это тоже всякому извѣстно). И значить, если уподобить посмертное состояніе человѣка сну въ буквальномъ смыслѣ (какъ желаетъ «трактатъ»), тогда можно говорить только о сравнительно меньшей напряженности душевной жизни за гробомъ, но ни въ какомъ случаѣ не о полной безсознательности умершихъ—еще менѣе—о совершенномъ прекращеніи жизни души.

Всѣ подобныя старанія привлечь свящ. Писаніе во свидѣтельство явнаго заблужденія тѣмъ болѣе странны, что мысль о сознательномъ состояніи души по смерти раскрыта въ свящ. Писаніи весьма опредѣленно. Вотъ наиболѣе неоспоримые доказательства тому:

1) Моисей является на Фаворѣ, Самуилъ—у аэндорской волнебницы и оба бесѣдуютъ, т. е. проявляютъ высшую степень разумной сознательности.

2) О Господѣ Иисусѣ Христѣ св. ап. Петръ свидѣтельствуетъ: «Христось... однажды пострадалъ за грѣхи наши, Праведникъ за неправедныхъ, бывъ умерщвленъ по плоти, но оживъ духомъ, которымъ Онъ и находящимся въ темницѣ духамъ, сошедши, проповѣдалъ» (1 Петр. 3, 18—19), и далѣе, въ объясненіе послѣднихъ словъ, говоритъ: «Ибо для того и мертвымъ было благовоествуемо, чтобы они, подвергшись суду по челоуѣку плотию, жили по Богу духомъ» (4, 6). Въ томъ и другомъ случаѣ непрерываемо утверждается, что души ветхозавѣтныхъ людей (срв. 3, 20), пребывавшіе въ аду (въ темницѣ) или, какъ пояснено въ 4, 5—6 «мертвые», жили въ аду полною сознательною жизнію, ибо оказались способными понимать обращенную къ нимъ проповѣдь Спасителя.

3) «Авраамъ, отецъ вашъ, говоритъ Господь іудеямъ, радъ былъ увидѣть день Мой; и увидѣлъ и возрадовался» (Іоан. 8, 56), т. е. будучи мертвъ тѣломъ, сохранилъ способность разумѣть и чувствовать.

4) Апостоль Навелъ пишетъ о себѣ: «имѣю желаніе разрѣшиться (отъ тѣла, т. е. умереть срв. ст. 24) и быть со Христомъ» (Филип. 1, 23). Но быть со Христомъ возможно, конечно, только при сохраненіи полной сознательности и разумности души.

5) Въ Откровеніи св. Іоанна читаемъ: и когда Онъ (Агнецъ) снялъ пятую печать, я увидѣлъ подъ жертвенникомъ души убіенныхъ за слово Божіе и за свидѣтельство, которое они имѣли. И возопили они громкимъ голосомъ, говоря: доколѣ, Владыко Святыи и Истинный, не судишь и не мстишь живущимъ на землѣ за кровь нашу (6, 9—10).

6) Наконецъ, можно ли болѣе ярко изобразить разумно-сознательную жизнь челоуѣка по смерти, чѣмъ какъ изображена она въ притчѣ о богатомъ и Лазарѣ (Лук. 16, 22—31) ¹⁾. Богачъ испы-

¹⁾ Возраженіе, что эта притча, какъ иносказаніе или образъ, не есть изображеніе дѣйствительныхъ отношеній загробной жизни, должно быть рѣшительно отвергнуто. Правда, притча не есть разсказъ, воспроизводящій дѣйствительно случившійся фактъ. Когда Господь разсказывалъ притчу напр. о блудномъ сынѣ, то Онъ, несомнѣнно, не имѣлъ въ виду изобразить дѣйствительное происшествіе.

тывается муки, страдаетъ, молить Авраама послать ему Лазаря, заботится о братьяхъ, живущихъ на землѣ, т. е. обнаруживаетъ полноту своихъ нравственныхъ и умственныхъ силъ.

Если мы теперь сведемъ къ единству все сказанное въ опроверженіе страннаго ученія трактата о «состояніи мертвыхъ» и дополнимъ приведенныя уже свидѣтельства новыми, то увидимъ, на какихъ незыблемыхъ основаніяхъ утверждается православнохристіанское ученіе о загробномъ состояніи человѣка до страшнаго суда. Это ученіе вкратцѣ можно представить въ слѣдующихъ чертахъ:

І. Душа есть самостоятельное начало въ человѣкѣ, отличное и независимое отъ тѣла по происхожденію и свойствамъ:

Быт. 2, 7 срв. 1, 26, 27; Іов. 2, 6 срв. ст. 5, 7; Еккл. 12, 7; Ис. 38, 12; 2 Кор. 5, 1; Фил. 1, 21—23; 2 Петр. 1, 13—14 срв. Іоан. 21, 18—19.

ІІ. Смерть есть разлученіе души отъ тѣла. Въ частности, по изображенію свящ. Писанія, она есть:

а) исходъ,—исходъ души изъ темницы, отшествіе человѣка изъ тѣлесной храмины: Быт. 35, 18; Пс. 101, 8; Лук. 9, 31; Пс. 145, 4; 2 Петр. 1, 15 срв. 13; 2 Тим. 4, 6.

б) разрѣшеніе отъ тѣла Фил. 1, 23.

в) переселеніе человѣка изъ земного дома въ перукотворенное жилище 2 кор. 5, 1, 2, 8.

г) возвращеніе тѣла въ прахъ, а души къ Богу Еккл. 12, 7.

во съ другой стороны. никто не станетъ отвергать, что все построеніе этой притчи, какъ и всѣхъ другихъ, утверждалось всегда на дѣйствительныхъ, реальныхъ фактахъ жизни, а не было сочетаніемъ въ одну исторію или картину фантастическихъ, никогда не существовавшихъ лицъ, событій и отношеній. И предполагать, что Господь, для поясненія той мысли, какая участь ожидаетъ за гробомъ грѣшнаго богача и нищаго праведника, внесъ въ притчу ложныя представленія, значило бы говорить богохульныя слова на Саму Истину (Іоан. 14, 6).

III. По разлученіи отъ тѣла душа сохраняетъ жизнь и живетъ жизнью сознательною, разумною: Мѡ. 10, 28; 22, 32; Лук. 9, 30, 31, 1 Цар. 28, 3. 13—16; Откр. 6, 9—10; Іоан. 8, 56; Лук. 16, 23—31; 1 Петр. 3, 21.

IV. По разлученіи отъ тѣла души праведныхъ и грѣшныхъ получаютъ воздаяніе:

1) Души праведныхъ:

- а) отходить къ миру Ис. 57, 1—2 (ср. Прем. Сол. 3, 1—4; 1. Сир. 1, 13).
- б) пребываютъ въ надеждѣ Притч. 14, 32.
- в) утѣшаются на лонѣ Авраама Лук. 16, 22, 23, 25.
- г) отходить въ рай Лук. 23, 43.
- д) отходить ко Христу Дѣян. 7, 59; 2 Кор. 5, 1, 6, 8. Фил. 1, 23; Евр. 12, 22, 23, Откр. 6, 9.
- е) предстоятъ престолу Божію Откр. 4, 4; 7, 9.

2) Души грѣшниковъ:

- а) идутъ въ адъ для наказанія Ис. 30, 18; 48, 15.
- б) лишены свѣта Ис. 48, 20.
- в) отвергнуты при смерти Притч. 14, 32 (срв. Еккл. 8, 12, 13).
- г) лишены мира Ис. 57, 1, 2, 21 срв. 66, 24.
- д) страдаютъ въ аду; испытываютъ муки Лук. 16, 23, 25.

V. По смерти человѣка бываетъ частный судъ Лук. 16, 22 и дал.; Евр. 9, 27; срв. Прем. Сол. 11, 26—27.

Священникъ *Евгеній Капраловъ*.

Новости изъ раскольничьяго подполья.

„Какъ вы можете говорить доброе, будучи злы... Злой человѣкъ изъ злаго сокровища выносить злое“ (Мѣ. 12, 34—35).

За послѣдніе годы раскольники всякихъ толковъ съ особеннымъ усердіемъ стали прибѣгать къ помощи подпольнаго гектографа для пропаганды своего лжеученія. И нѣмой пропагандистъ раскольничьихъ заблужденій — гектографъ — дѣлаетъ свое преступное дѣло едвали не больше и не вѣрнѣе, чѣмъ всякіе кликуши-начетчики, сѣющіе религіозную ложь въ темныхъ душахъ простонародья. Книги и брошюры раскольничьяго гектографа тюками развозятся ревнителями древляго благочестія по градамъ и весямъ земли Русскія, на «прелесть» темнаго люда и похуленіе св. Церкви, и распространяются, по дорогимъ цѣнамъ, вездѣ и всяко. Радѣютъ въ этомъ дѣлѣ особенно «австрійцы»; мало отстаютъ отъ нихъ и безпоповцы. Гдѣ появляются на свѣтъ незаконнорожденные исчадія подпольнаго гектографа, не знаемъ. Склады же бранной раскольничьей литературы, откуда произведенія ея транспортируются во все концы Россіи, намъ отчасти извѣстны. Въ данномъ случаѣ мы касаемся литературы безпоповской и имѣемъ основанія сообщить, что произведенія ея развозятся въ большинствѣ случаевъ изъ г. Тулы и изъ Сызрани.

Надняхъ мы приобрѣли три анонимныхъ раскольничьихъ книги, отъ которыхъ еще несетъ литографской краской: 1) «О печати Христовой крестнаго знаменія» 2), «Трехдневная бесѣда на святую пасху Льва Θεоктистовича Пичугина съ синодальнымъ миссіонеромъ Ксенофонтомъ Крючковымъ въ селѣ Поимѣ, Пензенской губерніи, о священствѣ» (16—18 апр. 1902 г.), и 3) «Руководствы соборныя церкви христіанскихъ старообрядческихъ поморскихъ безпоповскихъ обществъ».

Книги эти во множествѣ экземпляровъ появились въ Петербургѣ изъ г. Сызрани ревностью радѣтелей безпоповщины. Первая изъ нихъ въ 126 л.—и идетъ за 3 р.; вторая—въ 303 л. (съ гектографированнымъ съ фотографіи портретомъ Пичугина)—за 7 рублей и третья—178 стр. за 4 руб. Въ виду понятнаго интереса новоявленныхъ произведеній раскольничьяго пера для православныхъ миссіонеровъ считаемъ полезнымъ ознакомить нашихъ читателей съ этими книгами и отмѣтить ихъ лживость.

Полное заглавіе первой изъ названныхъ книгъ: «О печати Христовой знаменія крестнаго, совершаемаго Христовою Церковью православныхъ христіанъ, употребляемаго въ знаменіе лица своего и прочихъ всѣхъ удовъ и частей тѣла и болѣзненныхъ мѣстъ и язвъ, и при благословеніи другъ друга, и знаменованіи трапезъ и хлѣбовъ ядомыхъ и чашъ піемыхъ, входовъ и исходовъ, дверей, оконъ и окружающій челоуѣка воздухъ. Печать сія знаменіе есть вѣрныхъ отъ невѣрныхъ, и страхъ демонамъ. И о погрѣшеніи никоніанской церкви въ отверженіи сей печати и хулѣ, и о лишеніи благодати чрезъ сіе и о потери наслѣдія вѣчнаго блаженства». Между текстомъ этого широкоформатнаго заглавія изображено двуперстіе со вставленнымъ въ него восьмиконечнымъ крестомъ ¹⁾.

Весь пропагандистскій смыслъ книги исчерпывается слѣдующими положеніями: 1) Крестное знаменіе заповѣдано христіанамъ Христомъ, апостолами и святыми отцами. Истинные православные христіане всегда благоговѣйно читали крестное знаменіе и творили имъ великія чудеса. 2) Греко-россійская Церковь это знаменіе отвергла, похуливъ его «чоровымъ преданіемъ», «демоносѣденіемъ» и пр. хулами и приняла печать антихристову. 3) Миссіонерское оправданіе,—что эти и подобныя хулы православныхъ полемистовъ относятся къ раскольничьему двуперстію, а не къ крестному знаменію, неосновательно, ибо двуперстіе есть не сложеніе перстовъ, а истинный крестъ. 4) Въ Церкви православной, какъ отвергнувшей крестъ и крестное знаменіе, нѣтъ благодати и надежды спасенія,—въ ней разныя ереси и погибель. Уже изъ этихъ общихъ положеній легко усмотрѣть, на что бытъ пропагандистъ и гдѣ онъ

¹⁾ См. ниже.

допускаетъ дьявольскую фальшь. Положенія свои авторъ книги обставляетъ разными доказательствами и поясняетъ въ разныхъ наставленіяхъ и «воззваніяхъ». Въ концѣ книги имѣется четыре картинки, изображающія святыхъ, благословляющихъ двуперстно.

Перейдемъ къ частностямъ.

I.

Во вступленіи, не безъ нѣкоей «помазанности», говорится о томъ, что вѣрующіе во Христа, во исполненіе словъ пророческихъ: «работающимъ мнѣ призоветъ имя ново» (Ис.), получили милосердіемъ Господнимъ новое имя «еже зватися христіане»,—получили вмѣстѣ съ тѣмъ и знаменіе христіанское—честный крестъ: Богъ чрезъ прор. Исаію рекъ: «пріидуть и узрять славу Мою и оставлю на нихъ знаменіе» (ср. и 59 ис. 6) и яко же рекъ Господь, таки и сотвори, остави знаменіе честный крестъ».

Въ своемъ вступленіи авторъ, видимо, имѣетъ намѣреніе имя—«христіанинъ» произвести отъ «креста». Намѣреніе раскольниковъ писакъ насколько понятно, настолько и суетно. «Христіане именуемъ отъ Христа и отъ хриемы, сирѣчь отъ помазанія св. мира (Б. Кат. 2 л. об. 377, Сим. Сол. 73 гл.): «не помазавшіеся миромъ ниже Богу, ниже ангеломъ знаеми, и не печатствовани и не знаменани Христу» (Сим. Солун. гл. 73). Следовательно, по смыслу приведенныхъ словъ старопечатныхъ книгъ, раскольники, какъ не имѣвшіе и не имѣющіе въ своихъ обществахъ тайны св. миропомазанія, не могутъ именоваться и «христіанами». Этого обвиненія раскольниковъ авторъ, надо полагать, и желалъ избѣжать, поставляя имя «христіанъ» въ связи съ крестнымъ знаменіемъ».

Въ доказательство божественнаго происхожденія крестнаго знаменія авторъ ссылагается прежде всего на вѣрованіе всей христіанской Церкви, что Богъ далъ «намъ крестъ честный на прогнаніе всякаго суетноты (молитва «Да воскреснетъ Богъ»). Затѣмъ, въ томъ же смыслѣ авторомъ сдѣлано 46 ссылокъ на слова разныхъ отцовъ и учителей Церкви и церковныхъ писателей древнѣйшей эпохи, говорящихъ о великомъ значеніи для христіанъ крестнаго знаменія.

Здѣсь приведены слова: Кирилла Іерусалимскаго, І. Златоуста, Василя Великаго, Григорія Богослова, Аванасія Александрійскаго, Амвросія Медиоланскаго, Епифанія Кипрскаго, Ефрема Сирина, Нила Синайскаго, бл. Августина, Тертуліана, Лактанція и мн. др. Въ доказательство своей мысли ссылается здѣсь авторъ и на иконографическіе памятники древности. «Архангелъ Гавріиль, пишетъ онъ, напр., благовѣствуя Дѣвѣ зачатіе, показалъ ей два перста, принося образъ радости, что она родитъ Бога и человѣка (Рисунокъ мозаическій въ церкви св. Акиллы въ Римѣ 3-го вѣка, на симъ подпись) ...и Искупитель нашего спасенія Христосъ, отгоняя искушителя, не Себя ограждая, показалъ ему два перста, научая насъ перстами прогнати лукавыя козни врага нашего (Рисунокъ мозаическій № 17, въ Ватиканской церкви, въ Римѣ)».

Всѣ ссылки автора на свидѣтельства св. отцовъ и учителей Церкви о значеніи крестнаго знаменія пререкаемыми съ нашей стороны быть не могутъ: и мы въ нужныхъ случаяхъ пользуемся тѣми же свидѣтельствами, доказывая сектантамъ древность крестнаго знаменія въ Церкви Христовой. Съ раскольниками же въ данномъ случаѣ у насъ нѣтъ пререканій, потому что въ приведенныхъ свидѣтельствахъ ничего не говорится о перстосложеніи, т. е. о томъ, какими, именно, перстами слѣдуетъ изображать на себѣ и «на всякой вещи» крестное знаменіе, важность котораго и мы признаемъ не менѣе раскольниковъ. Нельзя оставить безъ замѣчанія только ссылки раскольничьяго автора на «два перста» въ мозаическихъ изображеніяхъ благовѣщенія Пресвятой Дѣвѣ и искушенія Христа. Раскольникъ въ этихъ двухъ перстахъ хочетъ видѣть «наученіе» двуперстію на «прогнаніе лукавыхъ козней врага нашего». Конечно, другого отношенія къ этимъ перстамъ отъ темнаго обрядовѣра и ожидать трудно. Интересно бы только узнать, какое значеніе придалъ бы авторъ двумъ перстамъ въ древнѣйшихъ (4—6 вв.) мозаическихъ изображеніяхъ, гдѣ эти два перста показываютъ лица, которыхъ раскольникъ за своихъ «научителей» никакъ не можетъ признать? А такихъ примѣровъ въ древнихъ мозаикахъ въ Римѣ и др. мѣстахъ множество. Напр., на одной мозаикѣ (въ Равен. въ церкви Аполлинарія Новаго) изображено «отреченіе Петра»: «служанка, сказавшая Петру: и ты былъ съ Іисусомъ Галилеяниномъ», изобра-

жена здѣсь съ поднятымъ двуперстіемъ (см. «Очерки памятниковъ православной иконографіи и искусства» Н. Покровскаго, стр. 127, рис. 54); на другой изображено веденіе воинами Христа на Голгофу; здѣсь одинъ изъ воиновъ тоже поднятъ два перста правой руки (см. тамъ же рис. 55, стр. 128). Мозаики 6 вѣка. Ужели

и «служанка» и «воинъ» — распинатель Христа здѣсь научаютъ древлеправославнаго двуперстію «на прогнаніе лукавыхъ козней врага нашего», или вообще имѣютъ какое-либо отношеніе къ христіанской символікѣ? Да, разумѣется, нѣтъ.

«Два перста», любезные раскольникамъ въ древнѣйшихъ мозаикахъ — это не благовѣстіе о двухъ естествахъ во Христѣ и не наученіе «прогонять перстами лукавыя козни врага нашего», а обычный классическій ораторскій жестъ: желавшій говорить употреблялъ его, призывая имъ слушателей ко вниманію («служанка» «воинъ» и др.).

Во многихъ случаяхъ такой же смыслъ имѣютъ два перста и въ изображеніяхъ Спасителя, ангеловъ и др., какъ и въ приведенныхъ въ раскольничьей книгѣ мозаикахъ.

Перстосложеніе же благословляющей десницы и Христа Спасителя и святыхъ въ древнихъ мозаическихъ памятникахъ почти вездѣ скорѣе именословное, чѣмъ двуперстное (см. назв. кн.

проф. Покровскаго, «Выписки Озерскаго» и «Истинно-древ. и ист.-правосл. Христова Церковь» м. Григорія).

О чудодѣйственной силѣ крестнаго знаменія авторъ приводитъ изъ четь-минеи и прологовъ 130 свидѣтельствъ (см. 16—94 стр.). Свидѣтельства эти къ пререканіямъ между православными и раскольниками тоже отношенія никакого не имѣютъ: о такомъ или иномъ перстосложеніи въ нихъ и рѣчи нѣтъ; а въ чудодѣйственную силу крестнаго знаменія вѣруемъ и мы и свидѣтельства о ней изъ житій святыхъ почитаемъ достовѣрными. Къ чему же, спрашивается, авторъ нагромождаетъ такую массу свидѣтельствъ? Въ данномъ случаѣ онъ разсчитывалъ на то, чтобы возможно большую силу имѣло слѣдующее затѣмъ его «воззваніе къ читателямъ».

Въ «воззваніи» къ «честнѣйшимъ отцамъ и братіямъ, російскимъ сыновомъ единой св. соборной и апостольской Церкви» (каковой раскольниковъ общества не были и быть не могутъ) авторъ восклицаетъ уже о силѣ крестнаго знаменія, совершаемаго двуперстіемъ.

«Видите, читаемъ въ «воззваніи», и слышите, что вамъ вопіетъ ваша мать Церковь, которая состоитъ изъ всѣхъ православныхъ истинныхъ христіанъ: мучениковъ, исповѣдниковъ, преподобныхъ, и пустынно-жителей, и пастырей и учителей. Видите, какъ она руководилась со временъ ея пастыре-начальника Ісуса Христа, Сына Божія, Который при Своей земной жизни научалъ вѣрующихъ сему знаменію, которое изображается рукою въ сложенныхъ перстахъ *), которые Онъ Самъ заповѣдалъ вѣрующимъ въ Него, и которыми отогналъ отъ Себя искушителя Своего, сложивши два перста... Сия Богопредааннымъ повелѣніемъ полагать персты указаннымъ образомъ на всякихъ мѣстахъ вси вышепоименованные святіи отцы вопіютъ... Сіе знаменіе есть воистину древнее преданіе, которому первыхъ христіанъ научили святіи апостолы; и хранится оно въ православной Церкви въ числѣ изъ сохранныхъ и непреложныхъ догматовъ (Василія Вел. пр. 91)...

Сіе знаменіе въ концѣ концовъ даже признали и нѣкоторые

*) Что Христосъ не крестился (не знаменовался крестомъ), объ этомъ и сами раскольники болѣе начитанные не говорятъ (Помор. отв. 44).

никонианскіе пастыри, что сіе знаменіе есть догматъ и догматическое исповѣданіе, и Богопреданное повелѣніе. Зри всякій книжку. составленную первую отъ московскаго Комитета въ 1889 г. подъ названіемъ: «Печать Господа Нашего Иисуса Христа», на стр. 1 и 26, вторая книжка такая же, по благословенію обители преподобнаго Сергія издана въ 1897 г., на стр. 1 и 18. Здѣсь признано, какъ Христовой Церковью, такъ и ея врагами, за Богопреданное знаменіе, рукою воображаемое, что и какимъ образомъ отъ крестнаго знаменія получали исцѣленіе и творили чудеса вышеописанные святіи мужіе и жены. Сіи свидѣтельства, коихъ здѣсь поставлено 130 случаевъ, должны повліять на каждого вѣрующаго истинно въ Бога христіанина и насильственно заставить пробудиться совѣсти» (л. 94—95). Съ особеннымъ удареніемъ авторъ указываетъ въ данномъ случаѣ на 91 пр. Вас. Вел. и двѣ книги «никонианскихъ» пастырей.

Но кто же не пойметъ всю лживость «воззванія»! Ни одинъ изъ «вышепоименованныхъ» св. отецъ ни слова не говорилъ о двухъ перстѣхъ, какъ это видно изъ приведенныхъ же въ книгѣ отеческихъ свидѣтельствъ, и ни одинъ изъ нихъ не «вопіетъ» о немъ, какъ «непреложномъ догматѣ». Въ 91 пр. Вас. Вел., какъ и въ книгахъ православныхъ пастырей, апостольскимъ преданіемъ считается лишь крестное знаменіе, а не двухперстіе.

II.

Переходя, далѣе, къ обличенію «никонианской» церкви, авторъ приводитъ прежде всего слова священномученика Никифора: «кто отвергается креста, тотъ отвергается Христа (кн. Никиф. патр. Слово на Воздвиженіе кр. 48, л. 1052) и затѣмъ продолжаетъ: «Но внезапно сей древній обычай христіанъ... къ несчастію христіанскому 1654 годъ открыто ступшеваль и сгладилъ, и послѣдователи его въ книги записали, что сіе Христопреданное догматическое и Богопреданное повелѣніе есть «чортово» преданіе, и волшебное знаменіе и сатанинское преданіе (кн. «Обличеніе» гл. 1, л. 26 и Игнатій м. Спб. посл. 2. стр. 34). И всѣхъ сихъ душеубійственныхъ ругательствъ на святы й крестъ Христовъ, имъ же знаменуемъ себя и различныя вещи, воображая рукою, 52 пункта въ различныхъ книгахъ

находящіеся. И духовный Синодъ издалъ отъ себя книгу «Обличеніе», въ которой на листу 26 гл. 1 засвидѣтельствовалъ сице: двуперстное сложеніе ваше... отъ латинъ-ли вы взяли, или отъ много какого чорта... о томъ здѣ не изслѣдуемъ... Не устрашилися сін дерзкіе законодавцы, и не убоялися великаго Бога, и не устыдилися сонма святыхъ мужей и женъ, святитель и мучениковъ и апостоловъ, творящихъ рукою крестное знаменіе, крестомъ изъ перстъ воображенныхъ: верхнихъ 2 и нижнихъ трехъ и чудеса ими творимыхъ, якоже вышепоименованныхъ... Внемлите, отцы и братія, на вышепоименованный сонмъ мужей и женъ!..» (гл. 91 об. и 92).

Къ разнымъ «ужасающимъ скаредствамъ», которыми якобы православная Церковь «обругала печать Христову», малограмотный писакъ обращается нѣсколько разъ, не стѣняясь ни исторической правдой (извѣстную рѣзкость о двуперстїи — «де» — «монъ» авторъ нашелъ — л. 114 — въ «Обличенїи» Теофилакта на л. 26, гл. 1, а не въ «Розыскѣ» Дмитрія Рост.), ни смысломъ полемическихъ книгъ. Остановливаясь здѣсь на разъясненїи того, къ чему и въ какомъ смыслѣ относятся порицательныя выраженїя частныхъ писателей, полемизировавшихъ противъ раскола о «старыхъ» обрядахъ, и какое «изъясненіе послѣдовало по этому вопросу отъ Св. Синода 1886 г., не будемъ. Объ этомъ уже много и обстоятельно написано въ миссіонерской литературѣ. Мы желаемъ только обратить вниманіе читателей на то, на какую безсовѣстность способны раскольничьи писаки, пропагандирующіе свое заблужденіе! Авторъ разбираемой книги не устыдился голословно утверждать, что весь «сонмъ святыхъ мужей и женъ, святитель и мучениковъ и апостоловъ» знаменался двуперстно, и все чудеса «вышепоименованные» сотворены таковымъ именно перстосложеніемъ, хотя ничего подобнаго въ приведенныхъ имъ свидѣтельствахъ не усматривается. Безъ всякаго стыда клеветаетъ онъ и на православную Церковь, — якобы она похуляетъ крестъ Христовъ и подводитъ ее даже подъ судъ патр. Никифора — «кто отвергается креста, тотъ отвергается Христа». Св. крестъ православная Церковь благоговѣйно чтитъ, какъ орудіе нашего спасенія, лобзаетъ его, славить и поклоняется ему. Рѣзкія же выраженїя полемистовъ (частныхъ писателей,

а не Церкви) относились только къ раскольниковъ двуперстію, одогматизированному церковными раздорниками, и поднятому ими за знамя своей вражды и всяческихъ похуленій по отношенію къ Св. Церкви и ея обрядамъ.

III.

Усиливаясь показать правоту своей клеветы, что православная Церковь якобы «ужасающими скаредствами» похулила св. крестъ Христовъ, авторъ доказываетъ, что «два перста есть не двуперстіе, а крестъ» (94 и 95 лл.). Доказательства свои онъ видитъ въ словахъ «Сына Церковнаго»—«о крестѣ, его же носимъ: не просто бо есть, но великаго тайнства исполненіе... помни себѣ и не забывай о крестѣ, чтобы не платье на себѣ крестити, но тѣло свое, сего ради крестомъ осѣняеши... аще кто исполнитъ крестъ по завѣщанію святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ вообразитъ на ся, вельми сего бояться и трепещуть бѣси, и далече бѣжать отъ него... таково есть знаменіе живоноснаго креста Господня («Сын. Цер.» единов. печ. 1894 г. лл. 39, 40, 41—42). Ясно здѣ, говоритъ авторъ, показываетъ Христова Церковь въ своемъ святомъ Писаніи, что сложеніе рукою есть не двуперстіе, а истинный крестъ».

Но кто же повѣритъ этимъ словамъ раскольниковъ грамотея? Чтобы св. апостолы и св. отцы завѣщали двуперстіе, этого изъ книги автора не видно, какъ и изъ словъ «Сына Церковнаго». А истово крестъ можно «вообразить на ся» и троеперстіемъ, которое такимъ же образомъ служить символомъ «великаго тайнства». Но авторъ настаиваетъ, что двуперстіе есть именно крестъ. И помимо словъ «Сына Церковнаго» особенную доказательность сему онъ находитъ въ «хартіи, находящейся въ Москвѣ, въ дворцовой моленной, въ термахъ Михаила Федоровича Романова», съ коей приводитъ снимокъ. «Совѣтомъ Царскимъ, и всего освященнаго Собора, учинена Грамота указная, веѣмъ обща изуграфомъ иконописцемъ пишущимъ святыхъ персоніи, въ лѣто 7178 на Москвѣ».

«Божією милостію, мы Великій Государь Царь, и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержецъ, со веѣмъ Соборомъ, завѣщана:

Начала всякому дѣлу, знаменати уды своя, чинно знаменіемъ креста Христова, съ молитвою Ісусовоу сице: Господи, Ісусе Христе, Сыне Божій помилуй насъ. Аминь. Се премудрость Божія, възвыситъ ея въ дѣлахъ подобія, да поживете... идѣже что твориши или дѣлаеши. Аще піеши, или яси, или въ путь идеши, не перестай глаголи Ісусову молитву и крестомъ Христовымъ ограждай выну, да уладится сердце твое, и исправится всякое по Бозѣ дѣло твое.

Господь нашъ Ісусъ Христосъ сошедъ во адъ, тако ослаби своею десницею, всю силу смертную, и многихъ възвелъ съ собою на небеса возведъ; и по себѣ оставилъ апостоломъ своимъ и святителемъ, и всемъ христіаномъ обще подобаетъ воображати на себѣ во спасеніе души и тѣла сице: Первѣ сложеніе десницы перстовъ: правость персть протянути являетъ главу креста Народательный преклонься, являетъ, спасенія силу, еже мало древо глава креста кійждо персть въ длани имать утверженіе. А троицныхъ персть сложеніе руки креста, среди троицныхъ перстовъ бысть среди креста, понеже два перста за единъ, и на рукѣ крестъ срединою слагается. Можный же персть въ прекій составомъ пригнувъ; Любое же мѣсто подобіе

высокость гогофа корень перстовъ образъ троица, изъраствивъ намъ гроздь спасенія, Божество и человечество... Первѣ воздвигать выш-

ними двѣма персты полагающе на главу... Посемъ на сердце полагающе... Посемъ обоча, полагаше на правое плечѣ... Паки полагаемъ на лѣвое плечѣ... Отъ Божественнаго писанія, и изображенія начертанія, всякъ человѣкъ исправится. (Доздѣ указная грамота)».

Интересно прежде всего,—что это за хартія царя Алексѣя Михайловича въ 7178 году (т. е. 1670 или даже 1678 гг.), то есть уже послѣ Большого Московскаго собора 1667 г.? Могла ли тогда исходить отъ царской власти и всего освященнаго собора грамота съ наставленіемъ двуперстію и при томъ какъ «кресту»? Самое же наставленіе такое, что даже при иллюстраціи въ немъ трудно добраться до смысла. Явно, что мы въ данномъ случаѣ имѣемъ дѣло съ фальсификаціей! Что двуперстіе никакого подобія креста не представляетъ, это, вѣдь, самоочевидно. Раскольникій же авторъ считаетъ свою побѣду дѣломъ рѣшеннымъ. «А никоніанскіе миссіонеры, пишутъ онъ, протолковали всѣмъ и каждому, что перетосложеніе двумя персты не есть крестъ, а двуперстіе. Отъ сего то безстрашія и дерзнули (миссіонеры, значить, а не Церковь, какъ раньше въ книгѣ утверждалось!) назвать крестъ Христовъ—чортово преданіе! а приняли троеперстіе и нарекли сіе троицею» (троеперстіе у насъ не есть троица, какъ у раскольниковъ двуперстіе—крестъ!). Коснувшись, далѣе, того, что православные не истово изображаютъ на себѣ крестное знаменіе (что часто встрѣчается и у раскольниковъ, что случалось и во времена «стоглава»), что «или по невѣрію, или по невѣжеству, или по лѣности и модѣ, они махаютъ рукою небрежно, поспѣшно, иногда за одинъ поклонъ дѣлая нѣсколько неопредѣленныхъ скоробѣжныхъ оборотовъ, ни мало не похожихъ на крестъ Христовъ, но скорѣе похожихъ на ткани пауковъ (96 л.), а—пастыри ихъ не только сами махаютъ сѣмо и овамо, но и съ кафедръ проповѣдуютъ, что чѣмъ хочешь молишь, хошь кулакомъ» (?), авторъ сообщаетъ, что, какъ «всякій благоразумный видитъ», «Церковь никоніанская и ея пастыри не имѣютъ на себѣ крестнаго знаменія, и лишились благодати ¹⁾, да и невозможно имъ имѣть его, понеже нарекоша его чортовымъ преданіемъ и различныя ругательства обозваша», и, приведши извѣстныя мѣста—изъ Б. Катихизиса («не

¹⁾ Авторъ ссылается въ данномъ случаѣ на авторитетъ „проф. Пугатина, который признавать не истово совершающихъ крестное знаменіе

пріемлющій крестнаго знаменія... пріяти имать на чело свое и на десную руку антихристову печать, л. 102) и Ефрема Сирина—о печати сквернаго, пріявъ которую, человекъ не будетъ имѣть возможности правой рукой напечатлѣвать на себѣ печать Христа Спасителя нашего (твор. ч. 3, сл. 1, на пріишествіе Господне), пишетъ: «Здѣсь видно всякому даже малознающему писаніе, что они (православные) явно пріяли печать антихристову, а печать Христову обругаша ужасающими сквердствами» (98 л.).

Приведенная хула на православную Церковь не новость въ расколѣ. Давно она уже разобрана и обличена: крестнаго знаменія православные никогда не отрицали и благоговѣнно имъ знаменуются. Удивительно и прискорбно только то, что раскольничье мракобѣіе не поддается дѣйствию и цѣлыхъ вѣковъ: вѣдь не будь въ книгѣ новыхъ словъ да хронологическихъ датъ (и изъ самаго близкаго къ намъ времени), можно бы подумать, что она написана ратовавшимъ на «трехперстную блядь» протопопомъ Аввакумомъ!..

Коснулся авторъ въ «воззваніи къ читателямъ» обличительнымъ словомъ своимъ и разности перетосложенія благословляющаго (пастырскаго) и молитвеннаго (92 л. об.)²⁾ и противъ полагающихъ Сына Божія на лѣвое плечо (при чтеніи «молитвы Ісусовой» лл. 105—109). Въ последнемъ случаѣ авторъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ «лѣвятекую ересь» (въ расколѣ) и насть почти не касается. Онъ доказываетъ «отъ св. отецъ», что, при чтеніи «молитвы Ісусовой» и крестномъ знаменіи, слова «Сыне Божій» надо произносить, полагая персты на правое плечо, а не на лѣвое. Противъ разновидности перетосложенія благословляющаго (архіер. и іерейскаго) и молитвеннаго онъ выставляетъ одно: «единъ Христосъ, едина вѣра, едино крещеніе и едина печать Господа нашего Ісуса Христа, находящаяся въ рукахъ какъ людей освященныхъ, такъ равно и неосвященныхъ». Письменнымъ и иконографическимъ сви-

(троеперстіемъ) лишенными благодати, неправославными и принявшими печать антихристову („Печать Креста Христова стр. 11, 222) и историка Н. Прокоповича, утверждавшаго, что безъ креста и крестнаго знаменія люди лишаются блаженства“ (л. 100).

²⁾ Здѣсь же обличаются авторомъ и старообрядцы, которые, якобы наслушавшись миссіонерскихъ проповѣдей, не благословляютъ своихъ трапезъ и пр., говоря, что это дѣло—іерейское.

дѣтельствамъ древности о перетосложеніи благословляющемъ—именословномъ (у освященныхъ лицъ) авторъ, видимо, не придаетъ никакого значенія, поелику они ему не въ руку.

IV.

Оклеветавъ (въ «воззваніи») всячески св. Церковь православную въ минномъ отверженіи и похуленіи ея св. креста, раскольниковъ писатель продолжаетъ и восполняетъ свое злое дѣло въ «притиженіи» (со 110 л.—123).

«Отцы и братія! — «притигается» онъ, здѣсь явно изболѣчена въ погрѣшеніи никоніанская церковь, во 1-хъ изрыгнула ядъ злобы и всякія ругательства на святыи и честный крестъ, его же Христова Церковь слагала изъ перетъ и дѣлала на челахъ своихъ крестное знаменіе, сіе она воображала и воображаетъ на себѣ во спасеніе души и тѣла, съ молитвою Іесусовою. Она же, Россійская Церковь, изъ молитвы Іесусовой съ проклятіемъ изринула Сына Божія, тлила сію молитву и присягнула, поклялась, какъ о о крестѣ, такъ и о молитвѣ, что не будетъ употреблять то и другое по древнему преданію, и проклѣла и анафематствовала сихъ людей, которые впредь будутъ воображать на лицѣ своемъ крестъ и молитву, да и каждый священникъ даже не поставлялся во священники безъ странной сей присяги, которая истекла изъ 1679 года сие ¹⁾: общаюся всею моею душою и всею сердцемъ, свидѣтельствующими совѣсти общанія моего, клянуся предъ всемогущимъ моимъ Богомъ и свитымъ Его евангеліемъ, яко знаменіе честнаго креста воображати буду всегда тако полагати на лицахъ своихъ, первыми тремя переты, а не двумя по раскольнически. Проклинаю тѣхъ, которые не знаменуются тремя переты, а знаменуются двумя переты—указательнымъ и великосреднимъ, и нѣтъ знаменоватися тако научиши и нѣтъ учать, да будутъ проклѣты и анафема. Проклинаю тѣхъ, которые не приемятъ триперстное сложеніе, чрезъ Іисусъ Христосъ кратчайше пятиперстное благословеніе да будутъ

¹⁾ Подложность сей присяги въ нашемъ журналѣ уже показана. См. ж. 1902 г. ст. свящ. Воловея «Разборъ грамоты неокружниковъ».

проклятіи и анафема, и тако въ чемъ либо въ маломъ противу сего обѣщанія, обѣщанію и клятвѣ явлюся ложь, то нынѣ да приидуть на мя святыхъ отецъ вся соборныя клятвы... (см. чинъ присяги 1720 года, іюля въ 3 день).

И въ 1725 года 23 мая отличительное клятвенное обѣщаніе попа Никифора Львова, обвинявшагося въ расколичествѣ, прочитанная при народномъ собраніи въ С.-Петербургскомъ Троицкомъ Соборѣ, повторена сія страшная присяга, и молитву Ісусову поклялся сій священникъ говорить безъ Сына Божія, и святой крестъ и знаменіе крестное, во всеуслышаніе вѣмъ проклиналъ и анафематствовалъ (Зри книгу: «Отношеніе русской церковной власти къ расколу старообрядства при Петрѣ Великомъ» А. Синайского. С.-Петербург. печати 1895 года, къ концу книги статья 5-я, стр. 15-я).

И соборъ 2-го іюля 1666 и 13-го мая 1667 года, также проклиналъ крестъ и молитву Ісусову и заповѣдалъ молиться троеперстно, а въ благословеніи іерейскомъ пятиперстно, и молитву Ісусову: Господи Ісусе Христе Боже нашъ помилуй насъ, а кто не будетъ тако, а будетъ молиться якоже Церковь Христова руководилась до лѣтъ Патріарха Никона, то мы такового противника (говорятъ соборы) данною намъ властію отъ всесвятаго и животворящаго Духа, аще будетъ отъ священнаго чина, извергаемъ и обнажаемъ его отъ всякаго священнодѣйствія и благодати и проклятію предаемъ, аще же отъ мирскаго чина, отлучаемъ, и чужда сотворяемъ отъ Отца и Сына и Св. Духа и проклятію и анафемѣ предаемъ, яко еретика и непокорника и отъ православнаго всеобщенія и стада и отъ Церкви Божія отсѣкаемъ, яко гниль и непотребенъ удъ, дондеже вразумится и возвратится въ правду покаяніемъ. Аще ли же не вразумится, то да будетъ и по смерти отлученъ и не прощенъ, и часть его и душа съ Іудею предателемъ, и съ распятыми Христа жидами и съ Аріемъ и съ прочими проклятыми еретиками. Желѣзо, каменіе и древеся да разрѣшатея и да растлятся, а той да будетъ не разрѣшенъ и не разрушенъ и яко тишанъ, во вѣки вѣковъ, аминь (Зри книгу дѣяній Московскихъ Соборовъ 1666 и 1667 годовъ и книгу протоколы 1873 года, 26-го февраля и 13-го марта страница 262-я).

Также и послѣ сихъ проклятій и отреченій въ 1723 года

архіепископъ Теофанъ Прокоповичъ призналъ крестъ животворящій, трехчастный, и рукою въ перстахъ изображаемый, вещьми средними, и словомъ Божиимъ не опредѣленные, и ко спасенію весьма ненужныя! (Зри книгу: «Отношеніе русской церковной власти къ расколу старообрядства въ первые годы синодальнаго управленія при Петрѣ Великомъ» (1721—1725 г.) изслѣдовано священникомъ А. Синайскимъ, С.-Петербургъ, 1895 года, стр. 12-я, къ концу книги римскаго счета). Да и теперь цензурою признано за правильное сіе дѣйствіе Теофана Прокоповича, который призналъ крестъ и крестное знаменіе ко спасенію весьма не нужное, и признала цензура сіе также и съ тѣмъ вѣрованіемъ выпустила въ свѣтъ въ 1895 годъ большія тысячи такихъ книгъ, къ которымъ и подписалась въ симъ видѣ: Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печать дозволяется С.-Петербургъ, іюля 6 дня, 1895 года цензоръ архимандритъ Тихонъ. Изъ сихъ живыхъ данчыхъ свидѣтельствъ ясное получилось вѣрованіе грекороссійской Церкви, что она отрелась съ клятвою въ молитвѣ Іисусовой отъ Сына Божія, и его животворящаго креста, и признала вещью ко спасенію весьма не нужной.

Какихъ же еще должно дожидаться свидѣтельствъ болѣе! что такихъ клятвъ и ругательствъ и отреченій ни у какихъ еретикъ еще не было, какъ у грекороссійской церкви. Здѣсь на ней исполнилось прореченіе Ефрема Сирина, который говоритъ: что змій скверный будетъ полагать свою печать не на какомъ либо членѣ тѣла, но на правой рукѣ человѣка, чтобы человѣкъ не имѣлъ возможности правою рукою напечатлѣвать на себѣ знаменіе Христа Спасителя нашего.

Вотъ сій-то скверный змій и произнесъ хулу въ 1666 и 1667 годъ и скверное свое парицаніе на изображающій перстами крестъ...

Сего злаго змія послушали іерархи въ вышеописанные года на соборѣхъ, который пошенталъ имъ въ уши, какъ нѣкогда въ едемскомъ раю Евѣ, и лишилъ сихъ учителей Россійской Церкви Христова креста, крестнаго знаменія, на правой рукѣ слагаемаго, и научилъ ихъ сій змій признать сій святой и великій Христовъ крестъ и его знаменіе: сатанинскимъ преданіемъ! Сіе то имя Спасителя изъ молитвы Іисусовой при крестномъ знаменіи употребляемой: «Сына Божія», сій змій въ 1666—1667 г. съ проклятіемъ и страшными

хулами запечатлѣть! и имя Спасителя Ісусъ, послѣ соборовъ сихъ дерзнулъ, назвать «Равноухимъ, и чудовищнымъ и ничего не значущимъ». (Книга «Пращица», отвѣтъ 146, лис. 232-й. Розыскъ часть 1-я, глава 15, стр. 18).

Мы нарочито привели такую большую выдержку изъ «пристѣженія», чтобы показать; на какую наглую поддѣлку способна подпольная раскольниковъ литература. Кому не очевидно, насколько нелѣпо и нечестиво утвержденіе автора, якобы православная Церковь отвергается отъ креста и Сына Божія и похуляетъ имя Спасителя! Вѣдь вотъ такихъ-то именно, какъ писака разбираемой книги, прoderзателей и хулителей св. Церкви, соборъ 1666—67 г. и имѣлъ въ виду въ своей клятвѣ, отъ зараженія такъ имъ хулительствомъ на Православіе Церковь и ограждала своихъ чадъ и пастырей въ разныхъ клятвенныхъ обѣщаніяхъ. И клятвы церковныя тутъ вполнѣ понятны и законны. «Аще кто возстае на Церковь, у того плоть, яко у Гезія, да поразится проказою», говоритъ св. Ефремъ Сиринъ («Завѣщаніе»). «Удаляющіеся отъ св. Церкви врази Божіи бываютъ, а бѣсомъ друзи» («кн. о вѣрѣ» 15 об.). Церковныя клятвы, какъ и рѣзкія выраженія церковныхъ писателей относительно «старыхъ» обрядовъ, касались не крестнаго знаменія, не молитвы Іисусовой, не имени Спасителя и т. п., а тѣхъ раздорниковъ и «неококорниковъ», которые сдѣлали свой «старый» обрядъ знаменемъ похуленія на Церковь и вражды съ нею, и вовсе не имѣютъ того смысла, который имъ клеветнически навязываетъ раскольниковъ книга «Дѣянія соборовъ 1666—1667 гг.», самыя полемическія сочиненія, на которыя указываетъ авторъ, и, наконецъ, «единовѣріе» съ благословенными Церковью «старыми» обрядами, не оставляютъ въ томъ сомнѣнія. Въ словахъ Ѳеофана Прокоповича, о трехъ частномъ крестѣ и перстахъ для крестнаго знаменія, какъ вещахъ среднихъ, только обезумѣвшій отъ фанатизма раскольникъ можетъ вытолковать «признаніе креста и крестнаго знаменія ко спасенію весьма ненужными»!

«Изъ сихъ живыхъ данныхъ свидѣтельствъ, пишетъ авторъ, ясное получилось вѣрованіе Грекороссійской Церкви, что она отреклась съ клятвою въ молитвѣ Іисусовой отъ Сына Божія, и Его животворящаго креста... Какихъ еще должно дожидаться сви-

дѣтельствъ болѣе! Невольно вспоминается судъ надъ Иисусомъ Христомъ у Каиафы. Были поставлены лжесвидѣтели. Христосъ обвинялся въ богохульствѣ. Каиафа восклицаетъ: «на что намъ еще свидѣтелей?.. Тогда плевали Ему въ лице и заушали Его» (Мѣ. 26, 57—67)... Раскольничій грамотей, злобно вытолковавъ изъ разныхъ книгъ лже свидѣтельство на св. Церковь—якобы она отреклась отъ креста и Сына Божія, вопитъ: «какихъ еще должно дожидаться свидѣтельствъ болѣе» и... оплевываетъ непорочную Невѣсту Христову, оклеветавъ и извративъ ея слова и дѣйствія и осудивъ ихъ, какъ «шестаніе злаго змія»... На «лжесвидѣтельства» Христосъ молчалъ. И теперь долготерпѣть Господь клеветникамъ и хулителямъ Его Невѣсты до дня суднаго, когда за всякое слово даже праздное только потребуется отвѣтъ!

Заканчиваетъ авторъ свою хулительную книгу старымъ обвиненіемъ троеспертія—въ богострастнической, свихіанской и монофелитской ересьяхъ—со словъ извѣстнаго расколоучителя дьякона Федора, — («Зри о семъ въ книгѣ Россійскій виноградъ, наход. въ Москвѣ въ Румянцевскомъ Музеѣ, въ отд. древнихъ рукописей за № 505, въ главѣ 7»):

„Тремя перстами крестъ творяще, пресвятую Троицу на крестъ распяту и страдавшу показуете; страсть безстрастному, умерщвленіе безсмертному Божеству симъ не добръ являюще... снче бо знаменованіе богострастникомъ есть согласно...“

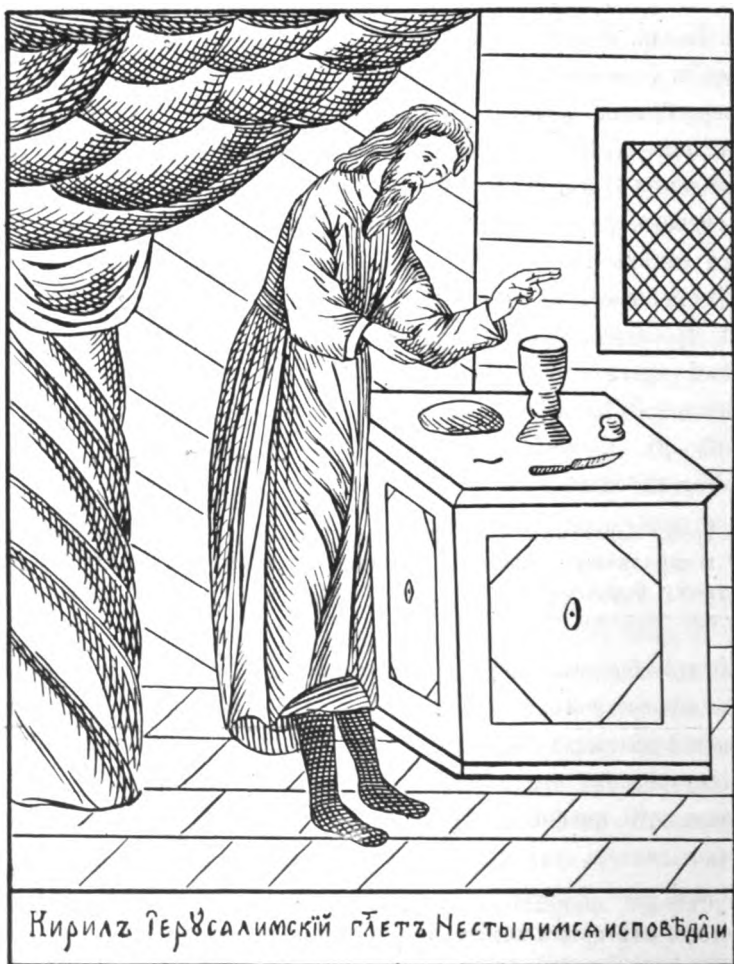
Будто бы изъ двупертія нельзя вытолковать того же: вѣдь и въ двуперстномъ сложеніи въ трехъ-то перстахъ—символь Троицы и въ возлагаемыхъ на чело и пр. двухъ перстахъ можно бы видѣть мудрованіе, что и божеское естество во Христвѣ страдало и умирало, что именно (по Кир. кн.) и было бы богострастнической ересью.

„Снцевое знаменіе свихіаномъ согласующее... яко вочеловѣченіе Христово, еже двѣма перстами исповѣдается, отмечающее... и единовольникомъ уподобляется, едину волю, а не двѣ во Христвѣ исповѣдающимъ... воплощенія Христова тайну, еже двѣма перстима два естества во Христвѣ.. двѣ воли православно исповѣдавшееся, вседержаство отмечаете“.

Но вѣдь никакіе св. соборы, ни св. отцы не заповѣдывали въ ерстосложеніи именно и непременно исповѣдывать два есте-

ства и двѣ воли во Христѣ, а что то и другое св. православная Церковь истинно исповѣдуетъ и тому и другому учить въ своей догматикѣ, объ этомъ и раскольники не спорятъ.

Лжеобвиненіе свое авторъ оканчиваетъ ссылкой на подозрительный *) «соборный указъ патр. Іосифа и ц. Михаила Феодоровича».

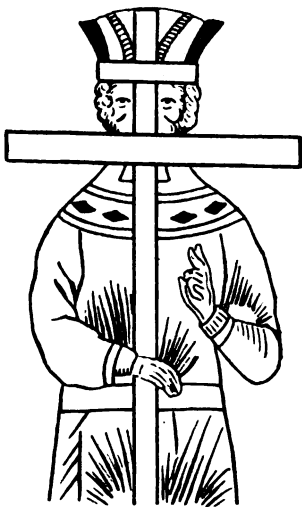
«Глаголетъ Іосифъ Патріархъ Московскій: троеперстіемъ соблазнилъ молится Петръ Могила въ 1-е лѣто Патріаршества Іосифа, сдѣлавъ оу»

Мы съ этимъ „указомъ“ не встрѣчались и провѣрить голую ссылку раскольника пока не могли.

соборъ въ Яссахъ въ 1642 году и указалъ на троеперстное сложеніе: что ересь богострастная и въ лѣто издалъ псалтыри и положилъ въ нихъ о двуперстїи въ дѣтское ученіе. (Зри въ соборномъ указѣ Патріарха Іосифа, и Михаила Феодоровича хранящимся въ патріаршей ризницѣ).

Если признать этотъ «указъ» за «соборный» и подлинный, и тогда раскольникъ не можетъ «непщевати вины о грѣсѣ» своемъ: если патр. Іосифъ считалъ Кіевскую Церковь, соблазненную якобы митр. Петромъ Могилой, еретической—за троеперстіе, то почему онъ не прекратилъ съ нею религіознаго общенія и не предалъ ее проклятію? Патріархъ этого не сдѣлалъ,—видимо, еретичества за Кіевскою Церковью не находилъ. А если находилъ его и не проклиналъ и даже, болѣе того, допустилъ вызвать изъ Кіева въ Москву для нужды церковнаго просвѣщенія кіевскихъ ученыхъ монаховъ въ 1649 году (черезъ 7 лѣтъ по выходѣ «исповѣданія» П. Могилы), тогда онъ сдвали уже будетъ для раскольника патріархомъ «святѣйшимъ»...

Такова раскольниковъя книга «о печати Христовой, крестнаго знаменія», уготованная на соблазнъ многихъ «малыхъ». Жизнь ея для грамотныхъ нами показана, а для неграмотныхъ показать это постарался самъ авторъ: одна изъ картинокъ, въ концѣ книги (стр. 125 об.), служащая иллюстраціей къ извѣстнымъ словамъ Кирилла Іерусалимскаго: «не стыдимся исповѣдывать Распятаго, но съ дерзновеніемъ да изображаемъ знаменіе креста... на всякой вещи», изображаетъ св. отца, который благословляетъ явство и питіе двуперстно, но лѣвою рукою. Лѣвою же рукою показуется двуперстіе и на другой картинкѣ въ самой книгѣ—л. 103 см. рис. рядомъ).

Не попускаетъ Богъ торжества жи. И «малыхъ» —неграмотныхъ предупредилъ Онъ, Милосердный, объ этой раскольниковъей книгѣ, «да никто же ей вѣруеть зане тое писаніе живо есть».

(Продолженіе будетъ).

П. Гринякинъ.

Изъ записокъ и дневниковъ.

Миссіонерскіе очерки.

VII.

Гробы окрашенные (№. 23, 27).

На первыхъ порахъ своей жизни штундисты держали въ осадѣ православный народъ. Они хвастались передъ нимъ своею грамотностью, своимъ благочестіемъ и строгимъ согласіемъ въ общественныхъ дѣлахъ. Долго православные мужики не догадывались, что такое представляютъ собою штундисты съ внутренней своей стороны. И увлекались н а р у ж н ы м ъ поведеніемъ.

Но вотъ проходили годы. Мужики ближе присмотрѣлись къ штундистамъ. Тогда-то они сообразили, что эти сектанты — не болѣе, какъ гробы окрашенные, о которыхъ говорится въ Евангеліи (№. 23, 27).

Сама жизнь привела нашихъ мужиковъ къ такому заключенію. — Былъ въ одномъ селѣ старикъ Бобокъ, безграмотный и глуповатый. Онъ, по чужому наговору, увлекся штундой. И сталъ превозносить прелести ея!.

У этого Бобка былъ внукъ, котораго онъ звалъ Ваняткой.

Ваняткѣ пошелъ 23-й годъ. Но онъ былъ уже крещенымъ штундистомъ, „святымъ“, по словамъ своего дѣда. Этотъ „святой“ Ванятка заскучалъ сидѣть дома. Вмѣстѣ съ другимъ штундистомъ Рыжковымъ они порѣшили уйти на Кавказъ, „людей помотрѣть“...

Но на дорогу нужны деньги. И Ванятка потихоньку отъ дѣда сталъ воровать у него муку и просо. Этого добра у Бобка было много: у него была мельница.

Наворовали денегъ. Ушли. Проходить недѣля. Дѣдъ напрасно ждетъ своего бѣглеца-внука. Въ тревогѣ онъ заявляетъ полиціи объ исчезновеніи „со двора“ Ванятки. Пошли розыски...

Проходитъ лѣто. Возвращается домой Рыжковъ—виновникъ побѣга Ванятки. Бобокъ присталъ къ нему съ вопросомъ:

— Куда дѣвалъ моего внука?

Рыжковъ отвѣчаетъ:

— Онъ отсталъ отъ меня въ Баку. Денегъ у него не хватило...

Бобокъ съ тревогой и волненіемъ ждетъ Ванятку. Наложилъ на себя семидневный постъ. Наконецъ, внука пригоняютъ „по этапу“. Оказалось, — голодъ замучилъ его въ Баку. Три дня онъ не ѣлъ; бился среди уличной нищеты и добровольно отдался въ руки полиціи, какъ безпаспортный...

Православный „міръ“ возмущенъ былъ поступкомъ бѣглецовъ. Отецъ Ванятки—православный—горько упрекалъ Бобка за то, что онъ „испортилъ“ ему сына штундой.

— Былъ Ванятка послушнымъ малымъ, жаловался отецъ, а теперь вонъ какія дѣла отколачивать началъ!..

Пріѣхалъ я въ то село, гдѣ жилъ Бобокъ. Устроилъ бесѣду съ штундистами. На нее Бобокъ не пришелъ. Встрѣчаю его послѣ на улицѣ.

— Здорово, дѣдъ!

— Здравствуй.

— Что не приходилъ на бесѣду?

Бобокъ издала меня не узналъ и говоритъ:

— Чего тамъ дѣлать? Кабы „онъ“ закону училъ. А то „онъ“ отъ закона отводитъ...

Начался разговоръ про штундистовъ.

Я напомнилъ дѣду:

— Вонъ твой внукъ какое дѣльце отлилъ! А ты говоришь—ваши братья свѣты...

Бобокъ болѣзненно пошатнулся всторону и какъ-то таинственно прошепталъ:

— То-то и есть. Я говорилъ внуку: „Ванюшка! погоди креститься. Не выдержишь этакое дѣло“... Онъ одно свое: „ты за собой, дѣдъ, блюди, я знаю себя“... Вотъ и узналъ. И вышло—дѣволу продалъ свою душу. Нѣтъ ему теперь покаянія...

Я возразилъ:

— Какъ это такъ? ап. Павелъ кровосмѣсника простилъ, а ты вора—внука не хочешь прощать?...

Бобокъ сказалъ:

— Кровосмѣсникъ христіаниномъ не былъ. Вотъ въ чемъ нитка!..

Я досталъ изъ кармана Евангеліе и на строкѣ засвидѣтельствовалъ, что дѣдъ ошибается (ср. 2 Кор. 2, 7). Потомъ прибавилъ:

— Видно, дѣдъ, ни къ чему ваше купанье въ рѣкѣ!..

— Ну, а вы махонькихъ-то крестите даромъ. Нѣтъ отъ этого пользы.

Я замѣтилъ:

— Вы вотъ Рыжкова крестили съ большой бородой. А какое дѣло онъ тебѣ подстроилъ!..

Дѣдъ позабылъ нитку нашихъ разговоровъ и горько промолвилъ:

— Извергъ онъ! Самъ шелъ бы, куда глаза глядятъ, а малаго съ собой не волокъ...

Я сказалъ:

— Вотъ и выходить ваше перекрещенье ни къ чему. Одно купанье!..

— Ну, и вы здоровые гордцы! промолвилъ дѣдъ. Чего вы къ намъ не ходите на собранье?..

Я отвѣтилъ:

— По слову Псалмонѣвца: „блаженъ мужъ, который не ходитъ на совѣтъ нечестивыхъ“ (Пс. 1, 1).

Бобокъ съ горечью сказалъ:

— И ваша порода-то хороша! Вонъ она какъ расписана у Мѣ. гл. 3, ст. 7...

Я возразилъ:

— Нужно еще доказать, что мы порожденія ехиднины. Я думаю, это уподобленіе всего ближе относится къ вамъ. Вы хвастаетесь наружными добродѣтелями, а какія дѣла творите? Вотъ про вашего здѣшняго „брата“ рассказываютъ, что онъ обманывалъ интендантство. Сдавалъ сѣно въ казну. А чтобы оно было тяжелѣе, онъ заворачивалъ въ него мерзлый навозъ. Это судомъ доказано. Да и малый вашъ за то въ острогѣ сидѣлъ...

Одинъ изъ подошедшихъ мужиковъ прибавилъ:

— А вы знаете Серегу—штундиста, вотъ того, что на бесѣду съ вами часто вырывается?

— Знаю.

— Такъ дозвольте про него разсказать. Намедни пріѣхали мы съ кумомъ изъ города. Перезябли. Съ холода зашли въ кабакъ. Сидимъ, пьемъ водку. Вдругъ вбѣгаетъ Серега. Беретъ полубутылку и съ своимъ братомъ—шастъ подъ сарай!.. Выходятъ оттуда веселые. Говорю:

— Эй, Серега. отказался ты отъ иконъ, а водку тянешь. Держи стаканъ!.

Серега засмѣялся— и разъ его...

На дняхъ, этотъ же Серега три дня пьянствовалъ въ городѣ. Вы только все это прикрывасте.—укоризненно обратился православный къ Бобку, — а наши простецкіе мужики въ открытую живутъ...

Дѣдъ пробовалъ было защищаться:

— Пьяницы у насъ—рѣдкость.

Я отиѣтилъ:

— Да, явныя хъ пьяницы у васъ меньше. Это отъ того, что васъ самихъ мало и вы стѣсняетесь. Но теперь уже у васъ заводятся настоящіе пьянуги. Вотъ это пріѣзжаю къ вашимъ сосѣдямъ. Гляжу изъ батюшкина дома—идетъ мимо штундистъ Николай Павловъ, старшій братъ въ своей общинѣ. Идетъ и земли подъ собой не чувствуетъ. Такъ и мечется отъ водки въ разныя стороны...

Выбѣгаю я на крыльцо и кричу:

— Эй, Николай Павловичъ, гдѣ же твоя хваленая святость?...

Онъ очнулся и мычить:

— Не говори, коли я взялся за такое дѣло... Распрудилось!..

Видишь, дѣдъ, крещенные-то ваши и „святые“ почище нашихъ мужиковъ пьютъ!..

— А то насчетъ блуда штунды—охотники,—замѣтилъ православный. Знаю я одного ихъ пресвитера. Приспособилъ онъ къ себѣ чужую бабенку. Она къ нему приходитъ и спать съ нимъ. Люди этому, можетъ быть, не повѣрили-бы? Да самъ ихъ досуужій „братъ“ изобличилъ. Прямо накрылъ блудниковъ на мѣстѣ преступленія...

Я подтвердилъ замѣчаніе православнаго собрата и сказалъ, что подобныхъ разсказовъ намъ не для чего слушать. Если бы мы стали собирать про штундистовъ всю грязь,—мы бы не выѣхали изъ этого села. Богъ съ ними. Всѣ люди во злѣ лежатъ.

Дурно, что штунды этого не сознають и хвалятся своей святошью. А вотъ какъ мы разобрались,—нашему дѣду остается глаза протирать. Не правда-ли, Бобокъ?...

Онъ неловко себя чувствовалъ. Онъ сталъ увѣрять, что ему „ко дворамъ“ пора отправляться.

— И намъ тоже, дѣдушка! Смѣясь, сострилъ одинъ православный. Мы стали расходиться по своимъ мѣстамъ...

VIII.

Осмѣяли.

Это былъ первый случай за мою миссіонерскую службу, когда православные уклонились въ сектантство. Вѣсть объ этомъ совращеніи болью и страхомъ наполнила мое сердце, съ волненіемъ душевнымъ поѣхалъ я увѣщевать заблудшихъ. Побесѣдовалъ съ ними въ теченіи нѣсколькихъ часовъ объ иконахъ. „Новые“ молокане не покорились моимъ доводамъ.

Иду на слѣдующій день побесѣдовать съ ними. Подхожу къ дому ихъ „коновода“. Баба выбѣгаетъ со двора и кричитъ:

— Старика дома нѣту! Ушелъ въ поле...

Иду къ другому сектанту. Дѣтиски кричатъ:

— Батя ушелъ на мельницу. Придетъ домой ажъ ночью.

Вижу, что меня обманываютъ. Захожу подѣлится горемъ въ ближайшую православную избу. Тамъ бабы пряли. Онѣ въ одинъ голосъ стали меня завѣрять, что ихъ „молоканы“ попрятались. Сейчасъ ихъ видѣли въ деревнѣ.

— Да что съ ними толковать? Сказала хозяйка. Вчера вы были съ ними до хрипоты въ голосѣ. Онъ васъ только осмѣяли. Говорятъ: „вишь ты... Его спрашиваютъ, гдѣ велѣно иконы писать, а онъ несетъ, Богъ знаетъ что... Онъ думалъ, ему не найдется, что отвѣтить. Анъ нашли. И еще носъ утремъ“...

Бабы молчали. Я съ грустью сталъ припоминать ходъ вчерашней нашей бесѣды объ иконахъ. Мною было показано изъ Библии все, что можно. Молокане не унялись. Да и какъ имъ уняться?—Они спрашиваютъ:

— Покажи на строкѣ, гдѣ сказано Христомъ, что надо писать иконы?

Имъ отвѣчаютъ обходно, что такого вопроса дѣлать нельзя: въ Библіи не все записано...

Молокане глумятся и смѣются надъ подобными отвѣтами. Много нужно любви Христовой, чтобы спокойно пережить ихъ изступленный невѣжественный смѣхъ...

Я собрался уходить. На прощанье я спросилъ:

— Такъ какъ же молokane говорить про меня?

Бабы сокрушенно сказали:

— Осмѣяли они васъ. Больше ничего...

Д. Боголюбовъ.

По епархіямъ.

Самара.

Въ прошедшемъ 1902 году въ Самарской епархіи случилось прискорбное событіе: ушелъ въ расколъ православный священникъ села Куньей Сормы, Николаевск. у., Кириллъ Никитѣевъ Онуфріевъ. Последняго мы знали хорошо и до бѣгства его въ расколъ состояли даже въ перепискѣ съ нимъ. О. Кириллъ мѣщанинъ г. Хвалынска, Саратовской губ., бывшій отъ рожденія раскольникъ безпоповской секты. Въ началѣ 1870 годовъ онъ принялъ православіе и утвержденъ разѣзднымъ миссіонеромъ Хвалынскаго уѣзда, отъ мѣстнаго братства Св. Креста. Въ этой должности онъ пробылъ недолго; сызранскіе единовѣрцы избрали его священникомъ къ своей церкви и онъ получилъ рукоположеніе отъ самарскаго епископа. Изъ г. Сызрани онъ вскорѣ перешелъ въ Самару къ единовѣрческой же церкви, сдѣланъ благочиннымъ единовѣрческихъ церквей. Это былъ расцвѣтъ его службы, какъ пастырской, такъ и миссіонерской. О. Кириллъ велъ бесѣды съ раскольниками и многихъ обратилъ изъ раскола къ единовѣрію. Особенно плодотворна была его миссіонерская дѣятельность въ селѣ Балаковѣ, куда онъ былъ переведенъ изъ Самары. Но вотъ о. Кириллъ овдовѣлъ и началъ прибѣгать къ выпивкѣ, съ цѣлью залить свое горе. Дѣтямъ своимъ онъ не далъ никакого образованія и они были въ числѣ неудачныхъ въ жизни. Это еще болѣе сокрушало его и огорчало, а при малодушіи, отсутствіи твердой воли и характера, давало лишній поводъ прибѣгать къ чаркѣ и разгулу. Живя въ

богатыхъ приходахъ, онъ всѣ средства свои тратилъ на поддержку сына неудачника, имѣвшаго къ тому же большую семью. Не разъ открывалъ онъ для него торговлю, но все это сводилось къ нулю, а въ результатѣ о. Кириллъ входилъ въ долги, а отсюда неприятность съ прихожанами, которые ссужали его и помогали ему. Благодаря послѣднимъ онъ былъ перемѣщенъ въ село Кунью Сорму, откуда, прослуживъ недолгое время, онъ убѣжалъ къ раскольникамъ бѣглопоповской секты, у которыхъ и изображаетъ въ данное время іерея, пришедшаго яко бы отъ ереси. Раскольники основали ему центръ въ г. Хвалыпскѣ, Саратовской губ., а райономъ его іерейской дѣятельности опредѣлили ему заволжскую сторону, включая сюда и Уральскую область.

Итакъ, употребленіе „горѣлки“ повело къ тому, что старикъ (ему уже за 60) поддался вліянію своего неудачника—сына, который и продалъ его раскольникамъ „за сребренники довольны“. Сынъ преслѣдовалъ свои корыстные расчеты и достигъ ихъ. Пастырскіе идеалы, понятіе о чести, о долгѣ, наконецъ, пастырская присяга—все это грубому и разнузданному сыну его было ни-по-чемъ, а самъ о. Кириллъ, состоявшій всегда въ помраченіи ума, неспособенъ былъ уже сбросить съ себя чужое вліяніе и проявить свою волю. И пошелъ онъ, подобно греку-митрополиту Амвросію, къ раскольникамъ совершать свои противоканоническія іерейскія служенія. Ради денегъ, ради обезпеченія своего сына съ семьею пошелъ онъ въ расколъ, пошелъ безъ убѣжденія въ правотѣ раскола, о чемъ не можетъ быть и рѣчи.

Такъ погибъ человекъ, прибѣгавшій къ помощи „горѣлки“ и забывшій Бога и свои пастырскія обязанности.

Самарскій преосвященный Гурій, когда узналъ объ уходѣ о. Кирилла въ расколъ, нарочно отправился въ его приходъ и произнесъ къ прихожанамъ церкви прекрасное назидательное слово.

Тула.

20-го августа я оставилъ Пензу, въ которой прослужилъ 8 лѣтъ, и перешелъ на службу въ Минскую епархію. Не корыстные расчеты руководили мною въ этомъ перемѣщеніи изъ одной епархіи въ другую и на одну и ту-же службу, а другія совѣтъ соображенія, имѣющія чисто миссіонерскій характеръ. Я не ищу ни

повышеній, ни богатыхъ приходовъ. доказательствомъ чего служить во-1, что доселѣ, несмотря на 29 лѣтъ своей службы, я еще не протоіерей, а во-2, съ Кавказа, гдѣ я (годъ) имѣлъ богатый приходъ, получая 3000 р., я ушелъ въ Пензу на меньшее содержаніе, для того только, чтобы быть миссіонеромъ. Я люблю это дѣло, своплотился съ нимъ и мнѣ трудно сидѣть на мѣстѣ и изъ миссіонера превратиться въ требоисправителя. Это же дѣло потянуло меня и въ западный край, гдѣ поклонники паны и пропитавшіеся Талмудомъ іерусалимскіе дворяне составляютъ большинство. Русь святая видна здѣсь только въ селахъ, а по городамъ и мѣстечкамъ ее замѣнили 2 вышеуказанные элемента. Да и Русь эта не наша Русь, а бѣлоруссія, оскобленная въ бородѣ, подстриженная въ одеждѣ и изображающая собою смѣсь польско-жидовско-русскаго трехъэтажнаго человѣка. Отъ поляка онъ заимствовалъ гордость, отъ еврея воспринялъ хитрость, а отъ русскаго сохранилась одна только вѣра православная, затемненная отчасти польско-уніатскими обычаями и обрядами въ жизни. Наши великороссы пріютились здѣсь главнымъ образомъ въ 3 хъ уѣздахъ, примыкающихъ къ Могилевской губ.: Борисовскомъ, Игуменскомъ и Бобруйскомъ и образовали особые поселки и все принадлежитъ къ именуемому старообрядчеству теодосіевскаго толка.

Въ Тулѣ, когда нашъ поѣздъ остановился, въ вагонъ вошли фабричные и человѣка 3 съ большими мѣшками, ярко выдаваясь своей простриженной маковкою, молитвою на устахъ и крестнымъ знаменіемъ во всю ширь лица и груди.

— Тоже товаръ везутъ, проговорилъ, уѣзвшій около меня, фабричный, показывая на 3-хъ старообрядцевъ, укладывавшихъ свои мѣшки на полку.

— Какой товаръ? спросилъ я.

— Извѣстно, книги. Начетникъ тутъ у ихъ пребываетъ, такъ вотъ набрали его писаньевъ и повезли теперь.

Я вспомнилъ, что въ Тулѣ живутъ 2 заядлыхъ врага Церкви и миссіи—Денисъ Батовъ и Механиковъ, раскольничій австрійскій попъ. Оба они пишутъ и печатаютъ свои сочиненія въ защиту раскола: одинъ безпоповщины, другой бѣлокриницкой амвросіевой іерархіи и раскольники щедро и за дорогую цѣну покупаютъ ихъ книги и брошюры.

— А вы по чемъ узнали это?

— Я тамъ живу, откуда они вышли. Да это все знаютъ

здѣсь, потому много шляется и прїѣзжаетъ къ нему разнаго люду по ихъ вѣрѣ.

— Что же онъ даромъ, что-ли, раздаетъ имъ свои книги, или раскольники покупаютъ у него?

— Конечно, покупаютъ! Даромъ кто будетъ давать... У него такъ: одни сами прїѣзжаютъ и берутъ въ свои общества его книги, другихъ онъ самъ посылаетъ и они развозятъ по ихъ христіанамъ.

— Это прибыльно, надо полагать.

— Малые ли барыши получаетъ этотъ антихристъ за свои душевредныя писанія. И ничего себѣ... никто и препонта не полагаетъ ему въ этомъ. Полиція—какъ бы на манеръ не ея это дѣло, духовенство, надо быть, не видитъ, а мутитъ трелятый на всю христіанскую родословію.

— А вы сами не изъ старообрядцевъ будете?

— Какъ же, насилу вырвался изъ ихъ омута.

— И давно присоединились къ св. Церкви?

— Нѣтъ, такъ года два. Теперь инда досада беретъ, когда слышишь о такихъ смутителяхъ. Народъ вѣдь темный, а онъ тебѣ толкуетъ какъ бы отъ Писанія, а все обманъ. Къ слову Писанія 30 приложитъ своихъ—вотъ она гдѣ муть-то болотная. Нешто простой человекъ, ваше благословеніе, въ ней разберется, когда онъ тебѣ нанижетъ изъ разныхъ книгъ со своимъ лжеумствованіемъ разное толкованіе! Никогда ему не понять: гдѣ чистая шпеница, гдѣ куколя. А радѣтелевъ за погибающихъ старообрядовъ у насъ мало. Рѣдко кто подниметъ голосъ въ оборону ихъ, больше всего махаютъ рукой на нихъ. Ну, а тутъ расколотворцу широкая дорога. Мели Емеля, когда твоя недѣля. И мелишь, сбиваетъ російскій народъ во всяку секту.

— Теперь миссіонеры есть въ каждой губерніи, они ѣздятъ и бесѣдуютъ съ старообрядцами.

— Я и въ глаза не видалъ его, а самъ домогался вылѣзти изъ раскола. Сначала, точно, человекъ эдакій надоумилъ меня почитать одну книжку,—учителемъ былъ въ нашемъ селѣ, такъ и далъ ее,—а потомъ дальше, да больше и пошелъ я читать на счетъ расколу всяки книги.

— А вы изъ какой губерніи?

— Тульской.

— Ну въ Тульской губ. дѣйствительно нѣтъ правильно устроен-

ной миссіи; тутъ есть люди, которые занимаются ею, но это между прочимъ, отрываясь, какъ говорится, отъ прямого дѣла своей службѣ. А у васъ много раскольниковъ въ губерніи?

— Я не знаю этого. А сколько же, ваше благословеніе, полагается для того, чтобы былъ миссіонеръ въ епархіи?

Этотъ вопросъ, совершенно неожиданно поставленный мнѣ простецомъ, смутилъ меня, и я сталъ въ затрудненіе. Въ самомъ дѣлѣ, сколько нужно имѣть раскольниковъ для того, чтобы должность миссіонера была признана необходимою? Подумавъ нѣсколько, я отвѣтилъ собесѣднику.

— На этотъ счетъ, любезный, у насъ нѣтъ прямого постановленія; лично же я думаю такъ, что въ каждой епархіи одинъ епархіальный миссіонеръ обязательно долженъ быть. Но это мой взглядъ, а начальство судить по своему.

— Вѣстимо, оно разсуждаетъ не по нашему, да только гдѣ теперь нѣтъ расколу? Вотъ теперь, къ примѣру, я на фабрикѣ служу и сколько тамъ всякаго ученія услышишь—бездна темная. Управитель лютерову закону придерживается и свою партію имѣетъ; а окромѣ его есть и раскольники всякіе, и православные, и молокане. Наслухается вотъ этакъ нашъ братъ на сторонѣ и понесетъ это толкованіе въ свое село и будетъ гуторить со всякимъ. А кто ему препонтъ вставить.

— Это священникъ долженъ обратить вниманіе на это, и если самъ не можетъ бесѣдовать, обязанъ тотчасъ донести епархіальному миссіонеру.

— Священники то только читаютъ у насъ, а въ препіе они не входятъ. Да и гдѣ ему со всякимъ рѣчь вести? А тутъ и книгъ нѣту, и самъ онъ расколу то не маптакъ, а народы любятъ обсуждать, какъ и что дѣлается въ церкви и по какому уставу. Тоже соберутся на завалинкѣ и гуторятъ, каждый свое, а разъяснить некому. Западеть въ такую мѣстность расколотворецъ и живо разведетъ свою секту.

Скоро подошла станція, и мой собесѣдникъ вышелъ изъ вагона. Я остался одинъ и думалъ: раскольники мѣшками развозятъ книги своихъ начетниковъ, платятъ за ихъ сочиненія въ 3—4 раза дороже (наприм. „Мечъ духовный“—Перетрухина я добылъ за 6 р.), а у насъ миссіонерамъ рискованно издавать свои книги. Раскольники сами пріѣзжаютъ къ начетнику и мѣшками увозятъ отъ него его сочиненія, а у насъ? Раскольники всякое слово, ска-

занное въ зашиту ихъ, охотно раскупають, не шадя денегъ, а мы? Интересуется ли наше духовенство расколомъ и сектами? Пополняетъ ли оно свои церковныя бібліотеки книгами миссіонеровъ? Мало, скупо, не простительно глухо оно къ просвѣщенію заблуждашихъ! Живущіе въ православныхъ приходахъ совѣмъ ничего не читають о расколѣ и сектахъ и знать не хотятъ этого. Многіе-ли изъ священниковъ выпишываютъ „Миссіонерское Обозрѣніе“, а вѣдь это единственный и солидный журналъ, знакомство съ которымъ полезно каждому православному священнику.

Вотъ священникъ привелъ къ присягѣ въ окружномъ судѣ; при выходѣ его оттуда, швейцаръ подаетъ ему шубу и галони и въ то же время задаетъ батюшкѣ вопросъ: согласно ли съ священнымъ Писаніемъ поступилъ онъ, заставивъ людей клясться предъ Евангеліемъ, въ которомъ написано противъ присяги и клятвы? Батюшка сталъ въ тупикъ. Картина вышла горькая, но достойная кисти художника. Величавая фигура священника съ наперстнымъ крестомъ, хорошая одежда,—и маленькій человекъ, лакей поразилъ отца духовнаго, который буквально не нашелся сказать что либо подходящее въ отвѣтъ ему. Это ли не позоръ? А получай онъ „Миссіонерское Обозрѣніе“ онъ могъ бы знать и это и др. спорныя мѣста раскольниковъ и сектантовъ и, если не выполнѣ, а все же былъ бы въ курсѣ дѣла.

— А ты я вижу богословъ? нашелся сказать обезкураженный священникъ. Не за свое дѣло, братъ, берешься? Смотри, какъ бы тебя за это разглагольствіе не уволили.

Развѣ это рѣшеніе вопроса? развѣ батюшка успокоилъ мятущуюся совѣсть слуги Окружнаго суда? Онъ только пригрозилъ ему и этимъ озлобилъ его и еще больше возстановилъ противъ себя.

На фабрикахъ, по селамъ, раскольники, сектанты и православные толкують о дѣлахъ вѣры, трактують о нашемъ православіи на всѣ лады, а мы еще никакъ не можемъ освоиться съ вопросомъ: нуженъ ли намъ миссіонеръ въ епархіи или нѣтъ? Въ Ставропольской епархіи вотъ уже почти 4 года, какъ должность противораскольниковскаго миссіонера остается вакантной и объ ней и не публикуютъ и частно никого не приглашаютъ занять это мѣсто. Это ли забота о миссіи?

(Продолженіе будетъ).

Минскій епарх. миссіонеръ Свящ. Константинъ *Поносъ*.

Pro domo sua.

(О «Новомъ Пути» и о сердечности въ миссіи).

I.

Вдумываясь въ современные дебаты по вопросамъ вѣры и жизни, мы все болѣе и болѣе убѣждаемся, что „либеральные“ поставщики „воды и хлѣба“ для алчущихъ и жаждущихъ привозятъ къ намъ съ чужого рынка заплѣсневѣлые въ сырыхъ подвалахъ питье и кормъ и, выдавая ихъ за средство отъ всѣхъ недуговъ нашей жизни, беззаастѣнчиво водятъ за носъ своихъ питомцевъ... А между тѣмъ послѣдніе радуются, въ надеждѣ, что утолены, пока жажда и голодъ еще съ большей силой не затомятъ ихъ и тогда они, какъ шальные, кучей устремляются къ надшикой ими чашѣ мертвой воды и снова жадно подбираютъ крупинки манны изъ Аравійской земли!.. Лишь немногіе изъ нихъ въ наше время увидѣли, что ихъ кормильцы сами голодные, что со зловоннымъ потомъ на лицѣ они толкуютъ имъ о томъ, чего сами не знаютъ и во что сами не вѣрятъ, тщательно скрывая при этомъ отъ нихъ свое внутреннее убожество и пустоту!.. И вотъ просыпается у этихъ питомцевъ жгучая потребность „воды живой“ и „манны небесной“... До ихъ слуха долетаетъ властный и полный любви призывъ: „кто можетъ, иди ко Миѣ и пей... и кто будетъ пить воду, которую Я дамъ ему, тотъ не будетъ жаждать во вѣкъ!..“ Господи, дай намъ этой воды!—вопіютъ они, завопили, свернули съ прежняго пути и пошли!..

Я видѣлъ ихъ: они идутъ пока лишь малой кучкой... Дорога ихъ невѣдома и путь ихъ—„Новый Путь“!..

И я спросилъ: неужели за лѣтъ тысячи лѣтъ не пролегла дорога ко Христу?! Или, быть можетъ, пролегла, да только терніемъ поросла, такъ что путники и предпочли идти по „Новому Пути“?.. И какъ то сердце больно сжалось и подсказало миѣ: да, пролегла и миллионы уже прошли по ней; но только въ наше время она терніемъ поросла... Сорвите терній и снова

старый путь станетъ единственной тропой къ „маннѣ небесной“ и „водѣ живой“!..

И я машинально раскрылъ лежащую на столѣ книжку „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ и прочелъ: „Миссіонерская полемика по вопросу о присягѣ“ *). Полемика?!—невольно вырвалось изъ моихъ устъ. Какъ, развѣ наша Церковь не имѣетъ о предѣленномъ ученія по столь важному вопросу, что ея миссіонеры вступаютъ по оному въ печатныя пререканія между собой, на соблазнъ немогущихъ чадъ Церкви и на радость враговъ ея?! И я жадно бросился читать статью, въ надеждѣ, что слово „полемика“—простая опечатка. Но, къ сожалѣнію, ошибся!.. Въ открытомъ письмѣ къ миссіонеру Боголюбову, по поводу бесѣды послѣдняго съ сектантами о присягѣ, священникъ Силинъ высказалъ полное несогласіе съ доводами миссіонера въ пользу допустимости, съ точки зрѣнія Св. Писанія, въ потребныхъ случаяхъ клятвы именемъ Божиимъ. Къ сожалѣнію, о. Силинъ ограничился, по недостойному подражанію примѣру сектантовъ, одной критикой чужого мнѣнія, а отъ себя ничего опредѣленнаго не сказалъ. Я съ вами не согласенъ, говоритъ онъ Боголюбову, но своего мнѣнія по существу даннаго вопроса я вамъ не скажу; да и не мое дѣло разрабатывать подобные вопросы: я только священникъ а не миссіонеръ; а вотъ вы, миссіонеры, поприлежнѣй подумайте-ка надъ этимъ вопросомъ, да пишите о немъ по церковному, по совѣсти!..

Не знаю, на кого какъ, а на меня крайне непріятно подѣйствовалъ пріемъ о. Силина: пренія онъ поднялъ и по весьма важному вопросу, а самъ тотчасъ-же сталъ за перегородку и любитесь: ну-те ка, миссіонеры, понатужтесь, а я тѣмъ часомъ „возьму водицы и умою руки“!.. И въ этомъ „омытіи рукъ“ о. Силинъ нашелъ привиллегію пастыря!.. Но и при такомъ пониманіи своихъ пастырскихъ обязанностей, о. Силинъ долженъ былъ ясно показать, въ чемъ же миссіонеръ Боголюбовъ противъ „церковнаго“ и своей „совѣсти“.

Далѣе. Кому о. Силинъ думалъ принести пользу своимъ отношеніемъ къ вопросу о клятвѣ? Отъ рѣшенія этого вопроса въ „чисто-церковномъ духѣ“ онъ отказался, а въ рѣшеніи, предложенномъ миссіонеромъ, онъ нашелъ дожъ. Любопытно, если о. Силину не вѣ-

*) Мисс. Обозр. дек. 1902 г.

домо „чисто-церковное“ ученіе о клятвѣ, то съ какой-же точки зрѣнія онъ критиковалъ бесѣду Боголюбова?!. Все это вызываетъ недоумѣніе и оставляетъ на душѣ горечь! Последняя усиливается сознаніемъ, что въ наше смутное время стоило-бы осторожнѣе обращаться со словомъ обличенія во лжи своихъ собратій по оружію, такъ какъ враги Церкви не дремлютъ и намъ уже пришлось столкнуться съ горькими плодами такого рода преній... Мы не противъ печатной критики миссіонерскихъ бесѣдъ, но только желаемъ, чтобы критики не ограничивались голыми отрицаніями, неопредѣленными намеками и полусловами, а точно указывали-бы правильное ученіе правосл. Церкви о спорномъ вопросѣ, чтобы читатели ясно видѣли, погрѣшаетъ-ли миссіонеръ только въ способахъ доказательства извѣстной церковной истины, или-же извращаетъ и самую истину и чтобы эта истина не затемнялась предъ взоромъ читателей, среди которыхъ есть много и немощныхъ братій по вѣрѣ. Иначе соблазны отъ такого рода преній явятся мощнымъ орудіемъ въ рукахъ враговъ св. Церкви, а немощныя чада послѣдней ускорятъ свое отпаденіе и пойдутъ искать „новыхъ путей“!...

II.

Въ наше время вопросами миссіи стала усиленно интересоваться свѣтская пресса. Фактъ самъ по себѣ очень отрадный. Но наивно было-бы искать на страницахъ свѣтской прессы безпристрастного и правильного рѣшенія этихъ вопросовъ, такъ какъ всѣ свои сужденія она окрашиваетъ цвѣтомъ той или иной излюбленной ею тенденціи, а вопросы миссіи (простонародной) для ней, большею частью, еще и *terra incognita*. Вотъ почему направлять дѣятельность православныхъ миссіонеровъ по рецепту свѣтскихъ органовъ прессы было-бы крайне непростительно. Если что и можно рекомендовать миссіонерамъ, такъ это знакомиться съ подобными рецептами для болѣе правильного діагноза религіозныхъ недуговъ современнаго свѣтскаго общества. Между тѣмъ имъ предлагаютъ „принять къ свѣдѣнію“ и руководству одинъ изъ такихъ рецептовъ. Мы разумѣемъ статью свящ. М. Лисицына. „О сердечности въ миссіонерской полемикѣ“ (новогоднія ріа

desideria „не-миссіонера“) *), какъ резюме впечатлѣній, вынесенныхъ г. Луговымъ отъ собесѣдованія миссіонера съ сектантами („Нов. Вр.“ за 1902 г.).

Не въ обиду будь сказано,—ни „не-миссіонеръ“ свящ. Лисицынъ, ни тѣмъ болѣе г. Луговой дѣла престонародной миссіи, какъ говорится, и не нюхали. Послѣдній лишь побывалъ на публичной бесѣдѣ миссіонера съ сектантскимъ вожакомъ, увидѣлъ безконечныя пренія „по буквѣ Писанія“ и сразу заключилъ, что обращенія сектанта не послѣдовало, потому что на бесѣдѣ шло одно препирательство въ словахъ, а сердца-де сектанта рѣчь миссіонера не затрогивала... Отсюда и выводъ готовъ, что публичныя бесѣды миссіонеровъ—одно словопреніе, для цѣлей миссіи онѣ безплодны и могутъ быть выброшены изъ арсенала миссіонерскихъ средствъ... Все это и принималъ къ свѣдѣнію „не-миссіонеръ“ свящ. Лисицынъ и предложилъ гг. миссіонерамъ „сердечность“ въ ихъ полемикѣ съ сектантами... Кажется, чего проще... А какъ посмотришь на дѣло со всѣхъ сторонъ, то и выходитъ—не такъ...

Миссіонеры, по словамъ свящ. Лисицына, въ своихъ публичныхъ собесѣдованіяхъ съ сектантами пользуются чисто-раціоналистическими приѣмами, отводя сердечнымъ доказательствамъ второстепенное мѣсто, поэтому сектантъ и остается въ своихъ прежнихъ вѣрованіяхъ. Выходитъ, миссіонерамъ необходимо совѣмъ бросить публичныя пренія, тѣмъ болѣе, что они дали небольшой процентъ обращеній и большую нищу для праздныхъ пересудовъ,

*) «Мисс. Обзор.» 1903 г. № 2. Свящ. Лисицынъ въ своей статьѣ скорбитъ о томъ, что миссіонеръ—одна въ полѣ война и не находитъ себѣ сочувствія и опоры ни въ пастыряхъ, ни въ паствѣ!.. Но почему?—спросимъ мы. Не потому-ли, что всѣ, не исключая и огромнаго большинства пастырей, считаютъ себя «не-миссіонерами»? Да, скажемъ, потому и только потому!.. До тѣхъ поръ, пока приходскій священникъ будетъ смотрѣть на себя, какъ на „не-миссіонера“, онъ останется безучастнымъ зрителемъ дѣла миссіи!.. Когда же онъ пойметъ, что въ своемъ приходѣ онъ—первый и главный миссіонеръ, которому лишь на помощь приходитъ миссіонеръ епархіальный, тогда и паства его пойдетъ за нимъ и миссіонеръ не будетъ одинокимъ въ своей борьбѣ съ сектантами... Ну, а развѣ можно требовать отъ паствы участія въ дѣлѣ миссіи, когда самъ пастырь не только не считаетъ для себя обязанностью миссіонерствовать, но даже не прочь потребовать за веденіе дѣла миссіи въ своемъ приходѣ особой платы, какъ-то было въ Тамбовской епархіи?!

и „отъ стремленія сдѣлать массовыя обращенія путемъ публичныхъ преній и собесѣдованій перейти на интимныя собесѣдованія съ отдѣльными, особенно передовыми лицами, завладѣть ихъ симпатіями и приобрѣсти въ нихъ затѣмъ союзниковъ себѣ и помощниковъ въ миссіонерскомъ дѣлѣ...“

Мы увѣрены, что въ рѣдкомъ миссіонерѣ-практикѣ эти предложенія о. Лисицына не вызовутъ улыбки. Не будемъ говорить о физической невозможности для специальныхъ миссіонеровъ, при ничтожномъ количествѣ ихъ въ епархіяхъ, воспользоваться въ должной мѣрѣ пожеланіемъ о. Лисицына, — объ этомъ прекрасно сказано въ статьѣ г. Н. Гринякина: „Принять къ свѣдѣнію“, — а лучше рассмотримъ пожеланія о. Лисицына по самому существу ихъ.

Современный миссіонеръ, по мнѣнію о. Лисицына, долженъ отказаться отъ веденія публичныхъ собесѣдованій съ сектантами по слѣдующимъ причинамъ: а) публичныя собесѣдованія ведутся имъ чисто-раціоналистическимъ путемъ, безъ доказательствъ *ad hominem*; между тѣмъ послѣдняго рода доказательства имѣютъ главное значеніе въ дѣлѣ вразумленія заблудшихъ, такъ что необходимо вмѣсто публичныхъ преній войти съ заблудшими въ интимныя бесѣды, съ каждымъ отдѣльно и особенно съ представителями сектантскихъ общинъ и б) публичныя бесѣды дали небольшой % обращеній и большую нищу для праздныхъ пересудовъ и т. обр. не достигли своей цѣли: массовыхъ обращеній сектантовъ или раскольниковъ въ лоно Церкви.

Казалось-бы, что если публичныя бесѣды не достигаютъ своей цѣли только потому, что ведутся миссіонерами неправильнымъ путемъ, то слѣдовало направить ихъ на надлежащій путь, а отнюдь не уничтожать самыя бесѣды, потому что и каждымъ средствомъ воздѣйствія на заблудшихъ можно пользоваться ошибочно... Да и помимо этого, вопросъ еще въ томъ, дѣйствительно-ли неправиленъ тотъ путь, по которому нынѣ ведутся миссіонерами публичныя бесѣды? Что такое „чисто-раціоналистическіе приемы“, о которыхъ говоритъ о. Лисицынъ и въ которыхъ онъ видитъ главный недостатокъ публичныхъ бесѣдъ? Какъ видно изъ его статьи, это есть стремленіе миссіонеровъ убѣдить своего совопросника въ истинѣ православнаго ученія путемъ ссылокъ на св. Писаніе. Правильнъ-ли этотъ путь? Думаемъ, что каждый миссіонеръ-практикъ отвѣтитъ; не только правильнъ, но и

единственно возможный на публичныхъ бесѣдахъ и это вотъ почему: публичная бесѣда не есть проповѣдь, предлагаемая слушателямъ съ цѣлью побудить ихъ на извѣстнаго рода нравственный поступокъ, какъ напр.: любить ближняго и даже врага, не пьянствовать и пр... а—полемика по вопросамъ вѣры и притомъ, по характеру и содержанію своему, зависящая отъ болѣзни и требованій собесѣдника. Чего-же требуетъ отъ миссіонера пчѣмъ болѣетъ сектантъ или раскольникъ? „Докажите намъ истину вашего вѣроученія и ложь нашего упованія, говоритъ немошной братъ миссіонеру, и докажите не отъ своего разума, а отъ строки Писанія, или старопечатныхъ книгъ...“ И на первую попытку миссіонера повліять на „сердца“ слушателей („глаголомъ жечь сердца людей“), собесѣдникъ-сектантъ тотчасъ съ улыбкой замѣтитъ: „эхъ, г. миссіонеръ, не о томъ мы васъ спрашиваемъ; вы намъ туману поменьше разводите, всѣ то мы знаемъ, что вы человекъ ученый и красно говорить можете; хотите поучать, такъ поучайте своихъ, а съ нами давайте побесѣдуемъ о предметахъ нашего упованія; а по части жизни въ міру намъ и безъ васъ заповѣди вѣдомы, не язычники мы: и ближняго любимъ и воды поменьше православныхъ пьемъ... Ужъ лучше вы намъ растолкуйте, въ чемъ у насъ съ вами разладаца... Вотъ Писаніе говоритъ: не дѣлай изображеній, а вы понадѣлали... Можетъ мы и „неумудрые“, такъ ужъ Богъ намъ судилъ, а что-то не находимъ въ Писаніи повелѣнія „нарисовать Спасителя, аль Божию Матерь, аль Николая Угодника“ и тутъ-же товарищъ его ехидно перебьетъ вопросомъ: „нешто ученіе Николаитовъ Господь уважаетъ?“ (Апок. 2, 15). За этимъ пойдутъ другіе вопросы и все такого-же рода: гдѣ въ Писаніи сказано тремя перстами молиться, длинныя волосы настырями носить, аль въ храмѣ сидѣть и притомъ все это пересыняется обычнымъ сектантскимъ сарказмомъ, что-де и антихристъ въ храмѣ сядетъ и пр... Съ трудомъ миссіонеръ удержитъ своихъ собесѣдниковъ на одномъ предметѣ бесѣды и приступитъ къ подробному выясненію его „отъ Писанія“. Кто скажетъ, что миссіонеру необходимо уклониться отъ рѣшенія этихъ вопросовъ и притомъ „по буквѣ Писанія“ или старопечатныхъ книгъ, тотъ не знаетъ ни сектанта, ни раскольника. Вопросы „видимаго упованія“ или вопросы обрядовые и догматическіе съ внѣшними ихъ проявленіями для того и другого—вопросы жизни, надъ ихъ рѣшеніемъ онъ просиживаетъ не одинъ день и своими

выводами волнуетъ цѣлое село, такъ какъ каждый сектантъ— „миссіонеръ...“ Въ интимной-ли бесѣдѣ съ сектантомъ, или на публичной вы столкнетесь все съ одними и тѣми-же вопросами, все съ одной и той-же постановкой ихъ и все съ тѣми-же требованіемъ „показать отъ Писанія...“ Если-же дѣйствительность такова, то виновать-ли миссіонеръ, употребляя въ своихъ бесѣдахъ съ сектантами „пріемы чисто-раціоналистическіе“, т. е. рѣшая запросы своей больной паствы примѣнительно къ ея дѣйствительному духовному гладу— „отъ строки Писанія?!..“

Я знаю, мнѣ возразятъ, что миссіонеру нужно не спускаться до уровня совершенства сектанта, а возводить послѣдняго до своего уровня; но полагаю, что такое средство возможно прописать лишь на бумагѣ, а провести его въ жизнь ех abrupto невозможно. Необходимо прежде спуститься до уровня совершенства больного паціента, если это, конечно, не соблазняетъ другихъ, поговорить съ нимъ на его языкѣ, а затѣмъ уже незамѣтно для него самого возводить его отъ степени въ степень, иначе вы для него будете чужестранецъ (1 Коринѣ. 9, 19—22).

Такимъ образомъ, если миссіонеръ въ своей борьбѣ съ заблудшими, путемъ публичныхъ или же частныхъ бесѣдъ съ ними, броситъ тѣ пріемы, которые свящ. Лисицынъ называетъ „чисто-раціоналистическими“, то съ увѣренностью можно сказать, что онъ погубитъ дѣло миссіи, такъ-какъ и среди сектантовъ и среди православныхъ поселитъ убѣжденіе, что православное ученіе опирается не на „буквѣ или строкѣ Писанія“, а на „философіи и пустомъ обольщеніи, по преданію человѣческому!..“

Что-же касается „сердечности“, то полагаемъ, что она необходима не только „въ полемикѣ“, но и во всѣхъ отрасляхъ миссіонерской дѣятельности и состоитъ въ томъ, что каждое свое слово миссіонеръ растворяетъ чувствомъ любви и состраданія къ заблудшимъ, что свое дѣло онъ ведетъ не какъ мания, а какъ преданный миссіонерской идеѣ душею и тѣломъ!.. Такая „сердечность“ не измѣряется наборомъ „помазанныхъ“ словъ, а такъ сказать исходитъ отъ всего миссіонера. Слово такого миссіонера дѣйственно и когда онъ „свѣтитъ міру“ и когда съ кѣмъ-либо, какъ съ свнухомъ, говоритъ наединѣ. Но, при оцѣнкѣ дѣятельности миссіонера, необходимо помнить, что его слово, болѣе чѣмъ кого-либо другого, падаетъ на тернистую почву и что даже

Христосъ не убѣдилъ всѣхъ Своихъ слушателей, хотя Свое слово подкрѣплялъ еще и чудесами!

Публичныя бесѣды, говорить свящ. Лисицынъ, нужно бросить еще и потому, что онѣ даютъ большую нищу для праздныхъ пересудовъ и небольшой процентъ обращеній и, так. образ., не достигаютъ своей цѣли: массовыхъ обращеній сектантовъ или раскольниковъ въ лоно Церкви...

Но кому изъ миссіонеровъ неизвѣстно, что интимныя бесѣды ихъ съ сектантами, и особенно съ сектантскими представителями даютъ еще большую нищу для пересудовъ? Приведу одинъ изъ многихъ примѣровъ: какъ-то въ с. Разказово, послѣ публичной бесѣды съ сектантами, ко мнѣ подошла группа православныхъ, среди которыхъ были и очень почтенныя лица, и убѣдительно просила меня не ходить въ дома сектантскихъ заправилъ для частныхъ бесѣдокъ съ ними „одинъ на-одинъ“, потому что, по отъѣздѣ миссіонера, эти лица распространяютъ про такія бесѣды очень обидныя для православныхъ небылицы. И я не разъ имѣлъ возможность убѣдиться, что довѣрять честности сектантскихъ заправилъ можно только тогда, когда поставишь себѣ за правило: жить абстракціями, а не дѣйствительностью!.. Но что-же? Неужели миссіонеру бросить частныя бесѣды съ сектантами изъ боязни кривотолковъ?! Не лучше-ли поискать средствъ къ устраненію пересудовъ, чѣмъ сокращать самое дѣло миссіи?..

Насъ всегда непріятно волнуетъ, когда лица, не знающія миссіонерскаго дѣла, не изучившія на практикѣ условій миссіонерской службы, произносятъ свой судъ по вопросамъ миссіи и безапелляціонно подводятъ итоги миссіонерской дѣятельности!.. Публичныя бесѣды, говорятъ они, излишни, потому что даютъ небольшой процентъ обращеній и не достигаютъ своей цѣли: массовыхъ обращеній заблудшихъ въ православіе...

Не будемъ говорить о томъ, что, за весьма рѣдкими исключеніями, сектантъ на публичной бесѣдѣ никогда не сознается во лжи своего „унованія“, такъ-какъ свой переходъ въ православіе онъ всегда совершаетъ втихомолку, боясь мести своихъ „собратій“ и вообще пхъ „ежовыхъ рукавицъ“... Но на публичной бесѣдѣ онъ имѣетъ полную возможность убѣдиться во лжи своихъ „пресвитеровъ“ и вотъ, когда онъ приходитъ къ батюшкѣ съ т а й н о й просьбой „присоединить“ его, или ѣдетъ за этимъ на сторону, что бываетъ очень часто, потрудитесь-ка опредѣлить:

подъ вліяніємъ публичной или частной бесѣды съ нимъ миссіонера созрѣла въ его душѣ рѣшимость присоединиться къ православію?.. Нерѣдко самъ сектантъ отказывается дать на этотъ вопросъ опредѣленный отвѣтъ и понятно почему: наблюдать за жизнью души несравненно труднѣе, чѣмъ за теченіемъ самой быстрой рѣки, а разобраться въ этой жизни и тѣмъ болѣе!.. Но все-же, насколько можно судить объ этомъ со словъ бывшихъ сектантовъ, публичныя бесѣды миссіонеровъ всегда врѣзывались въ ихъ душу и служили однимъ изъ самыхъ сильныхъ побужденій къ обращенію ихъ въ лоно православной Церкви.

Съ увѣренностью можемъ сказать, что прежде чѣмъ миссіонеръ публично не подорветъ авторитета сектантскихъ заправиль доводами „отъ Писанія“, до тѣхъ поръ онъ не откроетъ себѣ сердца искренно заблудшаго рядоваго сектанта. А этого и можно достигнуть только при помощи публичныхъ бесѣдъ, такъ какъ не будетъ же миссіонеръ ходить съ сектантскимъ начетчикомъ по избамъ и предъ каждымъ заблудшимъ въ отдѣльности устраивать бесѣду съ его наставникомъ. Если-же миссіонеръ самъ придетъ къ рядовому сектанту, то послѣдній тотчасъ скажетъ ему: я не грамотный, малосвѣдущій, и вы лучше поговорите съ нашимъ братомъ N. — онъ у насъ за „старшого“; мы-же послушаемъ васъ и тогда увидимъ, кто изъ насъ идетъ по Писанію—и всѣ попытки миссіонера завязать разговоръ останутся тщетными, если онъ не пойдетъ и не проведетъ прежде рядъ публичныхъ бесѣдъ со „старшимъ“ у сектантовъ. Такова внутренняя связь между сектантскимъ „пресвитеромъ“ и его паствою и миссіонеру необходимо прежде всего порвать именно эту связь и притомъ путемъ гласнымъ, публичнымъ, чтобы внушить къ себѣ довѣріе не только со стороны рядовыхъ сектантовъ, но и мѣстной православной паствы. Лишенный на селѣ довѣрія сектантскій „пресвитеръ“ или смиряется духомъ, или еще болѣе ожесточается, чувствуя, что съ потерю первенства онъ лишается и многихъ земныхъ благъ... Если-же миссіонеръ начнетъ свою дѣятельность съ того, чтобы заручиться симпатіями сектантскихъ „пресвитеровъ“ путемъ интимныхъ бесѣдокъ съ ними, то онъ: во 1-хъ, тотчасъ возбудитъ и среди рядовыхъ сектантовъ и среди православныхъ крестьянъ недоувѣріе къ своей дѣятельности и этимъ обезцѣнитъ особенно въ глазахъ сектантовъ фактъ присоединенія ихъ „пресвитера“ къ православію, тѣмъ болѣе что среди нихъ нѣтъ недостатка въ желающихъ быть

„пресвитерами“, каковыми могутъ быть и лица совершенно безграмотныя; во 2-хъ, что очень важно, онъ вскорѣ убѣдится, что среди „передовыхъ“ сектантовъ также много искренно вѣрующихъ въ истину своего „унованія“ и ищущихъ спасенія „по Писанію“, какъ среди содомлянъ и гоморрянъ праведниковъ... Одно, къ чему онъ, несомнѣнно, придетъ,—это необходимость какъ можно скорѣе снять съ темныхъ крестьянъ умственно-религіозный гнетъ сектантскихъ „передовиковъ“!..

Мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, чтобы публичныя бесѣды оцѣнивались количествомъ происшедшихъ на нихъ обращеній заблудшихъ въ лоно Церкви и чтобы въ „массовыхъ обращеніяхъ“ видѣть единственную, или хотя-бы главную цѣль публичныхъ бесѣдъ. Что таковыя обращенія на публичной бесѣдѣ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, и не могутъ быть, объ этомъ мы уже сказали; но къ сказанному считаемъ не лишнимъ добавить нѣсколько словъ въ разъясненіе истиннаго значенія публичныхъ бесѣдъ.

Прежде всего спросимъ, кто навязываетъ публичнымъ бесѣдамъ вышеупомянутую цѣль—«массовое обращеніе заблудшихъ». Миссіонеры? нѣтъ!.. А кто-же? Это: а) или враги миссіи, стремящіеся возложить на выю миссіонеровъ „иго неудобноносимое“, чтобы затѣмъ проливать „крокодиловы слезы“ о недостиженіи миссіей намѣченной ей цѣли и, какъ-бы нехотя, ставить на очередь вопросъ объ уничтоженіи миссіонерскаго института, такъ сильно мѣшающаго имъ сѣять на народной нивѣ всевозможные плевелы... б) или искренно желающіе чѣмъ-либо помочь миссіи, но по-неопытности дающіе миссіонерамъ неудобноисполнимые совѣты...

Къ послѣдняго рода лицамъ мы и обращаемъ свое слово. Необходимо принять во вниманіе, что публичная бесѣда ведется съ представителями сектантскихъ общинъ, которые связаны съ своими послѣдователями главнымъ образомъ узами не Св. Писанія... Насколько дорога „передовымъ“ сектантамъ истина, можно отчасти судить потому, какъ легко они мѣняютъ секты при условіи всегда стоять во главѣ... Сверхъ того, они находятся въ большой зависимости, особенно матеріальной, со-с-т-о-р-о-н-ы и эта зависимость несравненно тяжелѣе мѣстной... Вотъ почему миссіонеръ, хотя имѣетъ дѣло на публичной бесѣдѣ съ сектантскимъ „пресвитеромъ“, но преимущественной цѣлью своей по-

ставляетъ воздѣйствовать чрезъ обвиненіе и увѣщаніе „пресвитера“ на массу рядовыхъ сектантовъ и православныхъ, живущихъ въ общеніи съ сектантами. Болѣе подробно цѣль публичныхъ бесѣдъ можно формулировать такъ: а) подорвать въ глазахъ крестьянъ дутый авторитетъ сектантскихъ начетчиковъ и тѣмъ снять умственно-религіозный гнетъ послѣднихъ какъ съ рядовыхъ сектантовъ, такъ и православныхъ, б) снять съ православія нареканіе, что оно „лишь шепчетъ въ кулакъ“ и показать ложь сектантскаго „унованія“, в) поднять въ массѣ крестьянъ угасающій духъ православія и побудить ихъ не только къ храненію православной вѣры, но и къ защитѣ ея и этимъ путемъ расположить крестьянъ къ дѣателямъ миссіи и дать послѣднимъ возможность глубже проникнуть въ тайники религіозной жизни народа и подготовить въ его сердцахъ незыблемую почву для воспріятія всѣхъ остальныхъ мѣропріятій Церкви къ религіозно-нравственному просвѣщенію своихъ насомыхъ.

Почти пятилѣтній миссіонерскій опытъ убѣдилъ насъ въ томъ, что послѣ успѣшной публичной защиты православія въ душѣ ищущихъ истины, но заблудшихъ зарождается склонность къ православію, просыпается пытливость и возникаетъ цѣлый рядъ вопросовъ, которые нерѣдко также разнообразны, какъ разнообразна религіозная психика крестьянъ. И вотъ тогда уже необходимо прійти на помощь къ каждому больному отдѣльно и въ частной бесѣдѣ съ нимъ удовлетворить его религіознымъ запросамъ. Отъ такихъ бесѣдокъ ни одинъ миссіонеръ не откажется и поведетъ ихъ по мѣрѣ физической возможности, призывая потрудиться на этой-же нивѣ главнымъ образомъ мѣстнаго приходскаго пастыря. Не разъ намъ приходилось наблюдать, что чѣмъ успѣшнѣе проходила наша публичная бесѣда, тѣмъ больше являлось къ намъ охотниковъ побесѣдовать въ тѣсномъ кругу, тѣмъ откровеннѣе шли эти бесѣды и тѣмъ лучше и довѣрчивѣе воспринималось наше слово.

Успѣхъ публичныхъ бесѣдъ сильно отражался даже на томъ вниманіи, съ какимъ слушала наши проповѣди въ храмѣ православная паства, увлекая своимъ воодушевленіемъ и наиболѣе искреннихъ сектантовъ.

Такое значеніе публичныхъ бесѣдъ прекрасно сознается какъ православными крестьянами, такъ и сектантами, особенно начетчиками послѣднихъ. Въ то время, какъ православные съ нетерпѣ-

ніемъ ждутъ прїѣзда миссіонера и, за рѣдкими исключеніями, собираются на бесѣды въ весьма большомъ количествѣ, о сектантахъ этого нельзя сказать. Сектантскіе начетчики, дабы не уронить своего авторитета въ глазахъ крестьянъ, подъ разными предлогами уклоняются отъ публичныхъ бесѣдъ съ миссіонеромъ и всячески стараются удержать отъ посѣщенія этихъ бесѣдъ своихъ слѣпыхъ послѣдователей. Если-же кто изъ послѣднихъ, сверхъ ожиданія, вступить въ бесѣду съ миссіонеромъ, то, какъ роняющій авторитетъ своей общины и своего „унованія“, подвергается строгому выговору со стороны своего „пресвитера“ и „братій“...

Вслѣдствіе такой важности для дѣла миссіи публичныхъ бесѣдъ, миссіонеръ обычно и кладетъ ихъ фундаментомъ воздвигаемаго имъ зданія. Мы глубоко убѣждены, что этотъ фундаментъ не только прочный, но и единственно возможный въ наше время и притомъ въ той средѣ и при тѣхъ условіяхъ, въ какой и при которыхъ миссіонеру приходится дѣйствовать.

И. Айвазовъ.

Изъ миссіонерской полемики.

Три часа бесѣды въ собраніи у тахъ называемыхъ „хлыстуновъ“ ст. Камышеватской.

1901 года Ноября 6 дня, во время Божественной литургіи, епархіальный миссіонеръ, іерей о. Симеонъ Никольскій, въ горячемъ словѣ, призывалъ присутствовавшее въ храмѣ стадо Христово *) къ покаянію, исправленію жизни, умоляя о прекращеніи раздѣленій, происшедшихъ вслѣдствіе уклоненія нѣкоторыхъ, по вѣшности ревнителей благочестивой жизни, отъ Церкви на путь опасный, на путь тайныхъ собраній,—и наконецъ, предложилъ сектантамъ, если они, какъ утверждаютъ, не уклонились отъ вѣры во Христа, отъ единенія съ св. Церковію,—показать свое собраніе и свои религіозныя упражненія. Сектанты приняли предложеніе и пригласили миссіонера на свое собраніе.

По окончаніи литургіи, въ 12-мъ часу дни, въ домъ П. И. Парафіянника прибылъ епархіальный миссіонеръ, священникъ о. Симеонъ Никольскій, въ сопровожденіи окружного миссіонера и двухъ священниковъ. Домъ П. Парафіянника былъ переполненъ гостями, преимущественно сектантами **).

Откроемъ наше собраніе молитвою Духу Святому, предлагая епарх. миссіонеръ. Послышалось стройное пѣніе, какого мы не встрѣчали на собраніяхъ въ ст. Новолеинской и Новодеревянковской. Но каково было наше удивленіе (только епархіальный о. миссіонеръ, слышавшій пѣніе сектантовъ во всевозможныхъ корабляхъ, не удивлялся), когда, по предложенію о. миссіонера, запѣли, „Благослови, душе моя, Господа“! Мы услышали согласное, одушевленное, какъ бы одними устами и однимъ сердцемъ произносимое пѣніе! Вотъ въ чемъ заключается одна изъ причинъ рас-

*) Огромный храмъ ст. Камышеватской былъ переполненъ молящимися: такъ велика жажда народа слушать слово Божіе, произнесенное проповѣдникомъ живою, исходящею отъ сердца рѣчью.

**) Корабль былъ, повидимому, старый: развивался и процвѣталъ, не встрѣчая никакого препятствія, или вѣрнѣе, имѣя какія-то благопріятныя обстоятельства къ своему развитію.

пространенія сектантска. Въ то время, какъ настоятели церквей медлягъ привезти въ исполненіе „благословеніе Св. Синода“ относительно общаго пѣнія въ церквахъ и пробавляюгся или бездушнымъ пѣніемъ наемныхъ хоровъ или, еще хуже, пѣніемъ двухъ трехъ безголосыхъ чтецовъ-пѣвцовъ,— пѣніемъ, ничего не говорящимъ ни уму, ни сердцу,—въ это самое время единодушное согласное пѣніе сектантовъ легко можетъ привлекать къ себѣ православныхъ... Но вернемся къ предмету нашей рѣчи. Послѣ пѣнія „Благослови, душе моя, Господа“ о. миссіонеръ предложилъ исполняющему обязанности чтеца въ собраніяхъ сектантовъ читать что-нибудь изъ слова Божія. Младшій братъ П. Парафіяника, Трофимъ И-чъ раскрылъ Нов. Завѣтъ и, повидимому, безъ всякаго умысла открылъ 5-ю главу Дѣяній Апостольскихъ. Чтецъ читаетъ хорошо и съ воодушевленіемъ. Послѣ прочтенія всей главы, о. Симеонъ предложилъ чтецу истолковать прочитанное, какъ онъ обыкновенно истолковываетъ въ своихъ собраніяхъ. Но, несмотря на усердныя просьбы, Т. Парафіяникъ уклонился отъ объясненія прочитаннаго, стоя, повидимому, въ смущеніи. Тогда о. Симеонъ, прочитавши самъ слова 3-го стиха: для чего ты допустилъ сатанѣ вложитъ въ сердце твое мысль, солгать Духу Святому и утантъ изъ цѣны земли?—спросилъ: понятно это? Тр. Парафіяникъ отвѣтилъ: понятно! Дѣлѣе: „Ты солгалъ не человѣкамъ, а Богу“—изъ сихъ словъ свящ. Писанія, сказалъ о. миссіонеръ, явствуетъ, что Духъ Святой есть одинъ изъ лицъ Пресвятой Троицы. и хотя Духъ св. черезъ пророковъ и апостоловъ дѣйствовалъ, открывая тайны, какъ напр. апостолу Петру открылъ о сокрытіи Ананіей денегъ,—но человѣкамъ Онъ отнюдь не равный, а превосходящій всякаго человѣка, какъ Творецъ твореніе т. е. бесконечно.

— Ты, Трофимъ Ивановичъ, продолжалъ о. миссіонеръ, прочиталъ отвѣтъ апостоловъ первосвященникамъ еврейскимъ, что должно повиноваться больше Богу, нежели человѣкамъ“ (Дѣян. 5, 29). Объясни, какъ ты это понимаешь? Т. Парафіяникъ молчитъ.—Да вотъ, напр., (объяснялъ о. Симеонъ) твой сынъ захотѣлъ бы идти въ церковь, къ божественной литургіи,—а ты бы въ это время посылалъ его въ собраніе, хотя бы, напр., подобное вашему, гдѣ бы читалось священное Писаніе. Долженъ ли сынъ твой повиноваться тебѣ, человѣку, и не пойти къ божественной службѣ?—Нѣтъ, отвѣтили всѣ.—Разумѣется, сказалъ о. Симеонъ, должно прежде всего повиноваться Богу, а не человѣкамъ, хотя бы и отцу; но хорошо и свято почитать тѣхъ отецъ, который отъ сына не потребуетъ ничего, противнаго волѣ Божіей. Еще вы прочитали, что уважаемый евреями учитель Гамалиилъ, когда вывелъ апостоловъ, сказалъ, обратившись къ собранію: „Что вамъ дѣлать съ этими людьми? незадолго передъ этимъ явился

Иовда, выдавая себя за кого-то великаго, и къ нему пристало около 400 чел.,—но онъ былъ убитъ и всѣ, которые его слушались, разсыпались. Послѣ него явился Іуда Галилеянинъ и увлекъ за собою довольно народу, но онъ погибъ,—и всѣ которые его слушались, рассыпались; и теперь, говорю вамъ,—ославьте этихъ людей, ибо если это предпріятіе отъ Бога, то вы не можете его разрушить: берегитесь, чтобы вамъ не оказаться богопротивниками! (Дѣян. V, 34, 39). О какомъ это предпріятіи говорится, что если оно отъ Бога, то не разрушится?—Я думаю, что объ апостолахъ, отвѣтилъ Т. Парафійникъ.

Епарх. мисс. Да, другі! и вотъ видишь, слова Гамаліила исполнились: христіанъ преслѣдовали, гнали, мучили евреи, римляне и другіе языческіе народы,—но Церковь Христова растетъ и расцветъ и св. Евангеліе проповѣдуется по всему міру. Сколько ересей, расколовъ появлялось въ теченіе 19 вѣковаго существованія св. Церкви,—но всѣ они пошумятъ, пошумятъ лѣтъ 50—100 и исчезаютъ безслѣдно! А Церковь Божія, какъ основана на недвижимомъ камени—Христѣ Господѣ, такъ и остается непобѣдимую. Да, другъ, это ты вѣрно сказалъ, что объ апостолахъ и ихъ св. дѣлѣ сказано, что оно не разрушится! Но мнѣ часто приходилось встрѣчать различныхъ сектантовъ, ничего общаго не имѣющихъ съ дѣломъ апостоловъ,—но и они прилагали эти слова въ оправданіе своихъ религіозныхъ упованій, часто совершенно враждебныхъ св. Церкви.

Ну, дѣтки, сказалъ о. миссіонеръ, спойте: „Боже, зри мое смиреніе“! Послѣ пѣнія названнаго канта, по предложенію о. миссіонера, Троф. Парафійникъ изъ имѣющагося у сектантовъ томика сочиненій св. Іоанна Златоустаго прочиталъ поученіе о томъ, что всякому христіанину во всякое время необходимо „воспѣвать во псалмѣхъ и пѣніихъ духовныхъ“, такъ, чтобы душа его уподобилась псалтири или согласно поющему тимпану“. Читалъ Парафійникъ съ чувствомъ,—явственно, видно, что отъ такого чтеца собраніе можетъ назидаться! Послѣ этого собраніе запѣло—„Гласъ Господень на водахъ“, но запѣли такъ, что пишущій сіи строки, слышавшій въ свое время знаменитыхъ пѣвцовъ въ итальянской оперѣ и извѣстные хоры,—прямо пришелъ къ тому заключенію, что, во 1-хъ, народъ нашъ удивительно способенъ къ музыкѣ, а во 2-хъ, что предстоятели церковей весьма будутъ повинны, если не воспользуются эгизъ музыкально-вокальнымъ богатствомъ русскаго человѣка для достойнаго прославленія Всемогушаго Творца въ храмахъ и для оживленія религіознаго чувства молящихся—черезъ введеніе при богослуженіяхъ общаго пѣнія.

По окончаніи пѣнія, епарх. о. миссіонеръ обратился къ пѣвцамъ, между которыми были старики, старухи, взрослые обоихъ половъ и юныя

дѣвицы и сказали: „Чтоже, братія, пѣніе у васъ отличное, читаете вы слово Божіе, поете священныя пѣсни и различныя кавты, но зачѣмъ же изъ хорошихъ вещей дѣлать тайну?—Изъ среды собранія послышались голоса, что они потому таились, что народъ ихъ преслѣдовалъ, разбивалъ имъ окна и т. п.—Но, братія, сказалъ о. миссіонеръ, виноваты вы тѣмъ, что на открытіе вашихъ собраній не взяли благословенія и дозволенія вашихъ пастырей! Вотъ эта то скрытность и таинственность вашихъ собраний и поселила въ народѣ увѣренность, что дѣло ваше нечисто,—да и вообще не скрою, что путь вашихъ собраний можетъ быть опаснымъ и гибельнымъ! Вѣдь руководитель вашъ, какъ не имѣющій особой благодати, получасомъ пастырями Церкви чрезъ священное рукоположеніе, истолковывая священное Писаніе, легко можетъ впасть въ заблужденіе, въ ересь и ввести въ оную все собраніе,—а поэтому я предлагаю вамъ перенести эти собранія въ Церковь, въ школу,—гдѣ и будутъ совершаться чтеніе и пѣніе при руководствѣ священниковъ: они ваши пастыри и должны отдать отчетъ предъ Богомъ за каждую погибшую духовную овцу.—Въ подтвержденіе той мысли, что самовольныя собранія опасны, а тѣмъ болѣе самовольное, безъ пастырей Церкви, толкованіе священнаго Писанія и размышленіе объ истинахъ св. вѣры,—окумъ миссіонеръ, свещ. Н. М. представилъ такой примѣръ. Въ основѣ всѣхъ неизмѣнныхъ и непреложныхъ истинъ, которыми обладаетъ св. Церковь Христова, какъ величайшимъ сокровищемъ, лежитъ догматъ о тринитности лицъ въ Богѣ. Какимъ образомъ Отецъ, Сынъ и Св. Духъ—есть единый истинный Богъ,—это тайна, недоступная не только человѣческому, но и ангельскому уму. А поэтому человѣкъ, разсуждающій объ этомъ догматѣ безъ руководства св. Церкви, легко можетъ заблудиться. Исторія это и показываетъ.

Нѣкто священникъ Аріѳ, жившій въ IV' вѣкѣ по рожд. Х., началъ размышлять о тайнѣ св. Троицы,—и, исходя изъ понятій отца и сына въ приложеніи ихъ къ тварямъ, вывелъ мысленное заключеніе, что Господь І. Христосъ, хотя выше всѣхъ тварей и ангеловъ,—но ниже Бога Отца—и есть твореніе Его; эту мысль Аріѳ проповѣдывалъ всенародно. Между тѣмъ, отъ апостольскихъ временъ Церковь сохранялось одно истинное ученіе, что Богъ Отецъ и Богъ Сынъ—едино; а теперь послышалось новое странное ученіе, что Сынъ Божій не равенъ Богу Отцу, ниже Бога Отца. Начались въ Церкви волненія и споры: спорили отецъ съ сыномъ, мать съ дочерью, спорили на рынкахъ, на площадяхъ, въ церквахъ. Для прекращенія этихъ волненій, по волѣ императора Константина Великаго, собрался соборъ святителей, епископовъ со всей вселенной. На этомъ соборѣ, между прочимъ, находились св. Николай Чудотворецъ, св. Александръ, св.

Спиридонъ, св. Аѳанасій Великій и много др. отцовъ Церкви. Послѣ долгихъ разсужденій и совѣщаній, ученіе безумнаго еретика Арія, дерзнувшаго своимъ умомъ разрѣшать тайну св. Троицы, было отвергнуто, какъ нечестивое, а утверждено единосущіе Отца и Сына. Изъ этого примѣра познайте, други, какъ опасно самимъ истолковывать истинны непостижимыя—гораздо благонадежнѣе для спасенія души слѣдовать ученію, сохраняемому въ Св. Церкви. И сколько гордыхъ еретиковъ поскользнулось на этомъ пути,—разсуждая, напр., о лицѣ Господа І. Христа! Еще Симеонъ Богопріимецъ, подавая 40-дневнаго Богомладенца Божіей Матери, сказалъ: „се лежатъ Сей на паденіе и на востаніе многихъ во Израили“ (Лук. 2. 34), предсказывая, такимъ образомъ, что Богомладенецъ будетъ во спасеніе только для тѣхъ, которые увѣруютъ въ Его Божество, а для невѣрующихъ будетъ въ погибель. И донынѣ это пророчество св. Симеона Богопріимца исполняется: одни вѣруютъ въ Божество Господа І. Христа—и спасаются; а другіе вѣруютъ въ лжехристовъ, и. разумѣется, погибаютъ. Вѣруете ли вы, что Господь І. Христосъ, родившійся плотію отъ Пресвятой Дѣвы Маріи,—есть едиnorodный и единосущный Сынъ Бога Отца?—На вопросъ этотъ долго не было отвѣта,—но наконецъ одинъ старикъ (кажется, по фамиліи Нарыжнякъ) сказалъ: „а какъ же Богъ обѣщалъ Симеону: если ты встрѣтишь человѣка лѣтъ 20—30, на котораго сойдеть Духъ Святой,—тотъ и есть Христосъ“?

Енарх. миссіонеръ. А гдѣ это сказано?—найди въ священномъ Писаніи! Не изъ своего-ли ума ты вымыслилъ это?

Стар. Н. Я не могу найти, а помню только, что читалъ въ проповѣдяхъ протоіер. Ванданова!

Енарх. Мисс. Ошибаешься, другъ! Проповѣди Ванданова я знаю. Слова, приведенныя тобою, сказаны были (въ нѣсколько измѣненномъ видѣ) Іоанну Крестителю. Дѣйствительно, когда І. Христосъ крестился въ Іорданѣ, то Духъ Св. сошелъ на Него въ видѣ голубя,—а Богъ Отецъ свидѣтельствовалъ о Немъ: Сей есть Сынъ мой возлюбленный.

Стар. Н. А какъ же въ Писаніи написано: отъ плоти-плоть, а отъ духа—духъ?

Енарх. мисс.—А гдѣ это написано? Покажи!

Стар. Н.—Что написано—это вѣрно, — а найти, гдѣ написано, я не могу.

Енарх. мисс.—Ну вотъ я тебѣ сейчасъ прочту это мѣсто, слушай: „Между фарисеями былъ нѣкто именемъ Никодимъ. Онъ пришелъ къ Іисусу ночью и сказалъ: Равви, мы знаемъ, что Ты учитель, пришедшій съ Бога, ибо такихъ чудесъ, какія Ты творишь, никто не можетъ творить, если съ нимъ

не будетъ Богъ. Иисусъ сказалъ ему въ отвѣтъ: „истинно, истинно, говорю тебѣ, если кто не родится свыше, не можетъ увидѣть Царствія Божія“. Скажи, же, другъ, что значить „родиться свыше“?

Стар. II. — „Родиться свыше“ значить исправить свою жизнь, перестать пьянствовать и ругаться скверными словами.

Енарх. мисс. — Жестоко заблуждаешься, другъ!—болѣе, нежели Никодимъ, который спрашивалъ: развѣ можно снова войти въ утробу матери и родиться? „Исправить жизнь“, „перестать пьянствовать“—все это каждый человекъ можетъ сдѣлать, даже и язычникъ; но тогда и спасеніе зависило бы только отъ самого человека: захотѣлъ — и спасетъ! Нѣтъ, другъ мой! кромѣ нашего желанія, для нашего спасенія еще нужна спасительная благодать Божія, подаваемая въ таинствахъ св. Церкви. Объ одномъ изъ этихъ благодатныхъ и спасительныхъ для человека таинствъ и открываетъ здѣсь Спаситель Никодиму: „истинно, истинно говорю тебѣ, если кто не родится отъ воды и Духа, тотъ не войдетъ въ царствіе небесное,—ибо рожденное отъ плоти—плоть, отъ Духа—духъ“. Здѣсь говорится, другъ, о возрожденіи человѣческой души благодатными водами св. крещенія. И это рожденіе отъ воды и Духа такъ важно, что безъ него никто не войдетъ, по слову Господа, въ царствіе небесное.

Стар. II. — А какъ же въ Писаніи написано: обрѣзаніе и необрѣзаніе—ничтоже?

Енарх. мисс. — Такъ ты, другъ, думаешь, что крещеніе то же, что и обрѣзаніе? Такъ?

Старикъ Н. упорно молчалъ. Тогда енарх. миссіонеръ обратился ко всему собранію и спросилъ: слышали вопросъ начетника? По ходу рѣчи его можно судить, что онъ крещеніе и обрѣзаніе считаетъ одинаковыми и однопозначущими дѣйствіями, т.—е. за ничто. Такъ?

Всѣ въ стѣнѣ: — да, такъ!

Енарх. мисс. — Ну, другъ, ошибаешься, считая крещеніе за одно обрѣзаніемъ. Въ ветхомъ завѣтѣ было установлено для евреевъ обрѣзаніе, — для христіанъ, вступавшихъ въ Церковь Христову изъ язычниковъ, оно было отиѣнено соборомъ св. апостоловъ (Дѣян. XV, 24). Въ новомъ же завѣтѣ, вмѣсто обрѣзанія, совершается св. крещеніе. Оно установлено по повелѣнію Самого Господа: шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и св. Духа (Мат. XXVIII, 19). Насколько важно крещеніе, видно уже изъ того, что и Самъ Господь І. Христосъ, не нуждавшійся въ крещеніи, какъ единый безгрѣшный, принявъ оное отъ Іоанна Крестителя;—крестились и всѣ св. апостолы. Гдѣ же, другъ, написано или сказано въ св. Писаніи, что крещеніе отиѣнено?—Когда отвѣта на данный

вопросъ не послѣдовало, еп. мисс. продолжалъ: Итакъ, друзья мои, крещеніе не одно и то же, что обрѣзаніе! Обрѣзаніе и все прочее, совершаемое въ ветхомъ завѣтѣ—только образъ и тѣнь; а крещеніе и всѣ прочія таинства и священнодѣйствія новаго завѣта — это сама дѣйствительность, истина. Такъ, въ ветхомъ завѣтѣ скинія; въ новомъ храмы христіанскіе; въ ветхомъ а. приносилась для очищенія отъ грѣховъ кровь тельцовъ и овновъ; въ новомъ принесена безцѣнная жертва Самимъ Господомъ на Голгоѣ за грѣхи всего міра—и Имъ же, Господомъ установлено таинство Тѣла и Крови Христовой на всѣ времена; въ ветхомъ—скрижали, въ новомъ—св. Евангеліе; въ ветхомъ—прозябшій жезлъ Аарона; въ новомъ—животворящій крестъ Господень. И на сколько живое лицо превосходитъ свѣй портретъ, вещь свой образъ, свою тѣнь,—на столько же крещеніе превосходитъ обрѣзаніе. И если необрѣзанный человѣкъ, по закону, истреблялся отъ народа, то некрещенной душѣ входъ въ царствіе небесное прямо таки не возможенъ: кто не родится отъ воды и Духа—не внидетъ въ царствіе небесное. А вы, Нарыжнякъ, говорите, что родиться свыше значитъ—не пьянствовать, не дѣлать дурныхъ дѣлъ! Въ доказательство ошибочности вашего мнѣнія приведу еще примѣръ изъ священнаго Писанія. Слушайте! Въ 10-й главѣ кн. Дѣяній Апост. говорится: въ Кесаріи жилъ нѣкто Корнилій, сотникъ; онъ хотя и язычникъ былъ, — но человѣкъ благочестивый и боящійся Бога, творившій много милостыни и всегда молившійся Богу. Если разсуждать по вашему, что крещеніе—есть добрая, благочестивая жизнь, то значитъ Корнилію язычнику не зачѣмъ было принимать водное крещеніе! Однако случилось вотъ что. Милостыни Корнилія взойшли на небо, предъ лицо Бога,—и Господь чрезъ ангела повелѣлъ ему послать за апостоломъ Петромъ. И вотъ, когда св. апостолъ Петръ наставлялъ Корнилія въ истинахъ св. вѣры, проповѣдывалъ ему Христа Господа, распятаго и воскресшаго, то Духъ Св. сошелъ на Корнилія и на всѣхъ его домохадцевъ. Казалось бы, по нашему человѣческому разсужденію, что для Корнилія теперь не было нужды въ крещеніи, но апостолъ Петръ, несравненно лучше всѣхъ челоѣковъ знавшій тайны св. вѣры, нашелъ необходимымъ еще крестить Корнилія и его домохадцевъ воднымъ крещеніемъ. Изъ этого примѣра познай, другъ, и научись, что крещеніе необходимо для спасенія и что жизнь благочестивая не можетъ замѣнить крещенія! Точно также необходимы для спасенія и другія таинства новаго завѣта; напр., величайшее таинство Тѣла и Крови Христовой,—объ установленіи котораго въ св. Евангеліи говорится, такъ: І. Христосъ взявъ хлѣбъ и, благословивъ, преломилъ и, раздавая ученикамъ, сказалъ: примите, ядите сіе есть Тѣло Мое; и взявъ чашу, сказалъ: пейте изъ нея всѣ, ибо сія есть Кровь Моя новаго завѣта, за многихъ изливаемая. во оставленіе грѣ-

ховъ; далъ при этомъ Спаситель и такое повелѣніе: „сіе творите въ Мое воспоминаніе“ (Мат. XXVI, 26, Лук. XXII, 19). Апостолъ Павелъ свидѣтельствуеъ, что таинство Тѣла и Крови Хр. будетъ совершаться до тѣхъ поръ, пока придетъ Господь І. Христосъ, т. е. до втораго Его пришествія (Кор. 11, 26). Изъ сказаннаго, братіе, явствуетъ, что новый завѣтъ данъ на вѣчныя времена; въ ветхомъ завѣтѣ законъ данъ чрезъ Моисея, а въ новомъ благодать принесена Самимъ Г. І. Христомъ и преподается Имъ человѣчеству чрезъ таинства, совершаемыя въ Церкви епископами и священниками, преемниками св. апостоловъ. Вотъ отъ участія въ этихъ-то спасительныхъ таинствахъ и умоляю васъ, братія, не уклоняться, ибо путь уклоненій—путь душегубительный! Не разрывайте же мира церковнаго, любви Христовой, не уклоняйтесь на путь тайныхъ собравій, соединитесь воедино!..—Со стороны сектантовъ слышались голоса, что они не уклонятся отъ Церкви.—но что сами священники вынуждаютъ ихъ къ этому, не допуская ихъ до причастія.

Енарх. мисс. — Друзья мои, ну развѣ есть какая либо выгода священнику—пастырю разгонять свое словесное стадо? подумайте! Вы же вынудили священниковъ къ такимъ крайнимъ мѣрамъ, какъ недопущеніе васъ къ св. Тайнамъ, своимъ непослушаніемъ, тайными самочинными собраніями... Ну пропойте намъ еще какіе-либо стихи—вы хорошо поете!

— Мы споемъ: «Исусе мое радости». но только напѣвомъ пѣсеннымъ! Запѣли. Послышалось пѣніе на манеръ: «голѣ мои гречаники».

Присутствовавшіе православные запротестовали. О. енарх. миссіонеръ далъ знакъ остановить это пѣніе и сказалъ: да, напѣвъ неприличный для этого канта, гдѣ воспѣвается сладчайшій Исусъ, Сынъ Божій!

Ведомъ Кизаченко. — А что за дѣло? — хоть бы я по коровымъ заревѣлъ, лишь бы сердце мое было направлено къ Богу! Богъ приметъ.

Енарх. мисс. — Богъ нашъ есть ревнитель и огонь поядая: служить Ему нужно со страхомъ и трепетомъ,—жертву нужно приносить Ему чистую и благоговѣнную и, слѣд., если воспѣвать Его напѣвомъ уличныхъ дрянныхъ пѣсенъ,—то это значить приносить Ему жертву нечистую; а нечистая жертва есть мерзость предъ Господомъ! Да и св. апостолъ Павелъ наставляетъ Христіанъ: «вся вамъ благообразна и по чину да бываютъ». Въ заключеніе еще и еще прошу и умоляю васъ оставить всѣ раздѣленія и соединиться воедино.

Нарыжнякъ. — Если бы тѣ, которые зовутъ себя православными, а насъ преслѣдуютъ,—поменьше пьянствовали!..

Енарх. мисс. Да, безъ сомнѣнія, они грѣшники! но Христосъ пришелъ «грѣшныя спасти».

Окруж. мисс. обращаясь къ старику Нар. ска зал :

— Одины у насъ Судія и Законоположникъ, могущій спасти и погубить,—а ты кто, что судишь ближнихъ?

Епарх. мисс. Итакъ, братіе, миръ, любовь, единеніе. Желаете-ли оставить ваши тайныя собранія и перенести ихъ въ училищное зданіе, подъ руководствомъ священниковъ?

Всѣ. — Желаемъ.

Федотъ Казаченко. — А я не желаю, — потому что лучше Бога слушаться, нежели человѣковъ!

Епарх. мисс. — Я это зналъ и говорилъ тебѣ раньше, что съ здѣ живущими ты не въ мирѣ, не въ единеніи! А вамъ всѣмъ, братіе, миръ и благодать Господня.

Собраніе продолжалось съ 12 до 3 ч., при страшной духотѣ, жарѣ; потъ ручьемъ лился у всѣхъ присутствующихъ; но лица миссіонеровъ дышали духовною радостью, что проповѣдь ихъ не была тщетна, и сектанты сдѣлали шагъ къ единенію съ православными, давши общаніе устроить свои собранія въ общественныхъ зданіяхъ, гдѣ чтеніе, пѣніе толкованіе слова Божія будетъ совершатся подъ руководствомъ мѣстныхъ священниковъ. И за сей малый успѣхъ хвала Бог .

С. Н. М.

Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги по вопросамъ вѣры и миссіи Церкви.

Свящ. Серапіонъ Брояковскій. Спутникъ пастыря. Сборникъ статей и замѣтокъ по вопросамъ пастырскаго служенія. Вып. I-й. Кіевъ, 1903 г.

За послѣднее время въ нашей духовной литературѣ появилось значительное количество произведеній, обсуждающихъ и разъясняющихъ разные «недоумѣнные» случаи въ дѣятельности священника, напр., при веденіи метрическихъ записей, брачныхъ обысковъ, при разнаго рода затрудненіяхъ и „совпаденіяхъ“ въ богослужебной области, (совпаденіе праздника Благосвѣщенія съ днями страстной седмицы и т. п.). Съ другой стороны встрѣчаются произведенія противоположнаго характера, произведенія, трактующія объ идеяхъ или принципахъ пастырскаго дѣланія, о „возгрѣваніи“ въ своемъ духѣ пастырской любви, о „пронекносеніи“ апостольскому ревностию и т. п. Произведенія этихъ двухъ типовъ, хотя и могутъ быть признаны необходимыми для пастыря, тѣмъ не менѣе у нихъ есть и свои недочеты.

Въ самомъ дѣлѣ, пастырство отнюдь не исчерпывается веденіемъ метрикъ и составленіемъ брачныхъ обысковъ; священникъ, далѣе, не есть простой требноисправитель, но пастырь своихъ прихожанъ.

Равнымъ образомъ, не очень много пользы получается пастыремъ и при чтеніи сочиненій, трактующихъ одну лишь идейную сторону пастырства изображающихъ идеалъ пастырскаго служенія безъ обстоятельнаго выясненія путей къ выполненію оного.

Дѣло въ томъ, что съ идеалами пастырства лучше всего знакомиться по первоисточникамъ, библіи и святотеческимъ твореніямъ и лишь для уясненія дѣла можно не упускать изъ виду научныхъ трактатовъ объ „идеалахъ“ пастырства. Между тѣмъ, часто въ пастырской практикѣ бываетъ какъ разъ наоборотъ. Пастырь - священникъ читаетъ сочиненіе, полное возвышенныхъ мыслей о пастырскомъ служеніи, но почти не касающееся практической разработки и отображенія въ жизни пастырскаго идеала..

Отъ книжнаго идеала онъ обращается къ прозѣ жизни и... подобно чловѣку, отошедшему отъ зеркала, забываегь, каковымъ онъ долженъ быть (Іак. 1, 23, 24). Идеалы такъ возвышенны и свѣтлы, а жизнь полна такыхъ роковыхъ противорѣчій... Невольно зарождается ошибочная мысль о невозможности осуществити пастырскій идеалъ въ жизни, а вслѣдствіе этого можетъ ослабѣть и ревность „добраго пастыря“.

Къ сожалѣнію въ нашей пастырской литературѣ мало такихъ сочиненій, гдѣ бы говорились не про идеалъ лишь пастыря, но указывались и средства къ его осуществленію, такъ чтобы читатель-пастырь, уразумѣвъ возможность осуществленія пастырскаго идеала въ жизни, тѣмъ съ большею ревностью выполнялъ свое великое служеніе. Отсюда особеннаго вниманія пастырей заслуживаютъ сочиненія этого типа.

Рекомендуемый въ настоящихъ строкахъ трудъ почтеннаго іерея о. Серапіона Брояковского „Спутникъ пастыря“ принадлежиць именно къ этой категоріи, и выполнь достоинствъ того, чтобы ознакомиться съ нимъ поближе. Въ книгѣ о. Брояковского нѣтъ скучно-утомительныхъ изысканій изъ области разныхъ метрически-канцелярскихъ и т. п. казусовъ пастырской практики. Почтенный авторъ разсматриваетъ священника какъ пастыря, какъ духовнаго руководителя своихъ прихожанъ, въ то же время отнюдь не впадая въ пустое риторство и и пышныя фразы. Напоминая читателю о томъ или иномъ требованіи пастырскаго идеала, почтенный іерей здѣсь же показываетъ и доказываетъ его практическую удобоосуществимость. Уже при бѣгломъ чтеніи книги быстро возникаетъ впечатлѣніе, что съ вами говоритъ о пастырскомъ дѣлѣ чловѣкъ не мало потрудившійся въ этомъ дѣлѣ, что его перомъ движеть долготлѣвнй жизненный опытъ, а не кабинетныя, апріорныя теоріи.

Всякому православному христіанину понятна необходимость благоговѣйнаго чествованія праздничныхъ дней, необходимость прекращенія житейскихъ работъ, торговли, пьянства и разгула въ праздничные дни. Наши воскресные и праздничные дни, это не простые лишь антракты среди будничныхъ трудовыхъ дней, это торжественное исповѣданіе божественной силы православія, это отблескъ пренесенной славы воскресшаго Икупителя, это земное предвкушеніе будущаго блаженства на небѣ, когда Богъ будетъ „все во всемъ“... когда смертное облетается въ безсмертіе и смерть будетъ поглощена побѣдой... На практикѣ же мы видимъ торговлю, пьянство и разгулъ (въ простомъ народѣ) въ праздничные дни. Пастырю Церкви должно энергично бороться съ этимъ зломъ. Вотъ тутъ-то о. Брояковский и даетъ много цѣнныхъ, жизненно практическихъ указаній. Предостерегать прихожанъ отъ пьянства въ праздники должно заблаговременно, до праздниковъ (29 стр.). Здѣсь особую услугу можетъ оказать разъясненіе вреда

пьянства не только съ нравственной христіанской, но и съ медицинской точки зрѣнія; разъясненія медицинскаго характера удобнѣе всего дѣлать во вѣбогослужебномъ собесѣдованіи. Тутъ можетъ быть прочитана и какая-либо популярная статья изъ области гигиены и фізіологіи о гибельномъ вліяніи спиртныхъ напитковъ на органы челоѣка (стр. 30).

Предупредительныя мѣры противъ пьянства должны быть начинаемы еще со школы. И здѣсь о. Бряковскій даетъ не мало цѣнныхъ указаній, какъ надо воздѣйствовать въ этомъ направленіи на питомцевъ сельской школы. Въ примѣръ приводится общество трезвости, устроенное С. А. Рачинскимъ среди юныхъ учениковъ его знаменитой Татевской школы (31 и слѣд. стр.).

Прекрасно уяснена почтеннымъ авторомъ и возможность устройства въ приходѣ народной читальни. Скажутъ, что на это нужны деньги и помѣщеніе. Но почтенный о. іерей убѣдительными примѣрами показываетъ, что можно на первыхъ порахъ обойтись и десятью рублями (41 стр.). Помѣщеніе на первыхъ порахъ можно устроить въ црк.-приходск. школѣ, когда она свободна отъ занятій; чрезъ это бывшіе питомцы школы не будутъ порывать связи съ своей alma mater, продолжая свое самообразование подъ наблюденіемъ духовнаго отца, какъ заведующаго школой (41 стр.). За основаніе при устройствѣ приходской библіотеки можетъ быть принята библіотека школьная; здѣсь воплѣ будутъ цѣлесообразны изданія училищнаго совѣта при Св. Синодѣ (42 стр.). Завѣдываніе школой, библіотекой и читальней, учрежденіе вечернихъ классовъ для взрослыхъ (44 стр.), все это много будетъ способствовать прочной связи и близости взаимоотношеній священника съ прихожанами. (43 стр.).

Польза публичныхъ народныхъ чтеній съ волшебнымъ фонаремъ въ настоящее время служить азбучной истиной для пастыря, но отъ теоріи до практики — цѣлая бездна. Чтобы не потратить понапрасну денегъ, надо знать адресъ склада, гдѣ продаются подходящіе волшебные фонари, ихъ размѣръ, форму и т. п.

И здѣсь на помощь приходитъ книга о. Бряковского, гдѣ авторъ изъ богатой сокровищницы своего пастырскаго опыта извлекаетъ много практическихъ указаній по данному вопросу. Тутъ найдемъ мы адреса фирмъ, цѣны и №№ подходящихъ для сельскаго прихода волшебныхъ фонарей и такъ далѣе.

Между прочимъ, на основаніи жизненнаго опыта, о. Бряковскій выражаетъ и такое мнѣніе, съ которымъ, можетъ быть, не всѣ его сослуживцы будутъ согласны. Именно, о. Бряковскій высказывается противъ строго систематичныхъ чтеній, — чтенія по одному и тому же отдѣлу могутъ и наскучить постояннымъ посѣтителямъ (по мнѣнію о. Бряк.), кромѣ того

составъ слушателей на чтеніяхъ не всегда одинаковъ, такъ что о систематическомъ веденіи чтеній собственно не можетъ быть и рѣчи. Лучше всего наблюдать, чтобы чтеніе не было слишкомъ продолжительно, состояло изъ двухъ, трехъ отдѣловъ, въ промежуткахъ которыхъ пѣлись бы какія-либо церковныя пѣснопѣнія (45, 46 стр.).

Прекрасно разъяснена польза общихъ пастырскихъ собравій или совѣстныхъ іерейскихъ бесѣдъ (38, 39 стр.).

Обстоятельно о. Брояковскій говоритъ о томъ, какъ научить прихожанъ правильно и толково молиться Богу (V гл.), о мѣрахъ къ распространенію среди прихожанъ правильного письма иконъ и картинъ, указываетъ практическое средство приобрести деньги на случай пужды церковной, говоритъ о сельскомъ пастырѣ въ роли мірскаго судьи, объ отношеніяхъ семьи сельскаго священника къ прихожанамъ, обстоятельно изъясняетъ осмотрительность въ дѣлѣ присоединенія къ православію инновѣрцевъ,—разсуждаетъ о томъ, какъ улучшить церковное чтеніе и пѣніе и составить любительскій хоръ, указываетъ средства къ улучшенію матеріальнаго быта духовенства, мѣры къ упорядоченію внутреннихъ взаимоотношеній членовъ клира и т. д.

Тутъ же мы читаемъ превосходные „отрывки изъ дневника сельскаго священника“ (132—140).

Въ особую заслугу о. Брояковскому надобно поставить его спокойный и въ то же время основательный критическій разборъ разныхъ нареканій на духовенство со стороны пристрастной газетной прессы (3—11 и 142—144 стр.).

Изъ сказаннаго легко видѣть, какъ много дѣльнаго и полезнаго вмѣщаетъ въ себѣ предлагаемая вниманію читателей книга почтеннаго автора.

Такія произведенія особенно нужны современнымъ пастырямъ, часто вмѣющимъ дѣло съ сектантствомъ. На обложкѣ книги написано: «Выпускъ I-й». Отъ души желаемъ почтенному и умудренному опытомъ о. іерею приумноженія дальнѣйшихъ выпусковъ для блага его собратьевъ. Цѣна книги 80 коп., съ перес. 1 р. Адресъ: Ст. Попельня, Кіевской губ. Свящ. С. Брояковскому.

А. Григорьевъ.

Самар. еп. мис. Александровъ. „О клятвахъ соборовъ 1656, 1666—1667 гг. и объ единовѣріи“. Самара 1902 г. 142 стр. ц. 1 р. съ перес.

Въ истекшемъ году миссіонерская литература обогатилась обстоятельной книгой извѣстнаго въ миссіонерствующей братіи о. Дмитрія Алек-

сандрова. Клятвы соборовъ 1656, 1666—1667 гг.—это камень соблазна и претыканія для всего раскола и даже нѣкоторыхъ православныхъ (извѣстная полемика по вопросу «о нуждахъ единовѣрія» между покойными—проф. И. Ф. Нильскимъ и Т. И. Филипповымъ). Съ другой стороны, эти клятвы своего рода „быть или не быть“ православнаго старообрядчества—единовѣрія. Словомъ, вопросъ о нихъ—вопросъ капитальный въ нашей противораскольничьей миссіи. Раскольники всякихъ упеваній и всякой степени приближенія къ православной Церкви, о чемъ бы ни бесѣдовали съ миссіонерами, рѣдко не коснутся этого вопроса. Извѣстно, что даже авторъ „Окружнаго посланія“ (изд. 1862 г.), И. Е. Кабановъ (Ксеносъ), самымъ миротворнымъ образомъ настроенный по отношенію къ св. Церкви, и тотъ не удержался, чтобы не указать на соборныя клятвы 1666—1667 гг. какъ на „важную и благословную вину неслѣдованія пастыремъ господствующей Церкви“. Соборы 1656, 1666—1667 гг., утверждаютъ раскольники, проклинали древне-церковныя обряды: двуперстіе, сугубое аяллуія и др., и тѣмъ опорочили „благочестіе“ содержавшихъ эти обряды св. отецъ и безусловно положили анаѣмъ на всѣхъ, кто бы ни сталъ держаться старообрядчества; подъ анаѣмой, стало быть, по толкованію раскольниковъ, и—единовѣрцы. Разъяснить подлинный смыслъ соборныхъ клятвъ, показать, что клятвы эти положены не на самый обрядъ (безусловно), а на тѣ злыя, неправославныя мудрованія перзыхъ расколуучителей, на ту вражду, непокореніе и похуленіи послѣднихъ по отношенію къ Церкви, которыя съ этимъ обрядомъ соединялись и подъ его знаменемъ пропагандировались и производили смуту въ православной Церкви,—значить лишить всякой силы указанное утвержденіе раскольниковъ о порицаніи благочестія св. отецъ и о подклятенномъ состояніи единовѣрцевъ.

И о. Александровъ обстоятельно выполнилъ эту задачу въ вышеназванной книгѣ. На основаніи соборныхъ актовъ, самыхъ обстоятельствъ появленія раскола, церковно-историческихъ и каноническихъ справокъ изъ древнѣйшей эпохи церковной жизни, примѣровъ изъ русской церковной исторіи, до п. Никона и разныхъ распоряженій и разъясненій русской церковной власти послѣ п. Никона, авторъ ясно показалъ, что клятвы противораскольничьихъ соборовъ были и неизбежными и правыми и что православная Церковь, положивъ ихъ на церковныхъ раздорниковъ и худителей, благочестія не лишилась. Болѣе того, авторомъ показано, что, еслибы эти клятвы были положены и несправедливо (чего на самомъ дѣлѣ не было) и тогда Церковь истинной вѣры не утратила бы. Слова автора, что и въ «при сѣбѣ слова Божія, писанія отцевъ и учителей Церкви, правилъ св. соборовъ показано, что соборъ 1667 г. во всѣхъ своихъ дѣй-

ствіяхъ поступалъ совершенно правильно и съ ученіемъ Евангельскимъ, апостольскимъ, отеческимъ и соборнымъ согласно» (стр. 102), такимъ образомъ, по праву занимають мѣсто въ книгѣ. Разобраны авторомъ и соблазняющіе раскольниковъ рѣзкіе отзывы и порицанія касательно «старыхъ обрядовъ», имѣющіеся въ полемическихъ противъ раскола сочиненіяхъ прежняго времени; разоблачена неправота раскольниковъ въ взглядахъ на эти отзывы и порицанія. Единовѣріе обосновано миссіонерскими доводами неизбежно. Словомъ полнота обслѣдованія предмета—надлежащая. Мы только пожалѣли, что авторъ не коснулся распоряженій патріаршихъ и разныхъ епархіальныхъ владыкъ (вскорѣ же послѣ соб. 1667 г.) касательно тѣхъ прихожанъ, кои продолжали держаться „старого“ обряда, при повиновеніи Церкви во всемъ остальномъ, кои за сіе предавались своимъ пастырямъ только на „увѣщаніе“, а не отлучались отъ Церкви, какъ анафематствованные.

Пожалѣли равнымъ образомъ и о томъ, что авторъ не упомянулъ о пресловутомъ „дѣянніи на еретика Мартына“, о коемъ раскольничьи начетчики любятъ такъ много говорить, разъ заходятъ рѣчь о „пореченіяхъ“ на „старые“ обряды. Хорошо также сдѣлалъ бы авторъ, еслибы указалъ литературу своего предмета.

Изложеніе у автора послѣдовательное и связанное. Языкъ обработанный и легкій. Прекрасно сдѣлалъ авторъ, что напечаталъ свой трудъ славянскимъ шрифтомъ: старообрядческій людъ, среди котораго книга, надѣмся, будетъ имѣть большую распространенность, съ большимъ уваженіемъ относится къ шрифту славянскому. Издана книга хорошо: бумага отличная, печать четкая.

Принимая во вниманіе и важность въ миссіонерскомъ дѣлѣ разобраннаго авторомъ вопроса и обстоятельность его работы, отъ души желаемъ книгѣ о. Александрова наибольшаго успѣха среди интересующихся дѣломъ противораскольничьей миссіи православной Церкви.

Н. Гринякинъ.

Прот. І. И. Соловьевъ. Забѣтныя думы служителя церкви въ виду предстоящей реформы средней школы. Москва. 1902 г., in 8° стр. 57. Ц. 30 к., съ перес. 35.

Вопросъ о предстоящей реформѣ средней школы принадлежитъ къ числу тѣхъ вопросовъ, которые не переставали и не перестаютъ волновать наше общество, печать и правительственныя сферы. И православная Церковь не можетъ быть равнодушной при разрѣшеніи этого первостепенной важности общегосударственнаго вопроса, такъ какъ она заинтересована, чтобы ея

чада воспитывались въ духѣ православной вѣры и благочестія. Пастырями Церкви, покусившимися и ревнующимъ о благѣ своихъ пасомыхъ, далече не безразлично, въ какомъ духѣ и направленіи будетъ разрѣшенъ вопросъ о реформѣ средней школы: для пастырей — прямой долгъ стоять на стражѣ духовныхъ интересовъ своихъ чадъ, откликнуться на это великое и святое дѣло и высказать свой компетентный, умудренный житейской практикой, взглядъ и свои пожеланія, какъ наилучше осуществить столь давно ожидаемую реформу средней школы. Мы съ особымъ удовольствіемъ должны отмѣтить на страницахъ нашего журнала появленіе въ свѣтъ „Завѣтныхъ думъ“ прот. І. И. Соловьева, которыя являются живѣйшимъ откликомъ наболевшаго сердца по вопросу о предстоящей реформѣ средней школы. Взгляды, высказываемые въ разсматриваемомъ вами трудѣ почтеннѣйшаго о. протоіерея, имѣютъ общепринципальное значеніе. Это обстоятельство даетъ намъ право серьезно разсмотрѣть вышеназванную брошюру и съ содержаніемъ ея познакомить нашихъ читателей болѣе подробно и обстоятельно.

Авторъ съ особымъ удовольствіемъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что вопросъ о реформѣ средней школы получилъ надлежащее и единственно вѣрное направленіе указаніями съ высоты Престола. Когда въ 1901 году комиссіей по вопросу о преобразованіи средне-учебныхъ заведеній были представлены на благоусмотрѣніе Государя Императора выработанные ею планы преобразованія, Его Величеству благоугодно было начертать: Надѣюсь, что на религіозно-нравственное воспитаніе обращено будетъ особенное вниманіе. А чрезъ годъ послѣ этой резолюціи, въ своемъ рескриптѣ вновь назначенному г. министру народнаго просвѣщенія Государь снова повторилъ то же слово о нравственно-воспитательномъ значеніи образованія въ средней и высшей школѣ. Въ Высочайшемъ рескриптѣ прямо сказано—«чтобы въ школѣ съ образованіемъ юношества соединялось и воспитаніе въ духѣ вѣры и преданности престолу и отечеству и уваженія къ семьѣ, а также забота о томъ, чтобы съ умственнымъ и физическимъ развитіемъ молодежи приучать ее съ раннихъ лѣтъ къ порядку и дисциплинѣ». — По смыслу Высочайшаго рескрипта образованіе должно состоять не въ обученіи только, а прежде всего въ воспитаніи въ духѣ вѣры Христовой, исповѣдуемой православною Церковью, и въ согласованіи съ нимъ самаго обученія (10 стр.)—Подъ такимъ именно угломъ зрѣнія и разсматриваетъ нашъ авторъ вопросъ о предстоящей реформѣ средней школы и высказываетъ свои заветныя думы.

Высказывая свои *ria desideria* въ вопросѣ о новой постановкѣ преподаванія предметовъ въ реформируемой средней школѣ, авторъ отводитъ особенное вниманіе Закону Божію. Онъ предлагаетъ почти коренную реформу

въ преподаваніи этого предмета. Оставляя для I и II классовъ Свящ. Исторію В. и Н. Завѣта, для III класса онъ проектируетъ ввести упрощенный курсъ церковной исторіи,—ученіе же о Богослуженіи — отодвинуть въ IV классъ; V и VI классы посвятить на систематическое изученіе Библіи по самому библейскому тексту, съ предпосланиемъ краткихъ псагогическихъ свѣдѣній; VII классъ удѣлить на изученіе патристики, а VIII —заключительный классъ — на систематическое повтореніе всѣхъ пройденныхъ отдѣловъ въ формѣ катихизиса или богословія. Попутно авторъ касается того неправильнаго взгляда на преподаваніе Закона Божія, по которому этотъ предметъ долженъ быть выдѣленъ изъ ряда другихъ предметовъ, и законоучитель не долженъ требовать отъ учениковъ заучиванія уроковъ; при чемъ рекомендуется—обходиться даже безъ учебниковъ; знаніе или незнаніе не должно быть оцѣниваемо баллами и экзамены должны быть изгнаны совершенно (20—21 стр.). Авторъ показываетъ всю нелѣпость этого взгляда. Красною нитью чрезъ всѣ разсужденія нашего почтеннѣйшаго автора проходитъ та основная мысль, что преподаваніе не только Закона Божія, но и всѣхъ остальныхъ предметовъ школьнаго курса должно быть по преимуществу воспитательнымъ. Реальныя науки, словесность, гражданская исторія представляютъ обильный матеріалъ для такой постановки преподаванія. И въ самомъ дѣлѣ, почему на урокахъ словесности не прочитатъ наставнику образцы тѣхъ или иныхъ видовъ литературныхъ произведеній, какъ изъ самой Библіи, такъ и изъ духовныхъ писателей. Чтеніе произведеній такихъ свѣтитъ, какъ св. Іоаннъ Златоустъ, Филаретъ, митрополитъ Московскій, Иннокентій, архіепископъ Херсонскій,—оставившихъ намъ перлы духовнаго краснорѣчія, не служигъ-ли неоспоримымъ доказательствомъ проводимой авторомъ мысли? А гражданская исторія, эта учительница народовъ, уроками которой, къ сожалѣнію, мы всѣ плохо пользуемся, сколько можетъ принести добра юношеству въ воспитательномъ отношеніи, если преподаватель будетъ держаться точки зрѣнія провиденціанизма въ судьбахъ міра!.. (15, 17 стр.).

Ревнуя о спасеніи «малыхъ сихъ», юныхъ пигомцевъ нашей средней школы, авторъ настаиваетъ, чтобы воспитаніе въ школѣ находилось въ тѣснѣйшемъ единеніи съ церковью, чтобы «весь учебно-воспитательный строй ея жизни былъ согласованъ съ ученіемъ православной Церкви и былъ поставленъ подъ покровъ и руководство св. Церкви» (36 стр.); чтобы дѣти воспитывались не вѣдъ Церкви, и не рядомъ съ нею, а въ самой Церкви и вмѣстѣ съ нею». Авторъ эту мысль еще рельефнѣе выражаетъ, призывая насъ въ школьно-воспитательномъ дѣлѣ возвратиться на истинно-русскій путь, возстановить тѣ православно-русскіе устои, которыми создано все величіе нашей родины (56 стр.).

Трудъ, принадлежавшій перу о. Соловьева, какъ видитъ читатель изъ представленнаго нами въ краткихъ словахъ содержанія, по своей серьезности и объективности, по глубинѣ философскихъ — безъ преувеличенія сказать — мыслей и по научной постановкѣ разрѣшаемаго вопроса, — долженъ быть отнесенъ къ выдающимся и серьезнымъ публицистическимъ произведеніямъ. Привѣтствуя появленіе въ свѣтъ этой интереснѣйшей брошюры, мы съ настойчивостью рекомендуемъ всѣмъ, кто интересуется злободневнымъ вопросомъ о предстоящей реформѣ средней школы, — приобрести самую брошюру (тѣмъ болѣе, что она не дорога — всего стоитъ 30 к.) и обстоятельно познакомиться съ ея содержаніемъ.

П. Козницкій.

Іером. Θεοδορѣ (Поздѣвскій). Аскетическія воззрѣнія преп. Іоанна Кассіана Римлянина. Казань. 1902 г. стр. 333. Ц. 2 рубъ съ перес.

Данная книга представляетъ изъ себя ученую монографію, состоящую изъ біографіи преп. Іоанна и 4-хъ главъ, въ которыхъ раскрываются взгляды преп. Іоанна на подвижничество, его основы, задачи и цѣли, общее христіанское міросозерцаніе преподобнаго, его мысли объ осуществленіи подвижничества какъ со стороны внѣшняго, такъ и со стороны внутренняго человѣка. Для русскаго образованнаго читателя интересенъ тотъ, отмѣченный авторомъ книги фактъ, что сочиненія преп. Іоанна оказали большое вліяніе на нашего русскаго подвижника, преп. Нила Сорскаго, слѣдов., на школу, связанную съ именемъ этого русскаго дѣятеля и на цѣлую, слѣдовательно, половину христіанскаго направленія жизни и мысли въ русскомъ обществѣ. Преп. Іоаннъ Кассіанъ, какъ извѣстно, является однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ истолкователей вопроса о свободѣ воли и благодати Божіей, т. е. того самаго вопроса, съ которымъ часто приходится имѣть дѣло миссіонеру. Понятно, что настоящая книга представляетъ для миссіонера живѣйшій интересъ. Къ тому же взгляды преп. Кассіана приводятся авторомъ большею частью дословно и тщательно цитируются. Издана книга довольно хорошо и опечатокъ сравнительно немного.

Свящ. М. Лисицынъ.

ХРОНИКА.

Миссіонерство, секты и расколъ.

Борьба со штундою въ Кіевской губ. Содѣйствіе миссіи со стороны Кіевского Братства и Религіозно-просвѣтительнаго Общества.—Новыя руководственные правила миссіи для приходскихъ пастырей, благочинныхъ и окружныхъ миссіонеровъ. **Изъ залы засѣд. донского епарх. съѣзда.** Какъ привлекать на бесѣды отпадшихъ.—Къ вопросу о причащеніи заподозрѣнныхъ въ хлыстовствѣ.

Всѣхъ отпадшихъ отъ православной вѣры числится въ Кіевской губ. около 8,500 душъ, въ томъ числѣ раскольниковъ около 4,000 и сектантовъ около 4,500. Въ виду того, что расколъ, такъ сказать, не имѣетъ мѣстнаго характера, такъ какъ раскольники въ большинствѣ случаевъ народъ не здѣшній, а пришлый, кромѣ того, такъ какъ проаганда раскола и соvrащенія въ него почти не имѣютъ мѣста въ Кіевской губ., то все вниманіе епархіальной миссіи обращено на борьбу со штундою разнаго типа и наименованія.

Борьба эта была сосредоточена въ истекшемъ году главнымъ образомъ въ Св. Владимірскомъ Братствѣ, Религіозно-просвѣтительномъ Обществѣ и въ мѣстной миссіи, состоявшей изъ двухъ миссіонеровъ и двухъ сотрудниковъ ихъ, помимо окружныхъ миссіонеровъ въ каждомъ благочиніи.

Св. Владимірское братство, по примѣру прежнихъ лѣтъ, удѣляетъ и теперь ежегодно часть своихъ средствъ на покупку и разсылку въ сектантскіе приходы книгъ и брошюръ. Братство на свои же средства содержитъ двухъ книгоношъ, которые и распространяютъ необходимыя брошюры въ сектантскихъ приходахъ. Кромѣ того съ успѣхомъ распространяются книжки, листки и брошюры въ народѣ посредствомъ продажи ихъ въ особомъ кіоскѣ, вблизи кафедральнаго Софійскаго собора ¹⁾).

¹⁾ Весьма желательно, чтобы помѣщеніе названнаго кіоска было нѣсколько расширено въ видѣ лавочки; тогда явился бы большій доступъ покупателямъ осмотрѣть продаваемый книжный товаръ и избрать то, что кому изъ нихъ желательно и необходимо.

Немалую пользу миссіонерскому дѣлу оказало и оказываетъ Кіевское Религіозно-просвѣтительное Общество. Въ 1897—1899 гг. оно вело строго организованнаго противосектантскія собесѣдованія, а въ настоящее время почтенная дѣятельность названнаго общества выражается: 1) въ богословскихъ чтеніяхъ для образованнаго общества, имѣющихъ своею прямою цѣлью подорвать лживость толстовскихъ доктринъ; 2) въ религіозно-нравственныхъ собесѣдованіяхъ и чтеніяхъ для простаго народа и 3) въ изданіи листковъ и брошюръ. Богословскія чтенія ведутся по преимуществу профессорами мѣстной академіи, а религіозно-нравственныя чтенія и собесѣдованія для простаго народа ведутся членами названнаго общества, по преимуществу городскимъ духовенствомъ. Въ 1902 году въ 34 пунктахъ г. Кіева членами-дѣятелями, несущими трудъ просвѣщенія народа въ духѣ православной Церкви, было предложено около 1,400 собесѣдованій. Въ настоящее время общество озабочено организаціей чтеній и собесѣдованій въ болѣе населенныхъ пунктахъ епархіи. Помимо этого общество занималось и издательской дѣятельностью.

Что касается дѣятельности епархіальныхъ миссіонеровъ, то она выражалась въ періодическихъ объѣздахъ своихъ участковъ, увѣщаніяхъ и бесѣдахъ съ заблудшими. Одинъ изъ сотрудниковъ епархіальныхъ миссіонеровъ исполняетъ обязанности приходскаго священника на случай свободныхъ вакансій въ зараженныхъ сектантствомъ приходахъ епархіи.

Благодаря столь энергичной и дружной дѣятельности и учрежденій и отдѣльныхъ лицъ, массовыхъ отпаденій не замѣчается въ Кіевской епархіи. Но въ то же время борьба съ упорствующими и заблуждающимися идетъ довольно туго. Поэтому для оживленія и усиленія миссіонерской дѣятельности, епархіальнымъ начальствомъ совместно съ епархіальными миссіонерами и ихъ сотрудниками, въ концѣ прошлаго года выработаны особыя „Правила для устройства противосектантской и раскольнической миссіи въ Кіевской епархіи“.

Полагая, что ознакомленіе съ этими правилами можетъ быть полезно и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ ведется борьба съ сектантствомъ, дѣлаемъ выдержки изъ „правилъ“, касающихся приходскихъ священниковъ, благочинныхъ и окружныхъ миссіонеровъ.

Прежде всего, каждый приходскій священникъ есть первый миссіонеръ въ своемъ приходѣ. Поэтому онъ долженъ смо-

трѣть на сектантовъ не какъ на чужихъ, а какъ на собственныхъ заблудившихся овецъ, которыхъ онъ долженъ стараться привлечь „во дворъ Отчій“. Самая дѣятельность приходскаго священника въ дѣлѣ выполненія своей миссиіи должна касаться всѣхъ прихожанъ: и православныхъ и сектантовъ. Первыхъ онъ долженъ утверждать въ истинной вѣрѣ, а отторгнувшихся отъ Церкви вразумлять и воссоединять съ православною Церковью. Для успѣшнаго выполненія миссиіи по отношенію къ православнымъ рекомендуются слѣдующія мѣры: 1) истинное и благоговѣйное, согласное съ уставомъ православной Церкви, совершеніе церковнаго богослуженія и исполненіе всѣхъ приходскихъ требъ; 2) обученіе прихожанъ истинамъ православной вѣры посредствомъ церковной проповѣди и виѣбогослужебныхъ собесѣдованій, а также посредствомъ словъ назиданія при всякомъ удобномъ случаѣ; 3) огражденіе православныхъ отъ зараженія лжеученіями сектантовъ, для чего необходимо хорошо знать всѣхъ своихъ прихожанъ и зорко слѣдить за всѣми движеніями въ жизни сектантовъ, не допуская распространенія ихъ молитвенныхъ сборниковъ и рукописныхъ тетрадей среди православныхъ. Въ особенности нужно имѣть неослабное наблюденіе за книгоношами, которые нерѣдко распространяютъ сектантскіе брошюры и листки. Въ противобѣсъ сектантскимъ сочиненіямъ, распространять въ народѣ книги, брошюры и листки съ краткимъ, но основательнымъ раскрытіемъ заблужденій сектантовъ, съ яснымъ и вразумительнымъ изложеніемъ ученія православной Церкви о предметахъ разномыслія сектантовъ съ ученіемъ Церкви. 4) Но, предупреждая православныхъ и разъясняя имъ заблужденія сектантовъ, священникъ долженъ поступать и выражаться спокойно, обличать сектантское лжеученіе тономъ, достойнымъ служителя алтаря Господня, безъ всякаго раздраженія, насмѣшки и язвительности, но съ христіанскою любовію и всякою осмотрительностію.

По отношенію къ сектантамъ, священникъ долженъ относиться съ сожалѣніемъ и заботами объ обращеніи ихъ на путь истины и дѣйствовать на нихъ благожеланіемъ, убѣжденіемъ и страхомъ праведнаго суда Божія по смерти. Къ бесѣдамъ съ сектантами священникъ долженъ искать всякій удобный случай, приглашая себя на помощь здравомыслящихъ и благонамѣренныхъ изъ прихожанъ. Изъ послѣднихъ можно составлять приходскій миссіонерскій совѣтъ, въ задачу дѣятельности котораго должно входить

собираніе и доставленіе священнику самыхъ точныхъ свѣдѣній о сектантахъ и тѣхъ движеніяхъ, которыя происходятъ въ ихъ средѣ. И въ случаяхъ проявленія рѣзкаго фанатизма со стороны отступниковъ отъ вѣры православной священникъ, по возможности, долженъ избѣгать „полицейскихъ мѣръ“, какъ не согласныхъ съ духомъ Церкви, а долженъ лишь доносить о случившемся епархіальной власти. Присоединять сектантовъ къ православной Церкви слѣдуетъ съ большою осмотрительностью и по тщательномъ испытаніи въ добрыхъ намѣреніяхъ, о чемъ слѣдуетъ каждый разъ увѣдомлять епархіальное начальство. Въ видахъ болѣе успѣшной дѣятельности и вліянія на сектантовъ рекомендуется сосѣднимъ приходамъ съ однородными сектантами составлять миссіонерскіе пастырскіе союзы. Цѣль этихъ союзовъ та, чтобы чрезъ братское вліяніе членовъ ихъ другъ на друга поднять въ самомъ духовенствѣ сознаніе важности миссіонерскаго служенія, дѣятельнаго въ немъ участія и достоющаго его прохожденія, а трудящимся уже на миссіонерскомъ поприщѣ дать возможность найти въ немъ для своего дѣла нравственную поддержку, помощь и руководство. Не маловажная цѣль пастырскихъ союзовъ должна еще закончиться въ составленіи соборныхъ служеній, по поводу выдающихся приходскихъ событій. Служенія эти имѣютъ большое вліяніе на народъ, а въ томъ числѣ и на отступниковъ отъ православной вѣры.

Помимо приходскихъ священниковъ, выработана также инструкція благочиннымъ и окружнымъ миссіонерамъ, сущность которой заключается въ слѣдующемъ.

Благочиннымъ принадлежитъ власть и обязанность зорко слѣдить за состояніемъ сектантства въ своемъ округѣ, т. е. они должны знать о количествѣ сектантовъ въ каждомъ приходѣ, о каждомъ случаѣ совращенія въ сектантство и обращенія въ лоно православной Церкви, каковыя свѣдѣнія они обязаны своевременно сообщить мѣстному окружному или епархіальному миссіонеру. Благочинные также должны наблюдать, чтобы всѣ мѣропріятія миссіи, направленныя къ охраненію православныхъ отъ зараженія сектантствомъ и къ возвращенію заблудшихъ, приводились приходскими священниками въ исполненіе своевременно и сообразно съ обстоятельствами. Они слѣдятъ за всѣми учрежденіями миссіи въ ихъ округѣ, за кружками приходскихъ ревнителей православія.

за вѣббогослужебными чтеніями; имъ принадлежитъ также общій надзоръ.

Но особою полнотою, практичностью и разнообразіемъ отличаются правила для окружныхъ миссіонеровъ. Послѣдніе должны функціонировать въ округѣ, въ особенности зараженномъ сектантствомъ, при чемъ миссіонерскіе округа составляются безъ различія благочинія и уѣзда. Окружные миссіонеры, назначаемые въ должность митрополитомъ кіевскимъ, являются помощниками приходскихъ священниковъ въ устройствѣ приходскихъ миссій и ведутъ частныя и публичныя бесѣды съ сектантами.

При веденіи публичныхъ бесѣдъ миссіонеръ долженъ руководствоваться слѣдующими методическими правилами: а) важнѣйшіе предметы нужно разъяснять съ особеннымъ стараніемъ и вообще не спѣшить съ окончаніемъ бесѣды, а добиваться того, чтобы всѣ поняли; б) на каждую публичную бесѣду нужно являться послѣ тщательной подготовки и съ хорошо обдуманымъ планомъ собесѣдованія, потому что въ противномъ случаѣ бесѣда можетъ принести болѣе вреда, чѣмъ пользы; в) во время бесѣды миссіонеръ долженъ соблюдать по отношенію къ сектантамъ полное спокойствіе, самообладаніе и безпристрастіе, потому что раздражительность не прилична пастырю и вредитъ дѣлу. Во время бесѣды нужно обращать особое вниманіе на грамотныхъ и на болѣе желающихъ познать истину и послѣ бесѣды стараться стать съ таковыми въ болѣе близкое и живое общеніе.

Къ настоятелю прихода миссіонеръ долженъ относиться съ полнымъ братскимъ уваженіемъ. И во время собесѣдованій приходскому священнику должно быть предоставлено право открытія ихъ совершеніемъ молитвы, или же произнесеніемъ краткой рѣчи въ которой должна быть выяснена цѣль прибытія миссіонера съ приглашеніемъ сектантовъ внимательно выслушать его, руководствуясь желаніемъ познать истину. Затѣмъ веденіе бесѣдъ исполнѣ предоставляется миссіонеру, при чемъ приходскій священникъ принимаетъ въ нихъ участіе лишь въ томъ случаѣ, если первый признаетъ нужнымъ обратиться къ нему за содѣйствіемъ.

Таковы въ общихъ чертахъ правила, которыми должны руководствоваться всѣ соприкосновенныя къ сектантамъ лица. Мы не касались здѣсь всѣхъ деталей инструкціи, но полагаемъ, что изъ сказаннаго въ достаточной степени видно общее желаніе пред-

ставителей дорогого намъ православія обратить заблудшихъ на путь истинный, а также преградить путь къ новымъ совращеніямъ. Насколько это будетъ достигнуто, покажетъ время; а пока отъ всей души пожелаемъ труженикамъ на нивѣ Христовой собрать плодъ сторицею „во время свое“.

Изъ залы засѣданій Донского епархіальнаго миссіонерскаго съѣзда.

На страницахъ „Мис. Обзор.“ въ свое время сообщалась внѣшняя исторія и программа дѣятельности Донского епархіальнаго миссіонерскаго съѣзда. Въ настоящее время, какъ сообщаетъ нашъ корреспондентъ, протоколы съѣзда утверждены епархіальною властью, а потому мы считаемъ полезнымъ познакомить нашихъ читателей съ тѣми изъ сужденій и постановленій съѣзда, которыя имѣютъ общій интересъ. Въ настоящій разъ остановимъ вниманіе читателя на сужденіяхъ и постановленіяхъ съѣзда по нѣкоторымъ недомѣннымъ вопросамъ, относящимся къ миссіонерской практикѣ. Такъ, однимъ изъ членовъ съѣзда возбужденъ былъ вопросъ о томъ, какими мѣрами слѣдуетъ привлекать на бесѣды сектантовъ, особенно тайныхъ?

Миссіонеръ *Д. И. Грицінскій* сообщилъ, что онъ заранѣе просить приходскаго священника собрать народъ въ храмъ съ тѣмъ, чтобы тамъ же были и лица, подозрѣваемые въ принадлежности къ сектантству. На бесѣдѣ миссіонеръ говоритъ о томъ, что наряду съ истиннымъ ученіемъ существуетъ душенагубное еретическое заблужденіе, потому христіанину, чтобы обойти яму, нужно знать, гдѣ она. Послѣ этого онъ излагаетъ сектантское лжеученіе и опровергаетъ его ученіемъ слова Божія. При такой тактикѣ, по отзыву докладчика, сектанты рѣдко выдерживаютъ обычное свое самообладаніе и лукавство и невольно всгуняютъ въ пренія, и такимъ образомъ начинается оживленная бесѣда. Высказаны были и другія мнѣнія по сему вопросу, но съѣздъ, предоставляя избраніе того или другого способа усмотрѣнію миссіонерствующихъ лицъ, а также требованію мѣстныхъ условій и обстоятельствъ, постановилъ: рекомендовать духовенству для привлеченія сек-

тантовъ на бесѣды не унотреблять лишь какихъ-либо насильственныхъ мѣръ.

Живой обмѣнъ мнѣній вызвалъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли удостоивать причащенія Св. Тайнъ Тѣла и Крови Христовой заподозрѣнныхъ въ принадлежности къ скопческой или хлыстовской ереси.

Мис. Д. И. Грин. Я съ своей стороны просилъ священниковъ допускать къ тайнамъ такихъ сектантовъ только послѣ отреченія отъ ересей.

Прот. Кутеносъ: у насъ по епархіи есть распоряженіе. напечатанное въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ въ № 17 за 1901 г. такое: лицамъ, заподозрѣннымъ въ хлыстовствѣ, предлагать вопросы, на которые они должны публично отвѣчать, въ присутствіи своихъ собратій и православныхъ, отреченіемъ отъ хлыстовства; отрекшихся удостоивать св. причащенія.

Свящ. С. Никольскій: (ставроп. епарх. мис.) вопросъ о причащеніи или не причащеніи тайныхъ хлыстовъ и духовныхъ скопцовъ—дѣло совѣсти духовника; если хлыстъ кается на исповѣди въ своемъ сектантствѣ, ясно, что уже не за что его лишать пріобщенія Св. Тайнъ, и, если не кается, почему я могу лишить его пріобщенія? Безусловно нельзя рисковать духовному отцу оставить безъ напутствія заподозрѣннаго въ хлыстовствѣ, въ случаѣ тяжелой болѣзни и возможной смерти.

Народная молва не можетъ имѣть значенія въ этихъ случаяхъ.

В. М. Свєтлицовъ: я присоединяюсь къ мнѣнію о. Симеона, ибо едина душа стоитъ цѣлаго міра; въ смертномъ случаѣ священнику лучше стать на точку зрѣнія христіанской любви, такъ какъ тайнаго хлыста распознать весьма трудно. Другое дѣло, если хлысты являются къ таинствамъ исповѣди и св. причащенія въ поству,—тогда умѣстно публичное отреченіе для охраны православныхъ отъ соблазна и для церковной дисциплины. Формальное отлученіе сектантовъ отъ Св. Причастія можетъ быть только съ разрѣшенія епархіальнаго архіерея; поэтому необходимо имѣть надлежаще и тщательно установленные чрезъ миссіонерское обслѣдованіе списки „опознанныхъ“ сектантовъ и таковыхъ уже подвергнуть, по распоряженію архимандрита, отлученію отъ Св. Причащенія. Но никакъ нельзя не допускать къ Св. Причастію и истязать совѣсть кающагося черезъ требованіе публичнаго отреченія отъ ереси, по догадкамъ и заключенію одного мѣстнаго

пастыря: тутъ возможны ошибки и увлеченія, отъ которыхъ спаси Богъ въ такомъ святомъ и страшномъ дѣлѣ.

Преосвящ. *Викарій Іоаннъ*: но если сектантъ въ списокъ будетъ состоять, а на исповѣди отречется отъ ереси, то, по моему мнѣнію, такого сектанта слѣдуетъ удостоить Св. Причащенія.

В. М. Скворцовъ: въ отношеніи скопцовъ священникамъ нужно наблюдать особую осторожность, такъ какъ многіе изъ нихъ искренно оплакиваютъ свое несчастье. Духовные скопцы въ данномъ вопросѣ могутъ быть приравнены къ хлыстамъ.

Свящ. *С. Никольскій*: публичные вопросы о принадлежности къ хлыстовству устрашаютъ и закрываютъ сердца такъ, что покаянiе при такихъ условіяхъ едва ли можетъ быть искреннимъ. Хлыстъ лицемѣренъ; если онъ лицемѣрно пріобщается Св. Таинъ, то ему ничего не стоитъ лицемѣрно отречься отъ хлыстовства. Я пріобщаю его и предаю его суду Божию; если онъ недостойно причащается, то онъ „судъ себѣ ястъ и пьетъ“.

Сѣздъ постановилъ: явныхъ сектантовъ удостоивать Св. Таинъ послѣ публичнаго отреченія отъ ересей по формулѣ (напечатанной въ Донскихъ Епарх. Вѣд.), исключая смертные случаи. Совѣсть же тайныхъ хлыстовъ и духовныхъ скопцовъ предоставляется суду духовника, который предъ причащеніемъ долженъ предупредить, что приступающій къ чашѣ Господней недостойно, „судъ себѣ ястъ и пьетъ“.

По вопросу о томъ, какъ и чѣмъ можно удостовѣряться въ принадлежности извѣстнаго лица къ хлыстовству и духовному скопчеству, высказано было:

Что, тайные сектанты, несмотря на всю свою приверженность къ храму, ко всѣмъ обычаямъ православной церкви, могутъ быть распознаны по слѣдующимъ признакамъ, каковы: народная молива, обособленность, неяденіе мяса, (не всегда и не вездѣ), особые, у хлыстовъ только наблюдаемые, обликъ и манеры, а также костюмъ, самый же разительный признакъ это ненормальность супружескихъ отношеній и свободное отношеніе половъ къ такъ называемой „духовной любви“: нерѣдки случаи формальнаго обмѣна женами на извѣстное время, при чемъ въ свое оправданіе сектанты ссылаются на примѣры патріарховъ: Авраама, Іакова и пророка Давида. Ночныя радѣнія и пѣніе кантовъ и псалмовъ съ мотивами плясового характера. Духовные скопцы, будучи во всемъ внѣшнемъ укладѣ своей жизни подобны хлыстамъ,

но не допускаютъ хлыстовскаго гнуснаго разврата, а наоборотъ весьма строго блюдутъ цѣломудріе.

Существенныхъ и несомнѣнныхъ признаковъ, удостовѣряющихъ хлыстовство и духовное скорчество должно искать въ ознаменованіи съ основаніями ихъ лжеученія и въ ихъ понятіяхъ и взглядахъ на тѣ или другія мѣста свящ. Писанія.

Сѣздъ рекомендовалъ духовенству руководиться въ распознаваніи духовныхъ скорцовъ и хлыстовъ указанными въ миссіонерской литературѣ признаками, внѣшними и внутренними: обращать вниманіе на книги духовно-нравственнаго содержанія, употребляемыя сектантами, и внимательно изслѣдовать, нѣтъ ли какихъ-либо условныхъ знаговъ въ этихъ книгахъ, которые (знаки) могутъ служить ключемъ къ раскрытію ихъ лжеученія.

При обсужденіи вопроса о мѣрахъ и способахъ къ огражденію православія въ приходахъ отъ раскольнической и еретической пропаганды, обращено было вниманіе на обширность территоріи Донской епархіи и разбросанность въ ней населенныхъ пунктовъ, изъ которыхъ многіе удалены отъ приходскихъ церквей на значительное разстояніе, въ виду чего и признано полезнымъ учреждать походныя церкви, по своей дешевизнѣ доступныя даже для бѣднѣйшихъ жителей. Въ тѣхъ же соображеніяхъ желательно, чтобы окружнымъ миссіонерамъ священникамъ были выданы Св. Антиминсы для совершенія богослуженія во время миссіонерскихъ поѣздокъ по округу. Эта мѣра дастъ возможность назидаться благолѣпнымъ церковнымъ богослуженіемъ населенію самыхъ глухихъ уголковъ Донской епархіи, жители которыхъ, особенно дѣти и лица преклонныхъ лѣтъ, лишаются этого христіанскаго утѣшенія по нѣскольکو лѣтъ.

На сѣздѣ было установлено, что казаки раскольники, состоя на службѣ, присоединяются иногда къ св. Церкви не по искреннему убѣжденію въ правотѣ ея, а по корыстнымъ цѣлямъ, большею частію для полученія званія урядника. Такія лица, по возвращеніи со службы, часто снова уклоняются въ расколъ. Выражено было желаніе, чтобы военное духовенство о случаяхъ присоединенія такихъ лицъ сообщало свѣдѣнія приходскимъ священникамъ для своевременнаго принятія ими пастырскихъ мѣръ къ огражденію отъ уклоненія въ расколъ.

Въ виду изложеннаго сѣздъ постановилъ: просить епархіальное начальство ходатайствовать предъ г. оберъ-прокуроромъ Св.

Синода -- 1) о вмѣненіи въ обязанность военному духовенству давать свѣдѣнія въ духовную консисторію о присоединеніяхъ казаковъ-раскольниковъ къ православію; и 2) о томъ, чтобы военное духовенство усилило пастырскія мѣры къ привлеченію казаковъ-раскольниковъ въ лоно св. Церкви, такъ какъ казаки-раскольники во время пребыванія на военной службѣ представляютъ изъ себя благодарную почву для миссіонерскаго воздѣлыванія, вслѣдствіе прекращенія вреднаго вліянія на нихъ со стороны вожаковъ раскола.

Противосектантскій миссіонеръ *Д. И. Граціанскій* поставилъ на обсужденіе вопросъ: что дѣлать приходскимъ священникамъ, если сектанты устроятъ публично молитвенныя собранія?

В. М. Скворцовъ: законъ 4 Іюля 1894 г. воспрещаетъ штундистамъ церковныя богослуженія, но для установленія факта нарушенія этого закона предъявляется такъ много формальныхъ требованій, что исполнить ихъ почти невозможно, вслѣдствіе чего большинство дѣлъ, возбужденныхъ по этому поводу, судомъ были оставлены безъ послѣдствій, а это сектантамъ доставляетъ торжество.

А. И. Орловъ: утверждаютъ, что судебная репрессія лучшая мѣра для обузданія сектантовъ, но факты говорятъ противное, — почему лучше избѣгать возбужденія судебного преслѣдованія противъ сектантовъ.

Свящ. *Е. Овсянниковъ*: при экспертизѣ, между прочимъ, имѣетъ громадное значеніе смѣшанность понятій о вѣроученіи сектантовъ, такъ напр. часто смѣшиваются опредѣленія штунды и баптизма, тогда какъ штунда признается закономъ сектой весьма вредной въ церковно-государственной жизни.

Съѣздъ рекомендовалъ духовенству дѣйствовать преимущественно пастырскими мѣрами на вразумленіе сектантовъ.

Однимъ изъ пастырей возбужденъ былъ вопросъ, какъ поступать въ тѣхъ случаяхъ, когда сектанты приносятъ къ священнику крестить младенцевъ — своихъ дѣтей.

В. М. Скворцовъ сообщалъ, что, сколько ему извѣстно, въ этихъ случаяхъ Св. Синодъ разрѣшалъ крестить дѣтей сектантовъ, согласно желанію родителей и во исполненіе словъ Господа Нашего Иисуса Христа: „Грядущаго ко Мнѣ не изжену вонъ“; но слѣдуетъ требовать отъ родителей подписку въ томъ, что они будутъ своихъ дѣтей воспитывать въ вѣрѣ православной и чтобы восприемниками были люди въ религіозномъ отношеніи благонадежныя.

М.

Корреспонденція „Миссіонер. Обзорнія“, извѣстія и замѣтки.

Новыя затѣи австрійскихъ раскольниковъ.

(О канонизаціи М. Амвросія и открытіи раск. академіи).

Осенью прошлаго года совершали довольно продолжительную поѣздку за границу, цѣлымъ обществомъ, извѣстнѣйшіе теперь дѣятели австрійскаго раскола, съ особеннымъ усердіемъ и нескрываемой смѣлостью стремящіеся упрочить и расширить его дальнѣйшее существованіе и процвѣтаніе. Во главѣ этого общества находился давно заявившій себя горячимъ и дѣятельнымъ участіемъ въ церковно іерархическихъ дѣлахъ австрійскаго раскола Богородскій фабрикантъ Арсеній Морозовъ; затѣмъ, въ составъ его вошли, разумѣется, неизбѣжныя въ подобныхъ случаяхъ Ѳ. Мельниковъ, нынѣ нѣтербургскій житель и М. Бриліантовъ, прочно сидящій въ Москвѣ; къ нимъ присоединились еще нижегородскій гражданинъ Сироткинъ, извѣстный по участию въ подачѣ прошенія на Высочайшее имя, и егорьевскій житель Зенинъ. Сей г. Зенинъ былъ принятъ въ составъ экспедиціи потому главнымъ образомъ, что, умѣя объясниться по нѣмецки, могъ служить для спутниковъ переводчикомъ или посредникомъ при неизбѣжныхъ за-границей сношеніяхъ съ иностранцами, а также и потому, что онъ по профессіи фотографъ и могъ сдѣлать, гдѣ понадобится, фотографическіе снимки.

Съ большою вѣроятностію можно полагать, что цѣлью поѣздки было возобновленіе прежняго замысла объ испрошеніи у австрійскаго правительства дозволенія—перевезти тѣло, или, какъ выражаются ревнители австрійскаго раскола, „мощи“ ихъ митрополита Амвросія изъ Триеста, гдѣ онъ похороненъ, въ Бѣлую Криницу, для вящаго упроченія за митрополіею ея значенія въ австрійскомъ расколѣ и для вящаго упроченія самаго этого раскола. Особенную же вѣроятность получаетъ предположеніе о такой цѣли экспедиціи, въ виду предстоящаго великаго торжества въ православной Церкви—открытія мощей дивнаго ея подвижника, отца Серафима Саровскаго. Извѣстно, какъ встревоженъ былъ

расколъ, и особенно австрійскій расколъ, открытіемъ мощей святителя Θεодосія Черниговскаго, какія возмутительныя и кощунственныя сочиненія были написаны тогда Швецовымъ и Мельниковымъ, съ какимъ усердіемъ эти сочиненія распространялись ими, какія вообще принимали они мѣры, чтобы ослабить значеніе этого православнаго торжества въ глазахъ раскольниковъ; тогда съ этою цѣлью предприняты были, даже официальнымъ порядкомъ были начаты и хлопоты предъ австрійскимъ правительствомъ о дозволеніи перевезти въ Бѣлую Криницу прахъ Амвросія. И тогда были въ этомъ предпріятіи три главные дѣятеля — Морозовъ, Мельниковъ и Бриліантовъ. Дѣло кончилось тогда неуспѣхомъ, — разрѣшенія не послѣдовало. Но вотъ въ православной россійской Церкви готовится новое торжество, еще одинъ изъ позднѣйшихъ ея подвижниковъ причисляется къ лику святыхъ, ожидается скорое открытіе святыхъ мощей его. При первыхъ слухахъ объ этомъ ревнители австрійскаго раскола приходятъ въ движеніе, снова является опасеніе, какъ это событіе подѣйствуетъ на старообрядцевъ, и заранѣе изыскиваются мѣры къ ослабленію его неизбѣжно благотворнаго впечатлѣнія, приходитъ опять на мысль неудавшаяся попытка противопоставить торжеству православной Церкви торжество раскола, — попытка, которая, быть можетъ, и удастся теперь. И тѣ же Морозовъ, Мельниковъ, Бриліантовъ ѣдутъ въ Вѣну, въ Бѣлую Криницу, въ Цилли и Триестъ навести справки, нельзя ли снова начать дѣло у австрійскаго правительства о перенесеніи Амвросіева праха въ Бѣлую-Криницу, и есть ли надежда на успѣхъ такого предпріятія въ настоящее время. Должно быть, оказалось, что надежды нельзя имѣть и теперь, ибо раскольники хранятъ объ этомъ строгое молчаніе, тогда какъ при малѣйшей надеждѣ на успѣхъ не преминули бы похвалиться своей затѣей. А что затѣя была и составляла едвали не главную цѣль экспедиціи, это вполне вѣроятно.

Приведемъ одну подробность изъ пребыванія раскольнической экспедиціи въ Триестѣ. Здѣсь члены экспедиціи тщательно осмотрѣли могилу Амвросія и нашли, по ихъ рассказамъ, что Амвросій будто бы похороненъ внутри греческой церкви и только могильный памятникъ поставленъ у наружной церковной стѣны. Съ памятника сопровождавшій экспедицію фотографъ сдѣлалъ, разумѣется, снимокъ. Этотъ осмотръ Амвросіевой могилы не могъ,

однако, доставить утѣшеніе раскольниковской экспедиціи. Если Амвросій похороненъ не только на греческомъ кладбищѣ, но даже и внутри греческой церкви, то значить, его погребеніе совершено было по православному обряду и значить онъ, избавившись отъ пребыванія въ Бѣлой-Криницѣ, оставилъ расколъ, возвратился въ греческую Церковь, какъ и было на самомъ дѣлѣ. (Остается только неизвѣстнымъ, какъ приняли триестскіе греки въ общеніе своего, уклонившагося въ расколъ и проклявшаго греческую Церковь, митрополита). О томъ же Амвросіевомъ отреченіи отъ раскола свидѣтельствуетъ и могильный памятникъ, ибо на немъ подписано, что „Амвросій Поповичъ былъ митрополитомъ Босносараевскимъ“, а о томъ, что былъ митрополитомъ Бѣлокриницкимъ, у раскольниковъ, совсѣмъ не упомянуто. Если эта подпись значитъ и на фотографическомъ снимкѣ памятника, то снимокъ этотъ служитъ не на пользу раскольниковъ австрійскаго согласія, поэтому-то, должно быть, его и не показываютъ.

Другая цѣль заграничной поѣздки раскольниковской экспедиціи почти уже не скрываемая, о которой говорятъ довольно откровенно—ходатайство предъ австрійскимъ правительствомъ о дозволѣніи открыть въ Бѣлой-Криницѣ, т. е. въ митрополитѣ, липованскую, или старообрядческую богословскую школу, въ родѣ семинаріи, или даже академіи.

Раскольниковскіе миссіонеры настоящаго времени почерпаютъ уже доказательства на то, что говорятъ, не изъ древле-печатныхъ книгъ, не изъ твореній святыхъ отцевъ, не изъ церковныхъ каноновъ и святоподобій, какъ дѣлали прежніе защитники раскола, ибо не находятъ уже это удобнымъ, а большею частію изъ новѣйшихъ богословскихъ, историческихъ и всякихъ иныхъ сочиненій, нерѣдко даже иностранныхъ (конечно, въ переводѣ), даже изъ свѣтскихъ журналовъ и газетъ антицерковнаго направленія,—вообще изъ такихъ источниковъ, къ коимъ обращаются предки ихъ считали за великій грѣхъ,—и въ этой литературѣ они пріобрѣли замѣчательную начитанность, такъ что ссылками на нее легко могутъ привести въ затрудненіе миссіонера не изъ достаточно опытныхъ. Ко всему этому считается необходимымъ употреблять наглость и дерзость въ словахъ и дѣйствіяхъ при обращеніи съ православными миссіонерами, — чѣмъ больше наглости и дерзости, тѣмъ лучше, тѣмъ больше, по ихъ мнѣнію, надежды на успѣхъ. Но такихъ миссіонеровъ, кромѣ — Швецова, Мельниковыхъ, Усова,—почти некого и назвать (Механиковъ, не

1)

менѣ ихъ начитанный, но болѣ ихъ серьезный и добросовѣстный, въ расчетъ не можетъ идти и у нихъ самихъ не въ почетѣ; а Перетрухинъ, миссіонеръ старой школы, считается уже отсталымъ и не удобнымъ). Озабоченные этой своей малочисленностью, руководители австрійщины и помышляютъ теперь о приготовленіи и воспитаніи въ своемъ собственномъ духѣ, по своему образу и подобию, достаточнаго количества раскольниковскихъ миссіонеровъ для противодѣйствія миссіонерамъ православнымъ, другими словами — объ открытіи особой школы, гдѣ могли бы получить нужное образованіе эти ихъ будущіе миссіонеры. И вотъ теперь, въ виду усилившейся дѣятельности право лавныхъ миссіонеровъ, угрожающей опасностью расколу, они и задумали открыть правильно организованную школу для образованія раскольниковскихъ миссіонеровъ, — открыть легальнымъ порядкомъ, съ разрѣшенія австрійскаго правительства, въ самой митрополіи Бѣлокриницкой.

(Ц. Вѣд.)

Дивный во святыхъ Своихъ Господь Богъ прославляетъ Церковь Свою мощами святыхъ. Мощи святыхъ, источникъ чудодѣйственной силы, исцѣляющей всякій недугъ душевный и тѣлесный, — это явный знакъ пребыванія благодати Божіей въ православной Церкви. И православная руссiйская Церковь сподобляется такого прославленія отъ Господа и въ наше время. Нетлѣніемъ и чудотвореніемъ въ ней прославлены останки преподобныхъ Феодосія Черниговскаго и Серафима Саровскаго. Мощи этихъ угодниковъ Божіихъ, спасшихся и прославленныхъ во св. православной Церкви, уже послѣ отдѣленія отъ нея раскольниковъ, похулившихъ и похуляющихъ ее еретической и безблагодатной, это мертвые и въ то же время живые, безмолвные и въ то же время громовые обличители раскольниковскаго заблужденія.

Расколъ это чувствуетъ и сознаетъ, хотя и боится признаться въ этомъ „на срамъ себѣ“, и всяческими способами старается обезславить святое. Въ болѣ дѣятельной своей части — въ австрійщинѣ — расколъ предпринимаетъ теперь затѣю противопоставить подлинному явленію славы Божіей кощунственное произведеніе въ „мощи“ праха несчастнаго бѣглаго митрополита Амвросія. Окажутся-ли „мощи“ Амвросія доброкачественнѣе извѣстныхъ въ исторіи раскола „мощей“ св. Телентія“, лучше-ли они будутъ встрѣчены въ расколѣ, чѣмъ много нашумѣвшіе труны неизвѣстныхъ черкесовъ, выданные за „мощи“ Дяды, Гаведдая и Коздонъ“ и

сколько морозовскихъ „сребренниковъ“ потребуется на то, чтобы австрійскіе католики пропустили останки „босносараевскаго митрополита, погребеннаго на греческомъ православномъ кладбищѣ“, въ „мощи“ раскольникьяго бѣлокриницкаго митрополита,—объ этомъ скажетъ будущее. Будемъ ждать отъ австрійскихъ писаекъ новыхъ книгъ и брошюръ—съ повѣствованіемъ уже о чудесахъ отъ „мощей“ уловеннаго въ русскій расколъ злополучнаго грека. Помощью инновѣрцевъ, путемъ всяческихъ обмановъ и цѣною серебра появилась амвросіевская іерархія; тѣмъ же, думается, порядкомъ австрійскіе раскольники будутъ усердствовать произвести и прахъ родоначальника своей іерархіи во „св. мощи“...

Интересуемся очень и вопросомъ объ открытіи раскольникчей семинаріи или даже академіи. Если въ проектируемомъ раскольниками заведеніи хоть немного будетъ научности, хотя бы по части церковно-исторической, то едва-ли благоразумные питомцы будутъ служить пропандѣ раскола. Вѣроятно же всего это заведеніе будетъ главнымъ образомъ механической мастерской, для задолбливанья во всѣхъ подробностяхъ швецовскихъ, мельниковскихъ, усовскихъ и т. п. апологій... Да и возможно-ли сколько-нибудь направленіе въ школы, имѣющей оправдывать отдѣленіе отъ Церкви только изъ перстовъ, аллилуйя и т. п. обрядовыхъ мелочей. Болѣе совѣстливые питомцы швецовской даже школы, при благоразумномъ отношеніи къ ея основаніямъ и полемико-апологетическимъ приемамъ, покидаютъ расколъ. На дняхъ мы получили письмо изъ Орскаго у. Оренб. губ., отъ нашего бывшаго сотрудника по противораскольникчей миссіи, единов. свящ. о П. С—ина; между прочимъ, онъ намъ пишетъ:

„Спѣшу извѣстить васъ. Конечно, вы еще не забыли нашу мѣстность и помните, навѣрно, хуторъ Канчировскій и начетчика австрійскаго согласья И. М. Маж—на, который съ вами бесѣдовалъ, и другого Т. А. К—ва. Оба они присоединены мною ко св. Христовой Церкви. Родители ихъ изгнали ихъ изъ дому и они живутъ у меня. А Швецовъ крайне злится на меня, что я его любимаго ученика перевелъ въ православіе“...

Если бы то у раскольниковъ хватило мужества и безпристрастія научно обследовать основы своего религіознаго упованія! Какую бы помощь тогда оказали они православнымъ миссіонерамъ!..

Н. Гринякинъ.

Изъ Владимірской губерніи.

(Отъ нашего корреспондента).

(ПАМЯТИ СКОМНАГО ТРУЖЕНИКА МИССИОНЕРА).

На дняхъ скончался добрымъ подвигомъ подвизавшійся во Владимірской епархіи противораскольническій миссіонеръ Тимофей Алексѣевичъ Николаевъ, печатавшій свои труды на стран. «Мис. Обозр.» Это былъ до самоотверженія ревностный труженикъ на миссіонерской нивѣ Христовой. Въ это скромное дѣло, которое отвела ему жизнь, онъ вложилъ всю свою душу. Здѣсь было затрачено имъ столько труда и энергіи, что вся дѣятельность его представляется теперь однимъ великимъ апостольскимъ подвигомъ. Но особенно личность почившаго вырастаетъ предъ нами, прямо таки поражая своей цѣльностью и нравственнымъ величіемъ, если мы возьмемъ ее во всей совокупности тѣхъ тяжелыхъ условій, среди которыхъ миссіонеру пришлось расти, жить и работать. Происхожденія Тимофея Алексѣевича самаго простого: онъ изъ крестьянъ села Чаадаева, Муромскаго у. и былъ, такимъ образомъ, въ собственномъ смыслѣ «сыномъ народа». Родина его—село Чаадаево лѣтъ 15—20 тому назадъ пользовалось въ окрестности громкой, хотя и печальной, славой. Это село было главнымъ гнѣздомъ мѣстнаго раскола. Здѣсь жили стоглпы старообрядчества, раскольническіе начегчики и вожди. Чаадаево служило для окрестныхъ старообрядцевъ своего рода митрополіей. Сюда обращались они съ своими вопросами и сомнѣніями; отсюда давался тонъ и движеніе расколу; здѣсь же сосредоточивался главный старообрядческій совѣтъ. Къ числу самыхъ закоренѣлыхъ старообрядцевъ принадлежала и довольно зажиточная семья Николаевыхъ. Она, можно сказать, составляла душу мѣстнаго раскольническаго кружка. Грамотный, съ живымъ, смѣтливымъ и воспріимчивымъ умомъ, обладавшій даромъ рѣчи искренней и горячей, способной зажигать сердца другихъ,—Тимофей Алексѣевичъ представлялъ собою крупную силу въ кругу чаадаевскихъ старообрядцевъ. Но вотъ военная служба на время оторвала его отъ родной семьи и отъ той раскольнической атмосферы, которая, казалось, была насквозь пропитана ладаномъ, да злобными спорами обывистомъ перстосложеніи... Въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ Тим. Ал. отбывалъ военную службу, ему пришлось стать совершенно въ другія условія жизни. Здѣсь для любознательнаго, молодого раскольника открылся вдругъ свободный доступъ къ самому разнообразному чтенію. Не устоялъ старообра-

дець. Со всей силой сказалась въ немъ жажда живой, увлекательной книги... И все, что ни попадалось подъ руку, онъ поглощалъ жадно, съ какимъ-то упоеніемъ... Но главное вниманіе сосредоточено было всетаки у него на чтеніи богословскихъ и церковно-историческихъ произведеній... Мысль, доселѣ направленная узко и односторонне, вскорѣ приняла другое, болѣе широкое теченіе. Въ душу начали закрадываться сомнѣнія въ истинности старообрядчества. Талантливыя бесѣды извѣстнаго профессора Ивановскаго, которыя во время ярмарки въ Нижнемъ усердно посѣщаль призадумавшійся раскольникъ, усилили его сомнѣвія.

Кончилась служба. Николаевъ опять на родинѣ. Но онъ теперь не узнавалъ родного села. Многое въ немъ измѣнилось. Мѣстный священникъ, извѣстный своей миссіонерской дѣятельностью, о. Алексѣй М--въ не громко, безъ крику, но твердо и рѣшительно поднималъ борьбу съ расколомъ. Борьба велась настойчиво и успѣшно. Простыя, задушевныя бесѣды ревностнаго пастыря, которыя почти каждодневно въ длинныя, зпмніе вечера велись по дымнымъ крестьянскимъ избушкамъ, дѣйствовали на многихъ неотразимо. Ростъ раскола сразу же пріостановился. Начались массовыя обращенія раскольниковъ въ православіе. И для колеблющагося Николаева искреннее, горячее слово чаадаевского батюшки было послѣднимъ, рѣшающимъ словомъ. Истина въ его душѣ восторжествовала окончательно. Но тутъ-то во всей своей остротѣ и выступили на сцену препятствія чистаго практическаго, житейскаго характера.

Родители Т. А. Николаева,—эти темные, невѣжественные старики, до того закоренѣли въ своихъ заблужденіяхъ, что представляли изъ себя совершенно косную, непроницаемую силу. Никакія рѣчи не могли сдвинуть ихъ съ мѣста. Это были фанатики, дышавшіе страшной злобой ко всѣмъ православнымъ. Неудивительно, что намѣреніе сына оставить расколъ вызвало съ ихъ стороны сильное противодѣйствіе. Начались семейныя неурядицы и раздоры... Тяжело отзывались они на молодой, воспріимчивой душѣ. Но честнаго, убѣжденнаго Тимофея Алексѣевича ничто не останавливало. Онъ истину поставилъ выше всего и присоединился къ православной Церкви. Съ этого-то момента и началась его бодрая живая работа на пользу православія. Мѣстный священникъ пріобрѣлъ въ немъ себѣ дѣятельнаго сотрудника. Дѣло крѣпло, росло,—и вскорѣ расколъ въ Чаадаевѣ рухнулъ. Мало того, самое село, бывшее раньше гнѣздомъ раскола, сдѣлалось теперь разсадникомъ православныхъ миссіонеровъ.

Дѣло въ томъ, что благодаря содѣйствію покойнаго владыки Теоноста, движеніе противъ раскола вскорѣ охватило здѣсь всю Владимірскую епархію. Явилась нужда въ миссіонерахъ. Знакомый съ бытомъ и настроеніемъ мѣст-

наго раскола Тим. Алек. представлялся, конечно, самымъ желаннымъ сюда кандидатомъ. И вскорѣ дѣйствительно онъ получаетъ официальное назначеніе быть миссіонеромъ. Рамки дѣятельности теперь для него значительно расширились. Заботы о пропитаніи семьи уже не отрываютъ болѣе его отъ горячо любимаго дѣла. И бывшій старообрядецъ, не жалѣя своихъ силъ, съ самоотверженіемъ, весь отдается тяжелому подвигу. Всей лихорадочной дѣятельностью онъ спѣшитъ какъ-бы загладить свою вину передъ Церковію.

Много заблудшихъ было обращено имъ на путь православія. Человѣкъ широко начитанный, особенно въ свято-отеческой литературѣ, со способностью живого, увлекательнаго слова, скрашеннаго самобытной красотой народныхъ образовъ и оборотовъ, тихій, вѣжливый, старавшійся не раздражать, а будить мысль въ раскольникѣ, дѣйствовать на его сердце,—Тимофей Алексѣевичъ пользовался въ своей дѣятельности необыкновеннымъ успѣхомъ. Не десятками, а сотнями надо считать лицъ, обращенныхъ имъ къ православію. И въ этихъ случаяхъ, когда дѣло касалось спасенія человѣческой души, покойный себя не жалѣлъ. Въ душевной заковѣтой крестьянской избѣ, всегда набитой до тѣсноты народомъ, въ атмосферѣ, пропитанной смѣшаннымъ запахомъ полшубковъ, прокислой капусты и тутъ же лежащихъ на полу телятъ,—ему приходилось часто говорить безъ перерыва по 10—12 часовъ въ сутки...

По своей наружности, Тимофей Алексѣевичъ былъ представительный, видный красавецъ. Казалось износу не будетъ его сильному и молодому организму. Но такого чрезмѣрнаго напряженія не выдержалъ и онъ... Разъ, во время бесѣды, у него изъ горла показалась кровь... Тим. Алек. сначала этому не придалъ значенія. Но то было для него роковымъ предзнаменованіемъ... Начался тяжелый процессъ горловой чахотки. Точно свѣча таяла, догорала его жизнь. Но своихъ рабочихъ рукъ Тимофей Алек. не сложилъ до самой почти смерти. И палъ наконецъ на своей трудовой бороздѣ утомленный работникъ, до конца своихъ дней остававшійся вѣрнымъ завѣту Апостола: «довдеже время нмамы, да дѣлаемъ благое ко всѣмъ»?

Епархіальное начальство всегда отличало особеннымъ вниманіемъ успѣшную дѣятельность Тим. Алексѣевича, выдвигая его изъ ряда другихъ миссіонеровъ на первый планъ. Какъ наиболѣе свѣдущаго и ознакомленнаго съ положеніемъ раскола въ епархіи, оно командировало его м. пр. и на всероссійскій казанскій миссіонерскій съѣздъ. Среди своихъ тяжелыхъ трудовъ Тим. Алек. находилъ всетаки время для серьезнаго, образовательнаго чтенія, которымъ старался пополнить недостатокъ своихъ познаній,—и всегда очень горевалъ при этомъ, что ему не удалось получить закон-

ченнаго, систематическаго образованія... Удѣлялъ время оны и для своихъ литературныхъ опытовъ, изъ которыхъ одинъ недавно напечатанъ былъ на страницахъ нашего органа. Скончался онъ еще въ цвѣтущей порѣ: ему не было и 40 лѣтъ. Послѣ него остались жена и сироты.

Да упокоить почившаго Христосъ «въ странѣ живущихъ и врата райская да отверзетъ ти, и царствія покажетъ жителя, и оставленіе тебѣ дастъ, о нихъ же согрѣшихъ еси въ житіи, христолюбче».

П. А. Ч.

Изъ г. Измаила, Бессараб. губ.

(Отъ нашего корреспондента).

„Роскошь“ раскольниковъ епископа Анастасія.

Измаильскій старообрядческій лжеепископъ Анастасій Лебедевъ до послѣднего времени игралъ видную роль среди старообрядцевъ, какъ одинъ изъ истинныхъ ревнителей Окружнаго посланія, и оказывалъ на измаильскихъ раскольниковъ весьма могучее вліяніе. Измаильская старообрядческая кѣедрѣ до послѣднего времени была средоточнымъ пунктомъ и центромъ жизни измаильскаго раскола: здѣсь, подъ предѣлательствомъ „святого владыки“, рѣшались всѣ недоумѣнные вопросы и всѣ дѣла, здѣсь жизнь раскола была живымъ ключомъ, здѣсь погребалась всякая тайна, храненіе коей необходимо было въ интересахъ раскола и во вредъ святой Церкви. Въ послѣднее время авторитетъ Анастасія и вліяніе его на расколъ, вслѣдствіе занятій его коммерціею, значительно ослабѣли. Онъ купилъ на публичныхъ торгахъ при Кишиневскомъ окружномъ судѣ паровую-вальцевую мельницу, находящуюся на главной улицѣ въ городѣ Измаилѣ, и въ ней устроилъ для себя даже отдѣльную келлію, въ которой проводитъ большую часть времени и слѣдитъ зорко за работою. Анастасій, для лучшаго сбыта муки изъ своей мельницы, открылъ мучные склады: въ городѣ Измаилѣ на новомъ базарѣ, въ домѣ Тихона Аванасьевича Кобзаренко, рядомъ съ его трактиромъ, подъ управленіемъ спеціалиста мучного дѣла сврея Г. Фельдмана, въ городѣ Кишинѣ, въ посадѣ Вилковѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. На каждомъ мѣстѣ съ мукою красуется штемпельная печать, гласящая: «мука изъ мельницы и склада Епископа Анастасія Лебедева». Не довольствуясь такою рекламою, Анастасій, изъ коммерческихъ расчетовъ, напечаталъ недавно, съ разрѣшенія господина полицмейстера города Измаила, и распространилъ разными способами объявленіе слѣдующаго содер-

жанія: „Роскошь города Измаила! Роскошь! Для праздниковъ святой пасхи роскошь! Новость! Сииъ довожу до свѣдѣнія почтеннѣйшей публики города Измаила, что въ моемъ мучномъ складѣ, находящемся на новомъ базарѣ въ домѣ Тихона Аванасьеви́ча Кобзаренко, рядомъ съ его трактиромъ, производится торговля наилучшихъ и наивысшихъ сортовъ муки: 000#, 000, 00 и 0 1-го и 2-го сорта изъ собственной паровой вальцевой мельницы господина А. (Анастасія) Л. (Лебедева) подъ названіемъ «РОСКОШЬ». Эти сорта муки спеціально готовятся къ празднику Святой Пасхи, изъ дорогихъ сортовъ пшеницы, качествомъ и добротою не уступая высшимъ сортамъ муки одесскихъ фирмъ, а также цѣны на всѣ сорта муки обозначены самыя утѣренныя. Лишу себя надеждою, что почтеннѣйшая публика не оставитъ моего объявленія безъ вниманія и, разъ побывавъ въ складѣ, убѣдится о вышезложенномъ. Складомъ завѣдуетъ спеціалистъ мучного дѣла Г. Фельдманъ (еврей). Съ почтеніемъ за А. (Анастасія) Л. (Лебедева) г. Шестовъ“, товарищъ его, старообрядецъ села Муравлевки, измаильскаго уѣзда.

Изъ сего объявленія видно, что Анастасій а) страстно привязался къ занятію коммерціею и б) распространенію «Роскоши». Посмотримъ, согласуется ли подобное занятіе Анастасія съ духомъ каноническихъ правилъ и съ прямыми обязанностями епископа. Епископъ, по суду каноническихъ правилъ, долженъ быть а) прп дѣлахъ церковныхъ (81 пр. св. ап.), б) долженъ удерживать священноначальственное попеченіе съ духовною крѣпостію (Посл. трет. всел. Собора), в) долженъ управлять своею епархіею съ приличествующею осмотрительностію и разбирать всѣ дѣла съ разсужденіемъ (Ант. 9 прав. и Карѣ. 6 прав.), г) долженъ возвращать овцу заблудшую и уязвленную зміемъ уврачевать (6 всел. собор. 102 прав.), д) долженъ всѣмъ внушать постановленія Соборовъ (Карѣог. 25-ое прав.), е) долженъ во всѣ дни, особенно же въ дни воскресные, учить клиръ и народъ благочестію (св. ап. 55 прав.), ж) долженъ вразумлять неблаго- нравнаго наставленіями и увѣщаніями, иногда же и церковными спятимиіями, а не устремляться на него съ бичами и ударами (Двукрат. соб., 9 прав. и 27-ое прав. св. апост.), з) долженъ получать свѣдѣнія о служителяхъ церковныхъ и имѣть о нихъ списокъ съ означеніемъ, кѣмъ и кто опредѣленъ и какъ живетъ (Васил. вел., 89 прав.), і) не долженъ простирать власть на иную епархію (трет. всел. собор., прав. 8., Ант. 9 и друг.), к) не долженъ самовольно переходить изъ своей епархіи въ другую и тамъ самовольно священнодѣйствовать (14 прав. св. ап.), л) не долженъ упражняться болѣе вадлежащаго въ собственныхъ дѣлахъ и оставлять попеченіе о своесъ престолѣ (Карѣог., 82 прав.), м) не долженъ удалаться въ

свои владѣнія отъ своей епархіи больше трехъ недѣль, и то въ каждое воскресеніе долженъ быть въ ближайшей церкви и служить (Сардпк. собора 12-ое прав.) и, вообще, ничего не долженъ дѣлать вопреки правиламъ святыхъ отецъ. Таковы обязанности епископа. Есть ли между ними занятіе коммерціею и распространеніе «Роскоши»? Нѣтъ. Сія занятія противны духу каноническихъ правилъ и несовмѣстны съ обязанностями и званіемъ епископа. 6-ое правило святыхъ апостоловъ гласитъ: «Мірскія попеченія пріемляя на ся святитель, не священъ». Толкованіе. «Епископу, или пресвитеру, или діакону нѣсть прощено, да возьмуть на себе мірскихъ вещей попеченія, злаго ради пріобрѣтенія своего... Аще же и нияя мірскія вещи имать и возбраненъ бывъ отступити отъ нихъ, и не покорится, но пребываетъ во управленіи ихъ, да изверженъ будетъ отъ сана своего». Анастасій, злаго ради пріобрѣтенія своего, купилъ мельницу, открылъ мучные склады, вошелъ въ компанію съ евреями, пустился на рекламы и пишетъ объявленіе, а потому онъ, если не отступитъ отъ указанныхъ мірскихъ попеченій, но будетъ пребывать „во управленіи ихъ“, то подлежить, по сему правилу и по толкованію его, изверженію изъ своего епископскаго сана.

Братіе старообрядцы! Покупая ко дню праздниковъ Святой Пасхи «Роскошь», распространяемую вашимъ епископомъ Анастасіемъ, пишу эти строки въ подарокъ вамъ ко дню Святой Пасхи, дабы вы узнали изъ нихъ, что мірское занятіе вашего епископа противно духу и требованію каноническихъ правилъ, что оно дѣлаетъ его повиннымъ изверженію изъ епископскаго сана и что оно, посему, Богу не угодно, для Анастасія неспасительно и для людей весьма соблазнительно.

Кишиневскій епарх. противораск. миссіонеръ,

священникъ *Теодосій Воловей*.

Письмо Толстого.

Въ одномъ изъ послѣднихъ № газеты L'Europeen напечатано неизданное письмо Толстого, написанное одному изъ друзей незадолго до послѣдней болѣзни.

„Я получилъ ваше письмо и очень радъ, что могу отвѣтить на вашъ вопросъ. Я пришелъ къ убѣжденію — не путемъ размышленій, а опытомъ долгой жизни — что человѣческая жизнь духовна. Человѣкъ есть духъ, частица Божества, заключенная въ

извѣстныхъ границахъ, которыя мы познаемъ, какъ мать; но жизнь духа не подлежитъ никакому искаженію — еще меньше-страданію. Она растетъ всегда равномерно, расширяя границы, въ которыхъ заключена. Однако людямъ свойственно впадать въ заблужденіе и думать, что сущность жизни лежитъ именно въ предѣлахъ, ограничивающихъ ее, т. е. въ матеріи. Подъ вліяніемъ этого заблужденія, мы смотримъ на матеріальныя страданія и въ особенности на болѣзни и смерть, какъ на несчастье, тогда какъ страданія (всегда неизбѣжныя, какъ сама смерть) только разрушаютъ границы, стѣсняющія нашъ духъ и возвращаютъ насъ — уничтожая обольщеніе матеріальности — къ свойственному человеку пониманію своей жизни, какъ существа духовнаго, а не матеріальнаго. Чѣмъ сильнѣе матеріальное страданіе, чѣмъ ближе страданіе, кажущееся намъ величайшимъ — смерть, тѣмъ легче, тѣмъ неизбѣжнѣе освобождается человекъ отъ обольщенія матеріальной жизни и тѣмъ вѣрнѣе познаетъ онъ себя въ духѣ. Правда, познавая себя въ духѣ, человекъ не получаетъ тѣхъ острыхъ наслажденій, которыя даетъ животная, матеріальная жизнь, но зато онъ ощущаетъ полную свободу, неуязвимость, неразрушимость, онъ чувствуетъ свое единеніе съ Богомъ — основаніемъ и сущностью всего. Тогда смерть уже не существуетъ или представляется освобожденіемъ и возрожденіемъ; испытавшій такое состояніе не промѣняетъ его ни на какое матеріальное наслажденіе. Я говорю такъ потому, что самъ испыталъ это съ необычайной силой во время моей болѣзни.

Выздоровливая, я испытывалъ два противоположныя чувства: одно — радость животнаго, возвращающагося къ жизни, другое — сожалѣніе духовнаго существа и потерю ясности духовнаго сознанія, присущаго мнѣ во время болѣзни. Но, несмотря на всѣ искушенія временной жизни, пробудившіяся съ новой силой при выздоровленіи, я вѣрю, знаю, что болѣзнь была для меня высшимъ благомъ. Она дала мнѣ то, чего не могли дать мнѣ ни мои размышленія, ни размышленія другихъ людей и того, что она мнѣ дала, я ужъ никогда не утрачу, я возьму это съ собой. Но и помимо болѣзни, вспоминая мою жизнь, я вижу ясно, что многое причинявшее мученіе, было для меня истиннымъ благомъ потому, что удаляло меня отъ погони за матеріальнымъ благомъ и направляло меня къ пріобрѣтенію истиннаго блага — духовнаго. Не даромъ народная мудрость говоритъ по поводу болѣзней, пожа-

ровъ и всего, что не зависитъ отъ человѣческой воли: „Господь посѣтилъ“.

Ничего нѣтъ хуже, въ смыслѣ приобрѣтенія истиннаго блага, какъ то, что люди желаютъ себѣ и другимъ, а именно: здоровья, богатства, славы.

Дай Богъ, чтобы вы почувствовали всю благодѣтельность страданій и приближенія неизбежной матеріальной смерти. Правда, что для этого необходимо вѣрить въ свою духовную сущность—въ частицу Бога, которая не подлежитъ ни измѣненію, ни умаленію, еще меньше страданіямъ или уничтоженію. Но судя по вашему письму, я имѣю основаніе думать, что вы въ это вѣрите, а если еще не вѣрите, то все же придете къ этому.

Да поможетъ вамъ Господь, и прежде всего Тотъ, Который въ васъ самихъ.

Левъ Толстой.

Изъ залы засѣданій религіозно-философскихъ Собраній.

Въ настоящій разъ мы дадимъ нашимъ читателямъ отчетъ о седьмомъ засѣданіи „религіозно-философскихъ собраній“, которое было посвящено боевому и модному вопросу—„о свободѣ совѣсти и вѣротерпимости“. Засѣданіе это было въ сущности столичнымъ отголоскомъ извѣстнаго доклада г. Стаховича на орловскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ. Приподнялъ этотъ вопросъ въ столицѣ кн. С. М. Волконскій, своимъ докладомъ подъ заглавіемъ: „Къ характеристикѣ общественныхъ мнѣній по вопросу о свободѣ совѣсти“.

Докладъ этотъ кн. Волконскій сначала преподнесъ великосвѣтской публикѣ, въ качествѣ лекціи въ одномъ изъ салоновъ, а затѣмъ внесъ его чрезъ редактора «С.-Петербург. Вѣд.» кн. 9. 9. Ухтомскаго на обсужденіе „религіозно-философскаго собранія“. Къ сожалѣнію, самъ авторъ не явился на защиту своихъ тезисовъ и докладъ его былъ какъ бы „брошенной костью“, которою съ усердіемъ занялись поклонники свободы совѣсти изъ членовъ и участниковъ собранія. Засѣданіе привлекло огромную аудиторію,—здѣсь были всѣ извѣстные въ литературѣ печальники сектантства, начиная съ г. Пругавина и кончая г-жею Ясевичъ—Бородаевской.

Пренія велись страстно, въ приподнятомъ тонѣ и вращались главнымъ образомъ около побочныхъ вопросовъ о правовомъ положеніи сектантовъ и объ отношеніи къ нимъ закона и администраціи.

Докладъ кн. Волконскаго въ сущности не даетъ собой ни глубокаго изслѣдованія, ни вѣрной характеристики церковно-общественныхъ теченій по вопросу о свободѣ совѣсти. Это какіе-то наброски и мазки той хаотической мозаики, которую представляютъ собой, возбужденныя съ легкой руки Стаховича, пренія и сужденія по данному вопросу. Докладъ безусловно тенденціозенъ и способенъ вызывать только шумиху, а не углубленіе мысли.

Остановимъ вниманіе на болѣе характерныхъ подробностяхъ доклада.

Въ началѣ своего доклада авторъ-князь говоритъ, что „въ сентябрѣ 1901 г., предъ собраніемъ пастырей, учителей и ревнителей Христовой

Церкви и Христова ученія одинъ человѣкъ произнесъ слово“, въ которомъ высказалъ слѣдующее:

«Что несправедливо преслѣ довать человѣка за то, что онъ вѣритъ такъ, какъ ему вѣрится, а не такъ, какъ другимъ (?) хочется, чтобы онъ вѣрилъ; что жестоко наказывать человѣка за его религіозныя убѣжденія въ надеждѣ, что наказаніе можетъ просвѣтить заблуждающагося; что позорно насильственными мѣрами пополнять стадо Христово; что для самихъ представителей Церкви тяжело — должно бы быть тяжело, — сознаніе такого положенія вещей, при которомъ паства ихъ, рядомъ съ людьми искренне вѣрующими, переполняется людьми, причисляющими себя къ извѣстному исповѣданію ради тѣхъ привилегій, коими оно обставлено; что не можетъ пастырь радоваться многочисленности своей паствы, вѣритъ въ искренность ея, когда принадлежность (?) къ этой паствѣ обставлена житейскими обезпеченіями и приманками; что, наконецъ, для пасомыхъ, для мірянъ, не можетъ не быть тягостно такое положеніе, при которомъ можетъ быть подвергнута сомнѣнію искренность каждаго (?) православнаго, ибо каждый православный, въ отвѣтъ на свое исповѣданіе вѣры, рискуетъ услышать насмѣшливое восклицаніе: „Да, какъ бы не такъ... Такъ мы и повѣримъ, что вы по убѣжденію православный. Докажите, что вы по убѣжденію сердца, свободному выбору сердца исповѣдуете православіе, а не ради благъ земныхъ. Вотъ такой-то, напр., — вѣрю, что онъ по убѣжденію: онъ страдаетъ въ своей карьерѣ, онъ страдаетъ въ своихъ гражданскихъ правахъ потому, что онъ католикъ,—но онъ не хочетъ быть инымъ; вѣрю въ искренность его убѣжденія. Вотъ этотъ человѣкъ страдаетъ въ правахъ гражданина, семьянина; онъ влечитъ свои дни въ изгнаніи, оторванный отъ дѣтей, потому что онъ сектантъ: но онъ предпочитаетъ все сносить, чѣмъ умереть въ иной вѣрѣ. Вѣрю въ искренность его убѣжденія; а вы, подъ прикрытіемъ закона, подъ охраною власти, тоже увѣряете, что вы по убѣжденію? Извините: вотъ, когда васъ начнутъ преслѣдовать, какъ другихъ, или когда другіе сравниваются съ вами, ну, тогда мы поговоримъ объ убѣжденіи, а до тѣхъ поръ не повѣрю: вы православный страха ради іудейскаго“.

„Подъ такимъ страннымъ нареканіемъ, будто бы, поставленъ, собственно, каждый (!) православный въ Россіи. Только человѣкъ, вполне равнодушный къ вопросамъ духовной жизни, можетъ не страдать отъ подобнаго положенія вещей и не чувствовать оскорбительность его“.

Содѣйствовать разъясненію этихъ вопросовъ въ духѣ ученія Христова—обязанность каждаго ихъ насъ,—тѣмъ болѣе, пастырей и миссіонеровъ Церкви. Первый и существеннѣйшій къ тому шагъ — есть ходатайство объ отмѣнѣ уголовной кары за отпаденіе отъ господствующаго исповѣданія.

Все вышесказанное кн. Волконскимъ, ясно, относится къ докладу

г. Стаховича на орловскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ, хотя сущность доклада передава въ вольномъ и, пожалуй, болѣе остромъ изложеніи.

Предвидя, что „орловскій инцидентъ подастъ поводъ къ проявленію многого такого, что дремлетъ въ нашей общественной совѣсти; что онъ вызоветъ къ сознанію многое, что лишь смугно ощущается; что, наконецъ, зашевелится тотъ ужасный хаосъ, который царитъ въ умахъ относительно важнѣйшихъ вопросовъ жизни человѣка, вопросовъ духовныхъ; предвидя, что мы вступаемъ въ интереснѣйшій моментъ для характеристики общественныхъ мнѣній“,—докладчикъ, по его словамъ, началъ со дня появленія первой газетной замѣтки отмѣчать все (?), что ему попадалось по этому поводу въ газетахъ и теперь князь захотѣлъ подѣлиться „кое-чѣмъ изъ накопившагося матеріала“.

И вотъ авторъ, представивъ вниманію собранія такія событія какъ обнаруженіе собранія въ Варшавѣ 25 сектантовъ для чтенія слова Божія и протоколъ полиціи по сему случаю, восклицаетъ: имена ихъ переписаны, и виновные будутъ привлечены къ отвѣтственности.—Стало быть, теперь (?) это даже не скрывается. Объ этомъ печатается среди кражъ со взломомъ и мошенничествъ“.

А когда же, спросимъ мы почтеннаго князя, скрывалось объ этихъ происшествіяхъ? Всегда печаталось. Можно думать, что князь никогда развѣ этими происшествіями не интересовался, а теперь докладъ г. Стаховича пробудилъ охоту у князя слѣдить за „этими“ происшествіями.

Затѣмъ князь В—ій года два тому назадъ гдѣ-то видѣлъ „цѣлую кипу прошеній отъ разныхъ лицъ, тѣмъ или инымъ путемъ пострадавшихъ за вѣру“. Запомнились ему два. Одно отъ бывшаго фельдфебеля-сектанта; проситъ вернуть ему двухъ отобранныхъ у него дочерей, сданныхъ на воспитаніе чужимъ людямъ въ православную семью, въ сосѣднемъ селѣ.

Другое прошеніе 70-лѣтняго старика сектанта, два года, какъ высланнаго изъ Курской губерніи на Кавказъ; проситъ позволенія вернуться, чтобы умереть на родинѣ. Но особенно трогаютъ сердце князя Волконскаго утѣшенія, чинимыя дѣйствующимъ закономъ католикамъ и штундистамъ:

«Одинъ вновь назначенный генераль обходитъ свою часть: около обоза стоитъ бравый, съ сѣдыми усами фельдшеръ. „Сколько лѣтъ на службѣ?“—Сорокъ, Ваше Пр-ство.—„Отчего же это до сихъ поръ при обозѣ?“—Виноватъ, В. Пр-ство, къ сожалѣнію, я католикъ».

Вотъ что произошло въ одной изъ западныхъ губерній лѣтомъ 1902 г. Объ этомъ говорилось въ мѣстной газетѣ и перепечатано въ одной изъ столичныхъ. Двадцать человѣкъ крестьянъ „обнаруженныхъ“ были привлечены къ отвѣтственности. У мирового судьи они называли себя баптистами. Но судья усумнился: а можетъ быть штун-

дисты? Это далеко не то же самое „по послѣдствіямъ“. Какъ разобратъся? На судѣ. въ качествѣ эксперта приглашается священникъ. Экспертиза признала обвиняемыхъ баптистами; баптисты официально разрѣшены.—и потому они отъ „отвѣтственности“ избавлены. Однако, „дѣло“ тѣмъ не кончилось. Хорошо не помню, какимъ образомъ, и въ силу чего, но вопросъ пошелъ на разсмотрѣніе высшаго начальства. И вотъ слѣдуетъ разъясненіе. „Баптисты дѣйствительно разрѣшены, но баптисты, нѣмецкая секта, разрѣшается нѣмцамъ, русскихъ же баптистовъ съ точки зрѣнія закона не можетъ быть: такіе-то подсудимые не баптисты, а выдаютъ себя за таковыхъ, будучи на самомъ дѣлѣ штундистами, а потому отвѣтственности должны подлежать. И они были оштрафованы по 18 руб. каждый“.

Сообщеніе это ничего новаго не даетъ: дѣлъ такихъ теперь сотни, но весьма поучительны соображенія князя по этому поводу. Доселѣ служило чуть ли не аксіомой для истинно русскихъ людей, что религія кладетъ неизгладимую печать на національный и бытовой обликъ человѣка и государства, что православіе—основа Россіи, что штундизмъ стираетъ въ послѣдователяхъ коренныя черты русскаго облика и многіе, ставъ штундистами, переставали быть русскими, русскіе, перешедшіе въ жидовство, дѣлаются истыми жидами. Князь съ негодованіемъ набрасывается на эту истину и на дѣйствующее у насъ законодательство и прерогативы о господствующей Церкви.

„Здѣсь, еще болѣе, чѣмъ самый фактъ оштрафованія, ужасна аргументація: русскихъ баптистовъ „не можетъ быть“. Да я завтра сдѣлаюсь баптистомъ, развѣ я перестану быть русскимъ? Я понимаю, если бы баптисты были какой-нибудь политической партіей, на пангерманской подкладкѣ, тогда бы, конечно, русскій, сдѣлавшись баптистомъ, тѣмъ самымъ переставалъ бы быть русскимъ. Но религіозныя вѣрованія развѣ снимаютъ (?) національность, и какъ же запретить человѣку причислять себя къ тому или другому вѣрованію? И кто же, наконецъ, здѣсь, судья? Для діагноза болѣзни нуженъ посторонній экспертъ, но о своей вѣрѣ свидѣлствуетъ человѣкъ самъ. Одинъ членъ суда, служащій въ Западномъ краѣ, рассказываетъ случай изъ своей судебной практики. „Представьте, является свидѣтель. Ну, имя, фамилія, и т. д. Какой, спрашиваю, религіи? „Католикъ“. И вретъ, онъ въ спискахъ значится православнымъ. По моему, значить, путаетъ списокъ“. Если бы человѣкъ, будучи католикомъ, ради брагъ земныхъ назвался православнымъ.—вотъ тогда онъ заслужилъ бы упрекъ; но тогда его не стали-бы упрекать, а поспѣшили бы исправить списокъ. О своей вѣрѣ человѣку не дозволяется имѣть свое сужденіе. Русскій не можетъ быть баптистомъ. Не можетъ. Это выраженіе имѣетъ здѣсь совсѣмъ особенное значеніе—другое, чѣмъ въ иныхъ подобныхъ случаяхъ. Напр., русскій не можетъ быть католикомъ,—это значитъ, ему этого не разрѣшается, и если онъ перемѣнитъ религію, то рискуетъ потерпѣть наказаніе по закону. Такъ, когда при Николаѣ

Павловичъ князь Гагаринъ перешелъ въ католичество, одинъ его родственникъ подалъ прошеніе, чтобы, согласно закону, имѣніе отступника перешло къ нему. Государь положилъ резолюцію: „Проситель подлець, но поступить по закону“. Это во всякомъ случаѣ понятно; русскій по закону не долженъ быть католикомъ, и въ этомъ смыслъ можно сказать: „не можетъ быть“. Но вышеприведеннымъ разъясненіемъ выраженіе «не можетъ» употреблено не въ смыслъ запрещенія, оно констатируетъ невозможность по существу: ни за какихъ наказаній, ни цѣною какихъ угодно штрафовъ не можетъ быть. «съ точки зрѣнія закона, не можетъ быть русскихъ баптистовъ», какъ съ точки зрѣнія науки не можетъ быть треугольника о четырехъ сторонахъ. Это «не можетъ быть», конечно, одно изъ самыхъ странныхъ словъ, когда либо произнесенныхъ. Въ немъ есть своего рода вдохновеніе: что хочу, то и положилъ; положилъ, что не можетъ быть, значитъ не можетъ быть: а объявлю, что можетъ, — и будетъ. и треугольникъ объявлю о четырехъ сторонахъ.

Приведенный случай относится къ категоріи фактовъ, являющихся результатомъ укоренившагося у насъ пагубнаго смѣшенія терминовъ — «русскій» и «православный». Это могло бы составить предметъ интереснѣйшаго изслѣдованія: сколько у насъ, благодаря смѣшенію этихъ терминовъ, проникло въ жизнь логически абсурднаго и нравственно жестокаго. Здѣсь я ограничусь лишь нѣсколькими примѣрами.

Въ столицѣ Японіи есть великолѣпный православный соборъ, выстроенный стараніями знаменитаго епископа Николая; въ этомъ соборѣ православное богослуженіе совершается на японскомъ языкѣ. Секретарь нашего посольства, съ которымъ я былъ у всенощной, никакъ не могъ разобратся въ своихъ впечатлѣніяхъ: «Странно, не правда ли? совсѣмъ даже не по-русски».

— Ну, да, конечно, не по-русски, коли по японски. Но смѣшеніе терминовъ, если такъ можно выразиться—синонимизація терминовъ «православный» и «русскій», такъ глубоко укоренилась, что нашему секретарю все казалось, что тутъ «что-то неладно». Есть люди, для которыхъ это представляется прямо чѣмъ-то въ родѣ метанія бисера. Одна дама высокихъ качествъ ума и сердца, но типичная представительница національной религіи, когда услышала про православный соборъ въ Японіи, воскликнула: «Ну, ужъ все эти миссіонерства и обращенія другихъ! Совсѣмъ это не нужно. Для чего это?» — «Однако, позвольте, вѣдь если бы не было проповѣдниковъ, то и мы бы не были христіане». — «Да зачѣмъ заниматься японцами, — и своихъ довольно». — «Потому что Христосъ сказалъ апостоламъ: шедше, научите вся языки, а не сказалъ: шедше научите русскій народъ».

На каждомъ шагѣ можно встрѣтить въ газетныхъ некрологахъ выраженія въ родѣ слѣдующихъ: «Покойный былъ и по крови, и по вѣрѣ совершенно русскій». Все это читаютъ, сами повторяютъ, и никто не видитъ всю несообразность подобнаго сочетанія словъ, какъ «русскій по вѣрѣ». Во-первыхъ, если уже признавать, что вѣроу

опредѣляется національная принадлежность человѣка, то въ силу той же самой вѣры покойный съ такимъ же успѣхомъ могъ бы быть по вѣрѣ совершенный грекъ. Но какъ же не понять, что это прямо бессмысленное (?) сочетаніе словъ: по вѣрѣ, по религіи, и потомъ названіе національности; вѣдь это изъ двухъ различныхъ областей, вѣдь это все равно, что взять существительное изъ ботаники, а прилагательное изъ зоологіи. «По религіи совершенно русскій», «по религіи испанецъ», «по религіи бельгіецъ», — это то же самое, что «въсомъ совершенно зеленый», «цвѣтомъ совершенно квадратный». Къ сожалѣнію, такое искаженіе мышленія воспитывается въ нашемъ обществѣ систематически и поддерживается неустанно и печатью въ особенности такъ называемою «охранительною», и духовной литературой и администраціей.

Одно высокопоставленное лицо, объѣзжая прибалтійскій округъ, въ рѣчи, обращенной къ мѣстному епископу, выражало надежду, что православное духовенство будетъ проводникомъ русскаго языка. Оно не знало, значить, что если священникъ хочетъ исполнять предписанія своей церкви, то онъ ученіе ея долженъ переводить на всѣ языки земного шара; оно забыло, что апостоламъ было сказано: «шедше научите вся языки», что Церковь, къ которой онъ обращается, даже въ учебникахъ именуется вселенской. Высокопоставленное лицо не знало, очевидно, и того, что у этого самаго архіерея есть подвѣдомственные ему священники изъ чухонцевъ и латышей, говорящіе проповѣди по-чухонски и по-латышски, чтобы по чухонски и по-латышски распространять православіе въ рѣку, а не русскую грамоту. Или все это не важно, а истинное дѣло епископовъ вселенской Церкви и подчиненныхъ имъ іереевъ—руссификація прибалтійскаго края?

Кн. Волконскій считаетъ „абсурдомъ“, «логическимъ уродствомъ» патріотическую проповѣдь пастырей Церкви и школы о православномъ русскомъ народѣ, какъ избранномъ, онъ не вѣритъ, „что русскій человѣкъ по природѣ склоненъ къ принятію духа христіанской любви: будь онъ язычникъ, по природѣ онъ всегда христіанинъ, что русскій народъ есть народъ святой, хранитель истины, что только православный—истинно русскій; неправославный—уже не настоящій патріотъ“. Докладчику не нравится логика господина изъ поляковъ, доказывавшаго свою принадлежность къ русской народности тѣмъ, что его дѣдъ уже былъ похороненъ въ выстроенной имъ православной Церкви, князь не признаетъ логики установившихся у насъ понятій: «мой дѣдъ православный, ergo—я русскій» или, что переходящій изъ православія въ другую вѣру не только отступникъ отъ своей Церкви, но отступникъ отъ родины... Однѣя инспекторъ гимназій, съ ѣмецкой фамиліей; лютеранинъ, съ проіемъ рассказываетъ авторъ, былъ представленъ въ директора; долго длились обсужденія, можно или нельзя. Назначили;

встрѣчаетъ его одинъ чиновникъ министерства, поздравляетъ, пожмаетъ руку: «ну, вась, конечно, теперь уже нельзя причислить къ иновѣрцамъ» и затѣмъ разсуждаетъ такъ: иновѣрчество—клеимо неблагонадежности; разъ начальство благоволитъ—очевидно благонадеженъ разъ благонадеженъ—уже не иновѣрецъ, во всякомъ случаѣ причислить къ иновѣрцамъ уже нельзя.

«Такии примѣрами логическаго уродства мы, собственно, окружены въ обыденной жизни», восклицаетъ докладчикъ и считаетъ это неизбѣжнымъ результатомъ того болѣе глубокаго уродства, которое лежитъ въ основѣ нашей жизни—смѣшенія понятій народности и религій. Конечно, здѣсь кн. Волконскій закрываетъ глаза на кричащіе факты сплотненности иновѣрцевъ, вездѣ угнетающей православную среду, какъ только оказывается власть въ рукахъ «благочестиваго» иновѣрца, который, съ точки зрѣнія русскаго государственнаго дѣла, тогда дѣлается дѣйствительно неблагонадеженъ.

Возстаетъ докладчикъ и противъ того порядка, въ силу коего католическій священникъ, совершившій требу надъ уиорствующимъ уніатомъ, подвергается отвѣтственности, какъ за совершеніе требы надъ православнымъ и расусегъ такую достойную жалости карталу:

Цѣлыя поселенія въ западномъ краѣ лишены церковной помощи, говоритъ докладчикъ. Въ одной губерніи было еще два года тому назадъ (не знаю, какъ сейчасъ) одиннадцать католическихъ приходовъ безъ священника. Люди рождались и умирали, какъ скоты. Къ довершенію всего возникаетъ цѣлая масса гражданскихъ процессовъ. Отецъ умираетъ, дѣти рождены внѣ брака, племянники предъявляютъ права на наслѣдство. Суды завалены процессами такого рода. Все это положеніе вещей вырастаетъ якобы на почвѣ смѣшенія религій и національности: въ основаніе всѣхъ мѣропріятій кладется тотъ принципъ, что поляки могутъ быть католиками, а русскіе должны быть православными.

«Думаю, что достаточно фактовъ, восклицаетъ князь, думаю также, что не найдется человека, будь онъ русскій или не русскій, той или иной вѣры, вѣрующій или невѣрующій,—который бы не смуглся этими фактами. Но колыми паче должно быть тяжело, такъ по крайней мѣрѣ всегда думалось мнѣ, представителямъ и въ особенности служителямъ той Церкви, ради торжества которой такіа насилія творятся. Покровительство господствующей Церкви со стороны государства кн. Волконскій считаетъ ложнымъ, развращающимъ дѣломъ.

«Обыкновенно говорятъ, что насиліе надъ совѣстью,—хотя и не отрицается его прискорбность,—необходимо для благополучія большинства. Пусть меньшинство страдаетъ—этимъ оберегается благо

большинства, православныхъ. насъ всѣхъ, коренныхъ, истинно русскихъ. Официально это называется покровительствомъ господствующей Церкви. Насиліе надъ другими имѣетъ развращающее влияние на совѣсть того самаго большинства, ради котораго творится. Ядъ, направленный противъ другихъ, имѣетъ возвратное дѣйствіе. Когда мачиха преслѣдуетъ падчерицу, то это не способствуетъ развитію высокихъ стремленій въ душѣ родной дочери. Но болѣе растлѣвающимъ образомъ, чѣмъ насиліе надъ другими, дѣйствуетъ тотъ характеръ обязательности, которымъ обтавлена наша принадлежность къ православному исповѣданію,—насиліе надъ нами самими. Что же касается Церкви, то это не только не поддержка, а прямо обратное: это должно вести къ ея полному ослабленію. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, признавать внутренней органической силой ту насиліемъ обеспеченную безопасность, въ которую Церковь поставлена мѣрами гражданской власти».

Такова первая т. сказ. положительная часть доклада, вторая—критическая посвящена разбору литературы полемики, вызванной докладомъ г. Стаховича.

Переходя къ полемикѣ, вызванной орловскимъ ищиченгомъ, князь по поводу постановленія Орлов. мис. съѣзда, отвергшаго предложеніе Стаховича, вдается въ такіа разсужденія:

Статьею преосвященнаго Никанора въ «Моск. Вѣд.», гдѣ доказывалось, что совѣсть—судья, судья ограниченъ закономъ, слѣд. «сказать: свобода совѣсти—значить сказать абсурдъ».

Пастыри отвергли предложеніе ходатайствовать объ отмѣнѣ уголовныхъ наказаній по преступленіямъ противъ вѣры не только «по несоотвѣтствію его съ задачами съѣзда, но по существу». Церковь въ лицѣ своихъ представителей, такимъ образомъ, сперва какъ бы уклоняется отвѣчать, а затѣмъ устами епископа (Никанора) прямо отвѣчаетъ отрицательно: она не только осуждаетъ стремленіе къ свободѣ совѣсти, она ея самой не признаетъ. Среди всего этого, психологія нашего духовенства мнѣ представляется въ нѣкоторомъ родѣ трагической. Ему во всеуслышаніе, всенародно, предъявляются факты насилія, совершаемые во имя той вѣры, коей оно есть провозвѣстникъ.—факты, не только съ его вѣдома совершаемые, но согласно закону, по его иниціативѣ возбуждаемые, и оно, духовенство, не можетъ осудить тотъ принципъ, въ силу котораго насилія творятся, не можетъ—вслѣдствіе своей зависимости отъ свѣтской власти. Въ душѣ, можетъ быть, многіе, можетъ быть и каждый возмущается и сожальствуетъ, что ему приходится быть пособникомъ,—но нельзя: начальство приказало такъ поступать, а разъ мы такъ поступаемъ, то надо же и обставить свои поступки,—начальство требуетъ: говорите, пишите, доказывайте, что поступки ваши правильны. И вотъ создается литература, отчасти заготовленная на всѣ случаи впередъ

самимъ начальствомъ, — «понеже, — какъ говорилъ Петръ Великій епископамъ Синода, — не всякъ епископъ слово чисто сложить можетъ; отчасти составленное изъ Писаній по каждому данному случаю, — либо по приказанію, либо отъ себя усердствующимъ авторомъ. Два типа писаній наблюдается въ этой литературѣ, два приѣма. Или фактическая сторона уменьшается до минимума, сводится до размеровъ «прискорбнаго случая», въ которомъ почти сходитъ на нѣтъ или вопросъ переводится на отвлеченную почву, гдѣ для отвода глазъ пускается въ ходъ такой аппаратъ философскихъ терминовъ въ перемежку съ елейно-умиленными. что въ этой смѣси всѣ пути мышленія какъ бы стираются и — что называется — всѣ концы въ воду.

Все, что пишется и печатается въ этомъ духѣ, не можетъ быть выраженіемъ взглядовъ всего духовенства: это видно изъ разговоровъ и изъ того немногаго, что иногда проникаетъ въ печать. И вотъ гдѣ трагизмъ цѣлой корпораціи, поставленной между требованіями начальства и побужденіями своей совѣсти. Смотритъ ли священникъ на свое служеніе съ точки зрѣнія «жены и малолѣтнихъ дѣтей» или служить по убѣжденію, — ему одинаково должно быть стыдно и невыносимо отъ той роли, которую его заставляютъ играть, и положеніе его трагическое, но орловскимъ инцидентомъ трагизмъ обостренъ до послѣдней степеніи. Всѣ ждутъ, смотрятъ, вопрошаютъ... Что отвѣчать священнику?..

Князь Волконскій подкисываетъ этотъ отвѣтъ въ такой, сочиненной имъ, карикатурѣ на сельское духовенство.

Отсюда вижу батюшку гдѣ-нибудь въ уѣздномъ городѣ, въ домѣ предводителя дворянства, напримѣръ. Молебень только что отошелъ: съ завернутымъ въ епитрахиль евангеліемъ псаломщикъ ушелъ, батюшку просятъ позавтракать. Въ ожиданіи завтрака батюшку въ гостиную „занимаютъ“. Ужъ чья это вина, не знаю: самого батюшки или его начальства, или всего общества, каждаго изъ насъ — только замѣчательно, что батюшку у насъ всегда «занимаютъ». Ни мы съ нимъ не умѣемъ, ни онъ съ нами не умѣетъ просто разговаривать: онъ такой, какъ бы сказать, «неучастникъ» нашей общей жизни, что для него нужны спеціальныя темы, особенный разговоръ; въ присутствіи батюшки какъ бы останавливается наша жизнь, и только по уходѣ его мы со вздохомъ облегченія къ ней возвращаемся. Кто виновать, не знаю, свидѣтельствую лишь о грустномъ фактѣ. Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ о здоровьи матушки, о томъ, гдѣ псаломщикъ такъ хорошо научился пѣть, о томъ, какъ освящаются просфоры, о томъ, гдѣ лучше поставить новую икону, привезенную съ Аѳона по подпискѣ купечества, хозяинъ вдругъ спрашиваетъ: «Ну, а что вы, батюшка, скажете о рѣчи Орловскаго предводителя къ миссіонерамъ!» — А что ему сказать? — мнется батюшка. «Рѣзко, какъ будто». Или: «Вѣдь это скорѣе всего вопросъ полицейскій». Или — «Что же намъ сказать, — это вопросъ высокій, можно сказать, фило-

софскій». Или просто вздохнетъ батюшка. и покачавъ головой, скажетъ: «Да, что—прискорбно, прискорбно». А что прискорбно: то ли, что такіа дѣла дѣлаются, или что такіа рѣчи говорятся!—это остается неизвѣстнымъ. Среди неловкаго ожиданія болѣе пространнаго пастырскаго отвѣта раздается голосъ хозяйки: «Батюшка, закусить пожалуйте». Объ инцидентѣ больше ни слова. Только по уходѣ батюшки земскій врачъ вдругъ говоритъ хозяину: «Однако, коварный вы батюшкѣ вопросъ задали».

Похваливъ свящ. Черкаскаго и Ускаго, что они думаютъ не по образцу, утвержденному «ограничительною печатью» и «Мисіонерскимъ Обзорніемъ», авторъ сожалеетъ, что въ печати эти два голоса остались единственными изъ духовенства. Все остальное по мнѣнію В-го было въ совѣтѣ иномъ и, ддя него, безотрадною духѣ: скорбять докладчикъ.—безотрадно не только направленіе, а самые способы мышленія, приемы полемики; прямо руки опускаются передъ этой путаницей понятій, туманностью разсужденій, неточностью и произвольностью терминологіи.

Все, что появлялось на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей“ за подписями Рождественскихъ. Знаменскихъ. Симанскихъ и др. рядъ возраженій, опубликованныхъ въ „Орловскомъ Вѣстникѣ“ и перепечатанныхъ въ другихъ газетахъ, все это канцелярское богословіе — какая-то логическая немощь, облакающаяся въ елейно-благодѣйную церковность на подкладкѣ политической; благонадежности. Эта послѣдняя нота такъ сильна, что она пробивается сквозь всякую другую аргументацію, лѣзетъ впередъ, и теперь уже не только всякій церковный, не только всякій богословскій вопросъ на богословской почвѣ, но всякій философскій вопросъ на богословской почвѣ превращается въ вопросъ полицейско-политическій; это какой-то заколдованный кругъ, изъ котораго никто не можетъ выйти и въ который непременно всякаго хотятъ втащить. Вселенская Церковь Христова больше не упоминается, христіанство упоминается не въ смыслѣ доктрины: „вы мыслите, чувствуете по-христіански, или не по-христіански“,—но въ смыслѣ организаціи, въ смыслѣ корпораціи; въ смыслѣ тѣла Христова —намы говорятъ только объ одномъ: русская православная Церковь—и всякій вопросъ, возникшій на почвѣ религіозности, переводится на почву „русскости“. Все пускается въ ходъ, чтобы это смѣшеніе понятій не только укрѣпить, но какъ бы освятить свыше. Уже апостолы, видите ли, знали, намекали, предвидѣли, предсказывали; Ап. Павелъ говоритъ, что антихристъ придетъ, когда будетъ взятъ изъ міра „удерживающій“—оказывается подъ „удерживающимъ“ почему-то надо разумѣть русское самодержавіе. Въ Апокалипсисѣ говорится о Дѣвѣ съ Младенцемъ во чревѣ. Оказывается, что эта Дѣва — православіе, а Младенецъ во чревѣ—Россія. Что удивительнаго, что съ одной стороны простой народъ говоритъ „извѣстное дѣло, все святые говорили по-

русски“, а съ другой стороны г. Сковрцовъ въ январьскомъ № „Мисс. Обзор.“ называетъ требованіе свободы и непринужденія въ вѣрѣ подкопомъ подъ русскую государственность. Можно спорить противъ мнѣнія, но нельзя спорить противъ смѣшенія понятій.

Въ заключеніи князь скорбитъ и негодуетъ по поводу извѣстнаго нашимъ читателямъ отзыва о Стаховичѣ о. Іоанна и статей, помѣщенныхъ въ отвѣтъ на докладъ Стаховича въ ноябр. кн. „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ 1901 г. Особенно много желчи изливаетъ князь на извѣстную нашимъ читателямъ отвѣдь Спаховичу Киев. миссіонера о. Потѣхина.

Въ заключеніе докладчикъ приводитъ слова Петра Великаго: „совѣсть человѣческая единому Богу токмо подлежитъ, и никакому государю не позволено оную силою въ другую вѣру принуждать“ и выражаетъ такіа ссепи и своей К^о упованія:

Мы (?) твердо уповаемъ, что наступитъ день, когда эти слова Петра Великаго будутъ выражать собою не теоретическое пожеланіе, а подтвержденіе практическаго порядка вещей въ нашемъ отечествѣ. Всякая попытка оправдать противное идетъ въ разрѣзъ съ духомъ христіанства и ведетъ къ искаженію понятія православной Церкви. Если сами представители священства принимаютъ за такого рода задачу, то это только доказываетъ внутреннюю слабость Церкви, вынужденной цѣпляться за постороннюю помощь и прибѣгать къ чужимъ мѣрамъ, чтобы замѣнить безсиліе своего меркнушаго авторитета. Вернуть же себѣ Церковь свой авторитетъ только тогда, когда будетъ признана ненормальность ея каноническаго положенія въ Россіи. Пока — ненормальность большаго организма объявляется нормальной, и ложными теоріями силится эту ненормальность оправдать. Это можетъ усыпить умы, но не можетъ вылѣчить больного организма. А мы — больны. Россія больна, и что хуже всего, — больна духомъ. Для оздоровленія ея только одно средство — освобожденіе духа въ дѣлахъ вѣры отъ вмѣшательства недуховной власти и возвращеніе Церкви утраченнаго авторитета. Считаю это главной, существеннѣйшей, и болѣе того — единственною реформой. Не хочу сказать, что когда это будетъ — настанетъ золотой вѣкъ, но пока этого не будетъ, всѣ другія реформы — напрасная трата силъ.

Тезисы вышеназваннаго доклада были редактированы такъ:

„Русскій“ и „православный“ — не синонимы. Можно быть православнымъ, не будучи русскимъ. и можно быть русскимъ патріотомъ, не будучи православнымъ.

Смѣшеніе понятій народности или государственности съ понятіемъ Церкви противорѣчитъ духу христіанства. Понятіе церкви болѣе широкое, чѣмъ понятіе народности: въ одной

церкви могутъ сойтись многія народности, а при осуществленіи Вселенской Церкви—всѣ народности (не теряя при томъ своей этнографической и государственной обособленности). Понятіе народности болѣе узкое, чѣмъ понятіе Церкви; вводя въ Церковь начало государственности, мы тѣмъ самымъ ослабляемъ ея соединяющую силу и изъ начала, сближающаго разные народы, превращаемъ ее въ орудіе разьединенія даже въ границахъ одного государства.

Введеніе начала государственности въ Церковь противно смыслу Церкви. Принципъ государства — обособленіе, принципъ Церкви — объединеніе. Введеніемъ идеи государственности въ число зиждительныхъ началъ Церкви, мы обусловливаемъ существованіе божественнаго зданія началомъ земнымъ, преходящимъ, человѣческимъ.

Насиліе и принужденіе въ дѣлахъ вѣры противны духу христіанства.

Церковь, въ лоно которой можно войти, но выйти изъ состава которой воспрещается, атрофируетъ свою внутреннюю органическую силу.

Обязательность исповѣданія господствующей религіи вліяетъ разслабляющимъ и развращающимъ образомъ на общественную совѣсть. Заботой человѣка становится вмѣсто осуществленія внутренняго качества внѣшнее соблюденіе вѣдѣностей. Запрещеніемъ отпаденія поощряется лицемеріе. Освобожденіе совѣсти въ дѣлахъ вѣры отъ принужденія со стороны гражданской власти нужно, слѣдовательно, не для отпадающихъ, не для тѣхъ, кого преслѣдуютъ, — оно нужно для всѣхъ: свобода совѣсти нужна для оздоровленія совѣсти на всѣхъ общественныхъ ступеняхъ.

Требованіе свободы и непринужденія въ дѣлахъ вѣры вовсе не равносильно требованію безнаказанности за безчинства и изувѣрство; послѣднія подлежатъ вѣдѣнію уголовныхъ законовъ независимо отъ того, кто ихъ совершаетъ — магометанинъ, православный или сектантъ.

Значительность вмѣшательства гражданской власти въ дѣла вѣры свидѣлствуетъ о внутренней слабости Церкви и ея авторитета.

Слабостью этой выдвигается на первую очередь вопросъ о каноническомъ положеніи Церкви въ Россіи; съ нимъ связанъ, конечно, вопросъ и о другихъ восточныхъ Церквахъ, объ ихъ взаимномъ отношеніи, о томъ, есть ли между ними единство? о томъ, гдѣ голосъ Церкви? какъ вѣщаетъ Вселенская Церковь, когда ей надо вѣщать?

Пренія доклада по своему содержанію рѣзко распались на двѣ половины. Одни ораторы касались существа вопроса самой свободы совѣсти и отнесли съ философскимъ спокоіемъ къ дѣлу, какъ и подобало такому почтенному учрежденію, какъ религіозно-философское собраніе.

Но такихъ ораторовъ оказалось только двое — о. архим. Антонинъ и г. Мережковскій.

Прочіе ораторы занялись словесною тяжбою о положеніи нашихъ сектантовъ предъ закономъ и властью. На этихъ послѣднихъ преніяхъ, какъ нѣтъ-нибудь ближайшее отношеніе къ „Мис. Обзор.“ мы и остановимъ вниманіе читателей.

В. М. Скворцовъ. Мнѣ приходится говорить при особыхъ обстоятельствахъ. Какъ вы изволили слышать, докладчикъ часто упоминаетъ «Миссіонерское Обозрѣніе» и на немъ основываетъ многія существенныя положенія. Поэтому я являюсь, такъ сказать, отвѣтчикомъ по данному дѣлу. При другихъ обстоятельствахъ я бы былъ, можетъ быть, болѣе объективенъ. Во всякомъ случаѣ постараюсь отнестись къ этому докладу, какъ серьезному. Обращаюсь къ заглавію: «Къ характеристикѣ общественныхъ мнѣній по вопросу о свободѣ совѣсти». Заглавіе доклада гораздо шире, чѣмъ его содержаніе. Авторъ, останавливаясь на тѣхъ или другихъ мнѣніяхъ, высказанныхъ въ томъ или другомъ органѣ печати, упустилъ изъ виду весьма существенныя мнѣнія, выраженные въ нѣсколькихъ почтенныхъ органахъ, божѣ, быть можетъ, авторитетныхъ, чѣмъ «Миссіонерское Обозрѣніе», въ смыслѣ популярности и общественнаго вниманія; такъ, напримѣръ, я не вижу мнѣнія, высказаннаго по данному вопросу въ разгаръ полемики, продолжавшейся 2 мѣсяца, профессора Красножена въ «Нов. Времени». Если автору было угодно удѣлить столько вниманія «Миссіонерскому Обозрѣнію», то я сожалѣю, что онъ остановился лишь на ноябрьской книжкѣ и упустилъ изъ виду декабрьскій номеръ, гдѣ помѣщена статья Айвазова. Если бы авторъ обратился къ ней, то нашелъ бы гораздо большее освѣщеніе и болѣе серьезную постановку. Айвазовъ разбираетъ докладъ Стаховича пунктуально, по источникамъ, и указываетъ, что Стаховичъ бралъ мнѣнія Аксакова и Гизъ лишь въ передержкѣ. Совершенно не упомянуто мнѣніе Шарапова. Все это люди не изъ того лагеря, къ которому принадлежитъ «Миссіонерское Обозрѣніе».

Перехожу къ поправкамъ, которыя мнѣ кажутся существенными, которыя нашъ споръ наклоняютъ или въ ту, или въ другую сторону. Напримѣръ, тезисы Стаховича приведены здѣсь въ вольномъ изложеніи. У него прямо сказано, что такое, по его понятію, свобода совѣсти; Стаховичъ опредѣляетъ ее какъ право взрослого исповѣдывать религію, которую онъ находитъ лучшей, и совращать въ нее взрослыхъ. «Жестокое наказывать человѣка за его религіозныя убѣжденія» и т. д., говорится въ началѣ доклада. На второй сраницѣ говорится: «Первый и существенный къ

тому шагъ—есть ходатайство объ оти́нѣіи уголовной кары за отпаденіе отъ господствующаго вѣроисповѣданія».

Въ главныхъ тезисахъ доклада глубокая неправда какъ факгическая, такъ и юридическая. Во первыхъ, кому же неизвѣстны основные наши законы, которые разрѣшаютъ всѣмъ—даже евреямъ и язычникамъ—свободно исповѣдывать религію своихъ предковъ?

Д. С. Мережковский. Это равносильно тому, какъ если бы вы доказывали существованіе свободы совѣсти въ Россіи, ссылаясь на терпимость нашихъ законовъ къ католичеству въ самомъ Ригѣ.

В. М. Скворцовъ. Прошу не перебивать. Изъ исторіи распространенія русскаго раскола и сектъ мы знаемъ, что тысячи и тысячи выходили изъ православной Церкви.

Гдѣ же та обязательная принадлежность, о которой намъ говорятъ, гдѣ тутъ принудительность служенія православной Церкви? Коренной законъ, кажется, 45 ст. ясно говоритъ: «свобода вѣры предоставлена всѣмъ». Я знаю на практикѣ, что никакихъ послѣдствій въ смыслѣ уголовной кары не бываетъ за отпаденія единицъ и даже цѣлыхъ сотенъ людей той или другой деревни; отпавшіе не несутъ никакихъ наказаній за свои убѣжденія, слѣдовательно, не можетъ быть и рѣчи о ходатайствѣ объ оти́нѣіи уголовной кары за отпаденіе отъ господствующаго вѣроисповѣданія. Такой статьи нѣтъ и въ законѣ. Если же и есть что на этотъ предметъ, то одна только статья, гдѣ говорится, что отпавшіе отсылаются къ духовному началству для увѣщанія. Есть и примѣчаніе, гдѣ говорится, какъ и когда дѣлать эти увѣщанія, такъ, чтобы послѣдствія не отрывали увѣщаемыхъ отъ работы.

Н. М. Минскій. А статья 203 Уложенія?

В. М. Скворцовъ. Статья 203 извѣстна. Вотъ ея содержаніе: «Тѣ изъ раскольниковъ, хотя и не изобличенные въ совершеніи православныхъ, которые принадлежатъ къ ересямъ, соединеннымъ съ свирѣпыми изувѣрствомъ и фанатическимъ посягательствомъ на жизнь свою или другихъ, или же съ противоправственными, гнусными дѣйствіями, по совершенномъ ихъ въ томъ изобличеніи, подвергаются — наказанію въ ст. 197 опредѣленному». Такимъ образомъ статья эта заключаетъ въ себѣ не насиліе надъ вѣрою, а наказаніе за гнусныя дѣянія, напримѣръ, въ хлыстовствѣ.

Н. М. Минскій. И въ штундизмъ? Въ вашихъ словахъ факгическая неточность. Законъ 4-го іюля 1894 г., по объясненію циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ отъ 3 сентября 1894 г., преслѣдуетъ за принадлежность къ штундизму. Какія же у нихъ гнусныя дѣянія?

Голосъ. Кромѣ того есть еще и 204 ст. Вотъ что въ ней сказано: «Если послѣдователь ереси или раскола, обратившійся въ православную

вѣру и, вслѣдствіе того, возвращенный изъ мѣста ссылки, снова совратится въ ересь или расколъ, то онъ подвергается лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе безвозвратно на Кавказъ или въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири». Наконецъ, всѣ же знаютъ объ административныхъ воздѣйствіяхъ противъ сектантовъ.

В. М. Скворцовъ. Я думаю, что эта статья къ моему тезису совершенно не относится, она, повидимому, касается рецидивистовъ, которые притворно возвращаются въ лоно Церкви, дабы вернуть себѣ права и свободу, которыхъ они лишены по суду, за преступленія противъ Церкви. Я настаиваю на томъ положеніи, что въ уголовномъ законѣ нѣтъ ни одной статьи, которая бы карала за отпаденіе въ расколъ и секты, или за тѣ и другія убѣжденія совѣсти, такъ же какъ нѣтъ статьи, которая бы карала за одну лишь принадлежность къ штундѣ.

Указываютъ на статью 203. Но она караетъ за принадлежность къ сектѣ, которая проповѣдуетъ гнусныя дѣянія, статья 181¹ за скопчество. Это единственная секта, за принадлежность къ которой карается. Отпаденіе въ хлыстовство карается только тогда, когда въ немъ установленъ фактъ гнусныхъ дѣяній, напримѣръ, свальнаго грѣха, вытравленія плода, дѣтубійства и т. п. Говорятъ о штундѣ. Но за принадлежность къ ней и отпаденіе изъ нее никакихъ каръ уголовныхъ не было, нѣтъ и не будетъ. Есть циркуляръ комитета министровъ, но это не основной законъ. Возбужденіе этого вопроса о вредности штунды шло отъ свѣтской власти. Секта штунды признана вредной по мотивамъ государственнымъ, цирк. 1894 г. сдѣлаво ограниченіе ея только относительно молитвенныхъ собраній. Но въ этомъ распоряженіи высшей власти нѣтъ каръ за отпаденіе въ эту секту. Всѣ процессы, о которыхъ упоминали, были возбуждены на почвѣ преступленія открытыхъ молитвенныхъ собраній, которыя служатъ главнымъ средствомъ пропаганды лжеученія секты среди православнаго населенія и вносятъ смуту въ массу, нерѣдко оканчивающуюся разгромами домовъ сектантовъ и насиліемъ. Тутъ начинаются изслѣдованія судебно-юридическія, которыя приводятъ въ судахъ къ большимъ спорамъ, въ концѣ концовъ всѣ процессы восходятъ въ Сенатъ, который почти всегда разрѣшаетъ споры въ пользу сектантовъ. Говорятъ, что въ Россіи нѣтъ свободы совѣсти. Я долженъ отмѣтить, что этого нельзя сказать относительно высшихъ слоевъ общества. Повторяю, что въ Сенатѣ обыкновенно изъ 10 дѣлъ едва ли не 9 кассируются. Итакъ распоряженіе 1894 г. не караетъ, а ограничиваетъ. Что касается собственно взгляда правящей церковной власти на вредность сектъ, то онъ выраженъ ясно въ опредѣленіи Св. Синода отъ 11 марта 1900 г., гдѣ сказано: «Св. Синодъ признаетъ необходимымъ на будущее

время принять въ руководство къ признанію особой вредности сект. слѣдующія основанія: а) допущеніе сектантами по религіознымъ побужденіямъ посягательства на жизнь собственную или своихъ, б) существованіе въ сектѣ гнусныхъ и безнравственныхъ дѣйствій, какъ, напр., свальнаго грѣха въ хлыстовствѣ и т. п., в) проявленіе сектантами стремленій, направленныхъ противъ существующаго государственнаго и общественнаго строя и имѣющихъ цѣлью поколебать основанія общества и государства»

Далѣе здѣсь говорили относительно отобранія молоканскихъ дѣтей. Этотъ фактъ, къ сожалѣнію, дѣйствительно былъ. Онъ вызванъ распоряженіемъ Самарскаго губернатора въ силу исключительнаго положенія.

Н. М. Минскій. Значить родители-сектанты караются?

В. М. Скворцовъ. Въ данномъ случаѣ—да, но, повѣряю, этотъ фактъ исключительный.

Д. С. Мережковский. Вы все говорите о законахъ. Дѣло не въ законахъ, а въ томъ, что въ Россіи отсутствуетъ законъ, охраняющій свободу совѣсти, и вслѣдствіе этого все отношеніе государства къ сектантамъ проникнуто административнымъ усмотрѣніемъ, которое часто граничитъ съ произволомъ.

В. М. Скворцовъ. Мы не можемъ не говорить о законѣ, разъ онъ существуетъ, и докладчикъ навѣрно его комментируетъ. Я не отвѣтчикъ за подобныя явленія, какъ насиліе совѣсти и убѣжденій или административныя репрессіи, или произволъ въ борьбѣ съ сектами. Я даю только фактическія объясненія, какъ обстоитъ дѣло, а о томъ, какъ я ко всему этому отношусь, въ данномъ случаѣ говорить не буду.

Голосъ. Жаль!...

В. М. Скворцовъ. На эти объясненія понадобилось бы слишкомъ много времени, такъ какъ слишкомъ много около моей дѣятельности накопилось въ извѣстныхъ кружкахъ общества недоразумѣній. Могу только сказать, что вы не встрѣтите ни во мнѣ, ни въ моемъ органѣ защитника репрессій, хотя недавно на страницахъ одной газеты и говорилось, что среди строкъ „Миссіонерскаго Обзорнія“ чудится автору не бородатое лицо русскаго человѣка, а бритое лицо іезуита.

В. С. Миролюбовъ. Вы сейчасъ сказали относительно „Миссіонерскаго Обзорнія“. Я сошлюсь на послѣдній номеръ журнала, въ которомъ вы свое собственное сердце отдали въ такое негодное употребленіе, какое изъ него сдѣлалъ Гусевъ. Въ концѣ вашего журнала пишется статья «на скрижаляхъ сердца».

До сихъ поръ на своемъ собственномъ сердцѣ писали вы сами. Въ послѣднемъ номерѣ на этомъ сердцѣ было написано рукой другого чело-

вѣка, проф. А. Гусева: „Виновенъ ли гр. Толстой въ Павловскомъ погромѣ“. Въ статьѣ этой доказывается,—да еще со ссылками „на здравый смыслъ и совѣсть“,—что Льва Толстого необходимо привлечь къ юридической отвѣтственности, но крайней мѣрѣ, за павловское ужасное дѣло. По моему убѣжденію грѣшно карать только исполнителей, а вдохновителя оставлять въ покоѣ. Послѣ всего вышеприведеннаго я не понимаю, какъ вы говорите, что ни вы, ни «Миссіонерское Обозрѣвіе» не призываютъ ни къ какимъ карамъ?

В. М. Скворцовъ. Прошу прочитатъ мое предисловіе къ статьѣ проф. Гусева. Вотъ оно:

„Давая мѣсто нижеслѣдующему мнѣнію пзвѣстнаго профессора А. Н. Гусева, мы ясно сознаемъ, какъ жестоко его твердое слово для людей нашего духовно-истеричнаго времени, а также живо представляемъ тотъ вопль негодованія, который способно вызвать заявленіе маститаго профессора-апологета среди людей, на словахъ ратующихъ «за свободу слова, за свободу мнѣній и сомнѣній», а на дѣлѣ деспотически нетерпимыхъ къ мнѣніямъ и убѣжденіямъ людей иного образа мыслей и настроенія. Повторяемъ, что для насъ принципъ *audiatur et altera pars* — не есть пустой звукъ или фиговый листъ для прикрытія душевной наготы,— а потому смѣло помѣщаемъ письмо проф. Гусева“.

Е. А. Егоровъ. Не забывайте, господа, что мы здѣсь заняты изслѣдованіемъ отвлеченнаго вопроса, а не судомъ надъ человѣкомъ.

В. М. Скворцовъ. Я стараюсь относиться къ дѣлу по христіански — безпристрастно, будетъ ли оно либеральнымъ, или консервативнымъ.

Голосъ. Едвали!..

В. М. Скворцовъ. Я указываю на номеръ «Миссіонерскаго Обозрѣнія», въ которомъ говорится: „Конечно, мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ профессора Гусева“. Отчего же, позвольте спросить, не дать ему высказаться? развѣ это приведетъ Л. Толстого на скамью подсудимыхъ? Это просто мнѣніе одной партіи. Тамъ была напечатана рядомъ статья противъ духовенства, которую, можетъ быть, не помѣстилъ бы свѣтскій журналъ.

Повторю мои возраженія. Авторъ доклада останавливается на вопросѣ о баптистахъ и шугандисахъ. «Баптизмъ дѣйствительно разрѣшенъ, но баптисты—нѣмецкая секта, принадлежность къ ней разрѣшается нѣмцамъ, рускихъ же баптистовъ съ точки зрѣнія закона не можетъ быть“... Докладчикъ говоритъ: «Да я завтра сдѣлаюсь баптистомъ, развѣ я перестану быть русскимъ»?.. Здѣсь опять невѣрность, неточность. Законъ такъ не говоритъ. Откуда авторъ это такъ цитируетъ, я не знаю. Законъ о баптистахъ мнѣ достаточно знакомъ. Вопросъ этотъ имѣетъ цѣлую литературу.

Русскіе, называя себя штундистами, не могутъ пользоваться правами, дарованными нѣмецкимъ баптистамъ закономъ 1879 г., баптисты уравниены въ правахъ съ иностранными исповѣданіями. Баптисты по этому закону имѣютъ право строить кирки, избирать пресвитера и т. д. И наши сектанты, не будучи по существу ученія тождественны съ баптистами, хотятъ получить права нѣмцевъ-баптистовъ: строить церкви, избирать пресвитера и т. п. Неужели вы допускаете возможность дарованія такихъ же правъ и нашей штундѣ? Мы не будемъ входить въ разсужденія по существу, содержитъ-ли штундизмъ баптизмъ.

Н. М. Минскій. Это не есть что-нибудь побочное. Это какъ разъ то, о чемъ говорится въ докладѣ. Практически вопросъ о сектантствѣ свелся къ вопросу о штундѣ и баптизмѣ. Этотъ вопросъ нельзя упускать изъ виду и откладывать на будущее время.

В. М. Скворцовъ. Свою характеристику докладчикъ дѣлаетъ на основаніи 2, 3 фактовъ которые не даютъ картины правового положенія сектантовъ въ Россіи. Я не вижу убѣдительности въ этихъ фактахъ. Можетъ быть, это в остроумно: «идѣ же двое или трое во Имя Мое—тамъ и городовою», но совѣтъ не серьезно. Я не буду останавливаться на словахъ «и православному священнику приличествено заботиться о русскомъ языкѣ»... Это вопросъ большой, но тутъ нѣтъ ничего для упрека именно духовенству. Кн. Волконскій говоритъ: «два голоса были единственными изъ духовенства». Это замѣчательно, что только два голоса! Слѣдовательно, этотъ вопросъ для Церкви слишкомъ опредѣленъ и ясенъ, слишкомъ глубоко выѣдренъ, чтобы съ нимъ считаться такъ, какъ это дѣлаетъ докладчикъ. Я долженъ теперь отвѣтить на обвиненіе докладчикомъ отца Потѣхина.

А. Е. Егоровъ. Нельзя ли перейти къ принципамъ. Пусть отецъ Потѣхинъ самъ себя защищаетъ.

В. М. Скворцовъ, прочитавъ изъ рѣчи о. Потѣхина, помѣщенной въ ноябр. кн. «Мис. Обзоръ» 1900 г., сказалъ: Я не буду ни комментировать, ни защищать о. Потѣхина, а только хотѣлъ обратить вниманіе ваше на непониманіе докладчиковъ современнаго положенія народа и Церкви. Князь Волконскій хотѣлъ, повидимому, не отстать отъ моды и договорилъ то, чего не договорилъ Стаховичъ. Гораздо было мужественнѣе для князя высказаться откровенно, возможно-ли такое положеніе безъ потрясенія основъ, чтобы епископы Церкви поставались у насъ не иначе, какъ съ утвержденія свѣтской власти, а въ то же время эта власть должна быть равнодушна къ явленіямъ, которые наносятъ нравственный подрывъ Церкви. Полное невмѣшательство правительственной власти въ дѣла огражденія авторитета господствующей Церкви при установившихся историческихъ и существующихъ отношеніяхъ Церкви и государства, — это

развѣ нормально? Кто знаетъ логику народа (я жилъ среди народа 12 лѣтъ) тотъ согласится, что у него то, что не запрещается, считается позволительнымъ. Спаянность государственная и церковная слишкомъ велика въ православно-самодержавной Россіи, чтобы отвергать одно, не трогать другого. Это вопросъ огромной важности. Шараповъ справедливо говоритъ въ «Новомъ Времени», по поводу доклада Стаховича: «что же будетъ, когда отворять эти двери? войдутъ іезуиты». Даже сама Франція и та ограничиваетъ іезуитовъ закономъ. Въ Германіи есть тоже законъ, ограждающій протестантскую церковь отъ явленій, которыя могутъ нанести ей ущербъ. Раскольники, которые создаютъ свою церковь, въ своихъ чаяніяхъ уйдутъ гораздо дальше насъ. Шгунда, опираясь на миссіонерскія силы германскихъ протестантовъ и въ лицѣ баптистовъ, введетъ свое ученіе всюду. Кто былъ въ Сумахъ, тотъ слышалъ, какъ Теодосіенко въ теченіе 8—10 дней, въ 2 посѣщенія успѣлъ совратить массу въ 300 душъ, совратить на дѣло, повлекшее за собой такіе ужасы и кары. Развѣ можно равнодушно смотрѣть, напримѣръ на арестованную женщину съ малюткою, не убьющихъ отличить правой руки отъ лѣвой, на рукахъ у которой еще 8 дѣтей, и ихъ не на кого оставить? Представляя весь трагизмъ семейнаго разгрома, зная, какъ совершается отпаденіе, мы не можемъ равнодушно отнестись къ проповѣди «этой необузданной свободы», основанной на незнаніи народа. Изъ толпы павловцевъ въ 600 душъ, слушавшихъ проповѣдь Т—ко, никто не пошелъ разгромлять церковь, увлеклись только тѣ, которые отпали отъ родного православія. Князь не сказалъ ничего о томъ, что же секта даетъ вароду взамѣнъ православія? Православная исторія Церкви не знаетъ такого явленія, какъ Павловское страшное дѣло. Мы знаемъ, что даютъ секты взамѣнъ того, что онѣ отнимаютъ. Зная послѣдствія, которыя могутъ быть, мы не можемъ сказать: отворяйте двери. Нужно лѣтъ 25, 50 широкаго просвѣщенія, тогда можно говорить объ отъѣнѣ закона, держающаго порывы совратителей. Что касается, ссылки нашего почтеннаго автора, о. Потѣхина, «на все удерживающаго», я въ данномъ случаѣ не буду на этомъ останавливаться. Онъ слѣдовалъ толкованіямъ Іоанна Златоуста объ отношеніяхъ государственной власти къ Церкви—вопросу Вселенской Церкви.

Въ заключеніе моихъ замѣчаній прошу позволенія прочесть вамъ 104 правило Кароагенскаго собора. «Шоеліку епископскій и мирный образъ дѣйствованія на еретиковъ (донатистовъ) употребленъ, и они, не могли отвѣщати противъ истины, обратились къ нечѣпымъ насильственнымъ поступкамъ, такъ что многихъ епископовъ и многихъ причетниковъ (да умоачимъ о мірянахъ) сгѣснили навѣтами и въ нѣкоторыя церкви вторгнулися, а въ другія такожде вторгнутися покушались; то царскому человѣколюбію

предлежитъ попещися, чтобы католическая Церковь, благочестною утробю Христу ихъ родившая и крѣпостію вѣры воспитавшая, была ограждена ихъ промышленіемъ; дабы въ благочестивыя ихъ времена дерзновенные челоѣки не возгосподствовали надъ безсильнымъ народомъ, посредствомъ нѣкоего страха, когда не могутъ совратити оный посредствомъ убѣжденія. Посему, противъ неистовства оныхъ отщепенцевъ просимъ дати намъ божественную помощь не необычайную и нечуждую сязтымъ писаніямъ. Ибо и апостолъ Павелъ, какъ показано въ Дѣяніяхъ апостольскихъ, соумышленное людей безчестныхъ препобѣдилъ воинскою силою. Такъ и мы просимъ о томъ, да неукоснительно подается охраненіе католическимъ чинамъ Церквей въ каждомъ градѣ и разныхъ мѣстахъ, прилежащихъ къ каждому властѣнію. Подобаеи въкупѣ просити благочестивѣйшихъ самодержцевъ, да соблюдаются законы, изданные прежними императорами противъ отщепенцевъ» и т. д. Вотъ справка объ отношеніяхъ къ этому вопросу Церкви такихъ временъ, какъ Кароагенскій соборъ. Комментаріи излишни. Въ заключеніе два слова о картинѣ кн. Волконскаго, представляющей священника въ дѣмѣ баряна. Она сочинена, нужно думать, на основаніи воспоминаній стараго крѣпостного времени; неужели князь, представляя сюда докладъ, не предусмотрѣлъ, что картина эта должна производить тяжелое впечатлѣніе на присутствующее здѣсь духовенство? Я окончилъ.

Е. А. Егоровъ. Существуютъ ли въ законѣ ограничевія относительно иущественныхъ правъ лицъ, оспавшихъ отъ православія?

В. А. Скворцовъ. Въ законѣ естъ 187 сл., гдѣ говорится, что отпавшіе посылаются къ духовному начальству для уиѣщанія. Дѣти и иѣвіа отдаются подъ опеку родственниковъ на это время.

Н. М. Минскій. Мнѣ хотѣлось сказать нѣсколько словъ для выясненія этого обстоятельства. Существуетъ ли въ настоящее время преслѣдованіе за одну принадлежность къ сектѣ, за отпаденіе отъ православія? Вы говорите, что его не существуетъ. Позвольте привести вамъ цитату изъ недавно вышедшей книги товара оберъ прокурора Севата А. М. Бобрицева-Пушкина „Судъ и раскольники-сектааты“. Черезъ его руки прошли сотни процессовъ, а не 2, 3. Онъ говоритъ: „Есть процессы, ния нмъ леліонъ, въ которыхъ, за полной невозможностью добраться до сути религіозныхъ взглядовъ захваченныхъ сектантовъ, а чаще толпы ихъ,—приговоръ по печальной необходимости выносится какъ будто на основаніи одной переклички, дѣлаемой при открытіи засѣданій. Можно было бы предположить съ нѣкоторымъ правомъ, по даннымъ полицейскихъ и судебныхъ протоколовъ, такой діалогъ: Судья говоритъ: „введите штундистовъ“. Разсильный отвѣчаетъ: „Вотъ штундисты“.—Судья спрашиваетъ: „вы штунди-

сты"? Слѣдуетъ отвѣтъ: „мы штундисты“.—Судья записываетъ: „подсудимые сознались и виновны“.

И вотъ еще мѣсто изъ той же книги:

«Что касается доказательствъ, то въ рѣдкихъ случаяхъ,—когда захвачены вещественныя доказательства по отношенію, напр., къ сектантахъ (не-старообрядцамъ), то это почти всегда не что иное, какъ св. Евангеліе, которое болѣе чѣмъ странно видѣть въ судебной залѣ на столѣ вещественныхъ доказательствъ“.

Я хотѣлъ показать, что преслѣдуютъ за одну принадлежность, за одно наименованіе себя штундистомъ.

В. М. Скворцовъ. Эти выдержки касаются собраний, устанавливаютъ виновность собраний, фактъ собраний. За то, о чемъ вы говорите, съ нихъ берется копѣечный, а иногда и рублевый штрафъ. Я думаю, это не уголовная кара. Повторяю, что не за убѣжденія штундистовъ наказываютъ, а за собранія, которыя запрещены, или иначе, за неисполненіе требованій закона.

Ю. Н. Милютинъ. Значить, вы не признаете существованія уголовной кары?

В. М. Скворцовъ. Докажите наличность ея хоть однимъ процессомъ. Мы говоримъ объ уголовныхъ карахъ за принадлежность къ расколу и сектамъ. за это уголовной кары, кромя какъ за скопчество, не полагается.

Ю. Н. Милютинъ. Есть статья, которою постановляется, что лица, рожденнымъ въ православіи, запрещается отпадать отъ православной Церкви. Въ уголовномъ уложеніи есть статья...

В. М. Скворцовъ. Я въ улож. о наказ. такой статьи не знаю, кромя той, о которой уже не разъ повторялъ здѣсь.

Ю. Н. Милютинъ. Тамъ говорится, что они отправляются къ церковному начальству для увѣщанія. Если у нихъ есть дѣти малолѣтнія, то отъ администраціи зависитъ принять мѣры относительно ихъ. Если есть имѣнія, то они отбираются въ опеку. Виновные не имѣютъ права жить въ этихъ имѣніяхъ. Увѣщанія безсрочны, срокъ не положенъ: предполагается, что—до тѣхъ поръ, пока отпавшіе не возвратятся къ православію, т. е. открывается безкопечный путь для административныхъ и другихъ взысканій. Эта кара очень серьезная.

В. М. Скворцовъ. Это опять выходитъ «налей тѣхъ же щей»... Фактически невѣрно вы освѣщаете существующую практику.

Е. А. Егоровъ. Но вѣдь, кажется, вы сами привели законъ—187 ст. Уложенія?

В. М. Скворцовъ. Вы мнѣ ни одного факта не приведете, когда это увѣщаніе было бы безсрочнымъ. Увѣщанія должны быть троекратны, поря-

докъ и время веденія увѣщаній регламентироваго въ распоряженіяхъ духовной власти. Вы этого не знаете, а потому Богъ знаетъ, въ чемъ обвиняете.

Г. Милютинъ. Допустимъ, что я сталъ католикъ?

В. М. Скворцовъ. Вы благополучно и останетесь католикомъ. Никакихъ послѣдствій отъ этого не будетъ.

Г. Милютинъ. Значитъ я официально буду считаться католикомъ?

В. М. Скворцовъ. Сколько угодно, только спросите у начальства

Н. М. Минскій. Докладъ вызываетъ главный вопросъ о преслѣдованіи сектантовъ. Если докладчикомъ не подчеркнуто преслѣдованіе баптистовъ или штундистовъ, то этотъ вопросъ самъ собой вытекаетъ изъ доклада. Вы говорите, что секты преслѣдуются за антигосударственныя тенденціи. Но это отрицаетъ тов. оберъ-прокуроръ Сената, на котораго я уже ссылаюсь. По его словамъ, обыкновенно на судѣ экспертъ заканчиваетъ шаблонной фразой, что «соціально-коммунистическія тенденціи несомнѣнно скрыты въ глубинѣ духа секты», — никакихъ другихъ доказательствъ мнимой антигосударственности сектъ не приводится. И это говоритъ представитель суда, лицо официальное. Вопросъ о штундистахъ и баптистахъ очень важный. Нельзя игнорировать дѣйствительность, которая заключается въ томъ, что вмѣстѣ со штундистами преслѣдуются и баптисты, именуемые штундобаптистами.

Г-жа Ясевичъ (обращаясь къ г. Скворцову), Я хотѣла бы обратиться къ вамъ за разъясненіями. Вы бросили упрекъ Сенату, что онъ оправдываетъ сектантовъ. На какомъ основаніи? Сенатъ оправдываетъ на основаніи закона 1883 г. За что привлекаютъ сектантовъ къ отвѣтственности? За молитвенныя собранія. Мы знаемъ, что по закону всѣ секты имѣютъ право собираться, за исключеніемъ штундистовъ, какъ не почитающихъ властей. На самомъ дѣлѣ большинство процессовъ начинаются съ того, что сектантовъ обвиняютъ за молитвенныя собранія. Мнѣ интересно бы выяснитъ вопросъ, на какомъ основаніи? Всѣ процессы, на которыхъ вы участвовали, въ Киевской губерніи, начинаются съ того, что сектантовъ обвиняютъ въ штундизмѣ. Судебныя власти являются безсильными предъ утвержденіемъ «экспертовъ», что это штундисты, хотя факты говорятъ, что это баптисты. Насколько мнѣ приходилось видѣть въ Киевской губерніи, большинство баптистовъ почитаютъ власти, имѣютъ обряды и проч. Но ихъ привлекаютъ къ отвѣтственности какъ штундистовъ. И на всѣхъ судахъ вы всегда, какъ «экспертъ» объявляете, что это штундо-баптисты. Мнѣ хотѣлось выяснитъ, на какомъ основаніи вы считаете ихъ штундо-баптистами, когда они съ ними не имѣютъ ничего общаго?

В. М. Скворцовъ. Вы цѣлый рядъ сложныхъ вопросовъ смѣшали въ одно, и я очень затрудняюсь сейчасъ подробно отвѣчать и опровергать всю несостоятельность вашихъ соображеній и наблюденій; скажу коротко, что наши штундисты какъ по историческому происхожденію, такъ и по вѣрованіямъ не содержатъ во всей полнотѣ тѣхъ вѣрованій, которыя признаютъ у баптистовъ, а во 2-хъ нашъ законъ не знаетъ русскихъ баптистовъ, потому и эксперты называютъ сектантовъ, у которыхъ имѣются заимствованія у нѣмецкихъ баптистовъ въ культъ,—штундобаптистами, въ отличіе отъ тѣхъ штундистовъ, которые совершенно самобытны въ своемъ культѣ и вѣрованіяхъ (духовная штунда).

(„Новый Путь“ март. кн.)

ОТКЛИКИ.

- 1) Письмо объ исповѣди. 2) Бесѣда съ патр. Іоакимомъ
объ австрійской іерархіи.

I.

Въ статьѣ „о таинствѣ покаянія“, мы посильно выяснили возрождающее значеніе покаянія.

Здѣсь нѣсколько дополнительныхъ словъ по адресу русскаго священника.. Не мало душъ проснулось въ минуты исповѣди. Но, конечно, гораздо больше—неизмѣримо болѣе ушло бы спасаемыми отъ аналоя, если-бы тѣ, которымъ ввѣряютъ они свои совѣсти, больше отдали вниманія, души и сердца этому святому таинству. Для священника таинство исповѣди очень часто единственный моментъ, когда онъ можетъ говорить съ человѣческой душою. Есть люди, которые внѣ таинства исповѣди никогда и не приходятъ къ священнику, не переступаютъ и порога церкви. Сюда, къ исповѣдальному аналою, они приходятъ по необходимости, потому что этого у насъ требуетъ „гражданскій законъ“ (учащіеся, состоящіе на государственной службѣ). По отношенію къ нимъ только здѣсь, за исповѣдью священникъ и можетъ что нибудь сдѣлать, для того чтобъ вернуть ихъ къ церкви—заставить ихъ по крайней мѣрѣ заглянуть за ея порогъ, какъ пишетъ Гоголь.

Вотъ приходитъ къ священнику на исповѣдь молодая дѣвушка, почти ребенокъ, подъ различными вліяніями потерявшая уже вѣру, увѣренная въ своемъ невѣріи, приходитъ по принужденію школьной власти. Честная и прямая, она приходитъ къ священнику, стыдясь за то, что вступаетъ въ компромиссъ съ своею совѣстію, идетъ сюда лгать. Священникъ всматривается въ это больное убитое лицо, кладетъ ей на голову руку и задаетъ только одинъ вопросъ: „вы больны“? Она, путаясь въ словахъ, рассказываетъ, что пришла противъ воли, что не желаетъ исповѣди, что ей стыдно лгать. И что же? Достаточно

было одного ласковаго глубоко сострадающаго взгляда и нѣсколькихъ добрыхъ словъ, чтобы всѣ сомнѣнія, все отчаяніе вѣры вылились въ горячихъ слезахъ обновленнаго сердца. Она уходитъ изъ-за пирмы, отдѣлявшей аналой, и счастливая, и вѣрующая, и надѣющаяся. А вѣдь если-бы она не вернулась къ Богу въ эти минуты, если-бы священникъ не сумѣлъ пробудить спавшую въ ней дѣтскую вѣру въ этотъ разъ, то, конечно, она уже не пришла бы въ другой разъ, потому что вступила бы въ самостоятельную жизнь, однимъ изъ преимуществъ которой она считала право „не исповѣдываться“, не ходить въ церковь, когда не хочется ходить.

Да не говоря о такихъ случаяхъ, и люди, которыхъ часто видитъ священникъ въ церкви, нуждаются въ томъ, чтобы хоть разъ, разъ или два въ годъ для нихъ вліяніемъ священника на исповѣди раскрылось небо, стали ближе сферы Христовой жизни.

Средство возрожденія исповѣдь, но исповѣдь, произведенная такъ, чтобы она была дѣйствительнымъ средствомъ возрожденія. А въ дѣйствительности какъ производится теперешняя исповѣдь? Можетъ ли она дѣйствительно возрождать? Можетъ быть, немало священниковъ, которые сознаютъ серьезность этихъ минутъ и отдають имъ всѣхъ себя. Но чаще, кажется, бываетъ не такъ. Тотъ Димитрій изъ романа Боборыкина, который приходитъ къ аналою съ благоговѣніемъ, съ страхомъ, несмотря на то, что растерялъ будто всѣ остатки вѣры, уходитъ совсѣмъ не возрожденнымъ. „Голосъ усталаго священника говоритъ что-то однообразное, заученное, переходя отъ вопроса къ вопросу и отвѣчая на свои вопросы своимъ же поученіемъ. И все это кончилось такъ быстро, что даже волненіе Димитрія не улеглось еще совсѣмъ, когда его голову покрыла епитрахиль и онъ услышалъ разрѣшительныя слова молитвы“... Здѣсь мы видимъ всѣ недостатки въ совершеніи великаго таинства. Человѣкъ ждетъ чего-то таинственнаго, испытываетъ страхъ, котораго не въ силахъ побороть, онъ ждетъ, явно ждетъ нравственнаго подлиннаго перерожденія, стоитъ у дверей рая, и вотъ только нужно отворить ему эти двери, указать новый путь, и изъ этого волненія не выходитъ ничего. Почему? Усталый священникъ говоритъ заученное, ненужное, самъ задаетъ вопросы, самъ на нихъ отвѣчаетъ. Мудрено ли, что, отходя отъ аналая, Димитрій менѣе вѣруетъ и менѣе чистъ, чѣмъ тогда, когда онъ шелъ къ аналою. (Могил. Епар. Вѣд. статья Ливанова).

А вотъ не интеллигентъ, а крестьянинъ—жадуется на то, что исповѣдь не сняла съ него грѣха: „на духу каялся, сказать то сказалъ, но не полегчало; ничего онъ мнѣ не отвѣтилъ, да гдѣ ему: много—триста человѣкъ—пришло, и безъ того смаялся“. Если крестьянинъ менѣе благодушенъ, то отъ него можно услышать нерѣдко почти кощунственныя слова объ исповѣди. „Былъ на духу. Но что толку? Чего бы ни сказалъ, онъ только заминая да накрываетъ голову, чтобы скорѣе отчитать разрѣшеніе“. Никто не скажетъ, что такіе случаи рѣдки. Всѣ привыкли къ такому явленію и даже не замѣчаютъ его. Такая исповѣдь стала обычною, другой почти и нѣтъ.

И въ концѣ концовъ соблазняются эти малые и погибающій ребенокъ (вродѣ гимназистки въ „Исповѣди“) отходить отъ аналога не вѣрующей и окончательно погибаетъ. И мужикъ уходитъ, пожалуй и въ штунду, а горе тому, кто соблазнить одного изъ сихъ малыхъ. Священникъ, какъ говоритъ мужикъ, дѣйствительно, не виноватъ, не виноватъ въ томъ отношеніи, что при теперешнемъ ходѣ дѣла онъ, правда, не имѣетъ физическихъ силъ отнестись такъ, какъ должно, къ совершенію таинства. Что же слѣдуетъ изъ этого?

Слѣдуетъ только то, что долженъ быть измѣненъ порядокъ его совершенія. Если совершать исповѣдь наканунѣ причастія, то по необходимости исповѣдь обращается въ какую-то формальную церемонію безъ возрождающаго значенія, похожую почти на кощунство надъ таинствомъ. Единственное средство—это ввести обычай исповѣдываться и причащаться одинаково во всѣ посты безъ различія, обычай причащаться на преждеосвященной литургіи такъ же, какъ на литургіи субботней. Въ сущности порядокъ, при которомъ причащаются только разъ въ годъ—въ великомъ постѣ, исповѣдуются разъ въ годъ наканунѣ причастія, странный порядокъ. „Выносятся каждый день святая чаша, каждый день призываютъ приступить къ великому таинству — и никто не приступаетъ“. Развѣ не жалко это? Не больно? Зачѣмъ же эта чаша? И покаяніе, понятно, нужно не только разъ въ годъ. Бываетъ, что человѣкъ ясно чувствуетъ потребность сейчасъ, тотчасъ же придти къ священнику, принести раскаяніе въ своемъ грѣхѣ, потому что совѣсть мучить, совѣсть требуетъ исхода, изгнанія грѣха, если не предъ всѣмъ народомъ, то по крайней мѣрѣ предъ священникомъ. Конечно, въ

эти-то минуты исповѣди и могла бы подѣйствовать особенно возрождающимъ образомъ. Но сейчасъ нельзя! не исповѣдуются — не постъ. И время идетъ. Голосъ совѣсти слабнѣтъ. Желаніе покаяться потухаетъ. Потомъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ великомъ постѣ человѣкъ, можетъ быть, не захочетъ идти къ священнику, а если и пойдетъ, то уже исправляетъ формальный долгъ, потому что чувство раскаянія потеряло въ немъ свою прежнюю силу, не жжетъ его своимъ огнемъ. Онъ говоритъ о своемъ грѣхѣ, священникъ ему отпускаетъ грѣхъ, и никакого „возрожденія“ не выходитъ, между тѣмъ въ то время, когда исповѣдь была особенно нужна, она могла вызвать цѣлый жизненный переворотъ, измѣненіе во всемъ пониманіи жизни.

Въ первенствующей Церкви покаяніе совершалось всегда, всегда совершалось и причащеніе, и поэтому покаяніе было величайшимъ средствомъ общественнаго воспитанія, было обновленіемъ духа, дѣйствительнымъ таинствомъ, измѣнявшимъ жизнь.

Не пора ли вернуться къ этому средству воспитанія душъ человѣческихъ? Тогда можетъ быть поднялось бы и дѣло народной нравственности. Человѣкъ тогда привыкъ бы во всякую минуту душевной тяготы идти къ священнику и открывать ему сердце, а священникъ въ эти минуты могъ бы ввести его своей пастырской любовью въ глубины евангельскаго раскаянія и, пользуясь его благодатною настроенностью, повесть его „аможе хочеть“ т. е. по пути Христову.

Но у насъ нелегко ввести такое покаяніе во всѣ дни, мы такъ привыкли каяться только во время поста! Что же тогда сдѣлать? Но крайней мѣрѣ ввести обычай исповѣдываться и причащаться одинаково во всѣ посты. Если священнику удастся даже только приучить къ причащенію за преждеосвященной литургіей по средамъ и пятницамъ, то и тогда у священника будетъ вдвое, втрое больше времени, чѣмъ теперь. И тогда онъ можетъ прослушать кающуюся душу и хотя десять минутъ удѣлить бесѣдѣ съ этою душою, и слова литургіи: „со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступите“ не будутъ тогда простою формальностью, потому что чаще будутъ приступать дѣйствительно подготовленные, кающіяся, желающія исцѣленія души.

II.

Въ „Миссіонерскомъ Обзорѣніи“ печатался рядъ статей о поѣздѣ старообрядцевъ въ Константинополь по дѣлу о признаніи законности іерархіи такъ называемой австрійской и для справокъ о томъ, былъ ли запрещенъ канонически ихъ первый митрополитъ Амвросій. Эти статьи напомнили мнѣ о бесѣдѣ моей съ теперешнимъ патріархомъ Іоакимомъ III по этому вопросу, которую будетъ не лишнимъ привести на страницахъ „Миссіонерскаго Обзорѣнія“. Патріархъ Іоакимъ тогда былъ изгнанникомъ и жилъ на Аѳонской горѣ. Въ Константинополѣ при Константинѣ V засѣдала коммиссія, обсуждавшая вопросъ о митрополитѣ Амвросіи. Слышно было, будто эта коммиссія склонна въ угоду старообрядцамъ подтвердить имъ тотъ, кажется, дѣйствительно установленный фактъ, что Амвросій не былъ подъ запрещеніемъ. Раскольники распускали слухи, которые говорили гораздо больше, будто Константинопольскій патріархъ склоненъ признать законной австрійскую іерархію. Это, какъ я узналъ, была неправда даже при Константинѣ V. Но тогда я не имѣлъ точныхъ свѣдѣній по этому вопросу и сообщилъ патріарху Іоакиму о слухахъ, которые ходили.

Патріархъ, не обсуждая вопроса по существу, высказалъ нѣсколько *ria desideria* относительно улучшенія сношеній между Церковью Русской и Константинопольскою. Ему казалось очень прискорбнымъ, что между епископами греческой и русской Церквей нѣтъ живыхъ сношеній, не официальныхъ, а братскихъ отношеній. Греческая и русская Церковь, конечно, въ братскомъ общеніи, но епископы той и другой Церкви не имѣютъ никакихъ сношеній, кромѣ официальныхъ грамотъ отъ имени Синода Константинопольскаго къ русскому и наоборотъ. По этой причинѣ, говорилъ онъ—мы очень мало знаемъ о русскихъ дѣлахъ. О раскольникахъ, напр., мы не знаемъ почти ничего, потому что по этому вопросу существуетъ у насъ одна устарѣвшая книга, а свѣдѣнія, какія распространяютъ греческія газеты, идутъ завѣдомо изъ раскольничьяго лагеря и передаютъ истину въ извращенномъ видѣ. Хотѣлось бы, чтобы установилась постоянная связь между епископами двухъ Церквей, какъ отдѣльными частными лицами, чтобы они переписывались по вопросамъ не официальнымъ только, а обо всемъ. о чемъ хочется говорить брату съ братомъ. Тогда не было бы, можетъ быть, и такихъ недоразумѣній, какъ по настоящему раскольничьему вопросу.

Въ данномъ случаѣ—продолжалъ патріархъ—я думаю, что никогда Константинопольская Церковь не можетъ предпринять по собственной инициативѣ никакой положительной и рѣшительной мѣры. Если-бы она нашла что-нибудь справедливое въ требованіяхъ раскольниковъ, то и тогда—не имѣя возможности ручаться, что ее не обманываютъ, а главное вполне довѣряя своей сестрѣ-Церкви русской, она не постановила бы своего приговора; объ ихъ просьбѣ она бы только сообщила русской Церкви, и отъ последней зависело бы дать тотъ или другой приговоръ. Въ частности всякое прошеніе раскольниковъ о какомъ-то пересмотрѣ ихъ дѣла не можетъ быть принято Константинопольскою Церковью, въ силу факта признанія автокефальности Русской Церкви.

Если у Константинопольскаго Синода просить справки исторической объ Амвросіи, онъ можетъ дать эту справку, но дальше не только никакого рѣшенія, но и никакого обсужденія по вопросу о каноничности или неканоничности австрійской іерархіи не можетъ быть.

Я напомнилъ этотъ разговоръ русскимъ старообрядцамъ, потому что, кажется, до сихъ поръ, несмотря на то, что Константинъ V смѣнился Іоакимомъ III, они не оставляютъ своихъ попытокъ чего-нибудь добиться въ Константинополѣ. Эти надежды совершенно не имѣютъ никакихъ основаній при теперешнемъ умномъ и сильномъ патріархѣ.

Іером. Михаилъ

Отъ С-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать разрешается. С.-Петербургъ, 28 Марта 1903 года.

Цензоръ Іеромонахъ Александръ.

Типографія Э. А. Пороховицкой СПБ. Басейная 3.

11. Самарск. епарх. мисс. Александровъ. О клятвѣхъ соборовъ 1656, 1666—67 гг. и объ единовѣріи. *Н. Гринякинъ*. . . 837—839
12. Прот. І. И. Соловьевъ. Завѣтныя думы служителя Церкви въ виду предстоящей реформы средней школы. *П. Козинскій*.—Іером. Ѳеодоръ (Поздѣвскій). Свящ. *М. Лисицынъ*. . . 839—842

Хроника.

13. Миссіонерство, секты и расколъ.—Борьба со штундою въ Кіевской губ.—Содѣйствіе миссіи со стороны Кіевского Братства и Религіозно-просвѣт. Общества.—Новыя руководственныя правила миссіи для приходскихъ пастырей, благочинныхъ и окружн. миссіонеровъ.—Изъ залы засѣданій донскаго епарх. съѣзда.—Какъ привлекать на бесѣды отпадшихъ?—Къ вопросу о причащеніи заподозрѣнныхъ въ хлыстовствѣ. *М.*. 843—852

Корреспонденція «Миссіонерскаго Обзорѣнія», извѣстія и замѣтки.

14. Новыя затѣи австрійскихъ раскольниковъ. (О канонизаціи м. Амвросія и открытіи раскол. академіи). *Н. Гринякинъ*.—Изъ Владимірской губерніи. Памяти скромнаго труженика миссіонера *П. А. Ч.*—Изъ г. Измаила, Бессар. г. «Роскошь» раскольничьяго епископа Анастасія. *Ѳеодосій Воловей*.—Письмо Толстого. 853—865
15. Изъ залы засѣданій религіозно философскихъ Собраній. Докладъ кн. Волконскаго и пренія по вопросу о свободѣ совѣсти и вѣротерпимости. 866—888
16. Отклики. 1) Письмо объ исповѣди.—2) Бесѣда съ патр. Іоакимомъ объ австрійской іерархіи. Іером. *Михаилъ*. 889—894

Редакторъ-издатель **В. М. Скворцовъ.**

Подписка на „Миссіонерское Обзорѣніе“ продолжается.

Адресъ редакціи — Невскій, 153.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ КНИГИ

ІЕРОМОНАХА МИХАИЛА:

Въ поискахъ Лица Христова.

Содержаніе: Въ поискахъ Лица Христова.—Лиза Калитина.—Письмо о миссіи женщинъ.—Дѣти.—Въ защиту несчастныхъ женщинъ. Ц. 20 к.

„Обиженныя дѣти“. (Изъ публичныхъ лекцій). Ц. 50 к.

1) Церковь и евангельскія лиліи.

Содержаніе: Письмо одному адогматисту.—Правда-ли, будто „догма“ убила лиліи евангелія.—Толстой и „новые христіане“ въ борьбѣ противъ обряда и догмата.—Христосъ на Голгоѣѣ и воскресшій.—Пасхальная сказка.—Христосъ и дѣти. Ц. 25 к.

2) Гдѣ жизнь?

Содержаніе: I. Жизненно или мертво церковное христіанство? (публичная лекція).—II. Жизнь или смерть въ толстовскомъ пониманіи христіанства? („О любви къ людямъ въ ученіи Толстого“) (публичная лекція).—III. Два дополнительные письма о бракѣ; „Двѣ страсти“; Основы брака; „Раба, товарищъ, свободна“...—Письмо къ юношеству о храненіи тѣла. Ц. 30 к.

3) Новые и старые пути.

Содержаніе: I. Жива ли Церковь (публичная лекція). (Вдвое увеличена сравнительно со статьей въ Мисс. Об. Дек.). II. Новый путь.—III. Христіанство Д. С. Мережковского.—IV. Нѣсколько словъ о смерти.—V. Жизнь, какъ оныявленіе.—Горькій и его проповѣдь живого идеала. Ц. 25 к.

4) Въ праведную землю.

Содержаніе: Счастье.—Два воскресенья въ древней и новой Руси.—Въ праведную землю.—Молитва.—Исповѣдь.—Огни великаго четверга.—Къ свѣтлому дню и др. Ц. 20 к.

5) О счастьи и мѣщанствѣ.

Содержаніе: Въ чемъ счастье?—Двѣ легенды.—Счастье и трудъ.—Раздавайте не только хлѣбъ, но и поденѣжки.—Русское мѣщанство.—Мѣщане и книги и др. Ц. 15 к.

Выписывать изъ книжнаго склада Александрo-Невскаго Общества Трезвости—Стрем. 20.—Отъ Сойкина, Тузова, магазинъ «Новостей» и др.

1903 г. Апрѣль. годъ VIII.

МИССИОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ДВУХНЕДѢЛЬНЫЙ
ПОЛЕМИКО-АПОЛОГЕТИЧЕСКІЙ
ЖУРНАЛЪ.

№ 7.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Э. Л. Пороховщиковой, Бассейная, 3 — 5.
1903.

Содержаніе апрѣльской книжки

журнала «Миссіонерское Обзорніе» за 1903 годъ.

СТРАН.

1. Можно ли и нужно ли «адогматизировать» Христіанскую этику? Проф. А. Бронзовъ. 895—903
2. Новое христіанство Мережковского. Христіанство, какъ культъ Діониса. (Публичная лекція). Іером. Михаилъ. . . . 904—910
3. Церковь Христова и временно безъ епископа быть не можетъ. (Замѣчанія на раскольничье сочиненіе Ивана Усова «Церковь Христова временно безъ епископа») миссіонеровъ: Свящ. С. Шажинскаго и К. Карпушина. 911—935
4. О литературной проповѣди свящ. о. Григорія Петрова. По поводу его сочиненія: «Евангеліе, какъ основа жизни». П. Козицкій. 936—955
5. Два слова о миссіонерахъ-книгоношахъ. К. 955—958
6. Еще о миссіонерахъ—книгоношахъ (Отвѣтъ г. К.). Д. Боя-
любовъ. 959—965

Изъ миссіонерскихъ запросовъ.

7. «О помазаніи ступни ногъ въ Масло—и Мүропомазаніи». (Брат-
ская замѣтка миссіонерствующаго іерея). Свящ. І. Чередниковъ. 966—968
8. Одинъ изъ отвѣтовъ о. Чередникову. («О помазаніи ступни
ногъ въ Масло—и Мүропомазаніи»). Н. Гринякинъ. 969—974

Изъ записокъ и дневниковъ.

9. Среди штундистовъ и ихъ пресвитеровъ. (Изъ наблюденій
и воспоминаній судебного слѣдователя). А. Шугаевскій. . . 975— 999
10. Изъ дневника священника—учителя. а) Тамо убоишася
страха, идѣже не бѣ страхъ. (Псал. 13,5). 1000—1001
- б) Тернистый путь. 1002—1004
- в) «Бѣды отъ сродникъ, бѣды отъ языкъ» (2 кор. 11 гл.
26 ст.). Свящ. В. Лавровъ. 1005—1007
11. По епархіямъ. Саратовъ. Минскій епарх. мисс. свящ. К.
Поповъ. 1008—1019

Изъ миссіонерской полемики.

12. Бесѣда съ жидовствующими миссіонера-слѣпца Алексѣя
Шашина. 1020—1031

Можно-ли и нужно-ли „адогматизировать“ христіанскую этику?

Христіанское ученіе о нравственности, какъ извѣстно, опредѣляется извѣстными религіозными предпосылками. Оно носитъ религіозный характеръ, всецѣло имъ проникнуто и отгѣнено. Это — общеизвѣстная истина. Затѣмъ безспоренъ и тотъ фактъ, что христіанскіе нравственные принципы безусловно возвышенны, неподражаемо мудры и, такъ сказать, единственны по своимъ внутреннимъ достоинствамъ. Даже такія лица, какъ проф. Кавелинъ, признають христіанскую мораль «послѣднимъ словомъ этической мудрости». Обыкновенно такъ-же разсуждаютъ въ данномъ случаѣ и остальные ученые и вообще цѣнители христіанской этики (исключительныхъ случаевъ въ разсчетъ не принимаемъ). Слѣдовательно, повидимому, не о чемъ и спорить. Однако, въ наши, напр., дни находятся лица, которыя, вполнѣ признавая всю высоту христіанскихъ нравственныхъ началъ, тѣмъ не менѣе, по извѣстнымъ причинамъ смущаются лежащими подъ этими началами основами религіозными, догматами христіанскими. Этимъ лицамъ кажется дѣломъ необходимымъ, — въ интересахъ самыхъ, повидимому, святыхъ и высокихъ, — «адогматизировать» христіанскую мораль, отнять у нея догматическія основы, «eo ipso» лишить ее догматическаго, религіознаго характера и сдѣлать вмѣсто теономной (вообще гетерономной) автономною, независящею ни отъ какихъ метафизическихъ и вообще стороннихъ основъ.

Не желая ни съ кѣмъ полемизировать, попытаемся дать отвѣты на два вопроса: во первыхъ, можно-ли и, во вторыхъ, нужно-ли лишать христіанскую этику догматическихъ ея основъ?

На первый вопросъ слѣдуетъ дать отвѣтъ только отрицательный. Это и понятно: отнимите у зданія его фундаментъ, и оно необходимо рухнетъ; стоять на воздухѣ оно не можетъ. Все то же надле-

жить сказать и объ этикѣ христіанской и ея основахъ, въ чемъ убѣдиться легко.

Сущность христіанской морали сводится, какъ извѣстно, къ заповѣди о любви. Если христіанинъ проникнется любовью въ отношеніи къ Богу, къ себѣ самому, къ ближнимъ... то онъ будетъ выполнившимъ все требованія евангельскаго закона, подлежащимъ христіаниномъ (Матѣ. XXII, 37—40. Мрк. XII, 30—31. Лук. X, 27. Галат. V, 14). Любвеобильно настроенный, онъ ничѣмъ не оскорбитъ Бога,—напротивъ, всеми силами своего существа будетъ заботиться объ угожденіи Ему, о воплощеніи Божіей воли въ своей жизнедѣятельности, о расположеніи къ ~~тому~~ же и другихъ людей и проч. Все это само собою понятно. Настроенный любвеобильно, человекъ станетъ относиться къ окружающимъ его точно такъ-же, какъ относится къ самому себѣ. — благополучіе, счастье ближнихъ для него будутъ столь-же близки, какъ близки и его собственныя радости, печали и проч. Различія между имъ самимъ и ближними его въ данномъ случаѣ не будутъ и проч. Коротко сказать: еслибъ все мы прониклись чистою, христіанскою любовію другъ къ другу, тогда все остальное устроилось-бы само собою, безъ труда и хлопотъ, — не было-бы ни разногласій враждебныхъ, ни ссоръ, ни войнъ, ни преступленій вообще,—не было-бы нужды ни въ судахъ, ни въ клятвѣ, ни въ чемъ другомъ подобномъ,—вся жизнь наша—и личная, и общественная текла-бы мирно, гладко, по идеальному руслу. Любовь—все. Она—на-лицо,—съ нею есть и все остальныя блага. Нѣтъ ея, — нѣтъ и послѣднихъ. Принципъ любви—наиболѣе центральный въ христіанской этикѣ, группирующий около себя все остальное, дающій смыслъ, содержаніе и значеніе этому послѣднему. Все частныя заповѣди и предписанія христіанской этики понятны лишь только при свѣтѣ и при предположеніи того основного, опредѣляющаго принципа...

Все это ясно и понятно для всякаго, сколько-нибудь знакомаго съ духомъ христіанской этики. Принципъ любви—возжелѣнный для всехъ. Но спрашивается: на чемъ опирается въ христіанствѣ этотъ возвышеннѣйшій принципъ,—что сообщаетъ ему устойчивость, силу, значеніе по сравненію съ принципами другого порядка,—что заставляетъ христіанъ слѣдовать тому, а не этимъ и проч.? Онъ опи-

растется на религиозномъ фундаментѣ, въ которомъ и лежитъ разгадка всѣхъ недоумѣній, отвѣтъ на всѣ вопросы въ родѣ только-что поставленныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, почему я—христіанинъ—люблю, прежде всего, Бога и, при томъ, всѣмъ сердцемъ своимъ, всею душою своею, всею мыслию своею? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, единственное разумное объясненіе его дастъ только христіанская догматика. Я долженъ указаннымъ образомъ любить Бога и люблю Его потому, что Онъ—мой Творецъ, мой Отецъ,—потому что Онъ ввелъ созданнаго Имъ человѣка въ рай, надѣлилъ его всякими благами, непрестанно промышлялъ о немъ, не переставъ заботиться о немъ и послѣ райскаго грѣхопаденія за весь продолжительный ветхозавѣтный періодъ времени, послѣ чего для спасенія человѣка отъ грѣха и его слѣдствій—проклятія и смерти—послалъ на землю Своего Единороднаго Сына, Который въ уничиженномъ видѣ рабскомъ училъ людей волѣ Божіей, а по воскресеніи изъ мертвыхъ и вознесеніи на небо послалъ людямъ Духа Святаго, Своею божественною благодатію помогающаго человѣку «совлечься ветхаго человѣка» и облечься въ человѣка «новаго», съ увѣренностью и снокойною радостью совершать дѣло своего спасенія... — потому что, наконецъ, Богъ, окружившій меня столь многими и столь великими благодѣяніями, и послѣ моей смерти не оставитъ меня безъ своихъ попеченій, воскреситъ меня нѣкогда и нелицемѣрно воздастъ мнѣ за мои дѣла на последнемъ судѣ, причемъ, если дѣла мои окажутся добрыми, удостоятъ такихъ почестей, такой славы, чего теперь я не въ состояніи себѣ даже и представить... Такъ учить догматика объ отношеніи ко мнѣ Бога. Если Онъ — таковъ въ отношеніи ко мнѣ, то чѣмъ-же другимъ, кромѣ безграничной любви, могу и долженъ я отвѣчать ему? Своего Творца, Промыслителя, Искупителя и Спасителя, Судію и Мздовоздавателя... я естественно долженъ любить, если не хочу оказаться неестественно-неблагодарнымъ. Если мы любимъ своихъ родителей за ихъ заботливый о насъ попеченія и если сколько-нибудь иныя чувства къ нимъ возбуждаютъ въ свидѣтеляхъ гнѣвъ, упреси, неодобреніе по нашему адресу, какъ чувства именно неестественныя, противъ чего никто обыкновенно и не споритъ, — то тѣмъ болѣе все это слѣдуетъ сказать, когда рѣчь идетъ о нашихъ отношеніяхъ

къ Отцу небесному, Богу... Теперь отбросьте отмѣченное догматическое ученіе христіанства о Богѣ и Его отношеніи къ человѣку, — и для послѣдняго не останется никакихъ основаній, побужденій и смысла любить Бога. Въ самомъ дѣлѣ, какъ я могъ-бы и сталъ-бы любить, напр., Божество, если-бы я держался пантеистическихъ, допустимъ, воззрѣній? Какія были-бы здѣсь для меня побужденія къ этой любви и какой смыслъ могла-бы она имѣть? Какъ можно любить нѣчто безличное, нѣчто, обо мнѣ не заботящееся и проч.? Здѣсь любовь была-бы отъ начала до конца чѣмъ-то прямо-таки непонятнымъ, даже бессмысленнымъ. Будь я, напр., деистомъ. Мой Богъ, сотворивши меня, отшатнулся прочь, предоставилъ меня моей собственной судьбѣ, а Самъ смотритъ безучастно, не заботится о моемъ спасеніи, моей участи... Довольно трудно было-бы требовать отъ меня любви къ Нему, безпредѣльной, за одно только то, что я созданъ Имъ... Вѣдь и земные родители, нисколько не пекущіеся о своихъ дѣтахъ, всецѣло предоставившіе ихъ собственной ихъ участи, не оказывающіе имъ ни малѣйшей поддержки, едва-ли имѣютъ право и основаніе разсчитывать на любовь къ нимъ дѣтей, особенно любовь, проникающую собою все существо послѣднихъ... Словомъ, первая и основная заповѣдь христіанской этики о любви къ Богу можетъ имѣть смыслъ и значеніе только при условіи допущенія указанныхъ догматическихъ предпосылокъ, безъ которыхъ она падаетъ и разлетается въ прахъ, какъ нѣчто хрупкое, эфемерное.

Далѣе, какое основаніе имѣю я любить самого себя и что въ себѣ любить я могу и долженъ? И на это даетъ отвѣтъ христіанская-же догматика, — серьезный, вполне удовлетворительный отвѣтъ даетъ только она одна. Какой-же это отвѣтъ? А тотъ, что человѣкъ сотворенъ по образу Божію (Быт. I, 27. V, 1. IX, 6). Ясно отсюда, что я не только могу, но и долженъ любить въ себѣ образъ Божій и что такъ или иначе къ нему относиться. Относясь къ себѣ иначе, я поступлю пренебрежительно къ Богу, образъ Котораго ношу. Но съ тѣмъ вмѣстѣ здѣсь-же для меня лежитъ и указаніе того, что всякая иная моя любовь къ себѣ уже не будетъ соответствовать моему назначенію, предугазанному въ самомъ моемъ твореніи. Здѣсь, словомъ, для меня на-лицо самый надежный масштабъ, придерживаясь котораго я никогда не по-

грѣшу въ дѣлѣ установки отношеній къ самому себѣ, въ дѣлѣ опредѣленія отношеній нормальныхъ, различенія ихъ отъ противоположныхъ имъ или вообще такъ или иначе несовпадающихъ съ ними и проч. Самъ Богъ печется обо мнѣ, для моего спасенія посылаетъ Своего Сына и проч. Ясно, что есть во мнѣ нѣчто цѣнное, къ чему я долженъ относиться непремѣнно съ любовью. Господь заботится объ исцѣленіи моей души, къ этому направляетъ всѣ Свой попеченія о человѣкѣ. Душу свою долженъ любить и я, именно лучшую ея часть, о возстановленіи въ себѣ попораннаго образа Божія я и долженъ всегда заботиться. Возстановивъ въ себѣ послѣдній, «eo ipso» живя нормально, человѣкъ уже однимъ своимъ примѣромъ станетъ оказывать благотворное вліяніе на окружающую его среду и проч. Но—довольно! Дѣло выполнѣ ясно. Теперь отнимите у моей любви къ себѣ ея догматическую основу, откровенное ученіе о человѣкѣ, какъ именно носителѣ образа Божія, — и что-же отъ нея останется,—какой приметъ она видъ и характеръ? Отъ нормальной любви не останется ничего, и характеръ нашей любви къ себѣ выразится всего скорѣе въ формѣ грубаго самолюбія, грубаго эгоизма, краснорѣчивымъ доказательствомъ чего служить вся многовѣковая исторія нравственности жизни предоставленнаго самому себѣ естественнаго человѣка. Это происходитъ по той причинѣ, что у естественнаго человѣка нѣтъ ни основаній, ни побужденій относиться къ себѣ иначе. Всѣ попытки его урегулировать данныя отношенія, какъ именно попытки безпочвенныя въ сущности,—какъ извѣстно, — увели его не далеко, а чаще всего останавливались на той-же точкѣ, гдѣ и начинались...

Почему, затѣмъ, я долженъ любить своего ближняго въ такой-же мѣрѣ, въ какой люблю самого себя? И на этотъ вопросъ отвѣтъ дается христіанской-же догматикой. Она учитъ, что всѣ мы происходимъ отъ одной первобытной четы и, слѣдовательно, братья между собою даже и въ плотскомъ смыслѣ,—что въ лицѣ своихъ прародителей всѣ мы одинаково согрѣшили и терпимъ одинаковыя тягостныя послѣдствія райскаго грѣхопаденія,—что всѣ мы, безсильные сами по себѣ въ дѣлѣ стяжанія своего спасенія, одинаково нуждающіеся здѣсь въ божественной помощи, получили ее свыше и одинаково искуплены Сыномъ Божиимъ сдѣлались благодаря Его

искупительнымъ заслугамъ, вмѣсто чадъ гнѣва Божія чадами любви Бога, стали братьями между собою и въ духовномъ, внутреннемъ смыслѣ,—что всѣхъ насъ—вѣрныхъ христіанъ—ожидаетъ въ будущемъ одинаковая судьба и проч. Если мы—братья въ отношеніи другъ къ другу, братья и въ плотскомъ, и въ духовномъ смыслахъ, если мы связаны тѣснѣйшими узами кровнаго родства, то становится уже само собою понятнымъ, что наиболѣе нормальными взаимоотношеніями нашими будутъ только и только братскія. Чѣмъ естественно проникаются братскія взаимоотношенія, тѣмъ-же и столь-же естественно проникаются и всѣ отношенія однихъ христіанъ къ другимъ, духомъ братской, искренней, нелицемѣрной любви. Всякія инныя отношенія будутъ уже ненормальными, прямо-таки неестественными. Итакъ, я—христіанинъ—люблю, какъ такой, всѣхъ людей безъ изыятія, какъ моихъ братьевъ,—люблю и язычниковъ, еретиковъ, сектантовъ..., потому что братья мои и они, потому что, т. е., и ради нихъ приходилъ на землю и пострадалъ Сынъ Божій. Который ждетъ ихъ къ Себѣ, ожидаетъ, когда они оставятъ свои заблужденія—языческія, еретическія, сектантскія... Одни сыновья уже въ дому Отца своего, другіе-же пока на чужбинѣ, блуждаютъ. Но Отцу дороги не только первые,—Ему дороги и послѣдніе, сыновья «блудные», возвращенія которыхъ на родину, въ Отчій домъ, Онъ такъ желаетъ. Ясно, что и мы аналогичнымъ-же образомъ должны смотрѣть на своихъ ближнихъ—христіанъ и язычниковъ или вообще заблуждающихся... Коротко сказать: съ точки зрѣнія христіанскихъ догматовъ, заповѣдь, предъявляемая къ намъ христіанскою этикою о любви къ людямъ, вполне понятна, естественна и не возбуждаетъ рѣшительно никакихъ недоумѣній, сколько—нибудь серьезныхъ. Все въ христіанствѣ въ данномъ случаѣ на мѣстѣ, все гармонируетъ одно съ другимъ, одно слѣдуетъ изъ другого, одно другимъ поясняется... Христіанинъ, понимающій духъ христіанства, находитъ всецѣло справедливою предъявляемую къ нему мѣрку, по какой опредѣляются его отношенія къ ближнимъ: мѣрка эта должна быть естественно одинакова, прилагается-ли она ко мнѣ самому, или къ кому бы то ни было другому... Но все это понятно лишь до тѣхъ поръ, пока мы стоимъ на точкѣ зрѣнія христіанской догматики, на точкѣ зрѣнія вышеотмѣченныхъ христіанскихъ догматическихъ положеній. Отбросьте

теперь послѣднія, удалите ихъ изъ фундамента, рассыплется и зданіе, которое держалось только на нихъ и—благодаря имъ. Въ самомъ дѣлѣ, если моему сознанию не будутъ предноситься христіанскія основанія, побуждающія меня любить ближнихъ такъ-же, какъ я люблю себя самого, то что заставитъ меня подобнымъ образомъ къ нимъ относиться, что выяснитъ мнѣ нормальность и необходимость только такихъ именно моихъ къ нимъ отношеній? Не буду-ли и я имѣть права смотрѣть на окружающихъ меня людей точно такъ-же, какъ смотрѣли на нихъ великіе умы древности въ родѣ Платона, Аристотеля, аристократически обособлявшіе грековъ отъ варваровъ даже и въ отношеніи способности тѣхъ и другихъ къ нравственной дѣятельности, да и между самими греками полагавшіе въ данномъ случаѣ извѣстныя различія,—вообще отрицавшіе тождество такъ называемой нравственной природы у всѣхъ людей? Что заставитъ меня относиться къ другимъ по-братски, когда я не знаю, одинаковаго-ли мы происхожденія,—когда я не знаю, не созданы-ли всѣ остальные для меня и немногихъ мнѣ подобныхъ, властныхъ, быть можетъ, распоряжаться тѣми, какъ одушевленными орудіями? Не связанные другъ съ другомъ ни яснымъ сознаніемъ единства происхожденія, ни другими какими-либо тѣсными, на манеръ братскихъ, плотскими или духовными узами, ни сознаніемъ тождества основной задачи, къ выполненію которой мы призваны въ міръ, а если и сознающіе все это, то лишь слабо, неясно, нетвердо, безпочвенно,—не будемъ-ли имѣть для себя основаній жить согласно принципу: homo homini lupus est» («человѣкъ для человѣка—волкъ»)? Всѣ новѣйшія адогматическія разсужденія о принципахъ, опредѣляющихъ человѣческія взаимоотношенія, безпочвенны, неубѣдительны, нецѣлесообразны. Ни для кого не являются новостью ни сами они, ни ихъ внутренняя мертвенность, потому что обо всемъ этомъ краснорѣчиво свидѣлствуетъ вообще вся исторія подобнаго рода адогматическихъ попытокъ во всѣ времена. Будь даже догматическія предпосылки въ существѣ своемъ ложны, какъ то было въ язычествѣ (но, конечно, не въ христіанствѣ),—однако, если извѣстныя лица признаютъ ихъ внутреннюю состоятельность, для тѣхъ здѣсь, т. е., въ данныхъ предпосылкахъ, всегда окажется достаточно побужденій, ясныхъ и убѣдительныхъ, для того, чтобъ относиться къ себѣ, къ ближнимъ,

къ Божеству согласно съ указаніями, идущими со стороны этихъ основъ,—слѣдовательно, не шататься, не колебаться въ своей нравственной жизни, а идти по опредѣленной дорогѣ, спокойно. А это—великое благо.

Кромѣ указанныхъ объектовъ, съ какими необходимо вѣдается человѣческое поведеніе, находящее для себя, какъ мы видѣли, ключъ, разгадку и основаніе только въ догматическихъ основахъ (ближайшимъ образомъ разумѣмъ христіанскую нравственную жизнь и религіозную ея подкладку), есть еще цѣлый классъ другихъ предметовъ, именно такъ называемый неразумный міръ, безразлично относиться къ которому мы, конечно, не можемъ-же. Каковы-же должны быть наши отношенія къ этому міру? На этотъ вопросъ дается отвѣтъ также христіанской догматикой, учащей, согласно со словомъ Божиимъ (Римл. VIII, 19—22), что нынѣшнее ненормальное состояніе твари, враждебно настроенной то въ отношеніи къ человѣку, то въ отношеніи другъ къ другу и проч., произошло по винѣ человѣка, вслѣдствіе прародительскаго грѣхопаденія,—что не будь послѣдняго, иное было-бы состояніе и твари... Какой слѣдуетъ отсюда выводъ, ясно само собою. Если тварь страдаетъ по нашей винѣ, то наша прямая обязанность—по возможности облегчать ея страданія. Такою точкою зрѣнія воплотѣ намѣчается нормальный характеръ нашего поведенія въ отношеніи къ твари, особенно, если при этомъ будетъ постоянно принимаемо въ расчетъ назначеніе, указанное послѣдней Творцомъ (ср. Быт. I, 28). Человѣческое господство и обладаніе тварью, опирающееся на откровенныя данныя, не перейдетъ ни въ одну крайность въ родѣ тѣхъ, какія можно сплошь и рядомъ замѣчать нынѣ въ средѣ атеистической, гдѣ одни ставятъ животныхъ на одну линію съ человѣкомъ, другіе, безцеремонно относясь къ нимъ, всячески мучать ихъ, терзаютъ, спокойно убиваютъ безъ сколько-нибудь дѣйствительной въ томъ надобности и проч. Но отнимите у христіанина вышеуказанное откровенное основаніе, ясно опредѣляющее собою его отношенія къ неразумному міру,—и сейчасъ-же увидите, какія нежелательныя явленія здѣсь произойдутъ... Лишенный устойчивой почвы, ясной исходной точки зрѣнія, человѣкъ несомнѣнно пойдетъ по ложному пути, въ родѣ намѣченныхъ выше, краснорѣчивымъ подтвержденіемъ чего служить вся многовѣковая исторія человѣчества...

Мы коснулись наиболее существенныхъ, основоположительныхъ пунктовъ христіанской этики и увидѣли, что всё они имѣютъ смыслъ и значеніе только при условіи тѣснѣйшей ихъ связи съ христіанскими догматами. Это же,—прибавимъ здѣсь,—надлежитъ сказать, конечно, и о всѣхъ остальныхъ, частныхъ пунктахъ христіанскаго ученія о нравственности, отъ тѣхъ зависящихъ и тѣми обусловливаемыхъ. Мы видѣли, что стоитъ адогматизировать разсмотрѣнные выше принципы христіанской морали,—и они теряютъ все: и свой смыслъ, и свое значеніе, и свою убѣдительность,—испаряются, какъ нѣчто безформенное, легковѣсное... Всякая проповѣдь о христіанской любви, о необходимости даже самопожертвованія за ближнихъ и проч., какъ-бы возвышенною сама по себѣ она ни казалась намъ, останется пустымъ звукомъ, если не будетъ опираться на фундаментъ, предлагаемый христіанской догматикой. Ясно, какъ Божій день, что адогматизировать христіанскую этику невозможно; иначе будемъ имѣть предъ собою не «последнее слово этической мудрости», а нѣчто уродливое, безформенное, странное и непонятное, чѣмъ ни одинъ разумный человѣкъ не удовлетворится... Спорить съ нами можетъ только тотъ, кто не имѣетъ яснаго и правильнаго представленія о христіанской этикѣ.

Проф. А. *Бронзовъ*.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Новое христіанство Мережковскаго *).

(Христіанство, какъ культъ Діониса).

(Публичная лекція)

Въ смиренномъ выраженіи Христа—„восторга нѣтъ и вдохновенія“. Въ Христѣ нѣтъ экстаза. Это глубокая церковная мысль. Да, Христосъ и христіанство—безконечная глубина, а не порывъ—хотя бы ап. Іоанна. А къ чему сводится метафизика и этика „новаго пророка“.

Знаете слова Бодлера—его этически^е рецензъ:

Пусть проходитъ вся жизнь въ опьяненіи!.
Въ этомъ все: весь вопросъ и начало;
Сбросьте бремя и жизни теченье,
Что гнало, что къ землѣ пригибало!..
Опьяняйтесь, боясь пробужденія!!
Опьяняйтесь, но чѣмъ?.. Опьяняйтесь виномъ,
И мечтами, и сердца влеченьемъ,
Чистотою... ищите во всемъ
И всегда для себя опьяненія!

Это—въ сущности—мораль, кажется, и Мережковскаго.

Мы думаемъ, что не было болѣе грязной „накипи“, болѣе дрянной ржавчины, чѣмъ эта новая проповѣдь новаго и вѣчно стараго „эготизма“. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, это „жизнь“, а не „плесень“, „отложенія разлагающагося духа“.

Нѣтъ, не жизнь—тысячу разъ нѣтъ.

„Человѣкъ — потому и человѣкъ, что въ немъ ярко горитъ свѣтъ сознанія, а потому полагать суть жизни, путь познанія въ отравленіи оргіей, опускаться изъ области свѣта въ темноту жизни инстинкта, это значить — напередъ отказаться отъ своего человѣческаго достоинства. Человѣкъ, котораго считаютъ творцомъ жизни, здѣсь отрекается отъ того,—что дѣлаетъ его вѣнцомъ и украшеніемъ міра. Онъ намѣренно отказывается отъ своего разума и отъ воли, которая могла бы перемѣнить, если бы онъ желалъ, все лицо земли, и отдается во власть „ощущеній“. Отдаться опьяненію,—это значить быть въ полу-бессознательномъ состояніи. Всѣ формы опьяненія, какія бы они ни были, ничѣмъ по существу не отличаются отъ наслажденія китаецъ, курящаго опиумъ, или полусумасшедшаго морфиниста, отравляющаго себя систематически.

*) См. „Мисс. Обзоръ“, мартъ № 5.

Правда, человекъ можетъ жить и находить наслажденіе въ одуряющей атмосферѣ комнаты, наполненной парами гашиша. Но, конечно, это не настоящая жизнь, а „хлыстовское радѣніе“.

Жизнь христіанская—не болѣзнь, а здоровье.

— Потому то, по взгляду Церкви, и пророчество, напр., было напряженіемъ сознанія, высшей степенью его ясности, а не „пьянымъ экстазомъ“.

И потому-то мы смѣемъ думать, что никогда отравленіе не дастъ откровенія. Мы соглашаемся съ Мережковскимъ, что можетъ быть „священная болѣзнь“ (падучая) даетъ огромную радость и открываетъ какое то небо, но это только то же самое небо, какое открываетъ и гашишъ. А здѣсь мы искать откровенія не будемъ.

Нельзя трапезѣ Господней причащаться и трапезѣ бѣсовской. Что можно проповѣдывать добродѣтель рядомъ съ развратомъ, это мы знаемъ.

Бодлеръ, котораго мы уже цитовали, воспѣвалъ „надалѣ“ и плотскую любовь къ трупу—и рядомъ съ этой поэмой, какъ мы видѣли, проповѣдуетъ омыаніе добродѣтелью и чистотой, состраданіемъ. Онъ, слѣдовательно и, понимаетъ радость добродѣтели.—Нѣтъ не радость, а омыаніе... Только какую чистоту и добродѣтель можетъ знать Бодлеръ?

Очевидно такого рода, что она по существу спокойно умѣщается рядомъ съ надалею.

Теперь намъ предлагаютъ царство Божіе, любовь, дѣвство—рядомъ съ Вакханаліей и разрѣшеніемъ „крови по совѣсти“.

Это добродѣтель; отъ нея пахнетъ ароматомъ мускуса—(именно мускуса), но мы прислушиваемся и говоримъ: „четверодневень и уже разлагается“.

III.

Мережковскій въ своей теоріи соединенія „двухъ ликовъ“ двухъ правдъ—или „безднѣ“—по обыкновенію ищетъ опоры у Достоевскаго. Онъ приводитъ цѣлую галерею типовъ, въ которыхъ сказывалось это раздвоеніе духа,—живутъ „двойныя мысли“.

Галерея—богатая и дѣйствительно выразительная.

Вотъ Раскольниковъ, спустившійся до глубины грѣха, разрѣшившій себѣ кровь по совѣсти. Рядомъ съ дерзновенностью на грѣхъ въ немъ живетъ и ярко выражается другое стремленіе—къ любви, къ подвигу, къ служенію другому—страстному до конца.

„Въ Ставрогинѣ точно два противоположные характера сходятся“, опредѣляетъ Разумихинъ Ставрогина. Онъ самъ заявляетъ, что „находить радость наслажденія въ обоихъ полюсахъ: въ крайности грѣха, доведеннаго до послѣднихъ глубинъ и въ служеніи человечеству, хотя бы до Голгофы, до жертвоприношенія.

Бнязь Мышкинъ, въ которомъ „двѣ мысли сошлись“, „изступленный“ дѣвственникъ и глубокий носитель „любви“, который однако всюду приноситъ атмосферу сладострастія и въ себѣ будто-бы затаенно носить бурю страсти и т. д. и т. д.

Вездѣ во всѣхъ этихъ лицахъ видны черты расколотаго на двѣ части Христова образа. Они не умѣютъ ихъ соединить, но несомнѣнно чувствуется возможность этого соединенія. Чувствуется, что, если бы служеніе обоимъ ликамъ каждое изъ этихъ лицъ довело до конца, то на концѣ и было бы ихъ соединеніе... просіялъ Свѣтъ. Нѣкоторые намеки на это соединеніе уже видны, по Мережковскому, въ Дмитріи Карамазовѣ, который, служа страсти до послѣднихъ глубинъ, сознаетъ, что онъ служитъ Богу.

Онъ опускается въ самыя крайнія бездны грѣха и, кажется, долетитъ до дна пропасти. И въ этомъ своемъ „темномъ стремленіи“ начинаетъ онъ „гимнъ“, потому что уже видитъ онъ, на самомъ днѣ, какой-то свѣтъ, какъ будто свѣтъ иного противоположнаго неба.—Дѣйствительно-ли противоположнаго?—онъ еще не понимаетъ, но уже предчувствуетъ, что это „небо внизу“ и „небо сверху“—одно и то-же небо, кажущееся ему „идеаломъ содомскимъ“ есть тотъ-же „идеалъ мадонны“, только иначе созерцаемый, есть то самое новое „цѣлованіе земли“, новый „союзъ человѣка съ землею“, „великою матерью“, котораго онъ ищетъ:

„Пусть я прокляту,—воскликаетъ Дмитрій, пусть я низокъ и подлѣ, но и я цѣлую край той ризы, въ которую облекся Богъ мой; пусть я иду въ то-же самое время за чертомъ, но я все-таки и Твой сынъ, Господи, и люблю Тебя и ощущаю радость, безъ которой нельзя міру стоять и быть“.

Здѣсь Дмитрій около конца. „Это молитва уже христіанская“, это цѣлованіе жизни вмѣстѣ съ стремленіемъ къ небу и есть великая тайна... Но и Дмитрій еще не дошелъ.

Еще шагъ—и мы будемъ имѣть... Алешу Карамазова; въ немъ это единеніе состоитъ въ послѣдней своей формѣ. И въ немъ раздвоеніе, и онъ чувствуетъ въ себѣ того же карамазовскаго демона сладострастія, жажду прикоснуться и не отрываясь пить

до конца, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ горитъ духъ служенія Христу Богу. Обѣ половины—въ немъ у точки свѣченія. Онъ христіанинъ будущаго. Алеша уже сознаетъ тайну соединенія. Онъ и долженъ быть носителемъ подлиннаго Лица Христова, однимъ изъ великихъ Новаго Іерусалима.

Въ этой галлерей подобранныхъ изъ Достоевскаго типовъ Мережковскимъ, дѣйствительно, можетъ заинтересовать одна частность. Въ самомъ дѣлѣ, во всѣхъ этихъ лицахъ, которыя онъ выводитъ, не только до крайности чувствуется раздвоеніе въ разныхъ стороны,—въ сторону остраго желанія служить человѣку, до жажды Голгоемъ, и въ сторону остраго наденія въ пропасть и бездну грѣха, но въ то же время чувствуется, что эти крайности дѣйствительно соединены какою-то таинственною связью. Въ данномъ случаѣ Димитрій Сергѣевичъ правъ, только правда-то эта говоритъ до конца за полное непониманіе и типовъ, на которые онъ указалъ, и смысла внутреннего единства въ ихъ раздвоенности.

Въ дѣйствительности никакой раздвоенности и нѣтъ въ этихъ лицахъ. Всѣ эти крайности—страстная любовь къ человѣку и любовь половая, ненависть и страшная жестокость—составляютъ между собою дѣйствительное единство. Это вовсе не идеалъ Содомы рядомъ съ идеаломъ мадонны. Во всѣхъ этихъ явленіяхъ проявленія одного и того же содомскаго идеала.

Есть интересныя работы—по вопросу объ эволюціи жестокости*). Обсуждая вопросъ съ чисто научной эволюціонной точки зрѣнія, эти работы устанавливаютъ мысль, что жестокость, жажда крови, наслажденіе чужимъ страданіемъ не изначальны въ человѣкѣ. Это не есть наслѣдство прошлаго, „остатки звѣря“, а приобрѣтеніе человѣка. „...Гнусный беззаконникъ,—говорю словами Достоевскаго, такъ авторитетнаго для Д. С.,—человѣкъ усиленно старается внести растлѣніе и муки во всю природу (исказить законы природы), раздвинуть всѣ грани и переступить черезъ нихъ своимъ развратомъ и зломъ. Онъ хватается въ природѣ всякое уродство—и бережетъ его, его увеличиваетъ“. (Рѣчь Ивана Карамазова). Онъ вѣками жестокостей, войнъ, пытокъ скопилъ въ себѣ острую любовь къ чужому страданію.

И вотъ этотъ инстинктъ жестокости выражается очень разнообразно. Историческимъ путемъ, въ результатѣ, постоянного

*) Напримѣръ, Энгельгардтъ. Эволюція жестокости.

хронологическимъ путемъ одновременнаго совпаденія убійствъ и насилій, съ насиліемъ половымъ, произошло сліяніе двухъ инстинктовъ въ такъ называемый садизмъ.

Въ частности—крайняя напряженность такой содомской жестокости совпадаетъ съ оскудѣніемъ силы физическаго творчества. И при этомъ,—что самое страшное,—именно эти осадки—разлагающаго духа могутъ принять формы, по видимому, совершенно несовмѣстимыя съ жестокостью и развратомъ. Установлено, что состраданіе, жалость можетъ имѣть тотъ же самый источникъ, какъ и жажда крови, чужой муки,—есть иногда перерожденіе же того инстинкта жестокости. Любятъ же люди трагедію, а не культурные люди—„пытки инквизиціи“ въ балаганахъ.

Почему? Они на сторонѣ мучителей?

Нѣтъ, они жалѣютъ и наслаждаются этой жалостью, но не ясно-ли, что ихъ ощущенія одного типа съ наслажденіемъ палачей *).

Съ этимъ чувство м садическаго состраданія жалѣть дѣвочку „смѣшной человѣкъ“.

Этой любовью любить дѣтей палачъ-отецъ, который выведенъ у Достоевскаго, л ю б и т ь и х ъ и с т я з а т ь. Онъ, мучая дѣтей, дѣйствительно—по своему и „самыхъ дѣтей любить“, ихъ беззащитность, ихъ тѣло, маленькое, слабое.

Поэтому и „любовь къ ближнему“ до страсти, до того предѣла, когда человѣкъ подставляетъ свою лавиту подъ ударъ, потому что это нравится, „до жгучаго чувства“ (Мережк. 2, 166), есть не что иное, какъ та же „прелесть“ садизма. Здѣсь опять только жажда страданія, психопатическое явленіе того же перерожденія жестокости. На страданіе, на смерть для ближняго такая любовь можетъ заставить идти, но конечно не ради ближняго, а ради ощущенія страданія. Ничего не созидаетъ такая любовь и не ее проповѣдывалъ Христосъ. Недаромъ эта любовь и жалѣть только дальнихъ, а когда жалѣть ближнихъ, то не помогаетъ, а гонить и топаетъ ногами. (Сонъ смѣш. человѣка).

Это „содомъ“, а не „небо“.

Но отсюда понятно, почему такъ успѣшно объединяетъ крайности Мережковскій.

*) Это отмѣчаетъ, кетати сказать, и Достоевскій въ той же рѣчи Ивана.

Соединяя всё эти формы проявленія одного психологическаго или психонатическаго настроенія, Мережковскій, какъ мы сказали, соединяетъ только содомскій идеалъ съ содомскимъ. Не двѣ правды, а двѣ лжи—двѣ формы содома; онъ собираетъ отовсюду только продукты разложенія. Особенно ярко выстунаетъ это у него въ одномъ мѣстѣ. тамъ, гдѣ онъ пытается охарактеризовать религіозное соединеніе съ Богомъ въ Новомъ Іерусалимѣ. Концомъ религіознаго настроенія, верхомъ его, Димитрій Сергѣевичъ считаетъ, какъ мы мелькомъ упоминали, св. Терезу. Ея религіозность—оргійная религіозность будущаго, страстная и сладостная. Внимательное изслѣдованіе этого религіознаго типа не оставляетъ никакого сомнѣнія, что дѣйствительно эту религіозность можно соединить съ содомомъ, потому что она и есть вполне „содомъ“ по своему существу. Это религіозно-половая психонатія, отъ которой всегда съ ужасомъ уклонялось православіе.

Въ концѣ концовъ я полагаю, что тайну того Новаго Іерусалима, который создалъ Димитрій Сергѣевичъ, можно охарактеризовать однимъ примѣромъ изъ его книги: „Воскресніе боги“. Кассандра,—бѣлая дьяволица, какъ она называется,—желая проникнуть въ тайны будущаго единенія безднъ вверху съ бездною внизу, намазываетъ себя какимъ то наркотическимъ составомъ и въ этомъ состояніи улетаетъ на гору, опускаясь до конца безднъ и видя Новый Іерусалимъ и картину Новаго Іерусалима. Димитрій Сергѣевичъ, дѣйствительно, видитъ то же, что и Кассандра и совершенно тѣми же средствами.

Христіанство, уже не разъ говорили мы, признаетъ раздвоенность въ человѣческой природѣ. Объ этой раздвоенности говорить и Ап. Павелъ.

„Соуслаждаюсь закону ума моего—вижду же инъ законъ—противовоующъ—закону ума моего, сущаго во удѣхъ моихъ“.

Этотъ законъ двойственности постоянно отмѣчается во всей христіанской литературѣ, но только тамъ не считаютъ возможнымъ примирять непримиримое. Отцы хорошо, какъ я сказалъ, замѣтили возможность соединенія страсти съ религіозными видѣніями, въ родѣ видѣній св. Терезы: они не разъ отмѣчали, что мнимая духовность экстаиковъ есть только извращенная, болъная похоть и, вполне понимая возможность соединенія пьяной радости съ мнимымъ богообщеніемъ, отвергали такое соединеніе во имя Христа, спасенія и истинно христіанскаго здоровья. Они

не хотѣть примирять одного двойника съ другимъ, примирять то, что невозможно примирить, а борятся за здоровье духа, стремясь уничтожить неистинное и ложное въ человѣкѣ, всякую обольстительную „прелесть“.

Эта борьба за духовное здоровье есть — видѣли мы — долгъ каждаго человѣка.

Итакъ, для того, чтобы человѣкъ не забывалъ о борьбѣ, ему и данъ никогда не меркнушій свѣтъ совѣсти. И никто не станетъ искать и желать этого освобожденія отъ совѣсти. Оно возможно лишь посредствомъ самоубійственной атрофіи своихъ духовныхъ силъ.

Совѣсть, понятно, не умереть. Она вѣчно жива и это позволяетъ намъ не бояться новыхъ теченій.

„Звѣрь изъ бездны идетъ“, восклицаетъ Мережковскій, — „нужно встрѣчать, чтобы „двойника“ Христа не счесть за антихриста“. Кажется, нѣтъ опасности бояться этого звѣря. Если бы ожидаемый нами звѣрь изъ бездны — былъ похожъ на одного изъ боговъ „Новаго Іерусалима“, то можно бы встрѣтить безбоязненно, потому что всѣ эти выродившіеся безсильники самымъ безсиліемъ обречены на смерть.

Христіане смогутъ встрѣтить и истиннаго звѣря изъ бездны. Будущее и явленіе звѣря — отчасти открыты намъ.

Вотъ — видѣніе Св. Іоанна Богослова: жена, облеченная въ порфиру и багряницу, украшена золотомъ, драгоценными камнями и жемчугомъ, держала золотую чашу въ рукѣ своей, наполненную мерзостью и нечистотою блудодѣйства ея.

„И на челѣ ея написано имя: тайна, Вавилонъ великій, мать блудницамъ и мерзостямъ земнымъ.“

„Жена сія упоена кровью святыхъ и кровью свидѣтелей Іисусовыхъ“. Что это за жена и что есть явленіе ея?

„Жена же, которую Ты видѣлъ, — объясняетъ пророку ангелъ, есть великій городъ (звѣрь), царствующій надъ земными царями... и вотъ участь ея и разорять ее и плоть ее снѣдать“.

Погибнетъ Вавилонъ — городъ звѣря, гдѣ разрѣшается кровь по совѣсти... и прольется чаша его... полная нечистоты. А за нимъ откроется Новый Іерусалимъ, Сіонъ Святой, отъ Бога нисходящій, какъ чистая невѣста сіяющій...

Только Д. С. Мережковскому не построить Вавилона, какъ и Іерусалима. А мы скажемъ: гради, Господи. *Іером. Михаилъ.*

Церковь Христова и временно безъ епископа быти не можетъ*).

(Замѣчанія на книгу Ивана Усова „Церковь Христова временно безъ епископа“ миссіонеровъ: священника *Сергія Шаужинскаго* и *Кал. Карпушина*).

Въ чинопріятіи Амвросія въ расколъ бѣлокриницкіе бѣгло-поповцы руководствовались «свидѣтельствомъ» 8 пр. I вс. соб. въ толкованіи. Но согласно-ли и этому «свидѣтельству» былъ принятъ Амвросій въ раскольническое общество?

8 пр. перваго вселенскаго собора гласить: «Еретицы глаголеміи чистіи, приходяще къ соборнѣй Церкви, первое да исповѣдають, яко повинуются церковнымъ закономъ, и приобщаются съ двоеженцы, и простятъ согрѣшающихъ и аще убо будетъ въ коемъ градѣ истинный епископъ града того, будетъ же и отъ сихъ глаголемыхъ чистіи, другіи епископъ поставленъ, или пресвитеръ, въ своемъ сану да пребываетъ, но обаче поставленный отъ чистыхъ епископъ, или яко пресвитеръ да имать честь; или аще хочетъ града того епископъ, да вѣдасть ему нѣгдѣ въ селѣ епископію; нестьбо мощно двѣма епископомъ быти во единомъ градѣ. Толкованіе. Отъ приходящихъ еретикъ, ко святѣй Божіей соборнѣй апостольстѣй Церкви, ови убо крещаемы бывають совершенно: друзіи же, иже токмо міромъ помазуются... аще же нѣции отъ нихъ суть и епископи, паки въ своемъ чину да пребываютъ, токмо аще въ томъ градѣ инъ епископъ соборная церкви не обрящется: таковыи бо почтенъ будетъ иже исперва истинный епископъ, и единъ на епископствѣмъ престолѣ сѣдитъ тойжде иже отъ чистыхъ нарицаемый епископъ, яко пресвитеръ да почтенъ будетъ: понеже не достоитъ двѣма епископомъ въ единомъ градѣ быти, аще же будетъ годѣ града того епископу, якоже рѣхомъ, да повелитъ епископомъ нарицатися ему. Епископскаго же дѣла никако же прикоснутися. Аще ли же хочетъ, да въ селѣ нѣгдѣ устроитъ его епископа».

Вникнемъ въ содержаніе приведеннаго самаго соборнаго пра-

*) См. «Мисс. Обзоръ», Янв. № 1, 1903 г.

вила. Оно говоритъ прежде всего: «еретицы, приходяще къ соборнѣй Церкви»... Общество же раскольниковъ—бѣглопоповцевъ, къ которому перешелъ Амвросій, такой Церковію названо быть не можетъ. «Иже не пребываютъ въ сей соборнѣй Церкви, тѣхъ Христосъ не спасаетъ и Духа Святаго сиевѣи не имутъ» (Б. Кат., л. 121), и раскольниковъ же общество Духа Святаго не имѣло: «Еда нѣсть ту архіерея, таковемъ не лается Духъ Святыи, якоже вѣруемъ» (кн. Никона Черногорца, л. 141 об. Тактик.). Итакъ, Амвросій пришелъ не къ той церкви, о которой сказано въ правилѣ. Далѣе. Въ томъ же правилѣ сказано, что еретическій епископъ, приходящій къ св. Церкви, долженъ исповѣдывать повиновеніе всѣмъ церковнымъ законамъ. А церковные законы не позволяютъ самовольно восхитати себѣ престолъ, какъ объ этомъ сказано въ правилахъ: 14 апост., 15 перв. вс. соб.; 5 четв. вс. соб. и др.

Да и въ восьмомъ правилѣ перваго вселенскаго собора сказано, что еретическій епископъ, присоединившійся къ св. Церкви, всецѣло отдается въ распоряженіе православныхъ епископовъ, которые могутъ поручить ему епископскій престолъ, если въ томъ городѣ, гдѣ служилъ прежде еретическій епископъ, не было православнаго епископа, или же дать ему «въ селѣ нѣгдѣ епископію», или даже предоставить ему права только священническія. Есть-ли что нибудь подобное въ исторіи принятія раскольниками м. Амвросія? Совершенно ничего. Амвросій, будучи принять въ расколъ бѣглымъ іеромонахомъ, чрезъ миропомазаніе, и ни отъ кого не получивъ разрѣшенія на епископское служеніе, самовольно начинаетъ управлять раскольниками, какъ митрополитъ, поставляетъ епископовъ и прочее.. Въ какомъ же это правилѣ повелѣвается еретику-епископу, принятому чрезъ миропомазаніе, самовольно, безъ повелѣнія православныхъ епископовъ, управлять паствами? Такого правила, конечно, ни Усовъ, ни другіе защитники раскола, указать не могутъ, а посему совершенная ложь, якобы митр. Амвросій былъ принятъ на основаніи 8 пр. 1 вс. соб.

Правило соборное дано въ руководство епископамъ, а не мірянамъ (Кормчая, предисл. 28); епископы только и могли разсуждать и рѣшать вопросъ о томъ, предоставить ли Амвросію права епископскія, или же пресвитерскія, они только и могли „вчинить“ его въ причетъ православныя Церкви. Кромѣ того,

Амвросій, какъ принятый чрезъ миропомазаніе, долженъ быть снова рукоположенъ. Въдѣ въ 8 правилъ перваго вселенскаго собора не сказано, чтобы еретики, принимаемые чрезъ миропомазаніе, оставались въ своихъ санахъ; въ толкованіи, правда, дается такая мысль, но, толкователи нерѣдко не соглашаются съ самыми правилами (сравни, напр., 7 пр. Лаод. соб., 95 пр. 6 вс. соб. и толкованія на нихъ); при томъ же правила предшествовавшихъ соборовъ часто отмѣнялись послѣдующими: если бы 8 пр. 1 вс. соб. и дѣйствительно повелѣвало миропомазанныхъ еретиковъ епископовъ о тавлять въ ихъ прежнихъ санахъ (чего на самомъ дѣлѣ оно не повелѣваетъ), то послѣдующій соборъ Константинопольскій въ посланіи къ Мартирію, ясно велитъ такихъ епископовъ снова рукополагать (Кормч., л. 293 об.). Кто же рукоположилъ у раскольниковъ Амвросія? Никто. Стало быть, онъ, по смыслу указаннаго посланія Константинопольскаго собора, остался міряниномъ, и посему не имѣлъ права священнодѣйствовать. Если же онъ это допустилъ вопреки правилъ, то подлежитъ анаѳемѣ (Кормч., л. 641).

Справедливо ли также увѣряетъ Усовъ, что „съ тѣхъ поръ Церковь Христова получила снова епископовъ“,—это пойметъ каждый, хотя немного свѣдующій въ писаніи. Церковь Христова не съ 1846 года получила епископовъ, а отъ временъ св. Апостолъ, и это преемство епископское, какъ будетъ доказано въ своемъ мѣстѣ, никогда не прекратится въ истинной Церкви Христовой. А такъ какъ у раскольниковъ 180 лѣтъ не было епископовъ, то ихъ общество и не можетъ быть названо Церковью Христовой. „Признакъ тѣла Христова (св. Церкви), состоящій въ преемствѣ епископовъ, которымъ апостолы передали сущую повсюду Церковь“ (Ириней. Противъ ересей кн. 4, гл. 38, стих. 8), у раскольниковъ былъ утраченъ, а посему ихъ общество не могло и не можетъ быть Церковью Христовой. Да и Амвросій отдѣлился отъ общенія съ православною Церковью не потому, чтобы заирать ее въ ереси, что съ наглядностью уже доказано въ миссіонерской литературѣ, а по своимъ личнымъ выгодамъ. А о такихъ лицахъ св. Ириней поучаетъ: „Богъ разсудитъ и тѣхъ, которые производятъ расколы,—не имѣющихъ любви къ Богу и заботящихъся больше о собственной выгодѣ, чѣмъ о единствѣ Церкви, по тако важнымъ и случайнымъ причинамъ разсѣкающихъ и разрывающихъ великое и славное тѣло Христова

и, сколько отъ ихъ зависить, разрушающихъ его, говорящихъ о мирѣ и производящихъ брань, по истинѣ оцѣживающихъ комаръ, а верблюда глотающихъ" (кн. 4, гл. 33, ст. 7).

„Появленіе и основаніе старообрядческой іерархіи было сильнымъ и ошеломляющимъ ударомъ для новообрядческой (т. е. православной) Церкви“,—заявляетъ Усовъ.

Ничего нѣтъ ошеломляющаго въ томъ, что одинъ епископъ уклонился въ расколъ: были случаи, когда уклонялось въ ереси и большее число епископовъ, но однако Церковь Христова оставалась цѣлою: „она часто ослабляемая тотчасъ увеличивается въ своихъ членахъ и восполняется“ (Ирин. кн. 4, гл. 33, ст. 2), а съ уклоненіемъ въ расколъ Амвросія она лишилась только одного, не имѣющаго каѳедры, епископа, такъ что ничего ошеломляющаго въ этомъ никто не можетъ видѣть, кромѣ Усова. Ошеломляющимъ это событіе было только для раскольниковъ: ибо только ошеломленные могутъ проповѣдывать, что «еретикъ» Амвросій сдѣлался основателемъ «древлеправославной» іерархіи. Если старообрядческая іерархія основа на какъ говоритъ Усовъ, въ 1846 году, то она, слѣдовательно, новая и не имѣетъ апостольскаго преемствъ!

Св. Иринея пишетъ: «Надлежитъ слѣдовать пресвитерамъ въ Церкви, тѣмъ, которые, какъ я показалъ, имѣютъ преемство отъ апостоловъ и вмѣстѣ съ преемствомъ епископства по благоволенію Отца получили извѣстное дарованіе истины, прочихъ же, которые уклоняются отъ первоначальнаго преемства и гдѣ бы то ни было собираются, имѣтъ въ подозрѣніи, или какъ еретиковъ и лжеучителей, или какъ раскольниковъ, гордыхъ и самоугодниковъ, или же какъ лицемѣровъ, поступающихъ такъ ради корысти и тщеславія. Всѣ эти отпали отъ истины. Еретики, приносящіе къ алтарю Божію чуждый огонь, т. е. чуждые ученія, будутъ сожжены небеснымъ огнемъ, подобно Надаву и Авіуду. Возстающіе же противъ истины и другихъ возбуждающіе противъ Церкви Божіей останутся въ аду, поглощенные землею, какъ приверженцы Корея, Даодана и Авирона. Но разсѣкающіе и разрывающіе единство Церкви получаютъ отъ Бога то же наказаніе, какъ Іеровоамъ» (Иринея, кн. 4, гл. 26, ст. 2). Усовъ, сказавъ, что „появленіе и основаніе старообрядческой іерархіи“ случилось въ 1846 году, именно и заявилъ, что австрійская іерархія не имѣетъ апостольскаго преемства, ибо основаніе полагается

только не существовавшему раньше. Прежде, чѣмъ создать зданіе, полагають для него фундаментъ, или основаніе, и затѣмъ уже строить самое зданіе..

Или, быть можетъ, Усовъ будетъ увѣрять, что іерархія была у нихъ и раньше, но только безъ основанія? Это мало ему поможетъ. Плохъ тотъ домъ, который не имѣетъ фундамента: дунетъ сильный вѣтеръ, линетъ дождь и домъ рухнетъ.. Нѣчто подобное и случилось уже съ австрійской іерархіей: не прошло и 16 лѣтъ со дня „основанія“ новоявленной іерархін, какъ она уже раздѣлилась на нѣсколько враждебныхъ партій.

Предисловіе Усова. Въ Россіи новообрядцы продолжали мучить и грабить старообрядцевъ, но по основаніи бѣдокриницкой іерархіи съ особеннымъ остервененіемъ: почти всѣ старообрядческіе монастыри, церкви, моленныя со всѣмъ имуществомъ отнимали въ доходъ своей церкви, которая пріобрѣла этимъ путемъ нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей—обогатилась. Но вскорѣ эти милліоны она принуждена была отдавать самымъ низкимъ и развратнымъ людямъ изъ старообрядцевъ, отступившимъ къ ней. Этихъ людей она называетъ какимъ-то страннымъ для русскаго и православнаго слуха именемъ — миссіонеры. Обязанность ихъ состоитъ въ томъ, чтобы хулить старообрядческую Церковь и іерархію, тѣмъ удерживать народъ отъ обращенія къ ней, что имъ иногда и удается, хотя и рѣдко“.

Замѣчаніе. Слова вполне достойны такихъ мнимыхъ патріотовъ, какими иногда считаютъ раскольниковъ нѣкоторые близорукіе „политики“, знающіе расколъ по наслышкѣ. Усовъ откровенно и печатно высказался касательно того, какія чувства питаеъ расколъ по отношенію къ русскому Правительству и законодательству и которыя въ тайникахъ души носитъ каждый раскольникъ.

Бросивъ такой дерзкій упрекъ по адресу „остервенѣлыхъ мучителей и грабителей“, Усовъ не забылъ и миссіонеровъ, называя ихъ „самыми низкими и развратными людьми изъ старообрядцевъ“, обратившихся къ св. Церкви. Защищать миссіонеровъ и доказывать, что большинство изъ нихъ въ настоящее время съ высшимъ и среднимъ образованіемъ и никогда въ расколъ не быти, я считаю излишнимъ. Только крайняя, ничѣмъ, ни страхомъ Божиимъ, ни уваженіемъ къ самому себѣ, не сдерживаемая злоба къ миссіонерамъ, съ терпѣніемъ и любовію трудящимся для приведенія ко спасенію заблудшихъ, и могла заставить Усова изрыгнуть на нихъ такую ярость... Богъ ему судья! Наше дѣло терпѣть и не обращать вниманія на такія злобныя выходки расколь-

ничьяго апологета, и съ любовію относиться къ нему, какъ заблудшему: это говорить не онъ, а живущій въ немъ духъ злобы и вражды къ защитникамъ св. Церкви.

Предисловіе Усова. „Не находя рѣшительно никакихъ заблужденій въ старообрядческой Христовой Церкви, миссіонеры придираются главнымъ образомъ только къ тому, что въ ней съ 1666 до 1846 года, то-есть, сто восемьдесятъ лѣтъ, не было епископа, хотя это происшествіе не составляетъ никакой погрѣшности и отнюдь не обвиняетъ ее, такъ какъ она не имѣла епископовъ единственно потому лишь, что они уклонились въ заблужденіе и пресыпали въ немъ. Но миссіонеры иногда и этимъ сбиваютъ съ праваго пути простой малознающій народъ, не могущій различить истину отъ лжи, православіе отъ еретичества. А ревностныхъ въ вѣрѣ они только болѣе возбуждаютъ на изученіе святоцерковнаго ученія, на разъясненіе истины и защиту Церкви Христовой.“

Это побудило и насъ написать сіе сочиненіе по вопросу о небытіи тѣхъ, которое время въ старообрядческой Христовой Церкви епископовъ, по случаю пребыванія ихъ въ заблужденіи.

Настоящее сочиненіе, для удобопонятости изложенное въ формѣ бесѣды, есть не что иное, какъ сводъ мнѣшеній бесѣдъ, веденныхъ авторомъ съ различными лицами, преимущественно съ миссіонерами.“

Замѣчаніе. Усовъ называетъ свое раскольникове общество «старообрядческой Христовой Церковью». Но какая же это старообрядческая Христова Церковь и когда она основана? По символу мы вѣруемъ „во едину св. соборную и апостольскую Церковь“, о Церкви же Христовой старообрядческой въ евангеліи, апостолѣ и символѣ вѣры даже не упоминается. Христосъ Спаситель основалъ только Всю Церковь и этой Церкви далъ обѣщаніе о вѣчномъ ея пребываніи на землѣ до втораго Своего пришествія (Матѣ. 16, 18). Эта Церковь есть собраніе всѣхъ вѣрныхъ Гожіихъ, содержащихъ ученіе евангельское, подчиняющихся Богопосланнымъ пастырямъ и принимающихъ святыя церковныя тайны (Бол. Катих.).

Пастыри Церкви раздѣляются на три степени: епископъ, пресвитеръ и діаконъ; безъ нихъ Церковь не есть избрана, ниже собраніе святое, ниже сонмъ преподаваемыхъ (св. Игнатій Богом.); таинствъ церковныхъ семь: крещеніе, миропомазаніе, причащеніе, покаяніе, священство, бракъ и елосвященіе и безъ употребленія сихъ таинствъ никто спастися не можетъ (Больш. Катих.). Раскольниковское же общество, по отдѣленіи отъ Церкви православной, не имѣло ни полноты трехчинной іерархіи, ни всѣхъ семи таинствъ; слѣдова-

тельно, и Церковью Христовой быть не могло. Не правильно также присвоять Усовъ своей лже-церкви и наименование „старообрядческой“, такъ какъ обряды, содержимые раскольниками, имѣютъ не особенно глубокую старость. Вѣдь и Усову извѣстно, что многіе обряды, употреблявшіеся въ древности, отмѣнены и преданы забвенію, многіе вновь введены. Какіе же обряды должны признаваться старыми и какіе новыми? Если скажутъ, что употреблявшіеся до п. Никона—старые, а послѣ него—новые, то опять придется обратить вниманіе на то, что и до никоновскіе обряды по сравненію съ обрядами періода вселенскихъ соборовъ то же новые, а слѣдовательно и первые пять русскихъ патріарховъ были по сравненію съ своими дальними предшественниками новообрядцами. И достойно вниманія, что эти „новообрядцы“ не отдѣлялись изъ-за обрядовъ отъ единой православной Церкви и не считали себя особою Церковью, т. е. они ясно сознавали, что единство Церкви состоитъ не въ единствѣ обрядовъ, а въ соблюденіи единства догматовъ вѣры, въ непрерывности преемства апостольской хиротоніи. Гдѣ нѣтъ такого именно единства, гдѣ нарушается догматическое ученіе, тамъ и единообрядство не будетъ служить доказательствомъ единства Церкви. Это наглядно доказывается и исторіей русскаго раскола. Сколько теперь существуетъ раскольническихъ обществъ, враждебныхъ одно-другому, не смотря на ихъ единообрядство? Значить и у раскольниковъ есть еще что-то выше обрядовъ. Напримѣръ, апологеты „австрійщины“ проповѣдуютъ съ 1846 года, что безъ епископовъ Церковь Христова быти не можетъ, что она могла быть безъ нихъ только 180 лѣтъ, а бѣглопоповцы учатъ, что если она могла быть 180 лѣтъ безъ епископа съ одними священниками, то можетъ быть такою всегда; безпоповцы же идутъ еще дальше—они говорятъ, что епископы вообще необходимы въ Церкви Христовой, когда они есть, но такъ какъ ихъ теперь нѣтъ, то нѣтъ и священниковъ, а посему возможно обходиться и безъ этихъ послѣднихъ. Только и разницы между этими тремя главными раскольническими общинами,—а однако они, употребляя одинаковые старые обряды, другъ друга чуждаются, считаютъ заблуждающими и погибающими. И мы съ полнымъ основаніемъ утверждаемъ, что хотя раскольники и содержатъ мнимо старые обряды, употреблявшіеся въ русской Церкви 250—300 лѣтъ тому назадъ, но къ той Церкви не принадлежатъ, ученія ея не содержатъ, т. к. до

патріарха Никона никто изъ русскихъ и восточныхъ патріарховъ никогда не училъ, что Церковь Христова можетъ лишиться всѣхъ епископовъ; такъ учили только еретики сгригольники, считавшіе всѣхъ пастырей Церкви недостойными.

По этому-то православные миссіонеры и указываютъ раскольникамъ, что они извращаютъ ученіе всей древней Церкви, ставя ни во что неизмѣняемые догматы вѣры и возводя на степень ихъ измѣненные обряды, полагая исключительно въ нихъ все свое спасеніе. Для нихъ кажется спасительнѣе употреблять сугубое аллилуія, чѣмъ семь церковныхъ таинствъ и проч., богоугоднѣе подавать на проскомидію семь просфоръ для совершенія литургіи запрещеннымъ бѣглымъ священникомъ, чѣмъ пять—для епископа, пріемшаго благодатную апостольскую хиротонію и не содержащаго никакихъ ересей и пр., и пр.

Усовъ говоритъ, что стовосмидесятилѣтнее пребываніе ихъ общества безъ епископовъ—есть только происшествіе, или историческое явленіе, случай,—„это происшествіе, добавляетъ онъ, не составляетъ никакой погрѣшности, и отнюдь не обвиняетъ ихъ, такъ какъ они (раскольники) не имѣли епископовъ единственно потому лишь, что они (епископы) уклонились въ заблужденіе и пребывали въ немъ“. Наивныя эти разсужденія теперь у австрійцевъ въ модѣ: такъ разсуждаетъ и Механиковъ, обавляя, что „на небытіе единомысленнаго епископскаго чина старообрядческое общество смотрѣло, какъ на непостижимый промыселъ Божій... обстоятельство это имѣло цѣлю или наказаніе народа, или его побужденіе къ болѣе точному и аккуратному исполненію обязанностей истиннаго христіанина“ (Истор. Канон. обзор. стар. общ. л. 183 и об.). Не знаю, какъ смотреть Усовъ и К^о на небытіе священно-іерархическихъ чиновъ въ обществѣ безпоповцевъ, но, исходя изъ его точки зрѣнія, должно сказать, что общество безпоповцевъ не подлежитъ никакому обвиненію за неимѣніе трехчинной іерархіи и полноты таинствъ, такъ какъ въ этомъ, по словамъ Усова, нѣтъ „ни ереси, ни заблужденія“: это лишь—происшествіе, „періодъ времени“ (слова Механикова), а за происшествіемъ,—причина которыхъ сокрыта въ непостижимомъ для смертныхъ промыслѣ Божіемъ, — обвинять—болѣе чѣмъ неразумно. Такъ выходитъ по логикѣ Усова и Механикова.

Перетрухинъ не соглашается съ своими собратіями: онъ въ своемъ сочиненіи: «Мечъ духовный» называетъ безпоповцевъ за немѣніе священства и семи таинствъ—„грязнымъ безблагодатнымъ колодезъ“, „сонмомъ злыхъ и нечестивыхъ людей“ — и проч.

Этими словами Перетрухинъ произнесъ справедливый судъ и надъ своей религіозной общиной. Въдѣ, по отдѣленіи отъ православной Церкви, не только у безпоповцевъ, но и у бѣглопоповцевъ, къ которымъ перебѣжали Амвросій, не было трехчинной іерархіи, не было седмиричнаго числа таинствъ; слѣдовательно,—это общество было сонмомъ злыхъ и нечестивыхъ людей, грязнымъ безблагодатнымъ колодезъ, а не Христовой Церковью. Напрасно, поэтому, Усовъ и ссылается на 8 пр. перваго всел. соб. и др., въ которыхъ говорится о еретикахъ, приходящихъ къ Христовой Церкви, а не сонму злыхъ и нечестивыхъ людей.

Усовъ тщи'ся доказать, что общество бѣглопоповцевъ, къ которому уклонился изъ православія митрополитъ Амвросій, хотя и не имѣло полноты таинствъ и іерархіи, но пребывало Церковію Христовой. Тщетенъ «усовскій» трудъ: главной своей мысли, что «Церковь Христова временно можетъ быть безъ епископа», Усовъ ничѣмъ не доказалъ, да и доказать ее невозможно, если вѣровать въ евангельскія обѣтованія о Церкви, и руководствоваться свято-отеческимъ ученіемъ (Игнатій Бог., Свм. Кипріанъ, св. І. Златоустъ и др.).

Заканчивая краткое разсмотрѣніе «усовскаго» предисловія, считаемъ необходимымъ присовокупить, что, для сокращенія предпринятаго нами труда, мы „не предпослали“ своего пространнаго предисловія „о Церкви Христовой и ея іерархіи“, считая это излишнимъ на томъ основаніи, что вопросъ этотъ выяснится „попутно“ при „разсмотрѣніи“ самаго сочиненія.

Кн. Усова. „Бесѣда старообрядца, новообрядца и безпоповца.

Въ одномъ мѣстѣ собрались три человека:

1) Старообрядецъ—содержащій старые обряды и пріемлющій священство Бѣлокриницкой митрополіи.

2) Безпопонецъ—тоже старообрядецъ, но не имѣющій священства.

3) Новообрядецъ — сынъ господствующей въ Россіи Церкви, принявшій со времени Никона новые обряды.

Они рели между собою слѣдующую бесѣду“.

Замѣчаніе. Само собою понятно, что бесѣда „трехъ человѣкъ“— въ томъ видѣ, въ какомъ она передается Усовымъ, не болѣе, какъ плодъ его воображенія. Отъ имени своихъ собесѣдниковъ Усовъ ставитъ себѣ желательныя возраженія, или наивныя, или слабыя, и всячески острить и издѣвается надъ ними, — словомъ, разыгрываетъ кукольную комедію.. Но почему это Усовъ избралъ для своей бесѣды только двухъ «противниковъ»: безпоповца и православнаго, не удостоивъ чести быть участникомъ этой бесѣды — своего родного отца — бѣглопоповца? Не потому ли, что онъ очень строгъ и не позволить надъ собой глумиться? Усову почему-то понадобилось раздѣлить старообрядцевъ только на двѣ группы: «пріемлющихъ священство бѣлокриницкой митрополіи» и безпоповцевъ, не имѣющихъ священства. Интересно бы знать, имѣютъ ли священство въ настоящее время по мнѣнію Усова, бѣглопоповцы и каково, по его мнѣнію, это священство: православное или еретическое? Но рѣшеніе этого вопроса не выгодно Усову, поэтому онъ и счелъ за благо для своего общества лучше не допустить бѣглопоповца до собесѣдованія.

Сознаніе Усова, что онъ «пріемлетъ» «священство бѣлокриницкой митрополіи», — т. е. новоявленное, едва ли порадуетъ его собратій: вѣдь они убѣждены, что ихъ священство—Христово, и очень обижаются (знаю это по опыту), когда миссіонеръ назоветъ это священство «бѣлокриницкимъ», такъ какъ въ этомъ наименованіи видятъ доказательство недавняго появленія ихъ іерархіи.

Далѣе—новообрядцемъ Усовъ называетъ принадлежащаго къ господствующей въ Россіи Церкви (т. е. православнаго), принявшей со временъ Никона новыя обряды. Слѣдовательно, Усовъ признаетъ, что при п. Никонѣ приняты были только новыя обряды, догматическое же ученіе осталось неизмѣннымъ. Какой же соборъ св. отецъ училъ, въ такомъ случаѣ, что слѣдуетъ отдѣляться отъ св. Церкви, не нарушающей догматическаго, изъясненнаго на соборахъ, ученія?

Кн. Усова. 1. О вдовствѣ Церкви.

Новообрядецъ сказалъ. Я удивляюсь вамъ—раскольникамъ. Изъ васъ есть много людей благоразумныхъ. Неужели они не понимаютъ всю фальшь и незаконность положенія своего общества? Я хочу сказать о томъ, что

въ этомъ обществѣ, какъ извѣстно, не было епископа отъ лѣтъ патриарха Никова, или отъ собора 1666 года, до присоединенія къ нему митрополита Амвросія въ 1846 году, то есть, ровно сто восемьдесятъ лѣтъ. Ужели это обстоятельство вамъ нисколько не смущаетъ, и не наводитъ на сомнѣнiе въ правотѣ своего общества, не имѣвшаго епископа сто восемьдесятъ лѣтъ?

Старообрядецъ. Напротивъ, именно это обстоятельство, что въ старообрядческой Церкви Христовой не было столько лѣтъ епископа, еще болѣе убѣждаетъ меня въ правотѣ и силѣ этой Церкви.

Новообрядецъ. Какъ такъ?

Старообрядецъ. А такъ, что Церковь сія, не смотря на то, что много лѣтъ не имѣла епископа, не приняла никакихъ ересей, или лжеученій и не измѣнила ни въ чемъ православной вѣры и преданій церковныхъ, сохраняя ихъ ненарушимо, яко зѣницу ока. Это по истинѣ достойно великаго удивленія, благоговѣнія и всякаго похвалы: безъ епископовъ сохранить православную вѣру ни въ чемъ ненарушимо, когда мы видимъ, что всѣ прочія Церкви, имѣя у себя множество епископовъ, приняли и содержатъ различныя заблужденія и перестали быть православною Церковію. Церковь называется православною не потому, что содержитъ православную вѣру. Старообрядческая же Церковь содержитъ эту вѣру безъ малѣйшей примѣси заблужденій, о чемъ свидѣлствуетъ даже самъ вашъ Синодъ (Увѣщан. син. стр. 35).^а

Новообрядецъ. Пусть будетъ такъ. Согласимся, что ваша Церковь не имѣетъ ересей, а содержитъ исполнѣ прославную вѣру, но всетаки она не можетъ быть истинною Церковію Христовою. Вы сами согласились, что у васъ не было епископа сто восемьдесятъ лѣтъ, а безъ епископа Церковь называется вдовою. Доказательствъ на это представлено очень много въ выпискахъ Озерскаго (час. 1, отд. 2, стр. 4).

Но если ваша Церковь была вдовою, то, откуда же у ней могли взяться дѣти, какъ она могла родить ихъ? Если же рождала, то, разумѣется, незаконныхъ. До такого сраму, до такого позора Богъ никогда не можетъ допустить Свою Церковь. Только ваша раскольническая Церковь могла дойти до такого позорнаго состоянія, что всѣ ее укоряютъ и срамятъ за ея вдовство, какъ оставленную Богомъ. А наша православная Церковь никогда не вдовствовала и вдовствовать не можетъ и не будетъ. Она не дойдетъ до такого срама, чтобы вдовствовать и рыдать о своемъ положеніи: она сидитъ, какъ царица въ мірѣ.

Старообрядецъ. Говоря безпристрастно, приходится сознаться, что сказанное вами о вдовствѣ Церкви почти все справедливо. Справедливо, что безъ епископа Церковь называется вдовою; справедливо, что ваша Церковь господствуетъ, царствуетъ по вѣнѣшности, не вдовствовала и не вдовствуетъ, справедливо также, что старообрядческая Церковь вдовствовала, не имѣя епископа. Теперь остается посмотреть, какая изъ нихъ истинная Христова Церковь и какая не истинная, ложная, еретическая; вдовствующая или не вдовствующая? Послушаемъ, что скажетъ намъ объ этомъ священное Писаніе. О вдовствующей Церкви въ книгѣ пророка Ісаіи читаемъ: „Рече же Сіонъ: остави мя Господи, и Богъ забы мя. Еда забудетъ жена отроцъ свое, ели не помиловати исцѣдія чрева своего. Аще же и забудетъ сихъ жена, но Азъ не забуду тебе, гласъ-летъ Господь. Се на рукахъ Моихъ написахъ стѣны твои, и предъ Мною еси

присно, и вскорѣ вознаградишися. отъ нихъ же разорился еси, и опустошившии тя изыдутъ изъ тебе. Возведи окрестъ очи твои и виждь вся: Се, собираеши, и приидоша къ тебѣ. Живу Азъ, глаголетъ Господь, яко всѣмъ имъ акци въ красоту облечешися, и обложити себя ими яко утварію невѣста. Понеже пустая твоя и разсыпанная и падшая нынѣ утѣснѣютъ отъ обитающихъ, и удалятсѣ отъ тебе поглощающій тя. Рекутъ бо во уши твои сынове твои ихже былъ погубилъ еси: тѣсно ми мѣсто, сотвори ми мѣсто, да вселюся. И речеши въ сердцахъ своихъ: кто ми породилъ сихъ? Азъ же безчадна и вдова. Сихъ же кто воспита мнѣ? Азъ же останахъ едина; сїи же мнѣ гдѣ быша? (Ис. гл. 49 ст. 14—21).

Такимъ образомъ не только вы, но и сама Церковь удивляется и не доумѣваетъ, откуда у ней взялись дѣти, когда она была вдовою. Далѣе, у того же пророка Исаи говоритсѣ о Церкви: „Рече, бо Господь: разшири мѣсто кущи твоея и покрововъ твоихъ; водрузи, не пощади, продолжи ужи твои и колю твоя укрѣпи. Еще на десно и на лѣво прости: и сѣмѣя твое языки наслѣдять, и грады опустѣвшіе населиши. Не бойся, яко посрамлена еси, ниже устыдился, яко укорена еси: понеже срамоту вѣчную забудеши, и укоризны вдовства твоего не помянеши къ тому. Яко Господь творящій тя, Господь Савасѣ имѣ Ему, и избавивши тя Святый Богъ израилевъ, всей земли прозывается. Но яко жену оставлену и малодушну призна ты Господь, ниже яко жену изъ юности возненавидѣну; рече Богъ твой. На время мало оставихъ тя, и съ милостію великою помилюю тя. Въ яростъ малѣ отвратихъ лице Моѣ отъ тебе, но милостію вѣчною помилюю тя, рече избавивши тя Господь“ (Ис. 54, 1—8).

Вотъ какова истинная Церковь Христова. Вопреки вашимъ умствованіямъ, она оказывается, по свидѣтельству самого священнаго Писанія, вдовствующею укоряемою, посрамленною, даже какъ бы Богомъ оставленною. А всѣ эти свойства вы сами примѣняли къ старообрядческой Церкви: значитъ, она есть Христова Церковь.

Теперь посмотримъ другую Церковь—не посрамленную, царствующую, не вдовствующую, то есть вашу — новообрядческую. Объ ней въ книгѣ Апокалипсиса въ главѣ 18 вотъ что написано: „И по сихъ видѣхъ ина ангела сходяща съ небесе, имуща область велію: и земля просвѣтится отъ славы его. И возопи въ крѣпости, гласомъ веліимъ глаголя: паде, паде Вавилонъ великій, и бысть жилище бѣсомъ, и хранитель всякому духу нечисту, и хранилище всѣхъ птицъ нечистыхъ и ненавидимыхъ: яко отъ вина ярости любодѣянїя своего напои вся языки; ишаріе земстїи съ нею любви дѣяша, и купцы земстїи отъ силы пищи ея разбогатѣша. И слышахъ гласъ инъ съ небесе глаголющъ изыдите изъ нея людїе мои, да не причаститесь грѣхомъ ея, и отъ язвъ ея да не вредитесь; яко прилѣпишася грѣси ея даже до небесе. И помяну неправды ея. Воздадите ей, яко и та воздаде вамъ и усугубите ей сугубо по дѣломъ ея: Чашею ею же черпа вамъ, черпите ей сугубо. Елико прославился и разсвѣрѣлъ, толико дайте ей мукъ и рыданій: Яко въ сердцахъ своихъ глаголетъ, яко съжду царицею, и вдова нѣсмь, и рыданія не имамъ видѣти. Сего ради во единъ день придутъ язвы ей: смерть и плачъ и гладъ и огнемъ сожжена будетъ, яко крѣпокъ Господь Богъ судяй ней“ (Апок. 18).

Вотъ вамъ двѣ Церкви показаны священнымъ Писаніемъ: одна—какъ бы оставленная Богомъ, укорямая, посрамленная, именно потому, что вдовствующая: по человѣческимъ умствованіямъ, хуже ее, кажется, и быть не можетъ. Но, по священному Писанію, это—Церковь Христова. А другая Церковь парствующая, господствующая, не видитъ слезъ и рыданій именно потому, что она не вдова: это, повидимому, самая лучшая Церковь. Но, по слову Божию она есть жилище бѣсомъ и хранитель всякому духу нечисту и хранилище всѣхъ птицъ нечистыхъ и ненавидимыхъ, блудный Вавилонъ, то есть еретическая Церковь. Признаки первой Церкви вы сами приложили къ старообрядческой Христовой Церкви, а признаки второй Церкви примѣнили къ своей новообрядческой Церкви.

Вотъ почему это обстоятельство, что въ старообрядческой Церкви не было сто восемьдесятъ лѣтъ епископа, что она столько времени вдовствовала, не только не смущаетъ, но еще болѣе укрѣпляетъ и утверждаетъ въ убѣжденіи, что эта Церковь есть дѣйствительно истинная Христова Церковь.

Безпоповецъ. Я очень радъ, что ты насъ оправдалъ. Ты доказалъ, что вдовствующая, посрамленная, Богомъ оставленная Церковь есть Христова Церковь. А такая и есть наша безпоповская. Невдовствующая же есть еретическая никонианская Церковь. Все это справедливо, и насъ вполнѣ оправдываетъ.

Старообрядецъ. Напрасно вы радуетесь преждевременно. Приведенныя мною свидѣтельства изъ пророка Исаіи о вдовствующей Церкви не только не оправдываютъ, но и прямо обвиняютъ васъ, безпоповцевъ. Вы учите, что если Богъ оставилъ Свою Церковь, то навсегда; а у пророка Исаіи говорится, что не навсегда, а лишь на малое время. Тамъ такъ и сказано „на время мало оставихъ тя, а съ милостію великою помилю тебя въ яростѣ малѣ отаратихъ лице мое отъ тебѣ, но милостію вѣчною помилю тебя, рече избавивши тя Господь“. И о вдовствѣ Церкви сказано, что оно пройдетъ: „Не бойся, яко посрамлена еси, ниже устыдися, яко укорена еси“. Почему же? „Понеже, говорится далѣе, срамоту вѣчную забудеши и укоризны вдовства твоего не помянеши къ тому“. Значитъ, оно минется, пройдетъ, такъ что Церковь о немъ какъ бы и поминать болѣе не будетъ. А вы, безпоповцы, проповѣдуете, что Церковь навсегда будетъ вдовствовать; точно также и бѣглопоповцы говорятъ и вѣруютъ. Такимъ образомъ указанныя свидѣтельства изъ пророка Исаіи о вдовствующей Церкви обвиняютъ и васъ и бѣглопоповцевъ, а оправдываютъ нашу старообрядческую Церковь, которая дѣйствительно была вдовствующею только въ некоторое время.

Новообрядецъ. Все это было бы справедливо, если бы приведенныя вами слова пророка Исаіи говорили о новозавѣтной Церкви, а не ветхозавѣтной. Но нашей Церкви богословы-экзегеты въ объясненіи пророчествъ говорятъ, что эти мѣста изъ пророка Исаіи, которыя вы прочитали, относятся къ ветхозавѣтной Церкви, именно ко времени плѣна вавилонскаго. Въ „Объясненіи книги св. пророка Исаіи“, епископа Петра, говорится: „Вдовствомъ пророкъ называетъ время вавилонскаго плѣна, когда казалось, будто Богъ вовсе оставилъ народъ свой безъ всякаго попеченія и помощи. Такъ говоритъ пророкъ Іеремія: вдовымъ не будетъ оставленъ Израиль и Іуда Богомъ своимъ (51,5). Это пророкъ (Іеремія) говоритъ объ освобожденіи изъ вавилонскаго плѣна“ (объясн. книг. прор. Исаіи, с. Петра, стр. 210, изд. 1887 г.).

Старообрядецъ. Вы, кажется, забываете, что ветхозавѣтная Церковь была прообразомъ новозавѣтной, и посему все, что сказано пророками о первой, относится и ко второй. Преподобный Ефремъ Сиринъ говоритъ: „Настоящее состояніе есть образъ плѣна (вавилонскаго). Если все (ветхозавѣтное) имѣло прообразованіе и дѣйствительность, то и брани и послѣдствія ихъ были прообразованіемъ и дѣйствительностію“ (творенія его, ч. 5, стр. 630). „Смыслъ таинственный почти вездѣ,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—слѣдуетъ за историческимъ. Что пророки говорятъ о случившемся, или имѣющемъ быть съ народомъ Божиимъ (іудейскимъ), то надобно относить къ будущему состоянію Церкви Христовой, и вообще то служить къ изображенію Божественныхъ распоряженій относительно всѣхъ праведныхъ и нечестивыхъ“ (творен. его, ч. 1, житіе стр. 68—69, и ч. 5, стр. 513).

Такимъ образомъ, если бы приведенное нами свидѣтельство изъ книги пророка Ісаіи и дѣйствительно говорило о ветхозавѣтной Церкви, и тогда его, по ученію святыхъ отецъ, должно относить и къ новозавѣтной Церкви.

Замѣчаніе. Разсматриваемый вопросъ «о вдовствѣ Церкви» имѣетъ для раскольниковъ серьезное значеніе. Имъ извѣстно, что Христосъ Спаситель, изрекая объѣтованіе о созданіи Церкви Своей: «созижду Церковь Мою и врата ада не одолѣютъ ей» (Матѣ. гл. 16 ст. 18), непосредственно за симъ присовокупилъ «и дамъ ти (ап. Петру, и вмѣстѣ съ нимъ и всѣмъ апостоламъ, а чрезъ нихъ преемникамъ ихъ—епископамъ) ключи царства небеснаго: и еже аще свяжеша на земли, будетъ связано на небесѣхъ, и еже аще разрѣшиши на земли, будутъ разрѣшено на небесѣхъ» (ст. 19). То есть, давая объѣтованіе создать Свою св. Церковь, Господь обѣщаетъ даровать ей и пастырей. «Онъ обѣщаетъ даровать ему (ап. Петру) то, что собственно принадлежитъ одному Богу, именно: разрѣшать грѣхи, содѣлать Церковь непоколебимою среди всѣхъ волненій» и д. (Іоаннъ Златоустъ, Бесѣды на Ев. Матѣ. 424). Такимъ образомъ крѣпость и непоколебимость Церкви Христовой въ ея пастыряхъ—епископахъ, которымъ даровано то, что принадлежитъ одному Богу. Поэтому-то святые отцы и поучаютъ, что «епископъ представляетъ собою лице Христа и есть намѣстникъ Господа» (св. Амвросій Мед.), что «на епископахъ Церковь держится, какъ на своихъ подпорахъ» (святшмуч. Кипр. посл. 27). «Ты долженъ знать, поучаетъ тотъ же св. отецъ, —что епископъ въ Церкви и Церковь въ епископѣ, и не находящіеся въ единеніи съ епископомъ, не находятся и въ Церкви» (54 письмо). Эти слова лишаютъ возможности любителей суетмудрія утверждать, что Церковь Христова можетъ быть безъ епископа; нѣтъ, «Церковь во епископѣ, и епископъ въ Церкви»—какъ единое нераздѣльное,

одно безъ другого невозможно. Иисусъ Христосъ говоритъ о Себѣ: «какъ Ты Отче, во Мнѣ, и Я въ Тебѣ (Іоаннъ 18, 21), и никто изъ христіанъ истинноправославныхъ не рѣшится доказывать, что Отецъ временно можетъ быть безъ Сына,—такъ точно и свящ. муч. Кипріанъ говоритъ о св. Церкви, что она во епископѣ и епископъ въ Церкви „и не находящіеся въ единеніи съ епископомъ, не находятся и въ Церкви“,—добавляетъ святой отецъ; по словамъ другого св. отца, „безъ епископа Церковь быти не можетъ“—(св. Златоустъ Марг. л. 154 втор. счета). Но съ такимъ ученіемъ, въ силу необходимости, а не убѣжденія, Усовъ не можетъ согласиться, такъ какъ, согласившись съ ученіемъ вышеназванныхъ святыхъ отцевъ, онъ долженъ отказаться отъ своео заблужденія, признать, что общество раскольниковъ, пребывавшихъ 180 лѣтъ безъ епископа, находилось внѣ Церкви, было чуждо обѣтованій вѣчнаго спасенія, дарованнаго истиннымъ сынамъ св. Церкви. Что же говоритъ въ свое оправданіе Усовъ?

Онъ, не соглашаясь съ ученіемъ святыхъ отцевъ, и, такимъ образомъ, ведя съ ними брань, заявляетъ, что „именно это обстоятельство, что въ старообрядческой Церкви Христовой не было столько лѣтъ епископа, еще болѣе убѣждаетъ его въ правотѣ и силѣ этой Церкви“. Почему же такъ? А потому, что, и „не имѣя епископа, она не приняла никакихъ ересей, не измѣнила ни въ чемъ православной вѣры и преданій церковныхъ, сохраняя ихъ ненарушимо“. „Объ этомъ, добавляетъ Усовъ, свидѣлствуетъ даже самъ вашъ синодъ“ (Увѣщ. стр. 35). Разсмотримъ, справедливо ли Усовъ утверждаетъ, заявляя, что ихъ общество не приняло никакихъ ересей, не измѣнило ни въ чемъ православной вѣры и преданій церковныхъ. Достаточно припомнить лишь первые годы существованія раскола, чтобы понять всю несправедливость такого утвержденія. Первые расколоучители отдѣлились отъ православной Церкви только изъ-за того, что патр. Никонъ сдѣлалъ распоряженіе объ употребленіи троенперстія и положеніи при чтеніи молитвы пр. Ефрема Сирина четырехъ, вмѣсто шестнадцати, земныхъ поклоновъ. Православную Церковь они обвинили изъ-за этого никонова распоряженія въ утратѣ православія, въ измѣненіи православной вѣры и под. Слѣдовательно, всю свою вѣру, все православіе, они видѣли только въ обрядахъ, выше обрядовъ ихъ вѣрованія

не восходили. Что первоучители раскола, отдѣляясь изъ-за такого распоряженія, поступили несправедливо, съ этимъ соглашается даже и раскольническій писатель Василій Механиковъ, называя исправленіе относительно поклоновъ во св. čtyредесятницу „самымъ непредосудительнымъ“ (Историко-кан. обозрѣн., л. 12). Непредосудительно также исправленіе и касательно троеперстія. Здѣсь весь вопросъ сводится только къ тому, къ какимъ перстамъ пригнуть большой перстъ: къ двумъ ли послѣднимъ, или же двумъ, стоящимъ рядомъ съ нимъ? Символическое же значеніе перстосложенія остается то-же: три перста, сложенные вмѣстѣ, означаютъ наше вѣрованіе въ св. Троицу, два же—перста—два естества во единомъ Лицѣ Иисуса Христа. Если бы троеперстіе преслѣдовало какое-либо иное, еретическое ученіе, объ этомъ Усовъ и подобные ему писатели не умолчали бы. Итакъ, расколъ произошелъ изъ-за „самыхъ непредосудительныхъ“ исправленій. Спрашивается: нарушила ли наша Церковь православную вѣру, измѣнила-ли она преданія св. отецъ, ввели ли какія либо ереси при патріархѣ Никонѣ? Нѣтъ, отвѣчаетъ Усовъ, — „новообрядецъ — это — принявшій при патр. Никонѣ новыя обряды“, а не ереси. Но вѣдь новыя обряды Церковь Христова принимала и раньше Никона патр. Напримѣръ, самая молитва пр. Ефрема Сирина не была извѣстна св. Церкви до четвертаго столѣтія и введена была авторомъ ея. Если же изъ-за этого нововведенія никто не отдѣлялся отъ православной Церкви, то тѣмъ болѣе не должно было бы отдѣляться изъ-за числа поклоновъ при чтеніи этой молитвы, тѣмъ болѣе, что древніе уставы повелѣваютъ полагать при ея чтеніи именно чetyре великихъ поклона, а послѣдніе малые. Если же первоучители раскола произвели изъ-за этого раздраженіе церковнаго тѣлеси, то ясно, что они свою вѣру полагали только въ обрядахъ, проповѣдывали новую обрядовѣрную Церковь и стремились ограничить власть Церкви въ установленіи обрядовъ, какою она пользовалась во всѣ вѣка своего существованія. Всѣ св. соборы признавали за Церковью власть вводить новыя правила, новыя обряды, и отмѣнять старыя, потерявшіе свое значеніе, а раскольники учатъ противному и, слѣдовательно, содержатъ ученіе не соборной, апостольской Церкви, а какое-то новое. Св. Церковь ни пр. Ефрема Сирина, даващаго ей новую молитву, ни св. Іоанна Златоуста, сократившаго св. литургію, не считала

новообрядами, не осудила ихъ, а раскольники обвинили патр. Никона, сократившаго поклоны, въ утратѣ православія, и такъ обр. нарушили преданіе св. отцевъ, изрекшихъ: срамно есть изъ-за обрядовъ ратоваться (св. Вас. Вел.), а проповѣдуя, что Церковь Христова можетъ лишиться всѣхъ епископовъ, они повторили ересь акефалитовъ, сіестъ безглавныхъ, произшедшей отъ окаяннаго Севира, такъ какъ, подобно этимъ еретикамъ, не хотяху быти подъ православными епископами, начальствующими церквами (Чт. Мин. Авг. 30 день, изд. 1835 г.). Напрасно, выходитъ, хвалится Усовъ, утверждая, что ихъ общество сохранило неизмѣнно православную вѣру. А еще болѣе напрасно онъ ссылается въ свое оправданіе на книгу Увѣщаніе. Въ сей книгѣ только сказано, что раскольники, и при томъ не австрійцы, которыхъ при изданіи Увѣщанія еще не было (Увѣщаніе написано въ 1765 г., а австрійщина явилась въ 1846 г.), согласны съ православною Церковію въ вѣрѣ во Единаго Бога, въ почитаніи свящ. Писанія и соборныхъ постановленій, въ вѣрованіи въ воскресеніе мертвыхъ и праведный Судъ Божій—„въ этомъ вся сила вѣры Евангельскія,—а въ силѣ сей вы съ нами согласны“. Но въ сей силѣ согласны съ православною Церковію и безпоповцы, и бѣглопоповцы и под., слѣдовательно, и они, по мнѣнію Усова, не имѣютъ никакихъ ересей, содержатъ православную вѣру и не нарушаютъ преданій святоотеческихъ. „Церковь называется православною не потому, что имѣетъ епископовъ, а именно потому, что содержитъ православную вѣру“, говоритъ Усовъ. Но, по словамъ „Увѣщанія“, безпоповцы въ силѣ вѣры не погрѣшаютъ, слѣдовательно, и они составляютъ православную Церковь? Нѣтъ, Усовъ не согласится съ этимъ, и, подобно Перетрухину, будетъ называть ихъ «сонмомъ злыхъ нечестивыхъ людей» за то, что они по всей поднебесной не имѣютъ семи церковныхъ таинствъ («Мечъ» Перетр., отв. на 3 вопр. безпоп.),—какъ не имѣли ихъ за отсутствіемъ епископа и бѣглопоповцы, къ обществу которыхъ пришелъ Амвросій. А вѣдь слова Перетрухина справедливы, ибо св. отцы поучаютъ, что «безъ епископа Церковь нѣсть избранныя, ниже собраніе святое, ниже сонмъ преподобныхъ»... «И иже внѣ есть и безъ епископовъ... что-либо творять, таковой оскверняется совѣстію и невѣрнаго горшій есть и злочестивъ и отметається Христа и Его установленіе умаляетъ» (св. Игнатій Богон., 1 посл. къ Тралл.); и слова эти

своего рода смертный приговоръ надъ австрійщиной. Защищаясь же отъ обличеній православныхъ миссіонеровъ, Усовъ проповѣдуетъ, что Церковь православная можетъ быть и безъ епископовъ, и этимъ умаляетъ именно установленіе Божественное. Для Усова не имѣетъ значенія святоотеческое ученіе, онъ ставитъ себя выше ихъ авторитета. Св. отцы говорятъ, что безъ епископа Церковь «нѣсть избрана и святая», а Усовъ говоритъ: напротивъ, «это обстоятельство (лишеніе епископовъ) и убѣждаетъ насъ въ правотѣ нашей Церкви!» Св. отцы учатъ, что творящіе что-либо безъ епископа — оскверняются совѣстію, злочестивы, безбожны и хуже невѣрныхъ, а Усовъ увѣряетъ, что и безъ епископовъ они остались вполне православны, не нарушили вѣры и пр.! Св. отцы поучаютъ, что безъ епископовъ не можетъ быть и христіанства (Сим. Сол.), а Усовъ силится убѣдить насъ, что и безъ епископовъ они истинные христіане. Омраченный желаніемъ какими бы-то-ни было путями защитить свое общество, онъ старается извращать святоотеческое ученіе и въ то же время похваляется, что не нарушаетъ святоотеческихъ преданій. Не было у раскольниковъ епископа,—это заявляетъ и Усовъ, прекратился у нихъ и рядъ другопремственной передачи благодатныхъ даровъ, присущихъ сему священному сану, — слѣдовательно, все въ ихъ обществѣ разстроилось и разрушилось (Злат. на разн. мѣста св. пис., ч. 2, стр. 317—318). Нѣтъ епископовъ—нѣтъ и Церкви, таково святоотеческое ученіе. Посему-то и св. соборы строго повелѣваютъ безъ промедленія замѣщать освободившіяся епископскія кафедры (25 пр. 4 вс. соб. и др.). Если же соборы не находили возможнымъ, чтобы частная церковь была безъ епископа болѣе трехъ мѣсяцевъ, то тѣмъ болѣе они не могли допустить и мысли, чтобы вся вселенская Церковь оставалась когда-либо безъ епископа, вдовствующею.

Усовъ старается доказать, что о вдовствѣ Церкви Христовой было уже предсказано пророкомъ Исаіею и что это вдовство—ея достоинство. Здѣсь прежде всего поражаетъ насъ фальшь „усовскихъ“ разсужденій. Въ порядкѣ библейскихъ событій оставленіе Богомъ за преступленіе—основаніе, а вдовство и другія лишенія суть слѣдствія его. „И оставляю и отвращу лице Мое отъ нихъ и будутъ въ снѣдъ, и обрящутъ я зла многа и скорби и рекутъ въ день той: понеже нѣсть Господа Бога въ насъ, постигнуша ны злая сія“ (Второзак. 31, 17),

но Богъ оставляетъ не безъ вины; древнихъ евреевъ Онъ оставляетъ на время за идолопоклонство (Судей 2, ст. 11—15), послѣднихъ за отверженіе Мессіи (Матѳея 23, ст. 32 и 38). За что же Богъ оставилъ раскольническую мнимую Церковь вдовствовать? За противленіе Церкви Христовой, ибо Самъ Христосъ сказалъ: „аще же и Церковь преслушаетъ, буди тебѣ яко язычникъ и мытарь“ (Матѳея 18, 17), и чрезъ пророка Самуила Богъ возвѣстилъ, что „яко же грѣхъ есть чарованіе, тако противленіе, и яко же грѣхъ есть идолопоклоненіе, тако непокореніе“ (1 Царствъ 15, 23). Чтобы отвратить такой ужасный выводъ изъ событій, Усовъ учинилъ подмѣну понятій, именно: слѣдствіе онъ выдаетъ за основаніе; онъ говоритъ: „Одна (церковь) какъ бы оставленная Богомъ... потому что одна вдова“. Неправда: не потому она оставляется, что вдова, а потому и вдова, что оставлена, — это очевидно по смыслу библейскихъ событій. А Усову хочется вдовство своей мнимой Церкви, свидѣтельствующее объ оставленіи Ея Богомъ, выдать за простую случайность, — историческое событіе (книга его стр. 95).

Изъ вышеприведенныхъ Усовымъ мѣстъ пророчества Исаіи и Апокалипсиса, онъ взялъ только два слова: вдова и не вдова, и на нихъ строить противоположеніе двухъ Церквей, — Христовой и еретической. На основаніи 19-го пр. 6-го собора, повелѣвающего понимать свящ. Писаніе такъ, „яко же божественніи отцы достигоша“, мы предложили бы Усову подыскать отеческія толкованія на приведенныя имъ мѣста Писанія, изъ которыхъ было бы видно, что подъ образомъ вдовы у пр. Исаіи нужно разумѣть всеобщее вдовство Церкви новозавѣтной, а подъ образомъ жены, сѣдящей на звѣри, обиліе у еретиковъ высшаго духовенства. Но этого ему не найти.

Чтобы понять, къ кому пророкъ взываетъ: „возведи окрестъ очи твои и виждь“ (Исаіи г. 49, 18 и 60 4-й), — Усову слѣдовало бы припомнить слова пасхальной пѣсни: „Возведи окрестъ очи твои, Сіоне, и виждь, се бо пріидоша къ Тебѣ, яко богосвѣтлая свѣтила, отъ запада и сѣвера и моря и востока чада твоя, въ тебѣ благословяще Христа во вѣки“. Изъ словъ богомудраго пѣвца ясно видно, что вдовство и разсѣяніе чадъ осталось въ прошломъ, а явленіе жениха («приступимъ свѣщеносніи, исходяшу Христу изъ гроба яко жениху») и собраніе чадъ расточенныхъ есть настоящее и будущее (Іоаннъ 11, 52). А Усовъ, приведя въ

подтвержденіе своей мысли слова пр. Исаи (гл. 49, ст. 14—21; 54, ст. 1—8), не указавъ какой св. отецъ понималъ эти слова въ желательномъ для него смыслѣ, т. е. какъ предсказанія о прекращеніи епископства въ Церкви Христовой. Самъ же Усовъ держится той мысли, что пророкъ Исаія говоритъ въ указанныхъ имъ главахъ о ветхозавѣтной Церкви и именно времени Вавилонскаго плѣна. Но о какомъ же въ дѣствѣ говоритъ св. пророкъ? Предсказывалъ ли онъ о прекращеніи на нѣкоторое время въ Церкви ветхозавѣтной первосвященства? Нѣтъ. Изъ сказанія Библии мы видимъ, что и во время плѣна Вавилонскаго Іудеи не оставались безъ первосвященника и священства, какъ наслѣдственнаго по плоти.

Извѣстно, что вмѣстѣ съ плѣнными Іудеями въ Вавилонъ былъ переселенъ первосвященникъ Іоседекъ (1 Паралл. 6, 15), сынъ котораго, также первосвященникъ, Іисусъ возвратился изъ плѣна, построилъ жертвенникъ на прежнемъ мѣстѣ и возобновилъ утреннія и вечернія всесоженія Господу (1 Ездры 2, Неем. 7. 6—73, ср. Варуха 1, 6—11; Іудифъ, 15, 8). Слѣдовательно, ветхозавѣтная Церковь никогда не оставалась безъ законныхъ первосвященниковъ; не можетъ быть безъ епископовъ и Церковь новозавѣтная. Поэтому несправедливо Усовъ тѣмъ оправдать свое общество примѣромъ Церкви ветхозавѣтной. Не оправдываютъ его и слова пр. Ефрема Сирина. Слова этого св. отца не доказываютъ мысли автора; въ нихъ нѣтъ указанія на прекращеніе епископскаго служенія въ Церкви Христовой, событія же прообразовательныя и прообразуемыя прямо опровергаютъ его мысль. Священство ветхозавѣтное, какъ уже показано, и во время плѣна Вавилонскаго не прекращалось; также и во время св. Ефрема (которое онъ сравниваетъ съ временемъ плѣна Вавилонскаго) священство новозавѣтное было въ полнотѣ и даже въ цвѣтущемъ состояніи; это былъ вѣкъ — Григорія, Василія, Амфилохія, Амвросія и подобныхъ имъ свѣтилъ Церкви. Состояніе бѣглопоповщины за 180-тъ лѣтъ не похоже на состояніе Церкви во время и плѣна Вавилонскаго и св. Ефрема. Сравнить бѣжавшихъ отъ подсудности поповъ и пономарей съ пророками Іереміею, Іезекилемъ и Данииломъ и святителями времени св. Ефрема—непростительное кощунство. Итакъ, слова св. Ефрема Сирина о томъ, что состояніе ветхозавѣтной Церкви было прообразомъ новозавѣтной, не оправдываютъ, а напротивъ, обви

няють разсужденіе Усова, ибо если ветхозавѣтная Церковь никогда не лишалась первосвященниковъ (какъ это доказано выше), то и новозавѣтная (повторяемъ) не лишится епископовъ.

Не оправдавъ словами пр. Исаи своего общества, Усовъ, со свойственнымъ ему фанатизмомъ и безразсудною злобою, обвиняетъ нашу св. Церковь за то, что она никогда не лишалась епископовъ. За такое, съ точки зрѣнія Усова, еретичество раск. апологетъ не стѣсняется называть ее даже Вавилономъ, жилищемъ бѣсовъ и пр. кошунственно-дерзкими наименованіями... Мы увѣрены, что никто изъ здравомыслящихъ собратій Усова не одобритъ его за таковую ревность не по разуму. Станнымъ намъ только кажется то, что Усовъ, безъ сомнѣнія, читалъ толкованія на 18 главу Апокалипсиса, на которую дѣлаетъ ссылку, и знаетъ, надѣмся, къ чему относятъ приведенныя имъ слова св. отцы; св. Андрей Кесарійскій, напр., въ толкованіи на 1—3 стихъ 17 гл. пишетъ: «Эту блудницу нѣкоторые принимали за древній Римъ, какъ стоящій на семи горахъ... Мы же изъ того, что послѣдуетъ за симъ узнаемъ, что эта блудница есть вообще земное царство, какъ бы въ одномъ тѣлѣ, или городъ, имѣющій царствовать предъ пришествіемъ антихриста». На ст. 6—7—„точнѣе же называется и Вавилономъ и блудницею городъ, имѣвшій власть у Персовъ, и всякій иной городъ, увеселяющійся убійствами и кровями“. И въ объясненіи на 2 ст. 18 гл. Апокалипсиса св. Андрей говоритъ: „о Вавилонѣ, Халдейской столицѣ, завоеванной Киромъ съ Персами, нѣчто похожее на это предсказано было и у Исаи (13, 1. 19; 21, 9), именно, что онъ, по причинѣ совершеннаго запустѣнія, исполнится звѣрями и нечистыми духами“.

Очевидно, Усовъ не придаетъ никакого значенія ученію св. отцевъ,—ему удобнѣе толковать св. Писаніе „не яко же святіи отцы достигоша“, а по своему смышленію, лишь бы только затмить истину, удержать простой народъ въ заблужденіи. Не вразумить ли его на будущее время напominаніе о слѣдующихъ грозныхъ словахъ Апокалипсиса: „свидѣтельствую бо всякому съищавшему словеса пророчества книги сей: аще кто приложитъ къ симъ, наложить на него Богъ язвъ, написанныхъ въ книжѣ сей. И аще кто отъиметъ отъ словесъ пророчествія сего, отъиметъ Богъ часть его отъ книги животныя, и отъ града святаго и написанныхъ въ книгѣ сей“ (22, 18—19). Св. Андрей пишетъ:

„страшная произнесена клятва на тѣхъ, которые извращаютъ писанія; потому что дерзость ихъ есть нахальство и злонравіе, могущее лишить благъ будущаго вѣка нахальныхъ, своенравныхъ и дерзкихъ“.

Боже, вразуми несчастнаго!

Кн. Усова. «О Церкви вселенской и частной».

Новообрядецъ. Что вы мнѣ ни говорите, а я никогда не соглашусь, что вселенская Христова Церковь можетъ вдовствовать. Частныя или помѣстные Церкви могутъ вдовствовать — это безспорно, но всякая вселенская Церковь вдовствовать никогда не можетъ.

Старообрядецъ. А гдѣ написано, что всякая вселенская Церковь вдовствовать не можетъ? Укажите.

Новообрядецъ. Я указать не могу.

Старообрядецъ. Почему?

Новообрядецъ. Да потому, что такого выраженія нигдѣ не находится, ни въ священномъ Писаніи, ни въ ученіи святыхъ отецъ.

Старообрядецъ. Справедливо. Значитъ, ваше ученіе о томъ, что вселенская Церковь вдовствовать не можетъ, основано не на священномъ Писаніи и ученіи св. отецъ, а на человѣческомъ смысленіи, на своихъ выдумкахъ.

И не только объ этомъ, но и о вселенской Церкви вы говорите не отъ писанія. Скажите: въ какомъ евангеліи вы нашли самое это слово: вселенская Церковь?

Новообрядецъ. Въ евангеліи этого слова нѣтъ.

Старообрядецъ. А въ апостолѣ?

Новообрядецъ. И въ апостолѣ нѣтъ.

Старообрядецъ. А въ символѣ вѣры вы какую Церковь исповѣдуете: вселенскую, или еще какую?

Новообрядецъ. Въ символѣ вѣры мы читаемъ: „во едину святую соборную и апостольскую Церковь“, то есть, мы вѣруемъ.

Старообрядецъ. Вотъ видите, опять-таки, о вселенской Церкви нѣтъ и слова. Зачѣмъ же вы толкуете о вселенской Церкви, когда о ней не говорится ни въ евангеліи, ни въ апостолѣ, ни въ символѣ вѣры?

Новообрядецъ. Да наши миссіонеры всегда говорятъ о вселенской Церкви.

Старообрядецъ. Должно слѣдовать не миссіонерамъ, а евангельскому ученію. А въ евангеліи говорится не о вселенской Церкви, а о Христовой (Матѳея зач. 63). И въ символѣ вѣры говорится о единой святой, соборной и апостольской Церкви, а опять-таки не о вселенской. Миссіонеры же говорятъ о вселенской, а не о Христовой Церкви, потому, что не хотятъ знать и проповѣдывать Христову Церковь, а проповѣдуютъ «смысленную», то есть, выдуманную ими Церковь. А въ книгѣ «О вѣрѣ» говорится: «Всякому человѣку подобно есть знати истинную, а не смысленную Церковь, но едину небеснаго Жениха (Христа) чистую и нескверную невесту» (гл. 23, л. 216 об.). Вы же, новообрядцы, не хотите знать Христову Церковь, а выдумали себѣ какую-то вселенскую Церковь, о которой въ евангеліи даже и не упоминается и это для того только, чтобы затмить истину и переспорить старообрядцевъ.

Если говорить о Христовой Церкви, то вы, новообрядцы, скажитесь побѣжденными, и посрамленными въ своихъ умствованіяхъ».

Замѣчаніе. На все это пустословіе Усова не слѣдовало бы и отвѣчать, но дабы кто не подумалъ, что онъ правъ въ своемъ отрицаніи Церкви вселенской, выдуманной будто бы миссіонерами для затмѣнія истины, считаемъ умѣстнымъ слѣлать указанія на изреченія св. Кирилла іерусалимскаго, который говоритъ: „Духъ Святый, въ согласіи съ Отцемъ и Сыномъ, постанови гъ новый завѣтъ для Церкви вселенской“... „Всякое дѣяніе Христово — похвала вселенской Церкви“ (Твор. св. Кир. Іерус., стр. 318, 192. Москв. 1855 г.). Неужели и св. Кириллъ употреблялъ эти слова для „затмѣнія истины“? Неужели и онъ не хотѣлъ знать о Христовой, а говорилъ о какъ-то выдуманной Церкви? Если Усовъ обвиняетъ православныхъ миссіонеровъ за употребленіе словъ „Церковь вселенская“, то пусть обвинить сначала св. Кирилла, отъ котораго православные миссіонеры научены, или же сознается, что и сего св. отца онъ считаетъ затемняющимъ истину. Далѣе, что слова: соборная и вселенская — однозначущи, это видно изъ того, что они употребляются безразлично; въ Катехизисѣ великомъ читаемъ: „Едина Церковь есть вселенская или соборная“ (гл. 25 л. 119). И въ посланіи собора Сардикійскаго написано: „Мы изгоняемъ изъ вселенской Церкви всѣхъ, которые утверждаютъ, что Христосъ не истинный Богъ“ (Ееодорит. кн. 2, гл. 8). А Усовъ возстаетъ противъ наименованія соборной Церкви вселенскою. По его мысли выходитъ: что и Сардикійскій соборъ и Б. Кат. тоже затемняютъ истину.

кн. Усова. „*Старообрядецъ.* Отвѣйте мнѣ на слѣдующій вопросъ: помѣстная Церковь, какъ, напримѣръ, карагенская, Христова Церковь, или нѣтъ?

Новообрядецъ. Конечно Христова.

Старообрядецъ. А когда въ ней не бывало епископа, когда она вдовствовала, или по случаю уклоненія епископовъ въ ереси, или по случаю гоненій, то въ продолженіи сего времени была ли она Христовою Церковью, или нѣтъ?

Новообрядецъ. Конечно, была Христовою Церковью и въ то время, когда вдовствовала безъ епископа. Но вѣдь это частная Церковь, а не вселенскія.

Старообрядецъ. А частная Церковь Христова или нѣтъ?

Новообрядецъ. Да я сказалъ уже, что Христова.

Старообрядецъ. Значитъ, Христова Церковь можетъ быть безъ епископа — вдовствующею?

Новообрядецъ. Христова можетъ быть вдовствующею и безъ епископа, но вселенскія нѣтъ.

Старообрядецъ. А если бы вселенская Церковь осталась безъ епископа, стала вдовствующею, тогда какъ?

Новообрядецъ. Этого быть не можетъ. потому что тогда бы Церковь перестала быть Христовою Церковію и была бы одолѣна вратами ада.

Старообрядецъ. Странное у васъ разсужденіе. Для частной или помѣстной Церкви пребываніе безъ епископа не есть безсочетъе и не вредно, а для вселенской тоже самое составляетъ позоръ и погибель. Неужели вселенская Церковь слабѣе частной? Если пребываніе безъ епископа есть зло, какъ для вселенской, такъ и для частной, если оно не зло для частной Церкви, то разумѣется не зло и для вселенской. Если частная Церковь, пребывая безъ епископа, вдовствующею, не перестаетъ быть истинною — Христовою Церковію, то точно также и вселенская. Даже болѣе, потому что если часть Церкви не вредится и не погибаетъ, оставаясь безъ епископа, то тѣмъ болѣе вся вселенская Церковь. Но скажите: вы и сейчасъ утверждаете, что частная Церковь можетъ быть безъ епископа—вдовствовать?

Новообрядецъ. Да. Я всегда утверждалъ и сейчасъ подтверждаю, что частная Церковь можетъ быть безъ епископа и не перестанетъ быть Христовою Церковію, если содержитъ православную вѣру, но вся вселенская нѣтъ“.

Замѣчаніе. Непосвященный въ тайны раскольниковской мудрости можетъ недоумѣвать, почему Усову не нравятся слова: вселенская Церковь, и почему онъ настаиваетъ на словахъ: Христова Церковь. Общимъ названіемъ: „Христова Церковь“ Усовъ скрываетъ отъ довѣрчивыхъ читателей различіе вселенской Церкви отъ составляющихъ ее помѣстныхъ, и строить такой софизмъ: частная вдовствующая церковь не перестаетъ быть Христовою, вселенская Церковь-Христова,—слѣдовательно и она можетъ быть безъ епископа. При этомъ Усовъ разсуждаетъ: если для частной церкви не вредно и возможно оставаться безъ епископа, то не вредно и возможно оставаться безъ епископовъ и вселенской Церкви, какъ болѣе сильной. Но у насъ съ Усовымъ рѣчь не о томъ, вредно или не вредно оставаться Церкви вдовствующею, а о томъ: можетъ ли быть символъная Церковь безъ епископа? На 158-й стр. своей книги Усовъ самъ говоритъ, что состояніе Церкви безъ епископа есть „тяжкое и прискорбное бѣдствіе“, слѣдовательно вредное. Вотъ этотъ-то вредъ и не можетъ захватить всю вселенскую Церковь, потому что она сильнѣе частной, какъ призналъ и самъ Усовъ (стр. 13). Ибо глава вселенской Церкви есть непогрѣшимый Іисусъ Христосъ, а глава частной Церкви несвободный отъ паденія епископъ. При томъ частная или помѣстная Церковь, если и лишается своего кафедральнаго епископа, то это еще не означаетъ, что она остается

совершенно безъ епископскаго руководства: она имѣтъ едино-
вѣрныхъ себѣ епископовъ другихъ помѣстныхъ Церквей, одному
изъ коихъ она и поручается, и коими на мѣсто умершаго поста-
вляется другой епископъ. Эта практика Церкви всѣмъ извѣстна и
не требуетъ доказательствъ. Извѣстна она и Усову. Вѣдь извѣстно
ему, что послѣ смерти ихъ мнимаго епископа Савватія московская
раскольниковская епархія была поручена Арсенію Швецову, чи-
слившемуся у нихъ въ то время епископомъ Уральскимъ. Что же
касается вопроса, можетъ ли вся вселенская (сущая по всей все-
ленной) Церковь лишиться всѣхъ епископовъ, быть вдовствующею,
то для истинныхъ христіанъ такого вопроса не можетъ и быть:
они знаютъ, что священство есть установленіе божественное, а
разъ оно таково, то и не можетъ прекратиться до кончины міра,
пока не выполнить того божественнаго дѣла, которое ему вручено.
Въ этомъ вѣрованіи убѣждаютъ христіанина и святые отцы, которымъ
истинные христіане безусловно вѣрятъ. А имъ извѣстно, что блажен-
ный Августинъ учить, что „Церковь отъ временъ самихъ апосто-
ловъ, чрезъ извѣстнѣйшія преемства епископовъ, про-
должающіяся даже до нашихъ дней и имѣющія продол-
жаться на всѣ послѣдующія времена, сохраняегъ и
приноситъ Богу жертву (Противъ противн. Зак. и Пророч. гл.
1, 39). Если бы прекратилось это преемство духовныхъ дарова-
ній, то все домостроительство Божіе разстроилось бы и разру-
шилось, какъ поучаетъ св. Златоустъ. И св. Аѳанасій Великій
пишетъ, что безъ епископовъ невозможно быть христіаниномъ,
невозможно стоять и Церкви (Твор. ч. 1, стр. 294—5). Такимъ
образомъ, проповѣдуя паденіе всѣхъ епископовъ, Усовъ пропо-
вѣдуетъ уничтоженіе всей Церкви Христовой, о которой Господь
сказалъ, что врата адовы не одолѣютъ ей. Усовъ, очевидно, не
довѣряетъ словамъ не только св. отецъ, но и Самого Господа.

(Продолженіе будетъ).

О литературной проповѣди свящ. о. Григорія Петрова.

(По поводу его сочиненія: «Евангеліе, какъ основа жизни»).

Священникъ Гр. Петровъ, имя котораго извѣстно во всѣхъ слояхъ Петербургскаго общества и небыло извѣстно даже въ провинціи, стяжалъ себѣ лавры какъ своими внѣцерковными бесѣдами, которыя, благодаря его замѣтному проповѣдническому таланту, обаятельно дѣйствуютъ на столичную интеллигенцію и народъ,—такъ и литературно-публицистической дѣятельностью. Изъ литературныхъ его трудовъ наиболѣе крупное по содержанію и объему представляетъ собою его сочиненіе: «Евангеліе, какъ основа жизни». Насколько это произведеніе пользуется широкою извѣстностью среди читающей интеллигентной публики, краснорѣчивымъ доказательствомъ можетъ служить недавно вышедшее въ свѣтъ десятое его изданіе. Намъ доподлинно извѣстно, что этотъ трудъ о. Петрова охотно читаютъ не только религіозные люди, но и индифферентные къ вопросамъ вѣры наши интеллигенты, и даже иновѣрцы. Гдѣ же кроется причина такого успѣха этой книжки? Прежде всего успѣхъ ея кроется въ самомъ способѣ изложенія, не похожемъ на тѣ традиціонныя пріемы, которые считаются общепринятыми въ нашей богословской литературѣ. Авторъ о такихъ серьезныхъ матеріяхъ, какъ вопросъ о царствѣ Божіемъ, о воспитаніи воли въ христіанскомъ духѣ, о высотѣ евангельскаго ученія трактуетъ съ рязвязностью фельетониста, облекаетъ свои мысли въ звонкія, блестящія фразы, говоритъ по мѣстамъ языкомъ поэзіи, уясняетъ свои положенія примѣрами и фактами, взятыми изъ различныхъ сферъ жизни (кроме церковной) и различныхъ областей знанія; для обоснованія и иллюстраціи своихъ положеній и сужденій прибѣгаетъ къ ссылкамъ и цѣлымъ выпискамъ изъ различныхъ, по преимуществу иностранныхъ, писателей, ученыхъ и художниковъ. Громкія имена въ данномъ случаѣ сыграли роль приманки. Да и самое содержаніе книжки о. Петрова затрогиваетъ

такія темы, которыя, въ виду возникновенія особаго интереса интеллигенціи къ религіозно-философскимъ какъ практическаго, такъ и теоретическаго характера вопросамъ, считаются теперь вполне отвѣчающими современнымъ запросамъ образованнаго общества, потому могутъ быть названы вполне благовременными. Это умѣнье приспособиться къ вкусамъ общества, также и къ его духовнымъ запросамъ создало автору популярность, а книжкѣ его доставило широкое распространеніе по лицу матушки Руси. — Наконецъ, проповѣдническій талантъ нашего автора также содѣйствовалъ выдающемуся успѣху и широкому распространенію въ обществѣ его книжки «Евангеліе, какъ основа жизни». Нашъ миссіонерскій журналъ не можетъ оставить безъ вниманія и не разсмотрѣть этого произведенія о. Петрова. Тѣмъ болѣе мы это должны сдѣлать, что самое заглавіе этого труда: «Евангеліе, какъ основа жизни» говоритъ именно за то, что и нашъ авторъ своимъ сочиненіемъ преслѣдуетъ цѣли общемиссіонерскаго характера. Иначе и быть не можетъ. Даже бѣглое знакомство съ этимъ сочиненіемъ о. Петрова въ достаточной степени убѣждаетъ насъ, что авторъ преслѣдуетъ не отвлеченно-теоретическія, но, безспорно, чисто-практическія, пастырско-миссіонерскія задачи и цѣли. Для насъ глубоко интересно прослѣдить, какими путями авторъ ведетъ читателей къ желанной цѣли и насколько эти пути находятся въ соответствіи съ намѣченными цѣлями и задачами. Серьезно поставленный нами вопросъ касается самаго существа дѣла, имѣетъ принципиальное значеніе, потому-то и требуетъ серьезнаго и вполне объективнаго съ нашей стороны отношенія къ разсматриваемому нами произведенію. Сущность труда о. Петрова: «Евангеліе, какъ основа жизни» можетъ быть исчерпана въ слѣдующихъ немногихъ словахъ. Современная европейская цивилизація, покоющаяся на ученіи Иисуса Христа, признается официально христіанскою; въ устроеніи личной, семейной и общественной жизни христіанская религія имѣетъ первенствующее значеніе. Внѣшняя сторона жизни даетъ право предполагать, что мы въ своей жизне-дѣтельности руководимся религіозно-нравственными мотивами; но дѣйствительность далеко не соответствуетъ такому предположенію. Въ современномъ обществѣ замѣчаются обратныя теченія. Христіанская мораль отвергается, какъ утопія, какъ несбыточная мечта; на христіанство

смотреть, какъ на пережитокъ и на его мѣсто водворяють науку. Но дѣло религіи—одно, а науки—другое; и наука, какъ говорить намъ опытъ, не въ состояніи замѣнить религію. Наука и высокое состояніе техники, съ одной стороны, внесли во всѣ сферы жизни массу удобствъ и усовершенствованій и поставили культуру на недостижимую высоту: но съ другой стороны—онѣ нисколько не сдѣлали человѣка лучшимъ, болѣе нравственнымъ: нравственного прогресса онѣ не внесли и не въ силахъ внести въ жизнь человѣчества. Мало этого: взамѣнъ чистыхъ христіанскихъ идеаловъ наука, съ своимъ дарвинизмомъ, пессимизмомъ и нищезанствомъ, выдвинула на сцену всемірно-исторической жизни принципъ борьбы за существованіе и право торжества сильнаго надъ слабымъ. При господствѣ этихъ идей не можетъ быть рѣчи о нравственномъ прогрессѣ. И жизнь намъ говоритъ, что знанія не дѣлають человѣка лучше. Задачу нравственного усовершенствованія человѣчества беретъ на себя только религія. Культуру ума беретъ на себя наука; воспитаніе сердца—религія. Частіе, --только христіанская религія вноситъ истинно-нравственный прогрессъ въ человѣчество. Какъ извѣстно, Основатель христіанства принесъ на землю новый идеаль безконечнаго совершенства: будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ Небесный (Мѣ. 5. 48). Этотъ идеаль не временный, а вѣчный. Возвѣстивъ этотъ идеаль, Спаситель Свое благовѣстническое ученіе устремилъ на возвышеніе сердца человѣческаго, на нравственное усовершенствованіе личности и цѣлаго общества — на насажденіе Царства Божія и правды Его. Подъ Царствомъ Божиимъ авторъ разумѣетъ совершенную жизнь на землѣ, основанную не на господствѣ насилія, грубаго эгоизма, а на началахъ любви, полной справедливости, признанія всѣхъ законныхъ правъ личности. Путь къ осуществленію этого царства—нравственное обновленіе всей духовной природы человѣка, выработка имъ христіанскаго міровоззрѣнія и воспитаніе воли въ духѣ евангельской любви и правды (15, 28 стр.). Безъ христіанскаго воспитанія воли невозможно и осуществленіе Царства Божія на землѣ. Нравственное самовоспитаніе, постепенное развитіе духовной природы—трудъ, требующій настойчивыхъ и постоянныхъ наблюденій и упражненій надъ самимъ собой (46 стр.). Нравственныя силы, какъ и физическія, растутъ благодаря

упражненіямъ. Поэтому нужно неустанно работать надъ своею волею, упражнять ее въ стремленіи къ добру и правдѣ (55 стр.). Евангеліе дастъ намъ совершеннѣйшій идеалъ жизни. Идеалъ этотъ мы имѣемъ въ лицѣ Божественнаго Провозвѣстника любви. Каждый изъ насъ долженъ имѣть всегда предъ глазами этотъ идеалъ; проникнуться евангельскимъ свѣтомъ, внести въ міръ Христову правду и устроить жизнь свою на началахъ, возвѣщенныхъ Спасителемъ (50, 52 стр.). Поэтому всѣ мы, являясь носителями высшихъ идеаловъ жизни, можемъ быть работниками въ устроеніи Царства Божія на землѣ (55 стр.). Въ природѣ (физической и духовной) существуетъ законъ, по которому всякій органъ, не развиваемый, не упражняемый, постепенно слабѣетъ, наконецъ атрофируется и даже исчезаетъ. Тотъ же самый процессъ вырожденія происходитъ и въ нравственной природѣ человѣка. Если будемъ пренебрегать духовными потребностями, то утратимъ всякое нравственное чувство. Нерадѣніе о нравственномъ самоусовершенствованіи приводитъ къ духовной слѣпотѣ, къ притупленію чутъ ко всему доброму, высокому, святому (64, 66 стр.). Къ сожалѣнію, только въ христіанствѣ возможны такія явленія, что даже дипломированные ученые, именующіеся христіанами, не понимаютъ основныхъ истинъ ученія Христа. Многіе мало или даже совсѣмъ не знакомы съ Евангеліемъ. Потому-то и возможно нравственное одичаніе. Чѣмъ соль должна быть для пищи, тѣмъ, по словамъ Іисуса Христа, должно быть Евангеліе для жизни (?!), а послѣдователи Его—для человѣчества (?!). Дальнѣйшее существованіе улучшеніе жизни возможно подѣ условіемъ проникновенія въ жизнь духа евангельской любви и неослабной работы надъ созиданіемъ Царства Божія внутри себя и въ сердцахъ ближнихъ (70, 74 стр.). Словомъ, христіанство есть не только источникъ нравственнаго возрожденія для отдѣльныхъ лицъ, но благо для всего человѣчества, основная сила неустаннаго роста культуры и социальнаго прогресса. Болѣе заманчивой перспективы и болѣе важной задачи для человѣка не можетъ быть, какъ устроеніе и наступленіе Царства Божія на землѣ (96 стр.). Путь же къ устроенію Царства Божія одинъ: духовное перерожденіе людей, возвышеніе ихъ нравственнаго уровня и усиленіе энергіи къ служенію истинѣ и любви (109 стр.).

Такова схема разсматриваемаго нами труда о. Петрова.

При передачѣ содержанія, мы старались соблюдать не только возможную точность, но и характерную особенность самаго изложенія и типичные оттѣнки мыслей; съ этою цѣлью мы извѣстныя положенія и даже цѣлыя тирады передавали словами самаго автора. Этимъ способомъ передачи содержанія мы имѣемъ въ виду ввести читателей, такъ сказать, въ самую лабораторію мыслей нашего автора, въ самый духъ разсматриваемаго нами его произведенія. При этомъ мы должны оговориться, что при изложеніи содержанія нами опущены всѣ не относящіяся прямо къ дѣлу примѣры, рассказы и выдержки изъ разныхъ, свѣтскихъ по преимуществу, писателей, приводимые авторомъ для обоснованія своихъ мыслей и для оживленія рѣчи.

Изъ этого краткаго изложенія содержанія сочиненія о. Петрова ясно видно, что авторъ на протяженіи всей своей книжки рѣчь ведетъ объ устроеніи Царства Божія на землѣ на основѣ евангельскаго ученія. Все его сочиненіе—сплошной экзальтированный призывъ къ нашей мятущейся интеллигенціи обратиться къ Евангелію, проникнуться его духомъ, и на его основѣ своими (?) силами устроить Царство Божіе на землѣ. Невольно напрашивается вопросъ: неужели Евангеліе, являясь основой христіанской жизни, имѣетъ въ виду одну только цѣль — устроеніе Царства Божія на землѣ? неужели оно не преслѣдуетъ потустороннихъ цѣлей, отрѣшенныхъ отъ земли? По нашему мнѣнію, авторъ, озаглавивъ свое сочиненіе: «Евангеліе, какъ основа жизни», даетъ поводъ думать, что онъ ставитъ разрѣшеніе этого вопроса широко, не ограничиваетъ сферы воздѣйствія евангельскаго ученія на одно земное поприще нашего бытія, но возводитъ нашу мысль къ горнему, небесному, ибо Евангеліе учитъ насъ заботиться объ устроеніи не только Царства Божія на землѣ, но въ то же время и Царства Небеснаго. Мы полагаемъ, что, вопреки установившимся взглядамъ въ нашей богословской наукѣ, о. Петровъ напрасно раздѣляетъ совершенно не раздѣлимая съ точки зрѣнія Евангельскаго ученія понятія: Царство Божіе на землѣ и Царство Небесное ¹⁾).

¹⁾ Разсмотрѣнію этой капитальной ошибки о. Петрова мы посвящаемъ самостоятельную статью для другого № журнала; а въ настоящій разъ остановимъ свое вниманіе на другихъ недочетахъ его книги.

Авторъ поставилъ въ началѣ первой главы своего сочиненія эпиграфъ: «Ищите прежде Царствія Божія и правды Его и все приложится вамъ» (Мѡ. 6, 33), но въ самой книгѣ говоритъ только объ исканіи Царства Божія, а объ исканіи правды Его совершенно умалчиваетъ. Если же онъ и говоритъ о правдѣ Божіей, то понимаетъ ее не въ догматическо-богословскомъ, а исключительно въ юридическо-правовомъ, практическомъ смыслѣ. Дабы не быть голословнымъ въ данномъ случаѣ, обратимся къ разбираемому нами сочиненію о. Петрова и тамъ найдемъ ясное подтвержденіе нашей мысли. Авторъ, выясняя понятіе о Царствѣ Божіемъ, говоритъ, что подъ Царствомъ Божіимъ разумѣется совершенная жизнь на землѣ, жизнь — основанная на началахъ любви, полной праведности, признанія всѣхъ законныхъ правъ личности (15 стр.),—и достиженіе Царства Божія обуславливается усвоеніемъ правды Божіей, возвѣщенной людямъ Иисусомъ Христомъ, и воспитаніемъ воли въ духѣ евангельской любви и правды (34 стр.). Изъ этихъ двухъ выдержекъ (а ихъ можно еще больше привести) до очевидности ясно, въ какомъ смыслѣ понимаетъ о. Петровъ правду Божію. Онъ отождествляетъ ее со справедливостью и понимаетъ ее въ житейско-практическомъ смыслѣ, въ смыслѣ «правды въ жизни». Но можно ли согласиться въ данномъ случаѣ съ о. Петровымъ? Такъ какъ авторъ вопросъ о Царствѣ Божіемъ разсматриваетъ не во всемъ его объемѣ, а имѣетъ въ виду одну только его сторону (именно—созиданіе Царства Божія на землѣ—среди людей), то и даетъ одностороннее опредѣленіе правды Божіей. Приурочивая Царство Божіе всецѣло къ землѣ, онъ не могъ или не хотѣлъ возвести свой взоръ, горѣ, къ небу, — и правду Божію понялъ въ чисто житейско-практическомъ смыслѣ, въ смыслѣ нашихъ житейско-правовыхъ отношеній, жизненной справедливости. Такое одностороннее рѣшеніе вопроса не можетъ быть оправдываемо съ точки зрѣнія Царства Божія, понимаемаго въ истинномъ смыслѣ. Подъ правдой Божіей нужно разумѣть, если не всецѣло, то предпочтительно, оправданіе человѣка по вѣрѣ въ искупительныя заслуги Христа, или говоря короче, правда есть наше спасеніе чрезъ Христа. Для большей авторитетности позволимъ сослаться на «Толковое Евангеліе» блаженной памяти Преосвященнаго Михаила. Толкуя четвертую заповѣдь блажен-

ства изъ Нагорной проповѣди, преосвященный Михаилъ такъ говоритъ: «правда есть правота предъ Богомъ или оправданіе предъ судомъ правды Божіей, совершенное Господомъ Иисусомъ и усвояемое человѣкомъ вѣрою въ Его искупительное дѣйствіе». При этомъ толковникъ сноситъ по параллели это мѣсто съ извѣстнѣйшимъ мѣстомъ изъ посланія св. апостола Павла къ Римлянамъ (3, 21—22), гдѣ говорится объ оправданіи человѣка чрезъ вѣру въ искупительныя заслуги Иисуса Христа. Не безынтересно также сопоставить параллельное съ 5 гл. 6 ст. Ев. Мѣ. мѣсто въ 6 гл. 33 ст. того же Евангелиста, гдѣ рѣчь идетъ объ исканіи Царства Божія и правды Его. Преосвященный толкователь такъ пишетъ: «И правды Его: оправданія предъ Богомъ, какое, по заслугамъ Спасителя, даруется всякому члену сего царства,—праведности предъ Богомъ» (Толк. Еван. архим. Михаила I книга, стр. 68 и 116). Если Божественный Основатель христіанской религіи зоветъ насъ не только къ устроенію нашей жизни по Евангелію, но и къ усвоенію искупительныхъ заслугъ, принесенныхъ чрезъ Его крестную смерть, къ очищенію отъ грѣховъ и оправданію насъ предъ лицомъ правосудія Божія, т. е. ко спасенію, и возводитъ нашъ умъ и сердце отъ дольнихъ къ горнимъ, отъ земли къ небу, то едвали основательно о. Петрову такъ усиленно и настойчиво въ своемъ сочиненіи проводить мысль объ устроеніи Царства Божія только на землѣ, краснорѣчиво умалчивать объ исканіи правды Божіей, и совершенно замалчивать о Царствѣ Божіемъ (небесномъ), имѣющемъ свое существованіе за предѣлами нашей земной жизни.

Съ помощью же какихъ силъ (средствъ), по возрѣнію о. Петрова, люди должны устроить на землѣ Царство Божіе? Хотя авторъ и не даетъ опредѣленно формулированнаго отвѣта на данный вопросъ, но онъ въ своихъ сужденіяхъ настолько прозраченъ, что не трудно разобратъ въ его возрѣніяхъ и формулировать отвѣтъ. Полнѣе раскрывая понятіе о Царствѣ Божіемъ, онъ такъ говоритъ: «Царство Божіе — это осуществляющаяся въ исторіи организація личностей, силъ и явленій, въ которыхъ царствуетъ Богъ и господствуетъ исключительно Его разумная Святая воля; иначе говоря, — Царство Божіе — это праведная, нравственно-совершенная жизнь людей на землѣ, пробужденная Христомъ Спасителемъ и

устраивающаяся по Его евангельскому завѣту» (103 стр.). Царство Божіе наступитъ, «когда наше міросозерцаніе будетъ проникнуто евангельскимъ духомъ, когда весь строй нашей жизни будетъ со-отвѣтствовать требованіямъ божественной правды, когда симпатіи наши будутъ дышать чистою Христовой любовью» (102 стр.). А для этого человѣчество «должно возродиться духовно, возвыситъ собственный уровень, усилить энергію въ служеніи истинѣ и любви» (109 стр.). Поэтому Іисусъ Христосъ въ Нагорной проповѣди съ особой настойчивостью подчеркиваетъ обязательный для сыновъ Царства Божія подъемъ нравственныхъ обязательствъ (ibid.). Въ этихъ выдержкахъ легко найти ключъ къ раскрытію интересующей насъ мысли автора. Невольно возникаетъ вопросъ: откуда человѣчество можетъ почерпнуть столько силъ для своего нравственного перерожденія? Можетъ-ли оно всецѣло положиться на свои слабыя духовныя силы? Авторъ, краснорѣчиво умалчивая объ этомъ, отсылаетъ своихъ читателей къ Евангелію, и тамъ предлагаетъ искать для себя руководящаго начала въ жизни, рекомендуя не только «прочитать, но перечитать и продумать значеніе каждаго стиха и даже каждаго слова изъ Нагорной проповѣди Спасителя (Ев. Мѳ. 5, 6 и 7 гл.), гдѣ такъ мудро и въ то же время просто, до осязательности ясно (!) разрѣшаются самыя сложные, роковые, жгучіе вопросы жизни» (73 стр.). Мы глубоко убѣждены, что воззрѣнія о. Петрова по данному вопросу покоятся на началахъ раціонализма съ его одностороннимъ понятіемъ о средствахъ къ осуществленію Царства Божія; на началахъ того раціонализма, который полагаетъ, что Царство Божіе основано однимъ ученіемъ Христа, что центральнымъ пунктомъ этого ученія, такъ сказать, сокращеніемъ всего этого ученія, его квинтэссенціей была Нагорная проповѣдь и что эта проповѣдь послужила фундаментомъ, на которомъ суждено было воздвигнуться Царству Божію (ученіе раціоналистическихъ моралистовъ). Читатель, стоя на точкѣ зрѣнія православнаго вѣроученія, съ недоумѣніемъ спроситъ: неужели христіанинъ можетъ достигнуть нравственнаго возрожденія, духовнаго усовершенствованія своими слабыми силами безъ содѣйствія благодати Божіей, безъ руководства Св. Церкви, подающей намъ въ таинствахъ благодать, возрождающую, укрѣпляющую и ведущую насъ ко спасенію? Неужели человѣкъ совершенно не под-

готовленный къ надлежащему разумѣнію и уясненію Евангелія, можетъ, безъ руководства той же Церкви, слабыми силами своего мятущагося разума понять Нагорную проповѣдь Спасителя и найти тамъ руководственныя начала для своей жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для устроенія Царства Божія на землѣ? Неужели одна Нагорная проповѣдь исчерпываетъ все законодательство Иисуса Христа и сущность всего новозавѣтнаго Христова ученія и совершеннаго Имъ спасенія людей? Не поведетъ ли такое самостоятельное чтеніе Евангелія, безъ руководства Церкви, къ излишней гордынѣ разума, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ религіозному блужданію, т. е. къ ересямъ? Не тоже ли самое проповѣдуетъ наше раціоналистическое сектантство и толстовство? И не такими-ли путями явилось то и другое? Съ великимъ сердечнымъ смущеніемъ мы должны сказать, что—да. Авторъ экзальтированнымъ призывомъ своихъ читателей къ устроенію Царства Божія на землѣ своими духовными силами и силами ума, почерпающаго руководственныя для себя начала изъ Евангелія, но безъ руководства Церкви и благодати Духа Святаго, влечетъ читателей на скользкій и опасный путь, которымъ, какъ говоритъ намъ исторія, шли всѣ еретики и сектанты. Такія грустныя размышленія навѣваетъ книжка о. Петрова на читателя, слишкомъ далекаго отъ колебаній и сомнѣній и устойчиваго въ своихъ вѣрованіяхъ и религіозныхъ воззрѣніяхъ. Но что же сказать объ интеллигенціи, увлекающейся всякимъ вѣтромъ ученія и въ то же время ищущей разрѣшенія вѣковѣчныхъ вопросовъ нашего духа? Едва ли она найдетъ въ книжкѣ о. Петрова удовлетвореніе для ума и сердца, т. е. для своего религіозно-нравственнаго чувства. Мы безконечно бы радовались и привѣтствовали трудъ нашего автора, если бы были увѣрены, что это произведеніе, при всѣхъ своихъ недомолвкахъ и умолчаніяхъ, воодушевляетъ сердца и умы читателей одними возвышенными чувствами религіознаго характера, а не повергаетъ ихъ духа въ сомнѣнія и колебанія и не толкаетъ ихъ умъ на путь кичливости, гордыни и отрицанія, всегда влекущихъ человѣчество въ бездну лжи и гибели.

Еще одинъ принципиальный вопросъ, повергшій насъ въ недоумѣніе при чтеніи книжки о. Петрова. Авторъ, трактуя объ устроеніи Царства Божія на землѣ, ставитъ для этого необходимымъ усло-

зіемъ нравственное возрожденіе человѣка.—его нравственный подъемъ, нравственное усовершенствованіе; при этомъ нравственное усовершенствованіе онъ понимаетъ слишкомъ односторонне—въ смыслѣ суммы добра и нравственныхъ между людьми взаимоотношеній, покоющихся на принципахъ любви и правды, и личное нравственное усовершенствованіе исчерпывается человѣческой только природой. Что же тогда значать въ дѣлѣ нашего нравственнаго усовершенствованія наши отношенія къ Божеству? Авторъ не касается этого вопроса и даже какъ будто бы старается замалчивать его. Впрочемъ, мы должны замѣтить, что на всемъ протяженіи разсматриваемаго нами сочиненія авторъ одинъ разъ, какъ бы вскользь (28. 31 стр.) ¹⁾, обмолвился о нашихъ личныхъ отношеніяхъ къ Верховному Началу, т. е. къ Богу. Поэтому мы вправѣ сказать, что вопросъ объ отношеніяхъ человѣка къ Богу авторомъ совершенно игнорируется и читатель ставится въ крайнее недоумѣніе. А вѣдь наши главные обязанности, по ученію того же Евангелія, состоятъ изъ двухъ заповѣдей: а) любви къ Богу и б) любви къ ближнему. Только на основѣ этого краеугольнаго камня и возможно созиданіе Царства Божія на землѣ. Любовь наша къ ближнему настолько цѣнна въ глазахъ Божіихъ, поскольку она является плодомъ нашей любви къ Богу. Такъ какъ въ человѣческомъ существѣ неразрывно связаны между собой тѣло и душа, то въ тѣсной взаимной связи должны находиться любовь къ Богу и къ ближнему, —и успѣшное устроеніе Царства Божія на землѣ возможно только при тѣсной гармоніи и надлежащемъ взаимоотношеніи между собой этихъ двухъ заповѣдей. Авторъ многократно говоритъ

¹⁾ Указывая путь нравственнаго обновленія человѣчества, о. Петровъ мимоходомъ замѣчаетъ, что „Евангеліе, говоря намъ о Богѣ, какъ о Совершенной Любви и Абсолютной Правдѣ, о Его отношеніи къ міру и о нашихъ обязанностяхъ къ нему, наполняетъ нашу душу благоговѣйнымъ поклоненіемъ Высшему Существу (28 стр.), въ тѣсномъ, живомъ молитвенномъ единеніи съ Которымъ (человѣкъ) пріобрѣтаетъ нравственные силы“ (31 стр.). Въ этихъ словахъ, хотя неясно, отчасти затрогивается обязанность богопознанія и богопочтенія. Неясность здѣсь такая, что не сразу читатель пойметъ сущность дѣла. Въ видахъ безпристрастія и всесторонняго разсмотрѣнія вопроса, мы остановили свое вниманіе на этихъ мѣстахъ, хотя, безъ ущерба для дѣла, мы могли бы совершенно обойти ихъ молчаніемъ въ виду ихъ неясности.

въ различныхъ формахъ о любви нашей къ ближнимъ, но о любви къ Богу — умалчивается. Если бы принципъ любви къ Богу былъ проведенъ авторомъ въ его сочиненіи, тогда, навѣрное, онъ не сталъ бы проводить такую рѣзкую грань между Царствомъ Божиимъ на землѣ и Царствомъ Небеснымъ, и Царству Божию онъ не придалъ бы земнаго характера. Исключивши изъ идеи Царства Божія на землѣ элементъ нравственнаго усовершенствованія человѣческой личности въ отношеніи ея къ Богу, онъ не могъ не окрасить понятія о Царствѣ Божіемъ въ цвѣтъ человѣческой культуры, и долженъ былъ приравнять Царство Божіе къ социальному прогрессу и къ культурѣ человѣческаго рода (16, 114 стр.). Авторъ, допустивши такую ложную постановку дѣла, самъ не замѣчая того, все больше и больше отдаляется отъ духа Христова ученія, почему и сочиненіе его теряетъ колоритъ православнаго трактата. Говоря это, мы нисколько не сгущаемъ красокъ; доказательствомъ справедливости нашей мысли служить тотъ фактъ, что сочиненіе о. Петрова «Евангеліе, какъ основа жизни» читается не только православными и сектантами, но даже и иновѣрцами и приводитъ тѣхъ и другихъ въ восторгъ. Не лишне замѣтить, что тѣ и другіе зачитываются тѣми страницами, гдѣ рѣчь идетъ о томъ, что наука не можетъ внести нравственнаго прогресса въ человѣчество, но что это дѣло религіи; и что наука и религія не должны исключать другъ друга, но должны идти рука объ руку—каждая къ своей цѣли. И это мѣсто считаютъ они самымъ сильнымъ въ сочиненіи о. Петрова!.. Допустимъ, что сочиненіе нашего автора возбуждаетъ добрыя чувства у читателей и настраиваетъ ихъ на возвышенный ладъ. Но намъ хочется также знать,—это сочиненіе, почти не имѣющее православной окраски, къ какимъ осязательнымъ результатамъ приводитъ читателей? Колеблющихся въ вѣрѣ и индифферентовъ возвращаетъ ли оно въ лоно православной Церкви, или направляетъ ихъ мысли на путь самостоятельнаго исканія правды Божіей, т. е. на путь сектантства? По нашему мнѣнію возможны оба случая и второй случай, какъ намъ думается, долженъ не рѣже, если не чаще, повторяться, чѣмъ первый. И въ самомъ дѣлѣ. Какимъ образомъ можно допустить, чтобы сочиненіе, не имѣющее специфически-православнаго характера, могло служить дѣлу православной миссіи? Если

Бы возможны были подобные случаи, то на нихъ нужно было бы смотрѣть какъ на счастливое исключеніе, и, пожалуй, даже какъ на чудо. Потому-то мы крѣпко сомнѣваемся, чтобы разсматриваемая нами книжка о. Петрова служила къ пользѣ православной Церкви и имѣла бы положительное значеніе для дѣла православной миссіи.

Всѣ эти вопросы, поскольку они находятся въ тѣсной связи съ сочиненіемъ о. Петрова, имѣютъ общепринципіальное значеніе, почему мы и сочли своимъ долгомъ разсмотрѣть ихъ подробно, по существу, дабы установить правильную точку зрѣнія на произведеніе нашего автора, получившее столь широкое распространеніе въ публикѣ. На этомъ мы могли бы и окончить свой критическій разборъ вышеназваннаго сочиненія, но для полноты дѣла мы считаемъ необходимымъ сдѣлать еще нѣсколько небольшихъ замѣчаній, имѣющихъ не малую важность.

Авторъ, не извѣстно по какимъ соображеніямъ, употребляетъ не одинъ разъ въ своемъ сочиненіи нѣсколько неумѣстное и неудобное выраженіе: евангельская религія (1, 8, 28 стр.). Это выраженіе, по своей необычности, обращаетъ на себя вниманіе читателей и наводитъ ихъ мысли на всякія соображенія и сопоставленія, подчасъ даже нежелательныя по своему характеру. Невольно рождается вопросъ, почему авторъ вводитъ въ своемъ сочиненіи такое новшество? Почему онъ, на ряду съ обычной терминологіей, допускаетъ и новую? Какая же религія еще можетъ быть, кромѣ евангельской? Апостольская, вселенскихъ учителей, церковная или еще какая-либо? Благодаря этой терминологіи въ душу мыслящаго читателя можетъ закрасться сомнѣніе, дать мыслямъ его совершенно нежелательное направленіе и нарушить душевный его миръ.

Еще болѣе страннымъ кажется намъ то обстоятельство, что авторъ позволяетъ себѣ во многихъ мѣстахъ (30, 51 (2 раза), 56 (3 раза), 57 (7 разъ), 88, 107 (3 раза), 108, 111 (2 раза), 112 страницы) называть Господа Нашего Іисуса Христа однимъ только именемъ Іисусъ; на нѣкоторыхъ страницахъ это имя пестритъ, невольно привлекаетъ къ себѣ вниманіе читателей и можетъ направить ихъ мысли въ сторону Штрауса и Ренана, съ сочиненіями которыхъ кто-кто изъ нашихъ интеллигентовъ незнакомъ—если не подробно, то въ общихъ чертахъ. Мы слишкомъ далеки отъ

той мысли, что будто бы о. Петровъ, называя Основателя христіанской религіи и Спасителя рода человѣческаго однимъ именемъ Іисусъ, силится ниспровергнуть Его Божеское достоинство. Но что же дѣлать, если подобное впечатлѣніе получается отъ чтенія нѣкоторыхъ страницъ его книжки; мы это говоримъ не только отъ себя лично, но и со словъ другихъ читателей, знакомыхъ съ этимъ произведеніемъ. Эта неосторожность, повидимому и не большая, можетъ привести къ нежелательнымъ результатамъ...

Больше всего для насъ кажется страннымъ и даже непонятнымъ то обстоятельство, что авторъ въ V главѣ своего «Евангелія, какъ основа жизни», трактующей объ осуществленіи Царства Божія на землѣ среди людей, ни однимъ словомъ не упоминаетъ о вѣрѣ. Перечитайте вы сколько угодно разъ всю эту главу и нигдѣ не встрѣтите упоминанія о вѣрѣ, какъ главной основѣ нашей христіанской жизни. Авторъ какъ будто бы игнорируетъ эту христіанскую добродѣтель и свое ученіе о нравственномъ усовершенствованіи людей, г. е. о насажденіи Царства Божія на землѣ, не обосновываетъ на краеугольномъ камнѣ вѣры и оставляетъ его висящимъ въ воздухѣ. Нужно ли говорить, что этотъ пробѣлъ въ книжкѣ о. Петрова является существенно важнымъ и неоправдываемымъ ни съ какой точки зрѣнія! Считается общепринятой азбучной богословской истиной то положеніе, что нравученіе наше покоится на догматической основѣ и постольку оно цѣнно, поскольку оно вытекаетъ изъ нашей догмы. Да и нравственность наша имѣетъ свою цѣну въ глазахъ Божіихъ только тогда, когда она является плодами нашей вѣры. Больше распространяться объ этомъ вопросѣ считаемъ излишнимъ.

Чрезвычайно интересно прослѣдить по самому сочиненію о. Петрова, какъ относится нашъ авторъ къ «Евангелію», какъ къ своему первоисточнику. Разсмотрѣніе этого вопроса, касающагося литературныхъ приемовъ о. Петрова и способовъ разработки имъ даннаго предмета, покажетъ цѣнность его труда въ научномъ отношеніи и раскроетъ глаза читателю на самое сочиненіе, получившее незаслуженно столь широкое распространеніе среди нашей интеллигенціи.

Болѣе близкое и обстоятельное знакомство съ сочиненіемъ о. Петрова говоритъ читателю, что авторъ въ своихъ цитатахъ и ссылкахъ на Евангеліе допускаетъ небрежное и безцеремонное отношеніе къ

слову Божію. Иногда авторъ приводитъ текстъ св. Писанія, но не считаетъ нужнымъ указать ни священной книги, ни главы, ни стиха, откуда онъ берется (стр. 7, 15, 52, 84, 85, 92). По мѣстамъ выписываемый текстъ онъ ставитъ въ кавычки, допуская въ немъ небольшія измѣненія; при чемъ въ одномъ случаѣ цитируетъ мѣсто, а въ другомъ цитата отсутствуетъ (52, 65, 78, 95, 115, 131, 133 и 135); въ нѣкоторыхъ случаяхъ попадаются цѣлыя добавленія съ нарушеніемъ точности и съ тенденціозною цѣлью (стр. 27, 89), а иногда замѣна одного слова другимъ. Стараясь доказать различіе Царства Божія отъ Царства Небеснаго, авторъ допускаетъ такую подмѣну: текстъ—не всякъ глаголай ми, Господи, Господи, внидетъ въ царство Небесное, такъ имъ передается: не всякій говорящій мнѣ, Господи, Господи, войдетъ въ Царство Божіе (Мѡ. 7, 21, стр. 109). О. Петровъ еще больше поражаетъ насъ тѣмъ, что въ уста Іисуса Христа вкладываетъ собственныя выраженія. Такъ, на 91 стр. мы читаемъ: «Іисусъ Христосъ говоритъ ученикамъ: «совѣсть заблуждается, законъ есть иго для рабовъ, а вы взирайте на данный вамъ образъ Божества. Будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный. Примѣръ Его—вотъ вашъ законъ; Его Духъ—вотъ ваша сила». Вкладываетъ въ уста Христа даже цѣлые монологи, обращенные ко всѣмъ людямъ (104), и діалогъ, обращенный къ Никодиму (108 и 109). Нагорная проповѣдь также передается въ монологической формѣ (109, 110, 111). Къ крайнему удивленію нашему, о. Петровъ не довольствуется этимъ и идетъ еще дальше: вкладываетъ въ уста Іисуса Христа выраженія изъ посланія апостола Іоанна. «При выступленіи на проповѣдь, читаемъ мы на 103 стр., Іисусъ Христосъ, окидывая взоромъ мірскую жизнь и оцѣнивая ее съ нравственной стороны, такъ опредѣлилъ общее впечатлѣніе: міръ весь во злѣ лежитъ (1 посл. Іоан. 5, 9)». Наука не располагаетъ никакими данными, на основаніи которыхъ можно было бы вкладывать въ уста Спасителя слова Іоаннова Посланія, написаннаго спустя довольно большой промежутокъ времени послѣ Воскресенія Христова. Изъ книжки о. Петрова также мы узнаемъ, что «Іисусъ Христосъ на тайной вечери подводилъ предъ учениками итоги Своей свыше трехлѣтней проповѣди». Намъ думается, что излишняя въ данномъ случаѣ оригинальность

о. Петрова въ выраженіяхъ и терминологіи по меньшей мѣрѣ неумѣстна.

Всѣ эти особенности относятся болѣе къ внѣшней текстуальной сторонѣ дѣла. Ихъ еще больше можно было бы представить вниманію читателей, но думаемъ, что и приведенными въ надлежащей степени уясняется характеръ отношенія автора къ евангельскому тексту.

Намъ еще интереснѣе разсмотрѣть, какъ авторъ относится къ самому содержанію Евангелія: не допускаетъ ли онъ здѣсь какихъ либо извращеній и кривотолкованій? Бѣглое даже чтеніе книжки о. Петрова даетъ утвердительный отвѣтъ на поставленный нами вопросъ. Для иллюстраціи приведемъ хотя нѣсколько примѣровъ. Обращеніе Иисуса Христа къ апостоламъ: «вы соль земли» авторъ такъ комментируетъ: «чѣмъ соль является для пищи, тѣмъ должно быть Евангеліе для жизни» (74 стр.), нѣсколько дальше солью земли называется «евангельская любовь и правда въ людяхъ» (75 стр.)

✓ Толкованіе противорѣчивое и несогласное съ текстомъ евангельскимъ. Еще примѣръ. Облекши бесѣду Иисуса Христа съ Никодимомъ въ довольно длинный діалогъ, о. Петровъ совершенно извращаетъ смыслъ всей 3 главы Ев. Іоанна: онъ подъ духовнымъ возрожденіемъ разумѣетъ не таинство крещенія, какъ принято Церковью, а отреченіе отъ грѣха, возвышеніе собственнаго нравственнаго уровня и усиленіе энергіи для служенія истинѣ и любви (109 стр.) (!?). Кривотолкованіе и извращеніе смысла здѣсь очевидно. Не лучше обстоятъ дѣло и съ объясненіемъ авторомъ нѣкоторыхъ евангельскихъ разсказовъ. Передавая евангельскій разсказъ объ обращеніи Закхея, авторъ высказываетъ свой взглядъ на это евангельское событіе. По нему, переломъ въ душѣ мытаря Закхея произошелъ вслѣдствіе ничтожной случайности (56 стр.). О. Петровъ забываетъ, что въ жизни Христо-выхъ послѣдователей и въ Церкви Его не было, нѣтъ и не можетъ быть случайности. Обращеніе Закхея не ничтожная случайность, а дѣло любви и милости Божіей.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей книжки авторъ высказываетъ такіа сужденія, которыя нельзя иначе назвать, какъ заблужденіями противъ общепринятыхъ въ христіанствѣ взглядовъ на нѣкоторые предметы вѣры. Такъ, онъ въ діалогѣ Иисуса Христа съ Никодимомъ

вкладываетъ въ уста Спасителя такія слова, которыми умаляется значеніе чудесъ: «Я пришелъ не чудесами поражать умы, а словомъ проповѣди, примѣромъ жизни привлечь сердца къ Царству Божію» (108 стр.). Неправильно также и одно-сторонне понимаетъ о. Петровъ евангельское ученіе о поклоненіи Богу въ духѣ и истинѣ, толкуя это мѣсто въ томъ смыслѣ, что путь служенія Божеству Евангеліе указало въ нравственномъ совершенствѣ (84, 85 стр.) Авторъ, не останавливаясь на этомъ, идетъ еще дальше: онъ отрицаетъ потребность догмы и культа, какъ необходимыхъ основъ нашей нравственности, облекая свою мысль о служеніи Богу въ такія выраженія: не нужны Ему ни жертвы тучныя, ни дымъ кадильный, ни алтари, сіяющіе золотомъ и драгоценными камнями, не требуетъ Онъ ни поклоновъ, ни паломничествъ, ни постовъ (89 стр.). Точь-въ-точь учатъ такъ о поклоненіи и служеніи Богу наши рационалистическія секты. Есть въ книжкѣ о. Петрова одно мѣсто, которое даетъ намъ право обвинить автора въ томъ, что онъ проводитъ неправильный взглядъ на дѣло нашего искупленія. По автору, выходитъ, что «путь спасенія отъ общеміроваго зла открылъ Іисусъ Христосъ Своимъ ученіемъ и жизнью» (61 стр.); между тѣмъ какъ о крестныхъ страданіяхъ Господа, смерти и Его воскресеніи, которыми и искуплено человѣчество, онъ совершенно умалчиваетъ.

Всѣ эти выдержки, сдѣланныя нами изъ книжки о. Петрова, документально подтверждаютъ, что во многихъ мѣстахъ своего сочиненія нашъ авторъ проводитъ взгляды, несогласныя съ общепринятыми положеніями въ нашей современной православно богословской наукѣ и въ Церкви. Благодаря такимъ приемамъ нашего автора, трудъ его «Евангеліе, какъ основа жизни» утрачиваетъ типическія черты православнаго нравственно-христіанскаго сочиненія, почему и цѣнность его какъ съ научной стороны, такъ и съ точки зрѣнія православно-христіанскаго вѣро-и-нравоученія скорѣе отрицательнаго, чѣмъ положительнаго характера.

Въ заключеніе нашего разбора считаемъ не лишнимъ подѣлиться съ читателями тѣми впечатлѣніями, какія мы лично вынесли отъ чтенія книжки о. Петрова. Намъ кажется, что авторъ, давъ такое

громкое названіе своему сочиненію, не столько говорить о Евангеліи, сколько по поводу Евангелія, и не исчерпываетъ сущности вопроса. Взявъ изъ Евангелія нѣсколько истинъ, авторъ примѣнительно къ своимъ заранѣе намѣченнымъ задачамъ, варьируетъ ихъ на нѣсколько ладовъ, разбавляя ихъ по мѣстамъ нѣкоторыми эпизодами изъ евангельской исторіи. Всѣ свои мысли онъ старается облекать въ самую нарядную форму, чтобы онѣ были на эффектъ, на чувство читателя. Въ общемъ получился восторженный только призывъ читателей къ устройенію Царства Божія на землѣ, но не больше; сущность же евангельскаго ученія о Царствѣ Божіемъ совершенно не раскрыта; не раскрыты также пути и способы достиженія и насажденія Царства Божія. И читатель какъ и прежде ходилъ, такъ и теперь остается въ потемкахъ на счетъ затронутого авторомъ вопроса. Но зато въ сочиненіи о. Петрова какихъ-какихъ только свѣдѣній не найдетъ читатель. Здѣсь онъ знакомится съ характеромъ греко-римской культуры, съ дарвинизмомъ и нищенствомъ; здѣсь отведено почетное мѣсто Шопенгауэру и Боклю; здѣсь встрѣчаются громкія имена ученыхъ специалистовъ по разнымъ областямъ знанія: здѣсь упоминается философъ Бауеръ и Кольбъ съ своей «Исторіей Культуры», Пешель съ «Народовѣдніемъ», Литре и Коро—французскіе писатели, философъ Фихте и психологъ Пейю; Дриль и Летурно, Беджаменъ Киддъ и Свифтъ, Лавеле и Лебонъ и т. д. и т. д. Если бы мы вздумали перечислить всѣ имена ученыхъ, художниковъ и философовъ, встрѣчающихся въ трудѣ о. Петрова, то пришлось бы исписать цѣлую страницу. Кромѣ этого, изъ книжки о. Петрова читатель можетъ почерпнуть не мало свѣдѣній изъ разныхъ областей знанія. Такъ,—здѣсь мы находимъ сказаніе объ очень любопытномъ фактѣ, что пшеница, пролежавшая болѣе трехъ тысячъ лѣтъ до Рождества Христова въ пирамидѣ Египетской и найденная недавно ученымъ археологомъ, дала прекрасный плодъ, будучи посѣянной въ землю. Тамъ же мы находимъ очень любопытное упоминаніе объ одномъ римскомъ воинѣ, найденномъ при раскопкахъ Помпеи. Оказывается, что война этого застигла смерть на посту при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей: онъ не сошелъ со своего поста и умеръ геройскою смертію, только надвинувъ на лицо свое забрало. Любопытно и трогательно! Оттуда же мы почерпаемъ свѣдѣнія и о томъ, что Ньютонъ

открылъ законы тяготѣнія, постоянно думая объ этомъ. Тамъ же мы узнаемъ, что римскіе гладіаторы, проходя мимо императорской ложи въ театрѣ, восклицали: ave, Caesar! Morituri te salutant. Можно было бы еще привести нѣсколько любопытныхъ примѣровъ, но мы ограничимся только этими. Къ чему нагроможденіе этихъ разсказовъ и свѣдѣній въ книжкѣ о. Петрова, вѣдь они нисколько не уясняютъ сущности дѣла и къ дѣлу не относятся? Но напрасно сталъ бы читатель искать въ книжкѣ нашего автора именъ дорогихъ сердцу вѣрующаго чловѣка, свѣточей христіанства, столповъ вселенской церкви: Аѳанасія Великаго, Василя Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста и Іоанна Дамаскина, или изъ нашей отечественной церкви: Святителя Димитрія Ростовскаго, Филарета Митрополита Московскаго, Иннокентія Архіепископа Херсонскаго, Амвросія Архіепископа Харьковскаго. Увы! читатель не найдетъ ихъ, ибо ихъ тамъ нѣтъ. Правда, на протяженіи всей книжки встрѣчаются два выраженія, изъ коихъ одно принадлежитъ Св. Тихону Задонскому, а другое—Θомъ Кемпійскому и только, да еще есть три ссылки на св. апостола Павла. Но всѣ эти ссылки сдѣланы авторомъ какъ бы вскользь, мимоходомъ, не нарочно и, теряясь среди массы громкихъ именъ древнихъ и новыхъ мудрецовъ, представителей науки и искусствъ, онѣ утрачиваютъ свой смыслъ и значеніе въ глазахъ читателей. Мы бы не стали даже объ этомъ вести и рѣчи, если бы «Евангеліе, какъ основа жизни» не принадлежало перу православнаго священника и не было богословскимъ трактатомъ. Правда, существуетъ пословица: на нѣтъ и суда нѣтъ; но она въ данномъ случаѣ совершенно не примѣнима. Станнымъ покажется всякому въ богословскомъ трактатѣ видѣть цѣлую энциклопедію именъ и свѣдѣній изъ разныхъ областей знанія, и тѣмъ болѣе странно, что авторство его принадлежитъ богослову и духовному лицу. Слова нѣтъ—трактатъ вышелъ интереснымъ для извѣстной части читателей, но мало убѣдительнымъ для истинныхъ чадъ Церкви. Экзальтированно-приподнятый тонъ рѣчи и вычурность изложенія исключили истинно-религіозную назидательность изъ разсматриваемой нами книжки. Пигментъ, окрашивающій все произведеніе о. Петрова, не можетъ быть названъ строго православнымъ; читатель безъ предвзятой мысли скажетъ, что отъ книжки нашего автора вѣетъ чѣмъ-то инымъ, но не духомъ

православія и благочестія; и вѣрующій не найдетъ тамъ для себя пищи, а тѣмъ больше указаній, какими путями насадить въ своемъ сердцѣ и среди своихъ ближнихъ Царство Божіе.

Не можемъ пройти молчаніемъ и того обстоятельства, что литературно-проповѣдническая дѣятельность о. Петрова вызвала въ современной и повседневной печати шумную полемику. Направленіе борющихся сторонъ вполне опредѣлилось. Съ своей стороны мы не будемъ касаться этихъ пререканій, такъ какъ это не входитъ въ задачу нашего критическаго разбора. Пусть спорятъ: отъ споровъ и пререканій будетъ немалая польза для дѣла,—такъ какъ по пословицѣ латинской—*ex contrariis veritas cognoscitur*, т. е. изъ противоположныхъ мнѣній (надлежащимъ образомъ) выясняется истина.

Разставаясь съ трудомъ о. Петрова «Евангеліе, какъ основа жизни», пожелаемъ ему явиться въ свѣтъ, при новомъ изданіи, въ исправленномъ, совершенно переработанномъ и обновленномъ видѣ. Пожелаемъ, чтобы новое изданіе книжки о. Петрова было чуждо указанныхъ нами недостатковъ, возбуждающихъ и могущихъ возбудить въ умахъ и сердцахъ читателей сомнѣнія и колебанія, а въ богословской литературѣ пререканія, неодобренія и споры. Въ настоящемъ же видѣ трудъ о. Петрова вызываетъ много и много нечальныхъ недоумѣній и споровъ; и въ такомъ видѣ польза отъ него не только весьма и весьма сомнительна, а, можемъ сказать необинуясь, вредъ несомнѣнный. Инидемъ эти строки не за страхъ, а за совѣсть, не по лицепріятію, а истины ради, истины—святой и неподкупной.

При оцѣнкѣ произведенія о. Петрова мысль наша невольно переносится къ апостолу, который совѣтуетъ не мудрствовать паче, еже подобаетъ мудрствовать (Рим. 12, 3). Припоминаются намъ и другія слова того же апостола: у людей ли я нынѣ пищу благоволенія или у Бога? людямъ ли угождать стараюсь? Если бы я и понынѣ угождалъ людямъ, то не былъ бы рабомъ Христовымъ» (Галат. 1, 10). И въ самомъ дѣлѣ: для чего о. Петрову стоять на томъ ложномъ пути, противъ котораго направлены слова апостола Павла? Для чего ему прибѣгать къ совершенно ненужнымъ новшествамъ и оригинальничанью? Что пользы въ громкой, но бездушнѣйшей фразѣ? Что говорить уму и сердцу

русскаго человѣка перечень громкихъ именъ заграничныхъ знаменитостей? Почему бы ему не говорить и не писать языкомъ библейскимъ и св. Церкви? Авторъ, не отступая отъ традиціонныхъ приемовъ, могъ бы создать нѣчто такое, предъ чѣмъ блѣднѣли бы его фельетонныя, звонкія, но бездушныя рѣчи и писанія, предъ чѣмъ бы, думаемъ, склонялась и благоговѣла и наша интеллигенція, и нашъ народъ.

П. Козицкій

Два слова о миссіонерахъ—книгоношахъ.

Въ декабрьской книжкѣ „Миссіонер. Обзорѣнія“ за прошлый годъ г. Боголюбовъ настойчиво рекомендуетъ „въ помощь енархіальнымъ миссіонерамъ выдвинуть повсемѣстно новыхъ людей-миссіонеровъ, сотрудниковъ изъ народа“. Эти лица, занимаясь собственно разноской книгъ, брошюръ и листовъ по епархіи, утверждаютъ православныхъ въ тѣхъ мысляхъ, какія проводились на бесѣдахъ миссіонеровъ, при чемъ по домамъ, келейно, собираютъ свѣдѣнія о религіозно-нравственномъ состояніи тѣхъ или другихъ лицъ или обществъ и обо всемъ доносятъ енархіальному миссіонеру, въ вѣдѣніи котораго они непосредственно находятся и отъ котораго главнымъ образомъ получаютъ указанія для своей миссіонерской дѣятельности. По заявленію г. Боголюбова, „результаты ихъ службы (разумѣется Харьковская епархія)—самые утѣшительные“.

Чѣмъ же вызывается учрежденіе института такъ называемыхъ енархіальныхъ миссіонерскихъ книгоношъ? Тѣмъ обстоятельствомъ, что одинъ миссіонеръ (рѣдко трое) не въ состояніи часто бывать вездѣ, а между тѣмъ сектанты не дремлютъ. Что же стражи православія—священники? Почему они не могутъ помогать миссіонеру? Имъ 1) некогда, у нихъ много другихъ дѣлъ; 2) у многихъ изъ нихъ нѣтъ надлежащей миссіонер-

ской подготовки; 3) у нихъ часто не достаетъ смѣлости, характера въ сношеніяхъ съ сектантами.

Такимъ образомъ оказывается, что для дѣла противосектантской миссіи гораздо полезнѣе книгоноши изъ простолюдиновъ, чѣмъ приходскіе священники. А между тѣмъ г. Боголюбовъ называетъ священниковъ „существеннымъ оплотомъ нашей миссіи въ народѣ“. Интересно знать, въ чемъ же онъ полагаетъ этотъ существенный оплотъ? Въ „правилахъ объ устройствѣ миссій“ миссіонерство ставится въ обязанность каждому приходскому священнику и точно опредѣляется его сущность. Каждый приходскій священникъ обязывается, съ одной стороны, заботиться объ утвержденіи въ православіи и огражденіи отъ заблужденій раскольниковъ и сектантскихъ своихъ вѣрныхъ чадъ, съ другой,—о возвращеніи въ лоно Церкви заблудшихъ, между прочимъ путемъ открытыхъ собесѣдованій. И это вполнѣ естественно. Миссіонерство нельзя отдѣлять отъ пастырства, если не полагать только послѣдняго въ совершеніи богослуженія и требъ церковныхъ. Какъ люди къ тому же въ большинствѣ случаевъ образованные и въ частности богословски образованные, священники естественно являются ближайшими и существенными помощниками епархіальнаго миссіонера. Успѣхъ нашей миссіи среди раскольниковъ и сектантовъ зависитъ исключительно отъ отношенія къ этому дѣлу приходскаго духовенства. Наши гг. противораскольническіе и противосектантскіе миссіонеры не всегда вѣрно понимаютъ задачу своей дѣятельности. Они полагаютъ, что они вездѣ обязаны вести бесѣды съ раскольниками и сектантами, что ихъ только бесѣды имѣютъ безусловное значеніе, что поэтому они опора православія и бичъ отпадшихъ. Намъ кажется, что задача епархіальныхъ миссіонеровъ—быть руководителями духовенства въ дѣлѣ борьбы съ заблужденіями, объединить его дѣятельность, быть посредникомъ между нимъ и епархіальною властію. Слѣдовательно, вся тяжесть борьбы съ религіозными заблужденіями лежать должна на приходскомъ духовенствѣ—этомъ постоянномъ миссіонерѣ. Если епархіальный миссіонеръ не имѣетъ физической возможности бывать часто въ мѣстахъ зараженныхъ сектантствомъ, то что можетъ сдѣлать книгоноша миссіонеръ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ узнаетъ о новыхъ отпаденіяхъ? Вѣдь въ эти мѣста нужно прибыть самому миссіонеру или же его роль исполнить книгоноша изъ простецовъ? И не странно

ли? Простецъ можетъ быть отличнымъ миссіонеромъ, а священники отъ этого дѣла устраниются, потому что не имѣютъ миссіонерской подготовки.

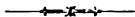
Мнѣ всегда представлялась странною мысль о священникахъ, получившихъ богословское образованіе, но не подготовленныхъ къ борьбѣ съ сектантами... Сколько извѣстно, теперь въ семинаріяхъ дается теоретическая, и въ нѣкоторыхъ и практическая подготовка къ миссіи среди раскольниковъ и сектантовъ. Если же нѣкоторые священники таковой подготовки не получили, то что мѣшаетъ имъ самимъ подготовиться? Если малограмотные крестьяне, перешедшіе въ секту, въ состояніи возражать противъ истинъ православія, опровергать ихъ на извѣстныхъ основаніяхъ и защищать свои заблужденія, то странно допускать, чтобы православный священникъ не смогъ защитить православіе и опровергнуть ложь мужика-сектанта.

Для облегченія миссіонерской дѣятельности приходскихъ священниковъ „Правилами объ устройствѣ миссій“ рекомендуется выбирать изъ среды прихожанъ лицъ, способныхъ къ собесѣдованію съ раскольниками и сектантами, снабжая наставленіями, указаніями и необходимыми книгами. Это совѣтъ не то, что книгоноши-миссіонеры. Эти лица дѣйствуютъ открыто, публично, и находятся подъ постояннымъ, непрерывнымъ контролемъ мѣстнаго священника. Между тѣмъ книгоноши-миссіонеры г. Боголюбова дѣйствуютъ по указанію только миссіонера, слѣдовательно, въ данномъ приходѣ, повидимому, самостоятельно и при томъ ведутъ бесѣды и собираютъ свѣдѣнія частнымъ образомъ, келейно. Кто же поручится, что эти книгоноши-миссіонеры, при томъ изъ бывшихъ сектантовъ, келейно не пропагандируютъ сектантства? Другое дѣло, если бы ихъ дѣятельность контролировалась мѣстнымъ священникомъ. Но этого то и не допускается, а допускается обратное, именно, что книгоноши-миссіонеры контролируютъ дѣятельность мѣстнаго священника, собирая точныя свѣдѣнія обо всемъ, что дѣлается и чего не дѣлается въ приходѣ и обо всемъ донося миссіонеру. Это, такъ сказать, тайная полиція епархіальнаго миссіонера. Г. Боголюбовъ знаетъ только хорошее о книгоношахъ-миссіонерахъ, а я знаю и дурное. Они дѣйствительно собираютъ разнаго рода свѣдѣнія, нужныя для епархіальнаго миссіонера, но часто эти свѣдѣнія совершенно ложныя, непровѣренныя или же не

выполнѣ достовѣрныя. Задобренные хорошимъ пріемомъ, а иногда и деньгами со стороны прихожанъ, нерѣдко сектантствующихъ, лично нерасположенныхъ почему-либо къ приходскому священнику, они нерѣдко вносятъ въ уши миссіонеру ложные извѣты... Изъ жизни тѣхъ епархій, гдѣ существуютъ книгоноши-миссіонеры, извѣстны и такіе факты, что они открыто величались предъ прихожанами своимъ значеніемъ и грозили смѣщеніемъ мѣстнымъ священникамъ. Въ виду сказаннаго слѣдуетъ ли хлопотать объ усиленіи этого института, о его повсемѣстномъ распространеніи? Если книгоноши-миссіонеры нужны епархіальному миссіонеру для собиранія свѣдѣній о появленіи, о распространеніи сектантства, образѣ дѣйствій священника, то объ этомъ ему скажетъ правду само духовенство. Последнее само видитъ въ сектантствѣ опаснаго врага и ищетъ помощи у епархіальной власти. Помимо духовенства о сектантахъ скажетъ православное населеніе, учитель школьный, епархіальн. училищн. наблюдатель, полицейская власть. Если же епархіальному миссіонеру нужно не это, а чтобы сдѣланный имъ добрый слѣдъ не былъ замеченъ сектантствомъ, то нужно обратиться къ другимъ средствамъ—къ правильной и прочной организаціи приходской, уѣздной и окружной миссіи. Въ приходскихъ, уѣздныхъ и окружныхъ миссіонерахъ, удачно подобранныхъ, епарх. миссіонеръ найдетъ для себя дѣйствительныхъ соразработниковъ и облегчитъ свою заботу. Правда, г. Боголюбова подкупаетъ дешевизна содержанія книгоношъ-миссіонеровъ, но что толку изъ этого? Дешево, да гнило...

Желательно, чтобы по данному вопросу высказались и другія лица, близко стоящія къ дѣлу.

А.

Еще о миссіонерахъ—книгоношахъ.

(Отвѣтъ г. К.).

Книга Дѣяній Апостольскихъ свидѣтельствуемъ, что священныя должности въ Церкви Христовой появлялись не сразу. Непосредственно по Вознесеніи Христовомъ во главѣ вѣрующихъ стояли одни Апостолы. Потомъ нужда породила діаконовъ (Дѣян. 6 гл.), пресвитеровъ (—14 гл.) и діакониссъ (Рим. 16, 1).

Подобное этому происходитъ въ современной Церкви православнои. Пока въ нѣдрахъ ея не было хорошо организованныхъ расколовъ и сектъ, не было и особыхъ лицъ, поставленныхъ для борьбы съ ними. Со временемъ же нужда вызвала въ жизни миссіонеровъ, которымъ Церковь указала поле дѣятельности: увѣщевать расколо-сектантовъ и утверждать въ преданности родной вѣрѣ своихъ колеблющихся братьевъ.

Съ появленіемъ миссіонеровъ православные христіане однако не всѣ сразу примирились. Находились люди, которымъ миссіонеры не нравились. Эти люди говорили, что въ Церкви Христовой миссіонеры не нужны. Ихъ дѣло будто бы прямо входитъ въ кругъ обязанностей священниковъ. И потому—утверждали—пусть священники работаютъ сами, а миссіонеры исчезаютъ съ лица земли...

Но жизненныя обстоятельства оказались сильнѣе всякихъ поверхностныхъ мнѣній,—и миссіонеры утвердились на своихъ должностяхъ повелѣніемъ Святѣйшаго Синода.

Теперь жизнь подсказываетъ новыя соображенія. Доказано опытомъ, что для борьбы съ расколо-сектантствомъ не достаточно однихъ „дипломированныхъ“ миссіонеровъ и священниковъ. Расколо-сектантская пропаганда слишкомъ углубилась въ народную жизнь. Для наблюденія за этой пропагандой нужно создать особыхъ лицъ, совершенно близкихъ къ народу.—И вотъ повсемѣстно миссіонеры стали заводить себѣ сотрудниковъ изъ крестьянъ. Этими сотрудникамъ поручаются различныя обязанности. Между прочимъ нами было рекомендовано, въ качествѣ

испытанной миссіонерской мѣры, заводить по епархіямъ миссіонерскихъ книгоношъ изъ народа, которые бы находились въ непосредственномъ завѣдываніи епархіальныхъ миссіонеровъ.

Мы надѣялись, что своимъ предложеніемъ не создаемъ „пункта преткновеннаго“ для приходскихъ дѣятелей. Но нашелся г. К*, который наше предложеніе отвергаетъ.

Разсмотримъ же, въ интересахъ миссіи, ходъ его разсужденій.

Для начала рѣчи поставимъ основной вопросъ: нужны ли намъ особые книгоноши въ борьбѣ съ расколо-сектантствомъ?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ намъ представляется такая жизненная картина.—Тяжело нагруженный возъ застрялъ въ болотѣ. Съ каждымъ мгновеніемъ онъ все болѣе и болѣе уходитъ въ грязь. Хозяинъ воза соображаетъ: послать ли за помощью въ родной городъ, гдѣ у него есть сильныя лошади и опытные работники, или обратиться за помощью въ бѣдное село, которое расположено вблизи зловоннаго болота?

Минутное колебаніе хозяина оканчивается рѣшеніемъ — сейчасъ же послать въ близлежащее село за людьми и, при ихъ содѣйствіи, освободить возъ изъ грязи...

Возникаетъ вопросъ: хорошо ли поступилъ хозяинъ воза, что „въ скорбный часъ“, обошелся безъ дорогихъ помощниковъ?

Намъ думается, что на этотъ вопросъ двухъ отвѣтовъ быть не можетъ. — Но именно въ такомъ положеніи находится вопросъ о миссіонерахъ-книгоношахъ. — Наше миссіонерское дѣло страдаетъ подъ тяжестью неблагопріятныхъ „домашнихъ“ обстоятельствъ... Его отягощаютъ хитрые приемы расколо-сектантской пропаганды. Базалось бы, всякой дѣйствительной помощи своему дѣлу,—откуда бы ни подавалось намъ содѣйствіе,—мы должны радоваться. Но г. К* скорбитъ, что мы совѣтуемъ миссіонерамъ обращаться за сотрудничествомъ не къ однимъ священникамъ, а и къ миссіонерскимъ книгоношамъ...

Позвольте, однако, почтеннѣйшій г. К., въ вашихъ разсужденіяхъ замѣтно удивительное quid pro quo: чтобы составить свою „замѣтку“, вы навязываете мнѣ чуждую мысль. Вы подозреваете, будто я недостаточно цѣню сотрудничество миссіонерамъ со стороны священниковъ. Вы въ горячности спрашиваете: „почему священникъ не можетъ помогать миссіонеру?“

Скажу вамъ откровенно: вы ломитесь въ открытую дверь. Я, какъ миссіонеръ, не только лично цѣню труды священниковъ въ нашемъ дѣлѣ, но о священникахъ выражаюсь прямо, какъ о „существенномъ оплотѣ миссіи въ народѣ“ („Мис. Обзор.“ 1902 г. стр. 879). Если приходскіе пастыри—„существенный оплотъ нашей миссіи въ народѣ“, то, конечно, ихъ значеніе въ дѣлѣ вразумленія заблудшихъ огромно и несомнѣнно...

Но вѣдь въ знаніяхъ рядомъ съ главными колоннами употребляются побочныя опоры для поддержанія навѣса. Такъ и въ миссіонерскомъ дѣлѣ: дознано, что священники, подавленные тяжестью своихъ первѣйшихъ обязанностей, не имѣютъ времени пристально бесѣдовать съ расколо-сектантами по домамъ. Не тайна для насъ—то, что фанатики-сектанты уклоняются отъ бесѣды съ священниками; многіе же пастыри въ расколо-сектантскихъ приходахъ не умѣютъ основательно поговорить съ церковными отщепенцами. Въ виду этого, миссіонеры, въ помощь приходскимъ священникамъ, выдвигаютъ крестьянъ-книгоношъ, — людей. „седмирицею искушенныхъ“ въ миссіонерскихъ вопросахъ.

Возставать противъ этихъ „новыхъ должностей“ въ православной Церкви безусловно не слѣдуетъ. Книгоноши, какъ духовные санитары, могутъ пройти зараженную мѣстность всю; могутъ изъ двора во дворъ пронести „слово благопріятное“ для нашей Церкви на языкѣ простонародномъ. Въ то же время книгоноши ничѣмъ не выдѣляются по общественному положенію среди крестьянъ. Съ этихъ сторонъ они являются дорогими людьми для нашей миссіи...

Но г. К*, какъ сухой теоретикъ, не хочетъ считаться съ жизненными потребностями и возстаетъ противъ книгоношъ. Онъ, очевидно, мало освѣдомленъ о той огромной роли, какую въ сектантствѣ играютъ бродячіе книгоноши. Онъ утверждаетъ: „успѣхъ нашей миссіи среди раскольниковъ и сектантовъ зависитъ исключительно отъ отношенія къ этому дѣлу приходскаго духовенства“. Это духовенство „можетъ защищать православіе и опровергнуть ложь мужика-сектанта“. Потому не только миссіонеры-книгоноши не нужны, но и епархіальные миссіонеры, лишь неправильно понимая задачи своей службы, вѣздятъ съ бесѣдами по селамъ... Раскрывая эту послѣднюю мысль, г. К. говоритъ, что наши священники получаютъ „богословское обра-

зованіе“ въ семинаріяхъ. Вслѣдствіе того самое предположеніе о „неподготовленности“ священниковъ къ миссіонерской борьбѣ кажется ему „страннымъ“.

Остановимся на изложенныхъ разсужденіяхъ г. К. Замѣтимъ съ самаго же начала, что и мы придаемъ огромное значеніе трудамъ пастырей въ миссіонерскомъ дѣлѣ. На этомъ основаніи мы называемъ священниковъ „существеннымъ оплотомъ нашей миссіи“.

Но разные бываютъ священники. Есть сектантскіе приходы, въ которыхъ мѣстные пастыри безсильны „защитить православіе и опровергнуть ложь мужика-сектанта“. Да, — говоримъ это съ болью сердечной и съ полной основательностью, опирающейся не на сухія теоріи г-на К., а на многочисленныя жизненные случаи. Намъ часто встрѣчались прекрасные, „душевные“ пастыри, которые со слезами признавались въ своемъ безсиліи бороться съ расколо-сектантами.

Отъ чего это зависѣло?

Увы! причина зла лежала здѣсь въ самомъ строѣ современнаго семинарскаго образованія. „Странно“ сказать, — многіе наши семинарскіе преподаватели даже обличеніе расколо-сектантства ухитряются проходить по книжкамъ. — безъ попытки оживить это обличеніе примѣрной полемикой сторонѣ. Нечего удивляться, если изъ рукъ такихъ мастеровъ ученики выходятъ недоразвитые, если они послѣ „ступить не умѣютъ“ при столкновеніи съ живыми расколо-сектантами...

А г-ну К. кажется „страннымъ“ наше подозрѣніе на счетъ миссіонерской неподготовленности священниковъ къ борьбѣ съ расколо-сектантами!

Не сомнѣваемся послѣ того, что мы имѣемъ дѣло съ преподавателемъ семинаріи — расколовѣдомъ. Только иные изъ этихъ господъ, никогда сами не встрѣчавшіеся въ жизни съ раскольниками и сектантами, могутъ высоко думать о значеніи теоретическаго расколо или сектообличенія. Только такимъ теоретикамъ-рутинерамъ обязаны мы печальнымъ явленіемъ, что наши семинаристы живое дѣло полемики съ раскольниками и сектантами представляютъ себѣ сухой книжной „схоластикой“...

Но пусть сообразитъ г. К*, что студентовъ-технологовъ не пускаютъ строить мостовъ на основаніи только отвлеченныхъ математическихъ вычисленій, относящихся къ постройкѣ. Этихъ

студентовъ еще на школьной скамьѣ знакомятъ съ практикой всякихъ построекъ. Нашихъ же семинаристовъ безстрашно пускаютъ въ пучину житейскую врачевать расколо-сектантскія болѣзни на основаніи одного сухого изученія жиденькихъ по содержанию учебниковъ...

Разумно ли это?..

Нѣтъ. Такіе порядки хуже, чѣмъ бесполезны для православной Церкви. Семинаристовъ необходимо заблаговременно, на практикѣ, готовить къ ожидающей ихъ многотрудной дѣятельности. Пока же этого нѣтъ и въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ царствуютъ господа Е*, до тѣхъ поръ епархіальнымъ миссіонерамъ безусловно необходимо самимъ ѣздить для собесѣдованій съ расколо-сектантами и для той же цѣли держать при совѣтахъ братствъ особыхъ миссіонеровъ-книгоношъ...

Къ сказанному присоединяемъ еще замѣчаніе: г. К. слишкомъ преувеличиваетъ значеніе дѣятельности приходскихъ священниковъ. Сказать, что отъ ихъ заботъ исключительно зависитъ успѣхъ миссіи въ данной мѣстности,—это значитъ пойти противъ очевидной дѣйствительности. Постоянно бываетъ, что благопріятную почву для пастырскихъ трудовъ въ расколо-сектантскихъ приходахъ расчищаетъ епархіальный миссіонеръ. Своими бесѣдами онъ подрываетъ въ народѣ довѣріе къ сектантскимъ рѣчамъ; ослабляетъ самоувѣренность въ расколо-сектантской средѣ—и тѣмъ самымъ открываетъ широкое и удобренное поле для скромной дѣятельности приходскихъ священниковъ. Поэтому успѣхъ миссіи ставить въ исключительную зависимость отъ трудовъ мѣстныхъ пастырей,—обходя соответствующія заслуги епархіальныхъ миссіонеровъ,—могутъ только люди, совершенно незнакомые съ жизнью и нерасположенные къ епархіальнымъ миссіонерамъ.

Вообще же намъ кажется, что весь походъ теоретика г. К. противъ миссіонеровъ-книгоношъ основанъ на недоразумѣніи. Авторъ разбираемой нами „замѣтки“ полагаетъ, что книгоноши, находясь въ непосредственномъ распоряженіи епархіальнаго миссіонера, совершенно не зависятъ отъ приходскихъ священниковъ и дѣйствуютъ даже въ подрывъ имъ.

Считаемъ своею обязанностью успокоить г. К.: ничего подобнаго нѣтъ въ Харьковской губерніи и невозможно въ жизни. Извѣстное дѣло, что даже епархіальные миссіонеры, безъ благо-

словенія священниковъ, не открываютъ бесѣдъ въ ихъ приходахъ. Тѣмъ болѣе это нужно сказать о книгоношахъ. По харьковскимъ правиламъ, являясь въ приходъ, они прежде всего идутъ къ священнику. Отъ него берутъ благословеніе и указанія для своей дѣятельности. Только послѣ того книгоноши имѣютъ право обходить дома крестьянъ. Къ вечеру они опять являются къ священнику съ докладомъ.—Если же какой-либо книгоноша, когда-либо, поступилъ иначе, если бы онъ заговорилъ по сектантски,—развѣ объ этомъ не узнали бы православные? И развѣ можетъ что-нибудь подобное скрыться отъ священника?.. Но тогда онъ имѣетъ полномочіе удалить сомнительнаго книгоношу изъ своего прихода и обо всемъ донести по начальству...

Несправедливо также г. К* приклеиваетъ къ званію книгоношъ обидную кличку „тайной полиціи“ при епархіальномъ миссіонерѣ. Въ задачу службы книгоношъ не входитъ обязанность „шпіонить“ на священниковъ. Все же замѣчать въ приходахъ, касающееся расколо-сектантскихъ дѣлъ, и обо всемъ правдиво доносить епархіальному миссіонеру,—это, по нашему крайнему мнѣнію, не шпіонство. Вѣдь и сами миссіонеры о своихъ дорожныхъ впечатлѣніяхъ доносятъ владыкамъ. Ужели и они — тоже шпіоны при архіереяхъ?..

„У страха глаза велики“, а потому г. К. всего боится,—даже безобиднаго куста. Онъ, очевидно, не довѣряетъ благоразумію и безпристрастію епархіальныхъ миссіонеровъ. Потому считаетъ вреднымъ для священниковъ общеніе миссіонеровъ съ книгоношами.

Однако для успокоенія приходскихъ пастырей нужно сказать, что за 1½ года службы книгоношъ въ Харьковской епархіи, по ихъ донесеніямъ, не было ни одного тяжелаго дѣла. Слѣдовательно, въ дѣйствительности книгоноши не такъ опасны для священниковъ, какъ ихъ изображаетъ г. К.

Но допустимъ, гдѣ-нибудь нашелся легковѣрный миссіонеръ, который сталъ бы придавать преувеличенное значеніе донесеніямъ книгоношъ. На такого неопытнаго миссіонера и соблазняющаго его книгоношу всегда можно жаловаться архіерею. Владыка положить злоупотребленіямъ предѣлъ,—и правда восторжествуетъ...

Въ заключеніе скажемъ о „дешевизнѣ“ содержанія книгоношъ. Да, мы радуемся тому, что можемъ указать дешевый способъ

миссіонерскаго воздѣйствія на людей. И радость наша вполне понятна. Кто не знаетъ, какими скудными средствами располагають епархіальныя миссіи вообще?

Но г. К. напрасно вышучиваетъ насъ послѣдними словами своей „замѣтки“: „дешево—да гнило!“ Мы восхищаемся миссіонерами-книгоношами не потому, что они нравственно дешевы. Они мало требуютъ отъ насъ матеріальныхъ расходовъ; но, какъ миссіонеры, они—достойнѣйшіе люди.

На основаніи всего высказаннаго, „замѣтку“ г. К. о книгоношахъ слѣдуетъ считать легковѣсной и весьма вредной по тому недружелюбію, которымъ она дышитъ въ отношеніи къ епархіальнымъ миссіонерамъ. — Въ виду этого, мы позволяемъ себѣ держаться разъ высказаннаго нами мнѣнія. И такъ какъ мы убѣждены, что мнѣніе наше оправдывается потребностями жизни, то съ новой силой совѣтуемъ братьямъ миссіонерамъ по епархіямъ заводить книгоношъ, какъ весьма полезныхъ людей для успѣховъ нашего дѣла. — При добромъ желаніи, священники уживутся съ книгоношами. Пусть только господа К. въ семинаріяхъ озаботятся дать нашимъ пастырямъ лучшую миссіонерскую подготовку!..

Д. Боголюбовъ.

„О помазаніи ступни ногъ въ масло—и—мυропомазаніи“.

(Братская замѣтка миссіонерствующаго іерея).

Настоящею замѣткою касаюсь вопроса, неважнаго по существу, но не безпреткновеннаго въ миссіонерскомъ отношеніи.

Да не посѣтуютъ на меня за нее собратья пастыри.

Дѣлю въ слѣдующемъ.

При маслопомазаніи крещаемаго, по указанію требника, помазаніе совершается на челѣ, персѣхъ, междораміи, ушахъ, рукахъ и на ногахъ, съ произношеніемъ въ каждомъ случаѣ извѣстныхъ словъ «воеже... и пр., и при помазаніи ногъ «воеже ходити ему по стопамъ заповѣдей твоихъ». Такой порядокъ помазанія, за исключеніемъ междорамія, и при Св. Мυропомазаніи, съ произношеніемъ, конечно, таинственныхъ словъ «Печать дара Св. Духа».

Но вотъ вопросъ, помазывая ноги крещаемаго, мы іереи расходимся въ своихъ дѣйствіяхъ: нѣкоторые помазываютъ колѣна крещаемаго, нѣкоторые верхнюю часть ступни, а нѣкоторые нижнюю часть. Такая разность происходитъ потому, что въ требникѣ нѣтъ на это руководственнаго указанія, а за отсутствіемъ онаго, дѣйствіе помазанія ногъ крещаемаго предоставлено на усмотрѣніе самихъ пастырей*). Мнѣ приходилось неоднократно имѣть разговоръ со многими почтенными іереями и большинство изъ нихъ стоятъ за то, что, при помазаніи ногъ, надо начертить Крестъ на нижней части ступни примѣнительно къ словамъ: «во еже ходити ему по стопамъ заповѣдей твоихъ». Собственно говоря, помазывать колѣно-ли, верхнюю-ли или нижнюю часть ступни, это—безразлично; но дѣло въ томъ, что помазаніе нижней части ступни даетъ поводъ раскольникамъ, о чемъ мнѣ заявляли публично на бесѣдѣ, высказывать лишнее обвиненіе

*) Смотри «Церк. Вѣст.» 1890 г., № 15.

Св. Церкви православной и даже соблазнять немощныхъ ея чадъ. Въдъ мятушійся духъ раскольника-безпоповца строго слѣдитъ за всѣми нашими дѣйствіями и иногда для совершенно незначительнаго вытолковываетъ значеніе, а миссіонерствующей братіи нашей приходится все разъяснять и оправдывать во избѣжаніе традиціоннаго раскольничьяго возгласа—«Миссіонеръ не отвѣтилъ»!..

Напримѣръ, вотъ что безпоповцы вытолковали и вывели изъ того, что нѣкоторые іереи помазываютъ нижнюю часть ступни ногъ.

«Какъ вы еще не еретики никоніане, вы горше папешниковъ; тѣ, написавши честный Крестъ, разъ его топчутъ ногами, а вы сіе Божественное знаменіе всегда подъ ногами носите; въ Кирилловой, книгѣ на оборотѣ листа 59-го сказано: «тогда явится знаменіе Сына Человѣческаго на небесѣхъ, не ино есть знаменіе Сына Человѣческаго, но единъ Крестъ честный, его же на рамахъ своихъ Христосъ на страсть грядый съ мѣста снесъ на гору Голгофу, на немъ же и титуло его отъ Пилата было написано. То знаменіе Христово нынѣ единіи безуміемъ и прекословіемъ возгордивши отвергли. А друзи *еритими ругающесе ему, на большее Христу досажденіе, на ноги свои носятъ... и то кресту попиратели себѣ же на большую погубель*». Конечно, не мѣсто здѣсь разбираться въ этихъ словахъ Кирилловой книги, своевременно сказанныхъ на латинянь. Но такое обвиненіе безпоповцами православной Церкви, высказанное и подкрѣпленное книгой, гдѣ либо въ захолустѣ, среди темнаго люда найдетъ себѣ хорошую почву... Въ самомъ дѣлѣ, мужичекъ услыша такое, хотя и нелѣпое, обвиненіе, посмотритъ въ Церкви, что на самомъ дѣлѣ и было, какъ православный батюшка дѣйствуетъ при крещеніи, наглядно убѣдится, что раскольникъ право ему говорилъ, ну и отпаденіе готово. У насъ есть примѣры, что сумняшійся православный сынъ Церкви принесъ крестить младенца за 18 веретъ къ единоувѣрческому священнику, и на вопросъ послѣдняго, почему онъ не крестилъ въ своемъ приходѣ, мужичекъ заявилъ, «что, молъ, тамъ будутъ подошву ногъ миромъ мазать». Въдъ это хорошо, что мужичекъ обратился къ единоувѣрческому священнику, а если же, что очень часто бываетъ, онъ обратится къ безпоповскому старику или старухѣ, ну и погибла душа! Скажутъ—это мелочь и

рѣдко бываетъ,—нѣтъ не единичные это случаи и не мелочи это и «ощѣживаніе комара»: эти-то мелочи и плодятъ у насъ расколъ. .

Съ другой стороны, если взглянуть на этотъ вопросъ по существу—въ самомъ дѣлѣ, нижнюю-ли часть ступни надо помазывать? Іереи, совершающіе это помазваніе, ссылаются на слова «во еже ходити ему по стопамъ заповѣдей». Но слова означеннаго молитвеннаго призванія буквально понимать, по моему крайнему разумѣнію, нельзя. Ходить по стопамъ заповѣдей, значить—слѣдовать своею жизнію ученію Христа, какъ равно и встрѣчающееся выраженіе въ священномъ Писаніи: «Ной ходи предъ Богомъ и уходи Ему». При буквальномъ пониманіи и сихъ словъ получится, что Ной стопами погъ шелъ предъ Богомъ, но это бы было болѣе, чѣмъ невѣрно! При маслопомазаніи и мѣропомазаніи ноги будутъ правильнѣе помазывать колѣно или же верхнюю сторону ступни; вѣдь это по существу безразлично, а въ миссіонерскомъ отношеніи, какъ выше показано, это устранить лишнее нареканіе на св. Церковь.

Вѣдь, присоединяя инославныхъ или раскольниковъ къ Св. Церкви чрезъ Св. Мѣропомазаніе, не нашли же удобнымъ помазывать ноги; тѣмъ болѣе почему-бы намъ—пастырямъ не придти къ единству (въ указанномъ смыслѣ) въ практикѣ маслопомазанія и мѣропомазанія, во избѣжаніе нареканія на насъ за мнимое «крестопопирательство», и во исполненіе завѣта св. апостола Павла «быть немощнымъ, яко немощенъ», чтобы если и не пріобрѣсти немощныхъ, то хотя не соблазнить слабыхъ и «малыхъ силъ». Если же дѣйствіе помазанія нижней части ступни освящено древностью и имѣть за собой оправданіе, подѣлитесь, отцы и братія, дабы мы знали, что отвѣтить и чѣмъ себя оправдать.

Священникъ *І. Чередниковъ.*

Одинъ изъ отвѣтовъ о. Чередникову.

(„О помазаніи ступни ногъ въ масло-и-миропомазаніи“).

„Донатисты гнушаются церквами католическими. Православніи соизволиша на бесѣду... приложиша и сіе: аще донатисты покажутъ, яко Церковь Христова, во всемъ мірѣ разліянная, погине, и у нихъ токмо остане, или грѣховъ ради человѣческихъ погибнути можетъ, къ нимъ приложатся, оставльше иныя бесѣды. Синодосѣ убо на бесѣду... Донатисты, уклоняющесе отъ самыя вещи, хотяху время назурати тщетными вопросами... и иные суетные вопросы вношаху“ (Баронія лѣто 411).

Не разъ намъ доводилось, на бесѣдахъ съ раскольниками, читать приведенное мѣсто изъ лѣтописи Баронія. И теперь лишній разъ вспомнили мы это мѣсто, прочитавъ въ статьѣ о. І. Чередникова о суетной придиркѣ безпоповцевъ къ масло-и-миропомазанію ступни ногъ.

Пускаться въ данномъ случаѣ въ церковно-археологическій путь за рѣшеніемъ вопроса, предоставленнаго на усмотрѣніе самихъ пастырей, едвали у кого найдется столь много свободного времени... Стрѣлять по комарамъ изъ пушекъ не рекомендуется...

Благоразуміе пастырей, вѣдущихъ «преуспѣвати на лучшее», подскажетъ имъ, гдѣ и какъ устранить всякій поводъ къ соблазну «сумнящихся» по разнымъ комаринымъ вопросамъ. Мазать-ли въ указанномъ случаѣ верхнюю часть ступни, или нижнюю, колѣно или какую-либо другую часть ноги, тутъ на всѣхъ «философовъ»

не угодишь и определенное рѣшеніе по данному вопросу выносить рискованно,—всегда найдутся возражатели и чего добраго «отъ книгъ».

Вѣдь спорили-же въ 15 в. нѣкіи философы «о томъ, что до-стоитъ пѣть: не «Господи помилуй», а—«о, Господи помилуй».... А для темнаго захолустья, особенно раскольниковъ, 4 вѣка прошли, «яко день единъ». Тамъ не торопятся...

Мы прежде всего коснемся этого вопроса съ миссіонерской стороны. Въ данномъ случаѣ этотъ, по существу, мелочной вопросъ является уже, какъ справедливо полагаетъ и о. Чередниковъ, съ другимъ вѣсомъ, поелику не рѣшить его для совопросника на бесѣдѣ—значить обречь себя на тягостный и «блаженный» для «малыхъ» приговоръ—«миссіонеръ не отвѣтилъ». А, Боже мой, сколько такихъ «суетныхъ» вопросовъ приходится миссіонерамъ рѣшать для темнаго обрядовѣра? Намъ, напр.; въ нашей миссіонерской практикѣ, приходилось имѣть дѣло съ такого рода «богословствованіемъ»: при чтеніи молитвы Ісусовой, полагая на себя крестное знаменіе, необходимо читать слова молитвы такъ, чтобы, касаясь перстами праваго плеча, произнести два слова, и—лѣваго—тоже два слова, тогда только будетъ правое исповѣданіе креста, а скажи два или три слова, касаясь одного плеча и одно, касаясь другого, крестъ перекилится (какъ вѣсовое коромысло) и будетъ поруганъ (с. Никольское, Оренб. у.). Другіе «богословы» возобличали «лѣвяцкую» ересь, находя въ ней исповѣданіе того, что Сынъ Божій сидитъ не «одесную Отца», а «ошую», поелику слова «Сыне Божій» произносятся «лѣвяками» при прикосновеніи перстами лѣваго, а не праваго плеча. Троеперстія нѣкіе «благочестивые» боятся потому, что подъ тремя сложенными перстами змѣя пролѣзетъ и т. п.... Словомъ, приходилось слышать иногда то, чему мы сами, еслибы лицомъ къ лицу не узнали раскольниковъ захолустья, не придали бы никакого вѣроятія, какъ сочиненію празднаго фантазера давнопрошедшей старины.

Доводилось намъ имѣть дѣло и съ тѣмъ вопросомъ, который ставили безпоповцы о. І. Чередникову, и то же на бесѣдѣ съ безпоповцами. Что и какъ въ данномъ случаѣ отвѣчаютъ другіе миссіонеры, не знаемъ,—у каждаго, конечно, можетъ быть своя манера и свои слушатели. Мы въ такихъ случаяхъ обычно просили собесѣдниковъ показать, гдѣ и когда св. оо. воспретили масло-и-миро-

помазаніе ступни, какъ крестопопирательство. Отвѣта «отъ книгъ» не было. Слышалось одно голословное «вытолковываніе», «безъ подпоръ стоящее». Затѣмъ нами разъяснялся подлинный смыслъ мѣста, приводимаго въ этомъ случаѣ раскольниками изъ Кирилловой книги, и читались извѣстные св.-от. слова: «изображаемъ знаменіе креста на челѣ... и на всемъ»... (Кирил. іер.) «животворящимъ крестомъ вся ¹⁾ уды утверди»... (Ефр. Сир. 102 сл.). Дальше мы уже сами вопрошали безпоповцевъ въ такомъ родѣ: «вы укоряете православныхъ священниковъ за то, что они помазуютъ освящ. елеемъ и св. муромъ нижнюю часть ступни крещаемого, а у васъ, отвѣтите, пожалуйста, какая часть ступни помазывается освящ. елеемъ и св. муромъ — верхняя или нижняя?» — «Никакая» — слѣдуетъ злобный отвѣтъ». Въ какихъ же книгахъ вы нашли, продолжали мы свое вопрошеніе, основаніе обдержно оставаться безъ миропомазанія, установленнаго св. апостолами и утвержденнаго вселенскими соборами на всѣ времена, пока будутъ хрістіане (хрістіане отъ «хрисмы — помазанія именуются»). И бесѣда, естественно, переходила на вопросы догматико-полемическіе: вѣдь не помазанные миромъ не могутъ ни именоваться, ни быть хрістіанами (Б. Кат. л. 2, 376—7 и мн. др.). Стало быть, пока будутъ истинные хрістіане, до тѣхъ поръ въ ихъ св. Церкви должно быть и будетъ миропомазаніе. Такого оборота бесѣды требуетъ самое существо дѣла: внѣ Церкви нѣтъ спасенія (Б. Кат. л. 119—122) и нѣтъ къ нему средствъ (тамъ-же л. 395 об.), всякіе обряды установлены для Церкви и въ ней только могутъ быть «спасительными». Раскольничья же манера вносить въ бесѣду разные «суетные вопросы», избѣгая существа дѣла, какъ показываетъ историческая справка, приведенная въ эпиграфѣ, есть хроническій недугъ отступническихъ собесѣдниковъ. Но старо и благоразуміе стражей православія... Церковнымъ отщепенцамъ, какъ видно изъ той же исторической справки, издавна предлагается показать, что они (отщепенцы) составляютъ католическую церковь, а не православные, и тѣмъ навсегда положить конецъ пререканіямъ, «оставльше иныя бесѣды». Такой приѣмъ противораскольничьихъ со-

¹⁾ Безъ всякаго исключенія. Чит. прологъ, сент. 30 дня. о «погѣ Коновъ».

бесѣдованій рекомендовалъ и блаженной памяти Павелъ (Прусскій). Вдаваться въ историко-археологическія изслѣдованія по разнымъ обрядовымъ мелочамъ на бесѣдахъ съ раскольниками—значить обрекать «бесѣдованіе на полную бесплодность. Словопренія на этой почвѣ конца не будетъ: про и contra, безразличныя для существа вѣры, могутъ быть по всякому обрядовому вопросу нескончаемыми. На подобную тему пришлось намъ однажды (въ 1898 г.) бесѣдовать съ Н. И. Ивановскимъ. Почтенный и вельми искусившійся въ дѣлѣ противораскольниковъ миссіи профессоръ говорилъ намъ, что онъ на своихъ бесѣдахъ съ раскольниками, когда послѣдними ставится вопросъ о какой-нибудь обрядовой мелочи, не имѣющей существеннаго отношенія къ дѣлу, не стѣсняется отвѣчать имъ—«не знаю». Великая опытность расколовѣда-практика ручается за то, что собесѣдовательный пріемъ его разуменъ и благополезенъ. Пускаться миссіонеру во «всезнаѣство» по мелочамъ—рискованно и для существа дѣла не безвредно...

Вопросъ, выдвинутый о. Чередниковымъ, можетъ быть разсматриваемъ и съ болѣе общей стороны. Предъ нами положенія. Въ масло-и-миропомазаніи поги нѣкоторые православные іереи помазуютъ нижнюю часть ступни. Безпоповцы «вытолковываютъ» изъ этого крестопопирательство. «Мужичекъ, слыша такое, хотя и нелѣпое, обвиненіе, посмотритъ въ церкви, какъ православный батюшка дѣйствуетъ при крещеніи, наглядно убѣдится, что раскольникъ право говорилъ, ну —и отпаденіе готово». Справка. Правильнѣе помазывать колено или верхнюю часть ступни. Заключение. Во избѣжаніе нареканія и соблазна и слѣдуя завѣту ап. Павла «быть немощнымъ, яко немощенъ», нужно оставить помазаніе нижней части ступни. Повторяемъ, что рѣшеніе этого вопроса можетъ быть предоставлено только благоразумному усмотрѣнію приходскихъ пастырей. Дѣло въ томъ, что «немощные» и «малые» въ разныхъ мѣстахъ могутъ быть разные и съ различною религіозною настроенностью. Въ одномъ мѣстѣ приходскій пастырь найдетъ, можетъ быть, нужнымъ во избѣжаніе соблазна отъ «нелѣпаго обвиненія» раскольниковъ оставить помазаніе подошвы ступни; а въ другомъ онъ раньше, чѣмъ идти на уступки, потщится, быть можетъ, показать соблазняющемуся нелѣпость раскольниковъ обвиненія и тѣмъ потушить соблазнъ. И это

будеть едва ли не лучше. Далѣе, въ одномъ мѣстѣ соблазняются помазаніемъ «подошвы», а въ другомъ, можетъ быть, соблазняются, если узнаютъ, что это помазаніе оставлено,—вѣдь могутъ найтись и такіе «малые» и «немошные», которые скажутъ: раньше мазали «подошву», а теперь перестали: раскольники сказали, что это помазаніе—великій грѣхъ, батюшка ихъ послушалъ, въ Церкви-то, вѣрно, ошибались раньше; раскольники, видимо, лучше вѣру-то знаютъ... И соблазнъ выйдетъ обратный. Нужно вѣдь, намъ кажется, и такихъ «немошныхъ» и «малыхъ» предусматривать. Помазывать коѣно ли, верхнюю ли часть ступни или нижнюю—«это по существу безразлично», вдаваться же въ изысканія того, что правильнѣе—первое, второе или третье, не рѣшаемся, ибо боимся стать на путь раскольниковъ «обрядовѣрія», на которомъ мы рискуемъ поминутно встрѣчаться съ мелочными и «блаженными» преткновеніями, коимъ и конца не будетъ. Исторія раскола съ его безчисленными дробленіями, по разнымъ обрядовымъ мелочамъ, краснорѣчиво предупреждаетъ насъ въ этомъ смыслѣ. Да и въ православный людъ подобныя изысканія не вдохнуть ли «душу» мертву, обращая его вниманіе на обрядовыя мелочи этихъ изысканій, какъ на что-то важное?..

Правда, что эти мелочи по существу, разъ онѣ соблазняютъ вѣрующаго и «плодятъ у насъ расколъ», являются уже не мелочами по своимъ послѣдствіямъ. Но намъ кажется, что просвѣтительная противораскольниковъ миссія православной Церкви къ тому должна и направляться, чтобы сокрушить раскольниковъ идола-обрядовѣріе, вѣру въ спасительность обряда самого по себѣ,—показать его ложь и ничтожество. Само собою понятно, что дѣло это не изъ легкихъ: что вѣками вкоренено въ русскую набожность, того одному поколѣнію не искоренить, и вразумить обрядовѣтствующихъ раздорниковъ слѣдовать истинно-православному обрядопониманію—дѣло не одного дня и не одного года. Во всякомъ же случаѣ, дѣйствовать въ этомъ именно направленіи едва ли не полезнѣе будетъ, чѣмъ сѣйнить со всякою приспособляемостью примѣнительно ко всякимъ укорительнымъ указкамъ раскольниковъ. Приспособляемость эта едва ли не будетъ вреднымъ для дѣла «взираніемъ всѣхъ» и возвращеніемъ къ оставленному... Великимъ актомъ учрежденія единоувѣрія, когда

приверженцы «старого» обряда вступили въ церковное единеніе съ содержателями обряда исправленнаго, при общности ученія вѣры, сдѣланъ великій шагъ ко вразумленію старообрядцевъ—понимать религіозный обрядъ за «вещь среднюю». И намъ кажется, что продолжая это великое дѣло, едвали не благополезнѣе будетъ разъяснять «соблазняющимся» несущественность и безразличіе обрядовой разности въ дѣлахъ вѣры, чѣмъ торопиться,—не безъ риска подать соблазнъ обратный, и особенно если нѣтъ къ тому необходимой надобности,—одну обрядность замѣнять другою. Что скажутъ по этому вопросу другіе, подождемъ.

Н. Гринякинъ.

Изъ записокъ и дневниковъ.

Среди штундистовъ и ихъ пресвитеровъ.

(Изъ наблюдений и воспоминаний судебного слѣдователя).

Мнѣ впервые пришлось познакомиться съ штундизмомъ въ Киевской губерніи, куда я былъ назначенъ судебнымъ слѣдователемъ въ одинъ изъ центральныхъ уѣздовъ. Мой участокъ состоялъ изъ уѣзднаго города и почти половины уѣзда. Прибывши въ Киевъ, по пути къ мѣсту моей новой дѣятельности, я неожиданно узналъ, что участокъ, гдѣ мнѣ приходилось работать въ судебной сферѣ, является знаменитымъ въ своемъ родѣ гнѣздомъ штундизма и чуть не центромъ, изъ котораго штунда распространяется во всѣ сосѣдніе уѣзды и откуда посылаются туда учителя и пресвитеры.

Съ прїѣздомъ въ городъ, гдѣ находилась моя слѣдственная камера, я былъ пораженъ полнѣйшимъ внутреннимъ противорѣчіемъ въ тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя имѣла о штундизмѣ мѣстная администрація и которыя она поспѣшила передать мнѣ, какъ нѣчто достовѣрное, не замѣчая очевидной непоследовательности и въ сообщаемыхъ мнѣ свѣдѣніяхъ, и въ своихъ взглядахъ на штундизмъ. Исправникъ съ особеннымъ усердіемъ просилъ меня взяться за преслѣдованіе штундистовъ, предупредивъ меня, что готовить къ передачѣ мнѣ болѣе десятка дѣлъ о совращеніи въ штундизмъ. По его словамъ, это въ высшей степени вредная, опасная, противогосударственная секта. Въ то же время онъ сообщалъ мнѣ, что штундисты отличаются поразительною нравственностью и правдивостью, что въ деревняхъ, населенныхъ штундистами, преступленія почти не встрѣчаются, что семейная жизнь штундистовъ безукоризненна, что взаимныя ихъ отношенія—выполнѣ христіанскія, что, благодаря прекращенію пьянства и даже малѣйшаго употребленія спиртныхъ напитковъ, необыкновенному

труду и взаимной самопомощи штундистовъ, экономическое положеніе ихъ стоитъ гораздо выше положенія православнаго населенія, а объ умственномъ уровнѣ нечего и говорить, такъ какъ большинство штундистовъ — грамотно и, не ограничиваясь саморазвитіемъ, развиваетъ неграмотныхъ чтеніемъ и толкованіемъ св. Писанія и разныхъ полезныхъ книгъ. Однако, эта будто бы высоконравственная, религіозная, мирная и развитая секта, по словамъ того же исправника, заслуживала безпощаднаго преслѣдованія и даже истребленія, такъ какъ почти прямо не признавала правительственныхъ властей, съ жесточайшимъ фанатизмомъ относилась къ православію и въ особенности къ церквамъ съ ихъ святынею и къ духовенству; нагло издѣвалась надъ обрядами и даже таинствами православной Церкви, публично богохульствовала и кощунствовала и въ то же время лгала и обманывала на дознаніяхъ и слѣдствіяхъ, не признавая въ штундизмѣ и давая подписки не отступать отъ православія, чтобы нарушить обязательство тотчасъ по возвращеніи домой. Какъ улаживались въ головѣ исправника такіе, исключая другъ друга представленія объ одномъ и томъ же предметѣ, какъ онъ допускалъ сочетаніе высокой нравственности и правдивости съ лживостью и обманомъ, христіанской нравственности и развитости съ отрицаніемъ власти и грубымъ фанатизмомъ, — я не могъ понять; но крайней мѣрѣ у меня одно съ другимъ не вязалось и не мирилось. Между тѣмъ мнѣ нужно было поскорѣ составить себѣ ясное и возможно правильное представленіе о штундизмѣ, потому что духовная власть и администрація требовали преслѣдованія его, какъ врага Церкви и государства; съ нимъ приходилось бороться, а для успѣха въ борьбѣ нужно было изучить врага поближе. И вотъ, прежде чѣмъ выступить съ тѣмъ или другимъ оружіемъ противъ этого врага, прежде чѣмъ выразить свой взглядъ на него официально, въ слѣдственномъ дѣлѣ, я долженъ былъ заняться собраніемъ возможно точныхъ свѣдѣній о штундизмѣ. Оказалось, что исправникъ, знакомившій меня съ штундизмомъ по своимъ личнымъ свѣдѣніямъ, многое преувеличивалъ, многого не зналъ, многое понималъ слишкомъ своеобразно и единичное, исключительное обобщалъ, приписывалъ цѣлой сектѣ.

Вотъ сущность того, что я узналъ о штундизмѣ. Источникъ, откуда штундизмъ получилъ свое начало, несомнѣнно-одинъ: это—

нѣмецкія колоніи въ Херсонской и другихъ южныхъ губерніяхъ. Такъ какъ въ этихъ колоніяхъ можно встрѣтить представителей весьма многихъ отпрысковъ лютеранства, то и заимствовавшіе отсюда свое ученіе штундисты также подраздѣлялись по своимъ вѣрованіямъ на нѣсколько различныхъ группъ или толковъ. Всѣхъ ихъ, однако, обобщаетъ: 1) признаніе двухъ изъ семи христіанскихъ таинствъ, именно: крещенія и причащенія ¹⁾ и 2) отрицаніе св. преданія, почитанія святыхъ, Божіей Матери и всей обрядовой стороны христіанства: креста и иконъ, Церкви съ ея святынями, всего круга богослуженія и т. д. Въ частности каждая отдѣльная протестантская колонія прививала свои исключительныя особенности своимъ прозелитамъ. Такъ штундисты, совращенные въ колоніяхъ баптистовъ, допускали перекрещиваніе православныхъ, вступающихъ въ ихъ ряды, и требовали, чтобы крещеніе совершалось надъ взрослыми людьми не иначе, какъ по достиженіи ими 30 лѣтъ, т. е. возраста, въ которомъ, по преданію, крестился Господь нашъ Іисусъ Христосъ ²⁾).

Старался я углубиться и въ тотъ весьма существенный вопросъ: почему штундизмъ такъ уснѣнно распространялся среди православнаго населенія юго-западнаго края?—По моимъ наблюденіямъ, причинъ этого явленія было и теперь существуетъ не мало. Начнемъ съ того, что почти весь, громадный по количеству, составъ рабочихъ для нѣмецкихъ колоній на югѣ Россіи составляетъ юго-западный край. Десятки тысячъ малороссовъ изъ этого края въ возрастѣ отъ 20 до 40 лѣтъ, т. е. въ наиболѣе отзывчивомъ и энергичномъ, отправляются, съ начала весны до глубокой осени, на работы въ нѣмецкія поселенія. Болѣе полугодія, изъ года въ годъ, живутъ они на чужбинѣ. Религіозныя потребности въ нихъ живы и я думаю, что подъ чуднымъ небомъ юга, подъ вліяніемъ величественной, дѣйственной природы Новороссіи,

¹⁾ Почтенный авторъ допускаетъ здѣсь неточность, которая способна внести путаницу въ понятія читателя мало освѣдомленнаго въ секто-вѣдѣніи: крещеніе и преломленіе или „чашу“ принимаетъ только одна фракція, такъ наз. обрядовая штунда, и признаетъ ихъ не за таинства, а обряды или „знаки“, другая фракція—„духовная штунда“ отвергаетъ всѣ рѣшительно таинства и обряды Церкви; такимъ образ. это признаніе не „обобщаетъ“, а разъединяетъ штунду. *Ред.*

²⁾ Обыкновенно сектанты крестятъ и ранѣе этого возраста,—считая необходимымъ условіемъ лишь сознательное и разумное отношеніе крещаемаго къ обѣтамъ или правиламъ своей вѣры. *Ред.*

растетъ и религіозное чувство, усиливается потребность восторженнаго славословія, общей молитвы, торжественнаго богослуженія. Но гдѣ найти родную православную церковь, кто отпразднуетъ богослуженіе на родномъ языкѣ, по православному? Вѣдь кругомъ одни нѣмцы—протестанты, съ ихъ кирками и пасторами ¹⁾. Поневоѣ шелъ и донинѣ идетъ малороссъ въ кирку. Танетъ его отчасти и любопытство: „подивиться, якъ нѣмцы Богу молятца по своему“.

Да, наконецъ, какъ не побывать въ нѣмецкой церкви, когда дома и жена, и знакомые будутъ непременно разспрашивать: „Що-жъ ты тамъ бачывъ у нѣмцевъ? Чи вони по нашому живутъ, чи ни?“—а тутъ не можешь разсказать даже, что былъ въ ихъ церкви и видѣлъ, какъ они молятся. И вотъ онъ въ киркѣ. Богослуженія (т. е. молитвъ и проповѣди) на нѣмецкомъ языкѣ онъ, конечно, не понимаетъ; но онъ не можетъ не понимать или, вѣрнѣе, не можетъ не ощущать того торжественнаго, трогательнаго чувства, какимъ проникнуты лютеранскіе, какъ и всѣ въ мірѣ, религіозные гимны, которые и у лютеранъ производятъ сильное впечатлѣніе, такъ какъ ихъ расцѣвуетъ цѣлое собраніе молящихся. Съ другой стороны, музыкальному слуху малоросса, — общепризнаннаго музыканта и поэта въ душѣ, — не могутъ не нравиться тѣ торжественныя молитвы, которыя онъ слышитъ въ гимнахъ, расцѣваемыхъ въ киркѣ. Такимъ образомъ, за отсутствіемъ православныхъ церквей въ колоніяхъ, малороссъ-работникъ привыкаетъ посѣщать кирки, находя въ нихъ удовлетвореніе и своей религіозной потребности, и своему музыкальному чувству и, наконецъ, своему стремленію быть въ обществѣ, „въ громадѣ“. Нѣмецкіе пасторы не могли не обратить вниманія на появленіе чужихъ людей среди ихъ прихожанъ.

Извѣстная склонность протестантовъ къ пронагандѣ своего вѣроученія находила почву тѣмъ болѣе благодарную, что отчасти историческія, отчасти бытовія условія поставили малороссовъ-крестьянъ юго-западныхъ губерній нашихъ въ довольно отдаленныя, иногда непріязненныя и даже враждебныя отношенія къ православному духовенству. Какъ извѣстно, до послѣдняго польскаго возстанія почти всѣ помѣщики того края были поляки и вообще

¹⁾ Я говорю о тѣхъ уѣздахъ Херсонской губерніи, гдѣ преобладаютъ нѣмецкія поселенія.

польскій элементъ представлялъ собою главную силу края не только въ экономическомъ и культурномъ, но даже и въ административномъ отношеніи. Къ этой силѣ естественно должно было тяготѣть и православное духовенство, въ деревняхъ вполне зависѣвшее отъ помѣщиковъ. — Сближеніе доходило до того, что господствующимъ языкомъ даже въ семейномъ быту духовенства православнаго былъ языкъ польскій. Этотъ фактъ представляется невѣроятнымъ, но я лично въ немъ убѣдился и ручаюсь за достоверность. Съ языкомъ наше духовенство усваивало отъ поляковъ и образъ жизни, обычаи и взгляды. Наравнѣ съ польскимъ шляхетствомъ наше духовенство юго-западнаго края стало смотрѣть на крестьянъ, какъ на „холоповъ“, людей низшей породы, почти животныхъ, „быдло“ (скотъ). Этотъ взглядъ, конечно, отражался и на дѣлѣ, въ сношеніяхъ духовенства съ народомъ, и народъ не могъ не понять и не оцѣнить по достоинству такого отношенія къ нему. Явилось взаимное отчужденіе, предубѣжденіе, непріязнь. У людей малоразвитыхъ, каково большинство крестьянъ, отчужденность отъ духовенства отразилась и на отношеніяхъ къ Церкви, особенно къ ея обрядовой сторонѣ. Этому немало способствовало и то обстоятельство, что въ періодъ, предшествовавшій появленію штундизма, большинство православныхъ священниковъ ограничивало свою священнослужительскую дѣятельность богослуженіемъ и требоисправленіемъ. Въ церкви народъ очень рѣдко слышалъ пастырскую проповѣдь, внѣ церкви между священникомъ и прихожанами не было живого общенія, общія мыслей, бесѣдъ по душѣ. При полномъ почти отсутствіи тогда грамотности между крестьянами, они смутно понимали и смыслъ таинствъ и обряды Церкви, и то евангеліе, которое читалось, и вообще все то, что они слышали и видѣли въ церкви. Короче говоря, религиозное состояніе крестьянъ находилось на самомъ низкомъ уровнѣ и представляло чрезвычайно брагопріятное условіе для пропаганды и всего вѣроученія. При этомъ нужно имѣть въ виду и еще одно весьма важное обстоятельство, содѣйствовавшее распространенію штундизма. Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ извѣстно, что православнымъ, совращавшимся въ штундизмъ, давалось, дается и теперь денежное пособіе. Это дѣлалось очень секретно и очень ловко, такъ что я, напримѣръ, зналъ, что пособія даются, но изъ какихъ суммъ, кѣмъ и чрезъ кого, — не могъ добиться. Только впоследствии я узналъ изъ источни-

ковъ, заслуживающихъ довѣрія, что пособія прислались изъ Германіи, гдѣ будто бы для этого существуетъ особый фондъ для пропаганды штундизма.

Представимъ себѣ теперь малоросса—крестьянина, православнаго только по чувству, но не понимающаго сознательно ни духа, ни сущности православія и уже по этому или не твердаго, или индифферентнаго въ религіозномъ отношеніи, оторваннаго отъ семьи и своей церкви и очутившагося среди лютеранъ, съ ихъ пасторами—миссіонерами. Какъ уже объяснено выше, нѣмецкому наймиту, малороссу-простолюдину, было любопытно и пріятно бывать въ киркѣ, видѣть активное участіе всѣхъ молящихся въ богослуженіи и особенно видѣть тѣ отношенія, которыя существуютъ между пасторомъ и прихожанами его; послѣдніе оказывались мало похожими на существующія отношенія тамъ на родинѣ къ приходскому священнику. Нѣмецкій пасторъ, происшедшій изъ тѣхъ же колонистовъ, которые его избрали своимъ духовнымъ руководителемъ, вполне свой человѣкъ въ колоніи. Онъ тотъ же колонистъ по образу жизни, складу понятій, по всему, что характеризуетъ человѣка. Онъ только болѣе образованъ, но это не отдѣляетъ его отъ толпы прихожанъ, а напротивъ, сближаетъ съ нею. Къ нему идутъ за совѣтомъ, за наставленіемъ, въ случаѣ нужды—и за лѣкарствомъ. Онъ получаетъ опредѣленное содержаніе, у него своя земля, свое хозяйство и онъ избавленъ отъ печальной необходимости жить на счетъ прихожанъ, какъ православное духовенство; ему не приходится унижаться до торга съ прихожанами за требоисправленія, — что неизбежно встрѣчается въ быту православнаго священника. Обращаю вниманіе на это грустное обстоятельство, потому что знаю по личнымъ наблюденіямъ, что оно имѣло большое значеніе при распространеніи штундизма.

Но возвращаюсь къ прерванной характеристикѣ положенія малоросса среди нѣмцевъ. Итакъ, крестьянинъ видитъ, что пасторъ—близкій человѣкъ каждому своему прихожанину колонисту, пріятель его, ничего отъ него не требующій, а напротивъ, самъ ему помогающій изъ приходскихъ суммъ, въ случаѣ нужды. Этотъ пасторъ, кажушійся очень хорошимъ человѣкомъ, въ свою очередь заинтересовался малороссомъ. Онъ начинаетъ съ нимъ бесѣдовать, даритъ ему русскій переводъ евангелія, лютеранскіе гимны, переведенные на русскій языкъ, толкуетъ ихъ смыслъ, увлекательно

передаетъ новѣствованія изъ св. Исторіи, останавливается на жизни Спасителя, по своему изъясняетъ Его ученіе о Церкви, доказываетъ, повидимому, довольно убѣдительно для наивнаго слушателя,—отсутствіе надобности во многихъ обрядахъ православной Церкви и мало-по-малу убѣждаетъ простодушнаго малоросса, что лютеранская церковь стоитъ гораздо ближе къ Церкви, созданной Христомъ и апостолами, нежели Церковь православная. Убѣдить человѣка малознающаго не трудно, особенно при описанныхъ уже условіяхъ, когда вѣѣшность говоритъ за пастора, когда повѣрить ему даже и выгодно, когда за это дадутъ денежное пособіе и кромѣ того нѣмецъ хозяинъ, ставши его единовѣрцемъ, будетъ смотрѣть на него уже не какъ на работника только, а какъ на своего, близкаго человѣка, которому слѣдуетъ прибавить жалованье, улучшить пищу и такъ далѣе. Прозелитъ—готовъ; онъ уже лютеранинъ по убѣжденіямъ, но ему внушается скрывать свою измѣну родной Церкви, и только при удобныхъ случаяхъ проагандировать новую вѣру, главнымъ образомъ, среди родныхъ, которые его не выдадутъ.

Такимъ образомъ шла первая группа штундистовъ, изъ которой вышли главные пресвитеры и протопресвитеры штундизма, основавшіе на родинѣ „новообращенныя русскія братства“, по ихъ собственному названію.

Вотъ новообращенный или, вѣрнѣе, новосовращенный—на родинѣ. Семья его сразу замѣчаетъ въ немъ перемѣну. Онъ оказывается вмутившимся читать (въ большинствѣ случаевъ); у него своя книга Новаго Заветъ на русскомъ языкѣ. Въ свободное время онъ читаетъ и объясняетъ своимъ слушателямъ Евангеліе, распѣваетъ гимны и другихъ учитъ тому же; говоритъ, что въ церковь ходить не зачѣмъ, что церковь и дома; что достаточно собраться для молитвы нѣсколькимъ вѣрующимъ и они сами собой составлять церковь. На замѣчанія болѣе толковыхъ собесѣдниковъ, что въ „настоящей церкви служитъ священникъ, что тамъ отпиваются и литургія, и вечерня, и утрени, и другія службы, что тамъ и говѣютъ и вѣнчаются“,—проповѣдникъ штундизма возражаетъ, что священникомъ можетъ быть всякій грамотный и понимающій Новый Заветъ человѣкъ, котораго общество вѣрующихъ избереетъ своимъ пресвитеромъ, что службы, совершаемыя въ православныхъ церквахъ, излишни, что говѣть не зачѣмъ, исповѣдь должна быть всенародною, передъ цѣлымъ собраніемъ вѣрующихъ,

а бракъ можетъ совершаться и не въ церкви, а въ каждомъ домѣ, гдѣ избранный вѣрующими пресвитеръ можетъ прочесть установленное евангеліе, заставить жениха и невѣсту произнести обѣтъ вѣрности другъ другу, записать бракъ въ заведенную для этого книгу и—все кончено. Замѣтивъ, что между слушателями находятся сочувствующіе новому ученію, проповѣдникъ начинаетъ передъ ними болѣе рѣшительную, болѣе рѣзкую войну съ православіемъ. Онъ внушаетъ имъ, что изображенія креста, — какъ орудія преступленія, какъ орудія позорной смерти, которой подвергли Спасителя іудеи, — носить не слѣдуетъ, грѣшно, что почитаніе иконъ есть прямое идолопоклонство, что святые—тѣ же люди, какъ и всѣ, а поэтому почитаніе ихъ, молитвы имъ, поклоненіе ихъ изображеніямъ—безсмысленны, что не слѣдуетъ также имѣть изображеній и Бога, потому что Богъ — духъ и поклоняться ему слѣдуетъ духовно, — мыслью и чувствомъ. Отъ словъ штундистскій проповѣдникъ переходитъ къ дѣлу; давно, еще при самомъ совращеніи въ штундизмъ, переставъ носить на себѣ крестъ, онъ и въ домѣ своемъ уничтожаетъ кресты и иконы. Сопротивленіе ему въ этомъ со стороны родныхъ его имѣетъ обыкновенно двоякія послѣдствія. Если оно выражается очень энергично и если штундистъ—человѣкъ хитрый, осторожный, то онъ по наружности уступаетъ и ждетъ болѣе удобнаго времени. Даже больше: для безопасности онъ начинаетъ по внѣшности казаться снова православнымъ. Это самый опасный типъ пропагандиста штунды, такъ какъ съ нимъ трудно бороться, по его притворству и умѣнью носить личину православнаго. Если же иконоборческая дѣятельность штундиста встрѣчаетъ на первыхъ порахъ не слишкомъ сильное сопротивленіе со стороны его окружающихъ и если самъ штундистъ по характеру рѣзокъ и настойчивъ, то въ домѣ его начинаются безобразныя, возмутительныя сцены кощунства, поруганія иконъ и крестовъ. Памятенъ мнѣ вопіющій фактъ такого рода. Въ домѣ одного крестьянина была большая икона; когда этотъ крестьянинъ соватился въ штундизмъ, онъ на глазахъ своихъ домашнихъ и сосѣдей вынесъ икону изъ дома и сдѣлалъ изъ нея дверь въ свинной хлѣвъ. Были случаи выкалыванія глазъ у изображеній святыхъ, выбрасыванія иконъ въ нечистоты и т. п. Конечно, такіа гнусныя продѣлки штундистовъ на первыхъ порахъ сильно возмущали православное населеніе и вообще первые опыты штундистовъ въ распространеніи своей

ереси на родинѣ носили характеръ отталкивающаго изувѣрства, однако иногда какое нибудь случайное, постороннее обстоятельство благопріятствовало распространителямъ штундизма и увлекало за ними толпу послѣдователей изъ темнаго, невѣжественнаго люда. Вотъ, напримѣръ, что рассказываютъ о знаменитомъ въ исторіи штундизма въ Кіевской губерніи Балабанѣ, считавшимся не безъ основанія самымъ опаснымъ пропагандистомъ штунды. Онъ былъ одинъ изъ первыхъ совращенныхъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ Херсонской губерніи, но по возвращеніи въ родное село не проявлялъ пропагандистской дѣятельности, оставался по внѣшности православнымъ и когда посваталъ себя невѣсту, то хотѣлъ обвѣнчаться по православному. Къ несчастью, приходскій священникъ его, можетъ быть, побуждаемый бѣдностью,—такъ какъ село было небольшое,—запросилъ съ Балабана довольно значительную сумму. Балабанъ былъ бѣднякъ (да иначе онъ и не ходилъ бы на заработки къ нѣмцамъ, въ другую губернію) и началъ убѣждать священника взять гораздо меньше. Священникъ не уступалъ и настаивалъ на своемъ, говоря, что иначе не будетъ вѣнчать. Это раздражило Балабана и онъ объявилъ священнику, что обвѣнчается по своему, да и другихъ научить тому же и въ отищеніе священнику лишить его доходовъ отъ прихожанъ. Дѣйствительно, онъ убѣдилъ свою невѣсту и ея родныхъ, что можно обвѣнчаться и безъ священника, такъ какъ священникъ проситъ очень дорого за бракъ, что вся суть въ томъ, чтобы были прочитаны извѣстныя молитвы и евангеліе и чтобы женихъ съ невѣстой были обведены три раза вокругъ стола, а это можетъ сдѣлать не только священникъ, но и всякій грамотный человѣкъ, избранный обществомъ для совершенія общественной молитвы. И вотъ Балабанъ самъ себя обвѣнчалъ... Слухъ объ этомъ разнесся какъ по его родному селу, такъ и по сосѣднимъ *). Тамъ уже были явные и тайные штундисты, совращенные подобно Балабану въ нѣмецкихъ колоніяхъ. Они стали подражать Балабану, а ихъ примѣру начали слѣдовать и тѣ изъ православныхъ крестьянъ, которые были не слишкомъ тверды въ православіи и

*) Сообщаемыя авторомъ обстоятельства противорѣчатъ вошедшимъ уже въ исторію Кіевской штунды фактамъ сектантской жизни и пропагандаторской дѣятельности главара секты Балабана и мы оставляемъ все вышеприведенное на отвѣтственности нашего автора.

по своей бѣдности таготились платить значительныя деньги за бракъ священнику и причту. Балабанъ началъ исполнять обязанности пресвитера, совершать не только браки, но и крещеніе, завелъ особыя книги для записыванія браковъ (были ли книги для записыванія крещенныхъ и умершихъ, навѣрное не знаю), въ собраніяхъ штундистовъ изображалъ проповѣдника, читалъ и объяснялъ евангеліе.

Общественныя собранія штундистовъ для молитвы заинтересовывали и православныхъ. Они начали являться въ эти собранія, слушать пѣніе гимновъ и толкованіе евангелія, — правильное или нѣтъ, — это другой вопросъ, — но доступное ихъ пониманію, благодаря отчасти и тому, что толковалось евангеліе на малороссійскомъ языкѣ. По своимъ способностямъ и развитію Балабанъ несомнѣнно возвышался надъ окружавшею его крестьянскою средою. Онъ умѣлъ привлечь ее къ себѣ и началъ постепенно совращать въ штундизмъ своихъ односельцевъ. — Въ то же время въ другихъ селахъ дѣйствовали другіе сектанты — учителя. Пропагандировали ли они штундизмъ подъ вліяніемъ и наблюденіемъ Балабана, или же по собственной инициативѣ, самостоятельно, — трудно сказать положительно, но извѣстно, что всѣ ближайшіе къ родинѣ Балабана пропагандисты находились въ сношеніяхъ съ нимъ. Штундизмъ сталъ быстро распространяться и обратилъ на себя вниманіе мѣстнаго епархіальнаго начальства и администраціи. Балабанъ и его товарищи по пропагандѣ были взяты, доставлены въ Кіевъ и помѣщены въ монастырь для увѣщанія. Выборъ монастыря нельзя было назвать особенно удачнымъ, такъ какъ это былъ монастырь городской, братія котораго, можетъ быть, не совсѣмъ соотвѣтствовала тому типу инока, который имѣютъ въ виду уставы православныхъ монастырей. Балабанъ и его товарищи, водворенные въ монастырь противъ воли, явившіеся туда съ предубѣжденіемъ, конечно, скептически смотрѣли на монастырскую жизнь вообще и съ злорадствомъ изучали оборотную ея сторону, слабости и недостатки братіи.

Можно сказать съ увѣренностью, что пребываніе Балабана и его товарищей въ монастырь еще болѣе усилило ихъ предубѣжденіе противъ православія и вражду къ православному духовенству. Но жизнь въ монастырскомъ заключеніи показалась имъ тяжелою и, чтобы вырваться на свободу, они притворились раскаявшимися и дали подписку въ томъ, что возвращаются къ

православію. Сектантовъ отпустили и они явились на родину уже съ ореолами мучениковъ *) за вѣру и правду, въ глазахъ штундистовъ,—и съ усилившимся фанатизмомъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Пропаганда возобновилась, но уже съ большей ловкостью и скрытностью. Чтобы избѣжать (?) преслѣдованія, пропагандисты начали вести странническую жизнь **), переѣзжая съ мѣста на мѣсто.

Между тѣмъ на родинѣ ихъ замѣнили непосредственные ихъ ученики и послѣдователи. Пропагандѣ этихъ послѣднихъ чрезвычайно помогала распространившаяся уже молва о преслѣдованіяхъ, которымъ подвергались ихъ ученики. Указывалось на слова Снасителя апостоламъ объ испытаніяхъ, ждавшихъ ихъ на проповѣдническомъ пути; слова эти кощунственно примѣнялись къ Балабану и его товарищамъ; толпѣ слушателей доказывалось, что если бы штундизмъ не былъ правою, святою, истинною вѣрою, то не подвергался бы преслѣдованіямъ, не возобновились бы первыя времена христіанства... и толпа, слѣпая, наивная, слушала и вѣрила съ увлеченіемъ. Штундизмъ сталъ еще быстрее и сильнее разрастаться. Власти духовныя и свѣтскія снова начали искать средствъ для пресѣченія штундизма и снова избранныя ими средства оказались не только бесполезными, но даже положительно вредными, такъ какъ уже сами по себѣ, хотя и косвенно, содѣйствовали штундистской пропагандѣ.

Власть духовная послала для увѣщанія штундистовъ мѣстнаго уѣзднаго протоіерея. Выборъ былъ крайне неудаченъ, такъ какъ этотъ почтенный во всѣхъ отношеніяхъ человекъ, славившійся въ свое время и умомъ, и нравственными качествами, и вліяніемъ на народъ, въ то время для миссіонерской дѣятельности не годился уже потому, что, имѣя около 80 лѣтъ, былъ дряхль до крайности и представлялъ собою лишь печальную тѣнь прошлаго.

*) Какъ разъ наоборотъ,—главари штунды возвращались изъ «монастырскаго сидѣнія» въ ореолѣ не мучениковъ, а «торжествующихъ побѣдителей», хваставшихся передъ «своими» и православными, что де они «препрѣли» и архіереевъ и консисторію и доказали, что штундовая вѣра правая, о подпискахъ же своихъ, конечно, умалчивали и такъ дѣйствительно, продолжали пропаганду успѣшнѣе. *Ред.*

**) «Странническую» жизнь главари штунды стали вести для удобствъ пропаганды, сдѣлавшись «миссіонерами» секты, щедро субсидируемыя за «свое странничество». *Ред.*

Вотъ почему трудно понять тѣ соображенія, которыми вызвано было отиравленіе протоіерея П... миссіонеромъ къ штундистамъ. Можетъ быть предполагали, что одинъ видъ почтеннаго, убѣленнаго сѣдинами старца, стоящаго уже на краю могилы и извѣстнаго всѣмъ за старѣйшаго представителя мѣстнаго духовенства, подѣйствуетъ на отступниковъ и заставитъ ихъ вернуться къ наставъ родной Церкви *). Но въ данномъ случаѣ предположеніе это было безусловно ошибочнымъ: вѣдь приходилось бороться не съ колеблющимися и нетвердыми въ убѣжденіяхъ людьми, а съ толпой уже достаточно нафанатизированной учителями, и не только явно предубѣжденной противъ православнаго духовенства, но крайне враждебно и злобно настроенной противъ него. И вотъ на эту-то фанатическую, озлобленную толпу добродушный старецъ протоіерей смотрѣлъ, какъ строгій, но добрый дѣдушка смотреть на расшалившихся внучатъ, и думалъ, что достаточно нѣсколько прикрикнуть, да пригрозить вольнодумцамъ, и они раскаются.

По пріѣздѣ въ центръ штундизма о. протоіерей распорядился созвать мѣстное населеніе. Собралась большая толпа. Миссіонеръ прежде всего потребовалъ, чтобы православные изъ толпы отдѣлились и стали направо отъ него, а штундисты налѣво и, когда это было исполнено, обратился къ послѣднимъ съ такою рѣчью на малороссійскомъ языкѣ (почтенный старикъ говорилъ обыкновенно по малороссійски): „дакъ вы штунды? дакъ вы въ церкву не ходите? дакъ вы хреста не носите? дакъ вы, значить, и въ Спасителя не вируете и отъ Бога одиурались? **) Щожь вы собі

*) Престо по „консисторскому наряду“, безъ всякихъ напередъ предусмотрѣнныхъ цѣлей. Штунда застала не только приходское духовенство, но и духовную администрацію Кіевской и другихъ губерній „врасплохъ“, съ смутными понятіями о миссіонерскихъ способахъ и средствахъ воздѣйствія на отпадшихъ; отсюда и рядъ роковыхъ ошибокъ, начиная съ безцѣльнаго преданія суду всякаго уклонившагося въ секту, продолжая назначеніемъ о.о. Пахолевича, Терлецкаго и кончая устарѣлою и не менѣе безцѣльною мѣрою посылки сектантовъ въ монастыри на увѣщаніе безъ соображеній о томъ, что всякое стѣсненіе и ограниченіе озлобляетъ, ожесточаетъ сердце, слѣдовательно, создаетъ самую неблагоприятную почву для миссии и убѣжденія словомъ и истинною. Къ сожалѣнію, ошибки эти шли сплошною чередою слишкомъ долго, вплоть до конца 80 годовъ, пока не организовалась настоящая миссія. Ред.

**) Отреклись.

думаете? Чи вы подурили, чи вы побисидись?..“ *) и т. д., въ томъ же смыслѣ и тонѣ. Штундисты стояли въ недоумѣніи, но затѣмъ болѣе смѣлые изъ нихъ сказали, что стоять больше не зачѣмъ и предложили толпѣ разойтись, что и было сдѣлано. Этотъ печальный опытъ увѣщанія совращенныхъ привелъ къ результатамъ совершенно противоположнымъ тому, чего ожидали отъ миссіи протоіерея П. Штундисты почувствовали себя настолько сильными, что, по ихъ мнѣнію, православное духовенство не въ силахъ было состязаться съ ихъ учителями. Последніе, конечно, поддерживали это недѣльное мнѣніе.

На бѣду мѣстный исправникъ вздумалъ также вступитъ въ состязаніе съ учителями штундизма и поставилъ себя въ очень комичное положеніе. Собравши штундистовъ, онъ сталъ упрекать ихъ за отступленіе отъ православія и между прочимъ спросилъ одного учителя секты: „отчего ты не носишь креста на шеѣ?“ — Тотъ отвѣтилъ ему такъ: „а что еслн бы вашего отца повѣсили, носили-ли бы вы на своей шеѣ висѣлицу?“..

При такомъ курьезномъ отвѣтѣ исправникъ совсѣмъ растерялся, не нашелся, что возразить, понизилъ тонъ, перешелъ къ быту штундистовъ и между прочимъ похвалилъ ихъ за трезвость и нравственную жизнь. Это слышали православные и пришли къ заключенію что начальство стоитъ уже за штунду, если публично хвалить ее. Въ свою очередь и штундисты, послѣ неудачной миссіи протоіерея П... и пораженія исправника, стали смѣлѣе, начали открыто порицать православіе, кощунствовать, издѣваться надъ духовенствомъ. Озлобленное этимъ, православное населеніе собралось толпой и всенародно высѣкло наиболѣе дерзкихъ штундистовъ, не исключая и женщинъ. Это только подлило масла въ огонь, усилило враждебное настроеніе штундистовъ, вызвало еще болѣе фанатизмъ съ ихъ стороны. Началась чуть не открытая война между православнымъ и штундистскимъ населеніемъ.—Для водворенія порядка, для надзора за штундистскими учителями и для прекращенія ихъ пропаганды полиція велѣла поселиться въ центрѣ штундизма одному полицейскому чиновнику.

Припоминая теперь эту личность, я не могу не выразить своего глубокаго удивленія относительно этого выбора. Ничего не могло быть болѣе страннаго, болѣе неудачнаго. Словно какой-то

*) Съ ума походили.

злой рокъ толкалъ администрацію избирать негодныя орудія для борьбы съ шундизмомъ. Представьте себѣ пожилого чело-вѣка съ типичной фізіономіей Гоголевскаго Держиморды изъ комедіи „Ревизоръ“, почти непрерывно пьянаго, неразвитаго, грубаго и самодура, да вдобавокъ еще не чистаго на руку. И вотъ такому-то чело-вѣку дается серьезное порученіе, требовавшее отъ исполнителя и ума, и такта, и честности и вообще доброй нравственности. Скоро „Патріархъ шунды“, какъ прозвали нашего полицмена, проявилъ свои доблести. Чувствуя себя въ нѣ-которомъ родѣ начальствомъ и властью, онъ съ свирѣнностью набросился на тѣ именно дѣйствія шундистовъ, въ которыхъ не было, строго говоря, ничего, явно противнаго тогдашнему закону, еще не знавшему шундизма. Такъ, съ особенной суровостью онъ преслѣдовалъ молитвенныя собранія шундистовъ, разгонялъ молящихся, билъ ихъ, арестовывалъ кого вздумалось и на какой срокъ вздумалось.

Конечно, этимъ онъ вовсе не прекратилъ собраній шундистовъ, а только заставилъ ихъ устранивать собранія въ другихъ селахъ, или даже и въ томъ самомъ, гдѣ жилъ блюститель порядка, но только поосторожнѣе, поскромнѣе. Такимъ образомъ, безтолковыя преслѣдованія Попова не достигали цѣли пресѣченія, а лишь фанатизировали шундистовъ, закалили упорство не утвердившихся еще въ сектантскихъ убѣжденіяхъ новосовращенныхъ прозелитовъ и, что особенно важно, давали поводъ учителямъ шундизма примѣнять къ себѣ и своимъ послѣдователямъ предсказанія Спасителя о гоненіи Его учениковъ. Темная, неразвитаго крестьянская масса начала сочувственно относиться къ „мученикамъ“, отчасти подѣ влияніемъ состраданія, но главнымъ образомъ подѣ давленіемъ настойчиво распространяемой всюду шундистской молвы, что ихъ вѣроисповѣданіе есть возстановленіе перво-христіанской жизни. Если припомнимъ, что въ этотъ періодъ религіозно-нравственнаго кризиса, какой переживало просто-народіе Кіевской губерніи, оно было предоставлено самому себѣ и нигдѣ не находило опоры, которая дала бы возможность вынести кризисъ благополучно, то будетъ понятно, — почему, при дѣятельной пропагандѣ главарей новой секты съ одной стороны, гдѣ не пренебрегали никакими средствами, и при отсутствіи почти всякаго сопротивленія со стороны православнаго духовенства и народа съ другой, — пропаганда должна была пойти и дѣйстви-

тельно пошла очень успѣшно. Значительная часть населенія деревень и селъ. затѣмъ волостей и, наконецъ, цѣлыхъ (?) уѣздовъ совратилась въ штундизмъ.

Въ такомъ положеніи былъ штундизмъ, когда я вступилъ въ должность слѣдователя и когда полиція передала мнѣ цѣлую серію дѣлъ о совращеніи въ штундизмъ, съ постановленіями о возбужденіи уголовного преслѣдованія противъ совращенныхъ. Мѣстный представитель прокурорскаго надзора раздѣлялъ взгляды полиціи и также настаивалъ на преслѣдованіи штундистовъ. Что особенно странно, онъ самъ былъ нѣмецъ и лютеранинъ, т. е., въ итогѣ раздѣлялъ и самъ религіозныя убѣжденія штундистовъ и въ то же время настаивалъ на преслѣдованіи этихъ убѣждений, побуждаемый своеобразно ли понятнымъ служебнымъ долгомъ, или, можетъ быть, иными соображеніями, ибо, повторяю, онъ былъ нѣмецъ и лютеранинъ. Мѣстное духовенство, опасавшееся потерять и послѣднихъ прихожанъ, подъ вліяніемъ паники, просило принять наиболѣе строгія мѣры противъ штундизма. Страхъ и негодованіе отуманили головы православнаго населенія, и оно искало средствъ къ успѣху въ борьбѣ въ устрашеніи и самыхъ штундистовъ, не задумываясь надъ тѣмъ, насколько это будетъ цѣлесообразно. Эти условія создали для меня чрезвычайно тяжелое положеніе. Отказаться отъ преслѣдованія штундистовъ—значило возстановить противъ себя администрацію, прокуратуру, духовенство и мѣстное православное населеніе, выставить себя, можетъ быть, не вполне благонадежнымъ человѣкомъ, плохимъ исполнителемъ служебнаго долга и прослыть, по меньшей мѣрѣ, человѣкомъ индифферентнымъ въ религіи. Идти противъ общаго направленія, плыть противъ теченія было тѣмъ болѣе рискованно для меня, что моя фамилія звучитъ нѣсколько по польски и многіе, судя по ней, принимали меня за поляка, а для меня было-бы очень опасно, если бы мое несогласіе, съ общимъ настроеніемъ въ штундистскомъ вопросѣ, администрація вздумала объяснять польскимъ происхожденіемъ и, слѣдовательно, равнодушіемъ къ интересамъ православія.

Съ другой стороны, ни совѣсть, ни убѣжденія, ни, наконецъ, простой здравый смыслъ не позволяли мнѣ увлечься общимъ теченіемъ, вызваннымъ здѣсь общей паникой, не коснувшейся меня, какъ человѣка новаго. Я ставилъ себѣ вопросъ, насколько правильно преслѣдованіе собственно за принадлежность къ сектѣ со

стороны строго юридической, т. е. съ точки зрѣнія нашего формальнаго, положительнаго права, нашего закона? Толкуя законъ логически и безпристрастно, я приходилъ къ заключенію, что уголовное преслѣдованіе за уклоненіе отъ православія въ штундизмъ было невозможно. Тѣмъ болѣе, что въ то время штундизмъ въ законодательномъ порядкѣ еще не былъ признанъ сектою особо вредною и противогосударственною. Законъ говорилъ ясно, что „отступившіе отъ православія въ иное христіанское исповѣданіе отсылаются къ духовному начальству для увѣщанія, вразумленія ихъ и поступленія съ ними по правиламъ церковнымъ. До возвращенія ихъ въ православіе принимаются правительствомъ, для охраненія ихъ малолѣтнихъ дѣтей отъ совращенія, указанныя въ законахъ мѣры (уст. о предупр. прест.). Въ имѣніяхъ ихъ, населенныхъ православными, на все сіе время назначается опека и имъ воспрещается имѣть въ оныхъ жительство“ (ст. 188 Улож. о наказ.). Итакъ, въ дѣлахъ объ отступленіи отъ православія судебной власти дѣлать по закону было нечего, а обязаны были дѣйствовать власти духовныя и административныя.

Правда, при извѣстномъ взглядѣ на дѣло можно было поставить его совсѣмъ иначе, держась по внѣшности вполнѣ законной почвы. Въ каждомъ почти случаѣ отступленія отъ православія можно было найти прежде всего совратителя и возбудить противъ него преслѣдованіе по 196 ст. Улож. о наказ., которая говорила въ прежней редакціи такъ: „виновные какъ въ распространеніи существующихъ уже между отпадшими отъ православной Церкви ересей и расколовъ, такъ и въ заведеніи какихъ либо новыхъ, повреждающихъ вѣру сектъ, подвергаются за сіе преступленіе лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылки на поселеніе изъ Европейской Россіи въ Закавказье, изъ Ставропольской губерніи и Закавказья въ Сибирь, а изъ Сибири въ отдаленнѣйшія оной мѣста“. Но, во первыхъ, чѣмъ долженъ былъ руководствоваться слѣдователь, преслѣдуя штундизмъ, какъ новую, повреждающую вѣру, секту? Вѣдь не на обязанности же слѣдователя лежитъ разрѣшеніе, по собственной инициативѣ и по своимъ личнымъ убѣжденіямъ, религіозно-догматическихъ вопросовъ. Только два учрежденія въ Россіи могли сказать рѣшающее слово о штундизмѣ: Св. Синодъ, какъ высшій представитель духовной власти въ Россіи, вполнѣ компетентный

въ разрѣшеніи религіозныхъ вопросовъ, и Государственный Совѣтъ, который могъ рассмотреть мнѣніе Св. Синода о штундизмѣ въ законодательномъ порядкѣ и отнести его къ числу „повреждающихъ вѣру сектъ“, говоря словами закона. Но въ то время вопросъ о штундизмѣ не заходилъ еще такъ далеко и секта эта еще не была особо вредною.

Съ другой стороны, исторія русскаго раскола*) старообрядства и мои личныя наблюденія надъ жизнью раскольниковъ въ посадахъ Черниговской губерніи приводили меня къ глубокому убѣжденію, что преслѣдованія не только не уничтожали и не уменьшали раскола, но напротивъ, содѣйствовали его распространенію, а прекращеніе преслѣдованія отняло у раскола его жизненную силу, довело до внутренняго разложенія, свело почти къ нулю.

Зная все это, могъ ли я хотя одну минуту сомнѣваться въ безусловномъ вредѣ преслѣдованія штундистовъ собственно за отступленіе отъ православія? А разъ я составилъ себѣ такое убѣжденіе, могъ ли я идти противъ него? Нравственный долгъ обязывалъ меня идти указанною имъ дорогою и я пошелъ по ней. Но для того, чтобы мнѣ не помѣшали идти по ней, мнѣ нужно было склонить на свою сторону прокуратуру и я послѣ горячихъ преній сдѣлалъ это.—А каковъ былъ результатъ?—спросить меня. Да именно тотъ, котораго и слѣдовало ожидать. Пресвитеры и учителя штундистскіе, потерявшіе ореолъ „мучениковъ“ въ мѣстности, о которой идетъ моя рѣчь, сразу низве

*) Ставя въ одну параллель древній расколъ старообрядчества и новую штунду относительно мѣръ воздѣйствія, нашъ почтенный авторъ повторяетъ общую ошибку. Не надо забывать, что въ расколѣ репрессивныя мѣры власти, свѣтской и духовной, вступили въ неравную борьбу съ многомилліонною массою, окрыляемою сочувствіемъ и поддержкою людей высшихъ классовъ и даже духовенства, противъ и въ искорененіе укоренившихся вѣковыхъ и священныхъ традицій вѣры и культа; въ штундѣ же, наоборотъ, власть съ мѣрами ограниченія и пресѣченія выступаетъ противъ горсти дерзкихъ реформаторовъ изъ народной среды, противъ хулителей святыхъ и оскорбителей народнаго религіознаго чувства, слѣдовательно, здѣсь власти идутъ на помощь и защиту многомилліоннаго православно-русскаго населенія, которое бездѣйствіе и попустительство власти въ дѣлѣ борьбы съ пропагандистами штунды по своей темнотѣ считаетъ за фактъ одобренія новой вѣры; отсюда соблазнъ и усиленіе совращенія.

дены былъ съ пьедестала *). Штундисты, не фанатизируемые преслѣдованіемъ, стали поближе присматриваться къ своимъ пастырямъ-самозванцамъ и скоро увидѣли, какъ они убоги въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, какъ мало они знаютъ и какъ не одинаково они толкуютъ Новый Завѣтъ. Къ проповѣдникамъ стали относиться далеко не съ прежнимъ довѣріемъ, а уже критически и пропаганда уменьшилась, началось возвращеніе къ православію. Совершенно случайно и мнѣ пришлось два раза помочь усилю этого направленія. Однажды я выѣхалъ въ село К., соседнее съ родиной Балабана и ставшее такимъ же гнѣздомъ штундизма. Приходилось осматривать съ врачомъ трупъ умершаго насильственной смертью. Вскрытіе привлекло на кладбище толпу народа. Пока врачъ дѣлалъ нужныя приготовленія для вскрытія, я вздумалъ побесѣдовать съ штундистами и спросилъ, есть ли они въ толпѣ. Я зналъ, что населеніе К. уже въ большинствѣ принадлежало къ штундизму, но, конечно, не вѣ открыто признавались въ этомъ. На мой вопросъ, однако, нѣкоторые отозвались утвердительно. Тогда я обратился къ нимъ съ просьбой объяснить мнѣ, что собственно заставило ихъ отступить отъ православія. Заговорило сразу нѣсколько человекъ. Я попросилъ не говорить цѣлой толпой, а объясняться поодиночно. На мое приглашеніе изъ толпы вышелъ молодой человекъ, по костюму отличавшійся отъ толпы. Какъ оказалось, это былъ мѣстный пресвитеръ, служившій прежде, кажется, волостнымъ писаремъ. Онъ имѣлъ развязный, самоувѣренный видъ и какъ только услышалъ мое желаніе побесѣдовать, тотчасъ вынулъ изъ кармана маленькое изданіе Нового Завѣта на русскомъ языкѣ. Я повторилъ и ему свой вопросъ о томъ, что заставило его отступить отъ православной Церкви? Онъ очень энергично началъ доказывать, что виною — православное духовенство, которое, по его словамъ, ничему не учитъ народъ, не объясняетъ ему слова Божія и заботится только объ обога-

*) Пресвитеры и учителя штунды сами себя низвели съ пьедестала своею безнравственностью: Балабанъ былъ судимъ за поддѣлку фальшивыхъ ассигнацій, Коваль записилъ „горькую“, присвоилъ кассу секты, а въ этомъ и другіе попались. Добропорядочные главари продержались до послѣдняго времени въ роли учителей, напр., Рябошапка, Капустыньскій. Конецъ безцѣльному и незаконному преслѣдованію штундистовъ за одво лишь отпаденіе положило оправданіе привлеченныхъ въ первомъ же судебномъ процессѣ.

щеніи себя на счетъ прихожанъ. При этомъ онъ приводилъ тексты изъ св. Писанія и между прочимъ слова Спасителя: „гдѣ соберутся два или три во имя Мое, тамъ и Я посреди ихъ“, которыя онъ толковалъ въ томъ смыслѣ, что посѣщать церковь нѣтъ никакой надобности, такъ какъ Церковь—вездѣ, гдѣ соберется нѣсколько вѣрующихъ для молитвы. Я далъ ему высказаться и затѣмъ сталъ возражать. Выяснивши происхожденіе церкви, я указалъ ея значеніе, какъ мѣста совершенія богослуженія и таинствъ, значеніе этихъ послѣднихъ вообще, и въ частности таинства священства отъ апостольскихъ временъ, остановился на томъ, что слабости и недостатки священнослужителей сами по себѣ не могутъ и не должны отвращать людей, искренно вѣрующихъ, отъ Церкви, перешелъ затѣмъ къ положенію нашего духовенства, вынужденнаго жить на счетъ прихожанъ и въ оправданіе этого положенія привелъ апостольское изреченіе о питаніи отъ алтаря-служащихъ алтарю. Не успѣлъ я окончить, какъ толпа, съ видимымъ вниманіемъ слушавшая меня, начала издѣваться надъ пресвитеромъ-самозванцемъ. Когда же я сталъ доказывать полное невѣжество этого самозванца и великую отвѣтственность, которую онъ беретъ на себя, выступая въ роли пресвитера и учителя, самъ не зная ничего и умѣя только читать, толпа устроила довольно шумную демонстрацію противъ самозванца, который совершенно растерялся при этомъ и поспѣшилъ скрыться.

Въ другой разъ такого же рода бесѣду и съ такимъ же результатомъ имѣлъ я съ нѣкимъ Лясоцкимъ *), пресвитеромъ, считавшимся наиболѣе свѣдущимъ и начитаннымъ между пронагандистами штундизма, но на самомъ дѣлѣ отличавшимся такимъ же полнымъ невѣжествомъ въ религіозныхъ вопросахъ, при значительной самоувѣренности, и даже нахальствѣ. Последняго я, впрочемъ, не далъ ему проявить во всю ширь, такъ какъ, зная его по слухамъ, началъ бесѣду не съ защиты православія, а съ нападенія на штундизмъ и особенно на самозванцевъ-пресвитеровъ. Когда я доказалъ ему, какія знанія и какое развитіе требуется для того, чтобы толковать св. Писаніе правильно, вѣрно, а не такъ, какъ придетъ въ голову невѣстнаго полуграмотея, онъ былъ видимо пораженъ. Когда же я

*) Бывшій волостной писарь, — человекъ продувной и низкой нравственности.

доказалъ ему наглядно, что, осмѣлившись взять на себя пресвитерство и учительство, онъ является или безумнымъ слѣпцомъ, ведущимъ въ яму другихъ слѣпцовъ, или,—что еще хуже,—шарлатаномъ, сознательно обманывающимъ бѣдныхъ довѣрчивыхъ простаковъ,—Лясоцкаго охватило какое-то судорожное волненіе. Смирненнымъ, почти плачевнымъ тономъ признался онъ, что дѣйствительно ничего не знаетъ, но что я не хорошо все-таки поступаю, выставляя на посрамленіе невѣжество его передъ другими. Мнѣ этого только и недоставало. Тогда я оставилъ Лясоцкаго и обратился къ людямъ, слушавшимъ нашъ разговоръ. Въ немногихъ словахъ охарактеризовалъ я личности пресвитеровъ въ родѣ Лясоцкаго и указалъ, до чего можетъ довести довѣріе къ нимъ, и видѣлъ ясно, что желаемое впечатлѣніе было произведено.

Указанные случаи привелъ я не потому, чтобы придать имъ какое нибудь особенное, выдающееся значеніе. Это было бы просто не логично. Конечно, въ извѣстномъ районѣ, на извѣстныхъ людяхъ они не могли не имѣть вліянія; но привелъ я ихъ собственно для того, чтобы показать, какъ не трудно *) въ преніяхъ съ штундистскими учителями поражать ихъ на всѣхъ пунктахъ, даже и не обладая особенными богословскими познаніями. Простой здравый смыслъ, знаніе и пониманіе Новаго Завѣта и нѣкоторая способность къ публичной рѣчи, а главное—живое, задушевное убѣдительное слово—вотъ что требуется для успѣха въ состязаніяхъ съ штундистами. Къ этому, впрочемъ, нужно прибавить нѣсколько внѣшнихъ условій, соблюденіе которыхъ необходимо для успѣха.

Прежде всего никогда не нужно допускать состязанія съ нѣсколькими штундистами разомъ; а они любятъ этотъ способъ веденія преній и любятъ потому, что онъ имъ выгоденъ. Нѣсколько человекъ забрасаютъ васъ вопросами съ разныхъ сторонъ. Не успѣли вы отвѣтить одному, какъ слышатся возраженія другихъ. Вы еще не опровергли этого, а вамъ уже задается нѣсколько новыхъ вопросовъ. Подобные примѣры бывали**) и состязаніе, ко-

*) А мы думаемъ, что это и нелегко: и рѣдко кто изъ лицъ свѣтскихъ рѣшается съ успѣхомъ вступать въ состязаніе съ сектантами.

Ред.

**) Къ счастью теперь все какъ выше, такъ и нижеизложенныя наблюденія и совѣты автора методикой миссіонерской предусмотрѣны.

Ред.

торое вели ученѣйшіе богословы съ штундистами, не приводило буквально ни къ чему, оканчивалось полнѣйшей неудачей... Итакъ, преніе должно быть только съ однимъ *). Если будутъ выѣшиваться другіе, слѣдуетъ спокойно и твердо заявить, что можетъ установиться очередь и что всякій, кто желаетъ бесѣдовать, будетъ въ свою очередь выслушанъ. Это — очень важное правило. Затѣмъ не менѣе важно установить порядокъ и въ преніи съ однимъ. Нужно дать высказаться собесѣднику въполнѣ, до конца, не перебивая его, но затѣмъ требовать, чтобы и онъ не перебивалъ, когда будетъ слушать возраженіе. Весьма сильное впечатлѣніе производитъ на штундистовъ цитированіе мѣстъ Новаго Завѣта и поэтому чѣмъ чаще будутъ приводиться тексты при состязаніи, тѣмъ убѣдительнѣе будетъ рѣчь; но нужно приводить тексты на русскомъ языкѣ, на которомъ штундисты привыкли читать св. Писаніе. Наконецъ, очень полезно во время полемики съ штундистами, — если бы въ ней участвовали пресвитеры ихъ и особенно тѣ изъ нихъ, которые выдають себя за начитанныхъ и много свѣдущихъ (о такихъ „ученыхъ“ пресвитерахъ идетъ обыкновенно молва на значительномъ пространствѣ), — указывать на ихъ умственное убожество, неразвитость, непониманіе богословскихъ вопросовъ **) и св. Писанія. Важно это вдвойнѣ: во первыхъ, разбивается авторитетъ пресвитера-самозванца и масса штундистовъ, которая вначалѣ слушаетъ съ довѣріемъ каждое слово своего пресвитера и съ предубѣжденіемъ каждое возраженіе его противника, увидѣвши слабость своего вождя, выставляемую на публичный позоръ, быстро потеряетъ къ нему довѣріе; а во вторыхъ, изблеченный въ умственномъ безсиліи пресвитерь сразу потеряетъ тотъ задорный, самоувѣренный тонъ, съ какимъ эти люди обыкновенно говорятъ съ православнымъ духовенствомъ; а потеря самоувѣренности, это — гибель при публичномъ состязаніи. Почва уходитъ тутъ изъ подъ ногъ, мысли спутываются, не находится словъ для ихъ выраженія, и человѣкъ весьма неглупый кажется жалкой бездарностью.. Къ такому по-

*) Т. е. съ однимъ уполномоченнымъ сектантскою общиною собесѣдникомъ.

Ред.

**) Да, но теперь и среди штундистовъ есть, и не мало, пресвитеровъ и главарей довольно понимающихъ и даже прошедшихъ курсъ Гамбургской миссіонерской семинаріи.

Ред.

ложенію очень не трудно привести во время преній любого пресвитера штундистовъ и тогда, оставивъ побѣжденнаго противника въ сторонѣ, заняться увѣщаніемъ толпы, которая въ этотъ моментъ будетъ слушать побѣдителя уже не только безъ предубѣжденія, но съ полнымъ сочувствіемъ.

Меня могутъ упрекнуть за то жесткое, суровое, негуманное отношеніе къ учителямъ штундизма, которое я рекомендую, какъ наилучшій способъ дѣйствій въ полемикѣ съ ними. Спѣшу объясниться. Кто знаетъ, что за типъ выработался теперь изъ штундистскихъ учителей, какого рода люди—большинство пресвитеровъ штунды, тотъ не только не станетъ осуждать предлагаемаго мною метода, но вполне одобритъ его. Въмѣсто людей слѣпыхъ, заблуждающихся, но горячо ищущихъ истины, обманывающихся, но искреннихъ въ своихъ заблужденіяхъ, каковы были прежде учителя штундистовъ, первые ихъ пресвитеры, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ,—теперь мы встрѣчаемъ самыхъ отчаянныхъ пройдохъ, нахальнѣйшихъ обманщиковъ, эксплуатирующихъ невѣжество и довѣрчивость массы исключительно съ корыстными и вообще эгоистическими цѣлями. Достаточно указать на среду, изъ которой, въ большинствѣ случаевъ, набирается теперь контингентъ штундистскихъ пресвитеровъ, чтобы понятно было, что ничего хорошаго нельзя ожидать отъ этихъ подонковъ и выбросовъ общества. Хотя штундизмомъ увлекаются почти исключительно одни крестьяне, но вы рѣдко встрѣтите между штундистскими пресвитерами обыкновенный типъ крестьянина. Малороссъ-крестьянинъ и самъ по себѣ не способенъ къ выдающейся роли пресвитера, да, наконецъ, его и не допустить къ этой роли, оттѣснять отъ нея на задній планъ смѣлые, дерзкіе, не стѣсняющіеся въ выборѣ средствъ пройдохи. Кто же они такіе? Это — отставные и отпускные солдаты, игравшіе всегда выдающуюся роль въ крестьянскомъ быту въ Малороссіи *), выключенные изъ службы волостные писаря, знающіе обыкновенно всю подноготную крестьянской жизни, бывшіе монастырскіе послушники и служки, перевидавшіе тысячи крестьянъ-богомольцевъ и отлично знающіе всю простоту крестьянъ

*) Въ любой малороссійской комедіи, отражающей вообще довольно вѣрно дѣйствительную жизнь, вы непременно встрѣтите „москаля“, т. е. солдата и всегда въ роли пройдохы и сельскаго ворюги.

и всѣ наиболѣе удобные способы залѣзть, что называется, въ душу крестьянина и окончательно покорить ее себѣ. Объ искренности вѣры въ главные основанія штундистскаго вѣроученія у подобныхъ людей не можетъ быть и рѣчи. Я не имѣю права и основаній сказать, чтобы они были людьми совсѣмъ нерелигіозными, невѣрующими. Но пришелъ къ заключенію, что они относились къ религіи и вѣроисповѣданію очень индифферентно, что дѣйствительно религіозныя вѣрованія ихъ, насколько можно было изучить ихъ, представляютъ невообразимый сумбуръ, смѣсь самыхъ противоположныхъ воззрѣній, путаницу православныхъ понятій съ лютеранскими, и наконецъ, особый умственный міръ скороспѣлаго самоучки, гдѣ самое недѣльное, очевидное суевѣріе уживается съ чисто философскими воззрѣніями, — каковы воззрѣнія лютеранскихъ богослововъ. При растяжимости нравственныхъ правилъ этихъ людей, для нихъ было совершенно безразлично, что именно пропагандировать — православіе, или штундизмъ, или, наконецъ, старообрядчество, лишь бы при этой пропагандѣ занимать видное и выгодное положеніе.

Чего же собственно добивались эти люди, каковы были ихъ побужденія и цѣли? У нѣкоторыхъ виднымъ двигателемъ были честолюбіе и властолюбіе. Хотѣлось играть въ деревнѣ первую роль, быть руководителемъ толпы, командовать ею, а такое положеніе давалось пресвитерствомъ и къ нему не могли не чувствовать влеченія бывшіе волостные писаря и разные ефрейторы, фельдфебели и вахмистры, которые во время службы въ нижнихъ чинахъ попробовали уже сладость власти. Но особенно влекло къ пресвитерству корыстное побужденіе, матеріальный расчетъ, такъ какъ должность пресвитера веда за собою и доходы. Правда, доходы эти были не вынужденные, не было обязательныхъ налоговъ для полученія ихъ, но въ силу обычая они установились, служа естественной замѣной тѣхъ платежей, которые вносились прежде православному священнику и которые теперь доставлялись натурой. За браки, погребеніе и т. п., совершаемые пресвитерами, крестьяне давали имъ, въ видѣ добровольнаго вознагражденія, хлѣбъ и разные другіе сельскіе продукты. Въ видѣ того же вознагражденія крестьяне помогали своимъ пресвитерамъ вспахать и засеять ихъ поля, собрать сѣно и хлѣбъ и т. п. Очевидно, при такихъ условіяхъ должность пресвитера была довольно выгодна и если она давалась помимо всякой науч-

ной подготовки, за одно умѣнье читать и по своему толковать св. Писаніе, какъ было не стремиться къ ней какому нибудь бѣдняку солдату, писарю безъ мѣста, или послушнику, изгнанному изъ монастыря и готовому на все, чтобы только пристроиться?—Нѣкоторые изъ этихъ проходимцевъ для того, чтобы понасть въ пресвитеры, съ возмутительною дерзостью выдавали себя за избранниковъ Божіихъ и рассказывали о небесныхъ видѣніяхъ, которыхъ они будто бы удостоивались, и о голосахъ, которые они слышали свыше и которые посылали ихъ на проповѣдь штундизма, какъ истиннаго ученія Христова! И эти то мнимые избранники Божіи, понавшись въ руки полиціи за кощунство и т. п., не только отрекались отъ штундизма, но предлагали даже взять на себя обращеніе штундистовъ въ православіе и просили за это вознагражденія! Какъ же не относиться съ безпощадною строгостью къ этимъ отчаяннымъ людямъ, испорченнымъ до мозга костей, не знающимъ никакихъ нравственныхъ принциповъ, готовымъ продать при удобномъ случаѣ все и всѣхъ, лишь бы имъ выгодно заплатили. Вѣдь и Самъ Спаситель нашъ, при Своей Божественной, всеобъемлющей и безпредѣльной любви и милосердіи къ человѣку, не давалъ, однако, пошады лицемѣрнымъ фарисеямъ и при всякомъ случаѣ всенародно и грозно обличалъ ихъ въ ханжествѣ, въ глубокой нравственной испорченности при внѣшнемъ благочестіи, въ стремленіи быть руководителями и учителями другихъ въ то время, какъ и сами они шли къ погибели. Вникая въ смыслъ обличительныхъ рѣчей Спасителя, обращенныхъ Имъ къ фарисеямъ, нельзя не найти поразительной аналогіи между пороками фарисеевъ, подвергшихся осужденію Богочеловѣка, и дѣйствіями, отличающими фарисеевъ новѣйшихъ-штундистскихъ учителей и пресвитеровъ. Вдумаемся, напримѣръ, въ смыслъ этихъ словъ Спасителя: „на Моисеевомъ сѣдалищѣ сѣли книжники и фарисеи... любятъ предсѣданія въ синагогахъ и чтобы люди звали ихъ: „учитель! учитель!“.—Горе вамъ книжники и фарисеи, лицемѣры, что затворяете царство небесное чловѣкамъ; ибо сами не входите и хотящихъ войти не допускаете... Обходите море и сушу, дабы обратить хотя одного и когда это случится, дѣлаете его сыномъ геенны, вдвое худшимъ васъ“ (Ев. отъ Мѡ. гл. 23-я, ст. 2, 6, 7, 13, 15). Повторяя эти божественныя слова, невольно примѣняешь ихъ къ штундистскимъ пресвитерамъ, занимающимъ первыя мѣста въ собраніяхъ штунды,

любящимъ называться учителями, изображать изъ себя вождей народныхъ, объятыхъ страстью къ пропагандѣ, совращающимъ довѣрчивыхъ и темныхъ людей и фанатизирующимъ ихъ до того, что они открыто кощунствуютъ, надѣваются надъ таинствами и обрядами православной Церкви и вообще совершаютъ цѣлый рядъ преступленій противъ вѣры. Между тѣмъ, что очень важно, штундистскіе пресвитеры въ своей полемикѣ съ православными любятъ и стараются примѣнять обличенія Спасителя, направленные противъ фарисеевъ,—къ православному духовенству. Для этого они берутъ выраженіе Спасителя о фарисеяхъ, что они: „увеличиваютъ воскрылія одеждъ своихъ“ — (Мѡ. гл. 23, ст. 5)., и стараются увѣрить невѣжественную толпу, что эти слова относятся именно къ нашему духовенству, носящему длинную и широкую одежду съ широкими рукавами. Воспользовавшись этимъ внѣшнимъ и случайнымъ признакомъ, они уже смѣло проводятъ и дальнѣйшую параллель между фарисеями и нашимъ духовенствомъ, преувеличивая слабости и недостатки послѣдняго. Духовенству нашему очень полезно знать это стремленіе,—общее всѣмъ штундистскимъ пресвитерамъ,—для того, чтобы разбивать ихъ ихъ же собственнымъ оружіемъ.

Надѣюсь, что послѣ всего сказаннаго мною о штундистскихъ пресвитерахъ и учителяхъ, самъ собою выяснится и оправдается тотъ образъ дѣйствій относительно ихъ, который я выше рекомендовалъ, и что чѣмъ грознѣе и безпощаднѣе будетъ изобличеніе ихъ въ умственномъ невѣжествѣ и нравственной испорченности, тѣмъ скорѣе исчезнетъ этотъ антипатичный и вредный видъ авантюриста въ религіозной средѣ и тѣмъ успѣшнѣе пойдетъ борьба православія съ штундизмомъ.

А. Шуровскій.

Изъ дневника священника—учителя*).

Тамо убояшеся страха, идѣже не бѣ страхъ.
(Ис. 13, 5).

Среди моихъ немногочисленныхъ прихожанъ есть домъ, обитатели котораго принадлежать къ тремъ вѣрамъ. Домохозяинъ—мой прихожанинъ, его жена принадлежитъ къ обществу поповцевъ-окружниковъ, а отецъ 80 лѣтній старикъ безпоповецъ поморскаго согласія. Лѣтъ 15 тому назадъ всѣ эти лица были раскольниками австрійскаго согласія, а жена старика — безпоповка. Старикъ В—ій Он—чъ былъ человѣкъ фанатичный, права крутого; онъ настойчиво требовалъ, чтобы жена шла по его вѣрѣ, т. е. приняла австрійское священство, но она была тоже тверда въ своей вѣрѣ и съ тѣмъ умерла, что не послушалась своего мужа. Послѣ смерти жены В—ій Он—чъ сталъ часто посѣщать своего женнина родственника безпоповскаго наставника; посѣщенія эти совершили переломъ въ его душѣ; подъ вліяніемъ доводовъ безпоповскаго наставника онъ самъ рѣшился сдѣлаться безпоповцемъ. Говорятъ, что безпоповскій настоятель перекрестилъ В—ія О—ча въ какомъ-то озерѣ и съ тѣхъ поръ В—ій Он—чъ сталъ строгимъ безпоповцемъ; его сынъ, а мой прихожанинъ, оставилъ расколъ 2 года тому назадъ. Въ свободное время я посѣщаю своихъ прихожанъ, захожу и въ этотъ домъ. Разговоръ о вѣрѣ чаще веду съ самимъ старикомъ; онъ человѣкъ совершенно безграмотный и невѣжественный, но всетаки считаетъ себя многознающимъ. Въ своихъ доводахъ онъ ссылается и на старопечатныя книги, а больше на рассказы, взятые имъ Богъ знаетъ откуда; въ его головѣ нѣтъ никакихъ отчетливыхъ представленій, а все спутано и перепутано. Тамъ, гдѣ онъ окончательно становится втупикъ, обыкновенно говоритъ: „мы отъ писанія докажемъ“, а попросимъ доказать, говоритъ: „я неграмотный“...

Совершая крестный ходъ на св. Пасху по домамъ своихъ прихожанъ, я пришелъ и къ описываемой семьѣ. По окончаніи молебна,

*) См. «Мисс. Обзор.» № 5-й

хозяинъ предложилъ чай; я не отказался, но выразилъ желаніе прежде похристосываться съ старикомъ. На это желаніе мое домохозяинъ отвѣтилъ: „съ нами онъ не христосывался. а съ вами и вовсе не будетъ“. И, однако, настаивалъ на своемъ; тогда онъ отвѣтилъ, что старикъ въ другой избѣ. Я взялъ красное яйцо и пошелъ. Растворивши дверь, я увидѣлъ В—іа Он—ча на лавкѣ, одѣтаго тулупомъ. Обращаясь къ нему, я сказалъ: „Христосъ воскресъ“, но отвѣта не получилъ, я снова повторилъ, но опять послѣдовало молчаніе; тогда я сказалъ: „ты, должно быть, В—ій О—чъ, не желаешь со мной христосываться“. „Намъ не велѣно съ вами христосываться“. Кто-же, говорю, запретилъ. „Св. отцы“. Никогда и нигдѣ не найдешь этого запрещенія.—возразилъ я. Если вы считаете насъ невѣрными, погибающими, то и тогда христосываться съ нами не грѣхъ. По примѣру св. Маріи Магдалины, пришедшей къ царю Тиверію и подарившей ему красное яйцо, мы должны со всѣми христосываться. Таковъ былъ обычай у насъ на Руси всегда, есть и теперь. Выслушавъ меня, В—ій Он—чъ сказалъ: „ну нѣтъ, это ты говоришь неправильно“. Дарить яйцами стали вотъ когда: „одинъ разъ шла Божія Матушка; Она несла въ своемъ запоночкѣ яйца; навстрѣчу ей бѣжали дѣти жиловинъ; Она сказала имъ: Христосъ воскресъ! и всѣхъ одѣлила яйцами“. Эти дѣти, заключилъ свое повѣствованіе В—ій Он—чъ, послѣ всѣхъ перешли въ Христову вѣру“. Подобный рассказъ, слышанный мною въ первый разъ, мнѣ показался слишкомъ фантастичнымъ, но я на время согласился съ В—мъ Он—мъ. Пусть будетъ такъ,—сказалъ я. Подобно Божіей Матери и я дамъ тебѣ яйцо. „Ну, нѣтъ, я не возьму; дѣти жиловинъ перешли въ Христову вѣру, а я къ вамъ уже не пойду“. Хоть возьми отъ меня яйцо, а самъ не христосывайся,—сказалъ я. „Нѣтъ ничего я не могу взять отъ тебя“. Такъ мои убѣжденія и не подѣйствовали на В—іа Он—ча; пришлось оставить его.

Раздумывая послѣ о томъ, почему В—ій Он—чъ не взялъ отъ меня яйца и отказался взять вообще что-либо, я пришелъ къ заключенію, что не взялъ онъ потому, что опасался какъ бы при посредствѣ яйца къ нему не пристала печать антихриста и какъ-бы ему чрезъ то не погибнуть.

Тернистый путь.

„Мните ли, яко миръ придохъ дати на землю? ни, глаголю вамъ, но раздѣленіе. Раздѣлится отецъ на сына и сынъ на отца“. Ев. Луки 12 гл., 51. 53 ст.

Въ субботу на масленицу 1902 года я сидѣлъ и читалъ около огня. Заглянувъ въ окно, я увидѣлъ, что кто-то идетъ ко мнѣ. Всмотрѣваясь пристальнѣе, я въ одномъ узналъ своего церк. сторожа, а другого сразу не могъ узнать, такъ какъ онъ весь былъ закутанъ въ халатъ и едва переступалъ. Когда оба подошли къ дому, то во второмъ я узналъ наставника нашихъ безпоповцевъ-поморцевъ, Ив—а Ан—ва Ж—ва. Ив—нѣ Ан—чѣ глубокий старецъ, ему уже 80 лѣтъ; на видъ онъ очень благообразенъ, невысокаго роста, довольно плотный, съ совершенно бѣлой большой бородой; черты лица симпатичныя; съ нимъ я уже давно знакомъ. Ив—нѣ Ан—чѣ иногда заходилъ ко мнѣ, пили чай и бесѣдовали читали по старопечатнымъ книгамъ объ антихристѣ, причащеніи, крестномъ знаменіи и пр. Ив—нѣ Ан—чѣ почти не возражалъ; онъ какъ будто соглашался и сознавалъ неправильность своего пути. Случилось, что вечеромъ я его провожалъ. Проходя мимо нашей церкви, онъ говорилъ: „давно мнѣ хочется побыть въ вашей церкви и послушать, да нельзя, за мной подзирають“...

Встрѣчая его на улицѣ, я приглашалъ къ себѣ, но онъ говорилъ: „дѣло домашнее, то некогда, то не пускають; какъ-нибудь зайду“.

Разъ на Пасхальной недѣлѣ я пошелъ къ нему; онъ жилъ съ сыномъ Іус—мѣ, у котораго къ дому была пристроена изба, служившая моленной для нашихъ безпоповцевъ. Ив—нѣ Ан—чѣ обѣщаль мнѣ показать свою моленную. Придя къ нему, я сталъ просить, чтобы онъ исполнилъ свое обѣщаніе и показалъ мнѣ свою моленную. Ив—нѣ Ан—чѣ соглашался, но сынъ не позволялъ; сколько я ни просилъ, сынъ такъ и не позволилъ. Я сталъ говорить кое-что изъ св. Писанія противъ безпоповцевъ; Ив—нѣ Ан—чѣ возражалъ и, видимо, защищаль свое вѣроученіе. Возвращаясь отъ Ж—выхъ, я раздумывалъ о необходимости Ив—а Ан—ча; у меня онъ какъ-будто на сторонѣ

православія, а у себя на сторонѣ безпоповства. Говорилъ я объ этомъ съ людьми, болѣе знающими Ив—а Ан—ча; они полагали, что скорѣе всего онъ человѣкъ двоедушный... Въ началѣ весны прошлаго года онъ пришелъ въ мой домъ; вмѣстѣ съ нимъ мы стали читать объ антихристѣ по книгѣ „вѣры“; моимъ объясненіямъ Ив—ъ Ан—чъ не возражалъ. Бесѣдовать долго намъ не пришлось. Пришла вскорѣ его дочь и стала звать отца; я, было, предложилъ ей сѣсть и поговорить, но она сказала: „мы все давно знаемъ, насъ нечего учить“. Взявши отца за рукавъ, она увела его.

Среди лѣта Ив—ъ Ан—чъ снова пришелъ ко мнѣ поздно вечеромъ, онъ сталъ говорить, что желаетъ присоединиться къ православію, а то боится умереть во враждѣ съ Церковью; его намѣреніе я одобрилъ; онъ сталъ говорить, что здѣсь, у насъ, ему нельзя присоединиться, такъ какъ дѣти не допустить, а необходимо поѣхать еще куда-либо. По общему рѣшенію мы уговорились ѣхать въ Вол—ну и тамъ совершить присоединеніе. Въ назначенный день Ив—нъ Ан—чъ, однако, не явился и я былъ этимъ сильно смущенъ...

Придя 23 Февраля, онъ прямо объявилъ, что желаетъ присоединиться и просилъ меня принять его; я не сталъ откладывать и мы всѣ отправились въ церковь. Когда совершилось присоединеніе, то изъ глазъ Ив—а Ан—ча катились слезы; это трогало и насъ. Когда возвращались изъ церкви, то дочь Ив—а А—ча, прибѣжавшая сюда, стала упрекать его, утверждая, что теперь онъ погубилъ свою душу, ввергъ ее въ геенну огненную; упрекала и въ томъ, что будто онъ пьяный перешелъ, что теперь его будутъ опять поить виномъ, такъ что онъ обоньется. Придя въ мой домъ, И—нъ Ан—чъ сталъ говорить, что онъ едва ли долго проживетъ; просилъ насъ поминать его по смерти. Вечеръ и ночь онъ провелъ въ домѣ моего прихожанина, а своего крестника; въ воскресенье (прощеное) былъ у заутрени и обѣдни, а вечеромъ пошелъ къ сыну; сынъ, его жена и случившіеся гости встрѣтили его бранью и укорами; онъ говорилъ имъ въ свою защиту отъ св. Писанія, но они не слушали, а все бранили. Первую недѣлю онъ провелъ въ домѣ своего крестника, ходилъ къ богослуженію и вмѣстѣ съ другими былъ у исповѣди и св. причащенія. Въ воскресенье пошелъ къ сыну; опять его встрѣтили бранью; и постоянно упрекали его, что онъ измѣнникъ, погибшій теперь человѣкъ; одно-

временно съ нимъ не молились; съ собой изъ одной посуды не позволяли ѣсть, а давали отдѣльно; даже опредѣлили для него особую чашку, изъ которой ранѣе кормили кошку. Ив—ъ Ан—чъ все терпѣлъ и переносилъ...

Подошла св. Пасха. Ив—ъ Ан—чъ собрался къ утрени и пошелъ; это замѣтилъ его сынъ; онъ догналъ отца и схватилъ его за рукавъ и сталъ тащить назадъ, уговаривая не ходить въ церковь; Ив—ъ Ан—чъ не соглашался съ нимъ; тогда сынъ стащилъ съ него халатъ, а Ив—ъ Ан—чъ въ одномъ „холодникѣ“ пришелъ въ храмъ. Прослушавъ Пасхальную утреню, онъ пришелъ въ восторгъ и послѣ рассказывалъ, что онъ отъ роду не видалъ такого торжества. Когда Ив—ъ Ан—чъ вернулся домой, то съ нимъ никто не сталъ христосмыслиться; всѣ домашніе постоянно его бранили и укоряли. Наконецъ дѣло дошло до того, что сынъ выгналъ отца изъ дома. Съ тяжелой скорбью Ив—ъ Ан—чъ перебрался къ другому сыну, очень бѣдному, и пріютился у него; этотъ сынъ менѣе упрекалъ, но все-таки не обходился безъ брани. Случалось, что нѣкоторые изъ безпоповцевъ приходили къ Ив—ну Ан—чу и уговаривали его вернуться къ нимъ; когда же они замѣчали, что ихъ убѣжденія не дѣйствуютъ, то говорили: „тебѣ-бы поѣхать въ Поимъ къ Л. Ө. Пичугину, онъ-бы тебѣ указалъ истинный путь“. На этотъ доводъ Ив—ъ Ан—чъ отвѣчалъ, что Пичугинъ не нуженъ, такъ какъ самъ онъ знаетъ все св. Писаніе хорошо.

Такъ шла жизнь Ив—а Ан—ча среди гоненій и укоровъ; отъ внутренней-ли тяжелой борьбы или уже такъ случилось, но его старческій организмъ не выдержалъ; въ одно утро съ нимъ случился параличъ въ легкой степени; тотчасъ-же онъ пожелалъ позвать священника, которымъ и былъ пріобщенъ св. Таинъ; иногда онъ какъ будто забывался, а потомъ опять приходилъ въ себя; вскорѣ-же было совершено надъ нимъ елеосвященіе. Прострадалъ онъ недѣли 2—3 и скончался.

Такъ окончилось страданіе этого старца, имѣвшаго мужество оставить расколъ и перенести всѣ укоры и непріятности отъ своихъ родныхъ по плоти; надъ нимъ вполнѣ исполнились слова Спасителя: „возстанетъ сынъ на отца“.

„Бѣды отъ сродникъ, бѣды отъ языкъ“.

(2 Кор. 11 гл. 26 ст.).

Недавно я встрѣтился съ знакомымъ батюшкой. Поговоривши о житейскихъ дѣлахъ, батюшка спросилъ: „вашъ ли это прихожанинъ К. П? Говорю мой. Онъ насъ замучилъ, постоянно приходитъ и проситъ милостыню; говоритъ, что всѣ родные его покинули, что онъ теперь нашъ и всѣ его должны поддерживать; есть слухъ, продолжалъ батюшка, что онъ даже собранное пропиваетъ. Напрасно вы такихъ присоединяете,—закончилъ мой знакомый батюшка...

Подобный укоръ я слышалъ не разъ; мнѣ его высказывали и батюшки и матушки. Думаю, что въ основаніи укоровъ лежитъ ложное представленіе о совершеніи присоединенія. Обыкновенно думаютъ, что присоединеніе составляетъ находку для священника; вѣроятно, заключаютъ это изъ того, что всѣ присоединенные печатаются въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ. Одинъ умный чело-вѣкъ мнѣ даже смѣялся надъ тѣмъ, что печатается о присоединеніи 2-лѣтнихъ, 3 л. и т. п. Но смѣшного тутъ нѣтъ ничего. Въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ печатаются факты присоединенія и больше ничего, а свѣдѣнія эти необходимы. Да и каждый священникъ, доносящій о присоединеніи, лишь исполняетъ свой долгъ предъ начальствомъ. Правда, было-бы смѣшно, еслибы печаталось объ обращеніи 2-хъ-лѣт., 3-хъ-лѣт. и это обращеніе священникъ приписывалъ-бы себѣ. Но не только обращеніе малолѣтнихъ, а и взрослыхъ, думаю, ни одинъ пастырь не будетъ приписывать себѣ, помня слова св. апостола Павла: „я насадилъ, Аполлосъ поливалъ, но возрастилъ Богъ“ (1 Кор. 3 гл. 6 ст.).

Въ дѣйствительности всякое присоединеніе доставляетъ пастырю и радость и тревогу: онъ радуется, что обратился одинъ заблудшій, но вмѣстѣ съ тѣмъ испытываетъ тревогу. Быть покойнымъ нельзя; ни одинъ пастырь не поручится за будущность присоединеннаго; опасеніе за его отпаденіе всегда неизбѣжно присутствуетъ въ мысляхъ присоединяющаго. Но посмотримъ: какъ присоединялся К. П.? До присоединенія онъ нѣсколько разъ приходилъ ко мнѣ для бесѣды; я говорилъ съ нимъ и читалъ старопечатныя книги; онъ часто говорилъ, что думаетъ оставить

расколъ; среди своихъ односельчанъ онъ пользовался вообще плохой репутаціей.

Такъ шло время. Вотъ приходитъ К. П. въ одинъ изъ праздниковъ къ намъ къ обѣднѣ; по окончаніи обѣдни, проситъ присоединить его. Я говорю, что ему надо походить въ церковь и хорошо все посмотреть; на это К. отвѣчаетъ, что онъ уже все видѣлъ и ему вся служба церковная очень нравится. Я начинаю спрашивать, что, быть можетъ, онъ изъ какихъ расчетовъ присоединяется, но онъ положительно заявляетъ: „ничего вашего мнѣ не надо, мнѣ душа дороже золота и серебра“. Про тебя говорятъ много дурного, продолжаю я, да и ты самъ знаешь плохое за собой. „Да, батюшка, говоритъ онъ, каюсь предъ тобой и Царемъ Небеснымъ, много дѣлалъ нехорошаго, но теперь исправлюсь, прими въ свое стадо“. Что дѣлать? Посылаю за псаломщикомъ. Подошли кое-кто изъ прихожанъ. Рѣшились принять и К. П. былъ присоединенъ къ православію. Такъ присоединился К. П., такъ или почти такъ присоединяются и другіе. Чѣмъ-же мы виноваты? Правда, иные говорятъ: надо заставлять ходить побольше такихъ въ церковь въ видѣ оглашенныхъ, а потомъ уже и присоединять. Говорятъ, конечно, можно и совѣты давать легко, но на дѣлѣ исполнить совѣтъ иное. Совѣтовать такъ могутъ люди совершенно не знающіе раскола. Въ моей практикѣ былъ одинъ такой случай: по окончаніи вечерни, мы присоединяли двухъ раскольниковъ; ихъ жены отъ кого-то услышали; онѣ прибѣжали къ церкви; видятъ огонь, вбѣжали въ храмъ и одна, разгорячившись, стала шумѣть на мужа и частью на насъ. Это было уже въ концѣ присоединенія; мужъ, присоединившись, сказалъ ей: „дома поговоримъ“. Второй разъ присоединялся 80-лѣтній старецъ, бывшій безпоповскій настоятель; прибѣжала дочь, но церковь была заперта. Послѣ она говорила: „еслибы меня пустили въ церковь, я бы его увеза“. Возможно, что она много-бы надѣлала безпорядковъ. Третій случай былъ, когда жена присоединившагося крестьянина прибѣжала къ церкви въ рукахъ съ ребенкомъ, бросала его на паперть, шумѣла, кричала и вообще выходила изъ себя.

Можно-ли послѣ этого говорить, чтобы присоединяющіеся ходили въ церковь и по согласію съ родными переходили изъ раскола. Нѣтъ, невѣжественныя матери, жены и дѣти своими слезами, уговорами, проклятіями, однимъ словомъ, всѣмъ, чѣмъ только можно, будутъ удерживать своихъ родныхъ въ расколѣ.

Посмотримъ на дѣло съ другой стороны. Приходятъ люди присоединяться съ извѣстными даже мнѣ недостатками. Я начинаю колебаться, но тутъ возстаетъ въ головѣ образъ евангельской женщины, взятой въ блудодѣяніи. По приговору книжниковъ и закону Моисея она должна быть побита камнями; такого рѣшенія ожидали всѣ. Господь же, знавшій внутреннюю настроенность женщины и ихъ обвинителей, рѣшилъ по другому.

Такъ, смотря на человѣка со слабостями, я мыслю, что, б. м., его душа чище и лучше моей; у меня не хватаетъ духа оттолкнуть отъ себя. Конечно, еслибы я былъ сердцевидецъ, какъ Господь, и проникалъ въ душу приходящихъ, то не дѣлалъ-бы ошибки; но такъ какъ самъ я слабый и немощный, не могуцій понять „яже въ человѣцѣ“ (1 Кор. 2 гл. ст. 11), то и дѣлаю ошибки, принимая плохихъ. Но вѣдь не одни плохіе переходятъ; есть и хорошіе. Къ сожалѣнію, послѣдніе какъ бы забываются; по первымъ судятъ о всѣхъ. Есть, однако, изъ присоединившихся такіе, которые могутъ служить украшеніемъ для православія. Такъ есть и такъ должно быть. По словамъ св. ап. Павла въ дому (2 Тим. гл. 2, 20 ст.) есть сосуды золотые, серебряные и глиняные. Тоже во всякомъ обществѣ, начиная отъ малаго до великаго...

Не безынтересно посмотрѣть, какъ о присоединеніяхъ судятъ извѣстные наши борцы за православіе. Извѣстный миссіонеръ преосвященный Аркадій, преданный всецѣло борьбѣ съ расколомъ говоритъ, что должно радоваться одному уже тому, что присоединяющійся оставляетъ расколъ; пусть онъ будетъ представлять изъ себя траву, а его дѣти уже дадутъ цвѣты, а внуки ягоды.

Такъ, дорогіе братіе — сопастыри, не мечите въ насъ, трудящихся среди раскола и сектантства, камни. Вѣрьте, что у насъ и такъ слишкомъ много скорбей. Я едвали преувеличу, если скажу, что пастыри-миссіонеры болѣе болѣютъ душой, чѣмъ вообще пастыри. Въ православныхъ приходахъ пастырь (часто) благодумствуетъ, а въ расколо-сектантскихъ едвали когда; тамъ скорбь омрачаетъ сердце иногда, а тутъ испытывается безпрерывное томленіе духа.

Свящ. В. Лавровъ.

По епархіямъ *).

Саратовъ.

Въ началѣ 1902 г., кажется, въ 12 № „Церковн. Вѣдом“. было напечатано сообщеніе о присоединеніи раскольниковъ амвросійской іерархіи къ православной церкви — крестьянъ села Голяевки, Сердоб. у., Саратовской губ. Присоединенія были послѣдствіемъ миссіонерскихъ бесѣдъ съ раскольниками, въ каковыхъ бесѣдахъ трудились и мѣстные миссіонеры, и пріѣзжіе со стороны. Присоединеніе раскольниковъ было массовое, что-то около 200 душъ. Прочитавъ тогда это отрадное сообщеніе, мы глубоко порадовались этому. Дѣло въ томъ, что въ свое время, будучи епархіальнымъ миссіонеромъ Саратовской епархіи—мѣстъ своей родины и первоначальной 16-лѣтней службы, мы не разъ бывали въ этомъ глухомъ пограничномъ съ Тамбовской и Пензенской губ. селѣ Голяевкѣ и бесѣдовали съ раскольниками этого села. Вспоминается и теперь еще такой эпизодъ, случившійся со мною при вѣздѣ въ это село. Выѣхалъ я изъ села Бекова по направленію въ село Голяевку; станція большая—28 верстъ. Это было въ январѣ 1885 года. Выѣхалъ я при хорошей погодѣ, а потомъ понесла мятель и разыгралась стихія не на шутку. Время было къ вечеру; я то и дѣло тревожилъ ящика, чтобы поспѣшить ѣздой, опасаясь сбиться съ дороги и не уѣхать Богъ вѣсть куда, тѣмъ болѣе, что мѣсто степное. Такъ и случилось: сгустились сумерки, мы сбились съ дороги и начали колесить по стени, то вправо, то влево, дѣлая зигзаги. Долго плутали мы, то сидя на саняхъ, то идя пѣшкомъ: я сильно прозябъ; вдругъ слышимъ звонъ въ колоколъ, но уловить его направленіе за силою вѣтра мы долго не могли. Ёдемъ цѣликомъ по снѣгу, 2 немудрые лошади измучились, едва плетутся; я потихоньку молюсь св. Николаю Чудотворцу, прося его спасти насъ отъ возможности замерзнуть въ полѣ. Звонъ сгланвится все ближе и явственнѣе. Вдругъ лошади оступились, сани перевернулись, лежавшій около меня мѣшекъ съ старопечатными книгами перелетѣлъ чрезъ меня, я за нимъ и мы очутились въ оврагѣ, погрузившись въ сугробы снѣга. Что дѣлать? кое-какъ

*) См. Мин. Обзоръ. № 6-й.

вылѣзли, но поднять лошадей было немислимо.—„Сиди здѣсь, я пойду оглядѣться, гдѣ мы“,—сказалъ ямщикъ. И ушелъ. Я остался въ страхѣ—какъ-бы не быть съѣденнымъ волками. Стою при утопшихъ въ снѣгу, въ оврагѣ, лошадяхъ и молюсь о спасеніи своей жизни. Долго пропадалъ мой ямщикъ; наконецъ слышу голоса; ближе и ближе ко мнѣ раздаются ихъ шаги; я кричу... Подходятъ и что же? мы въ верстѣ отъ села; на мостъ не попали, а мимо его влетѣли въ оврагъ. Ямщикъ собралъ голяевскихъ мужиковъ по приходѣ въ село, съ помощью ихъ вывелъ лошадей, сани, а я нѣшкомъ пошелъ, чтобы разогрѣться. Милосердый Господь спасъ и мое здоровье и поѣздка моя не осталась тщетною: все, что было посѣяно мною и въ этотъ и послѣдующіе разы, воздѣланное и др. соработниками, по моемъ уходѣ изъ Саратова на Кавказъ, теперь принесло плодъ сторицею. Около 200 душъ сознали заблужденіе раскола и вошли въ спасительный ковчегъ—св. Христову Церковь. Не торжество ли для миссіонера! Здѣсь поистинѣ исполнились слова апостола языковъ: „Я насадилъ, Аполосъ поливалъ, но возрастилъ Богъ“ (1Крѣ. 3, 6). Я и другіе миссіонеры трудились въ словѣ, убѣждая голяевскихъ старообрядцевъ оставить свое заблужденіе, а третьи пришли и пожали созрѣвшіе плоды. Такъ оно и должно быть, ибо посѣянное возрастаетъ только со временемъ, а не сразу. Это и сами голяевскіе новообращенные выразили мнѣ въ своемъ письмѣ, приславъ его въ торжественные дни минувшей св. Пасхи. Вотъ ихъ немудрое посланіе, написанное церковными буквами:

«Христось Воскресе,

достолюбимый во іереѣхъ о. Константинъ! Посѣянное вами въ прежнихъ лѣтахъ нынѣ возрастѣ и сотвори плодъ сторицею. Извѣщаемъ васъ: къ тому нѣсмь раскольницы, а чади св. Церкви. Тѣ, которые препону давали вамъ на бесѣдахъ, нынѣ преклонили свои сердца въ послушаніе православія. И радуемся и ликовствуемъ нынѣ. Горитъ помышленіе созидѣть единовѣрческую церковь, дабы и иныхъ привлеци во дворъ Христовъ. Прибывайте къ намъ на утѣшеніе и пр. Рабы Христовы. Слѣдуютъ подписи».

Прочитавъ это письмо, я тотчасъ же отвѣтилъ имъ своимъ благословеніемъ и высказалъ свою неограниченную радость, какъ о ихъ обращеніи, такъ равно и желаніи ихъ обратить своихъ присныхъ къ православію. Дай Богъ устроить здѣсь храму на

правахъ единовѣрія, если въ этомъ есть нужда. Въ с. Голяевкѣ есть уже православный храмъ и 2 причта при ономъ. Въ свое время мы присоединили здѣсь крестьянина Павла Ловырева и его семью. Былъ и здѣсь своего рода инцидентъ. Убѣдившись въ православіи, Павелъ Ловыревъ тотчасъ же рѣшился присоединиться къ православной Церкви, но жена его уперлась и отказалась слѣдовать за нимъ. Не допустила она и дѣтей слѣдовать за отцемъ. Рѣшили оставить её пока... Въ слѣдующій пріѣздъ Павелъ повелъ меня въ свой домъ, я сталъ убѣждать его жену, она стала уже мягче, прежняя жесткость и фанатизмъ въ ней исчезли, но въ концѣ концовъ все же заявила, что она готова присоединиться только къ единовѣрческой церкви.—„Будетъ здѣсь такая церква, говорила она, тогда и я пойду; а теперь что я буду дѣлать въ вашей церкви? у васъ одни обряды, у насъ другіе, а отвыкнуть я не могу. Пришлось еще оставить её на нѣкоторое время. Въ слѣдующій разъ моего пріѣзда въ Голяевку она уже согласилась безусловно присоединиться къ православной Церкви, но просила, чтобы я присоединилъ её въ домѣ, такъ какъ идти въ церковь она не можетъ.—„Стыдъ головушки моей да и только! Никакъ не могу вотъ переломить себя на этомъ“,—говорила жена Павла со слезами. Я рѣшилъ снизить этой немощи ея и присоединилъ её съ дѣтьми въ ея домѣ. Въ практикѣ это былъ у меня первый случай и я рѣшился сдѣлать эту уступку на свой страхъ, подъ впечатлѣніемъ просьбъ и самого Павла и его плачущей жены (самъ Павелъ былъ присоединенъ въ храмѣ), а главное имѣя въ виду пользу самого дѣла. И что же? Какъ только совершилъ я присоединеніе жены Павла, она упала мнѣ въ ноги и сказала: „вотъ теперь я окрѣпла, а тогда была ужасъ какой слабой. Теперь хоть сейчасъ пойду до церкви—пусть всѣ смотрятъ и насмѣхаются, а я готова еще и спорить съ старообрядцами и защищать церкву“. И дѣйствительно: жена Павла стала потомъ ходить въ церковь, сдѣлалась усердной прихожанкой и вмѣстѣ съ мужемъ доселѣ ревностно защищаетъ св. Церковь предъ раскольниками, ведя бесѣды—онъ съ мужиками, она съ женщинами своего села. Въ лицѣ Павла у меня явился здѣсь помощникъ и дорогой сотрудникъ, который благовременно и безвременно, какъ могъ и что зналъ, велъ борьбу съ голяевскими раскольниками. Можно сказать, что въ дѣлѣ присоединенія 200 душъ старообрядцевъ есть большіе труды и его. Сначала, какъ

простецъ, ходилъ онъ по домамъ своихъ товарищей и знакомыхъ и велъ съ ними религіозныя бесѣды, а потомъ, выбранный старостою церкви и волости, онъ вліялъ на нихъ, какъ выдающійся человѣкъ въ своей волости и селѣ Голяевкѣ.

Въ мое время въ Голяевкѣ считалось болѣе 600 душъ раскольниковъ австрійскаго толка, которые дѣлились на окружниковъ и не окружниковъ и у каждой партіи былъ свой пошъ.

Присоединеніе жены Павла въ домъ тогда порицалось и ставилось мнѣ на видъ, какъ человѣкоугодничество, какъ погоня за присоединеніемъ и уступка взбалмошной бабѣ. Но, кто вѣсть отъ человѣка, а же въ человѣцѣ, точію духъ человека живущій въ немъ, — скажемъ мы словами св. апостола Павла. Я стремился спасти погибающее овца, я не желалъ оставлять его въ нѣдрахъ раскола и посему рѣшилъ отступить отъ общепринятой обрядовой практики. Не сдѣлай я этого, остановись на буквѣ церковнаго распоряженія, Богъ вѣсть сколько бы еще пробыла женщина въ своемъ упорствѣ, а тутъ я низвелъ на неѣ благословеніе Господне, помазавъ св. миромъ еѣ и чадъ ея, какъ рожденныхъ въ расколѣ, и благодать Божія смягчила и возродила ея сердце, она стала уже истинной христіанкой, приняла св. Причащеніе, а къ этому я и стремился, и, думаю, каждый изъ насъ, миссіонеровъ, долженъ стремиться. Справедливо говоритъ издатель „Миссіон. Обзоръ“, что дѣло миссіонерское есть творчество, живое дѣло, его нельзя связать разными законами и предписаніями, ибо мы, миссіонеры, имѣемъ дѣло съ живою душою человека, считаемся съ его убѣжденіями, совѣстью и пр. и пр. 2 февр. текущаго 1903 года исполняется 29 лѣтъ моей непрерывной службы и за эти годы я понаблюдалъ психологическую сторону и раскольниковъ и своихъ присоединенцевъ. Каждый изъ нихъ имѣетъ свои особенности, каждый представляетъ своего рода индивидуумъ и всѣхъ поэтому подвести подъ одну общую категорію невозможно. Одинъ, убѣдившись, согласенъ на торжественное присоединеніе его въ храмъ, другой избѣгаетъ такой широкой огласки, стѣсняется народа, проситъ присоединить его поскромнѣе, вечеромъ и въ будній день. Иныхъ не довольствуютъ переводныя книги, они ѣдутъ въ Москву, гдѣ сами стараются лично видѣть подлинныя старопечатныя книги и провѣряютъ читанное и слыханное ими отъ меня. Одни присоединяются тотчасъ по убѣжденію, другіе медлятъ этимъ, чего-то выжидаютъ

или, просто, боятся сдѣлать рѣшительный шагъ, не имѣя твердой воли. Другихъ удерживаютъ знакомые, родня, связь по торговлѣ — это люди міра сего, возлюбившіе земная, паче небеснаго. Когда я самъ и полнѣ убѣдился въ православіи, вполнѣ созналъ расколъ—заблужденіе, я тоже цѣлый годъ находился въ неопредѣленномъ положеніи—ни православный, ни раскольникъ, тогда какъ другіе, мною же убѣжденные, тотчасъ же бросили расколъ и присоединились къ св. Церкви. Въ душѣ я былъ искренно православный, но внѣшне принадлежалъ къ расколу еще. Это объясняется тѣмъ, что я глубже сидѣлъ въ расколѣ и сознательно держался его, чѣмъ тѣ, которыхъ я убѣдилъ въ православіи. Они были просто прихожане молельни, члены общества, а я стоялъ въ числѣ передовыхъ лицъ своего общества, былъ уставщикъ моленной, а въ расколѣ того времени понятіе это связывалось съ именемъ начетчика, т. е. человѣка, у котораго есть чему поучиться и который знаетъ священное Писаніе. Подъ послѣднимъ у раскольниковъ разумѣется знаніе Четивъ Миней, Прологовъ и всѣхъ старопечатныхъ книгъ. Мнѣ было 20 лѣтъ, а я все это зналъ на зубокъ, и обязанъ былъ знать это, иначе я не былъ бы уставщикъ. Когда я усвоилъ себѣ, что состою въ заблужденіи, то глазамъ моимъ представилась страшная картина гибели всего нашего общества. Я уйду отъ нихъ, думалъ я; но не лежитъ ли на мнѣ, какъ понимающемъ болѣе, чѣмъ всѣ раскольники, нравственный долгъ разъяснить имъ погибельное положеніе въ расколѣ? Могу ли я не открыть имъ глаза и сказать правду, что они находятся въ расколѣ, а не въ истинной Христовой Церкви? Эти мысли разомъ какъ-то нахлынули на меня, я увлекся ими, принялъ апостольскую миссію просвѣщать свою братію, рассчитывая, что теперь, когда я еще близокъ къ нимъ, составляю плоть отъ плоти ихъ и имѣю значеніе въ глазахъ ихъ, старообрядцы послушаютъ меня. Тѣ, которые перешли раньше меня, напротивъ, говорили мнѣ: „да что тебѣ нужно о другихъ заботиться! Пусть ихъ; только враговъ наживешь себѣ“. Но я не могъ поступить иначе: я желалъ подѣлиться добытой истиной съ другими и ихъ привлечь къ принятію ея, а тѣ мои знакомые, получили еѣ какъ-бы только для себя и этимъ ограничились. Такимъ образомъ, есть люди, которые, усвоивъ православіе, быстро присоединяются къ Церкви и теряются въ массѣ ея послѣдователей и есть такіе, которые долго и осторожно приближаются къ православію, но

разъ убѣдившись въ немъ, они твердо принимаютъ его и дѣлаются аностолами въ средѣ своихъ собратій. Первыхъ больше, вторыхъ меньше и послѣднихъ крайне не терпятъ расколъ.

Въ томъ же Сердобскомъ уѣздѣ, Саратовской губ., есть большое село Бакуры, гдѣ много раскольниковъ и существуетъ 2 храма—православный и единовѣрческій. Въ этомъ селѣ мы тоже не разъ бывали и бесѣды наши были не безплодны. По крайней мѣрѣ въ дѣлахъ Саратов. Братства есть донесенія за 1878—9 г. протоіерея и благочиннаго названнаго села о. Іоанна Волконскаго братству и мѣстному епископу оведенныхъ нами въ с. Бакурахъ бесѣдахъ съ раскольниками и послѣдовавшемъ за симъ присоединеніи раскольниковъ къ православію. Правда, немного было присоединеній: въ 2 моихъ миссіонерскихъ посѣщеніяхъ села душъ 20 вышло изъ раскола, но дѣло не въ количествѣ, а въ томъ, что миссія была въ этомъ приходѣ и я первый положилъ начало ей. Къ удивленію нашему, въ 4 № „Саратов. Епарх. Вѣд.“ за прошлый годъ мы встрѣтили статейку, которая написана отъ имени бывшаго старшины этой волости (самъ старшина безграмотный) и въ которой сказано, что расколъ въ селѣ Бакурахъ совершенно потерялъ свою силу и качество и количество его осталось самое ничтожное. Прочитавъ это, мы, было, порадовались сему благому извѣстію, но прошло немного времени и намъ пришлось разочароваться. Свѣдѣнія эти оказались голословны, а сообщеніе указаннаго въ епархіальномъ органѣ потребовалось для того, чтобы убѣдить и братство, и епархіальное начальство, что расколъ въ Бакурахъ почти-что уничтоженъ и существованіе единовѣрческой церкви въ селѣ бесполезно. Конечно, редакция „Саратов. Епарх. Вѣд.“ была введена въ заблужденіе, она не знала настоящей подкладки дѣла, но люди заправляющіе, дѣломъ миссіи обязаны были опровергнуть эту вопіющую неправду. Развѣ имъ неизвѣстно, что въ Бакурахъ и по сіе время имѣется раскольниковъ болѣе 400 душъ, а среди нихъ живетъ всероссійскій начетчикъ крестьянина Назаръ Ермолаевъ Шаровъ, котораго раскольники за деньги выписываютъ въ разныя мѣста Россійской имперіи защищать секту снасовцевъ? Ужели такое количество раскольниковъ, какъ 400 д., можно считать ничтожнымъ количествомъ, а такого начетчика, какъ Шаровъ, игнорировать, какъ бы

и не существующаго въ приходѣ? Это, какъ хотите, ужъ совсѣмъ несправедливо.

Появленіе означенной статьи въ печати вызвано тѣмъ, что единовѣрческій свящ. с. Бакуръ о. Исидоръ Востряковъ рѣшилъ построить приличный единовѣрческій храмъ, вмѣсто убогаго, существующаго теперь, молитвеннаго дома. Нашлись жертвующіе и дѣло пошло въ ходъ. Но на ряду съ этимъ явились и враги единовѣрческаго храма въ селѣ. Пока единовѣріе сосредоточивалось въ молитвенномъ скудномъ домѣ, оно терпѣлось, потому что заинтересованные въ этомъ дѣлѣ люди видѣли, что служба единовѣрцевъ безъ литургіи мало кого привлечетъ къ себѣ, съ устройствомъ же церкви дѣло могло значительно измѣниться. Вотъ и пошла война противъ единовѣрческаго храма, и не столько открытая, сколько подпольная. Единовѣрческій храмъ въ Бакурахъ кажется потому опаснымъ, что въ немъ будетъ совершаться литургія по старопечатнымъ книгамъ; священникъ можетъ служить чаще, чѣмъ привлечетъ къ себѣ богомольцевъ и пр. и пр., какъ будто въ православномъ храмѣ православные не удовлетворяются въ своихъ требахъ и богослуженіи. Все это — расчеты матеріальнаго свойства, духовныя же стороны прихожанъ совершенно не принимаются въ расчеты. Вѣдь, если бы люди не нуждались въ единовѣріи, то оно и не существовало бы. А разъ оно нужно, и люди требуютъ его и св. Церковь разрѣшила его ко спасенію желающихъ, какъ же тутъ возставать противъ такого великаго и полезнаго дѣла? Ужели предъ спасеніемъ ближняго своего не должны умолкнуть наши алчные аппетиты на наживу и корысть? Истинный пастырь и единую заблуждшую овцу долженъ приобщить къ своему стаду, а тутъ, въ Бакурахъ, цѣлая община единовѣрцевъ и 400 душъ раскольниковъ, присоединить которыхъ, особенно женщинъ, всего скорѣе, можно путемъ единовѣрія; и несмотря на это явились враги единовѣрія, которые всякими путями стремятся помѣшать устройству въ селѣ единовѣрческаго храма. Какое незнаніе дѣла! Какъ это не мирится съ духомъ евангельской истины и любви къ своему ближнему. И вспоминается мнѣ, какъ „во времена оны“ моей службы въ Саратовской епархіи я самъ встрѣтилъ точно такое же сильное противодѣйствіе въ дѣлѣ устройства единовѣрія въ селѣ Бековѣ и отъ кого же? мѣстнаго священника этого села. нынѣ уже почившаго. Не разъ былъ я въ этомъ селѣ, велъ бесѣды съ всероссійскими на-

емными начетчиками Масловымъ и Перетрухинымъ, послѣ чего началось колебаніе въ расколѣ, душъ 200 намѣтилось выйти изъ раскола и образовать свою общину единовѣрцевъ, имѣя въ виду или моленную раскольниковъ, которая построена на общія ихъ средства, обратить въ единовѣрческій молитвенный домъ, или же, взявъ часть своихъ денегъ отъ раскольниковъ, устроить особый единовѣрческій храмъ въ селѣ. 35 человекъ, какъ болѣе ревностные, изъ коихъ 3 начетчика, рѣшили идти передомъ и ускорить задуманное предпріятіе. Они подали мнѣ прошеніе и просили сейчасъ же присоединить ихъ къ православію на правилахъ единовѣрія. — „Мы, о. Константинъ, добавляли они, еще на словахъ глубоко убѣждены въ православной Грекороссійской Церкви, готовы присоединиться прямо къ православной Церкви, но есть другіе немощные въ свосей совѣсти, особенно жены нѣкоторыхъ, которыя просятъ насъ положить начало единовѣрію, чтобы имъ спокойно было войти такимъ путемъ въ св. Церковь. Мы увѣрены, о. Константинъ, что и попъ нашъ Аѳанасій Петр. Кочергинъ согласится быть единовѣрческимъ священникомъ у насъ, и моленную повернемъ на единовѣрческій храмъ и изъ 600 душъ нашего общества едвали малая часть останется упорствовать въ расколѣ“. — А если это только мечтаніе ваше, и другіе совѣтъ не пойдутъ въ единовѣріе, а останутся въ расколѣ? — спросилъ я. — „Дѣло Божіе, конечно, отвѣтили они: но душъ двѣсти должно бы набратъ сейчасъ по нашему слѣду, потому старшіе въ семьѣ совѣтовались съ нами и просили устраивать единовѣріе“. Заявленіе это сдѣлано мнѣ въ домѣ священника, я пригласилъ его въ зало и сообщилъ ему всю суть дѣла. И, Боже мой, какъ вспылилъ онъ при этомъ! — „Нечего вамъ придумывать свои новыя церкви, сказалъ онъ, обратясь къ старообрядцамъ: этого я не позволю въ своемъ приходѣ, а хотите, — идите и присоединяйтесь прямо“. — Да мы то согласны, батюшка, прямо идти, да другіе-то не пойдутъ за нами, а въ единовѣріе они лучше, скорѣе пойдутъ, потому тамъ обряды ихніе,“ — отвѣтили они. — „Не пойдутъ — и не надо; а разныя приманки дѣлать я не позволю въ своемъ приходѣ“. Вижу я, что дѣло приняло острый характеръ и посему постарался проводить старообрядцевъ. Оставшись со мною наединѣ, батюшка прямо обрушился на меня руганью и упреками, что я посяваю смуту въ его приходѣ и разстраиваю православіе. Я началъ убѣждать его, что единовѣріе —

то же православіе и разрѣшено св. Синодомъ.—„Да... пусть его., что оно разрѣшено. а я не желаю его! запальчиво и съ негодованіемъ кричалъ священникъ. Теперь не официальный расколъ, а тогда будетъ публичный, признанный. Какой-нибудь Афонька, мужикъ, будетъ мнѣ гнусавить по 6 часовъ всенощную, а я долженъ буду подражать ему, подлаживаться, и измѣнять свой порядокъ—никогда не допущу я этого униженія“.—Спасеніе ближняго должно быть выше такихъ личныхъ соображеній, отче, замѣтилъ я.—„Ну учить меня вы еще молоды“.—Ты да я вынужденъ прошеніе старообрядцевъ представить на благоусмотрѣніе преосвященнаго и какъ онъ рѣшитъ, такъ и будетъ“.—Дайте прошеніе сюда!— Не могу, вы изорвете его, а старообрядцы могутъ жаловаться на меня, что я не удовлетворилъ ихъ желанія. — „Ничего не будетъ; я сумѣю отписаться и объяснить преосвященному суть дѣла. — А совѣсть, долгъ, обязанность?.. Развѣ писаніе это будетъ законно? Укоръ совѣсти развѣ можно заглушить? Вы вѣдь сотни лицъ отталкиваете отъ православія и обрекаете ихъ на вѣчную погибель внѣ св. Церкви! Развѣ это по-пастырски?.. Покойный іерей с. Бекова свирѣпо посмотрѣлъ на меня и, показавъ рукою на дверь, сказалъ: вонъ изъ моего дома! И ушелъ въ кабинетъ. Я связалъ свои книги, добылъ возницу и тутъ же уѣхалъ на вокзалъ желѣзной дороги.

Такъ какъ до прибытія поѣзда оставалось еще 10 часовъ времени, то я, оставивъ вещи, отправился къ старообрядцамъ, подавшимъ мнѣ прошеніе. Я заявилъ имъ, что ѣду въ Саратовъ, такъ какъ получилъ телеграмму о нездоровьѣ въ семьѣ, а потомъ переговорю съ преосвященнымъ на счетъ устройства здѣсь въ Бековѣ единовѣрія, возьму дьякона съ собою и тогда торжественно отслужимъ съ нимъ и совершимъ присоединеніе.

— А здѣшній священникъ противъ единовѣрія?—спросили они.

— Нѣтъ; это такъ всплылъ онъ, не разобравъ хорошенько дѣла. Теперь онъ одумался и сожалѣетъ о своихъ словахъ. Я много говорилъ съ нимъ послѣ вашего ухода и онъ готовъ содѣйствовать. Однимъ словомъ, я успокоилъ старообрядцевъ, далъ имъ понять, что батюшка не противъ единовѣрія и уѣхалъ въ Саратовъ, наказавъ имъ готовить къ присоединенію и другихъ лицъ, а слова батюшки не передавать другимъ старообрядцамъ, чтобы они не смутили ихъ и не оттолкнули отъ церкви. Я нарочно и поѣздку свою объяснилъ нездоровьемъ семьи,

чтобы не дать повода говорить имъ, что мѣстный священникъ запретилъ мнѣ присоединять ихъ и единовѣрческую церковь не признаетъ православной церковью, а расколомъ. Такіе толки, если бы они проникли въ среду раскольниковъ, разомъ подорвали бы все дѣло. Увы! успокаивая такъ, я никакъ не ожидалъ, что разрушеніе дѣла единовѣрія опять пойдетъ съ той-же стороны — отъ священника въ приходѣ, который и началъ его и упорно рѣшилъ продолжать дальше. Въ то время, какъ я, пріѣхавши въ Саратовъ, доложилъ о семъ преосвященному, а послѣдній на моемъ рапортѣ положилъ резолюцію, приказавъ присоединить старообрядцевъ торжественнѣе, — приходскій іерей призывалъ одного изъ поколебленныхъ старообрядцевъ и какимъ-то только не миссіонерскимъ образомъ уговорилъ его присоединиться съ своей семьей прямо къ православной церкви. Когда я прибылъ въ село, то ожидавшіе меня старообрядцы заявили мнѣ, что въ мое отсутствіе приходскій священникъ нарочито говорилъ вездѣ и всюду, что онъ не допуститъ устройства единовѣрческой церкви въ своемъ приходѣ, считаетъ это дѣло незаконнымъ, ненужнымъ, что раскольники, узнавъ это, встревожились, а начетчики моленной, подхвативъ слова священника, въ свою очередь стали говорить раскольниковъ: куда вы идете? Церковь считаетъ единовѣрцевъ насынками и пр. и пр. Словомъ, вредъ причиненъ дѣлу великій, такой, какого я и не ожидалъ отъ настыря, долженствующаго помогать мнѣ въ дѣлѣ миссіи, а не противодѣйствовать. Ставъ на особой квартирѣ, я иду къ нему, — не принимаетъ. Посылаю привезеннаго съ собою дьякона и прошу дозволить мнѣ въ назначенное время совершить въ его храмѣ присоединеніе старообрядцевъ, — іерей выслушалъ это съ насмѣшкою и сказалъ посланному: „сквернить свою церковь не дозволю“. Что оставалось дѣлать? Пришлось убѣждать старообрядцевъ, чтобы присоединеніе ихъ совершить не въ храмѣ, а въ какомъ-нибудь домѣ. Уговорилъ. Назначили домъ; посылаю того же дьякона просить облаченіе, крестильный ящикъ и требникъ — не далъ. Ъхать въ другое село за этимъ было неудобно, далеко, и времени не было. Посылаю официальное требованіе о выдачѣ священныхъ вещей. Жду часъ, два; раскольниковъ собралась масса — посмотрѣть на присоединеніе и служеніе всенощной; отъ нечего дѣлать я открылъ бесѣду съ ними, время было уже „сушу поздѣ“. Наконецъ, послѣ всѣхъ издѣвательствъ надъ дьякономъ, мною, намъ выдано

было просимое и мы совершили присоединеніе, а потомъ всенощное богослуженіе. Служба кончилась за полночь.

Дня чрезъ 2 наступилъ престольный праздникъ—Михаила Архангела, 8 ноября. Въ приходѣ не было дьякона, я посылаю своего и предлагаю батюшкѣ сослужить съ нимъ въ этотъ праздникъ, получаю отвѣтъ, что онъ не желаетъ съ еретиками служить совместно. Пишу, что присоединенные желали бы причаститься въ этотъ день Св. Таинъ — отказалъ и въ этомъ. Что можетъ быть ожесточеннѣе этого! Сами единовѣрцы просятся въ церковь, желаютъ причаститься и имъ отказываютъ въ этомъ, называютъ ихъ еретиками. Нечего дѣлать, служимъ опять въ хатѣ, совершаемъ всенощное, 8 е часы, молебень Архангелу и водоосвященіе. Послѣ службы я обошелъ дома присоединенныхъ и окропилъ жилище ихъ святой водой.

Возвратившись въ Саратовъ, я доложилъ преосвященному обо всемъ, что я сдѣлалъ въ с. Бековѣ и при какихъ условіяхъ. Владыка потребовалъ объясненія отъ приходскаго священника. Виновный во всемъ, покойный, чтобы оправдать себя, вздумалъ меня обвинять, и пунктомъ обвиненія поставилъ, что я самъ рѣшилъ устроить въ Бековѣ единовѣріе, которое яко-бы никому не нужно и въ доказательство правдивости своихъ словъ указалъ, во 1, что я присоединилъ къ единовѣрію не всѣ 600 душъ раскольниковъ а только 3 десятка, а во 2, показалъ семейство, присоединенное имъ къ православію. Разсмотрѣвъ объясненія покойнаго и затѣмъ мое, и вникнувъ въ самую суть дѣла, Владыка рѣшилъ перевести этого іерея, какъ несоответствующаго настоящему своему мѣсту, въ другой приходъ. Узнавъ это, священникъ принялъ всевозможныя мѣры къ тому, чтобы остаться въ Бековскомъ приходѣ: сначала онъ писалъ разные рапорты, докладныя записки, желая такъ или иначе оправдать себя, выставить свои заслуги, а меня замарать, но когда это не имѣло успѣха, онъ прибѣгнулъ къ покровительству сильныхъ духовныхъ лицъ въ епархіи, а затѣмъ пошелъ ходатайства предъ преосвященнымъ: директора народныхъ училищъ, предводителя дворянства, мѣстнаго помѣщика и наконецъ губернатора. Тутъ я понялъ, какъ трудно бороться съ „сильными міра сего“... Что я выстрадалъ, перенесъ въ этомъ дѣлѣ, это Богу только извѣстно. Прикосновеніе къ единовѣрію наложило на меня печать на всю жизнь. Достаточно сказать, что въ этой борьбѣ меня обвиняли, что я недостаточно православный, что я больше

симпатизирую единовѣрію и стараюсь въ своей службѣ распространить только его вездѣ и всюду въ епархіи; донесли преосвященному и то, что я похоронилъ своихъ дѣтей на единовѣрческомъ кладбищѣ, гдѣ у меня былъ родительскій склепъ; обвинили за самыя присоединенія раскольниковъ къ православію, назвавъ ихъ скороспѣшными, не выдержанными, и меня назвали „карьеристомъ по службѣ“, увлеченнымъ погоней за присоединеніями раскольниковъ къ православію. Къ сонму враговъ моихъ присоединились даже и тѣ, которые должны бы благодарить меня за ревностную и полезную миссіонерскую дѣятельность; а они, напротивъ, обвинили меня, что я рѣдкій годъ не присоединяю начетчиковъ раскола и утруждаю ихъ своими ходатайствами объ опредѣленіи ихъ на мѣста службы. Все это и подобное сему трактовалось на всѣ лады, писалось архіерею и печаталось въ газетахъ. Благодаря этому я сталъ предметомъ глумленія и насмѣшекъ. Положенное мною начало единовѣрія было заглушено; ему не дали жизни; война изъ-за православія съ православными кончилась тѣмъ, что чрезъ годъ преосвященный перевелъ вышеуказаннаго священника изъ Бекова, но въ теченіе года онъ столько наговорилъ о единовѣріи раскольникамъ нехорошаго, что о присоединеніи ихъ къ св. Церкви не могло уже быть и рѣчи. Положившіе начало единовѣрію мои присоединенцы прекратили свою службу въ домѣ, стали ходить въ церковь, остальные, желавшіе единовѣрія, погибли въ расколѣ. Сотни душъ принесены въ жертву для кого и для чего... Служба моя стала невозможною уже при такихъ обостренныхъ отношеніяхъ ко мнѣ въ Саратов. еп., защищавшаго меня владыку перевели изъ Саратова; новый явился съ довѣріемъ только къ высокопоставленнымъ лицамъ, но не къ мелкимъ труженикамъ и я оставилъ родину, на которой потрудился цѣлыхъ 16 лѣтъ и ушелъ на далекій Кавказъ, въ епархію Ставропольскую и Екатеринодарскую.

Минскій епарх. мисс. свящ. *К. Поповъ*.

Изъ миссіонерской полемики.

Бесѣда съ іудействующими въ Ставропольской епархіи слѣпца Алексѣя Егоровича Шашина.

Вмѣсто предисловія.

Мнѣ давно было желательно знать, на какомъ основаніи люди, русскіе по природѣ, отвергались Христа и приняли ученіе іудеевъ. Случай къ этому представился. Перешедши изъ Московской епархіи въ Ставропольскую, я имѣлъ главную цѣль познакомиться въ этой епархіи съ сектантами рационалистическаго и мистическаго направленія, не исключая и іудействующихъ, которыхъ въ Ставропольской епархіи около 4,000 душъ. Они принадлежатъ къ казачьему войску Кубанской области, живутъ въ станицахъ—Михайловской болѣе 2,000 душъ, Петропавловской около 500 д., Родниковской 100 д., Урупской 300 д., въ ст. Холмской. Эти іудействующие переселены на Кавказъ изъ Россіи, но когда состоялось это переселеніе, въ точности неизвѣстно. Въ каждой станицѣ у нихъ существуютъ синагоги, по внѣшности ничѣмъ не отличающіяся отъ жилыхъ зданій. Въ ст. Михайловской у іудействующихъ имѣются даже двѣ синагоги,—въ одной у нихъ происходитъ богослуженіе на еврейскомъ языкѣ, а въ другой на русскомъ; изъ-за этого они раздѣляются между собою, ибо нѣкоторые изъ нихъ не хотятъ слышать богослуженія на русскомъ языкѣ. Въ синагогѣ, гдѣ происходитъ богослуженіе на еврейскомъ языкѣ, управляетъ собраніями природный еврей, а въ русской—русскій. Въ станицахъ Михайловской и Петропавловской между іудействующими есть люди мыслящіе, а въ другихъ станицахъ они въ общемъ очень грубы и не способны самостоятельно обдумать какое-нибудь мѣсто изъ священнаго Писанія, касающееся пришествія Мессіи. Одинъ изъ моихъ собесѣдниковъ ст. Петропавловской послѣ нѣсколькихъ бесѣдъ со мною сказалъ: „изъ вашихъ

бесѣдъ я извлекъ ту пользу, что вынесъ убѣжденіе въ необходимости читать священное Писаніе не легкомысленно и не до-вѣряться комментаторамъ, а *каждое мѣсто* свящ. Писанія, касаю-щееся пришествія Мессіи, обдумывать самостоятельно“. Очень жалѣю, что мнѣ болѣе не пришлось видѣться съ этимъ, хотя іудействующимъ, но благонамѣреннымъ и прямымъ человѣкомъ, изъ котораго можетъ быть ревностный христіанинъ.

Въ 1897 году, проѣзжая по Кубанской области Ставропольской епархіи, я посѣтилъ станицы Михайловскую, Петронавловскую и Родниковскую, въ которыхъ имѣлъ нѣсколько бесѣдъ съ іудей-ствующими. Нѣкоторыя изъ этихъ бесѣдъ я не излишнимъ считаю описать.

Бесѣда.

Въ станціѣ Михайловской, 1897 года 16-го марта, въ ми-нистерскомъ училищѣ, въ 3 часа дня, я открылъ бесѣду съ іудей-ствующими, на которой участвовали мѣстные священники: благо-чинный Евгеній Кудравцевъ и Илья Бутовичъ. Предъ началомъ бесѣды была прочтена молитва Св. Духу и я началъ слѣдующими словами.

Богъ избралъ народъ еврейскій, изъ всѣхъ другихъ народовъ приблизилъ его къ Себѣ, сдѣлалъ его Своимъ удѣломъ, любилъ его и заботился о немъ болѣе, чѣмъ нѣжная и любвеобильная мать заботится о дѣтяхъ своихъ (Исія 49, 15). Когда они укло-нялись отъ истиннаго богопочитанія, начинали служить и покло-няться идоламъ, которые не суть боги, тогда Богъ наказывалъ ихъ за это, отдавая въ плѣнъ непріателямъ; но когда они рас-каивались и вzywали къ Богу, Онъ избавлялъ ихъ отъ притѣсни-телей. Когда іудейскій народъ, его цари, князья и священники до конца развратились и не слушали пророческихъ увѣщаній, то Богъ наказалъ ихъ семидесятилѣтнимъ плѣномъ и, по рас-каяніи отверженныхъ, снова возвратилъ ихъ въ свою землю. Но вотъ Богъ такъ сильно разгнѣвался на Свой народъ, что отвергъ его отъ лица Своего, разрушилъ его царство и храмъ, разсѣялъ по всей землѣ и прекратилъ его жертвоприношенія, и такое от-верженіе возлюбленнаго народа продолжается уже болѣе 18 вѣ-ковъ. Вы—люди русскіе по природѣ, но присоединились къ на-роду, Богомъ отверженному и наказанному. Итакъ, вы должны подумать и объяснить намъ: какой великій грѣхъ сдѣлали іудеи, что терпятъ такое тяжкое и продолжительное наказаніе.

Іудействующіе сказали: Богъ преналъ ихъ за то, что они не исполняли его заповѣдей, поклонялись идоламъ и отдавали себя покровительству египетскихъ царей. Вотъ мы докажемъ вамъ все это изъ священнаго Писанія. Законодатель Моисей говоритъ: если же родятся у тебя сныи и сныи у сыновъ (твоихъ), и, долго живши на землѣ, вы развратитесь и сдѣлаете изваяніе, изображающее что-либо, и сдѣлаете ало сіе предъ очами Господа Бога вашего и раздражите Его, то свидѣтельствуюсь вамъ сегодня небомъ и землею, что скоро потеряете землю, для наслѣдованія которой вы переходите за Іорданъ; не пробудете много времени на ней, но погибнете; и разсѣетъ васъ Господь по всѣмъ народамъ и останетесь въ маломъ числѣ между народами, къ которымъ отведетъ васъ Господь (Второзаконіе 4, 25—27). И пророкъ Исаія предсказываетъ: горе непокорнымъ сынамъ, говоритъ Господь, которые дѣлають совѣщанія, но безъ Меня, заключаютъ союзы, но не по духу Моему, чтобы прилагать грѣхъ къ грѣху: не воспросивши устъ Моихъ, идутъ въ Египетъ, чтобы подкрѣпить себя силою Фараона и укрыться подъ тѣнью Египта. Но сила Фараона будетъ для васъ стыдомъ, и убѣжище подъ тѣнью Египта—безчестіемъ; потому что князья его уже въ Цоанѣ, и послы его дошли до Хонеса. Всѣ они будутъ постыжены изъ-за народа, который бесполезенъ для нихъ; не будетъ отъ него ни помощи, ни пользы, но—стыдъ и срамъ (Исаія 30, 1, 5). Но мы вѣруемъ, что разсѣянные евреи будутъ собраны опять въ свою землю.

Я возразилъ: Не о томъ спрашиваю васъ, будутъ ли іудеи собраны, а за какую вину они терпятъ такое тяжелое и продолжительное наказаніе?

Іудействующіе отвѣчали: Мы изъ священнаго Писанія доказали вамъ, за что іудеи наказаны, и болѣе никакой другой вины мы указать не можемъ.

Я сказалъ: Вы привели въ объясненіе отверженія іудеевъ предсказаніе Моисея, въ которомъ онъ угрожаетъ іудеямъ, что за развратъ и изваяніе идоловъ они потеряютъ ту добрую землю, въ которую вводитъ ихъ Господь; будутъ разсѣяны по всѣмъ народамъ и останутся въ маломъ числѣ между народами, къ которымъ отведетъ ихъ Господь. Предсказаніе сіе изрекъ Господь чрезъ Моисея ко всѣмъ двѣнадцати колѣнамъ Израилевымъ. То же самое предсказываетъ и прор. Исаія (гл. 30), но только относительно одного царства іудейскаго, и главную причину гнѣва

Божія по отношенію къ іудеямъ онъ указываетъ на этотъ разъ въ исканіи ими помощи у египтянъ. Дѣйствительно, іудеи во время политическихъ затрудненій, какія переживало ихъ царство въ послѣдніе годы своего существованія, часто обращались къ помощи однихъ язычниковъ противъ другихъ (къ Ассиріянамъ—противъ сиро-израильтянъ, къ Египту—противъ Ассиріянъ и Вавилонянъ). Такая надежда на иноземную помощь была вредна и опасна для избраннаго народа, поскольку отвлекала его отъ вѣры и надежды на Іегову (Ис. 31, 1—3); мало того, она была измѣною Іеговѣ—краеугольному камню, положенному въ основаніе Сіону (Ис. 28, 15—16), отверженіемъ Его—источника живой воды для избраннаго народа (Іер. 2, 13). Пророки (Исаія и Іеремія) ясно видѣли, что надежда на иноземную помощь, какъ измѣна Іеговѣ, не только не спасетъ царства іудейскаго, а напротивъ—ускоритъ его гибель, какъ подобная же надежда ускорила гибель царства Израильскаго (4 Цар. 17, 3—4; Ис. 28; 15—19; 30, 1—7; 31, 1—3. Іер. 2, 14—19). Таковъ смыслъ предсказаній Моисея и пр. Исаи (30 гл.). Оба эти предсказанія буквально исполнились: на царствѣ Израильскомъ—въ 9-й годъ царствованія Осін, царя Израильскаго, какъ то видно изъ 16 и 18 гл. (ст. 9—12) 4 кн. Царствъ, а на царствѣ Іудейскомъ—въ 11-й годъ царствованія Седекіи, какъ свидѣлствуютъ 25 гл. 4 кн. Царствъ и 2 Цар. 36 гл. ср. Іер. 52 гл. Но какъ Моисей прибавлялъ, что когда этотъ народъ, находясь въ плѣну и въ разсѣяніи, взыщеть Господа, то Милосердый Богъ не оставитъ его и не забудетъ завѣта Своего съ отцами его (Втрз. 4, 29—31), такъ и Исаія, предсказывая разрушеніе царства Іудейскаго, разъяснялъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что Господь помилуетъ Іуду „по гласу вопля его“, т. е.—когда онъ подъ тяжестью плѣна обратится ко Господу всѣмъ сердцемъ своимъ (30, 18—20; 31, 6—9), а прор. Іеремія точно указалъ и срокъ плѣненія Іудеевъ (Іер. 25). И вотъ, когда исполнились предсказанные пророкомъ годы наказанія іудеевъ, Господь возбудилъ духъ Кира, царя персидскаго, объявить по всему Царству устно и письменно: Господь Богъ небесный повелѣлъ мнѣ построить Ему домъ въ Іерусалимѣ, что въ Іудеѣ. Кто есть изъ васъ—изъ всего народа Его... пусть онъ идетъ туда (въ Іерусалимъ) (2 Цар. 36, 22—23 ср. 1 Езд. 1, 1—3).

Согласно этому повелѣнію Кира начались переселенія плѣнниковъ-іудеевъ и израильтянъ изъ персидской монархіи, которая

поглотила къ тому времени какъ Вавилонское, такъ и Ассирійское царства,—переселенія, о которыхъ повѣствуется въ кн. Ездр. 1, 1—5; 2, 64; 7, 1, 3; Нееміи 2, 1, 4. Въ настоящее время іудеи идоламъ не кланяются, заповѣди Божіи, повидимому, исполняютъ, но Богъ не отвращаетъ отъ нихъ гнѣва Своего; да и послѣ ассиро-вавилонскаго плѣна іудеи идоламъ не кланялись и никакихъ изваяній, представляющихъ мужчину и женщину, не дѣлали, но крайней мѣрѣ никто изъ пророковъ, жившихъ послѣ плѣна, въ томъ ихъ не обличаетъ; слѣдовательно, они сдѣлали болѣе тяжкій грѣхъ, за который Богъ и поразилъ ихъ такими тяжелыми и ужасными ударами наказанія.

Іудействующіе возразили: Мы знаемъ, что іудеи будутъ собраны, но еще не пришло время, въ которое Господь Богъ соберетъ ихъ изъ всѣхъ странъ въ св. землю Свою.

Я спросилъ іудействующихъ: А черезъ кого Богъ соберетъ ихъ въ ту землю, изъ которой они были разсѣяны? и кто будетъ управлять ими?

Они сказали: Это будетъ отрасль Іессея, князь, потомокъ Давида; мы докажемъ вамъ это изъ священнаго Писанія, при этомъ—одинъ изъ іудействующихъ началъ читать: И произойдетъ отрасль отъ корня Іессеева, и вѣтвь произойдетъ отъ корня его (Исаія 11, 1); и поставлю надъ ними одного пастыря, который будетъ пасти ихъ, раба Моего Давида; онъ будетъ пасти ихъ и онъ будетъ у нихъ пастыремъ. И я Господь буду имъ Богомъ, и рабъ Мой Давидъ будетъ княземъ среди нихъ. Я Господь сказалъ это (Іезекіиль 34, 23, 24). Умноженію владычества Его и міра нѣтъ предѣла на престолѣ Давида и въ царствѣ его, чтобы Ему утвердить его и укрѣпить его судомъ и правдою отнынѣ и до вѣка (Исаія 9, 7). И во дни тѣхъ царствъ Богъ небесный воздвигнетъ царство, которое во вѣки не разрушится, и царство это не будетъ передано другому народу: оно сокрушитъ и разрушитъ всѣ царства, а само будетъ стоять вѣчно (Даніил. 2, 44).

Я спросилъ: Приходилъ ли тотъ потомокъ Давида, о которомъ предсказывалъ законъ и пророки, или еще нѣтъ?

Іудействующіе отвѣтили: Мы полагаемъ, что еще не приходилъ.

Я сказалъ: Вотъ объ этомъ и слѣдуетъ намъ побесѣдовать съ большею основательностью. Чтобы бесѣду о пришествіи потомка Давидова сдѣлать болѣе ясною, я еще прошу васъ,—скажите

такимъ ли Богъ сотворилъ родъ человѣческій, какимъ мы видимъ его въ настоящее время?

Между іудействующими послѣдовало разногласіе: одни говорили, что первые люди сотворены были безсмертными, а за преступленіе заповѣди Божіей наслѣдовали смерть; другіе утверждали, что родъ человѣческій сотворенъ такимъ, какимъ мы видимъ его нынѣ; наконецъ, всѣ согласились, что смерть послѣдовала за преступленіе заповѣди Божіей, данной Адаму въ раю.

Я опять спросилъ: Богъ объ однихъ только евреяхъ печется, или и о язычникахъ?

Іудействующіе отвѣтили: Богъ промышляетъ о всей землѣ одинаково, потому что всѣ народы суть созданіе Божіе.

Я сказалъ: Когда Милосердый Богъ, нарекая судъ надъ грѣшными прародителями нашими, сказалъ змѣю: вражду положу между тобою и между женою, и между сѣменемъ твоимъ и между сѣменемъ ея: оно будетъ поражать тебя въ голову, а ты будешь жалить его въ пята (Быт. 3, 15).—то почему сѣмя, поражающее змѣя въ голову, названо сѣменемъ жены, а не сѣменемъ мужа, хотя вообще-то священное Писаніе ведетъ родословіе чрезъ мужчину?

Собесѣдники отвѣтили: Это только сказка, что чрезъ мужчину рождается человѣкъ; а вѣдь мы видимъ, что рождается человѣкъ отъ жены.

Я спросилъ: Отъ кого происходитъ сѣмя для рожденія, отъ мужчины, или женщины?

Они сказали: Отъ мужчины.

Я сказалъ: Итакъ вы сами свидѣльствуете, что сѣмя для рожденія человѣка выходитъ изъ мужчины, а поражающій змѣя въ голову названъ сѣменемъ жены.

Іудействующіе сказали: Мы не знаемъ этого,—объясните намъ.

Я сказалъ: Поражающій змѣя въ голову названъ сѣменемъ жены потому, что онъ имѣлъ родиться отъ сѣмени дѣвы, не знавшей мужа; въ подтвержденіе сказаннаго было прочитано: Итакъ Самъ Господь даетъ вамъ знаменіе: се, дѣва во чревѣ приметъ и родитъ сына, и нарекутъ имя Ему: Еммануилъ (Исаіа 7, 14).

Іудействующіе заявили: Въ пророчествѣ Исаіи не сказано, что дѣва, которая родитъ сына Еммануила, будетъ не знавшая мужа; ибо пророкъ говоритъ: Дѣва во чревѣ приметъ и родитъ сына,

но нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, что эта дѣва зачнетъ, не познавши мужа; при томъ пророчество это относится къ царю Езекии, ибо о немъ писаніе говоритъ: И дѣлалъ онъ угодное въ очахъ Господнихъ во всемъ такъ, какъ дѣлалъ Давидъ, отецъ его; на Господа Бога Израилева уповалъ онъ; и такого, какъ онъ, не было между всѣми царями Іудейскими и послѣ него и прежде него. И прилѣпился онъ къ Господу и не отступалъ отъ Него, и соблюдалъ заповѣди Его, какія заповѣдалъ Господь Моисею. И былъ Господь съ нимъ: вездѣ, куда онъ ни ходилъ, поступалъ онъ благоразумно. И отложился онъ отъ царя Ассирійскаго и не сталъ служить ему (4 Цар. 18, 3, 5, 6 и 7). Итакъ, чего же еще искать, когда съ царемъ Езекиєю вездѣ былъ Богъ, куда бы онъ ни ходилъ, а Еммануилъ то самое и означаетъ (Исаія 7, 14; 8, 8).

Я сказалъ: Достопочтеннѣйшіе собесѣдники! Богъ чрезъ пророка Исаію говоритъ: Итакъ, Самъ Господь даетъ вамъ знаменіе, т. е. Богъ совершитъ чудо, которое состоитъ въ томъ, что дѣва во чревѣ пріиметъ, т. е. зачнетъ; если же дѣва во чревѣ пріиметъ отъ мужа, то она уже не останется дѣвою, а сдѣлается обыкновенною женщиною, хотя бы и не вступила въ супружескій союзъ, и нѣтъ никакого чуда въ томъ... зачнетъ во чревѣ отъ мужа; но о той Дѣвѣ, Которая родитъ Еммануила, въ пророчествѣ сказано, что это рожденіе будетъ знаменіе, т. е. рожденіе не обыкновенное, но чудесное. Затѣмъ, вы говорили, что слово Еммануилъ, означающее „съ нами Богъ“, относится къ іудейскому царю Езекии. Это ваше понятіе объ Еммануилѣ несправедливо: если предположить, что пророчество Исаіи было даже въ первый годъ царствованія Ахаза, то и тогда Езекии было уже девять лѣтъ и т. д.... обыкновенное, и въ пророчествѣ Исаіи сказано, что рожденіе Еммануила будетъ отъ дѣвы, а не отъ женщины, и глаголы: „дать“, „пріиметь“, „парекуть“—указываютъ время будущее, а не настоящее или прошедшее. Посему пророчество Исаіи о рожденіи Еммануила никакимъ образомъ не можетъ относиться къ царю Езекии.

Іудействующіе спросили меня: Чѣмъ вы докажете, что въ первый годъ царствованія Ахаза Езекии было девять лѣтъ?

Я отвѣтилъ: Въ Писаніи сказано, что Ахазъ воцарился двадцати лѣтъ и шестнадцать лѣтъ царствовалъ. Езекиа воцарился двадцати пяти лѣтъ. Итакъ, если отнять шестнадцать лѣтъ, которыя царствовалъ Ахазъ, то при его воцареніи Езекии было уже

девять лѣтъ (4 Царст. 16, 2; 18, 2). Теперь вы должны согласиться со мною, что пророчество Исаіи никакимъ образомъ не можетъ относиться къ іудейскому царю Езекиа.

Іудействующіе сказали: Вѣдь Мессія придетъ не для однихъ ученыхъ, и пришествіе Его всѣмъ будетъ понятно: ибо въ пришествіе Мессіи совершатся такіе поразительныя событія, изъ которыхъ всѣ—ученные и неученные—должны будутъ узнать, что Мессія пришелъ. Объ этихъ событіяхъ пророкъ Исаія говоритъ такъ: Тогда волкъ будетъ жить вмѣстѣ съ ягненкомъ, и барсъ будетъ лежать вмѣстѣ съ козленкомъ; и теленокъ, и молодой левъ, и волъ будутъ вмѣстѣ, и малое дитя будетъ водить ихъ. И корова будетъ пастись съ медвѣдицею, и дѣтеныши ихъ будутъ вмѣстѣ и левъ, какъ волъ, будетъ ѣсть солому. И младенецъ будетъ играть надъ норою аспіда, и дитя протянетъ руку свою на гнѣздо змѣи. Не будутъ дѣлать зла и вреда на всей святой горѣ Моей, ибо земля будетъ наполнена видѣніемъ Господа, какъ воды наполняютъ море (Исаія 11, 6—9). По прочтеніи даннаго мѣста пророка Исаія, одинъ изъ іудействующихъ сказалъ: Допустимъ—я земледѣлецъ, хожу за плугомъ, не знаю Писанія, но вижу, что волкъ лежитъ съ ягненкомъ, барсъ съ козленкомъ, корова съ медвѣдицею и малое дитя водить ихъ: смотря на это зрѣлище, я задаю себѣ вопросъ и другихъ спрашиваю: отчего это такая перемѣна среди животныхъ? Непримиримыя прежде между собою неразумныя и разумныя существа теперь живутъ вмѣстѣ. И вотъ читавшіе пророчество Исаія скажутъ: эта перемѣна среди животныхъ произошла потому, что явился на землѣ Мессія—царь Израильскій.

Я возразилъ: Почтенные собесѣдники! Неужели вы думаете, что Мессія придетъ не родъ человѣческій спасти отъ грѣха, проклятія и смерти, а измѣнить нравы животныхъ, измѣнить въ нихъ тѣ инстинкты, съ какими мы видимъ ихъ нынѣ? Понятіе ваше о прочитанномъ вами мѣстѣ весьма неудовлетворительно; ибо не все сказанное въ Писаніи надо понимать буквально, оно имѣетъ три смысла: переносный, приточный и буквальный. Богъ чрезъ пророка Исаію о Кирѣ, царѣ Персидскомъ, говоритъ: такъ говоритъ Господь помазаннику своему Киру: Я держу тебя за правую руку, чтобы покорить тебѣ народы, и сниму поясы съ чреслъ царей, чтобы отворились для тебя двери, и ворота не затворялись; Я пойду предъ тобой и горы уравнию,

мѣдныя двери сокрушу и запоры желѣзные сломаю; и отдамъ тебѣ хранимыя во тьмѣ сокровища и сокрытыя богатства, дабы ты позналъ, что Я Господь, называющій тебя по имени,—Богъ Израилевъ (Исаіи 45, 1—3). Итакъ, неужели здравомыслящій человѣкъ допустить, что предъ Киромъ, царемъ Персидскимъ, двери и ворота отворялись сами собою и Богъ видимо снималъ поясъ съ царей и отдавалъ ихъ Киру? Это всякій знаетъ, что Киръ, при невидимой помощи Бога, одерживалъ побѣды надъ народами, съ которыми ему приходилось воевать: покорялъ царей, снималъ съ нихъ поясы, т. е. лишалъ ихъ царской власти. Да еще въ томъ же мѣстѣ пророка Исаіи, которое вы читали, сказано, что отрасль Іессеева „жезломъ устъ своихъ поразитъ землю“... И будетъ препоясаніемъ чреслъ Его правда и препоясаніемъ бедръ Его—истина (Исаіи 11, 4—5). И будетъ въ тотъ день, къ корню Іессееву, который станетъ какъ знамя для народовъ, обратятся язычники, и покой его будетъ слава (Исаіи 11, 10). Неужели, по вашему понятію, и приведенныя мною слова слѣдуетъ понимать буквально? Никто изъ людей, имѣющихъ неповрежденный умъ, не допустить такого понятія, ибо мы знаемъ, что подъ именемъ „жезла устъ“ слѣдуетъ разумѣть ученіе той личности, которая имѣла произойти отъ корня Іессея; а эта личность и есть Іисусъ Христосъ. Подъ именемъ земли разумѣются народы, имѣющіе обратиться и увѣровать въ Іисуса Христа, какъ обѣтованнаго Мессію. Ваша мысль о чувственномъ пребываніи волка съ агнecomъ и другихъ плотоядныхъ животныхъ вмѣстѣ съ неплотоядными опровергается еще словами: не будутъ дѣлать зла и вреда на всей святой горѣ Моей, ибо земля будетъ наполнена видѣніемъ Господа, какъ воды наполняютъ море (Исаіа 11, 9). Изъ приведенныхъ мною словъ видно; что не будутъ дѣлать зла и вреда только на святой горѣ Божіей, т. е. въ священномъ мѣстѣ, или, выражаясь точнѣе, въ христіанской Церкви. Итакъ, приведенное вами мѣсто означаетъ, что съ пришествіемъ Іисуса Христа дикіе нравы людей измѣняются въ кроткіе.

Иудействующіе сказали: Вашему объясненію можно было бы повѣрить тогда, когда бы между вами, христіанами, дѣйствительно, не было людей съ волчьими, медвѣжьими и львиными нравами, а то вѣдь и у васъ другъ друга обижаютъ, притѣсняютъ, грабятъ и даже убиваютъ.

И отвѣтилъ: Теперь это происходитъ потому, что христіан-

ское общество находится еще въ младенческомъ состояніи и не достигло еще того совершенства, къ которому оно стремится. Вѣдь до пришествія Іисуса Христа не только язычники, но даже евреи, несмотря на то, что имѣли законъ, дарованный отъ Бога, находились въ весьма дикомъ состояніи. Для нагляднаго сравненія мы возьмемъ идеалы, предписанные закономъ Моисея и законами Христа. Еврейская женщина не угодила въ чемъ-нибудь мужу; послѣдній, какъ властелинъ надъ нею, отлучаетъ ее отъ сожителства и изгоняетъ изъ дома, давъ ей разводное письмо (Второзак. 24, 1, 3), а Христосъ говоритъ, что это допущено Моисеемъ по жестокосердію евреевъ. и разводиться съ женою, по ученію Христа, ни въ какомъ случаѣ нельзя, кромѣ супружеской невѣрности кого-либо; что мужъ и жена есть одна плоть (Матѣ. 19, 3—9); и апостолъ Павелъ говоритъ: такъ мужа должны любить своихъ женъ, какъ свои тѣла: любящій свою жену, любить самого себя (Ефес. 5, 28). Затѣмъ, у евреевъ было допущено рабство, не только временное, но и на цѣлую жизнь (Исх. 21, 2—6; Второзак. 15, 12, 17), а въ ученіи апостола Христова сказано, что во Христѣ Іисусѣ нѣтъ ни іудея, ни эллина, ни раба, ни свободнаго; нѣтъ мужскаго пола, ни женскаго, ибо всѣ въ одно во Христѣ Іисусѣ (Галат. 3, 28). Итакъ, христіанство много уничтожило зла въ самомъ корнѣ: оно возвысило женщину, уничтожило рабство, гладиаторство римское, смертную казнь чрезъ посредство звѣрей, тѣлесное наказаніе за преступленіе и всегда стремится къ идеалу совершенства, предписанному Христомъ (Матѣ. 5, 48).

Іудействующие сказали: Мы забыли прочитатъ девятую главу пророка Исаіи, въ которой говорится. что пророчество о рожденіи Еммануила относится къ царю Езекии; позвольте намъ ее прочитатъ?

Я сказалъ: Читайте.

Іудействующие прочитали слѣдующее мѣсто: Ибо младенецъ родился намъ—Сынъ данъ намъ; владычество на раменахъ Его, и нарекутъ имя Ему: Чудный, Совѣтникъ, Богъ вѣрный, Отецъ вѣчности, Князь мира. Умноженію владычества Его и мира нѣтъ предѣла на престолѣ Давида и въ царствѣ его, чтобы Ему утвердить его и укрѣпить его судомъ и правдою отнынѣ и до вѣка. Ревность Господа Саваоа содѣлаетъ это (Исаія 9, 6, 7).

Я возразилъ іудействующимъ: Царь Езекиа хотя былъ помазан-

никъ Божій и дѣлалъ угодное въ очахъ Господа, ходилъ путями Давида отца его, но все же былъ человѣкъ, а въ прочитанномъ вами мѣстѣ пророкъ упоминаетъ о такихъ свойствахъ, которыя никакъ не могутъ быть приписаны человѣку, кромѣ Мессіи. ибо въ Немъ божество соединилось съ человѣчествомъ, и Онъ по божеству Своему есть Богъ крѣпкій и Отецъ вѣчности.

Иудействующие сказали: Хотя вы утверждаете, что Мессія уже пришелъ, но мы думаемъ, что это не истинный Мессія, ибо предъ пришествіемъ истиннаго Мессіи долженъ явиться пророкъ Ілія, но онъ еще не приходилъ. О пришествіи Іліи пророкъ Малахія говоритъ: Вотъ я пошлю къ вамъ Ілію пророка предъ наступленіемъ дня Господня великаго и страшнаго. И онъ обратитъ сердца отцовъ къ дѣтямъ, и сердца дѣтей къ отцамъ ихъ, чтобы Я, пришедъ, не поразилъ землю проклятіемъ (Малах. 4, 5, 6).

Я возразилъ іудействующимъ: Богодухновенное Писаніе предсказываетъ два пришествія Мессіи: одно уничтоженное, другое славное и страшное; въ первое пришествіе Онъ пришелъ спасти человѣка отъ грѣха и проклятія; во второе явится упразднить смерть, произвести судъ надъ родомъ человѣческимъ и воздать каждому по дѣламъ: праведниковъ ввести въ вѣчное блаженство, а грѣшниковъ предать вѣчному мученію. О первомъ пришествіи пророкъ Ісаія говоритъ: Вотъ, Отрокъ Мой, Котораго Я держу за руку, избранный Мой, къ Которому благоволитъ душа Моя. Положу духъ Мой на Него, и возвѣститъ народамъ судъ; не возопіетъ и не возвыситъ голоса Своего, и не дастъ услышать его на улицахъ; трости надломленной... и т. д. будетъ производить судъ по-истинѣ; не ослабѣетъ и не изнеможетъ, доколѣ на землѣ не утвердитъ суда, и на законъ Его будутъ уповать острова (Ісаіи 42, 1—4). Въ первое пришествіе Онъ страдаетъ за грѣхи рода человѣческаго, душа Его принесетъ жертву умиловленія и за преступниковъ Онъ сдѣлается ходатаемъ (Ісаіи 53). О второмъ же пришествіи Іисуса Христа священное Писаніе говоритъ такъ: Видѣлъ я, наконецъ, что поставлены были престолы, и возсѣлъ Ветхій днями; одѣяніе на Немъ было бѣло, какъ снѣгъ, и волосы главы Его—какъ чистая волна; престолъ Его—какъ пламя огня, колеса Его—пылающій огонь. Огненная рѣка выходила и проходила предъ Нимъ; тысячи тысячъ служили Ему и тьмы тьмъ предстояли предъ Нимъ; судьи сѣли, и раскрылись книги. Видѣлъ я тогда, что за изреченіе высокомѣрныхъ словъ, какія говорилъ рогъ, звѣрь былъ

убить въ глазахъ моихъ и тѣло его сокрушено и предано на сожженіе огню. И у прочихъ звѣрей отнята власть ихъ, и продолженіе жизни дано имъ только на время и на срокъ. Видѣлъ я въ ночныхъ видѣніяхъ, вотъ, съ облаками небесными шель какъ бы Сынъ Человѣческій, дошелъ до Ветхаго днями и подведенъ былъ къ Нему. И ему дана власть, слава и царство, чтобы всѣ народы, племена и языки служили Ему; владычество Его — владычество вѣчное, которое не пройдетъ, и царство Его не разрушится (Даніил. 7, 9—14). Такъ какъ Писаніе указываетъ два пришествія Мессіи, то оно же предсказываетъ и двухъ предтечъ: предтеча перваго пришествія Христова именуется гласомъ вопіющаго въ пустынѣ (Исаія 40, 3), ангеломъ, который приготовить путь предъ Господомъ (Малах. 3, 1). Второго же пришествія Христова будетъ предтечею пророкъ Ілія, о которомъ вы прочитали у пророка Малахіи (Молах. 4, 5, 6). Эти мужи, по сходству своего служенія Христу, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ священнаго Писанія, оба называются именемъ Іліи (Матѣ. 11, 14, 17, 12; Марк. 9, 11). А въ евангеліи Луки, ангелъ Гавріилъ ветхозавѣтному священнику Захаріи сказалъ такъ объ Іоаннѣ Крестителѣ: И предъидетъ предъ Нимъ (т. е. предъ Іисусомъ Христомъ) въ духъ и силъ Іліи, чтобы возвратить сердца отцовъ дѣтямъ, и непокоривымъ образъ мыслей праведниковъ, дабы представить Господу народъ приготовленный (Лук. 1, 17). Итакъ, одинъ предтеча перваго пришествія Христова Іоаннъ уже приходилъ, а Ілія, какъ предтеча втораго славнаго пришествія Христова, еще не приходилъ, но непременно придетъ. Мы уяснили, что сѣмя жены, поражающее змія въ голову, есть Іисусъ Христосъ, Спаситель человѣческаго рода. Этимъ и была окончена наша первая бесѣда съ іудействующими.

Астраханскій епархіальный миссіонеръ II участка

А. Шашино.

Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги по вопросамъ вѣры и миссіи Церкви.

Изъ свѣтской печати.

Соль обуявшая.

„Не лгите на истину“ (Лак. 3, 14).

Странности декадентскаго богословствованія насъ уже перестали смущать. Мы обтерпѣлись... слушать и читать бредни декадентской вѣры. Что съ декадентовъ взять, думаешь себѣ: богословскія повятія и науки для нихъ — жители луны, больного религіознаго чувства у нихъ много, филантропическія общества ихъ пока игнорируютъ; же съ нихъ требовать?.. Пусть себѣ говорятъ и пишутъ. Въ общемъ они чего изъ „тихихъ“.

Прискорбно, главнымъ образомъ, то, что въ декадентскія мрежи попадаютъ иногда и „ловцы человѣковъ“, въ родѣ соборныхъ протоіереевъ, конимъ, какъ пастыремъ, надлежить быть «солью» земли. Диву даешься, что иногда можетъ случиться съ человѣкомъ. Соборный протоіерей, богословъ съ высшимъ образованіемъ, и вдругъ изрекаетъ такія „богословскія и нравственныя мнѣнія“, что просто не вѣришь своимъ ни глазамъ, ни ушамъ. Мы имѣемъ въ виду фельетонъ «Новаго Вр.» т. г. № 9716 — г. Меньшикова „Изъ писемъ къ ближнимъ“ рубр.—„тоже стиль модернъ“ и № 9721 «отвѣтъ г. Меньшикову» В. Розанова.

Въ фельетонѣ г. Меньшикова приведены выдержки изъ писемъ протоіерея У—скаго, преданныхъ „жизни печатнаго станка“ г. В. Розановымъ въ его книгѣ „Въ мірѣ неяснаго и нерѣшеннаго“ 1901 г. и во 2 № журнала „Новый путь“. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ перловъ:

1) „Христіанство должно удовлетворять національнымъ вкусамъ и запросамъ всѣхъ народовъ, на всѣ времена и до окончанія міра“

2) Мы наканунѣ „могучаго и многоплоднаго переворота русскаго религіознаго сознанія, представляемаго (въ числѣ другихъ видныхъ богослововъ и писателей свѣтскихъ между прочимъ) Розановымъ и Мережковскимъ“.

3) Насколько о. протоіерей не боится поворотовъ въ религіозномъ сознаніи, можно видѣть изъ того, что онъ готовъ апологетировать Нитчше. Послѣдній, по его мнѣнію, „оправдывается“ тѣмъ, что „разрываетъ паутину закона... взбирается на высоту нравственнаго сознанія, гдѣ снимается всякая отвѣтственность за то, что мы называемъ зломъ“. „Когда человѣкъ переступаетъ границы закона, то онъ не вступаетъ въ область чистаго отрицанія, а вступаетъ въ царство Духа Святаго“. „Такой человѣкъ, какъ нарушитель закона, даннаго Сыномъ Божиимъ..., еще не пропасть, ибо есть еще за него ходатай. Это Духъ Святыи. Такой человѣкъ поступаетъ подъ покровительство Духа Святаго“.

4) Идея вселенскаго собора—полная фикція... О вселенскомъ соборѣ не можетъ быть не только и рѣчи, но и помышленія до тѣхъ поръ, доколѣ не образуется и не получитъ права гражданства тріединное христіанство. А до тѣхъ поръ можно говорить только о свободѣ православія, а никакъ не о вселенскомъ.

5) Внесеніе въ символъ вѣры *Filioque* римскими папами—поступокъ «дальновидный и благоразумный».

6) Нынѣшняя гнилая, безсмысленная, фарисейски-лицемѣрная практика, не позволяющая виновной сторонѣ вступать въ новое законное супружество, должна быть разъ навсегда брошена въ Лету забвенія“. Легкость развода желательна въ такой мѣрѣ: «мужъ и жена приходятъ къ своему приходскому священнику и тотчасъ получаютъ отъ него разводъ. Вотъ и все. Что можетъ быть проще и легче этого? Что можетъ быть удобопримѣнимѣе и цѣлесообразнѣе этого»? Такая практика (въ Румыніи) «неподражаема правильно, единственно-вѣрная, единственно удобоосуществимая и цѣлесообразная».

7) Идея дѣвственности „безсѣменнаго зачатія и безмужнаго рожденія“—продуктъ пресыщенности грековъ, которые не могли вмѣстѣ въ себѣ всей полноты христіанства“.

8) „Православнымъ русскимъ людямъ наскучило уже смотрѣть на христіанство монашескими глазами и они начинаютъ искать выхода изъ такого положенія. Я разумѣю появленіе на нашей православной почвѣ пашковцевъ, штундистовъ и толстовцевъ, которыхъ такъ усердно и такъ энергично укоряютъ въ отпаденіи отъ истиннаго православія и въ отдаленіи отъ Церкви. Но вѣдь всѣ они не отъ Церкви бѣгутъ и не отъ православія отрекаются, а бѣгутъ отъ монашескаго гнета, отъ византійской 900-лѣтней забастовки своего религіознаго сознанія, отъ монастырскаго режима въ области семейной жизни, отъ позорной, обидной и оскорбительной для православнаго семьянина монашеской точки зрѣнія на супружескія отношенія“.

9) А, „что же сдѣлалъ русскій священникъ (для озаренія свѣтомъ Христовымъ акта супружескихъ общеній).? Въ продолженіи 900 лѣтъ христіанства на Руси онъ преспокойно и пресерьезно махалъ кадиломъ, переводилъ пятаки да алтыны изъ кармановъ прихожанъ въ свои собственные, собиралъ кутью по родительскимъ субботамъ и

пирого по праздникамъ, исправно служилъ молебны и пѣлъ панихиды, да велемудро ухитрялся служить двумъ господамъ, Богу и мамонѣ, работать Христу и Веліару, воскурять еиміамъ и въ Церкви Божіей и передъ идолами. Днемъ онъ сознательно и разумно служилъ Богу, а ночью столь же сознательно и разумно служилъ Веліару. И это съ того дня, когда онъ выйдетъ изъ-подъ брачнаго вѣнца и до того времени, когда окончатся дни его половой состоятельности“. Ночнымъ служеніемъ Веліару является совершеніе супружескихъ общеній въ тайнѣ и темнотѣ; это—„утаиваніе сокровища отъ Бога, грѣхъ Ананіи и Сапфиры. Священникъ обязанъ разумно, осмысленно и сознательно ввести (супружеское общеніе) въ сферу религіознаго дѣйствія и совершать его въ свѣтѣ лица Божія, предъ всезрящими очами Господними, а не уходить каждый разъ при совершеніи его словно за границу царства Божія... не отдаваться добровольно и напрасно на служеніе царству тьмы и мрака... Посмотрите всѣ наши требники, канонники, молитвословы. Найдете ли вы въ нихъ молитвы, напр., предъ началомъ супружескаго (общенія) или послѣ онаго. Признаю и исповѣдаю, что и въ моментъ (общенія) съ женою своею я также долженъ мысленно, умомъ и сердцемъ, предстоять предъ Богомъ, какъ предстою предъ Нимъ, когда во время священнослуженія нахожусь во храмъ предъ престоломъ алтаря Господня“.

Вотъ калейдоскопъ „мнѣній“ богослова, авторитетомъ котораго желалъ „заручиться г. В. Розановъ, чтобы „его въ значительной степени новыя мысли... не порывали возможной традиціи въ церкви, а примыкали бы къ церковнымъ же мнѣніямъ, хотя ихъ и преобразуя иногда, но допустимо преобразуя“.

Отъ о. У—скаго, какъ мы слышали, церковною властію было потребовано уже объясненіе. Исповѣдалъ-ли онъ «какъ вѣруетъ», настаивалъ-ли на своихъ „мнѣніяхъ“ или отказался отъ нихъ, этого пока не знаемъ. Знаемъ пока, что г. Розановъ мнѣнія о. У—скаго отстаиваетъ въ своемъ „отвѣтѣ г. Меньшикову“ и на—сколько мнѣнія эти не могутъ быть неблазвенными въ миссіонерской области, мы хотя коротенько и коснемся ихъ.

„Отвѣтъ“ г. Розанова представляетъ собою кучу декадентскаго мусора, въ которомъ на этотъ разъ не оказалось жемчужины. Намъ прежде всего поражаетъ то обстоятельство, что г. Розановъ „заручается авторитетомъ богослова“, съ котораго «снимаетъ всякую отвѣтственность» за его (богослова) мнѣнія, какъ „приведеннаго къ темамъ своихъ сужденій и къ ходу своей мысли“ „письмами и статьями“ самого же Розанова. Удивительная заручка: выходитъ г. Розановъ заручается самъ собою. „Мнѣнія“ о. У—скаго—это, видите-ли, мнѣнія розановскія-же, но для заручки пропущенныя чрезъ уста соборнаго протоіерея... Самъ же протоіерей тутъ не причесть: онъ не болѣе, какъ богословская труба...

Чѣмъ же и какъ защищаетъ г. Розановъ „уловленные имъ эмбрионы мысли“ протоіерея изъ приведенныхъ нами?

1-го г. Розановъ не коснулся. Вѣроятно не нашлось чѣмъ оправдать ту невѣроятную мысль, якобы христіанство должно приспособляться къ національнымъ вкусамъ и потребностямъ народовъ. Да и оправдать ее не чѣмъ. Истинно-христіанская вѣра—всеобъемлющая полнота и абсолютно одна: въ своемъ догматическо-нравственномъ содержаніи она всегда и вездѣ равна себѣ. Безспорно, что свѣтъ этой вѣры, проходя чрезъ призмы національныхъ особенностей народовъ, въ разныхъ странахъ и въ разные времена получаетъ своеобразный колоритъ: отъ философствовавшаго греческаго востока мы получили, напр., знаменитыя вѣроопредѣленія и догматическія системы; практическій римскій западъ выработалъ дисциплину церковной жизни и т. п. Но христіанство-ли тутъ приспособляется? Разумѣется, нѣтъ. А къ христіанству приспособляются типическія особенности народовъ. Находить же въ христіанствѣ какія-либо челоуѣкоугодническія тенденціи, приспособляемость къ „стихіямъ міра сего“, можетъ только одно невѣжество. Одна вѣра, одинъ нравственный законъ заповѣдающій единымъ Господомъ для всѣхъ языковъ—іудеевъ, эллиновъ и т. д. „Аще бо быхъ еще челоуѣкомъ угождалъ, Христовъ рабъ не быхъ убо былъ“, писалъ ап. Павелъ.

2-е г. Розановъ тоже прошелъ молчаніемъ. Но это и понятно. Сдѣлано это по скромности: тамъ его имя фигурируетъ въ числѣ тѣхъ, отъ кого о. У—скій пророчитъ „могучій и многоплодный поворотъ въ русскомъ религіозномъ сознаніи“. Вѣруемъ и исповѣдуемъ, что Господь Богъ сохранитъ русское религіозное сознаніе отъ „поворота“ къ декадентскимъ бреднямъ и пророчество о У—скаго не исполнится.

3) Находя выѣстъ съ о. У—скимъ „смыслъ и позволительность съ христіанской точки зрѣнія одобрять порицаніе закона философомъ Ницше“, г. Розановъ съ удивленіемъ восклицаетъ: «Неужели г. Меньшиковъ не читалъ пламеннаго посланія ап. Павла къ Галатамъ, которое, какъ таранъ стѣну, пробило и разбilo почву законности и закона... Отъ чего... г. Меньшиковъ не припомнилъ знаменитыхъ ученій „о благодати“, объ „оправданіи вѣроу“. Поразительна глубина богословскихъ знаній у г. Розанова!.. Если онъ самъ-то читалъ посланіе къ Галатамъ и припомнилъ знаменитыя ученія о „благодати“ и „оправданіи вѣроу“ и тѣмъ не менѣе оправдываетъ „съ христіанской точки зрѣнія“ ницшеанскій анонизмъ, то это для него тѣмъ хуже: стало быть, онъ рѣшительно ничего не появля изъ читаннаго и припомяннаго. Въ посланіи къ Галатамъ разбивается почва законности вѣдъ только еврейскаго религіозно-обря-

доваго ритуала, какъ оправдывающаго фактора: „Вотъ я Павелъ говорю вамъ: если вы обрѣзываетесь, не будетъ вамъ никакой пользы отъ Христа“ (5, 2). Что же тутъ похожаго на отрицаніе философомъ Нитцше всего нравственнаго христіанскаго закона? Равнымъ образомъ, что похожаго можно найти въ ученіи о „благодати“ и „оправданіи вѣрою“ на нитцшеанство? „Грѣхъ не долженъ надъ вами господствовать, ибо вы не подъ закономъ, а подъ благодатью. Что же? станемъ-ли грѣшить, потому что мы не подъ закономъ, а подъ благодатью? Никакъ... вы стали послушны тому образу ученія, которому предали себя. Освободившись же отъ грѣха, вы стали рабами праведности... Богу, плодъ вашъ есть святость“, учить ап. Павелъ (Рим. 6. 14—22). Удивительно, какъ это такому начитанному въ Писаніи человѣку, какъ г. Розановъ, не попали на глаза слова Христовы: «что вы зовете Меня: Господи! Господи! и не дѣлаете того, что Я говорю вамъ» (Лк. 6, 46). Если хочешь войти въ жизнь вѣчную, соблюди заповѣди (Мѡ. 19, 17). „Научите всѣ народы... уча ихъ соблюдать все, что Я повелѣлъ вамъ“ (Мѡ. 28, 20); а также—апостольскія слова: „исполнители закона оправданы будутъ“ (Рим. 2, 13), „вѣра, если не имѣетъ дѣла, мертва сама по себѣ... и бѣсы вѣрують... человѣкъ оправдывается дѣлами, а не вѣрою только... а если ты судишь законъ, то не исполнитель закона... (Іак. 2, 17, 19, 24; 4, 11). И въ послѣдній судъ каждому вѣдь будетъ воздано „по дѣламъ его“ (Мѡ. 16, 27; 25, 34—36).

Нарушители закона, даннаго Сыномъ Божиимъ, вступаютъ, по мнѣнію г. Розанова и о. У—скаго, въ царство Духа Святого и имѣютъ за себя „еще“ ходатая, Духа Святаго. Богословствующіе декаденты, видимо, не желаютъ знать того, что „нѣтъ иного имени подъ небесемъ... о немъ же подобаетъ спастися“, кромѣ имени Іисусова (Дѣян. 4, 12) и что „Единый Ходатай Бога и человѣковъ“ Христосъ (1 Тим. 2, 5). Основаніе для своего мнѣнія г. Розановъ находитъ въ несліянности Лицъ Св. Троицы. Нарушившій законъ, данный Сыномъ Божиимъ, поступаетъ, по мнѣнію г. Розанова, подъ покровительство, ходатайство Св. Духа, не потому, чтобы Сынъ Божій и Духъ Святой были въ антагонизмъ, а потому, что Они несліянны. Какая находчивость у г. Розанова и глубина богословской мысли! Не постави ему, Господи, грѣха сего... Законъ, данный Сыномъ Божиимъ, г. Розановъ, есть нераздѣльное изволеніе Св. Троицы. Сынъ Божій творилъ волю Отца и Духъ Святой наставлялъ на истину, данную Сыномъ Божиимъ. „Кто имѣетъ заповѣди Мои и соблюдаетъ ихъ... тотъ возлюбленъ будетъ Отцомъ Моимъ... Слово же, которое вы слышали, не есть Мое, но по-

славшаго Меня Отца... Утѣшитель же, Духъ Святый, Котораго пошлетъ Отецъ во имя Мое, научить вась всему и напомнить вамъ все, что Я говорилъ вамъ... ибо не отъ Себя говорить будетъ, но будетъ говорить, что услышитъ... Онъ прославить Меня, потому что отъ Моего возьметъ и возвѣститъ вамъ", читаемъ въ прощальной бесѣдѣ Спасителя (Іоан. 14, 21—26; 16, 13—14). Приходилось-ли г. Розанову читать эту бесѣду? О хулѣ же на Духа Святаго въ отличіе отъ хулы на Сына Человѣческаго совѣтуемъ г. Розанову хоть что-нибудь почитать для „заручки авторитетомъ богослова“...

4) Утверждая невозможность вселенскаго собора въ настоящее время, г. Розановъ и о. У—скій, сами того не понимая, утверждаютъ въ сущности то, что св. Церковь теперь одолена вратами адowymi. Дѣло въ томъ, что Церкви Своей Спаситель обѣщалъ послать и послалъ Утѣшителя Духа Святаго, „наставляющаго на всякую истину“ „во вѣкъ“ (Іоан. 14, 16; 16, 13). Органомъ откровенія Св. Духа, органомъ непогрѣшимаго опредѣленія Церковью „всякой истины“ является вселенскій соборъ. Разъ послѣдняго не можетъ быть, Церковь фактически перестаетъ быть непогрѣшимою, Духъ Святый или оставилъ ее, или обреченъ на молчаніе, но утверждать то или другое — одинаково богохульно. Да и какой тогда смыслъ придають г. Розановъ и о. У—скій 9-му члену символа вѣры: вѣрую— „во единую святую соборную апостольскую Церковь“? а съ ними вѣстѣ и „всѣ рѣшительно“ богословы, отвергающіе, какъ сообщаетъ г. Розановъ, возможность вселенскаго собора? Пока существуютъ три Церкви — православная, католическая и протестантская, можетъ быть рѣчь, по мнѣнію о. У—скаго, только о соборѣ православія, а не о вселенскомъ; но вѣдь соборъ-то православія именно тутъ и важенъ и въ видѣ вселенскаго онъ всегда если будетъ въ томъ нуждѣ, — возможенъ, пока стоитъ св. соборная Церковь Христова, во „всемъ мірѣ разліянная“. Сколько было еретическихъ церквей въ эпоху вселенскихъ соборовъ, напр., въ вѣкъ монофелитства и иконоборчества?—аріанская, несторіанская, еutihіанская и др. и однако 6 и 7 соборы—вселенскіе, хотя указанныхъ еретиковъ на нихъ и не было. Г. Розановъ смущаетъ то, что католичество и протестантство мы признаемъ Церквами. Да, признаемъ, но такими, отъ которыхъ принимаемъ принадлежащихъ ко св. православной Церкви чрезъ особые очистительные чины. Вѣдь г. Розанову, думаетъ, попадались въ Писаніи слова: „Церковь лукавнующихъ“... Православіе, пишетъ г. Розановъ, само не чувствуетъ себя въ правѣ (откуда это онъ узналъ о такомъ нечувствованіи Церкви?) собраться на вселенскій соборъ за отсутствіемъ единой Церкви“ (а 9 чл. сим. вѣры?) По мнѣнію г. Розанова выходить, что Церковь

измѣнилась и утеряла свои прежнія права, а по ученію св. отцовъ Церковь „никогда не старѣетъ, но всегда юнѣетъ“ (Златоустъ) и „еслибы тварь вся измѣнилась, Церковь никогда же“ (блаж. Теофилактъ).

5) Внесеніе въ символъ вѣры *Filioque* о. протоіерей считаетъ дальновиднымъ поступкомъ и благоразумнымъ, хотя отцы 3 вс. соб. оградили анафемой измѣненіе этого символа (7 пр.); а Маркъ ефесскій латинское *Filioque* считаетъ (въ своемъ окружномъ посланіи) „самымъ опаснымъ и богохульнымъ нововведеніемъ“! Явно, о. богословъ не желаетъ считаться съ соборными опредѣленіями и ученіями свв. оо., а г. Розановъ считаетъ его авторитетъ настолько общепризнаннымъ, что въ своей аналогіи и не касается этого вопроса.

6) Разсуждая о „гнилой и бессмысленной практикѣ“ казательно развода, протоіерей явно рисуетъ своей либеральностью, забывая всякое приличіе, свое положеніе и всякое рѣшительно знаніе, вѣроятно, когда-нибудь бывшее у него, на счетъ церковныхъ канонѣвъ. Нелѣпость съ канонической точки зрѣнія, его легкости развода—съ правомъ вступать въ новое законное супружество виновной стороной и, стало быть, благословеніемъ Церковью прелюбодѣянн (Мѣ. 19, 9), слишкомъ очевидна, чтобы дѣлать на нее замѣчанія. Мы предоставимъ только читателю вообразить, какой адъ царилъ бы въ семьѣ и обществѣ, имѣй каждый легкую и законную возможность семь разъ на недѣлю жениться и семь разъ развестись.

7) Идея „безсѣмennaго зачатія и безмужнаго рожденія“—не продуктъ пресыщенности грековъ, а небесное откровеніе (Лк. 1, 26—35). Отъ пречечнаго о. протоіерея отдастъ ренано-штраусовскимъ кригизмомъ оскорбительнымъ для христіанскаго чувства.

8) Въ своихъ видимо сектофильскихъ разсужденіяхъ о. У—скій будто негодуетъ, что штундистовъ, пашковцевъ и толстовцевъ „энергично“ и „усердно“ „укоряютъ въ отпаденіи отъ истиннаго православія и въ отдаленіи отъ Церкви“ и освѣдомляетъ насъ о причинахъ появленія рационалистическаго сектантства. Сектанты, по понятію о. протоіерея, „не отъ Церкви бѣгутъ и не отъ православія отрекаются, а бѣгутъ отъ монашескаго гнета, отъ вавилонской 900-лѣтней забастовки (!) своего религіознаго сознанія, отъ монашескаго режима въ области семейной жизни“. Объясненіе можно сказать незабѣженное, но едвали сколько нибудь продуманное и правдоподобное. Правда, если подъ „забастовкой религіознаго сознанія“ разумѣть исполненіе апостольскаго завѣта „стоять и держать преданія“ (2 Сол. 2, 15), вообще твердость въ своемъ христіанско-церковномъ упованіи, то нужно согласиться, что сектанты, дѣйствительно, бѣгутъ отъ этого, бѣгутъ

въ область религіознаго вольнодумства отъ христіанской Церкви и ея ученія, основаннаго на авторитетѣ соборовъ св. отецъ. Но причежь тутъ семейная жизнь? Отъ какихъ же это рacionales сектантовъ о. У—скому удалось слышать недовольство св. Церковью съ этой именно стороны? Вѣдутъ сектанты не отъ монаховъ только, но и отъ такихъ соборныхъ протоіереевъ, которые священнодѣйственно живутъ со своими женами..., въ родѣ о. У—скаго.

9) Повздѣвавшись надъ служеніемъ русскихъ священниковъ, по образу злыхъ сектантовъ, о. У—скій обвиняетъ батюшекъ и въ томъ, что они служили и служатъ Христу и вмѣстѣ вѣліару. Служеніе послѣднему ояъ находитъ въ томъ, что священники совершаютъ супружескія обязанности съ своими женами, какъ и всѣ порядочные, не погорячившіе стыда и совѣсти, люди въ тайнѣ и въ темнотѣ, а не разумно, осмысленно, подобно религіозному дѣйствию, во свѣтѣ лица Божія, предъ всезрящими очами Господними (точно Господь въ темнотѣ-то не видитъ!), какъ предстоятъ они во время священнослуженія во храмѣ предъ престоломъ алтара Господня, и при томъ съ особыми молитвами въ началѣ и концѣ... Подобное обвиненіе можно высказать только въ горячкѣ, если въ нормальномъ состояніи человѣкъ не обиженъ умомъ и вообще психически здоровъ. Г. Розановъ тѣмъ не менѣе защищаетъ о. У—аго, и даже отъ Писанія: „достаточно было бы, пишетъ онъ, г. Меньшикову открыть 22 стихъ главы 66 пророка Исаи и прочесть слова: „Ибо какъ новое небо и новая земля, которыя Я сотворю, всегда будутъ предъ лицемъ Моимъ, говоритъ Господь,—такъ и будетъ сѣмя ваше и ния ваше“. Не менѣе обвинения У—скаго насъ изумляетъ и розановская цитата. Какимъ образомъ она оправдываетъ требованіе о. У—скаго совершать супружескія обязанности при свѣтѣ, какъ священнодѣйствіе, да еще и съ особыми молитвами? Какъ надо понимать слова 22 ст. 66 гл. Ис.: „предъ лицомъ Моимъ... и сѣмя ваше“ г. Розановъ могъ бы увидѣть изъ слѣдующаго стиха той главы: „будетъ приходить всякая плоть предъ Лице Мое на поклоненіе, говоритъ Господь“. Надѣмся, что г. Розановъ слово „сѣмя“ не можетъ же понимать буквально. Впрочемъ, „не надѣйтесь... на сыны человѣческіе“, сказано въ Писаніи. Слѣдовало бы о. У—му и г. Розанову вдуматься хотя бы въ то, зачѣмъ это Богъ повелѣлъ первой супружеской четѣ послѣ грѣхопаденія сдѣлать описаніе? Въ оправданіе дикаго требованія о. У—скаго, г. Розановъ указываетъ на то, что «бракъ святъ и въ физическомъ моментѣ». Согласимся и съ такой сомнительной истиной, признаемъ, что и чисто фізіологическіе, натурально необходимые моменты можно характеризовать, какъ святые или грѣшныя, но что же тутъ г. Розанову подходящаго?

Вѣдь и всѣ фізіологическія отправления чловѣка не грѣшны, но всѣ-ли изъ нихъ г. Розановъ можетъ совершать „при свѣтѣ“, предъ очами хотя бы религіозно-философскаго собранія? Впрочемъ вѣдь декадентство выше всякихъ законовъ...

Н. Гринякинъ.

Свящ. М. Лисицынъ. Христіанское воспитаніе въ семьѣ и школѣ. Богословско-психологическій этюдъ. С.-Петербургъ. 1901 года, in 8-ю, стр. 77. Ц. 50 к., съ пересылк. 60 к.

Вопросъ о христіанскомъ воспитаніи въ семьѣ и школѣ, благодаря своему жизненному характеру, всегда приковывалъ и приковываетъ вниманіе къ себѣ, какъ родителей и воспитателей, такъ и всѣхъ вообще, кому дороги семейныя, обще-церковныя и обще-государственныя устои. Какъ и слѣдовало ожидать, у насъ появлялась цѣлая педагогическая литература въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, съ различными при томъ направленіями, преслѣдующими различныя задачи и цѣли. Вторая половинна истекшаго столѣтія, богатая бурными литературными теченіями съ преобладаніемъ идей матеріалистическихъ и раціоналистическихъ, наложила свою печать и на педагогическое дѣло. Раціоналистическія тенденціи, съ явнымъ намѣреніемъ подорвать въ корнѣ религіозныя начала въ дѣлѣ воспитанія и обученія, широкой волной наполнили нашу литературу педагогическую и получили широкое распространеніе и практическое примѣненіе въ самой школѣ. Тлетворный духъ отрицанія религіозныхъ устоевъ въ дѣлѣ воспитанія не замедлил принести свои плоды. Въ обществѣ и въ печати къ концу прошлаго столѣтія по вопросу о характерѣ и направленіи воспитанія въ семьѣ и школѣ произошла реакція—поворотъ, возвращеніе къ тѣмъ вѣковѣчнымъ устоямъ, которые почерпаются и должны почерпаться изъ единого и непреложнаго источника свѣта и истины и которые должны локониться на основѣ христіанскаго вѣроученія. Иначе и быть не могло. И сознаніе необходимости христіанскаго воспитанія въ семьѣ и школѣ постепенно побуждаетъ противоположныя теченія и начинается, къ счастью, все глубже и глубже проникать въ сознаніе всѣхъ слоевъ общества. И въ общепедагогической нашей литературѣ ясно обнаружился поворотъ въ эту именно сторону—и явились труды съ такимъ, а не инымъ направленіемъ. Какъ на отрадное явленіе въ области нашей педагогической литературы мы должны указать на трудъ, принадлежащій перу священника М. А. Лисицына подъ заглавіемъ: — „Христіанское воспитаніе въ семьѣ и школѣ“, и заслуживающій полнаго къ

себѣ вниманія съ нашей стороны, почему мы и беремъ на себя трудъ познакомиться съ нимъ читателей нашего журнала.

Своему сочиненію о. Лисицынъ предпосылаетъ нѣсколько словъ „въ-
сто введенія“ (3—4 стр.), гдѣ онъ упрекаетъ современную педагогику
въ томъ, что нынѣшнія школы больше обучаютъ наукамъ, чѣмъ воспиты-
ваютъ, что, конечно, по мнѣнію автора, ненормально. Воспитаніе, состоя-
щее въ развитіи въ человѣкѣ Образа Божія, должно быть
тѣсно связано съ обученіемъ и должно идти съ нимъ рука объ
руку, ставя свсєю цѣлю—приближеніе къ Богу (16 стр.). Уста-
новивъ этотъ общій принципъ, авторъ съ настойчивостью проводитъ его
красною нитью чрезъ все свое сочиненіе: подъ этимъ угломъ зрѣнія онъ
рассматриваетъ школу матери (II глава, 7—36 стр.),—школу об-
щественную (III глава, 36—52 стр.) и физическое воспита-
ніе (IV глава, 57—74 стр.). Съ нескрываемымъ удовольствіемъ мы
должны отмѣтить тотъ фактъ, что авторъ, поставивъ во главу угла сво-
его сочиненія христіанскій принципъ воспитанія, не только не впадаетъ
въ крайность при обследованіи имъ вопроса о воспитаніи, но съ долж-
нымъ вниманіемъ относится ко всѣмъ сторонамъ воспитательнаго дѣла. Съ
особымъ вниманіемъ онъ останавливается на вопросѣ о выработкѣ харак-
тера у питомца и рекомендуетъ принимать одновременно либераль-
ную систему съ сервилитической. Не меньше, если не больше
онъ удѣляетъ вниманія въ дѣлѣ воспитанія эстетикѣ, которая является
могущественнымъ орудіемъ или средствомъ, ведущимъ человѣка къ истинѣ,
правдѣ и добру.

Не входя въ подробное раскрытіе содержанія рассматриваемаго нами
труда о. Лисицына, мы должны замѣтить, что авторъ во многомъ слѣду-
етъ великому педагогу Амосу Каменскому и съ разумной послѣдователь-
ностью принимаетъ его воззрѣнія къ современной педагогикѣ. По време-
намъ авторъ свои сужденія обосновываетъ ссылками на статьи педагоги-
ческаго характера К. П. Побѣдоносцева, что, по нашему мнѣнію, при-
даетъ взглядамъ о. Лисицына особую устойчивость и прочность.

Не находя возможнымъ въ краткой библиографической замѣткѣ под-
вергать подробной критикѣ трудъ почтеннаго автора, мы только попутно
сдѣлаемъ два небольшихъ замѣчанія. Авторъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ от-
дѣла о физическомъ воспитаніи, по нашему мнѣнію, не ясно разъясняетъ,
что именно относится къ физическому воспитанію: то, что собственно от-
носится къ учебной сторонѣ дѣла (знакомство съ природой и животнымъ
царствомъ), почему то имъ трактуется какъ воспитательный въ фи-
зическомъ отношеніи элементъ. Спутанность эта (65—68 стр.) не

столько вредить дѣлу, сколько повергаетъ читателя въ нѣкоторое недоумѣніе.—Въ отдѣлѣ о школьномъ воспитаніи о. Лисицынъ, трактуя о воспитаніи воли, предлагаетъ одну мѣру, уже отжившую свое время и потому не одобренную современной педагогикой. Говоря это, мы имѣемъ въ виду предлагаемое авторомъ назначеніе учениковъ помощниками воспитателю, съ предоставленіемъ имъ извѣстнаго рода правъ по наблюденію за порядкомъ вообще. Эта мѣра, по автору, можетъ произвести въ классѣ извѣстную субординацію и устранить благоприятныя условія для проявленія грубости со стороны воспитанниковъ (50 стр.). Съ педагогической точки зрѣнія этотъ взглядъ не можетъ быть оправданъ уже потому, что онъ создастъ неравенство между учениками: предоставленіе нѣкоторыхъ правъ создастъ привилегированное положеніе нѣкоторыхъ изъ учащихся и можетъ повести къ нежелательнымъ въ нравственномъ отношеніи результатамъ. Отъ такой постановки дѣла воспитателю будетъ не столько помощи и пользы, сколько вреда!

Указанные нами недостатки нисколько не умаляютъ цѣнности труда о. Лисицына. Къ достоинствамъ разсматриваемаго нами сочиненія мы должны отнести серьезность, обстоятельность и логическую послѣдовательность, ясность и отчетливость мысли и общедоступность изложенія. Языкъ сочиненія—точный и опредѣленный, отвѣчающій вполне научному достоинству трактуемаго авторомъ предмета. Сочиненіе о. Лисицына по существу своему таково, что, преслѣдуя обще-христіанскія задачи и цѣли, служитъ дѣлу миссіи Св. Церкви въ широкомъ смыслѣ слова.

Интересующимся педагогическими вопросами и въ особенности вопросомъ о христіанскомъ воспитаніи въ семьѣ и школѣ — мы можемъ рекомендовать трудъ о. Лисицына, какъ вполне заслуживающій, и по постановкѣ и по разработкѣ вопроса, полнаго вниманія къ себѣ и всяческаго одобренія. Книжка издава очень изящно и къ тому же стоитъ очень недорого (50 к.).

П. Козицкій.

Свящ. М. Лисицынъ. *Церковь и Музыка*. (По поводу новыхъ теченій въ музыкальномъ искусствѣ). С.-Петербургъ. 1902 г. in 8-ю, стр. 25.

Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ музыка играла весьма важную роль въ религіозно-культовомъ отношеніи. Исторія религій говоритъ намъ, что религіозные культы у всѣхъ народовъ всегда сопровождались и сопровождаются музыкой, другими словами—музыка всегда составляла и составляетъ непремѣнную принадлежность всякаго богослужебнаго культа. Иначе и быть не можетъ. Музыка, въ основѣ которой лежитъ гармоническое сочетаніе звуковъ, болѣе, чѣмъ какое-либо другое изъ искусствъ, дѣйствуетъ на душу чело-

вѣка, возвышаетъ и одухотворяетъ его чувства, а мысль отвлекаетъ отъ злободневной суеты. Сама природа, благодаря такому характеру музыки, предназначила ей хотя и служебное, но почетное мѣсто въ богослужебномъ культѣ,—и въ результатъ—явилась религіознаго характера музыка. Изъ исторіи мы узнаемъ, что религіозная музыка была у древнихъ евреевъ, египтянъ и ассиро-вавилонянъ, грековъ и римлянъ, и что отъ евреевъ перешла она въ христіанство. Съ развитіемъ и ростомъ христіанства развивалась и росла религіозная или, какъ теперь принято выражаться, церковная музыка, модифицируясь у каждой христіанской націи на свой ладъ, сообразно народному духу,—съ одной стороны, а съ другой—удерживая общехристіанскій характеръ. Греческая Церковь имѣла свою музыку, а латинская (западная)—свою. Русская же Церковь, принявшая христіанство отъ греческой Церкви, должна была усвоить и греческую церковную музыку; позже она позаимствовала кое-что и съ запада. Въ половинѣ XIX вѣка наша отечественная Церковь вступила на путь самостоятельнаго развитія въ дѣлѣ церковной музыки, и музыка понемногу очистилась отъ иностранныхъ вліяній и наслоеній и только къ концу прошлаго столѣтія она стала твердой ногой на строго-церковной и народной почвѣ. Правда, были и въ XVIII и первой половинѣ XIX столѣтій попытки разрабатывать церковную музыку и явилось достаточно произведеній въ этой области,—но всѣ эти труды носятъ характеръ позаимствованія съ запада (итальянская музыка) или съ востока,—и не могутъ быть названы самостоятельными въ полномъ смыслѣ этого слова.

Въ прошломъ столѣтіи, въ особенности послѣ отечественной войны, наше національное самосознаніе пробудилось въ довольно значительной степени и произвело переворотъ въ нашихъ отношеніяхъ къ западу. Наша литература и музыка (Пушкинъ и Глинка) устремились на путь самостоятельнаго развитія. Это же теченіе проникло и въ нашу духовную (церковную) музыку и началось постепенное, но систематическое очищеніе нашего обихода отъ иностранныхъ наслоеній и привнесеніе народной струи въ духъ и характеръ церковной музыки. Эта плодотворная работа привела къ весьма благоприятнымъ результатамъ. Послѣдняя четверть истекшаго XIX столѣтія выдвинула на сцену такихъ видныхъ дѣятелей въ области самостоятельнаго развитія церковной музыки, какъ Костальскій, Гречаниновъ и Панченко, съ именами которыхъ связываются новыя теченія въ нашемъ церковно-музыкальномъ искусствѣ. Этимъ то тремъ дѣятелямъ и удѣляется исключительное вниманіе свящ. М. Лисицынъ въ своей брошюрѣ „Церковь и Музыка“.

Содержаніе этой брошюры таково. Въ началѣ, авторъ предпосылаетъ, какъ бы въ видѣ предисловія, краткій очеркъ исторіи церковной музыки, въ ея постепенномъ развитіи, начиная съ древне-еврейской синагогальной или богослужебно-храмовой музыки и оканчивая нашей русской церковной музыкой. Потомъ онъ подробно характеризуетъ и анализируетъ музыку cadaго изъ названныхъ выше

композиторовъ. По словамъ о. Лисицына, Костальскій старается дать обработку нашему обиходу; при этомъ художникъ прибѣгаетъ къ творчеству въ стилѣ древности и духъ исторіи. Грачаниновъ больше пишетъ оригинальныя произведенія на церковные тексты,—творчество его въ духъ церковно-обиходныхъ и народныхъ мотивовъ. Панченко, какъ духовный композиторъ, слѣдуетъ тѣмъ же приемамъ, что и Грачаниновъ, но вкладываетъ въ свои произведенія много идейности; его музыка представляетъ много интереса по свѣжести музыкальных красокъ и по оригинальному толкованію, которое отчасти придаетъ своимъ произведеніямъ. Отмѣтивъ новую черту въ работахъ всѣхъ трехъ композиторовъ—народную струю, о. Лисицынъ привѣтствуетъ ихъ произведенія, желаетъ имъ широкаго распространенія и высказываетъ благопожеланія, чтобы они собрали воедино всѣхъ разбѣянныхъ и оторванныхъ отъ Церкви: г. западниковъ и народниковъ (25 стр.), а мы съ своей стороны добавимъ: и раскольниковъ и сектантовъ.

Брошюра о. Лисицына, какъ имѣющая практическій интересъ и касающаяся церковно-музыкальной области, можетъ быть рекомендована всякому любителю и знатоку церковной музыки.

П. Козичкій.

А. А. Глаголевъ, доцентъ Кіевской Духовной Академіи.

Древнееврейская благотворительность (Академическая рѣчь). Кіевъ. 1903 г. (оттискъ изъ ж. Труды Кіевск. дух. Акад.). 83 стр. Цѣна 35 коп. съ пересылкой.

Въ названной книжкѣ А. А. Глаголевъ со свойственною ему основательностью и документальностью и въ формѣ вполне доступной для всеобщаго пониманія изображаетъ предъ читателемъ древнееврейскую благотворительность въ ея основахъ и формахъ, въ ея проявленіяхъ и историческихъ судьбахъ.

Предъ нами развертываются страницы закона, писаннаго Боговдохновеннымъ Законодателемъ, гдѣ высшимъ руководящимъ принципомъ жизни указывается любовь къ ближнему, какъ образу Божію, какъ члену великой общечеловѣческой семьи дѣтей Божіихъ, изъ которыхъ Израиль есть лишь первенецъ Божій. Любовь къ ближнему является въ законѣ еврейскомъ не только въ видѣ правоученія или религіозно-философской истины, но и практическимъ, жизненнымъ принципомъ,—въ конкретномъ приложеніи. И это приложеніе къ жизни законныхъ предписаній любви иллюстрируетъ сама Библія въ своихъ историческихъ книгахъ. Проявленія благотворительности на протяженіи исторіи Израиля „были разнообразны и неодинаковы по объему и качеству, ея формы видоизмѣнялись то въ положительномъ, то въ отрицательномъ отношеніи къ ея идеальной сущности: ея историческія судьбы были превратны и часто крайне неблагоприятны для нормальнаго раскрытія и плодотворнаго практическаго

осуществленія ея началъ и основъ. Но сами эти основы—братская любовь къ ближнимъ, милосердіе и состраданіе къ бѣдствующимъ изъ нихъ оставались неизмѣнными и неизблемыми. Явившись фактомъ безпримѣрнымъ и исключительнымъ по своей идеальной высотѣ въ исторіи древности, библейская благотворительность сдѣлалась историческою основою благотворительности современной, найдя свое наивысшее развитіе въ христіанствѣ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе разсматриваемой книжки. Но ознакомленіемъ съ библейской и побиблейской благотворительностью у евреевъ не исчерпывается весь интересъ ея. Изображая намъ разные виды и формы осуществленія законныхъ предписаній о дѣлахъ милосердія, она даетъ ключъ къ пониманію и многихъ новозавѣтныхъ мѣстъ Писанія, такъ или иначе касающихся благотворительности. Въ послѣднемъ отношеніи книжка А. А. Глаголева является такимъ образомъ и пособіемъ при изученіи новозавѣтной исторіи. Во всякомъ случаѣ нельзя не пожелать успѣха этой интересной книжкѣ. Не потеряетъ бесполезно времени тотъ, кто ее прочитаетъ.

Свящ. А. Виноградовъ.

Странная рецензія на сочиненіе: „О сущности религіозно-нравственнаго ученія Л. Н. Толстого“ *).

Въ 12 книжкѣ Богословскаго Вѣстника за минувшій годъ былъ напечатанъ отвѣтъ г. Струженцова о. іеромонаху Михаилу (Семенову), законченный выраженіемъ «искренняго пожеланія», чтобы этотъ молодой инокъ, съ одной стороны, впредь относился «нѣсколько поосторожнѣе къ чужой репутаціи и воздержался отъ ничѣмъ невызываемыхъ и совершенно неосновательныхъ нападеній», и, съ другой, чтобы «нѣсколько болѣе наблюдалъ чувство мѣры въ мысли и въ словѣ» (стр. 647). Къ сожалѣнію, о. Михаилъ не внялъ этому, вызванному имъ самимъ, благожелательному совѣту и дозволилъ себѣ совершить вполнѣ-же неосновательное и съ моей стороны тоже ничѣмъ не вызывавшееся «нападеніе» на мое сочиненіе: „О сущности религіозно-нравственнаго ученія Л. Н. Толстого“. Рецензія о. Михаила на мою книгу, напечатанная во 2 книжкѣ Миссіонерскаго Обозрѣнія за текущій годъ, по истинѣ странная. Она изумила далеко не меня одного не столько обнаружившимся въ ней неразуміемъ дѣла, сколько преднамѣреннымъ извращеніемъ его, яснымъ

*) Вѣрная принципъ—*audiat et altera pars*, редакція сочла своимъ нравственнымъ долгомъ, хотя и не безъ скорби, дать мѣсто на стран. «Мис. Обозр.» настоящей антикритикѣ почтеннаго проф. Гусева.

Ред.

для тѣхъ, кто внимательно прочиталъ рецензію и сопоставлялъ возведенныя ею на мою книгу обвиненія съ подлиннымъ содержаніемъ послѣдней.

Для меня не представляетъ важнаго значенія вопросъ о томъ, что именно побудило бывшаго питомца Казанской академіи несправедливо поступить съ сочиненіемъ одного изъ ея профессоровъ. Поэтому, не рѣшусь входить въ обсужденіе того, не всего-ли болѣе правы тѣ, которые объясняютъ недоброкачественный поступокъ молодого няюка его стремленіемъ въ то бы то ни стало прослыть во мнѣніи извѣстной части публики оригинальнымъ мыслителемъ-богословомъ, весьма ученымъ мужемъ и выдающимся критикомъ. Могу утверждать только, что о. Михайлъ въ данномъ случаѣ не могъ руководиться и, конечно, не руководился заслуживающими одобренія мотивами. Его рецензія глубоко прискорбна для меня, само собою разумѣется, вовсе не потому, что онъ публично набрасываетъ весьма невыгодную тѣнь на мою богословско-философскую репутацію. Дерзая откровенно заявить, что я не придавалъ и не придаю особаго значенія мнѣнію о мнѣ подобныхъ о. Михайлу лицъ, компетентность которыхъ весьма проблематична. Меня въ высшей степени огорчила и огорчаетъ мысль собственно о томъ, что такія рецензіи, какова рецензія о. Михаила, способны очень вредить тому святому дѣлу, которому я хотѣлъ-бы послужить упомянутымъ моимъ сочиненіемъ. Извѣстно, что весьма многіе изъ читающей публики довѣрчиво относятся къ печатнымъ отзывамъ. Рецензія же о. Михаила напечатана въ такомъ журналѣ, который, сколько знаю, читается и разными сектантами. Благодаря только ей, даже и не сектанты легко могутъ чуждаться моего сочиненія. Между тѣмъ, оно—плодъ усердной, продолжительной, не легкой и обдуманной работы ¹⁾, предпринятой и выполненной съ единственной цѣлію болѣе систематическаго и основательнаго противодѣйствія зловредной толстовской доктринѣ. Мнѣ могутъ сказать, что о. Михайлъ во многихъ отношеніяхъ одобряетъ мою книгу и рекомендуетъ ее читателямъ. Это—правда. Но, во-первыхъ, нельзя же было даже и о. Михайлу объявить мою книгу лишенной всякихъ достоинствъ. Во-вторыхъ, его похвалы иногда таковы, что не лучше много порицанія. Въ-третьихъ,

¹⁾ Самъ іеромон. Михайлъ свидѣтельствуетъ, что для второго изданія мое сочиненіе «въ значительной мѣрѣ написано вновь» (стр. 232 во 2 кн. „Мисс. О б о з р.“ за 1903 г.). Съ своей стороны замѣчу, что и прежнее въ немъ значительно переработано или дополнено. Поэтому-то въ первомъ изданіи—619 страницъ убористой печати, тогда какъ въ прежнемъ было лишь 427 страницъ съ меньшимъ количествомъ и строкъ на нихъ.

онъ возводитъ на мое сочиненіе много такихъ обвиненій, которыя способны заставить читателей подозрительно отнестись и къ одобреніямъ.

Въ высшей степени дорожа надлежащимъ научно-литературнымъ отношеніемъ пагубно вліяющей толстовщинѣ, но въ то же время усматривая въ рецензіи о. Миханла поставленіе нѣкоей препоны къ этому, я находилъ и нахожу прямымъ своимъ долгомъ не только отмѣтить печатно эту рецензію, какъ весьма печальное явленіе, унижающее нашу духовную печать, долженствующую быть проводникомъ только истины и правды всегда и во всемъ¹⁾, но и разоблачить въ этой рецензіи все, что есть въ ней живаго или несправедливаго. Начну съ такихъ частныхъ ея, въ которыхъ наиболѣе рѣзко и ясно выразился предосудительный ея характеръ.

Рецензентъ увѣряетъ, будто я «иногда употребляю такіа неосторожныя выраженія, которыя могутъ вызвать пристрастнаго человѣка къ нежелательнымъ сближеніямъ толстовства съ христіанствомъ, невыгоднымъ для послѣдняго» (стр. 233 въ „Мисс. Обзор.“). Обвиненіе весьма тяжкое, а между тѣмъ выходитъ отъ человѣка, который очень прозрачно намекаетъ на свое якобы безпристрастное отношеніе къ дѣлу. Естественно ожидать, что рецензентъ въ доказательство своихъ словъ приведетъ хоть одно изъ моихъ, будто-бы, неосторожныхъ выраженій. Но, за полнѣйшимъ отсутствіемъ таковыхъ, онъ прибѣгаетъ къ такому, нравственно и юридически возбращаемому, приему. На 239 страницѣ моей книги говорится, между прочимъ, слѣдующее: «любовь, будучи послѣдовательно осуществляема, въ концѣ всего переходитъ въ полный индифферентизмъ къ добру и злу и способна даже губить людей, предоставляя имъ безнаказанно дѣлать все, что угодно». Вмѣсто того, чтобы полностью привести эти слова или по меньшей мѣрѣ воспроизвести тѣ изъ нихъ, которыя указываютъ, о какомъ собственно индифферентизмѣ идетъ рѣчь, рецензентъ для своихъ цѣлей нашелъ нужнымъ привести изъ моей книги лишь слѣдующее: «любовь, послѣдовательно осуществляемая, ведетъ къ индифферентизму», а затѣмъ, поставивъ рядъ точекъ, раздражается слѣдующимъ замѣчаніемъ: «мысль, вызывающая большія недоумѣнія» (стр. 233 въ «Мисс. Обзор.»). Замѣчаніе, конечно, справедливое, но оно относится не къ моей мысли, а къ тому преднамѣренному искаженію ея, которое совершалъ не какой-либо присяжный борзописецъ, для коего

¹⁾ Припоминаю упреки почтеннаго С. А. Рачинскаго по адресу представителей духовной среды за склонность многихъ изъ нихъ къ лживости. Въ особенности духовная печать и ея читатели обязаны не голословными фразами, а самымъ дѣломъ показывать, что такого рода упреки напрасны, незаслуженны...

нѣтъ ничего святого, а іеромонахъ, при томъ мнящій себя ученымъ. Печальное знаменіе нашего времени! Что моя подлинная мысль совершенно правильна, этого оспорить нельзя честнымъ образомъ. Каждый знаетъ, къ какимъ иногда ужаснымъ послѣдствіямъ ведетъ, напримѣръ, любовь родителей къ дѣтямъ, коль скоро первые руководятся лишь этимъ чувствомъ, не осмысливая его требованіями правды и добра и не подчиняясь имъ въ своихъ отношеніяхъ къ дѣтямъ. Не даромъ-же часто приходится слышать, что такой-то испорченный и готовый на всякія гадости молодой человѣкъ есть жертва «папашинной» или «мамашинной» любви... Сознавая, что зашелъ слишкомъ далеко въ своихъ высказаніяхъ противъ моего сочиненія, рецензентъ говоритъ касательно навязанной имъ мнѣ пренепріимой мысли и слѣдующее: «можетъ быть, это только неудачная форма выраженія допустимой мысли; даже именно такъ, но все-таки» (ibid. въ «Мисс. Обзоръ»). А кто-же, какъ не самъ рецензентъ, постарался придать моей мысли извращенную форму?!

Обращаясь къ 387 и слѣд. страницамъ моего сочиненія, трактующимъ о государствѣ, рецензентъ прежде всего дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе. «Эти страницы въ книгѣ проф. Гусева, на нашъ взглядъ, представляютъ, говорить онъ, положительный ¹⁾ и крупный недочетъ. Его разсужденія даютъ превратное представленіе о государствѣ, характеризуя его какъ учрежденіе съ отрицательными цѣлями предупрежденія и пресѣченія,—и только. Авторъ не отрицаетъ положительно—этического, хотя и относительно несовершеннаго, характера учрежденія. Не только съ христіанской, но даже и съ юридической точки зрѣнія цѣли государства понимаются шире и чище, чѣмъ у уважаемаго ²⁾ профессора» (стр. 234 въ «М. О б.»). Все, сказанное и здѣсь рецензентомъ, есть преднамѣренная и великая неправда. Начиная съ 402-й страницы своего сочиненія, я самъ оспариваю то мнѣніе, по которому государство преслѣдуетъ, будто бы, только отрицательныя цѣли, и затѣмъ обстоятельно раскрываю на нѣсколькихъ страницахъ (403—407) положительныя, обязательныя для христіанскаго государства, задачи. Изъ сказаннаго мною приведу хотя нѣсколько словъ. «Власти государственныя и ихъ подданные обязаны, говорится у меня, всевозможно стараться о томъ, чтобы сознательно и систематически сообщать государственной-соціальной жизни болѣе и болѣе христіанскій характеръ. А для этого прежде всего нужно ставить не низ-

¹⁾ Курсивы принадлежатъ мнѣ.

²⁾ Хорошо уваженіе! Да и способны-ли авторы подобныхъ настоящей рецензіи дѣйствительно уважать что-либо достойное уваженія? Отъ нихъ можно ожидать лишь самообожанія...

женную, но возвышенную цѣль, къ которой должна направляться эта жизнь. Мы считаемъ безусловно-вѣрною мысль К. Франца, что вопросъ о цѣляхъ государства находится въ связи съ вопросомъ о назначеніи чело-вѣка и что нужно разсматривать государство какъ орудіе Божественнаго промысла, предустановившее государству служить людямъ чрезъ доступные ему пути и средства къ достиженію ихъ предназначенія» (стр. 403). Изъ этого сами читатели видятъ, что тотъ «положительный и крупный недочетъ», на который указываетъ мой рецензентъ, есть плодъ его вымысла, а въ дѣйствительности не существуетъ. Рецензентъ одинаково представляется преднамѣренно оклеветавшимъ мое сочиненіе, читалъ-ли онъ его все, начиная съ первой и оканчивая послѣдней строками, или же только мѣстами. Въ самомъ дѣлѣ, если о. Михаилъ прочиталъ не всю мою книгу, то, при нежеланіи очернить ее во мнѣніи читателей, развѣ могъ-бы онъ обвинить ее въ томъ, въ чемъ обвиняетъ въ своей рецензій? Непрочитавшій внимательно всей книги, но добросовѣстно относящійся къ ней, не отважится печатно высказывать о ней и своего сужденія.

Второе замѣчаніе рецензента, относящееся къ трактату-же моему о государствѣ, состоитъ въ слѣдующемъ: я, будто бы, слишкомъ слабо отграничилъ временное съ церковной точки зрѣнія отъ абсолютнаго и допустимое только съ относительной правовой точки зрѣнія отъ того, что безусловно позволено Евангеліемъ» (стр. 234 въ «Мисс. Обзор.»). Этого своего замѣчанія рецензентъ ничѣмъ не подтвердилъ, а высказалъ его совершенно голословно и даже не совсѣмъ ясно. Впрочемъ, быть можетъ, онъ усматриваетъ подтвержденіе своего замѣчанія въ своей ссылкѣ на 413-ю страницу моей книги, «которая, по его словамъ, оставляетъ впечатлѣніе, будто христіанство принимаетъ и оправдываетъ смертную казнь» (стр. 234 въ «Мисс. Обзор.»). Если мое предположеніе вѣрно, то я въ этомъ случаѣ рецензентъ оказывается говорящимъ не о моей книгѣ, а о чемъ-то другомъ. На 413-й стран. моего сочиненія нѣтъ и малѣйшаго намека на то, что христіанство принимаетъ и оправдываетъ смертную казнь. На упомянутой сейчасть страницѣ говорится о совершенно иномъ предметѣ. Имѣя въ виду мысль гр. Толстого, будто-бы теперь никѣмъ не признается польза карательныхъ государственныхъ мѣръ и якобы всѣми отвергается потребность въ смертной казни для тяжкихъ преступниковъ, и я на 413-й страницѣ своей книги доказываю ложность этой и только этой мысли Л. Толстого. Тутъ я главнымъ образомъ привожу какъ мнѣнія американскихъ и англійскихъ газетъ, такъ и мнѣнія нѣкоторыхъ американцевъ и англичанъ о томъ, какому-бы наказанію было-бы наилучше подвергнуть убійцу Макъ-Кинлея. Такимъ образомъ, рецензентъ и въ данномъ случаѣ-ежт

свидѣтельствуешь. Между тѣмъ, онъ не ограничился этимъ, а даже полемизируетъ съ продуктомъ своей собственной фантазіи. Замѣчательна и полемика его. Въ опроверженіе мысли о дозволительности смертной казни съ христіанской точки зрѣнія рецензентъ указываетъ на то, что «даже при Петрѣ Великомъ смертные приговоры не могли безусловно подписывать, и по гражданскому праву, духовные члены судебныхъ комиссій» (стр. 234 въ «М и с с. О б о з р.»). Изумительный аргументъ! Да развѣ Петръ Великій былъ полнымъ и точнымъ во всемъ выразителемъ ученія Божественнаго откровенія или церковнаго преданія? Развѣ законодательство его есть Библія или равносильно постановленію какого-либо вселенскаго собора? Чтобы доказать рѣшительную недозволительность смертной казни съ христіанской точки зрѣнія, рецензентъ обязанъ былъ привести ясныя свидѣтельства изъ Слова Божія или изъ церковнаго преданія, говоряція противъ смертной казни, во всѣхъ случаяхъ государственной-общественной жизни.

По поводу моего трактата о клятвѣ и присягѣ рецензентъ упрекаетъ меня за то, будто передаю не совсѣмъ правильно ученіе Церкви объ этомъ предметѣ. Вотъ буквально слова рецензента, заключающія этотъ упрекъ: «собственно говоря, самое ученіе Церкви не совсѣмъ то, какое предлагаетъ профессоръ. Онъ хочетъ доказать больше, чѣмъ нужно. Церковь допускаетъ и благословляетъ присягу, какъ средство къ охранѣ закона справедливости—правового порядка, благословляетъ ее не какъ что-то безусловно-дозволительное въ Церкви, а какъ нѣчто нужное въ порядкѣ земной государственной жизни, для цѣлей человѣческаго усовершенствованія, но только на низшихъ ступеняхъ этого усовершенствованія, пока Церковь не стала «все во всѣхъ» (стр. 235 и 236 въ «М и с с. О б о з р.»). Если изъ приведенныхъ словъ рецензента отбросить нѣкоторые крайне неудачныя выраженія, то окажется, что онъ передаетъ здѣсь, подъ именемъ истинно-церковнаго взгляда на присягу, то самое воззрѣніе на нее, которое обстоятельно раскрывается въ моей книгѣ (см. стр. 492, 504—505, 507—508, 513 и друг.), но которое о. Михаилъ ради своихъ эгоистическихъ цѣлей скрылъ отъ читателей и назвалъ не совсѣмъ точно выражающимъ церковное ученіе. Вотъ до какого рѣшительнаго поправія даже самыхъ элементарныхъ требованій литературной этики доходить мой рецензентъ! Читая подобныя рецензіи и сопоставляя ихъ съ подлиннымъ содержаніемъ разбираемыхъ сочиненій, какое впечатлѣніе вынесетъ изъ этого, напримѣръ, сектантъ? Его ненависть къ православному духовенству и даже вообще къ Православной Церкви лишь усилится въ виду лжи и лжи даже и въ духовной печати. Но и независимо отъ лжи разсматриваемыя слова рецензента заключаютъ въ себѣ не мало близкаго. Такъ, напримѣръ, онъ договорился до признанія и неземной

государственной жизни! Это заключеніе само собою слѣдуетъ изъ постановки у рецензента слова: «земной» прямо предъ словомъ «государственной», каковая постановка рѣшительно недопустима, если бы даже было отдѣлено запятою одно изъ нихъ отъ другого, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Или возьмите хотя бы фразу рецензента: «пока Церковь не стала «все во всѣхъ». Развѣ можетъ Церковь быть «все во всѣхъ»? Кто-же это всѣ, въ которыхъ она будетъ? Рецензентъ видимо не соображаетъ даже того, что его слова о Церкви разрушаютъ самое понятіе о ней. Да и кто далъ рецензенту право извращать смыслъ словъ самого Апостола? Послѣдній говорить вѣдь не о Церкви, а о Богѣ, что Онъ нѣкогда будетъ все во всемъ (1 Коринѣ. 15, 28). Я, конечно, не остановился-бы на фразеологіи о. Михаила, если бы онъ не вздумалъ поучать другихъ, даже гораздо болѣе его учившихся и размышлявшихъ. Человѣку, способному къ такимъ грубымъ ошибкамъ, роль учителя «не къ лицу», какъ говорится. Но пора обратиться къ другимъ подробностямъ разсматриваемой книжки рецензін.

Наиболѣе замѣчаній сдѣлано въ ней касательно первой главы моего сочиненія. По словамъ рецензента эта глава вызываетъ «сильныя недоумѣнія въ одномъ пунктѣ» (стр. 232 въ «Мисс. Об.»). Но тѣмъ же вызываются эти недоумѣнія? Я, извольте видѣть, трактую гр. Толстого пантеистомъ, отвергающимъ личность въ Богѣ, и согласно съ этимъ направляю противъ него свою полемику. Между тѣмъ, не знаю-де «книжка» Л. Толстого: «Мысли о Богѣ», о которой говорилъ рецензентъ въ сент. книжкѣ «Мисс. Обзор.» за прошлый годъ и въ которой проглядываютъ будто-бы чисто-теистическія тенденціи гр. Толстого ¹⁾, а это дѣлаетъ-де излишними многія мои замѣчанія (стр. 232 «М. Об.»).

Я дѣйствительно не знаю книжки гр. Толстого: «Мысли о Богѣ», но не знаю потому только, что ея вовсе не существуетъ. Есть не книга, а маленькая, 30-ти копѣечная, брошюра Л. Толстого, подъ упомянутымъ заглавіемъ, но эта послѣдняя хорошо извѣстна мнѣ. Я знакомился съ ея содержаніемъ и по нѣмецкому періодическому изданію: Die Zeit за 1901 годъ, гдѣ она въ видѣ статейки была напечатана въ переводѣ на нѣмецкій языкъ. На какомъ-же основаніи молодой, но очень развязный ленокъ коритъ меня тѣмъ, будто я, — «специалистъ по вопросамъ толстовства» — не знаю упомянутой брошюрки? Вѣдь это никакъ не слѣдуетъ изъ того, что я не цитовалъ ея въ своемъ сочиненіи. Въ послѣднемъ не цитовалъ и не мало и другихъ сочиненій гр. Толстого, хотя они очень хорошо и

¹⁾ Стр. 359 въ сент. кн. «Мисс. Обзор.» за 1902 г.

давно извѣстны мнѣ. Характеризуя и разбирая взглядъ Л. Толстого на Божество, я долженъ былъ основываться на такихъ его произведеніяхъ, которыми самъ онъ придаетъ наиболѣе важное значеніе или которыя появились въ самое послѣднее время. Таковы въ особенности сочиненія гр. Толстого: „Критика догматическаго богословія“ и „Отвѣтъ Синоду“. Въ первомъ изъ нихъ сравнительно обстоятельно высказываетъ онъ свое понятіе о божествѣ. Этимъ своимъ сочиненіемъ гордится онъ, какъ это видно изъ многихъ другихъ его произведеній. А что касается толстовскаго отвѣта Синоду то, по словамъ самого іером. Михаила, это сочиненіе явилось въ свѣтъ позже брошюрки: „Мысли о Богѣ“¹⁾. Значить, не эта брошюрка, а Отвѣтъ Синоду заключаетъ въ себѣ сравнительно самое послѣднее слово Л. Толстого о Богѣ, съ каковымъ словомъ я былъ обязанъ предпочтительно считаться.

Но есть-ли теистическая тенденція въ Отвѣтъ Синоду гр. Толстого? Увѣряя, что онъ признаетъ только Бога дѣйствительно существующимъ²⁾, Л. Толстой этимъ самымъ заявилъ себя пантеистомъ-акосмистомъ, т. е. самымъ крайнимъ пантеистомъ, для коего рѣшительно невозможно сближеніе съ теизмомъ, признающимъ Бога живымъ личнымъ существомъ. Говоря иначе, этотъ злополучный писатель остался вѣрнымъ той пантеистической точкѣ зрѣнія на Божество, на какую онъ всталъ рѣшительно съ самаго начала своей богословско-философской дѣятельности, значить, безусловно правъ я, какъ правымъ былъ и Св. Синодъ, говоря въ извѣстномъ своемъ посланіи объ отпаденіи гр. Толстого отъ Церкви, что этотъ лжеучитель отвергаетъ живого личнаго Бога. Вполнѣ неправымъ-же остается лишь инокъ Михаилъ, дерзнувшій косвенно попрекать и Св. Синодъ³⁾ за его якобы неправильное, выраженное въ Посланіи, представленіе касательно толстовскаго взгляда на Божество. Ссылки моего рецензента на Толстовскую брошюрку: «Мысли о Богѣ» нисколько его не оправдываютъ даже и независимо отъ выше сказаннаго мною. Во первыхъ, самъ же рецензентъ свидѣтельствуетъ, что гр. Толстой и въ этой брошюркѣ «не можетъ отрѣшиться отъ привычки думать и особенно говорить въ пантеистическомъ стилѣ» (стр. 353 въ сент. кн. «Мисс. Обзоръ» за 1902 г.). Во-вторыхъ, ре-

¹⁾ Стр. 353 въ сент. кн. „Мисс. Обзоръ“ 1902 г. Мое-же сочиненіе вышло въ свѣтъ позже Отвѣта Синоду гр. Толстого.

²⁾ Стр. 810 въ 6 кн. «Мисс. Обзоръ» за 1901 г.

Недаромъ-же о. Михаилъ указываетъ на то, что „книга“ Л. Толстого: Мысли о Богѣ появилась ранѣе его-же Отвѣта Синоду

цензентъ просто не понялъ основной мысли брошюры, увлекшись отдельными ея фразами. Въ-третьихъ, онъ, вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ богословско-философскими произведеніями Л. Толстого, вѣроятно, не вѣдаегъ того, что этотъ писатель не только неумышленно допускаегъ часто самопротиворѣчивыя сужденія или фразы, но и преднамѣренно говорить иногда не тѣмъ языкомъ, какимъ при его міровоззрѣніи, слѣдовало бы всегда говорить. Это дѣлаегъ гр. Толстой въ видахъ приспособленія къ извѣстнаго рода читателямъ и ради наиболѣе успѣшной пропаганды своего лжеученія ..

Итакъ, неоспоримо, что Л. Толстой — рѣшительный пантеистъ ¹⁾ и и что безусловно умѣстны всѣ, сдѣланныя въ моей книгѣ, замѣчанія противъ его понятія о Божествѣ. А такъ какъ даже самъ іером. Михаилъ нашелъ, что я «очень убѣдительно» опровергаю «агностическій пантеизмъ» гр. Толстого, то могу лишь благодарить Господа, помогшаго мнѣ поразить лжеученіе этого писателя въ самомъ корнѣ.

Относительно первой главы моей книги рецензентъ сдѣлалъ еще замѣчаніе, гласящее: первая глава даегъ очень-де много больше, чѣмъ можно-бы ожидать отъ книги съ спеціальной задачею полемики противъ Толстого; она представляегъ-де собственно цѣлый курсъ апологетики, въ которомъ авторъ разбираегъ вопросъ объ откровеніи, о тринности лицъ въ Богѣ, о Божествѣ Христа, о грѣхѣ и искупленіи, о необходимости Церкви, о таинствахъ (стр. 232 въ «Мисс. Обзоръ»). Но нѣсколькими строками ниже рецензентъ упрекаегъ меня уже за то, что, за исключеніемъ таинства евхаристіи, говорю о другихъ таинствахъ слишкомъ сжато (стр. 233 въ «Мисс. Обзоръ»). Такимъ образомъ, одинъ и тотъ-же критикъ высказываетъ противорѣчащія другъ другу мнѣнія касательно того, въ какомъ объемѣ долженъ былъ я говорить въ первой главѣ своей книги о подлежащихъ ея обсужденію предметахъ. Это само собою свидѣтельствуегъ, что рецензентъ не имѣегъ яснаго и основательнаго представленія касательно того, о какихъ собственно предметахъ должна быть рѣчь въ первой главѣ моего сочиненія и какимъ именно предметамъ надлежало мнѣ посвятить болѣе подробное слово. Я-же имѣлъ и имѣю, кажется, весьма отчетливое и надлежаще мотивированное понятіе о всемъ этомъ, а потому не нахожу ни лишняго, ни недостаточнаго въ первой главѣ своего труда. Отъ такого своего взгляда на нее откажусь лишь тогда, когда не голословно, а фунда-

¹⁾ Объ этомъ свидѣтельствуегъ и статья о. Смирягина: Въ Ясной Полянѣ, напечатанная въ 1 кн. «Мисс. Обзорѣнія» за текущій годъ (см. стр. 89).

ментально опровергнуть его. Но не думаю пока, чтобы это могъ сдѣлать какой либо критикъ. Во-первыхъ, для этого онъ долженъ доказать не только то, что гр. Толстой не касается вопросовъ объ откровеніи, о Троицѣ, о Божествѣ Христа, о грѣхѣ и искупленіи, о таинствахъ и проч., но и то, что я не былъ обязанъ, кромѣ достаточнаго обличенія ложныхъ мыслей Л. Толстого, по возможности и положительнымъ путемъ раскрывать отвергаемыя имъ истины христіанства. Но вѣдь было бы странно и пытаться доказывать эти нелѣпости. А коль скоро это такъ, то становится понятнымъ для всякаго разсудительнаго человѣка, почему первая глава моего сочиненія должна была получить обширный размѣръ и выйти какъ-бы цѣлымъ курсомъ апологетики. Во-вторыхъ, новымъ міровоззрѣніемъ гр. Толстого и его богословско-философскими сочиненіями, выражающими это міровоззрѣніе, а не мои только личными взглядами, должны были опредѣляться самые размѣры моей рѣчи и о томъ или иномъ частномъ предметѣ. Л. Толстой гораздо настойчивѣе и обстоятельнѣе высказывался, на примѣръ, о таинствѣ евхаристіи, чѣмъ о прочихъ таинствахъ. Вотъ почему и я посвятилъ этому таинству болѣе пространную рѣчь, руководясь при этомъ и взглядомъ Православной Церкви на это таинство, какъ на важнѣйшее изъ таинствъ.

Вслѣдъ за рассмотрѣннымъ мною замѣчаніемъ инокъ Михаилъ упрекаетъ первую главу моей книги въ томъ, что она «не отличается особенной новизной и яркостью мысли» (стр. 232 въ «М. Об.»). Какой особенной новизны и яркости мысли хотѣлъ-бы отъ меня рецензентъ, этого онъ не сказалъ, оставивъ это „въ секретѣ“ и отъ своихъ читателей. Не имѣлъ-ли онъ въ виду принципиальной новизны? Но вѣдь она невозможна въ той области, въ которой вращалась моя мысль. Извѣстно, что даже въ философской области ничего особенно новаго не можетъ явиться: основные типы философскихъ міровоззрѣній лишь варьируются, такъ что новизна послѣднихъ можетъ состоять только въ своеобразномъ раскрытіи и обоснованіи основныхъ ихъ принциповъ. Въ христіанствѣ-же догматическіе и моральные принципы, какъ Богооткровенные, тѣмъ болѣе вѣчны, неизмѣнны. А такъ какъ я обязанъ былъ противопоставить Толстовскому лжеученію именно эти принципы въ ихъ подлинномъ видѣ, то было-бы странно и ожидать отъ моего сочиненія принципиальной «новизны и яркости» въ мысляхъ. Скажутъ, пожалуй, что моя оригинальность могла состоять въ своеобразномъ богословско-философскомъ раскрытіи и «обоснованіи» православныхъ догматическихъ и этическихъ истинъ¹⁾. Но вѣдь мое сочиненіе полемико-аполо-

¹⁾ А развѣ совсѣмъ нѣтъ этого своеобразія у меня? Самъ рецензентъ не отвергаетъ новизны въ изложеніи дѣла въ моей книгѣ...

гетическое, а не система догматического или нравственного богословія. Отсюда само собою ясно, что къ моему труду нельзя во всей широтѣ прилагать тѣхъ требованій, какія умѣстны по отношенію къ этимъ системамъ или къ спеціальнымъ монографіямъ по догматическому и нравственному богословію. Въ дѣлѣ богословско-философскаго раскрытія и «обоснованія» христіанскихъ истинъ я былъ связанъ особыми требованіями, вытекавшими изъ предмета и цѣли моей книги. Если смотрѣть на послѣднюю съ этой единственно умѣстной и правильной точки зрѣнія, то, полагаю, добросовѣстный человѣкъ найдетъ въ ней и нѣчто «особенно новое» или «яркое», выражаясь языкомъ рецензента.

Но послѣдній, вѣроятно, ожидалъ и отъ меня «прокладыванія новыхъ путей въ богословствованіи», какъ объ этомъ можно догадываться на основаніи его статьи въ 3 книжкѣ «М и с с. Обзоръ» за текущій годъ, гдѣ онъ даже упоминаетъ нѣкоторыхъ представителей этого новаго богословствованія (стр. 406). Но, во-первыхъ, нѣкоторые изъ нихъ могутъ быть названы богословами лишь по недоразумѣнію. Таковъ, напр., Вл. Соловьевъ который былъ собственно философомъ и потому даже чисто-богословскіе вопросы, коихъ приходилось ему касаться, разсматривалъ главнымъ образомъ съ точки зрѣнія предвзятыхъ своихъ философскихъ идей. Могли же онъ прокладывать новые пути въ богословствованіи, при томъ такіе пути, которые были бы въ то же время «путями староцерковной греческо-отеческой традиціи»? Таковымъ прокладывателемъ «новыхъ путей въ богословствованіи», тождественныхъ съ «путями староцерковной греческо-отеческой традиціи», затрудняюсь признать не только упоминаемаго рецензентомъ г. Несмѣлова, но даже и Бухарева. Уподобляться въ дѣлѣ богословствованія въ особенности первому изъ этой двоицы не хотѣлъ-бы я во многихъ случаяхъ ¹⁾. По нѣкоторымъ вопросамъ не желаю слѣдовать въ дѣлѣ богословствованія примѣру и того «прокладывателя новыхъ въ немъ путей», который ставится у рецензента во главѣ указываемой имъ шестерицы. Остаются, значить, двое изъ ней. Но одинъ изъ нихъ такъ еще мало сдѣлалъ въ области богословствованія, что можно называть его «прокладывателемъ новыхъ въ немъ путей» развѣ только по какимъ нибудь спеціальнымъ соображеніямъ... Остается А. Ст. Хомяковъ, къ почитателямъ котораго принадлежалъ я и принадлежу. Но вѣдь еще вопросъ: можно ли и въ какомъ именно смыслѣ можно приписывать его къ прокладывателямъ новыхъ путей въ богословствованіи? На

¹⁾ Это нисколько не мѣшаетъ мнѣ признавать не мало прекраснаго и во 2 томѣ его сочиненія: „Наука о человѣкѣ.“

этотъ вопросъ, быть можетъ, удастся мнѣ современемъ отвѣтить въ особой статьѣ. Во-вторыхъ, по моему убѣжденію, не только рискованно, но и напрасно задаваться задачей прокладывать новые пути въ богословствованіи. Православный богословъ долженъ задаваться одной задачей—всесторонне и глубоко изучить свящ. Писаніе и святоотеческія творенія, изощрить свой умъ философскою эрудиціею, обогатить его основательными познаніями изъ области богословскихъ и иныхъ важнѣйшихъ наукъ и оставаться всегда вѣрнымъ общеобязательнымъ вѣроопредѣленіямъ и вѣроизложеніямъ православной Церкви. Коль скоро такой богословъ и отъ природы необычайно даровитъ, то онъ невольно содѣлается оригинальнымъ мыслителемъ-богословомъ и принесетъ великую пользу Церкви своими твореніями. Человѣкъ же, ставящій своей задачей прямо прокладываніе новыхъ въ богословствованіи путей, но недостаточно внимательный къ вышеуказанной единой его задачѣ и не богато одаренный духовными дарами, или попадетъ въ своемъ богословствованіи въ какую либо духовную кабалу, или же во многомъ станетъ такъ богословствовать, что придется страшиться за судьбы православно-богословской науки и православной Церкви, коль скоро подлежащая власть въ своей, обязательной особенно для ней, ревности по дѣлѣ Божию не обуздаетъ практикующихъ такое богословствованіе. Нѣкоторые изъ поминovanýchъ рецензентовъ «прокладывателей новыхъ въ богословствованіи путей» отчасти уже нуждаются въ этомъ особенно потому, что находятъ себѣ болѣе и болѣе подражателей въ толпѣ «маленькихъ богослововъ», жаждущихъ «оригинальничанья» добиться славы «крупныхъ» богослововъ-мыслителей и своей «болтовней» порождающихъ не мало смуты въ умахъ, внимающихъ имъ по недомыслию ¹⁾ ..

По отношенію къ первой главѣ моего сочиненія рецензентъ высказываетъ и слѣдующія свои *pro desideria*. «Хотѣлось-бы, говорить онъ, чтобы возраженія противъ Толстого направлялись не къ разсудку только, а еще больше къ нравственному сознанію человѣка. Это былъ-бы болѣе прямой путь борьбы съ толстовствомъ, сила котораго, конечно, не въ логикѣ и не въ экзегетикѣ, у Л. Н. всегда болѣе чѣмъ слабой, а въ кажущейся идеальности его этическихъ требованій. Догматика на этической основѣ, этическая система изложенія православнаго вѣроученія—вотъ что нужно особенно для борьбы съ ученіемъ Л. Н-ча. Съ этой стороны книга А. Ө-ча не всегда удовлетворяетъ. Этическое построеніе догмы

¹⁾ На это прискорбное обстоятельство стали указывать въ газетахъ и «свѣтскія» лица, искренно радующія о Церкви Божіей и ея чудахъ.

особенно важно въ ученіи о таинствахъ. Къ сожалѣнію, въ книгѣ А. Ө-ча изложеніе ученія о другихъ, кромѣ евхаристіи, таинствахъ не приравнено къ цѣлямъ книги. Въ ученіи, наприм., о крещеніи желательно было-бы больше вниманія къ вопросу о субъективномъ моментѣ въ таинствѣ и его отношеніи къ объективному. Мы, замѣчаетъ о себѣ рецензентъ, надѣемся позднѣе высказаться по этому вопросу подробнѣе» (стр. 232 и 233 въ „Мисс. Обзор.“).

Эти замѣчанія рецензента прежде всего вызываютъ слѣдующее важное недоумѣніе. Что собственно разумѣть онъ подъ словами: «догматика на этической основѣ», «этическая система изложенія православнаго вѣроученія»? Основаніемъ догматовъ служатъ Божественное откровеніе, выраженное въ свящ. Писаніи и исконномъ церковномъ Преданіи. Иной основы догматы не имѣютъ и имѣть не могутъ. Съ другой стороны, надлежащее понятіе о томъ, что въ нравственномъ отношеніи хорошо и что дурно, какими именно нравственнымъ требованіямъ должна удовлетворять наша жизнь, къ воплощенію въ послѣдней какого именно нравственнаго идеала долженъ стремиться человѣкъ, устанавливается догматическими истинами христіанства. Объ этомъ есть нѣсколько словъ на 110 и другихъ страницахъ моего сочиненія, подвергшагося «нападенію» со стороны о. Михаила, а обстоятельно говорится а) во второмъ изданіи моего сочиненія: „Религіозность какъ основа нравственности“ и б) въ 3 главѣ моей книги: „Графъ Л. Н. Толстой, его исповѣдь и мнимо-новая вѣра“¹⁾. Всѣмъ этимъ доказывалась мною «святость, нравственная цѣнность догмы, безусловная ея пріемлемость и даже необходимость ея для совѣсти и чувства» (употребляю выраженія рецензента). Вынуждаюсь сказать даже, что въ отечественной духовной литературѣ едвали кто другой больше моего сдѣлалъ по раскрытію этой стороны дѣла. Въ частности мною выяснялось значеніе для нашихъ нравственныхъ воззрѣній и для нашей нравственной жизни догматовъ о троичности лицъ въ Богѣ, о добрыхъ и злыхъ духахъ, о первородномъ грѣхѣ, о божествѣ І. Христа, объ искупленіи и проч. Но все это, конечно, далеко не то, что «догматика на этической основѣ», «этическая система изложенія православнаго вѣроученія». Эти выраженія рецензента въ высшей степени не обдуманны и ведутъ къ самымъ страннымъ заключеніямъ. Въ нихъ читатель въ правѣ усматривать даже чисто-кантовское воззрѣніе, при послѣдовательномъ проведеніи котораго все христіанское вѣроученіе, вся система православно-христіанскихъ догматовъ утрачиваетъ свое истинное

¹⁾ Эта книга давно вся распродана.

значеніе и свой подлинный смысл... Что моя книга избѣгла бытъ своего рода „догматикой на этической основѣ“ и съ этой стороны не удовлетворяетъ іером. Михаила, этому могу лишь радоваться и этииъ, если угодно, и въ правѣ гордиться только.

Что мое сочиненіе направляется не къ разсудку только и логикѣ, но и къ нравственному сознанію человѣка, это—безспорный фактъ. Нѣкоторые находятъ даже, что въ этомъ отношеніи я сдѣлалъ по нѣкоторымъ вопросамъ побольше моихъ предшественниковъ-апологетовъ христіанства. Изъ цѣлаго ряда фактовъ, подтверждающихъ это, я дѣлаю для примѣра ссылку только на слѣдующій. На 167—169 страницахъ моего сочиненія, которое поставленъ я въ непріятную необходимость защищать здѣсь, разъясняется особымъ образомъ безмѣрно-высокая этическая идея страданій и крестной смерти Богочеловѣка. Поставляя мнѣ на видъ, что сила Л. Толстого—въ кажущейся идеальности его этическихъ требованій, рецензентъ какъ будто позабылъ, во-первыхъ, то, что не во второй только, но и въ первой части своего сочиненія я спеціально и разносторонне выяснилъ и доказалъ неизменность этического ученія гр. Толстого, а, во-вторыхъ, то, что таковой характеръ этики этого писателя у меня поставленъ въ органическую зависимость отъ разрыва ея съ христіанскимъ вѣроученіемъ. Послѣ этого развѣ позволительно говорить, будто мое сочиненіе не всегда удовлетворяетъ требованію обращаться не къ разсудку только и логикѣ, но и къ нравственному сознанію человѣка?

Рецензентъ въ доказательство своего упрека сослался голословно лишь на то, будто въ изложеніи ученія о крещеніи обнаружено мною недостаточное вниманіе къ субъективной сторонѣ этого таинства и къ ея отношенію къ объективному „моменту“ (??) его. Въ виду совершенно бездоказательнаго упрека, предъявленнаго мнѣ рецензентомъ, считаю достаточнымъ для его отстраненія сослаться на 265—267 и 275—247 стран. моей книги. Іером. Михаилъ общаетъ подробнѣе коснуться въ особой статьѣ вопроса о субъективной сторонѣ крещенія и объ ея отношеніи къ объективной его сторонѣ. Само собою разумѣется, въ спеціальной статьѣ есть вся возможность обстоятельнѣе высказаться объ этомъ предметѣ, чѣмъ въ моемъ сочиненіи, захватывающемъ массу разнородныхъ вопросовъ. Въ виду даннаго рецензентомъ общанія считаю своей обязанностью высказать и мои *piâ desideria*. Желательно, чтобы будущая его статья не тигуловалась „психологіею таинства“ крещенія и была чужда странностей, коими изобилуютъ предшествующія его статьи этого рода. О психологій какого-бы то ни было таинства говорить нельзя, не впадая въ чудовищные абсурды.. Можно и должно говорить о субъективной сторонѣ въ совершаемыхъ таин

ствахъ, а это—далеко не одно и то же. Но и въ этомъ случаѣ требуется глубокое обдумываніе дѣла, чтобы не отнять у таинства характера таинства. Судя, напр., по статьѣ іером. Михаила о таинствѣ священства, опасаясь, какъ-бы не допустилъ онъ и въ обѣщанной статьѣ такихъ же блазнящихъ странностей, какими изобилуетъ вышеупомянутая статья.

Здѣсь неумѣстно подробно доказывать справедливость моего взгляда на послѣднюю, а потому ограничусь нѣсколькими краткими замѣчаніями. По православному пониманію таинства священства, говоритъ инокъ Михаилъ, священникъ получаетъ въ немъ „даръ сострадательной любви, способность принять въ свою душу и совѣсть души и совѣсти отданныхъ въ его душе-пастырство. Отсюда это—таинство, въ которомъ передается способность благодатно воздѣйствовать на человѣческія души“ ¹⁾. Уже въ этихъ только строкахъ о. Михаила находимъ превеликую путаницу понятій. Православная Церковь никогда не учила и даже не можетъ учить, что таинство священства предназначено собственно ²⁾ для „священниковъ“, что послѣдніе получаютъ въ немъ даръ даже не просто любви, а любви сострадательной (появленіе с любви само по себѣ предполагаетъ и состраданіе), съ придачею способности принимать въ свою душу и совѣсть души и совѣсти пасомыхъ (указанный даръ неразлученъ съ этой способностью), и что уже отсюда въ таинствѣ священства передается священнику просто способность благодатно воздѣйствовать на человѣческія души. По дѣйствительно православному ученію и въ падшемъ человѣкѣ сохранилась остатки добра, а они предполагаютъ какъ „даръ“ любви къ ближнимъ, такъ и соединенную съ нимъ „способность“ даже „принимать въ свою душу и совѣсть души и совѣсти“ ближнихъ. Въ виду этого о. Михаилу предстояло разъяснить, что же именно дается въ таинствѣ священства епископу или іерею и въ этомъ отношеніи? Между тѣмъ, онъ ставитъ дѣло совершенно превратно. Нисколько не уясняетъ онъ миссіи этого таинства и фразою: „въ немъ передается способность благодатнаго воздѣйствія на человѣческія души“. Тутъ указано и не точно и не достаточно. Въ другой мѣстѣ статьи онъ говоритъ, что „благодать не есть передача просто обычнымъ путемъ настроенія отъ одного другому, а исходитъ сверху отъ неба, измѣняя цѣликомъ душу того, на котораго она исходитъ“ ³⁾. Такого ученія, какое изложено здѣсь въ придаточномъ обстоятельстве предложеніи, не знаетъ-же

¹⁾ Стр. 56 и 57 въ 1 кн. „Миссіонер. Обозрѣнія“ за 1903 г.

²⁾ Объ епископахъ авторъ совершенно умолчалъ, чего дѣлать ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало...

³⁾ Ibid. стр. 63. Курсивъ—не рецензента.

православная Церковь. Еслибы она учила такъ, то правъ-бы былъ гр. Толстой, усматривая въ таинствахъ нѣчто въ родѣ колдовства. По ученію православной Церкви какъ таинство крещенія, такъ и другія таинства не уничтожаютъ въ человѣкѣ всѣхъ послѣдствій прародительскаго грѣха, а слѣдовательно, уже по этому одному не измѣняютъ цѣлкомъ душъ человѣческихъ. Кромѣ того, православная Церковь придаетъ важное значеніе и нравственной самостоятельности людей въ дѣлѣ благодатнаго ихъ возрожденія и духовнаго совершенствованія. Это должно быть извѣстно и о. Михайлу, а потому приведенныя его слова тѣмъ болѣе странны. Черезъ двѣ страницы послѣ нихъ онъ говоритъ, что не слѣдуетъ думать, будто благодать Св. Духа моментально, въ одну минуту, преобразуетъ человѣческую душу ¹⁾. Это—правда, но въ такомъ случаѣ предшественники его слова о дѣйствіяхъ благодати въ таинствѣ священства требуютъ, съ его собственной точки зрѣнія, поправки прежде всего въ этомъ отношеніи. Уже эти краткія мои замѣчанія, полагаю, свидѣлствуютъ, что о. Михаилъ лишь много напуталъ въ своемъ трактатѣ о таинствѣ священства. Вся же его статья убѣдительно доказываетъ, помимо воли ея автора, что въ ней нѣтъ ни „психологін“ таинства священства, ни правильного представленія о немъ вообще.

А это заставляетъ еще болѣе желать, чтобы обѣщанная о. Михайломъ статья о крещеніи была совершенно иного характера. Поживемъ—увидимъ, что именно дастъ она въ дѣйствительности и насколько и какъ восполнить якобы допущенный мною недочетъ. Теперь-же перейду къ слѣдующему замѣчанію рецензента о моемъ сочиненіи.

Относительно второй и остальныхъ главъ моей книги о. Михаилъ заявляетъ, что онѣ „касаются уже спеціально толстовства“ (стр. 233 въ „Мисс. Обозр.“). Изъ этихъ словъ рецензента явствуетъ, будто лишь гр. Толстой учить о несопротивленіи злу, о негнѣвливости и проч. Но это—неправда. Не могу не удивляться незнавію рецензента о томъ, что гораздо раньше Л. Толстого учили о непротівленіи и тому под. многіе сектанты, что нѣкоторые изъ нихъ теперь учатъ также независимо отъ вліянія гр. Толстого и что послѣдній позаимствовалъ это ученіе у своихъ предшественниковъ-сектантовъ. Если рецензентъ недостаточно ознакомился съ исторіею Церкви и потому не почерпнулъ изъ ней свѣдѣній о разсматриваемомъ предметѣ, то легко могъ узнать истину изъ моего сочиненія (стр. 16 и друг.), сдѣлавшагося предметомъ „нападенія“ съ его стороны ²⁾.

¹⁾ Ibid. стр. 66.

²⁾ Самъ гр. Толстой указываетъ на своихъ предшественниковъ въ сочиненіи: „Царство Божіе внутри васъ.“

Касательно моего трактата о бракорасторженіи рецензентъ выражаетъ пожеланіе, чтобы я остановилъ свое вниманіе на выясненіи положительно-нравственнаго смысла развода и нравственной невозможности продолжать сожитіе съ человѣкомъ, фактически разорвавшимъ союзъ брака. „Ученіе Л. Н. о томъ, будто обманутые мужъ или жена не могутъ (не должны?) отказывать другъ другу въ брачномъ сожитіи, если кто-либо изъ нихъ требуетъ этого сожитія, — настолько грубо безнравственно, говоритъ рецензентъ, что характеристика этихъ принудительныхъ отношеній развратной женщины и мужа, соглашающагося на сожитіе безъ любви и желанія, была-бы лучшей оцѣнкою этической стороны новой заповѣди“ (стр. 235 въ „Мисс. Обзор.“). Въ моемъ сочиненіи достаточно выяснены на 468—471 страницахъ „нравственная невозможность продолжать сожитіе съ человѣкомъ, фактически разорвавшимъ союзъ брака, и положительно-нравственный смыслъ развода“, но я считалъ и считаю не только излишнимъ, но и неприличнымъ дѣлать „характеристику принудительныхъ отношеній развратной женщины и мужа, соглашающагося на сожитіе безъ любви и желанія“. Глупость этихъ отношеній ясна сама по себѣ и безъ комментаріевъ, а описывать ихъ не подобало-бы не только въ моемъ сочиненіи, но и въ произведеніяхъ Зола или Максима Горькаго, уже внесшихъ массу соблазна въ общественное сознаніе и достойныхъ строгаго осужденія. Если г. Струженцовъ справедливо выражалъ негодованіе на то, что иннокъ Михаилъ, разсуждая о бракѣ и о супружескихъ отношеніяхъ, дозволилъ себѣ нѣкоторыя циническія выраженія, какъ напр. „когда есть аппетитъ“ и т. д. ¹⁾, то я тѣмъ болѣе въ правѣ возмущаться предложеніемъ мнѣ со стороны этого же монаха писать характеристики принудительныхъ половыхъ отношеній между развратною женою и уступчивымъ мужемъ.

Имѣя въ виду главу моего сочиненія, трактующую о клятвѣ и присягѣ, рецензентъ говоритъ: „и она не можетъ вполне удовлетворить сомнѣвающееся сознаніе; филологическія изысканія автора умны, но не безспорны и потому требуютъ дополненій“ (стр. 235 въ „М. Об.“). Не могу не удивляться выразившемуся и здѣсь крайнему самолюбію рецензента. Онъ, какъ „непогрѣшимый“ папа, произноситъ свои приговоры о моемъ сочиненіи, не обременяя себя приведеніемъ какихъ-либо доказательствъ въ пользу правдивости и основательности его отважныхъ, произносимыхъ менторскимъ тономъ, приговоровъ. Въ виду совершенной голословности послѣднихъ не придаю имъ никакого значенія, но за то предлагаю рецен-

¹⁾ Стр. 647 въ 12 кв. „Богосл. Вѣстника“ за 1902 г.

зенту написать лучшій, чѣмъ у меня, трактатъ о клятвѣ и присягѣ и общаюсь подвергнуть его строгому и достаточно мотивированному, но, конечно, справедливому разбору въ печати.

По поводу моего трактата о судахъ рецензентъ замѣчаетъ, что я „иногда чуть не склоненъ доказывать, напримѣръ, что вести тяжбу въ судѣ почти обязанность христіанина. Это, продолжаетъ онъ, оставляетъ дурное впечатлѣніе и заставляетъ подозрительно относиться къ остальнымъ мыслямъ, почти всегда справедливымъ и умнымъ“ (стр. 237 въ „М. Об.“). Рецензентъ до такой степени должно быть наклоненъ къ извращенію чужихъ мыслей, что не удержался и здѣсь отъ этого дурного поступка. Я не только склоненъ доказывать, но и на самомъ дѣлѣ доказываю въ своемъ сочиненіи (см. стр. 532 и др.), что бывають такіе особые случаи, когда христіанинъ нравственно обязанъ вести тяжбу въ судѣ. Въ доказательство этой своей мысли ссылаюсь, между прочимъ, на примѣръ св. апостола Павла, требовавшаго суда Кесарева въ одномъ особомъ случаѣ (стр. 544 въ моей книгѣ). Не думаю, чтобы этотъ поступокъ Апостола оставлялъ „дурное впечатлѣніе“ и заставлялъ „подозрительно“ относиться къ различнымъ его мыслямъ. А если рецензентъ думаетъ объ этомъ иначе, то мнѣ остается только пожалѣть о томъ, какіе въ наше „смутное“ время бывають питомцы духовныхъ академій и даже монахи...

Я исчерпалъ почти все въ рецензіи о. Михаила, требовавшее объясненія и опроверженія. Со скорбію писалъ я свою отвѣдь и горячо желаю потомъ никогда не имѣть настоятельныхъ побужденій предпринимать подобныя отвѣди. Въ заключеніе же настоящей позволяю себѣ не только напомнить о. Михаилу благожелательный совѣтъ, преподанный ему г. Струженцовымъ, но и вѣсколько дополнить его. Господь не лишилъ о. Михаила замѣтной способности къ печатному слову. Да поставитъ-же мой рецензентъ своимъ долгомъ взирать на дѣло всякаго такого слова, какъ на своего рода священнодѣйствіе, какъ на служеніе и Самому Богу, и пусть не разбрасывается въ своей дѣятельности, а введетъ ее по возможности въ одно русло и станетъ всегда и во всемъ служить ея только православной истинѣ и Божіей правдѣ!

Проф. А. Гусевъ.

ХРОНИКА.

I.

Изъ жизни инославія и изъ міра заграничнаго сектантства.

Послѣднія извѣстія о духоборахъ въ Канадѣ.—Отзѣвы американской газеты объ о. Іоаннѣ Кронштадтскомъ.—Католичество въ минувшемъ году и его успѣхи въ Россіи.

Вопросъ о духоборахъ въ Канадѣ фактически разрѣшенъ. Въ первыхъ числахъ марта, въ Виннипегъ прибылъ «духовный» руководитель духоборовъ Петръ Веригинъ изъ Сибири чрезъ Лондонъ, гдѣ онъ нѣкоторое время гостилъ у князя Хилкова и получилъ необходимыя инструкціи. Теперь духоборы, — говорятъ «Моск. Вѣд.», — просятъ, чтобы власти выдали имъ всѣ необходимыя бумаги для натурализаціи ихъ и записали земли отдѣльно на имя каждаго хозяина. Всѣ они готовы во всемъ подчиниться. Отъ канадскаго правительства они требуютъ нынѣ только присылки чиновника, который дастъ въ селлахъ духоборовъ всѣ необходимыя приказанія. Духоборы съ самаго начала возставали, главнымъ образомъ, противъ закрѣпощенія земли за отдѣльнымъ хозяиномъ (на каждаго было отпущено 160 акровъ), это было самое больное мѣсто во всей этой путаницѣ; «въ своемъ упорствѣ они и слышать не хотѣли объ этомъ, они требовали, чтобы имъ дозволено было вести хозяйство на общинномъ началѣ». Канадское правительство признавало это принципомъ коммунистическимъ и отказало имъ въ просьбѣ. Что касается натурализаціи, которую духоборы теперь согласны принять, то въ Канадѣ каждый, кто желаетъ получить свободныя государственныя земли, долженъ сдѣлаться подданнымъ Канады. Такимъ образомъ послѣ пятилѣтнихъ страданій, духоборы „образумились“ и подчиняются всѣмъ требованіямъ канадскихъ властей. По полученнымъ нами свѣдѣніямъ, Веригинъ старается ввести въ Канадѣ традиціи стараго духоборчества, начавъ съ заведенія гарема изъ 12 красивыхъ духоборческихъ дѣвушекъ. Недавно нѣкоторыя духоборческія поселенія Канады посѣтилъ преосв. Тихонъ, епископъ Алеутскій, который былъ принятъ весьма радушно духоборческими населеніемъ.

По поводу недавней поѣздки въ Кострому О. Іоанна для облеченія и вразумленія сектантовъ, вздумавшихъ воздавать ему молитвенное поклоненіе, американская газета «Times» помѣщаетъ на своихъ столбцахъ краткую біографію уважаемаго пастыря и приводитъ характеристику его, напечатанную въ одномъ англійскомъ сборникѣ.

«Что доставило О. Іоанну безпримѣрную популярность на протяженіи всей огромной Россійской Имперіи?»—спрашиваетъ англійскій писатель.

«Можетъ быть онъ геніальный писатель или проповѣдникъ? Нѣтъ. Онъ человекъ образованный и дѣйствительно хорошій писатель и проповѣдникъ, но нима его начертано въ каждомъ сердцѣ не въ силу этихъ его качествъ. Даже знающіе его лично затруднились бы опредѣлить, что именно они чувствуютъ въ его присутствіи. Онъ несъ сіяетъ необычайной силой добра, безграницной любовью къ людямъ, полнымъ самоотверженіемъ, непоколебимой вѣрой и сверхчеловѣческой энергіей. Онъ прозорливецъ и цѣлитель. Онъ отвѣчаетъ на вопросы раньше, чѣмъ они произнесены. Многіе люди, которымъ доктора не могли помочь, были исцѣлены имъ и многіе русскіе доктора признають его цѣлительную силу. Будучи прозорливцемъ, онъ всегда знаетъ о предстоящей кончинѣ больного, къ которому призванъ и въ такихъ случаяхъ утѣшаетъ отходящихъ, не дѣлая попытокъ къ ихъ исцѣленію; тѣ же, которымъ онъ говоритъ о выздоровленіи, могутъ быть увѣрены, что поправятся. Если онъ молчитъ, больные умирають, но и умирая испытываютъ въ его присутствіи миръ и тихую радость».

Въ «Церк. Вѣстн.» находимъ интересныя свѣдѣнія о католическомъ въ минувшемъ году. Минувшій годъ для католичества прошелъ довольно бурно. Въ юбилейной энцикликѣ отъ 19 марта 1902 года папа призналъ, что давно уже Церковь не подвергалась такимъ энергичнымъ нападеніямъ со всѣхъ сторонъ, какъ теперь. 1902 годъ былъ для католичества по преимуществу годомъ борьбы съ внѣшними и внутренними врагами папства.

Внѣшняя политика папства сводилась къ борьбѣ съ антиклерикальными движеніями въ католическихъ странахъ и къ упроченію и расширенію католической миссіи въ странахъ не католическихъ.

Во Франціи какъ министерство Вальдека Руссо, такъ и Комба заявили себя еще ранѣе рѣшительными противниками монашескихъ конгрегацій. Комбъ развилъ антиклерикальную политику правительства до *non plus ultra*. 1901-й годъ оставилъ въ наслѣдство новому году роющую, но жестоку

задачу: предстояло примѣнить законъ 1 іюля о конгрегаціяхъ, по которому конгрегаціи, не испросившія авторизаціи, а равно и не удовлетворившія законнымъ условіямъ авторизаціи, должны быть распущены, и ихъ учрежденія закрыты. Надѣясь на поддержку вліятельныхъ клерикаловъ и духовенства, большинство монашескихъ орденовъ медлило просьбами объ авторизаціи, но эти надежды оказались тщетными. Комбъ выполнилъ законъ 1 іюля со всею рѣшительностью и рѣзкостью и, гдѣ было нужно, *manu militari*. Ему пришлось закрывать, главнымъ образомъ, школы конгрегацій, такъ какъ благотворительныя учрежденія въ большинствѣ не подлежали закону 1 іюля. Подлежавшія конгрегаціональныя учрежденія были раздѣлены на 3 категоріи: 1) появившіяся послѣ объявленія закона 1 іюля и не ходатайствовавшія объ авторизаціи, 2) существовавшія до закона и также не испросившія авторизаціи, 3) ходатайствовавшія объ отсрочкѣ и продолжающія функционировать. Первые (125) были закрыты декретомъ 27 іюня, вторыя свыше (2500)—декретомъ 11 іюля; послѣдней категоріи былъ назначенъ срокъ для представленія ходатайствъ. Учрежденная 29 октября комиссія для разбора всѣхъ прошеній объ авторизаціи сплошь составлена изъ представителей большинства. Изъ 147 непризнанныхъ мужскихъ конгрегацій добиваются признанія 64; изъ 606 такихъ же женскихъ конгрегацій добиваются признанія 550. Изъ 64 конгрегацій первой категоріи лишь 4—5 могутъ рассчитывать на авторизацію. Мѣры правительства энергично были проведены до конца, среди бури протестовъ со стороны клерикаловъ и націоналистовъ. Значительные беспорядки произошли лишь въ Бретани, издавна прославившейся своимъ католицизмомъ. Письма архіепископовъ парижскаго и отунскаго къ президенту республики не имѣли успѣха. А рѣзкій протестъ 74 епископовъ, направленный непосредственно въ палату депутатовъ, кончился тѣмъ, что два главные дѣятеля по возбужденію протеста, архіепископы отунскій и безансонскій, были лишены жалованья, какъ нарушившіе правила конкордата. Ту же мѣру правительство широко примѣняло и къ низшему духовенству за участіе въ агитаціи противъ медицинскихъ декретовъ, а равно и за участіе въ избирательной борьбѣ.

Борьба со стороны духовенства велась чрезвычайно энергично. Что касается папы, то онъ, къ искреннему огорченію многихъ добрыхъ католиковъ, за все время борьбы не проронилъ ни одного слова. Имѣя возможность наказать Францію отнятіемъ у ней права протектората на Востокахъ, къ чему представлялся случай, онъ высказался, однако, въ пользу Франціи противъ Германіи. Душою онъ былъ, конечно, съ «гонимыми», какъ можно видѣть изъ юбилейной энциклики, гдѣ онъ призываетъ все вообще духовенство къ участію въ соціальной борьбѣ. Однако надѣясь

еще на лучшія времена, онъ хотѣлъ сохранить добрыя отношенія съ Франціей. Монахи Франціи имѣли милліоны учащихся въ своихъ мужскихъ школахъ (2 милл. въ низшихъ и 100 тыс. въ среднихъ) и кромѣ того, держа въ своихъ рукахъ почти цѣликомъ все женское образованіе, въ 10 лѣтъ воспитали бы цѣлое поколѣніе въ духѣ ультрамонтанскихъ идей. Съ другой стороны, чрезвычайъ стремительный и насильственный образъ дѣйствій правительства даетъ католичеству нѣкоторую надежду на реакцію. и съ этой стороны слова кардинала Матте, обѣщавшаго папѣ, что «его старшая дочь рано или поздно успокоитъ сердце своего отца», можетъ быть, не совсѣмъ ужъ наивны.

Радикалы пытались нанести католичеству еще болѣе чувствительный ударъ, намѣреваясь провести отдѣленіе церкви отъ государства въ видѣ отиѣвы конкордата. Этотъ вопросъ поднимался въ палатѣ въ связи съ обсужденіемъ бюджета культовъ. Однако проектъ отдѣленія встрѣтилъ серьезное препятствіе въ томъ, что онъ затрогивалъ и протестантовъ. Правительство повидимому не поддержитъ этого предложенія: самъ Кюмбъ въ своей деклараціи заявилъ, что «вопросъ о католической церкви не нужно смѣшивать съ вопросомъ о монашескихъ конгрегаціяхъ». Есть слухи, что правительство имѣетъ въ виду организацію національной церкви и рассчитываетъ на поддержку нѣкоторыхъ епископовъ.

Совершенно аналогичныя явленія, но въ меньшемъ масштабѣ имѣли мѣсто въ Испаніи. Автиклерикальная партія требовала отъ власти согласно аналогичному съ французскимъ декретомъ 19 сентября 1901 г. авторизація конгрегацій (ихъ въ Испаніи свыше 3 т.), сокращенія бюджета культа, уменьшенія числа епископовъ и жалованія духовенству. Бюджетъ равняется 40 м. Папа здѣсь отстаивалъ право церкви.

Въ Италіи отношенія Ватикана къ правительству попрежнему оставались съ характеромъ полной изолированности. Викторъ-Эммануиль въ своей рѣчи на открытіи парламента объявилъ о намѣреніи «строго поддерживать отдѣленіе гражданской власти отъ духовной; уважать духовенство, но ограничивать его своею собственною областью; широко проводить принципъ религіозной свободы, но неуклонно сохранять прерогативы гражданской власти». По поводу внесеннаго въ парламентъ законопроекта о разводѣ, вызвавшаго громкій протестъ клерикаловъ и духовенства, оппозиціонная партія пыталась втянуть въ политическую борьбу итальянское духовенство, о которомъ настойчиво распространяли слухъ, что оно съ разрѣшенія папы приметъ участіе въ выборахъ. Но Ватиканъ энергично отвергнулъ эту попытку. Выборы были неблагоприятны для католиковъ. Боль-

шое неудовольствіе доставилъ Ватикану дворъ, не допустивъ визита къ папѣ шаха персидскаго во время его путешествія по Европѣ.

Скозь же непріятныя столкновенія пришлось пережить католичеству въ Швейцаріи и Бельгіи. Попытка нѣкоторыхъ монашескихъ конгрегацій, изгнанныхъ изъ Фравціи, пріютиться въ Швейцаріи окончилась неудачею. Федеральный совѣтъ, ссылаясь на 52 артиклъ федеральной конституціи, по которому «запрещается учрежденіе новыхъ монастырей и монашескихъ орденовъ и возстановленіе закрытыхъ», предложилъ эмигрантамъ въ 90 дней оставить Швейцарію.

Въ Германіи замѣтны были явные симптомы усиленія католическаго вліянія. Въ Ахенѣ императоръ Вильгельмъ держалъ знаменательную рѣчь, въ которой, отстаивая то общее положеніе, что «первая основа государства есть страхъ Божій», онъ съ удовольствіемъ сообщилъ о похвалѣ, которую благочестіе нѣмцевъ заслужило со стороны Льва XIII, и о благодарности, выраженной папою императору за свободу, которою католики пользуются въ его государствѣ.

Безъ сомнѣнія, вопросъ о протекторатѣ, въ которомъ папа высказался не въ пользу Германіи, предписавъ католикамъ Востока обращаться за покровительствомъ къ французскимъ консуламъ, будетъ служить нѣкоторымъ препятствіемъ въ развитіи дружественныхъ отношеній между Берлиномъ и Ватиканомъ.

Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ католичество продолжало численно возрастать и насчитывало по послѣднему подсчету 11 милл. человекъ при 11.636 священникахъ. Выселеніе монашескихъ конгрегацій, которыя въ значительномъ количествѣ нашли себѣ пріютъ въ Новомъ Свѣтѣ, вѣроятно будетъ способствовать еще большему успѣху католичества. Здѣсь нужно, правда, оговориться, что приростъ католическаго населенія Америки скорѣе кажущійся,—онъ основанъ на массовыхъ переселеніяхъ изъ католической Ирландіи, и кромѣ того многіе изъ такъ называемыхъ католиковъ въ сущности не имѣютъ никакой релігіи. Отношеніе правительства къ католичеству было благопріятное, какъ это можно видѣть изъ того, что президентъ Рузвельтъ первый сдѣлалъ шагъ къ заключенію соглашенія объ условіяхъ существованія католической церкви на Филиппинахъ подѣ новымъ правительствомъ. Особенную важность имѣлъ здѣсь вопросъ о вознагражденіи филиппинскихъ монашескихъ орденовъ за земельныя имущества, которыя правительство всетаки пожелало выкупить. 21 іюля это дѣло было улажено, хотя и не безъ недоразумѣній по вопросу о размѣрахъ выкупной суммы.

Французская газета L'еигорсеи въ статьѣ подѣ заглавіемъ «побѣда

одержанная въ Россіи Римско-Католической церковью», свидѣтельствуешь объ успѣхѣхъ папской политики и у насъ въ Россіи.

— Всѣмъ извѣстно—сообщаетъ газета, что католическая церковь не щадитъ усилій, направленныхъ къ прекращенію схизмы, отторгающей отъ Ватикана многіе милліоны грековъ и славянъ Восточной Церкви.

— По словамъ газеты, представители папы, посылаемые въ Россію въ цѣляхъ пропаганды, всгрьбаютъ со стороны русскаго духовенства сильнѣйшій отпоръ, но за то будто бы правительство русское относится къ нимъ съ чрезвычайной благосклонностью.

Вотъ отчетъ о свиданіи римскаго прелата съ монсиньоромъ Клопатовскимъ, архіепископомъ Могилевскимъ и митрополитомъ всѣхъ католическихъ церквей въ Россіи.

— Монсиньоръ Клопатовскій сдѣлалъ мнѣ честь—говорить прелатъ, пригнать меня въ особой аудіенціи.

— Вы видите меня въ восхищеніи отъ новаго доказательства справедливости и благости русскаго правительства, которое явило намъ неслыханную милость, разрѣшивъ воспитывать въ римско-католическомъ исповѣданіи дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ католическихъ униатовъ съ православными женщинами,—сказалъ митрополитъ.

Конечно, мѣра эта касается только одного отдѣльнаго случая, — оговорился митрополитъ, тѣмъ не менѣе это новшество и прецедентъ огромной важности.

Одинъ сановникъ заявилъ мнѣ однажды: — если мы принимаемъ мѣры противъ свободы исповѣданій, то это не изъ-за протестантовъ; протестантовъ мы не боимся, мы отказываемъ въ ней изъ-за васъ! У васъ есть все: каноническое право, іерархія, литургія, вы побѣдите (?) насъ.—

Отпуская меня, монсиньоръ Клопатовскій прибавилъ уже отъ себя:

— Да, мы дѣйствительно побѣдимъ, но не по причинѣ нашей литургіи, или нашей іерархіи,—у греческой Церкви есть свои,—а единственно въ силу возможности показать себя такими, каковы мы есть.

Со всѣми остальными государствами Ватиканъ хранилъ добрыя отношенія, и на папскихъ юбилейныхъ торжествахъ можно было видѣть представителей всѣхъ государствъ не только Европы, но и почти всего земного шара, приносившихъ папѣ поздравленія и богатые подарки. Эти добрыя отношенія способствовали, разумѣется, широкому развитію католической миссіи и вообще упроченію католицизма въ этихъ государствахъ. Въ Голландіи процентный приростъ католицизма настолько опередилъ приростъ протестантизма, что католики провидятъ въ ней уже страну католическую, хотя теперь на 3 милл. протестантовъ приходится только еще 1,7

мил. католиковъ. Сдѣланъ первый шагъ къ упроченію католичества въ Норвегіи.—На Востоѣ католичество не имѣло особенныхъ успѣховъ. Нѣтискъ французскихъ конгрегацій на Константинополь и Аѳины вызвалъ серьезный отпоръ со стороны Константинопольскаго патріарха и богословскаго факультета Аѳинскаго университета.—Католическая миссія среди язычниковъ процвѣтала попрежнему, и ея образцовая постановка служила предметомъ удивленія даже со стороны протестантовъ.

Внутренняя жизнь католичества характеризуется борьбою церкви съ религіознымъ индифферентизмомъ и свободомысліемъ. Выдающимся фактомъ внутренней жизни былъ 25 лѣтній юбилей папы, который празднуется въ Ватиканѣ въ теченіе всего юбилейнаго года (20 февр. 1902—1903 г.). Онъ вызвалъ громадный подъемъ религіознаго чувства, выразившійся въ безчисленныхъ памяннчествахъ изъ всѣхъ католическихъ странъ *ad limina apostolorum*, и, конечно, способствовалъ объединенію католиковъ. Юбилейная энциклика папы приглашаетъ къ единенію епископовъ, духовенство и мірянъ католиковъ для совмѣстной борьбы съ социальными разстройствами, корень которыхъ указывается въ уклоненіи отъ христіанства. Ту же цѣль—возбужденіе религіознаго чувства и объединеніе вѣрующихъ преслѣдуетъ энциклика 27 мая объ евхаристіи, приглашающая католиковъ къ особенному почитанію этого таинства и возможно болѣе частому причащенію.

Борьба съ свободомысліемъ внутри церкви выразилась въ мѣропріятіяхъ въ области богословской науки и духовной школы. Столастика и средневѣковая традиція, до сихъ поръ сохранившіяся въ католичествѣ, были причиною многихъ отпаденій отъ церкви, развитія реформаторскихъ стремленій и протестантскихъ тенденцій въ наукѣ. Мѣры папы, разумѣется, были направлены къ охранѣ традицій, но при этомъ онъ сумѣлъ остаться въ предѣлахъ благоразумной сдержанности, не пытаясь зачеркнуть данныя научнаго и социальнаго прогресса. 30 октября издава энциклика объ учрежденіи библейской комиссіи, задача которой заключается въ опредѣленіи границъ научной критики Библии, дозволительныхъ для католическаго богослова, и въ поднятіи католической библейской науки до такого уровня, на которомъ ему не нужно было бы ходить на поклонъ къ протестантскимъ ученымъ, до сихъ поръ державшимъ въ рукахъ всю библейскую критику. Въ составъ комиссіи вошли авторитетные ученые, какъ Вигуру, и отъ нихъ, разумѣется, можно ожидать большаго, чѣмъ простая установка препятствій къ научному изслѣдованію Библии. Аналогичная комиссія составлена въ концѣ года для ревизіи агіологическихъ легендъ, входящихъ въ составъ римскаго бревіарія, и въ нее вошли

тоже авторитетные и добросовѣстные ученые, какъ Л. Дюшенъ. Энциклика 8 декабря о семинаріяхъ имѣетъ въ виду огражденіе духовной школы отъ новыхъ вѣяній. «Безразсудныя и гибельныя нововведенія» въ духѣ «натурализма идей и поведенія» папа считаетъ неумѣстными въ дѣлѣ образованія священника, который долженъ «сгоять выше разнообразія направленій и системъ человѣческихъ». Но, предлагая запретительныя мѣры, папа въ то же время выражаетъ сочувствіе къ либеральному движенію среди французскаго духовенства, направленному къ преобразованію методовъ богословской науки въ духѣ отреченія отъ схоластики и согласованія богословія съ новѣйшимъ міросозерцаніемъ и научнымъ прогрессомъ. Это движеніе встрѣтило слѣдующую оцѣнку со стороны Льва XIII: «религіозное знаніе, которое движется впередъ и притомъ благоразумно, какъ у васъ, это — наша надежда, потому что оно будетъ торжествомъ церкви». Появившаяся въ прошломъ году книга Эргардта «Римскій католицизмъ въ XX вѣкѣ» настаиваетъ на необходимости коренной реформы католичества, и громадныя усилія этой книги показываютъ, насколько сильно недовольство современнымъ его состояніемъ. Глубокій внутренній кризисъ, переживаемый католичествомъ, ясно обнаруживался въ развитіи разныхъ неокатолическихъ движеній, угрожавшихъ Риму схиною. Въ Италіи много непріятностей доставилъ папѣ «мурризмъ» (движеніе, руководимое Мурра), стремящійся къ сближенію католичества съ социальными и культурными запросами современности, утврждающій извѣстный принципъ «христіанской демократіи». Во Франціи и Англіи намѣчаются движенія, направленные къ реформѣ церковнаго устройства въ смыслѣ освобожденія приходскаго духовенства отъ гнета папской и епископской власти. Возможно, что въ подобное же движеніе разрѣшится острый конфликтъ между низшимъ и высшимъ духовенствомъ въ Австріи. Другія движенія какъ Гекера въ Америкѣ, О'Голлорана въ Ирландіи, разрѣшились въ протестантизмъ. Извѣстное движеніе «прочь отъ Рима» въ Австріи и Германіи продолжало развиваться.

Прямую противоположность этимъ теченіямъ составляла дѣятельность «католическихъ конгрессовъ», которые съ своимъ крайнимъ ультрамонтанствомъ шли впереди папы. Мангеймскій конгрессъ постановилъ резолюцію о восстановленіи свѣтской власти папы; на Фрейбургскомъ конгрессѣ въ честь Богородицы іезуитами было внесено предложеніе просить папу о провозглашеніи догмата о тѣлесномъ вознесеніи на небо Пресвятой Богородицы. Однако стараніями доминиканцевъ дѣло отложено до слѣдующаго конгресса, когда будутъ представлены «историческія доказательства» въ пользу догмата.

II.

Миссіонерство, секты и расколъ.

Картины современной вѣры и жизни сектантства и раскола. Екатеринославскіе хлысты и Донскіе молокане. Раскольничья «Міршета».

Въ Екатериносл. „Епарх. Вѣд.“ въ № 5 т. г., въ статьѣ „Ольховатскіе воздержники“ сообщаются не безынтересныя въ миссіонерскомъ отношеніи свѣдѣнія о хлыстахъ с. Ольховатки. Въ статьѣ отмѣчено, насколько хлыстовская мораль растлѣваетъ народную нравственность и насколько вѣрованіе хлыстовъ искажаетъ христіанскіе догматы.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Ольховатку (Екатериносл. губ.) проникло изъ Области Войска Донскаго большое зло.. Появился въ Ольховаткѣ особый типъ людей — „воздержниковъ“. Вскорѣ Ольховатцы замѣтили, что такъ называемые „воздержники“ не только не бѣдятъ мясного, не пьютъ водки, не курятъ табаку.. — „не въ этомъ бѣда, говорили Ольховатцы, дай Богъ каждому во вѣкъ не пить водки и не курить проклятаго зелья“, — а бѣда въ томъ, что „воздержники“ завели у себя странныя „бесѣдки“, стали поговаривать много „негарнаго“ и въ семейной жизни пошло у нихъ какое-то „распутство“... Эти „воздержники“, какъ „тать въ нощи“ стали по домамъ лазить и не успѣешь оглянуться, какъ къ нимъ на „бесѣдки“ ужъ „мандруютъ або сынъ, або дочка, аще гірше жінка и така смута въ семьѣ зачинается, що хошь съ хаты тікай“...

Вмѣстѣ съ опасеніемъ за свой домашній очагъ разбирало Ольховатцевъ и любопытство подробнѣе разслѣдовать тайны „воздержниковъ“.

Мы, говорятъ „воздержники“ православнымъ, вѣруемъ въ Святую Троицу: Отца. Сына и Св. Духа, которыхъ признаемъ за одно лицо, хотя и употребляемъ три слова, подобно тому: какъ отецъ, батюшка, пѣпъ—три слова, а лицо одно. Иисуса Христа считаемъ за дѣйствительнаго Сына Божія; но при этомъ вѣримъ, что сперва родился по плоти, отъ Іосифа и Маріи, простой младенецъ Иисусъ, который лишь въ зрѣломъ возрастѣ, когда воспринялъ рожденіе отъ Духа Свята и былъ объявленъ свыше Сыномъ Божиимъ, сталъ Христомъ или помазанникомъ Божиимъ. Такіе „Христы“ были и до Иисуса, какъ напр.: Адамъ, Авраамъ, Давидъ и др..., были они и послѣ Иисуса и нынѣ есть въ „родѣ христіанскомъ“ или „духовномъ“*). По словамъ „воз-

*) «Родомъ христіанскимъ» или «духовнымъ» хлысты называютъ себя: остальныхъ-же христіанъ именуютъ «церковниками» или «душевными», т. е. не могущими вмѣстѣ того, что отъ Духа Свята и рассуждающими лишь по плотскому («душевному»).

держниковъ“, на крестѣ умеръ только Иисусъ, или плоть Христа, которая затѣмъ и истлѣла. Христосъ оставилъ плоть Иисуса, чтобы больше не возвращаться въ нее; посему, если мы и знали Христа по плоти Иисуса, то нынѣ уже не знаемъ и намъ нуженъ только Духъ, бывшій въ Иисусѣ, или Христосъ. Сей-то „воскресшій“ Христосъ, или что тоже: вышедшій изъ плоти Иисуса, отъ вѣка и до нынѣ пребываетъ въ чистыхъ сердцахъ, такъ что обладатели ихъ и сами становятся „христами“. Матерь Иисуса Марія называется Божіей не потому, что она родила Христа—Бога, такъ какъ родила она только Иисуса, а потому что она была матерью, угодной Богу, была „Дѣвой“, т. е. чистой сердцемъ. Тѣломъ своимъ она давно истлѣла, а Духомъ всегда живетъ съ Сыномъ Божіимъ. Какъ „сынами божіими“ называются всѣ чистые сердцемъ, такъ равно и „матерями божіими“. Даже солнце и земля, какъ источающія намъ блага, грѣющія и питающія насъ, суть „божій матері“. Пророками называются люди (безъ различія пола), чрезъ плоть которыхъ открывается намъ, дѣйствуетъ и прорекаетъ Духъ Святъ и къ такимъ людямъ намъ необходимо обращаться за совѣтами.

По ихъ мнѣнію грѣхъ прародителей состоялъ въ томъ, что Адамъ, вопреки воли Божіей, „позналъ“ жену свою Еву, т. е. вступилъ съ нею, по внушенію діавола, въ „плотскую — бѣсовскую любовь“. Воскресаетъ человѣкъ тогда, когда грѣхъ въ немъ умираетъ и въ его чистое сердце вселяется Духъ Святой. Такой человѣкъ по смерти не умираетъ, т. е. хотя тѣло его, какъ и каждого человѣка, навсегда истлѣваетъ, но душа его соединяется съ Господомъ для вѣчной жизни въ Немъ. Между тѣмъ душа грѣшника переходитъ въ собаку и со смертью послѣдней совѣтъ уничтожается.

Въ зависимости отъ ученія о первородномъ грѣхѣ стоитъ и нравственность Ольховатскихъ „воздержниковъ“. Называя другъ—друга: „братцами-дѣвственниками“ и „сестрицами-дѣвственницами“, они учатъ, что плотское сожитіе между законными — „повѣнчанными“ мужемъ и женою есть „любовь бѣсовская и что необходимо жить съ своими женами, какъ съ „сестрами“ и водить съ ними любовь только „по духу“. Посему, кто броситъ своего „плотскаго“ мужа или жену, тотъ не грѣшитъ, такъ какъ де и по Ап. Павлу: „имѣющій жену долженъ быть какъ не имѣющій“... Но нельзя порывать съ мужемъ или женою сожитія „по духу“ и такого рода сожитіе можно даже имѣть съ чужими мужьями и женами, безъ „вѣнчанія“ въ Церкви: „не наше дѣло осуждать неповѣнчанныхъ, говорятъ воздержники: если они соблюдаютъ заповѣди Божіи, то такъ жить ихъ Самъ Богъ благословилъ“. Что это за „любовь по духу“, такъ широко практикуемая у Екатеринославскихъ „воздержниковъ“, мы знаемъ по плодамъ этой „любви“, т. е. по частымъ отъ нея рожденіямъ отнюдь не „духовныхъ“ младенцевъ!...

„Воздержники“ если и ходятъ въ Православную Церковь и принимаютъ Ея таинства, то не по совѣсти, а изъ-за мнимаго страха предъ „закономъ гражданскимъ“. Блюстителей этого закона — свѣт-

ское правительство они почитаютъ за „звѣря“, съ которымъ имъ надлежитъ вести войну. какъ и вообще съ врагами ихъ лежеченія.

Приведенныя строки мы бы рекомендовали прочитатъ и продумать тѣмъ изъ свѣтскихъ писателей „хлыстофиловъ“, которые, или не вѣдая толкомъ ученія хлыстовъ, или возлюбивъ ихъ болѣзненный оргіазмъ готовы защищать послѣднихъ, какъ „самыхъ лучшихъ людей“ и устно и печатно...

Интересную картинку современной жизни молоканства на Дону даетъ мѣстный миссіонеръ г. Граціанскій на страницахъ «Дон. Епарх. Вѣд». Молокане въ предѣлахъ Донской епархіи имѣются, главнымъ образомъ, въ Таганрогскомъ округѣ и отчасти въ Хоперскомъ.

Хоперскіе молокане отличаются большей дикостью, несообщительностью. Нерѣдко миссіонеру приходится терпѣть отъ нихъ.

— «Позвольте побесѣдовать съ вами»,—говоритъ миссіонеръ послѣ обычнаго привѣтствія: «миръ дому» и отвѣтнаго: «миръ входу», входя въ домъ.

— «Нечего намъ съ вами бесѣдовать, уходите, мы неграмотны»,—слышится въ отвѣтъ.

— «Если вы неграмотны, я грамотенъ; я почитаю вамъ изъ Слова Божія, а вамъ полезно будетъ послушать».

— «Не желаемъ бесѣдовать съ вами: что знаемъ, то знаемъ, а чего не знаемъ, въ томъ для насъ нѣтъ и нужды».

На собесѣдованіи нерѣдко приходится слышать отъ молоканъ на Хопрѣ рѣзкія, несдержанныя сужденія о православіи и пастыряхъ Церкви.

Таганрогскіе молокане (большей частію, крестьяне, имѣющіе собственные участки земли и крупные землевладѣльцы) такъ не говорятъ. Въ этихъ есть доля хотя наружнаго смиренія, кротости и привѣтливости. Гостя, хотя бы и миссіонера, они принимаютъ ласково.

Какъ хоперскіе, такъ и таганрогскіе молокане принадлежатъ къ т. н. «тамбовскому толку». Вѣроученіе тѣхъ и другихъ въ принципѣ одинаково.

На Хопѣ, какъ объяснилъ мнѣ одинъ изъ молоканъ, обратившійся въ православіе, молокане «не признають Христа во плоти».

— «То есть, какъ же это?»

— «А такъ, что исторію, какая есть въ Евангеліи, они признають, что она дѣйствительно была и прошла, а теперь для нихъ она нужна только, какъ притча, духовно. Что Христосъ крестился въ водѣ, это было, и что Онъ установилъ таинство причащенія, это было, но теперь, они говорятъ, нужно понимать это духовно».

Одинъ изъ Таганрогскихъ молоканъ на собесѣдованіи неожиданно высказалъ, что «Христосъ не ѣлъ и не пилъ, а это было только видъ»... Присутствовавшіе тутъ же его собратья по вѣрѣ оказались несогласными съ нимъ.

У молоканъ имѣются рукописные и донныя поновляемые обрядники (большей частію они имѣють заголовокъ: «Прошеніе духовныхъ христіанъ»). Въ этихъ обрядникахъ сначала излагается довольно неясный разсказъ о томъ, какъ молокане подавали просьбу о разрѣшеніи имъ свободы вѣрованія Императору Александру Павловичу, какъ Сперанскій и министры имѣли сужденіе о нихъ; далѣе излагаются пункты вѣроученія (отъ 20-ти до 30-ти): крещеніе, причащеніе, ризы, жертвы и другія церковныя понятія опредѣлены въ этихъ пунктахъ «духовно». Есть изложеніе обряда вѣнчанія: замѣчательно, что вопросы, отвѣты, молитвословія при этомъ изложены по-славянски и содержаніе молитвословій, несомнѣнно, почти буквально въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заимствовано изъ требника. Имѣется пунктъ объ обычаѣ поминаенія умершихъ.

При нареченіи имени младенцу въ нѣкоторыхъ общинахъ имя нарекаетъ «пресвитеръ». Въ нѣкоторыхъ семьяхъ имя нарекаетъ младшій изъ членовъ семьи (самое имя подсказывается, конечно, ему старшими). Въ послѣднемъ случаѣ молокане говорятъ: «ангелъ ангелу нарекаетъ имя».

Умершихъ нѣкоторые изъ молоканъ хоронять иногда въ склепахъ, «выходахъ» по мѣстному. На поминаеніе умершихъ въ мѣстные богатые дома почти ежегодно пріѣзжаютъ молокане изъ Тавріи и Баку. И за общей поминальной трапезой обсуждаются здѣсь вопросы, касающіеся общаго быта, поддержки колеблющагося и колеблемаго баптизмомъ молоканства.

Не къ чести молоканъ относится то, что принимая «духовное исповѣданіе вѣры», по ихъ словамъ, они нерѣдко свое отрицаніе обрядности доводятъ до того, что по цѣлымъ недѣлямъ не молятся. Многіе изъ нихъ не знаютъ той радости, того торжества, какія волнуютъ въ великіе праздники Церкви (Воскресеніе Христово, Рождество и др.) сердца большинства христіанъ...

Молокане большею частію хорошіе хозяева: многіе изъ нихъ напоминаютъ чисто-русскихъ крестьянъ-богачей трудолюбивыхъ, спокойныхъ, твердыхъ, обстоятельныхъ. Не обижая молоканъ, можно сказать о нихъ, что хотя они и любятъ считать себя «духовными»,— съ религіозно-нравственной стороны они болѣе «плоть», а не «духъ».

Если штундобаптизмъ, говоря сравнительно, можно назвать западничествомъ», молоканство—явленіе самобытное, русское съ консервативнымъ характеромъ (по настроенію молокане нѣсколько подходятъ на старообрядцевъ-безпоповцевъ). Штундобаптизмъ съ наружной стороны по обрядности, повидимому, стоитъ ближе къ истинѣ, къ православію; по духу же онъ далѣе отъ истины; по русско-національному настроенію, отсутствію лести, ханжества, наоборотъ, молоканство симпатичнѣй, ближе къ истинѣ, чѣмъ штундобаптизмъ.

Штундобаптисты начитаннѣй, болѣе любятъ разсуждать и плохіе хозяева сравнительно съ молоканами. Начитавшіеся и освободившіеся отъ родовыхъ традицій молоканинъ обычно переходитъ въ штундобаптизмъ. Въ миссіонерскихъ журнальныхъ замѣткахъ было отмѣчено, что молоканство колеблется напоромъ штундобаптизма. Вліяніе послѣдней, уже тоже начинающей сильно притупляться, секты и доселѣ нѣсколько беспокоитъ устои молоканства. Понимающіе писаніе «по буквѣ», болѣе, повидимому, держащіеся за нее, чѣмъ молокане, штундобаптисты въ спорахъ съ молоканами удобнѣй отстаиваютъ свое водное крещеніе (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Хоперскаго округа молоканъ въ отличіе отъ штундобаптистовъ называютъ «сухими», а этихъ «водными»).

Намъ приходилось слышать такое сообщеніе—на вопросъ:

— «Штундобаптисты, бываешь, пріѣзжаютъ къ молоканамъ»?

— «Пріѣзжаютъ: прошлый разъ два баптиста пріѣзжали, всю ночь спорили съ молоканами о вѣрѣ».

— «И чѣмъ же кончилось?»

— «Баптисты заспорили молоканъ: но молокане всетаки побе при своемъ остались».

Многіе изъ молоканъ справедливо не сочувствуютъ баптизму за его большой либерализмъ и неискренность.

У хлыстовъ св. Писаніе еще болѣе понимается «по духу», чѣмъ у молоканъ; въ послѣднее время въ молоканахъ обнаруживается, хотя весьма незначительное, и мѣстное движеніе къ переходу въ хлыстовство.

Незамѣтенъ переходъ отъ заблужденія къ заблужденію; труденъ путь челоѣка отъ заблужденія къ истинѣ. Въмѣсто того, чтобы идти къ Церкви, неудовлетворенные въ своей совѣсти, сектанты нерѣдко ищутъ выхода изъ заблужденій въ новыхъ заблужденіяхъ и въ концѣ концовъ бывають близки къ уtratѣ вѣры вообще. «Нѣкто сказалъ Ему: Господи! неужели мало спасающихся? Онъ же сказалъ имъ: подвизайтесь войти сквозь тѣсныя врата, ибо ска- зываю вамъ: многіе поишутъ войти и не возмогутъ» (Луки 13, 23—24). Благо тѣмъ, которые изъ сектантской «страны далека» вошли въ Церковь, домъ небеснаго Отца!

«Моск. Церк. Вѣд.» чрезвычайно любопытно, съ большимъ зна- ніемъ сокровенныхъ сторонъ жизни раскола, описываютъ міршету, — одинъ изъ исконныхъ старообрядческихъ обычаевъ, сохранившихъ свою жизненность и до нашего времени и не только гдѣ-либо въ захолустныхъ очагахъ раскола, но и въ такихъ метрополіяхъ, какъ Москва.

Старообрядцы, преимущественно безпоповцы, не общаются съ православными ни въ пищѣ, ни въ молитвѣ, т.-е. они не ѣдятъ, не пьютъ изъ той посуды, которая уже была въ употребленіи право- славнаго, и не молятся одновременно въ одной комнатѣ съ право- славнымъ, даже не перекрестятся. Посуда, употребляемая православ- ными, называется мірской; свою же посуду старообрядцы называютъ христіанской.

Общеніе съ православными обозначается особымъ терминомъ: оно — *міршета*. Самый терминъ опредѣляетъ, что въ данномъ правѣ

суммируется цѣлое, весьма сложное воззрѣніе. Среди мнѣній, ограничивающихъ старообрядчество отъ православной Церкви, ученіе о мѣрцѣ имѣетъ значеніе высокой крѣпостной стѣны. Оно, въ сущности, — ученіе объ антихристѣ, но въ практическомъ приложеніи. Чрезъ общеніе въ пищѣ и молитвѣ человекъ общается съ антихристовою нечистотою и необщеніемъ онъ показываетъ свою удаленность отъ антихриста, свою бережливость отъ него. Поэтому мѣрцета и немѣрцета такъ вѣлись въ психическую настроенность старообрядца, что ими выражается самый глубочайшій смыслъ старовѣрія. Въ каждомъ старообрядческомъ домѣ домашній распорядокъ подчиненъ сохраненію посуды немѣрценой; въ самомъ обращеніи съ посудой сказывается особая оберегательность: нельзя до чашки дотронуться невымытыми руками, мыть можно такъ-то, вытирать такъ-то. Въ домахъ, гдѣ члены разновѣрны, создается особый уставъ для посуды: эта—однихъ, эта—другихъ и т. д. — все строго разграничено, для каждаго отдѣла особыя полки или шкафчики. Эта попечительность о чашкѣ не доставляетъ скуки: она извѣстнымъ образомъ опредѣляетъ личность, даетъ особый смыслъ самому существованію. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ провести одинъ вечеръ въ старообрядческомъ домѣ. За однимъ столомъ сидятъ представители разныхъ религіозныхъ оттѣнковъ: за этимъ угломъ — настоящій едосѣвецъ, тутъ—новоженъ, тутъ—несущій публичную епитимію, тутъ—мѣрценой, тутъ—филипповецъ. Строгое разграниченіе въ посудѣ на каждую личность налагаетъ свой опредѣленный религіозно-нравственный отпечатокъ. Въ этомъ раздѣленіи выражается не вражда, а скорѣе различіе въ общественномъ положеніи, преимущества одного и обязанности другого. Поэтому мѣрцета и немѣрцета служатъ показателемъ общественнаго положенія личности, ея внѣшне-религіознаго состоянія.

Немѣрцета имѣетъ огромное вліяніе на самый складъ жизни. На исповѣди наставники на ряду о большихъ грѣхахъ спрашиваютъ: не мѣрцишь-ли? Одинъ едосѣвецъ, очень извѣстный въ Москвѣ фабрикантъ, хаживалъ пить чай въ Егоровскій трактиръ, въ Охотномъ ряду. Ему подавалась неизмѣнно одна и та же чайная чашка, чтобы она не сдѣлалась замѣрценой, и строго на-строго было запрещено мыть ее. Чашка прослужила нѣсколько лѣтъ и внутри и снаружи

покрылась настоящей броней. Надъ купцомъ смѣялись, о бронированной чашкѣ знали въ рядахъ, но купецъ отмалчивался и пользовался своей неміршеной чашкой. «Ничего,—говорилъ онъ,—хоть и грязна, за то неміршена». Старообрядцы путешествуютъ неизмѣнно съ своимъ стаканомъ, иногда съ блюдомъ и ложкою. Не знаю, какъ теперь, а раньше на старообрядческихъ мѣдно-литейныхъ заведеніяхъ вырабатывались стаканчики специально для дороги, по особому образцу и мѣдные, и серебряные. Они назывались «христіанскими»; съ ними ревнителі хаживали по трактирамъ и литейнымъ заведеніямъ. Такъ какъ размѣромъ они были рюмки въ три-четыре, то и создавалась поговорка: «онъ пьетъ изъ христіанскаго стаканчика». Такой отзывъ характеризовалъ большого пьяницу. Нерѣдко приходилось слышать о такихъ курьезахъ. Кается старообрядецъ въ тяжкихъ грѣхахъ, особенно противъ седьмой заповѣди. Епитимія должна бы быть страшной, но грѣхъ неожиданно покрывался стаканчикомъ. Въ концѣ исповѣди кающійся объявлялъ, что онъ всюду бывалъ съ своимъ стаканомъ; нужды нѣтъ, что тяжкіе-то грѣхи совершались съ православными.

Психическое отвращеніе отъ мірщеты у старообрядца такъ сильно, что зачастую случается слѣдующее. Побуждаетъ человѣкъ самого себя, убѣждается въ истинѣ православной Церкви, а не можетъ преодолѣть отвращенія отъ мірщеты. Въ такихъ случаяхъ сохраненіе своей чашки свидѣтельствуетъ о желаніи серьезнѣйшимъ образомъ убѣдиться въ правотѣ Церкви. И покойный архимандритъ Павелъ поощрялъ эту настроенность. Мирно бесѣдуетъ съ нимъ старообрядецъ, жадно слушаетъ его, страстно, ожесточенно даже отзывается о своихъ и тутъ же пьетъ чай изъ своего собственнаго стакана. «Сначала убѣдись хорошенько, а потомъ и чашку брось»,—успокаивалъ о. Павелъ смущающагося старообрядца. При одномъ взглядѣ на такого человѣка можно было понять, что стаканъ для него—все, послѣдняя преграда къ православной Церкви.

Ученіе о мірщетѣ создало весьма сложный культъ. Находятся старообрядцы, которые задаются вопросомъ: можно-ли ѣсть хлѣбъ, купленный на базарѣ или въ булочной? Въ большихъ городахъ эти вопросы исчезли, но въ глухихъ мѣстахъ эти вопросы еще существуютъ и нерѣдко приводятъ мѣстныя общины къ раздорамъ. Инте-

ресуются также: можно-ли употребить пищу, приготовленную въ мірскомъ горшкѣ?—Самая мірщета сообщается отъ прикосновенія избы православнаго и распространяется чрезъ жидкость. Вода изъ самовара не считается мірской, также и изъ чайника, но если православный попьетъ изъ самовара чрезъ кранъ или изъ чайника чрезъ горлышко, то посуда замірщится. Нельзя перелить воду изъ мірщеной чашки. Ножи и вилки не считаются мірскими; на этомъ же основаніи разрѣшается ѣсть сухіе куски, хотя бы они лежали въ мірщеной чашкѣ.

Относительно молитвы старообрядцы задаются вопросомъ: можно ли молиться одновременно съ православнымъ, хотя и въ особой комнатѣ, но неполнѣ отдѣленной, напр., съ открытой дверью или съ перегородкою, не доходящей до потолка? Подобныя дѣянія болѣею частью не допускаются. Но на открытомъ воздухѣ можно молиться и рядомъ съ православнымъ, конечно, на свою икону. Въ этомъ проводится тотъ же взглядъ, по которому рѣки не считаются замірщенными: вода въ своемъ теченіи очищается, также и чрезъ открытый воздухъ не распространяется мірщета.

Случайная мірщета, по ошибкѣ, недосмотру, очищается семипоклоннымъ началомъ. Мірщета сознательная требуетъ шестинедѣльнаго поста. На Преображенскомъ кладбищѣ часто бываетъ, что въ концѣ продолжительной службы вдругъ объявляютъ, чтобы никто не выходилъ. Оказывается, что кто нибудь изъ мірщенныхъ случайно перекрестился и этимъ всѣхъ замірщилъ. Отыскиваютъ наставника изъ не молившихся здѣсь и у него кладутъ семипоклонный началъ. Легко замірщиться на большихъ поминкахъ. Иногда о такой мірщетѣ узнаютъ на другой—на третій день. Пронеходитъ переполохъ, замірщенными оказываются всѣ москвичи. Экстренно выписываютъ наставника изъ ближайшаго города; у этого наставника очищаются наставники Преображенскаго кладбища и потомъ послѣдніе ѣздятъ изъ дома въ домъ по всему городу и вездѣ принимаютъ семипоклонные начала. Эти посѣщенія приносятъ наставникамъ не малые барышни.

Въ ученіи о мірщетѣ безсознательно сказывается психическій страхъ предъ православіемъ: православный однимъ лишь крестнымъ знаменіемъ уничтожаетъ всю мнимую святость старообрядца.

Корреспонденція „Миссіонер. Обзорнія“. извѣстія и замѣтки.

Изъ Москвы.

(Отъ нашей корреспондентки).

Московский расколъ.

Московский расколъ въ настоящее время переживаетъ самое лихорадочное состояніе. Умы раскольниковъ возбуждены слѣдующимъ событіемъ. На день Святой Пасхи среди раскольниковъ разнесся съ быстротою молніи слухъ о томъ, что кто-то изъ присныхъ расколу сообщилъ письменно Алексѣю Богатенкову (уже діакону, онъ же секретарь при архіерее): въ письмѣ говорилось, что на Пасхѣ къ вамъ, на Рогожское кладбище, и въ Шибаевскую моленную пріѣдутъ царскіе вельможи, то пріуберитесь и будьте на готовѣ. Письмо это застало расколъ въ расплохъ, потому что раскольники приготавлились совсѣмъ къ другимъ событіямъ. Въ Москву со всѣхъ концовъ Россіи съѣхались братчики разныхъ обществъ и книгоноши, и въ половинѣ Святой у нихъ должно состояться засѣданіе, а прибытіе вельможъ могло — помѣшать ихнимъ собраніямъ и продлить ихъ засѣданіе. Узнавъ объ этомъ извѣстіи вновь избранные попечители Рогожскаго кладбища Иванъ Карповичъ Рахмановъ и Сергѣй Матвѣевичъ Кузнецовъ приняли всѣ мѣры для встрѣчи дорогихъ гостей: Иванъ Карповичъ ударился по всѣмъ моленнымъ собирать хорошихъ дьячковъ съ голосами, не преминувъ захватить и въ Шибаевскую моленную къ попечителю Петру Осиповичу Трегубову. Г. Трегубовъ, увидавъ Рахманова и узнавъ отъ послѣдняго, зачѣмъ онъ пріѣхалъ, наотрѣзъ отказался дать дьячковъ для Рогожскаго кладбища. Г. Петръ Трегубовъ имѣетъ зубъ на г. Рахманова за то, что Трегубовъ былъ не избранъ, а Рахмановъ былъ избранъ въ попечители Рогожскаго кладбища. Трегубовъ хотѣлъ понасть въ попечители на Рогожское кладбище и заранѣе высказывался о нововведеніи и какой онъ устроить порядокъ на Рогожскомъ кладбищѣ. Поэтому, онъ встрѣтилъ Рахманова недружелюбно. Послѣ долгаго упорства г. Трегубовъ сдался на просьбы г. Рахманова и обѣщалъ прислать Маке-

дона и обѣщался самъ пріѣхать и послушать пѣніе на кладбищѣ. Вельможи: гр. Шереметьевъ, кн. Щербатовъ и др. прибыли на Рогожское кладбище въ пятницу, 11 Апрѣля въ 4 часа предѣ началомъ вечерни. Вельможъ встрѣтилъ извѣстнѣйшій въ старообрядскомъ мірѣ Матеей Сидоровичъ Кузнецовъ. Вечерню служили пѣвчіе Рогожскаго кладбища въ полномъ составѣ и собранные изъ другихъ моленныхъ басы. Замѣсто священника дерзнулъ облачиться въ присутствіи царскихъ вельможъ въ неподобающее ему званіе московскій мѣщанинъ Елисей Милехинъ. По окончаніи вечерни, г. Кузнецовъ и мѣщанинъ Иванъ Кошкинъ давали разясненіе высокимъ гостямъ. По осмотрѣ часовни гости были приглашены въ контору, гдѣ имъ былъ предложенъ чай. Пока дорогіе гости пили чай, въ это самое время въ квартирѣ Елисея Милехина открылось засѣданіе съѣхавшихся въ Москву братчиковъ. Засѣданіе это было въ одно время: въ конторѣ Рогожскаго кладбища были высокіе гости, а въ квартирѣ Елисея Милехина совершалось противозаконное собраніе. Въ субботу 12 числа за обѣдней эти же гости посѣтили Шибавскую моленную на Нѣмецкомъ рынкѣ, въ домѣ Трегубова и Федотова, гдѣ простояли за службой и видѣли какъ морозовскій сновальщикъ, облаченный въ священническія ризы, дерзаетъ совершать богослуженіе. Въ воскресенье, 13 апрѣля, на первой Мѣшанской улицѣ въ домѣ Матвѣя Сидоровича Кузнецова, высокіе гости присутствовали за обѣдней, которую совершалъ Елисей Милехинъ и діаконъ Елисей, съ Рогожскаго кладбища. На это посѣщеніе раскольники возлагаютъ большія надежды и истолковываютъ кто какъ можетъ: „кто говоритъ, что пріѣхали для отпечатанія алтарей! кто говоритъ, что [правительство насъ признало и не въ далекомъ будущемъ будемъ равноправны по виду съ другими! Не ошибаются ли раскольники?! не далеко-ли заходятъ? Всѣ эти событія происходящія въ расколѣ, не нравятся батюшкѣ Прокофію, по прозвищу Крокодилъ: рветъ и мечетъ! къ чему все это? проси, не проси все равно ничего не выпросите! „Какъ“, возражаютъ другіе: „ты, отецъ, ошибаешься,—все возможно, невозможнаго на свѣтѣ нѣтъ! Самъ, небось, помнишь циркуляръ былъ изданъ! „Говори, что объ насъ тамъ написано“?— „Знаю, что тамъ написано“,—сердито отвѣтилъ батька Прокофій!— Тамъ (написано) сказано: старообрядческимъ понамъ не носить длинныя волосы, не носить поповскія рясы, не строить новыя моленные, не имѣть книгоношъ“. — „Сказано это тамъ“?— „Сказано“—

отвѣтилъ батька. — „А что это мы все исполняемъ“? отвѣчай отче! „А въ Вокзальномъ переулкѣ, въ домѣ Борисова какую моленную отгрохали, даже церковные ходять да дивуются! А вѣдь это все послѣ циркуляра сдѣлано! А волосы-то ты раньше подбиралъ, а теперь распущены носишь? А книгоноши-то все кладбище запрудили, полна часовня ихъ была, когда сановники-то были? А самъ-то съ Мѣщанской говорить: все по моему будетъ. Ну что же, отецъ, согласенъ съ моими доводами? А сомнѣваемые, что невозможно на свѣтѣ нѣтъ!“ — „Это такъ-то такъ, все у насъ есть: и моленную выстроили мы новую и книгоношъ имѣемъ, да этого-то невозможно, чего захотѣли! пойми ты, дурыя голова! Это похоже на то: дамъ я тебѣ ружье и скажу: стрѣлай въ меня! Такъ и православные: то насъ не признають, а то вдругъ признали: а что будетъ, то и будетъ. поживемъ увидимъ“, сказалъ отецъ Прокофій, по прозвищу Крокодилъ.

С. Х.

Явное наказаніе Божіе за похуленіе св. Церкви.

Крестьяне раскольники д. Татарки, Бортневской волости. Марьяевского уѣзда, пожелали присоединиться къ св. Церкви и устроить въ своей деревнѣ единовѣрческой храмъ. Расколъ въ этой деревнѣ сильный и весьма фанатичный. Здѣсь существовалъ когда-то раскольничій скитъ, моленная котораго существуетъ и теперь. На минувшихъ Рождественскихъ праздникахъ въ этой деревнѣ собирается сходъ, — чтобы потолковать о присоединеніи и устройствѣ единовѣрческой церкви. Кто соглашался, кто нѣтъ. Одинъ раскольникъ — старикъ особенно вооружился противъ святаго дѣла и кричалъ: „на что намъ церковь, мы земли подъ нее не дадимъ!“ При этомъ онъ началъ изрыгать хулы и ругательства на св. Церковь. Многіе стали уговаривать Б. прекратить ругательства, увѣряя, что никто его не будетъ и приневоливать къ присоединенію, если онъ несогласенъ. Но Б. не унимался и еще злѣй понесъ ругательства. И вдругъ... среди слова оборвался голосъ его и онъ упалъ на землю въ безсознательномъ состояніи: его отнесли домой, гдѣ онъ, не приходя въ себя, на другой день и умеръ. Случай этотъ такъ потрясъ очевидцевъ, слышавшихъ брани несчастнаго Б., что вся деревня и теперь не можетъ еще придти въ себя. Всѣ раскольники прямо говорятъ, что за дерзкую хулу такъ явно поразилъ Богъ Б.

Священникъ Іоаннъ Чередниковъ.

Изъ залы засѣданій религіозно-философскихъ Собраній.

7-е ЗАСѢДАНІЕ *).

Приводимъ единственно, въ настоящемъ засѣданіи освѣщавшее вопросъ о свободѣ совѣсти по существу, съ точки зрѣнія философской, мнѣніе еп. Автономна (по изложенію «Нов. Путн»).

Вопросъ о свободѣ совѣсти докладчикъ резюмировалъ такъ: всѣ религіи въ государствѣ должны пользоваться правомъ гражданства. Идея протекціонизма должна быть чужда религіи. Это идея чисто политическая. Религіозныя отпаденія, отсюда, юридически не наказуемы. Такими разсужденіями самоѣдскіе шайтаны и бурятскіе „улу“ помогаютъ своей авторизаціи, черемисы и вотяки несутъ своихъ божковъ сюда какъ на конгрессъ, требуя имъ нима. Спрашивается: фактическое сожительство нѣсколькихъ религій отвѣчаетъ ли духу Христову, духу Вселенской Церкви? Никакой истины Библия не повторяетъ съ такимъ напряженіемъ, какъ первой заповѣди: „Я Господь Богъ твой, у тебя не должно быть иныхъ боговъ кромѣ Меня“. Эготъ монотенстическій принципъ противоположенъ политеистическому не только количественно, но и своею динамическою стороною. Богъ еврейскій не только лучшій изъ боговъ, старшій въ сонмѣ боговъ, нѣтъ, онъ единственный Богъ, внѣ и помимо Его души человѣческой не суть реальное поклоненіе Богу. Ни одна политическая религіознаа система не возвышала голоса въ пользу своего абсолютизма: онѣ мирно уживались совмѣстно, даже выработался практическій символизмъ такой толерантности, такъ называемый пантеонъ. Греки и римляне, покоряя себѣ варварскіе народы, спокойно свозили ихъ боговъ и поставляли въ Акрополь, и даже болѣе, въ эпикурейской предусмотрительности они поставили въ Афинахъ про запасъ алтарь „невѣдомому богу“, въ той мысли, что есть же на землѣ гдѣ-нибудь еще неизвѣстный имъ народъ и, вѣроятно, со своимъ особымъ богомъ, пусть же и этотъ національный богъ не будетъ обиденъ. Изычество (и однородный съ нимъ принципъ религіозной свободы) хотѣло, такимъ образомъ, исчерпать религіозную идею

*) «Мис. обзор.» кн. № 6.

архетипически, еврейство и откровение вынашивало идею Бога субстанциально и морально. Отсюда становится понятнымъ, что только еврейству свойственъ духъ прозелитизма. Язычество въ своемъ развитіи подчинено закону эволюціи, есть движеніе слѣпой инерціи безъ идеала, одна еврейская религія есть процессъ сверхчеловѣческой религіозной инициативы или промышленія. Языческія религіи, по выразительному слову ап. Павла, ищутъ Бога, только въ еврействѣ Богъ открывается людямъ. Этотъ божественный импульсъ, это возжиганіе божественной искры въ душѣ человѣческой, это ощущеніе Бога въ себѣ и составляетъ внутреннюю вістическую эмоцію прозелитизма. Съ этой стороны глубокою моральною правдою отличается замѣчаніе Эвальда, что у всѣхъ народовъ были прорицатели, только въ еврействѣ были пророки. Дельфійская пифія наркотизировала себя, чтобы впасть въ трансъ и проникнуть за дверь познаваемого, и только въ еврействѣ Богъ чрезъ Серафима вкладываетъ свое огненное слово въ уста своему пророку. И какая разница: пифія безпомощно ворочается на своемъ треножникѣ, безъ разума и воли, около нея создается каббализмъ и шаманизмъ, пророкъ Исаія дерзновенно и мужественно простираетъ слова Бога народамъ и владыкамъ. Язычество, такимъ образомъ, безъ внутренняго Животворнаго Духа, мало мощно, лишено экспрессіи, импульсовъ. Оно мастеръ, декораторъ, но не творецъ и инициаторъ. Нравственное творчество, сила импонирующая, мощь прозелитствующая, привлекающая и покоряющая—только въ богооткровенной религіи... И, быть можетъ, потому, на мѣстѣ древнихъ Вааловъ и Озирисовъ воютъ шакалы, да копошатся археологи и любопытные туристы, а на мѣстѣ явленій Іеговы своему народу доселѣ дымъ кадильный восходитъ къ небу, и еврейство доселѣ живо какъ окаменѣвшія въ пластахъ земли свая зданія Церкви Христовой. Но христіанство не есть только эволюція іудейства, напротивъ, Богъ, вѣрный своей идее постояннаго откровенія въ человѣкѣ, здѣсь являъ высшій феноменъ своего снисхожденія къ человѣку, никакими космическими законами бытія не обуславливаемый. И Христосъ не пришелъ въ міръ въ качествѣ Фигте или Гарнака, чтобы предложить совершеннѣйшую умозрительную систему оздоровленія человѣчества, ни въ качествѣ Пастера или Мечникова съ колбочкой сыворотки, исцѣляющей отъ удручающихъ людей недуговъ, нѣтъ, онъ историческій факторъ такой несравнимой, абсолютной важности, какого не было ни прежде, ни послѣ. Грѣхъ, какъ нѣкоторая космическая причина, произвелъ раздѣленіе между небомъ и землею. Люди помрачились въ чистотѣ своего душевнаго облика, но остались съ неутолимою жаждою Бога, по субстанциальному родству съ Нимъ. Свѣтъ, въ которомъ обитаетъ Богъ, закрылся для человѣка туманомъ. И пошли люди ощупью искать

дороги на небо, стали строить вавилонскія башни, какъ ступеньку къ сокрывшемуся во мглу престолу Божію, но, не находя точки опоры въ небесахъ, стали ребячески другъ друга чистить и мыть—идеализировать, подсаживая одинъ другого на Олимпъ—миражное небо. Параллельно этому любовь Божія сконденсировала свое появленіе въ одномъ этнографическомъ пунктѣ, и глаголѣ Божій какъ освѣжающая гроза возгремѣлъ надъ облачнымъ Сиваемъ. Богъ самъ нашелъ подножіе Себѣ и ступилъ на землю, но все же въ облакѣ еще и мглѣ. Говоря такъ, я проникаю во внутреннюю вѣчную сторону Синайскаго законодательства, и какими • водевиальными кажутся, по сравненію съ этимъ, сказанія о походженіяхъ Сатурна и Юпитера на землѣ, вообще вся языческая оеокомедія. Ветхозавѣтное іудейство было, такъ сказать, постояннымъ смыканіемъ и замыканіемъ гальванической цѣпи богообщенія, но это общеніе было съ обѣихъ сторонъ какимъ-то насильственнымъ, гнетущимъ, тяжелымъ. Огкровеніе Бога обставлялось грозой и мракомъ, ощущеніе этого общенія для человѣка сопровождалось страхомъ и символизировалось кровью (жертвъ); а потому, что грѣхъ разрушилъ тончайшую пленку органической моральной связи между Богомъ и человѣкомъ, релігіозный нервъ богообщенія былъ пересѣченъ (это выражаетъ біблія картиной, какъ ангелъ съ обнаженнымъ мечемъ былъ приставленъ къ дверямъ райа) и Богъ, прилажаясь къ человѣку до послѣдняго, такъ сказать, пункта этого нерва, только возбуждалъ въ человѣкѣ параллельные токи, прямого перелива эвергіи не существовало. Христіанство—это творческій актъ сростигъ не механически, а органически этого жизненный нервъ, который человѣкъ разорвалъ своимъ богоборствомъ (мистическій смыслъ борьбы Іакова съ Богомъ). Когда вавилонская башня рушилась, Богъ чрезъ Христа самъ спустилъ намъ лѣстницу съ неба. Христіанство, такимъ образомъ, родственное іудейству генетически, но не вивословно, ибо оно даетъ гораздо болѣе въ слѣдствіи, чѣмъ дано въ причинѣ, тождественно своей качественной стороной. Оно безусловно, исключительно: оно даръ неба барахтающемуся на землѣ человѣчеству. Ни компромиссовъ, ни компенсаціи никакой недопустимо. Поэтому оно и вошло въ міръ какъ раскаты глагола Божія во всю широту земную. Шедше въ міръ весь, проповѣдите Евангеліе всей твари. Кто восприметъ и крестится, тотъ спасенъ будетъ. Внѣ христіанства нѣтъ кровообращенія жизни, одинъ медленный процессъ увяданія и дряхлѣнія. Въ силу своей божественности христіанство такъ импульсивно, бродильно, прозелитично, апостолично. И ужели сонному Буддѣ и апатичному Магомету оспаривать лучи немерцающей славы Христовой? И даже въ христіанствѣ внѣ живого непрерывно бьющаго родника благодати, внѣ таянствъ, христіанство иссушается, оскелетѣвается,

превращается въ цѣль философскихъ доктринъ—таково безблагодатное протестантство; это христіанская философія, но безъ духа апостольства. Исходный пунктъ христіанства—это грѣхъ не какъ юридическій принципъ, а какъ органическая модальность духа, болѣзнь человѣка. Всѣ порывы грѣховнаго человѣчества къ Богу—это слезы, отравленные гноиды. Христіанство есть божественная прививка, реставрирующая здоровье. Спрашивается, о какомъ тутъ правѣ можетъ быть рѣчь? О правѣ болѣзни? Печальное и трагическое право. Либералы совѣсти около Христа оспариваютъ мѣсто Буддѣ и Магомету. Нѣтъ, Христосъ не можетъ сжигаться. Онъ вездѣ все и вся исполняй. Здѣсь приложимъ всю свою субстанціальную мощь законъ упругости. Съ нимъ никто не можетъ возсѣсть рядомъ. Вы домогаетесь свободы вѣрованія, какъ кому вѣрится, какъ кому взбрело; извольте, это ваше эгонистическое стремленіе, но не санкціонируйте его именемъ Евангелія, духа Христова. Идея солидарности въ глубинѣ своей не христіанская, и въ однихъ и тѣхъ же пространственныхъ границахъ созиданіе алтарей истинному Богу и рядомъ какому-нибудь Ваалу недопустимо. Христіанство эксцентрично идеѣ совѣстительства, экскоммуникативно, оно не жерновъ, механически превращающій все въ однообразную массу; но единственная моральная сила, двигающая, идеалистическая, влекущая къ идеалу, въ собственномъ смыслѣ прогрессивная и какъ-то такая только и воплощается въ право; всѣ прочія религіозныя состоянія совѣсти суть лишь печальные факты, получающіе свое скорбное право на существованіе въ наличности своего бытія, но ни въ какой идеѣ. Они функционируютъ, слѣдовательно, существуютъ. Но они не имѣютъ права существовать. Есть нормы нравственного порядка—не убій, не укради; рядомъ съ этимъ во всѣхъ газетахъ уголовная хроника изобилуетъ убійствами и грабежами; разбойники фактически существуютъ, и ихъ похищенія не лишены подчасъ удалства, ловкости, проворства; но не возводите ихъ дѣятельности въ принципъ, не санкціонируйте ее нормою права. Такъ и христіанство; оно налегаетъ на чужую совѣсть не кулакомъ исправника, не тесакомъ городского, оно давитъ ее своею внутреннею абсолютною мощью, исключительностью своею, въ которой слышенъ приговоръ осужденія всему, что не есть чистое христіанство. Думаете, подымаетъ драки полиція? Нѣтъ. Вражда лежитъ гораздо глубже, въ несовѣстимости принциповъ. Отнимите у христіанъ (или религіозныхъ людей) ружье и штыкъ: они будутъ драться (какъ было въ Грановитой Палатѣ въ Москвѣ, и недавно въ Іерусалимѣ)—хоругвями, подсвѣчниками, крестами. Причина зла не въ томъ, что за однимъ стоитъ городской, а за другимъ его нѣтъ, а въ томъ, что безусловная, абсолютная истина не допускаетъ никакого взвѣшиванія себя съ ложью. Кто

назвалъ себя только Истиною, Путемъ и Животомъ, не допускаетъ и математическаго совмѣстительства съ Буддой или Зороастромъ. Дьяволъ въ постоянной активной враждѣ съ Небомъ, и вражда эта жива и дѣйствена, хотя ни у той, ни у другой стороны вѣтъ ни городовыхъ, ни жавдармовъ. Если въ дѣйствительности, положимъ, въ Россіи допускаются вѣшніи наслія надъ религіозною совѣстью сектанта, то это, очевидно, сторона дѣла прикладная. полицейская узурпація религіи; тутъ слѣдуетъ говорить не о свободѣ совѣсти, какъ ланцетъ, а о симметріи, нормальномъ взаимоотношеніи моральной силы, какъ идеи, и права, какъ формы. Надо говорить о томъ, чтобы еврея не жгли за то, что онъ еврей, а павловскіе мужики не кошуновали надъ православною святынею, потому только, что она не нравится крестьянину Тодосіенко. Но это вовсе не означаетъ, что Тодосіенко, кievскій крестьянинъ, имѣетъ такое же моральное право авторитета и дѣятеля, какъ кievскій митрополитъ, что табуретъ одного и каведра другого должны стоять рядомъ. Съ точки зрѣнія доклада надо сказать: предоставимъ наличность естественному теченію, ложъ объявится сама собою. Такъ-то такъ; что не Богъ насадилъ, то само собою искоренится, но между тѣмъ, пока это случится, а Ковалева уже убили изъ-за Теодасіенки и сколькихъ искалѣчили. Въ этомъ напускномъ великодушіи, „всѣ вѣры предъ Богомъ равны“, лежитъ принципъ, убивающій идею Церкви, какъ органическаго живого союза. Ясно, что при такихъ условіяхъ Церковь остается только какъ механическое единство. Какое въ самомъ дѣлѣ внутреннее динамическое сродство между А и В, если мы выходимъ, положимъ, по одной дорожкѣ, но направляемся молиться въ разныя церкви, если внутренний міръ cadaго огражденъ индивидуалистичнымъ «не твое дѣло»; «вѣруй каждый какъ тебѣ нравится». Отставая вѣроисповѣдающу обособленность, во имя фактической дробности религіознаго сознанія, принципъ свободы совѣсти впадаетъ во внутреннее противорѣчіе съ самимъ собою. Онъ говоритъ устами раскольниковъ и сектантовъ: не трогайте насъ: живите вы сами по себѣ, мы сами по себѣ; но чуть только снисходительная терпимость получаетъ реализацію, какъ во имя факта, во имя инерціи она возвышаетъ голосъ: дайте намъ активную свободу, свободу пропаганды, свободу прозелитизма. Вѣдь это значило-бы создать въ государствѣ религіозный трибуналъ, гдѣ посадить за одинъ столъ съ православными архіереями еврейскаго раввина и магометанскаго шейхульислама, создать вмѣсто динамическаго единства, единства потенціала, конгрессъ религій. (Нов. Пут. 134—139).

Со скрижалей сердца.

По поводу пребывания въ Москвѣ Ихъ Величествъ.

Христосъ Воскресе, дорогіе читатели!

Вседушевно привѣтствую васъ съ счастливо и радостно совершившимися пасхальными празднествами... Пасха на св. Руси— всегда красная—воскрешающая въ чуткой вѣрующей душѣ православнаго христіанина чистые, свѣтлые, религіозные и этические инстинкты, будящая въ добромъ сердцѣ христіанскія чувства всепрощающаго мира и безконечной радости о Душѣ Святѣ... Въ нынѣшнемъ году наша Пасха была на Св. Руси особенно „любопраздненственна“, свѣтла и радостна. Она сіяла не только премірнымъ блистаніемъ Солнца Правды, Воскресшаго Христа Живодавца,—какъ всегда, но и нѣжными, тихими плѣнительными лучами живой вѣры и сколько умильнаго, столько же поучительнаго для всѣхъ и каждаго, благочестія нашего російскаго Краснаго Солнышка,—Царя—Батюшки съ—Царицею—Матушкой, съ прекрасными Царевнами, съ Государемъ Наслѣдникомъ.

Какъ вы знаете, дорогой читатель, какъ читали и перечитывали въ газетахъ, Его Величество со своей Августѣйшей семьей провелъ дни страстной и пасхальной седмицы въ первопрестольной Москвѣ. Вы видѣли, что не прошло рѣшительно ни одного дня за это время у Царя безъ подвиговъ усердной молитвы и благовѣйнаго поклоненія святынямъ московской церковной старины. Москва, а съ нею вся православновѣрующая Россія съ восторгомъ и умиленіемъ взирала на это, воскресшее въ нашу новизну, чисто древнецарское времяпрепровожденіе. Въ наше лукавое время невѣрія и лжевѣрія, шатанія умовъ и смуты Царь и Царица явили своимъ примѣромъ истинноправославной вѣры и искренняго благочестія несказанное утѣшеніе и ободреніе людямъ церкви, а вмѣстѣ они внушили дѣятелямъ миссіи новую увѣренность, что враги православія, съ своими ухищреніями и подкопами подъ Церковь, твердню и оплотъ нашего историческаго государственнаго строя,—„ничтоже успѣютъ“. Что всѣ эти разглагольствованія о

„новыхъ путяхъ“ и помаванія модными флагами «свободовѣрія» — плодъ безпочвеннаго свободомыслія.

Отщепенцы и заблуждающіе воочію могли въ Москвѣ убѣдиться и научиться тому, какъ близка и дорога сердцу благочестивѣйшаго нашего Государя православная вѣра и Церковь, какъ священны накопленныя и сохраненныя вѣками сокровища церковныхъ Святинь!. И если Самъ Царь такъ чтитъ Святини вѣры и Церкви и хранитъ благовѣйство къ нимъ, то какъ же иначе могутъ относиться къ тому преданные, вѣрные дѣти Царя и Отчизны?

Всѣхъ трогательныхъ, поучительныхъ и умилительныхъ для православнаго сердца моментовъ московскихъ пасхальныхъ торжествъ не описать никакому перу — это, увѣряютъ очевидцы, нужно видѣть и можно лишь чувствовать. И мы, посвящая настоящую бесѣду запечатлѣнію на нашихъ «Скрижаляхъ» московскихъ радостныхъ и въ своемъ родѣ историческихъ торжествъ, намѣтимъ здѣсь лишь общую картину.

„Моск. Вѣд.“ справедливо замѣчаютъ, что пережитые Москвою свѣтлые, умилительные дни, — дни живаго общенія Русскаго Царя съ Его народомъ, — являются высокорадостнымъ событіемъ не только для Москвы, но и для всей Россіи, — для всего Русскаго стоимилліоннаго народа, который и въ отдаленнѣйшихъ уголкахъ необъятнаго нашего Отечества живетъ единымъ чувствомъ и единою мыслью съ сердцемъ Россіи, Москвою и ея населеніемъ. Ибо у насъ на Руси коренной народъ *единъ* не только по крови, но и по духу; и это *національное духовное единство* Русскаго народа, сплоченнаго сверху до низу, отъ барскихъ палатъ до крестьянской хаты, въ одну братскую національную семью, *во имя высшихъ, этическихъ идеаловъ*, — составляетъ исключительное достоинство именно *Русскаго* православнаго народа и его неизмѣримое преимущество предъ народами Запада.

Тамъ въ Москвѣ, по свидѣтельству одного очевидца *), въ дни пребыванія Ихъ Величествъ восторгъ смѣнялся умиленіемъ, умиленіе — восторженнымъ благоговѣніемъ и всеобщимъ ликованіемъ... И это слишкомъ понятно: Царь, проводящій знаменательные для всякаго православнаго христіанина дни среди Своихъ наиболѣе благочестивыхъ подданныхъ, молящихся о его долгоденствіи; Царь,

*) Москов. Вѣд.

наполняющій Свое время поствщеніемъ святынь, изученіемъ древнихъ реликвій, свидѣтельствующихъ о почтеніи и преданности Строителей земли Русской къ Церкви и Вѣрѣ Христовой, укрьпившихъ и прославившихъ ее своими подвигами, заповѣдавшихъ грядущимъ поколѣніямъ тѣ несравненныя, ими выстраданныя. жизненныя формы, которыя довели Русь того времени до огромныхъ размѣровъ и гигантской мощи нынѣшней Россіи; Царь, пріобщающійся Святой, подвижнической жизни многихъ изъ нихъ. жизни, навѣвающей свѣтлыя, ободряющія намѣренія, окрыляющей и укрьпляющей надежды; Царь, думающій заодно съ тѣми страстотерпцами великой идеи о созданіи могущественнаго, богобоязненнаго царства, способнаго обновить родъ человѣческій не страхомъ, а кротостію и любовію,—такой Царь великолѣпенъ Своею чарующею простотою, Своею ясною проникновенностію. Своею умудренностію, всѣмъ Своимъ непорочнымъ обиходомъ!..

Чувствуется обновленіе духа, какой-то бодрящій подъѣмъ силъ, и крѣпнеть склонность къ смиреннымъ, непоказнымъ подвигамъ, къ совершенствованію, къ незлобivosti, къ душевной тишинѣ, къ сердечному, искреннему жертвованію. Какъ ярко освѣтился и сталъ ясенъ путь, которымъ всѣмъ Русскимъ людямъ надлежитъ идти, чтобы сберечь и облагородить свой съ Нимъ союзъ и единеніе!..

Не описывая умиленныхъ сценъ, восторженныхъ воспоминаній и собщеній, связанныхъ съ пребываніемъ Царя въ Москвѣ, здѣсь мы ограничимся приведеніемъ лишь Всемилоствѣйшаго рескрипта Государя Императора на имя Московскаго Генералъ-Губернатора, свидѣтельствующаго о пережитыхъ Ихъ Величествами въ Москвѣ въ пасхальные дни чувствахъ и впечатлѣніяхъ, а также знаменательной рѣчи достойнѣйшаго московскаго іерарха, высокопреосвященнаго митрополита Владиміра, съ ея отнынѣ сдѣлавшимся классическимъ выраженіемъ: „гдѣ падаютъ алтари, падаютъ и престолы“.

Вотъ рескриптъ Его Величества:

„Ваше Императорское Высочество! Господь вновь даровалъ Мнѣ и Государынѣ Императрицѣ, Александрѣ Ѳеодоровнѣ высокое утѣшеніе провести въ Москвѣ съ Нашими Дѣтьми въ молитвенномъ единеніи съ преданнымъ Намъ народомъ дни Страстной недѣли, удо-

стояться здѣсь приобщенія Святыхъ Таинъ и радостно встрѣтить Свѣтлый праздникъ Христовъ.

Подъ благодатной сѣнью Святой Матери Церкви въ стѣнахъ древняго Кремля, среди великихъ святынь московскихъ и славныхъ памятниковъ родной исторіи, Я почерпаю въ завѣтахъ старины русской и въ проявленіяхъ чувства народнаго обновленныя силы для служенія возлюбленному Отечеству. Въ такомъ душевномъ настроеніи Я испытываю сердечную потребность выразить Вашему Императорскому Высочеству и черезъ Васъ дорогой Мнѣ Москвѣ одушевляющія Меня благодарныя чувства за отрадныя и живительныя дни, которые Я пережилъ здѣсь съ Моей Семьей. Объявляю также Вашему Высочеству Мою сердечную признательность за неусыпныя и плодотворныя труды на благо первопрестольной столицы и за образцовый въ ней порядокъ. Мнѣ отратно было убѣдиться, что въ поддержаніи этого порядка соревновало, съ чинами къ сему призванными, само населеніе.

Пребываю къ Вамъ навсегда неизмѣнно благосклонный“

На подлинномъ Собственной Его Величества рукой написано: „сердечно любящій Васъ и благодарный

НИКОЛАЙ“.

Вотъ содержаніе рѣчи, коей Высокопреосвященный Владиміръ привѣтствовалъ Ихъ Величества при встрѣчѣ въ Успенскомъ соборѣ:

„Благочестивѣйшіе Государь и Государыня!

„Духовно радуемся, что, по третьегоднему примѣру, Вамъ благоугодно еще разъ провести съ Первопрестольною столицей великіе дни Страстной и Пасхальной седмицъ, еще разъ поклониться ея Святынямъ и исполнить здѣсь христіанскій долгъ говѣнья по правиламъ Православной Церкви.

„Благословенно Ваше благоволеніе къ древней столицѣ и бла-

оговѣніе къ ея древней Святыни! Сугубо благословенно Ваше общеніе съ Церковью и участіе въ святыхъ ея таинствахъ!

„Какъ поучительно и отрадно для народа это участіе особенно въ наши лукавые дни, когда враги нашего Отечества такъ много употребляютъ усилій къ подрыву нашей Вѣры и Церкви, выходя, конечно, изъ того убѣжденія, что тамъ, гдѣ падаютъ алтари, падаютъ и престолы! Общеніе Царя и Царицы съ народомъ въ религіозной и церковной жизни есть самый животворный источникъ единства и силы Государства.

„Православная Вѣра есть душа Русскаго народа, а Церковь—его мать, его учительница и воспитательница. Подъ руководствомъ Церкви воспитался нравственный характеръ и великій духъ его. Съ жизнью Церкви сопряжена его собственная жизнь; съ ея цѣлостію—его безопасность, съ ея процвѣтаніемъ—его слава и преемство. Вотъ почему всюду извѣстная любовь и преданность Русскаго народа своимъ Царямъ и Царицамъ никогда не вспыхиваетъ такимъ яркимъ пламенемъ, какъ при единеніи ихъ съ Церковью, при общеніи ихъ съ народомъ въ его религіозныхъ событіяхъ и торжествахъ. Это видѣли Вы здѣсь же и въ эти же самые дни три года тому назадъ, видите и сейчасъ, когда вотъ этотъ стѣною стоящій народъ съ такимъ неудержимымъ взрывомъ восторга напутствуетъ Васъ на молитвенный Вашъ подвигъ.

„Широко отверзаемъ двери сего храма въ надеждѣ, что Вы не останетесь здѣсь одинокими въ Вашей молитвѣ. Съ нею сольются не только видимыя молитвы безпредѣльно преданнаго Вамъ народа и служителей Алтаря, но и болѣе мощныя невидимыя молитвы Вашихъ Предковъ, Собирателей земли Русской, и цѣлаго сонма Святыхъ, нетлѣнно почивающихъ въ семъ храмѣ.

„Да услышитъ же Всевышній эту молитву! Да сотворитъ Онъ по сердцу Вашему! Да ниспошлетъ Онъ на Васъ то небесное благословеніе, которое и *стропотное* обращаетъ въ *правое и острое—въ пути гладки!* Да разсѣетъ Онъ и ту печальную смуту, упоминаніе о которой въ недавнемъ Твоемъ, Государь, Манифестѣ звучитъ такою грустною нотой, острою болью отзываясь какъ въ Твоемъ любящемъ отеческомъ сердцѣ, такъ и во всѣхъ сердцахъ Твоихъ вѣрноподанныхъ“.

При посѣщеніи Алексѣевского монастыря, Государь Императоръ изволилъ посѣтить могилу приснопамятнаго М. Н. Каткова. Событіе это вызвало въ „Москов. Листкѣ“ горячее воспоминаніе о

Катковѣ, какъ пламенномъ патріотѣ и убѣжденномъ публицистѣ. Мы закончимъ наши скрижали этой поминкой, въ томъ упованіи, что въ образѣ и завѣтахъ Каткова смущенные смутами нашего времени найдутъ себѣ и ободреніе и поученіе.

„Посѣщеніе Государемъ Императоромъ могилы Каткова въ Алексѣевскомъ монастырѣ возбуждаетъ особое благоговѣніе къ этой могилѣ,“ говорить „Москов. Газета“.

Вѣдь это былъ огненный пророкъ государственной идеи; вѣдь это былъ богатырь, стоявшій на стражѣ цѣлости и единства Русской земли; вѣдь это былъ великій Москвичъ—патріотъ, съ которымъ считались политическіе гении Европы, и предъ могилою котораго выражаютъ сожалѣніе чужіе народы.

Цѣлой пережитой русской эпохи нельзя отдѣлить отъ его мысли, отъ его слова, отъ его кабинета и пера.

То была эпоха умственного шатанія, государственнаго колебанія и неустанной подспудной работы темныхъ сатанинскихъ силъ — и, среди всѣхъ этихъ волненій и бурь жизненнаго моря, онъ стоялъ какъ мощная величавая скала, служилъ свѣточемъ для государственнаго корабля и облегчалъ вздохи русскаго болѣвшаго сердца.

Самодержецъ, какъ творческая сила исторіи, создавшая невиданное полсвѣтное царство, непрерывно стоялъ предъ его умственнымъ взоромъ, и вѣра въ эту силу, какъ единственный вѣрный и надежный залогъ грядущей ея моши и славы, проникала насквозь все его нравственное существо. Содѣйствуя созидательной государственной работѣ въ ея преобразовательныхъ задачахъ, онъ всѣми силами души возставалъ противъ чуждества, обуявшаго тогда и общество, и печать, и государственныя канцеларіи. Съ одной стороны—дѣтская простота, вѣрившая въ новыя формы, съ другой—лукавство, подготовлявшее себѣ мечтательныя роли, дружно сходились въ чуждество, отрекавшемся отъ своей исторіи и стремившемся къ западному политиканству. Дѣло дошло до того, что „диктатура сердца“ уже мечтала о созваніи „земскаго собора“.

Катковъ, своимъ орлинымъ взоромъ проникая во - внутрь чуждества, грозно обнажалъ это мороченіе государственнаго и общественнаго сознанія и своимъ огненнымъ словомъ безпощадно казнилъ эту измѣну самодержавному историческому началу. Онъ совершенно вѣрно утверждалъ, что какъ новыя земскія всесослов-

ныя собранія ничего не имѣютъ общаго со „старымъ земствомъ“, свойственнымъ лишь одному *податному сословію*, такъ и новый „земскій соборъ“ будетъ далекъ отъ стараго строя и характера и не можетъ быть ничѣмъ другимъ, какъ только западнымъ конституціоннымъ собраніемъ. Допускать же такое довершеніе зданія—значить разрушать государство, обнимающее полсвѣта и безчисленное множество народностей, враждебныхъ другъ другу, значить, говоря словами лѣтописца, *„изубить Русскую землю, кже отцы и дѣды стяжали трудомъ своимъ великимъ“*. И тѣмъ глубже возмущала душу Каткова эта измѣна, что она думала не думами исторіи, а постыдно поддѣлывалась подъ голосъ тайной смуты, корень которой онъ видѣлъ и указывалъ неотразимо въ чужихъ государствахъ, подспудно ковавшихъ зло Россіи“.

Прочитавъ эту горячую поминку, невольно спрашиваешь себя: а гдѣ и кто нынѣ среди дѣятелей пера и литературы такіе мужественные, искренніе, талантливые страдальцы за исконныя начала и устои православно-самодержавной Россіи? А какъ такіе люди нужны нынѣ, ибо вѣдь наше время болѣе лукаво, а по смутѣ умовъ еще тревожнѣе и сложнѣе, чѣмъ какою была эпоха катковскаго ратоборства! Къ политической смутѣ въ верхнихъ либеральныхъ слояхъ привилась нынѣ смута въ народныхъ низахъ и *horribile dictu*,—замѣчается если не смута, то какой-то разбродъ, неустойчивость и шатаніе въ богословской мысли и убѣжденіяхъ, и также неудовлетворенность существующимъ положеніемъ церковной жизни и управленія. Появилось декадентство и среди присяжныхъ богослововъ и даже облеченныхъ въ санъ пастырства, образчикъ чего вы, читатель, видите въ безстыдныхъ умствованіяхъ о. Усть—го, приведенныхъ въ вышепомѣщенной статьѣ г. Гринякина: „Обуявшая соль“. А устное и литературное проповѣдничество модныхъ ораторовъ развѣ не декадентство? А своеобразность богословствованія нѣкоторыхъ—слава Богу—немногихъ молодыхъ нашихъ *quasi* ученыхъ?...

Все это печальныя знаменія нашего времени...

Но мы надѣемся поговорить на эту живогрешущую тему въ другой разъ, а теперь будемъ молить Господина жатвы, да изведетъ онъ во время благопотребно на нашу, заростаемую плеведами, ниву добрыхъ, твердыхъ и мудрыхъ жнецовъ!

В. Сквирицовъ.

Лѣтопись печати и новыя книги.

13. Изъ свѣтской печати: «Соль обуявшая». Н. Гринякинъ. . 1032—1040
14. Свящ. М. Лисицынъ. Христіанское воспитаніе въ семьѣ и школѣ. Богословско-психологическій этюдъ. 1040—1042
15. Ею-же. Церковь и музыка. П. Козинкій 1043—1044
16. А. А. Глаголевъ. Древнееврейская благотворительность. Свящ. А. Виноградовъ. 1044—1045
17. Странная рецензія на сочиненіе: «О сущности религіозно-нравственнаго ученія Л. Н. Толстого». Проф. А. Гусевъ. . . 1045—1062

Хроника.

I.

18. Изъ жизни инославія и изъ міра заграничнаго сектанства. Послѣднія извѣстія о духоборахъ въ Канадѣ. Отзывъ американской газеты объ о. Іоаннѣ Кронштадтскомъ.—Католичество въ минувшемъ году и его успѣхи въ Россіи. . . . 1063—1070

II.

19. Миссіонерство, сенты и расколъ.—Картины современной вѣры и жизни сектанства и раскола.—Екатеринославскіе хлысты и Донскіе молокане.—Раскольничья «Мірщета». . . 1071—1079

III.

Корреспонденція «Миссіонерскаго Обзорѣнія», извѣстія и замѣтки.

20. Изъ Москвы. Московскій расколъ. С. Х. Явное наказаніе Божіе за похуленіе Св. Церкви. Свящ. Іоаннъ Чередниковъ . 1080—1082
21. Изъ залы застѣданій религіозно-философскихъ Собраній. Еп. Антонинъ по вопросу о свободѣ совѣсти. 1083—1087
22. Со скрижалей сердца. По поводу Московскихъ торжествъ В. Скворцовъ 1088—1094
Особое приложеніе.
23. Великороссійское и малороссійское богословіе XVI и XVII вѣковъ. Глав. 2-я. Сравнительное ученіе о воплощеніи и искупленіи. Іером. Тарасій. 49— 64

Подписка на „Миссіонерское Обзорѣніе“ продолжается.

При этой книжкѣ рассылаются приложенія «Миссіон. Обзорѣнія»: № 4 «Народно-Миссіонер. Библіотечки» и «Проповѣди» за Май—Іюнь.

Вышли въ свѣтъ новыя изданія „Мисс. Обзор.“: СОВРЕМЕННЫЙ РАСКОЛЪ. Т. 1-й. Ц. 1 р. для подписчиковъ «Мисс. Обзор.» 50 коп., безъ пер., МИССИОНЕРСКИЙ СПУТНИКЪ, настольная справочная книжка по миссіонерству, для пастырей и ревнителей православія XII+824. Ц. 1 р. 30 к.

Редакторъ-издатель В. М. Скворцовъ.

Адресъ редакціи — Невскій, 153.

Только что отпечатана и поступила въ продажу

НОВАЯ КНИГА

свещ. Серапіона Брояковскаго.

„За вѣру и противъ лжевѣрія“.

Опытъ противосекантской хрестоматіи, заключающей въ себѣ бесѣды, поученія, рассказы, очерки и стихотворенія, направленные противъ лжеученій раскольниковъ и сектантовъ.

Необходимая и весьма полезная книга при веденіи вѣбогослужебныхъ бесѣдъ и чтеній въ приходахъ, зараженныхъ расколо-сектантствомъ.
Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

Другія книги того же автора:

Сборникъ поученій на всѣ воскресные и праздничные дни
Цѣна 1 р. 25 коп. съ перес.

Спутникъ пастыря. Сборникъ статей и замѣтокъ по вопросамъ пастырскаго служенія. Выпускъ 1. Ц. 1 руб. съ перес.

Очерки и рассказы. Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

При одновременномъ требованіи всѣ книги высылаются за 4 рубля.

Отзывы печати: «Сборникъ поученій» долженъ быть поставленъ въ ряду лучшихъ современныхъ проповѣдей для простыхъ слушателей. Особенность поученій—ихъ *жизненность и назидательность*. Каждое поученіе—слово *краткое живое и дѣйствіе*. Темы поученій *практически современнаго характера*... Слогъ легкій, языкъ простой и понятный, изложеніе литературное....

(См. «Церков. Вѣд.» № 41, 1901 г.; «Кіев. Епарх. Вѣд.» № 12, 1901 г.).

«Спутникъ пастыря» представляетъ собраніе прекрасныхъ, живыхъ и по содержанію и по языку, практическихъ и полезныхъ для пастырской практики статей, принадлежащихъ перу извѣстнаго нашего проповѣдника и духовнаго писателя—публициста... Такія книги особенно нужны современнымъ пастырямъ, часто имѣющимъ дѣло съ сектантствомъ.

(«Кіев. Епарх. Вѣд.» № 2, 1903 г.; «Мисс. Обзоръ» № 6, 1903 года).

Другія книги свещ. Брояковскаго также занимательны, назидательны и поучительны... Поэтому ихъ смѣло можно рекомендовать пастырямъ для чтенія въ храмѣ, при вѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ а также для бібліотекъ церковныхъ, школьныхъ, полковыхъ и народныхъ.

(«Церков. Вѣд.» «Богослов. Библ. Лист.» «Церк. Прих. шк.» и мн. др. изд.).

Выписывать на наличныя и съ наложн платеж. по адресу:

Ст. Попельня, Кіев. губ., свещ. С. Брояковскому.

„ВОПРОСЫ ВѢРЫ И ЖИЗНИ“.

ТОМЪ 2.

Сборникъ статей проф. Кіев. акад.

В. Ѳ. Пъвницкаго.

За два тома 2 рубля.

1903 г.

Май.

годъ VIII.

МИССИОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ДВУХНЕДѢЛЬНЫЙ
ПОЛЕМИКО-АПОЛОГЕТИЧЕСКІЙ
ЖУРНАЛЪ.

№ 8.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Э. Л. Пороховщиковой, Бассейная, 3 — 5.
1903.

Содержаніе майской книжки

журнала «Миссіонерское Обозрѣніе» за 1903 годъ.

СТРАН.

1. Ограничительные по отношенію къ расколо-сектантству законы и книга г. *Бобринцева-Пушкина*: «Судъ и раскольники-сектанты». Кіевск. Миссіонер. Свящ. *Савва Потъхинъ*. 1097—1125
2. Миръ Евангелія и трагизмъ толстовства. Свящ. *Дмитрій Силинъ* 1126—1134
3. Критическій разборъ раскольничьяго сочиненія (Усова) «О миропомазаніи священнослужителей, присоединяемыхъ къ православію отъ ереси второго чина. «Самар. епарх. миссіонеръ Свящ. *Д. Александровъ* 1135—1155

Изъ миссіонерскихъ запросовъ.

4. Къ вопросу о чинопріятіи еретиковъ въ сущихъ санахъ.
 1. Открытыя письма Н. М. Гринякину: по поводу «отвѣта» на запросъ Свящ. П. Н-а. Препод. Тамб. сем. *Н. Чинновъ*, препод. Кашин. дух. сем. *Іосифъ Поповъ* и мисс. *Калиникъ Карпушинъ* 1156—1164
 - II. Отвѣтъ. *Н. Гринякинъ* 1164—1169

Изъ записокъ и дневниковъ.

5. Къ вопросу о причинахъ «упадка духа» въ нашемъ духовенствѣ. *И. Преображенскій*. 1170—1181
6. Миссіонерскіе очерки. IX. Молоканскіе толковники Библии.—
X. «Пропадающіе» молокане. *Д. Боголюбовъ*. 1182—1188
7. Какъ раскольники распространяють свои подпольныя сочиненія.
Свящ. *М. Суриковъ* 1188—1197
8. Мысли по прочтеніи письма гр. Толстого. Іером. *Александръ*. 1198—1205

Ограничительные по отношенію къ расколо-сектантству законы и книга г. Бобрищева-Пушкина: „Судъ и раскольники-сектанты“.

Вопросъ о значеніи для Церкви законовъ, охраняющихъ православіе и наказующихъ «оказательство ереси и раскола», въ высокой степени важенъ. Правда, его трудно рѣшить. Та острая полемика, которая создалась вокругъ общаго вопроса о свободѣ совѣсти, не позволяетъ выяснитъ его безъ того, чтобы всякое разсужденіе не начать съ принциповъ, чтобы всякій фактъ не возвести къ основнымъ началамъ. Но жизнь идетъ своимъ чередомъ и пока тѣ, отъ кого многотысячная масса сѣрыхъ труженниковъ, на плечахъ которыхъ лежитъ все иго этой жизни, ждетъ не дожидается успокоенія растревоженныхъ сомнѣній, пока эти глашатаи народной жизни и совѣсти занимаются обмѣномъ, можетъ быть и искреннихъ, своихъ рѣчей, жизнь требуетъ объясненія. На взбаламученномъ морѣ нашихъ житейскихъ отношеній всплываютъ такіе факты, которые должны заставить духовенство прислушаться къ непонятнымъ для него рѣчамъ, ждать неожиданныхъ для него событій...

Какъ ни старалась быть и убѣдительною, и доказательною наша сторона въ полемикѣ по вопросу о свободѣ совѣсти, въ обществѣ всетаки остается сильнымъ то ложное убѣжденіе, будто духовенство отрицаетъ свободу совѣсти въ дѣлахъ вѣры, будто духовенство стоитъ за гоненія на раскольниковъ и сектантовъ, возбуждаетъ ихъ само, требуетъ ихъ отъ государства и сѣтуетъ на косность властей, и законовъ, на несочувствіе общества... Такое именно впечатлѣніе получается отъ очень интересной и во время появившейся книги г. Бобрищева-Пушкина, подъ заглавіемъ: «Судъ и раскольники—сектанты».

Мы знаемъ, какъ дорога для человѣка свобода слова, свобода убѣжденія, мы готовы привѣтствовать ее, если это слово и это убѣжденіе даже несогласны съ нашими, противорѣчатъ имъ. Мы совер-

шенно не противъ того, чтобы слышались такія рѣчи, какъ г. Стаховича, и писались такія книги, какъ г. Бобрищева-Пушкина. Много горя несутъ они намъ, какъ всякій призывъ къ ломкѣ того, что мы, если не считаемъ святымъ, то съ чѣмъ сжились, что считаемъ своимъ, дорогимъ, на чемъ успѣли успокоить свои сомнѣнія и вопросы. Но для этого необходимо, чтобы въ этихъ рѣчахъ и этихъ книгахъ была если же не благожелательность къ намъ, то безпристрастность, по крайней мѣрѣ. Необходимо, чтобы кромѣ проповѣди своихъ словъ и своихъ убѣжденій была еще терпимость къ чужимъ словамъ и къ чужимъ убѣжденіямъ, отсутствіе постоянного заподозрѣванія въ искренности и честности, серьезное, чуждое всякаго вышучиванія и издѣвательства чужихъ положеній отношеніе къ столь серьезному предмету разсужденій. Я уже не говорю о необходимости честнаго обуздательства себя въ тѣхъ разсужденіяхъ и тѣхъ указаніяхъ, которыя хотя и очень полезны для подтвержденія собственныхъ мыслей, но которыя относятся къ области невѣрныхъ или непровѣренныхъ фактовъ и опыта. Конечно, на случай обвиненія легко прибѣгнуть къ маленькому извиненію въ неточности. Но тому, кто получилъ несправедливое заушеніе, отъ этого не легче. Толпа, а вѣдь на нее рассчитываютъ всѣ эти рѣчи и всѣ эти книги, всегда будетъ видѣть и слышать заушеніе, и не обратитъ никакого вниманія на всѣ маленькія извиненія...

И все-таки—книга г. Бобрищева-Пушкина полна большого для насъ интереса. Если васъ, пастырь православной Церкви, интересуетъ вопросъ, какъ современный интеллигентъ, для котораго, по собственнымъ его словамъ, «лично чужда область церковная», но который производитъ сильное внѣшнее давленіе на церковную жизнь, относится къ вашему положенію, къ дѣлу вашего долга и совѣсти, къ чаяніямъ вашимъ и надеждамъ, если вы желаете узнать тайныя пружины того непонятнаго къ вашему дѣлу отчужденія, которое вы замѣчаете сверху, отъ представителей правды, знанія, власти и силы и того полнаго растерянности и недоумѣнія душевнаго состоянія, которое представляется вашему взору снизу, во всѣхъ тѣхъ, кто въ правдѣ и силѣ сверху ищутъ разрѣшенія своей тяготы душевной, то познакомьтесь съ книгой г. Бобрищева-Пушкина. Она дастъ вамъ въ этомъ смыслѣ много поучительнаго. Вы узнаете, что современный

интеллигентъ всю вашу дѣятельность, на какомъ бы поприщѣ—приходскомъ, миссіонерскомъ, проповѣдническомъ, писательскомъ и т. п.—она ни проходила, считаетъ сплошнымъ недоразумѣніемъ, чтобы не сказать болѣе...

Но прослѣдимъ столь любопытное теченіе мыслей автора и разсмотримъ столь благосклонные для насъ выводы его.

Авторъ съ самаго начала откровенно сознается, что въ виду невозможности для него «добросовѣстной подготовки» къ тому, чтобы самому создать принципы или руководящія начала для работы и дѣятельности въ чужой ему сферѣ, ему необходимо «позаимствованіе таковыхъ, хотя бы публицистическихъ, а по возможности и научныхъ, вѣхъ у специалистовъ государственнаго и церковнаго права, у историковъ и богослововъ». Но такъ какъ такія начала у разныхъ ученыхъ бываютъ различны и различны даже до противоположности, то такая выборка всѣхъ, по собственномъ своему вкусу и для собственныхъ своихъ цѣлей, очень удобна для того, кто не желаетъ принимать на себя и труда и отвѣтственности за научность «добросовѣстной подготовки» въ созданіи этихъ краугольных камней всякаго научнаго труда. А мы бы въ правѣ ожидать другого отъ автора. Онъ самъ ясно сознаетъ, что не для духовенства только «положеніе сектантскаго вопроса въ настоящее время»—полно глубокаго, и при томъ жизненнаго интереса: «важность его громадна, значеніе при нынѣшней постановкѣ дѣла государственное; въ частности для юриста отношеніе суда къ сектантству является вопросомъ не только серьезнымъ и неотложнымъ, но вопросомъ, касающимся профессиональной юридической этики» (стр. 3).

И не въ выборкѣ только «руководящихъ началъ» авторъ въ вышеуказанномъ смыслѣ слишкомъ субъективенъ и даже прямо тенденціозенъ; онъ такимъ же является и во всемъ теченіи своихъ разсужденій. Мы, поэтому, поневолѣ будемъ не мало останавливаться на его личныхъ симпатіяхъ и антипатіяхъ, такъ обильно разсѣваемыхъ имъ въ его трудѣ, предназначенномъ «для руководства судебнымъ дѣателямъ въ ихъ затруднительномъ нынѣ по дѣламъ раскольниковъ и сектантовъ положеніи» (предисл.). Уже съ самаго начала легко понять, что авторъ не симпатизируетъ законамъ, охраняющимъ православіе и наказующимъ «оказательство ереси и раскола». Но онъ юристъ, по его

словамъ, прежде всего. Любопытно, поэтому, посмотрѣть, какія юридическія соображенія существуютъ у такого видного *) судебного дѣятеля относительно этихъ законовъ.

Авторъ исповѣдуетъ «два безспорныя юридическія положенія ограничительнаго характера: во имя свободнаго исповѣданія вѣры никто не вправе считать себя свободнымъ отъ повиновенія законамъ даннаго государства, не вправе нарушать чьи-либо законныя интересы; съ другой стороны, въ правовомъ государствѣ столь же несомнѣнно право личности избирать или не избирать какую-либо вѣру, переходить изъ одной въ другую и совершать по правиламъ своей вѣры домашнее богослуженіе. Всякія дальнѣйшія въ этой сферѣ ограниченія уже явятся посягательствомъ на свободу совѣсти личности, такъ какъ въ защиту такихъ ограниченій не можетъ быть выставленъ какой-либо публичный интересъ» (стр. 3—4). Не расширяя этихъ ограниченій по отношенію къ раскольникамъ и сектантамъ, остановимся, напр., на законѣ 4-го іюля 1894 г., воспреещающемъ штундистамъ общественныя молитвенныя собранія. Казалось бы, что авторъ, на основаніи вышеприведенныхъ своихъ юридическихъ и при томъ безспорныхъ положеній, долженъ признать, во первыхъ, что штундисты не вправе считать себя свободными отъ повиновенія относящемуся къ нимъ закону государственному, не вправе нарушать своими общественными молитвенными собраніями интересовъ признанной и покровительствуемой государствомъ Церкви и православныхъ подданныхъ государства въ дѣлахъ ихъ вѣры, а во вторыхъ, штундисты, воспользовавшись «несомнѣннымъ правомъ личности въ правовомъ государствѣ избрать себѣ новую вѣру или перейти въ другую», должны ограничиться домашнимъ богослуженіемъ по правиламъ своей вѣры, а не претендовать на публичное отправленіе его. Право на это послѣднее не можетъ быть иначе достигнуто, какъ чрезъ согласіе на то государственнаго закона. Этому также «безспорному юридическому положенію» одинаково со всеми существующими въ государствѣ исповѣданіями подчиняется и православная Церковь.

И тѣмъ не менѣе авторъ считаетъ, что дѣйствіе ограничитель-

*) Бывшій предсѣдатель Сиб. окружнаго суда, а нынѣ товарищъ прокурора Сената.

наго закона 4-го іюля 1894 года (а о немъ онъ больше всего и говорить въ своемъ трудѣ) не согласно ни съ этими «безспорными» юридическими положеніями, ни съ основными началами русскаго права, ни съ существующими законоположеніями. И ни одного основанія современной практики по отношенію къ штундистамъ онъ не считаетъ юридически правильнымъ и достаточнымъ для примѣненія къ нимъ этого закона, какъ и самый законъ онъ не считаетъ носящимъ на себѣ достаточные признаки этой авторитетности.

Но, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ общественныя молитвенныя собранія штундистовъ только по недоразумѣнію признаются нарушающими чьи-либо законные интересы? А вотъ какъ смотритъ на это такой авторитетный блюститель интересовъ существующихъ въ государствѣ учреждений и лицъ, какъ Комитетъ Министровъ. Въ его положеніи, Высочайше утвержденномъ 4-го іюля 1894 года, между прочимъ говорится: «Молитвенныя собранія штундистовъ, какъ это выяснено продолжительнымъ наблюденіемъ за развитіемъ штунды въ юго-западномъ краѣ, внося смуту въ жизнь мѣстныхъ приходовъ, не только способствуютъ укрѣпленію сектантовъ въ ихъ религиозныхъ заблужденіяхъ, но и служатъ самымъ удобнымъ способомъ распространенія ихъ среди православныхъ». Это-ли не нарушеніе законныхъ интересовъ Церкви, т. е. и духовенства православнаго, и мірянъ православныхъ?.. И смута, которая вносится въ жизнь православныхъ приходовъ (и не однихъ православныхъ, но и католическихъ и лютеранскихъ), характеризуется въ законѣ такими чертами, которыя не допускаютъ и тѣни сомнѣнія въ ея опасности не для одной только вѣры православныхъ лицъ государства. Въ циркулярѣ своемъ министръ внутреннихъ дѣлъ отъ 3-го сентября 1894 года о признаніи штунды сектою особенно вредною и о воспрещеніи собраній штунды говоритъ: «Имѣя въ виду, что, по имѣющимся какъ въ вѣренномъ мнѣ министерствѣ, такъ и въ духовномъ вѣдомствѣ, свѣдѣніямъ, послѣдователи секты штунды, отвергая всѣ церковныя обряды и таинства, не только не признаютъ никакихъ властей и возстаютъ противъ присяги и военной службы, унодобляя вѣрныхъ защитниковъ престола и отчества разбойникамъ, но и проповѣдуютъ социалетическіе принципы, какъ, напр., общее равенство, раздѣлъ имущества и т. п., и что ученіе ихъ въ корнѣ

подрываетъ основныя начала православной вѣры и русской народности, я признаю штундѣ одною изъ наиболѣе опасныхъ и вредныхъ въ церковномъ и государственномъ отношеніяхъ сектъ... Посему всякія общественныя молитвенныя собранія штундистовъ отнюдь не должны быть допускаемы на будущее время подъ опасеніемъ привлеченія виновныхъ къ строгой судебной отвѣтственности въ установленномъ для сего порядкѣ».

Итакъ, охранительный по отношенію къ православію и ограничительный по отношенію къ штундѣ законъ 4 іюля 1894 года имѣетъ для своего примѣненія весьма реальное основаніе и весьма достаточную, и при томъ авторитетнѣйшую, мотивировку. Оставалось бы, кажется, только и желать, чтобы администрація и судъ, на обязанности которыхъ лежить, если не «проповѣданіе» православія, то во всякомъ случаѣ защита интересовъ этого «государственного исповѣданія» отъ посягательства столь опасной секты, дружно дѣйствовали въ предупрежденіи и пресѣченіи зла, а духовное вѣдомство, являющееся представителемъ интересовъ православнаго населенія, чтобы по крайней мѣрѣ сохраняло за собою право, если уже «не возбуждать уголовное преслѣдованіе» противъ нарушителей этихъ интересовъ, то хотя бы открыто желать отъ администраціи и суда исполненія своего долга и обязанностей и открыто сѣтовать и негодовать, когда этотъ долгъ и эти обязанности не исполняются. Но авторъ только изумляется такому естественному желанію...

Впрочемъ, авторъ не только изумляется. Онъ доказываетъ всю неосновательность ограничительныхъ по отношенію къ расколу и сектамъ законовъ и всю, такъ сказать, противозаконность ихъ примѣненія. «Опытный юристъ», онъ возстаетъ противъ самой идеи вѣшателства государственной власти въ дѣло вѣры своихъ подданныхъ. И на первый планъ онъ выставляетъ для своихъ доказательствъ и своего протеста «рядъ готовыхъ юридическихъ выводовъ по русскому праву», которые заимствованы, правда, имъ, въ виду вышеуказаннаго сознанія бесполезности собственной «добросовѣстной подготовки», но которые, какъ онъ спѣшитъ заявить, «нимъ вполне въ большинствѣ раздѣляются». Выводы эти заимствованы изъ статьи М. А. Райснера: «Мораль, право и религія по дѣйствующему русскому закону» («Вѣстникъ Права», 1900. №№ 9—10).

Первымъ изъ этихъ готовыхъ юридическихъ выводовъ, съ которымъ смыслъ всѣхъ ограничительныхъ по отношенію къ расколо-сектантству законовъ стоитъ въ противорѣчіи, авторъ выставляетъ то будто бы несомнѣнное положеніе, что «законъ присволяетъ вѣротерпимость отдѣльнымъ племеннымъ національнымъ единицамъ, а не религіознымъ общинамъ и союзамъ, при чемъ, отождествляя православіе съ русской національностью, для раскола только дѣлаетъ исключеніе, опять все же не въ виду его религіознаго содержанія, а признавая его въ порядкѣ управленія соединеннымъ съ противонаравственными и гнусными дѣйствіями» (стр. 5). Указывая, далѣе, мимоходомъ всю гибельность для Церкви такой націонализаціи религіи, при которой «государство своимъ вторженіемъ вноситъ разложеніе въ самую святая святыхъ церковной жизни», и все безправіе такой религіозной политики, при которой смѣшивается проповѣдь православія съ обрусеніемъ, авторъ даетъ слѣдующее объясненіе ограничительному отношенію закона къ расколу: «расколъ отрицаетъ русское народное значеніе за государственно-признанной вѣрой и смѣшивая самъ религію и народность, является соперникомъ господствующей вѣрѣ именно въ качествѣ національнаго, истинно русскаго древняго благочестія» (стр. 6). Словомъ, смыслъ ограничительныхъ законовъ, по автору, тотъ, что онъ, такъ сказать, безсмысленъ. Они разрушаютъ «Святая святыхъ» Церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ они вмѣшиваются въ такія отношенія различныхъ вѣръ въ государствѣ, которыя имѣютъ совершенно личный характеръ взаимнаго соперничества. И ужъ во всякомъ случаѣ, на основаніи этого, хотя заимствованнаго, но раздѣляемаго авторомъ вывода, можно сдѣлать уже не заимствованный, но безусловно собственнаго сочиненія выводъ, который авторъ предлагаетъ читателю постоянно, на протяженіи всей своей книги, именно, что и раскольники и сектанты русскаго происхожденія, остающіеся въ своемъ исповѣданіи принадлежащими къ русской національности, не могутъ подлежать дѣйствію ограничительныхъ по отношенію къ вѣрѣ законовъ. Ихъ молитвенныя общественныя собранія, какъ и всякое «оказательство ереси и раскола», никакой національной политикѣ не угрожаютъ, и даже нетерпимости закона къ отдѣльнымъ религіознымъ общинамъ и союзамъ не противорѣчатъ, такъ какъ и раскольники и сектанты русскаго происхожденія и остаются русскими и

при своей вѣрѣ, а раскольники даже оспариваютъ исключительное право на русскую національную религію у православной Церкви, являются, по религіи своей, такъ сказать, ультра-націоналистами. Здѣсь, въ такомъ рѣшеніи вопроса, остается какъ будто остатокъ, остается вопросъ, который противорѣчитъ праву на свободу вѣроисповѣданія, вопросъ о нарушеніи интересовъ Церкви производимою молитвенными общественными собраніями смутю въ приходахъ, но вѣдь авторъ, кромѣ признанія важности этого положенія, исповѣдалъ, какъ мы видѣли, и другое положеніе, которое должно же пригодиться на этотъ случай, именно, что «въ правовомъ государствѣ несомнѣнно право личности (не только) избирать или не избирать какую-либо вѣру, или переходить изъ одной вѣры въ другую, но и совершать по правиламъ своей вѣры домашнее богослуженіе». Правда, домашнее только. Но кто изъ просвѣщенныхъ юристовъ-государственниковъ осудить, если кто нѣсколько расширилъ понятіе домашнего богослуженія или вынесъ его на свѣтъ Божій? Кто изъ администраціи потребуеъ «вчинить» по этому случаю дѣло и надлежаще сумѣетъ провести его? Правда, духовные эксперты пытаются что-то говорить объ отверженіи таинствъ и обрядовъ, о смутѣ въ приходахъ, о лучшемъ способѣ распространенія среди православныхъ расколосектантскихъ заблужденій... Но какой просвѣщенный юристъ приметъ во вниманіе эти объясненія несвѣдущихъ въ юридическихъ тонкостяхъ и заинтересованныхъ при этомъ въ положеніи Церкви лицъ, а если и приметъ во вниманіе и оставитъ соотвѣтствующій приговоръ, то Сенатъ, конечно, зачеркнетъ «эту каррикатурную исторію»...

Перейдемъ теперь къ остальнымъ «готовымъ юридическимъ выводамъ», заимствованнымъ авторомъ у г. Райснера. Авторъ безъ всякихъ оговорокъ принимаетъ положеніе, что «орудіемъ для достиженія единства вѣры,—этой конечной цѣли русскаго религіозно-политическаго законодательства, — являются не средства религіозно-нравственной пропаганды, сравнительно очень немногія, не приемы культурной политики, а мѣропріятія внѣшнія, чисто полицейскія, мѣры надзора, административныхъ разрѣшеній, мѣры чисто принудительныя, даже репрессивныя и карательныя» (стр. 7). Мы охотно соглашаемся, что религіозно-нравственная борьба наша съ расколомъ

и сектантствомъ слаба и что ждать и желать еще съ этой стороны остается многого, но возводить это въ «безспорное положеніе» нельзя. Можно подумать, что въ вѣковой борьбѣ Церкви съ расколомъ и сектами Церковь только и держится «мѣропріятіями чисто внѣшними». Всѣхъ этихъ внѣшнихъ мѣропріятій очень немного и «утѣсняемые» ими раскольники и сектанты очень легко выбираются изъ этой тѣсноты. Церковь не отрицается этихъ мѣръ, если онѣ предлагаются ей государствомъ въ охраненіе ея святыни, но эти мѣры не замѣщаютъ той внутренней ея борьбы съ расколомъ и сектами, которыя не опредѣляются никакими внѣшними правилами, но которыя под-сказываются и опредѣляются вѣрностью православныхъ своей Матери Церкви. Эта вѣрность своей вѣрѣ, къ которой зоветъ Церковь своихъ чадъ всѣми своими установленіями, есть главная ея сила во всѣ вѣка ея существованія. Но въ настоящее время Церковь не безсильна и «средствами религиозно-нравственной пропаганды», и эти средства никакъ нельзя прикрыть тѣмъ репрессивнымъ воздѣйствіемъ на рас-кольниковъ и сектантовъ, которое иногда допускается. Дѣятельность духовенства въ цѣляхъ «достиженія единства вѣры» за послѣднее время у всѣхъ на виду, и авторъ не могъ ее не замѣтить. Она создала многочисленныя епархіальныя Братства, комитеты и комиссіи для борьбы съ расколомъ и сектантствомъ, устраиваетъ въ мѣстностяхъ, зараженныхъ расколомъ и сектантствомъ, новые приходы и церковныя школы, улучшаетъ составъ клира и учителей, создаетъ библіотеки, распространяетъ сотнями тысячъ книжки, листки и бро-шюры, выдвигаетъ на борьбу любезныхъ и самому автору «просте-цовъ-ревнителей православія». А просвѣтительная дѣятельность нашихъ духовныхъ заведеній, въ средѣ которыхъ находятся и такіе апологеты и полемисты, какъ высокоуважаемый профессоръ Н. И. Ивановскій, противораскольническая дѣятельность котораго проходитъ не безъ одобренія и самого автора, а масса исполненныхъ самой высокой научности изслѣдованій по расколосектантству, а, наконецъ, много-численный составъ противораскольнической миссіи? Автору видна только самая неблагодарная сторона ихъ службы, отъ которой они веячески, официально и неофициально, отрешиваются,—экспертиза по сектантскимъ дѣламъ—дѣло не ихъ призванія и не ихъ охоты, но не видна та сторона ихъ дѣятельности, которая связываетъ ихъ

и съ православными, и съ раскольниками сектантами, узами самаго тѣснаго единенія на почвѣ защищенія вѣры и изысканія истины, гдѣ нѣтъ и тѣни принужденія, но много добровольнаго страданія, много самоотверженнаго труда и терпѣнія. Да и полемическая литература, которая автору не безызвѣстна, мы полагаемъ, не относится къ репрессивнымъ мѣрамъ и культурность «Миссіонерскаго Обозрѣнія» мы, безъ ложной скромности, не можемъ поставить ниже разсматриваемаго нами труда.

Также сомнителенъ и тотъ заимствованный авторомъ «готовый юридическій выводъ», что ограничительные по отношенію къ расколосектантству законы не имѣютъ дѣйствительнаго, а не мнимаго, объекта для своего дѣйствія. Раскольники и сектанты не составляютъ будто бы, по воззрѣніямъ нашего законодательства, отдѣльныхъ религіозныхъ общинъ, а являются только «отпадшими», представляются только «грѣшниками православной Церкви, впредь до возвращенія ихъ въ православіе» (стр. 8). Правда, законъ запрещаетъ отступленіе отъ православія и принятіе иной вѣры, хотя бы и христіанской, но это запрещеніе весьма платоническаго характера, въ родѣ того требованія закона, чтобы дѣти «любили своихъ родителей»... На самомъ дѣлѣ ни законъ, ни Церковь никого на вѣкъ не прикрѣпляютъ къ православію внѣшними узами, ужъ во всякомъ случаѣ не закрѣпощаютъ до рода родовъ. Конечно, и Церковь и государство предпринимаютъ возможныя и соотвѣтствующія средства, чтобы отступленіе отъ православія не происходило и чтобы отступившіе возвращались въ лоно его. Удачны или неудачны эти средства, это другой вопросъ, но это ихъ право и ихъ обязанность. Въ случаѣ же сознанный невозможности возвратить отступниковъ, а часто и съ самаго перваго момента отступленія, отступившіе считаются прервавшими свою принадлежность къ Церкви, непринадлежащими къ ней. Раскольники и сектанты, какъ и всякіе еретики, не суть только грѣшники православной Церкви и выходятъ изъ юрисдикціи ея. Уже съ самаго перваго времени единенія Церкви и государства возникавшіе въ Церкви еретики отдѣлялись отъ Церкви и отдавались подъ надзоръ «градекихъ властей и законовъ». И авторъ, вмѣстѣ съ г. Райснеромъ, совершенно несправедливо полагаютъ, что раскольниковъ и сектантовъ, какъ извѣстныхъ закону и властямъ

религіозныхъ сектъ, нѣтъ и что «въ Россіи будто-бы только два исповѣданія вполнѣ доступны для не только фактическаго, но и юридическаго перехода къ нимъ это вѣра господствующая и вѣра особо вредныхъ сектъ, при чемъ послѣдняя открываетъ возможность перехода этого въ тѣхъ случаяхъ, когда она проявилась въ совращеніи другихъ или въ изувѣрныхъ и безнравственныхъ дѣйствіяхъ» (стр 9). Автору должно быть не безызвѣстнымъ, что, вопреки этому «готовому выводу», въ Россіи существуетъ юридически оформленное положеніе массы раскольниковскихъ толковъ и сектъ съ юридическими актами этого положенія—метрическими книгами, которыя ведутся полиціей. Полиція принимаетъ заявленія отъ приходскихъ священниковъ о совратившихся въ расколъ или секту, или сами совратившіеся дѣлаютъ эти заявленія, и съ того момента юридическая связь приходскаго православнаго священника съ отпадшими прекращается. Это уже не грѣшники православной Церкви. Священникъ, въ силу пастырскихъ своихъ обязанности и права, уже не можетъ потребовать отъ нихъ исполненія христіанскаго долга, не можетъ за ослушаніе наложить епитимію и проч. Если священникъ не оставляетъ своего попеченія объ отпадшихъ, его отношенія къ нимъ изъ пастырскихъ переходятъ въ чисто миссіонерскія, лишенные даже и внѣшнихъ признаковъ извѣстныхъ обязательствъ. Но мы къ этому вернемся еще впоследствии. Теперь отмѣтимъ, что авторъ справедливо сокрушался бы, если бы дѣйствительно «все отпадшіе отъ православной Церкви: протестанты, католики, магометане, евреи, язычники, всевозможные еретики и раскольники считались православными, хотя и отрицаютъ истину православія, если бы эти мертвые члены Церкви, которые въ дѣйствительности отъ нея отпали, искусственно удерживались-бы въ организмъ и только заражали его» (стр. 8—9). Но на самомъ дѣлѣ, если это бываетъ, то по незаконному порядку вещей, а именно вслѣдствіе строго караемаго, преступнаго укрывательства отпаденій въ расколъ и сектантство. Это печальные факты беззаконія, а не слѣдствія или дѣйствія закона. Церковь, въ силу лежащаго въ основѣ ея духа любви и милосердія, рѣдко извлекаетъ изъ ноженъ мечъ анаѡемы, но она и не удерживаетъ насильно и навѣкъ отпадшихъ въ католичество, еврейство, язычество и въ различные ереси. По самымъ несомнѣннымъ даннымъ и юридическимъ,

и практически, можно легко увѣриться, что, какъ «объектъ закона», раскольники и сектанты существуютъ въ видѣ опредѣленныхъ религиозныхъ общинъ и «юристы» совершенно напрасно «повергаютъ себя въ недоумѣніе, когда спрашиваютъ: существуетъ-ли дѣйствительно грозная штунда и что она такое» (стр. 11). Объ этомъ легко справиться даже въ полицейскихъ спискахъ, если не считать вмѣстѣ съ авторомъ компетентными судьями въ этомъ дѣлѣ «духовныхъ экспертовъ»...

Мы оставляемъ безъ разсмотрѣнія остальные изъ приведенныхъ авторомъ «готовыхъ юридическихъ выводовъ» и положеній, именно, что существующая въ Россіи религиозная цензура совершенно безсильна, что открытое и свободное столкновеніе съ ересью не только сняло бы съ нея ореолъ мученичества, но гораздо скорѣе и вѣрнѣе, чѣмъ всѣ цензурные уставы, привело бы къ истинѣ, что свободная Церковь правового государства развиваетъ дѣятельность и энергію, какихъ не найти въ «церковномъ» государствѣ, что государство, смѣшивая религію и государственный принципъ, осуждаетъ себя на политическія осложненія... Все это отчасти такъ, отчасти отзывается теоріей, отчасти желательно, отчасти непримѣнимо, проблематично, не провѣрено и т. д.

Разсмотрѣнные нами «юридическіе выводы русскаго права», которые такъ напрасно авторъ считаетъ несомнѣнными и не требующими провѣрки, должны, по намѣреніямъ автора, сдѣлать для читателей вообще, и для судебныхъ дѣятелей въ частности, совершенно яснымъ положеніе, что ограничительные государственные по отношенію къ раскольникамъ и сектантамъ законы стоятъ въ полномъ и принципиальномъ противорѣчій съ общими началами русскаго законодательства и уже, во всякомъ случаѣ, не вытекаютъ изъ него. Но намѣренія автора простираются въ этомъ смыслѣ несравненно далѣе. Онъ старается доказать, что внутреннее состояніе раскола и сектъ—ихъ вѣроучительная и нравственная сторона—таковы, что не только государственному закону не должно имѣть никакого къ нимъ касательства, но и пастырю Церкви нѣтъ тамъ дѣла и миссіонеру лучше и благоразумнѣе оставить ихъ безъ вниманія. И въ вопросѣ о томъ, что же такое представляютъ по своему внутреннему состоянію—безразличному и безобидному для государства и Церкви—расколъ и сек-

тантство, авторъ, для уясненія и доказательствъ, прибѣгаетъ къ опробованному и во всякомъ случаѣ удобному методу—выборкѣ изъ различныхъ готовыхъ выводовъ и положеній, такихъ, какіе болѣе подходятъ для его цѣлей: онъ ихъ объявляетъ несомнѣнными. Указавъ на то, что при всей важности общегосударственного вопроса о расколѣ и сектанствѣ, литература этого вопроса далеко не отвѣчаетъ такому ихъ положенію, онъ прямо принимаетъ безъ обиняковъ мнѣніе, что цѣнность существующей литературы, достовѣрность ея показаній, опредѣляется или временемъ ея происхожденія или партіей, къ которой принадлежатъ авторы. Шестидесятые годы, конечно, дали лучшую литературу вопроса, равно какъ и авторы свѣтскаго положенія и либеральнаго направленія. Особенно заподозриваются авторы сочиненій «полемиическихъ на догматической подкладкѣ» и журнальная духовная литература съ «Миссіонерскимъ Обзорѣніемъ» во главѣ.

«Для иллюстрированія серьезности нынѣшняго положенія и для ближайшаго выясненія состоянія раскола и сектантства», авторъ приводитъ нѣсколько выдержекъ и новѣйшихъ фактовъ изъ «Миссіонерскаго Обзорѣнія» (1900 г. февраль и ноябрь). Онъ съ похвалою указываетъ, что вызванный въ качествѣ эксперта на судъ по обвиненію казака Новокрещенова въ совращеніи другихъ въ секту штундъ профессоръ Н. И. Ивановскій, «благодаря общему своему богословскому образованію», не призываетъ «судебныхъ скорпіоновъ» въ своемъ разсказѣ о процессѣ, окончившемся для обвиняемаго оправданіемъ, въ силу недоказанности вины, хотя и чувствуетъ «глубокое огорченіе» отъ неудачи обвиненія. Можемъ увѣрить автора, что высокоуважаемый профессоръ Николай Ивановичъ не только «обладаетъ общимъ богословскимъ образованіемъ», но и большой специалистъ по расколовѣдѣнію и даже миссіонерству. И этотъ рекомендуемый авторомъ *modus vivendi* для остальныхъ изслѣдователей, которые будто бы «не все достойно и безпристрастно касаются судебной дѣятельности» (стр. 18), не зависитъ, конечно, ни отъ общаго, ни отъ спеціальнаго богословскаго образованія, какъ, напр., пристрастіе автора къ извѣстнымъ взглядамъ и теоріямъ и осужденіе имъ всѣхъ несочувствующихъ ему, мы полагаемъ, находятся внѣ всякаго отношенія къ тому юридическому образованію, которое получилъ авторъ и тому служебному положенію, которое онъ занимаетъ. Какъ могутъ люди,

служащіе Церкви и заинтересованные въ судьбахъ ея, если не официально, то въ литературѣ и въ глубинѣ сердца своего, не винить судебную власть, которая оправдываетъ совратителей, не смотря на то, что «и совратитель и совращенный на-лицо» и что по судебнымъ же показаніямъ «пропаганда не дремлетъ и имѣетъ успѣхи въ цѣломъ уѣздѣ». Судъ требуетъ подтвердить то, чего никогда фактически нельзя подтвердить безъ признанія потерпѣвшаго и чего потерпѣвшій, уклонившійся въ секту, никогда подтвердить не пожелаетъ—самого факта «склоненія», т. е. дѣла чисто интимнаго свойства... Этого даже, намъ кажется, и «судебная этика» не требуетъ, особенно въ виду явной опасности распространенія преступленія на цѣлый уѣздъ. Но fiat justitia!...

А вотъ другой фактъ, также рекомендуемый къ достойному подражанію. Проф. Н. И. Ивановскій посѣщаетъ Тагиль, гдѣ ведетъ бесѣду съ іеговистами—сектою вполне социалистическаго и анархическаго характера. Послѣ цѣлаго ряда письменныхъ и устныхъ со стороны іеговистовъ оскорбленій, профессоръ не ѣдетъ на вторую бесѣду, «чтобы не мутить болѣе свое чувство и не дожидаться чего-либо еще худшаго», при чемъ совѣтуетъ сопровождавшему его миссіонеру Романовскому «быть осторожнѣе съ ними, такъ какъ съ ними трудно говорить о вѣрѣ». Мы полагаемъ, что совѣтъ многоуважаемаго профессора вовсе не заключалъ въ себѣ мнѣнія автора, что на такихъ сектантовъ, какъ іеговисты, дѣятельность миссіонера простирается не должна. И не только долгъ и обязанности службы не позволяютъ миссіонеру остановиться на такомъ очень удобномъ для личнаго спокойствія отношеніи къ дѣлу, но и невозможность въ своей совѣсти отрѣшиться отъ того постоянного страха за дѣло св. Церкви и за судьбу родного отечества, который внушается знакомствомъ съ этими многоразличными сектами и толками, посягающими, вмѣстѣ съ собственною своею гибелью, на гибель братьевъ нашихъ, сыновъ Церкви нашей и отечества нашего. Выйдетъ-ли изъ бесѣды съ такими даже сектантами, какъ іеговисты, что-либо доброе, Богъ вѣстъ, но если, это легко предположить, выйдетъ что-либо лично худшее для миссіонера, то и вся служба его должна быть постоянной готовностью «вдавать плечи своя на раны и ланита на заушеніе»...

Въ pendant къ сообщенію объ «пзступленныхъ іеговистахъ», которыхъ миссіонеру не слѣдуетъ (потому что опасно) трогать, сообщается о мистикахъ адвентистахъ Екатеринославской губ., которыхъ ожиданіе пришествія великаго «субботняго» дня привело къ тихому умопомѣшательству и полному матеріальному обнищанію. Этихъ также не слѣдуетъ трогать ни закону, ни миссіонерамъ: они ужъ слишкомъ безобидны для какого-либо воздѣйствія «религіозной политики»... Какъ будто не величайшая обида для нашего времени,—обида, съ которою не мирится ни мысль, ни совѣсть наша,—допущеніе пропаганды, увлекающей къ тихому умопомѣшательству и матеріальному разрушенію сотни трудовыхъ семействъ нашихъ соотечественниковъ, нашихъ братьевъ во Христѣ!...

Кромѣ этихъ иллюстрацій, что же представляетъ собою, по мнѣнію автора, расколъ и сектантство въ отличіе отъ «государственной» Церкви, въ чемъ ихъ разногласіе, доходящее до вражды и создающее будто бы церковную политику? Авторъ справедливо полагаетъ, что это разногласіе состоитъ не въ различіи въ обрядахъ, но при этомъ приводитъ слѣдующее любопытное соображеніе: «Предпринятое столѣтъ тому назадъ воссоединеніе старообрядцевъ съ православною Церковью въ томъ культѣ, который носить общее названіе единовѣрія, явилось принципиальнымъ признаніемъ со стороны православной Церкви второстепенности срядовой стороны, слишкомъ долго раздѣлявшей русское государство въ дѣлѣ вѣрованія. Дѣйствительно, время беретъ свое и постепенное вымираніе уваженія къ обрядности вообще въ челоѣчествѣ, и въ Россіи въ частности, въ ученіяхъ даже крайнихъ сектъ, даже старообрядчества, обусловливаетъ нынѣ все больше и больше церковныя разногласія принципиальнымъ, а не обрядовымъ разномысліемъ» (стр. 22). Признаемся, даже отъ автора разсматриваемаго нами труда мы не ожидали признанія за Церковью такой эволюціи и эмансипаціи, которыя у ней совершаются на ряду съ самыми крайними сектами по духу времени!... А мы наизво признаемъ, что Церковь живетъ по Духу Господа Іисуса Христа, «Который вчера и сегодня и во вѣки Тотъ же» (Евр. 13, 8).

Итакъ, въ созданіи единовѣрія сказался духъ времени и вымираніе уваженія къ обрядности! Если бы авторъ познакомился хотя бы съ руководящими разъясненіями Св. Синода и другихъ дѣятелей

единовѣрія по дѣламъ его, то онъ ясно могъ бы увидѣть, что не духъ времени руководилъ дѣятелями единовѣрія, а сознаніе страшной опасности для христіанскаго народа русскаго религіознаго средостѣнія изъ-за обрядовъ, значеніе которыхъ всегда Церкви было ясно, уваженіе къ которымъ никогда не восходило до границы абсолютно необходимаго, самодовлѣющаго и неизмѣннаго и никогда не опустится до вымиранія.

Но что же представляетъ собою принципиальное разномысліе расколосектантства съ Церковію? Все тотъ же духъ времени: эволюція и эмансипація. Церковь, видите-ли, въ естественномъ, внутреннемъ своемъ развитіи отстаетъ, все еще придерживается «догматовъ и обрядовъ», а расколосектантство быстро движется, успѣшно прогрессируетъ «подъ знаменемъ раціонализма». Это движеніе или прогрессъ создаетъ, по мнѣнію автора, почву для сближенія самыхъ различныхъ сектъ. «Въ разныхъ сектахъ, говоритъ авторъ, внутренняя догматическая организація которыхъ покоится обыкновенно только на авторитетѣ вожаковъ, все чаще и чаще намѣчаются общія у нихъ догматическія точки и секты сближаются». При этомъ «въ раціоналистическихъ сектахъ главнымъ двигателемъ въ ихъ поступательномъ движеніи является освободительная тенденція, свойственная раціонализму. Подъ вліяніемъ все крѣпнущей критической мысли все дальше уходятъ эти секты отъ прежнихъ обрядовыхъ споровъ въ ту область свѣтскѣй мысли и политики, гдѣ имъ легче встрѣтиться другъ съ другомъ»,—вотъ тотъ законъ, въ силу котораго молоканство, духоборчество и даже мистическія секты, какъ, напр., хлыстовцы, завоевываются штундизмомъ. Особенная сила, приписываемая штундѣ, дѣлать прозелитовъ можетъ, поэтому, объясняться гораздо проще, безъ необходимости предполагать за ея послѣдователями какую-то особенную способность вліять на окружающее населеніе; идеи равенства, братства и свободы, почерпаемая изъ Евангелія въ смыслѣ, напр., братства и равенства во Христѣ, легко переходятъ на практической почвѣ въ девизъ соціалистическаго характера; отрѣшеніе же отъ земныхъ благъ въ общинѣ Христовой, свободной въ духъ, по правилу: «Божіе—Богови», не рѣдко является почвой, на которой развивается практическій или теоретическій коммунизмъ сектантства. На этой же почвѣ совершается постепенное сбли-

женіе рціоналистическихъ сектъ не только между собою, но даже со старообрядчествомъ, въ лицѣ его крайнихъ сектъ» (стр. 23). Такъ въ расколосектантскомъ мірѣ создается «нѣчто въ родѣ федерации политико-религіозныхъ согласій, несокрушимую прочность и силу которымъ даетъ главнымъ образомъ, братство лицъ и общинъ, а въ православной Церкви съ ея единовѣріемъ въ результатѣ оказывается ненависть, подозрительность, безучастность, безнадежность.

Вотъ рядъ мыслей и положеній автора по вопросу о принципиальномъ разногласіи Церкви и расколосектантскаго міра. Здѣсь не знаешь, чему больше всего удивляться и о чемъ больше всего пожалѣть. Тому-ли, что авторъ старается представить внутреннее состояніе расколосектантскаго міра такъ прекрасно укладывающимся въ теорію соціально-политической эволюціи, да еще по самому новѣйшему фасону «внутренняго», а не механическаго развитія и единенія различныхъ федераций, или что авторъ совсѣмъ не знаетъ дѣйствительнаго состоянія различныхъ раскольническихъ толковъ и различныхъ сектъ. Отчего расколъ подѣлился между сотнями толковъ, отчего онъ дѣлится непрестанно и по нынѣшній день, дѣлится съ неудержимою силою? Развѣ эти факты не противорѣчатъ мнѣнію автора о единеніи самыхъ крайнихъ сектъ раскола съ рціоналистическими сектами, не говорятъ о лежащей въ самой основѣ раскола невозможности внутренняго единства и о стремленіи къ раздробленію. Въ молоканствѣ, въ духоборчествѣ и даже въ штундѣ внутренній разладъ доводитъ до открытаго раздѣленія партій, до обособленія отдѣльныхъ толковъ. Отношеніе къ буквѣ Писанія и къ обряду раздѣляетъ штунду на отдѣльныя, не стоящія даже между собою въ общеніи, религіозныя фракціи. Мы совершенно согласны, что освободительныя тенденціи лежатъ въ основѣ развитія и образованія сектъ, но чтобы эти тенденціи способствовали ихъ вліянію въ федерацию политико-религіозныхъ согласій, это похоже на то, какъ если бы находящіеся въ заперти и одинаково рвущіеся на свободу тигръ, волкъ и ягненокъ въ своихъ порывахъ къ свободѣ давали намъ надежду и увѣренность въ образованіи хотя и звѣринаго, но мирнаго союза. Даже тѣ идеи равенства, братства и свободы о Христѣ, которыя толки и секты могутъ почерпать въ Евангеліи, при принципиально различномъ от-

ношеніи къ евангельскому тексту этихъ толковъ и себѣ, служить лишь къ большому разномыслию и разногласію ихъ между собою... Одно лишь можно указать справедливое въ разсужденіяхъ автора, что секты эволюционируютъ. А въ какомъ смыслѣ и отношеніи—это указываетъ намъ расколъ сектою немояковъ, нѣтовщины, красно-смертовъ, съ тарновскими хуторами и т. д., духоборчество—канадскою эпопеею, штундизмъ—адвентизмомъ, малеванщиною и павловскимъ погромомъ.

Но изъ области совершенно неудачныхъ, по нашему мнѣнію, социально-политическихъ построеній авторъ скоро сворачиваетъ на имѣющее хотя нѣкоторую долю вѣроятія утвержденіе, что «штундизмъ, какъ и духоборчество и молоканство, возникли на чисто русской почвѣ», что «штундизмъ представляетъ собою продуктъ русской жизни, плодъ ея старыхъ раціоналистическихъ увлеченій» (стр. 34). Все это для того, чтобы показать всю напраслину, которая подводитъ такое естественное явленіе (прежде доказывалось, что оно и самое прогрессивнѣйшее при этомъ) русской жизни подъ дѣйствіе какихъ то совершенно непонятныхъ для «опытнаго юриста» ограничительныхъ законовъ. Разъ штундизмъ естественное явленіе въ жизни русскаго народа (почему бы и прямо не сказать: желательное), то понятно, по мнѣнію автора, что всѣ считающіе штунду плодомъ иностранной пропаганды въ русскомъ государствѣ жестоко ошибаются. Одно имъ остается утѣшеніе, что, при такомъ предлагаемомъ авторомъ взглядѣ на появленіе штунды, «чрезвычайность задачи въ борьбѣ, которую ведетъ православіе въ лицѣ духовенства съ сектантствомъ, и размѣры опасности для духовенства этого раціоналистическаго наводненія представляются очень рельефно и наглядно и что не все равно бороться съ заразой, занесенной иностранцами, заразой, лишенной исторической почвы на мѣстѣ, или имѣть врагомъ гидру раціонализма и сознавать, что противъ официальной Церкви поднялись не только либеральничашіе сектанты диссиденты, но и консервативнѣйшіе старообрядцы, переросшіе столь дорогую имъ въ свое время обрядность и переходящіе въ лицѣ крайнихъ своихъ сектъ въ общій и грозный въ будущемъ лагерь духовныхъ христіанъ» (35)... Что и говорить: рельефно, грозно, грандіозно... и даже красиво для любителей фантастическихъ положеній. Но дѣло въ томъ,

что Церковь не борется съ рационализмомъ, который не въ нѣдрахъ ея. Съ сектами она борется, но не для споровъ, ибо она, по Апостолу, такого обычая не имѣетъ (1 Кор. 11, 16) и не потому, что они по принципу рационалисты или нерационалисты, мистики или немистики, а потому, что они стараются увлечь за собою православныхъ чадъ Церкви. Отношенія Церкви къ расколу и сектамъ сводятся, съ одной стороны, къ защищенію своихъ чадъ отъ нападенія расколосектантства, защищенію своей богооткровенной истины, а съ другой, къ проповѣди этой истины имъ, какъ иномыслящимъ безотносительно къ характеру этого иномыслия и мѣстному или иностранному его происхожденію. Что всѣ толки раскола и сектъ сойдутся въ будущемъ въ «общій и грозный лагерь духовныхъ христіанъ», это, если бы невозможное дѣйствительно случилось, нисколько духовенство не устрашаетъ. Духовенство только этого и желало-бы. Оно никогда не дойдетъ до безразличія къ тому, какъ проповѣдуется имя Христово и какъ живутъ хотя и неприннадлежащіе къ Церкви, но исповѣдующіе Христа и общій, будто-бы «грозный» въ будущемъ лагерь духовныхъ христіанъ для христіанскаго чувства православнаго духовенства несравненно лучше, чѣмъ сотни отдѣльныхъ самыхъ нелѣпыхъ, часто гнусныхъ и противоестественныхъ и всегда достойныхъ самаго глубокаго сожалѣнія и сокрушенія нынѣшнихъ отдѣльныхъ толковъ раскола и сектантства. Но это невозможно и невозможность эту легко обосновать примѣромъ развитія сектъ въ протестантскомъ Западѣ и Америкѣ. А если бы это невозможное, повторяемъ, случилось, то борьба для духовенства была бы несравненно легче и не создавала бы такіа невыносимыя положенія и такіа трудно разрѣшимыя коллизіи, когда печальная очевидность дѣлаетъ яснымъ сознаніе, что не слово о Христѣ и не слово убѣжденія, а статья устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій можетъ имѣть большую спасительность для готовыхъ слѣдовать всякому «вѣтру новыхъ ученій», чѣмъ Церковь съ ея благодатнымъ врачевствомъ, а домъ заключенія или психіатрическая лѣчебница являются самымъ удобнымъ мѣстомъ для проповѣдниковъ этихъ ученій...

Мы очень хорошо знаемъ, что на это положеніе, составляющее предметъ тяжкой муки для нашего духовенства, положеніе, признать необходимость котораго заставляетъ насъ полная невозможность вся-

чески «не противиться» столь ужасному, столь гибельному злу, какъ проповѣдь дикихъ и суевѣрныхъ ученій и которое, тѣмъ не менѣе, является столь тяжкимъ предметомъ нашего осужденія и причиною отчужденія отъ насъ либеральной интеллигенціи, мы знаемъ, что на это положеніе легко возразить словами о свободѣ совѣсти, свободѣ убѣжденія, проповѣдованія, исповѣдованія и даже совращенія.

Но мы пока оставимъ этотъ вопросъ совѣсти нашей. Посмотримъ, какъ смотритъ авторъ разсматриваемаго нами труда на вопросъ объ ограничительныхъ по отношенію къ расколо-сектантству законахъ съ точки зрѣнія государственной. Штундизмъ, напр., по его представленіямъ, будучи естественнымъ результатомъ рационалистическихъ стремленій населенія русскаго государства, съ точки зрѣнія государственности виновенъ лишь въ томъ, что уничтожаетъ уваженіе къ обрядамъ государственной Церкви. Но это не основаніе государству вмѣшаться въ борьбу штундизма и Церкви: у государства здѣсь свои собственные интересы. Цѣлый рядъ столкновеній нафанатизированнаго будто бы духовенствомъ православнаго населенія со штундистами грозятъ особыми потрясеніями въ государствѣ, междоусобными волненіями. Духовенство само и своими только средствами должно вести борьбу съ сектантствомъ и при томъ въ той только частн, которая его касается. И такъ какъ штунда касается не одного только духовенства, захватывая область не одну только религіозную, то считается съ нею призваны не еpecially только духовные элементы государства, а само государство и при томъ «не обремененное нуждающимися въ поддержкѣ союзниками». «Въ занимающемъ насъ вопросѣ, — говоритъ авторъ, — болѣе чѣмъ гдѣ-либо важно помнить, что у государства есть свои независимые отъ Церкви интересы и обязанности и обратно въ такомъ же отношеніи находится и Церковь, и было бы большою ошибкой и могло бы вызвать очень опасныя послѣдствія смѣшеніе въ цѣляхъ и дѣятельности этихъ самодовлѣющихъ факторовъ» (стр. 50). Ограничительные же законы по отношенію къ расколосектантству какъ разъ, по мнѣнію автора, и представляютъ собою это смѣшеніе, не охраняя будто бы нисколько специально государственныхъ интересовъ. Значеніе, которое вообще имѣютъ явленія расколосектантства въ жизни русскаго народа различны для Церкви и различны для государства. У Церкви съ расколосектантствомъ

принципиальная борьба, у государства такой борьбы съ нимъ быть не можетъ, такъ какъ жизненный принципъ расколосектантства: освобожденіе мысли, рационализмъ, не можетъ противорѣчить основнымъ началамъ жизни государственной. Съ болѣзненными, изувѣрными и преступными явленіями, неизбежно сопровождающими всякое развитіе народной жизни, государство справится и оно только одно и должно справиться безъ неудобнаго пособничества Церкви. Церковь въ свою очередь должна вести борьбу съ расколосектантствомъ въ тѣсной области богословскихъ вопросовъ, не касаясь такихъ явленій изъ расколосектантской жизни, которыя носятъ характеръ социалистическій, анархическій, экономическій, психопатическій и т. п.,—это дѣло государства. Участіе Церкви въ этомъ отношеніи противорѣчитъ будто бы общепринятому юридическому порядку правовыхъ государствъ, а участіе государства въ интересахъ Церкви грозитъ потрясеніями основы государственной жизни и народными волненіями.

Мы, члены духовнаго сословія, не политики прежде всего и меньше всего желали бы въ своихъ разсужденіяхъ стоять на политической точкѣ зрѣнія, зная, что политика—очень зыбкая почва и въ постоянной смѣнѣ однихъ политическихъ ученій другими нельзя не видѣть сомнительной ихъ цѣнности для Царства Божія, насаждать которое призвана Церковь. Но и рѣдкій изъ политиковъ вмѣстѣ съ авторомъ можетъ ограничить сферу церковныхъ интересовъ одною богословскою областью и рѣдкій изъ членовъ Церкви можетъ остаться чуждымъ зрителемъ того, какъ подъ знаменемъ христіанской вѣры совершаются социалистическія, анархическія, экономическія и даже психопатическія эволюціи общественной жизни. Если Церковь есть область одного голаго богословскаго знанія, чуждаго жизни, тогда авторъ правъ. А если, вопреки автору, миллионы людей думаютъ и вѣрятъ, и въ этомъ полагаютъ все свое упованіе на правду жизни земной и на спасеніе въ вѣчности, вѣрятъ, что Церковь есть Царствіе Божіе на землѣ, насколько возможно осуществленіе божественной истины и жизни грѣшными человѣками, то тогда никакая сила, никакое юридическое право и юридическое сознаніе не помѣшаютъ духовенству открыто поднять свой голосъ и во всеуслышаніе взывать, когда оно увидитъ, что правда божественной истины и правда божественной жизни нарушаются не только раскольниками и сектан-

тами, эволюционирующими, по автору, религиозными общинами на социалистической, анархической, экономической и психопатической почвѣ, но и чистыми социалистами, анархистами, экономистами и психопатами. И мы очень желали бы, съ другой стороны, чтобы авторъ намъ показалъ, гдѣ, въ какомъ правовомъ государствѣ, власть не прибѣгла бы къ «неудобному союзнику», если бы видѣла, что въ его затруднительномъ положеніи, когда ему угрожаютъ не будущія фантастическія волненія, а волненія настоящія, не прибѣгла бы къ Церкви и ея представителямъ—духовенству. У насъ въ Россіи, которая, конечно, представляется автору отставшей «въ правовомъ отношеніи», духовенство отъ лица Церкви много разъ приходило на помощь государству въ години его тяжкихъ бѣдствій и голосъ пастырей Церкви не разъ спасалъ государство: такъ и до сего дня.

Но авторъ, такъ рѣшительно высказавшись въ пользу полного разграниченія Церкви и государства въ отношеніи къ расколосектантскому міру, убѣждаетъ насъ цѣлымъ рядомъ справокъ, что это разграниченіе будто бы существуетъ юридически и въ дѣйствительности. Онъ полагаетъ, что принципъ отграниченія свѣтской власти отъ духовной въ этомъ случаѣ такъ ревниво оберегался въ прошломъ вѣкѣ и нашимъ высшимъ правительствомъ, что для того, чтобы дать мѣсто ограничительному закону 4-го іюля 1894 г., его нужно было провести мимо Государственнаго Совѣта, т. е. оступить отъ обычнаго порядка законодательства. Въ этомъ случаѣ одно лишь министерство внутреннихъ дѣлъ доводило свои административныя заботы о раскольникахъ и сектантахъ до насильственныхъ мѣропріятій надъ ними, но это «печальное, достойное порицанія со стороны юристовъ, исключеніе». Въ общемъ же, во всѣхъ «безъ исключенія растретованіяхъ, вездѣ звучитъ одинъ и тотъ же мотивъ по отношенію къ расколу: призывъ къ осторожности, неспѣшности и умѣренности дѣйствій, а вмѣшательство духовныхъ лицъ въ судебныя дѣла энергически устраняется» (стр. 58). Авторъ настолько послѣдователенъ въ своихъ убѣжденіяхъ относительно опасности всякаго соединенія свѣтскаго и духовнаго воздѣйствія на раскольниковъ и сектантовъ, что желалъ бы устранить даже приходскаго священника отъ всякаго рѣшительно касательства къ нимъ, и все изъ опасенія, что въ лицѣ священника, въ силу его положенія въ приходѣ, возможно соединеніе

духовнаго убѣжденія съ внѣшнимъ принужденіемъ; а такъ какъ онъ старается насъ убѣдить, что внѣшняя власть неразрывно соединена съ положеніемъ священника, то сей послѣдній, для торжества принципа раздѣленія властей, долженъ отказаться отъ всякихъ миссіонерскихъ заботъ и попеченій о раскольникахъ и сектантахъ своего прихода. Авторъ даже думаетъ, что «учрежденіе особыхъ не изъ членовъ епархіи миссіонеровъ есть стремленіе правительства окончательно устранить епархіальное духовное начальство отъ несвойственной ему миссіонерской дѣятельности» (стр. 59).

Если правительство, какъ пытается увѣрить насъ авторъ, дѣйствительно стремилось бы устранить духовенство отъ всякаго взаимодѣйствія съ собою въ отношеніи къ расколосектантству, это его дѣло и его право. Но съ чѣмъ никакъ нельзя согласиться и что напрасно выставляетъ авторъ дѣломъ правительства, это устраненіе духовенства отъ несвойственной будто бы ему миссіонерской дѣятельности. Кому эта дѣятельность больше всего и свойственна и, скажемъ, отъ кого она даже требуется самымъ существомъ своего служенія, какъ не отъ приходскаго духовенства? Неужели авторъ не знаетъ, что притча объ оставленіи девяноста девяти овецъ и о поискахъ одной заблудшей относится именно къ приходскимъ пастырямъ Церкви? А страхъ того, что священникъ можетъ производить на сектантовъ и раскольниковъ внѣшнее давленіе—совершенно напрасный страхъ. Правда, реформа Петра Великаго облекла было, въ ущербъ пастырской идеи, приходскаго священника фискальною властью, но эта реформа не привилась и при первой возможности священники бросили (и народъ это прекрасно знаетъ) это чуждое имъ иго. Если взять современное положеніе священника въ приходѣ, то и рѣчи не можетъ быть о возможности какого-либо внѣшняго принужденія. Не священникъ на приходъ, а приходъ на священника производитъ давленіе и, къ сожалѣнію, не всегда къ торжеству добра. Это, по крайней мѣрѣ по отношенію къ миссіонерству, прекрасно сознается нашею высшею духовною властью, которая при учрежденіи особыхъ миссіонеровъ, въ правилахъ объ устройствѣ миссіи, на первомъ планѣ поставила положеніе, что «приходской священникъ по праву и по обязанностямъ есть первый миссіонеръ въ приходѣ».

Въ виду вышеприведенныхъ воззрѣній автора на дѣятельность

приходскаго духовенства по отношенію къ раскольникамъ и сектантамъ, весьма естественно было бы ожидать отъ него допущенія и одобренія хотя специальной миссіонерской дѣятельности, т. е. дѣятельности тѣхъ лицъ, которыя уже ни юридически, ни традиціонно никакимъ внѣшнимъ положеніемъ и никакою внѣшнею властью въ приходѣ не пользуются. Но напрасны наши ожиданія. Авторъ настойчиво не желаетъ допустить всякаго прикосновенія носителей православнаго начала къ расколосектантскому міру. Въ дѣятельности миссіонеровъ онъ видитъ, или лучше предполагаетъ, возможность другой устрашающей его опасности. У миссіонера легко можетъ зародиться чувство раздраженія противъ заблудшаго сына Церкви, затѣмъ онъ увидитъ въ немъ врага не только Церкви, но и государства, затѣмъ личнаго врага и т. д. и окончится можетъ тѣмъ, что онъ «затѣетъ борьбу съ врагомъ, стоящимъ внѣ его сферы, какъ миссіонера, а въ наилучшемъ случаѣ, если дѣло до борьбы не дойдетъ, дастъ невѣрное представленіе слушателямъ или читателямъ какъ объ общей картинѣ вражескаго лагеря, такъ и о задачахъ своей дѣятельности» (60—61). А разъ такая опасность хотя и въ воображеніи существуетъ, то лучше совсѣмъ не нужно миссіонеровъ. Непонятно только, почему опытный юристъ и даже публицистъ не боится, что люди различныхъ положеній и интересовъ: прокуроръ, защитникъ, присяжные, а вмѣстѣ ужъ и чиновный судъ, не дойдутъ на судебныхъ процессахъ «до личностей», и пишущіе отчеты и судебные публицисты и до «невѣрныхъ представленій», преподносямыхъ читателямъ этихъ опытовъ и публицистическихъ статей. Личное раздраженіе противъ противниковъ обобщенія на ихъ счетъ вѣдь такъ возможны и не у защитниковъ церковныхъ интересовъ только...

Что полемиическая литература, какъ и вся дѣятельность миссіонера, фактически не стоитъ на высотѣ воззрѣній автора на этотъ предметъ, это доказывается будто бы настроеніемъ или характеромъ «различныхъ группъ дѣятелей, соединившихся предъ лицомъ сектантскаго міра ради его одолѣнія». Эти дѣятели смотрятъ на расколосектантскій міръ, какъ на вражій станъ, зовутъ на открытую войну съ нимъ, становясь на почву религіозныхъ гоненій. Разсмотрѣвъ нѣсколько примѣровъ этой литературы и наивно, если уже не злоумышленно, принявъ невинные, чисто риторическіе обороты рѣчи и

литературныя гипérболы за дѣйствительныя воззрѣнія и настроенія, авторъ, ничто же сумняся, объявляетъ ихъ чуть не официальнымъ призывомъ миссіонеровъ къ религіознымъ гоненіямъ на сектантовъ. Выставивъ такое положеніе, авторъ, впрочемъ, здѣсь же спѣшитъ умытъ собственныя руки. «Я лично, говоритъ онъ, не допускаю, чтобы Церковь могла нынѣ считать гоненіе дѣйствительнымъ средствомъ, и ореолъ мученичества, настоящій или кажущійся, полезнымъ элементомъ борьбы за религію» (стр. 66). Онъ даже старается сдѣлать намъ дружескую услугу и ставить себѣ цѣлью «разсмотрѣть вопросъ, есть-ли основаніе думать, что гоненія входятъ въ разсчеты Церкви и не существуетъ-ли, въ виду предполагаемаго отрицательнаго отвѣта на вопросъ, такихъ данныхъ въ теоріи и практикѣ охраненія православія, которыя породили такой невѣрный взглядъ на русскихъ церковниковъ» (стр. 67).

Мы не думаемъ скрывать, что въ нашей теоріи и практикѣ есть печальные примѣры и такого отношенія къ расколосектантскому міру, которое не уместно въ лицѣ пастыря и миссіонера. Въ многотысячномъ составѣ русскаго духовенства это, хотя и печально, очень возможно. Но авторъ свой пуризмъ въ отношеніи къ возможности насилія надъ раскольниками и сектантами доводитъ до такой степени, что даже считаетъ «соблазнительнымъ» въ устахъ духовнаго писателя всякое упоминаніе о каторгѣ, административной высылкѣ, надзорѣ полиціи и т. п. мѣрахъ, которыми гражданская власть въ дѣлѣ подавленія секты приходила на помощь власти духовной, даже если это упоминаніе приводится не въ видѣ желательности или одобренія, а въ простомъ повѣствованіи или разсужденіи. Авторъ рѣшительно не находитъ миссіонеровъ, подходящихъ подъ его воззрѣнія и даже не находитъ возможнымъ появленіе ихъ въ средѣ духовенства. Одни «престецы-ревнители» въ настоящее время, по мнѣнію автора, только и могутъ выступать миссіонерами для расколосектантскаго міра,—не въ той-ли надеждѣ, что ихъ легко забыть матерымъ расколосектантскимъ начетчикамъ. Если даже среди образованныхъ духовныхъ лицъ появляются люди «апостольскаго миссіонерскаго настроенія», то и они не годятся для этого дѣла. А все потому, что ихъ смиреніе, въ силу того, что они миссіонеры, «воинственно», самоотверженіе—«негодующе», любовь—«лицемѣрна» и проч., словомъ, все ихъ миссіонер-

ство—одна лишь «психологическая странность», которая не может быть плодотворна.

Объявивъ сразмаху всю писательскую и миссіонерскую дѣятельность духовенства сплошнымъ и вполне доказаннымъ гоненіемъ на расколосектантство, авторъ легко приписываетъ этому гоненію и всю ту неудачу, которая будто-бы постигаетъ дѣятельность духовенства по отношенію къ расколосектантскому міру. Гоненія въ этомъ случаѣ не только бесполезны, поучаетъ авторъ, не приводятъ къ тому, къ чему привести должны были бы, къ подавленію расколосектантства, но наоборотъ, еще усиливаютъ, изощряютъ его. На ряду съ другими мѣропріятіями такая же судьба постигла и законъ 4 іюля 1894 года, указавшій штундистамъ путь прибѣгнуть къ наименованію себя баптистами (сектою дозволенною), а разнымъ неблагонамѣреннымъ людямъ давшій въ руки сильное орудіе для обвиненія духовенства и правительства въ гоненіяхъ и для выраженія сочувствія къ сектантамъ. Къ числу «гонимыхъ» духовенства на раскольниковъ и сектантовъ авторъ относитъ и чисто духовную систему вразумленій и увѣщаній и чисто правительственное мѣропріятіе—лишеніе раскольниковъ безпоповщинскаго толка брачныхъ правъ въ силу самаго отсутствія у нихъ брачнаго супружескаго сожитія...

Не оспаривая той старой истины, что гоненія религіозныя не достигаютъ доброй цѣли, мы не можемъ согласиться съ положеніемъ автора, что ограничительные по отношенію къ раскольниковъ и сектантамъ законы заключаютъ въ себѣ гоненіе со стороны духовенства и правительства на раскольниковъ и сектантовъ. Мѣры предупрежденія и пресѣченія преступленій, а равно кара за преступленіе, не есть гоненіе, которое всегда заключаетъ въ себѣ понятіе несправедливаго и во всякомъ случаѣ противозаконнаго отношенія. Ограничительные законы имѣютъ свою цѣлью не допустить, а въ случаѣ допущенія покарать, наказать преступленіе, каковымъ, въ данномъ случаѣ, они считаютъ соvrращеніе въ расколъ или секту, оказательство ереси и общественныя молитвенныя собранія штундистовъ, какъ удобный и сильно дѣйствующій способъ пропаганды. Справедливы или несправедливы эти законы? Авторъ, какъ мы видѣли, считаетъ ихъ несправедливыми и даже противозаконными, такъ сказать. По его выводу, они заключаютъ въ себѣ признакъ гоненія. Но мы ни съ его взгля-

домъ на эти законы, ни съ его выводомъ не можемъ согласиться. Право православныхъ подданныхъ русскаго государства на спокойное, безмятежное теченіе своей церковной жизни, право заслуженное значеніемъ и исторіей нашего православія и оправданное нашимъ законодательствомъ, также несомнѣнно, какъ несомнѣнно и то, что этому праву грозитъ нарушеніемъ расколосектантскій міръ и грозитъ не самымъ содержаніемъ своего вѣроученія и правоученія (это дѣло совѣсти человѣческой), а явнымъ посягательствомъ на спокойное теченіе православной церковной жизни посредствомъ своей пропаганды въ разныхъ ея видахъ. Мы не можемъ не видѣть въ этой пропагандѣ состава преступленія даже въ юридическомъ смыслѣ и не можемъ въ законахъ, направленныхъ противъ этого преступленія, усмотрѣть гоненія, несправедливаго и противозаконнаго... А что ограничительные законы не достигаютъ своей цѣли по отношенію къ расколосектантству, прекрасное объясненіе этому дастъ самъ авторъ въ дальнѣйшемъ содержаніи своего труда, смыслъ котораго какъ-то невольно сводится къ двумъ не лишеннымъ мудрости изреченіямъ: «всеу законы писать, если ихъ не исполнять, и еще: законы святы, исполнители сундаты»...

Въ виду того, что, и вопреки «теоретическимъ основнымъ началамъ русскаго законодательства», какъ думаетъ авторъ, и вопреки «созрѣвшему и ясно выражаемому въ продолженіи двухъ столѣтій мнѣнію свѣтской власти о нецѣлесообразности» ограничительныхъ законовъ, въ чемъ старается увѣрить насъ авторъ, законы эти существуютъ и создаютъ массу событій и судебныхъ дѣлъ, любопытно посмотреть, какъ авторъ выясняетъ «задачу юриста въ дѣлахъ о раскольникахъ и сектантахъ». «Давно началась и неуклонно продолжалась въ административныхъ и законодательныхъ сферахъ,—такъ начинается авторъ свое выясненіе,—примирительная политика по отношенію къ расколосектантству. Систематически смягчала эта политика приемы и дѣйствія воинствующаго клира, ограничивала его вмѣшательство и даже совѣмъ устранила свое вліяніе. Эта глухая борьба, сопровождавшаяся переменнымъ успѣхомъ, страшно замедляла дѣло воссоединенія сектантовъ съ Церковію, а также мѣшала и попыткамъ свѣтской власти слить, только хотя бы граждански, сектантовъ съ другими русскоподданными. Очевиднымъ результатомъ такой

двойственности явилось въ послѣднее время наступленіе тревожныхъ событій». Случилось то, что предсказывалъ авторъ, — потрясеніе основъ, чуть не междоусобія. Къ такимъ угрожающимъ явленіямъ авторъ относитъ требованіе нѣсколькихъ членовъ православнаго общества трезвости въ Москвѣ исключить изъ списковъ этого общества графа Л. Н. Толстого, послѣ его отлученія отъ Церкви, вырубку епископомъ и священниками священной рощи у черемиссовъ — язычниковъ Вятской губ., гдѣ совершались человѣческія жертвоприношенія, нападенія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ православной толпы на собравшихся для своихъ богомоленій штундистовъ, знаменитое павловское дѣло и изобличенное въ неправдѣ (авторъ все же его приводитъ) повѣствованіе г. Стаховича о сѣченіи сектантовъ розгами въ храмѣ. Возможность этихъ и особыхъ обстоятельствъ, по мнѣнію автора, прекрасно объясняются рѣчью г. Стаховича, послѣ которой слово «гоненія» часто попадаетъ на газетныхъ столбцахъ.

Если исключить изъ приведеннаго ряда столь тяжкихъ обстоятельствъ инцидентъ въ обществѣ трезвости и вырубку черемисской рощи, говорящіе лишь о ревности православнаго и христіанскаго чувства, и сѣченіе сектантовъ розгами въ храмѣ, какъ событіе неправдивое, то остается павловское дѣло и столкновенія православныхъ со штундистами. Но эти послѣднія обстоятельства больше говорятъ о слабости дѣйствующихъ законовъ по предупрежденію и пресѣченію преступленій, чѣмъ о гоненіяхъ. И въ самомъ дѣлѣ, если бы за павловскими сектантами былъ большій надзоръ и если бы «малеванскихъ пророковъ, въ родѣ Моисея Тодосіенка, не допускали до свободнаго путешествія по всѣмъ городамъ и всѣмъ Россійской имперіи, то павловскаго разгрома сектантами православной церкви не было бы, не было бы и необходимости православному населенію прибѣгать къ оружію и дреколью для охраненія православной святыни. И всѣ тѣ столкновенія православныхъ со штундистами, которыя справедливо заставляютъ автора впереди видѣть угрожающее будущее, всѣ они являются вынужденнымъ самосудомъ толпы православныхъ за непрестанныя оскорбленія и извѣстельныя издѣвательства штундистовъ надъ простою, быть можетъ темною, но во всякомъ случаѣ не менѣ искреннею вѣрою своею и своихъ предковъ, чѣмъ новая вѣра сектантовъ. Тамъ, гдѣ въ силу различныхъ благопріят-

ныхъ обстоятельствъ, ограничительные по отношенію къ раскольникамъ и сектантамъ законы дѣйствуютъ, гдѣ предупреждается и пресѣкается всякая попытка сектантовъ посягнуть на мирное и безмятежное теченіе жизни православной Церкви, тамъ ни у кого не поднимается рука утѣснить какимъ бы ни было образомъ священное право всякаго человѣка «вѣрить какъ хочешь и чему хочешь». Сектанты лишаются возможности пропаганды, но пользуются спокойною жизнью и случаевъ нападенія на нихъ православныхъ тогда не бываетъ. Но авторъ упорно настаиваетъ на правѣ сектантовъ не только свободно вѣровать, но и свободно проповѣдывать и, какъ будто забывши исповѣданное имъ положеніе, что никто считать себя свободнымъ отъ повиновенія закону и не вправѣ нарушать чужихъ интересовъ, считаетъ, что мысли извѣстной рѣчи г. Стаховича остаются и до сихъ поръ непоколебленными...

Упорство и сектофильская тенденціонность автора таковы, что не хочется вѣрить, чтобы книга принадлежала перу юриста, да еще занимающаго такой серьезный, высокій и отвѣтственный постъ, какъ бывший предсѣдатель столичнаго окружнаго и (нынѣшній) товарищъ прокурора Сената. Неужели уже крайности декадентства проникли и въ храмъ Ѳемиды!

(Окончаніе слѣдуетъ).

Кіевск. миссіонеръ *свят. Савва Потьхинъ*.

Миръ Евангелія и трагизмъ толстовства *).

«Миръ Мой даю вамъ». Іоан. 14, 27.
Любовь Божія излилась въ сердца
наши Духомъ Святымъ. Рим. 5, 5.

III.

Что особенно соблазняетъ Льва Н. Толстого въ жизни Церкви, такъ это—таинство Причащенія. Оно поразило его, ужаснуло, повергло сначала въ недоумѣніе, потомъ въ отрицаніе, а потомъ онъ сталъ кошунственно смѣяться надъ нимъ. Отношеніе не новое: самыя первыя слова Христовы объ этомъ таинствѣ были встрѣчены, какъ недоумѣнные и «странныя». Христосъ обратился и къ «двѣнадцати» съ горькимъ вопросомъ: «не хотите ли и вы Меня оставить?» Однако непонятная прочимъ Божественная правда Его рѣчей заставила апостола Петра, отъ лица двѣнадцати, признать и исповѣдать ихъ «словами вѣчной жизни».

Вѣдь и мы, служители Престола Божія, священники, развѣ не люди же? Развѣ и насъ иногда не изумляетъ и не поражаетъ то, что недовѣдомый и непостижимый Богъ, осязательно и матеріально явился человѣчеству, какъ «человѣкъ Христосъ Іисусъ», и теперь предъ глазами нашими предложить въ крупицахъ хлѣба и капляхъ вина, въ которыхъ Онъ воплощается такъ близко и существенно, какъ душа въ тѣлѣ? Помните ропотъ: «жестоко слово сіе, кто можетъ послушати Его?!» Развѣ наши души безусловно и всегда были чужды этого ропота? На самомъ дѣлѣ: какъ совмѣстить въ существенной и реальной связи понятіе о такомъ маломъ и очевидномъ матеріальномъ предметѣ съ такой высочайшей и недовѣдомой идеей вѣры, съ идеей Высочайшаго духовнаго вседержащаго Существа, Которому мы съ такой радостью, но и съ трепетомъ, поклоняемся? И однако это постоянно предъ нашими очами и въ нашихъ рукахъ,

*) См. „Мясс. Обзор.“ № 3.

зачѣмъ это, необходимо ли, не слишкомъ ли тяжелое испытаніе покорной вѣры?..

Настроенія духа бурны и переменчивы: то—ясно, то—мрачно въ душѣ, то слышатся дыханія высшаго разума, то чуются низменные, безумныя и лѣнныя, темныя движенія пошлой распущенной воли. Въ бурѣ всякихъ колебаній, отъ чего бы они ни были, у насъ одинъ якорь: «Онъ самъ сказалъ!» Великое таинство даровалъ намъ Тотъ, относительно Кого «мы увѣровали и познали, что Онъ—Христосъ, Сынъ Бога живаго (Іоан. VI, 69)!» Мы не можемъ лгать на Евангеліе, мы не можемъ исказить ни единого слова въ немъ; а въ этомъ страшномъ испытаніи вѣры конечно могло устоять только Христово слово; всякая выдумка чего-либо подобного со стороны человѣка была бы съ негодованіемъ отвергнута и не привилась бы ни къ какому евангелію. Нѣтъ сомнѣній, что мы имѣемъ Его подлинное слово; а въ Немъ не было лжи; на Него не могли лгать и тѣ, которые поклонялись Ему, какъ Богу, и которые приняли Его слова, какъ «глаголы вѣчной жизни». Да и не одному человѣку на мысль бы не пришло выдумать что-либо подобное; да и какъ люди вѣры и совѣсти самовольно осмѣлились бы это сказать даже только?

Мы знаемъ, что, хотя бы намъ это таинство представлялось совсѣмъ непонятнымъ и невѣроятнымъ, однако и тогда оно осталось бы для насъ фактомъ непререкаемымъ, Божіей волей совершившимся. Когда мы такъ повѣруемъ и примемъ этотъ фактъ, то въ его послѣдствіяхъ, въ его вліяніи на душу—открывается намъ необъятный смыслъ его какъ «вѣчной жизни»; и то, что инымъ кажется абсурдомъ, для насъ открывается, какъ изумляющая въ своей высочайшей истинности и Божественной разумности идея Божія, какъ святѣйшее дѣло Божіей любви. И не знаемъ, чѣмъ больше наполняется душа вѣрующаго у Чашы Господней: радостью ли за жизнь міра, хвалой ли безпредѣльному Божію величію и униженію, не имѣющей никакихъ предѣловъ и ограниченій любви Божіей и Божественному всенекоряющему разуму, чувствами ли родства Ему, близости, обожествленія?.. Да вѣдь это—все то же потрясающее, очищающее и перерождающее постоянное выраженіе любви Божіей, которая въ Крестѣ, это—постоянная память, повтореніе и продолженіе все

той же Жертвы! Вслѣдъ за св. апостолами мы можемъ только сказать: «Господи! къ кому намъ идти? Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни»...

Вдохновеніе духа и жизни получитья можетъ для человѣка только въ единеніи съ Богомъ жизни. Нося въ себѣ это томленіе и скорбь міра, мы приступаемъ къ престолу оживляющей и обожающей Жертвы. Этимъ мы и свидѣтельствуемъ человѣчеству: «съ нами Богъ и наша жизнь вѣчная!» Это не наша мысль, не наше дѣло любви, это—приникновеніе Духа Божія къ смущенному плотью и смертью духу человѣческому. Реально, видимо, осязаемо, какъ пища и питіе, обитаетъ съ нами Богъ. Это несомнѣнно, потому что это—слово и заповѣдь Христа, только Его авторитетомъ утвердившаяся въ жизни Церкви; потому что—очевидно это идея не человѣческаго ума: она едва доступна его воспріятію и совершенно немыслима какъ его творчество. Въ этомъ дѣлѣ несомнѣнно намъ Богъ говоритъ, Богъ открываетъ намъ любовь Свою; въ этомъ дѣлѣ мы узнаемъ Его мысль, Его руку...

Угнетенный силою плотской пошлости, предъ страшнымъ призракомъ ничтожества, томясь во многихъ страданіяхъ, человѣкъ готовъ произнести слова ропота, не находя примиренія «скорби міра» съ идеей живаго, благаго и всемогущаго Отца—Бога. И Отецъ отвѣчаетъ томящемуся человѣку снисхожденіемъ и уничиженіемъ Своего Единороднаго до вочеловѣченія, до поруганій, до смертной казни, до воплощенія въ матеріальныхъ беззащитныхъ крупницахъ страшнаго таинства вкушенія Тѣла и Крови Его. Человѣкъ, поклоняющійся Богу, не могъ такъ Его умалить; это немыслимо; это—Самъ Онъ, это Его мысль, это Его «дѣло любви». И ясно, кажется, открывается, «какая мысль у Духа», что Онъ хочетъ сказать этимъ сыну земли. Богъ съ нами реально и осязаемо, Онъ хочетъ единства съ Нимъ человѣка и зоветъ его къ этому; Ему принадлежитъ вся власть и сила на небѣ и на землѣ; Онъ такъ хочетъ вѣчной жизни и блаженства человѣка, что не останавливается предъ великими жертвами; Онъ Самъ служить человѣку, и какъ служить? Вотъ Владыка жизни явился какъ рабъ, всѣ скорби человѣчества Онъ взялъ на Себя; «мужъ скорбей», Онъ завершилъ тяжелый путь Своей земной жизни кровавымъ крестомъ. Мало этого человѣку?—Онъ предлежитъ ему и

открывается какъ Пища и Питіе; Онъ доходитъ до такого самоумаленія, что воплощается въ эти слабые матеріальные элементы, Онъ какъ бы снова закаляется и приносится въ жертву, Онъ отдаетъ Себя въ пищу вѣрующимъ, чтобы они, вкушая Его, были причастниками Его духовной Божественной природы, а равно—близкими Ему и родными по плоти и крови. Вотъ до какого служенія человѣку, вотъ до какого ужасающаго самоуничженія снисходитъ Богъ,—для того только, чтобы увѣрить смертнаго: «Я—съ тобою, ты во Мнѣ и Я въ тебѣ, Я живу—и ты живъ будешь Мною на вѣки» *)... Только эта увѣренность нужна человѣку, чтобы жить, и только такимъ путемъ могла быть внушена ему эта увѣренность. Пусть необъятны пока всѣ идеи этого снисхожденія, но довольно уже и того, что здѣсь направлена къ человѣку не имѣющая никакого предѣла и никакого выраженія на языкѣ земли «любовь Божія». Если такова эта любовь, если такова сила этого добра, и если это—Отецъ всемогущій и единый въ мірѣ, то въ чемъ Онъ намъ откажетъ, что для насъ не сдѣлаетъ? Ужасаемся этому страшному снисхожденію,—но вѣдь Онъ Самъ захотѣлъ и сдѣлалъ это, Ему благоизволилось выразить такую любовь, и только этимъ приникновеніемъ и любовью Бога и можетъ быть живъ человѣкъ. Если такъ возлюбилъ меня Богъ и «соединилъ Себѣ», то я едино съ Нимъ, и нѣтъ въ мірѣ силы, какая мнѣ не была бы подвластна въ Отцѣ моемъ. Одно мановеніе Его и всѣ тяготы и скорби жизни—прошедшій сонъ. И однако онѣ возложены на меня. Ясно, что та же безконечная любовь Отца, которая возложила крестъ на Единороднаго, возложила и на меня мой крестъ. Жизнь иногда обильна тяжелыми мученіями, но, стало-быть, это необходимо для вѣчной жизни духа; мы—подъ ножомъ, но это—спасительный ножъ Врача. Мнѣ нужно знать, что страданія жизни—дѣло любви Отца, спасительный крестъ, чтобы не говорить о жизни, что она ужасная и злая шутка. «Я все для тебя сдѣлаю, Я готовъ служить тебѣ, Я умалился такъ, что ты ужасаешься... и все-таки ты возьми свой крестъ и неси со Мною, за Моимъ крестомъ!» Вотъ—одна изъ основныхъ идей жертвы Тѣла и Крови Христовыхъ... Еще можно долго и много идти въ открытіи

*) Іоан. VI, 56, 57; XIV, 19, 20.

смысла страданій,—но уже можно терпѣть муку и жить, томиться и вѣровать, страдать и радоваться въ страданіяхъ. Это—наши болѣзни подъялъ на Себя Икупитель и вдохнулъ въ насъ живоносный духъ. Наши страданія, какъ и Его крестъ,—воля Отца; безъ Его воли и волосъ головы нашей не погибнетъ: мы страдаемъ, зная, что это—только къ вѣчному благу. Такъ можно страдать... Прививаясь существенно (чрезъ Таинство) къ жизни Божіей, мы знаемъ, что чего бы мы ни попросили у Отца нашего, Онъ дастъ намъ, и знаемъ, что Онъ покрываетъ насъ рукою Своею отъ зла и страданій міра; но когда приходитъ часъ, и Онъ вручаетъ намъ горькую чашу, мы принимаемъ и примемъ ее отъ любви Его, цѣлуя десницу Его; конечно, намъ не сдержать вопля: «Отче! пусть пройдетъ мимо насъ чаша эта», однако не наша воля, а воля Отца должна осуществиться, ибо она—жизнь вѣчная. Такъ, постояннымъ повтореніемъ и участіемъ въ таинствѣ Тѣла и Крови Христа мы вводимся все болѣе и болѣе въ смыслъ Креста Его и участвуемъ въ Его Крестѣ, неся страданія съ Нимъ, въ Его духъ и смыслъ, въ Его покорности, любви и терпѣніи. При такомъ несеніи страданій, послѣднія являются не умерщвляющей силой, а силой, воспитывающей дивно прекрасное, самоотреченное, одухотворенное и обожествленное настроеніе души: они убиваютъ эгоизмъ и прививаютъ насъ къ жизни Отца: уже собой мы не можемъ жить, а живемъ существомъ и жизнью Отца. Такимъ образомъ, въ Чашѣ Христовой труждающееся и обремененное человѣчество имѣетъ и исцѣленіе, и утѣшеніе, и защиту. Намъ, пастырямъ Церкви, приходится такъ много слышать самыхъ задушевныхъ признаній, сокровенныхъ воплей душъ человѣческихъ, повѣстей о такихъ трагедіяхъ и драмахъ, которыхъ нѣтъ ни въ одной литературѣ міра, которыхъ страждущій не повѣряетъ ни другу, ни брату... Что бы мы могли сказать проходящему мимо насъ тоскующему и страждущему человѣчеству, если бы не могли указать ему на Чашу Жизни и сказать: «радуйтесь!...»

То существенное общеніе съ Богомъ, какое мы имѣемъ въ таинствѣ Причащенія, можетъ сказаться непосредственной чудесной силой въ жизни вѣрующаго. Это бываетъ, но это не постоянный законъ. Мы не ждемъ непременно великихъ и осязаемыхъ чудесъ отъ такого близкаго прикосновенія къ Божественному; мы всецѣло пре-

даемся волѣ Божіей: хочетъ Онъ,—явятся и являются чудеса Его, не хочетъ,—мы смиренно и уничиженно страждемъ. Онъ въ Своемъ всемогуществѣ явилъ примѣръ страданія, намъ ли бѣжать отъ воли Его, если Онъ и въ насъ продолжаетъ дѣло Своего уничиженнаго служенія спасенію и духовному возрожденію міра? Въ этомъ-то уничиженіи весь нравственный смыслъ и цѣнность дѣла,—нравственное значеніе вѣры, не предлагающей все готовымъ, а вызывающей духовныя силы человѣка на самостоятельное исканіе, усиліе и развитіе.

Слишкомъ нужно отупѣть умомъ и совѣстью, превратиться въ машину, чтобы не поражаться предлагаемой Трапезой. Совѣсть должна опредѣленно сказать и постоянно чувствовать и отвѣчать: «да» или «нѣтъ?» Вѣра въ данномъ случаѣ есть воззваніе ото сна всѣхъ жизненныхъ силъ, идей, чувствъ, убѣжденій, всей системы духовной жизни человѣка. Служеніе и принятіе сего таинства есть постоянное воззваніе отъ пошлости жизни, постепенное возведеніе человѣка къ свѣту необъятно-высокихъ идей любви Божіей и постепенное жизненное усвоеніе ихъ. Пошлость міра должна сгорѣть предъ лицомъ этой силы Божіей, если человѣчество по совѣсти отнесется къ «глаголамъ вѣчной жизни»...

Развѣвается и призракъ смерти отъ торжества этой трапезы Божественной жизни. Богъ со мной и во мнѣ; ручательство въ этомъ—Его слово; я имѣю несокрушимую очевидность духовной вѣчной жизни. Только такая любовь и такое проникновеніе въ тайны жизни, въ нравственное существо Бога, наполняютъ мой духъ вѣчнымъ содержаніемъ, и я начинаю понимать, что мой духъ и моя любовь, которая — отъ Бога, Божія, — суть вѣчная сила. Во всемъ можно усомниться, но не въ любви Божіей, какая живетъ въ насъ; а въ ней—вѣчная сила и жизнь. Пусть разрушается мое тѣло, пусть рука смерти смежаетъ очи мои, и пусть вокругъ меня идетъ постоянная работа тлѣнія,—я вижу, что живу и буду жить; живу, потому что любовь Божія, какую поняло и почувствовало, какою насытилось и ожило мое сердце, есть единственно реальное и вѣчное бытіе,—сущность, начало и власть жизни, безъ чего и теперешнюю плотскую жизнь свою я считалъ бы умираніемъ; чѣмъ я живъ теперь, то—отъ Бога, то будетъ живить меня вѣчно. Силою вѣры, черезъ вос-

пріятіе любви Божіей въ этомъ Тайнствѣ, любовь, добро и разумъ сливаются въ человѣкѣ въ великую и мощную жизнь духа. Эта жизнь, нерушимо утвердившаяся въ духѣ и вызываемая къ полному своему обнаруженію не длинными, а туманными философемами, а короткимъ и поразительно реальнымъ выраженіемъ: «вотъ—Я, вотъ—тѣло Мое и кровь Моя, Я—въ тебѣ и ты—во Мнѣ», способна и въ страшную минуту смертнаго смущенія духа дать ему возможность ощутить силу, высшую всякой смерти и тлѣнія, уполномочивающую и при всеобщемъ разрушеніи міровъ воскликнуть: я живу и буду жить во вѣки! Это—только творческимъ умомъ Божиимъ дарованное намъ Тайнство—какъ бы говорить и повторять намъ слова нашего Спасителя: «Я живу, и вы жить будете—Мною. Не бойтесь: Я—Первый и Послѣдній, и Живый; и былъ мертвъ, и се—живъ во вѣки вѣковъ, Аминь (Іоан. XIV, 19, VI, 54, 57, 58. Откровен. Іоан. I, 18)!..»

Возбужденіе въ человѣкѣ высшихъ силъ нравственной жизни чрезъ силу и духъ Чаши Христовой дается вѣрующему «во оставленіе грѣховъ» его: ради этого «предомляется Тѣло Христово и изливается кровь Его—Новаго Завѣта». Нужно знать всю силу, всю низость, весь ужасъ и стыдъ грѣха, его смертоносную разрушительную силу въ духѣ, нужно знать никѣмъ еще въ полнотѣ не изображенные муки кающейся совѣсти, чтобы понять, что только такъ можно дѣйствительно исцѣлить и воскресить падшую душу. Чаша Сына Человѣческаго—продолженіе и утвержденіе въ духѣ человѣка Креста Его, развитіе въ немъ всеискупляющаго духа Христа. Для возстающаго грѣшника, для больной и страждущей совѣсти нужны именно такое участіе и ободреніе, именно такой призывъ, именно такая любовь и власть, именно такое прощеніе, искупленіе, примиреніе и вдохновеніе жизни. Исчерпать содержаніе безчисленнаго разнообразія состояній совѣсти разныхъ людей едва-ли возможно; однако то несомнѣнно, что всякій, съ истинной вѣрой приходящій къ Чашѣ Господней, находитъ въ ней силу и вдохновеніе вѣчной жизни. Основная сила совершающагося въ каждомъ духѣ возрожденія одна—сила «искупленія», о которомъ говорилось раньше. Но говорить объ этомъ можно отчасти, такъ какъ цѣлое необъятно: совѣсть въ своихъ развитыхъ состояніяхъ—безграничное море, и сочетаніе ея

съ любовью и Духомъ Вседержителя — святая святыхъ человѣческаго духа...

Такимъ образомъ, вдохновеніе спасительными идеями небесными, искупленіе, возстаніе отъ пошлости жизни, осмысленность и примиренность страданій и жизнь вѣчная — вотъ что дается намъ этой необычайной трапезой Господней. Здѣсь дана сила жизни единственно — истинному и всеобъемлющему міровоззрѣнію и могущественнѣйшее побужденіе къ нравственной дѣятельности. Понятіе о Богѣ какъ любви и о силѣ и степени Его любви здѣсь доведены до возможно крайняго для человѣка предѣла; здѣсь — вся сила вліянія на сердце человѣка любви Божіей и вся сила вѣчнаго принадлежанія, преданности человѣка Богу; здѣсь — безконечная цѣна личности и совершеннѣйшій ея покой и безопасность въ Богѣ; а это все только и нужно понять и ощутить человѣку, чтобы жить. Это — объединеніе смысла и цѣлей жизни человѣческой съ жизнью Божіей. Это — торжество любви Божеской и человѣческой, обожествленной. Вы видите, въ какомъ ореолѣ выставляется человѣкъ идеей и силой таинства Причащенія. Онъ — драгоцѣнное и прекраснѣйшее чадло Божіе, питаемое отъ Божественнаго существа, Духомъ и плотью Его, чадло, искаженное страшными чертами болѣзней, страданій, паденій и смерти, но съ огнемъ безсмертія, съ благородствомъ, силой и святыней приникнувшей къ нему любви Божіей, осынившей его, зовущей его, излившейся въ его сердце. Мы любимъ всякаго брата своего не потому только, что намъ тепло отъ любви, а потому, что онъ достоинъ любви, потому что нельзя не любить его и нельзя не нести креста ради него; намъ понятны и дороги не результаты только и польза любви, но самыя основы ея, вѣчная сущность и непреходящій смыслъ ея. Мы всѣ — одно тѣло и одинъ духъ, ибо причащаемся единой Чашы, чрезъ которую сливаемся во единую преображенную по образу Божію жизнь. Мы несемъ крестъ Христа, дышемъ Его любовью въ отношеніи брата, руководимся Его мыслями и чувствами и другъ за друга готовы нести бремя своихъ крестовъ. Съ каждой Литургіей намъ больше и яснѣе открывается то, чѣмъ живъ міръ и чѣмъ живы люди, и когда осыняемъ Чашей преклоняющійся народъ, — мы знаемъ, что въ рукахъ нашихъ «жизнь міра», «жизнь вѣчная». Мы знаемъ, что если-бы данное намъ въ Чашѣ Господней

принесло полный цвѣтъ и плодъ въ жизни людей, то мы были бы свидѣтелями дивной жизни «царства Божія, пришедшаго въ силѣ», гдѣ не было бы ни холода, ни голода, ни страданій и ужаса смерти, гдѣ «любовь Божія» осыпала бы просвѣщенное и умиротворенное человѣчество... Такъ это — не шарлатанство, не колдовство-же это, Левъ Николаевичъ!..

Правда, человѣчество не пришло еще къ этой силѣ, но это зависитъ отъ того, что Божіе вліяніе — и сильнѣйшее и самое нѣжное, и влекущее и дающее свободу. Въ этомъ оживляющемъ человѣчество Таинствѣ—все—величіе и все—смирненіе; здѣсь Богъ и открытъ и сокрытъ; для однихъ оно — безуміе, для другихъ — сила Божія. Вліяніе Бога—сильнѣйшее, но оно отдано во власть человѣческой свободы; постепенно, долгимъ путемъ, путемъ нѣжнѣйшаго перерожденія сердца человѣческаго и свободного развитія всѣхъ силъ человѣческаго духа, ведетъ Богъ человѣчество къ вѣчной жизни. И предъ величіемъ разума Божія, предъ величіемъ Божіей любви какой мелкой и жалкой является толстовская философія, какимъ несчастнымъ кажется Левъ Николаевичъ съ его разсужденіями и смѣшками надъ «салфетками» и пр. При чемъ тутъ формальное, условное? Если вы не уничтожили идею, духъ, то что смысла судить форму, да при томъ и не существенную, а болѣе второстепенную, измѣнчивую? Всякая форма оживляется духомъ: а кто его не предполагаетъ, для того она, конечно,—безуміе. Книга для неграмотнаго дитяти—смѣшныя безсмысленныя каракули. Дѣтскій — и вашъ смѣхъ, Левъ Николаевичъ; но зачѣмъ онъ такой озлобленный?...

(Окончаніе слѣдуетъ).

Свящ. Дмитрій Силинъ.

Критическій разборъ раскольниковъ сочиненія (Усова) „О миропомазаніи священнослужителей, присоединяемыхъ къ православію отъ ереси втораго чина“.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Извѣстно, что православная Церковь не признаетъ законнымъ, истиннымъ, благодатнымъ—Бѣлокриницкое священство, получившее свое начало отъ бѣжавшаго изъ Греческой Церкви митроп. Амвросія, который, никѣмъ не посланный, явился въ Бѣлую-Криницу къ раскольникамъ, и тѣ приняли его, какъ еретика, вторымъ чиномъ, чрезъ таинство миропомазанія, а отсюда Амвросій сталъ, по суду книги Кормчей, простымъ міряниномъ.—Православные миссіонеры въ бесѣдахъ съ австрійцами всегда указывали и указываютъ, что, по миропомазаніи, Амвросій сталъ (простымъ) міряниномъ, а отсюда и священство австрійское, ведущее свое начало отъ него,—незаконно, безблагодатно, погибельно,—ибо ризы безъ благодати не пользуютъ.

Стараясь во что-бы то ни стало оправдать чинопріемъ Амвросія, а отсюда и доказать законность своего священства, печально извѣстный апологетъ раскола австрійскаго толка—И. Усовъ издалъ недавно книжицу, озаглавивъ ее: «О миропомазаніи священнослужителей, присоединяемыхъ къ православію отъ ереси втораго чина» (Черновцы, 1902 г.). Въ названной книгѣ Усовъ старается доказать, что ученіе православной Церкви о томъ, что клирики-еретики, присоединяемые къ православію вторымъ чиномъ чрезъ таинство миропомазанія, должны снова быть рукополагаемы—есть «ученіе, якобы, неправославное, а безпоповское, которое-де приняла и усвоила господствующая въ Россіи Церковь отъ покойнаго о. Павла Прусскаго, какъ бывшаго безпоповца».

Новая книга Усова отпечатана гражданскимъ шрифтомъ. Форма изложенія разговорная.

Въ виду того, что раскольники австрійскаго толка придаютъ новому сочиненію Усова огромное значеніе, стараясь всячески распространять его, мы сочли необходимымъ и полезнымъ подвергнуть доводы Усова обстоятельному разсмотрѣнію, излагая все въ формѣ бесѣды православнаго съ старообрядцемъ.

Учености въ нашемъ сочиненіи читатели пусть не ищутъ. Мы пишемъ и излагаемъ свои бесѣды для простаго народа, который съ трудомъ понимаетъ даже и простую печатную рѣчь. Если гдѣ и будутъ повторенія, читатель пусть проститъ: въ бесѣдахъ это неизбѣжно, а, вѣдь, настоящее сочиненіе и есть сборникъ многихъ бесѣдъ, которыя я, какъ миссіонеръ, велъ съ старообрядцами-австрійцами по вопросамъ о чинопріемѣ Амвросія.

Бесѣды православнаго миссіонера съ старообрядцемъ австрійскаго толка по вопросу о незаконномъ чинопріемѣ м. Амвросія.

I.

На одной изъ бесѣдъ съ старообрядцемъ австрійскаго толка православный миссіонеръ предложилъ вопросъ: «Благодатно ли, спасительно ли такъ называемое австрійское священство, ведущее свое начало съ 1846 г. отъ бѣжавшаго изъ греческой Церкви м. Амвросія и принятаго старообрядцами вторымъ чиномъ, чрезъ миропомазаніе?» Старообрядецъ охотно согласился вести бесѣду по вопросу, предложенному о. миссіонеромъ, но предварительно спросилъ о. миссіонера: «Какъ ваша Церковь признаетъ старообрядческую іерархію: дѣйствительной, или самозванной, ложной?»

Православный. Православная Церковь признаетъ австрійское священство, какъ происшедшее отъ бѣгльца Амвросія, безблагодатнымъ, ложнымъ, незаконнымъ; посему, присоединяя, мы принимаемъ вашихъ іереевъ, не въ сущемъ санѣ, а какъ простыхъ мірянъ.

Старообрядецъ. А по какой причинѣ и на какомъ основаніи ваша Церковь поступаетъ такъ?

Православный. Потому наша Церковь, при присоединеніи къ ней, принимаетъ вашихъ клириковъ не въ сущемъ санѣ, а какъ простыхъ мірянъ, что родоначальникъ вашего священства м. Амвросій принятъ былъ въ Бѣлой-Криницѣ бѣглымъ попомъ Іеронимомъ, какъ еретикъ, вторымъ чиномъ, чрезъ таинство миропомазанія, а отсюда, по суду книги Кормчей (37 гл., Л. 290 об.), Амвросій сталъ «потщаливымъ мірскимъ человѣкомъ». Такъ какъ же можно ваше священство, получившее такимъ образомъ начало отъ мірянина, неимѣвшего ни права, ни власти, ни благодати священства, признать законнымъ? Никакъ. Священство ваше незаконное, мнимое.

Старообрядецъ. А какъ вы признаете старообрядческое миро, которымъ былъ помазанъ м. Амвросій, святымъ или нѣтъ?

Православный. Какъ мы смотримъ на то миро, которымъ былъ помазанъ м. Амвросій, для васъ это безразлично, ибо вы сами-то считаете его за святое, за дѣйствительное миро; а посему мы и говоримъ, что, по миропомазаніи клирика-еретика, его нужно снова рукополагать «въ санъ, въ немже бѣша, или презвитера, или діакона, или ино что» (Кормч. 37 гл.); у васъ же Амвросія некому было рукополагать въ санъ епископскій, а посему онъ и остался міряниномъ. Мірянинъ же не можетъ завести истинное священство.

Старообрядецъ. Но, вѣдь, ваши миссіонеры и Никифоръ Астраханскій въ книгѣ своей доказываютъ, что у старообрядцевъ нѣтъ св. мира, да и не могло быть; а если чѣмъ и мазали, такъ это деревяннымъ масломъ, фальшивымъ миромъ. Но фальшивое миро не можетъ произвести то дѣйствіе, которое производитъ св. миро; значитъ и по вашему выходитъ, что Амвросій, какъ помазанный не миромъ, а масломъ, не лишился, не обнажился священства, а посему наше священство ведетъ свое начало не отъ мірянина Амвросія, а отъ дѣйствительнаго митрополита; отсюда вы, о. миссіонеръ, незаконно считаете нашу іерархію безблагодатной, ложной, незаконной, мнимой. Такимъ образомъ, вы, о. миссіонеръ, впадаете въ противорѣчіе и, чтобы выйти изъ этого противорѣчія, вы должны признать или старообрядческое миро святымъ, или ихъ іерархію дѣйствительной. Другого исхода для васъ нѣтъ.

Православный. Никакого противорѣчія, если вы только безпристрастно будете разсматривать, а не играть, подобно Усову, словами,

нѣтъ. Если у васъ не было мира и ваши предки мазали Амвросія и другихъ деревяннымъ масломъ, т. е. фальшивымъ миромъ, тѣмъ хуже для васъ и отъ этого священство ваше паки и паки незаконное, безблагодатное, мнимое. Если у васъ не было мира, то, значитъ, всѣ рожденные и крещенные въ вашемъ обществѣ были помазаны, по крещеніи не св. миромъ, а деревяннымъ масломъ, которое, конечно, не могло, какъ вы и сами говорите, произвести того дѣйствія, какъ св. миро. Безъ миропомазанія «никтоже совершентъ христіанинъ можетъ быти» (Больш. Катих. лист. 376), а книга о Вѣрѣ говорить: безъ миропомазанія «крещенія тайна несовершенна есть» (л. 245); а Симеонъ Солунскій учить: «тотъ не будетъ вполне причастенъ благодати крещенія, кто еще не пріялъ помазанія мира» (въ рус. переводѣ т. 2, стр. 23); «тотъ не запечатлѣнъ печатью Христа, кто не пріялъ мира» (стр. 24); «черезъ миро мы дѣлаемся подобными ангеламъ и черезъ него мы вѣдомы имъ. Такимъ образомъ, выходитъ, что непомазанные миромъ невѣдомы, какъ свои, ни Богу, ни Ангеламъ; они, какъ незапечатлѣнные, и не назнаменаны для Христа» (Симеонъ Солун. въ рус. переводѣ, т. 2, стр. 86), «отъ мира мы называемся христіанами» (см. Больш. Катих. л. 2 об., Симеонъ Солун. въ рус. перев. 25 и 70 стр.).

А отсюда что выходитъ? То, что всѣ рожденные и крещенные въ вашемъ обществѣ, какъ не помазанные св. миромъ, еще «несовершенно крещены», «не запечатлѣны печатью Христа», «невѣдомы ни Ангеламъ, ни Богу, не назнаменаны для Христа», «несовершенные христіане»... Далѣе, Амвросій, по чинопріемѣ, совершенномъ вашими предками надъ нимъ въ Бѣлой Криницѣ, сталъ святительствовать и рукоположилъ вамъ дворника Бѣлокриницкой Громады Кипріана, съ именемъ Кирилла и Аркадія, отъ которыхъ уже и пошло дальнѣйшее ваше лжесвященство, такъ какъ вскорѣ, именно въ декабрѣ 1847 г., Амвросій отозванъ былъ въ г. Вѣну, откуда отправленъ въ Цилль въ ссылку, гдѣ и померъ. А отъ Кирилла и Аркадія, какъ рожденныхъ въ расколѣ, по ученію старопечатныхъ книгъ, «несовершенно крещенныхъ», «незапечатлѣнныхъ печатью Христа», «не вѣдомыхъ ни Богу, ни Ангеламъ, не назнаменованныхъ для Христа», «несовершенныхъ христіанъ», какое можетъ быть священство?! Подумайте, вѣдь страшно сказать: они были «не христіане»,

«не вѣдомы ни Богу, ни Ангеламъ», «не имѣли печати Христа», «полнаго крещенія не имѣли», и, вдругъ, ихъ рукополагаетъ Амвросій въ священныя саны, а они уже развели вашихъ епископовъ, поповъ, діаконовъ; словомъ, всю іерархію вашу... Такъ можно ли признать ваше священство, которое незаконнымъ образомъ получило-то и начало, да и ведетъ свое начало отъ «несовершенныхъ христіанъ», «не вѣдомыхъ ни Богу, ни Ангеламъ», «не имѣвшихъ печати Христа?!» Боже мой! Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже для васъ. Такъ, вотъ и нѣтъ никакого противорѣчія у насъ. И не признавая ваше миро за святое, мы никакъ не можемъ признать ваше священство истиннымъ, законнымъ, благодатнымъ и, если признать, что миро у васъ было, то опять выходитъ тоже, что Амвросій, помазанный миромъ, какъ мірянинъ, Кипріану и Аркадію не могъ благодати священства преподавать; такъ они и остались мірянами и отъ нихъ, какъ мірянъ, и ведетъ свое начало ваша іерархія.

Далѣе. Подумайте безпристрастно: ну, у васъ не было мира, значитъ не было въ вашемъ обществѣ, въ вашей мнимой Церкви, и таинства миропомазанія. Такъ къ какому же обществу приходитъ Амвросій? По вашему онъ еретикъ былъ, а «всякъ еретикъ имать въ себѣ духъ діаволь» (Мал. соборн. гл. II, 147 л. втор. счета); «въ еретикахъ духъ лживый сатанинъ живетъ» (тамъ же л. 122 втор. счета); и вотъ, такой-то человѣкъ—Амвросій—приходитъ къ людямъ, которые не имѣютъ тайны св. миропомазанія, которыхъ нельзя назвать «совершенными христіанами», которые не имѣютъ «печати Христа», «которые не вѣдомы ни Богу, ни Ангеламъ», словомъ, къ такому обществу, которое не имѣетъ благодати Св. Духа и само еще не имѣетъ «совершеннаго крещенія». Такъ можетъ ли такое общество, такіе люди, ему, Амвросію, по вашему еретіку, преподавать благодать Св. Духа, которой само не имѣетъ? Конечно нѣтъ. И онъ, какъ еретикъ, ибо вы его считаете еретикомъ, не могъ преподавать вамъ благодати Св. Духа, да и не преподавъ, а принеся проклятіе (Толков. Апост. 548 об.). Повторяю противорѣчія у насъ нѣтъ, если мы не признаемъ ваше миро за святое: и такъ и сякъ ваше священство безблагодатно.

Горе же г. Усову, который своими изворотами старается затмить истину и тѣмъ соблазнить единого отъ малыхъ сихъ!..

II.

Старообрядецъ. Но мы-то признаемъ наше миро за святое...

Православный. А если вы признаете свое миро за святое, то укажите намъ: на какомъ же основаніи ваши предки, принявъ Амвросія вторымъ чиномъ, чрезъ таинство миропомазанія, признали его хиротонію дѣйствительною?

Старообрядецъ. Въ Кормчей книгѣ, въ толкованіи на 8-е правило 1 всел. собора читаемъ: «и таковѣи (еретики наватіане), аще убо приступятъ въ Святѣй соборнѣй и апостольской Церкви, и исповѣдятъ двоеженца пріимати на общеніе, и не хулити второго брака, и согрѣшающимъ и кающимся прощати грѣхи, и просто рещи, всемъ церковнымъ послѣдующе повелѣніямъ, свою ересь прокляньше и иныя вся, пріяти да будутъ, и токмо святымъ миромъ помазуются. Аще же нѣции отъ нихъ суть и епископы, паки въ своемъ чину да пребываютъ» (гл. 5, л. 35 об.). То же читаемъ и въ толкованіи Аристіна въ русскомъ переводѣ: «обольщенные Наватомъ и названные имъ «чистые», какъ не принимающіе покаянія согрѣшившихъ и запрещающіе второй бракъ, если придутъ къ Церкви и исповѣдаются, что будутъ принимать и двубрачныхъ, и оказывать снисхожденіе согрѣшившимъ, но покаявшимся, и вообще слѣдовать всемъ церковнымъ догматамъ и предадутъ анаѹемѣ свою ересь и другія, должны быть пріемлемы и помазуемы однимъ святымъ миромъ. И если нѣкоторые изъ нихъ суть или епископы, или хорепископы, остаются въ томъ же достоинствѣ» (прав. св. вселен. соборовъ съ толкованіями). Вотъ и книга Кормчая, которой руководствуется православная Церковь и знаменитый канонистъ и толкователь правилъ Аристінь повелѣваютъ, чтобы втораго чина еретики-епископы были присоединяемы къ православію непременно чрезъ миропомазаніе и оставались въ своемъ санѣ и достоинствѣ, какое получили, когда были въ ереси. Не ясно ли, что, принявъ м. Амвросія отъ ереси втораго чина чрезъ миропомазаніе, старообрядцы только тѣмъ исполнили вышеприведенныя опредѣленія Церкви.

Православный. Но вы, вѣдь, прочитали не самое правило, а только толкованіе на него. Прочитаемъ самое правило и посмотримъ:

дѣйствительно ли предки ваши приняли м. Амвросія на основаніи 8 прав. 1 всел. собора, да и могли ли они руководствоваться имъ?

8-е правило читается такъ: «О именовавшихъ нѣкогда самихъ себя чистыми, но присоединяющихся къ Каѳолической и Апостольской Церкви, благоугодно святому великому собору, да, по возложеніи на нихъ рукъ, пребываютъ они въ клирѣ; прежде же всего надлежитъ имъ письменно исповѣдати, яко прилѣпятся и послѣдовати будутъ опредѣленіямъ Каѳолическія и Апостольскія Церкви, то есть, будутъ въ общеніи церковномъ и съ двоуженцами, и съ падшими во время гоненія, для которыхъ и время покаянія установлено, и срокъ прощенія назначенъ. Надобно, чтобы они во всемъ послѣдовали опредѣленіямъ Каѳолической Церкви. Итакъ гдѣ, или въ селахъ, или во градахъ, всѣ, обрѣтающіеся въ клирѣ, окажутся рукоположенными изъ нихъ однихъ: да будутъ въ томъ же чинѣ. Аще же тамъ, гдѣ есть епископъ Каѳолическія Церкви, нѣкоторые изъ нихъ приступятъ къ Церкви: явно есть, яко епископъ православныя Церкви будетъ имѣть епископское достоинство: а именующійся епископомъ у такъ называемыхъ чистыхъ пресвитерскую честь имѣти будетъ: развѣ заблагоразсудитъ мѣстный епископъ, чтобы и тотъ участвовалъ въ чести имени епископа. Аще же то ему неугодно будетъ, то для видимаго сопрічисленія такового къ клиру, избрѣтетъ для него мѣсто или хорепископа или пресвитера: да не будетъ двухъ епископовъ въ градѣ» (Полн. Кормч. стр. 36—37).

Итакъ, будемъ разсматривать безпристрастно: согласно ли съ 8-мъ правиломъ поступили ваши предки, принимая Амвросія? Правило дано въ руководство Св. Каѳолической (соборной) Церкви съ цѣлью—принять еретика, если онъ раскается, въ лоно свое и тѣмъ дать ему, раскаявшемуся еретику, возможность и надежду на полученіе спасенія. Значитъ Церковь принимаетъ еретика. Ну, а ваше общество, не имѣвшее 180 лѣтъ епископовъ, было-ли и могло ли называться Каѳолическою Церковью? Конечно нѣтъ, ибо «не можетъ-бо Церкви безъ епископа быти» (Маргар. въ житіи 154 л. об.). Ваши предки, собравшись на соборъ для разсужденія о чинопріемѣ Амвросія, имѣли у себя только бѣлаго попа, а такой соборъ, который составленъ непокорными епископамъ и Церкви пре-

свитерами и непаученнымъ народомъ, признается самочиннымъ соборищемъ (1 пр. Вас. Вел.), подвергается проклятію (6 пр. Гангрск. собора).

Частіе 8-е прав. 1 всел. собора дадено въ руководство епископу, а не пресвитеру (притомъ бѣглому); пресвитеръ же, безъ воли епископа, не только принять еретика, но и ничего дѣлать не можетъ (см. 43 прав. Кар. соб. и Номоканонъ Филарета 666 г.). Такимъ образомъ ваши предки и руководствоваться-то 8-мъ прав. не могли, да и не имѣли права. Дальше, 8-мъ правиломъ первый вселен. соборъ не возстановлялъ несуществующую, или прекратившуюся іерархію въ Церкви, а только, по снисхожденію, постановилъ принимать покаявшихся наватіанъ. Пришли наватіане, покаялись, Церковь ихъ принимаетъ; не пришли бы все равно Церковь была бы Церковью Христовою, имущю полноту всѣхъ Божественныхъ дарованій. Вы же, чрезъ принятіе Амвросія, хотѣли возстановить у себя несуществующую іерархію и хиротонію; слѣдовательно, поступили не по 8 прав., къ которомъ о возстановленіи іерархіи и слова нѣтъ, а говорится о приѣмѣ, по снисхожденію, еретиковъ для ихъ спасенія. Не приди къ вамъ Амвросій, вы остались бы съ бѣглыми попами, и не было бы у васъ священства; вы его искали для себя, для пополненія недостатковъ въ вашей Церкви... Смыслъ же 8 прав. и цѣль его изданія не таковы. Дальше. Въ самомъ правилѣ нѣтъ ни одного слова о томъ, чтобы наватіанъ принимать чрезъ миропомазаніе; единственно, что требуется отъ нихъ, это отреченіе отъ заблужденій своей секты, «чрезъ исповѣданіе, яко повинуются церковнымъ законамъ, и приобщаются съ двоеженцы, и простятъ согрѣшающихъ», т. е. отпадшихъ во время гоненій. Такимъ образомъ, вы приняли Амвросія не по 8 правилу 1 вселен. собора. Ни въ одномъ соборномъ правилѣ нѣтъ такого повелѣнія, чтобы еретиковъ, которые принимаются въ Церковь чрезъ миропомазаніе, если то священные лица, по миропомазаніи, въ своихъ чинахъ оставлять.

Старообрядецъ. Но Аристинъ прямо говоритъ, что клириковъ наватіанъ принимать слѣдуетъ чрезъ миропомазаніе и оставлять въ своемъ санѣ и достоинствѣ, какое они имѣли, когда были въ ереси. Если бы въ прав. Церкви существовало такое правило или обычай,

что присоединяемыхъ чрезъ миропомазаніе священнослужителей должно вновь рукополагать, то Аристину, какъ церковному канонисту и толкователю священныхъ правилъ, это было бы извѣстно: онъ такъ бы и писалъ. Если же онъ написалъ напротивъ, именно, что чрезъ миропомазаніе присоединяемые къ Церкви епископы должны оставаться въ своемъ санѣ, то само собою разумѣется, что при немъ и до него существовалъ въ Церкви именно такой, а не иной обычай относительно принятія къ ней священныхъ лицъ отъ ереси второго чина. А если бы онъ написалъ противно всеобщему обычаю Церкви, то Церковь не приняла бы его толкованія; принявъ же его въ руководство, она прямо подтвердила его толкованіе на 8-е правило перваго всел. собора, какъ согласное съ ея духомъ и ученіемъ. Притомъ, если бы это его толкованіе было несогласно съ сущимъ смысломъ правила, то другой толкователь правилъ, Вальсамонъ, объяснявшій ихъ чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ него, непременно замѣтилъ бы это. Но замѣчательно, что не только Вальсамонъ, но и никто изъ православныхъ учителей Церкви ни въ чемъ не заиралъ толкованія Аристина, и не только не зазирали, но и рѣшительно подтверждали его, какъ, напримѣръ, Вальсамона въ толкованіи на 1-е правило Василия Вел., гдѣ онъ говоритъ, что наватіанскихъ епископовъ и другихъ еретиковъ втораго чина должно принимать чрезъ миропомазаніе въ ихъ санѣ. Толкованія Аристина приняты Церковью.

Православный. Православ. Церковь приняла не одни Аристиновы толкованія; она принимаетъ толкованія Зонары, Вальсамона, Фотія, Севаста Арменопула; особенно же Вальсамона, о которомъ говорится, что «онъ совершеннѣе истолкова вся каноны» (см. потреб. предисл. къ номоканону). Итакъ, посмотримъ, какъ понимаютъ 8-е прав. 1 вселен. собора другіе толковники. Зонара говоритъ, что чистые принимаются «съ письменнымъ исповѣданіемъ» и «послику погрѣшили не уклоненіемъ отъ вѣры, а братоненавидѣніемъ и не допущеніемъ покаянія для падшихъ, то соборъ принялъ и рукоположеніе ихъ, и опредѣлилъ, чтобы они оставались въ ихъ степеняхъ», б) Вальсамонъ, что «если кто изъ нихъ (т. е. наватіанъ съ чистымъ раскаяніемъ оставить прежнее зло и обяжется сохранять догматы Каѳолической Церкви, тотъ долженъ быть при-

нять. И если это клирики, то они должны непременно сохранять свои степени»... в) Матѳей Правильникъ, что чистые принимаются въ Церковь по 8-му прав. 1 всел. собора, исповѣданіемъ письменнымъ крѣпко блюсти церковныя преданія, принимать обращеніе отвергшихся Христа во время гоненія и приобщаться двоеженцамъ, «и аще симъ сосложатся, своя паки церковныя пріимати имъ степени, иже первіе оставиша, пресвитери убо суще или діакони, аще ли же и епископи и сихъ во своя епископія возвращати» (сост. А., гл 2-я о наватіянѣхъ). г) Такъ понималъ 8-е прав. и предсѣдатель 7-го вселен. собора—святѣйшій патріархъ Тарасій: «Почтеннѣйшіе иноки сказали: «въ этомъ правилѣ (т. е. въ 8-мъ, которое было прочитано на соборѣ) сказано, чтобы рукоположенныхъ еретиками принимать». Святѣйшій патріархъ Тарасій сказалъ: «а какъ нужно понимать рукоположеніе?» Почтеннѣйшіе иноки сказали: «Владыко! просимъ наставить насъ». Св. Патріархъ Тарасій сказалъ: «Слово рукоположеніе можетъ быть здѣсь сказано просто о благословеніи, а не хиротоніи» (Дѣян. 7 всел. собора 48 стр. по изд. 1891 г.). И соборъ согласился съ толкованіемъ правила, предложеннымъ его предсѣдателемъ. Значитъ и 7-й всел. соборъ, во главѣ съ св. патріархомъ Тарасіемъ, понималъ 8-е прав. такъ, что наватіанъ принимали третьимъ чиномъ, чрезъ обычное благословеніе, а не вторымъ чиномъ. д) Такъ объясняется это правило и въ греческой Кормчей (Пидаліонѣ), гдѣ читаемъ: «Собору угодно было, чтобы въ случаѣ обращенія наватіанъ къ Прав. Церкви, они получили возложеніе рукъ и такъ принимались и оставались къ клирѣ, тѣ, то есть, которые клириками». Подъ строкой объяснено, что подъ хиротесіей здѣсь разумѣется не хиротонія, какъ, быть можетъ, кому-нибудь покажется, а возложеніе руки епископа или священника на голову обращающихся, совершаемое при обрядѣ принятія кающихся» (См. въ стат. Бердникова, «Правосл. Собесѣдникъ» за 1888 г., мѣсяцъ мартъ, 407 стр.).

Такимъ образомъ, одному Аристину я противопоставилъ шесть свидѣтелей во главѣ съ св. Тарасіемъ, предсѣдателемъ 7-го всел. собора, кои всѣ свидѣтельствуютъ, что наватіанъ 8-е правило повелѣваетъ принимать не вторымъ, а третьимъ чиномъ, отсюда и хиротонія ихъ не отвергалась, а принималась. Ученіе большинства мы

должны предпочитать мнѣнію одного Аристіна, какъ о томъ учить преподоб. Викентій Лириискій: «вѣрить (отцамъ) должно по такому правилу: что только или всѣ они или большинство ихъ единомысленно принимали, содержали, передавали открыто, часто, непоколебимо, какъ будто по какому предварительному согласію между собою учителей, то почитать несомнѣннымъ, вѣрнымъ и непререкаемымъ; а о чемъ мыслилъ кто, святой-ли онъ, или ученый, исповѣдникъ-ли и мученикъ, несогласно со всѣми или даже противорѣча всѣмъ, то относить къ мнѣніямъ личнымъ, сокровеннымъ частнымъ, и отличать отъ авторитета общаго, дабы, оставивъ древнюю истину всеобщаго ученія, по нечестивому обычаю еретиковъ и раскольниковъ, съ величайшею опасностью относительно вѣчнаго спасенія, не послѣдовать намъ новому заблужденію одного человѣка» (Памятныя записки 125—126 стр.). Аристинъ-же во многомъ ошибался, о чемъ чти въ книгѣ Красножена—«Толкован. канонич. кодексовъ»... Что касается до того, что, якобы, Вальсамонъ въ толкованіи на 1-е правило Василия Великаго говорить, что наватіанскихъ епископовъ и другихъ еретиковъ втораго чина, по миропомазанію, оставлять въ сущемъ санѣ, то это неправда.

Въ толкованіи на 1-е прав. Василия Великаго Вальсамонъ пишетъ «а наватіанъ, опредѣлило и послѣднее правило втораго собора, не должно крестить снова, но помазывать св. миромъ, и такимъ образомъ причащать Тайнъ; если-же они были епископами, то принимать на ихъ престолы» (полная Кормч.). Итакъ, Вальсамонъ говорить о наватіанахъ, что ихъ нужно принимать чрезъ миропомазаніе; клириковъ-же наватіанскихъ принимать на ихъ престолы.—Но какъ принимать на престолы: съ новымъ ли рукоположеніемъ отъ православныхъ пастырей, или же принимать ихъ хиротонію? Ни того, ни другаго Вальсамонъ не указываетъ здѣсь, посему мы и должны обратиться къ другимъ его свидѣтельствамъ, изъ которыхъ ясно видно, что Вальсамонъ хиротонію еретиковъ 2-го чина не принималъ, считая ее не бывшей, скверной, какъ о томъ онъ пишетъ въ отвѣтѣ на 30-й вопросъ Марка патріарха Александрійскаго (См. книгу Севаста Арменопула, кн. 5-я).

Итакъ, повторяю, нигдѣ въ правилахъ соборовъ нѣтъ повелѣнія, чтобы, по миропомазанію, клириковъ—еретиковъ принимать въ сущемъ

санѣ. 8-е же прав. 1 всел. собора повелѣваетъ принимать наватіанъ третьимъ, а не вторымъ чиномъ и вы поступили вопреки правиламъ, послѣдую ошибочному толкованію одного Аристіна,—которому Церковь древняя не послѣдовала, что видно изъ другихъ ея постановленій.

Старообрядецъ. «Ссылка ваша на изслѣдованіе г. Красножена нисколько не порочитъ и не унижаетъ Аристіна и его толкованія. Объ Аристинѣ Красноженъ даетъ такой отзывъ: «Замѣчательная ясность толкованій, заключающая все важное и необходимое для правильнаго пониманія сокращеннаго текста правилъ, даетъ Аристину право на выдающееся положеніе между толкователями каноническаго кодекса, а правильное пониманіе имъ церковныхъ правилъ заставляеть позднѣйшихъ толкователей церковныхъ правилъ (Архіеп. Іоан. «Опытъ курса церков. законовѣд».) отдавать ему иногда предпочтеніе даже предъ знаменитымъ Вальсамономъ» (стр. 81, 82).—Затѣмъ перечисливши кажущіеся недостатки Аристіна, г. Красноженъ говоритъ: «Эти недостатки, встрѣчающіеся въ нѣкоторыхъ толкованіяхъ Аристіна, не умаляютъ однако указанныхъ выше достоинствъ его труда» (стр. 88).

Православный. И мы нисколько не порочимъ Аристіна, а говоримъ только, что въ толкованіяхъ на правила у него есть ошибки, недостатки и только. Ошибался же не только Аристинъ, но и св. отцы, какъ о томъ пишетъ знаменитый Фотій въ письмѣ къ аквилейскому епископу: «Мало-ли было затруднительныхъ положеній, которыя вынуждали многихъ отцевъ частью не точно выражаться, частью говорить по примѣненію къ обстоятельствамъ при нападеніи враговъ, а иное и по человѣческому невѣдѣнію, которому подпадали и они Если-же иные и говорили неточно, или по неизвѣстной для насъ причинѣ уклонились даже отъ пути, но изслѣдованій не было и никто не вызывалъ ихъ къ дознанію истины: мы оставляемъ ихъ въ числѣ отцевъ точно также, какъ бы и не говорили они того, оставляемъ частью за знаменитость ихъ жизни и славу добродѣтелей, частью за непорочность вѣры ихъ въ прочихъ отношеніяхъ, но не слѣдуемъ тѣмъ словамъ ихъ, гдѣ погрѣшили они». (Историческое ученіе объ отцахъ Церкви. Филарета т. 1-й. XIII—XIV. по изд. 1859 г.).—Такъ и мы считаемъ Аристіна искуснымъ толковникомъ, не безчестимъ его, но не слѣдуемъ тѣмъ словамъ, тѣмъ толкованіямъ его, гдѣ онъ погрѣшилъ.

А 8-е прав. 1 всел. собора онъ истолковалъ неправо вопреки толкованіямъ другихъ, о чемъ мы и указали уже.

III.

Старообрядецъ. Но мнѣ кажется, что толкованіе Аристина со гласно точному смыслу 8 прав. I всел. собора и прочимъ Правиламъ и толкователямъ.

По полному переводу 8-е прав. читается такъ: «О именовавшихъ нѣкогда самихъ себя чистыми, но присоединяющихся къ Каѳолической и Апостольской Церкви, благоугодно святому и великому собору, да, по возложеніи на нихъ рукъ, пребываютъ они въ клирѣ». — Выраженіе правила: по возложеніи на нихъ рукъ — означаетъ не вторичное хиротонисаніе, а способъ принятія еретиковъ въ прав. Церковь, и именно миропомазаніе. Въ древнія времена Церкви Христовой миропомазаніе совершалось посредствомъ возложенія рукъ. Такъ, въ дѣяніяхъ Апостольскихъ читаемъ: «Слышавше-же, иже во Іерусалимѣ Апостоли, яко пріять Самарія Слово Божіе, послаша къ нимъ Петра и Іоанна, иже шедше, и помолившеся о нихъ, яко да пріимуть Духъ Святыи: еще-бо ни на единого-же ихъ спиде, точію крещени бяху во имя Господа Іисуса: тогда возложиша руцѣ на ня, и пріяша Духа Святаго» (Дѣян. зач. 18). — Здѣсь подъ возложеніемъ рукъ апостоловъ должно разумѣть не иное что, какъ таинство миропомазанія, какъ о томъ читаемъ въ М. Катихизисѣ на л. 39 и въ Больш. Катихизисѣ: «Едина-бо и таяжде есть тайна возложеніе рукъ и миропомазаніе» (л. 358 об.). — Въ книгѣ «Опытъ курса церковнаго законовѣдѣнія» написано: «Апост. Павелъ, прибывъ въ Ефесъ, на шелъ тамъ нѣсколько учениковъ, т. е. вѣровавшихъ во Христа. По на вопросъ Апостола: получили-ли они Духа Святаго не вѣрѣ, то есть въ его благодатныхъ дарахъ, которые въ то время сообщались чрезъ возложеніе рукъ епископскихъ, соотвѣтствующее миропомазанію? ученики тѣ отвѣчали, что не знаютъ того и даже не слышали, аще есть Духъ Святыи... Апостоль Павелъ, услышавъ это, немедленно крестилъ ихъ и возложеніемъ рукъ преподавалъ имъ дары Св. Духа» (Дѣян. 19, 1—6) (т. 2, стр. 201—202). — И въ церковной исторіи Гете говорится: «крещеніе сопровождалось всегда свя-

щеннодѣйствія возложенія рукъ, сообщавшимъ Св. Духа. — Таинство это продолжается въ Церкви и понынѣ, какъ мы уже замѣтили, подъ названіемъ миропомазанія» (т. I, кн. 2-я, гл. 3-я). — Также блаж. Симеонъ Солунскій утверждаетъ: «это (миропомазаніе) — печать Христа и печать дара Духа Святаго. Это-то самое получили Апостолы чрезъ возложеніе рукъ и чрезъ руки Апостоловъ приняли (Самаряне), крещенные Филиппомъ, и тѣ, на которыхъ, послѣ крещенія, возложилъ руки Павелъ и которые получили Духа Святаго» (въ русск. переводѣ гл. 38, стр. 78, славянск. л. 98). — «На крещенныхъ Филиппомъ, говоритъ онъ-же, какъ на принявшихъ крещеніе, Петръ и Іоаннъ возлагали руки, и тѣ пріяли Духа Святаго, Который и есть миро: ибо тогда при *Апостолахъ* и послѣ нихъ, у многихъ другихъ, сіе миро подавалось чрезъ возложеніе рукъ. И тогда было возложеніе рукъ, а теперь вмѣсто рукъ служить самое освященное и такъ называемое великое миро, освященное не чрезъ пресвитеровъ, но чрезъ патріарховъ и архіереевъ, священными молитвами и благословеніемъ лицъ, облеченныхъ силою Петра и Іоанна Оно-то, будучи разсылаемо по всѣмъ концамъ міра, имѣетъ силу возложенія рукъ» (Русск. перев. гл. II, стр. 23, Славян. гл. 43, л. 73). — Ясно, что таинство миропомазанія при свят. апостолахъ совершалось посредствомъ возложенія рукъ, хотя св. миро предано тоже святыми апостолами.

И послѣ апостоловъ оно долгое время называлось рукоположеніемъ или возложеніемъ рукъ, о чемъ свидѣлствуютъ отцы и учителя Церкви, жившіе до и послѣ I всел. собора. Въ книгѣ «Исторія чинопослѣдованій крещенія и миропомазанія» читаемъ: «упоминаемое въ приведенныхъ нами свидѣтельствахъ (изъ Дѣяній Апостол.) возложеніе рукъ на вѣрующихъ, дѣйствительно, соответствуетъ настоящему помазанію миромъ. Доказать это не трудно, и прежде всего мы имѣемъ въ данномъ случаѣ основаніе въ томъ фактѣ, что (святые) отцы и учителя Церкви нерѣдко говорятъ о миропомазаніи, какъ о возложеніи рукъ, и эту формулу относятъ къ первенствующей Церкви. — «Въ первыя времена», говоритъ, напримѣръ, блаж. Августинъ, «когда Духъ Св. сходилъ на вѣрующихъ, они говорили разными языками, которыхъ не изучали... это были знаменія, нужныя для того времени. . Духъ Св. преподается возло-

женіемъ руки не при временныхъ чудесахъ, нужныхъ для возбужденія вѣры и распространенія Церкви, а принимается невидимо, такъ какъ укрѣпляетъ душу въ вѣрѣ и благодати. Кто нынѣ ждетъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, чтобы тѣ, на которыхъ возлагается рука для преподаванія Духа Святаго, внезапно стали говорить языками? Но невидимо и только въ союзѣ мира сообщается сердцамъ любовь Божественная». — «Ужели ты не знаешь», возражаетъ блаж. Иеронимъ, «что въ церквахъ есть обычай возлагать руки на крещенныхъ и такимъ образомъ призывать на нихъ Св. Духа? Спрашиваемъ, гдѣ объ этомъ писано? Въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ». — А если-бы и не было авторитета Писанія, то всеобщее согласіе міра въ семъ имѣетъ силу повелѣнія. Еще ранѣе ихъ (блаж. Иеронима и Августина), епископъ Карфагенскій Кипріанъ, говоря о томъ: слѣдуетъ-ли прекрещивать обращающихся отъ ереси? замѣчаетъ относительно крещенныхъ въ Самаріи: «такъ какъ они получили законное крещеніе, то чего недоставало, сдѣлано было для нихъ Петромъ и Іоанномъ, именно: молитвою и возложеніемъ на нихъ рукъ призванъ былъ и снизошелъ на нихъ Духъ Святой. Это самое теперь дѣлается у насъ: крещенные въ Церкви представляются начальникамъ Церкви, и нашею молитвою и возложеніемъ рукъ пріемлютъ Духа Св. и запечатлѣваются Господнею печатью». «Возложеніемъ рукъ епископскихъ», замѣчается въ другомъ твореніи, приписываемомъ также Кипріану, «преподается каждому вѣрующему Духъ Св. такъ, какъ сдѣлано сіе и апостолами, которые послѣ крещенія Филиппомъ Самарянъ, низвели на нихъ, посредствомъ возложенія рукъ, Духа Святаго». Эти свидѣтельства представителей трехъ церквей — (Римской, Карфагенской и Африканской) вполне убѣждаютъ насъ въ томъ, что въ возложеніи рукъ, въ приведенныхъ нами мѣстахъ Писанія, нужно видѣть факты того самаго низведенія благодатныхъ даровъ Св. Духа, которое теперь совершается въ таинствѣ Миропомазанія» («Истор. чинопослед.», изслѣд. Алмазова, стр. 358—360). — Къ этому необходимо только добавить, что какъ при апостолахъ, такъ и въ послѣдующія времена, таинство миропомазанія, хотя и называлось очень часто возложеніемъ рукъ, но при этомъ дѣйствіи было и помазаніе святымъ миромъ. Объ этомъ говорится въ Больш. Катихизисѣ: «Вопросъ: Кое-же есть знаменіе верху явленное, подъ нимъ-же сія

благодать дается? Отвѣтъ: Сіе верху являемое знаменіе и видимое посредственное, еже есть возложеніе рукъ съ помазаніемъ. «О семъ же свидѣлствуютъ Дѣянія Св. Апостолъ. Внегда въ Самаріи Святіи Апостолы Петръ и Іоаннъ, на крещенныя отъ Филиппа діакона руки возлагаху, они-же пріемляху Св. Духа; и на иномъ мѣстѣ: внегда Св. Апостолъ Павелъ во Ефесѣ возложи руки своя на крещенныя, прииде на нихъ Духъ Святый, и глаголаша странными языки и пророчествоваха.—Се здѣ пресвѣтло сіяющая истина, яко посредственное и видимое знаменіе ко пріятію Св. Духа, оное быше возложеніе рукъ Апостольскихъ съ помазаніемъ. Аще-же и не воспоминаеть здѣ помазанія, обаче извѣстно се есть, яко отъ самыхъ временъ апостольскихъ вѣрніи уже крещеніи сію тайну возложеніемъ рукъ и помазаніемъ пріемляху» (Большой Катих. 375 л. об.).

Въ книгѣ «Памятники древней христіанской Церкви»—изложено слѣдующее: «въ таинство миропомазанія (въ древней Церкви) входили слѣдующія священнодѣйствія: помазаніе, знаменіе крестное, возложеніе рукъ и молитва. Помазаніе по большей части предшествовало прочимъ священнодѣйствіямъ, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ Тертуліана: «выходя изъ купели, мы помазуемся благословеннымъ помазаніемъ. Послѣ сего чрезъ благословіе, съ возложеніемъ рукъ, призывается Св. Духъ. Что касается до древности миропомазанія, то оно не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію... Съ миропомазаніемъ обыкновенно соединялось и крестное знаменіе, какъ то замѣчено выше. Что касается до древности возложенія рукъ при миропомазаніи, то всѣ древніи писатели возводятъ начало онаго ко временамъ апостольскимъ, и утверждаютъ оное примѣромъ и постановленіемъ самихъ Апостоловъ» (т. 2, стр. 524—530).

Такимъ образомъ ясно, что «въ продолженіи трехъ вѣковъ, даже и позднѣе, таинство миропомазанія совершалось или совокупно чрезъ помазаніе миромъ и возложеніе рукъ (Тертул. о крещен. гл. 7—8), или чрезъ одно какое-либо изъ сихъ дѣйствій» (Август. 1—2, Кипр. 70 инс.) (О прав. и чинопослѣд. Церк. стр. 181 въ примѣч.).

Посему гдѣ въ древнихъ правилахъ говорится о возложеніи рукъ, тамъ въ извѣстныхъ случаяхъ, необходимо разумѣть и помазаніе миромъ, и наоборотъ. Ибо эти два дѣйствія составляли и составляютъ одно таинство, называемое миропомазаніемъ. Въ той-же

книгѣ «Памятники древней христіанск. Церкви» находимъ слѣдующее свидѣтельство: «крестившіеся тотчасъ по выходѣ изъ воды представлялись епископу, ежели онъ тутъ былъ, и принимали отъ него благословеніе, состоявшее въ нѣкоторомъ торжественномъ моленіи о сошествіи Св. Духа на крестившагося. Съ симъ моленіемъ обыкновенно соединялось помазаніе, возложеніе рукъ и крестное знаменіе. Посему все оное священнодѣйствіе часто называлось помазаніемъ, возложеніемъ рукъ и печатью Господа. Но всѣ сіи наименованія означали одинъ и тотъ-же предметъ, т. е. молитву епископа о сошествіи Св. Духа на ново-крестившагося при миропомазаніи, которое также называлось печатью крещенія» (т. 2, ч. 4, стр. 513).—Это-же самое прямо и рѣшительно подтверждается и соборными опредѣленіями. Соборъ Арелатскій, бывшій въ 314 г., по благословенію папы Сильвестра и по изволенію царя Константина, въ числѣ своихъ опредѣленій изложилъ такое: «Касательно-же обычая Африканцевъ перекрещивать рѣшено было, что если кто оставляетъ ересь и возвращается къ Церкви, то слѣдуетъ его допрашивать о символѣ (вѣры).—Если изъ отвѣтовъ усмотрѣно будетъ, что онъ былъ крещенъ во имя Отца и Сына и Св. Духа, то на него возлагать только руки для полученія Духа Св., то есть преподавать ему таинство конфирмаціи (миропомазанія); если-же не исповѣдуется Св. Троицы, то слѣдуетъ перекрещивать» (Истор. Гете, т. 2, кн. 6, стр. 315).—Это соборное опредѣленіе издано только за 11-тъ лѣтъ до 1 всел. собора. Слѣдовательно, во времена этого собора вся вообще Христова Церковь подъ руковозложеніемъ разумѣла не иное что, какъ именно таинство миропомазанія. — Посему и разсматриваемое выраженіе 8 правила 1 всел. собора: «и по возложеніи на нихъ (на еретиковъ Наватіанъ) рукъ пребываютъ они въ клирѣ» равносильно выраженію: «по миропомазаніи пребываютъ они въ клирѣ».

Православный. Все, что вы сказали, взято вами изъ книги Усова, недавно изданной имъ въ защиту чинопріема Амвросія чрезъ миропомазаніе. Но,—что-же вы хотите всѣми этими доводами доказать? Вѣдь никто не споритъ и не отрицаетъ того, что въ древней Церкви, и именно въ вѣкѣ апостольскій и послѣ, миропомазаніе совершалось и возложеніемъ рукъ, какъ о томъ свидѣствуетъ книга «Дѣяній Св. Апостолъ» (зач. 18) въ словахъ, приведенныхъ

вами, и М. Кагихизисъ (л. 39). Въ Большемъ-же Катихизисѣ на 358 л. об. говорится только, что «возложеніе рукъ и миропомазаніе едина-бо и таяжде есть тайна», т. е. при апостолахъ таинство сіе совершалось возложеніемъ рукъ, о чемъ двумя строками повыше говорится, что г. Усовъ пропустилъ,—а нынѣ миропомазаніемъ—и только.—Гдѣ-же въ Больш. Катихизисѣ и въ прочихъ вашихъ доводахъ говорится, что выраженіе 8 прав. 1 всел. собора: «да по возложеніи на нихъ рукъ пребываютъ они въ клирѣ»—нужно понимать о миропомазаніи, а не объ обычномъ благословеніи?!... Тутъ и рѣчи нѣтъ о семъ. А вамъ надо доказать, что въ 8 правилѣ говорится о приѣмѣ наватіанъ чрезъ миропомазаніе. И въ книгѣ «Опытъ курса церковнаго права» говорится только, что «при Апостолахъ благодатные дары Св. Духа сообщались чрезъ возложеніе рукъ епископскихъ, соотвѣтствующее миропомазанію»... (стр. 201—202, част. 2-я) и только. Этого никто не отрицаетъ.—Такъ точно и въ церковн. исторіи Гете говорится, что при апостолахъ «крещеніе сопровождалось возложеніемъ рукъ, таинство это продолжается и понынѣ подъ названіемъ миропомазанія или конфирмаціи» (т. I-й, стр. 226).—Симеонъ Солунскій, говоря о томъ, что «мы вѣрующіи помазываемся миромъ, ради чего и называемся христіанами... Что это печать Христа и печать дара Духа Святаго. — Это то самое, что получили Апостолы чрезъ возложеніе рукъ, и чрезъ руки Апостоловъ приняли Самаряне, крещенные Филиппомъ, и тѣ, на которыхъ, послѣ крещенія, возложилъ руки Павелъ и которые получили Св. Духа. Ибо вмѣсто возложенія рукъ, отъ Апостоловъ предано это (т. е. миропомазаніе) тѣмъ, которые крещаются отъ Христа; а возложеніе рукъ и призваніе благодати предоставлено рукополагаемымъ въ священный санъ. Они приѣмлютъ прежде, въ крещеніи, и это помазаніе, какъ печать и даръ Духа, но чрезъ возложеніе архіерейскихъ рукъ принимаютъ и рукоположеніе» (въ русск. переводѣ стр. 78—79). Такимъ образомъ, Симеонъ Солунскій говоритъ только, что у насъ миро замѣнило возложеніе рукъ, бывшее при апостолахъ,—и нынѣ рукоположеніе совсѣмъ не то, что было тогда —И въ другомъ мѣстѣ онъ-же пи-

шесть: «при Апостолахъ и послѣ нихъ, у многихъ другихъ, сіе миро подавалось чрезъ возложеніе рукъ, а теперь вмѣсто рукъ служить самое освященное и такъ называемое великое миро. Оно-то будучи разсылаемо по всѣмъ мѣстамъ міра имѣетъ силу возложенія рукъ» (въ русск. переводѣ стр. 23). Какъ видите, Симеонъ Солунскій говоритъ о замѣнѣ нынѣ миромъ возложенія рукъ и руковозложеніе отличаетъ, а вамъ хочется доказать, что въ 8-мъ прав. «возложеніе рукъ» есть именно миропомазаніе, — о чемъ во всѣхъ приведенныхъ и вами и Усовымъ доводахъ и слова нѣтъ.

Такъ и въ книгѣ Алмазова «Исторія чинопослѣдованія крещенія и миропомазанія» говорится только, что въ первенствующей Церкви «было возложеніе рукъ, что соотвѣтствуетъ нынѣшнему помазанію миромъ». — Но въ той-же книгѣ говорится, что уже у св. Діонисія Ареопагита въ книгѣ его «О церковной іерархіи» говорится о «таинствѣ мира» и объ «освященіи мира» (У Алмазова стр. 379). «Есть и другое священнодѣйствіе, подобное тому (т. е. свхаристіи): началовожди наши нарицають его таинствомъ освященія мира (писанія отцевъ и учителей Церкви по истолкованію прав. богослуж. т. I-й, смр. 126—127 стр., изд. 1855 г.). Значить, вонъ еще когда миро уже замѣнило возложеніе рукъ. Правда Алмазовъ говоритъ, что и послѣ, и въ 3-мъ вѣкѣ, существовало руковозложеніе при совершеніи помазанія, но не въ отдѣльности, а на ряду съ помазаніемъ и, именно, въ западной церкви (401—403 стр.). — Такъ точно и въ Больш. Катихизисѣ говорится, что въ вѣкѣ апостольскій «Миропомазаніе», какъ таинство, совершалось чрезъ возложеніе рукъ, — но чтобы послѣ «возложеніе рукъ» замѣняло «миропомазаніе», того въ Больш. Катихизисѣ нѣтъ, да и быть не можетъ и приведены эти свидѣтельства не къ дѣлу.

Въ «Памятникахъ древней христіанской Церкви» говорится, что «въ таинство миропомазанія въ древней Церкви входили слѣдующія священнодѣйствія: помазаніе, знаменіе крестное, возложеніе рукъ и молитва»; съ моленіемъ соединялось помазаніе, возложеніе рукъ и крестное знаменіе» (т. 2, ч. 4-я, стр. 524—530 и 513), т. е. и то и другое дѣйствіе вмѣстѣ, а не то, чтобы одно возложеніе рукъ. — Вотъ въ книгѣ епископа Сергія, правда,

сказано, что «въ продолженіе первыхъ трехъ вѣковъ (даже и позднѣе) таинство миропомазанія совершалось или совокупно чрезъ помазаніе миромъ и возложеніе рукъ (ссылка на Тертуліана гл. 7—8) или чрезъ одно какое либо изъ сихъ дѣйствій» (ссылка на Августина и 70 письмо Кипріяна), а также у Гете сказано, что на соборѣ Арелатскомъ было постановлено крещенныхъ правильно еретиковъ принимать не чрезъ перекрещиваніе, а только «возлагать руки для полученія Св. Духа, т. е. преподавать ему таинство конфирмаціи (миропомазанія)».—Послѣднія слова у Гете: «т. е. преподавать ему таинство конфирмаціи (миропомазанія)»—есть нечто иное, какъ прибавленіе, толкованіе самого Гете. Въ церковной исторіи Робертсона читаемъ: «на соборѣ Арелатскомъ для улаженія стараго вопроса касательно крещенія было постановлено, что гдѣ извѣстное лицо получило крещеніе отъ еретиковъ во имя Св. Троицы, оно должно быть допускаемо въ Церковь чрезъ возложеніе рукъ для сообщенія Духа Святаго, но что если при этомъ не произнесена была надлежащая формула крещенія, то въ такомъ случаѣ нужно перекрещивать (томъ I, стр. 180, изд. 1890 г.).—То-же читаемъ и у Баронія: «Тамо-же (т. е. на соборѣ въ Арелатѣ) уставиша противу Донатистовъ, иже наки крещаху, дабы отъ еретиковъ крещеніи во имя Св. Троицы, со исповѣданіемъ Отца и Сына и Св. Духа, не были тѣ крещася, но токмо рукополагаема, ради пріятія Св. Духа“.. (лѣто 314-е, число 7-е). Такимъ образомъ у Робертсона и у Баронія сказано, что крещенныхъ правильно отъ ереси принимать чрезъ возложеніе рукъ и только. Но какъ это понимать? Въ смыслѣ-ли «миропомазанія», какъ утверждаете вы и Гете? Но сего не сказано, а посему и положеніе ваше, что за 11 лѣтъ до 1 всел. собора на соборѣ Арелатскомъ сказано было, что возложеніе рукъ, въ чинопріемѣ еретиковъ, якобы, замѣняетъ миропомазаніе, ложное, несправедливое; отсюда и выводъ вашъ о смыслѣ 8-го правила гадательнѣ, ложенъ. Но, вѣдь противъ того, что въ древней Церкви — въ вѣкъ апостольскій и послѣ, даже въ третьемъ вѣкѣ, употреблялось и возложеніе рукъ, вмѣсто миропомазанія, въ особенности въ церкви западной,—никто не спорить; но извѣстно и то, что съ древнихъ временъ рукоположеніе замѣнено было помазаніемъ мира; помазаніе миромъ было въ вѣкѣ мужей апостольскихъ, во 2-мъ и 3-мъ вѣкѣ

(см. у Алмазова, 397—403 стр.).—Свидѣтельства же, которыя подтверждаютъ существованіа на ряду съ помазаніемъ и руковозложеніе въ 3-мъ вѣкѣ, принадлежатъ главнымъ образомъ западной церкви. Въ восточныхъ-же церквахъ въ 3-мъ вѣкѣ, въ особенности къ концу 3-го вѣка, форма помазанія стала почти господствующею и общеупотребительною. Что именно такою была эта форма на Востокѣ ко времени 1 всел. собора, это видно изъ того, что всѣ восточныя свидѣтельства о формѣ совершенія таинства миропомазанія, идущія изъ 4-го вѣка, говорятъ о совершеніи этого таинства только чрезъ помазаніе миромъ (Лаодикійск. собор. 48-е, Кирилла Іерусалимскаго Тайноводствен. поученіе 3-е, по изд. 1855 года стр. 365—366), въ каковой формѣ практиковалось оно и при чинопріемѣ (Лаод. собор. прав. 7-е). — Отсюда если-бы отцы 1-го всел. собора опредѣлили принимать наватіанъ вторымъ чиномъ, они прямо-таки и сказали-бы: «помазуемъ миромъ», «помазующе миромъ», а то сказано: «да по возложеніи на нихъ рукъ», что, по объясненію святѣйшаго Тарасія, предсѣдателя 7-го всел. собора, на которомъ было 367 святыхъ отцевъ, значитъ просто «благословеніе» (Дѣян. 7 т.), обычно бываемое при чинопріемѣ еретиковъ, а не иное что. Кому-же вѣрить: Усову-ли, который ни одного свидѣтельства отъ св. отцевъ въ данномъ случаѣ не привелъ, а ссылаясь на разныя исторіи, желая истину затмить, или-же святымъ отцамъ 7-го всел. собора — во главѣ съ святѣйшимъ патріархомъ Тарасіемъ?

(Продолженіе слѣдуетъ).

Самарскій епарх. миссіонеръ свящ. Д. Александровъ.

Къ вопросу о чинопріятіи еретиковъ въ сущихъ санахъ.

I.

(Открытое письмо Н. М. Гринякину. По поводу „отвѣта“ на запросъ свящ. П. Н-а. «Мисс. Обзоръ» 1903 г., №1, стр. 465—467)

Не спора, а истины ради позволяю себѣ, достоуважаемый коллега, сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу вашего отвѣта на вопросъ священника П. Н—а: „гдѣ получаютъ благодать священства еретики, пріемлемые въ св. Церковь третьимъ чиномъ—въ сущихъ санахъ“? Я не касаюсь первой (отрицательной) половины вашего отвѣта, а перехожу прямо ко второй—положительной. Эту часть своего отвѣта вы, къ чести вашей, не выдаете за несомнѣнное сознаніе или ученіе Церкви, а только за свое личное „крайнее разумѣніе“,—тѣмъ самымъ вы уже допускаете возможность и другихъ „крайнихъ разумѣній.“ На мои замѣчанія я и прошу васъ смотрѣть какъ на одно изъ такихъ крайнихъ разумѣній.

Сущность вашего положительнаго отвѣта сводится къ тому, что св. Церковь у еретиковъ извѣстнаго чина признаетъ дѣйствительность таинствъ, но отрицаетъ ихъ дѣйственность. Съ такимъ отвѣтомъ въ существѣ дѣла нельзя не согласиться, но бѣда въ вашихъ поясненіяхъ къ слову—„дѣйствительность“ таинства. Изъ этихъ поясненій видно, что вы подъ „дѣйствительность“ таинствъ разумѣете только ихъ „формальную правильность“, почему и вышло у васъ, что „еретическіе клирики, присоединяемые къ Церкви третьимъ чиномъ, получаютъ благодать священства въ Церкви православной—чрезъ правильное присоединеніе, въ своихъ-же прежнихъ церквахъ они имѣли только правильную форму таинства.“ По нашему крайнему разумѣнію, съ такимъ пониманіемъ „дѣйствительности“ таинствъ согласиться нельзя.

Словомъ—„дѣйствительность“ обозначается наличность тѣхъ условій, при которыхъ извѣстное дѣйствіе признается за таинство (Мак.-Догм. Богосл. т. 5, § 245), т. е.—за „такое священное дѣйствіе, которое подъ видимымъ какимъ—либо образомъ дѣйстви-

тельно сообщаетъ вѣрующему невидимую благодать Божію, за орудіе, которое необходимо дѣйствуетъ благодатию на приступающихъ“ (Макар.—Догм. Бог. т. V, 243. Ср. Прав. Исп. вѣпр. 99). По словамъ Посланія Вост. Патр., „таинства суть дѣйствєнныя и живыя орудія для имѣющихъ нужду въ благодатномъ освященіи“ (Посл. чл. 15). Съ точки зрѣнія приведеннаго ученія о существѣ таинствъ и ихъ дѣйствительности нельзя и помыслить, что бы дѣйствительное таинство имѣло „только правильную форму таинства“, безъ внутренняго благодатнаго содержанія или воздѣйствія на пріемлющаго; обратно — „одна только правильная форма таинства“ уже не есть таинство, тѣмъ болѣе дѣйствительное, а есть, говоря мягко, только виѣшнее подобіе таинства, при болѣе же строгомъ судѣ—оно есть или святотатство, или кощунство. Итакъ, если у еретиковъ извѣстнаго чина таинства признаются „за дѣйствительныя,“ то чрезъ это самое они признаются уже и за „орудія благодати.“ Потому-то „Посланіе Восточ. Патр.“ свое разсужденіе о существѣ таинствъ и заканчиваетъ такими словами: „Мы почитаемъ крайне сложнымъ и нечестивымъ то ученіе, будто-бы несовершенствомъ вѣры нарушается цѣлость и совершенство таинства. Ибо еретики, которыхъ принимаетъ Церковь, когда они отрекаются отъ своей ереси и присоединяются ко Вселенской Церкви, получили крещеніе совершенное, хотя имѣли вѣру несовершенную“ (чл. 15) Какъ, скажутъ, развѣ возможно дѣйствіе благодати среди еретиковъ? Развѣ возможно спасеніе виѣ Церкви Христовой и т. п.? Но подождемъ пока пугать себя такими и подобными имъ странными словами, а всмотримся въ дѣло нѣсколько попристальнѣе.

Вамъ, достоуважаемый коллега, не менѣе, чѣмъ мнѣ, конечно, извѣстно, что при самомъ появленіи отпаденій отъ Церкви (ереси—въ широкомъ смыслѣ) взгляды на эти отпаденія раздѣлили съ Кароагенская Церковь съ св. Кипріаномъ во главѣ посмотрѣла на эти отпаденія, если позволительно такъ выразиться, слишкомъ формально, виѣшне. Разъ кто отпалъ отъ Церкви, тотъ уже не въ Церкви, а потому чуждъ даровъ и обѣтованій, принадлежащихъ Церкви; даже смодобившіеся даровъ Св. Духа во время своего пребыванія въ Церкви, чрезъ самое отпаденіе отъ нея, лишаются этихъ даровъ (1 пр. В. Вел.) Вотъ сущность взгляда св. Кипріана и Церкви Кароагенской 3-го вѣка. Выхода изъ такого взгляда, св.

Кипріанъ относительно всѣхъ отпадшихъ, не обращая вниманія на характеръ и сущность ихъ отпаденія, требовалъ перекрещиванія при возвращеніи ихъ въ Церковь. Но какъ извѣстно, восторжествовалъ въ Церкви не внѣшне—формальный взглядъ св. Кипріана, а болѣе соответствовавшій существу дѣла взглядъ Церкви Римской. Церковь стала обращать вниманіе на самый характеръ отпаденія, на то, насколько извѣстное еретическое общество уклонилось отъ основныхъ началъ вѣрованій и жизни Церкви, и сообразно съ этимъ—однихъ еретиковъ, какъ совершенно чуждыхъ Церкви, она принимаетъ чрезъ крещеніе, другихъ—чрезъ миропомазаніе или даже—чрезъ отрицаніе отъ ереси (покаяніе), признавая послѣднихъ „яко еще не чуждыми Церкви“ (1 пр. Вас. Вел.)

Итакъ пропасть, отдѣляющая еретиковъ (въ широкомъ смыслѣ) отъ Церкви, не для всѣхъ ихъ одинакова. Если для однихъ она непроходима, то для другихъ она не такъ глубока; если одни изъ нихъ совершенно чужды Церкви, то другіе, какъ говоритъ св. Вас. Великій, еще не совсѣмъ чужды Церкви, а слѣд. и ея даровъ. Это, конечно, не означаетъ того, что-бы какія—бы то ни было еретическія общества сами по себѣ были самодовлѣющимъ источникомъ или хранилищемъ благодати Св. Духа, нѣтъ,—благодать можетъ дѣйствовать среди нихъ только постольку, поскольку они еще „не чужды,“ не порвали окончательно своей связи съ Церковію, единственною хранительницею благодати Св. Духа. Другой вопросъ,—насколько дѣйствительна или спасительна для еретиковъ принятая ими благодать Св. Духа? ! . . . Для выясненія этого вопроса мы, подобно нашему достоуважаемому коллегѣ, воспользуемся „подобіемъ“ или—лучше—параллелью слѣдующаго рода. Въ Церкви, какъ въ большемъ дому, на ряду съ сосудами золотыми и серебрянными пребываютъ сосуды деревянные и глиняные, на ряду съ сосудами „въ честь“—сосуды и не въ честь. Послѣдняго рода сосуды на ряду съ избранными (знаемыми Богу) членами Церкви пользуются всѣми дарами благодати, сообщаемыми въ таинствахъ. Но не во всѣхъ принятая благодать производитъ одинаково спасительныя дѣйствія. Мало того, для нѣкоторыхъ принятіе благодати можетъ оказаться тщетнымъ (2 Кор. 6. 1), они могутъ угашать ее (1 Сол. 5, 19), могутъ и лишиться ея (Евр. 12. 15), вкушая Тѣло и Кровь Христовы, могутъ не источникъ жизни принимать въ себя, а ѣсть и пить осужденіе себѣ (1 Кор. 11.

29). Почему-же извѣстныхъ еретиковъ не угодить этимъ „сосудамъ не въ честь,“ которые хотя принимаютъ и дѣйствительныя таинства, получаютъ чрезъ нихъ благодать, но эта принятая благодать не дѣйствуетъ въ нихъ во спасеніе, тщетна для нихъ — до тѣхъ поръ, пока они остаются „сосудами не въ честь?“ Когда — же путемъ покаянія (или чинопріема) они очистятъ себя отъ всякой скверны, содѣлаются сосудами въ честь (2 Тим. 2, 19—21), тогда и только тогда принятая ими благодать начинаетъ дѣйствовать для нихъ во спасеніе. Думаю, что и вы, достойный коллега, разумѣли въ своемъ „отвѣтъ,“ что Церковь „признаетъ у извѣстныхъ еретиковъ дѣйствительность таинствъ, но отрицаетъ ихъ дѣйственность“; дѣйственностію — же называется не новое принятіе благодати, а именно раскрытіе въ душѣ вбрующаго спасительныхъ дѣйствій благодати, принятой въ дѣйствительномъ таинствѣ.

Пренод. Тамб. сем. *Н. Чинновъ*.

II.

Въ №4 «Миссіонерскаго Обзорѣнія» помѣщенъ запросъ одного священника: „гдѣ и какъ получаютъ благодать священства возсоединяемые съ православною Церковью „въ сущихъ санахъ“? Но что касается первой половины этого вопроса, гдѣ возсоединяемые съ православною Церковью въ „сущихъ санахъ“ получаютъ благодать священства, то вопрошатель рядомъ приведенныхъ имъ свидѣтельствъ изъ уважаемыхъ старообрядцами книгъ убѣдительно доказалъ, что эти возсоединяемые съ православною Церковью въ „сущихъ санахъ“ благодать священства получаютъ лишь въ православной Церкви — единственной сокровищницѣ Божественной благодати. «Миссіонерскому Обзорѣнію» оставалось, такимъ образомъ, отвѣтить лишь на вторую половину даннаго вопроса, какъ получаютъ благодать священства возсоединяемые съ православною Церковью въ „сущихъ санахъ,“ или иначе — имѣетъ ли право православная Церковь сообщать благодать священства возсоединяемымъ съ нею въ „сущихъ санахъ“ безъ повторенія надъ ними установленной ею внѣшней обрядовой стороны таинства священства — хиротоніи, — „какою властію она это дѣлаетъ, и кто ей далъ

власть дѣлать это"? Не раздѣляя „отвѣта“ (4 № „Мисс. Обзор.“), мы полагаемъ, что православная Церковь, хотя и установила для таинствъ опредѣленныя внѣшнія формы, но въ то же время сохранила за собою власть сообщать дары Св. Духа и чрезъ болѣе упрощенныя внѣшнія формы. По закону строгой правды, православная Церковь, не придавая никакого значенія таинствамъ еретиковъ, должна бы всѣхъ еретиковъ *) принимать чрезъ крещеніе (такъ поступала, напр., церковь Каролингская въ 3 вѣкѣ),—но по своей милости она имѣетъ право оказывать снисхожденіе еретикамъ, сообщая имъ благодатные дары своихъ таинствъ чрезъ упрощенныя внѣшнія формы—руковожденіе, чтеніе краткихъ молитвъ, архіерейское благословеніе, оставаясь, такимъ образомъ, госпожею своихъ каноническихъ постановленій, подобно своему Жениху—Сыну Человѣческому—Господину субботы. Эта власть дана Церкви Тѣмъ, Кому „дана всякая власть на небѣ и на землѣ“. Доказательствъ этой Божественной власти православной Церкви—оказывать снисхожденіе возвращающимся къ ней еретикамъ—въ исторіи христіанской Церкви можно найти сколько угодно. На 606 листу Кормчей въ „отвѣтахъ правильныхъ Тимофея, святѣйшаго архіепископа Александрійскаго“ читаемъ: „Вопросъ. — Почто обращающіеся еретики къ соборной Церкви не покрещаемъ? — Отвѣтъ. — Аще бы се было, не бы ся человекъ скоро обращалъ отъ ереси покрещенія стыдися, обаче и возложеніемъ руку презвитерску и молитвою вѣсть приходити Духъ Святый, якоже свидѣлствуютъ Дѣянія Св. Апостолъ“. Въ этомъ же духѣ должно разсуждать и относительно другихъ таинствъ и въ частности таинства священства.

Итакъ православная Церковь имѣетъ дарованное ей Христомъ божественное право и власть устанавливая опредѣленныя внѣшнія формы таинствъ, въ исключительныхъ случаяхъ сообщать благодатные дары своихъ таинствъ и чрезъ болѣе упрощенныя внѣшнія формы. И еретическіе влирики, присоединяемые къ св. Церкви 3 чиномъ, получаютъ благодать священства въ Церкви православно й не чрезъ правильное только присоединеніе, какъ утверждаетъ г. Гринякинъ, и не безъ какого бы то ни было внѣшняго знака,

*) Разумѣемъ родившихся въ еретичесествѣ.

а послѣ присоединенія чрезъ видимое архіерейское благословеніе. Если же кому-либо изъ вѣрныхъ сыновъ православной Церкви, получающихъ благодатныя дары лишь чрезъ установленныя Церковью внѣшнія формы, покажется несправедливымъ этотъ чрезвычайный способъ сообщенія благодати Св. Духа возвращающимся въ Церковь еретикамъ, этого для вразумленія мы отсылаемъ къ притчѣ о блудномъ сынѣ, старшій братъ котораго остался крайне недоволенъ тою милостью, какую оказалъ отецъ возвратившемуся къ нему блудному сыну и какой онъ—старшій братъ, не смотря на свою неизмѣнную вѣрность отцу, никогда не получалъ отъ отца даже въ значительно меньшей степени (Лук. XV, 25—32).

Препод. Киш. дух. семин. *Иосифъ Поповъ.*

III.

Гдѣ еретики-клирики получаютъ благодать священства?

Вопросъ этотъ, по словамъ вопросителя, „часто затрогивается при собесѣдованіяхъ съ раскольниками бѣглопоповцами и австрійцами“. Насколько мнѣ извѣстно, „вопросъ этотъ“ доселѣ предлагался отъ лица православныхъ раскольниковъ, какъ убійственный для нихъ, если же теперь сами раскольники затрогиваютъ его, то не для чего иного, какъ для показанія своей храбрости,—«мы-де ваше оружіе можемъ обратить противъ васъ самихъ». А что, по существу, вопросъ этотъ убійственъ для раскольниковъ—поповцевъ, видно изъ того, что бывшіе члены австрійской лжеіерархіи спрашивали свой духовный совѣтъ: „гдѣ Амбросій получилъ благодать хиротоніи, въ греческой Церкви или въ Бѣлой Криницѣ?“ и вожди раскола, составивши для выработки отвѣтовъ особый комитетъ, послѣ 10-ти засѣданій, убѣдились въ невозможности дать удовлетворительный отвѣтъ (разборъ, предислов. стр. 4). Впослѣдствіи Швецовъ отвѣчалъ такъ: «Амбросій, благодать хиротоніи своя, т. е., другопреимственное апостольское намѣстничество, по внѣшности, получилъ въ греческой Церкви, а дѣйствительное значеніе своего достоинства довершилъ... Въ Бѣлой Криницѣ» (тамъ же стран. 171). Я спрашивалъ своего брата Іустина (лже-архіепископъ московскій) о томъ же въ 1870-мъ году и онъ отвѣчалъ мнѣ чтеніемъ правилъ о пріятіи еретиковъ (8-е

1-го собора, 95 6-го собора и 69-е—картег. соб), а отъ себя добавилъ: „Св. отцы, законополагая пріятіе еретиковъ, съ оставленіемъ въ своихъ санахъ, безъ повторенія хиротоніи, не сказали, гдѣ эти клирики получаютъ благодать священства, и мы не смѣемъ гадать о томъ, что умолчано“. Какъ отвѣчали Швецовъ и Картушинъ, такъ отвѣчаетъ и г. Гринякинъ. Тутъ необходимо разобраться; нельзя же думать, что одинаковый вопросъ и отвѣтъ можетъ служить основаніемъ противоположныхъ убѣжденій.

Въ отвѣтъ „Миссіонер. Обзор.“ сказано: «Еретическіе клирики, присоединяемые къ Церкви 3-мъ чиномъ, получаютъ благодать священства въ Церкви православной, чрезъ правильное присоединеніе» (страница 467), но не досказано только: почему та же мысль въ головѣ раскольника не основательна. Правда, въ «отвѣтъ» говорится, что раскольниковыя общества бѣглопоповцевъ и австрійскихъ не составляютъ истинной Церкви Христовой, и что ихъ бѣгле клирики отторгнулись отъ Церкви, сдѣлавшись изъ посвященныхъ мірянами и присоединившись вопреки церковнымъ и св. отеч. канонамъ, къ безблагодатнымъ обществамъ, не имѣютъ благодати священства». Но вопросъ предложенъ о томъ: гдѣ еретики—клирики получаютъ благодать священства? и отвѣтъ уже данъ раскольниками съ упованіемъ, что такой онъ благопріятенъ имъ. Остается показать, что упованіе ихъ суетно, а для сего нужно найти общую точку зрѣнія.

Въ книгѣ Кормчей на листу 606-мъ находится такой вопросъ-отвѣтъ: «Почто обращающіяся еретики къ соборнѣй Церкви не покрещаемъ?—Аще бы се было, не бы ся человекъ скоро обращалъ отъ ереси, покрещенія стыдися, обаче и возложеніемъ руку прѣзвитерску и молитвою вѣстъ приходити Духъ Святый». Теперь поставимъ вопросъ: Еретическое крещеніе, чрезъ кого и чѣмъ облагодатствуется? Отвѣтъ. Изъ правилъ 7-го, 2-го, 6-го вселеннаго собора и 7-го лаодик. собора видно, что крещеніе еретиковъ 2-го чина завершается миропомазаніемъ: «аще ли не прійдетъ къ Церкви, ничесоже ему нѣсть полезно» (только апост. л. 549). Заключение: Еретическое крещеніе становится благодатнымъ и спасительнымъ чрезъ соединеніе съ православною Церковію, по установленному чину, православнымъ священникомъ, получившимъ отъ Бога власть всеобдержно, потребѣ призывающіи, совершать св. крещеніе. Лицо же, не получившее отъ Бога власть всеобдержно совершать св. крещеніе, т. е., ми-

рянинъ, не можетъ облагодатствовать еретическое крещеніе пріятіемъ еретика въ Церковь, это общая точка зрѣнія; съ такимъ заключеніемъ должны согласиться раскольники-поповцы. Теперь поставимъ на мѣсто не повторяемаго крещенія, совершеннаго еретикомъ 2-го чина, не повторяемую хиротонію, совершенную еретикомъ 3-го чина (8 прав. 1-го всел. соб. по полн. перев. и 69. Карваг. соб.), и приложимъ къ новому обстоятельству вышеизложенное сужденіе и тогда станетъ ясно, что какъ для сообщенія благодати крещенія еретикѣ, присоединяющемуся къ св. Церкви чрезъ миропомазаніе, безъ повторенія формы крещенія (трикратное погруженіе съ призываніемъ Св. Троицы.) необходимъ священникъ, имущій власть, по потребѣ, и вновь совершить крещеніе, которое ему теперь предстоитъ только навести, такъ и для сообщенія благодати священства еретикѣ клирику, присоединяющемуся къ св. Церкви чрезъ возложеніе рукъ съ молитвою (Кормч. л. 606.) безъ повторенія формы поставленія (возложеніе рукъ съ возглашеніемъ: Божественная благодать и проч.) необходимъ епископъ, имущій власть, по потребѣ, и вновь совершить хиротонію, которую ему теперь предстоитъ только навести. Лицо же, не получившее отъ Бога власть на совершеніе хиротоніи, т. е., пресвитеръ, не можетъ облагодатствовать еретическую хиротонію пріятіемъ еретика въ Церковь: «ничто же бо пріемлетъ кто отъ не имущаго» (Симеона Солунскаго книга 2, отвѣты на вопр. 10—13), а «восхищающіи недарованная раздражаютъ Бога» (всѣхъ апостоловъ прав. 2.) Раскольники обыкновенно говорятъ: «священникъ можетъ принять къ Церкви какъ мірянина, такъ пресвитера и епископа». Правда, принять можетъ, но, по принятіи въ Церковь новаго члена Церкви, священникъ не можетъ устроить (8 прав. 1-го собора) его настыремъ церкви. «Яко же бо не возможно (ему) хиротонисати, сиче же ни на священства степень упадшаго наки возвращати» (предисловіе номок. л. 4-я) „о духовнѣмъ же служеніи, подобенъ есть согрѣшенію верукоположнѣ дѣйствующаго, и иже безъ повелѣнія и зановѣди святительскія дѣйствуетъ“, (тамъ же, книга л. 57-й). Итакъ, отвѣтъ г. Гринякина и Швецова,—что безблагодатная форма еретической хиротоніи облагодатствуется по вступленіи въ православную Церковь, безъ повторенія видотворенія,—благопріятствуетъ намъ, чадамъ восточной Церкви, имущей власть на раздаваніе духовныхъ дарованій

въ полной мѣрѣ, по потребѣ церковнаго служенія, и въ корнѣ подрываетъ тщетную надежду раскольниковъ—поповцевъ, не имѣющихъ въ составѣ своей общины людей, получившихъ отъ Бога власть на совершеніе всѣхъ 7-ми церковныхъ таинъ. Ни въ соборныхъ и св. отеческихъ правилахъ нѣтъ основаній, ни во всей церковной исторіи нѣтъ примѣра, чтобы новоприсоединенный епископъ, отъ своего присоединителя—духовника—пресвитера, получилъ въ управленіе епархію. Этотъ узелъ, всѣ раскольниковскіе «книжники и фарисеи» не развяжутъ до трубы архангела.

Миссіонеръ Калининъ Картушинъ.

IV.

(Отвѣтъ г. Н. Ч—ву).

Многоуважаемый коллега, за письмо спасибо: *E contrariis veritas cognoscitur*. На непогрѣшимость претендовать и смѣшно и грѣшно. Разсудимъ по-братски. Прежде всего, вы, почт. колл., не благоволили принять въ расчетъ, кому и для кого давался мой отвѣтъ и на какихъ основаніяхъ. Догматика Макарія и Посланіе вост. патріарховъ, на которыя вы ссылаетесь по опредѣленію „дѣйствительности“ таинствъ, не совсѣмъ свободны отъ замѣчаний академической критики (объ этомъ можетъ быть длинный разговоръ), а главное для раскольниковъ—не авторитетъ. 1 прав. Василия Вел., процитованное вами, говоритъ не совсѣмъ въ пользу вашего разумѣнія; то же—и мѣста, приведенныя вами изъ св. Писанія. Благоволите обратить на это вниманіе. По вашему крайнему разумѣнію, еретическіе клирики получаютъ благодать священства въ еретическихъ обществахъ и отъ еретическаго рукоположенія.

Простите, уваж. колл., едва—ли можно удовлетворять такимъ рѣшеніемъ вопроса сумнящихся раскольниковъ.

1) По—вашему, въ еретическихъ обществахъ есть благодать священства. Но позвольте, могутъ—ли въ такомъ случаѣ еретическіе священники преподавать благодать своимъ пасомымъ—дѣйствительно разрѣшать ихъ отъ грѣховъ, благословлять и пр.? По смыслу вашего письма, могутъ, но только эта благодать не во спасеніе... Въ еретическихъ обществахъ, видите—ли, ви-
таетъ какая недѣйствующая благодать... благодать—то

благодать, да только значенія въ ней никакого... она не спасаетъ! Далѣе, еретическій епископъ можетъ—ли преподавать благодать (священства) священникамъ? по—вашему, можетъ только она имъ не въ пользу, не во спасеніе... т. е. дѣйствовать—то ею, какъ священники, они могутъ или не могутъ? По—вашему могутъ, только отъ нея никому никакой пользы. Когоже можетъ удовлетворить такое рѣшеніе вопроса? А противоросколы ничѣмъ миссіонерамъ, рѣшая данный вопросъ, приходится вѣдь считаться и со старопечатными книгами: „елицы не въ Церкви, сихъ Христосъ не спасаетъ и Духа Святаго сицевѣи не нмутъ (вообще!) и во езеро огненное ввержени будутъ“ (съ недѣйствующею благодатью—то!)—Бол. Кат. л. 119—122; грѣхъ церковнаго раздорничества не можетъ искупить даже мученическая кровь“ (Ап. Бесѣды стр. 1692) „разрѣшити кающагося нѣто же можетъ точію православный священникъ“ (М. Кат. л. 36) „отбѣгшихъ отъ Церкви іереевъ благословеніе проклято“ (Тол. Ап. л. 549) и сами они „горше нечестивыхъ бѣсовъ“ (Номокан. л. 57 об.) и т. под. Вы изволите писать: „намъ скажутъ: развѣ возможно дѣйствіе благодати среди еретиковъ? Развѣ возможно спасеніе внѣ Церкви? и т. п. Но подождемъ пока пугать себя такими и подобными имъ страшными словами?“ Простите, многоув. колл. подождать этого, сидя у себя въ кабинетѣ, не вредно, а для живого дѣла миссіи, когда сумняшіеся просятъ на бесѣдѣ же отвѣтить на эти вопросы, такое подожданіе едва ли полезно.

2) Таинство „орудіе, чрезъ которое необходимо дѣйствуетъ благодать на приступающихъ; и еретики получили совершенное крещеніе, хотя имѣли вѣру несовершенную“, приводите вы выдержки изъ книгъ, не имѣющихъ для раскольниковъ никакого авторитета. А что бы вы отвѣтили, если бы раскольники вычитали вамъ изъ „Собор. изл.“ Филар.: „еретическое крещеніе нѣсть крещеніе паче же оскверненіе?“!!

3) Въ процитованномъ вами 1 пр. Вас. Вел. говорится: „крещеніе раскольниковъ (а не еретиковъ) яко еще нечуждыхъ Церкви, пріимати“ (но потому—ли, что у нихъ есть благодать? вовсе нѣтъ, ибо далѣе читаемъ: Хотя начало отступленія произошло чрезъ расколъ, но отступившіе отъ Церкви уже не имѣли на себѣ благодати Святаго Духа, .. и не могли преподавать другимъ благодати Святаго Духа, отъ Котораго сами отпали.“ (Ср. Ник. Чер. Так. л. 141 об.). А вы изволи-

те утверждать, что среди таковыхъ отступниковъ можетъ дѣйствовать благодать, поскольку они еще „не чужды“ Церкви. Но вѣдь еретики—то вообще чужды Церкви („еретикъ, иже вѣроу чуждъ“, говоритъ Вас. Великій). И при томъ сами же вы называете Церковь единственною хранительницею благодати Св. Духа. А еретики вѣдь внѣ Церкви.

4) „Въ Церкви, пишете вы, на ряду съ сосудами золотыми. . . есть сосуды деревянные и глиняные и послѣдніе пользуются всѣми дарами благодати, сообщаемыми въ таинствахъ.“ Вполнѣ съ вами согласенъ—пользуются, но потому, что они, хотя деревянные и глиняные, но—въ Церкви пребываютъ. „Но не во всѣхъ, продолжаете вы принятая благодать производить одинаковыя спасительныя дѣйствія.“ И это вѣрно вами сказано: не для всѣхъ т. е. Членовъ Церкви же эта благодать производитъ одинаково спасительныя дѣйствія и потому, какъ это вамъ, почт. колл., понятно, что не всѣ они приступаютъ къ таинствамъ одинаково „достойно,“ съ одинаковою нравственною подготовкой (1 Кор. 11, 29), а вовсе не потому, что одни изъ нихъ—православные, а другіе еретики. Еретикамъ въ правосл. Церкви таинства не преподають, какъ святини псамъ,—ихъ велѣно отвращаться, (какъ развратившихъ и самоосужденныхъ (Тит. 3, 10—11). Почему же, спрашиваете вы, извѣстныхъ еретиковъ не уподобить этимъ сосудамъ „не въ честь?“ Уподобить первыхъ послѣднимъ невозможно потому, что послѣдніе при нравственно достойной подготовкѣ приступая къ таинствамъ, какъ члены Церкви, всегда имѣютъ возможность получить дѣйствующую во спасеніе благодать, а первые (хотя у еретиковъ иногда и большее воздержаніе чѣмъ у православныхъ—Ев. о вѣрѣ л. 216), какъ находящіеся внѣ церковной ограды, никогда и нигдѣ таковой возможности не имѣютъ, пока они въ ереси. Чинопріемъ же отъ ереси приходящихъ и нравственное подготовленіе къ принятію таинствъ „сосудами не въ честь, сущими въ Церкви, подобія никакого не представляютъ. Въ Церкви достойно приемиющіи таинства спасаются ихъ благодатію, недостойно же приступающіе къ нимъ осуждаются. Въ еретичествѣ же никто не спасается. Если согласиться, почт. колл., съ вашимъ разумѣніемъ, что благодать Св. — Духа необходимо сообщается и въ еретическихъ таинствахъ, но только не спасаетъ, то необходимо признать, что а) Духъ Святой своею благодатію пребываетъ

и среди православныхъ, анаематствующихъ ереси, и среди еретиковъ, анаематствованныхъ; б) св. соборы, руководимые Духомъ Святымъ, изрекая проклятіе ересей, затронули своей властью и благодать того же Св. Духа, (сущую въ еретическихъ обществахъ), в) въ православіи Духъ Святой благодатью спасаетъ, въ еретическихъ же обществахъ благодать Его сообщается необходимо, но бездѣйствуетъ, Духъ Святой чѣмъ—то тамъ связанъ, г) есть два вида благодати Духа Святаго: благодать православная, и благодать еретическая; первая достойныхъ всегда спасаетъ, а вторая никого и никогда не спасаетъ, хотя повинуваясь еретическимъ тайносовершителямъ и сообщается еретикамъ.

Теперь нѣсколько словъ объ извѣстномъ спорѣ св. Кипріана съ римскимъ папою Стефаномъ о крещеніи еретиковъ. Св. Кипріанъ, а вмѣстѣ съ нимъ церковъ Африканская и многія восточныя (см. Барон. л. 258) настаивали на перекрещиваніи всѣхъ еретиковъ. Римская Церковь съ папою Стефаномъ во главѣ нѣкоторыхъ еретиковъ принимала безъ перекрещиванія. Практика римская восторжествовала. Церковь стала принимать еретиковъ безъ перекрещиванія чрезъ миропомазаніе, и (3-го чина) чрезъ отреченіе отъ ереси и елириковъ въ сущихъ санахъ; но потому—ли, что, какъ вы полагаете, у еретиковъ она признавала дѣйствіе благодати, какъ „еще не чуждыхъ Церкви?“ Думается, что нѣтъ, ибо а) всѣ еретики—какъ „отдѣлившіеся отъ общенія съ Церковью пребываютъ подъ гнѣвомъ Божиимъ“ (блаж. Августинъ; Прав.—догм. Богос. Макарія т. 2 § 168, стр. 210) и дѣйствія благодати Св. Духа среди нихъ быть не можетъ: „всѣ, которые отрываются отъ единыя истинныя вѣры... Духа Святаго непричастни“ (книж. о вѣрѣ 8 л. об. пер.), — „вода не очищаетъ безъ Духа“ (Амвросій медиоланскій); „ни одна отъ нихъ (еретич. вѣръ) не вмѣщаетъ Духа Святаго дарованій, ни пришествія Его сподобляется“ (Кир. кн. 10 посл. патр. алек. Мелетія л. 505); „всякая благодать Св. Духа тамъ, гдѣ Церковь“ (св. Иринея, прав.—Догм. Бог. Макарія т. 2, § 170, стр. 209); б) если у еретиковъ 3-го чина признавать дѣйствіе благодати, какъ „еще не чуждыхъ Церкви,“ то „нечуждыми еще Церкви“ нужно признать и еретиковъ 2 чина, ибо Церковь и ихъ крещеніе не повторяетъ, но кто же аріанъ, напр., признаетъ еще нечуждыми Церкви? в) если Церковь въ чинопріятіяхъ въ ней приходящихъ признаетъ

такое или иное пребываніе среди еретиковъ дѣйствія благодати Св. Духа, сообразно съ мѣрой ихъ заблужденія, (какъ „еще нечуждыхъ Церкви“), то чужды Церкви или нѣтъ еще католики, которыхъ русская Церковь принимаетъ третьимъ чиномъ, а константинопольская—первымъ?

Въ виду изложеннаго, думаемъ, надо признать, что Церковь принимаетъ еретиковъ 2 чина безъ повторенія крещенія, и 3-го чина безъ повторенія крещенія, миропомазанія и священства не потому, чтобы признавала у еретиковъ дѣйствіе благодати Св. Духа, а потому, что она, какъ чадолюбивая мать, и заблудшимъ чадамъ желающая спасенія, по милосердію и снисхожденію къ симъ послѣднимъ, признаетъ, вмѣняетъ за дѣйствительныя *) таинства ихъ (разъ они по формѣ правильны), наполняя ихъ въ присоединеніи дѣйственной благодатію Св. Духа. Снисхожденіе Церкви тѣмъ больше, чѣмъ меньше заблужденія у еретиковъ и меньше вреда отъ нихъ для православныхъ: за еретиками 2 ч. признаетъ Церковь крещеніе, за еретиками 3 ч. крещеніе, миропомазаніе и священство. Итакъ, еслибы Церковь признавала еретическія таинства съ обѣихъ сторонъ и что жными—внѣшней и внутренней, то она повторала бы ихъ совершеніе (ибо, напр., никакъ никогда не крещенныхъ Церковь не принимаетъ безъ крещенія); съ другой стороны, если бы она признавала ихъ и внутреннюю сторону, то ео ipso признавала бы Духа Святаго дѣйствующимъ своею благодатію и въ еретическихъ обществахъ, чего на самомъ дѣлѣ она не признаетъ. Выводъ изъ сего можетъ быть только въ пользу моего „отвѣта.“

Слова ваши, почт. колл., что „одна только правильная форма таинства... есть только подобіе таинства... или святотатство или кощунство“ — напрасны: еретики, хотя и заблуждаются, но таинства—то у нихъ совершаются вѣдь съ вѣрою, внѣшне правильно и законными лицами; какое же тутъ святотатство или кощунство? И Церковь не повторяетъ нѣкоторыхъ еретическихъ таинствъ, стало быть, святотатствомъ и кощунствомъ не считаетъ ихъ.

Вотъ, достоуважаемый коллега, что я имѣю прибавить въ пояс-

*) Т. е. дѣйствительно совершенныя, а не то, чтобы они дѣйствительно сообщали благодать, какъ въ православной Церкви. Въ догматич. Бог. Макарія вѣдь опредѣляется „дѣйствительность“ таинствъ православной Церкви.

неніе своего „отвѣта“ свящ. П. Н—у. и почитаю за честь сказать на ваше письмо.

Р. S. Выѣстъ съ вашимъ письмомъ я получилъ еще два крайнихъ разумѣнія, напечатанныхъ вслѣдъ за вашимъ. 1-е полагаетъ, что таинства (внѣшняя сторона) каноническія только Церковныя установленія и благодать, сообщаемую въ нихъ, Церковь, не придавая никакого значенія таинствамъ еретиковъ, можетъ преподавать и безъ нихъ (таинствъ)—черезъ болѣе упрощенныя внѣшнія формы“. Это мнѣніе преподавателя Семинаріи! По этому мнѣнію выходитъ, что Церковь можетъ—иногда крестить, напр. и не водою, въ три погруженія съ произнесеніемъ извѣстныхъ словъ, а лишь окропляя хоть керосиномъ, ничего не говоря, евхаристію можетъ совершать не на хлѣбѣ и винѣ, а хоть на картошкѣ и квасѣ, преподавать благодать священства не черезъ возложеніе рукъ, а даже какъ—нибудь на разстояніи—черезъ архіерейское благословеніе, какъ напр. извѣстный въ исторіи раскола лже—епископъ Лука—Анѣиму... Вѣдь все—это внѣшняя форма (сторона) таинства! Интересно, гдѣ это мнѣніе нашло основаніе мнить, что Церковь можетъ принять безъ крещенія водою въ три погруженія еретика, который въ своемъ обществѣ никакъ не былъ крещенъ, безъ миропомазанія—ни какъ никогда не миропомазанныхъ, безъ хиротоніи—принять за клириковъ нигдѣ никакъ не рукоположенныхъ? 606 л. кормчей г. преподавателемъ не такъ, какъ нужно, понять: тамъ спрашивается—„почто не покрещиваемъ“ еретиковъ обращающихся къ Церкви, т. е. не повторяемъ крещенія. Рѣчь о тѣхъ, кто въ еретичествѣ всетаки крещенъ (и внѣшне правильно). Принимать же никогда никѣмъ не крещенныхъ за крещеныхъ, не миропомазанныхъ—за миропомазанныхъ, не рукоположенныхъ за клириковъ—черезъ какія—то болѣе упрощенныя внѣшнія формы, помимо опредѣленныхъ по своей внѣшней сторонѣ таинствъ—крещенія, миропомазанія и священства, Церковь никогда и не учила и не будетъ учить, хотя притчу о блудномъ сынѣ, къ которой авторъ отсылаетъ насъ за основаніями, знаетъ, разумѣется, лучше его.

2)-е мнѣніе даетъ только миссіонерское поясненіе моего „отвѣта“. То и другое рекомендую вашему, почт. колл., вниманію.

Н. Гринякинъ.

Изъ записокъ и дневниковъ.

Къ вопросу о причинахъ „упадка духа“ въ нашемъ духовенствѣ.

Съ особымъ всегда интересомъ прочитывается въ «Миссіонерскомъ Обзорѣніи» то, что появляется тамъ «Со скрижалей сердца» редактора журнала,—эта откровенная задушевная рѣчь «отъ сердца».

Въ № 3-мъ «Миссіонерскаго Обзорѣнія» В. М—чъ излагаетъ, главнымъ образомъ то, что «начертано на скрижаляхъ его сердца» въ разъясненіе имѣющаго очень большое значеніе вопроса о причинахъ «упадка духа» въ духовенствѣ.

Констатируя и—добавимъ, съ своей стороны, совершенно справедливо—серьезный, тридиціонный недугъ, которымъ изстари страдаетъ наше духовенство, который мѣшаетъ ему стоять на высотѣ его призванія и который состоитъ «въ упадкѣ въ немъ духа,—духа бодрости, энергіи, инициативы, увѣренности въ своихъ силахъ и упованіяхъ на одолѣніе враговъ Церкви и порядка общественнаго», В. М—чъ откровенно выясняетъ, чѣмъ недугъ этотъ, наслѣдованный духовенствомъ отъ временъ крѣпостничества, поддерживается, и какое, по его мнѣнію, средство наиболѣе дѣйствительно къ уврачеванію этого недуга.

Рѣчи редактора по этому предмету настолько интересны и въ то же время задушевные, что хочется повторить ихъ здѣсь съ буквальною точностью.

„Упадокъ духа въ духовенствѣ“, говоритъ В. М—чъ, «поддерживается гнетомъ многихъ атмосферъ, подъ давленіемъ которыхъ живетъ и дѣйствуетъ приходское духовенство. Тутъ сказывается и семинарское рутинное воспитаніе,—мало слѣдящее за ростомъ духа воспитанниковъ. Тутъ—тяжкія условія одинокой, разобщенной въ товариществѣ сослуживцевъ, отрѣшенной отъ культурной среды и

свѣта, жизни пастыря въ сельской трущобѣ, среди густого мрака народнаго невѣжества и интеллигентной ненависти, тутъ и матеріальная зависимость въ насущномъ кускѣ хлѣба отъ всякаго міровѣда и кулака, тутъ и благочинническое «усмотрѣніе» и консисторское судоустройство, и отжившая духовная слѣдственная волокита. Словомъ много, много давнихъ (наши курсивы) причинъ «упадка духа въ духовенствѣ», и съ уврачеваніемъ этого недуга давно пора считаться, если хотять, чтобъ духовенство было на высотѣ своего призванія, чтобы оно было живо и бодро въ своей слишкомъ сложной и многотрудной пастырской дѣятельности.

«Исцѣлить духовенство, поднять его духъ, самочувствіе, влить бодрость, энергію, дать инициативу только и могутъ одни владыки наши, архипастыри—отцы, ибо ихъ власть, сила и авторитетъ такъ высоки и велики, что имъ легко приподнять упавшій духъ, приободрить рядовое духовенство, какъ своимъ личнымъ вдохновляющимъ, бодрящимъ отношеніемъ къ сопастырямъ, такъ и требованіемъ должныхъ отношеній къ духовенству отъ гражданскихъ чиновъ и членовъ своей паствы. Духовенство наше гораздо болѣе инославнаго даровито, чутко и отзывчиво къ голосу своихъ архипастырей, оно скоро пойметъ современное положеніе дѣлъ и бодро пойдетъ по отеческому глаголу любви своихъ архипастырей, на встрѣчу современнымъ духовнымъ нуждамъ, подтянется и подбодрится.

«Опять таки изъ личныхъ воспоминаній знаемъ, что значить для сельскаго захолустнаго, одичавшаго іерея не только посидѣть на владычномъ креслѣ и побесѣдовать, но даже постоять только у порога, посмотреть на своего владыку—отца, промолвить хотя бы нѣсколько словъ, принять благословеніе и выслушать его наставленіе»...

Вполнѣ соглашаясь съ справедливостію высказаннаго въ приведенныхъ строкахъ, мы, однако признаемъ, что здѣсь дается далеко неполное объясненіе факта. Въ нихъ указывается на давнія причины «упадка духа въ духовенствѣ». Но помимо этихъ «давнихъ причинъ», въ настоящее время дѣйствуютъ еще особыя причины, болѣе глубокія и сильныя. Если бы дѣло зависѣло только отъ вышеуказанныхъ «давнихъ» причинъ, то тогда мы наблюдали бы большую разницу въ состояніи духа духовенства городского и сельскаго, да и въ сельскомъ оно было бы различно. У насъ много мѣстностей, гдѣ села отстоятъ другъ от друга въ двухъ—трехъ верстахъ, еще больше сельъ, связанныхъ между собою удобными желѣзно-дорожными путями, такъ что разстояніе между ними измѣряется минутами,—есть причты многоштатныя. Про духовенство такихъ сельъ едва ли можно говорить со всею категоричностію, что его давятъ «тяжкія условія одинокой, разоб-

щенной *) въ товариществѣ сослуживцевъ жизни».—Наконецъ, «архіерейское обхожденіе», въ примѣненіе къ разсматриваемому предмету, имѣетъ, дѣйствительно, большое значеніе. Но, вѣдь и это «обхожденіе» въ различныхъ епархіяхъ различно. Судя по ссылкѣ нашего автора на новогодній № «Церковнаго Вѣстника», «отеческія отношенія епархіальныхъ преосвященныхъ къ сельскимъ пастырямъ» никакъ не рѣдкость: они имѣютъ мѣсто во многихъ епархіяхъ. Также далеко не вездѣ одинаковы и благочинническое «усмотрѣніе», и матеріальное положеніе духовенства.

Если бы все дѣло объяснять причинами, указываемыми нашимъ авторомъ, тогда должно бы получиться большое разнообразіе въ степени «упадка духа» въ нашемъ духовенствѣ,—духа бодрости, энергіи, инициативы, увѣренности въ своихъ силахъ и проч. И это тѣмъ скорѣе и естественнѣе случилось бы, что одной изъ причинъ и именно «архипастырскому обхожденію» придается, въ данномъ отношеніи, значеніе легко и скоро дѣйствующаго средства. Однако разнообразія въ степени «упадка духа» въ духовенствѣ мы или совсѣмъ не наблюдаемъ, или оно такъ незначительно, что замѣтить его можно лишь въ увеличительное стекло.

Съ другой стороны, если бы «упадокъ духа» въ духовенствѣ, обусловливался только причинами, указываемыми г. Редакторомъ, тогда при дѣйствіи и подъ дѣйствіемъ этихъ причинъ, какъ постоянныхъ съ очень давнихъ временъ (за исключеніемъ случайнаго для той или другой мѣстности «архіерейскаго обхожденія»), мы не могли бы наблюдать въ жизни духовенства моментовъ высокаго въ немъ подъема духа, когда оно не въ единичныхъ только представителяхъ и въ отдѣльных мѣстностяхъ, а въ цѣлой своей массѣ и повсемѣстно, ставъ на высоту своего призванія, просто поражало современниковъ избыткомъ бодрости, энергіи, инициативы, увѣренности въ своихъ силахъ. Этотъ славный моментъ въ жизни и дѣятельности духовенства совпадаетъ съ первыми годами по освобожденіи крестьянъ. Изъ множества воспоминаній объ этомъ времени и устныхъ и въ печати приведемъ здѣсь хотя одно слѣдующее, заимствуемое нами изъ повѣсти М. Ма-

*) „Разобщенность“ мы имѣли въ виду не пространственную, а нравственную—отсутствіе солидарности и братски-служебныхъ взаимоотношеній среди духовенства.

леонскаго «Большія перемѣны» (Изъ быта духовенства). СПб. 1885 г.

«Великій освободительный актъ 19 февраля 1861 года, говорить г. Малеонскій, имѣлъ громадное вліяніе и на жизнь и дѣятельность тогдашняго духовенства. вмѣстѣ съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, онъ и духовенство вывелъ изъ приниженнаго положенія. Онъ пробудилъ духовенство къ жизни. Духовенство сразу почувало свою силу и сразу же стало на настоящій путь своей дѣятельности. Оно въ ту пору показало себя на высотѣ своего призванія. Пастыри Церкви явились истолкователями новыхъ правъ крестьянина, посредниками между крестьянами и помѣщиками или ихъ довѣренными лицами, защитниками крестьянъ, примирителями и учителями. Къ нимъ и крестьяне прибѣгали какъ къ своимъ заступникамъ и покровителямъ, къ нимъ и сами помѣщики обращались, какъ къ людямъ, которымъ однимъ только вѣрятъ крестьяне и которые одни только могутъ правильно истолковать крестьянамъ ихъ новыя права. И духовенство русское въ эту пору сослужило великую, славную службу государству. Оно явилось въ ту пору усерднымъ искреннимъ и безкорыстнымъ дѣятелемъ государства. Мы смѣло можемъ сказать, что первая половина шестидесятыхъ годовъ есть пора кипучей и вполне разумной дѣятельности православнаго русскаго духовенства... Духовенство самоотверженно въ эту пору служило Царю и Отечеству на стражѣ своихъ высокихъ пастырскихъ обязанностей.

«Трудна была миссія нашего православнаго духовенства въ эту достопамятную и достославную эпоху его дѣятельности. Помѣщики не сразу отрѣшились отъ своихъ прежнихъ, унаслѣдованныхъ ими отъ предковъ, привычекъ въ обращеніи съ народомъ, не сразу поставили себя въ нормальныя отношенія къ своимъ прежнимъ крѣпостнымъ людямъ, не сразу и съ своимъ новымъ положеніемъ освоились. Народъ вообще былъ очень грубъ, невѣжественъ и забитъ: крѣпостное право такъ заѣло его, что не скоро онъ могъ восклонить свою главу разумно, а свобода легко могла у него превратиться въ необузданную распущенность и полнѣйшій произволъ. Много въ эту пору требовалось отъ духовенства мудрости, энергій и труда, чтобы однихъ ободрить и воодушевить, другихъ склонить къ уступчивости и уваженію правъ личной свободы, однихъ вразу-

мѣть своимъ словомъ, другимъ показать примѣръ ревностнаго исполненія своего долга. Скоро оно поняло, что народное образованіе совершенно необходимо, что оно есть самое главное средство благотворно вліять на всю эту темную, забитую массу и при помощи его только будетъ можно принести существенную пользу какъ самому народу, такъ и землевладѣльцамъ. Но какъ взяться за столь важное дѣло, какъ его начать, гдѣ искать себѣ помощи и на какія средства вести его успѣшно?—вотъ вопросы, которые въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ составляли предметъ оживленныхъ разговоровъ, споровъ, предположеній и крѣпкихъ думъ духовенства. Ждали все указаній свыше, отъ начальства. И къ счастью, и къ радости духовенства, это указаніе, какъ разъ, явилось во время, въ ту именно пору, когда оно такъ было нужно, такъ было желательно для духовенства. 26 Іюля того же 1861 года послѣдовалъ указъ Св. Синода о доставленіи ежемѣсячныхъ свѣдѣній объ успѣхахъ народнаго образованія по всѣмъ епархіямъ, согласно желанію самого Освободителя народа. Онъ положилъ начало повсемѣстному открытію церковно-приходскихъ школъ. Указъ этотъ послужилъ для всѣхъ сигналомъ къ открытію этихъ школъ. Закипѣла теперь дѣятельность духовенства. И старъ и младъ принялись за дѣло: и сѣдовласый, стоявшій уже одною ногою на гробовой доскѣ старецъ, и безбородый еще юноша, отъ священника и до причетника, мало того, даже жены и дочери тѣхъ и другихъ съ жаромъ, съ усердіемъ, безкорыстіемъ и самоотверженіемъ взялись немедленно за столь важное дѣло, надѣясь на одну только помощь Божію и охотно жертвуя на это дѣло свои послѣднія лепты» (стр. 166—167).

Не мѣсто здѣсь говорить, что сокрушило такой необычайный подъемъ духа въ духовенствѣ первой половины 60-хъ годовъ,—какъ случилось, что духовенство, блестяще заявившее себя на поприщѣ начальнаго народнаго образованія (въ 1864 году открытыхъ имъ церк.-пр. школъ было свыше 23,300, въ которыхъ училось до 427,165 дѣтей), отстранено было съ этого поприща и при томъ вопреки намѣреніямъ и воззрѣніямъ, царившимъ на Тронѣ и возлѣ Трона *)

*) Когда ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ II доложено было въ 1866 году между прочимъ и о томъ, что многія изъ церк.-прих. школъ поступили въ вѣдомство М—ва Народнаго Просвѣщенія и въ вѣ-

и откуда тогда дули губительные для дѣятельности духовенства вѣтры **).

Конечно въ первой половинѣ 60-хъ годовъ имѣли мѣсто и дѣйствовали ***) всѣ тѣ причины, которыми г. Редакторъ обусловливаетъ упадокъ духа въ духовенствѣ. Тѣмъ не менѣе, оказывается, что и при наличіи этихъ причинъ возможенъ былъ высокій подъемъ духа въ духовенствѣ. А если такъ, то значить, что помимо тѣхъ причинъ, несомнѣнно вліяющихъ на состояніе духа въ духовенствѣ, должны быть еще другія, болѣе глубокія, болѣе сильныя, вліятельныя причины, морально угнетающія наше духовенство, ослабляющія въ немъ бодрость, энергію, инициативу и проч., заставляющія его,—говоря короче,—опускать руки.

Что же это за причина? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ мы теперь и займемся.

Не требуется особо внимательнаго наблюденія, чтобы замѣтить, какая пристрастная, беспощадная, полная ненависти и высокомерія и въ то же время совершенно беззаботная на счетъ правды и справедливости раздается теперь критика дѣятельности духовенства и не только дѣятельности его настоящей, современной, но и прошлой, исторической. Представители такой критики, закрывая глаза на достойное признательности и похвалы въ современной дѣятельности духовенства, стараются и историческую его роль представить какъ вредную для народа и даже какъ позорную. Они громко заявляютъ, что духо-

дѣніе земства, или же закрыты, какъ ненужныя, вслѣдствіе учрежденія новыхъ училищъ, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО на Всеподданнѣйшемъ о семъ докладѣ написало: «Результатъ не весьма утѣшительный».

**) Желаящіе могутъ объ этомъ подробно узнать и изъ нашей книги—„Духовенство и народное образованіе“.

***) Здѣсь мы не можемъ вполне согласиться съ авторомъ: думаемъ, что обученіе и воспитаніе въ духовныхъ школахъ, не смотря „на помяловскій бурсацизмъ“ давало Церкви болѣе бодрыхъ духомъ, закаленныхъ характеромъ, стойкихъ по убѣжденіямъ дѣятелей, чѣмъ нынѣшнія духовныя школы; тогда не существовало и такого конгисторскаго формализма и епархіальнаго бюрократизма, какой теперь сушитъ умъ и сердце, подкашиваетъ волю... Предавали-ли въпрежнія времена духовныхъ лицъ на соблазнъ паствы уголовнымъ, гражданскимъ судамъ. Вотъ, напр. мы никогда не читывали и не слыхивали, чтобы католическіе ксендзы сидѣли на скамьѣ подсудимыхъ, по опредѣленію своего епархіальнаго начальства, а у насъ, къ сожалѣнію, такіе процессы не рѣдкость.

Ред.

венство, будто бы сломило въ русскомъ племени его славянскую самобытность, что оно вредило чистотѣ брака, помѣшало сложиться у насъ правильнымъ семейнымъ отношеніямъ—этой первоосновѣ гражданскаго, государственнаго благоустройства, что оно цѣлые вѣка держало народъ въ невѣжествѣ, было гасителемъ въ немъ просвѣщенія, что оно убивало въ народѣ поэтическое гворчество, художественные порывы, глушило въ немъ звуки живой пѣсни, губило творчество на музыкальныхъ инструментахъ, что наконецъ, пьянствуя само, и народъ приучало къ пьянству.

Всѣ эти нынѣ столь дружныя, громкія, къ тому же, иногда такъ страстно и порывисто выражаемая жи и клеветы на духовенство, отрицаніе или упорное замалчиваніе всякихъ его историческихъ заслугъ не остаются неизвѣстными духовенству и, конечно, какъ всякая несправедливость, не могутъ не вліять угнетающимъ образомъ на его духъ, не ослаблять его бодрости, энергіи, инициативы. Присоедините къ этому такую же критику современной дѣятельности духовенства при упорномъ замалчиваніи свѣтлыхъ въ ней сторонъ и недоброжелательное, а часто исполненное презрѣнія, вражды и ненависти отношеніе къ своему духовенству со стороны интеллигенціи, и дѣло еще болѣе вамъ уяснится.

Для примѣра укажемъ на то, въ какихъ и нынѣ неблагоприятныхъ условіяхъ совершается дѣятельность духовенства по народному образованію въ церковныхъ школахъ. Въ этомъ читатель легко можетъ судить по такому выразительному заявленію дѣятелей на этомъ поприщѣ: нужно, говорятъ они, имѣть особое присутствіе духа, чтобы въ нѣкоторыхъ собраніяхъ интеллигентныхъ земцевъ даже только произнести слово—церковно-приходская школа *). По нерасположенію, по недоброжелательству къ церковнымъ школамъ, пныя земства дѣлаютъ постановленія объ отказѣ ихъ продолжать этимъ школамъ пособие изъ земскихъ суммъ. По истинѣ, грустные, печальные факты, порождаемые недомысліемъ, или какими то упрямымъ нежеланіемъ понять идею школы, значеніе ея для русскаго народа даже въ государственномъ отношеніи! Но этому послѣднему—мы въ

*) А что сказать про нашу либеральную прессу? Для нея „самое наименованіе народной школы церковною хуже ножа остраго“ (см. „Тул. Е. Вѣд.“ за 1899 г., № 9-й).

томъ крѣпко увѣрены—научать нашу недоброжелательную, враждебную церковной школѣ свѣтскую интеллигенцію католическіе преосвященные Звѣровичи, воспрещающіе подвѣдомымъ имъ ксендзамъ допускать къ причащенію тѣхъ дѣтей, которые посѣщаютъ наши церковныя школы и не только дѣтей, но и ихъ родителей... Между тѣмъ, о вышеуказанныхъ печальныхъ явленіяхъ въ дѣятельности нашихъ земствъ неукоснительно возвѣщается специальными телеграммами въ большія газеты на всю Имперію, какъ бы о чемъ то достославномъ, заслуживающемъ похвалы и подражанія. Но можно ли сомнѣваться, что одна даже эта манифестація лишенія земствами помощи церковнымъ школамъ не вліяетъ угнетающимъ образомъ на состояніе духа дѣятелей въ церковныхъ школахъ, не ослабляетъ ихъ бодрости, энергіи, инициативы, особенно въ виду упорнаго замалчиванія дѣйствительныхъ заслугъ духовенства по народному образованію при посредствѣ церковныхъ школъ?

Но есть и болѣе глубокія причины упадка духа въ современномъ духовенствѣ.

Нынѣ съ полною свободою на всю Россію гремитъ не только злобная пристрастная критика дѣятельности духовенства—служителей Церкви, но и категорическое отрицаніе самой идеи Церкви, какъ Богоустановленнаго учрежденія. Нынѣ необинуясь, со всею прямою интеллигентъ, яко бы «возвращающіеся въ Церковь» измышляемымъ ими «новымъ путемъ» *), заявляютъ въ глаза самимъ архипастырямъ: «мы учиться у васъ не желаемъ»; «Церковь, которой вы считаетесь главными руководителями, есть созданіе рукъ человѣческихъ, а не Божіихъ, какъ вы думаете». При такомъ взглядѣ на Церковь, для «новопутцевъ» **) вполне естественно и послѣдовательно утверждать, что догматы, которые такъ бережно хранитъ Церковь, суть изготовленные людьми же «кандалы», убивающіе религіозную мысль и религіозную дѣятельность.

*) Но не окажется ли этотъ „новый путь“ новымъ путемъ при движеніи нашей интеллигенціи къ Церкви?... Если бы для „возвращающейся къ Церкви интеллигенціи“ былъ авторитетенъ голосъ великаго духовнымъ опытомъ лица, преосвящ. Теофана (Затворника), то имъ слѣдовало бы со вниманіемъ отнестись къ его предостереженію: „пролагая новый путь, можно по близорукости, направить его въ пагубу“.

Асм.

**) „Новопутцы“—авторъ производитъ отъ слова—„путать“. *Ред.*

А если такъ, то для оживленія и той и другой нужно разбить эти кандалы. Поскольку же Церковь есть хранительница догматовъ, постольку она вредитъ этому оживленію. Поэтому, прежде всего нужно отстранить эту помѣху, это препятствіе, стоящее на пути къ истинѣ, т. е. Церковь. Выходить, такимъ образомъ, что чѣмъ глубже пастырь Церкви проникнуть вѣрою въ догматы, чѣмъ онъ ревностнѣе служить Церкви, тѣмъ онъ, по увѣренію «новопутцевъ», больше вмѣстѣ съ гр. Толстымъ затемняетъ истину. — И они говорятъ, что истина въ Евангеліи, но идти къ этой истинѣ нужно, будто бы, мимо Церкви, высвободившись изъ подъ авторитета отдѣльных отцовъ и учителей ея и самыхъ вселенскихъ соборовъ.

Что же—спросимъ мы—неужели истиннымъ пастырямъ Церкви читать и слышать обо всемъ этомъ не прискорбно? Неужели раздающіяся нынѣ съ небывалою свободою, съ такою свободою, которая нашимъ либераламъ, можно сказать, даже вчера и во снѣ не снилась, рѣчи, направленные къ тому, чтобы представить св. миссію духовенства неразумнымъ, безсознательнымъ служеніемъ мраку и суевѣрію, могутъ окрылять ихъ духъ, возбуждать ихъ энергію? Неужели?

Указываемыя нами причины упадка духа въ духовенствѣ пріобрѣтаютъ особую силу и вліяніе, когда послѣднее узнаетъ, что нѣчто изъ высказываемаго въ подрывъ авторитета Церкви свѣтскими интеллигентами уже усвоено и популизируется *urbī et orbi* устно въ собраніяхъ и печатно, что вызываетъ похалы и одобреніе не въ одной свѣтской средѣ, но и между своими собратіями.

Петербургскій проповѣдникъ, священникъ Григорій Петровъ находитъ, что на вселенскихъ соборахъ и въ твореніяхъ отцовъ и учителей вселенской Церкви христіанское ученіе недостаточно раскрыто. По его убѣжденію, христіанство не высказало еще своего послѣдняго слова. Не приписываемъ о. Петрову претензій возвѣститъ это слово, да и ни отъ кого другого не ждемъ его. Въ роли мнимыхъ провозвѣстниковъ новаго слова христіанства выступали уже многіе. Съ этою цѣлью измышлялись даже цѣлыя новыя евангелія (на основѣ которыхъ развиваются ученія, доводящія послѣдователей этихъ ученій до умопомѣшательства на религіозной почвѣ). По отзыву прот. Гобчанскаго, если о. Петровъ въ своихъ сочиненіяхъ и касается

иногда той или другой стороны православно-христианскаго ученія, догмы, культа, то лишь случайно, мимоходомъ, вообще же онъ замалчиваетъ и игнорируетъ православно-христианское ученіе о Христѣ, Искупителѣ людей отъ зла и о Духѣ Освятителѣ. Онъ какъ будто забылъ православное ученіе о первородномъ грѣхѣ, обезнлившемъ природу нашу, и о Церкви, какъ сокровищницѣ благодати Св. Духа («Вѣра и Церковь» за т. г. кн. 2-я).

Не нами, слѣдовательно, только отмѣченъ безцерковный характеръ и устныхъ бесѣдъ, и печатныхъ произведеній о. Петрова и при томъ назначенныхъ одинаково какъ для интеллигентныхъ, такъ и для необразованныхъ слушателей и читателей. Иеромонахъ Михаилъ, объявляющій счастьемъ слышать о. Петрова («Миссіонер. Обзор.» Декабрь 1902 г., стр. 927), находитъ, однако, что позднѣйшія статьи послѣдняго (по сравненію съ прежними его статьями) стали безконечно (sic) церковнѣе (тамъ же). Очень примѣчательна эта характеристика. Если и позднѣйшія статьи о. Петрова таковы, что подъ ними подпишется любой сектантъ и прежде всѣхъ гр. Толстой, то какими же, спрашивается, являются прежнія его статьи? Выходитъ, безконечно безцерковными... Хорошо если такъ, т. е. если статьи о. Петрова стали теперь безконечно церковнѣе (чего, повторяемъ, другіе не находятъ). Ну, а если справедливы «М. Вѣдомости», которыя утверждаютъ (см. № 5-й), что у насъ подъ православною личиною (еще только) началась открытая толстовская пропаганда?... *). Если это именно послѣднее чувствуется **) православное духовенство, то одного этого вполне достаточно

*) Къ свѣдѣнію защитниковъ и почитателей о. Петрова сообщаемъ (если, конечно, это имъ еще неизвѣстно) изъ достовѣрнѣйшаго источника, что книжки о. Петрова имѣютъ огромное распространеніе среди сектантовъ. По южнымъ сектантскимъ селеніямъ ихъ развозятъ цѣлыми тюками. Но будьте увѣрены, если бы въ эти книжки были въ защиту Церкви и противъ враговъ ея, то онѣ никакого распространенія между сектантами не имѣли бы. Сектанты—враги Церкви. Врагамъ же Церкви, какъ это естественно и понятно, особенно нравится то, что ко вреду послѣдней.

Авт.

**) А намъ думается, что нашъ авторъ преувеличиваетъ церковно-общественное значеніе о. Петрова и его литературно-проповѣднической дѣятельности: онъ не только для духовенства, но для увлекающейся имъ интеллигентной публики только любитель (нравится, въ ея вкусѣ),

для объясненія, почему оно упадаетъ духомъ, ослабѣваетъ въ энергій, бодрости, инициативѣ, оскудѣваетъ въ вѣрѣ въ себя, въ свои силы, въ свое призваніе и въ упованіяхъ на одолѣніе враговъ Церкви и порядка.

Но у насъ подъ православной личиною ведется, хотя и косвеннымъ образомъ, пропаганда не толстовская только, но и такая, которую называютъ прямо языческой. Въ этомъ имѣются очень опредѣленные свидѣтельства. «Есть у насъ,—пишетъ, напр., г. Л. Тихомировъ,—писатель г. В. Розановъ, который не только явно нехристіанинъ, а прямо проповѣдникъ чисто-языческой безнравственности. Однако, находитъ и онъ себѣ поклонниковъ среди отцовъ-пастырей. Священникъ (такъ сказать: «соборный протоіерей») У—скій публично восторгается одною изъ невозможнѣйшихъ статей г. Розанова... Священника У—скаго его церковная власть не вразумила,—церковно или нецерковно его ученіе. Что же думать мірянамъ?»—спрашиваетъ г. Тихомировъ. (Естественно спросить: что же думать и рядовому духовенству?). «Итакъ, заключаетъ г. Тихомировъ, слушая иного своего приходскаго пастыря, я долженъ увѣровать въ правильность культа Астарты». Еще съ большею опредѣленностію характеризуетъ того же протоіерея У—скаго г. М. Меньшиковъ. Этотъ писатель—публицистъ въ спорѣ, прошлой осенью, съ гг. Розановымъ и Мережковскимъ о язычествѣ и христіанствѣ стоялъ на сторонѣ христіанства и доказывалъ, что «христіанство вовсе не пессимизмъ, что оно не противорѣчитъ благороднымъ формамъ счастья... и что вообще христіанство не согласимо съ тѣми язвами, отъ которыхъ погибъ античный міръ»... «открывало,—пишетъ теперь г. Меньшиковъ, декадентскій журналъ (т. е. «Новый Путь») и вижу направленное противъ меня письмо за подписью: «Протоіерей А. Ус—скій»... Это письмо не какого-нибудь легкомысленнаго журналиста, а лица духовнаго, богослова, «соборнаго протоіерея». Со смущеніемъ вижу, что мое заступничество за

но не авторитетъ. По нашему глубокому убѣжденію, вліяніе о. Петрова совсѣмъ неглубокое, скоропреходящее и мимолетное, какъ отзвукъ эха. Если же «М. О.» удѣляетъ такъ много вниманія критикѣ проповѣдничества о. Петрова, то исключительно изъ желанія предостеречь отъ вреднаго увлеченія безцерковностію, какъ самого способнаго автора, такъ и его неразумныхъ поклонниковъ.

Ред.

христіанство не понравилось отцу протоіерею. Онъ горячо присоединяется къ защитникамъ язычества (нашъ курсивъ) и читаетъ мнѣ строгое внушеніе.

Искушенное въ терпѣніи, дисциплинированное, до удивленія выносливое наше духовенство и теперь, подъ давленіемъ всякихъ неблагоприятныхъ атмосферъ, трудится, выполняя дѣло своего призванія,—трудится упорно, но угрюмо, съ поникшей главою, безъ надеждъ на безпристрастную, справедливую оцѣнку его прошлыхъ—историческихъ заслугъ и настоящей дѣятельности и съ сердечнымъ сокрушеніемъ за поруганіе (прямое или косвенное—черезъ систематическое замалчиваніе) самой идеи Церкви, служить которой оно призвано.

Въ заключеніе нѣсколько словъ со скрижалей нашего сердца.

Знаменательно это почти всегдашнее совпаденіе или одинаковость условій служенія идеѣ Церкви, идеѣ православія со служеніемъ русской идеѣ. Извѣстный писатель и публицистъ А. Н. Энгельгардтъ, горячо ратующій за русскую идею, недавно высказался такъ: Бросимъ лицемѣріе. Хоть разъ въ жизни посмотримъ правдѣ въ глаза... Служить русскимъ, исконнымъ началамъ жутко, невыгодно, безпокойно, опасно... Тутъ нужно терпѣть поношенія, клеветы, насмѣшки, видѣть предательство и ненависть... Тутъ надо идти по тернистому пути» («Нов. Вр.» № отъ 5 февр. с. г.). Но не то же ли при служеніи идеѣ Церкви? Судимъ объ этомъ и по собственному опыту. Указавъ на полную безцерковность, а частію противocerковность бесѣдъ о. Петрова и заключивъ, что бесѣды его съ такимъ характеромъ могутъ служить на руку сектантамъ, а черезъ это самое оказаться опаснымъ подводнымъ камнемъ для Церкви, читатели знаютъ изъ статьи г. Воронца, какую мы возбудили противъ себя бурю негодованія въ почитателяхъ о. Петрова.

Прежде чѣмъ поставить послѣднюю точку въ рѣчахъ о причинахъ упадка духа въ духовенствѣ, замѣтимъ, что нынѣшніе интеллигенты вышучиваютъ принадлежащихъ къ Церкви за одно только то, что послѣдніе въ Церкви «нашли абсолютную истину», проповѣдуемую ея пастырями и, руководствуясь этою истинною, исполняютъ долгъ своего призванія (М. О. № 4-й, стр. 567).

И. Преображенскій.

Миссіонерскіе очерки.

IX.

Молоканскіе толковники Библіи.

Всякій разъ, когда, на первых порахъ, я возвращался изъ миссіонерскихъ поѣздокъ, православно-мыслящіе городскіе обыватели осаждали меня вопросами: Что? Какъ? Имъ, по неопытности, казалось, что довольно съ сектантами однажды побесѣдовать по душамъ, чтобы они поколебались въ своихъ заблужденіяхъ.

Между тѣмъ въ сужденіяхъ горожанъ заключалась большая ошибка. Они воображали во всѣхъ сектантахъ видѣть людей честныхъ, разсуждающихъ по законамъ логики и безусловно искреннихъ.—Дѣйствительность же показываетъ совсѣмъ другое. Напримѣръ: большинство молоканъ въ жизни измалодушествовались. Они ведутъ себя распушено: пьянствуютъ, воруютъ, ссорятся между собой. Ихъ вожаки занимаются не добросовѣстнымъ изученіемъ Библіи, а изобрѣтеніемъ всякихъ „подвоховъ“ противъ православія. Я самъ изумился, когда услышалъ, до какихъ размѣровъ можетъ доходить молоканская изобрѣтательность въ этомъ направленіи.

Жилъ я однажды въ молоканскомъ селѣ. Много разъ бесѣдовалъ съ сектантами. Меня поражала та напряженность, съ которой молокане стремились перетолковать всю Библію въ духовномъ смыслѣ. И что всего замѣчательнѣй: людей, не способныхъ къ духовному истолкованію свящ. Писанія, молокане не цѣнятъ. О такихъ людяхъ они говорятъ: „Этотъ мелокъ... Поверху воды плаваетъ“...

За то у всѣхъ молоканъ пользуются искреннимъ уваженіемъ тѣ начетчики, которые умѣютъ „развести“ Библію такъ, чтобы въ ней отражался современный строй жизненный.

Вотъ такой-то „духовный“ библеистъ и попался мнѣ. Звали его Павломъ Гавриловымъ. Мы были съ нимъ большіе друзья. Въ частныхъ разговорахъ нерѣдко я приставалъ къ нему съ просьбой:

— Павелъ Гавриловичъ! будь отцомъ роднымъ: разведи мнѣ что-нибудь изъ Библіи...

Павелъ Гавриловъ зналъ цѣну своему искусству и не сразу

соглашался. Онъ притворялся неопытнымъ въ толкованіи Библии. Нужно было много просить его, чтобы онъ „обмякъ“.

Одинъ разъ я умолилъ его. Онъ сдался и завелъ мнѣ рѣчь о 103 псалмѣ. Прочелъ онъ весь этотъ псаломъ. Нужныя ему мѣста особенно оттѣнили голосомъ. Потомъ пристально посмотрѣлъ на меня. Я насторожился. Павелъ же Гавриловъ смотрѣлъ совсѣмъ новымъ для меня человѣкомъ. Въ глазахъ его исчезло добродушіе. Они свѣтились непреклонностью и увѣренностью въ томъ, что будетъ говорить ихъ обладатель...

И вотъ Павелъ Гавриловъ „завелъ“:

— 103 пс.—это бездна мудрости. Въ этомъ псалмѣ всѣ наши дѣла церковныя, какъ на ладони... Говоритъ псалмопѣвецъ: „ты простираешь тьму и бываетъ ночь“ (ст. 20). Такъ: Господь полагаетъ тьму для злодѣевъ. Они во тьмѣ и обдѣлываютъ свои дѣлишки...

Кто же эти злодѣи?

Это православные... Вы не обижайтесь на меня, сударь!—сказалъ Павелъ Гавриловъ. Правда—матка всего дороже... Ваши православные, какъ львы, рыкаютъ, ища добычи себѣ (ст. 21). Нужно только зайти въ вашу церковь, чтобы увидѣть это. За службой у православныхъ идетъ рыканіе то діакона, то на клиросѣ. Всѣ они у Бога просятъ нищи себѣ,—поютъ: „подай Господи!“

Я отъ изумленія глаза раскрылъ. А Павелъ Гавриловъ продолжалъ:

— Кто же аисты, о которыхъ псалмопѣвецъ говоритъ въ ст. 17?

Это—тоже люди. Аисты несутъ яйца, но не высидываютъ ихъ. Они зарываютъ ихъ въ песокъ или подкладываютъ свои яйца другимъ птицамъ. Это тайно указываетъ на наше духовенство. Дѣтей оно родитъ много, но не хочетъ ихъ само воспитывать. Поповичей у насъ обучаютъ въ особыхъ школахъ по городамъ...

Павелъ Гавриловъ затѣмъ началъ ежей, сернъ и зайцевъ подводить подъ духовныхъ: и колютъ-то они, какъ ежи, и робки, какъ зайцы...

Я не выдержалъ и просто закричалъ:

— Что ты дѣлаешь, другъ? Этакъ всю библию перевернешь...

— Не люблю, не слушай!—гордо отвѣтилъ Павелъ Гавриловъ.

Мнѣ, точно, не любо было слушать молоканскіе извѣты противъ нашей церковности, и я сказалъ:

— А хочешь, я разведу 103-й псаломъ противъ васъ?

— Ну ка, попробуй!— смѣясь, промолвилъ Павелъ Гавриловъ.

И я „завелъ“:

— Львы, рыкающіе о добычѣ, это—молокане. На собраніяхъ они перекликаются. Сначала одинъ подаетъ чтеніе изъ Евангелія, потомъ хоръ подхватываетъ слова...

— Это не подходит!—замѣтилъ Павелъ Гавриловъ.

— Почему не подходит? Ты слушай дальше. Аисты тоже молкане. Дѣтей они родятъ, но грамотѣ отводятъ ихъ учить въ общественныя школы...

— Не туда пошло!—презрительно заявилъ Павелъ Гавриловъ.

— А по моему, туда. Ты говоришь толкованія на слово Божіе „отъ своей головы“ и я подлаживаюсь къ тебѣ...

Павелъ Гавриловъ понялъ, что въ молоканскихъ пріемахъ толкованія Библіи лежитъ, въ самомъ дѣлѣ, грубый произволь. И онъ уже не защищалъ своего „развода“ на 103 псаломъ. Онъ только добродушно замѣтилъ:

— Извините ужъ за мою откровенность. У насъ такъ принято разводить Библію!..

Я сказалъ:

— Въ этомъ вся ваша ошибка и объясненіе, почему вы столь упорно пребываете въ отчужденіи отъ Церкви...

Случилось мнѣ еще разъ столкнуться съ молочанами. Мы вышли погулять за село. Начиналась пахота. Первый же загонъ принадлежтъ молочанину. Онъ навозилъ землю.

Говоримъ:

— Здравствуй! Богъ въ помощь...

— Спаси Христосъ!

Экая погодка стоитъ!—заговариваемъ мы. Небо чисто и ясно, словно сейчасъ изъ рукъ Творца вышло...

Молочанинъ припомнилъ что-то и сейчасъ спохватился:

— Естатѣ протолкуйте мнѣ псаломъ: „Небеса повѣдаютъ славу Божію. Твореніе же рукъ его возвѣщаетъ твердь“... Что это значить: „Небеса повѣдаютъ“?

Я сказалъ:

— Вся земля полна славы Божіей. Все върующему сердцу говоритъ о Богѣ Творцѣ и Промыслителѣ міра. И небо...

— Нѣтъ, это не то!—убѣжденно замѣтилъ молочанинъ. Небеса—это ангелы и архангелы. Они прославляютъ Бога...

Не грѣшно и такъ толковать псаломъ!—промолвилъ я.

— Не то, что не грѣшно, а прямо такъ надо!—подтвердилъ молоканинъ свою рѣчь.

— А это что значить, спросилъ я: „день дню открываетъ глаголь, и ночь ночи—разумъ?..

— То-же самое,—задумчиво произнесъ молоканинъ. Одни ангелы другимъ подають голосъ хвалы.

— Это день дню, а ночь ночи такимъ же родомъ надо развести?—спросилъ я.

— Такъ же...

Мы поняли, что нашъ собесѣдникъ молоканинъ, при всей своей неразвитости, усиливался Писаніе толковать исключительно въ духовномъ смыслѣ. Буквальнаго толкованія онъ не принималъ и считалъ его однимъ баловствомъ. Потому же, безъ сомнѣнія, молокане не хотятъ допустить за Церковью права вводить „видимые обряды“. Это, по ихъ мнѣнію, „буква убивающая“, „суета“...

Х.

„Пропадающіе“ молокане.

Заѣхалъ я бесѣдовать съ молоканами въ глухое село Тамб. губ. Переночевалъ здѣсь. По утру вижу въ окно печальную картину: съ горы, отъ церкви, спускались три мужика. Они всѣ были пьяны и съ трудомъ держали другъ друга. Особенно валился къ землѣ средній человѣкъ. Спрашиваю батюшку:

— Что это за люди?

Батюшка присмотрѣлся и говоритъ:

— Всѣ трое—молокане, а средній—ихъ наставникъ.

Этотъ „наставникъ“ совсѣмъ спился съ круга.

Рѣдко кто видѣлъ его трезвымъ. Собраній онъ „не держалъ“. Руководить своими людьми не могъ. Пропадало его стадо!..

Открыли мы бесѣду въ храмѣ. Я говорилъ о почитаніи креста Христова. По оканчаніи рѣчи, спрашиваю:

— Можетъ быть, кто изъ сектантовъ возразить мнѣ?

Общее молчаніе.

Повторяю вопросъ и прибавляю:

Есть здѣсь сектанты?

— Есть.

— Кто?

Мужики выдвинули впередъ нѣсколько благообразныхъ стариковъ съ женами и дѣтьми.

Я сказалъ имъ:

Вы слышали, что я сейчасъ говорилъ о крестѣ Христовомъ? Слышали.

— Вѣрите тому, что я сейчасъ сказалъ?

— Это бы ничего. Хорошо...

— Такъ почему же вы не соединяетесь съ православной Церковью?

— Стары мы,—заговорили молокане. Поздно намъ мѣнять свою вѣру. Люди смѣяться будутъ. Вотъ ужъ дѣти пусть какъ хотятъ. Мы ихъ не удерживаемъ въ сектѣ...

Мнѣ стало жаль смиренныхъ стариковъ и я имъ сказалъ:

— Ошибочно, друзья, вы разсуждаете. Стремиться къ истинѣ никогда не поздно. Припомните урокъ изъ Евангелія. Никодимъ былъ тоже старикъ (Іоан. 3, 4). Однако онъ пришелъ учиться ко Христу и сталъ послѣ христіаниномъ (Іоан. 7, 50—52). И вамъ нечего страшиться своей старости...

А объ этомъ вы уже напрасно говорите, что „люди надъ вами смѣяться будутъ. Бояться надо Бога“, а не людей (Дѣян. 4, 19). Богъ велитъ идти за истиной—и ступайте, что бы ни говорили люди...

При этомъ помните, что добрые и честные христіане смѣяться надъ вами не будутъ. Они порадуются вашему обращенію въ истинную Церковь. Пустыхъ же зубоскаловъ бояться нечего.—Итакъ, съ Богомъ переходите въ православную Церковь...

— Нѣтъ, устарѣли мы.—отвѣтили молокане. Видно, что Богъ дастъ. Пусть ужъ дѣти наши глядятъ. Ихъ грамотѣ учимъ, можетъ быть, они станутъ православными...

Я еще разъ пожалѣлъ молоканскихъ стариковъ. Они „размякли“ и на прощанье сказали:

— Ну, чтожъ? Послушаемъ вашихъ разумныхъ рѣчей, авось и правда задѣлаемся православными. Пока же простите Христа-ради и не положите на насъ своего гнѣва!..

Молокане ушли. Мы кончили бесѣду. Слушатели передали мнѣ.

что въ толпѣ были еще „кое-какіе“ молокане. Эти „страхъ“ недовольны ходомъ моихъ разговоровъ со стариками...

Вотъ эти „недовольные“ задумали „отлить штуку“. Они собрались вмѣстѣ. Купили четверть водки. Къ вечеру распили ее и послали за мной, приглашая меня на бесѣду.

Я обрадовался приглашенію. Я думалъ, что дѣло наше идетъ уже на ладъ. Пріѣзжаю. Вижу возбужденныя лица. Мнѣ и въ голову не пришло, что это—пьяные люди. Спрашиваю:

— Зачѣмъ позвали меня?

Какой-то незнакомый юноша мнѣ отвѣтилъ:

— Видишь, наши недовольны утренней бесѣдой. Мы были вялы и ничего тебѣ не возразили. Мы теперь желаемъ побесѣдовать. Я сказалъ:

— Очень радъ. О чемъ же вы рѣшили побесѣдовать со мной?

Тотъ же юноша отвѣтилъ:

— Изъясни намъ пожалуйста 4 гл. Галатамъ.

— Для какой надобности?

— Она приведетъ...

— Къ чему же приведетъ?

— Читай. Она докажетъ, что Богу вѣра нужна, а не обряды...

Я послушно сталъ читать. Протоковалъ главу. Сдѣлалъ выводъ, что Писаніе нельзя изъяснять произвольно, а такъ, какъ Церковь благословляетъ...

Мнѣ дерзко возразилъ тотъ же юноша:

— Зачѣмъ ваша Церковь ввела много зряшняго, чего нѣтъ въ Писаніи? Развѣ можно ее слушать?.. Христось написалъ, что нужно...

Я замѣтилъ:

— Положимъ, Самъ Христось ничего не писалъ.

— Какъ не писалъ?

— Такъ и не писалъ. А если Господь Самъ составлялъ книги, гдѣ объ этомъ сказано?..

Молоканинъ отвѣтилъ:

— Въ каждой главѣ.

— Напримѣръ?

Молоканинъ раздраженно кричалъ, что именно Христось написалъ „Библию“...

Я удивлялся. Откуда у него эта злоба? И почему меня никто изъ его братьевъ не поддерживаетъ? Тогда напрасно меня звали...

Батюшка на время вышелъ въ сѣни. Изъ разговоровъ съ находившимися тамъ женщинами онъ узналъ, въ чемъ было дѣло.— Войдя въ избу, онъ шепнулъ мнѣ, что молокане поголовно всѣ пьяны. Выяснилось сейчасъ же, что они продѣлали это „для духа“...

Я рѣзко обличилъ ихъ. Если они „духовные“ христіане, то можно-ли пьянствовать?

Съ другой стороны, какъ не постыдились они напрасно безпокоить меня,—человѣка, который утомятъ утренней бесѣдой?..

Батюшка, махнувъ рукою, сказалъ:

— Пойдемте. Видите, они смѣются. Пропадающіе люди!..

И мы пошли. Такого глумленія надъ собой со стороны сектантовъ я никогда не испытывалъ. Потому этотъ прискорбный случай показался мнѣ особенно обиднымъ...

Д. Боголюбовъ.

Какъ раскольники распространяютъ свои подпольныя сочиненія.

Для лицъ, занимающихся и интересующихся дѣломъ противораскольнической миссіи, не бесполезно знать, какъ раскольнические начетчики безнаказанно и нахально распространяютъ свои подпольныя, нецензурныя произведенія по всей Россіи. Извѣстнымъ раскольническимъ начетчикомъ австрійскаго толка Иваномъ Григорьевымъ Усовымъ выпущены въ свѣтъ двѣ книги—въ 1901 г. „Церковь Христова временно безъ епископа“ и въ 1902 г. „О таинствахъ миропомазанія“. Обѣ книги напечатаны въ неизвѣстной типографіи въ Черновцахъ. На обложкѣ книгъ выставлено названіе книгъ, цѣна и имя и фамилія автора. Означенныя книги и въ особенности первую изъ нихъ въ іюлѣ 1902 г. Усовъ предъ публичными бесѣдами въ г. Екатеринбургѣ продавалъ отъ 6 до 10 руб. за книгу, несмотря на то, что на обложкѣ книги красуется цѣна 2 рубля. И не одни австрійцы распространяютъ зловредныя книги, но и другіе раскольники занимаются этимъ ремесломъ. Въ томъ же 1902 г. другой раскольническій начетчикъ Спасова согласія, слѣпецъ А. Коноваловъ, пріѣзжалъ на Уралъ для бесѣдъ

съ миссіонерами, и попутно продавалъ книгу подпольной печати, такъ называемую „Вѣчная Правда“, и не только однихъ раскольниковъ слѣпецъ Коноваловъ награждалъ означенною книгою, но не оставилъ и единовѣрцевъ безъ должнаго вниманія. Явившись въ Екатеринбургъ въ одинъ богатый домъ единовѣрцевъ, Коноваловъ хотѣлъ посредствомъ своей бесѣды посѣять свои шевелы въ этомъ домѣ, но, получивъ отказъ въ пріемѣ, чрезъ своего провожатаго оставилъ подъ видомъ подарка свою книжку „Вѣчная Правда“. Кромѣ того и не больше-ли всѣхъ распространяютъ на Руси подпольныя, недозволенные цензурою, книги раскольники Поморской секты. Не такъ давно мы получили отъ одного старообрядца каталогъ книгъ и брошюръ, оттиснутыхъ на гектографѣ въ мастерской тульского поморца, извѣстнаго наставника и начетчика Д. В. Батова, который, не стѣсняясь, разсылаетъ по почтѣ означенныя въ каталогѣ книги разнымъ лицамъ. Вотъ съ этимъ то каталогомъ раскольниковыхъ произведеній мы и намѣрены познакомить читателей „Миссіонерскаго Обзорѣнія“. Въ первый разъ Батовъ послалъ извѣстному намъ старообрядцу нѣсколько книгъ по почтѣ наложеннымъ платежомъ при слѣдующемъ письмѣ: „Боголюбивый и достоуважаемый N N! Въ благодати спасительнаго и Богопричастнаго благовѣрія Иисуса Христа. Собезначальнаго и Единосущнаго Сына Божія утвржденія въ премудрости, благочестіи и прочихъ дарованія преусилѣнія, благополучія и добраго здоровья отъ души желаемъ, и при семъ по требованію Вашему посылаю (перечисляются книги съ обозначеніемъ цѣны). Бесѣдословія съ миссіонерами не обязательны и я совѣтую не тратить дорогое жизни время на ратоборство со врагами истины“. Городъ Тула. Діонисій Васил. Батовъ. 10 сентября 1902—1910 г.

Изъ послѣднихъ строкъ написаннаго поморскимъ наставникомъ и такимъ извѣстнымъ начетчикомъ Батовымъ ясно видно, что миссіонерскія бесѣды для раскольниковъ не желательны, и потому не желательны, что разоблачаютъ всю несостоятельность и лживость раскола.

Подпольныя же книги и брошюры, такъ усердно распространяемы Батовымъ, и охотно читаемы раскольниками, сильно дѣйствуютъ на темныхъ, малограмотныхъ людей и увлекаютъ ихъ въ сѣти раскола. Вотъ поэтому-то Батовъ и не совѣтуетъ своему корреспонденту ходить на миссіонерскія бесѣды. Затѣмъ онъ же

и тому же старообрядцу отъ 14 октября того же года послалъ каталогъ при слѣдующемъ письмѣ:

„Боголюбивый NN!

Оказавшіяся излишними рукописи благоволите прислать мнѣ обратно, а какія въ замѣну ихъ пожелаете получить, приложите выписку изъ этого списка и я вышлю“.

Вашъ доброжелатель Д. В. Батовъ.

Содержаніе каталога или списка какъ его назвалъ Батовъ таково:

„Списокъ рукописей копировальнаго производства; цѣна безъ пересылки.

- 1) Азбука знаменнаго пѣнія 50 к.
- 2) Ирмосы пѣвчіе праворѣчныхъ слоговъ (какъ и всѣ прочіе) въ кожан. перепл. 4 р.
- 3) Обиходъ пѣвчій 4 р.
- 4) Пѣснословія тріодіи постной и цвѣтной 1 р. 50 к.
- 5) Октай осьмигласный, въ корешк. перепл. 2 р.
- 6) Пѣснопѣнія дванадесятихъ праздниковъ разбитью 50 к.
- 7) Потребникъ крещенія и исповѣди 1 р. 50 к.
- 8) Потребникъ погребенія усопшихъ муж. и жен. 1 р. 50 к.
- 9) Уставы панихидъ будничныхъ и на Св. Пасху погребенія и 40 дня 8 к.
- 10) Литіи о здравіи и на бракообрученіе. 7 к.
- 11) Чинъ брачнаго молитвословія, съ изъясненіемъ сущности таинства. 40 к.
- 12) Поздравленіе новобрачныхъ съ обличеніемъ бракоборства. 20 к.
- 13) Помянникъ на вселенскія панихиды. 15 к.
- 14) Скитское покаяніе. 13 к.
- 15) Уставъ простолюдинскаго богослуженія. 75 к.
- 16) Уставъ трапезы на весь годъ и домашнихъ молитвъ. 1 р.
- 17) Канонъ о благовѣрїи творенія поморскаго Святоподвижника Андрея Денисова. 15 к.
- 18) Поморскій отвѣтъ на пятидесятый синодальный вопросъ. 2 руб.
- 19) Похвальный отзывъ внѣшнихъ ученыхъ о поморскихъ отвѣтахъ. 30 к.
- 20) Сборникъ божественныхъ преданій старо и ново-патріархальныхъ церквей. 2 руб.

21) Броня правды съ обличеніемъ обмановъ и подлоговъ. 80 коп.

22) О духовной власти въ Россіи по обличованію профессора Соловьева. 35 коп.

23) Возраженіе на Тульско-Епархіальную хронику о вѣрѣ въ обряды. 30 к.

24) Сто шесть вопросовъ внѣшнимъ миссіонерамъ. 1 руб.

25) Сорокъ вопросовъ старообрядческимъ лжепоповцамъ. 40 к.

26) Замѣчаніе о австрійской лжеіерархіи. 5 к.

27) О основахъ уніи единовѣрческой и Австрійск. 5 к.

28) О вѣчности священства по чину мельхиседекову. 15 к.

29) О лжемудріи не прекращаемости Евхаристіи. 10 к.

30) О паденіи звѣздъ на землю по словамъ Апокаленсиса. 15 к.

31) Вопросы о мерзости запустѣнія. 10 к.

32) Апостольскія и свято-отеческія указанія Антихриста. 10 к.

33) Ожидающимъ въ одноличности Антихриста и его обличителей. 1 р. 50 к.

34) О томъ же тридцать вопросовъ. 30 к.

35) О времени царства Антихриста. 20 к.

36) Разсмотрѣніе свято-отеческихъ мнѣній о Антихристѣ. 25 к.

37) Отвѣты на пять вопросовъ о Антихристѣ. 20 к.

38) Отвѣты на двадцать четыре вопроса, твореніе г. Пичугина. 1 р. 70 к.

39) Отвѣты на вопросы миссіонера Тамбовскаго. 10 к.

40) Отвѣты на вопросы миссіонера Оренбургскаго. 10 к.

41) Отвѣты на вопросы попу Тульско-единовѣрч. 75 к.

42) О спасительной вѣрѣ по предѣлу Евангелія. 15 к.

43) О разномысліи поповщинцевъ. 25 к.

44) О Единовѣрческой уніи. 30 к.

45) О ихъ противорѣчій и противодѣйствіяхъ. 30 к.

46) На премрачную слѣпоту уніатскаго (единовѣрческаго) авторитета. 6 к.

47) Апологія о вѣчности хиротонисаннаго священства. 40 к.

48) О сущности по чину Мельхиседекову священ. 20 к.

49) Сокровищница спасенія вѣрою, надеждою и любовью. 45 к.

50) О злосѣяніи и плодахъ 1666 года. 6 к.

51) Богосужденное горе. 7 к.

52) О избѣжаніи всегубительства. 7 к.

53) О способахъ самоличнаго спасенія. 20 к.

- 54) О самонужнѣйшемъ вниманіи скончанія временъ. 15 к.
 - 55) Списокъ съ древнеписменнаго служебника преподоб. Никодиму на 3 іюля. 25 к.
 - 56) О благодати молитвы Ісусовой. 6 к.
 - 57) О благодати крестнаго знаменія. 6 к.
 - 58) О земной жизни Ісуса Христа и преданныхъ по послѣд. вр. заповѣдахъ. 10 к.
 - 59) О богопреданномъ трисложномъ имени І-су-са (Во-сто-ка). 12 коп.
 - 60) О образованіи двустественности въ лицѣ Бого-человѣка. 10 коп.
 - 61) О засѣяніи въ книгу бесѣдъ апостольскихъ четырехъсложнаго имени І-и-су-са. 12 к.
 - 62) Корень горести 1666 г. и мучительныя преслѣдованія 50 коп.
 - 63) О качествахъ миссіонерскихъ проповѣдей. 25 к.
 - 64) О пророкованной рати со святыми. 50 к.
 - 65) Главныя знаменія пререзаній, сложившихся отъ 1666 года 50 коп.
 - 66) О погрѣшности никоніанъ противъ Евангелія. 20 к.
 - 67) Себя-проповѣдники лжехристы. 13 к.
 - 68) Духовныя самохвалы. 7 к.
 - 69) О реформахъ 1666 года. 30 к.
 - 70) Взглядъ на реформы нововѣрія 8 к.
 - 71) Взглядъ на миссіонерскія бесѣдословія. 13 к.
 - 72) О сомнѣніи въ самочинномъ спасеніи. 12 к.
 - 73) О незаконномъ бракосочетаніи съ иновѣрными 6 к.
 - 74) О имени православный. 6 к.
 - 75) О богооскорбительномъ общеніи со вѣншними. 20 к.
 - 76) О томъ же собраніи святоотеческихъ воспрещеній. 7 к.
 - 77) О воздержаніи и пагубномъ невоздержаніи. 7 к.
 - 78) О омраченномъ пьянствѣ. 9 к.
 - 79) На естестворугателей брадобритіемъ и табакомъ. 20 к.
 - 80) На табачныхъ естествосквернителей. 4 к.
 - 81) На брадобрійное проказаніе. 6 к.
 - 82) Обзоръ церковныхъ распрій и разъединеній. 50 к.
 - 83) О растлѣніи вѣры и благочестія Греческой церкви. 40 к.
 - 84) О томъ же отвѣты на десять миссіонерскихъ вопросовъ.
- 1 р. 20 к.

- 85) Отвѣты на вопросы вѣроизмѣнника Криковцева. 20 к.
- 86) Обзоръ тридцати отвѣтовъ вѣроизмѣнника Земцова. 60 к.
- 87) На двоумовъ и лжевѣровъ. 20 к.
- 88) Разговоръ нововѣрнаго проповѣдника съ хріанскимъ юношею. 10 к.
- 89) О единообразной сложности Животворящаго Креста три-составнаго. 30 к.
- 90) На брошюру поборниковъ разнотолковности. 40 к.
- 91) На брошюру поборниковъ двучастнаго чета. 4 к.
- 92) О богопроявленіи Креста Господня въ небесномъ горизонтѣ. 6 к.
- 93) О пилатовой титлѣ. 12 к.
- 94) О приписяхъ при крестѣ Господни. 4 к.
- 95) О перстосложеніи на крестное знаменіе. 25 к.
- 96) На безчинно чтущихъ молитву Ісусову при крестномъ знаменіи (Левяковъ). 5 к.
- 97) О существенныхъ свойствахъ новозавѣтной церкви. 20 к.
- 99) Знаменіе сущаго хрістіанина Богопричастника 4 к.
- 100) Бесѣдословіе поморскаго хрістіанина Пичугина съ миссіонеромъ 35 к.
- 101) Бесѣдословіе поморскаго хрістіанина Запьянцева съ Нѣтовцомъ 60 к.
- 102) О Боготроичномъ образѣ 30 к.
- 103) О исполненіи святоцерковныхъ молитвосл. 15 к.
- 104) О говѣніи на Святые посты 6 к.
- 105) О чтимости святыхъ праздниковъ 4 к.
- 106) О благоговѣйномъ возношеніи хвалы Творцу Богу 5 к.
- 107) Замѣчаніе презрителямъ Богослужебныхъ преданій 6 к.
- 108) О семи грѣхахъ смертныхъ 20 к.
- 109) Епитимійникъ 10 к.
- 110) О утаеніи грѣховъ на исповѣди 5 к.
- 111) На празднословія и суесловія 4 к.
- 112) О Божіи воздаяніи благочестивымъ и нечестивымъ 4 к.
- 113) О существенномъ Богопричастіи и залогѣ спасенія 20 к.
- 114) О Богопричастіи по благодати св. крещенія 25 к.
- 115) О Богопричастной правдѣ (Праведности) 8 к.
- 116) Святоотеческое бесѣдословіе о лжепричастникахъ 5 к.
- 117) Замѣчаніе лжепричастникамъ 5 к.
- 118) О пролазящихъ инудѣ тайностроителяхъ 6 к.

- 119) О достиженіи къ сушему богопричастію 30 к.
- 120) О пѣсняхъ свято-духовныхъ и сатанинскихъ 6 к.
- 121) О терпѣніи напастей и скорбей 10 к.
- 122) О исполненіи святопреданныхъ богослужебныхъ пѣсно-
словій 4 к.
- 123) Духовныя стихословія поемыя на свадебныхъ вечер-
нахъ 1 руб.
- 124) О законовосприщенномъ родствѣ на бракосочетаніе 18 к.
- 125) Взглядъ на бракоборство 1666 года 12 к.
- 126) О происхожденіи бракоборства 12 к.
- 127) О законности безпоповскихъ бракосочетаній 6 к.
- 128) Сорокъ вопросовъ брако-отметникамъ 35 к.
- 129) Врачеваніе бракоборнаго недуга съ вопросами 50 к.
- 130) О канонѣ брачнаго молитвословія 6 к.
- 131) О пѣніи на часахъ трисвятаго и прокименовъ предъ Еван-
геліемъ 6 к.
- 132) Подобны гласовъ по знамени 8 к.
- 133) О благопріятіи старовѣрческими предками правотѣчнаго
пѣнія 2 к.
- 134) Вопросы ревнителямъ хомословій 15 к.
- 135) Отвѣты на вопросы хомословцамъ 13 к.
- 136) На ихъ суеревнованіе отзывъ 10 к.
- 137) Листъ о законовѣдѣніи 4 к.
- 138) О премудрости первомъ дарованіи Св. Духа 12 к.
- 139) Седмисловіе нужнѣйшихъ Св. поученій 50 к.
- 140) Списокъ изъ устныхъ уроковъ христіан. училищъ 20 к.
- 141) Символь о скончаніи временъ 12 к.
- 142) О святыхъ мученикахъ при обстояніи преслѣдованій
самосожгшихся 10 к.
- 143) О богославленныхъ свято подвижникахъ поморскихъ
13 к.
- 144) Омышленіе въ толковомъ Апостолѣ о святости еретиче-
скаго крещенія 10 к.
- 145) О сущихъ богопричастникахъ и себя истительныхъ же-
причастникахъ 6 к.
- 146) Толкованіе 3 главы пророка Аввакума 8 к.
- 147) Списки присягъ на нововѣріе 30 к.
- 148) Благосовѣщаніе настоятелямъ о не питіи вина 5 к.

- 149) Годъ рожденія Христова 5500 съ опубликованными до-
казательствами 8 к.
- 150) Тульско-миссіонерскія ратоборства 1894 г. сент. 22. 30 к.
- 151) Тоже 1896 г. октября 31 д. 12 к.
- 152) Божіе мщеніе вѣроизмѣннику миссіонеру 6 к.
- 153) Богосужденное разрушеніе Единовѣрч. монастыря 5 к.
- 154) О обстояніи бѣсовъ. 20 к.
- 155) Ожесточенность и хула вѣроизмѣнника 20 к.
- 156) О ложныхъ чудесахъ и чудотворцахъ 20 к.
- 157) О мнимовоскресшей 10 к.
- 158) Праведникъ едва спасется 20 к.
- 159) О малочисліи богонзбранныхъ 5 к.
- 160) О благонадежности спасенія по ходатайству святыхъ 10 к.
- 161) О новообразовавшихся еретикахъ середникахъ 15 к.
- 162) О существованіи богосозданнаго рая 20 к.
- 163) О томъ же собраніи сязанныхъ писаній 20 к.
- 164) О мѣстопрѣзвзанія душъ ушедшихъ христіанъ 10 к.
- 165) О усвоеніи спасенія 5 к.
- 166) По вопросу о трехъ-поклонныхъ молитвахъ при входѣ
ко внѣшнимъ 2 к.
- 167) Взглядъ на миссіонерскій съѣздъ въ 1897 г. въ городѣ
Казани. 10 к.
- 168) Списокъ Государственныхъ законовъ о свободѣ вѣры и
молитвенныхъ домовъ. 5 к.
- 169) О самокрещеникахъ 6 к.
- 170) О богопричастной любви 4 к.
- 171) О милосердіи и милостыни 10 к.
- 172) Историческій взглядъ на Никона и пр. Аввакума 6 к.
- 173) Историческія свидѣтельства о умерщвленіи старовѣрія 6 к.
- 174) Вопросы-отвѣты о нововѣріи 6 к.
- 175) Газетныя опубликованія о мучительныхъ преслѣдованіяхъ
старовѣрія 10 к.
- 176) Судьба и растлѣніе старовѣрія 8 к.
- 177) О растлѣніи священнаго писанія въ ново-патріархальныхъ
книгахъ 25 к.
- 178) О растлѣніи Символа вѣры 35 к.
- 179) О исповѣданіи Святаго Духа Истиннымъ 5 к.
- 180) О церковныхъ вѣтвахъ 20 к.
- 181) О клятвенныхъ разъединеніяхъ 50 к.

- 182) Списокъ съ приговора священныхъ и благоревнивыхъ поборниковъ старовѣрія 10 к.
- 183) Замѣчаніе нѣтовцамъ 10 к.
- 184) Другое на ихъ лжемудріе о крещеніи 5 к.
- 185) Прѣкословія новоучителей о тайнствѣ покаянія 8 к.
- 186) Отзывы на миссіонерскія фразы 8 к.
- 187) Отвѣты на вопросамъ о новомъ заветѣ 40 к.
- 188) Возраженія на брошюры Единовѣрческаго попа Холопова
Генваря 1897 г. 25 к.
- 189) Тоже марта 1897 г. 20 к.
- 190) Тоже іюня 1897 г. 20 к.
- 191) Возраженія на брошюру миссіонера Бриллиантова мая
1897 г. 45 к.
- 192) Возраженія на семь новоучительныхъ листовъ 30 к.
- 193) Возраженіе на брошюру о семи церк. таинствахъ 13 к.
- 194) Возраженія на книгу уніата Озерскаго 9 к.
- 195) О шествіи по солнцу при молитвенныхъ кажденіяхъ Креста
и проч. 10 к.
- 196) О теченіи небесныхъ свѣтилъ 5 к.
- 197) О огнедышущихъ горахъ 6 к.
- 198) На мирвольничество общенія со внѣшними въ яденіи и
питіи 6 к.
- 199) По вопросу о питіи чая и вина 3 к.
- 200) Историческая лѣтопись 2 к.
- 201) О новоявленныхъ Черниговскихъ мощахъ 8 к.
- 202) О томъ же—бесѣдословіе 6 к.
- 203) О молитвахъ за предержашую власть 2 к.
- 204) Вопросо-отвѣтъ о ересахъ Греко-Русской ц. 4 к.
- 205) О кончинѣ не раскаивающихся любострастникахъ 4 к.
- 206) О непорочности старопечатныхъ переводныхъ книгъ 3 к.
- 207) О исполненіи (даваніи) клятвенныхъ присягъ 4 к.
- 208) О гнѣводержаніи 3 к.
- 209) Поучительное Слово на праздникъ Обрѣзанія Господня 6 к.
- 210) Тоже на праздникъ Вознесенія Господня 6 к.
- 211) На иноземныя бѣды и воспрещеніе женамъ главо-об-
наженіе 4 к.
- 212) Два отзыва на брошюру протопопа о мнимомъ книго-
исправленіи 8 к.

213) Г. Судебному Слѣдователю по обвиненію духовно-администр. отзывъ 5 к.

214) Взглядъ внѣшнихъ интеллигентовъ на ново-церковныя реформы 20 к.

215) Деспотизмъ еллиннорусскаго 1660 г. собора 7 к.

216) На письма вѣроизмѣнника Нѣжникова 20 к.

217) На вѣропреступныхъ брако расторгателей 8 к.

218) Заключающимъ душеспасеніе въ область церкви и Іерархіи замѣчаніе 8 к.

219) О спасительной благонадежности и пагубной лженадежности 4 к.

220) Книга на безнудіе нѣтовцевъ блуждающихъ внѣ спасительнаго Ковчега.

И такъ одинъ Батовъ имѣетъ у себя на складѣ 220 книгъ и брошюръ, направленныхъ противъ православной Церкви. Батовъ, не боясь кары закона, разсылаетъ свои произведенія по почтѣ разнымъ лицамъ. Если же къ Батовскимъ прибавить еще произведенія другихъ раскольниковъ: Швецова, Усова Перетрухина и Коновалова, то получится такая цифра книгъ и брошюръ, какой не имѣетъ, пожалуй, и Московское противораскольниковское Братство Св. Петра Митрополита. Нельзя не подивиться бездѣйствію тѣхъ, на чьей обязанности лежить недопущеніе и пресѣченіе литературнаго зла—въ видѣ подпольныхъ и крайне зловредныхъ раскольниковыхъ писаній...

Священникъ М. Сушковъ.

Мысли по прочтеніи письма гр. Толстого.

Въ № 6 «Мисс. Обзор.», какъ помнятъ читатели, было помѣщено письмо гр. Толстого, заимствованное изъ газеты «L'Européen» *). Считаемъ теперь своихъ долгомъ подѣлиться съ читателями нашими мыслями касательно содержанія даваемаго письма.

Письмо написано графомъ по поводу постигшей его тяжелой болѣзни и проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на психическій процессъ, пережитый

*) Это письмо гр. Толстого заимствовано было нами въ точномъ переводѣ изъ заграничной печати. Изъ „Мисс. Обзор.“ оно было перепечатано многими русскими газетами. У многихъ письмо это вызвало радостное предположеніе, что въ душѣ Льва Николаевича совершается благодѣтельный покаянный поворотъ въ сторону христіанства. Нѣкоторые стоишь думать, что Яснополянскій еретикъ чуть-ли не стоитъ уже у вратъ Церкви... Такъ-что любознательные корреспонденты поспѣшили даже въ Ясную Поляну и бесѣдовали съ гр. Толстымъ по содержанію этого письма и должны были разочароваться на счетъ покаянія графа. Нѣкто г. Юрій Бѣляевъ на столбцахъ „Нов. Вр.“ сообщилъ свое интервью „съ Львомъ Николаевичемъ, откуда мы узнаемъ, что Толстой удивлялся, гдѣ мы могли достать это письмо“... Не отрицая вообще принадлежности этого письма себѣ, Левъ Николаевичъ однако колебался призвать нѣкоторыя выраженія письма своими и вообще отозвался «запамятованіемъ» того, когда и кому онъ писалъ это письмо изъ своихъ заграничныхъ друзей... Странное запамятованіе... Напомнимъ, что и русскіе корреспонденты, посѣщавшіе графа послѣ его болѣзни, сообщали почти въ тождественныхъ выраженіяхъ взглядъ Льва Николаевича на пережитое имъ во время болѣзни душевное состояніе и на отношеніе къ плоти, духу, смерти и Божеству, такъ что не можетъ быть никакого сомнѣнія въ принадлежности этого письма перу гр. Толстого.

При этомъ Левъ Николаевичъ не исключительно отозвался объ опубликованіи въ печати частныхъ и интимныхъ писемъ. Конечно, этотъ укоръ направленъ по адресу заграничной газеты, въ которой впервые появилось это письмо, но никакъ не вашей редакціи.

Странно, что графъ такъ подало и по поводу такого именно письма, гдѣ онъ явилъ свои блѣды или менѣе христіанскія и по крайней мѣрѣ положительныя, а не разрушительныя идеи,—высказалъ сѣтованія и предавался унылой скѣпсности. Изъ всего этого можно сдѣлать тотъ выводъ, что яснополянскій учитель одно чувствуетъ, другое пишетъ, третье говоритъ,—колеблется и мятется духомъ, но во всякомъ случаѣ далеко отъ возврата и покаянія...

Ред.

маститымъ беллетристомъ во время тяжкихъ тѣлесныхъ страданій, когда его совѣсть и сердце были до нѣкоторой степени предоставлены самому себѣ.

Однако ознакомленіе съ психическимъ настроеніемъ графа во время болѣзни при помощи строкъ этого письма — задача далеко не легкая.

Дѣло въ томъ, что Левъ Николаевичъ въ данномъ письмѣ не сразу приступаетъ къ описанію своей внутренней жизни во время болѣзни, а предварительно много распространяется касательно тезисовъ своего міросозерцанія, а про свое настроеніе и переживаемыя чувства говоритъ уже послѣ, рассматривая исключительно подъ призмю вышеупомянутыхъ тезисовъ происходившую въ его душѣ во время болѣзни работу.

Итакъ, ознакомимся сначала съ тѣми штрихами, которыми беллетристъ очерчиваетъ свое міровоззрѣніе. «Я пришелъ къ убѣжденію писать графъ, что человѣческая жизнь духовна. Человѣкъ есть духъ, частица Божества, заключенная въ извѣстныхъ границахъ, которыя мы познаемъ какъ мать; но жизнь духа не подлежитъ никакому искаженію еще меньше — страданію. Она растетъ всегда равномерно, расширяя границы, въ которыхъ заключена». Въ этихъ словахъ легко замѣтить лучи истинны, затемняемые ложными воззрѣніями.

Совершенно вѣрно, что сущность человѣка, образъ Божій, данный ему Творцомъ, заключенъ въ душѣ.

Тѣмъ не менѣе графъ ошибается или, по меньшей мѣрѣ, употребляетъ неточную терминологію, когда говоритъ, что «человѣкъ есть духъ» и «что человѣческая жизнь духовна». Какъ же такъ? А куда дѣвалась наша тѣлесная природа? Вѣдь люди не исключительно духовныя существа, на подобіе ангеловъ, но духовно-тѣлесныя; жизнь человѣческая также течетъ двумя потоками, создавая свое внутреннее содержаніе и вырабатывая свои внѣшнія формы одинаково какъ при помощи духовной, такъ и тѣлесной природы. Между тѣмъ Левъ Николаевичъ категорически заявляетъ, что жизнь человѣческая духовна и — только! Почему же графъ, вопреки Библии, вопреки фактамъ наблюдаемой дѣйствительности, окончательно зачеркиваетъ цѣлую половину человѣческой жизни, совсѣмъ игнорируя нашу тѣлесную природу? Въ этомъ отрицаніи тѣла, въ этомъ ultra-пессимистическомъ воззрѣніи на нашу тѣлесную оболочку, должно видѣть не только мимолетное, естественно и психологически возникающее у тяжело больныхъ чувство отвращенія къ своему разрушаемому болѣзью организму, но еще отголосокъ старой, долголѣтней духовной болѣзни графа, его симпатій къ буддизму и другимъ философскимъ воззрѣніямъ, пессимистично смотрящимъ

на нашу тѣлесную природу *). Объ этомъ разумѣется надо весьма пожалѣть...

Сдѣлаемъ маленькую историческую справку. Отрицательное, пессимистическое воззрѣніе на тѣлесную оболочку человѣка наблюдалось еще въ первые вѣка христіанства у гностиковъ и своимъ происхожденіемъ обязано тезисамъ персидскаго дуализма. Богомилская секта, возникшая гораздо позднѣе въ Болгаріи, вѣроятно, имѣетъ отдаленную связь съ гностицизмомъ, а наши хлыстовство и скопчество—съ болгарскимъ богомилствомъ. Эта склонность къ пессимистическому воззрѣнію на тѣло является въ міросозерцаніи нашего простонародья, особенно сектантскаго, однимъ изъ зловердныхъ микробовъ, разрастающихся въ нашемъ социальномъ организмѣ въ громадныя раны, въ видѣ многочисленныхъ послѣдователей хлыстовства и скопчества, раны, подгатающія жизненные соки въ нашей семейной, а по связи съ послѣдней, нашей общественной и нравственной жизни. Нѣмецкій пессимизмъ Шопенгауэра и Гартмана часто доводитъ интеллигентныхъ людей... до самоубійства. Очень жаль, что Левъ Николаевичъ симпатизируетъ сектантскимъ пессимистическимъ воззрѣніямъ на тѣло, забывая о печальныхъ послѣдствіяхъ, произрастающихъ въ атмосферѣ такихъ и однородныхъ воззрѣній...

Человѣкъ, какъ образъ Божій, какъ существо, связанное живою, хотя и невидимою, духовною связью съ своимъ Творцомъ, былъ предназначенъ уже въ самомъ твореніи къ непрестанному Богоуподобленію, укрѣпленію

*) Правда, съ перваго раза можетъ представиться, что мы не поняли Толстого, ибо дальше онъ осуждаетъ людей, думающихъ, что „сущность жизни лежитъ именно въ предѣлахъ, ограничивающихъ ее, т. е., въ матеріи“. Отсюда возможно возникновеніе ошибочной мысли, будто графъ вовсе не пессимистическій отрицатель нашей тѣлесной природы, а просто-на-просто неискусный борецъ противъ философскаго матеріализма и матеріализма житейскаго, неумѣренной погони за матеріальными благами, матеріалисты же ставятъ на первомъ планѣ матерію, а Толстой—въ противовѣсъ имъ—душу, такъ что графа надо порицать лишь за ошибочность его философской терминологіи. Но такъ идилически благодушно дѣло представлять нельзя. Дальнѣйшія строки письма, гдѣ говорится объ обольщеніи „матеріальною жизнью“, гдѣ наша тѣлесная жизнь обзывается „животною“, а особенно слова: „Нѣтъ ничего хуже, въ смыслъ пріобрѣтенія истиннаго блага, какъ то, что люди желаютъ себѣ и другимъ, а именно, здорovia, богатства“ и проч.,—все это въ связи и сопоставленіи съ вышеуказаннымъ пессимистическимъ зачеркиваніемъ нашей тѣлесной природы вполне убѣдительно подкрѣпляетъ нашу мысль о солидарности графа съ индійскимъ и другими пессимистическими лежученіями.

нравственныхъ нитей, связующихъ его съ Божествомъ, къ постепенному усовершенію своего союза съ Богомъ. Грѣхъпаденіе произвело разъединеніе между Богомъ и человѣкомъ, душа человѣка омрачилась грѣхомъ, тѣло—стало болѣзненнымъ и смертнымъ. Воплотившійся Сынъ Божій, Богочеловѣкъ Иисусъ Христосъ, въ Которомъ Божество и человѣчество соединились въ одно живое лицо нераздѣльно и неслиянно, безъ поглощенія одно другимъ, Христосъ, въ Которомъ человѣческое естество постепенно обожествлялось, отнюдь не теряя своей челоѣчности, своихъ истинно челоѣческихъ природныхъ свойствъ, есть живой примѣръ для нашего Богоуподобленія, нашего нравственнаго единенія съ Богомъ. На небѣ, въ царствѣ славы, Богъ будетъ «все во всемъ», единеніе Бога съ истинными послѣдователями Христа будетъ усиливаться, но челоѣческая индивидуальность не исчезнетъ а лишь нравственно возвысится, очистится, озаряемая лучами небесной славы...

Значить, въ христіанствѣ челоѣческая личность и индивидуальность не отрицаются и не уничтожаются, а наоборотъ, получаютъ свой высшій смыслъ и значеніе: «Святымъ Духомъ всяка душа живится, чистотою возвышается, свѣтлѣется Троическимъ единствомъ священно тайно», воспѣваетъ св. Іоаннъ Дамаскинъ, выражая мысль о гармоничности и цѣльности союза челоѣческой индивидуальности съ благодатными небесными вліяніями въ сердцахъ облагодатствованныхъ послѣдователей Христовыхъ.

Между тѣмъ, Левъ Николаевичъ совсѣмъ отрицаетъ челоѣческую личность и, очевидно, свободу воли, утверждая, что челоѣкъ есть частица Божества! Выходитъ, что челоѣкъ самъ по себѣ не существуетъ, существуетъ лишь Божество, Которое въ свою очередь является нулемъ безъ людей, ибо люди, употребляя терминологию графа, суть частицы Божества. Такъ образомъ, всѣ челоѣческія личности суть частицы, изъ которыхъ слагается и изъ которыхъ состоитъ Божество,—все равно, какъ въ мозаической картинѣ изъ разноцвѣтныхъ камешковъ получается цѣльное изображеніе. Выньте одинъ камешекъ изъ мозаики,—предъ вами будетъ отполированный и выкрашенный кусочекъ камня или стекла — не болѣе, раздробите или разбейте мозаику на части, изображеніе исчезнетъ.

Таковы-же Божество и челоѣкъ въ пантеистическомъ міровоззрѣніи Льва Николаевича: Челоѣкъ есть абсолютный нуль безъ Бога, а Богъ абсолютный нуль безъ челоѣка!..

Такой нелѣпый уже съ чисто формальной логической точки зрѣнія, самопротиворѣчивый, уничтожающій *se per se ipsum* тезисъ особенно опасенъ съ нравственной точки зрѣнія, ибо снижаетъ съ людей всякую нрав-

свенную отвѣтственность за них поступки. Человѣкъ—частица Божества и, значить, всѣ дѣйствія человѣка сугь въ сущности дѣйствія Божества, которое единственно и можетъ быть отвѣтственно въ данномъ случаѣ. Нелѣпо, богоульно и антиморально!..

Далѣе, человѣческой духъ, или, какъ выражается Толстой, «частица Божества», заключенъ «въ пзвѣстныхъ границахъ, которыя мы познаемъ, какъ мать». Такими границами являются прежде всего пространство и время, а затѣмъ, другіе законы и условія человеческой жизни, которые, не уничтожая и не подавляя нашей духовной свободы, тѣмъ не менѣе значительно сгѣсняють, ограничивають ее, такъ сказать, замедляютъ ея нравственное прогрессированіе.

Человѣкъ вѣнецъ творенія, царь природы, если не *de facto*, то *in potentia*. Искра нравственной свободы, таящаяся въ глубинѣ нашей души подъ пепломъ низменныхъ грѣховныхъ наклонностей, эта искра, если ее воспламеняетъ подвижничествомъ, напряженіемъ нашихъ духовныхъ силъ, при содѣйствіи благодатной помощи свыше, способна нѣкогда въ горнѣхъ міръ царственно восторжествовать надъ законами пространства и времени. Да и теперь, пусть мы и принижены нравственно, все же формы пространства и времени сознаются нами какъ нѣчто высшее по сравненію съ нами, придаточное, второстепенное, вродѣ одежды, облекающей наше тѣло. Любящая мать постоянно думаетъ о своихъ дѣтяхъ, хотя бы они надолго и далеко уѣхали изъ дома родительскаго, такъ что пространство и время, отдѣляющія мать отъ дѣтей, не только не угашають, но какъ-бы усиливають пламень ея материнской любви къ дѣтямъ. Это и понятно: человѣкъ, какъ живое, духовное Божьеподобное существо, смутно или ясно, но всегда сознаетъ себя чѣмъ-то недосыгаемо-высшимъ, независимымъ отъ неодушевленнаго пространства и времени.

Отсюда являются вполне нелѣпыми и совершенно несоотвѣтствующими психологической дѣйствительности слова графа, будто бы ограничительныя формы нашей земной жизни сознаются нами какъ нѣчто высшее и господствующее надъ нами («которыя мы познаемъ, какъ мать»). Такъ думать могутъ лишь пантеисты, отрицающіе нравственную свободу и поставляющіе духовное развитіе человѣка въ полную и всецѣлую зависимость отъ разныхъ вѣншихъ историческихъ, соціальныхъ, культурныхъ и другихъ условій.

Какъ п подобаетъ пантеисту, устанавливая тѣжество жизни людей съ жизнью неодушевленной природы, гдѣ постоянно дѣйствуютъ одни механическіе физическіе, химическіе, органическіе и другіе законы, гдѣ наблюдаетъ однообразную смѣну и чередованіе однихъ явленій за другими, Толстой и о духовной жизни выражается такъ: «жизнь духа не подлежитъ никакому

искаженію, еще меньше—сграданію. Она растеть всегда равномѣрно, расширяя границы, въ которыхъ заключена». Однако, слово Божіе говоритъ намъ совсѣмъ иное. Грѣховная порча проникла не только въ тѣлесную, но и въ духовную сторону человѣческой природы. Св. апостолъ Павелъ призываетъ очиститься отъ всякой скверны плоти и духа (2 Кор. VII, 1).

Значить, въ вышеприведенныхъ словахъ графа можно усматривать замаскированное отрицаніе наслѣдственности прародительскаго грѣха. Во вторыхъ, Левъ Николаевичъ рѣзко противорѣчитъ психологическимъ фактамъ утверждая, что «жизнь духа растеть всегда равномѣрно, расширяя границы, въ которыхъ заключена»; конечно это вполне приложимо къ жизни растительнаго и животнаго царствъ, гдѣ нѣтъ нравственной свободы и гдѣ вліяніе грѣха и темныхъ силъ ада чувствуется гораздо слабѣе, чѣмъ въ духовномъ мірѣ человѣка. О посаженномъ въ паркѣ кустарникѣ мы имѣемъ право сказать, что онъ будетъ «расти» равномѣрно, постепенно увеличиваясь въ длину и ширину. Но иное дѣло ростъ кустарника и иное дѣло—ростъ нравственной свободы; люди, часто наблюдавшіе море, знаютъ, что иногда оно бываетъ спокойно, а иногда начинаетъ волноваться безъ всякихъ видимыхъ причинъ, при отсутствіи малѣйшаго вѣтерка, при полномъ затишьѣ. Точно также нашъ внутренній духовный міръ есть своего рода море, въ которомъ постоянно чередуются приливы и отливы, штилы и ураганы, одна реакція вызываетъ другую и т. д. Наша психическая жизнь испытываетъ самыя разнообразныя вліянія; иногда она озаряется свѣтомъ небесной благодатной помощи, иногда возмущаема бываетъ темными силами ада; мы попеременно наблюдаемъ въ самихъ себѣ переливы свѣта и тѣней, подъема и упадка нашихъ нравственныхъ силъ. Иногда волна морская выброситъ на песчаный берегъ гнилыя водоросли, иногда—чудный перламутръ...

Точно также изъ нашихъ сокровенныхъ мыслей и чувствъ на поверхности нашей психической жизни образуются или страстные грѣховныя стремленія или свѣтлые, возвышенные порывы. Какъ много надо мудрости, чтобы не погубить свою нравственную свободу въ этомъ обширномъ необъятномъ морѣ разнообразныхъ душевныхъ состояній. Влѣдѣте, какъ опасно ходите, говоритъ св. Апостолъ (Ефес. V, 15).

Возвратимся къ гр. Толстому. Если понятіе Льва Николаевича о ходѣ духовной жизни человѣка не высоко и отличается скудостью содержанія, если духовное возрастаніе въ добрѣ графъ понимаетъ и представляетъ на подобіе произрастанія кустарника въ паркѣ, то это объясняется просто—на-просто тѣмъ, что графъ не вѣритъ ни въ нравственную свободу человѣка, ни въ наслѣдственность прародительскаго грѣха, ни въ живое благодатное общеніе съ Богомъ, ни въ реальное бытіе духовъ злобы.

Теперь, если наша духовная жизнь есть въ сущности постоянная сѣна разнообразныхъ реакцій, если часто въ ней приходится испытывать тяжесть, подчасъ невыносимую муку въ нравственной борьбѣ съ своими грѣховными наклонностями, то легко видѣть и другое противорѣчіе графа психологической дѣйствительности, именно, въ его словахъ, будто бы, «жизнь духа не подлежитъ страданію». Есть страданія тѣлесныя, есть и духовныя, напр., скорбь о своей грѣховности, разочарованіе въ близкихъ людяхъ и т. п.

Въ разсматриваемомъ письмѣ графъ говоритъ еще о безсмертіи души, но довольно туманно, вѣрѣе всего въ пантеистическомъ смыслѣ, т. е., въ смыслѣ отрицанія личнаго безсмертія. Надо вѣрить, говоритъ графъ, въ свою духовную сущность—въ частицу Бога, которая не подлежитъ ни измѣненію, ни умаленію ¹⁾).

Итакъ, впечатлѣніе отъ чтенія письма въ общемъ довольно безотрадное. Оказывается, болѣзнь Льва Николаевича далеко не принесла ему той духовной пользы, о которой онъ много распространяется въ своемъ письмѣ.

Болѣе симпатичныя слова письма читаемъ въ слѣдующихъ заключительныхъ строкахъ. „Да поможетъ вамъ Господь, и прежде всего Тотъ, Который въ васъ самихъ“. Въ этихъ словахъ какъ будто бы проглядываетъ смутное недовольство пантеистическимъ отрицаніемъ живого общенія Бога съ людьми и смутное, безсознательное склоненіе отъ пантеистическихъ мудрованій въ сторону христіанскаго ученія о живомъ благодатномъ воздѣйствіи Бога на людей, о Богѣ, какъ живомъ и личномъ Существовѣ, а впрочемъ... «темная вода во облацѣхъ»... трудно разобраться и въ этихъ заключительныхъ словахъ письма и безошибочно огнести ихъ къ пантеизму или теизму...

Да, очень жаль, если Левъ Николаевичъ и доселѣ пребываетъ въ своемъ заблужденіи...

Теперь перенесемся мыслью отъ графа, больного тѣломъ и, особенно, духомъ, лѣтъ за 45 въ Тр.-Сергіеву лавру и послушаемъ, что сказали м. Филаретъ знаменитому намістнику лавры архим. Автоію, чувствуя близость своей смерти, ощущая особенное тѣлесное изнеможеніе и въ то же время особенный подъемъ духовныхъ силъ. „Чувствую просвѣтленіе, боюсь обольщенія“. Въ этихъ краткихъ, но весьма глубокихъ по своему внутреннему смыслу словахъ, м. Филаретъ проявилъ свое высокое благодатствованное состояніе и вмѣстѣ глубокое смиреніе.

¹⁾ Здѣсь графъ нѣсколько противорѣчитъ самому себѣ, ибо въ началѣ письма онъ увѣрялъ читателя, что „жизнь духа растетъ равномерно, расширяя границы, въ которыхъ заключена“ и, стало быть, уже подлежитъ измѣненію...

Непрестанный молитвенникъ, жившій всецѣло въ Богѣ, удостоенный особенно живого ощущенія своей благодатной близости къ Богу, ощутившій предъ смертію особенное просвѣтленіе духа, святитель однако держигъ строгій бдительный контроль надъ сокровенными движеніями своихъ мыслей и чувствъ и смиренно говорить: „боюсь обольщенія“. Понистѣѣ, чудное гармоническое сочетаніе благодатной окрѣпленности духа съ глубочайшимъ смиреніемъ!.

Перенесемся мыслію гораздо позднѣе въ другую свѣдѣль—Оптинскую въ келлію знакомаго графу Толстому о. іеросхимонаха Амвросія. Тяжкій недугъ приковалъ старца къ постели, съ трудомъ онъ можетъ вставать съ нея и уже давно не имѣетъ возможности отправлять Богослуженіе, а творить лишь внутреннюю „умную“ молитву въ сердцѣ своемъ, но посмотрите! это блѣдное старческое лицо своею блѣдностію и бѣлизною какъ бы еще сильнѣе отражаетъ отблескъ какой-то ангельской, неземной кротости старца, это блѣдное лицо является какъ-бы прекраснымъ фономъ для задумчивыхъ черныхъ очей старца, въ которыхъ сіяютъ глубокой прозорливый умъ свѣтлое небесное вдохновеніе и чудная доброта. Чѣмъ скорѣе догоралъ елей земной жизни старца, тѣмъ ярче блисталъ небесный огонь его благодатной любви къ людямъ. Болѣвшій цѣлыя годы на одрѣ старецъ о. іеросхимонахъ Амвросій былъ тѣлеснымъ и духовнымъ врачомъ для цѣлыхъ тысячъ приходившихъ къ нему почитателей...

Когда человѣкъ постигаетъ тяжелая болѣзнь, во время которой онъ сознательно и упорно отрывается отъ благодатныхъ врачеваній Церкви, то темная сила не замедляетъ воспользоваться такимъ выгоднымъ для нея сугубымъ духовнымъ и тѣлеснымъ недугомъ больного и незаконнито пропзвесги мракъ и смуту въ его духовномъ мірѣ. Не то ли и съ несчастнымъ отщепенцемъ Церкви Толстымъ?!

Только при благодатномъ содѣйствіи Церкви наши тѣлесныя болѣзни и разныя житейскія скорби могутъ превратиться въ плодородную почву для произрастанія на ней райскихъ небесныхъ цвѣтовъ благодатнаго посѣщенія свыше, духовной мудрости, свѣтлыхъ духовныхъ созерцаній, усовершенія въ вѣрѣ, надеждѣ и любви (примѣры и. Филарета, о. Амвросія и другихъ).

«Вотъ гдѣ нужно бы учиться, вѣрить и терпѣть» Толстому, а не въ туманѣ нѣмецкаго павтензма!...

Іеромонахъ Александръ.

Изъ миссіонерской полемики.

Бесѣда съ іудействующими о пророчественномъ благословеніи Іуды патріархомъ Іаковомъ *).

25 января 1902 года, въ 10 часовъ утра, въ селѣ Свѣтломъ Ярѣ, въ церковно-приходской школѣ, состоялась моя бесѣда съ іудействующими. На этой бесѣдѣ присутствовали мѣстные священники: о. Константинъ Богородицкій и о. Дмитрій Трескинъ. Предъ началомъ бесѣды была пропѣта молитва Св. Духу. Я началъ вступительную рѣчь слѣдующими словами: „Іуда! тебя восхваляютъ братья твои. Рука твоя на хребтѣ враговъ твоихъ; поклонятся тебѣ сыны отца твоего. Молодой левъ Іуда, съ добычи, сынъ мой, поднимается. Преклонился онъ, легъ, какъ левъ и какъ львица: кто подниметъ его? Не отойдетъ скинетръ отъ Іуды и законодатель отъ чреслъ его, доколѣ не прійдетъ примиритель и ему покорность народовъ“ (Быт. 49, 8—10). Наши прародители горькимъ опытомъ узнали, какое добро заключается въ послушаніи волѣ Божіей и какое зло въ преступленіи оной; они лишь только совершили грѣхъ, увидѣли свою наготу и почувствовали стыдъ. Богъ, по безконечному милосердію своему, призы-

*) Въ Астраханской епархіи, во 2-мъ миссіонерскомъ участкѣ, іудействующие проживаютъ въ селахъ: Солодникахъ, Свѣтломъ Ярѣ и Чапурникахъ. Съ этими сектантами мнѣ приходилось бесѣдовать о разныхъ предметахъ, касающихся іудейства; всѣ они ожидаютъ пришествія Мессіи, а живущіе на хуторѣ Сальянахъ, принадлежащемъ къ приходу села Солодниковъ, братья Лашкины или Грачевы Семень и Дмитрій проповѣдуютъ, что никакого пришествія Мессіи не будетъ, а нужно ожидать всеобщаго воскресенія мертвыхъ и суда Божія надъ родомъ человѣческимъ, послѣ котораго евреи будутъ забавлены отъ ига язычниковъ и начнется то блаженное царство евреевъ, о которомъ будто-бы предсказывали законъ и пророки; по мнѣнію Лашкиныхъ, послѣ воскресенія изъ мертвыхъ и суда Божія, люди будутъ ѣсть, пить, жениться и выходить замужъ; а евреи-же будутъ господствовать надъ всѣми народами

валь нашихъ прародителей къ покаянію, говоря: „Адамъ, гдѣ ты“? (Быт. 3, 9); но прародители наши не вняли призыву милосердаго Бога; Адамъ, вмѣсто чистосердечнаго раскаянія, сказалъ Богу: „жена, которую Ты мнѣ далъ, она дала мнѣ отъ дерева и я ѣлъ“ (Быт. 3, 12); жена сказала: „змѣй обольстилъ меня и я ѣла“ (Быт. 3, 13). Итакъ, хотя прародители наши остались нераскаянными, однако были достойны помилованія, потому что не сами придумали преступленіе Божіей заповѣди, но увлечены были хитростью коварнаго діавола, преобразившагося въ змія-посему, безконечно милосердый Богъ, изрекая справедливый судъ надъ діаволомъ, далъ надшимъ прародителямъ обѣтованіе, что отъ сѣмени жены произойдетъ Спаситель міра, который поведетъ войну съ діаволомъ, что сѣмя жены будетъ поражать змія въ голову, а коварный змій, т. е. діаволь, будетъ жалить его въ пята. Это милостивое обѣтованіе Божіе приняли наши прародители и увѣровали въ грядущаго Спасителя. Ева, родивши перваго сына, назвала его Елиномъ, что значить съ еврейскаго—человѣкъ обѣтованія. Второго сына она назвала Авелемъ что значить съ еврейскаго языка—суета. Хотя родъ человѣческій и развратился, но вѣра въ грядущаго Спасителя не исчезла до конца изъ родъ человѣческомъ. Какъ ни распространялось растлѣніе грѣхомъ и какъ тьма заблужденія ни распространялась надъ родомъ человѣческимъ, но свѣтъ вѣры не переставалъ свѣтить во тьмѣ. „И свѣтъ во тмѣ свѣтится, и тма не объяла его“ (Іоан. 1, 5). Проходятъ 1000-лѣтія и Богъ усматриваетъ Себѣ избранника Авраама, повелѣваетъ ему выйти изъ земли своей и изъ дома отца своего и идти въ землю, которой онъ не зналъ. Въ сѣмени этого избранника своего, Богъ обѣщалъ благословеніе всемъ народамъ земли (Быт. 12, 1, 3; 22, 18. Евр. 11, 8). Такимъ образомъ Богъ, чрезъ постепенное пророчество и прообразованіе, приготавлилъ родъ человѣческій къ припятію Искупителя и примирителя людей съ Богомъ. Внуку Авраама Іаковъ, предъ кончи-

лодь управленіемъ Соломона или Давида; царство это, по мнѣнію Лашкиныхъ, во вѣки не разрушится. Сектанты Лашкины среди іудействующихъ считаются людьми начитанными, они увѣряютъ, что всѣ—болѣе образованные вѣрующіе—природные іудеи, проповѣдуютъ то же ученіе, какого держатся братья Лашкины. Съ этими-то крайне грубыми сектантами я нашелъ пужнымъ описать мою бесѣду о пророчественномъ благословеніи Іуды патріархомъ Іаковомъ.

ною своею получилъ откровеніе, что примиритель чловѣчества съ Богомъ произойдетъ изъ потомства Іуды; благословляя его предсказалъ: „Не отойдетъ скипетръ отъ Іуды, и законодатель отъ чреслъ его, доколѣ не придетъ примиритель: и ему покорность народовъ“ (Быт. 49, 10). Смыслъ этого пророческаго благословенія есть тотъ, что племя, происшедшее отъ Іуды, не утратитъ своей правительственной самостоятельности и законодательной власти до тѣхъ поръ, пока не придетъ примиритель, т. е. Спаситель міра Іисусъ Христосъ. По этому пророческому благословенію, іудеи сохранили свою самостоятельность до времени пришествія обѣтованнаго Мессіи, Господа нашего Іисуса Христа. Итакъ, если мое объясненіе пророчества Іакова покажется вамъ недостаточнымъ, то скажите, на комъ исполнилось это пророчество? Со стороны іудействующихъ былъ моимъ собесѣдникомъ Дмитрій Лашкинъ, который возразилъ мнѣ: въ благословеніи Іакова пророческаго смысла не заключается, ибо въ началѣ 49 главы книги Бытія сказано, что Іаковъ преподалъ свое отеческое благословеніе не одному Іудѣ, а всѣмъ сыновьямъ своимъ, какъ отецъ дѣтямъ, и въ благословеніи, данномъ Іудѣ, нѣтъ ни одного слова о пришествіи Мессіи, ибо то лицо, которому будетъ покорность народовъ, у Іакова именуется не Мессія, а примиритель.

Я возразилъ Лашкину: Напрасно вы говорите, что въ благословеніи Іакова не заключается пророческаго смысла, ибо начало 49 главы книги Бытія читается такъ: „И призвалъ Іаковъ сыновей своихъ и сказалъ: соберитесь и я возвѣщу вамъ, что будетъ съ вами въ грядущіе дни: сойдитесь и послушайте сыны Іакова, послушайте Израиля, отца вашего (Быт. 49, 1—2). Итакъ благословеніе Іакова есть пророческое изреченіе сыновьямъ своимъ о томъ, что случится съ ними въ послѣдніе дни.

Іудействующій сказалъ: Съ вашимъ доводомъ, пожалуй, можно согласиться, но это пророческое изреченіе не можетъ быть приложимо къ вашему Іисусу, котораго вы признаете за обѣтованнаго Мессію: еврейское слово Шило,—означаетъ покой,—а этотъ покой былъ при царѣ Соломонѣ, ибо скипетръ и законодатель означаетъ царскую власть, а въ царствованіе Соломона былъ въ Іудеи покой. Въ 3 кн. Царствъ о Соломонѣ сказано такъ: „ибо онъ владычествовалъ надъ всею землею по эту сторону рѣки отъ Тисиса до Газы, надъ всѣми парями по эту сторону рѣки, и былъ у него миръ со всѣми окрестными странами. Нынѣ же

Господь Богъ мой даровалъ мнѣ покой отовсюду: нѣтъ противника и нѣтъ болѣе препонъ“ (3 кн. Цар. 4, 24; 5, 4). На царѣ Соломонѣ и исполнилось пророчество Іакова; и Давидъ пророчествовалъ о сынѣ своемъ Соломонѣ такъ: „да принесутъ горы миръ людямъ и холмы—правду, и будутъ бояться тебя, доколѣ пребудетъ солнце и луна, въ роды-родовъ. Онъ сойдетъ, какъ дождь на скошенный лугъ, какъ капли, орошающія землю; во дни его процвѣтетъ праведникъ, и будетъ обиліе мира, доколѣ не престанетъ луна; онъ будетъ обладать отъ моря до моря и отъ рѣки до концовъ земли; надутъ предъ нимъ жители пустынь и враги его будутъ лизать прахъ; цари Фарсиса и острововъ поднесутъ ему дань; цари Аравіи и Савы принесутъ дары и поклонятся ему всѣ цари; всѣ народы будутъ служить ему, и будетъ жить, и будутъ давать ему отъ золота Аравіи, и будутъ молиться о немъ непрестанно, всякій день благословлять его; будетъ имя его благословенно во вѣки: доколѣ пребываетъ солнце, будетъ передаваться имя его и благословятся въ немъ всѣ племена земныя, всѣ народы ублажать его“ (Псал. 71, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 15 и 17). Видите-ли, каковъ былъ царь Соломонъ? и ни къ кому другому не можетъ съ такой точностью относиться пророчеству Іакова, какъ только къ царю Соломону. Патріархъ Іаковъ предвидѣлъ, что отъ Іуды произойдетъ такой царь, которому поклонятся всѣ цари и всѣ народы будутъ служить ему; въ немъ благословятся всѣ племена земныя и всѣ народы будутъ ублажать его; вотъ онъ-то и есть примиритель, предсказанный патріархомъ Іаковомъ. Поэтому онъ и далъ такое благословеніе сыну своему Іудѣ. Что вы можете возразить противъ приведенныхъ мною доказательствъ?

Я сказалъ: Вы утверждаете, что скипетръ и законодатель означаютъ царскую власть; но это мнѣніе ваше несправедливо, ибо скипетръ и законодатель означаютъ собственно самостоятельную правительственную и законодательную власть какого-либо народа, въ какой бы формѣ она ни выражалась; въ книгѣ Числъ мы читаемъ: „колодезь, который выкопали князья, вырыли вожди народа съ законодателемъ жезлами своими“. Изъ приведеннаго текста видно, что у народа еврейскаго, кромѣ Моисея, были вожди, которые имѣли жезлы, какъ знакъ правительственной власти (Чис. 21, 18; 1, 4; 17, 2—3). И еще въ книгѣ Судей сказано: „Отъ Ефрема пришли укоренившіеся въ землѣ Амаліка; за тобою Веніаминъ

среди народа твоего; отъ Махира шіи начальники, и отъ Завуллона владѣющіи тростію писца“ (Суд. 5, 14). И еще во второй книгѣ Царствъ написано: „И пришли все колѣна Израилевы къ Давиду въ Хевронъ и сказали: вотъ мы—кости твои и плоть твоя. Еще вчера и третьяго дня, когда Саулъ царствовалъ надъ нами, ты выводилъ и вводилъ Израиля. И сказалъ Господь тебѣ: будешь пасти народъ Мой, Израиля, и ты будешь вождемъ Израиля“ (5, 1—2); потомъ въ посланіи Іереміи говорится: „Имѣетъ и скипетръ, какъ человѣкъ—судья страны, но онъ не можетъ умертвить виновнаго предъ нимъ“ (ст. 13) Пророкъ Захарія возвѣщаетъ: „И пройдетъ бѣдствіе по морю и поразитъ волны морскія, и изсякнутъ вся глубины рѣки, и смиритсѣя гордость Ассура, и скипетръ отнимется у Египта“ (10, 11). Итакъ мы доказали, что скипетръ и законодатель означаетъ власть, принадлежащую какому-либо народу: одному ли лицу она принадлежитъ, что означаетъ единодержавіе, или нѣсколькимъ человѣкамъ, что называется республикою, это безразлично. Теперь рассмотримъ ваше толкованіе, что пророчество Іакова относится къ царю Соломону. Къ нему оно не можетъ относиться, во первыхъ, потому, что въ немъ говорится: скипетръ и законодатель отъ потомства Іудина не отоидетъ, пока не придетъ примиритель; а когда явится примиритель, тогда правительственная и законодательная власть отъ Іуды отнимется, а у евреевъ, послѣ царствованія Соломона, было еще множество царей, слѣдовательно, пророчество Іакова къ Соломону не приложимо. Въ подтвержденіе своего мнѣнія, вы приводили изъ 3 книги Царствъ, что Соломонъ владычествовалъ надъ всеми царями по эту сторону рѣки, и Богъ даровалъ ему миръ со всеми окрестными народами и что онъ во время своего царствованія имѣлъ покой; но этотъ миръ и покой былъ пріобрѣтенъ его отцомъ посредствомъ войны съ окрестными народами, которые покорились ему недобровольно: а въ пророчествѣ Іакова сказано по славянскому тексту: той есть чаяніе языковъ, т. е. ожиданіе народовъ. Итакъ примирителю, предсказанному Іаковомъ, народы принесутъ покорность не посредствомъ войны, но добровольно. Приведенный вами псаломъ 71 относится не можетъ къ царю Соломону, хотя въ подлинн. его сказано: о Соломонѣ Давида. Но многія выраженія этого псалма показываютъ, что пророчество сіе къ Соломону не приложимо: и будутъ бояться тебя, доколѣ пребудетъ солнце и луна въ роды родовъ, ст. 5. Но въ настоя-

шее время царя Соломона никто уже не боится, потому что его нѣтъ на землѣ; а царь, о которомъ предсказалъ Давидъ, будетъ царствовать въ роды родовъ, доколѣ пребываетъ солнце и луна. И еще сказано: во дни его процвѣтетъ праведникъ и будетъ обиліе мира, доколѣ не престанетъ луна. Итакъ, царю этому предназначается царствовать до скончанія вѣка, а Соломонъ царствовалъ временно. И далѣе говорится: и поклонятся ему всѣ цари, всѣ народы будутъ служить ему; Соломону никто изъ царей не кланялся и народы не служили ему. Имя его будетъ благословенно во вѣкъ, въ немъ будутъ благословенны всѣ племена земныя, всѣ народы будутъ ублажать его: эти перечисленные мною выраженія никакъ не могутъ относиться къ царю Соломону; они приложимы только къ Іисусу, который и есть обѣтованный Мессія, или примиритель; чрезъ Его ученіе народы освободились отъ идоловъ, научились истинному Боговѣднію, наследовали благословеніе и примѣрились съ Богомъ.

Лашкинъ сказалъ: Настоящее царство Соломона откроется послѣ всеобщаго воскресенія изъ мертвыхъ; а это было царство временное, и служило образомъ будущаго царства, имѣющаго открыться въ полнотѣ послѣ всеобщаго воскресенія: тогда евреи будутъ господствовать надъ всѣми народами, о семъ пророкъ Іезекіиль предсказалъ такъ: (была прочитана вся 37 глава).

Я возразилъ Лашкину: Въ приведенной вами главѣ предсказывается о воскресеніи мертвыхъ костей дома Израилева и послѣ воскресенія у нихъ будетъ вѣчнымъ царемъ и пастыремъ и княземъ не Соломонъ, а Давидъ. Это пророчество слѣдуетъ понимать не буквально; въ лицѣ царя Давида пастыря и князя—должно разумѣть обѣтованнаго Мессію, Который есть Іисусъ Христосъ и Господь всѣхъ; Онъ есть сынъ Давида и вѣчный царь. Что Мессія будетъ сынъ Давида, это понимали и іудеи, жившіе во времена земной жизни Іисуса Христа; Онъ въ послѣдніе дни Своей земной жизни, уча въ Іерусалимскомъ храмѣ, спросилъ фарисеевъ: какъ вы думаете о Христѣ? чей Онъ сынъ? Они отвѣчали: Давидовъ (Мѣт. 22, 42). И самъ Давидъ, пророчествуя о Мессіи, предсказалъ: „Сына его пребудетъ вѣчно, и престолъ его, какъ солнце предо Мною, во вѣкъ будетъ твердъ, какъ луна, и вѣрный свидѣтель на небесахъ“ (Псал. 88, 37—38). И еще: „Клялся Господь, и не раскается: Ты священникъ во вѣкъ по чину Мелхиседека“ (Псал. 109, 4). Изъ приведенныхъ мною псалмовъ видно, что предсказанный патрі-

архомъ Іаковомъ примиритель будетъ потомокъ Давида и престолъ его будетъ твердъ вѣчно; этотъ потомокъ Давида будетъ не только царемъ, но и священникомъ во вѣки; только не по чину Ааронову, а по чину Мелхиседекову. Этотъ вѣчный первосвященникъ у пророка Іезекіиля именуется пастыремъ, которому назначено пасти народы жезломъ желѣзнымъ (Іезек. 37, 24. Пс. 2, 9). Въ благословеніи ясно сказано, что скипетръ и законодатель въ плени Іудиномъ пребудетъ только до тѣхъ поръ, пока не придетъ примиритель; съ пришествіемъ же примирителя скипетръ отъ Іуды отойдетъ. Итакъ нами ясно доказано, что пророчество Іакова къ царю Соломону не приложимо.

Мой собесѣдникъ сказалъ: Если по вашему мнѣнію пророчество Іаково не приложимо къ царю Соломону, то оно въ точности исполнилось на Вавилонскомъ царѣ Навуходоносорѣ. О семъ пророкъ Іеремія предсказалъ такъ: „Я сотворилъ землю, человѣка и животныхъ, которыя на лицѣ земли, великимъ могуществомъ Моимъ и простертою мышцею Моею, и отдалъ ее кому Мнѣ благоугодно было, и нынѣ Я отдаю всѣ земли сіи къ руки Навуходоносора, царя Вавилонскаго, раба Моего, и даже звѣрей полевыхъ отдаю ему на служеніе, и всѣ народы будутъ служить ему и сыну его и сыну сына его, доколѣ не придетъ время и его землѣ и ему самому, и будутъ ему служить народы многіе и цари великіе. И если какой народъ и царство не захочетъ служить ему Навуходоносору, царю Вавилонскому, и не подклонитъ вмигъ своей подъ ярмо царя Вавилонскаго,—этотъ народъ Я накажу мечомъ, голодомъ и моровою язвою, говоритъ Господь, доколѣ не истреблю ихъ рукою его“ (Іерем. 27, 5—8). Вотъ и покорность народовъ царю Вавилонскому и скипетръ отъ Іуды уже прекратился. Что вы скажете противъ этого?

Я возразилъ ему: Вы не такъ понимаете слово Божіе. Вавилонскій царь Навуходоносоръ именуется у пророка не примирителемъ, а карателемъ,—карателемъ людей за грѣхи ихъ; и народы покорились ему не добровольно, а были вынуждены къ тому посредствомъ военной силы; и царству этого карателя назначенъ конецъ; ибо въ прочитанномъ вами мѣстѣ сказано: всѣ народы будутъ служить ему и сыну его и сыну сына его, доколѣ не придетъ время и его землѣ и ему самому (27, 7). И престолъ отъ Іуды, со времени Вавилонскаго плѣна, не отошелъ; ибо въ 4 книгѣ Царствъ вотъ что читаемъ мы: „Въ тридцать седьмой годъ пере-

селенія Іехоніи, царя Іудейскаго, въ двѣнадцатый мѣсяцъ, въ двадцать седьмой день мѣсяца, Евилмеродахъ, царь Вавилонскій, въ годъ своего воцаренія вывелъ Іехонію, царя Іудейскаго, изъ дома темничнаго, и говорилъ съ нимъ дружелюбно и поставилъ престолъ его выше престола царей, которые были у него въ Вавилонѣ и перемѣнили темничныя одежды его, и онъ всегда имѣлъ пищу у него, во всѣ дни жизни его. И содержаніе его, содержаніе постоянное, выдаваемо было ему отъ царя, изо дня въ день, во всѣ дни жизни его“ (Глав. 25, 27—30). Іудеи, находясь въ Вавилонѣ, руководствовались своими законами и управлялись своими судьями: въ 13 главѣ книги Даніила пророка сказано: и были поставлены два старца изъ народа судьями въ томъ году. Ученые іудеи, жившіе въ Вавилонѣ, пророчество Іакова относили не къ Навуходоносору царю Вавилонскому, а къ Мессіи; вотъ что по этому случаю сказано въ талмудѣ Вавилонскомъ: Рабби Іоханнахъ спросили о Мессіи, какъ имя ему? Ученики Рабби Силы отвѣчали: Шило, имя ему (Введеніе въ Правосл. Догматич. Богосл. митр. Макарія § 61, стр. 120). По возвращеніи же изъ Вавилонскаго плѣна, Іудеи сначала управлялись вождями, каковыми были: Зоровавель, Ездра и Неемія (Аггея 1, 1; 2, 2), (Нееміи 2, 5, 6). Послѣ этихъ прямыхъ потомковъ Іуды народомъ Іудейскимъ управляли старѣйшины, подъ руководствомъ первосвященниковъ (1 кн. Маккав. 8, 20; 12, 6). Затѣмъ управлялъ Іудеею Иродъ, который хотя былъ иноплеменникъ, но онъ присоединился къ колѣну Іудину; по закону же Моисееву пришельцы имѣли права равныя съ природными Іудеями (Левит. 19, 34). Съ пришествіемъ Іисуса Христа, самостоятельность народа іудейскаго прекратилась, городъ и храмъ разрушены, а Іудеи разсѣяны по всей вселенной. Итакъ пророчество Іакова: не отойдетъ скипетръ отъ Іуды и законодатель отъ чреслъ его, доколѣ не прійдетъ примиритель и ему покорность народовъ (Быт. 49, 10) исполнилось въ точности и ждать пришествія другаго Мессіи нѣтъ никакого основанія ни природнымъ іудеямъ, ни вамъ—ихъ послѣдователямъ. Этимъ и кончилась наша бесѣда.

Миссіонеръ слѣпецъ *Алексій Шашинъ*.

Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги по вопросамъ вѣры и миссіи Церкви.

**„Новый путь“ въ его отношеніи къ старымъ путямъ и къ
православной Церкви.**

I.

Зарябила поверхность русскаго моря... Послышался плескъ воды, мятежный ропотъ волнъ... Порывисто завылъ горячій вѣтеръ... Поплыли по небу тучи,—сплотились... Окутала землю мракъ... Блеснула молнія и пронеслись раскаты грома... Сильнѣй сгустилась тьма... Сперся воздухъ и стало душно!..

Какъ знакома намъ эта картина! Какъ часто даритъ насъ ею жизнь верхней—«интеллигентной» Руси!

Еще когда Московское боярство съ его лишь особыми привилегіями сходило съ исторической сцены, когда на Руси шла первая безпощадная ломка воспитанія,—передовая Русь, дворянская и ранговая, вступала на путь расхожденія съ простымъ народомъ въ пониманіи вопросовъ: общественныхъ, бытовыхъ и религіозно-нравственныхъ. Мощной рукой Преобразователя она повернулась лицомъ къ прорубленному на Западъ окну и подчинилась вліянію новыхъ вѣяній. Длинной вереницей прошли по ней чуждыя ей теченія и въ литературной, философской, политической и религіозной жизни ея воцарился хаосъ. Калифами на часъ у ней побывали; и ложный классицизмъ, и сентиментализмъ и романтизмъ... Гостепріимно приняла она: энциклопедистовъ, идеалистовъ—творцовъ политическихъ доктринъ и туманныхъ идеаловъ съ „кипѣніемъ въ дѣйствиіи пустомъ“ и съ порывомъ «въ Наполеоны»..., эстетовъ—проповѣдниковъ объективно-мистической красоты и самоцѣнности искусства, вѣстниковъ абсолютной свободы, равенства и братства всѣхъ людей; затѣмъ: позитивистовъ, матеріалистовъ, дарвинистовъ, маркси-

стовъ и народниковъ... Параллельно этимъ теченіямъ въ религіозной жизни ея чередовались: то протестантскій рационализмъ, то французское вол нодумство, то массонскій мистицизмъ, то крайній консерватизмъ (католичество), то снова либерализмъ и чисто-сектантскій мистицизмъ и, наконецъ, грубый атеизмъ..

На этой ступени свсего религіознаго сознанія, обязанной сложившемуся направленію точныхъ, позитивныхъ наукъ, передовой человѣкъ развѣнчалъ себя: и въ существа съ орлинымъ полетомъ мысли онъ превратился въ крота, изъ царя природы въ ея раба, жестокимъ капризомъ слѣпой необходимости брошеннаго въ міръ, чтобы разыграть на сценѣ земли никому ненужную трагедію жизни! Вопросы о самомъ смыслѣ жизни: зачѣмъ жить, бороться?.. вопросы о моемъ «я», о нравственномъ добрѣ и злѣ, о началѣ и концѣ вселенной... словомъ, все, на что не можетъ отвѣтить эмпирія, было осмѣяно и, по тактикѣ инсинуаций, объявлено «болотомъ реакціи», преступной «мистикой», дорогой въ «монастырь»!.. ¹⁾ Предлагалось человѣку всецѣло погрузиться въ изслѣдованіе земли, созидать на землѣ царство «здороваго человѣка» съ хорошимъ аппетитомъ и съ темпераментомъ работать и бороться, насаждать культуру плоти съ ея вѣчной заботой: „что ѣсть? что пить? во что одѣться?“ и какъ собрать эти сокровища въ наивысшей степени ихъ качества и количества?.. Небесныя пространства съ ихъ безконечной глубиной и высокой истиной терялись изъ вилу... ²⁾ Метафизика объявлялась схоластикой и религія суевѣріемъ, пережитымъ человѣчествомъ!.. ³⁾ Душа погружалась въ сонъ; но... не въ сонъ золотого вѣка, а въ сонъ мучительный, тревожный, отъ котораго человѣкъ просыпается, какъ шальной, и при мысли о котомъ всѣмъ своимъ существомъ вздрагиваетъ. Переполненная чаша точныхъ наукъ была испита жаждущими до дна и, какъ послѣ морской ропы, у нихъ еще сильнѣе загорѣлось внутри и еще сильнѣе затомило ихъ жаждой! И они почувствовали, что все, что казалось имъ прежде и не такъ давно незыблемымъ какъ-то изветшало, обезцвѣтилось, постѣрѣло и не вызываетъ въ

¹⁾ «Нов. Путь», Мар. 86—104 стр. безсильныя выходки оппонентовъ С. Н. Булгакова.

²⁾ Ар. Саббатъ—«о безсм. души» стр. 6.

³⁾ Л. Толстой: «Что такое искусство». М. 98 г. стр. 419 и «La Revue» luiu, 1902 г.

душѣ ихъ былого порыва, богомольнаго благоговѣнія и желанія отдаться ему безъ размышленія, безъ «думы роковой»; что бывше «властители думъ» утратили бывшее обаяніе и ихъ имена ничего не возбуждаютъ въ душѣ; что «забылись» заветныя слова и ихъ старый вѣковѣчный смыслъ какъ будто утратился и остался только звукъ пустой!.. ¹⁾ И обуяла особенно чуткую сердцемъ молодежь «міровая скорбь» и въ изнеможеніи она опустила руки: «куда мы летимъ? надъ чѣмъ повисли? что съ нами будетъ? зачѣмъ жить?..»—изъ глубины истерзаннаго сердца завопила она и поняла, что отцы въ себѣ и въ дѣтяхъ „убили Бога“, но что дѣти безъ Него «такъ» зря «жить не могутъ», иначе они опустятся «на дно» съ омерзѣніемъ къ себѣ къ жизни, ко всѣмъ ²⁾, или спасутъ себя отъ муки невѣдѣнія путемъ прекращенія жизни!..

Наступило время, полное нравственныхъ томленій и исканій вѣры и Бога. Обрисовалась мощная фигура гр. Л. Толстого. Раздалась громкая проповѣдь въ защиту нравственнаго смысла жизни людей и эта проповѣдь, въ связи съ литературною дѣятельностью великаго проницателя душъ Ѳ. Достоевскаго, до корней пошатнула господствовавшее въ то время матеріалистически-позитивное воззрѣніе на человѣка, по которому нравственное чувство въ немъ признавалось лишь обязательнымъ и непосредственнымъ результатомъ его умственного развитія и не имѣло собственной цѣны. Но нравственная проповѣдь гр. Толстого оказалась лишенной живительной влаги, такъ какъ отрѣшеніе быта отъ религіи—отъ ея догматовъ о Личномъ Богѣ, о личномъ безсмертіи человѣка и загробной жизни и построена была не на Божественномъ или небесномъ идеалѣ чистоты и совершенства („будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный“—Ев. Мѳ. 5, 48), а на внутреннемъ сознаніи человѣка, на началахъ психологическихъ и метафизическихъ. Высшій смыслъ жизни каждаго человѣка былъ найденъ гр. Толстымъ только въ земномъ счастіи или благѣ всего человѣчества: земля признана раемъ и «Царствомъ Божиимъ»—братское единеніе всѣхъ людей (идеаль матеріально-евдемонистической и социально-коммунистической). Личность-же отдѣльнаго человѣка

¹⁾ «Мірѣ Божій», Дек. 1902 г. А. Б.

²⁾ „Нов. Путь“, Февр. 161 стр. и Янв. 155 стр.

получала чисто-торговую цѣнность вещи, за которую цѣлымъ челоувѣчествомъ покупалось себѣ нѣкоторое благо жизни ¹⁾. А самъ челоувѣкъ на вѣки погружался въ холодный мракъ могилы съ печальной улыбкой на устахъ: зачѣмъ онъ являлся въ свѣтъ? зачѣмъ онъ воспитанъ былъ землею? Развѣ для того только, чтобы кому-то, для него постороннему, доставить нѣкоторое счастье жизни?!. Но и это общее благо жизни всего челоувѣчества не есть-ли „насъ возвышающій обманъ?..“ Да и конецъ каждого челоувѣка не есть-ли удѣлъ и всего челоувѣчества?.. Тогда небытіе не лучше-ли бытія?.. Изнывала душа подъ давленіемъ жгучихъ вопросовъ... а смерть жестоко смѣялась надъ ней!.. Такъ Толстовское „царство Божіе“ съ его земчистою моралью, переоцѣнивая всю культурную жизнь челоувѣка, бросало его въ объятія той глуб кой древности, когда библейскій мудрецъ на могильномъ памятникѣ начерталъ: «блаженнѣе живыхъ и мертвыхъ тотъ, кто еще не существовалъ...» ибо здѣсь «все—суета и томленіе духа!..»

Жгучіе вопросы сильнѣе сцѣпились и массою налегли на душу. Блеснула молнія... На мигъ проснулась потребность въ свѣтѣ. Начались поиски вѣчной, божественной санкціи для морали... Но затѣмъ опять воцарилась тьма. Любовь, положенная въ основу земного блага людей, была обоготворена и, вмѣсто Живого Бога, явился безличный богъ—любовь, скованный все тѣми-же цѣпами земли и отдѣленный отъ послѣдней лишь пустымъ звукомъ: небесный Отецъ! И, хотя стали говорить о чувствѣ божественнаго, о сознаніи тѣсной связи съ Богомъ, о блаженствѣ прибѣгать къ Небесному Отцу, но, какъ справедливо замѣчаетъ Каро, этотъ мистическій языкъ скрывалъ противорѣчіе. „Многіе изъ употребляющихъ его писателей отказываются (хотя ихъ настоятельно просятъ объ этомъ) отвѣтить на слѣдующій простой вопросъ: этотъ Отецъ, Которому вы поклоняетъ сь, существуетъ-ли въ дѣйствительности? Знаетъ-ли Онъ васъ и любить-ли васъ? И не есть-ли самая непосредственная, самая простая, самая очевидная истина—та мысль, что для того, чтобы поклоняться (adorer), нужно вѣрить въ реальность того Существа, къ Которому обращено наше поклоненіе (adoration),

¹⁾ Смотрѣть весьма глубокую по содержанію брошюру проф. В. Несмѣлова: «Вопросъ о смыслѣ жизни». Казань. 1895 г.

нужно вѣрить, что есть Богъ, Который насъ знаетъ, Который влечетъ къ Себѣ наше сердце и отвѣчаетъ ему взаимностью? Богъ нелюбящій не былъ-бы достоинъ поклоненія. Поклоненіе есть не что иное, какъ высшая степень любви, а любовь немалымъ безъ взаимности. Нельзя обожать и поклоняться закону, какъ-бы простъ и плодотворенъ онъ ни былъ; нельзя обожать слѣпую силу, какъ бы могущественна и универсальна она ни была, а также и абстрактный идеалъ, какъ-бы чистъ онъ ни былъ. Мы обожаемъ Существо, Которое есть живое совершенство, совершенство реальности въ ея высшихъ формахъ... 1) Всякое другое поклоненіе и обожаніе есть или безсмыслица, или идолопоклонство.

Такъ историческое шатаніе религіозной мысли необходимо должно было перебросить мостъ къ старой и вѣковѣчной истинѣ—къ Богу живому, разумному и любящему. Сбывалось: „человѣкъ, дѣятельною любовію полюбившій, познаетъ и Личнаго Бога и личное безсмертіе“ (Ф. Достоевскій).

Заговорилъ В. С. Соловьевъ... и личная и социальная правда жизни обосновалась на религіозномъ идеалѣ и источникомъ истинной морали явился Личный Богъ—Христосъ. Раздался полный мужества голосъ С. Н. Булгакова въ защиту идеаловъ В. Соловьева, въ защиту метафизики и вѣры, на которыя вътихомолку опиралось точное знаніе, но которыя громко объявляло своимъ врагомъ 2). По всѣмъ примѣтамъ: Демократъ и Парменидъ сдѣлаютъ мѣсто Анаксагору!..

Подъ знамя, выброшенное В. С. Соловьевымъ и двумя другими—великими сынами православной Церкви—Гоголемъ и Достоевскимъ, сплотилась цѣлая дружина и въ основаніи своихъ надеждъ, въ залогъ своего будущаго она положила по тепенное раскрытіе и уясненіе новой для мятущихся религіозной мысли въ послѣдовательности именъ своей „родословной“: Гоголя, Достоевскаго и Соловьева 3)—явился „Новый Путь“!

Всѣмъ хорошо извѣстно, гдѣ мыслью и сердцемъ всегда пребывалъ „кладезъ религіознаго и національно-русскаго міропоніа“.

1) Каро: „Идеи Бога и безсм. души передъ судомъ новѣйш. критиковъ“. Хар. 98 г. стр. 545—546.

2) Рефератъ С. Н. Булгакова: «О философ. воззрѣніяхъ В. Соловьева»—см. «Нов. Путь», Март. стр. 71—104.

3) «Нов. Путь»—Янв. стр. 6-я.

манія“—Ф. М. Достоевскій и куда, послѣ мучительныхъ скитаній пришли Гоголь и Соловьевъ... Теперь посмотримъ, туда-ли ведетъ „Новый Путь“ и тамъ-ли его конецъ, гдѣ въ Богѣ почилъ его „родословная“.

Ив. Айвазовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Нужна-ли Церковь христіанину? Психологическое оправданіе Церкви.
Петръ Кремлевскій. С.-Петербургъ. 1901 года, in 8-ю стр. 159.

Въ послѣднее время среди православныхъ стали все больше и больше распространяться ложныя ученія, приносимыя совнѣ, которыя стремятся ниспровергнуть православную Церковь и разрушить весь строй православнаго улоvanія. Эти ложныя ученія, отрицая спасительное значеніе Церкви, вмѣстѣ съ тѣмъ отрицаютъ спасительность и всѣхъ ея установленій. Представители этихъ тенденцій открыто на стогнахъ градовъ и весей проповѣдуютъ, что для христіанина необходимо только христіанское, опредѣляемое закопомъ Божиимъ, благоповеденіе; а хожденіе въ храмъ, соблюденіе церковныхъ установленій и принятіе самыхъ таинствъ не требуется Христовымъ ученіемъ и не относится къ существу христіанства.—По словамъ этихъ лжеучителей—будь хорошимъ, честнымъ человѣкомъ, а ходишь-ли ты въ церковь, приступаешь ли къ таинствамъ—это безразлично. Но эти заблужденія приводятъ и привели къ печальнымъ результатамъ. Отрицаніе Церкви повлекло за собою отрицаніе вѣры. И дѣйствительно, мы видимъ,—сѣмена этихъ лжеученій принесли свой плодъ: печальный разрывъ съ Церковью, проникшій въ слои интеллигенціи, въ учащееся юношество, отчасти даже и въ простой народъ—налицо. Безспорно, Церковь не могла оставаться равнодушной зрительницей такого печальнаго положенія вещей и вступила въ борьбу съ этими заблужденіями. Съ этой цѣлью издано не мало богословскихъ сочиненій, направленныхъ къ изобличенію этихъ лжеученій и въ защиту необходимости Церкви съ

ея установленіями для спасенія христіанина. Къ этой именно категоріи относится и трудъ г. Петра Кремлевскаго подъ заглавіемъ „Нужна-ли Церковь христіанину?“

Поставивъ себѣ задачею—опредѣлить, насколько необходимо для христіанской жизни общеніе съ Церковью въ благодати Божіей и во внѣшнихъ церковныхъ формахъ, авторъ старается разрѣшить разсматриваемый имъ вопросъ не только съ догматической точки зрѣнія, но и обосновать его философско-психологическими данными. Трудъ г. Кремлевскаго заслуживаетъ полнаго нашего вниманія. Содержаніе разсматриваемой нами книги таково.

Установивъ понятіе о Церкви и указавъ задачи своего сочиненія, авторъ говоритъ, что для христіанской жизни недостаточно естественныхъ силъ человѣка; въ самомъ началѣ ея необходимо особое, благодатное возрожденіе (I гл.)—Мало этого: содѣйствіе божественной благодати безусловно необходимо и въ теченіе всей христіанской жизни, такъ какъ только при помощи содѣйствующей благодати человѣкъ можетъ усвоить себѣ богоподобныя свойства и идти по пути совершенства (II гл.). Но одно внутреннее дѣйствіе благодати безъ церковно-религіозной внѣшности, при отсутствіи авторитета вселенской Церкви, приводило-бы къ крайнему субъективизму, т. е. къ разрушенію христіанской вѣры (III гл.). Потому-то истинно-христіанская жизнь возможна только въ общеніи съ Церковью, при руководствѣ церковно-богослужебными установленіями: православный храмъ, съ его устройствомъ и богослуженіемъ, служитъ лучшимъ средствомъ для объединенія христіанъ въ молитвѣ, духѣ вѣры и любви. При этомъ христіанское богослуженіе со всѣми своими церковно-богослужебными формами является наилучшимъ средствомъ и единственнымъ путемъ къ духовной молитвѣ, къ духовному общенію съ Богомъ: почему оно и не стоитъ въ противорѣчій съ ученіемъ Спасителя о поклоненіи Богу „духомъ и истиною“ (IV гл.). Обрядовая внѣшность, выработанная вѣками въ строгомъ согласіи съ единствомъ христіанскаго духа, нисколько не стѣсняетъ нашей свободы, потому должна быть для насъ общеобязательна. Въ противоположность сектантской внѣшности, явившейся какъ бы въ противорѣчіе съ ихъ стремленіемъ освободиться отъ какихъ бы то ни было внѣшнихъ формъ, наша церковная внѣшность отвѣчаетъ здоровому религіозно-правственному чувству (V гл.). Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что обрядовая сторона церковной жизни,

такъ называемый обрядовой формализмъ, нисколько не умаляетъ великаго воспитательнаго значенія Церкви, которая одинаково нужна и для младенцевъ вѣры, и для великихъ, сильныхъ духомъ, людей (VI гл.). Въ особенности имѣютъ важное значеніе для христіанской жизни (т. е. для спасенія челсвѣка) таинства, содержимыя Церковью, и сообщающія чрезвычайное содѣйствіе божественной благодати къ возрожденію и воспитанію челсвѣка въ духовно-нравственномъ отношеніи (VII гл.).

Изъ этого краткаго изложенія содержанія разсматриваемаго нами сочиненія видно, что вопросъ о необходимости Церкви для спасенія христіанина разработанъ авторомъ всесторонне и вполне обстоятельно. Понутно коснулся авторъ и тѣхъ отрицательныхъ взглядовъ на Церковь (напр. гр. Л. Н. Толстого), которые проникли въ наше общество и имѣютъ себѣ не мало послѣдователей: весьма подробно разсмотрѣнъ *вопросъ о поклоненіи Богу въ духъ и истинъ*, выдвигаемый сектантами въ противовѣсъ православной церковной обрядности, при этомъ сопоставлена обрядовая сторона православія съ сектантскимъ богослужебнымъ ритуаломъ, и показана вся ложь и фальшь сектантскихъ притязаній, представляемыхъ по отношенію къ православной Церкви, и неосновательность возводимыхъ на нее обвиненій.

Трудъ г. Кремлевскаго долженъ быть отнесенъ къ числу научныхъ изысканій по одному изъ злободневныхъ богословско-религіозныхъ вопросовъ: и является онъ плодомъ всесторонняго изученія предмета и знакомства автора съ современными религіозными запросами и теченіями въ обществѣ. По изложенію своему онъ, какъ и слѣдовало ожидать, не претендуетъ на популярность; къ сожалѣнію, по мѣстамъ въ сочиненіи встрѣчаются ненужныя длинноты и излишнія подробности (мы разумѣемъ филологическія и вообще научныя изысканія), подчасъ даже обременительныя для читателя. Къ чести автора нужно отнести то обстоятельство, что онъ привнесъ въ свой трудъ не мало философско-психологическаго элемента. Съ этой имен но стороны разсмотрѣнное нами сочиненіе представляетъ большой интересъ и можетъ быть рекомендовано всѣмъ, кто интересуется богословско-философской постановкой трактуемаго авторомъ вопроса. Въ особенности для о.о. и г.г. миссіонеровъ книжка г. Кремлевскаго можетъ быть признана весьма полезной, почему и заслуживаетъ полнаго къ себѣ вниманія со стороны дѣятелей миссіи.

П. Козицкій.

Х Р О Н И К А .

II

Миссіонерство, секты и расколъ.

**Новое уголовное уложеніе о наказаніяхъ и религіозныя преступленія. —
Отношеніе раскольниковъ къ манифесту 26 февраля.**

Начатый еще при Императорѣ Александрѣ III пересмотръ нашего дѣйствующаго законодательства завершился, наконецъ, новымъ уголовнымъ Уложеніемъ, которое надняхъ опубликовано. Гигантскій трудъ этотъ потребовалъ почти 10-ти лѣтъ. Сначала работала надъпоресмотромъ особая комиссія при Министерствѣ Юстиціи, затѣмъ ея трудъ внесенъ былъ въ Государственный Совѣтъ, гдѣ разсматривался не менѣе 2 лѣтъ и только въ текущемъ году удостоенъ Высочайшаго утвержденія. Интересовъ Церкви и миссій касается бѣжайшимъ образомъ „раздѣлъ преступленій противъ вѣры и Церкви“.

Пользуясь обзорнѣемъ этого отдѣла „Нов. Вр“ (№9744), считаемъ полезнымъ познакомить читателей съ принципиальной стороной новаго законодательства и его отношеніемъ къ преступленіямъ противъ вѣры и Церкви и въ частности къ нашему расколу-сектантству.

Религія и Церковь являются безъ всякаго сомнѣнія однимъ изъ важнѣйшихъ основныхъ государственныхъ и общественныхъ устоевъ, охрана которыхъ отъ преступныхъ посягательствъ должна быть признана одною изъ наиболѣе важныхъ задачъ карательной дѣятельности. Религія охраняется государствомъ, какъ одинъ изъ тѣхъ высшихъ культурныхъ человѣческихъ интересовъ, развитіе которыхъ составляетъ задачу государственной жизни.

Публичный характеръ защищаемыхъ государствомъ религіозныхъ интересовъ объясняетъ, почему религіозныя посягательства преслѣдуются не какъ нападенія на честь и свободу отдѣльных лицъ, страдающихъ отъ этихъ посягательствъ, а въ публичномъ

порядкѣ, и почему наказанія за эти посягательства назначаются другія, чѣмъ за посягательства противъ чести частныхъ лицъ.

Въ старину религіозныя преступленія разсматривались, какъ посягательства на самое Божество или на самую вѣру. Но эта точка зрѣнія въ настоящее время оставлена. Религія сама по себѣ недосыгаема для посягательствъ; предметомъ ихъ могутъ быть только права религіозныхъ единеній и ихъ членовъ, оскорбляемыхъ въ ихъ наиболѣе дорогихъ убѣжденіяхъ и стѣсняемыхъ въ наиболѣе цѣнномъ проявленіи ихъ свободы. Точнѣе говоря, религіозныя преступленія нарушаютъ не вѣру, а тѣ постановленія закона, которыя ее ограждаютъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ государственное значеніе религіозныхъ интересовъ объясняетъ различную постановку религіозныхъ преступленій въ современныхъ законодательствахъ. Относительная тяжесть уголовной ихъ наказуемости вполне зависитъ отъ того значенія, какое имѣетъ религія въ данномъ государствѣ, отъ того взаимнаго положенія, какое тамъ занимаютъ отдѣльныя вѣроисповѣданія, и того значенія, которое придается среди другихъ вѣроисповѣданій господствующей вѣрѣ.

Охрана религіозныхъ интересовъ имѣетъ особенное значеніе у насъ, такъ какъ начала христіанской вѣры и православная Церковь для многочисленнаго и разноплеменнаго нашего населенія служатъ источникомъ, изъ котораго это населеніе черпаетъ свои духовныя и нравственныя силы, способствующія его сплоченію въ одно цѣлое.

Новое уголовное уложеніе относится чрезвычайно заботливо къ цѣлесообразному охраненію религіозныхъ вѣрованій и въ особенности православной Церкви. Посягательства на постановленія, ограждающія вѣру, занимаютъ въ новомъ кодексѣ первое мѣсто въ ряду отдѣльныхъ преступленій. Самыя карательныя правила новаго уложенія относительно религіозныхъ преступленій отличаются, по сравненію съ дѣйствующимъ уложеніемъ о наказаніяхъ, болѣе мягкимъ, гуманнымъ отношеніемъ къ преступникамъ. Жестокость уголовныхъ каръ въ примѣненіи къ религіознымъ преступленіямъ приносила, какъ свидѣлствуетъ историческій опытъ, существенный вредъ. Въ борьбѣ, напримѣръ, съ совращеніемъ въ различныя секты жестокая кара обыкновенно содѣйствовала развитію сектъ, создавая религіозное мученичество. Между тѣмъ главнымъ способомъ борьбы съ распространеніемъ различныхъ вѣро-

ученій должно быть орудіе духовное, заключавшееся въ силѣ нравственнаго убѣжденія лицъ, посвящающихъ себя миссіонерской дѣятельности. Наконецъ строгія кары совершенно не соотвѣтствуютъ духу христіанскаго милосердія къ согрѣшившимъ и заблуждающимся въ дѣлахъ вѣры.

Новое уложеніе, смягчая суровость дѣйствующихъ карательныхъ мѣръ въ отношеніи лицъ, совершающихъ религіозныя преступленія, вмѣстѣ съ тѣмъ ограничиваетъ ихъ только тѣми посягательствами, которыя непосредственно направлены противъ постановленій, ограждающихъ вѣру. На этомъ основаніи изъ числа религіозныхъ преступленій новымъ уложеніемъ исключены лжеприсяга, святотатство, посягательство на жизнь или тѣлесную неприкосновенность духовныхъ лицъ и оскорбленіе ихъ. Во всѣхъ этихъ преступленіяхъ религіозный элементъ является обстоятельствомъ, отягчающимъ отвѣтственность, но вовсе не опредѣляетъ собою существа и свойства самого преступнаго дѣянія. Такъ, напримѣръ, святотатственная кража изъ церкви священнаго предмета составляетъ имущественное преступленіе, а не религіозное; лжеприсяга составляетъ подтвержденіе ложнаго свидѣтельскаго показанія присягою, т.-е. преступное искаженіе истины, но не религіозное посягательство и т. п. Именно такое значеніе указаннымъ преступленіямъ и даетъ новое уголовное уложеніе.

Затѣмъ новое уложеніе устранило совсѣмъ изъ числа уголовно наказуемыхъ дѣяній тѣ предусмотрѣнныя уложеніемъ о наказаніяхъ уклоненія отъ исполненія исключительно церковныхъ постановленій, которыя не влекутъ за собою уголовной кары. Таковы неисполненіе новообращенными въ православную вѣру лицами устава церкви, уклоненіе православныхъ отъ исповѣди и причащенія святыхъ Тайнъ по нерадѣнію или небрежности и неприведеніе родителями своихъ дѣтей къ исповѣди. Въ новое уложеніе не включено также отпаденіе отъ христіанства въ нехристіанство и отъ православія въ другія христіанскія исповѣданія, которое такимъ образомъ перестаетъ быть преступнымъ дѣяніемъ.

Религіозными преступными посягательствами по новому уложенію признаются: поруганіе и осмѣяніе Церкви и религіозныхъ вѣрованій, включая сюда и самое возложеніе хулы на Господа Бога, неисполненіе церковныхъ требованій, признаваемыхъ имѣю-

ними общегражданское значеніе, а именно погребеніе христіанина безъ христіанскаго обряда, нарушеніе уваженія къ усопшимъ, нарушеніе свободы отправленія вѣры, выражающееся въ принужденіи къ выполненію религіознаго дѣйствія или въ воспренятствованія его выполненія, совращеніе при указанныхъ въ законѣ условіяхъ, проповѣдь лжеученій, принадлежность къ вѣроученіямъ, признаваемымъ нетерпимыми въ государствѣ, и нарушеніе особыхъ постановленій, направленныхъ къ огражденію православной вѣры отъ отвлеченія исповѣдывающихъ ее въ другія религіи.

Въ отношеніи совращенія новое уголовное уложеніе основываетъ свои постановленія на коренномъ, признанномъ основными законами, началѣ вѣротерпимости, въ силу котораго всякій въ Россіи можетъ невозбранно исповѣдывать ту вѣру, въ которой онъ рожденъ или которую онъ принялъ. Затѣмъ, такъ какъ и господствующая православная Церковь можетъ распространять свое вѣроученіе только мѣрами нравственнаго воздѣйствія, а не принужденіемъ, то новое уложеніе устанавливаетъ вообще наказуемость всякаго принудительнаго отвлеченія отъ вѣры, а именно совращенія посредствомъ насилія или наказуемой угрозы.

Далѣе, такъ какъ законодательство наше предоставляетъ только православной Церкви права убѣждать неприннадлежащихъ къ ней къ принятію ея ученія о вѣрѣ и въ то же время обязываетъ всякую духовную власть и всякое частное лицо какъ инославнаго христіанскаго, такъ и иновѣрнаго исповѣданія не прикасаться въ дѣлахъ вѣры къ убѣжденіямъ совѣсти послѣдователей другихъ вѣръ, то и новое уложеніе признаетъ наказуемымъ совращеніе христіанина въ нехристіанское вѣроисповѣданіе, православнаго въ неправославную христіанскую вѣру, православнаго въ расколоученіе п христіанина, также и не христіанина, въ изувѣрныя секты, при этомъ по отношенію какъ къ принудительному совращенію, такъ и къ совращенію непринудительному, уложеніе, примѣняясь къ системѣ дѣйствующаго права, раздѣляетъ виды совращенія, смотря по религіозному характеру того вѣроисповѣданія, въ которое происходитъ совращеніе.

Достойно вниманія то обстоятельство, что въ отношеніи насильственнаго совращенія новое уложеніе обуславливаетъ нака-

зуюмость особыми способами воздѣйствія на волю совращаемаго, а именно злоупотребленіемъ властью, принужденіемъ, обольщеніемъ, обѣщаніемъ выгодъ и обманомъ. Въ основѣ такого ограниченія очевидно лежитъ стремленіе, которымъ была проникнута и наша судебная практика по дѣламъ о совращеніяхъ, приурочить уголовную кару только къ случаямъ проявленія совратителемъ злой воли. При иной постановкѣ вопроса о наказуемости совращенія, т.-е. при признаніи его преступности безразлично къ способамъ воздѣйствія, пришлось бы, говорить „Нов. Вр.“, карать за простыя бесѣды о религіи, подѣйствовавшія на религіозныя убѣжденія собесѣдниковъ. Между тѣмъ, по мнѣнію газеты, несправедливо было бы признавать преступникомъ убѣжденнаго въ своей вѣрѣ отца или супруга или даже постороннее лицо за то только, что они искренно высказывали или обнаруживали свои религіозныя убѣжденія.

Новымъ уложеніемъ опредѣлены слѣдующія наказанія: 1) за совращеніе христіанина въ нехристіанство—заключеніе въ исправительномъ домѣ на срокъ не свыше трехъ лѣтъ или заключеніе въ крѣпости не свыше того же срока; за такое же насильственное совращеніе—каторгу на срокъ не свыше шести лѣтъ или ссылку на поселеніе; 2) за совращеніе православнаго въ инославіе—заключеніе въ крѣпости на срокъ не свыше трехъ лѣтъ; за такое же совращеніе съ насиліемъ—ссылку на поселеніе; 3) за совращеніе православнаго въ расколоченіе или секту—ссылку на поселеніе; за такое же насильственное совращеніе—ссылку на поселеніе или каторгу на срокъ не свыше шести лѣтъ; за совращеніе въ изувѣрныя секты, въ зависимости отъ вредности сектъ, въ которыя совращеніе послѣдовало, и притомъ вообще христіанъ и не-христіанъ—каторгу на срокъ не свыше шести лѣтъ или ссылку на поселеніе въ особо предназначенныя для осужденныхъ мѣстности; 4) за оскотленіе безъ насилія—каторгу на срокъ не свыше шести лѣтъ и за оскотленіе съ насиліемъ—каторгу на срокъ не свыше десяти лѣтъ, и наконецъ 5) за совращеніе иновѣрца въ другую не христіанскую вѣру—заключеніе въ тюрьмѣ на срокъ не свыше трехъ мѣсяцевъ.

Наряду съ этими карательными правилами слѣдуетъ указать, что по новому уложенію раскольникъ или сектантъ, виновный въ совершеніи по своимъ обрядамъ крещенія или другой духовной

требы, знаменующей принятіе въ расколъ или секту, надъ лицомъ завѣдомо православнымъ или подлежащимъ крещенію по правиламъ Церкви православной, если онъ не подлежитъ наказанію за соvrащеніе, наказывается арестомъ. Тому же наказанію подлежитъ раскольникъ или сектантъ, виновный въ совершеніи другой требы надъ лицомъ, завѣдомо во время ея совершенія исповѣдующимъ православную вѣру.

Новое уложеніе устанавливаетъ впервые наказаніе за публичное оказательство раскола. Законъ 8-го мая 1883 года, дозволившій раскольникамъ творить общественную молитву, исполнять духовныя требы и совершать богослуженіе по ихъ обрядамъ какъ въ частныхъ домахъ, такъ и въ особо предназначенныхъ зданіяхъ, воспретилъ вмѣстѣ съ тѣмъ всякое публичное оказательство раскола, которымъ признаются: 1) крестные ходы и публичныя процессіи въ церковныхъ облаченіяхъ; 2) публичное ношеніе иконъ, за исключеніемъ случаевъ погребенія умершихъ; 3) употребленіе внѣ домовъ, часовенъ и молитвенныхъ зданій церковнаго облаченія или монашескаго и священнослужительскаго одѣяній, и 4) раскольничье пѣніе на улицахъ и площадяхъ. Случаи такого публичнаго оказательства раскола не были обложены наказаніемъ, которое новое уложеніе опредѣляетъ въ видѣ денежной пени не свыше трехсотъ рублей.

Остается указать на отвѣтственность по новому уложенію духовныхъ лицъ инославныхъ христіанскихъ исповѣданій за совершеніе требъ надъ православными. Уложеніе караетъ этихъ лицъ, виновныхъ: 1) въ совершеніи по своимъ обрядамъ надъ завѣдомо православнымъ конфирмаціи, миропомазанія или другого священнодѣйствія, знаменующаго принятіе въ инославную христіанскую вѣру, или въ совершеніи по своимъ обрядамъ или въ допущеніи совершенія крещенія ребенка, завѣдомо подлежащаго крещенію по правиламъ вѣры православной; 2) въ допущеніи къ исповѣди завѣдомо православнаго или въ причащеніи его, или въ совершеніи надъ нимъ елеосвященія по обряду своего вѣроисповѣданія; 3) въ преподаваніи катехизиса своего вѣроисповѣданія недостигшему совершеннолѣтія лицу завѣдомо православному, и 4) въ совершеніи брака иновѣрца съ лицомъ завѣдомо православнаго исповѣданія прежде совершенія брака православнымъ священникомъ. За перечисленные проступки виновные подвергаются денежной пенѣ не свыше трехсотъ рублей, а въ нѣкоторыхъ слу-

чаяхъ сверхъ того удаленію отъ церковной должности на срокъ или навсегда. Наказаніе усиливается до денежной пени не болѣе пятисотъ рублей для духовнаго лица инославнаго христіанскаго вѣроисповѣданія, виновнаго: 1) въ совершеніи брака между ино-вѣрцемъ и лицомъ завѣдомо православнымъ, если бракъ потомъ не былъ совершенъ по православному обряду, и 2) въ совершеніи брака между завѣдомо православными.

Что касается печати, то новое уложеніе предусматриваетъ, между прочимъ, такія преступленія, какъ оскорбленіе святыни, богохуленіе и воцунство въ произведеніяхъ печати, возбужденіе путемъ печати къ переходу православныхъ въ другое вѣроисповѣданіе, въ расколоученіе или секту. Преступленія печати противъ лицъ духовнаго сословія преслѣдуются на основаніяхъ, одинаковыхъ съ преступленіями противъ лицъ другихъ сословій, причемъ сдѣлано крупное измѣненіе въ томъ отношеніи, что уничтожено различіе между клеветой и диффамацией. Новое уложеніе объединило клевету и диффамацию въ одно понятіе „опозоренія“ и допустило для обвиняемаго широкую возможность доказывать справедливость разсказаннаго; какъ только обвиняемый въ опозореніи докажетъ, что онъ огласилъ правду, онъ освобождается отъ наказанія. Исключеніе изъ этого правила сдѣлано для тѣхъ случаевъ, когда разглашенное обстоятельство относится къ частной или семейной жизни опозореннаго и притомъ разглашеніе было учинено въ распространенныхъ или публично выставленныхъ произведеніяхъ печати, въ письмѣ, изображеніи или публичной рѣчи. Виновному не дано въ такихъ случаяхъ права доказывать истинность, очевидно, потому, что это—единственное средство оградить частную и семейную жизнь отъ публичнаго шельмованія.

Если бы кто задался вопросомъ, говорить „Церк. Вѣстникъ“, насколько при дѣйствіи новаго уголовнаго уложенія духовенство будетъ ограждено отъ несправедливыхъ и позорящихъ его достоинство выходокъ періодической печати, то отвѣтъ вѣроятно, получился бы тотъ, что этому дѣлу суждено оставаться *statu quo ante*, т. е. „всякій борзонищецъ, при нѣкоторой сноровкѣ и умѣньи не задѣвать личностей, можетъ безнаказанно возводить на духовенство небылицы“. А посему „блюдитесь, какъ опасно ходимъ“...

Новое уголовное уложеніе должно охладить пылкія мечты раскольниковъ и образумить не въ мѣру „зафилософствовавшихся писателей“ (даже изъ миссіонерскаго лагеря!), требующихъ отмѣны всякихъ карательныхъ и ограничительныхъ противъ расколо-сектантства законовъ. Охлажденіе это весьма благовременно, ибо за послѣднее время повсюду въ расколѣ и сектантствѣ замѣчается небывалое дотолѣ броженіе въ умахъ раскольниковъ австрійцевъ; броженіе началось по поводу Высочайшаго манифеста отъ 26-го февраля сего года.

Такъ, главари раскола Семеновск. у., Нижегородск. губ., какъ сообщаетъ нашъ корреспондентъ,—затолковали о вѣротерпимости въ отношеніи къ расколу наравнѣ съ инославными исповѣданіями и стараются всѣми силами и мѣрами распространить свое лже-понятіе манифеста не только между своими одновѣрцами, но и православными.

Оказывается лже-толкованіе словъ Высочайшаго манифеста о вѣротерпимости исходитъ съ амвона Елисинской часовни—центра мѣстнаго австрійскаго раскола, гдѣ пребываетъ на покоѣ лже-архіерей Кириллъ-Константинъ Андреановъ, а вмѣсто него управляетъ Арсеній Швецовъ.

Кончилась въ часовнѣ пасхальная заутреня—народу въ часовнѣ было давкомъ. Нѣкоторые собрались было ѣхать изъ часовни,—какъ вдругъ показывается изъ алтаря лже-діаконъ (крест. д. Елесина Григорій Петровъ Мухинъ) съ какимъ-то листкомъ въ рукахъ и начинаетъ читать Высочайшій манифестъ. Всѣ находившіеся въ часовнѣ еще тѣснѣ сплотились у амвона. Прочиталъ онъ манифестъ. Многіе ждали, что онъ прочтетъ изъ манифеста что-либо о раскольникахъ. Но въ манифестѣ объ нихъ ни единого слова. Чтобы не оставить въ недоумѣніи присутствующихъ въ часовнѣ, лжедіаконъ не ограничился словами манифеста, а отъ себя добавилъ (какъ бы читая тотъ же манифестъ): „Недалеко то будущее, когда Государь дозволить намъ отправлять всѣ службы открыто и тогда-то мы будемъ совершать и крестные ходы въ ризахъ и родителей хоронить съ выносомъ, появится у насъ и звонъ въ колокола, и, ничего не стѣсняясь, мы будемъ исправлять различныя требы какія бы когда и гдѣ ни произошли“. Рѣчь лжедіакона сильно подѣйствовала на присутствующихъ въ часовнѣ...

Раскольники возликовали и, не долго медля, рѣшили торжественно отслужить молебень по поводу манифеста о здравіи Госу-

даря. Выбрали депутата изъ среды своихъ крест. д. Большого Сукина, Филиппа Мухина, и послали къ мѣстному земскому начальнику съ приглашеніемъ его на молебенъ. Земскій начальникъ разспросилъ посланнаго, по какому случаю у нихъ будетъ молебенъ и, когда узналъ, то разъяснилъ ему, что въ манифестѣ никакихъ новыхъ льготъ раскольникамъ не дано, а какія были при Императорѣ Александрѣ III-мъ, такія въ силѣ остаются и нынѣ.

Не успокоились австрійцы разъясненіемъ земскаго начальника. Начались какія-то сходки въ домахъ, какъ, напр., въ домѣ заправили раскола д. Вернягова, Кудрявцева, куда собирались всѣ деревенскіе раскольники. Было тутъ и служеніе молебна, и своеобразное объясненіе манифеста и т. п. Но это еще не все.

Въ воскресенье, 13-го апрѣля, опять въ Елисинской часовнѣ слышится рѣчь лже-діакона Григорія, въ которой онъ уже на этотъ разъ приглашаетъ всѣхъ своихъ прихожанъ собраться въ часовнѣ 20-го апрѣля для слушанія торжественнаго молебна о здравіи Государя (а потомъ, пожалуй, пошлуть телеграмму въ газеты).

А вотъ благочинный Елисинской часовни крестьянинъ лже-попъ Алексѣй Старковъ, отправляющій свою службу въ с. Спирино, Нижегородскаго уѣзда, по словамъ раскольниковъ, тотъ ужъ заводитъ у себя въ часовнѣ послѣ манифеста колокола и служить открыто въ облаченіи. То же самое онъ предлагалъ дѣлать и елисинскому лже-причту. Послѣдній, внимая своему благочинному, въ нынѣшнюю Пасху велъ себя, дѣйствительно, необычно; такъ, напр., онъ свободно расхаживалъ по селу съ „наской“, въ нѣкоторыхъ же деревняхъ лже-попъ носилъ въ рукахъ открыто и крестъ. Что будетъ далѣе, — неизвѣстно... Поживемъ — увидимъ или услышимъ...

Но винить-ли раскольниковъ и сектантовъ въ такомъ недомыслии и грубыхъ кривотолкахъ, по поводу манифеста 26 февраля, когда, по увѣренію одного новомиссіонерствующаго духовнаго органа, вся печать, за исключеніемъ „Мис. Обзор“, „Моск. Вѣд.“ и „Гражданина“, истолковала манифестъ въ такомъ именно „расколо-распространительномъ“ смыслѣ, когда и самъ сей миссіонерствующій органъ, кивнувъ на насъ, какъ на отпѣтыхъ ретроградовъ, указываетъ путь въ ту же сторону, высказываясь, пожалуй, и порѣшительнѣе даже елисинскаго лжедіакона Григорія на счетъ дарованія всякой свободы раскольникамъ.

М.

Корреспонденція „Миссіонер. Обзорнія“, извѣстія и замѣтки.

Съ Дону.

(Отъ нинѣшней корреспонденціи).

(Къ бѣглопоповскому „собору“ въ г. Вольскѣ въ 1901 году.—
Переписка Картушина).

Въ январьской кн. вашего журнала «Мисс. Обзор.» было опубликовано и разобрано постановленіе „Вольскаго бѣглопоповскаго собора“; надѣмся, что интересно читателямъ знать и о послѣдствіяхъ сего собора.

Какъ слѣдовало ожидать, опредѣленія Вольскаго собора надѣлали много шума, въ особенности среди старообрядцевъ — бѣглопоповцевъ, пріемлющихъ священника кievской епархіи Григорія Карабиновича и сваящ. нижегородской епархіи Андрея Сергіевскаго, относительно которыхъ соборъ постановилъ, что ихъ «не должно допускать (до священнослуженія) навсегда, а тѣхъ людей, которые до опредѣленія этого собора принимали этихъ священниковъ и исправляли у нихъ разныя требы, то этихъ людей, если послѣдуютъ къ нашимъ безукоризненнымъ священникамъ, то таковыхъ принимать третимъ чиномъ; а тѣхъ людей, которые послѣ настоящаго собора будутъ принимать вышеозначенныхъ священниковъ и исправлять у нихъ всѣ таинства церковныя, то таковыхъ принимать вторымъ чиномъ, и совершаемые ими браки не считать законными, но перевѣнчивать съизнова». О. Андрей Сергіевскій служить у бѣглопоповцевъ; давно «никонианская» власть лишила его сана за бѣгство въ расколъ, слѣдовательно, онъ „доблій страдалецъ за древнее благочестіе“ пришелъ къ старообрядцамъ чистый, невинный, въ полномъ санѣ, незапрещенный. Когда же онъ причелся къ избранному стаду древле-православныхъ христіанъ и получилъ отъ своего духовника разрѣшеніе на священнодѣйствія, то послѣ того еретическая власть уже не имѣла никакой силы на запрещеніе или снятіе сана. Теперь же вдругъ свои же „древле-православные христіане“ осудили его и даже чинопріятіе уложили для принимавшихъ и принимающихъ его! Поднялись волненія и относительно Карабиновича. 17 марта 1902 года было собраніе въ станицѣ Константиновской въ домѣ А. П. Вуколова, который имѣетъ моленную и свою походную церковь, въ которой служитъ о. Григорій Карабиновичъ. На томъ собраніи судили, рядили о Карабиновичѣ. Крестьянинъ г. Спасска, Тамбовской губерніи, Тимофей Павловъ Шершневъ, ревнуя о древнемъ православіи и имѣя личную непріязнь къ о. Григорію Карабиновичу, постарался достать

копію съ опредѣленія Вольскаго бѣглопоповщинскаго собора, бывшаго въ прошломъ году, которая многихъ почитателей о. Григорія ввела въ немалое сомнѣніе. Какъ же? Съ 1895 года Карабиновичъ священствуеъ у бѣглопоповцевъ, и вдругъ соборъ навсегда запрещаетъ «допускать ихъ до священнослуженія», не указавъ даже за нимъ никакой вины?! Это породило большое сомнѣніе въ почитателяхъ Карабиновича и они рѣшили собрать деньги, потребныя на дорогу, собрать депутатовъ, съ которыми просить поѣхать и попечителя А. П. Вуколова въ Кіевъ и узнать основательно въ кіевской духовной консисторіи и даже лично удостовѣриться, получили ли о. Григорій Карабиновичъ передъ своимъ бѣгствомъ въ расколъ разрѣшеніе отъ того запрещенія, которому онъ былъ подвергнутъ кіевскою епархіальною властью за свой проступокъ еще до бѣгства въ расколъ. Самъ о. Григорій увѣряетъ депутатовъ, собирающихся въ путь, что онъ невинно переноситъ нападенія, что только одна ошибка узнававшего о немъ прежде въ канцеляріи Синода поставила все это дѣло на ложный путь,—а пока Карабиновичъ благополучно священнодѣйствуетъ въ станицѣ Константиновской въ здѣшней бѣглопоповщинской моленной.

Лжеархіепископъ раскольниковскій Іоаннъ Картушинъ ведетъ усиленную переписку со своими земляками, донскими старообрядцами австрійскаго толка, находя время на отвѣты по поводу вопросовъ даже и частныхъ лицъ. На-дняхъ намъ прислано письмо его къ насельникамъ раскольниковскаго монастыря вблизи станицы Пятизбѣнской по поводу прибытія туда изъ Самарской губерніи нѣкоего инока Евстафія. Письмо это, адресованное на имя священно-инюка Саватія и прочей братіи монастыря, интересно въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, въ томъ, что Картушинъ, находясь въ изгнаніи въ Тулѣ за наименованіе себя „архіепископомъ московскимъ“, продолжаетъ и теперь, какъ видно изъ подписи подъ этимъ письмомъ, называть себя тѣмъ же „архіепископомъ“, а во-вторыхъ, въ томъ отношеніи, что Картушинъ въ этомъ письмѣ требуетъ строго исполнять правила объ отпусковыхъ грамотахъ для священниковъ, переходящихъ изъ одной епархіи въ другую, къ каковымъ правиламъ раскольники равнѣ, до приѣма къ себѣ митрополита Амвросія, относились болѣе, чѣмъ свободою. Вотъ это письмо Картушина: „Священноинюку Саватію и проч. Прощеніе ваше получено, на которое симъ отвѣчаю. Вы, если желаете, чтобы съ вами жилъ и священнодѣйствовалъ священноинюкъ Евстафій, то почему же ему не исходатайствовали отпусковую грамоту отъ Саратовскаго блюстителя епископа Порфірія? Безъ таковой грамоты по нижеуказанному правилу разрѣшать ему нельзя. „Причетникъ инога города въ друзѣхъ не причтется. Аще же свое отечество погубивъ, въ другую церковь приидеть, не имать запрещеніе. Епископъ

же чужого причетника прїимъ, и самъ и его прїять, да имать отлученіе“. (4-го вселенск. собора, пр. 20-е). Поэтому совѣтую вамъ обратиться къ Самарскому епископу Порфирію, чтобы онъ чрезъ меня прислалъ Евстафію исключиться изъ его епархіи и служить въ другой епархіи.

И тако, призывая на Васъ миръ и благословеніе Божіе.

Смиренный Іоаннъ, Архіепископъ Московскій старообрядческій.

17-го февраля 7411—1903 года“.

Такъ строго повелѣваетъ современный раскольниковскій владыка соблюдать каноническія правила объ отпускныхъ грамотахъ. Но отъ кого и какую отпускную грамоту получилъ митрополитъ Амвросій, бѣжавшій изъ Константинополя въ Бѣлую Криницу тайкомъ отъ патріарха, переодѣтый въ костюмъ казака Некрасовца?! Не отлучилъ ли онъ и вмѣстѣ съ нимъ ведущаго отъ него лжехиротонію Іоанна Картушина отъ церкви по 20-му правилу 4-го вселенскаго собора?! Картушинъ, какъ видно, большой канонистъ; но не поздно ли онъ собрался учить старообрядцевъ соблюдать каноническія правила, когда почти всѣ они нарушены при чинопрїемѣ Амвросія въ расколъ и его первыхъ архіерейскихъ дѣйствіяхъ въ Бѣлой Криницѣ?!

Преподаватель Донской духовной семинаріи

святц. Евграфъ *Овсянниковъ*.

Изъ Екатеринослава.

(О научно-богословскихъ чтеніяхъ и о бесѣдѣ съ раскольниками).

Въ прошломъ году, съ разрѣшенія мѣстнаго преосвященнаго Симеона, открылся въ г. Екатеринославѣ при братствѣ св. Владиміра комитетъ по организаціи въ городѣ богословско-философскихъ чтеній. Чтенія были пріурочены къ воскреснымъ днямъ Великаго поста, и мѣстомъ для нихъ была избрана обширная зала духовнаго училища. Въ томъ же году комитетъ и открылъ свои дѣйствія, устроивъ пять чтеній на темы: 1-е чт. „Объ отношеніи науки къ церковному ученію о Промыслѣ Божіемъ“; 2-е чт. „Радостность, какъ показатель цѣнности ученія, и христіанство, какъ радостная вѣсть“; 3-е чт. „О безсмертіи души“; 4-е чт. „Религіозно-правственный элементъ въ воспитаніи, какъ условіе образованія истинныхъ людей“ и 5-е чт. „Возможна ли истинно-правственная жизнь безъ религіоз-

ности“. Въ этомъ году предметами чтеній были: „Современное состояніе жизни и Церковь“, „Вѣроятный поворотъ научно-философскаго міросозерцанія въ сторону религіи“, „Добро и красота“ (къ вопросу о цѣнности чрезмѣрнаго увлеченія современнаго общества красотою и искусствомъ съ христіанской точки зрѣнія), „Соціально-экономическія отношенія въ современномъ обществѣ и христіанскій взглядъ на нихъ“, „Краткій очеркъ мѣропріятій правительства по отношенію къ расколосектантству въ первую половину XIX вѣка въ связи съ вопросомъ о свободѣ совѣсти“ и „Недостаточность эволюціонной теоріи для объясненія происхожденія вселенной и разныхъ явленій жизни“. Всѣ чтенія велись въ присутствіи преосвященнаго и съ участіемъ хоровъ: архіерейскаго или духовно-учебныхъ заведеній. Въ текущемъ году въ качествѣ лектора выступило и свѣтское лицо—инспекторъ реальнаго училища—явленіе весьма отрадное и именно на этой почвѣ будетъ особенно плодотворно сближеніе педагогическаго міра разныхъ вѣдомствъ. Уже перечисленные нами темы ясно свидѣтельствуютъ, что лекторы отзывались на самые существенные и современные запросы религіозно-философской и религіозно-соціальной мысли. Насколько они удовлетворяли своихъ слушателей видно изъ того, что огромная аудиторія буквально переполнялась интеллигентной публикой¹⁾, такъ что многимъ приходилось стоять въ прилегающемъ къ аудиторіи корридорѣ. Высказывая горячее пожеланіе дальнѣйшаго процвѣтанія весьма симпатичной и въ наше время особенно цѣнной дѣятельности вышеозначеннаго комитета, мы полагаемъ, что главное имъ уже сдѣлано: аудиторія опредѣлилась и именно такая, которая способна вдохнуть энергію и поддержать ее въ лекторахъ, а посему съ Богомъ въ дальнѣйшій, уже значительно расчищенный, путь!

16-го марта въ актовомъ залѣ духовной семинаріи съ 3-хъ до 7-ми часовъ по-полудни была проведена бесѣда съ старообрядцами на тему: „О причинахъ отдѣленія раскольниковъ-старообрядцевъ отъ Церкви (погрѣшили ли православная Церковь въ догматахъ, и если нѣтъ, то возможно ли отдѣляться отъ единства съ Церковью изъ-за обрядовыхъ разницъ?). Бесѣду велъ главнымъ образомъ преподаватель семинаріи по кафедрѣ раскола М. С. Брунбендеръ. Цѣль бесѣды, помимо общей, — ознакомить пи-

¹⁾ Вслѣдствіе множества посѣтителей этихъ чтеній и непримѣнимости послѣднихъ для простаго народа, въ текущемъ году былъ устроенъ доступъ на чтенія по бесплатнымъ билетамъ, которые разсылались и раздавались лишь интеллигентной публикѣ. Для простаго же народа Владимірское Братство ведетъ въ продолженіе года по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ приходскихъ храмахъ и другихъ мѣстахъ религіозно-нравственные чтенія.

томцевъ семинаріи съ критической полемикой противъ раскольниковъ. На бесѣдѣ было много посторонней публики; но изъ мѣстныхъ раскольниковъ явилось лишь нѣсколько человекъ, несмотря на усиленные и заблаговременныя просьбы ихъ со стороны руководителя бесѣды прибыть на бесѣду. Возражателемъ выступилъ мѣстный раскольникій уставщикъ, который наотрѣзъ отказался бесѣдовать по старопечатнымъ книгамъ, а разсуждалъ все отъ „здраваго смысла“. Нѣсколько разъ онъ заявлялъ, что православная Церковь непогрѣшима въ догматахъ, и что еслибы сначала не отнимали у старообрядцевъ ихъ обряды и книги, то и раскола не было бы. Вообще, оппонентъ былъ изъ самыхъ лучшихъ типовъ раскольниковыхъ апологетовъ, которые, къ сожалѣнію, встрѣчаются очень рѣдко. Съ такими и бесѣдовать отрадно, и настоящая бесѣда прошла весьма хорошо. Но полагаемъ, что, въ цѣляхъ возможно лучшаго ознакомленія воспитанниковъ семинаріи съ приемами полемики противъ раскольниковъ и сектантовъ, лучше было бы организовывать поѣздки семинаристовъ, подъ руководствомъ преподавателя семинаріи по кафедрѣ раскола и сектъ и при содѣйствіи мѣстныхъ миссіонеровъ, въ очаги раскола и сектъ, и тамъ устраивать образцовыя бесѣды.

И. А.—завѣ.

«Мысли о Іоанна Кронштадтскаго по поводу насилій христіанъ надъ евреями въ Кишиневѣ».

Прочелъ я въ одной изъ газетъ прискорбное извѣстіе о насиліи христіанъ кишиневскихъ надъ евреями, побоевъ и убійствахъ, разгромъ ихъ домовъ и лавокъ и не могъ надивиться этому изъ ряду вонъ выходящему событію. Помню, что было подобное событіе въ 1881 году на югѣ Россіи, но въ гораздо меньшей силѣ и остротѣ и было слѣдствіемъ нагубныхъ увлеченій и заблужденій.

А теперь что породило это, потрясающее до глубины души, буйство христіанскаго, русскаго народа, который, вообще, отличается простотою и добротою? Сильно чувствуется воздѣйствіе совнѣ злонамѣренныхъ людей, подстрекнувшихъ нашъ народъ къ такому небывалому погрому. Сердце Царя, пекущагося объ общемъ благѣ и спокойствіи народа и о правильномъ теченіи жизни

государства, особенно скорбѣть объ этомъ ужасномъ кровавомъ происшествіи. И когда же оно совершилось? На пасхальной недѣлѣ, когда вся тварь разумная, небесная и земная, ангелы и вѣрные христіане ликуютъ о воскресеніи Христа изъ мертвыхъ, какъ начаткѣ общаго воскресенія всего рода человѣческаго. Какое недомысліе или непониманіе величайшаго праздника христіанскаго. Какое тупоуміе русскихъ людей! Какое невѣріе! Какое заблужденіе!

Вмѣсто праздника христіанскаго, они устроили скверноубійственный праздникъ сатанѣ;—землю превратили какъ бы въ адъ. Тому ли научились христіане отъ Христа, своего небснаго Учителя, кроткаго и смиреннаго сердцемъ, Который трости наломленной не переломить и льна курящагося не угасить (Мѣ. 12. 20). т. е. сердца сокрушеннаго и смиреннаго не уничтожить и курящуюся вѣрою и покаяніемъ душу не угасить, не допустить умереть.—пока она не довершитъ покаянія своего?

Русскій народъ, братья наши! Что вы дѣлаете? Зачѣмъ вы сдѣлались варварами,—громилами и разбойниками людей, живущихъ въ одномъ съ вами отечествѣ, подъ сѣнію и властію одного Русскаго Царя и поставленныхъ отъ Него правителей? Зачѣмъ допустили пагубное самоуправство и кровавую, разбойническую расправу съ подобными вамъ людьми?—Вы забыли свое христіанское званіе и слова Христовы: „научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ“ (Мѣ. 11, 9). Послушайте, какъ Онъ поучалъ учениковъ Своихъ кротости и незлобію. Однажды Онъ, восхотѣвъ идти въ Іерусалимъ, послалъ вѣстниковъ предъ лицомъ Своимъ; и они пошли и вошли въ селеніе самарянское, чтобы приготовить для Него сердца людей. Но тамъ не приняли Его, потому что Онъ имѣлъ видъ путешествующаго въ Іерусалимъ. Видя то, ученики Его Іаковъ и Іоаннъ сказали: Господи! хочешь-ли, мы скажемъ, чтобы огонь сошелъ съ неба, и истребилъ ихъ, какъ и Ілія сдѣлалъ? Но Онъ, обратившись къ нимъ, запретилъ имъ и сказалъ: „не знаете, каково въ духа. Ибо Сынъ Человѣческій пришелъ не губить души человѣческія, а спасать“. И пошли въ другое селеніе. Вотъ каково должно быть поведеніе христіанина, вотъ каковъ долженъ быть духъ его. Каковъ же и чей духъ проявили кишиневцы надъ евреями? Духъ діавола—но кто „не имѣетъ“ Духа Христова—кротости, смиренія, терпѣнія, повиновенія власти, тотъ и не Его“ (Рим. 8, 9), тотъ и не Христовъ, а рабъ діавола и наслѣдуетъ подобную ему участь. Ученики Іаковъ и Іоаннъ,

изъ ревности ко Господу и любви къ Нему хотѣли истребить самарянъ огнемъ небеснымъ, но Господь строго запретилъ имъ это. О, какъ бы Онъ грозно запретилъ кишиневскимъ громиламъ убивать горожанъ евреевъ и громить и истреблять ихъ жилища! Познайте же, братія русскіе, какого вы духа? Не обижайте никого и ни изъ-за чего. Любите и враговъ вашихъ, благотворите ненавидящимъ васъ, благословляйте проклинающихъ васъ и молитесь за обижающихъ васъ (Мѣ. 5, 44).—Вотъ вамъ мое краткое евангельское слово, братія русскіе, по поводу кровавой расправы съ евреями и съ дѣтьми ихъ, ни въ чемъ неповинными. Аминь.

Присоединеніе штундиста къ православію.

26 декабря 1902 года воссоединенъ съ православною Церковью одинъ изъ главныхъ вожаковъ штундизма въ г. Севастополѣ Александръ Костинъ, за 9 лѣтъ до этого совратившійся изъ православія въ секту и, благодаря своему фанатизму, многихъ изъ православныхъ совратившій туда же. Господь Богъ по Своей благодати не далъ Костину погибнуть до конца и нѣсколько разъ вразумлялъ его. Будучи пораженъ болѣзнію, Костинъ долженъ былъ лечь въ больницу и лежалъ тамъ въ сильномъ жару. Вотъ тутъ-то онъ поразмыслилъ надъ своею жизнію и, зная жизнь секты, а также и жизнь почти каждаго сектанта въ отдѣльности, — ихъ лицемеріе, зѣвистъ, злобу къ ближнему, — онъ пришелъ къ заключенію, что не въ штундизмѣ спасеніе, и порѣшилъ оставить секту. Но и къ православной Церкви Костинъ не хотѣлъ сначала присоединиться, удерживаемый съ одной стороны гордостію, а съ другой — сомнѣніемъ въ нѣкоторыхъ истинахъ православной вѣры. Находясь въ этомъ мучительномъ состояніи религіозныхъ сомнѣній, Костинъ два раза пытался покончить съ собою самоубійствомъ. Врачи признали положеніе Костина крайне опаснымъ. Больничный фельдшеръ посоветовалъ Костину причаститься св. Таянъ и, получивъ отъ него согласіе, пригласилъ къ нему священника. Послѣдній, зная, что Костинъ штундистъ, предложилъ ему предварительно воссоединиться съ православною Церковію. И вотъ 26 декабря, въ присутствіи врачей и сидѣлокъ, Костинъ торжественно отрекся отъ штундизма и всѣхъ его лжеученій, далъ твердое обѣщаніе пребывать въ православной Церкви до скончанія своей жизни и послѣ этого былъ исповѣданъ и пріобщенъ св. Таянъ. По причащеніи

св. Таянь больной тотчасъ-же почувствовалъ себя значительно лучше: температура съ 40% упала на 36%, лицо прояснилось, Костинъ сдѣлался бодрѣе и веселѣе. Здоровье его стало быстро восстанавливаться.

Костинъ теперь твердо и мужественно стоитъ за православіе и это доказалъ самую свою жизнь.

Прежде всего онъ совершенно порвалъ связь съ штундистами и при встрѣчахъ съ ними, если и вступаетъ въ бесѣду, то непремѣнно обличаетъ ихъ заблужденія и пороки. Это ему легко удастся: зная въ совершенствѣ внутреннюю жизнь сектантской общины и жизнь почти каждого сектанта, онъ находитъ всегда что сказать каждому изъ нихъ на ихъ разглагольствованія объ ихъ мнимомъ благочестіи и святости. Обличая ихъ лицемеріе, злобу, презрительное отношеніе ихъ къ ближнему, самопревозношеніе, стремленіе къ первенству, подозрительность и алчность, — словомъ, отсутствіе любви у нихъ самихъ, онъ тѣмъ самымъ выставляетъ сектантовъ въ настоящемъ ихъ свѣтѣ, такъ что имъ уже нельзя указывать, что вотъ мы—де святые, живемъ по евангелію, а вы православные — пьяницы, распутники и т. п. Какъ и надо было ожидать, такіа обличенія сектантовъ вызвали у вожаковъ секты по отношенію къ Костину страшную злобу. Они не упускаютъ случая поглумиться надъ нимъ, называя его измѣнникомъ и даже сумасшедшимъ, хотя онъ теперь преподастъ имъ здоровое ученіе православной Церкви.

Но на рядовыхъ сектантовъ присоединеніе Костина, какъ сообщаютъ Тавр. Епарх. Вѣд., произвело очень сильное и благопріятное для православія впечатлѣніе: зная Костина, какъ самаго горячаго поборника штундизма, они теперь поражены его присоединеніемъ къ Церкви и отреченіемъ отъ штундизма, доискиваются причины этого обращенія и очень многіе обращаются прямо къ Костину за разъясненіемъ своихъ недоумѣній. Сокращенные имъ въ равнѣйшее время просить его теперь выяснитъ имъ, какъ они должны вѣровать, и онъ наставляетъ ихъ въ истинахъ православной вѣры. Слѣдствіемъ этого было уже нѣсколько присоединеній къ православной Церкви изъ сектантства. Благоотворно подѣйствовало воссоединеніе Костина и на православныхъ. Они, видя, что даже главари въ сектантствѣ не тверды въ своихъ убѣжденіяхъ, тверже стоятъ въ православіи и не поддаются обольщеніямъ сектантовъ.

Раскольниковъ сказаніе о происхожденіи картофеля ¹⁾.

Выписка изъ книги Пандока, ²⁾ глава 40: *О хранительномъ зѣлїи, еже есть: «Картофія», откуда взяся и расплодися на пагубу душамъ христіанскимъ.* Хочу вамъ повѣдати о богомерскомъ зѣлїи при царѣ Алексїи, во странѣ восточнѣй, еже есть во еленѣхъ. Собрашася діавольскимъ навожденіемъ, а божіемъ попущеніемъ шесть мужей друговъ капища помолящася кумирѣ и сотворише себе святыми и начаша избирать между собою бога и царя. Поставиша свѣщу издѣлаша заповѣдь и законъ, что кійждо пасти долженъ на колѣно предъ кумпромъ предкоторомъ затеплица, свѣща и тотъ будетъ богъ и царь. Иначаша единъ поединому поклонятися прежде старейшій и ничтоже бысть. тако и второй поклонися, преднякъ загореся свѣща и поставиша его царя и бога, и начаша его почитати и поклонятися аки богу, и разгневашася старѣйшій пойди отнихъ и прилѣпися къ другимъ товарищамъ, и нача ихъ учить, закону своему скверному дѣланію ени ого прїяша, и послушаша, и во время нѣкоемъ глагола нмъ учитель ихъ, друзи поумертвен моемъ погребите тело мое и нарекъ нмъ мѣсто и сотвориша тако по глаголу его: израстѣ отъ плоти его столпъ, еже есть дубъ, и отъ сраму его коренїи скверный воудивленїи всемъ, и начаша копати и обрѣтоша сіи коренїи, и нарекоша имя Картофія. И тако стой страны и расплодися по всей вселенной, на пагубу душамъ христіанскимъ. діавольскимъ навожденіемъ, а божїимъ попущеніемъ.

Книга, Воронїя, глава 203 степень 22,

Рече Господь, азъ прїидохъ о имени отца моего и непрїясти мене, аще ли ннѣ прїидеть во свое имя того преемлете. глаголетъ бо онемъ святой Симеонъ новый богословъ, яко ннѣ прїидеть аятахристъ, противникъ христу принесетъ сласти похотныя понхъ нраву того миръ возлюбигъ вельми и послужитъ ему всемъ прїимутъ его все хотѣніе и нивчемъ противитися небудутъ. вто время будугъ травы еже отъ него зовомыя Картофія, а нѣцыя нарицають траву овощемъ прущикимъ враспространится полнцу всея земли, нвсякой возрастъ возлюбить. власть великую. и поирачатся челоуѣцы умошъ, яко пїяны. о семъ глаголетъ Симеонъ яко скверно быти, глаголетъ яко отъ мира начала имать, и расплодися повсюду. въ тожъ брашнѣ челоуѣцы осквернятыя яко древнїи израиль.

Съ подлиннымъ вѣрно. Дїаконъ Андрей Коньковъ.

¹⁾ Копія съ рукописной раскольниковской тетрадки, писанной уставно и съ киноварью.

²⁾ Книга не числится въ каталогъ книгъ, принятыхъ св. Церковью. Смотри о семъ въ книгѣ Кирилловой и Кормчей; «Пандокъ» есть книга раскольниковья ложная, и еретическая, какъ объ этомъ говоритъ въ окруж. посланїи Н. Г. Ксеность.

О религіозно-философскихъ собраніяхъ.

М. Г. г. Редакторъ.

По любви къ правдѣ прошу васъ дать возможность свободно высказаться на страницахъ журнала «Мисс. Обзоръ» православной сторонѣ участниковъ рел.-фил. собраній, которая, къ сожалѣнію, на собраніяхъ не всегда имѣла возможность говорить, главнымъ образомъ, по причинѣ пристрастія господъ корифеевъ свободомыслящей интеллигенціи къ первенству въ словѣ и стремленію ихъ задавать на собраніяхъ тогъ. На „Мис. Обзоръ“ лежитъ долгъ пресѣкать путемъ печатнаго слова соблазны, какой можетъ быть посяганъ среди извѣстной части слушателей интеллигентами, выразившими свои сомнѣнія, невѣріе, неправовѣріе.

М. С.

ОТКРЫТЫЯ ПИСЬМА.

1) Д. С. МЕРЕЖКОВСКОМУ.

Дорогой Д. С!

На послѣднемъ религ.-философ. собраніи вы сказали такое превосходное слово вѣры, за которое Богъ проститъ вамъ множество словъ, какими вы согрѣшали предъ Богомъ (а вѣдь за каждое слово намъ придется воззвать отвѣтъ въ день судный).—Это исповѣданіе ваше, что вы вѣруете въ Воскресеніе Господа, пришедшаго въ плоти Іисуса Христа, и въ претвореніе хлѣба въ Тѣло, а вина въ Кровь въ таинствѣ Евхаристіи, которое вы справедливо назвали „сердцевинной христіанства“. Не имѣю никакого повода заподозривать искренность вашего исповѣданія предъ лицомъ собранія, хотя и знаю, что „всякъ человѣкъ—ложь“.

Не знаю, пріобщались ли вы, но судя по вашему исповѣданію, нѣтъ никакихъ уже препятствій для пріобщенія. „Аще не съѣсте Плоти Сына Человѣческаго и не пїете Крови Его, живота не имате въ себѣ“.

Въ отвѣтъ на ваше признаніе мнѣ тогда же въ собраніи хотѣлось повѣдать, какъ Святое Пріобщеніе 7 лѣтъ тому назадъ исцѣлило меня отъ милліона интеллигентныхъ терзаній, тоже отъ послѣдствій грязнѣйшаго разврата, отъ еще худшихъ послѣдствій жалкаго толстовства, анархизма и множества „измовъ“. Такова чудодѣйственная сила таинства.

Если бы вы прочли со свойственнымъ вамъ вниманіемъ (а если нѣтъ его, то оно будетъ приложено) сочиненія и дневники геніальнѣйшаго и добрѣйшаго о. Іоанна Кронштадтскаго то, вѣрьте, ваши религіозныя сомнѣнія, яко дымъ, исчезнутъ. Благодать Божія и ангель-хранитель при васъ,

близъ васъ, но..... простите, и діаволь еще при васъ, около васъ, не хотѣлъ бы сказать, что онъ, отецъ зла, еще и въ васъ... Но скажу откровенно, въ себѣ и всегда наблюдаю ясно дѣйствія супостатовъ - демоновъ. Когда ощущаю уныніе, знаю, что близъ меня проклятый бѣсъ унылый. Когда испытываю холодность на молитвѣ, отвращеніе къ ней, желаніе поспать подольше, понять по горло, поѣсть до отвалу, предаться „долъче фаръ-ніенте“, — все это дѣется не дѣйствіемъ только грѣшной плоти—мачехи, но и содѣйствіемъ гнѣздящихся въ ней, какъ въ болотѣ, демоновъ, изъ коихъ бѣсъ чревоугодія, демонъ блуда и чертикъ праздиословія (Св. Церковь ратуетъ противъ сего духа-супостата молитвою блаженнаго Ефрема Сиріина)—самые назойливые и нахальные.

Вы спросите, почему я думаю, что бѣсъ недалеко еще отъ насъ? Судя по словамъ вашимъ въ послѣднемъ засѣданіи, вы сомнѣваетесь въ существованіи вѣчныхъ мученій. Если кто хотѣлъ бы отрицать ихъ отрицаніемъ, то это—я, ибо сознаю себя достойнымъ вѣчныхъ, а не временныхъ мученій. Но нельзя и мнѣ ихъ отрицать, ибо я во временіи и внѣ времени вкушала этихъ мученій, какъ разсказано во всенародной исповѣди моей. Божественнаго Павла Богъ восхизалъ до третьяго небесе, а меня низводилъ до два ада, и не могу сказать, еще въ тѣлѣ, еще внѣ тѣла; не вѣмъ, Богъ вѣсть. Только знаю, что есть тѣла вѣчная и адъ, отъ коего, Господи І. Х. С. В. спаси меня и всѣхъ, хотя послѣднее и невозможно, ибо „небо и земля пройдутъ“, а слова твои не прейдутъ, исполнятся: „Идите отъ Меня, проклятые, въ огонь вѣчный, уготованный.... кому Господи?... діаволу и ангеламъ его (бѣсамъ и чертямъ)“. Какъ вы могли не обратить вниманія на то, кому уготованы мученія, и забыть, что намъ, людямъ, уготованы вѣчныя радости и блаженство? Стараться будемъ не быть похожими—на демоновъ, и имъ покорными, и мы отъ вѣчныхъ мученій, съ Божью помощію, будемъ далеки, и въ сей жизни, и въ грядущей, а вкусимъ блаженства мира сердечнаго уже здѣсь;—въ полномъ же объемѣ, лучше сказать, безграницности въ той жизни, чего и да сподобимся всѣ мы Благодатію и человеколюбіемъ Господа и Бога Іисуса Христа, Коему со Отцемъ и Духомъ Святымъ слава и честь во вѣки.

Михаилъ А. С.

II) УЧАСТНИКАМЪ РЕЛ.-ФИЛОС. СОБРАНІЙ И ВЪ ЧАСТНОСТИ Г. РОЗАНОВУ.

Прочла я въ янз. кв. «Нов. Пути» записки «Религіозно-философскихъ собраній», и у меня возникъ рядъ мыслей, которыми хочется подѣлиться съ участниками этихъ собраній.

Мнѣ кажется прежде всего, что такъ называемая «интеллигенція» совершенно не понимаетъ духа христіанской Церкви. Интеллигенты составляютъ мнѣніе о христіанскомъ обществѣ на основаніи частной жизни нѣкоторыхъ священниковъ, и притомъ не надлежащъ пасущихъ «овцы своя»... Если бы интеллигенція изучила основательно Евангеліе, прониклась бы духомъ его, а затѣмъ познакомилась бы съ твореніями нашихъ святителей,—какъ то—Димитрія Росговскаго, Тихона Задонскаго, епископа Игнація Брянчанинова, епископа Феофана,—она увидѣла бы, до какой степени Церковь, т. е. истинные ея чада и ученики Спасителя любятъ ближняго; интеллигенція поняла бы, что эта любовь къ ближнему, основанная на любви къ Богу, несравненно выше той любви къ людямъ, о которой говорите вы, г. Розановъ. И отношенія между членами Церкви несравненно проще, искреннѣе, чѣмъ предполагаетъ интеллигенція. Къ священнику часто приходятъ люди разныхъ сословій и положеній, и онъ не отгаликиваетъ ихъ. Онъ не спрашиваетъ, кто къ нему пришелъ? имѣлъ-ли право прійти и т. п.? Онъ принимаетъ приходшаго, выслушиваетъ его, подаетъ ему совѣты, словомъ, относится къ нему, какъ къ ближнему своему и пасомому. Интеллигенція этого не знаетъ; она подмѣчаетъ только слабыя черты духовенства и на основаніи ихъ составляетъ понятіе о Церкви... Знаете-ли вы, г. Розановъ, какъ часто священники возвращаютъ къ жизни свою нравственную поддержкой людей, готовыхъ покончить съ собою?.. Къ пастырямъ Церкви приходятъ за утѣшеніемъ люди, совершенно имъ незнающіе, и они часами сидятъ съ страждущими не изъ-за корысти, конечно, а по евангельской любви. Итакъ, насколько я понимаю и знаю Церковь съ ея членами, съ увѣренностью могу сказать, что она полна любви.

Далѣе, интеллигенція говоритъ, будто бы Церковь пренебрежительно относится къ земной жизни. Нѣтъ, къ этому дару Божию пренебрежительно она никогда не относилась.

Правда, христіане понимаютъ земную жизнь не такъ, что ею оканчивается существованіе человѣка, и что отъ нея нужно все взять, т. е. пользоваться наслажденіями временными и удовлетворять свои желанія, а какъ жизнь, во время которой человѣкъ долженъ стремиться къ духовному самоусовершенствованію для подготовки себя къ другой, небесной жизни. И

сколько, однако, радостей есть и зѣсь на землѣ для истинныхъ христіанъ! Нужно пожалѣть только о тѣхъ, кто ихъ не знаетъ!.. Далѣе, меня крайне удивило впечатлѣніе, вынесенное отъ храма Божія вами, г. Розановъ. Было время, когда я входила въ храмъ не для молитвы, и я завидовала тогда всѣмъ молящимся. Богъ умилосердился надо мною. Я поняла, что значить молиться, и скажу, не рисуясь, что высшаго счастья на землѣ, какъ присутствовать въ храмѣ Божіемъ для молитвы, нѣтъ. Нигдѣ не чувствуется такъ единеніе людей, какъ въ храмѣ Божіемъ. Это единственное мѣсто на землѣ, гдѣ нѣтъ различія между людьми; зѣсь всѣ равны, всѣ братья и сестры: «у Бога всѣ люди одинаковы». Это единственное мѣсто, куда человѣкъ входитъ безъ страха быть обиженнымъ. По мнѣнію г. Розанова, люди интеллигентные не посѣщаютъ храмъ. Это совершенно невѣрно. вы, г. Розановъ, не знаете, что есть и доктора, и ученые, и литераторы, и юристы, которые молятся въ церкви, а не заходятъ въ нее мимоходомъ, какъ на почту. Правда, случается вѣрующему и мимоходомъ войти въ храмъ, но и это дѣлается съ чувствомъ любви къ храму: человѣку некогда простоять въ службѣ, но его тянетъ хоть на минуту соединиться въ молитвѣ съ собравшимся народомъ. Онъ вошелъ, благоговѣнно опустился на колѣни передъ образомъ, помолился и вышелъ съ глубокимъ чувствомъ удовлетворенія.

И тѣ, кто молится въ храмѣ, любятъ и пастыря своего и помощниковъ его. Говорю это потому, что слишкомъ близко стою къ церкви, т. е. къ храму и его прихожанамъ.

Я подаю простолюдину свѣчку, и онъ говоритъ мнѣ: «спаси васъ Господи». И я его люблю, и онъ меня любитъ. Я это чувствую. Его любовь ко мнѣ высказывается въ его молитвѣ обо мнѣ: «спаси васъ Господи!» Отъ меня не знаетъ, какъ человѣка, а любитъ меня, какъ сестру о Христѣ. Бывали случаи, когда женщины, съ которыми я только въ храмѣ вижу, говорили мнѣ: «я васъ люблю». Это и есть самая высокая, чистая христіанская любовь. Вѣдь интеллигенты ничего этого не знаютъ, а между тѣмъ такъ безапелляціонно заявляютъ: «Церковь не любить». Церковь не только любитъ вѣрныхъ своихъ чадъ, но и эту самую озлобленную противъ нея интеллигенцію любитъ, потому что молится о ней. Она скорбитъ обо всѣхъ христіанахъ безъ Христа. Прибавлю еще, что ни одинъ вѣрующій не чувствуетъ себя гостемъ въ храмѣ. храмъ для всякаго пришедшаго меня не чужое мѣсто, а свое, родное.

Это испытываетъ всякій молящійся въ храмѣ, но, конечно, чувство это не доступно тѣмъ, которые приходятъ въ храмъ съ цѣлю порицать въ немъ все и всѣхъ.

Марія Гунаровна.

ОТКЛИКИ.

Новая книжка Л. Н. Толстого: „ОБРАЩЕНИЕ КЪ ДУХОВЕНСТВУ“.

Читатели, можетъ быть, помнятъ мой рефератъ о книгѣ Л. Н. Толстого, гдѣ я выразилъ надежду, что великій писатель, повернувши такъ очевидно въ сторону тензма, не остановится на полудорогѣ и пойдетъ дальше къ Церкви. Недавно по поводу этихъ *pia desideria*—я получилъ письмо одной русской, живущей за границей, вмѣстѣ съ ея статьей „L'orthodoxie et Tolstoi“—напечатанной въ газетѣ „Le moniteur oriental. 20 mars 1903“.

Авторъ смотритъ на дѣло менѣе оптимистически. Возвратъ Л. Н., по его мнѣнію, мало вѣроятенъ, потому что все его учительство вышло изъ высокомерія и гордости. Викторъ Гюго говоритъ о себѣ, что онъ приготовилъ матеріалъ для факела,—Левъ Толстой думаетъ, что онъ зажегъ факелъ и можетъ-ли онъ сознаться, что самъ онъ только звѣзда блуждающая, титанъ, потерявшій дорогу въ темнотѣ.

Онъ не можетъ прійти къ единству Церкви, потому что хочетъ быть „одинъ“. Нѣтъ мы должны надѣяться не на его возвратъ, а на то, что его дѣло рухнетъ, что онъ дѣйствительно останется одинъ съ своимъ поддѣльнымъ евангеліемъ. Мы можемъ только вѣрить, что, „чтобы онъ ни строилъ, онъ строитъ на пескѣ морскомъ, придетъ волна и зданье смоетъ и всѣхъ кто жизни чае въ немъ“ ¹⁾.

Одновременно съ этимъ письмомъ и статьей мнѣ пришлось прочитать два—едвали не послѣднихъ, писанія Льва Николаевича—„Обращеніе къ духовенству“ и „Разрушеніе ада и возстановленіе его“. Я долженъ сознаться, послѣ прочтенія ихъ, что моя корреспондентка едвали-не правѣ меня: духовная настроенность Льва Николаевича едвали позволитъ ему принять истину

¹⁾ Ср. статью въ газ. Le moniteur oriental 20 марта 1903 г. L'orthodoxie et Tolstoi.

„единенія въ любви“, въ которой Церковь полагаетъ свою жизнь въ свой смыслъ 1).

Объ брошюры продиктованы безусловной нетерпимостью къ „свободѣ чужой совѣсти“ и огромнымъ высокоуміемъ учителя, который, по его собственнымъ словамъ, будто бы уже „позналъ истину“ и можетъ будить отъ гипноза.

Я намѣренъ познакомить читателя съ обѣими брошюрами въ точномъ текстѣ съ попутными короткими замѣчаніями. Считаю нужнымъ цитовать статью Л. Н. не отдѣльными фразами, а цѣлыми отдѣлами: это удобнѣе въ видахъ цѣлостности выводовъ.

„Кто бы ни были: папы, кардиналы, епископы, суперинтенденты, священники, пасторы, какихъ бы то ни было церковныхъ исповѣданій,—начинаетъ, Левъ Николаевичъ, свое „Обращеніе къ духовенству“ —оставьте на время свою увѣренность въ томъ, что вы, именно вы, единые истинные ученики Христа Бога, призванные проповѣдовать его единое истинное ученіе, а вспомните о томъ, что вы прежде, чѣмъ быть папами, кардиналами, епископами, суперинтендентами и т. п.,—прежде всего люди, т. е., по вашему же ученію, существа, посланные въ міръ Богомъ для исполненія Его закона,—вспомните это и подумайте о томъ, что вы дѣлаете? Вся ваша жизнь посвящена тому, чтобы проповѣдовать, поддерживать и распространять среди людей ученіе, по вашимъ словамъ открытое вамъ самимъ Богомъ, и потому единое истинное и спасительное.

Въ чемъ же состоитъ это проповѣдуемое вами единое истинное и спасительное ученіе? Къ какому бы изъ такъ называемыхъ христіанскихъ исповѣданій — католическому, православному, лютеранскому, англиканскому—вы ни принадлежали, ученіе ваше признается вами вполне точно выраженнымъ въ символъ вѣры, установленномъ на Никейскомъ соборѣ 1600 лѣтъ тому назадъ“.

Далѣе Левъ Николаевичъ передаетъ въ перифразѣ Никео-Цареградскій символъ и затѣмъ продолжаетъ:

„Не говоря о проповѣдуемыхъ нѣкоторыми изъ васъ самыхъ распространенныхъ вѣрованійхъ—католическомъ и православномъ—въ святыхъ и въ благодѣтельность поклоненія тѣлеснымъ остаткамъ этихъ святыхъ и ихъ изображеніямъ, такъ же, какъ изображеніямъ Христа, Богородицы—въ этихъ 12-ти пунктахъ состоятъ основныя

1) Это не значитъ, что я отказываюсь отъ утвержденія, что Л. Н. возвращается къ вѣрѣ въ живаго личного Бога. Фактъ такого возврата, (вопреки мало понятной для меня и странной антикритикѣ проф. Гусева на нее мы отвѣчать, конечно, не будемъ), безспоренъ и провѣрить его можетъ вся Россія, хотя бы по «Журналу для всѣхъ» (изъ писемъ и бумагъ Л. Н. Толстого. Мартъ 1903 г.

положенія той истины, которая, для спасенія людей, какъ вы говорите, открыта вамъ самимъ Богомъ. Нѣкоторые изъ васъ проповѣдуютъ эти положенія прямо такъ, какъ они выражены, другіе стараются придать имъ иносказательный, болѣе или менѣе согласный съ современнымъ знаніемъ и здравымъ разсудкомъ смыслъ, но всѣ вы одинаково не можете не признавать и признаете эти положенія точнымъ выраженіемъ той единой истины, которая открыта вамъ самимъ Богомъ, и которую вы, для ихъ блага, проповѣдуете людямъ.

Не здѣсь, однако, еще корень зла, по мнѣнію Л. Н., зло въ способахъ распространенія этой (церковной) будто бы — истины.

Хорошо! Вамъ открыта самимъ Богомъ единая спасительная для людей истина. Людямъ свойственно стремиться къ истинѣ, и когда она ясно передана имъ, они всегда съ радостью признають ее и руководятся ею.

И потому для сообщенія людямъ вашей истины, открытой самимъ Богомъ и спасительной для людей, казалось бы достаточно просто и ясно, устно и печатно, разумнымъ убѣжденіемъ передавать эту истину людямъ, способнымъ принять ее. Какъ же вы проповѣдуете свою истину?

Съ тѣхъ поръ, какъ образовалось общество, называющее себя церковью, ваши предшественники преподавали эту истину преимущественно насиліемъ. Они предписывали эту истину и казнили тѣхъ, которые не принимали ее. (Милліоны и милліоны людей замучены, убиты, сожжены за то, что не хотѣли принять ее). Средство это, очевидно не соответствующее своей цѣли, съ теченіемъ времени стало менѣе и менѣе употребляться и употребляется теперь изъ всѣхъ христіанскихъ странъ, кажется, въ одной только Россіи.

Другимъ средствомъ было внѣшнее воздѣйствіе на чувства людей посредствомъ торжественности обстановки, картинъ, статуй, пѣнія, музыки, даже драматическихъ представленій и ораторскаго искусства,—оно тоже стало менѣе и менѣе употребляться, особенно въ протестантствѣ.

Но за то всѣ силы духовенства направлены теперь на третье и самое могущественное средство, всегда употреблявшееся и теперь особенно ревниво удерживаемое духовенствомъ въ своей власти. Средство это есть внушеніе церковнаго ученія людямъ въ томъ состояніи, въ которомъ они не могутъ обсудить того, что имъ передается.

Находятся же въ такомъ состояніи люди совершенно необразованные, рабочіе, не имѣющіе времени думать, и, главное, дѣти, которые принимаютъ безъ разбора и навсегда запечатлѣваютъ въ своей душѣ то, что имъ передается“.

Не есть ли такая—выводить изъ всего этого Левъ Николаевичъ—передача, такой гипнозъ,—обманъ и насиліе.

Остановимся и просмотримъ пока это отдѣленіе Толстовской брошюры.

Какъ видите, графъ пока не хочетъ ничего возражать противъ сущности церковнаго ученія—ему не нравятся способы, какими проповѣдуются истина. О, комъ же это говоритъ графъ? — Конечно о католичествѣ? Во всякомъ случаѣ странно обвинять въ проповѣди насиліемъ православіе.

Несмотря на то, что—„градская казнь“ неправославнымъ, еретикамъ необходимо требовалась духомъ римскаго права, императорскіе законы въ Византіи, даже при поддержкѣ нѣкоторыхъ недостойныхъ епископовъ, не могли войти въ силу потому, что гоненія, насиліе въ дѣлѣ вѣры—совершенно не совѣстимо съ православнымъ разумѣніемъ христіанства. Постоянно уклоняясь отъ юридическаго, государственнаго опредѣленія своего бытія, Церковь не могла принять изъ католическихъ костровъ, которые созданы перерожденіемъ католической церкви въ государство. Когда нѣсколько епископовъ въ Испаніи IV вѣка потребовали казни еретика Присцилліана, св. Мартинъ Турскій разорвалъ общеніе съ этими епископами, какъ съ убійцами, и его голосъ былъ голосомъ всего востока.

На Руси—православный взглядъ на насиліе въ дѣлѣ вѣры ярко выразили „заволжскіе старцы“, ученики св. Нила Сорскаго. —Когда люди новаго теченія потребовали градской казни для еретиковъ жидовствующихъ, ссылаясь напримѣръ короля Испаніи и Моисея, который свелъ огонь на бунтовщиковъ этимъ людямъ отвѣтили: „Помолитесь, чтобы Господь свелъ огонь на еретиковъ, если вы сильны сдѣлать это, а не налагайте свою руку“ (шерифразъ).

Народъ—по словамъ Толстого—почти дѣти, и стремленіе навязать имъ какое нибудь ученіе—насиліе. Допустимъ и посмотримъ, что изъ этого слѣдуетъ. Народъ живетъ съ извѣстной дѣтской нѣрой, всосанной съ молокомъ матери. Учителя его считаютъ эту вѣру правой, святой истиной.

Правы они или нѣтъ, но фактъ тотъ, что у народа—съ дѣтскимъ еще разумѣніемъ—вѣра уже есть, вѣра его отцовъ. Приходитъ учитель—Теодосіенко или Чертковъ, Аввакумъ или Пашковъ—и начинаютъ увѣрять его, что его вѣрованія и церковныя или даже житейскія ложны. Ясно, что эта проповѣдь, именно съ точки зрѣнія Толстого, будетъ явнымъ насиліемъ надъ мыслью

крестьянина и тѣ, которые считаютъ ее не только насиліемъ, но насиліемъ въ пользу жи, имѣютъ право и должны бороться съ этими пришельцами со стороны. Какими средствами бороться?—въ этомъ вопросѣ очевидно центръ тяжести и едва—ли слишкомъ трудно на него отвѣтить.

Одинъ епископъ сравниваетъ свободу пропаганды съ свободой продажи опиума. Сравненіе глубоко справедливое. Если опиумъ разрушаетъ и тѣло и душу,—то, съ точки зрѣнія человѣка, не индифферентнаго къ правдѣ, еще болѣе убиваетъ душу ложь, ученіе не согласное съ заветами Христовой правды. Но должно ли виѣшними средствами останавливать продажу опиума?—Съ точки зрѣнія отвлеченной, книжнической и Толстовской—конечно нѣтъ: это насиліе надъ свободой того, кто продастъ и покупаетъ. Однако не кажется ли вамъ, что такое непротивленіе (принципіально пріемлемое, потому что христіанскія средства воздѣйствія на чужую волю,—конечно, только слово, проповѣдь и молитва)—было бы только малодушнымъ попустительствомъ убійства мертвымъ рабствомъ буквѣ. И мы, конечно, не дозволили бы отравлять нашихъ дѣтей, откинули бы опиумъ, отгородили бы дѣтей отъ отвратителей. А позволить среди тѣхъ же дѣтей сѣять ложь, которая губитъ ихъ души, не было бы тоже только попустительствомъ, преступленіемъ холоднаго безсердечія къ малымъ симъ. Положимъ, что Теодосіенко зоветъ громить церковь, и что Левъ Николаевичъ зоветъ въ Канаду—на голодъ, холодъ, безуміе, смерть моихъ учениковъ, моихъ дѣтей. Я долженъ, конечно, противопоставить ему молитву и слово, но слово мое слабо, потому что дѣти еще плохо различаютъ добро отъ зла, плохо умѣютъ ложь Теодосіенки отличить отъ истины Христовой, и молитва моя не дѣйственна, потому что я грѣшенъ и безсиленъ.

И вотъ я*) прошу тѣхъ, кто, какъ и я, понимаютъ ложь Теодосіенки, не пускать его за ограду, пока не выростутъ дѣти, задержать его, чтобы не увелъ онъ въ погибель неразумныхъ. Я согласенъ: это грѣхъ мой и безсиліе мое, что я не могу самого Теодосіенко молитвой и нравственной силой моей склонить подъ иго истины, но, спасая, дѣтей я все же, по жалости

*) Здѣсь «я» — не авторъ, конечно, а вообще священникъ, пастырь, на стадо котораго нападаютъ.

человѣческой, которая еще жива во мнѣ, не смотря на мою священническую немощность, встану въ дверяхъ и не пушчу его въ домъ, и попрошу помощи у тѣхъ, кому дороги погибающіе. И смѣю думать, что тутъ не будетъ насилія.

Если же будетъ государство тѣснить и гнать лжеучителя по своимъ соображеніямъ (находя его для себя опаснымъ), то я не присоединю сюда своего голоса, потому это уже не область Церкви: мнѣ нужно только, чтобы ложь не дошла до слуха неразумныхъ и слабыхъ, а не гоненія, не кары и насилія, не принужденія самыхъ несчастныхъ преступниковъ. И когда кто-нибудь изъ христіанъ, братій моихъ, предложитъ насиліемъ множить чадъ Христу (какъ недавно одна газета о евреяхъ) и гнать тѣхъ, кто не хочетъ быть такими чадами, я уважу имъ слова Христа: „Забыли вы какого духа“. Намъ ли гнать *).

Но далѣе: даже допустимъ, что всякая преграда лжеучителямъ будетъ насиліе, все-таки тутъ нѣтъ и рѣчи о насильственномъ распространеніи вѣры, а только объ охранѣ того что есть. На чемъ же держатся слова Толстого о томъ, что „ученіе Христа Церковь распространяетъ силой“. Этого не было у насъ никогда.

Кромѣ проповѣди вѣры насиліемъ графу не нравится, какъ мы видѣли, еще воздѣйствіе на людей богослуженіемъ, пѣніемъ и т. д. Это, по его мнѣнію, значить сложными приѣмами гипнотизма возбуждать ложную религіозность. Да, искусственное воздѣйствіе на воображеніе („театръ въ церкви“) непозволительно въ христіанствѣ; потому-то Церковь и отвергла католическій гипнозъ обстановкою, она допускаетъ въ богослуженіи только такія формы, какія создаетъ и создало само религіозное чувство вѣрующихъ. Она (въ Россіи) не принимаетъ и осуждаетъ даже искусственную сложность пѣнія, случайно занесенную къ намъ изъ Италіи, не допускаетъ театральности въ церковной рѣчи и т. д. Правда, Церковь допускаетъ пѣніе, проповѣдь и обрядность, но неужели здѣсь есть что-нибудь похожее на вредный гипнозъ?

Левъ Николаевичъ, очевидно, хочетъ въ своей брошюрѣ повторить мысль своей прежней книжки „Оразумѣ, вѣрѣ и молитвѣ“

*) Недавно одна газета проектировала силой, подъ угрозой высылки, призвать ко Христу евреевъ, а слова Христа приводитъ по поводу кишиневскихъ событій о Іоаннѣ Крившадтскіи.

(1901. 15 стр.), будто молитва, совершенная съ пѣніемъ, картинами и проповѣдями, производитъ только праздное умиленіе и возбужденіе. Увы, Л. Н., по обычаю, забыть собственныхъ слова, сказанныя имъ о музыкѣ: „Музыка,—говорить онъ,—можетъ или трогать, или возвышать душу, или просто доставлять уснокоеніе, и тогда она исполняетъ свое назначеніе“ („Единственное средство“. Прилож. 27. Изд. Чертова). Значить, и пѣніе въ церкви, поскольку оно возвышаетъ душу, исполняетъ доброе назначеніе. Логика, полагаю, безспорная.

Доброе дѣло или злое сдѣлала „Свѣчка“ и церковныя пѣсни мужика въ разсказѣ „Свѣчка“ Толстого: они спасли дѣлую деревню отъ великаго смертнаго грѣха (См. нашу статью о вѣишнемъ богослуженіи противъ Л. Н. Толстого. „Мисс. Об.“. 1902 г. Апр. Прилож. и въ отд. изд. книжки „Церковь и Евангельскія діліи“).

Прочитайте разсказъ Л. Н. Толстого „Сонъ“. Здѣсь божественная симфонія говоритъ слушателямъ, „какъ полная огня и убѣжденія проповѣдь“. Она зоветъ на подвигъ, на самопожертвованіе; звуки ведутъ за собой къ Богу, къ человѣку, къ молитвѣ, помощи.

Симфонія говоритъ, „какъ совѣсть“. И въ этомъ назначеніе всякой симфоніи, по мнѣнію самого Лѣва Николаевича. А отсюда мы смѣемъ считать, съ полнымъ правомъ, просто обмолвкой слова Толстого, будто наша церковная молитва съ пѣніемъ, освѣщеніемъ и пр., есть нехристіанская гипнотизація воли: наше пѣніе святѣйшая и чистѣйшая изъ симфоній, „оно и возвышаетъ и трогаетъ душу“.

А кстати, если пѣніе въ церкви есть гипнотизація, то что скажетъ Л. Н. о своей легендѣ „Разрушеніе ада“. Развѣ такая форма рѣчи не есть попытка вліять на волю искусственными средствами, притомъ средствами дурной пробы:—очевидно, приспособительно къ чьему-то дурному вкусу.

Впрочемъ, объ этомъ послѣ.

Если два вышерассмотрѣнныхъ обвиненія противъ Церкви мало понятны, то прямой странностью поражаетъ третье. Допустимъ, на время, что въ Церкви — истина, Толстой считаетъ все-таки преступнымъ внушать ся истину народу, рабочимъ, которымъ

некогда думать; дѣтямъ, которыя еще не могутъ отнестись къ ея ученію съ ясно сознающей мыслью.

Хорошо, но если я считаю свою вѣру истиной, спасеніемъ, могу-ли не стараться передать ее другимъ. Будетъ ли тутъ непозволительное грѣховное насиліе? Это утверждать можно только съ узко-книжнической точки зрѣнія Толстого, который, какъ извѣстно, отрицаетъ вообще воспитательное воздѣйствіе на чужую волю.

Вирочемъ, я лучше заставлю вмѣсто себя отвѣчать человѣка, далеко не расположеннаго къ Церкви, автора одной повѣсти въ журналѣ „Новый Путь“ (З. Гиппиусъ. „Сумасшедшая“). Женщина интеллигентная и очень далекая отъ ханжества хочетъ причастить ребенка, мальчика. Мужъ останавливаетъ ее и запрещаетъ это. „Если хочешь,—говоритъ онъ, повторяя Толстого,—это недобросовѣстное насиліе; выростетъ—разумъ подскажетъ ему, что дѣлать“.

— Насиліе,—отвѣчаетъ мать.— А то, что ты дѣлалась, развѣ не насиліе? Если мы имѣемъ хоть малое что-нибудь, хоть крошечное, почему мы откажемъ въ этомъ ребенку“ (или народу, темному, какъ ребенокъ).

Зарони въ него искру: она можетъ быть разгорится. А насильственная темнота, на которую вы обрекаете моего мальчика? (И вы обрекаете, Л. Н., народъ, запрещая учить его тому, «что есть истина»).

...Вы и ребенка хотите—(и этотъ народъ невинный и чистый, какъ ребенокъ) хотите обездолить. Все, что въ дѣтствѣ дорого, отъ чего потомъ и человѣкомъ живымъ можетъ остаться. Заранѣе ему жила перегрызаега. О безбожники, безбожники“.

Развѣ эти слова не справедливый отвѣтъ на запрещеніе говорить съ народомъ еще не созрѣвшимъ, еще не развитымъ. И нужно, чтобы онъ росъ подъ лучами истины, а не тогда знакомился съ истиной, когда можетъ взять ее цѣликомъ разсудочно. Истина Христова, не логическія формулы, а живой духъ, здѣсь жизнь и правда, которая понятна всякой душѣ.

Въ сущности и здѣсь Левъ Николаевичъ не избѣжалъ грѣха забывчивости. Вооружаясь не разъ противъ «воспитанія» вообще, отрицая всяческое воздѣйствіе на разумъ и волю дѣтей, какъ «насиліе», онъ въ послѣднихъ работахъ приказываетъ родителямъ воспитывать дѣтей въ духѣ вѣры въ Бога, какъ не постижимаго

духа, въ безсмертіе души. Почему же учить этому не насиліе? Гдѣ же послѣдовательность?

Иное дѣло, если ученіе Церкви ложно, тогда слѣдуетъ обвинять Церковь не въ томъ, что она сообщаетъ свое ученіе дѣтямъ по возрасту или разуму, а за то, что она сообщаетъ неправду. Чѣмъ, однако, доказываетъ Левъ Николаевичъ не истинность того церковнаго преданія какого заповѣдуетъ «стоять и держаться» Церковь. Объ этомъ въ слѣдующій разъ.

Иеромонахъ *Михаилъ*.

Со скрижалей сердца.

Нъ исторіи новыхъ противохристіанскихъ писаній гр. Толстого. Лукаство или юродство яснополянскаго мудреца? Послѣднія вѣсти о канадскихъ духоборахъ.

Изъ „Откликовъ“ о. Михаила вы, читатель, видите, что яснополянской ересіархъ не унимается, а, можно сказать, дошелъ до апогея въ своемъ противленіи и ожесточеніи противъ Христа и Церкви Его. Прежде онъ разставлялъ хитросплетенныя мрежи своего лукаваго ученія для мірянъ, а теперь онъ своимъ „Обращеніемъ къ духовенству“ стремится уловить въ свои сѣти и самихъ „ловцевъ чловѣковъ“, пастырей. и не російской только Церкви, а всѣхъ христіанскихъ церквей. Прочитавъ новое писаніе Л. Н., дышущее непримиримою ненавистью, нетерпимымъ фанатизмомъ противъ Христовой Церкви, которую ему хотѣлось бы стереть съ лица земли, невольно спрашиваешь: почему яснополянской мудрецъ такъ ополчается на христіанскую Церковь, а не на другія иновѣрныя религіи? Неужели ученіе и культъ язычества, магометанства, еврейства выше, съ его точки зрѣнія, христіанства, содержамаго и хранимаго вселенскою Церковью? Не говоря объ этихъ двухъ послѣднихъ сочиненіяхъ графа Толстого—„Обращеніе къ духовенству“ и „Разрушеніе ада и возстановленіе его“, гдѣ нѣтъ ни слова

критики и тѣни укорины по адресу поганого иновѣрія, но и въ другихъ раннихъ своихъ религіозно философскихъ трактатахъ ясно-полянскій „великій учитель“ почти и не касается ихъ своимъ прещеніемъ и злохуленіемъ. Не служитъ ли это явнымъ признакомъ именно „антихристова духа“, гибздящагося въ сердцѣ нашего славнаго писателя.—духа, помрачившаго его умъ и совѣсть!

Одно вѣрующее лицо, близкое съ самого дѣтства къ Леву Николаевичу, рассказывало намъ, что въ гр. Толстомъ, со времени его возстанія на Церковь и антицерковнаго учительства, стороннему наблюдателю явно чувствуется какая-то раздвоенность личности „когда Левъ Ник. говоритъ о всемъ прочемъ житейскомъ, проводитъ время въ кругу семьи и близкихъ своихъ,—онъ, и по настроенію духа и по выраженію лица, тотъ же благодушный, очаровательный, смиренный, вдумчивый Левушка, какимъ вы всѣ его знаете по „Дѣтству и отрочеству“, но все это благодушіе исчезаетъ, какъ только заходитъ рѣчь о вѣрѣ и Церкви,—тутъ вы видите уже другого, моментально перерождающагося, а по настроенію духа и выраженію лица,—прямо „осатанѣлаго“ чело-вѣка, вы незримо видите, что въ данный моментъ какъ будто кто-другой руководитъ имъ, то говоритъ, чувствуетъ уже не Левушка, а другой съ какой-то мрачною, озлобленною стихіей,—съ дьявольскимъ наважденіемъ“.

Да, прочитавъ эти послѣдніе два листка, дѣйствительно можно повѣрить и въ „дьявольское наваженіе„; такъ богохульно писать, какъ здѣсь написалъ Левъ Николаевичъ. совсѣмъ недостойно великаго ума и знаменитаго писателя. Это какое-то старческое „шамканье“ и брюзжаніе, нисколько не убѣждающее, но лишь до глубины души омрачающее читателя.

Оба трактата по существу самая слабая работа изъ всего что когда-либо написалъ Левъ Николаевичъ, хотя второе сочиненіе: „Разрушеніе ада“, если не содержательнѣе, то занимательнѣе перваго („Обращеніе“). Оно написано въ сатирическо-драматической формѣ,—дѣйствующими лицами выведены Вельзевулъ, князь тьмы, и множество дьяволовъ, изъ нихъ главными героями являются „толстый бѣсъ съ бритымъ лицомъ въ перелинѣ“, создатель Церкви, другой бѣсъ въ мантии (представитель науки), тутъ же выведены бѣсы—техническихъ и другихъ искусствъ, медицины и проч. и проч. Но съ этимъ, надѣемся, не замедлитъ подробно познакомить васъ, читатель, почтенный о. Михаилъ. Мы же замѣтимъ, что упо-

минутыя новыя писанія гр. Толстого позднѣйшаго происхожденія. — „Обращеніе“ помѣчено ноябрѣмъ 1902 г., лондонское же издательство г. Черткова (поклонника гр. Толстого) выпустило ихъ въ свѣтъ только весною текущаго года. И мы, недавно получивъ эти новыя Толстовскія злохуленія на Церковь Божію, зная, какъ пропагаторы толстовства умѣютъ широко распространять *urbī et orbī* все, что выходитъ изъ подъ пера яснополянскаго ихъ кумпра, сочли долгомъ познакомить читателей „Мисс. Обзор.“ и съ этою новинкою, поручивъ одному изъ нашихъ почтенныхъ сотрудниковъ, о. Михаилу, дать этой новой лжи на Церковь надлежащую оцѣнку съ точки зрѣнія вѣчной, пребывающей въ Церкви Божіей. правды.

Дабы не быть причастнымъ грѣху соблазна, просимъ органы печати, которые пожелали бы познакомить своихъ читателей съ новымъ богохульнымъ твореніемъ гр. Толстого, перепечатать одновременно замѣчанія и возраженія „Мисс. Обзор.“ на лживыя, обидныя для православно вѣрующаго чувства, утвержденія о Церкви и ея ученіи отверженнаго яснополянскаго еретика.

Намъ приходилось читать въ листкахъ Черткова о томъ, что яснополянскій лжеучитель ранѣе своей болѣзни общалъ поспѣшнѣ, пока живъ, написать „обращеніе“ къ людямъ двухъ, по его мнѣнію, вреднѣйшихъ профессій—военнымъ и духовнымъ. Слово свое онъ сдержалъ. Къ военнымъ онъ обратился еще въ прошломъ году съ „памятками“ для солдатъ и для офицеровъ; а теперь почтилъ своимъ вниманіемъ и духовныхъ... „Обращеніе къ духовенству“ служить новымъ свидѣтельствомъ того, какъ правъ былъ Св. Синодъ, въ своемъ посланіи объ отпаденіи Л. Н. Толстого, и какъ несправедливы тѣ, которые доселѣ все еще продолжаютъ негодовать на это законное исполненное великой правды и снисхожденія къ заблудшему дѣяніе церковной власти. Одно прискорбно, что послѣднія писанія Л. Н. отнимаютъ всякую надежду у любящихъ его на примиреніе съ Матерью-Церковью, а слѣдовательно, и на добрую христіанскую кончину. Но, да будетъ воля Божія! За будущее настроеніе яснополянскаго мудреца нельзя поручиться: ибо у него не разберешь—искренность и лицемеріе, мудрость и юродство. А вотъ новый образецъ такого юродства онъ явилъ надихъ въ нижеслѣдующемъ.

Газета „Новости“ и нѣкоторыя другія пустили слухъ о томъ, что графъ Левъ Николаевичъ Толстой пожертвовалъ 15,000 руб. въ пользу кишиневскихъ евреевъ, пострадавшихъ отъ безпорядковъ.

Теперь тѣ же «Новости» приводятъ извлеченіе изъ письма гр. Л. Л. Толстого, продиктованнаго (какъ увѣряютъ „Новости“) самимъ гр. Л. Н. Толстымъ.

Вотъ это письмо:

„М. г. Въ газетахъ появилось извѣстіе что отецъ мой, Л. Н. Толстой, пожертвовалъ въ пользу кишиневскихъ евреевъ 15 т. р. Отцу было непріятно это ложное извѣстіе: не опровергнуть его значило бы пользоваться одобреніемъ людей за то, чего не дѣлалъ; опроверженіе же этого извѣстія могло бы показаться неодобреніемъ такого поступка, что было бы совсѣмъ несправедливо.

Отецъ глубоко возмущенъ и опечаленъ случившимся въ Кишиневѣ злодѣйствомъ.

Л. Л. Толстой.

Газета „Свѣтъ“ по поводу этого письма справедливо замѣчаетъ: „читаешь и не знаешь, чему болѣе удивиться: вымыслу о пожертвованіи или этому двухстороннему письму.

Графу Толстому было непріятно „ложное“ извѣстіе и поэтому (?) онъ его не опровергъ, а теперь его сынъ опровергаетъ (или не опровергаетъ?). Съ одной стороны-де нельзя пользоваться одобреніемъ за то, чего не дѣлалъ. А съ другой опровергать извѣстіе значитъ неодобрять пожертвованіе, а это было бы несправедливо.

Что это? Чепуха, или лицемеріе?

Не проще ли было сказать: „Пожертвованія не дѣлалъ, но всякое такое пожертвованіе одобряю“, или „пожертвованія не дѣлалъ, а теперь посылаю столько-то“. Но писать то, что написалъ графъ Толстой, значитъ напускать какой-то туманъ и оставлять въ сомнѣніи на тему: а можетъ пожертвованіе сдѣлано, да графъ изъ смиренія не признается.

Всѣ эти выкрутасы мелки, недостойны автора такихъ произведеній, какъ „Война и миръ“ и „Анна Каренина“.

Изъ Канады сообщаютъ, что миссія духоворческаго полубога Веригина оказалась не такъ успѣшна, какъ писали иностранныя

газеты. Половина поселенцевъ не признавали его авторитета и непослушали увѣщаній, а наотрѣзъ отказались отъ подчиненія требованіямъ мѣстной власти о земельныхъ надѣлахъ, метрикахъ и проч. При этомъ эти маньяки, потерявъ здравый смыслъ и волю, впади въ какое-то истерическое болѣзненное состояніе и апатію — плачутъ, трясутся, неистовствуютъ. Канадскія власти рѣшили послать въ Венинегъ войска и дѣйствовать силою противъ духовъ. Вотъ достойные плоды толстовской утопіи, а вмѣстѣ и нравственная пытка для интеллигентныхъ толстовцевъ, во главѣ съ яснополянскимъ учителемъ. Но жаль несчастныхъ духовъ!

В. Скворцовъ.

ОПЕЧАТКА:

Въ № 7 «Мисс. Обзоръ» въ статьѣ Гусева: «Странная рецензія» вкрались опечатки: Въ 3 снизу строкъ на 1047 страницъ вмѣсто: читатели, должно стоять: писатели. Въ 20-й же сверху строкъ на 1056 страницъ напечатано: поименованныхъ, а должно быть напечатано: не поименованныхъ.

Н О В Ы Я И З Д А Н І Я

Редакція журнала МИССИОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

„МИССИОНЕРСКИЙ СПУТНИКЪ“

справочная **настоятельная** книжка по миссіонерству и расколо-сектоводѣнію для каждаго приходскаго пастыря и ревнителя православія.

XII отд. болѣе 800 стр. Цѣна съ пер. 1 р. 30 к. въ переплетъ.

„СОВРЕМЕННЫЙ РАСКОЛЪ“

(ПОВРЕМЕННЫЕ ВЫПУСКИ).

Въ виду того, что книга вышла въ большемъ объемѣ, чѣмъ предполагалось при первомъ объявленіи объ этомъ новомъ изданіи, Редакція вынуждена повысить цѣну, именно подписчики «Мис. Обзоръ» присылаютъ 90 к., не подписчики 1 р. 50 к. съ перес.

ПО ВОПРОСАМЪ ВѢРЫ И ЖИЗНИ.

Сборникъ религіозно-назидательныхъ, и церковно-публицистическихъ статей профес. *В. Д. Пятницкаго*.

Два тома. Ц. 2 р. съ перес.

Отъ С-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать разрѣшается. С.-Петербургъ, 13 Мая 1903 года.

Цензоръ Германъ *Александръ*

Типографія Э. Л. Пороховщикова Спб. Басейная 3.

Изъ миссіонерской полемики.

9. Бесѣда съ іудействующими о пророчественномъ благословеніи Іуды патріархомъ Іаковымъ. Мис. слѣпецъ *Алексѣй Шашинъ*. 1206—1213
Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги по вопросамъ вѣры и миссіи Церкви.
10. «Новый путь» въ его отношеніи къ старымъ путямъ и къ православной церкви. *Ив. Айвазовъ* 1214—1219
11. Петръ Кремлиевскій. Нужна ли Церковь христіанину?—Психологическое оправданіе Церкви. *П. Козицкій* 1219—1221

Хроника.

II.

12. Миссіонерство, секты и расколъ.— Новое уголовное уложеніе о наказаніяхъ и религіозныя преступленія. — Отношеніе раскольниковъ къ манифесту 26 февраля. *М.* 1222—
Корреспонденція «Миссіонерскаго Обозрѣнія», извѣстія и замѣтки. Съ Дону. Изъ Екатеринослава. Мысли о. Іоанна Кранштадтскаго по поводу Кишиневскаго Еврейскаго погрома. Возсоединеніе штундиста. Раскольничье сказаніе о происхожденіи картофеля. О религіозно-философскихъ собраніяхъ.
13. Отилки: Новая книжка графа Л. Н. Толстого: «Обращеніе къ духовенству» *Іером. Михаилъ*. 1243—1251
Со скрижалей сердца. Къ исторіи новыхъ произведеній гр. Толстого. Лукаство или юродство Яснополянскаго мудреца. Новыя вѣсти о канадскихъ духоборахъ *В. Скворцовъ* . . . 1251—1255

Подписка на „Миссіонерское Обозрѣніе“ продолжается.

Редакторъ-издатель В. М. Скворцовъ.

Адресъ редакціи — Невскій, 153.

Продолжается подписка

на большую ежедневную литературно-политическую газету

„ЗАРЯ“

выходящую въ г. С.-Петербургѣ съ 1 марта 1903 г., подъ редакціей автора «Писемъ Идеалиста» В. Ярмонкина.

Газета „ЗАРЯ“ кромѣ всѣхъ отдѣловъ, имѣющихся въ большихъ столичныхъ газетахъ,

ЕЖЕДНЕВНО даетъ отдѣльный печатный листъ

литературно-художественнаго отдѣла,

заключающій въ себѣ копіи лучшихъ картинъ изъ галлерей музея Императора Александра III, Императорскаго Эрмитажа, Академіи Художествъ, Третьяковой картинной галлерей и др. художественныхъ собраній.

Въ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМЪ ОТДѢЛѢ ежедневно помѣщаются романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія и пр.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

На 1 м.—**1 руб.**, 3 м.—**3 руб.** и на срокъ съ 1-го мая 1903 г. по 1-ое января 1904 г.—**8 руб.**

Подписавшіеся сразу на срокъ съ 1-го мая 1903 г. по 1-ое января 1904 г. получаютъ **БЕЗПЛАТНО** для комплекта два тома ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОТДѢЛА газеты **„ЗАРЯ“** за мартъ и апрѣль 1904 г., переплетенные въ художественную папку, заключающіе въ себѣ 240 страницъ формата газеты или 540 столбцовъ текста и 60 одѣльныхъ большихъ картинъ.

Главная контора и редакція газеты «Заря»—СПБ. Кузнецный пер., 2, тел. 6038.

Редакторъ-Издатель **В. Ярмонкинъ.**

1903 г. **Июнь.** годъ VIII.

МИССИОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ДВУХНЕДѢЛЬНЫЙ
ПОЛЕМИКО-АПОЛОГЕТИЧЕСКІЙ
ЖУРНАЛЬ.

№ 9.

открылся и
никъ понятій: по углу
въ міръ Его вѣснѣя и по

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Э. Л. Пороховщиковой, Басейная, 3 -5.
1903.

Содержаніе первой іюньской книжки

журнала «Миссіонерское Обозрѣніе» за 1903 годъ.

СТРАН.

1. Миръ Евангелія и трагизмъ толстовства. Свящ. *Дмитрій Силинъ* 1257—1278
2. О литературной проповѣди свящ. о. *Гр. Петрова*. Пасхальныя безцерковныя писанія свящ. *Гр. Петрова* въ его книгѣ: „Христосъ Воскресе“! 1279—1289
3. Критическій разборъ раскольничьяго сочиненія (*Усова*) «О миропомазаніи священнослужителей, присоединяемыхъ къ православію отъ ереси второго чина». Самар. епарх. миссіонеръ свящ. *Д. Александровъ* 1290—1304
4. Изъ переписки представителей молоканства и штундо-баптизма *Н. Чинновъ* 1305—1319

Изъ записокъ и дневниковъ.

5. Къ вопросу объ обезпеченіи приходскаго духовенства. (По поводу статьи г. *Золотухина*). *Священникъ*. 1320—1327
6. Кто стѣсненъ закономъ, раскольники или православные? Свящ. *Александръ Волинъ*. 1327—1332

Изъ миссіонерской полемики.

7. Бесѣды свящ. г. *Назани* о. *С. Шлеева* съ поморскимъ начетчикомъ г. *Саратова* *А. Черчимцевымъ*, веденныя ими въ предѣлахъ Уфимской епархіи въ декабрѣ 1902 года. Первая бесѣда. Лицо послѣдняго антихриста. Кто онъ будетъ? Свящ. *С. Шлеевъ*. 1333—1351
- Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати. Новыя книги по вопросамъ вѣры и міра 1351—1355
8. «Гусли»—(сектантское произведеніе). *И* 1351—1355
9. Прот. *А. Ковальничій*. Мелочи въ 1351—1355
10. Свящ. *Д. И. Ромашковъ*. О духовной смерти и духовномъ воскресеніи графа *Л. Н. Толстого*. *М. Л.* 1353—1355
11. Свящ. *М. И. Менстровъ*. Въ защиту трезвости и Судьбы Божіи неисповѣдимы. 1355—1356

Миръ Евангелія и трагизмъ толстовства.

IV.

Остановимся еще на одномъ существенномъ пунктѣ нашего вѣроученія, соблазнительномъ для Л. Н. Толстого, — на догматѣ о Св. Троицѣ. Многое изъ сказаннаго нами выше уясняетъ и этотъ догматъ.

Первое наше объясненіе и здѣсь: «Онъ сказалъ». Слово и откровеніе Господа Иисуса — вотъ наша основа. Ученіе о Троицѣ, какъ хорошо извѣстно Льву Н—чу, скорѣе соблазняетъ «внѣшнихъ» и удаляетъ отъ Церкви, чѣмъ приближаетъ къ ней; поэтому подлога въ Евангеліи по поводу этого ученія нельзя искать. Нельзя предполагать и ошибки, такъ какъ это ученіе тѣсно и гармонически связано со всѣмъ міровоззрѣніемъ и богословіемъ Евангелія. Ученіе Иисуса Христа объ Отцѣ, о Себѣ Самомъ, какъ превѣчнымъ Сынѣ Его, единосущномъ и единокровномъ, и объ Утѣшителѣ—Духѣ, о крещеніи во имя Отца и Сына и Святаго Духа, — все это каждый можетъ видѣть въ Евангеліи, какъ основу и сущность всего его догматическаго ученія.

«Человѣкъ—сынъ безконечнаго начала», скажемъ словами Льва Н—ча, но самъ—существо вчерашнее и ограниченное. Ни всѣ возможности бытія мірового, ни всѣ потенціи и понятія духа не могутъ считаться его совершеннымъ достояніемъ во всей полнотѣ. Въ жизни міра и особенно въ этомъ «безконечномъ Началѣ» для него много совершенно новыхъ, не сводимыхъ на его наличныя понятія, потенцій. Мой разумъ—всплескъ мірового Разума; этотъ Разумъ безконечно выше меня, онъ неисчерпаемъ для меня и вѣчно новъ. Онъ открылся намъ, возможно ясно и опредѣленно, въ терминахъ нашихъ понятій; но углубиться далеко внутрь Его откровеній, перейти въ міръ Его потенцій и понятій, — а ихъ такъ же нельзя исчерпать, какъ ложкою море,—это для насъ пока преждевременно. Для простой вѣры словамъ Божиимъ и такого сознанія достаточно; для

*) См. «Мис. Обзор.» № 8.

высшей же есть путь (конца котораго, правда, мы еще не видимъ) къ болѣе полному и ясному разумѣнію Божіихъ откровеній, такъ какъ Богъ Самъ ведетъ челоѣка къ полнотѣ Своего свѣта и совершенства, Самъ этого хочетъ для него.

Какъ изъяснялось выше, ученіе о единомъ личномъ Началѣ бытія, Богѣ,—необходимо рациональное требованіе религіи, нашего духа и совѣсти. Въ ученіи Евангелія это Начало раскрывается какъ единство по существу трехъ Божественныхъ Лицъ. Иисусъ Христосъ есть Богъ Истинный (Іоан. 20, 28, 29; 1 Іоан. 5, 20); но Онъ отличаетъ Себя отъ Отца, говоря, что Онъ—Сынъ, но что Онъ, однако, едино съ Отцемъ, Отецъ—въ Немъ, видѣвшій Его видѣлъ Отца. Въ служеніи и любви Сына Божія намъ явился Отецъ, открывъ намъ чрезъ Него Свою искупающую и возстановляющую падшаго любовь. Затѣмъ, въ сошествіи, дарахъ и дѣйствіяхъ Духа Святаго Онъ явилъ намъ Свою духовную животворящую силу, какъ жизнь равномошнаго и равнобожественнаго Ему Лица.

Вся жизнь Иисуса Христа по Евангеліямъ, всѣ Его слова, дѣла и чудеса, весь смыслъ Его ученія и жизни привели и приводятъ «чистыхъ сердцемъ» къ тому результату, какой мы видимъ въ исповѣданіи Его учениковъ: «Господь мой и Богъ мой» (Іоан. 20, 28; 1 Іоан. 5, 20; Матѣ. 16, 16; Іоан. 6. 69)! Евангеліе было бы совершенно непонятнымъ, самопротиворѣчивымъ и немыслимымъ фактомъ, если бы можно было не признать божественности Христа. Безъ совершенной очевидности того, «что Иисусъ есть Христосъ, Сынъ Божій» (Іоан. 20, 31), не было бы ни проповѣди Апостольской, ни Евангелія, ни Церкви. За буквальную подлинность Евангелія, какъ говорилось раньше, ручается вся почти двухтысячелѣтняя исторія Церкви, ея безусловное благоговѣніе даже къ малѣйшей іотѣ или чертѣ Евангелія и многіе непререкаемые историческіе памятники и свидѣтельства. Но и безъ тщательныхъ историческихъ изслѣдованій самый тонъ, духъ и смыслъ Евангелія слишкомъ необыкновенны и, безъ малѣйшаго сомнѣнія, дѣлаютъ очевидною для читателя (если только въ немъ самомъ нѣтъ болѣзненныхъ неблагоприятныхъ условій) совершенную психологическую и фактическую невозможность челоѣческаго творчества или подсочинительства въ этой книгѣ. Уяснявшійся выше, подлинно-евангельскій необъятный и необходи-

мый (истинно Божественный) религиозный смыслъ дѣла и жизни Іисуса Христа, абсолютно-безгрѣшный міровой характеръ Его ученій и заповѣдей, ихъ не-человѣческая сила и власть,—все это въ связи съ чудесами и воскресеніемъ, съ ясной и простой необходимостью увѣрило и увѣряетъ Его послѣдователей въ Божествѣ Его и въ безусловной правдѣ Его свидѣтельства объ Отцѣ, о Себѣ и о Духѣ.

Непосредственное прикосновеніе Божества ощутительно сказалось въ первые вѣка нашей эры: дары языковъ, чудеса, мученичества, пророчества, вѣры, разумѣнія и др., — вотъ силы и дѣйствія Духа Святаго въ сердцахъ вѣрующихъ; это — дары жизни духовной, необходимые нашему часто до отчаянія косному и инертному существу, — дары, согласные съ нашимъ понятіемъ о Богѣ, имя Которому — Любовь. Этотъ фактъ раньше былъ истолкованъ Христомъ, какъ «утѣшеніе», какъ личное дѣйствіе «Утѣшителя». Конечно, могли бы быть заблужденія въ ученіи объ этой вдохновляющей Силѣ (модализмъ), если бы не было точнаго и опредѣленнаго ученія Христа. Онъ говорилъ Своимъ Апостоламъ, что вмѣсто Него придетъ «другой Утѣшитель», другой Посланникъ отъ Отца для наученія и спасенія людей (Іоан. 14, 16, 17, 26; 15, 26; 16, 7, 8, 13, 14) и повелѣлъ имъ крестить спасаемыхъ «во имя Отца и Сына и Святаго Духа (Матѣ. 28, 19)», поставивши имя Святаго Духа рядомъ и въ одномъ смыслѣ съ именемъ Отца и Своимъ.

По ученію Іисуса Христа, Богъ—единъ (Марк. 12, 29); однако имя Его есть «имя Отца и Сына и Святаго Духа». Господь хранилъ ученіе объ единомъ Божествѣ отъ умаленія и искаженія его невѣрующими въ Него (Лук. 18, 19); однако ублажалъ тѣхъ, которые, не осязая и не видя Его, повѣрятъ, что Онъ—Господь ихъ и Богъ ихъ (Іоан. 20; 28, 29). Отецъ, Сынъ и Святой Духъ раздѣльны лично, различаются по именамъ и отношеніямъ, но Они—одного существа: что имѣетъ Отецъ, то принадлежитъ Сыну, то даетъ и Духъ Святой (Іоан. 10, 30; 14, 10; 15, 26; 16, 13—15). Сынъ и Святой Духъ отдѣльны отъ Отца Лица, однако они нераздѣльны съ Его существомъ: Сынъ рожденъ отъ Отца и Духъ Святой исходитъ отъ Него; Они, какъ и Отецъ, суть самостоятельныя личныя безусловныя выраженія единой Божеской жизни, единаго Божескаго существа, по которому Они—нераздѣльное единство.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ прель собой, какъ непогрѣшимое слово и заповѣдь Христа, какъ подлинное ученіе Евангелія, — исповѣданіе Бога Единого въ трехъ Лицахъ.

Въ этомъ ученіи Льву Н—чу непонятно наше единобожіе: единство Божественности, равенство и единосущіе трехъ Лицъ Божества. То, что не одна личность въ Богѣ, а три, на это мы можемъ только сказать: такъ намъ открыто, — Богъ — Тріединъ. Въ этомъ ученіи подлежитъ, конечно, уясненію не слово или цифра три, а единство Трехъ. Ученіе, открытое Богомъ, остается таковымъ, много-ли, мало-ли мы его уясняемъ для себя. Совершеннаго конкретнаго его разумѣнія мы пока не имѣемъ: оно совершенно примитивно, виѣопытно; Божественное Тріединство не имѣетъ почти никакихъ аналогій въ нашемъ земномъ мірѣ. Однако, такъ какъ мы «чада Божіи» и «причастники Божескаго естества», участники Божіей жизни, то для насъ должны быть и дѣйствительно существуютъ пути къ постепенному, все болѣе и болѣе совершенному, конкретному и полному уясненію его.

Изъ всего ранѣе нами сказаннаго можно видѣть, что сущность христіанскаго ученія состоитъ въ томъ, что «любовь Божія» (Рим. 5, 5; Ефес. 3, 19), или жизнь Отца (1 Іоан. 1, 2), т. е. нравственное содержаніе существа Божія (раскрывшееся въ дѣлѣ и любви Іисуса Христа) дѣлается достояніемъ человѣческаго сердца и полагается въ основу его жизни, какъ Божественный всеобщій жизне-созидательный принципъ. Въ развитіи всѣхъ высшихъ силъ и способностей нашего духа мы наблюдаемъ частное многостороннее раскрытіе этого единого принципа. Человѣкъ истинно можетъ жить только по Творческимъ законамъ бытія, по разуму Божію, по идеаламъ Божественнаго совершенства. Умъ у насъ такой, а не иной, потому, что такова его природа и такимъ развиваютъ его факты и впечатлѣнія міра; а въ этой созидающей и воспитывающей нашъ умъ средѣ выразился Разумъ Творца. Кто шире имѣетъ опытъ въ познаніи природы міра и духа, кто дальше въ нее проникаетъ и кто объективнѣе мыслить, тотъ и стоитъ ближе къ идеалу познанія. Полнота этого идеала есть совершенное согласіе и единство ума съ разумнымъ Началомъ міра, — усвоеніе разума Творческаго во всей его полнотѣ. И этотъ Разумъ — одинъ. Одна истина. Несовершенныхъ

субъективныхъ мнѣній много, но объективная безусловная истина одна: на ней стоитъ одинъ міръ, утверждается одна міровая гармонія и одинъ порядокъ. Иначе нельзя: не было бы жизни, а было бы уничтоженіе: по двумъ идеямъ устроить одного предмета невозможно. То же самое должно сказать объ основныхъ принципахъ нравственности (добро), искусства (красота), и счастія (совершенство). О какой бы сторонѣ въ развитіи нашего духа мы ни говорили, мы непремѣнно убѣдимся, что основа въ ея развитіи одна и что корень и полнота ея—въ Богѣ. Хотите познанія—васъ удовлетворить только безусловное совершенное вѣдѣніе и всевѣдѣніе; идете къ добру—васъ мучить и тѣнь зла; ищете прекраснаго—по ступенямъ условной красоты вы взойдете до жажды безусловной и вѣчной красоты, зрѣлище которой дало бы высшую цѣнность вашей жизни, очищая ее и отражаясь въ ней. Такъ и во всемъ: чѣмъ выше и нормальнѣе человѣкъ по духовному развитію, тѣмъ больше онъ жаждетъ благодати, всемогущества, всемірнаго торжества идеаловъ своей совѣсти, самаго близкаго и плодотворнаго участія въ каждой жизни, полноты всеобщей радости и т. д. Все это — свойства Божественной жизни, единственной, доступной человѣку только при возможномъ для твари единеніи съ Богомъ. Полная мѣра развитія и удовлетворенности духа есть, такимъ образомъ, усвоеніе единаго Божественнаго существа, такъ или иначе посредственно открытаго или доступнаго непосредственно. Въ этомъ усвоеніи—безчисленное количество ступеней невольныхъ и вольныхъ, настоящихъ и будущихъ, но въ общемъ—смыслъ мірового процесса въ царствѣ людей (духовъ) не можетъ быть представленъ иначе. Начинаясь съ усвоенія малѣйшихъ посредственныхъ выраженій Творческаго ума и воли, подлинное развитіе духа человѣческаго можетъ завершиться только при непосредственномъ, существенномъ и реальномъ единеніи съ одной подлинной основой и началомъ всего существующаго, съ Богомъ — во всей полнотѣ славы и жизни Его существа. Тогда мы «будемъ подобны Ему, потому что увидимъ Его, какъ Онъ есть» (1 Иоан. 3, 2; ср. 2 Кор. 3, 18), и «будетъ Богъ все во всемъ» (1 Кор. 15, 28)!

Итакъ, непреходящая основа и вѣчное содержаніе нашего подлиннаго и полнаго существованія есть единая жизнь Божія, содер-

жаніе единого Божественнаго Существа;—единого, потому что оно—единый Разумъ, единая Истина, единое созидающее Начало міровой жизни. Слѣдовательно, живы и развиваясь истинно, объединяясь съ этимъ подлиннымъ единымъ началомъ нашей вѣчной жизни, мы всѣ приходимъ къ единству. Въ концѣ своего развитія всѣ личности живутъ единымъ существомъ Божиимъ; сущностью, цѣною и смысломъ ихъ бытія становится сущность и слава бытія Божія.

Это и есть идеалъ, поставленный Іисусомъ Христомъ, какъ цѣль для человѣчества, созидаемаго постепенно по образу Создавшего его. «Да будутъ всѣ едино (молился Онъ): какъ Ты, Отче, во Мнѣ, и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ Насъ едино... И славу, которую Ты далъ Мнѣ («славу Единороднаго»), Я далъ имъ: да будутъ едино, какъ Мы едино». Сущность этой славы и путь къ единству—любовь Божія: «Ты возлюбилъ ихъ, какъ возлюбилъ Меня; и Я открылъ имъ имя Твое и открою, да любовь, которою Ты возлюбилъ Меня, въ нихъ будетъ и Я въ нихъ» (Іоан. 17, 21, 22, 23, 26).

Этимъ высочайшимъ идеаломъ человѣкъ призывается къ сущевенному участію въ глубочайшей сокровенной жизни Божіей. Однако это—не уничтоженіе личностей, не сліяніе ихъ въ какое-либо иное бытіе, а подлинное ихъ утвержденіе и расцвѣтъ. Единственно, гдѣ личность имѣетъ полную свою цѣну и цѣлость, такъ это именно въ Богѣ; все частное, индивидуальное имѣетъ полную свою цѣну въ подлинной жизни человѣка, все истинное служить его цѣли, все доброе имѣетъ свое прочное мѣсто въ разнообразномъ и многосложномъ выраженіи любви и воли Божіей, все отъ Бога и для Бога; а на личной жизни Онъ наложилъ вѣчныя черты Свой—самобытность и самостоятельность. Драгоценно не какое-либо общее безразличное единство, а именно единство личностей, единство при рѣзко выраженной каждой индивидуальности. Истинное развитіе именно личностей ведетъ къ подлинному предначертанному намъ расцвѣту нашего существа до единосуція *) его съ Божественными Личностями и въ Богѣ—со всѣми прочими тварными.

Теперь, думается, намъ нѣсколько понятнѣе, что такое—единосуціе личностей. Это—подлинная всесовершенная жизнь личнаго

*) Конечно, ограниченного, возможнаго для тварей.

духа; единоличная жизнь не можетъ быть жизнью любви, это было бы уменьшеніемъ (регрессомъ) личной жизни. Въ ученіи о Св. Троицѣ намъ открыта внутренняя жизнь Божія, и изъ этого откровенія намъ отчасти понятны ея совершенство и полнота. Существо Божіе едино, но оно есть нераздѣльная жизнь трехъ Божественныхъ Лицъ. Три Божественныхъ Лица, но—Они едино по существу: едина Ихъ истина, любовь, святость, нераздѣльна Ихъ сила и власть жизни—единое разумное и благое начало всякаго бытія.

Имена Отца, Сына и Св. Духа, съ ученіемъ о «рожденіи» и «исхожденіи», указываютъ на различіе Личностей въ Богѣ и на Ихъ ближайшія, въ единосущной жизни, отношенія, и при томъ—для людей, человѣкообразно; такъ что здѣсь нѣтъ указанія на временное будто бы начало бытія Сына и Св. Духа: Отецъ, Сынъ и Св. Духъ—единое, нераздѣльное, вѣчное и безначальное бытіе, Отецъ никогда не существовалъ безъ Сына и Св. Духа, рожденіе и исхожденіе, это—образныя человѣкопонятныя, хотя и наиболѣе близкія къ существу предмета, обозначенія, полный ихъ реальный смыслъ—тайна бытія и существа Божія.

У насъ есть надежда на полное успокоеніе ума отъ всѣхъ, мучительно его волнующихъ, вопросовъ, недоумѣній и непониманій. Мы поймемъ во всей полнотѣ жизнь Божію, когда «будемъ подобны Ему», когда «увидимъ Его, какъ Онъ есть». Слова Господа Іисуса увѣряютъ насъ, что движеніе подлиннаго высшаго развитія человѣческаго духа направляется къ участію въ Божественной единосущной жизни Св. Троицы. Только мы пока не можемъ представить себѣ съ совершенной ясностью тождества или конкретнаго единства существа личностей въ царствѣ Отца. Намъ представляется пока какое то общее, отвлеченное, нравственное единство; тогда какъ въ Богѣ оно мыслится, какъ метафизическое конкретное единство существа Божественныхъ Лицъ, подобно тому, какъ если бы силы души нашей, умъ, чувство и воля, имѣли отдѣльныя личныя сознанія и все-таки составляли бы одно существо нашего духа. Но не загадка ли для насъ и наша природа? извѣстны ли намъ подлинныя вѣчныя связи и взаимовліяніе душъ нашихъ? Не къ одному только нравственному единству мы восходимъ: каждый моментъ нашей подлинной вѣчной жизни долженъ быть поставленъ въ связь и подѣ

вліяніе единой Божественной жизни и силы. Не придемъ ли мы всѣ къ совершенному единству по всѣмъ сторонамъ нашего бытія: не замѣнится ли раздѣляющая и сковывающая насъ наша многосложная природа единствомъ и свободой Божественнаго существа, къ которому привьются вѣчно самостоятельныя личности? Почему отъединенная личность замираетъ? почему мы развиваемся при единеніи съ другой личностью? почему тяготѣемъ къ личности иного, чѣмъ мы, склада ума, воззрѣній, чувствъ и характера, не теряя, а усиливая свой складъ и характеръ? Какъ будто у каждаго есть своя заветная идея и мысль, составляющая необходимый моментъ въ единой міровой Идеѣ и Мысли, необходимый аккордъ въ общей вѣчной гармоніи любви; въ силу чего каждая личность дорога и незамѣнима для всѣхъ и всѣ для каждой... Не извѣстно еще, что-будетъ! А когда будетъ извѣстно, будемъ подобны Создавшему насъ, потому что увидимъ Его, какъ Онъ есть (1 Іоан. 3, 2).

Личныя жизни стремятся къ единству, къ полнотѣ любви. Что раздѣляетъ ихъ? Ихъ несовершенная, неразвитая или уродливо искаженная природа. Исправленіе и развитіе этой природы или существа ихъ совершается по единому идеалу (объективному, безусловному). Развиваясь и ища любви, мы стремимся придти къ полному согласію и единству въ самомъ дорогомъ и основномъ содержаніи нашего существа въ истинѣ, въ разумѣніи, въ чувствѣ, въ добрѣ, въ поклоненіи Высшему. Условные моменты этихъ сторонъ бытія—разнообразны и противорѣчивы; совершенныя ихъ полнота и истинность представляютъ безусловное единство и высочайшую гармонію. Развиваясь, мы приходимъ, поэтому, къ единству того, чѣмъ живемъ, къ единству существа. Полнота и истина наша, т. е. безусловное совершенство тѣхъ сторонъ нашей природы, какими мы подлинно живы и въ какихъ ищемъ всеобщаго согласія и единства,—въ существѣ и жизни Бога; въ Немъ, значитъ,—наше единство. Безусловно-полное и совершенное отраженіе Его есть, такимъ образомъ, принципъ единства личностей по существу.—Личности объединятся при полномъ развитіи (по образу Божію) своего существа, но и при совершенномъ развитіи личнаго сознанія. Замѣчательно, что, чѣмъ выше наше развитіе по общечеловѣческому идеалу; тѣмъ развитѣе и крѣпче въ

насъ наше личное сознаніе, чувство своей самостоятельности, самоотвѣтственности и свободы. При полномъ совершенствѣ нашего существа въ Богѣ, безусловность и самостоятельность нашего личнаго сознанія также всецѣло усовершатся. Въ этомъ завершеніи бытія—личности каждая по своему выражаютъ единое подлинное бытіе—Божіе. Это Бытіе—едино, раздѣленіе въ немъ—только личныя разнообразныя его выраженія. Если бы оно не было единымъ, то не было бы удовлетворенія и покоя личнымъ жизнямъ, ибо смыслъ ихъ бытія въ полнотѣ любви и единства. Если бы не было различія личностей и ихъ отношеній на лонѣ «единого»,—въ этомъ единомъ не было бы жизни (въ ея высшемъ нравственномъ смыслѣ).—Такое единство личностей на лонѣ существа Божія, очевидно, должно мыслиться не въ общихъ и отвлеченныхъ чертахъ, а со всею строгою и конкретною опредѣленностію. Вполнѣ живы и совершенны не моменты нашего размышленія о жизни, не представленія и внутреннее переживаніе ея на основаніи этихъ представленій, а непосредственное конкретное воспріятіе ея. Поэтому наше совершенство въ Богѣ есть конкретное воспріятіе Божественной жизни. Жизнь Божія будетъ въ то же время жизнью и всѣхъ связанныхъ и объединенныхъ въ Богѣ личностей: въ царствѣ Отца мы будемъ жить—Его мыслями, чувствами, хотѣніемъ и дѣлами, которыя будутъ достояніемъ высшаго развитія нашего личнаго разума и нашей личной свободы. Это и есть то, что разумѣлъ Апостолъ, говоря, что «будетъ Богъ все во всемъ». Во всѣхъ личныхъ жизняхъ Богъ будетъ всѣмъ, чѣмъ они живы,—ихъ существомъ и всѣ они съ Нимъ и въ Немъ будутъ «едино».

Это—высшее, ближайшее и опытное проникновеніе въ тайну единосущія Божественныхъ Лицъ. Тогда откроются намъ эти тайны и нашей, невѣдомой намъ въ цѣломъ, жизни и божественной. Начало этихъ откровеній мы имѣемъ и теперь, ибо и теперь «мы Имъ, Богомъ, живемъ и движемся и существуемъ» (Дѣян. 17, 28).

Полное единство съ Божественной жизнью это—перспектива нашего безконечнаго развитія. Но, конечно, и цѣлая вѣчность не наполнить безпредѣльнаго разстоянія между Творцомъ и тварью. Одно дѣло—единство тварныхъ, измѣнчивыхъ, условныхъ и ограниченныхъ существъ и личностей, и совсѣмъ

другое—безначальное и совершенное вѣчное единство по существу Творческихъ безусловныхъ Личностей. Поэтому нужно сказать слѣдующее: для Бога все возможно, все—въ десницѣ Его, нѣтъ предѣла Его снисхожденію и любви, все Онъ можетъ намъ дать, но если бы что и осталось для насъ вѣчной тайной въ Его существѣ и жизни, даже въ нашей собственной природѣ, то неужели бы мы соблазнились этимъ, неужели стали бы требовать у Него отчета?!

Для нѣкоторыхъ соблазнительна самая эта незримая высота предначертаннаго намъ идеала, такъ какъ въ нѣкоторые моменты, а иногда и во многіе моменты своего существованія, человѣкъ представляется ужасающимъ ничтожествомъ. Но, во-первыхъ, онъ представляется таковымъ только съ высотъ, на которыхъ мы, значить, иногда стоимъ; почему низины не—наши паденія? и почему высоты не—наша подлинная жизнь? Во вторыхъ, въ томъ-то, между прочимъ, и состоитъ особенное, истинно только Богу свойственное, величіе Божіей любви и снисхожденія, что Онъ зоветъ насъ къ славѣ Своей жизни изъ такого ничтожества. Многіе изъ высшихъ духовъ, призванные къ этому, возгордились и пали. Теперь уничиженіемъ и кровью креста Сына Своего зоветъ Отецъ къ участию въ Своей жизни насъ, зачатыхъ изъ пепла и праха, рожденныхъ во грѣхѣхъ, униженныхъ паденіями, отягченныхъ страшной немощью своей плоти, но сознающихъ въ себѣ проблески божественныхъ чертъ, ошущающихъ прикасающуюся къ намъ благую и родную Силу, предъ которой ничтоженъ весь міръ, и горячимъ сердцемъ, живыми вѣчными корнями души приросшихъ къ Отцу своему, въ Которомъ для насъ—все и безъ Котораго все—ничто. Конечно, идеалъ слишкомъ высокій, мы не осмѣлились бы сами и мечтать о немъ, если бы Богъ не создалъ насъ по образу Своему, если бы не заповѣдалъ уподобляться Первообразу нашему и не ободрилъ бы сердца нашего высокимъ довѣріемъ, высказавши, что оно способно вмѣстить любовь Сына Божія къ роду человѣческому, любовь Отца къ Сыну и вѣчное причастіе Духа Святаго (Іоан. 15, 12; 17, 26; 14, 16). Съ тою цѣлью и изумилъ насъ Отецъ снисхожденіемъ и уничиженіемъ Своего Единороднаго, чтобы мы не трепетали разбеки отъ своего возвышенія и приближенія къ Божеству. Тотъ, Кто внушилъ намъ высочайшій идеалъ жизни, далъ намъ и силу искать его и указалъ къ нему путь...

Итакъ, въ таинствѣ Св. Троицы намъ уясняются сокровенныя глубины жизни Божіей и вѣчныя перспективы нашей. Здѣсь уясняется для насъ, почему Богъ—любовь, почему образъ и подобіе Его и принципъ жизни міра—«единство въ любви». Здѣсь понятна намъ любовь Бога не только какъ милующая и благодѣющая но и какъ любовь къ предмету самодовлѣющему для нея, къ идеалу, къ Богу (Іоан. 20, 17), какъ любовь всеблаженная. Это—завершеніе-системы христіанскаго религіознаго міропониманія; это—единственное освѣщеніе сущности, мірового значенія и самоцѣнности любви. Здѣсь мы видимъ корень и начало всякаго единства, любви, добра и жизни на землѣ и всюду.

И если Самъ Богъ открылъ намъ это и повелѣлъ такъ проповѣдать, и если мы понимаемъ, что совершенное единосущіе Божественныхъ Лицъ есть единое подлинное самоцѣнное вѣчное бытіе, къ которому мы такъ рвемся,—единая основа всякаго бытія и жизни всякой любви и единства, то неужели мы будемъ шарлатанами, если не послушаемся Льва Николаевича и будемъ учить и крестить по заповѣди Христа—во имя Отца и Сына и Святаго Духа, убѣждая людей соблюдать все, что Онъ завѣщалъ намъ?..

Вы—художникъ, Левъ Николаевичъ. Даже по этимъ бѣглымъ штрихамъ и эскизамъ, какія мы пытались набросать въ разсужденіи, вы, думается, могли бы вообразить всю необъятную и дивно-гармоническую систему жизни и мысли, какъ ее представляетъ христіанское религіозное ученіе. Вы не найдете еще ея подробнаго и полнаго научнаго изображенія, это—неисполненное пока дѣло богослововъ, требующее всесторонняго изученія всей жизни міра, всѣхъ откровеній и дѣлъ Божіихъ и всѣхъ состояній и оттѣнковъ человѣческаго духа. Впрочемъ, это можно сказать о всѣхъ наукахъ: предъ каждой изъ нихъ лежатъ необъятныя перспективы. Набросать нѣсколькими штрихами картину природы легче, чѣмъ подробно и научно описывать ее. И какъ все въ природѣ неисчерпаемо, то тѣмъ болѣе неисчерпаема природная дѣйствительность нашего духа и жизни Божественной. Важно установить основные пункты, съ которыхъ можно бы было обозрѣть всю картину жизни въ ея дѣйствительности, и съ этимъ непосредственнымъ созерцаніемъ жизни не сравнится ни одно подробное художественное или научное ея изображеніе.

Представивши нашу христіанскую систему міровоззрѣнія, вы можете быть, убѣдились бы, что иначе понять жизнь міра мы не можемъ, что это все объемлющая и все объясняющая система, всему дающая свѣтъ и смыслъ, и что въ основѣ ея—Творческій умъ.

Но кажется, что даже и по представленнымъ нами бѣглымъ эскизамъ можно уже понять хотя бы то, что христіанское церковное ученіе не на воздухѣ виситъ, не за копейку придумано, не эгоизмомъ обскурантовъ вдохновляется; что, исповѣдуя это ученіе, мы искренно вѣруемъ и знаемъ, во что вѣруемъ. Если такъ, то будьте и для насъ братомъ и честнымъ писателемъ, относитесь къ намъ, если ужъ такъ угодно вамъ истину за ложь почитать, какъ заблуждающимся, къ несчастнымъ, увлеченнымъ, а не старайтесь причинить намъ боль неправдою и грубостью своихъ рѣчей.

Одинъ Разумъ создалъ вселенную, и все—въ Немъ имѣетъ основаніе, объясненіе и гармонию. Чѣмъ гармоничнѣе міропониманіе и чѣмъ болѣе широкую область обнимаетъ оно, тѣмъ ближе оно къ этому единому міродержавному Разуму. Въ этомъ отношеніи христіанское міровоззрѣніе единственно и незамѣнимо. Какъ истина Божія, коротко и ясно оно, и однако всѣ необъятныя системы мудрецовъ человѣческихъ исчезаютъ въ немъ. Вся жизнь міра озарена въ немъ, своимъ полнымъ смысломъ. Все, начиная съ мельчайшей пылинки, съ бѣднаго полевого цвѣтка и до ближайшихъ пламенѣющихъ служителей престола Вседержителя, озарено для насъ одной мыслью, одной любовью и властью, все движется и живетъ по одному мановенію, все служитъ Единому. Нѣтъ такого порыва и чаянія духа нашего, нѣтъ такой радости и любви сердца, нѣтъ такого горя, паденія или подавляющаго испытанія, которыя не находили бы для себя во Христѣ, въ Евангельскомъ міропониманіи, удовлетворенія или надежды, объясненія или исправленія, обличенія или исцѣленія: все здѣсь поставляется подъ единственно истинное и живоносное освѣщеніе. Это и созидаетъ въ христіанинѣ гармонию духа, тотъ «міръ Божій», міръ Христова Евангелія, «который превыше всякаго ума и который соблюдаетъ сердца наши и помысленія наши во Христѣ Иисусѣ» (Филип. 4, 7). Этотъ міръ и завѣщалъ намъ Христосъ: «міръ оставляю вамъ, міръ Мой даю вамъ... Да имѣете въ себѣ радость Мою совершенную» (Іоан. 14, 27; 17, 13; 16, 22).

Чему въ мірѣ дана свобода и путь самостоятельнаго развитія, то или ищетъ «пути Божія», или живетъ по разнымъ внушеніямъ, рабствуя, вопреки своей природѣ, стихіямъ міра, или увлекается своимъ произволомъ; отчего или создается гармонія жизни, или производится нестерпимый диссонансъ. Жить тѣмъ, что лежитъ въ основѣ всей жизни міра, это значитъ стоять на единственномъ пути къ правдѣ, свободѣ и миру. Единое начало и основа жизни—«воля Отца», сущность и внутренняя жизнь святыни Его—«любовь Божія». Эта любовь, при непосредственномъ отношеніи къ жизни Божіей (новый «завѣтъ»), должна сдѣлаться достояніемъ сердца человѣческаго, чтобы жизнь человѣка была истинною, полною силы, мира и правды, совершеннаго согласія съ разумомъ и волею Бога. Жизнь Божія, открытая въ ученіи вѣры нашей, отражается въ нашихъ душахъ, преображая ихъ по образу Создателя, дѣлая праведными, питая Его чувствами и волей. Такъ «оправдавшись вѣрою, мы имѣемъ миръ съ Богомъ чрезъ Господа нашего Іисуса Христа»; въ этомъ для насъ полнота вѣчныхъ надеждъ, созидательной силой и залогомъ исполненія которыхъ служить данная намъ благодатная Божія сила, «потому что любовь Божія излилась въ сердца наши Духомъ Святымъ, даннымъ намъ» (Рим. 5, 1, 2, 5). Эта любовь источникъ той вѣчной радости, «которой никто не отниметъ у насъ (Іоан. 16, 22), ибо мы увѣрены, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не можетъ отлучить насъ отъ любви Божіей во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ» (Рим. 8, 38, 39).

Да, не по разуму мудрецовъ земныхъ, не по любви благодѣтелей человѣческихъ устроена жизнь міра и человѣка, а по разуму и любви Бога. Во имя своей мудрости и любви вы, мудрецы земные, не дали бы намъ права постоянно звать Отца нашего и дерзновенно молиться Ему, вы отказали бы нашему ничтожеству въ снисхожденіи Единороднаго отъ Отца, вы разочаровали бы всю радость жизни ученіемъ о торжествѣ вѣчной смерти*). Только Божія

*) Въ ученіяхъ земныхъ мудрецовъ есть, конечно, слова истины и жизни, потому что ни одинъ мудрецъ не можетъ совершенно уклониться отъ вліянія разума Отца жизни, разлитыхъ и выраженныхъ всюду въ мірѣ.

любовь дала намъ такія благодѣянія, отъ которыхъ доселѣ еще мы вполне не опомнились, отъ которыхъ еще такъ сильно трепещетъ сердце наше и иногда готово чуть не противиться чрезмѣрной ихъ благостынѣ! Но странное что то происходитъ на нашей землѣ: Кто пришелъ во имя Отца Своего, во имя Его любви и воли, Того не принимаютъ; а кто приходитъ во имя свое, во имя своего разумѣнія и чувства, того принимаютъ (Іоан. V, 43).

Намъ хотѣлось бы, Левъ Николаевичъ, внушить вамъ пониманіе этой оживляющей любви Божіей, крестопоснаго призыва Сына Божія, въ замѣну или живой расцвѣтъ вашей любви—то холодной и суровой, то ищущей себѣ покоя и тепла.

Почему эта благовѣствуемая нами любовь не переродила всей Церкви и міра?—спросите вы. Въ этомъ мы и васъ согласны бы были послушать. Въ этомъ вы помогли бы намъ, если бы доброжелательно и братски указывали, въ чемъ грѣхи наши и міра, что дѣлаетъ насъ глухими и слѣпыми къ призывамъ Божіей любви, въ чемъ мы противорѣчимъ исповѣдаемому нами упованію? Развѣ мы говорили когда, что все въ жизни Церкви безусловно совершенно, все отъ Бога, все неизмѣнно? Развѣ не вѣрена истина Божія и благодать человѣческимъ силамъ и средствамъ, ихъ свободѣ и вѣчному развитію? Неужели такъ трудно различить въ жизни Церкви Божію силу и нашу немощь? Бичуйте насъ за нашу несогласованность съ волей и Духомъ Отца, но не пытайтесь унижить дѣла Божія, которымъ только и живо человѣчество. Чрезъ ваши мысли прошли многіе служители вѣры и однако утвердились въ ней. Соблазны и нетвердость первыхъ шаговъ исчезаютъ при дальнѣйшемъ болѣе полномъ и жизненномъ воспріятіи ученій вѣры, при дальнѣйшемъ неуклонномъ слѣдованіи по пути подлинной любви.

Вы не отклонились бы отъ единой Истины, если бы не начали съ отрицанія личности. Всѣ ваши понятія изъ міра нравственного стали двусмысленны, неточны, темны, Имена великія отвлеченныя и личныя въ вашихъ рѣчахъ уже не могли имѣть своей подлинной силы. Признавъ, что жизнь ваша—личная, вы на всю жизнь взглянули бы иначе. Вы съ логической необходимостью признали бы личное разумное Начало жизни духа и міра и безусловную необходимость личнаго нравственного отношенія къ Нему человѣка. Вамъ

представилось бы хулой на Бога, на Его любовь, если бы вамъ сказали, что Онъ не открылся, не подалъ руку помощи въ дѣлѣ очищенія и вдохновенія падшаго, изстрадавшагося, ищущаго и завушаго Его, человѣчества.

Вмѣсто уясненія полной системы жизни вы остановились на нѣкоторыхъ, правда, весьма существенныхъ, нравственныхъ явленіяхъ человѣческаго духа. Объ этихъ явленіяхъ вы сказали много живыхъ словъ, заслуживающихъ самой глубокой признательности. Но въ цѣломъ и въ своихъ отрицаніяхъ ваше міровоззрѣніе полно мучительныхъ диссонансовъ, туманностей, мрака и неправды. Почти все оно построено на основаніи того, что когда-то (не въ минуту гениальнаго озаренія, конечно) вамъ показалось, что вы—безличное существо. Вы значительно пассивно усвоили нѣкоторыя фантастическія положенія матеріалистической науки, потому вамъ и показалось это. Но какое же это худое и малое основаніе для міропониманія!

Отрицая личную жизнь теоретически, вы въ разсужденіяхъ о нравственности чуть не на каждой строкѣ говорите о ней, и безъ понятія о ней совсѣмъ ничего не осталось бы отъ вашей этики. Это — больной разладъ мысли. Но почему онъ васъ не беспокоитъ?

Вы свидѣтельствуете, что вы вполне успокоены своимъ міровоззрѣніемъ. Но вѣдь вы почувствовали и поняли только то, что основа нашего счастья — самоотреченная любовь, имѣющая сама въ себѣ и для себя вѣчный смыслъ и цѣну. Это — превосходно; но что же вы сдѣлали съ остальными требованіями ума и духа человѣческаго? Развѣ вы отвѣтили на всѣ свои вопросы: зачѣмъ, почему, откуда? что такое міръ, что такое я? Развѣ можно назвать отвѣтами на нихъ ваши туманныя и условныя объясненія, отрицающія самую законность вопросовъ? Вы успокоились на одной свѣтлой точкѣ; а что все вокругъ нея покрыто мракомъ, васъ будто бы не беспокоитъ: то все, будто бы, ненужное и пустое. Но неужели вся масса запросовъ человѣческаго разума сгинетъ отъ того, что вы не будете говорить о нихъ? Вы нашли какое-то средство забыть ихъ, отдѣлаться отъ нихъ безъ отвѣта. Но между тѣмъ это пренебреженіе убійственно для той же самой вашей любви. Вы покойны, предположимъ, но это — покой уставшаго ума, покой за который онъ боится и силится зачеркнуть беспокойные вопросы.

Предъ фактомъ смерти ваше личное сознаніе мучилось отъ представленія безучастной силы, которая разбиваетъ все, что вамъ особенно дорого. Вы искали признанія и защиты своего «я» въ законахъ и строѣ міровой жизни. Въ этого не было утѣшенія для васъ, какъ личности (Левинъ). Какъ же вы утѣшили эти стонущіе порывы личнаго сознанія? Коротко и не вѣрно: «нѣтъ личности—ни во мнѣ, ни въ мірѣ, ни выше его». Вѣчное духовное существо ваше требовало, чтобы развязали ему руки признаніемъ его вѣчности и законности его непреходящихъ стремленій; безъ вѣчности жизнь сознавалась имъ, какъ безсмыслица. Удовлетвореніемъ будто бы этого требованія было: «нѣтъ для тебя вѣчной жизни, смерть торжествуетъ и должна торжествовать въ индивидахъ, и только родъ безсмертенъ». У васъ, кромѣ плотскихъ, были главнѣйшія «духовныя потребности»; ихъ нужно было выяснитъ и удовлетворить для себя и для другихъ. Какъ же вы разрѣшили эту задачу? «Трудъ физическій для себя есть удовлетвореніе плотскихъ потребностей, трудъ физическій для другихъ—удовлетвореніе духовныхъ потребностей», рѣшили вы; т. е. духа нѣтъ, все — въ плоти? Правда, по вашему — жизнь духа въ любви; но цѣль, смыслъ и завершеніе этой любви есть плотскій рай смертныхъ существъ на временной землѣ. А потомъ? вѣчный и безусловный нуль? Въ этомъ ли вдохновляющій смыслъ и разумная цѣль мірской жизни и любви? Впрочемъ, нужно жить настоящимъ, будущее насъ не должно касаться, говорите вы; хотя, по законамъ нашего разума, мы не можемъ разумѣть явленія, если не знаемъ его слѣдствій, конца, цѣли. И однако у васъ есть будто бы «разумѣніе жизни», даже такое, какое стало для васъ «вмѣсто Бога». По вашему ученію — вѣчно и счастливо что-то общее, отвлеченное, а всѣ отдѣльныя особи—прахъ, тлѣніе, «для личности блага жизни недоступны». Но тогда что за смыслъ въ осуществленіи какихъ-то общихъ идей и состояній, которыми въ частности никто не воспользуется? Правда, любовь—удовлетворяющее чувство, но зачѣмъ скрываться въ него и находить въ немъ покой каждый разъ, когда возникаетъ предъ сознаніемъ тотъ или другой мучительный неразрѣшимый вопросъ? Вамъ хорошо въ разсужденіяхъ о любви и больно размышлять надъ другими вопросами жизни, потому что ваше сердце и «разумное сознаніе» влекутъ васъ къ тому, что вы усиливаетесь всѣми софизмами «плотского» ума отрицать.

Источникъ страданій, по вашему, въ личномъ сознаніи, въ требованіяхъ личной жизни, коимъ нѣтъ удовольствія. Вы говорите: долой личность, нѣтъ ея, и не чему будетъ страдать. Тогда и голодному нужно сказать: нѣтъ у тебя тѣла,—и будто бы онъ успокоится? Не думаемъ, поэтому, чтобы вы успокоились отъ своего отрицанія. Сказать своему духу, своей, жаждущей жизни, личности, что ихъ нѣтъ, не значить насытить ихъ: они стонутъ въ васъ, что бы вы ни говорили, какъ бы ни увѣряли въ противномъ себя и другихъ. Смерть остается предъ вами бессмыслицей, и вамъ все равно тяжело и противно убѣжденіе, что изъ пыла вашей любящей души, изъ вашей философіи и личной дѣятельности въ концѣ-концовъ вырастетъ только—лопухъ. Долго ли будутъ васъ помнить, и больше ли добра, чѣмъ зла, останется въ мірѣ отъ вашей жизни, вы не можете поручиться. А если бы и поручились, все равно это не искупило бы великаго преступленія міровой силы, которая убиваетъ навѣки живую, чувствующую, любящую и любимую личность, положимъ—Льва Николаевича. Пусть онъ самъ отрекается отъ своей личности, но онъ не перестаетъ быть личностью; его отреченіе болѣзненно-вынужденное, полное сильнѣйшаго страданія и глухого, подавляемаго сильной волей, страстнаго протеста, жажды жизни и любви. Если бы мы вмѣстѣ съ вами вѣровали въ эту силу, темную, издѣвающуюся надъ законами любви,—силу, которая создала живую разумную личность, дала ей возможность сознать и оцѣнить благо личнаго существованія, всѣми могущественнѣйшими средствами раздула въ ней сильнѣйшій огонь любви, тѣснѣйшую связь съ подобными ей личными жизнями и нестерпимую жажду вѣчнаго бытія, и все это затѣмъ, чтобы убить ее безпощадно, на-вѣки, при страшныхъ корчахъ и крикахъ ея и связанныхъ съ ней другихъ лицъ, отрываемыхъ отъ нея для отдѣльнаго уничтоженія, — если бы мы вѣровали въ такую силу, то всѣ величайшія и чистыя блага жизни сразу превратились бы въ орудія ужасной пытки и насмѣшки надъ жизнью. Если бы мы такъ понимали міровую злую силу, дѣятельность которой сводится къ топтанію нашихъ сердецъ, то развѣ можно было бы говорить о какой-либо любви и разумной жизни: вся жизнь превратилась бы въ зло отчаянія, бессильныхъ слезъ, страстнаго протеста противъ этой «пустой, глупой» и слишкомъ жестокой «шутки»,

къмъ-то разыгрываемой надъ человѣкомъ. Сила вашей любви, при ощущеніи этого мірового преступленія, заставляетъ васъ искать утѣшенія; но иллюзорны утѣшенія ваши. Будто бы будетъ благоденствовать человѣчество отъ вашей любви и вообще отъ дѣла и служенія всеобщей любви,—это васъ утѣшаетъ. Да, Левъ Николаевичъ, есть любящее, мирное, вѣчное и блаженное человѣчество, но нѣтъ счастливыхъ людей: каждый пьетъ горькую чашу зла и страданій, чаша сладости дается какъ будто для того, чтобы потомъ, еще при жизни или при смерти, больнѣе чувствовать ея лишеніе, надъ каждымъ виситъ мечъ ужасной, безобразной, всеуничтожающей смерти, каждый пройдетъ чрезъ муки уничтоженія и изъ остатковъ каждаго вырастетъ лопухъ. Да, если забыть людей, страждущихъ, не находящихъ смысла въ жизни, убиваемыхъ на-вѣки и поруганныхъ въ чувствахъ и чаяніяхъ своего сердца, то можно лелѣять мнѣ о какомъ-то «счастливомъ и вѣчномъ человѣчествѣ». Но неужели это утѣшительно?

Въ томъ, несомнѣнно,—глубокій трагизмъ вашего положенія, что сердце ваше жаждетъ огненной мірообнимающей любви, а вы, между тѣмъ, дѣлаетесь гонителемъ любви Божіей, единой чистой, вѣчно горящей, святой, оживляющей всякую душу. Вы—какъ заблудившійся сынъ, который страстно ищетъ отца, а когда отецъ приходитъ, онъ уже, впадши въ болѣзнь, не узнаетъ его. У васъ душа христіанская, а вы — въ числѣ гонителей имени Христова, какъ нѣкогда Павелъ, горящій и жаждущій духомъ, гналъ Церковь Того Христа, за Котораго онъ потомъ положилъ душу свою. И вамъ, Левъ Николаевичъ, трудно идти противъ рожна. Вѣдь больно вамъ? Чѣмъ же объяснить ваше смятенное и тяжелое настроеніе духа, такъ ясно почти для всѣхъ замѣтное?

Единое оживляющее стремленіе вашего сердца — жить по волѣ Отца, Бога любви. И это вами разбито: «это — фантазія, Богъ—во мнѣ, Онъ—мое разумѣніе». Ваши положительные чувства и любовь къ Отцу жизни являются у васъ какъ бы для того, чтобы усилить горечь вашихъ отрицаній... Единый былъ Безгрѣшный на землѣ. «прекраснѣйшій болѣе всѣхъ сыновъ человѣческихъ», Сынъ и Посланникъ Отца, и Онъ названъ соблазномъ, Онъ отвергнутъ. Одна была книга жизни, запечатлѣнная Духомъ Истины, и она объявлена зло-

намѣренной поддѣлкой и въ цѣломъ—ложью, а ложь на нее—истиной. Кто берегъ каждую черту ея—названы сочинителями и обманщиками, а кто расчеркалъ и растосовалъ ее по своему—возстановителемъ подлиннаго ея содержанія и смысла... Левъ Николаевичъ, да скиньте же повязку; ахъ, какъ вы были бы недовольны собой!..

Ясны и просты приемы вашего ума, горячаго и напоеннаго чувствомъ, жаждущаго полныхъ и яркихъ объясненій, — и туманна, противорѣчива, суха и холодна ваша безжизненная пантеистически-материалистическая матафизика. Такъ возвышенно вы говорите о духѣ, и всѣ ваши стремленія... сводятся къ идеалу счастливой плоти. Такъ отрадны для сердца ваши рѣчи о любви, и нѣтъ у васъ мира. Больше, чѣмъ кто-либо, вы жаждете безсмертія, понимаете цѣну его и чувствуете его, какъ непреходящій смыслъ своего бытія, и однако—съ рѣдкимъ ожесточеніемъ отрицаете его и при этомъ говорите: «я безсмертенъ, меня не забудутъ, дѣла мои не прейдутъ», и знаете, что это не безсмертіе, а воспоминаніе о несуществующемъ и возрожденіе подобныхъ вашимъ дѣлъ въ другихъ характерахъ, и однако успокаиваете себя: «это—безсмертіе»... Развѣ это не крушеніе духа, не боль? Развѣ можно подмѣнить непреходящіе предметы живого чувства—фантазіями отвлеченныхъ представленій?

Всѣ ваши мысли, слова, произведенія, чувства и дѣла представляются отдѣльными и разрозненными отрывками какого-то одного великаго произведенія; и во всѣхъ нихъ чувствуется тяжелое томленіе, неразрѣшенные диссонансы; всѣ они какъ будто мучительно рвутся, стремясь достигнуть «единой идеи», которая освѣтила бы высшимъ свѣтомъ каждую ихъ частность и слила бы ихъ въ одно гармоническое живое цѣлое, отъ котораго отпало бы все чуждое, ложное, смертоносное, детонирующее.

Иногда музыкантъ наигрываетъ отрывочные аккорды и мелодіи; въ отдѣльности они хороши, а какъ цѣлое немислимы, производя невозможные диссонансы и противорѣчивыя чувства. Но вотъ онъ догадывается, изъ какого произведенія эти мелодіи и звуки, какую должны выразить идею, по которой и нужно ихъ расположить, откинувши чуждое и возстановивши все подлинное; и вдругъ сливаются эти разбитые звуки въ мощную, ясную, полную огня и мысли гармонію. Такъ и разбитыя силы, порывы и чаянія души стонутъ и

рвутся, стремятся и падаютъ, пока не взоидеть надъ ними «солнце безсмертнаго Разума», единый Идеаль жизни духа, который соберетъ, объединитъ и оживитъ всё, до малѣйшихъ, подлинныя элементы и звуки души въ единую, вѣчную, ясную и торжественную гармонию.

Въ каждой жизни дано много непогрѣшимыхъ природныхъ основаній, Творческихъ предначертаній, въ которыхъ человѣкъ не властенъ. Наша нравственная задача — вырасти изъ этихъ корней въ зрѣлый плодъ духа, въ законченное произведение, въ цѣлую гармонию. Возьмемъ ли мы готовую, заповѣданную намъ Отцемъ идею или тему жизни и, идя на нее, какъ на путеводный огонекъ, поднимаясь къ ней, какъ цвѣтокъ къ солнцу, возрастемъ и исполнимся мира, или, неотступно созидая подлинную жизнь и миръ души, найдемъ ее какъ выводъ изъ жизни, какъ идею, заложенную въ нашу природу и раскрывшуюся въ ея развитіи, которымъ она тайно руководила, это одинаково драгоцѣнно; эти процессы животносны каждый въ отдѣльности, но еще болѣе могущественны въ своемъ стройномъ органическомъ взаимодействіи.

Для вашего мира, Левъ Николаевичъ, нужно вамъ признать, что Богъ—больше, чѣмъ ваше «разумѣніе», что не по вашему развивающемуся разуму, не по разуму міровому, поскольку онъ сознается и понимается вами, создается жизнь міра, а по мысли Божіей, по тому вседержащему Разуму, отдѣльные только лучи котораго падаютъ въ наше, всегда почти индивидуальное и одностороннее, сознаніе. Признавъ это, вы не стали бы такъ исключительно искать торжества своей идеи, дисгармонируя жизнь въ себѣ и вокругъ, а сдѣлались бы болѣе доступными воспріятію единой Творческой идеи и воли, созидающей стройный порядокъ міровой жизни. Понявши міръ не съ точки зрѣнія своего разумѣнія и своей любви, а съ точки зрѣнія Разума и любви Божіей, вы отнеслись бы къ жизни міра съ милосердіемъ Отца, Который «повелѣваетъ солнцу Своему восходить надъ злыми и добрыми и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ», вы не отнеслись бы презрительно ни къ одной жизни и не вычеркнули бы равнодушно ни одного изъ упованій живыхъ; лелѣя каждое дыханіе и радость жизни въ странѣ испытаній и скорби, вы исправляли бы зло, какъ милосерднѣйшій братъ и врачъ, какъ посланникъ Бога любви и не отказали бы человѣче-

ству въ тѣхъ великихъ надеждахъ, какія далъ ему Богъ и какія зажгли лучшія изъ сердецъ человѣческихъ огнемъ вѣчной любви Божіей.

Человѣческое «разумѣніе» дѣйствительно должно совпасть съ Богомъ, но въ томъ приблизительно смыслъ, какъ совпадаетъ съ солнцемъ капля воды, отражая его, или цвѣтокъ, питаясь и украшаясь свѣтомъ его. Смыслъ жизни человѣка въ единствѣ съ Богомъ; но Богъ и человѣкъ это — два слишкомъ удаленные другъ отъ друга полюса; чтобы они были едино, слишкомъ много нужно Богу открыться, а человѣку преобразиться по образу Его. Осуществляя вѣчную тему религіи—личное единство по существу съ живымъ и личнымъ Богомъ, вы по необходимости пришли бы къ тому убѣжденію, что установить единство и гармонію между Божіей жизнью и человѣческой невозможно безъ единого Примирителя и Ходатая «вѣчнаго завѣта», Сына Божія и Сына Человѣческаго — Иисуса Христа. Въ Его только жизни и служеніи открылась намъ глубина сердца Божія, любовью котораго увлеклись сердца наши до всецѣлаго поклоненія, до вѣчной безраздѣльной преданности Богу, какъ единого средства свободно и лично усвоить содержаніе Его жизни и существа, чтобы быть съ Нимъ—«едино».

Поймите любовь Божію, опредѣляющій духъ Его необычайныхъ дѣлъ, и вы поймете идею искупленія и примиренія Христова, поймете ту миссію Христа, которая никѣмъ, кромѣ Его, не могла быть исполнена, ощутите миръ евангелія и радость благовѣстія Его, и Самъ Онъ станетъ между вами и нами—миромъ!

«Благодать и миръ вамъ да умножится въ познаніи Бога и Христа Иисуса, Господа нашего; ибо отъ Божественной силы Его даровано намъ все потребное для жизни и благочестія, чрезъ познаніе Призвавшаго насъ славою и благодатью, которыми дарованы намъ великія и драгоцѣнныя обѣтованія, дабы мы чрезъ нихъ содѣлались причастниками Божескаго естества» (2 Петр. 1, 2—4)!

Вотъ какими убѣжденіями, желаніями и чувствами вдохновляются наши рѣчи къ вамъ. Намъ хотѣлось бы подѣлиться съ вами тѣмъ, что дано намъ отъ благодати Бога, и соутѣшиться съ вами этими «драгоцѣнными обѣтованіями». Сердца наши болятъ за васъ; но за истину намъ не страшно!

Если есть у васъ какія-либо предсмертныя утѣшенія, то избави Богъ, чтобы мы хотѣли поколебать ихъ въ васъ; нѣтъ, намъ, наоборотъ, страшно и больно, что доселѣ ваша душа не имѣетъ мира и искупленія. Мы направляемъ свои усилія къ тому и надѣмся на то, что, склоняясь къ западу, не окинете ли вы міра прощальнымъ взоромъ подъ инымъ угломъ зрѣнія, не представится ли онъ вамъ въ ипомъ освѣщеніи подъ освѣщеніемъ любви Божіей, и не сойдетъ ли миръ Божій въ вашу жаждущую душу, чтобы вы могли съ непоколебимымъ упованіемъ сказать: «нынѣ отпускаешь раба Твоего, Владыко, съ миромъ, ибо увидали очи мои спасеніе, которое уготовалъ Ты для всѣхъ людей Твоихъ!»

Священникъ *Димитрій Силинъ.*

бы свящ. Гр. Петровъ такой сборникъ любимъ мѣстомъ пасхальнаго богослуженія... «Богослуженіе Пасхальное запечатлѣно такимъ неземнымъ величіемъ и дышетъ такимъ святымъ энтузіазмомъ, что Церковь Христова въ это время представляется скорѣ торжествующею на небесахъ, нежели еще воинствующею на землѣ. Это богослуженіе являетъ вѣрующему все, что въ христіанствѣ есть таинственнаго, высокаго и спасительнаго для души; свѣтлаго, отраднаго и утѣшительнаго для сердца. Вся судьба міра горняго и дольняго, неба и земли,—все изображается здѣсь въ чертахъ величественныхъ, дивно прекрасныхъ, способныхъ растрогать и умилять даже грубое и чувственное сердце, потрясти холодную ожесточенную душу, если только въ ней осталась хоть капля добра, хоть искра вѣры въ Бога, хоть что нибудь доступное свѣту истины Христовой и благодати Божіей»... ¹⁾.

Если же ни съ чего церковнобогослужебнаго, самаго приличнаго заглавію книги, не хотѣлъ начать «Пасхальный Сборникъ» свящ. Гр. Петровъ, то все-таки подъ такимъ заглавіемъ, какое онъ далъ этой книгѣ—«Христосъ Воскресе!»—слѣдовало быть прежде всего разсказу, хотя бы собственными краснорѣчивыми словами свящ. Гр. Петрова, о жизненности, спасительности и радостности Христова Воскресенія. «Съ раннихъ дѣтскихъ лѣтъ для христіанина Пасха, когда въ особенности напоминаетъ, что «Христосъ Воскресе!»—есть время самое дорогое, заветно любимое, и едва ли не съ Пасхою именно для каждого изъ насъ больше всего связаны самыя благодатныя и обаятельно прекрасныя воспоминанія своей жизненной весны, золотой юности. Подъ впечатлѣніемъ пасхальнаго торжества тогда невинное сердце билось такъ свободно и усиленно, дѣтскій восторгъ былъ такъ незабвенно чистъ, свѣтелъ и очарователенъ.

¹⁾ Свѣтлое Христово Воскресеніе и празднованіе его въ Церкви православной. Публичное чтеніе въ Казани проф. А. А. Царевского. изд. 1897 г., стр. 45.—По этому-то издатель извѣстныхъ Пасхальныхъ Сборниковъ держится церковнаго начала и духа. Таково, напримѣръ, изданіе 1899 г. С.-Петербургскаго Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія подъ заглавіемъ: «Свѣтлое Христово Воскресеніе». — Таковъ же Сборникъ «Свѣтлый Христовъ Праздникъ Пасха», изд. девятое 1903 г. Н. В. Преображенскаго.—Также глубоко назидателенъ и церковенъ Пасхальный Сборникъ г. К. Л. Ярославской: «Пасха красная», изд. 1898 года въ Одессѣ.

ужь вѣроятно и башни?...!), иными становились обычаи, а эти часы одинаково точно указывали время.

Хорошо были сдѣланы часы: по нимъ рабочіе шли на работу и возвращались домой, докторъ навѣщалъ больныхъ, правитель города судилъ и разбиралъ дѣла, дѣти ходили въ школу, хозяйки закупали пищу и готовили обѣдъ для семьи, путники отправлялись на лошадахъ и корабляхъ въ урочное время въ дорогу,—и никогда никто ни разу не сказалъ, что часы обманули его. Вся жизнь города текла по этимъ часамъ; всѣ по нимъ налаживали свое время, и каждый зналъ, что, довѣряя часамъ на башнѣ, онъ никогда не ошибется ни на минуту».

Таковъ самый рассказъ въ 38 строкъ крупнаго хорошаго шрифта.

Логическія противорѣчія, фальшь и ложь этого перваго же сказа не могутъ не броситься въ глаза, не могутъ не вводить въ недоумѣнія даже довѣрчивыхъ дѣтей. Вѣдь часы для дѣтей вещь не незнакомая. И даже малыя дѣти любятъ имѣть игрушки часы съ ключикомъ, чтобы заводить часы, чтобы двигать ключикомъ стрѣлки часовъ. Дѣти знаютъ, что ихъ часики показываютъ разное время и стрѣлки двигаются только отъ завода дѣтскими часамъ или отъ двиганья ими ключикомъ стрѣлокъ. А священникъ Гр. Петровъ, вопреки хорошо дѣтямъ извѣстныхъ условій движенія, хода часовъ, зависящихъ отъ людей, рассказываетъ будто какіе-то небывалые часы «нѣсколько сотъ лѣтъ всегда» шли и одинаково точно, всегда безошибочно указывали время, не смотря на то, что бывало неоднократно, что люди погибали въ томъ городѣ отъ чумы и войны до того, что «городъ подолгу безмолвствовалъ, пустѣлъ»,—слѣдовательно некому было «подолгу» и заводить тѣ небывалые часы на башнѣ... И потому очевидно, что не могли они всегда идти и имѣть тѣ свойства, какія приписываетъ имъ рассказчикъ въ явное противорѣчіе обстоятельствамъ его же рассказа. И такой свой первый для дѣтей неправдоподобный, лживый рассказъ свящ. Гр. Петровъ сопровождаетъ слѣдующею страничкою поученія, весьма характернаго:

«Эти старыя часы на башнѣ служатъ урокомъ для людей. Каждый изъ насъ, какъ часы согласно времени, такъ и мы согласно правдѣ Божьей должны отмѣчать всѣ минуты, часы и дни своей

добными старыми часами рассказчикъ, но уже очевидно и несомнѣнно, что часы самого священ. Гр. Петрова ходятъ невѣрно, онъ поступаетъ не такъ, какъ слѣдуетъ священнику Церкви Воскресшаго Христа, и онъ вноситъ большую путаницу среди людей Церкви Христовой своими недосказанными лукавыми, безцерковными поученіями и писаніями...

Каково начало этого Сборника рассказовъ священ. Гр. Петрова таково и продолженіе, таково содержаніе его и до конца. Вотъ, на примѣръ, рассказъ въ 13 строкъ его книги—«Тепло и холодъ»:

«Въ громадномъ Домѣ, въ большомъ залѣ собрано множество дѣтей. Кто пишетъ, кто читаетъ, кто занятъ играми, поетъ, рисуетъ, каждый при своемъ дѣлѣ. Злые люди раскрыли двери, отворили окна, напустили холода, настудили комнату, заморозили дѣтей. Дѣти заблуждѣлись, кашляютъ, болѣютъ горломъ, умираютъ отъ простуды. Пришелъ добрый человѣкъ, затопилъ печь, развелъ яркій огонь, нагрѣлъ помѣщеніе. Тепло стало дѣтямъ: повеселѣли всѣ, оправились отъ простуды».

Это весь рассказъ.

И въ этомъ рассказѣ опять только наборъ красныхъ словъ и обстоятельствъ совсѣмъ не соответствующихъ дѣйствительности жизни. Кто же повѣритъ священ. Гр. Петрову, что громадный домъ съ большимъ заломъ, въ которомъ собрано множество дѣтей играющихъ, поющихъ, читающихъ, можетъ быть оставленъ безъ всякаго присмотра, безъ всякаго попеченія на полный произволъ всякихъ злыхъ людей!.. Да изъ самихъ-то играющихъ и поющихъ множества дѣтей, если-бы они стали мерзнуть отъ раскрытыхъ оконъ и дверей, непременно нашлись бы такіе, которые закрыли бы, мѣшающія ихъ занятіямъ, раскрытыя окна и двери. Они не стали бы продолжать своихъ забавъ, до тѣхъ поръ, пока захвораютъ смертельно и пока случайный добрый человѣкъ придетъ затопить у нихъ печь и нагрѣть имъ помѣщеніе...

Поученія дѣтямъ послѣ этого фальшиваго, неправдоподобнаго рассказа священ. Гр. Петровъ не пишетъ. А слѣдовало предупредить дѣтей, чтобы они никогда не собирались въ такой громадный домъ и большой залъ, который оставляется безъ присмотра на полный произволъ всякихъ злыхъ людей... Священ. же Гр. Петровъ

каменей, которые горятъ и сверкаютъ тысячами переливныхъ огней: одинъ блистаетъ, какъ снѣгъ на горной вершинѣ (можетъ быть финляндцы?); другой горитъ, какъ пурпуръ зари (вѣроятно греки, татары, киргизы, армяне);—этотъ отлиываетъ лазурью моря (нѣмцы что-ли?!); другіе камни короны свѣтятся яркими звѣздами — это вѣроятно «сотни другихъ племенъ»!..—И откуда это священ. Гр. Петровъ набралъ нѣсколько сотенъ племенъ инородцевъ русскихъ?!.

Дальше этого идти, казалось бы, уже и нельзя. Но новаго пути священники идутъ и дальше. И вотъ въ Сборникѣ «Христосъ Воскресе» священ. Гр. Петровъ пишетъ разсказъ—«Солнышко».

«Солнышко сѣло за гору; спустились сумерки, а потомъ и темная ночь. Въ лѣсу по вѣткамъ пробѣжалъ свѣжій вѣтерокъ, съ рѣки повѣяло сыростью, надъ болотомъ подымается густой бѣлый туманъ. Птички притаились по своимъ гнѣздамъ, только хищныя совы да филины рыскаютъ за добычей. Становится сырѣе и холоднѣе. Цвѣтки опустили свои лепестки, поблекли, поникли головкой.

«Нѣтъ солнышка; тоскливо, хмуро, непривѣтливо кругомъ. Скоро-ли оно появится, ясное? Скоро-ло взойдетъ надъ лѣсомъ, свѣтлое? А вотъ и оно. Заалѣла полоска на краю неба; все пуще горитъ, разгорается востокъ. Брызнули, наконецъ, во все стороны золотыя лучи; встрепенулся міръ, пробудились птички въ лѣсу; рыба заиграла на глади рѣки, попряталась вся нечисть лѣсная. Совы и филины скрылись въ дуплахъ. А солнце все выше и выше идетъ по небу: подобрало туманъ съ луговъ, проникло подъ корни деревьевъ. обогрѣло захирѣвшій цвѣтокъ, заглянуло въ комнату къ больному ребенку, улыбнулось ему теплымъ лучемъ и тѣмъ вызвало улыбку на его блѣдномъ лицѣ. Всюду, куда оно ни проникало, оно приносило съ собою свѣтъ, радость жизнь и тепло».

Разсказъ этотъ краснорѣчивъ, картина яркая, привлекательная, а къ чему она примѣнена священ. Гр. Петровымъ? — Вѣдь въ дни пасхальнаго символическаго возгласа «Христосъ Воскресе», коимъ озаглавилъ онъ этотъ свой Сборникъ, Церковь христіанская—«солнцемъ»—величаетъ Самого Воскресшаго Христа. А священ. Гр. Петровъ убѣждаетъ быть живительнымъ Солнцемъ—дѣтокъ!—дѣтки дорогія, будьте солнышкомъ... «Вносите всюду радость, счастье, теплоту любви. Великое дѣло дѣлаетъ солнышко на землѣ; великая награда человѣку, если люди признаютъ его сол-

никъ жизнерадостнымъ христіанскимъ возгласомъ «Христосъ Воскресе, свящ. Г. Петровъ не рассказываетъ соотвѣтственно этому заглавію ни о воскресеніи Христовомъ, ни о томъ, какъ воистину воскресилъ, оживотворилъ весь земной міръ Христосъ воскресеніемъ Своимъ, а вмѣсто того набрасываетъ мрачныя картинки, фальшивыя сценки изъ обыденной жизни и твердитъ о злобѣ, о неправдѣ, о лукавствѣ, о зависти, о гордости, объ угнетеніи и тому подобномъ злѣ, чѣмъ вызываетъ настроеніе антивоскресное, грустное, тягостное и прививаетъ довѣрчивымъ читателямъ односторонній мрачный взглядъ на жизнь... Выросши и распространяясь уже вторымъ изданіемъ подъ свѣтоносною сѣнію заглавія церковнаго «Христосъ Воскресе»—этотъ безцерковный Сборникъ священ. Г. Петрова, какъ занесенное не на свое мѣсто дурное растеніе, жжеть, какъ крапива, колетъ, какъ репейникъ, туманитъ голову, какъ дурманъ»,—примѣняя къ нему послѣднія заключительныя слова самого этого Сборника священ. Г. Петрова.

Слова «Христосъ Воскресе» заключаютъ въ себѣ и выражаютъ сущность христіанскаго вѣроученія и дѣлать ихъ заглавіемъ рассказовъ и бесѣдъ не о воскресеніи не долженъ никто. Поэтому и священ. Г. Петровъ, если не ради Христова воскресенія, то хотя ради полученнаго имъ священства и явно носимаго имъ церковнаго сана, которымъ онъ кормится, пусть удалитъ изъ заглавія своего безцерковнаго поддѣльнаго Сборника священныя христіанскія символическія слова воскресенія: «Христосъ Воскресе»!.. Этимъ священникъ Г. Петровъ перестанетъ вводить въ обманъ простодушныхъ покупателей (эта книга его цѣпится только въ 15 коп.), и довѣрчивыхъ читателей; онъ перестанетъ тогда оскорблять и святыя чувства массы тѣхъ православныхъ христіанъ, для которыхъ возмутительна, оскорбительна спекуляція іерея Церкви священнымъ христіанскимъ возгласомъ: «Христосъ Воскресе»!..

Вотъ, властныя, авторитетныя для всѣхъ и священниковъ, краткія мысли поученія великаго святителя Церкви Христовой, незабвеннаго митрополита Филарета, о томъ, для чего слѣдуетъ пользоваться церковнымъ символомъ «Христосъ воскрес»: ¹⁾

¹⁾ Слова и рѣчи Филарета, митрополита Московскаго, издан. 1848 г., часть I, стр. 44, 35, 36.

«Надобно-ли основать вѣру, сотворить надежду, воспламенить любовь, просвѣтить мудрость, воскрилить молитву, низвести благодать, уничтожить бѣдствіе, смерть, зло, дать жизненность жизни, сдѣлать, чтобы блаженство было не мечта, но существенность, слава—не призракъ, но вѣчная молнія вѣчнаго свѣта, все озаряющая и ничего не поражающая?—На все сіе найдется довольно силы въ одномъ чудодѣйственномъ словѣ: Христосъ воскресъ»!..

... «Воскресеніе Христово есть для насъ источникъ размышленія, созерцанія, удивленія, радости, благодарности, надежды, всегда полный, сколь ни давно, сколь ни часто изъ него почерпаемъ; оно есть вѣчная новостъ... Слово о воскресеніи Христовомъ, подобно маннѣ, какъ изображаетъ ее Премудрый, хлѣбъ, имѣющій всякую пріятность по вкусу каждаго (Прем. Солом. XVI, 20). Изнуренъ-ли ты грѣхомъ, и алчешь правды? Прииди, насыщайся: Христосъ воскресъ, Который преданъ за грѣхи наши и воскресъ для оправданія нашего (Римл. IV, 25). Утомленъ-ли ты безотраднымъ игомъ закона, и желаешь перейти отъ сего рабства въ благодатную свободу? Приступи, вкуси пасху тобою желаемую: ибо Пасха наша, Христосъ, закланъ за насъ (1 Корин. V, 7); и свободу даровалъ намъ Христосъ (Галат. V, 1). Недугуешь-ли ты страхомъ смерти? Прими врачевство противъ сей болѣзни: Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, первенецъ изъ умершихъ (1 Корин. XV, 20). Изнемогаешь ли во брани противу враговъ твоего спасенія? Вкуси добраго глагола воскресенія, и въ немъ побѣдоносной силы грядущаго вѣка; воскреснетъ Богъ и расточатся враги Его! Видишь, христіанинъ, какое обиліе, какое разнообразіе духовной пищи представляетъ намъ Пасха наша, воскресшій Христосъ!.. Да возрадуется душа твоя о Господѣ (Псал. XXXIV, 9). Радость о воскресеніи Господа нашего да введетъ во всѣхъ насъ и силу воскресенія Его живоносную и спасительную»!

Эти глубокія, краснорѣчивыя мысли служатъ непререкаемымъ архипастырскимъ поученіемъ и священнику Гр. Петрову, который, повиненъ въ томъ, что озаглавивъ свою книгу всеодержательнымъ церковнымъ символомъ «Христосъ Воскресе», подъ такимъ заглавіемъ не написалъ ни слова ни о воскресеніи Христа Спасителя, ни объ обильныхъ благахъ воскресенія.

Ев. Воронежъ.

Критическій разборъ раскольниковъ сочиненія Усова „О миропомазаніи священнослужителей, присоединяемыхъ къ православію отъ ереси второго чина“ *)

Старообрядецъ: Но, вѣдь, канонисты и богословы вашей церкви, обстоятельно изучившіе разсматриваемый нами вопросъ, подтверждаютъ правильность нашего пониманія смысла словъ «по возложеніи на нихъ рукъ». — Такъ, въ «Догматическомъ Богословіи» епископа Сильвестра, послѣ указанія многочисленныхъ свидѣтельствъ относительно таинства миропомазанія, изложено слѣдующее: «такое свидѣтельство столь многихъ отдѣльныхъ пастырей и цѣлыхъ соборовъ объ образѣ совершенія разсматриваемаго нами таинства чрезъ помазаніе миромъ, ясно показываетъ, что такой именно, а не иной образъ его совершенія признавался въ этотъ періодъ (вселенскихъ соборовъ) вполне согласнымъ съ чиномъ и обычаемъ древней и вселенской церкви, и потому единственно законнымъ и правильнымъ. — Если поэтому въ некоторыхъ случаяхъ отцами и учителями сего періода для обозначенія таинства миропомазанія употреблялось иногда наименованіе руковозложенія, какъ, напримѣръ, въ восьмомъ правилѣ перваго вселенскаго собора, или у блаж. Іеронима и Геннадія Массалійскаго, то должно думать, что это (по крайней мѣрѣ на Востокѣ) допускалось не по какой-либо иной, а по той причинѣ, что миропомазаніе, по своему существу и силѣ, познавалось за одно съ руковозложеніемъ Апостольскимъ, а также—что оно совершалось не иначе, какъ при участіи крестовиднаго дѣйства іераршескихъ рукъ, напоминавшаго собою Апостольское рукоположеніе». (Опытъ прав. Догмат. Богосл. т. 4, § 137, стр. 448).

Такъ въ книгѣ «О правилахъ и чинопослѣдованіяхъ Православ. Церкви» читаемъ: «Блаж. Іеронимъ въ объясненіи выраженія: по возложеніи на нихъ рукъ, говоритъ, что здѣсь разумѣется миропо-

*) См. „Мисс. Обзор.“ № 8.

второго всел. соб. 7-е, шестого всел. собора 95-е, Василия Велик. 1-е (т. I, стр. 302, прим. 353). Въ Пращицѣ, изданной вашею церковью, читаемъ слѣдующее: «Перваго вселенскаго собора святѣи отцы правяломъ 8 повелѣша наватіанъ, рекше чистыхъ, мазать святымъ миромъ. Подобнѣ и шестого вселенскаго собора, о наватіанѣхъ и прочіихъ равное и единое повелѣніе: правиломъ 95 аріанъ, македоніанъ и наватіанъ, рекше чистыхъ, повелѣша святымъ миромъ мазати, егда обратятся къ Святѣй соборнѣй Церкви» (отвѣтъ 221).

Православный: Я просилъ васъ указать: гдѣ въ правилахъ вселенскихъ, помѣстныхъ соборовъ, или у кого изъ св. отцевъ есть правило, повелѣніе, еретиковъ второго чина, по миропомазаніи, оставлять въ сущемъ санѣ? Во всю бесѣду вы не указали ни одного соборнаго правила, ни одного по сему вопросу свидѣтельства отъ св. отецъ,—а только сослались на одного Аристіна, неправильное толкованіе котораго мы уже достаточно показали. Толкованіе Аристіна и свое неправое пониманіе словъ—«да по возложеніи на нихъ рукъ, пусть пребываютъ въ клирѣ»—вы тщитесь теперь оправдаться книгой «Пращицей» и другими свидѣтельствами новѣйшихъ писателей. Приведу вамъ на память слова отцевъ 5 всел. собора: «Нисколько не служитъ на пользу для поступающихъ нечестиво, если нѣкоторымъ, или по незнацію, или по предубѣжденію, или также по нѣкоторому благоразумію, довелось написать нѣчто за нихъ. Такъ св. Василій написалъ нѣчто объ Аполинаріи, но чрезъ это не освободилъ его отъ осужденія» (Дѣян. Всел. Соб. т. 5-й, стр. 97 по изд. 1889 г.). Такъ и вамъ нѣтъ пользы отъ того, что если нѣкоторые по невѣдѣнію что и написали, повидимому, въ вашу пользу. Надо руководиться не «Пращицей», не мнѣніемъ епископа Сильвестра и издателя «Синтагмы» Матѣея Властара г. Никольскаго,—а словомъ Божиимъ, писаніями св. отцевъ и правилами соборовъ. Всякое изслѣдованіе, писаніе, нужно провѣрять: согласно-ли оно съ законами церковными, съ ученіемъ св. отцевъ или несогласно? Вотъ Василій Великій, повѣряя писанія Григорія Чудотворца и Діонисія Александрійскаго, писать: «должно Писаніями повѣрять то, что говорятъ учителя и согласное съ Писаніемъ принимать, а несогласное отвергать» (Подвиж. соч. о вѣрѣ). Писатель книги «Пращицы» несомнѣнно ошибся, когда сказалъ, что «Отцы перваго

должно принимать наватіанъ, чтобы вы воочію увидали, что писатель примѣчанія ошибся, ибо ни о какомъ миропомазаніи и возложеніи рукъ Властарь не говоритъ, а говоритъ, что, при обращеніи чистыхъ къ прав. Церкви, соборъ повелѣлъ требовать отъ нихъ только письменнаго отреченія отъ своихъ заблужденій и обѣщанія во всемъ послѣдовать ученію и правиламъ прав. Церкви. Вотъ и все.

Такъ и въ книгѣ «Опытъ курса церковнаго законовѣдѣнія» въ примѣчаніи 8 правило истолковано невѣрно; невѣрно и сдѣлано сопоставленіе 8 прав. 1 собора съ 7 прав. 2 собора и 95 прав. 6 всел. собора. Невѣрно истолковано потому, что въ сущемъ правилѣ (8-мъ) нѣтъ и рѣчи о миропомазаніи, а говорится про «возложеніе рукъ», которое Блажен. Іеронимъ, св. папа Сильвестръ и др., о чемъ мы уже сказали, понимали про обычное руковозложеніе, которое бываетъ при покаяніи и приѣмѣ еретиковъ въ прав. Церковь. Въ толкованіи правила самъ же Іоаннъ Смоленскій говоритъ, что «соборъ Никейскій даетъ о нихъ (наватіанахъ) весьма снисходительное правило». Какое-же? «При обращеніи ихъ къ прав. Церкви онъ повелѣлъ требовать отъ нихъ только письменнаго отреченія отъ своихъ мнѣній и обѣщанія во всемъ послѣдовать ученію и правиламъ Церкви» (т. I, стр. 302). Такимъ образомъ выходитъ противорѣчіе: то снисходительный чинопріемъ, чрезъ одно отреченіе, т. е. 3-й чинъ, то ужъ очень строго, якобы, вторымъ чиномъ. Очевидное недоразумѣніе и противорѣчіе святымъ отцамъ: Блаж. Іерониму, Сильвестру, св. Тарасію и др. Припомните, что Василій Великій писалъ, что «только согласное съ Писаніемъ принимать, а несогласное отвергать надо».

А Кириллъ Іерусалимскій говоритъ: «И мнѣ не вѣрь, когда говорю тебѣ просто, когда не будешь имѣть доказательствъ на слова мои изъ Писанія, ибо твердость нашей вѣры зависитъ не отъ словъ отборныхъ, а отъ доказательствъ изъ Писанія» (Огласит. поуч. 4-е, о Св. Духѣ § 16).

Вы-же только и приводили одного Аристіна и нѣкоторыхъ новѣйшихъ толковниковъ, а ни одного довода отъ Писанія, отъ св. отецъ. Мы-же вамъ приводили доводы отъ Писанія и отъ св. отецъ. Повторять ихъ не будемъ, а въ дальнѣйшей рѣчи укажемъ и еще.

Дальше. Въ «Опытѣ правосл. Догматич. Богословія» епископа

Обратимся теперь къ книгѣ епископа Сергія «О правилахъ и чинопослѣдованіяхъ принятія неправославныхъ христіанъ въ прав. Церковь», откуда вы привели доводъ, что, якобы, подъ «возложеніемъ рукъ» въ 8 правилѣ нужно разумѣть миропомазаніе,—что такъ де понимали блаж. Іеронимъ и Аристинъ. Но мы видѣли, что у блаж. Іеронима совѣтъ не говорится этого; а, наоборотъ, онъ пишетъ, что принимали чрезъ покаяніе, а не чрезъ миропомазаніе; значитъ, ссылка неправая. Объ Аристинѣ мы уже говорили и разбирали. Меня удивляетъ, почему это г. Усовъ въ своей книгѣ не выписалъ изъ книги епископа Сергія полно,—а сдѣлалъ пропуски и тѣмъ немало соблазнилъ, искажая сказанное въ книгѣ. Добросовѣстно-ли такъ? Судите сами. На страницѣ 43-й сказанной книги находимъ слѣдующія свидѣтельства въ пользу, нашего пониманія 8 прав., именно, что «по свидѣтельству папы Иннокентія перваго, а это тотъ Иннокентій, съ которымъ имѣлъ постоянное общеніе св. Златоустъ, и Сиріція (а Сиріцій былъ папою съ декабря 384 г. См. у Баронія и у Арсенія въ лѣтописи), видно, что западная Церковь видѣла въ семъ (т. е. 8-мъ 1-го всел. соб.) правилѣ постановленіе — принимать кафаровъ чрезъ одно покаяніе съ возложеніемъ рукъ въ знакъ отпущенія грѣховъ». Сказавъ объ Іеронимѣ и Аристинѣ, что мы неоднократно разбирали, епископъ Сергій продолжалъ: «Св. Тарасій предсѣдатель 7-го вселен. собора, въ выраженіи «осфе-хиротефуменосъ автусъ» разумѣлъ простое возложеніе руки въ благословеніи (безъ сомнѣнія, послѣ покаянія обращающихся).

Вальсамонъ и Зонара также объясняютъ сіе выраженіе, говоря, что наватіане «принимаются въ общеніе по принесеніи покаянія и отреченія отъ своихъ заблужденій». Первое (Западной церкви) и послѣднее (т. е. Тарасія) пониманіе разсматриваемаго выраженія представляется вѣрнѣйшимъ: потому, что соборъ, отличая наватіанъ отъ Павликіанъ и опредѣляя принимать клириковъ ихъ въ прежнихъ степеняхъ священства (по тому же 8 правилу), очевидно, признавалъ дѣйствительность таинствъ, совершаемыхъ наватіанами,—слѣдовательно и дѣйствительность миропомазанія»... (43—44 стр.). Да такъ оно и должно быть, ибо тѣ клирики, которыхъ отъ ереси принимали чрезъ миропомазаніе, не могли сохра-

номъ, а не вторымъ, почему и хиротонія ихъ не отвергалась. Уже ли вы, послѣ этого, будете вѣрить хитросплетеніямъ Усова?

Знайте, что хиротонія еретиковъ, принимаемыхъ въ Церкви чрезъ миропомазаніе, не принималась, какъ о томъ свидѣлствуетъ книга Кормчая, что, по миропомазаніи, клирики еретики (Наватіане, Аріане, Македоніане и др.). «И потомъ потщаливи мѣрстїи челоувѣцы поставляются въ санъ, въ немъ-же бѣша, или презвитеры, или діакони, или ичо что» (Кормчая гл. 37-я, л. 293 об.).

Старобрядецъ: Хорошо, согласенъ съ вами; но какъ же это вышло, что Аристинъ написалъ несогласно съ отцами?

Православный: Канонисты объясняютъ это такъ: «Толкованіе это (т. е. на 8-е прав.) написано Аристиномъ, можно сказать, только по поводу осмаго правила Никейскаго, а не въ объясненіе его. Онъ имѣетъ въ виду другія, позднѣйшія правила о наватіанахъ, и есть сокращеніе толкованія того-же Аристина на 95 правило Трульскаго собора. Но къ тому, что сказано у него о наватіанахъ въ послѣднемъ толкованіи, здѣсь въ первомъ прибавлена подробность, заимствованная изъ правила Никейскаго, что клирики остаются въ своихъ степеняхъ. Такимъ образомъ и вышло у Аристина въ общей сложности, будто наватіанскіе клирики прпнимаются посредствомъ миропомазанія и тѣмъ не менѣе сохраняютъ послѣ этого свои степени. Это явная несообразность, проистекающая отъ механическаго сопоставленія и взаимнаго пополненія двухъ правилъ разновременнаго происхожденія и различнаго содержанія, безъ вниманія къ ихъ внутреннему смыслу, краснорѣчиво говоритъ о себѣ, но не въ пользу ся автора. И во всякомъ случаѣ,—толкованіе не правило, не имѣетъ съ нимъ необходимой связи, не можетъ замѣнить его или навязать ему смыслъ, котораго не содержитъ въ его текстѣ» (См. статью профессора Бердникова «Правосл. Собесѣдн.» 1888 г. мѣсяцъ мартъ 418 стр.).

У.

Старобрядецъ: Но соборы: помѣстный Лаодикійскій (прав. 7), вселенскій (правило 7-е) и шестой (правило 95-е) прямо и рѣшительно говорятъ, что наватіанъ, коихъ первый вселенскій

Православный: Но, вѣдь, это вы отъ своего разума, со словъ Усова, ложно толкуете такъ правила, а не такъ, какъ уяснили ихъ св. отцы, посему то и гибнете вы въ душепагубномъ расколѣ. Св. отцы, свидѣтельства которыхъ мы привели выше, 8-е правило понимали не такъ, какъ Усовъ, посему не слѣдую св. отцамъ, а толкуя ложно правила соборовъ, вы подпадаете подъ клятву св. отецъ и св. соборовъ: «Кто не повинуется, ни послушаетъ преданіемъ сию написаннымъ отъ Св. Апостолъ и Богоносныхъ Отецъ нашихъ, и инако начнетъ мудрствовать (какъ Усовъ)... кромѣ сихъ написанныхъ правилъ а н а ѡ е м а» (Зонарь съ Богомъ, гл. 3-я).

Привели вы 2-е прав. 6-го вселен. собора—въ доказательство того, что слѣдуетъ соблюдать и 8-е прав. перваго собора и 7-е Лаодикійскаго, 7-е втораго и 95-е шестаго собора.—Что слѣдуетъ соблюдать правила собора перваго вселенскаго и другихъ соборовъ, противъ этого никто и не спорилъ,—но соблюдать только тѣ правила, которыя соборами не были замѣнены, попросту сказать: соблюдать дѣйствующія правила, а не тѣ, кои иными постановленіями соборовъ были, такъ сказать, умерщвлены.—Въ 2-мъ прав. 6-го вселен. собора мы читаемъ, что слѣдуетъ соблюдать правила не только указанныхъ выше соборовъ, но и другихъ, какъ-то: правила Св. Апостолъ, соборовъ: помѣстныхъ—Анкірскаго, Неокесарійскаго, Гангрскаго, Антиохійскаго, Сардікійскаго, Кареагенскаго, вселенскихъ: третьяго, четвертаго, правила св. отецъ: Теофила, Діонисія, Аѳанасія, Петра, Василя Великаго, и др. (См. 2-е прав. 6-го вселен. собора по полн. переводу).—Апостольское 68-е правило повелѣваетъ: «Аще кто епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ, приметъ отъ кого либо второе рукоположеніе: да будетъ изверженъ отъ священнаго чина, и онъ и рукоположивый: развѣ достоверно извѣстно будетъ, что отъ еретиковъ имѣетъ рукоположеніе. Ибо крещеннымъ, или рукоположеннымъ отъ таковыхъ, ни вѣрными, ни служителями Церкви быти невозможно». Зонара говоритъ: «ни крещеніе еретиковъ не можетъ никого сдѣлать христіаниномъ, ни рукоположеніе ихъ не сдѣлаетъ клирикомъ»; Вальсамонъ добавляетъ: ибо бывшее у нихъ почитается за небывшее (См. полн. Бормичю). Изъ этого Апостольскаго закона ясно видно, что хиротонія еретиковъ вѣняется какъ не бывшая, почему и не

уже раньше ихъ опредѣлилъ первый вселенскій соборъ.—Но это развѣ отверженіе ихъ рукоположенія? развѣ это противорѣчіе соборовъ между собою, а не пополненіе другъ друга? Если эти соборы прямо противорѣчатъ одинъ другому, то какойнибудь изъ нихъ да заблуждается. Но возможно-ли допустить такіа мысли? Не грѣшно-ли проповѣдывать такое ученіе? «Соблюдай каноническія постановленія, говоритъ Вальсамонъ, гдѣ-бы и какъ бы они ни были изречены, и не говори, что между ними есть противорѣчіе, ибо во всѣхъ (ихъ) глаголаеъ Св. Духъ» (толкован. его на 90 прав. 6-го вселен. собора) «потому что отцы вездѣ между собою согласны и противорѣчія между ними нѣтъ никакого, а противятся имъ одни непонимающіе мудрыхъ цѣлей ихъ (Дѣян. вселен. соборовъ, т. 7-й, дѣян. 2. стр. 121), и далѣе на стр. 26—27 опять софизмъ, опять одно и тоже: «Противорѣчія у 8 прав. перваго вселен. собора съ 7-мъ Лаодикійскаго и 7-мъ втораго вселен. соборовъ нѣтъ никакого. Должно присоединяемыхъ отъ ереси клириковъ принимать чрезъ миропомазаніе и оставлять въ своихъ санахъ. Такъ согласуются эти правила: ихъ всѣ должно исполнять, такъ какъ они лишь поясняютъ и пополняютъ другъ друга. Тѣмъ болѣе должно ихъ исполнять, что шестой вселенскій соборъ утвердилъ ихъ безусловно къ руководству и исполненію. Если-бы онъ какое либо изъ нихъ отмѣнилъ, то сдѣлалъ бы объ этомъ оговорку, какъ сдѣлалъ оговорку о Климентовыхъ постановленіяхъ». Такъ говоритъ Усовъ.

Не обидьтесь—пожалуйста! Замѣчательное тутъ у Усова пустословіе, которымъ онъ и тѣится защитить ложь.

Приходится и это разбирать.

Усовъ говоритъ: «Гдѣ-же вы нашли, что второй вселен. соборъ и Лаодикійскій отвергли хиротонію наватіанъ»? А мы спросимъ самаго Усова: гдѣ онъ-то нашелъ, что соборы—Лаодикійскій и второй вселенскій, по миропомазаніи, велѣли принимать клириковъ еретиковъ въ сущемъ санѣ? Нигдѣ этого нѣтъ; да и самъ Усовъ долженъ былъ сказать, что соборы эти «не упомянули, что ихъ нужно оставлять въ ихъ санахъ,—но не потому они не упомянули о семъ, что, какъ говоритъ Усовъ, «это уже раньше ихъ опредѣлилъ первый вселенскій соборъ», а потому, что они знали, что разъ еретиковъ извѣстныхъ нужно принимать чрезъ миропомазаніе, то кли-

рики ихъ не могли сохранить прежнихъ степеней клира при обращеніи къ Церкви, такъ какъ миропомазаніе, совершаемое надъ еретиками при обращеніи въ православіе, есть восполненіе крещенія, совершеннаго въ отдѣленіи отъ Церкви. — По ученію Симеона Солунскаго «отъ помазанія св. мѣромъ, мы христіанами зовемся».

«Безъ сего тайны, учить Больш. Катикизисъ, никто-же совершенъ христіанинъ можетъ быть». Такимъ образомъ, по ученію Церкви, не миропомазанный есть христіанинъ несовершенный и, какъ не получившій печати даровъ Св. Духа, непричастенъ остается званія христіанина. — Вотъ поэтому-то соборы эти и не говорятъ уже, что наватіанскіе клирики, по миропомазаніи, удерживаютъ свои саны. — Хиротонію только тѣхъ еретиковъ Церковь принимала, крещеніе коихъ и миропомазаніе она признавала; а разъ — крещеніе не признавала полнымъ, а завершала его чрезъ миропомазаніе, то и хиротонію не принимала, какъ отъ неполныхъ христіанъ, непричастныхъ еще благодати Свят. Духа. Соборы не противорѣчатъ другъ другу, ибо первый всел. соборъ отнесся снисходительно къ наватіанамъ, потому и положилъ принимать ихъ третьимъ чиномъ. — «Соборъ Никейскій пытался исцѣлить этотъ расколъ, читаемъ въ исторіи Церкви у Робертсона, примирительными мѣрами, но наватіане все еще считали слабость церковной дисциплины препятствіемъ для воссоединенія съ нею, хотя и вошли въ болѣе дружественныя отношенія съ православными вслѣдствіе общей опасности во время развитія аріанства» (Т. 1-й, стр. 111—112). — Лаодикійскій-же соборъ и 2-й Вселенскій отнеслись къ наватіанамъ строже и, именно, потому, что «наватіане соединились съ остатками монтеанистовъ» (Робертсонъ Т. 1, стр. 112); — А Василій Великій въ 47 прав. свидѣтельствуешь, что въ его время ересь наватіанъ была уже «отраслью ереси маркіонитовъ; они, подобно Маркіону и прочимъ еретикамъ, представляютъ Бога Творцомъ зла». — Поэтому-то соборы и укалоположили принимать ихъ не чрезъ возложеніе рукъ, а чрезъ миропомазаніе, отсюда и рѣчи пѣтъ объ оставленіи ихъ паки въ своихъ чинахъ. — Усовъ говоритъ, что правила «все должно исполнять, такъ какъ они лишь поясняютъ и пополняютъ другъ друга, тѣмъ болѣе должно ихъ исполнять, что они утверждены 6-мъ вселенскимъ соборомъ и неотмѣнны, ибо-де пѣтъ о семъ никакой оговорки». —

Что правила соборовъ нужно исполнять, это мы уже сказали, добавивъ, что должны исполнять дѣйствующія правила, а не мертвыя, упраздненныя другими законами, иначе впадемъ въ нелѣпости, такъ какъ по 47 правилу Василія Великаго должны наватіанъ крестить. Такъ ужели и послѣ «крещенія» должны принимать хиротонію ихъ?!

Анкирскій соборъ 10 прав. разрѣшаетъ дьяконамъ, по рукоположеніи въ санъ, «Аще при самомъ постановленіи засвидѣтельствовали, что они имѣютъ нужду, ожениться, и не могутъ безъ того пребывать», вступать въ бракъ и пребывать въ своемъ служеніи.—Правила Анкирскаго собора 6-й вселенскій соборъ утвердилъ такъ же и нигдѣ не отмѣнилъ 10-е Анкирскаго,—а издалъ только другой законъ, которымъ воспретилъ діакону и иподіакону, послѣ рукоположенія, вступать въ бракъ. (пр. 6). Само собою разумѣется, что мы должны слѣдовать шестому собору, а не Анкирскому, хотя о 10 правилѣ соборъ шестой ни слова не сказалъ; иначе впадемъ въ противорѣчіе.—Такъ и въ данномъ случаѣ,—при чинопріемѣ еретиковъ, мы должны слѣдовать правиламъ послѣдующихъ соборовъ, а соборы эти уже не говорятъ, что наватіанъ, по миропомазаніи, слѣдуетъ принимать въ сущемъ санѣ. Да вы и не по правилу 1 Вселенскаго собора принимали, а по толкованію на оное Аристіна.—Толкованіе же не законъ.—Далѣе.—Между 8 правиломъ перваго собора и послѣдующими, указаніями вами, общаго нѣтъ ничего. — Такъ въ 8 правил. сказано: «да по возложеніи на нихъ рукъ», по гречески «ὅτε χειροτονούμενους αὐτοὺς» (Осте хирофетуменусъ автусъ), а въ 7 Лаодикійскаго, 7 прав. 2-го вселенскаго собора и 95 прав. 6-го всел. собора—сказано: «да будутъ помазаны Св. миромъ»—«Χορίσθητε τῷ ἁγίῳ χρίσματι»—(хрисфентасъ те то агіо хрисмати), «помазуя Св. миромъ»—«χρισμένους πρῶτον τῷ ἁγίῳ μύρῳ» (хріоменусъ прѣтонъ то агіо муро).—Послѣдними словами означалось обыкновенно миропомазаніе а первымъ—простое возложеніе руки въ благословеніе послѣ покаянія обращающихся, какъ и истолковалъ Святѣйшій Тарасій, съ которымъ согласился и весь седьмой соборъ.

Давно пора-бы бросить—уже приводить вамъ 8 правило 1 Всел. собора и покаяться въ своихъ заблужденіяхъ.

(Окончаніе слѣдуетъ мисс. свящ. Д. Александровъ).

ное объявленіе и исповѣданіе грѣшника“, сознава-
шаго и осудившаго свой грѣхъ и всю свою надежду возложив-
шаго на смерть и воскресеніе Ис. Христа, чтобы ходить съ Нимъ
въ обновленіи жизни. Со стороны Бога—крещеніе есть „тор-
жественное объявленіе и завѣреніе“ крещаемому
въ томъ, что грѣхи его омыты и что онъ возлюбленное дитя
Божіе. „Крещеніе должно возбуждать въ крещаю-
щемся еще опредѣленнѣе и сильнѣе чувство его
спасенія и блаженства, но сіе бываетъ только тамъ, гдѣ
Богъ чрезъ Духа Своего прежде произвелъ истинную спаси-
тельную вѣру въ Сына Божія“ (тамъ же, чл. 8). Спрашивается.—
для чего нужно это „торжественное объявленіе и исповѣданіе“—
съ одной стороны, и „торжественное объявленіе и завѣреніе“—
съ другой? Отвѣтъ, что въ крещаемомъ чрезъ это „завѣреніе еще
сильнѣе и опредѣленнѣе возбуждается чувство его спасенія и бла-
женства“, нельзя признать вполне достаточнымъ и удовлетвори-
тельнымъ. На самомъ дѣлѣ! Согласно этому отвѣту выходитъ, что
это крещеніе не даетъ крещаемому ничего новаго, ничего такого,
чего бы онъ не имѣлъ и до крещенія. Значеніе послѣдняго только—
нравственно-психологическое, а не таинственное. Оно усиливаетъ
только чувство спасенія и блаженства въ крещаемомъ, аснѣ:
производитъ дѣйствіе, подобное тому внутреннему довольству,
какое является въ душѣ человѣка результатомъ исполненной за-
повѣди или долга. Потому-то штундо-баптисты на вопросъ: „для
чего нужно крещеніе?“—обыкновенно отвѣчаютъ прямо и проще:
„дабы исполнить всяку правду“, „дабы исполнить волю Бо-
жію“ и т. п.

Итакъ штундо-баптисты оторвали крещеніе отъ всѣхъ тѣхъ
благодатныхъ дѣйствій, какія приписываются ему въ словѣ Бо-
жіемъ, отнеся эти дѣйствія къ моменту предваряющему креще-
ніе; этимъ они лишили послѣднее всякаго благодатнаго или таин-
ственнаго значенія, низведши его на степень простого обряда
(знака), совершаемаго только во имя исполненія воли Божіей, но
не имѣющаго существеннаго значенія по отношенію къ духовно-
нравственному строю самого человѣка. На эту-то слабую сторону
штундо-баптистскаго ученія о крещеніи и нападаетъ, главнымъ
образомъ, М. И. Калмыковъ въ своихъ письмахъ къ Д. И. Ма-
заеву. Онъ требуетъ отъ послѣдняго „яснаго и отчетливаго“ ука-
занія: есть ли у нихъ (въ крещеніи) какое духовное содержаніе

дѣйствія или состоянія—иногда прямо противоположныя (умираніе, воскресеніе), однако, не смотря на эту кажущуюся противоположность дѣйствій, онъ не находитъ нужнымъ какое-либо изъ нихъ исключить изъ акта крещенія, а напротивъ, соединяетъ и мыслить ихъ въ одномъ актѣ. Сочетаніе внѣшняго съ внутреннимъ, вещественнаго съ духовнымъ, видимаго съ невидимымъ, постижимаго съ непостижимымъ—проходитъ чрезъ всю исторію домостроительства нашего спасенія, ибо и совершается послѣднее для человѣка—духовно-тѣлеснаго существа. Отвергать какую-либо изъ этихъ сторонъ, значило бы отвергать все дѣло нашего спасенія. Разительный примѣръ сказанному даетъ самая „главизна нашего спасенія“ или, по апостолу, „велия благочестія тайна: Богъ явился во плоти“ (1 Тим. 3, 16). Это съ одной стороны. Съ другой,—почему слово Божіе одному и тому же акту крещенія усваиваетъ столь многія и столь различныя наименованія? Очевидно потому, что всѣ дѣйствія или состоянія, означаемыя различными названіями, совершаются въ этомъ актѣ. Чѣмъ же или чрезъ что? Крещеніемъ или чрезъ крещеніе. Но если это такъ, то само крещеніе не есть ни возрожденіе, ни умираніе, ни воскресеніе и т. д. Не есть оно ни каждое изъ этихъ дѣйствій или состояній—въ отдѣльности, ни всѣ взятыя вмѣстѣ, иначе были бы только дѣйствія безъ дѣятеля или орудія, производящаго эти дѣйствія. Правда, съ молоканской точки зрѣнія, Максимъ Ив. можетъ здѣсь возразить, что различныя дѣйствія, означаемыя однимъ словомъ крещенія, производятся въ человѣкѣ словомъ Божіимъ. Но такое толкованіе будетъ уже молоканскимъ произволомъ. Въ св. Писаніи, если молокане и найдутъ для себя что-либо подходящее въ данномъ случаѣ, такъ это только то, что слову Божію усваивается здѣсь нравственно-возрождающее значеніе,—поскольку подъ влияніемъ его возбуждается въ душѣ человѣка отвращеніе ко грѣху и желаніе идти по пути истины, добра, спасенія (Іак. 1, 18; 1 Петр. 1, 23; 1 Кор. 4, 15). Но „рожденіе свыше“, очищеніе отъ грѣха, смерть грѣху, воскресеніе для праведности и самое спасеніе—все это ясно и рѣшительно приписывается въ св. Писаніи именно—крещенію. Не знаемъ, случайно или намѣренно сдѣлалъ такъ Максимъ Ив., но только онъ, возражая Дію И. Мазаеву и приведя свидѣтельства изъ св. Писанія, пропустилъ такія мѣста, которыя особенно сильно говорятъ противъ штундо-баптистскаго ученія о крещеніи, а вмѣстѣ и противъ молоканскаго. Это именно

ководства, раздѣляя каждое особо, съ обозначеніемъ на лицо—наружную, обрядовую сторону, на лицо—и внутреннюю, слѣдовательно, и ваши доказательства и опроверженія должны быть также отчетливы и ясны.

Напримѣръ такъ. Что есть виѣшнее? вотъ что—укажите прямо, что есть виѣшнее,—укажите то-то и то-то, и объясните, есть ли духовное содержаніе подъ виѣшнимъ; если есть, то необходимо скажите—есть, и что такое, — упомянуть хоть вкратцѣ то, что разумѣтся упомянуть и то, подъ которымъ разумѣтся. Подробности необходимы. Но вы, вѣроятно, съ преднамѣренною, съ предвзятою цѣлю, желая этою неясностію спутать своего собесѣдника!... А потому этотъ математическій расчетъ былъ употребленъ въ дѣло единственно по логикѣ тумана,—набросать красныхъ словъ, задачъ и вопросовъ для своего друга: пусть, молъ, возится съ ними, отгадываетъ и самъ рѣшаетъ что отгадать ему—вѣчно не удастся, и что бы собесѣдникъ ни сказалъ, вы все гдѣ скажете—„не то“! Вотъ ваши слова! Передаю подлинно. „Вы видите въ моемъ письмѣ массу доказательствъ, хотя не писанныхъ. (Это главное—„неписанныхъ“), а переведенныхъ (приведенныхъ) изъ соображенія односторонняго разума.—Я писалъ о крещеніи водой и духомъ, о преломленіи хлѣба, о воспоминаніи, объ омовеніи ногъ, о помазаніи, о чашѣ, о винѣ; и вамъ представляется все это неписаннымъ въ священ. Писаніяхъ, все это неправильнымъ и викари негоднымъ, приведеннымъ изъ одного соображенія односторонняго, блуждающаго разума“. Потомъ еще ниже говорите такъ: „жалѣю, что не могу радоваться твоимъ доказательствамъ, такъ какъ они, по моему крайнему убѣжденію, давно отжили по отношенію къ намъ, баптистамъ, свой срокъ, и потеряли свою силу и значеніе“. Слово это—„отжили и потеряли свою силу и значеніе“—прямо относится ко всѣмъ тѣмъ обрядамъ и выше подробно упомянутымъ виѣшнимъ правиламъ. Этотъ вашъ благосклонный отвѣтъ долженъ удивить всякаго, но не всякій рѣшится ему повѣрить. Въ довершеніе этого говорите еще, „что васъ объ этомъ спрашивать не слѣдуетъ, а вы на него не должны отвѣчать“. И еще: что вы въ продолженіе двадцати лѣтъ не духовному молоканству духовную сторону разъясняете, „а что?—вы объ этомъ не сказали ни слова! Еще дальше, еще ниже, въ вашемъ письмѣ говорится такъ: „не было примѣра и случая, гдѣ бы мы заслоняли внутренній процессъ, внутреннюю работу Духа Божія въ человѣкѣ виѣшнимъ дѣломъ, т. е.—обрядовою стороною. Да,—вы не заслоняете рабамъ и рабынямъ Божиимъ вашими виѣшними, обрядовыми правилами! Такъ неужели всѣ ваши обряды: крещеніе, преломленіе, помазаніе, омовеніе, чаша, вино, музыкальное орудіе—вы хотите признать не наружными и виѣшними обрядами, а духовными и внутренними? Неужели для васъ есть надежда и воз-

возможность убѣдить,—судя ужъ по вашему,—этого не духовнаго молоканина въ этомъ? Жестокое заблуждаетесь, Дѣй Ивановичъ! У васъ, другъ, цѣлая масса противорѣчій! Когда вы, хотите устоять на буквальномъ цѣлесообразіи,—въ это время ускользаетъ изъ вашихъ рукъ и головы весь тотъ внутренний смыслъ; вы, спохватившись, прекрасно цѣпляетесь своимъ цѣлесообразіемъ за внутренній смыслъ внутренняго образа дѣйствія и не въ состояніи примѣтить, что въ это время внѣшній образъ окончательно остается совершенно безъ дѣйствія и положительно излишнимъ, мѣшающимъ внутреннему цѣлесообразію. И какъ разъ съ вами случается, какъ съ тѣмъ человѣкомъ, который нечаянно забрелъ въ тину, и когда вытащить одну ногу, то другая въ это время успѣетъ завязнуть. Вы что выше сказали? Что обрядовая сторона въ отношеніи къ вамъ отжила свой срокъ и потеряла свою силу,—это 1-е; второе—то, что вы проповѣдуете молоканамъ не за обрядовую сторону, а духовную, и третье—то, что вы внѣшнимъ дѣломъ ни теперь, ни прежде не заслоняли духовную сторону; въ концѣ концовъ, подтверждаете, что вы ведете человѣка туда—къ Іордану, гдѣ много воды. Подтверждаете и другое—то, что вы въ дѣйствительности исполняете одну формалистскую, и желая оправдаться въ этой одной формалистикѣ, вы указываете на апостольскую практику. Право, я не могу понять,—что это за логика? Съ одной стороны, положительно отрицается отъ внѣшнихъ обрядовъ, какъ это выше пояснено; съ другой, какъ ниже сказано, положительно строится на этой развалинѣ, и безъ отдыха переходитъ отъ внутренняго содержанія смысла ко внѣшнему, а отъ внѣшняго ко внутреннему. Вѣроятно, это потому, что у баптистовъ дѣйствительнаго, т. е. реального нѣтъ, а есть воображаемое. Оно самое и мѣшаетъ ему укрѣпить себя на одномъ крѣпкомъ фундаментѣ. Баптистъ давно такъ живетъ, а потому у него никакъ не добьетесь толку. Его спрашиваешь,—въ чемъ заключается: крещеніе, преломленіе, помазаніе, омовеніе,—онъ что вамъ отвѣчаетъ? Отвѣчаетъ, что всего по два,—по внѣшнему и по внутреннему, но развѣ это добросовѣстный отвѣтъ?! Онъ говоритъ: я держусь практики, я держусь формалистики, держусь—держусь, а потомъ—потомъ... положительно съѣзжаетъ на внутренній смыслъ, а со внутренняго точно также держусь, держусь,—а наконецъ съѣзжаетъ или переплываетъ на наружный! Да скажите, пожалуйста, хоть разъ по совѣсти!—Гдѣ же ваше крещеніе, гдѣ же ваше преломленіе, омовеніе? Не мучьте насъ на вашемъ театральномъ зрѣлищѣ! Это представленіе ваше намъ надоѣло,—мы ваши воображенія не можемъ принимать за дѣйствительность! Скажите откровенно, что вы почитаете за дѣйствительное,—внѣшній образъ дѣйствія или внутренній? Если вы вѣрите, что крещеніе должно быть одно, то вы и

остановитесь на одномъ содержаніи—или внѣшнемъ или духовномъ, т. е. внутреннемъ. Технологія наноситъ на карту все фабричное производство, существующіе фабрики. Васъ спрашиваютъ,—укажите ту фабрику! Вы, показывая картину, увѣряете, что это самая та фабрика, о которой я васъ спрашивалъ. Вамъ и говорятъ,—если это та фабрика, то не ищете другоѣ!—Приведенный примѣръ означаетъ то, что если вы разумѣете подъ крещеніемъ: рожденіе, умираніе, обновленіе, соединеніе, воскресеніе, то и держитесь одного этого; если же подъ крещеніемъ не разумѣете всего этого, то стойте на томъ, что крещеніе безъ воды не совершается: нѣтъ воды, нѣтъ крещенія; при такомъ обстоятельстве дѣла васъ гораздо лучше поймутъ, что у васъ самая картина служитъ за дѣйствительную фабрику, такъ какъ въ ней глазамъ плотскимъ все видно: видно, какъ зданіе стоитъ, видно, какъ станки ходятъ; видно, какъ колеса вертятся; видно, какъ издѣліе готовится; видно, какъ народъ дѣлаетъ. Но основывающійся на этой картинѣ, онъ подверженъ галлюцинаціи. Ну, право, такъ и хочется сказать, что это какой то абсурдъ! Охота отпадать, недосагаетъ сила! Будь это не серьезное дѣло, то стоило бы бросить, но во имя любви необходимо сражаться до крови. Вы, баптисты, разумѣющие крещеніе водой, состоящимъ въ отдѣльности отъ внѣшняго (внутренняго), при этомъ должны разумѣть слѣдующее: Что внѣшнее крещеніе безъ внутренняго, безъ рожденія, безъ умиранія, безъ погребенія, безъ соединенія, безъ обновленія, безъ общанія, словомъ — выходя изъ воды и еще будучи сырымъ, мокрымъ, онъ остается некрещеннымъ и вся эта ваша процессія является однимъ звукомъ колокола, нецѣломудреннымъ купаньемъ и бессмысленною работой. Но по вашему это всецѣло составляетъ крещеніе и христіанству печаль, а по нашему—все это необходимо снова начать, не внутреннее содержаніе и сила крещенія совершается во внѣшнемъ обрядовомъ торжествѣ, а наоборотъ, внѣшній образъ дѣйствія крещенія совершается во внутреннемъ. Нѣтъ внутренняго, нѣтъ и крещенія; онъ былъ погруженъ въ воду, но крещенія нѣтъ. Погружайте 2 раза, 4 раза, 8 разъ, 16 разъ, 32 раза, 74 раза и хотя 148 разъ и тогда онъ остается некрещеннымъ и не крещенъ! Кто это говоритъ? Вотъ кто: не бичъ изъ веревокъ, а духовный молотъ выбиваетъ этотъ внѣшній, этотъ деревянный кливъ! Мы его мочили-мочили, и на внутренній смыслъ вскочили, и поняли, что духовное разумѣніе исключаетъ буквальное. Нельзя не замѣтить, что изъ двухъ необходимо одно исключить. Скажите, пожалуйста, какъ это можетъ быть непонятнымъ, когда Христосъ говоритъ, кто будетъ вѣровать и креститься, спасенъ будетъ, а кто это не совершитъ, тотъ осужденъ станетъ? Есть ли тутъ—въ этихъ выраженіяхъ—хоть малѣйшій намекъ на одинъ внѣшній,

буквальный образъ дѣйствія крещенія.—того крещенія безъ внутренняго содержанія и его смысла? Разумно-ли подъ этими словами понимать и утверждать одну практику или формальность, безъ того внутренняго смысла, на который ссылаются наши баптисты? Крещеніе Іоанна было водою,—разумно ли подъ этимъ крещеніемъ разумѣть одну форму, единую практику простую? Не слѣдуетъ ли, не должно ли углубляться въ глубину содержанія этого наружнаго крещенія и поискать, нѣтъ ли тамъ чего? Разумно ли не обращать вниманія на слѣдующія слова Іоанна, когда онъ кричитъ: я васъ крещу водою, но идущій за мною, тогъ будетъ крестить васъ духомъ, но не водою ¹⁾). Есть ли тутъ хоть малѣйшее внушеніе, что крещеніе водою не смѣняется крещеніемъ духа? Разумно ли держаться на буквальному смыслѣ о крещеніи, когда апостолъ Павелъ говоритъ: встань, крестись.

¹⁾ Обычное у молоканъ, но совершенно незаконное прибавленіе къ евангельскому тексту: Мѡ. 3, 11 срав. Лук. 3, 16. Вода вовсе не была отличительнымъ признакомъ только Іоаннова крещенія. Ап. Павелъ, разъясняя смыслъ и значеніе Іоаннова крещенія, въ его отличіи отъ крещенія Христова, о водѣ совсѣмъ не упоминаетъ, а указываетъ, какъ на отличительные его признаки то, что оно было „крещеніемъ покаянія“ и крещеніемъ „во Грядущаго (Дѣян. 19, 1—4. Ср. Мрк. 1, 4; Лук. 3, 3). Въ словахъ Іоанна Крестителя содержится краткое и сжатое опредѣленіе характера времени и крещенія Христова въ отличіе отъ своего времени и своего крещенія. Время Іоанна Крестителя было временемъ приготовленія людей къ принятію спасенія; дѣятельность Іоанна—дѣятельность вѣстника, приготовляющаго путь царю—Мессіи. Какъ такая дѣятельность Іоанна не давала спасенія и прощенія грѣховъ, а только раскрывала сердца людей къ принятію этого спасенія и прощенія; крещеніе Іоанново и служило внѣшнимъ свидѣтельствомъ этой готовности людей достойно принять Мессію—Судію и Спасителя. То, къ чему готовилъ Іоаннъ, должно было исполниться и завершиться во Христѣ и чрезъ Христа. „Грядущій“ за Іоанномъ, достойно встрѣтившимъ Его, т. е. раскрывшимъ свое сердце къ вѣрѣ въ Него и къ принятію спасенія, имѣлъ даровать это спасеніе, обновивши (крестивши) ихъ Духомъ Святымъ и сдѣлавши пшеницею въ житницѣ своей; напротивъ, закрывшіе свое сердце для вѣры во Христа чрезъ это самое готовили себѣ ту участь, которая ожидаетъ плевелы (Ср. Мрк. 16, 16). Дальнѣйшія слова Іоанна Крестителя служатъ именно болѣе подробнымъ разъясненіемъ сказаннаго имъ о крещеніи Духомъ и огнемъ: „лопата Его въ рукѣ Его, и Онъ очиститъ гумно свое, и соберетъ пшеницу Свою въ житницу, а солому сожжетъ огнемъ неугасимымъ“ (Мѡ. 3, 12; Ср. Лук. 3, 9, 17). Итакъ, по прямому смыслу словъ Іоанна Крестителя, выходитъ, что Спаситель достойныхъ, т. е. вѣрующихъ въ Него, обновитъ или креститъ Духомъ Святымъ, но какъ совершится это обновленіе—видимо или невидимо, вѣдаю или не вѣдаю—объ этомъ рѣчи въ данномъ мѣстѣ нѣтъ. Н. Чинновъ.

омой грѣхъ твой, и еще онъ же ¹⁾ повторяетъ, что крещеніе наше есть омытіе, только не плотское? Разумно ли послѣ столькихъ подкрѣпленій внутренняго смысла крещенія оставаться на буквальномъ? И еще апостолъ подтверждаетъ: кто крестился, тотъ во Христа облекся. Но справедливо ли апостолъ опредѣляетъ подъ крещеніемъ смерть и погребеніе тамъ, гдѣ совершалось крещеніе? Не ясно ли, что каждое выраженіе, каждое слово толкаетъ насъ на духовный смыслъ? Какъ и сказано: всѣ различные обряды, относящіеся до плоти, были установлены только до времени, и бить изъ веревки долженъ существовать исключительно только для этой внѣшности; Христосъ изгонялъ наружное служеніе, этотъ софизмъ. Фарисеи, не желая одуматься, родиться, умереть и совершить погребеніе, рассчитывали: если они отъ Іоанна искупаются, то это значить — совершать крещеніе. Не называлъ-ли ихъ Іоаннъ іезуитами?! Представьте себѣ человѣка, который пользуется пузырями,—выучился плавать, и не смотря на то, что давно уже можетъ безъ помощи пузырей держаться на водѣ, не знаетъ этой способности,—по той причинѣ, что приписываетъ ее не себѣ, а дѣйствию пузырей, съ которыми онъ ни разу не рѣшился разставаться. Спрашивается, что нужно сдѣлать для этого, чтобы убѣдить такого мнительнаго пловца въ его самостоятельномъ умѣніи держаться на водѣ? Безспорно признать запрещеніе—пользоваться пузырями ²⁾! Будьте здоровы! почтеніе вамъ и Пав. и дѣткамъ вашимъ. Аминь.

Максимъ Ив. Калмыковъ.

Дорогой и многоуважаемый другъ

Максимъ Ивановичъ!

Письмо твое я вчера получилъ и хочу еще разъ по затронутому тобой вопросу сказать нѣсколько словъ.

Ты ведешь жаркую войну, хочешь стереть ненавистный тебѣ баптизмъ

¹⁾ Не онъ, а ап. Петръ (Петр. 3, 2). Да, кто смотритъ на крещеніе, какъ на омытіе только отъ плотской скверны, тотъ учитъ несогласно съ ап. Петромъ, но кто вѣруетъ, что изъ водъ крещенія человѣкъ выходитъ „общающимъ Богу добрую совѣсть“,—общающимъ не на словахъ только (1 Петр. 1, 24), а на дѣлѣ—чрезъ измѣненіе или возрожденіе его природы,—тотъ вѣруетъ согласно съ ап. Петромъ,—тѣмъ болѣе, что выше Апостолъ уподобилъ крещеніе водамъ потопа, умертвившимъ грѣхъ (грѣховное человѣчество) и спасшимъ праведность въ лицѣ Ноя и его семейства, бывшихъ въ ковчегѣ, носимомъ водами потопа.

²⁾ Это было-бы такъ, если-бы человѣкъ. дѣйствительно, могъ плавать безъ пузырей, или—ближе къ дѣлу—если бы М. И. доказалъ, что человѣкъ, помимо крещенія, можетъ умереть къ грѣху и воскреснуть для праведности.

нія огромную службу¹⁾. Но какъ бы эта злая услуга Ирода, — полуязыческаго еврейскаго царька, — велика и цѣнна не была, она все-таки оказалась лишь временной, и радость „слѣпыхъ вождей“ была мгновенна: не успѣли фарисеи еще успокоиться, какъ слышатъ, что Петръ ходилъ въ Кесарію и тамъ въ домѣ Корнилія сотника во всеуслышаніе говорилъ, что креститься водою необходимо, и что запрещать этого никто не можетъ. Опять горе! Опять надо прибѣгать къ помощи Ирода! Иродъ²⁾, особенно прикинувшій къ фарисейской сторонѣ и старавшійся дѣлать лишь то, что „пріятно іудеямъ“, на этотъ разъ самъ протянулъ имъ свою окровавленную руку, — хотя безуспѣшно: онъ взялъ Петра и, задержавъ его, посадилъ, какъ Іоанна Крестителя, въ темницу и приказалъ четыремъ четверпцамъ воиновъ стеречь Его; но Господь, пославъ Ангела Своего, избавилъ Его отъ руки Ирода и отъ всего, чего ждалъ народъ іудейскій. Но если бы Господь и не вступился за Своего служителя и если бы Петру, — подобно Іоанну, пришлось сложить подъ ударами Ирода свою голову, то крещеніе уже и вовсе не могло быть уничтожено, такъ какъ Петръ былъ не единственнымъ проповѣдникомъ крещенія, а былъ однимъ изъ многихъ; и стоитъ только спокойно и пристально всмотрѣться въ книгу Апостольскихъ Дѣяній, какъ вы сейчасъ же увидите бѣдующаго въ колесницѣ Филиппа, который, доѣхавъ до воды, останавливаетъ колесницу, сходитъ въ воду и — какъ бы на вашихъ глазахъ — собственноручно креститъ казнохранителя Египетской царицы... Всѣ эти событія доказываютъ жизненную силу крещенія, какъ воли Ижіей, вносятъ въ богословіе нашихъ предковъ огромную путаницу и ложатся на молоканской дорогѣ большимъ и несокрушимымъ камнемъ преткновенія, о который они, не покоряясь слову, продолжаютъ претываться уже цѣлую сотню лѣтъ.

Мало этого, — когда вы видите, что кругъ „очевидцевъ и служителей Слова“ начинается замѣтно, черезъ смерть однихъ и ссылку другихъ, — рѣдѣть, то на смѣну имъ для продолженія дѣла Господня являются новыя личности. Такъ, недавній врагъ Христа, вчерашній хулиатель, гонитель и обидчикъ, покидаетъ свой прежній лагерь и начинается съ рѣдкимъ успѣхомъ и необычайной ревностью проповѣдывать ту вѣру, которую онъ еще такъ недавно силился истребить. Переставъ быть „извергомъ“ и сдѣлавъ

¹⁾ Рядъ „крестителей“ Д. И. напрасно начинается — безъ всякой оговорки и поясненія — съ Іоанна. Даже и съ баптистской точки зрѣнія крещеніе Іоанново, по своему внутреннему смыслу и значенію, должно быть отлѣчено отъ крещенія Христова.

²⁾ Этотъ Иродъ (Агриппа I-й) приходился племянникомъ Ироду Антипѣ — убійцѣ Іоанна Крестителя.

таки Одинъ только Тотъ, Кто сказалъ: „Примите, ядите и—сіе творите“... Вся вина апостола Павла въ этомъ дѣлѣ состоитъ въ томъ, что онъ какъ отъ Самого Господа пріянялъ, такъ, — нисколько не извращая и не перетолковывая духовно,—дѣлякомъ и въ точности передалъ коринѣской церкви, и въ томъ еще, что, онъ, ясно изложилъ въ порядокъ совершенія вечера передъ коринѣскими христіанами ¹⁾, тѣмъ самымъ нанеся вѣчное осужденіе молоканскому богословію, на всѣ лады извращающему это ясное установленіе Христа Іисуса. И только!..

„Ты обвиняешь насъ въ противорѣчій, что мы, якобы, говоримъ одно, а дѣлаемъ другое, что мы, виѣсто дѣйствительной фабрики, предлагаемъ лишь картину и проч., и проч. Я постарался предъ тобою изложить все, что апостолы дѣлали и чему учили и въ заключеніе представляю практику нашего Господа, изъ которой ты увидишь, что весь этотъ разладъ и кажущаяся двойственность внесены пмъ: Онъ говоритъ о духовномъ возрожденіи и очищеніи человѣка чрезъ Слово и виѣстъ съ тѣмъ Онъ же креститъ, и всѣ идутъ къ Нему; Онъ говоритъ о духовномъ вкушеніи хлѣба, пришедшаго съ небесъ,—о вкушеніи Его плоти и крови, — и Онъ же Своими руками подаетъ ученикамъ хлѣбъ и чашу и проч. Насъ много, и ты всѣхъ насъ не переговоришь! Господь Іисусъ Христосъ — одинъ и главный виновникъ—и долженъ, слѣдовательно, - быть первымъ отвѣтственнымъ лицомъ. Если всѣхъ твоихъ уликъ достаточно, то ты и можешь начать твои обвиненія прямо съ Него и, когда такъ твое дѣло увѣнчается успѣхомъ, то тогда твоя роль сыграна и цѣль достигнута, и всѣ введенныя Имъ въ ошибку рассыплются сами собой.

Въ этомъ приѣмѣ я не вижу ничего неестественнаго, ибо если твоя рука свободно поднимается на учениковъ, то она не дрогнетъ и поднимется и на Учителя, тѣмъ болѣе, что виноватъ-то именно Онъ. Онъ же, если послѣ твоего суда прибавится еще одна лишняя колюшка въ Его терно-

¹⁾ Апостолъ въ данномъ мѣстѣ (1 Кор. 11, 23 и д.) не налагаетъ порядка совершенія вечера, а только напоминаетъ о существенномъ и важнѣйшемъ въ этомъ совершеніи, на что указываютъ и начальныя слова Апостола: «Азъ пріяхъ отъ Господа, еже и предахъ вамъ». Но и этого-то существеннаго въ вечери Господней баптисты, какъ извѣстно, не исполняютъ. Спаситель, по согласному свидѣтельству евангелистовъ и ап. Павла, подавая хлѣбъ, сказалъ: «сіе есть тѣло Мое», а о чашѣ — «сія есть кровь Моя», и именно сіе заповѣдалъ творить въ Его воспоминаніе. У баптистовъ же на «вечери» предлагаются не тѣло и кровь Господа—подъ видами хлѣба и вина, а только знаки тѣла и крови Христовыхъ (Исп. Кос. штунд. гл. 9). Итакъ, и здѣсь у нихъ, говоря словами Максима Ивановича, только «картина!»...

вомъ вѣнцѣ, надѣюсь, перенесетъ и это, какъ перенесъ гораздо больше. Вся бѣда, другъ мой, въ томъ, что ты стремишься скорѣй въ Дамаскъ и обратился спяной къ Іерусалиму и не видишь столь ясныхъ истинъ! Я вѣрю, что когда ты, вмѣсто осужденія, вооружишься молитвою о насъ и о себѣ, то ты увидишь, что у Господа противорѣчій нѣтъ, и что Онъ такъ мудро сочеталъ Свое духовное ученіе съ Его же внѣшнею практикой, что они только взаимно другъ друга восполняютъ и взаимно одно другое уясняютъ. И тогда, я увѣренъ, твой острый языкъ не повернется для укоропизны на установленія нашего Господа, и для какого бы то ни было осужденія насъ,—Его смиренныхъ учениковъ. Аминь. Желаю вамъ познанія истины, исполненія и распространенія ея въ мірѣ.

Твой любящій тебя другъ *Д. И. Мазасъ.*

Съ подлиннымъ вѣрно. *Θ. Π. Βαλκινъ.*

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Итакъ, Дій Ивановичъ и во второмъ—заключительномъ своемъ письмѣ не отвѣчаетъ на ясно и опредѣленно поставленные ему Максимомъ Ивановичемъ вопросы о внутреннемъ знаменованіи содержимыхъ штундо-баптистами „средствъ спасенія“—крещеніи и вечери. Онъ старается только констатировать фактъ Божественнаго установленія и совершенія крещенія и вечери въ апостольское время, тщательно избѣгая разсужденія о томъ, какой смыслъ и значеніе придавались тогда этимъ Божественнымъ установленіямъ. И это понятно — почему! Начни Дій Ивановичъ разсуждать о внутреннемъ знаменованіи крещенія и вечери и разсуждать такъ, какъ того требуютъ слово Божіе и практика временъ апостольскихъ, — онъ поневолѣ долженъ былъ бы осудить штундо-баптистское ученіе объ этихъ важнѣйшихъ „средствахъ“ спасенія и согласиться съ Максимомъ Ивановичемъ, что у баптистовъ не самыя эти средства, а только картина ихъ. Но съ другой стороны, констатируя фактъ Божественнаго установленія и совершенія вечери и крещенія въ апостольское время, Дій Ивановичъ тѣмъ самымъ показываетъ, что у молоканъ нѣтъ и картины того, что должно было быть по заповѣди Спасителя и, дѣйствительно, было въ вѣкъ апостольскій.

Π. Чинновъ.

Изъ записокъ и дневниковъ.

Къ вопросу объ обезпеченіи приходскаго духовенства.

(По поводу статьи г. Золотухина).

Въ 2-й и 3-й книжкахъ „Мисс. Обзор.“ напечатана интересная статья г. Золотухина: „Откровенное слово свѣтскаго чловѣка по поводу посланія Антонія, епископа Волынскаго“. Въ ней авторъ, соглашаясь съ мнѣніемъ преосвященнаго, что нравственная связь между народомъ и его духовными пастырями ослабла, вполнѣ правильно замѣчаетъ, что „корень этого зла“ заключается въ „денежныя отношенія священниковъ къ паствѣ“. По его словамъ, „разобщеніе духовенства съ народомъ возникаетъ и поддерживается главнымъ образомъ на точкѣ столкновенія матеріальныхъ интересовъ“. При существующемъ первобытномъ способѣ обезпеченія духовенства, это вполнѣ понятно. Какъ же не быть разобщенію, если членамъ причта всегда приходится жить на счетъ прихожанъ? Представимъ себѣ,—какой хаосъ, какая неурядица была бы во взаимныхъ отношеніяхъ судей съ тяжущимися, полиціи съ обывателями, войска съ мѣстнымъ населеніемъ и т. д., если бы первые не получали достаточнаго обезпеченія отъ казны, а жили на счетъ вторыхъ! А, вѣдь, было время, когда воеводы посылались въ провинціи „на кормленіе“.

Да, недоразумѣнія между прихожанами и ихъ духовными руководителями чаще всего происходятъ отъ матеріальной необезпеченности нашего духовенства. И они, думается мнѣ, будутъ все чаще и чаще повторяться, потому что жизнь дорожаетъ, потребности растутъ у всѣхъ и у пастырей, и у пасомыхъ. Самому непріязтельному священнику съ теченіемъ времени немислимо будетъ удовлетворяться тою платою, какую онъ теперь получаетъ. А крестьяне, которымъ собственно и обременительно оплачивать трудъ священнослужителей, все болѣе и болѣе бѣднѣютъ.

хотя незавидный; и прихожане уже нѣсколько лѣтъ собирались расширить храмъ. Всѣмъ этимъ онъ воспользовался умѣло. Прихожанъ, хотя и съ большими усиліями, онъ убѣдилъ строить новую церковь, потому что старая была слишкомъ мала для населенія станицы, почему не было смысла ее расширять; учителя и пѣвчихъ поощрилъ къ болѣе усерднымъ занятіямъ пѣніемъ; діакона приблизилъ къ себѣ, прихожанъ расположилъ въ свою пользу привѣтливостью, любовью и радушіемъ. И дѣло пошло на славу. Несмотря на скудость пожертвованій (менѣе 500 руб.), онъ—посѣвомъ хлѣба на церковь—въ три года приобрѣлъ болѣе 18,000 руб. Безъ всякихъ раскладокъ устроенъ былъ прекрасный, свѣтлый и просторный храмъ. Народъ, какъ говорится, повалилъ въ церковь. Прежде маленькая церковь была почти пуста, а теперь большая стала переполняться. Религиозно-нравственное состояніе прихода начало быстро улучшаться. Въ 1894 году исповѣдывавшихся и причастившихся было 290 человекъ муж. пола. а къ 1898 году, постепенно увеличиваясь, число ихъ возросло до 900 человекъ. Молодой пастырь былъ того же убѣжденія, какъ и г. Золотухинъ, т. е. прихожане позаботятся объ немъ, когда увидятъ его благожелательность къ нимъ и любовь, поэтому всячески избѣгалъ рады за требы. На вопросъ казака: „Батюшка, сколько возьмете за бракъ?“ обыкновенно спрашивалъ: „А сколько ты, милый, можешь дать?“ А такъ какъ до его поступленія казаки привыкли платить за браки отъ 8 до 15 руб., то предлагали ему 8 руб., какъ меньшую плату. Онъ благодарилъ за это и дѣло обходилось безъ рады. Узнавши такую податливость новаго священника, прихожане стали предлагать все меньше и меньше. Онъ вѣнчалъ и за 7, 6, 5 и 4 руб. Пасомымъ это, очевидно, понравилось. Лѣтомъ 1899 года они собрались на сходъ и, чтобы покончить съ такою неопредѣленностью таксы, единогласно рѣшили, что они за бракъ могутъ платить только 3 руб., за крещеніе и отиѣтіе младенца 10 коп., за отиѣтіе взрослого 30 коп. и т. д. Не подумайте, что это было въ голодный годъ. Голода не было. И имѣйте въ виду, это сдѣлали не малоземельные бѣдняки крестьяне, а казаки, у которыхъ надѣлъ въ длину на 53 версты и въ ширину на 26 верстъ, которые въ урожайные годы не успѣвали выкашивать своихъ луговъ, которые при умѣломъ веденіи хозяйства и трудолюбіи могли бы быть всѣ богачами, и которые въ своей средѣ имѣли „тузовъ“, обладавшихъ

ково же душевное состояніе священника, слышащаго объ этомъ вездѣ и всюду, читающаго объ этомъ же въ литературѣ и прекрасно знающаго, что оцѣнивается трудъ всякаго человѣка кромѣ его. Другіе получаютъ за трудъ много больше его, они не жадны, у нихъ нѣтъ жажды къ наживѣ. Возьмемъ для примѣра хоть адвокатовъ или докторовъ. Священникъ получить 5 коп. за приобщеніе больного, или 20 — 30 к. за крещеніе младенца. И готовы кричать: «Это возмутительная торговля таинствами! Какая поразительная жадность у священниковъ». И сколько у него совѣтниковъ. Одни говорятъ за совершеніе таинствъ нельзя брать платы, другіе — не совѣтуютъ собирать новину, иные утверждаютъ, что священники ходятъ по домамъ съ елебнами и со святой водой должны безвозмездно, а заниматься въ школахъ по Закону Божию они обязаны по долгу своей службы, не надѣясь ни на какое вознагражденіе и т. д. Чиновникъ получаетъ болѣе или менѣе приличное содержаніе и, при всякомъ исполненіи возлагаемыхъ на него порученій, вознаграждается суточными и прогонными. Такъ, конечно, и должно быть. Но почему же священникъ-то ни за что не долженъ получать? А какъ только вздумаетъ попросить за трудъ, такъ его назовутъ жаднымъ. Ужасно обидно. Не даромъ же у насъ такъ всѣ избѣгаютъ этого великаго служенія!

Г. Золотухинъ рассказываетъ про жадность священниковъ ужъ слишкомъ невѣроятные факты: будто бы „въ нѣкоторыхъ приходахъ крестьяне оставляютъ дѣтей безъ крещенія 6—7 и 8 мѣсяцевъ; и часто живутъ внѣ брака, ибо не въ силахъ заплатить 15, 20—25 руб. священнику за совершеніе таинства“. Поистинѣ ужасные случаи! Но я отказываюсь давать имъ малѣйшее вѣроятіе. Я самъ служу священникомъ, и у меня нѣсколько ближайшихъ родственниковъ служатъ священниками же. Ничего сколько-нибудь похожаго на это я никогда не слыхалъ. А знаю прекрасно, что младенцевъ крестятъ черезъ день, два и много три послѣ рожденія. И никогда нигдѣ не слыхалъ и не встрѣчалъ, чтобы жили внѣ брака потому, что священникъ требовалъ 15, 20—25 р. за вѣнчаніе. Это что-нибудь не такъ. А если такъ, то нужно какъ можно скорѣе принять мѣры къ обезпеченію духовенства казеннымъ жалованіемъ, обязавъ его послѣ этого совершать таинства и необходимые обряды безплатно.

Поистинѣ ужасно душевное состояніе тѣхъ изъ пастырей, ко-

ства очень много вреда для дѣла происходитъ еще отъ того, что у насъ въ приходы, зараженные расколомъ и сектантствомъ, назначаютъ худшихъ священнослужителей. Такое печальное явленіе происходитъ отъ того, что зараженные селенія обыкновенно даютъ меньше дохода. Нельзя же исправныхъ служащихъ посылать на меньшее содержаніе? Между тѣмъ туда-то и нужно было бы направлять самыхъ свѣдущихъ и энергичныхъ священниковъ. При настоящемъ же положеніи духовенства, это невозможно, потому что подобное назначеніе будетъ не поощреніемъ, чего вправѣ ожидать каждый полезный служащій, а очень чувствительнымъ наказаніемъ.

По назначеніи казеннаго жалованія священнослужителямъ, не будетъ имъ упрёка въ торговлѣ тайнами. Не будетъ безчисленныхъ, крайне вредныхъ, для дѣла, столкновеній между пастырями и пасомыми изъ-за платы за трудъ. Принятія сана не будутъ избѣгать ни семинаристы, ни свѣтскія лица. Не будетъ нравственной пытки отъ необходимости жить на счетъ прихожанъ. Не будетъ зависимости священника отъ мѣстныхъ богачей, иногда далеко не нравственныхъ. Не будетъ перехода съ одного мѣста на другое въ поискахъ за большимъ доходомъ. Духовенство не будетъ отвлекаться отъ своихъ обязанностей заботами объ обезпеченіи семейства. Посѣщенія прихожанъ на дому съ молебнами и св. водой не будутъ способомъ полученія съ нихъ дохода и будутъ имѣть громадное воспитательное значеніе для народа. Тогда не было бы такъ много ошибокъ съ посвященіемъ лицъ нравственно недостойныхъ носить священный санъ.

До этого же времени никакія реформы, никакія улучшенія не вызовутъ должнаго, довѣрчиваго отношенія прихожанъ къ священнику. Какъ бы ни былъ онъ благороденъ, какъ бы ни старался онъ служить, дѣятельность его всегда въ весьма значительной мѣрѣ будетъ парализоваться несчастной платой за требы.

Но г. Золотухинъ про назначеніе жалованія говоритъ, что не легко обезпечить жалованіемъ нѣсколько десятковъ тысячъ лицъ духовнаго званія. Но всякое хорошее дѣло совершается съ усиліями. Нужно только серьезно приняться за этотъ вопросъ. Находятъ же возможнымъ платить сидѣльцамъ въ винныхъ лавкахъ по 600 рублей. Находятъ средства увеличивать содержаніе другимъ служащимъ, почему же не найти ихъ для духовенства. „Го-

насть съ спокойной совѣстью бракъ по своему обряду знавъ впередъ, что его никто, никогда, ни къ какой отвѣтственности привлекать не будетъ за несоблюденіе закона. Видите какъ не много требуется отъ раскольника, чтобы состоялся его бракъ. Послѣ этого онъ, когда угодно, если пожелаетъ, можетъ занести этотъ бракъ, для признанія его законнымъ, въ метрическія книги при волости или полиціи, гдѣ также немного больше обращаютъ вниманія на года вступившихъ въ бракъ. Но большинство раскольниковъ обходится даже и безъ этой записи.

Такъ-ли теперь совершаются православные браки? Далеко—не такъ! Вздумалъ жениться православный, онъ прежде всего долженъ заготовить документы, несомнѣнно свидѣтельствующими о его совершеннолѣтіи; если онъ выходецъ изъ другой губерніи, то долженъ, кромѣ того, представить удостовѣреніе, что онъ дѣйствительно холостъ, а если вдовъ, то два метрическихъ свидѣтельства — 1-е о бракѣ, а 2-е о смерти жены. Нужно еще удостовѣреніе о бытіи у исповѣди и св. причастія. Такіе же документы требуются и со стороны невесты. Итакъ, прежде всякаго сватанья съ обѣихъ сторонъ должно быть понесено много хлопотъ и расходовъ. Если—же не сдѣлать всего этого впередъ сватанья, то могутъ быть такіе случаи со стороны жениха или невесты, какъ недостача нѣсколькихъ недѣль до совершеннолѣтія, или неприсылка во времени брачныхъ документовъ, безъ которыхъ также причтъ не будетъ вѣнчать брака, хотя-бы онъ былъ во всемъ правильнъ! Между тѣмъ у сосватавшихся все уже готово и расходы произведены. Вотъ многое тутъ-то приходится переиспытать и перечувствовать священнику, особенно—когда задержка въ вѣнчаніи происходитъ изъ-за неполученія во время документовъ. Родственники брачующихся начинаютъ всѣми силами увѣрять, что года жениху и невестѣ вышли и никакихъ препятствій нѣтъ. Священникъ, при всемъ желаніи помочь прихожанамъ, не можетъ удовлетворить ихъ просьбѣ, а прихожане не вѣрятъ и не хотятъ понять, что священнику нельзя повѣнчать и приписываютъ это просто его придиричivosti. При рѣшительномъ отказѣ повѣнчать бракъ, священнику приходится много выслушать напраснаго ропота отъ своихъ прихожанъ, которые, въ такомъ случаѣ показывая на раскольниковъ, говорятъ обыкновенно: „вотъ онъ не хочетъ повѣнчать, когда не выслали во времени документа или не достаетъ нѣсколькихъ недѣль до совершеннолѣтія, а расколь-

ники своихъ дѣтей сводятъ совсѣмъ безъ документовъ, когда недостаетъ иногда и цѣлыхъ годовъ, а развѣ законъ не одинаковый для всѣхъ? Бываетъ и такъ, что родители, видя неуступчивость священника и жалба затраченныхъ расходовъ, допускаютъ иногда дѣтей сходиться безъ вѣнчанія. Спрашивается, кто виноватъ въ этомъ грѣхѣ?—Прихожане во всемъ винятъ священника, не согласившагося рисковать своею должностію. Священникъ, хотя не виноватъ въ этомъ, но ему винить некого. Онъ только съ сокрушеніемъ смотритъ на то, что законъ одинъ и тотъ-же, а исполняется различно. За неисполненіе его съ однихъ взыскивается строго, съ другихъ ничего. Какой отъ этого происходитъ непоправимый вредъ православію можно видѣть изъ слѣдующаго случая, бывшаго въ приходѣ одного священника, хотя подобные случаи замѣчаются и во многихъ другихъ приходахъ съ раскольническимъ населеніемъ (но только не такъ замѣтно, какъ этотъ разсказываемый случай).

Одна бѣдная вдова, присоединившаяся къ православію изъ австрійской секты, задумала женить сына, не справляясь по старой привычкѣ о его годахъ. Сосватавши невѣсту, она обратилась къ приходскому священнику съ просьбой повѣнчать ея сына. Священникъ, справившись о лѣтахъ ея сына, которому, какъ оказалось, не доставало около года, отказалъ ей въ просьбѣ. Не будъ въ приходѣ раскольниковъ,—ничего бы не было, и женщина дождалась бы законнаго времени. Но раскольники были и съ присущей имъ хитростью сумѣли изъ затруднительнаго положенія вдовы извлечь для себя пользу.

Узнавъ о случаѣ со вдовою, одинъ изъ руководителей секты явился къ бѣдной женщинѣ якобы раздѣлить ея горе.

Онъ начинаетъ вкрадчиво выспрашивать старушку.—какъ ей живется въ новой вѣрѣ? Успокоилась-ли она въ дѣлѣ спасенія? и т. п. Незамѣтно переходитъ на больной брачный вопросъ. Что, бабушка, правда-ли я слышалъ, будто вашъ священникъ-то не вѣнчаетъ твоего сына?

— Правда, кормилецъ, правда!—начала слезливо старуха.

— А отъ чего же онъ, бабушка, не вѣнчаетъ?

— Да говорить, кормилецъ, лѣта не выходятъ!

— Эхъ, бабушка, жаль тебя, да помочь нельзя!.. Вотъ если-бы ты не перемѣнила вѣру-то, ничего бы у тебя этого и не было. Батюшка-то нашъ повѣнчалъ-бы, не говоря ни слова! Вѣдь сыну, небось, выходитъ 16-тъ то лѣтъ?

— Какъ же, кормилецъ, выходить! — торопливо отвѣчаетъ старуха.

Вотъ то-то и есть!.. Въ Кормчей разрѣшается 16-ти лѣтъ вѣнчать, а вашъ священникъ не вѣнчаетъ не потому, что ему вѣнчать нельзя по правилу святыхъ отецъ, а просто не охота уважить бѣдную старуху,—вотъ онъ и придирается къ лѣтамъ!

— Что ты, родимый, говоришь-то—у него, поди, и въ мысляхъ-то нѣтъ обидѣть меня!—испуганно возражаетъ старуха.

— Эхъ, бабушка!.. А ты ихъ узнай-ка хорошенько! Они только изъ-за денегъ и дѣло-то дѣлаютъ. Вотъ другое дѣло, если бы ты была побогаче, да сунула ему побольше,—вотъ онъ и повѣнчалъ-бы!—а то видить, что съ тебя взять-то нечего,—ему и разговаривать-то, поди, съ тобой не хочется, не только что помочь тебѣ.

Какъ ни подозрительно смотрѣла старуха на своего гостя, однако такія слова возбудили въ ней сильное сомнѣніе въ правильности отказа священника и, не вытерпѣвъ, она тутъ же замѣтила какъ-бы сама себя.

— Такъ я еще пойду просить своего батюшку: можетъ и вправду нельзя-ли повѣнчать! За деньгами и я не ностою,—последнее отдамъ, лишь бы повѣнчать!

Раскольниковскій депутатъ, видя, что поколебалъ довѣріе старухи къ священнику, тутъ-же началъ ее учить, какъ и говорить ей съ священникомъ.

— Ты вотъ что, бабушка!—какъ придешь къ священнику, спроси его: правда-ли, что по правиламъ святыхъ отецъ можно вѣнчать жениха 16-ти лѣтъ? Когда онъ скажетъ—„правда“, ты еще спроси его: а почему же вы, батюшка, не вѣнчаете моего сына-то? Онъ, конечно, не сознается, что только даромъ проводить время, а будетъ ссылаться на гражданскій законъ, а ты его опять спроси: а который выше законъ,—гражданскій или св. отецъ? Вотъ тутъ-то ты и увидишь, кто поступаетъ по правиламъ святыхъ отецъ?!..

Старуха пошла къ священнику справляться, вѣрно-ли то, что говорилъ раскольникъ, и, къ ея удивленію, священникъ подтвердилъ слова раскольника, что дѣйствительно по правиламъ св. отецъ разрѣшается вѣнчать жениха 16-ти лѣтъ. Старуха, какъ-бы не вѣря себя, тутъ-же проговорила: такъ, стало быть, австрійскіе-то не грѣшатъ противъ правилъ святыхъ отецъ, когда вѣнчаютъ жениха 16-ти лѣтъ, а вотъ вы не хотите поступать по правиламъ-то!

Тутъ священникъ началъ ей говорить о томъ, что ихъ браки не считаются законными. Старуха этого не могла понять, какъ это раскольническіе браки не считаются законными, и кто ихъ не считаетъ законными? Она все время на томъ только настаивала, что если повѣнчать ея сына, то не погрѣшишь противъ правилъ св. отецъ.—Вотъ вы, батюшка, говорите, что браки австрійцевъ не признаются законными, а какъ же у нихъ вонъ и дѣти рождаются и они считаются и пишутся вездѣ ихними дѣтьми? Вотъ вы знаете, батюшка, что я была раньше замужемъ за раскольниковъ, начала про себя рассказывать старуха, отъ котораго у меня и родился сынъ. Его-то я вотъ и хочу женить, такъ онъ, чай, не пишется незаконнымъ? Или вонъ за Иваномъ Сычевымъ—жена-то чья пишется, его или нѣтъ?

— До поры до времени, отвѣчалъ священникъ, они считаются и пишутся дѣтьми и женами, а если бы кто вздумалъ тяжбу изъ-за наслѣдства завести съ твоимъ сыномъ, то онъ могъ бы по суду доказать, что у тебя сынъ не отъ законнаго брака и ему наслѣдство не принадлежитъ.

— Такъ, батюшка, кто такъ бы сдѣлалъ, то онъ по Божьи-ли бы поступилъ?—перебиваетъ старуха.

— Да мы, бабушка, не объ этомъ говоримъ—по Божіи или нѣтъ. а вотъ по закону онъ могъ бы это сдѣлать. И у Ивана Сычева, если уйдетъ жена и присоединится къ православію, да пожелаетъ выйти замужъ за православнаго, то съ православнымъ ее свободно можно повѣнчать и ничего ей Иванъ Сычевъ сдѣлать не можетъ.

— Да по Божіи-ли это, батюшка, будетъ?—снова перебиваетъ старуха.

Священникъ, видя, что этимъ путемъ ее не убѣдишь, начинаетъ говорить о томъ, что у раскольниковъ все дѣлается не по закону и не по Божьи. У австрійцевъ вонъ и священство-то не отъ Христа и Апостоловъ, а отъ бѣглаго незаконнаго митрополита Амвросія, но они на это не обращаютъ вниманія, такъ что-же съ ними сдѣлаешь?!.. Но старуха на этотъ счетъ не слишкомъ обращала вниманія, а твердила свое, чтобы батюшка поступилъ по Божьи и по правиламъ св. отецъ—повѣнчалъ-бы ея сына, а тамъ пусть, кто хочетъ, считаетъ ихъ бракъ незаконнымъ,—имъ до людей дѣла нѣтъ, лишь-бы они жили да поступали по Божьи.

— Да вѣдь я, бабушка, ужъ не разъ говорилъ, что мнѣ нельзя вѣнчать,—съ меня за это строго взыщутъ!..

— Можетъ быть ты, батюшка, думаешь, что я не заплачу тебѣ за это, что слѣдуетъ. Ты проси сколько надо, я хоть и бѣдна, а за этимъ не постою.

Горько тутъ сдѣлалось на душѣ священника.

— Что ты, Богъ съ тобой, бабушка!—отвѣчалъ онъ. Развѣ я изъ-за денегъ не хочу вѣнчать твоего сына?!.. Если-бъ только можно было, я съ радостью бы давно даромъ повѣнчалъ. Вотъ дождемся времени, и я слова тебѣ не скажу о деньгахъ! А этимъ ты меня обижаешь, что думаешь такъ, и не вѣришь моимъ священническимъ словамъ.

— Дивлюсь я, батюшка, какъ это такъ выходитъ, снова выражаетъ старуха, тебѣ нелзя, а австрійскимъ можно?!..

Священникъ снова сталъ говорить, что они дѣлають все это не по закону. Но старушка, наученная раскольниками, ничего этого не хотѣла понять и только одно твердила, что они поступаютъ не по Божьи. Тутъ священникъ понялъ, что эти мысли ей не сами собой пришли, а внушены раскольниками. Долго еще онъ старался внушить старухѣ, что раскольники поступаютъ неправильно, не по закону и ничуть не по Божьи.

Но въ старухѣ личные интересы заглушили всякое понятіе и, сколько ни старался разъяснять священникъ, она ничего не понимала и осталась при своемъ убѣжденіи, что православные поступаютъ не по Божьи, а по какому-то притѣснительному закону, раскольники-же по Божьи, за это ихъ и притѣсняютъ во всемъ.

Послѣ описаннаго случая старушка прямо начала говорить, что она поторопилась и напрасно перешла въ православіе. Хотѣла было опять идти въ расколъ, но отъ этого ее остановило не убѣжденіе священника, а невѣстина родня, несогласившаяся отдать дочь за раскольника.

Что происходило въ это время въ душѣ священника,—когда онъ видѣлъ, что его труды въ бесѣдахъ съ раскольниками пропали даромъ—потому только, что раскольники такъ незаконно поступаютъ въ отношеніи браковъ и законнымъ отказомъ священника повѣнчать малолѣтній бракъ воспользовались, какъ средствомъ показать народу превосходство своей секты,—предоставляемъ судить читателю. Грустно видѣть, что изъ за такого во всѣхъ отношеніяхъ вреднаго самоуправства раскольниковъ столько зла приносится православію.

Свящ. Александръ Волгинъ.

были перейти въ поморство, перестали, наприм., крестить своихъ дѣтей, въ виду якобы моленія православныхъ при крещеніи дугу лукавому. Тяжкое обвиненіе на Церковь Черчимцевъ хотѣлъ было предъявить и во время описываемыхъ бесѣдъ.

Всѣхъ бесѣдъ было пять: съ 9 декабря по 13-ое. Бесѣды начинались въ 2—3 ч. дня и оканчивались 10 — 11 ч. ночи. Въ срединѣ бывалъ часовой промежутокъ для отдыха. Вниманіе къ бесѣдамъ было громадное. Пріѣзжали изъ-за 150 — 200 верстъ при 30 — 40° мороза. Громадный залъ народной читальни вмѣщалъ лишь билетныхъ слушателей. Окружное духовенство во главѣ со своимъ благочиннымъ, свящ. Смоленскимъ, устроившимъ наши бесѣды, присутствовало на преніяхъ въ полномъ своемъ составѣ. Интересовалась спорами и мѣстная многочисленная интеллигенція.

Предметомъ бесѣдъ былъ вопросъ объ послѣднемъ антихристѣ, о существѣ его, о печати и царствѣ Христова противника.

Черчимцевымъ была выработана такая для бесѣдъ программа: бесѣдовать по минутамъ, въ духѣ кротости, за порицанія отъ Писанія не винить.

Первая бесѣда.

Лицо послѣдняго антихриста. Кто онъ будетъ?

Вступительная бесѣда началась съ разбора неудобствъ программы, составленной Черчимцевымъ.

Миссіонеръ. Арт. П. желаетъ бесѣдовать въ духѣ кротости. Это похвально, но только не понятно второе его требованіе: За употребленіе порицаній отъ Писанія не привлекать къ суду. Коль скоро бесѣда будетъ въ духѣ кротости, то къ чему эти порицанія, хотя бы и отъ Писанія. Еретики свое ученіе проповѣдывали тоже на основаніи Писанія. Писаніе одно, но толкованіе бываетъ разное. Нѣтъ, мы не будемъ употреблять порицанія, тѣмъ болѣе, что самъ собесѣдникъ выразилъ желаніе бесѣдовать въ духѣ любви. Цѣня послѣднее его намѣреніе, мы не принимаемъ вызова къ порицаніямъ.

Черчимцевъ ¹⁾. О. Симеонъ должно быть боится нашихъ порицаній и потому не хочетъ ихъ слушать. Но отъ Писанія обли-

¹⁾ Форма изложенія принадлежитъ автору описанія бесѣдъ, но смыслъ рѣчей Черчимцева удержанъ до точности.

давно существуютъ, но самъ онъ еще не явился. Если бы онъ явился, то мы могли-бы видѣть его: онъ будетъ такой, что не замѣтить его будетъ нельзя. На моей очереди сейчасъ вопросъ и въ моей власти открыть тѣ три книги, изъ которыхъ мы согласились бесѣдовать. Я открываю ихъ, это, во 1, Бесѣды 1. Злат. на 14 посл. ап. Павла., 2, толкованіе на Апокалипсисъ св. Андрея Кесарійскаго; 3, книга о Вѣрѣ. Изъ нихъ я прошу моего собесѣдника отвѣчать на вопросъ: „кто будетъ послѣдній антихристъ: опредѣленное лицо, или же собраніе только ересей въ людяхъ“?

Черчимцевъ. О. Симеонъ боится Писанія, не велитъ читать другихъ книгъ, кромѣ указанныхъ. Но это притѣсненіе.

Миссіонеръ. Арт. П. самъ же согласился на три книги и отказываться ему отъ нихъ не годно. Ограничиваю свою бесѣду пока тремя книгами не потому, что я бѣгаю Писанія, но потому, чтобы избѣжать многословія, весьма утомительнаго для слуша-телей. Въ осень Арт. Петр. начиталъ здѣсь такъ много книгъ, что и разобрать ихъ стало трудно. Я слышалъ отъ здѣшняго о. благочиннаго, что смущеніе вышло отъ того, что народъ совершенно былъ сбѣнъ нашимъ безостановчивымъ, соединеннымъ съ порицаніями чтеніемъ. На будущей бесѣдѣ вы будете открывать книги, какія вамъ нужно. А сейчасъ я открылъ указанные книги и прошу отвѣчать на поставленный мной вопросъ: кто будетъ послѣдній антихристъ: одно опредѣленное лицо, или это собирательное имя, обозначающее вообще ереси въ людяхъ? Писанія я не бѣгаю, по милости Божіей, вотъ сколько собрано книгъ: до сотни книгъ лежитъ на нашемъ столѣ.

Черчимцевъ. Св. Іоаннъ Богословъ въ 4-й главѣ своего перваго посланія завѣщалъ: „всякъ духъ, иже не исповѣдуется І. Христа въ плоть пришедша, отъ Бога нѣсть и сей есть антихристовъ, его-же слышите, ясно грядетъ и нынѣ въ міръ есть уже“. Миссіонеры обыкновенно говорятъ: Антихристъ еще не пришелъ, но изъ словъ апостола видится, что онъ уже есть. Онъ пришелъ еще во время Богослова. Мы держимся не иного ученія, какъ только апостольскаго. Антихристъ, какъ видно въ Бесѣдахъ Златоуста, есть отступленіе. Къ намъ въ Россію оно пришло въ 1666 году. Объ этомъ можно вычитать изъ кн. о Вѣрѣ, которую открылъ и о. Симеонъ. На 274-мъ листѣ ея говорится о возвращеніи діавола на прежнее мѣсто и о пришествіи сына погибели. Пришествіе антихриста по кн. о Вѣрѣ будетъ въ видѣ отступле-

нія, не для всѣхъ, впрочемъ, замѣтнаго. Миссіонеръ отъ себя говоритъ, что антихристъ будетъ всѣмъ извѣстенъ. Нѣтъ, немущимъ разумъ онъ не будетъ извѣстенъ. Произойдутъ, повидимому, въ церквахъ небольшія перемѣны, но въ измѣненіяхъ имущимъ разумъ разумно будетъ явленіе антихриста. Я отвѣтилъ миссіонеру на его вопросъ такъ: Антихристъ пришелъ къ намъ въ Россію въ 1666 году.

Миссіонеръ. Арт. П—чу мы не совѣтовали брать пока болѣе трехъ книгъ. Онъ не послушался, хотя и далъ слово въ этомъ слушаться. Взялъ новый заветъ писанія. св. Іоанна: вы читалъ оттуда отрывочно со своимъ произвольнымъ толкованіемъ 4-ю главу 1-го посланія о духѣ антихриста. Между тѣмъ рѣчь у насъ не объ антихристахъ, не о духѣ антихриста, а о немъ самомъ о его существѣ, лицѣ. Кн. о Вѣрѣ, разсуждая о послѣднемъ антихристѣ, привела на этотъ вычитанный и неправо понятый текстъ изъ апостола. Она приводитъ въ 30 главѣ объ антихристѣ то мѣсто изъ посланія Іоанна, гдѣ говорится: „Дѣти, послѣдняя година есть, и яко же слышасте, яко антихристъ грядетъ и нынѣ антихристы мнози“. Здѣсь антихристъ и антихристы различаются: Про перваго говорится, что онъ грядетъ, а про вторыхъ замѣчено, что они и нынѣ существуютъ. Дѣйствительно, еретики были въ большомъ количествѣ и во время Іоанна Богослова: Симонъ волхвъ, Керинфъ и др. При наличности еретиковъ—антихристовъ, самого антихриста въ это время еще не было. Какъ христовъ—помазанниковъ было много, такъ и антихристовъ являлось и будетъ являться немало. Христосъ въ собственномъ смыслѣ былъ одинъ, такъ и антихристъ въ собственномъ смыслѣ этого слова будетъ одинъ. Онъ явится при концѣ міра. „Обаче собственнымъ и изъятымъ образомъ, говоритъ Іоаннъ Дамаскинъ, антихристъ глаголется, иже при кончинѣ вѣка пріити имать“ (гл. 26)

Различать антихриста отъ его предтечъ, называемыхъ тоже антихристами, велитъ и кн. о Вѣрѣ. По ея словамъ (269 л.), мы должны найти свидѣтельства отъ Писанія не только о слугахъ антихриста, но и о самомъ господинѣ при слугахъ его, т. е. о послѣднемъ антихристѣ. Самое полное изображеніе послѣдняго антихриста, по словамъ той-же книги о Вѣрѣ, находится въ посланіи ап. Павла къ Солунянамъ.

Возьмемъ 275-е зачало апостола съ толкованіемъ на него св. Іоанна Златоуста въ его бесѣдахъ на 14 посл. ап. Павла. На слова

св. Павла: „Да никто же васъ прельститъ ни по единому образу, яко аще не приидеть отступленіе прежде и откроется человекъ грѣха“. Св. Іоаннъ Златоустъ написалъ такое посланіе. „О антихристѣ здѣсь бесѣдуетъ... Кто же есть сей? Убо сатана ли никакже. Но человекъ нѣкій, всякое его во приѣмляй дѣйство!“ Т. о., св. Іоаннъ Златоустъ рѣшаетъ вопросъ объ антихристѣ не такъ, какъ Арт. II. Св. Златоустъ антихристомъ называетъ не собраніе ересей въ людяхъ, а сособаго человека, который, по дальнѣйшимъ его словамъ, будетъ требовать себѣ божескаго почтенія, будетъ покушаться чрезъ совершеніе нѣкоторыхъ чудесъ приобрести себѣ имя Бога. Такого человека мы еще не видимъ. Не видѣли его, согласно исторіи, и въ 1666 году. Значить, Арт. II. напрасно утверждаетъ, что антихристъ пришелъ въ 1666 г., напрасно также видитъ его въ тѣхъ перемѣнахъ, какія были утверждены въ это время въ Великороссійской Церкви. По Златоусту, антихристъ опредѣленный человекъ, стремящійся выдать себя за Бога. Ничего подобнаго не было при книжномъ исправленіи. Напрасны страхи и боязнь. Они преждевременны. Видѣть антихриста тамъ, гдѣ его нѣтъ, грѣшно. Грѣшно Артемію Петр. смѣшивать послѣдняго антихриста съ его предотечами-еретиками.

Черчичевъ. Тщетно миссіонеръ приводилъ свидѣтельство изъ бесѣдъ св. Златоуста. Эта книга говоритъ противъ него же самого. Пониманіе антихриста, какъ извѣстной личности, Златоустъ въ предисловіи ко 2-му посланію Солунянамъ называетъ дѣтскими баснями и бабскими блядіями.

Вотъ это мѣсто. „Рече же негдѣ и объ антихристѣ, егда глаголаше, Азъ придохъ о имени Отца Моего, и не приясте Мя; аще инъ приидеть о имени своемъ, онаго приимете. И части же и неизглаголанная бѣды, знаменіе быти глаголаше; и яко Іліи подобаетъ прияти. Недоумѣхуса убо тогда Солуняне о сихъ, намъ же полезно бысть онѣхъ недоумѣніе, не онимъ точію, но и намъ сія суть полезныя: да басней дѣтинныхъ и блядій бабскихъ свободимся“. Народъ Солунскій „глаголаше“, что бѣды и знаменія будутъ при приходѣ антихриста.

Такъ „глаголаше“ и о. Симеонъ. Но св. Златоустъ пишетъ, что намъ нужно уклоняться такихъ басней. Такія мысли, что антихристъ будетъ опредѣленное лицо и сотворитъ великія знаменія, по дальнѣйшимъ словамъ вселенскаго учителя, навѣваетъ намъ діаволъ. Вотъ онъ и навѣвалъ о. Симеону говорить подобно

тоусть, что послѣдній противникъ Христа не сатана, а нѣкоторый человекъ, стремящійся выдать себя за Бога и для сего творящій нелія чудеса.

Въ приведенномъ вами мѣстѣ ученіе Апостола и Златоуста тоже сходно съ изложеннымъ. Вы если не намѣренно, то ошибочно понимаете прочитанныя вами слова изъ предисловія къ Солунянамъ. Слово „глаголаше“ относите къ Солунскому народу: Но кто такъ другой читаетъ, какъ вы—не знаю. Про Солунянь рѣчь дальше. Вы ни во что ставите точку. Въ данномъ мѣстѣ слово „глаголаше“ относится ко Христу. Христось глаголаше: „Азъ придохъ о Имени Отца Моего и не примѣте Мя; аще инъ придетъ о имени своемъ, онаго примѣте. И частыя же и неизглаголанныя бѣды и знаменія быти глаголаше: (Христось говорилъ, а не Солуняне) и яко Ілія подобаетъ пріити“. Все, что приведено до сихъ поръ,—это слова Христа, а не Солунянь. Про нихъ еще рѣчи нѣтъ. Христось, а не Солуняне, говорилъ, что до прихода антихриста явится Ілія.

Про Солунянь вотъ гдѣ рѣчь. „Недоумѣвахуся убо тогда Солуняне о сихъ“. Солуняне недоумѣвали по поводу вышеприведенныхъ словъ Христа. „Но намъ такое недоумѣніе, замѣчается въ Бесѣдахъ, полезно“. По случаю его мы отъ апостола Павла получили такія ясныя указанія объ антихристѣ, что можно избѣжать тѣхъ басней и бабьихъ бредней, какія ходили среди Солунянь. Выходить, басни и бредни не слова объ антихристѣ, его чудесахъ и проповѣди Іліи, а что-то другое. Не первое, а послѣднее имѣ въ виду, Апостоль написалъ: „Да никтоже васъ прельститъ, ни по единому образу, яко аще не придетъ отступленіе прежде и отвернется человекъ грѣха, сынъ погибели, противникъ и превозносяйся надъ всякаго глаголемаго Бога или чтилища“... Имѣ въ виду разныя среди Солунянь толкованія о концѣ міра, Апостоль языкомъ указываетъ такіе ясныя признаки 2-го пришествія Христова, что имъ ничего не оставалось дѣлать, какъ лишь, принявъ ихъ, оставить прежніе ложные. Предъ пришествіемъ Господа, по Апостолу, долженъ былъ еще прійти его противникъ—антихристъ, опредѣленный человекъ, котораго Христось убіетъ духомъ устъ Своихъ и упразднитъ явленіемъ пришествія Своего.

Вамъ безпоповцамъ тоже ничего не остается дѣлать, какъ оставить свои ложныя мнѣнія о конечныхъ судьбахъ міра и принять истинныя, проповѣданныя Христомъ и св. Апостоломъ. Вы—поморцы

Вотъ какой послѣдній антихристъ! Приложимъ ли его образъ къ виновнику книжнаго исправленія, а по вашему, отступленія, къ патр. Никону или нѣтъ? Нисколько. П. Никонъ родился не отъ дѣвицы скверной, жидовки сущей. Чудесь онъ, хотя бы и привидѣніемъ, не творилъ. Предъ пришествіемъ его не являлись пророки—св. мужи съ проповѣдью на устахъ—ни Енохъ о законѣ естественномъ, ни Ілія Ѳесвитянинъ, про котораго и вы поете въ тропарѣ: „Пророкомъ степень, второй предотека пришествія Христова Ілія Славный“... и т. д.

Антихристъ, какъ мы слышали изъ кн. о Вѣрѣ, будетъ царствовать не столько, сколько вы полагаете, начиная съ 1666 г. и до нинѣшняго времени.

Не оправдавшись на п. Никонѣ, существенные признаки послѣднаго антихриста не приложимы и къ другимъ представителямъ Великороссійской Православной Церкви. Но коль скоро антихристъ въ назначаемые вами годы пришелъ, то онъ долженъ былъ бы обнаружиться въ нихъ, если не въ этомъ, то въ другомъ? Все писаніе говоритъ, что послѣдній антихристъ будетъ опредѣленный человекъ.

Мнѣніе, что послѣдній антихристъ пришелъ въ 1666 году, мнѣніе, какъ уже было сказано, ложное. Оно вотъ, дѣйствительно, заслуживаетъ того названія, какое вычитано было у Златоуста касательно Солунянъ. Что же касается ученія, что антихристъ не пришелъ въ 1666 г., ибо тогда существенные, относящіеся къ его лицу признаки, были бы приложимы къ какому-либо человеку, то это ученіе не діаволомъ навѣянное, какъ выразился мой собесѣдникъ, но Христомъ заповѣданное, апостоломъ повторенное, Златоустомъ разъясненное и кн. о Вѣрѣ пространно изложенное. Арт. П., будь осторожнѣе въ словахъ и отвѣчай на мой вопросъ: кто будетъ послѣдній антихристъ: опредѣленный человекъ или же просто собраніе ересей? Разрѣшеніемъ этого вопроса мы уяснимъ и твой: когда пришелъ антихристъ или не пришелъ еще?

Черчичевъ. О. Симеонъ предлагаетъ мнѣ говорить о существѣ послѣдняго антихриста. Въ вопросѣ о времени его пришествія мы скорѣе сталкиваемся. Въ пользу своей мысли, что антихристъ пришелъ, я вычитаю изъ той же книги о Вѣрѣ, которую читалъ и о. миссіонеръ. Я приведу изъ нея слова преп. Ефрема Сиріина: „Убоимся и мы любимцы, говоритъ онъ, да не и мы въ сія впадемъ; писанныя бо вся соверпишася и нѣсть ино ничтоже

пришествіи антихриста въ 1666 г. Читая его, онъ, должно быть, позабылъ свое толкованіе словъ св. Андрея касательно 1000 лѣтъ. Помня послѣднее, онъ не сталъ бы читать перваго. Что пользы отъ вычитаннаго имъ пророчества, когда его можно растолковать такъ же, какъ и пророчество Апокалипсиса. Мы примѣнимъ, слѣдую примѣру Арт. П., къ пророчеству кн. о Вѣрѣ тѣ же разсужденія, какія онъ допустилъ по поводу апокалипсической 1000 лѣтъ. Книга о Вѣрѣ потому понимала 1666 г. годомъ антихристовъа ихода, что авторъ ея жилъ до этихъ лѣтъ. По минованіи же ихъ ходъ событій заставляетъ отсрочить приходъ послѣдняго антихриста на неопредѣленное время. Въ 1666 году не дѣйствовали тотъ человѣкъ, который родился бы отъ дѣвницы нечистой жидовки сущей, творилъ бы чудеса. старался бы выдавать себя за Бога и т. п.

Арт. П. растолковалъ апокалипсическую 1000 лѣтъ въ опредѣленныхъ смыслѣ потому еще, что и св. Андрей не особенно настаивалъ на неопредѣленномъ ея пониманіи. Книга о Вѣрѣ тоже не настаиваетъ, Арт. П., на непремѣнномъ приходѣ послѣдняго антихриста въ 1666 г.! Здѣсь вѣдь прямо сказано: „Кто вѣсть, аще въ сихъ лѣтѣхъ 1666-хъ явственныхъ предотечевъ его, или того самого не укажетъ?“ Кто знаетъ? Сочинитель кн. о Вѣрѣ не знаетъ достоверно: самъ ли антихристъ придетъ въ 1666 г. или его предотечи. Только Арт. П. такъ уже положительно утверждаетъ, что „самъ“ пришелъ. Послѣднее однако для насъ не обязательно. Арт. П. не пророкъ и не авторъ кн. о Вѣрѣ, которую мы слушаемъ. Напрасно онъ читалъ ее. Прямо бы сослался на свой авторитетъ и только. Кн. о Вѣрѣ всетаки на половину оправдала себя: если не самъ антихристъ пришелъ, то предотечи его явились, такіе еретики, которые не имѣютъ ни престоловъ, ни жертвенниковъ.

Нельзя этого сказать про Артемія Петр. Онъ и вполнину себя не оправдалъ. Не указалъ ни одного слова изъ Писанія, что антихристъ пришелъ, притомъ, какъ онъ утверждаетъ, въ 1666 г. Правда, онъ читалъ еще 271 л. кн. о Вѣрѣ. Но и здѣсь, вѣдь, не говорится прямо, что въ 1666 г. непремѣнно придетъ антихристъ. Это опять лишь предположенія самого Арт. П. Здѣсь говорится только о томъ, какъ-бы намъ русскимъ, подобно латинянамъ и малороссамъ, не пострадать отъ тѣхъ же винъ, отъ коихъ пострадали и первые, именно отъ злобы діавола, развязаннаго по 1000 годѣ. Русскіе, дѣйствительно, пострадали. Явились худители

доводы, отрицающіе пришествіе антихриста въ 1666 г., я не думаю услышать противныя имъ. Ихъ нѣтъ. Христосъ не родился, наприм., въ 4595 г. и буквы Писанія о томъ, что онъ въ этомъ году родился, нѣтъ. Точно также и здѣсь. Антихристъ не пришелъ въѣдъ въ 1666 г., зачѣмъ они будутъ писать объ этомъ. Это нелѣпо. А что антихристъ послѣдній, не слуги, а самъ онъ не пришелъ въ 1666 году—это я показать, кромѣ буквы Писанія еще и разсужденіями о лицѣ его. Послѣднія показываютъ намъ, что антихристъ будетъ человѣкъ, подобнаго коему не было не только въ 1666 г., но и въ ближайшее къ намъ время. Если бы онъ въ 1666 г. на самомъ дѣлѣ пришелъ, какъ утверждаетъ Арт. Петр. тогда и насъ съ вами бы теперь не было. Явленіе антихриста одинъ изъ ближайшихъ признаковъ второго Христова пришествія Господь, убивающій антихриста, есть въ то же время Судія, грядущій судить живыхъ и мертвыхъ.

Ясность признаковъ послѣдняго антихриста, его лица, его существа, показанныхъ ап. Павломъ въ посланіи къ Солунянамъ, съ очевидностью убѣждаетъ, что положеніе Арт. II. о приходѣ Христова врага въ 1666 г.—ложно. Раздѣльность, съ какой черты антихристова лица разобраны у Златоуста, у св. Андрея и въ кн. о Вѣрѣ, заставила даже моего собесѣдника уклониться отъ вопроса о существѣ послѣдняго врага Христова.

Отложимъ бесѣду до завтра. Можетъ быть Арт. Петр. и скажетъ что либо по вопросу, оставленному имъ нынѣ безъ вниманія и отвѣта.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Свящ. С. Шлеевъ.

собрание духовныхъ пѣсень и псалмовъ для пѣнія, для употребленія при общественномъ и домашнемъ богослуженіи христіанъ баптистскаго исповѣданія“.

Съ этого времени „Голось вѣры“, сыгравъ большую роль въ дѣлѣ развитія культа штунды, все рѣже и рѣже появляется въ рукахъ сектантовъ и, наконецъ, становится библиографическою рѣдкостью.

Между тѣмъ потребность въ готовыхъ молитвахъ у русскихъ штундистовъ съ каждымъ годомъ возрастала, тѣмъ болѣе что и изданныя первоначально „Обществ. распротр. дух.-нравств. проев.“: „Радостныя пѣсни Сіона“ и „Любимые стихи“ также были воспрещены къ обращенію. Тогда проживающій въ г. Новороссійскъ сектантъ Д. Я. Авраховъ издалъ въ 1892 г., съ разрѣшенія Московской евангелическо-лютеранской консисторіи и С.-Петербургской свѣтской цензуры, „сборникъ духовныхъ стихотвореній для христіанъ евангелическо-лютеранскаго вѣроисповѣданія“. ¹⁾ Этотъ сборникъ быстро распространился среди русскихъ штундистовъ. По разслѣдованію содержанія этого сборника, оказалось, что онъ представляетъ собою уже запрещенный къ обращенію и перепечатанію „Голось вѣры“, только пополненный нѣкоторыми произведеніями русскихъ поэтовъ и переводными стихотвореніями. На этомъ основаніи означенный сборникъ въ 1896 году также былъ воспрещенъ къ обращенію и, несмотря на старанія „Бесѣды“ распространять его среди русскихъ сектантовъ, онъ становится у нихъ рѣдкостью.

Были и еще со стороны русскихъ штундистовъ попытки къ изданію сектантскихъ стихотвореній, какъ, наприм., въ Москвѣ, съ разрѣшенія общей цензуры, было издано „собрание стихотвореній“ (100 пѣсень), представляющее собою извлеченія изъ „Голоса вѣры“, „Радостныхъ пѣсень Сіона“, „Любимыхъ стиховъ“ и др. сборниковъ. Но всѣ такія изданія скоро воспрещались къ обращенію.

Казалось, что неоднократныя ошибки свѣтской цензуры, при разрѣшеніи къ изданію сборниковъ духовныхъ стихотвореній и вообще подобнаго рода произведеній на русскомъ языкѣ, на обложкѣ облыжно предназначаемыхъ для внославныхъ исповѣданій, а на самомъ дѣлѣ направляемыхъ для оснащенія культа русскихъ сектантовъ, должны научить цензуру осмотрительности. Однако такого рода изданія продолжаютъ появляться: такъ, съ дозволенія С.-Петербургской цензуры, 10го 11 Января 1902 года, появилась въ продажѣ и въ богослужебномъ употребленіи книга, подъ заглавіемъ:

¹⁾ Всѣхъ стихотвореній 416.

съ тѣхъ-же источниковъ, откуда черпали свое содержаніе и запрещенные къ обращенію: „Гослосъ вѣры“, „Любимые стихи“ и др. сборники ¹⁾ и в) болѣе 180 стиховъ, подписанныхъ инициалами сектантскихъ представителей ²⁾, которые, за весьма небольшими исключеніями, перевели эти стихи съ нѣмецкихъ сектантскихъ изданій, откуда брали свое содержаніе и сборники Воронина, Аврахова и др.—Словомъ, весь матеріалъ „Гуслей“, за исключеніемъ двадцати съ небольшимъ стиховъ, уже давно запрещенъ къ перепечатанію и обращенію въ русскомъ народѣ, какъ предназначенный для укрѣпленія и развитія русской шкунды. Посему „Гусли“ едва ли могли быть разрѣшены цензурой къ печатанію и обращенію.

Но при этомъ считаемъ не лишнимъ замѣтить, что подобнаго рода ошибки со стороны свѣтской цензуры будутъ повторяться до тѣхъ поръ, пока вопросъ о переводѣ на русскій языкъ съ нѣмецкаго и другихъ языковъ духовныхъ стихотвореній и прочихъ произведеній, не исключая и потныхъ, съ явно протестантскимъ или сектантскимъ направленіемъ не будетъ рѣшенъ принципиально, т. е. допустимы-ли такіе переводы или нѣтъ? Конечно, при рѣшеніи этого вопроса необходимо принять во вниманіе, что всѣ подобнаго рода переводы нужны не для нѣмцевъ—протестантовъ и не для нѣмцевъ—сектантовъ, живущихъ въ Россіи, которые терпѣть не могутъ русской рѣчи и никогда не станутъ употреблять русскаго языка въ дѣлѣ удовлетворенія своихъ религіозныхъ

182, 129, 75, 312, 126, 74, 91, 194 и множество другихъ съ №№ сборн. Аврахова: 67, 126, 151, 307, 333, 266, 294, 305, 355, 350, 91, 189, 141, 148, 212, 197, 411, 243, 135, 116, 389, 112, 34, 59, 110, 26, 251, 133, 24, 36, 70, и пр. и пр.

¹⁾ Наприм. 448, 24, 515, 355, 349, 267, 103, 313, 563, 432, 433, 114, 449, 46, 480 и мног. друг. Между прочимъ № 480 находится въ изданной П. П. тетради, съ разрѣшенія Одесской цензуры, отъ 31 Декабря 1901 г., подъ заглавіемъ: «хвалебныя пѣсни». Пѣсни поются по циферной системѣ Печатались онѣ въ типографіи П. Я. Нейфельдта въ Гальбштадтѣ. Мелитопольскаго у., Таврич губ., и весьма широко распространены между русскими и штундистами.

²⁾ Въ этихъ инициалахъ не трудно узнать: Сумбата Багдасарова. Якова Бурмистрова, Карла Рушевича, Ш. Щерб..., и особенно Ив. Степ. Проханова, подписавшагося И. С. П. подъ болѣе чѣмъ 150 стихотвореній, уже и ранѣ входившихъ въ составъ сектантскихъ сборниковъ и циферныхъ школъ для пѣнія, какъ, наприм., № 420-я находимъ въ циферной школѣ для пѣнія ч. 1-й, изданія П. и Г. въ Гальбштадтѣ, въ типографіи П. Я. Нейфельдта, 1900 г.; №№ 353, 43, 293, 337, 126, 375, 47, 335, 310, 330 и мн. др. находимъ въ сборникѣ Аврахова..

къ интеллигентнымъ слоямъ общества гораздо ближе, чѣмъ въ предшествовавшее время. Въ разсужденіи хорошихъ вѣшнихъ манеръ интеллигентныя лица гораздо болѣе требовательны и взыскательны, чѣмъ низшія сословія. Отсутствие хорошихъ пріемовъ въ обращеніи или какой-либо недостатокъ во вѣшнихъ манерахъ часто производить разрывку между священикомъ и интеллигентными слоями общества, а это въ свою очередь можетъ печально отозваться на церковно-просвѣтительной миссіи священника среди интеллигенціи.

Наконецъ, въ жизни священнослужителя выпадаютъ и такіе моменты, когда приходится бесѣдовать съ сильными міра сего... Далеко стоящіе отъ большинства людей сильные міра часто стараются составить понятіе о незнакомомъ имъ человѣкѣ на основаніи такого мимолетнаго и неустойчиваго признака, какимъ являются вѣшныя манеры въ обращеніи; вотъ тутъ-то и возникаютъ «искушенія»; иногда цѣлая судьба человѣка складывается соответственно качеству его вѣшныхъ манеръ... Бываютъ случаи, когда ничтожное упущеніе или какая-либо неровность во вѣшнихъ манерахъ оказывается губительною искрою, зажигающею всю жителю многлѣтнихъ самоотверженныхъ и добросовѣстныхъ трудовъ того или иного лица; изъ-за минутной мелочи теряется благополучіе жизни, пріобрѣтенное годами!

Отъ такихъ несчастій не всѣ застрахованы, въ томъ числѣ, конечно, и наши священнослужители...

Отсюда, нашимъ священнослужителямъ необходимо заблаговременно заставить себя созвѣтами почтенныхъ и болѣе опытныхъ своихъ духовныхъ собратій по части благоприличныхъ манеръ. Такую важную услугу и оказываетъ имъ небольшая по объему, но очень дѣльная по содержанію, книжка извѣстнаго духовнаго писателя, почтеннаго о. протоіерея А. Ковальническаго: «Мелочи въ обыденной жизни священника». Содержаніе книги очень разнообразно и обширно, можно сказать, всѣ тѣ моменты пастырской дѣятельности, въ которыхъ вѣшныя манеры имѣютъ довольно важное значеніе. Почтенный о. протоіерей подробно излагаетъ правила вѣшняго благоприличія въ богослужебной дѣятельности священника (14—19 стр.), заботы священника о своемъ тѣлѣ (19—30 стр.), приличные манеры и пріемы въ обращеніи съ другими людьми и, особенно, высокопоставленными лицами (30—38 стр.), далѣе идетъ рѣчь о «держаніи себя на улицѣ» и въ мѣстахъ общественаго собранія, о встрѣчѣ съ людьми и визитныхъ карточкахъ (38—47), о поведеніи гостя-священника за столомъ (47—58 стр.), относительно письмоводства священника, его духовно-пастырскихъ и оффиціальныхъ писемъ, а также канцелярскихъ бумагъ (58—67 стр.), о развлеченіяхъ, доступныхъ священнику

ная смерть и духовное воскресеніе, такъ какъ на этомъ прерывается его романъ» (стр. 14).

По ученію церковному, причиною духовной смерти является, прежде всего, невѣріе и, затѣмъ, эгоизмъ, напротивъ, вѣра во Христа и любовь къ братьямъ (1 Іоан. IV, 15, 12) воскрешаютъ человѣка (1 Іоан. III, 14). Путь къ воскресенію и новой жизни лежитъ въ покаяніи и обращеніи къ слову Божію. Последній моментъ подмѣтилъ и Толстой. Воскресеніе кн. Нехлюдова началось съ обращенія его къ Евангелію. «Говорятъ, тамъ разрѣшеніе всего,—подумать онъ въ трудныя минуты своей жизни,—и, открывъ Евангеліе, началъ читать тамъ, гдѣ открылось,—Мѣ. XVIII гл.»—«Замѣчательно,—пишетъ свящ. Ромашковъ,—что XVIII глава отъ Маттея, которая случайно будто бы раскрылась, при чтеніи Евангелія кн. Нехлюдовымъ, вся эта глава, можно сказать, имѣетъ ближайшее и непосредственное отношеніе къ самому автору романа: «Воскресеніе», т. е. гр. Толстому. Вся она подходитъ цѣликомъ къ современному душевному его состоянію. Изъ ней ясно мы можемъ видѣть духовную смерть Толстого, а равно и утѣшаться надеждой на его духовное воскресеніе» (24 стр.). Эти мысли и раскрываются далѣе авторомъ. Выясняя для соблазняющихся фактъ отлученія гр. Толстого, какъ засвидѣтельствованіе Церковію духовной смерти послѣдняго, свящ. Ромашковъ приводитъ выдержки изъ прекраснаго слова почившаго вѣнціи, архіепископа Амвросія Харьковскаго о церковной анаемѣ. «Вы не вѣруете, говорили проповѣдники, обращаясь къ непокорнымъ членамъ Церкви,—не вѣруете, какъ Господь повелѣлъ намъ вѣровать, пренебрегаете Его святыми заповѣдями... вы глумитесь надъ церковными чиноположеніями, обрядами, обычаями; для васъ ничто въ Церкви не свято, ничто не дорого, ничего вамъ не нужно,—оставьте насъ!» (48 стр.).

Но это отлученіе не безусловное. Въ немъ кроется надежда на духовное воскресеніе человѣка, отлученнаго отъ Церкви. «И мы вѣруемъ,—пишетъ авторъ,—что гр. Толстой, подобно многимъ другимъ мертвецамъ, можетъ ожить своимъ духомъ. Мы вѣруемъ, что онъ, подобно, напр., Савлу, будущему апостолу языковъ Павлу, можетъ испытать на себѣ во всей силѣ слова Христовы: «что ты гонишь Меня?... Я—Исусъ, Котораго ты гонишь. Трудно тебѣ идти противъ рожна» (Дѣян. IX, 4—5), (50 стр.).

Какими же средствами и путями должно совершаться такое воскресеніе? Первое и главное средство для этого есть смиреніе, отложеніе гордости ума человѣческаго и вступленіе на путь вѣры Христовой (*ibid.*). Игакъ, „смирись гордый человѣкъ“:—съ такими словами одного истинно—великаго писателя земли русской, возглашавшаго вслухъ цѣлой Россіи ко всѣмъ филантропамъ, искавшимъ разгадки своей неспособности дѣлать добро,—

ХРОНИКА.

Миссіонерство, секты и расколъ.

Новая неудачная попытка донскихъ штундистовъ присвоить себѣ имя и права нѣмецкихъ баптистовъ. — Новый раскольничій епископъ Иннокентій Усовъ. — Недовѣріе Австрійскихъ раскольниковъ къ своимъ мощамъ и письмо Швецова.

Извѣстно, что русскіе штундисты, послѣ изданія ограничительнаго противъ нихъ закона 4-го іюля 1894 года, признавашаго секту штундистовъ особо вредной съ воспрещеніемъ общественныхъ молитвенныхъ собраній штунды, стали присвоять себѣ имя баптистовъ, именуя себя во всѣхъ официальныхъ дѣлахъ и частныхъ случаяхъ, и передъ властями, и передъ народомъ баптистами. чтобы воспользоваться правами, предоставленными баптистамъ по закону 1879 г. Съ цѣлю пріобрѣсти официальные удостовѣренія въ томъ, что они баптисты, русскіе штундисты во время всероссійской народной переписи 1897 года называли себя счетчиками не иначе, какъ баптистами, и тотчасъ послѣ этой переписи стали поспѣшно и всюду мѣнять свои паспорта или брать удостовѣренія въ своей личности, говоря, что тѣ и другія имъ нужны для отправленія въ другія губерніи на работу, каковыя удостовѣренія имъ за 2—3 рубля и выдавали волостныя правленія, мѣщанскія управы, канцеляріи приставовъ и полицейскихъ управленій. Вслѣдствіе предьявленія штундистами въ судахъ свидѣтельствъ и паспортовъ, въ которыхъ они совершенно произвольно были названы баптистами, земскіе начальники, ихъ сѣзды, окружные суды, мало или совсѣмъ незнакомые съ вопросами сектоуѣднѣнія, по мѣстамъ стали оправдывать сектантовъ въ несомнѣнныхъ нарушеніяхъ ими циркуляра 1894 года, смотря на сектантовъ не какъ на штундистовъ, а какъ на баптистовъ, на которыхъ этотъ циркуляръ не можетъ быть распространенъ. Въ прошломъ году донскіе штундисты, чтобы присвоить себѣ названіе баптистовъ, такъ сказать, легальнымъ путемъ, пытались добиться у мѣстнаго вой-

основаніи правъ. дарованныхъ закономъ 3-го мая 1883 г., собираемся въ воскресные дни для молитвы и чтенія слова Божія, но мѣстные власти и православные люди, возбуждаемые духовенствомъ, производятъ надъ нами такое насиліе и издѣвательство, что просто хотъ уходи изъ своихъ родныхъ деревень, куда хочешь. Напримѣръ. когда мы однажды собрались для чтенія слова Божія, то къ дому нашего собранія собралась большая толпа подѣ начальствомъ самого г. старшины Павловской волости и ими рѣшено было сжечь насъ живыми для чего заперли двери и около оконъ стоялъ народъ съ кольемъ дабы кто не ушелъ, но, по милости Божіей, это гнусное преступленіе не состоялось, а разломали крышу, проломали потолокъ и весь мусоръ съ тяжеловѣсными предметами обрушили намъ на головы, насильственно гоняли въ православную церковь, заставляя поклоняться иконамъ, и били со всею яростію дикихъ людей, сѣкли публично розгами даже до полусмерти, — и одна женщина, поболтѣвъ, отъ побоевъ умерла. Сажали насъ въ холодную, для какой цѣли не достаточно мѣстныхъ заключеній, но посылаютъ въ г. Таганрогъ, отстоящій отъ нашей деревни около 200 верстъ, и все это дѣлается съ явной цѣлью разорять насъ. Иногда арестовываютъ насъ въ дорогое для рабочаго челоѣка время. Обращались мы за защитою и къ начальникамъ, но нѣтъ тамъ никакой защиты, потому что главное начальство подводитъ насъ подѣ какую-то вредную секту «штунды», а мы знаемъ изъ закона 4-го іюля 1894 г. и разъясняющаго его циркуляра Министерства Внутреннихъ Дѣлъ Губернаторамъ отъ 3-го сентября 1894 г., что штунда есть секта, отвергающая всѣ церковныя обряды и таинства, не только не признающая властей и возстающая противъ присяги и военной службы, уподобляя вѣрныхъ защитниковъ Престола и Отечества разбойникамъ, но и проповѣдующая соціалистическіе принципы, поэтому мы протестуемъ противъ произвольнаго навязыванія намъ несуществующихъ въ насъ убѣжденій, ибо въ дѣйствительности мы есть баптисты, которымъ собираться для молитвы не запрещается. При выдачѣ паспортовъ намъ прописываютъ вѣроисповѣданіе штундистовъ, и благодаря такой отмѣткѣ насъ нигдѣ не хотятъ нанимать на работы, хотя мы и желательные работники, но во избѣжаніе непріятностей со стороны духовенства и полиціи намъ отъ работы отказываютъ. Трудно намъ, людямъ малограмотнымъ, и высказать Вашему Высокопревосходительству все, что намъ здѣсь дѣлаютъ. Поэтому мы просимъ Ваше Высокопревосходительство оградить насъ отъ произвола, — это все въ Вашей власти. За что же намъ понапрасну страдать?

Мы, бѣдные труженики, если и виноваты въ чемъ, такъ только въ томъ, что хотимъ жить, какъ учить Богъ, другихъ же проступковъ у насъ нѣтъ, и даже тѣ, которые насъ преслѣдуютъ, не могутъ ихъ указать, потому что мы во всемъ аккуратны и нѣтъ въ насъ никакого лицемѣрія. 1902 г. 11 августа. Крестьяне: Петръ Душенко, Федоръ Архиповъ Борисенко, Петръ 2-й Осиповичъ Душенко,

гласно циркулярному разъясненію Министерства отъ 17-го мая 1900 года за № 3, признаны штундистами, коимъ, на основаніи Высочайше утвержденного 4-го іюля 1894 г. Положенія Комитета Министровъ, воспрещаются общественныя молитвенныя собранія“; во-2-хъ, признано, что, „по доставленнымъ въ Министерство свѣдѣніямъ, ни духовенство, ни полиція никакихъ насильственныхъ дѣйствій по отношенію къ жалобщикамъ не проявляли“. Слѣдовательно, все изложенное штундистами въ ихъ прошеніи злонамѣренная ложь.

27 апрѣля текущего года произведенъ былъ въ Нижнемъ-Новгородѣ во „епископа“ раскольниковъ извѣстный расколоучитель Иванъ Григорьевъ Усовъ, въ иночествѣ Иннокентій, принадлежащій къ окружническому толку. Обстоятельства, предшествовавшія поставленію въ „епископа“ этого расколоучителя, весьма любопытны, и мы считаемъ полезнымъ познакомить съ ними читателей „Миссіонерскаго Обозрѣнія“.

Усову, какъ видному защитнику поповщинскаго раскола, было желательно, чтобы производство его во „епископа“ совершено было въ Москвѣ. Съ этою цѣлью онъ, совмѣстно со „владыкою“ Арсеніемъ Швецовымъ, въ первой половинѣ апрѣля прибылъ въ Бѣлокаменную; однако-же, не смотря на обиліе въ Москвѣ раскольниковъ „церквей“, хозяевами и попечителями сихъ „церквей“ ни въ одной изъ нихъ не было позволено совершить поставленіе во „епископа“ сказаннаго расколоучителя. Недопущеніе московскими раскольниками поставленія Усова во „епископа“ въ своихъ „церквахъ“ было мотивировано ими „опасностью“ отвѣтственности за такое дѣло предъ начальствомъ; на самомъ же дѣлѣ, истинная причина этого недопущенія была совершенно другая и состояла въ слѣдующемъ. Дѣло въ томъ, что несмотря на „извѣщеніе“ „освященнаго собора старообрядческихъ епископовъ“ о состоявшемся въ іюлѣ прошлаго года примиреніи Швецова съ Картушинымъ и Механиковымъ по вопросу о содержимыхъ и проповѣдуемыхъ „владыкою“ Арсеніемъ еретическихъ мнѣніяхъ, несмотря на то, что въ сказанномъ „извѣщеніи“ объявлялось, будто „старообрядческая церковь“ не пріемлетъ и отвергаетъ еретическія мнѣнія Швецова и будто даже самъ Швецовъ согласился съ нею и изъявилъ полное „повиновеніе освя-

однакоже, скрывающійся въ глубинѣ совѣсти раскольниковъ незримый судія, доселѣ не перестаетъ громко возвѣщать всѣмъ послѣдователямъ Бѣлскриницкой лжеіерархіи, что они состоятъ въ религіозномъ общеніи съ явно и упорно еретичествующимъ „епископомъ“. А такъ какъ и Усовъ держится по сказанному вопросу одинаковаго образа мыслей со Швецовымъ, то попечители московскихъ раскольниковъ „церквей“ поняли, что допустить въ своихъ церквахъ совершеніе „хиротоніи“ явному еретикъ и надъ явнымъ же еретикомъ значило бы самымъ пріобщиться тѣснѣйшимъ образомъ „сквернѣ еретичества“, содержаемой Швецовымъ и Усовымъ. Поэтому собственно они и не допустили совершенія сказанной „хиротоніи“ въ московскихъ раскольниковъ „церквахъ“, измысливъ для того означенный выше предлогъ „опасенія“ получить отъ начальства непріятность за это допущеніе.

Само собою понятно, что истинная причина, нами сейчасъ раскрытая, по которой не состоялось поставленіе Усова во „епископа“ въ Москвѣ, ясно сознавалась и чувствовалась и Швецовымъ и Усовымъ, какъ сознавалась она и руководителями московскаго раскола; однако же, чтобы вновь не возбудить столь тревожнаго для послѣдователей Бѣлскриницкой лжеіерархіи вопроса о еретичествахъ Швецова, на время искусственно закрытаго, тѣ и другіе стараются поддерживать между собою наружный миръ. Для скрѣпленія, между прочимъ, этого искусственнаго мира, попечителями московскаго раскола было устроено въ Москвѣ, въ половинѣ апрѣля, „собраніе“, при участіи Швецова и Усова. На этомъ „собраніи“ было рѣшено, что якобы столь „опасное“ для московскихъ раскольниковъ дѣло, какимъ трактовалось поставленіе Усова во „епископа“, вполне удобно и безопасно совершить въ Нижнемъ-Новгородѣ, подъ крыломъ „почтеннѣйшаго Дмитрія Васильевича“, сирѣчь г. Сироткина, вмѣщающаго въ С.-Петербургѣ „большой вѣсъ и значеніе“, какъ выражаются раскольники. Согласно этому рѣшенію Швецовъ съ Усовымъ прибыли для сказаннаго дѣла въ Н.-Новгородъ около 20 апрѣля. На производство въ „епископа“ Усова, получено было Швецовымъ „благословеніе“ и отъ Карпушина. Съ прибытіемъ въ Н.-Новгородъ названныхъ двухъ раскольниковъ „свѣтилъ еретиковъ“, закипѣла у мѣстныхъ расколь-

запрещенію въ „священнослуженіи“. Это наказаніе наложено было на него за доставленіе г. Субботину его „переписки“ или „полемики“ со Швецовымъ.

ное собраніе, трактуя на этомъ „собраніи“ объ учрежденіи новыхъ раскольническихъ „епископій“, объ открытіи своихъ собственныхъ „школъ“, объ организаціи кружковъ для цѣлей пропаганды раскола и т. п., то это занятіе раскольниковъ показалось тогда не совсѣмъ невиннымъ и безобиднымъ даже для юдофильствующей мѣстной газеты Нижегородскаго Листка, которая и сочла поэтому нужнымъ напечатать тогда замѣтку о сказанномъ „собраніи“. Замѣтка эта, конечно, попала на глаза и мѣстному начальству. Последнее сочло нужнымъ, на основаніи замѣтки, полюбопытствовать,—что такое, и о чемъ собственно „судятъ“ и „разсуждаютъ“ собравшіеся не въ обычномъ количествѣ представители „древняго благочестія“? Любопытству этому удовлетворилъ, конечно, „почтеннѣйшій Дмитрій Васильевичъ“, сообщивъ любопытствующимъ, что старообрядцы разсуждаютъ на „собраніи“ о своихъ „частныхъ“ дѣлахъ. Само собою понятно, что послѣ этого „доклада“ г-на Сироткина, кому слѣдуетъ, противозаконное раскольническое „собраніе“ продолжалось обычнымъ порядкомъ. „Продолжайте заниматься дѣлами, я принимаю на себя всю отвѣтственность“,—торжественно заявилъ г. Сироткинъ „собранію“, возвратившись послѣ „доклада“. Или вотъ еще другой случай: въ селѣ Елховкѣ, Васильскаго уѣзда, раскольники австрійскаго толка задумали прошлою зимою возвести на своей мѣстной „церкви“ небольшія главы, потому что стоять кресту на обыкновенной крышѣ, по ихъ понятію, было не особенно красивымъ. Отъ думы они приступили къ дѣлу. Мѣстное начальство, руководясь закономъ, сдѣлало попытку не допустить совершиться раскольнической затѣѣ. Тогда елховскіе раскольники обратились въ Н.-Новгородъ телеграммою за разрѣшеніемъ произвести „ремонтъ“ своей церкви. Просимое разрѣшеніе, конечно, было дано, и притомъ, должно быть для ускоренія дѣла, телеграммою же. На основаніи этого разрѣшенія раскольники и произвели „ремонтъ“, сирѣчь возвели на своей раскольнической „церкви“ нужныя имъ главы. Мы не будемъ говорить уже о томъ, что послѣ объявленія, въ февралѣ, Высочайшаго манифеста, ложно истолковываемаго со словъ либеральной прессы раскольниками, въ Нижегородской губерніи стали быстро поставляться австрійцами блестящіе металлическіе кресты и на всѣхъ прочихъ ихъ молитвенныхъ зданіяхъ, существующихъ въ большинствѣ случаевъ безъ надлежащаго разрѣ-

въ немъ „церковію“, а потому онъ и имѣетъ постоянное жительство уже въ „своей“ епархіи, изрѣдка лишь посѣщая Безводное. Итакъ, наши корифеи раскола, о которыхъ идетъ рѣчь, отпразднись изъ Нижняго „внизъ по матушкѣ по Волгѣ“—въ Безводное, рѣшивъ совершить тамъ поставленіе новаго лжевладыки. Но, говорятъ, несчастье никогда не приходитъ одно,—за неудачей непременно слѣдуетъ другая неудача; то же случилось и съ нашими еретичествоющими расколоучителями. Нашлось и въ Безводномъ „пренятствіе“, не позволившее Усову поставиться въ раскольниковскіе „епископы“, но пренятствіе это совершенно особаго рода, нежели предшествовавшія, о которомъ также слѣдуетъ упомянуть. Оно состояло въ слѣдующемъ. Наканунѣ пріѣзда „владыки“ Іоасафа съ „гостями“ въ Безводное, „попечитель“ безводненскаго раскольниковскаго скита, С. В. Кренделевъ, получилъ повѣстку явиться въ Окружный судъ. Въ Окружномъ судѣ должно было разбираться дѣло Кренделева по обвиненію его въ оскорбительномъ и бранномъ отзывѣ, въ публичномъ мѣстѣ, о Высочайшей Его Императорскаго Величества Осовѣ. „Подвигъ“ этотъ учиненъ былъ Кренделевымъ прошлою зимою въ мѣстномъ почтовомъ-телеграфномъ отдѣленіи, о чемъ начальникъ почтоваго отдѣленія тогда же и сообщилъ по начальству, которое и привлекало теперь Кренделева за сказанное дѣло къ суду ¹⁾. Узнавъ объ этомъ, раскольничьи „епископы“ пришли въ раздумье: удобно ли и прилично ли будетъ поставлять Усова во „епископы“ въ такой „церкви“, попечителемъ которой состоитъ столь сильно „скомпроментировавшійся“ въ „патріотическихъ чувствахъ“ дѣятель поповщинскаго раскола, какими чувствами обыкновенно такъ любятъ хвалиться, гдѣ нужно, раскольники? Обсудивъ этотъ весьма важный вопросъ, раскольничьи „епископы“ рѣшили, что поставлять Усова въ „архіереи“ въ Безводномъ не слѣдуетъ, такъ какъ это, по ихъ понятію, могло быть истолковано въ невыгодномъ смыслѣ и относительно „патріотичности“ самихъ раскольниковскихъ „архіереевъ“, стекающихся для поставленія новыхъ кандидатовъ на эту должность въ подлежащій „попеченію“ столь „неблагодарной“ въ сказанномъ отношеніи личности. Такое рѣшеніе поста-

¹⁾ Дѣло это разбиралось въ Нижегородскомъ Окружномъ судѣ 2 мая. Судъ приговорилъ Кренделева въ 50—рублевому штрафу, а въ случаѣ несостоятельности—къ десятидневному аресту.

кія губы, густо заросшія черными волосами, проговорили: „Благословляю, но пока еще только благословеніемъ смиреннаго священноинокѣ, а не благословеніемъ святителя“. „Какъ? почему? или еще какое препятствіе нашлось?“ — посыпались изъ устъ г. Сироткина эти и подобные этимъ вопросы. Изумленному Сироткину подробно было рассказано о причинѣ, по которой раскольниковы „епископы“ не нашли возможнымъ поставлять Усова въ Безводномъ. Сообщение объ „исторіи“ Кренделева произвело на г. Сироткина какое-то странное, неуловимое впечатлѣніе. Выслушавъ, онъ спросилъ: „Гдѣ же, въ такомъ случаѣ, вы намѣрены совершать свое дѣло?“ „Владыка“ Арсеній отвѣтилъ, что онъ рѣшилъ еще разъ обратиться къ г-жѣ Карповой за дозволеніемъ совершить поставленіе въ ея „Курбатовской церкви“; а въ случаѣ вторичнаго отказа онъ, какъ числящійся еще временно „владыкою“ нижегородскимъ, накажетъ г-жу Карпову отлученіемъ. Г. Сироткинъ не совѣтовалъ „владыкѣ“ Арсенію рѣшаться на столь крайнюю мѣру, потому что г-жа Карпова все-таки полезна для нижегородскаго раскола. Онъ предложилъ, не изволятъ-ли раскольническіе „владыки“ совершить производство въ „епископа“ Усова въ его собственномъ молитвенномъ домѣ. „Моленная у меня обставлена прилично, можно сказать, даже красиво, — говорилъ г. Сироткинъ; поставилъ въ ней полотняную походную „церковь“, которая у меня также имѣется,—вотъ вы, преосвященнѣйшіе владыки, преспокойно и зажгете въ ней новый свѣтильникъ для ревнителей древняго благочестія“. Это предложеніе г. Сироткина охотно было принято, и постановленіе Усова въ раскольниковъ „епископа“, съ наименованіемъ его „нижегородскимъ и костромскимъ“, дѣйствительно совершено было Арсеніемъ Швецовымъ и Іоасафомъ Казанскимъ въ домашней моленной г. Сироткина, при постановкѣ въ ней парусинной „церкви“.

Поставленіе, какъ мы сказали, состоялось 27 апрѣля. За богослуженіе во время этого поставленія допущены были только избранные, очень немногіе изъ раскольниковъ. Говорятъ, былъ приглашаемъ на „торжество“ поставленія Н. А. Бугровъ; но послѣдній будто-бы отклонилъ отъ себя такую незаслуженную честь. По окончаніи богослуженія, новопоставленный „владыка“ наградилъ всѣхъ присутствовавшихъ при его „рукоположеніи“ новою гектографированною брошюркою своего сочиненія, носящую заглавіе: „По поводу статьи миссіонера Родіонцева: „случайный

На другой день, послѣ поставленія, новопоставленный „владыка“ Иннокентій поручилъ нѣкоторымъ изъ своихъ „сотрудниковъ“ написать опроверженіе на нѣкоторыя миссіонерскія сочиненія, изобличающія ложность Бѣлокриницкой іерархіи, которые по написаніи, для просмотра и окончательной отдѣлки, должны будутъ представить самому „владыкѣ“ Иннокентію. Затѣмъ, новопоставленный „владыка“ отправился, совмѣстно съ Арсеніемъ Швецовымъ, по раскольниковымъ „приходамъ“ Нижегородской губерніи для личной сдачи этимъ послѣднимъ своей паствы новопоставленному „владыкѣ“. Совершивъ это путешествіе, оба названные раскольниковскіе „владыки“ отправились въ Костромскую епархію для той же сдачи однимъ, и для принятія другимъ, управленія раскольниковскою паствою. Въ Нижегородской губерніи всѣхъ раскольниковскихъ приходовъ, подвѣдомственныхъ теперь Ивану Усову, числится съ небольшимъ 40, а въ Костромской — около 20-ти. Это значитъ, въ Нижегородской губерніи поновъ австрійскаго производства болѣе сорока, а въ Костромской достигаетъ двухъ десятковъ.

У Швецова и Усова ведутся въ настоящее время оживленные переговоры съ петербургскими раскольниками о подчиненіи на время петербургской раскольниковской епархіи Усову, т. е. до поставленія на петербургскую епархію самостоятельнаго епископа. Вопросъ этотъ возбужденъ вслѣдствіе того, что Іоаннъ Карушинъ, подъ вѣдѣніемъ котораго числится теперь петербургская епархіа, не соглашается ѣздить въ Петербургъ для отправленія тамъ „архіерейскихъ“ богослуженій, а „владыка“ Иннокентій общается петербургскимъ раскольникамъ, что онъ, по временамъ, и въ Петербургѣ будетъ совершать „архіерейскія“ богослуженія. Въ скоромъ времени этотъ вопросъ будетъ разрѣшенъ, какъ надѣется „владыка“ Иннокентій, въ положительномъ смыслѣ, но постоянную резиденцію Усовъ будетъ имѣть въ Н.-Новгородѣ.

Федоръ Мельниковъ отправился изъ Нижняго въ одну изъ рѣстностей Сибири для производства тамъ съ православными миссіонерами бесѣдъ, захвативъ съ собою порядочное количество раскольниковскихъ сочиненій. Въ Сибири, по словамъ раскольниковъ, будто бы уже ожидаетъ его для собесѣдованія синодальный миссіонеръ—о. протоіерей Крючковъ. На ярмарочныхъ бесѣдахъ въ Н.-Новгородѣ Федоръ Мельниковъ общается выступить въ нынѣшнемъ году въ качествѣ совопросника совмѣстно съ своимъ

На просьбу эту Арс. Швецовъ отвѣтилъ слѣдующимъ письмомъ: (Подлинное письмо теперь въ оренбург. миссіонерскомъ противораскольническомъ комитетѣ; вотъ копія съ письма).

„Г. І. Х. С. Б. П. Н. Милостивый Государь Семеонъ Дмитріевичъ! Письмо ваше получилъ, благодарю васъ за предостереженіе отъ Ивана Мажирина; врагъ нашелъ себѣ орудіе, чтобы и въ вашемъ мѣстѣ было ему возможно неистовствовать противу святаго Церкви. Но уповаю на Бога, что онъ не можетъ никого соблазнить изъ истинныхъ сыновъ святой древне-православной Церкви. А развѣ только подобныхъ ему лицемѣрныхъ христіанъ. Вы еще просите дозволеніе о. Ипатію ¹⁾ осмотрѣть мощи во освященномъ у васъ антиминѣ, но эта просьба ваша нами, вѣрующими въ таинства церковная допустима быть не можетъ. У насъ хотя и переносные алтари, но на престольная доска съ антиминсомъ освящена съ тѣмъ, чтобы неподвижна была во вѣкъ, то есть, чтобы не была разшиваема и развязуема, и если кто какъ-либо разошьетъ его, то безъ новаго освященія на немъ будетъ служить невозможно. А потому мы и не можемъ разшивать ее для невѣрующихъ. Да ихъ этимъ и не увѣришь, ибо какое даетъ заключеніе невѣрующій, если и усмотритъ сокрытую въ воскомастиѣ малую часть косточки? онъ, глумясь, скажетъ: да развѣ мало костей умершихъ людей или даже животныхъ; и мы тогда что должны ему возразить? А потому невѣрствующаго этимъ не увѣримъ. Но мы вѣруемъ преданію церковному, если намъ вѣрующіе предки сказали, что такая-то косточка есть святаго мученика Христова, мы такъ и почитаемъ ее и поклоняемся ей и даже облобызаемъ ее, и за это нерѣдко получаемъ благодать во исцѣленіе много различныхъ болѣзней своихъ, у вѣрующихъ нашихъ христіанъ и донинѣ немало имѣется святыхъ мощей во святыхъ иконахъ врѣзанныхъ, а иногда и въ ковчезахъ сохраняемыхъ, въ особенности въ Москвѣ. Почти въ рѣдкомъ именитомъ домѣ этого не встрѣтишь. Покойному архіепископу Антонію неоднократно даже и въ мою бытность доставляли изъ Греціи и Палестины по нѣсколько частей святыхъ мощей. Да кромѣ того ему доставлено четыре нетлѣнныхъ тѣла изъ пещеры обрѣтенныхъ въ Терской области, которыя въ частяхъ цѣлыхъ главъ и цѣлыхъ ручекъ и ножекъ сохраняются въ почести въ нашихъ заграничныхъ монастыряхъ и для вѣрующихъ чудодѣйствуютъ и донинѣ. А внутреннія части

¹⁾ Мѣстный австрійскій лжепопъ.

Корреспонденція „Миссіонер. Обзорнія“, извѣстія и замѣтки.

Изъ с. Поима, Пензенской губ.

(Доморощенный апологетъ раскола).

(Отъ собствен. корреспондента).

Въ селѣ Поимѣ, съ преобладающимъ раскольниковскимъ населеніемъ разныхъ толковъ, проживаетъ нѣкто Левъ Пичугинъ, крестьянинъ раскольникъ «поморскаго согласія», человекъ въ свѣщ. Писанія начитанный и въ то же время обладающій хорошимъ даромъ слова, смѣлостью и привычкой говорить публично. Пичугинъ—человекъ похвальной, тщеславной и владѣетъ хорошимъ состояніемъ. Какъ защитникъ раскола на миссіонерскихъ бесѣдахъ, онъ отличается хитрыми и живыми изворотами, умѣніемъ истину затемнить и внушить своимъ одновѣрцамъ всякія порицанія, ругательства, кощунственные глумленія и хулу на православную Церковь и ея таинства. Своею хитростью и показною до отвращенія слащавою набожностью онъ до того могъ обаять своихъ единовѣрцевъ, что они его чтутъ «яко боговдохновеннаго пророка».

Понятно, что такой пропагандистъ весьма вреденъ для православно-христіанскаго общества, а въ особенности людей темныхъ. По своимъ поморскимъ убѣжденіямъ онъ проповѣдуетъ, что въ православной Церкви царствуетъ антихристъ,—и что всѣ таинства православной Церкви не таинства; и онъ поноситъ ихъ иногда такими хульными именами и такъ кощунственно объ нихъ отзывается и порицаетъ, что остается только удивляться милосердію Божію, какъ это такого хулителя Церкви и его послѣдователей не поглотитъ земля живыми, какъ нѣкогда Дафана, Корей и Авирона; православному и искренно вѣрующему человеку, чтущему свято таинства св. Церкви, нельзя безъ страха и ужаса выслушивать извергаемые поморцами злохуленія. Пичугинъ не удовлетворяется пропагандой въ одномъ только селѣ Поимѣ, но ѣздитъ и по другимъ мѣстностямъ Россіи. Ѣздитъ онъ тайно и скрываетъ свои поѣздки отъ синодальнаго миссіонера, о. протоіерея Крючкова, боясь какъ бы послѣдній не обличилъ на мѣстѣ несостоятельность его проповѣди.

Въ августѣ мѣсяцѣ прошлаго года ѣздилъ онъ на Нижегородскую ярмарку и тамъ публично велъ бесѣду, подъ наблюденіемъ профессора Казанской академіи г. Ивановскаго *), съ однимъ тоже раскольниковскимъ начетчикомъ «спасова согласія» слѣпцомъ—Коноваловымъ. Бесѣда была о таинствѣ св. крещенія.

(„Спасовцы“ приходящихъ къ нимъ отъ православія не перекрещиваютъ,

*) Смотри „Миссіонерское Обзорніе“ за декабрь 1902 г., стр. 840.

глубоко, глубоко оскорбили ихъ религіозное чувство и вызвали со стороны ихъ негодованіе и скорбь, а со стороны «поморцевъ» слышался смѣхъ и глумленіе надъ таинствомъ св. крещенія православной Церкви. Синодальный миссіонеръ о. Крючковъ остановилъ преніе и сказалъ Пичугину, чтобы онъ не оскорблялъ религіознаго чувства другихъ безъ всякаго къ тому повода, и, чтобы успокоить православныхъ, предложилъ Пичугину на слѣдующій же день произвести съ нимъ собесѣдованіе и доказать отъ св. Писанія: «гдѣ крещеніе названо печатью антихриста?» Собесѣдованіе состоялось 8 сего апрѣля; Пичугинъ отказался во время собесѣдованія отвѣчать на предложенный вопросъ о св. крещеніи и, въ продолженіи всего собесѣдованія, говорилъ только изъ пророчества Даніила о четырехъ звѣряхъ, десяти рогахъ и одиннадцатомъ маленькомъ рогѣ,—совершенно не идущее къ данному вопросу; причежъ называлъ о. Крючкова «невѣждою», «незнающимъ Писанія», насмѣхался надъ его саномъ, себя же выставлялъ человѣкомъ глубоко-понимающимъ и т. под. Бывшаго русскаго патріарха Никона Пичугинъ называлъ «антихристомъ». Вновь оскорбленные глумленіемъ Пичугина православные, на другой день, т. е. 9 апрѣля, обратились къ о. Крючкову и просили его, чтобы онъ категорически потребовалъ отъ Пичугина доказать: «гдѣ въ св. Писаніи святое крещеніе названо печатью антихриста?». Но Пичугинъ совершенно отказался отвѣчать на этотъ вопросъ и, подстрекнувъ своихъ единовѣрцевъ тѣмъ, что миссіонеръ не даежъ говорить ему изъ пророчества Даніила о звѣряхъ и рогахъ, въ которыхъ онъ видитъ указаніе на антихриста, произвелъ шумъ и, сложивъ свои книги, ушелъ съ собесѣдованія.

Такимъ образомъ, Пичугинъ, не доказавши на основаніи св. Писанія и не отказавшись публично отъ своихъ словъ, что св. крещеніе есть печать антихриста, не принеся извиненія предъ религіознымъ чувствомъ православныхъ и тѣмъ самымъ далъ возможность «поморцамъ» продолжать издѣваться публично надъ таинствомъ св. крещенія и публично коунствовать надъ св. православною Церковью. Кошунства раскольниковъ выражались и послѣ 9 апрѣля—въ порицаніи и хуленіи Св. Таинъ (о чемъ составленъ уже г. приставомъ актъ). Нѣкоторые изъ единовѣрцевъ, по заявленію единовѣрческаго священника о. Мокѣева, предъ Пасхою возвратились изъ православія и обратно ушли въ поморскую секту...

Оскорбленное въ своихъ религіозныхъ чувствахъ поморское православное общество и доселѣ находится въ тревожномъ состояніи...

Православный.

успѣхъ бесѣдъ, которымъ посвящена эта бѣглая замѣтка, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что народъ хочетъ и умѣетъ слушать такое слово.

Миссіонерскія бесѣды на паровозостроительномъ заводѣ въ настоящее время, на лѣтніе мѣсяцы, временно прекращены и будутъ возобновлены съ осени.

В. Л.

Еще о духоборахъ. Извѣстія изъ Америки. Въ № 8 «Мисс. Обзор.» сообщалось, что Веригинъ совершенно не успѣлъ въ своей миссіи, и разладъ въ средѣ духоборовъ все усиливается. Цѣлая половина ихъ не принимаетъ земли, и многіе, сначала было согласившіеся, теперь опять отказались. Канадскія власти, повидимому, рѣшили устранить дѣйствіе закона «suspend the laws» относительно духоборовъ, и дѣйствовать силою.

А вотъ еще новыя извѣстія американскихъ газетъ изъ Виннипега:

«Планы новаго крестоваго похода духоборовъ были сегодня послѣ обѣда разстроены быстрымъ внимательствомъ иммиграціоннаго комитета. Три агитатора духоборовъ изъ Йорктаунской колоніи пробыли послѣдніе 20 дней въ Кэпгендетѣ и Лайельсѣ. Они привели съ собою сюда 60 приверженцевъ и сегодня въ четыре часа утра совершили религіозныя службы, во время которыхъ четверо мужчинъ и четыре женщины танцевали безъ одежды.

Окончивъ свою работу, духоборы выстроились въ рядъ и двинулись въ походъ съ криками, пѣніемъ и завываніями. Иммиграціонный комитетъ и Горная полиція остановили шествіе послѣ обѣда и препроводили духоборовъ обратно въ селенія, изъ которыхъ они вышли».

Миссіонерская вакансія. Совѣтъ православнаго Костромскаго Феофоровско-Сергіевскаго Братства, согласно журнальнаго своего постановленія, утвержденнаго резолюціею Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Виссариона, Епископа Костромскаго, просить редакцію «Миссіонерскаго Обозрѣнія» напечатать, что въ Костромской епархіи вакантна должность епархіальнаго миссіонера. Годовой окладъ жалованья, отпускаемаго изъ средствъ Святѣйшаго Синода, 1500 рублей. Желающіе занять эту должность должны прошеніе подавать на имя Преосвященнаго Виссариона, Епископа Костромскаго.

Отклоненіе ходатайства. По словамъ „Владимірск. Газ.“, владимірской губернской управой получено официальное уведомленіе о томъ, что митрополитъ петербургскій Антоній не нашелъ возможнымъ допустить къ участию на общеобразовательныхъ курсахъ во Владимірѣ въ качествѣ лектора по Закону Божію священника Михайловской артиллерійской академіи о. Григорія Петрова.

явно укорительно. И Тома устыдился приложить къ дѣлу своей экспериментальный методъ къ увѣрованію. Руки своей въ ребра воскресшаго Спасителя онъ не вложилъ. А „сказалъ Ему въ отвѣтъ: Господь мой и Богъ мой!“ „Иисусъ говоритъ ему: ты повѣрилъ, потому что увидѣлъ Меня; блаженны не видѣвшіе, но увѣровавшіе“. Тома „увидѣлъ“ и „повѣрилъ“; но такая вѣра не ублажена Спасителемъ. Христосъ ублажаетъ вѣру „невидѣвшихъ“... „таковыхъ есть Царствіе Божіе... Кто не приметъ Царствія Божія, какъ дитя, тотъ не войдетъ въ него“ (Мр. 10, 14—15). „Вѣрую, по апостолу, разумѣваемъ“, а не разумніемъ вѣруемъ. Рационалистическое отношеніе къ христіанской догмѣ есть крушеніе вѣры. Исторія рационалистическаго протестантизма—краснорѣчивая тому свидѣтельница.

Не къ лучшему вело и ведетъ внѣ Церкви и мистическое начало. Достаточно вспомнить о мистическихъ сектахъ за границей и у насъ, чтобы убѣдиться въ этомъ: чувство слишкомъ субъективно и измѣнчиво, чтобы давать устой религіозному упованію; и „испытать духи, аще отъ Бога суть“, оно не можетъ. Ищущихъ религіозной истины исторія предостерегаетъ и отъ такого начала.

И такъ, что же теперь остается предпринять новѣйшимъ „ищущимъ“, истаскавшимся уже, такъ сказать, въ своемъ религіозномъ блужданіи? Предъ ними двѣ дороги. Одна ведетъ въ домъ отчій, который неоскудно пребываетъ полной чашей. Это—Св. Церковь, неизсякаемая сокровищница духовныхъ благъ, имѣющая „вся божественныя силы“ къ тому, чтобы „совершенъ былъ всякъ Божій человѣкъ“. Истина дана всецѣло и для всѣхъ, въ св. Церкви (Св. Ириней). И нечего бы „искать свѣта въ свѣтломъ полудни! Другая дорога предъ „ищущими“ дорога, „новая“, но въ ту же старую пустыню жаждущую; и эта дорога предпочтена ими первой.

Почитая св. церковную вѣру въ ея наличной данности чѣмъ-то въ родѣ *religio rustica*, ищущіе синсхродительно „убѣждаютъ церковь и стыдятъ“ (ст. Минскаго „Новый путь“ янв. „о свободѣ религіозной совѣсти“), предлагаютъ ей свою реформу съ урѣзаніемъ или пополненіемъ „новыми откровеніями“ ея догматическаго содержанія, съ полнѣйшимъ равнодушіемъ ко всякой лжи и ея пропагандѣ (т. наз. „свобода ред. совѣсти“) и низведеніемъ чаяній человека если не всецѣло, то большею частію, съ неба на землю („правда о

землѣ"); при всемъ этомъ „ищущіе“ скептически относятся даже къ богочеловѣчеству Христа. Не можетъ быть, разумѣется, послѣ этого и рѣчи о томъ, что св. Церковь на компромиссы съ такими „ищущими“ не пойдетъ и особаго вклада для себя въ такихъ загнанныхъ удахъ не вознамѣрится видѣть. Они идутъ не къ ней, а противъ нея; не мира они ищутъ, а войны. Знаменемъ таковой войны и является журналъ „Новый путь“.

„Новый путь“... У всякаго, сознательно прочитавшаго заманчивое названіе новаго декадентскаго журнала, невольно рождаются вопросы: въ чемъ же новизна этого пути и куда онъ ведетъ? На первый вопросъ отвѣтилъ г. Минскій въ апр. книжкѣ „Новаго пути“ въ статьѣ—„новый путь“ и „путь сатанинскій“. Думается, г. Минскій по существу не ошибся бы, если бы въ заглавіи своей статьи поставилъ вмѣсто союза и знакъ равенства или тире. Разсуждая по поводу извѣстнаго нашимъ читателямъ отъѣзда о „Новомъ пути“ о. Іоанна Кронштадтскаго, г. Минскій говоритъ: „мы избрали путь мистическаго познанія, путь, ведущій къ примиренію свободомыслія и религіозности... мы старымъ путемъ называемъ путь позитивизма... и этому старому пути противопоставляемъ новый путь религіозной глубины и внутренняго откровенія... намъ поневолѣ приходится довѣрять компасу философскаго и мистическаго разума“ (стр. 198).

Кому, хоть мало-мальски свѣдущему въ богословіи, не ясно, что такой „путь“ ничего общаго съ церковнымъ не имѣетъ и не можетъ имѣть. „Мы избрали,—пишетъ г. Минскій, путь“... А св. Церковь указываетъ намъ путь, путь заповѣданный Христомъ и апостолами и даетъ намъ при этомъ въ путеводителей св. отцовъ и учителей Церкви. „Новопутейцы“, далѣе, хотятъ „примирить свободомысліе и религіозность“. О какой религіозности рѣчь—неизвѣстно. Если г. Минскій мыслить подъ религіозностью не субъективное настроеніе чловѣка, а нѣчто объективное—христіанскую вѣру, то хотѣніе „новопутейцевъ“ похоже на желаніе жаренаго льду. Догмы христіанства, данныя въ писаніи, раскрытыя и формулированныя на соборахъ святыми отцами,—это не погрѣшимое сознаніе вселенской Церкви, научаемой Духомъ Святымъ. Неприкосновенность ихъ ограждена анаемой. Какъ же и въ какой мѣрѣ приложимо тутъ свободомысліе? Какъ трактовать его по отношенію къ высочай-

шему авторитету? Военачальникъ, примѣрно, приказываетъ солдату стрѣлять въ извѣстномъ направленіи. А солдатъ отвѣчаетъ подожди, я свободно подумаю, можетъ быть, стрѣльну и въ другомъ. Не конецъ-ли тутъ службы и вѣрности! И свободомысліе въ предметахъ вѣры Христовой, не довѣряющее авторитету вселенской Церкви, есть потеря этой вѣры; оно есть ужъ гибельномъ требованіе блуднаго сына—отдѣлиться отъ отчужаго дома, чтобы уйти „во страну далече“. Можетъ быть, тамъ свободомыслящимъ и „откроются“ какія-либо „глубины религіозныя“, но только ужъ не истинно—христіанскія. Допустимъ, что г. Минскій, по свободомыслію, не вѣритъ въ воскресеніе Христа (о чемъ откровенно повѣдалъ „ред.-фил. собранію“ Мережковскій), то какихъ бы „внутреннихъ откровеній и религіозныхъ глубинъ“ онъ ни сподобился, вѣра его будетъ пустою. „Если Христосъ не воскресъ, то вѣра ваша тщетна, пишетъ ап. Павелъ, и если мы въ этой только жизни надѣемся на Христа, то мы несчастіе всѣхъ человѣковъ“ (1 Кор. 15, 17—19). Словомъ, истинное христіанство и вольнодумство, такъ же не примиримы, какъ Христосъ и антихристъ, кстати „вольнодумъ“, какъ высчиталъ одинъ досужій острякъ, и заключаетъ въ себѣ звѣриное число 666 ($v=2+0=70+l=30+n=50+o=70+d=4+y=100+m=40=666$ — число имени антихриста). Г. Минскому кстати остановиться на этомъ числѣ своимъ „мистическимъ разумомъ“, которому онъ „по неволѣ вѣритъ“, отвергая церковный авторитетъ?

Какъ видится, „Новый путь“, какъ опредѣляетъ его новизну г. Минскій, новымъ манеромъ отводитъ отъ истины, а не приводитъ къ ней.

Да и съ чисто религіозно-философской, съ позволенія сказать, стороны этотъ путь страдаетъ какою-то неопредѣленностью и непонятнымъ двуединствомъ. „Новый путь“, видимо, чуждается въ чистой формѣ и раціонализма и мистицизма, поелику плоды того и другого начала не безызвѣстны и ему,—и вотъ онъ удумалъ составить микстуру изъ того и другого и надѣется, смѣшавъ уксусъ съ желчью, получить „воду жизни“. Впечатлѣніе такого, именно, смѣшенія и производить слова г. Минскаго „мистическое познаніе, философскій и мистическій разумъ“. Что за „мистическій разумъ и мистическое познаніе“ у „новопутейцевъ“, пока не выяснилось. Какое участіе приметъ разумъ въ мистикѣ, какъ области чувства, и чувство въ области разума,

родѣ прокуроровъ — обвиняющихъ св. Церковь. Представители духовенства и нѣкоторые свѣтскіе богословы — защитники. Сочувствующіе декадентамъ — свидѣтели. Картина умиленная... Не лучше — суда надъ Христомъ у Каиафы и Пилата. „Ищущіе“ дерзостно вопрошаютъ Церковь о ея винахъ. За отсутствіемъ подсудимой, отвѣчаютъ защитники. И Боже мой, въ чемъ тутъ только не винять грѣшныя святыя: и въ плотененавистничествѣ, и въ узурпаціяхъ, и непониманіи ученія Христова, и въ жестокости и небреженіи къ своимъ чадамъ и въ сдѣлкахъ съ государствомъ и т. п. Лжесвидѣтелей здѣсь — всегда больше, чѣмъ было на Христа. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ извиняющимъ обстоятельствомъ для обвинителей было то, что подъ Церковью они понимали, какъ и невѣжды расколо-сектантскаго захолустья, священниковъ и монаховъ. Въ другихъ случаяхъ обвиненія адресовались точно святой Церкви, или, по выраженію декадентовъ „историческому христіанству“. Таковы, напр. обвиненія въ отрицательномъ отношеніи Церкви къ плоти и „свободѣ религіозной совѣсти“.

„Ищущіе“ возжелали знать христіанскую правду о землѣ. И много было водолейства со стороны декадентскихъ богослововъ касательно того, что „историческое христіанство“, т. е. Церковь отрицательно относится къ плоти (въ вопросѣ, напр., о бракѣ) и культурѣ (въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова). Казалось бы, по этому вопросу и разглагольствовать нечего. Если „плоть“ и „культуру“ разумѣть *an sich*, какъ выражаются нѣмецкіе философы, трактовать ихъ, какъ самоцѣль, то христіанская Церковь ихъ не знаетъ. Она готовитъ насъ „къ горню у Іерусалиму“ и къ блаженству „въ обновленной плоти“. И „взыскующіе грядущаго не имѣютъ здѣ пребывающаго града“. Классическій міръ времени Христа и апостоловъ представлялъ собой культуру плоти съ апофеозомъ ея страстей, съ идоническимъ началомъ жизни — „да ямы и піемы, у тре бо умремъ“ — „*carpe diem*“, и съ отчаянными епитафіями: „что съѣлъ и выпилъ, то со мной, что оставилъ, то потерялъ“, „читатель, наслаждайся жизнію, послѣ смерти нѣтъ ни смѣха, ни игры, ни сладострастія“, „друзья, повѣрьте мнѣ, наполните кубокъ вина и пейте его, увѣнчавъ главу цвѣтами, — послѣ смерти все пожирается огнемъ и землею“. Таковой міръ, кажется, и есть чаганіе декадентовъ съ ихъ „святимъ сладострастіемъ“. Но что говорить слово Божіе объ этомъ мірѣ?

днѣвъ“ Вас. Вел.), хотя и вѣруеть, что „небеса съ шумомъ прейдутъ, стихіи же разгорѣвшись разрушатся, земля и всѣ дѣла на ней сгорятъ“ (2 Петр. 3, 10) и „ожидаеть новаго неба и новой земли“ (1—13). А эстетика? Великія произведенія богоодаренныхъ натуръ, поэтовъ, художниковъ, композиторовъ, разъ они по—истинѣ велики, возвышенно настраиваютъ духъ человека и, отвѣчая его идеальному стремленію къ красотѣ, доставляютъ ему духовное наслажденіе. И никогда Церковь къ такимъ произведеніямъ и свѣтскаго содержанія не обнаруживала ригоризма Саванароллы и эстетическаго наслажденія не считала грѣхомъ. Само собой понятно, и, надѣмся, для декадентовъ не покажется страннымъ, что Церковь не можетъ же благословлять „канъ-кана“, Декамерона Боккачіо, шансонетныхъ мотивовъ и порнографическихъ сюжетовъ парижскихъ художниковъ и ваятелей. Она въ снѣдъ благословляетъ здоровую пищу, а не гниль или отраву. Розановъ здѣсь по обычаю возразилъ бы: если эстетическое наслажденіе не—грѣхъ, то почему бы въ церквахъ не поставить статуи Венеры и Аполлона Бельведерскаго и за литургіей не пропѣть нѣсколько арій изъ „Фауста“, „Демона“ или „Кармена“ и т. п. И мы здѣсь не утрируемъ нисколько—у него всѣ такія возраженія. Вѣдь предложилъ же онъ епископу Иннокентію вопросъ: „если въ вѣнчаніи чистосердечно благословляется чадородіе и весь ругъ его моментовъ, то отчего исполненіе благословленнаго не допускается или не можетъ быть допущено въ этомъ же храмѣ, гдѣ оно благословлено“? ¹⁾ Заслуживаютъ-ли сколько нибудь серьезнаго разбора такія возраженія, для благоразумнаго ясно.

Рѣшеніе вопроса, почему св. Церковь, ведущая насъ къ горнему Іерусалиму, благословляетъ и культуру, служащую удобствамъ и украшенію земной жизни человека, находимъ съ одной стороны въ апостольскихъ словахъ: Господь „не желаетъ“, чтобы кто погибъ, но чтобы всѣ пришли къ покаянію“ (2 Петр. 3, 9) и возрасли „въ мужа совершенна“. „Для меня жизнь—Христосъ, писалъ ап. Павелъ, и смерть приобрѣтеніе. Если же жизнь во плоти доставляетъ плодъ моему дѣлу, то не знаю, что избрать... имѣю желаніе разрѣшиться и быть со Христомъ, потому что это несравненно лучше; а оставаться во плоти

¹⁾ «Новое время» 993 г. № 9721 «отвѣтъ г. Меньшикову».

нужнѣе для васъ. И я вѣрно знаю, что останусь и пребуду со всѣми вами для вашего успѣха и радости въ вѣрѣ... только живите достойно благовѣствованія Христова“ (Филип. 1, 21,—27). Съ другой стороны—въ томъ обстоятельствѣ, что истинное познаваніе видимой твари, наука, ведетъ къ богопознанію (Рим. 1, 19,—21), какъ и истинная эстетика, разъ она удовлетворяетъ здоровымъ вкусамъ и идеальнымъ порывамъ чело-вѣческаго духа къ красотѣ и блаженствованію, ибо какъ этотъ духъ есть образъ Божій (Быт. 1 27; 2, 7 и др.), такъ и „пріятное“ (Быт. 2, 9) и „веселящее“ отъ Господа. И міръ, если онъ при кончинѣ своей, и не окажется на должной нравственной высотѣ, уже не будетъ имѣть „вины о грѣхѣ“.

Какъ понятно изъ сказаннаго, плоть человѣка и культуру св. Церковь не отрицаетъ и не можетъ отрицать, если они не „обладають“ всѣмъ человѣкомъ. „Вся ми лѣтъ суть, но не азъ буду обладанъ отъ чего“, пишетъ ап. Павелъ (1 Кор. 6, 12). При этомъ условіи, на плоти и культурѣ благословеніе Церкви. Церковь благословляетъ бракъ, Церковь освящаетъ всякія школы науки и искусства съ испрашиваніемъ благословенія и помощи Божіей учащимся, Церковь освящаетъ телеграфныя и желѣзнодорожныя станціи и пр. под.

Sapienti sat. Но для декадентовъ такое рѣшеніе вопроса—укусъ съ желчью.—„Да развѣ это рѣшеніе вопроса, восклицаетъ съ паѳосомъ одинъ изъ нихъ—наиболѣе удобовоспламеняемый, это проповѣдь, которой намъ не нужно. Да и какая проповѣдь? проповѣдникъ какъ будто нашелъ уже абсолютную истину и успокоился; и фizioномія-то у него какая-то благополучная и довольная,—у насъ все, молъ, обстоитъ хорошо; мы терзаемся, намъ больно отъ вопроса: да что же такое плоть и культура внѣ ихъ этического смысла и загробныхъ чаяній человѣка? а намъ отвѣчаютъ: если того, то того, а если вотъ это, то этокое. Интеллигенція и весь міръ отъ насъ ждутъ рѣшенія мучительныхъ вопросовъ, а тутъ вмѣсто рѣшенія вопросовъ, только увеличиваютъ ихъ. Повѣшенный на веревкѣ задыхается, умираетъ, а ему, для облегченія страданій, говорятъ—отрицай законъ тяготѣнія. Церковь, намъ говорятъ, не отрицаетъ плоти и культуры. Да, не отрицаетъ, а только терпитъ, значить, и поэтому на дѣлѣ сторонится ихъ, изолируется отъ нихъ? Но я вѣрю, будетъ нѣкогда день, придетъ время, и они и Церковь будутъ едино. Ей, гради

Господи"!—Повѣдавъ собранію свое „внутреннее откровеніе“ „религіозной глубины“, этотъ архидекадентъ—блѣдный и взволнованный садится на мѣсто и, чтобы хоть малость успокоиться, старается смотрѣть на страждущія фізіономіи „ищущихъ“ истины, а не на „благополучныя“ обрѣтшихъ ее.

Вся скорбь декадентовъ, какъ кажется, въ томъ, что въ Церкви они не находятъ культа плоти. Имъ, видите-ли, любезны праздники плоти, самой плоти, съ жизнерадостными оргіями подъ веселящимъ вліяніемъ приснопамятнаго Вакха. Въ Церкви ихъ одолеваетъ грусть: тутъ все напоминаетъ о смерти, подвижничествѣ, постѣ, молитвѣ, смиреніи, покаяніи, непрочности земного, стремленіи къ небесному и т. п. Тутъ они не находятъ побужденій къ жизне-радостности, къ героизму и т. п. (Розановъ). Такой Церкви имъ не нужно и такого культа, какъ якобы мрачнаго и пессимистическаго, они боятся. Въ декадентской церкви, пришествіе которой такъ пророчесвенно предсказываетъ Мережковский, плоть и духъ сойдутся въ нераздѣльное единство въ „религіозныхъ глубинахъ“ и на равныхъ правахъ, и не будетъ тогда ни печали, ни воздыханія... И будетъ „на землѣ миръ“. Само собой понятно, что и культъ этой церкви будетъ „чистосердечно“ соответствовать ея догмѣ. И декадентская литургія будетъ состоять, примѣрно, изъ слѣдующихъ частей. Но прежде два слова еще о декадентскомъ молитвенномъ храмѣ. Можно полагать, что архитектура его будетъ повеселѣй и поприземистѣй, къ небесамъ тянуться не зачѣмъ... Храмъ долженъ быть украшенъ совѣтъ эмблемами плоти... образцы можно позаимствовать хотя бы въ откопанной Помпей“. Крестъ, какъ символъ страданія за грѣхи и потому принижающій чувство жизнерадостности, на храмѣ не ставить и вообще изъять („столкнуть“) изъ религіознаго обихода. Вмѣсто креста поставить статую Венеры. Окрасить храмъ въ цвѣтъ обложки „Новаго пути“. На входной двери вывѣсить въ стихахъ объявленіе:

„Предъ всезрящими очами Господа“

Одежда—„грѣхъ Ананіи и Сапфиры“:

Скрыпать отъ Бога святое тѣло „не чистосердечно“,

Въ храмѣ тепло,—скидайте всѣ и всѣ одежды.

(въ стихахъ декадентскіе и ритмъ и рифма соблюдены).

Внутренность храма. Стѣны расписаны сюжетами изъ зеленыхъ лавокъ, древне-римской исторіи (герои) и вакханалій. На

столицы ласково взглянуло само небо, пославъ на всѣ три дня юбилейнаго праздника 16—19 мая чудную, ясную, теплую погоду.

Самые благолѣпные и умиленные моменты торжества, какъ и подобаетъ, выпали на церковную часть празднества: величественную трогательную картину представляли крестные ходы изъ дома Петра Великаго по Невѣ на пароходѣ съ иконою Спасителя и отъ Исаакія къ памятнику Петра, а также церковныя богослуженія, торжественно отправленныя во всѣхъ соборахъ и храмахъ столицы.

Въ Исаакіевскомъ соборѣ совершалъ литургію съ всегдашнимъ благолѣпіемъ первоприсутствующій членъ Св. Синода, митрополитъ Антоній, со всѣми членами Синода, а по окончаніи литургіи „зѣло много освященный соборъ“ крестнымъ ходомъ прошелъ изъ собора къ подножію „Мѣднаго Всадника“, куда къ тому времени прибыли Ихъ Величества и Великіе Князья и Княгини, только что присутствовавшіе предъ этимъ на молитвенномъ торжествѣ освященія новаго Троицкаго моста.

Священнодѣйствіе это здѣсь совершалъ новый викарій С.-Петербургской митрополіи еп. Антонинъ, съ причтомъ Казанскаго собора.

Величавость богослуженія, совершеннаго здѣсь еп. Антониномъ, при особой эффектной обстановкѣ, вызвало умиленіе и восторгъ не только у иногороднихъ гостей, но и у иностранцевъ.

По окончаніи молебна у памятника Петра, высокопреосвященный митрополитъ Антоній отъ лица Церкви принесъ Ихъ Величествамъ поздравленіе съ юбилейнымъ праздникомъ и соотвѣтственныя пожеланія. На этомъ собственно и окончилось участіе Церкви въ юбилей столицы. Духовнаго представительства болѣе уже не видно было ни на одномъ изъ послѣдующихъ актовъ юбилейнаго торжества, какъ, напр., на торжественномъ засѣданіи думы, гдѣ приносились поздравленія мѣстными и прибывшими изъ разныхъ мѣстъ Россіи и изъ-за границы депутаціями. Духовное вѣдомство на этомъ „летѣ городской культуры“ представляли лишь гласный столичной думы, протоіерей Орнатскій, и гласный Каменецъ-Подольской думы, прот. Шманкевичъ. Замѣчено было отсутствіе привѣтствія и со стороны мѣстной духовной академіи.

— Видно, сердятся ваши духовные на Петра и не цѣнятъ его реформы церковнаго управленія, поясняетъ одинъ изъ публи-

цистовъ вопрошавшему,—почему это никого и ничего нѣтъ на торжественномъ засѣданіи отъ Церкви и епархіи...—А я объясняю это гораздо проще,—отвѣтилъ вопрошавшій,—навѣрное городское управленіе, „забравшее въ свои руки юбилей“, забыло пригласить къ участию въ торжествѣ представителей епархіи, духовенства и богословской науки, какъ оно, напр., забыло взыскать своимъ вниманіемъ и мѣстное дворянство, которое также блистаетъ своимъ отсутствіемъ... Лебяновъ-то вѣдь — не тотъ русскій купецъ, сердцу котораго дорога Церковь и близко духовенство, а скорѣе интеллигентъ...

— Его превосходительство,—генерала сегодня получилъ, поправилъ первый.

Слушая эту бесѣду, мы подумали, да и всѣмъ-то здѣсь собравшимся, кажется, мало дѣла до Церкви. — въ содержаніи адресовъ—какъ сговорились всѣ—ни слова не слышно было о душѣ, духѣ, о христіанствѣ, о Церкви, о вѣчныхъ устояхъ, а все о культурѣ, удобствахъ, прогрессѣ... Чтеніе адресовъ шло отъ 8 ч.—12 ч. ночи, въ результатѣ томленіе духа, мертвечина, и... шампанское. Въ составѣ депутацій чувствовалась удивительная пестрота и неполнота. Министерства морское и военное прислали депутацій и адреса, а министерство просвѣщенія отсутствовало, хотя городъ вѣдь служитъ дѣлу просвѣщенія усердно, и самъ Петръ—главный виновникъ и источникъ свѣтской науки и просвѣщенія на Руси. Изъ университетовъ—только мѣстный и Юрьевскій прислали депутаціи, отсутствовало представительство печати, а отечественная литература представила себя въ депутаціи отъ „англорусскаго столичнаго общества“. Это своего рода—memento для нашей столицы, чтобы она не была полурусской, полуиностранкой... Иновѣрные и инославныя исповѣданія представлены были въ одномъ лишь „Караимскомъ архіереѣ“. А инославнымъ-то церквамъ столицы, казалось бы, надо было почтить праздникъ и поздравить городское управленіе, которое во всѣ два вѣка было къ нимъ слишкомъ любезно, пожалуй, гораздо внимательнѣе къ ихъ духовнымъ нуждамъ, чѣмъ къ нуждамъ своей православной Церкви.

Даже самъ Ганотъ, бывшій министръ Франціи, удивился любезности столицы, увидавъ на Невскомъ столько иностранныхъ церквей. Между тѣмъ какъ наша православная церковь въ Парижѣ едва нашла себѣ пристанище на окраинѣ города въ rue Dugu... И еще недавно г. Лебяновъ не пожалѣлъ было отдать подъ но-

вый католическій соборъ прекрасный скверъ на Михайловской ул. противъ манежа.

Изъ иностранцевъ первенство было почему-то предоставлено вездѣ меру Берлина, а не меру Парижа, за то послѣднему сдѣланы были шумныя и искреннія оваціи. Дальнѣйшій ходъ и тонъ юбилейныхъ торжествъ носилъ на себѣ характеръ буржуазно-купеческій: все больше занимались гостепріимствомъ и угощеніями, ѣли и пили по русскому обычаю, хотя и мало рѣчей говорили, главнымъ образомъ въ силу физич. невозможности говорить, когда за юбилейнымъ бѣдомъ сидѣло, напр., двѣ тысячи персонъ. Изъ высокопоставленныхъ лицъ, бывшихъ на обѣдѣ, отмѣтимъ товарища министра, Фонъ-Валя и градоначальника—Клейгельса. Ознаменовано юбилейное событіе городскимъ управленіемъ слабо—только постройкой школьнаго дома. Прекрасный проектъ гласнаго о. Орнатскаго о постройкѣ Петропавловскаго собора—не встрѣтилъ поддержки въ интеллигентной столичной думѣ...

Мы слышали, что у нѣкоторыхъ раскольниковъ интеллигентовъ—(да, и въ расколѣ теперь стали заводиться интеллигенты и декаденты,—а развѣ Иванъ-Иннокентій Усовъ, о поставленіи котораго въ лжеепископа сообщаются у насъ выше любопытныя подробности, не таковъ, или Ф. Е. Мельниковъ, или самъ Арсеній Швецовъ съ его еретическими новшествами?) была мысль заявить о себѣ присылкой депутаціи на юбилей. Но истовые столпы раскола во-время вспомнили, что вѣдь Петръ былъ и самъ бродобрей, и раскольниковъ кафтанъ и бороды обложилъ осой пошлюхой, а предки ихъ серьезно думали, что Петръ—самъ антихристъ.

Кстати о раскольникахъ. Австріяцы затѣваютъ у себя большое дѣло—у ч р е ж д е н і е патріаршества. Съ Дону намъ сообщаютъ: „Донскіе раскольничьи поны австрійскаго окружническаго толка получили предложеніе (отъ кого, отъ Арсенія Швецова или Картушина?)—высказаться на счетъ кандидатуры „патріарха всероссійскаго“, состоялись по сему дѣлу благочинническіе сѣзды,—сколько за и противъ (кого?) высказалось,—пока неизвѣстно“.

Вопросъ этотъ поднять у раскольниковъ еще въ позапрошломъ году. Распри Швецова съ Картушинымъ затянули рѣшеніе его. Теперь, очевидно, вопросъ этотъ выдвигается снова.

Раскольники въ послѣдніе годы дѣйствуютъ открыто и не скрываютъ, что конечною цѣлью вождей современнаго раскола является настойчивое и хорошо организованное стремленіе упрочить свою, обособленную отъ господствующей Церкви и независимую отъ правительственной власти, свободную старообрядческую народную церковь. Церковь эта, какъ и самъ расколъ, не только будетъ враждебною господствующей Церкви, но противоборствующею православію, кичащеюся надъ нашей православной Церковью, какъ якобы потерявшей благочестіе и какъ казенной, т. е. съ верховною властью нераздѣльной, между тѣмъ раскольники необинуясь на бесѣдахъ отрицаютъ необходимость единенія царской и церковной власти, непререкаемаго участія монарха въ дѣлахъ церковнаго управленія, считая существующее нынѣ status quo въ отношеніяхъ русской Церкви и государства однимъ изъ главныхъ препятствій къ воссоединенію съ господствующею Церковью, хотя бы на правахъ Единовѣрія. Новою смутой и соблазномъ грозитъ расколъ и Церкви и государству своей затѣей учрежденія лжепатріарха. Если темная масса православнаго населенія не можетъ отличать австрійскихъ лжепоповъ отъ православныхъ священниковъ и подходитъ къ первымъ за благословеніемъ, то патріархъ раскольничій будетъ уму и сердцу народной массы говорить больше, чѣмъ лжеархереи. Если лжеархіепископъ Картушинъ налагаетъ нынѣ епитиміи на родителей за посѣщеніе церковныхъ школъ и ему повинуются, то патріархъ раскольничій можетъ объявить войну всей нашей государственности и культурѣ, и его епитимія будетъ для массы раскольничьей выше всякихъ вѣдѣній закона и власти.

Австрійская іерархія въ послѣдніе годы слишкомъ широко и дерзко развиваетъ свою пропагаторскую энергію и отъ нея можно ожидать всякихъ авантюръ и эксцессовъ, до лжепатріарха включительно.

Нельзя закрывать глазъ на то, что самое существованіе этой лжеіерархіи противно точному разуму закона 3 мая 1883 г. § 10 сего закона не признаетъ за уставщиками, наставниками и др. лицами, исполняющими духовныя требы у раскольниковъ, духовнаго сана или званія, и причисляетъ ихъ къ тѣмъ сословіямъ, въ которыхъ они состоятъ. Сильвестръ лжеепископъ Балтскій ежегодно вызывался волостнымъ правленіемъ пасти череду. Не взирая на столь ясный смыслъ закона, явно исключающаго са мое

понятіе о раскольничьей іерархіи, австрійская секта умножаетъ ежегодно число своихъ лжеіерарховъ, поставляя въ нихъ юркихъ и фанатичныхъ пропагандистовъ раскола, какъ Швецовъ и Усовъ. Все это производитъ немалый соблазнъ и смуту въ умахъ какъ раскольниковъ, такъ и православныхъ. Таившійся ранѣе, расколъ нынѣ вызывающе противопоставляетъ законнымъ святителямъ отечественной Церкви, получающимъ благодать архіерейства по апостольскому преемству, и призываемыхъ къ архіерейскому служенію, по избранію Святѣйшаго Синода, Державною волею Государя—угодныхъ богатымъ вожакамъ раскола фанатиковъ, самоchinно избираемыхъ въ лжеепископы и архіепископы. При этомъ раскольники такъ дорожатъ титулами своей іерархіи, что покойный Савватій, присвоившій себѣ титулъ „архіепископа Московскаго и всей Руси“ былъ свергнутъ ими за то, что далъ подписку московской администраціи этимъ титуломъ не именоваться. Преемникъ его, казакъ Картушинъ, также ни за что не пожелалъ отказаться отъ этого титула и предпочелъ изъ за этого выѣхать изъ Москвы въ Тулу. Въ „Мисс. Обзор.“ подробно сообщалось, какую Картушинъ проявляетъ заботу объ упроченіи своей австрійской іерархіи. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ открыто имъ нѣсколько новыхъ лжеархіерейскихъ кафедръ и поставлены новые лжеархіереи въ Смоленскъ, Ярославль, Екатеринбургъ, а нынѣ назначенъ раскольничій архіерей уже и въ столицу—Петербургъ. Лжеопамъ раздаются наименованія протоіереевъ, благочинныхъ, камилавки, кресты. Дисциплина церковная упрочивается, издаются инструкціи, разсылаются лжеопамъ циркуляры, а раскольничьей массѣ архинастырскія посланія съ возбужденіемъ ненависти къ православной Церкви, къ противленію обычаямъ и порядкамъ нашей общественности и государственности.

Лжеархіереи, открыто въ присутствіи православнаго населенія, совершаютъ торжественныя соборныя богослуженія въ селахъ, городахъ и даже въ столицахъ, свободно разъѣзжаютъ по обзорнію своихъ епархій, гдѣ осматриваютъ моленныя, собираютъ толпы народа, говорятъ рѣчи въ порицаніе православныхъ „щенотниковъ“ (троеперстія). Лжеопы въ свою очередь вездѣ появляются свободно въ священническомъ одѣянніи, а иногда и въ облаченіи, съ крестомъ, благословляя и своихъ раскольниковъ и нашихъ православныхъ.

Учреждены особые миссіонеры, которые ведутъ публичныя бе-

сѣды и пренія среди бѣглопоповцевъ и безпоповцевъ, объѣзжая лишенные пастырскаго надзора захолустныя поселки; открываются раскольничьи миссіонерскія братства, издаются во множествѣ брошюры и трактаты.

Словомъ, незаконная „раскольничья независимая“ церковь не только существуетъ, но и процвѣтаетъ, у нея есть все, кромѣ самозваннаго патріаха. Но навѣрное и онъ будетъ. Поживемъ—увидимъ.

Какъ знаютъ уже наши читатели, о. Іоаннъ Кронштадтскій, тотчасъ подъ впечатлѣніемъ первыхъ полученныхъ газетныхъ извѣстій о страшномъ дѣлѣ кишиневскихъ громилъ, совершившихъ варварскій погромъ и жестокія насилія надъ кишиневскими евреями, отозвался горячимъ и грознымъ словомъ укоризны, по адресу учинившихъ погромъ христіанъ. Слово это напечатано было у насъ въ 8 кн. „М. О.“ подъ заглавіемъ: „Мысли о. Іоанна“.

Но спеціальное разслѣдованіе С.-Петербургскаго сановника (директора департамента полиціи) показало, что газетныя вѣсти были односторонни, что въ кишиневскомъ кровавомъ дѣлѣ не одни христіане виновны, а и евреи. Первый, напр., выстрѣлъ шелъ со стороны евреевъ (какой-то докторъ съ балкона выстрѣлилъ и первую жертвою смерти былъ неповинный въ разбоѣ христіанинъ Остапчукъ). Огненное слово о. Іоанна, согласное съ чувствомъ всѣхъ истинно-русскихъ людей, было направлено противъ насилія, насильниковъ и подобныхъ безобразій и ужасовъ, но никакъ не въ защиту еврейства вообще и не въ посрамленіе русскихъ христіанъ и христіанства. Кто не знаетъ, что и среди избранныхъ учениковъ Самого Господа оказался злочестивый Іуда,—не могутъ позорить ни одинъ народъ, ни одну Церковь, ни одно сословіе и даже семью выходящіе изъ ихъ нѣдръ выродки и негодяи. При чемъ тутъ въ кишиневскихъ безпорядкахъ русскій народъ вообще, христіане въ частности, когда начали это вопіющее дѣло какіе-то громилы, а докончила стихійная сила взаимно озлобленной толпы русской и еврейской. Да и много-ли въ молдаванскомъ и цыганскомъ Кишиневѣ и Бессарабіи русскихъ? Окажись евреи сильнѣе, сугубо потерпѣвшею стороною было бы христіанское населеніе, теперь же оказалось еврейское.

Однако нашлись русскіе люди, какъ, напр. генералъ Кирѣевъ, г. Неилъевъ, которые печатно извинялись за русскій народъ, по

поводу кишиневскихъ злодѣяній, какъ будто неизвѣстно изъ исторіи, что русскій народъ самый добросердечный, смиренный и терпѣливый народъ—христоносецъ. А еврейскіе публицисты сейчасъ же обратили слово великаго русскаго пастыря въ свою пользу и зачислили о. Іоанна въ лагерь защитниковъ еврейства.

Но о. Іоаннъ слишкомъ великъ и дорогъ для сердца русскаго народа, чтобы могъ мириться съ эксплуатаціей своего священнаго для Россіи имени во вредъ христіанства и русскаго знамени. Досточтимый пастырь обратился нынѣ къ кишиневскимъ христіанамъ съ покаяннымъ письмомъ, въ которомъ явилъ великій примѣръ христіанскаго смиренія. Вотъ этотъ, скажемъ прямо, знаменательный для людей нашего времени актъ:

„Возлюбленнымъ братьямъ кишиневскимъ христіанамъ“:

Изъ послѣдующихъ (за первыми) газетныхъ извѣстій о кишиневскомъ погромѣ я достовѣрно убѣдился, что евреи сами были причиною того буйства, увѣчій и убійствъ, которыя ознаменовали 6-е и 7-е числа апрѣля. Увѣрился я, что христіане въ концѣ-концовъ остались обиженными, а евреи за нанесенные убытки и увѣчья сугубо награжденными отъ своихъ и чужихъ собратій. Это я знаю изъ частныхъ писемъ, писанныхъ мнѣ самыми искренними, давно живущими въ Кишиневѣ и основательно знающими дѣло людьми. А потому зываю къ христіанамъ кишиневскимъ: простите исключительно только къ вамъ обращенную мною укоризну въ совершившихся безобразіяхъ. Теперь я убѣжденъ изъ писемъ очевидцевъ, что нельзя обвинять однихъ христіанъ, вызванныхъ на безпорядки евреями, и что въ погромѣ виноваты преимущественно сами евреи. Кронштадтскій протоіерей Іоаннъ Сергіевъ. 23-го мая 1903 г. Кронштадтъ.

Не преминули еврейскіе публицисты и подлиники, во главѣ съ своими раввинами, держащими темную массу въ вѣковыхъ цѣпяхъ чловѣконенавистническаго талмуда, эксплуатировать въ свою пользу также и проповѣдь гуманнаго, просвѣщеннаго Волинскаго архипастыря, епископа Антонія (Храновицкаго).

Очевидно такъ же, какъ исердобольный о. Іоаннъ, милосердствуя о потерпѣвшихъ кишиневскихъ евреяхъ, подъ первымъ впечатлѣніемъ газетныхъ извѣстій (но не забудемъ, что у насъ ²/₃ газетныхъ писателей и агентовъ—евреи) произнесъ въ соборѣ, по поводу кишиневскаго погрома, пламенное слово, полное жестокихъ укоризнъ по адресу христіанъ. Какъ добрый пастырь, желая умирить страсти антисемитскаго возбужденія народа въ городѣ, пере-

полненномъ евреями, владыка характеризовалъ, предъ взоромъ слушателей, евреевъ въ библейско-возвышенномъ тонѣ, какъ народа возлюбленнаго Богомъ и избраннаго, доказывая при этомъ, что „еврейское племя дорого Св. Духу“, что „евреевъ-талмудистовъ и евреевъ-караимовъ надо уважать за ихъ преданность своему закону“, что „еврей-нагилысты переняли это зло отъ христіанъ русскихъ и европейскихъ“, что „кишиневскіе христіане пролили кровь родственную Богочеловѣку, Пресвятой Богородицѣ, апостоламъ и пророкамъ“, „убили будущихъ христіанъ, въ нѣдрахъ нынѣшнихъ евреевъ находящихся“, такъ какъ израиль, по словамъ ап. Павла, спасется. Въ самомъ коснѣніи евреевъ и отверженіи ими Христа преосвященный ораторъ видитъ условіе и залогъ спасенія принявшихъ Христа народовъ, какъ равно и нашихъ „поганныхъ“ предковъ, ибо, по ненависти къ евреямъ, не приняли бы Христа другіе народы и т. д.

Иначе говоря, преосвященный Антоній, всегда оригинальный и талантливый въ своихъ рѣчахъ и произведеніяхъ, и на этотъ разъ отступилъ отъ обычной этической и социально-экономической почвы при рѣшеніи большого еврейскаго вопроса и перенесъ его на догматическую, какъ наиболѣе понятную и убѣдительную для массы,—и, что для оратора въ моментъ обостренія страстей важно, трактовалъ вопросъ въ академическомъ освещеніи. А цѣлкій еврей и здѣсь нашелъ для себя свой гешефтъ и выгодную эксплоатацію, зачисливъ архипастыря православной Церкви въ число защитниковъ еврейства.

Когда мы заканчивали писать послѣднія эти строки намъ подали газ. „Свѣтъ“, въ которой прочитали мы слѣдующія леденящія душу строки.

„Въ ночь на 29 мая предательски убитъ король сербскій Александръ I, его супруга, королева Драга, ихъ родные и близкіе.

Королемъ Сербіи провозглашенъ Петръ Карагеоргіевичъ. Министры частью убиты, частью арестованы.

Событіе, подобное сербскому дворцовому перевороту, встрѣчалось въ исторіи, но во времена оны и не въ той возмутительно дикой формѣ.

Но когда это было: во времена царей Израильскихъ, во вре-

мена войнъ Алой и Бѣлой Розы въ Англіи и въ растлѣнной, умирающей Византіи... Но въ XX вѣкѣ!

Ужасомъ и отвращеніемъ исполняется сердце при чтеніи подробностей страшной ночи.

Что сказать объ убійцахъ? Какія бы ни были ихъ соображенія,—офицеры, убивающіе своего верховнаго вождя,—не офицеры христіанской арміи, а янычары, преторіанцы, измѣнники.

Офицеръ, варварски убивающій женщину и притомъ свою королеву,—не православный славянскій воинъ, а глухонѣмой изъ стародавняго Сераля, несущій веревку на шею того, кого приказуютъ удавить, палачъ и трусъ, мелкій злодѣй и большой разбойникъ!!

Стыдно читать всё эти подробности. Бога забыли убійцы, христіане, уподобились дикимъ варварамъ!

Страшное дѣло совершилось. Исторія обогатилась кровавой страницей. Потомство великаго Милоша, королевскій домъ Обреновичей перестали существовать.

Да, ужасныя событія совершились въ Сербіи!

Ни о чемъ не хочется думать... ни о чемъ не хочется говорить... такъ великъ, такъ гнетущъ встающій въ воображеніи призракъ небывалаго, по своему звѣрству, злодѣянія.

Убитъ молодой король, горячо любившій свою отчизну!

Убита его вѣрная и любящая подруга, дочь родной ему страны, которую она горячо любила и о благѣ которой она заботилась всею силою своего любящаго сердца!

Убиты братья королевы, безвинно приговоренные къ смерти только близостью своею къ ней!.. Убиты ея ближайшіе родственники... Убиты вѣрноподданные, пытавшіеся грудью защитить короля, которому они присягали... Убита стража, пытавшаяся заградить убійцамъ путь къ монарху, которому они измѣнили!..

Залить кровью конакъ... Обагрены кровью ступени трона!.. Попрано все, что возможно было попрать, въ звѣрскомъ увлеченіи призрачной свободой...

И весь этотъ рядъ злодѣяній совершенъ не профессиональными разбойниками, а людьми, носящими военный мундиръ... принимавшими священную присягу!

Стыдно и грустно за современное христіанское человѣчество, стыдно и горько за единовѣрную Сербію, которую не для того по первому призыву шла такъ преданно и геройски спасать наша

добровольная русская рать, чтобы народъ, освобожденный ею отъ дикихъ звѣрствъ, самъ превратился въ дикаго кровожаднаго звѣря!

Гибли коронованныя особы на эшафотахъ. Падали на плахѣ вѣнчанныя женскія головы. Кровавой тѣнью встаютъ мучительные призраки Маріи Стюартъ въ Англіи, Маріи Антуанеты во Франціи, но они шли на плаху по приговору всетаки суда, хотя бы и при-страстнаго.

Ихъ судили, ихъ выслушивали, имъ публично прочитывали ихъ приговоръ! Къ этому еще надо добавить, что измѣннически пролитая кровь громко вопіетъ на небо и живъ Богъ, сказавшій: „Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ“. Помолимся же объ упокоеніи душъ этихъ мученически скончавшихся братьевъ во Христѣ!

В. Скворцовъ.

Quousque tandem.

Совершенно неожиданно узнали мы о смерти Костромскаго епарх. миссіонера, свящ. о. І. Иванова. Повидимому, случилось то, что должно было случиться: одинъ человѣкъ «приложился къ отцамъ своимъ». И мы умремъ...

Такъ. Но разныя обстоятельства сопровождаютъ человѣческую жизнь и смерть. Одинъ живетъ въ довольствѣ; честно, самоотверженно дѣлаетъ свое дѣло. Умираетъ онъ, всеми прославляемый Благопопечительное начальство надѣляетъ семьи такихъ доблестныхъ людей приличными пенсіями...

Другіе трудятся всю жизнь безъ отдыха, при самой тягостной обстановкѣ, и умираютъ, покидая семьи ничѣмъ не обезпеченными.

О такомъ именно «событіи» рассказываетъ намъ прочитанный некрологъ. Въ Костромѣ трудился изъ всѣхъ силъ епарх. мисс. священникъ Ивановъ. По сообщенію некролога, онъ съ образцовой добросовѣстностью проходилъ свое служеніе: вель частія и длинныя бесѣды съ расколо-сектантами; неутомимо разъѣзжалъ по епархіи и палъ, какъ волъ на бороздѣ, «сраженный болѣзнію горла».

По поводу прочитаннаго извѣстія такъ и хочется крикнуть братьямъ миссіонерамъ: *mementote mori!*.. Быть можетъ, не одному изъ насъ придется умереть подъ тяжестью креста своего;

не мало уже миссіонеровъ страдаютъ болѣзнью горла, разстройствомъ нервовъ и другими недугами.

Что же? Миссіонеры, какъ «рабы неключимые», смиренно совершаютъ свое «дѣланіе». Они надѣются, что и начальство, наконецъ, взыщетъ ихъ своей милостью...

А пока о чемъ говорить намъ миссіонерскіе некрологи?

Вотъ что написано о смерти о. Иванова: «осиротѣлая семья его осталась безъ пенсіи и средствъ къ существованію. Хотя почившій прослужилъ въ іерейскомъ санѣ 24 года и 4 мѣсяца, но часть этого времени былъ, къ несчастію, миссіонеромъ,—именно, къ сожалѣнію, ибо за миссіонерскую службу безприходнымъ священникамъ пенсіи не полагается»...

Такъ повѣствуетъ составитель некролога. Смотря на положеніе вещей съ точки зрѣнія осиротѣлой семьи, службу о. Иванова въ миссіонерахъ онъ называетъ несчастіемъ. И эта точка зрѣнія не новая, не оригинальная, не исключительно *ad hoc* придуманная въ Костромѣ. Такъ справедливо на службу миссіонерскую смотрятъ «люди семейные» во всей Россіи.

Quousque tandem... До коихъ же поръ будетъ продолжаться этотъ горестный порядокъ вещей? Неужели миссіонерамъ никогда не суждено стать „служилыми государевыми людьми“, которымъ полагается приличная пенсія за безпорочную и усердную службу?..

Необходимо, пора дѣло привести въ ясность. Необходимо, наконецъ миссіонерамъ добиться опредѣленнаго отвѣта на вопросъ: могутъ ли они *разсчитывать* на соотвѣтствующую пенсію за свою тяжелую службу, или нѣтъ?

Если нѣтъ, то нечего жаловаться намъ на бѣгство миссіонеровъ съ своей службы.—Скажемъ сильнѣе: тогда самую Епархіальную миссію нужно объявить, вопреки запросамъ времени, праздною и ненужною забавой...

Д. Боголюбовъ.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго цензурнаго комитета печатать дозволяется. Сбп. 27 Мая 1903 года.

Цензоръ Архимандритъ *Меводія*.

Хроника.

II.

12. Миссіонерство, сенты и расколъ.— Новая неудачная попытка доновскихъ штундистовъ присвоить себѣ имя и права вѣмецкихъ баптистовъ.—Новый раскольничій епископъ Инокентій Усовъ.—Недовѣріе австрійскихъ раскольниковъ къ своимъ мощамъ и письмо Швецова 1356—1373
13. Корреспонденція «Миссіонерскаго Обозрѣнія», извѣстія и замѣтки. Изъ с. Поима, Пензенской губ. (Дожороженный апологетъ раскола).—Миссіонерскія бесѣды въ Харьковѣ.—Еще о духоворахъ. Извѣстія изъ Америки. — Миссіонерская вакансія.—1374—1378 Отклоненіе ходатайства.
14. О религіозно-философскихъ собраніяхъ и «Новомъ пути». (Отголоски). Кого ищете? (Къ «нищущимъ» «новопутейцамъ» о «новомъ пути», «плоти» и «брактѣ». Н. Гринякинъ. . . 1379—1389

-
15. Со скрижалей сердца.—Два слова о юбилей 200-лѣтія Петербурга.—Раскольничьи совѣщанія объ учрежденіи старообрядческаго патріарха.—Письмо о. Іоанна къ кишиневскимъ христіанамъ.—Страшное кровавое дѣло въ Сербіи.—Скорбь миссіонера. 1389—1400

Особое приложение.

16. Великороссійское и малороссійское богословіе XVI и XVII вѣковъ. Ученіе о воплощеніи и искупленіи Московскихъ богослововъ 65—80

При этой книжкѣ журнала разсылаются брошюры № 5 и 6 Народно-Миссіонерской бібліотечки.

Подписка на „Миссіонерское Обозрѣніе“ продолжается.

Редакторъ-издатель В. М. Скворцовъ.

Адресъ редакціи — Невскій, 153.

Продолжается подписка

на большую ежедневную литературно-политическую газету

„ЗАРЯ“

”

выходящую въ г. С.-Петербургѣ съ 1 марта 1903 г., подъ редакціей автора «Писемъ Идеалиста» В. Ярмонкина.

Газета „ЗАРЯ“ кромѣ всѣхъ отдѣловъ, имѣющихся въ большихъ столичныхъ газетахъ,

ЕЖЕДНЕВНО даетъ отдѣльный печатный листъ

литературно-художественнаго отдѣла,

заключающій въ себѣ копіи лучшихъ картинъ изъ галлерей музея Императора Александра III, Императорскаго Эрмитажа, Академіи Художествъ, Третьяковой картинной галлерей и др. художественныхъ собраний.

Въ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМЪ ОТДѢЛѢ ежедневно помѣщаются романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія и пр.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

На 1 м.—**1 руб.**, 3 м.—**3 руб.** и на срокъ 7 мѣсяцевъ т. е. по 1-ое января 1904 г.—**7 руб.**

и кромѣ того, получаютъ бесплатно съ первымъ же номеромъ три сброшюрованныя тетради, заключающія въ себѣ 90 картинъ, повѣсти, романы, рассказы и стихотворенія.

Главная контора и редакція газеты «Заря»—СПБ. Кузнечный пер., 2, тел. 6038.

Редакторъ-Издатель **В. Ярмонкинъ.**

3, 2). Если мы сопоставимъ параллельныя мѣста, гдѣ рѣчь идетъ о проповѣди Іоанна Крестителя: Евангеліе Матѳея 3, 1—12, съ Евангеліемъ Марка 1 гл. 2—8 и Евангеліемъ Луки 3 гл. 3—14 и вникнемъ въ смыслъ самой проповѣди, то для насъ станетъ вполне понятнымъ, что выраженіе, употребляемое Іоанномъ Предтечею—Царство Небесное, равносильно выраженію Царство Божіе, такъ какъ тамъ даются такія наставленія практическаго характера, которыя относятся къ земной жизни людей, а не къ небесной, загробной. Намъ думается, что авторъ напрасно такъ рѣзко различаетъ Царство Божіе и Царство Небесное; напрасно онъ силится обосновать свое сужденіе на евангельскихъ данныхъ и напрасно весьма неудачно ссылается на Евангеліе Матѳея 25, 34, и Іоанна 14, 1—2, сопоставляя эти мѣста съ притчами Христовыми и молитвой Господней. Въ первыхъ двухъ ссылкахъ, по его мнѣнію, рѣчь идетъ о Царствѣ Небесномъ, которое является уже совершившимся фактомъ, а во второмъ случаѣ (Притчи Христовы и Молитва Господня) говорится о Царствѣ Божіемъ на землѣ, имѣющемъ наступить въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ,—по мѣрѣ того, какъ люди будутъ проникаться евангельскимъ духомъ, божественной правдой и чистой Христовой любовью, наступить и Царство Божіе (102 стр.)

Давая такую постановку дѣлу, авторъ слишкомъ узко и одно-сторонне понимаетъ идею о Царствѣ Божіемъ (что мы и покажемъ ниже), и, приковывая мысль своихъ читателей къ землѣ, желаетъ совершенно какъ бы изгладить въ ихъ умахъ и сердцахъ всякое представленіе о небѣ. Онъ съ особою настойчивостью вездѣ проводитъ въ сознание читателей только понятіе о «Царствѣ Божіемъ на землѣ» и этимъ выраженіемъ испещрилъ всю свою книжку; между тѣмъ о Царствѣ Небесномъ онъ упоминаетъ три раза и то вскользь, какъ бы мимоходомъ. Всецѣло приковывать Царство Божіе къ землѣ едва ли вправѣ христіанскій пастырь.

По нашему мнѣнію, авторъ, допустивъ такое различіе, сузилъ свою задачу и въ своемъ изслѣдованіи вступилъ на путь, значительно отклоняющійся отъ истины. Дѣло вотъ въ чемъ. Понятіе о Царствѣ Божіемъ понятіе очень широкое: оно заключаетъ въ себѣ идею и Царства Божія на землѣ и Царства Небеснаго, при чемъ эти идеи такъ близко соприкасаются одна съ другой, даже больше—

одна идея является какъ бы продолженіемъ другой, что самостоятельное существованіе ихъ независимо другъ отъ друга не только невозможно, но и немыслимо. Правда, въ послѣднее время широкой волной разлилось въ нашѣмъ интеллигентномъ обществѣ, интересующемся вопросами религіи, стремленіе, такъ сказать, низвести Царство Божіе на землю. Нерѣдко многіе трактуютъ объ устроеніи нашей жизни на началахъ равенства, свободы, правды и любви и употребляютъ всѣ усилія къ тому, чтобы Царство Божіе наступило на землѣ; при этомъ о Царствѣ Небесномъ краснорѣчиво умалчиваютъ. Это модное теченіе не можетъ быть оправдано Евангеліемъ. Евангеліе гласитъ, что Іисусъ Христосъ не дѣлалъ такого различія. Въ началѣ Своего общественнаго служенія Онъ настойчиво призываетъ народъ ко вступленію въ Царство Божіе подъ условіемъ покаянія, что весьма знаменательно, и къ устроенію того же Царства Божія на землѣ. Этотъ призывъ весьма рельефно выраженъ въ цѣломъ рядѣ притчъ и въ молитвѣ Господней. Во второй половинѣ земного Своего служенія роду человѣческому Господу благоугодно было, съ мудрой постепенностью, возводить взоръ Своихъ учениковъ и послѣдователей къ горнему, къ небесному, какъ можно чаще отвлекая ихъ помыслы отъ земли. Онъ училъ ихъ о перенесеніи страданій, лишеній, гоненій, притѣсненій и даже самой смерти ради Царства Небеснаго, ради жизни вѣчной. Если Самъ Божественный Основатель христіанской религіи не только не проводилъ рѣзкой грани между Царствомъ Божиимъ и Царствомъ Небеснымъ, но даже ставилъ ихъ въ естественно-органическую связь, то вправѣ ли мы полагать такое рѣзкое различіе между Царствомъ Божиимъ и Царствомъ Небеснымъ? Мы твердо убѣждены, что въ данномъ случаѣ отвѣтъ долженъ быть только одинъ: колебанія и сомнѣнія тутъ и не умѣстны, и невозможны. О. Петровъ, къ нашему великому удивленію, въ своихъ изысканіяхъ держится крайне страннаго прѣма: онъ, повидимому, не хочетъ и знать нашей богословской науки, и съ ея выводами и общепринятыми положеніями, кажется, онъ совершенно не знакомъ. 'А вѣдь въ нашей богословской литературѣ опредѣленіе понятія «Царство Божіе и Царство Небесное» болѣе, чѣмъ достаточно, уяснено и научно разработано. Профессоръ Кіевской духовной академіи М. А. Олесницкій такъ выясняетъ вышеуказанную терминологію. «Выраженіе Царство Божіе

обычное у евангелистовъ Марка, Луки и Іоанна, какъ и другихъ новозавѣтныхъ книгахъ, у евангелиста Матѳея часто замѣняется выраженіемъ «Царство Небесное». Это метанимія. Извѣстно господствовавшее у іудеевъ обыкновеніе вмѣсто имени Бога называть мѣсто Его присутствія. Но встрѣчаемъ у евангелиста Матѳея и выраженіе «Царство Божіе»; слѣдовательно оба эти выраженія безразличны у евангелиста. Последнее тѣмъ правдоподобнѣе, что выраженіе «Царство Небесное» встрѣчается не только въ такихъ мѣстахъ, которыя возводятъ нашу мысль къ небу, но и въ такихъ, въ которыхъ имѣется въ виду земное, настоящее состояніе человѣка (Изъ «системы христіанскаго правоученія профессора М. Олесницкаго», Киевъ, 1896 г. стр. 478). Профессоръ богословія въ Киевскомъ университетѣ св. Владиміра протоіерей П. Свѣтловъ еще обстоятельнѣе и подробнѣе разработалъ этотъ вопросъ. Онъ говоритъ: «въ Евангеліяхъ употребляются оба выраженія—и Царство Божіе и Царство Небесное, извѣстныя еврейскому богословію (малкутъ ягле и малкутъ гашшамаім). Имя Бога, по требованіямъ раввинскаго богословія, нерѣдко замѣнялось въ данномъ выраженіи именемъ неба, мѣстомъ обитанія Божества, въ соотвѣтствіи, можетъ быть, съ ясно выраженной идеею о неземномъ, сверхъестественномъ происхожденіи царства Мессіи. Отсюда и получилось метанимическое малкутъ гашшамаім «Царство Небесное» (вмѣсто Божіе). (Идея Царства Божія, профессора П. Свѣтлова, Богословскій Вѣстникъ, 1902 г., Іюнь, стр. 173). Мы недоумѣваемъ, почему о. Петрову въ разрѣшеніи даннаго вопроса вздумалось уклониться отъ общепринятыхъ и выработанныхъ нашею богословскою наукою положеній и пуститься въ безбрежное море гадательныхъ толкованій и своеобразно-оригинальныхъ мудрствованій. Этотъ скользкій путь привелъ о. Петрова къ неправильнымъ взглядамъ на данный вопросъ, къ великому сожалѣнію, популяризируемый имъ съ настойчивостью достойной лучшей участи, въ его сочиненіи «Евангеліе, какъ основа жизни». Вслѣдствіе этого и весь трудъ о. Петрова освѣщенъ подъ не вполне правильнымъ угломъ съ точки зрѣнія нашей православной богословской науки. Безспорно, что отъ такой постановки дѣла трудъ о. Петрова получилъ тенденціозную окраску и, какъ таковой, не заслуживаетъ одобренія съ православной точки зрѣнія. Если же принять во вниманіе еще и то обстоятельство, что онъ преслѣдуетъ

популярно-публицистическія цѣли и рассчитанъ на широкое распространеніе среди читающей интеллигентной публики, то онъ не только не заслуживаетъ одобренія, но и вынуждаетъ стать на стражъ истины и сдѣлать къ этому труду небольшой коррективъ, весьма существенный и необходимый, какъ съ точки зрѣнія Евангелія, такъ и согласно требованіямъ нашей богословской науки. Говоря это, мы беремъ на себя смѣлость уяснить, согласно послѣднимъ выводамъ нашей богословской науки, вопросъ о Царствѣ Божіемъ, составляющій центральный пунктъ разсматриваемой нами книжки о. Петрова «Евангеліе, какъ основа жизни».

Такъ какъ все произошло отъ Бога и все стремится къ Богу, какъ источнику своего бытія, и разумная и не разумная тварь,—то вся вселенная до грѣхопаденія была сплошнымъ Царствомъ Божіимъ, гдѣ все разумное соединено было въ одну цѣлую, великую семью взаимною любовью другъ къ другу и къ Богу, и послушаніемъ волѣ Его.—и не было раздѣленія между небеснымъ и земнымъ, ангелами и людьми. Послѣ же грѣхопаденія первыхъ людей произошло раздѣленіе между небомъ и землею. Соединить разьединенное снова въ одно царство—отъ вѣчности предопредѣлено было въ совѣтъ Божіемъ черезъ Сына Божія, «нетлѣннаго Царя вѣковъ» (1 Тим. 1, 17); возглавить всяческая и соединить въ Немъ все небесное и земное (Евр. 1, 10), умиротворивъ чрезъ Него, кровью Креста Его, и небесное и земное (Кол. 1, 20).

Начало возстановленія Царства Божія положено было еще въ ветхомъ завѣтѣ и ветхозавѣтная исторія есть исторія развитія Царства Божія только въ подготовительной, первоначальной формѣ. Вѣдѣнія Божественнаго Промысла въ исторіи Израиля есть не что иное, какъ премыслительная дѣятельность къ приготовленію Царства Божія на землѣ. Тогда Царство Божіе поддерживалось силою различныхъ внѣшнихъ средствъ, законовъ и ветхозавѣтныхъ учреждений. Когда же человѣкъ созрѣлъ для высшаго духовнаго служенія Богу, является Христосъ и основываетъ именно это Царство Божіе, царство нравственное. О цѣли своего пришествія на землю Іисусъ Христосъ училъ многократно, при томъ въ различныхъ выраженіяхъ. Въ однихъ мѣстахъ Онъ полагалъ сущность Своего дѣла въ сообщеніи человѣку истиннаго знанія о Богѣ (Іоан. 17, 4—6—7. срав. 14, 6—7); въ

другомъ случаѣ Онъ указывалъ на спасеніе людей, какъ на сущность Своего пришествія (Луки 9, 56; Іоанна 3, 16—17, 12, 47; Мѡ. 1, 21). Весьма часто Спаситель говорилъ, что цѣль Его пришествія—спасеніе людей отъ ихъ грѣховъ чрезъ Его страданія и крестную смерть (Марка 16, 45; Мѡ. 20, 28). Призывъ къ покаянію не праведниковъ, но грѣшниковъ—также составлялъ одну изъ цѣлей пришествія Господа Нашего Іисуса Христа (Мѡ. 11, 13; Марка 2, 17; Луки 1, 31—32). Наконецъ, какъ на цѣль Своего пришествія, Іисусъ Христосъ указывалъ неоднократно на основаніе Царства Божія и проповѣданіе евангелія того же Царства Божія (Луки 4, 43). Проповѣдь о Царствѣ Божіемъ составляетъ центральное и главное содержаніе благовѣстія и всего ученія Христова, всю сущность Его дѣла (Мѡ. 4, 17; Луки 8, 1; 9, 11; 10, 9; Марка 1, 14). Итакъ, общая цѣль Христова пришествія—основаніе Царства Божія или же, слѣдуя терминологіи евангелиста Маттея, Царства Небеснаго. Всѣ же прочія цѣли, до искупленія включительно, по отношенію къ этой центральной являются только средствомъ.

Подъ Царствомъ Божіимъ во времена Спасителя разумѣлось нѣчто опредѣленное, именно: появленіе возжелѣннаго Мессіи, предсказаннаго пророками, возстановленіе іудейскаго царства изъ всѣхъ разсѣянныхъ по землѣ іудеевъ, съ резиденціею царя въ Іерусалимѣ, включая сюда умершихъ, имѣвшихъ воскреснуть во дни Мессіи, а затѣмъ—безконечная блаженная жизнь въ Святой землѣ съ исполненіемъ всѣхъ пророчествъ о мессіанскомъ царствѣ. Христосъ въ старыя формы и образы влилъ новый духъ, новыя идеи и самое понятіе о Царствѣ Божіемъ расширилъ въ пониманіи своихъ послѣдователей. Царство Божіе по ученію Іисуса Христа—всемирно и универсально, оно объемлетъ весь міръ и также всеобъемлюще, какъ любовь Отца Небеснаго, простирающаяся на всѣхъ людей и на всѣ народы земли. Въ Царствѣ Божіемъ нѣтъ эллина и іудея, раба и свободного, обрѣзаннаго и необрѣзаннаго: здѣсь всѣ равны, всѣ—члены великой духовной семьи, соединенные подъ властью Отца Небеснаго однимъ чувствомъ любви къ Нему и взаимной любовью другъ къ другу (Мѡ. 8; 10—12; 21, 28—32; Луки 20, 15—17, 13, 25—30, 10, 16 и др.).

Естественно напрашивается вопросъ: какіе же пути ведутъ въ Царство Божіе? Покаяніе и смиреніе отверзаютъ намъ Царство Божіе (Марка

1. 15), а не самодовольство и гордость; ищущіе Царства Божія вступаютъ въ него не по своимъ заслугамъ, а по милости Божіей: почему Царство Божіе стало достояніемъ нищихъ духомъ, смиренныхъ и кроткихъ, плачущихъ, труждающихся и обремененныхъ (Луки 4, 23—26; Мѣ. 5, 3—12). Для дѣйствительнаго обладанія Царствомъ Божиимъ и пребыванія въ немъ недостаточно еще одного покаянія, но нужна еще вѣра въ Евангеліе (Марка 1, 15), т. е. требуется возлюбить Евангеліе и Христа и отдать вѣру свою и сердце свое для Царства Божія Христу и Евангелію.

Такимъ образомъ, первая и основная черта Царства Божія есть его универсальность.

Другою чертою, опредѣляющею природу Царства Божія, безспорно нужно признать его духовность. Проповѣдуемое Евангеліемъ Царство Божіе есть царство духовное, нравственное, не отъ міра сего, царство истины и добра (Іоанна 18, 36—38). Это царствование Бога внутри людей, въ сердцахъ ихъ. По словамъ Іисуса Христа, Царство Божіе не придетъ примѣтнымъ образомъ и о немъ нельзя сказать: оно здѣсь, или: вонъ тамъ, ибо Царство Божіе внутри насъ (Луки 17, 20—21). Апостолъ Павелъ въ своемъ посланіи еще яснѣе говоритъ, что Царство Божіе не пища и питіе, но праведность и миръ и радость о Святомъ Духѣ. Кто симъ служитъ Христу, тотъ угоденъ Богу (Римл. 14, 17—18; срав. Кол. 1, 12—13; 1 Тес. 5, 5). Посему и благо, составляющее цѣль Царства Божія, есть духовное, а не внѣшнее благо. Оно—«сокровище, неоскудѣвающее на небесахъ», собираемое не на землѣ, а на небѣ, гдѣ ни моль, ни ржа не истребляетъ, и гдѣ воры не подкапываютъ и не крадутъ» (Мѣ. 6, 19—20; Луки 12, 33—34). Сокровища Царства Божія заключаются не въ увеличеніи матеріальныхъ земныхъ благъ, а въ обогащеніи души нашей Божественными совершенствами. Отсюда слѣдуетъ, что хотя благо наше и на небѣ, ибо заключено въ Богѣ, однако должно собирать его, живя на землѣ. Этимъ ученіемъ не отрицаются блага земныя вообще, а предостерегается неправильное пользованіе ими, т. е. злоупотребленіе. Законъ евангельскій требуетъ, чтобы мы жертвовали низшими, хотя бы и законными требованіями, въ пользу высшихъ. Матеріальныя блага—это нѣчто второстепенное въ Царствѣ Божіемъ; первая наша забота—это удовлетвореніе потребностей духовныхъ.

ибо жизнь человѣческая не зависитъ отъ изобилія его имѣнія (Луки 12. 15).

Какими же средствами достигается Царство Божіе? Иисусъ Христосъ утвердилъ Царство Божіе на землѣ Своею проповѣдью истины и любви и Своими крестными страданіями. Тѣми же путями и мы должны идти для устроенія Царства Божія. Евангеліе намъ говоритъ, что Иисусъ Христосъ преимущественно во второй половинѣ Своего служенія роду человѣческому требовалъ отъ своихъ послѣдователей только одной любви, которая, будучи дѣятельной, соединяется съ отреченіемъ отъ земныхъ благъ ради спасенія, до готовности взять на себя иго Христово и Его Крестъ, т. е. до готовности потерпѣть, пострадать и умереть за Христа ради жизни вѣчной. Иначе и быть не можетъ. Самоотреченіе есть условіе всякаго плодотворнаго и успешнаго служенія дѣлу, призванію, идеѣ; и успѣхъ достигается вездѣ наивозможно большимъ сосредоточеніемъ силы души на одномъ предметѣ, безъ расходованія и отвлеченія ея энергіи въ сторону. Это общее положеніе примѣнимо и къ устроенію Царства Божія. Поэтому-то такой путь необходимъ для осуществленія Царства Божія, ибо онъ обуславливается духовнымъ характеромъ самого Царства Божія, въ которомъ любовь и истина составляютъ конечную цѣль. Отсюда вытекаетъ опредѣленіе по самому существу понятія о «Царствѣ Божіемъ», какъ о жизни людей въ Богѣ, дарованной намъ во Христѣ и чрезъ Христа.

Для полнаго уясненія понятія о Царствѣ Божіемъ намъ необходимо разсмотрѣть какъ свойства Царства Божія, вытекающія изъ понятія о сущности его, такъ и формы Царства Божія на землѣ въ главныхъ моментахъ его развитія. Эта дальнѣйшая разработка вопроса о Царствѣ Божіемъ необходима въ нашемъ критическомъ изслѣдованіи и въ чисто практическихъ соображеніяхъ: дальнѣйшее раскрытіе вопроса покажетъ намъ тотъ ложный путь, на который вступилъ о. Петровъ въ своемъ сочиненіи «Евангеліе, какъ основа жизни».

«Изъ понятія о Царствѣ Божіемъ, какъ жизни людей въ Богѣ, дарованной намъ во Христѣ и чрезъ Христа, вытекаетъ прежде всего та черта, которая называется трансцендентностью. Царство Божіе трансцендентно, потому оно не есть произведеніе естественныхъ

силъ, а дѣло Божіе, чудо всемогущей любви и милости Божіей, даръ Божій, принесенный на землю съ неба Сыномъ Божиимъ, Иисусомъ Христомъ. Съ другой стороны изъ того же понятія о Царствѣ Божіемъ вытекаетъ и тотъ выводъ, что оно есть дѣло человѣческое, естественное, поскольку единеніе человѣка съ Богомъ есть дѣло его внутренней нравственно-свободной жизни. Иначе, Царство Божіе имманентно, ибо оно внутри насъ и подлежитъ закону внутреннего роста и развитія. Въ концѣ концовъ Царство Божіе есть дѣло Богочеловѣческое, устрояемое и созидаемое на землѣ Богомъ при свободномъ человѣческомъ содѣйствіи» (Идея Царства Божія, профессора П. Свѣтлова. Богословскій Вѣстникъ, октябрь, 1902 г., стр. 118) «Богъ есть дѣйствующій въ насъ... мы же соработники у Бога (1 Кор. 3, 6—9). Изъ такого понятія о свойствахъ Царства Божія вытекаетъ готъ выводъ, что Царство Божіе должно разсматривать съ одной стороны, какъ нѣчто осуществляемое и явившееся, а съ другой—какъ имѣющее явиться, какъ будущее, задачу, идеалъ. По ученію Евангелія, Царство Божіе есть чудо и дѣло любви и мудрости Божественной съ одной стороны, а съ другой—оно есть результатъ соучастія естественныхъ силъ и способности человѣческой личности. Объ основаніи Царства Божія Спаситель говоритъ въ притчѣ о Сѣятелѣ. Какъ видно изъ этой и другихъ притчъ, Царство Божіе по самому своему основанію подлежитъ закону роста и развитія, при этомъ внутренняго и внѣшняго роста, при содѣйствіи естественнаго фактора, т. е. силъ человѣческихъ (Смотри притчи о сѣмени растущемъ, о закваскѣ, о зернѣ горчичномъ и о рабочихъ въ виноградникѣ). Не только притчами, но и безъ иносказаній Иисусъ Христосъ говоритъ о Царствѣ Божіемъ, какъ цѣли и идеалѣ, чтобы мы не боялись тѣснаго и труднаго пути подвиговъ, ведущихъ въ Царство Божіе (Мѡ. 21, 12; Луки 16, 16, сравн. Д. А. 14, 22; Марка 10, 23), чтобы мы искали Царства Божія и правды Его и молились о наступленіи его (Мѡ. 6, 33; Луки 12, 31; Мѡ. 6, 10). Въ Евангельскомъ ученіи Царство Божіе изображается не какъ нѣчто готовое, извнѣ данное, но еще только уготавливаемое и развивающееся, нѣчто растущее, болѣе въ будущемъ, чѣмъ въ настоящемъ (Луки 12, 16—18; 30; Мѡ. 26, 29; Марка 14, 25; Мѡ. 25, 34). Впрочемъ, въ томъ же ученіи Царство Божіе нерѣдко называется уже пришедшимъ

и настоящимъ (Мѡ. 3, 3; Марка 1, 15; Мѡ. 11, 12; Луки 17, 21). Этими двумя повидимому противорѣчивыми опредѣленіями вполне выясняется характеръ Царства Божія. Царство Божіе по изображенію его въ притчахъ можетъ казаться одновременно и настоящимъ и будущимъ. «Царство Божіе есть и пришло къ намъ со Христомъ, вмѣстѣ съ первымъ сѣменемъ евангельскаго слова, брошеннымъ въ сердца людей великимъ Сѣятелемъ истины и добра. Но Царство Божіе во времена Спасителя заключено было въ сѣмени или зародышѣ; и пока изъ зерна, зарытаго въ землѣ, не вышло растеніе и растеніе не созрѣло и не принесло плодовъ, нельзя называть Царство Божіе пришедшимъ (въ полнотѣ). Таковымъ Царство Божіе остается и до нынѣ. Царство Божіе, какъ высокій идеалъ, принадлежитъ будущему; но это будущее заключено въ настоящемъ, въ потенціи, въ возможности. Въ этомъ смыслѣ Царство Божіе есть и нынѣ» (Идея Царства Божія, профессора П. Свѣтлова, Богословскій Вѣстникъ, 1902 г. Октябрь, стр. 122).

Каковъ же объемъ Царства Божія? Прежде всего Царство Божіе водворяется въ человѣкѣ, въ его душѣ и даже его тѣлѣ, обновленномъ возсоединеніемъ его съ Богомъ; отсюда оно переходитъ на общество, народы и все человѣчество. Но начинаясь съ микрокосма (человѣка), Царство Божіе распространяется на макрокосмъ, т. е. на всю землю, и завершается въ немъ. По ученію христіанскому, необходимо и макрокосмическое завершеніе Царства Божія, такъ какъ и внѣшняя природа не должна остаться безучастною къ совершившемуся въ человѣкѣ обновленію, ради котораго (человѣка) она и сотворена. Поэтому обновленіе всей твари, завершаемое созданіемъ новаго неба и земли (2 Петра 3, 13), находится въ причинной связи съ обновленіемъ человѣка (Рим. 8, 19—22). Измѣненіе среды соотвѣтственно обновленной и богоподобной природѣ человѣка—естественно и необходимо, ибо, по слову Божію, мы ожидаемъ новаго неба и новой земли (2 Петр. 3, 13).

Принимая во вниманіе универсальность характера Царства Божія, мы, согласно ученію Евангелія, должны допустить, что Царство Божіе не можетъ ограничиваться одною сферою внутренней личной жизни человѣка. Оно, какъ постоянно растущее изнутри наружу, захватываетъ въ себя земную жизнь человѣческую во всѣхъ ея проявленіяхъ и сфе-

рахъ, пока все въ мірѣ не будетъ приведено въ гармонію съ Божественною волею, и міръ не станетъ Царствомъ Божиимъ. Поэтому Царство Божіе, осуществляемое и существующее внѣшнимъ реальнымъ образомъ, обнимаетъ не только невидимую внутреннюю жизнь вѣрующихъ, но и всю область земныхъ отношеній и условій земного человѣческаго существованія. Наука, литература, искусство, семья, общество, право, государство, образованіе и т. д.—всѣ формы нашей земной жизни и всѣ наши дѣла должны испытать на себѣ обновляющую и очищающую силу Евангелія, чтобы все земное и мірское вошло въ составъ Царства Божія, «да будетъ Богъ все во всемъ» (1 Кор. 15, 28).

Естественно рождается вопросъ: о какомъ же Царствѣ Божиѣмъ здѣсь идетъ рѣчь: о земномъ или о загробномъ, послѣисторическомъ? Само собою разумѣется, что о земномъ. Что именно рѣчь идетъ о такомъ Царствѣ Божиѣмъ, это видно изъ Молитвы Господней, гдѣ повелѣлъ намъ Господь молиться о возможномъ осуществленіи воли Божіей на землѣ, какъ и на небѣ, и заповѣдалъ молиться о наступленіи Царства Божія на землѣ. Слѣдовательно, переносить Царство Божіе, какъ это дѣлали нѣкоторые, исключительно и всецѣло на небо, въ загробный послѣисторическій періодъ его развитія, нельзя никоимъ образомъ.

Поскольку человѣкъ живетъ на землѣ, постольку онъ и долженъ заботиться объ устроеніи Царства Божія тутъ же на землѣ, въ предѣлахъ своего обитанія. Но такъ какъ жизнь человѣческая не исчерпывается только земнымъ его существованіемъ, а имѣетъ свое продолженіе за гробомъ, то Царство Божіе Іисусъ Христосъ не могъ и не приурочилъ исключительно къ землѣ, потому Царство Божіе, основанное Имъ, имѣетъ и свой загробный или послѣисторическій періодъ. Этотъ періодъ относится къ будущему вѣку, къ кончинѣ міра и ко второму пришествію Сына Человѣческаго во славу. Созиданіе Царства Божія продолжается за предѣлами историческаго земного существованія человѣка и имѣетъ тамъ свое развитіе. Вотъ почему исторія Царства Божія не умѣщается въ рамкахъ одной земной человѣческой жизни. Евангеліе и раскрываетъ намъ эту сторону Царства Божія. Достаточно вспомнить, какъ Іисусъ Христосъ училъ о значеніи земныхъ благъ для человѣка. Придавая имъ чисто

служебное значеніе, Онъ, Божественный Основатель Царства Божія, училъ Своихъ послѣдователей не прилѣпляться всецѣло къ земнымъ благамъ, указывая на ихъ тлѣнный, скоропроходящій характеръ, и на ихъ чисто служебное значеніе (Мѡ. 6, 19—33; Луки 18, 19). Своимъ ученіемъ о страданіяхъ, лишеніяхъ и несеніи креста, столь многократно высказываемымъ Иисусомъ Христомъ во второй половинѣ Его служенія роду человѣческому, не указывалъ ли нашъ Спаситель, что Его послѣдователи должны и Царство то Божіе устроить на землѣ ради Царства Божія на небѣ, и всю жизнь свою построить на началахъ правды Божіей опять-таки съ тою же цѣлью, т. е. съ тѣмъ, чтобы за гробомъ, въ послѣсториическій періодъ, имѣть полную возможность вступить въ новую жизнь? Вспомнимъ эсхатологическія рѣчи нашего Господа (о кончинѣ міра и второмъ пришествіи Сына Божія, о Страшномъ Судѣ, наконецъ прощальную бесѣду Иисуса Христа), сказанныя Имъ предъ самою почти Своею смертью; онѣ всѣ, такъ или иначе, трактуютъ о Царствѣ Божіемъ въ послѣсториическій загробный періодъ, возводятъ нашу мысль отъ земли къ небу и указываютъ на конечное назначеніе человѣка и на мѣсто его вѣчнаго пребыванія—небо. Даже больше. Иисусъ Христосъ Своимъ послѣдователямъ обѣщаетъ райскія обиталища. И въ новой жизни человѣка примутъ участіе преобразованныя—новое небо и новая земля (2 Петр. 3, 13).

Подводя итогъ всему сказанному, мы должны такъ опредѣлить Царство Божіе въ его главныхъ моментахъ развитія: а) Царство Божіе—этическое, поскольку оно осуществляется на землѣ, или, выражаясь общепринятою нашею богословскою терминологіею, царство благодати, б) Царство Божіе—космическое, поскольку оно проявляется во всей вселенной, или же царство силы, и Царство Божіе—эсхатологическое, осуществляемое въ будущемъ вѣкѣ, въ полнотѣ временъ, или царство славы. При этомъ необходимо замѣтить, что эти три момента развитія Царства Божія такъ тѣсно связаны между собою и такъ близко соприкасаются одинъ съ другимъ, что отдѣлить одинъ отъ другого невозможно и что значеніе каждаго изъ этихъ моментовъ не можетъ быть ни умалено, ни преувеличено. Поэтому неправы тѣ изслѣдователи, которые останавливаютъ свое исключительное вниманіе на

1-мъ моментѣ, т. е. приурочиваютъ Царство Божіе всецѣло къ землѣ, и игнорируютъ или оставляютъ въ тѣни послѣисторическій, загробный моментъ существованія Царства Божія. Не менѣе, если не болѣе, неправы и тѣ, кто держится противоположныхъ взглядовъ на трактуемый нами вопросъ, т. е. умаляя значеніе Царства Божія на землѣ, всецѣло возводитъ его на небо и понимаетъ его исключительно, какъ жизнь будущаго вѣка. Неправы наконецъ и тѣ, которые проводятъ строгую грань между Царствомъ Божиимъ на землѣ (этическимъ его моментомъ) и Царствомъ Небеснымъ (эсхатологическимъ моментомъ), трактуя какъ два совершенно различныхъ царства, изъ которыхъ первое (Царство Божіе на землѣ) находится въ періодѣ своего развитія (произрастанія), а второе—представляется уже законченнымъ, готовымъ и вылившимся въ опредѣленную форму (Свящ. Петровъ въ своемъ сочиненіи «Евангеліе, какъ основа жизни» 101—103 стр.). Такой взглядъ неправиленъ по самому существу своему, какъ несогласный съ духомъ Евангелія. Гдѣ Богъ—тамъ и жизнь; Царство Божіе, гдѣ бы оно ни было,—на землѣ-ли, на небѣ-ли, есть область движенія и совершенной жизни въ полномъ смыслѣ этого слова,—и здѣсь то отсутствіе движенія, какъ жизни, и невозможно и немислимо.

Безусловно и существенно-важнымъ вопросомъ является вопросъ о томъ, какими спеціальными средствами осуществляется Царство Божіе на землѣ. Иисусъ Христосъ, Божественный Основатель Царства Божія, даровалъ и средства къ осуществленію или устроенію этого Царства на землѣ. Спасительное значеніе въ дѣлѣ устроенія Царства Божія, кромѣ ученія Иисуса Христа, получаетъ еще самая Его личность, Его жизнь, Его дѣятельность, т. е. различныя дѣла и событія изъ Его жизни, изъ которыхъ главными считаются: страданія, крестная смерть и воскресеніе, вознесеніе на небо, ниспосланіе Св. Духа вѣрующимъ и учрежденіе Церкви, которая въ свою очередь стала ядромъ Царства Божія, его душой. Короче сказать—устроеніе или возстановленіе Царства Божія на землѣ совершилось путемъ искупленія рода человѣческаго, принесеннаго на землю нашимъ Спасителемъ, Богочеловѣкомъ Иисусомъ Христомъ. Христосъ явился не только Учителемъ, но и могущественнымъ Искупителемъ людей, Который, сообщивъ намъ истину, далъ намъ силы для ея

осуществленія; не одно ученіе, а искупленіе въ широкомъ смыслѣ Онъ избралъ средствомъ для основанія Царства Божія. Поэтому основаніе Царства Божія въ дѣлѣ Христовомъ есть цѣль, а искупленіе становится средствомъ къ осуществленію Царства Божія. Это не два какія нибудь различныя дѣла, а одно и то же дѣло, разсматриваемая съ разныхъ сторонъ и разныхъ точекъ зрѣнія.

Возстановленіе Царства Божія совершается путемъ искупленія человѣческаго рода. Посредницею искупленія людей служитъ Церковь; поэтому Церковь, способствующая усвоенію людьми совершеннаго Христомъ искупленія и содѣйствующая спасенію ихъ душъ, служитъ въ то же время и возстановленію Царства Божія на землѣ. Смѣшивать два различныя понятія по объему «Царство Божіе и Церковь» никоимъ образомъ нельзя. Поэтому неправъ о. Петровъ, слиявшійся понятіе о Церкви замѣнить, гдѣ возможно, выраженіемъ общество или Царство Божіе. Если сравнимъ понятія Царство Божіе и Церковь, то окажется объемъ ихъ не одинаковъ. Царство Божіе—это цѣлое, а Церковь—часть его. Выражаясь фигурально, Царство Божіе—организмъ, состоящій изъ души и тѣла; а Церковь—душа,—начало одушевляющее организмъ. Церковь съ ея институтами (таинствами, сообщающими благодатныя дары, богослуженіемъ и іерархіей), принявши на себя задачу возстановленія Царства Божія на землѣ, осуществляетъ ее съ внутренней стороны или иначе—способствуетъ осуществленію Царства Божія съ этической стороны. Сообразно съ двумя сторонами въ Царствѣ Божіемъ этической и космической, и служеніе Церкви Царству Божію простирается на обѣ эти стороны. Церковь служитъ не только орудіемъ этического, нравственнаго обновленія обществъ и всего человѣчества, но началомъ и космическому обновленію и просвѣтленію отпавшей отъ Бога твари, началомъ матеріальнаго обновленія міра. Кромѣ этого, мы видимъ, что въ Церкви вѣрующіе вступаютъ въ единеніе со всѣмъ міромъ разумныхъ существъ и съ ангелами, и съ отошедшими въ лучшій міръ душами праведныхъ, и становятся членами великаго Царства Божія, обнимающаго вѣка и вѣчность неба и земли, подъ властью вѣчнаго Царя вѣковъ, Главы Церкви, Которому подчинились и ангелы (Евр. 12, 22—23; Еф. 1, 20—23; Фил. 2, 9—11; 1 Петр. 3, 22); иначе сказать, Церковь содѣйствуетъ осуществленію Царства Божія и въ

будушемъ вѣкѣ, въ полнотѣ временъ, т. е. и въ эсхатологическомъ отношеніи.

Вотъ краткій эскизъ уясняющій, на основаніи слова Божія, и согласно выводамъ богословской науки, понятіе о Царствѣ Божіемъ со стороны его существа или внутренняго содержанія, свойствъ и проявленія этихъ свойствъ, а равно и средствъ къ осуществленію на землѣ самаго Царства Божія *). Надѣмся, что читатели наши изъ этого краткаго очерка надлежащимъ образомъ уяснятъ себѣ идею Царства Божія и наглядно убѣдятся, какаѣ различія между общепринятымъ въ богословской наукѣ взглядомъ на Царство Божіе и взглядомъ о. Петрова, проведеннымъ имъ въ «Евангеліи, какъ основѣ жизни»,—и на чьей сторонѣ истина.

П. Козичкій.

*) Примѣчаніе.—Въ дѣлѣ уясненія вопроса о Царствѣ Божіемъ мы руководились новѣйшимъ изслѣдованіемъ профессора богословія въ Университетѣ св. Владиміра протоіерея П. Свѣтлова, появившимся въ прошломъ году на страницахъ Богословскаго Вѣстника (книги: Іюнь, Октябрь и Ноябрь, 1902 г.), подъ заглавіемъ «Идея Царства Божія въ ея значеніи для христіанскаго міросозерцанія».

Ограничительные по отношенію къ расколо-сектантству законы и книга г. Бобрищева-Пушкина: „Судъ и раскольники-сектанты“^{*)}.

Мы позволимъ себѣ вернуться и остановиться на разсужденіи автора о томъ, что въ прискорбныхъ обстоятельствахъ столкновеній православныхъ съ сектантами виновато «миссіонерство» приходскихъ пастырей. «Семинарскій уставъ 1867 года,—говоритъ онъ,—разумно исключилъ изъ числа обязательныхъ предметовъ преподаваніе раскола, но всетаки организація миссіонерской дѣятельности возложена была на епархіальныхъ архіереевъ». Еще въ 1864 г. въ Саратовѣ учреждается братство для пріисканія миссіонеровъ добровольцевъ. Въ 1875 г. основывается школа въ Вяткѣ для крестьянъ, желающихъ идти на борьбу съ расколомъ. «Въ этой перемѣнѣ политики сказалось осужденіе полицейскаго характера прежнихъ миссіонеровъ и съводитъ пониманіе того, что подвизающійся постоянно въ своемъ приходѣ въ качествѣ духовнаго начальства приходскій священникъ не годится въ миссіонеры: слишкомъ близко стоитъ онъ къ будничной жизни прихожанъ, къ сожалѣнію почти всегда онъ въ дурныхъ отношеніяхъ съ сосѣдями по поводу хозяйственныхъ столкновеній и приходскихъ нуждъ и невольно становится въ глазахъ ихъ соглада-таемъ, чуть не полицейскимъ чиновникомъ въ рясахъ; къ этому приводятъ не только его обязанность наблюденія за приходомъ, и донесенія при случаѣ въ консисторію и полицію о томъ или другомъ неблагоповеденіи, но и крайне формальный характеръ его обязанностей, связанный къ тому необходимостью вознаграждать себя съ нѣкоторой иногда чрезырною страстью и настойчивостью на счетъ того-шаго достатка, а чаще и прямо недостатка прихожанъ изъ крестьянскаго сословія... къ сожалѣнію,—продолжаетъ авторъ,—уже двадцать лѣтъ какъ политика по расколу опять перемѣнилась: уставъ 1884 г. ввелъ снова въ семинарію въ качествѣ обязательнаго предмета преподаваніе раскола и хотя слѣдующіе одинъ за другимъ миссіонер-

^{*)} См. «Мисс. Обзоръ». № 8

скіе сѣзды позволяютъ заключить, что центръ тяжести миссіонерской дѣятельности не тяготѣетъ больше ко вреду дѣла православія на приходскомъ духовенствѣ, но настроеніе самихъ сѣздовъ не обѣщаетъ ничего успокоительнаго: все громче въ средѣ миссіонеровъ раздаются голоса, требующіе содѣйствія миссіонерамъ со стороны свѣтской власти, смѣшивающіе въ одно религію и государство, голоса, не признающіе за русскимъ монархизмомъ самостоятельнаго существованія внѣ православія... Разумѣется, эта фальсификація государственной науки и русской исторіи рано или поздно будетъ изобличена; но сколько еще принесутъ онѣ зла русскому народу и государству, а также и самому православію» (114—115)...

Мы не можемъ, конечно, предугадать, насколько научныя предсказанія автора оправдаются, будетъ-ли изобличенъ въ фальсификаціи тотъ результатъ изученія русской исторіи, по которому и русское государство и русскій монархизмъ сильны православною Церковью русскаго народа, или поймутъ наконецъ, что теорія отрѣшеннаго отъ Церкви государства, хотя и удачно поддѣлывается подъ науку, но отрѣшается вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ основъ народной жизни. А что принесетъ больше для народа, государства и православія зла, для этого опыта, къ которымъ такъ беззащитно зовутъ новѣйшіе послѣдователи новѣйшей государственной науки, конечно, были-бы очень интересны, если-бы они не были такъ ужасающе страшны. Но оставляя эти чуждыя намъ экскурсіи въ область высшей политики и предсказаній, мы не можемъ не выразить своего глубокаго удивленія и изумленія предъ той послѣдовательностью, съ какою авторъ желалъ бы лишить и священниковъ и кандидатовъ священства, учениковъ семинаріи, не только права и обязанности миссіонерствовать въ приходѣ, но и самой возможности приготовиться къ этому въ видѣ изученія въ семинаріи науки расколовѣднія. Кому-бы, кажется, прежде всего и не знать расколъ и сектантство, какъ не православному священнику? Но нѣтъ, пусть онъ не смѣетъ изучать ихъ, пусть не держитъ въ рукахъ и соответствующихъ книгъ, а то, начитавшись, чего добраго пойдетъ миссіонерствовать! Не правда-ли, отмѣнная строгость въ отношеніи къ возможности зараженія священниковъ духомъ миссіонерства. Она очень похожа на радикальнѣйшее въ этомъ случаѣ средство противъ такого вольнодумства: взять-бы книги всѣ и

сжечь!.. И книги по расколу—и—сектовѣдѣнію до того опасны и не-любезны автору, что онъ доходитъ прямо до неприличія, когда касается такихъ произведеній, какъ сочиненія доблестнѣйшаго ратоборца и изслѣдователя раскола высокоуважаемаго Н. И. Субботина.

И такой пастырь, какого рисуетъ намъ авторъ, конечно возможенъ у насъ на Руси. Но есть пастыри, и ихъ не мало, и другого типа, есть пастыри, которые знаютъ своихъ овецъ, и овцы знаютъ своего пастыря, не по сосѣдскимъ только хозяйственнымъ столкновеніямъ, не по настойчивости только сборовъ на нужды свои. И эти пастыри находятъ и найдутъ дорогу къ мыслямъ, сердцу своихъ заблудшихъ овецъ и сгонять ихъ во дворъ овчій, спасаютъ не одну заблудившую и погибающую христіанскую душу... Специальные миссіонеры, независимые отъ прихода, имѣютъ нѣкоторыя преимущества для своей проповѣди, но они никогда не могутъ сравниться въ успѣхахъ, при равныхъ ревности и способностяхъ, съ приходскими пастырями. Первые лишь возбуждаютъ своимъ словомъ мысль и чувства слушателей, которые для нихъ являются случайной аудиторіей, а вторые имѣютъ возможность примѣромъ своей жизни наглядно и въ теченіе долгаго времени подкрѣплять вѣрность своего слова и убѣжденій. Миссіонеры для отпадшихъ, мы глубоко надѣемся на это, есть временное, печальными обстоятельствами вызванное явленіе въ жизни Церкви, приходскіе священники—вѣчное, какъ сама Церковь... И чѣмъ разностороннѣе будетъ образованъ приходскій священникъ, чѣмъ болѣе онъ будетъ свѣдушъ въ той части исторической науки, которая именуется расколовѣдѣніемъ и сектовѣдѣніемъ и въ той части богословской, которая именуется апологетикой, тѣмъ меньше и меньше будетъ чувствоваться нужда въ специальномъ миссіонерствѣ. А чѣмъ будетъ онъ образованнѣе въ этомъ отношеніи, тѣмъ онъ легче будетъ въ состояніи проникнуть въ религіозный духъ народа, уклоняющагося отъ истины православія въ темную область раскола и секты, тѣмъ правильнѣе онъ будетъ понимать явленія расколосектантской жизни, тѣмъ скорѣе онъ найдетъ доступъ къ нимъ и средства къ ихъ врачеванію... Тогда и грозное будущее не будетъ такъ устрашать насъ.

Но мы невольно вмѣстѣ съ авторомъ далеко уклонились отъ разсмотрѣнія поставленной имъ задачи юриста въ судебныхъ дѣлахъ по

расколу и сектантству. Эту задачу онъ совершенно правильно опредѣляетъ, исключая изъ нея все чуждое судейской дѣятельности. «Въ задачу юриста,—говоритъ онъ,—отнюдь не входитъ забота о распространеніи православія, и тѣмъ болѣе содѣйствіе миссіонерамъ въ ихъ специальной задачѣ» (стр. 128). Мы тѣмъ охотнѣе соглашаемся съ этимъ взглядомъ на задачу юриста, что знаемъ, что въ средѣ судебного сословія могутъ быть лица неправославные и невѣрующіе. Мы только думаемъ, что въ задачу юриста должно входить опредѣленіе, насколько всякій данный проступокъ отвѣтственъ предъ закономъ и достовѣренъ-ли самый фактъ преступленія. Мы очень охотно соглашаемся и съ тѣмъ положеніемъ, что самое исповѣданіе извѣстнаго религіознаго ученія не можетъ влечь за собою отвѣтственности, если, конечно, это исповѣданіе не предполагаетъ цѣлей пропаганды и что отвѣтственность «имѣетъ своимъ основаніемъ не разнствованіе сихъ ученій отъ основныхъ истинъ вѣры христіанской вообще и православной въ особенности, на крайнюю степень проявленнаго въ догматическомъ ученіи секты и невѣжественнаго и суетвѣрнаго міросозерцанія, полнаго искаженія и превратнаго толкованія событій исторіи и въ особенности преданій церковныхъ и выраженій священныхъ книгъ, но лишь жизненное проявленіе секты, учиненіе ея послѣдователями въ силу исповѣдуемыхъ ими догматическихъ ученій или усвоенныхъ сектою молитвенныхъ обрядовъ и дѣйствій, несовмѣстныхъ съ охраняемыми государственною властью важнѣйшими интересами частныхъ лицъ или основными требованіями общественной нравственности». Мы къ этому совершенно справедливому взгляду на основанія отвѣтственности проступковъ должны присоединить, что эта отвѣтственность не можетъ не простираться и на тѣ поступки, которые, не будучи преступными сами по себѣ, заключаютъ умышленное намѣреніе однихъ и побужденіе другихъ къ нарушенію интересовъ государствомъ охраняемыхъ учреждений и частныхъ лицъ. Такой именно характеръ имѣетъ всякое оказательство ереси и раскола, до общественныхъ молитвенныхъ собраній штундистовъ включительно, противъ котораго и направлены ограничительные по отношенію къ расколосектантству законы.

Но посмотримъ, какъ авторъ очерчиваетъ судебные процессы по дѣламъ сектантовъ въ связи съ вопросомъ о задачѣ юриста въ этихъ

дѣлахъ. «Съ каждымъ новымъ процессомъ, — говоритъ онъ, — все яснѣе сказывается полная невозможность сколько-нибудь не только юридически, но просто съ общей точки зрѣнія, разумно и толково проводить такіе процессы... Есть процессы, и имя имъ легіонъ, въ которыхъ за полную невозможностью добраться до сути религіозныхъ взглядовъ захваченныхъ сектантовъ, а чаще толпы ихъ, — приговоръ по печальной необходимости выносится какъ будто на основаніи одной переклички, дѣлаемой при открытіи засѣданій» (стр. 139). Экспертиза свѣдущихъ въ дѣлахъ о сектантахъ лицъ духовнаго вѣдомства не помогаетъ дѣлу. «Горькій опытъ заставляетъ судей обходиться безъ экспертовъ, и только ради того, чтобы не запутать окончательно дѣла судья отказываетъ даже въ ходатайствѣ потребовать заключенія консисторій»... «Заключеніе экспертовъ говоритъ вообще о штундѣ безъ всякаго примѣненія къ данному случаю». «Вещественнымъ доказательствомъ почти всегда бываетъ не что иное, какъ св. Евангеліе, правда съ подчеркнутыми словами, но всетаки Евангеліе, которое болѣе чѣмъ странно видѣть въ судебной залѣ, на столѣ вещественныхъ доказательствъ преступленія»... «Что-же касается свидѣтелей, то это почти исключительно сотскіе, десятскіе, очень часто къ тому-же оскорбленные при арестахъ, и во всякомъ случаѣ, надо думать, не компетентные въ наукѣ сектовѣднія; тѣмъ не менѣе, они съ рѣшительностью отвѣчаютъ: это было собраніе штундистовъ и вотъ эти, такіе-то и такіе-то штундисты были нами взяты на моленіи». «Къ чести судей надо сказать, что они такой фактической экспертизы обыкновенно не принимаютъ во вниманіе, другихъ-же наблюдений въ области факта, собственно говоря, почти не бываетъ, такъ какъ крайнія раціоналистическія секты обыкновенно характеризуются отрицательнымъ отношеніемъ къ обрядности и, слѣдовательно, наблюдать нечего; съ другой стороны то положительное, что наблюдается чтеніе книгъ сообща, иногда пѣніе, — свойственно сектантамъ всѣхъ оттѣнковъ» (стр. 140). «Юридическое изслѣдованіе въ сектантскомъ процессѣ непримѣнимо и бесплодно»... «Такое положеніе дѣла неизбѣжно рано или поздно приводитъ къ уничтоженію всего производства въ Правительствующемъ Сенатѣ по 1 ст. уст. угол. суд. и улож. о наказ. Судьи это знаютъ и естественно сочувствуютъ этому, ибо юридически согласны съ этимъ результатомъ ихъ дѣятельности; по-

этому они не придаютъ въ большинствѣ случаевъ никакого значенія ни процессу, ни результату его: они не миссіонеры, и не могутъ, и не должны быть ими» (141). «Богословская экспертиза на судѣ, кромѣ слабости догматическаго содержанія, страдаетъ и другими недостатками, присущими какъ предмету экспертизы, такъ и личности эксперта». Съ одной стороны, у экспертовъ невозможно достаточное знаніе предмета при его поразительной измѣняемости, съ другой стороны, эксперты являются несомнѣнно стороною заинтересованною въ дѣлѣ (142).

Дальнѣйшая характеристика духовной экспертизы такъ несправедлива, такъ похожа на самую низкую инсинуацію и при томъ до того фельетонно-легкомысленна, повторяя чужія остроты, въ родѣ выраженія: «миссіонеры съ кокардами», что даже странно встрѣчаться съ нею въ трудѣ, трактующемъ о предметѣ столь серьезнаго свойства и содержанія, въ трудѣ, принадлежащемъ лицу высоко стоящему въ юридическомъ мірѣ. Но опуская частныя подробности этой характеристики, мы лишь отмѣтимъ, что если экспертъ духовный не ограничивается на судѣ догматическимъ изслѣдованіемъ секты, а вводитъ въ свою экспертизу политическій элементъ, то онъ дѣлаетъ это исключительно по требованію суда. Мы знаемъ нѣсколько экспертизъ, состоявшихъ изъ разбора вѣроученія обвиняемыхъ, ихъ взглядовъ на Церковь, таинства, обряды, разбора, приводившаго къ заключенію, что вѣроученіе обвиняемыхъ тождественно съ тѣмъ, которое эксперту опытно и научно, извѣстно подъ именемъ штунды, и судъ этою экспертизою не удовлетворялся. Обвиняемые отвергаютъ свою принадлежность къ штундизму, и судъ, на основаніи требованій Сената, требуетъ отъ эксперта разбора политико-общественныхъ воззрѣній штундистовъ. Но обвиняемые ничего подобнаго на судѣ не высказываютъ. Что дѣлать эксперту? не прибѣгать же къ приемамъ инквизиціи, чего довольно двусмысленно боится авторъ (стр. 188). И экспертъ по необходимости прибѣгаетъ опять къ приему догматической экспертизы, т. е. къ разсмотрѣнію тѣхъ воззрѣній, которыя, повидимому, основываются штундистами на текстахъ св. Писанія и которыя у однихъ являются лишь теоретическимъ символомъ политико-общественныхъ убѣжденій, а у другихъ, болѣе послѣдовательныхъ головъ и горячихъ сердецъ, и императивомъ ихъ политико-

общественныхъ поступковъ, преступнымъ съ точки зрѣнія государственныхъ законовъ. Такое разсмотрѣніе толкованія обвиняемыми различныхъ текстовъ св. Писанія о царской власти, сословіяхъ, военной службѣ, присягѣ, судѣ, имущественномъ правѣ и проч. даетъ основаніе эксперту сдѣлать заключеніе и о политико-общественныхъ воззрѣніяхъ обвиняемыхъ, «въ корнѣ подрывающихъ основныя начала православной вѣры и русской народности», и тождественныхъ съ штундизмомъ. Эта экспертиза, по нашему мнѣнію, должна была бы удовлетворить судъ, такъ какъ она правильна и съ методологической и съ юридической стороны. Въ самомъ дѣлѣ политико-общественныя воззрѣнія штундистовъ выступаютъ въ жизни не только не отдѣльно отъ ихъ вѣры, а въ полномъ единствѣ и тождествѣ, и, какъ вѣра, они имѣютъ свое основаніе въ св. Писаніи и въ немъ черпаютъ и свое содержаніе до буквализма. Это не научная экзегетика или такое или иное, правильное или неправильное, толкованіе текстовъ св. Писанія, иѣтъ, тексты св. Писанія, по своему понимаемые штундистами, это самая жизнь ихъ, это ихъ и вѣра, какъ внутреннее убѣжденіе и законъ, какъ внѣшнее опредѣленіе жизни. Буквалисты, безъ всякаго книжнаго образованія, а вмѣстѣ безъ всякой возможности критическаго отношенія къ тексту св. Писанія, они въ вѣрности буквѣ Писанія видятъ весь смыслъ религіозной жизни и эта библистическая вѣра составляетъ въ первоначальномъ своемъ развитіи и весь культъ ихъ, сопровождаемый иногда и высокими подвигами духа. Но въ этомъ лежитъ и опасность ихъ заблужденія не только въ религіозномъ, церковномъ, отношеніи, но и въ государственномъ... Съ другой стороны, законъ по отношенію къ штундистамъ вовсе не требуетъ, чтобы только тѣ сектанты могли быть признаны штундистами, которые совершаютъ какіе-либо поступки, противные общественной безопасности и нравственности. Законъ въ циркулярѣ г. министра внутреннихъ дѣлъ, сопровождавшемъ Высочайше утвержденное положеніе комитета министровъ о признаніи секты штундъ особо вредною, говоритъ не о непремѣнномъ совершеніи противогосударственныхъ поступковъ, а о «непризнаніи ими» государственныхъ учреждений и порядка, о «проповѣданіи ими» социалистическихъ принциповъ, т. е. говоритъ не о конкретныхъ проступкахъ, а объ идеальныхъ, возможныхъ, о

психологическихъ основанійхъ и словесныхъ побужденійхъ къ проступкамъ. Экспертъ и указываетъ эту идеальную возможность, эти религіозныя «догматическія» побужденія обвиняемыхъ къ проступкамъ.

Но судъ и этой экспертизы не принимаетъ. Вѣрный требованію Правительствующаго Сената, онъ въ послѣднее время сталъ работать отъ духовныхъ экспертовъ. возстановленія признаковъ преступнаго дѣянія *in concreto*, какъ выражается авторъ (стр. 143), т. е. указанія, что, напр., молитвенное общественное собраніе штундистовъ представляетъ собою несомнѣнные признаки такихъ преступныхъ дѣяній, которыя говорили бы о противогосударственномъ и противонравственномъ характерѣ. Постановка требованія совершенно невозможная и мы знаемъ случай, когда экспертъ-священникъ, послѣ «догматической экспертизы» вѣроучительныхъ и политико-общественныхъ воззрѣній обвиняемыхъ, возмущенный новымъ требованіемъ суда—указать, какое, по его мнѣнію, обвиняемые въ незаконномъ собраніи штундисты совершили противогосударственное преступленіе, сказалъ: «Я не прокуроръ и не жандармскій офицеръ, а священникъ церкви Христовой. Я явился сюда не для того, чтобы свидѣтельствовать о поступкахъ, моему вѣдѣнію не подлежащихъ, а разъяснить, что то ученіе, которое содержатъ обвиняемые, не принадлежитъ къ ученію Церкви, а считается ею ересью, сектою штундъ... Я думаю кромѣ того, что сужденіе о государственныхъ преступленіяхъ совершается при другой обстановкѣ и другомъ составѣ судей»...

Мы вполне соглашаемся съ авторомъ, что юридически духовная экспертиза не призвана рѣшать вопросы о политическомъ вредѣ сектъ, но въ то же время не согласны съ тѣмъ, что это послѣднее рѣшеніе относится къ обязанностямъ самаго судьи или вызваннаго въ качествѣ эксперта юриста-государственника. По нашему мнѣнію, и судья, и экспертъ-государственникъ рискуютъ въ этомъ случаѣ забраться въ желательную, но имъ непринадлежащую область. Вопросъ о политическомъ вредѣ сектъ рѣшается высшею государственною властью, располагающею правомъ въ той или другой мѣрѣ законодательства: Государственнымъ Совѣтомъ или Комитетомъ министровъ, а суду остается руководствоваться тѣмъ указаніемъ, которое дѣлаетъ, на основаніи предоставленнаго ему закономъ права,

г. министр внутреннихъ дѣлъ по соглашенію съ оберъ-прокуроромъ Св. Синода, указаніемъ на то, къ какимъ именно послѣдователямъ сектъ нужно относить тотъ или иной ограничительный по отношенію къ расколосектантству законъ. Судъ при этомъ располагаетъ правомъ и обязанностью всякій разъ удостовѣриться путемъ экспертизы, что представленныя въ качествѣ обвиняемыхъ лица дѣйствительно, а не мнимо, принадлежать къ тѣмъ именно послѣдователямъ сектъ, которыхъ имѣетъ въ виду обвиненіе. Здѣсь совершенно неумѣстно сужденіе и заключеніе о политическомъ вредѣ обвиняемыхъ: это предрѣшено, на основаніи имѣвшихся на это данныхъ, составителями законовъ.

А что бываютъ случаи, когда духовная власть, миссіонерскіе сѣзды и духовные эксперты на судѣ входятъ въ чуждую имъ область сужденій о политическомъ характерѣ той или иной секты, то это, имѣя въ большинствѣ чисто теоретическій интересъ изысканія или изслѣдованія, является вмѣстѣ съ тѣмъ результатомъ того естественнаго явленія, что духовная власть, священники и миссіонеры не могутъ не жить интересами русской жизни, ея исторіи и дѣйствительности. Никто изъ интеллигентныхъ кроителей и передѣльвателей земли русской, какъ никто изъ призванныхъ охранителей ея: судей и администраторовъ, такъ не знаетъ ее, такъ не болѣетъ о ней, какъ русское духовенство. Оно консервативнѣйшій элементъ въ государствѣ и эта преданность его исторически сложившемуся государству заставляетъ его выходить изъ чисто духовныхъ интересовъ и принимать на себя гражданскія обязанности. Духовенство имѣетъ право думать о православіи, какъ оплотѣ русскаго монархизма и русскаго государства. Г. Бобрищевъ-Пушкинъ это право за нимъ отрицаетъ. Назвавши раньше сопоставленіе православія съ монархизмомъ фальсификаціей русской исторіи, онъ необинуясь напередъ ликуетъ, что появленіе въ качествѣ экспертовъ на судѣ юристовъ-государственниковъ вызоветъ переворотъ въ сектантскихъ процессахъ и «рѣзко выступитъ ненормальность обращенія судебной власти въ орудіе православія», иначе говоря, судебное преслѣдованіе сектантовъ сдѣлается невозможнымъ. «Это, — заключаетъ авторъ, — было бы очень желательно и полезно для будущаго (стр. 144). Что-жъ, о вкусахъ не спорять!..

Чтобы понять, всетаки, какого качества пищею питаются политические и судебные вкусы автора, слѣдуетъ просмотрѣть тѣ «примѣры изъ практики», которые онъ приготовляетъ для характеристики современныхъ судебныхъ процессовъ. Напримѣръ, слѣдующій случай. Одинъ изъ духовныхъ экспертовъ указываетъ и доказываетъ, что представленное обвиняемыми въ судъ изложеніе своего вѣроученія не подходитъ къ тому, что извѣстно подъ именемъ баптизма а что въ немъ нѣкоторые существенные пункты вѣроученія, которые содержитъ баптизмъ, отсутствуютъ, другіе трактуются иначе, третьи противоположны баптистическому вѣроученію, и что представленное обвиняемыми вѣроученіе тождественно съ тѣмъ, которое извѣстно подъ именемъ штундизма Косяковского толка. Кажется, такую «догматическую», чуждою всякихъ обвинительныхъ элементовъ экспертизою, долженъ былъ бы удовлетвориться самый притязательный юристъ, но авторъ дѣлаетъ слѣдующее неожиданное заключеніе и преподноситъ его читающему міру: экспертъ считаетъ, что обвиняемые, «признавая вмѣстѣ съ баптистами ученіе о Св. Троицѣ, въ качествѣ штундистовъ повинны въ томъ, что въ отличіе отъ баптистовъ, признающихъ общее крещеніе, называемое евангелическимъ, признаютъ себя крещенными водою и что соблюдаютъ праздники, въ то же время какъ баптисты ни церковныхъ праздниковъ, ни царскихъ дней не соблюдаютъ, за исключеніемъ дня воскреснаго, а нѣкоторые—субботняго» (стр. 147). Какъ это удобно приписать кому-либо чуждую ему мысль и затѣмъ дать мѣсто своему собственному негодованію! Въ этомъ же родѣ смыслъ и характеръ приведенныхъ авторомъ и другихъ примѣровъ судебной практики.

Эти примѣры, по мысли автора, должны уяснить судебнымъ дѣателямъ цѣлый рядъ положеній, именно: что министръ внутреннихъ дѣлъ въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ циркуляровъ поступилъ неправильно, давъ толкованіе закону 4-го іюля 1894 г. въ томъ смыслѣ, что онъ «одинаково относится и къ русскимъ (русскаго происхожденія) кавказскимъ баптистамъ, которые не должны быть смѣшиваемы съ нѣмецкими баптистами и на которыхъ, поэтому, не могутъ простираться права, предоставленныя закономъ 27 марта 1879 года баптистамъ нѣмецкаго происхожденія (нѣмцамъ)» (стр. 150), что баптисты изъ православныхъ, вопреки этому циркуляру, должны

пользоваться, какъ и всѣ вообще раскольники и сектанты, правомъ, въ силу закона 3-го мая 1883 года, творить общественную молитву (151), что ученіе нѣмецкихъ баптистовъ, воспринятое русскими уроженцами, въ примѣненіи къ этимъ послѣднимъ не должно называться штундизмомъ (151), что формула закона 1894 года можетъ быть примѣняема исключительно въ тѣхъ случаяхъ, когда фактами доказана наличность признаковъ, въ ней упоминаемыхъ (159), а главное, что необходимо совершенно устранить изъ судебныхъ дѣлъ духовную экспертизу. Къ вышеприведеннымъ и рассмотрѣннымъ основаніямъ, по которымъ авторъ желаетъ упразднить духовную экспертизу, онъ прибавляетъ еще и слѣдующее: «Чтобы убѣдиться еще болѣе въ ненадежности духовной экспертизы, — говоритъ авторъ, — необходимо, хотя бѣгло, взглянуть на поразительную многовѣтвистость родословнаго дерева сектъ» (162). Казалось бы, что чѣмъ сложнѣе дѣло, тѣмъ большаго труда требуетъ оно, и при томъ труда специалистовъ, и только. Отнюдь нельзя скептически относиться къ возможности своевременнаго изученія сектъ, такъ какъ внимательность и трудолюбіе преодолеваютъ еще большія трудности, чѣмъ трудность изученія сектъ. Возможныя ошибки въ этомъ дѣлѣ не должны служить основаніемъ къ полному недовѣрію къ самому изученію и къ даннымъ изученія, какъ и во всякомъ другомъ ученomъ трудѣ. Тотъ фактъ, что въ важномъ вопросѣ о сектѣ штундизма мнѣнія изслѣдователей расходятся въ нѣкоторыхъ частныхъ вопросахъ о происхожденіи штундизма, о названіи различныхъ толковъ его и т. п. говоритъ скорѣе о всесторонности и самостоятельности изученія штундизма различными изслѣдователями, чѣмъ о недостаточности или недостоверности его. Расколосектантскій міръ дѣйствительно представляетъ своею жизнью безпрестанно нарождающійся, безконечно мѣняющійся и при томъ крайне расплывчатый матеріалъ, но онъ, какъ рѣдкое изъ другихъ явленій русской жизни, имѣетъ массу зоркихъ наблюдателей и самоотверженныхъ изслѣдователей въ лицѣ русскаго духовенства.

Не менѣе, чѣмъ предпоследняя, любопытна и послѣдняя глава разсматриваемаго нами труда. Авторъ самъ ее предназначаетъ «не для юристовъ, а для администраціи въ ея законодательной дѣятельности» (180). И если предпоследнюю свою главой авторъ старался убѣ-

дить судебныхъ дѣятелей, что въ сектантскихъ дѣлахъ, по самому ихъ характеру, не можетъ быть никакихъ юридически достаточныхъ данныхъ для обвинительныхъ приговоровъ, которые, будучи постановлены, все равно кассируются Правительствующимъ Сенатомъ, то лицамъ администраціи онъ даетъ не менѣе ясное указаніе, что въ дѣйствительности нѣтъ никакихъ данныхъ объявлять существующія секты вредными и направлять противъ нихъ ограничительные законы. По мнѣнію автора, даже и во взглядахъ высшей администраціи, вредныхъ въ политическомъ и общественномъ отношеніяхъ сектъ въ сущности не существуетъ. Уже будто бы въ Особомъ временномъ Комитетѣ, Высочайше учрежденномъ 6-го февраля 1864 г., были сдѣланы Высочайше утвержденныя такія заключенія, по которымъ разрядъ вреднѣйшихъ сектъ навсегда исчезаетъ изъ нашего законодательства, а относительно вредныхъ сектъ высказаны такія положенія, которыя исключаютъ изъ понятія вредныхъ сектъ вредъ политическій и общественный, оставляя за ними вредъ «догматическій», т. е. такой вредъ, который авторомъ вредомъ не считается. Отсюда, совершенно справедливо заключаетъ авторъ, только «одинъ шагъ до уничтоженія разницы между особо вредными и невредными сектами». Авторъ полагаетъ, что «шагъ этотъ долженъ неминуемо быть сдѣланъ въ настоящее время въ моментъ признанія свободы совѣсти въ формѣ свободы вѣроисповѣданія, такъ какъ стѣсненіе и преслѣдованіе сторонниковъ болѣе вредныхъ сектъ только изъ-за догматическаго разногласія, съ момента признанія названныхъ принциповъ, должно сразу прекратиться,—и наоборотъ: если въ будущемъ, какъ мы это отчасти уже предвкушаемъ въ настоящее время въ законѣ 1894 года и въ заключеніяхъ 2-го и 3-го миссіонерскихъ съѣздовъ,—будетъ вводиться въ качествѣ признаковъ особо вреднаго вредъ общественный и политическій, то это будетъ очевиднымъ возвращеніемъ къ прежней конструкціи, ergo регрессомъ» (стр. 182).

Ужасающее общественно-нравственное состояніе новѣйшихъ сектъ, не видѣть которое нельзя, авторъ такъ и считаетъ плодомъ начавшагося регресса, т. е. примѣненія къ нимъ ограничительныхъ законовъ. И наоборотъ, онъ думаетъ, что ни одна изъ сектъ, если къ ней не примѣнять никакихъ административныхъ и судебныхъ мѣропріятій, не можетъ быть долговѣчна. Однимъ изъ благотѣльныхъ

послѣдствій такого именно образа дѣйствій было бы, по мысли автора, то, что «юридическая фикція, описанная въ циркулярѣ г. министра внутреннихъ дѣлъ отъ 3-го сентября 1894 года за № 24, подъ именемъ штунды перестала бы, вторгаясь въ жизнь, смущать какъ духовную, такъ свѣтскую власть» (188). «Желательно было бы,—говоритъ авторъ,—чтобы въ сферѣ будущаго административнаго законодательства нашего времени не возрождалось отжившее дѣленіе сектъ на болѣе или менѣе вредныя, ибо упорство въ этомъ направленіи, въ видѣ примѣненія закона 1894 года путемъ распространительнаго толкованія или созданія ему законовъ—эпигоновъ—было бы на самомъ дѣлѣ и въ церковномъ, и въ политическомъ отношеніи вреднѣе всѣхъ вредныхъ сектъ вмѣстѣ взятыхъ».

Это для будущаго законодательства. Ну, а что же дѣлать съ законодательствомъ существующимъ, съ тѣми статьями закона, которыя уже существуютъ и имѣютъ столь ненавистную для автора тенденцію охранять православіе, ограничивать расколъ и сектантство въ ихъ соблазнительной и вредной для Церкви дѣятельности? Просто-на-просто выбросить изъ существующаго Уложенія...

И авторъ даетъ цѣлый рядъ поучительныхъ примѣровъ, какъ Правительствующій Сенатъ своими кассационными рѣшеніями, которыя, какъ мы знаемъ, въ дѣйствительности имѣютъ значеніе сенаратныхъ законовъ, выбрасываетъ изъ Уложенія эти статьи закона объ охраненіи нашей вѣры и Церкви.

Статья 40-я основныхъ законовъ, указывающая на первенство и господство православной Церкви, въ соединеніи со статьями 44-й и 45-й, указывающими на свободу отправленія вѣры и богослуженія у иновѣрцевъ, уже «не безнадежно (для автора) прикрѣпляютъ нашу личность къ православію».

Статьи 36-я уст. о предупр. и пресѣч. прест. и 21-я уст. духовн. консист., какъ будто, устанавливають у насъ крѣпость господствующему вѣроисповѣданію, запрещая отступать отъ православія, но онѣ очевидно для автора несостоятельны, въ виду полной невозможности даже попытокъ принужденія внѣшними средствами оставаться вѣрнымъ православію. Всякое принужденіе по статьѣ 23 уст. о предупр. и пресѣч. прест.—соблюдать воскресные и праздничные дни, Сенатъ

все равно зачеркиваетъ «карикатурныя исторіи» судебного вѣненія по этимъ статьямъ.

Статья 59-я уст. о пред. и престѣч. прест. запрещаетъ публичное оказательство раскола на улицахъ и площадяхъ, но позволяетъ его на владѣнщяхъ: не ставится-ли этимъ самымъ блюстителямъ закона на видъ, что они попадутъ на судъ въ самое неловкое положеніе, если бы пожелали блюсти за исполненіемъ первой половины закона? Точно также и 3-й пунктъ 48-й статьи того же устава, запрещающій наружные колокола и позволяющій кресты и иконы надъ входомъ въ раскольническія часовни: здѣсь отъ блюстителей закона требуется побольше сообразительности, чѣмъ буквальное пониманіе его. Все равно Сенатъ, напр., заставитъ полицію «возвратить снятый ею рельсъ, который раскольники повѣсили близъ своей молебни вмѣсто колокола».

Статьи 189-я и 196-я уложенія о наказ., правда, совершенно противорѣчатъ основной мысли и желанію автора показать, что ограничительныхъ законовъ по дѣламъ религіи не должно быть, да въ сущности и нѣтъ,—но «пеужели нужно въ юридической печати пожеланіе, чтобы эти живые покойники не были перенесены въ новое уложеніе»?

Статья 203-я уложенія, воспреещающая распространеніе изувѣрныхъ сектъ и принадлежность къ нимъ при наличности гнусныхъ дѣйствій, должна быть также вычеркнута изъ уложенія и найти свое мѣсто въ соответствующихъ статьяхъ о преступленіяхъ противъ нравственности, тѣлесной неприкосновенности и проч.

Для статьи 196-й, карающей совратителей, должна явиться смертнымъ приговоромъ доказанная будто бы авторомъ «невозможность догматической экспертизы».

«Узкое пониманіе, наконецъ, главнаго термина 29-й ст. уст. о наказ.—«законное требованіе»—не разъ подавало поводъ къ злоупотребленію этой статьей»... Продолжать такую систему слишкомъ опасно въ виду указаній Правительствующаго Сената.

Итакъ, «администраціи въ ея законодательной дальнѣйшей дѣятельности» остается лишь быть на высотѣ юридическихъ требованій: всѣ слѣды ея «регрессивной» прежней дѣятельности уничтожены. Пусть это будетъ для нея со стороны юристовъ урокомъ и поуче-

ніемъ... Что же остается намъ, духовенству, послѣ этой критической работы автора? Авторъ и насъ оставляетъ не безъ работы и утѣшенія. Онъ указываетъ на вразумленіе раскольниковъ и сектантовъ, какъ непробованное будто бы средство воздѣйствія на нихъ. Указываетъ онъ это средство, впрочемъ, для того, чтобы напередъ подсмѣяться надъ полною, по его мнѣнію, безнадежностью этого средства при настоящемъ положеніи дѣла, образнс и сильно изображенномъ маститымъ дѣятелемъ нашей Церкви, «при множествѣ храмовъ, затерянныхъ въ глубинѣ лѣсовъ и широтѣ полей, гдѣ народъ тупо стоитъ въ церкви, ничего не понимая, подъ козлогласованіе дьячка или бормотаніе клирика и въ чемъ не бѣдный народъ повиненъ, а лѣнивый и несмыслящій служитель Церкви, въ чемъ повинна власть церковная, невнимательно и равнодушно распредѣляющая служителей Церкви» (Моск. Сборн. К. П. Побѣдоносцева стр. 261).

А полиціи, этимъ низшимъ агентамъ надзора за общественнымъ порядкомъ и безопасностью, имъ что остается дѣлать въ случаяхъ нарушенія этого порядка и этой безопасности раскольниками и сектантами на почвѣ свободнаго вѣроисповѣданія, отправленія общественныхъ службъ и пропаганды? Авторъ предоставляетъ ей довольствоваться «семнадцатью статьями 4-хъ главъ уст. о пред. и прес. прест., дающими ей возможность дѣйствительно пресѣчь въ самомъ началѣ всякую новизну, законамъ противную», хотя бы ей пришлось для этого по французской системѣ, практикуемой французами въ разныхъ собраніяхъ, а турками и у Гроба Господня, стоять на стражѣ среди иновѣрцевъ», отъ чего, прибавимъ мы, да помилуетъ насъ Господь Богъ. Если уже дозволить раскольникамъ и сектантамъ религіозныя собранія, то во всякомъ случаѣ безъ прокурорскаго ока полиціи, внушающаго чувство отвращенія у всякаго вѣрующаго и заставляющаго религіозное собраніе проводить для отвода глазъ. Прямое «гоненіе» уводитъ гонимыхъ въ лѣса и катакомбы, но не превращаетъ ихъ въ лгуновъ и лицемѣровъ.

Нѣсколько послѣднихъ страницъ разсматриваемаго нами труда повѣствуютъ о томъ, какъ автору, въ качествѣ исполнявшаго обязанности оберъ-прокурора кассационнаго департамента Сената удалось провести въ Сенатѣ одну кассачію судебного обвинительнаго по дѣламъ раскола приговора и путемъ различнаго толкованія относящихся

къ этому дѣлу статей закона на этомъ дѣлѣ показать и доказать, что законъ 3-го мая 1883 года дастъ права на отправленіе богослуженія всѣмъ вообще отторгшимся отъ православной Церкви, уничтожая разницу между «коренными», рожденными раскольниками и раскольниками новыми, всѣми вновь отступающими отъ православной Церкви сектантами, что законъ 1894 г. по отношенію къ новой сектѣ штундъ можно считать непримѣнимымъ и несуществующимъ.

Мы старательно и подробно отмѣчали и частію разбирали все то, что заключается въ книгѣ г. Бобрищева-Пушкина жизненнаго по отношенію къ духовенству, къ его дѣятельности по пастырству и мисіонерству. Безъ рассмотрѣнія мы оставили лишь одинъ вопросъ, который неотвязчиво вставалъ во все продолженіе нашей работы, вопросъ о томъ, насколько отвѣчаетъ дѣйствительности изображенное авторомъ взаимное настроеніе различныхъ слоевъ русскаго общества: духовенства, власти, интеллигенціи, православнаго простаго народа, раскольниковъ и сектантовъ. Правда-ли, что на вопросѣ о свободѣ совѣсти въ русскомъ государствѣ тяготѣетъ вѣковая тяжба между различными частями его населенія? Авторъ поэтично и сильно изображаетъ эту вѣковую тяжбу, чтобы не сказать распрю». «Глубоки и грозны,—говоритъ онъ,—русскіе овраги: расколовшись не на двѣ, а на десятки и сотни частей, все дальше расходятся, отдѣлившись другъ отъ друга, холмистые участки православнаго русскаго плоскогорія, все стремительнѣе низвергаются въ темную глубину весенняя вода, роетъ и подрываетъ дно, и растутъ овраги и въ глубь, и въ ширину, и въ длину. Не соединить разошедшихся краевъ, не засыпать глубины, да и бесплодна была бы эта работа тамъ, гдѣ по массѣ условій неминуемо было оврагу прорыться, но можно умѣлымъ уходомъ овладѣть весенними потоками, направить ихъ такъ, чтобы они не бороздили и не портили кормилицу землю; для этого необходимъ стокъ этимъ порывистымъ ручейкамъ, грозящимъ и на плоской повидимому поверхности превратиться въ горные потоки, все губящіе и уносящіе на своемъ пути» (смотри. предисл.). Если эта картина справедлива и овраги русской православной земли такъ безнадежно на вѣкъ раскололи ее, то книга г. Бобрищева-Пушкина не принесетъ и той небольшой пользы, на которую она претендуетъ. Она слишкомъ и явно несправедлива по отношенію къ православному

духовенству для того, чтобы «установить надлежащую точку зрѣнія на наблюдаемое нынѣ все большее и большее усиленіе этого раскалыванія русской земли въ гражданскомъ и религіозномъ отношеніяхъ» (Ibid). Въ духовенствѣ, въ его недѣятельности и человеческой слабости только отчасти причина этого усиливающегося раскалыванія православнаго отечества нашего. Большая вина лежитъ на тѣхъ, кто самъ, сознательно и несознательно, раскалываетъ его: на той части интеллигенціи, которая, отрѣшившись отъ родной почвы, проникаетъ и насыщаетъ теперь собою, вѣтромъ своихъ новыхъ ученій, всю безпредѣльную ширь родной земли, на тѣхъ изъ властей нашихъ, которые въ дѣлѣ своемъ свѣряются не съ закономъ Божиимъ и Государевымъ и не съ долгомъ совѣсти своей, а съ симпатіями и антипатіями интеллигенціи, на простомъ русскомъ народѣ, который, такъ охотно забывая праотеческія вѣру и преданія, устремляется за новыми вождями къ собственной своей душевной гибели и на раскольникахъ—сектантахъ, которые выполняютъ печальную роль «разрушительныхъ весеннихъ водъ». Вина наша на всѣхъ и вина всѣхъ на насъ, и тотъ облакъ недовѣрія, подозрительности и злобы, который окутываетъ нынѣ родную русскую землю, не духовенствомъ создается.

Священникъ-миссіонеръ *Савва Потѣхинъ*.

Неосновательность раскольниковьяго мудрованія о томъ, будто-бы обѣтованіе Христово о неодолимости Церкви относится къ Церкви Небесной.

„Созижду Церковь Мою и врата
адовы не одолѣютъ ей“ (Мѣ. XVI, 18).

Святая Церковь Христова состоитъ изъ двухъ частей—Церкви
небесной, торжествующей, написанной на небесахъ (Евр. 12,
23), и Церкви земной воинствующей, ведущей борьбу съ вратами
адовыми (Матѣ. 16, 18, 19; I Петр. 5, 8, 9; Ефес. 6, 12). «Двѣ суть
Церкви числомъ, но едина вѣрою; о сей, иже—(яже) на земли,
реклъ Господь: на семъ камени созижду Церковь Мою
и врата адовы не одолѣютъ ей (Матѣ. 16, 18), а о не-
бесной апостолъ рече: приступите къ Сіоновѣ горѣ...»
(Евр. 12, 22, 23),—приводится въ книгѣ о Вѣрѣ ученіе св. Іоан-
на Златоуста.

Раскольники, „говоря отъ своего чрева, возстали противъ ка-
толической Церкви“ (Дѣян. всел. соб. т. VII, стр. 491. Казань,
1873 г.), лишая ее этого имени въ земной ея воинствующей части
и понимая подъ католической Церковью, которой обѣщана неодо-
лимость,—Церковь „торжествующихъ“. Они забыли о томъ, что
написано въ Евангеліи: „глаголяй отъ себе, славы своея
ищеть“ (Іоан. 7, 18). Они... учать сами отъ себя... Кто же ихъ
послушаетъ? Развѣ тотъ, кто не отъ Духа“ (Дѣян. всел. соб. т.
VII, стр. 453). Самъ Христосъ Спаситель, какъ видимъ изъ Еван-
гелія, Церковь называетъ только земное общество (Матѣ. 16,
18—19; 18, 17). Въ этомъ же смыслѣ вездѣ слово „Церковь“
употребляетъ и св. апостолъ Павелъ, кромѣ одного случая (Евр.
12, 23). И св. отцы именуютъ Церковью католической земное со-
браніе всѣхъ вѣрныхъ христіанъ, состоящее изъ іерархіи и
наствы, имѣющее отъ Христа всю полноту даровъ Духа Святаго
и побѣдоносно ведущее борьбу со вратами ада. Духъ Святой
устами богоносныхъ отцовъ вселенскихъ соборовъ учитъ насъ,

что земная новозавѣтная Церковь и есть именно Церковь католическая neodолѣнная отъ вратъ адовыхъ.

Александръ, епископъ александрійскій, писалъ къ Александру, епископу константинопольскому: „Исповѣдуемъ вмѣстѣ (съ единосущіемъ Св. Троицы) одну и единственную, католическую, апостольскую Церковь, никогда neodолимую и, хотя бы вооружился противъ нея весь міръ, всегда побѣдоносно отражающую всякое нечестивое нападеніе еретиковъ; ибо Домовладыка ея ободрилъ насъ такимъ воззваніемъ: „держайте, яко Азъ побѣдихъ міръ“ (Іоан. 16, 33), (Дѣян. всел. соб. т. I, стр. 61. Казань, 1859 г.). „Міръ“ и „еретики“, явствуя изъ этого мѣста, могутъ нападать на одну и единственную, католическую, апостольскую Церковь“, конечно, только земную, а не на ангеловъ и почившихъ праведниковъ. Въ Дѣян. вселен. соборовъ читаемъ также: Діоскоръ „оскорбилъ правую вѣру, сколько могъ, внесъ закваску необычной ереси въ католическую Церковь... (Дѣян. всел. соб. т. III, стр. 556. Казань, 1863 г.) еретики старались внести (свое нововведеніе) во едину, святую, католическую и апостольскую Церковь Христову и омрачить нераздѣльное и непорочное тѣло Церкви заразою еретическаго нечестія“ (Дѣян. всел. соб. т. VI, ст. 56. Казань, 1882 г.)—и отсюда ясно, что св. оо. подъ католическою neodолѣнною Церковью, въ которую еретики старались внести еретическую заразу, разумѣли Церковь Христову земную, а не ангельскій міръ и Церковь торжествующую.

„Что касается ангеловъ, архангеловъ и другихъ святыхъ силъ высшихъ ихъ... то католическая Церковь признаетъ ихъ... (Дѣян. всел. соб. т. VII, стр. 388). Какъ и въ богословіи св. Іоанна Дамаскина, они признаются „вовсе непреклонными“ ко злу, „по всегдашней близости къ единому благу“ (кн. 2, стр. 56. Москва. 1855 г.), и, „не имѣющими... нападенія отъ врага“ или вратъ адовыхъ (кн. 3, стр. 178).

О томъ, что обѣтованіе о neodолѣнности можетъ относиться только къ земной новозавѣтной католической Церкви, а не къ Церкви торжествующей, ни тѣмъ болѣе къ ангельскимъ силамъ, св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: „Борьба происходитъ въ поднебесной (Ефес. 6, 12...) Враги наши не затѣмъ воюютъ съ нами, чтобы, послѣ побѣды, чѣмъ-нибудь воспользоваться, но для того, чтобы насъ лишить (неба)“ (на Ефес. бес. 22, стр. 395. СПб. 1859 г.). „А когда мы вступимъ въ землю обѣтованія, т. е. на

Изъ миссіонерскихъ запросовъ.

Совмѣстимы-ли обязанности судебного эксперта съ званіемъ епархіальнаго миссіонера?

Быстро бѣжитъ скоротечное время. Съ нимъ вмѣстѣ то исчезаютъ, то появляются различныя человѣческія учрежденія. Одна только Церковь Божія стоитъ неподвижно «на камени» исповѣданія Христова. Эта Церковь, основанная Господомъ, владѣющая всею истиной,—свѣтитъ всякому человѣку, «грядущему въ міръ». Она не можетъ измѣняться въ угоду скороспѣлымъ человѣческимъ желаніямъ. Однако многіе люди не цѣнятъ вѣковѣчной устойчивости Церкви Христовой. Они готовы обвинять ее въ «застарѣлости», въ неподвижности...

Понятно, съ какими чувствами такіе критики главнымъ образомъ изъ круга «интеллигентовъ» относятся къ миссіонерамъ, какъ постояннымъ и образованнымъ защитникамъ Церкви Христовой. Ихъ они почитаютъ людьми вредными, способными проводить въ жизнь самыя «безчеловѣчныя» убѣжденія.—Для доказательства этой мысли достаточно припомнить, какъ въ либеральныхъ газетахъ отнеслись къ Казанскому Всероссийскому съѣзду миссіонеровъ.

Съ какою язвительностью тогда писали о мнимомъ замѣреніи миссіонеровъ отбирать у сектантовъ дѣтей. Рѣдко кто постарался выискнуть въ суть дѣла и понять смыслъ и значеніе миссіонерскихъ печалованій. Большинство писакъ кричало о дикости миссіонеровъ, тѣмъ самымъ выставляя себя уже въ несомнѣнно дикомъ видѣ...

Съ грустью пришлось наблюдать недавнія вылазки газетныхъ писателей противъ миссіи по поводу прискорбнаго событія въ г. Богодуховѣ, бывшаго 3 марта 1902 года. Эти «писатели» не осмыслили вполнѣ безпорядковъ, происшедшихъ въ г. Богодуховѣ послѣ миссіонерской бесѣды,—не разобрались, гдѣ кроется истинная причина ихъ,—и свалили всю вину на миссіонера...

Бѣдные миссіонеры! Напрасно въ концѣ своихъ рѣчей взываютъ они къ миру въ народѣ,—напрасно стараются обнять всѣхъ своею любовью. Ихъ не хотятъ понять и забрасываютъ неприятными подозрѣніями.

Въ виду сказаннаго, ясно, съ какою осторожностью миссіонеры должны проходить свое служеніе. Это служеніе со всѣхъ сторонъ открыто для недоброжелательства и насмѣшекъ. Оно, въ кругу общественныхъ должностей, является дѣломъ подозрительнымъ,—чѣмъ-то лишнимъ въ юридическомъ смыслѣ слова. Миссіонерамъ отовсюду съ избыткомъ указываютъ обязанности, но не даютъ никакихъ служебныхъ правъ... это, съ евангельской точки зрѣнія, послѣдовательно; но по понятіямъ людей земныхъ, несомнѣнно, жестоко. Тѣмъ не менѣе миссіонеры терпѣливо несутъ свой крестъ. Но они должны встать, какъ одинъ человѣкъ, противъ всякихъ неестественныхъ прибавленій къ своимъ обязанностямъ.

Такимъ печальнымъ прибавленіемъ къ службѣ миссіонерской является вызовъ миссіонеровъ въ суды для дачи экспертизъ. Этотъ прискорбный обычай произошелъ легко и просто.—Судебныя дѣла противъ раскольниковъ и сектантовъ отъ ведущихъ ихъ требуютъ знанія, вдумчиваго къ себѣ отношенія. Они во всякомъ случаѣ поглощаютъ у людей значительное напряженіе силъ. А кто же въ наше время хочетъ «напрягаться» умственно и нервно, да еще даромъ?..

И вотъ всѣ дружно отрешиваются отъ обязанности судебныхъ экспертовъ. Священники говорятъ, что имъ «въ рясахъ» неудобно ходить по судамъ,—что они гдѣ-то въ закоулкахъ слышатъ неслестные толки по своему адресу, какъ судебныхъ экспертовъ; потому они слезно умоляютъ преосвященныхъ освободить ихъ отъ нубличнаго обезужденія въ судахъ расколо-сектантскихъ дѣлъ...

Преподаватели семинарій уклоняются отъ судебныхъ экспертизъ за невозможностью совмѣстить это дѣло съ учебными обязанностями. И тутъ есть смыслъ...

Кто же послѣ того долженъ давать въ судахъ надлежащія экспертизы?

«Конечно», миссіонеры. Имъ расколо-сектантскія дѣла знакомы близко...

Да, знакомы и очень близко. Но ходить миссіонерамъ по судамъ не мыслимо. Тутъ рѣчь не о физическомъ трудѣ. Миссіонеры нравственно не могутъ выступать въ судахъ, въ качествѣ экспертовъ.

Дѣло простое. Народъ, въ массѣ, съ уваженіемъ смотритъ на подвигъ миссіонерскій. Предполагается основательно, что миссіонеры никому, даже сектантамъ, не сдѣлають зла. Иначе возможны ли искреннія отношенія между увѣщателемъ и заблуждающимися, увѣщаемыми?..

Но вотъ миссіонеръ появляется на судѣ. Онъ «что-то» говоритъ о характерѣ расколо-сектантства. Подсудимые этого хорошенько понять не могутъ. Но они чувствуютъ, что миссіонеръ «клонитъ дѣло» къ обвиненію ихъ. Естественно, они считаютъ миссіонера-эксперта «поповскимъ адвокатомъ»...

Допустите, что такой взглядъ на миссіонера установился въ народѣ. Какъ послѣ того можно ѣхать къ расколо-сектантамъ и вести съ ними братскую бесѣду по вопросамъ вѣры и жизни? Откуда возьмется необходимое довѣріе къ рѣчи миссіонера?..

Припоминается мнѣ случай изъ собственной практики. Давалъ я однажды экспертизу на судѣ по дѣлу о собраніяхъ харьковскихъ штундистовъ. Судъ кончился въ пользу сектантовъ. Одинъ изъ нихъ, житель пригородной слободы П—наго, увидѣлся послѣ со мной и говорить:

— Что взялъ? Ты хотѣлъ завинить насъ въ угоду попамъ, а судья тебя не послушалъ!..

Эти «безумныя» рѣчи сектантъ держалъ при народѣ. Многіе ему не повѣрили. Но нашлись люди, которые въ самомъ дѣлѣ призадумались: «какъ же это такъ? Будто проповѣдникъ Христовъ, увѣщатель по любви,—и вдругъ судья!..»

Уже вслѣдствіе одного этого столкновенія обязанностей нельзя посылать миссіонеровъ по судамъ. Пусть ихъ дѣло остается юридически неупорядоченнымъ; пусть они живутъ, какъ птицы небесныя, въ вѣчныхъ перелѣтахъ изъ села въ село, необезпеченные пенсіей на случай болѣзни или старости... Но не слѣдуетъ миссіонеровъ принуждать дѣлать то, что противно ихъ служебной совѣсти и что блазнить сектантовъ... Повсемѣстно, безъ крайней необходимости, миссіонеры должны отказаться отъ дачи судебныхъ экспер-

тизъ Ихъ дѣло въ данномъ случаѣ должно быть совѣщательнымъ. Они могутъ быть приглашаемы особыми и снархіальными экспертами, въ качествѣ совѣтниковъ, а иногда и руководителей. Отъ такихъ обязанностей ни одинъ миссіонеръ не откажется. Посылать же миссіонеровъ въ суды,—это значить губить миссію въ самомъ корнѣ. Это значить—придать ей характеръ не религіозно-нравственнаго учрежденія, а полицейско-гражданскій смыслъ въ глазахъ общества. Въ такомъ духѣ пусть лучше совѣмъ не будетъ никакой миссіи среди нашего взволнованнаго ересями народа...

Д. Боголюбовъ.

Нанѣ истолковать 12-й стихъ 8-й главы Апокалипсиса: Четвертый ангелъ вострубилъ и поражена была третья часть солнца и третья часть луны и третья часть звѣздъ, такъ что затмилась третья часть ихъ, и третья часть дня не свѣтла была такъ, какъ и ночи? Одинъ изъ нашихъ интеллигентовъ объясняетъ этотъ стихъ такъ: Подулъ сѣверный вѣтеръ, и пары, находящіеся въ атмосферѣ, сгустились настолько, что затмили $\frac{1}{3}$ часть свѣта, падающаго на землю и днемъ, и ночью, т. е. на довольно продолжительное время. Въ этомъ же родѣ интеллигентъ истолковываетъ и многіе другіе стихи Откровенія Іоанна. Прошу указать мнѣ пособіе для толкованія Апокалипсиса.

Псаломщикъ Нижегородской губ., Горбатовскаго уѣзда

Хрисанъ С—въ.

Въ толкованіи таинственныхъ видѣній Апокалипсиса нужно соблюдать крайнюю осторожность, потому что подробное объясненіе картинъ, представлявшихся Тайнозрителю, встрѣчаетъ совершенно непобѣдимыя трудности. Въ Писаніи никакого пророчества нельзя разрѣшить самому собою (2 Петр. I, 20), и всѣ пророчества имѣютъ такое свойство, что до своего окончательнаго исполненія изображаютъ истину какъ бы полуоткрытою. Поучительны въ этомъ отношеніи разсужденія древнихъ толкователей св. Писанія. „Въ Апокалипсисѣ,—разсуждаетъ бл. Іеронимъ, столько же таинствъ, сколько словъ“. „Я не могу быть судьей истинъ, заключающихся въ Откровеніи Іоанна“,—говоритъ св. Діонисій Александрійскій,— „и измѣрить ихъ скудостью моего

ума; руководствуясь болѣе вѣрою, чѣмъ разумомъ, нахожу ихъ только превосходящими мое пониманіе.“ „Дѣло только великаго и просвѣщеннаго Божественнымъ Духомъ ума изъяснять таинственно видѣнное святымъ, чему надлежитъ исполниться въ будущее время“,—пишетъ св. Андрей Кесарійскій, „и не окажется ли дерзновеннымъ тотъ, кто, не будучи причастенъ Божественнаго Духа, берется изъяснять то, чего конца еще не видно“. Все это нужно твердо помнить особенно тѣмъ интеллигентамъ, которые въ толкованіи св. Писанія ищутъ не истины, а стараются показать только личное остроуміе.

Въ самомъ дѣлѣ, Апокалипсисъ есть пророческая книга, таинственно изображающая будущую судьбу Церкви Христовой и всего міра. Блаженъ читающій и слушающіе слова пророчества сего и соблюдающіе написанное въ немъ, ибо время близко (Откр. I, 3, ср. 22, 6, 10, 18-19). Почему же г. интеллигентъ Горбатовскаго уѣзда считаетъ эту книгу обыкновеннымъ метеорологическимъ бюллетенемъ или просто какимъ-то своеобразнымъ календаремъ, содержащимъ свѣдѣнія о пасмурной и ясной погодѣ? Странное мнѣніе! Но еще страннѣе и неосновательнѣе разумѣть подъ ангелами Апокалипсиса неразумныя стихіи или вѣтры. Въ Откровеніи Іоанна слово ангелъ встрѣчается въ слѣдующихъ мѣстахъ: гл. I, ст. 1, 20; гл. II, ст. 1, 8, 12, 18; гл. III, ст. 1, 5, 7, 14; гл. V, ст. 2, 11; гл. VII, ст. 1, 2, 11; гл. VIII, ст. 2—8, 10, 12-13; гл. IX, ст. 1, 13-15; гл. X, ст. 1, 5, 7-10; гл. XI, ст. 15; гл. XII, ст. 7; гл. XIV, ст. 6, 8-10, 15, 17-19; гл. XV, ст. 1, 6-8; гл. XVI, ст. 1-5, 8, 10, 12, 17; гл. XVII, ст. 1, 7; гл. XVIII, ст. 1, 21; гл. XIX, ст. 9, 17; гл. XX, ст. 1; гл. XXI, ст. 9, 12, 17; гл. XXII, ст. 6, 8, 16. Какъ изъ приведенныхъ мѣстъ Апокалипсиса, такъ и изъ сопоставленія ихъ съ параллельными мѣстами другихъ книгъ св. Писанія видно, что ангелы (съ еврейскаго яз.—посланники, съ греческаго—вѣстники) суть существа духовныя и безплотныя (Марк. XII, 25); они одарены разумомъ (Откр. XVII, 1, 7; срав. Лук. I, 13-17) и волею (1 Петр. I, 12, срав. Апок. XIX, 10), окружаютъ престолъ Божій на небѣ и прославляютъ Бога (Откр. V, 11-12; VII, 11-12; срав. Лук. II, 13-14); ангелы служатъ Господу Богу (Марк. I, 13; срав. Откр. I, 1; XXII, 16), и Творецъ посылаетъ ихъ для служенія людямъ, имѣющимъ получить спасеніе (Евр. I, 14; Псал. XC, 11); наконецъ, ангелы являются вѣстни-

ками многоразличной воли Божіей и ближайшими исполнителями велѣній Всевышняго (Откр. VIII, 13; XIV, 15-19, Дѣян. XII, 7-11). Вотъ въ собственномъ и строгомъ смыслѣ понятіе объ ангелахъ. Этому понятію нисколько не противорѣчитъ то обстоятельство, что въ Апокалипсисѣ Іоанна подъ ангелами семи малоазійскихъ Церквей (гл. I, ст. 20) разумѣется ихъ предстоятели или епископы, равно какъ и то, что и въ другихъ книгахъ св. Писанія ангелами иногда называются особо избранные Богомъ люди, напр., пророки и священники (Малах. II, 7; Еккл. V, 5; Агг. I, 13; Малах. III, 1 и друг.),—потому что всѣ означенныя лица по самому своему положенію въ Церкви Христовой обязаны всегда возвѣщать другимъ людямъ волю Божию и преимущественно предъ всѣми своими слушателями исполнять ее.

Какъ же понимать спорный (12—й) стихъ VIII—й главы Апокалипсиса? Опять повторяемъ, что точно указать время, въ которое будетъ поражена третья часть свѣтилъ небесныхъ, и опредѣлить, въ чемъ будетъ состоять это пораженіе, невозможно. Но во всякомъ случаѣ это частичное уязвленіе свѣтилъ небесныхъ отъ трубнаго ангельскаго звука составитъ великое горе для живущихъ на землѣ: послѣ трубы четвертаго ангела апостолъ Іоаннъ видѣлъ и слышалъ особаго еще ангела, летящаго посреди неба и говорящаго громкимъ голосомъ: горе, горе, горе живущимъ на землѣ отъ остальныхъ трубныхъ голосовъ трехъ ангеловъ, которые будутъ трубить! (ст. 13). Очевидно, съ явленіями мірового свѣта и тепла произойдутъ какія-то чудовищно-ужасныя перемѣны, а онѣ въ свою очередь самымъ гибельнымъ образомъ отразятся на судьбѣ всѣхъ царствъ земного видимаго міра; едвали такія послѣдствія для живущихъ на землѣ можетъ имѣть обыкновенная, хотя и продолжительная, пасмурная погода, происходящая отъ сѣвернаго вѣтра, о которомъ въ пророческомъ полуснѣ бредитъ г. нижегородскій интеллигентъ. Принимая во вниманіе, что между шестой и седьмой ангельскими трубами будутъ съ неба посланы два свидѣтеля для борьбы съ антихристомъ (Откр. XI, 3-8),—можно думать, что и бѣдствія отъ семи ангельскихъ трубъ (въ томъ числѣ и отъ трубы четвертаго ангела) произойдутъ предъ вторымъ пришествіемъ Господа Іисуса Христа на землю: непосредственно послѣ седьмой трубы, повидимому, наступаетъ время страшнаго суда Божія (ст. 18) и открытіе вѣч-

наго Царства славы (ст. 15). А въ такомъ случаѣ пораженіе третьей части свѣтилъ небесныхъ не означаетъ ли того же самого событія, на которое указываетъ и Спаситель въ словахъ: „и вдругъ послѣ скорби дней тѣхъ солнце померкнетъ и луна не дастъ свѣта своего, и звѣзды спадутъ съ неба, и силы небесныя поколеблѣются? (Матѣ. 24, 30; срав. Марк. 13, 24; Лук. 21, 25). Картинное описаніе ангеловъ съ семью трубами означаетъ ту вѣчную истину, что всѣ перевороты въ мірѣ происходятъ по всемогущей волѣ Господа Бога вѣстниками которой являются ангелы.

Что касается „пособія для толкованія Апокалипсиса“, то эта таинственная книга будетъ безошибочно истолкована только тогда, когда исполнятся всѣ событія, предсказанныя въ ея пророческихъ картинахъ. Въ настоящее же время уместно говорить не о „пособіи къ толкованію“, а только о „пособіи къ назидательному чтенію“ пророчества Іоанна, могущемъ предохранить вѣрующаго читателя отъ произвольныхъ догадокъ, грубыхъ суевѣрій и явныхъ противорѣчій другимъ яснымъ истинамъ слова Божія. Изъ такихъ пособій наиболѣе пригоднымъ, по нашему мнѣнію, можетъ быть книга М. Барсова: „Сборникъ статей по истолковательному и назидательному чтенію Дѣяній св. апостоловъ и Апокалипсиса, съ библиографическимъ указателемъ“. Симбирскъ. 1894 г.

С.—Петер. епарх. мисс. *Н. Булаховъ.*

Изъ записокъ и дневниковъ.

Колоніи толстовцевъ на Кавказѣ.

«Ищите правды Божіей»...

На различныхъ житейскихъ путяхъ и дорогахъ человѣчество ищетъ „правды Божіей“... Древніе греки и римляне искали ее въ „школахъ“ своихъ великихъ философовъ; аскеты искали ее въ пустыняхъ; въ средніе вѣка люди мнили найти ее въ монастыряхъ и въ битвахъ „за гробъ Господень“; позже, видѣли ее въ реформаціи и даже въ крови Вароламеевской ночи... Въ позднѣйшія времена, явились „новыя ученія“, — и люди, подобно слѣпцамъ, пошли за этими новыми поводами...

Едвали, полагаемъ, возможно отрицать то колоссальное значеніе и вліяніе, которое имѣетъ, за послѣднее десятилѣтіе, на нѣкоторую часть интеллигентнаго человѣчества, и не только у насъ въ Россіи, но и на Западѣ и даже въ сѣверо-американскихъ штатахъ, графъ Л. Толстой. Доброе это вліяніе или не доброе, утверждающее вѣру и разрушающее ее, помогающее ли найти „правду Божью“, или же предлагающее взамѣнъ ея, свою правду—ересь, — это, конечно, другой вопросъ и объ этомъ мы говорить здѣсь, въ настоящее время, не будемъ. Мы лишь хотимъ подѣлиться съ читателями чрезвычайно интересными свѣдѣніями, которыя намъ довелось найти за послѣднее время на страницахъ провинціальной газеты „Ураль“, о томъ, какъ нѣсколько десятковъ послѣдователей гр. Толстого, интеллигентныхъ лицъ обоого пола, соединившись во-едино, основали на Кавказѣ двѣ „колоніи земледѣльцевъ“ — Криницу и Лезгинку. О первой колоніи сообщаетъ кратко въ „Рускихъ Вѣдомостяхъ“ г. Васюковъ, о второй колоніи рассказываетъ подробно, въ 15-ти газетныхъ нумерахъ „Урала“, нѣкто г. М., поселившійся въ ней и хорошо, поэтому, ознакомленный съ ея внутренней жизнью и всѣми распорядками внѣшними. Авторъ писалъ не мудрствуя лукаво и, повидному, правдиво и искренно. Мы постараемся извлечь изъ повѣствованія г. М. лишь то, что составляетъ суть дѣла и является болѣе интереснымъ. Но—сначала скажемъ нѣсколько словъ о первой колоніи толстовцевъ, основанной ранѣе.

Эта колонія, называемая „Криница“, основана была толстовцами въ 1886 году, заключаетъ въ себѣ 350 десятинъ земли и лѣсу, приобретенныхъ по купчей крѣпости на имя г. Еропкина, и находится въ горахъ, вблизи Чернаго моря, на 41 верстѣ отъ Геленджика. На хуторѣ имѣется около двадцати усадебныхъ домовъ построекъ, гдѣ живутъ семейные люди отдѣльно, а холостые и одинокіе по два человѣка въ комнатѣ. Земельный участокъ хутора Криница расположенъ на лѣвомъ берегу рѣки Пшады, у ея устья, и состоитъ изъ трехъ рѣзко выдающихся частей: широкой равнины въ долинѣ Пшады, возвышеннаго плато и горныхъ настибшъ. Широкая равнина состоитъ изъ трехъ, спускающихся къ рѣчкѣ и морю террасъ, изъ которыхъ нижняя представляетъ заливныя луга, средняя и верхняя—прекрасныя поля. При разливахъ рѣки Пшады вода поднимается аршина на три и затопляетъ всю нижнюю террасу. Возвышенное плато, расположенное на высотѣ 35—40 сажень надъ уровнемъ моря, господствуетъ надъ долиной и тянется полосой по-надъ моремъ. Здѣсь, на плато, расположенъ самый хуторъ и постройки и заложены виноградники. Для защиты долины отъ дѣйствія нордъ-оста, въ 1893 году предприняты были, по черкесскому способу, древесныя насажденія—въ одинъ-два ряда. При самой усадьбѣ находятся два большихъ бассейна и два колодца. Бассейны—съ постояннымъ притокомъ ключевой воды; изъ этихъ же бассейновъ вода по трубамъ проведена въ баню и прачешную.

Сообщенія хутора Криница съ ближайшею деревней Береговой производится по лѣвому берегу р. Пшады, для чего проложена горная дорога на протяженіи 70-ти сажень по обрыву. Изъ долины въ усадьбу—тоже горная дорога на протяженіи 250-ти сажень. По вершинамъ растетъ дубовый лѣсъ вершка четыре въ отрубѣ, пяти-шести аршинъ длины. По склонамъ—дубъ мельче и перемѣшанъ съ кленомъ, вязомъ и грабомъ. Въ ушельяхъ по склонамъ много дивихъ яблонь и грушъ, кизила, мушмалы, терновника и лychи; въ полосѣ надъ самымъ моремъ господствуютъ вьющіяся и ползучія растенія—держидерево, ліаны, шишеникъ и терновникъ. Весь участокъ Криница, по гармоническому соотношенію частей между собою—низменныхъ и возвышенныхъ,—по оригинальности топографіи и по разнообразію почвы является очень выгоднымъ и удобнымъ на сѣверной части черноморскаго побережья—главнымъ образомъ со стороны хозяйственной:

и, затѣмъ, о своемъ приѣмѣ въ члены, — и его рассказъ значительно разнится отъ хвалебнаго описанія г. Васюкова.

„Мы подъѣхали къ колоніи, которая краснѣла изъ-за лѣса своими черепичными крышами. Она представляла изъ себя нѣсколько красивыхъ домиковъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга фруктовыми садами. Громадные дубы-одиночки величественно поднимались надъ домами, широко раскинувъ свои сучья и распространяя вокругъ себя живительную тѣнь. Подъ окнами цвѣли кусты розъ и георгинъ, споря за первенство съ обстужившею ихъ съ двухъ сторонъ мрачною крапивою и жирнымъ допухомъ. Заслыша нашъ экипажъ, неимоверно загрохотавшій при въѣздѣ по камнямъ, вышелъ какой-то человѣкъ лѣтъ сорока, въ простой рубахѣ безъ пояса и въ башмакахъ на босу ногу.

— Куда Богъ несетъ?—спросилъ онъ, радушно улыбаясь.

Мы сказали.

— Такъ, пожалуйста, остановитесь у меня.

И онъ сталъ вынимать „засовы“ изъ воротъ. Мы въѣхали въ заросшій травой дворъ и остановились передъ крыльцомъ дома. Я вынесъ изъ экипажа свои вещи и распрощался съ своимъ спутникомъ, который поѣхалъ дальше, къ дому своего племянника (въ той же колоніи).

Человѣкъ безъ пояса, отрекомендовавшійся Даниломъ Сергѣевичемъ Орбельяновымъ, ввелъ меня въ довольно чистую и свѣтлую комнату съ простымъ некрашеннымъ столомъ и такими же табуретами. Въ углу стоялъ небольшой столярный верстакъ. Въ другомъ углу размѣстилась русская печь и плита, на которой чадили кастрюли съ какими-то кушаньями. Женщина въ красномъ сарафанѣ, повязанная ситцевымъ платкомъ, вся раскраснѣвшаяся отъ жара, стояла у плиты и сидилась снять съ плиты задымившую кастрюлю. Справившись съ нею, она оборотилась къ намъ, нѣсколько смутилась и проговорила какъ бы про себя:

— Опять это молоко противное пригорѣло!..

— Это моя жена,—сказалъ мнѣ Данилъ Сергѣевичъ.—Вѣра Николаевна.

Минуть черезъ 10 мы всѣ уже размѣстились вокругъ самовара. Разставлены были простыя глиняныя кружки, и Вѣра Николаевна наливала въ нихъ кофе изъ желудей.

съ переѣздомъ сюда прибытокъ энергій и здоровья. А тамъ, „въ міру“, врачи меня ужъ приговорили было къ смерти: гидронефрозъ не в м о-перекарднѣтъ какой то нашли... Слава Богу, что пришлось таки, наконецъ, оставить „міръ“... Пакость тамъ одна, пакость!..

— Вотъ отъ той же „пакости“ я и хотѣлъ бы уйти сюда,—сказалъ я.

— Конечно, надо уйти... Здѣсь продаетъ одинъ господинъ участокъ съ домомъ, хочеть сбѣжать на легкіе хлѣба,—вотъ вы у него и купите“...

.....

Оказалось, что „участокъ“ продаетъ нѣкто „Максимъ Михайчъ“,—потому что у него произошла „смѣна мыслей“:

— „Когда я былъ убѣжденъ, что одной картошкой живѣть будетъ человѣкъ, я сидѣлъ въ поселкѣ, и всю мощь своей души употреблялъ на культуру своего „участка“ и своихъ „злаковъ“... Но теперь, думаю, что человѣку и еще кое что надо,—и бѣгу“...

Вотъ, въ томъ то и вся суть—что не о хлѣбѣ единомъ живѣть бываетъ человѣкъ... И не легко, оказывается, интеллигентному человѣку, облачившемуся въ суровую мужичью рубаху и порты, заниматься лишь „культурой злаковъ и вообще грубымъ физическимъ трудомъ... Хотя и „привольно“ было и „свободно, а все-таки одно грубое прозябаніе, почти равное животной жизни, не въ силахъ было удовлетворить многихъ изъ числа членовъ „колоній“—какъ въ „Лезгинкѣ“, такъ и въ „Бриницѣ“... Этимъ и объясняется постоянная смѣна членовъ этихъ колоній: поживетъ-поживетъ образованный, интеллигентный человѣкъ этою мужичью, первобытною жезью первобытныхъ людей,—и вдругъ въ немъ совершается „смѣна мыслей“: онъ начинаетъ постигать всю практическую справедливость простой азбучной истины, что можно, и живя „въ мірѣ“, критически относиться къ жизни и „заниматься изученіемъ Евангелія“ Христова.. Въ данномъ случаѣ всѣ эти господа „интеллигентные земледѣльцы“ должны были бы имѣть передъ глазами первообразъ своего „учителя“: известно, что графъ Толстой, пахавшій землю, занимавшійся сапожнымъ ремесломъ и обмазываніемъ глиною хатъ, давно уже бросилъ всю эту „блажь“—и вновь отдался литературному труду. Впрочемъ, графъ, занимаясь и мужичьими работами, жилъ,

какъ извѣстно, бариномъ—въ роскошномъ барскомъ домѣ деревни, или въ своемъ домѣ въ Москвѣ, всегда пилъ кофе. но не изъ желудей, а мокко, имѣлъ разнообразный вегетаріанскій столъ, но въ сущъ изъ корнеплодовъ ему, по совѣтамъ знаменитыхъ и дорогихъ врачей, примѣшивали экстрактъ мясного бульона и пр...

По внѣшности, въ особенности на первыхъ порахъ, всѣ первыя впечатлѣнія, которыя производили эти „поселки“ или колоніи на свѣжаго человѣка, были самыя выгодныя и отрадныя. Но—это было лишь „на первыхъ порахъ“... Этому же первому впечатлѣнію подчинился и литераторъ Васюковъ, посѣтившій колонію Криница. Читаешь—и все, кажется, прекрасно устроено въ этой колоніи, „по новому“—все оригинально и толково. „Всѣ—и женщины и мужчины—занимаются физическимъ трудомъ, за исключеніемъ одной женщины, занимающейся ученіемъ дѣтей и одного члена колоніи, ведущаго бухгалтерскую часть. Дѣти, кромѣ обычныхъ наукъ (арифметики, русскаго языка, и пр.), знакомятся съ естественными науками, ихъ обучаютъ языкамъ, а также и музыкѣ“... Этому, конечно слѣдуетъ только порадоваться—что дѣти не воспитываются мужиками и могутъ, слѣдовательно, когда у нихъ произойдетъ „смѣна мыслей“, вступить въ ту жизнь, откуда ушли ихъ родители...

Различныя утопіи и иллюзіи соединяють во-едино этихъ, несомнѣнно, честныхъ и хорошихъ людей, ищущихъ „правды“ и пожелавшихъ уйти отъ „міра“ и его „пакостей“... Этими иллюзіями и различными мечтаніями многіе изъ членовъ колоній продолжаютъ убаюкивать себя уже и послѣ того, когда наступаетъ разочарованіе. Вотъ, напр., какія „мечты“ высказываетъ г. Васюкову одинъ изъ такихъ членовъ: „Кто знаетъ. быть можетъ, личный физическій трудъ, который мы ставимъ для себя, какъ основу личной нравственности, ограниченіе физическихъ потребностей, какъ гарантія личной независимости и свободы, довѣріе другъ къ другу, какъ канва для взаимныхъ отношеній,—кто знаетъ, можетъ быть. всѣ эти прекрасныя качества, кажушіяся вамъ утопическими по данному времени, сослужатъ впослѣдствіи немаловажную службу, какъ указатель, какимъ образомъ пережить безконечно затянувшійся экономическій кризисъ и нервную расшатанность современнаго интеллигентнаго общества“...

Очень можетъ быть... Но только... Улита ѣдетъ—когда то будетъ... Да еще и будетъ ли?..

А пока, напр., мы, въ тѣхъ же статьяхъ г. М. въ „Уралѣ“, находимъ уже слѣдующія грустныя мысли, высказанныя имъ послѣ уже того, какъ онъ поселился въ колоніи и поосмотрѣлся, какъ слѣдуетъ: „Жаль, говорить г. М., что наша жизнь, не получая извнѣ свѣжаго притока мысли, дѣлалась безцвѣтною, однообразною, такъ что, въ сущности, намъ не о чемъ было и разговаривать“.

Лучшаго и болѣе вѣрнаго приговора всей этой затѣѣ нельзя и требовать... Что можетъ быть сродно и подходяще человѣку простому и необразованному, то для человѣка интеллигентнаго является немислимымъ. „Жить общей жизнью можно только тогда, когда есть общность духовныхъ интересовъ“,—говоритъ одинъ изъ членовъ колоніи Лезгинки. А у нихъ всѣ „духовные интересы“ сводились къ заботамъ „о произрастаніи злаковъ“... Ко всему этому присоединялась еще такая удивительная... нелѣпость. Напр., г. М., сѣвъ „на хозяйство“, вскорѣ же пришелъ къ убѣжденію, что это „хозяйство на Лезгинѣ не можетъ прокормить, безъ особыхъ денежныя запасовъ. Трагизмъ положенія увеличивался еще тѣмъ, что всякій промыселъ, всякое поползновеніе извлечь изъ чего нибудь матеріальную выгоду считалось противнымъ нравственнымъ понятіямъ. Если, напр., остающееся за излишествомъ сѣно погодить продавать до весны, когда цѣна за него значительно поднимается, это сочли бы безчестнымъ поступкомъ (?): это значило (по принципамъ, существующимъ въ колоніи) пользоваться народной нуждой. А между тѣмъ, весь строй жизни нашей заставлялъ насъ, волей-неволей, отступить отъ этого: мы сами платили часто шальные деньги, не воспользовавшись своевременно дешевыми цѣнами на нужные намъ предметы“ ..

Еще курьезнѣе выходило дѣло у того же г. М., поселившагося въ колоніи, когда онъ хотѣлъ было устроить въ небольшихъ размѣрахъ мыловаренный заводъ. Но оказалось, по разсказу г. М., что „это было бы уже вдвойнѣ противно совѣсти (?): во 1-хъ, мы всѣ были вегетаріанцы,—и, слѣдовательно, не могли имѣть дѣло съ предметами, получаемыми черезъ убійство животныхъ (т. е. съ саломъ); а во 2-хъ, вѣдь наше мыловареніе все-таки имѣло бы форму промысла, гдѣ прибыль предпринимателя составляетъ на счетъ кармана потребителя“. Такая же курьезная исторія вышла у г. М. и тогда, когда онъ задумалъ сби-

вать и продавать сливочное масло. Одинъ изъ толстовцевъ сказалъ ему: „Ахъ, Платонъ, Платонъ! ты забылъ евангельское изреченіе: „Идите тѣсными путями въ Царству Небесному“!.. А ты хочешь выбирать широкую дорогу: и генераловъ кормить масломъ, и Евангеліе читать“!.. Рѣчь шла о генералахъ, проживавшихъ неподалеку, въ городѣ В., которымъ требовалось къ столу свѣжее масло...

Для г. М. становилось съ каждымъ днемъ все яснѣе и яснѣе, какая это „свобода“ существовала въ колоніи Лезгинка...

А въ другой колоніи толстовцевъ, въ Криницѣ, дѣло, по словамъ того же г. М., обстояло еще хуже: „Эта колонія приняла видъ просто какого-то коммерческаго предпріятія: счета, балансы, наибольшіе... Богатые и бѣдные, имѣющіе власть и безправные на каждомъ шагѣ... Братства и равенства и христіанскихъ принциповъ нѣтъ и въ поминѣ. Но передъ пріѣзжими гостями эти господа страшно афишируютъ свое „толстовство“ и портретъ Л. Н. виситъ на видномъ мѣстѣ въ обѣденномъ залѣ“...

Право, недоумѣваешь, что хуже: „свобода“ ли въ колоніи Лезгинка, не позволяющая своему члену сбить на продажу фунтъ масла изъ излишка удоя молока, или же эта „коммерція“ и комедійное дѣйство въ Криницѣ, совершаемая подъ знаменемъ все того же графа Толстого?!...

Да, не все то золото, что блеститъ,—и воплотить утопію въ жизнь не легко!...

И. Н. З.

С К А К У Н Ы .

(Изъ сектантскаго быта).

Въ 18** году Вербная недѣля припала въ концѣ марта.

Весна выдалась ранняя, и теплые солнечные дни, начавшіеся со второй половины Февраля, способствовали быстрому таянію снѣговъ.

Въ Вербную субботу день стоялъ чисто, весенній...

Вечерѣло... Вечернія сумерки слабо окутывали окрестность прозрачной дымкой.

На потемнѣвшемъ сводѣ неба начали уже загораться крупныя звѣзды, когда по главной улицѣ села Гудницы, въ Петергоф-

скомъ уѣздѣ, показалась быстро катившаяся тележка на двухъ колесахъ, носившая въ этихъ мѣстахъ, населенныхъ преимущественно финляндскими выходцами, названіе „ратки“.

Въ ней сидѣли двое...

Ратка остановилась у небольшого домика, принадлежавшаго сельскому пастору.

Вышедшій изъ нея, высокаго роста, плотный мужчина, въ кафтанѣ и широкополой шляпѣ, обратился къ привезшему его работнику:

— Смотри же, Авель, приходи непременно! Мы будемъ тебя ждать!

Съ этими словами онъ вошелъ въ домикъ, окна котораго были ярко освѣщены и въ немъ было замѣтно движеніе, вызванное пріѣздомъ гостя.

Всѣ жители села Гудницы принадлежали къ тайной сектѣ скакуновъ, и пріѣзжіе, Іоганнъ Миккелевъ, признававшійся сектантами святымъ и пріемникомъ Іисуса Христа, считался у нихъ главнымъ наставникомъ.

Онъ пріѣхалъ изъ Петербурга, гдѣ проживалъ постоянно, на „собраніе вѣрныхъ“, устраиваемое обыкновенно подъ большіе праздники.

Войдя въ домъ, пріѣзжіе были встрѣчены пасторомъ во главѣ своей семьи: послѣдняя, какъ и хозяйнѣ, принадлежала къ тайной сектѣ.

— Да будетъ благословенъ приходъ твой! привѣтствовалъ его пасторъ, благообразный, гладко выбритый старикъ, державшійся съ большимъ достоинствомъ.

— Миръ дому вѣрныхъ! кратко отвѣчалъ наставникъ, и, снявъ въ полутемной прихожей верхнее платье, вошелъ въ комнату.

Семья пастора, состоявшая изъ жены, еще не старой женщины, и племянницы, молодой шестнадцатилѣтней дѣвушки, съ большими голубыми глазами и густыми бѣлокурыми косами, спускавшимися чуть не до полу, принялась нанерерывъ ухаживать за почетнымъ гостемъ.

Его усадили въ большое мягкое кресло, подставили подъ ноги вышитую скамеечку, и Аврора—такъ звали племянницу пастора—принесла на подносѣ кофейный приборъ и стала заваривать кофе.

Пріѣзжіе принималъ всѣ эти знаки вниманія, какъ нѣчто должное, и, вообще, держалъ себя очень непринужденно, съ сознаніемъ собственнаго достоинства.

— Хорошо ли доведъ тебя Авель? обратился пасторъ къ гостю, когда всѣ присутствующіе взяли по чашкѣ кофе.

Пасторъ былъ видимо польщенъ прїѣздомъ къ нему въ домъ знаменитаго учителя, но вмѣстѣ съ тѣмъ это посѣщеніе его какъ то смущало.

— Прекрасно, отвѣчалъ Іоганнъ Миккелевъ. Дорога гладкая, сухая... Лошадь у тебя рѣзвая... Незамѣтно доѣхали...

— А знаешь ли что?—продолжалъ онъ. Я и Авеля пригласилъ къ намъ, въ молитвенный домъ, на „собраніе вѣрныхъ“. Онъ тоже, кажется, желаетъ сдѣлаться однимъ изъ нашихъ!

Пасторъ ничего не отвѣчалъ...

Авель, жившій у него въ домѣ въ качествѣ работника и кучера, былъ изъ другого прихода, находившагося въ вѣдѣніи другого пастора, и почтенный служитель алтаря, внавшій въ сектантство, опасался для себя, съ переходомъ работника въ секту, какой-либо неспрїятности. За своихъ же прихожанъ онъ ручался, какъ за своихъ домашнихъ.

Поэтому сообщеніе наставника было ему очень не по душѣ.

Его постоянно мучило сознаніе, что онъ, человекъ развитой, богословски образованный, привыкшій къ извѣстному почету со стороны своихъ прихожанъ, долженъ подчиняться какому то мужику, грубому и необразованному, вліянію котораго замѣтно подиали его жена и племянница, смотрѣвшія на послѣдняго, какъ на посланника неба.

Все это дѣйствовало на самолюбивую натуру стараго пастора самымъ угнетающимъ образомъ.

И онъ продолжалъ хранить молчаніе.

Не получая отвѣта, Іоганнъ Миккелевъ пренебрежительно усмѣхнулся, отвернулся отъ хозяина, обратился къ Аврорѣ, съ какимъ то чувствомъ благоговѣнія смотрѣвшей на него, и произнесъ напыщеннымъ тономъ:

— А ты, дитя, чувствуешь ли себя настолько сильной душой, чтобы выполнить все то, что тебѣ предназначено сегодня вечеромъ? Если ты не увѣрена въ своихъ силахъ,—еще есть время отказаться?..

Голубые глаза Авроры наполнились слезами, нѣжное личико вспыхнуло яркимъ румянцемъ. Дрожа и волнуясь, она заговорила:

— Зачѣмъ желаешь ты, дорогой учитель, отказать мнѣ въ томъ, къ чему я съ такимъ нетерпѣніемъ стремлюсь, къ чему я

уже приготовилась?.. Ты знаешь, что для тебя я готова на все!.. Всѣ вѣрные давно ждутъ тебя... А теперь ты вдругъ...

И молодая дѣвушка съ вѣчнымъ укоромъ посмотрѣла на наставника.

Послѣдній положилъ свою грубую руку на низко-склонившуюся головку дѣвушки.

— Успокойся, дитя! ласково проговорилъ онъ. Я не хотѣлъ тебя обидѣть! Пусть будетъ по твоему. Я только убѣдился еще разъ, насколько сильна въ тебѣ вѣра. Оттого то я и выбралъ тебя, чистую голубицу, изъ всего сонма вѣрныхъ!..

— Однако, продолжалъ онъ, обращаясь къ остальнымъ, пора начать собираться въ домъ для молитвы! Приготовьтесь сестры и братья къ великому таинству!

Съ этими словами онъ въ поясъ поклонился присутствующимъ.

Послѣдніе отвѣтили ему низкимъ поклономъ; затѣмъ женщины удалились изъ комнаты. За ними послѣдовалъ и старый пасторъ.

Иоганнъ Миккелевъ остался одинъ...

II.

На самомъ концѣ села, непосредственно примыкавшаго къ густому сосновому бору, стояла высокая, совершенно новая изба въ два свѣта.

Къ ней часу въ двѣнадцатомъ ночи сталъ со всѣхъ сторонъ собираться народъ.

Приходящіе говорили стоявшему у входа какія то слова и безпрепятственно пропускались въ избу. Войдя въ большую свѣтлую горницу, они располагались на лавкахъ, тянувшихся вдоль стѣнъ, — женщины налево, мужчины направо.

Никто не говорилъ ни слова...

Всѣ присутствующіе были одѣты очень скромно, въ нѣзлые темнаго цвѣта, у женщинъ головы были повязаны черными косынками, низко спущенными на лобъ, мужчины были подпоясаны простыми ремнями изъ сыромятной кожи.

Верхнія окна избы были открыты настежь и давали возможность весеннему воздуху безпрепятственно проникать въ комнату.

Изба была выстроена изъ свѣже-срубленныхъ сосновыхъ бревенъ, вѣтхій запахъ хвои пріятно щекоталъ обоняніе присутствующихъ.

Наконецъ, впускъ посѣтителей прекратили за позднимъ временемъ и недостаткомъ помѣщенія, опоздавшіе должны были отказаться отъ присутствія на „собраніи вѣрныхъ“.

Среди всеобщаго молчанія какая то женщина вдругъ поднялась со своего мѣста, сбросила съ головы платокъ, вышла на середину и, низко поклонившись на обѣ стороны, проговорила громкимъ голосомъ:

— Возстаньте, сестры и братья по Христу! Се грядетъ къ намъ посланникъ неба!

Всѣ шумно поднялись со своихъ мѣстъ.

Женщины скинули косынки, а мужчины сняли съ себя кафтаны.

Въ это время широко распахнулись двери, и показалось странное шествіе.

Два старика съ длинными сѣдыми бородами, одѣтые въ бѣлые балахоны, вели подъ уздцы какое то странное животное, имѣвшее отдаленное сходство съ ослomъ; на немъ съ важнымъ видомъ воссѣдалъ Іоаннъ Микелевъ, одѣтый во все бѣлое.

За процессіей шли пасторъ съ женою и еще нѣсколько, очевидно почетныхъ лицъ.

Войдя въ избу, процессія остановилась по срединѣ, наставникъ слѣзъ со своего импровизированнаго „осла“, поклонился на всѣ стороны присутствующимъ, отвѣтившимъ ему низкимъ поклономъ, и громко произнесъ:

— Возстани осла и жребя подъяремника!

Съ этими словами онъ трижды ударилъ послѣднее.

„Осла“ поднялось, съ него сняли узду и покрывало, и глазамъ всѣхъ бывшихъ на „собраніи вѣрныхъ“ представилось прелестное личико племянницы пастора, Авроры, горѣвшее яркой краской стыда.

Учитель, замѣтивъ ея смущеніе, взялъ молодую дѣвушку за руку, поставилъ передъ собою и, возложивъ руки на ея голову, торжественно произнесъ:

— Да будешь ты сейчасъ такъ же возвеличена, какъ была унижена! Сестры и братья по Христу, подойдите къ этой чистой голубицѣ и примите отъ нея причащеніе, какъ бы отъ меня самого!.. Я первый покажу вамъ примѣръ...

Съ этими словами онъ подвинулся къ Аврорѣ, которая, не понимая его и чувствуя только на себѣ взгляды всѣхъ присутствующихъ, продолжала стоять въ полномъ смущеніи.

Наклонившись къ дѣвушкѣ, онъ тихо сказалъ ей:

— Высуни языкъ!

И когда Аврора, недоумѣвая, машинально исполнила его приказаніе, быстро наклонился и слегка пососалъ у ней кончикъ языка.

Инстинктивно молодая дѣвушка поспѣшила спрятать языкъ.

— Развѣ ты хочешь лишить вѣрныхъ причащенія?—сурово спросилъ онъ Аврору. Я тебѣ приказываю, и ты должна исполнить мою волю!

На этотъ разъ молодая сектантка повиновалась.

Всѣ стали подходить къ ней и сосать кончикъ языка, а затѣмъ цѣловали у нея руку.

Эта церемонія продолжалась сравнительно недолго, такъ какъ „вѣрные“, опытные въ этомъ дѣлѣ, зная его трудность, совершали причащеніе очень быстро.

Когда, наконецъ, всѣ подошли къ молодой дѣвушкѣ и совершили это гнусное святотатство, Іоаннъ Миккелевъ посадилъ ее рядомъ съ собою посреди горницы, на покрытую богато-расшитымъ ковромъ скамейку и провозгласилъ ее пророчицей.

Всѣ снова размѣстились по лавкамъ... Наступила тишина...

Наставникъ шепнулъ что то Аврорѣ, и молодая дѣвушка вдругъ поднялась со своего мѣста и зашѣла нѣжнымъ пріятнымъ голосомъ какой то псаломъ на финскомъ языкѣ.

Всѣ присутствующіе тоже поднялись и подхватили напѣвъ священной пѣсни.

Широкой волной неслись звуки по просторной горницѣ, приводя экзальтированныхъ фанатиковъ въ бурный восторгъ.

Постепенно замирали слова псалма...

Вдругъ Іоаннъ Миккелевъ схватилъ дѣвушку за руки и кинулся съ нею вертѣться.

Всѣ последовали ихъ примѣру...

Полетѣли опрокинутыя скамейки, все смѣшалось въ неистовый пляскъ.

Вертѣлись и скакали непремѣнно попарно: мужчина съ женщиной.

Затѣмъ составилъ кругъ и, прекратившая свое круженіе, Аврора вышла на средину его и зашѣла заунывную пѣсню скакуновъ:

„Погодушка поддувала,
Сине море всколыхала,

Всѣ мосточки разорвала,
Всѣ святые испугались...
Одинъ Духъ Святой остался
И въ гусельки заигралъ;
Всѣхъ онъ вѣрныхъ созывалъ
И въ келейку собиралъ:
— «Ужъ вы, вѣрны, ужъ вы вѣрны,
Собирайтесь въ моленны!»
Всѣ попарво и сходились...
«Ужъ вы знайте, ужъ вы знайте,
Одѣвайте всякъ свово!»
— Ужъ мы знаемъ, ужъ мы знаемъ!
Одѣваемъ всякъ свово!...

Подхватили хоромъ мужчины и женщины.

И весь кругъ неистово завертѣлся...

Аврора и подскочившій къ ней Іоаннъ Миккелевъ начали неистово прыгать.

Ихъ примѣру вскорѣ послѣдовали и остальные.

Горѣвшіе по стѣнамъ свѣчи стали тухнуть отъ сильнаго движенія воздуха, производимаго изувѣрами.

Скачки и прыганіе становились все медленнѣе и медленнѣе, и наконецъ совсѣмъ прекратились.

Полная тишина воцарилась въ потемнѣвшей горницѣ, прерываемая какимъ то шорохомъ...

А въ открытыя верхнія окна виднѣлись слабо мерцающія звѣзды, точно стараясь разсмотрѣть, что совершается тамъ, внизу, изступленными фанатиками.

А. Клавинъ.

Изъ миссіонерской полемики.

Бесѣда съ раскольниковъ о кадиловжигателяхъ *).

Раскольникъ. У васъ это по какимъ же правиламъ дозволяется и свѣчи ставить, и кадило брать сторожамъ, ребятамъ и всякому, кому только захочется? Наши этимъ васъ вовсе завинили.

Священникъ. Если это худо, то почему худо? а если не худо, то слѣдуетъ-ли порицать за это?

Р. Если бы было не худо, не было бы воспрещено. Это противно св. Писанію.

С. Сказалъ ли Богъ во св. Писаніи, что свѣчи ставить и кадило брать сторожамъ или ребятамъ нельзя? Или какой же святой соборъ и какимъ правиломъ воспретилъ своими руками приносить даръ ко алтарю, или разжигать угли, власти ихъ въ кадило и подавать для кажденія священство-имущему?

Р. Можетъ и найдется, если поищемъ. Этимъ вы нарушили 2-е правило св. апостоловъ: „восхищающіи недарованная имъ, раздражаютъ Бога, якоже сынове Кореови: и Озіа царь“. Борм. л. 30. Изъ-за кадила погибли сынове Кореови и Озіа царь, потому что нельзя восхищать недарованнаго. А у васъ кому только не даровано!? всякому вотяку, всякому табашнику даровано.

С. Вѣрно, что за восхищеніе недарованнаго были наказаны сынове Кореови и Озіа царь, но только восхитили—то они не разжиганіе кадила и не возженіе свѣчъ, а что то иное.

Р. Развѣ ты не читывалъ, какъ Богъ наказалъ ихъ за кадило? Объ этомъ говорится въ Библіи.

*) Давая мѣсто этой безхитростной бесѣдѣ, редакція имѣетъ въ виду показать, до чего простираются придирки раскольниковъ и какую осторожность слѣдуетъ соблюдать священнику и причту его, да не соблазнять немощныхъ.

С. Да, не читывалъ, ибо въ Библии того не сказано, а повѣствуется, что сынове Кореови и Озіа царь наказаны за самовольное восхищеніе священнической власти, за самовольное восхищеніе недарованнаго имъ, за самовольное совершеніе того дѣла совершать которое могли только лица, ищущія священство. Посмотри же въ сей старинной Библии, — говорится ли тутъ, что за прикосновеніе къ кадилу или свѣчамъ наказаны сынове Кореови и Озіа царь? Сказано, что царь Озіа „обидѣ Господа Бога своего и вниде въ церковь Господню, покадити хотя надъ алтаремъ еиміама. И вниде по немъ Захарія священникъ и съ нимъ священницы Господни, 80, мужей крѣпчайшихъ супротившася цареву Іозіеви, и рекоша ему: нѣсть твой чинъ Іозіе да кадиши еиміамомъ Господеви, но священникомъ, то есть сыномъ Ааронимъ, иже освящены суть... прогнѣважеся Іозія и держащи въ руку его кадило да кадитъ во храмъ и вниде разъярися онъ на жрецы дому Господня. И абіе возшла проказа на чело его „(2 Паралип. гл. 26)“. У насъ же ни сторожъ, ни мальчики-ученики еиміамомъ Богу, подобно Іозіи, надъ алтаремъ не кадаютъ, а кадаютъ только лица, имущія священство и получившія его законно, сторожа же только уголь разжигаютъ и въ кадильницу полагаютъ. Ужели, по вашему, и этого сторожу нельзя дѣлать; развѣ самому священнику поручено уголь хранить, разжигать и въ кадильницу полагать, равно и свѣчи ставить?

Р. Мы не говоримъ, что самому пону слѣдуетъ разжигать свѣчи и кадило; а надо на то поставить особаго человѣка.

С. Озіа царь, подобно и сынове Кореови наказаны не за возженіе свѣчъ и не за разжиганіе кадила или прикосновеніе къ нему, а за восхищеніе недарованнаго имъ, что видѣли изъ св. Писанія: „нѣсть твой чинъ, Іозіе, да кадиши еиміамомъ Господеви, но священникомъ“ (2 Пар. г. 26). Сами же сознаете, что разжигать кадило и разставлятъ предъ образами свѣчи дѣло не лицъ, имущихъ на себѣ священство, а потому міряне, разжигая кадило или ставя свѣчи, и не восхищаютъ недарованнаго имъ священническаго дѣла, а дѣлаютъ только то, что дѣлать могутъ и несвященныя лица. 2-е правило св. апостоловъ воспрещаетъ восхищать недарованное, а вы, обвиняя этимъ правиломъ св. нашу Церковь за позволеніе касаться кадила и ставить свѣчи мірянамъ, тѣмъ самымъ извращаете и святое правило и превращаете сказанное въ Библии о Озіѣ царѣ и сынахъ Кореовыхъ, тожко „обы-

чай еретиковъ писанія превращати“, сказано въ сей до Никонской книгѣ (Бесѣд. Зл. на 14 п. ст. 1975).

Р. По моему мнѣнію, Озія и сыновья Кореови наказаны за кадило: ну да это теперь оставимъ, найдемъ и другое.

Дай-ко уставъ котораго нибудь изъ патріарховъ (Я подалъ Око церковное). Читаетъ: „по захожденіи солнца мало паки приходитъ во игуменію кадиловжигатель“ (Око цер. л. 2-й). Всякій ли пришедшій молиться будетъ кадиловжигатель?

С. Не всякій въ одно и то же время бываетъ кадиловжигателемъ, но быть имъ всякій можетъ безъ всякаго на то освященія.

Р. А кто это кадиловжигатель?

С. Лицо, исполняющее почти тѣ же обязанности, какія исполняетъ нашъ церковный сторожъ. Кадиловжигатель, говорится на оборотѣ этого же 2-го листа, „и возьмъ благословеніе, исходитъ и ударяетъ въ великій камбанъ... и потомъ входитъ въ церковь, и вжигаетъ кадила и уготоваеъ кадильницу съ огнемъ. И вжегъ свѣту и т. д.“. Эти обязанности кадиловжигателя отчасти исполняютъ при приходскихъ храмахъ церковными сторожами.

Р. А ребята съ какой стати лѣзутъ къ ней?

С. По тому же самому праву, по какому и кадиловжигатель. Православные мальчики-ученики отъ всей своей чистой дѣтской души съ дозволенія настоятеля трудятся при храмѣ. И этихъ чистыхъ тружениковъ при храмѣ вы, старообрядцы, не желали бы видѣть, а фарисеи, когда дѣти зывали во храмъ „осанна Сыну Давидову“, не желали слышать. Одни не желали слышать, а другіе не желали видѣть; но Господь нашъ Христосъ „Исусъ негодова, и рече имъ, оставите дѣтей приходить ко Мнѣ, и не браните имъ, тацѣхъ бо есть царствіе Божіе“ (Еван. Марк. зач. 44). Ни св. Писаніе, ни св. соборы, ни св. отцы не возбраняютъ дѣтамъ во храмѣ уготовлять кадильницу, возжигать свѣчу, носить подсвѣщникъ и т. под. И Св. Церковь Соборная за всѣхъ такихъ честныхъ тружениковъ и приносящихъ свой даръ ко алтарю сугубо молится: „молимся о плодоносящихъ и добродѣющихъ во святѣмъ и всечестнѣмъ храмѣ семъ, труждающихся, поющихъ“ (Прошеніе на ект.).

Р. Что дѣлать, вы заставляете ребятъ, у насъ то совершается старцемъ, которому то поручено, другой же этого не воспищаетъ. И эти наши старцы не только бы табакъ, а и мясо уже не ѣдятъ, жену не познаютъ, настояще—какъ хорошіе монахи.

С. Есть русская поговорка—„монахъ въ міру, что рыба на берегу“.

Р. На Писаніи надо утверждаться: что поддерживать. и чего не слѣдуетъ.

С. На это твое замѣчаніе св. І. Златоустъ вотъ что говорить: „не подобаетъ бо народныя притча презирати, аще имуть нѣчто мудрое“ (Б. Злат. на 14 п. ст. 2458). А эта, сказанная мною, народная притча, дѣйствительно имѣетъ нѣчто мудрое, но объ этомъ, если пожелаешь, можно послѣ поговорить. Ты сказалъ, что ваши старики — кадиловжигатели недарованное не восхищаютъ, и сказалъ ты это, желая доказать нашу чуть ли не ересь за позволеніе разжигать кадило лицу непосвященному. Скажи же, какимъ чиномъ у васъ бываетъ поставленіе въ кадиловжигатели, и какой св. отецъ этотъ чинъ постановленія въ кадиловжигатели устанавилъ, и въ какой до Никоновской книгѣ этотъ чинъ описанъ?

С. Прежде, чѣмъ „совсѣмъ завинить“, слѣдовало бы подумать, что если нѣтъ такого чина поставленія въ кадиловжигатели, и такихъ правилъ, стало быть, никакихъ правилъ мы и не нарушили. вы-же новыя выдумали; а если мы никакихъ не нарушили, то безъ вины вѣдь ваши то старики насъ „совсѣмъ то завинили“.

Р. По уставу патріаршему кадильницы касался не каждый табашникъ-вотьякъ, а назначался на то особый чистый неповинный кадиловжигатель, по этому уставу у насъ и назначается кадиловжигатель; если при патріархахъ безъ чину назначался, то безъ чина назначался и у насъ, а если по чину назначался при патріархахъ,—книги есть у тебя—знаешь, буди, по какому, по тому же чину и у насъ назначается.

С. Въ уставѣ патріаршемъ нѣтъ чина поставленія въ кадиловжигатели и ни того, чтобы кадиловжигатель имѣлъ право (власть) кадить; вашъ же кадиловжигатель не только раздуваетъ кадило и ставитъ свѣчи, а даже кадить; потому вашъ кадиловжигатель не такой, какіе были при патріархахъ. Какимъ же чиномъ онъ это право на каженіе получилъ? Не восхищаетъ ли онъ недарованнаго ему, якоже сынове Кореови и Озіа царь? „Нѣсть твой чинъ Іозіе да кадиши (а не кадило разжигаеши) оиміаіомъ Господеви, но иже освящени суть“. 2 Пар. гл. 26. Какимъ же чиномъ на разжиганіе и на каженіе освящены ваши кадиловжигатели—наставники? У насъ освященные лица, которыя кадятъ, получили сіе освященіе, сію власть законнымъ чиномъ въ тайнѣ

священства, которая, какъ и тебѣ извѣстно, установлена Богомъ а ваши?

Р. Хорошо то я и самъ не знаю, какимъ чиномъ ихъ поставляють,—гдѣ все узнаешь!? А только уже законный у насъ кадиловжигатель. При патріархахъ „кадиловжигатель же прійдетъ и приметъ свѣщникъ на среди церкви и возгласитъ величїемъ гласомъ: востаните“, а у васъ ничего этого кадиловжигатель не возглашаетъ. Не по уставу, уставъ нарушили, уставъ измѣнили, нарушенъ вами. Прикладающихъ же что, или отъемлющихъ, или инако претворяющихъ, аще и самъ будетъ краснѣйшій учитель кто; никакоже слушати, но удалитися такового (Кир. кн. л. 305 на об.). „Аще кто преданіе церковное, написанное или не написанное отметаеъ, да будетъ анаѣма. Что убо къ симъ рекуть истинны супостати“ (Кир. кн. л. 371 на об.). А на насъ диву даваться не слѣдуетъ,—мы гонимы.

С. Итакъ, ты не можешь указать св. правилъ, которыя будто бы мы нарушили черезъ дозволеніе мірянину касаться кадильницы. а равно указать и тѣ правила, по которымъ у васъ дѣйствуютъ, и таковыхъ нѣтъ.

Р. „Но да хранится церковная служба, чинъ же и устроеніе все, и не поткновенно и не преложно“, сказано у патріарха въ уставѣ, а у васъ поткновенно и преложно. А мы гонимы.

С. Но въ этомъ уставѣ означено, что при храмахъ находятся: игуменъ, епископъ, іерей, діаконы, параклесіархъ, енистимонархъ, сирѣчь domestikъ, канонархъ, два лика, будильникъ, поваръ, братія и работники монастырстѣи, скажи же по совѣсти:—всѣ ли поименованныя лица должны быть при приходскихъ храмахъ?

Р. Понятно, которыя нужны только въ монастыряхъ, могутъ и не быть при приходскихъ церквахъ.

С. Ересь ли будетъ, если при приходскихъ храмахъ не по уставу патріарха Филарета будетъ число священно-церковно-служителей?

Р. Какъ не какъ, а кадильницу брать кому придумается нельзя. Озанъ воспнулъ зря то священнаго предмета возчега и былъ пораженъ.

С. Тебя я спросилъ: ересь ли будетъ, если при приходскихъ храмахъ будутъ не всѣ поименованныя въ уставѣ священно-церковно-служители. Если не ересь, то и анаѣма на отметающихъ

церковное преданіе, писанное или не писанное къ намъ православному, не можетъ относиться. И во дни патріарховъ при приходскихъ храмахъ число священно-церковно-служителей было не по Филаретовскому Уставу. Если намъ, по вашему, за нѣкоторое отступленіе отъ сего устава анаѣма, а имъ то за то же самое что? Ты думалъ обвиненіе свое основать на цер. Окѣ, но въ Окѣ церковномъ объ Озанѣ и не вспоминается.

Р. Развѣ не отъ св. Писанія сказаніе объ Озанѣ?

С. Не въ Окѣ церковномъ, а въ св. Библии, во святомъ Писаніи. И примѣръ этотъ не насъ, но васъ обвиняетъ. Кто далъ Озану власть поддерживать, охранять ковчегъ заветъ? Никто. самъ восхитилъ. Озанъ зато и былъ наказанъ, что „яко неприличнаго себе служенія коснулся“ (см. Б. 3 л. на 14 п. ст. 1475). какъ сказано во св. Писаніи; за то Озанъ наказанъ, что по нуждѣ осмѣлился совершить то дѣло, совершать которое могли одни освященные на то лица. Кто далъ власть вашимъ старикамъ наставникамъ совершать дѣло, творить которое Богъ повелѣлъ не кому либо иному, какъ только архіереямъ и по волѣ ихъ іереямъ. Не ваши ли наставники-старики касаются того, чего не должны касаться, то есть священная дѣйствовать? Не подражаютъ ли они сынамъ Кореовымъ и царю Озіѣ? Наши міряне, ты говоришь, не должны касаться кадильницы, а самъ то ты по какому праву ея касаешься и даже кадишь, будучи такимъ же чиномъ на это посвященъ, какимъ посвященъ нашъ церковный сторожъ-вотякъ, или мальчикъ-ученикъ, т. е. никакимъ. Не ты ли сказалъ, что Озанъ коснулся не по праву священнаго предмета—ковчегъ и былъ пораженъ. Почему же тебѣ то можно брать этотъ предметъ, а нашему сторожу нельзя?

Р. При старикахъ не дерзаю я, а безъ нихъ дома можно. У васъ и при васъ дерзаетъ, самъ и ладанъ кладетъ.

С. А безъ насъ іереевъ можетъ ли нашъ сторожъ-вотякъ касаться кадильницы и разжигать ее?

Р. Да вѣдь самъ ты знаешь, что у васъ всякому можно и во всякое время.

С. Потому можно, что не грѣшно, не противно ни св. Писанію, ни писанію св. отецъ. А это вотъ грѣшно искать сучецъ въ глазу у ближняго, у себя же не чувствовать бревна. При старикахъ ты не дерзаешь на исповѣдь принимать, а дома и тебѣ

вѣдь можно. Имѣешь ли ты власть исповѣдывать безъ стариковъ у себя въ дому?

Р. Нельзя и не дерзаю.

С. Да вѣдь не при старикахъ, а дома. Безъ стариковъ то можно же кадить. Безъ стариковъ то и недарованная можно восхищать, безъ стариковъ то и наказаніе сыновей Кореовыхъ, Озіи и Озана не вразумляетъ.

Р. У кого какъ принято, такъ знать и останется. Ладно ли не ладно ли, а всякому свое дорого.

С. Такъ оставлять не слѣдуетъ, это будетъ противно св. Писанію. Апостоль Павелъ говоритъ: „отъ всякія злыя вещи отгребайтесь“ (Сол. гл. 5, ст. 22). И „аще яже тѣхъ добрѣ суть, то наша злѣ: аще же наша добрѣ, то онѣхъ злѣ“, говоритъ св. І. Злат. (Б. Злат. на 14 п. ст. 1693). Надо же узнать гдѣ добрѣ, гдѣ злѣ, и добрѣ держаться, а злыхъ отгребаться.

Р. А долгонько засидѣлся. Прости-ко Христа ради...

Свящ. *Іоаннъ Маракулинъ.*

Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги по вопросамъ вѣры и миссіи Церкви.

О брошюрѣ «Какъ юношѣ содержать въ чистотѣ путь свой».

Состоя священникомъ въ г. Николаевѣ, въ одномъ изъ зараженныхъ хлыстовствомъ приходовъ, по долгу пастырства, естественно приходится мнѣ бесѣдовать и съ церковной каведры, и въ домахъ прихожанъ о болѣзни прихода—хлыстовствѣ, выясняя православнымъ ложь и заблужденія сектантовъ, вразумляя заблудшихъ или колеблющихся въ истинномъ ученіи матери св. Церкви. Между прочимъ, весьма часто затрогивался вопросъ о христіанскомъ бракѣ, который, какъ извѣстно, сектанты-хлысты совершенно отрицають, считая его скверной, а дѣтей, рожденныхъ отъ законнаго соуружества. почитаютъ «грѣшками», называя ихъ часто «щенятами». Первые люди, прародители наши Адамъ и Ева, тѣмъ и согрѣшили, говорятъ хлысты, что вступили въ брачное общеніе, за это Богъ и изгналъ ихъ изъ рая, лишивъ своей любви и райскаго блаженства. Поэтому, «не женатый не женись, а женатый разженись»,—вотъ вкратцѣ ученіе о бракѣ этихъ сектантовъ.

Противъ подобнаго заблужденія, повторяю, всячески, «благовременнѣ и безвременнѣ» (2 Тим. 4, 2), приходилось вооружаться, чтобы не давать плечеламъ сѣяться на нивѣ Божіей.

И вотъ на-дняхъ подходитъ ко мнѣ на улицѣ старикъ, извѣстный сектантъ-хлыстъ, и, вручая печатную брошюру, говоритъ: «вотъ, батюшка, вы обличаете молоканъ (въ Николаевѣ хлысты въ народѣ извѣстны только подъ этимъ именемъ), будто они о бракѣ учатъ не согласно съ волей Божіей и Его св. заповѣдями, а прочтите-ка книжку эту,—увидите, кто правъ. Книжку не мы писали, а монахи: печаталась она въ типографіи Кіево-Печерской Лавры, разрѣшалъ печатать цензоръ протоіерей». Еще на улицѣ, обѣгло прочитавъ нѣсколько листиковъ торжественно врученной брошюры, дался я диву; по мѣрѣ же чтенія ее дома, изумленіе мое возросло.

Брошюра дѣлится на четыре части. Первая часть озаглавлена такъ: «достоинство дѣвства, 2-я—храненіе дѣвства, 3-я—избавленіе отъ зла и 4-я—заключеніе». «Первобытное состояніе человѣка, гласитъ брошюра, дан-

нос ему отъ Бога, было дѣвство; жена была создана только тогда, когда Адамъ увидѣлъ у скотовъ мужескій и женскій полъ и захотѣлъ имъ уподобиться» (Быт. 2, 20). Что это, какъ не намѣренное искаженіе слова Божія? «И нарече Адамъ имена всѣмъ скотомъ и всѣмъ птицамъ небеснымъ, Адаму же не обрѣгся помощникъ, подобный ему» (Быт. 2, 20),— вотъ истинное повѣствованіе слова Божія! Какимъ же образомъ изъ приведенныхъ словъ авторъ дѣлаетъ заключеніе, будто Богъ потому только создалъ жену, что Адамъ захотѣлъ уподобиться скотамъ, а Онъ Всесвятый виялъ его нечистому желанію? Развѣ это не клевета на Бога? Далѣе, брошюра, не поясняя хода священнаго повѣствованія, говоритъ: «и въ угоду женѣ, первый человѣкъ навлекъ на себя проклятіе Божіе... если таково слѣдствіе женитьбы (?), то лучше не жениться. Лучше потому, что грѣшный человѣкъ и плодитъ, и множитъ однихъ грѣшниковъ, изъ коихъ едва кто спасется». (А св. таинства, возрождающія и освящающія человѣка, зачѣмъ? а слова св. Апостола о томъ, что жена спасается чадородіемъ, какъ понимать?). Не подобнаго ли взгляда держатся хлысты, называя дѣтей «грѣшками и щенятами»? «Не толь будетъ ублаженъ въ будущемъ вѣкѣ, кто, имѣя жену и дѣтей, радуется о своей благотворительности близкимъ, но кто оскотиняетъ себя ради царствій Божіихъ (о значеніи воспитанія дѣтей, какъ будущихъ членовъ тѣла Христова авторъ, очевидно, ничего не знаетъ). . Подумай, какое благо имѣть жену... Писаніе же говоритъ о всякомъ похотникѣ (?): сего ради прилѣпится къ женѣ своей» (Быт. 2, 24). Незнаніе это слова Божія или намѣренное искаженіе? Гдѣ авторъ вычиталъ, будто всякій прилѣпляющійся къ женѣ своей, составляющей съ нею нравственно и духовно одну плоть, есть «похотникъ»? Ужели ему неизвѣстно, что тѣснѣйшее единеніе между мужемъ и женою, единеніе до сліянія «въ плоть едину», сказано не въ грязномъ смыслѣ, какъ понимаетъ авторъ, а представляетъ духовный союзъ двухъ лицъ по образу единенія Христа съ Церковью (Еф. 5, 22—33)? «Тѣ, которые хотятъ быть духовными, должны отказаться отъ плоти, ибо плоть не пользуется ничтоже (Іоан. 6, 63)... Если всѣ мы много грѣшимъ (Іак. 3, 2), то не болѣе ли люди женатые? Ибо кто изъ нихъ живетъ такъ, какъ заповѣдалъ Духъ Св.,—чтобы имѣющіе женъ были, какъ неимѣющіе (1 Кор. 7, 33)? Не всѣ ли они пекутся о земномъ и поступаютъ, какъ враги креста Христова?» Что это? Думаю.—хула на Духа Св. Ужели всѣ женатые враги креста Христова? Зачѣмъ авторъ выхватываетъ изъ контекста рѣчи св. Апостола отдѣльные слова, превратно ихъ толкуя и свое толкованіе выдавая за велѣніи Духа Св.? Вѣдь Апостолъ ясно говоритъ: «время прекращено есть прочее» (1 Кор. 7, 29), имѣя въ виду тѣ гоненія, какія христіане должны будутъ претер-

чѣтъ за свое упованіе, когда на время полезно быть ничѣмъ не связаннымъ, чтобы въ гоненіяхъ и пыткахъ, ради семьи, не отречься отъ Господа. Какъ истолкуеть онъ 5 ст. той же 7 гл. 1 Крѣ. и 3 ст. 4 гл. 1 Тмѣ? Господи, что за пользованіе словомъ Божиимъ! Какое затемненіе чистаго ученія Спасителя и Его свв. Апостоловъ о бракѣ-образѣ, этой тайнѣ единенія Христа съ Церковью!

Далѣе, въ брошюрѣ проводится взглядъ на тѣло, какъ злое начало, которое достойно одного поношенія. Тѣло—скверна, «малое и вскорѣ исчезающее зловоніе. Не для того ли, чтобы мы не любили тѣла, Господь устроилъ его такъ, что изверженіе, которое не могло войти въ составъ его, всегда бываетъ отвратительно и смрадно». Не то же ли проповѣдуютъ хлысты? Извѣстно ли автору брошюры, что тѣло,—«это вскорѣ исчезающее зловоніе», какъ онъ выражается, будетъ соучастникомъ души въ блаженствѣ вѣчномъ или мукахъ вѣчныхъ? Знаеть ли онъ слова св. Апостола о томъ, что «это зловоніе» есть храмъ живущаго въ насъ Духа Святого? (1 Крѣ. 6, 19).

На женщину въ брошюрѣ взглядъ самый мрачный: она исключительно рассматривается, какъ нечадіе ада, созданное для погибели души дѣвственника.

Наконецъ, авторъ брошюры, подыскавъ всѣ мѣста изъ книгъ священнаго Писанія ветхаго и новаго завѣтовъ, а также творенія свв. отцевъ Церкви, гдѣ говорится о блудѣ и блудникахъ, такъ искусно или беззастѣнчиво толкуеть ихъ, что блудникъ и женатый, по его словамъ, одно. По крайней мѣрѣ, при всемъ желаніи, трудно, читая брошюру, провести грань между блудниками и брачующимися: тѣхъ и другихъ авторъ посылаетъ въ огонь вѣчный. А между тѣмъ, брошюра (безъ указанія имени своего составителя) дѣйствительно отпечатана въ типографіи Кіево-Печерской Лавры съ дозволенія цензуры, какъ объ этомъ въ началѣ ея значится: «Дозволено цензурой. Кіевъ. 10 ноября 1892 года. Цензоръ, Протоіерей Михаилъ Богдановъ». Что преслѣдовалъ авторъ, издавая подобную брошюру,—судить не берусь. Знаю одно: вредъ она приноситъ огромный и служить, по наведеннымъ справкамъ, для хлыстовъ чуть ли не настольной книгой.

Цѣль посылаемой мною въ «Миссіонерское Обозрѣніе» замѣтки единственно заключается въ томъ, чтобы редакція журнала, голоса котораго слушаемся всѣ мы іереи, посоветывала духовнымъ цензорамъ внимательнѣе просматривать предназначенныя къ печати брошюры, въ которыхъ часто проповѣдуются взгляды, несогласные съ ученіемъ православной Церкви и даже служащіе оружіемъ въ рукахъ сектантовъ противъ св. истины.

Священникъ Кладбищевской г. Николаева церкви,

Николай Левандовскій.

5*

Проф. д-ръ мед. А. Шилтовъ. Мысли о Богочеловѣѣ (съ философской и естественно-научной точекъ зрѣнія). Естественно-научная апологія (?) христіанства. Харьковъ. 1902.

Въ дѣлѣ внутренней мисіи среди интеллигентныхъ невѣровъ для насъ весьма важны сочувствіе и содѣйствіе образованныхъ лицъ изъ свѣтскаго общества. Ихъ ближе знакомъ кругъ мыслей и жизни этого послѣдняго,—болѣе понятны причины религіознаго вольномыслія и индифферентизма въ этой средѣ; для нихъ легче говорить языкомъ, понятнымъ и убѣдительнымъ для людей ихъ общества. Вотъ почему мы всегда съ радостью встрѣчаемъ появленіе сочиненій, подобныхъ указанному въ заголовкѣ.

Проф. Шилтовъ самъ прошелъ путь невѣрія и сомнѣнія. «Двадцать лѣтъ тому назадъ, пишущій настоящія строки сомнѣвался въ божественности ученія Христа и придерживался такого же міровоззрѣнія, какъ и подавляющее большинство правовѣрныхъ ученыхъ. Мнѣ казалось тогда, что позитивныя науки составляютъ альфу и омегу всей человѣческой мудрости. Я имѣлъ самыя отрывочныя, смутныя понятія о лицѣ, характерѣ и дѣятельности Богочеловѣка. Мнѣ казалось, какъ и большинству образованныхъ людей, что Христосъ былъ не болѣе, какъ гениальный человѣкъ. О пророчествахъ я зналъ мало и еще менѣе интересовался ими. Но когда стряслось надомною тяжкое испытаніе — потеря близкаго, дорогаго лица, во мнѣ совершился и нравственный переломъ. Жизнь потеряла въ моихъ глазахъ всякій интересъ, я весь сосредоточился, ушелъ въ себя. Среди уединенія я сталъ изучать психологію, а затѣмъ перешелъ къ медиумизму. Но ни то, ни другое не удовлетворили меня. Тогда со всѣмъ пыломъ души я отдался изученію св. Писанія и чѣмъ болѣе читалъ и размышлялъ надъ этою боговдохновенною книгой, тѣмъ болѣе я чувствовалъ въ себѣ приливъ могучихъ силъ и неяснѣйшую душевную отраду. Я нашелъ, наконецъ, истину. Нынѣ я пользуюсь не только душевнымъ миромъ, но и высокимъ духовнымъ благомъ—христіанскою радостью» (стр. 84).

Какъ самъ проф. Шилтовъ пришелъ къ вѣрѣ путемъ религіознаго опыта, такъ и всѣмъ сомнѣвающимся онъ предлагаетъ этотъ путь. «Религіозный опытъ,—пишетъ онъ въ послѣсловіи,—имѣетъ такое же значеніе, какъ и научный опытъ; онъ ведетъ за собой нравственное и духовное обновленіе человѣка—громадный религіозный фактъ, который выше всякаго научнаго факта, такъ какъ послѣдній не всегда тождественъ истинѣ, тогда какъ религіозный фактъ—есть сама истина» (стр. 89).

Но на пути къ религіознымъ переживаніямъ стоятъ отрицательныя и скептическія взгляды на лицо Іисуса Христа и евангельскую исторію. Авторъ разсматриваетъ эти взгляды и противопоставляетъ имъ сужденія выдаю-

щихся ученых и мыслителей о лицѣ и дѣлахъ Христа. Какъ специалистъ-медикъ, онъ дѣлаетъ много вѣскихъ замѣчаній относительно евангельскихъ чудесъ и особенно воскресенія Христова. Онъ подробно останавливается на фактѣ смерти Иисуса Христа и, принимая въ соображеніе обстоятельства этого событія, приходитъ къ выводу, радикально противоположному фантазерству отрицательныхъ критиковъ, а именно: «если отрицать божественную природу Христа, то о появленіи Его ученикамъ не можетъ быть рѣчи, какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ, т. е., былъ-ли Онъ въ глубокомъ обморокѣ, изъ котораго очнулся, или же Онъ дѣйствительно умеръ на крестѣ» (стр. 48). Опровергая визионерную теорію, Шилтовъ справедливо замѣчаетъ, что эта теорія допускаетъ не только кажущіяся явленія, но и кажущіяся бесѣды. Последнее обстоятельство, т. е., что призраки могутъ не только являться и серьезно бесѣдовать, но еще и принимать пищу, по нашему мнѣнію, — пишетъ онъ, — граничить съ безуміемъ» (стр. 51). Историческій фактъ воскресенія Христова стоитъ твердо и является наилучшимъ свидѣтельствомъ, что христіанская религія представляетъ собой истину непререкаемую.

Обращая вниманіе на причины невѣрія, проф. Шилтовъ обвиняетъ въ этомъ школу. «Последняя выпускаетъ изъ своихъ стѣнъ молодыхъ людей со скудными и сбивчивыми свѣдѣніями о христіанскихъ истинахъ, такъ что они, вступая въ жизнь, увеличиваютъ собою и безъ того громадный контингентъ невѣрующихъ людей» (стр. 80). Онъ настаиваетъ на необходимости введенія въ программу нашихъ средне-учебныхъ заведеній преподаванія теоретической и сверхчувственной экспериментальной психологіи. Благодаря знакомству «съ сверхчувственной экспериментальной психологіей у каждого умственный горизонтъ расширится настолько, что онъ за видимымъ міромъ будетъ склоненъ допустить міръ невидимый, и тогда религія не будетъ ему казаться излишней роскошью въ жизни, а существенно необходимымъ факторомъ для каждого человѣка. Онъ тогда пойметъ, что человѣкъ безъ религіи— это уродливое созданіе, не выполняющее на своемъ жизненномъ пути того высокаго назначенія, какое предназначено ему Высшимъ Разумомъ» (стр. 79).

Глубокое религіозное чувство автора, значительная начитанность его (въ книгѣ приводятся мнѣнія Паскаля, Гизо, Руссо, Гете, Пирогова, Вл. С. Соловьева и др.), прихъненіе къ разрѣшенію нѣкоторыхъ богословскихъ вопросовъ экспериментальной психологіи и медицины дѣлаютъ большую честь автору. Читается сочиненіе легко и только по мѣстамъ оно страдаетъ нѣкоторыми шероховатостями въ изложеніи.

М. Леоновичъ.

Миссіонерскія сѣмена, или рѣшеніе нѣкоторыхъ религіозныхъ вопросовъ изъ области штундизма. Свящ. Савва Богдановича. Умань, 1902 г., in 16ю 48 стр., ц. 10 к.

Двѣ бесѣды миссіонера съ представителемъ штундизма (толстовства). Того же автора. Москва. 1903 г., in. 8ю стр. 12, ц. 10.

Окружной миссіонеръ Кіевской епархіи, священникъ Савва Богдановичъ, не безуспѣшно ведущій борьбу со штундизмомъ и небезызвѣстный въ литературѣ своими миссіонерскими бесѣдами, выпустилъ въ свѣтъ двѣ съ вышеуказанными заглавіями брошюры. Обѣ эти брошюры, какъ принадлежащія перу опытнаго миссіонера—практика, представляютъ собою интересъ, почему мы остановимъ на нихъ вниманіе нашихъ читателей.

Первая брошюрка, озаглавленная авторомъ «Миссіонерскія сѣмена» или рѣшеніе нѣкоторыхъ религіозныхъ вопросовъ изъ области штундизма», представляетъ собою въ нѣкоторомъ родѣ новинку въ нашей полемиической противощтундистской литературѣ. Здѣсь читатель не встрѣтитъ обстоятельнаго разбора ни по одному изъ пререкаемыхъ сектантами вопросовъ, общезнѣмыхъ и обследованныхъ въ нашей полемиической литературѣ; но за то онъ найдетъ не мало вопросовъ, выдвинутыхъ на сцену миссіонерской практикой вновь и потому представляющихъ собою нѣкотораго рода новость. При этомъ авторъ не останавливается подолгу надъ разсмотрѣніемъ этихъ вопросовъ и не исчерпываетъ ихъ во всемъ объемѣ, а разсматриваетъ ихъ слегка, эскизно, какъ бы начерчивая планъ миссіонерской бесѣды по каждому изъ нихъ и представляя широкое поле для самостоятельной дѣятельности миссіонера. По нашему мнѣнію, «Миссіонерскія сѣмена» свящ. Богдановича могутъ принести большую пользу начинающему миссіонерскую дѣятельность. Всѣ общепринятые руководства по обличенію штундизма, за рѣдкими исключеніями, отличаются теоретизмомъ, часто крайнею растянутостью и нагроможденіемъ излишнихъ доказательствъ,—отсюда—на практикѣ—малоприспособленностью; иногда даже вводятъ въ смущеніе не вполнѣ опытныхъ миссіонеровъ, которые теряются въ массѣ матеріала и не знаютъ, какъ приступить къ дѣлу. «Миссіонерскія сѣмена» вводятъ въ самую сущность миссіонерской дѣятельности, въ ея духъ, характеръ и направленіе, позволяютъ миссіонеру, въ особенности начинающему, ориентироваться въ сложномъ дѣлѣ миссіи и вести бесѣды безъ излишняго разглагольствованія, направляя ихъ къ опредѣленной цѣли. Въ виду этого, книжица—«Миссіонерскія сѣмена» представляетъ собою цѣнность для практическихъ дѣателей миссіи и можетъ быть очень и очень полезной для нихъ.

Вторая брошюрка нашего автора, заключающая въ себѣ двѣ бесѣды, направленная преимущественно противъ толстовства, проникшаго и пустив-

шаго корня среди штундизма, представляет не менѣ интереса, чѣмъ первая. Толстовство, проникши въ среду штундизма и духоборчества, принесло не мало бѣдъ, окрасило и окрашивается эти секты въ цвѣтъ соціально-политическій. Вредъ отъ этого вліянія—выше всякаго сомнѣнія и налицо. Не станемъ касаться этого вопроса, пріобрѣтшаго себѣ печальную извѣстность,—но замѣтимъ только, что всякія попытки миссіонеровъ, направляемыя противъ толстовскихъ тенденцій, проникающихъ въ наше сектанство, должны быть особенно отмѣчаемы и привѣтствуемы нашимъ журналомъ, какъ отрадныя и весьма желательныя явленія. Двѣ бесѣды священника Богдановича: одна изъ нихъ—о таинствѣ причащенія, а другая—о невозможности равенства людей между собою въ имущественномъ и во всякомъ другомъ отношеніи—заслуживаютъ нашего вниманія и одобренія. Авторъ очень умѣло и устроумно опровергаетъ толстовскія воззрѣнія по этимъ вопросамъ, проникшія въ штундизмъ Кіевской епархіи, путемъ разсудочныхъ доказательствъ; и въ концѣ концовъ приводитъ читателя къ сознанію полнѣйшей несостоятельности этихъ заблужденій. Обѣ бесѣды хотя и коротки, но довольно доказательны и поучительны, для дѣла миссіи—полезны.

Пожелаемъ этимъ скромнымъ, но полезнымъ изданіямъ миссіонера свящ. С. Богдановича широкаго распространенія и извѣстности. Пріобрѣтеніе ихъ, въ виду крайней ихъ дешевизны, для интересующихся дѣлами миссіи—возможно и желательно.

П. Козицкий.

ХРОНИКА.

I.

Изъ міра инославія и заграничнаго сектантства.

О религіозномъ движеніи въ Индіи.—„Союзъ Воскреснаго Дня“.—Толстой, юдаизмъ и американцы.

Французская газета: *Avenir du Tonquin* сообщаетъ свѣдѣнія объ убыли въ Индіи приверженцевъ браманизма и объ успѣхахъ индуизма и ставитъ это религіозное движеніе въ зависимость отъ голода, 10 лѣтъ подрядъ терзавшаго страну. Вторая господствующая религія—магометанство, въ противоположность браманизму, развивается необыкновенно быстро. Буддизмъ пріобрѣтаетъ все большее и большее значеніе въ Бирманіи, гдѣ число его послѣдователей увеличивалось на 33%. Христіанъ относительно очень немного. Евреи умножились съ послѣдней переписи на 1 милл. 100 тыс. Различныя мелкія секты теряютъ приверженцевъ. Тѣмъ не менѣе, не смотря на успѣхи магометанства, буддизма и индуизма, браманизмъ продолжаетъ быть господствующей религіей въ Британской Индіи, такъ какъ послѣдователи его составляютъ и теперь 70% всего населенія.

Французская газета: *Les Debats*. Подъ заглавіемъ «Безуміе продолжается» газета помѣщаетъ замѣтку о томъ, что духоборы, водворенные принятыми правительствомъ мѣрами на мѣста жительства, очнулись отъ охватившаго ихъ безумія и повидимому успокоились. Авторъ замѣтки требуетъ, чтобы американское правительство позаботилось о членахъ Союза Воскреснаго Дня такъ же, какъ оно позаботилось о духоборахъ. „Эти несчастные протестантскіе маньяки“, говоритъ онъ, „такъ-же заслуживаютъ вниманія правительства Соединенныхъ Штатовъ, какъ и живущіе на сѣверо-западѣ русскіе. Опасно позволять этимъ несчастнымъ свободно разгуливать по Штатамъ“.

Протестанты Союза Воскреснаго Дня требовали уже закрытія всѣхъ почтовыхъ конторъ и отдѣленій по воскреснымъ днямъ. Теперь они хлопочать о томъ, чтобы и поѣзда желѣзныхъ дорогъ не ходили-бы въ „день Господень“.

По мнѣнію газеты манія продолжается и что настало время обра-

тить вниманіе на дѣйствія членовъ „Союза Воскреснаго Дня“. Нельзя-же относиться серьезно къ ихъ требованіямъ; мы стоимъ лицомъ къ лицу съ болѣзненнымъ явленіемъ и вмѣшательство власти стало необходимымъ.

Французск. газ.: *Temps*. Толстой, юдаизмъ и американцы. Приводимъ выдержку изъ этой статьи, въ которой говорится, между прочимъ, о томъ, что по поводу сѣзда сionистовъ въ Минскѣ, Берсъ напелъ нужнымъ объяснить, по какимъ причинамъ его знаменитый родственникъ, Л. Н. Толстой, сдѣлался горячимъ сгоронникомъ юдаизма. Г. Берсъ приводитъ подлинныя слова Толстого, произнесенныя имъ въ дружеской бесѣдѣ:

„Юдаизмъ почитаетъ божество, какъ идею, и не допускаетъ ни малѣйшаго фетишизма. Въ десяти заповѣдяхъ онъ научаетъ отличать добро отъ зла и у пророка Исаи христіанскій идеалъ выраженъ съ такой прелестью, что я не устаю приводить эти слова въ моихъ твореніяхъ: „Настанетъ время, когда мечи перекуютъ на орала и левъ будетъ пастись рядомъ съ ягненокъ, до такой степени наполнится земля любовью!“

Наконецъ, юдаизмъ обѣщаетъ вѣчную жизнь только въ памяти потомства, т. е. въ торжествѣ любви или въ царствіи Божьемъ на землѣ“.

И Толстой не можетъ понять, какъ эго Шопенгауеръ говоритъ, что юдаизмъ не обѣщаетъ ничего умирающимъ. Тѣмъ не менѣе апостолъ изъ Ясной Поляны всетаки упрекаетъ Моисея за то, что онъ сдѣлалъ свой народъ избраннымъ народомъ Божіимъ. По мнѣнію Толстого, сознаніе этого превосходства надъ остальными народами отдѣлило евреевъ отъ всего чловѣчества:

„Подавленные и угнетенные этимъ сознаніемъ, евреи давно ужъ отказались бы отъ этого предрасудка, если бы имъ протянули руку и предложили миръ. Но, какъ побѣжденные, они и не могутъ отказаться отъ этого преимущества, никто не повѣрилъ бы искренности ихъ отреченія, а потому, мы—побѣдители обязаны первые показать имъ примѣръ любви къ ближнему и тѣмъ окончательно разрушить предрасудокъ, съ глубокой древности укоренившійся въ юдаизмѣ“.

По мнѣнію автора статьи, выдержку изъ которой мы приводимъ, Толстой забываетъ, что идея „избранности народа“ не принадлежитъ исключительно юдаизму; мы встречаемся съ ней во всѣхъ примитивныхъ религіяхъ, это даже необходимый элементъ развитія народовъ. Безъ этого вѣрованія нѣтъ народа и, стало быть, нѣтъ и болѣе широкаго идеала всеобщаго братства народовъ; понятно, что этотъ идеалъ народился уже послѣ образованія различныхъ народовъ. Но Толстой, какъ извѣстно, не признаетъ развитія и наука о религіяхъ имѣетъ для него такъ же мало значенія, какъ всѣ науки экономическія и соціальныя.

С. В.

II.

Миссіонерство, секты и расколъ.**Злоупотребленіе именемъ о. Іоанна Кронштадтскаго со стороны сектантовъ хлыстовъ.**

Въ истекшемъ году въ слободѣ Карповкѣ 2-го Донского округа О. В. Донского обнаружилось слѣдующее.

Въ слободѣ Карповкѣ проживаетъ мѣщанинъ г. Царицина Лукьянъ Скоробогатченко; у него есть сынъ-Прохоръ (лѣтъ 30). Послѣдній, придя домой съ военной службѣ, женился; но потомъ бросилъ жену и скрылся невѣдомо куда; около 5 лѣтъ онъ то уѣзжалъ куда-то, то появлялся. Весной прошлаго года онъ явился въ слободу Карповку къ своимъ родителямъ и сталъ устраивать собранія—съ чтеніемъ акаѳистовъ и пѣніемъ священныхъ пѣснопѣній и учить, что не должно жить съ женой, а нужно „по благодати“ и что тогда въ человѣка „вселяется Св. Духъ“. Кромѣ того, Скоробогатченко проповѣдывалъ, что о. Іоаннъ Кронштадтскій есть богъ, въ немъ воплотился І. Христосъ, въ немъ пребываетъ Св. Троица. Притомъ, Прохоръ раздавалъ портреты о. І. Кронштадтскаго, называя ихъ „иконами“, освященными будто-бы самимъ о. Іоанномъ. На усердныхъ и настойчивыхъ увѣщанія мѣстнаго настыря Прохоръ не обращалъ вниманія. Многіе колебались проповѣдью Прохора, нѣкоторые, правда немногіе, открыто стали его послѣдователями. Прохоръ и его послѣдователи ходили съ проповѣдью своего лжеученія по домамъ слободы Карповки и сосѣднихъ селеній (Мариновки, Россоши и др.); причѣмъ они дѣлали сборы деньгами и вещами въ пользу будто бы о. Іоанна Кронштадтскаго. По поводу лжеученія и дѣлъ Скоробогатченко карповскимъ волостнымъ старшиной былъ составленъ протоколъ (10-го Августа): замѣчено было собраніе въ одномъ изъ домовъ Карповки,—Прохоръ проповѣдывалъ, что о. І. Кронштадтскій—не человѣкъ, а богъ; на столѣ на чайномъ блюдѣ находилась раздробленная просфора и въ двухъ бутылкахъ—вино, что Прохоръ называлъ тѣломъ и кровью Господа Іисуса Христа, преподанными ему будто бы самимъ о. Іоанномъ Кронштадтскимъ; кромѣ того, найдена была книжка, въ которую записаны были пожертвованія и имена жертвователей; на божницѣ вмѣстѣ съ иконами находи-

лось нѣсколько портретовъ о. Іоанна Кронштадтскаго, предъ которыми горѣли двѣ лампы.. 1)

Будучи въ слободѣ Карповѣ, я разспрашивалъ слобожанъ объ ученіи и пропагандистскихъ дѣйствіяхъ Скоробогатченко. На мой вопросъ: „не обманщикъ ли Прохоръ?“ одна старушка отвѣтила мнѣ: „не должно этого быть: онъ—въ родѣ какъ-бы лакея у о. Іоанна Кронштадтскаго и о. Іоаннъ посылаетъ его по надобности; нашихъ много поѣхало въ Кронштадтъ къ о. Іоанну и пишутъ оттуда, что о. Іоаннъ каждый день бываетъ у нихъ и живутъ они тамъ хорошо, молятся Богу“...

Когда мы съ мѣстнымъ священникомъ вошли въ домъ Прохорова отца для частной бесѣды (онъ, очевидно, ждалъ нашего прихода), мы нашли Прохора стоящимъ на колѣняхъ предъ божницей, на которой были поставлены три одинаковыхъ большого формата портрета о. Іоанна Кронштадтскаго, предъ портретами на маленькихъ мѣдныхъ подсвѣчникахъ горѣли три восковыхъ свѣчи и самъ Прохоръ читалъ предъ ними акаѳистъ Божіей Матери.

Бесѣдуя съ нами, Прохоръ то притворялся непонимающимъ, то дѣлалъ смиренную фізіономію, униженно кланялся, то отвѣчалъ шутками и дерзкой насмѣшкой на серьезную рѣчь. Для характеристики Прохора и его упованія привожу нѣсколько выдержекъ изъ нашихъ съ нимъ бесѣдъ.

— „ Знакомы ли вы съ о. Іоанномъ?“—спрашиваю я.

— „ Онъ и теперь со мной“,—отвѣчаетъ Прохоръ.

„ Слово Божіе запрещаетъ почитать людей за боговъ и кланяться имъ, какъ Богу“ (Дѣяній 10, 26; 14, 11—18).

— „ Я не человѣку кланяюсь, а въ немъ Богу“.

„ Гдѣ на это заповѣдь во святомъ Писаніи, или постановленіяхъ Церкви?“

— „ Заповѣди такой нѣтъ, а по дѣламъ видно, что нужно вѣрить, что въ о. Іоаннѣ --Богъ“. Прохоръ прочелъ 10 главу ев. отъ

1) Исторія сектантства въ слободѣ Карповѣ такова. Сектантство въ этой слободѣ ведетъ свое начало—по слухамъ—отъ бывшаго единовѣрческимъ священникомъ Николая, извѣстнаго подъ именемъ Дубовскаго (изъ мѣстечка „Дубовки“); Николай предсказывалъ будущее, исцѣлялъ и бралъ за это плату, былъ подъ судомъ и, кажется, былъ сосланъ. Его ученикомъ былъ отставной солдатъ Илья Хвоцевъ, житель слободы Карповки; этотъ тоже занимался предсказаніями и распространялъ убѣжденіе, что въ немъ—Богъ, онъ—святый и проч. Илья умеръ; его ученикомъ—былъ Прохоръ Лукьяновъ Скоробогатченко.

Іоанна. „Вы немножко того... мало понимаете!“—сказалъ онъ вдругъ, измѣнивъ тонъ.

— „Это какъ-бы въ родѣ—посуда, въ которой—Богъ“, стараясь помочь моему непониманію, замѣтилъ мнѣ одинъ изъ слушателей бесѣды, очевидно, послѣдователь Прохора.

— „Если бы о. Іоаннъ Кронштадтскій былъ здѣсь, онъ не позволилъ бы, строго запретилъ бы вамъ дѣлать то, что вы дѣлаете“ (предъ тѣмъ я читалъ народу сообщеніе въ газетѣ „Свѣтъ“ о томъ, какъ о. Іоаннъ обличилъ заблужденіе крестьянина Артамонова, и самый нумеръ газеты отдалъ одному изъ слушателей, по его просьбѣ), — замѣтилъ я хлыстовствующимъ.

— „Я знаю, что о. Іоаннъ сказалъ бы“, рѣзко отвѣтилъ Прохоръ,— „онъ сказалъ бы: гоните этого дурака въ шею! бейте его! онъ грѣшенъ, такъ ему и надо пострадать“...

— „Эхъ вы“, сказала одна старушка съ типичнымъ хлыстовскимъ, какимъ-то стекляннымъ, порой злымъ, взоромъ. „Собрались—сколько народу на одного, бѣднаго Проху... а онъ, Проха,—свѣтой, онъ—все правду говорить“.

Я объяснилъ народу смыслъ „страданій“—сектантовъ: разбойникъ, висѣвшій на крестѣ по лѣвую сторону креста Христова, страдалъ, но—не во спасеніе; бесѣда-же, какъ всѣ видятъ, не доставляетъ мученій бесѣдующимъ... А если сектантовъ иногда правительство наказываетъ, то—не за вѣру, а за злыя дѣла. за которыя оно и православныхъ не милуетъ ¹⁾).

— „Нѣтъ въ о. Іоаннѣ—Богъ! въ немъ Троица святая! Истинно! а вы говорите противъ Бога! ваши рѣчи отъ сатаны!“

— „Писаніе повелѣваетъ чтить праведныхъ людей, но—какъ людей, какъ святыхъ молитвенниковъ за насъ предъ Богомъ, а не какъ Бога; и почитаніе праведныхъ возможно лишь по ихъ увѣнчанію Богомъ, а доколѣ они—въ этомъ „смертномъ“, слѣдов. грѣховномъ тѣлѣ, ихъ нельзя считать за святыхъ, безгрѣшныхъ“ (І Іоан. 1, 8).

— „О. Іоаннъ уже умеръ; онъ умеръ“...

Въ концѣ бесѣды съ Прохоромъ я, оставивъ его въ покоѣ.

¹⁾ Прохоръ, какъ мнѣ сообщали, распустилъ молву, что о. І. Кронштадтскій ругалъ и билъ его, а онъ, Прохоръ, стоялъ на колѣняхъ на порогѣ (слушатели—карповцы должны думать... кабинета о. Іоанна).

излагалъ предъ слушателями основныя пункты хлыстовскаго лжеученія и опроверженіе ихъ на основаніи слова Божія.

Слышались голоса изъ толпы; „это вы вѣрно говорите—меня отговаривали они отъ свадьбы“... „Богородицы у нихъ точно бываютъ: самъ Прохоръ Домну и Екатерину называлъ богородицами“.

Стоявшій тутъ же Прохоръ, смиренно опустивъ глаза, повторилъ, что „Домна и Екатерина—истинно ангелы Божіи, Матери Божіи“.

На другой бесѣдѣ Прохоръ вдругъ неожиданно упалъ предо мною на колѣна говоря: „простите меня, грѣшнаго,—я воровалъ и блудъ творилъ“... Лицо его, при—этомъ, не выражало искренняго раскаянія, а обличало затаенную, хитрую улыбку.

Во время пребыванія въ слободѣ мнѣ пришлось узнать многое о дѣяніяхъ Прохора и его соучастниковъ.

Старушка, сообщившая мнѣ, что «много нашихъ живутъ въ Кронштадтѣ», сообщила нѣчто правдоподобное. Около 13 душъ, предполагается карповскими слобожанами, изъ ихъ родныхъ и сосѣдей живутъ у о. Іоанна въ Кронштадтѣ: большинство ихъ молодыя дѣвушки *). Всѣ эти лица отпращены въ Кронштадтъ, по убѣжденію и подъ руководствомъ того же Прохора Скоробогатченко.

Слѣдующія лица живутъ будто-бы подъ покровительствомъ о. Іоанна въ Кронштадтѣ. Домна Георгіева Близгарева (21 г.), Анна Θεодорова Лисицкая (16 л.), Екатерина Дмитріева Близгарева (18 л.), Степанъ Лиходѣтовъ (43 л.), дѣти его: Агаѣя (16 л.), Евдокія (14 л.), Пантелеймонъ (10 л.), Василій (7 л.), Анастасія (5 л.), мать Степана Елена Лазарева—по другому мужу Соловьева (69 л.), Иванъ Васильевъ Землянскій (42 л.), Марѳа Михайлова Дубинина (16 л.), и нѣкая дѣвушка Надежда (16 л.). Нѣкоторыхъ изъ Карповцевъ приводятъ въ заблужденіе письма, которыя получаютъ ими отъ проживающихъ будто-бы въ Кронштадтѣ, въ коихъ отпращиватели просятъ своихъ родителей и родственниковъ благодарить «брата Прохора». Копія съ одного изъ такихъ писемъ у меня имѣется.

Пишетъ Анна Лисицкая (сама — неграмотная) своимъ родителямъ.

*) Послѣ моихъ бесѣдъ матери и родственники проживающихъ будто бы въ Кронштадтѣ—съ слезами на глазахъ просили меня разслѣдовать, „правда ли, что они во Кронштадтѣ и у о. Іоанна“. Я далъ слово сдѣлать это и покорнѣйше прошу редакцію напечатать имена Кроншт. паломниковъ въ полномъ видѣ.

Письмо привожу безъ измѣненій, исправляя только орфографію.

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Христось посреди насъ. Миръ вамъ. Во первыхъ, дорогой Батюшка ¹⁾ посылаетъ благословеніе на весь вашъ домъ и на всю вашу сторону. Мы просили и онъ благословилъ насъ всѣхъ здѣсь жить. Дорогие родители, папа и мама! Пишу о себѣ, что я, великая грѣшница, такъ рада и довольна своею жизнію; какой Господь милосердый къ намъ грѣшнымъ... принялъ и причастилъ всѣхъ насъ на общей исповѣди и на квартиру прѣзжаетъ часто и насъ, грѣшныхъ, утѣшаетъ. Мы всѣ, по молитвамъ дорогого братца Прохора, живемъ на одной квартирѣ, гдѣ насъ братецъ Прохоръ охлопоталъ ²⁾. Мама, благодари Господа и брата Прохора,—воистину онъ насъ устроилъ и Екатерина съ Домной насъ не оставляютъ, а какъ за дѣтьми ухаживаютъ. Мама, благодари Бога, я довольна, очень довольна своею жизнію, только одно, благодарю Бога за Его милость къ намъ, грѣшнымъ. И, вотъ, мама, ради Господа пришли мнѣ мои наряды, а какъ прислать—снеси брату Прохору, а отъ него кто-нибудь поѣдетъ и привезетъ, или онъ самъ. Мама, мы писали вамъ письмо и просили денегъ, писали мы на Домнина отца, не знаемъ получили ли вы или нѣтъ. Если получили, то что мы тамъ писали, это мы по глупости писали, самовольно. А у Отца ³⁾ и не спрашивали. А теперь насъ всѣхъ батюшка благословилъ и вотъ, мама, я просила денегъ 15 р. Пришли ради Господа; потому что надо дорогого батюшку поблагодарить за его милость къ намъ и за васъ за всѣхъ онъ отслужить молебень благодарственный. Мама, благодари Господа: я выздоравливаю, поправляюсь: голова легче и ноги лучше ⁴⁾. Прошу тебя, мама и папа, купите мнѣ одѣяло байковое и пришлите чрезъ братца Прохора. Мама, сходи ты къ братцу Прохору и поблаговари его, за его хлопоты, за насъ грѣшныхъ: онъ намъ,—какъ родной отецъ. Сюда братецъ прѣзжалъ и привозилъ всѣмъ дѣвчатамъ гостинцевъ, кому что отъ мамашей, а ты мнѣ ничего не прислала, я горько заплакала за твое нерадѣніе. А Катерина сестрица сказала: не плачь, дѣточка.

¹⁾ Карповскіе адресаты разумѣютъ здѣсь о. Іоанна Кронштадтскаго.

²⁾ По слухамъ въ Карповкѣ—это домъ „Максимовыхъ“ въ Кронштадтѣ.

³⁾ И на собесѣдованіяхъ Прохоръ и другіе вмѣсто «о. Іоанна» употребляли загадочное: «Отецъ». Народъ же за этимъ словомъ разумѣлъ «о. Іоанна».

⁴⁾ А. Лисицкая едва владѣла ногами, когда жила въ Карповкѣ.

она и тебѣ пришлетъ. Не забывайте вы, ради Господа, про меня. Чадо ваше Аня. Мама, скажи всѣмъ мамкамъ и всѣмъ дивчаты пока довольны и ждутъ денегъ и гостинцевъ чрезъ братца Прохора».

На конвертѣ этого письма стоитъ почтовая пометка: „Кронштадтъ“ 10—IX.

Предоставляю читателямъ судить, что скрывается за вышеприведеннымъ письмомъ. Скажу только то, что трудно бороться съ пропагандой, прикрывающейся авторитетомъ о. Іоанна: имя о. Іоанна не упоминается въ письмѣ, но письмо явно играетъ словами и рассчитываетъ скрыть свои цѣли славой Кронштадтскаго настыря.

Іѣтомъ въ Карповку пріѣзжала нѣкая Екатерина, живущая будто бы около 5 лѣтъ въ Кронштадтѣ, особа, по лѣтамъ, не первой молодости. Сблизившись съ Карповской дѣвушкой Домной Близгаревой (по отзыву мѣстнаго священника Домна дотолѣ была дѣвушкой, повидимому, весьма скромной и богомольной), Екатерина и уговорила Карповскихъ дѣвушекъ отправиться съ нею въ Кронштадтъ, отказаться отъ замужества и посвятить себя будто-бы дѣлу спасенія души.

— „Какъ же вы отпустили своихъ дочерей въ такую даль почти одинѣхъ?“—спрашивалъ я родителей увезенныхъ дѣвушекъ.

— „Да такъ и отпустили: замужемъ нынче рѣдко хорошо живутъ, а тамъ онѣ у святаго дѣла и вотъ нишутъ, что имъ тамъ хорошо“...

Объ этой Екатеринѣ, увезшей дѣвушекъ, и упоминается въ вышеприведенномъ письмѣ; невольно является предположеніе, не она ли и авторъ письма?

По слухамъ, ходящимъ въ Карповкѣ, подтверждаемымъ словами Прохора и письмами изъ Кронштадта, уѣхавшіе изъ Карповки въ Кронштадтъ живутъ тамъ хорошо: «ничего почти не дѣлаютъ, а только молятся Богу, живутъ всѣ вмѣстѣ». «Отецъ» (подразумѣвается въ Карповкѣ—Іоаннъ Кронштадтскій) каждый день бываетъ у нихъ; кормятъ ихъ хорошо, даютъ рыбное, полагается чай, мяса только не даютъ; съ cadaго пріѣхавшаго за содержаніе берутъ тамъ по 25 к. въ день, а если скажешь, что ты—„Прохоровъ“, «отъ Прохора», то содержатъ безплатно.

Родители уѣхавшихъ дѣвушекъ, живущіе въ Карповкѣ, побаиваются Прохора: онъ одинъ знаетъ, гдѣ ихъ дочери, въ его рукахъ судьба послѣднихъ. И Прохоръ пользуется своимъ положе-

ніемъ: одну изъ матерей дѣвушекъ, настойчиво приставшую къ нему, онъ чуть ли не вытолкалъ изъ дому.

Нѣкіе братья и сестра изъявили Прохору желаніе поѣхать „къ о. Іоанну“ и просили его руководства; онъ отказалъ имъ въ этомъ и предложилъ имъ свое руководство подѣ условіемъ, если они продадутъ все хозяйство и поѣдутъ всей семьей.

Помимо хлопотъ съ дѣвушками, другимъ крупнымъ дѣніемъ Прохора являются дѣлаемые имъ сборы. По разсказамъ, онъ производилъ ихъ такъ. Ни слова не говоря, онъ входилъ въ домъ слобожанина, ставилъ къ образамъ портретъ о. Іоанна и начиналъ читать акаѳистъ, или править молебенъ: при этомъ онъ имѣлъ при себѣ „причастіе, преподанное ему“, по его словамъ, „о. Іоанномъ“,—во множествѣ раздавалъ портреты о. Іоанна и рекомендовалъ ставить и употреблять ихъ, какъ иконы; при концѣ моленій онъ осѣнялъ народъ крестомъ... Въ заключеніе онъ просилъ „пожертвовать что-либо о. Іоанну“, или „на проскомидію о. Іоанну“. Въ нѣкоторыхъ домахъ его не принимали, въ нѣкоторыхъ принимали и давали, давали деньгами и хлѣбомъ. Такими сборами занимался изъ единомышленниковъ Прохора еще Степанъ Лихолѣтовъ. Во время моего пребыванія въ Карповкѣ (25—28 Окт.) нѣкоторые слобожане говорили мнѣ, что видѣли Степана Лихолѣтова производящимъ подобные сборы въ г. Царицинѣ.

Домна и Екатерина также дѣлали сборы и имѣли „причастіе“, преподанное имъ будто бы отъ о. Іоанна; имъ онѣ причащали кое-кого изъ карповскихъ обывателей.

Результатомъ этихъ сборовъ было то, что Прохоръ и Степанъ—бѣдняки дотолѣ, по свидѣтельству сосѣдей, значительно поправили свое матеріальное благосостояніе—въ костюмахъ, пищѣ и хозяйствѣ; Прохоръ говорилъ будто-бы по этому поводу своимъ односельчанамъ: „идите за мной, видите я ничего не дѣлаю, сладко ѣмъ, хожу чисто и вы такъ будете...“

Мѣстный священникъ разоблачалъ предъ своими прихожанами лжеученіе Прохора, запрещалъ имъ ставить портреты о. Іоанна, раздаваемые Прохоромъ, на божницѣ и молиться предъ ними, а рекомендовалъ вѣшать ихъ на стѣну рядомъ съ другими портретами—отдѣльно отъ иконъ. Прохоръ однажды далъ обѣщаніе священнику оставить свои рѣчи и дѣла, но потомъ нарушилъ обѣщаніе, не обращая вниманія на слова пастыря, занялся вновь распространеніемъ лжеученія—и на новое увѣщаніе далъ пись-

менно священнику такой отвѣтъ: „Въ о. Іоаннѣ—Богѣ. Я вижу въ о. Іоаннѣ Бога. Грѣшныи Прохоръ“.

Къ вышеизложенному сообщенію о злоупотребленіи именемъ о. Іоанна Кронштадтскаго считаю нужнымъ прибавить еще и слѣдующее.

Благодаря содѣйствію властей, жители слоб. Карповки „этапнымъ порядкомъ“, какъ безпаспортные, были возвращены изъ Кронштадта. Двѣ дѣвушки изъ возвратившихся чистосердечно раскаялись въ своемъ заблужденіи.

Одна изъ нихъ рассказала: „я поѣхала въ первыхъ числахъ Августа с. г. въ Кронштадтъ съ Домной Близгаревой и при мнѣ было вещей на 25 р. и наличными деньгами 8 р.; деньги и вещи Домна взяла у меня и не отдала ихъ, а сказала, что „вещи всѣ потеряла, а деньги отдамъ „Отцу“ „на обѣдню“. Когда мы пріѣхали въ Кронштадтъ, Домна и Екатерина оставили насъ въ хлѣвѣ, на дровахъ во дворѣ д. Максимова, а сами поѣхали на поклоненіе „свѣтому отцу Назарію“. Въ хлѣвѣ мы жили около недѣли, до возвращенія Домны и Екатерины съ поклоненія, и по возвращеніи ихъ мы поселились въ домѣ Максимова. Къ намъ по временамъ пріѣзжалъ Прохоръ Скоробогатченко, причемъ во время пребыванія его у насъ онъ ночевалъ въ отдѣльной комнатѣ или съ Екатериною, или съ Домною“. Въ отвѣтъ на письмо, написанное отъ имени этой дѣвушки (писемъ, подобныхъ прежде приведенному, нами послано было изъ Кронштадта нѣсколько), родители ея изъ Карповки чрезъ Прохора Скоробогатченко послали ей вещей на 30 р. и денегъ 8 р. Дѣвушка, по ея признанію, ничего не получила: ни денегъ, ни вещей. Далѣе, она рассказала, что „Екатерину всѣ называютъ „Скорбящей Божьей Матерью“ и послѣдняя „причащала“ другихъ дѣвушекъ. Являлась на квартиру неизвѣстная женщина; ее также называли „богородицею“, заставляли ей кланяться и цѣловать ея ноги. Есть и еще богородица. А Прохоръ Скоробогатченко внушалъ всѣмъ: „не обращайтесь къ священнику и не ходите къ нему, а то пропадетъ ваша душа—священникъ до добра васъ не доведетъ. У вашихъ отцовъ и матерей роги на головѣ и они черные, только вы не видите“. Домна внушала всѣмъ „сестрицамъ“: къ священнику не обращайтесь; если онъ не будетъ давать молитву, то и не надо: братъ Прохоръ дастъ молитву, онъ и причащать будетъ. Никому ничего не говорите, а хвалитесь, что хорошо жить“. Пр. Скоро-

богатченко, Домна и Екатерина настойчиво посылали всѣхъ дѣвицъ побираться по городу и около церкви, говоря: „кто проситъ милостыню, тому Богъ награду дастъ“. Все собранное дѣвцами отдавалось посылавшимъ; тѣ, которыя приносили мало, получали выговоръ, а приносившія больше—похвалу. Подъ угрозою изгнанія изъ дома дѣвушекъ принуждали воровать свѣчи въ церкви.

Однажды, когда Домна въ присутствіи „богородицы“ читала акаѳистъ, послѣдняя при пѣніи „Пресвятая Богородице, спаси насъ“ поднимала руки и ими махала, а когда пѣли: „Иисусе, Сыне Божій, помилуй насъ“, богородица поднимала руки кверху.

Другая, изъ возвратившихся изъ Кронштадта дѣвушекъ, подтвердила все вышесказанное и добавила, что одну изъ посѣщавшихъ ихъ квартиру богородицъ зовутъ „Прасковья Яковлевна“; другую—извѣстную имъ—„Порѣнрія“ (вѣроятно—Пульхерія). Екатерина же, указывая на Прасковью Як., говорила: „воистинну она—богородица“.

Разсказавшая послѣднее дѣвушка, ѣдучи въ Кронштадтъ вмѣстѣ съ Домной и Екатериной, взяла съ собою одежды и бѣлья на 25 р. и денегъ 5 р. 30 к. Деньги тѣ же Домна и Екатерина—подъ угрозой бросить ее одну въ С. Петербургѣ—отняли у нея; вещи безъ всякихъ объясненій взяли въ Кронштадтѣ.

Безъ согласія той же дѣвушки, по приказанію П. Скоробогатченко, Екатерина написала ей родителямъ письмо. Оно почти буквально сходно съ прежде приведеннымъ. Вотъ его текстъ: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, Аминь. Христосъ посреди насъ. Миръ вамъ. Дорогая мама! Отецъ родной! Батюшка посылаетъ вамъ всѣмъ благословеніе на всю вашу сторону. Милая мама! Меня милый, родной Отецъ принялъ и на квартирѣ причастилъ. Я не знаю, какъ и благодарить Господа за его неизреченную милость. А я должна понять, что это по молитвамъ брата Прохора. Мамо-чка! благодари Господа и брата Прохора—воистину благодари и вотъ здѣсь воистину новый Іерусалимъ. И когда пріѣхалъ братецъ Прохоръ и мы всѣ оживились и пошли къ Отцу съ нимъ. Братецъ Прохоръ объ насъ похлопоталъ и Катерина съ Домной насъ не оставляютъ и Отецъ насъ всѣхъ благословилъ. И когда мы послали первое письмо къ вамъ, это мы по глупости своей написали, а у отца мы еще не спрашивали. А теперь говоримъ, что воистинну намъ Батюшка благословилъ здѣсь жить и вотъ, мама, ради Господа, собери все мое въ узелъ и снеси брату Прохору, я

«его просила, а онъ мнѣ пришлетъ—кто сюда поѣдетъ. Мама, свяжи въ узелъ одѣяло и щиблеты, положи и платье, если не сшито—все равно, положи и все, что есть, и кофту, потому что у насъ здѣсь комната: все пригодится. Мама, мы просили денегъ, если не послали, то теперь пришли вмѣстѣ съ одеждой—рублей 15. Мамаша, прошу тебя, ради Господа, исполни это все, что я прошу. Мама, скажи всѣмъ мамкамъ, что дорогой Батюшка пріѣхалъ на квартиру и всѣхъ благословилъ здѣсь пожить. Мама, всѣ дивчаты, какъ хотять, а я хочу, все чтобъ ты мнѣ прислала-бы и сходи къ брату Прохору и поблагодари его за все, что онъ объ насъ заботится.

Затѣмъ, остаемся по милосердію Отца живы и чего вамъ желаемъ.

Дочь ваша“ такая то.

„И всѣ дивчаты своимъ мамкамъ кланяются. Мама, не слушай никого. А ходи къ родному брату Прохору и слушай, что онъ скажетъ и все исполняй, потому что онъ, какъ отецъ, объ насъ заботится и Катерина и Домна насъ наблюдаютъ, какъ дѣтей. Мы всѣ очень рады и довольны, что сюда попали во святой городъ Кронштадтъ. Благодаримъ Бога“.

По этому письму родителями дѣвушки, наня которыхъ оно было послано, было передано дочери въ Кронштадтъ чрезъ Степана Лихолѣтова (одного изъ соучастниковъ Прохора) вещей на 9 р. 50. к. и денегъ 2 р. и чрезъ Прохора Скоробогатченко вещей на 42 р. и денегъ 15 р.; кромѣ того, 2 р. было зашито матерью дѣвушки въ отосланной ей кофтѣ. Всѣ эти деньги и вещи дѣвушка, которой онѣ были посланы, не получила.

Третья—полураскаившаяся замужняя женщина, тоже ѣздившая съ Домной и Екатериной въ Кронштадтъ, рассказала, что Домна говорила: „отецъ и мать до добра не доведутъ, они сами въ адъ идутъ и насъ хотять туда втянуть“. Когда я сказала, что это неправда, то Домна отвѣтила гнѣвно: „Эхъ, ты, сатанище, какъ тебѣ жарко стало, не умолчишь!“

По разсказу той же женщины въ кронштадтской квартирѣ говорили, что „съ мужемъ нужно жить, какъ братъ съ сестрою. Святой Старецъ Назарій воистину есть Назаретскій Господь Иисусъ Христосъ.“

Надняхъ Прохоръ Скоробогатченко уѣхалъ „въ Кронштадтъ“; вмѣстѣ съ нимъ уѣхала женщина, причемъ—послѣдняя уѣхала

тайно отъ своей семьи, забравъ свое движимое имущество и занявъ у сосѣдей на имя свекра денегъ около 25 р.

Предъ отправленіемъ „этаномъ“ въ Карповку хозяйка квартиры (квартира дѣвушекъ и женщинъ въ Кронштадтѣ была отдѣльной отъ мужской) сказала своимъ жильцамъ: „дѣвушки, будьте осторожны, сегодня придетъ сюда полиція и кто безъ билета уходитъ отъ меня, куда хотите.“

Приведенныя данныя столь выпуклы, краснорѣчивы, что считая лишнимъ комментировать ихъ.

Скажу только, что несмотря на мое знакомство съ дѣйствіями хлыстовъ и научно и въ дѣйствительности, изложенное превосходить все читанное и слышанное мною доселѣ о хлыстахъ—по дерзости и смѣлости ихъ продѣлокъ.

Мисс. Д. Граціанскій.

Декадансъ старообрядчества.

Въ Рижскомъ Вѣстникѣ, за 16 мая с. г., въ статьѣ «Декадансъ старообрядчества» Ива-старообрядецъ дѣлится съ читателями своими наблюденіями надъ религіознымъ бытомъ современныхъ раскольниковъ Ковенской, Витебской, Курляндской и Лифляндской губерній. Наблюденія эти не безынтересны въ миссіонерскомъ отношеніи. Приводимъ изъ статьи нѣсколько выдержекъ.

«Печальная и мрачная картина развертывается предъ глазами чловека, посѣщающаго города, деревни и жилища, въ которыхъ обитаютъ старообрядцы. Входишь въ одну избу, въ другую, въ третью, отыскиваешь глазами, куда-бы помолиться—божницу, которая помѣщается обыкновенно въ переднемъ углу избы и состоитъ въ большинствѣ случаевъ изъ простого деревяннаго кіота, въ родѣ ящика среднихъ размѣровъ, безъ всякихъ украшеній, куда и поставлено нѣсколько мѣдныхъ образковъ, а иногда и оливенная икона, писанная на деревѣ плохимъ маляромъ-иконописцемъ, преимущественно самоучкой. Зачастую не видво дѣже и кіота, а прибита просто къ стѣнѣ передняго угла избы деревянная полочка, на которой помѣщены иконы. Ни порядочной лампадки передъ святыней, ни чистенькаго столика со скатертью подъ божвицей, на которомъ помѣщалась-бы хоть одна изъ священныхъ книгъ—ничего подобнаго.

Странное что-то творится теперь среди старообрядцевъ: ко всему духовному они относятся страшно равнодушно и небрежно. Я побывалъ въ Ковенской, Витебской, Курляндской и Лифляндской губерніяхъ, вездѣ при-

смастривался къ ихъ быту, къ будничной и праздничной ихъ жизни, къ отправленію пня богослуженій и, признаться, за нѣкоторыми исключеніями, вынесъ только одно грустное впечатлѣніе.

Заѣхалъ я въ одинъ изъ фольварковъ Ч—во, Ковенской губерніи, въ которомъ живетъ самъ владѣлецъ изъ старообрядцевъ, земля котораго оцѣнивается тысячъ въ 50; въ томъ же фольваркѣ живетъ и духовный старообрядческій наставникъ П—въ, довольно уже старый человекъ, къ которому я и направился. Наставника я засталъ за чтеніемъ «никоніанской четви-минен», которая вмѣстѣ съ неважнаго поморскаго письма ирмологіемъ составляла всю его бібліотеку древнихъ книгъ.

И это у *вождя старообрядцевъ*, которому вручены духовныя бразды правленія! Немногихъ, я думаю, изъ своихъ ачущихъ и жаждущихъ духовныхъ чадъ можетъ овъ удовлетворить такимъ запасомъ «духовнаго хлѣба».

— Какъ, отче, идетъ?—спросилъ я его.

— Плохо,—отвѣчалъ онъ.

— Что такъ?

— Да народъ-то у насъ теперь сталъ ужъ болѣно невѣжественный и лѣной, совсѣмъ и Бога збылъ, и въ молеблюю пересталъ ходить.

— А далеко-ли молебныя то будутъ?—спросилъ я.

— Рукой подать, версты двѣ отсюда, не больше, въ деревнѣ Б—цы.

Деревня Б—цы—довольно обширная и зажиточная, это сейчасъ видно по постройкамъ. Молебныя оказатся среди деревни и состояла изъ небольшого стараго деревяннаго дома, стѣны котораго какъ-то неуклюже выпятились, а тесовая крыша вогнулась и поросла зелено-плюшевымъ ковромъ. Деревянная ограда вокругъ молебни сгнила и начала разваливаться. Ворота покачнулись на-бокъ, а деревянный крестъ, водруженный на верхней перекладнѣхъ ворогъ, сильно наклонился впередъ и какъ-бы задумался: падать ему или нѣтъ? Внутренность молебни самая непривлекательная. Посрединѣ вдоль молебни тянулся длинный и узкій щитъ, замѣнявшій зимою печку и раздѣлявшій собою молебню на двѣ половины—мужскую и женскую. Впереди молебни находился маленькій иконостасъ, изъ котораго видѣлись потемнѣлыя иконы. Передъ иконостасомъ стоялъ аналойчикъ, а на немъ Евангеліе. Вдоль стѣнъ молебни тянулись длинныя деревянныя скамейки. Вотъ и все внутреннее убранство молебни. Къ тому же все это было старо, грязно и мрачно. Почти всѣ мною видѣнныя старообрядческія деревенскія молебни имѣютъ вышеприведенную внутреннюю форму и обстановку.

Ни въ одной изъ христіанскихъ религій во время богослуженія не бываетъ въ храмахъ такого безчінія, шума и безобразія, какіе мыъ прихо-

дилось видѣть у старообрядцевъ. Особенно я былъ пораженъ тѣмъ безобразіемъ и безцеремонностью по отношенію къ святынямъ, какія творились во время всенощнаго бдѣнія въ одинъ изъ большихъ праздниковъ въ одной изъ обширнѣйшихъ моленъ въ Лифляндской губерніи. Въ передней части огромной моленной, у трехъ каменныхъ ступеней, ведущихъ на клиросы и протянувшихся поперекъ всей моленной отъ одного клироса до другого, стоялъ какой-то старикъ - идіотъ, одѣтый въ пѣвческій кафтанчикъ. Оборванные ребятишки, стоявшіе недалеко отъ идіота-старика, безпрестанно тормозили его: то дернуть его за полы кафтанчика, то щелкнуть по ладони, то швырнуть въ него подручникъ, то толкнуть его въ бокъ. А старикъ, какъ затравленный звѣрь, отмахивался отъ этихъ мальчугановъ руками и ногами, но все невпопадъ. Послѣ каждого такого взмаха старика среди мальчишекъ поднимался взрывъ хохота. Иногда же старику удавалось ковырнуть одного изъ негодяевъ или схватить кого за волосы, и тогда раздавался гвалтъ на всю моленную. Передъ чтеніемъ изъ житія святыхъ молившіеся съ шумомъ, гамомъ и пискомъ набрасывались на вышеназванные ступени и усаживались на нихъ, какъ-будто эти ступени для того только и устроены; вставаніе съ нихъ сопровождалось такимъ же шумомъ. Предъ чтеніемъ Евангелія и по окончаніи оного по всѣмъ угламъ огромной моленной раздавалось сморканье, откашливанье и харканье.

На ступеняхъ каменныхъ лѣстницъ, ведущихъ въ обширныя и длинныя сквозные коридоры, раздѣляемые другъ отъ друга только дверями, кучами сидѣли и лежали люди, пришедшіе, вѣроятно, молиться, но почему-то застрявшіе и спавшіе здѣсь. Въ коридорахъ происходило страшное безобразіе: бѣготня, крикъ, шумъ, сквернословіе. Да что въ коридорахъ. Заглянулъ я въ писмоводительскую (которая почему-то во время всенощнаго бдѣнія на большіе праздники не замыкается), такъ тамъ оказалась цѣлая аудиторія: какой-то громаднаго роста мужчина, косая сажень въ плечи, басомъ сыпалъ, какъ изъ бочки, скабрзные анекдоты, пѣсенки, куплеты и разсказцы, да такіе заковыристые и скверные, что ухо коробило и жутко становилось отъ нихъ; а слушавшая аудиторія помирала со смѣху и одобрительно поощряла разсказчика къ дальнѣйшему изліянію. Любитъ русскій человѣкъ хватить сгоряча крѣпкимъ словцомъ, но подобныхъ я еще не слыхалъ. И все это разсказывалось преимущественно на духовный мотивъ. Изъ числа слушавшихъ эти скабрзности, къ стыду старообрядцевъ, были и отцы семействъ. Такого сквернослова слѣдовало-бы не только не слушать, но вышвырнуть вонъ изъ писмоводительской и чураться, какъ страшнаго заразы. И это все люди пришедшіе молиться на всю ночь, незвѣстно только—какому богу.

Въ городѣ Юрьевѣ старообрядческая молежня очень небольшая. Пришелъ я въ нее къ вечернѣ подѣ праздникъ. Молящихся было всего дватри человѣка. Поразило меня въ этой молежнѣ то, что наставникъ совершалъ службу не съ взрослыми пѣвцами, какъ это обыкновенно водится, а съ маленькими мальчиками, которые замѣняли и чтецовъ, и пѣвцовъ, и канонарховъ; самый большой изъ нихъ былъ ученикъ второго класса городского училища.

На вопросъ, почему это онъ служитъ съ мальчиками, наставникъ отвѣчалъ:—Если бы не эти ребятишки, то не съ кѣмъ было бы и службы справлять: изъ взрослыхъ пѣвцовъ мало кто и приходитъ.

Вездѣ, гдѣ мнѣ только пришлось побывать изъ упомянутыхъ четырехъ губерній, я вынесъ только тяжелое и грустное впечатлѣніе; ничего определеннаго и свѣтлаго не предвидится въ средѣ старообрядцевъ и въ будущемъ.“

Вотъ оно «древле-то благочестіе» внѣ союза и въ раздорѣ со святою Церковью и такое состояніе его понятно. Разъ въ самомъ корнѣ раскола—гниль,—«непокореніе святой Церкви»,—явно, что и самое—дерево, самая жизнь раздорниковъ церковныхъ, безъ благодатнаго, оживляющаго воздѣйствія Духа Святаго, не можетъ быть здоровымъ и не въ состояніи приносить добрыхъ плодовъ.

Корреспонденція „Миссіонер. Обозрѣніа“, извѣстія и замѣтки.

Изъ Костромской епархіи.

(Отъ нашего корреспондента).

(Воинствующая «австрійщина»).

Съ каждымъ годомъ все шире, все дерзостнѣе развиваетъ свою дѣятельность раскольниковъ австрійская пропаганда. Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, австрійцы вызывающе выступаютъ въ ратоборство не только съ Церковью, но и съ существующими въ Государствѣ законоположеніями касательно ихъ.

Здѣсь, читаясь, въ центрѣ Россіи «соборъ» собрался, обсуждающій всякія дѣла и дѣлишки самозванной «лжеіерархіи»,—тамъ—Швецовъ организающій цѣлую канцелярію или бюро для собиранія свѣдѣній изъ книгъ и газетъ въ пользу своей самозванщины,—и Мельниковъ въ роли чуть-ли не всероссійскаго ходатая объ «австрійцахъ». Въ Москвѣ застѣдаетъ «кабинетъ», который преусерднымъ образомъ распространяетъ всевозможныя подпольныя брошюры, книги, листки и проч., чуть не повсемѣстно, начиная съ первопрестольной,—тамъ же открыто освящаются вновь устроенныя раскольниковъ молельни и раскольниковъ заправилы какъ бы въ насѣтку разсылаютъ приглашенія «пожаловать на торжество освященія храма (?)» во имя такого то», не только православнымъ мірянамъ, но и духовенству. Просто открытый вызовъ кому то! Вотъ вамъ и законы, вотъ вамъ и циркуляры, относящіеся къ расколу и публичному оказательству онаго. Здѣсь ужъ не публичнымъ оказательствомъ, а публичнымъ вызовомъ, чуть-ли не открытой войной съ Церковью и Государствомъ смотритъ все дѣло воинствующаго «австрійскаго» раскола!

А всѣ эти дѣла, возбуждаемыя касательно раскола... чѣмъ они кончаются въ судахъ?... Да ужъ есть за что сказать русское спасибо господамъ радѣтелямъ раскола, пекущимся объ униженіи національнаго русскаго православія.

Ужъ когда въ столицахъ и въ другихъ крупныхъ центрахъ Россіи такая кипучая, вызывающая дѣятельность австрійщины, то что же сказать о глухихъ мѣстахъ нашей земли? Здѣсь австрійщина идетъ во всю, что называется. Вѣщностью она мало отличается отъ православной Церкви;

лжепопы ея по виду—то же, что и православные пастыри; и австрійщина многих ловить въ свои душепагубныя сѣти. Простой нашъ русскій народъ, въ которомъ сохранилась еще искра исконнаго русскаго духа, любить истинное продолжительное богослуженіе, древніе напѣвы, плѣняется всѣмъ тѣмъ, что придется ему замѣтить въ случайно посѣщенной имъ австрійской молельнѣ. Заправила и австрійцы прекрасно понимаютъ это и не жалуютъ ни средствъ, ни ходатайствъ, и вездѣ стараются устраивать и открывать свои молельни. Замѣтятъ они въ средѣ безпоповщины движеніе въ пользу Единовѣрія или православной Церкви, они непремѣнно постараются устроить тамъ свою молельню. И вотъ пока мы судимъ да рѣшимъ, да всячески не допускаемъ устройства единовѣрческой церкви среди безпоповщины, у австрійцевъ образовался уже приходъ. Напримѣръ, въ с. Ковернинѣ, Костр. губ., въ теченіе двухъ лѣтъ идетъ упорная агитація противъ устройства единовѣрческой церкви какъ со стороны мѣстныхъ духовныхъ, и, къ сожалѣнію, почтенныхъ въ служебномъ положеніи, пастырей, такъ и почему то—и со стороны свѣтскихъ лицъ, австрійщина же подъ шумокъ уже устраниваетъ здѣсь свою молельню, несмотря на то, что австрійцевъ здѣсь лишь 5 семействъ. Конечно, пусть лучше молельня а не единовѣрческая церковь!.. А потомъ будемъ ныть, что расколъ у насъ злой, съ нимъ ничего не подѣлаешь, или же—скрывать его. Пустимъ, заведемъ расколъ, гдѣ его было мало, да потомъ и ношемъ! А какъ къ австрійскому расколу относится и какъ на него у насъ смотритъ народъ, я приведу примѣръ изъ своей епархіи. Въ деревнѣ Ягодномъ, Макарьевскаго уѣзда, крестьянинъ Василій Егоровъ вздумалъ женить сына, который возвращенъ изъ солдатчины по болѣзни. В. Е., какъ человѣкъ православный, высваталъ за сына невѣсту въ семьѣ православной же, но въ виду неполученія его сыномъ отъ воинскаго начальника увольнительнаго билета причѣть не могъ повѣнчать жениха. И что-же? Василій Егоровъ ѣдетъ за 30 верстъ въ село Васильево къ австрійскому лжепопу и вѣнчаетъ тамъ своего сына.

Раскольничій лжепопъ, ничтоже сумняся, вѣнчаетъ православныхъ! А мужику что? все-равно попъ, «вѣдь чай и онъ въ ризѣ». А въ волосномъ правленіи запишутъ, что женихъ и невѣста повѣнчаны и суть мужъ и жена. Кстати, на какомъ основаніи наши волосныя правленія въ своихъ посемейныхъ спискахъ записываютъ раскольничьи незаконныя сожителства, какъ браки? да еще принимаютъ отъ австрійскихъ лжепоповъ чуть не формальныя свидѣтельства о повѣнчаніяхъ и рожденіяхъ раскольниковъ? *)

*) Для примѣра привожу дословно подобное свидѣтельство. «Свидѣтельство. Дано сіе свидѣтельство Свяцкому мѣщанину Якову Теодоровичу Морозову, въ томъ, что совершенъ бракъ съ дѣвицею Татьяной Тимо-

И волостныя праявленія руководствуются такими свидѣтельствами при записи въ посемейные списки. Вѣдь нашъ простой раскольничій народъ прямо говорить, «если-бы Царь не позволялъ, то развѣ-бы приняли бумагу нашего батюшки и позволили вѣнчаться въ моленной «церковникамъ», т. е. православнымъ. Грустно, что въ противозаконномъ дѣяніи нагальствующій расколъ дерзновенно прикрывается священнымъ для насъ именемъ Царя-Батюшки.

Да, грустные факты...

А мы спимъ или же усыпляемъ себя: Христосъ Самъ спасетъ Свою Церковь, что, молъ, ее врата адава не одолѣютъ. Все это правда, непреложная истина, что Овъ сохранить Свое божественное учрежденіе, но люто духовно гибнуть и намъ надо бодрствовать и помнить слова пророка: «на стражѣ моей стану»... и всячески оберегать свою пасиву отъ злыхъ волковъ, укрывшихся въ священные одѣянія.

Священникъ *И. Чередниковъ*.

Изъ жизни Донского раскола.

(Отъ нашего корреспондента).

Въ концѣ своей статьи „Раздоръ между австрійскими лжепопами и ихъ паствами во главѣ съ уставщиками“, напечатанной въ 4-ой книжкѣ „Миссіон. Обзор.“ за текущій годъ (стр. 478—485), мы обѣщались сообщить редакціи „Миссіон. Обзор.“ точную копію съ „соборнаго отвѣта“ раскольническихъ австрійскихъ епископовъ старообрядцамъ, указавшимъ нарушеніе церковныхъ каноновъ со стороны ихъ лжепоповъ. Теперь нами получена точная копія съ „извѣщенія освященного собора старообрядческихъ епископовъ“, адресованнаго на имя „Филиппа Семеновича Архипова (одного изъ уставщиковъ, подписавшагося подъ „прошеніемъ“) съ прочими, которую мы и спѣшимъ сообщить редакціи „Миссіон. Обзор.“ Вотъ это „извѣщеніе“. „Освященный соборъ, разсмотрѣвъ ваше прошеніе и соображаясь съ произведеннымъ слѣдствіемъ

фѣвой Антошеной въ старообрядческомъ храмѣ Преображенія Господня. Сынъ ихъ Сименъ рожденъ и крещенъ въ 1887 году сентября 18-го ... въ чемъ удостоверяю собственноручной подписью. Старообрядческій священникъ Федоръ Козминъ Разуваевъ. 1900 года Апрѣля 28 дня».

архієпископа Іоанна, усмотрѣлъ указанныя вами факты неимѣющими подтвержденія ¹⁾. За нѣкоторыя же указанныя вами преступленія священники понесли наказаніе. Относительно же подписи священниковъ освященный соборъ призналъ подписку эту погрѣшительной, но не подлежащей осужденію 62-го правила св. апостолъ, поелику они не отреклись: «вѣсть быхъ, ниже хочу быти» (толков.), а наименовали себя требосправителями, по требованію гражданской власти. За признанную же погрѣшность данной подписки возложена на священниковъ прижѣнительно къ 5-му правилу св. Петра александрійскаго церковная епитимія. Кромѣ того священники, давши подписку, самосознательно раскаялись въ своемъ грѣхѣ предъ архієпископомъ Блаженныя памяти Савватіємъ, за что такъ же не были оставлены безъ должнаго исправленія. Священникъ же Мануиловъ слѣдствіемъ не обвинялся въ преступленія 25 прав. св. апостолъ. Если же въ письмѣ къ нему оно указано, то ошибочно. Итакъ извѣстивъ освященный соборъ молить Бога, да почіетъ на васъ миръ Его соблюдающій сердца Ваша о Христѣ Иисусѣ со Свят. Духомъ“ 1902 г. 28-е іюля.

Подлинное подписали. Смиренный Іоаннъ архієпископъ Московскій и русскихъ старообрядцевъ. Смиренный Анастасій еп. Измаильскій. Смир. Іоасафъ стар. епис. Казанскій. Смирен. Антоній стар. епископъ Пермскій. Смир. Арсеній стар. епископъ Уральскій. Смирен. Θεодосій стар. епископъ Кавказскій. Смирен. Іона стар. еписк. Смол. и Калужск. Смир. Порфирій епископъ Самарскій и Симбарскій. Съ подлиннымъ вѣрно смиренный Іоаннъ архієпископъ Московскій и русскихъ старообрядцевъ“.

Это „извѣщеніе“ не удовлетворило уставщиковъ старообрядческихъ. Они теперь усиленно заняты приготовленіемъ возраженія на это „извѣщеніе“, и при этомъ они не прочь воспользоваться «никоніанскими книгами» и даже помощью со стороны „никоніанскихъ миссіонеровъ, къ которымъ обращаются за совѣтами въ дѣлѣ составленія возраженія. Явленіе знаменательное.

Священникъ *Евграфъ Овсянниковъ*.

Истинное происшествіе. Одинъ изъ крестьянъ Саратовской губерніи, нѣсколько лѣтъ проживающихъ на землѣ, арендуемой ими въ Области войска Донскаго, мин. лѣтомъ, 8 іюля, рано утромъ, собрался ѣхать въ поле. Сосѣдка спросила его: «куда ты, Митричъ, спозаранку, для праздника?»

¹⁾ „Освященный соборъ“ самъ не провѣрялъ и не имѣлъ возможности провѣрить эти „факты“. Авторъ.

Парь парить. Романовна,—отвѣтилъ мужикъ и переспросилъ: «а какой новѣча праздникъ?»

«Казанская Божія Матерь, — баютъ, отвѣтила Романовна: большой праздникъ».

Мужикъ разсмѣялся: «больно, говоритъ, много богородецъ то у васъ; если всѣмъ праздновать, то и работать некогда».

Сосѣдка сказала: «напрасно, Алексѣй Митричъ, мугилъ крещеный народъ, накажетъ ты Богъ».

Мужикъ махнулъ рукой на бабу и поѣхалъ. Спустя уповодъ (3-я часть рабочаго дня) прибѣжалъ малый съ поля съ извѣстіемъ, что Митричъ катается около телѣги отъ боли въ животѣ и уже совсѣмъ кончается. Побѣжали свои и сосѣди, но у Митрича уже отнялся языкъ, къ полудню онъ умеръ, не раскаявшись въ своемъ грѣхѣ. Митричъ былъ молоканинъ.

Осенью прошлаго 1902-го года въ сѣверовосточной части Области войска Донскаго было замѣчено необычайное движеніе народа, похожее на чрезвычайное паломничество. Люди разныхъ возрастовъ, пола, сословія и состоянія вставали на трехъ сосѣднихъ желѣзнодорожныхъ станціяхъ и направлялись къ одному пункту. Число паломниковъ простиралось до нѣсколькихъ сотенъ человекъ. Пріютъ они находили во временныхъ жилищахъ крестьянъ, арендующихъ землю въ Области, и частныхъ землевладѣльцевъ.

Есть слухъ, что въ это самое время умерла хлыстовская пророчица.

Черезъ короткое время паломники отбыли обратно черезъ тѣ же станціи и шли въ рассыпную,—вѣроятно, для того, чтобы на нихъ меньше обращали вниманія. Тутъ были свитки, поддевки, халаты, сюртуки, пиджаки и даже восточные костюмы (черкесы). Такое же разнообразіе наблюдалось въ костюмахъ и женскаго пола.

Интересно, обратила-ли вниманіе на это паломничество мѣстная власть и извѣстна-ли ей причина онаго.

Земля наша велика и обильна, но порядка—«надзора» у насъ мало.

К. А. Картушинъ.

Знаменательный случай.—Приводимъ слѣдующій знаменательный случай со словъ газеты «Свѣтъ». Этого, поистинѣ знаменательный и, въ особенности, разительный въ наше время маловѣрія и безбожія, случай имѣлъ мѣсто въ Парижѣ. Правдивость его удостовѣрена многими... Въ Парижѣ къ одному изъ священниковъ явилась дама и просила отпраздновать вмѣстѣ съ нею въ приготовленной каретѣ для напутствія св. тайнами умирающаго ея сына. Взявъ запасные дары и все нужное для приобщенія, священникъ

въ сопровожденіи дамы скоро прибылъ въ указанный домъ. Но когда онъ поднимался въ квартиру, дама незамѣтно скрылась. На звонокъ служителя Божія вышелъ молодой человекъ, — офицеръ цвѣтущаго здоровья. «Что вамъ угодно?» — спросилъ онъ вошедшаго пастыря. «Меня пригласила сюда какая-то дама къ управителю, чтобы исповѣдать и приобщить его», — отвѣтилъ священникъ. «Тутъ явное недоразумѣніе, — возразилъ офицеръ: — я одинъ живу въ этой квартирѣ, я не посылаю за вами, — я совсѣмъ здоровъ». Собесѣдники, между тѣмъ, вошли въ гостиную. Висѣвшій на стѣнѣ надъ диваномъ большой портретъ пожилой жевщины невольно обратилъ на себя вниманіе священника, и онъ сказалъ: «Да вотъ эта самая дама была у меня; она и указала мнѣ вашу квартиру». — «Помилуйте, — отвѣтилъ хозяинъ: — это портретъ моей матери, умершей двадцать лѣтъ тому назадъ». Пораженный такимъ обстоятельствомъ, офицеръ выразилъ желаніе исповѣдаться и приобщиться, а на другой день скончался отъ разрыва сердца.

Миссіонерскія новости.

Совѣтъ Тамбовскаго Казанско-Богородичнаго Миссіонерскаго Братства отношеніемъ отъ 30 Мая 1903 г. сообщилъ редакціи «Миссіонерскаго Обозрѣнія», что въ Тамбовской епархіи освободилось мѣсто епархіальнаго противосектантскаго миссіонера, съ окладомъ годового содержанія въ 1200 р. и 400 р. въ годъ разъѣздныхъ. Принятіе священнаго сана не обязательно.

Священникъ Витебской Благовѣщенской Единовѣрческой церкви о. Евфимій Зубаревъ опредѣленіемъ Миссіонерскаго Комитета отъ 28 мая с. г., утвержденнымъ Его Преосвященствомъ, епископомъ Полоцкимъ Серафимомъ, назначенъ противораскольничьимъ миссіонеромъ Полоцкой епархіи, съ оставленіемъ на занимаемой о. Зубаревымъ должности настоятеля. Жалованіе новому почтенному о. миссіонеру Комитетъ изыскалъ изъ мѣстныхъ средствъ, въ суммѣ 600 р.

Отъ души привѣтствуемъ новый плодъ благой энергичной дѣятельности на пользу миссіи новаго Полоцкаго архипастыря. Полоцкая миссія давно нуждалась въ оживленіи и усиленіи... Почти на сто тысячъ раскольниковъ имѣть одного миссіонера было явленіемъ крайне печальнымъ и ненормальнымъ.

Отклоненіе ходатайства. Какъ сообщаютъ «С.-Петербургскія Вѣд.», ходатайство рязанскаго земства о разрѣшеніи свящ. Григорію Петрову провести рядъ чтеній по богословію на учительскихъ ряз. курсахъ митрополитомъ С. Петербургскимъ Антоніемъ отклонено.

О религиозно-философских собраніяхъ и „Новомъ пути“. (Отголоски).

„Кого ищите“? *)

(Къ „ищущимъ“ „новопутейцамъ“—о „новомъ пути“, „плоти“, „бракъ“ и „свободѣ совѣсти“).

III.

Вопросъ о бракъ, какъ вопросъ о плоти, не разъ занималъ вниманіе „ищущихъ“ „новопутейцевъ“ на „религиозно-фил. собраніяхъ“. „Пря бысть велія и устава тако не учиниша“. Рѣшался вопросъ—что выше бракъ или дѣвство—въ абсолютной постановкѣ и, какъ самопонятно, рѣшенъ быть не могъ. „Ищущіе“ съ понятной тенденціей настаивали на томъ, что „историческое христіанство“ дѣвство ставитъ выше брака. Того же мнѣнія были и нѣкоторые православные богословы, къ нашему изумленію, видящіе въ бракъ нѣкую нечистоту. Другіе высказывались за равночестность дѣвства и брака, хотя и не слышно было достаточной доказательности этой истины. Третьи утверждали, что бракъ выше дѣвства, поелику въ немъ, а не въ дѣвствѣ, осуществляется (до извѣстной степени) присущая человѣку идея счастья. А одинъ богословъ доказывалъ преимущество брака предъ дѣвствомъ семейностью жизни Пресвятой Троицы, въ которой есть Отецъ, мать—Духъ Святый, какъ божественное существо якобы женскаго пола, и Сынъ. Попутно вели рѣчь и о скопцахъ (Мѡ. 19, 12), подъ которыми одни разумѣли физическихъ скопцовъ, другіе—дѣвственниковъ, а третьи даже людей, отдавшихъ всецѣло какому-нибудь дѣлу, наукѣ, искусству и т. п.

Словомъ, слышались настолько взаимноуничтожающіяся мысли, что безсмысліе получалось въ результатѣ съ математическою

*) См. „Мисс. Обзоръ“ № 9.

точностью. Казалось бы, и по этому вопросу, будь онъ правильно поставленъ и рѣшайся онъ на общеобязательной для ораторовъ почвѣ, пререканій не должно бы быть. Дѣвство и бракъ равнодостойные пути къ возрастанію „въ мужа совершенна“. Предпочтительность того или другого пути не можетъ быть абсолютной и обуславливается индивидуальнымъ духовно-нравственнымъ складомъ вѣрующаго: „имъ же дано“—совершенноѣ возрастаютъ въ дѣвствѣ,—другіе могутъ совершенствоваться скорѣе въ брачномъ состояніи.

Путеводителемъ для всѣхъ, въ слѣдованіи къ нравственному совершенству, служить одинаково глаголь Христовъ: „аще кто хочетъ по мнѣ ити да отвержется себе и возьметъ крестъ свой и по мнѣ грядетъ“. И поскольку „я“ въ своемъ содержаніи у каждаго субъекта различно, постольку у каждаго и крестъ самоотреченія о Господѣ свой, свой и крестный путь. И такихъ путей не два и не три, а столько, сколько человѣческихъ „я“. Для богатаго евангельскаго юноши не могли быть спасительными путями жизни ни дѣвство, ни бракъ, ни „сохраненіе“ (видимое) писаннаго закона, а полное отреченіе отъ своего стяжательнаго „я“. Онъ не отрекся его. Христосъ сказалъ ему: „пойди, продай имѣніе твое и раздай нищимъ“. „Услышавъ сіе слово, юноша отошелъ съ печалью“ (Мѡ. 19, 16—23), „отвергнуться себе“ онъ не смогъ, чтобы имѣть „сокровище на небесахъ“. „Имѣніе“, не препятствующее другимъ входить въ Царство Небесное (см., напр., Климентъ алекс. сл. „какой богачъ спасется“), для богатаго юноши, „сохранившаго“ весь законъ, оказалось непреодолимымъ къ тому препятствіемъ. Ясно, что, сохраняя весь законъ, онъ носилъ въ душѣ свою язву, съ которой въ Царствіе Божіе войти нельзя.

Разсуждая съ этой точки зрѣнія, никакъ нельзя говорить о преимущественномъ достоинствѣ дѣвства предъ бракомъ и наоборотъ—самихъ по себѣ. Мы знаемъ нечестивое еретическое дѣвство (Галлр. соб. пр. 1, 4, 9, 14) и „честный“ бракъ, безупутный бракъ и святое дѣвство.

Стоявшіе за преимущественное достоинство дѣвства предъ бракомъ нерѣдко цитовали слова апостола Павла: „безбрачнымъ же и вдовамъ говорю: хорошо имъ оставаться, какъ я... выдающій замужъ свою дѣвицу поступаетъ хорошо, а не выдающій поступаетъ лучше“ (1 Кор. 7, 8, 38), но почему-то не обращали вниманія своего на слова того же апостола и въ той же

главѣ: „но настоящей нуждѣ за лучшее признаю, что хорошо человѣку оставаться такъ“ (— 26 ст). При тогдашней „нуждѣ“ „совѣтъ“ апостола, предпочитающаго безбрачіе брачному состоянію, вполне понятенъ. Брачные „будутъ имѣть скорби по плоти, а мы васъ жаль“, пишетъ апостолъ (ст. 28). Понятно, что, „служа Господу“, съ меньшею „скорбью по плоти“ могли идти на разстерзаніе ad bestias (въ циркѣ римскомъ) безбрачные, чѣмъ тѣ, у кого за спиной послышатся раздирающіе крики жены и дѣтей. Опускались этими богословами и другія тоже очень важныя въ данномъ случаѣ слова апостола: „желаю, чтобы всѣ люди были. какъ и я. но каждый имѣетъ свое дарованіе отъ Бога, одинъ такъ, другой иначе“ (— 7). Не сказалъ апостолъ безусловно: одинъ имѣетъ дарованіе (положимъ дѣвства) большее, а другой меньшее, а сказалъ только о различіи („такъ“, „иначе“) дарованій. Какъ равно и слова Христовы: „не всѣ вмѣщаютъ слово сіе (о безбрачій или, по мнѣнію другихъ, о бракѣ). но кому дано“ (Мѡ. 19, 11)—едвали правильно толковать въ смыслѣ нравственнаго преимущества одного состоянія — безбрачнаго или брачнаго — самого по себѣ предъ другимъ. При такомъ толкованіи, „вмѣщеніе“ „даннаго“ нравственно обезцѣнивается: „вмѣстившіе“ состояніе „болѣе высокое“ „вмѣстили“ бы его потому, что имъ „дано“, независимо отъ нихъ (какъ у Кальвина безусловно предопредѣленное), и потому они являются болѣе совершенными другихъ. Тогда менѣе совершенные неотвѣтственны за свой, такъ сказать, нравственный недочетъ, потому что имъ не „дано“.

Въ виду этого едва ли основательно говорить о безусловномъ преимуществѣ дѣвственнаго или брачнаго состоянія одного предъ другимъ. Дѣвство и бракъ—это только различныя пути къ обязательной для всѣхъ цѣли „быть совершенными, какъ Отецъ Небесный“ (Мѡ. 5, 48); и тотъ или другой пути Господь „даетъ“ человѣку, примѣнительно къ его духовно-нравственному складу, какъ наимудобѣйшій въ цѣляхъ совершенствованія для него, а не какъ болѣе совершенный или менѣе совершенный вообще. Поставляющіе дѣвство выше „честнаго“ брака, какъ имѣющаго будто бы нѣкое несовершенство ³(чтобы не сказать нечистоту), волей-неволей должны почитать первое идеаломъ и признать, что христіанство проповѣдуетъ вымираніе,—что міръ плоти ему ненавистенъ. Но не будетъ-ли это ученіемъ „бѣсовскимъ“ (1 Тим. 4, 1—5) и проклятымъ Церковью ученіемъ маркіанистовъ.

„гнушавшихся бракомъ и нарицавшихъ сквернымъ созданіе Божіе“ (Вас. Вел. пр. 47)? И не относится-ли къ такимъ богословамъ „негодование“ Господа: „пустите дѣтей приходить ко Мнѣ, и не пренятствуйте имъ; ибо таковыхъ есть Царствіе Божіе... и обнявъ ихъ, возложилъ руки на нихъ и благословилъ ихъ“ (Мр. 10, 13—16, Мѳ. 19, 13—15, Лк. 18, 15). Таковъ, какъ намъ слышится, голосъ святой истины о дѣвствѣ и бракѣ. Мы, разумѣется, не претендуемъ на то, чтобы рѣшить данный вопросъ съ „абсолютной“ правильностью. Мы желали бы научиться и отъ другихъ; но только въ другой обстановкѣ... Крайне прискорбно, что богословскіе вопросы, близкіе и священные для вѣрующаго сердца, выступаютъ теперь на „новопутейское“ богословское распутіе „рел.-фил. собраній“, гдѣ „ищущіе“ „поучаться не желаютъ“, и, думается, одушевлены болѣе тою цѣлью, чтобы скомпроментировать церковную вѣру, препирая ея представителей, не всегда сильныхъ и смѣлыхъ въ защитѣ ученія, и всячески глумясь надъ ея основами. Что путнаго, напр., сообщили участникамъ рел.-фил. собраній „новопутейцы“ по вопросу о бракѣ и дѣвствѣ, не признавая по существу ни того, ни другого? Да ничего, кромѣ путаницы понятій.

При „святомъ сладострастіи“, дѣвство, разумѣется, имъ ненавистно. А „честный“ бракъ, какъ таинство церковное, для нихъ—„узурпація Церкви“. Они отстаиваютъ права гражданства просто полового сожителства о себѣ безъ всякаго освященія и каноническихъ ограниченій. А сколько пустого остроумія пущено было фельетоннымъ богословомъ Розановымъ по адресу Церкви въ вопросѣ о бракѣ! Апостольское христіанство, по фельетоннымъ соображеніямъ невѣдущаго Писанія и святоотеческаго ученія Розанова, не знало брака, какъ таинства; „Церковь узурпировала бракъ (чуть не въ 11 вѣкѣ уже)¹⁾ и съ тѣхъ поръ не желаетъ съ нимъ разстаться, какъ съ „Жарь-Птицей“, засаженной въ золотую клѣтку, по корыстнымъ видамъ; и повѣсила на „грязной рогожѣ пломбу съ надписью: сукно ангельской чистоты“! Какія у Церкви доказательства, что бракъ—церковное таинство, оспаривать Розановъ: да то, что Христосъ присутствовалъ на бракѣ въ Канѣ Галилейской; но вѣдь Христосъ претворилъ и воду въ

¹⁾ Слова Игнатія Богоносца († 107 г.), что „женящійся долженъ сочетаваться съ волей епископа“ Розановымъ приняты были съ одной скептической улыбкой.

вино, почему же акцизное вѣдомство и департаментъ неокладныхъ сборовъ вѣ церковной опеки? Христосъ 5 хлѣба ми наситилъ 5000 человекъ, но тѣмъ не менѣе хлѣбощеніе не церковное таинство и состоятъ вѣ вѣдѣнія Церкви!..

Подобныя пустыя остроты не заслуживаютъ никакого разбора. Въ нихъ одна злоба противъ св. Церкви и знамя похода противъ ея вѣры. Возставшіе на Неодолимую врататами ада, „кто ищите“?

IV.

Болѣе всего, кажется, „Новый путь“ и „новопутейцы“ „религіозно-фил. собраній“ заняты вопросомъ о такъ называемой ими „религіозной совѣсти“. Написанное и наговоренное ими по этому вопросу невольно заставляетъ вспомнить слова ап. Петра о лжеучителяхъ: „Это—безводные источники, облака и мглы, гонимыя бурей, имъ приготовленъ мракъ вѣчной тьмы. Ибо, произнося надутое пустословіе, они уловляютъ въ плотскія похоти и развратъ тѣхъ, которые едва отстали отъ находящихся въ заблужденіи. общають имъ свободу, будучи сами рабы тѣніи“ (2 Петр. 2, 17—19). Прежде всего — религіозная совѣсть!.. Въ отличіе отъ какой же это еще „новопутейская“ совѣсть названа религіозной („Новый путь“, апр., стр. 205)? Отъ гостинно-дворской ли, или полицейской или еще какой? Вѣроятно все, отъ нравственной: мы, молъ, тоже понимаемъ, что совѣсти бываютъ разныя. „Новопутейцами“, видимо, предполагается, что совѣсть можетъ касаться вѣрованія человека, а не только дѣланія его. Если и есть такая совѣсть, то, вѣроятно, только у „новопутейцевъ“. Вообще же совѣсть — это голосъ Божій въ человекѣ, судящій дѣла послѣдняго, а не вѣру (искреннюю); это—судящее сознаніе нравственнаго чувства и закона и одновременно—согласія или несогласія съ „ними“ сдѣланнаго человекомъ. Она оправдываетъ или осуждаетъ мое дѣло—соотвѣтственно-ли оно моей подлинной природѣ и вѣрѣ, а не то—истинна или нѣтъ моя вѣра. „Язычники, пишетъ ап. Павелъ, по природѣ законное дѣлають... они показываютъ, что дѣло закона у нихъ написано въ сердцахъ, о чемъ свидѣтельствуешь совѣсть ихъ“ (Рим. 2. 14—15) (о дѣлахъ, а не о вѣрѣ). Словомъ, „религіозная совѣсть“ „новопутейцевъ—абсурдъ. Абсурдъ и—„свобода совѣсти“—совѣсть, какъ

совѣсть, никогда не свободна,—голость ея всегда обуславливается сознаниемъ нравственнаго чувства и закона, какъ нѣкоторымъ, такъ сказать, ея основаніемъ. Свободная совѣсть—совѣсть сожженная, просто безсовѣстность. „Новопутейцамъ“, болѣзнующимъ о раскольникахъ и сектантахъ наличныхъ и быти могущихъ, хочется свободы открытаго исповѣданія и пропаганды всякаго религіознаго ученія; это и мыслятъ они въ нелѣпой фразѣ „свобода религіозной совѣсти“. По мысли ихъ, былъ бы настоящій рай на землѣ, если-бы въ одной семьѣ, напр., дѣдъ былъ—православный, бабушка—мусульманка, ихъ сыновья—старшій штундистъ, средній—хлыстъ, младшій—атеистъ; а жены ихъ—старшаго раскольника, средняго—молоканка, младшаго—католичка; внуки ихъ—первый скопецъ, второй—жидовствующій, третій—буддистъ, четвертый—сатанистъ, внуки ихъ—одна—огнепоклонница, другая фетишистка, а третья вообще придерживалась бы „мистическаго разума съ религіозными глубинами и внутренними откровеніями“. Пятнадцать человѣкъ и пятнадцать вѣръ со свободой открытаго исповѣданія и пропаганды! Этимъ-ли не умилиться христіанскому сердцу?! Это-ли не согласно съ Христовой истиной и этимъ-ли смущаться и беспокоиться св. Церкви?! Не говоримъ уже о томъ, что въ житейскомъ отношеніи, семейномъ и общественномъ, при такомъ положеніи дѣла, не оставалась бы желать ничего лучшаго!.. Боже мой! вскую шаташася языцы и людіе поучишася тщетнымъ? Вѣдь чтобы желать такой „свободы религіозной совѣсти“ и съ нѣмой у рта отстаивать ее, для этого нужно совсѣмъ потерять вѣру въ то, что „Христосъ есть путь, истина и животъ“, что истинная, спасительная вѣра „едина“, какъ и единъ Господь (Еф. 4—5), и что попеченіе Господне о приведеніи во дворъ овчій и „иныхъ“ овецъ, „да будетъ едино стадо и единъ Пастырь“ (Іоан. 10—16), попеченіе, выразившееся въ созданіи Церкви, посольствѣхъ на проповѣдь апостоловъ и т. п., есть попеченіе истинно-божественное. Можетъ-ли св. Церковь быть равнодушной къ тому чтобы одного изъ ея членовъ „воры и разбойники“ (Іоан. 10, 8) совращали въ хлыстовщину, другого въ штунду, третьяго въ жидовство, четвертаго осклоняли и т. п.? Декадентская,—можетъ быть, но истинная святая Христова Церковь—нѣтъ: это было бы противно ея миссіи. На „рел.-фил. собраніяхъ“ это отчасти и показано „новопутейцамъ“ православными богословами („записки рел.-фил. собр.“ апр.). Но богословствую-

шіе декаденты не удовлетворялись этимъ. Да иначе и быть не могло, потому что они совершенно не въ курсѣ понятія. Почти всѣ ихъ возраженія напоминаютъ собой „гимназическія вольности“ предъ законоучителемъ, и нелѣпыя, и дерзкія и въ то же время гордыя; это лепетъ злобствующаго гимназиста, не могшаго толково продумать урока изъ катихизиса. Ну, чего, напр., стоитъ ссылка Мережковского, ратующаго за свободу открытаго исповѣданія и пропаганды сектантскихъ ученій, на слова апостола: „гдѣ Христосъ—тутъ и свобода“ („Записки“, стр. 168). Спросите Мережковского—да какая свобода и отъ чего? Трудно догадаться, чтобы онъ вынесъ и повѣдалъ міру на этотъ вопросъ изъ своей „религіозной глубины“ и „внутренняго откровенія“. поелику у декадентовъ все неожиданно и экцентрично. Ему, разумѣется, невѣдомо, что въ данномъ случаѣ, какъ и подобныхъ другихъ (слова Писанія „вы призваны въ свободу“... „истина о свободитъ васъ“ и др.), рѣчь о свободѣ подлинно человѣческаго духа, отъ всего чуждаго его настоящему существу, наноснаго, грѣховнаго, порабошающаго. Христосъ указалъ, какимъ долженъ быть человекъ по своей истинной природѣ, искупивъ его и освятивъ и, т. обр., освободивъ отъ всего, строго говоря, нечеловѣческаго и усыновивъ Отцу вывелъ его изъ подзаконническаго ига. Свободенъ искупленный, разъ живетъ согласно ученію Христа. Тутъ рѣчь о свободѣ въ святости, не имѣющая никакого отношенія къ дебатированному вопросу. Арх. (нынѣ епископъ) Антонинъ прекрасно отвѣтилъ Мережковскому: „дьяволъ сказалъ Богу: знать Тебя не хочу. Вотъ и свобода. Если ставить вопросъ о свободѣ совѣсти, то надо говорить, что христіанская свобода не есть свобода атрибутивная, она—свобода категоріи“ („Записки“, апр. 168).

Не лучше указаннаго и другія основанія „ищущихъ“ по поднятому вопросу. Для примѣра.

„Насиліе творится во имя Христа, а потому вамъ именно, представителямъ ученія Христова, слѣдовало бы вступить за свободу совѣсти (Егоровъ). „Тутъ страшная отвѣтственность не только предъ собой, но и предъ міромъ (въ рѣшеніи вопроса о взаимоотношеніи Церкви и государства въ связи съ вопросомъ о свободѣ совѣсти). Если у насъ будетъ разрѣшенъ вопросъ о свободѣ, то онъ будетъ разрѣшенъ и повсюду“ (пророчествуетъ

Мережковский). „Совершенно ясно, что сектантъ, исповѣдующій сумасбродную вѣру, болѣе свободенъ, чѣмъ православный человѣкъ, вѣра котораго официальна“ (Мережковский.—Если такъ свободны сектанты, исповѣдующіе свою вѣру, то весь вопросъ, значить, въ томъ, почему они не могутъ свободно пропагандировать своего ученія?). „Вы говорите, въ сектантствѣ нѣтъ Бога. Какъ можно сказать это? Не во имя-ли Бога они собираются для молитвы? (Такія маленькая мысль принадлежит большому человѣку—В. С. Миролюбову). Ужели редактору „Журнала для всѣхъ“ неизвѣстно, что во всѣхъ религіяхъ и сектахъ молитвенныя собранія происходятъ во имя Бога (въ каждой религіи своего). Но среди всѣхъ-ли нихъ Богъ,—разумѣется, не какъ Духъ вездѣсущій, а какъ Духъ, пріемлющій моленіе, освящающій и спасающій? Конечно, нѣтъ. Это самопонятно „для всѣхъ“, кромѣ, кажется, редактора „Журнала для всѣхъ“. Нѣкоторымъ, не только собиравшимся на молитву во имя Христа, но даже именемъ Его чудеса творившимъ и пророчествовавшимъ, Христосъ скажетъ: „Я никогда не зналъ васъ; отойдите отъ меня, дѣлающіе беззаконіе“ (Мѡ. 7, 22—23).

„Вы (къ Тернавцеву) не имѣете такого мѣрила, такого точнаго опредѣленія въ пониманіи апостольскихъ словъ, чтобы отдѣлать, что вамъ кажется святымъ, отъ того, что кажется глубоко преступнымъ (въ насильственныхъ дѣйствіяхъ власти). Я имѣю такое мѣрило, что безъ помощи Божіей, безъ обращенія всѣхъ нашихъ силъ, вмѣстѣ съ силами Церкви ко Христу мы этого вопроса не рѣшимъ“ (Въ такомъ случаѣ зачѣмъ же было бить воздухъ въ залѣ географическаго общества? Тогда лучше бы отслужить молебенъ и ждать „новыхъ откровеній“). Нельзя также принять рѣшенія о свободѣ совѣсти, которое даетъ западная Европа посредствомъ индифферентизма, равнодушія. Атеистической свободы тоже нельзя принять. Какъ это рѣшить, въ этомъ и заключается наша мука... Мы противъ насилія и хотимъ, чтобы дѣйствовала сила Божія... Христа съ насиліемъ мы не примемъ. Христосъ съ насиліемъ—все равно, что Христосъ, въ которомъ есть что-то сатанинское“—Мережковский (По поводу такихъ мыслей и желаній—чистоты невской воды въ весеннее время, намъ невольно припомнились изъ лекцій по „пастырскому Богословію“ слова прот. С. А. Соллертинскаго: „обезсамостное эго тоскуетъ о безсущностномъ нарциссѣ“).

„Мы хотимъ, чтобы людямъ была дана свобода совѣсти, чтобы люди могли свободно обращаться къ Богу (Да какой же законъ можетъ это запретить или карать? Обращеніе чловѣка къ Богу есть внутренній актъ, сокровенная „святое святыхъ“ чловѣческаго духа, вѣдомое только ему да Богу. Чья рука можетъ коснуться его?!). Дайте мнѣ жить, чѣмъ я живъ“.—Миролюбовъ. (И живите, никто вамъ не мѣшаетъ. Отъ души желаемъ вамъ больше подписчиковъ на „Журналъ для всѣхъ“).

„Кто создалъ христіанство, какъ не темный нар одъ—измалейскіе рыбаки?“ Мережковский (Бѣдны въ такомъ случаѣ христіане: ихъ вѣра—созданіе галилейскихъ рыбаковъ!).

Достойную отповѣдь декадентскимъ богословствованіямъ далъ арх. Антонинъ въ словахъ:

„Богъ направилъ фонарь съ неба и освѣтилъ извѣстное мѣсто на землѣ—еврейство. Богъ сдѣлалъ загородку, наложивъ обручъ. Что же сдѣлало христіанство? Перенесло мотивъ религіозной дѣятельности внутрь. Единный Богъ, одна точка отправленія, открылся въ Сынѣ,—явилась другая точка, люди не могли установить прямой линіи на небо, къ Богу Отцу. Исходя изъ разныхъ точекъ, создали много боговъ, а настоящаго—нѣтъ. Для того, чтобы провести прямую, надо имѣть двѣ точки. Конечная точка лежитъ на продолженіи. Богъ указалъ среднюю точку — Сына Божія. Тогда явилась возможность провести прямую. Христосъ пришелъ и основалъ Церковь. Надо отрѣшиться отъ мысли, что Богъ заинтересованъ въ числѣ поклонниковъ. Поэтому надо отрѣшиться также отъ мысли, что я дѣлаю Богу одолженіе, если хватаю другихъ за шиворотъ... Когда я говорилъ, что христіанство экскommунікативно, я разумѣлъ: когда Богъ провелъ прямую, она уперлась въ одномъ пунктѣ“ (ужели и послѣ этого декаденты не поняли истиннаго ученія о „свободѣ совѣсти“, вѣдь сказано ясно и опредѣленно: прямая проведена и уперлась въ одвомъ пунктѣ?..). Мережковский сказалъ: „гдѣ Богъ, тамъ и свобода. Это вѣрно, когда Христа брали въ саду Геосиманскомъ и Петръ обнажилъ мечъ, Христосъ сказалъ ему: ты не понимаешь, что дѣлаешь. Что тамъ происходило по существу? Происходило—въ грубо-земномъ смыслѣ то же, что происходило въ Харьковѣ, когда брали представителя секты Коваленко“—Арх. Антонинъ (Какъ поражаются такой аналогіи штундисты и ихъ сородичи по упованію!).

Много и другого глубокомыслия наговорено было ораторствовавшими по вопросу о свободѣ совѣсти; тѣмъ не менѣе, и когда председательствующимъ предложено было дать прямой отвѣтъ „на вопросную (?) сторону вопроса“, поставленный вопросъ не былъ „разрѣшенъ вполнѣ“. И это неудивительно,—поелику поставленный вопросъ въ данномъ случаѣ былъ крыловскимъ „возомъ“, который „взялись везти лебедь, ракъ и щука“. Тутъ, что ни везущій, то, выражаясь словами арх. Антонина, особая „категорія“; у всякаго свои основанія и свои чаянія. И въ самомъ дѣлѣ, что общаго у православныхъ специалистовъ-богослововъ съ „сторонниками революціонной свободы и общественнаго отпаденія, которые провозглашаютъ ее, какъ первое якобы условіе всякой истинной вѣры, отъ самой же вѣры бѣгутъ,—сильныя слова откровенія о свободѣ относятъ къ себѣ, самого же откровенія не принимаютъ. Притворяясь жаждущими торжества истинной вѣры,—вдругъ являютъ себя невидящими ничего достойнаго охраненія тамъ, гдѣ этотъ же свѣтъ вѣры уже горитъ, зажженный рукой не человѣка?...“ „Настоящій вопросъ постоянно бросаютъ Церкви и священству въ лицо, и на основаніи ихъ безотвѣтственности заключаютъ о своей правотѣ“ (Тернавцевъ).

Все зло „ищущихъ“ въ томъ, что они слабо вѣрятъ въ евангельскую истину, совсѣмъ не вѣрятъ въ истину церковную и знать не хотятъ авторитета отцовъ Церкви, гораздо больше ихъ думавшихъ и о „плоти“ въ христіанствѣ и о „свободѣ совѣсти“, когда христіанство впервые повело борьбу съ язычествомъ и впервые стало религіей государственной. Очистись они отъ этого зла, вопросъ о „свободѣ совѣсти“, повидимому, и для нихъ не представлялся бы труднымъ.

„Думать, что новый завѣтъ допускаетъ языческую свободу, а тѣмъ болѣе право пронаганды вѣры въ новыхъ христовъ—это безуміе“ (Тернавцевъ). Не согласиться съ этимъ нельзя. Утверждать, какъ нѣкоторые, что христіанство въ данномъ случаѣ проповѣдуетъ „абсолютную свободу“—значить утверждать сущую нелѣпость. Проповѣдуй христіанство такую именно свободу въ дѣлѣ вѣры, оно являлось бы непонятнымъ самопротиворѣчіемъ. Говорившіе про „абсолютную свободу“ не хотѣли понять того, что одна христіанская проповѣдь уже отрицаетъ таковую свободу. Пламенная проповѣдь „Христа распята“ среди еллиновъ (для которыхъ эта проповѣдь—безуміе) и іудеевъ (для которыхъ она—

соблазнъ—1 Кор. 1, 23) и притомъ проповѣдь подтверждаемая явными чудесами не есть ли своего рода насиліе надъ умомъ и вѣрой еллино-іудейскаго міра? Подумали бы объ этомъ. И теперь нерѣдко огненные рѣчи не меньшее насиліе для человѣка, „чѣмъ полицейскіе протоколы“. „Ищущимъ“ ораторамъ, полагаю, это понятно. Что христіанская Церковь не допускала „абсолютной свободы“, объ этомъ достаточно и текстуально показано въ рѣчахъ В. М. Скворцова („Новый путь“, апр. „Записки“). Изъ нихъ явствовало, что хотя христіанству чужда проповѣдь „огнемъ и мечемъ“, тѣмъ не менѣе оно никогда не было индифферентно въ отношеніи безопасности своихъ чадъ отъ злого вліянія ложной вѣры и дурной нравственности со стороны еретиковъ, и развращенныхъ. Мѣры присѣченія зла въ данномъ случаѣ Церковь Христова всегда принимала и нерѣдко очень рѣшительныя. Розановъ говоритъ, что „блаженный Августинъ въ борьбѣ противъ донатистовъ первый высказалъ принципъ о принудительномъ приведеніи къ правой вѣрѣ“ („Н. П.“, апр. „Записки“, стр. 210). Другой точности знанія дѣла отъ Розанова, разумѣется, грѣшно было бы и ожидать.

Отсылаемъ вниманіе Розанова къ церковнымъ лѣтописямъ. Въ „326 году Константинъ уставленіе и изреченіе веліе издаде на еретиковъ: наватіановъ, валентиніановъ, маркіанитовъ, павлиановъ и катафриговъ, дабы нигдѣ ни на едино мѣсто, ради своея молбы собиралися, и церкви ихъ разоряти и мѣста оныя православнымъ давати повелѣ, нарицаѣя ихъ врагами жизни и мучителями душъ человѣческихъ“... „Симъ повелѣніемъ мнози еретицы къ церковному соединенію обратишася... и ереси оныя погибаху“ (Бароній лѣто 326, Евсевій, Созоменъ). Императоръ Валентиніанъ „пустилъ было всякому вѣровать, якоже хочетъ, и никому же о томъ служаше“ (вопросъ поставленъ былъ принципиально). Но „Граціанъ въ лѣто 376-е сицевое повелѣніе издаде, дабы еретицы нигдѣ, ни во градѣхъ, ни въ вѣсѣхъ, ни въ селахъ собиралися, ни алтаря, подъ лишеніемъ мѣстъ оныхъ“ и „въ 377 л. даде повелѣніе на манихеевъ еретиковъ, дабы явѣ нигдѣ собиралися“ (возбранялось оказательство ереси). „На Уртіанна схизматика, иже со своими единомысленными не по к о й творяше Дамасу папѣ, жестокое повелѣніе на изгнаніе его и единомысленныхъ ему Гратіанъ издаде. Толь долго оніи немирніи во уюорствѣ пребываху и ц е р к о в ѣ Божію смущаху... Θεодосій папа на аrianъ, фотиніанъ, и

иных еретиковъ новое повелѣніе издаде, дабы собраній нигдѣ не имѣли и дабы изъ градовъ изгоняемы были“ (л. 381) „и свя-
тый Амвросій плачетъ о Гратіанѣ и зѣло похваляетъ его“ (л. 383).
„Св. Амвросій писа къ Валентиніану, дабы прежде бывшихъ ке-
сарей уставленіе (на преслѣдованіе еретиковъ) не разорялъ и не
попускалъ алтарей идоламъ“ (л. 384). „Назіанзинъ, о еретикахъ
болѣзнуя, яко еще непокой церкви святей творяху, писа епи-
столю къ Нектарію Константинопольскому епископу, поносѣя о
его нерадѣніи, свою же великую ревность о душахъ человѣ-
ческихъ показуя. И проситъ его, дабы кесаря на сіе возбуждалъ.
еже бы еретикомъ множитесь и разширяетесь съ ядомъ и повре-
жденіями своими не попускалъ; и глаголетъ: аще имъ свободно,
якоже и правотѣрнымъ учить и множитесь попускаютъ, и кто
не видитъ, яко церковное ученіе проклинаятъ, акы бы при
нихъ стояла истина: ибо естество возбраняетъ сему, дабы два
ученія о вещи единой себѣ противная истинствовали...
И пакы издаде теодосій новое повелѣніе на еретиковъ..., дабы
изгоняемы были“ (л. 384). Изъ словъ Назіанзина явствуетъ, что
вопросъ о „свободѣ совѣсти“ ставился принципиально и въ то
уже время; и рѣшеніе его было такое: допускать свободно про-
паганду еретическихъ ученій—значитъ не вѣровать въ церковную
истину и проклинать ее,—двухъ истинъ, противорѣчивыхъ, объ
одной вещи быть не можетъ (л. 384. 386). „390 лѣта бѣше со-
боръ въ Медиоланѣ на проклятіе Іовиніана еретика, иже супру-
жество паче дѣвства почиташе... и сладости плотскія хвалаше
(какъ декаденты—„святое сладострастіе“), отъ постовъ и жесто-
каго житія вѣрныхъ отводять“ (какъ Розановъ)... и „осужденнаго
отъ духовныхъ кесарь теодосій изгнати въ пустыню повелѣ“
(л. 390). „Теодосій на отрицающихся святаго крещенія и къ еллин-
ству возвращающихся устави наказаніе, дабы имъ никто сооб-
щался“ (л. 391), и „повелѣніе издаде на еретиковъ, дабы сборищъ
не имѣли, ни учили, ни іереевъ посвящали, ниже о вѣрѣ, ея же
не ищутъ, глаголали“ (л. 394). „Іоаннъ Златоустый, о вѣрѣ ка-
нолической помышляя, на еретиковъ жестокое повелѣніе кесарское
исходатайствова... ни собираться имъ и книги ихъ сожигати“
(л. 398, 400).

Какъ видно изъ приведеннаго, св. отцы гораздо раньше бл.
Августина съ полною рѣшительностью высказывались противъ
принципа свободы открытаго исповѣданія и пропаганды еретиче-

скихъ ученій, и высказывались съ обстоятельною мотивировкою (Назіанзинъ). И бл. Августинъ, думавшій надъ этимъ вопросомъ больше, лучше (поелику у него лучшее къ тому было и орудіе) и искреннѣе, чѣмъ Розановъ и другія кликуши на „Новомъ пути“, „баше сего мѣнїя, дабы еретики смертію казнены не были, токмо пѣнїями и пѣнїемъ, якоже прежде. Но егда сіе повелѣніе кесарское изыде, и увидѣ, яко имъ ни едина кротость ползуетъ, премѣни свое мѣнїе, и посланіе къ Викентію написа, въ немъ же утверждаетъ, яко еретиковъ принуждати подобаетъ“... (л. 398) „Августинъ исправи свое мѣнїе или погрѣшеніе: прежде бо мняше, яко еретиковъ наказаніемъ къ соединенію и истинѣ приводити не подобаетъ, токмо совѣтомъ и ученіемъ. Нынѣ же, рече, сего отступаю; и побѣжденъ прикладами, и симъ еже вижду, научаю: яко веліе есть милосердіе еретикомъ, велія имъ помощь, егда ихъ къ вѣрѣ и истинѣ наказаніемъ принуждаютъ. О томъ тамо крѣпкіе доводы даетъ сей премудрый учитель“ (Епис. къ Іаннуарію 68, къ Викентію 48; къ Бонифатію 50 и на Кресконіа, — л. 405). Въ 404 г. отцы карфагенскаго собора „послаша ко кесарю Онорію, просяще у него..., дабы законы на донатистовъ писанніи возобновлены были, понеже Господа Бога и геенны не боятся, дабы поне мірскія казни убоилися“ (л. 404, ср. 405, 407, 411, 412, 428). Въ 431 г. „папа Целестинъ писа къ кесарю Феодосію, прося его, дабы, якоже нача, вѣру святую защищать, и ничто новое и еретическое во ученіе не попускалъ, и не давалъ бы тѣмъ воли, иже миръ церковный терзають, и человѣческимъ умомъ Божію силу мѣрвити хошуть“ (л. 431 ср. 435, 443, 444, 445, 448, 452, 535). Въ 556 г. папа Пелагій „печашеся объ обращеніи къ миру церковному раздорныхъ... егда словами ничтоже усиѣ, употреби Нарсита высочайшаго правителя земли Италійскія, дабы ихъ къ соединенію понудилъ. Онъ, яко богобоящійся, бояшеся утѣснити епископовъ, дабы гонителемъ не былъ названъ. Пелагій же нишущъ къ нему не едино посланіе показываетъ ему то, яко въ томъ ни единаго грѣха бояться подобаетъ: понеже снцевое наказаніе отъ любви происходитъ, и отъ защищенія душъ и спасенія человѣческаго, которое въ раздорѣ и непослушаніи быти не можетъ. Гонить, рече, токмо той, который къ злу принуждаетъ“... (л. 556 ср. 685, 812, 845 и др.).

Вотъ свидѣтельство исторіи (лѣтопись Бароніа уснащена смыслами на церковныхъ историковъ Евсевія, Сократа, Созомена и

др *) касательно взгляда святых отцов и учителей Церкви на вопрос о „свободѣ совѣсти“: огражденіе церковныхъ чадъ отъ пагубнаго дѣйствія еретической пропаганды мѣрами стѣсненія по отношенію къ еретикамъ они считали не только не противнымъ евангельской истинѣ и ученію св. Церкви, а прямо требуемымъ тою и другимъ (Назіанзинъ). Прискорбно, что „религіозно-философствующіе“ „ищущіе“ подтверждаютъ свои мысли авторитетомъ лицъ или сомнительнаго православія или явно не православныхъ и точно стыдятся авторитета святыхъ отцовъ. Ужели духъ христіанства послѣдніе понимали хуже газетныхъ фельетонистовъ „Новаго времени“ и „умниковъ“ „Новаго пути“!? „Христа съ насиліемъ мы не примемъ“, вопять нѣкіе изъ нихъ. Да кто же такого Христа проповѣдуетъ. Существующіе законы ограждаютъ только, можно сказать, Христа отъ насилія,—ограждаютъ вѣру Христову въ простыхъ сердцахъ вѣрующихъ отъ пропагандистскаго насилія разныхъ сумасбродныхъ отступниковъ, будетъ то въ видѣ открытой проповѣди сектантскихъ ученій или другого явнаго оказательства отступничества. „Христа съ насиліемъ мы не примемъ“... и какъ легко это сказано! Невольно вспоминаются слова Христовы: „Азъ пріидохъ о имени Отца Моего и не пріемлете Мене; аще инъ пріидетъ во имя свое, того пріимите“. „Инъ, по толкованію бл. Теофилакта,—антихристъ явъ“. Велемудрые „новопутейцы“, сомнѣваясь въ истинѣ свято-церковной (или прямо отвергая ее) и ратуя за свободу пропаганды всякаго религіознаго лжеученія, „кого ищите“? Христосъ уже явилъ себя мірови, создалъ Церковь Свою святую и съ нею пребудетъ во вся дни“. Уклоняясь на своемъ „пути“ отъ этой Церкви, вы держите направление къ „иному“...

Н. Гринякинъ.

*) Много такихъ же свидѣтельствъ приведено въ Дѣяніи собора 1666—67 г. л. 81.

ОТКЛИКИ.

Новая книжка гр. Л. Н. Толстого: «Обращеніе къ духовенству».

Временно согласившись въ первыхъ главахъ принять ученіе Церкви за истину, Л. Н.—чѣ далѣе съ III главы пытается доказать, что нѣтъ истины въ этомъ ученіи, что оно вредно и страшно. Дѣйствуя на людей, недорослихъ до пониманія того, что имъ сообщается, на дѣтей и народъ, не разсуждающій и принимающій за истину всякую ложь. Церковь и священники—по словамъ Толстого—преподаютъ имъ ученіе, которое можетъ только разрушать душу, отдалять и отъ Христа и Христова ученія.

Въ чемъ состоитъ это ученіе,—Л. Н. передаетъ въ краткомъ пересказѣ священной исторіи ветхаго и новаго завѣта. Ветхій завѣтъ, по которому ученики Церкви составляютъ первое понятіе о Богѣ, о жизни людей, о добрѣ и злѣ, есть книга ужасная и вредная.

Говорятъ,—патетически восклицаетъ Толстой,—о вредныхъ книгахъ! Но есть-ли въ христіанскомъ мірѣ книга, сдѣлавшая больше вреда людямъ, чѣмъ эта ужасная книга, называемая „Священной Исторіей ветхаго и новаго завѣта?“ А черезъ преподаваніе этой священной исторіи проходятъ въ своемъ дѣтскомъ возрастѣ всѣ люди христіанскаго міра, а эта же исторія преподается всѣмъ взрослымъ темнымъ людямъ.

Та самая писательница, словамъ которой мы начали свои отклики, кажется, справедливо считаетъ главнымъ недочетомъ графа, какъ философа, его „близорукость“,—недостатокъ широты кругозора: это, говоритъ она, человекъ съ „слишкомъ узкой зоной яснаго зрѣнія“. „Нѣтъ людей, которые бы во всѣ стороны видѣли одинаково далеко. У каждаго человека есть своя зона свѣта, въ предѣлахъ которой онъ видитъ хорошо и ясно.—Далѣе за предѣлами этой зоны для него темно и мракъ. И о Л. Н.—чѣ можно сказать, что его зрѣніе особенно ограничено и узко въ области пониманія религіозныхъ эмоцій, внутренней религіозной жизни

отдѣльнаго человѣка и народовъ. Ветхій заветъ для него темная и непонятная книга. Это объясняется, конечно, тѣмъ, что его пониманіе случайно было направлено имъ въ сторону критической разсудочности;—онъ отнесся къ „книгѣ книгъ“ съ психологіей „книжника“—и все, что принялъ, принялъ не въ духѣ и силѣ, а только въ буквѣ, а многое осудилъ опять потому, что духа не понималъ, а буква не понравилась ему. Онъ случайно отдалился или искусственно отдалилъ себя отъ пониманія такой книги, какъ Библия. Его передача всего ветхаго завета въ предѣлахъ полуторы страницы поражаетъ цѣлымъ рядомъ странностей. Изъ книги во всякомъ случаѣ—даже для невѣрующаго—глубокой и огромной онъ дѣлаетъ что-то очень узкое и очень пошлое. Библия начинается глубокимъ мистическимъ разсказомъ о паденіи первыхъ людей. Это событіе паденія—нарушеніе заповѣди о древѣ познанія добра и зла должно бы казаться очень глубокимъ именно съ точки зрѣнія Л. Н.—ча. Здѣсь люди, забывши о Богѣ и своей душѣ, захотѣли приписать какую то чудодѣйственную силу дереву, т. е. внѣшнему міру, впали въ грѣхъ идолопоклонства предъ міромъ и силою міра отошли отъ единства съ Богомъ въ преклоненіи предъ благами внѣшней жизни и своимъ я. Думалось бы, что событіе паденія въ такомъ освѣщеніи—(а другого никто никогда не давалъ ему—ни Церковь, ни отцы) должно быть понятно Л. Н.—чу. И что-же? Въ его передачѣ это событіе состоитъ только въ томъ, что люди съѣли отъ запрещеннаго яблока, имѣющаго будто волшебную силу давать могущество. Кто же виноватъ въ этомъ мѣщанствѣ пониманія. Не книга же?

Библейскій разсказъ о томъ, что люди, согрѣшивъ, внесли разложеніе во весь міръ, разрушили грѣхомъ и хищничествомъ плодородіе земли, внесли хищничество и въ среду звѣрей, которые раньше слушались ихъ, развратили ихъ, о томъ, что люди, въ цѣляхъ ихъ воспитанія, осуждены на трудъ воздѣлыванія земли, производящей вмѣсто хлѣба терніе и волчцы,—на длинный „Путь спасающей скорби“ (*via dolorosa*), въ передачѣ Л. Н.—ча становится страннымъ разсказомъ о томъ, будто за грѣхъ первыхъ людей стали на землѣ расти дурныя травы, какихъ прежде не было (?).

Особенно не нравится Толстому разсказъ о союзѣ Бога съ Авраамомъ, о Моисеѣ, о казни Божіей надъ Дааномъ и Авирономъ. Вся исторія ветхаго завета представляется ему рядомъ только

чудесныхъ событій и страшныхъ злодѣяній, совершаемыхъ еврейскимъ народомъ, его предводителемъ и Самимъ Богомъ. Л. Н—чъ думаетъ, что этотъ ветхій заветъ необходимо долженъ внести нравственное развращеніе. Дѣйствительно, если судить по этимъ строкамъ, то Библія для Толстого темная книга.

Недавно умеръ одинъ человѣкъ, котораго называли пророкомъ своего времени. Этого человѣка въ высшей степени уважалъ Толстой, уважалъ до того, что издалъ отдѣльно его мысли. Человѣкъ этотъ извѣстный Джонъ Рескинъ. Онъ воспитался подъ вліяніемъ бібліи, выросъ на бібліи. „Свѣтъ ветхаго и новаго завета освѣщаетъ не только горныя вершины дѣлъ его и мыслей, но пронизываетъ всю его дѣятельность“, — все, что онъ написалъ и сказалъ, носитъ на себѣ отблескъ библейскаго свѣта.

И вотъ этотъ Джонъ Рескинъ сумѣлъ бы отвѣтить Л. Н—чу на его сомнѣнія, на его толкованія ветхаго завета.

Ветхій заветъ будто бы даетъ представленіе о Богѣ только какъ о мстителѣ, не о Богѣ любви, а о Богѣ, который позволяетъ убійство по суду и на войнѣ, любить только одинъ народъ и ненавидѣть другіе. Рескинъ прежде всего указалъ бы на Моисея, который въ одну минуту, когда Богъ захотѣлъ положить руку Свою на Израиля, сказалъ Богу: „лучше вычеркни меня изъ книги живота“. если не можешь помиловать этотъ народъ. Развѣ не понятенъ смыслъ этого противопоставленія Моисея Богу? Неужели рассказчикъ хотѣлъ сказать, что человѣкъ Моисей въ данномъ случаѣ былъ добрѣе и больше своего Бога. Нѣтъ, если слуга Моисей любилъ народъ свой до самопожертвованія и заставилъ Бога отложить кару, то еще больше любить и больше жалѣть народъ свой и Тотъ Богъ, Который избралъ Моисея Своимъ пророкомъ и служителемъ, Который это ходатайство Моисея за народъ — этотъ „бунтъ“ благословилъ, прославилъ, оцѣнилъ, какъ святой подвигъ въ очахъ Его.

И Библія, если прочитать ее чуть внимательно, не даетъ со-всѣмъ представленія о „Богѣ, дышащемъ огнемъ и мстительномъ до третьяго колѣна“. Этотъ Богъ ветхаго завета—тотъ Богъ, о Которомъ говоритъ Христосъ, что Онъ собиралъ народъ Свой какъ кокошъ подъ крылья, и все время согрѣвалъ Своими крыльями. И этотъ Богъ ветхаго завета вовсе не любитъ одинъ народъ какою-то особенною, исключительною любовью. Идея ветхаго завета объ избранности народа Божія далеко не имѣетъ такого темнаго смысла. Богъ заботился о храненіи истинной любви

и богоугодномъ настроеніи во всемъ человѣчествѣ и бдительнымъ окомъ слѣдилъ за всѣмъ человѣчествомъ. Но народы мало-помалу, одинъ по одному отходили на сторону. Изъ этого человѣчества выдѣлился только одинъ народъ, который по какимъ бы то ни было причинамъ сумѣлъ болѣе сохранить эту истину. Понятно, что, послѣ такого отпаденія „языковъ“, вниманіе историка судебъ Церкви Божіей на землѣ должно остановиться на этомъ народѣ, выдѣлить его, какъ особый народъ, потому что это народъ, хранящій истину. Понятно, что и Господь Богъ, Который и послѣ выдѣленія одного народа слѣдитъ Своимъ окомъ за всѣми народами, необходимо воспитательное дѣйствіе сосредоточиваетъ около этого народа, который еще не все потерялъ, въ которомъ есть что охранять и оберегать. И въ такой попечительности, которая идетъ рядомъ съ попечительностію о всѣхъ народахъ, выразилась избранность этого народа, и такая избранность называется особою любовью Бога къ Израилю. И все, что дѣлаетъ Богъ для охраненія вѣры въ народѣ израильскомъ, его наказанія народу Божию и сосѣдямъ его, огонь и мечъ— все это средства Божественной педагогики, тѣ средства (иногда суровыя, какъ хирургія),—которыя требовались для спасенія истины въ этомъ народѣ по жестоковѣрности и жестокосердію его.

Если же въ ветхомъ завѣтѣ найдется кое-что возбуждающее нравственные сомнѣнія, въ родѣ закона „око за око“, въ родѣ казней, которыя какъ будто исходятъ отъ Самого Бога, то вѣдь нужно помнить отношеніе не только новаго завѣта, но и вѣтхаго (въ писаніяхъ пророковъ) къ этой морали ранняго времени. Нравственное ученіе Моисея,—законъ справедливости и не выдается за окончательный и послѣдній законъ Божій. Это законъ для невыросшаго еще жестоковѣрнаго Израиля, только первая ступень, имѣющая вести къ небу. Первая ступень возвышается надъ землею, и законъ справедливости, служеніе Богу хотя бы законническимъ обрядомъ были подъемомъ для Израиля. Но никто и никогда не говорилъ, что этотъ законъ есть истина абсолютная, послѣдняя, которая преподается Церковью, какъ законъ дѣятельности для всѣхъ людей и въ Царствѣ Христовомъ. Рескинъ, который смотрѣлъ на Библію другими глазами, чѣмъ Толстой, находитъ, что въ Библии, даже во Второзаконіи, данъ весь общественный законъ, законъ обществен-

ныхъ отношеній въ первой ея половинѣ, законъ справедливости и христіанство должно было прибавить только другую половину, болѣе великую—законъ любви. Если бы пониманіе такихъ книгъ, какъ псалмы, Руѣ, Экклесіастъ и Притчи, входило въ свѣтлую зону І. Н.—ча, то тогда не могло бы его смутить то, что кажется ему непріемлемымъ. „Когда поверхъ родника плаваютъ сухіе листья, то жаждущій человекъ не отойдетъ отъ этого родника, а отстранитъ листья и припадетъ къ роднику сухими устами“ (Функе) и, конечно, найдетъ тамъ воду,—живую, чистую воду.

И человекъ, который подойдетъ къ ветхому завету съ жаждою воды живой, прикоснувшись къ этому источнику, не скажетъ, что эта книга „страшная и вредная“ и Библія станетъ для него свѣтлой и открытой книгой. Онъ замѣтитъ вдругъ, какъ тысячи изреченій, казавшихся до сихъ поръ темными, предстанутъ вдругъ въ чудномъ ослѣпительномъ блескѣ, подобно драгоценнымъ камнямъ, которые мутны въ тѣни и выказываютъ неожиданное великолѣпіе, если повернуть ихъ къ свѣту. Странные, даже непріемлемые—на первый взглядъ, рассказы („сухіе листья“), сравненія, образы становятся все яснѣе и яснѣе для разума и обращаются въ глубокія истины, облеченныя небесной силой и проливающія намъ свѣтъ, утѣшеніе и миръ“ (Функе „Школа жизни“).

Чудо. Вотъ что, какъ мы видимъ изъ „Обращенія къ духовенству“ главнымъ образомъ смущаетъ Толстого и не позволяетъ ему принять книги книгъ. Но если съ какой точки зрѣнія, то именно съ толстовской, должно считаться понятнымъ и пріемлемымъ чудо.

Въ книгѣ „Мысли о Богѣ“ Толстой исповѣдуетъ вѣру въ живого Бога—но развѣ это не значитъ признать Гого Бога, Который есть „творяй чудеса“.

Богъ живой—равно Богъ чудотворецъ.

„Если Богъ нашъ не можетъ дѣлать чудесъ, у насъ нѣтъ живого Бога,—пишетъ Функе, а нѣтъ живого Бога,—нѣтъ и никакого“. Кто вѣруетъ въ живого Бога и имѣетъ хоть отдаленное предчувствіе Его величія, тотъ не можетъ предположить, чтобы законами, Имъ Самимъ данными, Онъ связалъ Себѣ руки и долженъ теперь допустить все, что происходитъ.

Но когда мы вѣруемъ въ то, что мы—люди и должны быть или стать людьми Божиими, такими, которые созданы для общенія

съ Богомъ и въ этомъ одномъ находятъ полноту жизни и удовлетвореніе себѣ,—когда мы вѣруемъ, что есть человѣческая свобода и что человѣкъ не машина, движущаяся подъ вліяніемъ извѣстныхъ законовъ и не могущая двигаться иначе, тогда невозможно Богу оставаться безучастнымъ къ тому, что трогаетъ людей.

Онъ не можетъ хранить мрачнаго молчанія по отношенію къ нимъ, Онъ долженъ говорить имъ; Онъ не можетъ не слушать ихъ благодарственные псалмы, Онъ долженъ отвѣчать; Онъ не можетъ относиться одинаково къ человѣку, который бьетъ Его въ лицо, и къ человѣку, который со слезами обращается къ Нему изъ заблужденія и жаждетъ отеческаго сердца. Богъ долженъ оправдать Себя въ судѣ Своемъ такъ-же, какъ и въ любви Своей. Если есть вообще добро и зло, если есть у человѣка свобода противиться злу и искать добра, или презирать добро и служить своимъ нечистымъ похотямъ, то невозможно, чтобы Богъ, если Онъ живъ и святъ, относился къ этому равнодушно. Богъ долженъ отрываться людямъ, или нѣтъ у насъ болѣе никакого общенія съ Нимъ. Надо, чтобы Онъ говорилъ, отвѣчалъ намъ словомъ или дѣломъ.

Если предположить, что Богъ не обращаетъ больше вниманія на слезы покаянія блуднаго сына и на молитвы угнетенной вдовицы, то и самыя слова: „покаяніе и молитва“ сдѣлаются скоро загадкой для людей. „Я не хочу вступать въ споръ о томъ, имѣетъ ли молитва растроганной души какую-нибудь силу или не позволяетъ этого *Nexus rerum* (законъ природы). Я отношусь съ полнымъ уваженіемъ къ *nexus rerum*, но не могу все-таки не вспомнить при этомъ о Сампсонѣ, который, оставивъ нетронутымъ *nexus* внутреннего строенія воротъ, какъ извѣстно, отнесъ ворота цѣликомъ на гору. Однимъ словомъ, я полагаю, что не напрасно считать олень, ища водныхъ источниковъ,—нужно только хорошенько молиться и съ надлежащимъ настроеніемъ“.

Если же Богъ не внимаетъ нашимъ молитвамъ, Онъ не Божъ. Онъ смѣется надъ собственнымъ твореніемъ Своимъ, вложивъ въ наши сердца потребность молитвы и надежду на то, что Онъ услышитъ ее. Богъ долженъ творить чудеса, это значитъ: Онъ долженъ дѣйствовать сверхъ-естественнымъ образомъ, иначе мы не можемъ ни любить, ни бояться Его, и Онъ скоро сдѣлается безразличнымъ для насъ.

Но если мы согласимся съ тѣмъ, что достойно Бога и даже само собой понятно, чтобы Онъ дѣйствовалъ сверхъ-естественнымъ образомъ, т. е. такъ, что нельзя понять Его дѣйствій изъ естественнаго хода природной жизни,—если мы допустимъ такимъ образомъ, что то, что называется пока не чудомъ, а соучастіемъ Бога въ мірѣ—есть вещь вполне разумная, то ужъ намъ нельзя больше говорить: это Богу возможно, а то нѣтъ; до такого-то предѣла Онъ можетъ дойти, но никакъ не дальше. Можемъ ли мы, ничтожныя существа, ставить Богу границы и говорить Его вѣчной любви, всемогуществу и премудрости: „столько Ты можешь, но дальше Твоя власть не можетъ простираться“?

Въ чемъ разница—по существу—между исполненной молитвою, хлѣбомъ, ниспосланнымъ голодному руками добраго человѣка, и чудомъ обращенія камня въ хлѣбъ. Разницы нѣтъ.

Что для насъ сверхъ-естественно, для Бога вполне естественно; что чудо для земли, то „сама природа въ небесахъ“ (Функе. „Школа жизни“).

„Чудесъ нѣтъ, —это правда: ибо всё, творимое Богомъ, только естественно. „Неестественность“ чудесъ въ глазахъ людей, основавшихся на понятіи желѣзной законмѣрности всѣхъ явленій въ природѣ, станетъ для насъ естественностью и необходимостью, если мы поймемъ, что въ каждомъ чудѣ—прикосновеніе къ жизни Творца Жизни. Жива по прежнему, безконечна и могущественна, какъ и въ дни творенія, полна любви Сила Бога Всѣхъ Силъ, и чѣмъ загадочнѣе, невозможнѣе кажется каждае чудо, тѣмъ больше въ немъ правды Божіей, милующей, спасающей, безмѣрно возлюбившей человѣчество. Да и самый міръ необъятный, разгаданный только въ ближайшей, поверхностной и меньшей долѣ,—не весь ли онъ чудо и тайна?“ (Апокрифъ).

Чудо не противно разуму. Будетъ ли чудо, если взрослый человѣкъ остановить рукой своей камень, падающій съ крыши и угрожающій смертью ребенку, который играетъ около дома, съ котораго упалъ камень. Тутъ нѣтъ чуда. Тутъ все естественно. Если, положимъ, тотъ же камень остановила не человѣческая рука, а рука божественная, то что же тутъ непріемлемаго, разъ допущено, что Богъ можетъ простирать Свою руку и можетъ оказывать помощь въ отвѣтъ на молитву? Тутъ не было бы никакого нарушенія законовъ, потому что вѣдь не нарушаетъ законъ

природы человѣкъ, который своей рукой останавливаетъ камень падающій по законамъ тяготѣнія.

Принимая живого Бога—повторимъ—Толстой обязанъ принять чудо.

Да, но, можетъ быть, мы искажаемъ самое „понятіе“ живого Бога—какъ понимаетъ его Толстой. Справимся.

„Господи—пишетъ Толстой въ книгѣ „Мысли о Богѣ“—вотъ я назвалъ Тебя, и страданія мои кончились. Отчаяніе мое прошло. Я проклинаю свои слабости, я ищу Твоего пути, но я не отчаиваюсь, я чувствую близость Твою, чувствую помощь, когда я иду по путямъ Твоимъ, и прошеніе, когда отступаю отъ нихъ. Путь Твой ясенъ и простъ. Иго—Твое благо и время Твое легко; но я долго блуждалъ внѣ путей Твоихъ, долго въ мерзости юности моей,—я, гордясь, скинулъ всякое бремя, выпрягся изъ всякаго ига и отучилъ себя отъ хожденія по путямъ Твоимъ. И мнѣ тяжело и Твое иго и Твое бремя, хотя знаю, что оно благо и легко. Господи, прости заблужденія юности моей и помоги мнѣ такъ же радостно нести, какъ радостно я принимаю иго Твое.

Если „это“ есть то, что православные называютъ живымъ Богомъ—я вѣрю въ Него,—и извиняюсь передъ Нимъ,—что спорилъ противъ нихъ“.

Полагаемъ, что здѣсь все, что нужно для того, чтобы утверждать участіе Бога въ дѣлахъ міра и слѣдовательно утверждать чудо. Онъ проситъ, чтобы Богъ подаль ему помощь, сдѣлалъ легкимъ для него Его Божественное иго. Но, если онъ молится, то, значить, нацѣвется на то, что молитва его будетъ услышана. Значить, понимаетъ живого Бога—именно какъ Бога, отвѣчающаго на молитвы помощью руки Своей.

Чудо самъ Толстой всегда опредѣлялъ, какъ именно участіе въ дѣлахъ міра Господа Бога, Который какимъ бы то ни было образомъ простираетъ Свою руку въ міръ, и какъ пантеистъ—ранѣе онъ естественно не могъ и не хотѣлъ понять таковаго участія. Принимая теперь отвѣтъ на молитву, не обязался ли онъ принять вообще чудо? Здѣсь не можетъ быть колебанія въ отвѣтъ.

Л. Н-чу кажется непріемлемымъ чудо, потому то оно, какъ противоразумное и совершенно непонятное, клиномъ вбивается въ голову и уничтожаетъ вообще способность разумаго пониманія. Но вотъ существуетъ радій. Какъ извѣстно, одно изъ

свойствъ радія то, что онъ уничтожаетъ дѣйствіе закона тяготѣнія на сосѣднія тѣла, вызываетъ кипѣніе, не давая теплоты, не уменьшаясь ни въ своемъ видѣ, ни въ вѣсѣ. Радій для насъ непонятенъ и съ этой стороны онъ чудо, такъ какъ не соединяется съ ранѣйшими нашими представленіями, разрушаетъ ихъ. Но слѣдуетъ ли отсюда, что мы должны отрицать радій? Нельзя отрицать того, что есть.

Насколько отзывы Толстого о ветхомъ и новомъ заветѣ вызываютъ его огромнымъ учительскимъ высокомеріемъ, можно судить потому, что этотъ отзывъ касается и Евангелія.

„Кромѣ исторіи ветхаго завета, вы преподаете,—еще ничто иное,—темнымъ людямъ исторію новаго завета въ такомъ толкованіи, при которомъ главное значеніе новаго завета заключается не въ нравственномъ ученіи, не въ нагорной проповѣди, но въ согласованіи евангелія съ исторіей ветхаго завета, въ исполненіи пророчествъ и чудесахъ: хожденіе звѣзды, пѣніе съ неба, разговоръ съ дьяволомъ, превращеніе воды въ вино, хожденіе по водѣ, неплененіи, воскрешенія людей и, наконецъ, воскресеніе Христа и улетаеніе его на небо.

Такимъ образомъ за чудеса, за пѣніе съ неба, за воскресеніе Христа ужасной и вредной книгой оказывается не только ветхій, но и новый заветъ—Евангеліе. Значить и люди должны исключить изъ числа книгъ, какія они могутъ читать, и Евангеліе, потому что тамъ, не въ священной исторіи новаго завета, какъ учебникъ, а въ самомъ Евангеліи разсказывается о воскресеніи людей и воскресеніи Христа.

Евангеліе—самая ужасная и вредная изъ книгъ—неужели такой выводъ не поразилъ Л. Н. своей очевидной „ужасностью“ вывода. Не долженъ ли былъ онъ подумать хотя надъ тѣмъ, что отнимать у человѣчества Евангеліе—значить брать на себя слишкомъ большую отвѣтственность. А отнимать часть значитъ отнимать все. Самъ онъ пишетъ, что тотъ, кто сочтетъ ложью часть, отброситъ и остальное.

Въ живой организмъ нельзя вложить чуждое ему вещество безъ того, чтобы организмъ этотъ не пострадалъ отъ усилій освободиться отъ вложеннаго въ него чуждаго вещества и иногда не погибъ бы въ этихъ усиліяхъ. Какой же страшный вредъ должны производить въ умъ человѣка тѣ чуждыя и современному знанію, и здравому смыслу, и нравственному чувству изложенія ученія по ветхому и

новому завѣту, внушаемая ему въ то время, когда онъ не можетъ обсудить, а между тѣмъ воспринимаетъ то, что ему предается.

Для человека, въ умѣ котораго вложено, какъ священная истина, вѣрованіе въ сотвореніе изъ ничего міра 6000 лѣтъ тому назадъ, въ потопъ и ковчегъ Ноя, вмѣстившаго всѣхъ звѣрей, въ Троицу, въ грѣхопаденіе Адама, въ непорочное зачатіе, въ чудеса Христа и въ искупительную для людей жертву его смерти,—для такого человека требованія разума уже не обязательны, и такой человекъ не можетъ быть увѣреннымъ ни въ какой истинѣ. Если возможна Троица непорочное зачатіе, искупленіе рода человѣческаго кровью Христа, то все возможно, и требованія разума не обязательны.

Такой человекъ, если онъ дорожить своими вѣрованіями, неизбежно будетъ всю жизнь или остерегаться, какъ чего-то зловреднаго, всего того, что могло бы просвѣтить его и разрушить его вѣрованія; или уже разъ навсегда признавъ (въ чемъ всегда поощряютъ проповѣдники церковнаго ученія), что разумъ есть источникъ заблужденій,—откажется отъ единственнаго свѣта, который данъ человеку для нахожденія пути жизни; или, самое ужасное,—будетъ хитрыми разсужденіями стараться доказать неразумное и, что хуже всего, отброситъ не только тѣ вѣрованія, которыя внушены ему, но и сознаніе необходимости какой либо вѣры.

Мысль здѣсь старая, съ которой мы уже имѣли дѣла: повторяется, не повторяется.

Догматъ—думаетъ Толстой—разрушаетъ жизнь потому, что антиразуменъ. Мы думаемъ, что здѣсь явное недоразумѣніе: одно изъ двухъ — или догматъ совсѣмъ чуждъ сознанію вѣрующаго, не усвоится этимъ сознаніемъ, а только запоминается, или онъ входитъ въ сознаніе, какъ одинъ изъ слагающихъ его элементовъ. Въ первомъ случаѣ догматъ ничего не даетъ, но ничего и не отнимаетъ. Онъ мертвое знаніе, которое никакъ не соприкасается съ остальнымъ знаніемъ—и ему не мѣшаетъ. Представьте ребенка, которому вкладываютъ догму неподвижности солнца, движенія земли вокругъ солнца и т. д. Она не можетъ быть усвоена сознательно ребенкомъ и принимается имъ на вѣру. Можно-ли сказать, что эти догмы уничтожаютъ вѣру въ разумъ. Нѣтъ; ребенокъ просто вѣритъ, что онъ не доросъ до пониманія отрываемой истины. Онъ приходитъ къ идеѣ ограниченности его разума, къ необходимости движенія къ свѣту, къ знанію. То-же должно быть съ человекомъ, которому открыта недоразумѣваемая догма вѣры, съ той разностью, что въ его власти всегда подвигомъ жизни въ Богѣ подойти къ разумнѣйшей догмѣ, такъ какъ она постигается не разсудкомъ, а любовью и самоусовершенствованіемъ и потому

доступна ребенку даже болѣе, чѣмъ мудрецу. Догмы только въ неслѣдномъ, намѣренно каррикатурномъ и неосмысленномъ изложеніи ихъ враговъ, могутъ казаться антиразумными, въ крайнемъ случаѣ, онѣ сверхразумны, т. е. не укладываются (а не противорѣчатъ) обычнымъ категоріямъ мышленія.

Да и это можно сказать лишь съ нѣкоторыми оговорками. Человѣческій умъ даже внѣ откровенія непосредственнаго создавалъ построенія близкія къ откровенной догмѣ. Очевидно, въ разумѣ даны элементы этихъ истинъ. Извѣстный русскій мыслитель и ученый, Б. К. Чичеринъ, говоритъ между прочимъ слѣдующее о догмѣ Троичности: «Чисто философское развитіе понятія объ абсолютномъ, даже независимо отъ какихъ-бы то ни было религіозныхъ опредѣленій, приводитъ насъ къ признанію-же трехъ Лицъ Божества. Отсюда ясно, продолжаетъ онъ, что въ церковномъ ученіи о троичности Лицъ въ Богѣ выражены высшія и необходимыя начала разумаго богопознанія, составляющія приложеніе и развитіе самыхъ основныхъ законовъ разума».

Но если такъ, то истина хотя-бы троичности вовсе не вызоветъ «отчаянія въ силѣ разума», а только исканіе еще другихъ путей познанія „иныхъ міровъ“, не вполне подчиняющихся скудному и блѣдному разуму теперешняго человѣка—по мнѣнію самого Толстого, растерявшаго способность разумѣнія въ суетѣ жизни. Догматъ не будетъ вызывать сомнѣнія и отчаянія въ познаніи, въ разумѣ—какъ органъ познанія, тѣмъ болѣе, что по мѣрѣ роста сознанія человѣка будетъ все яснѣе и яснѣе значеніе догмы въ разумѣннй жизни, ея осмысленность и разумность.

Я не буду повторять то, что уже приходилось говорить.

Скажу только нѣсколько строкъ опять о догмѣ троичности, которая особенно не нравится Толстому, и притомъ скажу, слѣдуя шагъ за шагомъ за самимъ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ.

Въ книгѣ «Христіанское ученіе» (Чертковъ, Purlergh. 1898), Левъ Николаевичъ излагаетъ сущность христіанской жизни въ такихъ чертахъ. Человѣкъ ложно сознаетъ себя, какъ отдѣльное тѣлесное и смертное существо; въ дѣйствительности онъ нераздѣльное отъ другихъ, и потому не смертное существо (Христ. Чтеніе V. 24). Если-бы эта духовная сущность не находилась въ отдѣльномъ существѣ, то оно, существо, не знало-бы про себя, но въ человѣкѣ оно сознаетъ себя, какъ личность (тамъ-же). Далѣе. Эта духовная сущность стремится уничтожить свою особность,

сознать себя какъ едино съ остальными людьми и съ Богомъ («Христ. Ученіе» стр. 21). Богъ-же, дополняетъ кн. «Мысли о Богѣ»,—не есть только нравственное сознаніе въ людяхъ, а живое, особно отъ людей сущее „я“ (Мысли о Богѣ).

Собственно говоря, здѣсь въ этомъ изложеніи есть элементы правды: только правда эта была очень неясной для самого Толстого до поворота его къ теизму. Самъ Толстой пишетъ, что одно время „дьяволъ уловилъ его. Это когда онъ пришелъ къ мысли, будто можно и особенно важно для единенія съ китайцами конфуціанцами и буддистами и нашими безбожниками-агностиками—совсѣмъ обойти понятіе Бога, довольствоваться признаніемъ Бога въ себѣ“.

Теперь графъ вышелъ изъ сѣтей діавола и признаетъ того Бога, Котораго мы зовемъ живымъ Богомъ (Журналъ для всѣхъ, Мартъ. Изъ писемъ и бумагъ Толстого), Бога, Который вложилъ въ человѣка разумъ.

Вмѣстѣ съ этимъ онъ и вынужденъ былъ признать, что Богъ и человѣкъ—не безразличное единство, что человѣкъ реальная, особая отъ Бога, безкопечно далекая отъ него сущность, хотя и таготѣющая къ Богу по сродству души съ началомъ Божественнымъ. Далѣе изъ той-же вѣры въ живого Бога и отрицанія стараго пантеизма Л. Н. Толстой вынуждается признать особность каждой человѣческой личности—не призрачной, а реально существующей, причемъ эта особная личность естественно представляется таготѣющей къ относительному уничтоженію этой особности, къ сліянію и единенію со всѣми.

Вдумаемся, однако, поглубже, что слѣдуетъ отсюда, къ чему сводится такое пониманіе. Люди—по Толстому—сознаютъ себя личными существами, но это сознаніе не истинно или (въ исправленномъ видѣ) полуистинно: въ дѣйствительности люди, по существу, единство, они ипостаси многоипостаснаго единства, которое ранѣе Толстой называлъ Богомъ, а теперь, съ признаніемъ живого и личнаго Бога, вынужденъ отождествлять съ „человѣчествомъ“ (Послѣднему термину онъ придаетъ пантеистически-мистическій оттъѣнокъ).

Церковь не согласна съ такимъ пониманіемъ отношенія между личными „я“, даже въ исправленномъ видѣ, по ея ученію обособленіе личности рѣзче и опредѣленнѣе. Личность и не призрачна, а реальна, и уничтоженіе личности невозможно, но здѣсь важно

не это, важно, что Толстой принимает метафизическій догматъ, по существу сродный съ церковной догмой троичности. Ипостаси, „личныя я“ отдѣльныхъ людей, составляя особныя личныя единицы, по существу, или въ существѣ составляютъ „едино“. Многія „я“ равны одному я или, пользуясь его оборотомъ, миллионы равны единицѣ.

Не должно-ли считать гораздо болѣе понятнымъ и пріемлемымъ ученіе, что ипостаси абсолютнаго, свободнаго отъ майи эгоистическаго обособленія (пользуемся не вполне православнымъ оборотомъ Толстого и Шоненгауера), составляютъ едино.

И далѣе. Ученіе о единосущіи человѣчества, о единствѣ природы его, о необходимости сліянія людей въ одно не есть просто искаженное эхо церковной правды и именно то же ученіе о Троицѣ въ этическомъ освѣщеніи его самимъ Евангеліемъ.

„Человѣчество единосущно. Каждый человѣкъ это только одно лицо, ипостась великаго единства — единосущнаго человѣчества. Всѣ люди это раздробленныя искры единаго Божественнаго дунуванія. „И вдунулъ въ лице его дыханіе жизни“. Отдѣльная человѣческая душа это одинъ тонъ въ аккордѣ. Отсюда основной законъ человѣческой жизни—любовь. Девизомъ нормальнаго строя людскихъ отношеній—Творецъ поставилъ догматъ, что „нѣтъ разности между людьми. Всѣ одно, какъ живые органы великаго тѣла“—Церкви (І. Махавиль „Въ праведную землю“).

Вотъ церковное ученіе, противъ котораго едвали станеть спорить и Толстой: именно, о немъ вспомнить зоветъ Толстой, но достаточно ли о немъ только вспомнить.

Какъ говорить и онъ самъ — эта истина единства не забыта только, а совсѣмъ затеряна, утрачена, искажена, изгнана изъ самой природы міра. Закономъ единства „не долго жили люди, грѣхъ разъединилъ всѣхъ, такъ что все человѣчество стало похоже на груды костей безъ живаго сочетанія и сочлененія“ (Еп. Теофанъ).

Единосущія, сознанія единства не стало въ жизни, фактъ, но само собой разумѣется, что при такихъ условіяхъ человѣчество въ правѣ усумниться въ самой возможности такого уничтоженія „распада“; истина объединенія нуждается во внѣшнемъ, безусловномъ и твердомъ подкрѣпленіи, санкціи. И вотъ для этого, какъ уже не разъ писано, открыта истина,—что единеніе есть въ Самомъ Богѣ, что оно сущность Божественной жизни—

не есть нічто желаемое для человѣка и выдуманное имъ, а фактъ внутреннего бытія Бога, составляющій заповѣдь для человѣка уже въ силу завіѣта: будьте совершенны, какъ Отець совершенъ.

То, что Толстой напоминаетъ, здѣсь не напоминаетъ только, а обосновывается на камнѣ непреложномъ и непоколебимомъ.

Какъ мы уже имѣли случай говорить, на догматъ Троичности, какъ на основной тезисъ, базисъ христіанскаго пониманія жизни, указаль и Христосъ.

Итакъ, читатель видитъ теперь, что именно исходя изъ Толстовской метафизики, не только можно, но и необходимо признать разумнымъ и пріемлемымъ догматъ Троичности, а слѣдовательно и догматъ вообще. На чемъ же держится отрицаніе?

„Забейте клинъ между половицами закрома. Сколько бы ни сыпали въ такой закромъ зерна, оно не удержится. Точно также и въ головѣ, въ которую вбитъ клинъ Троицы или Бога, сдѣлавшагося человѣкомъ и своимъ страданіемъ искупившаго родъ человѣческій и потомъ опять улетѣвшаго на небо,—не можетъ уже удержаться никакое разумное, твердое жизнепониманіе.

Что ни сыпь въ закромъ съ целью въ полу, все высыпится. Что ни вкладывай въ умъ, принявшій за вѣру безсмысленное,—ничто не удержится въ немъ.

Такое вредъ для умственной дѣятельности человѣка, производимый внушеніемъ церковнаго ученія. Но еще во много разъ болѣе вредно то нравственное извращеніе, которое производитъ въ душѣ человѣка такое внушеніе.

Вмѣсто потребности совершенствованія, вы говорите, что спасеніе его въ вѣрѣ въ искупленіе, а что совершенствованіе своими силами безъ помощи молитвъ, таинствъ и вѣры въ искупленіе есть грѣхъ гордости, что для спасенія своего человѣкъ долженъ вѣрить не своему разуму, а велѣніямъ Церкви, и исполнять то, что она предписываетъ.

Страшно подумать о томъ извращеніи понятій и чувствъ, которое оставляетъ въ душѣ ребенка и взрослого темнаго человѣка такое ученіе“.

Насколько справедливы эти мысли, достаточно видно изъ предыдущаго. Да, еслибы истина Троичности вошла клиномъ въ нашу жизнь, въ наше разумнѣе жизни—міръ перемѣнилъ бы лицо свое, Царство Христово—настало бы на землѣ.

Не убиваетъ потребности совершенствованія ученіе объ искупленіи, а наоборотъ, зоветъ къ усовершенствованію. Христосъ не

спасаетъ насъ безъ насъ это твердо установленное ученіе Церкви. Испуленіе наше совершается не на Голгофѣ только, а вмѣстѣ на нашей Голгофѣ, въ нашемъ личномъ подвигѣ (См. нашу статью „Христосъ на Голгофѣ и Воскресеніе“ въ кн. „Церковь и Евангельскія лилія“ и Мисс. Об. 1902 г.). Только при самораспятіи—подвигомъ совлеченіи ветхаго человѣка,—полномъ нравственнымъ переворотѣ, при помощи Божіей насъ спасаетъ „кровь агнца“, а не механически чудотворный актъ. Впрочемъ, не будемъ повторять то, что уже извѣстно, конечно, всякому чуть-чуть знакомому съ ученіемъ Церкви.

Человѣкъ, которому,—заканчиваетъ свой трактатъ противъ догмата Толстой,—въ дѣтствѣ внушены безсмысленныя и противорѣчивыя положенія, какъ религіозныя истины, если онъ съ большими усиліями и страданіями не освободится отъ нихъ, есть человѣкъ умственно больной. Такой человѣкъ, видя вокругъ себя явленія постоянно движущейся жизни, не можетъ уже не смотрѣть съ отчаяніемъ на это движеніе, разрушающее его міросозерцаніе, не можетъ не испытывать явнаго или скрытаго недоброжелательства къ людямъ содѣйствующимъ этому разумному движенію, не можетъ не быть сознательнымъ поборникомъ мрака и лжи противъ свѣта и истины.

„Только подумать о томъ, что я знаю, что у меня на глазахъ дѣлалось и дѣлается въ Россіи во время моей 60-ти-лѣтней сознательной жизни“,—пишетъ онъ.—„Въ академіяхъ и въ средѣ архіереевъ, ученыхъ монаховъ и миссіонеровъ идутъ хитроумныя дразненія о сложныхъ богословскихъ вопросахъ, говорятъ о согласованіи нравственного и догматическаго ученія, спорятъ о развитіи или неподвижности догмата и тому подобныхъ разныхъ религіозныхъ тонкостяхъ. Стомилліонной же массѣ проповѣдуется одно: вѣра въ иконы, казанскія, иверскія, въ мощи, въ чертей, въ спасительность выниманія частицъ, становленія свѣчей, поминанія и т. п. и не только проповѣдуется и практикуется, но съ особенной ревностью ограждается ненарушимость этихъ суевѣрій въ народѣ отъ всякаго на нихъ посягательства. Стоить только крестьянину не праздновать престолъ, не пригласить къ себѣ обходящую дворы чудодѣйствующую икону, не оставить работу въ Ильинскую пятницу,—и на него доносы, его преслѣдуютъ, ссылаютъ.

Не говоря уже о сектантахъ, не исполняющихъ обрядовъ: ихъ судить за то, что они, собираясь, читаютъ Евангеліе и наказываютъ за это.

Послушайте, что говорятъ архіереи, академики въ своихъ собраніяхъ,—повторяетъ Толстой,—прочитайте ихъ журналы и вы подумаете, что русское духовенство проповѣдуетъ, хотя и отстающее всетаки христіанскую вѣру, въ которой евангельскія истины всетаки имѣютъ мѣсто и сообщаются народу; посмотрите на дѣя-

тельность духовенства въ народѣ и вы увидите, что проповѣдуется и вѣдряется одно—идолопоклонство: поднятіе иконъ, водосвятіе, ношеніе по домамъ чудотворныхъ иконъ, прославленіе мощей, ношеніе крестовъ и т. п.; всякая же попытка пониманія христіанства въ его настоящемъ смыслѣ усиленно преслѣдуется.

Нѣтъ, скажемъ мы, человѣкъ, который принялъ бы вѣрой (а что такое вѣра—смотри ниже) ученіе о Богѣ въ Троицѣ, объ искупленіи, не сталъ бы смотрѣть на міръ съ отчаяніемъ; онъ не будетъ испытывать недоброжелательства къ людямъ, стремящимся водворить на землѣ царство правды: онъ будетъ слугой свѣта и истины, потому что къ этому именно и стала бы его звать св. Троица. Слуга св. Троицы есть слуга единенія любви, согласія, апостолъ подлиннаго „Евангелія“. Къ сожалѣнію, вѣрующихъ въ истину церковную немного, потому что эта вѣра есть обязанность, бремя тяжелое для человѣка, слишкомъ ревностно охраняющее свое „я“.

Но пока не погасла вѣра совѣсть, не будутъ правдой и дальнѣйшія обвиненія графа.

Итакъ, по мнѣнію Л. Н., архіереи, академики, въ журналахъ, и собраніяхъ проповѣдуютъ, всетаки христіанскую вѣру, въ которой евангельскія истины имѣютъ мѣсто. Спасибо хоть за это значить, много сдѣлала русская Церковь и свята ея правда, если врагъ ея соглашается признать, что хоть въ журналахъ то и рѣчахъ архіереевъ и духовенства вѣра подлинно христіанская, только будто для народа у него другая вѣра. Нечего и говорить, что въ Церкви нѣтъ двухъ правдъ, никто же не станетъ „усиленно преслѣдовать всякую попытку пониманія христіанства“ и въ тоже время въ журналахъ „помогать этимъ попыткамъ“.

Если Л. Н. хочетъ намекнуть, что Церковь сознательно оставляетъ въ темнотѣ суевѣрія народъ,—то, думаю, нѣтъ нужды доказывать, что это неправда: исторія Руси есть исторія борьбы русскаго духовенства и Церкви за народное просвѣщеніе. И пусть проститъ Левъ Николаевичъ, смѣю думать, что его неправда преднамѣренная. Иначе, чѣмъ объяснить утвержденіе, будто „тотъ, кто не оставитъ работу въ Ильинскую пятницу, „на того доносы, его ессылаютъ““.

Нельзя не повѣрить, будто графъ не знаетъ многовѣковой борьбы русской Церкви съ празднованіемъ „12 пятницъ“, не

знаеть, что не принимать священника съ крестомъ есть добрая воля каждаго.

Что слова Л. Н. носятъ характеръ намѣренной клеветы, можно вывести и изъ дальнѣйшихъ словъ его,—будто сектантовъ преслѣдуютъ за чтеніе Евангелія. Такое чтеніе Евангелія и его толкованіе, сопровождаемое пѣніемъ хоромъ и т. д. даже безъ участія священника, и въ большемъ количествѣ слушателей дозволяются на глазахъ всѣхъ въ Петербургѣ (братецъ Иванушка).

Совмѣстимо ли это съ гоненіями за Евангеліе?..—Проповѣдь Евангелія?—въ этомъ всегда было и есть задача, русской Церкви и результаты проповѣди есть и будутъ.

На моей памяти рабочій русскій народъ потерялъ въ большей степени черты истиннаго христіанства, которыя прежде жили въ немъ, и которыя старательно изгоняются теперь духовенствомъ. Въ народѣ жили прежде, теперь остались только въ глуши, христіанскія легенды, поговорки, изустно передаваемыя изъ поколѣнія къ поколѣнію, и эти легенды, какъ легенда о Христѣ, ходившемъ въ видѣ нищаго, объ ангелѣ, усомнившемся въ милосердіи Бога, о юродивомъ, плясавшемъ у кабака, и поговорки, какъ: «Безъ Бога не до порога», «Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ», «Жить до вечера и до иѣвѣ» и т. п.—легенды, поговорки составляли духовную пищу народа.

Кромѣ того были обычай христіанскіе: пожалѣть преступника, странника, подать изъ послѣдняго нищему, просить прощенія у обиженнаго. Все это теперь забываютъ и оставляютъ. Все это замѣняется теперь выучиваніемъ наизусть катехизиса, трончнаго состава Бога, молитвы передъ ученіемъ и за наставниковъ и царя и т. п. Такъ что на моей памяти народъ становится все религіозно грубѣе и грубѣе. Одна часть, большая часть, женщины, остаются такъ же суевѣрны, какъ онѣ были 600 лѣтъ тому назадъ, только безъ того христіанскаго духа, который прежде проникалъ жизнь; другая часть, знающая наизусть катехизисъ—совершенные атеисты.

И все это сдѣлало духовенство проповѣдью идолопоклонствъ, „Метафизическое ученіе съ сопутствующимъ ему обрядомъ, все болѣе и болѣе отклоняясь отъ основного смысла своего, дошло до ученія, которое объясняетъ самыя недоступныя разуму чело-вѣческому тайны жизни небесной, даетъ сложнѣйшіе обряды богослужебные, но не даетъ никакого религіознаго ученія о жизни земной“.

Такимъ образомъ, гр. Л. Толстой полагаетъ, какъ и самъ рѣшительно говорить въ другомъ мѣстѣ, что „въ церкви ничего не

осталось, кромѣ ладану, колоколовъ, парчи и словъ“. Старая, избитая и непонятная ложь.

„Все, что есть въ твореніяхъ гр. Л. Н. Толстого лучшаго, чи-стаго, что несетъ отразившюся правду святую въ вѣчную правду Евангелія, все воспринято все сохранено Церковью, и—окружено въ ней чудною, сказанной, выраженной любовью, торжественной и теплой молитвой, умиленнымъ поклоненіемъ. И развѣ въ этомъ поклоненіи, въ этомъ ревниво-святомъ сбереженіи тайнъ и таинствъ божественныхъ не единственно возможное выраженіе полнаго сознанія евангельской истины и самой глубокой, благодарной, теплой любви къ ней, на какую только способно наше сердце? „Храмъ не нуженъ; истинный храмъ есть міръ людей, соединенныхъ любовью“.—такъ въ передѣлкѣ Толстого говорить Христосъ. Нѣтъ. О храмѣ нельзя сказать, что онъ „не нуженъ“, или что онъ „нуженъ“,—ибо это очень мелкія понятія для глубины отношенія Бога и человѣка, — онъ былъ, есть и будетъ, онъ необходимъ“ какъ хотя бы выраженіе религіозной любви уже не человѣка, но человѣчества. Міръ людей объединенныхъ любовью, — чудный живой храмъ; но эготъ храмъ не замѣняетъ того храма, болѣе того.—именно онъ то и создалъ и создаетъ тотъ храмъ. „Господь не нуждается въ роскоши и блескѣ.—прекрасно сказалъ еп. Николай Таврическій,—Онъ живетъ и въ убогихъ хижинахъ, и тамъ особенно, гдѣ есть сердце сокрушенное и смиренное. Храмы нужны не Ему, но намъ, и для насъ не можетъ быть безразлично, гдѣ и какъ славится имя Божіе“. Изъ того, что не нужны Богу ни наши храмы, ни наше все внѣшнее почитаніе, не слѣдуетъ, что нѣтъ имъ мѣста на лицѣ земли. Если мы и въ своей человѣческой жизни стремимся внѣшнимъ образомъ украсить жизнь того, кто намъ дорогъ, бережно и любовно хранимъ всякую вещь, напоминающую о немъ, то развѣ не необходимо, чтобы послужилъ человѣкъ Богу, одной высшей любви во всей любви своей, всѣми свѣтлыми силами своей души? Именно, внѣшнее благопочтаніе и исходить изъ чистой и глубокой любви: человѣкъ жаждетъ всею красой своего духа, всею силою проникающаго разума, всею чистотой самыхъ нѣжныхъ чувствъ, всею любовью, всѣмъ творчествомъ своимъ воспѣть хвалу Богу. Безконечно—радостная въ волнующихъ ее безконечно—святыхъ чувствахъ душа выносить ихъ во внѣ, какъ дань Богу, какъ лучшіе

изъ земныхъ цвѣтовъ на алтарь святой, на которомъ пламенѣтъ неслышимое Имя. Великое внѣшнее начертаніе одной только чистой и вѣчной любви сердца своего,—вотъ что эти „колокола, свѣчки, пѣснопѣнія, ладанъ, парча“. Тутъ, во храмѣ теряется личность человѣка, погруженная въ тихо плывущее, какъ облако, безконечно-благодатное чувство близости Бога, слышится голосъ безконечно святой, вѣютъ священные тѣни, здѣсь Божье присутствіе, здѣсь тайна и вѣчность. Религія въ церковномъ богослуженіи являетъ на землѣ новую незамѣтную поэзію,—поэзію святой красоты и самого человѣка возноситъ до его безсмертнаго состоянія, пробуждая въ вѣчныхъ чувствахъ любви и близкаго Бога, ощущеніяхъ будущей жизни. И чѣмъ глубже и безбрежнѣ будутъ расти въ человѣчествѣ религіозныя ощущенія и думы, тѣмъ рѣже будутъ слышаться слова холодныхъ людей, приглашающія отбрасывать внѣшнія формы почитанія Бога, какъ „ненужную шелуху“,—ярче, полнѣе, до неотразимости глубоко и близко разольется сіяніе небесное, прилившее къ душѣ, разгорѣвшейся въ вѣчныхъ чувствахъ... Какъ бы то ни было, но вотъ чего гр. Л. Толстой не долженъ былъ проглядѣть, какъ глубочайшій психологъ. Въ паденіяхъ нашихъ, послѣднихъ, ведущихъ къ смерти, въ душевныхъ неисцѣлимыхъ недугахъ, въ невыносимыхъ тяготахъ жизни—не поможетъ человѣкъ самъ себѣ ни утѣшеніемъ, ни разсужденіемъ, не поможетъ и ближній, любящій, слышащій наше сердце, если не припадемъ мы уставшему, встревоженной, болѣзненно-разгорѣвшейся душой своей къ той тихой волнѣ святого бытія, которая протекаетъ чрезъ нашу жизнь въ причастіи нашемъ къ внѣшней Церкви; она неизмѣримо-духовная, вѣчная и недосыгаемая въ своемъ источникѣ, такъ припала къ смущенному земному сердцу нашему, внемлетъ, священная, всей его скорби. „Въ храмъ входи, какъ на небо“, говоритъ Нилъ Синайскій, на небо ждущее нашу душу, давно, давно приготовившее ей и мѣро, и елей, и любовь (Сборникъ „Русь“. Прекрасная статья Апокрифа. Вѣра и современная мысль).

Не нужно свѣчки, нужна любовь къ ближнему, благодать, милость, а не жертва. Да! „Что Мнѣ куренія ваши“—это сказали еще устами св. пророка Исаи Господь; это всегда повторяетъ и Церковь, но не слышится ли въ словахъ Л. Н.—практическій упрекъ—одного изъ апостоловъ; „лучше бы продать это мѣро и дать нищимъ“.

Слушайте, что сказалъ Господь: „нищихъ всегда имѣете съ собою, а эта жена приготовила тѣло мое на погребеніе“, т.-е. не забывайте нищихъ, но и жертва Мнѣ, повидимому, безплодная, имѣетъ свою силу, святость и смыслъ.

Графъ утверждаетъ—будто бы изъ собственныхъ наблюденій, что, благодаря проповѣди идолопоклонства. Евангеліе забыто и духъ христіанскій изсякъ въ народѣ. Пусть эти наблюденія истинны,—зачѣмъ винить въ этомъ Церковь? Развѣ графъ допускаетъ, что 50 лѣтъ назадъ, когда Евангеліе и начала Христовой жизни были въ народѣ, Церковь учила не тому, чему теперь, не Евангелію съ рассказами о чудесахъ, а изложенію Евангелія по Толстому?

Къ счастью, впрочемъ,—и самыя наблюденія графа — полны преувеличенія. Слава Богу—благодаря „свѣчкѣ“ храму, церковной молитвѣ, еще живетъ Христосъ, поддерживается вѣра и евангельскія начала въ народѣ.

Вотъ, что пишетъ одинъ писатель: Тогда на голодовкѣ, въ народной столовой, я понялъ силу и могущество нашей Церкви. ея дѣятельность и значеніе. понялъ до какой степени народъ слить съ ней. Въ столовыхъ пѣли съ такимъ горячимъ чувствомъ, съ такой осмысленностью произнося слова молитвъ, съ такой любовью къ этимъ молитвамъ и значенію ихъ, что нельзя было не умилиться и не прійти въ одно настроеніе съ пѣвшею вокругъ тебя крестьянской толпой. Нельзя было не увидать того, что я раньше не видѣлъ и не хотѣлъ видѣть.

Да, я понялъ многое, многое откинулъ и многое принялъ для себя въ тѣ дни пребыванія моего среди народа, и я благодаренъ этимъ людямъ, съ простой и теплой вѣрой стоявшимъ вокругъ меня. Говорятъ,—продолжаетъ писатель, что вѣра нашего народа вѣра только внѣшняя. Говорятъ, что онъ не знаетъ самъ, во что вѣруетъ. Это неправда. Я самъ видѣлъ ихъ, этихъ сознательныхъ глубокихъ христіанъ, густой толпой наполнявшихъ убогія православныя церкви, самъ видѣлъ, какъ они осмысленно слушали и повторяли слова священниковъ и пѣли дружно всѣ вмѣстѣ любимыя церковныя пѣсни. Я самъ видѣлъ и слышалъ, какъ мужикъ. безграмотный нищій повторялъ предо мной всю нагорную проповѣдь наизусть, запомнивъ ее во время церковныхъ службъ, и какъ

слезы катились изъ глазъ этого мужа, когда онъ говорилъ умиленнымъ и находящимъ себя въ этихъ словахъ утѣшеніе голосомъ: „А я говорю вамъ: любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ“.

Признаться, меня очень поразило все это“.

„Мудрому довольно“. Именно богослуженіе и храмъ здѣсь научили крестьянъ не идолопоклонству, а и любви. И это пишетъ? сынъ Льва Николаевича, Левъ Львовичъ, котораго трудно обвинить въ церковныхъ тенденціяхъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Иером. Михаилъ.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго цензурнаго комитета печатать дозволяется. Спб. 24 Іюня 1903 года.

Цензоръ Іеромонахъ Александръ.

Типографія Э. Л. Пороховщиновой. Бассейная улица, д. 3—5.

ОГЛАВЛЕНИЕ

статей, помѣщенныхъ въ книжкахъ журнала „Миссіонер-
ское Обозрѣніе“ за первое полугодіе 1903 года.

**I. О постановленіяхъ и распоряженіяхъ власти,
касающихся внутренней миссіи и сектантства,
и руководственные статьи по вопросамъ мис-
сіонерства.**

	Стран.
Дѣяніе Святѣйшаго Синода 29-го января 1903 г. февраль 1	273 — 278
Объ отношеніи Церкви къ современнымъ религіознымъ запросамъ нашей интеллигенціи (новогоднія думы). Священ. <i>Іоаннъ Филевскій</i>	
Январь 1	3 — 20
Психологія таинствъ. Таинство священства. Іеромонаха Михаила. Январь 1	56 — 67
Тоже. Этюдъ 3-й, Крещеніе и Миропомазаніе. Февраль 2	442 — 449
Тоже. Этюдъ 4-й. Таинство покаянія. Мартъ 2	727 — 741
Къ современнымъ искателямъ истинной Церкви Христовой. Проф. Кіев. Академіи <i>Д. Богдашевскій</i> . Январь 2-я	145 — 150
О сердечности въ миссіонерской полемикѣ. Новогоднія „ <i>ria desideria</i> “ не-миссіонера). Священ. <i>М. Лисицынъ</i> . Январь 2-я	151 — 155
„Принять къ свѣдѣнію“. (Отвѣтъ на „ <i>ria desideria</i> “ о. М. Лисицына). <i>Н. Гринякинъ</i> . Январь 2-я	156 — 159
Итоги полемики по поводу проповѣдничества священника Петрова и историческая справка. <i>Е. Воронецъ</i> ... Февраль 1-я	315 — 331

II

Недобрая приспособляемость. <i>Н. Гринякинъ.</i>	
Февраль 1-я	331 — 333
Голосъ сельскаго пастыря по вопросу объ объединеніи интеллигенціи съ Церковью и на- родомъ. Священ. <i>Бажановъ.</i> Мартъ 2-я	742 — 752
Можно ли и нужно ли „адогматизировать“ хри- стіанскую этику. Проф. <i>А. Бронзовъ.</i> Апрель. . . .	895 — 903
Два слова о миссіонерахъ-книгоношахъ. <i>К.</i> Апр. . . .	955 — 955
Еще о миссіонерахъ-книгоношахъ. <i>Д. Бою- любовъ.</i> Апрель	959 — 965
Ограничительные по отношенію къ расколо-сек- тантству законы и книга г. <i>Бобринцева-Пушкина:</i> „Судъ и раскольники-сектанты“. Кіевск. мис- сіонеръ свящ. <i>Савва Потьгинъ.</i> Май	1097—1125
Юнь 2-я	1416 — 1432
Можно ли на основаніи Евангелія различать «Царство Божіе» отъ «Царства Небеснаго?» <i>П. Козицкій.</i> Юнь 2-я	1401—1415

II. Статьи по расколу и сектовѣдѣнію.

Церковь Христова и временно безъ епископа быть не можетъ. (Замѣчанія на книгу Усова „Цер- ковь Христова временно безъ епископа“). Мис- сіонер, священн. <i>С. Шапкинскаго</i> и <i>К. Карту- шина.</i> Январь 1-я	21 — 38
Апрель	911 — 935
Бѣглопоповскій соборъ въ г. Вольскѣ въ 1901 году и его „дѣяніе“. <i>Н. Гринякинъ.</i> Январь 1-я	39 — 55
Сектантство и расколъ по послѣднему Всепод- даннѣйшему отчету Оберъ-Прокурора Св. Св- нода. Январь 2-я	160 — 170
✓ Молоканство. Хлыстовщина. Мормонство. „Десное Братство“. Секта Ивана Чурикова. Февраль 1-я.	279 — 284
Миръ Евангелія и трагизмъ толстовства. Свящ. <i>Д. Силинъ.</i> Февраль 1-я	285 — 299
Май	1126—1134
Юнь	1257—1278
Пугала русскаго раскола. Вѣра отцовъ. Судъ надъ самоядцемъ. „Дружба патріарха Никона	

III

съ сатаною“. „Образъ двухъ церквей“. Симонъ и Арій. Обличители Никоніанства. <i>Н. Гринякинъ</i> . Февраль 1-я	300 — 314
Верхотурскіе бѣгуны-противостатейники (судебная экспертиза). Проф. <i>Н. И. Ивановскій</i> . Февраль 2-ая	450 — 462.
Крайности религіозно-декадентскаго символизма. (мысли при чтеніи сочиненія Д. С. Мережковского „Л. Толстой и Достоевскій“ т. 2) Свящ. <i>Лисицынъ</i> . Февраль 2-я.	418 — 441
Новое христіанство Мережковского. Христіанство, какъ культъ Діониса. (Публичная лекція). Іеромонахъ Михаилъ. Мартъ 1-я	576 — 595
Апрѣль	904 — 910
Новая неправда въ защиту старой лжи. („Объ исповѣди Амвросія, митр. Бѣлокриницкаго). <i>Н. Гринякинъ</i> . Мартъ 1-я	596 — 607
Сектантское ученіе о состояніи мертвыхъ. Священ. <i>Епений Капаловъ</i> . Мартъ 1-я	608 — 616
Мартъ 2-я	770 — 782
Новости изъ раскольничьяго подполья (съ фотографическими снимками рисунковъ изъ раскольнич. книги и древнихъ мозаикъ). <i>Н. Гринякинъ</i> . Мартъ 2-я	783 — 802
Критическій разборъ раскольничьяго сочиненія (Усова) о миропознаніи священнослужителей, присоединяемыхъ къ православію отъ ереси второго чина. Самар. епарх. миссіонеръ священ. <i>Д. Александровъ</i> . Май	1135—1155
Іюнь	1290—1304
Изъ переписки представителей молоканства и штундо-баптизма. <i>Н. Чинновъ</i> . Іюнь	1305—1319
Неосновательность раскольничьяго мудрованія о томъ, будто бы обѣтованіе Христова о неодолимости Церкви относится къ Церкви Небесной. Свящ. <i>Е. Зубаревъ</i> . Іюнь 2-я	1433—1435

III. Изъ миссіонерскихъ запросовъ.

Какимъ чиномъ принимать присоединяющихся къ православію изъ штундистской секты. СПб. епархіальный миссіонеръ <i>Н. Булгаковъ</i> . Январь 1	68 — 71
---	---------

IV

Допустимы ли въ православномъ храмѣ иконы съ двуперстнымъ сложеніемъ и о вѣнчаніи отступниковъ. Январь 2-я	171 — 172
Гдѣ и какъ получаютъ благодать священства возсоединяемые съ православною Церковью въ „сущихъ санахъ“. <i>Н. Гринякинъ</i> . Февраль 2-я	463 — 467
Его-же. Мартъ 1-я	617 — 618
О помазаніи ступни ногъ въ масло и миропомазаніи (братская замѣтка миссіонерствующаго іерея). Свящ. <i>І. Чередниковъ</i> . Апрель	966 — 974
Одинъ изъ отвѣтовъ <i>О. Чередникову</i> . <i>Н. Гринякинъ</i>	969 — 974
Къ вопросу о чинопріятіи еретиковъ въ сущихъ санахъ. Открытыя письма Н. М. Гринякину: по поводу „отвѣта“ на запросъ свящ. П. Н.-а. Препод. Тамб. сем. <i>Н. Чинновъ</i> , препод. Кишин. дух. сем. Іосифъ <i>Поповъ</i> и мисс. Калиникъ <i>Картушинъ</i> . Май	1156 — 1164
Отвѣтъ имъ. <i>Н. Гринякинъ</i> . Май	1164 — 1169
Совмѣстимы ли обязанности судебного эксперта съ званіемъ епархіальнаго миссіонера? <i>Д. Боголюбовъ</i> . Июнь 2-я	1436 — 1439
Какъ истолковать 12-й стихъ 8-й главы Апокалипсиса? С.-Петербург. епарх. мисс. <i>Н. Булгаковъ</i> . Июнь 2-я	1439 — 1442

IV. Изъ миссіонерскихъ записокъ и дневниковъ:

Какъ относятся раскольники къ фотографіи. Мисс. свящ. <i>М. Сушковъ</i> . Январь 1	72 — 75
Въ Ясной Полянѣ (послѣднія страницы моей пастырской хроники). Свящ. <i>А. Смирягинъ</i> . Январь 1-я	76 — 94
Миссіонерскіе очерки. 4. Разговоръ у Сафоновой избы и въ училищѣ. Харьковск. епар. мисс. <i>Д. Боголюбовъ</i> . Январь 2-я	173 — 177
Его-же 5. На бесѣдѣ со тундистами. Февраль 1-я	334 — 339
Его-же 6. Въ гостяхъ у молоканъ. Мартъ 1-я	619 — 623

Его-же. Гробы окрашенные. Мартъ 2-я . . .	802 — 807
9. Молоканскіе толковники Библии. 10. „Пропадающіе“ молокане. <i>Д. Боголюбовъ</i> . Май . . .	1182—1188
Два слова о присягѣ. (Открытое письмо о. Димитрію Силину). <i>Д. Боголюбовъ</i> . Январь 2-ая . . .	177 — 180
Проф. <i>Н. И. Ивановскій</i> — о единовѣріи. Январь 2-я . . .	181 — 189
Справедливо ли мнѣніе о подложности „Православнаго Исповѣданія“ Митрополита Петра Могилы? Священ. мисс. <i>С. Шалкинскій</i> . Январь 2-я . . .	190 — 191
Откровенное слово свѣтскаго человѣка по поводу посланія Антонія. Епископа Волынскаго. Иванъ Золотухинъ. Январь 2-я . . .	192 — 204
Февраль 1-я . . .	339 — 347
Какъ старообрядцы добываютъ себѣ поповъ. <i>Ф. С. Шмаковъ</i> . Февраль 1-я . . .	343 — 354
Подъ впечатлѣніемъ драмы „Воскресенія“. (Открытое письмо гр. Л. Н. Толстому). <i>Д. Бодиско</i> . Февраль 2-я . . .	468 — 478
Раздоръ между австрійскими лжепопами и ихъ паствами во главѣ съ уставщиками. Свящ. <i>Е. Овсянниковъ</i> . Февраль 2-я . . .	478 — 485
Объ общественной церковной молитвѣ за графа Толстого и другихъ отступниковъ отъ Церкви. <i>Любовь Пребстинъ</i> . Мартъ 1-я . . .	624 — 629
Случайная бесѣда по поводу „Альбигойца“ (въ вагонѣ жел. дороги). Свящ. <i>М. Розовъ</i> . Мартъ 1-я . . .	629 — 663
Изъ дневника священника учителя. —Пастырь въ роли медика—Послѣднее посѣщеніе безпоповскаго наставника.—Завѣщаніе Павла Коломенскаго. Священ. учитель <i>В. Лавровъ</i> . Мартъ 1-я . . .	633 — 637
Апрѣль . . .	1000—1007
По епархіямъ. Самара и Тула. Свящ. <i>Конст. Поповъ</i> . Мартъ 2-ая . . .	807 — 912
Саратовъ. Апрѣль . . .	1008—1019
„Pro domo sua“ (О „Новомъ пути“ и о сердечности въ миссиі). <i>И. Айвазовъ</i> . Мартъ 2-я . . .	813 — 824
Среди штундистовъ и ихъ пресвитеровъ (изъ наблюденій и воспоминаній судебного слѣдователя). <i>А. Шугаевскій</i> . Апрѣль . . .	975 — 999

VI

Нъ вопросу о причинахъ „упадка духа“ въ нашемъ духовенствѣ. <i>И. Преображенскій. Май</i> .	1170—1181
Какъ раскольники распространяютъ свои подпольныя сочиненія. Свящ. <i>М. Сушковъ. Май.</i>	1188—1197
Мысли по прочтеніи письма гр. Толстого. Иером. <i>Александръ. Май</i>	1198—1205
Къ вопросу объ обезпеченіи приходскаго духовенства (по поводу статьи г. Золотухина). Священникъ. <i>Іюнь</i>	1320—1327
Кто стѣсненъ закономъ, раскольники или православные? Свящ. <i>А. Волгинъ. Іюнь</i> . .	1327—1332
Колоніи толстовцевъ на Кавказѣ. <i>И. Н. З. Іюнь 2-я</i>	1443—1451
Скакуны (изъ сектантскаго быта). <i>А. Клавинъ. Іюнь 2-я</i>	1451—1457

V. Изъ миссіонерской полемики.

Бесѣда съ молоканами о богодухновенности священнаго Писанія и о евангельскихъ различіяхъ. Харьк. епарх. мисс. <i>Д. Боголюбовъ. Январь 1-я</i>	95 — 103
Бесѣда со старообрядцемъ о томъ, справедливо ли обвиненіе патр. Никона въ ереси Новаціанской. <i>Тимовой Николаевъ. Январь 2-я</i> .	205 — 209
Бесѣда со старообрядцемъ о свободѣ вѣроисповѣданія. Калуж. епарх. мисс. <i>М. Дударевъ. Февраль 1-я</i>	355 — 370
Бесѣда съ молоканами о снятыхъ мощахъ угодниковъ Божіихъ. <i>Д. Боголюбовъ. Февраль 2-я</i>	468 — 494
Раскольничье собесѣдованіе поморцевъ со спасовцами. Прот. <i>И. Фіалковский. Мартъ 1-я</i> . .	638 — 653
Три часа бесѣды въ собраніи у такъ называемыхъ „хлыстуновъ“ ст. Камышеватской <i>С. Н. М. Мартъ 2-я</i>	825 — 833
Бесѣда съ жидовствующими миссіонера-слѣпца <i>Алексѣя Шашина. Апрель</i>	1020—1031
Бесѣда съ іудействующими о пророчественномъ благословеніи Іуды патриархомъ Іаковомъ. Мисс. слѣпецъ <i>Алексѣй Шашинъ. Май</i> .	1206—1213

VII

Бесѣды свящ. г. Казани о. С. Шлеева съ поморскимъ наставникомъ г. Саратова А. Черчищевымъ, введенныя ими въ предѣлахъ Уфимской епархіи въ декабрь 1902 г. <i>Св. С. Шлеевъ</i> .	
Іюнь	1333—1346
Бесѣда съ расксльникомъ о кадиловжигателяхъ. Свящ. <i>Іоаннъ Маракулинъ</i> . Іюнь 2-я . . .	1458—1464

VI. Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги по вопросамъ вѣры и миссіи Церкви.

Французскій писатель Эмиль Золя въ его отношеніяхъ къ христіанству и вопросамъ религіи и этики. <i>Вл. Р.—Рено. Сыны Аріи. П. К.</i> —Не отжило ли монашество своего времени? <i>П. К.</i>	
Январь I	103—113
Французскій писатель Леонъ Доде—о гр. Толстомъ и о духоборахъ	210—213
Запросы жизни и наше церковное направленіе <i>Н. Гринякинъ</i>	213—229
«Православный путеводитель» Январь II	230—231
Свѣтскіе журналы.—«Журналъ для всѣхъ». «Вѣстн. Евр.» 1902 г. W. Февраль I	371—375
Изъ духовной журналистики за 1902 г. Свящ. <i>М. Лисицынъ</i> .—«Міровая драма» Свѣтозара Радовановича. <i>Н. Булгаковъ</i> — <i>А. П. Шосткинъ</i> . Зачѣмъ блуждать? <i>А. Григорьевъ</i>	
Февраль II	495—506
Духовные журналы. Къ вопросу о самозарожденіи сектантства. W.	654—658
Новая газета «Заря» г. Ярмонкина. Проф. <i>А. Бронзовъ</i> Мартъ I	658—660
Изъ свѣтской печати: «Соль обуявшая». <i>Н. Гринякинъ</i> Апрель	1032—1040
„Новый путь“ въ его отношеніи къ старымъ путямъ и къ православной Церкви. <i>Ив. Айвазовъ</i> .	
Май	1214—1219

VІІ. Библиограф. отзывы о сочиненіяхъ.

- Проф. А. *Θ. Гусевъ*. О сущности религіозно-нравственнаго ученія Л. Н. Толстого Іером. *Михаилъ*. 232 — 237
- Никаноръ, еп. Екатеринбургскій. Слова, рѣчи и бесѣды. А. *Григорьевъ*. 238 — 240
- Проф. д-ръ Шилтовъ. Этика и религія въ средѣ нашей учащейся молодежи.—Листки Московской Синодальной типографіи.—Бесѣда о святыхъ иконахъ. Свящ. Петръ Злотниковъ. *П. Козицкій*. Февраль 1. 375 — 381
- М. Струженцовъ: „Православно-христіанское ученіе о бракѣ. Проф. А. *Бронзовъ*. 660 — 664
- Гено. Фелинисъ. Повѣсть изъ исторіи гоненій христіанъ при Домиціанѣ. *П. Козицкій*. Мартъ 1. 664 — 665
- Свящ. Серапіонъ Брояковскій. Спутникъ пастыря. А. *Григорьевъ*. Мартъ. 2 834 — 837
- Самарк. епарх. мисс. Александровъ. О клятвахъ соборовъ 1656, 1666—67 гг. и объ единовѣріи. *Н. Гринякинъ*. 837 — 839
- Прот. І. И. Соловьевъ. Завѣтныя думы служителя Церкви въ виду предстоящей реформы средней школы. *П. Козицкій*. 839 — 842
- Іером. Ѳеодоръ (Поздѣвскій). Свящ. *М. Лисининъ*. Мартъ 2 842
- О литературной проповѣди свящ. о. Григорія Петрова.** а) По поводу книги «Зерна добра». Іером. *Александръ*. Мартъ 2. 753 — 769
- б) По поводу его сочиненія: «Евангеліе, какъ основа жизни». *П. Козицкій*. Апрельъ. 936 — 955
- в) Пасхальныя безцерковныя писанія свящ. гр. Петрова въ его книгѣ «Христосъ Воскресе». *Ев. Вороневъ*. Іюнь 1-я 1279—1289
- Свящ. *М. Лисининъ*. Христіанское воспитаніе въ семьѣ и школѣ. Богословско-психологическій этюдъ. 1040—1042
- Его-же*. Церковь и музыка. *П. Козицкій*. 1043—1044
- А. А. Глазюлевъ*. Древнееврейская благотворительность. Свящ. А. *Виноградовъ*. 1044—1045

IX

- Странная реценція на сочиненіе: „О сущности
религіозно нравственнаго ученія Л. Н. Тол-
стого. Проф. *А. Гусевъ*. Апрѣль. 1045—1062
- Петръ Жемлевскій*. Нужна ли Церковь
христіанину? — Психологическое оправданіе
Церкви. *П. Козицкій*. Май 1219—1223
- «Гусли» сектантское произведеніе. *И. Айва-
зовъ*. Іюнь 1347—1351
- Прот. *А. Ковальницкій*. Мелочи въ обыденной
жизни священника. *А. Григорьевъ*. Іюнь . . . 1351—1353
- Свящ. *Д. И. Рамашновъ*. О духовной смерти
и духовномъ воскресеніи графа Л. Н. Толсто-
го. *М. Л.* Іюнь 1353—1355
- Свящ. *М. И. Менстровъ*. Въ защиту трез-
вости и Судьбы Божіи не исповѣдимы. Іюнь . 1355—1356
- О брошюрѣ «какъ юношѣ содержать въ
чистотѣ путь свой». Свящ. *Николай Левандов-
скій*. Іюнь 2-я 1465—1467
- Проф. д-ръ мед. *А. Шилтовъ*. Мысли о Бо-
гочеловѣкѣ. *М. Леоновичъ*. Іюнь 2-я 1468—1469
- Свящ. *Савва Богдановичъ*. а) Миссіонерская
сѣмена, или рѣшеніе нѣкоторыхъ религіозныхъ
вопросовъ изъ области штундизма. б) Двѣ бес-
сѣды миссіонера съ представителемъ штундизма
(толстовства). *П. Казницкій*. Іюнь 2-я 1470—1471

VIII. Миссіонерство, секты и расколъ.

(Хроника).

Внутренняя миссія, расколъ и секты въ истекшемъ году.

Бѣгство миссіонеровъ на другія должности и
трудность замѣщенія миссіонерскихъ вакан-
сій. — Статистическія данныя о личномъ составѣ
миссій и о средствахъ содержанія ея. — Новое
изданіе «чинопріема». — Открытіе новыхъ
миссіонерскихъ вакансій, миссіонерскіе сѣзды.
— Агитаціонная приподнятость и возбужден-
ность настроенія въ сектантствѣ и расколѣ. —
Сенатскія кассачіи обвинительн. приговоры

о сектантахъ и безсиліе закона 1894 года о моленныхъ собраніяхъ.—Прошлогодні настро- енія въ старыхъ и новыхъ сектахъ.—Воин- ствующій задоръ австрійской секты.—Ниже- городскій всероссійскій съѣздъ раскольниковъ главарей. — Миссія среди интеллигенціи.— Миссіонерскій характеръ и значеніе религіоз- но- философскихъ собраній <i>В. Скворцовъ</i> Январь I	117—127
Невѣжественные обожатели о. Іоанна Крон- штадтскаго и его миссіонерская проповѣдь въ Костромской епархіи.—Пропаганда раскола при посредствѣ граффона. Январь II	247—255
Объ отмѣткахъ вѣроисповѣданія въ паспор- тахъ штундистовъ.—Какъ относятся раскольни- ки къ церковно-приходскимъ школамъ.—Въ со- временномъ расколѣ: перемиріе Швецова съ Механиковымъ. — Дѣйствія противорасколъ- ничьей миссіи и воссоединеніе въ Макарь- евскомъ уѣздѣ.— <i>М. Февраль I</i>	382—394
Собесѣдованіе синодальнаго миссіонера о. прот. К. Крюкова съ харьковскими расколь- никами.—Владикавказскіе миссіонерскіе курсы и бесѣды съ сектантами.—«Братецъ Иванушка» въ столицѣ на бесѣдѣ.—Вѣсти о расколѣ: еще два расколн. соборныя опредѣленія, распоря- женіе Картушина о времени вѣнчанія браковъ <i>М. Февраль II</i>	507—521
Знаменательное присоединеніе.—Значеніе по- стройки новыхъ храмовъ въ дѣлѣ миссіи.— Дѣло противоотступнической миссіи по епар- хіямъ.—Малеванскій «Соборъ». Мартъ I	666—676
Борьба со штундою въ Кіевской губ. —Содѣйствіе миссіи со стороны Кіевского Братства и Религі- озно-просвѣт. Общества.—Новыя руководствен- ныя правила миссіи для приходскихъ пастырей, благочинныхъ и окружн. миссіонеровъ.— Изъ залы засѣданій донского епарх. съѣзда. —Какъ привлечь на бесѣды отпадшихъ?—Къ во- просу о причащеніи заподозрѣнныхъ въ хлы- стовствѣ. <i>М. Мартъ II</i>	843—852
Картины современной вѣры и жизни сек- тантства и раскола.—Екатеринославскіе хлы-	

XI

сты и Донскіе молокане.—Раскольничья «Мір- щета». Апрель	1071 -1079
Новое уголовное уложеніе о наказаніяхъ и религіозныя преступленія.—Отношеніе рас- кольниковъ къ манифесту 26 февраля. М. Май	1222—1242
Новая неудачная попытка донскихъ штун- дистовъ присвоить себѣ имя и права нѣмец- кихъ баптистовъ. Новый раскольничій епископъ Иннокентій Усовъ. Недовѣріе австрійскихъ раскольниковъ къ своимъ мощамъ и письмо Швецова. Июнь 1-я	1356—1373
Злоупотребленіе именемъ о. Іоанна Крон- штадтскаго со стороны сектантовъ хлыстовъ. Мисс. Д. <i>Граціанскій</i> —Декадансъ старообряд- чества. Июнь 2-я	1474—1487

IX. Изъ жизни инославія и изъ міра загра- ничнаго сектантства.

Успѣхи протестантизма въ Западной Евро- пѣ въ истекшемъ году и «христіанская наука» въ Америкѣ. Январь I	114—116
Секты въ Америкѣ.—Еще о сектѣ «Христіан- ская наука».—Секты въ Марокко.—Англійская газета—о жертвоприношеніяхъ у казанскихъ чувашъ. Софья <i>В-кая</i> Январь II.	241—246
Послѣднія извѣстія о духоборахъ въ Канадѣ. Отзывъ американской газеты объ о. Іоаннѣ Кронштадтскомъ.—Католичество въ минувшемъ году и его успѣхи въ Россіи. Апрель	1063—1070
О религіозномъ движеніи въ Индіи.— «Союзъ Воскреснаго Дня» — Толстой, юдизмъ и амфианцы. С. В. Июнь 2-я	1472—1473

X. Корреспонденція „Миссіон. Обзорнія“.

Изъ Нижегородской епархіи. Знаменательное возсоединеніе Н.—Изъ Донской области. Смерть раскольничьяго лжеархіерея Силуана. Свящ. <i>Е. Овсянниковъ</i> .—Религіозно-философскія соб- ранія въ столицѣ.—Сколько на св. Руси хра- мовъ Божіихъ.—Добрый пастырь.—Исторія бо- роды. Янв. I	128 — 135
--	-----------

- Изъ **Стародубья**. О черниговскомъ расколѣ. Свящ. **И. Ч.-вѣ**. Изъ **Нижегородской губерніи**. Объ оскудѣніи „священства“ у бѣглопоповцевъ. **К. Коренинъ**.—Изъ **Вышняго Волочка**. Предложеніе въ гор. Думу объ упраздненіи масляничныхъ удовольствій. —† **Высокопреосвящ. Феоноста**, митрополитъ **Кіевск. Некрологъ**.—Избраніе въ почетные члены **Юрьевского университета** гр. **Л. Н. Толстого** и о. **Іоанна Кронштадтскаго** и отказъ послѣдняго. **Январь II** . 256 — 262
- Изъ Муромъ**. Судебный процессъ надъ штурдистами. **Б. М.**—Чудесное обрѣтеніе изображенія Господа и Бога нашего **Исуса Христа**, начертаннаго на подлинной свящ. плащаницѣ, хранящейся въ городѣ **Туринѣ**. **Докторъ Г. Внѣ**.—Покушеніе на жизнь армянскаго патріарха. Высочайшій даръ **Кіевскому Религіозно-Просвѣтителъному Обществу**. **Февраль I** 395 — 398
- „Изъ **Костромской епархіи**“. (Буйство раскольниковъ-фанатиковъ на бесѣдѣ). Свящ. **Г. Чередниковъ**.—„Изъ **Кіева**“. **Кіевское религіозно - просвѣтительное общество С. Б.**—**О. Іоаннъ Кронштадтскій о старомъ и новомъ пути**.—**Миссіонерскія новости**. **Мартъ I** 677 — 682
- Новыя затѣи австрійскихъ раскольниковъ**. (О канонизаціи м. **Амвросія** и открытіи раскол. академіи). **Н. Гринякинъ**—Изъ **Владимірской губерніи**. Памяти скромнаго труженика миссіонера **П. А. Ч.**—Изъ г. **Измаила**. Бессар. г. „Роскошь“ раскольникьяго епископа **Анастасія**. **Феодосій Воловей**.—**Письмо Толстого** 853 — 865
- Московскій расколъ**. **С. Х.** Явное наказаніе Божіе за похуленіе св. Церкви. Свящ. **Іоаннъ Чередниковъ**. 1080 — 1080
- Изъ с. **Поима Пензенской губ.** (Доморощенн. апологетъ раскола).—**Миссіонерскія бесѣды въ Харьковѣ**. Еще о **духоборахъ**. Извѣстія изъ **Америки**.—**Миссіонерскія вакансіи**. Отклоненіе **ходайства**. **Іюнь 1-я** 1374—1378
- Изъ **Костромской епархіи** «воинствующая австрійщина».—Изъ жизни **Донского раскола**. Истинное происшествіе. Знаменательный случай. **Миссіонерскія новости**. Отклоненіе **ходайства**. **Іюнь 2-я** 1488—1493

XIII

Съ Дону. Изъ Екатеринослава. Мысли о. Иоанна Кронштадтскаго по поводу Кишиневскаго еврейскаго погрома. Возсоединеніе штундиста. Раскольничье сказаніе о происхожденіи картофеля. О религіозно-философскихъ собраніяхъ. Май	1243—1257
Изъ залы застѣданій «религіозно-философскихъ собраній», 4-е застѣданіе. Продолженіе словеснаго обмѣна мнѣній по содержанію доклада Д. С. Мережковскаго „Левъ Толстой и русская Церковь“. Мартъ 1	683 — 701
Изъ залы застѣданій религіозно-философскихъ собраній. Докладъ кн. Волконскаго и пренія по вопросу о свободѣ совѣсти и вѣротерпимости. Мартъ 2.	866 — 888
Изъ залы застѣданій религіозно-философскихъ собраній. Еп. <i>Антонинъ</i> по вопросу о свободѣ совѣсти. Апрѣль.	1083 — 1087
„Ного ищите“. Къ ищущимъ „новопутецамъ“ о „Новомъ пути“, „плоти“ и „брактѣ“. Н. <i>Гринякинъ</i> . Іюнь	1379—1389
Іюнь 2-я	1494—1507

XI. Отклики.

Иеромонаха Михаила. Отчего такъ мало на землѣ счастья. Ошибка доктора Осокина. Приходъ „Фабрика счастья“. Братство о. Гумилевскаго. Письмо изъ Канады. Въ чемъ ложь сектантской праведности. Январь 1-я	136 — 144
„Студенческое движеніе“ и евангелизація міра въ текущемъ поколѣніи. Студенты-миссіонеры. Не пора ли и намъ. Крещенные язычники. Январь 2-я	264 — 272
„Новый путь, его задачи и стремленія. Февраль 1-я	399 — 408
Открытое письмо одному стороннику В. В. Розанова и его мыслей объ „адогматизмъ христіанства“.	
Правда ли, будто догма убила лиліи Евангелія.	

XIV

О Священ. о. Петровѣ—письмо гг. <i>Вороному</i>	
и <i>Гринякину</i> . Февраль 2-я	546 — 560
Нѣчто о смерти и памяти смертной. Мартъ 1-я	702 — 707
Письмо объ исповѣди. Бесѣда съ патріар.	
Іоакимомъ объ австрійской іерархіи. Мартъ 2-ая	889 — 894
Новая книжка графа Л. Н. Толстого: „Ос-	
ращеніе къ духовенству“. Май	1243—1251
Іюнь 2-я	1508—1528

XII. Со скрижалей сердца.

Флавіанъ, новоназначенный митрополитъ	
Кіевскій и Галицкій. Нѣсколько мыслей объ	
упадкѣ духа въ нашемъ духовенствѣ. Фев-	
раль 1-я.	409 — 416
Редакціонное предисловіе къ статьѣ отца Ли-	
сицына. Отвѣтъ „Новому Пути“ о задачахъ и	
характерѣ религіозно-философскихъ собраній.	
Отповѣдь на отклики о проповѣдничествѣ о.	
<i>Петрова. Н. Гринякина</i> . Февраль 2-я	561 — 572
Нѣсколько мыслей по поводу Высочайшаго	
манифеста 26 февраля и о радостныхъ наде-	
ждахъ сельскаго духовенства. Мартъ 1-я . . .	708 — 718
По поводу Московскихъ торжествъ. Апрель.	1088—1094
Къ исторіи новыхъ произведеній гр. Толсто-	
го. Лукавство или юродство Яснополянскаго	
мудреца. Новыя вѣсти о канадскихъ духобо-	
рахъ. Май	1251—1255
Два слова о юбилеѣ 200-лѣтія Петербурга.	
Раскольничьи совѣщанія объ учрежденіи ста-	
рообрядческаго патріарха. Письмо о. Іоанна	
къ Кишиневскимъ христіанамъ. Страшное кро-	
вавое дѣло въ Сербіи. Скорбь миссіонера.	
Іюнь 1-я	1389—1400

XIII. Великороссійское и малороссійское бого- словіе XVI и XVII вѣковъ.

Общій характеръ богословія—московскаго и кіевскаго. — Богословы московскіе: общія свѣдѣнія о нихъ. — Церковность древне-русскаго

XV

богословствованія. Источникъ разумѣнія бого- откровенныхъ истинъ—созерцаніе.—Святооте- ческія системы христіанскаго ученія. — Іером. <i>Тарасій</i> . Январь 2	1	—	16
Богословіе древне-русское въ отношеніи къ древнему и къ современной ему жизни. — Древне-русское богословіе и монашество. — Богословы Кіевскіе—Религія и богословіе лати- нянъ. Февраль 1	17	—	32
Религія и богословіе латинянъ. —Раздѣленіе малороссійскаго катихизиса.—Содержаніе уче- нія о вѣрѣ, надеждѣ и любви. Мартъ 1. . . .	33	—	48
Глав. 2-я. Сравнительное ученіе о воплоще- ніи и искупленіи. Апрель.	49	—	64
Ученіе о воплощеніи и искупленіи Москов- скихъ богослововъ. Іюнь 1-я.	65	—	80
Значеніе воплощенія съ аскетической (церков- ной) точки зрѣнія. Искупленіе отъ власти діа- вола. Русскіе богословы о томъ-же. Іюнь 2-я.	81	—	96